Роджер

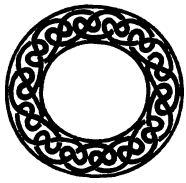
ЖЕЛЯЗНЫ

ШЕДЕВР МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

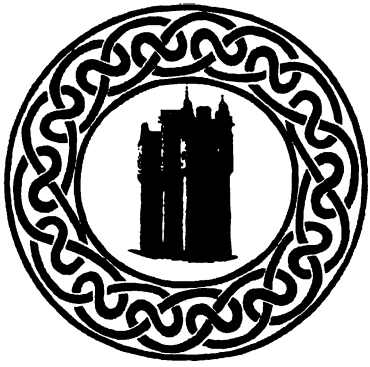
ХРОНИКИ АМБЕРА

Десять романов о Янтарном королевстве

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

ХРОНИКИ АМБЕРА

Литературно-художественное издание

Москва

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ж50

Roger Zelazny

THE CHRONICLES OF AMBER (OMNIBUS)

NINE PRINCES IN AMBER
© 1970 by Roger Zelazny
© И. Тогоева. Перевод. 2004

THE GUNS OF AVALON
© 1972 by Roger Zelazny
© Ю. Соколов. Перевод. 2004

SIGN OF UNICORN
© 1975 by Roger Zelazny
© Н. Сосновская. Перевод. 2004

THE HAND OF OBERON
© 1976 by Roger Zelazny
© И. Тогоева. Перевод. 2004

THE COURTS OF CHAOS
© 1978 by Roger Zelazny
© А. Пчелинцев, М. Пчелинцев. Перевод. 2004

TRUMPS OF DOOM
© 1985 by The Amber Corporation
© В. Гольдич, И. Оганесова. Перевод. 2004

BLOOD OF AMBER
©1986 by The Amber Corporation
© Н. Белякова. Перевод. 2004

SING OF CHAOS
© 1987 by The Amber Corporation
© М. Гутов. Перевод. 2004

KNIGHT OF SHADOWS
© 1989 by The Amber Corporation
© Е. Доброхотова-Майкова. Перевод. 2004

PRINCE OF CHAOS
© 1991 by The Amber Corporation
© Е. Волковыский. Перевод. 2004

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

ISBN 978-5-699-06778-7

© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление, издание на русском языке, 2018

НА ПОРОГЕ АМБЕРА

В адрес Роджера Желязны за его долгую, тридцатилетнюю литературную карьеру было произнесено немало хвалебных слов, и в этих похвалах — разве что малая толика преувеличений. Заслуги Желязны перед Ее Величеством Литературой отмечены полутора десятком литературных премий, но гораздо важнее другое — своими произведениями, в которых изящно сочетаются самые разные жанры, объединенные характерной «желязновской» стилистикой, Роджер Желязны доказал — фантастика отнюдь не падчерица «большой литературы», она — сама литература, которая, как известно, больше, чем жизнь.

Желязны дебютировал в литературе в середине 1950-х годов. Уже первые сборники его рассказов и первые романы оказались весьма удачными, подтверждением чему — две премии «Небьюла» и две премии «Хьюго». Иными словами, творчество дебютанта оценили и читатели, и профессионалы, коллеги по жанру. Впереди были еще одна «Небьюла» и четыре премии «Хьюго», премия «Аполлон», премия Американской библиотечной ассоциации, две премии журнала «Локус» и многие другие награды. А пока — Желязны продолжал писать и публиковать тексты, которые, по выражению одного американского литературного критика, «помогли определить лицо фантастики 60-х и 70-х годов».

«Этот бессмертный» (1966), «Мастер снов» (1966), «Князь света» (1967), «Аллея проклятий» (1969), «Остров мертвых» (1970), «Порождения света и тьмы» (1970) — все эти романы снискали Желязны репутацию автора, который мастерски обращается с древними мифами и заставляет их играть новыми, «современными» красками. А затем Роджер Желязны совершил следующий шаг — и создал собственный миф, оказавший впоследствии значительное влияние на литературную традицию. Это был миф об Амбере.

Вечное противостояние Порядка и Хаоса, каждый из которых порождает миллионы отражений, миллионы Теней, населенных бесчисленными существами... Эпическое противоборство Огненного Пути и Логруса, действующих и самостоятельно, и через своих «агентов» — королевские дома Амбера и Хаоса, Единорога и Змея... Диалектическое единство и борьба противоположностей, воплощенное — отчеканенное — в литературной форме. Словами самого Желязны: «Амберский цикл — своего рода комментарий к моим размышлениям о природе ре-

альности и к восприятию этой реальности людьми». В известной мере Амберский цикл предвосхитил идею, которая обрела статус культовой с выходом фильма «Матрица» братьев Вачовски: Земля — не более чем иллюзия (Тень) некоей высшей, *истинной* реальности.

Среди «истоков» амберского мифа — и кельтские предания о сидах, и древнегреческая натурфилософия, и ближневосточная концепция небесного города и его земной проекции (в христианстве — небесного и земного Иерусалима), и концепция мифического времени как «круга вечного возвращения» (М. Элиаде), и юнгианская теория архетипов, и изысканная драма «роковых страстей» (пьесы английских драматургов-елизаветинцев, исследованию которых была посвящена дипломная работа Желязны-студента). Что же касается «технической» стороны творчества писателя, то есть того, как писались «Хроники Амбера», то в одном из интервью Желязны рассказал об этом достаточно подробно:

«Поначалу я помышлял о девяти романах. Одним из первых моих побуждений было изложить историю Амбера с девяти точек зрения, показать ее глазами каждого из принцев. По такому принципу выстроен "Александрийский квартет" Лоуренса Даррелла. Впрочем, от этой идеи я быстро отказался — потому что прикипел к Корвину. Единственное, что сохранилось от первоначального замысла, — автомобильная авария, о которой упоминается в каждом романе, всякий раз с новыми подробностями или с новой интерпретацией того, что произошло.

Потом мне показалось, что первых пяти романов вполне достаточно. Ведь я использовал весь материал, на который опирался. Поэтому, когда мои мысли все же вернулись к Амберу, я решил перенести действие в будущее и излагать события с точки зрения другого персонажа. И отнюдь не планировал нового пятикнижия: по моим расчетам выходило, что романов будет от силы три.

Разница между первым и вторым пятикнижиями состоит в том, что в первом случае я писал "амберский" роман, потом отвлекался на другие, потом возвращался и писал следующий. А во втором случае процесс написания был, скажем так, гораздо более компактным: фактически я писал один роман за другим — и, признаюсь, был счастлив, когда наконец завершил пятый. Все-таки сочинить пять романов подряд и на одну и ту же тему довольно утомительно».

Как писал друг Желязны литературный критик Карл Йок, «романы об Амбере — не только главное достижение Желязны-писателя, но и замечательный образец его творческой манеры. Вопреки утверждениям тех, кто полагает, что он не сумел добиться цели, заявленной ранними романами, нельзя не признать, что именно Желязны, больше, чем какой-либо другой автор, привнес в фантастику язык, образы и стилистику мейнстрима».

Самого Роджера Желязны с нами уже нет, но его книги, конечно же, продолжают жить. В издании, которое Вы, уважаемый читатель, держите в руках, впервые все десять романов Амберского цикла собраны под одной обложкой.

Замок Амбер и Владения Хаоса ждут.

Так не будем медлить на пороге.

Кирилл Королев

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА

Перевод с английского И. Тогоевой

© И. Тогоева, перевод, 2004

I

Похоже, наступал конец тому, что казалось мне вечностью.

Я попробовал пошевелить пальцами ног. Успешно. Ноги я чувствовал, хотя они и были в гипсе. А сам я лежал распростертым на больничной койке.

Я зажмурился, потом снова открыл глаза.

Стены комнаты наконец перестали качаться.

Где же я, черт побери?

Туман в голове понемногу рассеивался; в нем, словно острова в океане, стали возникать обрывки того, что некогда было моей памятью. Я вспоминал бесконечно долгие ночи, бесчисленных сиделок, инъекции, инъекции, инъекции... стоило мне чуточку прийти в себя, как тут же кто-нибудь являлся и вкалывал в меня шприц с какой-нибудь дрянью. Да, так оно и было. Это я вспомнил. И пусть я только наполовину пришел в себя, инъекции им придется прекратить.

Но захотят ли они их прекратить?

Почему-то упорно думалось: вряд ли.

Эта мысль пробудила в моей душе естественные сомнения относительно чистоты любых, даже самых лучших человеческих побуждений. Меня длительное время пичкали наркотиками, осознал я вдруг. Причем без особых на то причин, судя по тому, как я себя чувствую. Так что, если им за это платят, с какой стати они вдруг прекратят инъекции? Нет, действовать надо очень осторожно, сказал мне мой внутренний голос. Надо продолжать притворяться, что дурман еще действует. Внутренний голос принадлежал худшей, хотя и более мудрой, половине моей души.

Я последовал его совету.

Минут через десять дверь приоткрылась, на пороге возникла медсестра. А я лежал себе и похрапывал. Сестра тут же удалилась.

Теперь мне уже удалось кое-что восстановить в памяти.

Я смутно припоминал, как попал в какую-то аварию или автомобильную катастрофу; потом — сплошное черное пятно. О том, что было до аварии, я тоже не имел ни малейшего представления. Но помнил, что сначала угодил в больницу, а уже потом сюда. Зачем? Неизвестно.

Ноги мои чувствовали себя превосходно и явно годились для того, чтобы на них стоять, хотя я понятия не имел, когда они были сломаны. А то, что они были сломаны, я знал точно.

Я попытался сесть. Это оказалось непросто: тело было как кисель. За окном стояла темная ночь — яркие звезды, бесстыдно красуясь в небе, смотрели на меня. Я подмигнул им и спустил ноги на пол.

Перед глазами все поплыло, однако вскоре в голове прояснилось, я встал, держась за спинку кровати, и сделал первый шаг.

Нормально. Ноги держат. Итак, теоретически я уже в состоянии отсюда выйти.

Я снова залез в постель, вытянулся на спине и стал думать. От совершенных усилий и слабости меня знобило, я весь взмок, во рту стоял противный сладковатый вкус, поташнивало, мерещились засахаренные сливы и тому подобное.

Подгнило что-то в Датском королевстве...

Да, это точно была автомобильная катастрофа. Черт знает что...

Приоткрылась дверь, сквозь щель в палату ворвался поток света. Я чуть опустил веки и увидел, что это снова сестра со шприцем в руке. Этакая могучая матрона с широченными плечищами.

Когда она подошла совсем близко, я неожиданно приподнялся и сел на постели.

— Добрый вечер! — сказал я.

— Ох! Добрый вечер, — ответила она.

— Когда меня выписывают? — спросил я.

— Об этом надо узнать у доктора.

— Ну так узнайте.

— Пожалуйста, поднимите рукав.

— Да нет, спасибо, больше не надо.

— Но мне необходимо сделать вам укол.

— Нет, никакой необходимости в этом нет.

— Так доктор велел!

— Вот пусть доктор придет и сам мне об этом скажет. А пока что я категорически против.

— Но мне же приказано...

— Эйхман* тоже так говорил, а чем кончил? — Я укоризненно покачал головой.

— Хорошо, — вздохнула медсестра. — Мне придется доложить...

— Пожалуйста, докладывайте, — сказал я. — Заодно сообщите доктору, что я утром намерен выписаться.

— Нет, это невозможно! Вы ведь даже ходить еще не в состоянии! И у вас серьезные повреждения внутренних органов...

— Ладно, посмотрим, — кивнул я. — Спокойной ночи.

Она вылетела в коридор, ничего не ответив.

А я снова лег и стал думать. По-видимому, я нахожусь в какой-то частной лечебнице. Значит, кто-то платит за мое пребывание здесь. Интересно, кто? Никаких родственников я вспомнить не мог. Друзей тоже. Кто же тогда платит? Враги?

Я еще немного подумал.

Ничего не придумывалось. Ни малейшей идеи насчет предполагаемого благодетеля.

Вдруг я вспомнил: моя машина летит под откос на горной дороге и падает в озеро... Дальше — полный мрак.

Я был...

От напряжения я снова весь покрылся испариной.

Я не знал, кем я был раньше.

Чтобы отвлечься, я сел и быстренько разбинтовал себя. Под бинтами все давно зажило; похоже, их давно пора было снять. Потом я разбил гипс на правой ноге металлическим прутом, вынутым из спинки кровати. Мною овладело странное чувство: казалось, что нужно как можно скорее отсюда смыться, чтобы успеть сделать нечто важное.

Я попробовал встать на правую ногу. Нормально.

Потом я разбил гипс и на левой ноге, встал и потихоньку пошел к шкафу.

Пусто. Одежды там не было.

В коридоре послышались шаги. Я снова лег, прикрыв простыней снятые бинты и куски гипса.

Дверь опять приоткрылась.

В палате вспыхнул яркий свет; на пороге высился здоровенный детина в белом халате, смахивавший на быка. Это он зажег свет: пальцы его до сих пор лежали на выключателе.

— Что вы тут удумали? Сестра на вас жалуется, — сказал он.

Притворяться спящим больше не имело смысла.

— Неужели? — спросил я. — И что же она говорит?

Детина некоторое время, наморщив лоб, обдумывал мой вопрос, потом строго произнес:

— Вам пора делать укол.

— Вы что, доктор?

— Нет, но мне поручено сделать вам укол.

— А я не желаю, чтобы мне делали укол, — заявил я. — И имею на это полное право. Что вы на это скажете?

— Что я все равно укол вам влеплю, — ответил здоровяк и двинулся к кровати. В руке он держал шприц, которого я раньше не заметил.

Это был исключительно подлый удар, дюйма на четыре ниже пояса. Детина рухнул на колени.

— Ах ты!.. — выдавил он некоторое время спустя.

— Попробуй еще раз, — сказал я, — увидишь, что тогда с тобой будет.

— Ничего, мы с такими пациентами справляться приучены! — выдохнул он.

И я понял, что настало время действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

— Ах ты! — повторил он.

— Тогда, пожалуй, придется позаимствовать твою. Раздевайся!

После третьего раза мне надоело. Я накинул простыню ему на голову и как следует врезал тем самым железным прутом, которым разбивал гипс.

Через несколько минут я был уже весь в белом. Этакий Моби Дик*. Или ванильное мороженое гигантских размеров. Довольно-таки жуткое зрелище.

Я засунул этого типа в стенной шкаф и выглянул в окно. В небе сияла полная луна, освещая ряд высоких тополей. Трава в лунном свете казалась серебристой, сверкающей. Ночь близилась к концу. Ничто не подсказывало мне, где я могу находиться. Похоже, это был четвертый этаж. Из окна я заметил внизу, слева от меня, на втором этаже свет: тоже кто-то не спал.

Я вышел в коридор и осмотрелся. Слева коридор упирался в стену с зарешеченным окном. Там были еще четыре палаты, по две с каждой стороны коридора. Я дошел до окна и выглянул наружу. Ничего нового: такие же деревья, такая же трава, та же лунная ночь. Я повернулся и пошел в обратную сторону.

Двери, двери, двери, и ни лучика света изнутри. И тишина. Лишь шарканье моих собственных шагов: позаимствованные ботинки были великоваты.

Часы, тоже позаимствованные, показывали пять пятьдесят четыре. Железный прут я заткнул за пояс под белым халатом; при ходьбе прут втыкался мне в бедренную кость. Через каждые пять-шесть метров под потолком горела тусклая лампочка — ватт на сорок, не больше.

Так я добрался до лестницы, покрытой ковром, и стал тихо спускаться.

Третий этаж выглядел в точности, как мой четвертый, так что я пошел дальше вниз. На втором этаже свернул по коридору направо, пытаясь найти ту комнату, где горел свет.

И я ее нашел — по тонкой полоске света под дверью — почти в самом конце коридора. Стучать я не стал.

В комнате за огромным полированным столом сидел какой-то тип в роскошном купальном халате и что-то писал в настольном блокноте. Это явно была не больничная палата. Тип так и впился в меня глазами: на лице его появилось такое выражение, будто он вот-вот закричит, глаза его дико расширились... Но он не закричал — видимо, я выглядел достаточно решительно, — только быстро поднялся.

Я закрыл за собой дверь, подошел поближе и произнес:

— Доброе утро. Вам грозят большие неприятности.

Людям всегда хочется узнать, что за неприятности им грозят. Так что уже через секунду я услышал:

— Что вы имеете в виду?

— А вот что: я подам на вас в суд. За то, что вы держите меня здесь против моей воли, а также за злоупотребление служебным положением и нарушение клятвы Гиппократа: вы насильно пичкали меня наркотиками. У меня, можно сказать, уже началась ломка, так что я вполне могу совершить, например, насилие.

— Убирайтесь вон, — сказал этот тип.

Я заметил на его столе пачку сигарет, вытянул одну.

— Сядь и заткнись. Нам есть что обсудить.

Он сел, но так и не заткнулся.

— Вы нарушаете правила...

— Суд определит, кто из нас что нарушает, — ответил я. — Пусть принесут мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.

— Но ваше состояние...

— Не твое дело. Или вещи, или судебный иск.

Он было потянулся к кнопке на столе, но я отшвырнул его руку.

— Ну нет, — сказал я. — Раньше надо было нажимать, когда я только вошел. Теперь поздно.

— С вами трудно договориться, мистер Кори...

Кори?

— Я к вам сюда не напрашивался. И имею полное право выписаться, когда мне угодно. А угодно мне именно сейчас. Так что давай.

— Но вы еще не поправились, чтобы выписываться, — ответил он. — Ваше состояние... Нельзя позволить... Я сейчас кого-нибудь позову, вас проводят в палату, уложат в постель...

— И не пытайся. А то мне придется продемонстрировать мое теперешнее состояние. И вот еще что... Кто меня сюда поместил и кто оплачивает мое пребывание здесь?

— Ну хорошо, — вздохнул врач, огорченно опустив тонкие усики, и сунул руку в ящик стола.

Но я был наготове.

Я выбил пистолет у него прежде, чем он успел спустить предохранитель. Так, автоматический, тридцать второго калибра. Аккуратненький такой «кольт».

Я спустил предохранитель и прицелился.

— Придется все же ответить на мои вопросы. По-видимому, ты считаешь меня опасным. И возможно, ты прав.

Врач бледно улыбнулся и закурил. Зря — он так старался сохранить достоинство, но руки-то у него дрожали.

— Хорошо, Кори. Если вы так настаиваете... Привезла вас сюда ваша сестра.

«Сестра?» — подумал я.

— Какая сестра?

— Эвелин.

Это имя мне ничего не говорило.

— Странно. Я уже несколько лет ее не видел, — сказал я. — Она и не знала, что меня занесло в эти края.

Он пожал плечами:

— И тем не менее...

— Где же она теперь живет? Я хочу к ней заехать, — сказал я.

— У меня где-то есть ее адрес.

— Давай сюда.

Он поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, порылся там и достал карточку.

Я впился в нее глазами. Миссис Эвелин Фломель... *Нью-йоркский адрес тоже* ничего мне не говорил, но я постарался его запомнить. Судя по карточке, меня звали Карл. Отлично. Дополнительная информация.

Я заткнул пистолет, не забыв, конечно, поставить его на предохранитель, за пояс, рядом с металлическим прутом.

— Ну ладно, — сказал я. — Где моя одежда и деньги — сколько ты там намерен мне выплатить?

— От вашей одежды после катастрофы остались одни лохмотья, — ответил врач. — Вынужден вам напомнить, что у вас были сломаны обе ноги, причем левая — в двух местах. Откровенно говоря, я просто не понимаю, как вы стоите. Прошло всего две недели...

— На мне все заживает, как на собаке, — успокоил его я. — Так как насчет денег?..

— Каких денег?

— Насчет отступного, чтобы я не подавал в суд на ваше заведение. За всякие злоупотребления и прочее.

— Не валяйте дурака!

— Кто здесь валяет дурака? Я готов удовлетвориться тысячей, но наличными и немедленно.

— Даже говорить на эту тему не желаю!

— Я бы на твоем месте сперва подумал. Суд, конечно, может принять решение и в твою пользу, но как насчет прессы? Уж я постараюсь, чтобы в газетах появились кое-какие материалы еще до суда. И с телевизионщиками свяжусь. В грязи ведь вываляют...

— Это шантаж! — заорал он. — Да я вообще не имею к этому никакого отношения!

— Сейчас ты заплатишь или потом, после суда, — сказал я, — мне, в общем-то, безразлично. Но сейчас дешевле обойдется!

Если он согласится, значит, я прав и здесь что-то нечисто.

Врач долго буравил меня взглядом.

— У меня нет при себе тысячи, — заявил он наконец.

— Что ж, тогда поторгуемся?

— Это вымогательство! — возмутился он.

— Ничего подобного: ведь ты отдаешь деньги добровольно, милый. Итак?

— В сейфе, наверное, сотен пять найдется.

— Ладно. Доставай.

Покопавшись в сейфе, он заявил, что нашел всего четыреста тридцать долларов. Мне не хотелось проверять: могли остаться отпечатки пальцев. Так что я взял эти четыреста тридцать и сунул в карман.

— Так, теперь о транспорте. Как отсюда вызвать такси?

Он дал мне название компании и телефон. Я проверил по телефонной книге: мы находились где-то на севере штата Нью-Йорк.

Я заставил его вызвать для меня такси, потому что так и не понял, где я, и не хотел, чтобы он догадался, что голова у меня не в порядке. Между прочим, один из бинтов я снял как раз с головы...

Когда врач разговаривал по телефону, я услышал, как он назвал свое заведение: частная клиника «Гринвуд».

Я погасил окурок, закурил новую сигарету и с облегчением плюхнулся в мягкое кресло возле книжного шкафа, освободив свои бедные ноги как минимум от шестидесяти килограммов живого веса.

— Подождем здесь, а когда придет такси, ты меня проводишь, — сказал я.

Он не ответил и вообще не произнес больше ни единого слова.

II

Было уже около восьми утра, когда мы добрались до ближайшего городка. Я расплатился с водителем и побродил минут двадцать по улицам. Потом зашел в кафе и заказал сок, яичницу, ветчину, тосты и целых три чашки кофе. Ветчина была слишком жирной.

Завтракал я не торопясь, с удовольствием, наверное не меньше часа. Потом снова отправился бродить по городку. Нашел магазин готового платья, дождался его открытия и купил брюки, ремень, три спортивные рубашки, белье и подходящие ботинки. Выбрал еще носовой платок, бумажник и расческу.

Потом отправился разыскивать автобусную станцию, где сел на автобус компании «Грейхаунд», идущий в Нью-Йорк. Никто не пытался меня задержать. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Сидя в автобусе и лениво поглядывая в окно на проплывавшие мимо осенние пейзажи, на ясное холодное небо, я снова и снова мысленно перебирал все, что было мне известно о себе самом и о происшедших со мной событиях.

Итак, моя сестра Эвелин Фломель поместила меня в лечебницу «Гринвуд» под именем Карла Кори. Это было следствием автомобильной катастрофы, случившейся дней пятнадцать назад, во время которой я переломал себе все кости. Кстати, ноги меня совершенно не беспокоили.

Никакой сестры Эвелин я не помнил. Персоналу «Гринвуда», видимо, было велено держать меня в «отключке», и теперь они опасались попасть под суд, которым я пригрозил, когда освободился. Хорошо. Значит, кто-то меня по каким-то причинам боится. Что ж, буду иметь это в виду.

Я упорно пытался вспомнить хоть что-нибудь об этой автокатастрофе, просто голова распухла. Случайностью авария явно не была. Почему-то я в этом совершенно не сомневался, хотя и не мог понять, почему. Но я все выясню. Тогда кому-то придется заплатить! И очень дорого!

Ярость, черная ярость закипела в моей груди. Кто бы ни был тот, что так старался навредить мне или использовать меня в своих целях, вскоре он получит по заслугам!.. Я ощутил страстное желание немедленно уничтожить того, кто заманил меня в ловушку. И еще я знал: не впервые мне приходится испытывать это чувство, эту яростную жажду мести, и не раз уже в своей жизни я следовал этому желанию... Не раз.

За окном, медленно кружась, опадали осенние листья.

Первое, что я сделал, добравшись наконец до Нью-Йорка, это постригся и побрился в ближайшей парикмахерской. Затем зашел в туалет и полностью переоделся во все новое. Пистолет, прихваченный в клинике «Гринвуд», я сунул в правый карман пиджака. Если тот тип или моя неведомая сестрица Эвелин хотели засадить меня в тюрьму, то сейчас повод был бы идеальный: незаконное ношение оружия. Поправка Салливана*. Но я все же решил оставить пистолет при себе. Меня ведь сначала надо еще найти. К тому же необходимо узнать, зачем я им.

Потом я наскоро пообедал и целый час добирался на метро и автобусе через весь город до дома Эвелин, моей так называемой сестры и возможного источника информации.

По дороге я обдумывал, какой тактики мне следует придерживаться.

Так что когда я постучал и массивная дверь огромного старого дома наконец открылась, я уже знал, что именно скажу. Я продумал каждое слово, направляясь к дому по подъездной аллее, посыпанной гравием. Дул холодный ветер, мрачные дубы и клены роняли листья, шуршавшие под ногами. Ветер леденил мой свежевыбритый затылок, и даже поднятый воротник пиджака не спасал от холода. Аромат парикмахерского лосьона смешивался с затхлым запахом плесени и прелой листвы, исходившим от увитых плющом старых кирпичных стен дома. Раньше я явно здесь никогда не бывал, все мне было абсолютно незнакомо.

Я постучал в дверь, и из глубины дома ответило гулкое эхо. Я сунул руки в карманы и стал ждать.

Дверь отворилась, и я улыбнулся возникшей на пороге горничной. Она была смуглая, вся в родинках и говорила с пуэрториканским акцентом.

— Что вам угодно?

— Я бы хотел видеть миссис Эвелин Фломель.

— Как мне о вас доложить?

— Скажите, что это ее брат Карл.

— Пожалуйста, войдите, — пригласила горничная.

Я вошел в холл. Пол был выложен маленькими керамическими плитками кремового и бирюзового цвета, стены отделаны красным деревом, слева — огромное кашпо, откуда свисали пышные побеги какого-то растения с огромными зелеными листьями. Под потолком — куб из стекла и эмали, из которого вниз лился желтый водопад света.

Горничная удалилась, а я оглядывался по сторонам в поисках хоть чего-нибудь знакомого.

Ничего знакомого я не обнаружил.

Что ж, подождем.

Вскоре горничная вернулась, улыбаясь мне и кивая головой:

— Пожалуйста, идите за мной. Вас ждут в библиотеке.

Я пошел за нею, миновал три лестничных марша, коридор и две закрытые двери. Наконец третья дверь по левую руку от меня оказалась открытой. Горничная указала мне на эту дверь, я вошел и остановился на пороге.

Это была библиотека, и она, разумеется, была полна книг. Еще там висели три картины: два в высшей степени мирных пейзажа и один, тоже в высшей степени мирный, морской сюжет. На полу — тяжелый зеленый ковер. Рядом с огромным письменным столом стоял гигантский глобус, с которого на меня смотрела Африка. За глобусом — окно во всю стену, восемь прозрачных стеклянных панелей. Но все эти предметы не произвели на меня особого впечатления, и остановился я вовсе не поэтому.

У стола сидела женщина в платье цвета морской волны, с узким глубоким вырезом и широким воротником. Ее длинные волосы и пышная челка были цвета облаков на закате или, может быть, напоминали тот ореол, что окружает пламя свечи в темной комнате; я почему-то знал, что это их естественный цвет. Ее глаза за стеклами очков, которые ей, по-моему, совершенно не требовались, были той пронзительной голубизны, какой обладают воды озера Эри безоблачным летним днем. На губах играла сдержанная улыбка. Но не красота этой женщины заставила меня застыть на пороге.

Я знал ее! Откуда-то я ее, безусловно, знал, вот только не мог вспомнить откуда.

Я подошел ближе, улыбаясь в ответ на ее улыбку.

— Привет, — сказал я.

— Садись, — сказала она. — Пожалуйста.

И указала мне на огромное оранжевое кресло с высокой спинкой.

Я сел. Она внимательно смотрела на меня.

— Рада тебя видеть здоровым. Хорошо, что приехал.

— Я тоже рад. Как ты поживаешь?

— Спасибо, все в порядке. Признаться, не ожидала увидеть тебя здесь.

— Ясное дело, — соврал я. — Но вот, видишь, я здесь и хочу поблагодарить тебя, сестра, за доброту и заботу. — Мне хотелось быть чуть ироничным: интересно, как она прореагирует на это.

И тут в комнату ввалился огромный пес, ирландский волкодав, и шлепнулся на пол возле стола. Потом появился еще один, обошел пару раз вокруг глобуса и улегся под ним.

— Ну, — сказала «сестра», тоже стараясь быть ироничной, — это, собственно, все, что я могла для тебя сделать. Ты бы все-таки ездил поосторожнее.

— Непременно, — ответил я. — Я непременно буду осторожнее, обещаю тебе. — Черт знает что за игру мы с ней затеяли, но поскольку она явно не понимает, что именно я помню, а что забыл, я решил продолжать в том же духе, чтобы вытянуть из нее всю информацию, какую она могла дать. — Мне показалось, что ты не прочь узнать, в каком я состоянии, вот я и приехал.

— Да, конечно. Меня это беспокоило и продолжает беспокоить, — откликнулась Эвелин. — Ты не голоден?

— Не очень. Перекусил слегка часа два-три назад.

Она позвонила горничной и велела принести поесть. Потом сказала:

— У меня вообще-то была мысль, что тебе взбредет в голову самостоятельно выбраться из клиники «Гринвуд», едва ты придешь в себя. Правда, я не ожидала, что это случится так скоро. И уж тем более — что ты явишься прямо ко мне.

— Знаю, — кивнул я. — Именно поэтому я здесь.

Она протянула мне сигареты и сама взяла одну. Я дал ей прикурить, затем прикурил сам.

— Ты всегда был совершенно непредсказуем! — сообщила она мне наконец. — И хотя в прошлом это не раз тебе помогало, сейчас я бы не слишком рассчитывала на собственную непредсказуемость.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сейчас ставки слишком высоки, чтобы блефовать, а ты, по-моему, как раз блефуешь. Ишь ты, явился прямо сюда!.. Меня всегда восхищало твое мужество, Корвин, но нельзя же вести себя так глупо! Ты ведь прекрасно знаешь, в каком положении оказался.

Корвин? Что ж, запомним и это имя. Оно не хуже, чем Кори.

— А может быть, я ничего не знаю? Не забывай, я ведь довольно долго проспал.

— Ты хочешь сказать, что ни с кем еще не общался?

— Как-то возможности не представлялось. Во всяком случае, с тех пор как очнулся.

Она склонила голову набок, прищурив свои прелестные глаза.

— Сомнительно... Хотя вполне возможно. Видимо, это действительно так. С тебя станется. Хорошо, предположим, я тебе поверила. Пока что. В таком случае ты весьма разумно поступил, приехав сюда. Ладно, я должна подумать.

Я затянулся сигаретой, надеясь, что она скажет еще что-нибудь. Но она молчала. Тогда я решил воспользоваться тем преимуществом, которого, похоже, добился в этой загадочной игре с неведомыми мне игроками и слишком высокими ставками, о которых не имел ни малейшего понятия.

— Уже одно то, что я приехал сюда, о чем-то говорит, — заявил я.

— Разумеется, — ответила она. — Это я понимаю. Но ведь ты же хитрец, так что говорить твой приезд может о чем угодно. Поживем — увидим.

Поживем? Увидим? Что увидим?

Горничная принесла бифштексы и кувшин с пивом, так что я на время был избавлен от необходимости делать слишком многозначительные заявления, которые моей собеседнице казались хитроумными и уклончивыми. Бифштекс был превосходный, розовый внутри и истекающий соком. Я впился зубами в кусок свежего, хрустящего хлеба, жадно запивая еду пивом. Она, смеясь, наблюдала за мной, отрезая маленькие кусочки от своей порции.

— Мне нравится смотреть, с каким аппетитом ты ешь, Корвин. До чего же ты любишь жить! Именно поэтому мне будет крайне неприятно, если тебе придется с жизнью расстаться.

— Мне тоже, — пробормотал я.

Пожирая мясо, я размышлял. Она вдруг вспомнилась мне совсем в иной одежде: в бальном платье зеленого цвета — такого, каким бывает море на глубине, — с длинной пышной юбкой, с обнаженными плечами. Звучала музыка, вокруг танцевали, слышались голоса... Сам я был в черном с серебром...

Видение исчезло. Но это явно было воспоминание из реального прошлого. Я знал это, я был в этом уверен. Проклятие! Я никак не мог восстановить картину во всей полноте. Что она в том зеленом бальном платье говорила тогда мне, одетому в черное с серебром, ночью, наполненной музыкой и голосами танцующих людей?..

Я налил ей и себе еще пива и решил проверить себя.

— Помнится, однажды ночью... Ты еще была в своем зеленом платье, а я, как всегда, в черном... Не забыла? Все тогда казалось прекрасным, и музыка играла...

Ее взгляд вдруг стал задумчивым, щеки порозовели.

— Да, — промолвила «сестра». — О дивные, светлые времена... Так ты действительно ни с кем не встречался?

— Слово чести, — произнес я торжественно, к чему бы это ни относилось.

— Положение значительно ухудшилось, — сказала она. — Из Теней появляется столько ужасного, что и представить себе было невозможно.

— И?..

— И у него по-прежнему множество проблем, — договорила Эвелин.

— Неужели?

— Ну конечно! И он, разумеется, захочет узнать, на чьей ты стороне.

— Да на той же!

— Ты хочешь сказать?..

— Во всяком случае, пока, — быстро добавил я. Может быть, слишком быстро, потому что глаза ее вдруг изумленно расширились. — Я ведь все еще не полностью представляю себе расстановку сил.

Что бы это ни значило, пусть думает.

— Ах вот как.

Мы наконец покончили с бифштексами, остатки кинули псам.

Потом мы пили кофе, и мне вдруг отчетливо показалось, что она мне действительно сестра. Но я подавил излишнюю сентиментальность.

— А как остальные? — спросил я. Это могло означать все, что угодно, но звучало вполне безобидно.

На секунду у меня, правда, возникло опасение, что она спросит, кого конкретно я имею в виду. Но она ничего не спросила, а откинулась на спинку кресла и проговорила, глядя в потолок:

— Как обычно. Ни от кого никаких известий. Никто уже давно не появлялся. Ты, вероятно, поступил умнее всех. Мне, во всяком случае, это нравится. Но разве можно забыть?! Честь, славу?..

Я опустил глаза, так как не знал, что они должны в такой момент выражать.

— Невозможно, — сказал я. — Забыть об этом невозможно.

Последовало долгое и какое-то напряженное молчание. Потом она спросила:

— Ты меня ненавидишь?

— Конечно же, нет, — ответил я. — Как же я могу, памятуя обо всем, что ты для меня сделала?

Это, казалось, ее успокоило. Она опять улыбнулась, показав очень белые зубы.

— Спасибо тебе. Что бы ни случилось, ты всегда джентльмен.

Я с улыбкой поклонился:

— Ты мне льстишь.

— Едва ли, — сказала она. — Памятуя обо всем, что ты для меня сделал.

Тут я почувствовал себя неуютно.

Гнев мой все еще пылал в груди. Интересно, подумал я, а она знает, против кого этот гнев должен быть направлен? Я чувствовал, что знает. И боролся с искушением спросить ее об этом напрямик. Искушение удалось подавить.

— Ну хорошо. А что ты намерен делать теперь? — спросила она наконец.

Я был к этому вопросу готов и тут же ответил:

— Ты, конечно, мне не поверишь...

— Конечно. Этого мы не можем себе позволить.

Я отметил это «мы».

— Пока что я намерен оставаться у тебя под присмотром. Буду рад, если ты здесь глаз с меня не спустишь.

— А потом?

— Потом? Посмотрим.

— Что ж, разумно, — кивнула она. — Весьма разумно. И ты к тому же поставишь меня в довольно затруднительное положение.

Я сказал то, что сказал, только потому, что мне просто некуда было идти, а денег, заработанных шантажом, надолго не хватило бы.

— Конечно, — продолжала Эвелин, — ты можешь оставаться у меня. Но должна тебя предупредить, — и она ткнула пальцем в какой-то предмет, висевший у нее на шее, который я принял было за кулон. — Это свисток для собак. Ультразвуковой. Вот Доннер и Блитцен, а еще у них есть четыре брата, и все они приучены ставить надоедливых людей на место, а на сигнал мой реагируют мгновенно. Так что не вздумай совать свой нос туда, куда не следует. При малейшей опасности я подам сигнал, и перед моими псами не устоишь даже ты. Ведь именно благодаря этим собачкам в ирландских лесах перевелись волки.

— Понятно, — сказал я. Действительно, чего уж тут не понять.

— Хорошо, — продолжала она. — Эрику будет приятно думать, что ты мой гость. И он, наверное, перестанет тебя преследовать. Ведь ты именно этого и хочешь, n'est-ce pas?*

— Qui*, — ответил я.

Эрик! Очень знакомое имя! Когда-то давно я действительно знал какого-то Эрика, и это показалось мне весьма важным. Но тот Эрик, с которым я тогда встречался, все еще существовал, и это тоже было очень важно.

Почему?

Я его ненавидел, вот почему. Ненавидел так сильно, что готов был убить. Может быть, даже пытался.

Но, кроме этого, нас с ним связывало что-то еще, сомневаться не приходилось. Может быть, он мой родственник?

Да, точно. Никому из нас не доставляло особой радости быть братьями. Я вспомнил, наконец я вспомнил!

Огромный, могучий Эрик. Борода вся мокрая и кудрявая, а глаза... Глаза — как у Эвелин!

Меня потрясли эти проснувшиеся воспоминания, в висках застучала боль, от затылка к шее разлилась горячая волна. Но выражение моего лица оставалось неизменным. Я лишь позволил себе лишний раз затянуться сигаретой да отхлебнул еще глоток пива. Итак, Эвелин действительно оказалась моей сестрой! Только звали ее вовсе не Эвелин!.. Осторожнее, сказал я себе. Не надо вообще называть ее по имени, пока не вспомнишь.

Ну а сам я? Кто я такой и что со мной происходит?

И внезапно меня осенило: Эрик имеет какое-то отношение к той автокатастрофе! Я должен был в ней погибнуть, да вот выжил. Значит, это он все подстроил! А Эвелин на его стороне. Она не жалела денег, чтобы в «Гринвуде» меня пичкали наркотиками до полусмерти! Это, конечно, лучше, чем смерть, хотя...

И тут мне стало ясно, что, приехав к Эвелин, я таким образом умудрился угодить прямо в лапы Эрику.

И теперь буду в некотором роде его пленником — он в любой момент сможет снова покуситься на мою жизнь. Если я останусь в этом доме, разумеется.

Однако Эвелин сказала, что если я буду жить у нее, то он оставит меня в покое. Я колебался. Ей, конечно, доверять не следует, и все время надо быть начеку. Может, лучше все-таки куда-нибудь уехать и подождать, пока полностью не восстановится память?

Но в то же время меня не покидало ощущение, что мне нельзя сидеть сложа руки. Надо как можно скорее восстановить полную картину событий и действовать, уже исходя из этого. Жажда деятельности прямо-таки изводила меня. Что ж, ладно, я останусь у нее, даже если за собственные воспоминания придется дорого заплатить.

— А еще я помню... — сказала Эвелин, и до меня дошло, что все это время она о чем-то рассказывала, а я ее не слушал. Может быть, она и не заметила этого, потому что целиком погрузилась в какие-то воспоминания. Я же не слушал ее потому, что то, о чем я непрестанно размышлял, было для меня гораздо важнее. — Помню, как однажды вы с Джулианом играли в его любимую игру и ты его обыграл, а он запустил в тебя стаканом с вином. Как он тогда ругался!.. Но ты все-таки выиграл приз. А он еще потом испугался, что слишком дал себе волю. Но ты только посмеялся, и потом вы с ним снова пили вино. Мне кажется, он тогда очень сожалел, что так разозлился: он ведь прекрасно умеет владеть собой. А в тот день страшно тебе завидовал и не смог скрыть своих чувств. Помнишь? По-моему, с того дня он и начал во всем тебе подражать. И все равно я его ненавижу! Чтоб он пропал! Я думаю, что он...

Джулиан, Джулиан, Джулиан... И да, и нет. Какая-то игра... Я его обыграл, он утратил свое хваленое самообладание... Да, что-то такое вспоминалось. Нет, я так и не мог вспомнить, что это было.

— А Кейн? Как ты его дурачил! Он ведь до сих пор тебя ненавидит, знаешь ли.

Я понял, что в семье меня не особенно любили. И это почему-то меня радовало.

Имя Кейн тоже звучало привычно. Очень знакомое имя.

Эрик, Джулиан, Кейн, Корвин. Имена эти, сменяя друг друга, вертелись у меня в голове, и мне показалось, что им там тесно.

— Все это в прошлом, — произнес я непроизвольно, и это было действительно так.

— Корвин, — сказала она, — перестань вилять. Я же понимаю, что ты не просто прячешься здесь. И что ты по-прежнему достаточно силен, чтобы добиться своего даже при нынешнем положении вещей — если, конечно, изберешь правильную тактику. Мне трудно отгадать, что именно у тебя на уме, но, может быть, нам удастся договориться с Эриком.

Опять «нам»? Она, видимо, уже определила мое место в этой большой игре. И явно углядела возможность кое-что выиграть. Я слегка улыбнулся.

— Ты ведь поэтому приехал сюда? — продолжала Эвелин. — Ты что-то хочешь предложить Эрику? И тебе нужен посредник?

— Может быть, — ответил я. — Но я еще должен подумать. Я ведь совсем недавно поправился, и мне есть над чем подумать, согласись. Я просто хотел некоторое время побыть в безопасности, имея, однако, возможность быстро предпринять любые необходимые шаги, если решу, что в моих интересах договориться с Эриком.

— Берегись, — сказала она. — Ты же знаешь, что я передам ему каждое твое слово.

— Ну разумеется! — воскликнул я, хотя не знал ровным счетом ничего и старался отделываться общими фразами. — Если только — чисто случайно — твои сокровенные интересы не совпадают с моими.

Эвелин нахмурилась, на лбу ее между бровями пролегла морщинка.

— Нельзя сказать, что я тебя поняла.

— Я пока ничего конкретного и не предлагаю. Пока. Честно и открыто заявляю тебе, что пока ничего не знаю. Не уверен, что стану искать союза с Эриком. В конце концов...

Я специально не закончил фразы: не знал, как ее закончить, хотя чувствовал, что сказать что-то должен.

— У тебя есть выбор? — Внезапно Эвелин вскочила и схватилась за свисток. — Ну конечно! Блейз!

— Сядь, — сказал я. — И не городи чепухи. Стал бы я сюда являться с душой нараспашку и без оружия, чтобы ты имела возможность натравить на меня своих собачек! И вообще, при чем здесь Блейз?

Она села, пожалуй, немного успокоенная и даже смущенная.

— Может быть, я и не права, зато прекрасно знаю, что ты игрок, опасный игрок, и предательство тебе не в новинку. Если ты явился сюда, чтобы покончить с одним из своих врагов, используя меня, то можешь не трудиться: я не гожусь для столь важной роли. Пора было бы уже это понять. Кроме того, ты, по-моему, всегда относился ко мне с симпатией.

— Правильно, всегда, — кивнул я. — И вообще, тебе не о чем беспокоиться. Надо же, Блейз... Интересно, почему ты вообще вспомнила это имя?

Ну смотри же, какая жирная наживка! Хватай же, хватай! Мне еще столько нужно узнать!

— Почему? Значит, вы с ним все-таки виделись?

— Я бы предпочел пока оставить эту тему, — сказал я, рассчитывая зацепиться попрочнее. Пока я только узнал, что Блейз — мужчина. — Даже если бы Блейз ко мне обратился, я ответил бы ему то же самое, что и Эрику: я подумаю.

— Все-таки Блейз! — повторила Эвелин.

И у меня в голове вертелось это имя. Блейз! Ты мне нравишься, Блейз. Не помню уж почему, но нравишься. Хотя я вроде бы не должен тебя любить и на то есть веские основания. Но ты мне нравишься, это я твердо знаю.

Мы некоторое время молчали. Я чувствовал себя совершенно разбитым, но виду не показывал. В ее глазах мне надлежало выглядеть сильным. Потом я улыбнулся и сказал:

— Замечательная у тебя библиотека.

— Спасибо, — ответила она. Затем после некоторой паузы повторила опять: — Блейз... Как ты думаешь, а у него есть шансы?

Я пожал плечами:

— Кто знает? Я, во всяком случае, понятия не имею. Может быть, есть. А может быть, и нет.

Эвелин вдруг изумленно уставилась на меня, полуоткрыв рот.

— Не имеешь понятия? — переспросила она. — Ты хочешь сказать, что сам даже и пытаться не будешь, а?

Я рассмеялся — затем лишь, чтобы снять напряжение.

— Не говори глупостей. При чем здесь я?

Однако своим вопросом она будто задела в самой глубине моей души некую сокровенную струну, которая глухо прогудела: «А почему бы и нет?»

И я вдруг испугался.

Эвелин же, казалось, испытала облегчение, услышав мой отказ от претензий — неизвестно на что. Улыбнулась и, показывая на встроенный бар слева от меня, сказала:

— Я бы не отказалась от «Айриш мист»*.

— Давай, — согласился я. Поднялся и налил ей и себе.

— Знаешь, — продолжил я, вновь опускаясь в кресло, — а это приятно — вновь вот так посидеть с тобой, хотя бы недолго. Навевает приятные воспоминания.

Эвелин улыбнулась в ответ. Она была просто очаровательна.

— Да, ты прав. — Она пригубила ликер. — Когда ты рядом, я чувствую себя почти как в Янтарном королевстве, в родном Амбере.

Я чуть не выронил стакан.

Амбер!.. Словно молния сверкнула в моем мозгу.

А она вдруг заплакала, и мне пришлось утешать ее, обнимая за плечи.

— Не плачь, малышка. Ну, не плачь. Когда ты плачешь, мне тоже хочется завыть.

Амбер! В этом слове нечто прямо-таки магическое!

— Не плачь, — повторил я тихо. — Для нас еще настанут хорошие времена.

— Ты правда в это веришь?

— Да, — сказал я твердо, — верю!

— Ты все-таки сумасшедший, — сказала Эвелин. — Наверное, поэтому я тебя всегда любила больше других братьев. Я почти всегда верю любым твоим словам, хоть и знаю, что ты сумасшедший.

Она еще поплакала, потом перестала.

— Корвин, — сказала она, — если благодаря какому-нибудь капризу судьбы... даже с помощью Теней... если когда-либо ты все же добьешься своего — ты не забудешь свою сестричку Флоримель?

— Не забуду, — ответил я, твердо зная, что это ее настоящее имя. — Тебя я не забуду.

— Спасибо, Корвин. Я передам Эрику только суть нашего разговора. А про Блейза вообще ничего не скажу. И о своих подозрениях тоже.

— Спасибо, Флора.

— Но тебе я все равно не верю ни на грош! — добавила она. — Тоже не забывай.

— Это мне и так ясно.

Потом она позвала горничную, и та проводила меня в отведенную мне комнату. Я как-то умудрился даже раздеться, рухнул в постель, заснул мертвым сном и проспал целых одиннадцать часов.

III

Утром, когда я проснулся, Флоры дома уже не было. Никакой записки она не оставила. Горничная подала мне завтрак на кухне, а сама отправилась по своим делам. Я не стал расспрашивать ее ни о чем, поскольку она либо действительно ничего не знала, либо не имела права сказать мне хоть что-то из того, что меня интересовало. К тому же она, несомненно, донесла бы о моих расспросах Флоре. Итак, поскольку дом был в полном моем распоряжении, я решил отправиться в библиотеку и там попробовать что-то разузнать. Кроме того, я вообще люблю библиотеки. Я прекрасно чувствую себя в окружении множества книг, которые воздвигают вокруг тебя стены из стольких прекрасных и мудрых слов. Всегда как-то спокойнее, когда что-то отгораживает тебя от пространства Теней.

Внезапно откуда ни возьмись появился Доннер или Блитцен, а может быть, еще какой-то их братец, и, припадая на лапы, пошел за мной по холлу, нюхая мои следы. Я попробовал расположить собачку к себе, но это было все равно что улыбаться полицейскому, когда тот задерживает тебя на шоссе за превышение скорости. По дороге я заглянул и в другие комнаты — просто комнаты, обычные и совершенно безобидные.

Итак, я вошел в библиотеку, где снова уперся взглядом в Африку на гигантском глобусе. Дверь за собой я закрыл, чтобы собаки не совались внутрь, и прошелся вдоль полок, разглядывая корешки и читая названия книг.

Большая часть из них была по истории, во всяком случае мне так показалось. Много было также книг по искусству — большие, дорогие альбомы. Некоторые я полистал. Обычно самые лучшие мысли приходят в голову, когда думаешь вроде бы о чем-то совсем другом.

А размышлял я о возможных источниках явного богатства Флоры. Если мы родственники, то не должно ли это означать, что и я тоже некоторым образом довольно состоятельный человек? Интересно было бы узнать поточнее, каковы мой социальный статус и профессия, а также — откуда я родом. У меня было смутное ощущение, что проблемы денег для меня не существовало: их всегда предостаточно, чтобы удовлетворять любые мои запросы. Неужели и у меня был такой же большой дом? Я не помнил.

Чем же все-таки я занимался раньше?

Сидя за столом, я сосредоточенно пытался хоть что-нибудь вспомнить. Нелегко копаться в собственной памяти, как в чужом сундуке. Может быть, именно поэтому я и не мог ничего оттуда выудить. Что твое, то твое. Это как бы часть тебя самого, и совершенно невозможно смотреть со стороны на то, что находится где-то у тебя внутри. В том-то все и дело.

Может быть, я врач? Мысль пришла мне в голову, когда я рассматривал анатомические наброски Леонардо да Винчи. Невольно я начал вспоминать различные стадии хирургических операций и понял, что в прошлом не раз оперировал людей.

Но это явно было не главное. Мое прежнее отношение к медицине, безусловно, являлось частью чего-то большего. Я почему-то знал, что никогда по-настоящему не практиковал как врач, как хирург. Но чем же я тогда занимался? И в какой области?

Внезапно мое внимание привлекла сабля.

Сидя за столом, я имел возможность обозревать всю комнату и на дальней стене среди прочих вещей заметил старинную кавалерийскую саблю, которая в первый раз почему-то не попалась мне на глаза. Я подошел к ней и взял ее в руки.

Она была в ужасно запущенном состоянии. Я даже поцокал языком от возмущения. Чтобы привести ее в должный вид, прежде всего требовался точильный брусок и масло. Я явно кое-что понимал в старинном оружии, особенно что касалось клинков.

Сабля была довольно легкой и хорошо лежала в руке, создавая ощущение свободы и уверенности. Я встал в позицию, парировал воображаемый выпад, нанес несколько рубящих ударов... Да, меня, безусловно, учили обращаться с нею.

Так каково же оно, мое прошлое?

Я вновь огляделся вокруг, надеясь еще на какую-нибудь зацепку. Но остальные вещи молчали.

Я повесил клинок обратно, вернулся к столу и, усевшись в кресло, решил осмотреть ящики.

Начал я со среднего, затем, ящик за ящиком, осмотрел левую тумбу и, наконец, правую.

Бумага, конверты, почтовые марки, скрепки, огрызки карандашей, ластики — всякая чепуха.

Тогда я вынул из стола все ящики один за другим и, по очереди ставя себе на колени, начал копаться в каждом. Это я тоже умел — производить обыск. Интересный я прошел курс наук.

А еще память подсказывала мне, что надо исследовать и сами тумбы. Изнутри.

Вот тут-то и обнаружилось то, что сначала ускользнуло от моего внимания: верхний ящик правой тумбы был не таким глубоким, как остальные. Я заглянул внутрь и увидел что-то вроде небольшой коробки, прикрепленной снизу к крышке стола.

Это тоже оказалось выдвижным ящиком, маленьким и запертым на замок.

Я поковырялся в замке скрепкой, потом булавкой и уже через минуту выдвинул ящичек с помощью рожка для обуви, который нашел там же, в столе. И обнаружил колоду игральных карт.

Рисунок на упаковке колоды буквально сразил меня. Весь покрывшись испариной и едва дыша, я так и застыл у стола на коленях.

Это был вставший на дыбы белый единорог на зеленом поле, обращенный влево.

Он был мне до боли знаком, этот знак, хотя я не мог сказать, где видел его прежде.

Распаковав колоду, я стал рассматривать карты. Это оказались карты таро, на первый взгляд, вполне обыкновенные, все положенные масти Младших арканов на месте — денарии, жезлы, чаши, мечи. Но вот Старшие арканы разительно отличались от привычных!*

Я поставил на место все ящики, стараясь не защелкнуть замок на секретном. Потом продолжил изучение колоды.

Изображения Старших арканов выглядели почти как живые: люди на странных картах, похоже, готовы шагнуть ко мне, прорвав блестящую оболочку. Сами карты холодные, гладкие и приятные на ощупь.

Внезапно я вспомнил, что и у меня когда-то были точно такие же карты. И принялся раскладывать их на столе.

На одной был изображен остроносый смеющийся человечек с коварным и хитрым лицом и целой копной волос соломенного цвета. Костюм человечка напоминал эпоху Возрождения — яркое сочетание оранжевого, красного и коричневого: длинные штаны в обтяжку и тесно прилегающий расшитый дублет. Я узнал его. Это был Рэндом.

Со следующей карты на меня равнодушно смотрел Джулиан. Длинные черные волосы и голубые, ко всему безразличные глаза. Он был с ног до головы в белых доспехах — не серебристых и как бы вообще не из металла, но словно покрытых эмалью. Однако я знал, что это очень прочные доспехи, способные выдержать самый мощный удар меча, несмотря на кажущуюся декоративность и явную изысканность. Именно этого человека я когда-то обыграл в его любимую игру, за что он и запустил в меня стаканом с вином. Я хорошо знал его и от всей души ненавидел.

Далее. Смуглое лицо, черные глаза. Кейн, одет в черный с зеленым отливом атлас. Темная шляпа-треуголка лихо сдвинута на один бок. Длинный зеленый плюмаж спускался ему на спину. Он был изображен в профиль и стоял лихо подбоченясь. Носки его сапожек загибались вверх. На поясе висел украшенный изумрудами кинжал. Этот человек вызывал у меня двойственные чувства.

Следующим был Эрик. Красавец, что ни говори. Волосы иссиня-черные, как вороново крыло, борода кудрявая, вечно улыбающийся сочный рот. Обычная кожаная куртка и кожаные штаны, простой плащ и высокие черные сапоги. На широкой красной портупее серебристая сабля, рукоять которой украшена круп-

ным рубином. Капюшон плаща и обшлага куртки тоже отделаны красным. Большие пальцы рук заложены за пояс; руки мощные, крупные. Пара черных перчаток заткнута за ремень справа. Именно он — я был в этом уверен — пытался убить меня, подстроив автокатастрофу. Я смотрел на него с некоторым страхом.

Следующим шел Бенедикт — высокий, суровый, очень худой, узколицый, но с широким, выдававшим недюжинный ум лбом. Костюм у него тоже был оранжево-красно-коричневый, и внешне он напоминал то ли пугало с головой-тыквой и клоком соломы вместо волос, то ли главного героя «Легенды Сонной лощины»*. У него были тяжелая крепкая нижняя челюсть, карие глаза и каштановые, совершенно прямые волосы. Бенедикт держал под уздцы буланого коня и опирался на копье, украшенное гирляндой цветов. На лице ни намека на улыбку — улыбался он крайне редко. Но я его любил.

Когда я открыл следующую карту, сердце мое забилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди.

То был я сам.

Все равно что смотришь в зеркало, когда бреешься. Да, лицо, изображенное на карте, было точно моим: зеленые глаза, черные волосы. Одет в черное с серебром. На плечах плащ, чуть раздуваемый ветром. Черные высокие сапоги, как у Эрика. Клинок на боку, только потяжелее и не такой длинный, как у него. На руках — латные перчатки, отливающие серебром. Пряжка под горлом в виде серебряной розы.

Это был я, Корвин.

А со следующей карты на меня смотрел могучий и властный мужчина. Мы с ним были очень похожи, только челюсти у него казались, пожалуй, более мощными и тяжелыми, да и сам он был крупнее меня, зато — я точно знал это — гораздо медлительнее. Силищей он обладал поистине сказочной. В своей серой с синим мантии, перехваченной в талии широким черным поясом, мужчина стоял и смеялся. На груди у него покоился на крепкой серебряной цепи охотничий рог. Лицо обрамлено короткой бородкой, над верхней губой небольшие усы. В правой руке — кубок с вином. Внезапно какие-то добрые чувства проснулись во мне, и тут же в памяти всплыло его имя: Джерард.

Потом передо мной появилось изображение ярко-рыжего, словно в огненной короне, человека, одетого в красные и оранжевые шелка. В правой руке он держал меч, в левой — кубок. В глазах, той же синевы, что у Флоры и Эрика, плясали черти. Под бородой угадывался тонкий подбородок. Меч украшен золотой насечкой. На правой руке — два массивных перстня, и еще один на левой: соответственно с изумрудом, рубином и сапфиром. Это и был Блейз.

А потом возник еще один, похожий на Блейза и на меня. Черты лица — почти как у меня, только помельче, а глаза и волосы, как у Блейза. Безбородый. В зеленом костюме для верховой езды. Он сидел на белом коне, причем конь на карте смотрел вправо. В этом человеке одновременно чувствовались и сила, и слабость; предприимчивость и полная отрешенность от мира. Он и нравился, и не нравился мне, чем-то привлекая и одновременно отталкивая. Звали его Брэнд. Я вспомнил это, лишь только взглянул на него.

Итак, я знал их всех, помнил их сильные и слабые стороны, их победы и поражения.

Потому что все это были мои братья.

Я вытащил из Флориной сигаретницы сигарету и закурил. Потом откинулся на спинку кресла и стал размышлять о том, что успел вспомнить.

Да, это были мои братья — все восемь странных людей, одетых в странные костюмы. Но я понимал, что именно так они и должны быть одеты, равно как и сам я должен носить черное с серебром.

Мне вдруг стало смешно: я понял, во что одет, что именно я купил в первом попавшемся магазинчике, когда сбежал из «Гринвуда». На мне были черные брюки, а все три купленные мною рубашки были серебристо-серого цвета. Пиджак тоже был черным.

Я опять взял карты в руки. И передо мной появилась Флора в платье цвета морской волны, в том самом, в каком вспомнилась мне накануне. Следующая картинка изображала черноволосую девушку с голубыми глазами — как у Флоры. Ее длинные волосы свисали ниже пояса, она была в черном платье, на талии — серебряный поясок. Мои глаза вдруг наполнились слезами, сам не знаю почему. Имя ее было Дейрдре.

Потом последовала Фиона; волосы в точности как у Блейза или Брэнда, а глаза мои. Кожа жемчужно-белая. И сразу же во мне вспыхнула ненависть.

Я быстро перевернул следующую карту, и там была Ллевелла — с зеленоватыми нефритовыми волосами и глазами, в мерцающем серо-зеленом платье, перетянутом лиловым поясом. Выглядела она какой-то понурой, словно недавно плакала. Почему-то я был уверен, что она совсем иная, чем мы, но тоже моя сестра.

Я ощутил вдруг ужасную тоску, оторванность ото всех этих людей. С другой стороны, мне явственно казалось, что они где-то рядом.

Карты были очень холодными, кончики пальцев у меня совсем заледенели. Я положил карты на стол, впрочем, не очень охотно. Мне почему-то не хотелось выпускать их из рук.

Но рассматривать в колоде больше было нечего. Остальные карты оказались обычными. И еще я чувствовал — снова не в силах понять, откуда взялось это ощущение, — что нескольких карт тут не хватает. Но я в жизни не ответил бы на вопрос, каких именно. И что на них изображено.

От этого мне почему-то стало совсем грустно. Я снова закурил и задумался.

Почему я сразу же вспомнил этих людей, едва открыв карты? И почему я совершенно не мог вспомнить ничего, с ними связанного? Теперь я знал куда больше, чем утром, но все это были лишь имена и лица. И практически ничего больше.

Я не мог, например, понять, зачем все мы изображены на этих картах. Однако мне страшно хотелось иметь точно такую же колоду. Если взять Флорину, она сразу же узнает о пропаже и у меня будут неприятности. Поэтому я снова положил карты в секретный ящичек и запер его.

Господи, как я после этого пытался растормошить свою память! Но, увы, безрезультатно.

Пока не вспомнил странное, волшебное слово.

Амбер!

Вчера вечером, услышав это название, я был поражен в самое сердце. Мне было так больно, что потом я старался даже не вспоминать об этом. Теперь же слово «Амбер» манило меня, и я решил выяснить, какие ассоциации оно может вызвать.

Прежде всего я почувствовал страшную тоску, даже ностальгию. Где-то в самой глубине этого слова — «Амбер» — таилась некая неизъяснимая прелесть; оно вызывало смутные воспоминания о власти и победах: власти почти неограниченной, победах громких и славных. И еще — слово это явно было для меня привычным, часто произносимым. Я как бы являлся его частью, и, с другой стороны, оно тоже было частью меня самого. Я уже понял, что это название какой-то страны, которую я хорошо знал когда-то. Я чувствовал сильное волнение, однако в памяти не возникало никаких картин.

Сколько я так просидел, не помню. Время как будто остановилось, растворилось в моих воспоминаниях.

Из глубокой задумчивости меня вывел легкий стук в дверь. Потом дверная ручка медленно повернулась, и в библиотеку вошла горничная Кармела. Ее интересовало, не проголодался ли я.

Идея была здравая, и я, проследовав за девушкой на кухню, с удовольствием съел половину цыпленка и выпил большую кружку молока. Кофе я прихватил с собой в библиотеку и уже наливал себе вторую чашку, когда зазвонил телефон.

Мне страшно хотелось самому снять трубку, но потом я решил, что в доме есть параллельные аппараты и, по всей вероятности, ответить лучше Кармеле.

Но телефон продолжал звонить. И я не выдержал.

— Алло, — сказал я, — резиденция миссис Фломель.

— Будьте любезны, попросите ее к телефону.

Это был мужчина. Он говорил быстро и, похоже, нервничал. Дышал с трудом, словно запыхался. К тому же в трубке слышались еще какие-то неясные звуки, шорохи и голоса. Мужчина явно звонил издалека, из другого города.

— К сожалению, ее нет дома, — ответил я. — Ей что-нибудь передать?

— А с кем я имею честь говорить? — спросил он.

Я некоторое время колебался. Но потом все же ответил:

— С Корвином.

— Боже мой! — воскликнул он и вдруг надолго умолк.

Я уж было решил, что он повесил трубку.

— Алло?

Тут он заговорил вновь:

— Она жива?

— Конечно, жива! Какого черта! Кто это говорит?

— Ты что, не узнаешь меня, Корвин? Я — Рэндом! Слушай, я сейчас в Калифорнии. У меня тут неприятности. Я хотел попросить Флору приютить меня. Ты что, тоже у нее поселился?

— Временно.

— Понятно. Так я могу рассчитывать на твою помощь и защиту, Корвин? — Он еще помолчал и прибавил: — Пожалуйста.

— Разумеется, я постараюсь, — ответил я. — Но я же не могу решать за Флору, даже не посоветовавшись с нею.

— Так ты за меня заступишься в случае чего?

— Да.

— Тогда ладно. Прямо сейчас попытаюсь вылететь в Нью-Йорк. Добираться, видимо, буду кружным путем, не представляю, сколько это займет времени. Встретимся, если смогу уйти от них. Пока. Пожелай мне удачи.

— Желаю удачи, — ответил я.

В трубке щелкнуло, и снова послышались шорохи и отдаленные голоса.

Итак, нахальный малыш Рэндом попал в беду. Раньше, уверен, меня бы это вряд ли тронуло. Но теперь он мог стать ключом к моему прошлому, да и к будущему тоже. Что ж, попытаюсь помочь ему чем смогу, пока не узнаю от него все, что мне нужно. Я уже понял, что между нами не было особенно теплой, братской любви. Но я также знал, что он отнюдь не дурак, никому не прислуживает, весьма находчив и умен, хоть и склонен порой к сентиментальности по самым неожиданным поводам. С другой стороны, слово его гроша ломаного не стоило, и вообще он готов был продать кого угодно и кому угодно, лишь бы цена была подходящая.

Теперь я уже достаточно хорошо вспомнил его, этого маленького негодяя. Хотя было у меня к нему и какое-то теплое чувство, может, в связи с прошлыми временами, когда мы еще дружили. Но доверять ему?! Ни за что! Я решил ничего не говорить Флоре, пока Рэндом не явится сам. Он мог сыграть в моей игре роль припрятанного в рукаве туза. Или хотя бы валета.

Я налил себе еще кофе и, медленно прихлебывая, размышлял.

Интересно, от кого он бежит?

Явно не от Эрика, иначе он не стал бы звонить Флоре. И почему это он спросил, жива ли еще Флора? Не потому ли, что я оказался в ее доме? Неужели она действительно настолько предана Эрику, моему брату, которого я ненавидел, что все в семье уверены: я непременно и ее убью, если такая возможность представится? Это казалось весьма странным, но ведь вопрос-то он задал!

Против кого же они заключили союз? Откуда взялась ненависть, это всеобщее противостояние? И почему, от кого Рэндом должен был бежать?

Амбер!

Вот где ответ на все вопросы.

Амбер. Ключ ко всем загадкам. Это я теперь знал точно. Тайна всей неразберихи заключена в Амбере. В каком-то событии, совсем недавно случившемся там, насколько можно судить. Надо быть начеку. Надо притвориться, что мне все известно, и по крупицам, исподволь вытягивать *информацию из всех, кто ею обладает*. Между нами и так сплошное недоверие, так что опасаться нечего. Надо сыграть именно на этом. А когда я получу все, что мне нужно, добьюсь всего, чего хочу, уж я не забуду тех, кто помог мне, и разделаюсь с остальными. Ведь именно таковы законы нашей семьи; теперь я знал это, так же как и то, что я — истинный сын своего отца.

Внезапно вернулась жуткая головная боль, в висках застучало. Надо полагать, в связи с тем, что я вспомнил об отце. Именно это воспоминание, какая-то догадка... Но я так и не был уверен до конца.

Через некоторое время боль в висках унялась, и я уснул — прямо там, в кресле. Проснулся же оттого, что кто-то вошел. За окном снова царила ночь, а на пороге стояла Флора.

Она была в шелковой зеленой блузке и длинной шерстяной юбке. Серой. В спортивных туфлях без каблуков и толстых чулках. Волосы были скручены в узел на затылке, и выглядела она довольно бледной. На груди, как всегда, болтался свисток для собак.

— Добрый вечер, — сказал я, вставая.

Она не ответила. Молча подошла к бару, плеснула в стакан «Джека Дэниелса»* и по-мужски выпила одним глотком. Потом налила еще, взяла стакан и устало опустилась в большое кресло.

Я закурил сигарету и передал ей. Она кивком поблагодарила меня, затем сказала:

— Добраться до Амбера слишком трудно.

— Почему?

Флора с удивлением подняла на меня глаза.

— Ты когда в последний раз пытался туда попасть?

Я пожал плечами:

— Не помню...

— Что ж, ладно. А я уж подумала, не твоих ли это рук дело.

Я не ответил, потому что не понимал, о чем она говорит. Но тут вдруг вспомнил, что существует и более легкий путь в Амбер, чем дорога, о которой упомянула моя сестра. Флора, очевидно, этого пути не знала.

— В твоей колоде не хватает нескольких карт, — вдруг сказал я почти совсем спокойно.

Она вскочила. Виски из стакана выплеснулся ей на руку.

— Отдай! — закричала она, хватаясь за свисток.

Я подошел к ней и взял за плечи.

— У меня их нет. Это просто констатация факта.

Флора несколько расслабилась, а потом вдруг заплакала. Я слегка подтолкнул ее к креслу и опустил в него.

— Я решила, что ты взял те, что у меня оставались, — пробормотала она. — Вечно ты всякие гадости говоришь!

Я не стал извиняться. Это показалось мне неуместным.

— Тебе далеко удалось пройти?

— Вовсе нет.

Флора рассмеялась, и в глазах ее вспыхнул какой-то новый огонек.

— Теперь я поняла, чего ты добился, Корвин, — сказала она, и мне пришлось закурить, чтобы только не отвечать. — Кое-что из того, что мне попалось на дороге, это ведь твоя работа, не так ли? Прежде чем явиться сюда, ты перекрыл мне путь в Амбер, так ведь? Ты знал, что я пойду к Эрику. А теперь я не могу к нему пробраться. И мне придется ждать, пока он не явится сюда. Ты ведь этого хочешь, да? Хочешь заманить его? Только сам он не придет! Он пришлет гонца.

В голосе ее было странное восхищение. Она что, признавалась в том, что хотела выдать меня моим врагам? И в том, что все равно выдаст, когда представится такая возможность? Да еще упрекала меня в том, что я якобы чем-то помешал ей осуществить задуманное? Поразительно, как спокойно она признавалась в собственных дьявольских кознях, глядя мне прямо в глаза, мне, своей предполагаемой жертве...

Ответ выплыл внезапно из темных глубин моей памяти: так всегда ведут себя члены нашей семьи. Нам нет нужды щадить друг друга и что-то скрывать. И все же мне показалось, что Флоре не хватает настоящего профессионализма.

— Ты, видно, считаешь меня дураком? — спросил я. — Неужели ты думаешь, что я приехал сюда специально для того, чтобы подождать, пока ты выдашь меня Эрику? Что бы тебе ни встретилось на дороге, так тебе и надо.

— Ну ладно, хорошо. Да, мы с тобой враги. Но ведь и ты тоже в изгнании. Значит, и ты где-то умудрился свалять дурака!

Ее слова обожгли меня, словно удар хлыста, но я был уверен, что она не права.

— Черта с два! — ответил я.

Флора опять рассмеялась.

— Так я и знала, что ты не смолчишь! — удовлетворенно сказала она. — Хорошо. Значит, ты действительно побывал в Тенях с какой-то определенной целью. Нет, все-таки ты совершенно сумасшедший.

Я пожал плечами.

— Так чего же ты от меня хочешь? — спросила она. — Зачем ты явился сюда?

— Мне просто интересно было узнать, на что ты способна, — ответил я. — Вот и все. Ты ведь не сможешь меня удержать, если я соберусь уехать. Даже Эрик не сможет этого сделать. А вдруг мне просто захотелось повидать тебя? Может быть, я к старости становлюсь сентиментальным. В любом случае я немножко поживу у тебя, а потом, вероятно, навсегда исчезну. Если бы ты не была столь прыткой и не пыталась строить против меня козни, то извлекла бы для себя куда больше пользы. Ты же просила не забывать тебя, если однажды кое-что все же случится...

Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы до нее наконец дошло.

— Ты все же хочешь попытаться! — наконец выговорила она изумленно. — Ты действительно намерен попробовать!

— Да, черт возьми, намерен! — ответил я, совершенно в этом уверенный, что бы это намерение ни означало. — Можешь сообщить Эрику, если хочешь. Но помни: я ведь могу и добиться своего! И еще запомни: если я своего добьюсь, для тебя же лучше будет оказаться на моей стороне!

Хотелось бы мне узнать, о чем мы, черт побери, говорим! Из нашего предыдущего разговора я запомнил вполне достаточно всяких слов и понимал, насколько важен их смысл, так что использовал их надлежащим образом, не задумываясь, что именно они означают. Однако чувствовал: все, что я говорю, правильно, совершенно правильно.

Неожиданно Флора прильнула ко мне:

— Я не скажу ему. Правда, не скажу, Корвин! Мне кажется, ты сможешь своего добиться. Будет трудновато с Блейзом, но Джерард, наверное, тебе поможет. И Бенедикт тоже. А тогда и Кейн к вам переметнется — когда увидит, что происходит.

— Планы я и сам строить умею, — сказал я.

Она сразу отстранилась, отодвинулась. Налила вина в два бокала, протянула один мне.

— За будущее! — Флора подняла бокал.

— Я всегда пью за это.

И мы выпили.

Потом она снова наполнила мой бокал и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Либо Эрик, либо Блейз, либо ты. Только вы трое способны на это. Но ты же сам вышел из игры, и так давно, что я почти сбросила тебя со счетов.

— Это лишний раз доказывает: ничего нельзя знать заранее.

Я отпил вина, надеясь, что сестрица наконец заткнется, хотя бы на минуту. Мне показалось, что она уж слишком очевидно пытается подыгрывать обеим сторонам. Что-то в этом мне очень не нравилось, и я бы хотел немного подумать.

Интересно, сколько мне лет?

Это, я уверен, было в большой степени связано с тем чувством, которое я испытывал, рассматривая карты, — с чувством тоски и оторванности от людей, на них изображенных. Я был значительно старше, чем выглядел. На вид мне лет тридцать; во всяком случае, когда я смотрел в зеркало, мне так казалось. Но теперь-то я мне было известно, что Тени всегда лгут. Я был много-много старше. И уже очень давно не видел всех своих братьев и сестер вместе — мы тогда еще были друзьями и жили бок о бок, как карты в одной колоде, и между нами не было ни отчужденности, ни вражды...

У входной двери прозвенел звонок, и Кармела пошла открывать.

— Видимо, наш братец Рэндом, — сказал я, совершенно уверенный, что это именно он. — Я обещал ему свое покровительство.

Глаза Флоры широко раскрылись, но потом она улыбнулась, как бы высоко оценив мой гениальный маневр.

Я, впрочем, вовсе не был уверен в его гениальности, хотя обрадовался, что она считает именно так.

Так-то оно лучше.

IV

Лучше мне стало минуты на три от силы.

Я обогнал Кармелу и быстро распахнул дверь.

Он ввалился внутрь, с силой захлопнув дверь за собой и задвинув засов. Под глазами у него чернели круги, а одет он был вовсе не в расшитый дублет. И побриться явно не успел. На нем был коричневый шерстяной костюм, на ногах — темные замшевые туфли. Плащ небрежно перекинут через плечо. Но передо мной стоял действительно Рэндом, тот самый Рэндом, которого я видел на одной из карт. Только в уголках смеющихся губ сейчас притаилась усталость, а под ногтями был траур.

— Корвин! — воскликнул он и обнял меня.

Я сжал его за плечи.

— Ну и видок у тебя! Выпить хочешь?

— Да, да, да!.. — ответил он, и я подтолкнул его по направлению к библиотеке.

Через несколько минут он уже сидел в кресле, держа стакан с виски в одной руке, а сигарету в другой.

— За мной гонятся, — сообщил Рэндом. — И скоро будут здесь.

Флора вскрикнула, но мы не обратили на это никакого внимания.

— Кто? — спросил я.

— Обитатели Теней, — ответил он. — Не знаю, какие они и кто их послал. Их четверо или пятеро. А может, и шестеро. Они летели в одном самолете со мной. Подсели, кажется, в Денвере. Я пытался сбить их со следа, да не вышло. А мне не

хотелось слишком сильно отклоняться от маршрута. В Манхэттене я, кажется, все-таки оторвался от них. Но это ненадолго. Думаю, они скоро заявятся сюда.

— И ты совершенно не представляешь, кто их послал?

Он только улыбнулся:

— Ну, полагаю, непременно кто-то из наших. Может быть, Блейз. Или Джулиан. А может, Кейн. Впрочем, может быть, и ты — чтобы завлечь меня сюда. Надеюсь, однако, что это не ты. Или все-таки ты?

— К сожалению, не я, — сказал я. — Ну и что, ребята серьезные?

Рэндом пожал плечами:

— Двоих-троих я бы загнал в ловушку. Но их оказалось многовато.

Он был небольшого роста, что-нибудь мне до плеча. Да и весил, пожалуй, не больше килограммов шестидесяти. Но о возможной схватке говорил вполне уверенно. Я вдруг подумал: интересно, а на что способен я, его брат? Я чувствовал себя полным сил и знал, что с готовностью встречусь в честном поединке с любым противником. Но насколько в действительности я силен?

И тут я понял, что очень скоро получу возможность узнать это.

В дверь постучали.

— Что будем делать? — спросила Флора.

Рэндом засмеялся, развязал галстук, снял его и бросил поверх плаща, лежащего на столе. Потом снял пиджак и огляделся по сторонам. Заметив висевшую на стене саблю, он тут же бросился к ней, и через секунду сабля была у него в руке.

Я достал пистолет и спустил предохранитель.

— Что делать? — переспросил Рэндом. — Скорее всего, дверь они высадят. И, стало быть, войдут в дом. Когда ты в последний раз участвовала в битве, сестрица?

— Очень давно, — ответила Флора.

— Тогда поскорее вспоминай все, чему тебя когда-то учили, — заявил он. — Они скоро будут здесь. Их кто-то навел, я уверен. Однако нас все-таки трое, а врагов всего в два раза больше. Беспокоиться не о чем.

— Но мы же не знаем, что они из себя представляют, — сказала Флора.

В дверь опять постучали.

— А какое это имеет значение?

— Никакого, — сказал я. — Может быть, мне просто открыть им?

Они оба вдруг побледнели.

— Наверное, лучше все-таки подождать...

— Можно попытаться вызвать полицию, — предложил я.

Они рассмеялись — почти истерически.

— Или Эрика, — сказал я и взглянул на Флору.

Она покачала головой:

— У нас на это просто нет времени. Карта, конечно, у меня, но пока он ответит на вызов... если вообще ответит... Тогда уже будет поздно.

— А ведь их мог послать и он, — сказал Рэндом.

— Сомневаюсь, — ответила Флора. — Это не в его стиле.

— Верно, — кивнул я, просто чтобы дать им понять, что тоже вполне в курсе событий. — А как насчет Кармелы? — спросил я, только что вспомнив о девушке.

Флора покачала головой:

— Мне кажется, ей лучше не подходить к двери.

— Но ты же не знаешь, кто там, — сказал Рэндом и быстро выскочил из библиотеки. Я бросился за ним, и мы влетели в холл как раз вовремя, чтобы не дать Кармеле открыть дверь.

Мы велели ей идти к себе и покрепче запереться.

— Противник, кажется, сильный, — сказал Рэндом. — Во что это мы влипли, Корвин?

Я пожал плечами:

— Если бы я знал! Ну, по крайней мере, пока мы заодно. Отойди-ка!

И я отпер дверь.

Первый попытался отшвырнуть меня в сторону, и я ударом отбросил его назад.

Их было шестеро, теперь я разглядел как следует.

— Что вам нужно? — спросил я.

Но мне никто не ответил. На меня смотрели дула пистолетов. Я нырнул вбок, захлопнул дверь и задвинул засов.

— Так, это действительно они, — сказал я. — Но кто докажет, что это не твои штучки?

— Никто, — ответил Рэндом. — Лучше бы это действительно были мои штучки. Крутые парни.

С этим трудно было не согласиться. Парни там, снаружи, действительно были крутые. Мощные, здоровые, шляпы надвинуты на глаза, так что лиц не разглядеть.

— Хотелось бы мне все же знать, во что это мы влипли, — пробормотал Рэндом.

Внезапно у меня в ушах возникло очень неприятное ощущение. Я понял, что Флора подала сигнал своим собакам.

Услышав звон разбитого окна где-то в правой части дома, я совершенно не удивился последовавшему за этим страшному лаю и рычанию.

— Она позвала собак, — пояснил я. — У нее их шесть. Жуткие твари. Между прочим, они и на нас могут напасть — при определенных обстоятельствах.

Рэндом кивнул, и мы оба побежали туда, откуда раздался звон битого стекла.

Когда мы ворвались в гостиную, двое уже влезли внутрь. С пистолетами наготове. Я уложил первого и, падая, успел выстрелить по второму. Рэндом, размахивая саблей, перепрыгнул через меня, и я увидел, как голова второго слетела с плеч.

Заметив, что через подоконник перелезают еще двое, я стрелял по ним, пока не опустела обойма. В ушах звенело от рычания Флориных псов и треска выстрелов.

Трое нападавших уже лежали на полу без движения. Рядом — три собаки. Отлично. Полдела сделано! И когда в окно полезли остальные, я убил следующего мерзавца таким способом, что удивился сам.

Не задумываясь ни на секунду, я схватил огромное тяжелое кресло и швырнул его через всю комнату. Пролетев метров десять, оно попало в одного из этих типов и сломало ему хребет.

Остались двое, но, прежде чем я успел до них добраться, Рэндом уже ранил одного своей саблей и, предоставив собакам довести дело до конца, повернулся к последнему и сбил его с ног.

Тот успел еще застрелить одного из псов, но больше уже не успел ничего: Рэндом его задушил.

В результате схватки две собаки были убиты и еще одна тяжело ранена. Рэндом добил ее ударом сабли, и мы обратили свое внимание на поверженных врагов.

Выглядели они как-то странно.

Тут вошла Флора, которая помогла нам разобраться, в чем дело.

Во-первых, у всех шестерых были страшные, налитые кровью глаза, совершенно красные. Похоже, впрочем, что для них это нормально.

Во-вторых, каждый палец у них был на один сустав длиннее, чем у обычного человека, а на тыльной стороне ладони торчал острый, загибающийся шип, похожий на шпору.

У всех были тяжелые, мощные челюсти, а когда я открыл одному из них рот, то насчитал целых сорок четыре зуба, причем значительно крупнее, чем обычные, человеческие, и, похоже, гораздо острее. Кожа у них была сероватой, толстой и блестящей.

Существовали, несомненно, и другие отличия, но и этих хватило, чтобы подтвердить наши подозрения.

Мы подобрали их оружие, и я стал рассматривать три небольших плоских пистолета.

— Типы, несомненно, из Теней, — сказал Рэндом. Я кивнул. — А мне здорово повезло, — продолжал он. — Они, видно, никак не ожидали, что у меня подоспеет подкрепление — да еще какое! Героический братец и полтонны злющих собак!

Он подошел к разбитому окну и выглянул наружу. Я не стал ему мешать.

— Никого, — сказал Рэндом через некоторое время. — Со всеми разделались.

Он задернул тяжелые оранжевые портьеры, затем пододвинул к окну несколько высоких шкафов. Пока он этим занимался, я осмотрел карманы убитых.

Меня нисколько не удивило, что я не обнаружил в них даже намека на документы.

— Пошли в библиотеку, — сказал Рэндом. — У меня там выпивка осталась.

Прежде чем усесться обратно в кресло, он тщательно вытер саблю и снова повесил ее на стену. Тем временем я налил Флоре.

— Итак, кажется, я пока в безопасности, — заявил Рэндом. — Во всяком случае, мы здесь втроем. Пока.

— Кажется, так, — согласилась Флора.

— Господи, я же со вчерашнего дня не ел! — заявил он.

И Флора пошла сообщить Кармеле, что уже можно выйти и следует принести побольше еды в библиотеку.

Едва за ней закрылась дверь, Рэндом повернулся ко мне и спросил:

— Слушай, а как ты умудрился с ней поладить?

— С Флорой надо быть настороже, вот и все.

— Она все еще на стороне Эрика?

— Насколько я знаю, да.

— В таком случае что ты-то здесь делаешь?

— Я пытался заманить Эрика сюда, чтобы он сам попробовал за мной поохотиться. Он ведь понимает, что это единственный способ до меня добраться. Вот я и хотел узнать, как сильно ему этого хочется.

Рэндом покачал головой:

— Не думаю, что у тебя получится. Шансов почти никаких. Пока ты здесь, а он там, зачем ему совать голову в петлю? У него сейчас более выгодное положение. Так что, если он тебе нужен, тебе придется самому отправиться туда, к нему.

— Я тоже почти пришел к такому заключению.

Его глаза сразу вспыхнули, и на лице появилась прежняя улыбка. Рэндом провел рукой по своим соломенным волосам, не сводя с меня глаз.

— А ты собираешься это предпринять? — спросил он.

— Может быть, — ответил я.

— Да какое «может быть», братец! У тебя это прямо на лбу написано. И знаешь, я почти готов за тобой последовать. Больше всего на свете мне нравится секс и меньше всего — Эрик.

Я закурил, обдумывая его слова.

— Думаешь? — сказал он. — Не уверен, можно ли доверять этому Рэндому? Он ведь такой проныра и подлец, да и имя ему вполне соответствует*. При первой же возможности продаст, если ему предложат более выгодную сделку. Так?

Я кивнул.

— Тем не менее, братец Корвин, вспомни-ка: хоть я тебе никогда особенно добра и не делал, но и зла особого тоже не причинял. Ну, всякие там шуточки не в счет. Но в целом, можно сказать, мы с тобой ладили — уж получше всех остальных в нашей семейке. То есть поперек дороги друг другу не становились. Вот о чем подумай. По-моему, кто-то уже идет, Флора или ее горничная, так что давай сменим тему. Погоди! Вряд ли у тебя с собой колода наших любимых семейных карт, а?

Я покачал головой.

Вошла Флора и провозгласила:

— Кармела сейчас принесет ужин.

Мы выпили за это, и Рэндом подмигнул мне у Флоры за спиной.

На следующее утро тела из гостиной исчезли; пятен крови на ковре как не бывало; стекло в окне целехонько. Рэндом объяснил, что «обо всем позаботился», и я посчитал за лучшее не расспрашивать его о подробностях.

Мы одолжили у Флоры ее «мерседес» и поехали прокатиться. Окрестности, как мне показалось, странным образом изменились. Я, правда, не смог бы с уверенностью сказать, что именно исчезло или появилось нового, но, так или иначе, все выглядело иным. Однако от попытки логически это обосновать у меня снова разболелась голова, и я решил оставить решение сей сложной задачи до лучших времен.

Я вел машину, а Рэндом сидел рядом. И вскользь я заметил, что было бы здорово вновь оказаться в Амбере, — хотелось посмотреть, как он отреагирует.

— Никак не пойму, — откликнулся Рэндом, — то ли ты явился сюда только ради мести, то ли ради чего-то поважнее. — Словно бросил мяч мне обратно — лови! — заставляя ответить меня самого.

Я и ответил. Использовал давно прибереженную фразу:

— Ты знаешь, я и сам все раздумываю — каковы мои шансы. По-моему, все-таки стоит попробовать.

Рэндом резко повернулся ко мне — до того он был полностью поглощен видом за окном — и с жаром проговорил:

— А по-моему, нам всем просто не дают покоя собственные амбиции, надежда на возможную победу... мне уж, во всяком случае, точно! Хотя сам я, пожалуй, слишком рано вышел из игры. Но я... мне кажется, попытаться все же стоит. Ты ведь хочешь узнать — я правильно тебя понял? — стану ли я помогать тебе? Да, стану. Причем исключительно назло остальным. — Он помолчал и прибавил: — А как ты считаешь, Флора сможет чем-нибудь посодействовать нам?

— Весьма сомнительно, — сказал я. — Она бы, может, и перешла на нашу сторону, если бы знала наверняка. Но что можно сказать наверняка в теперешней ситуации?

— А в какой можно? — прибавил Рэндом.

— Да, ты прав, — согласился я. Пусть думает, что ответ его меня устраивает.

Я опасался слишком доверяться ему, прежде всего говорить о состоянии своей памяти. И еще не до конца поверил ему вообще. Но мне столько необходимо было узнать, а обратиться было совершенно не к кому. Я некоторое время обдумывал сложившуюся ситуацию.

— Ну хорошо, а когда, по-твоему, лучше начать? — спросил я.

— Когда ты будешь готов.

Ну вот, теперь все уперлось в меня, а я понятия не имел, что предпринять.

— Так, может, прямо сейчас начнем?

Рэндом промолчал. Закурил — по-моему, чтобы выиграть время.

Я тоже закурил.

— Ладно, — произнес он наконец. — Ты когда в последний раз был там?

— Ужасно давно! — сообщил я. — Так давно, что не уверен, что смогу найти дорогу.

— Понятно, — сказал он. — В таком случае сначала нужно уехать подальше — чтобы возврата не было. Сколько у нас бензина?

— Три четверти бака.

— Тогда на следующем перекрестке сверни налево. А там посмотрим!

Я свернул налево, и тротуары по обе стороны шоссе начали странно посверкивать.

— Проклятие! — воскликнул Рэндом. — В последний раз я был здесь лет двадцать назад, по крайней мере. Что-то больно хорошо я все помню!

Мы ехали и ехали, и я не успевал поражаться тому, что, черт побери, творилось вокруг. Небеса постепенно приобрели зеленоватый оттенок, потом внезапно порозовели.

Я прикусил язык: страшно хотелось снова начать расспрашивать Рэндома.

Мы проехали под мостом, а когда вынырнули с другой его стороны, небо вновь приобрело свой нормальный оттенок, зато, куда ни глянь, повсюду торчали желтые ветряные мельницы.

— Не обращай внимания, — быстро сказал мне Рэндом, — могло быть куда хуже.

Я заметил, что встречные одеты, мягко говоря, странновато, а дорога вымощена булыжником.

— Сверни направо.

Я повернул руль.

Багряные облака окутали солнце, потом пошел дождь. Сверкнула молния, разрезав небо пополам. Прямо у нас над головой прогремел гром. Дворники на ветровом стекле работали как бешеные и все равно не справлялись. Я включил дальний свет и еще сбавил скорость. И тут — клянусь! — навстречу нам попался рыцарь в сером плаще с низко надвинутым капюшоном, защищающим лицо от дождя.

Наконец ветер несколько разогнал тучи. Мы выехали на берег моря. О прибрежные скалы бились тяжелые валы, над волнами носились невероятно крупные чайки. Дождь прекратился, я выключил фары и остановил дворники. Теперь мы ехали по грейдеру, но местности я не узнавал вовсе. В зеркале заднего вида не было и намека на город, за пределы которого мы только что выехали. Пальцы мои судорожно стиснули руль: за окном проплыла виселица, ветер раскачивал ужасный скелет повешенного.

Рэндом продолжал курить и смотреть в окошко. Дорога повернула прочь от моря: теперь она серпантином поднималась по склону холма. Справа расстилалось широкое, лишенное деревьев поле, а слева громоздилась какая-то горная гряда. Теперь небо над нами было великолепного глубокого синего цвета — словно бездонное озеро с ключевой водой, скрывающееся в густой тени берегов. Не помню, приходилось ли мне когда-либо раньше видеть небеса такого цвета.

Рэндом приоткрыл окошко, чтобы выбросить окурок, и в машину со свистом ворвался ледяной ветерок, так что окно пришлось снова закрыть. Ветерок принес запахи моря, солоноватые и пряные.

— Все пути ведут в Амбер, — сказал Рэндом тоном, не допускающим возражений. Это явно была некая аксиома.

И тут я вспомнил, о чем позавчера говорила мне Флора. Только сейчас до меня дошло, на что именно она намекала. Но я промолчал: очень не хотелось демонстрировать собственную тупость, однако и важную информацию хранить при себе не стоило, тем более что она явно была важна не только для меня, но и для Рэндома.

— Знаешь, — начал я, — когда ты звонил в первый раз — я тогда еще снял трубку, потому что Флоры не было дома, — я был почти уверен, что она как раз предприняла попытку пробраться в Амбер, но ей это не удалось, потому что путь оказался закрыт.

Он рассмеялся:

— У бедняжки слишком убогое воображение. Разумеется, в такое время путь закрыт! И нам, несомненно, еще придется пробираться пешком. А для того чтобы пройти этот путь, придется не жалеть ни сил, ни изобретательности — если мы вообще сможем его пройти до конца. Неужели Флора считала, что сможет вернуться в Амбер как законная наследница престола? Ступая по брошенным под ноги розам? Дура она все-таки. Ей и жить-то, если уж честно, незачем. Впрочем, это не мне решать... Поверни-ка, пожалуй, на этом перекрестке направо, — сказал он вдруг.

Что же все-таки происходит? Я понимал, что все это — благодаря Рэндому, но не мог определить, как и когда он умудряется осуществить эти перемены и како-

ва его конечная цель. Я знал также, что мне необходимо самому разгадать его тайну, иначе он сразу поймет, что я просто блефую. И тогда уж я полностью окажусь в его власти. Он вроде бы ровным счетом ничего не делал, только курил да смотрел в окошко, однако, вынырнув из очередного распадка, мы вдруг попали в совершенно голубую пустыню, а солнце над головой почему-то приобрело розовый оттенок. В зеркале заднего вида тоже была бескрайняя, до самого горизонта пустыня. Голубая. Ничего себе штучки.

И тут мотор закашлял, зачихал и заглох совсем.

Руль прямо у меня в руках начал менять свою форму. Он превратился в изящный полумесяц, а сиденье совсем отклонилось назад. Сама же машина как бы осела и теперь почти лежала на земле. Дворники на лобовом стекле застыли под совершенно загадочным углом.

Я, впрочем, продолжал держать язык за зубами. Даже когда на нас налетел сиреневый смерч.

Но когда смерч пронесся мимо, я просто задохнулся от изумления.

Прямо перед нами была чертова пропасть машин, вплотную стоящих друг за другом. Череда их уходила вдаль как минимум на километр. Машины, застрявшие в гигантской пробке, сигналили на разные голоса. Ни одна не двигалась.

— Сбавь скорость, — велел Рэндом. — Это предупреждение номер один.

Я притормозил, и тут на нас налетел новый смерч.

Я не успел даже включить фары: смерч сразу умчался дальше. Я протер глаза.

Машин как не бывало. Вокруг стояла тишина. Зато дорога теперь сверкала и переливалась, как тротуары тогда в городе, в самом начале пути; я услышал, как Рэндом бормочет под нос проклятия в чей-то адрес.

— Ну конечно! Мы попали именно на ту дорогу, куда он и хотел! Кто бы там ни устроил эту пробку! Черт меня побери — я все понимаю, но как дурак делаю именно то, чего он и ожидает. Главное...

— Эрик? — спросил я на всякий случай.

— Видимо, да. Как ты думаешь, что теперь? Подождать, а потом попробовать другую дорогу, потрудней? Или ехать дальше, до новых препятствий?

— Давай еще немного проедем. В конце концов, мы ведь пока только раз засели.

— Ладно, — сказал Рэндом и прибавил: — Кто его знает, что будет во второй...

Во второй раз было действительно нечто... не знаю уж, как и назвать... Нечто, похожее на гигантскую плавильню с руками. Оно сидело посреди дороги и своими ручищами загребало машины, пожирая их.

Я вдавил в пол педаль тормоза.

— В чем дело? — обернулся ко мне Рэндом. — Не обращай внимания и поезжай дальше. Иначе ведь все равно не проедешь.

— Признаться, немного растерялся, — сказал я. Он как-то странно, искоса посмотрел на меня, и тут налетел очередной смерч.

Зря, конечно, я это сказал.

Когда пыльное облако миновало, мы вновь оказались на совершенно пустой дороге. Вдалеке виднелись какие-то башни.

— По-моему, я все-таки сбил его с толку, — сказал Рэндом. — Я спутал несколько дорог, и, похоже, теперь мы на той, которую он пока не учитывает. В конце концов, невозможно перекрыть все дороги, ведущие в Амбер.

— Верно, — кивнул я, надеясь хоть как-то реабилитировать себя после той глупости, что вызвала его изумленный взгляд исподтишка.

Я размышлял: а что, собственно, Рэндом из себя представляет? Роста он небольшого, довольно субтильный, по крайней мере с виду. И он с тем же успехом тоже мог погибнуть вчера вечером. В чем же его сила? И что за постоянные разговоры о Тенях? Внутреннее чутье подсказывало мне, что кем бы эти «Тени» ни были, мы и сейчас находимся среди них. А вот почему — каким-то образом зависело от загадочных действий Рэндома; однако он сидел совершенно неподвижно, даже расслабленно, я все время видел его руки, спокойно лежавшие на коленях, и решил, что он делает все с помощью мысленной энергии. Но снова вопрос: как?

Ну хорошо. До меня доносились вообще-то слова типа «прибавить», «разделить» — словно вся Вселенная вокруг нас представляла собой некое большое уравнение. Я решил для себя — причем уверенность в правильности этого решения все крепла, — что Рэндом каким-то образом выделял и дробил некие элементы видимого мира, чтобы мы глубже могли проникнуть в загадочное королевство Амбер.

И я — совершенно определенно! — тоже когда-то обладал этим умением. И когда-то знал все ключи к решению задачи, связанной с Янтарным королевством.

Когда-то — но не сейчас.

За крутым поворотом пустыня неожиданно кончилась, уступив место полям, покрытым высокой голубой травой с острыми режущими краями. Через некоторое время начали попадаться невысокие холмы, а у подножия третьего холма приличная дорога кончилась и начался грязный узкий проселок. Земля, впрочем, была здесь довольно хорошо утрамбована. Проселочная дорога вилась среди уже довольно высоких холмов; кроме того, стали попадаться заросли невысоких кустарников и мощных сорняков, похожих на чертополох.

По такой местности мы ехали примерно с полчаса, потом холмы кончились и начался лес, состоящий из приземистых толстоствольных деревьев, листья которых по форме напоминали карточные бубны осенних оранжевых и красных оттенков.

Моросил мелкий дождик; со всех сторон нас обступали тени. Густые, видимые глазом испарения поднимались от промокших листьев, устилавших землю густым слоем. Где-то справа послышался жуткий вой.

Руль еще три раза успел поменять форму и в последнем своем воплощении представлял собой нечто вроде деревянного восьмиугольника. Теперь машина стала высокой, точно карета, а крыша ее весьма элегантным образом оказалась украшенной летящими фламинго, неизвестно откуда взявшимися. Я по-прежнему воздерживался от каких бы то ни было комментариев, стараясь приспособиться к бесконечно меняющейся форме сиденья, руля и приборного щитка.

Рэндом, однако, взглянув на загадочной формы руль как раз в тот момент, когда снова раздался вой в лесу, удрученно покачал головой, и внезапно деревья стали гораздо выше; теперь их украшала бахрома из низко свисающих виноградных лоз, а под ней — нечто вроде голубого коврика из узамбарских фиалок, похожего на кружевную накидку. Зато машина обрела почти нормальный вид. По счетчику у нас оставалось еще полбака бензина.

— Пока едем дальше, — задумчиво проговорил мой братец, и я только согласно кивнул.

Дорога снова стала значительно шире, на ней появилось бетонное покрытие, с обеих сторон лежали глубокие кюветы, заполненные грязной жижей. На поверхности жижи плавали листья, мелкие ветки, разноцветные птичьи перья...

Голова у меня вдруг стала странно легкой, я почувствовал небольшое головокружение. Рэндом тут же предупредил:

— Спокойно. Дыши глубже. — Хотя я ничего о своих ощущениях сказать не успел. — Мы совершаем прыжок во времени, так что сила тяжести несколько изменится. До сих пор нам поразительно везло! Я хочу, пока возможно, попользоваться этим везением. Следует спешить: может быть, удастся выиграть время.

— Хорошая идея! — одобрил я.

— Может, и так, — пробормотал он. — Но мне кажется, в любом случае рискнуть стоит... Ого! Гляди-ка!

Мы взбирались на холм, и тут с другой, невидимой нам стороны на вершину его вылетел грузовик и с грохотом понесся вниз, нам навстречу. Он мчался по встречной полосе прямо нам в лоб. Я резко крутанул рулем, чтобы избежать столкновения, но грузовик тоже резко вильнул. В самый последний момент, чтобы избежать лобового удара, я вынужден был съехать с дороги на мягкую обочину и остановиться у самого краешка глубокого кювета.

Справа от меня с визгом затормозил грузовик. Я попытался вывернуть колеса и выбраться на дорогу, однако мы прочно застряли в рыхлой земле.

Хлопнула дверца грузовика, и я увидел, что из кабины с правой ее стороны вылез шофер — что означало только одно: он-то ехал как раз по своей полосе, а мы — по встречной! Я был уверен, что нигде в Штатах нет левостороннего движения, в отличие от Великобритании, однако только теперь мне стало окончательно ясно, что мы давно уже покинули те земные края, которые я знал.

Это была цистерна. На боку у нее огромными красными буквами было написано: «ЗУНЬОКО», а пониже и помельче — «ездием па всиму свету». Шофер обрушил на меня целый поток брани, едва я успел, выбравшись из машины, начать извиняться. Он был высоким, того же роста, что и я, только очень толстый и похож на пивную бочку; в руке он держал монтировку.

— Послушай, я ведь уже извинился, — сказал я. — Ну что тебе еще от меня надо? Никто ведь не пострадал, машины тоже целы...

— Да таких дерьмовых водил, как ты, и близко к дороге подпускать нельзя! — завопил он. — Ведь ты, ублюдок, кому хочешь под колеса попадешься!

Тогда из машины вылез Рэндом и сказал:

— Слушай, милок, вали-ка ты своей дорогой! — В руке Рэндом держал пистолет.

— Убери, — быстро сказал я, однако он не послушался и спустил предохранитель.

Наглый хмырь развернулся и бросился бежать; широко раскрытые глаза его побелели от страха, челюсть отвисла.

Рэндом поднял пистолет и аккуратно прицелился прямо в спину бегущего; мне удалось стукнуть его по руке, как раз когда он выстрелил.

Пуля чиркнула по бетонному покрытию и срикошетила назад.

Рэндом резко повернулся ко мне; лицо его было белым как мел.

— Ты, кретин чертов! Одним этим выстрелом можно было поджечь цистерну!

— А еще — пришить этого типа. Ты ведь в него целился?

— Ну и что? Кому какое дело? Все равно мы больше ни разу не сможем проехать по этой дороге еще лет пятьдесят по крайней мере. Ублюдок осмелился оскорбить принца Амбера!.. Я ведь, между прочим, твою честь защищал.

— Свою честь я способен защитить сам, — медленно проговорил я, и душу мою вдруг охватило какое-то холодное ощущение собственного могущества. — Так что мне надлежало решить: убивать его или нет. Если бы я захотел, то сделал бы это. — Я с трудом сдерживал охвативший меня бешеный гнев.

И тут Рэндом виновато опустил голову.

Я услышал, как захлопнулась дверца грузовика, и цистерна ринулась по дороге вниз.

— Прости меня, брат, — сказал Рэндом. — Я бы никогда не осмелился... Но ужасно обидно было слушать, как кто-то из этих разговаривает с тобой таким тоном. Я понимаю: мне, разумеется, следовало подождать, пока ты сам решишь, как с ним поступить. По крайней мере, я должен был сначала посоветоваться с тобой.

— Ладно. Что там говорить. Давай выбираться на дорогу, — сказал я ему. — И поехали дальше, если сможем.

Задние колеса увязли в грязи по самые оси. Я озадаченно смотрел на них. Но тут Рэндом окликнул меня:

— Давай поднимем ее — я за передний бампер, ты за задний — и отнесем на дорогу... а потом на всякий случай поедем все-таки по левой стороне.

Он говорил совершенно серьезно.

Он не предупреждал меня, что сила притяжения здесь меньше, но мне и в голову не приходило, что поднять заднюю часть «мерседеса» будет настолько легко. С другой стороны, ничего иного мне не оставалось: Рэндом явно именно этого от меня и ожидал; в данном случае провести его было бы невозможно.

Так что я присел на корточки, взялся за бампер и начал потихоньку выпрямлять ноги. Задние колеса с чавканьем вылезли из земли. Машина была — черт побери! — довольно-таки тяжелой, но я вполне мог ее держать, да еще в полуметре над землей!

При каждом шаге я погружался сантиметров на пятнадцать в мягкую почву, однако машину нес. И Рэндом тоже на своем конце вполне справлялся.

Мы поставили ее на дорогу, и мышцы лишь чуть-чуть ныли от напряжения. Потом я снял ботинки, вылил из них грязную жижу, вытер изнутри пучком травы, выжал носки, счистил грязь с брюк, швырнул свою обувь под заднее сиденье и босиком залез в машину.

Рэндом тоже быстренько прыгнул на свое сиденье и произнес:

— Слушай, я бы хотел еще разок перед тобой извиниться...

— Да ладно, — сказал я. — Дело прошлое.

— Да, конечно, но мне бы не хотелось, чтобы у тебя оставалась заноза в памяти...

— Не останется, — успокоил я его. — Просто отныне умерь свой пыл, когда речь идет о человеческой жизни. По крайней мере в моем присутствии.

— Хорошо, — пообещал он.

— Тогда поехали. — И мы двинулись дальше.

Сначала мы долго пробирались по узкому, засыпанному камнями ущелью, потом миновали какой-то странный город, который, казалось, целиком был сделан из стекла или чего-то в этом роде; здания там были высокими, узкими и поразительно хрупкими, а люди просвечивали под розовым солнцем так, что отчетливо видны были их внутренние органы и даже остатки пищи, съеденной недавно. Прозрачные люди, толпясь на перекрестках, удивленно смотрели на мчащийся мимо автомобиль, однако ни один не махнул нам вслед рукой и ни один не решился перейти нам дорогу.

— Все Чарли Форты* этого мира надолго запомнят это событие, — заявил мой брат.

Я только кивнул.

Затем дорога как таковая кончилась: теперь мы ехали по какому-то бесконечному пласту кремнезема. Потом пласт стал уже и превратился как бы снова в дорогу, а еще через некоторое время слева и справа от нас появились болота — глубокие, полные коричневой вонючей жижи. Я заметил — клянусь! — как настоящий диплодок высунул из болотной воды голову и уставился прямо на нас. Потом над нами низко пролетел гигантский крылатый ящер с перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями. Небо теперь было ярко-синим, а золотое, цвета опавших листьев солнце светило вовсю.

— У нас осталось меньше четверти бака, — сообщил я.

— Ну ладно, — сказал Рэндом. — Останавливай машину.

Я остановил и стал ждать.

Довольно долго — может быть, минут пять-шесть — брат молчал, потом промолвил:

— Поехали дальше.

Километров через пять мы наткнулись на груду бревен, и я начал ее объезжать. Вдруг прямо посреди завала появилась какая-то дверь, и Рэндом велел мне:

— Останови машину и посигналь.

Я повиновался; вскоре бревенчатые ворота задвигались на своих огромных железных петлях, заскрипели и распахнулись.

— Заезжай, — сказал Рэндом. — Это не опасно.

Я проехал в ворота и слева заметил три красноголовые бензоколонки «Эссо», а за ними — самый обыкновенный маленький домик, какие я бесчисленное множество раз видел на бензозаправочных станциях, но при более, так сказать, ординарных обстоятельствах. Припарковавшись возле одной из бензоколонок, я стал ждать.

Паренек, что вышел из домика, был не выше полутора метров ростом, однако немыслимо толстый, а нос у него цветом напоминал спелую землянику. В плечах — косая сажень.

— Что вам угодно? — спросил он. — Машину заправить?

Я кивнул и сказал:

— Обычным.

— Подайте чуточку назад, пожалуйста, — попросил он.

Я подал назад и поинтересовался у Рэндома:

— А деньги-то мои здесь годятся?

— А ты на них посмотри, — предложил он мне, и я заглянул в бумажник.

Он был набит какими-то оранжевыми и желтыми бумажками, в уголках — римские цифры и буквы «Д. Р.».

Рэндом, ухмыляясь, наблюдал за мной.

— Видишь, как здорово я обо всем позаботился, — сказал он.

— Да уж. Между прочим, хочется есть.

Мы осмотрелись и обнаружили неподалеку вывеску, с которой знакомый тип, что обычно рекламирует «Жареных цыплят из Кентукки», смотрел на нас, окруженный совсем другими животными.

Клубничный Нос слил остатки бензина на землю, повесил шланг обратно, подошел к окошку и заявил:

— Восемь Drachae Regums*.

Я отыскал купюру с пометкой «V Д.Р.», прибавил еще три с пометкой «I Д.Р.» и передал ему.

— Спасибо, — сказал он и сунул деньги в карман. — Проверить вам масло и воду?

— Да, пожалуйста.

Парень добавил немножко воды, сообщил, что масло в норме, и слегка протер ветровое стекло грязным лоскутом. Потом махнул нам на прощание рукой и пошел к себе под навес.

Мы доехали до закусочной Кенни Роя и купили целую корзину цыплячьих крылышек, да еще упаковку слабого солоноватого пива. Потом умылись в уличном туалете, погудели у бревенчатых ворот, и наконец человек с алебардой на правом плече открыл ворота и выпустил нас.

Мы снова выехали на прежнюю дорогу.

И тут прямо перед нашим носом на шоссе выпрыгнул тиранозавр, подумал немного и побрел по своим делам дальше, куда-то влево. Над головой пролетели еще три птеродактиля.

— Ах, как не хочется расставаться с небесами Амбера! — воскликнул Рэндом. Я не очень-то понял и что-то пробурчал ему в ответ. — Но почему-то мне страшно — вот так, сразу... — продолжал он. — Нас запросто могут на куски разорвать.

— Это уж точно, — согласился я.

— С другой стороны, эти места мне что-то не очень нравятся.

Я кивнул, и мы поехали дальше. Наконец кремнистая равнина осталась позади; теперь нас со всех сторон обступили голые скалы.

— А что ты делаешь сейчас? — осмелился я спросить Рэндома.

— Ну, раз у меня с небесами все получилось, я хочу попробовать добраться и до земли, — ответил он.

Скалы перестали тесниться, между ними появились проплешины. Через некоторое время земли стало значительно больше, а скалы торчали лишь кое-где. Наконец я увидел яркие пятна зелени — сначала лишь отдельные клочки травы, однако необычайно зеленой, изумрудной; во всяком случае, на Земле, насколько мне было известно, такая не росла.

Вскоре зелени стало больше.

Появились первые деревья, разбросанные поодиночке вдоль дороги. Потом мы оказались в лесу.

Ах, что это был за лес!

Я никогда в жизни не видел подобных деревьев — мощных, в великолепных, глубокого сочно-зеленого цвета лиственных уборах, с легким золотистым отливом. Деревья высились, точно башни; они, казалось, достигали небес. То были немыслимо огромные сосны, дубы, клены и еще какие-то другие деревья, названий которых я не знал. Их ветви чуть колыхались под легким ветерком, наполняя воздух дивным ароматом. Я сразу ощутил этот аромат, едва приоткрыв окно. И мне тут же захотелось открыть все окна, чтобы ветер вольно гулял по салону автомобиля и можно было полной грудью вдыхать живительный лесной воздух.

— Арденский лес* — спокойно сказал тот, кто называл себя моим братом; впрочем, я знал, что он именно мой брат, и любил в нем эту спокойную мудрость и отчасти завидовал ему — потому что он все это знал и помнил так хорошо.

— Брат, — произнес я с чувством, — ты молодец! Я ожидал худшего. Благодарю тебя.

Это, похоже, его просто ошеломило. Видимо, до сих пор Рэндом слова доброго от своих родственников не слышал.

— Я стараюсь помочь тебе, — сказал он. — И буду помогать впредь, обещаю!.. Гляди! Вот наше небо и вот наш лес! Это настолько хорошо, что даже как-то не верится! Кроме того, мы миновали больше половины пути и не встретили особых препятствий. По-моему, нам здорово везет. Может, назначишь меня регентом?

— Назначу, — ответил я, хотя понятия не имел, о чем он. Просто мне хотелось наградить его, раз это в моих силах.

Рэндом кивнул и сказал:

— Ты тоже молодец.

Он с детства был жутким пронырой и вечным бунтарем. Мне вспомнилось, что когда-то давно родители пытались приучить его к дисциплине, только это им так и не удалось... И тут до меня дошло, что родители-то у нас с ним общие! А вот с Эриком, Флорой, Кейном, Блейзом и Фионой — нет. Не помню точно, как с остальными, но с теми, кого я вспомнил, это было именно так.

Мы ехали по хорошо утрамбованной, *однако покрытой лужами дороге под* сводами смыкавшихся в вышине огромных деревьев. Казалось, этой лесной дороге не будет конца. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности. Порой мы вспугивали в зарослях изумленного видом автомобиля оленя или лису, которые потрясенно застывали возле дороги или бросались буквально нам под колеса. Кое-где на земле виднелись следы копыт. Солнечный свет, как бы профильтрованный густой листвой, тонкими косыми лучами пробивался вниз, подобно золотым струнам волшебного индийского ситара. Влажный ветерок приносил запахи леса и зверья. Я четко понимал теперь, что хорошо знаю эти места, что в прошлом много раз проезжал по этой дороге через Арденский лес. Я бывал здесь верхом и пешком, охотился, валялся на спине под сенью этих величественных деревьев, заложив руки за голову и глядя в небо, много раз взбирался по могучим ветвям к самой вершине и любовался оттуда вечно колышущимся зеленым миром...

— Люблю это место! — вырвалось у меня вслух, и Рэндом тут же откликнулся:

— Да, ты всегда любил этот лес. — В голосе его слышалось что-то похожее на нежность. Впрочем, возможно, мне это только показалось.

Вдруг откуда-то издали донеслись знакомые звуки — охотничий рог.

— Гони быстрее, — проговорил Рэндом торопливо. — Это, похоже, рог Джулиана. Давай жми!

Я нажал на газ.

Рог протрубил снова. Уже ближе.

— Его проклятые псы вполне способны разорвать машину в клочки, а потом его милые «птички» с полным удовольствием выклюют нам глаза! — пробормотал Рэндом. — Терпеть не могу встречаться с Джулианом во время охоты. Впрочем, на кого бы он ни охотился, я уверен, он с удовольствием прервется ради поединка с любимыми братцами.

— Живи и жить давай другим — вот моя точка зрения в настоящий момент, — заметил я.

Рэндом хихикнул:

— Очень свежая мысль! Держу пари: на этой своей позиции ты удержишься от силы минут пять.

Тут рог протрубил снова, значительно ближе, и Рэндом выругался.

Спидометр показывал уже сто сорок километров в час — загадочными руническими символами, — и ехать быстрее по такой дороге было просто опасно.

Снова совсем близко протрубил рог — три раза. Откуда-то слева послышался лай собак.

— Мы уже почти достигли Подлинного Мира, но до Амбера еще далеко, — сказал мой брат. — Скрываться в близлежащих Тенях бессмысленно: если Джулиан действительно охотится на нас, то непременно нагонит — он сам или его тень.

— Что же нам делать?

— Жми на газ и не теряй надежды. Может быть, он все-таки гонится не за нами.

Рог протрубил теперь уже почти над нашими головами.

— Что за тварь он оседлал, черт побери? Паровоз? — спросил я.

— По-моему, это Моргенштерн*, самый быстрый и могучий конь из когда-либо созданных им.

Я как бы мысленно «обкатал» последние слова брата. Удивительно, но Джулиан и вправду создал Моргенштерна, сказал мне мой внутренний голос, создал из Теней, вложил в чудовищного коня силу и скорость урагана, мощность копра.

Я вспомнил, что мне особенно стоит опасаться этого страшилища, и тут увидел его самого.

Моргенштерн был локтей на шесть выше любого другого жеребца, глаза у него отливали тем же убийственным светом, что и у кровожадных веймарских гончих*; шкура была абсолютно серая, без единого пятнышка, а копыта — словно из полированной стали. Он, как ветер, промчался мимо, легко обгоняя автомобиль, и в седле его, чуть сгорбившись, сидел Джулиан — точно такой, как на той карте: длинные черные волосы, яркие голубые глаза, с ног до головы в белом.

Джулиан улыбнулся нам и махнул рукой; Моргенштерн тоже приветственно замотал башкой. Его великолепная грива развевалась, как флаг. Ноги на бегу были почти неразличимы.

Я вспомнил, как Джулиан однажды заставил одного из слуг надеть мою поношенную одежду и мучить в ней лошадей. А потом во время охоты моя лошадь

попыталась сбросить меня на всем скаку и чуть не затоптала, когда я соскочил на землю у нее перед носом, чтобы снять шкуру с убитого оленя.

Я закрыл окошко, чтобы эта тварь не почуяла моего запаха. Однако Джулиан меня уже разглядел, так что следовало быть наготове. Вокруг вилась целая свора Адских гончих* — чудовищных гончих псов с гладкими мускулистыми телами и стальными зубами. Псы тоже являлись порождением Теней — ни одна нормальная собака не могла бы бежать с такой скоростью. Правда, мне было хорошо понятно, что слово «нормальный» для этого мира совершенно не годится.

Тут Джулиан подал нам знак, чтобы мы остановились. Я взглянул на Рэндома, тот кивнул.

— Если мы не подчинимся, он просто загонит нас до смерти, — сказал он.

Так что я нажал на тормоз.

Моргенштерн взревел, взвился на дыбы, забив копытами в воздухе, потом грохнул ими о землю и легко перепрыгнул через машину. Псы собрались вокруг; языки у них свисали до земли, бока ходили ходуном. Чудовищный конь был покрыт странной лоснящейся пленкой: сие означало, видимо, что он вспотел.

— Какая неожиданная встреча! — воскликнул Джулиан. Слова он едва цедил, словно что-то мешало ему выговаривать их, — его обычная манера. И тут гигантский сокол с черно-зеленым оперением, кружившийся над его головой, спустился и сел ему на левое плечо.

— Да, удивительно, не правда ли? — откликнулся я. — Как ты поживаешь?

— О, прекрасно! — решительно ответил он. — Как всегда, прекрасно! А как ты, братец Рэндом?

— Мы оба в добром здравии, — сказал я, а Рэндом скромно кивнул и тихонько заметил:

— По-моему, в это время года ты обычно предавался иным видам спорта.

Джулиан чуть склонил голову и подозрительно посмотрел на него сквозь ветровое стекло.

— Мне просто нравится убивать всяких тварей, — сказал он. — Что касается моих родственников, то о них я думаю постоянно.

У меня по спине пополз легкий озноб.

— От охоты меня отвлек рев вашей машины, — продолжал Джулиан. — Я и не предполагал, что в ней вас окажется двое. По-моему, это не праздная прогулка. А цель у вас вполне определенная. Амбер, не так ли?

— Так, — согласился я. — Однако позволь поинтересоваться, почему сам ты оказался здесь, а не там?

— Эрик поручил мне патрулировать эту дорогу, — ответил он, и рука моя непроизвольно легла на рукоять пистолета, хотя я понимал, что обычной пулей эти белые доспехи не пробьешь. Впрочем, я рассчитывал попасть в Моргенштерна.

— Ну что ж, возлюбленные братья мои, — продолжал Джулиан, улыбаясь, — поздравляю с прибытием в родное королевство и желаю приятного путешествия! Вскоре мы с вами, несомненно, увидимся в Амбере. Всего хорошего. — И он, развернув коня, помчался к лесу.

— Давай-ка поскорей выбираться отсюда к чертовой матери, — сказал Рэндом. — Он, вполне возможно, приготовит нам ловушку. Или будет еще одна погоня.

С этими словами мой брат вытащил пистолет и положил его на колени.

Я рванул вперед на вполне приличной скорости.

Минут через пять — меня как раз только-только отпустило немного — я снова услышал звуки рога и буквально вдавил педаль газа в пол, понимая, что так или иначе Джулиан нас все равно настигнет. Впрочем, стоило попытаться выиграть как можно больше времени.

Нас швыряло при поворотах, машина ревела, взбираясь на косогоры и пересекая долины. Один раз я чуть не сбил оленя, но удачно избежал столкновения, даже не замедлив хода.

Рог звучал все ближе. Рэндом бормотал себе под нос ругательства.

Мне казалось, что этому лесу не будет конца — совсем не радостная мысль в данной ситуации.

И вдруг впереди открылось довольно большое поле, и на относительно ровном участке дороги я умудрился почти минуту выжимать из машины максимум. Похоже, Джулиан со своим рогом несколько отстал. Потом дорога вновь начала петлять, и пришлось сбавить скорость. Джулиан опять начал нас нагонять.

Минут через пять я увидел его в зеркале заднего вида; Моргенштерн грохотал копытами по дороге, свора псов неслась следом с лаем и визгом.

Рэндом открыл боковое окно, подождал с минуту, высунулся и начал стрелять.

— Черт бы побрал эти доспехи! — проговорил он. — Уверен, что по крайней мере два раза попал в него, — и ничего!

— Не хотелось бы, конечно, стрелять в коня, — сказал я, — но все же попытайся попасть в это чудовище.

— Я уже пытался, несколько раз, — ответил Рэндом, швыряя пустой пистолет на пол и доставая другой. — Либо я никудышный стрелок, либо это правда: чтобы убить Моргенштерна, нужны серебряные пули.

Сделав последние шесть выстрелов, он подстрелил шесть собак. Впрочем, там еще дюжины две осталось.

Я протянул ему свой пистолет, и он ранил еще пятерых псов.

— Последнюю обойму я оставлю про запас, — сказал Рэндом. — Специально для Джулиана, когда с небольшого расстояния можно будет попасть ему в голову.

Погоня была уже совсем рядом, Джулиан явно нагонял нас, и я резко нажал на тормоз. Некоторые из псов по инерции понеслись дальше, а Джулиан внезапно исчез, и над головой у нас проплыла темная тень — это Моргенштерн перемахнул через машину. Он моментально развернулся, и, когда лошадь и всадник снова бросились на нас, я нажал на газ, и машина рванула вперед.

Одним фантастическим прыжком Моргенштерн успел отскочить в сторону. В зеркало заднего вида я заметил, как двое псов отшвырнули крыло машины, которое за время нашей краткой остановки успели напрочь оторвать, и бросились за нами вслед. Кое-кто из собак остался лежать на земле, но штук пятнадцать или шестнадцать все еще продолжали погоню.

— Дивное зрелище, — пробормотал Рэндом. — Впрочем, тебе еще повезло, что они не вцепились в колеса. Наверное, никогда раньше не охотились на автомобили.

Я протянул ему последний заряженный пистолет:

— Постарайся подстрелить побольше собак.

Он стрелял очень уверенно и удивительно метко: еще шесть собак остались лежать на дороге.

А Джулиан теперь скакал рядом с машиной, выхватив меч.

Я что было сил нажал на клаксон, надеясь испугать Моргенштерна, однако трюк не удался. Я резко вильнул в их сторону, но проклятый конь взвился на дыбы и отпрыгнул. Рэндом почти лежа выстрелил в мое окно мимо меня, уперев правую руку с пистолетом в левую.

— Погоди пока, — сказал я ему. — Попробую-ка я его сбросить.

— Ты что, сумасшедший? — удивился он, когда я снова резко нажал на тормоз.

Но пистолет все-таки опустил.

Едва мы затормозили, я резко открыл дверцу, выскочил наружу — босым, черт меня побери! — успел присесть, когда Джулиан замахнулся мечом, и перехватить его руку, а потом выдернул из седла. Один раз он все-таки успел ударить меня по голове рукой в латной перчатке; перед глазами у меня поплыли оранжевые круги — было ужасно больно.

Джулиан так и лежал там, где грохнулся наземь, и, видно, еще не совсем очухался. Вокруг бесновались псы, стараясь вцепиться в меня, и Рэндом пинал их ногами. Я подхватил валявшийся на земле Джулианов меч, приставил острие ему к горлу и крикнул:

— Отзови псов! Или я пришпилю тебя к земле!

Он что-то приказал собакам, и те отступили. Рэндом с трудом держал пытавшегося вырваться Моргенштерна под уздцы.

— Ну, дорогой братец, что ты можешь поведать нам о своей миссии? — спросил я.

Глаза Джулиана горели холодным голубым огнем, лицо же оставалось совершенно бесстрастным.

— Если вы намереваетесь меня убить, тогда вперед! — заявил он.

— Все в свое время, — успокоил я его, не без удовольствия заметив грязь на белоснежных доспехах Джулиана. — Ты пока скажи нам вот что: тебе собственная жизнь дорога?

— Отдам за нее все, что угодно. Из того, чем владею, разумеется.

Я чуть отступил, пропуская его на заднее сиденье машины.

— А ну залезай! — велел я ему.

Он подчинился без звука; но прежде я снял висевший у него на поясе кинжал. Рэндом занял место рядом со мной, обернулся и прицелился из пистолета с последней оставшейся у нас обоймой в голову Джулиана.

— Почему бы нам его просто не прикончить?

— По-моему, он может нам пригодиться, — сказал я. — А кроме того, мне бы хотелось кое-что выяснить. Да и ехать нам еще долго.

Я завел машину, и мы двинулись дальше. Собаки носились вокруг. Моргенштерн скакал за нами, не отставая.

— Боюсь, что в качестве пленного не имею для вас особой цены: знаю я немного, — заметил Джулиан. — Даже под пыткой я смогу рассказать вам лишь то, что известно мне самому.

— Ну начни хотя бы с этого, — предложил я.

— Эрик пытается полностью овладеть ситуацией, — сказал Джулиан, — поскольку именно он оказался в Амбере, когда все началось. Во всяком случае, по-моему, цель его именно такова. Я предложил ему свою поддержку; если бы на его месте был один из вас, я, возможно, стал бы вашим союзником. Эрик возложил на меня обязанность охранять Арденский лес. Здесь проходит одна из главных дорог, ведущих в Амбер. Джерард контролирует подступы со стороны моря на юге, а Кейн — на севере.

— А где Бенедикт? — спросил Рэндом.

— Не знаю. О нем я ничего не слышал. Возможно, он где-то с Блейзом. А может, по-прежнему в Тенях и даже не подозревает о том, что здесь произошло. Вполне возможно также, что он просто умер. Уже много лет о нем ни слуху ни духу.

— Сколько людей охраняют Арденский лес? — спросил Рэндом.

— Около тысячи, — ответил Джулиан. — И кое-кто, возможно, уже вас заприметил, но пока выжидает.

— Ну, если им угодно, чтобы ты остался жив, то пусть выжидают: это пока единственное, что им позволено, — сказал Рэндом.

— Да, ты прав, — откликнулся Джулиан. — Я вынужден все же принять ваши условия. Корвин поступил на редкость умно, оставив меня в живых. С таким пленником вы, пожалуй, сможете благополучно проехать через весь лес.

— Ишь как заговорил! Что, очень хочется в живых остаться? — съязвил Рэндом.

— Конечно, хочется! А что, нельзя?

— Отчего же...

— Я ведь все вам рассказал.

Рэндом рассмеялся:

— Ну, допустим, рассказал ты нам очень мало и далеко не все; я уверен, что из тебя вполне можно вытащить куда более ценную информацию. И мы это обязательно проверим при первой возможности. А, Корвин?

— Там видно будет, — сказал я. — Где Фиона?

— Где-то на юге, по-моему, — ответил Джулиан.

— А что слышно о Дейрдре?

— О ней я ничего не знаю.

— Ну а где Ллевелла?

— В Ребме.

— Ладно, — сказал я. — По-моему, ты иссяк. Это все?

— Все.

Дальше мы ехали молча. Лес наконец стал редеть. Я уже давно потерял Моргенштерна из виду, хотя время от времени замечал, что сокол Джулиана все еще кружится над нами. После поворота дорога пошла вверх; с обеих сторон высились ярко-красные горы. Топлива осталось меньше четверти бака. Где-то через час мы миновали две огромные, нависающие над дорогой скалы.

— Чудное место для засады, — сказал Рэндом.

— Неплохое, — согласился я. — А ты что на этот счет думаешь, Джулиан?

Он вздохнул и сказал:

— Да, все верно. Вас там ожидают. Однако вы сами знаете, как из этой засады выбраться.

Это мы действительно знали. Когда у очередных ворот навстречу нам вышел стражник в кожаных зелено-коричневых доспехах и с обнаженным мечом, я показал пальцем на заднее сиденье автомобиля и спросил:

— Видишь?

Он сразу увидел. Да и нас он тоже узнал.

А потому поспешил открыть ворота и даже помахал нам на прощание рукой.

Мы миновали еще двое ворот, пока выбирались из узкой горловины меж скал. Сокол куда-то исчез. За счет прямого отрезка пути мы выиграли более километра высоты. Я притормозил и остановил машину на самом краю пропасти, совершенно отвесной и бездонной.

— Выходи, — велел я. — Теперь тебе придется прогуляться.

Джулиан побледнел.

— Я унижаться не стану, — сказал он. — Умолять вас подарить мне жизнь тоже. — И вышел из машины.

— Ах ты, черт побери! — воскликнул я. — Жаль, давненько я не слышал, как некоторые умеют скулить! Ну хорошо, иди и встань на самом краю. Немного ближе, пожалуйста. — Рэндом по-прежнему держал его на мушке. — Чуть раньше ты говорил, что стал бы союзником любого, кто оказался бы на месте Эрика.

— Это так.

— Посмотри вниз.

Джулиан посмотрел. Дна видно не было.

— Ну ладно, — сказал я. — Вспомнишь наш разговор, когда события примут иной ход. А еще вспомнишь, кто подарил тебе жизнь тогда, когда другой непременно отнял бы ее. Пошли, Рэндом. Пора ехать дальше.

Он так и остался стоять там, на самом краю пропасти, тяжело дыша и сдвинув брови в одну линию.

Когда мы уже добрались до вершины, бензин почти кончился. Я выключил двигатель и начал долгий спуск.

— А ведь ты ничуть не утратил былой хитрости, — сказал Рэндом. — Сам-то я скорее всего прикончил бы его. Однако ты, по-моему, верно поступил: он еще окажет нам поддержку — если, разумеется, мы сможем загнать Эрика в угол. Ну а пока он непременно тому же Эрику обо всем донесет.

— Непременно, — кивнул я.

— И тебе еще не раз захочется его прикончить — больше, чем кого бы то ни было.

Я улыбнулся:

— Личные чувства не должны вмешиваться ни в политику, ни в дела.

Рэндом раскурил две сигареты и одну протянул мне.

Посмотрев вниз сквозь клубы сигаретного дыма, я впервые увидел море. Под темно-голубыми, почти ночными небесами, под золотистым солнцем море играло дивным богатством цветов от ярко-синего до почти фиолетового — словно кусок волшебной ткани. Сладостная боль пронзила мне сердце от одного лишь взгляда на это море. И тут я заметил, что говорю вслух, причем на языке, совершенно мне неведомом. Я читал «Балладу о пересекающих морские просторы», а Рэндом внимательно слушал и, когда я умолк, спросил меня:

— Все говорили, что это ты сам сочинил. Правда?

— Ну, это было слишком давно. Я и сам уже не помню.

Мы по-прежнему скользили по узкой горной дороге куда-то влево, по направлению к лесистой долине, а море все шире и шире открывалось нашему взору.

— Вон маяк на острове Кабра, — сказал Рэндом, указывая на гигантскую серую башню, что вздымалась прямо из волн морских весьма далеко от берега. — Я уж почти его забыл...

— Я тоже, — откликнулся я. — Очень странно чувствуешь себя, когда возвращаешься назад. — И тут до меня окончательно дошло, что мы говорим уже не по-английски, а на языке, называемом тари.

Через полчаса мы спустились вниз. Я старался ехать вдоль берега с выключенным двигателем так долго, как только мог. Когда мотор снова заработал, целая стая темных птиц с шумом взвилась над кустами слева от нас. Какая-то серая, похожая на волка тварь вынырнула из зарослей и тут же снова скрылась; однако олень, которого эта тварь преследовала, успел ускакать прочь. Нас окружала сочная и буйная растительность, хотя и не настолько густая, как в Арденском лесу. Долина полого, но упорно спускалась к морю. Слева толпились, возвышаясь друг над другом, горы.

Чем дальше мы углублялись в заросли, тем лучше становился виден склон могучей горы, по которому мы только что спускались. Горы рядами подступали к самому морю: они как бы росли и становились все выше, а с плеч их свисала мантия, отороченная зеленым и переливающаяся розовато-лиловым, багряным, золотым и ярко-синим. Горы стояли лицом к морю, которого отсюда, из лесистой долины, не было видно, а над вершиной самой последней и самой высокой горы в небе летела легкая вуаль призрачных облаков, и солнце, временами выглядывая из-под этой вуали, окрашивало ее золотисто-огненным светом.

Я прикинул: езды до Амбера оставалось еще около часу, а бензин был на нуле. Я знал, что та, самая высокая вершина в вуали облаков и есть наша цель. Желание как можно скорее попасть туда охватило мою душу. Рэндом тоже не отрываясь смотрел на освещенную солнцем горную вершину.

— Янтарное королевство все еще там... — проговорил я.

— Я почти позабыл его, — откликнулся он.

Когда мы снова тронулись с места, я обратил внимание, что брюки мои приобрели необычный блеск. Я присмотрелся повнимательнее: брюки стали совсем узкими у щиколотки, а манжеты исчезли. Тогда я стал оглядывать себя с головы до ног.

Рубашка моя теперь больше походила на легкую куртку или блузу; она осталась черной, а по краям была отделана серебряным кантом. Ремень тоже значительно увеличился в ширине. Кроме того, я заметил, что серебряный шнур тянется и по внешнему шву моих черных штанов.

— Похоже, я уже и одет подобающим образом, — удивился я.

Рэндом хихикнул. Я заметил, что он тоже успел сменить наряд: на нем были коричневые с красным кантом штаны и оранжево-коричневая блуза. Коричневая шапочка с желтыми полями лежала с ним рядом на сиденье.

— Мне ужасно хотелось знать, когда же ты наконец это заметишь, — засмеялся он. — Ну и как ты себя чувствуешь?

— Вполне! — бодро ответил я. — Да, кстати, бензин у нас почти кончился.

— Ну, теперь уже слишком поздно и предпринять ничего нельзя, — сказал он. — Теперь мы уже в Подлинном Мире, и пытаться отсюда затевать игры с Те-

ми вряд ли стоит. К тому же это не осталось бы незамеченным. Боюсь, нам идется идти пешком, когда машина совсем встанет.

Она встала минут через пять. Я припарковал ее у обочины дороги. Солнце е клонилось к западу, тени стали очень длинными.

Я полез назад; мои башмаки, которые валялись там на полу, успели превра-ться в высокие черные сапоги, и, когда я стал их вытаскивать, что-то загреме-у меня под рукой.

Я вытащил из-под заднего сиденья также серебряный меч — короткий и не шком тяжелый — и ножны. Ножны в точности подходили отделкой к моему ремню. На сиденье лежал еще черный плащ с застежкой в виде серебряной ы.

— Может, ты думал, что утратил все это навсегда? — спросил Рэндом.

— Почти что так, черт меня побери! — потрясенно произнес я.

Мы выбрались из машины и пошли пешком. Холодный вечерний воздух был юен ароматами. На востоке уже заблестели первые звезды, а солнце мирно килось отдыхать где-то за краем неба.

Мы молча шагали по дороге, и вдруг Рэндом сказал:

— Что-то мне ото всего этого не по себе.

— От чего именно?

— Уж больно легко мы добрались почти до цели, — пояснил он. — Мне это ительно не нравится. Немыслимо: миновали Арденский лес практически без инки! Правда, там нас опекал братец Джулиан... Но я, право, не знаю... Мы быстро оказались здесь, что я почти уверен: нам специально позволили это лать.

— Мне тоже приходило такое в голову, — солгал я. — А зачем, как по-твоему?

— Боюсь, — ответил он, — что мы угодим прямо в ловушку.

Несколько минут мы шли молча, потом я сказал:

— Очередная засада? Вообще-то здесь подозрительно тихо.

— Ничего не понимаю.

Через полчаса закат догорел. Черное ночное небо было усыпано сверкающи-звездами.

— Не пристало таким, как мы, ходить пешком, — сказал Рэндом.

— Пожалуй.

— Однако на лошадях, по-моему, еще опасней.

— По-моему, тоже.

— А как ты вообще ко всему этому относишься? — спросил Рэндом.

— Пахнет смертью и дерьмом, — промолвил я. — Мне кажется, очень скоро нас нападут.

— А тебе не кажется, что нам лучше бы идти не по дороге?

— Вообще-то я об этом думал, — снова солгал я. — Прогулка по опушке бу-только полезна нашему здоровью.

Так мы и поступили.

Мы шли под деревьями, скользили мимо темных скал и огромных кустов. ад нами медленно поднималась, заливая все своим светом, луна — огром-, серебристая.

— Сейчас я почти уверен, что ничего у нас не выйдет, — сказал Рэндом.

— Голос сердца? — спросил я. — А ему доверять можно?

— Вполне.

— В чем же, собственно, дело?

— Мы забрались слишком далеко вглубь. И слишком быстро. Мне это совсем не нравится. Теперь, когда мы уже в Подлинном Мире, поворачивать назад поздно. Как и заигрывать с Тенями. Так что следует положиться лишь на собственные клинки. (У Рэндома был короткий блестящий меч из вороненой стали.) И я уверен, что именно по воле Эрика нас пропустили сюда. С этим, разумеется, уже ничего не поделаешь, однако по мне, так лучше бы нам пришлось сражаться за каждую пядь пути.

Минут через двадцать мы остановились покурить, прикрывая сигареты ладонями.

— Что за прелестная ночь! — сказал я, обращаясь не то к Рэндому, не то к легкому прохладному ветерку.

— По-моему... Что это?

Где-то совсем рядом, почти у нас за спиной, слышалось легкое похрустывание веток.

— Зверь, наверное.

Клинок сверкнул в руке у Рэндома.

Мы подождали еще несколько минут, но больше ничего не услышали. Брат сунул меч в ножны, и мы двинулись дальше.

За спиной у нас все было тихо, однако что-то весьма странное послышалось впереди.

Рэндом кивнул в ответ на мой вопросительный взгляд, и мы стали осторожно пробираться вперед. Потом заметили в зарослях какой-то свет — словно вдалеке горел костер.

Вокруг было тихо. Рэндом лишь изумленно пожал плечами, увидев, что я направляюсь прямо к этому костру, горевшему чуть правее глубоко в лесу.

Не прошло и часа, как мы вышли к лагерю. Возле горящего костра сидели четверо, а еще двое спали в сторонке, в тени деревьев. Неподалеку в землю был вбит кол; возле него сидела связанная девушка. На нас она не смотрела, но сердце мое часто забилось, когда я разглядел ее профиль.

— Неужели?.. — прошептал я.

— Да, — ответил Рэндом. — Очень похоже.

Тут девушка наконец повернула голову, и я понял, что так оно и есть.

— Дейрдре!

— Интересно, что эта чертовка затеяла? — сказал Рэндом. — Судя по цветам, эти парни на службе у Эрика. И, по-моему, они ведут ее обратно в Амбер.

Я тоже заметил, что форма у этих парней черно-красная с серебряным кантом; я помнил по той карточной колоде (и знал еще откуда-то), что таковы цвета Эрика.

— Ну, раз Эрик хочет заполучить ее, так он ее не получит, — сказал я.

— Мне-то Дейрдре никогда особенно не нравилась, — промолвил Рэндом, — но ты, я помню, ей симпатизировал, так что...

Он вытащил меч из ножен. Я сделал то же самое.

— Готов? Пошли! — И, сделав мощный прыжок, мы бросились на стражников.

На все нам понадобилось минуты две от силы.

Дейрдре смотрела на нас во все глаза. Отблески пламени и мечущиеся черные тени делали ее лицо похожим на жутковатую подмигивающую маску. Она и смеялась, и плакала. И громко называла нас по именам дрожащим голосом. Я сорвал с нее веревки и поднял с земли.

— Ну, здравствуй, сестра. Не присоединишься ли ты к нам? Мы идем в Амбер.

— Нет! — решительно заявила она. — Спасибо, что спасли мне жизнь, но хотелось бы и впредь ее сохранить. А что вам-то нужно в Амбере? И почему я о вас ничего не знаю?

— Видишь ли, на трон нашлись еще претенденты, — ответил Рэндом (для меня это была новость), — и мы входим в их число.

— Если у вас есть головы на плечах, держитесь-ка оттуда подальше — подольше проживете, — посоветовала Дейрдре.

Господи! До чего же она все-таки была хороша! Хотя выглядела измученной и грязной.

Я ласково обнял ее за плечи — мне очень этого хотелось. А Рэндом отыскал у костра бурдюк с вином, и мы выпили.

— Эрик теперь считается единственным законным наследником Амбера, — сказала Дейрдре. — Войска верны ему.

— Ну, Эрика-то я не боюсь, — ответил я, понимая, что вовсе в этом не уверен.

— Он никогда не пропустит вас в Амбер! — продолжала она. — Я сама была его узницей, но два дня назад обнаружила потайной путь и бежала. Я думала, что смогу переждать в Тенях, пока все не закончится. Но проникнуть в Тени нелегко в такой близости от Подлинного Мира. В итоге сегодня утром воины Эрика схватили меня и вели назад, в Амбер. Думаю, что там меня скорее всего убили бы... Впрочем, с уверенностью сказать не могу. Во всяком случае, Эрик постарался бы сделать меня своей марионеткой. Может быть, он просто безумен? Но опять-таки я не уверена...

— А о Блейзе что-нибудь известно? — спросил Рэндом.

— Он насылает на Амбер всяких тварей из Теней, чем страшно злит Эрика. Но сам ни разу напасть не осмелился. В общем, Эрик нервничает, а вопрос о том, кому править Амбером, так и не решен, однако на троне Эрик пока сидит прочно.

— Ясно. А о нас он когда-нибудь вспоминал? — поинтересовался Рэндом.

— О тебе, Рэндом, нет. А вот о Корвине — да. Он все еще боится его возвращения. Может быть, часа два ваш путь еще будет относительно спокойным, но дальше опасности ожидают вас на каждом шагу. Каждое дерево, каждый камень могут таить ловушку. Это он все для Блейза и Корвина приготовил. Эрик специально дал вам зайти поглубже — чтобы у вас не было возможности ни искать помощи в Тенях, ни уйти от его преследования. Никто из вас не сможет проникнуть в Амбер. Вы непременно попадете в лапы Эрика.

— Но все же тебе-то удалось бежать...

— Это другое дело. Я стремилась уйти из Амбера, а не попасть туда. Может, он потому и не слишком тщательно сторожил меня — как, безусловно, сторожил бы любого из вас, — что я, во-первых, женщина, а во-вторых, амбиции мои не

заходят слишком далеко. И тем не менее сами видите: далеко убежать мне все равно не удалось!

— Ну, сестричка, зато теперь ты свободна — во всяком случае, пока руки мои в силах поднять меч на твою защиту, — сказал я.

Она поцеловала меня в лоб и пожала мне руку. Приятно, когда тебя ценят.

— И все-таки за нами явно кто-то крадется, — произнес Рэндом.

Мы все трое немедленно уставились во тьму, пытаясь хоть что-то разглядеть, потом тихо легли в зарослях, не сводя глаз с той тропы, по которой пришли сюда.

Через некоторое время все же вновь послышался наш шепот — мы начали совещаться, и вопрос, который я поднял, был в высшей степени прост: что же нам делать дальше?

Вопрос этот казался, с одной стороны, слишком общим, а с другой — слишком важным, но решать требовалось не откладывая. Я понимал, что не могу полностью доверять им обоим, даже милой Дейрдре, но если уж выбирать изо всей семейки, то Рэндом, по крайней мере в данный момент, на моей стороне, это уж точно; зато Дейрдре всегда была моей любимицей...

— Обожаемые родственники, — сказал я, — мне нужно кое в чем вам признаться.

Рука Рэндома тут же легла на рукоять меча — вот оно, наше доверие друг к другу! Я отлично представлял, как в мозгу его стучит одна и та же мысль: «Корвин завел меня сюда, а теперь предаст».

— Если ты нарочно заманил меня сюда, — начал он, — то обратно живым...

— Не говори ерунды! — оборвал его я. — Ты мне нужен как помощник, а не покойник. Так что выслушай сперва: я не понимаю, что, черт побери, здесь происходит. Кое о чем я догадался, но как следует так и не смог разобраться. В чем же дело? Что сейчас творится в Амбере? Почему мы ползаем на брюхе в каких-то кустах, спасаясь от солдат Эрика? И кто же, в таком случае, я сам?

Последовало томительно долгое молчание, затем Рэндом прошептал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да, что? — повторила за ним Дейрдре.

— Я хочу сказать, — начал я, — что мне удалось обмануть тебя, Рэндом. Разве тебе не показалось странным, что в течение всего пути я только и делал, что крутил руль?

— Но ведь из нас двоих главный ты, — заявил он. — И потом, я думал, что ты строишь какие-то свои планы. К тому же ты чертовски умно поступил несколько раз — мне бы такое и в голову не пришло. Я, например, не сомневаюсь, что ты — именно Корвин.

— А сам я всего дня два назад об этом узнал. Я понимаю, что я именно тот, кого вы называете Корвином, но некоторое время тому назад со мной приключился несчастный случай. У меня был серьезно поврежден головной мозг — я покажу вам шрамы, когда будет посветлее, — и теперь я страдаю от потери памяти. Я, например, почти не понимаю ваших разговоров о Тенях. Я даже и Амберто едва помню. Более или менее помню только нашу семейку, а еще — что нельзя слишком доверять своим родственникам. Вот, собственно, и все, что я намеревался сообщить вам. Что будем делать теперь?

— О Господи! — пробормотал Рэндом. — Да, теперь-то я понимаю! Теперь мне понятны все те мелочи, что так озадачивали меня... Но как это тебе удалось обвести вокруг пальца Флору?

— Просто повезло, — сказал я. — Кроме того, помогла врожденная изворотливость. Да нет, даже и в этом нужды не было: она просто глупо себя вела. В любом случае вы мне теперь особенно нужны.

— Как ты думаешь, сможем мы вернуться обратно в Тени? — спросила Дейрдре у Рэндома: на меня она и не глядела.

— Конечно, — ответил Рэндом. — Только, по-моему, этого делать не стоит. Мне все-таки хотелось бы увидеть Корвина на троне Амбера, а голову Эрика — на шесте. По-моему, попробовать хотя бы еще разок стоит, хотя, честно говоря, надежды маловато; но пока что возвращаться в Тени я не собираюсь. А ты, разумеется, если хочешь, можешь туда вернуться. Вы всегда считали меня слабаком и треплом. Ну вот, теперь есть шанс убедиться, чего я на самом деле стою. А я намерен это продемонстрировать.

— Спасибо, брат, — сказал я.

— Смотри не обманись при лунном свете, — предупредила Дейрдре.

— Тебя ведь снова можно привязать к столбу, знаешь ли, — откликнулся Рэндом, и она промолчала.

Мы еще некоторое время лежали в полной тишине, и вскоре возле костра появились трое и принялись озираться по сторонам. Потом двое из них опустились на четвереньки и стали обнюхивать землю. Потом все дружно посмотрели в нашу сторону.

— Все ясно, — прошептал Рэндом, когда три серые тени двинулись по направлению к нам.

Я хорошо видел, что произошло потом, хотя преследователи были скрыты в густой тени. Они опустились на четвереньки, и лунный свет чудесным образом превратил их серые одежды в волчьи шкуры. Во тьме зажглись три пары звериных глаз.

Я проткнул первого оборотня своим серебряным клинком, и по лесу разнесся человеческий вопль. Рэндом одним ударом меча отрубил второму голову, и, к моему удивлению, Дейрдре подняла одного в воздух и сломала ему хребет о свое колено с отвратительным хлюпаньем.

— Скорей, где твой меч! — крикнул Рэндом; я поспешил проткнуть и его противника, и противника Дейрдре, и снова в воздухе раздались человеческие вопли.

— А теперь давайте-ка уносить отсюда ноги, — сказал Рэндом. — Сюда! — И мы бросились за ним.

— Куда мы идем? — спросила Дейрдре примерно через час весьма энергичной гонки по густому кустарнику.

— К морю, — ответил Рэндом.

— Зачем?

— Там хранится память Корвина.

— Где? Почему там?

— В Ребме, конечно.

— Да они же убьют тебя, а твоими мозгами накормят рыбок!

— Я не пойду до самого конца. Тебе самой придется беседовать с сестрой твоей сестры.

— Ты хочешь, чтобы он снова прошел по Огненному Пути?

— Да!

— Это очень опасно!

— Знаю... Послушай, Корвин, — обратился он ко мне. — Ты все это время вполне прилично вел себя по отношению ко мне. Но если все же каким-то образом ты окажешься не настоящим Корвином — можешь считать себя покойником. Впрочем, по-моему, все-таки это ты. Судя по твоему поведению, ты просто не можешь быть никем иным. И потом, все твои хитроумные фокусы, несмотря на утраченную память... Нет, я жизнью своей готов в этом поклясться. Так что воспользуйся единственной возможностью восстановить память — пройди магическим Путем. Ну что, попробуешь?

— Возможно, — сказал я. — А что это такое?

— Ребма — это город-призрак, — начал объяснять мне Рэндом. — Как бы отражение в морских глубинах настоящего Амбера. Все, что происходит в Янтарном королевстве, повторяется и отражается в Ребме, словно в зеркале. Там живут подданные Ллевеллы, и обитают они как бы в самом Амбере. Меня они, правда, кое за какие грешки ненавидят, так что я не смогу и пытаться пройти по Пути с тобой вместе, однако если ты сам должным образом поговоришь с ними и, может быть, намекнешь на конечную цель своего путешествия, то они, по-моему, позволят тебе пройти по Пути, что находится в Ребме; хоть он — и отражение Амберского, но должен оказать то же воздействие. То есть даровать сыновьям нашего общего отца способность свободно странствовать в Тенях.

— Но как эта способность может помочь мне?

— Она поможет тебе вспомнить собственное прошлое.

— Ладно, согласен, — сказал я.

— Молодец! В таком случае идем дальше, к югу. До Лестницы еще несколько дней пути... Ты пойдешь с нами, Дейрдре?

— Я пойду со своим братом Корвином.

Я знал, что она скажет именно так, и был этому рад. Сомнения терзали мою душу, но я был рад ее словам.

Мы шли всю ночь. Три раза пришлось обходить вооруженные засады; только утром мы подыскали какую-то пещеру и улеглись спать.

V

Мы шли еще целых два дня до самого вечера и наконец оказались среди розовато-черных прибрежных дюн. Итак, утром третьего дня мы вышли на берег моря, накануне вечером весьма удачно избежав очередного сражения с небольшим отрядом врагов. На открытое пространство выходить не слишком хотелось. Мы пока точно не определили, откуда начинается Файэлла-бионин, Лестница Ребмы, а там можно было бы быстро пересечь полосу пляжа и скрыться в волнах.

Утреннее солнце сверкало миллионами бликов в пенных гребнях волн. Глаза наши слепил этот бесконечный танец света, так что разглядеть с такого расстоя-

ния нечто, находящееся под поверхностью воды, было невозможно. Мы уже два дня не ели ничего, кроме диких ягод, и меня мучил чудовищный голод, но я забыл о нем, увидев знакомый, широкий и полосатый, словно шкура тигра, берег с поражающими воображение складками дюн кораллового, оранжевого и красного цветов, с кучками красивых ракушек и мелких отполированных морем камешков, с грудами плавника. Дальше лежало море, то вздымающееся, то мягко опадающее в своих удивительных берегах, все золотое и голубое до самого горизонта, где вечно веют песни ветров, словно сама природа благословляет эту красоту вод, раскинувшихся под фиалковыми небесами.

Та гора, что баюкала Амбер в своих материнских объятиях, сейчас виднелась примерно в сутках пути отсюда к северу. Солнце заливало золотом ее вершину и склон, яркая радуга повисла в дымке над самым Янтарным королевством. Гора называлась Колвир. Рэндом посмотрел на нее и, скрипнув зубами, отвернулся. Может быть, я тоже скрипнул зубами.

Дейрдре тронула меня за руку, кивком показав, куда нам нужно свернуть, и первой прошла параллельно полоске прибоя к северу. Мы с Рэндомом последовали за ней. Она явно знала какую-то отметку.

Минут через десять нам показалось, что земля у нас под ногами вроде бы чуточку вздрогнула.

— О черт! — прошипел Рэндом.

— Смотрите! — воскликнула Дейрдре, закинув голову и указывая в небеса.

Я посмотрел туда.

В вышине над нами кружил сокол.

— Далеко нам еще? — спросил я.

— Вон до тех камней, — сказала Дейрдре.

Груда камней высилась метрах в ста от нас и была похожа на стену или усеченную пирамиду, примерно в полтора человеческих роста высотой. Она была сложена из довольно крупных, величиной с человеческую голову серых булыжников, отполированных ветром и песком и разъеденных морской водой.

Стук копыт слышался все явственней, а вскоре зазвучал и знакомый охотничий рог.

— Бежим! — сказал Рэндом, и мы побежали.

Едва мы это сделали, как сокол стрелой ринулся прямо на Рэндома, но тот успел выхватить меч и быстро отогнал страшную птицу. Тогда сокол переключился на Дейрдре.

Выхватив из ножен меч, я сильно ударил злобную тварь наотмашь. Полетели перья. Сокол упал на песок, приподнялся, снова упал, и я вновь ударил его в полную силу. По-моему, сокол так и остался на песке, хотя и не уверен; впрочем, у меня все равно не было времени останавливаться. Теперь стук копыт раздавался совершенно отчетливо и рог звучал совсем близко.

Наконец мы добрались до серых камней, и Дейрдре, свернув под прямым углом, направилась прямо в море.

По всей вероятности, она знала, что делает. Так что я просто последовал за ней и тут же краешком глаза увидел всадников.

Они были еще довольно далеко, но неслись по пляжу, словно смерч; лаяли собаки, трубили горны. Мы с Рэндомом поспешили погрузиться в волны прибоя следом за нашей сестрой.

Нам было уже по пояс, когда Рэндом вдруг сказал:

— Меня ждет гибель, если я пойду дальше, но то же самое, если останусь здесь.

— Если останешься, то погибнешь неизбежно, — сказал я. — А во втором случае, по-моему, возможны переговоры. Пойдем!

И мы пошли. Мы ступили на какую-то скалистую гряду, плавно спускающуюся в море. Не знаю, как нам удавалось дышать под водой, однако Дейрдре, похоже, это совсем не заботило. Ну и я решил об этом не думать.

Но все равно думал.

Когда вода закружилась и заплескалась над нашими головами, мне стало здорово не по себе. Дейрдре шла вперед, постепенно спускаясь все ниже; я шел сразу за ней, а за мной — Рэндом.

Перед нами были как бы гигантские ступени не меньше метра шириной: лестница эта и называлась Файэлла-бионин; я ее узнал.

Вскоре голова моя окончательно скроется под водой, но ведь Дейрдре уже давно спустилась гораздо ниже меня...

Я набрал в легкие побольше воздуха и последовал за сестрой.

Дейрдре уверенно спускалась по широченным ступеням. Почему это, вопреки законам физики, тело мое не всплывает и я продолжаю шагать вниз, словно по самой обычной лестнице? Ну, может быть, чуть медленнее. А еще мне было весьма интересно, что произойдет, когда в легких у меня не останется воздуха.

Над головами Рэндома и Дейрдре всплывали пузырьки, и я решил понаблюдать, как они дышат, но никак не мог разглядеть толком. Грудь у обоих вроде бы равномерно поднималась и опускалась; похоже, они дышали нормально.

Когда мы уже спустились под воду метра на три, Рэндом искоса глянул на меня — он шел слева, — и я услышал его голос: я будто приложил ухо к днищу ванны, и слова были подобны глухим ударам по ее краю, однако слышно все было довольно ясно.

— Не думаю, что им удастся заставить собак лезть в воду, даже если лошади все-таки пойдут.

— Как тебе удается дышать? — с трудом проговорил я и услышал слабое эхо собственного голоса.

— Расслабься, — сказал Рэндом. — Если ты до сих пор умудряешься задерживать дыхание, то немедленно прекрати это, вздохни и дыши спокойно. На Лестнице можно дышать совершенно свободно. Но только на ней.

— Как это? — Я был потрясен.

— Узнаешь, если мы все-таки доберемся до конца, — ответил Рэндом. Голос его странно зазвенел в текучей и холодной зеленоватой воде.

Мы были уже на глубине более шести метров; наконец я решился и осторожно вдохнул.

Ничего неприятного не произошло, и я вздохнул поглубже. Над моей головой взвилось множество пузырьков, но больше я ничего особенного не почувствовал.

Возросшего давления тоже совершенно не ощущалось. Мы спустились еще метра на три; я, словно сквозь зеленоватый туман, видел Лестницу, ступени которой вели в глубину, вниз, вниз, вниз... Лестница была совершенно прямая. И вела туда, откуда к нам пробивался какой-то свет.

— Если успеем пройти в Ворота, мы спасены, — сказала моя сестра.

— Это вы спасены! — поправил ее Рэндом. Интересно, чем это он так насолил жителям Ребмы, чтобы заслужить их проклятие? — Если их лошади под водой впервые, то скоро им придется продолжать погоню пешком, — продолжал Рэндом. — Тогда, можно сказать, нам повезло.

— Ну, тогда они могут и вовсе не догнать нас, — сказала Дейрдре.

Мы прибавили ходу.

Здесь, на большой глубине, вода стала очень темной и очень холодной, а впереди все ярче разгорался свет; ступеней через десять я уже смог различить его источник.

Чуть правее меня вздымался какой-то столб, на вершине которого было нечто вроде светящегося шара. Потом, ступеней через пятнадцать, второй такой же столб появился слева. Дальше, похоже, виднелся еще один, снова справа, и так далее.

Уже у первого столба вода стала теплее, а Лестница видна значительно отчетливее: ступени ее были белыми, словно мрамор, с розоватыми и зеленоватыми прожилками, но совсем не скользкими, хотя постоянно находились под водой. Шириной Лестница была метров пять; с каждой стороны — широкие перила.

Мимо нас проплывали рыбы. За спиной не было заметно никакой погони...

Стало еще светлее. Оказалось, что на верхушке столба вовсе не шар, но я бы никак не смог логически объяснить то, что увидел: это просто не укладывалось у меня в голове. То было пламя, самое настоящее, высотой чуть больше полуметра; пламя плясало на верхушке столба, словно на конце огромного факела. Я решил попросить объяснений позже — пока было не до того, следовало беречь дыхание, потому что спускались мы теперь очень быстро. Впрочем, о каком дыхании могла идти речь?

Дальше вся Лестница была освещена; мы миновали уже шесть таких «факелов», когда Рэндом произнес:

— За нами погоня.

Я оглянулся и увидел позади неясные фигуры: четверо человек верхом.

Странно было под водой услышать собственный смех...

— Пусть себе, — сказал я и положил руку на рукоять меча. — Теперь мы уже достаточно далеко, я чувствую в себе силы!

Мы продолжали спуск; вода справа и слева стала черной, как чернила. Освещена была только Лестница, по которой мы уже просто бежали со всех ног; и в неясной дали я начал различать огромную арку.

Дейрдре летела вниз, прыгая через две ступени. Лестница гудела от стука лошадиных копыт: за нами гналась довольно большая группа вооруженных людей.

Они были еще довольно далеко, значительно выше нас, но первая четверка конных нас почти настигала. Мы со всех ног поспешили за Дейрдре. Рука моя твердо сжимала меч.

Три, четыре, пять... После пятого столба я снова оглянулся: всадники отставали всего шагов на двадцать, зато пешие воины были почти не видны. Арка Ворот мрачно высилась впереди, до нее было еще шагов семьдесят. Величественная, сверкающая, как алебастр. На ней были вырезаны тритоны, морские нимфы, русалки и дельфины. А по другую сторону Ворот нас, похоже, ждали люди.

— Вот, должно быть, удивляются, чего это мы сюда явились, — сказал Рэндом.

— Ну теперь-то мы уж непременно должны успеть, — откликнулся я, прибавляя шаг, потому что всадники выиграли еще метра три.

Я вытащил меч из ножен, и он засверкал в свете подводных огней. Рэндом незамедлительно последовал моему примеру.

Ступеней через двадцать Лестница стала дрожать так, что нам пришлось повернуться к преследователям лицом, чтобы не получить удара в спину.

Они почти нагнали нас. До Ворот оставалось шагов тридцать, но это не имело никакого значения, если мы не одолеем этих четверых всадников.

Я резко согнулся, когда первый из них взмахнул мечом. Рядом с ним был еще один всадник, справа и чуть позади, так что, естественно, я отшатнулся влево, к самым перилам. Из-за этого первому — меч он держал в правой руке — пришлось наносить удар наискось.

Я парировал в кварте* и сделал ответный выпад.

Он сильно наклонился вперед, нанося удар, и острие моего меча вонзилось в его шею.

Струя крови алым туманом, растворявшимся в зеленоватом свете, окутала его. Мелькнула совершенно безумная мысль: жаль, что здесь нет Ван Гога*, чтобы запечатлеть эти краски.

Лошадь раненого продолжала двигаться вперед, и я, обогнув ее, напал на второго преследователя из-за ее крупа. Он обернулся, парировал мой удар, причем весьма удачно. Однако конь его рванул, и мой следующий удар выбил всадника из седла.

Я пнул его ногой, а враг попытался достать меня мечом, но это усилие оказалось для него роковым: он сорвался с Лестницы. Я услышал, как страшно он вскрикнул, когда чудовищная толща воды сдавила его. И крик тут же смолк.

Рэндом к этому времени уже убил одного всадника и дрался со вторым, пешим преследователем. Когда я подоспел на помощь, он и этого уже прикончил и смеялся. Над ним клубами поднималась алая кровь, и вдруг я осознал, что действительно был знаком с печальным безумцем Винсентом Ван Гогом и мне действительно очень жаль, что он не может сейчас запечатлеть эту картину.

Пешие воины были от силы шагах в сорока от нас, так что мы повернулись и бросились к Воротам. Дейрдре уже находилась по ту сторону.

Мы успели. Когда мы влетели в Ворота, нас со всех сторон окружили люди с обнаженными клинками, и пешие преследователи тут же повернули назад. Мы вложили свои мечи в ножны, и Рэндом сказал:

— Ну, вот и все.

От тех, кто только что готов был защищать нас, Рэндом немедленно получил приказ сдать оружие. Он только плечами пожал и отдал свой меч. Потом двое встали справа и слева от него, а третий — еще и позади, и мы двинулись дальше, вниз по Лестнице.

В этом подводном мире я утратил всякое ощущение времени. По-моему, шагали мы еще минут пятнадцать или полчаса. Потом прошли в золотые Ворота Ребмы и оказались в городе.

Все здесь было словно покрыто зеленоватой дымкой. Дома, какие-то чересчур хрупкие и тянущиеся ввысь, стояли изящными группками, создавая столь дивные цветовые сочетания, что мозг мой снова заработал, мучительно пытаясь

вспомнить нечто очень знакомое. Но ничего вспомнить я так и не смог; лишь появилась знакомая головная боль, всегда сопровождавшая подобные усилия. Я, безусловно, когда-то уже ходил по этим улицам, сомнений нет; по крайней мере по улицам, очень похожим на эти.

Рэндом не сказал ни слова с тех пор, как был взят под стражу. Дейрдре спросила лишь о нашей сестре Ллевелле. И ей сообщили, что Ллевелла находится в Ребме.

Я стал рассматривать наших спутников. У них были зеленые волосы, впрочем, иногда попадались черноволосые или с пурпурными волосами, но глаза у всех были одинаково зеленые; только у одного я заметил зеленовато-карие, ореховые. Все были в штанах с высоким поясом и плащах на голое тело, завязанных крест-накрест на груди; талии перетянуты ремнями из раковин, с которых свисали короткие мечи. У всех гладкая, почти лишенная растительности кожа. Никто из подводных жителей так со мной и не заговорил, хотя некоторые рассматривали меня с явным любопытством, а иные одаривали свирепыми взглядами. Оружие мое мне оставили.

Войдя в город, мы стали подниматься по какой-то широкой улице, освещенной такими же фонарями, как Лестница. Только здесь расстояние между фонарными столбами было меньше, а из странных восьмиугольных окон с разноцветными стеклами в оловянных рамах выглядывали люди. Вокруг плавали ярко окрашенные, с белыми брюшками, рыбы. Когда мы повернули за угол, откуда-то вдруг налетело, подобно ветерку, холодное течение, но через несколько шагов нас снова объяли теплые воды.

Дворец находился в самом центре города, я узнал его сразу; точно так же моя рука сразу узнала знакомые очертания перчатки, что была сейчас заткнута за пояс. Это была точная копия нашего дворца в Амбере, только как бы окутанная зеленоватой дымкой и странно измененная зеркалами, помещенными в самых неожиданных местах и вделанными в стены как с наружной стороны, так и внутри. На троне в этом зеркальном зале, который мне тоже показался очень знакомым, сидела женщина; волосы у нее были зеленые, и в них посверкивали серебряные нити. Глаза женщины светились зеленоватым светом, словно круглые нефритовые луны, а размах бровей напоминал крылья оливковой чайки. Небольшой рот и подбородок, скулы высокие и довольно широкие, лицо овальное. На лбу серебряный венец, на шее сверкало хрустальное ожерелье, в центральном подвеске которого был крупный сапфир, сверкавший меж прелестных обнаженных грудей с бледно-зелеными сосками. Женщина была одета лишь в длинные штаны из синей материи, перетянутые в талии серебряным ремнем. В правой руке она держала коралловый скипетр, а на каждом пальце у нее было по перстню с голубым или синим камнем различных оттенков.

— Что надобно вам здесь, изгои Амбера? — спросила женщина без улыбки, шелестящим, тихим, каким-то струящимся голосом.

Ответила ей Дейрдре:

— Мы бежали от гнева принца, что правит в подлинном городе, — от Эрика! И, говоря по совести, очень надеемся на его свержение. Если же здесь мы встретили его сторонников, то, безусловно, пропали, ибо сами предались в руки врагов своих. Но, кажется, здесь его сторонников нет... Так что мы ищем помощи твоей, о нежнейшая Моэри.

— Я не дам вам воинов для нападения на Амбер, — ответила та. — Как тебе известно, хаос наверху непременно отразится на моих владениях.

— Но мы и не просим у тебя войска, дорогая Моэри! — воскликнула Дейрдре. — Нам нужно немногое, и это не потребует никаких усилий с твоей стороны и со стороны твоих подданных.

— Так говори же, что вам нужно! Ибо, как тебе известно, Эрик столь же неугоден нам, как и тот негодяй, что стоит сейчас по левую руку от тебя. — Плавным жестом она указала на Рэндома, который откровенно-нагло, оценивающе изучал ее; в уголках его губ затаилась легкая усмешка.

Если он обязан уплатить свой долг за совершенное ранее, то какова бы ни была цена, я уверен, что он уплатит ее, как подобает подлинному принцу Амбера! Как уплатили свой долг трое наших покойных братьев много веков назад, вспомнил я вдруг. И он будет все так же улыбаться, даже если рот его наполнится собственной кровью, а умирая, с трудом, но произнесет в адрес своих палачей такие проклятия, которые непременно со временем сбудутся. Я осознал вдруг, что тоже обладаю подобной силой; и я этой силой воспользуюсь, если того потребуют обстоятельства.

— То, о чем я прошу, жизненно необходимо моему брату Корвину, который является также братом и леди Ллевелле, что правит здесь с тобой вместе. Я твердо уверена, что вас он никогда и ничем не оскорбил...

— Верно. Но почему он сам не попросит за себя?

— В том-то все и дело. Он не может! Ибо не знает, что просить. Слишком многое в его памяти было уничтожено в результате злодеяния, совершенного над ним, когда он пребывал в Тенях. Так что мы сюда явились лишь для того, чтобы Корвин мог восстановить свою память, вспомнить прежние времена и то, что именно он способен противостоять Эрику в борьбе за трон Амбера.

— Продолжай, — молвила женщина на троне, глядя на меня сквозь ресницы, отбрасывающие на ее щеки густую тень.

— В одном из залов этого дворца, — сказала Дейрдре, — есть на полу узор — сложный светящийся лабиринт линий, то, что мы называем Огненным Путем. Лишь сыновья и дочери покойного короля Амбера могут пройти по магическому Пути живыми. Он дает человеку власть над Тенями...

В этот миг глаза Моэри как-то странно блеснули, и я подумал: интересно, скольких своих подданных она посылала по Огненному Пути, чтобы обрести полную власть над Ребмой? Разумеется, своей цели она так и не добилась.

— Если Корвин вновь пройдет по магическому Пути, то, как нам кажется, память вернется к нему. Он вспомнит, кем в действительности был: принцем Амбера. Он не может сейчас с той же целью направиться прямо в Амбер, как тебе, должно быть, известно. Лишь Ребма полностью повторяет Янтарное королевство, да еще Тир-на Ног'тх*, куда мы, разумеется, в настоящий момент пойти не можем вовсе.

Моэри внимательно посмотрела на мою сестру, затем перевела взгляд на Рэндома и снова уставилась прямо на меня.

— А сам-то Корвин хочет пройти испытание? — спросила она.

Я учтиво поклонился и громко сказал:

— Хочу, госпожа моя!

И тут Моэри улыбнулась:

— Прекрасно. Я даю вам свое разрешение. Но, к сожалению, не могу гарантировать вашу безопасность за пределами Ребмы.

— На это, ваше величество, — сказала Дейрдре, — мы и не рассчитывали. Мы сумеем позаботиться о себе, покинув Ребму.

— Но Рэндом останется здесь, — быстро добавила Моэри. — Безопасность ему мы, конечно же, гарантируем.

— Что ты имеешь в виду, о моя госпожа? — встревоженно спросила Дейрдре, ибо Рэндом, разумеется, сам за себя просить ни за что бы не стал.

— Ты, конечно, помнишь, — ответила Моэри, — что однажды принц Рэндом явился в мои владения как друг, но потом, словно вор, бежал отсюда с дочерью моей, Моргантой.

— Да, такие слухи до меня доносились, госпожа, однако я не уверена, что слухи были правдой...

— Правдой, к сожалению, — мрачно объявила Моэри. — Через месяц после своего бегства дочь моя возвратилась. И совершила самоубийство несколько месяцев спустя — после того, как родила сына Мартина. Что можешь ты сказать на это, принц Рэндом?

— Ничего, — ответил Рэндом.

— Когда Мартин вырос, — продолжала Моэри, — то он, будучи королевской крови, решил пройти по магическому Пути. И был единственным здесь, кому это удалось. Потом он ушел куда-то в Тени, я с тех пор его не видела. А на это что ты скажешь, лорд Рэндом?

— Ничего, — ответил Рэндом.

— Ну так знай! Ты понесешь наказание. Я сама выберу женщину, на которой ты женишься, и ты останешься в моем королевстве на целый год. Или распростишься с жизнью. Что скажешь, Рэндом?

Рэндом ничего не сказал, только коротко кивнул в знак согласия.

Моэри чуть пристукнула скипетром по подлокотнику своего бирюзового трона.

— Прекрасно, — объявила она. — Да будет так.

Так оно и было.

Затем нас отвели в предоставленные нам покои. Вскоре в дверях моей комнаты появилась Моэри.

— Приветствую тебя, о прекрасная Моэри, — сказал я учтиво.

— Лорд Корвин, принц Амбера, — задумчиво проговорила она. — Частенько думала я о том, как бы с тобой повстречаться.

— Мне тоже хотелось с тобой познакомиться, — солгал я.

— О твоих подвигах сложены легенды.

— Спасибо на добром слове, но сам я почти ничего о них не помню.

— Можно мне войти?

— О, конечно же! — Я отступил в сторону, пропуская ее.

Моэри вошла в мою великолепно убранную комнату и уселась на краешек оранжевой кушетки.

— Когда тебе будет угодно совершить испытание Огненным Путем?

— Как можно скорее, — сказал я.

Она немного подумала и спросила:

— В каких местах Теней ты уже побывал?

— Это очень далеко отсюда. Но я, пожалуй, успел даже полюбить эти края.

— Странно, что правитель Амбера обладает такой способностью...

— Какой?

— Что-то любить, — ответила она.

— Может быть, я выбрал неподходящее слово...

— Вряд ли, — промолвила Моэри, — ибо сочиненные принцем Корвином баллады издавна трогают самые потаенные струны наших сердец.

— Госпожа моя, ты слишком добра ко мне.

— Но ведь я права, — возразила она.

— Когда-нибудь я посвящу свою балладу тебе.

— Чем ты занимался там, в Тенях?

— Мне вспоминается, что я был профессиональным воином, госпожа. То есть воевал на стороне тех, кто мне платил. А кроме того, сочинял стихи и музыку; многие мои песни весьма полюбились тамошнему народу.

— И то и другое представляется мне вполне естественным.

— Умоляю, скажи, что будет с моим братом Рэндомом?

— Он женится на одной девушке, моей подданной. Ее имя Виола. Она слепа, и женихов среди моего народа у нее нет.

— Ты уверена, — спросил я, — что поступаешь хорошо по отношению к ней?

— Благодаря этому браку она займет высокое положение в нашем обществе, — ответила Моэри, — даже если муж ее покинет королевство Ребма через год и больше никогда не вернется. Как бы то ни было, он все-таки настоящий принц Амбера.

— Но что, если она по-настоящему полюбит его?

— А разве кто-нибудь еще способен на настоящую любовь?

— Ну, я вот, например, люблю Рэндома — как брата.

— Впервые слышу, чтобы принц Амбера произносил подобные слова! Думаю, что это говорит скорее твой поэтический темперамент.

— Ну и пусть! — воскликнул я. — Но нужно быть совершенно уверенными, что девушке это не повредит.

— Я хорошо все продумала, — сказала Моэри, — и совершенно уверена, что права. Она так или иначе оправится от любого горя, которое он может причинить ей, зато, даже после его ухода, будет одной из наиболее уважаемых придворных дам.

— Что ж, возможно, ты и права, — сказал я, чувствуя, как меня охватывает печаль. — Хотелось бы, чтобы все произошло именно так. Разумеется, я имею в виду девушку... — Потом, помолчав, я взял руку Моэри и поцеловал. — Надеюсь, ты поступаешь мудро.

— Лорд Корвин, ты единственный принц Амбера, которого я, возможно, все-таки поддержу в борьбе за трон, — внезапно сказала она. — Ну, может быть, еще Бенедикта. Он, правда, давно исчез; с тех пор прошло уже двенадцать лет, потом еще десять, и один Лер* знает, где покоятся теперь его кости... А жаль.

— Я ничего этого не знал. Проклятая память никак не восстановится! Пожалуйста, постарайся понять меня и как-то примириться с моей забывчивостью. Я все еще надеюсь увидеть Бенедикта, а он, может быть, уже давно мертв!.. Бенедикт был моим учителем, у него я постиг искусство владеть любым оружием. Он всегда был так добр ко мне!

— Ты тоже очень добр, Корвин, — молвила Моэри; потом взяла меня за руку и привлекла к себе.

— Нет, нет, я вовсе не так уж добр, — возразил я, усаживаясь на кушетку подле нее.

Тут она сказала:

— До обеда у нас времени еще довольно.

И прильнула ко мне нежным обнаженным плечом.

— А когда будет обед? — спросил я.

— Когда я объявлю об этом, — просто ответила она и повернулась ко мне; лицо ее оказалось совсем близко.

Я обнял ее и, расстегнув серебряную пряжку на поясе, стал нежно гладить прелестное тело, покрытое зеленоватым пушком.

Там, на кушетке, я и подарил ей обещанную балладу. Губы ее беззвучно вторили мне.

После обеда — я вполне успешно научился поглощать пищу под водой и могу более подробно рассказать об этом при случае — мы встали из-за стола, накрытого в высоком мраморном зале, довольно странно украшенном сетями и веревками с красными и коричневыми поплавками, и отправились куда-то по длинному узкому коридору, ведущему все вниз и вниз, казалось, ниже дна морского. Сначала все мы спускались по сверкающей винтовой лестнице, которая вилась в абсолютной, непроницаемой темноте. Однако примерно ступеней через двадцать брат мой заявил:

— Черт с ней, с лестницей этой!

Перебрался через перила и поплыл вниз рядом с ними, светящимися во мраке.

— Так действительно быстрее, — подтвердила его правоту Моэри.

— Тем более что спускаться еще долго, — вторила ей Дейрдре, которой известно было местонахождение Пути в Амбере.

И мы, перешагнув через перила, тоже поплыли вниз, сквозь тьму, рядом со светящимся гигантским винтом лестницы.

Потребовалось, наверное, минут десять, чтобы достигнуть дна; когда ноги наши коснулись его, то оказалось, что стоим мы вполне устойчиво, вода нас ничуть не сносит. Вокруг все было неярко освещено светильниками, горевшими в нишах стен.

— Почему здесь все иначе, чем всюду в Ребме? — спросил я.

— Потому! — отрезала Дейрдре и очень меня разозлила.

Мы находились как бы в гигантской каверне, и во все стороны от ее дна отходили туннели. Мы пошли по одному из них.

Мы шли очень долго. Наконец стали попадаться боковые ответвления, вход в которые часто был закрыт дверью или решеткой; некоторые, впрочем, были открыты.

У седьмого поворота в такой туннель мы остановились перед огромной серой дверью из чего-то похожего на сланец. Дверь, окованная металлом, была по крайней мере в два раза выше меня самого. Я кое-что припомнил о размерах тритонов, глядя на эту дверь. Тут Моэри улыбнулась — именно мне! — сняла с кольца, приделанного к ее серебряному ремню, огромный ключ и вставила его в замок.

Но повернуть его не смогла. Наверное, замком слишком давно не пользовались.

Рэндом что-то прорычал, сердитым движением отбросил ее руку и взялся за дело сам.

Крепко зажав ключ правой рукой, он повернул его.

Раздался щелчок.

Рэндом толкнул дверь ногой; та отворилась, и мы застыли на пороге огромного зала.

Там, на полу, был выложен странный узор: Путь. Пол был абсолютно черным и казался гладким, как стекло. И Путь в причудливом переплетении линий сверкал, словно холодное пламя, — собственно, это и было пламя. Оно дрожало, мерцало, и это волшебное свечение делало все в зале каким-то нереальным. Поразительный орнамент был создан силами света. Прямых линий в нем было крайне мало, только ближе к самой середине. Светящийся Путь напоминал мне чрезвычайно замысловатый рисунок фантастического лабиринта — словно в известной игре, когда требуется с помощью карандаша или еще чего-нибудь в этом роде «выбраться» наружу с другой стороны, например, или куда-то войти. Мне казалось, я уже вижу надпись: «Начинайте отсюда» — где-то у себя за спиной. Протяженность лабиринта, на мой взгляд, была не меньше метров ста, а может быть, и ста пятидесяти.

Из-за всего этого у меня в голове сначала зазвенело, потом возникла знакомая мерцающая боль. Мозг мой вздрогнул и съежился от ее ледяного прикосновения. Но если я действительно принц Амбера, то где-то внутри меня, в моей крови, в моих генах, должен быть «записан» этот Путь! Я непременно обязан правильно найти вход и выход из проклятого лабиринта.

— Ох, до чего же хочется курить! — пробормотал я. Женщины захихикали, как-то, надо признать, нервически, будто на пороге истерики.

Рэндом взял меня за руку и сказал:

— Это тяжкое испытание, но пройти Путь вовсе не так трудно, иначе мы не пришли бы сюда. Двигайся очень медленно и ни в коем случае не отвлекайся. Не пугайся, если порой над тобой снопом взовьются искры. Они не причинят тебе вреда. Все время будет казаться, будто сквозь тебя как бы пропускают слабый электрический ток, а вскоре ты почувствуешь, что силы твои явно возросли. Но главное — не отвлекайся, не забывай, что нужно все время идти дальше! Не останавливайся, что бы с тобой ни происходило, и ни в коем случае не сходи с Пути, иначе сам Путь тебя и убьет.

Рэндом говорил и говорил, подводя меня все ближе, ближе к той стене, что была справа, у дальнего конца лабиринта. Женщины следовали за нами.

Я прошептал Рэндому:

— Я пытался отговорить Моэри от ее планов. Ничего не вышло.

— Я знал, что ты непременно попытаешься, — улыбнулся он. — Не беспокойся! Во-первых, год я могу хоть на голове простоять, а во-вторых, они, возможно, отпустят меня даже и раньше — из-за моего отвратительного поведения. Уж я постараюсь им надоесть.

— Девушку, которую она наметила для тебя, зовут Виола. Она слепая.

— Ничего себе! — воскликнул Рэндом. — Ну дает Моэри!

— Помнишь, мы с тобой говорили о регентстве?

— Да.

— Тогда будь с этой девушкой подобрее и веди себя пристойно весь год; я отплачу достаточно щедро.

Ответа не последовало.

Потом Рэндом сжал мне руку.

— Твоя подружка, что ли? — хмыкнул он. — Ну и как она?

— Ты что, торгуешься? — удивился я.

— Ага, торгуюсь.

И тут оказалось, что мы стоим в том самом месте, где начинается Путь, — в противоположном углу зала.

Я подошел чуть ближе и увидел цепь спрятанных в глубине огней; Путь начинался почти в том месте, где стояла сейчас моя правая нога. Только свет лабиринта рассеивал непроницаемую тьму вокруг. Я знал, что за стеной зала ледяные глубины вод.

Я шагнул с левой ноги. Очертания моей стопы были повторены цепочкой голубовато-белых искр. Потом я шагнул правой ногой и сразу ощутил тот поток, о котором говорил Рэндом. Потом снова шагнул.

Раздался треск, я почувствовал, как волосы мои встают дыбом, но не остановился.

Тропа начала довольно резко изгибаться, как бы возвращаясь к исходной точке. Я сделал шагов десять, и мне показалось, что нечто невидимое противится моему дальнейшему продвижению вперед. Передо мной будто вдруг вырос барьер, сделанный из тьмы, из загадочного вещества. Барьер этот не давал мне сделать ни шагу.

Я боролся как мог. Я вдруг понял, что это Первая Завеса. В преодолении ее постигаешь Путь и становишься частью его. Все силы напряжены, из волос сыпались искры. Только бы сделать шаг.

Я сосредоточил все свое внимание на изгибе светящейся магической линии. Я двигался вдоль нее, тяжело дыша.

Вдруг сопротивление ослабело. Завеса исчезла так же внезапно, как появилась. Я преодолел ее, я чего-то добился!

Я отвоевал часть самого себя.

Я видел похожую на пергамент кожу мертвых узников Аушвица*, их конечности, похожие на палки. Я присутствовал на суде в Нюрнберге*, я помнил это. Я слышал голос Стивена Спендера*, читающего свою «Вену»; я видел мамашу Кураж* на сцене в ночь премьеры брехтовского спектакля; я видел, как ракеты выползают вверх из своих металлических гнезд: Пенемюнде, Ванденберг, мыс Кеннеди, Кызылкум в Казахстане... собственными руками я касался Великой Китайской стены. Мы пили пиво и вино, и Шакспур* сам сказал мне, что мертвецки пьян. Забравшись в зеленые леса Западной резервации, я за один день снял три скальпа. Я мурлыкал песенку, когда мы маршировали в колонне. Я вспомнил ее начало: «Aupres de la Blonde»*. Я вспоминал, вспоминал... свою жизнь в Тенях, которые сами их жители называют Землей. Еще три шага, и в руке у меня откуда-то появилась окровавленная шпага; я увидел троих мертвецов и собственную павшую лошадь — я бежал от Великой французской революции. И еще многое, очень, очень многое... Я возвращался назад.

Еще шаг.

Возврат...

...к мертвым. Они окружали меня со всех сторон. Чудовищный запах разлагающейся плоти висел в воздухе; я услышал истошный визг собаки, забитой ногами до смерти. Клубы черного дыма застилали небо, свистел ледяной ветер, несущий мелкий противный дождь. В горле пересохло; руки дрожали, голова была как в огне. Я, спотыкаясь, брел по пустынным улицам, перед глазами плыл туман: меня пожирала лихорадка. Сточные канавы были завалены мусором, дохлыми кошками, содержимым ночных горшков. Раздался звон колокольчика: мимо с грохотом проехал воз, доверху нагруженный трупами, и обдал меня грязью и ледяной водой.

Долго ли я так брел, не знаю. Потом какая-то девица схватила меня за руку, и я разглядел череп — точнее, кольцо с черепом у нее на пальце. Она отвела меня к себе, но обнаружилось, что у меня, во-первых, нет денег, а во-вторых, я в бреду. По размалеванному лицу женщины пробежала гримаса ужаса, на губах задрожала блуждающая улыбка, она выбежала из комнаты, а я упал на ее постель и потерял сознание.

Позже — и снова я не знал, сколько времени прошло, — какой-то здоровенный мужик, видимо, Черный Дэви, сутенер той самой девицы, явился и стал бить меня по лицу, рывком пытаясь поставить меня на ноги. Я вцепился в его правое плечо мертвой хваткой и буквально повис на нем. Этот тип уже почти вышвырнул меня за дверь, но когда до меня дошло, что я вот-вот снова окажусь на холодной улице, я еще теснее прижался к нему, как бы протестуя против такой несправедливости. Я сжимал его плечо изо всех оставшихся еще во мне сил, бормоча едва слышные и полубредовые мольбы.

Потом сквозь пот и слезы, заливавшие мне глаза, я вдруг ясно разглядел его лицо, услышал его пронзительный крик, увидел разявленный рот, полный гнилых зубов... Его правая рука в том месте, где я вцепился в нее, была сломана.

Он отшвырнул меня левой рукой и, подвывая, упал на колени. Я сел на пол, и на какое-то мгновение голова моя прояснилась.

— Я... я... останусь здесь, пока мне не станет лучше. Убирайся. Если придешь еще — убью.

— У тебя чума! — крикнул Черный Дэви. — За твоим трупом и так придут завтра!

Он сплюнул, поднялся на ноги и, спотыкаясь, вышел из комнаты.

Я кое-как добрался до двери и забаррикадировал ее. Потом вернулся к постели, свалился на нее и заснул.

Утром, когда они явятся за моим телом, их ждет разочарование: несколько часов спустя я проснулся в холодном поту и понял, что лихорадка меня отпустила. Кризис миновал. Я был еще очень слаб, но соображал вполне нормально.

Мне стало ясно, что чуму я победил.

В шкафу нашелся мужской плащ, а в ящике стола было немного денег. Все это я забрал.

Потом опять вышел в ночь. То была Ночь Чумы*, поразившей Лондон...

Я по-прежнему не мог вспомнить, кто я и что здесь делаю.

Вот так все и началось...

...Теперь я уже преодолел довольно значительный участок Пути. Огни у меня под ногами продолжали мигать, искры снопом взлетали при каждом шаге. Я пол-

ностью утратил чувство направления, неведомо где остались Рэндом, Дейрдре и Моэри. Меня все время било током, глаза норовили выскочить из орбит. Потом в лицо будто вонзились иголки, а по спине пробежал холодок. Я стиснул зубы, чтобы не стучали.

Итак, память я утратил вовсе не в результате автомобильной катастрофы. Уже во времена Елизаветы I* я не очень хорошо помнил свое прошлое. Флора, вероятно, решила, что после аварии память моя как раз восстановилась. Она же не могла не знать, в каком я до этого был состоянии. Мне неожиданно пришла в голову мысль, что Флора не случайно оказалась в Тенях: ее прислали туда, чтобы следить за мной.

Выходит, я потерял память еще в шестнадцатом веке?

Точно сказать, конечно, было трудно. Это еще предстояло выяснить.

Я быстро сделал еще шесть шагов вперед и достиг конца изгиба. За ним начинался совершенно прямой участок Пути.

Я ступил на него и сразу почувствовал сопротивление, которое нарастало с каждым моим шагом, — Вторая Завеса.

Потом был поворот направо, потом я еще раз свернул, и еще раз, и еще...

Я действительно был принцем Амбера. Это все-таки оказалось правдой. Нас в семье было пятнадцать братьев — шестеро из них уже умерли — и восемь сестер; две из них тоже ушли в мир иной, а может быть, и четыре. Мы проводили немало времени как в Тенях, так и в нашем собственном мире. В этой связи возникал хотя и чисто академический, но все же не лишенный философского смысла вопрос: мог ли тот, кто обладал такой властью над Тенями, создать собственный мир? И каким бы ни был окончательный ответ, судя по практическим результатам, мы такой способностью обладали.

Начался новый изгиб Пути. Я медленно продвигался вперед. Ноги будто приклеивались к полу.

Один шаг, два, три, четыре... Я по-прежнему с трудом отрывал свои осыпанные искрами сапоги от пылающего пола, но шел дальше.

В голове звенело; сердце, казалось, вот-вот разорвется.

Амбер!

Идти стало гораздо легче, лишь только я вспомнил Амбер.

Амбер был самым величественным городом, который когда-либо существовал или будет существовать. Амбер был всегда и пребудет вовеки; любой другой город в любой точке времени и пространства — лишь отражение, бледная тень одного из мгновений жизни Амбера. Амбер, Амбер, Амбер... Я помню тебя. И никогда не забуду. Видимо, где-то в самой глубине моей души всегда жила память о тебе; в течение долгих столетий, проведенных мной в Тенях, на Земле, сновидения мои были полны твоими золотисто-зелеными шпилями и круто поднимающимися ввысь террасами садов и полей. Я помню твои широкие площади, украшенные клумбами с красными и золотистыми цветами. Я помню, сколь сладостен твой воздух, помню твои бесчисленные храмы и дворцы, ту радость и наслаждение, что таил ты в себе и вечно будешь дарить людям. Амбер, бессмертный город, недосягаемая вершина для всего Подлинного Мира, я никогда не смогу забыть тебя, как не смогу забыть и тот счастливый миг, когда на Пути, ведущем из Ребмы, я наконец вспомнил тебя в сверкании стен и шпилей: когда после мучительного голода я наконец вкусил пищу и

после долгих дней воздержания познал любовь Моэри. Именно тогда я понял, что никто не может сравниться с моей любовью к тебе, ибо само воспоминание о твоей красоте уже было для меня наслаждением. И даже сейчас, когда я разглядываю Дворы Хаоса и рассказываю свою историю тому единственному, кто меня слышит, кто, может быть, впоследствии перескажет ее другим, чтобы она не исчезла бесследно, когда умру я, даже сейчас я люблю тебя, о мой город, править которым я был рожден...

Еще десять шагов, и вдруг передо мной возник водоворот огненных узоров. Я помедлил, изучая его... Холодные воды смывали с моего лица пот, едва он успевал появиться.

То был сложный, дьявольски сложный узор. Я все еще медлил, и мне вдруг показалось, что вода вокруг забурлила, возникли стремительные течения, вполне способные вынести меня из этого зала. Сознавая, что если покину Путь, не пройдя его до конца, то погибну, я не смел оторвать глаз от свечения, что мерцало впереди, и поэтому не представлял: сколько уже прошел, сколько еще осталось идти...

Водяные вихри утихли так же внезапно, как и возникли. Ко мне вдруг вернулись воспоминания — о тех временах, когда я был принцем Амбера... Нет, о них я ничего не расскажу, эти воспоминания принадлежат лишь мне одному, некоторые из них связаны со злом и жестокостью, а некоторые — с высоким благородством. Это воспоминания моего детства, которое протекло в огромном королевском дворце, где над башнями гордо реяло знамя Оберона, моего отца, — на зеленом поле белый единорог, вставший на дыбы и обращенный влево*.

Рэндом проходил по этому Пути. Даже Дейрдре смогла его пройти. И я, Корвин, непременно пройду Путь до конца, как бы это ни было трудно.

Я пробился наконец сквозь огненный узор и вышел к Главной Дуге. И те силы, что управляют Вселенной, сразу обрушились на меня, стараясь сломить мое сопротивление.

У меня все-таки было одно преимущество перед другими: я знал, что некогда прошел весь этот Путь, а значит, смогу пройти его еще раз. Это весьма помогало справляться со страхом, который порой черным облаком окутывал меня, потом исчезал и возникал вновь с удвоенной силой, пытаясь со мной расправиться. Я упорно продвигался по Пути, постепенно вспоминая все: те столетия, что я провел в Тенях, на Земле, и в других местах; многие из этих мест были мне дороги, особенно одно — его я любил больше всего на свете, если не считать Амбера.

Путь три раза круто изогнулся, затем последовал прямой участок, затем снова несколько крутых поворотов... И тут я с новой силой осознал то, чего, в сущности, никогда и не забывал: я обладал властью над Тенями.

Пришлось сделать еще с десяток крутых поворотов. Меня уже начало мутить. Затем последовал короткий изгиб, прямой участок и, наконец, Последняя Завеса.

Каждый шаг вызывал адскую боль. Силы, управляющие Вселенной, старались сбить меня с Пути. Воды вокруг то были холодны как лед, то вдруг превращались в кипяток. Мне казалось, что сильные течения бьют прямо в грудь.

Я боролся с этими силами каждым своим новым шагом, преодолевая их напор. Огненные искры из-под ног взлетали уже до пояса, потом стали достигать груди, плеч, замелькали перед глазами... И наконец окружили меня всего мерцающим облаком, так что я почти не видел Пути.

Еще один поворот и за ним — полный мрак.

Шаг, другой... Последний шаг было сделать так трудно, словно я пытался проломить телом бетонную стену.

Но я все же сделал этот шаг.

И тогда наконец смог обернуться и взглянуть на то, что только что преодолел. Сил совсем не осталось, но я не мог позволить себе рухнуть на колени. Я был подлинным принцем Амбера, и, клянусь, ничто не смогло бы заставить меня унизиться в присутствии равных мне! Даже Путь!

Я небрежно махнул рукой туда, где, как мне казалось, они должны были находиться. Видели они меня или нет, это уже неважно.

Какое-то время я стоял неподвижно и размышлял.

Теперь я понял, в чем заключается могущество Пути. Пройти по нему в обратном направлении было бы уже совсем не страшно.

Но зачем?

Мне бы очень пригодилась сейчас моя колода карт, но ее у меня не было. Впрочем, Путь мог сослужить ту же службу...

Они ждали меня — мои брат и сестра, и Моэри, чьи бедра белы как мрамор.

Дейдре могла теперь позаботиться о себе сама; в конце концов, жизнь мы ей спасли. Я не считал себя обязанным оставаться при ней, чтобы оберегать ее и защищать. Рэндом застрял в Ребме на год; впрочем, у него хватит пороху попытаться бежать оттуда по Огненному Пути. Ну а с Моэри я был рад познакомиться поближе; возможно, я еще навещу ее когда-нибудь, мне будет приятно вновь увидеть ее. Я закрыл глаза и опустил голову.

Но краем глаза все-таки успел заметить промелькнувшую рядом странную тень.

Рэндом? Решился сбежать с помощью Пути? Но ведь он в любом случае не знает, куда я направляюсь. Никто этого не знает.

Я открыл глаза. Я по-прежнему стоял в центре Пути, но только в зеркально отраженном.

Я ужасно замерз и устал, но находился теперь в Амбере — в точно таком же зале, как тот, который только что покинул. Только тот, первый, был лишь отражением этого, настоящего. Отсюда, из центра Пути, я мог по собственному желанию перенестись в любое место Янтарного королевства.

Однако вернуться назад было бы сложно.

Я стоял неподвижно и размышлял.

Если Эрик разместился в королевских покоях, искать его нужно именно там. Или, может быть, в тронном зале. Но тогда придется в одиночку бороться за свою прежнюю власть, вновь пройти Путь и отыскать ту точку, откуда открывается дорога к моему спасению.

Я перенесся в самое безопасное место, которое помнил во дворце. Это была крошечная комната без окон; свет проникал туда сквозь узкие смотровые щели, находившиеся высоко под потолком. Запер дверь на засов, вытер пыль с дере-

вянной скамьи у стены, расстелил на ней свой плащ и улегся, чтобы хоть немного поспать. Если кто-то вздумает сунуться сюда, я услышу его шаги задолго до того, как он подойдет к двери.

С этой мыслью я заснул.

Через некоторое время я проснулся. Встал, отряхнул пыль с плаща и надел его. Потом начал подниматься по вмурованным в стену деревянным ступеням лестницы, ведущей в верхние покои дворца.

Я знал, где была нужная мне дверь — третья по счету.

Оказавшись на небольшой площадке, я поискал смотровую щель. Потом заглянул внутрь. Никого. Библиотека была пуста. Я отодвинул настенную панель и вошел внутрь.

Как всегда, я замер, пораженный огромным количеством собранных здесь книг. Такие библиотеки всегда производили на меня неизгладимое впечатление. Я внимательно осмотрел все вокруг, включая витрины с разложенными в них диковинками, а потом подошел к хрустальной горке, где хранилось то, что и объединяло нашу большую семью, служило предметом наших вечных насмешек друг над другом. Там лежали четыре колоды наших семейных карт. Я намеревался вытащить одну, но так, чтобы не поднять тревоги, ненароком включив скрытую сигнализацию.

Мне понадобилось, пожалуй, минут десять, чтобы справиться с замком. Наконец я извлек одну колоду и, усевшись в кресло, стал думать, что делать дальше.

Карты были точно такие же, как у Флоры. На ощупь холодные. На них были изображены все члены семьи. Теперь я уже знал, зачем и почему.

Я перетасовал колоду и должным образом разложил карты на столе. Получившийся расклад сулил нашему семейству неприятности. Я сложил карты в колоду — все, кроме одной.

Той, на которой был изображен мой братец Блейз.

Остальные же карты я положил в футляр и сунул за пояс. Потом стал рассматривать физиономию Блейза.

И тут замок в огромной двери заскрипел. Что мне было делать? Я проверил, легко ли вынимается из ножен мой клинок, и стал ждать, на всякий случай спрятавшись за столом.

Осторожно выглянув оттуда, я увидел, что это слуга по имени Дик, который просто пришел делать уборку. Он начал вытряхивать пепельницы и корзины для мусора и вытирать пыль с полок.

Я решил не дожидаться, пока он на меня наткнется, и вышел из своего укрытия.

— Привет, Дик. Узнаешь меня?

Он обернулся, бледнея прямо на глазах, и хотел было броситься бежать, но взял себя в руки и ответил:

— Конечно, господин мой. Разве вас можно забыть?

— Ну почему же нет? Ведь столько времени прошло.

— Что вы, лорд Корвин, никогда!

— Я здесь, видишь ли, без официального разрешения занимаюсь не совсем законными изысканиями, — сказал я. — Так что, если Эрик выразит неудовольствие, когда ты сообщишь, что видел меня, будь добр, объясни ему, что я всего

лишь воспользовался своим правом бывать здесь и что вскоре он увидит меня лично.

— Я непременно передам, лорд Корвин, — сказал он, кланяясь.

— Присядь-ка на минутку, дружище Дик, я тебе еще кое-что расскажу.

Он сел, я тоже.

— Некогда, — начал я, — меня считали без вести пропавшим, даже погибшим. Но поскольку я все же оказался жив и обладаю не только прежними умом и способностями, но и правами, то, к сожалению, обязан оспорить претензии Эрика на трон Амбера. Конечно, сей вопрос решить будет нелегко, однако не он ведь старший сын в семье, и я уверен, он не получит достаточной поддержки, если обретет конкурента. Учитывая все это, а также в силу иных причин, по большей части личных, я намерен начать против него борьбу. Я еще не решил, как и где встречусь с ним, но, клянусь Господом, он заслуживает, чтобы ему как следует всыпали! Так и передай. Если Эрик желает меня видеть, скажи, что я по-прежнему в Тенях, только в ином месте, нежели прежде. Может быть, он догадается, где именно. Скажи, что погубить меня нелегко, я все время настороже; по крайней мере, я столь же осторожен, как он сам. А еще — я буду бороться с ним до самого конца, до тех пор, пока не погибнет один из нас. Ну, что скажешь на это, старина?

Он взял мою руку и поцеловал.

— Приветствую тебя, властелин Амбера!

В глазах его стояли слезы.

В это мгновение дверь со скрипом отворилась.

Вошел Эрик.

— Здравствуй, брат, — сказал я, вложив в голос всю свою неприязнь. — Право, не ожидал встретить тебя столь скоро, ведь сейчас еще только самое начало нашей игры. Ну, как дела в Амбере?

Его глаза от изумления чуть не вылезли из орбит, но голос был исполнен чувства, которое принято называть сарказмом. Иного слова я подобрать не мог.

— Дела в Амбере, Корвин, — ответил Эрик, — идут паршиво.

— Жаль, — сказал я. — И что мы с тобой можем сделать, чтобы исправить такое положение?

— Я знаю что, — произнес он и так глянул на Дика, что тот вихрем вылетел из библиотеки, плотно прикрыв за собой дверь. Только замок щелкнул.

Эрик положил руку на эфес своего меча.

— Ты хочешь отнять у меня трон.

— Да. И не только я один, — сказал я.

— Да, наверное, — вздохнул он. — Дурная голова ногам покоя не дает! Совершенно не понимаю, зачем он нам всем так понадобился, почему мы все так стремимся заполучить этот трон?.. Ты ведь помнишь, наверное, что я уже дважды одержал над тобой победу, однако милостиво сохранил тебе жизнь. Там, в Тенях, помнишь?

— О да, ты был чрезвычайно милостив, — сказал я. — Бросил меня подыхать от чумы! Ну а в первый раз, насколько я помню, результат больше смахивал на ничью.

— Что ж, теперь мы снова встретились лицом к лицу, Корвин, — сказал он. — Я старше тебя и умнее. Если ты намерен решать наш спор в бою, я вполне готов к

этому. В случае победы ты, вероятно, получишь и трон. Что ж, попробуй. Мне кажется, однако, что успеха ты не добьешься. И вообще, мне порядком надоели твои наглые притязания. Ну, давай! Клинок наголо! Посмотрим, чему ты научился в Тенях!

И мы встали друг напротив друга с мечами в руках.

Я обошел вокруг стола.

— Ну и хутспа* у тебя! Да, Эрик, нахальства тебе, как всегда, не занимать! — сказал я. — С чего это ты вдруг решил, что лучше всех остальных? И что трон принадлежит именно тебе?

— А с того, что именно я успел его захватить! — ответил он. — Попробуй отними!

И я попробовал.

Я нанес страшный рубящий удар, но он успешно парировал. Затем уже мне пришлось отбивать его ответный выпад. Эрик метил мне прямо в сердце. Парируя, я задел ему руку у кисти.

Он снова отбил мой удар и вдруг, зацепив ногой табуретку, швырнул ее между нами. Я подхватил ее и кинул обратно, метя ему в лицо, но промахнулся. Он снова пошел на меня.

Я отбил его атаку, он — мою. Я успел сделать выпад, и снова обороняться пришлось ему. Эрик парировал, бросился на меня, получил отпор и ретировался.

Тогда я попробовал навязать ему свою тактику. Я отступил на шаг, сделал обманный выпад, финт, резко повернулся и попытался в броске достать клинком его руку.

Атака удалась. Я его ранил. Полилась кровь.

— Черт бы тебя побрал, дорогой братец! — злобно рявкнул он, отступая. — Мне докладывали, что еще и Рэндом с тобой явился.

— Верно, — сказал я. — Я не единственный твой противник!

Он снова сделал выпад, на этот раз заставив меня отступить. Внезапно я понял, что, несмотря на все мои старания, Эрик все равно сильнее меня. Он был одним из лучших фехтовальщиков, с кем мне когда-либо доводилось встречаться. Я чувствовал, что не смогу его одолеть. Я парировал все его выпады, как безумный наступал и снова отступал под его напором, но он постоянно, шаг за шагом все-таки гнал меня. Мы оба имели за плечами опыт, полученный в течение многих веков от лучших мастеров клинка. Величайшим из наших учителей был Бенедикт, но здесь он давно не появлялся и не мог помочь ни одному из нас. Тогда я стал хватать все, что попадалось под руку, и швырять в Эрика. Он уклонялся и продолжал неумолимо наступать, могучий и непобедимый. Я же по-прежнему отступал, все время уклоняясь вправо, — так ему труднее было попасть в меня. Клинок постоянно приходилось держать перед лицом, на уровне глаз, и постоянно обороняться. Мной овладевал страх. Эрик был действительно великолепным бойцом. Если бы я не так его ненавидел, я бы им восхищался.

По мере того как я продолжал отступать, меня все больше сковывали страх и сознание того, что такой соперник мне не по силам. Я не мог его одолеть. Во всем, что касалось фехтования, Эрик был, безусловно, более опытным и умелым. Я выругался, но и это не помогло. Я попробовал провести еще три хитрые, прямо-таки изощренные атаки... Все они не удались. Он парировал любой выпад и упорно продолжал давить на меня, заставляя отступать.

Нужно сказать, что и сам я очень неплохой фехтовальщик. Дело лишь в том, что Эрик фехтовал значительно лучше.

Я услышал, что в зале за стеной поднялась суматоха. Видимо, подоспели приспешники Эрика. Так что если он сам не убьет меня в ближайшее время, то они это сделают определенно, скорее всего стрелой из арбалета.

Его правая рука сильно кровоточила. Эрик по-прежнему твердо держал меч, но мне вдруг показалось, что при иных обстоятельствах, даже ведя оборонительный бой, я мог бы просто измотать его, прежде всего потому, что он ранен и потерял много крови. Потом можно было бы попробовать пробиться сквозь его защиту, когда он начнет уставать...

Я выругался сквозь зубы, а Эрик рассмеялся.

— Ты глупо поступил, явившись сюда, — сказал он.

Я продолжал отступать, только теперь к двери. Когда Эрик понял, что я задумал, было уже поздно. Признаться, рискованный план: у двери не оставалось ни малейшего пространства для маневра или отступления. Но риск был все же лучше неотвратимой гибели.

Левой рукой я ухитрился быстро задвинуть засов на двери, сама ее створка была тяжелой и прочной. Прислужникам Эрика понадобится некоторое время, чтобы выбить ее и войти в библиотеку. Правда, за этот фокус я расплатился раной в плечо. К счастью, в левое.

Я улыбнулся. Хорошая мина желательна при любой игре.

— Может быть, это ты поступил глупо, явившись сюда? Ты уже понемногу теряешь темп, не так ли? — И я внезапно начал яростную атаку.

Он успешно парировал мои удары, но все-таки вынужден был отступить шага на два.

— Тебя убьет твоя же рана, — продолжал я. — Ты постепенно слабеешь. Рука уже не так хорошо держит меч...

— Заткнись! — рявкнул Эрик, и я понял, что его броня наконец дала трещину. Мои шансы явно увеличивались. Я усилил нажим, вложив в атаку последние силы; долго мне так не выдержать.

Но Эрик об этом не догадывался.

Я все-таки заронил в его душу семена страха, и теперь он непрерывно отступал под моим яростным напором.

В дверь уже вовсю стучали, однако пока об этом можно было не думать.

— Сегодня я одолею тебя, Эрик. Я уже не тот, каким был раньше, я стал сильнее. А ты к тому же ранен, братец.

Я видел, как в глазах Эрика мелькнул страх, как страх постепенно разлился по его лицу. Изменилась и его тактика: он ушел в глухую оборону, отступал при каждом моем выпаде. И он не притворялся, я был в этом уверен. Мой блеф явно попал в цель. На самом-то деле он всегда фехтовал более умело, чем я. А может быть, я просто внушил себе эту уверенность в его непобедимости? И Эрик всеми силами мою уверенность поддерживал? Что, если я все это время сам себя обманывал? Может быть, я вовсе не хуже его? Может быть. Я вдруг ощутил странный прилив сил. И повторил тот же финт, который в начале нашего поединка принес мне успех. И опять мне удалось его ранить; снова на руке его появилась кровь.

— Глупо с твоей стороны, Эрик, дважды попадаться на одну и ту же уловку, — улыбнулся я.

Он вновь отступил и загородился большим креслом. Некоторое время мы обменивались ударами над спинкой.

— Мои люди наверняка уже пошли за топорами, — сказал Эрик, задыхаясь. — Сейчас вышибут дверь.

Я продолжал улыбаться. Все еще улыбаясь, я произнес:

— Ну, несколько минут это все же займет. Более чем достаточно, чтобы покончить с тобой. Ты ведь едва паришуешь мои удары, а кровь твоя все вытекает! Посмотри-ка!

— Заткнись!

— К тому времени как они вышибут дверь, в Амбере останется только один принц. Но не ты, Эрик!

Тогда он схватил левой рукой несколько книг с ближайшей полки и швырнул в меня. Одна попала мне в лицо, остальные полетели на пол. Но он не воспользовался и этой возможностью, чтобы атаковать меня, а бросился через всю комнату к небольшому стулу, схватил его и зажал в левой руке как щит. Затем забился в угол, прикрываясь этим «щитом» и выставив перед собой клинок.

За стеной вновь послышался шум: в дверь ударили топорами.

— Ну давай, что же ты, — сказал он. — Попробуй теперь меня достать!

— А ведь ты боишься! — поддразнил я его.

Эрик рассмеялся:

— Теперь это уже неважно. Тебе меня не одолеть, а дверь сейчас выломают. И тогда ты покойник.

С этим трудно было не согласиться. Он мог теперь отбиваться от меня по крайней мере несколько минут.

Я быстро отбежал к противоположной стене, левой рукой отодвинул панель, скрывавшую потайной ход, по которому сюда пробрался.

— Ну ладно, — сказал я, — похоже, ты еще поживешь, хотя и недолго. Сегодня тебе повезло. Только когда мы встретимся в следующий раз, тебе уже никто не поможет.

В ответ он плюнул и начал ругаться. Как всегда, нес всякие гадости. Даже свой импровизированный «щит» отбросил, чтобы сопровождать ругательства неприличными жестами. Я нырнул в тайный лаз и задвинул за собой панель.

Рядом со мной вдруг что-то глухо грохнуло, и деревянную панель проткнул клинок — дюймов восемь блестящей стали. Эрик напоследок метнул в меня свой меч! Вообще-то он здорово рисковал — я ведь мог и вернуться! Но он понимал, что сейчас я не вернусь, ведь дверь уже почти вышибли.

Я быстро спустился по лестнице в комнатушку, где провел предыдущую ночь, и подумал, что мое умение владеть мечом значительно возросло. В начале поединка с Эриком я постоянно ощущал психологическое давление с его стороны, и благодаря этому он чуть не одержал надо мной победу. Теперь же я в его превосходстве сомневался! Вполне возможно, что столетия, проведенные в пространстве Теней, не прошли для меня даром. Может быть, во мне прибавилось бойцовских качеств, и я просто стал опытнее. Во всяком случае, я чувствовал, что сравнялся с Эриком в искусстве фехтования. Это вселило в меня уверенность. Если мы встретимся еще раз — а я был уверен, что это непременно произойдет, — и будем биться один на один, без помощников и «доброжелателей», я его, наверное, одолею. Во всяком случае, не премину воспользоваться такой возможнос-

тью. Сегодня наша встреча Эрика явно напугала. Это хорошо: пусть прежде подумает и не действует столь стремительно.

Спрыгнув с высоты в три человеческих роста, я мягко приземлился. Пока что я опережал погоню минут на пять. Этого вполне достаточно. Ведь теперь у меня были наши магические карты!

Существовало два способа быстро исчезнуть из Амбера и перенестись в Тени.

Первый из них — Путь, но им редко пользовались для столь ничтожной цели.

Второй — фамильные карты. Конечно, если можно довериться кому-то из собственных братьев...

Я выбрал Блейза. Ему я почти доверял — он ведь все-таки приходился мне родным братом; кроме того, он и сам был в беде, а я мог ему помочь.

На карте он был как живой: ярко-рыжие волосы, словно огненная корона; одет в красные и оранжевые шелка; меч в правой руке, кубок — в левой. В синих глазах пляшут черти. Борода тоже огненно-рыжая. На обнаженном клинке — до меня это внезапно дошло — отражаются блики Пути. Поблескивают кольца и перстни, украшающие его пальцы.

Контакт между нами возник внезапно, как порыв ледяного ветра. Изображение на карте вдруг укрупнилось и постепенно обрело размеры обычного человека; затем Блейз переменил позу и встал поудобнее. Его глаза, похоже, пытались разглядеть мое лицо получше. Он шевельнул губами:

— Кто вызывает меня?

— Корвин, — ответил я.

Он протянул мне левую руку, в которой уже не было кубка.

— Что ж, пожалуй ко мне, коли таково твое желание.

Я протянул руку, и наши пальцы встретились. Я сделал шаг вперед.

В левой руке я по-прежнему сжимал карту, но стоял теперь рядом с живым Блейзом на вершине скалы. С одной стороны зияло глубокое ущелье, с другой возвышался замок. Небо над головой было огненного цвета.

— Привет, Блейз, — сказал я, пряча карту в колоду. — Спасибо за помощь.

Внезапно голова у меня закружилась: я вспомнил, что рана на моем левом плече все еще кровоточит.

— Да ведь ты ранен! — воскликнул Блейз, обнимая меня за плечи.

Я хотел ответить, но потерял сознание.

Поздним вечером мы сидели в одном из залов его замка, пили виски, курили и неторопливо беседовали.

— Итак, ты действительно побывал в Амбере?

— Да.

— И ранил Эрика на поединке?

— Да.

— Черт возьми! Жаль, что не убил! — Потом он подумал и добавил: — Впрочем, может быть, и хорошо. Тогда бы ты непременно захватил трон. Вероятно, лучше иметь противником Эрика, а не тебя. С ним мне справиться будет легче. Что ты намерен делать теперь?

Я решил говорить с ним совершенно открыто:

— Мы все хотим одного: захватить трон. Поэтому нет смысла лгать друг другу. Я вовсе не собираюсь убивать тебя, чтобы расчистить себе дорогу. Это было бы

по меньшей мере глупо. Но, с другой стороны, я не намерен отказываться от своих притязаний только потому, что сейчас пользуюсь твоим гостеприимством. Рэндом — совсем другое дело, но у него сейчас и проблемы совсем другие. От Бенедикта уже давно никаких вестей. Джерард и Кейн поддерживают Эрика и вроде бы отступились от собственных прав и притязаний. То же самое можно сказать о Джулиане. Остаются Брэнд и сестры. Намерения Брэнда мне неизвестны, но я точно знаю, что Дейрдре практически бессильна — если, конечно, они с Ллевеллой не вздумают подготовить войско в Ребме. Что касается Флоры, то она клевретка Эрика. Вот о Фионе я ничего не знаю...

— Значит, пока что остаемся только ты да я, — сказал Блейз, вновь наполняя наши бокалы. — Да, ты прав. Я тоже не знаю, что замышляют наши родственнички, но вполне способен оценить возможности каждого из них. И я считаю, что пока что нахожусь в наилучшем положении. Ты сделал правильный выбор, когда вызвал меня. Если ты меня поддержишь, предлагаю тебе регентство.

— О Господи! — вздохнул я. — Ну ладно, посмотрим.

Мы выпили.

— Какой тактики будем придерживаться? — спросил Блейз.

Это был действительно важный вопрос.

— Можно снарядить армию и осадить Амбер, — предложил я.

— В какой Тени у тебя армия? — осведомился он.

— Ну, это уж мое дело, — сказал я. — Впрочем, не думаю, чтобы мы с тобой стали врагами. Если кто-то из нас все-таки должен занять трон, то я бы предпочел либо тебя, либо себя, а может быть, Джерарда или Бенедикта — если тот еще жив.

— Но больше всего, разумеется, сам хотел бы?

— Конечно.

— Что ж, мы вполне понимаем друг друга. А потому можем действовать вместе. Пока что.

— Мне тоже так кажется, — кивнул я. — Иначе я вряд ли явился бы сюда, чтобы оказаться в полной твоей власти.

Он улыбнулся в бороду:

— Тебе же все равно нужен союзник. А я все-таки — наименьшее зло из всей нашей семейки.

— Да, пожалуй, — согласился я.

— Очень бы мне хотелось, чтобы Бенедикт оказался здесь! И еще — чтобы Джерард все-таки не продался Эрику.

— Мало ли чего тебе хочется, — откликнулся я. — Надо еще и действовать. Сильное желание в сочетании с активностью дает порой неплохие результаты, знаешь ли.

— Красиво говоришь, — заметил Блейз.

Некоторое время мы молча курили.

— Насколько я могу тебе доверять? — спросил он.

— Настолько же, насколько я могу доверять тебе.

— Тогда давай заключим договор. Откровенно говоря, я считал тебя мертвым. И уж никак не ожидал, что ты появишься именно сейчас и тут же предъявишь свои права. Но ты тем не менее появился, и с этим приходится считаться. Давай

же объединим наши армии и осадим Амбер. Тот, кто сумеет выжить, получит высшую награду. Если выживем мы оба — что ж, всегда можно решить судьбу трона честным поединком!

Я колебался. Все это представлялось слишком заманчивым. В конце концов я ответил:

— Хорошо. Дай мне время до утра. И тогда получишь ответ, ладно?

— Согласен.

Мы допили виски и некоторое время сидели в раздумье. Плечо еще побаливало, но спиртное мне очень помогло. Как и целебная мазь, что дал Блейз. Хмель, правда, сделал нас излишне сентиментальными.

Странно это все-таки, думал я: иметь столько братьев и сестер и десятилетиями не видеться с ними, не знать даже, как и чем они живут! Мы предавались воспоминаниям, пока у обоих на стали слипаться глаза от усталости. Тогда Блейз хлопнул меня по здоровому плечу и сказал, что, наверное, все-таки пора спать и что утром слуга подаст мне завтрак прямо в постель. Я кивнул, мы обнялись на прощание, и он удалился к себе.

Я подошел к окну и выглянул наружу. Комната находилась на одном из верхних этажей, отсюда хорошо были видны окрестности.

Вокруг замка горели тысячи костров. Армия Блейза расположилась лагерем под крепостными стенами. Да, Блейз явно собрал внушительные силы. Я почувствовал легкий укол зависти. Но, с другой стороны, это же здорово! Если кто-то и мог одолеть Эрика, то, по всей вероятности, именно Блейз. Он мог стать неплохим правителем Амбера. Но я все же предпочел бы сам занять королевский трон.

Я продолжал наблюдать. Между кострами двигались весьма странные фигуры. Интересно, из кого же состоит войско Блейза?

Впрочем, это не важно; главное, что оно гораздо больше того, чем располагаю я сам.

Я вернулся к столу и налил себе еще виски. Но прежде чем выпить, зажег свечу и вытащил из-за пояса украденную колоду карт, разложил их на столе и выбрал ту, на которой был изображен Эрик. Эту карту положил перед собой, а остальные убрал.

Через некоторое время изображение ожило. Эрик был уже в ночной рубахе. Рука забинтована. Я услышал, как он спросил: «Кто это?»

— Это я, Корвин. Как ты себя чувствуешь?

Он выругался. А я рассмеялся. Это была очень опасная игра. Наверное, причиной моей наглости был хмель.

— Мне просто захотелось сообщить тебе, что у меня все в порядке, — продолжал я. — А еще — дать тебе один совет. Насчет дурной головы. Ты был прав. Но боюсь, тебе недолго осталось носить ее на плечах. Так что берегись, братец! День, когда мы вновь встретимся с тобой в Амбере, будет твоим последним. Мне захотелось тебе об этом напомнить: ведь день этот недалек!

— Что ж, приходи, — ответил Эрик. — Но за твою жизнь тогда я не дам и ломаного гроша.

По его глазам я понял, что он наконец увидел меня; между нами тут же возник контакт.

Я показал ему нос и быстро накрыл карту ладонью.

Это было все равно что повесить телефонную трубку. Я сунул карту в колоду.

Засыпая, я все думал об армии Блейза, что расположилась лагерем вокруг замка; а еще — об обороне Эрика.

Да, оборона у него мощная, разрушить ее будет нелегко!

VI

Страна, где я оказался, называлась Аверн*, а солдаты Блейза были все-таки не совсем людьми. На следующее утро я рассмотрел их как следует, обходя лагерь вместе с Блейзом. Выше двух метров ростом, краснокожие и почти безволосые, с совершенно кошачьими глазами. На руках и ногах у них было по шесть пальцев, украшенных мощными когтями. Уши с острыми кончиками стояли торчком. Одежда на них, преимущественно синего или серого цвета, выглядела шелковистой, но это был не шелк. Каждый воин был вооружен двумя короткими клинками с крюком у острия.

Климат здесь был теплый, растительность — необыкновенно яркая, а нас считали богами.

Блейз подыскал мир, где религиозные представления были связаны с почитанием богов-братьев, судя по всему, весьма похожих на нас. Между этими божествами шло вечное противоборство. Один из них — воплощение сил зла — сумел захватить власть и всячески преследовал остальных братьев, олицетворяющих силы добра. Конечно, было в этом культе и понятие о конце света, когда уцелевшие братья должны будут участвовать в последней битве за победу добра.

С левой рукой на перевязи я обходил ряды солдат, представителей этого народа, которым вскоре суждено было погибнуть за нас. Остановившись возле одного из них, я спросил:

— Ты знаешь, кто такой Эрик?

— Повелитель зла.

Я кивнул и сказал:

— Верно. Молодец.

И двинулся дальше.

Да, пушечное мясо, собранное Блейзом, было действительно отличного качества!

— Большая у тебя армия? — спросил я.

— Около пятидесяти тысяч.

— Поздравляю. И приветствую тех, кто готов отдать за тебя жизнь, — сказал я. — Но с пятьюдесятью тысячами Амбер тебе не взять, даже если ты сумеешь прорваться к самому подножию Колвира, сохранив почти все войско, что практически невозможно. Глупо рассчитывать на силы этих бедолаг в битве против бессмертного города. Разве их игрушечные сабли на что-нибудь годятся?

— Да, конечно, — ответил Блейз. — Но у меня есть и еще кое-что.

— Во всяком случае, людей тебе понадобится гораздо больше.

— А что ты скажешь насчет трех флотилий, каждая из которых равна по силе флотам Джерарда и Кейна вместе взятым?

— Все равно этого недостаточно, — произнес я. — Разве что для начала...

— Да, но я продолжаю строить корабли и вербовать людей! — воскликнул он.

— Что ж, строй, да побольше. Эрик, не выходя за пределы Амбера, способен уничтожить нас всех уже во время нашего похода через Тени. Когда же уцелевшие отряды подойдут к Колвиру, он просто наголову разгромит и вырежет их. А ведь чтобы достичь Амбера, надо еще подняться на вершину! Сколько воинов останется у тебя, когда ты подойдешь к городским воротам? Да Эрику и пяти минут хватит, чтобы их уничтожить. Так что если это все, что у тебя есть, братец, то я весьма сомневаюсь в успехе нашего похода.

— Эрик объявил, что его коронация состоится через месяц, — сказал Блейз. — К тому времени у меня будет по крайней мере втрое больше сил. Может быть, мне удастся собрать в Тенях тысяч двести пятьдесят. Там еще много стран, подобных этой, и я свободно могу проникать в любую из них. Я соберу поистине бесчисленную армию новых крестоносцев. Никто еще не выступал против Амбера со столь мощными силами.

— Но у Эрика тоже пока что есть время, и он будет усиливать оборону. Не знаю, Блейз... Это похоже на самоубийство. Встретившись с тобой, я не сразу понял сложившееся положение.

— Что же ты сам не привел с собой войско? Ведь ты-то явился один! По слухам, ты некогда командовал целыми армиями. Где же они теперь?

Я отвернулся.

— Их больше нет.

— Ты что же, не можешь отыскать собственную тень в пространстве Теней?

— Не хочу даже и пробовать, — ответил я. — Прости.

— Тогда какой мне от тебя прок?

— Хорошо, я уйду, если ты именно этого хочешь. И если я нужен тебе только для того, чтобы у границ Амбера валялось побольше трупов.

— Погоди! — вскричал Блейз. — Я погорячился. Нет, не уходи, пожалуйста! Мне очень нужны твои советы. И не только. Останься, прошу тебя. Я даже готов перед тобой извиниться!

— В этом нет необходимости, — сказал я, понимая, чего стоят такие слова для принца Амбера. — Ладно, я остаюсь. Мне кажется, я все-таки смогу помочь тебе.

— Прекрасно! — воскликнул Блейз и хлопнул меня по здоровому плечу.

— Ну а насчет армии можешь не беспокоиться: я приведу тебе еще воинов.

Это свое обещание я выполнил.

Я побывал во многих странах пространства Теней и подыскал племя вполне похожих на людей существ — с покрытыми густой шерстью телами, темнокожих, клыкастых и снабженных весьма мощными когтями. Что касается их умственных способностей, то они напоминали учеников младших классов, знающих еще очень мало, но чрезвычайно любознательных. Они были честны и искренне преданны мне. Их легко оказалось обмануть столь изощренным мерзавцам, как мы с Блейзом. Я себя чувствовал, как диск-жокей за пультом: знай себе нажимай на нужные кнопки!

Я привел около ста тысяч воинов, которые молились на меня и почитали за бога; все они готовы были с оружием в руках идти туда, куда мы их поведем, хоть к черту в пасть.

На Блейза это произвело должное впечатление. Он прямо-таки сиял. Через неделю моя рана окончательно зажила. А через два месяца наша армия составляла более двухсот пятидесяти тысяч.

— Корвин, Корвин! Ты все тот же! — заявил мне Блейз, и мы на радостях выпили за дальнейший успех.

Но меня одолевали странные чувства. Большинству этих солдат суждено погибнуть. И ответственность за это лежит на мне, хотя я ни на минуту не забывал о разнице между Тенями и Подлинным Миром. И все-таки каждая смерть будет настоящей смертью живого существа! Об этом я тоже не мог забыть.

Вечерами я часто доставал свои карты. Эта колода была полной. Одна из карт изображала Амбер; с ее помощью я мог в одно мгновение оказаться в Вечном Городе. На других были портреты моих погибших или пропавших без вести родственников. Был там и мой отец, давно нас покинувший. Я быстро убрал эту карту.

Я подолгу изучал каждое лицо, пытаясь понять, что для меня значат эти люди. Несколько раз я раскладывал карты, и всякий раз выходило одно и то же: Кейн.

Карта с его изображением всегда оказывалась сверху.

Он был одет в черный с зеленоватым отливом атлас; зеленый плюмаж треуголки спускался на спину. На поясе висел украшенный изумрудами кинжал. Лицо, как всегда, смуглое.

— Кейн, — позвал я.

Через некоторое время он откликнулся:

— Кто зовет меня?

— Корвин.

— Корвин? Шутишь, что ли?

— Нет.

— Что тебе от меня нужно?

— А что у тебя есть?

— Ты и сам знаешь. — Теперь он глядел куда-то вдаль. Но я видел, как его рука передвинулась поближе к рукояти кинжала. — Ты где сейчас, Корвин?

— У Блейза.

— Прошел слух, что тебя недавно видели в Амбере. А потом у Эрика оказалась забинтованной рука...

— Да, ты правильно понял почему, — подтвердил я. — Так какую цену ты просишь?

— О какой цене речь?

— Давай будем откровенны. И вообще — ближе к делу. Как ты думаешь, сможем мы с Блейзом одолеть Эрика?

— Нет. Именно поэтому я на его стороне. И не намерен никому продавать свою армаду, если тебя интересует именно она. А ведь именно она тебя интересует, так?

Я улыбнулся в ответ:

— Ты попал в точку. Ну что ж, приятно было побеседовать. Увидимся в Амбере, и, возможно, скоро.

Я хотел было закрыть карту ладонью, но он крикнул:

— Подожди!

— Ты что-то еще хочешь мне сказать?

— Я ведь так и не услышал, что ты можешь мне предложить.

— Да ты же сам догадался! — сказал я. — И это тебе не подходит.

— Этого я не говорил! Просто я стараюсь судить беспристрастно...

— Вернее, стараешься быть на стороне того, кому в данный момент принадлежит власть.

— Хорошо, пусть так. Так что ты можешь мне предложить?

Мы говорили с ним еще, наверное, целый час, и в результате северные проливы оказались открыты для наших флотов; теперь мы могли получить подкрепление по морю.

— Если вы проиграете, всем нам троим не сносить головы, — сказал Кейн.

— Но ты ведь, наверное, не рассчитываешь на подобный конец, не так ли?

— Нет. Я надеюсь, что весьма скоро ты или Блейз займете трон. И я буду счастлив служить победителю. Регентство меня вполне устроит. Конечно, хотелось бы еще получить голову Рэндома в счет оплаты...

— Не пойдет, — решительно ответил я. — Или ты соглашаешься на предложенные условия, или можешь считать, что мы с тобой говорили зря.

— Хорошо, я согласен.

Я улыбнулся и закрыл карту рукой. Кейн исчез. Джерарда я решил оставить на завтра — слишком много сил ушло на обработку Кейна.

А потому я забрался в постель и заснул.

Когда Джерард уяснил расстановку сил, он, по крайней мере, согласился не мешать нам. Согласился только благодаря моей личной просьбе, ибо раньше считал Эрика наименьшим злом из всех возможных.

С ним я договорился быстро, пообещав все, чего он требовал, поскольку ни о чьей голове речи не шло.

Затем я еще раз осмотрел свое войско и рассказал воинам кое-что об Амбере. Особенно меня удивило, как быстро они нашли общий язык — и краснокожие великаны Блейза, и мои маленькие мохнатые солдаты.

Как ни грустно, но такова была действительность: они считали нас богами, и нам приходилось этому соответствовать.

Потом я долго любовался флотом. Боевые корабли шли по волнам цвета крови. Я подумал, что в Тенях, через которые им предстояло плыть, многие из них непременно погибнут.

Внимательно осмотрев солдат из страны Аверн и тех чернокожих и волосатых, страна которых называлась Ри'ик, я задумался: им все-таки предстояло идти в Подлинный Мир, к Амберу.

Я вновь извлек свою колоду и разложил карты. Потом выбрал ту, на которой был изображен Бенедикт. Я очень долго старался вызвать его, но ответа так и не получил. Карта оставалась холодной. Тогда я вытащил другую, на которой был Брэнд. И опять очень долго я не получал ответа, а потом вдруг раздался ужасный, исполненный страдания крик:

— Помогите!

— Как? Чем я могу тебе помочь?

— Кто это? — спросил он, и я увидел, что он буквально корчится от боли.

— Корвин.

— Забери меня отсюда, брат мой Корвин! Я отдам все, что ты захочешь, только поскорее забери меня отсюда!

— Но где ты?

— Я...

Потом все смешалось, и моим глазам представилось такое, что невозможно было постигнуть умом: снова послышались крики, кто-то явно бился в агонии, затем наступило молчание.

И карта стала холодной.

Я вдруг почувствовал, что меня всего трясет. Непонятно отчего.

Я закурил и подошел к окну. Снаружи была ночь. Карты остались лежать на столе.

Звезды казались совсем крошечными и слабо сверкали сквозь туман. Я не узнавал ни одного созвездия. Маленькая голубая луна быстро двигалась по мрачному небу. Ночь, наступив как-то внезапно, принесла с собой ледяной холод, пришлось поплотнее закутаться в плащ. И тут мне вспомнилась зима нашей русской военной кампании*, закончившейся полным поражением. Господи! Я тогда чуть не замерз насмерть! Куда же я тогда-то стремился?

Разумеется, к трону Амбера.

Только в этом можно было найти достаточно оправданий для любых своих деяний.

Но что же все-таки случилось с Брэндом? Где он? Кто подвергает его таким мучениям?

Ответов на эти вопросы я не знал.

Я следил за плывущей по небу луной и размышлял. Может быть, я не совсем владею ситуацией и упускаю из внимания какой-нибудь важный фактор?

И на этот вопрос ответа у меня тоже не было.

Я снова уселся за стол и налил себе вина. Затем перетасовал колоду и нашел карту с изображением отца.

Оберон, повелитель Амбера, возник предо мной, одетый в зеленое с золотом. Высокий, широкоплечий, мощный. Борода и волосы — черные с проседью. Золотые перстни с зелеными камнями, золотистое лезвие меча... Когда-то мне казалось, что никакая сила не может заставить бессмертного короля Оберона, властелина Янтарного королевства, покинуть свой трон. Что же все-таки с ним произошло? Я по-прежнему этого не понимал. Знал только, что его с нами больше нет. Как же встретил свою смерть мой отец?

Я уставился на карту, сконцентрировав все свое внимание.

Ничего... Ничего... И вдруг. Что это?

В ответ на мой призыв изображение как будто слегка шевельнулось, едва заметно, почти неощутимо... Но я почувствовал, что он жив!

— Где ты? Что с тобой случилось?

— Я... — Длинная пауза.

— Да, да, говори! Это Корвин, твой сын! Что произошло в Амбере, почему тебя там больше нет?

— Я... — Снова длительное молчание. — Кончилось мое время. — Голос его звучал будто издалека.

— Ты хочешь сказать, что отрекся от престола? Никто из братьев ничего мне об этом не говорил, да я им не до конца и доверяю, потому особенно и не спрашивал. Эрик захватил трон, Джулиан охраняет Арденский лес, Кейн и Джерард — побережье. Блейз готовится выступить против них вместе со мной. Мы пока союзники. Что ты на это скажешь?

— Ты единственный, кто меня спрашивает, — произнес он, странно задыхаясь. — Да...

— Что «да»?

— Да, идите на них войной.

— А ты? Не могу ли я как-то помочь тебе?

— Я... Мне уже не поможешь. Постарайтесь захватить трон.

— Кто? Блейз или я?

— Ты! — сказал он.

— Я?

— Ты! Благословляю тебя на это! Отними у Эрика трон, и поскорее!

— Но почему все-таки именно я, отец?

— Мне не хватает воздуха... Ты должен отнять у него трон!

И он исчез.

Значит, отец все это время был жив! Интересно! Что же мне теперь предпринять?

Я отпил вина и снова погрузился в раздумья.

Оберон жив и скитается где-то — он, король Амбера! Но почему ему пришлось бежать? И куда? Кто был его врагом? Или врагами? Как все это произошло? Кто знает подробности? Я, во всяком случае, не знаю ничего!.. Ладно, не стоит ломать голову. Пока.

Однако...

Я никак не мог расставить события по местам. По правде говоря, мы с отцом далеко не всегда находили общий язык. Я отнюдь не испытывал к нему ненависти, как, например, Рэндом, но у меня, черт возьми, не было и особых причин горячо любить его. Он действительно был великим человеком и могущественным королем. А кроме того, моим отцом и повелителем. Этого более чем достаточно. А еще — он был как бы живым воплощением истории Амбера, которая — настолько, насколько она нам ведома, — простирается в немыслимую глубь веков...

Так что же мне делать?

Я решительно допил вино и отправился спать.

На следующее утро состоялось совещание военачальников Блейза. Присутствовали все четыре адмирала его флота, а также огромное количество офицеров сухопутных войск. В целом — не менее тридцати человек; одни огромные и краснокожие, другие чернокожие и волосатые.

Совещание продолжалось часа четыре, потом состоялся обед. Было решено выступить через три дня. Поскольку требовалось, чтобы кто-то из нашей семьи открыл войскам путь в Амбер, я должен был отправиться в поход на борту флагманского корабля. Блейз, со своей стороны, намеревался возглавить пешие войска во время перехода через Тени.

Меня такой расклад несколько беспокоил, и я спросил Блейза, что бы он стал делать в одиночку, если бы я не подвернулся и не предложил свою помощь. Он ответил, что в таком случае ему вначале пришлось бы отвести к берегам Амбера флот и, оставив его в открытом море, вернуться на одном из кораблей в Аверн, а затем повести сухопутные войска для встречи с флотом в условленном месте. А еще он сказал, что стал бы разыскивать в Тенях кого-нибудь из наших братьев, чтобы иметь союзника.

Последнее особенно смутило меня, хотя в данный момент союзником собственного брата оказался я. Что же касается его первого плана захвата Амбера, то выглядел он практически неосуществимым, ибо флот оказался бы слишком далеко от берега для быстрого взаимодействия с сухопутной армией. Кроме того, слишком велик был риск того, что войско не явится в назначенное место в определенный день и час: чересчур значительны были расстояние и размеры самой армии Блейза. Словом, план его не вызвал у меня доверия.

Впрочем, тактиком он был блестящим. Когда он разложил перед нами начерченные им самим карты Амбера и прилегающих к нему областей и в подробностях изложил порядок боевых действий, я лишний раз убедился в том, что он истинный принц Янтарного королевства, которого трудно превзойти в хитрости и коварстве.

Но только дело было в том, что нашим противником сейчас оказался тоже истинный принц Амбера, позиция которого к тому же была значительно лучше нашей. Все это тревожило меня; впрочем, поскольку день коронации Эрика неумолимо приближался, нам, видимо, не оставалось иного выхода. И я решил приложить все свои силы для достижения общей цели. Проиграв в сражении, мы, безусловно, погибнем. Но Блейз пока что был наиболее серьезной угрозой для Эрика и притом обладал тщательно разработанным и вполне осуществимым планом действий; такого плана у меня самого не было.

А пока что я бродил по просторам страны Аверн, любовался туманными долинами, горными ущельями и дымящимися кратерами вулканов, грелся под ярким солнцем на совершенно немыслимом небе, мерз от холода ледяными ночами и изнывал от жары в полдень. На каменистых склонах холмов, покрытых черным песком, во множестве водились мелкие бесстрашные и весьма ядовитые животные и росли огромные пурпурные растения, напоминавшие кактусы. На второй день пребывания в Аверне я как-то остановился на утесе, нависшем над морем; гора наверху словно упиралась в затянутое облаками небо. И тут мне вдруг пришло в голову, что страна эта мне очень нравится, а если уж ее сыновья должны погибнуть в битве, которую поведут их боги, то я должен обессмертить их, сложив об этом подвиге героическую песнь.

Мне удалось несколько успокоить терзавшие меня сомнения, только когда я наконец погрузился на корабль и принял командование флотом. Если мы победим, наши помощники навсегда займут место в рядах бессмертных.

Итак, в этом походе я был и командиром, и проводником. Я должен был открыть флоту путь в Амбер. И был этому рад.

На следующий день мы подняли паруса и вышли в море. Я находился на флагманском корабле. Пришлось выдержать шторм, который, впрочем, скорее помог нам достигнуть цели. Мы без потерь миновали опасные гигантские водовороты. Я успешно провел флот через мелководья со множеством подводных скал, и мы вновь вышли в глубокие воды. Цвет неба и моря постепенно менялся, становясь все более характерным для Амбера. Значит, я по-прежнему обладал властью над пространством и собственной судьбой. Я был вполне способен привести этот флот к цели и приплыть домой. Домой!

Мы шли мимо странных островов, где на ветвях пели зеленые птицы, а зеленые обезьяны, раскачиваясь над самой водой, дико орали и швырялись в нас камнями.

Сначала я увел флот далеко в море, затем, круто повернув, направился к берегу. В это время Блейз вел наше сухопутное войско по равнинам разных миров. Я почему-то был уверен, что он преодолеет все препятствия, пробьется сквозь все линии обороны, созданные Эриком. Я держал с ним связь с помощью колоды карт и знал обо всех боях и испытаниях, что пришлись на его долю. Он, например, потерял десять тысяч человек в битве с кентаврами, пять тысяч погибли в чудовищном землетрясении, еще полторы тысячи унесла чума, внезапно поразившая его войско, затем около двух тысяч погибли и пропали без вести во время столкновений с врагом в джунглях неведомой страны, местоположение которой я так и не смог определить. Там на головы солдат Блейза вдруг обрушились потоки напалма из странных жужжащих механизмов, внезапно повисших над ними. Потом шесть тысяч дезертировали в стране, которую они приняли за землю обетованную, за обещанный им рай. Еще пяти сотен войско недосчиталось после встречи на плоской песчаной равнине с загадочным грибовидным облаком — последствием огромной силы взрыва. Более восьми с половиной тысяч погибли в боях со странными самоходными боевыми машинами, изрыгавшими пламя. Еще восемь сотен безнадежно больных попросту пришлось бросить; двести человек пострадали от теплового излучения; пятьдесят четыре были убиты в поединках; три сотни умерли от яда, оказавшегося в местных фруктах; тысяча была затоптана насмерть напавшими на войско огромными, похожими на буйволов животными; семьдесят четыре сгорели во время охватившего лагерь пожара, полторы тысячи унесло внезапное наводнение; две тысячи погибли от смертельного дыхания ветров, дующих с Голубых холмов.

Мне здорово повезло: сам я за это время потерял всего лишь сто восемьдесят шесть кораблей.

Уснуть. И видеть сны?..*

Да, ситуация складывалась не самая приятная. Эрик уничтожал наши силы постепенно, но весьма последовательно. До коронации времени оставалось все меньше и меньше, всего несколько недель. И конечно же, Эрик понимал, зачем мы движемся к границам Янтарного королевства, так что наши войска таяли с каждым днем.

Судьбой предопределено, что лишь истинный принц Амбера может свободно перемещаться по Теням. Зато он способен вести за собой столько простых смертных, сколько пожелает. Мы с войском все-таки шли вперед, несмотря на потери. О Тенях я могу сказать только одно: есть реальность и есть ее Тень; в этом — суть всего. В реальном мире существует лишь Амбер, реальный город на реальной Земле, в котором собрано все. А Тени — лишь бесконечность нереальности. Здесь тоже можно обнаружить все — но то будут лишь тени, искаженное отражение реальности. Тени окружают Амбер со всех сторон. А за их пределами царит Хаос. На пути из Амбера в Хаос возможно все.

Существуют три способа преодолеть разделяющие эти сферы пространства, один труднее другого.

Если ты принц или принцесса королевской крови, то можешь спокойно странствовать в Тенях, заставляя все, что тебя окружает, меняться в соответствии с твоими желаниями и оставаться таковым сколь угодно долго. Тогда тот мир Теней, в котором ты оказался, становился полностью твоим (если исключить возможность вторжения кого-то из твоих ближайших родственников), и

ты можешь делать в нем все что угодно. Именно в таком мире я и провел несколько столетий.

Второй способ передвигаться в Тенях — карты, созданные Дворкином, Мастером Линии, нарисовавшим членов королевской семьи Амбера так, чтобы они могли в любой момент осуществлять связь между собой. Дворкин был мастером старой школы, и для него не существовало правил пространства и перспективы, когда он создавал эти магические карты. Впрочем, меня никогда не оставляло подозрение, что карты эти использовались не только с той единственной целью, для которой их предназначал старый Дворкин.

Третий способ — Огненный Путь, также созданный Дворкином. По нему могли пройти лишь члены королевской семьи. Ступивший на Путь обретал умение пользоваться магическими картами, а достигший его конца — способность в любой момент переноситься в Тени.

Карты и Путь были созданы для мгновенного перемещения из реального мира в пространство Теней и наоборот. Третий способ преодоления бесконечных пространств, отделявших эти миры друг от друга, был гораздо труднее.

Я понимал теперь, что делал Рэндом, когда мы с ним переносились в Подлинный Мир: постоянно менял окружающую нас действительность в соответствии со своими представлениями об Амбере, отсекая то, что с ними не вязалось. И когда все наконец встало на свои места, он догадался, что мы пересекли невидимую границу. В этом не было риска: любой из нас, обладая необходимыми знаниями, мог отыскать свой собственный, «теневой», Амбер, где каждый из нас правил бы и мог провести целую вечность. Однако это не было бы подлинным Янтарным королевством, в столице которого мы родились. И которая была вершиной реального мира.

Именно поэтому мы и избрали самый трудный способ проникновения в Амбер и повели свои войска на его штурм. На столь длительном пути легко можно было воздвигнуть любые препятствия для нас, обладай кто-то достаточной силой и властью, присущей принцам королевской крови. Именно так и поступил Эрик. И мы вынуждены были, теряя людей, преодолевать эти бесчисленные препятствия. Чем кончится наш поход, ни я, ни Блейз не знали.

Но если Эрик действительно станет королем Амбера, то такая реальность немедленно отразится на всех Тенях.

Каждый из еще остававшихся в живых братьев, принцев Янтарного королевства, полагал, что будет гораздо лучше — разумеется, каждый судил со своей колокольни! — если трона добьется именно он. И пусть в Тенях происходит что угодно.

Мы разминулись с очень странными призрачными флотами — то были корабли Джерарда, этакие «летучие голландцы» различных миров. Выходит, наша цель недалеко — призраки кораблей были тому свидетельством.

На восьмой день плавания мы почти достигли границ Амбера. И вот тут-то разразился ужасный шторм.

Море стало черным, низко над головой клубились тучи. Потом ветер вдруг стих, и паруса бессильно повисли на реях. Синий диск солнца совершенно исчез. Я понял, что Эрик наконец обнаружил нас.

Тогда поднялся шквал, который, словно живое существо, всей своей силой обрушился на мой корабль.

Нас кидало и швыряло во все стороны. Ветер выл и свистел в снастях, яростно рвал их в клочья. Волны били в борт с такой силой, что корабль сотрясался от киля до клотика, как игральные кости в кулаке гиганта. Палубу заливало водой — чудовищные волны перекатывались через нее. Из низких туч хлестали потоки дождя. Небо совсем почернело, ливень сменился дождем со снегом. Во мраке сверкали гигантские молнии, напоминавшие веревки в чудовищном кукольном театре, за которые дергает громовержец-кукловод. Мне пришлось привязаться к мачте, чтобы не смыло за борт. Эрик, словно свору псов, выпустил на нас все стихии.

Час, два, три, четыре... Конца шторму не было видно. Пять часов все бушевало вокруг. Сколько еще?

Потом я услышал какой-то звон, скрежет и увидел Блейза — словно на противоположном конце серого туннеля.

— Что случилось? — спросил он. — Никак было к тебе не пробиться...

— Жизнь полна неожиданностей, — ответил я. — И вот как раз одна из них.

— Шторм?

— Да еще какой! Всем штормам шторм. А еще я вижу некое чудовище. Если у него есть хоть какие-то мозги, оно непременно постарается протаранить флагманский корабль. Ага, эта тварь как раз нырнула!

— У нас только что было то же самое.

— Что, шторм или чудовище?

— Шторм. Две сотни погибших.

— Не падай духом. Держись! Свяжемся позднее, ладно?

Блейз кивнул, и я увидел сверкание молний у него за спиной.

— Эрик, кажется, нас вычислил, — сказал он и исчез.

Да, Эрик, безусловно, нас вычислил.

Прошло еще целых три часа, прежде чем шторм начал понемногу стихать. Лишь позднее я узнал, что в тот день мы потеряли половину нашего флота. На моем корабле из ста двадцати человек команды погибло сорок.

После шторма опять пошел сильный дождь. Но мы все же достигли вод, в глубинах которых скрывалась Ребма.

Я достал колоду и извлек карту с изображением Рэндома. Поняв, кто его вызывает, он сразу же сказал:

— Уходите отсюда немедленно.

Я спросил почему.

— Потому что — таково мнение Ллевеллы — Эрик как раз теперь в состоянии вас уничтожить. Она советует вам пока отступить и переждать. Когда он снова несколько расслабится — скажем, через год, — вы можете предпринять очередную попытку.

— Очень жаль, — покачал я головой, — но уже поздно. Слишком много уже было жертв и слишком далеко мы забрались. Мы либо решим этот вопрос сейчас, либо никогда!

Рэндом пожал плечами. На лице его было написано: «А что я вам говорил?»

— И все же почему Ллевелла считает именно так? — спросил я.

— Главным образом потому — я сам только недавно об этом узнал, — что во власти Эрика все стихии Амбера и он может ими распоряжаться, — ответил Рэндом.

— И все же мы рискнем.

Он опять пожал плечами:

— Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

— А Эрик точно знает, что мы идем на него войной?

— Неужели ты считал его полным кретином?

— Нет. Не полным.

— Разумеется, ему все известно! Если уж я догадался о ваших действиях, сидя здесь, в Ребме, то уж в Амбере-то сам бог велел о них знать. А я ведь действительно догадался — по изменениям в Тенях.

— Жаль, — сказал я. — У меня было некоторое предубеждение против этой затеи, но Блейз рвался в бой.

— Ну и брось его, пусть себе пропадает.

— Жаль, но это невозможно. И потом, он еще может победить. Так что я выполню свое обещание и поведу флот дальше.

— А ты с Кейном говорил? Или с Джерардом?

— Говорил с обоими.

— Тогда у тебя еще, может быть, есть шанс напасть с моря. Но послушай: Эрик, похоже, нашел способ воздействовать на судьбу с помощью Камня Жребия. Были такие слухи... Это с его помощью он управляет погодой. И кто его знает, на что он еще способен.

— Да, очень жаль, что все так складывается, — промолвил я. — Что ж, придется пройти и через это. Подумаешь, еще несколько штормов! С пути мы все равно не свернем!

— Корвин, я должен тебе признаться. Я говорил с Эриком три дня назад.

— Ну и что?

— Он сам меня вызвал. Ну а я тут со скуки подыхал... Вот мы с ним и поговорили всласть. Он мне много чего порассказал о своей системе обороны.

— Это только потому, что Джулиан уже сообщил ему, что мы прибыли вместе. Эрик совершенно уверен, что ты все это немедленно передашь мне.

— Да, наверное, — кивнул Рэндом. — Но то, что он мне рассказал, пожалуй, не имеет отношения...

— Пожалуй, — согласился я.

— Так пусть Блейз и воюет сам, — закончил Рэндом. — А ты сможешь нанести удар чуть позднее.

— Но коронование же вот-вот состоится!

— Знаю, знаю. Ну и что? Какая разница, с кем вести войну — с королем или с принцем? Тебе не все равно, кем он будет, если ты сумеешь его победить? В любом случае он был и останется Эриком.

— Ты прав, — ответил я. — Но я уже обещал свою помощь Блейзу.

— Да брось ты его.

— Нет, к сожалению, не смогу.

— Ты что, совсем с ума сошел?

— Возможно.

— Ну ладно. В любом случае желаю тебе удачи!

— Спасибо.

— До встречи.

Вот такой у нас получился разговор, и он не выходил у меня из головы.

Может, мы ломились прямо в расставленный капкан? Эрик ведь далеко не дурак. Он вполне мог подготовить для нас смертельную ловушку...

В конце концов я бессильно пожал плечами и мрачно облокотился на поручень. Карты я снова сунул за пояс.

Быть принцем Амбера — значит всегда хранить достоинство, быть бесконечно одиноким, не доверять никому. Сейчас все это мало мне нравилось. Но что делать?

Шторм, так здорово потрепавший нас, конечно же, был послан Эриком. Это вполне соответствовало тому, что мне сообщил Рэндом о его власти над стихиями.

Я тоже попытался что-нибудь такое придумать.

Я вообразил иной Амбер, весь заваленный снегом. И когда он предстал передо мной, повел к нему свой флот. Потом попытался устроить самую ужасную метель, какую только можно вообразить. Снег повалил вовсю.

Посмотрим, сумеет ли Эрик это остановить!

Но он сумел.

Не прошло и получаса, как созданная мной метель прекратилась. Да, Амбер был практически недоступен для любых влияний извне. Это был единственный реальный город! Мне уже не хотелось ничего менять, и я решил оставить все как есть. Эрик действительно управлял погодой всего королевства.

Так что же теперь остается?

Только идти вперед. Смерти в пасть.

Второй шторм оказался куда страшнее первого, но я крепко держал штурвал. Началась гроза, молнии прицельно били прямо в наши корабли. Смерч разметал некоторые из них в щепы. Всего мы потеряли сорок судов.

Я с некоторым опасением вызвал Блейза, чтобы узнать, как у него дела.

— У меня осталось около двухсот тысяч, — сообщил Блейз. — Опять наводнение.

Я передал ему то, что рассказал мне Рэндом.

— Что ж, похоже на правду, — промолвил он. — Ну и ладно. Что бы там ни вытворял с погодой Эрик, мы все равно его победим!

— Надеюсь.

Я закурил.

Амбер вот-вот должен был появиться на горизонте. Теперь я уже знал все пути туда. Тяжелые предчувствия терзали мою душу, я просто надеялся на свою удачу.

Мы продолжали плыть к цели. Вдруг, подобно внезапно возникшему девятому валу, впереди стеной встал мрак. Вновь началась буря, самая ужасная из тех, что встречались нам на пути.

Мы кое-как выбрались из ее смертельных объятий, хотя теперь, пожалуй, я был по-настоящему напуган. Мы почти достигли цели и находились в северных водах Амбера. Если Кейн сдержит данное мне слово, все еще, может быть, кончится хорошо. Если же он сам намеревается напасть на нас, то более выгодного положения для этого не придумаешь.

Предположим, он нас предал. Почему бы, собственно, и нет?

Я начал готовить свой флот — семьдесят три оставшихся корабля — к бою, когда увидел, что навстречу идет его флотилия. Значит, карты солгали. Впрочем, нет, наоборот, карты как раз были правы: Кейн являлся ключевой фигурой во всем этом деле.

Его флагманский корабль шел прямо на меня. Я тоже не свернул с курса. Когда мы поравнялись и сошлись борт к борту, то смогли рассмотреть друг друга. Кейн, разумеется, мог бы вызвать меня на разговор с помощью карт, но он этого не сделал. Сейчас его позиция была сильнее, так что, следуя фамильному этикету, он имел право выбирать, как ему в данном случае поступить. Видимо, он хотел, чтобы его слова слышали все, а потому закричал в рупор:

— Корвин! Сдавайся! У нас значительно более мощный флот, тебе не прорваться!

Я продолжал рассматривать его через разделявшую нас полосу воды. Потом поднял свой рупор:

— А как же наш договор?

— Он утратил силу! — ответил Кейн. — У тебя осталось слишком мало кораблей, чтобы штурмовать Амбер. Так что давай обойдемся без кровопролития. Сдавайся!

Я посмотрел на небо. Солнце подходило к зениту.

— Прошу тебя, брат мой Кейн, выслушай меня, — сказал я. — Молю тебя лишь об одном: благоволи пока не начинать боевых действий, чтобы я мог искать совета моих капитанов до того, как солнце покинет свою небесную обитель!

— Изволь, — ответил он. — Несомненно, они уже оценили свое положение и не станут колебаться.

Я приказал сделать поворот оверштаг, и мы пошли назад, к кордебаталии нашего флота*.

Если мы попытаемся бежать, Кейн устроит за нами погоню через все Тени и будет уничтожать наши корабли один за другим. Порох в Подлинном Мире не воспламеняется, так что от пушек никакого проку нет. Предположим, нам все-таки удастся отплыть от Амбера достаточно далеко — и тогда порох может послужить только для того, чтобы взорвать себя. У Кейна наверняка есть артиллерия, и если, например, погибну я, то весь флот застрянет, ибо без меня не сможет плыть через Тени. Тогда наши корабли будут подобны беспомощным уткам под выстрелами охотников. Так что в любом случае экипажи либо перебьют, либо возьмут в плен.

Да, Рэндом, пожалуй, был прав.

Я извлек карту с изображением Блейза и сосредоточил свое внимание.

— Ну? — отозвался он. Он был очень возбужден. Я почти слышал звуки битвы, кипевшей вокруг него.

— Мы попали в засаду — сообщил я. — До цели дошло всего семьдесят три корабля, и теперь Кейн требует, чтобы мы сдавались.

— Черт бы его побрал! — воскликнул Блейз. — Я ведь еще не успел достаточно далеко продвинуться! У нас тут бой в самом разгаре — такая рубка! Сражаемся с огромными силами кавалерии. Так что прости, я тебе ничего посоветовать просто не в состоянии. Тут своих проблем по горло. Поступай, как считаешь нужным. О Господи, опять они атакуют! — И Блейз прервал контакт.

Я извлек карту Джерарда и вызвал его.

Во время нашего разговора я разглядывал берег, смутно видневшийся за его спиной. Мне показалось, что я узнаю эти места. Если я угадал правильно, он находился где-то на юге.

Мне до сих пор неприятно вспоминать тот наш разговор. Я спросил Джерарда, не поможет ли он мне в битве против Кейна.

— Я дал согласие лишь пропустить тебя в эти воды, — ответил он, — и потому отошел к югу. Я бы не успел к тебе на помощь, даже если бы захотел. А вступать с тобой в сговор, чтобы погубить нашего брата, я вообще не намеревался.

И прежде чем я успел что-то объяснить, он исчез. Да, конечно, Джерард был прав. Он согласился не мешать мне, но вовсе не обещал меня поддерживать.

Итак, какой у меня теперь выбор?

Я закурил сигарету и стал мерить шагами палубу. Утренний туман полностью рассеялся, горячие лучи солнца касались моих плеч. Скоро полдень. Часа через два...

Я снова достал магическую колоду и начал перебирать карты. Конечно, можно попробовать столкнуть лбами Кейна и Эрика, противопоставив волю одного воле другого. Эту власть над людьми карты тоже давали. Они вообще обладали огромными возможностями, и я далеко не обо всех этих возможностях имел представление. Ведь карты некогда были созданы волей великого короля Оберона и искусством безумного Мастера Дворкина Баримена, горбуна с огромными глазами, то ли колдуна, то ли жреца, то ли шамана — мнения о нем никогда не совпадали. Он был родом из какого-то дальнего мира, принадлежащего пространству Теней, и мой отец однажды вытащил его оттуда, избавив от страшной кары, которую Дворкин сам на себя навлек. Подробностей этой истории не помнил уже никто, однако все знали, что с тех пор горбун был несколько не в своем уме. Но все же оставался великим Мастером и великим художником, обладавшим к тому же некоторыми весьма загадочными способностями. Он исчез уже много веков назад, сразу после того, как создал наши фамильные карты и начертал магический Путь в Амбере. Мы часто его вспоминали, но никто и понятия не имел, где он теперь находится. Может быть, отец сам его прикончил, чтобы похоронить заодно и все известные горбуну тайны?

Итак, Кейн намерен атаковать меня, а я не в силах оказать ему достойное сопротивление, хотя, наверное, смогу какое-то время продержаться. Совершенно очевидно, что его капитаны уже получили приказ готовиться к бою.

Эрик тоже, вероятно, готов к любому повороту событий. И коли уж я попал в такое положение, то вполне могу рискнуть и все-таки попробовать прорваться. Терять мне нечего, кроме собственной жизни.

Я был готов погибнуть в бою, но зачем эта смерть моим воинам?.. Вероятно, моя кровь все-таки окончательно испорчена, хоть я и сохранил еще власть над Путем. У настоящего принца Амбера таких сомнений быть не должно. Видимо, долгие столетия, проведенные мной в Тенях, на Земле, слишком сильно изменили меня, сделав более мягким и не похожим на собственных братьев.

Я принял решение: сдаю Кейну флот, пытаюсь в одиночку пробраться в Амбер и вызываю Эрика на решающий поединок. У него вполне достанет глупости, чтобы мой вызов принять. В конце концов, какого черта? Что мне еще оставалось?

Я уже повернулся было к своим офицерам, чтобы отдать соответствующие распоряжения, когда меня вдруг опутало силовое поле, и я замер, не в силах вымолвить ни слова.

— Кто это? — удалось мне произнести сквозь стиснутые зубы.

Ответа не последовало. Лишь в мозгу моем бесконечно что-то свербило, мысли путались, и мне приходилось напрягать все силы, чтобы справиться с этим наваждением.

Наконец тот, кто меня вызывал, понял, что без длительной борьбы ничего не выйдет. И тогда я услышал голос Эрика:

— Каково изволит поживать брат мой?

— Худо, — сказал или подумал я.

Он рассмеялся, но тоже через силу: противостояние наших волевых импульсов было нешуточным, голос его дрожал от напряжения.

— Достойно сожаления. Если бы ты сделал милость, возвратился и споспешествовал бы мне в моей борьбе, я бы щедро наградил тебя. Однако теперь уж поздно. Теперь мне осталось лишь одно удовольствие, одна радость: поразить вас обоих — тебя и Блейза.

Я ответил не сразу. Все мои душевные силы были направлены на то, чтобы подавить соперника, и он все же немного отступил под моим напором.

Если бы кто-то из нас отвлекся хоть на мгновение, немедленно осуществился бы физический контакт или же более сильный возобладал в нашем мысленном противостоянии, а более слабый подпал бы под его власть.

Теперь Эрик был ясно виден мне, он находился в своих дворцовых покоях. Мы смотрели друг на друга, и каждый пристально впивался взглядом в лицо противника. Наша скрытая от посторонних глаз борьба продолжалась. Итак, он напал на меня первым. В левой руке Эрик держал мою карту, брови его были нахмурены. Я тщетно пробовал найти хоть какое-нибудь слабое место в его позиции. Люди из моей команды напрасно обращались ко мне: я их не слышал и продолжал стоять, опираясь на поручни и глядя в пространство.

Сколько же времени прошло? Может быть, час или два. Но я совсем не был в этом уверен: ощущение времени я утратил.

— Я чувствую, как в смертельном страхе бьются твои мысли, — мрачно проговорил наконец Эрик. — Да, я действовал в союзе с Кейном. И он сообщил мне о вашем разговоре. А сейчас я буду держать тебя вот так, пока корабли твои не будут уничтожены все до единого и не попадут в Ребму, чтобы гнить там, на дне. А войско твое станет добычей морских тварей.

— Постой! — ответил я. — Ведь на моих солдатах нет вины. Блейз и я вели их к ложной цели в своих интересах, но они-то считали, что идут в бой за правое дело. Да и тебе нет резона губить огромное войско. А флот я готов сдать добровольно.

— Тогда не следовало заходить так далеко, — отвечал он. — А теперь уже слишком поздно! Я не могу, находясь в контакте с тобой, связаться одновременно и с Кейном, чтобы изменить свои указания. Если же я освобожу тебя, то рискую подпасть под твое влияние. Ты достаточно силен, да и характеры наши слишком схожи.

— Ну а если я дам слово чести, что ничем не стану вредить тебе?

— Любой отречется от клятвы ради целого королевства! — ответил Эрик.

— Но мои мысли ведомы тебе! Ты же знаешь, что я не держу камня за пазухой. И мое слово чести верно.

— Поистине достойна удивления твоя жалость к тем, кого ты завлек и обманул! И мне, разумеется, не дано понять, что связало вас столь прочными узами.

Но нет! Все слова твои — ложь! Ты и сам это знаешь! Даже если сейчас ты искренен в намерении своем — а такое вполне возможно, — слишком сильным может стать искушение. Особенно если тебе предоставится хоть малейшая возможность заполучить Амбер! Я не желаю рисковать.

Да, он был прав: я и сам знал это. Неугасимым огнем горел Амбер в нашей крови!

— Ты ныне мастерски владеешь мечом, — заявил Эрик. — Вижу, изгнание сослужило тебе хорошую службу. Теперь ты почти так же славно фехтуешь, как и я сам, и многого достиг в этом искусстве. Теперь лучше нас только Бенедикт. Но он, вероятнее всего, мертв.

— Не обольщайся напрасной надеждой, — сказал я. — Ты же понял, что теперь я способен одолеть тебя. По сути...

— Можешь не продолжать. На поединок с тобой я больше не выйду. Ты опоздал.

И он усмехнулся, прочитав мои мысли, — трудности это, естественно, не составило бы никому из нашей семейки.

— Мне очень хотелось бы иметь своим союзником тебя, а не кого-то другого, — продолжал Эрик. — Ты пригодился бы мне гораздо больше. На Джулиана мне вообще наплевать. Кейн — трус. Джерард — сильный боец, но глуповат...

И тогда я решил замолвить слово хоть за одного из наших с ним братьев:

— Послушай, я увлек за собой и Рэндома, хотя он вовсе не разделяет моих устремлений. Думаю, он поддержал бы тебя, если бы ты просил его об этом.

— Этот ублюдок! — рассердился Эрик. — Да я ему ни на грош не верю! Он же предаст в любой момент! Доверь ему выносить ночной горшок — и однажды обнаружишь в нем пиранью! Нет уж, спасибо! Я, может, и пощадил бы его, если бы не твоя рекомендация. Ты что же, хочешь, чтобы я после всех ваших штучек прижал его к сердцу и назвал милым братом? Ну нет! И потом, что-то ты слишком горячо защищаешь его. Это лучшее доказательство его истинного отношения ко мне. Ну а ты, несомненно, об этом осведомлен, так что имени Рэндома лучше не упоминай.

Я почувствовал запах дыма и услышал звон сабель. Кейн явно пошел на абордаж.

— Вот и хорошо, — сказал Эрик, прочитав мои мысли.

— Останови их! Прошу тебя! Нам все равно не выстоять!

— Никогда! Даже если ты сдашься сам... — Он выругался, не договорив. Я понял его мысль: Эрик мог потребовать, чтобы я сдался в плен, пообещав в обмен пощадить моих воинов, а потом предоставить Кейну с ними расправиться. Это было бы вполне в его стиле. Но в запале он уже успел ненароком проговориться.

Я поцокал языком и засмеялся. Он пришел в бешенство.

— Все равно я до тебя доберусь! — прорычал Эрик. — Пусть только они возьмут твой корабль!

— Ну, до этого еще далеко, — ответил я. — А пока не хочешь ли отведать моего угощения?

И, собрав все свои душевные силы, я обрушился на противника, стремясь подавить его волю, сжечь его своей ненавистью. Я чувствовал, какую боль ему причиняю, и старался сделать еще больнее. Вся моя ярость, весь мой гнев, нако-

пившиеся за годы изгнания, обрушились сейчас на Эрика. Я жаждал отомстить, отплатить ему за то, что он бросил меня подыхать от чумы, за то, что я чуть не лишился рассудка, за все мои бесконечные беды и разочарования. И за ту автокатастрофу, которую, как я был совершенно уверен, подстроил именно он. За все причиненное мне зло хотелось расплатиться с ним — расплатиться тоже болью и страданиями.

Под моим бешеным напором он начал отступать. Я удвоил усилия. Я давил и давил на его рассудок, и в конце концов Эрик сдался.

— Ты, дьявол! — вскричал он и судорожно закрыл ладонью мою карту. Контакт прервался.

Я стоял на палубе, весь дрожа от пережитого напряжения.

Но я победил! Я победил его в поединке воли! Теперь он мне в качестве противника не страшен. Теперь я сильнее своего брата-тирана.

Я несколько раз глубоко вздохнул и выпрямился, готовый к очередной подобной атаке, хоть и понимал, что со стороны Эрика атаки не будет. Отныне он меня боится. Боится моей ярости.

Я огляделся. Вокруг кипел бой. Палуба была вся в крови. Корабль противника пытался взять нас на абордаж. А с противоположного борта с той же целью подходил еще один. Рядом просвистела стрела.

Я обнажил меч и кинулся в самую гущу схватки.

Не знаю, скольких я уложил в тот день. После двенадцатого или тринадцатого я потерял счет. Вероятно, я убил вдвое больше. Сила, которой наделены все принцы Амбера, — та самая, что позволила мне тогда легко поднять «мерседес», — очень мне пригодилась. Порой, одной рукой приподняв врага, я просто швырял его за борт.

Нам удалось перебить почти всех на обоих кораблях, пытавшихся взять нас на абордаж, а потом мы пробили им днище, и они отправились в Ребму. Пусть в Ребме на них полюбуются. У меня на корабле после боя осталась едва половина команды. Сам я несколько раз был ранен, хотя и легко.

Затем мы двинулись на помощь нашим соседям и потопили еще один корабль Кейна.

Остатки команды того корабля, которому мы пришли на помощь, перешли на мой флагман, так что у меня снова был полный экипаж.

— Кровь! — вскричал я. — Кровь и месть! Бейте их, о мои воины, и вас вовеки восславят в Амбере!

— Кровь! — отвечали они, потрясая оружием.

Реки крови были пролиты в тот день. Мы утопили еще два корабля Кейна и двинулись к очередному, шестому по счету. Я взобрался на грот-мачту, чтобы осмотреться. Силы противника по-прежнему втрое превосходили наши. Но и у меня оставалось еще сорок или пятьдесят кораблей.

Мы потопили и шестой корабль. А когда седьмой и восьмой пошли на нас сами, уничтожили и их. Теперь у меня снова осталась лишь половина команды. А сам я на сей раз был ранен гораздо серьезнее: в левое плечо и правое бедро. Раны были глубокие, они горели и кровоточили.

Почти сразу на нас напали еще два корабля. Мы стали уходить и по пути встретились со своим судном, только что успешно завершившим схватку. Мы снова объединили остатки двух экипажей, однако мне пришлось перенести свой флаг

на другой корабль, потому что он оказался менее поврежденным. Мой же бывший флагман опасно кренился на правый борт, и в трюм безостановочно поступала вода.

Времени, чтобы хоть немного передохнуть, не было совершенно. К нам приближался очередной корабль противника, и его команда готовилась к абордажу.

Люди смертельно устали, устал и я сам. К счастью, экипаж неприятельского судна тоже был не в лучшей форме. И прежде чем другие суда Кейна поспешили на помощь, мы успели сами взять противника на абордаж, перебили команду и захватили корабль. Он почти не пострадал, так что я перенес свой флаг на него.

Следующий корабль нам тоже удалось потопить. Теперь у меня снова был прекрасный корабль, но всего сорок человек команды. И все мы едва переводили дух.

Я огляделся. Каждый из моих кораблей сражался по крайней мере с одним кораблем Кейна. Еще одно судно противника шло прямо на нас, и некому было нам помочь. Мы стали уходить, выиграв, таким образом, минут двадцать. Я попытался даже уйти в Тени, но это немыслимо трудная задача в непосредственной близости от Амбера. К Амберу легче приблизиться, чем уйти от него; последнее почти невозможно. Он как бы притягивает к себе невидимыми силами. Хотя, если бы у меня в запасе было еще минут десять, мне, наверное, удалось бы уйти.

Но я не успел.

Когда неприятельский корабль стал настигать нас, я заметил неподалеку еще один, тоже направляющийся в нашу сторону. На его мачте под вымпелом Эрика с белым единорогом трепетал черно-зеленый стяг. Это был флагман Кейна. И он шел, чтобы нас уничтожить.

Первый корабль мы все же захватили, но потопить не успели. Подоспел Кейн. Я стоял на залитой кровью палубе, а вокруг — дюжина оставшихся в живых воинов. Мы видели, как Кейн подошел к борту и поднял к губам рупор:

— Сдавайся!

— Даруешь ли ты жизнь моим воинам, если я добровольно сложу оружие? — спросил я его.

— Да, — ответил он. — Мне бы не хотелось терять людей в бессмысленном бою. В этом уже нет необходимости.

— Ты даешь мне слово принца? — снова спросил я.

Он с минуту раздумывал, потом кивнул в знак согласия:

— Даю. Прикажи своим людям бросить оружие. И сразу переходите на мой корабль.

Я вложил меч в ножны и подал знак команде:

— Вы доблестно сражались, и я, принц Амбера, никогда этого не забуду! Но сегодня мы проиграли. — Я вытер окровавленные руки краем плаща. — Бросайте оружие. Однако помните: ваш подвиг бессмертен. И я еще восславлю его при дворе Амбера!

Мои воины — девять краснокожих великанов и трое маленьких мохнатых людей, — обливаясь слезами, бросили оружие на палубу.

— Пусть вас не терзает мысль, что все потеряно, — добавил я. — Борьба за Амбер еще не окончена. Мы проиграли только эту битву, но бой идет и в других местах. Мой брат Блейз пробивается сейчас в Амбер по суше. Кейн сдержит свое слово и оставит вам жизнь, когда увидит, что меня нет. А я пойду на помощь Блейзу

и продолжу поход на Амбер. Кейн не знает, что Блейз отрекся от прежней клятвы и вновь идет на Эрика войной. Мне очень жаль, что я не могу взять вас всех с собой.

Я незаметно вытащил из-за пояса карту и, когда корабль Кейна подошел к нам вплотную, уже вызвал Блейза. Под холодной поверхностью карты что-то слегка шевельнулось.

— Кто это? — спросил Блейз.

— Корвин, — ответил я. — Как у тебя дела?

— Мы выиграли битву, но потери большие. Сейчас передыхаем. Завтра снова в поход. А у тебя как?

— Надеюсь, что мы утопили по крайней мере половину флота Кейна. Но битву все же проиграли. Он сейчас берет меня на абордаж. Помоги мне уйти.

Блейз протянул руку, наши пальцы встретились, и я упал в его объятия.

— Я начинаю привыкать к подобным встречам, — пробормотал я.

Блейз тоже был ранен — в голову, и левая кисть оказалась забинтованной.

— Пришлось отбивать удар сабли голыми руками, — объяснил он, заметив мой взгляд. — Болит здорово!

Мы проследовали в его шатер. Блейз открыл бутылку вина и предложил мне хлеба, сыра и вяленого мяса. Сигарет у него все еще было в достатке, и я с наслаждением выкурил одну, пока его врач обрабатывал мои раны.

В армии Блейза оставалось восемьдесят тысяч.

С вершины холма я оглядел его лагерь. Сгущались сумерки, и мне все больше казалось, что впереди мелькают костры всех тех бесчисленных биваков, что разбивали мои армии на протяжении многих веков. Внезапно глаза мои увлажнились слезами — то были слезы жалости ко всем тем людям, что, в отличие от принцев Амбера, живут лишь короткий срок, а потом неизменно превращаются в прах. Сколько их нашло свой преждевременный конец на полях сражений в этом мире!

Я вернулся в шатер, и мы с Блейзом прикончили бутылку.

VII

В ту ночь разразилась ужасная гроза. Она не прекратилась даже с восходом солнца, сквозь тучи окрасившего мир в серебристые тона, и продолжалась весь день. Но войско упорно шло вперед.

Легко можно пасть духом, когда постоянно застреваешь в жиже, дождь льет как из ведра и холодно, как зимой. Сколько же раз за долгие века приходилось мне выбираться из ненавистной грязи!

Мы попытались найти в Тенях иной мир, где не было бы дождя, но тщетно.

Понемногу мы приближались к цели, однако были совершенно измотаны, одежда наша насквозь пропиталась водой, прилипала к телу, над головой непрерывно грохотал гром и сверкали чудовищные молнии.

На следующую ночь резко похолодало, и к утру все вокруг заледенело. Даже флажки и знамена стали твердыми, как жесть. Мир окрасился в белое; теперь в нем хозяйничали метели и снежные бураны. Больше всего страдали от холода краснокожие гиганты — их родной мир был очень теплым.

В тот день на нас поочередно нападали тигры, белые медведи и волки. Тигр, которого уложил Блейз, был не менее восьми шагов в длину.

И все же мы продолжали идти, даже когда спустилась ночь. Началась оттепель. Блейз все подгонял уставших воинов, стремясь поскорее выбраться из лап холода. Мы знали, что в Амбере сейчас теплая и сухая осень. Приближался Подлинный Мир.

К полуночи, на вторые сутки похода, мы наконец миновали те равнины, где поочередно страдали то от снега, то от ледяных ливней; сейчас по нашим спинам молотил теплый дождь. А когда мы вышли в сухой мир, был отдан приказ разбить лагерь, утроив, однако, караулы. Принимая во внимание то, насколько устали наши воины, следовало ожидать атаки противника. Люди совершенно выбились из сил, было просто бессмысленно заставлять их идти дальше. Следовало непременно отдохнуть.

Противник напал на нас уже через несколько часов; командовал вражеским войском Джулиан, как я понял позднее из рассказов тех, кто уцелел.

Воины Джулиана лавиной обрушились на наш лагерь, легко обнаруживая наиболее уязвимые места и стараясь не вступать в сражение с главными силами, как бы обтекая лагерь по периферии. Если бы я знал, что наступление ведет именно Джулиан, я бы попытался задержать его с помощью карт. Но тогда я об этом не догадывался.

Под ударами внезапно обрушившейся на нас зимы мы только что потеряли около двух тысяч человек. Сколько воинов погибло в схватке с кавалерией Джулиана, подсчитать не берусь.

После этого боя мне показалось, что войска наши полностью деморализованы. Однако едва был отдан приказ выступать, как они пошли вперед.

На следующий день мы без конца попадали в засады.

Большое и неповоротливое войско наше маневрировало с трудом, огрызаясь на внезапные кавалерийские налеты Джулиана с флангов. Какую-то часть его конницы мы все же сумели уничтожить, но не так уж много: наверное, лишь по одному на каждые десять наших погибших.

Солнце было в зените, когда мы пересекли долину, что тянулась параллельно побережью. Слева от нас, на севере, темнел Арденский лес. Амбер находился прямо перед нами. Легкий прохладный ветерок приносил сладостные ароматы нагретой земли и цветов. До Амбера было еще дня два пути, но он уже виднелся на далеком горизонте.

После полудня небо закрыли облака, прошел небольшой дождь. На небе опять засверкали молнии. Вскоре гроза прекратилась, и снова выглянуло солнце, быстро высушив все вокруг.

Через некоторое время откуда-то потянуло дымом, и на нас буквально обрушилось пламя. Огонь стеной вставал вокруг, временами несколько опадая, но все время приближаясь, медленно, неумолимо. Волосы уже потрескивали от невыносимого жара, кое-где в войсках началась паника; раздались крики, колонны смешались, задние ряды напирали на передние...

И тогда мы побежали. На головы нам сыпался пепел, дым стал еще гуще. Но мы бежали не останавливаясь, хотя стены огня обступили нас вплотную, превратившись в сплошные волны испепеляющего жара. Оранжевые языки плясали, извиваясь, буквально у нас под ногами; деревья вокруг чернели и дымились, ли-

стья, коротко вспыхнув, яркими комочками падали на обугленную землю. Кусты и сочная молодая поросль тоже начали заниматься. Впереди, насколько хватало глаз, расстилалось море огня.

Мы еще прибавили шагу, опасаясь, что скоро будет значительно хуже.

И не ошиблись.

От пожара прямо перед нами начали падать огромные деревья. Мы старались как-то перебираться через них или обходить, но не останавливались и двигались вперед.

Жар становился совершенно невыносимым, с трудом можно было дышать. Нас обгоняли объятые паникой волки и олени, лисы и зайцы. Они бежали вместе с нами, ничуть не страшась близости человека, своего извечного врага. Небо, казалось, было сплошь заполнено жалобно кричащими птицами. Их помет падал на нас дождем, но никто не обращал на это внимания.

Для меня сожжение замечательного, волшебного Арденского леса было истинным святотатством. Но принц Эрик сидел сейчас на троне Амбера и вскоре должен был стать королем. На его месте я, возможно, тоже...

Волосы и брови мои уже дымились. Горло совершенно пересохло и, наверное, изнутри закопчено было не меньше, чем каминная труба. Интересно, сколько людей мы потеряем в огне, мелькнуло у меня в голове.

Мы прошли примерно треть расстояния, отделявшего нас от Амбера. Впереди расстилалась заросшая лесом долина.

— Блейз! — хрипло окликнул я его. — Через полчаса примерно будет развилка. Если свернуть направо, то мы вскоре достигнем реки Ойзен, а она течет прямо в море. Надо идти туда! Вся долина Гарнатх в огне! Мы сгорим, если не пробьемся к воде!

Он кивнул в знак согласия.

И мы из последних сил побежали дальше. Но огонь обгонял нас.

Мы достигли развилки, на бегу сбивая пламя с одежды, вытирая слезящиеся глаза, запорошенные пеплом, выплевывая золу, хрустевшую на зубах, и стряхивая искры с волос.

— Еще минут пять продержаться — и все! — закричал я.

Прямо на меня сыпались горящие сучья и крупные ветки. Обнаженные участки тела были покрыты мучительными ожогами. Весь я превратился в сплошную боль. Мы бежали по горящей траве покатого склона, а завидев воду, еще прибавили ходу, хотя и так были на пределе возможностей. Наконец мы бросились прямо в волны реки, и ее прохлада приняла нас в свои объятия.

Блейз и я держались рядом, хотя бурное течение крутило и кидало нас, стремясь к морю. Сплетенные ветви деревьев над головами выглядели как стропила в объятом пламенем пожара соборе. Когда они падали, нам приходилось либо быстро отплывать в сторону, либо нырять. Вокруг было полно дымящихся и шипящих обломков, а головы воинов, плывших за нами, походили на кокосовые орехи, которые гонит течением.

Но вода оказалась слишком холодной, и вскоре наши обожженные и измученные тела закоченели. Все мы дружно стучали зубами.

Прошел примерно час, когда горящий лес наконец кончился и мы достигли плоской безлесой равнины, тянувшейся до самого моря. Место было в высшей степени подходящее для засады; например, Джулиан вполне мог бы ждать нас

здесь с лучниками наготове. Я сказал об этом Блейзу, и он со мной согласился. Впрочем, выбора не оставалось.

Лес продолжал гореть, а нас несло течением дальше. Чудилось, что прошло уже очень много времени, хотя на самом деле это, конечно, было не так. Однако предчувствия мои, к сожалению, оправдались: в нас полетели тучи стрел.

Я нырнул и долго плыл под водой. Река стремительно несла меня вперед, так что всплыл я гораздо дальше, чем ожидал сам.

Но не успел я показаться на поверхности, как на меня тут же обрушился град стрел.

Только богам ведомо, сколько может продолжаться такая игра человека со смертью! Я не стал больше испытывать судьбу, набрал полную грудь воздуха и снова нырнул.

Мне удалось опуститься на самое дно, и я пошел по нему, огибая подводные камни. Когда мне не хватило дыхания, я всплыл ближе к правому берегу.

Вылетев на поверхность, я глубоко вздохнул и снова нырнул, даже не осмотревшись.

Я плыл под водой, пока легкие не начали разрываться от напряжения, затем снова вынырнул.

На этот раз мне повезло гораздо меньше: в левое предплечье тут же вонзилась стрела. Я нырнул и, достигнув дна, сумел сломать ее древко и извлечь наконечник из раны. Потом я поплыл по-лягушачьи, помогая себе одной лишь правой рукой. Я чувствовал, что в следующий раз на поверхности мне уже не уцелеть.

Поэтому оставался под водой, пока перед глазами не заплясали красные молнии и не начало мутиться сознание — кажется, минуты три, не меньше.

Однако, вынырнув, я наконец смог как следует отдышаться и поплыл к левому берегу. Потом, уцепившись за ветви деревьев, вылез на сушу. Объятый огнем лес остался далеко позади. Сюда пожар не дошел. Оба берега казались совершенно пустынными, но и на поверхности воды никого видно не было. Неужели спасся я один? Вряд ли. Не может быть! Нас ведь было так много, когда начался этот наш последний поход...

Я оглох от усталости. Все тело болело, бесчисленные ожоги саднили. После слишком долгого пребывания в ледяной воде меня буквально трясло от холода. Но хотя продвигаться по реке дальше было слишком рискованно, я все же решил еще немного проплыть под водой.

Четыре раза я глубоко нырял и умудрился проплыть довольно значительное расстояние. На пятый сил уже не осталось. Я понял, что могу и не вынырнуть, уцепился за какую-то скалу, перевел дыхание и вылез на берег.

Некоторое время я лежал на спине. Потом сел и осмотрелся. Местность была совершенно незнакомая. Огонь сюда не добрался. Справа был густой кустарник; я заполз туда, упал ничком и тут же уснул.

Проснувшись, я здорово пожалел о собственной неосмотрительности: все тело ломило, я явно был нездоров. В полубреду я некоторое время провалялся в кустах, потом заставил себя встать и подойти к реке, чтобы напиться. Потом снова забрался в кусты и заснул.

Я по-прежнему плохо себя чувствовал и на следующий день, но сил все-таки прибавилось. Я немного походил по берегу, потом достал карты и вызвал Блейза. Оказалось, он тоже уцелел.

— Ты где? — спросил он сразу.

— Кабы я знал! Хорошо, что вообще куда-то выплыл. По-моему, море недалеко. Я слышу шум прибоя, да и запах знакомый.

— Ты все еще возле реки?

— Да.

— На каком берегу?

— На левом, если стоять лицом к морю. На северном.

— Тогда там и оставайся. Я кого-нибудь к тебе пришлю. Я как раз собираю уцелевших. Собралось уже больше двух тысяч и постепенно подходят еще. Джулиана здесь не слышно.

— Хорошо, — сказал я. — Буду ждать.

Потом опять лег и погрузился в сон.

Сквозь сон я услышал шаги и моментально вскочил, раздвинул кусты...

Их было трое. Краснокожие гиганты.

Я встал, немного привел себя в порядок, одернул одежду, провел рукой по волосам, потом несколько раз глубоко вздохнул и вышел из кустов.

— Я здесь, — сказал я громко.

Двое сразу же обернулись; в руках у них блеснули клинки. Но, увидев меня, гиганты заулыбались и принялись кланяться. Потом повели меня в лагерь, до которого оказалось с полчаса пути. Как ни странно, дошел я довольно легко.

— Уже собралось больше трех тысяч, — сообщил мне Блейз и пригласил врача, чтобы тот осмотрел меня.

Ночью нас никто не беспокоил, и мы продолжали продвигаться к цели. Шли всю ночь и весь следующий день.

К тому времени нас было уже тысяч пять. Амбер сиял прямо впереди.

Всю следующую ночь мы проспали, а наутро вновь вышли в поход. Мы довольно успешно продвигались вдоль берега моря, и Джулиана с его конницей не было видно.

Боль от ожогов почти прошла, рана в бедре тоже не особенно беспокоила меня, только плечо по-прежнему сильно болело и жгло, а левая рука плохо слушалась.

Мы все шли и шли, постепенно приближаясь к Амберу. Погода стояла хорошая. Слева виднелись обугленные стволы и ветви погибшего леса. Пожар уничтожил и большую часть деревьев в долине, что, впрочем, оказалось нам на руку: здесь уже невозможно было бы устроить засаду — любой человек виднелся издалека. Мы прошли еще порядком до захода солнца и разбили лагерь на берегу реки.

Утром меня осенило, что до коронации Эрика времени почти не осталось, и я сказал об этом Блейзу. Мы оба совсем потеряли счет дням. Нужно было спешить.

До полудня мы совершили настоящий марш-бросок, затем остановились передохнуть. До подножия Колвира оставалось не более дневного перехода. К наступлению сумерек это расстояние сократилось вдвое.

Около полуночи мы разбили лагерь и остановились на ночлег. Теперь я уже почти пришел в себя, даже немного поупражнялся с мечом и понял, что практически восстановил свои силы. А утром почувствовал себя снова в форме.

Мы вышли в путь и у самого подножия Колвира встретились не только с войском Джулиана, но и со ставшими пехотинцами командами уцелевших кораблей Кейна.

Завидев их, Блейз принялся командовать, как Роберт Ли при Чэнселлорсвилле*. Нам ничего не оставалось, только наступать! И мы пошли в атаку.

После этого боя наша армия насчитывала не более трех тысяч воинов. Джулиан, конечно же, сбежал.

Но мы победили. Мы одержали блистательную победу! И всю ночь в лагере царило веселье.

Однако меня одолевали страхи и сомнения, которыми я поделился с Блейзом. Предстояло штурмовать Колвир, имея всего три тысячи человек!

Флот мы потеряли, сухопутная армия Блейза уничтожена на девяносто восемь процентов. Радоваться нечему. Мне крайне не нравился такой расклад сил.

На следующий день мы начали подъем. На склоне Колвира была каменная лестница, позволявшая идти узкой цепочкой по двое. Но чем выше, тем уже становилась лестница, и вскоре мы уже поднимались гуськом, один за другим.

Так мы преодолели первые сто ступенек, потом двести, потом триста...

И тут с моря подул ветер. Он обрушивался на нас с такой силой, что приходилось держаться друг за друга, чтобы не сдуло. Вскоре мы потеряли еще около двух сотен человек.

Но продолжали подъем.

Потом начался ливень. Подъем становился все круче, ступени были страшно скользкими. Мы преодолели четвертую часть лестницы, когда столкнулись с вооруженным отрядом, спустившимся нам навстречу.

Шедшие первыми сразу же вступили в схватку; двое упали. Мы поднялись еще на две ступени; еще один наш воин полетел в пропасть.

Так продолжалось более часа; мы преодолели первую треть подъема и продолжали идти вверх. Наши краснокожие гиганты оказались гораздо сильнее воинов Эрика, и хотя бы это было уже отрадно. Раздавался звон мечей, вопль, и вниз летел очередной несчастный. Иногда это был краснокожий или мохнатый воин из нашей армии, но гораздо чаще — солдаты из армии Эрика.

Так мы поднялись до половины склона, отвоевывая буквально каждый шаг. Ближе к вершине ступени делались все более широкими, такими же, как там, в Ребме, чья Лестница была отражением этой, настоящей, которая вела прямо к Восточным воротам Амбера.

У нас в авангарде оставалось всего человек пятьдесят. Потом — сорок, двадцать, дюжина...

Мы прошли уже две трети пути. Лестница извивалась, повторяя изгибы склона горы. Восточной лестницей вообще пользовались редко. Согласно нашему первоначальному плану мы по лесистой долине должны были обойти город с тыла и проникнуть туда через Западные ворота. Лесной пожар и атаки конницы Джулиана заставили нас изменить направление удара. С оставшимися войсками нам никогда бы не удалось проникнуть в город с тыла. Придется либо ударить в лоб, либо отступить. Только отступать мы не собирались.

Пало еще трое воинов Эрика, и мы отвоевали еще четыре ступени. Потом пал один из наших.

С моря дул холодный пронзительный ветер, к подножию горы уже начало собираться воронье. Сквозь тучи вдруг проглянуло солнце. Видимо, Эрик оставил свои штучки с погодой и теперь был полностью поглощен подготовкой войска.

Мы отвоевали еще шесть ступеней, потеряв одного воина.

Очень странный и печальный то был подъем.

Блейз шел впереди меня. Скоро придет его черед. А потом — мой, если он погибнет.

В авангарде оставалось всего шестеро.

Еще десять ступеней... Осталось пятеро...

Мы продолжали продвигаться вверх, медленно, мучительно. Ступени заливала кровь, насколько мог видеть глаз. Да, боевой дух наших воинов был поистине неистребим!

Шедший первым уложил четверых и погиб сам. Лестница снова повернула.

Мы упорно поднимались! В авангарде осталось всего трое. Первый упрямо лез вперед и вверх — в каждой руке по клинку. Для него это была священная война, каждый удар он наносил с удвоенной силой. Он уложил троих, прежде чем пал сам.

Следующий не был столь отважен и ловок, его уложили сразу. Передо мной осталось двое.

Блейз уже вытащил из ножен свой длинный меч: лезвие засверкало на солнце.

— Что ж, братец, — сказал он. — Посмотрим, устоят ли они против принца Амбера!

— Надеюсь, что в любом случае одного принца им будет достаточно, — ответил я.

Он рассмеялся.

Мы преодолели уже, наверное, три четверти пути, когда пришла очередь Блейза.

Он бросился вперед, и тут же первый воин противника полетел в пропасть. Потом острием меча он проткнул горло следующему, а третьего оглушил ударом плашмя и тоже скинул вниз. Вскоре за ними последовал и четвертый.

Я не отставал ни на шаг, держа меч наготове.

Блейз дрался великолепно, куда лучше, чем я ожидал, и значительно лучше, чем в те годы, что я помнил. Он летел вперед, как ураган, его меч сверкал, как живая молния. И враги падали вокруг него один за другим.

Что бы там раньше ни говорили о Блейзе, в тот день он был истинным принцем Амбера. Но надолго ли хватит у него сил?

В левой руке он сжимал кинжал, которым пользовался с ужасающей точностью, сходясь с противником вплотную. Своего одиннадцатого он прикончил именно кинжалом, ударив в шею. И мертвец полетел вниз, унося клинок, застрявший в страшной ране.

Веренице врагов не было видно конца. Видимо, они шли непрерывным потоком прямо с площади на вершине. Я все же надеялся, что моя очередь не наступит, я уже почти верил в это.

Еще трое убитых упали, прежде чем мы добрались до небольшой площадки перед очередным поворотом лестницы. Блейз расчистил ее от врагов и двинулся дальше. Уже полчаса он шел впереди меня и все убивал, убивал... Я слышал восхищенные восклицания воинов позади меня. И уже почти поверил, что мы дойдем так до самой вершины.

Блейз использовал все известные ему приемы боя: сбивал противника с толку, размахивая плащом перед его носом, ставил подножки, выкручивал врагам руки. Словом, разошелся вовсю.

Так мы поднялись до следующей площадки. У Блейза рукав уже был в крови, но он продолжал улыбаться. А воины позади тех, кого он убивал одного за другим, побледнели до синевы. Это только придало ему сил, да и я был рядом, готовый занять его место в случае чего. Это тоже прибавляло врагу страха. Потом уже я понял, что воины Эрика знали, что произошло во время морского сражения.

Блейз благополучно миновал еще одну площадку и вновь пошел вверх. Вот уж никогда не подумал бы, что он столько продержится! Я бы не выдержал. Поистине замечательный пример выдержки, выносливости и фехтовального искусства; никогда не видел ничего подобного после того, как Бенедикт в одиночку защитил проход в Арденском лесу от толп варваров из Гхенеша.

Однако Блейз начал заметно уставать. Если бы только я мог заменить его, хотя бы дать ему возможность передохнуть!..

Но я никак не мог этого сделать. И продолжал подниматься позади него, сознавая, что каждый удар может стать для Блейза последним.

Он явно слабел. А до вершины было еще добрых полсотни шагов.

Мне вдруг стало жаль Блейза. Он все же был моим братом и действительно хорошо ко мне относился все это время. Не думаю, что он был уверен в конечной победе, однако сражение продолжал. По сути дела, он своими руками прокладывал мне дорогу к трону.

Блейз убил еще троих, но меч его поднимался все медленнее. С четвертым он сражался целых пять минут, прежде чем уложил и его. Я был уверен, что следующий — его последняя жертва...

Но я ошибся.

Когда Блейз наконец уничтожил и этого противника, я, переложив меч в левую руку, правой вынул свой кинжал и метнул его.

Кинжал по самую рукоять вошел в горло следующему врагу. Блейз, перепрыгнув сразу через две ступени, рубанул еще одного по ногам. Тот рухнул куда-то вбок. Блейз сделал выпад и распорол брюхо следующему. Я тоже бросился вперед, чтобы прикрыть своего брата справа, но в этом не было нужды.

У Блейза как будто прибавилось сил. Он свалил еще двоих. Я вытащил из ножен запасной кинжал, да еще один мне передали сзади.

Кинжал я держал наготове, пока не заметил, что Блейз вновь начинает уставать, и сразу метнул кинжал в его противника. Однако тот как раз сделал выпад, и кинжал попал в него не острием, а рукоятью. Тем не менее он попал ему в голову, и Блейзу оставалось только посильнее толкнуть оглушенного врага, чтобы тот свалился вниз.

И тут следующий воин прыгнул вперед и, несмотря на то, что сам напоролся на меч Блейза, успел все же нанести ему сильный удар в плечо. Оба они покатились вниз.

Я даже не успел ни о чем подумать и действовал совершенно инстинктивно. Это было одно из тех решений, которые принимаешь в долю секунды и осознаешь только потом. Моя рука сама метнулась к поясу, выхватила футляр с колодой карт и кинула его Блейзу, когда тот на мгновение зацепился за крошечный выступ.

— Держи! — заорал я.

И он успел поймать футляр.

У меня не хватило времени проследить, что с ним было потом, — пришлось парировать выпад очередного противника.

Так начинался последний этап нашего восхождения на Колвир.

Скажу сразу: нам все-таки удалось добраться до вершины. Задыхаясь, я остановился на последней площадке, а вокруг меня собрались мои взобравшиеся следом верные воины.

Мы построились и вновь пошли в атаку. Нам потребовался час, чтобы достигнуть Ворот и с боем миновать их.

Мы были в Амбере.

Уверен, что Эрик все-таки никогда не предполагал, что мы сумеем пробиться.

Как-то там Блейз, подумал я. Успел ли он вытащить нужную карту и воспользоваться ею, прежде чем достиг подножия Колвира?

Мы все-таки явно недооценивали противника. Его силы снова превосходили наши. Оставалось только сражаться до последнего. Отчего же я поступил так глупо, бросив Блейзу колоду? Я знал, что своих карт у него нет; видимо, это и заставило меня так поступить. Может быть, сказывалось влияние тех столетий, что я провел в Тенях, на Земле? А ведь карты могли бы и мне самому пригодиться, если дело обернется худо...

Именно так и произошло.

Мы дрались до наступления сумерек, и у меня оставалась всего лишь горсточка воинов. Мы уже достаточно далеко продвинулись в глубь Амбера, когда нас окружили. Мы отчаянно отбивались, и я терял своих воинов одного за другим. Силы были слишком неравными.

Ллевелла или Дейрдре, несомненно, предоставили бы мне убежище... Зачем только я отдал карты Блейзу?

Я уложил еще одного и постарался забыть о картах.

Солнце село, все окутала ночная тьма. Нас оставалось всего несколько сотен — и очень далеко до дворца.

И тут я увидел Эрика. Он что-то кричал, отдавая распоряжения. Ах, если бы я только мог до него добраться!

Наверное, пора было сдаваться, чтобы сохранить жизнь оставшимся воинам, на славу мне послужившим. Но кому сдаваться? Да никто от нас этого и не требовал. Даже если бы я специально вызвал Эрика, он бы попросту меня не услышал. Он вообще не участвовал в бою: только командовал издали.

И мы продолжали сражаться, хотя в живых осталось уже меньше сотни моих людей.

Опущу подробности. В конце концов противник перебил всех, кроме меня. На меня же набросили сеть, сначала оглушив. Я упал, был связан по рукам и ногам и лишился сознания... Но какие-то неясные кошмары преследовали меня даже в забытьи, словно не желая оставить в покое.

Итак, мы полностью проиграли.

Очнулся я в подземелье, где-то очень глубоко. Было страшно жаль, что у нас так ничего и не вышло, несмотря на то, что мы все-таки пробились в город.

Я был все еще жив — значит, Эрик что-то задумал в отношении меня. Мне представились кандалы, дыба, огонь и раскаленные клещи. Лежа на куче прелой соломы, я вообразил, на что буду похож через несколько дней.

Сколько времени я пробыл без сознания? Неизвестно.

Я обшарил всю камеру в поисках хоть чего-нибудь острого, рассчитывая покончить с собой, но ничего подходящего не нашел.

Раны мои горели огнем, я чувствовал страшную усталость и снова лег на солому, моментально провалившись в сон.

Когда я проснулся, рядом по-прежнему никого не было. Никто не заходил. Никто не собирался пытать меня.

Я лежал, закутавшись в плащ, и перебирал в памяти события последних дней — с тех пор как очнулся в клинике «Гринвуд» и отказался от уколов. Может быть, отказываться и не стоило.

Теперь я познал отчаяние сполна.

Скоро состоится коронация Эрика, он станет королем Амбера. Или уже стал?

Меня почему-то все время тянуло в сон. Я совершенно лишился сил. Это была первая за много, много дней возможность как следует отдохнуть и постараться забыть о своих ранах и несчастьях...

В камере было темно и сыро. И отвратительно воняло.

VIII

Не знаю, сколько раз я просыпался и вновь погружался в сон. Дважды, проснувшись, я обнаруживал рядом хлеб, мясо и воду. Я съедал все, что мне приносили. В камере было по-прежнему темно и очень холодно. Я все время чего-то ждал.

И за мной наконец пришли.

Дверь, заскрипев, отворилась, в камеру упал луч света. Я зажмурился, и кто-то окликнул меня.

Потом меня вели по коридору, битком набитому вооруженными людьми: опасались, как бы я не выкинул какой-нибудь номер.

Я еле тащился, потирая заросшие щетиной щеки. Наконец мы вышли на площадку, откуда начиналась винтовая лестница, и стали подниматься. Вопросов я никому не задавал, со мной тоже никто не заговаривал.

Когда мы поднялись наверх, меня снова куда-то повели. И в итоге я оказался в теплой и чистой комнате, где мне велели раздеться; я подчинился. А потом с наслаждением погрузился в горячую ванну, приготовленную специально для меня. Слуга тщательно вымыл меня, затем побрил и подстриг.

Я переоделся во все новое: черное с серебром. И на спину мне набросили плащ, застегнутый на плече пряжкой в виде серебряной розы.

— Если вы готовы, — сказал мне начальник стражи, — то прошу идти за мной.

Я пошел за ним, а стража — следом.

Меня отвели на задний двор. Кузнец заковал мои руки и ноги в кандалы, слишком прочные, чтобы пытаться их сломать. Сопротивляться я не пытался: меня просто избили бы до потери сознания, но оковы все равно надели бы.

Несколько стражников, взявшись за свисавшие с моих оков цепи, отвели меня обратно во дворец. Я совершенно не замечал великолепия обстановки. Я был здесь пленником и, вероятно, скоро буду либо мертв, либо подвергнут

пытке. Так или иначе, я ровным счетом ничего предпринять не мог. Лишь проходя мимо окна, я заметил, что на дворе уже рассвело. И с удивлением обнаружил, что испытываю полное равнодушие к бесчисленным залам, где играл еще ребенком.

Миновав еще один длинный коридор, мы вошли в огромную столовую. Во всю ее длину были накрыты столы, за столами сидели люди; многие из них были мне знакомы.

Меня окружали сотни знатнейших особ Амбера в роскошных парадных костюмах. Играла тихая музыка, горели факелы. Столы были уставлены изысканными блюдами, но никто пока не ел.

Среди нескольких незнакомых мне лиц я заметил Флору. Потом увидел нашего менестреля, лорда Рейна. Да, именно лорда — я же сам посвятил его в рыцари когда-то. Мы не виделись несколько столетий! Встретив мой взгляд, он отвел глаза.

Меня усадили за огромный стол в центре зала. Стража осталась стоять за моей спиной. Концы моих цепей прикрепили к кольцам, явно не так давно вмурованным в пол.

Место во главе стола пока пустовало.

Женщина, сидевшая справа от меня, была мне незнакома, зато моим соседом слева оказался Джулиан. Я не обратил на него ни малейшего внимания, как бы весь поглощенный дамой, миниатюрной блондинкой.

— Добрый вечер, сударыня, — сказал я. — Мне кажется, я никогда еще вас здесь не видел. Меня зовут Корвин.

Она растерянно обернулась за поддержкой к своему соседу справа — огромному рыжему малому с усеянным веснушками лицом. Но тот вдруг принялся нарочито оживленно беседовать с другой своей соседкой, сидевшей дальше.

— Со мной вполне можно разговаривать, — сказал я блондинке. — Я вовсе не заразен.

Она слабо улыбнулась в ответ:

— Меня зовут Кармел. Как вы себя чувствуете, принц Корвин?

— У вас прелестное имя. И чувствую я себя прекрасно. Но признайтесь: что вы, такая красивая женщина, делаете в этом мрачном дворце?

Она поспешно пригубила воды из бокала.

— Корвин, — сказал Джулиан, пожалуй, несколько громче, чем требовалось, — мне кажется, дама находит тебя слишком назойливым!

— Она сама об этом тебе поведала?

Он не покраснел — побелел от ярости.

— Хватит! Замолчи!

Я расправил плечи, нарочно загремев цепями на весь зал. Я сделал это, чтобы проверить, насколько цепи сковывают движения. Конечно же, они очень мешали. Эрик принял все меры предосторожности.

— Ну-ка, братец, повтори, что ты сказал! — обратился я к Джулиану.

Братец не ответил.

Я был последним из гостей за этим столом, и теперь все ждали выхода Эрика. И он появился.

Шесть труб пять раз звонко возвестили об этом, и Эрик вошел в зал.

Все встали. Все, кроме меня. Стражникам пришлось поднять меня за цепи и силой держать в стоячем положении.

Эрик слегка улыбнулся и спокойно проследовал к своему месту во главе стола, справа от меня. Я едва мог разглядеть, во что он одет: все скрывала тяжелая горностаевая мантия.

Эрик не сел, а продолжал стоять. Рядом с ним неслышно появился виночерпий, и на столах тотчас же начали наполнять кубки и бокалы.

Когда вино всем было налито, Эрик поднял свой кубок.

— Да пребудем мы вовеки веков в мире, — провозгласил он, — и да пребудет во веки веков наш Амбер!

Все подняли кубки. Все, кроме меня.

— Подними кубок! — прошипел Джулиан.

— Пошел к черту! — ответил я.

Он, конечно, не пошел, но злобно уставился на меня.

Затем я быстро наклонился и поднял свой кубок. Эрика отделяло от меня сотни две народа, однако слышал он меня вполне хорошо. Тем более что все время, не отрываясь, на меня смотрел.

— За Эрика, что сидит вон там, на дальнем конце стола! — провозгласил я.

Меня почему-то никто не тронул. Джулиан тут же вылил свое вино на пол, и все остальные последовали его примеру. А я успел выпить кубок почти до дна, прежде чем его у меня выбили.

Эрик сел, и все тоже сели. Меня наконец отпустили, и я упал в свое кресло.

Слуги начали обносить яствами, и я принялся за еду. Я был голоден и ел с не меньшим аппетитом, чем остальные, пожалуй, даже и с большим, чем многие.

Обед длился два часа с лишним, в зале все время играла музыка. Никто больше не сказал мне ни слова, да я и сам все это время молчал. Но мое присутствие за столом ощущалось отчетливо: на этом конце его разговаривали значительно тише, чем в других местах.

Кейн сидел дальше от меня и ближе к Эрику, справа от него. Я догадался, что Джулиан почему-то лишен милости. Здесь не было ни Дейрдре, ни Рэндома, зато было множество других, кого я знавал когда-то и даже раньше считал друзьями; никто из них даже не взглянул на меня.

И тут я понял, что Эрику требуется всего лишь маленькая формальность, чтобы стать полновластным правителем Амбера.

И вскоре он своего добился.

Окончание обеда не было ознаменовано речами. Эрик просто встал из-за стола. Вновь хрипло зазвучали трубы.

Все тоже встали, и процессия направилась в тронный зал.

Я уже понял, что будет дальше.

Эрик остановился у трона, и все склонились перед ним в низком поклоне.

Кроме меня, конечно. Но меня все-таки заставили упасть на колени. Силой.

Сегодня был день коронации Эрика.

В зале воцарилось полное молчание. Кейн приблизился к Эрику, держа в руках алую подушечку, на которой лежала корона Амбера. Кейн преклонил перед будущим королем одно колено и замер, протягивая корону Эрику и предлагая взять ее.

И тут меня рывком подняли с пола и поволокли вперед. Я понял зачем. Эта мысль поразила меня как молния. Я сопротивлялся изо всех сил. Но меня сбили с ног и подтащили к подножию трона.

Вновь зазвучала музыка. Теперь она играла «Песнь Амбера». Джулиан, стоявший позади меня, провозгласил:

— Восславим же нашего нового короля! — А потом мне на ухо прошептал: — Возьми корону и подай ее Эрику! Он сам наденет ее!

Я не отрываясь смотрел на корону Амбера — тяжелый серебряный обруч с семью зубцами, каждый из которых венчал драгоценный камень*. Кроме того, она была буквально усыпана изумрудами, а по бокам, над висками, сияли два огромных рубина.

Я не двигался. Перед моим мысленным взором возникло лицо отца, увенчанного этой короной.

— Никогда! — сказал я и почувствовал удар по левой щеке.

— Возьми ее и подай Эрику! — повторил Джулиан.

Я тоже попытался его ударить, но меня держали крепко. Джулиан снова ударил меня.

Я еще раз посмотрел на корону, на ее острые высокие зубцы.

— Хорошо, — сказал я и, как бы решившись, протянул руку.

Я поднял корону обеими руками, подержал так секунду, затем быстро возложил себе на голову и провозгласил:

— Коронуя себя, принца Корвина, и провозглашаю королем Амбера!

Корону с меня немедленно сорвали, она вновь была водружена на подушку. Я же получил несколько ощутимых ударов в спину. По залу пронесся легкий шум.

— Возьми корону и подай ее Эрику! — злобно прошипел Джулиан. — Ну же!

Еще один пинок сзади.

— Хорошо, — сказал я, чувствуя, что весь взмок.

На этот раз я метнул корону прямо в Эрика, стараясь попасть ему зубцами в глаза.

Он поймал ее на лету правой рукой и улыбнулся, глядя, как меня избивают.

— Благодарю тебя, — промолвил он. — А теперь слушайте все: и те, что присутствуют в этом зале, и те, что внемлют мне в Тенях! Сегодня я собственноручно коронуя себя и принимаю титул короля Амбера! Я беру скипетр и принимаю Амбер под свое покровительство! Я честно победил в борьбе за этот трон и отныне буду владеть им по праву крови!

— Лжец! — закричал я, но мне зажали рот.

— Я коронуя себя и нарекаю Эриком Первым, королем Амбера, Янтарного королевства!

— Да здравствует король! — трижды провозгласили все присутствующие.

И тогда Эрик наклонился ко мне и прошептал:

— Глаза твои видели сегодня величайшее зрелище из всех, какие ты когда-либо лицезрел. Но это — последнее, что они видели! Эй, стража! Отвести его в кузницу и ослепить! Выжечь ему глаза! Пусть сегодняшняя церемония будет последним, что они увидят. А потом заточить пленника в самом глубоком и темном подземелье! И пусть даже имя его будет забыто!

Я плюнул ему в лицо, и меня снова жестоко избили.

Я пытался сопротивляться, но меня силой выволокли из тронного зала. Никто даже не обернулся в мою сторону. Последнее, что я увидел, был Эрик, восседающий на троне с милостивой улыбкой.

Его приказ в отношении меня был исполнен незамедлительно. К счастью, я потерял сознание до того, как они завершили свое страшное дело.

Не представляю, сколь долго я провалялся без чувств. Очнувшись в полном мраке, на который отныне был обречен, я почувствовал ужасную боль в глазницах. Может быть, именно тогда, увидев приближающееся к моим глазам раскаленное железо, я и произнес свое страшное проклятие; может быть, и раньше. Не помню. Но я знал: Эрику никогда спокойно не править в Амбере, ибо проклятие одного из принцев, да еще произнесенное в неистовстве, будет тяготеть над проклятым вечно.

От боли я вцепился зубами в пучок соломы. Слез не было — и в этом заключалось самое страшное. Меня окружала тьма. Бог знает, сколько прошло времени, прежде чем я погрузился в спасительный сон.

Я проснулся вместе с болью. Встал, шагами измерил свою темницу. Четыре шага в ширину, пять в длину. В одном углу — куча соломы и соломенный тюфяк сверху, в другом — отверстие в полу для отправления естественных потребностей. В нижней части двери — небольшое отверстие, закрытое дверкой, и полочка. На полочке стоял поднос с куском черствого хлеба и кувшином воды. Я поел и напился, но это мало мне помогло.

Голова раскалывалась от боли, и душа страдала не меньше.

Я почти все время спал, никто ко мне не приходил. Я просыпался, ел, бродил по камере и снова засыпал.

По моим подсчетам, прошло дней семь. Боль в глазницах наконец утихла. Но ненависть к брату моему, ставшему правителем Амбера, ярким пламенем пылала в моей груди. Лучше бы он меня убил!

Интересно, как на мое ослепление реагировали жители Янтарного королевства?

Когда окружающий меня ныне мрак достигнет границ Амбера, Эрик — я был уверен! — еще пожалеет о содеянном. Эта мысль немного согревала.

Так начались для меня дни бесконечного мрака и полного бессилия. Впрочем, даже если бы глаза у меня были, я все равно не смог бы отличить в этой темнице день от ночи, ибо здесь не было ни окон, ни света.

Время текло само по себе, словно проходило мимо. Порой от этой мысли меня бросало то в жар, то в холод. Сколько же все-таки я здесь нахожусь? Месяцы? Или только часы? Или недели? А может быть, годы?

Я совершенно утратил способность ощущать течение времени. Я спал, ходил по камере (я уже помнил наизусть каждую выбоинку), вспоминал былое, свои деяния и то, чего сделать не успел... Иногда просто сидел, скрестив ноги, в оцепенении, дыша медленно и глубоко, пытаясь вывернуть наизнанку свою память, пока хватало сил и терпения. Порой это помогало.

Да, Эрик поступил умно. Я сохранил свою силу и могущество, но теперь они были бесполезны. Слепой не в состоянии пройти через Тени.

Моя борода уже достигала груди, волосы тоже сильно отросли. Сначала мне все время страшно хотелось есть, затем аппетит почти прошел. Порой, при резких движениях, сильно кружилась голова.

Во сне — а снились мне чаще всего кошмары — способность видеть возвращалась, и это причиняло мне при пробуждении особые страдания.

Однако некоторое время спустя я как бы отрешился от своего горя и тех событий, которые предшествовали моему ослеплению. Порой казалось, что это случилось вовсе не со мной, а с другим человеком. Странно, но это тоже было похоже на правду.

Я, наверное, сильно исхудал, выглядел тощим и бледным. Плакать я не мог, хотя иногда мне очень этого хотелось; слезные железы были явно повреждены. Чудовищно! Сама мысль об этом вселяла в меня ужас.

Однажды посреди этого бесконечного мрака я вдруг услышал, что кто-то скребется в дверь, но не обратил на это внимания.

Звук повторился, и снова я не ответил.

Потом кто-то позвал меня по имени.

Я подошел к двери.

— Кто это?

— Это я, Рейн, — раздалось в ответ. — Как вы там?

Я рассмеялся:

— Отлично! Просто превосходно! Бифштексы и шампанское каждый вечер! И юные танцовщицы!.. Господи, нашел о чем спросить!

— Мне очень жаль, — произнес он, — что я ничем не могу помочь вам.

В его голосе чувствовалась искренняя боль.

— Спасибо, — сказал я.

— Я бы все для вас сделал, если бы только мог!

— Знаю.

— Я вам тут кое-что принес. Возьмите, пожалуйста.

Окошечко в низу двери скрипнуло, открываясь.

— Что это?

— Чистая одежда. Свежий хлеб, головка сыра, говядина, две бутылки вина, сигареты, спички...

У меня ком в горле застрял.

— Спасибо, Рейн. Ты молодчина! Как это тебе удалось?

— Я хорошо знаю одного стражника... Он никому не проговорится — слишком многим мне обязан.

— Ничего. Свой должок он сумеет вернуть, сделав донос на тебя, — сказал я. — Так что лучше больше не приходи, хотя твой приход мне очень приятен. И я, конечно, постараюсь уничтожить все следы.

— Мне очень жаль, что все получилось именно так, а не наоборот, Корвин.

— Мне тоже. Спасибо, что хоть помнишь обо мне: всем ведь приказано забыть...

— Ну, это нетрудно.

— Сколько времени я здесь?

— Четыре месяца и десять дней, — ответил Рейн.

— Что нового в Амбере?

— Эрик сидит на троне. Этим все сказано.

— А что Джулиан?

— Отправился обратно в Арденский лес со своим войском.

— С чего бы это?

— Странные вещи происходят ныне в Тенях...

— Так. А Кейн?

— Он еще в Амбере. Наслаждается жизнью. Вино и женщины.

— Джерард?

— Стал адмиралом и командует королевским флотом.

Я вздохнул с некоторым облегчением. Я опасался, что его уступка мне и отход к югу во время того сражения будут иметь дурные последствия.

— От Рэндома ничего не слышно?

— Сидит здесь же, только в верхних камерах.

— Что? Неужели его схватили?

— Да. Он прошел по магическому Пути и явился во дворец с арбалетом. Ему удалось ранить Эрика, прежде чем его успели схватить.

— Да ну! Почему же Рэндома не убили?

— Прошел слух, что он женат на знатной даме из Ребмы. А Эрик не хочет портить с Ребмой отношения. У Моэри сейчас очень сильное королевство, поговаривают, будто Эрик даже хотел к ней посвататься. Слухи, конечно. Но занятные.

— Да уж, — сказал я.

— Вы ведь ей нравились, правда?

— Возможно. А ты-то откуда знаешь?

— Когда Рэндому выносили приговор, я улучил момент и успел с ним поговорить. Леди Виола утверждает, что она жена Рэндома, и просит разрешения присоединиться к нему в тюрьме. Эрик все еще не решил, что ей ответить.

Я вспомнил о слепой девушке из Ребмы, которой никогда не видел, и задумался о превратностях судьбы.

— Давно все это произошло?

— М-м-м... Тридцать четыре дня назад, — ответил Рейн. — То есть это Рэндом тогда объявился. А Виола подала свое прошение неделей позже.

— Необычная, должно быть, дама. Она что же, действительно любит Рэндома?

— Мне так кажется, — сказал Рейн. — Более странный брак трудно себе представить.

— Если тебе удастся увидеть Рэндома, передай ему от меня привет и скажи: мне очень жаль, что все так получилось.

— Хорошо.

— А как поживают мои сестры?

— Дейрдре и Ллевелла по-прежнему в Ребме. Леди Флора пользуется полным доверием Эрика и занимает весьма высокое положение при дворе. А вот о Фионе я ничего не знаю.

— О Блейзе какие-нибудь вести были?

— Никаких. Вероятно, он погиб, — сказал Рейн. — Впрочем, тела его так и не нашли.

— Бенедикт?..

— От него по-прежнему ничего.

— А Брэнд?

— О нем тоже ничего не известно.

— Так. Кажется, всех перебрали. Ну а сам-то ты как? Сочинил что-нибудь новое?

— Нет, — ответил он. — Я, правда, заканчиваю «Песнь об осаде Амбера», только вряд ли ее кто-нибудь увидит.

Я просунул руку в окошечко.

— Коснись моей руки, Рейн, — попросил я и тут же почувствовал ответное пожатие. — Я очень благодарен тебе за все. Но прошу: не приходи ко мне больше. Не стоит так рисковать. Опасно навлекать на себя гнев Эрика.

Он еще раз сжал мою руку, и мы расстались.

Я нащупал пакет, который он мне принес, и с жадностью набросился на мясо. Потом съел хлеб. Я уже почти забыл вкус нормальной пищи. После сытной еды меня стало клонить в сон, и я уснул. Спал я, правда, недолго, а проснувшись, откупорил одну из бутылок с вином.

Выпил я всего несколько глотков, куда меньше, чем позволял себе прежде, когда вино еще будоражило кровь. Потом закурил, уселся на тюфяк, опершись спиной о стену, и задумался.

Я помнил Рейна еще совсем ребенком. Я давно уже стал взрослым, а он всего лишь готовился к должности придворного шута. Тоненький умный мальчик. Над ним часто смеялись, в том числе и я. Но я тогда уже вовсю сочинял баллады и музыку к ним, а он раздобыл где-то лютню и стал учиться играть. Скоро мы пели с ним на два голоса, и Рейн мне нравился все больше и больше. Мы теперь вместе занимались и боевыми искусствами. Он, правда, почти ничего не умел, но мне было стыдно за прежнее пренебрежение к нему, я сам стал учить его, и в итоге он начал фехтовать вполне сносно. Мне ни разу потом не пришлось об этом пожалеть, да и ему, полагаю, тоже.

Вскоре он стал менестрелем при дворе Амбера. Но я продолжал называть его своим пажом: а когда началась война с чудовищными черными порождениями Теней, вейрмонкенами, Рейн сделался моим оруженосцем, и мы всегда были вместе. После битвы у Джонс-Фоллс я посвятил его в рыцари. Он этого вполне заслуживал. А чуть позднее Рейн потихоньку начал обгонять меня в том, что касалось стихосложения и музыки. В одежде он предпочитал алые цвета, а слова его были будто чистое золото. Я крепко любил его; таких настоящих друзей в Амбере у меня было всего двое или трое. Но я и не надеялся, что он осмелится так рисковать ради визита ко мне, да еще принесет вкусной еды. Вряд ли кто-то еще из моих бывших друзей решился бы на такое.

Я выпил еще немного вина и закурил вторую сигарету — в честь Рейна. Очень хороший, добрый человек. Интересно, удастся ли ему выжить при дворе Эрика?

Окурки и пустую бутылку я спрятал в изголовье под соломой. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь обнаружил остатки моего пиршества в случае обыска. Я съел все, что мне принес Рейн, и впервые за все время заключения почувствовал себя совершенно сытым. Вторую бутылку вина я все же оставил на потом, на всякий случай, и вернулся к прежнему образу жизни. К своим невеселым воспоминаниям.

Я все-таки надеялся, что Эрик не получил всей власти, какой может обладать правитель Амбера. Даже несмотря на то, что стал королем. Но знания его пока еще были недостаточны, а потому он и не мог бы быть столь же могущественным, как наш отец. Существует один шанс из миллиона, что все еще может измениться в мою пользу. Только благодаря этой мысли мне удавалось сохранять остатки рассудка, не сойти с ума от безвыходного отчаяния.

Правда, порой я, видимо, рассудок все-таки терял. Не уверен, но вполне возможно. Некоторые периоды пребывания в подземелье совершенно выпали у меня из памяти, я не помню абсолютно ничего, сколько ни пытаюсь вспомнить. Бог его знает почему.

И ни один из врачей не смог бы мне ответить на этот вопрос, ибо ни один врач не в силах помочь никому из королевской семьи Амбера.

Я часами валялся на своем тюфяке, подолгу расхаживал по камере, но все — в полном мраке. Зато слух у меня предельно обострился. Я слышал шуршание крыс в соломе, отдаленное эхо шагов стражника, приносившего мне еду. По звуку я научился определять направление и расстояние.

Думаю, что и обоняние тоже стало значительно тоньше. Помимо различных тошнотворных ароматов, наполнявших темницу, я в течение долгого времени явственно ощущал запах разлагающейся плоти. Я мог бы поклясться в этом. Интересно, скоро ли заметят, если я умру? Сколько кусков черствого хлеба останутся несъеденными, прежде чем стража наконец соизволит проверить, что происходит?

Ответ на этот вопрос представлял для меня значительный интерес.

Запах смерти был весьма стойким. На мой взгляд, он меня преследовал, видимо, с неделю.

Сигареты я расходовал очень экономно, стараясь не уступать искушению. Но в конце концов осталась всего одна пачка.

Я открыл ее и закурил. Рейн принес мне целый блок «Salem», и одиннадцать пачек я уже выкурил. Всего, значит, двести двадцать сигарет. Однажды я заметил, что мне нужно семь минут, чтобы выкурить сигарету. Значит, на курение у меня ушло тысяча пятьсот сорок минут, то есть двадцать пять часов и сорок минут. Я был уверен, что между двумя сигаретами проходило не менее часа, скорее даже часа по полтора. Ладно, допустим, полтора часа. На сон уходило от шести до восьми часов в сутки. Это означало, что шестнадцать-восемнадцать часов я бодрствовал. Выкуривал я примерно десять-двенадцать сигарет в день. Стало быть, с визита Рейна прошло около трех недель. Он тогда сообщил мне, что миновало четыре месяца и десять дней со дня коронации. Значит, всего я находился в заключении уже пять месяцев.

Я как мог растягивал последнюю пачку сигарет, предельно наслаждаясь каждой. Когда же сигареты все-таки кончились, я испытал приступ отчаяния.

Прошло еще неведомо сколько времени.

Я часто думал об Эрике. Как ему сидится на королевском троне? С какими проблемами он сталкивается? И чего он теперь хочет? Почему он не стал подвергать меня пыткам? Забудут ли обо мне в Амбере навсегда, как того жаждал нынешний король? Вряд ли, решил я.

Интересно, а что с остальными моими братьями? Почему никто из них ни разу не связался со мной? Они ведь легко могли обойти любой указ, воспользовавшись нашими семейными картами.

Увы, никто этими картами так и не воспользовался.

Я много раз вспоминал Моэри, последнюю женщину, с которой был близок. Чем она сейчас занята? Вспоминает ли меня? Наверное, нет. Может быть, она уже стала наложницей Эрика или даже королевой Амбера. Говорила ли она с ним обо мне? Тоже, наверное, нет.

И как там остальные мои сестры? Ладно, черт с ними. Сволочи они все.

Однажды я уже был ослеплен, в восемнадцатом веке, в Тенях, на Земле. Мне тогда выбило глаза взорвавшейся пушкой. Но я не мог видеть всего только месяц, потом зрение вернулось ко мне. Эрик же намерен был ослепить меня навечно. Мне все еще часто являлся во сне тот страшный миг, когда раскаленное железо приблизилось к моим глазам и коснулось их! И я просыпался тогда от собственного крика, весь в холодном поту, дрожа от боли и ненависти.

Вспомнив об этом, я даже застонал, продолжая расхаживать взад-вперед по камере.

Я совершенно ничего не мог предпринять, вот что самое страшное. Я был беспомощен, как новорожденный младенец. Я отдал бы душу, лишь бы вновь обрести зрение, вернуться к нормальной жизни! Пусть на один только час — чтобы иметь возможность сойтись с мечом в руке на поединке с моим гнусным братцем!

Обессиленный, я рухнул на тюфяк и заснул. А когда проснулся, уже принесли еду. Я поел и опять принялся шагать взад и вперед. Ногти на руках и ногах чудовищно отросли. Борода свисала чуть ли не до колен, а волосы постоянно падали на лицо. Я был покрыт грязной коркой, тело ужасно чесалось. Наверное, на мне завелись блохи или вши.

Уже одно то, что меня, принца Амбера, довели до такого состояния, вызывало во мне бешеную ненависть. Я вырос, с детства воспринимая всех членов нашей семьи как нечто неуязвимое, чистое, холодное и твердое, подобно алмазу. Такими были наши изображения на магических картах. Но, очевидно, в жизни это было не совсем так.

Зато мы оказались похожи на прочих людей и в смысле скрытых резервов воли. Я, например, играл сам с собой в различные игры, сам себе рассказывал всякие истории, вспоминал разные приятные вещи и события, которых было, к счастью, немало. Я размышлял о том, что составляет живой мир, — о ветре, дожде, снеге, о летнем тепле, о прохладных весенних ветрах. В Тенях, на Земле, у меня когда-то был собственный маленький самолет, и мне очень нравилось ощущение полета. Я вспоминал, как сверху открывалась широкая панорама, многообразие цветов и видов: крошечные города на горизонте, голубой простор неба над головой, гряда облаков (где-то теперь эти облака?), бескрайний океан под крылом... Я вспоминал женщин, которых любил, веселые пирушки, тяжелые бои... А когда надоедали все воспоминания и я уже не мог думать ни о чем другом, я думал об Амбере.

И однажды, когда я думал о нем, то ощутил на своих щеках влагу: видимо, мои слезные железы пришли в норму. Я плакал.

Прошло еще немало времени, когда уделом моим были лишь сон да вечный мрак, и вдруг я вновь услышал за дверью шаги. Человек подошел, шаги стихли, в замке повернулся ключ.

После того визита Рейна я уже успел забыть вкус вина и сигарет — слишком давно я пробовал их в последний раз.

Людей было двое. Я догадался об этом еще по их шагам, до того как услышал голоса, один из которых тут же узнал.

Дверь отворилась, и Джулиан окликнул меня по имени.

Я ответил не сразу, и он снова позвал меня:

— Корвин! Иди сюда.

Выбора у меня не было; я поднялся и пошел к двери. Подойдя к нему вплотную, я остановился.

— Что тебе надо? — спросил я.

— Идем со мной. — И он взял меня за руку.

Мы вышли в коридор. Джулиан ничего мне не объяснял, а я не стал унижаться и спрашивать.

Судя по эху, мы, миновав коридор, очутились в большом пустом зале, потом стали куда-то подниматься по лестнице. Стало быть, мы шли во дворцовые покои.

Меня ввели в какую-то комнату и усадили в кресло. Цирюльник занялся моими волосами и бородой. По голосу я его не узнавал. Он спросил, подстричь ли мне бороду или сбрить совсем.

— Сбрей, — ответил я.

Затем мне привели в порядок ногти на руках и на ногах. Я принял ванну, кто-то помог мне одеться во все чистое. Костюм, по всей вероятности, висел на мне, как на вешалке. Потом меня чем-то опрыскали, — видимо, какой-то гадостью от насекомых. Но это было уже не важно.

Затем меня провели в зал, наполненный музыкой, ароматами роскошных яств, голосами и смехом множества людей. Я понял, что нахожусь на пиру.

Когда вошли мы с Джулианом, голоса мгновенно стихли. Меня усадили за стол. Вскоре запели трубы, и меня тут же заставили встать.

И тогда я услышал:

— За здоровье Эрика Первого, короля Амбера! Да здравствует король!

Я пить не стал, но никто, видимо, и внимания на это не обратил. Тост провозгласил Кейн, я узнал его голос.

Я съел столько, сколько смог в себя вместить; я не ел ничего подобного со дня коронации. Из разговоров вокруг я понял, что сегодня — первая годовщина правления Эрика. Стало быть, я провел в подземелье уже целый год.

Ко мне никто не обращался, сам я тоже ни с кем не заговаривал. Я был на том пиру призраком. Этим, видимо, меня стремились еще более унизить, а заодно и предостеречь остальных братьев: непослушание сюзерену карается жестоко! К тому же все знали, что меня приказано забыть.

Празднество продолжалось почти до утра. Кто-то все время подливал мне вина, что уже было неплохо. Так что я с удовольствием пил вино и слушал музыку. Столы к этому времени убрали, потому что меня пересадили в угол.

В итоге я здорово напился, и меня уже под утро на руках отнесли обратно в темницу. Праздник кончился. Жаль, что я так и не упился до скотского состояния!

Закончился первый год моего заключения.

IX

Не стану утомлять вас излишними подробностями. Второй год был точно таким же, как первый, и закончился тем же. И третий — тоже. В течение второго года Рейн дважды приходил ко мне и приносил всякие вкусные вещи и целый ворох сплетен. Каждый раз я строго-настрого запрещал ему появляться в подземелье. Но в течение третьего года он посещал меня шесть раз — каждые два ме-

сяца. Я все твердил, чтобы он не смел являться сюда, но с удовольствием съедал все, что он приносил мне, и слушал его болтовню.

В Амбере было неладно. Из Теней проникали странные существа, несущие страх и зло. Их, конечно, уничтожали. Эрик все пытался понять их природу и происхождение. Я ничего не сказал Рейну о своем проклятии, но про себя радовался, понимая, что оно действует.

Рэндом, как и я, до сих пор оставался узником. Его жена все же добилась своего и теперь воссоединилась с ним в тюрьме. Остальные мои братья и сестры жили по-прежнему. Надежда на возможные перемены не оставляла меня во время празднества по поводу третьей годовщины правления Эрика. Надежда эта очень поддерживала мой дух, я словно ожил вновь.

А кроме того...

Кроме того, произошло нечто, приведшее меня в столь восторженное настроение, что я немедленно откупорил последнюю бутылку вина и вскрыл последнюю пачку принесенных Рейном сигарет, которые берег на самый крайний случай.

Я устроил себе настоящий праздник, пил, курил и мечтал о свете, который вновь забрезжил во тьме кромешной.

Да, я увидел свет!

Тонкий лучик света, внезапно появившийся где-то справа от меня!

Представьте себе: вы очнулись на больничной койке и вдруг поняли, что очнулись слишком рано. Вот такое ощущение я испытывал.

У меня все заживает значительно быстрее, чем у любого другого человека. Этой способностью — в большей или меньшей степени — наделены все члены королевской семьи Амбера. Именно благодаря этой способности я и пережил чуму, бегство французов из Москвы и многое другое. Я регенерирую значительно быстрее и лучше, чем остальные люди. Это отмечал и Наполеон, и генерал Макартур*... Правда, с нервными окончаниями получалось хуже и медленнее, но все равно получалось, и я выздоравливал.

Ко мне возвращалось зрение — вот что означал тот лучик света!

Через некоторое время я уже отчетливо видел, что лучик этот проникает в щель зарешеченного окошка в двери моей темницы.

Итак, глаза мои восстановились — так сказали мне и пальцы, когда я ощупал лицо. Потребовалось, правда, более трех лет, но глаза все-таки сумели регенерировать! Это был тот самый единственный из миллиона шанс, о котором я когда-то упоминал. Такого не мог предполагать даже Эрик, даже он не в силах был до конца оценить мои способности, поскольку у каждого из членов нашей семьи они проявлялись по-разному и в разных масштабах. Тут я одержал верх. Я догадывался, что могу вырастить нервную ткань и даже новые глазные яблоки, — нужно только время.

На франко-прусской войне я был ранен*, и в результате у меня оказалась парализованной вся нижняя часть тела. Уже через два года паралич полностью прошел. В данном же случае у меня была надежда — конечно, почти нереальная, — что мне все-таки удастся восстановить выжженные глаза. И я оказался прав! У меня теперь вновь были глаза, и зрение потихоньку возвращалось ко мне, хотя и очень медленно.

Сколько времени оставалось до следующей встречи с Эриком на пиру? Я застыл посреди камеры, пытаясь унять сердцебиение. Как только заметят, что я

восстановил глаза, я сразу же лишусь их вновь. Значит, необходимо бежать отсюда до окончания четвертого года заключения.

Но как?

До сих пор я, в общем-то, не задумывался о побеге: все равно слепым я никогда бы не выбрался не только из Амбера, но даже и из дворца.

Теперь...

Массивная дверь моей темницы была окована листовой бронзой, а маленькое смотровое окошечко забрано решеткой. Через это окошечко можно было следить за мной, взбреди кому-то такое в голову. Даже если бы мне удалось выбить решетку, до замка все равно не дотянуться. В нижней части двери была маленькая дверка-«кормушка», но она тоже ни на что не годилась. Дверные петли были либо с другой стороны, либо вделаны в стену — не знаю. В любом случае для меня они недосягаемы. Окон в камере не было, других дверей тоже.

Вокруг было темно и глухо, словно я все еще оставался слепым. Виднелся лишь тоненький лучик света, который проникал сквозь решетку на двери. Я понимал, что зрение мое еще полностью не восстановилось. На это потребуется немало времени. Но даже и теперь ясно, что меня окружает почти полный мрак. Кроме того, я прекрасно представлял себе, что такое подземелья Амбера.

Я закурил сигарету и немного походил по камере, соображая, что из имеющихся у меня вещей могло бы пригодиться для побега. Итак, одежда, тюфяк и куча гнилой соломы; были также спички, но я сразу отказался от мысли устроить поджог. Сомнительно, чтобы кто-нибудь соизволил явиться и открыть дверь, если я подожгу солому. Скорее всего, стража просто будет стоять по ту сторону двери и смеяться. Если вообще придет... Еще у меня была ложка, украденная на последнем пиру. Я хотел стащить и нож, но Джулиан заметил. Впрочем, кража ложки прошла удачно, я спрятал ее в сапоге.

Что же мне предпринять?

Я, разумеется, знал множество историй о побегах из тюрьмы через подкоп, сделанный с помощью самых неожиданных предметов, например пряжки от ремня (которого, кстати, у меня не было). Но времени повторять подвиги графа Монте-Кристо не оставалось. До конца моего четвертого года здесь было всего несколько месяцев. Если я не успею бежать, то снова лишусь глаз.

Дверь была из дубовых брусьев, окованных четырьмя бронзовыми полосами. Одна полоса проходила поверху, другая — понизу, чуть выше моей «кормушки», а две остальные — сверху вниз по обе стороны смотрового окошка. Дверь открывалась наружу, замок располагался с левой стороны. Дверь была не меньше ладони в толщину.

Я приблизительно знал, на какой высоте находится замок. Чтобы проверить себя, нажал на дверь и попробовал определить ее сопротивление в разных местах. Я знал также, что дверь заперта еще и на засов, но эту проблему можно попробовать решить позже; например, попытаться сдвинуть засов ложкой, просунув ее между дверью и стеной.

Я подтащил свой тюфяк к двери, опустился на него и начертил на дереве квадрат против того места, где, по моим расчетам, находился замок. Я трудился, пока не отнялись руки. Часа два, не меньше. Потом поковырял ногтем поверхность двери; там уже образовалась неглубокая канавка. Маловато, но лиха беда начало. Я взял ложку в левую руку и продолжал работу, пока не заболела и эта рука.

Я очень надеялся на приход Рейна. Я был уверен, что смогу убедить его отдать мне свой кинжал. Но Рейн все не шел, и я продолжал ковырять деревянную дверь ложкой изо дня в день, пока не углубился в дерево на несколько сантиметров. Каждый раз, заслышав шаги стражи, я оттаскивал тюфяк в дальний угол камеры и притворялся спящим, лежа спиной к двери. Когда стражник удалялся, я возобновлял работу. Руки уже нестерпимо болели — хоть я и обернул свое орудие производства куском ткани, оторванным от платья, ладони все равно были сбиты в кровь. Пришлось сделать перерыв, чтобы зажили раны. За это время я решил обдумать, как поступать, если мне все же удастся выйти отсюда.

Когда я наконец проковыряю дверь насквозь, то сразу отодвину засов. Лязг, вероятно, привлечет внимание стражи. Но я постараюсь успеть побыстрее выйти в коридор. Несколько добрых ударов по истончившейся части — и замок будет выбит. А впрочем, может оставаться там, где был до того, если ему так хочется. Дверь все равно откроется, и я предстану перед стражником, который, конечно же, вооружен. Придется справляться с ним голыми руками.

По всей вероятности, стражник будет вести себя излишне самоуверенно, считая, что я по-прежнему слеп. С другой стороны, он может и очень испугаться, особенно если вспомнит, как я объявился в Амбере. В любом случае он умрет, а я получу оружие. Я пощупал свои бицепсы. Господи, как же я отощал! И все-таки я ведь принц Амбера! Даже почти утратив все силы, я способен одолеть простого смертного. Может быть, конечно, я и не прав, но все равно иного выхода нет.

Итак, мне необходимо достать оружие, и тогда меня уже ничто не сможет остановить. Я непременно выйду на магический Путь, доберусь до его середины и оттуда смогу перенестись в любое место пространства Теней, где наконец переведу дух и приду в себя. На сей раз я не стану спешить. Даже если целый век пройдет, пусть. Я должен полностью восстановить силы, прежде чем снова выступить против Амбера. В конце концов, я ведь все-таки успел надеть на себя королевскую корону! Так что с формальной точки зрения сюзерен Амбера — я! Я короновал себя раньше Эрика! То есть обладаю вескими основаниями занять трон. И я еще это сделаю!

Вот если бы можно было перенестись в Тени прямо из Амбера, минуя Путь... Но мой родной Амбер — центр Подлинного Мира, и из него не так-то легко выбраться.

Примерно через месяц руки мои зажили, ладони покрылись большими твердыми мозолями. И я продолжал продвигаться к намеченной цели.

Как-то раз, услышав шаги стражника, я быстро отскочил в глубь камеры. Послышался скрип «кормушки», и мне просунули поднос с едой. Затем стражник ушел.

Я вернулся к двери. На поднос можно было и не глядеть: наверняка все тот же кусок черствого хлеба и вода; может быть, если очень повезет, кусочек сыра. Я подтащил тюфяк к двери, устроился поудобнее и нащупал сделанную прорезь. Я уже наполовину углубился в дверной брус.

И тут услышал чье-то хихиканье.

Откуда-то из-за спины.

Я резко обернулся. Сзади явно кто-то был. Да, у левой стены я различил силуэт человека. Он стоял и смеялся.

— Ты кто? — спросил я. Мой голос звучал совершенно непривычно, словно чужой. Я ведь за долгое время ни с кем и словом не перемолвился.

— Ага, бежать собрался! — сказал человек. — Побег готовишь! — И снова засмеялся.

— Как ты сюда попал?

— Да так, зашел просто.

— Зашел? Но откуда? Как?

Я зажег спичку. От света глаза резанула боль, но спичку я не гасил.

Человечек был очень маленький. Можно сказать, крошечный, почти карлик, да к тому же горбун. Волосы и борода у него были такие же длинные, как у меня. Из массы волос выглядывал лишь длинный крючковатый нос да посверкивали почти совершенно черные глаза, сейчас, на свету, чуть прищуренные.

— Дворкин! — узнал я.

Он снова засмеялся:

— Да, я Дворкин. А ты-то кто?

— Ты что, не узнаешь меня? — Я зажег еще одну спичку и осветил собственное лицо. — Посмотри-ка повнимательнее. На бороду и эти патлы не обращай внимания. Да еще прибавь столько же веса, сколько во мне сейчас. Ты же сам столько раз рисовал меня на картах!

— Корвин! — наконец узнал он. — Да-да, я тебя помню.

— А я считал, что ты уже умер, Дворкин.

— Как видишь, нет. Смотри, как я бодр! — И он сделал пируэт, повернувшись на одном каблуке. — А отец твой как поживает? Ты сам-то давно его не видел? Может, это он тебя сюда засадил?

— Оберона больше нет, — ответил я. — В Амбере правит мой брат Эрик, а я его узник.

— Тогда у меня есть некоторое преимущество перед тобой, — промолвил Дворкин, — ибо я узник Оберона.

— Не может быть! Мы и не знали, что отец бросил тебя в темницу!

Я услышал, что он плачет.

— Да, — произнес горбун через некоторое время. — Твой отец не доверял мне.

— Почему?

— Я ему однажды обмолвился, что обдумываю, как можно было бы уничтожить Амбер. Я даже рассказал ему, что знаю такой способ. И тогда он приказал запереть меня в темницу.

— Не очень-то красиво с его стороны.

— Да. Зато он обеспечил меня прекрасной лабораторией и множеством разных инструментов, чтобы я мог продолжать свои исследования. Только сам вскоре перестал меня посещать. А до того приходил часто и приводил с собой разных людей, которые показывали мне чернильные пятна, а я по его приказу придумывал про каждое пятно историю. Вот было здорово!.. Но все это кончилось, когда однажды я выдумал историю, а она мне самому что-то не понравилась, вот я и превратил этого человека в лягушку. Король Оберон разгневался, когда я отказался снова превращать того типа в человека... С тех пор прошло уже столько лет, но ко мне

больше никто не приходит, и я, если б даже захотел, не смогу теперь превратить его в человека — если, разумеется, король по-прежнему того желает. Однажды...

— Как ты попал сюда, в мою камеру?

— Я же сказал тебе: просто пришел.

— Сквозь эту стену?

— Конечно, нет. Сквозь стену в Тенях.

— Ни один человек не может проникнуть в Амбер прямо из Теней! В Амбере же Теней нет!

— Ну, я соврал, — признался он.

— Так как же все-таки ты сюда попал?

— Я создал новую карту и решил с ее помощью посмотреть, что происходит по другую сторону стены... Ой, ужас! Только что вспомнил!.. Я же не могу без нее вернуться! Придется изготовить еще одну. У тебя не найдется чего-нибудь поесть? И чем рисовать? И на чем?

— Возьми, вот кусок хлеба, — сказал я, отдавая ему свой хлеб. — Тут есть еще сыр, можешь взять и его.

— Благодарю тебя, Корвин! — воскликнул Дворкин и с волчьей жадностью накинулся на еду. Потом выпил всю воду. — Так. Теперь, если ты одолжишь мне перо и кусочек пергамента, я немедленно вернусь в свою комнату. Мне хочется дочитать одну книгу. Приятно было с тобой побеседовать. Жаль все-таки, что королем стал Эрик. Ну, я к тебе еще загляну. Если увидишь отца, скажи ему, чтобы он на меня не сердился, потому что...

— У меня нет ни пера, ни пергамента, — прервал я его.

— Кошмар, — сказал горбун, — ну и условия у тебя! Прямо варварские!

— Совершенно точно. Под стать самому Эрику.

— Хорошо, а что у тебя есть? Мне все-таки больше нравится моя собственная камера — там освещение лучше...

— Ты разделил со мной обед, — сказал я. — А теперь я хочу попросить тебя о небольшом одолжении. Если ты выполнишь мою просьбу, обещаю: я сделаю все, чтобы помирить тебя с Обероном.

— И чего же ты от меня хочешь?

— Я всегда восхищался твоим искусством, но есть одно твое творение, которое мне нравится больше всего на свете. Я всегда хотел иметь его изображение. Ты ведь помнишь маяк на Кабре?

— Конечно. С тех пор я там был еще раза три. И я знаю его теперешнего смотрителя. Его зовут Джонин. Мы с ним в шахматы играем.

— Когда я стал взрослым, — продолжал я, — более всего мне хотелось хоть взглянуть на твои наброски планов этого великолепного здания!

— Ну, построить его было совсем не трудно!.. — ответил Дворкин. — Я, разумеется, сделал кое-какие предварительные наброски, но дальше как-то не пошло, все время что-то мешало. У меня тогда других забот было полно. Ладно, я принесу тебе один из тех набросков, если уж ты так этого хочешь.

— Нет, — сказал я. — Мне бы хотелось иметь не просто набросок, а что-нибудь посущественнее, более овеществленное, что ли: эта прекрасная вещь скрашивала бы мое одиночество, служила бы утехой мне... да и всем другим, кто попадет сюда после меня.

— Похвальное желание, — произнес он. — А у тебя хоть какой-нибудь инструмент есть?

— Есть вот такое стило, — сказал я, протягивая ему бывшую ложку, которая к этому времени стала весьма острой. — Мне бы хотелось, чтобы ты изобразил маяк вон на той дальней стене, а я буду любоваться им, когда отдыхаю.

Дворкин некоторое время молчал.

— Освещение совершенно никуда не годится, — заявил он наконец.

— У меня есть спички. Я буду зажигать их одну за другой и светить тебе. А можно еще солому зажечь, если спичек не хватит.

— Едва ли подобные условия могут соответствовать процессу гениального вдохновения...

— Разумеется! — воскликнул я. — Прошу прощения, но я не могу предложить ничего лучшего даже великому Дворкину. Это все, чем я располагаю. Однако произведение искусства, созданное твоей гениальной рукой, будет безмерно скрашивать сие убогое существование.

Он опять захихикал.

— Ну хорошо, — согласился он. — Только ты должен будешь светить мне и потом, чтобы я смог нарисовать еще и путь назад, в свою камеру.

— Согласен, — сказал я, нащупывая в кармане спички.

У меня было три полных коробка и один наполовину пустой.

Я вручил мастеру свою замечательную ложку и подвел его к дальней стене темницы.

— Ты понимаешь, что за инструмент я тебе дал? — спросил я.

— По-моему, это заостренная ложка, не так ли?

— Совершенно верно. Скажи, когда будешь готов, и я зажгу спичку. Тебе придется рисовать очень быстро, потому что спичек у меня мало. Половина пойдет на маяк, а вторая — на твой собственный рисунок.

— Хорошо, — согласился Дворкин.

И я зажег первую спичку.

Он принялся рисовать на влажной серой стене. Сначала он изобразил вытянутый прямоугольник, который должен был служить как бы рамой будущей картины. Потом под его рукой стали возникать очертания маяка. Он делал набросок легкими штрихами. Это было поистине великолепно. С годами искусство мастера ничуть не поблекло!

Я зажигал спичку за спичкой, держа каждую за самый кончик, а потом плевал на пальцы и, когда правой рукой держать было уже невозможно, хватал спичку левой уже за обуглившийся конец и переворачивал ее, давая ей догореть до самого конца, прежде чем зажечь следующую.

Когда иссяк первый коробок, Дворкин уже покончил с изображением самой башни маяка и принялся за море вокруг нее и небо. Я всячески подбадривал его, бормоча слова восхищения.

— Здорово! Просто великолепно! — сказал я, когда рисунок был почти закончен.

Потом он заставил меня зажечь еще одну спичку, чтобы поставить на картине свою подпись. К тому времени у меня почти кончились спички во втором коробке.

— Ну а теперь я готов выслушать все твои хвалебные речи! — заявил он.

— Если ты хочешь успеть вернуться к себе, то с выслушиванием хвалебных речей придется повременить. Все слова восхищения я выскажу в твое отсутствие. Спичек осталось слишком мало, чтобы позволить себе подробный и изысканный разбор твоей новой работы.

Он немного обиделся и надулся, но тем не менее сразу отошел к другой стене и принялся рисовать, едва я зажег следующую спичку.

Дворкин изобразил маленький кабинет, стол, на котором лежал человеческий череп и стоял глобус; стены, сплошь увешанные полками с книгами.

— Ну вот и отлично, — сказал он, когда я, покончив с третьим коробком спичек, вытащил последний, неполный.

Ему потребовалось еще шесть спичек, чтобы закончить рисунок, и одна, чтобы его подписать.

При свете восьмой спички он внимательно осмотрел свою работу (у меня теперь оставалось всего две спички), быстро шагнул вперед и исчез.

Спичка догорела до самого конца и обожгла мне пальцы; пришлось ее бросить. Она зашипела, упав в сырую солому, и погасла.

Я в полном смятении стоял посреди камеры, меня била дрожь. И тут я вдруг снова услышал голос Дворкина где-то рядом.

— Я только что сообразил, — сказал он. — Как же ты будешь любоваться моей картиной в такой темноте?

— Ну, вообще-то я неплохо могу видеть и в темноте. Я уже так долго сижу здесь, что с темнотой почти подружился.

— Понятно. Я ведь просто так поинтересовался... Посвети мне, чтобы я мог уйти.

— Хорошо, — согласился я, доставая предпоследнюю из оставшихся у меня спичек. — Но в следующий раз приходи, пожалуйста, со своим светом: спичек у меня уже не будет.

— Ладно! — ответил он.

Я зажег спичку. Он подошел к своему рисунку и во второй раз беззвучно исчез.

Я быстро обернулся к нарисованному им маяку Кабра и постарался запомнить очертания башни, пока эта спичка еще не погасла. Да, я по-прежнему ощущал свою власть над пространством и прочие свои способности. Однако хватит ли мне единственной оставшейся спички?

Боюсь, что нет. Здесь требовалось гораздо больше времени, чем когда я пользовался магическими картами.

Что бы мне поджечь? Слишком сырая солома могла и не загореться.

Ужасно: прямо передо мной был путь к спасению, к свободе, а я не имел возможности им воспользоваться!

Необходимо было что-то, способное гореть в течение некоторого времени. Тюфяк! Он же набит соломой, и довольно сухой! Да и сама ткань тоже должна неплохо гореть.

Я расчистил пол посреди камеры и поискал свою заветную ложку, чтобы распороть тюфяк. Проклятие! Дворкин унес ее с собой!

Я попробовал разорвать ткань зубами, и наконец мне это удалось. Я вытряхнул сухую солому на пол и сложил ее в кучку. Тряпку положил рядом, чтобы позже тоже сжечь, если понадобится. Пока же пусть горит только солома — от нее

меньше дыма, а дым может привлечь внимание стражника, если тот окажется поблизости. Вряд ли, конечно, поскольку еду он мне принес совсем недавно, а происходит это только раз в день.

Итак, я зажег свою последнюю спичку и сначала поджег коробок, в котором она лежала. Когда коробок загорелся, я поднес его к соломе.

Солома занялась с трудом. Она оказалась гораздо более сырой, чем я ожидал, хотя я достал клочок из самой середины. Но в итоге все-таки она разгорелась, и крошечный огонек быстро превратился в небольшой костер. Для этого пригодились и те три пустых коробка, которые я чуть было не выбросил.

Потом я взял в левую руку тряпку от тюфяка и встал лицом к изображению маяка.

Костер разгорался, хорошо освещая всю стену. Я сосредоточился, пытаясь вызвать в памяти знакомую картину. Мне казалось, что я уже слышу крики чаек и чувствую соленый запах моря. Изображение становилось все более выпуклым, словно выступая из стены,

Я бросил в огонь тряпку. Пламя на секунду опало, потом снова разгорелось вовсю. Я не сводил с рисунка глаз. Руки Мастера Дворкина по-прежнему обладали магической силой. Вскоре маяк выглядел почти столь же реально, как стены моего подземелья. Потом именно он стал реальностью, а камера моя — лишь Тенью, уплывающей куда-то. Я слышал шум прибоя, чувствовал прикосновение теплых лучей полуденного солнца...

Я шагнул к свету — но вовсе не в костер...

И оказался на усеянном галькой песчаном берегу маленького острова Кабра, где была воздвигнута огромная серая башня маяка, что освещал путь кораблям, плывущим ночью в Амбер. Несколько встревоженных чаек с криками вились вокруг меня, а смеху моему вторили волны, бьющиеся о прибрежные скалы, и бесконечный свист ветра. Амбер находился в нескольких днях пути, где-то за моим левым плечом.

Так состоялся мой побег.

X

Я дошел до маяка и поднялся по каменным ступеням к двери в его западной стене. Дверь была огромная, тяжелая и недосягаемая для ветров и влаги. Она была заперта. Внизу виднелась небольшая гавань, где стояли пришвартованные к причалу две лодки — одна гребная, другая парусная, с маленькой рубкой. Лодки тихо покачивались на волне. Вода за ними в солнечном свете блестела, как слюда.

Я на минуту застыл, любуясь этим зрелищем. Я так долго не видел ничего, кроме стен собственной темницы, что на какое-то мгновение они показались мне куда более реальными, чем этот простор, и я с трудом подавил рыдание, рвущееся из горла.

Потом решительно повернулся и постучал в дверь.

Ответа не было.

Я довольно долго ждал, потом постучал опять.

Наконец внутри раздался какой-то шум, и дверь распахнулась, скрипя петлями.

Появился Джонин, смотритель маяка, и уставился на меня покрасневшими глазами. От него сильно пахло виски. Он был невысок и так сильно сутулился, что походил на горбуна Дворкина. Борода — примерно такой же длины, как у меня, — кажется, свисала чуть ли не до колен. Да еще была какой-то серой, грязноватой, лишь у иссохших губ в ней пробивалось несколько желтых волосков. Кожа у Джонина была пористой, как кожура апельсина, но море и ветер так выдубили ее, что она потемнела и напоминала поверхность прекрасной старинной мебели.

Он, прищурившись, всмотрелся в меня и, как всякий глуховатый человек, довольно громко спросил:

— Кто ты? Что тебе нужно?

Значит, в моем теперешнем виде я стал неузнаваем! Что ж, надо этим воспользоваться. И пока сохранить инкогнито.

— Я долго путешествовал, плывя из южных стран. Но мой корабль разбило бурей. Я ухватился за обломок мачты. Меня много дней носило по волнам и наконец выбросило на берег. Здесь. Я все утро проспал, лишь недавно собрался с силами, чтобы подняться к маяку.

Джонин подошел, взял меня за руку и обнял за плечи.

— Тогда входи, входи же скорей, — сказал он. — Обопрись на меня. И пойдем. Вот сюда...

Он помог мне подняться по лестнице. Жилище его было не убрано и все завалено множеством старых книг, мореходных и географических карт; всюду лежали или стояли какие-то навигационные приборы. Джонин и сам-то не очень твердо держался на ногах, поэтому я старался не слишком на него наваливаться, хотя все-таки опирался: пусть думает, что я сильно ослаб.

Он довел меня до постели и предложил лечь, а сам отправился запереть дверь и готовить мне еду.

Я стащил сапоги, но ноги оказались такими грязными, что сапоги пришлось надеть снова. Если меня долгое время носило по волнам, то ноги, по крайней мере, должны были быть чистыми. Мне не хотелось рассказывать правду о себе, поэтому я просто прикрылся одеялом и откинулся на постели.

Джонин вскоре вернулся, неся на деревянном подносе один кувшин с водой, другой — с пивом, затем здоровенный кусок говядины и полкаравая хлеба. Он очистил поверхность небольшого столика, который придвинул к постели, и поставил на него поднос.

— Ешь и пей, — сказал он.

И я стал есть и пить. Я ел. Набивал утробу. Насыщался. Я съел все, что там было, и опустошил оба кувшина.

И тут на меня навалилась чудовищная усталость. Джонин только кивнул и велел мне ложиться и спать. Уснул я мгновенно.

А когда проснулся, была уже глубокая ночь. Впервые за долгие недели я почувствовал себя неплохо. Поднявшись с постели, я вышел из башни. Дул пронизывающий ветер, небо было безоблачным, прозрачным, сверкало миллионами звезд. Мощный фонарь на вершине маяка то вспыхивал, то гас за моей спиной. Вода была ледяная, но вымыться мне было необходимо. Я постарался как можно

тщательнее отмыть тело, потом выстирал одежду и почти досуха выжал ее. Должно быть, я потратил на все около часа. Потом вернулся назад, развесил одежду на спинках стульев, надеясь, что к утру она окончательно просохнет, снова залез под одеяло и уснул.

Утром, когда я проснулся, Джонин был уже на ногах и успел приготовить обильный завтрак, с которым я расправился с тем же зверским аппетитом, что и накануне. Потом я позаимствовал у него бритву и ножницы, тщательно побрился и как сумел подстриг волосы. Потом еще раз выкупался в море. И только когда я вновь натянул на себя свою просоленную и задубевшую, но относительно чистую одежду, то ощутил себя наконец полноценным человеком.

Джонин внимательно наблюдал за моими действиями, а потом вдруг сказал:

— Что-то ты мне вроде знаком, парень.

Я пожал плечами.

— Ну-ка, расскажи, что с тобой произошло.

Ну я и рассказал! Чего только не наплел! Да еще с подробностями! Например, как рухнула наша грот-мачта...

Он только похлопал меня по плечу и налил мне вина. Затем предложил сигару и сам тоже раскурил одну.

— Ты пока отдыхай. Когда придешь в себя, я сам отвезу тебя в гавань, если захочешь. Или дам сигнал какому-нибудь проходящему судну, чтобы тебя забрали.

Я от всей души воспользовался его гостеприимством, которое дало мне возможность полностью восстановить силы. Я ел и пил в его доме. Он одолжил мне чистую рубашку, которая раньше принадлежала его приятелю, утонувшему в море, и самому Джонину была велика.

Я пробыл на маяке целых три месяца, стараясь помогать Джонину чем мог: дежурил вместо него по ночам, особенно когда он здорово напивался, убирал жилище — две из комнат даже заново покрасил, заменил в окнах разбитые стекла, нес ночные вахты с ним вместе в штормовые ночи.

Вскоре я понял, что политика Джонину совсем не интересна. Ему было безразлично, кто стал правителем Амбера. Он считал, что люди — это просто стадо испорченных, избалованных идиотов. Смотрителю было глубоко наплевать на все, что происходило за пределами его острова, лишь бы сам он мог спокойно следить за маяком, есть хорошую пищу, пить излюбленные напитки и мирно возиться с мореходными картами.

Мне он нравился, я даже, пожалуй, полюбил его. Поскольку я тоже кое-что смыслил и в старых морских картах, и в навигации, мы с ним вместе провели немало приятных вечеров, внося в карты некоторые поправки. Давно, много-много лет назад мне довелось плавать далеко на север, и на основе своих тогдашних воспоминаний я начертил ему новую карту. Это произвело на Джонина неизгладимое впечатление, равно как и мои описания северных морей.

— Кори, — говорил он (я назвался этим именем), — я бы с радостью плавал вместе с тобой. Мне ведь и в голову сначала не приходило, что ты когда-то был капитаном, да еще собственного судна!

— Разве можно знать обо всем? — отвечал я. — А ведь ты и сам когда-то был капитаном. Настоящим, морским.

— Откуда ты знаешь?

На самом-то деле я просто вспомнил об этом. Но от прямого ответа отвертелся, лишь обвел вокруг рукой.

— Ну, догадаться нетрудно: все эти приборы и карты, которые ты так любишь и в которых так хорошо разбираешься... К тому же ведешь ты себя, как человек, привыкший командовать.

Он улыбнулся:

— Да, это правда. Я действительно больше ста лет командовал кораблем. Так давно это было... Ладно, давай еще выпьем!

Я отхлебнул немного и отставил стакан. За эти месяцы я почти восстановил свой прежний вес и в любой день ожидал, что Джонин все-таки узнает во мне принца Амбера. И может быть, узнав, выдаст меня Эрику. А может быть, и нет. Особенно теперь, когда между нами установились вполне дружеские отношения. Но желания испытывать судьбу у меня не было.

Иногда ночью, наблюдая за светом маяка, я раздумывал, надолго ли еще задержусь здесь. Вряд ли задерживаться будет разумно. Пора, видимо, двигаться в дорогу, снова в Тени.

А однажды я вдруг почувствовал странное психическое давление. Сначала очень осторожное, как бы изучающее, так что даже не мог бы с уверенностью определить, кто именно вызывал меня.

Я замер на месте, закрыл глаза и полностью от всего отключился. Но прошло минут пять, и ощущение вызова исчезло.

Я потом долго раздумывал, кто это мог быть. И улыбнулся, заметив вдруг, что при этом расхаживаю взад-вперед, словно по камере в подземелье Амбера.

Кто-то пытался вызвать меня с помощью карт. Может быть, Эрик? Он наверняка уже знает о моем побеге. Может быть, он пытался таким образом меня найти? Вряд ли. Эрик, видимо, все же опасается ментального контакта со мной. Тогда, может быть, Джулиан? Или Джерард? Или Кейн? Кто бы это ни был, я прочно оградил себя от подобных контактов, полностью заблокировав мозг. Возможно, из-за этого я пропустил бы какую-нибудь важную информацию или мог не услышать призыва о помощи, но испытывать судьбу все-таки не хотелось.

Попытка ответить на чей-то зов и последовавшие за этим усилия по блокировке памяти совершенно лишили меня сил. От холода и усталости меня била дрожь. Весь день я потом думал о случившемся и в конце концов пришел к выводу, что пора уходить. Оставаться столь близко от Амбера становилось опасно, а я еще не восстановил свою прежнюю форму и был слишком уязвим для любого врага. Я, разумеется, достаточно пришел в себя, чтобы отправиться в Тени и подыскать такое место, где можно было бы подготовиться к очередной попытке завоевать Амбер. Пребывание у доброго Джонина пошло мне на пользу: я обрел внутреннее спокойствие, почти умиротворение. Мне жаль было покидать этого старого ворчуна; в последнее время мы особенно сблизились, я, пожалуй, даже полюбил его. Вечером, после очередной партии в шахматы я сообщил ему, что намерен отправиться в путь.

Он налил виски в наши стаканы, поднял свой и сказал:

— Удачи тебе, Корвин! Я все же надеюсь, что еще увижу тебя.

Я ничуть не возразил, когда он назвал меня моим настоящим именем. А он улыбнулся, заметив, что я прекрасно это расслышал.

— Мне здесь было очень хорошо, Джонин, — сказал я. — Если я смогу достичь своей цели, то не забуду того, что ты для меня сделал.

Старик покачал головой:

— Ничего особенного я для тебя не сделал. Я счастлив уже потому, что живу именно здесь и делаю то, что хочу. Мне это по душе. В маяке теперь вся моя жизнь. Если ты добьешься успеха — нет, не надо, не рассказывай мне, что ты задумал, я и слышать об этом не желаю! — я буду очень рад, если когда-нибудь ты навестишь меня, чтобы сыграть со мной в шахматы.

— Я непременно тебя навещу, — пообещал я.

— Если хочешь, можешь взять мою «Бабочку».

— Спасибо.

«Бабочкой» он назвал свою парусную лодку.

— Но прежде чем отправляться в путь, — посоветовал Джонин, — возьми-ка ты мою подзорную трубу и как следует осмотри отсюда, сверху, долину Гарнатх.

— Чего я там не видел?

Он пожал плечами:

— Посмотришь — может, чего и увидишь.

Мы с ним еще выпили и улеглись спать.

Да, мне будет не хватать старого Джонина. Если не считать Рейна, он был моим единственным другом со времени возвращения в Амбер. Я смутно помнил охваченную огнем долину Гарнатх, тогда, четыре года назад. Что там могло измениться с тех пор?

Было полнолуние, и сон мой нарушали странные видения: волки-оборотни, ведьминские шабаши, что-то еще, не менее кошмарное...

Я встал на заре. Джонин еще спал, и я не стал его будить. Терпеть не могу прощаний, к тому же у меня было предчувствие, что больше мы с ним никогда не увидимся.

Прихватив подзорную трубу, я взобрался по лестнице в самое верхнее помещение маяка, туда, где зажигался огонь, и подошел к окну, наведя трубу на долину Гарнатх.

Над лесом стлался туман; серый, холодный и очень сырой, он сплошной пеленой окутывал вершины невысоких, уродливо искривленных деревьев. Их черные ветви переплетались, как пальцы борцов. Между ветвями мелькали какие-то черные твари, но не птицы, а, судя по подпрыгивающему полету, летучие мыши. От этого леса словно исходило что-то неясное, мерзкое, недоброе. Я никак не мог понять, что именно там происходит, пока меня вдруг не осенило: то моя вина.

Это я навлек на лес мерзость запустения и превратил долину Гарнатх в обитель нечисти. Она как бы стала символом моей ненависти к Эрику и его союзникам, что помогли ему захватить власть и позволили ослепить меня. Мне очень не понравился теперешний облик знакомого леса. Я воочию убедился, какая страшная реальность стала следствием моей ненависти. Теперь я осознал, что именно совершил, ибо это было частью меня самого.

Я создал новый проход в Подлинный Мир. Долина Гарнатх превратилась в дорогу из Теней, из мрачного и черного мира в наш. Только очень опасный и злой человек мог пройти по этой дороге.

Так вот о чем говорил тогда Рейн, вот какие страшные и странные события тревожили его! Вот что так беспокоило Эрика! Что ж, это даже хорошо, тем более потому, что отвлекает его от моей персоны. Но, даже опустив подзорную трубу, я долго не мог избавиться от ощущения, что совершил нечто очень дурное и злое. Ведь, проклиная Эрика, я не надеялся когда-нибудь вновь увидеть солнечный свет. Теперь же, когда зрение вернулось ко мне, я понимал, что выпустил на волю страшные силы, которые весьма сложно будет укротить и обуздать. Я совершил такое, чего никто не мог совершить прежде, в течение всего долгого правления Оберона: проложил новый путь в Амбер. И наступит день, когда правитель Янтарного королевства — кто бы он ни был — будет вынужден искать способ, чтобы закрыть этот путь. Я прекрасно это понимал, видя порождение моей ярости, боли и ненависти. Если я когда-нибудь сумею завоевать трон Амбера, мне придется исправлять результаты собственных деяний, а это всегда дьявольски трудная задача. Я снова опустил подзорную трубу и вздохнул.

Что ж, быть по сему, решил я. Впрочем, неплохо было бы послать Эрику весточку, чтобы он лишился сна по ночам.

Я быстро позавтракал, затем, снарядив «Бабочку», поднял парус и вышел в море. Джонин обычно к этому времени уже вставал, но, видимо, он тоже терпеть не мог прощаться.

Я хорошо знал, куда мне надо плыть, но не был еще уверен, какой именно путь избрать. Я поплыву через Тени, по чужим морям — и все же это лучше, чем путешествие по суше, где властвуют выпущенные мною же на волю черные силы зла.

Я направил свою лодку к берегу, почти столь же светлому и сверкающему, как и сам Амбер, к тому бессмертному королевству, которого уже нет в действительности, ибо его поглотил Хаос много веков назад, но великую Тень которого еще можно где-то отыскать. Мне необходимо было найти ее, эту Тень, и сделать ее своей, как когда-то, в далеком прошлом. И тогда я вновь обрету свое могущество и стану силой, какой еще не видывал Амбер. Я пока не знал, как этого достичь, но поклялся, что залпы орудийного салюта еще раздадутся в честь моего торжественного вступления в бессмертный город.

Путь мой лежал в Тени, но белокрылая птица моих желаний стремительно опустилась мне на правое плечо. И я привязал к ноге этой белой птицы краткое послание, прежде чем она пустилась в обратный путь. Я написал лишь два слова: «Я иду!» — и поставил свою подпись.

Теперь я не остановлюсь — и пусть свершится месть и трон Амбера станет моим! Теперь пусть прощается с жизнью любой, кто встанет на моем пути!

Солнце за моей спиной поднялось еще совсем невысоко, вольный ветер наполнял паруса и гнал лодку вперед. Я сперва выругался, а потом вдруг рассмеялся.

Я был свободен, однако бежал от этих берегов. Впрочем, мне удалось не только совершить побег, но и обрести столь необходимую мне надежду на успех!

Черная птица моих желаний опустилась мне на левое плечо. И я снова написал несколько слов и отослал черную птицу в обратный путь.

«Эрик! Я вернусь!» — было написано в том послании. И стояла подпись: «Корвин, король Амбера».

РУЖЬЯ АВАЛОНА

ПОСВЯЩАЕТСЯ БОБУ И ФИЛЛИС РОЗМАН

Перевод с английского Ю. Соколова

© Ю. Соколов, перевод, 2004

I

Выпрыгнув на берег, я сказал: «Прощай, "Бабочка"!» — и суденышко скользнуло с отмели на глубоководье. Я знал, что лодка вернется к маяку на Кабре — остров находился неподалеку, в самом начале пространства Теней.

Потом я обернулся к черной гряде деревьев вдоль берега — дальний путь предстоял мне теперь — и направился к ним, слегка забирая в сторону. Лес зябко цепенел в предутренней прохладе, однако все было чудесно.

Правда, я потерял фунтов пятьдесят веса и порой в глазах у меня двоилось, но дело повернулось к лучшему. Мне удалось бежать из темниц Амбера — помогли сперва свихнувшийся Дворкин, а потом пьянчуга Джонин. Я стремился в страну, похожую на края, что теперь исчезли навеки. Заметив уходящую в лес тропу, я направился по ней.

Недалеко от опушки возле тропы оказалось дуплистое дерево — именно там, где я и предполагал. Пошарив в дупле, я извлек свой серебряный клинок и пристегнул к поясу. Пусть мой меч только что был где-то в Амбере — теперь он при мне; ведь этот лес уже в Тенях.

Так я шел несколько часов, оставив солнце за левым плечом. А потом передохнул и пустился дальше. Как здорово это было: видеть листья и скалы, стволы деревьев и пни, траву и черную землю. И вновь ощущать дивные летние запахи, слышать ни с чем не сравнимое лесное жужжание и чириканье. Боги мои! Как дорожил теперь я глазами! После почти четырехлетней тьмы я обрел их вновь... Не хватало слов, чтобы выразить мои чувства. Вдобавок я обрел не только глаза, но и свободу...

И я шел. Утренний ветерок колыхал мой изодранный плащ. Должно быть, я выглядел лет на пятьдесят: изможденный, морщинистый, тощий. Кто теперь меня узнает?

И я все шел в этой Тени, шел, зная ведь, куда надо идти, но пришел не туда. Значит, я сдал. Тут все и началось...

На обочине валялось семеро тел, в разной степени искромсанности. Шестеро были уже мертвы. Седьмой вроде бы отдыхал, привалившись к обомшелому стволу древнего дуба. Клинок его лежал на коленях. Из обширной раны в правом

боку все еще сочилась кровь. Он был без доспехов, хотя на нескольких убитых они имелись. Серые глаза его уже начинали стекленеть. Костяшки пальцев были ободраны, дыхание еле заметно.

Из-под кустистых бровей незнакомец следил за воронами, что клевали глаза у трупов. Меня он, похоже, не видел.

На всякий случай я надвинул капюшон пониже и подошел к раненому. Я знал этого человека — точнее, другого, похожего на него.

Клинок шевельнулся. Острие обратилось ко мне.

— Я друг, — сказал я. — Пить хочешь?

Немного поколебавшись, он кивнул:

— Да.

Я откупорил фляжку и подал ему.

Он отхлебнул, закашлялся, выпил еще.

— Благодарю вас, сэр, — сказал раненый, возвращая фляжку. — Неплохо бы только чего-нибудь покрепче. Проклятая дырка!

— Есть и покрепче, если выдюжишь.

Я вытащил пробку из малой фляжки и вложил ее в протянутую руку. После глотка того зелья, что пьет Джонин, он зашелся кашлем едва ли не на полминуты. А потом улыбнулся левой стороной рта и подмигнул мне.

— Теперь много лучше. Вы не будете возражать, если я капну этого на бок? Ужасно жаль добрый виски, но...

— Если надо, выливай все. Правда, у тебя руки трясутся... Давай-ка я помогу.

Он согласился; я распахнул на нем кожаный колет и вспорол кинжалом рубаху, чтобы видеть рану. Выглядела она скверно — глубокий опоясывающий разрез на пару дюймов выше бедра. На руках, груди и плечах порезы были полегче.

Кровь все еще сочилась из большой раны. Я промокнул платком и досуха вытер кровь.

— Отлично, — сказал я. — Теперь сожми зубы и отвернись. — И плеснул жидкость на рану.

Резкая судорога передернула его тело, а затем перешла в мелкую дрожь. Он даже не вскрикнул — я и не ожидал иного. Я стряхнул носовой платок и приложил его к ране, забинтовав длинной полосой ткани, которую пришлось оторвать от собственного плаща.

— Выпьешь еще?

— Воды бы, — ответил раненый. — И поспать.

Он попил, и тут же голова его склонилась на грудь. Я сделал ему что-то вроде подушки и прикрыл плащами убитых.

А потом сел рядом и стал следить за веселенькими черными птахами.

Он не узнал меня. Но кто мог бы узнать меня теперь? Если бы я открылся ему, тогда, возможно, другое дело. В этом мире мы с ним никогда и не встречались, но в другом...

Я не шел наобум, я искал в Тенях хорошо знакомое место. Пусть его уничтожили — мне было по силам воссоздать его, ведь Амбер отбрасывает бесконечное множество Теней. И принц королевской крови по праву рождения может свободно перемещаться среди них. Зовите Тени параллельными мирами, если хотите, или сообщающимися вселенными, если угодно, или воплощенным бредом,

если достанет дерзости. Я же зову их Тенями, так называют их все, кто способен двигаться от Тени к Тени. Мы выбираем цель — мир, который требуется, и просто идем в нужную сторону и приходим, куда нам надо. А значит, в известном смысле и творим такой мир. Но пока хватит об этом.

Я отправился в путь к Авалону*, и лодка от маяка несла меня именно к нему. Я жил там давно, много столетий назад. Долгая это история, в ней переплелись и боль, и гордость... Может быть, когда-нибудь я расскажу об этом, если сумею дожить...

Так я приближался к моему Авалону, но по пути набрел на раненого рыцаря и шестерых мертвецов. Пройди я тут несколько раз, то, возможно, обнаружил бы и такое место, где рыцарь стоит невредимым в окружении шестерых покойников, или на место, где он лежит недвижим, а шестеро над ним хохочут. Некоторые говорят, что так или этак — безразлично, ведь в Тенях нет истинного, а есть только возможное, и мертвецы одной Тени живы в другой.

Мои братья и сестры — пожалуй, кроме Джерарда и Бенедикта, — даже и не оглянулись бы. Но я стал довольно мягкосердечен. Прежде я таким не был. Наверное, долгое заточение в Тенях, на Земле, размягчило меня, а муки в темницах Амбера напомнили о людских страданиях. Не знаю. Только я не сумел пройти мимо того, кто был похож на давнишнего друга — друга в беде. Шепни я теперь ему на ухо свое имя, не горькими ли упреками осыплет он меня, поведав печальную повесть.

Ну что же, теперь я могу отплатить ему добром: поставлю на ноги и исчезну. И не причиню вреда, а может быть, даже помогу, пусть это не тот человек, которого я знал когда-то.

Я терпеливо сидел и ждал. Через несколько часов он проснулся.

— Привет, — сказал я, откупоривая флягу. — Еще выпьешь?

— Спасибо. — Он протянул руку.

Сделав несколько глотков, он возвратил мне флягу и произнес:

— Прошу прощения, я не представился, с моей стороны это невежливо...

— Я знаю тебя. — Я не стал дожидаться, пока он договорит. — А меня зови Кори.

Он взглянул с удивлением, словно собираясь спросить: «Кори откуда?» — но передумал и кивнул.

— Прекрасно, сэр Кори, — понизил он меня в ранге. — Я должен поблагодарить вас.

— Ты выглядишь уже пободрее, и для меня это лучшая благодарность, — ответил я. — Есть хочешь?

— Да, весьма.

— У меня найдется немного вяленого мяса, ломоть черствого хлеба и большой кусок сыра. Если хочешь — съешь все.

Я достал еду, он потянулся за ней.

— А вы, сэр Кори? — спросил раненый.

— Я уже поел. Пока ты спал.

Я многозначительно огляделся по сторонам, он ухмыльнулся.

— И ты один уложил всех шестерых? — спросил я.

Он кивнул.

— Неплохо смотрится. Что же мне теперь с тобой делать?

Раненый попытался заглянуть мне в глаза, но не сумел.

— Не понимаю, — ответил он.

— Куда ты направлялся?

— К друзьям, лиг за пять к северу. Все случилось как раз по пути. Только я сомневаюсь, чтобы кто-то, будь то сам дьявол, способен пронести меня на спине даже одну лигу. Могу подняться, сэр Кори, чтобы вы увидели, какого я роста.

Я встал, обнажил клинок и единым взмахом перерубил деревце дюйма два толщиной, ободрал кору и подрубил ствол до нужной длины. Повторил все еще раз, а потом поясами и плащами убитых связал обе жерди в носилки.

Он внимательно наблюдал за мной:

— Смертельный у вас клинок, сэр Кори, да к тому же, похоже, серебряный...

— Как насчет небольшого путешествия? — спросил я.

Пять лиг — это около пятнадцати миль.

— А как насчет убитых? — вопросом ответил он.

— Ты что, хочешь устроить им христианское погребение? — удивился я. — Плюнь, пусть природа сама позаботится о своем добре. Отсюда пора уходить, они уже разлагаются.

— Следовало бы хоть прикрыть их. Бились они храбро.

Я вздохнул.

— Ну ладно — если потом тебе будет спокойнее спать. Лопаты у меня нет, но можно набросать керн, холм из камней. Ты ведь знаешь — воинов нередко так хоронят.

— Хорошо, — ответил раненый.

Пока я укладывал всех шестерых рядом, он бубнил себе что-то под нос, должно быть, молитву об убиенных.

Потом я оградил мертвых камнями — их вокруг было довольно. Хотелось побыстрее закончить, поэтому я выбирал камни побольше. И чуть было не раскрылся. Один из камней весил фунтов четыреста, я не стал перекатывать его, а просто ухватил и поставил куда надо.

Раздался изумленный вздох — конечно, он все заметил.

Пришлось изобразить гнев.

— Проклятый камень, чуть не переломился из-за него! — крикнул я, но впредь выбирал камни поменьше.

Закончив, я спросил:

— Ну, готов в путь?

— Да.

Я обхватил его руками и уложил на носилки.

Раненый закусил губу.

— Куда теперь? — спросил я.

Он махнул рукой в ответ:

— Обратно по тропе. Надо идти влево до развилки, а там направо. И как вы собираетесь...

Словно колыбель с младенцем я поднял его перед собой. Потом направился к тропе.

— Кори? — спросил он.

— Да?

— Из всех, кого мне доводилось встречать, вы один из самых сильных... Такого человека я должен бы знать...

Я не хотел торопиться с ответом. Но все же произнес:

— Пытаюсь сохранить форму. Веду здоровый образ жизни.

— ...и голос ваш мне как будто знаком.

Он посмотрел вверх, пытаясь разглядеть мое лицо.

Я поспешил сменить тему разговора.

— Кто же эти друзья, к которым мы идем?

— Мы направляемся в Твердыню Ганелона.

— Поганый ренегат! — невольно вырвалось у меня, и я едва не выронил раненого.

— Я не понимаю употребленного вами слова, — сказал раненый, — но, судя по вашему тону, оно выражает неодобрение. И если это так, я должен заступиться...

— Погоди, — опомнился я. — Мы, видно, говорим о разных людях, хоть имя и одно. Извини.

Тело его заметно расслабилось.

— Несомненно, это так, — согласился он.

Тем временем мы дошли до тропки, и я повернул налево.

Раненый опять уснул, так что я мог как следует прибавить шагу и после развилки просто бежал, а он тем временем храпел. Как-то вдруг припомнились те шесть типов, что собирались расправиться с этим рыцарем и едва не преуспели в своем намерении. Хорошо бы у них не оказалось приятелей, слоняющихся по кустам.

Его дыхание изменилось, и я опять перешел на шаг.

— Я, кажется, заснул, — констатировал он.

— И храпел при этом, — добавил я.

— Далеко мы отошли?

— Лиги на две...

— И вы не устали?!

— Слегка, — отвечал я. — Но отдыхать еще рано.

— Мой бог! Не хотелось бы когда-нибудь поссориться с вами. Уж не дьявол ли вы случайно?

— Истинно так, — подтвердил я. — Принюхайся, разве ты не чувствуешь запашок серы? И учти, мое правое копыто разболелось и просто не дает мне шагнуть как следует!

И он действительно глубоко вдохнул пару раз — меня это позабавило, — а потом ухмыльнулся.

На самом деле, как я считал, мы прошли тогда около четырех лиг. Я надеялся, что он снова уснет и не будет интересоваться длиной пройденного пути. Мускулы у меня уже начинали побаливать.

— Кем же были эти шестеро мертвецов? — спросил я.

— Это стражники Круга, — ответил он. — И они уже не люди, а одержимые злом. Молите бога, сэр Кори, чтобы души их обрели мир.

— Стражники Круга? — переспросил я. — Какого Круга?

— Круга Тьмы, где творятся беззакония и разгуливают мерзкие твари... — Раненый глубоко вздохнул. — Там источник зла, поразившего страну.

— Незаметно, чтобы эта страна была поражена злом, — ответил я.

— Мы далеко от Круга, а владения Ганелона — пока еще слишком крепкий орешек для врага. Но Круг все ширится, и последний бой разразится, похоже, неподалеку отсюда.

— Ты будишь во мне любопытство.

— Сэр Кори, если вы еще не слыхали о Круге, лучше вам вовсе забыть о нем, не расспрашивать дальше, обойти его стороной и отправиться своей дорогой. Ох, как бы я хотел биться рядом с вами, но враг этот не ваш... Да и кто знает, чем окончится бой?

Тропа стала изгибаться вверх, и за какой-то прогалиной я увидел нечто, напомнившее мне знакомые места.

— Что?.. — вырвалось у моего подопечного. — Да вы словно летели!.. Сюда-то нам и надо. Это Твердыня Ганелона.

И тут я стал думать о Ганелоне* — не хотелось, но пришлось. Он был предателем и убийцей, и я выгнал его из моего Авалона много столетий назад. Иными словами, я просто увел его в другую Тень, то есть забросил в другое пространство и время... Таким же образом впоследствии обошелся со мной мой брат Эрик. Теперь оставалось лишь надеяться, что я не заслал Ганелона именно сюда. Такое возможно, хотя и не слишком вероятно. Он был смертен, и жизнь его была отмерена раз и навсегда. Я изгнал его лет шестьсот назад, но могло оказаться, что в этом мире годы равны столетиям. Время — тоже свойство Теней, в разных мирах оно течет по-разному, и даже сам Дворкин не знает всех его концов и начал. А может быть, и знает. Не оно ли свело его с ума? Самое трудное, как я понял, это творить время. И уж во всяком случае, едва ли этот Ганелон был некогда моим лютым врагом, а потом стал верным помощником: уж тот никогда не стал бы бороться со злом, поразившим страну, а скорее напротив — постарался бы побыстрее попасть в самую сердцевину зла, плюхнуться в самую мерзость.

Беспокоил меня и тот, кого я нес. В том Авалоне он тоже присутствовал при опале Ганелона; выходило, что времени здесь прошло действительно немного.

Ганелона — того, что я когда-то знал, — можно было не опасаться, и меня не заботило, узнает ли он меня. О Тенях он не ведал ничего. Должно быть, решил, что я даровал ему жизнь, но околдовал, и если он и выжил, то, возможно, даже сожалел об этом.

Но человек на моих руках нуждался в помощи и покое, поэтому я все шел и шел.

И думал...

Наверно, было во мне что-то знакомое этому человеку. Это место не было моим Авалоном, но очень напоминало его... Быть может, здесь не забыли одну из моих собственных теней? А если помнят, то как? И как отнесутся они ко мне — истинному, если придется открыться?

Солнце уже садилось, подул свежий бриз. Приближалась холодная ночь. Мой подопечный снова захрапел, и я решил пробежать большую часть оставшегося пути. Не нравился мне этот лес; в потемках здесь в любой момент могли появиться служители мерзкого Круга, о котором я не знал пока ничего, но в том, что он реально существовал, сомневаться не приходилось.

Солнце клонилось к закату, и я бежал, не обращая внимания на свои ощущения, а они говорили о том, что за мной кто-то следит — гонится и преследует.

Наконец я вынужден был перейти на шаг, ощущения переросли в предчувствие боя, я уже слышал за спиной мягкие шаги: топ-топ-топ.

Поставив на землю носилки, я обнажил клинок и обернулся.

Их было две... Две кошки!

Ну точно как сиамские кошки, только величиной с тигра. Ярко-желтые глаза их светились огоньками, зрачков не было. Увидев, что я обернулся, они сели на задние лапы и не моргая уставились на меня.

Они были шагах в тридцати. Загородив собою носилки, я двинулся на них.

Левая кошка открыла пасть. Я ожидал услышать рык или мурлыканье. Но она заговорила:

— Человек при смерти, еле живой...

Голос был слишком высок для человеческого.

— Пока живой, — согласилась вторая кошка похожим голосом.

— Убить надо, — произнесла первая.

— А что делать со вторым, что с мечом? Мне не нравится этот меч.

— Он смертелен?

— Подойди — узнаешь, — тихо сказал я.

— Человек худ и, должно быть, стар.

— Но он нес раненого от керна бегом и не отдыхал. Заходим с боков.

Они шевельнулись. Я прыгнул навстречу той, что была справа.

Клинок рассек череп, перерубил плечо. Едва успел я повернуться и вырвать клинок из раны, как вторая скользнула мимо меня к носилкам. Я в бешенстве размахнулся.

Удар пришелся по спине, клинок перерубил ее. Кошка взвизгнула, словно мел по доске, тело ее развалилось надвое. Обе половины тут же загорелись. Первая кошка уже полыхала вовсю.

Но голова той, что я разрубил пополам, еще была жива. Пылающие глаза ее обратились ко мне.

— Я умираю последней смертью, — сказала она, — и я знаю тебя, открыватель Пути. Зачем ты убил нас?

Тут пламя охватило ее голову.

Я повернулся, протер клинок, вложил его в ножны, подобрал носилки и, отмахнувшись от вопроса, пустился дальше. Похоже, я начал догадываться, откуда взялась эта тварь и что она имела в виду.

Но и до сих пор иногда вижу во сне горящую кошачью голову и, дрожа, в поту просыпаюсь; ночь тогда становится еще темнее, и смутно проступает в ней нечто, чему я не могу подобрать описания.

Твердыню Ганелона окружал ров, и подъемный мост был поднят. Четыре башни высились там, где сходились мощные стены. А за стенами свечами тянулись к небу еще более высокие башни, словно присосавшиеся к низким мрачным облакам. Они затмевали первые звезды и бросали длинные черные тени на высокий холм. Кое-где уже светились окна, ветер доносил дальний невнятный говор.

Я встал перед мостом, опустил раненого на землю, поднес руки ко рту и крикнул:

— О-ла-ла! Ганелон! Мы припозднились!

Раздалось звяканье металла о камень. Нас явно разглядывали откуда-то сверху. Я попытался приглядеться, но острота зрения еще не вернулась ко мне.

— Кто там? — загремел громкий голос.

— Ланс, он ранен, и я, Кори с Кабры, что доставил его сюда.

Мои слова первый стражник прокричал другому, тот третьему и далее. Через несколько минут тем же способом проследовал ответ.

А потом стражник крикнул:

— Отойдите подальше! Мы опускаем мост! Можете входить!

Сразу же раздался скрип, и вскоре подъемный мост с глухим стуком ударился о землю по нашу сторону рва. Я поднял раненого и вошел в замок.

Так внес я сэра Ланселота Озерного* в Твердыню Ганелона, которому верил, словно родному брату, а это значит — не доверял ни на грош.

К нам тут же бросились люди, и я вдруг обнаружил себя в кольце воинов. Вражды, однако, не чувствовалось, только озабоченность была на их лицах. Я вошел на освещенный факелами просторный мощеный двор, заполненный скатанными походными постелями. Пахло потом, дымом, лошадьми, кухней. Здесь умещалась едва ли не целая армия.

Люди подходили ко мне, глядели, что-то говорили друг другу. Наконец приблизились двое в полном боевом снаряжении, один из них тронул меня за плечо.

— Иди туда, — показал он.

Я последовал приказу, а они сопровождали меня по обе стороны. Подъемный мост со скрипом возвращался на место. Мы направились к главному зданию из темного камня. Через просторную прихожую в зал приемов, а потом к лестнице. Провожатый справа жестом пригласил меня подняться. На втором этаже мы остановились перед тяжелой деревянной дверью. Стражник постучал.

— Войдите, — раздался в ответ, к несчастью, слишком знакомый мне голос.

Мы вошли.

Он сидел за большим деревянным столом у окна во двор. Коричневая куртка наброшена поверх черной рубашки, черные брюки свободно заправлены в темные сапоги. За широким поясом — кинжал с роговой рукояткой. На столе перед ним лежал короткий меч. Рыжие волосы и бороду припудрила седина. Глаза его были черны, как ночь.

Ганелон посмотрел на меня, а потом обернулся к двум стражникам, что внесли следом носилки.

— Положите его на мою кровать, — распорядился он. — Родерик, за дело.

Его личный врач Родерик был немолод и не производил впечатления человека, способного натворить бед. Не затем тащил я Ланса из такой дали, чтобы его уморили каким-нибудь кровопусканием.

А потом Ганелон вновь обернулся ко мне.

— Где вы нашли его? — спросил он.

— В пяти лигах к югу отсюда.

— Кто вы?

— Меня зовут Кори, — отвечал я.

Он внимательно разглядывал меня, тонкие губы змеились в усмешке.

— И какова же ваша роль в этой истории?

— Не знаю, что вы имеете в виду, — ответил я.

Я сгорбился, старался говорить медленно, тихо и неуверенно. Моя убеленная дорожной пылью борода была длиннее, чем у него. Я надеялся, что кажусь стариком. Слова его свидетельствовали пока, что мне это удалось.

— Я спрашиваю, почему вы помогли ему?

— Как говорится, человек человеку брат, — отвечал я.

— Вы чужестранец?

Я кивнул.

— Тогда рад видеть вас своим гостем столько времени, сколько вы пожелаете.

— Благодарю. Скорее всего я уйду отсюда завтра.

— А теперь прошу разделить со мной ужин и поведать обо всем случившемся.

Так я и сделал.

Ганелон слушал внимательно, не отрывая от меня колючих глаз. Выражение «разить взглядом» всегда казалось мне поэтическим преувеличением, но только не в тот вечер. Он буквально пронзал меня взором. Я пытался понять, что знает он обо мне и о чем догадывается.

А потом нахлынула усталость, голова моя вдруг отяжелела. Усталость, вино, теплая комната — все навалилось разом. Я словно бы стоял где-то в углу, слушал оттуда разговор и видел себя. И понял, что хоть на короткие усилия я уже способен, однако выносливости еще не хватает. Я заметил, что руки мои трясутся.

— Прошу прощения, — услышал я свой голос. — Усталость от дневного перехода одолевает меня...

— Понимаю, — ответил Ганелон. — Договорим утром, а теперь спите, спокойного сна.

Он подозвал одного из стражей и приказал проводить меня. Должно быть, по дороге я спотыкался — помнится, стражник поддерживал меня под локоть.

Всю ночь я спал мертвецким сном, и был он беспробудным и долгим... часов четырнадцать или больше того.

Утром все мои суставы ломило.

Я умылся. На высоком столике стоял таз с водой, рядом кто-то предусмотрительно положил мыло и полотенце. Горло еще першило от пыли, в глазах то и дело двоилось.

Я сел, чтобы прийти в себя.

Некогда я мог пройти весь этот путь с Лансом на руках, даже не почувствовав его веса. В ту пору у меня хватило сил, чтобы пробиться к Колвиру, в сердце Амбера.

Те дни миновали. Я словно бы постарел. Да, я, должно быть, и выглядел стариком.

Надо было что-то делать.

Вес и силы не торопились возвращаться ко мне. Этот процесс следовало ускорить.

И я решил, что неделя-другая спокойной жизни и упражнений только пойдут на пользу. Пока Ганелон ни словом, ни жестом не показал, что узнал меня. Отлично. Я воспользуюсь его гостеприимством.

Решив так, я отыскал кухню и с удовольствием уничтожил плотный завтрак. На самом деле было уже время ленча, но следует называть вещи своими имена-

ми. Хотелось курить, хотя отсутствие табака доставляло мне даже некоторое извращенное удовольствие. Судьба следила, чтобы я не изменял себе.

Неспешно я вышел во двор, на яркий солнечный свет, и долгое время следил за упражнениями расквартированных там воинов.

В дальнем конце двора звенели тетивой луки. Мишени были привязаны к снопам соломы. Я заметил на больших пальцах воинов наперстки. Тетиву воины брали по-восточному, а не тремя пальцами, как принято в Авалоне. Это различие заставило меня призадуматься о той Тени, куда я попал.

Мечники использовали и лезвия, и острия клинков, фехтовали мечами разной формы, демонстрировали различные приемы. Я попробовал сосчитать воинов и пришел к выводу, что во дворе замка их собралось около восьми сотен. Сколько еще могло находиться в замке, сказать было невозможно. Воины были самыми разными: и светлокожие блондины, и темноглазые брюнеты, и разных оттенков между ними. Треньканье тетивы и лязг стали не заглушали голосов. По-разному выговаривали они слова, но все-таки по большей части вокруг звучала речь Авалона — язык Амбера.

Я заметил, что один из мечников поднял руку, опустил клинок, вытер взмокший лоб и отступил назад. Его соперник не казался уставшим. У меня появился шанс поразмяться.

Я шагнул к ним навстречу, улыбнулся и представился:

— Кори с Кабры, я следил за вами. А теперь, — обернулся я к рослому темноволосому мечнику, — что, если нам поразмяться, пока ваш друг отдыхает?

Не переставая улыбаться, он показал на рот и на ухо. Я попробовал еще несколько языков, но и они не возымели успеха. Поэтому я показывал то на клинок, то на него, а то на себя, пока он наконец не догадался. Его партнер, видимо, решил отдохнуть и предложил мне свой клинок.

Я взял меч. Он был немного короче и тяжелее, чем мой Грейсвандир. (Так зовется мой клинок; я пока не упоминал этого имени. Рассказ о нем будет долгим, и, может быть, я еще поведаю его, прежде чем вы узнаете окончание этой истории. Но когда я впредь назову его имя, вы будете знать, о чем речь.)

Я несколько раз махнул для пробы клинком, снял плащ, отбросил его подальше и встал в позицию.

Он атаковал. Я отразил удар и перешел в контратаку. Он парировал укол, сделал выпад и атаковал вновь. И так далее. Через пять минут я понял, что соперник отнюдь не слаб, но я сильнее его. Дважды он останавливал бой, чтобы я повторил прием. Усваивал он быстро. Через пятнадцать минут ухмылка его стала еще шире. Я понял, что приближается время, когда те соперники, что могли противостоять его ударам, пасовали, уступая его силе. Скажу вам: он был вынослив. Через двадцать минут на его лице появилось озадаченное выражение. Должно быть, по моему внешнему виду нельзя было даже предположить, что я продержусь так долго. Несведущий человек не может догадаться о том, что таит в себе отпрыск королевской династии Амбера.

Через двадцать пять минут он весь взмок, но продолжал бой. В таких случаях мой братец Рэндом становится похож на пыхтящего юного монаха. Однажды, правда, мы фехтовали с ним двадцать шесть часов, пока один из нас не сдался. (Если вам любопытно, признаюсь — сдался я. На следующий день у меня было назначено свидание, и я хотел появиться не в худшей форме!) Но мы могли бы

тогда продолжать. Пока мне не хватало сил на подобные деяния, но все равно я был выносливее своего соперника. В конце концов, он был всего лишь человек.

Через полчаса, когда противник мой уже задыхался и опаздывал с контрударами, стало ясно: он вот-вот поймет, что моя усталость притворна, и я поднял вверх руку, опустив при этом клинок, — так, как это сделал его первый соперник. Он тоже остановился, а потом рванулся вперед и обнял меня. Что он говорил, я не понял — догадался только, что он был доволен. Как и я сам.

Но мне было мало. Я обещал себе, что весь день буду изнурять себя в боевых упражнениях, потом поплотнее набью желудок и улягусь спать — без просыпа, — а на следующее утро повторю все сначала.

Поэтому я направился к стрелкам. Через некоторое время я одолжил у кого-то лук и привычным способом, тремя пальцами, с относительным успехом выпустил сотню стрел. Затем какое-то время глядел на всадников, на их копья, щиты, булавы. Когда это мне надоело, отошел к тем, кто упражнялся в рукопашной.

Наконец я поборол по очереди троих и тут понял, что выдохся. Полностью. До конца.

Отдуваясь, насквозь пропотев, я сидел в тени на скамье. И думал о Лансе, о Ганелоне и еде. Минут через десять я вернулся в свою комнату и снова ополоснулся.

Тут я почувствовал волчий голод, а потому отправился на поиски обеда и новостей.

Не успел я отойти подальше от двери, как один из двух стражников, которых я запомнил с минувшего вечера, — тот, что провожал меня спать, — подошел ко мне и сказал:

— После удара обеденного колокола лорд Ганелон просит вас отобедать с ним в его апартаментах.

Я поблагодарил, обещал непременно явиться, вернулся к себе и отдыхал на кровати, пока не настало время. А потом направился к Ганелону.

Мышцы мои начинали болеть, добавилось и синяков. Что ж, это неплохо и поможет мне выглядеть старше. Я постучал в дверь Ганелона. Впустил меня мальчик, затем немедленно присоединившийся к другому концу, расстилавшему скатерть на столе перед очагом.

Ганелон в подпоясанной зеленой куртке, брюках, сапогах сидел в кресле с высокой спинкой. Когда я вошел, он поднялся и пошел навстречу поприветствовать меня.

— Сэр Кори, мне уже доложили о ваших сегодняшних подвигах, — сказал он, пожимая мне руку. — Теперь рассказ о том, как вы несли Ланса, кажется еще более достоверным. Должен признаться, что подобной доблести от человека вашего облика я не ожидал... Не хочу, конечно, вас этим обидеть...

Я усмехнулся:

— Какая там обида.

Он подвел меня к креслу, подал мне стакан с бледным вином, слишком сладким на мой вкус, и сказал:

— Глядя на вас, я мог бы решить, что справлюсь с таким воином одной левой... Но вы пронесли Ланса целых пять лиг да еще убили по дороге двух клятых кошек. Он рассказал мне и о кэрне, об этих камнях...

— И как он сегодня? — перебил я.

— Пришлось приставить к нему часового, чтобы он не поднимался с постели. Этот бугай захотел было встать и погулять по замку. Но, клянусь, я выпущу его лишь через неделю!

— Так, значит, ему лучше!

Ганелон кивнул:

— За его здоровье.

— За это стоит выпить.

И мы выпили. А потом он сказал:

— Если бы моя армия состояла из воинов вроде вас с Лансом, вся эта история могла бы сложиться и по-другому.

— Какая история?

— Да с Кругом и его стражами, — ответил он. — Вы слыхали?

— Ланс лишь упомянул об этом.

Один из мальчиков обжаривал на слабом огне насаженный на вертел громадный кусок говядины; время от времени, поворачивая вертел, он поливал мясо вином. Иногда запах мяса достигал моих ноздрей, вызывая раздраженное бурчание в желудке и усмешку Ганелона. Другой мальчишка отправился на кухню за хлебом.

Ганелон долго молчал. Он допил свой стакан, налил по новой. Я все еще смаковал первую порцию.

— А вы слыхали когда-нибудь об Авалоне? — наконец спросил он.

— Да, — ответил я. — Когда-то от бродячего барда довелось мне услышать такую песню:

> За рекою Блаженных* сидели мы, йе!
> И плакали горько, вспоминая об Авалоне.
> Мечи расщепились в наших руках,
> А щиты мы развесили по ветвям дуба.
> Серебряные башни пали, утонули в кровавом море.
> Сколько же миль до Авалона?
> Да нисколько — отвечу, — и не ищи,
> Нет больше серебряных башен.

— Авалон пал? — удивился он.

— Певец, похоже, был помешанным. Больше я ничего не знаю об Авалоне. Просто мне запомнились эти стихи.

Ганелон отвернулся и молчал несколько минут, а потом проговорил дрогнувшим голосом:

— Было, было такое место. И я жил там много лет назад. Не знал я только, что Авалон пал.

— Почему же оставили вы это место? — спросил я.

— Повелитель Авалона, лорд Корвин, колдун из Амбера, прогневался на меня. Сквозь тьму и безумие послал он меня сюда, чтобы я страдал и умер... И я столько страдал и так часто был близок к смерти! Я искал дорогу назад, но ее здесь не знают. Я спрашивал у колдунов и даже у плененной твари из Круга, прежде чем мы убили ее. Дороги на Авалон не знает никто. Как сказал поэт? «Несколько

миль до Авалона», — неправильно процитировал Ганелон. — А вы не помните имя того барда, что пел об Авалоне?

— К сожалению, не помню.

— А где находится Кабра, откуда вы держите путь?

— Далеко на востоке, за морем, это королевство расположено на островах.

— Есть какая-нибудь возможность нанять там небольшой отряд? Я могу хорошо заплатить.

Я отрицательно покачал головой:

— Страна невелика, там и армии-то нет, только немногочисленное ополчение, да и дорога в один конец займет несколько месяцев... Наемниками там никто никогда не служит — народ не слишком воинственный.

— Вы-то совсем не похожи на своих соотечественников. — Ганелон еще раз внимательно взглянул на меня.

Я медленно тянул вино, а потом ответил:

— Я был инструктором королевской стражи.

— Тогда, быть может, вы согласитесь остаться здесь и позаниматься с моими воинами?

— На несколько недель, пожалуй, задержаться могу.

С мгновенной строгой улыбкой он кивнул:

— Печально мне слышать, что дивный Авалон пал... Но если это так, и властелин его, должно быть, мертв ныне... — Он осушил стакан. — Значит, бывают такие времена, когда и демону не защититься... Прекрасная мысль. Выходит, и у нас есть шанс одолеть своих демонов.

— Прошу прощения, — поспешил заметить я, посчитав причину удобной. — Если вы имеете в виду Корвина из Амбера — он не умер, когда все это произошло.

Стакан хрустнул в его ладони.

— Вы знаете Корвина?

— Нет, просто слыхал о нем, — ответил я. — Несколько лет назад я повстречался с одним из его братьев... его звали Брэнд. Он рассказал мне тогда об Амбере и о битве... Корвин и его брат по имени Блейз вели целую орду против брата своего Эрика, защищавшего город. Блейз сорвался с горы Колвир, а Корвина взяли в плен. После коронации Эрика его ослепили и заточили в темницу под замком. Там он сейчас, быть может, и пребывает, если уже не умер.

Пока я говорил, Ганелон побледнел.

— Все эти имена — Брэнд, Блейз, Эрик, — промолвил он, — я слыхал от него в былые дни. Давно ли все случилось?

— Года четыре назад!

— Он заслуживал лучшей участи.

— После того как он так обошелся с вами?

— Ну, — ответил Ганелон, — у меня было время поразмыслить... и оказалось, что все случилось не без моей вины. Он был силен — сильнее тебя и Ланса, — справедлив... и мудр. Иногда он даже бывал веселым. Уж лучше бы Эрик убил его сразу, а не мучил. Не скажу, чтобы я любил его, но моей ненависти поубавилось. Этот демон заслуживал лучшей доли...

Мальчик вернулся с корзинкой хлеба. Другой уже снял мясо с вертела и на блюде поставил его посреди стола.

Ганелон кивнул.

— Поедим, — предложил он, поднялся и подошел к столу.

Я направился следом. Во время еды мы по большей части молчали.

Набив желудок до отказа и утопив его содержимое в еще одном стакане слишком сладкого вина, я начал зевать. После третьего зевка Ганелон ругнулся:

— К чертям, Кори, вы меня заразили! — И подавил зевок. — Не пойти ли нам прогуляться? — сказал он, вставая из кресла.

И мы пошли вдоль стен, минуя часовых, что вышагивали каждый по своему маршруту. Завидев Ганелона, воины молодцевато приветствовали его, он отвечал на приветствие, и мы следовали дальше. Так мы поднялись на стенку и уселись подышать на каменном парапете, с наслаждением втягивая в себя влажный, полный запахов леса вечерний воздух и глядя на звезды, что одна за одной появлялись на темнеющем небосклоне.

Вдалеке я как будто бы заметил колыхание морских волн. Где-то под нами завела песню ночная птица. Ганелон извлек трубку и табак из кисета на поясе, поплотнее набил ее, высек огонь. В мимолетном отблеске лицо его могло бы показаться сатанинским, если бы его рот кривился иначе. Известно, что у дьявола — злая ухмылка, но этот... этот был слишком печален для беса.

А потом он заговорил, сначала медленно и едва слышно:

— Я помню Авалон. Родился я в достаточно знатной семье. Но добродетель, увы, не была моим достоянием. Наследство быстро утекло сквозь пальцы. И я принялся грабить путников на дорогах. Потом прибился к банде таких же, как и я. А когда понял, что сильнее всех и лучше вожака, чем я, им не найти, то стал командовать шайкой. За наши головы назначили награду... Моя оказалась самой дорогой.

Теперь он говорил быстрее, голос его зазвучал благороднее, и даже сами слова его, словно эхо, доносились из прошлого.

— Да, я помню Авалон: серебристые тени, прохладные воды... И костры звезд в небе, и всегда весенняя зелень листвы. Молодость, красота, любовь — все это осталось там, в Авалоне. Гордые кони, блестящий металл, нежные губы. Темный эль. Честь... — Он тряхнул головой. — Однажды, когда стране угрожала война, правитель объявил прощение всем разбойникам, кто последует за ним на поле боя. Таков был Корвин. Я последовал за ним на войну. Сперва был просто офицером, а затем, позже... пошел в его штаб. Мы выигрывали битвы, подавляли восстания. Потом Корвин вновь мирно правил, а я остался при дворе. Хорошие это были годы. Со временем начались пограничные стычки, но мы неизменно побеждали. Он доверял мне управляться с такими делами. А потом пожаловал герцогство главе второстепенного рода, на чьей дочери собирался жениться. Я же давно добивался этого герцогства, и он все обещал однажды сделать его моим. Тут я пришел в ярость и, когда он направил меня во главе своих войск на южную границу, где всегда что-то шевелилось, предал его... Многие из моих воинов погибли, враг ворвался в страну. Лорду Корвину пришлось снова взяться за оружие. Враг был очень силен, я думал, что государство падет — надеялся на это. Но хитрый лис Корвин справился с бедой. Я бежал, меня схватили и поставили перед ним для приговора. Я проклинал его и плевался. Я не склонил головы, я ненавидел даже землю, на которой он стоял... Обреченный может позволить себе

сопротивляться до конца и уйти, как подобает мужчине. Корвин сказал, что помилует меня за прошлые заслуги. Я ответил, что он может катиться со своей милостью, и понял, что он смеется надо мной. Он приказал освободить меня и подошел ко мне. Я знал, что он может убить меня голыми руками. И все же попытался сопротивляться — безуспешно. Он ударил меня, один раз, и я упал. А когда пришел в сознание, то обнаружил, что лежу поперек его лошади и привязан к седлу. По пути Корвин все время сердито мне выговаривал. Я не стал пререкаться, но дивные края сменялись ужасными — тогда-то я и догадался, что он колдун: ведь с тех пор я не встречал никого, кто видел такие места. А потом он объявил мне свою опалу, освободил меня, бросил здесь и уехал.

Ганелон замолк, чтобы вновь разжечь погасшую трубку, потом раскурил и продолжил:

— Много ударов и ран досталось мне здесь от зубов, рук и дубинок, только чудом я сохранил жизнь. Он оставил меня в самом опасном месте страны. А потом судьба моя изменилась. Некий вооруженный рыцарь повелел мне убираться с дороги, дабы его светлость могла проехать. Мне было уже все равно — жить или умереть, поэтому я назвал его сыном рябой шлюхи и послал к дьяволу. Рыцарь поскакал на меня, но, перехватив копье, я выбросил противника из седла, а потом его же собственным кинжалом вогнал его наглую улыбку прямо ему в зубы. Так раздобыл я коня и оружие. Тут пришла расплата тем, кто притеснял меня. Я припомнил былые подвиги на проезжих дорогах и сколотил новую шайку. Она росла. Нас было уже несколько сотен, и потребности наши все увеличивались. Случалось, и небольшие городки обчищали. Местные нас боялись. Это тоже была неплохая жизнь, хоть и не столь приятная, как в Авалоне, которого я никогда больше не увижу. В придорожных постоялых дворах пугались даже стука копыт наших коней, а путники, завидев нас, мочили штаны. Ха! Так продолжалось не один год. На нас выступали большие отряды, но мы либо скрывались, либо одолевали их из засады. А потом вдруг появился Круг Мрака, и никто не знает почему.

Глядя вдаль, Ганелон яростно запыхтел трубкой.

— Мне говорили, что это случилось далеко на западе — появился небольшой круг из поганок. Внутри его нашли мертвую девочку. А нашедший ее мужчина, отец малышки, умер в судорогах через несколько суток. Место объявили проклятым. Круг стал быстро расти и через несколько месяцев был уже в целую лигу. Внутри Круга трава потемнела и стала блестящей, как металл, но не погибла. Деревья скрючились, их листья померкли. Они гремели, даже если не было ветра, и летучие мыши плясали и метались меж ними. В сумерках там бродили странные тени — но всегда внутри Круга, и какие-то огоньки, словно небольшие костры, горели там по ночам. Круг все разрастался, и те, кто жил неподалеку, бежали... в основном. Хотя некоторые остались. И говорят, что эти, кто остался, заключили какую-то сделку с порождениями Тьмы. А Круг все ширился, словно волна от брошенного в воду камня. Все больше и больше людей оставалось в нем. Я говорил и бился с такими, убивал их. Они живы, но кажутся мертвыми. Их голосам недостает силы и глубины, свойственной голосам живых. И нет в лицах жизни, неподвижны они, словно маски. Потом их шайки начали выходить за Круг и мародерствовать. Людей убивали без сожаления. Много жестокостей совершили они, осквернили и святые места. Все жгли за собой, но никогда не крали ничего

серебряного. А спустя еще несколько месяцев стали появляться и другие — странные исчадия тьмы вроде адских кошек, что ты убил. Тогда Круг вдруг перестал расти, словно достиг своего предела. Орды налетчиков лезли и лезли оттуда даже днем и опустошали земли окрест. И когда они опустошили все, Круг двинулся и поглотил новые земли. Ныне он расширяется именно таким способом.

Старому королю Утеру*, что долго и безуспешно ловил меня, пришлось позабыть о нас. Все силы бросил он, чтобы обложить Круг. Забеспокоился и я: никому не хотелось оказаться ночью в когтях какого-нибудь адского кровопийцы. Поэтому я взял с собой половину из моих людей — всех, кто пожелал. Зачем брать трусов?.. И мы отправились прямо туда. Толпа этих мертволицых поджаривала живую козу на каменном алтаре*, и мы обрушились на них. Одного взяли в плен, привязали к этому алтарю и допросили с пристрастием. Он сказал нам, что Круг будет расти, пока не поглотит всю сушу, от океана до океана, и когда-нибудь замкнется на другой стороне планеты. И если мы хотим спасти свои шкуры, лучше бы нам присоединиться к ним. Тогда один из моих воинов умертвил пленного кинжалом. И он умер, действительно умер, уж мертвого-то я могу отличить от живого — мне частенько приходится это делать. Но когда кровь несчастного попала на камень, рот его открылся и он разразился оглушительным хохотом — такого я в жизни не слышал. Словно гром, поразил нас этот смех. А потом он сел не дыша и начал гореть. И вид его менялся в этом огне, пока на алтаре не оказалось нечто вроде большого козла. А потом зазвучал голос: «Беги, смертный! Но ты не сумеешь выйти из этого Круга». И, поверь, мы бежали! Летучие мыши и другие твари затмили небо. За нами громыхали копыта. Мы мчались, обнажив клинки, разя направо и налево. Там были и кошки вроде твоих, змеи, какие-то прыгучие твари и бог знает что еще... Когда мы оказались у края Круга, нас заметил один из патрульных отрядов короля Утера и пришел на помощь. Из пятидесяти пяти человек назад вернулось только шестнадцать. Патрульный отряд тоже потерял человек тридцать. Меня узнали и немедленно доставили ко двору. Сюда. Это был замок Утера. Я рассказал королю обо всем: что я сделал, что увидел и услышал. Он поступил так же, как Корвин, — даровал всем прощение, если мы выступим на битву против стражей Круга. После того что я испытал, не было у меня выбора. Круг следовало остановить. Пришлось согласиться. А потом я свалился с ног. Когда очнулся, мне рассказали, что в горячке я провел три дня. После выздоровления я был слаб, как дитя, и остальные, кто побывал в Круге со мною, тоже прошли через это: трое даже умерли. Я обошел всех, рассказал о предложении короля — ни один не отказался.

Король усилил патрули у Круга. Но сдержать его мы не могли, Круг рос. Стычек было немало. Наконец я стал правой рукой Утера, как и когда-то у Корвина. Схватки становились уже битвами. Из адской дыры валили все новые полчища. Несколько битв мы проиграли, враг захватил ряд форпостов. Однажды ночью Круг изрыгнул целую армию... орду... и людей, и прочих тварей, обитавших там. С такой силой мы еще не сталкивались. Король Утер отправился на поле боя — против моего совета, ведь ему было уже немало лет... Он пал в ту ночь, и страна сейчас не имеет властелина. Я хотел, чтобы наместником сел мой капитан Ланселот... Ведь он куда достойнее меня. Странно. Я знал Ланселота — ну в точности его — в Авалоне... Но этот Ланселот не узнал меня, и пришлось знакомиться заново. Странно... Увы, он отказался от места, и меня по-

неволе заставили взять власть. Я не хочу этого, но деваться некуда. Во всяком случае, теперь я уже три года сдерживаю эту нечисть. Все во мне стонет и зовет бежать! Кто я этим проклятым людям? Что мне с того, если мерзкий Круг станет расти? Я мог бы сбежать за море, найти землю, куда Круг не дотянется при моей жизни, и забыть обо всем. Проклятие! Ни к чему мне это бремя! Но теперь оно мое!

— Почему? — спросил я, и звук собственного голоса показался мне незнакомым.

Ответом было молчание.

Ганелон выбил трубку. Набил, зажег, раскурил.

Молчание продолжалось.

А потом он проговорил:

— Не знаю. Я могу всадить человеку в спину кинжал за пару сапог, если они есть у него, а мне не во что обуться. Я знаю, что говорю, — так я и поступал когда-то. Однако тут... Тут что-то иное. Этот Круг — он против всех, но только мне по силам сопротивляться ему. Черт побери! Я знаю, когда-нибудь этот замок станет нашей общей могилой. Но я не могу оставить его. Я должен удерживать нечисть, сколько хватит сил.

Ночной воздух освежил мою затуманенную голову, прояснил сознание, хотя оно существовало как бы в стороне от несколько расслабленного тела.

— А Ланс сумеет править ими? — спросил я.

— Я бы сказал — да! Он добрый человек. Но есть еще одна причина. Мне кажется, что та, похожая на козла, тварь с алтаря, кем бы она ни была, все-таки немного побаивается меня. Я был в Круге; она заявила, что мне не выбраться оттуда, но я пробился наружу. И пережил эту болезнь. Та тварь знает, что это я противоборствую ей. Мы выиграли кровавое сражение в ночь смерти Утера. Тогда я снова встретил это существо — но уже в другом виде, — и оно узнало меня. Быть может, мое присутствие сдерживает эту тварь.

— Как она выглядела?

— Как человек, только с козлиными рогами и красными глазами. Она восседала на пегом коне. Мы бились, но битва развела нас. И к счастью — чудовищное создание уже одолевало меня. Когда мы скрестили мечи, оно заговорило, и я узнал этот оглушительный голос. Оно называло меня глупцом и говорило, что нет у меня надежды на победу. Но наступило утро, поле боя осталось за нами, мы загнали всю мерзость обратно в Круг и убивали бегущих. Всадник на пегом коне исчез. С тех пор случались еще вылазки, но не такие. И если я уеду из этой страны, Круг немедленно извергнет жуткое воинство... Его уже готовят, готовят сейчас. И тварь эта узнает о моем отъезде... так же как узнала она и о том, что Ланс везет мне диспозицию войск в Круге, и послала проклятых стражей убить его по дороге. Теперь она знает и о тебе и будет размышлять, как изменить расклад. Чудовище будет гадать, кто ты и откуда у тебя такая сила. Я останусь здесь — сражаться с этой тварью, пока не паду. Это мой долг. Не спрашивай почему. Я надеюсь лишь, что, пока не наступил мой последний день, узнаю, как сузить этот Круг... И почему он объявился здесь.

Вдруг что-то затрепетало возле моей головы. Я быстро откинулся — на всякий случай. Впрочем, необходимости в этом не было. Птица. Белая птица уселась на мое плечо и тихо попискивала. Я поднял руку, она перебралась на ладонь.

К ноге была привязана записка. Я отвязал ее, прочел и тут же смял в кулаке. А потом уставился вдаль.

— В чем дело, сэр Кори? — поинтересовался Ганелон.

Записку послал я сам, она была написана моей рукой, отправлена с ведомой мне птицей и могла попасть только в намеченное мной место. Но не в этот замок хотел я ее отправить! Однако я смог прочесть собственное предсказание.

— Что это? — спросил Ганелон. — Что это у вас в руках? Записка?

Я кивнул и передал ему бумажку. Выбросить ее было невозможно, ведь он видел, как я отвязывал ее.

Ганелон раскурил трубку и в ее тусклом свете прочитал несколько слов, что были на этом клочке. «Я иду» — гласила записка, после чего следовала моя подпись.

— Значит, он жив? Значит, он явится сюда?

— Похоже.

— Странно, — произнес Ганелон. — Ничего не понимаю.

— Выглядит как обещание помощи, — сказал я, отпуская птицу, которая дважды гулькнула, покружила над головой и исчезла.

Ганелон покачал головой:

— Не понимаю.

— Зачем считать зубы лошади, которая может достаться тебе даром? — сказал я. — Пока вы еле сдерживаете Круг.

— Верно. Быть может, он сумеет уничтожить его.

— Что, если это просто шутка? — возразил я. — Жестокая шутка.

Ганелон вновь покачал головой:

— Нет. Такие вещи не в его стиле. Интересно, что ему надо?

— Быть может, во сне что узнаем, — предположил я.

— Верно, ничего больше не остается, — сказал он, подавляя зевок.

Мы встали, вместе прошли по стене и пожелали друг другу спокойной ночи. Я проковылял к кровати и провалился в нее, словно в яму, наполненную снами.

II

Снова день. Снова ломота. Снова боль.

Мне подарили новый коричневый плащ. Это было недурно, в особенности если учесть, что я скоро раздобрею, а Ганелон, несомненно, вспомнит мои цвета. Я не брился — ведь он помнил меня как раз бритым. Я старался изменять голос, когда он был рядом. Даже прятал Грейсвандир под кроватью.

Всю следующую неделю я немилосердно гонял себя, трудился, потел, пока ломота наконец не утихла и мускулы не обрели твердость. Похоже, я набрал за это время фунтов пятнадцать. Медленно, очень медленно возвращались ко мне силы.

Эту страну называли Лоррен. Так же звали и ее. Ну, можно было бы, конечно, наврать: дескать, познакомились мы на лугу за замком, она собирала цветы, а я вышел подышать свежим воздухом. Вздор это.

Ее следовало бы отнести к персоналу, обслуживающему лагерь. Дело было в конце дня, после тяжких трудов, в основном с саблей и булавой. Она стояла в

сторонке, поджидала клиента — такой увидел я ее впервые. Она улыбнулась мне, я ответил улыбкой. На следующий день, проходя мимо, я сказал ей «привет». И все.

Она постоянно попадалась мне навстречу. К концу второй недели, когда мышцы перестало ломить и вес мой превысил сто восемнадцать фунтов, у меня снова появилась охота к этому занятию, и я провел с ней вечерок. К тому времени я уже знал, кто она, и это устраивало меня. Но той ночью мы не занимались обычным в таких случаях делом. Нет.

Напротив, сперва мы беседовали, а потом кое-что произошло.

Говорила она чуть в нос, ржаво-рыжие волосы ее были слишком длинными, тронутыми сединой. Косметика густым слоем скрывала усталость и множество веснушек. Я понял, что ей под тридцать. Голубые глаза. Острый подбородок. Чистые ровные зубы и рот, что всегда улыбался мне. Одежда была слишком яркой и броской. Мне она нравилась. Но не это имел я в виду, когда попросил провести со мной ночь, — у меня и в мыслях не было тогда, что она мне нравится.

Идти было некуда, только в мою комнату. Так мы и сделали. Я стал уже капитаном и воспользовался преимуществами, которые давало мне мое положение: попросил принести обед в комнату и подать лишнюю бутылку вина.

— Люди боятся тебя, — сказала она. — Говорят, что ты не устаешь.

— Неправда, — ответил я, — поверь мне.

— Конечно, — сказала она, качнув слишком длинными локонами, — все устают.

— Естественно, — согласился я.

— Сколько тебе лет?

— А тебе?

— Джентльмен не станет задавать таких вопросов!

— Леди, наверно, тоже?

— Когда ты появился здесь, все решили, что тебе за пятьдесят.

— А?..

— А теперь никто не берется и предполагать. Сорок пять? Сорок?

— Нет, — отвечал я.

— Я тоже так не думала, но твоя борода всех обманула.

— Бороды часто вводят в заблуждение.

— С каждым днем ты выглядишь все лучше, все сильнее...

— Благодарю. Я действительно чувствую себя лучше, чем тогда.

— Сэр Кори из Кабры... — промолвила она. — Где эта Кабра? Какая она? А если я очень попрошу, ты возьмешь меня туда?

— Мог бы пообещать, — ответил я. — Но боюсь солгать.

— Знаю. Просто было бы приятно услышать такое обещание.

— Отлично. Я возьму тебя с собой в эту дыру.

— А ты действительно столь хорош, как говорят воины?

— Боюсь, что нет. А ты?

— Не слишком. Ты хочешь уже в постель?

— Нет. Лучше поговорим. Хочешь вина?

— Благодарю... твое здоровье.

— И твое.

— Почему же ты так хорошо фехтуешь...

— Способности и хорошие учителя.

— ...и как ты донес Ланса из этакой дали и справился с этими тварями?

— Люди всегда говорят больше, чем было на самом деле.

— Но я же сама видела. Ты сильнее остальных. Поэтому и Ганелон нашел общий язык с тобой. Как бы вы с ним ни порешили, но Ганелон видит всех насквозь. Многие мои приятели были мечниками. Я знаю, как они фехтуют. Ты искрошил бы их в куски. Люди говорят — ты хороший учитель. Ты нравишься им, но и внушаешь опасение.

— Чем же я пугаю их? Своей силой? В мире много сильных людей. Что удивительного в том, что я могу долго махать клинком?

— Они видят в тебе нечто сверхъестественное.

Я расхохотался:

— Нет. Просто я второй фехтовальщик в здешней округе. Впрочем, прости... Может быть, и третий. Но я стараюсь.

— А кто лучше тебя?

— Ну, наверное, Эрик из Амбера.

— Кто это?

— Сверхъестественное существо.

— Он первый?

— Нет.

— А кто?

— Бенедикт из Амбера.

— И он тоже не человек, как и Эрик?

— Если он еще жив, да.

— Значит, и ты тоже, — сказала она. — Почему? Признавайся, ты тоже сверхъестественное существо?

— Подлить еще?

— Вино ударило мне в голову.

— И хорошо.

Я разлил вино по бокалам.

— Все мы умрем, — сказала она.

— Естественно.

— Это будет скоро, здесь. Все мы падем в бою с проклятым Кругом.

— Почему ты так говоришь?

— Он слишком силен.

— Что ж ты тогда делаешь здесь?

— Куда мне еще деваться! Поэтому я и спросила о Кабре.

— И поэтому согласилась прийти ко мне?

— Нет. Я хотела узнать, кто ты.

— Я атлет, нарушающий режим. Ты родилась где-нибудь неподалеку?

— Да, в лесах.

— А зачем ты путаешься с этими парнями?

— Почему бы и нет? Уж лучше такое занятие, чем каждый день счищать с пяток свиное дерьмо.

— А у тебя был когда-нибудь собственный мужчина? Постоянный то есть?

— Да, он умер. Это он нашел ведьминское кольцо.

— Сожалею.

— А я — нет. Он обычно пропивал все, что ему удавалось занять или украсть, а потом шел домой и колотил меня. И когда я встретила Ганелона, то просто обрадовалась.

— Значит, ты считаешь, что Круг слишком силен и мы проиграем?

— Да.

— Быть может, ты и права. Хотя надеюсь, это не так.

Она поежилась.

— А ты будешь биться за нас?

— Похоже, придется.

— И никто ведь не скажет просто «да», все с оговорками! Уже это интересно. Мне бы хотелось поглядеть на твой бой с человеком-козлом.

— Почему?

— Кажется, он их предводитель. У нас появился бы шанс, если бы ты убил его. Только ты способен победить его.

— Придется убить, — отвечал я.

— У тебя есть на это свои причины?

— Да.

— Личные?

— Да.

— Тогда удачи тебе!

— Благодарю.

Она допила вино, я подлил еще.

— Уж он-то, без сомнения, сверхъестественное существо, — сказала она.

— Давай переменим тему.

— Хорошо. Только обещай кое-что сделать для меня.

— Говори.

— Завтра надень броню, возьми копье, покрепче держись в седле и вздуй одного детину из кавалерии... Харальда.

— Почему?

— Он побил меня на той неделе, словно покойный Ярл. Ты можешь это сделать?

— Да.

— А сделаешь?

— Почему бы и нет? Считай его уже наказанным.

Она встала и склонилась ко мне.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Чушь.

— Верно. А как насчет «ты мне нравишься»?

— Неплохо. Я...

Вдруг озноб и онемение ветром промчались вдоль моей спины. Застыв, я попытался отразить мысленный натиск, отключив разум. Меня искал кто-то из наших — член королевского рода Амбера, — причем с помощью колоды карт, моего Козыря, или как там его назвать. Ощущение это ни с чем не перепутать. Если то был Эрик, значит, он оказался крепче, чем я предполагал; в последний раз я обрушил на его мозг чуть ли не горящий напалм. Едва ли это Рэндом — в том, что его выпустили из тюрьмы, я сомневался. Если же меня искали Джулиан или Кейн, оба могли катиться в ад. Блейз, по-видимому, был мертв; Бенедикт,

возможно, тоже. Оставались Джерард, Брэнд и сестры. Из них только от Джерарда мог ждать я добра. Поэтому я изо всех сил противился зову и справился с ним. Ушло на это минут пять, и когда все кончилось, я был покрыт потом и тело мое сотрясал озноб, а Лоррен с удивлением смотрела на меня.

— Что случилось? — спросила она. — Ты еще не пьян, да и я тоже.

— Обычный приступ, — ответил я. — Иногда со мной такое случается. Эту болезнь я подцепил на островах.

— Я видела лицо, — сказала она. — Может быть, на полу, а может — в голове. Лицо старца. Воротник его одежды был зеленым, и он был похож на тебя, только борода седая.

Я шлепнул ее.

— Врешь. Не могла ты...

— А я говорю, видела! И не бей меня! Я не знаю, что это значит! Кто он?

— Думаю, это отец. Но, боже, как странно...

— Что случилось? — повторила она.

— Обычный припадок, — ответил я. — Иногда они случаются со мной, и людям возле меня кажется, что они видят отца или на стене, или на полу. Не беспокойся, эта болезнь не заразна.

— Чушь, — отрезала Лоррен. — Ты все врешь.

— Не спорю. Только прошу, забудь об этом.

— Почему же я должна забыть?

— Потому что я нравлюсь тебе, — пояснил я. — Помнишь? И еще потому, что завтра я должен вздуть Харальда.

— Верно, — согласилась она.

Меня снова затрясло. Она взяла одеяло с кровати и набросила мне на плечи. А потом налила вина, я выпил. Она села рядом, прислонилась головой к плечу, я обнял ее. Снаружи бесом взвизгнул ветер, часто забарабанил прилетевший с ним дождь. И вдруг словно кто-то постучал в ставни. Лоррен слегка взвизгнула.

— Не нравится мне эта ночь, — объявила она.

— Мне тоже. Закрой дверь на засов, она лишь заперта.

Пока Лоррен выполняла мою просьбу, я развернул кресло так, чтобы сесть лицом к единственному окну. Достал из-под кровати Грейсвандир и обнажил его. Потом погасил все огни в комнате, оставив только свечу по правую руку от себя.

И снова сел, положив клинок на колени.

— Что мы делаем? — спросила Лоррен, усаживаясь слева от меня.

— Ждем, — отвечал я.

— Чего?

— Не знаю, просто ночь такова... Что-то должно случиться.

Она вздрогнула и прижалась ко мне.

— Знаешь, тебе лучше уйти, — сказал я.

— Знаю, — ответила она, — только я боюсь выйти из комнаты. А ты здесь сумеешь защитить меня?

Я покачал головой:

— Не уверен, сумею ли я защитить и себя самого.

Она тронула Грейсвандир.

— Что за дивный клинок!.. Такого мне еще не приходилось видеть.

— Подобного ему нет, — промолвил я.

Рука моя чуть подрагивала, и клинок слегка поворачивался, отражая свет. Меч то казался залитым нечеловеческой оранжевой кровью, то лежал на моих коленях белый как снег, то розовел женским соском, повинуясь моей лихорадке.

Я гадал, как сумела Лоррен увидеть во время попытки контакта то, чего не видел я сам. Она просто не могла придумать ничего столь подходящего случаю.

— Есть нечто странное и в тебе, — сказал я.

Она помолчала, пока пламя свечи не колыхнулось несколько раз, затем произнесла:

— Я немного умею видеть другим взглядом. Моя мать видела лучше меня. И мне говорили, что моя бабка была колдуньей. Ну, этому я не обучена... то есть немного знаю. А если честно, то давно не пробовала. Если я ворожу, то всегда теряю больше, чем получаю.

Потом она умолкла, и я переспросил ее:

— Что ты имеешь в виду?

— Я приворожила к себе моего мужа, — ответила она, — и кем он стал? Не пытайся я ворожить, была бы много счастливей. Я хотела хорошенькую дочку... а случилось совсем другое...

Лоррен вдруг умолкла, и я понял, что она плачет.

— В чем дело? Я не понимаю...

— Я думала, ты знаешь...

— Нет, боюсь, что нет.

— Она-то и была той маленькой девочкой, что нашли мертвой в ведьминском кольце. Я думала, ты знаешь...

— Сожалею.

— Как я хотела бы, чтобы у меня никогда не было ни крохи этого умения!.. Теперь я не пользуюсь им. Но оно не покидает меня, приносит знаки и видения — и никогда о том, что я могу изменить. О, если бы только оно оставило меня и смущало кого-нибудь другого.

— Вот этого-то и не будет, Лоррен. Боюсь, что ты уже увязла.

— Откуда ты знаешь?

— В прошлом я знавал таких, как ты.

— И у тебя тоже есть это умение, так?

— Да.

— Значит, и ты чувствуешь, что снаружи есть нечто?

— Да.

— И я чувствую. А ты знаешь, что оно делает?

— Ищет меня.

— Я тоже чувствую это. А зачем?

— Может быть, чтобы испытать мою силу. Оно знает, что я здесь. И раз я — новый союзник Ганелона, оно хочет разобраться, кто я и что из себя представляю...

— Это сам рогатый?

— Не знаю. Впрочем, не думаю.

— А почему?

— Если я действительно могу погубить эту тварь, едва ли она будет искать меня здесь — в твердыне своего врага, без помощи и поддержки. Должно быть, это кто-то из ее слуг. Может быть, именно об этом и хотел предупредить меня призрак отца... не знаю. Если посланец сумеет найти меня и открыть мое имя, рогатый будет знать, к чему готовиться. Если он сумеет войти и убить меня — проблема решена. Если я убью посланца, сила моя будет известна. Что бы ни случилось, инициатива на стороне рогатого. И ему пока незачем рисковать своей двузубой черепушкой.

Мы ожидали в полутемной комнате, минуты сгорали в пламени свечи.

— Что ты имел в виду, когда сказал «откроет мое имя»? Какое имя? — спросила Лоррен.

— Имя того, кто еще не пришел сюда, — ответил я.

— Значит, оно может откуда-то знать твое имя?

— Не исключено, — ответил я.

Лоррен отодвинулась подальше.

— Не пугайся, — сказал я, — я не обижу тебя.

— Боюсь, что ты-то меня и обидишь! — ответила она. — Я знаю! Но я хочу тебя! Почему я хочу тебя?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Что-то бродит там, за окном! — в легкой истерике крикнула Лоррен. — И все ближе! Ближе! Слушай! Слушай!

— Заткнись! — рявкнул я. Холодные мурашки побежали по спине, петлей сдавило горло. — Скорей, прячься туда, за кровать.

— Я боюсь темноты, — пожаловалась она.

— Живей, иначе мне придется самому запихивать тебя в эту щель. Здесь ты будешь только мешать.

Взмахи тяжелых крыльев заглушили рев непогоды. О камни что-то заскрежетало, и Лоррен рванулась исполнять мой приказ.

И тут на меня уставилась пара кровавых сверкающих глаз, стремившихся заглянуть прямо в душу. Я отвел взгляд. Тварь стояла перед окном на карнизе и разглядывала меня.

Более шести футов было в ней, изо лба выступали громадные ветвистые рога. Нагое тело было пепельно-серым — без признаков пола, громадные крылья исчезали в ночной тьме за окном. В правой руке тварь сжимала короткий тяжелый меч из темного металла. Вдоль клинка были выгравированы руны. Левой рукой она вцепилась в решетку.

— Входи себе на погибель, — крикнул я и поднял меч.

Существо хихикнуло, фыркнуло, хихикнуло снова. И попыталось опять заглянуть мне в глаза, но я отводил взгляд: если оно поглядит подольше, то узнает меня — как те кошки. Потом оно заговорило, словно фагот, выдувая слова.

— Ну, ты не тот, — сказало оно. — Ты ниже и старше. Но... клинок... похож. Кто ты?

— А ты кто? — спросил я.

— Стригаллдвир мое имя. Призови меня, чтобы я мог выесть твое сердце и печень.

— Призвать? Да я такое имя и не выговорю. А от моего цирроза у тебя будет несварение желудка. Убирайся!

— Кто ты? — повторило оно.

— *Misli, gammi gra'dil, Strygalldwir!* — воскликнул я, и тварь дернулась, словно от пинка.

— И ты хочешь выгнать меня несколькими словами? — спросила она, вновь став на карниз. — Я не из малых.

— Похоже, что это и мешает тебе.

— Кто ты? — повторило существо.

— Не твое дело, Чарли. Пичужка, пичужка, лети быстрее домой...

— Четыре раза должен я спросить, и четыре раза можешь ты не отвечать, а потом я волен войти и убить тебя. Кто ты?

— Нет, — отвечал я, вставая, — входи и сгори!

Оно оторвало решетку, прыгнуло внутрь, загасив при этом свечу.

Я ударил навстречу, и посыпались искры, когда Грейсвандир рубанул по темному, исписанному рунами мечу. Потом отпрыгнул назад. Глаза мои привыкли к полутьме, и, хоть свеча и погасла, я видел тварь. Существо тоже видело меня и было посильнее смертного — как, впрочем, и я сам. Мы кружили по комнате. Из окна садил ледяной ветер, холодные капли хлестали в лицо. Когда я в первый раз ранил тварь в грудь — длинный порез, — она не проронила ни звука, хотя по краям раны заплясали огоньки. После второй раны — в плечо — существо разразилось проклятиями.

— Сегодня я высосу мозг из твоих костей, — орало оно, — а потом выварю их и сделаю дудки! И когда я буду играть на них, твой дух будет корчиться в бестелесной агонии!

— Неплохо горишь! — отвечал я.

Оно слегка замедлило движения, и у меня появилась возможность, которой я не преминул воспользоваться.

Я отбил в сторону темный клинок и сделал выпад. Он был великолепен, клинок вошел прямо в середину груди и вышел из спины.

Тварь взвыла, но не упала. Грейсвандир вырвался из моей ладони. Языки пламени охватили рану. Существо стояло передо мной и горело. А потом шагнуло ко мне. Я схватил небольшое кресло и выставил его вперед.

— У меня сердце не там, где у людей, — проговорило существо.

И ударило мечом, но я креслом отвел удар и ножкой попал ему в глаз. Затем, отбросив кресло, я ухватил его за правую руку, вывернул ее в сторону и изо всех сил ударил по локтю. Раздался треск, покрытый рунами меч звякнул об пол. Левой рукой существо ударило меня по голове, и я упал.

Оно метнулось к мечу, но я ухватил его за лодыжку и дернул. Оно растянулось на полу. Я навалился сверху и потянулся к горлу. Голову мне пришлось прижать к груди, упереться в плечо врага — левой рукой он терзал мое лицо.

Мои руки сдавили его горло смертной хваткой, и глаза его стремились к моим. На этот раз я не стал отводить взора. А потом что-то кольнуло в основание мозга, и мы оба узнали то, что хотели.

— Ты! — ухитрилось оно выдавить, прежде чем отчаянным усилием погасил я огонь этих кроваво-красных глаз.

Я встал, поставил ногу на труп и вырвал Грейсвандир.

Как только меч вышел из раны, тварь загорелась и полыхала до тех пор, пока от трупа не осталось ничего, только закоптелое пятно на полу.

А потом ко мне подошла Лоррен. Я обнял ее, и она попросила проводить ее домой... спать. Так я и поступил. Больше мы уже ничего не могли. Просто лежали вместе, пока она не выплакалась и не уснула. Вот так я и узнал Лоррен.

Не слезая с лошадей, мы втроем — Ланс, Ганелон и я — смотрели с высокого холма на проклятое место. Поднявшееся к полудню солнце светило нам в спину. Раскинувшаяся впереди картина подтвердила мои опасения.

Место было сродни тому искореженному лесу, что лежал к югу от Амбера.

«Ох, отец мой! Что же я натворил?» — проговорил я про себя, но ответ был уже перед моими глазами: Круг Тьмы, простиравшийся, доколе только хватало глаз.

Через прорези забрала рассматривал я его: обугленную, унылую землю, издававшую зловоние. В эти дни я не поднимал забрала. Прихоть, конечно, и так это всеми и воспринималось, но мое положение давало мне право на чудачества. Прошло две недели после битвы со Стригалльдвиром. Я надел шлем наутро, прежде чем выполнить обещанное и вздуть Харалда. Раз лицо опухло, я решил скрывать его.

Теперь я весил уже стоунов четырнадцать и чувствовал себя почти как раньше. Если бы только я сумел помочь убрать эту грязь из страны по имени Лоррен... Я знал уже, что возьмусь за это дело и, быть может, справлюсь с ним.

— Так, — сказал я, — не вижу там собравшегося войска.

— Для этого надо ехать на север, — ответил Ланс, — и мы, вне сомнения, увидим их, когда начнет смеркаться.

— Далеко?

— Лиги три или четыре. Они маневрируют.

До Круга мы ехали два дня. От попавшегося рано утром навстречу патруля мы узнали, что внутри у границ Круга по ночам постоянно собираются войска. Проводят какие-то учения, а к утру исчезают в глубине Круга. А над ним постоянно висит темная туча, хотя гроза все не разражается.

— Позавтракаем здесь или поедем на север? — спросил я.

— Почему бы и не позавтракать? — ответил Ганелон. — Я просто умираю от голода, а время для еды у нас есть.

Мы спешились и перекусили вяленым мясом, запивая его влагой из фляжек.

— Не понимаю я этой записки. — Ганелон рыгнул, похлопал себя по животу и раскурил трубку. — В грядущей битве он будет рядом или нет? И где он? Где, если собирается помогать? День битвы все ближе и ближе.

— Забудь о нем, — ответил я. — Это, наверно, была шутка.

— Не могу, разрази меня гром! — воскликнул он в ответ. — Все кажется настолько странным!

— В чем дело? — удивился Ланс, и тут я понял, что Ганелон пока ничего еще не сказал ему.

— Мой прежний сеньор лорд Корвин прислал с почтовой птицей весть о своем прибытии, — объяснил Ганелон. — И я до сих пор не могу понять, что это значит.

— Корвин? — переспросил Ланс, и я затаил дыхание — Корвин из Амбера?

— Из Амбера и Авалона.

— Забудь про это послание.

— Почему?

— Он человек без чести, и слова его ничего не стоят.

— Ты знаешь его?

— Я слыхал о нем. Давным-давно он правил в этой стране. Разве ты не помнишь сказаний о демоне-властелине? Это о нем, только было это задолго до нас. Самым лучшим днем его правления оказался тот, когда он отрекся и бежал — все возненавидели его.

— Это было неправдой!

— Но так ли?

Бесконечное множество Теней отбрасывает Амбер, много Теней отбрасывал и мой Авалон — благодаря тому, что я был в нем. На многих землях знают меня; хотя никогда не ступал я там, но тени мои ходили, перевирая мои дела и мысли.

— Нет, — отвечал Ганелон. — Я никогда не придавал значения старым россказням. Интересно, неужели известный мне Корвин — тот самый, что правил здесь?

— Весьма вероятно, — вмешался я, решив перехватить инициативу в разговоре. — Но если он правил столь давно, то, верно, уж одряхлел или умер.

— Он был колдуном.

— Тот, которого я знал, — тоже, — согласился Ганелон. — Он изгнал меня из страны, которую не обнаружить ни знанием, ни хитростью.

— Ты об этом никогда не говорил, — сказал Ланс. — Как же все произошло?

— Не твое это дело, — ответил Ганелон, и Ланс умолк.

Я извлек трубку — два дня назад я разжился ею. Ланс сделал то же. Моя трубка была из глины и тянула горячо и крепко. Раскурив, мы все трое молча потягивали дым.

— Да, он постарался на славу, — сказал Ганелон. — Предлагаю забыть об этом.

Разумеется, забыть никто не забыл, но к этой теме мы больше не возвращались.

И если бы не темный Круг, посидеть и отдохнуть было бы, пожалуй, приятно. Вдруг я ощутил, что эти люди стали мне близкими. Захотел что-нибудь сказать, но ничего подходящего в голову не приходило.

Ганелон прервал молчание, возвратившись к насущным делам:

— Значит, ты хочешь поразить их, прежде чем они нападут на нас?

— Правильно, — согласился я. — Перенесем войну на их территорию.

— Беда-то вся в том и заключается, что это теперь их территория, — сказал он. — Они теперь знают ее лучше, и кому ведомо, какие силы способен враг призвать себе на помощь?

— Надо просто убить рогатого, и все рухнет, — ответил я.

— Может быть. А может, и нет. Возможно, ты сумеешь справиться с ним, — сказал Ганелон. — Я-то не надеюсь на свои силы, разве что повезет. Не так прост рогатый, чтобы легко умереть. Наверно, я обманываю сам себя, полагая, что остался прежним, как и несколько лет назад. Что, если я ослаб? Раньше я не был таким домоседом.

— Знаю, — сказал я.

— Я тоже, — согласился Ланс.

— Ланс, а не поступить ли нам, как подсказывает наш друг? — спросил Ганелон. — Не следует ли нам атаковать?

Тот хотел было пожать плечами и уклониться от ответа, но передумал.

— Да, — ответил он. — Они едва не одолели нас, когда умер король Утер. А теперь мы не нападаем, потому что боимся поражения. О, конечно, победа достанется им нелегко, мы нанесем врагу тяжкий урон. Но, я думаю, они пересилят... Посмотрим, что там у них, хорошо все обмозгуем, а потом решим, готовиться ли к нападению.

— Хорошо, — сказал Ганелон. — Меня уже тошнит от ожидания. Решим по возвращении.

И мы отправились в разведку.

Сперва мы ехали на север, потом выбрали удобное место и спрятались в холмах, откуда был виден Круг. Там, внутри, они поклонялись чему-то или упражнялись с оружием. Я прикинул — их было тысячи четыре. У нас — не больше двадцати пяти сотен. Были там и странные летучие, ползучие и прыгучие твари, издаваемые ими звуки разносились повсюду. Но сердца наши не дрогнули.

Мне нужно было только увидеться с глазу на глаз с их предводителем, и все стало бы ясно — так или иначе. Все, целиком. Я не мог сказать об этом друзьям, но такова была правда.

Дело в том, что я-то и был виноват во всем. Круг появился благодаря мне, и уничтожить его мог лишь я сам, если хватит сил.

Уверенности в этом у меня не было.

В страдании, ярости, ужасе и муке вызвал я это проклятие к жизни. И на всех землях отразилось оно. Такова цена крови принца Амбера.

Мы следили за воинами Тьмы всю ночь, а утром уехали.

И решили — атаковать!

На обратном пути нас никто не преследовал. А когда мы вернулись в твердыню Ганелона, то засели за планы. Наши силы были уже в отличной форме, и мы решили атаковать в ближайшие две недели.

Лежа рядом с Лоррен, я сказал ей об этом. Она должна была знать. Я мог унести ее отсюда в Тени этой же ночью, если бы только она согласилась.

Но Лоррен возражала.

— Я останусь с тобой, — сказала она.

— Хорошо.

Я не раскрыл ей, что все будет решено моею рукой, но, похоже, она догадывалась об этом и по какой-то причине верила мне. Об этом не стоило думать — в конце концов, это ее право.

— Ты знаешь, чем все может обернуться, — предупредил я.

— Знаю, — отвечала она, и было ясно, что действительно знает.

Потом мы занялись любовью, а позже — уснули.

Ей приснился сон.

Утром Лоррен сказала мне об этом.

— И что же ты видела? — спросил я.

— Предстоящую битву, — объяснила она, — и ты бился с рогатым.

— И кто победил?

— Не знаю. Только пока ты спал, я сделала кое-что полезное для тебя.

— Уж лучше бы ты этого не делала, обычно я сам о себе забочусь.

— А потом я увидела свою смерть.

— Давай-ка я заберу тебя отсюда в укромное место.

— Нет, мое место здесь, — твердо заявила она.

— Я не собираюсь лишать тебя свободы, — сказал я, — просто мне по силам спасти тебя от привидевшейся во сне судьбы. Поверь, для меня в этом нет ничего сложного.

— Я верю тебе, но никуда отсюда не уеду.

— Чертова дура!

— Я хочу остаться.

— Ну, как хочешь... Слушай, а может, мне послать тебя на Кабру?

— Нет.

— Проклятая дура!

— Я знаю. Я люблю тебя.

— Глупая, правильно надо говорить: «Ты мне нравишься». Помнишь?

— Ты справишься с ним, — сказала она.

— Иди к черту! — ответил я.

И она тихо заплакала и не могла успокоиться, пока я не утешил ее еще раз.

Такова была Лоррен.

III

В то утро я задумался обо всем. О своих братьях и сестрах, которые почему-то воспринимались не как живые люди, а как игральные карты, что было вовсе несправедливо. Я вспомнил клинику, где очнулся, вспомнил, как ступил на Путь в Ребме, о Моэри, которая сейчас, должно быть, с Эриком. Я подумал о Блейзе, о Рэндоме, Дейрдре, Кейне, Джерарде и Эрике...

Несколько раз на нас нападали — это были небольшие партизанские стычки. Истребив нападавших, мы следовали дальше. Достигнув заранее намеченного района, разбили лагерь в холмах у Круга, расставили стражу и отправились отдыхать. Наш сон не потревожил никто. Я проснулся, размышляя, неужели все сестры и братья думают обо мне так же, как и я о них. Это было бы грустно.

Уединившись в небольшой рощице, я налил в шлем воды, взбил пену и сбрил бороду. А потом, не торопясь, оделся в изношенное одеяние своих цветов. Теперь я вновь был тверд, как камень, черен, как земля, и скрытен, словно ад. Сегодня день испытания. Я надел кольчугу, шлем, надвинул забрало, перепоясался, сбоку пристегнул Грейсвандир. Потом заколол плащ на шее булавкой в виде серебряной розы.

Тут за мной явился посланец известить о том, что почти все готово.

Я поцеловал Лоррен, которая все же настояла на своем. А потом уселся на своего чалого по кличке Стар и отправился вперед.

По дороге ко мне присоединились Ганелон и Ланс.

— Мы готовы, — дружно сказали оба.

Я вызвал офицеров и дал им инструкции. Они отсалютовали, повернули коней и разъехались.

— Теперь недолго, — сказал Ланс, раскуривая трубку.

— Как твоя рука?

— Хорошо, — ответил он. — А после твоей вчерашней обработки даже чудесно.

Я поднял забрало и закурил.

— Ты сбрил бороду, — удивился Ланс. — Не могу даже представить тебя без нее.

— Так шлем прилегает лучше, — ответил я.

— Желаю нам удачи, — сказал Ганелон. — Не знаю я никаких богов, но если кто-нибудь из них позаботится о нас, я буду ему благодарен.

— Бог един, — отвечал Ланселот. — Я молю его, чтобы не оставил нас своей милостью.

— Аминь, — закончил Ганелон, зажигая трубку. — На весь этот день.

— Он будет наш, — сказал Ланс.

— Конечно, — ответил я. Солнце своим краем растревожило восток и утренних птиц в ветвях. Докурив, мы выбили трубки и упрятали в кисеты. Потом затянули все ремни и застегнули пряжки на броне. — Похоже на то.

Ганелон сказал:

— Ну что же, начнем.

Офицеры отрапортовали, мои воины были готовы.

Спустившись по склону, мы собрались у границы Круга. Внутри ничто не шевелилось, войска не было видно.

— Интересно, как насчет Корвина? — произнес Ганелон.

— Он с нами, — заверил я его, и Ганелон посмотрел на меня странным взглядом, словно впервые заметив розу, а потом резко кивнул.

— Ланс, командуй, — сказал он, когда все собрались.

Ланс извлек клинок. Отзвук его клича «Вперед!» эхом прогромыхал вокруг.

Мы беспрепятственно въехали в Круг на полмили, и тут началось. Впереди нас было пять сотен, все на конях. Появилась черная конница, мы встретили ее.

Через пять минут они были сломлены, мы двинулись дальше.

Тогда мы услышали гром.

Засверкали молнии, хлынул дождь. Наконец разразилась гроза.

Тонкая линия пехоты с копьями обреченно преграждала нам путь. Все чувствовали засаду, но обрушились на них.

Тотчас кавалерия навалилась на фланги.

Мы развернулись и схватились всерьез.

Прошло, наверно, минут двадцать...

Мы держались, поджидая главные силы.

А потом оставшиеся две сотни или около того поскакали дальше.

Люди. Мы убивали людей, и они убивали нас — мрачные люди с серыми лицами. Но мне нужен был один из них. Другой...

Перед нами открылся спуск, далеко впереди раскинулась цитадель Тьмы.

Я поднял клинок.

Мы спускались, они нападали. Шипели, квакали... Это значило, что у рогатого туго с людьми. Грейсвандир пламенем полыхал в моей руке — молния, так сказать, переносной электрический стул. Враги приближались. Я убивал их, и они сгорали, умирая. Справа Ланс сеял такой же хаос в рядах атакующих, что-то бормоча себе под нос, — разумеется, молился за убитых. Слева наотмашь косил Ганелон, оставляя за своей спиной только костры.

Цитадель в блеске молний все приближалась.

Оставшаяся сотня бурей мчалась вперед, адские твари ложились нам под ноги.

У ворот нас встретила пехота: люди и твари. Мы ринулись в бой.

Их было больше, но выбора у нас не оставалось. Ведь мы и так слишком оторвались от своей пехоты. Я, впрочем, не видел в этом беды. Время, теперь все решало время...

— Надо пробиться! — выкрикнул я. — Он там, внутри!

— Он мой! — отвечал Ланс.

— Отдаю его вам! — отозвался Ганелон, укладывая нечисть мечом. — Давайте, если сумеете! Я помогу!

И мы разили, разили и разили, а потом удача обратилась лицом к ним. Они напирали: монстры, в ком человеческое мешалось со звериным, и люди. Мы сбились в плотный клубок, отражая удары со всех сторон. Тут появилась наша пехота, с головы до ног заляпанная грязью, и с ходу бросилась на врага. Мы вновь пробились к воротам; теперь нас оставалось сорок или пятьдесят человек.

Мы ворвались во двор. Там тоже были воины противника...

Лишь дюжина сумела пробиться к подножию черной башни, где нас мечами встретила стража.

— Туда! — крикнул Ганелон, когда мы соскакивали с коней.

— Туда! — крикнул Ланс, и я не понял, кому кричат они — себе или мне. А потом решил, что мне. Оставил в стороне сражающихся и кинулся вверх по лестнице.

Он должен быть там, в самой высокой башне, и мне надлежит встретить его лицом к лицу и повергнуть. Я не знал, по силам ли мне это, но обязан попробовать. Ведь только я знал, откуда явился он сюда, и только благодаря мне он сумел сделать это...

Наверху была тяжелая деревянная дверь. Я толкнул — она оказалась запертой. Я ударил изо всех сил. Дверь с грохотом рухнула.

Он стоял у окна. Закованное в легкую броню мужское тело венчала голова козла.

Я переступил порог и остановился.

Он обернулся на грохот и теперь пытался уловить мой взгляд за сталью забрала.

— Смертный, ты зашел слишком далеко, — проговорил враг. — Впрочем, смертен ли ты? — И в руке его сверкнул клинок.

— Спроси Стригаллдвира, — ответил я.

— Значит, это ты убил его... Он узнал твое имя?

— Быть может.

На лестнице загремели шаги. Я отступил влево от дверного проема. В палату ворвался Ганелон. Я крикнул:

— Остановись!

Он встал как вкопанный и обернулся ко мне.

— Вот же эта тварь! — воскликнул он. — Что это?

— Это мой грех, грех против всего, что я любил, — сказал я. — Отойди. Он мой.

— Он в твоей власти.

Ганелон не шевельнулся.

— Ты действительно так считаешь? — спросило мерзкое существо.

— Проверь, — ответил я и ринулся на него.

Оно не стало фехтовать. Любой смертный мечник счел бы такой прием безумным...

Просто швырнуло свой меч в меня острием вперед. С громом несся меч в мою грудь, оглушительным грохотом отвечала грому гроза снаружи.

Я спокойно отбил этот меч Грейсвандиром, словно в обычной схватке. Он вонзился в пол и вспыхнул. Снаружи полыхнула молния.

На какое-то мгновение пламя сверкнуло ярче магниевой вспышки, и тварь навалилась на меня. Прижав мои руки к бокам, ударила рогами в забрало: раз, другой... Я попытался ослабить хватку врага, и это мне удалось.

Выронив Грейсвандир, отчаянным усилием я вырвался из захвата.

И тогда глаза наши встретились.

Разом ударили мы и отскочили.

— Принц Амбера, — сказало существо, — почему ты бьешься со мной? Ведь именно ты открыл нам дорогу сюда, открыл этот путь.

— Это было необдуманно и глупо, и я хочу уничтожить его...

— Поздно.

Оно ударило вновь, да так быстро, что я не успел уклониться. Удар припечатал меня к стене. Враг двигался быстро, как смерть.

Потом существо подняло руку и начертало в воздухе знак, и я увидел, что Владения Хаоса приближаются... Волосы мои встали дыбом, хладный вихрь охватил душу, и я понял, что натворил ужасное.

— Теперь видишь? — говорило оно. — Ты открыл эти ворота. Помоги же нам теперь, и мы поможем тебе обрести вновь свое.

На какой-то миг я дрогнул. Возможно было, что оно действительно поможет в ответ...

Но всегда останется угрозой. Союзники на миг, на день, мы сразу же вцепимся в горло друг другу, когда оба обретем свое. А силы Тьмы тогда будут еще могущественнее.

Но если бы я правил в Амбере...

— Итак, договорились? — резко проблеял его голос.

Я думал о Тенях и о том, что за ними...

Медленно поднял я руки к голове и расстегнул пряжку шлема. А потом отбросил его в сторону, и тварь расслабилась.

Ганелон, похоже, в этот момент подбирался поближе.

Одним прыжком я перескочил палату и вмял тварь в стену.

— Нет! — крикнул я.

И почувствовал руки врага на своем горле, в тот же миг мои руки стиснули его тело.

Я давил и гнул изо всех сил. Кажется, тварь делала то же самое.

А потом что-то с треском переломилось, будто сухая палка. Интересно, чья это шея. Моя, во всяком случае, болела.

Я открыл глаза и увидел над собой небо. Я лежал на спине, под которую было подложено одеяло.

— Боюсь, он собирается жить, — сказал Ганелон, и я медленно повернул голову на звук.

Он сидел рядом на краю одеяла. Тут же была Лоррен.

— Ну как? — спросил я.

— Мы победили, — ответил он. — Ты выполнил свое обещание. Когда ты убил эту тварь, все кончилось. Люди упали бездыханными, твари сгорели.

— Хорошо.

— А я сижу и размышляю, почему больше не могу ненавидеть тебя.

— Есть уже какие-то предположения?

— Нет, в самом деле не могу понять. Быть может, мы слишком похожи. Не знаю.

Я улыбнулся Лоррен:

— Хорошо, что иногда твои пророчества не сбываются. Битва кончилась, и ты жива.

— Моя смерть уже пришла, — отвечала она без улыбки.

— Что ты имеешь в виду?

— У нас все еще рассказывают о том, как лорд Корвин казнил моего деда... публично четвертовал... за то, что тот возглавил одно из первых восстаний.

— Это был не я, это одна из моих теней.

Она отрицательно покачала головой и сказала:

— Корвин из Амбера, я есть то, что я есть.

Встала и ушла.

— Что же это было? — спросил Ганелон, не обращая внимания на ее уход. — Откуда взялась эта тварь, что находилась в башне?

— Моя вина, — отвечал я. — Это одна из тех тварей, которых я выпустил на волю, наложив проклятие на Амбер. Тогда я открыл ворота, и то, что лежит за Тенями, смогло вторгнуться в Подлинный Мир. Эти твари следуют в Амбер путем наименьшего сопротивления. Здесь таким путем был Круг; в другом месте путь будет выглядеть иначе. Теперь я закрыл им тут дорогу. Можешь отдыхать.

— И за этим ты явился сюда?

— Нет, — отвечал я. — На самом деле я шел в Авалон, когда на полпути наткнулся на Ланса. Я не мог оставить его лежать в крови, принес сюда и сам угодил в собственные сети.

— Авалон? Значит, ты обманул меня, и он не разрушен.

Я покачал головой:

— Нет. Наш Авалон пал, но в Тенях я могу вновь отыскать его.

— Возьми меня с собой.

— Ты сошел с ума!

— Нет. Я хотел бы опять увидеть страну, где родился, чем бы это мне ни грозило.

— Я не собираюсь там задерживаться, — сказал я, — надо готовиться к битве. В Авалоне ювелиры используют красный порошок — однажды я зажег его в Амбере... Теперь мне нужны там только тот порошок да ружья, чтобы осадить Амбер и занять свой трон.

— А что будет с тварями из Теней, о которых ты говорил?

— Я расправлюсь с ними позже. Пусть сейчас ими занимается Эрик — в конце концов, это его забота, я не могу терять на них время.

— Ты сказал, что он ослепил тебя и бросил в темницу.

— Верно. Я вырастил новые глаза и бежал.

— Ты демон?

— Мне часто говорили это. Не могу отрицать.

— Возьмешь меня с собой?

— Если ты в самом деле хочешь, возьму, но этот Авалон будет не совсем тем, что ты знал.

— Нет, я имею в виду Амбер.

— Ты сошел с ума!

— Отнюдь. Я давно хочу наконец увидеть этот сказочный город. И если случится мне там побывать, займусь потом чем-нибудь новым. Разве я был плохим полководцем?

— Нет, конечно.

— Тогда научи меня, как воевать этими штуками — ружьями, как ты их называешь, — и я буду рядом с тобой в величайшей из битв. Я-то знаю, что сила начинает уже оставлять меня. Возьми меня с собой.

— И тогда скорее всего кости твои будут белеть под Колвиром — правда, рядом с моими.

— Исход какой битвы предрешен заранее? Я, пожалуй, рискну.

— Ну, как хочешь, не возражаю.

— Благодарю тебя, господин.

Мы заночевали, а с рассветом отправились обратно в замок. Там я стал разыскивать Лоррен и узнал, что она бежала с одним из прежних любовников, капитаном по имени Мелкин. Конечно, вышло нескладно. Жаль, что она не дала мне возможности оправдаться, объяснить эту нелепость.

С удивлением я обнаружил, что Лоррен стала для меня кое-что значить, и этот неразумный ее поступок ранил меня. Я надеялся, что она хотя бы переговорит со мной перед разлукой. И если потом решит предпочесть своего смертного капитана — что ж, я охотно благословлю их. Если же нет... Я понял, что она нужна мне, что она должна быть рядом со мной. А прекрасный Авалон подождет, сперва надо узнать, окончен ли мой последний роман или нет...

И я решил отправиться следом.

Оседлал Стара, обратил голову на ноющей шее лицом в ту сторону, куда они скорее всего направились, и поскакал.

Винить ее, собственно, было не в чем. В замке меня встречали теперь не как убийцу рогатого, не как освободителя от зла. Память об их Корвине еще не изгладилась, и помнили они демона.

Люди, с которыми я бок о бок трудился и воевал, смотрели на меня не просто со страхом... Мельком глянув, они тут же отводили глаза и молчали. Быть может, все боялись, что я захочу остаться править ими. И все они, кроме Ганелона, наверно, почувствовали облегчение, узнав, что я ускакал неизвестно куда. Ганелон же боялся, что я не вернусь и обману его. Поэтому-то он и предложил мне тогда свою помощь. Но такие вещи следует делать самому — в одиночестве...

Я ехал по оставленному конями следу, а в кустах щебетали птицы. День был ясен, небо голубело, вокруг царил мир — ведь грязное пятно исчезло с этой земли. И я был даже чуточку счастлив — мне удалось поправить хоть малую толику того, что сам и натворил. Зло... В этом зле я был повинен больше всех прочих,

замешанных в этой истории. Не знаю, где и как в моей жизни прицепилась ко мне совесть, но теперь она могла малость потешиться. А когда я сяду на трон в Амбере, то дам ей воли побольше... Так думал я. Ха!

Я ехал на север, по местам, совершенно мне незнакомым. Передо мной был четкий свежий след двух всадников. Весь день до самой темноты я не спускал с него глаз, время от времени спешиваясь, чтобы приглядеться внимательней. А когда глаза стали подводить меня, я заметил неподалеку, по левую руку, небольшой овраг и заночевал там. Конечно, лишь из-за боли в шее мне приснился рогатый и битва. «Помоги нам сейчас, а мы поможем тебе вернуть твое», — сказал он. Тут я моментально проснулся с проклятием на устах.

Когда утро выбелило небо, я оседлал коня и отправился дальше. Ночь была морозной, да и день тянулся ко мне своими холодными лапами. На траве поблескивал иней, а плащ отсырел, послужив мне вместо постели.

К полудню в мир вернулось что-то похожее на тепло, след стал свежее. Я настигал их.

А потом увидел ее, спрыгнул с коня и бросился к тому кусту шиповника без единого цветка, под которым она лежала. Шипы расцарапали ей плечо и щеку. Ее убили недавно — кровь на ране еще не запеклась. Клинок вошел в грудь — и тело еще не остыло.

Камней, из которых можно было соорудить керн, поблизости не было. Срезав дерн Грейсвандиром, я уложил ее на покой. Спутник содрал с убитой все браслеты, кольца, гребни с драгоценными камнями — все ее состояние. А когда я стал покрывать тело своим плащом и мне пришлось прежде закрыть ей глаза, тут рука моя дрогнула... и глаза затуманились... надолго.

Потом я вновь отправился по следу и быстро нагнал его. Он несся, словно его преследовал сам дьявол, что, собственно, было недалеко от истины. Я молча, не произнося ни слова, выбил его из седла на землю. Он обнажил меч, но свой я доставать не стал. А потом забросил его изломанное тело на высокий дуб. И когда оглянулся, труп уже исчез под темным покрывалом вороновых крыльев.

Все кольца, браслеты и гребни вернул я на законное место, а потом покрыл тело дерном. Прощай, Лоррен. Все, чем ты была и хотела быть, окончилось. Недолгим вышло наше знакомство. И рассказ мой о том, как в стране, что звалась Лоррен, я встретил женщину по имени Лоррен, закончен... В нем отразилась вся моя жизнь, ведь я — принц Амбера, а значит, часть и соучастник всякого зла, что творится в мире. Вот почему, когда я вспоминаю о своей совести, мой внутренний голос изрекает саркастическое: «Ха!». В зеркалах многих суждений мои руки обагрены кровью. Я — часть зла, которое противостоит иному, большему злу. А Мелкиных я теперь убиваю всегда во всех Тенях, где только они попадаются мне. И в тот Великий день, который предрекали пророки, надеясь, что не будет его, в тот день, когда мир полностью очистится от скверны, я сойду во тьму, глотая проклятия. А может быть, это случится и раньше... Но, как бы то ни было, до того дня не омою я своих рук и не останутся они праздными.

Повернув коня, я отправился назад, в твердыню Ганелона; он теперь узнал меня, но никогда не поймет.

IV

Рысью и галопом, по странным и диким путям, что вели к Авалону, ехали мы с Ганелоном; по кошмарным и дивным долинам, под медным корабликом солнца, ночами, раскаленными добела и серебряными, когда в небе поблескивали алмазы и белым лебедем плыла луна.

Заря протрубила в зеленой весенней роще. Мы переправились через могучую реку, а горы впереди побелели за ночь. Я выпустил стрелу своего желания в грудь полуночи, и, загоревшись над головой, она метеором умчалась на север. Единственный попавшийся нам по дороге дракон оказался хромым и, едва завидев нас, попыхивая дымом, заковылял в сторону, испепеляя огненным дыханием маргаритки. Стаи ярких птиц стрелками указывали нам путь, звонкое эхо от хрустальных озер повторяло наши слова. Я ехал и пел, а чуть погодя начал подпевать мне и Ганелон. Так мы ехали целую неделю; небо и ветер — все указывало на то, что Авалон теперь близок.

Когда солнце скользнуло за скалы, а день умер и сгинул, мы заночевали в лесу у озера. Я отправился искупаться, Ганелон же занялся нашим снаряжением. Прохладная вода не отпускала. И я плескался в ней, не думая о времени.

Из воды мне послышалось, что в лесу кто-то крикнул, но я не был уверен в этом. Лес казался диковинным, мало ли что в нем творилось. Все же я быстро оделся и поспешил назад в лагерь.

Подойдя поближе, я вновь услышал визг и мольбы и понял, что беседа уже в полном разгаре.

Я вышел на выбранную нами поляну. Вокруг было разбросано снаряжение и приготовленный для костра хворост.

Ганелон сидел на корточках под дубом. С одной из ветвей свисал человек.

Он был молод, худощав и светловолос — сказать что-нибудь поточнее было трудно. Сложно точно представить себе рост и вес мужчины, если он висит вниз головой на дубе в нескольких футах от земли.

Руки его были связаны за спиной, а подвесили несчастного за лодыжку правой ноги.

Он говорил, кратко и торопливо отвечая на вопросы Ганелона. Его лицо было забрызгано слюной и покрыто каплями пота. Он не висел мешком, а раскачивался взад и вперед. На щеке его была ссадина, спереди на рубашке краснели свежие пятна крови.

Я остановился, решив не вмешиваться и понаблюдать. Без причины Ганелон не стал бы трудиться, симпатией к этому типу с первого взгляда я тоже не проникся. И что бы там ни заставило Ганелона прибегнуть к подобному способу беседы, но результаты допроса были интересны и мне. Кстати, так я мог узнать кое-что о Ганелоне, моем нынешнем союзнике. А несколько минут вверх ногами едва ли серьезно повредят молодцу.

Когда амплитуда раскачиваний понемногу уменьшилась, Ганелон ткнул пленника острием меча в грудину и качнул посильнее. Кожа при этом лопнула, на рубахе появилось новое красное пятно. Тут мальчишка — по сложению стало

понятно, что это юнец — вскрикнул. Ганелон выставил меч вперед, чтобы тело с обратным размахом непременно наткнулось на меч, но в последний момент отдернул его, а мальчишка извивался и кричал:

— Ну пожалуйста!

— Остальное! — приказал Ганелон. — Выкладывай все до конца!

— Клянусь, это все! — вскричал тот. — Больше я ничего не знаю. Они неслись прямо на меня! Я ничего не видел!

— А почему ты не отправился следом?

— Они были на конях, я — нет.

— А почему ты не последовал за ними пешком?

— Я был оглушен.

— Оглушен? Да ты струсил! Дезертировал!

— Нет!

Ганелон снова выставил клинок вперед и вовремя убрал его обратно.

— Нет! — закричал юнец.

Ганелон опять повторил свое движение.

— Да! — взвизгнул мальчишка. — Я испугался!

— И ты убежал?

— Да! Убежал! И с тех пор все бегу!

— И ты не знаешь ничего о том, как потом обернулись дела?

— Нет!

— Ты лжешь!

Он вновь шевельнул клинком.

— Нет! — крикнул мальчик. — Пожалуйста...

Я шагнул вперед и сказал:

— Ганелон!

Он глянул на меня, ухмыльнулся и убрал клинок. Юнец лихорадочным взглядом впился в мое лицо.

— И что ты успел выудить? — спросил я.

— Ха! — ответил Ганелон, шлепнув юнца с размаху по мягкому месту так, что тот вскрикнул. — Вора, дезертира... и интересную историю.

— Тогда срежь его с дерева, чтобы я мог услышать ее.

Ганелон небрежно, одним взмахом, перерубил веревку. Мальчик упал на землю и зарыдал.

— Я поймал его за кражей — он хотел стянуть что-нибудь из наших припасов — и решил расспросить об окрестностях, — сказал Ганелон. — Парень только что из Авалона...

— Что ты имеешь в виду?

— Он был пехотинцем в битве, которая произошла здесь две ночи назад. Струсил и дезертировал.

Юнец забормотал было что-то себе под нос — видимо, пытался возражать, но Ганелон пнул его.

— Тихо! — прикрикнул он. — Я просто пересказываю то, что узнал от тебя.

Мальчишка чуть отполз враскорячку, будто краб, и уставился на меня большими умоляющими глазами.

— В битве? — переспросил я. — Кто же и с кем бился?

Ганелон мрачно усмехнулся.

— Довольно знакомая картина. Войска Авалона принимали участие в самой крупной и, возможно, последней битве с не вполне естественными существами...

— Ого?!

Я внимательно посмотрел на мальчика, и тот потупился, но я успел перед этим заметить в его глазах страх.

— ...Женщины, — говорил Ганелон, — бледные фурии из какого-то ада, прекрасные и холодные. В броне и с оружием. Длинные легкие волосы. Глаза, как лед. На белых огнедышащих конях, что питаются человечиной. По ночам они выходят из лабиринта пещер, открывшегося в горах после землетрясения несколько лет назад, совершают набеги на селения, похищают юношей, а всех остальных убивают. Некоторые из похищенных, словно бездушные автоматы, следуют за авангардом. Это похоже на людей из знакомого нам Круга.

— Но многие из них остались живы, когда их освободили, — сказал я. — И они оказались не бездушными, а только все позабыли, как я когда-то. Странно, — продолжал я, — почему они не завалили входы в пещеры днем, ведь наездницы выходят из них по ночам...

— Дезертир говорит, что это уже пытались делать, — сказал Ганелон, — да только помогло ненадолго. Потом они вырвались снова и стали сильнее прежнего.

Лицо мальчика посерело, но он утвердительно кивнул в ответ на мой вопросительный взгляд.

— И полководец — парень зовет его Хранителем — гонял их уже много раз, — продолжал Ганелон. — Даже провел часть ночи с их предводительницей, бледнокожей девкой по имени Линтра... Только уж не знаю, развлекался он с ней или вел переговоры. Но ничего хорошего из этого не вышло. Набеги продолжались пуще прежнего. Хранитель наконец решился на массированную атаку всеми силами, чтобы полностью уничтожить врага. Из этой-то битвы он и бежал. — Ганелон указал мечом на юнца. — Вот почему конец истории нам неизвестен.

— Все это действительно так? — спросил я.

Мальчик отвел взгляд от острия меча, что Ганелон не выпускал из рук, на секунду глянул прямо мне в глаза и медленно кивнул.

— Интересно, — сказал я Ганелону. — Очень. Похоже, их проблемы тесно связаны с нашими. Хотелось бы знать, чем окончилась битва.

Ганелон кивнул, перехватив рукоять меча.

— Ну, если покончить с ним сейчас... — начал он.

— Погоди. Парень, кажется, пытался стянуть что-то из еды?

— Да.

— Развяжи ему руки. Пусть поест.

— Но он же пытался украсть у нас...

— Разве ты не говорил когда-то, что убил человека за пару сапог?

— Конечно, но там все было совсем по-другому.

— Как это?

— Сапоги я унес с собой.

Я расхохотался. Этот смех взял верх — я не мог остановиться. Ганелон сперва вроде бы рассердился, потом удивился и тоже захохотал.

Юнец смотрел на нас, как на пару умалишенных.

— Хорошо, — сумел наконец выговорить Ганелон. — Хорошо. — Нагнувшись, он одним движением перерезал стягивавшую запястья юнца веревку. — Пойдем, парень, я дам тебе чего-нибудь поесть.

И склонился над мешком с припасами, копаясь в свертках.

Мальчик схватил предложенный ему кусок и быстро и шумно зачавкал, не сводя, впрочем, глаз с Ганелона. Если то, что нам сообщили, — правда, у меня возникали некоторые сложности, главная из которых — как отыскать в опустошенной войной стране то, что мне требовалось? Вдобавок слова мальчишки многократно усилили мои опасения относительно природы и размаха обрушившейся на эту Тень беды.

Я помог Ганелону развести костерок.

— Насколько могут измениться наши планы? — спросил он.

Выбора у нас не было. Во всех Тенях неподалеку от намеченного мной места происходит примерно одно и то же. Я мог направиться туда, где нет войны, но тогда попал бы не в Авалон, а куда-то в совершенно другой мир. И там не окажется того, что я ищу здесь. Раз Хаос все тянулся ко мне, когда, повинуясь моей воле, мы шли с Ганелоном среди Теней, значит, причиной тому было само желание мое, и с подобными нападками его следовало так или иначе кончать — чем раньше, тем лучше. Уклоняться было нельзя. Таковы правила игры, и некому жаловаться — ведь правила эти устанавливал я сам.

— Идем дальше, — сказал я. — Это место, которое мы ищем.

Мальчишка коротко вскрикнул, а потом, быть может, из благодарности — ведь я вроде бы спас его от мучений — предупредил:

— Не ходите в Авалон, сэр! Вам нечего искать там! Вас убьют!

Я улыбнулся и поблагодарил парня. Ганелон состроил страшную гримасу и сказал:

— Ну что же, прихватим его, пусть предстанет перед военным судом.

Тут юнец вскочил и проворно метнулся в кусты.

Ганелон с хохотом выхватил кинжал и занес руку, чтобы кинуть ему вслед. Я ударил по ней, и кинжал отлетел в сторону. Мальчишка исчез в лесу, а Ганелон продолжал смеяться.

Потом он встал, подобрал кинжал и сказал мне:

— Лучше бы ты все-таки позволил мне прирезать его.

— Я решил иначе.

Он пожал плечами:

— Быть может, мнение твое переменится, когда парень вернется ночью, чтобы перерезать нам глотки.

— Весьма возможно. Но ты ведь знаешь, что на это он не способен.

Ганелон вновь пожал плечами, отрезал изрядный кусок мяса и стал подогревать его над костром.

— Что же, по крайней мере, война великолепно научила его показывать пятки, — объявил он, — и, быть может, мы действительно проснемся завтра.

Он отгрыз кусок и принялся жевать. Поглядев, я последовал его примеру.

Глубокой ночью я очнулся от беспокойного сна и долго вглядывался в звезды через просветы в листве. Та часть моего разума, что ведает предзнаменованиями, не могла позабыть этого юнца и не давала мне спать. Вновь заснул я не скоро.

Утром мы закидали пепел костра грязью и отправились в путь. Ближе к полудню подъехали к предгорьям и углубились в них. На нашей тропе время от времени попадались свежие следы, но мы никого не встречали.

На следующий день мы проехали мимо нескольких ферм и домишек, даже не остановившись. Я отказался от жуткого, поистине демонического маршрута, по которому вез когда-то опального Ганелона. Путь тот был, конечно, короче, только ему он показался бы весьма неприятным. Мне нужно было время, чтобы поразмыслить, поэтому лишних приключений по дороге не требовалось. Теперь, однако, долгая дорога близилась к концу. Днем мы въехали под небо Амбера, и я молча наслаждался его великолепием.

Мы ехали уже через Арденский лес. Он был безмолвен — ни звуков рога, ни намека на присутствие Джулиана, или Моргенштерна, или грозных собак, как в тот последний раз, когда я проезжал Арден. Только в кронах высоких деревьев чирикали пташки, жаловалась на что-то белка, тявкала поблизости лисица, журчал небольшой водопад, а в тени белели, краснели и голубели цветы.

Дневной ветерок навевал сон и прохладу и убаюкал меня... Я даже не заметил после поворота ряда вырытых вблизи тропы могил. Поляна вокруг была вытоптана. Мы огляделись по сторонам, но, кроме и так очевидного, ничего не узнали.

Поодаль оказалось еще такое же место, потом проехали мы несколько рощиц — деревья там стояли обугленными. Дорога была уже совершенно разбита, кусты по сторонам вытоптаны и изломаны пехотой и конницей. Запах гари висел в воздухе. Мы поспешно миновали вовсю вонявший, наполовину объеденный труп лошади.

Небо Амбера больше не радовало меня, хотя дорога впереди была уже знакома.

День склонялся к вечеру и лес вокруг поредел, когда Ганелон заметил дымы на юго-востоке. Мы свернули на первую же тропку, что вела в сторону, но мимо Авалона. Сколько оставалось ехать еще, понять было трудно, но я видел, что до темноты мы не доберемся.

— Значит, их армия еще в поле? — удивился Ганелон.

— Их или победительниц?

Он покачал головой и вытащил из ножен клинок.

Когда стало смеркаться, я съехал с тропы на шум бегущей рядом воды. Ручей был прозрачен и чист и нес с гор прохладную свежесть. Я окунулся, пригладил вновь отпущенную бородку, отряхнул дорожную пыль с одежды. Наше путешествие приближалось к концу, и я хотел явиться в Авалон во всем возможном великолепии. Уловивший мое намерение Ганелон плеснул воды на лицо и громко прочистил нос.

Стоя на берегу, я моргал мокрыми ресницами, уставившись в небеса, и тут впервые заметил, что вижу теперь луну четко и ясно. Впервые. Сердце мое екнуло, я вгляделся повнимательнее. Все: ранние звезды, края облаков, далекие горы и деревья — все видел я новыми глазами резко и четко. Я вновь поглядел на луну, и она не расплылась в мутное облачко.

Зрение полностью вернулось ко мне.

Услышав мой смех, Ганелон отпрянул назад и так и не рискнул спросить о причине.

Подавив желание запеть, я вскочил на коня, и мы снова припустили к тропе. Тени густели, в ветвях над головой заискрились созвездия. Я вдохнул полной грудью наступившую ночь, задержал подольше и выпустил. Теперь я стал снова собой. Чувствовать это было отрадно.

Ганелон подъехал ко мне и тихо сказал:

— Вне сомнения, впереди ждут часовые.

— Да, — согласился я.

— А не лучше ли съехать с дороги?

— Нет. Я не хочу скрываться. Не так уж важно, если мы приедем и под конвоем. Мы простые путешественники.

— Для путешествий должна быть причина.

— Тогда... мы наемники, заслышавшие о битве и прискакавшие наниматься.

— Хорошо. Вид у нас вполне подходящий. Будем надеяться, у них хватит терпения приглядеться к нам повнимательней.

— Если они не сумеют нас разглядеть, то и прицелиться не сумеют.

— Верно, только эта мысль меня не очень утешает.

Я прислушивался, чтобы первым уловить топот копыт по дороге. Она извивалась, петляла из стороны в сторону и наконец, изогнувшись, пошла вверх. Когда мы въехали на гребень, деревья вокруг совсем поредели.

Мы были на вершине холма, перед нами открывался широкий простор. Через несколько шагов коней пришлось остановить: склон впереди кончался крутым обрывом высотой десять-пятнадцать метров, переходившим в отлогий уклон к равнине, через милю он сменялся поросшими редколесьем холмами. Долина была усеяна кострами, поближе к центру виднелось несколько шатров. Всюду паслись лошади, воинов можно было насчитать несколько сотен.

Ганелон вздохнул.

— По крайней мере, это люди, — сказал он.

— Да.

— И если это бывалые воины, то за нами уже следят. Место здесь слишком удобное, чтобы его не использовать.

— Да.

Тут позади раздался шорох. Мы стали было оборачиваться, как голос вблизи произнес:

— Не двигаться!

Я все же повернул шею и увидел вблизи четверых. Двое с поднятыми луками держали нас на прицеле, двое сжимали мечи. Один из них шагнул вперед.

— С коней! — приказал он. — Сюда! И не торопясь!

Мы слезли с коней и повернулись к нему, стараясь держать руки подальше от оружия.

— Кто такие? Откуда? — потребовал он.

— Наемники, — отвечал я, — из Лоррена. Услыхали, что у вас есть работа, и предлагаем свои мечи. Мы едем туда, в лагерь. Он ваш, я надеюсь?

— А если я скажу — нет и мы из тех, кто окружил этот лагерь?

Я пожал плечами:

— В таком случае, быть может, и вам нужна пара клинков?

Он сплюнул.

— Хранителю не нужны такие. — А потом спросил: — Откуда вы?

— С востока, — ответил я.

— А... с неприятностями по дороге не сталкивались?

— Нет, — ответил я, — откуда им было взяться?

— Трудно сказать... Снимайте оружие, я отошлю вас в лагерь. Там захотят узнать обо всем, что вы видели на востоке, обо всем необычном...

— Ничего такого мы не видели.

— Что бы там ни было, вас, вероятно, покормят. А нанимать — едва ли. Вы немного опоздали. Теперь давайте сюда оружие.

Пока мы отстегивали мечи, он махнул рукой, и из-за кустов выступили еще двое. Старший приказал им отвести нас в лагерь. Лошади должны были следовать за нами на поводу. У нас забрали оружие, и, когда мы уже повернулись, чтобы идти, допрашивавший крикнул:

— Стойте!

Я обернулся.

— Ты, как твое имя? — спросил он.

— Кори, — ответил я.

— Постой.

Он подошел совсем вплотную и секунд десять рассматривал меня.

— В чем дело? — спросил я.

Вместо ответа он запустил руку в висевший на поясе кисет. Вытащил горсть монет и поднес их к глазам.

— Слишком темно, черт побери, а огня зажигать нельзя...

— Для чего? — удивился я.

— Не может быть! — воскликнул воин. — Лицо твое показалось мне знакомым, и я постарался припомнить откуда. Твой профиль похож на тот, что отчеканен на старых монетах. Иногда они еще попадаются. Похож, правда? — обратился он к ближайшему лучнику.

Тот опустил лук и подошел поближе ко мне.

— Да, — согласился лучник, — похож.

— А кто этот... о ком ты подумал?

— Из старых королей. Правил очень давно. До меня.

— И до меня тоже. Хорошо... — Лучник пожал плечами. — Ерунда. Вперед, Кори. Отвечайте на вопросы честно, и вас не тронут.

Я повернул к лагерю, оставив его в лунном свете на гребне холма удивляться и чесать затылок.

Наши провожатые оказались неразговорчивыми — это было неплохо.

Спускаясь с холма, я вспоминал рассказ мальчишки и пытался представить, чем завершилась битва: ведь этот мир соответствовал тому, что я искал, и теперь нужно было правильно сориентироваться, чтобы потом не ошибиться.

Лагерь благоухал приятной для ноздрей воина смесью человеческого и конского пота, дыма, жареного мяса, кожи и масла... Люди в свете костров толковали, чистили оружие, чинили снаряжение, ели, играли, пили и спали, провожали нас глазами на пути к трем потрепанным шатрам, располагавшимся в центре. И когда мы проходили мимо костров, разговоры смолкали.

Мы остановились возле второго, отличного от других шатра. Один из наших конвоиров что-то сказал расхаживавшему вблизи воину. Тот несколько раз кивнул ему в сторону самого большого шатра. Конвоир прошел туда, через несколько минут вернулся и обратился к другому часовому, что стоял слева. Наконец наш конвоир кивнул часовому и подошел ко мне. Часовой тем временем подозвал кого-то от ближайшего костра.

— Офицеры на совете в шатре Хранителя, ваших лошадей мы стреножили и пустили пастись. Снимайте поклажу и располагайтесь здесь. Придется подождать капитана.

Мы отвязали пожитки от седел, почистили коней. Я потрепал Стара по холке. Низкорослый человек, прихрамывая, повел его вместе с огнедышащим Драконом Ганелона к другим лошадям, а мы уселись на поклажу и стали ждать. Один из стражей поднес нам горячего чая; в ответ я угостил его табаком. Потом все они ушли куда-то за наши спины.

Я смотрел на большую палатку, прихлебывая чай, вспоминал Амбер и крошечный ночной клуб на рю де Шар-э-пэн в Брюсселе, в Тенях, на той Земле, где я провел столько времени. Раздобыв здесь шлифовальный порошок, я вернусь в Брюссель на оружейную биржу. Заказ мой будет сложным и дорогим, ведь для его выполнения торговцу боеприпасами придется оснащать новую линию. А по своему военному опыту я знал на той Земле разных дельцов, не только из «Интерармко». На это уйдет несколько месяцев. Я начал обдумывать детали, и время пробежало приятно и быстро.

Часа через полтора по стенам большой палатки задвигались тени. А еще через несколько минут изнутри откинули полог, и из шатра неторопливо стали выходить люди, переговариваясь и вновь заглядывая обратно. Последние двое задержались на пороге, все еще не закончив разговора с оставшимся внутри.

Двое у входа расступились, лица их были обращены внутрь шатра. До меня донеслись звуки разговора, но слов я разобрать не мог. Наконец я сумел различить того, с кем они говорили. Свет был у него за спиной, офицеры заслоняли его от меня, я видел только, что он очень худ и высок.

Наши часовые замерли — похоже, один из двоих офицеров и был упомянутым капитаном. Я, не отрывая от них глаз, внутренне приказывал им расступиться пошире, чтобы можно было наконец разглядеть их предводителя.

Еще немного, и вышло по-моему, а еще через миг — он сделал шаг вперед.

Сперва мне показалось, что полумрак подшутил надо мной... Нет! Он снова шагнул, и какое-то мгновение никто не загораживал его от меня. У него не хватало правой руки, культя была плотно забинтована чуть ниже локтя, и я понял — рана получена совсем недавно.

А потом он повел вниз левой рукой, остановив ее на порядочном расстоянии от тела, обрубок правой при этом дернулся. И что-то шевельнулось в моей памяти. Длинные каштановые волосы его прямыми прядями спадали на плечи, я увидел очерк скулы...

Он вышел из шатра, дуновением ветра плащ отнесло вправо. Желтая рубашка была заправлена в коричневые брюки, плащ пламенел оранжевым цветом. Неестественно быстрым движением левой руки он поймал плащ за край и дернул, чтобы прикрыть культю.

Я быстро встал, и голова его резко повернулась ко мне.

Наши взгляды встретились, на несколько ударов сердца мы застыли в неподвижности.

Оба офицера тоже повернули головы, он отстранил их и, широко шагая, направился ко мне. Ганелон заворчал и стал подниматься во весь рост. Наши стражи тоже застыли от изумления.

Остановившись в нескольких шагах, он окинул меня пристальным взором. Вообще-то он редко улыбался, а тут изобразил какое-то слабое подобие улыбки.

— Пойдем со мной, — сказал он и повернулся к палатке.

Мы последовали за ним, оставив свои пожитки.

Взглядом он отпустил обоих офицеров, остановился у входа и пригласил нас войти. Пропустил вперед и вошел следом, задернув за собой полог. Я заметил скатку с постелью, столик, скамьи, оружие, походный сундук. На столе светила масляная лампа, лежали книги, карты, стояли бутыли и чаши. На сундуке мерцала еще одна лампа.

Он пожал мою руку и снова улыбнулся.

— Корвин, — сказал он, — ты, оказывается, еще жив!

— Бенедикт, — ответил я, улыбнувшись, — и ты, выходит, еще дышишь. Чертовски давно виделись мы в последний раз.

— Действительно. Кто твой друг?

— Его зовут Ганелон.

— Ганелон, — повторил он, кивнув, но не подавая руки.

Затем подошел к столу, налил три чаши вина, протянув одну из них мне, другую Ганелону, а третью взял сам.

— За твое здоровье, брат, — произнес он.

— И за твое.

Мы выпили.

— Садитесь! — Он показал нам на скамьи, а сам уселся за стол. — Добро пожаловать в Авалон!

— Благодарю тебя... Хранитель.

Бенедикт скривился.

— Впрочем, прозвище вполне заслужено мной, — сказал он ровным голосом, продолжая изучать мое лицо. — Хотелось бы знать, мог ли их предыдущий Хранитель сказать то же самое.

— Ты прекрасно знаешь, что все происходило не тут, — ответил я, — и, как мне кажется, он тоже мог бы утверждать это.

Бенедикт пожал плечами:

— Конечно. Но довольно об этом! Где ты был? И что делал? И почему явился сюда? Расскажи о себе. Мы так давно не встречались.

Я кивнул. К несчастью, фамильный этикет требовал, чтобы я ответил сперва на его вопросы, а потом уже задавал свои. Он был старше меня, и я — пусть неумышленно — вторгся в область его интересов. Не то чтобы мне не хотелось быть с ним вежливым, он принадлежал к числу тех немногих моих родственников, кого я уважал, и был даже приятен мне. Просто мне не терпелось повыспросить его. Как он сказал — последняя встреча случилась настолько давно!

И что можно говорить ему? Я даже не представлял, кому он симпатизирует теперь, и уж вовсе не хотелось мне случайным и неловким словом намекнуть на причины его долгого — хоть и по собственному желанию — отсутствия в Амбере.

Следовало начинать с какой-нибудь нейтральной темы и быть настороже во время нашего разговора.

— Ну, уж как-нибудь начинай, — догадался он, — неважно с чего.

— Начал может быть много, — ответил я. — И трудно... Пожалуй, начну с самого начала. — И пригубил вина. — Да, — добавил я решительным тоном, — так будет проще всего... хотя мне удалось припомнить все это не со слишком давнего времени... Через несколько лет после победы над Лунными всадниками из Генеша и твоего отбытия у нас с Эриком произошла крупная ссора — как всегда, из-за права наследования. Папаша снова забурчал об отречении, но наследника престола не называл. Тут же ожили прежние распри, стали выяснять, кто более законный наследник. Конечно, ты и Эрик старше меня, но Файелла, наша с Эриком мать, была его женой после смерти Климнии, а они...

— Довольно! — рявкнул Бенедикт, грохнув рукой по столу так, что тот треснул.

Лампа вздрогнула, расплескалось масло, но каким-то чудом она не перевернулась. Полог моментально отдернулся, в палатку заглянул встревоженный часовой. Бенедикт сверкнул глазами, и он исчез.

— Я не желаю даже слушать все эти россказни о нашей общей незаконнорожденности, — тихо выговорил Бенедикт. — Все это непристойно, потому, собственно, я и стал избегать этих подробностей. Будь добр, продолжай без дальнейших отступлений.

— Ну хорошо... — Я слегка кашлянул. — Как я уже говорил, вопрос вызвал у нас горячий спор. И однажды вечером слов не хватило. Мы подрались.

— На дуэли?

— Что ты, зачем такие формальности? Точнее, это можно было бы назвать взаимным желанием убить другого. В любом случае дрались мы долго. В конце концов Эрик одолел и захотел стереть меня в порошок. Чуть забегая вперед, я должен добавить, что все это мне удалось припомнить только пять лет назад. — Бенедикт согласно кивнул. — Могу только предполагать, что случилось, когда я был без сознания, — продолжал я. — Эрик не стал убивать меня... Очнулся я в Тенях, на Земле, в месте, именуемом Лондоном. Вокруг свирепствовала болезнь, но я справился с нею. Столетия провел я в этом призрачном мире, пытаясь понять, кто я. Я прошел по всем его дорогам. Чаще всего как воин... ходил в его университеты, разговаривал с тамошними мудрецами, обращался к знаменитым врачам. Но нигде не мог отыскать разгадки своего прошлого. Было ясно, что я не такой, как все, и мне пришлось тщательно скрывать это. Я был разъярен: у меня было все-все, кроме того, в чем нуждался я больше всего, — кроме моей памяти, моей личности.

Годы прошли, но гнев и тоска по себе не угасли. Я получил травму головы в автокатастрофе и вдруг начал что-то припоминать. Это было пять лет назад. Ирония судьбы заключается в том, что есть все основания видеть за дорожной аварией руку Эрика. Флора все время жила на этой призрачной Земле, приглядывая за мной. Однако возвратимся к моим предположениям... Должно быть, Эрик в последний момент сдержал себя: он желал мне смерти, но не хотел, чтобы ее могли приписать ему. Потому-то он и забросил меня в Тени, в такой мир и такое место, где меня ожидала быстрая и почти неминуемая гибель, — несомненно, чтобы иметь возможность, вернувшись домой, сказать: дескать, Корвин в гневе отбыл

и бормотал по пути, что не желает возвращаться. В тот день мы вдвоем охотились в Арденском лесу...

— Странно, — перебил меня Бенедикт, — чтобы в подобных обстоятельствах двое соперников решили поохотиться вместе.

Я пригубил вина, усмехнулся и ответил:

— Быть может, все было несколько занимательнее, чем я рассказываю. Возможно, мы оба обрадовались представившейся нам возможности поохотиться вдвоем... без свидетелей.

— Понятно, — произнес он. — Значит, все могло быть и наоборот?

— Ну, — ответил я, — трудно сказать. Не думаю, чтобы я зашел так далеко. Конечно, я говорю это сейчас, все мы меняемся. А тогда?.. Быть может, я обошелся бы с ним не ласковей. Утверждать не берусь, но не исключаю. — Бенедикт кивнул, а мимолетная вспышка гнева сменилась во мне удивлением. — К счастью, я не собираюсь оправдывать свои поступки, — продолжал я. — Потом я догадался, что Эрик, конечно, все время следил за мной... Сперва он был разочарован, что я уцелел, однако испытывал удовлетворение от моей беспомощности. Поэтому велел Флоре приглядывать за мной, и повсюду воцарился мир. А потом, должно быть, папаша отрекся, не уладив вопроса о престолонаследии...

— Ни черта! — отвечал Бенедикт. — Ни черта! Он и не думал отрекаться! Просто исчез. Однажды утром его не оказалось в собственных покоях. Кровать даже не была смята и никакой записки. Вечером он вошел туда, это видели, но чтобы он куда-то отбыл... свидетелей не нашлось. Сперва это никому не показалось странным. Все решили, что он снова отправился в Тени, должно быть, за новой невестой. И только потом, через достаточно долгое время, начали подозревать в этом либо чьи-то козни, либо новый способ отречения.

— Я не знал этого, — ответил я. — Твой источник информации, похоже, намного ближе к центру событий, чем мой. — Бенедикт кивнул, подлив масла в огонь моих подозрений относительно того, с кем он имел дело в Амбере. Похоже, в то время он был настроен в пользу Эрика. — А когда ты сам был там в последний раз? — попробовал я изменить ход разговора.

— Чуть больше двадцати лет назад, — ответил он. — Но я постоянно поддерживаю связь.

И никто даже не упомянул мне об этом! Бенедикт, конечно, знал, что эти слова будут для меня предупреждением или угрозой. Конечно, колода карт у него была. В уме я развернул их веером и лихорадочно вгляделся в лица. Рэндом совсем ничего не знал о местонахождении Бенедикта. Брэнд уже давно пропал; скорее всего, заточен в каком-то весьма неприятном месте и не может сообщить о себе в Амбер. Быть в контакте с Флорой Бенедикт явно не мог, да и она тоже до недавнего времени находилась в Тенях. Ллевелла была в Ребме, и Дейрдре тоже, да и в Амбере в то время она была не в чести. Фиона? Джулиан говорил мне, что она где-то на юге. Точнее он не знал. Кто загнал ее туда?

Оставались сам Эрик, Джулиан, Джерард и Кейн. Начнем с Эрика. О мнимом отречении папаши он не стал бы говорить в стиле Бенедикта. Джулиан поддерживал Эрика, хотя и не был лишен собственных далеко идущих амбиций. Он мог поделиться сведениями, если видел в этом собственную выгоду. То же самое относилось и к Кейну. С другой стороны, мне всегда казалось, что для Джерарда благополучие Амбера важнее, нежели личность того, кто занимает престол. Он

не слишком симпатизировал Эрику, а когда-то даже собирался помочь мне или Блейзу против него. С его точки зрения осведомленность Бенедикта о событиях была чем-то вроде страхового полиса для всего Королевства. Вне сомнения, сообщил ему кто-то из них троих. Джулиан ненавидел меня, Кейн не проявлял ко мне ни симпатий, ни антипатий, с Джерардом, напротив, нас связывали воспоминания детства...

Я должен был немедленно понять, кто это, а Бенедикт, естественно, не собирался мне помогать, ничего не зная о моих нынешних намерениях. Его связь с Амбером могла быть опасна для меня или полезна — все зависело от того, куда тянулась связующая нить. Она была и мечом, и щитом Бенедикта, и я почувствовал себя уязвленным оттого, что он так быстро прибег к этому оружию. Я предпочел считать, что чрезмерную осторожность вызвала свежая рана — ведь сам я не подал ему ни малейшего повода для беспокойства. А потому мне следовало опасаться — печально было сознавать это, встретив брата через столько лет.

— Интересно, — сказал я, задумчиво поглаживая кубок. — Похоже, что все несколько поторопились.

— Не все, — ответил Бенедикт.

Я слегка покраснел и сказал:

— Извини.

Он отрывисто кивнул:

— Будь добр, продолжай свой рассказ.

— Далее цепь предположений, — сказал я, — приводит меня к выводу: когда Эрик решил, что трон пустует уже достаточно долгое время и наступила пора действовать, ему показалось, будто амнезии для меня мало и все мои возможные претензии следует вырвать с корнем. Тут-то он и устроил мне на призрачной Земле ту аварию, что должна была покончить со мной. Но вышло все наоборот.

— Почему ты так думаешь? Быть может, это только твои подозрения?

— Флора признала это позже, когда у меня появилась возможность повыспросить ее, с учетом ее собственного участия во всем, конечно.

— Очень интересно. Продолжай.

— Простой удар по голове сделал то, чего не сумел сделать и сам Зигмунд Фрейд, — сказал я. — Память стала возвращаться сперва понемногу, а потом все быстрее, в особенности после встречи с Флорой, которая помогала мне многое припомнить. Я сумел обмануть ее: сестрица решила, что память ко мне возвратилась полностью, и говорила обо всем: о людях и вещах. А потом появился Рэндом, от чего-то спасавшийся.

— Спасавшийся? От чего? И почему?

— От каких-то странных тварей из Теней. А почему — я так и не узнал...

— Интересно, — промолвил Бенедикт, и я вынужден был согласиться.

Я часто думал еще в своей камере — почему вдруг на сцене оказался преследуемый фуриями* Рэндом? С того момента, как мы встретились, и пока не расстались, нас обступала опасность. Я был поглощен своими делами, а он молчал о причинах своего внезапного появления. Все эти мысли пришли мне в голову, конечно, сразу, но я не был тогда уверен, что за его появлением что-то кроется, и потому пустил все на самотек. Последующие события заслонили тайну, но я не забыл — и тогда в камере, и сейчас в компании Бенедикта. Интересно? Безусловно. И загадочно.

— Я попытался использовать Рэндома, — продолжал я. — Он решил, что я добиваюсь трона, а я всего лишь пытался припомнить себя. Он согласился доставить меня в Амбер и выполнил свое обещание. Почти... — поправился я. — Мы попали в Ребму. Там-то я и признался ему в моем истинном состоянии, и он предложил мне пройти через Путь, чтобы полностью восстановить память. Возможность была под рукой, я воспользовался ею и таким образом перенесся в Янтарное королевство.

Бенедикт улыбнулся:

— Должно быть, ты несколько огорчил Рэндома.

— Конечно, петь от счастья ему было не с чего, — ответил я. — По приговору Моэри он вынужден был жениться — она выбрала для него слепую девушку по имени Виола — и не покидать жену раньше чем через год. Рэндом остался там, а потом я узнал, что он покорился ее воле. Дейрдре тоже была там — она бежала из Амбера, и мы встретили ее по дороге в Ребму и попали туда втроем. Там она и осталась.

Я допил вино, и Бенедикт кивком указал мне на бутыль, почти уже пустую. Ему пришлось достать из сундука непочатую, после чего мы налили по новой. Я глотнул. Вино было явно получше, чем в первой бутыли. Видно, из его личных запасов.

— Во дворце, — продолжал я, — мне пришлось отправиться в библиотеку, где я отыскал колоду таро. Но прежде чем я успел что-либо сделать, явился Эрик, и мы бились с ним прямо в библиотеке. Я сумел ранить его и понял даже, что смогу прикончить, когда к нему подоспела помощь и я был вынужден бежать. Я успел связаться с Блейзом, и тот укрыл меня в Тенях. Остальное ты, должно быть, знаешь из собственных источников. Мы с Блейзом объединились, попытались атаковать Амбер и проиграли. Блейз упал с Колвира. Я бросил ему свою колоду, он успел поймать ее на лету. Насколько мне известно, тела его не нашли. Лететь к подножию долго, хотя прилив тогда был высоким. Не знаю, жив он или нет.

— И я тоже, — отозвался Бенедикт.

— Меня заключили в тюрьму, а Эрик присвоил себе корону. Несмотря на слабые возражения, меня заставили присутствовать на коронации. Я все-таки сумел примерить корону себе на голову, прежде чем этот ублюдок — в генеалогическом смысле, конечно, — вырвал ее у меня и возложил на собственную голову. А потом он велел ослепить меня и заточить в темницу.

Наклонившись вперед, Бенедикт внимательно изучал мое лицо.

— Да, — сказал он, — я слыхал об этом. И чем же они это сделали?

— Раскаленным железом. — Я непроизвольно вздрогнул и подавил желание прикрыть глаза руками. — К счастью, я скоро потерял сознание.

— И глаза были действительно выжжены?

— Да. По-моему, так.

— Сколько же времени потребовалось на регенерацию?

— Я смог видеть примерно через четыре года, — ответил я. — Теперь зрение постепенно возвращается в норму. Значит, на все ушло около пяти лет.

Бенедикт откинулся назад, вздохнул и слабо улыбнулся.

— Слава богу, — сказал он. — Теперь у меня есть некоторая надежда. Время от времени наши родственнички теряют некоторые анатомические части, прав-

да, с регенерацией оных, но мне-то прежде не доводилось терять ничего существенного.

— Что говорить, — ответил я, — полный реестр впечатляет. Иногда я освежаю его в памяти. Куски и кусочки... И у наших, и у меня: пальцы на руках и ногах, мочки уха и прочее. Я бы сказал, что у тебя есть все основания надеяться. Процесс идет недолго. И хорошо, что ты одинаково владеешь обеими руками, — добавил я.

Улыбка то появлялась на его лице, то исчезала. Он приложился к чаше. Нет, он не собирался рассказывать мне о своих делах.

Я сделал еще глоток. Рассказывать ему о Дворкине мне не хотелось, Дворкина я намерен был приберечь как козырь — на крайний случай. Пределов силы его мы не знали, но он явно сошел с ума. И все-таки им можно было управлять. Хотя даже папаша когда-то начал бояться его и упрятал подальше. О чем же Дворкин говорил мне тогда в камере? Отец заточил его, когда он объявил, что открыл способ уничтожить Амбер. Если эти слова не бред сумасшедшего и именно они явились причиной заключения Дворкина, значит, отец повел себя куда благороднее, чем поступил бы я, случись мне оказаться на его месте. Оставлять Дворкина в живых было слишком опасно. С другой стороны, отец пытался вылечить его. Дворкин говорил о врачах, которых он распугивал и уничтожал, обращая на них свою мощь.

Я помнил его мудрым и добрым стариком, преданным моему отцу и всей семье. Поднять на него руку было трудно, пока оставалась надежда. Дворкина заключили в место, откуда нельзя было бежать. И все-таки, соскучившись, он легко вышел оттуда. Амбер — не пространство Теней, в нем нельзя ходить, как мы ходим по отражениям, и то, что сделал Дворкин, покинув свою камеру, просто не укладывалось у меня в голове — должно быть, это было как-то связано с колодой карт. Пока он еще не вернулся к себе, я уговорил его выпустить меня из камеры, и рисунок его перенес меня к маяку на Кабре, где я немного пришел в себя, а потом отправился в плавание, приведшее меня в конце концов в Лоррен.

Насколько я понимал, вся наша семейка всегда обладала особыми способностями, Дворкин только изучал их, а потом обобщил свои знания, создав Огненный Путь и колоду фамильных карт. Он часто пытался обсудить с нами эти вопросы, однако большинству наших эти разговоры казались слишком абстрактными и скучными. Черт побери, мы всегда были слишком практичны. Этим вопросом интересовались разве что Брэнд и Фиона. Я почти позабыл о ней. Иногда Фиона слушала тоже. И отец... Он вообще знал ужасно много, но помалкивал. Времени на нас у него не хватало, и мы немного знали о нем. Должно быть, в основах он разбирался не хуже Дворкина. Разница заключалась в том, как они использовали знания. Дворкин был художником, а кем был папаша, я так и не понял. Ни с кем из нас он не сближался, хотя назвать его черствым отцом тоже нельзя. Когда ему случалось заметить кого-нибудь из нас, он тут же осыпал подвернувшееся чадо подарками и развлечениями. Но воспитание наше доверил придворным. Мне кажется, он просто терпел нас как неизбежное последствие своих увлечений. И я, в сущности, удивлен, что семейка не столь велика, как могла бы быть. Тринадцать живых детей и еще двое братьев и сестра, ныне мертвые, — и это за пятнадцать веков любовной активности. Я слыхал, правда, еще о нескольких, что жили задолго до нас... Никто из них не уцелел. Не столь уж впе-

чатляющий итог для похотливого владыки. Правда, и среди нас излишне плодовитых не было. Как только мы обучались заботиться о себе и передвигаться в Тенях, отец сразу же отправлял нас туда, подыскивая такие местечки, где мы жили бы спокойно и счастливо. Так и я попал в тот Авалон, которого теперь уже не существует. Насколько я знал, о происхождении отца было известно лишь ему самому. Я никогда не встречал таких, кто помнил бы те времена, когда Оберона не было. Странно? Не знать, откуда родом собственный отец, когда для того, чтобы удовлетворить любопытство, у тебя были столетия? Увы, он был скрытен, проницателен и всемогущ... и мы тоже — но уже в известной мере. Он хотел, чтобы мы благоденствовали и были довольны, однако... так, чтобы ничьи способности вдруг не составили угрозу его собственной власти.

Чувствовалась в отце, по моему мнению, какая-то неуверенность, какая-то непонятная осторожность, когда речь заходила о нем и давнем прошлом. Вряд ли он мог представить себе, что когда-нибудь перестанет править в Амбере. Иногда в шутку отец начинал ворчать об отречении, но мне всегда казалось, что делает он это специально — чтобы выяснить, кто и как станет на то реагировать. Он вполне понимал, к чему приведет его отход от власти, но все не верил, что такое возможно. А всех его обязанностей, дел и тайных обязательств не знал никто из нас. И сколь пресной ни казалась такая мысль, во мне почему-то крепло убеждение, что на самом деле никто из нас не пригоден для трона. Не раз хотелось мне обвинить папашу в некомпетентности, но, к несчастью, я слишком долго был знаком с Фрейдом, чтобы не усматривать в этом личных мотивов*.

И еще: я начинал сомневаться в законности наших претензий. Раз он жив и отречения не было, мы могли рассчитывать не более чем на регентство. Мне не хотелось бы дождаться возвращения папаши, сидя на его троне в качестве наследника престола. Если честно, я боялся его, и не без причины. Только дурак не боится высшей силы, которая ему непонятна. Но, назовись я королем или регентом, у меня было больше права на этот титул, чем у Эрика, а значит, я должен был добиваться своего. И если некая сила, вынырнув из темного прошлого папаши, могла помочь мне, а Дворкин и был такой силой, — пусть о нем не узнает никто, пока мне не удались мои планы.

«Даже если эта сила способна разрушить сам Амбер, уничтожить все призрачные миры и все подлинные?» — спрашивал я себя.

«В особенности если она такова, — отвечал я себе. — Разве можно доверить кому-нибудь подобную силу?»

Все мы действительно весьма практично настроены.

Допив вино, я потянулся к кисету за трубкой, прочистил ее и набил.

— Вот, в сущности, и все на сегодняшний день, — сказал я, разглядывая результат своих трудов, и, поднявшись, прикурил от лампы. — А после того я вновь обрел зрение, бежал из Амбера, попал в страну под названием Лоррен и встретил там Ганелона, а потом явился сюда.

— Зачем?

— Невдалеке отсюда был тот Авалон, что я знал когда-то.

Я сознательно не упомянул, что был прежде знаком с Ганелоном, и надеялся, что он поймет меня правильно. Ведь эта Тень была вблизи нашего Авалона, так что Ганелону непременно покажутся знакомыми вся страна и ее обычаи. Это может стать полезным, а потому Бенедикт не должен пока знать об этом.

Как я и надеялся, он пропустил это мимо ушей, увлекшись более занимательными подробностями.

— Как тебе удалось бежать? И как ты только ухитрился?

— Конечно, мне помогли, — признался я, — выбраться из камеры. А уж потом... Во дворце есть еще ходы, о которых не знает даже Эрик.

— Понимаю, — произнес Бенедикт, пряча интерес, но надеясь, естественно, что я стану продолжать и выложу имена своих сообщников.

Я пыхнул трубкой, улыбнулся и откинулся назад.

— Хорошо, когда у тебя есть друзья, — сказал он, словно соглашался с моей не высказанной вслух мыслью.

— Думаю, в Амбере у каждого из нас найдутся верные люди.

— Хотелось бы так думать, — ответил он. — Помнится, дверь твоей камеры оказалась отчасти выдолбленной, еще ты спалил лежанку и разрисовал стены картинами.

— Да, — согласился я. — Долгое заключение непременно влияет на рассудок. По крайней мере на мой — временами я просто терял его.

— Не завидую твоему опыту, брат, — сказал Бенедикт, — ни на каплю. Что ты собираешься делать дальше?

— Еще не представляю.

— Не захотел бы остаться здесь?

— Не знаю, — ответил я. — А каковы тут дела?

— На меня возложена большая ответственность, — сказал он, и это было не хвастовством, а просто констатацией факта. — Я считаю, что уничтожил пока только главную угрозу. Если я не ошибаюсь, впереди время относительного спокойствия, и оно было куплено дорогой ценой... — Тут он глянул на обрубок руки. — Победа стоила того, однако нормальной обстановка станет не скоро.

А потом он в основном пересказал то, что мы уже знали от юного дезертира. Добавились только детали битвы. Когда предводительница адских дев была убита, ее всадницы кинулись врассыпную и разбежались; большинство погибло, пещеры удалось завалить вновь. Бенедикт решил оставить на поле битвы трофейную команду — его разведчики прочесывали окрестности, разыскивая бежавших.

Он не стал даже упоминать о своей встрече с их предводительницей, Линтрой.

— А кто убил предводительницу? — спросил я.

Неожиданно шевельнув обрубком, брат с искаженным лицом ответил:

— Мне удалось это сделать, хотя я чуть-чуть промедлил с первым ударом.

Я отвернулся, Ганелон тоже. Когда мы рискнули вновь глянуть на него, лицо Бенедикта обрело нормальное выражение, он опустил руку.

— Мы искали тебя, Корвин. Разве ты не знал? Брэнд и Джерард искали тебя в Тенях повсюду. Ты не ошибся: Эрик именно так все и рассказал. Но мы вынуждены были не считаться с его словами. Не раз тебя пытались отыскать с помощью карты... Ты не отзывался. Должно быть, повреждение мозга блокирует вызов. Любопытно. Ты не отвечал, и мы решили, что ты умер. Потом к розыскам присоединились Джулиан, Кейн и Рэндом.

— Все? В самом деле? Я потрясен!

Бенедикт улыбнулся.

— О! — Я усмехнулся в ответ.

Всеобщее участие в травле означало, что не мое благополучие заботило их, а возможность скомпрометировать Эрика покушением на братоубийство, чтобы низложить или шантажировать его.

— Я искал тебя вблизи Авалона, — продолжал он, — наткнулся на эту страну и прикипел к ней. В те дни она была в весьма плачевном состоянии, поколениями трудился и я, возвращая ей былой блеск. Начинал этот труд в память о тебе, а потом полюбил и страну, и народ. Они считают меня своим Хранителем, и я вижу в себе защитника этой земли.

Я был и тронут, и обеспокоен. Не намекал ли он, что я тут напакостил и ему пришлось застрять здесь, приводя землю в порядок, так сказать, прибирать после меньшого братца? Или он понял, что я любил это место, то есть похожее на него, — и старался сделать его таким, каким я бы хотел его видеть? А может быть, я просто стал слишком мнителен?..

— Приятно узнать, что вы искали меня, — сказал я, — но еще приятнее знать, что ты — защитник этой земли. Мне бы хотелось повидать эти края; они напоминают о том, привычном мне Авалоне.

— И это все, что ты хочешь? Просто побывать там?

— Ничего другого пока не пришло мне в голову.

— Знай тогда, в этом Авалоне не поминают добром твою тень, что правила здесь. Детей тут не называют твоим именем, и Корвин здесь не брат мне.

— Понимаю, — ответил я, — меня зовут Кори. Мы можем быть и просто старыми друзьями.

Он кивнул.

— Здесь всегда рады моим старым друзьям, — ответил он.

Я улыбнулся.

Само предположение, что у меня могут быть какие-то виды на Тень другой Тени, было оскорблением для меня: ведь на голове моей — пусть всего мгновение — холодным светом горела уже корона Амбера.

Я размышлял, что будет, если Бенедикт узнает, кто, в сущности, виноват в появлении этих наездниц. В некотором смысле я был причиной и его ранения. Правда, если вернуться еще на один шаг назад, можно считать виновным во всем Эрика. В конце концов именно его действия вызвали к жизни мое проклятие.

И все же я надеялся, что Бенедикт не узнает об этом.

Теперь следовало определить, какую позицию займет Бенедикт по отношению к Эрику. Поддержит его, выступит за меня или просто не будет мешать, когда я сделаю свой ход? К тому же я был уверен, что он озадачен и размышляет, тлеют ли еще мои амбиции или угасли, а если тлеют, то каковы будут мои планы. Итак...

Но кто первым коснется этой темы?

Я несколько раз со вкусом затянулся, допил вино, подлил еще, вновь затянулся. Я слышал гомон лагеря, шум ветра, урчание в собственном желудке.

Бенедикт пригубил вино.

А потом, почти мимоходом, спросил:

— И какие же у тебя дальнейшие планы?

Я мог бы сказать, что еще ни о чем не думал, что просто рад быть на свободе, жить, снова видеть... наконец, что я уже сыт всем этим по горло и больше не

строю планов... И он понял бы, что я лгу. Ведь он прекрасно знал меня. Поэтому я ответил:

— Ты все прекрасно представляешь сам.

— Если ты надеешься на мою поддержку — не рассчитывай. Амбер сейчас слишком слаб и не выдержит нового приступа борьбы за власть.

— Но ведь Эрик — узурпатор.

— Я предпочитаю считать его просто регентом. В такой ситуации каждый из нас окажется на троне узурпатором.

— Значит, ты веришь, что отец жив?

— Конечно. Он жив и весьма расстроен. Несколько раз пытался связаться со мной.

Я сумел сохранить на лице равнодушие. Значит, отец являлся не только мне. И открывать свои впечатления от нашей последней встречи я просто не вправе — они могли сойти за ханжество, приспособленчество и прямую ложь. Ведь тогда, пять лет назад, Оберон велел мне занять трон... Конечно, он имел в виду просто регентство.

— Ты не поддерживал Эрика, когда он занял престол, — сказал я. — Выступишь ли ты на его стороне сейчас, когда он на троне, — если будет предпринято выступление против него?

— Я уже объяснил тебе, — ответил Бенедикт. — Я считаю его регентом. Не могу сказать, что хорошо к нему отношусь, но междоусобиц в Амбере не одобряю.

— Значит, ты поддержишь его?

— Я уже сказал все, что думаю. Приглашаю тебя посетить мой Авалон, но не думай воспользоваться им для подготовки вторжения в Амбер. Такова моя позиция по отношению к твоим дальнейшим планам!

— Понял...

— И ты все еще хочешь посетить Авалон?

— Теперь не знаю, — ответил я. — А твое желание избежать войны в Янтарном королевстве простирается в обе стороны?

— Ты о чем это?

— А о том, что, если меня вдруг против воли пожелают доставить в Амбер, я лягу костьми и затею такую драку, чтобы вся эта история не повторилась...

Лицо его стало менее жестким, он потупил взор.

— Корвин, зря ты думаешь, что я выдам тебя. Неужели я совсем бесчувственный? Я вовсе не хочу, чтобы тебя снова заточили в темницу, ослепили... или хуже того. Я всегда рад тебя видеть. Свои страхи вместе с амбициями можешь оставить у меня на границе.

— Тогда я хотел бы посетить Авалон. Армии у меня нет, и рекрутов я не набираю.

— Рад слышать это.

— Благодарю, Бенедикт. Я не рассчитывал встретиться здесь с тобой, поэтому рад вдвойне.

Он слегка покраснел и кивнул в ответ.

— Мне очень приятно, — сказал он. — А больше ты пока не видел никого из наших? Я имею в виду после своего бегства.

— Нет, но я просто изнемогаю от любопытства. Серьезные новости были?

— Обошлось без новых смертей.

Мы оба усмехнулись, и я понял, что придется выслушивать семейные сплетни обо мне. Овчинка, впрочем, стоила выделки.

— Я собираюсь задержаться в поле, — сказал Бенедикт, — чтобы патрулировать, пока не перебьем врагов окончательно. Должно быть, с неделю мы еще простоим здесь.

— О! Значит, победа не была окончательной?

— Не сомневаюсь, что выиграю битву, просто предпочитаю быть осторожным. Уж лучше потратить еще немного времени, чтобы потом быть уверенным...

— Рисковать не следует, — кивнул я в ответ.

— ...поэтому, если у тебя нет большого желания оставаться в лагере, не вижу, почему бы тебе не проследовать в город, поближе к центру событий. Вблизи Авалона у меня есть несколько резиденций, тебе я могу предоставить скромный уютный замок неподалеку от города. По-моему, там хорошо.

— Просто изнемогаю от нетерпения.

— Утром я дам тебе карту и письмо к управляющему.

— Благодарю тебя, Бенедикт.

— Я присоединюсь к тебе сразу же, как только закончу здесь все свои дела, — продолжал он, — но каждый день буду направлять к тебе вестников. Они будут связывать нас.

— Очень хорошо.

— Тогда выбери себе клочок земли поукромнее. Уверен, что ты не проспишь сигнала к завтраку.

— Мне редко предоставлялась такая возможность, — ответил я. — Не возражаешь, если мы останемся ночевать там, где сейчас лежат наши вьюки?

— Никаких возражений, — ответил он.

И мы допили вино.

Когда мы выходили из шатра, я поднял полог повыше и ухитрился сдвинуть его на несколько дюймов вбок. Бенедикт пожелал нам доброй ночи и опустил полог, не заметив образовавшейся сбоку щели.

Постель себе я устроил подальше от наших пожитков, лицом к шатру Бенедикта, сами тюки, устраиваясь, тоже сдвинул подальше. Ганелон вопросительно глянул на меня, в ответ я кивнул, указав глазами на шатер. Он посмотрел туда, понимающе качнул головой и стал укладываться еще правее.

Я бросил оценивающий взгляд и сказал:

— Знаешь, твое место мне нравится больше. Не хочешь ли поменяться? — И подмигнул: мол, очень надо.

— Мне все равно. — Он пожал плечами.

Костры повсюду гасли, большинство воинов уже спало. Лишь часовые пару раз обратили на нас внимание. Лагерь почти затих, на небе не было ни облачка, способного затмить блистание звезд. Я устал, запахи дыма и сырой земли приятно тревожили ноздри, напоминая об иных временах и иных местах, где доводилось мне стоять лагерем, и об отдыхе тоже.

Но, вместо того чтобы смежить глаза, я взял один из вьюков, положил себе под голову, набил трубку табаком и раскурил.

Бенедикт расхаживал по шатру, и я дважды вынужден был менять свое положение. Однажды он исчез из виду на несколько секунд, а потом свет в глубине

шевельнулся, и я понял, что он открыл сундук. Затем он вновь появился, очистил стол, на мгновение отступил, снова приблизился к столу, присел.

Я опять сдвинулся, чтобы видеть его левую руку.

Он листал книгу или перебирал что-то примерно такого же размера.

Быть может, карты?

Конечно.

Многое отдал бы я сейчас за то, чтобы глянуть на ту карту, что он выбрал наконец и держал перед собой. Не меньше отдал бы я и за то, чтобы Грейсвандир оказался у меня под рукой — на случай, если в шатре вдруг появится некто, причем не через вход, за которым я следил. Ладони и ступни мои свербели, в предчувствии то ли боя, то ли бегства.

Но Бенедикт оставался один. И сидел неподвижно, наверно, более получаса, а потом встал, убрал колоду обратно в сундук и погасил лампы.

Стражи монотонно расхаживали рядом, Ганелон уже храпел.

Я выбил трубку и лег на бок.

Завтра, сказал я себе. Завтра, если я проснусь, все будет хорошо.

V

Посасывая травинку, я следил за крутящимся мельничным колесом. Мельница была на другом берегу реки, я лежал на траве, подперев голову обеими руками. В облачке брызг у колеса горела крошечная радуга, время от времени капли долетали и до меня. За плеском воды и шумом колеса ничего не было слышно. Сегодня мельница пустовала, и я сожалел об этом — подобного сооружения я не видел уже несколько столетий. Вид вращающегося колеса и плеск воды несли не просто умиление, в них было что-то гипнотическое.

Третий день мы гостили у Бенедикта. Ганелон искал развлечений в городе. Прошлым вечером я был с ним и разведал все, что хотел узнать. Теперь времени на увеселения у меня не оставалось. Надо было думать и быстро действовать. В лагере все сложилось нормально. Бенедикт приглядел, чтобы нас покормили, выдал обещанную карту, а с ней и письмо. Мы тронулись на рассвете, а к полудню оказались уже возле замка.

Приняли нас хорошо, и, после того как нам показали отведенные каждому комнаты, мы отправились в город, где и провели остаток дня.

Бенедикт собирался задержаться в лагере. И я должен был покончить со своими делами прежде, чем он вернется домой. Поэтому нас ожидала адова скачка. На неторопливую прогулку времени не было, мне придется припоминать путь через Тени и не тратить времени даром.

Оказаться в месте, столь похожем на мой Авалон, было бы большим утешением, не препятствуй тому мои намерения, ставшие уже почти наваждением. Правда, понимать себя и властвовать над собою — это не одно и то же. Так что привычные взгляду и слуху виды и звуки отвлекли меня лишь ненадолго, а потом я занялся намеченными делами.

Все должно было выйти прекрасно. Путешествие сразу решало две проблемы, конечно, если я сумею не возбудить подозрений. А это значило, что мне при-

дется пропадать всю ночь, но я позаботился и об этом, а потому проинструктировал Ганелона.

Голова моя стала покачиваться в такт скрипу колеса, и я заставил себя выбросить из головы все лишнее, думать только о песке, о том, какой он сыпучий, желтый, теплый, о ветре, о запахе соли в воздухе и об облаках...

Потом я уснул и увидел сон, только не о том, что искал.

Предо мной было колесо какой-то большой рулетки, все мы — мои братья, сестры, я сам и прочие, кого я знал и помнил, — все мы были на нем и то опускались, то поднимались вместе с ним*. Оказываясь наверху, все требовали немедленно остановить колесо, а когда оно шло вниз — разражались протестами и воплями. Колесо стало замедлять ход, я снова был на подъеме. Рядом вверх ногами висел светловолосый юнец — молил и предупреждал о чем-то, но голос его тонул в неразборчивом гуле других голосов. Его лицо потемнело, исказилось, стало омерзительным и нечеловеческим. Я перерезал веревку на лодыжке, он упал вниз и исчез из виду.

Я приближался к вершине, колесо вращалось еще медленнее, и тогда я увидел Лоррен. Она махала мне, подзывая, выкрикивала мое имя. Я склонился к ней — она была прямо передо мной... Я хотел ее, хотел ей помочь. Но колесо вращалось, и меня унесло прочь.

— Корвин!

Я попытался отмахнуться от ее крика — ведь я был уже почти на вершине. Вершина приближалась, и я напрягся, готовясь выскочить. Если колесо не остановится здесь, я выпрыгну — и паду, как та проклятая тварь, даже если погибну при этом. Я приготовился к прыжку. Колесо щелкнуло еще раз...

— Корвин!

Колесо отдалилось, снова приблизилось и поблекло... Я опять глядел на мельничное колесо, имя мое эхом отдавалось в ушах, сливаясь с плеском воды и растворяясь в нем.

Я моргнул и провел рукой по волосам. На плечи мне посыпались одуванчики, рядом раздалось довольное хихиканье.

Я быстро обернулся.

Она стояла в дюжине шагов от меня — высокая, стройная девушка с темными глазами и коротко остриженными каштановыми волосами. На ней была фехтовальная куртка, рапира — в правой руке, маска — в левой. Девушка смотрела на меня и смеялась. У нее были ослепительные зубы, пусть и крупноватые, загорелые щеки, и небольшой нос усеяли веснушки. В ней чувствовалась жизненная сила, это особенно привлекает, иначе, чем просто красота. Особенно в моем возрасте.

Она отсалютовала клинком.

— En garde*, Корвин! — сказала она.

— Какого черта, кто ты? — спросил я и заметил рядом с собой на траве куртку, рапиру и маску.

— Ни вопросов, ни ответов, — объявила девушка. — Сперва мы фехтуем.

Она надела маску и приготовилась.

Я поднялся, прихватив куртку. Проще было фехтовать, чем спорить. Меня беспокоило, что она знает мое имя, и чем больше я думал о ней, тем более знакомой она мне казалась. Ну что же, посмеемся, решил я, надевая куртку и застегивая ее.

Я поднес клинок, надвинул маску.

— Хорошо, — сказал я, изобразил короткий салют и сделал шаг вперед. — Хорошо!

Она шагнула навстречу, мы сошлись. Я дал ей атаковать.

Она начала очень резво: удар — финт — финт — выпад. Мой ответный укол был вдвое быстрей, но она сумела отразить его и с той же скоростью ответить. Тогда я начал отступать, вытягивая ее на себя. Девушка расхохоталась и обрушила на меня град ударов. Фехтовала она отлично и знала это. И хотела показать себя. Дважды она чуть не достала меня низкими выпадами, которые отнюдь не понравились мне. И я постарался скорее поймать ее на контратаке. Она беззлобно чертыхнулась, признавая пропущенный удар, и продолжала бой.

Обычно я не люблю фехтовать с женщинами, как бы хорошо ни владели они оружием, но на этот раз я просто наслаждался боем и своей сноровкой. С таким искусством и изяществом отражала она атаки и наносила удары, что биться с ней было чистым удовольствием. И я задумался о том разуме, который крылся за этим стилем.

Поначалу мне хотелось побыстрее вымотать ее, а потом закончить бой и выспросить обо всем. Теперь я понял, что хочу продлить поединок.

Особой усталости в ней не было заметно. На это теперь надеяться не приходилось. И пока мы скакали взад и вперед по берегу, звеня клинками, я потерял представление о времени.

Должно быть, его прошло достаточно, когда девушка наконец топнула ногой и в прощальном салюте подняла вверх клинок. Потом сорвала маску с лица и улыбнулась мне.

— Благодарю, — сказала она, тяжело дыша.

Я отсалютовал в ответ и снял с головы чертову корзинку. Отвернулся, принявшись за пряжки куртки, а потом вдруг сообразил, что она рядом и целует меня в щеку. И ей не пришлось для этого вставать на цыпочки. Я слегка смутился, но улыбнулся ей. И прежде чем успел что-нибудь сказать, она взяла меня за руку и повернула лицом назад, туда, где мы только что были.

— Я принесла с собой корзинку с припасами.

— Отлично. Я голоден. И очень хочу знать...

— Я скажу тебе все, что ты хочешь знать, — весело ответила она.

— А как насчет твоего имени? — спросил я.

— Дара. Дара, в честь прабабушки.

Она глянула на меня, словно ожидая определенной реакции. Ужасно неприятно было разочаровывать ее, но я просто кивнул и повторил это имя.

— А почему ты зовешь меня Корвином? — спросил я.

— Потому что это твое имя, — ответила девушка, — я тебя узнала.

— Откуда ты знаешь меня?

Она отпустила мою руку.

— Вот и корзинка. — Девушка достала из-за ствола дерева стоявшую там на корнях корзинку. — Надеюсь, муравьи не успели забрести сюда, — сказала она и, выбрав у ручья тенистое место, расстелила там салфетку.

Я повесил фехтовальное снаряжение на ближайший куст.

— И ты всегда носишь с собой столько всего? — удивился я.

— Моя лошадь вон там, — она показала вниз по течению.

А потом снова занялась салфеткой и корзинкой.

— А почему там? — спросил я.

— Естественно, чтобы было удобнее следить за тобой. Если бы ты услыхал рядом конскую поступь, то вскочил бы как пить дать.

— Вероятно, ты права.

Она замолчала, словно бы задумавшись, а потом нарушила молчание смешком:

— Но в первый раз ты не услышал. Все-таки...

— В первый раз? — переспросил я, чувствуя, что она хочет этого.

— Да, сперва я чуть не раздавила тебя. Ты спал беспробудным сном. А когда я узнала тебя, то сразу отправилась за фехтовальным снаряжением и корзинкой.

— О! Тогда понятно.

— Теперь присаживайся, — пригласила девушка. — Ты, конечно, откупоришь бутылку?

Она водрузила передо мной бутылку, осторожно развернула два хрустальных бокала и поставила на середину салфетки.

— Хрусталь Бенедикта, — заметил я, откупоривая бутылку.

— Да, — согласилась она, — и, пожалуйста, не опрокинь бокалы, когда будешь разливать вино... Вряд ли нам обязательно чокаться.

— Согласен, не будем чокаться, — ответил я, разливая.

Она подняла бокал.

— За наше воссоединение!

— Какое воссоединение?

— Наше.

— Я никогда не встречал тебя.

— Не будь таким прозаичным.

Я пожал плечами:

— За воссоединение.

Девушка принялась за еду, и я тоже. Она так наслаждалась атмосферой таинственности, что мне не хотелось портить ей удовольствие.

— И где же я мог тебя встречать? — попробовал я все-таки выяснить. — При дворе великого повелителя? В гареме, должно быть...

— Должно быть, в Амбере. Ты был...

— В Амбере? — Я удивился и, вспомнив, что в руке моей бокал Бенедикта, постарался ограничить свои эмоции голосом. — Кто ты на самом деле?

— Ты был красив, самодоволен и окружен поклонением дам, — продолжала она, — а я, скромный, тихий мышонок, любовалась тобой издалека. Серенькая мышка... пастельные тона... скромная Дара... тихий ребенок, отдавший тебе свое сердце...

Я пробормотал под нос легкую непристойность, девушка расхохоталась.

— Разве не правда? — спросила она.

— Нет, — отвечал я, проглотив кусок мяса. — Скорее всего, дело было в том борделе, где я растянул свою спину. Тогда я был пьян...

— Значит, помнишь! — вскричала она. — Я там работаю по совместительству. Привыкла менять лошадей.

— Сдаюсь, — ответил я, подливая вина.

Меня беспокоило что-то ужасно знакомое в ней. По виду и поведению следовало, что ей лет семнадцать. А значит, наши пути едва ли могли пересечься.

— Фехтованию тебя учил Бенедикт? — спросил я.

— Да.

— Кто он тебе?

— Конечно, любовник, — ответила девушка. — Сперва украшает меня драгоценностями и мехами, а потом фехтует со мной.

Она снова рассмеялась.

Я вглядывался в ее лицо.

Что ж, такое было возможно.

Наконец я выпалил:

— Я оскорблен.

— Чем? — спросила она.

— Бенедикт не угостил меня сигарой.

— Какой сигарой?

— Ты его дочь, не так ли?

Она покраснела, но качнула головой.

— Нет, — ответила она, — но уже горячо.

— Тогда внучка? — спросил я.

— Ну... что-то вроде того.

— Боюсь, не понял.

— Он любит, когда я зову его дедушкой. На самом деле это не так, он отец моей бабушки...

— Понятно. А кроме тебя, есть еще кто-нибудь?

— Нет, я одна.

— А мать... и твоя бабка?

— Умерли обе.

— Каким образом?

— Убиты. И оба раза, когда Бенедикт гостил в Амбере. Мне кажется, что именно поэтому он так долго не возвращается туда. Боится оставить меня без защиты... даже зная, что я уже способна сама постоять за себя. Ты ведь понимаешь, что мне по силам это, правда?

Я согласился. Это кое-что объясняло, по крайней мере становилось понятным, почему он стал здесь Хранителем. Девушку надо было где-то прятать, а брать ее в Амбер Бенедикт не хотел. Он решил не извещать нас о ее существовании — слишком уж легко могли мы использовать сей факт против него. И потому ни разу даже не упомянул о ней.

Я твердо произнес:

— Мне кажется, тебе не положено здесь быть. Боюсь, Бенедикт разгневается, если узнает об этом.

— И ты такой же, как он! Я взрослая, черт побери!

— Разве я спорю? Но тебе положено быть совсем в другом месте.

Вместо ответа она пригубила вино. Я последовал ее примеру. В принужденном молчании мы закусили, я решил возобновить разговор.

— А как ты узнала меня? — задал я вопрос.

Дара глотнула, запила вином и ухмыльнулась:

— Конечно, по картинке.

— По какой?

— На карте, — пояснила она. — Я часто играла ими, когда была маленькой. Так я познакомилась со всеми родственниками. Я знаю, что вы с Эриком хорошие фехтовальщики. Вот почему я...

— У тебя есть колода? — перебил я ее.

— Нет, — ответила она, надувшись, — он так и не дал мне ни одной, а у самого их несколько.

— Да ну? А где же он держит их?

Сузив глаза, Дара внимательно посмотрела на меня. Проклятие! Получилось уж слишком прямолинейно.

Но она ответила:

— Одну колоду он почти все время носит с собой, а где остальные, я не знаю. А зачем? Разве он тебе не показывал их?

— Я не просил его об этом, — ответил я. — Ты знаешь их назначение?

— Дед вечно за мной наблюдал, когда карты были рядом. Я понимаю, они нужны ему для чего-то, только сам он ничего мне не рассказывал об этом. Эти карты — очень важная вещь, а?

— Да.

— И я так думаю. Он всегда очень осторожен с ними. А у тебя есть такая колода?

— Да, но я ее как раз одолжил кое-кому.

— Понятно. И тебе нужна еще одна для какого-то сложного и зловещего дела.

Я пожал плечами:

— Колода нужна мне, только цели мои скучны и несложны.

— Например?

Я посмотрел на нее исподлобья:

— Если Бенедикт не хочет, чтобы ты знала, зачем они, то и я не собираюсь рассказывать об этом.

Девушка сначала тихо пробурчала что-то.

— Ты боишься его, — заявила она чуть погодя.

— К Бенедикту я испытываю огромное уважение, не говоря уже о некоторой симпатии.

Она рассмеялась:

— А правда ли, что он лучший боец, чем ты, и фехтует сильнее?

Я поглядел в сторону. Откуда она свалилась? В городе все знали о руке Бенедикта. Такие вести распространяются быстро. Я не собирался просвещать ее.

— Считай как хочешь, — ответил я. — А где ты жила?

— В горной деревеньке. Дед отвез меня туда к своим друзьям по имени Текис. Ты слыхал о Текисах?

— Нет, никогда.

— Мне уже приходилось бывать у них, — продолжала девушка. — Он всегда отвозит меня в эту деревню, если здесь начинается заварушка. У этого места нет имени. Я зову его просто деревней. Там все странно... и люди, и деревня. Они... они... поклоняются нам, что ли. Они обращаются со мной, будто я святая, и никогда не рассказывают мне того, что хотелось бы узнать от них. Ехать недалеко, но там и горы другие, и небо — все там иное. И когда я оказываюсь там, путь

обратно, сюда, словно исчезает. Раз я попробовала вернуться назад сама и только потерялась. Дед всегда приезжает за мной, и тогда дорога приятна. Текисы выполняют все, что он ни прикажет. Они относятся к нему, словно к какому-то богу.

— Он и есть бог, — ответил я, — для них.

— А ты сказал, что о них не знаешь.

— В этом нет нужды. Я знаю Бенедикта.

— А как он делает это? Расскажи!

Я покачал головой.

— Как ты сделала это? — спросил я. — Как ты сейчас попала сюда?

Дара допила вино и подставила мне бокал. Когда я поднял глаза, она свесила голову на правое плечо и нахмурила брови, словно разглядывая что-то вдали.

— Я действительно не знаю, — ответила она, подняв вновь наполненный бокал и поднося его к губам. — Я не знаю, как мне это удалось. — Левой рукой девушка прикоснулась к своему ножу, наконец взяла его. — Я просто рассвирепела, прямо как дьявол, когда дед снова упек меня туда. Я сказала ему, что хочу остаться и биться, а он взял меня с собой будто на прогулку, а через некоторое время мы оказались в деревне. Как — понятия не имею. Ехали мы недолго — и вдруг оказались там. Я знаю здешние края. Я здесь родилась и выросла, изъездила все на сотни лиг вокруг и никогда не натыкалась ни на что подобное. А тут мы только выехали — и вдруг оказались у Текисов. Правда, с последнего раза прошло уже несколько лет, и я могу теперь точнее судить обо всем. Я решила вернуться сама. — Она принялась чертить ножом по земле, не замечая этого. — Я подождала наступления ночи, чтобы по звездам определить путь. Небо было каким-то нереальным: все звезды были иными, я не смогла найти ни одного знакомого созвездия. Даже слегка испугалась, не зная, что делать. На следующий день попыталась выудить хоть что-нибудь из Текисов и других жителей деревни. Это было как в кошмарном сне. Или они безнадежно глупы, или сознательно пытались запутать меня. Они не знали точно, где находится наше «здесь» и их «там». Той ночью я снова попыталась сориентироваться по звездам и начала верить им.

Теперь она водила ножом взад и вперед, словно выравнивая и сглаживая пыль. А потом начала рисовать схемы.

— Следующие несколько дней я пробовала найти обратный путь, — продолжала она. — Думала, что сумею обнаружить наш след и вернуться по нему, но он словно в воду канул. А затем я принялась за единственное, что мне оставалось. Каждое утро я выезжала в какую-то сторону, ехала до полудня, а потом возвращалась. И так и не встретила ничего знакомого. Я была совершенно озадачена. И каждый вечер укладывалась спать все более расстроенная и сердитая... Но решимость найти обратный путь в Авалон все росла. Я должна была доказать деду, что он, уверенный в моей покорности, не смеет больше отделываться от меня, как от ребенка.

Потом, через неделю, я начала видеть сны, что-то вроде кошмаров. Тебе когда-нибудь снилось, что ты все бежишь и бежишь и не можешь сдвинуться с места? Это было похоже на горящую паутину. Только на самом деле это была не паутина, не было ни паука, ни огня! Но эта штука не отпускала меня, я ходила и в ней, и вокруг нее. На самом деле я, впрочем, и не шевелилась. Все это совершенно не те слова, но я не знаю, как правильно называть подобные вещи. И я все пыталась... я так хотела... научиться ходить. А когда я просыпалась — такой ус-

тавшей, словно трудилась ночь напролет... Так продолжалось много ночей, и с каждым разом видение становилось все сильнее, отчетливей и длилось дольше.

А проснувшись сегодня утром — сон еще не выветрился из головы, — я вдруг поняла, что могу ехать домой. И выехала, похоже, в полудреме. Не останавливалась нигде, да и на окрестности по пути не обращала внимания, просто думала об Авалоне, и, пока я ехала, все вокруг становилось все более знакомым. И вдруг я оказалась дома. Все это произошло так, будто я просто проснулась. Теперь и деревня, и Текисы, и то небо со своими звездами, и лес, и горы — все кажется мне сном. И я не знаю, найду ли я дорогу назад. Странно ведь, да? Как это вышло, ты не знаешь?

Я поднялся и несколько раз обошел вокруг салфетки с остатками нашего завтрака. А потом сел рядом с девушкой.

— Ты помнишь, как выглядела эта самая горящая паутина, которая на самом деле не была паутиной и не горела? — спросил я.

— Да... более или менее, — ответила Дара.

— Тогда давай сюда нож, — приказал я.

Она молча передала его мне.

Острием я начал направлять нарисованные ею в пыли закорючки, добавлять линии, удлинять и укорачивать их. Ничего не говоря, девушка следила за каждым движением моей руки. Потом я закончил, отложил в сторону нож, и воцарилось молчание.

Наконец она очень тихо произнесла:

— Да, такой она и была. — И поглядела на меня. — А как ты узнал? Как сумел ты угадать мой сон?

— Тебе, — отвечал я, — приснилось нечто, присущее самим твоим генам, а как, почему — не знаю. Но это доказывает, что ты и в самом деле дочь Амбера. То, что ты сделала, называется «ходить в Тени», а снился тебе Огненный Путь Янтарного королевства. Властью его мы, у кого в жилах течет королевская кровь, правим миром Теней. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Не уверена, — ответила она. — По крайней мере, не совсем. Просто я слыхала, как дед клянет Тени, но я никогда не понимала, о чем он говорит.

— Значит, тогда ты не знаешь, где на самом деле искать Амбер.

— Нет. Он всегда уклонялся от ответа. Дед рассказывал мне о Янтарном королевстве и о семье. Но я не знаю даже, в какой стороне лежит Амбер. Знаю только, что он далеко.

— К нему можно идти в любую сторону, — ответил я. — Словом, иди, куда пожелаешь. Только...

— Да! — перебила она. — Я забыла об этом! Тогда я решила, что он дурачит или смешит меня... Брэнд говорил то же самое. Хотя я не понимала, что это значит!

— Брэнд! А когда Брэнд был здесь?

— Давно, — ответила девушка, — я была тогда еще маленькой. Он часто наезжал сюда в ту пору... Я очень любила его и безжалостно докучала. Он рассказывал мне сказки, учил играм...

— А когда ты видела его в последний раз?

— Лет восемь или девять назад, мне кажется...

— Кто-нибудь еще здесь бывал?

— Да, — ответила она. — Джулиан. И Джерард, совсем недавно — несколько месяцев назад.

Я как-то вдруг ощутил свою уязвимость. Бенедикт умалчивал о многом. Для меня лучше бы получить от него скверный совет, чем не знать ни о чем. Но, все разузнав, много легче сердиться. Беда в том, что Бенедикт был слишком честен, а потому предпочитал молчать, а не врать мне. Теперь следовало ожидать неприятностей, времени на праздность не оставалось, действовать нужно было без промедления. Ох и адова же скачка предстоит мне! И все же следует разузнать еще кое-что. Время... Проклятие!

— Ты видела их впервые? — спросил я.

— Да, — ответила она, — и меня очень обидели. Дед не позволил мне сказать, что я с ними в родстве, он представил меня как воспитанницу. И отказался что-либо объяснить мне. Черт побери!

— Я уверен, что на это у него были веские причины.

— Конечно, и я уверена в этом. Но от этого не легче, если ты всю жизнь хочешь познакомиться с родственниками. А ты знаешь, почему он так поступил?

— В Амбере настали суровые времена. Ситуация будет ухудшаться, а потом все изменится к лучшему, — пояснил я. — И чем меньше людей будут знать о твоем существовании, тем больше у тебя будет шансов уцелеть и не оказаться замешанной во всей этой дряни. Он поступил так, чтобы защитить тебя.

— Тьфу, — сказала она, — я не нуждаюсь в защите и могу постоять за себя.

— Ты хорошо фехтуешь, — согласился я. — Но, к несчастью, жизнь много сложнее, чем поединок на рапирах.

— Знаю! Я не ребенок. Но...

— Никаких «но»! На его месте я сделал бы то же самое. Защищая тебя, он защищает и себя. Меня удивляет даже то, что он Брэнду позволил узнать о тебе. Он придет в бешенство, если ему станет известно, что мы познакомились.

Дара вздрогнула и, откинув голову, поглядела на меня округлившимися глазами.

— Но ты же не сделаешь нам ничего плохого, — сказала девушка, — мы же... мы же родственники.

— Какого дьявола ты решила, будто знаешь, зачем я здесь? И о чем думаю? — ответил я. — Быть может, ты сама просунула сегодня свою шею в петлю, и не только свою, но и его тоже!

— Ты ведь шутишь, скажи, что ты пошутил! — проговорила девушка медленно и, словно защищаясь, подняла правую руку вверх.

— Не знаю, — ответил я. — Не обязательно же мне... Скажи, я стал бы говорить такое, имей я на уме какую-то гнусность?

— Нет... Мне кажется, нет.

— Теперь я хочу сказать тебе то, что Бенедикт должен был объяснить уже много лет назад. Никогда не доверяй родственникам. Это опаснее, чем довериться незнакомцу. Всегда есть вероятность, что первый встречный не причинит тебе зла.

— Ты в самом деле так считаешь?

— Да!

— И к тебе это относится тоже?

Я улыбнулся:

— Ну нет, это не может относиться ко мне. Я просто воплощение любви, чести, добра и милосердия. Верь мне во всем.

— Придется, — сказала она, и я рассмеялся.

— А теперь расскажи мне о Джулиане и Джерарде, — попросил я, как всегда, чувствуя неловкость от искреннего доверия ко мне. — Какова же была причина их визита?

Девушка помолчала немного, внимательно глядя в мои глаза, а потом как бы выдавила из себя:

— Я и так уже наговорила кучу лишнего. Ты прав. Слишком осторожной быть невозможно. По-моему, теперь твоя очередь говорить.

— Хорошо. Ты уже привыкаешь иметь с нами дело. Что же ты хочешь узнать?

— А где в самом деле деревня? И Янтарное королевство? У них есть что-то общее, а? И что ты имел в виду, когда сказал, что к Амберу можно ехать в любую сторону? И что такое Тени?

Я встал рывком, поглядел на нее сверху вниз и протянул ей руки. Испуганная, она казалась еще моложе, но руку все-таки не отвела.

— Где?.. — начала она, вставая.

— В той стороне, — показал я и повел ее.

Мы остановились на том самом месте, откуда я глядел на мельничное колесо и где уснул.

Она стала говорить что-то, но я остановил ее:

— Не надо. Просто смотри.

Мы постояли, глядя на все это — шум, верчение и плеск, пока я не настроился. А потом сказал ей:

— Идем.

И, взяв под руку, повел ее к лесу.

Пока мы шли среди деревьев, появившаяся откуда-то тучка затмила солнце. Спустились тени, стали пронзительнее голоса птиц, воздух сделался влажным. Мы переходили от дерева к дереву, и листья их удлинялись и расширялись. А когда солнце вышло из-за тучки, оно оказалось просто золотым.

За поворотом тропинки с деревьев свисали лианы. Голоса птиц охрипли, их стало больше. Тропа забирала вверх. Миновав гранитную скалу, мы вышли на пригорок. Где-то вдалеке за спиной еле слышно громыхнуло. Когда мы снова вышли на прогалину, синева неба приняла совсем другой оттенок, и мы вспугнули большую коричневую ящерицу, устроившуюся греться на камне.

Обойдя другую скалу, Дара сказала:

— Я и не знала, что это здесь. Я тут никогда не была.

Я не отвечал — некогда было говорить, я раздвигал Тени.

А потом перед нами опять оказался лес, дорога снова шла в гору. Теперь деревья стали тропическими гигантами, возвышающимися над папоротниками, звуки изменились, слышался лай, шипение и жужжание. Грохот все усиливался, сама земля дрожала под ногами. Дара прильнула к моей руке, ничего не спрашивая больше, только внимательно оглядываясь по сторонам.

Вокруг виднелись крупные плоские бледные цветки, в лужицы между ними сверху звонко капала вода. Стало гораздо жарче, и мы уже взмокли. Грохот превратился в могучий рев; наконец, когда мы вышли из леса, он сделался подоб-

ным грому. Я подвел девушку к краю обрыва и показал вперед. Могучий водопад перед нами терзал воду. Вниз обрывались тысячефутовые струи. Течение уносило пузыри и песок вдаль. Перед нами, быть может, в полумиле за радугой и туманом, словно раскрученное титаном, поблескивало, медленно вращаясь, гигантское колесо. Невероятной величины птицы, словно летучие распятия, бороздили небо высоко вверху.

Мы постояли. Говорить было невозможно, да это и не требовалось. Потом, когда Дара глянула вновь на меня и нерешительно сузила глаза, я кивнул и молча показал на лес. И мы пошли в обратную сторону.

Возвращались мы тем же путем, и он дался мне значительно легче. Можно было снова говорить, но девушка хранила молчание, явно догадавшись, что перемены вокруг связаны со мной.

Она заговорила вновь, лишь когда мы опять оказались на берегу ручья, перед мельничным колесом.

— Это место схоже с деревней.

— Да, это Тень.

— А на Амбер похоже?

— Нет, это Тень Амбера. Она может принять любую форму, если только знать, как это делается. Это место было лишь Тенью, твоя деревня была Тенью, и тут, где мы сейчас, тоже Тень. Любое место, которое ты можешь только представить, существует где-то в Тенях.

— А ты, дед и остальные родственники способны расхаживать там, приходить туда или сюда по своему желанию?

— Да.

— Значит, именно это я сделала, вернувшись из деревни?

— Да.

Лицо ее стало как бы этюдом на тему «Постижение истины». Уголки почти черных бровей опустились на полдюйма, она шумно вдохнула.

— Я тоже могу это делать... — заявила Дара. — Ходить, куда захочу.

— Эта способность заключена в тебе самой.

И вдруг, неожиданно, она поцеловала меня и отвернулась — короткие волосы над тонкой шеей, — словно пытаясь охватить взглядом все сразу.

— Значит, я могу все, — сказала она и замерла.

— Ну, есть некоторые ограничения и опасности...

— Такова жизнь, — отрезала она. — А как научиться управлять этим?

— Ключом ко всему является Огненный Путь Янтарного королевства. Он изображен на полу подземелья под Амбером. Надо ступить на него и дойти до середины без остановки. Сделать это непросто — встречаешь значительное сопротивление. Если ты остановишься, попробуешь сойти с Пути, не завершив его, он уничтожит тебя. Прошедшему даруется власть над Тенями.

Дара подошла к месту нашего пикника и поглядела на землю. Я медленно последовал за нею.

Когда я подошел поближе, она сказала:

— Я должна попасть в Амбер и пройти этим Огненным Путем.

— Совершенно уверен, что и Бенедикт рассчитывает на это... в будущем.

— В будущем? — возмутилась она. — Сейчас! Я должна сделать это прямо сейчас! Почему он никогда не рассказывал мне обо всем этом?

— Потому что пока тебе лучше обо всем забыть. Дела в Амбере таковы, что вам обоим будет опасно появиться там; плохо будет, даже если там узнают о вашем существовании. Замок временно закрыт для тебя.

— Но это нечестно!

Дара буравила меня возмущенным взором.

— Конечно, — согласился я. — Но пока все обстоит именно так. И не я тому виной.

Последние слова дались мне с некоторым трудом. Часть вины, конечно, лежала на мне.

— Тогда, раз это недоступно мне, лучше бы ты ничего и не рассказывал.

— Ну, все не так страшно, — ответил я, — положение в Амбере скоро прояснится... Правда, придется немного подождать.

— А как я узнаю об этом?

— Бенедикт будет знать. Он и скажет.

— Как же!.. Оказывается, дед многое утаивал от меня.

— Правильно! А почему, знаешь? Чтобы ты не расстраивалась. Он ведь заботится о тебе, он добр. Когда настанет время, он поступит так, как лучше для твоего блага.

— А если нет? Ты мне поможешь?

— Постараюсь.

— Как же мне связаться с тобой? Как известить?

Я улыбнулся. Тема всплыла без малейших усилий с моей стороны. Действительно, важные подробности ей можно и не говорить. Только то, что в будущем может оказаться для меня полезным.

— Карты, — ответил я. — Они созданы отнюдь не из сентиментальных побуждений. Это средство связи. Возьми карту с моим лицом и внимательно всмотрись в него, сосредоточь все свое внимание, выбрось из головы остальные мысли, представь, что это я и есть, — и начинай говорить. Ты вдруг увидишь меня на самом деле, и я отвечу тебе.

— Вот именно этого-то дед и не велел мне делать с картами.

— Естественно.

— А как все это получается?

— В другой раз, — ответил я. — Мы заключили сделку, не забыла? Я рассказал тебе об Амбере и о Тенях. А теперь скажи, что делали здесь Джулиан и Джерард.

— Хорошо, — ответила Дара. — Хотя рассказывать почти нечего. Однажды утром, пять или шесть месяцев назад, дед прямо замер на месте. Мы тогда подрезали деревья в саду, он любит делать это сам, а я помогала. Он стоял на лестнице, вытянувшись вперед, и вдруг замер, опустил ножницы и не шевелился несколько минут. Я решила было, что он просто отдыхает, и продолжала сгребать ветви граблями. А потом услышала, что он говорит — не бормочет себе под нос, а просто разговаривает с кем-то.

Сперва я подумала, что он обращается ко мне, и переспросила его. Он просто не обратил на меня никакого внимания. Теперь, когда я знаю о фамильных картах, я понимаю, что он разговаривал с кем-то из родных. Должно быть, с Джулианом. Во всяком случае, он сразу же спустился с лестницы, сказал мне, что ему придется уехать на день-другой, и немедленно отправился к дому. Не доходя до

него, вернулся и сказал, что, если сюда явятся Джулиан и Джерард, он представит меня как воспитанницу, осиротевшую дочь верного слуги. А потом сразу же уехал с двумя лошадьми в поводу. Клинок был при нем.

Около полуночи он вернулся, а с ним и они оба. Джерард был почти без сознания. Левая нога сломана, весь левый бок — сплошной кровоподтек. Джулиан тоже был изранен, но кости у него были целы. Они пробыли с нами больше полумесяца, и раны их исцелились очень быстро. Потом братья взяли двух лошадей, и мы распрощались. С тех пор я их не видела.

— А что сказали они о том, как получили эти раны?

— Мне объяснили, что это несчастный случай. Со мной ничего не обсуждали.

— Где? Где это случилось?

— На Черной дороге. Я несколько раз слышала, как они говорили о ней.

— А где эта Черная дорога?

— Не знаю.

— Что они говорили о ней?

— Ругали. И все.

Глянув вниз, я увидел, что в бутылке еще оставалось вино. Я нагнулся, разлил оставшееся по бокалам и один передал ей.

— За воссоединение родственников, — сказал я и улыбнулся.

— За воссоединение, — поддержала она.

Мы выпили.

Дара стала убирать, я помогал ей, но чувство стремительно утекающего времени вновь вернулось ко мне.

— Когда могу я попробовать связаться с тобой? — спросила она.

— Через три месяца. Не возражаешь?

— И где ты будешь тогда?

— Полагаю, в Амбере.

— А долго ты пробудешь у нас?

— Не очень. Мне придется прямо сейчас кое-куда отлучиться. А потом я немного погощу у вас. Несколько дней.

— Я бы хотела, чтобы ты задержался.

— Если бы я мог! Теперь, после нашей встречи, мне тоже хотелось бы этого.

Она покраснела и с деланным усердием принялась упаковывать корзинку. Я собрал фехтовальные принадлежности.

— Ты сейчас домой? — спросила Дара.

— В конюшню. Я уезжаю немедленно.

Она подобрала корзинку.

— Значит, едем вместе. Моя лошадь там.

Я кивнул и ступил следом за ней на тропинку, уводившую направо.

— Полагаю, — спросила она, — мне не следует говорить о нашем знакомстве никому, деду в особенности?

— Так будет благоразумнее.

Плеск и бормотание ручья, бегущего к реке, что неторопливо катила свои воды к морю, становились все тише и тише, пока не исчезли совсем, и только какое-то время еще доносился скрип колеса, надетого на вал и рассекавшего воду.

VI

Двигаться, просто двигаться не останавливаясь, важнее, чем спешить. Имея перед собою цель, легко двигать и Тени. А уж потом выбираешь скорость по собственному разумению.

И я двигался медленно и настойчиво, с разумной осторожностью. Не было смысла бездумно утомлять Стара. Быстрые перемещения в Тенях тяжелы и для человека, но животные — ведь они не привыкли обманывать себя подобно людям — иногда доходят просто до бешенства.

По небольшому деревянному мосту я пересек речушку и некоторое время ехал вдоль нее. Я хотел обогнуть город по окраине и следовать по течению до побережья. Был полдень. Я ехал в прохладной тени, на поясе у меня висел Грейсвандир.

Углубившись на запад, я вскоре добрался до высоких холмов и наконец достиг места, откуда с высоты открывался прекрасный вид на самое большое поселение в этом районе. Город был похож на мой Авалон. Он носил то же имя, в нем жили и работали тысячи людей. Серебряных башен здесь было поменьше, да и речушка пересекала город под несколько иным углом. К югу она расширялась или ее расширили раз в восемь. Над кузнями и тавернами клубились дымки, легкий ветерок сносил их к северу; люди на конях, пешком, на повозках и в экипажах двигались по узким улочкам, входили в лавки, гостиницы, жилые дома и выходили из них; стаи птиц кружились, взмывали и приникали к земле возле привязанных лошадей; вяло шевелились несколько ярких вымпелов и флагов, вода поблескивала сквозь марево. Я был слишком далеко, чтобы различать голоса, стук, бряцание, грохот, скрип и прочие звуки по отдельности: все сливалось для меня в монотонный шум. Не ощущал я и каких-то особенных запахов, но даже если бы оставался слепым, я узнал бы о близости этого города, только потянув воздух.

Этот вид с высоты пробудил во мне некоторую ностальгию, грустные обрывки воспоминаний да слабую скорбь о городе, который был ему тезкой в исчезнувшей давным-давно Тени... Жизнь тогда была проще, да и я был счастливее, чем ныне.

Но невозможно прожить столь долгую жизнь, как моя, сохранив хоть каплю наивности; обычно среди нас сентиментальность не приветствуется.

Былые дни миновали, с городом давно разделались, и все мои мысли поглощало Янтарное королевство. Я повернул к югу, исполнившись желания одержать победу. Амбера мне не забыть...

Солнце. Ослепительный палящий диск солнца вспыхнул над головой, взвизгнул ветер... И вдруг от горизонта до горизонта протянулась пустыня. Холмы стали каменистыми. Я спускался по склону, скалы вокруг удивляли формой и цветом. Разразилась пыльная буря. Едва я выехал из предгорий, как пришлось сощуриться и поплотнее закутать лицо. Чалый мой то и дело чихал, ржал коротко, но продолжал держать шаг. Песок, ветер, камень, оранжевое небо, синевато-серые облака на горизонте, к которым клонилось солнце...

И сразу — длинные тени, затихающий ветер и тишина. Лишь копыта стучат по камням да еще слышится дыхание... Мгла и тучи мчатся навстречу, солнце тонет за их пеленою...

Обрушился гром, словно загрохотал сам день, разваливаясь на части... Неестественно прозрачный воздух, прохладный, голубой, электрическое покалывание в нем... снова гром. А потом стеклянистая неровная пелена дождя по правую руку... синие ломаные разрывы в облаках... Стало холодно, шаг размерен... Мир вокруг — одноцветное поле...

Гонг раскатов, белая вспышка, пелена все ближе и ближе... Две сотни метров... полторы... Накатило!

Капли бьют землю, вздымая фонтанчики пыли и воды. Запахло мокрой пылью... Конь заржал... Рывок.

Медленно потекли ручейки — они сливаются, впитываются землей, наполняют лужи... запрыгали пузырьки... а вот уже и сплошной поток, и в него отовсюду вливаются струйки.

Голова задрана вверх... Мышцы Стара подо мною вздымаются и опадают, вздымаются и опадают снова, конь прыгает через ручейки и речонки, шлепает по бурлящей воде, взбирается уже вверх по склону... Копыта высекают искры о камень, а ревущий, пенящийся и кипящий внизу поток отзывается здесь только дальним шумом.

Все выше, выше... Теперь обсушиться, выжать углы плаща... Потом вниз — и за спиною справа штормовая волна бьет в подножие утеса, на котором мы оказались.

И от моря — в клеверные поля, навстречу вечеру, а прибой гулко ухает за спиной...

Следом за звездами, что падают с неба к востоку в вечную тьму, и молчанием...

Красноглазые тени встают за нами, перебегают дорогу... Тень — зеленоглазая... Тень — желтая... Тень... Исчезли.

Темные пики в снеговых колпаках обступили меня... Мерзлый снег — снежная сухая пыль, унесенная с вершин ледяными порывами... снег, как пудра... словно мука... снежные волны, вздымаясь, ометают скалы, словно в итальянских Альпах на лыжах... Белый огонь в ночном воздухе... Ноги мои стынут в мокрых сапогах... Жеребец возбужденно фыркает, осторожничает, на каждом шагу качает головой, не доверяя глазам...

Тени за скалами, склон стал положе, сухой ветер, снега меньше.

Вьющийся, штопором кружащий путь, дорога к теплу... Вниз, вниз, вниз. Вокруг ночь, и разные звезды сменяют друг друга над головой.

Час назад меня обступали снега, теперь вокруг приземистые кусты, равнина... Вдалеке, оторвавшись от падали, в воздух взмывают грифы и хрипло ругают нас, кружа над своею жатвой...

Снова медленно и осторожно... Травы — волною, приятный ветерок... Кашель охотящейся кошки... Уносящаяся крупными прыжками тень, похожая на оленью... И вконец иззябшие было ноги начинают ощущать бока Стара.

...Вдруг конь взметнулся на дыбы. Испугался — чего? Не заметил... Долго утешаю его, потом снова ласкаю, пока не кончилась дрожь.

Полумесяц луны сосульками осыпается на вершины далеких деревьев... От влажной земли исходит светящийся туман... Мотыльки пляшут в лунном свете.

Земля дернулась и вздрогнула подо мной, словно горы переступили с ноги на ногу... У каждой звезды — двойник... Сияющий нимб вокруг гантели-луны... Все: и равнина, и воздух над ней — наполнено летящими силуэтами.

Словно заведенные до отказа часы, земля тикает, тикает и успокаивается... стабильность. Инерция... Тела луны и звезд вновь объединились со своими душами.

Краем густеющей рощи еду на запад. Подумалось: джунгли — это переплетение одуревших змей под маслянистой водой.

На запад, на запад... Там будет река с широкими ровными берегами — легкая дорога к морю.

Стук копыт, несущиеся тени... Ночной воздух омывает лицо... Мелькнули какие-то яркие создания на высоких темных стенах, сверкающие башни... Воздух стал сладок. Видение уплывает... Тени.

Словно кентавр, мы со Старом покрыты единой попоной пыли... с трудом вдыхаем воздух и с усилием выталкиваем его наружу. Шея обвита громом, ноздри извергают жар... Поглощаем пространство.

Я рассмеялся — запах воды вокруг, слева подступают деревья...

И среди них... Лоснится кора, свисают лианы, широкие листья с яркими капельками влаги. В лучах луны поблескивает паутина, что-то колышется в центре ее. Вязкая почва... фосфоресцирующие грибы на упавших деревьях...

Прогалина... Шелест высокой травы...

Снова деревья...

Опять пахнет рекой.

Звуки... Звуки... В траве захихикал ручеек.

Все ближе, ближе и, наконец, рядом... Небо и деревья бьются и плещутся в чреве воды. Чистая, прохладная, вкусная... и налево отсюда, сразу, как перейду... течет легкая, переливается. Мы следом...

Пить... Расплескав воду у берега, зайдя по колено в реку, чалый тянет воду, словно насос... пена летит с ноздрей. Чуть вверх по течению вода лижет мои сапоги, увлажняет мокрые волосы, стекает вниз по рукам... Стар оборачивается на смех...

И снова вниз вдоль реки — чистой, медленной, извилистой. А потом она спрямляется, становится все шире и тише...

Лес то густой, то редеет...

Слабый свет на востоке.

А теперь вниз по склону меж редких деревьев. Место скалистое. И вновь охватывает темнота...

Первые смутные признаки: запах моря возник и пропал... Цок-цок по ночному морозцу... И снова на мгновение запах соли...

Вспышка между стенами камней... Задетые камешки исчезают в бешеном потоке, звуки падения тонут в раскатах грома. Долина глубже и шире...

Вниз, вниз.

Еще дальше.

Вновь светлеет восток, склон положе. Опять запах моря трогает щеки, но теперь он сильнее...

Глина, гравий... За угол, вниз, все светлее...

Осторожно, тихо и спокойно ступая...

Бриз и светлый день, бриз и светлый день. За выступом скалы.

Я натянул поводья.

Передо мною, внизу, застывшее море — дюны, ряд за рядом, их шевелит юго-западный ветер, вздымает песчаные облачка, в утренней дымке тонет дальний блеклый берег.

Восток накинул на море розоватую пелену. То там, то тут из-под летучих песков выглядывает гравий. Над водой нависают зубастые скалы. А перед могучими дюнами высотой в сотни футов, между ними и мной, в рытвинах и щебенке — равнина: угловатые скалы, из ада почти грядущие во славу дня и словно шевелящиеся тенями.

Да, теперь правильно.

Я спешился и подождал, пока солнце вытаскивало всем напоказ суровый и яркий день. Этот белый свет я и разыскивал. Нужное место было именно здесь, вдали от людей. Я увидел его впервые десятилетия назад на призрачной земле моей ссылки. Никаких бульдозеров, цветных со щетками грохотов; никаких сверхсекретных городов вроде Оранжемюнда. Никаких рентгеновских аппаратов, колючей проволоки, вооруженной охраны. В этой Тени и слыхать не слыхали про сэра Эрнста Оппенгеймера и про объединенные алмазные копи Юго-Западной Африки*... Не слыхали даже про правительство, способное защитить интересы трудящихся.

Эту пустыню где-то звали Намиб. Я стоял милях в четырехстах от Кейптауна на полоске песка и гравия шириной когда в пару, когда в дюжину миль, что простерлась на три сотни миль вдоль гор Рихтерсвельда; в их тени-то я и находился. И в отличие от любой обычной копи в песке здесь алмазов было едва ли не больше, чем птичьего помета. Естественно, пришлось везти с собой совок и сито.

Сперва я достал еду и приготовил завтрак. День обещал быть жарким и пыльным.

Просеивая дюны, я думал о Дойле — маленьком лысом ювелире из Авалона с прожилками на кирпичных щеках. Шлифовальный красный порошок... Зачем же, дескать, мне понадобился этот порошок в количестве, достаточном для целой армии ювелиров на дюжину их жизней? Я пожал плечами. К чему ему знать, для чего нужен этот порошок, раз я в состоянии заплатить за покупку? Ну, если нашелся новый способ применения этого порошка, на котором можно подзаработать, тогда надо быть дураком... Другими словами, неужели он не может поставить мне за неделю такое количество? Крохотные квадратные смешки вылетали из брешей в его зубах. Неделя? О нет! Конечно, нет! Просто смешно, не может быть речи.

...Я соглашался. Конечно же, при соответствующей благодарности с помощью своего конкурента с этой же улицы он сумеет поставить необходимое... Может быть, его заинтересуют несколько необработанных алмазов, партию которых я ожидаю?.. Алмазы, он не ослышался, я произнес именно это слово? Обождите... его всегда интересовали алмазы... Да, но что касается красного ювелирного — увы!.. Рука поднята. Должно быть, он слегка поторопился, ведь у него такие связи... Просто его удивило количество. Впрочем, компоненты доступны и состав прост. Отказываться нет причин, нужно попробовать что-нибудь сделать. Не более недели. Ну а теперь об алмазах...

И прежде чем я вышел, колесики уже завертелись.

Как думают многие, порох в ружьях взрывается. В общем, это неверно, просто он быстро горит, и давление пороховых газов выбрасывает пулю из патрона, гонит ее по стволу, а взрывается лишь детонатор, когда по нему бьет игла. С обычной для нашего семейства предусмотрительностью я годами изучал горючие ве-

щества и взрывчатки. Ружейный порох не горит в Янтарном королевстве, и мое разочарование умерялось лишь сознанием того, что и моим родственничкам огнестрельное оружие в Амбере ни к чему. Уже много позже, с визитом туда, обнаружил я замечательные свойства красного порошка, когда выбросил в камин тряпку с пригоршней его — тогда я полировал для Дейрдре браслет. К счастью, порошка оказалось немного, а в комнате я был один.

В Амбере красный порошок оказался превосходным детонатором — взрывался прямо в контейнере. А если добавить достаточное количество инертного материала — прекрасно горел.

Эти наблюдения пришлось приберечь для себя — быть может, однажды они вдруг окажутся полезными, если придется выяснить там кое-какие отношения. К несчастью, наша стычка с Эриком произошла раньше, чем мне удалось реализовать этот план, а посему сам факт просто канул на дно моей памяти. Потом, когда мое положение наконец прояснилось, судьба свела меня с Блейзом, готовившим нападение на Амбер. Во мне он, конечно, не нуждался, но взял с собой — боюсь, лишь затем, чтобы приглядеть за мной. Если бы я помог ему ружьями, он стал бы непобедим и во мне не было бы никакой нужды. И что еще более важно, если бы мы овладели Амбером, возникла бы двусмысленная ситуация: войска по большей части были его, и офицеры с немалой охотой подчинились бы ему же. Тогда мне потребовалось бы бросить на весы нечто, способное изменить положение в свою пользу. Скажем, несколько бомб и автоматов.

Если бы я пришел в себя хотя бы на месяц раньше, все было бы совсем по-другому. Я бы уже сидел себе в Амбере, и не было бы нужды жариться, мерзнуть и обдираться в кровь, не упуская из головы предстоящую адову скачку обратно и узел проблем, что ожидает меня по прибытии.

Я выплюнул песок, чтобы не поперхнуться от хохота. Клянусь пеклом, у каждого из нас свое «если».

Лучше обдумывать то, что еще предстоит, чем то, что уже свершилось. И мне, и Эрику...

Но я не забыл того дня, Эрик. На мне были цепи, и меня заставили стать на колени перед троном. Я ведь успел уже, насмехаясь над тобой, возложить корону себе на голову и был избит за это. Во второй раз, когда корона попала в мои руки, я просто швырнул ею в тебя. Но ты поймал ее и улыбнулся. Я был рад, что она осталась цела, раз уж не удалось хотя бы подбить тебе глаз. Прекрасная вещь... с семью остриями, изумруды такие, что затмевают алмазы. И два громадных рубина на висках. Ты короновался в тот же самый день, в спешке, но с надменной пышностью. И когда отзвуки слов «Да здравствует король!» затихли, ты шепнул мне кое-что. Я помню каждое слово: «Твои глаза видели сейчас самое прекрасное зрелище из тех, которые им суждено видеть», — сказал ты. А потом приказал: «Стража! Уведите Корвина в кузницу, и пусть выжгут его глаза! Чтобы запомнил он все, что видел сегодня, последний раз видел своими глазами! А потом пусть ввергнут его во тьму глубочайшей темницы под замком, и да забудется его имя!»

— Теперь ты правишь в Амбере, — сказал я громко, — но глаза мои вновь видят, и я ничего не забыл, и мое имя не забыто.

Впрочем, нет, подумал я. Властвуй, Эрик, хоть штаны сшей из своего титула. Стены Амбера высоки и прочны. Оставайся за ними. Окружи себя кольцом не-

надежных клинков. Словно муравей, сооружаешь ты крепость свою из пыли. Ибо знаешь: пока я жив, никогда тебе не быть в безопасности, а я обещал вернуться. И я вернусь, Эрик. Привезу с собой ружья из Авалона и в щепы разобью твои ворота и перебью телохранителей, а там все и произойдет, быстренько, пока твои люди не ринулись на помощь. В прошлый раз мне досталось лишь несколько капель твоей крови. Теперь мне потребуется вся.

Обратившись лицом к восходящему солнцу, я подумал о Бенедикте, Джулиане и Джерарде. Какая может быть связь между ними? Мне претит любая комбинация, в которой заинтересован Джулиан. С Джерардом все в порядке. Я смог даже уснуть в лагере, когда понял, что с ним-то и связывался Бенедикт. Но если сейчас он объединится с Джулианом, мне есть о чем беспокоиться. Сильнее Эрика меня ненавидит лишь Джулиан. И если ему известно, где я нахожусь, опасность становилась нешуточной. Я еще не был готов к бою....

Бенедикт наверняка сумеет найти какое-нибудь моральное оправдание для предательства. В конце концов, он знал, чего я добиваюсь, знал, что Амберу грозит усобица. И я понимал его, даже сочувствовал его убеждениям. Он был всецело поглощен сохранением государства. В отличие от Джулиана он был все-таки человек принципа, ссориться с ним не хотелось. Оставалось только надеяться, что все произойдет быстро и безболезненно, все равно как вырвать зуб под наркозом, а потом оба мы, естественно, вновь окажемся на одной стороне. Зная теперь Дару, я бы хотел — для ее же собственной пользы, — чтобы все произошло именно так.

Бенедикт рассказал мне слишком мало, а потому я не мог быть спокойным. Я даже не мог проверить, действительно ли он пробыл в лагере всю эту неделю или на самом деле совместно с Амбером подстраивал мне ловушку, готовил мою погибель. Следовало торопиться, хотя и хотелось мне побыть еще в Авалоне.

Я завидовал Ганелону — в кабаке он или в борделе, на охоте, за кружкой, со шлюхой или занят мордобоем. Он-то явился домой. А не оставить ли его за этими занятиями, хоть он и собирался биться вместе со мною за Амбер?.. Впрочем, нет. Если я исчезну, им займутся... Допросят — с пристрастием, если этим займется Джулиан, а потом в лучшем случае просто выкинут, и будет он отверженным в родной земле. При удачном стечении обстоятельств снова, естественно, примется за разбой, а уже в третий раз это не сойдет ему с рук. Да, придется выполнять обещание. Ганелон отправится со мной, если еще не передумал. Если же он изменил свои намерения, пусть... Я даже позавидовал ему: стать разбойником в Авалоне...

И мне бы хотелось задержаться здесь подольше, съездить с Дарой в горы, побродить по полям и лесам, поплавать по рекам. Я подумал о девушке. Теперь я знал о ее существовании, и это меняло дело. Но ненамного. Все-таки, несмотря на все наши свары и козни, королевское семейство Амбера крепко спаяно, мы всегда с нетерпением ждем вестей друг о друге, следим за положением всех остальных в вечно меняющейся картине. Желание выслушать новые сплетни, вне сомнения, остановило в нашей семье не один смертельный удар. Иногда наша семейка представляется мне компанией подлых старух, занятой чем-то средним между отдыхом и скачкой с препятствиями.

Дара никак не укладывалась в привычную картину. Она, собственно, и не входила в нее... О, конечно, со временем она всему научится. Как только станет известно о ее существовании, сразу найдутся превосходные учителя. Теперь, когда она услышала от меня о собственной уникальности, это случится рано или поздно, дело только в сроках. Там, в роще, я чувствовал себя мгновениями просто змием-искусителем, но, клянусь пеклом, она имела право знать все. Она и так все узнает, и чем раньше, тем быстрее научится обороняться. Так будет лучше для ее же собственного блага.

Конечно, вполне возможно, даже наверное, ее бабка и мать прожили свою жизнь, не подозревая о своем происхождении... Кстати, куда оно завело их? Дара говорила, что умерли обе насильственной смертью.

А не случилось ли так, подумал я, что длинная рука Амбера выудила их из Теней? И не собирается ли она снова ударить?

При желании Бенедикт мог быть столь же крепок, настырен и подл, как и любой из нас. Даже крепче прочих. И он будет в бою защищать свое, может и убить кого-нибудь из нас, если сочтет это необходимым. Он решил, конечно, что, если держать существование Дары в секрете, а ее саму — в невежестве, она будет в безопасности. И рассердится, когда узнает, что я сделал... еще одна причина убираться немедленно. Но я рассказал ей все это вовсе не назло братцу. Я хочу, чтобы она уцелела, а он, по-моему, не справляется с делом. И когда я вернусь, она уже многое поймет. Возникнет много вопросов, а уж я должен предупредить ее и объяснить, что сумею.

Я заскрипел зубами.

Все это не нужно. Я буду править в Амбере, и все произойдет иначе. Обязательно...

Но почему никто до сих пор не нашел способа изменить саму суть человека? Мне стерли память, отправили меня жить в неизвестном и новом для меня мире... и что? — остался тот же старый Корвин. Такая мысль могла бы привести меня в отчаяние. Если бы я не был доволен собой.

В тихой заводи у реки я смыл пыль и пот, размышляя о Черной дороге, на которой так пострадали мои братья. Нужно было разузнать еще многое.

Я купался, но Грейсвандир был все время неподалеку. Каждый из нас может увязаться по свежему следу, оставленному родственником в Тенях... Но как бы то ни было, омовению моему никто не помешал. На обратном пути, правда, мне трижды пришлось воспользоваться Грейсвандиром для защиты, но от существ куда более безобидных, чем собственные братья.

Однако этого следовало ожидать, поскольку я весьма спешил.

Рассвет уже приближался, хотя было еще темно, когда я ввел коня в конюшню своего брата. Я почистил Стара, чалый дико косил на меня. Поговорил с ним, приласкал, а потом дал корм и воду. Огнедышащий Дракон Ганелона приветствовал меня из соседнего стойла. Я расчистил место между насосом и задней стенкой конюшни и все думал, где бы мне улечься на ночлег.

Нужно было отдохнуть. Хватило бы нескольких часов, но под крышей Бенедикта я спать не решался. Нельзя же настолько доверяться братьям! Пусть я и говаривал, случалось, что надеюсь умереть в собственной постели, однако в душе

лелеял надежду, что в глубокой старости на меня наступит слон, когда я буду заниматься любовью.

Впрочем, к выпивке за счет Бенедикта у меня отвращения не было, и душа просила чего-нибудь покрепче. В доме было темно, я вошел и на ощупь добрался до буфета.

Налил себе крепкого бренди, пропустил, налил снова и подошел с рюмкой к окну. Видно мне было далеко. Дом стоял на склоне холма. Бенедикт выбрал хорошее место. «Белой полосой легла дорога»*, — процитировал я, удивляясь звукам собственного голоса, а луна застыла в вышине...

— Так. Так. Именно так, друг Корвин, — донеслись до меня слова Ганелона.

— Я не заметил, что ты здесь, — промолвил я, не оборачиваясь.

— Это потому, что я сидел тихо как мышь, — объяснил он.

— О! — отозвался я. — И насколько же ты пьян?

— Ни насколько, по крайней мере сейчас. Но если ты будешь хорошим другом и поднесешь мне стаканчик...

Я повернулся.

— А сам не можешь?

— Больно шевельнуться.

— Хорошо.

Я отправился к буфету, налил рюмку и поднес ему. Он благодарно кивнул, медленно поднял ее и пригубил.

— Ах, как хорошо! — вздохнул Ганелон. — Может, это утешит меня.

— Ты дрался, — решил я.

— Да, — согласился он. — И не однажды.

— Тогда терпи, как подобает воину, и избавь меня от необходимости выказывать свое сочувствие.

— Но я победил во всех стычках!

— Боже! И сколько же трупов ты оставил?

— Что ты, соперники были не настолько плохи. Во всем виновата эта девчонка.

— Ты же знал, за что платишь.

— Речь совсем не о том. Похоже, я подвел нас обоих.

— Нас? Как?

— Я не знал, что она-то и есть хозяйка дома. Я явился в веселом расположении духа и подумал, что она из служанок...

— Дара? — спросил я, внутренне напрягаясь.

— Да, она самая, я шлепнул ее по корме и потребовал поцелуя. — Он застонал. — Тогда она подняла меня вверх — подняла как щепку над головой, и объяснила мне, что она здесь хозяйка. А потом отпустила руки. Я вешу восемнадцать стоунов*, друг, для такого камешка падать... — Он пригубил еще раз, я усмехнулся. — И она тоже смеялась, — жалобно продолжил Ганелон, — а потом милостиво помогла мне встать. Я, конечно же, извинился... Этот твой брат, должно быть, богатырь! Такой девушки я не встречал. Так обойтись с мужчиной!.. — В голосе его слышалось благоговейное удивление. Он медленно качнул головой и выдил в глотку остальное. — Мне было страшно... ну, по крайней мере, неудобно...

— Она приняла твои извинения?

— О да! Весьма благосклонно. Велела мне забыть обо всем и обещала, что тоже забудет.

— Тогда отчего ты не лечишь горе сном?

— Я поджидал тебя, решил не спать, когда бы ты ни явился. Нам надо переговорить.

— Ну, в чем дело?

Он медленно встал и взял свой стакан.

— Давай-ка выйдем отсюда.

— Хорошо.

Ганелон подхватил на ходу бутылку бренди, я решил последовать его примеру и направился следом за ним по тропинке за дом. Наконец он грузно плюхнулся на старую каменную скамью у ствола большого дуба. Потом наполнил наши стаканы и пригубил первым.

— О! И в напитках твой брат знает толк!

Я сел рядом с ним и набил трубку.

— Когда я принес извинения и назвался, мы немного поговорили, — сказал он. — Едва она поняла, что я приехал с тобой, сразу же захотела узнать все об Амбере и Тенях, и о тебе, и о других членах семьи.

— Ты ей рассказал что-нибудь?

Я раскурил трубку.

— Не мог, даже если бы захотел, — пожал плечами Ганелон. — Мне нечего было ответить.

— Молодец.

— Но меня это заставило задуматься. Похоже, Бенедикт не говорит ей о многом, и я понимаю почему. Я поостерегся бы много разговаривать в ее обществе, Корвин. Уж слишком она любопытна.

Пыхнув трубкой, я кивнул.

— Тому есть причина, и очень веская. Впрочем, мне приятно знать, что ты не теряешь головы, когда пьешь. Спасибо, что рассказал.

Он пожал плечами и приложился к бутылке.

— Хорошая трепка отрезвляет. К тому же твое благо — мое благо.

— Верно. Нравится тебе этот вариант Авалона?

— Вариант?! Это же и есть мой Авалон! Люди, конечно, народились новые, но страна совсем не изменилась. Сегодня я забрел на Терновое поле — там когда-то я победил Джека Хейли и обратил тебе на службу всю его банду.

— Терновое поле... — произнес я, припоминая.

— Да, это мой Авалон, — продолжал он, — и я вернусь сюда доживать свои дни, если мы не падем перед Амбером.

— И ты все еще хочешь идти со мной?

— Всю свою жизнь я мечтал попасть в Янтарное королевство... Ну, с тех пор, как услышал о нем впервые от тебя, в гораздо более счастливые времена.

— Я и в самом деле не помню, что говорил тогда. Должно быть, получился недурной рассказец.

— В ту ночь мы были потрясающе пьяны, и ты говорил недолго, порой с надрывом, — о могучей горе Колвир, о зеленых и золотых шпилях на башнях, о гульбищах, навесах, террасах, цветах, фонтанах... Этот разговор мне казался коротким, но длился он целую ночь... Когда мы доковыляли к постелям, занялся рас-

свет. Небо! Я, кажется, мог бы по памяти нарисовать карту! Перед смертью я должен увидеть Амбер.

— Той ночи я не помню, — медленно проговорил я. — Должно быть, я тогда и в самом деле изрядно набрался.

Ганелон усмехнулся.

— Бывали у нас когда-то здесь веселые денечки, — сказал он. — И нас обоих еще не позабыли. Только мы для них — давнее прошлое, и все эти их россказни о нас так перевраны!.. К чертям! Разве хоть кого-то в этом мире обошли небылицы? — Я молча курил и думал. — И все это заставляет меня задать пару вопросов, — добавил он.

— Выкладывай.

— Твое нападение на Амбер вконец рассорит тебя с Бенедиктом?

— Я и сам хотел бы знать это. Наверно, да, по крайней мере этого стоит ожидать. А потому все должно закончиться прежде, чем он успеет отсюда добраться до Янтарного королевства по сигналу тревоги. С подкреплениями, конечно... сам-то он может попасть в Амбер мгновенно, если кто-нибудь оттуда позовет. Но толку от этого будет мало. Нет, он не станет разрывать Амбер на части, он будет с тем, кто сохранит в целостности всю страну, — в этом я уверен. Если я свалю Эрика, Бенедикт захочет, чтобы борьба немедленно прекратилась, и примирится с тем, что трон достался мне. Просто чтобы положить конец усобице. Но поначалу мои действия он не одобрит.

— Вот и я о том же. А из-за всего происходящего между вами не прольется кровь?

— Едва ли, это просто политика. Мы с ним знаем друг друга целую жизнь и всегда лучше ладили между собой, чем с Эриком.

— Понятно. Раз мы сейчас вместе и Авалон теперь в руках Бенедикта, я подумал: а как он отнесется к моему возвращению сюда когда-нибудь потом?.. Не возненавидит ли меня за помощь тебе?

— В этом я очень сомневаюсь. Он раньше не был мелочным.

— Тогда сделаем еще шаг. Господу ведомо, что я опытный воин, и если мы сумеем захватить Авалон — это будет неплохим доказательством. Раз теперь он безрукий, как ты думаешь: не захочет ли Бенедикт взять меня командиром своего ополчения? Местность я знаю прекрасно. Могу отвести его на Терновое поле и описать подробности битвы. Клянусь пеклом! Я могу недурно послужить ему, не хуже, чем тебе. — И он расхохотался. — Прости. Лучше, чем тебе.

Я усмехнулся и приложился к стакану.

— Сложновато будет, — сказал я. — Конечно, идея неплохая. Впрочем, едва ли он тебе доверится. Такая комбинация слишком уж пахнет моими кознями.

— Проклятая политика! Но я же не суюсь в нее! Мое дело — солдатское, и я люблю Авалон!

— Верю. Только зачем ты ему?

— Однорукому властелину не обойтись без хорошего полководца. Он мог бы...

Я было рассмеялся, но быстро умолк, памятуя, что смех разносится далеко, да и чувства Ганелона следовало щадить.

— Очень жаль, — сказал я. — Извини меня, пожалуйста. Ты не понимаешь. Ты просто не понимаешь, с кем ты говорил вчера в палатке. Быть может, он показался тебе обычным человеком... и калекой к тому же. Это не так. Я боюсь

Бенедикта, даже сейчас. Он иной, не такой, как прочие, и в реальности, и в Тенях. Он — амберский Мастер Оружия. Ты можешь себе представить тысячелетие? Тысячу лет? А несколько тысячелетий? Можешь ли ты представить себе человека, который все это время почти каждый день проводит хотя бы несколько часов с оружием... или за тактикой и стратегией? Ты встретил его в крошечном королевстве во главе малюсенького ополчения; конечно, на заднем дворе хорошо ухоженный сад — только не обманывайся. Вся военная наука умещается в его голове. Он часто странствовал из Тени в Тень, чтобы просмотреть все варианты какой-нибудь битвы в слегка изменившихся обстоятельствах, проверяя свои теории. Ему приходилось командовать такими громадными армиями, что шли бы мимо тебя сутками и конца колоннам не было бы видно. И хотя сейчас он испытывает временное неудобство из-за потери руки, я бы не хотел встретиться с Бенедиктом в поединке — с оружием или врукопашную. К счастью, он не рвется к трону, иначе уже сейчас занимал бы его. И если бы он только захотел этого, я бы отказался от своих претензий в тот же момент и присягнул ему. Я боюсь Бенедикта.

Ганелон долго молчал, а я еще раз приложился к стакану — в глотке пересохло.

— Этого я, конечно, не представлял, — произнес он, помедлив. — И теперь буду счастлив, если он просто позволит мне вернуться в Авалон.

— Ну, на это он согласится. Я знаю.

— Дара получила от него сегодня известие. Он решил сократить свое пребывание в поле. И вернется сюда — скорее всего утром.

— Проклятие! — сказал я, вставая. — Значит, надо торопиться. Надеюсь, Дойль приготовил состав. Утром следует отправиться к нему и все забрать. Я хочу быть подальше отсюда, когда Бенедикт вернется.

— Значит, красотулечки уже у тебя?

— Да.

— Не покажешь?

Я отвязал мешочек от пояса и передал ему. Ганелон открыл его, высыпал несколько камней на левую ладонь и повертел их пальцами правой.

— Не слишком-то броски, — заключил он. — Конечно, в темноте судить трудно. Подожди-ка! Блестит! Нет...

— Это необработанные камни. На твоей ладони поблескивает целое состояние.

— Удивительно, — промолвил он, стряхивая их обратно в мешочек и завязывая его. — Для тебя это оказалось так просто.

— Ну, не так уж и просто.

— И все-таки иметь возможность так быстро собрать состояние — не к добру.

Он передал мешочек мне.

— Я пригляжу, чтобы у тебя оказалось состояние, когда наши труды завершатся, — заверил я. — Так сказать, компенсация, если Бенедикт не предложит должности.

— Теперь я знаю, кто он, и более прежнего стремлюсь когда-нибудь ему послужить.

— Посмотрим. Может, и удастся.

— Спасибо, Корвин. Как будем отъезжать отсюда?

— Сейчас я хочу, чтобы ты отдохнул: вставать придется рано. Стару и твоему Огнедышащему предстоит везти груз, хотя это и унизит их достоинство. Думаю занять у Бенедикта фургон и на нем отправиться в город. Мне придется подпустить тумана в обстоятельства нашего отъезда. Едем прямо к ювелиру Дойлю, получаем товар, грузим и сразу же исчезаем в Тени. Чем скорее все проделаем, тем труднее будет Бенедикту нас догнать. Нужно иметь в запасе хотя бы половину дня, тогда все в порядке.

— А зачем ему так поспешно пускаться в погоню?

— Он не верит мне ни на грош, и совершенно справедливо. Бенедикт просто выжидает, пока я сделаю ход. Он знает, что я ищу здесь нечто, но не знает, что именно, и хочет выяснить, чтобы отвести еще одну угрозу от Амбера. И когда он убедится, что мы смылись, то поймет, что я нашел нужное, и явится посмотреть.

Ганелон зевнул, потянулся, потом допил вино.

— Да, — согласился он. — Сейчас лучше отдохнуть, чтобы хватило сил торопиться. Теперь, узнав побольше о Бенедикте, я не так удивлен, как обескуражен, и хочу еще кое-что тебе рассказать.

— Что же?

Он тихонечко поднялся, осторожно указал стаканом вдоль тропы.

— Если ты направишься в ту сторону, выйдешь за забор в конце этого сада и углубишься по ложбине в лес, а затем сделаешь сотни две шагов, то по левую руку окажется рощица: там на глубине фута три под сучьями и листьями укрыта свежая могила. Я обнаружил ее сегодня, когда гулял и остановился облегчиться...

— Откуда ты знаешь, что это могила?

Ганелон усмехнулся:

— Так обычно называют ямы, если в них зарыты человеческие останки. Она не слишком глубокая, я слегка поковырял шестом. Их четверо — трое мужчин и одна женщина.

— Убиты недавно?

— Несколько дней назад, не больше.

— И ты оставил все как было?

— Я не дурак, Корвин.

— Извини. Ты меня озадачил: я ничего не понимаю.

— Видно, они навредили Бенедикту, и он рассчитался с ними.

— Может быть. Кто они? И как умерли?

— Да ничего особенного. Все средних лет, всем перерезали глотку... одному, правда, распороли живот.

— Странно. Хорошо, что мы скоро уезжаем. У нас хватит и собственных проблем, так что ввязываться в местные свары...

— Согласен. Ну что — по постелям?

— Иди первым, я еще не совсем готов.

— Воспользуйся лучше собственным советом и отдохни, — сказал он, поворачивая к дому. — Сидеть и размышлять бесполезно.

— Я не буду.

— Тогда спокойной ночи.

— До утра!

Я следил за его удалявшейся фигурой. Он был прав, конечно, но я еще не был готов спать. Я снова стал обдумывать свои планы, чтобы убедиться, что ничего

не пропущено, допил остатки вина и поставил стакан на скамью. А потом поднялся и пошел прочь, время от времени выпуская облака табачного дыма. Откуда-то из-за спины прорывался лунный свет, до рассвета оставалось еще несколько часов... Я твердо решил провести остаток ночи вне дома и размышлял, куда же направиться.

Разумеется, по тропинке я быстро набрел на ту самую молодую рощу. Осмотревшись кругом, я понял, что яма и вправду свежая. Но разрывать лунной ночью могилу я не решился, достаточно было свидетельства Ганелона. Я и не понимал, зачем оказался здесь. Должно быть, из-за дурных наклонностей. Впрочем, сегодня не было желания спать рядом с могилой.

Я отправился в северо-западную часть сада и нашел там себе место, которое не проглядывалось прямо из дома. Вокруг была высокая живая изгородь, приятно пахла мягкая высокая трава. Я расстелил плащ, сел на него, стащив сапоги, устроил ноги в прохладе зелени и вздохнул.

Не следует особенно медлить, решил я: Тени — алмазы — ружья — Амбер. Таков мой путь. Год назад я гнил в своей камере и столько раз переходил грань между безумием и рассудком, что воспоминание об этом следовало вырвать с корнем. Теперь я снова здоров, силен, свободен, глаза опять видели. У меня есть план, и я вновь стал воплощенной угрозой, куда более опасной, чем прежде. На этот раз я рассчитывал лишь на себя — и в успехе, и в поражении.

Было приятно на душе: мягкая трава приятной прохладой ласкала ноги, алкоголь, растворясь в крови, согревал тело. Я выбил трубку, убрал ее, растянулся, зевнул и был уже готов отдаться сну.

Тут поодаль что-то мелькнуло, я перевалился на живот и вгляделся. Долго ждать не пришлось.

Она вышла из тени куста, и лунный свет разом осветил ее лицо. Понимая это, она улыбнулась мне, постепенно замедлила шаг, наконец остановилась передо мною и спросила:

— Так, значит, скромные апартаменты не подходят лорду Корвину?

— Вовсе нет, — возразил я. — Просто сегодня прекрасная ночь, а во мне проснулся бродяга.

— Похоже, бродяга просыпался и в прошлую ночь, хотя было дождливо, — заметила Дара, присаживаясь рядом со мной на плащ. — Ты спал в доме или нет?

— Я бродяжил всю ночь, — ответил я, — и не спал вчера вовсе. Сказать по правде, я не спал с того самого дня, как мы познакомились.

— А где ты был?

— У моря, просеивал песок.

— Унылое занятие.

— Еще бы.

— А я много думала после нашей прогулки в Тенях.

— Могу себе представить.

— И тоже не слишком много спала. Поэтому-то я услышала, что ты приехал, говорил с Ганелоном, а потом остался где-то снаружи, раз он вернулся один.

— Ты не ошиблась.

— Ты ведь понимаешь, мне нужно в Амбер. Хочу пройти Огненный Путь.

— Я знаю. Ты пройдешь.

— И скоро, Корвин. Скоро!

— Ты молода еще, Дара. У тебя впереди много времени.

— Проклятие! Я ждала всю свою жизнь... и даже ничего не знала об этом. А нет ли такой дороги, которой можно воспользоваться прямо сейчас?

— Нет.

— Но почему же? Ведь ты бы мог быстро провести меня к Амберу через Тени, а там я бы ступила на Огненный Путь.

— Если нас не убьют сразу же. Возможно, мы окажемся рядом на дыбе... или в соседних камерах — до казни.

— Это почему? Ведь ты принц Амбера и можешь поступать, как тебе заблагорассудится!

Я расхохотался:

— Милая, я же вне закона. Стоит мне вернуться в Янтарное королевство, как меня казнят, и то если повезет... А если нет, будет того хуже. При нынешнем положении дел меня едва ли казнят быстро. С моими спутниками, несомненно, обойдутся не менее любезно.

— Оберон не решится на это.

— Имея соответствующий повод, решился бы, не сомневайся. Но все обстоит немного иначе. Оберона в Амбере больше нет, на троне сидит мой братец Эрик.

— Когда это случилось?

— Несколько лет назад — по календарю Амбера.

— Зачем ему убивать тебя?

— Только затем, чтобы я сам не убил его.

— И ты способен на такое?

— Не только способен, уверен — я убью его. Достаточно скоро к тому же.

Она приблизила ко мне лицо.

— Почему?

— Чтобы самому занять трон. Понимаешь, престол по закону принадлежит мне. Эрик — просто узурпатор. Я лишь недавно бежал из заточения после нескольких лет мучений. Он сделал ошибку — позволил себе роскошь оставить меня в живых, чтобы тешиться моими страданиями. Он и не помышлял, что я сумею освободиться и снова бросить ему вызов. Впрочем, я и сам не надеялся на это. И раз мне невероятно повезло и выпал еще один шанс, я должен действовать безошибочно, не повторять чужих промахов.

— Но он же твой брат!

— Уверяю тебя, едва ли кто-нибудь понимает это больше, чем мы оба.

— И как скоро ты собираешься осуществить свою цель?

— Я тебе уже сказал: если сумеешь добраться до колоды, свяжись со мной через три месяца. Если не сумеешь, но все сложится удачно, я найду тебя сам, как только возьму власть. Ты должна иметь шанс пройти Огненный Путь прежде, чем окончится год.

— А если неудача?

— Тогда тебе придется подождать подольше, пока Эрик не утвердится на троне и Бенедикт не признает его королем. Ты же видишь, он не слишком-то этого хочет. Его давно не было в Амбере, и Эрик считает, что его уже нет и в живых. Если Бенедикт решит объявиться там, ему придется либо поддержать Эрика, либо наоборот. Если он выступит на его стороне, власть Эрика не будет вызывать ни-

чьих сомнений, а Бенедикт не хочет этого. Сам он и не мечтает о короне. Только находясь здесь, в неизвестности, он может сохранить спокойствие в стране. Если он появится и откажется встать на ту или другую сторону, это будет означать неподчинение власти Эрика и может привести к смуте. Еще хуже для него, если он появится вместе с тобой — он лишается выбора, ведь Эрик будет шантажировать его тобой.

— Значит, если ты потерпишь поражение, я никогда не попаду в Амбер.

— Я просто описываю тебе ситуацию, какой ее вижу. Наверняка кое-что мне неизвестно. Я ведь, так сказать, давно вне обращения.

— Ты должен победить! — сказала она. И вдруг выпалила: — А дед будет тебя поддерживать?

— Сомневаюсь. Но здесь все обстоит по-другому. Я знаю и что он жив, и о тебе. И не стану просить его о помощи. С меня хватит, если он не станет мне противиться. И если я буду действовать быстро, эффективно, он не успеет выступить против меня. Ему не понравится, что я узнал о твоем существовании, однако когда Бенедикт поймет, что я не желаю тебе зла, он сразу успокоится.

— Но почему же ты сам не воспользуешься мной? Это нелогично.

— Согласен. Просто я понял, что ты мне нравишься, — ответил я. — Так что этот вариант отпадает.

Дара рассмеялась;

— Я очаровала тебя!

Я улыбнулся в ответ:

— Деликатно, в собственном стиле — острием меча.

Внезапно она посуровела:

— Дед возвращается завтра.

— Это Ганелон тебе рассказал?

— Да. И как это влияет на твои планы?

— Теперь я адски спешу и собираюсь исчезнуть до его возвращения.

— А как он поступит?

— Во-первых, рассердится на тебя за то, что ты оказалась здесь. А потом захочет узнать, как же ты тут очутилась и что говорила мне о себе.

— И что же мне отвечать ему?

— Просто правду... как ты вернулась. Это заставит его подумать. Что же касается тебя самой, ты своим женским чутьем поняла, что я не стою доверия, а потому и вела себя со мной так же, как и с Джулианом и Джерардом. Где я?.. Скажешь, что мы с Ганелоном одолжили фургон и отправились в город, пообещав вернуться поздно вечером.

— А что ты будешь делать на самом деле?

— Заеду ненадолго в город. Но возвращаться не стану. Я просто хочу отъехать подальше — Бенедикт в состоянии отыскать меня по следу в любой Тени.

— Я постараюсь задержать его, насколько возможно. А ты не собирался попрощаться со мной?

— Я хотел поговорить с тобой обо всем утром, но из-за своей непоседливости ты узнала все раньше.

— Хорошо, что я такая непоседа. А как ты собираешься захватить Королевство?

Я покачал головой:

— Увы, милая Дара, у всех злоумышленников есть свои маленькие секреты. Это моя тайна.

— Просто удивительно, что в Амбере царят такие заговоры и недоверие.

— Почему же? Подобные свары существуют повсюду, пусть в иных формах. И они окружают тебя всегда, ведь все формы берут свое начало в Янтарном королевстве.

— Трудно понять...

— Когда-нибудь поймешь. Давай пока оставим эту тему.

— Тогда расскажи о другом. Раз я могу уже понемногу перемещаться в Тенях, еще не пройдя Огненный Путь, объясни мне поподробнее, как ты ходишь там сам. Я хочу лучше понять.

— Нет! — ответил я. — Не могу позволить тебе дурачиться в Тенях, хождение там тебе не по силам. Это опасно даже для тех, кто уже проходил через Путь. Пытаться лезть в Тени до этого — безрассудство. Один раз тебе повезло, не надейся на это снова. Я помогу тебе скорее тем, что ничего больше не скажу.

— Ладно! — ответила Дара. — Извини, я действительно могу подождать.

— Действительно можешь, — согласился я. — Без обид?

— Нет. Ну... — Она рассмеялась. — Понимаю: обижайся не обижайся — ничего не изменить. Ты, конечно, знаешь, о чем говоришь. Я рада, что ты заботишься обо мне.

Я буркнул что-то в ответ, а она вдруг прикоснулась к моей щеке. Я снова обернулся. Ее лицо медленно приближалось к моему... Улыбка исчезла невесть куда, губы приоткрылись. С полуприкрытыми глазами она поцеловала меня, обхватив руками шею и плечи. Мои руки невольно оказались в том же самом положении вокруг нее. И удивление мое сменилось нежностью, лаской и желанием...

Если Бенедикт узнает, у него будет серьезный повод рассвирепеть...

VII

Фургон монотонно поскрипывал, солнце клонилось к западу, но еще припекало. Позади на ящиках храпел Ганелон, и я завидовал его шумному занятию. Он спал уже несколько часов, а я третий день проводил без отдыха.

Нас от города теперь отделяло миль пятнадцать, мы ехали на северо-восток. Дойль, увы, не успел вовремя выполнить весь заказ, но мы с Ганелоном живо убедили его закрыть лавку и поторопиться. А потому задержались на несколько часов. Я был слишком заведен, чтобы спать, даже не способен на это и управлял фургоном, раздвигая Тени.

Усилием воли я отогнал усталость, отодвинул вечер, прикрылся от солнца облаками. Мы тряслись по глубоким колеям, выбитым в сухой глине. Она была какого-то уродливо-желтого цвета, под колесами раздавался хруст.

С обеих сторон торчала бурая трава, низкорослые изогнутые деревья покрывала толстая мохнатая кора. Вдоль дороги то и дело попадались выходы сланцевой глины.

Я хорошо заплатил Дойлю за его порошки, заодно купил и красивый браслет для Дары. Алмазы были в мешочке на поясе, Грейсвандир под рукой. Стар

и Огнедышащий Дракон тянули размеренным шагом. Я двигался к своей цели.

Интересно, вернулся ли уже Бенедикт домой? И сколько времени он потеряет на ожидание? Опасность еще не миновала. Тени не были препятствием для него, а след за собой я оставлял отменный. Впрочем, выбирать не из чего. Без фургона я не мог обойтись, приходилось тащиться, к тому же на новую адскую гонку сил у меня уже не было. Я осторожно и медленно раздвигал Тени, понимая, что устал и все ощущения мои притуплены. Оставалось надеяться лишь на то, что постепенно увеличивающееся расстояние когда-нибудь отгородит меня от Бенедикта надежной стеной, за которую он не сумеет проникнуть.

На следующих двух милях я вернулся снова к полудню, но погоду сохранял пасмурной — мне нужен был свет, не жара. Удалось даже отыскать легкий ветерок. Правда, запахло дождем, впрочем, риск был оправданным. Нельзя получить все сразу.

Я старался совладать с дремотой и растущим желанием разбудить Ганелона — это можно будет сделать потом. А пока, в начале пути, это опасно, нужно отъехать подальше.

Мне хотелось, чтобы стало светлее, чтобы улучшилась дорога, — я устал от этой проклятой желтой глины, да еще приходилось следить за облаками и не забывать, куда мы едем...

Я потер глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Мысли в голове начинали путаться, а мерное постукивание копыт и поскрипывание фургона просто усыпляли. Я уже не чувствовал ни тряски, ни качки. Руки едва удерживали поводья, задремав, я даже выронил их. К счастью, лошади, казалось, сами понимали, чего от них ждут.

Через некоторое время, въехав на холм по пологому длинному откосу, мы возвратились в утро. К тому времени небо и вовсе нахмурилось; чтобы хоть как-то разогнать собравшиеся над головой тучи, пришлось отъехать еще на несколько миль и при этом еще не раз сместиться. Дождь мигом превратит дорогу в жижу. Я поморщился, оставил небо в покое и перенес внимание на землю под ногами.

Наконец мы подъехали к ветхому мосту через пересохший ручей. Дорога за ним стала поровнее и не такой желтой. По мере того как мы ехали, под копытами коней она становилась все темнее, тверже и глаже, зазеленела придорожная трава.

Тогда вот и начался дождь.

С ним я немного повоевал, не желая покидать ровную дорогу и траву. Голова моя болела, но ливень утих через четверть мили, и вновь проглянуло солнце.

Солнце... Ах да, солнце.

Мы громыхали дальше. Наконец дорога змеей скользнула по какой-то впадине меж деревьев с яркой листвой. Мы спустились в прохладную долину, по небольшому мостику перебрались через узкую полоску воды на дне пересохшего ручья. Поводья пришлось накрутить на кулак — время от времени я клевал носом. Собственные мысли приходили ко мне откуда-то издалека, я с трудом перебирал их.

В перелеске по правую руку от меня птицы робко начинали провозглашать день. Блестящие капли росы усеивали траву и листья. Воздух стал прохладным, косые лучи утреннего солнца пробивались меж деревьев.

Их пробуждение в этой Тени не могло одурачить мое тело, и я с облегчением услышал, что Ганелон пошевелился и ругнулся. Проспи он чуть подольше — пришлось бы его будить.

Хорошо. Я осторожно потянул за поводья, лошади поняли и остановились. Я поставил фургон на тормоз — мы были еще на подъеме — и нащупал бутыль с водой.

— Эй! — сказал Ганелон, увидев, что я пью. — Оставь и мне глоток.

Я передал ему бутыль.

— Теперь твоя очередь. Мне надо поспать.

Он тянул воду с полминуты, потом шумно выдохнул.

— Да, конечно, — ответил он, переваливаясь через край фургона, — только подожди малость. Природа требует свое.

Ганелон сошел с дороги, а я улегся на его ложе и, подложив под голову вместо подушки плащ, сладостно растянулся там.

Вскоре он сел на место кучера и рывком отпустил тормоз. А потом цокнул языком и легонько прихлопнул вожжами.

— Сейчас утро? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да.

— Ба, неужто я проспал целый день и всю ночь?

Я рассмеялся:

— Нет. Просто я сдвигал Тени — ты спал шесть или семь часов.

— Не понимаю, но тем не менее не спорю. А где мы сейчас?

— Просто едем по дороге. Следует отъехать как можно дальше.

— Бенедикт еще может нагнать нас?

— Думаю, да. Потому-то и нельзя сейчас дать лошадям отдохнуть.

— Согласен. Нужно опасаться чего-нибудь определенного?

— Нет.

— Когда тебя разбудить?

— Никогда.

Он замолчал...

Ожидая, пока сон подчинит себе сознание, я, конечно, думал о Даре. Я все время думал о ней.

Для меня все это оказалось совершенно неожиданным. Сперва я даже не воспринимал ее как женщину; лишь оказавшись в моих объятиях, она заставила посмотреть на нее иначе. А секундой позже и мой спинной мозг принялся за дело, ограничив свободу разума, как говорил мне когда-то Фрейд. Алкоголь тут ни при чем, я выпил тогда не слишком много, да он и не подействовал на меня. Почему же случившемуся я хотел найти какую-нибудь постороннюю причину? Просто чувствовал себя виноватым, вот и все. Мы были в слишком дальнем родстве, его можно было не принимать во внимание. Так что объяснение не подходило, и я вовсе не воспользовался ситуацией — она сама знала, зачем ищет меня. Именно обстоятельства случившегося заставляли меня копаться в собственных мотивах. Я хотел добиться большего, чем просто ее доверия и дружбы, когда мы говорили с ней в первый раз и когда я вел ее потом через Тени. Я хотел, чтобы часть ее привязанности, веры и любви от Бенедикта перешли ко мне. Я хотел, чтобы она была на моей стороне, союзницей в лагере возможных врагов. Я надеялся, что сумею воспользоваться ею, если дела пойдут скверно и в этом окажется необходимость.

Все так. Тем не менее я не хотел признаваться себе, что обладал Дарой не только из практических соображений. Они, конечно же, примешивались к совсем другому чувству; это портило мне удовольствие и заставляло сомневаться. Почему? В свое время я успел совершить много такого, что достойно осуждения в глазах посторонних, — и нисколько по этому поводу не переживал. Однако прежние подвиги меня не особенно беспокоили. Я боролся с этим чувством, не желая признаться себе в том, но ответ был ясен: девушка мне нравилась. Очень просто.

Все тут было иначе, чем в кратковременной привязанности к Лоррен — дружбе усталых ветеранов; не было и той чувственности, что ненадолго связала меня с Моэри, перед тем как мне пришлось вступить на Путь во второй раз. Все было по-другому. Я и знал-то Дару слишком недолго, чтобы искать тут логику. За моими плечами столетия... Но такого со мной не было уже сотни лет. Я просто позабыл это чувство. Я не хотел влюбляться. Может быть, чуть попозже. А лучше — никогда. Она мне совершенно не пара. Это же еще ребенок. Все, чего она может захотеть, все, что может показаться ей новым и интригующим, я успел вкусить невесть когда. Нет, все неправильно. Не следует влюбляться в нее. Нельзя позволять себе...

Ганелон, фальшивя, напевал чуть слышно какую-то непристойную песенку. Фургон, покачиваясь и поскрипывая, повернул вверх по склону. Лучи солнца упали мне на лицо, и я прикрыл глаза ладонью. Тогда-то забвение ухватило и стиснуло меня.

Проснулся я уже после полудня в мрачноватом настроении. Долго пил, потом плеснул воды на руку и освежил глаза. Причесался пятерней. И оглядел окрестности.

Вокруг была зелень. Небольшие купы деревьев перемежались с заросшими высокой травой лужайками. Мы ехали все по той же проселочной дороге — жесткой и гладкой. Небо было высоким, небольшие облака то и дело с поразительной регулярностью затмевали свет. Дул легкий ветерок.

— Восстал среди живых. Браво! — сказал Ганелон, когда я перелез через переднюю стенку и уселся рядом с ним. — Лошади начинают уставать, Корвин, да и мне хотелось бы вытянуть ноги. К тому же я очень проголодался. А ты?

— Тоже. Поворачивай налево, в тень, остановимся и передохнем.

— По-моему, следует проехать подальше.

— Есть какие-нибудь причины?

— Да. Хочу кое-что тебе показать.

— Вперед.

Так мы проскрипели еще полмили, там дорога поворачивала к северу. Поднялись на холм; за ним оказался другой, еще выше.

— Куда ты собираешься ехать? — спросил я.

— Вон на ту горку, — ответил Ганелон. — Возможно, с нее будет видно.

— Поехали.

Лошади с трудом тянули фургон по крутому склону, я вылез подтолкнуть сзади. Когда мы наконец взобрались наверх, пыль и пот совсем испортили мне настроение, но я снова чувствовал себя совершенно бодрым. Ганелон осадил коней и поставил фургон на тормоз. Потом перебрался внутрь, а оттуда повыше — на крышу. Он встал, поглядел налево и, притенив глаза, позвал:

— Корвин, поднимись сюда.

Я полез сзади; присев на корточки, он протянул руку, потом указал вдаль, и я внимательно вгляделся в ту сторону.

Быть может, в трех четвертях мили слева направо тянулась широкая черная полоса. Мы были в нескольких сотнях ярдов над нею и прекрасно видели ее часть примерно в полмили длиною. Шириной она была в несколько сотен футов. И хотя полоса изгибалась и даже дважды поворачивала, ширина ее оставалась неизменной: посреди нее высились деревья — абсолютно черные. Казалось, там что-то шевелится, но различить ничего не удавалось. Возможно, просто ветер колебал черную траву. Темная полоса извивалась будто река, в ней словно бы различались отдельные струи.

— Что это? — спросил я.

— А я-то думал — ты знаешь, — ответил Ганелон. — Я решил, что это какое-то волшебство, связанное с твоими Тенями.

Я медленно покачал головой:

— Перед тем как задремать, я обязательно предупредил бы тебя, что наткнемся на что-нибудь столь странное. А как ты узнал про нее?

— Просто пока ты спал, мы несколько раз проезжали неподалеку от нее, а потом отъехали в сторону.

— Мне почему-то эта полоса не нравится. Чувствуется что-то знакомое. Тебе она ничего не напоминает?

— Увы, увы, к сожалению, напоминает.

Он кивнул:

— Словно тот проклятый Круг в Лоррене. Вот на что она похожа.

— Черная дорога, — сказал я.

— Что?

— Черная дорога, — повторил я. — Я даже не знал, что это такое, когда она упомянула про нее, но теперь начинаю догадываться. Ох, не к добру это!

— Еще одно плохое предзнаменование?

— Боюсь, что так.

Ганелон ругнулся, а потом спросил:

— Неприятностей следует ожидать скоро?

— Не похоже, но утверждать не могу.

Он спрыгнул на землю, я последовал за ним.

— Тогда давай поищем, где подкормить лошадей, — сказал Ганелон, — да и о собственных желудках пора позаботиться.

— Уговорил.

Он взял поводья, мы двинулись вперед. Удобное местечко отыскалось у подножия холма.

Мы проторчали там чуть менее часа и говорили в основном об Авалоне. О Черной дороге не было сказано ни слова, хотя мысли мои не отрывались от нее. Следовало, конечно, вглядеться в этот мрак попристальнее.

А когда мы собрались в путь, поводья снова взял я. Слегка отдохнувшие лошади заспешили.

Ганелон сидел слева от меня и разглагольствовал. Только теперь начинал я понимать, что означало для него это странное возвращение домой. Он посетил все притоны своей развратной молодости, обошел четыре поля боя, где покрыл

себя неувядаемой славой уже как человек с репутацией. Его воспоминания меня даже слегка растрогали. Забавно, как могут сочетаться в одном человеке золото и прах! Родиться бы ему в Амбере.

Мили проскальзывали мимо, и мы уже подбирались вновь к Черной дороге, когда мой разум ощутил знакомый удар. Я передал поводья Ганелону.

— Бери! — приказал я. — Правь!

— Что с тобой?

— Потом. Правь!

— Поторопиться?

— Нет. Езжай, как едем, только помолчи некоторое время.

Я закрыл глаза, сжал голову ладонями, опустошил ум и возвел стену вокруг пустоты... Никого нет дома. Ушли в гости. Адвокатов не требуется. Собственность без владельца. Просьба не беспокоить, нарушители будут преданы суду. Осторожно, злая собака. Горный обвал. После дождя скользко. Сносится для перестройки.

Напряжение спало, тяжко навалилось вновь; я опять блокировал его. Потом пришла третья волна. Я справился и с нею.

А потом все исчезло.

Я вздохнул, потер глаза.

— Теперь все в порядке.

— Что случилось?

— Со мной пытались связаться весьма необычным для тебя способом, наверняка это был Бенедикт. Он, наверное, только что узнал кое о чем... и захотел остановить нас. Теперь я снова возьму поводья. Боюсь, он не замедлит пуститься в погоню.

Ганелон передал мне поводья.

— Есть у нас шанс ускользнуть?

— И неплохой, ведь мы уже достаточно далеко. Я хочу еще потасовать Тени, как только голова перестанет кружиться.

Я правил. Дорога петляла и изгибалась... Некоторое время мы ехали вдоль черной ленты. А потом дороги стали сходиться. Наконец мы оказались лишь в нескольких сотнях ярдов от нее.

Ганелон молча вглядывался вперед и потом произнес:

— Уж слишком она похожа на то самое место. Та же туманная пелена вокруг и ощущение, что сбоку что-то шевелится, а повернешься — и ничего.

Я закусил губу. Я взмок. Я пытался сместиться от этой штуки, и что-то все время противилось мне. Не было ощущения монолитной недвижимости, той, что возникает, если ты вдруг соберешься вступить в Тени в Амбере. Здесь было другое — чувство неизбежности.

Мы, как положено, двигались, переносясь из Тени в Тень. Солнце поднималось все выше, к зениту, но рядом с этой полосой в голову лезли мысли про черную полночь. Небо утратило голубизну, деревья стали выше, вдалеке появились горы.

Неужели дорога прорезает саму Тень?

Должно быть, так. Иначе как смогли бы найти ее Джулиан и Джерард и заинтересоваться ею?

Я уже начинал опасаться, что, к несчастью, и эта дорога имеет прямое отношение ко мне.

Проклятие!

Мы довольно долго ехали неподалеку от нее, постепенно приближаясь к темной полосе. И скоро нас разделяла только сотня футов. Пятьдесят...

Наконец, как я ожидал, обе дороги пересеклись.

Я натянул поводья, набил трубку и раскурил ее, не отрывая глаз от дороги. Стар и Огнедышащий Дракон явно остерегались темной полосы, внезапно оказавшейся перед ними. Кони ржали и пытались сойти на обочину.

Дорога пересекала черную полосу наискось, и часть ее скрывали от взгляда невысокие скалы. Темноту густо обрамляла черная трава, островки ее попадались и у подножия скал. Повсюду липли клочки тумана, над впадинами клубились дымки. Над темной полосой стояла легкая мгла, и небо сквозь марево казалось темным и грязноватым. В предстоящей тьме царило молчание, не имевшее ничего общего с покоем, словно кто-то невидимый спрятался там, затаив дыхание.

А затем раздался визг. Девичий. Или, может быть, пожилой дамы в отчаянии?

Доносился он справа, прямо из-за холмов. Подозрительно. Черт побери! Или же это всерьез?

Я перебросил поводья Ганелону, соскочил на землю, выхватил Грейсвандир.

— Пойду посмотрю, — сказал я, повернулся направо и перепрыгнул через придорожную канаву.

— Не задерживайся! — крикнул мне вдогонку Ганелон.

Раздвигая кусты, я дошел до каменистого склона, продрался через такие же заросли с обратной стороны и полез вверх по следующему, еще более высокому откосу. Визг повторился, и до меня донеслись новые звуки.

А потом я добрался до верхушки холма, откуда открывался вид вдаль.

Чернота начиналась внизу футах в сорока от меня, безобразие творилось уже в ней — еще футов на сто пятьдесят подальше.

Черно-белую картинку нарушало одно лишь пламя. Женщина в белом платье — черные волосы разметались по плечам — была привязана к одному из темных деревьев. Ноги ее тонули в тлеющем хворосте. Полдюжины волосатых альбиносов-мужчин, почти нагишом, продолжая на ходу раздеваться, копошились вокруг, бормотали и хихикали, тыкали в женщину и в огонь палками, что были у каждого, время от времени хватаясь за чресла. Языки пламени лизали одежду женщины, уже начинавшую тлеть. Длинное одеяние было разодрано в клочья, мне была видна ее дивная фигура, хотя дым скрывал лицо.

Я рванулся вперед на Черную дорогу, перепрыгнув через длинные вьющиеся травы, и врезался в толпу. Я срубил на ходу голову одному и пронзил мечом второго, прежде чем кто-нибудь из них что-то понял. Остальные повернулись ко мне, выставив палки, размахивая ими и крича.

Грейсвандир не останавливался, пока все они не умолкли и не свалились на траву. Из тел текла черная жижа.

Я обернулся и, задерживая дыхание, затоптал огонь. А потом приблизился к даме и разрезал ее путы. Рыдая, она рухнула в мои объятия.

И только тут я увидел ее лицо, точнее, отсутствие оного. Ко мне была обращена овальная маска слоновой кости, совершенно ровная и гладкая, лишь с двумя небольшими прямоугольными прорезями для глаз.

Я оттащил женщину подальше от кострища и черных луж. Тяжело дыша, она липла ко мне, прижимаясь всем телом. Выждав какое-то время, я попытался освободиться, но она не отпускала меня, проявив неожиданную силу.

— Теперь все в порядке. — Я сказал это или что-то столь же заезженное и уместное в подобном случае, но она и не думала отвечать.

Женщина крепко обхватила мое тело, поглаживала неуклюже, но ласково, и было в ее движениях что-то настораживающее. Впрочем, она становилась все желаннее и желаннее. Вдруг я понял, что глажу ее по волосам, обвожу руками изгибы тела...

— Теперь все в порядке, — повторил я. — Кто ты? Почему тебя жгли? Кто они?

Она не отвечала. И теперь уже не рыдала, просто тяжело дышала, но уже по-другому.

— Почему на тебе эта маска?

Я потянулся за ней, она отклонила голову назад.

Впрочем, это было не так важно. Я был безволен, обессилен, как боги эпикурейцев, но что-то холодное, трезвое внутри меня отдавало себе отчет в неестественности подобной страсти. Однако я желал ее и был уже готов для этого.

Тут меня окликнул Ганелон. Я хотел повернуть голову, но женщина не позволила мне. Я был удивлен ее силой.

— Дитя Амбера, — раздался полузнакомый голос. — Мы должны это сделать за все, что ты дал нам, и сейчас ты полностью станешь нашим.

Голос Ганелона донесся до меня снова — ровный поток богохульств.

Все свои силы бросил я против этой хватки, и она ослабла. Моя рука потянулась вперед — я ухватился за маску.

Женщина сердито вскрикнула, а потом процедила четыре слова:

— Амбер должен быть разрушен!

Лица под маской не было. Под ней не было ничего... совсем.

Одежда ее осела вниз и повисла на моих руках. Она... точнее, оно... исчезло.

Быстро обернувшись, я увидел на краю Черной дороги Ганелона. Он стоял в неловкой позе с неестественно вывернутыми ногами. Клинок его методично вздымался и падал, но с кем он воюет, не было видно. Я побежал к нему.

Черная трава, через которую я перепрыгнул, опутала его ноги полностью. Он перерубал эти путы, а другие стебли раскачивались вблизи, словно пытаясь вырвать из его руки меч. Ганелон сумел почти освободить левую ногу и качнулся вперед, чтобы сделать шаг.

Я обошел его со спины, стараясь держаться подальше от травы, и отбросил в сторону маску, которую, как оказалось, еще сжимал в руке. Она упала на землю у края Тьмы и сразу же вспыхнула.

Подхватив Ганелона под руки, я оттащил его; куст яростно сопротивлялся, но я все же одолел. Перепрыгивая через темные травы, что отделяли нас от мирной, ручной травки, я отнес товарища за дорогу.

Поднявшись, Ганелон некоторое время не отпускал меня, потом согнулся и стал растирать ноги.

— Онемели, — сказал он, — словно отнялись.

Я помог ему добраться до фургона. Ухватившись за него, он сумел притопнуть.

— Покалывает. Начинают приходить в себя... о-о!

Наконец он прохромал к передней части фургона. Я помог ему забраться на сиденье и сам вспрыгнул следом.

Ганелон вздохнул.

— Стало получше, — заулыбался он, — чуть-чуть отошли — эта дрянь просто высосала из них всю силу. И из всего меня тоже. Что случилось?

— Плохое предзнаменование наконец оправдалось.

— Что теперь?

Я взял поводья и спустил тормоз.

— Придется ехать поперек. Нужно узнать получше, что это за мерзость. Держи клинок наготове.

Ганелон осклабился и положил оружие поперек колен. Лошади упирались идти вперед. Но я слегка тронул их бока кнутом, и они сдвинулись с места.

Мы ехали по черной полосе, словно в кинохронике о Второй мировой войне. Ехали будто в какой-то дали — близкой, мрачной, унылой. Даже скрип фургона и поступь копыт звучали глуховато, словно издалека. В ушах начало слабо и ровно звенеть. Трава у дороги шевелилась, и я старался держаться подальше от нее. Несколько раз мы проехали сквозь туманные облака. Они ничем не пахли, но мы невольно задерживали дыхание. Мы приближались к первому холму, и я начал раздвигать Тени.

Осторожно обошли холм.

Ничего.

Темная дорога дымилась на прежнем месте.

Тогда я рассвирепел. Извлек из памяти Путь, заполыхавший перед моим внутренним взором. И вновь попробовал сдвинуть Тень.

Сразу же заболела голова. Раскаленной проволокой от лба до затылка пронзила голову боль. Но это только разожгло мой гнев, и я изо всех сил стал сдвигать эту Черную дорогу в небытие.

Все пошатнулось. Сгустились туманы, подушками поползли по дороге. Очертания расплылись. Я дернул вожжи. Лошади прибавили шагу. В голове моей теперь уже пульсировало, словно она вот-вот развалится на части.

Но вместо нее раскололось все вокруг. Земля дрогнула, по ней поползли трещины, но это было еще не все. Вокруг все задрожало, и трещины были не просто трещинами. Всюду зияли дыры: из одной торчала зеленая ветвь, в другой поблескивала вода, в третьей — синее небо, а еще — абсолютная чернота, белесое ничто, фасад кирпичного дома, лица за окном, огонь, кусочек звездного неба...

К тому времени лошади уже неслись галопом, а я прилагал все усилия, чтобы не кричать от боли.

Накатилась волна голосов: животные, люди, машины — все что-то бормотали. Я, кажется, расслышал голос Ганелона; он ругался — впрочем, не помню.

Я уже было подумал, что вырублюсь от этой боли, но из чистого упрямства и гнева решил выстоять. Все свои мысли я обратил к Пути, как умирающий к богу, и всю свою волю бросил против самого существования Черной дороги.

А потом давление исчезло, кони ринулись вперед, в зеленое поле. Ганелон ухватился за поводья, но я успел первым и остановил коней.

Мы пересекли Черную дорогу.

Я сразу же обернулся назад и вгляделся. Передо мной все дрожало, как в растревоженной луже. Но наш след был непоколебим, будто мост в черной реке, и трава на нем стала зеленой.

— Это было похуже той скачки, когда ты вез меня в ссылку, — отметил Ганелон.

— Да, пожалуй, — согласился я и, ласково окликнув коней, вернул их на глинистую полоску дороги.

Здесь мир был ярче, а деревья, меж которых мы двигались теперь, оказались гигантскими соснами. Воздух был напоен их ароматом. Мелькали белки, перепархивали с ветки на ветку птицы. Земля стала темной и плодородной. Похоже, мы оказались повыше, чем были за Черной дорогой. Меня порадовало, что Тени все-таки сдвинулись в нужном направлении.

Дорога изогнулась, повернула ненадолго вспять, потом выпрямилась. Время от времени перед глазами оказывалась черная полоса — не слишком далеко справа. Мы ехали, в общем, вдоль нее. Она явно прорезала Тень. Оттуда, где мы находились, было видно, что черная лента перестала вздыбливаться, осела, застыла в своей мерзкой сути.

Головная боль утихла, на сердце стало легче. Мы въехали чуть повыше, отсюда открывался дивный вид на поросшие лесом холмы, напоминавшие мне о местах в Пенсильвании, которыми я так наслаждался когда-то.

Я потянулся... спросил:

— Как твои ноги?

— В порядке, — ответил Ганелон, оглядываясь. — Корвин, у меня очень острое зрение...

— Да?

— Я вижу несущегося за нами во весь опор всадника.

Я встал и обернулся. Кажется, я застонал, рухнув на сиденье и дернув вожжи.

Он был еще слишком далеко, по ту сторону Черной дороги. Кто этот всадник, пока не было видно. Но кто еще мог так мчаться по нашему следу?

Я выругался.

Мы приближались к гребню очередного холма. Я повернулся к Ганелону и сказал:

— Готовься к новой адской гонке.

— Это Бенедикт?

— Думаю, да. Слишком много времени мы потеряли. А он умеет ездить потрясающе быстро, в особенности сквозь Тени и в одиночку.

— Ты думаешь, нам удастся оторваться?

— Скоро узнаем, — ответил я. — В самом деле скоро.

Я цокнул языком лошадям, хлопнул поводьями. Когда мы поднялись на гребень, в лицо ударил ледяной ветер. Мы свернули вбок, и скала слева затмила небосвод. Когда мы миновали ее, тьма осталась, и снежная крупа понеслась навстречу, впиваясь в наши лица и руки.

Через несколько мгновений мы вновь повернули вниз, легкий снежок стал слепящей пургой. В ушах ревел ветер, фургон громыхал и раскачивался. Я быстро выровнял его. Вокруг были заносы, дорога стала белой. При дыхании изо рта валил пар, вокруг все занесло снегом.

Мы гнали вперед, ветер бил нас, кусал и визжал у дороги. Снежные заносы уже перекрыли ее.

Обогнув поворот, мы выехали из бурана. Мир вокруг оказался политым белой глазурью, временами порхали случайные снежинки, но солнце вырвалось из-за облаков и осветило землю. Мы снова направились вниз и, пробив туман-

ную пелену, оказались в безжизненной скалистой местности, усеянной камнями и ямами, но без единой снежинки...

Повернув направо, опять выехали под солнце, виляя меж высоких, похожих друг на друга синевато-черных каменных столбов...

И вдалеке справа в ту же сторону бежала Черная дорога.

Волной накатила жара. Все вокруг задымилось. В кратерах булькала жижа, добавляя зловония прогорклому воздуху. Горстью старинных бронзовых монет поблескивали мелкие лужи.

Кони понесли, почти обезумев, едва рядом с дорогой закипели гейзеры. Земля изрыгала кипящую воду, вокруг пенились струи, обрушиваясь на камни парящими потоками. Сквозь медное небо мутным яблоком просвечивало солнце. Зловонный ветер задыхался, как запыхавшийся пес.

Земля задрожала. Слева вершина одной из дальних гор в столбах пламени взлетела к небесам. Обрушившийся на наши головы страшный удар на время оглушил нас, земля под ногами сотряслась. Фургон приплясывал и качался. А вместе с ним и мы.

Земля содрогалась, ветер бил в наши лица почти с ураганной силой. Мы мчались к цепи черноверхих холмов.

Покинув дорогу, когда она повернула не в ту сторону, мы припустили по самой равнине. Колеса фургона то налетали на камни, то ухали в рытвины. Пляшущие в дрожащем воздухе горы неумолимо приближались.

Почувствовав на предплечье руку Ганелона, я обернулся. Он что-то выкрикивал, но я не слышал его. Тогда он указал назад — я посмотрел в ту сторону, однако не увидел ничего неожиданного. Горячий воздух был полон пыли, мусора и пепла. Пожав плечами, я глянул на горы.

У ближайшего подножия виднелся какой-то сгусток тьмы. Я направился к нему. Размеры его все росли, и дорога вновь покатила вниз к громадному входу в пещеру, под завесой клубов пыли и гравия.

Я хлестнул кнутом над крупами коней — мы пронеслись последние пять-шесть сотен ярдов и влетели внутрь пещеры.

Сразу же замедлив ход, я перевел коней почти на шаг.

Все еще спускаясь, мы завернули за угол и въехали в просторный грот. Из отверстий в своде пещеры свет пятнами падал на сталагмиты и зеленые трепещущие лужицы. Земля мелко дрожала, но слух стал понемногу возвращаться ко мне. Я увидел, как неподалеку рухнул массивный сталагмит, и услышал наконец слабый шум.

Через мрачную узкую пропасть мы переехали по громадному камню, кажется, песчанику; сразу за нами он рухнул вниз.

Сверху дождем сыпались мелкие камушки, иногда падали камни и покрупнее. В трещинах по сторонам светились красные и зеленые налеты грибка и плесени. Поблескивали изогнутые жилы самоцветов; крупные кристаллы и плоские розы из бледного камня усиливали красоту этого странного сырого места. Мы неслись цепью связанных друг с другом пузырей-пещер, пересекли белопенный поток, исчезавший в какой-то темной дыре. Длинная галерея штопором завивалась вверх.

До меня донесся слабый голос Ганелона:

— Я, кажется, видел... кто-то шевельнулся, похоже, всадник... на вершине холма... одно мгновение... позади.

Мы въехали в зал посветлее.

— Если это Бенедикт, ему придется туго, — крикнул я.

Земля дрогнула, и позади нас послышался грохот обвала.

Мы ехали вперед и вверх, над головой стали появляться синие пятна неба.

Цокот копыт и грохот фургона мало-помалу приобрели нормальную громкость, даже стало доноситься эхо. Земля успокоилась, вокруг заметались мелкие пичуги, посветлело.

Еще один поворот — и мы оказались перед выходом из пещеры: низким широким отверстием. Пришлось даже пригнуться, проезжая под зазубренной притолокой.

Подпрыгнув на выступающем покрытом мхом камне, фургон вылетел на полосу гравия, серпом протянувшуюся по склону, вниз до гигантских деревьев. Я цокнул, подгоняя лошадей.

— Они уже очень устали, — заметил Ганелон.

— Знаю. Скоро отдохнут — так или иначе.

Гравий хрустел под колесами. От деревьев пахло свежестью.

— Ты заметил ее? Внизу справа.

— Что?.. — начал было я, повернув голову, и охнул.

Адская Черная дорога была неподалеку, может быть, в миле от нас.

— Через сколько же Теней она проходит? — удивился я.

— Похоже, через все, — предположил Ганелон.

Я медленно покачал головой:

— Надеюсь, что нет.

Мы направились вниз. На голубом небе клонилось к закату обычное солнце.

— Я даже боялся выезжать из этой пещеры, — признался Ганелон чуть погодя. — Трудно было предположить, что ждет нас снаружи.

— Кони скоро выдохнутся. Надо сдаваться. Если мы видели Бенедикта, плохо ему придется — ведь его лошадь устала. Он и так гнал ее, заставил бедное животное пройти все это. Думаю, он повернул назад.

— А может, он привык к подобным местам, — сказал Ганелон, когда мы свернули направо, потеряв из виду вход в пещеру.

— Не исключено, — кивнул я и вспомнил Дару: чем-то она занята в эту минуту?

Мы все время спускались. Я медленно и незаметно сдвигал Тени.

Дорога свернула направо, и я выругался, поняв, что этот путь приведет нас опять к Черной дороге.

— Проклятие! От нее не избавишься, как от страхового агента! — воскликнул я, чувствуя, что мой гнев переходит в ненависть. — Будет время, уничтожу ее вовсе.

Ганелон не отвечал. Он тянул воду, а потом передал бутыль мне, и я в свой черед припал к горлышку.

Наконец мы выехали на равнину, но колея продолжала извиваться. Нашим лошадям стало полегче, да и нагонять по такой дороге труднее.

Примерно через час я почувствовал некоторое облегчение, и мы остановились передохнуть, а заодно и подзаправиться. Мы как раз укладывали потом вещи, когда Ганелон, не отрывавший взгляда от склона, встал и прикрыл козырьком глаза.

— Нет, — вскрикнул я, вскакивая, — не верю!

Из устья пещеры вырвался одинокий ездок, я видел, как он на мгновение остановился и снова поспешил по следу.

— Ну, что будем делать? — спросил Ганелон.

— Быстрее собирайся и поехали, по крайней мере чуть отложим неизбежное. Я хочу поразмышлять.

Мы покатили дальше. Мои мысли гнали вовсю. Должен же быть способ задержать его. Лучше всего, не убивая.

Но придумать я ничего не мог.

Мирный вечер в прекрасной местности портила только снова приблизившаяся Черная дорога. Позорно портить такой закат кровью, особенно собственной. Я боялся Бенедикта, даже держа клинок в руках. Ганелон здесь помочь не мог — что он против моего брата!

Я сместился в Тень сразу же за поворотом, чуть позже до моих ноздрей донесся слабый дымок. Я сместился снова.

— Он торопится! — объявил Ганелон. — Я только что заметил... Дым! Огонь! Лес горит.

Я рассмеялся и поглядел назад. Половина склона была затянута дымом, оранжевые языки лизали зелень, треск огня только сейчас достиг моих ушей. По собственной воле кони ускорили шаг.

— Корвин! Неужели ты?..

— Да! Если бы склон был покруче и без деревьев, я попробовал бы устроить обвал.

Воздух кишел птицами. Мы подъезжали к Черной дороге. Огнедышащий Дракон задрал голову и заржал, на губах его выступила пена. Он попытался вильнуть, потом встал на дыбы, забив ногами в воздухе. Стар, мой чалый жеребец, испуганно вскрикнув, рванулся направо. С трудом я справился с лошадьми, но решил отъехать чуть подальше.

— Он нагоняет! — крикнул Ганелон.

Я выругался, и мы помчались. Повернув, тропа привела нас к Черной дороге. Здесь был длинный прямой участок; глянув назад, я увидел, что полыхает уже весь склон, только шрамом прорезает его опускающаяся вниз колея. Тогда-то я и заметил всадника. Он был где-то на половине склона, а мчался как на дерби в Кентукки. Небо! Какой у него конь! И в какой Тени отыскал он такого?

Я натянул поводья, сперва слабо, потом сильнее, и мы остановились — в нескольких сотнях футов от Черной дороги. Я видел, что впереди это расстояние сужается футов до тридцати-сорока. Я умудрился завести лошадей в эту узкую полосу, едва мы до нее доехали, и кони дрожа встали. Я передал поводья Ганелону, извлек из ножен Грейсвандир и спрыгнул на землю.

Почему бы и нет? Место было ровным и чистым, а может быть, черная пустошь рядом с цветущей по ее обочине жизнью пробуждала во мне низменную симпатию.

— Что теперь? — спросил Ганелон.

— Больше нам его уже нечем удивить, — сказал я. — Если он пробьется через огонь, то будет здесь через несколько минут. Бежать дальше не имеет смысла.

Ганелон намотал поводья на оглоблю и потянулся за клинком.

— Нет, — сказал я. — Ты тут бесполезен. Вот что, отъезжай, встань неподалеку и жди. Если все закончится благополучно для меня — поедем дальше. Если же нет — немедленно сдавайся Бенедикту. Ему нужен лишь я, и только он может вернуть тебя в Авалон. Он сделает это. И ты хотя бы вернешься домой.

Ганелон заколебался.

— Ступай, — повторил я, — да поживее!

Он посмотрел на землю, отвязал поводья и взглянул на меня.

— Желаю удачи, — сказал он и тронул лошадей.

Я сошел с колеи, выбрал место у низкой поросли и стал ждать с Грейсвандиром в руке. Посмотрел на Черную дорогу, затем снова на колею.

Вскоре, окутанный огнем и дымом, из пламени появился наш преследователь. Вокруг трещали и падали ветви. Конечно же, это был Бенедикт, лицо его было чем-то обмотано, обрубком правой руки он защищал глаза — словно призрак, бежавший из ада. В облаке искр и пепла он вырвался на прогалину и припустил вниз по колее.

Вскоре я мог уже слышать стук копыт. Из благородства следовало бы вложить клинок в ножны... Но решись я на это — не знаю, удалось ли бы мне извлечь его оттуда снова.

А потом я задумался о том, как Бенедикт носит клинок и каков он. Прямой? Изогнутый? Длинный? Короткий? Брат фехтовал любым оружием с равной ловкостью. Он-то и научил меня фехтовать.

Вложить клинок в ножны было бы и благородно, и мудро. Бенедикт, быть может, захочет поговорить, а так я сам нарываюсь на неприятности. Но конская поступь становилась все громче, и я понял, что боюсь решиться на это.

Прежде чем он показался, я успел вытереть ладонь. Должно быть, он увидел меня только сейчас и направился прямо ко мне, попридержав коня, но останавливаться явно не собирался.

Это была какая-то мистика. Как еще назвать происходившее, не знаю. Бенедикт приближался, а мой ум опережал время, словно у меня была вечность, чтобы поразмыслить при приближении этого человека, бывшего моим братом. Одежда его была в грязи, лицо испачкано, обрубок правой руки дернулся в каком-то жесте. Он ехал на громадном полосатом черно-красном звере с буйной рыжей гривой и пышным хвостом. Но это была все-таки лошадь — глаза ее закатывались, она с трудом дышала, у губ клубилась пена.

Я увидел, что клинок у Бенедикта за спиной, а рукоять торчит над правым плечом. Все еще замедляя шаг, не отводя от меня глаз, он съехал с дороги, забирая слегка налево; бросив поводья, он правил коленями. Левая рука взметнулась, словно в приветствии: занеся ее над головой, он выхватил рукоять меча. Клинок вышел из ножен без звука, описав над ним прекрасную дугу, и замер в смертельной готовности, похожий на крыло из тусклой стали с блестящим волоском лезвия. Бенедикт выглядел величественно, великолепие это странно трогало меня. Клинок был длинным, изогнутым, мне уже приходилось видеть, как он орудует им. Только тогда мы вместе отражали общего врага, которого я уже начинал считать непобедимым. В ту ночь Бенедикт доказал обратное. А теперь этот клинок был обращен против меня, и ощущение собственной смертности стиснуло мое нутро, как никогда прежде. Словно с мира содрали какую-то пелену, и я вдруг внезапно со всей полнотой ощутил смерть.

Прошло мгновение. Я отступил в рощу, чтобы заслониться деревьями. Зашел туда футов на двенадцать и сделал два шага влево. В последний момент конь моего брата попятился, фыркнул и заржал, раздувая влажные ноздри. Разрывая копытами дерн, он повернул. Рука Бенедикта двинулась почти незаметно, как язык жабы, и клинок его рубанул деревце дюйма в три толщиной. Оно постояло, а потом медленно рухнуло.

Сапоги грохнули о землю, Бенедикт двинулся прямо на меня. Для этого мне и нужна была роща — здесь длинному клинку будут мешать и деревья, и заросли.

Но, приближаясь, он помахивал клинком в обе стороны почти непринужденно, и деревца за ним падали. Если бы в нем не было этого адского умения! Если бы это не был мой кровный брат!

— Бенедикт, — сказал я ровным голосом, — она уже взрослая и может решать кое-что сама.

Но он словно бы и не слышал. Просто шел вперед, помахивая гигантским клинком. В воздухе тот словно звенел, потом слышалось мягкое «тюк», когда лезвие рассекало ствол, почти не замедляя движения.

Я поднял Грейсвандир на уровень груди.

— Бенедикт, не подходи, — заявил я, — биться с тобой я не хочу.

Он поднял клинок для атаки и выдохнул одно слово:

— Убийца!

Рука его дернулась, и мой клинок был просто отведен в сторону. Я парировал последовавший выпад; он вновь смел в сторону мой контрвыпад и навалился на меня.

На этот раз я и не пытался контратаковать — я просто отбивался, отступал и наконец встал за деревце.

— Не понимаю! — выкрикнул я, отбивая скользнувший вдоль ствола клинок, едва не пронзивший меня. — Я давно не убивал никого, по крайней мере в Авалоне.

Вновь «тюк», и на меня повалилось дерево. Я шагнул в сторону и, защищаясь, опять стал отступать.

— Убийца, — повторил он.

— Не знаю, о чем ты, Бенедикт!

— Лжец!

Тогда я уперся. Проклятие! Бессмысленно умирать по ошибке. Я контратаковал — быстро, как только мог, — ожидая его ошибок. Их не было.

— По крайней мере объясни, в чем дело, — крикнул я. — Пожалуйста!

Он, похоже, с разговорами закончил. И просто давил, а я отступал. Не человек, а ледник какой-то; поди одолей его. Я постепенно уверился, что он не в своем уме, правда, какого-нибудь утешения в этом не было, помешательство заставило бы любого другого потерять контроль над собой. Но рефлексы Бенедикта ковались столетиями, и я вполне серьезно допускал, что, даже лишись он коры мозга, движения его не утратили бы своего совершенства.

Он уверенно гнал меня назад, я метался среди деревьев, а он сносил их и все наступал. Я решил было атаковать и лишь волей случая остановил его контрудар в дюйме от груди. И подавил первую волну паники, заметив, что он гонит меня к краю рощи. Там, на открытом месте, деревья не будут мешать ему.

Внимание мое было уделено лишь его мечу, и я не видел ничего, пока это не случилось.

С могучим криком Ганелон рванулся вперед и, обхватив Бенедикта, прижал его руку с мечом к телу.

Даже если бы я и хотел, то не смог бы убить его в этот момент — он был слишком быстр, Ганелон и не подозревал о его силе. Изогнувшись направо, Бенедикт оттородился им от меня и, словно дубинкой, ударил Ганелона обрубком правой руки в висок. А потом освободил левую руку, схватил Ганелона за пояс и, размахнувшись, бросил в меня. Пока я уклонялся, он успел нагнуться, подобрал выпавший клинок с земли и снова пошел в атаку. Я лишь на какое-то мгновение краем глаза успел увидеть, что Ганелон приземлился в какой-то куче в десяти шагах за моей спиной.

Я отбил удар и опять приготовился отступать. В запасе у меня оставался только один сюрприз, и родилось неприятное подозрение, что, если и он не сработает, Амбер так и не дождется законного властелина.

С хорошим левшой фехтовать намного труднее, это мешало. Но приходилось экспериментировать. Нужно было кое-что выяснить. Оставался последний шанс.

Я широко шагнул назад, на мгновение вырвался из пределов его досягаемости, а потом кинулся вперед и атаковал. Движение было заранее рассчитанным и мгновенным.

Неожиданностью, и в этом была, я уверен, лишь доля удачи, оказалось, что я пробил его защиту, пусть и промахнулся, — Грейсвандир молнией ударил по левому уху моего противника. На мгновение это замедлило его движение, однако серьезной реакции не вызвало. Единственным результатом стало то, что он усилил защиту. Я продолжал атаковать, но пробиться было просто негде. Порез у Бенедикта был небольшим, хотя кровь стекала по мочке и капала на плечо. Это могло отвлечь меня, и я решил не обращать более на его рану внимания.

А потом я решился... Да, разумеется, опасно, но попробовать стоило. Я чуть приоткрылся, на миг, понимая, что теперь он может нанести удар прямо мне в сердце.

Так он и сделал, и я остановил клинок лишь в последний момент. Не хочу даже вспоминать, насколько близок он был тогда к своей цели.

А потом я снова начал сдавать назад, к краю рощи. Отбиваясь и отступая, я добрался до места, где лежал Ганелон. В защите, не нападая, я отступил еще футов на пятнадцать.

И открылся еще раз.

Бенедикт снова сделал выпад, и я снова остановил его. Он возобновил атаку с еще большим усердием, оттесняя меня к краю Черной дороги.

Там я постарался удержаться, бочком передвигаясь в заранее выбранное место. Надо было задержать его подольше, чтобы...

Положение было серьезным, но я сопротивлялся, как фурия, и был наготове.

А потом открылся снова.

Я знал — он отреагирует точно так же, и потому завел правую ногу за левую и выпрямился после удара. Клинок его при этом я отбил в сторону и повалился спиной на Черную дорогу, сразу же вытянув вперед руку против контрвыпада.

И он сделал то, что я ожидал, отбив мой клинок, двинулся прямо, я ответил в кварту, заставив его отступить в куст черной травы, через которую я перепрыгнул.

Сперва я не осмеливался глянуть на него — просто стоял, предоставив растениям действовать.

Времени потребовалось немного. Бенедикт заметил их, едва попытался пошевелиться. Я видел, как по его лицу скользнуло удивление, затем озабоченность. И понял: он почувствовал действие травы.

Впрочем, я сомневался, что она может надолго удержать его, поэтому немедленно перешел к атаке.

Я метнулся вправо, за пределы досягаемости его клинка, потом вперед и перепрыгнул через траву по краю Черной дороги. Бенедикт попытался обернуться, но стебли уже опутали его ноги до колен. Он пошатнулся, хотя все же устоял.

Я обошел его сзади и встал справа. Легкий удар — и он мертв; впрочем, теперь в этом не было никакой нужды.

Он махнул рукой назад, за спину, повернул голову, выставив клинок в мою сторону. Он даже начал уже выдирать левую ногу.

Но я сделал выпад направо и, пока он выкарабкивался, чтобы отбиться, врезал ему сзади по шее плоской стороной Грейсвандира.

Бенедикт ошеломленно застыл, и я теперь смог подойти поближе, ударить левой ему в печень. Он слегка согнулся. Я задержал его руку с мечом и еще раз двинул по шее, на этот раз кулаком и крепко. Он упал без сознания. Вырвав клинок у него из руки, я отбросил его в сторону. Кровь из пораненного уха экзотической серьгой стекала на шею.

Отложив Грейсвандир, я ухватил Бенедикта под мышки и потащил его на дорогу. Трава сопротивлялась, но я потянул сильнее и в конце концов освободил его.

К тому времени Ганелон уже пришел в себя. Хромая, он подошел и встал рядом, глядя вниз на Бенедикта.

— Вот это воин. Вот это воин... Что ты собираешься с ним делать?

Я подхватил брата на плечи и встал.

— Для начала просто оттащить к фургону, — ответил я. — А ты принесешь клинки.

— Хорошо.

Я зашагал по дороге. Бенедикт оставался без сознания, что было на руку, к тому же мне вовсе не хотелось бить его без особой надобности. У фургона я усадил его, прислонив к крепкому стволу.

Когда Ганелон подошел, я вложил клинок в ножны и велел ему развязать веревки на нескольких ящиках. Пока он делал это, я обыскал Бенедикта... и нашел, что искал.

Потом привязал его к дереву, а Ганелон подогнал громадную лошадь и привязал ее к соседнему деревцу, на который я повесил клинок.

Я взобрался на место кучера, Ганелон подошел сбоку.

— И ты его оставишь прямо так? — спросил он.

— Ненадолго, — ответил я.

Мы тронулись по дороге. Я не оглядывался — в отличие от Ганелона.

— Он еще не шевелится, — сообщил Ганелон, а потом добавил: — Никто не мог подхватить меня и бросить, да еще одной рукой.

— Поэтому я и велел тебе пережидать в фургоне и не идти в бой в случае моего поражения.

— Что с ним теперь будет?

— Я пригляжу, чтобы о нем побыстрей позаботились.

— С ним будет все в порядке?

Я кивнул.

— Хорошо.

Мы проехали мили две, я остановил лошадей и слез на дорогу.

— Не обращай внимания ни на что, — сказал я. — Теперь время позаботиться о Бенедикте.

Я сошел с дороги и встал в тени, достав взятую у Бенедикта колоду. Просмотрев их, я достал карту Джерарда и вынул ее из колоды, остальные сложил в обшитую шелком деревянную коробочку, где их держал Бенедикт.

Сжимая в руке карту с портретом Джерарда, я внимательно вгляделся в нее.

Спустя некоторое время она стала теплой, живой, словно пошевелилась. Я почувствовал присутствие Джерарда. Он находился в Амбере — шел по улице, которую я узнал. Джерард во многом похож на меня, только крупнее и тяжелее. Он по-прежнему был при бороде.

Он остановился и поглядел.

— Корвин!

— Да, Джерард. Ты неплохо выглядишь.

— Твои глаза! Ты видишь?

— Да, я вижу снова.

— Где ты?

— Иди ко мне, я покажу.

Взгляд его напрягся.

— Не уверен, что могу сделать это. Корвин, я очень занят.

— Речь идет о Бенедикте, — сказал я. — Ты единственный, кому я могу доверить его.

— Бенедикт? Он в беде?

— Да.

— А почему он сам не обращается ко мне?

— Не может. Он связан.

— Почему? Кем?

— Объяснять долго и сложно. Поверь мне, ему нужна твоя помощь, прямо сейчас.

Джерард закусил бороду зубами.

— А ты сам не в состоянии справиться?

— Совершенно исключено.

— Думаешь, я смогу?

— Уверен.

Он тронул меч в ножнах.

— Не хотелось бы, чтобы за этим крылись какие-нибудь твои козни, Корвин.

— Не сомневайся. При том времени, которое мне досталось на размышления, я мог бы придумать и что-нибудь поумней.

Он вздохнул, а потом кивнул головой:

— Ладно. Иду.

— Давай.

На мгновение застыв, Джерард шагнул вперед.

И встал рядом со мной. Протянул руку. Положил мне на плечо.

— Корвин, — с улыбкой сказал он, — как я рад, что твои глаза опять на месте.

Я отвернулся.

— Я тоже.

— А кто там в фургоне?

— Друг. Его зовут Ганелон.

— Где Бенедикт? В чем дело?

Я показал в рощу.

— Там. Милях в двух. Он привязан к дереву. Его лошадь рядом.

— Почему же ты тогда здесь?

— Я спасаюсь бегством.

— От кого?

— От Бенедикта. Я сам и связал его.

Джерард нахмурился:

— Не понимаю..

Я покачал головой.

— Вышло недоразумение. Я не смог убедить Бенедикта, и пришлось биться. Удалось оглушить его и связать. Освободить его сам я не могу — он снова набросится на меня. Но и оставлять его так нельзя, чтобы ничего не случилось, пока он связан. Поэтому я и вызвал тебя. Пожалуйста, ступай туда, освободи его и проводи до дома.

— А чем ты займешься тем временем?

— Молнией уберусь отсюда к чертям собачьим и затаюсь в Тени. Ты окажешь нам обоим большую услугу, если удержишь Бенедикта от погони. Не хотел бы я снова схватиться с ним.

— Может быть, ты объяснишь, что случилось?

— Я сам не понимаю. Он обозвал меня убийцей. Но даю тебе честное слово, что не убивал никого в Авалоне за все те дни, что провел у него. Пожалуйста, передай ему это. Он мог разгневаться и еще кое на что. Но пусть Дара сама все ему объяснит.

— Так в чем же все-таки дело?

Я пожал плечами:

— Не знаю, как сказать. Если он упомянет об этом, ты все поймешь. Если же нет — забудь.

— Так ты сказал — Дара?

— Да.

— Ну хорошо, я сделаю, как ты просишь. А теперь объясни мне: как тебе удалось ускользнуть из Амбера?

Я улыбнулся:

— Интересуешься из чисто научного интереса? Или же предполагаешь, что и самому однажды придется прибегнуть к этому способу?

Он засмеялся:

— Просто полезно знать, на мой взгляд.

— Сожалею, дорогой мой брат, но мир еще не созрел для подобной премудрости. И если бы мне непременно надо было выговориться, я бы рассказал все это одному тебе... Впрочем, ты не сумеешь воспользоваться этим секретом, а я, если он останется в тайне, в случае необходимости снова прибегну к нему.

— Иными словами, у тебя есть собственная калитка в Амбер... Опять что-то замышляешь, Корвин?

— А ты как думаешь?

— Ответ очевиден. Только я испытываю по этому поводу двойственные чувства.

— Не объяснишь?

Джерард махнул рукой в сторону Черной дороги, часть которой была видна от места, где мы стояли.

— Эта дрянь, — сообщил он, — пролегла теперь к самому подножию Колвира. И по ней постоянно приходит зло и нападает на Королевство. Мы защищаемся, мы всегда побеждаем, но атаки становятся все ожесточеннее и чаще. Теперь не время для новых смут, Корвин.

— А может быть, наоборот? — перебил я.

— Для тебя с точки зрения личной выгоды — может быть, и да, но только не для Амбера.

— А как Эрик управляется с этим злом?

— Неплохо. Как я уже говорил, мы всегда побеждаем.

— Я имею в виду не стычки и битвы, а все целиком, причину беды.

— Я сам ездил по Черной Дороге... причем проехал достаточно далеко.

— И что же?

— Все я не осилил. Знаешь, ведь чем дальше от Амбера, тем более дикими и странными становятся Тени.

— Да. Даже разум порой отказывает там, подступает безумие.

— Да.

— А где-то за Тенями лежат Владения Хаоса. Дорога ведет к ним, Корвин, я уверен, она пролегла от порога и до порога.

— Этого я и боюсь.

— Вот почему независимо от собственных симпатий я все же не рекомендую заниматься мщением сейчас. Безопасность Амбера превыше всего.

— Вижу. Больше и сказать нечего.

— Ну, как теперь твои планы?

— Раз ты не знаешь, каковы они, то бессмысленно говорить, что они остались неизменными. Впрочем, это действительно так.

— Не знаю, желать ли тебе удачи, но добра я тебе пожелаю. Я и в самом деле рад, что зрение вернулось к тебе. А теперь надо спешить к Бенедикту. Насколько я понимаю, он тяжело ранен?

— Только не мной. Я лишь приложил ему несколько раз по шее. Но не забудь передать ему мои слова.

— Не забуду.

— И проводи его обратно в Авалон.

— Попытаюсь.

— Значит, до скорого свидания, Джерард.

— До свидания, Корвин.

Он повернулся и зашагал по дороге. Я проследил, пока брат не скрылся из виду, а потом вернулся к фургону. Вложил его карту в колоду и отправился в Антверпен.

VIII

Стоя на верхушке холма, я смотрел вниз, на дом. Меня окружали кусты, поэтому я был не слишком заметен.

Уж и не знаю, что я ожидал там увидеть. Обгорелый каркас? Машину в подъездной аллее? Семейство, уютно устроившееся на моей веранде, обставленной гарнитуром красного дерева? Вооруженную охрану?

Я заметил, что крышу не худо бы подновить, что лужайка давным-давно приняла естественный вид, но, как это ни странно, разбитым оказалось лишь одно окно — сзади.

Значит, считали, что дом заброшен.

Я размышлял.

Постелив пиджак на землю, я сел, зажег сигарету. Других домов поблизости не было.

За алмазы я выручил почти семьсот тысяч долларов. На это мне потребовалось полторы недели. Из Антверпена мы перебрались в Брюссель и провели там несколько вечеров в ночном клубе на рю де Шар-э-пэн, прежде чем наткнулись на нужного для другой сделки человека.

Артур был весьма удивлен предложением. Худощавый, седовласый, с аккуратно подстриженными усами, бывший офицер ВВС и выпускник Оксфорда, он начал покачивать головой почти с самого начала разговора и все перебивал меня вопросами о поставке. В отличие от сэра Базиля Захароффа* он искренне сожалел, когда идеи заказчика начинали ему казаться сыроватыми. Артур явно не любил, когда его продукция исчезала в неизвестном направлении сразу же после поставки. Он считал, что подобные случаи портят его репутацию. И потому, когда речь шла об отгрузке, с ним было куда полезнее иметь дело, чем с кем-либо еще. Моими планами относительно дальнейшей транспортировки он интересовался лишь потому, что у меня их явно не было.

Для оформления сделок подобного рода важно иметь сертификат о месте использования оружия. В общих чертах документ подтверждает, что государство X заказало оружие. Эта бумажка нужна, чтобы вывезти партию из страны-изготовителя. Она позволяет заинтересованным сторонам сохранить лицо, даже если на самом деле все немедленно будет переправлено в государство Y сразу же, едва оружие пересечет границу. Обычно для этого стремятся заручиться поддержкой кого-нибудь из посольства государства X, лучше, если родственники или друзья вашего партнера связаны с министерством обороны. Это полезно при оформлении документов. Обходятся они недешево, и Артур, как мне кажется, держал все текущие цены в уме.

— Но на чем же вы все повезете? — спрашивал он. — Как будет осуществляться доставка?

— Ну, это мое дело, — отвечал я. — Мне и беспокоиться.

Но он все качал головой.

— Не годится так срезать углы, полковник. — Полковником Артур звал меня уже дюжину лет, с первой встречи, а почему — не знаю. — В этом нет ничего хо-

рошего. Сэкономишь на таком пустяке несколько долларов и потеряешь весь груз, да еще вляпаешься в неприятности. Сейчас я без труда могу устроить доставку через одну из этих юных африканских стран...

— Лучше просто помоги мне с оружием.

Во время всего разговора Ганелон сидел рядом и потягивал пиво; рыжебородый и мрачный, он кивал в такт любому моему слову. Он не понимал по-английски и о ходе переговоров представления не имел. А по сути дела и не участвовал в них. Просто, следуя моим указаниям, он время от времени обращался ко мне на тари, и мы коротко переговаривались о какой-нибудь чепухе. Из чистейшей вредности — старина Артур был неплохим лингвистом и все старался определить место назначения груза. Всякий раз, когда мы заговаривали, он просто дрожал от любопытства, пытаясь определить язык. Наконец он стал кивать, словно это ему удалось.

После дальнейших прений Артур покрутил головой и произнес:

— Я тоже читаю газеты. Ваша публика может позволить себе потратиться на страховку.

Так сказать, малость утешился, сдаваясь на мою милость.

Но я ответил:

— Нет, поверь мне на слово: эти винтовки сразу же исчезнут с лица земли, едва я их получу.

— Приятно слышать, — отвечал он, — что не будешь знать, где же они вынырнут в конце-то концов... Впрочем, настойчивость — это одно, а упрямство — другое... — Артур пожал плечами. — Ладно, пусть остается на вашей совести.

А потом я рассказал ему, какие нужны мне патроны, и он, должно быть, уверился, что я не в своем уме. Он долго глядел на меня и никак не реагировал. Лишь минут через десять я заставил его обратить внимание на чертежи. Тогда он снова начал качать головой и забормотал что-то о серебряных пулях и инертных капсюлях.

Впрочем, деньги — универсальный арбитр — рассудили дело в мою пользу.

— С ружьями и грузовиками проблем нет, — покачал головой Артур, — а вот убедить руководство оружейного завода изготовить ваши патроны будет дорогим удовольствием.

Он даже заранее не решался предположить, найдется ли такой. А когда я сказал, что цена не имеет значения, он расстроился еще больше. Раз я заказывал столь странные патроны, сертификат о месте использования не имел значения.

— Конечно, — согласился я. — Но мы же решили, что все это — мое дело.

Он вздохнул, пригладил щеточку усов. И кивнул — хорошо, мол, пусть все будет по-твоему.

Ясное дело, он содрал с меня три шкуры. Раз во всем прочем я выгляжу вполне разумно, значит, о сумасшествии моем не может быть и речи — просто я занят дорогостоящей аферой. Хотя подробности, конечно, интересовали его, Артур явно решил не выказывать любопытства к столь сомнительному предприятию. Он просто хватался за любую возможность не связывать свое имя с моим проектом. А когда наконец подобрал нужных людей — как оказалось, в Швейцарии, — то просто горел желанием поскорее свести меня с ними и отмыть собственные руки от всего, кроме денег.

Мы с Ганелоном отправились в Швейцарию по поддельным документам. Он был немец, я — португалец. Что там написали в моих собственных бумагах, меня не слишком интересовало — сработаны они были отлично, но немецкий паспорт Ганелону я выбрал потому, что этот язык ему дался бы легче прочих. Кроме того, в Швейцарии всегда хватает германских туристов.

Он справился с языком достаточно быстро. Однако мы договорились, что для истинных немцев и швейцарцев необходимо сочинить легенду, будто он вырос в Финляндии.

В Швейцарии мы проторчали недели три, пока качество патронов не стало удовлетворительным. Как я и ожидал, состав был абсолютно инертен в этой Тени. Впрочем, сейчас от производителей требовалось лишь тщательно выполнять все мои указания. Конечно, дороже всего обошлось серебро. Может быть, я и перестраховался. Просто в Амбере и вокруг него попадаются твари, с которыми надежнее разделываться серебром — раз мне это по карману. Кстати, какая еще пуля лучше для короля... кроме золотой, конечно?

Если мне придется пристрелить Эрика, оскорбления величия не произойдет. Когда настанет мой черед, будьте снисходительны и ко мне, братья.

А потом я отпустил Ганелона «попастись», в роль туриста он вжился, словно истинный ученик системы Станиславского. Я проводил его в Италию, с фотоаппаратом на шее и отстраненным выражением лица, а сам вернулся обратно в Штаты.

Вернулся? Да. Это запущенное жилище на склоне было моим домом почти десяток лет. Я возвращался в этот дом, когда попал в ту аварию, с которой все и началось.

Попыхивая сигаретой, я обозревал окрестности. В те времена дом не был заброшенным. Я всегда содержал его в хорошем состоянии. Все здесь было полностью оплачено. Шесть комнат и пристроенный гараж на две машины. И семь акров вокруг, практически целый склон.

В основном я жил тут один. Мне нравилось это место. Большую часть времени я проводил в кабинете и мастерской. Интересно, висит ли еще в студии гравюра на дереве Мори?* Называлась она «Лицом к лицу», на ней изображены были два сошедшихся в поединке воина. Хорошо, если бы она уцелела. Но я чувствовал, что надеяться на это не приходится. Быть может, все, что не успели украсть, пошло в уплату за налоги. Чего еще ждать от властей штата Нью-Йорк? Просто удивительно, что в доме не оказалось новых жильцов. Я наблюдал, чтобы удостовериться в этом. Клянусь пеклом, спешить некуда. Даже просто некуда податься.

С Джерардом я связался сразу же, как только очутился в Бельгии. Я решил некоторое время не разговаривать с Бенедиктом. Приходилось опасаться, что при этом он сумеет наброситься на меня.

Джерард внимательно и осторожно вглядывался в мое лицо. Он был где-то в полях, похоже, совсем один.

— Корвин? — произнес он. — Да...

— Верно. Ну, как дела у Бенедикта?

— Я обнаружил его там, где ты сказал, и освободил. Он собирался немедленно пуститься вдогонку за тобой, но я сумел убедить его в том, что мы расстались давно. Раз ты сказал, что оставил его в беспамятстве, я решил, что так будет лучше всего. И конь его был совершенно изможден. Мы вернулись вместе в Авалон.

С ним я оставался до похорон, а потом одолжил коня. Сейчас я возвращаюсь в Амбер.

— Похорон? Чьих же?

Снова тот же оценивающий взгляд.

— Ты и в самом деле не знаешь?

— Если бы я, черт побери, знал, то и не спрашивал бы!

— Его слуг. Их убили. Он уверен, что это сделал ты.

— Нет, — сказал я, — нет. Да это просто смешно. Зачем мне убивать его слуг? Я не понимаю...

— Бенедикт вернулся и почти сразу же стал разыскивать их, раз они не встречали его. А потом увидел, что они убиты, а ты и твой спутник исчезли.

— Теперь понимаю, к какому выводу он пришел... А где обнаружили тела?

— Не знаю. Но их похоронили в неглубокой могиле в маленьком леске сразу за домом.

Так, именно так... Лучше, впрочем, не упоминать, что я знал об этой могиле.

— Какие у меня могут быть причины убивать его слуг, об этом он подумал? — взвинтился я...

— Он озадачен, Корвин. В высшей степени озадачен. И никак не может понять, почему ты не убил его, когда получил такую возможность, и почему вызвал меня, хотя просто мог бросить его связанным.

— Теперь я понимаю, почему во время поединка он называл меня убийцей, но... Ты сказал, что я никого не убивал и просил тебя передать это ему?

— Сказал. Сперва он просто отмахнулся, как от пустой болтовни. Тогда я заметил, что ты казался абсолютно искренним и совершенно озадаченным. Похоже, его смущала твоя уверенность в собственной невиновности. Несколько раз он спросил, верю ли я тебе.

— И что ты ответил?

Джерард опустил глаза.

— Клянусь пеклом, Корвин, во что я должен верить? Я вляпался в эту историю совершенно неожиданно. Мы ведь не встречались так долго... — Тут он и глянул на меня. — Есть и еще кое-что.

— Что же?

— Почему ты вызвал на помощь именно меня? Ведь в твоих руках была вся колода. Ты мог вызвать любого из нас.

— Ну, ты просто прикидываешься, — ответил я.

— Нет, я жду ответа.

— Хорошо. Я доверяю только тебе.

— И это все?

— Нет. Бенедикт не хочет, чтобы о его убежище стало известно в Амбере. Я знаю, что только ты и Джулиан ведаете, где искать его. Джулиан мне не нравится, я не доверяю ему, поэтому пришлось обратиться к тебе.

— А как ты узнал, что мы с Джулианом знаем о нем?

— Он помог вам обоим не так давно оправиться от ран, полученных на Черной дороге. Об этом мне рассказала Дара.

— Дара? Кстати, кто это?

— Круглая сирота. Ее родители работали у Бенедикта. Она была там, когда вы с Джулианом оказались у него.

— И ты послал ей браслет... Кстати, ты вспоминал о ней там на дороге, когда вызвал меня.

— Верно. А в чем дело?

— Ни в чем. Я и в самом деле не помню ее. А скажи, почему ты удрал так внезапно? Ты ведь должен признать, что вел себя именно как человек с нечистой совестью.

— Да, — ответил я, — конечно, я был виноват, только не в убийстве. Я искал кое-что в Авалоне, нашел все, что нужно, и решил убраться восвояси. Ты видел мой фургон, он был загружен. И я удрал до возвращения Бенедикта, чтобы не отвечать на те вопросы, которые он стал бы мне задавать. Клянусь пеклом! Если бы я просто смывался, то не тянулся бы на грохочущем фургоне! Я бы мчался верхом, налегке и галопом.

— А что было в фургоне?

— Тайна, — ответил я. — И Бенедикту я не хотел говорить этого, и тебе тоже не скажу. Конечно, он может все выяснить и сам, если ему надо. Впрочем, это все для него неважно. Ему довольно знать, что я разыскивал в Авалоне нечто и нашел. Эта вещь ценится не здесь, а в другом месте. Достаточно ясно?

— Вполне, — кивнул Джерард. — Все выглядит вполне разумно.

— А теперь ответь и на мой вопрос: как ты полагаешь, убивал я его слуг?

— Нет, — произнес он, — теперь я тебе верю.

— И как же Бенедикт? Что он замышляет?

— Я думаю, он больше не нападет на тебя, не выяснив все до конца. Он засомневался, я это понял.

— Хорошо, уже что-то. Спасибо, Джерард. Я ухожу.

— Подожди, Корвин! Подожди!

— В чем дело?

— Как ты рассек Черную Дорогу? Ты разрушил ее там, где переезжал. Как тебе это удалось?

— С помощью Огненного Пути, — сказал я. — Если у тебя будут неприятности с этим, обратись к Пути. Знаешь, иногда приходится вызывать его в памяти, если Тени вокруг начинают разбегаться и все словно сходит с ума.

— Да, я пробовал этот способ, но ничего не получилось. Только нажил головную боль. Эта штука не из Теней?

— И да и нет, — отвечал я. — Природа ее мне известна! Я вызывал Путь, пока голова моя не стала рваться на части, я полуослеп от боли и вот-вот готов был потерять сознание. Но все вышло наоборот — стала разрываться дорога. Мне было не до шуток, но все сработало.

— Я запомню, — сказал Джерард. — А ты не хочешь переговорить с Бенедиктом прямо сейчас?

— Нет, — ответил я, — сейчас он все еще переживает. Пусть немного остынет... когда еще он доберется до фактов? Я сразу же свяжусь с ним, как только появится надежда на мирный исход. Не хочу нового поединка. На сей раз я замолкну надолго. И буду сопротивляться всем попыткам связаться со мной.

— Амбер, Корвин! Что же станет с Амбером?

Я опустил глаза.

— Не становись на моем пути, Джерард, когда я вернусь. Поверь, шансов у тебя будет немного.

— Корвин... Подожди. Хотелось бы, чтобы ты изменил свое решение. Не нападай сейчас на Амбер. Он ослабел во всех отношениях.

— Мне очень жаль, Джерард. Только будь уверен, за последние пять лет я передумал на эту тему больше, чем вы, мои братцы, вместе взятые.

— Тогда и ты извини.

— Полагаю, теперь нам лучше расстаться.

— До свидания, Корвин.

— До свидания, Джерард.

Я подождал несколько часов, пока солнце не скрылось за холмом и дом не погрузился в преждевременный сумрак. Раздавив последний окурок, я поднял пиджак, отряхнул и набросил на плечи. В доме признаков жизни заметно не было, за грязными и разбитыми стеклами никто ни разу не шевельнулся. Я медленно спускался по склону.

Дом Флоры в Уэстчестере был продан несколько лет назад, и это меня не удивило. Оказавшись в городе, я проверил это просто из любопытства. Однажды даже проехал мимо. Исчезла причина, приковывавшая Флору к этой призрачной земле. Долгий надзор завершился успешно — я видел ее в Амбере с полученной за это наградой. То, что она так долго была рядом со мной, а я не знал о ней, даже не ощущал ее присутствия, несколько раздражало меня.

Я подумал было связаться с Рэндомом, однако потом решил, что не стоит. Единственное желание — узнать о положении дел в Амбере. Это, конечно, неплохо, но не стоило хлопот. Я был достаточно уверен, что Рэндому можно доверять. В конце концов, в прошлом он уже оказывал мне кое-какую помощь — конечно, отнюдь не из альтруизма, и все же он сделал для меня больше, чем следовало ожидать. Но это произошло пять лет назад. Его снова принимали в Амбере, к тому же теперь он женат. И может захотеть обеспечить свое положение. Я просто не знал, как поступить; наконец, сопоставив возможные плюсы и минусы, решил, что лучше подождать и переговорить с ним лично, когда я вновь окажусь в Королевстве.

Я сдержал свое слово и не ответил ни на одну попытку связаться со мной. В первые две недели моего пребывания в этом призрачном мире, на Земле моей ссылки, они случались почти ежедневно. Но с тех пор прошло несколько недель, и теперь меня больше не пытались тревожить. Почему я должен знакомить вас, братцы, со своими планами? Спасибо за доверие, родные мои.

Я подобрался к дому сзади, скользнул к окну, провел по нему рукавом. За домом я наблюдал три дня — внутри не должно было быть никого. И все же...

Я заглянул.

Там, конечно, был содом. Многое, понятно, отсутствовало, но кое-что еще оставалось на местах. Я двинулся вправо и толкнул дверь. Заперта. Я усмехнулся.

Обойдя дом, я подошел к патио, где находилась ниша: девять кирпичей вбок, четыре вверх. Ключ был на своем месте. На обратном пути я потер его о пиджак. А потом отпер дверь и вошел.

Повсюду лежала пыль, кое-где, правда, ее слой был потревожен. В камине валялись банки из-под кофе, обертки от сандвичей и окаменелые остатки гамбургера. За мое отсутствие дождь проложил себе надежный путь по трубе. Я подошел к очагу и задвинул вьюшку.

Передняя дверь была взломана у замка. Я дернул — она, должно быть, оказалась заколоченной гвоздями.

На стене прихожей была нацарапана непристойность. Я зашел в кухню. Здесь был полный кавардак. Все, что уцелело при грабеже, валялось на полу. Плита и холодильник исчезли, на полу остались лишь царапины от того, как их волокли.

Я повернул назад, в свою мастерскую. Тоже ограблена. Полностью. Проследовав далее, я с удивлением обнаружил в спальне собственную незастеленную кровать и два довольно дорогих кресла.

Студия оказалась в более благовидном состоянии. Большой стол был завален хламом и мусором, но так было всегда. Раскурив сигарету, я подошел к нему и уселся рядом. Думается, он остался на месте лишь из-за своего размера. Все книги оказались на полках. Это крадут лишь друзья. А там...

Я не поверил своим глазам, встал и подошел поближе.

Дивная гравюра Иоситоси Мори висела на своем собственном месте: чистая, суровая, изысканная, мощная. Подумать только, что никто так и не догадался уволочь самое ценное из моего состояния...

Чистая?

Я пригляделся, провел пальцем по раме.

Слишком уж чистая — ни пылинки, ни соринки, совсем не так, как вокруг.

Я поискал ловушку — не обнаружил, снял гравюру с крючка и опустил вниз.

Нет, стена под ней не была темнее, в точности такая же, как вокруг.

Я поставил творение Мори на стул у окна и возвратился к столу. Я был встревожен, на что, вне сомнения, некто и рассчитывал. Гравюру явно снимали, о ней позаботились — за это я был благодарен — и повесили обратно совсем недавно. Словно мое возвращение можно было предугадать.

Такой причины вполне достаточно для мгновенного бегства. Но теперь бежать было уже неразумно. Если это ловушка, она, конечно же, готова сработать.

Я вытащил автоматический пистолет из кармана пиджака и заткнул за ремень. Я и сам не собирался возвращаться сюда. Так получилось просто потому, что у меня вдруг оказалось свободное время.

Значит, рассчитано было не на один день. Если я вернусь в свой прежний дом, то лишь за самой ценной вещью в нем. Поэтому надо сохранить ее и представить так, чтобы я второпях ничего не заметил. А если заметил? Пока на меня еще не нападали, так что на ловушку не похоже. Что это значит?

Весть. В каком-либо виде.

Какая? От кого? И где?

Самым надежным уголком во всем доме, если он только не взломан, был сейф. Справиться с этим железным шкафом было вполне по плечу и сестрицам, и братьям. Я подошел к задней стенке, утопил панель и поднял ее. Набрав на циферблате нужную комбинацию цифр, отступил на шаг и открыл дверцу когда-то щегольской тростью.

Ничто не взорвалось. Неплохо. Правда, я и не ожидал взрыва.

Внутри не было ничего особенно ценного — несколько сотен долларов, какие-то документы, рецепты, письма.

Конверт. Свежий, еще не пожелтевший и прямо на виду. Его я не помнил.

Изящным почерком на нем было написано мое имя. Но не шариковой ручкой.

В конверте лежали письмо и карта.

Письмо гласило:

«Брат мой Корвин, если ты читаешь эти строки, значит, мы еще мыслим достаточно сходно и я в какой-то мере могу предугадывать твои поступки. Благодарю тебя за гравюру — одну из двух, на мой взгляд, возможных причин твоего возвращения в эту убогую обитель. Мне жаль возвращать ее, должно быть, наши вкусы во многом схожи, а она провисела в моих покоях теперь уже несколько лет. Есть в ее теме нечто, затрагивающее весьма знакомую нам обоим струну. Возвращение гравюры рассматривай как знак моей доброй воли и призыв к вниманию.

Я буду с тобой откровенен. Если еще способен в чем-нибудь убедить тебя, то не стану просить прощения за содеянное. Жалею лишь об одном: что не убил тебя, когда это следовало сделать. Тщеславие, дурацкое тщеславие! Время, может быть, и исцелило твои глаза, но я сомневаюсь, чтобы оно могло хоть как-то изменить наши чувства друг к другу. Твоя записка "Я вернусь" лежит сейчас передо мной. Если бы я написал ее сам, то, безусловно, вернулся бы — это мне ясно. Мы в чем-то похожи, и я жду твоего возвращения, жду не без страха. Ты ведь не дурак и вернешься с силой. За былое тщеславие платит нынешняя гордость. Корвин, не для себя, ради Королевства я бы помирился с тобой.

Теперь из Теней к Амберу все время приходят войска, и я не совсем понимаю, откуда они берутся. Вся семья сплотилась под моей державой против врагов, самых страшных за всю историю Королевства. Я бы хотел, чтобы ты поддержал меня в этой борьбе. Если же нет, я требую, чтобы ты на время воздержался от нападения на меня. Коли ты решишь оказать мне содействие, никакой присяги сеньору от тебя не потребуется — просто на время опасности признай мою власть. Тебе будут оказаны все положенные почести. Чтобы ты убедился, что я не лгу, свяжись со мной. Я не смог вызвать тебя через твою карту, потому посылаю тебе свою собственную. И хотя твой ум учитывает возможность обмана с моей стороны, заверяю тебя, что это не так.

Эрик, правитель Амбера».

Я перечел письмо и расхохотался — для чего же, по его мнению, служат проклятия?

Не выйдет, братец. Как благородно с твоей стороны — вспомнить обо мне в минуту необходимости, и я верю тебе, верю, ведь все мы порядочные люди, но встреча наша произойдет по моему плану, не по твоему. Что же касается Амбера, нужд его я не забыл, что и докажу в свое время. Ты ошибаешься, Эрик, если думаешь, что необходим. Брось — кладбища забиты людьми, верившими, что их некому заменить. Впрочем, я подожду и выскажу тебе все прямо в глаза.

Я запихнул его письмо и карту в карман пиджака. Затушил сигарету в грязной пепельнице. А потом принес полотно из спальни, чтобы обернуть моих бойцов. Теперь они будут ждать меня в более надежном месте.

Направившись к выходу, я еще раз задумался. А зачем меня, в самом деле, сюда занесло? Мелькнула мысль о людях, которые знавали меня, когда я жил здесь, о том, что они обо мне думали; пытались ли выяснить, что со мной случилось. Этого я уже не узнаю.

Начиналась ночь, на очистившемся небе разгорались первые звезды, когда я вышел из дома и запер за собой дверь. Зашел сбоку и положил ключ на место в нишу. А потом поднялся на холм.

Когда я глянул вниз с вершины, дом как будто съежился в темноте, унылый и заброшенный, словно пустая пивная банка на обочине. Перебравшись через холм и наискосок спустившись по склону, я направился полем к месту, где оставил машину. Уж лучше бы я не оглядывался.

IX

Мы с Ганелоном выехали из Швейцарии на паре грузовиков. Их пригнали из Бельгии, ружья я загрузил в свой. Если считать, что вес каждого ружья десять фунтов, то три сотни весили почти полторы тонны, что было неплохо. Когда мы загрузили патроны, осталось достаточно места для топлива и прочих припасов. Приходилось напрямую лезть через Тень, чтобы миновать пограничную стражу. Отбыли мы в том же порядке, со мной, так сказать, во главе.

Мы ехали через узкие деревни, зажатые темными холмами, где единственным транспортным средством была повозка. Ехали долго и наконец выбрались прямо к Черной Дороге, некоторое время шли вдоль нее, а потом отвернули. Небо поменялось в цветовой гамме добрую дюжину раз. Местность из холмистой превращалась в равнину и наоборот. Мы то тащились по рытвинам, то скользили по скалистым твердым и гладким, как стекло, долинам. Краем обошли гору, берегом проехали вдоль моря цвета прозрачного вина. Миновали туманы и грозы.

Мне пришлось потратить полдня, чтобы найти их. Возможно, я попал в соседнюю Тень, это неважно. Да-да, отыскался тот самый народец, услугами которого я когда-то воспользовался. Невысокие волосатые ребята с длинными клыками и острыми когтями. На руках у них был указательный палец, пригодный, чтобы нажимать на спусковой курок. Кроме того, они видели во мне бога. Они были вне себя от счастья, когда я вернулся. И то, что пять лет назад я увел их лучших воинов на смерть в далеких землях, для них не значило ничего. У богов не требуют отчета — их любят, почитают, поклоняются им.

Все были разочарованы, когда мне потребовалось лишь несколько сотен добровольцев. Пришлось отказывать тысячам. На этот раз моральная сторона дела не беспокоила меня. Можно было расценивать хотя бы так: их помощь просто оправдывает смерть предшественников. Конечно, я не рассматривал ситуацию именно таким образом, но иногда приятно поупражняться в софистике. Я мог бы также считать, что плачу своим наемникам духовной валютой. Какая мне разница, за что они воюют: за веру или за деньги? Мне нужно было войско, и я имел возможность расплатиться с ними по-всякому.

Патроны здесь были еще инертны, потребуется несколько дневных переходов из Тени в Тень, прежде чем доберемся до страны, подобной Амберу. Именно здесь крылся риск в моей затее. Маловероятно, чтобы братец заглянул именно в эту Тень. Но случались и худшие совпадения.

Я гонял своих солдат недели три, а потом решил, что учения пора кончать. И тогда, прохладным ясным утром, мы свернули бивуак и двинулись в Тень. За грузовиками тянулись колонны пехотинцев. Грузовики встанут вблизи Амбера — с двигателями уже начинались неприятности. Но лучше завезти подальше все, что возможно.

На этот раз я намеревался подступить к вершине Колвира с севера, минуя обращенную к морю сторону. Все люди знали свою цель. Взаимодействие стрелковых взводов было уже намечено и отработано на учениях.

Мы остановились, пополдничали и направились дальше. Тени медленно проскальзывали одна за другой. Над головой сверкало голубизной темнеющее небо, небо Амбера. Меж скал чернела земля, трава стала ярко-зеленой. Листва деревьев и кустарник влажно поблескивали. Воздух был чист и прозрачен.

К ночи мы уже оказались среди громадных деревьев в предгорьях Ардена, разбили бивуаки и выставили усиленную стражу. Ганелон, теперь в берете и хаки, долго просидел со мной над кроками, которые я же и рисовал. До гор оставалось еще миль сорок.

Грузовики сдали на следующее утро. Они прошли через несколько серьезных ремонтов, постоянно барахлили, и в конце концов их двигатели отказались заводиться. Мы, подталкивая, завезли машины в расщелину и забросали там сучьями. Распределили между людьми амуницию и рационы и отправились дальше.

Наконец появилась возможность оставить твердую пыльную дорогу, мы углубились в леса. Я еще помнил их, особой проблемы они не представляли. Конечно, лес замедлял продвижение, но и уменьшал шансы напороться на патруль Джулиана. Мы углубились в Арден. Деревья стали довольно высокими, а местность приподнималась по мере передвижения.

Никого страшнее лис, оленей, кроликов и белок в тот день мы не встретили. Запахи леса, его зеленые, золотые и коричневые краски напоминали мне о более счастливых временах. Перед закатом я взобрался на вершину лесного гиганта и сумел заметить горный хребет, за которым высился Колвир. Непогода охватывала его, облака скрывали вершину.

Перед полуднем следующего дня мы все-таки нарвались на патруль Джулиана. Не знаю, кто был более удивлен, кто кого застал врасплох. Стрельба началась почти мгновенно. Я до хрипоты наорался, запрещая пальбу — каждый хотел испробовать оружие на живой цели. Отряд противника был невелик, никто не ушел живым. У нас оказался единственный раненый — кто-то из наших попал в другого, а может, и сам в себя. Я не стал выяснять: мы наделали шуму, поэтому пришлось торопиться. Где и как были расположены другие отряды, я не имел представления.

К ночи мы достаточно продвинулись вперед и вверх, горы были теперь на виду, если их не скрывали деревья. Облака еще липли к вершинам. Мои воины были перевозбуждены после дневной бойни и угомонились не скоро.

На следующий день мы добрались до подножия гор, удачно миновав два сторожевых отряда. Стемнело, но я все торопил людей вперед, стремясь к намеченному заранее укрытию. Спать мы укладывались, должно быть, на полмили повыше, чем в предыдущую ночь. Небо заволокли облака, дождя не было, но все словно дрожало от напряжения, которое предшествует грозе. Я плохо спал в ту ночь. Мне снились горящая кошачья голова и Лоррен.

Утром мы тронулись в путь под низкими облаками, я безжалостно гнал войско. Вдали ударил гром, воздух трепетал и весь был пронизан электричеством.

К середине утра на вьющейся меж скал дороге я услышал где-то за спиною крик, тут же затрещали выстрелы. Пришлось, конечно, вернуться на место происшествия.

Несколько человек, среди них и Ганелон, негромко переговаривались между собой. Я протолкался вперед.

Трудно было поверить глазам. Никогда на моей памяти такие твари не добирались до Амбера. Футов двенадцати длиной, какая-то пародия на человека с львиным телом, орлиные крылья на окровавленных боках, все еще подрагивающий хвост со скорпионьей колючкой... Однажды я встретил мантикору на южных островах* — эта жуткая тварь с тех пор занимала одно из первых мест в моем списке личных кошмаров.

Один из воинов повторял:

— Она разорвала Ролла пополам, прямо пополам...

В двадцати шагах на земле я заметил останки Ролла. Мы прикрыли труп, завалили сверху камнями. Большего сделать было нельзя. По крайней мере, эта неприятность помогла восстановить осторожность, исчезнувшую после легкой вчерашней победы. Люди приумолкли и стали внимательно следить за дорогой.

— Ничего себе зверюга, — сказал Ганелон. — У нее и разум человечий?

— Не знаю.

— Забавно, Корвин, я что-то волнуюсь. Словно должно случиться нечто ужасное. Не знаю даже, как это понять.

— Я понимаю.

— Значит, и ты чувствуешь это?

— Да. Должно быть, погода, — сказал я.

Он с опозданием кивнул в ответ.

Мы поднимались вверх, небо темнело, непрестанно громыхало вдали. На западе жарко полыхали молнии, ветер усилился. Над головой повисли груды облаков. На фоне их то и дело прорисовывались темные крылатые силуэты. Чуть позже мы наткнулись на другую мантикору, но расправились с ней уже без потерь. Примерно через час на нас набросилась стая птиц с острыми, как бритвы, клювами. Мы их отогнали, конечно, но эта стычка меня встревожила.

Мы лезли в гору, ожидая, что вот-вот над нами разразится гроза. Ветер крепчал.

Вокруг потемнело, как поздним вечером, хотя солнце, я знал, еще не садилось. Воздух стал туманным, плыл навстречу какой-то дымкой, словно мы приближались к облакам. Пахнуло сыростью. Скалы под ногами стали скользкими. Так и хотелось объявить привал, но мы были еще далеко от Колвира, а я старался избежать сложностей с рационами — все было рассчитано под завязку.

Мы осилили еще мили четыре, поднявшись теперь уже на несколько тысяч футов, когда нам пришлось остановиться. Вокруг царила кромешная тьма, которую нарушали только частые вспышки молний. На голом каменистом склоне мы разбили круговой лагерь, расставив по всей окружности стражу. Гром словно отбивал неведомый марш. Заметно похолодало. Я был вынужден даже разрешить костры, но ничего из горючего вокруг не оказалось. Пришлось переждать холодную и темную ночь.

Через несколько часов на нас внезапно и бесшумно набросились мантикоры. Погибло семеро наших, мы перебили шестнадцать тварей, не знаю, сколько еще их удрало. Перевязывая раны, я вовсю костерил Эрика и гадал, из какой Тени вывел он эту гадость.

Когда наступил рассвет, мы уже продвинулись к Колвиру миль на пять, а потом свернули к западу. Идти можно было тремя маршрутами, но этот путь я все-

гда считал наиболее удобным для нападения. Несколько раз нас вновь атаковывали птицы, большим числом и с удвоенной яростью. Впрочем, чтобы отогнать всю стаю, оказалось достаточно подстрелить нескольких.

Наконец мы обошли вокруг основания громадной скалы; дорога вела все вверх и вверх через облака и туман. И тут перед нами внезапно открылся вид на склон и дюжину миль через простиравшуюся справа внизу долину Гарнатх.

Я объявил привал, а сам пошел оглядеться. Когда я в последний раз видел эту некогда чудную долину, она показалась мне искореженной. Теперь все стало еще хуже. Черная дорога бежала по ней к основанию самого Колвира и там оканчивалась. В долине шла лютая битва. Конные полки схватывались, бились, разъезжались. Шеренги пехотинцев сближались, шли в штыки, отступали. В гуще боя гремел гром и разили молнии. Птицы черным пеплом реяли над костром сражения.

Холодным влажным одеялом охватил нас воздух долины.

Громовые раскаты гулким эхом перекатывались между гор. Я озадаченно взирал на ход схватки.

Расстояние было слишком велико, и борющихся сторон я не различал. Сперва мне показалось было, что кто-то из наших рискнул напасть, опередив меня. Может быть, это Блейз уцелел и вернулся с новой армией?

Впрочем, нет. Нападающие валили с запада по Черной дороге. Я увидел теперь, что эту армию сопровождали птицы. Крупными прыжками по дороге передвигались не люди и не звери. Может быть, мантикоры.

Они приближались, и молнии разили их, жгли, разбрасывали, укладывали на месте. Когда я обратил внимание, что рядом с обороняющимися молнии не ударяют, то вспомнил, что Эрик в какой-то мере сумел освоить устройство, известное как Камень Жребия, — с его помощью отец управлял погодой вокруг Амбера. Уже пять лет назад Эрик с явным успехом воспользовался им против нас.

Значит, армия Теней, о которой я слышал, оказалась еще сильнее, чем мне представлялось. У подножия Колвира я рассчитывал встретить заградительные отряды, но не яростную битву. Я глянул на черную полосу — она буквально кишела нападавшими.

Ганелон подошел, встал рядом и долго молчал.

Я не хотел, чтобы он задавал мне вопросы — говорить просто не было сил, разве только ответить.

— И что же дальше, Корвин?

— Надо поторопиться, — сказал я, — чтобы к вечеру оказаться в Амбере.

И мы снова пошли вперед. Двигаться было легче, чем стоять, и это помогало. Гроза без дождя продолжалась, гром и молнии становились все громче и ярче. Вокруг царил полумрак.

А когда поближе к полудню мы оказались в безопасном месте, милях в пяти к северу от окрестностей Амбера, я вновь остановил свое войско — отдохнуть и в последний раз перекусить. Что-либо расслышать можно было, только если тебе орали прямо в ухо, поэтому держать речь я не стал. Просто велел передать друг другу, что цель близка и следует быть наготове.

Прихватив с собой свою порцию еды, я отправился оглядеться, пока другие отдыхали. В миле впереди оказался пологий подъем, я поднялся на вершину и замер. На склоне прямо передо мной тоже шла отчаянная битва.

Я спрятался и стал наблюдать. Отряд из Амбера схватился с превосходящим его числом войском, которое либо только что прошло перед нами по этому склону, либо появилось другим путем. Должно быть, правильным было последнее — все-таки мы ничего не заметили. Стало понятным наше везение — почему мы пробились к Колвиру, так почти никого и не встретив.

Я подкрался поближе. Атакующие могли попасть сюда по одной из двух других дорог, но я понял, что не в дорогах дело. Атакующие все прибывали, и видеть это было довольно жутко — они прилетали по воздуху.

Тучами черных листьев летели они с запада. Издали было видно, что подкрепления прибывали не на воинственных птицах, а на крылатых двуногих тварях, чем-то напоминающих дракона. На такого зверя больше всего похож геральдический виверн* — крылатый дракон. До сих пор я встречался с вивернами лишь в виде архитектурных украшений, но, с другой стороны, встречи с ними в натуре никогда не искал.

Среди оборонявшихся было множество лучников, пожинавших обильную жатву, — летучие твари, сраженные стрелами, градом падали вниз. То и дело в воздухе адским пламенем полыхали молнии, и темными угольками воздушная кавалькада осыпалась на землю. Но враги все прибывали, уцелевшие приземлялись, и всадник и только что несшая его тварь устремлялись в атаку на осажденных. Я поискал взглядом и нашел наконец пульсирующее свечение, которое испускал Камень Жребия. Оно исходило из самой крупной группы оборонявшихся, прижатой к подножию высокого утеса.

Я приглядывался и размышлял, уделив все внимание обладателю Камня. Сомневаться не приходилось. Это был Эрик.

На животе я подполз чуть поближе. На моих глазах предводитель ближайшего отряда оборонявшихся одним взмахом клинка снес голову приземлявшемуся виверну. Левой рукой он ухватил седока и зашвырнул футов на тридцать, за край обрыва. И когда, обернувшись, он рявкнул приказ, я понял, что передо мною Джерард. Похоже, он предводительствовал над вылазкой во фланг атакующих основные силы возле утеса. Напротив, с другой стороны долины, почти такой же отряд вел бой. Кто из братьев там?

Интересно, сколько часов уже длится эта битва и в долине, и здесь, наверху? Припомнив, когда началась неестественная гроза, я теперь увязал ее с этим зрелищем.

Я перебрался направо, не отрывая глаз от запада. Битва в долине кипела по-прежнему. Отсюда воинов обеих сторон трудно было отличить друг от друга — и, соответственно, понять, кто побеждает. Впрочем, новых подкреплений на западе видно не было.

Я напряженно обдумывал наилучшую линию поведения. Ясно, что нападать на Эрика в столь критической ситуации, во время битвы за Амбер, немыслимо. Мудрее всего было бы сориентироваться по ситуации. И крысиные зубы сомнения уже точили мое сердце.

Исход битвы еще не был ясен, даже если атакующие больше не получат подкреплений. Враги сильны и многочисленны. А я понятия не имел, какие у Эрика есть резервы. В этот миг было еще непонятно, стоит ли ввязываться в бой за Амбер и Эрика. Но если Эрик падет, врагов придется отражать мне самому, а войско Амбера будет обескровлено потерями.

Можно было не сомневаться, что мои стрелки живо перебьют крылатую конницу со всеми ее вивернами. Но для этого нужно связаться с кем-то из братьев в долине. Любая карта откроет ворота моим людям. И что бы ни творилось внизу, враги будут ошеломлены, когда войско Амбера ощетинится винтовками.

Я перевел взгляд на схватку рядом со мной. Нет, дело складывалось не в нашу пользу.

Я лихорадочно размышлял, к чему способно привести мое вмешательство. Конечно, в такой ситуации Эрик не сможет напасть на меня. Помня те муки, на которые он обрек меня, не хватало еще, чтобы я принялся таскать для него каштаны из огня. За поддержку в бою он будет благодарен, конечно, но уж не за те чувства, которые она вызовет. Вне сомнения, нет. Я снова окажусь в Амбере с весьма опасной для него дружиной и при общей симпатии. Интересная мысль. Такой путь к цели будет много спокойнее, чем грубое нападение с убийством брата-короля, которое я запланировал.

Да.

Я понял, что улыбаюсь. Видно, мне суждено стать героем.

Все-таки приятно отметить в себе хотя бы толику благородства. Получилось, что выбирать я должен между королевством с Эриком на троне и королевством, павшим перед врагом. И мое решение было однозначным — атаковать пришельцев, другого и быть не могло. Нельзя поручиться, что битва сложится удачно, и, хотя поражение Эрика укрепит мое положение, я был не готов пожертвовать Амбером. «Я бы ненавидел тебя, Эрик, не так сильно, когда бы не любил Амбер».

Я поспешил назад по склону, молнии за спиной отбрасывали мою тень сразу во всех направлениях.

Добравшись до лагеря, я остановился. На его противоположном конце Ганелон бранился с одиноким всадником, и я узнал коня. Я пошел навстречу.

Наездник пришпорил коня. Покачав головой, Ганелон направился следом.

Это была Дара. Едва она могла меня услышать, я закричал:

— Какого дьявола ты здесь делаешь?

Она спешилась, улыбнулась и стала передо мной.

— Я хотела в Амбер. И вот я здесь.

— Как ты добралась сюда?

— Следуя за дедом, — пояснила она. — Я поняла, что через Тень легче ехать по чьему-нибудь следу, а не прокладывать путь самой.

— Бенедикт здесь?

— Там, внизу, он командует войсками в долине. И Джулиан тоже здесь, — радостно сообщила Дара.

Ганелон подошел и встал рядом.

— Девушка говорит, что шла сюда следом за нами, — крикнул он. — Она здесь уже пару дней.

— Это правда? — спросил я.

Она кивнула и улыбнулась:

— Ну, это было несложно.

— Зачем ты так сделала?

— Конечно же, чтобы попасть в Амбер! Я хочу пройти Огненный Путь. Вы же как раз туда и направляетесь, верно?

— Верно-то верно. Только, видишь ли, там впереди свирепствует битва!

— И что же ты собираешься делать?

— Победить в ней, конечно.

— Ну и прекрасно. Я подожду.

Некоторое время я ругался, чтобы дать себе время на размышления, а потом выпалил:

— Где ты была, когда вернулся Бенедикт?

Улыбка исчезла с ее лица.

— Не знаю, — ответила она. — Я взяла коня сразу же, как ты уехал, и проездила целый день. Хотелось подумать в одиночестве. А когда утром я вернулась, его уже не было. На следующий день я снова отправилась в путь. Заехала довольно далеко, стемнело, и я решила заночевать на месте. Я часто так поступаю. А утром возвращалась домой и увидела его с вершины холма, он скакал на восток. Я решила отправиться следом. Ехал он через Тени, теперь я в состоянии это заметить... И ты был прав, следовать за кем-то через Тени действительно легче. Не знаю, сколько ушло на это времени — оно просто взбесилось.

Дед приехал сюда, место я узнала по картинке. В лесу к северу отсюда он встретил Джулиана, и вместе они направились на поле боя. — Дара махнула рукой в сторону долины. — В лесу я пробыла несколько дней, совсем не представляя, что делать дальше. Ехать назад — я побоялась заблудиться. А потом заметила, как в гору поднимается твой отряд, и во главе увидела вас — тебя и Ганелона. Я знала, что Амбер лежит в той стороне, и последовала за вами. Только не решалась приблизиться — надеюсь, отсюда ты не отошлешь меня обратно.

— Не верю, что ты рассказала мне всю правду, — ответил я, — но нет времени проверять. Мы идем вперед, в бой. И целее всего ты будешь здесь. Я оставлю с тобой двоих для охраны.

— Мне они не нужны!

— Твое мнение меня не интересует. Ты их получишь. А когда битва окончится, я пошлю за тобой.

Тут я повернулся, выбрал без разбору двоих, велел им оставаться на месте и охранять ее. Судя по лицам, занятие это не вызвало у воинов никакой радости.

— А что это за оружие у них? — спросила Дара.

— Потом поговорим, — ответил я. — Сейчас некогда.

Я коротко проинструктировал командиров и отдал необходимые распоряжения.

— Что-то людей у тебя немного? — поинтересовалась она.

— Мне хватит, — отвечал я. — Встретимся позже.

Мы вернулись немного назад тем же путем. Пока мы шли, гром вдруг прекратился, и это скорее тревожило, чем радовало меня. Нас снова охватил полумрак, я весь взмок в сыром воздухе.

Привал я объявил прежде, чем мы успели добраться до того места, откуда я один обозревал окрестности. И, взяв с собой Ганелона, я опять направился туда.

Повсюду носились всадники на вивернах. Они тесняли обороняющихся к скале. Я поискал глазами Эрика, но ни свечения Камня, ни его самого не увидел.

— Кто же наши враги? — поинтересовался Ганелон у меня.

— Наездники на чудовищах. — Теперь, когда небесная артиллерия приумолкла, все они беспрепятственно приземлились. Я оглядел ряды защищавшихся,

Джерарда тоже нигде не было видно. — Веди войска, — велел я, поднимая карабин. — Прикажи, чтобы убивали и чудовища, и людей.

Ганелон отошел, а я прицелился в опускавшегося виверна и выстрелил. Чудище забило крыльями, врезалось в склон и запрыгало по нему. Я прицелился и выстрелил еще.

Тварь загорелась сразу же, как только свалилась наземь. Скоро передо мной горело три костра. Я перебрался на другое место, убедился в своей безопасности и выстрелил снова.

Я подбил еще одного, и тут враг стал поворачивать в мою сторону, причем довольно быстро.

Я сумел остановить их и как раз перезаряжал карабин, когда появился первый отряд стрелков. Мы усилили атаку и перешли в наступление сразу же, как только начали подходить остальные.

Все закончилось минут за десять. За первые пять минут виверны успели понять, что шансов у них нет никаких, и стали отступать к обрыву, крича и поочередно взмывая в воздух. Мы били чудищ на лету, повсюду горело мясо и тлели кости.

Влажная скала вздымалась по левую руку, ее вершина терялась в облаках, и казалось, что она уходит в какую-то бесконечность. Ветер отгонял дым и туман. Скалы вокруг были замараны пятнами черной крови. Мы стреляли, продвигаясь вперед. Воины Амбера быстро поняли, что мы идем им на помощь, и двинулись нам навстречу от подножия утеса. Вел их мой брат Кейн. На миг взгляды наши встретились, а потом он рванулся в бой.

Разрозненные группы воинов Амбера объединились, едва атакующие отступили, и сразу же набросились на дальний от нас фланг уже умудренных горьким опытом зверолюдей и их виверн, перекрыв нам сектор обстрела. Но предупредить их возможности не было. Мы сходились с врагом, и наши выстрелы были метки.

Небольшая кучка людей оставалась у подножия утеса. Я словно чувствовал, что они охраняют Эрика и он скорее всего ранен — ведь гроза прекратилась внезапно, — и стал пробиваться к ним.

Стрельба уже начинала ослабевать, когда я оказался рядом и едва ли мог заподозрить что-нибудь опасное для себя.

Вдруг что-то громадное, нагоняя, ринулось на меня сзади. Я упал на землю и покатился, машинально взяв на прицел. Но спусковой крючок так и не нажал. Мимо меня верхом на лошади мелькнула Дара. Она обернулась и расхохоталась, пока я прошипел ей вслед:

— Назад! Чертовка! Тебя же убьют!

— Встретимся в Амбере! — крикнула она, припустив по тропке, выбитой в серой скале.

Я был разъярен. Но сделать ничего не мог. Оскалившись, я поднялся и отправился дальше...

Я шел к ним и несколько раз слышал свое имя. На меня оглядывались, расступались, пропуская. Многих я узнал, но виду не показал.

Думаю, мы с Джерардом увидели друг друга одновременно. Он склонился над раненым, что лежал прямо на земле. Это был Эрик.

Подходя, я кивнул Джерарду и глянул свысока на Эрика. Чувства мои пришли в смятение. Из ран в его груди била ярко-красная кровь. Камень Жребия на

цепочке вокруг шеи лежал тут же, забрызганный кровью, — он жутко пульсировал, словно вырванное сердце. Глаза Эрика были закрыты, голова покоилась на скатке плаща. Он едва дышал.

Я встал на колени, не в силах оторвать глаз от пепельного лица. Эрик умирал, и я постарался хотя бы немного поунять свою ненависть, отодвинуть ее подальше, чтобы в последний раз попробовать понять этого витязя, которому совсем немного оставалось быть моим братом. И я осознал, что могу даже чувствовать к нему что-то похожее на симпатию, ведь он терял все-все, и жизнь тоже... А потом мне подумалось: и я сам мог лежать на этом месте, сложись иначе судьба пять лет назад. Я попробовал придумать что-то в его честь, получилось вроде эпитафии: «*Он умер в бою за Амбер*». Впрочем, лучше, чем ничего, и слова эти почему-то засели в моей голове.

Веки Эрика задрожали, поднялись. Глаза встретились с моими, на лице не отразилось ничего. Я даже подумал было, что он не видит меня.

Но он назвал мое имя, затем промолвил:

— Не сомневался, что это ты. — Потом перевел дыхание и продолжил: — Признай, они все-таки помогли тебе. — Я не отвечал, он все понимал и сам. — Когда-нибудь настанет твой черед, тогда и сквитаемся. — Эрик усмехнулся, но оказалось, что лучше бы ему этого не делать — он задохнулся в спазмах влажного кашля и, когда ему стало полегче, свирепо глянул на меня. — Твое проклятие так и прилипло ко мне. Я чувствовал его все время. Ты не умер, а проклятие не оставило меня. — Немного погодя, словно прочитав мои мысли, он едва заметно улыбнулся и добавил: — Нет, мое предсмертное проклятие предназначено не тебе. Я приберег его для врагов Амбера. Для тех.

Он показал глазами и шепотом произнес его...

Я дрогнул от этих слов.

Взгляд его снова обратился к моему лицу. Эрик внимательно вгляделся в меня. А потом тронул цепь на своей шее.

— Камень... — сказал он. — Отнесешь его в центр Пути. Поднимешь вверх, поднесешь поближе к глазам. И вглядись внимательнее, будто тебе нужно попасть внутрь камня. Представь себя внутри его. Не получится, тогда есть... опыт... потом узнаешь, как использовать...

— Но как?.. — начал было я и осекся.

Он сказал мне уже, как овладеть камнем. Зачем же еще тратить его последние минуты, чтобы узнать, каким образом он догадался об этом.

Но Эрик понял и сумел выдавить:

— Записки Дворкина... под камином... мой... — Тут кашель вновь сотряс его тело. Кровь хлынула из носа и горла. Сделав глубокий вдох, он сел с выкатившимися глазами. — Веди себя не хуже, чем я, поганец! — выдавил Эрик, упал на мои руки и испустил последний кровавый вздох.

Я немного подержал его, а потом уложил на землю. Глаза брата оставались открытыми, я медленно закрыл их. Почти машинально сложил его руки на безжизненном теперь камне. Не мог я в этот момент снимать с тела эту регалию. А потом встал, скинул плащ и укрыл мертвого.

Обернувшись, я увидел, что все глядят на меня. В основном лица были знакомыми, но иногда попадались и незнакомцы. Как много их — тех, кто видел меня в цепях на том пиршестве.

Нет. Не время думать об этом. Я отбросил эту мысль.

Ганелон созывал и строил войско. Я направился к ним.

Я миновал воинов Амбера, тела павших, свою дружину и подошел к краю утеса. Внизу в долине еще шла битва, конница кружила, налетала, отступала, будто вода в половодье; словно насекомые, копошились пехотинцы.

Я достал колоду, что принадлежала Бенедикту, вытащил карту с его портретом. Он подрагивал передо мной, и немного спустя состоялся контакт.

Бенедикт был на том же черно-рыжем коне, на котором гнался за мной тогда. Он размахивал мечом, вокруг кипела битва. Перед ним оказался еще один всадник, и я не стал торопиться. Он коротко бросил:

— Подожди.

Двумя быстрыми движениями меча Бенедикт разделался со своим противником, потом развернул жеребца и стал выбираться из гущи боя. Я заметил, что поводья его связаны в петлю и привязаны к обрубку правой руки. Ему потребовалось минут десять, чтобы выбраться на относительно спокойное место. Потом он поглядел на меня, и я понял, что он внимательно изучает окрестности за моей спиной.

— Да, я на высотах, — сказал я. — Мы победили. Эрик пал в бою. — Бенедикт молча глядел, ожидая продолжения. Лицо его не выдавало никаких эмоций. — Мы победили, потому что я привел стрелковые части и мне наконец удалось найти вещество, что взрывается здесь. — Глаза его сузились, он кивнул. Я чувствовал — он сразу же понял, что это за штука и где я ее добыл. — Мне о многом хотелось бы переговорить с тобой, — продолжал я, — но сперва следует думать о врагах. Если ты поддержишь контакт, я перешлю тебе несколько сотен стрелков.

Бенедикт улыбнулся и ответил:

— Поторопись.

Я подозвал Ганелона — он оказался совсем рядом. Велел ему построить отряд в одну шеренгу. Он кивнул и отбежал, выкрикивая распоряжения.

Пока мы ждали, я сказал:

— Бенедикт, Дара здесь. Она сумела проследовать за тобой через Тени, когда ты ехал из Авалона. Я хочу...

Он оскалил зубы и крикнул:

— Что за дьявольщина? Кто эта Дара, о которой ты все время толкуешь? Никогда не слыхал о ней до твоего появления! Будь другом, расскажи! Мне хотелось бы знать!

Я слегка улыбнулся.

— Нехорошо. — Я покачал головой. — Я знаю о ней все и никому еще не сказал, что у тебя есть внучка.

Его губы и глаза невольно открылись.

— Корвин, — сказал Бенедикт, — ты или с ума сошел, или тебя обманули. Насколько мне известно, у меня нет подобных потомков. А о том, что кто-то мог ехать следом за мной, — знай, я прибыл сюда по карте Джулиана.

Конечно. Извинить меня могла лишь битва, захватившая все мое внимание. Дару нужно было перехватить немедленно. О битве Бенедикта, конечно же, известили с помощью колоды карт. Зачем же тащиться на коне, когда можно оказаться на месте мгновенно?

— Проклятие! — вскричал я. — Она теперь уже в Амбере! Слушай, Бенедикт! Пусть Джерард или Кейн передадут тебе войска. Ганелон поможет. Приказы отдавайте через него.

Я огляделся. Неподалеку Джерард разговаривал с придворными. В отчаянии я позвал его. Он быстро повернул голову и бросился ко мне.

— Корвин! В чем дело? — крикнул Бенедикт.

— Не знаю! Случилась какая-то громадная беда!

Когда Джерард подбежал ко мне, я сунул ему карты.

— Пригляди, чтобы войско отправилось к Бенедикту! — сказал я. — А Рэндом во дворце?

— Да.

— На свободе или в застенке?

— На свободе... если такое можно считать свободой: рядом с ним несколько стражей. Эрик все еще не доверяет... Не доверял ему.

Я повернулся.

— Ганелон, — крикнул я, — делай, что прикажет тебе Джерард. Он собирается послать твой отряд вниз, к Бенедикту. И пригляди, чтобы твои люди повиновались ему. Мне срочно надо в Амбер.

— Хорошо, — отозвался он уже на скаку.

Джерард отправился за ним, а я опять развел веером карты. Нашел картинку с изображением Рэндома и сосредоточился. В этот момент наконец начался дождь.

В контакт я вошел почти моментально.

— Привет, Рэндом, — сказал я, едва его изображение ожило, — не забыл еще меня?

— Где ты? — спросил он.

— В горах. Мы только что выиграли свою часть битвы. И я посылаю подкрепление Бенедикту, чтобы очистить долину. А сейчас мне нужна твоя помощь. Перенеси меня к себе.

— Не знаю, Корвин, Эрик...

— Эрик мертв.

— И кто командует?

— А ты как думаешь? Перенеси меня!

Он быстро кивнул и протянул руку. Я подал свою, они соединились в рукопожатии. Я сделал один шаг и оказался рядом с Рэндомом на балконе третьего этажа над одним из дворцовых двориков. Ограда была беломраморной. Под нами были цветы, много цветов.

Я пошатнулся. Он схватил меня за руку и спросил:

— Ты ранен?

Я покачал головой и только тут понял, насколько устал. В прошедшие ночи мне едва доводилось вздремнуть. Помимо всего прочего...

— Нет, — ответил я, переводя взгляд на свою окровавленную куртку. — Просто устал. А кровь — Эрика.

Рэндом провел рукой по светлым волосам и выпятил губу.

— Значит, ты наконец пристукнул его, — тихо произнес он.

Я вновь отрицательно качнул головой:

— Нет. Он уже умирал, когда я оказался рядом. А теперь пошли! Живо! Это очень важно.

— Куда? В чем дело?

— К Пути, — ответил я. — Почему? Не знаю, просто уверен, что дело серьезное. Быстро.

Мы вошли во дворец и направились к ближайшей лестнице. Ее охраняли двое стражей, они вытянулись перед нами и мешать не стали.

— Я рад, что слух о твоих глазах оправдался, — сказал мне Рэндом, когда мы спускались по лестнице вниз. — Видишь нормально?

— Да. Я слыхал, ты еще женат?

— Да.

Спустившись на первый этаж, мы заторопились направо. Там снова была пара стражников, они тоже не пытались остановить нас.

— Да, — повторил Рэндом, когда мы повернули к центру дворца. — И ты удивлен, не так ли?

— Я думал, что год-то ты вытерпишь, а потом смоешься.

— Я и сам так считал, — ответил он. — Но полюбил ее. В самом деле.

— Случались и более странные вещи.

Мы пересекли мраморную столовую и вступили в длинный узкий коридор, уводивший далеко в грязь и забвение. Я невольно поежился, вспомнив, как проходил здесь последний раз.

— Я ей действительно дорог, — продолжал Рэндом. — Ко мне так никто не относился прежде.

— Рад за тебя, — ответил я.

Мы добрались до двери, за которой под широким помостом уходила вглубь старая лестница. Дверь оказалась открытой. Мы ступили на лестницу и стали спускаться.

— А я не рад, — сказал Рэндом, торопясь вниз следом за мной. — Я и не собирался влюбляться. По крайней мере, тогда. Мы же с тех пор все время были пленниками. Какая была в этом для нее радость?

— Ну, теперь все закончилось, — успокоил я. — Ты попал в плен потому, что связался со мной и пытался убить Эрика. Разве не так?

— Да. А потом она присоединилась ко мне.

— Я не забуду этого, — отвечал я.

Мы торопились. Спускаться надо было глубоко, лампы там отстояли футов на сорок одна от другой. Это была громадная естественная пещера. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь знал, сколько в ней туннелей и коридоров. Внезапно меня охватила жалость ко всем узникам ее темниц, по какой бы причине они ни попали туда. И я решил отпустить их всех или облегчить их участь.

Медленно тянулись минуты. Внизу уже замерцали факелы и фонари.

— Есть одна девушка, — начал я. — Зовут ее Дара. Она сказала мне, что Бенедикт ее дед, у меня были веские причины поверить ей. Я поведал ей кое-что о Тенях, Подлинном Мире и Пути. Над Тенями она имеет некоторую власть, и она просто рвалась пройти Огненный Путь. Когда я в последний раз видел ее, она торопилась сюда. Бенедикт несколько минут назад поклялся, что и не слыхивал о ней. И мне вдруг стало страшно. Я хочу остановить ее — нельзя пускать ее на Путь — и как следует повыспросить.

— Странно, — кивнул Рэндом, — очень странно. Я согласен. Ты думаешь, она сейчас здесь?

— Если еще нет, то скоро примчится.

Наконец мы опустились на дно. И я рванулся в полутьме к заветному коридору.

— Стой! — выкрикнул Рэндом.

Я остановился и обернулся. Но не увидел его. Пришлось вернуться. Он оказался за лестницей.

Вопрос не успел сорваться с моих губ.

Рэндом склонялся над рослым бородатым мужчиной.

— Мертв! — произнес он. — Очень тонкий клинок. Хороший удар. Только что.

— Вперед!

Мы оба рванулись к туннелю и помчались по нему. Наконец седьмой проход справа — он-то и нужен! На ходу я вырвал из ножен Грейсвандир. Массивная, окованная металлом темная дверь оказалась распахнутой.

Я метнулся в нее, Рэндом следом. Черный пол этой громадной палаты очень гладок, похож на стекло, но не скользит. На нем сверкает Путь — сплошное мерцающее переплетение линий, длиной ярдов этак в сто пятьдесят.

Кто-то был там, шел Огненным Путем. Я почувствовал странный колючий озноб, как всегда возле этого изображения. Дара?.. Трудно было сказать что-то определенное, вокруг темной фигуры взметались фонтаны искр. Кем бы ни был этот человек, он принадлежал к королевской семье. Все знали, что Путь уничтожит любого, кто не принадлежит к ней. А незнакомец уже прошел Главную Дугу и осиливал переплетение дуг, ведущее к Последней Завесе.

Огненный силуэт менялся с каждым шагом. На мгновение мои чувства отказались воспринимать эти быстрые изменения, чтобы не видеть, не осознать неизбежное. Рэндом судорожно охнул возле меня, и этот звук словно разрушил плотину в моем подсознании. На мой разум обрушился поток впечатлений.

Оно высилось в этой всегда казавшейся сказочной палате. А потом съежилось, сократилось почти в ничто. На мгновение мелькнул силуэт хрупкой женщины, должно быть, Дары — волосы ее светились, вздымались, потрескивали разрядами. А потом на месте волос оказались рога, громадные кривые рога на широком челе, кривоногий обладатель их неуверенно переступал копытами по горящему Пути. И что-то еще... чудовищная кошка... безликая женщина... Крылатое существо неописуемой красоты... гора угольев и пепла...

— Дара, — крикнул я, — это ты?

Собственный голос эхом вернулся ко мне, другого ответа не последовало. Кто оно или что, но это существо продиралось теперь сквозь Последнюю Завесу. Мускулы мои напряглись, невольно подражая идущему.

Наконец оно оказалось снаружи.

Да, это была Дара. Высокая и величественная, прекрасная и ужасная одновременно. Один вид ее терзал мой разум. Ее руки были в возбуждении подняты, нечеловеческий хохот срывался с губ. Я хотел отвернуться, но не мог. Неужели я и впрямь обнимал, ласкал и любил... вот это? Одновременно такого отвращения и притяжения я не испытывал никогда. И не мог понять причин поглотившей меня раздвоенности.

Потом она поглядела на меня.

Смех прекратился. Прозвенел ставший незнакомым голос:

— Господин Корвин, теперь ты владыка Амбера?

Кое-как я ухитрился ответить:

— Практически да.

— Хорошо! Тогда прими свою участь!

— Кто ты? Что ты?

— Теперь ты уже не узнаешь, — ответила она, — опоздал.

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Амбер, — произнесла она, — будет разрушен.

А потом исчезла.

— Что за дьявольщина? — выдавил Рэндом. — Что это было?

Я стоял завороженный.

— Не знаю, поверь мне, не знаю. И по-моему, узнать это — теперь для меня важнее всего на свете.

Он схватил меня за руку.

— Корвин, — лихорадочно проговорил Рэндом, — оно... она... предрекла... А ведь такое возможно.

Я согласно кивнул:

— Знаю.

— Что мы теперь будем делать?

Я вложил Грейсвандир в ножны и повернул к двери.

— Собирать осколки, — сказал я. — Я получил то, чего давно добивался, и теперь моя обязанность — позаботиться о безопасности страны. Я не стану ждать. Я должен искать, найти и остановить ее, прежде чем она сможет протянуть руки к Амберу.

— А где искать, ты знаешь? — спросил он.

Мы повернули в туннель.

— Думаю, на другом конце Черной дороги, — ответил я.

По дну пещеры мы дошли до лестницы, возле которой лежал мертвец, и кругами стали подниматься, оставив его внизу, во мраке.

ЗНАК ЕДИНОРОГА

ДЖАДАВИНУ И ЕГО ДЕМИУРГУ —
И НЕ ЗАБУДЕМ О КИКАХЕ

Перевод с английского Н. Сосновской

© Н. Сосновская, перевод, 2004

I

Грум пялился на меня во все глаза, но я молча спешился и передал ему поводья. Потом снял с коня свою завернутую в плащ ношу. Что завернуто в плащ, было ясно, но и это меня не смущало. Я взвалил ношу на плечо и торопливо зашагал к боковому входу во дворец.

Хаос мог в любую минуту потребовать очередной уплаты по счету — мешкать было нельзя.

Миновав поле для военных упражнений, я направился к дорожке, углублявшейся в южный угол дворцового сада. Чем меньше любопытных глаз, тем лучше. Нет, меня заметят и узнают неизбежно, но так все равно лучше, чем переться через парадный вход, где всегда такая уйма народу. Черт бы их всех побрал!

Проклятие, проклятие! Мало ли у меня забот? Увы, беда одна не ходит. Наверное, так уж заведено — своего рода пристрастность судьбы, я полагаю.

В дальнем конце сада, у фонтана, слонялось несколько бездельников. Пара гвардейцев вышагивала сквозь кусты к дорожке. Заметили меня, быстренько посовещались и, как по команде, отвернулись. Умники.

А ведь меня не было дома меньше недели! Придворные в панике и сходят с ума от подозрений. А тут еще это убийство, омрачившее и опорочившее краткое и несчастливое правление Корвина Первого — мое правление.

Настала пора сделать то, что следовало сделать с самого начала. Но с самого начала следовало сделать столько всего... Я и не зевал вроде бы. Выбрал дела поважнее и занялся ими. А теперь вот на тебе...

Выйдя из-под тени деревьев под косые лучи заходящего солнца, я подошел к широкой винтовой лестнице. Гвардеец у входа встал по стойке «смирно», когда я поднялся к двери. Я прошел мимо него, поднялся по боковой лестнице на второй этаж и, не останавливаясь, — на третий.

Справа из двери своих покоев вышел мой братец Рэндом и бросился ко мне через зал.

— Корвин! — воскликнул он, вглядываясь в мое лицо. — Что случилось? Я увидел тебя с балкона и...

— Не здесь, — оборвал я его, красноречиво поглядев по сторонам. — Надо поговорить с глазу на глаз. И немедленно.

Рэндом растерянно уставился на мою ношу.

— Давай поднимемся выше, — предложил он. — Ладно? А то здесь Виола.

— Ладно, пошли.

Рэндом пошел впереди, распахнул двери. Войдя в маленькую гостиную, я пошарил глазами, на что бы упасть, выбрал себе кресло и буквально рухнул в него. Рэндом не сводил глаз с мешка.

— Что я должен сделать? — спросил он.

— Развяжи мешок и погляди, — сказал я.

Рэндом наклонился и откинул полу плаща, но тут же запахнул.

— Труп, — заключил он. — Мертвее не бывает. Так в чем дело?

— Ты плохо посмотрел. Оттяни ему веко, — посоветовал я. — Открой рот, посмотри на зубы. Полюбуйся руками — там у него шипы. Фаланги на пальцах сосчитай. А потом говори.

Рэндом приступил к осмотру, но стоило ему взглянуть на руки убитого, как он тут же заявил:

— Ясно. Припоминаю...

— Припоминай вслух.

— Там, у Флоры...

— Я таких именно там увидел впервые, — кивнул я. — А ведь охотились они за тобой. Я, правда, так и не понял почему.

— Конечно, — согласился Рэндом. — Никак не удавалось рассказать. Мы давно не виделись. Странно... этот-то откуда взялся?

Я немного растерялся, не зная, что лучше: заставить Рэндома выложить правду или сначала все рассказать самому. Решил все-таки рассказать, поскольку дело было срочное.

Я вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Мы потеряли еще одного брата. Кейн мертв. Я опоздал. Эта тварь... Это он сделал. Я, конечно, хотел взять его живым. Но он вздумал сопротивляться. Выбора не было.

Рэндом понимающе присвистнул и уселся в кресло напротив меня.

— Ясно... — проговорил он еле слышно.

Я не спускал с Рэндома глаз. Не улыбнется ли он? Улыбнется — что мне тогда делать? Улыбнуться в ответ? Наверное.

— Нет, — сказал я как отрезал. — Будь все иначе, я бы сделал так, чтобы в моей невиновности было как можно меньше сомнений. Я говорю тебе чистую правду.

— Хорошо, — кивнул Рэндом. — Где тело Кейна?

— Зарыто в земле, неподалеку от рощи Единорога.

— Будут подозрения, — нахмурился Рэндом. — Наверняка будут. У других.

— Знаю. Но мне нужно спрятать тело. Не сюда же его тащить! Меня бы тогда просто засыпали вопросами. И потом, нужно о многом расспросить тебя. Это очень важно.

— Ладно, — вздохнул Рэндом. — Уж не знаю, что и насколько важно, но это дело твое. Только учти, голову мне не морочь. Как все случилось?

— Дело было сразу после обеда, — начал я. — Мы обедали в гавани с Джерардом. Потом Бенедикт вызвал меня наверх, через карту. У себя в комнате я обна-

ружил записку — видимо, ее подсунули под дверь. В записке была изложена просьба о встрече наедине у рощи Единорога. А подписано было Кейном.

— Записка еще у тебя?

— Да, — ответил я, вытащил записку из кармана и подал Рэндому. — Вот, смотри.

Рэндом прочитал записку, помолчал и покачал головой.

— Не знаю, — недоверчиво проговорил он. — Может, это и Кейн писал... спешил, может... но только все-таки, по-моему, не он.

Я пожал плечами, взял у Рэндома записку, сложил и убрал в карман.

— В общем, я пытался вызвать его через карту, но он не отзывался. Я решил, что Кейн, наверное, заблокировался — не хочет, чтобы кто-то знал, где он. Так что я оседлал коня и поскакал.

— Говорил кому-нибудь, куда направляешься?

— Никому. Взял с места в карьер, лошадь загнал и все равно опоздал. Я не видел, как все случилось, — увидел только, что Кейн лежит на земле. Горло у него было перерезано. А в кустах неподалеку кто-то шуршал. Я бросился туда, нагнал вот эту тварь, мы сцепились... пришлось прикончить. Сам понимаешь, разговаривать с ублюдком мне было некогда.

— Ты уверен, что не ошибся?

— Окажись ты на моем месте, ты был бы уверен в этом не меньше меня. Его следы тянулись от тела Кейна, а на его тряпье была свежая кровь.

— Может, она его собственная?

— А ты осмотри эту сволочь внимательнее. Целехонек — ни царапинки. Я ему только шею сломал. А поскольку не забыл, где имел счастье видеть таких красавчиков, приволок сюда, чтобы ты посмотрел. Но прежде чем ты мне все расскажешь, я тебе еще кое-что покажу, чтобы ты не сомневался, — сказал я и вынул из кармана еще одну записку. — Эту записку я нашел у этого мерзавца. Наверное, он ее у Кейна стащил. — Рэндом прочитал вторую записку и отдал мне.

— Кейну от тебя с просьбой о встрече на этом самом месте. Все ясно. Тут и говорить нечего.

— Нечего, точно, — согласился я. — И главное, как на мой почерк похоже, то есть на первый взгляд.

— Интересно, что бы произошло, если бы первым туда прибыл ты?

— Может, и ничего, — сказал я, пожав плечами. — Я им нужен живым и паршиво выглядящим. Вся соль была в том, чтобы заманить нас туда друг за другом, и притом в определенном порядке. А я немного опоздал к началу спектакля.

Рэндом задумался.

— Ловко сработано. За этим явно стоит тот, кто находится здесь, во дворце. Есть какие-нибудь соображения?

Я хмыкнул и потянулся за сигаретой. Закурил и снова хмыкнул.

— Я только что вернулся. А ты тут был все время. Кто нынче сильнее всех меня ненавидит?

— Дурацкий вопрос, Корвин, — заявил Рэндом. — Все на тебя за что-нибудь в обиде. Я бы, конечно, первым назвал Джулиана. Но он тут явно ни при чем.

— Это почему же?

— Они с Кейном отлично ладили много лет. Один пропадет — другой разыскивает. Да, они дружили. Джулиан — тип еще тот: холодный, черствый, жестокий — не мне тебе рассказывать. Но если он и питал когда-нибудь к кому-нибудь хоть какие-то чувства, так это к Кейну. Не думаю, чтобы он мог убить его только для того, чтобы свалить вину на тебя. В конце концов, для того чтобы тебе подгадить, он мог бы много чего другого придумать.

Я вздохнул:

— Кто следующий?

— Не знаю. Просто не знаю.

— Ладно. Каковы могут быть последствия, как думаешь?

— Плохо твое дело, Корвин. Все решат, что это твоих рук дело, что бы ты ни говорил.

Я молча кивнул в сторону лежавшего в углу трупа. Рэндом покачал головой:

— Скажут: приволок из Теней какого-то бедолагу, чтобы чистеньким прикинуться, и все.

— Ясно, — кивнул я. — Что ни говори, времечко для возвращения в Амбер я выбрал удачное. Самое подходящее для восхождения на престол.

— Лучше не бывает, — согласился Рэндом. — Ведь тебе даже Эрика не пришлось убивать, чтобы добиться того, чего хотел. Повезло тебе. Здорово повезло.

— Что да, то да. Однако ни для кого не секрет, что я вернулся именно с этой целью — убить Эрика, и теперь нужно совсем немного времени, чтобы мои расквартированные в Амбере войска — иноземные, особо вооруженные, прекрасно вымуштрованные — начали вызывать законное недовольство. До сих пор выручал только страх угрозы извне. Ведь меня подозревают во многом таком, что я якобы учинил до своего возвращения в Амбер, — в убийстве слуг Бенедикта, к примеру. А теперь еще Кейн...

— Да, — сказал Рэндом понимающе. — Сразу видно, к чему ты клонишь. Тогда, много лет назад, когда вы шли на Амбер вместе с Блейзом, Джерард увел часть кораблей с вашего пути. А Кейн повел свои суда в атаку и обратил вас в бегство. Теперь, когда Кейна больше нет, ты, видимо, назначишь Джерарда командующим флотилией.

— А кого же еще? Он единственный, кто может справиться.

— Несмотря на...

— Несмотря. Назначу. Видишь, как получается: если бы я должен был кого-то отправить на тот свет, чтобы упрочить собственное положение, этим кем-то, по логике вещей, должен был бы стать Кейн. Такова непреложная, жуткая истина.

— И как ты собираешься все уладить?

— Честно расскажу всем, что случилось, и попытаюсь узнать, чьи это проделки. Или у тебя есть предложение получше?

— Я все думаю, какое бы тебе алиби сочинить. Но, похоже, не выйдет.

Я усмехнулся и покачал головой:

— Нет, Рэндом, ты слишком близок ко мне. Что бы мы оба ни говорили, эффект может получиться с точностью до наоборот.

— А ты думал о том, чтобы взять вину на себя... нарочно?

— Думал. Но самозащита исключена. У Кейна перерезано горло — такое бывает только при внезапном нападении. А представить дело в ином свете у меня

пороху не хватит — ну, например, я прознал, что он замышляет дурное, и прикончил его ради блага Амбера. Такие признания не по мне. С душком выйдет, как ни крути.

— Зато создашь себе репутацию непримиримого тирана.

— Такого сорта непримиримость в мои планы не входит. Нет-нет, не пойдет.

— Ну, стало быть, все решено — пока что.

— «Пока что» — это ты о чем?

Рэндом прищурился и, самым внимательным образом разглядывая ноготь на большом пальце левой руки, изрек:

— Видишь ли... я подумал, что, если ты горишь желанием кого-нибудь еще убрать с картины, сейчас самое время подумать о том, что раму всегда можно уменьшить.

Я задумчиво докурил сигарету.

— Мысль недурная, — признал я. — Но, видишь ли, сейчас не время жертвовать еще кем-то из братьев.

Даже Джулианом, хотя он-то как раз в раму хуже всех вписывается.

— Тут дело не в нашем семействе, — возразил Рэндом. — Полным-полно благородных жителей Амбера, горящих желанием разделаться с тобой. Взять хотя бы сэра Реджинальда...

— Забудь об этом, Рэндом. Менять раму я тоже не собираюсь.

— Как скажешь. Только учти, мое серое вещество вот-вот иссякнет.

— Надеюсь, с памятью у тебя все в порядке?

— Вроде бы да.

Рэндом вздохнул, потянулся, встал, перешагнул через неподвижное тело, подошел к окну. Отодвинув портьеру, некоторое время молча смотрел в окно.

— Ладно, — сказал он наконец. — Рассказ выйдет долгий.

И Рэндом начал вспоминать вслух.

II

— Кто спорит: секс — занятие замечательное, но есть много всяких других дел, которыми мы любим заниматься в промежутках. Для меня, Корвин, это игра на ударных, а еще я обожаю летать и резаться в карты. Не буду уточнять, что я люблю больше. Пожалуй, летать все-таки приятнее: на планерах, воздушных шарах, да мало ли на чем — все от настроения зависит, сам понимаешь. Я в том смысле, что спроси ты меня в другой раз, и я заявлю, что мне больше по душе что-то другое. Да, все дело в настроении.

В общем, так... Несколько лет назад я был тут, в Амбере. Так, слонялся из угла в угол, ничем особо не занимаясь. Погостить приехал и путался у всех под ногами. Папаша еще жив был тогда, и как-то раз, когда он впал в особенно сварливое расположение духа, я понял, что пора бы мне прогуляться. Хорошенько прогуляться! Я давно заметил, что папашина любовь ко мне возрастает в прямой зависимости от того, на каком расстоянии от него я нахожусь. На прощание отец преподнес мне изумительно красивый хлыст — наверное, для того, чтобы подстегнуть процесс разгорания отеческих чувств. Хлыст, ей-богу, был превосходный —

тонкий, инкрустированный серебром, просто мечта, а не хлыст, — и я не преминул воспользоваться им по назначению. Решил предаться простым радостям бытия в соответствии с моими скромными запросами в одном уютном уголке пространства Теней.

Путь был долгий. Не буду утомлять тебя подробностями. Главное, что я забрался очень далеко от Амбера. Никаких важных дел у меня не было; от важных дел либо очень скоро в тоску впадаешь, либо наталкиваешься на уйму трудностей — все зависит от того, какую долю ответственности на себя взвалишь. А мне отвечать за что-то охоты не было — я хотел просто развлечься, и все.

Тексорами — большой открытый портовый город: жаркие дни, долгие ночи, дивная музыка, азартные игры круглые сутки, поединки каждое утро, а для тех, кто не в силах до утра потерпеть, — драки днем и ночью. А какие там воздушные потоки! У меня был маленький красный планер, и примерно раз в пару дней я занимался скайсерфингом. Лупил по барабанам, сколько хотел, в одном подвальчике выше по реке — стены там были такие же вспотевшие, как тамошние всегдатаи, и дым тек в лучах светильников, словно струйки молока. А когда мне надоедало колотить по барабанам, я отправлялся на поиски приключений — наслаждался женским обществом или резался в карты. На это уходил остаток ночи... Эрик, будь он проклят! Нет, ты представляешь — он как-то меня шулером обозвал! Вот уж где я сроду не хитрил, так это в картах. К каждой игре отношусь совершенно серьезно. И играть умею, и везет мне, как правило. С Эриком все было наоборот. Просто беда. Он так много чего умел делать хорошо, что не желал даже самому себе признаться в том, что на свете могут быть вещи, которые кто-то делает лучше, чем он. И если ты его в чем-то побеждал, получалось, что ты сыграл нечестно. Как-то ночью он затеял по этому поводу жуткий скандал — дело могло бы плохо кончиться, но Джерард с Кейном вмешались и не дали ему разойтись. Спасибо Кейну — он тогда был на моей стороне. Бедняга... Все-таки чертовски ему не повезло — глотку перерезали, сволочи... Ну вот, словом, оттягивался я в Тексорами — музыка, женщины, что ни игра, то выигрыш, а днем летал, как птица небесная, на своем планере. Пальмы там, желтофиоли по ночам благоухают — красотища! А как пахло в порту! Специи, кофе, деготь — ну, можешь себе представить. Народу всякого полно — и тебе господа благородные, и купчишки, и пеоны. Моряки, путешественники... Все носятся туда-сюда как угорелые. Ну и парни вроде меня, любители острых ощущений. Прожил я в Тексорами чуть побольше двух лет и был счастлив. Честно, счастлив. Надолго ни с кем не сходился. Так, шапочные знакомства — поздороваешься при встрече, а чтобы дружить — ни-ни. Амбер у меня просто из головы вылетел.

Но однажды ночью все разом переменилось. Я дулся в карты, и на руках у меня был «фулл хауз», так что я был спокоен, а парень, что напротив меня сидел, изо всех сил старался угадать, не блефую ли я.

И вдруг со мной ни с того ни с сего заговорил валет бубен.

Да-да, вот так все и началось. Правда, я тебе честно скажу, с головой у меня тогда неважно было. Я только что отыграл пару горячих партий, и мне все время везло. Да и летал весь день, устал как собака, а предыдущей ночью почти глаз не сомкнул. Уже потом я подумал, что в то мгновение произошел ментальный контакт — такой, какой происходит через магические карты, хотя тогда в руках у меня были карты самые обычные. Но ведь когда кто-то нас вызывает, мы карт в

руках не держим, а берем их только тогда, когда сами хотим вызвать кого-то. Словом, не знаю. Может, мое свободно парящее подсознание ухватилось за то, что было под рукой... Позднее я много раз голову ломал над этим. Было чему удивиться. До сих пор не знаю, как все вышло.

Валет сказал: «Рэндом!» Потом перекосился весь и говорит: «Помоги мне». Я уже немного очухался, но все равно в глазах стоял туман. Потом стали проступать черты лица, и я понял, что это Брэнд. Я не ошибся. Видок у него был — хуже не придумаешь: не то в цепи закован, не то связан — не разберешь. И снова говорит: «Помоги».

А я ему: «Слышу тебя. Что стряслось?» — «Я в плену», — отвечает и еще что-то сказал, только я не разобрал. «Где?» — спрашиваю, а он только головой покачал. «Мне, — говорит, — тебя сюда не вытащить. Карт у меня нет, а я слишком слаб. Добираться тебе долго придется».

Я не стал допытываться, как это ему удалось со мной связаться без моей карты. Главное было — узнать, где он находится. Я спросил, как его разыскать. Он сказал: «Смотри внимательно. Запомни все, что сможешь. Только раз могу показать, и все. Захвати оружие...»

И я увидел... Корвин, это было где-то жутко далеко от Амбера — где-то там, где Тени начинают впадать в безумие. Гораздо дальше, чем я люблю забираться. Все кругом какое-то застывшее, окоченевшее, а цвета постоянно меняются. Вроде как все объято пламенем. Словно бы и день, а солнца нет. Камни здоровенные носятся по земле, что твои парусники по морю. А Брэнд... Брэнд был заточен в башне — только эта башня стояла на месте, не двигалась. И еще я успел заметить, что у подножия башни свернулась кольцом какая-то тварь — блестящая такая, переливающаяся. Похоже было, что она охраняет эту башню, но она так сверкала, что просто глаза слепило, и я толком разглядеть не успел, что это такое.

Потом вдруг все исчезло. Было — и нет. А я сижу как идиот, пялюсь на валета бубен. Парень, что напротив сидел, видно, совсем уж взбеленился — чего это я так долго думаю? Не тронулся ли я часом?

Больше я в ту ночь не играл. Доплелся до дома, рухнул на кровать, курил и думал, думал... Когда я уезжал, Брэнд был в Амбере. Потом, когда я спрашивал, куда он делся, мне никто сказать не мог. Затосковал, дескать, собрался в одночасье и ускакал куда-то. Вот и все. И никаких вестей от него. Сам на связь не выходил, и его никто вроде бы дозваться не мог.

Я все гадал, что же могло случиться. Брэнд — он ведь не дурак и пройдоха известный. Большего пройдохи у нас в семействе не найти, пожалуй. Но он попал в беду и звал меня на помощь. Почему меня? Эрик и Джерард — куда большие герои, чем я, и с радостью пустились бы в приключения. Кейн, пожалуй, отправился бы Брэнду на помощь из чистого любопытства. Джулиан мог бы решиться на такое, чтобы всем нос утереть и с папашей поквитаться. И уж проще всего Брэнду было самого отца вызвать. А он вызвал меня. Почему?

Тогда я подумал, что, может, кто-то из наших повинен в том, что с Брэндом случилось, — и, может, даже не кто-то один... Ну мало ли — вдруг, к примеру, отец его выделять вздумал... Словом, ты понимаешь. Если так, то вызови он папашу — тот бы в нем мигом разочаровался.

Так что я мало-помалу заглушил в себе порыв связаться с кем-нибудь из наших и позвать кого-то на подмогу. Брэнд позвал меня, а протрепаться про это

кому-нибудь в Амбере было все равно что перерезать ему глотку собственными руками. Ладно. Но все-таки при чем тут я? И что я с этого могу поиметь?

Если речь шла о наследовании, если Брэнд и вправду выбился в фавориты, выдай я его — он бы мне это припомнил. А если нет... Вариантов было хоть отбавляй. Может, он домой возвращался и на что-то напоролся, на что-то такое, о чем следовало разузнать получше. А еще мне было жутко любопытно, как это он ухитрился карты обойти и со мной связаться. В общем, я бы сказал, что из одного только любопытства я решил отправиться в одиночку и попытаться спасти Брэнда.

Я достал свою колоду и попробовал с ним связаться. Как и следовало ожидать, он мне не ответил. Я хорошенько выспался, а с утра снова попробовал его вызвать. То же самое. Ладно, решил я, ждать больше нечего.

Почистил меч, плотно поел, напялил на себя какие-то шмотки погрязнее, прихватил темные очки-«хамелеоны»... Точно не знал, помогут ли они мне там, но та тварь возле башни была такая яркая, что я подумал: очки не помешают. И пистолет взял. Было, правду сказать, такое чувство, что толку от него мало будет, и я не ошибся. Но как я всегда говорю: пока сам не попробуешь — не узнаешь.

Единственным, с кем я попрощался, был один ударник, мой приятель. Я отдал ему свою установку — знал, что о ней позаботится.

Потом спустился к ангару, повозился с планером, вылетел и поймал отличный воздушный поток.

Не припомню — ты когда-нибудь летал через Тени? Нет, не летал? Понятно. Ну так вот... Я был над морем и летел до тех пор, пока северный берег не превратился в тонкую полосочку. Подо мной плескались темно-свинцовые волны — вздымались, трясли искристыми белыми бородами и снова опадали. Ветер переменился. Я сделал разворот, помчался над волнами к берегу. Небо потемнело. Когда я долетел до устья впадавшей в море реки, никакого Тексорами там и в помине не было — на многие мили тянулись сплошные болота. Я поймал восходящий поток воздуха и полетел над землей, вверх по течению реки, над всеми ее излучинами, поворотами, притоками... Ничего тут теперь не стало — ни причалов, ни дорог, ни транспорта. Все заросло высоченными деревьями.

На западе сгустились облака — розовые, жемчужные, желтые. Солнце постоянно меняло цвет — оно было оранжевым, потом стало красным, потом желтым. Что ты головой качаешь? С солнцем — это из-за городов. Когда я тороплюсь, я истребляю... нет, не совсем так — стремлюсь сократить путь. На такой высоте жутко мешают всякие искусственные постройки. Для меня главное — светотени и рельеф. Вот почему я тебя спросил, летал ли ты через Тени. Это совершенно особенное дело.

В общем, я летел на запад, и леса постепенно сменились зелеными лугами, которые мало-помалу побледнели, распались, превратившись в коричневые, рыжеватые и желтые пятна. Потом все внизу посветлело, рассыпалось на мелкие крошки, а затем слилось в сплошное грязное пятно. За свою спешку я получил в подарочек грозу. Я пытался обогнуть грозовой фронт, но кругом уже полыхали молнии, и я побоялся, что порывы ветра окажутся слишком свирепыми для моего маленького планера. Я быстро направил его вниз, под облака, но в результате снова увидел под собой зелень лугов. И все-таки я ухитрился проскочить грозу, и

в спину мне светило жаркое желтое солнце. Через некоторое время я добился того, что подо мной снова оказалась пустыня — голая, мрачная, холмистая.

А потом солнце сжалось, его опоясали полосы туч — они словно по кусочку стирали солнце с небес. В бешеной спешке я так сократил путь, что забрался немыслимо далеко от Амбера — так далеко, как никогда не забирался.

Солнце исчезло, но свет остался. Яркий, но какой-то сверхъестественный, рассеянный, непонятно откуда исходящий. Глаза слепило, перспективу разглядеть было просто невозможно. Тогда я опустился пониже, чтобы ограничить поле зрения. Скоро впереди возникли большие скалы. Постепенно они стали приобретать те самые очертания, что мне запомнились.

Естественно, когда летишь над скалами, тут только успевай поворачиваться — вверх, вниз и так далее. Планером стало трудно управлять. Я опустился ниже, чем нужно, и в одном месте чуть было не врезался в скалу. В довершение всего появились клубы дыма, заплясали языки пламени — примерно так, как я запомнил: безумно, беспорядочно, то там, то тут, выбиваясь из расселин в земле, дыр, входов в пещеры. И цвета метались — в общем, все в точности так, как я успел запомнить. А потом скалы начали двигаться — зашевелились и поплыли, словно корабли без руля и ветрил в тех местах, где родятся радуги.

Воздушные потоки на ту пору тоже словно обезумели. Порывы ветра налетали один за другим, лупили по планеру, словно струи гейзеров. Я держался, как мог, но понимал, что на такой высоте мне долго не протянуть. Поднялся повыше, на время позабыв обо всем — только бы удержать высоту. Когда я снова посмотрел вниз, там происходило что-то наподобие жуткой регаты с участием черных айсбергов. Скалы носились по земле, налетали одна на другую, отскакивали, снова сталкивались, вертелись, перелетали через открытые пространства, пролетали одна сквозь другую... А меня мотало то вверх, то вниз, и очень скоро я почувствовал, что воздушный поток ослабевает. Тогда я в последний раз дал Теням пинка и снова глянул вниз. Вдалеке я увидел контуры башни — казалось, она построена из чего-то светлее льда и алюминия и покоится на прочном основании.

Последний толчок — и все было кончено. Я понял это по тому, как забесновался ветер. Порвалось несколько тяжей, и меня помчало вниз — словно в лодочке по водопаду. Я задрал нос планера, выровнял полет, но мы все равно неслись вниз на бешеной скорости. Я только успел разглядеть, куда мы падаем, и выскочил в последнее мгновение. А мой несчастный планер налетел на одну из этих чертовых скал и разбился на мелкие кусочки.

Пришлось поторопиться — скала, угробившая планер, неслась прямо на меня. Кто ими двигал, этими скалами, я понять не мог и поначалу в их передвижении не замечал никакой системы. Земля под ногами была то теплая, то горячая, из нее валил дым, рвалось пламя. Мерзко пахнущие газы сочились из бесчисленных щелей и отверстий в почве. Я, увертываясь от мечущихся скал, поспешил к башне.

Добрался до нее нескоро. Сколько времени у меня ушло, точно не скажу — я только то и делал, что выбирал дорогу. Правда, по пути заметил, что в передвижении скал прослеживается определенный порядок. Во-первых, более крупные камни двигались быстрее. Во-вторых, они двигались по кругу, и крупные носились вокруг более мелких. Может быть, первотолчок этого круговращения исходил от

крошечной пылинки, а может, и вообще от одной-единственной молекулы. Но искать центр этого камневорота у меня ни времени, ни желания не было. Я просто лавировал между скалами, исподволь размышляя, и это, видимо, помогло мне избежать нескольких столкновений.

Ну, стало быть, подошел Чайльд Рэндом к черной башне*, в одной руке он меч сжимал, а в другой — пистолет... На груди у меня на ремешке болтались очки. Покуда вокруг было так дымно и свет все время менялся, не было смысла их надевать, а вот теперь смысл появился.

По какой-то непонятной причине беснующиеся камни к башне не приближались. Она стояла на возвышении, и когда я до нее добрался, понял, что пляски камней происходят в громадной котловине у подножия холма, на котором стояла башня. Но пока оттуда, где я стоял, трудно было понять, что собой представляет это возвышение — остров или полуостров посреди котловины.

Я плелся вперед сквозь дым, по обломкам камней, увертывался от языков пламени, то и дело вырывавшихся из трещин и дыр в земле. Наконец я почувствовал, что поднимаюсь по склону, и немного уклонился от прямого пути к башне. Ненадолго задержался в том месте, где с башни меня не было видно, проверил, в порядке ли оружие, собрался с духом и напялил очки. Я добрался до края подъема и припал к земле.

Ох, как мне помогли очки! Страшилище, конечно, было начеку.

Оно выглядело еще более ужасно оттого, что была в нем какая-то удивительная красота. Змеиное тело толщиной в бочку, голова наподобие молотка, заостренного в сторону пасти. Глаза — бледно-бледно-зеленые. И вся тварь была прозрачная, как стеклышко, только кое-где виднелись тоненькие, едва заметные линии, обозначавшие кольца. Что бы там ни текло у страшилища по венам, оно тоже было прозрачным. Смотришь и видишь внутренности — вот они были мутные, непрозрачные, какие-то затуманенные. Зрелище просто завораживающее — лежать и смотреть, как эта штука устроена. Да, еще у чудища была густая грива — что-то наподобие стеклянной щетины, которая воротником обнимала шею.

Когда тварь пошевелилась, заметив меня, она подняла голову и заскользила вперед. Это было похоже на движение воды — такая живая река без русла и берегов. Но когда я разглядел, что у чудища в желудке, я похолодел... Там был наполовину переваренный человек.

Я поднял руку с пистолетом, прицелился в ближайший ко мне глаз чудища и нажал на курок. Я ведь тебе уже говорил — толку чуть. Я бросил пистолет, вскочил, отпрыгнув влево, оказался по правую сторону от головы чудища и попытался попасть ему в глаз мечом.

Ты должен знать, как трудно прикончить всякого похожего на змею зверя. По правилам его нужно сначала ослепить, а уж потом оттяпать ему язык. Потом, если удастся действовать быстро, положено рубануть по башке разок-другой, а после того, как она отвалится, чудище должно забиться в агонии, поизвиваться как следует и в конце концов издохнуть. А еще я тешился надеждой, что тварь не будет вести себя слишком прытко, поскольку недавно плотно покушала.

«Хорошо, что она сыта, — думал я, — и какое счастье, что я не появился здесь раньше». Я замахнулся мечом. Тварь дернула головой и нырнула под лезвие меча. А я еще не успел обрести равновесие и вдобавок получил мощнейший удар в грудь — словно тяжелым молотом шарахнула змеюка. Короче, я упал.

Упал, покатился по земле, быстренько отполз подальше. Еще чуть-чуть, и я бы оказался на краю обрыва. Я мгновенно поднялся, а тварь развернулась и снова кинулась на меня. Ее голова взметнулась футах в пятнадцати надо мной.

В тот миг я отчетливо представил себе, что, будь на моем месте Джерард, он бы не упустил такого момента и нанес бы твари сокрушительный удар. Рванулся бы вперед и рассек бы чудище пополам своим громадным мечом. Тварь бы, естественно, повалилась, накрыла его своим мерзопакостным телом, а он выкарабкался бы из-под нее, отделавшись несколькими синяками. Ну а Бенедикт — уж тот бы не промахнулся, целя твари в глаз. Да что там — промахнулся... оба глаза уже бы лежали у него в кармане, а башкой твари он бы в мячик играл, сочиняя в уме депешу Клаузевицу*.

Но они-то настоящие герои, а я... А я стоял как идиот, выставив вперед меч, сжав рукоять обеими руками, локти в бедра, голова запрокинута... Больше всего на свете мне хотелось драпануть во все лопатки и забыть об этом на всю оставшуюся жизнь.

Но только... я знал, что, если брошусь наутек, тварь настигнет меня и сожрет как миленького.

Да еще из башни донеслись вопли — значит, меня заметили, но оглядываться и смотреть, что там творится, у меня желания не было. Я принялся дразнить чудище. Я хотел, чтобы оно снова атаковало меня, и тогда уж я с ним покончил бы, так или иначе.

В конце концов тварь кинулась на меня, а я, изловчившись, размахнулся и изо всех сил вогнал меч в то место, куда метил.

Сам я от этого удара еле очухался. Левый бок онемел, и было такое ощущение, словно я на целый фут врос в землю. Однако удар удался. Я все сделал верно, и было за что меня похвалить.

А вот чудище хвалить было совершенно не за что. Не ответил мне гад взаимностью — никаких тебе предсмертных конвульсий.

Совсем наоборот, снова задрал голову. Мало того, он еще и меч мой уволок — тот по рукоять ушел в левую глазницу твари, а кончик лезвия торчал посреди стеклянных игл гривы. Словом, я понял, что дело мое — труба.

А из отверстия в основании башни стали появляться какие-то фигуры — медленно, крадучись, они двигались в мою сторону. Видок у этих парней был премерзкий, они были вооружены, и я почувствовал, что в драке с чудищем они явно не на моей стороне.

«Ладно, — решил я. — В другой раз буду знать, что надо получше целиться».

— Брэнд! — прокричал я. — Это я, Рэндом! Не могу пройти к тебе! Прости!

А потом я повернулся, побежал, соскользнул с края обрыва и во всю прыть помчался по склону к котловине, где бесновались камни, на бегу решая, верно ли я выбрал время для бегства.

Как во многих случаях, ответ был и «да», и «нет». Клянусь, таких лихих прыжков мне бы в жизни своей не сделать, если бы... Уцелеть-то я уцелел, но вот именно, что уцелел — весь побитый, исцарапанный и, похоже, ногу в лодыжке сломал.

Встать и снова побежать меня заставили шум наверху и звук осыпающегося щебня. Когда я надел очки и посмотрел наверх, я понял, что чудище решило спу-

ститься с холма, догнать меня и завершить столь успешно начатое дело. Проклятый змей-призрак сползал, извиваясь, по склону. Вокруг глаза темнело пятно в том месте, куда угодил мой меч.

Я сел. Встал на колени. Пощупал лодыжку и понял, что идти не смогу. Поискал глазами какую-нибудь палку, чтобы опереться. Ничего даже смутно похожего. Я пополз. Что еще оставалось делать? Только пытаться по возможности выиграть расстояние и думать, что еще можно предпринять для спасения собственной шкуры.

Спас меня камень — один из тех, что были поменьше остальных и носились не так бешено, — размером с небольшой фургон. Когда я заметил, что он приближается ко мне, я подумал: а почему бы не воспользоваться им в качестве транспортного средства? К тому же это могло обеспечить мне некоторую долю безопасности. Камни, что носились быстрее, не вызывали у меня доверия.

Соображая таким образом, я проследил за движением более крупных камней рядом с тем, что выбрал для себя, попытался уловить систему в их перемещении и приготовился, выжидая подходящего момента. А при этом еще во все уши слушал — близко ли чудище. С вершины холма уже доносились вопли мерзких охранников башни. Я лихорадочно гадал, кто они такие и нападут ли на меня.

Улучив момент, я пополз к избранному мной камню. Без труда увернулся от проскочившего мимо булыжника, а потом пришлось обождать, когда проскочит следующий. Затем мне пришлось рискнуть и оказаться на пути у «моего» камня, иначе бы я просто не поспел.

Я все рассчитал правильно — ухватился за выступы на камне, которые приглядел заранее, и меня проволокло по земле примерно футов двадцать, прежде чем я успел что-либо сообразить.

Погоня была близко. Тварь продолжала ползти за мной, уцелевшим глазом следя за здоровенными камнями.

А сверху слышался весьма и весьма удручающий вой. Вскоре по склону вниз повалила целая толпа охранников башни, издавая боевые кличи, как я понял, предназначенные для того, чтобы подбодрить чудище. Я принялся растирать лодыжку и попытался расслабиться. Прозрачный гад полз за мной и обогнул первый крупный камень, который как раз завершил очередной круг.

«Далеко ли я смогу сместиться по Теням, пока тварь не настигнет меня?» — думал я. Все двигалось вокруг, все менялось...

Тварь дождалась, пока мимо нее проскочил очередной камень, заметила меня, проползла еще немного...

«Тень, на помощь, поскорей...»

Отряд ратников на ту пору уже завершал спуск с холма. А тварь выжидала, когда между валунами образуется просвет, чтобы добраться до того камня, на котором сидел я. Я знал, что ей ничего не стоит задрать голову и слизнуть меня с камня.

«Оживи и тварь убей!»

Вертясь и скользя на верхушке камня, я ощутил структуру Тени, погрузился в нее, начал манипулировать ею, переводя возможное в вероятное, а вероятное в реальное, почувствовал приход реального в виде едва заметного искривления пространства и в нужный момент придал Тени необходимый толчок...

Естественно, моя спасительница появилась с той стороны, где у твари был ослепший глаз, — громаднейшая скала, всем скалам скала, накренившаяся набок, словно потерявшая управление. Конечно, намного изящнее было размазать этого гада между двумя скалами, но с него и одной хватило. На изящество у меня не было времени. Я просто взял и сделал так, что скала подмяла под себя чудище, переехала его и помчалась дальше, а тварь размазалась по земле.

Правда, мгновение спустя размозженное тело чудища ни с того ни с сего поднялось в воздух, извиваясь, полетело, гонимое ветром, и вскоре скрылось из виду.

А мой камешек уносил меня все дальше — медленно, но верно. И все вокруг плыло и вращалось. Те ублюдки, что бросились за мной в погоню, сгрудились у подножия, посовещались и, судя по всему, решили-таки догонять меня. Но их-то мне бояться было совершенно нечего. Я на своем камешке мог в любой момент проскочить сквозь Тени и оставить их отряд на много миров позади. Только это я и мог себе позволить. С ними мне, как с чудищем, управиться было невозможно. В конце концов, они были у себя дома, обозлены и живы-здоровы.

Я снял очки и снова пощупал лодыжку. Попробовал встать. Было больно, но на ногах я худо-бедно держался. Я снова сел и попытался подвести итоги. Итак, я остался без меча и здорово покалечился. На подвиги меня не тянуло, и самое лучшее было — убраться отсюда подобру-поздорову. Я успел разузнать, что тут к чему, и в следующий раз мне могло повезти больше. И вот...

Небо посветлело, цвета перестали бешено метаться. Языки пламени присмирели, стали пониже. Отлично. Тучи стали понемногу рассеиваться. Великолепно. Вскоре за облаками возникло сияние, исходившее из определенного места. Восхитительно. Когда тучи разойдутся окончательно, в небесах засияет солнце.

Я оглянулся и, к величайшему удивлению, обнаружил, что за мной все еще гонятся. Скорее всего, я просто недостаточно усердно потрудился над аналогами преследователей в срезе новой Тени. Полагаться на то, что все предусмотрел, когда так торопишься, неосмотрительно. Ну ладно...

Я снова сместился. Камень, на котором я сидел, мало-помалу изменил курс, несколько изменил форму, остался без спутников и двигался по прямой туда, где, по моим представлениям, должен был находиться запад. Тучи разошлись, на небе светило тусклое, бледное солнце. Камень набирал скорость. Стало быть, все в порядке. Теперь уж я точно попал совсем в другое место.

Однако далеко не все было в порядке. Когда я снова оглянулся, я обнаружил, что мои преследователи все еще гонятся за мной. Правда, я здорово оторвался от них. Но почему они не исчезли?

Что делать — такое иногда бывает. А причин тому могло быть две. Либо я настолько взбудоражен всем случившимся, что мои действия по перемещению далеко не идеальны и я невольно утащил мерзавцев с собой, либо я сохранил константу там, где нужно было устранить переменную величину, то есть, перенося себя в другое место, бессознательно потребовал, чтобы элемент погони сохранился. Тогда получалось, что враги были другие, но это ничего не меняло — они все равно гнались за мной.

А я растирал лодыжку как проклятый. Солнце стало оранжевым. Ветер с севера взметнул тучу песка и пыли и повесил ее за моей спиной, скрыв от меня отряд преследователей. Я мчался на запад, где все более явно вырисовы-

валась горная гряда. Время вошло в фазу разрыва. Боль в лодыжке мало-помалу утихала.

Я решил немного передохнуть. Камень мне попался довольно удобный, если такое можно сказать про камень. Не было смысла гнать его с бешеной скоростью, когда все вокруг, казалось, движется так мирно и гладко. Я растянулся на спине, забросил руки за голову и стал смотреть на приближающиеся горы, думая о Брэнде, томящемся в башне. Место было то самое. Все в точности так, как он мне показал. Правда, он мне не показал охранников. И я решил, что должен выскочить в подходящую Тень, набрать подмогу, а потом вернуться туда и задать этим гадам жару. Тогда все должно получиться как надо.

Полежав немного, я потянулся, перевернулся на живот и поглядел назад. Будь я проклят, если погони не было! Преследователи даже нагнали меня!

Ну, естественно, я просто взбесился от злости. Хватит! Сколько можно от них удирать? Сами напросились. Пора было разделаться с ними.

Я осторожно поднялся. Боль в лодыжке все еще чувствовалась, но уже притихла. Я поднял руки и стал оглядываться в поисках нужных мне Теней. И нашел их.

Камень подо мной прекратил движение по прямой и двинулся вправо, описывая дугу. Искривленное пространство уплотнилось и натянулось. Я перемахнул через параболу и помчался прямо на своих преследователей с нарастающей скоростью. Времени создавать бурю позади себя не было, хотя, если бы удалось, это был бы весьма впечатляющий нюанс.

Врагов было десятка два. Удивленные скоростью моего приближения, они благоразумно рассыпались. Но парочке не повезло — не успели отбежать. И поделом! Я проскочил через новую кривую и вернулся обратно — быстро, как только мог.

Вид поднимающихся в воздух трупов потряс меня до глубины души. Они оторвались от земли, взлетели под углом и парили у меня над головой.

Удар был удачен, однако я обнаружил, что несколько мерзавцев успели залезть ко мне на камень. Первый из них взобрался наверх и замахнулся мечом. Я перехватил его руку, вырвал меч и сбросил наглеца на землю. Наверное, тогда-то я и заметил шипы на ладонях у твари. Мерзость жуткая — меня аж передернуло.

В это время те, что были внизу, принялись обстреливать меня какими-то пакостными штуками, а на камень взобрались еще двое. Было похоже, что к ним скоро присоединятся другие.

Что было делать — даже Бенедикт порой благоразумно ретируется. По крайней мере те, кто уцелеет, меня надолго запомнят!

Я отпустил Тени, оторвал шипастую лапу, что вцепилась в мой бок, и еще одну — что схватила меня за бедро, рубанул по той руке, что держала меч, наподдал как следует в солнечное сплетение, упал на колени, чтобы избежать удара, который мне готов был нанести второй мерзавец, и ответным ударом сбил его с ног. А потом скинул обоих с камня.

Наверх карабкались еще пятеро. Камень летел на запад. С десяток противников перегруппировывались позади, а в воздухе над ними реяли трупы их товарищей.

Со следующим мне крупно повезло — только он успел появиться над краем камня, как незамедлительно отправился на тот свет. Туда ему и дорога. Теперь счет был четыре-ноль в мою пользу.

Пока я разделывался с последним, на камень забрались еще трое, причем все с разных сторон.

Я схватился с одним из них и прикончил его, но тут подоспели двое и разом навалились на меня. Я принялся отбиваться, а в это время к ним подоспел еще один.

Не сказать, чтоб ублюдки были такими уж потрясающими бойцами, но на камне стало тесновато, да и поверхность у него была для поединка не самая удобная — сплошные выступы, и притом острые. Я вертелся как волчок, раздавал удары налево и направо, скакал в разные стороны, пытаясь добиться того, чтобы они мешали друг другу. И когда мне показалось, что я ухитрился выстроить их боевой порядок в соответствии со своими пожеланиями, пошел в атаку. Получил, правда, парочку порезов — мне, хочешь не хочешь, пришлось раскрыться, но череп я одному таки проломил — отомстил за полученные раны. Удар был силен — противник полетел к краю камня да еще и товарища с собой прихватил. Они зацепились друг за друга и разом отправились вниз.

К несчастью, один из них уволок с собой мой меч — видимо, тот увяз в его черепушке. Наверное, денек такой у меня выдался особенный — мечи терять. Я еще подумал: может, это мне по гороскопу так предсказано — надо было поинтересоваться, прежде чем в путь трогаться.

Однако мне хватило ловкости, и я успел уклониться от удара, который мне приготовился нанести последний оставшийся враг. Увертываясь, я поскользнулся на лужице крови и пролетел до самого края камня. Мог бы свалиться на землю, и тогда камень переехал бы меня, и я бы остался в тех краях на веки вечные — плоский такой Рэндом, что-то вроде экзотического коврика, который забавлял бы тамошних путников.

Я скользил вниз и пытался ухватиться за какой-нибудь выступ, а ублюдок подбежал и высоко занес меч, собираясь сделать со мной то же самое, что я только что сделал с одним из его товарищей.

Но мне удалось ухватить его за ногу. При этом меня здорово тряхнуло, и... будь я проклят — именно в это мгновение кто-то попытался связаться со мной через карты.

Я рявкнул: «Я занят! Свяжитесь со мной попозже» — и последним усилием удержался на камне, в то время как мой противник упал на спину и покатился вниз. Я попытался дотянуться до него и схватить за ногу: хотелось взять его в плен и потолковать с ним, но моя, казалось бы, неуклюжая подножка оказалась более чем удачной. Я вскарабкался на верхушку камня и встал, чтобы поглядеть, что творится позади.

Я был неприятно удивлен.

Поредевший отряд все еще гнался за мной. Правда, мне удалось здорово оторваться. Ну, по крайней мере, очередная группа еще не скоро пойдет на абордаж.

Меня снова несло к горам. Вызванное моим заклинанием солнце начало основательно жарить. Я весь вымок от пота и крови. Раны саднили. Жутко хотелось пить. Дождь, скоро должен пойти дождь, решил я. Думай об этом, только об этом, а потом уже обо всем остальном.

И я приготовился к переносу в этом направлении. Представил себе сгущающиеся тучи... вот они собираются, темнеют...

Я перенесся куда-то в другое место, и в полубреду мне послышалось, будто кто-то снова зовет меня и не может дозваться... О, сладостная темнота!..

Проснулся я оттого, что хлынул дождь — сильный, проливной. Я не сразу понял, отчего так темно — от грозы или оттого, что наступил вечер, а может, от того и другого сразу. Похолодало. Я расстелил на камне плащ и лег на спину, раскрыв рот. Лежал, глотал струйки дождя, время от времени стряхивая скапливающуюся в складках плаща воду. Постепенно я утолил жажду. Струи дождя омыли мои раны. Камень вымок не меньше меня и стал таким скользким, что передвигаться по нему было рискованно. Горы теперь намного приблизились. Вспышки молний озаряли их вершины. Позади все было окутано мраком, и я не мог разглядеть, есть за мной погоня или нет. Дорогу, правда, здорово развезло, и вряд ли преследователи могли за мной угнаться на своих двоих, но полагаться на такое, когда пробираешься сквозь незнакомые Тени, не стоит. Я немного побранил себя за то, что заснул, и довольно быстро себя же простил, поскольку ничего ужасного, пока я спал, не случилось. Я завернулся в плащ, поискал сигареты, которые взял с собой из Тексорами, и, к величайшему удивлению и радости, обнаружил, что почти половина из них уцелела. С восьмой попытки мне удалось добыть у Теней огня. А потом я сидел себе, курил и блаженствовал под дождем. Мне было так хорошо, что даже двигаться не хотелось, и я не шевелился несколько часов подряд.

Когда гроза наконец прекратилась и небо прояснилось, стало ясно, что наступила ночь. В небе горели странные, незнакомые созвездия. Потрясающе, как красивы ночи в пустыне!.. Гораздо позже я заметил, что дорога пошла на подъем и скорость камня уменьшилась. Что-то происходило: на меня и на камень действовали какие-то физические силы. Понимаешь, сам подъем не был настолько крутым, чтобы значительно снизить скорость камня. Связываться с Тенями я не хотел — боялся потерять дорогу, но тем не менее хотел оказаться в таком месте, где посторонние воздействия не сбивали бы меня с толку.

А потому я дал камню окончательно замедлить ход и остановиться, слез с него и зашагал вверх по склону. На ходу я играл в ту игру с Тенями, которой всех нас научили в детстве. Минуешь какой-нибудь объект — сухое дерево, груду валунов — и сделай так, чтобы небо по обе стороны от объекта стало разным. Мало-помалу в небесах начали проступать знакомые созвездия. Я знал, что спускаться буду уже не с той горы, на которую взобрался. Раны мои все еще тупо болели, а вот боль в лодыжке почти совсем прошла. Я отдохнул и чувствовал, что идти смогу долго. Похоже, все снова было в порядке.

Прогулка вышла действительно долгой. Склон становился все круче. Правда, время от времени я попадал на торную тропу, и тогда было легче шагать. Я шел и шел вперед под знакомым небом и был полон решимости не останавливаться до утра. Вскоре — я даже не успел толком заметить когда — моя одежда сменилась и стала такой, какая соответствовала данной Тени. На мне оказались грубые парусиновые штаны и такая же куртка. Место промокшего плаща заняла сухая накидка.

Неподалеку послышался крик совы, а где-то далеко позади, внизу, раздались звуки, напоминавшие завывание койота. Как они радовали мой слух, эти знакомые звуки! Я почувствовал себя в безопасности. На душе стало легче, я стал понемногу отходить от жуткого отчаяния, охватившего меня во время погони.

Примерно через час я не выдержал и уступил искушению еще разок поиграть с Тенью. Ведь нет ничего сверхъестественного в том, чтобы встретить в таких горах бродячую лошадь, верно? И я ее встретил. Минут десять ушло на то, чтобы сойтись с ней покороче, после чего я вскочил на нее, и верхом мой путь к перевалу стал куда приятнее. Подмораживало. Взошла луна, и тропа заиграла искорками инея.

В общем, я ехал всю ночь. Задолго до рассвета одолел перевал и начал спускаться в предгорья. Оглядевшись, я отметил, что гора позади стала выше. Склон зеленел свежей травой, по нему сбегали ровные линии шоссе, вдоль которых тут и там виднелись аккуратные домики. Стало быть, все шло именно так, как я задумал.

Наряд на мне снова изменился — теперь я был одет в брюки цвета хаки и легкую рубашку, поверх нее — ветровка. Высоко в небе мчался реактивный самолет, оставляя за собой ребристую полосу, верша свой путь от горизонта к горизонту. В ветвях деревьев распевали птицы. Начинался теплый солнечный день.

Вот тогда-то я и услышал, что кто-то упорно произносит мое имя. Меня снова звали через карту. Я резко натянул поводья и ответил:

— Да.

Это был Джулиан.

— Рэндом, где ты? — спросил он.

— Не сказать, чтобы близко от Амбера, — ответил я. — А что?

— Кто-нибудь из наших пытался связаться с тобой?

— Вчера разве что. Да, вчера кто-то пытался, но я был занят и разговаривать не мог.

— Это был я, — сказал Джулиан. — Тут такое происходит, что лучше тебе быть в курсе.

— А ты где? — спросил я.

— В Амбере. В последнее время у нас кое-что случилось.

— Например?

— Отца давно нет дома. И никто не знает, где он.

— Он и раньше, бывало, пропадал подолгу.

— Да, но раньше он оставлял хоть какие-то распоряжения на время отлучек и как-то давал о себе знать.

— Верно, — согласился я. — А «давно» — это сколько?

— Год с лишним. Ты что, ничего не знал?

— Я знал, что он уехал. Джерард как-то обмолвился.

— Ну так вспомни, когда ты с ним говорил. После этого уйма времени прошла.

— Ясно. Ну и как вы там управляетесь?

— В том-то и дело. До сих пор мы решали все вопросы по мере их возникновения. Джерард и Кейн командовали флотом, как и при отце. Только без него они все решения принимали самостоятельно. Я снова возглавил патруль в Арденском лесу. Но у нас нет человека, который взял бы на себя централизованную власть, принимал бы стратегические решения, говорил бы, так сказать, за весь Амбер.

— То есть нам нужен регент. Можно жребий бросить, наверное.

— Все не так просто. Мы думаем, что отец погиб.

— Погиб? Почему? Как?

— Мы все время пытались вызвать его через карту. Целый год. Каждый день. Тишина. Что скажешь?

— Может, он и вправду погиб, — промолвил я. — Мало ли что с ним могло приключиться. Но все равно... мало ли что... Может, он в плену. Томится где-нибудь в тюрьме, к примеру.

— Тюрьма не помеха для связи через карты, ты же понимаешь. Он мог попросить о помощи в любое мгновение, когда мы его вызывали.

— Тут я спорить не могу, — сказал я. (Сказать-то сказал, а сам вспомнил о Брэнде.) — А может быть, он намеренно не желает выходить на связь?

— С какой стати?

— Понятия не имею, но такое возможно. Ты же знаешь, отец порой ужасно скрытничает.

— Нет, — не согласился Джулиан. — Не похоже. Все равно он должен был бы как-то дать знать о себе — какие-нибудь распоряжения, намеки...

— Ну ладно, так или иначе, — сказал я, — делать-то что?

— Кто-то должен занять престол Амбера.

Я чувствовал, что Джулиан к этому клонит, — а ведь, казалось бы, такое в принципе не должно было случиться никогда.

— Кто? — спросил я.

— Похоже, лучше всех для этой роли подходит Эрик, — ответил Джулиан. — Честно говоря, несколько месяцев он этим уже занимается. Остается только уладить формальности.

— То есть? Он будет не просто регентом?

— Да.

— Понятно. И впрямь, пока меня дома не было, много у вас там всякого случилось. А насчет Бенедикта вы не думали?

— Ему, похоже, хорошо там, где он находится. Болтается в какой-то Тени.

— А что он про это про все думает?

— Он явно не в восторге. Но вряд ли взбунтуется — ему же хуже будет.

— Ясно, — сказал я. — А что Блейз?

— Они с Эриком поскандалили, но ведь войска не станут подчиняться приказам Блейза. Месяца три назад он покинул Амбер. Задержись он подольше, может, и наделал бы бед. И теперь это не исключено. Но мы к такому готовы.

— Джерард? Кейн?

— Они пойдут за Эриком. Я вот про тебя думаю. Ты-то как?

— А девочки?

Джулиан пожал плечами:

— Сестрицы, похоже, все принимают как должное. Нет проблем.

— А Корвин, видимо, не...

— Тут никаких новостей. Он мертв. И все мы это знаем. Его могила уже мхом поросла. Если он жив, значит, сам отрекся от Амбера. Здесь все кончено. Ну, так на чьей ты стороне?

Я хмыкнул:

— Вряд ли мое положение дает мне право решающего голоса.

— Нам важно знать твое мнение.

Я кивнул и сказал:

— Знаешь, я всегда держал нос по ветру. Плыть против ветра — не в моих правилах.

Джулиан улыбнулся и кивнул мне в ответ.

— И когда коронация? — поинтересовался я. — Надо понимать, что я приглашен?

— Конечно, конечно. Точная дата пока не назначена. Надо еще утрясти кое-какие мелочи. Как только дата будет назначена, кто-нибудь из нас свяжется с тобой.

— Спасибо, Джулиан.

— До свидания, Рэндом.

Я не сразу пришел в себя. Сидел, думал. Потом продолжил путь, размышляя о новостях. Интересно, как долго Эрик проворачивал свою затею, гадал я. Большая часть перемен в Амбере могла произойти совсем недавно, но план наверняка был составлен заранее. Ну, естественно, у меня возникли серьезные подозрения в том, что Эрик причастен к беде, в которую угодил Брэнд. Знаешь, я ничего не мог с собой поделать — даже решил, что Эрик и к исчезновению отца мог руку приложить. Тут ему надо было здорово потрудиться и устроить какую-то из ряда вон выходящую ловушку.

Но чем больше я думал, тем меньше мне хотелось сваливать вину за происшедшее на него. Всякие мысли лезли в голову — ведь я когда-то считал, что он и к твоему исчезновению причастен, Корвин. Однако при трезвом размышлении трудно было представить, чтобы все это мог учинить один-единственный человек. «Что поделаешь, — решил я, — если теперь власть в руках Эрика? Уж лучше пусть он будет ко мне благосклонен».

Но мне все равно хотелось получше разобраться в происшедшем. Кто бы из наших мог меня просветить, думал я. Думал-думал, и вдруг что-то заставило меня обернуться. Обернувшись, я еще раз оценил высоту горы, спуск с которой не успел закончить.

Неподалеку от вершины я разглядел группу всадников. Похоже, они ехали по той же дороге, что и я. Сколько их там было точно, трудно сказать, но никак не меньше дюжины — подозрительно много для случайного совпадения. Как только я понял, что они таки едут следом за мной, у меня по спине мурашки побежали. Неужели?.. Что, если это все те же мерзавцы? И ведь я знал ответ, знал: они самые и есть.

Каждый из них по отдельности мне был не страшен. А вот парочка их уже представляла серьезную опасность. Но самое ужасное было то, что эти твари, кем бы они ни являлись, умели манипулировать Тенями не хуже нашего. А это означало, что кому-то еще знакомо искусство, которое, как я всю жизнь считал, ведомо исключительно членам нашего семейства.

Теперь прикинь: если это были те самые подонки, что взяли в плен Брэнда, то выходило, что их замыслы в отношении Амбера не такие уж безобидные. Клянусь, меня холодный пот прошиб от этой мысли: кто-то способен сравниться с нами в том, что мы всегда считали своим, и только своим, даром!

Правда, пока всадники находились слишком далеко позади, чтобы решать, кто же они на самом деле такие. Но когда хочешь выйти победителем в игре на выживание, нужно учитывать все мелочи до единой. А не мог ли Эрик отыскать и

обучить или вообще сотворить какие-нибудь особые существа, которые состояли бы у него на службе, обладая такими способностями? У Брэнда, наравне с тобой и Эриком, были самые веские права на престол Амбера... не говоря уже о том, что и с тобой не все было ясно, черт подери! Ну, ты понимаешь, о чем я говорю.

Я тебе все рассказываю, чтобы ты понял, какие мысли меня тогда занимали. Ну вот. У Брэнда были все основания заявить свои права на престол, и он бы их заявил, будь у него такая возможность. Тебя нет, следовательно, Брэнд становился главным соперником Эрика, если рассуждать об обоснованности претензий. Когда все это соединилось у меня в голове с тем, что мне поведал Джулиан, да добавь сюда еще способность моих преследователей прорываться через Тени... словом, Эрик предстал передо мной прямо-таки в кошмарном свете, и его образ пугал меня куда больше, чем сами всадники, хотя и они у меня особой радости не вызывали. И я решил, что надо как можно скорее сделать сразу несколько дел: переговорить с кем-нибудь из Амбера и попросить вытащить меня туда через карту.

С кем поговорить, я решил быстро. С Джерардом. Он разумен, откровенен и ничью сторону не держит. Чаще правду говорит, чем врет. А из разговора с Джулианом я понял, что во всем происходящем в Амбере у Джерарда роль, скорее пассивная. Ну, то есть он не намеревался оказывать Эрику активного сопротивления. Не хотел крупных неприятностей. Но это вовсе не значило, что он одобряет происходящее. Скорее всего, он каким был, таким и остался — прежним Джерардом-консерватором. Приняв решение, я спокойно полез в карман за колодой. И похолодел. Карты исчезли.

Я обшарил все карманы. Я же точно взял с собой колоду, когда покидал Тексорами! Правда, потерять ее вчера я мог когда и где угодно... Я прорычал длинношее проклятие и вогнал колени в бока лошади. Теперь все надо было делать намного быстрее — и думать, и удирать. А прежде всего следовало добраться до более надежного населенного места, где бы банальное покушение на меня стало труднее совершить.

Я понесся вниз по склону в направлении одного из шоссе, на скаку манипулируя Тенями, — на этот раз я постарался вложить в это все свое умение и ловкость. Хотелось лишь одного — поскорее оторваться от погони и уйти.

Мир вокруг меня заколыхался, дрогнул и стал в конце концов тем миром, которого я желал всей душой, — Калифорнией. О, как я ему обрадовался! Обернувшись на скаку, я увидел, что на пути моих преследователей возникла скала, от нее отделился здоровенный кусок и медленно заскользил в их сторону. Чуть позже я спешился, отпустил лошадь и бодро зашагал к шоссе. Одежда моя стала еще легче и еще лучше качеством. Какое тут было время года, я точно не знал и гадал, какая может быть погода в Нью-Йорке.

Довольно скоро вдалеке показался вызванный моим заклинанием автобус. Я проголосовал, автобус остановился. Я сел у окошка, закурил и принялся любоваться окрестностями. Впрочем, очень быстро это мне приелось, и я задремал.

Когда открыл глаза, день уже клонился к вечеру. Автобус подъехал к конечной остановке. Я почувствовал, что голоден как волк, и решил, что надо перекусить, а потом прыгнуть в такси и мчаться в аэропорт. У меня еще завалялась пара «зелененьких» из Тексорами, и я заказал в закусочной три чизбургера и два ста-

кана солодового напитка. На ожидание официанта и еду у меня ушло примерно минут двадцать. Выйдя из закусочной, я увидел вереницу такси, водители которых томились в ожидании пассажиров. Но прежде чем усесться в такси, я решил заглянуть в туалет — это было крайне актуально.

И представь себе — в самый неподходящий момент у меня за спиной распахнулись дверцы сразу шести кабинок и те подонки, что выскочили оттуда, разом навалились на меня.

Перепутать их ни с кем я не мог — мерзкие шипы на ладонях, тяжелые, отвисшие нижние челюсти, горящие глаза... И ведь они не только настигли меня: они еще, гады, успели приодеться по-местному, вполне современно. Теперь уж у меня развеялись последние сомнения относительно их способности управляться с Тенями.

На мое счастье, один из них слишком поторопился. А еще, наверное, мой скромный рост ввел их всех в заблуждение насчет моей физической силы. Так вот: этого торопыгу я ухватил за руку, приподнял, стараясь не оцарапаться о шипы, перехватил поудобнее и швырнул его прямо в остальных. А потом развернулся и бросился наутек. Вышиб плечом дверь и даже не задержался, чтобы ширинку застегнуть. Это я сделал уже в такси, отчего водитель густо покраснел.

С меня было достаточно. Теперь мне требовалось не просто убежище. Мне нужно было взять в руки колоду магических карт и сообщить кому-то из членов семейства об этих тварях. Если это создания Эрика, о них должны узнать остальные. Если же нет, то о них следовало узнать и самому Эрику. Ну а если... если никто из домашних не причастен к их существованию? Что, если и отец, и Брэнд стали жертвами врагов, о которых никто из нас и понятия не имел? Значит, прямо под ногами лежало что-то злобное и могущественное, а я прямо на это «что-то» наступил. Вот тебе и причина, почему эти твари так упорно гнались за мной. Я был нужен им до зарезу. В голове у меня все перемешалось. Может быть, меня старательно загоняют в какую-то западню? Может быть, за мной следят отовсюду, и те, кто меня преследует, не одиноки?

Я постарался взять себя в руки и унять разбушевавшиеся эмоции. Дал себе команду: делай все постепенно, одно за другим. Брось бесплодные гадания или, по крайней мере, отложи на потом. В этой Тени — твоя сестра Флора. Она живет на другом краю континента, в местечке под названием Уэстчестер. Доберись до телефона и позвони ей. Скажи, что дело срочное, что тебе нужно убежище. Тут она не откажет, даже если ненавидит тебя хуже горькой редьки. А потом бегом на самолет, и прости-прощай. Подумать по дороге успеешь, а сейчас — спокойно.

Из аэропорта я позвонил Флоре, а трубку снял ты, Корвин. Это стало тем неизвестным, которое спутало в клубок все уравнения, выстроенные в моем мозгу. Ни с того ни с сего, как снег на голову, ты появился в это время, в этом месте, в этой точке событий. Ты предложил мне защиту, и я ухватился за твое предложение, но не только потому, что я в действительности нуждался в защите — с шестеркой врагов я как-нибудь и сам управился бы, не в этом было дело. Дело было в том, что я подумал, будто они — твои. Я подумал, что все эти годы ты прятался и врал, чтобы в подходящий момент появиться на сцене. Теперь ты был готов к выходу — так я подумал, — и этим все объяснялось. Заточил в башню беднягу Брэнда и сговорился с проклятыми зомби, умеющими перескакивать через Тени, чтобы вернуться в Амбер и застать Эрика врасплох, со спущенными штанами.

Я хотел быть на твоей стороне, потому что ненавидел Эрика, а еще потому, что знал: в умении строить планы тебе нет равных и, как правило, ты добиваешься того, чего хочешь. Я сказал, что за мной погоня через Тени, чтобы услышать, что ты на это скажешь. Ты никак не отреагировал, но это ровным счетом ничего не значило. Либо ты что-то скрываешь, решил я, либо действительно не имеешь понятия о том, где меня носило. Не исключал я и возможности угодить в расставленные тобой сети, но мне уже и так было несладко, и к тому же я не считал себя такой уж важной фигурой в игре, от которой тебе до зарезу нужно было избавиться. В особенности если бы я предложил тебе помощь и поддержку, чего я желал всеми фибрами души.

Итак, я вылетел в Уэстчестер. И будь я трижды проклят, если шестеро омерзительных молодцов не летели в одном самолете со мной! Что же это такое, гадал я. Лечу к тебе с эскортом или как? Ну да ладно, решил я в конце концов, хватит загадки отгадывать.

Я еще раз улизнул от подонков, как только самолет приземлился, и рванул прямиком к дому Флоры. Там я повел себя так, словно все мои догадки не имеют под собой абсолютно никакой почвы, и ждал, и смотрел, как ты себя поведешь. Когда ты помог мне разделаться с моими преследователями, я окончательно растерялся. То ли их вторжение действительно было для тебя полным откровением, то ли это была хитрая уловка — избавиться от части приспешников, чтобы что-то скрыть от меня? Ладно, сказал я себе, будем пока оставаться в неведении, будем помогать Корвину и потихоньку выяснять, что у него на уме.

И я оказался самым подходящим партнером в той игре, которую ты затеял, чтобы утаить потерю памяти. А когда я узнал правду, было уже слишком поздно. Мы направлялись в Ребму, и мои приключения для тебя ровным счетом ничего не значили. Потом, после коронации Эрика, я не посчитал нужным рассказать ему о случившемся. Я стал его пленником и относился к нему сам понимаешь как. Я даже решил, что то, что мне известно, может в один прекрасный день пригодиться — по крайней мере тогда, когда я вновь обрету свободу. Что до Брэнда, то я сомневался, чтобы мне кто-нибудь поверил, — только я один знал, как попасть в ту Тень. Купить на это Эрика, чтобы он подобрел и освободил меня, — он бы только расхохотался и посоветовал бы мне выдумать историю поинтереснее. А от Брэнда с тех пор — ни гугу. Ни я, ни остальные ничего о нем не знают. Все думают, что его нет в живых. Сказал бы я им... Вот и вся история, которую мне никак не удавалось тебе поведать. А ты уж сам решай, что все это значит.

III

Я изучающе смотрел на Рэндома, стараясь не забывать о том, как лихо он играет в карты. Поглядишь на него со стороны — ни за что не догадаешься, врет он или правду говорит. С таким же успехом можно пытаться угадать, что за душой у... ну, скажем, у бубнового валета. Рассказывать он был мастак! История, поведанная им, была щедро пересыпана подробностями, из-за которых выглядела весьма убедительной и правдоподобной.

— Выражаясь словами Эдипа, Гамлета, Лира* и прочих ребят вроде них, — сказал я, — как жаль, что раньше я не знал об этом.

— Но у меня действительно впервые появилась возможность все тебе рассказать.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Увы, твой рассказ не только ничего не проясняет, а, наоборот, только сильнее запутывает головоломку. Дела непростые... Что мы имеем? Мы имеем Черную дорогу, заканчивающуюся у подножий Колвира. Она проходит через Тени, и некие существа наловчились пользоваться ею, чтобы попадать в Амбер. Какие именно силы за всем этим стоят, мы не знаем, но существа эти однозначно злобны и, судя по всему, набирают силу. Знаешь, я давно чувствую, что в происходящем есть доля моей вины и что все это как-то связано с моим проклятием. Ну ладно, проклятие не проклятие — все равно все на свете рано или поздно материализуется и превращается в нечто такое, что можно одолеть. Вот этим мы и займемся. Но вот еще что... Последнюю неделю я только и делал, что пытался понять, какова роль Дары в ходе событий. Кто она такая на самом деле? Что она такое? Почему она так страстно желала пройти по Пути? Как вышло, что ей это удалось? Да еще эта ее роковая угроза... «Амбер будет уничтожен» — так она заявила. Похоже, это не пустые слова — ее пророчество прозвучало именно тогда, когда на нас напали на Черной дороге. И мне кажется, что это нападение не отдельный случай, а всего лишь часть общего плана. А все вместе, похоже, указывает на то, что здесь, в Амбере, среди нас находится изменник — смерть Кейна, записки эти проклятые... Кто-то тут развивает деятельность — не то призывает врагов извне, не то сам все творит. А теперь еще прибавь исчезновение Брэнда, на подонка этого посмотри... — Я с отвращением пнул ногой труп мертвеца. — Тогда получается, что смерть или пропажа отца — из той же оперы. Если все так, выходит, что существует страшный, разветвленный заговор, а детали жуткого плана продумываются и осуществляются одна за другой уже не первый год.

Рэндом заглянул в буфет, что стоял в углу гостиной, достал оттуда бутылку и пару бокалов. Наполнил оба до краев, подал мне один из них и вернулся к своему креслу. Мы молча выпили за бренность бытия.

— Ладно, — сказал Рэндом после непродолжительной паузы. — Гадать и строить планы — занятие номер один в Амбере, ты же знаешь. Тут у всех свободного времени хоть отбавляй. Такое уже бывало. Мы с тобой слишком молоды, чтобы помнить наших братьев Озрика и Финндо, павших за честь Амбера. Но после беседы с Бенедиктом у меня сложилось такое впечатление, что...

— Да, — прервал я Рэндома, — они размышляли о престоле отнюдь не абстрактно, и потому стало срочно необходимо, чтобы они пали смертью храбрых за его честь. Я про это тоже слышал. Может — правда, может — нет. Наверняка нам никогда не узнать. И все-таки... Точку отсчета ты выбрал верную, хотя это, честно говоря, почти ничего не дает. Я нисколько не сомневаюсь в том, что подобные фортели проделывались с незапамятных времен. Мы с тобой чисты. Кто тогда? До тех пор пока мы этого не узнаем, действовать придется крайне осторожно. Всякий наш шаг может еще больше раздразнить зверя. Ну, давай, Рэндом, думай, предложи что-нибудь!

— Корвин, — сказал Рэндом, — если честно, за всем происходящим может стоять любой из нас. Даже я, хотя я томился в плену у Эрика и все такое прочее.

Это же так соблазнительно! Ей-богу, я бы испытывал искреннее наслаждение разыгрывать из себя беспомощного страдальца, а на самом деле держать в руках ниточки, дергая за которые я заставляю остальных приплясывать. Кто бы от такого отказался? У каждого полно и причин, и мотивов, и притязаний. За прошедшие годы все имели массу времени и возможностей проделать титанический труд. Нет, искать предполагаемых злоумышленников — пустое занятие. Тогда надо всех подозревать. Давай-ка лучше вот о чем подумаем: что, помимо мотивов и возможностей, может отличать злоумышленника от остальных? Я бы даже так сказал: давай рассмотрим методику его действий.

— Отлично. Приступай.

— Кто-то из нас больше других знает о том, как манипулировать Тенями. Входы-выходы, как и почему... У этого человека есть сторонники, которых он приобрел чертовски далеко от Амбера. И сочетание своих способностей и возможностей он обрушил на Амбер. Так? Дальше. Просто посмотреть на кого-то и сказать, что он обладает теми или иными способностями и навыками, невозможно. Подумаем о другом: откуда они могли у нашего злоумышленника взяться? Может, он их приобрел самостоятельно в какой-нибудь из Теней? А может, научился этому здесь, когда Дворкин был еще жив и не отказывался давать уроки?

Я оторвал взгляд от Рэндома и уставился в бокал. Дворкин, может быть, жив до сих пор. Это он помог мне совершить побег из подземелий Амбера — когда это было? Я про это никому не рассказывал и рассказывать не собирался. Во-первых, Дворкин совершенно выжил из ума — наверное, именно поэтому отец и держал его взаперти. Во-вторых, несмотря на сумасшествие, он такие фокусы показывал, которые мне были непонятны и недоступны, и я решил, что Дворкин может быть крайне опасен. И все же после небольшой порции лести и погружения в воспоминания он проникся ко мне добрыми чувствами.

Если он жив, подумал я, пожалуй, можно набраться терпения и договориться с ним. Словом, я запер свои соображения по поводу Дворкина на амбарный замок — пусть они будут моим потенциальным секретным оружием. Пока что менять это решение причин не было.

— Брэнд всю дорогу ошивался около Дворкина, — сказал я вслух, поняв, к чему клонит Рэндом. — Его такие штучки всегда интересовали.

— Точно, — кивнул Рэндом, — он наверняка про такое знал больше нас, если сумел вызвать меня на связь без карты.

— Ты думаешь, Брэнд вступил в сговор с врагами, открыл им дорогу в Амбер, а потом, когда он стал им больше не нужен, они решили заточить его в башне?

— Не обязательно. Но не исключено. Мысли у меня немного другие. Правда, я могу переоценивать положительные качества Брэнда. Думаю, он в этом деле многое постиг и мог видеть как на ладони все, чем занимались другие — с картами, с Путем, а заодно и то, что происходило в областях Теней, непосредственно примыкающих к Амберу. А потом он поскользнулся. Может, недооценил противника и схватился с ним в открытую сам, вместо того чтобы обратиться к отцу или Дворкину. И что же? Отряд подонков схватил его и засунул в башню. Его не стали убивать сразу, потому что решили, что он еще может пригодиться.

— Звучит убедительно, — кивнул я.

Так и хотелось добавить: «И превосходно вписывается в твой рассказ, который я даже могу дополнить». Жутко хотелось мне вот так сказать, глядя в лицо

старого картежника. Но я не поведал ему о том, что, когда мы с Блейзом готовились к нападению на Амбер, я как-то баловался картами, и у меня вышла мгновенная связь с Брэндом. Он успел сказать, что ему плохо, что он в плену, — и связь прервалась.

Что ж, пока все сходилось, но сказал я вот что:

— Если Брэнд способен показать пальцем на врага, мы должны спасти его, вернуть в Амбер и заставить сделать это.

— Я очень надеялся на твое согласие, — отозвался Рэндом. — Терпеть не могу оставлять дела такого рода незаконченными.

Я встал, сходил за бутылкой и снова наполнил бокалы. Выпил, закурил новую сигарету.

— Но прежде чем мы этим займемся, — продолжил я, — нужно придумать, как сообщить о гибели Кейна. Кстати, а где Флора?

— В городе, наверное. Утром заходила. Уверен, я смогу разыскать ее, если она тебе нужна.

— Будь добр, разыщи, если сможешь. Кроме нас, она единственная, кто своими глазами видел этих ублюдков — в тот день, когда они вломились к ней в дом в Уэстчестере. Так или иначе, она для нас человек небесполезный. И поскольку характерец у Флоры сам знаешь какой, ее надо держать в узде. Да и вообще мне надо ее порасспрашивать кое о чем.

Рэндом допил вино и встал.

— Ладно, пойду поищу. Куда ее привести?

— Ко мне. Если меня не будет, подождите.

Я встал и вышел в зал следом за ним.

— У тебя есть ключ от этой гостиной?

— Он висит на крючке внутри, около двери, — ответил Рэндом.

— Возьми его и запри дверь. Разоблачения раньше времени нам ни к чему.

Рэндом запер дверь и отдал мне ключ. Мы вместе спустились по лестнице на пролет ниже. Дальше Рэндом пошел один. Я проводил его взглядом и отправился к себе.

Открыв сейф, я вынул оттуда Камень — тот драгоценный рубин, с помощью которого отец и Эрик управляли погодой в окрестностях Амбера. Умирая, Эрик рассказал мне, как им пользоваться. До сих пор у меня до Камня руки не доходили, да и сейчас, честно говоря, времени не было. Но, беседуя с Рэндомом, я решил, что пора наконец заняться Камнем вплотную. В тайнике у камина в комнате Эрика я нашел записи Дворкина — о том, что они там лежат, Эрик тоже успел мне поведать перед смертью. Мне очень хотелось узнать, как они к нему попали, где он их раздобыл — записи сохранились не полностью. Я вынул их из потайного ящичка сейфа и снова просмотрел. Все сходилось с объяснениями Эрика о том, как пользоваться магическим Камнем. В записях Дворкина он назван Камнем Жребия.

В тех же записках говорилось и о том, что у Камня Жребия есть и другие области применения, что управление погодой — дело пустяковое, хотя и зрелищное, и что Камнем можно пользоваться для демонстрации принципов, лежавших в основе Пути, магических карт и самой физической целостности Амбера, отделенного от Теней. Увы, подробности отсутствовали. И все же чем больше я копался в памяти, тем явственней ощущал, что в этом на самом деле что-то есть.

Отец пользовался Камнем Жребия крайне редко, и хотя он всегда говорил о нем как об инструменте для управления погодой, погода, когда он пользовался Камнем, менялась далеко не всегда. Кроме того, отец частенько прихватывал Камень с собой, отправляясь на непродолжительные вылазки. Словом, я готов был поверить, что Камень Жребия и вправду способен на многое. Вероятно, такого же мнения придерживался и Эрик, но то ли не успел, то ли не сумел узнать детали. Когда мы с Блейзом пошли на штурм Амбера, Эрик воспользовался самыми простыми и очевидными свойствами Камня. То же самое он проделал на прошлой неделе, когда подлые мерзавцы напали на нас на Черной дороге. Оба раза Камень верно послужил Эрику, но не спас его от смерти.

Торопиться не стоит, решил я. Воспользоваться Камнем я всегда успею. А вот поносить его у всех на виду — это другое дело. Это крайне важно — особенно сейчас, когда важна каждая мелочь.

Я спрятал записи Дворкина в сейф, а Камень положил в карман. Вышел из комнаты и спустился по лестнице. Шагая по пустым залам, я уже не в первый раз почувствовал себя так, словно никогда не отлучался из Амбера. Здесь был мой дом: то, чего я всегда хотел. Теперь я стал защитником своего дома. Я еще не носил короны, а все заботы Амбера уже стали моими заботами. Как смешно! Ведь я вернулся сюда для того, чтобы забрать корону Амбера у Эрика, водрузить ее на свою бедную головушку, прославиться и править Амбером. А теперь все так неожиданно, прямо на глазах, разваливалось на куски...

Не понадобилось много времени, чтобы понять, что Эрик действует бесчестно. Если он действительно убрал отца, то не имел никаких прав на корону. Если нет, то попросту поторопился. Так или иначе, коронация послужила только для того, чтобы еще сильнее раздуть и без того раздутое до предела самолюбие Эрика. Разве мне не хотелось короноваться? Еще как хотелось! Но я прекрасно знал, чем мне это грозит — при том, что в Амбере расквартированы мои иноземные войска, при том, что на меня может пасть подозрение в убийстве Кейна, при том, что передо мной стали одна за другой раскрываться детали фантастического зловещего замысла, и при том, что, как все сильнее мне казалось, отец еще жив. Не один раз я испытывал такое чувство, будто он пытается связаться со мной; и однажды, несколько лет назад, мне показалось, что он одобрил мои притязания на престол Амбера. Но кругом было столько обманов и предательства, что я просто перестал понимать, чему верить, а чему нет. Отец не отрекался от престола. Что касается меня, я перенес сотрясение мозга и, помимо всего прочего, отлично осознавал теперь свои собственные желания. Сознание человека — удивительно смешная штука. Честно говоря, я своему сознанию не слишком доверяю. Не может ли быть такого, что всю эту заварушку я сам и устроил? С той поры столько воды утекло и столько всякого случилось... Быть жителем Амбера — дорогое удовольствие. Платишь за него тем, что перестаешь верить самому себе. Забавно, что бы сказал по этому поводу старина Фрейд? Вряд ли он сумел бы докопаться до причины моей амнезии; зато, наверное, мог бы растолковать мне что-нибудь насчет глубинной природы моих отношений с папашей и вообще просветил бы меня относительно того, что за человек мой отец. Жаль, что мне это раньше в голову не пришло. Да, недурно было бы встретиться с Фрейдом еще разок.

Я миновал мраморную столовую и попал в темный узкий коридор, начинавшийся сразу за ней. Кивнул стоявшему у дверей гвардейцу и начал спускаться по

бесконечной витой лестнице, ведущей в недра Колвира. Я шел и шел, озаряемый тусклым светом редких светильников. Позади меня все погружалось в темноту.

Уж не упомню, когда я начал чувствовать, будто я потерял равновесие, будто я уже не сам иду, а меня ведут, заставляют переставлять ноги, повиноваться. Погоняют. И очередной мой шаг влек за собой новый. Может быть, это тянется уже многие годы, а я только теперь начал догадываться о чем-то? Может быть, мы все — чьи-то жертвы, но такие жертвы, что никто из нас этого не подозревает? Исполнители чьей-то злобной воли? Зигмунд, где ты теперь?

Я когда-то хотел стать королем... Я и теперь хотел этого — хотел сильнее всего на свете. Но чем больше я узнавал и чем больше размышлял о том, что узнал, тем больше я себе самому казался пешкой, рвущейся к клетке четвертого правителя Амбера. Это чувство, осознанное мною когда-то, становилось все более явственным, и мне было от него не по себе. Но ведь никто из живущих не застрахован от ошибок, успокаивал я себя.

Виток, еще виток и еще один... ниже, ниже... редкие огни... Как витки длинной лестницы, вились мои мысли, накручивались, словно нитка на катушку, а потом отматывались обратно... и все время — неуверенность... Где-то внизу послышался звук — металл ударил о камень. Это алебарда стражника. Смена караула. А вот и сам стражник поднимается мне навстречу, а вместе с ним поднимается свет фонаря.

— Лорд Корвин...

— Джейми.

Последняя ступенька.

Я снял с полки фонарь, зажег его, развернулся и направился к входу в тоннель — медленно, шаг за шагом, отталкивая от себя непроницаемый мрак.

В туннеле я старательно считал в уме боковые ответвления. Мне нужно было свернуть в седьмое. Эхо моих шагов. Слизь под ногами. Грязь и вековая пыль. Вот он, седьмой поворот. Теперь уже совсем близко. Я поставил фонарь на пол — он мне больше не понадобится. Сам Путь испускал вполне достаточно света.

Несколько мгновений я стоял и смотрел на Путь — яркие извивы переплетающихся линий. Их сияние слепило глаза. Я пытался охватить взглядом весь Путь, весь его замысловатый, как бы погруженный в пол подземелья рисунок. Путь давал власть над Тенями, он помог мне восстановить в памяти почти все, что я забыл. Но стоит мне сделать неверный шаг, и Путь может уничтожить меня в один миг. Как я был благодарен судьбе за то, что пришел сюда не потому, что мне было страшно за себя. Я ничего не боялся. Я стоял и смотрел на прекрасную, таинственную семейную реликвию, место которой было там, где она находилась, — в подземелье.

Я перешел в тот угол, откуда начиналась спираль Пути. Сосредоточился, расслабился и опустил левую ступню на самое начало линии. Немедля сделал первый шаг и ощутил, как меня подхватывает огненный поток. Вокруг моих ботинок засверкали разноцветные искорки. Еще один шаг. Раздался довольно громкий треск, я почувствовал сопротивление и зашагал по первой дуге, обуреваемый желанием как можно скорее добраться до Первой Завесы. Когда я подошел к ней, у меня зашевелились волосы на голове, а искры у ног стали ярче и превратились в огненные иглы.

Сопротивление усиливалось. Каждый новый шаг давался труднее предыдущего. Треск разрядов стал громче, невидимый поток увлекал меня вперед все сильнее. Волосы встали дыбом, я рукой стряхнул с них искры. Не отрывая взгляда от огненных линий, я шел и шел вперед.

И вдруг сопротивление ослабло. Я вздрогнул, но не остановился. Преодолел Первую Завесу и обрел ощущение человека, сделавшего свое дело. Я вспомнил, как шел по Пути в прошлый раз, в Ребме — подводном городе. Тогда Первая Завеса начала возвращать мне память.

Я продвигался вперед. Все ярче горели искры, и напряжение огненного потока снова возросло. Тело покалывали невидимые иглы.

Вторая Завеса... Зигзаги... Тут всегда казалось, что силы на пределе, возникало такое ощущение, что ты весь преображаешься в чистую абстрактную волю. Влекущее, неумолимое чувство... Преодоление Пути превратилось для меня в то единственное, что имело смысл. Я всегда был здесь, стремился только сюда, никогда и никуда отсюда не уходил, и всегда буду здесь, и буду утверждать себя, борясь своей волей с могуществом Пути...

Искры сверкали уже у пояса. Я достиг Главной Дуги и, тяжело ступая, пошел по ней. Я умирал и возрождался с каждым новым шагом, сгорал в пламени творения, промерзал до костей от холода энтропии*.

Шаг в сторону, вперед, поворот... еще три дуги, потом прямая, и еще несколько дуг. Головокружение, полуобморочное состояние, прилив сил — словно я перестал существовать, а потом возник вновь. Поворот, поворот, еще поворот, и снова... короткая, резкая дуга... линия, ведущая к Последней Завесе... Наверное, я задыхался, наверное, пот лился с меня ручьями. Никогда не могу вспомнить такое наверняка. Искры сверкали и потрескивали уже на уровне плеч. Я с трудом переставлял ноги. Искры попадали в глаза, и я отчаянно моргал. Линии Пути расплывались... Войти — выйти, войти — выйти...

Я с трудом поднял и выбросил вперед правую ногу — наверное, вот так чувствовал себя Бенедикт, когда его ухватила за ноги черная трава... как раз перед тем, как я сам его сцапал, как кролика. Такое ощущение, словно меня долго и упорно колотили тяжелой дубиной. Шаг левой... Вперед — так медленно, что я уже не понимал, иду я или нет... Руки были объяты синеватым пламенем, ноги казались огненными колоннами. Шаг. Еще шаг... Еще один.

Я чувствовал себя медленно оживающей статуей, учащимся ходить снеговиком, здоровенным качающимся бревном... Еще два шага... еще три... Я еле волочил ноги, но это я, я был обладателем Вечности и совершенным средоточием воли, которая будет реализована...

Я преодолел Завесу. Прошел по короткой дуге. Всего три шага, а потом — темнота и покой. Эти последние шаги оказались самыми тяжелыми.

У Сизифа* перерыв на чашечку кофе! — вот какая у меня была первая мысль, когда я сошел с Пути. Вторая мысль была такая: я снова сделал это!

Я позволил себе роскошь — несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, встряхнулся. А потом достал из кармана Камень Жребия и, взяв за цепочку, на которой он висел, поднес его к глазам.

Внутри он был красный — глубокого вишнево-красного цвета, с дымчатыми переливами. Но казалось, будто за время моего странствия по Пути Камень обрел дополнительную яркость и свечение. Я не отрываясь смотрел в глубь Камня,

думая о том, как им пользоваться, повторяя в уме строчки руководства и сравнивая написанное с тем, что уже знал сам.

Пройдя по Пути, добравшись до его завершения, можно было повелеть Камню, чтобы он перебросил тебя, куда тебе требовалось, в любое место, какое только ты мог зрительно представить, — нужны лишь желание и воля.

При этой мысли я затрепетал. Если все пойдет, как шло раньше, я могу в такую ловушку угодить — век не выбраться. Но ведь Эрику это не грозило? Его же не запечатало в Камень где-то в сумасшедшей дали пространства Теней. Дворкин, написавший руководство по пользованию Камнем, был великим человеком, и я верил ему.

Собравшись с мыслями, я постарался усилить свою защиту от манящих глубин Камня.

И внутри его засветилось искаженное отражение Пути, окруженное мерцающими пятнышками света, крошечными искорками и вспышками. Я принял решение, сосредоточил волю...

Красноватый свет... Медленное движение... Будто погружаешься в океан с густой, вязкой водой. Поначалу я практически не мог двинуться. Вокруг сгущался мрак, а красноватые огни горели далеко-далеко впереди. Наконец я почувствовал, что понемногу плыву, едва заметно. Впереди то вспыхивал, то гас свет. Скорость движения росла... Я, похоже, стал точкой сознания в неопределенной системе координат. Да, я осознавал движение, осознавал, что собой представляет то, к чему меня несло, — теперь уже, можно сказать, быстро...

И вдруг красноватый свет исчез вместе с каким бы то ни было ощущением среды, по которой я перемещался. Сопротивление исчезло. Скорость все нарастала. Казалось, все тянется и тянется то мгновение, которое уже прошло. Во всем происходящем было удивительное чувство полного безвременья. Скорость, с которой я передвигался, казалась мне поистине чудовищной, если учитывать расстояние до цели. А крошечный, искаженный, туманный рисунок разрастался на глазах и постепенно превратился в трехмерную уменьшенную модель Пути. Окутанный вспышками разноцветных огней, он вырастал передо мной — галактическая туманность, заблудившаяся во мраке вечной ночи и осиянная ореолом тускло светящейся звездной пыли. Спирали ее были составлены мириадами мерцающих точек. Она расширялась — или я сжимался... Она приближалась ко мне — или я к ней, и мы были совсем близко друг от друга.

Вот она заполнила все пространство сверху донизу по вертикали и горизонтали, а меня все несло и несло вперед — моя скорость, если она у меня была, все нарастала. Сияние охватило меня, овладело мной, и я увидел узкую прямую ленту — начало галактической спирали... Я был слишком близко, я перестал уже видеть всю галактику целиком. Все плыло, мерцало, качалось, а я, совершенно растерявшийся, гадал, достаточно ли трех измерений, для того чтобы описать испытываемые мной головокружительные ощущения. Теперь мне хотелось сравнить среду, внутри которой я находился, не с галактикой. Скорее теперь это была ее прямая противоположность — субатомное гильбертово пространство*. Но ведь это не что иное, как метафора откровенного отчаяния!

Нет, если честно, я просто ничего не понимал. У меня только зрело чувство — откуда оно исходило, я не знал: то ли мной управлял Путь, то ли все-таки работа-

ла интуиция — я обязан пролететь и через этот сверкающий туман, чтобы обрести тот новый уровень могущества, которого я жаждал.

Я не ошибся. Меня затянуло в круговорот огней, и при этом скорость моего полета нисколько не снижалась. Я мчался, вращаясь и кувыркаясь, по световым лентам, сквозь неосязаемые бесплотные облака сияния и огня. Головокружительное турне по Млечному Пути? Чувства, подобные тем, что испытывает человек, которого утаскивает на дно водоворот в поросшем кораллами каньоне? Или так себя чувствует воробей-лунатик, которого занесло в парк с аттракционами ночью Четвертого июля*? Вот какие мысли мелькали у меня в голове, когда я подлетал к концу световой дороги, будучи непонятно и неизвестно кем.

...Назад... сквозь... через... И все. Вспышка красноватого света озарила меня, стоящего около Пути, глядящего внутрь Камня. Контур светился внутри его и внутри меня, и все было внутри меня, и я был внутри всего, а красный свет угасал, угасал — и угас.

Остались только я, Путь и Камень Жребия у меня в руке — все по отдельности. Восстановилась привычная схема взаимоотношений «субъект—объект», но как бы в иной тональности — вот, пожалуй, наилучший образ для моих ощущений в то мгновение. Что-то такое возникло между нами — какое-то родство, сопереживание. Казалось, я обрел новое чувство, новые выразительные средства. Я был доволен и счастлив — искренне, глубоко.

Всей душой желая испытать новые возможности, я опять сосредоточил волю и отдал Камню приказ перенести меня в другое место.

И оказался в круглой комнате на верху самой высокой башни в Амбере. Пересек комнату и вышел на крошечный балкончик. Контраст оказался потрясающим и был сравним лишь с ощущениями, только что испытанными мной во время сверхчувственного полета. Несколько мгновений я просто стоял и смотрел.

Море играло красками. Небо потемнело, горизонт затянули облака — день клонился к вечеру. Ветер дул с моря, донося запах соленой воды. Высоко в небе парили птицы, камнем падали к волнам и стрелой взмывали ввысь. Прямо внизу раскинулись дворцовые площади. За ними плавными уступами спускался к подножию Колвира город. По его улицам оживленно сновали людские фигурки. Мне было страшно одиноко.

И тогда я прикоснулся к Камню и вызвал грозу.

IV

Рэндом и Флора ждали в моей комнате. Рэндом первым делом уставился на Камень Жребия— тот теперь висел у меня на груди, как кулон. Я кивнул брату, повернулся к Флоре и слегка поклонился.

— Сестрица, — сказал я, — сколько лет, сколько зим...

Вид у Флоры был немного испуганный — и прекрасно. Она натянуто улыбнулась и пожала мою протянутую руку.

— Брат, — промолвила она, — я вижу, ты сдержал слово.

Она, оказывается, подстригла свои чудные бледно-золотистые волосы, но они по-прежнему лежали мягкими волнами. Пока я не мог решить, нравится мне

новая прическа Флоры или нет. Да, волосы у нее были просто роскошные. А еще у нее были синие-пресиние глаза и красивый голос, в котором почти все время звучали нотки тщеславия — Флора любила добиваться своего. Временами казалось, что она дура набитая, хотя порой она меня потрясала тем, что это оказывалось не так.

— Ты уж извини, что я тебя разглядываю, — сказал я, — но в прошлый раз у меня толком не вышло.

— Я очень рада, что дела идут на лад, — отозвалась Флора. — Было просто невозможно... Но я ничего не могла поделать, ты же понимаешь.

— Понимаю, — согласился я, вспоминая, как радостно звучал ее смех по другую сторону тьмы в одну из годовщин того события, о котором шла речь. — Понимаю.

Я отошел к окну и распахнул его, зная, что струи дождя не попадут в комнату. Очень люблю запах грозы.

— Рэндом, — спросил я, не оборачиваясь, — тебе удалось разузнать что-нибудь новенькое насчет потенциального почтальона?

— Пока нет, — ответил Рэндом. — Я навел кое-какие справки. Но, похоже, никто не видел никого в определенное время в определенном месте.

— Ясненько, — сказал я. — И на том спасибо. Ты мне попозже, может быть, еще понадобишься.

— Ладно, — кивнул Рэндом. — Раз такое дело, то я весь вечер на месте — у себя.

Я кивнул, обернулся, прислонился к створке окна и пристально посмотрел на Флору. Рэндом тихо прикрыл за собой дверь. С полминуты я молчал и слушал шум дождя.

— Что ты собираешься со мной делать? — не выдержала Флора.

— Делать?..

— У тебя теперь появилась возможность рассчитаться со старыми должниками. Похоже, что-то затевается?

— Может, и так, — сказал я. — Но знаешь, как в жизни бывает. Одно зависит от другого.

— Ты о чем?

— Дай то, что мне нужно, а там поглядим. Время от времени я могу быть пай-мальчиком, ты же знаешь.

— Что тебе нужно?

— Правду, Флора. Правдивый рассказ. Расскажи мне о том, как вышло, что ты стала той, кто шпионил за мной в той Тени — на Земле. Все важные подробности. Что там было задумано? Зачем? Все досконально.

Флора вздохнула.

— Это началось... — проговорила она. — Да... Это произошло в Париже, на вечеринке у некоего мсье Фуко, примерно за три года до начала Террора*...

— Стоп! — оборвал я Флору. — Что ты там делала?

— Я прожила в той Тени лет пять, — сказала она. — Путешествовала, искала новизны, чего-нибудь такого, что отвечало бы моим неуемным фантазиям и удовлетворяло любопытство. В то место и в то время я попала точно так же, как все мы попадаем в любые места и времена. Я отдала себя на откуп своим желаниям и следовала инстинктам.

— Потрясающее совпадение.

— Но не в свете всего прошедшего времени — и учитывая, сколько мы все путешествуем. Там для меня был, если хочешь, мой Авалон, мой суррогат Амбера, мой дом вдали от дома. Называй, как хочешь, но я попала на ту вечеринку именно в тот октябрьский вечер, когда ты туда заявился с маленькой рыжей девицей — Жаклин, так ее звали, да?

Воспоминания разом нахлынули на меня — а ведь я давным-давно не вспоминал об этом. Жаклин я помнил гораздо лучше, чем саму вечеринку, но вечеринка была, это точно.

— Продолжай.

— Ну вот, — сказала Флора. — Ты приехал позже меня. И конечно, я тебя сразу заметила. Безусловно, когда люди подолгу путешествуют, им то и дело попадаются те, кто им кого-то напоминает. Я так и подумала сразу, когда улеглось первое волнение. «Наверняка двойник», — решила я. Ведь прошло столько лет, как от тебя — ни слуху ни духу. Однако у всех есть свои тайны и есть причины эти тайны хранить. Может быть, у тебя была своя тайна? Я попросила, чтобы нас познакомили, а потом просто из кожи вон лезла, стараясь хоть на пару минут оторвать тебя от твоей рыжей подружки. Ты утверждал, что тебя зовут Фенневаль — Кордель Фенневаль. Я засомневалась — то ли передо мной действительно твой двойник, то ли ты хитришь и что-то скрываешь. Но была у меня и третья догадка: ты прожил так долго в окрестностях этой Тени, что научился отбрасывать тень, отражаясь от самого себя.

Я бы так и уехала, мучимая сомнениями, если бы Жаклин ни с того ни с сего не проболталась мне о твоей удивительной силе. Как правило, женщины про такое помалкивают, и то, каким тоном она мне об этом сообщила, заставило меня задуматься, что ты, пожалуй, действительно показал ей себя с необычной стороны. Я поболтала с ней немного, стараясь выудить побольше информации, и поняла, что восторгается она в основном твоими боевыми подвигами.

Мысль о двойнике сразу отпала. Либо это был ты сам, либо твоя тень. В таком случае, даже если Кордель не был Корвином, он все равно оставался загадкой и самим своим существованием намекал на то, что ты либо побывал поблизости, либо поблизости находишься. Так я впервые догадалась о том, что ты жив и где-то рядом. Нужно было разузнать об этом понадежнее.

С того вечера я начала следить за тобой, пытаясь выяснить, каково твое прошлое. И чем больше я расспрашивала разных людей, тем более загадочным оно выглядело. Прошло несколько месяцев, я ничего не могла сказать наверняка. В твоей биографии оставалось слишком много темных пятен. А открылось все следующим летом, когда я на время заглянула в Амбер. Я рассказала Эрику о встрече с тобой.

— Вот как?!

— Ну, и... он, похоже... знал, что такое возможно.

Флора умолкла и стала вертеть в руках перчатки, которые до сих пор лежали на подлокотнике кресла.

— А-та... — понимающе кивнул я. — И что же он тебе сказал?

— Что это на самом деле мог быть ты, — ответила Флора. — Он сказал, что был... несчастный случай...

— Да ну?

— То есть нет, — поправилась она. — Не несчастный случай. Он сказал, что вы подрались и он тебя ранил. Подумал, что ты умираешь, и не захотел, чтобы его обвинили в убийстве. Поэтому он перенес тебя в Тень и оставил там, в том месте. Прошло много лет, и он решил, что ты умер и что между вами наконец все кончено. Моя новость его явно не порадовала. Эрик взял с меня клятву молчать и отослал обратно следить за тобой. Теперь у меня появилось отличное оправдание для возвращения на Землю — я всем нашим успела наговорить с три короба о том, как мне там нравится.

— Ты не могла дать ему обет молчания за здорово живешь, Флора. Чем он с тобой расплатился?

— Дал мне слово, что, если когда-нибудь придет к власти в Амбере, он меня не забудет.

— Несколько рискованно, — заметил я. — Ведь, по большому счету, ты становилась опасной свидетельницей — ты знала, что где-то находится главный конкурент Эрика и что он приложил руку к исчезновению этого конкурента.

— Верно. Но потом все как-то успокоилось, затихло, да и я, честно говоря, чувствовала себя его сообщницей — какой смысл мне было признаваться в этом?

— Верится с натяжкой, но не выглядит таким уж невероятным, — согласился я. — А ты думала, Эрик оставит меня в живых, если у него появится возможность взойти на престол?

— Об этом разговор никогда не заходил. Никогда.

— Но думать об этом ты могла, правда?

— Думала, — сказала Флора. — Но потом, позже. И решила, что он ничего такого делать не станет. В конце концов, складывалось такое впечатление, что ты и вправду память потерял. Не было причин избавляться от тебя, пока ты безвреден.

— Итак, ты осталась, чтобы шпионить за мной и следить за тем, чтобы я оставался безвредным?

— Да.

— А что бы ты стала делать, если бы почувствовала, что память ко мне возвращается?

Флора резко посмотрела на меня и отвела взгляд.

— Сообщила бы Эрику.

— И что бы *он тогда сделал?*

— Не знаю.

Я негромко рассмеялся, Флора покраснела. Впервые видел, чтобы Флора краснела.

— Лежачего не бьют, — сказал я. — Я не буду. Ну хорошо, ты осталась. Ты за мной шпионила. А потом? Что случилось потом?

— Ничего особенного. Ты продолжал жить своей жизнью, а я с тебя глаз не спускала.

— И все остальные знали, где ты находишься?

— Да. Я из этого секрета не делала. На самом деле все наши ко мне время от времени наведывались.

— И Рэндом тоже?

Флора брезгливо скривилась:

— И не раз.

— Что это ты усмехаешься?

— Слишком поздно притворяться, будто он мне симпатичен, — выказала свою неприязнь Флора. — Ты же знаешь, я терпеть не могу отребье, с которым он якшается, — бывшие каторжники, лабухи джазовые. Я была вынуждена по-родственному принимать его, когда он навещал мою Тень, но Рэндом жутко действовал мне на нервы, когда заваливался в любое время дня и ночи со своими дружками, — то пьяную оргию устроят, то в карты режутся до утра. Дом потом неделями проветривать приходилось, и я всегда радовалась, когда Рэндом наконец убирался вон. Прости. Я знаю, что он тебе нравится, но ты же просил... начистоту.

— Понимаю, он задел твою тонкую, аристократическую натуру. Ну ладно. А теперь давай обратимся к тому краткому промежутку времени, в течение которого я был твоим гостем. Рэндом присоединился к нам довольно-таки неожиданно. За ним гналось с полдюжины жутковатых ребят, которых мы прикончили у тебя в гостиной.

— Да. Это я помню очень живо.

— Помнишь, как они выглядели — те твари, с которыми мы дрались?

— Да.

— Узнала бы такого, если бы он тебе снова встретился?

— Не сомневаюсь.

— Отлично. А раньше таких видела?

— Нет.

— А потом?

— Нет.

— Не слышала, кто-нибудь рассказывал про таких?

— Не припомню. А что?

Я покачал головой:

— Не сейчас. Спрашиваю пока я, не забывай. Я прошу тебя вот о чем: вспомни, что было до того печального вечера. Вернемся к тем событиям, из-за которых я угодил в клинику «Гринвуд». А может, и чуток пораньше. Что случилось и как ты об этом узнала? Что произошло? Какую роль во всем этом сыграла ты?

— Да, — процедила сквозь зубы Флора. — Я знала, что рано или поздно ты меня спросишь об этом. А случилось то, что Эрик вышел со мной на связь на следующий день после аварии — из Амбера, через мою карту.

Флора пристально смотрела на меня — явно пыталась понять, как я реагирую на ее рассказ. Я хранил молчание и спокойствие.

— Он сказал мне, что прошлым вечером ты попал в аварию и что тебя отвезли в больницу. Сказал, что тебя нужно переправить в частную клинику, где бы я могла лучше проследить за твоим лечением.

— Иначе говоря, он хотел, чтобы я продолжал оставаться безвредным кочаном капусты?

— Он хотел, чтобы тебя там накачивали седативными препаратами.

— А сказал Эрик, что причастен к аварии, или не говорил?

— Ну, в том, что кого-то натравил на тебя, он не признавался. Сказал, что знает об аварии. А как еще, интересно, он мог о ней узнать? Когда я попозже поняла, что Эрик метит на трон, я решила, что он таки решил избавиться от тебя

окончательно. Когда же попытка не удалась, он решил подержать тебя взаперти, чтобы успеть короноваться. Корвин, ведь кто-то стрелял по твоей машине.

— Да?!

Флора изменилась в лице. Явно пришла в себя.

— Ты же сам говорил мне, что была авария, что кто-то пытался тебя убить... Я решила, что ты знаешь подробности.

Я снова ступил на скользкую стезю — впервые за долгое время. Амнезия все еще немного мучила меня, и я решил, что мне от нее никогда не избавиться. Несколько дней, непосредственно предшествовавших аварии, до сих пор виделись мне как в тумане. Путь вернул мне память о моей жизни вплоть до этих самых дней, но полученная травма накрепко разрушила воспоминания о событиях, напрямую ей предшествовавших. Дело в принципе понятное. Скорее всего, произошло органическое поражение мозга, а не временное функциональное нарушение его деятельности. Я и так радовался безумно, что ко мне вернулась память, жаловаться на мелочи не приходилось.

Что же касается аварии, то я, конечно, догадывался, что это был никакой не несчастный случай, и, пожалуй, я действительно слышал выстрелы. Выстрелов было два. Я, похоже, даже краешком глаза успел увидеть фигуру человека с винтовкой, но мельком и слишком поздно. А может быть, это вообще из области фантазии... Нет, все-таки, мнится, я это помнил. Ведь что-то подобное у меня в мыслях бродило, когда я направлялся в Уэстчестер. Даже теперь, когда в моих руках была власть над Амбером, я боялся кому-либо признаться в этом маленьком провале в памяти.

Наша беседа с Флорой до сих пор шла как по маслу, и мне не хотелось сбавлять темп. И я решил сыграть ва-банк.

— Не хотелось вылезать и смотреть, куда они там попали, — сказал я. — Стреляли-то по колесам, а не по мне. Услышал выстрелы и потерял управление. Это я потом решил, что была авария, но наверняка... И тебя я спросил об этом исключительно из любопытства: откуда ты знаешь, что была авария?

— Я тебе уже сказала откуда: от Эрика.

— Но ты сказала об этом так, словно знала все подробности случившегося еще до того, как он тебе об этом рассказал.

— Значит, ты меня неверно понял, — покачала головой Флора. — Иногда бывает такое, когда смотришь на события уже после того, как они случились. Я отрицаю то, в чем ты меня хочешь обвинить. Я тут совершенно ни при чем.

— Ну, раз Эрика теперь уже нет в живых и он не может ни подтвердить, ни опровергнуть твои заверения, то пусть так и будет, — сказал я. — Пока.

А сказал я это для того, чтобы она только тем и занималась, что искала себе оправдания; надо было увести ее внимание в сторону и ничем — ни фразой, ни словом — не дать ей поймать меня на проклятом провале в памяти.

— А позднее ты не интересовалась личностью того, кто в меня стрелял?

— Никогда, — ответила Флора. — Скорее всего, какой-нибудь наемный бандит.

— Не знаешь, сколько времени я пробыл без сознания, пока кто-то не подобрал меня и не доставил в больницу?

Флора покачала головой. Что-то ускользало от меня, и я никак не мог найти зацепку.

— А Эрик не сказал, когда точно меня положили в больницу?

Она снова покачала головой.

— Хорошо. Когда я попал к тебе, почему ты так рвалась в Амбер? Разве Эрик не мог перетащить тебя через карту?

— Я никак не могла его дозваться.

— Ну вызвала бы кого-нибудь еще, тебя бы перенесли туда. Флора, — произнес я строго, — я думаю, ты лжешь.

На самом деле это была элементарная проверка, чтобы посмотреть, как она отреагирует. Имел я на это право? Имел.

— Лгу? — удивленно спросила Флора. — Я никого не могла вызвать. Все были чем-то заняты.

Я поднял руку с вытянутым указательным пальцем. За спиной у меня, прямо за окном, полыхнула молния.

По телу пробежали мурашки. Раскат грома тоже прозвучал весьма эффектно.

— Ты грешишь, недоговаривая, — сказал я на всякий случай.

Флора закрыла лицо руками и заплакала.

— Не понимаю, о чем ты! — всхлипнула она. — Я тебе на все вопросы ответила! Чего тебе еще надо? Я не знаю, куда ты ехал, кто стрелял и когда это точно случилось. Я тебе все-все сказала, черт подери!

Либо она действительно не врала, либо ее ничем не проймешь, решил я. Так или иначе, разговорами от нее больше ничего не добиться. И вообще пора было сменить тему. Хватит про аварию, а то Флора решит, что я на ней зациклился. Если я что-то упустил, дознаваться надо было самому, без Флориной помощи.

— Пойдем со мной, — велел я.

— Куда?

— Хочу тебе кое-что показать. Ты мне нужна для опознания. Увидишь — тогда я тебе кое-что скажу.

Флора встала и послушно последовала за мной. Мы прошли через зал и поднялись этажом выше. Я хотел сначала показать ей труп ублюдка, а уже потом рассказать о том, что случилось с Кейном.

Труп на Флору большого впечатления не произвел.

— Да, — кивнула она и добавила: — Даже если бы я не узнала эту тварь, я бы сказала, что узнала, — ради тебя.

Я пробурчал что-то неразборчивое. Родственная верность порой трогает меня до глубины души. Не могу сказать, поверила мне Флора или нет, когда я ей поведал про Кейна. Правда, когда оба собеседника друг другу чего-то недоговаривают, значит, оба хороши. Я ни словом не обмолвился о Брэнде, и она о нем молчала. Единственное, что сказала Флора, когда мне сказать было уже нечего, так это следующее:

— Камешек тебе к лицу. А как насчет короны?

— Об этом пока рано говорить, — ответил я.

— Если тебе потребуется моя скромная помощь...

— Знаю, — кивнул я. — Знаю.

Место для моего склепа выбрали на редкость уединенное и спокойное. Стоит он один-одинешенек на заднем склоне гребня Колвира, защищенный с трех сто-

рон от буйства стихий. В подсыпанной вокруг него земле растет пара-тройка суковатых деревьев, там-сям торчат колючие кусты, зеленеет трава, по скалам вьются толстые канаты горного плюща. Склеп — длинное, приземистое строение, перед которым врыты в землю две каменные скамьи. Он почти весь порос плющом, милосердно скрывающим убийственную надпись, высеченную над входом пониже моего имени. Понятное дело — сюда мало кто ходит.

Вот туда-то мы и отправились ближе к ночи с Ганелоном, прихватив порядочно вина, нарезанного хлеба и холодного мяса.

— Гляди-ка, ты не шутил, оказывается! — воскликнул Ганелон, после того как спешился, подошел к склепу, раздвинул плети плюща над входом и прочел надпись.

— Конечно, нет, — ответил я, слезая с коня и привязывая к дереву поводья. — Моя могилка, можешь не сомневаться.

Привязав рядом со своим чалым лошадь Ганелона, я снял с седла наши сумки с вином и провизией и перенес их на ближайшую скамью. Ганелон присоединился ко мне, как только я откупорил первую бутылку и наполнил кружки темным густым вином.

— Все равно непонятно как-то, — покачал головой Ганелон, взяв у меня кружку.

— Что тут понимать? Я умер и похоронен здесь. Это мой кенотаф* — гробница, которую ставят, когда не могут разыскать тело умершего. Я, честно говоря, и сам о том, что он обнаружен, узнал не так давно. Склеп поставили несколько столетий назад, когда тут решили, что я уже не вернусь.

— Странновато как-то, — пробурчал Ганелон. — И что же там внутри?

— Ничего. Хотя предусмотрительно устроена ниша, а в нише стоит урна для моего праха — на случай, если когда-нибудь обнаружится тело. Не придерешься.

Ганелон сделал себе сандвич.

— А чья была идея? — поинтересовался он.

— Рэндом думает, что Брэнда или Эрика. Точно никто не помнит. Но, похоже, в ту пору все эту идею одобрили.

— И что теперь с этой штукой будет?

Я пожал плечами:

— Подозреваю, кое-кто жалеет о том, что такой прекрасный склеп пустует, и мечтает, чтобы в него легло мое тело. На самом деле — милейшее местечко, просто созданное для того, чтобы приходить сюда и вдрызг напиваться. Я еще ни разу не засвидетельствовал почтения своей могилке таким образом.

Я сделал себе двойной сандвич и принялся с аппетитом уплетать его. У меня была первая настоящая передышка за последние дни — как сказать, может, и последняя, учитывая все, что меня ожидало. Но за прошедшую неделю мне никак не удавалось переговорить с Ганелоном с глазу на глаз, а он был одним из тех немногих, кому я доверял. Я хотел рассказать ему все. Я должен был ему все рассказать. Мне требовалось поговорить с человеком, который не погряз в наших делах так, как мы сами, не был непосредственным участником событий в Амбере.

Так я и сделал.

За время моего рассказа луна совершила долгое путешествие по небесам, а у стены склепа выросла солидная горка битого стекла.

— Ну и что по этому поводу думают остальные? — спросил Ганелон, когда я закончил рассказ.

— То, что и следовало ожидать, — ответил я. — Я и не сомневался, что Джулиан ни одному моему слову не поверит, хотя будет говорить, что поверил. Он знает, как я к нему отношусь, и не хочет меня дразнить. Бенедикт, думаю, мне тоже не верит, но в его тактике разобраться будет потруднее. Он тянет время — и пусть тянет, мне и самому время нужно, чтобы осмотреться и поразмыслить. Что до Джерарда... для него убийство Кейна, судя по всему, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения, и если у Джерарда хоть какое-то доверие ко мне было, теперь оно испарилось. И все же завтра рано утром он возвращается в Амбер, и мы вместе отправимся в рощу и выкопаем тело Кейна. Я вовсе не собираюсь устраивать из этой поездки сафари, но в попутчики мне обязательно нужен кто-то из членов семейства. Теперь Дейрдре — она вроде как даже обрадовалась. Ни единому слову не поверила, не сомневаюсь. Но это ладно. Она всегда была на моей стороне и никогда не жаловала Кейна. Я бы даже так сказал: она рада, что я занимаюсь укреплением своих позиций. Не могу судить наверняка, поверила ли мне Ллевелла. Ей, похоже, вообще ни до кого нет дела, не то что остальным. Что касается Фионы, то ее все это вроде бы просто позабавило. Она всегда и ко всему относится отвлеченно и свысока. Никогда не поймешь, что на самом деле у нее на уме.

— А про Брэнда ты тоже всем рассказал?

— Нет. Я рассказал только про Кейна и попросил всех быть в Амбере завтра вечером. Вот тогда-то я расскажу про Брэнда. Есть одна догадочка, хочу ее проверить.

— Ты со всеми через карты общался?

— Конечно.

— Знаешь, я давно собирался тебя спросить... Там, в той Тени, куда мы мотались за оружием, есть телефоны...

— Ну и?..

— Пока мы там болтались, я кое-что вызнал насчет прослушивания телефонных переговоров. А как ты думаешь, ваши переговоры через карты... не может тут быть каких-нибудь «жучков»?

Я громко расхохотался, но довольно быстро сообразил, что в таком нелепом на первый взгляд предположении Ганелона что-то есть.

— Честно говоря, не знаю, — ответил я наконец. — В записках Дворкина многое покрыто мраком. Мне такая мысль в голову не приходила, и сам я никогда такое проделывать не пробовал. Но это интересно...

— Ты знаешь, сколько всего колод магических карт?

— Ну... у каждого из членов семейства — по одной, да в библиотеке что-то около дюжины запасных. Может, и еще есть.

— Я вот думаю, ведь если вправду подслушивать, то можно много чего вызнать.

— Да! Дай-ка сообразить... отцова колода, колода Брэнда да та, что у меня была с самого начала... да еще та, что Рэндом посеял... Проклятье! Ведь действительно уймы карт не хватает! А что с этим делать, ума не приложу. Пожалуй, надо начать расследование и провести серию экспериментов. Спасибо, что надоумил.

Ганелон улыбнулся. Некоторое время мы молча потягивали вино.

Потом он спросил:

— Ну, Корвин, что делать собираешься?

— Ты насчет чего?

— Да насчет всего сразу. План боевых действий, по порядку.

— Поначалу я собирался прочесать Черную дорогу, добраться до того места, откуда она начинается, — сказал я. — Приступить к этому мне хотелось, как только в Амбере все маленько поутихнет. Теперь планы несколько изменились. Надо как можно скорее вернуть Брэнда, если он еще жив. Если нет, я хочу выяснить, что с ним стряслось.

— Но дадут ли враги тебе время на передышку? Может быть, именно сейчас они готовятся к новой атаке.

— Да, конечно. Я думал об этом. И все же, такое чувство, что немного времени у нас есть, ведь мы их только что разбили. Нужно же им посчитать раны, поразмыслить, собраться с силами и оценить перемену в расстановке сил в связи с тем, что у нас появилось новое оружие. Пожалуй, следует выставить вдоль дороги несколько наблюдательных постов, дабы дозорные докладывали о любых вражеских происках и маневрах. Бенедикт уже согласился возглавить эту операцию.

— Интересно, сколько у нас времени на самом деле? — задумчиво проговорил Ганелон. Поскольку я не мог придумать достойного ответа, я просто подлил ему вина. — А вот в Авалоне такого сроду не бывало, верно? В нашем Авалоне, я хочу сказать.

— Это точно, — согласился я. — Ты не единственный, кто тоскует по славным денькам. Теперь кажется, что раньше все было проще.

Ганелон кивнул. Я предложил ему сигарету, но он отказался и раскурил трубку. Вспыхнувшее пламя огнива осветило Камень Жребия, висевший на цепочке у меня на груди.

— И что, ты на самом деле можешь управлять погодой с помощью этого булыжника? — поинтересовался Ганелон.

— Могу, — ответил я.

— Откуда ты знаешь?

— Сегодняшняя гроза — моя работа.

— Занятно...

— Что?

— Да так. Просто подумал: будь у меня такая власть, что бы я делать стал?

— Я тебе честно скажу, — проворчал я и с размаху шлепнул ладонью по стенке склепа, — разгромить эти хоромы к чертям собачьим, вот какое у меня было первое желание! Шарахнуть молнией по склепу, чтоб он рассыпался. Чтоб никто не сомневался, какие чувства я питаю к этому местечку и на что способен.

— И что тебя удержало?

— Да подумал, понимаешь... И решил... о, черт! Знаешь, могилка моя, если мне недостанет хитрости, жестокости и удачи, еще о-го-го как может быть использована по своему прямому назначению! Ну а коли так, то ведь в принципе я ничего против этого места не имею. Хоронить-то меня где-то все равно придется, верно? А тут замечательно — высоко, чисто, просторно. Ничего кру-

гом — только скалы да небо... Звезды, тучи, солнце, луна, ветер, дождь... компания более приятная, чем у остальных семейных склепов. Не вижу причин, зачем это мне покоиться в земле рядом с теми, кого бы я хотел схоронить до своей кончины.

— Ты озлобился, Корвин. Или перебрал. Или и то и другое. Зачем ты так жестоко? Ни к чему это тебе. Не нужно.

— Да кто ты, черт бы тебя подрал, такой? Откуда тебе-то знать, что мне нужно, что не нужно? — вспылил я, но, почувствовав, что Ганелон весь подобрался, пожалел о сказанном.

— Я что, — пожал плечами Ганелон. — Я что думал, то и сказал.

— Как дела в войсках? — спросил я.

— Пока все на подъеме, Корвин. Они ведь как-никак пошли на священную войну в небесах. И полагают, что вся стрельба на прошлой неделе — из этой оперы. А потому солдаты счастливы — мы же победили. А теперь... город... ожидание... они тут ничего не понимают. Кое-кто из тех, кого мы считали врагами, теперь, оказывается, друзья. Есть от чего смутиться. Солдаты знают, что их держат в боевой готовности для предстоящего сражения, но не понимают, когда и с кем им придется драться. В общем, пока они сидят по казармам, они не могут узнать, насколько их присутствие здесь не приветствуется регулярными войсками и народом вообще. Но, думаю, скоро это до них дойдет. Я давно с тобой об этом поговорить хотел, но ты так занят был...

Некоторое время я молча курил. Потом произнес:

— Ты прав, стоит с ними потолковать. Завтра вряд ли получится, да и потом дел будет по горло. Наверное, стоит перевести войска на бивачную поляну в Арденском лесу. Завтра. Решено. А ты всем объяви, что делается это для того, чтобы войска располагались поближе к Черной дороге. Скажи, что скоро на нас снова могут напасть, — между прочим, так оно и есть. Помуштруй солдат, поддержи их боевой дух. А я, как только сумею вырваться, приеду и сам с ними потолкую.

— Но ведь тогда у тебя в Амбере не останется личной гвардии?

— Это верно. Но игра, думаю, стоит свеч. Выйдет нечто вроде демонстрации доверия и жеста дружелюбия. Да, шаг получится предусмотрительный и разумный. Ну а если не выйдет... — Я пожал плечами и швырнул очередную бутылку в стену склепа. — Прошу прощения.

— Это за что же?

— Я только что сам заметил, что я зол как собака, надрался как свинья и говорю жестокие вещи. Ты прав. Ни к чему мне это.

Ганелон хмыкнул и чокнулся со мной.

— Я тебя понимаю, — сказал он. —.Очень хорошо понимаю.

И мы славненько сидели, покуда не зашла луна, пока последняя бутылка не пала смертью храбрых у стены склепа рядом со своими подружками. Болтали о том о сем, вспоминали старые добрые времена. Иногда мы оба умолкали, и я смотрел на звезды, горевшие в небесах над Амбером. Хорошо тут было, спору нет, но город уже звал меня к себе.

Словно прочитав мои мысли, Ганелон встал, потянулся и пошел к лошадям. Я немного задержался. Помочившись прямо у входа в мой склеп, я последовал за Ганелоном.

V

Роща Единорога расположена в Арденском лесу, к юго-западу от Колвира, там, где предгорья спускаются к долине под названием Гарнатх. Сам Гарнатх проклинали, жгли, завоевывали и отвоевывали без конца за последние годы, а предгорья никто пальцем не тронул. В этой роще, как клялся отец, он много веков назад увидел Единорога и пережил нечто из ряда вон выходящее. В итоге единорог стал волей отца покровителем Амбера, а его изображение украсило собой отцовский боевой мундир.

Оттуда, где находились мы с Джерардом, роща виделась нам темно-зеленым пятнышком на пути от Гарнатха к морю. В роще, на полянке не слишком правильной формы, из груды валунов бил родник; он превращался в узенький ручеек и образовывал крошечное озерцо, а потом вытекал из него и струился вниз, к Гарнатху.

Вот туда-то мы и направлялись с Джерардом. Выехали рано. Солнце встало из-за моря тогда, когда мы одолели уже полпути от Колвира, усыпало волны разноцветными блестками, озарило небо многоцветьем красок. Джерард натянул поводья и спешился, подав мне знак последовать его примеру. Я послушался, спешился и привязал своего Стара и вьючную лошадь рядом с конем Джерарда — высоченным жеребцом в яблоках. Пройдя следом за братом примерно с десяток шагов, я оказался в лощине, щедро усыпанной гравием. Джерард остановился, я встал у него за спиной.

— В чем дело? — поинтересовался я.

Джерард развернулся, вперил в меня устрашающий взгляд прищуренных глаз, снял плащ и швырнул на землю. Расстегнул ремень и кинул поверх плаща.

— Сними и ты плащ да брось меч, — посоветовал он мне. — Они тебе только мешать будут.

Я все понял. Ну что ж, будь что будет. Снял плащ, аккуратно сложил, опустил на землю, поверх него положил Камень Жребия и Грейсвандир. Выпрямился, встретился взглядом с Джерардом. Только одно слово и произнес, одно-единственное:

— Почему?

— Ты, наверное, забыл почему, — процедил Джерард сквозь зубы. — Слишком много воды утекло с тех пор.

Он медленно двинулся на меня, а я заслонился обеими руками и попятился. Он меня не достал. Я всегда был быстрее его. Мы оба пригнулись, Джерард левой рукой делал медленные, какие-то кошачьи движения, а правую — она у него слегка дрожала — прижимал к туловищу .

Если бы место для драки с Джерардом довелось выбирать мне, я бы уж точно не это место облюбовал. И Джерард это отлично знал. А уж если бы вообще речь шла о поединке, я ни за что не выбрал бы рукопашную схватку. Я бы предпочел схлестнуться на мечах или кинжалах. Да на чем угодно, лишь бы мне предоставили быстроту действий и время на обдумывание стратегии, чтобы я мог иногда наносить противнику удары, не подпуская близко к себе. Тогда бы мне удалось измотать его, он волей-неволей начал бы раскрываться и мои удары становились

бы все более точными и болезненными. Джерард и это знал превосходно. Вот почему он завел меня сюда. Что ж, выхода нет, придется играть по его правилам.

Джерард подбирался ко мне все ближе. Несколько раз я отбрасывал его занесенную для удара руку. Наконец я изловчился, пригнулся и нанес Джерарду быстрый резкий удар левой чуть повыше солнечного сплетения. Ударом такой силы можно было запросто переломить пополам толстую доску и превратить в желе внутренности более хлипкого смертного. Увы, годы не состарили Джерарда. Он, правда, взревел, но при этом блокировал мою правую руку, своей правой поддел мою левую и схватил за плечо.

Я не стал вырываться. Сойдясь с Джерардом вплотную, я развернулся, аналогичным манером захватив его левое плечо, поддел левой ногой колено Джерарда и ухитрился бросить его наземь.

Но он меня не выпустил, и я упал на него сверху. Я слегка ослабил хватку и вогнал левый локоть в бок Джерарда как раз в то мгновение, когда мы коснулись земли. Угол атаки был далек от идеального. Левая рука Джерарда взметнулась и сцепилась с правой у меня за головой.

Я сумел вынырнуть, но он железной хваткой сжимал мою руку. Мне жутко хотелось заехать ему в пах свободной рукой, но я удержался. Терпеть не могу бить ниже пояса — не в моих правилах. Вдобавок я понимал: стукни я Джерарда в пах, и он чисто рефлекторно сломает мне руку в плече. Я поступил иначе: больно оцарапав о гравий предплечье, ухитрился просунуть левую руку под голову Джерарда, а правой ухватил его за ляжку. Преуспев в этом, я перекатился на спину, готовясь распрямить ноги, как только коснусь ступнями земли. Я планировал рвануть Джерарда на себя и снова швырнуть на спину, надавив плечом на его грудь для пущего эффекта.

Но Джерард скрестил ноги и подался влево, заставив меня перелететь через него. В полете я отпустил левую руку, крутанулся по часовой стрелке, вырвал-таки правую и был готов уже припечатать Джерарда ногой к земле.

Однако не таков был Джерард, чтоб вот так сдаваться. Он выбросил руки за спину и одним могучим броском освободился; затем, вскочив, выпрямился. Я тоже поднялся с земли и отпрыгнул назад. Джерард, не медля ни секунды, двинулся на меня. Я понял: если он меня сейчас схватит, то расплющит в блин. Нужно было лавировать.

Я не спускал глаз с ног Джерарда. И в то мгновение, которое счел наиболее удачным, нырнул между его разведенными в стороны руками — он как раз переносил вес с левой ноги на правую. Мне удалось ухватить брата за правую лодыжку и задрать его ногу фута на четыре со спины. Он перевернулся и рухнул на левый бок.

Джерард пытался подняться, но я въехал ему левой в челюсть, и он снова упал. Озверело потряс головой, опять встал и пошел на меня, заслоняясь руками. Я хотел стукнуть его в живот, промахнулся и угодил в бедро. Но Джерард удержал равновесие и снова двинулся на меня.

Я вертелся по кругу, нанося удары ему в лицо. Два раза подряд стукнул в живот и отпрыгнул. Джерард зловеще ухмыльнулся. Он знал, что я боюсь ближнего боя. Я еще раз дал ему в живот и попался. Мы сошлись. Джерард опустил руки вполне достаточно для того, чтобы я сумел ухватить его за шею. Увы, он сразу же поднял руки и обхватил меня за пояс. Я врезал ему в подбородок ребром ладони,

но Джерард не ослабил хватку и оторвал меня от земли. Все. Больше драться я не мог. Его ручищи уже изо всех сил сдавливали мои почки. Я нащупал большими пальцами сонные артерии Джерарда, нажал...

А он поднимал меня все выше и выше и поднял над головой. Мои пальцы ослабли, разжались, соскользнули с шеи Джерарда... И он швырнул меня спиной на камни — примерно так, как крестьянки колотят простыни о прибрежные валуны.

Перед глазами вспыхнули искры, мир дрогнул и поплыл куда-то, теряя реальность... А Джерард рывком поднял меня на ноги. Я увидел его кулак...

Рассвет был дивно красив, вот только смотрел я на него под каким-то неправильным углом — что-то около девяноста градусов.

У меня жутко закружилась голова. По спине, как дорожки по крупномасштабной карте, побежали ленточки боли и вскоре добежали до «большого города», который располагался неподалеку от подбородка.

Я висел в воздухе. С трудом повернув чуть-чуть голову, я увидел, что я не просто в воздухе, а над краем пропасти.

Кто-то крепко держал меня за плечо и бедро. Я чуть сильнее повернул голову и увидел, что держат меня руки Джерарда. Да, это он держал меня на вытянутых руках над головой. Там, где он стоял, тропа обрывалась и открывался прекрасный вид на Гарнатх и то место, где далеко внизу заканчивалась Черная дорога. Если он бросит меня, подумал я, некоторая часть моего тела разделит участь птичьего помета, толстым слоем покрывавшего скалу, а все остальное скоро станет похоже на обглоданную рыбку — я такую как-то видел между камней на берегу моря.

— Вот-вот. Смотри вниз, Корвин, — произнес Джерард. Он заметил, что я пошевелился, поднял голову и встретился со мной взглядом. — Стоит мне только разжать пальцы...

— Я тебя слушаю, — негромко проговорил я, силясь придумать, как бы мне и его с собой прихватить, если он выполнит свою угрозу.

— Я в умниках не числюсь, — продолжал Джерард. — Но была у меня одна мыслишка — ужасная, прямо скажу. Послушай: тебя слишком долго не было в Амбере. Правда, что ты память потерял, или нет — кто тебя знает. Ты вернулся, взял верх над всеми, но пока что ты еще Амбером не правишь. Помощники Бенедикта погибли, теперь Кейн... Эрик убит, сам Бенедикт покалечен. Может, это все и не твоя вина, но я подумал — чем черт не шутит, вдруг ты взял да и сговорился с нашими врагами с Черной дороги?

— Я ни с кем не сговорился, — ответил я.

— Это не важно и к тому, что я хочу сказать, отношения не имеет. Молчи и слушай. А я тебе скажу все. Если ты, пока мотался неведомо где, все рассчитал и провернул — все, что случилось совсем недавно, — так, может, и пропажа отца и Брэнда на твоей совести? Выходит, ты всю семью готов уничтожить, подавить всякое сопротивление ради узурпации власти, а?

— Разве я бы позволил Эрику пленить и ослепить меня, если бы это было так?

— Слушай меня! — рявкнул Джерард. — Что, ты оступиться не мог? Мог, вот и вышло такое. Но теперь все это не имеет значения. Может быть, ты чист и невиновен, как утверждаешь, а может быть, по уши сидишь в грязи. Смотри вниз, Корвин, смотри хорошенько. Смотри на Черную дорогу. Если все, что я сказал,

правда, в конце пути ты подохнешь. Я снова показал тебе свою силу — на всякий случай, чтоб ты о ней не забывал. Я могу прикончить тебя, Корвин. И не надейся, что твой меч защитит тебя, пусть даже я выйду против тебя с голыми руками. Я сделаю это, я сдержу слово. А слово мое такое: если ты виновен, я убью тебя на месте, как только узнаю об этом. Знай, что за мою жизнь есть кому постоять, потому что теперь она неразрывна с твоей.

— То есть?

— Сейчас нас через мою карту видит все семейство. Теперь тебе ни за что не избавиться от меня, не раскрыв своих истинных замыслов перед остальными. Значит, даже если я погибну, я все равно сдержу клятву.

— Я тебя понял, — ответил я. — А если тебя прикончит кто-то другой? А потом — меня? Кто останется? Джулиан, Бенедикт, Рэндом и девочки. И кто же будет сражаться на баррикадах? Девочки? Чем дальше, тем веселее — для того, кто стоит за всем происходящим. Кто только мог до такой ерунды додуматься, вот интересно!

— Я! — рявкнул Джерард. — Я один! — И я почувствовал, как он еще сильнее сжал пальцы, как напряглись его мышцы. — Просто ты, как всегда, хочешь все запутать! Как всегда! Не так уж плохо тут у нас все было, пока ты не вернулся. Будь ты проклят, Корвин! Все из-за тебя! — воскликнул Джерард и подбросил меня в воздух.

— Я не виноват, Джерард! — только и успел выкрикнуть я.

Он уже поймал меня, верзила поганый, и оттащил от края обрыва. Проволок по щебню и поставил на ноги. А сам как ни в чем не бывало зашагал к лощинке, где мы с ним дрались. Мы оба подобрали с земли свои вещи.

Застегивая пряжку широкого ремня, Джерард стрельнул в меня взглядом и буркнул:

— Разговор окончен.

— Идет.

Я поплелся к лошадям. Вскоре мы уже продолжали путь.

Родник в роще заливался веселыми трелями. Солнце поднялось довольно высоко, и его лучи пробивались сквозь густую листву деревьев. Трава еще не высохла от росы. Ее капельки сверкали и на пластах дерна, которые я нарезал на месте могильного холмика.

Я принес захваченную из Амбера лопату и разрыл могилу. Не говоря ни слова, Джерард помог мне вытащить тело Кейна и перенести на расстеленный на земле кусок грубого холста. Этим холстом мы обернули труп брата и зашили широкими небрежными стежками.

— Корвин! Посмотри! — сдавленным шепотом проговорил Джерард и схватил меня за локоть.

Я посмотрел туда, куда он показывал, и окаменел. Мы оба, не в силах пошевелиться, не могли отвести глаз от дивного зрелища. Это был он, окруженный тончайшей белесой дымкой, отчего казалось, что одет он в какую-то ткань, а не в шкуру, украшенную длинной гривой. Его крошечные копытца казались золотыми, таким же казался и длинный витой рог на гордо посаженной голове. Когда он поднял голову и посмотрел в нашу сторону, мы увидели его глаза — яркие, лучистые, изумрудно-зеленые. Пару мгновений чудный зверь простоял, как и мы,

не двигаясь. А потом, будто встревоженный чем-то, трижды ударил по камню правым передним копытцем, подпрыгнул и исчез, растаял, как снежинка, — может быть, ускакал в лес, что тянулся вправо от поляны.

Я опрометью побежал к камню, на котором только что стоял Единорог. Рядом с камнем во мху виднелись следы острых копыт.

— Значит, мы действительно видели его... — пробормотал Джерард.

— Что-то видели, точно. Прежде тебе доводилось?..

— Нет. А тебе?

Я покачал головой.

— Джулиан клянется, что один раз видел его, — сказал Джерард. — Издалека вроде бы. Говорит, что гончие не стали за ним гнаться.

— Какой же он красивый — хвост будто шелковый, копыта сверкают...

— Да. Отец всегда говорил, что встреча с ним — добрый знак.

— Я бы тоже не отказался ее так расценить.

— Странное время он выбрал для появления... столько лет...

Я снова кивнул.

— Может, тут есть нечто особенное? Ну, он все-таки наш покровитель и все такое прочее... Может быть, мы что-то должны сделать?

— Может, и должны, но мне отец ничего про это не говорил, — ответил я и осторожно погладил камень, на котором стоял Единорог. — Если тебе не безразлична наша судьба, если ты в силах подарить нам свою милость, благодарю тебя, Единорог, — сказал я. — Но даже если это не так, благодарю тебя за то, что ты своим появлением озарил нашу жизнь в эти мрачные дни.

Мы ушли от камня и попили воды из родника. Взвалив нашу скорбную ношу на спину вьючной лошади, мы повели коней под уздцы и сели верхом только тогда, когда ушли далеко от поляны, где после нашего ухода стихло все, кроме поющего ручья.

VI

Жизнь полна неожиданностей, но надежда никогда не покидает нас окончательно, даже тогда, когда мы на волосок от гибели, и как славно, когда жаровни, под которыми не то погасили, не то забыли развести огонь, остаются далеко позади... Вот такие мудрые житейские истины бродили у меня в голове к вечеру, нежимые духом творческого вдохновения.

Все семейство собралось в библиотеке. Я сел на краешек широкого письменного стола. Рэндом расположился на стуле справа от меня. Джерард стоял у противоположной стены, внимательно разглядывая развешанное по стенам оружие, а может, рассматривал гравюру Рейна, на которой был изображен Единорог. Ни Джерард, ни мы с Рэндомом не обращали никакого внимания на Джулиана — этот развалился в мягком кресле около стеллажей, сложив руки на груди, вытянув и скрестив ноги и глубокомысленно рассматривая свои ботинки. Стройная Фиона, пять футов и два дюйма ростом, не сводила с Флоры зеленых глаз, а та пожирала ее своими необычайно синими. Сестры о чем-то сплетничали у камина, и волосы Фионы горели не менее ярко, чем пламя, мерцали и переливались.

Глядя на Фиону, я испытывал ощущение, подобное тому, что испытывает скульптор, закончив работу, когда он складывает инструменты, отходит от своего творения, изучает издали, улыбается и начинает задавать себе все новые и новые вопросы. То местечко, куда «скульптор» умело надавил пальцем и сотворил ямочку над ключицами, всегда восторгало меня как изюминка творения — особенно тогда, когда Фиона насмешливо или надменно запрокидывала голову, глядя на нас остальных как бы сверху вниз.

Почувствовав, видимо, что я на нее смотрю, она едва заметно улыбнулась — гордячка, ясновидица, она прекрасно знала, что хороша собой, и мой взгляд ее нимало не смутил. Ллевелла устроилась в углу и притворялась, будто читает книгу. Она стояла к нам спиной. Зеленоватые волны ее волос чуть-чуть не доплескивались до побережья — высокого темного воротника платья. Что означала ее любовь к уединению — сознательное отчуждение или элементарную осторожность, — этого я никогда понять не мог. Может, и того и другого было понемножку. Ллевелла редко наведывалась в Амбер.

...Вот как раз признание того факта, что мы как семья скорее представляем собой собрание индивидуальностей, а не клан родственников, и привело меня к кое-каким выводам, и выводы эти вызвали горячее одобрение Рэндома. А мне нужно было ото всех что-то такое, что даже выше родственных отношений, мне нужно было общее желание сотрудничать, соучаствовать.

Повеяло родным и близким. Любимый голос проговорил: «Привет, Корвин» — ко мне шла Дейрдре. Я протянул руку, сжал ее тонкие пальцы, поднес к губам. Дейрдре сделала еще один шаг ко мне — это было похоже на первое па какого-то старинного танца. Когда она остановилась, витраж решетчатого окна у нее за спиной обрамил ее головку и плечи, а богатый ковер на стене слева, казалось, еще ярче заиграл красками. Так и было задумано, не иначе. Но все равно эффектно, ничего не скажешь. В левой руке у Дейрдре была моя карта. Все смотрели на нас, а Дейрдре улыбалась, улыбалась, как Мона Лиза, у которой в руках автомат.

— Корвин, — промурлыкала она, поцеловав меня в щеку, — я, наверное, рано?

— Такое просто невозможно. Ты, как всегда, вовремя, — ответил я и обернулся к Рэндому — он уже был рядом с нами.

— Хочешь выпить, сестричка? — спросил он, взяв Дейрдре под руку и кивнув в сторону буфета.

— О, конечно, спасибо, — ответила она, и Рэндом увел ее угощать вином.

Тактика его была мне яснее ясного: он старался если не предотвратить, то хотя бы отложить неизбежную стычку Дейрдре с Флорой. Похоже, все семейные трения остались такими же, какими я их помнил. В общем, если мне чего-то и стоило присутствие Дейрдре, оно так или иначе несло в себе подобие стабильности, а стабильность сейчас важнее всего. Рэндом все-таки умница порой, когда сам этого хочет.

Я побарабанил пальцами по крышке стола, растер ноющее плечо, закурил сигарету.

И тут вошел он. Джерард повернулся к двери, что-то проговорил... Мгновением позже он пожимал левую, единственную руку Бенедикта, последнего члена нашего семейства.

Ну что ж. Бенедикт явился через карту Джерарда, а не через мою, и это со всей очевидностью показывало, как он ко мне относится, и рассчитано было на то,

чтобы удивить меня. Уж не Бенедикт ли надоумил Джерарда провести со мной легкую утреннюю разминку? Не исключено.

Джулиан встал, подошел к Бенедикту, пожал его руку и что-то сказал ему. Ллевелла, обернувшись, закрыла книгу и положила ее на полку. Улыбаясь, подошла и поприветствовала Бенедикта, что-то шепнула Джерарду, обняла Джулиана. Завязалась теплая, дружеская беседа. Что ж, и это хорошо. Очень хорошо!

Четыре на три. И двое запасных.

Я ждал и смотрел на компанию, болтающую у противоположной стены. Семья в сборе, можно в любую секунду потребовать внимания и приступить к тому, для чего я и собирал всех. Но...

Уж слишком все было натянуто, напряжено. И все как один это чувствовали, я знал наверняка. Казалось, в библиотеке внезапно образовались два противоположных магнитных полюса. И мне очень любопытно было поглядеть, как же разлягутся железные опилки.

Флора бросила на меня быстрый взгляд. Вряд ли она за ночь успела переменить свои взгляды, если только не произошло чего-то непредвиденного. Нет, с ней все в порядке. Я чувствовал, я знал, как она сейчас поступит.

И не ошибся. Я услышал, как она сказала, что у нее в горле пересохло и она не против выпить бокал вина. Потом повернулась и готова была шагнуть в мою сторону, но, видимо, ждала, что за ней последует Фиона. Когда этого не произошло, Флора на мгновение растерялась, понимая, что привлекла внимание всей компании. Однако она тут же нашлась: улыбнулась и подошла ко мне.

— Корвин, — сказала она, — ужасно хочется выпить.

Не поворачивая головы и не отрывая взгляда от разворачивающейся передо мной живой картины, я бросил через плечо:

— Рэндом, будь так добр, налей Флоре вина.

— Сию секунду, — сказал Рэндом, и вскоре я услышал соответствующие звуки.

Флора кивнула, перестала улыбаться и обогнула письменный стол справа.

Четыре на четыре, не считая душки Фионы, озарявшей своей ослепительной красой пространство посередине, между двумя группировками. Самоуверенная до мозга костей и наслаждавшаяся своей самоуверенностью, она повернулась к овальному зеркалу в темной резной раме, висевшему между двумя высокими книжными шкафами, и принялась поправлять выбившуюся золотистую прядь у левого виска.

Что-то вспыхнуло на ковре у ее ног — что-то зеленовато-серебристое.

Мне хотелось и выругаться, и рассмеяться одновременно. Вот мерзавка! Вечно выпендривается перед нами! Восхитительна, как всегда. Совершенно не изменилась. Сдержав и проклятия, и улыбку, я шагнул было к ней, но меня опередил Джулиан. Опередил всего на мгновение — он стоял ближе к Фионе.

Джулиан наклонился и поднял с ковра оброненную Фионой вещицу.

— Твой браслет, сестричка, — ласково проговорил он. — Глупенький, и как он только посмел удрать с такой прелестной ручки! Дай-ка я его верну на место...

Фиона протянула руку, одарив Джулиана загадочной улыбкой и взглядом из-под пушистых ресниц. Джулиан застегнул на ее запястье цепочку с изумрудами, сжал руку Фионы и обернулся к компании у противоположной стены, которая

просто пожирала глазами его и Фиону, хотя все изо всех сил делали вид, что увлечены разговором.

— Пойдем к нам, — предложил Фионе Джулиан. — Мы тебе анекдот расскажем — очень смешной.

Фиона улыбнулась еще загадочнее и отняла у Джулиана руку.

— Спасибо, Джулиан. Я наверняка посмеюсь от души, когда услышу ваш анекдот. Вот только, — проговорила она, обернувшись и взяв меня за руку, — мне больше хочется выпить. Гораздо больше.

Я под руку отвел Фиону к Рэндому. Пять на четыре.

Джулиан, который всегда отличался умением скрывать эмоции, принял решение чуть позже и последовал за нами. Он сам налил себе бокал до краев, отхлебнул прилично, секунд десять-пятнадцать молча смотрел на меня, затем произнес:

— Ну, все в сборе. Когда ты нам скажешь, зачем ты нас всех собрал?

— Ты прав, — вздохнул я с облегчением. — Действительно, тянуть не стоит. Ждать больше некого. Пора, — обратился я ко всем сразу. — Устраивайтесь поудобнее.

Братья и сестры подошли поближе. Сдвинули кресла, расселись. Разлили вино по бокалам. Через минуту все были готовы слушать меня.

— Благодарю вас, — сказал я, когда шум затих. — Многое мне бы хотелось сказать вам, и наверняка кое-что интересное будет сказано. Это связано с событиями, произошедшими раньше. К ним-то мы и обратимся. Рэндом, поведай, пожалуйста, всем то, о чем говорил мне.

— Хорошо, — отозвался Рэндом.

Я уселся на стул, а Рэндом встал и сел, как раньше я, на краешек стола. Я, наклонив голову, снова выслушал рассказ о том, как его вызвал Брэнд и как он попытался спасти брата. На сей раз Рэндом излагал события более сжато, не вдаваясь в описание своих чувств и сомнений, которые, однако, виделись мне вполне отчетливо. Ощущали их и остальные — воцарилось молчаливое понимание. Я это предвидел и именно поэтому хотел, чтобы первым говорил Рэндом. Если бы начал я и принялся выкладывать все свои подозрения, меня бы наверняка сочли закоренелым умельцем выгораживать свою персону и я бы незамедлительно услышал, как один за другим с лязгом защелкиваются засовы на дверях сознания моих дорогих братцев и сестриц. А так — что бы ни говорил Рэндом, какие бы мысли он ни высказывал (пусть даже те, которые мне не хотелось услышать), они выслушают его, и услышат даже то, о чем он промолчит, и будут удивляться, задумываться. Они будут жонглировать идеями, пытаясь угадать, ради чего же в первую голову мне понадобилось созвать их всех вместе. И я выиграю время, необходимое для того, чтобы успели пустить корни те предпосылки, на которые можно будет опереться будущим доказательствам. А еще они будут гадать — сумеем мы представить доказательства или нет. Это мне и самому было небезынтересно.

Словом, я ждал и смотрел, как все слушают Рэндома, — бесполезное, но неизбежное упражнение. Даже не подозрительность, а элементарное любопытство требовало, чтобы я следил за лицами своих милых родственников — их реакциями, догадками. За лицами, которые мне были так знакомы. И делал выводы в пределах своего понимания.

И конечно же, я ничего не увидел. Вероятно, правы те, кто утверждает, что при первой встрече с человеком ты просто смотришь на него и только, а во время последующих встреч между вами происходит нечто вроде ментального рукопожатия. У меня слишком ленивый ум, чтобы верить этому бесповоротно да еще и пользоваться этой точкой зрения, возводя ее в ранг закона. Такая работа не по мне. На сей раз, тем не менее, я трудился изо всех сил, но не добился ровным счетом ничего. Джулиан напялил на свою физиономию маску усталости и легкого удивления. Джерард, казалось, злится, поражается и задумывается попеременно. Бенедикт слушал мрачно, скептически. Ллевелла сидела печальная и непроницаемая, как всегда. Дейрдре слушала как бы вполуха, Флора — с молчаливым согласием, а Фиона приглядывала за всеми, включая и меня, — видимо, составляла свой собственный каталог реакций.

Единственное, в чем я уверился через некоторое время, так это в том, что речь Рэндома безусловно произвела впечатление. Никто из слушавших никак не выдал себя, но я видел, что о скуке и равнодушии говорить не приходится, что в головах братьев и сестер гаснут прежние подозрения, уступая место новым. Всем было интересно. А потом общее удивление выразилось в полившемся на Рэндома потоке вопросов.

— Погодите, — прервал я родственников. — Дайте ему закончить. Расскажет до конца — и некоторые ответы появятся сами собой. А остальные вопросы зададите потом.

Кто-то кивнул, кто-то пробурчал что-то под нос, и Рэндом, продолжив рассказ, довел его до конца. То есть до драки с мерзавцами, ворвавшимися в дом Флоры, не забыв указать, что мерзавцы были точно такие же, как тот, что напал на Кейна. Флора подтвердила слова Рэндома.

Пришло время расспросов, и я с утроенным вниманием стал следить за братьями и сестрами. Покуда речь будет идти о рассказе Рэндома — все нормально. Мне было важно избавиться от подозрений, что за всем происходящим стоит кто-то из наших. Как только с этим будет покончено, разговор переключится на меня и резко запахнет жареным. Тогда-то и польются всяческие недобрые речи и создастся настроение, которое мне было вовсе не на пользу. Первым делом — доказательства, оттяжка по возможности разбирательства, потом надо обозначить виновника, если удастся, и укрепить свою позицию.

Так что я смотрел и ждал. Когда почувствовал, что роковое мгновение вот-вот пробьет, я резко вмешался.

— Мы бы могли не прибегать ни к каким дискуссиям и размышлениям, располагай мы точными фактами, — сказал я. — А факты можно получить прямо сейчас. Для этого я вас всех и собрал.

Сработало. Получилось! Внимание. Готовность, может быть, даже желание.

— Я предлагаю разыскать Брэнда и забрать его домой, — торопливо добавил я. — Прямо сейчас. Немедленно.

— Каким образом? — спросил Бенедикт.

— С помощью карт.

— Я пробовал, — вставил Джулиан. — Ничего не выходит. Он не отвечает.

— Речь идет не об обычной манере пользоваться картами, — возразил я. — Я просил, чтобы все прибыли сюда с полными колодами. Карты у всех при себе?

Все дружно закивали. — Отлично. Давайте вытащим карту Брэнда. Я предлагаю, чтобы мы все попробовали одновременно вызвать его.

— Неплохая мысль, — согласился Бенедикт.

— Недурственная, — подтвердил Джулиан, вынимая колоду и перебирая карты. — По крайней мере, можно попытаться. Вдруг появится какая-то дополнительная энергия. Точно не знаю, но давайте попробуем.

Я вынул карту Брэнда. Подождал, пока это сделают все остальные.

— Соберемся с духом, — сказал я. — Все готовы?

Прозвучало восемь утвердительных ответов.

— Тогда... приступим. Начали.

Я смотрел на карту Брэнда. Он был очень похож на меня, только ниже ростом и более стройный. Волосы — как у Фионы. В зеленом костюме для верховой езды Брэнд сидел верхом на белом коне. Когда его запечатлели на карте? Как давно это было? Мечтатель, мистик, поэт... Брэнд вечно менял настроения — он был то возбужден, то разочарован, то циничен до предела, то, наоборот, открыт нараспашку и верил всему на свете. Его чувства, казалось, не ведают такого понятия, как золотая середина. Маниакально-депрессивный синдром — такая оценка, пожалуй, слишком примитивна для понимания характера Брэнда, однако именно это могло определять направление его вылазок из Амбера и объяснять то громадное количество препятствий, на которые он то и дело наталкивался. Что и привело, вероятно, к нынешнему положению дел.

Должен признаться, порой Брэнд виделся мне таким обворожительным, внимательным, чутким и верным, что я ставил его для себя выше всех остальных родственников. Но в другие времена... в другие времена он становился таким язвительным, саркастичным и несправедливым мерзавцем, что я старался уйти от него подальше из страха, что разозлюсь и сделаю ему что-нибудь плохое. И когда мы с ним виделись в последний раз, он пребывал как раз во второй своей ипостаси — отвратительной — незадолго до нашей ссоры с Эриком, что привела к моему изгнанию из Амбера.

...Вот с какими чувствами и мыслями я смотрел на карту Брэнда, пытаясь дотянуться до него разумом и волей, открывая для него место у себя в душе, место, которое он мог бы занять по праву. А вокруг меня, похоже, тем же самым занимались и остальные.

Постепенно изображение на карте затуманилось, потом появилась иллюзия объемности. А потом — знакомый трепет, всегда испытываемый при контакте через карту. Карта стала холоднее на ощупь, изображение на ней снова воссоединилось, оформилось, приобрело остроту и реальность видения, полноту и драматичность...

...Да, похоже, он находился в темнице. За спиной Брэнда виднелась каменная стена. На полу — куча соломы. Брэнд был весь избит и изранен и прикован цепью к большому кольцу, вмурованному в стену. Цепь была довольно длинная и давала возможность передвигаться. Брэнд лежал на куче грязной соломы. Вот он пошевелился... Волосы и борода у него жутко отросли и спутались, лицо кошмарно исхудало — таким страшным я его никогда не видел. Одежда превратилась в грязные лохмотья. Похоже, он спал.

Я вспомнил, как сам томился в темнице; отчетливо вспомнил все: как там пахло, как было холодно и сыро, как одиноко, безысходно и безумно. Безумие

то уходило, то подступало вновь. На счастье, Брэнда не ослепили, как в свое время меня, — его глаза раскрылись и сверкнули, когда несколько родственников одновременно окликнули его, — зеленые, подслеповатые, какие-то отрешенные глаза.

Может, беднягу накачали каким-то зельем? Или он решил, что это галлюцинация?

Брэнд пришел в себя. Попытался подняться. Протянул руку.

— Братья... — прохрипел. — Сестры...

— Я иду! — раздался громовой крик, потрясший библиотеку.

Джерард вскочил как ужаленный и перепрыгнул через свое кресло. В несколько шагов он оказался у стены и сорвал с нее громадный боевой топор. Пристегнув его ремнем к запястью, он на мгновение застыл на месте, не отрывая глаз от карты Брэнда. А потом... протянул свободную руку и тут же оказался там, где находился Брэнд, схватил его протянутую руку, и... изображение задрожало, померкло и исчезло. Контакт был прерван.

Проклиная все на свете, я перетасовал карты, на сей раз разыскивая карту Джерарда. Найдя ее, я возобновил контакт. Медленно, постепенно. Друг за другом последовали включение, преображение... Вот!

Джерард натянул цепь и пытался перерубить ее топором. Как ни могучи были его удары, цепь не поддавалась. Наконец Джерарду удалось расплющить несколько звеньев, однако шум, производимый им, привлек внимание стражи. Двери камеры видно не было, но слева послышались топот, треск, лязг засова, визг петель. Брэнд снова приподнялся. Джерард продолжал колотить топором по цепи.

— Джерард! Дверь! — крикнул я,

— Слышу! — проревел он, обернул цепь вокруг запястья и резко дернул. Она не поддавалась.

Джерард бросил цепь и, развернувшись, занес топор над головой одного из шипоруких стражей, который бросился на него с мечом наголо. Сраженный топором Джерарда, он тут же повалился на пол, и его место занял следующий страж. Потом еще один. И еще. В камере стало тесновато — один за другим туда вбегали новые и новые ублюдки.

И вдруг картина неожиданно помутнела, кто-то двинулся, вошел в нее... и на колени рядом с Брэндом опустился Рэндом. Правой рукой он сжал руку брата, а в левой, как щит, сжимал прихваченный с собой стул, выставив его ножками перед собой. Вот он вскочил на ноги и бросился к нападающим, то размахивая стулом, то толкая его перед собой, словно таран. Враги спотыкались, падали, отступали. Рэндом поднял и опустил стул. Один из стражников валялся на полу, разрубленный топором Джерарда. Другой прыгал неподалеку, корчась от боли и сжимая в крючковатых пальцах то, что осталось от его правой руки. Рэндом свой кинжал оставил в животе у того из стражей, что был к нему ближе всех, свалил стулом еще двоих и пошел на последнего. А в это время тот из них, которого я считал мертвым, пошевелился, оторвался от пола и поплыл в воздухе, распадаясь на куски. Раненый упал на колени и потянулся за мечом.

Джерард тем временем обеими руками ухватился за цепь, уперся ногой в стену и стал тянуть. Его плечи напряглись, на спине буграми вздулись мышцы. Цепь не поддавалась. Прошло секунд десять. Пятнадцать.

И наконец с грохотом и звоном цепь распалась. Джерард отлетел по инерции назад, но не упал — его поддержала заботливая рука. Он обернулся и увидел, как я понял, Рэндома — мне его видно не было. Похоже, Джерард обрадовался, заметив брата, присел и взял Брэнда на руки. Тот, судя по всему, снова потерял сознание. Джерард, удерживая Брэнда, протянул к нам свободную руку. Рядом с ним в поле зрения появился Рэндом, расставшийся наконец со стулом, и тоже протянул к нам руку.

Мы все, не сговариваясь, протянули руки братьям, и через мгновение они были рядом с нами. Все бросились к ним, сгрудились вокруг.

Наверное, чувства у всех были приблизительно одинаковые — радостные, торжественные. Ведь рядом с нами снова был наш брат, которого мы не видели столько лет, который наконец был свободен от взявших его в плен таинственных врагов. Возродилась надежда найти ответ на мучившие нас вопросы. Но только... он был так слаб, изможден и бледен...

— Отойдите! — крикнул Джерард. — Я перенесу его на кушетку! Потом насмотритесь, слышите, вы?!

Немая сцена. Все отшатнулись и застыли как каменные.

Потому что Брэнд был в крови, и кровь капала на пол. В левом боку Брэнда торчал нож. Но ведь его там не было несколько мгновений назад! Кто-то из наших целил ему в печень и попал.

Честно говоря, я не испытывал особого восторга от того, что гипотеза Рэндома—Корвина — за всеми пакостями стоит кто-то из нас — только что получила солидное подтверждение. Одно-единственное мгновение у меня было на то, чтобы резко сосредоточиться и употребить все свои способности, чтобы мысленно сфотографировать положение, в котором находился каждый из нас во время немой сцены. А потом картина ожила. Джерард отнес Брэнда на кушетку, и все мы выстроились рядом. Все до единого прекрасно понимали не только то, что произошло, но и то, что это значит.

— Пусть кто-нибудь принесет чистой воды, — распорядился Джерард, положив Брэнда на живот и разорвав его грязную, ветхую рубаху. — И полотенца. Физраствор, глюкозу и все прочее — я поставлю капельницу. Все, что нужно, все инструменты — быстро!

Дейрдре и Флора поспешили к выходу.

— Моя комната ближе всех! — предложил Рэндом. — Там полный набор инструментов. Пусть одна из вас идет за ним, а вторая — со мной на третий этаж, в лабораторию. Там единственная капельница.

Рэндом догнал сестер. Дверь за ними закрылась. Все члены нашего семейства когда-то получили медицинское образование как в Амбере, так и за его пределами. Но то, чему нас учили в Тенях, не могло применяться в Амбере в чистом виде. К примеру, тут были совершенно бесполезны антибиотики из большинства теневых миров. И потом — иммунные процессы у нас протекали совершенно иначе, чем у других существ, с которыми мы сталкивались. То есть подцепить какую-либо инфекцию нам было гораздо сложнее. А если мы и заражались, то боролись с болезнью быстрее и легче. Ну и еще надо учесть нашу способность к ускоренной регенерации.

И это было вполне естественно — оригинал всегда более совершенен, чем его копии. Рано, еще в детские годы, узнавая о своей исключительности, мы и меди-

цинское обучение проходили в юном возрасте. Как правило, это приводило к тому, что каждый из нас жил по системе «врач, исцелися сам» и с недоверием относился к другим докторам — родственникам, в особенности к тем, от врачебной помощи которых могла зависеть наша жизнь. Отчасти этим объяснялось то, что я не стал отталкивать Джерарда и настаивать, чтобы самому оказать помощь Брэнду, хотя в Тени под названием «Земля» я закончил медицинский институт — точно не упомню когда. Но это отчасти. На самом же деле Джерард просто никого близко не подпускал к Брэнду. Джулиан и Фиона, которые, вероятно, думали примерно о том же, о чем и я, попробовали подойти поближе... и наткнулись на левую руку Джерарда, выставленную наподобие шлагбаума на железнодорожном переезде.

— Нет, — заявил он твердо. — Я знаю, что нож в него всадил не я, но это все, что я знаю. Второго шанса я никому не дам.

Если бы такое ранение получил любой из нас, будучи при этом в полном здравии, я бы мог четко сказать: Джерард управится за полчаса и пациент будет жить. Но Брэнд был так слаб... с трудом верилось.

Когда вернулись трое ходивших за инструментами и лекарствами, Джерард выдернул из раны нож, омыл, зашил и наложил повязку на рану Брэнда. Поставил капельницу, молотком и зубилом сбил кандалы, укрыл Брэнда простыней и одеялом и снова пощупал его пульс.

— Ну как? — спросил я.

— Слабый, — ответил Джерард, потянул к себе стул и сел рядом с кушеткой. — Принесите кто-нибудь мой меч, — попросил он. — И вина. А то я выпить не успел еще. И еды какой-нибудь, жрать зверски охота.

Ллевелла поспешила к буфету, а Рэндом принес Джерарду меч и поинтересовался:

— Ты что, тут лагерем встать собираешься?

— Вот именно, — кивнул Джерард.

— А может, стоит перенести Брэнда и уложить поудобнее?

— Ему и здесь неплохо. Я решу, когда его можно будет перенести. А пока пусть кто-нибудь получше разведет огонь. Да и свечи лишние не помешают.

— Я все сделаю, — сказал Рэндом и взял в руки нож, который Джерард вынул из бока Брэнда, — тонкий стилет с лезвием примерно в семь дюймов. Рэндом положил оружие на ладонь и спросил: — Никто не узнает ножичек?

— Я — нет, — ответил Бенедикт.

— Нет, — сказал Джулиан.

— Нет, — сказал я.

Девушки молча покачали головами.

Рэндом внимательно разглядывал стилет.

— Такой легко спрятать — в рукаве, за голенищем, за корсажем... Да, тут нужны крепкие нервы...

— И отчаяние, — добавил я.

— А еще — очень точный расчет на то, что мы собьемся в кучу. Стало быть, и воображение.

— Может, это сделал кто-нибудь из стражей — там, в башне? — предположил Джулиан.

— Нет, — отрезал Джерард. — Никто из них близко к Брэнду не подходил.

— Такой стилет легко метнуть, — проговорила Дейрдре.

— Верно, — согласился Рэндом и взял стилет между пальцами, сжимая кончик лезвия. — Вот только метнуть его там ни у кого возможности не было — я точно знаю.

Вернулась Ллевелла — с подносом, на котором лежали куски нарезанного мяса и хлеба, стояли бутылка вина и кубок. Я расчистил маленький столик и поставил его рядом со стулом, на котором сидел Джерард.

Ставя на столик поднос, Ллевелла проговорила:

— Но как же так? Тогда получается, что это сделал кто-то из нас? Зачем?

Я вздохнул:

— А как ты думаешь, чьим он был пленником?

— Что, кого-то из нас?

— Если он знает что-то такое, что до сих пор никому не было известно, — ну, как ты думаешь? Та же самая причина, из-за которой его держали взаперти там, должна была и здесь ему рот заткнуть.

Ллевелла нахмурилась:

— Все равно... бессмысленно. Почему же его тогда просто не убили и не покончили со всем этим раз и навсегда?

Я пожал плечами:

— Наверное, он был зачем-то нужен. Но на эти вопросы может ответить только один человек. Когда встретишь его, спроси.

— «Его», а может, и «ее», — поправил меня Джулиан. — И вообще, сестричка, ты меня просто потрясаешь своей наивностью — откуда она только взялась?

Ллевелла устремила на Джулиана взгляд своих ледяных глаз, подобных айсбергам, плывущим над бог весть какими глубинами.

— А вот я помню, — проговорила она, — что, как только Рэндом и Джерард с Брэндом появились, ты вскочил, обогнул письменный стол слева, встал за ним справа от Джерарда и потом так, что рук твоих из-за стола видно не было. Да еще и вперед наклонился.

— А как мне помнится, — парировал Джулиан, — ты и сама была совсем близко, слева от Джерарда, и тоже довольно сильно наклонилась.

— Ну, тогда бы мне пришлось вонзить стилет левой рукой, а я, к твоему сведению, правша.

— Может, поэтому Брэнд как раз и жив до сих пор? — съязвил Джулиан.

— По-моему, тебе очень хочется, чтобы это был кто угодно, только не ты.

— Ну-ну, — прервал я их перепалку. — Не надо, Ллевелла. Вполне нормальная самозащита. Ясно, что это сделал кто-то из нас, но таким путем мы не выведем его на чистую воду.

— «Его» или «ее», — снова поправил меня Джулиан.

Джерард встал, упер руки в бока и грозно посмотрел на нас.

— Хватит тут орать! — рявкнул он. — Я никому не позволю тревожить больного. Рэндом, если не ошибаюсь, ты обещал подбросить в камин дров.

— Сейчас, сейчас, — спохватился Рэндом и бросился к камину.

— Давайте переберемся в гостиную за парадным залом, — предложил я. — Этажом ниже. Джерард, я поставлю у двери пару гвардейцев.

— Нет, — резко отказался Джерард. — Вот этого не надо. Я сам сюда никого не пущу. Пусть только кто сунется — утречком получишь его голову.

Я похлопал брата по плечу.

— Не кипятись. Если что-нибудь понадобится, позвони или вызови любого из нас через карты. А утром расскажем тебе обо всем, что узнаем.

Джерард уселся на стул, смачно крякнул и приступил к еде. Рэндом развел огонь и зажег новые свечи. Одеяло, которым был укрыт Брэнд, вздымалось и опадало медленно, но ровно. Мы тихо вышли из библиотеки и пошли вниз по лестнице, оставив Джерарда и Брэнда наедине с игрой огня и потрескиванием поленьев, с капельницей и флаконами лекарств.

VII

Не счесть, сколько раз я просыпался среди ночи от страха, порой бросавшего в дрожь, от ночного кошмара, жуткого сна, в котором мне виделось, будто я, беспомощный, слепой, снова сижу в темнице, в подземелье Амбера. Так что не сказать, чтобы мне было незнакомо состояние, в котором пребывает узник. В своей жизни я несколько раз попадал в тюрьму на различные сроки. Но воспоминания об одиночной камере и слепоте вкупе с полным ощущением конца и безнадежности легли тяжелым грузом на полку отчаяния в глубинах моего сознания. Как правило, когда я бодрствую, я на эту полку не заглядываю, но порой по ночам они спрыгивают с полки и принимаются бешено скакать по коридорам складских помещений подсознания.

Вид плененного Брэнда пробудил то, о чем я старался не вспоминать, и мне стало зябко, хотя холодно не было. И теперь, сидя в кругу родственников в гостиной с плотно занавешенными шторами, я никак не мог избавиться от мысли, что кто-то из них расправился с беднягой Брэндом так, как в свое время со мной расправился Эрик. Сама по себе чья-то способность вытворить такое не была для меня большим откровением, однако сознавать, что здесь, в этой комнате, рядом с тобой сидит истинный виновник происшедшего, а ты не знаешь кто... Единственное, что меня немного успокаивало, так это то, что каждый из присутствующих тоже по-своему волновался, включая и виновного, поскольку теорема о его существовании была доказана. А ведь я почему-то всегда предполагал, что вся вина целиком и полностью лежит на чужих, на врагах. И теперь вот на тебе.

С одной стороны, я чувствовал, что мне еще труднее, чем прежде, сказать то, что я хотел сказать. С другой — время для выуживания информации самое что ни есть подходящее, поскольку все до единого пребывали в расположении духа, далеком от обычного. Желание сотрудничать в деле, связанном с угрозой для всех нас, могло оказаться небесполезным. И даже виновник мог возжелать вести себя точно так же, как все остальные. Кто знает, может, он поскользнется именно тогда, когда проявит излишнее усердие?

— Ну что? Хочешь предложить еще какие-нибудь маленькие эксперименты? — язвительно поинтересовался Джулиан, закинув руки за голову и развалившись в моем любимом кресле.

— Не сейчас, — ответил я.

— Жаль, — скорбно вздохнул он. — А я-то надеялся, что ты станешь предлагать в таком же духе разыскать отца. И если бы нам повезло и мы нашли бы его, уж тут кто-то постарался бы получше и избавился от папаши наверняка. А потом

мы бы все сыграли в русскую рулетку с этими новыми игрушками, которые ты приволок в Амбер, и... победителю достается все.

— Ты неверно подбираешь слова, — сказал я.

— Напротив. Я их подобрал очень верно, все до единого, — возразил Джулиан. — Столько времени потрачено на ложь, что я решил: как забавно раскрыть то, что думаешь на самом деле. Хотя бы для того, чтобы посмотреть: заметит такое кто-нибудь или нет.

— Как видишь, заметили. А еще мы заметили, что ты теперешний ничуть не лучше прежнего.

— Выбирай любого, но мы оба очень интересуемся, есть ли у тебя какие-нибудь соображения относительно того, что ты собираешься делать дальше.

— Есть, — ответил я. — Я собираюсь получить ответы на некоторые вопросы и выяснить, что, в конце концов, происходит. Начать можно, к примеру, с Брэнда и тех страданий, на которые его обрекли... Бенедикт, — окликнул я брата — он сидел ко мне вполоборота, задумчиво глядя на пламя в камине. — В Авалоне ты мне говорил, что Брэнд был одним из тех, кто искал меня после моего исчезновения.

— Верно, — кивнул Бенедикт.

— Не только он. Мы все искали, — уточнил Джулиан.

— Не сразу, — возразил я. — Сначала меня искали Брэнд, Джерард и Бенедикт. Бенедикт, твои слова?

— Все верно, — откликнулся Бенедикт. — Остальные подключились к поискам позднее.

Я кивнул:

— А Брэнд в это время ни о чем необычном не сообщал?

— В каком смысле «необычном»? — спросил Бенедикт.

— Не знаю. Просто пытаюсь найти какую-то связь между тем, что случилось с ним и со мной.

— Значит, не там ищешь, — буркнул Бенедикт. — Он вернулся из поисков и ничего не рассказывал. А потом его носило неизвестно где, и с расспросами к нему приставать было бессмысленно.

— Это мне известно, — согласился я. — Но из того, что мне рассказал Рэндом, я понял, что в последний раз Брэнд исчез примерно за месяц до того, как я обрел память и вернулся в Амбер. Вот это меня сильно удивляет. Хорошо, он ничего такого особенного не рассказывал после своего возвращения из поисков, но, может быть, он хоть о чем-то обмолвился до своего последнего исчезновения? В промежутке? Хоть кому-нибудь? Хоть как-то открылся? Ну, говорите же!

Последовал быстрый обмен взглядами. Взгляды были скорее удивленные, чем испуганные или подозрительные.

И наконец прозвучал голос.

— Ну... — проговорила Ллевелла. — Честно говоря, не знаю... То есть я хочу сказать, что не знаю, насколько это важно. — Взгляды всех присутствующих устремились к ней. А она принялась развязывать и завязывать узелки на концах витого пояска. Помолчав, произнесла: — Это произошло в промежутке, и, может быть, тут нет ничего такого... Просто мне это показалось не совсем обычным... Как-то раз давным-давно Брэнд оказался в Ребме...

— Когда? Точнее! — потребовал я.

Ллевелла нахмурила брови:

— Пятьдесят лет назад... Или нет, шестьдесят... А может, семьдесят. Точно не помню.

Я попытался произвести в уме грубые подсчеты на основании того коэффициента, который вывел во время своего долгого тюремного заключения. Амберский день составлял приблизительно два с половиной земных.

Мне хотелось связать события в Амбере с тем, что происходило со мной, расположить их на своей собственной шкале времени — этим я занимался всегда, когда только было возможно, на тот случай, если бы вдруг появились какие-то из ряда вон выходящие новости. Итак, Брэнд прибыл в Ребму в некое время, которое, по моим подсчетам, оказалось девятнадцатым столетием.

— Неважно, когда именно это произошло, — продолжала Ллевелла. — Он явился в Ребму и навестил меня. Пробыл у меня несколько недель. — Глянув на Рэндома, она добавила: — Расспрашивал меня о Мартине.

Рэндом прищурился и наклонился вперед.

— Почему, сказал?

— Ну, не то чтобы сказал, — уклончиво ответила Ллевелла. — Говорил, будто встретился с Мартином где-то во время своих странствий и вроде бы был не прочь снова с ним повидаться. Только потом, по прошествии времени, я подумала, что, может быть, поиски Мартина и были главной целью визита Брэнда. Вы же знаете, как хитер бывает Брэнд, когда что-то или кого-то ищет, а притворяется, будто не ищет. Потом, когда я переговорила кое с кем из тех, кого он еще посетил, я начала понимать, что же на самом деле произошло. А вот почему — этого выяснить мне не удалось.

— Потрясающе, — проговорил Рэндом. — Просто потрясающе! Теперь я припоминаю... А ведь я и внимания не обратил тогда. Дело в том, что однажды Брэнд довольно долго расспрашивал меня о моем сыне — очень может быть, что примерно в то же самое время. Но не говорил мне, что встречался с ним, и даже о том, что хотел бы встретиться. Вообще-то разговор начался с того, что он затронул проблему незаконнорожденных. Я принялся оправдываться, тогда Брэнд извинился и задал несколько вежливых вопросов о мальчике — мне показалось, что он это делает только для того, чтобы я не остался в обиде. А теперь ты, Ллевелла, говоришь, что Брэнд разыскивал Мартина. Почему же ты мне раньше не рассказала?

Ллевелла очаровательно улыбнулась:

— С какой стати я должна была тебе об этом рассказывать?

Рэндом медленно, сдержанно кивнул. Лицо его оставалось спокойным.

— Хорошо. Что ты сказала Брэнду? — спросил он. — Что он о нем узнал? Что тебе известно о Мартине такого, что неизвестно мне?

Ллевелла покачала головой и перестала улыбаться.

— Ничего. Честное слово, ничего. Насколько я знаю, в Ребме ни одна душа о Мартине ничего не ведает с тех пор, как он прошел по Пути и сгинул. Не думаю, чтобы Брэнд покинул Ребму, узнав о Мартине больше, чем знал до ее посещения.

— Странно... — проговорил я. — Очень странно. А Брэнд еще к кому-нибудь приставал с подобными расспросами?

— Не припомню, — ответил Джулиан.

Остальные молча покачали головами.

— Ну что ж, возьмем этот факт на заметку и отложим пока в сторонку, — сказал я. — Хотелось бы выяснить еще кое-что. Джулиан, как я понимаю, вы с Джерардом некогда пытались пройти по Черной дороге, и где-то в пути Джерард был ранен. Похоже, какое-то время, пока Джерард оправлялся от раны, вы провели у Бенедикта. Нельзя ли узнать о подробностях этой экспедиции?

— Похоже, ты и так все знаешь, — отозвался Джулиан. — Ты только что самым подробным образом перечислил все тогдашние события.

— А откуда тебе об этом известно, Корвин? — поинтересовался Бенедикт.

— Я узнал об этом в Авалоне, — ответил я.

— От кого?

— От Дары, — ответил я.

Бенедикт встал, подошел и уставился на меня в упор:

— Долго ты намерен твердить эту идиотскую историю про взбалмошную девчонку?

Я вздохнул:

— Да, я повторял эту историю не единожды. И всякий раз пересказывал ее от начала до конца. Верить мне или нет — ваше дело. Но то, что я знаю, я знаю от нее.

— Прости, но тогда выходит, что ты мне не все рассказал. Про это, например, я впервые слышу.

— Но это правда или нет? — спросил я. — Про Джулиана и Джерарда?

— Правда, — ответил Бенедикт.

— Тогда давай пока оставим в покое источник информации и поговорим о том, что тогда произошло.

— Договорились, — кивнул Бенедикт. — Мне скрывать нечего. Теперь можно говорить откровенно, поскольку исчезла причина секретности. То бишь — Эрик. Он обо мне ничего не знал, как и большинство остальных. Новости из Амбера до меня доходили в основном через Джерарда. Эрик чем дальше, тем больше интересовался Черной дорогой и в конце концов решил отправить разведчиков, дабы те прочесали ее, пройдя через Тени до самого начала. Разведчиками он избрал Джулиана и Джерарда. Неподалеку от Авалона их атаковал мощный отряд каких-то тварей. Джерард через карту позвал меня на подмогу. Мы разогнали врагов. Поскольку Джерарду в схватке сломали ногу, да и Джулиан был не в лучшем состоянии, я забрал их обоих к себе, после чего прервал заговор молчания, существовавший между мной и Эриком, и сообщил ему, что случилось с Джулианом и Джерардом и где они находятся. Он распорядился, чтобы они не пытались продвигаться дальше по Черной дороге и чтобы, как только поправятся, возвращались в Амбер. До тех пор они пробыли у меня, а потом вернулись.

— Это все?

— Все.

Нет, не все. Дара мне еще кое-что рассказывала. Она упоминала еще об одном госте Бенедикта. Это я помнил совершенно отчетливо. В тот день на берегу ручья, где над занавешенным дымкой брызг водопадом стояла маленькая радуга, где без устали вертелось мельничное колесо, творя и перемалывая мечты, в тот день мы бродили по Тени и болтали, прошли через девственный лес и добрались до того самого быстрого ручья и мельничного колеса — колеса, способного перемолоть зерно для житницы богов... Там, на берегу, мы устроили

пикник, флиртовали, сплетничали, и Дара наговорила мне с три короба, в том числе и уйму вранья. Но насчет экспедиции Джулиана и Джерарда она не соврала, а значит, по всей вероятности, не соврала и тогда, когда сказала, что Брэнд бывал у Бенедикта в Авалоне, и не просто бывал, а часто наведывался. Да, она так и сказала: «часто».

И вот теперь Бенедикт об этом умалчивает — стало быть, не доверяет мне. Ну что же, недоверие — вполне веская причина для того, чтобы скрывать важные сведения. Черт подери, а ведь если бы я поменялся с Бенедиктом местами, я бы вряд ли себе доверял. Только идиот стал бы откровенничать в такой момент, и упрекать Бенедикта за недомолвки было глупо. Тут возможны варианты.

Не исключено, что об обстоятельствах, при которых его навещал Брэнд, он собирался поведать мне наедине. Очень может быть, тут крылось нечто такое, чего Бенедикт не хотел обнародовать здесь и сейчас, при остальных, а в особенности — в присутствии возможного убийцы Брэнда.

Либо... Либо, может быть, сам Бенедикт за всем этим и стоял. Мне даже не хотелось об этом серьезно задумываться, ибо выводы были бы ужасны. Послужив у Наполеона, Ли и Макартура, я ценил тактиков ничуть не меньше, чем стратегов. Бенедикт был и тактиком, и стратегом, причем в обеих ипостасях не знал себе равных.

То, что он не так давно лишился правой руки, нисколько не умаляло его способностей, даже, если на то пошло, не могло сказаться на его ловкости в боевых искусствах. Нет, мне совсем не хотелось, чтобы злоумышленником оказался Бенедикт, и я счел за лучшее не выпытывать у него то, что он предпочел скрыть. Оставалось только надеяться, что он приберег эти сведения на потом.

И я удовлетворился его ответом, решив несколько изменить направление беседы.

— Флора, — обратился я к сестре, — тогда, после аварии, когда я впервые попал к тебе домой, ты сказала мне кое-что, чего я до сих пор так и не понял. Довольно скоро после той нашей встречи у меня появилась масса свободного времени, и как-то я припомнил наш разговор. Время от времени я мысленно к нему возвращаюсь до сих пор. Не будешь ли ты так добра объяснить мне, что ты имела в виду, когда сказала, будто в Тенях на самом деле кроется гораздо больше ужасов, чем кто-либо может себе представить?

— Ну... честно говоря, не припоминаю, чтобы я такое говорила, но, видимо, все-таки говорила, раз это произвело на тебя такое впечатление. А заговорить об этом, как ты понимаешь, я могла вот почему: Амбер, похоже, действует на примыкающие к нему Тени подобно магниту и что-то вытягивает из них; чем ближе к Амберу, тем легче такое происходит даже для существ, обитающих в Тенях. И хотя какой-то, так сказать, обмен веществ между самими Тенями существовал во все времена, явление это по мере приближения к Амберу становится все более выраженным и более односторонним. Проникновение сюда странного и незнакомого для нас никогда не было секретом. Что еще сказать? Ну, например, за несколько лет до твоего возвращения таких проникновений стало больше, и почти всегда сюда попадало что-то опасное. Чаще всего в Амбер попадали знакомые существа из непосредственно примыкающих к нему Теней. Но время шло, и сюда стали проникать существа из все более и более далеких миров. Чем дальше, тем больше среди них попадалось совсем уж неведомых. Причину такого неожи-

данного вторжения понять было невозможно, хотя мы довольно-таки старательно искали отклонения, способные его вызвать. Короче говоря, происходило непредвиденное проникновение через Тени, издалека.

— И что, это на самом деле началось, когда отец еще был здесь?

— О, да. Я же сказала: за несколько лет до твоего возвращения.

— Ясно. А никому в голову не пришло усмотреть некую связь между этими событиями и отъездом отца?

— Естественно, пришло, — отозвался Бенедикт. — Я до сих пор думаю, что он уехал именно поэтому. Либо на разведку отправился, либо на поиски средств борьбы с угрозой.

— Это всего лишь предположение, — возразил Джулиан. — Ты же знаешь отца. Он о причинах распространяться не любил.

Бенедикт пожал плечами.

— Предположение логичное, — сказал я. — Как я понимаю, он говорил о том, что его беспокоит, то есть, если угодно, о нашествиях всякой пакости.

Я вынул колоду и нашел карту Джерарда; в последнее время у меня появилась привычка не расставаться с картами. Остальные молча смотрели на меня. Через считанные мгновения произошел контакт.

Джерард все так же сидел на стуле, положив меч на колени, и жевал. Уловив мой вызов, он проглотил кусок и спросил:

— Да, Корвин, чего тебе?

— Как там Брэнд?

— Спит. Пульс получше. Дышит ровно. Но пока еще рано...

— Знаю, — оборвал я Джерарда. — Я только хотел спросить тебя, может, ты помнишь... Ближе к отъезду отец не говорил ли чего-то такого, что объясняло бы причину отъезда, — ну, к примеру, что он обеспокоен проникновением в Амбер странных существ?

— Это называется, — встрял Джулиан, — наводящим вопросом.

— Связь могла быть, это точно, — ответил Джерард. — Он вроде бы нервничал, что-то его все время тревожило. Да, время от времени он проговаривался насчет странных существ. Но, правда, никогда не говорил, будто это — его главная забота. Однако не говорил и о том, что его главная забота нечто совсем другое.

— То есть?

Джерард мотнул головой:

— Да что угодно. Я... Да, есть кое-что... Пожалуй, тебе стоит узнать, независимо от того, важно это или нет. Через некоторое время после исчезновения отца я пытался выяснить одну подробность, а именно: был ли я последним из тех, кто его видел. И я уверен — так оно и было. Я весь вечер проторчал тогда во дворце, а к ночи собирался вернуться на флагманский корабль. Отец ушел примерно на час раньше меня, а я еще посидел — мы резались в шашки с капитаном Тобеном в караульной комнате. Поскольку мы на следующее утро отплывали, я решил прихватить с собой какую-нибудь книжку, вот и пришел сюда, в библиотеку. Отец сидел вот здесь, за письменным столом, — сказал Джерард и кивнул в сторону стола. — Он даже не переоделся, сидел и просматривал какие-то странные фолианты. Кивнул мне, когда я вошел, а я ему сказал, что мешать не буду, только книжку возьму и уйду. Он что-то пробурчал насчет того, что куда же еще за книжками

ходить, как не сюда, и продолжал чтение. Я замешкался, рыская по полкам, а отец еще проворчал, что, мол, не спится. Я нашел нужную книжку, пожелал ему доброй ночи, а он мне — счастливого плавания, и я ушел. — Джерард опустил взгляд и проговорил: — Теперь я помню четко: в ту ночь на нем был Камень Жребия— висел на цепочке на груди, как сейчас у тебя. А еще я уверен в том, что раньше, вечером, Камня на отце не было. Я долго потом думал об этом, ведь он всегда брал с собой Камень, когда куда-нибудь отправлялся. В покоях его — ни намека на то, что он переодевался перед дорогой. Камня я с тех пор не видел до того дня, когда вас с Блейзом разбили около Амбера. Тогда Камень был на Эрике. Когда я спросил его, откуда Камень, он сказал, что нашел его в отцовских покоях. Не имея четких доказательств, что такого в принципе быть не могло, я принял слова Эрика на веру. Ты задал вопрос, я увидел на твоей груди Камень Жребия — вот и вспомнил про тот вечер и решил, что тебе стоит узнать об этом.

— Спасибо, — сказал я. На языке у меня вертелся еще один вопрос, но я решил пока его не задавать. Ради спокойствия остальных родственников я спросил: — Значит, ты считаешь, что Брэнду не надо больше одеял? Или еще чего-нибудь? — Джерард молча отсалютовал мне поднятым бокалом и выпил до дна. — Отлично, — сказал я. — Желаю успехов, — и провел рукой по карте Джерарда.

— Брат наш Брэнд, похоже, поправляется, — сообщил я всей компании. — А Джерард сказал мне, что не припоминает, будто отец говорил о чем-то таком, что напрямую связывало бы его отъезд с проникновением злобной силы в Амбер. Интересно, что вспомнит Брэнд, когда очнется?

— Если очнется, — уточнил Джулиан.

— Думаю, очнется, — сказал я. — Дело житейское, бывало и похуже с каждым из нас. Наша жизнестойкость — одна из немногих вещей, в которые еще можно верить. По моим подсчетам, Брэнд должен прийти в себя к утру.

— Что ты намерен делать с виновным, если Брэнд назовет его?

— Допросить, — ответил я.

— В таком случае я хотел бы участвовать в допросе. У меня такое подозрение, что на сей раз ты прав, Корвин: тот, кто похитил и пленил Брэнда, может быть повинен и в нашей вражде, в исчезновении отца и гибели Кейна. Раз так, то лично я предвкушаю истинное наслаждение от предстоящего допроса. А потом мне бы хотелось лично перерезать глотку злодею.

— Мы это учтем, — сказал я.

— Но и ты не свободен от подозрений, Корвин.

— Понимаю.

— Я должен сказать кое-что, — вмешался Бенедикт, перехватывая инициативу у Джулиана. — Меня волнует как сила врага, так и не оставляющая никаких сомнений его цель. Я уже не раз имел несчастье сталкиваться со злобными тварями, и совершенно ясно: они жаждут крови. Если все-таки на минуточку поверить в твою байку, Корвин, о странной девице Даре, то ведь ее последние слова резюмировали отношение врагов ко всем нам: «Амбер будет уничтожен». Не побежден, не наказан — уничтожен. Скажи, Джулиан, ты ведь не отказался бы стать верховным правителем, а?

Джулиан криво усмехнулся.

— Разве что через годик примерно в это же время, — промолвил он. — Сейчас — увольте, благодарю покорно.

— Вполне готов допустить, — продолжал Бенедикт, — что ты — да и любой из нас — воспользовался наемниками или привлек на свою сторону чужаков ради захвата власти. Но я не могу представить, чтобы ты или кто-то другой образовал альянс с силами столь могущественными, чтобы сами они превратились в такую жуткую, страшную беду, будучи направленными не на завоевание, а на уничтожение. Я не могу в толк взять, чтобы ты, я, Корвин — да кто угодно — могли стремиться к разрушению Амбера или стали бы связываться с теми, кто на такое способен. Вот почему мне не по душе мысль Корвина о том, что за всем этим стоит кто-то из нас.

Я был вынужден кивнуть. Не скажу, чтобы я не понимал слабости этого звена в цепи своих умозаключений. Но слишком много было неизвестного. Я мог бы предложить альтернативные гипотезы, как Рэндом, но догадками ничего не докажешь.

А Рэндом сказал следующее:

— Может быть, кто-то из наших вошел с чужаками в сговор, но недооценил их? Виновник теперь не в лучшем положении по сравнению со всеми остальными — точно так же обливается холодным потом. Может быть, он теперь уже не в состоянии изменить ход событий, даже если хочет этого.

— Мы могли бы предоставить ему такую возможность, — сказала Фиона. — Пусть немедленно признается нам, кто его приспешники. Если нам удастся сдержать Джулиана, да и всех остальных, чтобы не кинулись на него, — пусть раскроется, если догадка Рэндома верна. Виновный не станет посягать на престол, да он, видимо, и раньше к этому не стремился. Ему будет сохранена жизнь, а он мог бы уберечь весь Амбер от грозящей ему беды. Кто согласен со мной?

— Я, — сказал я. — Я согласен сохранить ему жизнь, если он признается. Но он должен понять, что остаток дней своих проведет в темнице.

— Я согласен, — сказал Бенедикт.

— Я тоже, — сказал Рэндом.

— Я тоже, но с одним условием, — сказал Джулиан. — Только если он лично невиновен в гибели Кейна. Если виновен — не согласен. И доказательства, безусловно.

— Сохранить жизнь и заключить в темницу... — задумалась Дейрдре. — Что ж, я — за.

— Я тоже, — сказала Флора.

— Я тоже, — сказала Ллевелла.

— Скорее всего, Джерард тоже согласится, — добавил я. — За Брэнда ручаться не могу. Боюсь, он может оказаться против.

— Давайте спросим Джерарда, — предложил Бенедикт. — Если Брэнд будет против и окажется единственным несогласным, виновник будет знать, что опасаться ему надо будет одного-единственного противника. Пусть тогда сам голову ломает, как ему быть.

— Хорошо, — кивнул я после непродолжительного раздумья и снова вызвал на связь Джерарда.

Тот выразил согласие с нашим предложением.

А потом мы все встали и принесли клятву Единорогу Амбера — Джулиан поклялся с оговоркой, — а еще мы поклялись, что любой из нас, кто нарушит клят-

ву, пойдет в темницу. Честно говоря, я считал, что от клятвы толку чуть, но семейное единство всегда так греет душу!

После этого все заявили, что намерены провести ночь во дворце, очевидно, желая этим доказать, будто не боятся того, что может сказать очнувшийся к утру Брэнд, а в особенности же чтобы продемонстрировать свою решимость не покидать города даже в том случае, если Брэнд ночью умрет. Каждый понимал, что подобная верность общему делу не забывается. Я, поскольку больше вопросов к родственникам не имел и поскольку никто из присутствующих не порывался назвать себя виновным, вытянулся в кресле и молчал. Компания разбилась на группы по двое, по трое и все принялись болтать. Одной из главных тем было наведение порядка в семейной портретной галерее в библиотеке, ну и конечно, никто не выразил жгучего желания взять на себя инициативу в этом деле. Я курил и помалкивал.

Небезынтересную мысль высказала Дейрдре. Мысль заключалась в том, что сам Джерард и покушался на жизнь Брэнда и что остался с ним не потому, что хочет его спасти, а для того, чтобы иметь полную возможность заткнуть Брэнду рот окончательно, пока мы тут все сидим. И если это так, тогда Брэнду уж точно не дотянуть до утра. Умно. Но мне не верилось в такое. Остальные на это предположение тоже не купились — никто не вызвался подняться в библиотеку и вышвырнуть оттуда Джерарда.

Скоро ко мне подошла Фиона и уселась рядышком.

— Как я погляжу, твой гардеробчик пополнился красивой вещицей, — сказала сестра, протянула руку и взяла изящными пальчиками Камень Жребия. Некоторое время она разглядывала его, потом подняла глаза и посмотрела на меня. — Ты умеешь заставлять его творить для тебя чудеса?

— Немножко, — ответил я.

— Значит, ты уже знаешь, как его настраивать? Он связан с Путем, верно?

— Да. Эрик меня просветил насчет того, как им пользоваться. Перед смертью.

— Ясно.

Фиона отпустила Камень и отвела взгляд к камину.

— А рассказал он тебе, что в обращении с Камнем необходима осторожность? — спросила она, не глядя на меня.

— Нет, — ответил я.

— Забавно, почему? Из-за обстоятельств или из-за самого принципа действия?

— Ну, видишь ли... У Эрика тогда было важное дело — он умирал, и это в значительной степени сократило нашу с ним беседу.

— Не сомневаюсь. Я о другом. Я пытаюсь понять, что было сильнее: его ненависть к тебе или стремление к престолу. Может быть, он сам не знал, какие принципы лежат в основе действия Камня.

— Ты-то что об этом знаешь?

— А вспомни, как умирал Эрик. Когда это произошло, меня здесь не было, но к похоронам я поспела. Я присутствовала, когда Эрика готовили к погребению — обмывали, брили, облачали, и видела его раны. Не поверю, чтобы хоть одна из них сама по себе была смертельной. Три ранения в грудь, и только одно из них более или менее глубокое.

— Могло бы хватить и одной раны, если...

— Погоди, — оборвала меня Фиона. — Это было не просто, но я попыталась определить угол прокола тоненькой стеклянной палочкой. Хотела сделать над-

рез, но Кейн не позволил. И все-таки я не верю, чтобы у Эрика пострадало сердце или крупные артерии. Вскрытие и сейчас провести не поздно, если хочешь, чтобы я довела дело до конца. Конечно, раны и общий стресс сыграли свою роль, но мне кажется, что добил его Камень.

— Почему ты так думаешь?

— Кое о чем говорил Дворкин, когда я у него училась, да и сама кое-что подмечала. А Дворкин говорил, что, хотя Камень и дарит своему владельцу необычные способности, он также представляет угрозу для его жизни. И чем дольше его носишь, тем сильнее он вытягивает жизнь. Позднее я стала обращать внимание на то, что отец надевал его исключительно редко и никогда не носил подолгу.

Мои мысли вернулись к Эрику — к тому дню, когда он лежал, умирая, на склоне Колвира, а рядом с ним еще кипела битва. Я вспомнил, каким увидел его тогда: он лежал бледный, тяжело дышал, по груди его текла кровь, а Камень Жребия, висящий на цепочке, пульсировал, словно сердце, в промокших складках одежды Эрика. Ни раньше, ни потом я не видел, чтобы Камень вел себя подобным образом. Я заметил, что пульсация Камня становится все слабее, а когда Эрик умер и я сложил его руки на груди, Камень успокоился и перестал пульсировать.

— А что ты знаешь о том, как работает Камень? — спросил я Фиону.

Она покачала головой:

— Дворкин считал это государственной тайной. Я знаю только самые очевидные вещи: с помощью Камня можно управлять погодой, ну еще, по некоторым замечаниям отца, я поняла, что Камень способен усиливать интуицию и обострять восприятие. Дворкин говорил о Камне прежде всего как о примере проникновения Пути во все то, что дает нам силу, — даже в картах он присутствует, если присмотреться получше и подольше. А еще он говорил, что Камень — частный случай закона сохранения энергии: все наши исключительные способности имеют свою цену. Чем сильнее дар, тем больше за него платят. Карты — мелочь, но даже их использование отнимает какие-то силы. Прохождение через Тени, то есть использование того образа Пути, который есть в каждом из нас, требует еще большей отдачи. Физическое прохождение по Пути — колоссальная потеря собственной энергии. А вот про Камень Дворкин говорил, что он... ну, как бы на целую октаву выше, чем все остальное, и стоит своему владельцу, соответственно, намного больше.

Вот вам, пожалуйста, еще один штришок к портрету моего покойного и самого ненавистного братца. Если он знал об этом качестве Камня и все-таки взял его и так долго носил ради защиты Амбера, фигура Эрика вырастала поистине до героических высот. В таком случае то, что он передал мне Камень, ни о чем не предупредив, выглядело не чем иным, как последней попыткой отомстить. Он бы, конечно, оправдывался, будто умолчал о пагубных свойствах Камня ради того, чтобы я с полной отдачей воспользовался им по назначению: в борьбе против наших врагов. А это, конечно же, означало, что их он ненавидел больше, чем меня, а потому потратил свои угасающие силы в стратегическом плане так, что лучше просто не придумаешь — на благо Амбера.

Записи Дворкина, найденные в указанном мне Эриком тайнике, сохранились не полностью. Не могло ли быть так, что Эрику они достались полностью, а он взял да и изъял из них именно ту часть, где говорилось о мерах предосто-

рожности в обращении с Камнем Жребия? И тем самым проклял меня, своего преемника? Нет, это навряд ли. Он ведь не мог предугадать, когда именно я вернусь и каким образом, что битва потечет так, как потекла, и что я на самом деле стану его преемником. Преемником Эрика мог стать любой из его фаворитов, а уж фавориту он такое наследство вряд ли бы оставил. Нет, решил я. Либо Эрик сам не знал об отрицательных свойствах Камня и записи Дворкина достались ему с купюрами, либо записи попали кому-то в руки раньше, чем я их нашел, и этот кто-то выкрал соответствующие страницы, дабы я пребывал в опасной для жизни уверенности, что все в порядке. Опять-таки это могла сделать рука все того же врага.

— А защититься от этого свойства Камня можно, не знаешь? — спросил я Фиону.

— Не знаю, — ответила она. — Могу изложить тебе только свои соображения и догадки — вдруг пригодятся. Во-первых, отец никогда не носил Камень подолгу. Во-вторых, можно опереться на некоторые из отрывочных замечаний отца, типа: «Когда видишь, что люди обращаются в статуи, ты либо попал не туда, куда собирался, либо угодил в беду». Время от времени я пробовала выпытать у отца какие-нибудь подробности, и у меня сложилось такое впечатление, что первые признаки, указывающие на то, что носишь Камень слишком долго, — это какие-то нарушения восприятия, выражающиеся в первую очередь в оценке течения времени. Может быть, у владельца Камня ускоряется общий обмен веществ и возникает такое чувство, будто жизнь в окружающем мире замедляется. Наверное, это тяжко. Вот и все, что мне известно. А ты его уже долго носишь?

— Да не очень, — ответил я, проверяя свой ментальный пульс и пытаясь понять, не замедлилась ли уже жизнь вокруг меня.

Дать определенного ответа на этот вопрос я не мог, хотя чувствовал себя не лучшим образом. Правда, мне казалось, что причина моего неважного самочувствия — драка с Джерардом, но признаваться в этом мне не хотелось никому из членов семейства, даже Фионе, проявляющей поистине чудеса дружелюбия. Гордыня? Подозрительность? Да нет, элементарная осторожность, вот и все. Ну и конечно, самое обычное недоверие — я ведь всего несколько часов назад надел Камень. Подожду.

— Ну что ж, — сказала Фиона, — ты, видимо, не просто так нацепил его. Я лишь хотела предупредить тебя, что подолгу носить Камень опасно, пока не разузнаешь о нем побольше.

— Спасибо, Фи. Я его скоро сниму. Очень благодарен тебе за все, что ты рассказала. Кстати, а что стряслось с Дворкином?

Фиона потерла кончиками пальцев висок.

— С ума сошел, бедняга. Хочется верить, что отец нашел для его ссылки какой-нибудь уютный уголок в Тенях.

— Ну да, — кивнул я. — Ладно, давай будем думать, что так оно и есть. Бедолага.

Джулиан закончил разговор с Ллевеллой, встал, выпрямился, кивнул ей и подошел ко мне.

— Ну, Корвин, сочинил еще какие-нибудь вопросы? — спросил он.

— Такие, какие хотел бы задать прямо сейчас, — нет.

Джулиан улыбнулся:

— И сказать нам больше ничего не хочешь?

— Пока нет.

— И никаких там экспериментов, представлений, ребусов?

— Нет.

— Превосходно. В таком случае я отправляюсь на боковую. Доброй ночи. — Он отвесил поклон Фионе, помахал Бенедикту и Рэндому, по пути к двери кивнул на прощание Флоре и Дейрдре. На пороге обернулся и добавил: — Теперь можете перемывать мне кости. — И вышел.

— Превосходно, — проговорила Фиона. — Этим и займемся. Я думаю, это он.

— Почему? — спросил я.

— Я, с твоего позволения, пройдусь по всему списку — пускай субъективно, пускай интуитивно и поверхностно, все равно. Бенедикт, на мой взгляд, вне подозрения. Если бы он так жаждал взойти на престол, он бы уже своего добился, причем взял бы его прямыми, военными методами. Запасом времени Бенедикт располагал и давно бы мог осуществить успешное нападение на Амбер, даже при отце. Он на такое способен, это всем известно. Что касается тебя, то ты совершил массу промахов, которых мог бы избежать, находись ты в полном здравии и владей своими способностями в полной мере. Вот почему я верю в твои истории насчет амнезии и всего такого прочего. Никто не даст себя ослепить добровольно, из одних только стратегических соображений. Джерард сейчас пытается доказать свою невиновность. Я думаю, он и с Брэндом возится скорее именно поэтому, чем из желания его спасти и уберечь. Как бы то ни было, очень скоро мы все узнаем или получим новую почву для подозрений. Теперь Рэндом. За ним слишком долго и упорно присматривали, чтобы у него была возможность вытворить хоть что-нибудь из того, что произошло. Словом, он исключается. Из нас, представительниц слабой половины семейства, у Флоры недостает ума, у Дейрдре — кишка тонка, а у Ллевеллы нет никаких причин такими пакостями заниматься — она счастлива где угодно, только не здесь. Ну а меня можно винить во всех смертных грехах, кроме злодейства. Остается Джулиан. Способен он на такое? Да. Мечтает воссесть на престол? Конечно. Были у него время и возможности? Хоть отбавляй. Он тот, кого ты ищешь.

— Разве он стал бы убивать Кейна? — спросил я. — Ведь они дружили.

Фиона скривилась.

— У Джулиана нет друзей, — сказала она. — Он холоден как лед и думает только о себе. Да, в последние годы он, пожалуй, ближе всех был с Кейном, чем с кем-нибудь еще. Но даже это... даже это могло быть частью общего плана. Играть в дружбу так долго, чтобы теперь не заподозрили в убийстве. Я не верю в способность Джулиана к сильным привязанностям, а потому могу допустить такое.

— Даже не знаю, — проговорил я. — Дружба Джулиана с Кейном — из области событий, имевших место в мое отсутствие, и я о ней знаю только понаслышке. И все-таки то, что Джулиан искал дружбы с человеком, схожим с ним по характеру, — это мне вполне понятно. А схожи они были во многом. И дружба, склонен полагать, у них сложилась настоящая. Поэтому я не верю, чтобы один мог предать другого, когда двое дружат столько лет. Такое возможно только тогда, когда один из друзей туп как пробка, а про Кейна такого не скажешь. И... Хорошо, вот ты говоришь, что твоя оценка субъективна, интуитивна и поверхностна.

В этом я с тобой солидарен. Мне просто противно думать, что кто-то может быть таким жутким злодеем, чтобы так поступить с единственным другом. Вот почему мне кажется, что с твоим перечнем не все гладко.

Фиона вздохнула:

— Тому, кто прожил на свете столько лет, Корвин, стыдно нести такую чушь. Может быть, это за годы пребывания там, где ты жил, ты так переменился? Много лет назад ты не хуже меня видел очевидное.

— Может, и переменился. А может быть, переменилась ты, Фиона? Ты стала циничнее, чем та маленькая девочка, которую я знал когда-то. Пожалуй, тогда, много лет назад, такое не показалось бы тебе очевидным.

Она очаровательно улыбнулась:

— Никогда не говори женщине, что она переменилась, Корвин. Разве что к лучшему. Кстати, это правило ты раньше знал и соблюдал. А... вдруг ты — это не ты, а всего-навсего одна из теней Корвина, посланная сюда затем, чтобы страдать за него и запугивать всех нас? А вдруг настоящий Корвин сейчас не здесь, а неизвестно где и смеется над всеми нами?

— Я здесь, — ответил я. — И я не смеюсь.

Фиона громко расхохоталась.

— Ага, вот и попался! — воскликнула она. — Теперь я точно знаю, что ты — это не ты! Внимание! Прослушайте объявление, все! — вскричала Фиона, вскочив с места. — Я только что установила, что это не настоящий Корвин, а одна из его Теней! Этот тип сейчас разглагольствовал о вере в дружбу, честь, благородство духа и всякое такое, про что пишут только в дешевых романах! Как я его раскусила, а?!

Остальные удивленно уставились на Фиону. А она вновь расхохоталась, вдруг обмякла и упала в кресло.

Я услышал, как Флора процедила сквозь зубы: «Напилась...» — и продолжила свой разговор с Дейрдре.

— Да, Тени — это очень интересно, — проговорил Рэндом и вернулся к беседе с Бенедиктом и Ллевеллой.

— Вот, видел? — пробормотала Фиона.

— Что?

— Ты нематериален, — сообщила она и хлопнула меня по колену. — Да и я тоже, если задуматься хорошенько. Ужасный был день, Корвин.

— Да. Я себя тоже паршиво чувствую. Я-то думал: какая отличная мысль — вытащить Брэнда. Мало того — получилось! Но вот лучше ли ему от этого — вот вопрос.

— Ты только не переживай, — посоветовала мне Фиона. — Тебя же нельзя винить за то, что все так вышло.

— Спасибо, утешила.

— Думаю, Джулиан был прав, — сонно проговорила Фиона. — Я тоже спать хочу. Нет сил.

Я встал и проводил ее до двери.

— Я в порядке, — шепнула она. — Честное слово.

— Точно?

Фиона резко кивнула.

— Утром увидимся.

— Надеюсь, — сказала она. — А теперь можете посплетничать и про меня.

Фиона подмигнула мне и вышла.

Я обернулся. К двери шли Ллевелла и Бенедикт.

— Уходите? — спросил я.

Бенедикт кивнул.

— Пора, — сказала Ллевелла и поцеловала меня в щеку.

— Это за что? — поинтересовался я.

— Много за что, — сказала Ллевелла. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Рэндом, ссутулившись, присел у камина и ворошил кочергой поленья.

— Если ты ради нас, то можешь не стараться, — сказала ему Дейрдре. — Мы с Флорой идем спать.

— Ладно, — кивнул Рэндом, отложил кочергу и встал. — Приятных сновидений.

Сестры улыбнулись: Дейрдре — сонно, Флора — нервно. Я тоже пожелал им доброй ночи и проводил взглядом.

— Ну как? — спросил Рэндом. — Узнал что-нибудь новенькое и ценное?

— А ты?

— Да так... Мнения, предположения... Новых фактов — ноль. Мы все пытались угадать, кто будет следующим по списку.

— И?..

— Бенедикт думает, что это дело жребия — ты или он. Если, конечно, не ты все затеял. А еще он думает, что твоему дружку Ганелону следует быть поосторожнее.

— Ганелон... Да, верно. И подумать об этом следовало бы мне. Насчет жребия Бенедикт, похоже, тоже прав. Только положение Бенедикта, пожалуй, хуже моего будет: ведь враги знают, что я настороже после попытки покушения.

— А я бы сказал, что теперь ни для кого не секрет, что и Бенедикт не дремлет. Он ухитрился это всем втолковать. Его врасплох не застанут.

Я хмыкнул:

— Ну, стало быть, монета стоит на ребре. Жребий — ни дать ни взять.

— И это он тоже сказал — естественно, понимая, что я передам тебе его слова.

— Ясно. Мне бы, конечно, хотелось с ним еще потолковать. Но... Нет, пока я больше ничего со всем этим поделать не в силах. К чертям!.. Пойду спать.

— Не забудь только под кровать заглянуть на всякий случай.

Мы вместе вышли из гостиной и направились через зал.

— Эх, Корвин, — покачал головой Рэндом, — как жаль, что ты не догадался захватить кофе в придачу к ружьям. Не отказался бы сейчас от чашечки.

— А спать потом как? Или на тебя что, кофе не действует?

— Нет. Люблю вечерком выпить чашечку-другую.

— А я по утрам страдаю. Надо будет закупить где-нибудь кофейку, когда вся эта кутерьма успокоится.

— Надежда слабая, но идея хорошая. Кстати, что это на Фи нашло?

— Она считает, что виновник всех бед — Джулиан.

— Может быть, она недалека от истины.

— Но Кейн... это же невозможно!

— Допускаю, что тут замешан не один человек, — начал рассуждать Рэндом, когда мы пошли вверх по лестнице. — Скажем так: их было двое, Джулиан и Кейн. А потом они взяли и повздорили. Джулиан избавился от Кейна и использовал его гибель, чтобы и тебе подгадить. Ты же знаешь, бывшие друзья — худшие враги.

— Все бесполезно. — Я пожал плечами. — У меня голова кругом идет от этого копания в вероятностях. Придется либо ждать, пока что-нибудь еще случится, либо сделать так, чтобы что-то случилось. Второе предпочтительнее. Но только не сегодня...

— Эй, Корвин! Погоди! Куда ты так несешься? — крикнул отставший от меня Рэндом.

— Прости, — сказал я, подождав его на лестничной клетке. — Сам не понимаю, что со мной. Финишный рывок, наверно.

— Излишек нервной энергии, — поставил диагноз Рэндом, догнав меня.

Мы снова зашагали рядом, и я с трудом приноровился к размеренной поступи Рэндома, борясь с желанием идти быстрее.

— Ну, приятных снов, — сказал он наконец.

— Доброй ночи, Рэндом.

Он поднялся выше, а я пошел по коридору к своим комнатам. Видимо, на ту пору я жутко устал, потому что у двери выронил ключ.

Поймав его на лету, я успел удивиться тому, как медленно он падал — гораздо медленнее, чем должен был. Я вставил ключ в замочную скважину, повернул...

В комнате было темно, но я решил не зажигать ни свечу, ни масляный светильник. Глаза мои уже почти привыкли к темноте после полутемного коридора. Я обернулся к окну — сквозь шторы пробивался звездный свет — и пошел через комнату, на ходу расстегивая ворот рубахи.

Он ждал меня в спальне, слева от двери. Позиция была выбрана очень правильно, и он не выдал себя ни единым шорохом. Естественно, я на него наткнулся. Все как надо — идеальная стойка, кинжал наготове плюс моя растерянность. Видимо, по замыслу я должен был умереть на месте — не в своей постели, — а прямо на пороге спальни пасть к ногам злодея. Я все понял, как только перешагнул порог. Заслоняясь рукой от удара, я прекрасно сознавал, что уже слишком поздно. Но вот что меня поразило за те считанные мгновения, пока кинжал еще не успел коснуться меня, так это то, как медленно двигалась рука злоумышленника. А ведь он меня ждал, волновался — значит, действовать ему следовало быстро и резко. Он не должен был давать мне времени на то, чтобы развернуться и заслониться рукой!

Мое предплечье ударилось о занесенную для удара руку врага, рыжая дымка заволокла все поле зрения, и почти в тот же миг острый стальной клинок уперся мне в живот и вошел в него. Мне показалось, будто на мгновение на красном фоне проступил бледный рисунок того космического варианта Пути, что я видел днем раньше. Я согнулся и упал, уже не в силах думать. Сознание осталось со мной еще на миг, а образ Пути стал четче, приблизился... Мне хотелось бежать, скакать во весь опор, спасаться, но лошадка моего тела споткнулась и сбросила меня.

VIII

Каждому за жизнь положено пролить хоть немного крови. Увы, я опять столкнулся с этой печальной необходимостью, и похоже было, что крови пролилось немало. Я лежал на боку, скрючившись, обеими руками обхватив живот. Одежда намокла, я чувствовал, как противно пульсируют мышцы в области диафрагмы. Спереди и сбоку, чуть повыше ремня, я нащупал края раны, напоминавшие грубо вспоротый конверт. Первая мысль была такая: «Чего он еще ждет?» По всей вероятности, coup de grace* откладывается. Почему, интересно?

Я открыл глаза. Они, как ни странно, не подвели меня. Уж не знаю, сколько времени я провалялся без сознания, но в темноте видел отлично. Я поднял голову. В комнате, кроме меня, никого не было. Но случилось что-то необычное, а вот что — я пока понять не мог. Я закрыл глаза и снова уронил голову на матрас. Что-то было неправильно и в то же время правильно...

Матрас... Да, я лежал на кровати. Сам я до нее вряд ли мог добраться. Что за идиотство? Пырнуть меня кинжалом, а потом перенести на кровать? Моя кровать? Моя. И не моя.

Я зажмурился. Скрипнул зубами. Я ничего не понимал. Мысли у меня из-за болевого шока могли быть путаные, бессвязные, я потерял много крови. Я изо всех сил пытался заставить себя думать ясно и трезво, но это было нелегко.

Моя кровать... Такое бывает: когда ты растерян и пытаешься что-то сообразить, начинаешь с того, в своей ли ты постели. Я очнулся в своей постели, но...

Мне жутко хотелось чихнуть, но я сделал над собой усилие и сдержался, понимая, что, чихни я сейчас — и просто тресну по швам. Я зажал ноздри и сделал несколько коротких резких вздохов через рот. Воздух был жутко напичкан пылью — даже ртом ощущался ее запах и вкус. Чихать расхотелось. Я открыл глаза, наконец поняв, где нахожусь. Как я тут оказался — ума не приложу, но попал я в то место, в которое, по моим расчетам, не должен был уже попасть никогда. Я опустил правую руку и попытался приподняться. Моя спальня в моем доме. В моем старом доме. В том доме, в котором я когда-то был Карлом Кори. Меня забросили в земную Тень, в тот насквозь пропыленный дом. Кровать никто не прибирал с тех пор, как я тут жил в последний раз, а это было лет пять тому назад. Я отлично помнил, в каком состоянии дом, — я своими глазами видел его несколько недель назад.

Я осторожненько сел, попытался спустить ноги с кровати. От боли согнулся пополам. Плохо дело.

Чихать больше не хотелось, но я понимал, что это слабое утешение. Необходимо позвать кого-то на помощь, сам себе помочь я был не в силах. Я не был уверен даже в том, долго ли сумею пробыть в сознании. Нужно встать и выбраться из дома. Телефон наверняка отключен, а до ближайшего жилья отсюда далековато. Надо хотя бы до шоссе добраться. Я смутно помнил, что одной из причин, почему я здесь поселился, как раз было то, что шоссе довольно тихое. Я ведь время от времени обожаю затворничество...

Правой рукой я нащупал ближайшую подушку и стянул с нее наволочку. Вывернул ее, сложил, как мог, вышло плоховато... отряхнул, затолкал под рубашку и прижал к ране. Посидел. Наваливалась жуткая слабость — дышать поглубже и то было трудно.

Чуть позже я дотянулся до второй подушки, ухитрился положить ее на колени и стащить с нее наволочку, которой решил воспользоваться в качестве белого флага, коим собирался помахать, если по шоссе будет проезжать машина. Запихивая наволочку за ремень, я не мог не удивиться поведению подушки. Она упала с моих колен и все никак не приземлялась на пол — летела и летела, страшно медленно. И я вспомнил о том, что примерно так же падал ключ, оброненный мной перед дверью комнаты. Вспомнил и то, как быстро, непривычно быстро я шагал по лестнице рядом с Рэндомом. Вспомнил предостережения Фионы насчет Камня Жребия... А Камень был жив-здоров, висел себе на цепочке у меня на груди и пульсировал в такт с моим окровавленным боком. Может быть, он спас мне жизнь? Да, вероятно — если верить тому, что говорила Фиона. Наверное, Камень даровал мне мгновение, которого хватило, чтобы чуть-чуть отсрочить смертельный удар, повернуться, выставить руку... Не из-за Камня ли я и сюда перенесся так неожиданно? Ладно, обо всем этом можно будет подумать потом, если мне удастся установить сносные отношения с собственным будущим. А пока что от Камня лучше избавиться, опять-таки учитывая кое-какие замечания Фионы.

Сумев наконец с горем пополам затолкать за ремень вторую наволочку, я попытался встать, но меня закачало, голова закружилась от нестерпимой боли. Я стал спускаться на пол, боясь по пути потерять сознание. Немного передохнул, потом медленно, осторожно пополз.

Парадная дверь, насколько я помнил, была заколочена. Хорошо, значит, ползти надо к черному ходу. Я дополз до порога спальни и отдышался, прислонив голову к дверному косяку. Снял с шеи цепочку с Камнем и обмотал ее вокруг запястья. Камень требовалось где-то спрятать, а до сейфа, что стоял в кабинете, отсюда было далековато. К тому же за мной наверняка тянулся кровавый след. Всякий, кто зайдет в дом, запросто пойдет по нему и, если я не доползу до сейфа, найдет и подберет Камень... Нет, ползти в кабинет у меня не было ни сил, ни времени.

Я преодолел порог спальни, прополз следующую комнату. Теперь надо было подняться и открыть засов двери черного хода. Ох, как я ошибся — тут надо было бы передохнуть!..

Когда я снова пришел в себя, то лежал поперек порога. Дверь была распахнута. Стояла холодная влажная ночь, небо было почти целиком затянуто тучами.

Порывистый ветер раскачивал деревья в патио, и они громко скрипели. На ладонь моей вытянутой руки упало несколько студеных снежинок.

Я собрался с силами и переполз через порог. Двор замело снегом — слой его был в пару дюймов толщиной. Морозный воздух подействовал на меня благотворно. Мысли несколько прояснились, и от этого стало страшно, когда я попытался себе представить, в каком состоянии проделывал путь от спальни до черного хода. Я ведь мог умереть в любое мгновение!

Я поскорее пополз к дальнему от меня углу дома, мечтая добраться до навозной кучи, запрятать в нее Камень Жребия и отметить это место пучком жухлой травы. Что я и сделал, а потом набросал сверху снега и пополз дальше.

Обогнув дом, я обрел укрытие от ветра. Ползти стало легче — земля пошла под уклон. Я добрался до фасада и снова передохнул. Только что по шоссе проехал автомобиль — вдали исчезали его габаритные огни. Больше машин пока видно не было.

От снега пощипывало щеки. Я снова пополз вперед. Колени вымокли и горели от холода. Передний дворик все шел под уклон и наконец круто обрывался к шоссе. Примерно в ста ярдах вправо начинался кювет — место частых аварий. Я подумал, что именно там меня будет лучше всего видно в свете фар — маленькая такая зацепка, какие всегда ищешь, когда попадаешь в большую беду, нечто вроде таблетки аспирина от чрезмерных эмоций. С тремя перерывами на отдых я дополз до обочины, потом добрался до высокого камня, на котором был намалеван номер моего дома, сел около него и прислонился спиной к обледеневшему бетону заграждения. Вынул наволочку и положил ее на колени.

Я сидел и ждал, чувствуя, что в голове у меня то и дело мутится. Наверное, я поминутно то терял сознание, то снова приходил в себя. И как только мне казалось, что я соображаю более или менее четко, я пытался привести мысли в порядок и оценить случившееся раньше в свете того, что произошло сейчас. Я отчаянно искал какие-нибудь другие средства спасения. Это оказалось невыносимо трудно. Невозможно было думать ни о чем другом, кроме моего теперешнего положения. С чувством притупленной радости я осознал, что хотя бы колода волшебных карт при мне. Я мог связаться с кем-нибудь из Амбера и попросить вытащить меня отсюда.

Но с кем? Все-таки я соображал достаточно ясно, чтобы понимать, что запросто могу вызвать того самого человека, который напал на меня. Что лучше — рискнуть таким образом или все-таки попытать счастья здесь?

Ну а все-таки, может, вызвать Рэндома или Джерарда?..

Мне показалось, что я слышу шум двигателя — тихий, отдаленный. Правда, разобрать его мешали грохот моего собственного пульса в ушах и вой ветра. Я повернул голову. Сосредоточился.

Точно — машина. Я приготовился размахивать наволочкой.

А разум продолжал работать... Я понял, что так слаб, что при всем желании не смогу даже воспользоваться картами...

Шум двигателя становился все громче. Я поднял руку с наволочкой. Через несколько мгновений шоссе озарилось светом. Вскоре я заметил одолевший подъем автомобиль и тут же потерял его из виду — дальше дорога шла на спуск. А потом автомобиль снова появился на дороге и стал приближаться — в лучах света передних фар метались и искрились снежинки.

Машина была уже совсем близко от кювета, лучи слепили. Водитель не мог меня не заметить. Но он проехал мимо, этот мужчина за рулем седана новейшей марки, а рядом с шофером на переднем сиденье сидела женщина. Женщина, правда, обернулась и посмотрела на меня, но мужчина даже не сбавил скорость.

Через пару минут появился еще один автомобиль, не такой шикарный, как первый. За рулем сидела женщина, кроме нее, в машине никого не было. Проез-

жая мимо, она притормозила, но, видимо, мой внешний вид не привел даму в восторг: она газанула, и машина вскоре скрылась из виду.

Я прислонился спиной к камню и отдышался. Принцу Амбера вряд ли стоит рассчитывать на людское братство и винить людей в черствости и равнодушии. По крайней мере, относиться к этому всерьез было нельзя, а смеяться — слишком больно.

Сейчас, когда не оставалось ни сил, ни способности сосредоточиться, ни возможности передвигаться, моя власть над Тенями гроша ломаного не стоила. А славно было бы воспользоваться ею, думал я, и найти какое-нибудь теплое местечко... Смогу ли я вползти по холму наверх, к навозной куче? Забавно, но о том, чтобы вырыть Камень и с его помощью изменить погоду, я не думал. Наверное, я и для этого был слишком слаб. Может быть, такая попытка могла прикончить меня. И может, все-таки...

Я помотал головой. Перед глазами все плыло, хотелось спать. А спать было нельзя. Еще машина? Вроде бы... Я попытался поднять над головой наволочку и уронил ее. Наклонился за ней, голова моя легла на колени... Дейрдре....

Вот кого бы надо вызвать — любимую сестру. Если уж кого-то звать, то Дейрдре. Нужно вынуть ее карту и позвать ее... Эх, если бы она не была мне сестрой... Нет, надо отдохнуть. Я, конечно, хитрец великий, но не идиот. Наверное, когда я передохну, мне станет стыдно... Если бы было хоть чуточку теплее... А вот так хорошо — свернуться и... Машина? Хотелось распрямиться, поднять голову, но сил не было. И так заметят, решил я.

Сквозь прикрытые веки я почувствовал свет фар и явственно различил шум двигателя. Он не приближался и не удалялся — мотор урчал негромко и ровно. Я услышал окрик, потом скрип и хлопок — открылась и захлопнулась дверца. Пожалуй, я мог бы открыть глаза, но делать этого не хотелось. Я боялся, что, открыв глаза, опять увижу перед собой пустое темное шоссе, а звук мотора превратится в сумасшедшее биение сердца и завывание ветра. Лучше пусть все остается как есть, пусть мне это снится, пусть...

— Эй! Что с тобой? Побили?

Шаги... Все взаправду.

Я открыл глаза, заставил себя разогнуться.

— Кори! Бог мой! Это ты?!

Я вымученно усмехнулся, вяло кивнул:

— Я, Билл. Как поживаешь?

— Что случилось?

— Я ранен. Может быть, серьезно. Мне нужно к врачу.

— Сам идти сможешь, если я поддержу? Или тебя на руки взять?

— Попробую идти.

Билл помог мне подняться. Я привалился к нему, и мы пошли к его машине. Помню только первые несколько шагов.

Когда везущая меня прекрасная колесница, вместо того чтобы мерно покачиваться, подпрыгнула на ухабе, я очнулся, попытался поднять руку и понял, что она закреплена и к ней подсоединена трубочка капельницы. Я решил, что буду жить. Пахло больницей.

Я проверил свои внутренние часы. Учитывая, сколько времени прошло, в том, что я жив, есть и моя личная заслуга. Мне было тепло и хорошо — настолько,

насколько возможно после пережитого. Я удовлетворенно закрыл глаза, вдавив голову в подушку, и опять заснул.

Позже, когда я снова проснулся, мое самочувствие стало еще лучше. Появилась медсестра и сообщила, что доставили меня сюда семь часов назад и что скоро придет доктор, чтобы поговорить со мной. Потом она подала мне стакан воды и сказала, что снег перестал идти. Наверное, ей до смерти хотелось узнать, что со мной стряслось.

Я решил, что пора сочинить легенду, и чем проще, тем лучше. Значит, так: я возвратился домой после долгого пребывания за границей. Проголосовал на дороге, добрался до дома, а там на меня напал не то бандит, не то грабитель, напуганный моим появлением. Я выполз из дома в поисках помощи. Все.

Поведав эту нехитрую историю врачу, я поначалу не мог понять, поверил он мне или нет. Доктор оказался грузным мужчиной в летах с отечным морщинистым лицом. Звали его Бейли, Моррис Бейли. Он спросил меня:

— Вы рассмотрели того, кто напал на вас?

Я покачал головой:

— Было темно.

— Он вас ограбил к тому же?

— Не знаю.

— Бумажник у вас был при себе?

Я решил, что на этот вопрос на всякий случай лучше ответить утвердительно.

— Когда вас сюда доставили, бумажника при вас не было. Значит, вас все-таки ограбили.

— Наверное, — согласился я.

— А меня вы совсем не помните?

— Не сказал бы. А что, должен помнить?

— Когда вас только привезли, мне показалось, что мы где-то виделись.

— А потом? — поинтересовался я.

— Что за странная одежда на вас была, что-то вроде формы?

— Последний писк. Так теперь модно за границей. Так вы говорите, я показался вам знакомым?

— Да, — кивнул врач. — А «за границей» — это где, если не секрет? Откуда вы приехали?

— Я много путешествовал, — уклончиво ответил я. — Но вы ведь что-то хотели мне сказать...

— Да, — спохватился врач. — Понимаете, клиника у нас маленькая, а несколько лет назад один ушлый агент уговорил директора приобрести компьютер, в память которого вводятся данные истории болезни. Ну мало ли — вдруг в здешних краях увеличится население и нам придется расширяться... Компьютер влетел в копеечку, а мы так и не расширились. Словом, толку от него мало, разве что истории болезни перестали валяться по всей клинике — раньше ими даже реанимационная была завалена. Ну и, конечно, персонал обленился до невозможности. Но это я так, наши проблемы... Ну так вот, когда мистер Рот назвал мне ваши имя и фамилию, я быстренько пробежался по файлам и понял, почему вы показались мне знакомым. Той ночью, семь лет назад, я тоже дежурил в приемном покое — в тот самый день, когда вы угодили в аварию. Я вас и штопал тогда — и был уверен, что вам не выкарабкаться. Вы меня удивили — и тогда, и теперь. Я да-

же швов своих не нашел, а ведь им следовало бы сохраниться. Славненько вы поправились.

— Спасибо. Слава добрым докторам! — улыбнулся я.

— Вы мне сообщите ваш возраст — для записи в историю болезни.

— Тридцать шесть, — не задумываясь, ответил я.

Доктор что-то черканул в блокнот, что лежал у него на коленях.

— Знаете, я готов поклясться: когда я вас осматривал, мне показалось, что семь лет назад вы выглядели точно так же, как сейчас.

— Здоровый образ жизни.

— Вы свою группу крови знаете?

— Кровь у меня экзотичная, но рассматривайте ее как АВ с положительным резусом. Мне можно любую вливать, а вот мою никому вливать не советую.

Врач кивнул:

— Инцидент таков, что требует рапорта в полицию, понимаете?

— Догадываюсь.

— Я подумал, что вы сами этого пожелаете.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Так, значит, вы тогда дежурили? Забавно. А помните еще что-нибудь про тот случай?

— То есть? Вы о чем?

— Об обстоятельствах, при которых меня сюда доставили. У меня память напрочь отшибло. Я в себя пришел только тогда, когда меня перевезли в другую клинику... «Гринвуд», что ли. Вы помните, как я сюда попал?

Как раз тогда, когда я решил, что выражение лица доктора Морриса не меняется ни при каких обстоятельствах, он нахмурился.

— Мы посылали за вами карету «скорой помощи».

— А кто ее вызвал? — спросил я. — Кто сообщил о несчастном случае? Как?

— Я вас понял, — кивнул доктор. — «Скорую» вызвал полицейский патруль. Если я верно помню, кто-то стал свидетелем аварии и позвонил в ближайший полицейский участок. Они послали к месту происшествия свою машину, убедились, что вызов не ложный, и вызвали «скорую». Вот и все.

— А кто полицию вызвал — это нигде не зафиксировано?

Врач пожал плечами:

— Мы за подобными мелочами не следим. А ваша страховая компания не интересовалась? Запроса не делала? Вот они, наверное, могли бы...

— Знаете, я, как поправился, почти сразу уехал за границу и больше ко всему этому интереса не проявлял. А в полиции такие вызовы фиксируют?

— Наверняка. Не знаю, правда, как долго у них хранится информация такого рода. Вот только если... — хмыкнул доктор, — к ним тоже не заглянул тот ушлый агент. Да на что вам это теперь? Дело прошлое. Ваш друг Рот вам лучше меня расскажет...

— Дело не в вызове, — сказал я. — Просто хочется узнать, что на самом деле произошло. Я много лет пытаюсь вспомнить и не могу. Ретроградная амнезия.

— У психиатра не консультировались по этому вопросу? — спросил врач.

Что-то мне в этом вопросе не понравилось — наверное, тон, каким он был задан. И тут же в сознании замелькали крошечные вспышки озарения... Не могла ли Флора представить меня психом еще до того, как меня перевезли в «Грин-

вуд»? Нет ли такой записи в моей здешней истории болезни? Не указано ли, что я сбежал из какой-нибудь психушки? Прошло много времени, и я не знал, чем мне это грозит с точки зрения закона. Но даже если все именно так, то могли ведь меня в какой-нибудь другой инстанции освидетельствовать как психически полноценного человека?

Благоразумие — да, наверное, благоразумие, вот что заставило меня лечь на бок и посмотреть на наручные часы врача. Где-то в сумраке сознания сохранилась память о том, что, когда он проверял мой пульс, на руке у него были часы с календарем. Точно. Часы были именно такие. Отлично. Какой там день и месяц? Двадцать восьмое ноября. Я быстренько произвел в уме перерасчет по своему коэффициенту и получил год. Все верно, семь лет назад.

— Нет, — сказал я. — Не консультировался. Я просто решил, что мозг у меня поражен скорее органически, чем функционально, и выкинул все, что забыл, образно выражаясь, в мусорное ведро.

— Ясно, — кивнул врач. — Медицинскую терминологию вы знаете неплохо. Такое бывает с людьми, которые много лечились.

— Да, — согласился я. — Я про это много читал.

Доктор вздохнул и встал.

— Послушайте, — сказал он. — Я собираюсь позвонить мистеру Роту и сообщить ему, что вы пришли в себя. Так, наверное, лучше будет.

— То есть?

— Ну, он все-таки ваш друг — поговорите с ним откровенно, прежде чем встретитесь с полицией.

Врач открыл блокнот на той странице, где записал мой возраст, приготовился что-то записать, удивленно вскинул брови и растерянно проговорил:

— Кстати, а какое сегодня число?

Мне нужны были карты. Вещи мои скорее всего убрали в ящичек стоявшей у кровати тумбочки, но дотянуться до нее было невмоготу. Да и, правду сказать, торопиться было особо некуда. Восьмичасовой сон в Амбере — это двадцать здешних часов, так что там еще наверняка все на своих местах. Конечно, нужно успеть связаться с Рэндомом и придумать какую-нибудь версию — почему это поутру меня не окажется дома. Но это потом.

Времена такие, что мне ни в коем случае нельзя навлекать на себя подозрения. Кроме того, непременно нужно узнать, что скажет очнувшийся к утру Брэнд. Дальнейшие мои действия напрямую диктовались сутью его рассказа. Я принялся размышлять. Если я буду вынужден поправляться после ранения здесь, то в Амбере времени пройдет меньше. Надо очень точно рассчитать время и избежать возможных осложнений ситуации. Я надеялся, что вот-вот приедет Билл. Мне не терпелось выяснить кое-какие подробности.

Билл родился в этих краях, учился в Буффало, потом вернулся, женился и стал работать в отцовской фирме. Вот и все. Меня он знал как армейского офицера в отставке, который время от времени путешествует по неизвестно каким делам. Оба мы состояли членами местного клуба, где я, собственно, с ним и познакомился. Что-то около года мы только здоровались и никогда подолгу не беседовали. А потом случайно оказались рядом за стойкой в баре, и выяснилось, что Билл просто без ума от военной истории — особенно его интересовали напо-

леоновские войны. Мало-помалу мы подружились и приятельствовали до того самого дня, когда я попал в беду.

Время от времени я потом вспоминал Билла. И не заглянул к нему, когда прошлый раз навещал эту Тень, лишь потому, что боялся расспросов. Дел было у меня по горло, готовых ответов я заранее не придумал, а потому не мог себе позволить насладиться его компанией. А вообще я планировал как-нибудь заглянуть к нему, когда в Амбере все утрясется. Жаль, что мы встретились с ним не в клубном зале.

Билл приехал примерно через час — невысокий, полноватый, краснощекий, немного поседевший. Улыбнулся, кивнул мне. Я к тому времени ухитрился сесть. Попробовал пару раз вдохнуть поглубже и понял, что рановато. Билл взял меня за руку, придвинул стул к кровати. В свободной руке у него был небольшой портфельчик.

— Ну и напугал же ты меня ночью, Карл! Я поначалу подумал, что это не ты, а твой призрак, — признался он.

— Еще бы чуть-чуть, так бы оно и было, — сказал я. — Спасибо тебе, дружище. Как делишки?

— Да как? Дел выше крыши, как обычно. Только еще больше.

— А как Элис?

— Отлично! У нас двое новых внучат — детишки Билла-младшего, двойняшки. — Билл вытащил бумажник и достал из него фотографию. — Вот, полюбуйся.

Я посмотрел на фото и отметил явное фамильное сходство.

— Даже не верится, — сказал я.

— А ты совсем не изменился.

Я криво усмехнулся и положил руку на живот.

— Да, если не считать вот этого...

— Где тебя носило?

— Господи, где меня только не носило! Трудно сосчитать — где я только не был.

Билл помолчал, потом пристально посмотрел на меня и спросил:

— Карл, в какую передрягу ты угодил?

Я улыбнулся:

— Если ты имеешь в виду какие-нибудь трения с властями, то тут все в порядке. Источник моих бед находится в другой стране, и я собираюсь туда как можно скорее вернуться.

Билл успокоился. Его глаза блеснули за стеклами бифокальных очков.

— Ты у нас кто-нибудь вроде военного советника? — Я кивнул. — Скажешь где?

Я покачал головой:

— Прости.

— Да нет, чего там, дело понятное, — произнес Билл. — Доктор Бейли рассказал мне о том, что, по твоим словам, произошло прошлой ночью. Не для протокола: это как-то связано с тем, чем ты занимаешься? — Я снова кивнул. — Ну, тогда все более или менее ясно, — облегченно вздохнул Билл. — Более или менее. Я не стану тебя расспрашивать, кто за этим стоит и стоит ли кто вообще. Я всегда знал: ты настоящий джентльмен и притом человек расчетливый. Вот почему, когда ты пропал так неожиданно, я, уж ты прости, немного

покопался. Но твой гражданский статус оказался так загадочен... Мне очень хотелось узнать, что с тобой случилось, — я за тебя волновался. Ты не в обиде, надеюсь?

— В обиде? — переспросил я. — Билл, на свете так мало людей, которым не все равно, что со мной! Я тебе благодарен. И потом, мне самому интересно, что ж тебе удалось раскопать. Мне же никак не удавалось основательно углубиться в ту историю. Может, расскажешь мне, что ты вынюхал?

Билл открыл портфельчик и достал блокнот в матерчатой обложке. Положил его на колени, перевернул несколько страничек, испещренных какими-то записями. Вернулся к первому листку, некоторое время молча смотрел на него и наконец сказал:

— После того как ты сбежал из больницы в Олбани и угодил в аварию, Брэндон, скорее всего, исчез, и...

— Стоп! — оборвал я Билла. — Ты перечисляешь события в обратном порядке, а «Гринвуд» не в Олбани находится.

— Знаю, — кивнул Билл. — Но я говорил о санатории Портера. Там ты пробыл два дня, а потом удрал, в тот же день попал в аварию и тебя привезли сюда. Затем появилась твоя сестра Эвелин. Она упросила, чтобы тебя перевезли в «Гринвуд». Там ты пробыл неделю и снова удрал. Верно?

— Отчасти, — сказал я. — Особенно ближе к концу. Как я уже говорил доктору, у меня неладно с памятью. Два дня перед аварией не помню совсем. Что-то такое насчет Олбани вспоминаю, звенит какой-то звоночек, но все как в тумане. Просветишь меня?

— Конечно, — кивнул Билл. — И очень может быть, это как раз имеет отношение к состоянию твоей памяти. Ты попал туда на основании жалобы...

— Чьей?

Билл расправил листок, присмотрелся и сообщил:

— Твоего брата, Брэндона Кори, адресованной лечащему врачу Хиллари Б. Ранду, психиатру. Еще звоночки слышишь?

— Пожалуй, что да, — сказал я. — Давай дальше.

— Ну, вот на этом основании и был подписан ордер. Тебя соответствующим образом освидетельствовали, отвезли в участок, оформили опеку и перевезли в клинику. Теперь что касается твоей памяти...

— Да?

— Точно не знаю, могло ли лечение как-то на ней сказаться, но... Там, у Портера, тебя лечили электрошоком. А потом, как записано в истории болезни, ты сбежал оттуда. Наверное, забрал свою машину у кого-то из местных и поехал домой, а по пути угодил в аварию.

— Вроде все сходится, — проговорил я. — Да, так оно и было.

Поначалу, на какой-то миг, когда Билл начал рассказывать, мне показалось, что меня забросили в какую-то неправильную Тень — все как бы то же самое, только течет в обратном направлении. Теперь я больше так не думал. Рассказ Билла смахивал на правду. Что-то я такое помнил...

— Что касается ордера, — продолжал Билл. — Он был выдан по ложному обвинению, но тогда суд этого точно выяснить не смог. Настоящий доктор Ранд находился в то время в Англии, и, когда я позже связался с ним, он сказал, что

никогда и не слышал о тебе. Правда, в его отсутствие офис доктора ограбили. Что интересно, второй инициал у него вовсе не «Б». И о Брэндоне Кори он тоже никогда не слыхал.

— А с самим Брэндоном что случилось?

— Испарился. Когда ты удрал из санатория Портера, его искали, но найти не смогли. Ну вот. Потом — авария, ты попал сюда, тебя здесь лечили. Позвонила женщина по имени Эвелин Фломель, представилась твоей сестрой, объяснила врачам, что ты не в своем уме и что семья желает, чтобы тебя переправили в клинику «Гринвуд». В отсутствие Брэндона, назначенного твоим опекуном, врачи действовали в соответствии с ее пожеланиями, поскольку более близких родственников у тебя не было. Вот как вышло, что ты попал в «Гринвуд». Через пару недель ты сбежал и оттуда, и здесь моя летопись обрывается.

— Ну и каков же теперь мой правовой статус? — поинтересовался я.

— О, тут все в ажуре, — заверил Билл. — Я переговорил с доктором Рандом и представил суду сведения, полностью отрицающие твою психическую ненормальность. Ордер аннулировали.

— Тогда почему здешний врач ведет себя так, словно я сумасшедший?

— Правда? Я об этом не подумал. Значит, в твоей истории болезни исправлений нет. Надо было мне раньше с ним повидаться. Копия выписки у меня с собой. Покажу ему.

— Билл, а сколько времени прошло после моего побега из «Гринвуда» до того, как все было улажено в суде?

— Месяц, — ответил Билл. — Уже через пару недель я забил тревогу.

— Просто не могу передать, — произнес я, — как я счастлив, что ты до этого додумался. Ты мне очень много важного рассказал.

— Так приятно хоть чем-нибудь помочь другу, — улыбнулся Билл, закрыл блокнот и убрал в портфельчик. — Но знаешь... Когда все это закончится... чем бы ты ни занимался — если, конечно, тебе можно об этом говорить, — хотелось бы послушать.

— Не могу обещать, — сказал я.

— Ясно. Это я просто так. Кстати, ты с домом как поступать собираешься?

— С моим? А что, он еще мне принадлежит?

— Принадлежит, но в этом году может быть конфискован за неуплату налогов, если ты ничего не предпримешь.

— Просто удивительно, как этого не случилось раньше.

— Но ты же наделил банк правом поверенного для оплаты твоих счетов.

— Я не думал, что они станут расплачиваться за дом.

— Ну, в итоге на счету у тебя почти что пусто, — сообщил Билл. — Я вчера заезжал в банк и говорил с Макнелли. В общем, если ты ничего не предпримешь, дом пойдет с молотка.

— Он мне больше не нужен. Пусть делают с ним, что хотят.

— Но ты сам бы мог его продать и хоть что-то выручить.

— Я не успею этим заняться — не хочу тут долго задерживаться.

— Я готов помочь тебе. А потом и деньги перешлю, куда скажешь.

— Договорились. Я подпишу нужные бумаги. Из вырученных денег оплати, пожалуйста, мой больничный счет, а остальное оставь себе.

— Нет, я не смогу.

Я пожал плечами:

— Делай, как знаешь, Билл, но только не стесняйся и возьми за услуги, сколько положено.

— Хорошо. Остаток я внесу на твой счет.

— Ладно. Спасибо. О, кстати, пока не забыл... будь добр, загляни в тумбочку, там должна лежать колода карт. Я сам дотянуться не могу, а мне они нужны.

— Конечно, о чем речь...

Билл наклонился и выдвинул ящик.

— Тут большой коричневый пакет, — сообщил он. — Наверное, туда сложили все, что у тебя было в карманах.

— Открой его, пожалуйста, и посмотри.

— Да, тут есть колода карт, — сказал Билл, залезая рукой в пакет. — Надо же, какая красивая коробка! Можно заглянуть?

— Я...

Что я мог сказать? «Нельзя»?

Билл открыл коробку.

— Красотища... — пробормотал он восхищенно. — Что-то вроде таро. Старые, да?

— Да.

— Какие холодные... Я таких никогда не видел. Ой, послушай, да ведь это ты! А разодет-то, ну прямо рыцарь какой-то! Они для чего, карты эти?

— Так, для одной жутко сложной игры, — отговорился я.

— Но если тут изображен ты, как же они могут быть старыми?

— Я не говорил, что это я. Это ты сказал.

— Ну да... Тут изображен твой предок?

— Что-то вроде того.

— Красавец... И этот, рыжий, тоже ничего себе...

— Да, пожалуй...

Билл сложил карты и убрал в коробку. Отдал мне.

— Единорог просто чудо как хорош!.. Мне, наверное, нельзя было трогать, да?

— Да нет, ничего страшного.

Билл вздохнул, откинулся на спинку стула, заложил руки за голову.

— Странный ты все-таки человек, — проговорил он задумчиво. — Есть в тебе что-то непонятное, Карл. Моя-то жизнь сам знаешь какая. А меня так интересуют всякие тайны, загадки. Я с настоящими фокусниками никогда так близко не сталкивался.

— Так ты меня в фокусники записал? — усмехнулся я. — Только из-за того, что подержал в руках холодную колоду?

— Да нет, — смутился Билл. — Это так, штришок дополнительный... Дело, конечно, не мое — ну то, чем ты занимался в последние годы, но последний случай... Ничего понять не могу.

— То есть?

— После того как я тебя доставил сюда и отвез Элис домой, я вернулся к твоему дому — думал, может, на месте разберусь, что с тобой стряслось. Снег уже перестал идти, и твой след был хорошо виден. Он тянулся по двору и вокруг

дома. — Я кивнул. — Но это ты полз, это понятно. Никаких же следов — ни твоих, ни чьих-то еще к дому не вело. Да и от дома тоже. Ничто не говорило о том, что тот, кто тебя ранил, ушел оттуда.

Я усмехнулся:

— Что, думаешь, я сам себя пырнул?

— Нет, нет, конечно. В доме никакого оружия не было. Я пошел по кровавому следу и попал в спальню, к твоей кровати. У меня с собой только фонарик был, но от того, что я там увидел, у меня просто голова кругом пошла. Такое впечатление, что ты появился прямо там, на кровати, истекая кровью, а потом как-то поднялся и пополз.

— Нет, это невозможно. — Я покачал головой.

— Но следов-то больше не было никаких, вот дело-то в чем!

— Может, снегом замело?

— А твой след остался? — Билл покачал головой. — Нет, не получается. Надеюсь, ты когда-нибудь надумаешь и расскажешь мне, что случилось на самом деле.

— Постараюсь не забыть, — сказал я.

— Хорошо, — кивнул Билл. — Только у меня странное чувство... Может быть, я тебя никогда больше не увижу. Знаешь, я себя ощущаю второстепенным актером в мелодраме, который томится за кулисами, толком не зная, что происходит на сцене.

— Прекрасно понимаю, — сказал я. — Моя собственная роль понуждает меня порой бросаться на поиски автора этой идиотской пьесы. А ты попробуй посмотреть на дело иначе: таинственные истории редко оказываются такими, какими их себе представляешь. Как правило, все оказывается просто и пошло, и, когда правда раскрывается, остаются одни мотивы — примитивнее некуда. Гадать и пребывать в иллюзиях порой намного приятнее.

Билл улыбнулся:

— Ты говоришь, как всегда. И все-таки бывали случаи, когда ты начинал проговариваться. Несколько раз...

— Что это мы со следов на меня перескочили? — оборвал я Билла. — А я как раз вспомнил: просто я пришел в дом тем же путем, что и выбирался оттуда. И, наверное, когда полз, стер следы, что вели к дому.

— Неплохо, — кивнул Билл. — И тот, что на тебя напал, тем же путем в дом проник?

— Наверное.

— Замечательно, — сказал Билл. — Ты великий мастер ликвидировать любые сомнения. Но у меня все-таки такое чувство, что основная масса улик говорит о сверхъестественном.

— О сверхъестественном?! Да что ты! Странность — еще куда ни шло. Тут все зависит от интерпретации.

— Или от семантики. Ты полицейский отчет об аварии читал?

— Нет. А ты?

— Ага! А что, если его подробности более чем странны? Ты тогда оставишь за мной слово «сверхъестественное»?

— Идет.

— И ответишь на один вопрос?

— Не знаю, смотря что за вопрос.

— Вопрос простой. Ответить можешь «да» или «нет».

— Ладно, договорились. Ну, так что там было, в отчете?

— Там записано, что после сообщения об аварии к месту происшествия была послана дежурная машина. На месте происшествия полицейские увидели странно одетого человека — он оказывал тебе первую помощь. Незнакомец утверждал, что вытащил тебя из свалившейся в озеро машины. Было похоже на то — он тоже промок до нитки. Мужчина среднего роста, худой, рыжеволосый, в одежде зеленого цвета. Один из полицейских отметил, что он напомнил ему кого-то из героев фильма про Робин Гуда. Назвать себя отказался, не захотел проследовать в полицейский участок и сделать какое-либо заявление. Когда полицейские стали настаивать, чтобы незнакомец поехал с ними, он громко свистнул, и откуда ни возьмись появилась белая лошадь. Тогда он вскочил на нее верхом и ускакал. С тех пор его в этих краях не видели.

Я рассмеялся. Стало больно, но сдержаться было невозможно.

— Будь я проклят... — проговорил я, морщась от боли. — Все мало-помалу проясняется.

Билл несколько мгновений смотрел на меня в упор.

— Правда? — спросил он наконец.

— Да, — кивнул я. — Похоже на то. — Пожалуй, стоило попасть под нож и вернуться ради всего, что я сегодня узнал.

— Странный порядок событий... — произнес Билл и потер подбородок.

— Пожалуй, — согласился я. — Зато во всем, чего я раньше не знал, порядок восстанавливается. Одно это стоит моего признания, хотя оно и ненамеренное.

— Это все из-за того парня на белой лошади?

— Отчасти, отчасти... Билл, скоро я отсюда исчезну.

— Скоро не получится.

— Все равно... Те бумаги, про которые ты говорил... Лучше, чтобы я их подписал сегодня.

— Ладно, заеду во второй половине дня, привезу. Только... мне бы не хотелось, чтобы ты каких-нибудь глупостей натворил.

— Уверяю тебя, с каждой минутой я все более осторожен и предусмотрителен.

— Надеюсь, — вздохнул Билл, защелкнул замочек портфеля и встал. — Ну, отдыхай. С доктором я все улажу и обязательно завезу бумаги.

— Еще раз спасибо.

Я пожал руку Билла.

— Да, кстати! — вспомнил он. — Ты ведь согласился ответить на один вопрос.

— Да, верно, согласился. Что за вопрос?

— Ты — человек? — спросил Билл, не выпуская мою руку.

Лицо его было совершенно спокойным.

Я хотел было усмехнуться, но передумал.

— Не знаю... Я... На самом деле... Конечно, да! Что за идиотский... о, черт! Ты серьезно спрашиваешь? А я обещал ответить честно? — Я прикусил губу и на мгновение задумался. — Знаешь, я так не думаю.

— Я тоже, — кивнул Билл и улыбнулся. — Мне-то все равно. Но вдруг тебе не

все равно — из-за того, что кто-то понимает, что ты не такой, как все, а ему это безразлично.

— Спасибо, Билл. Я этого не забуду.

— Ладно. Увидимся.

— Пока.

IX

День клонился к вечеру. От меня только что ушел полицейский. Я лежал и чувствовал себя намного лучше, и это меня радовало. В общем, лежал себе, полеживал и размышлял о том, как опасно жить в Амбере. И Брэнда и меня пытались отправить на тот свет с помощью излюбленного семейного оружия. Кому из нас пришлось хуже? Наверное, Брэнду. Ему, похоже, прямо в почку угодили, а ведь он и до ранения был не в лучшем состоянии.

До появления сотрудника из конторы Билла, который вручил мне на подпись бумаги, я ухитрился встать и пару раз пройтись по палате туда и обратно. Мне было важно выяснить, на что я способен, — это никогда не лишнее. Поскольку я умел поправляться намного быстрее жителей этой Тени, то, по моим подсчетам, я уже должен был вставать и немного ходить, как обычный больной сумел бы через пару дней после ранения. Это мне удалось. Было больно, в первый раз сильно кружилась голова, но во второй раз ходить стало легче. Ну, хоть что-то. Теперь я снова лежал в кровати и, как я уже сказал, чувствовал себя гораздо лучше.

Я десятки раз тасовал колоду, раскладывал пасьянсы, играл сам с собой, гадал и читал двусмысленные предсказания судьбы, глядя на знакомые до боли лица. И всякий раз с трудом удерживал себя от искушения связаться с Рэндомом, рассказать ему про то, что со мной стряслось, спросить у него, как там у них дела, что нового. «Позже, — твердил я себе. — Каждый час там — это два с половиной здесь. А каждые два с половиной часа здесь для тебя — все равно что семь или восемь для обычных смертных. Отвлекись. Лежи. Думай. Регенерируй».

И вот тогда, когда за окном стемнело (это было после обеда, и я уже успел выложить молодому, гладко выбритому типу из полиции все, что собирался выложить, а он мне не то поверил, не то — нет, но был подчеркнуто вежлив, лишних вопросов не задавал и надолго не задержался)... Ну так вот, странные вещи стали происходить сразу же после того, как ушел полицейский. Я лежал и думал, не заглянет ли доктор Бейли проверить, как я соблюдаю постельный режим, размышлял обо всем, что рассказал мне Билл, пытался соединить подробности его рассказа со всем тем, что я знал, или с тем, о чем только догадывался. И вдруг...

Контакт! Меня вызывали. Кто эта ранняя птичка в Амбере?

— Корвин!

Это был Рэндом, сильно взволнованный.

— Корвин! Вставай! Отопри дверь! Брэнд очнулся и зовет тебя.

— Ты стучал в дверь и пытался разбудить меня?

— Да.

— Ты один?

— Да.

— Отлично. В комнате меня нет. Ты меня в Тени нашел.

— Не понимаю.

— Я тоже. Я ранен, но жить буду. Подробности потом... Расскажи мне скоренько про Брэнда.

— Он только что пришел в себя. Сказал Джерарду, что хочет немедленно поговорить с тобой. Джерард звонком вызвал слугу и послал за тобой. Тот не смог достучаться, и позвали меня. Слугу я только что отослал — передать Джерарду, что я сам тебя разбужу и приведу.

— Ясно, — промолвил я и медленно сел. — Рэндом, уйди куда-нибудь, где тебя никто бы не увидел, и вытащи меня. Мне понадобится какая-нибудь одежда. В моем гардеробе кое-чего недостает.

— Тогда мне, пожалуй, лучше всего вернуться к себе.

— Давай.

— Минуточку подожди.

И тишина.

Я осторожно пошевелил ногами. Сел на край кровати, убрал в коробку карты. Я понимал, что в Амбере мне не стоит распространяться о своем ранении. Даже в самые спокойные времена негоже демонстрировать свою уязвимость.

Сделав глубокий вдох, я встал, придерживаясь рукой за спинку кровати. Тренировки не прошли даром. Я ровно, спокойно дышал. Отпустил спинку. Неплохо — если ходить медленно, не подавая виду, что больно... Ничего, можно будет потерпеть, пока поправлюсь окончательно.

— Немедленно вернитесь в кровать, мистер Кори! — завопила появившаяся в дверях медсестра. В белоснежном халате, вся такая чистенькая, симметричная, только тем непохожая на снежинку, что все снежинки похожи одна на другую. — Ложитесь! Вам еще рано вставать!

— Мадам, — вежливо проговорил я, — мне нужно встать. Просто необходимо.

— Могли бы позвонить и попросить судно, — фыркнула она и двинулась мне наперерез.

Тут меня снова вызвал Рэндом. Я устало покачал головой. Интересно, как она среагирует на мое исчезновение. Ведь я исчезну не сразу — в палате на некоторое время задержится мое радужное изображение... «Еще одна пикантная деталька к той обрастающей подробностями сказке, которую тут будут рассказывать про меня...» — подумал я.

— Послушайте, милочка, — сказал я ей. — До сих пор мы с вами общались, так сказать, материально. Но у нас будут и другие встречи. Много-много раз. Увидимся еще. Adieu, — попрощался я с оторопевшей медсестрой и звонко чмокнул ее в щечку, а сам шагнул в Амбер, оставив ее в палате.

В тот миг, когда она, остолбенев, таращилась на мой радужный призрак, я уже сжимал плечо Рэндома.

— Корвин! Какого черта! — вскричал брат, когда я покачнулся.

— Если кровь — та цена, которую нужно заплатить за адмиральское звание, — пошутил я, — то считай, что я только что прошел военную комиссию. Принес одежду?

Рэндом набросил мне на плечи тяжелый длинный плащ, и я дрожащими пальцами затянул завязки на шее.

— Все, порядок. Веди меня к Брэнду.

Мы вышли из комнаты Рэндома, миновали зал, подошли к лестнице. Всю дорогу я буквально висел на Рэндоме.

— Рана серьезная? — спросил он.

— Кинжал, — ответил я и показал рукой место, куда меня пырнули. — Кто-то напал на меня ночью в моей комнате.

— Кто?

— Ну... Это не мог быть ты, потому что с тобой мы как раз перед этим расстались. Не мог быть и Джерард — он сидел в библиотеке с Брэндом. Отними троих от всех остальных и начинай гадать. Самый лучший спо...

— Джулиан, — твердо проговорил Рэндом.

— Не исключено, — сказал я. — Фиона упорно пыталась вечером его очернить, и ни для кого не секрет, что я его терпеть не могу.

— Корвин, он исчез. Куда-то смылся ночью. Тот слуга, что пришел за мной, сказал, что Джулиан уехал. Как тебе это нравится?

Мы немного постояли у лестницы. Держась за плечо Рэндома, я чуть-чуть передохнул.

— Не знаю, — покачал я головой. — Порой сомневаться во всем на свете так же плохо, как не сомневаться ни в чем. Но мне кажется, что, если бы Джулиан думал, что избавился от меня, гораздо резоннее ему было бы остаться здесь и вести себя как ни в чем не бывало. Вот то, что он удрал, как раз выглядит подозрительно. Я склонен думать, что он смылся, потому что боялся того, что скажет Брэнд, когда очнется.

— Но ты жив, Корвин. Ты ушел от того, кто напал на тебя, и он не может быть уверен, что покончил с тобой. Будь я на месте убийцы — только бы меня тут и видели.

— Это точно, — согласился я, и мы пошли вниз по лестнице. — Да, ты, пожалуй, прав. Пусть этот вопрос остается пока теоретическим. А главное — никто не должен знать, что я ранен. Молчи об этом.

— Как скажешь, — согласился Рэндом. — Молчанием в Амбере переполнены ночные горшки.

— Чего-чего?

— Молчание — золото, милорд, равно как и струи королевской мочи.

— Ой, Рэндом, ты меня лучше не смеши, особенно на эту тему... А вот попробуй-ка угадать, как злоумышленник проник в мою комнату. Через стену?

— Через потайной ход?

— Он заперт. Я его теперь все время закрытым держу. А замок новый и очень мудреный.

— Понятно. Пожалуй, я догадываюсь как. Но мой ответ доказывает, что это опять-таки кто-то из наших.

— Говори.

— Кто-то решил поднабраться энергии и пройти по Пути прежде, чем нанесет тебе удар. Он спустился в подземелье, прошел по Пути, спроецировал себя в твою комнату и напал на тебя.

— Все бы хорошо, если бы не одна мелочь, — не согласился я. — Мы все разошлись приблизительно одновременно. Если бы на меня напали позже... Но напали на меня, как только я вошел в спальню. Не верю, чтобы кто-то успел попасть туда раньше меня, предварительно пройдя по Пути. Меня ждали. Значит, если это был кто-то из наших, он попал туда как-то иначе.

— Значит, все-таки открыл замок, ухитрился.

— Может быть, — сказал я, когда мы добрались до площадки и пошли по коридору. — Рэндом, давай передохнем на углу. Я хочу отдышаться и войти в библиотеку без твоей помощи.

— Конечно.

Мы так и сделали. Я собрался с силами, запахнул поплотнее плащ, расправил плечи, подошел к двери и постучал.

— Минутку, — проговорил голос Джерарда.

Послышались шаги, приближающиеся к двери.

— Кто здесь?

— Корвин, — ответил я. — Со мной Рэндом.

Я услышал, как Рэндом спросил у Брэнда: «Рэндом тебе тоже нужен?» — и Брэнд тихо ответил: «Нет».

Дверь открылась.

— Только ты, Корвин, — предупредил Джерард.

Я обернулся к Рэндому.

— Потом увидимся, — сказал я ему.

Он кивнул и удалился туда, откуда мы пришли.

Я вошел в библиотеку.

— Распахни плащ, Корвин, — потребовал Джерард.

— Не надо, — проговорил Брэнд.

Я заглянул через плечо Джерарда и увидел, что Брэнд сидит на кушетке, обложенный подушками, и улыбается, ощерив желтые зубы.

— Прости, но я не так доверчив, как Брэнд, — сказал Джерард, — и не желаю, чтобы мои труды пропали даром. Докажи, что ты безоружен.

— Я же сказал — не надо, — повторил Брэнд. — Не он меня ранил.

Джерард резко обернулся.

— Откуда ты знаешь, что не он?

— Потому что знаю кто, естественно. Не будь ослом, Джерард. Я бы не стал звать Корвина, будь у меня причины его бояться.

— Ты был без сознания, когда я тебя сюда вынес. Ты не мог знать, кто тебя ранил.

— Ты в этом уверен?

— Ну... А почему ты мне не сказал?

— А вот на это у меня есть причины, и притом веские. А теперь я хочу остаться с Корвином наедине.

Джерард наклонил голову.

— Смотри только в горячку не впадай, — сказал он. Прошагал к двери, открыл ее, обернулся и добавил: — Я буду неподалеку. Крикни, если что. — И захлопнул за собой дверь.

Я подошел к кушетке. Брэнд протянул мне руку, и я пожал ее.

— Рад, что ты вернулся, — сказал Брэнд.

— Взаимно, — ответил я и опустился на стул, всеми силами стараясь не упасть. — Как самочувствие?

— В каком-то смысле ужасное. А в другом — лучше, чем когда бы то ни было. Все на свете относительно.

— Почти все, — уточнил я.

— Все, кроме Амбера, — резюмировал Брэнд.

Я вздохнул:

— Ладно, ерунда. Что с тобой случилось?

Брэнд смотрел на меня в упор, изучающе — что-то высмотреть пытался. Что? Наверное, хотел угадать, что мне известно. Вернее, что не известно. А это обнаружить труднее, и потому, скорее всего, мысли Брэнда прыгали и метались с того самого мгновения, как он пришел в себя. Зная Брэнда как облупленного, я понимал: прежде всего его интересует, чего именно я не знаю, и, чтоб не сболтнуть лишнего, сам он будет помалкивать. Ему нужен какой-то минимум сведений, от которого он мог бы плясать. Добровольно не потратит ни ватта от своего заряда. Такой уж он, Брэнд, был. Разве что только...

В последние годы сильнее, чем раньше, я пытался убедить себя в том, что люди все-таки меняются и течение времени служит не только для того, чтобы закреплять и усиливать существующие качества. *С людьми происходят перемены* из-за того, что им довелось повидать, пережить, совершить, передумать, перечувствовать... Наверное, я утешал себя подобными мыслями из-за того, что теперь все шло наперекосяк. Правда, *я и сам понимал, что моя доморощенная* философия меня то и дело подводит. *И все же — Брэнд спас мою жизнь и мою* память, каковы бы ни были у него на то причины. Что ж — я решил отступить и дать Брэнду возможность выжидать и гадать. Но спину ему подставлять я не собирался. Маленькая такая гадость, *знак протеста против привычного юмористического* начала наших бесед.

— Мир не всегда таков, каким кажется, Корвин, — вальяжно начал Брэнд. — Твой сегодняшний друг завтра — твой враг, и...

— Хватит, — оборвал я его. — Пора раскрыть карты. Я ценю то, что сделал для меня Брэндон Кори, и именно я настоял на том, чтобы мы все попытались разыскать тебя и вернуть домой.

Брэнд улыбнулся:

— Видимо, для пробуждения братских чувств после стольких лет неприязни были веские причины?

— Позволю себе предположить, что у тебя они тоже были, когда ты мне помогал.

Брэнд усмехнулся, поднял и опустил правую руку.

— Стало быть, мы либо квиты, либо в долгу друг перед другом, в зависимости от того, как каждый из нас смотрит на вещи. Пожалуй, сейчас мы с тобой друг в друге нуждаемся, так что небольшая порция *взаимной лести не повредит.*

— Ты юлишь, Брэнд, хочешь мне зубы заговорить. И вдобавок портишь мне замечательный день. Я просто преисполнен идеализма. Ты выдернул меня из постели, чтобы что-то сказать. Прошу.

— Все тот же неисправимый старина Корвин, — усмехаясь, проговорил Брэнд и отвернулся. — А может, нет? Может, я ошибаюсь? Не изменился ли ты, как

полагаешь? Столько времени прожить в Тени, не зная, кто ты на самом деле такой? Будучи частицей совсем другого мира?

— Может, я и переменился, — сказал я. — Не знаю. Да, пожалуй, что так. Одно качество я за собой замечаю четко: я стал намного быстрее выходить из себя, как только дело касается семейных интриг.

— Хочешь разговора начистоту — прямого, откровенного? Дело превыше всего и так далее? О, тогда ведь теряется масса удовольствия!.. Но в этой новизне что-то есть, определенно. Держать всех в подвешенном состоянии, наносить неожиданные удары... Да, да. Это, пожалуй, ценно. И свежо. Ладно. Не психуй. Покончим с увертюрой. Любезностями мы обменялись. Сейчас я обнажу Истину, сорву с нее покровы Незнания и извлеку из туманных складок Тайны жемчужину сокровенной сути. Но для начала — маленькая просьба, если не возражаешь. У тебя не найдется закурить? Я столько лет об этом мечтал. Давай закурим и отпразднуем мое возвращение домой.

Я уже собирался ответить, что закурить нечего, но вспомнил, что в ящике письменного стола есть сигареты — я сам их там оставил. Не скажу, чтобы мне безумно хотелось вставать, но я сказал: «Минутку» — и встал.

Шагая к столу, я изо всех сил старался не покачиваться. Подойдя к нему, я сделал вид, будто небрежно оперся о крышку, тогда как на самом деле навалился на руку всей тяжестью тела. Хорошо еще — плащ маскировал мои движения.

Я нашел в ящике пачку сигарет и вернулся к Брэнду, по пути остановившись у камина, где прикурил сразу две сигареты. Брэнд взял у меня одну и поинтересовался:

— Что это у тебя рука так дрожит?

— Перебрали вчера и не выспался, — ответил я.

— А, вот оно что... А ведь можно себе представить, а? Ну как же, все вместе в кои-то веки! И такой успех — нашли меня, вернули домой... А потом кто-то, вконец отчаявшись и жутко психуя, сделал свое дело. Тут, правда, успех вышел не окончательный. Я был ранен и умолк, но вот надолго ли, это вопрос. А потом...

— По твоим словам, ты знаешь, кто это сделал. Ты пошутил?

— Вовсе нет.

— Кто же?

— Всему свое время, дорогой братишка, всему свое время. Последовательность, порядок и расстановка ударений — вот что главное в этом деле. Позволь мне изложить тебе всю драму, так сказать, в исторической ретроспективе. Итак, меня кольнули в бок, и вы все собрались в кружок. Ах! Чего бы я только не отдал за то, чтобы лицезреть эту дивную картину! Ты не мог бы мне описать, какие у всех в то мгновение были физиономии?

— Боюсь, что физиономии меня тогда меньше всего интересовали.

Брэнд вдохнул и пустил облачко табачного дыма.

— Как славно! — с улыбкой проговорил он. — Ничего, я и так всех вижу будто наяву. У меня богатое воображение, ты же знаешь. Шок, потрясение, удивление, постепенно переходящее в подозрительность, страх... А потом, как мне было сказано, вы все ушли, а душка Джерард остался тут нянчиться со мной. — Брэнд умолк и стал смотреть на синеватую струйку дыма. На миг лицо его стало серьезным. — Знаешь, — задумчиво произнес он, — Джерард — единственный честный человек среди нас.

— В моем списке популярности он оценивается довольно высоко, — сказал я.

— Он меня выходил на славу. Вечно он всех выхаживает. — Брэнд ни с того ни с сего хихикнул. — Честно говоря, не знаю, чего бы это ему так обо мне беспокоиться... Пока я валялся без сознания и мало-помалу поправлялся, вы, видимо, собирались потолковать о делах. Искренне сожалею, что мне не удалось поприсутствовать. О, сколько же там всего было!.. Эмоции, подозрения, вранье — и все сплетается, наталкивается одно на другое, и никто не хотел уходить и пожелать остальным спокойной ночи первым. Видимо, через некоторое время у вас там стало просто замечательно. Все из кожи вон лезли — старались вести себя как можно лучше, каждый приглядывал за остальными и старался кого-нибудь очернить. Ох уж мне эти попыточки отыскать единственного виновника всех бед... Ну, наверное, отыскались козлы отпущения, и в них было брошено некоторое количество камней... Но в итоге так ни до чего не договорились, верно?

Я поддакнул, оценив логичность рассуждений и воображение Брэнда, и решил дать ему возможность повысказываться еще в этом духе.

— Сам же знаешь, что верно.

Брэнд стрельнул в меня глазами и продолжал:

— Но наконец все разошлись, чтобы ворочаться с боку на бок без сна, гадать и выстраивать в уме головокружительные схемы... Да, ночью наверняка происходили потаенные перевороты. Признаюсь, жутко приятно сознавать, что все как один тревожились о моем драгоценном здоровье. Кое-кто, безусловно, искренне желал, чтобы я пришел в себя, кому-то этого вовсе не хотелось. А посреди всего этого круговращения эмоций валяюсь я, слабый, беспомощный, не желающий разочаровывать тех, кто всей душой — за мое выздоровление. Джерард сразу накинулся на меня и давай выпытывать подробности. Когда мне это надоело, я послал за тобой.

— На всякий случай, если ты до сих пор этого не заметил, обрати внимание: я пришел. Что ты хотел мне открыть?

— Спокойствие, братец! Спокойствие! Припомни, сколько лет ты проторчал в Тени, понятия ни о чем не имея... — Брэнд очертил зажатой в пальцах сигаретой круг. — Ты ведь ждал столько времени, пребывая в неведении, пока я не нашел тебя и не попытался восстановить тебя в твоих правах. Что по сравнению с этим какие-то жалкие мгновения?

— Мне говорили, что ты искал меня, — вернулся я к интригующей теме. — Меня, честно сказать, это удивило — ведь мы расстались не в самых лучших отношениях.

— Это точно. Но со временем я прощаю обиды.

Я фыркнул.

— Я вот думаю, стоит ли тебе рассказывать все и чему из сказанного ты поверишь, — прищурившись, проговорил Брэнд. — Сомневаюсь, что ты примешь все как есть, но смею тебя заверить, что, за исключением кое-каких мелочей, намерения у меня самые альтруистические.

Я снова фыркнул.

— Однако это правда, — продолжал Брэнд. — И дабы ты не сомневался, я добавлю: мои намерения таковы, что другого выбора у меня просто нет. С чего же начать? Начало — это всегда самое трудное... С чего бы я ни начал, всегда отыщется что-то такое, что было раньше... Тебя тут так долго не было. Но если уж

отталкиваться от чего-то, то пусть это будет престол Амбера. Ну, вот я и произнес эти слова. Видишь ли, сразу после твоего исчезновения мы стали придумывать, как бы захватить престол. В некотором смысле эти размышления были подстегнуты тем, что ты исчез. Отец подозревал, что к этому приложил руку Эрик, но доказательств не имел. Ну а мы провоцировали его недоверие — там словечко, сям словечко, еще и еще. Годы шли, тебя никак не удавалось разыскать, и все сильнее казалось, что ты и в самом деле умер. Неприязнь отца к Эрику росла с каждым днем. Как-то вечером, когда за столом собрались почти все наши, я завел какой-то совершенно нейтральный разговор, и отец заявил, что никто из нас, братьев, никогда не воссядет на престоле Амбера. Говоря это, он не спускал глаз с Эрика. Ты знаешь, как папаша умел порой посмотреть. Эрик зарделся, будто солнце на закате, у него, похоже, кусок в горле застрял. А потом отец пошел дальше, гораздо дальше, чем все мы ожидали или хотели. Честно тебе скажу — не знаю, для чего он все это выложил: не то дал волю чувствам, не то действительно говорил что думал. А сказал он, что почти наверняка решил назначить тебя своим преемником, а потому твое исчезновение принимает очень близко к сердцу. Он не заговорил бы об этом, если бы не был уверен в том, что тебя нет в живых. Через несколько месяцев мы воздвигли твой склеп, чтобы слова отца обрели материальное подтверждение, а еще постарались, чтобы никто не забывал о тех чувствах, которые папаша питал к Эрику. После тебя мы считали Эрика главным претендентом на престол.

— Мы? Кто еще, кроме тебя?

— Спокойствие, Корвин. Последовательность, порядок и расстановка ударений. Ударения, интонации... Слушай. — Брэнд взял у меня новую сигарету, прикурил ее от окурка первой и прочертил в воздухе линию горящим кончиком. — Следующий пункт плана требовал того, чтобы мы убрали отца из Амбера. Этот пункт был самым важным и опасным, и вот тут мнения разделились. Мне пришлась не по сердцу мысль о сговоре с силами, в природе которых я мало что понимал. Особенно мне не нравилось то, что сговор давал им некую власть над нами. Пользоваться Тенями — это одно, а вот давать им пользоваться собой — совсем другое. Это мерзко, каковы бы ни были обстоятельства. Я выступил против этого, но большинство выступили «за». — Брэнд усмехнулся. — Двое против одного. Да, нас было трое. И мы начали действовать. Устроили ловушку, и отец в нее попался.

— Он еще жив? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Брэнд. — Потом дела пошли худо. У меня своих собственных неприятностей было по горло. После отъезда отца наш план предусматривал укрепление наших позиций в ожидании того момента, когда все поверят, что отец умер. В идеале нам нужно было заручиться сотрудничеством одного человека — Джулиана или Кейна — не важно, кого именно. Видишь ли, Блейз-то на ту пору отчалил куда-то в Тени и сколачивал там большое войско...

— Блейз! Он был одним из вас?!

— Естественно. Мы прочили его на престол — конечно, при условии, что он будет куклой на ниточках. В итоге должен был получиться триумвират. Ну, короче, Блейз отправился собирать войско, как я уже сказал. Мы надеялись на бескровный захват власти, но должны были приготовиться к такому обороту событий, что слов для победы могло оказаться недостаточно. Если бы Джулиан усту-

пил нам землю или Кейн — море, мы могли бы без проблем перебросить войско в Амбер и продержались бы силой оружия, если бы потребовалось. Увы, я сделал ставку на ненадежного человека. По моим расчетам, Кейна было легче подкупить, чем Джулиана. Словом, я тонко и деликатно посвятил его в суть дела. И поначалу он вроде бы клюнул. Но... то ли потом передумал, то ли сразу меня хитро надул. В общем, как бы то ни было, через какое-то время он решил, что для него более выгодно поддерживать нашего соперника в борьбе за трон. Понимай: Эрика. Правда, надежды Эрика на престол сильно пошатнулись из-за того, как к нему относился отец... но папаша исчез, а наши действия давали Эрику шанс засветиться в роли защитника Амбера. К несчастью для нас, такая позиция и его самого уводила на шаг в сторону от трона. А что того хуже, Джулиан и Кейн привели войска Амбера к присяге на верность Эрику, великому защитнику. Вот так образовалось второе трио. Эрик принес публичную клятву защищать престол, и тем самым между нами была проведена черта. Естественно, положение мое на ту пору было самое незавидное. Партия Эрика смотрела на меня как на врага, но не знала, кто мои приспешники. И все же бросить меня в темницу или пытать они не могли, потому что я быстренько выскользнул из их ручек через карту. Ну а вздумай они меня убить... Нет, они понимали, что за мою смерть отомстят, но кто отомстит — неизвестно. Словом, должно было установиться что-то вроде молчаливого напряженного перемирия. А еще Эрик с товарищами видели, что выступить против них открыто я тоже не в состоянии. За мной пристально следили.

И тогда был придуман более хитрый ход. Я снова спорил и снова проиграл — два против одного. Было решено призвать на помощь те же самые силы, что помогли нам убрать отца. Теперь с их помощью планировалось дискредитировать Эрика. Если бы дело защиты Амбера оказалось ему не по плечу — дело, которое он столь самоуверенно взял на себя, — тогда на сцену вышел бы Блейз и провернул маневр с переброской войск. В роли защитника оказался бы Блейз, и в скором времени он возложил бы на свои плечи тяжкий груз правления — ради блага Амбера...

— Вопрос, — прервал я Брэнда. — А что Бенедикт? Я знаю, что он торчал в Авалоне и был недоволен происходящим, но если бы Амберу на самом деле что-то грозило...

— Да, — не дослушал Брэнд. — Это точно. А потому в наши планы входило сделать так, чтобы у Бенедикта стало как можно больше личных проблем.

И я вспомнил о том, как на Авалон Бенедикта накинулись ведьмы. Подумал о его отрубленной правой руке. Но только я открыл рот, собираясь заговорить, как Брэнд протестующе поднял руку.

— Дай-ка я сам закончу, как смогу, Корвин. Я слышу твои слова и читаю твои мысли. Я чувствую твою боль в левом боку. Там у тебя рана — близняшка моей. Да, я знаю и это, и многое другое. — Брэнд закурил еще одну сигарету; вернее, она зажглась сама собой, когда в его глазах полыхнул странный огонь. Он глубоко затянулся и, выдыхая дым, заговорил снова: — Я насчет этого решения горячо спорил с остальными. Я считал, что это слишком большое зло — подставлять сам Амбер под такой подлый удар... — Несколько мгновений Брэнд молча смотрел на сигаретный дымок, затем продолжил: — Но дела зашли слишком далеко, и я не мог просто так взять и уйти. Переходить на сторону Эрика было слишком поздно. Он бы не защитил меня, даже если бы хотел, а я, кроме всего прочего,

был уверен, что Эрик проигрывает. Вот тогда-то я и решил воспользоваться новообретенными умениями и навыками...

Меня всегда интересовали странные отношения между Эриком и Флорой, которая жила себе поживала в Тени под названием Земля и изо всех сил притворялась, будто жуть как счастлива там. У меня родилось сильное подозрение, что там, на Земле, было нечто такое, что сильно беспокоило Эрика, и что Флора скорее всего его тамошний агент. Поскольку просто подойти к Эрику и напрямую спросить его об этом я не мог, я решил предпринять собственное расследование, выяснить, чем там занимается Флора. Так я и сделал. Но тут ход событий резко набрал скорость. Мои союзники сильно заинтересовались тем, где это меня носит. Вот как раз тогда я и нашел тебя и вернул тебе кое-какие воспоминания. Эрик узнал от Флоры, что дельце их прогорело. Скоро меня уже искали обе группировки. Я решил, что твое возвращение поставило бы крест на планах как тех, так и других. Слишком долго я протомился в потайном кармане судьбы. Я готов был его покинуть, чтобы предложить новое решение, способное в корне изменить положение дел. Тогда притязания Эрика на престол могли бы дать трещину, у тебя появились бы свои сторонники, моя партия утратила бы цель деятельности, а я... я решил, что ты будешь мне благодарен за все, что я для тебя сделал. А ты взял и удрал из санатория Портера, и тогда все резко осложнилось.

Все тебя разыскивали, все до одного, как я потом узнал, — и все по разным причинам. Но у моих бывших союзников были и другие дела. Они все вынюхали, разыскали тебя и добрались туда первыми. Естественно, они выбрали самый простой способ сохранить статус-кво и удержаться на своих позициях. Блейз стрелял несколько раз, и в итоге ты вместе со своей машиной угодил в озеро. Я появился там как раз тогда, когда это происходило. Блейз почти мгновенно исчез, поскольку решил, что довел дело до конца. А я выволок тебя из машины и понял, что тебя еще можно спасти.

Вообще, если сейчас на это посмотреть, то дело было рискованное: я ведь не знал, будет ли прок от моего целительства, и не понимал, кем ты очнешься — Корвином или Кори... И потом было страшно пребывать в неведении относительно того, что с тобой стало... Я улепетнул во все лопатки, как только прибыла полиция. Мои союзнички нагнали меня чуть позже и поместили туда, где ты меня нашел. Продолжение знаешь?

— Не до конца.

— В таком случае останови меня, когда почувствуешь, что дальше тебе все известно. Я и сам не сразу разобрался в том, что было дальше. Приближенные Эрика узнали об аварии, нашли тебя и сделали так, чтобы тебя перевезли в частную клинику, где бы ты находился под надежной охраной и одурманенный наркотическими препаратами. Они стремились полностью обезопасить себя от твоего возможного возвращения.

— Зачем бы это Эрику оставлять меня в живых, если самое мое существование угрожало его планам?

— К тому времени уже семеро из нас знали, что ты жив. Делать то, чего он желал всей душой, было слишком поздно. А Эрик все еще пытался позабыть про слова отца. Если бы что-то случилось с тобой, когда ты был в его руках, это навсегда преградило бы ему путь к трону. Проведай об убийстве Бенедикт... или Джерард... Нет, он не стал бы этого делать. Потом — да. Но не раньше. И вышло

так, что наше общее знание о том, что ты еще жив, поторопило Эрика с коронацией. Он назначил ее дату и решил держать тебя подальше до тех пор, пока это не произойдет. Затея была явно преждевременная, хотя не сказал бы, чтобы у него был выбор... Видимо, все дальнейшее тебе известно, потому что происходило в твоем присутствии.

— Да. Я объединился с Блейзом как раз тогда, когда он пошел ва-банк. Вот только наше нападение обернулось для меня не слишком удачно.

Брэнд пожал плечами:

— Могло бы и удачнее обернуться, если бы ты победил и если бы ты мог что-нибудь поделать с Блейзом. Но, на мой взгляд, таких шансов у тебя не было. Мотивы моих бывших товарищей мне в этом раскладе не совсем ясны. Думаю, что то сражение на самом деле было чем-то вроде отвлекающего маневра.

— Почему?

— Говорю тебе: не знаю. Но Эрик уже был там, где они хотели его видеть. По-моему, атака была бесполезна.

Я покачал головой. Слишком много всего сразу, слишком быстро... Многое казалось правдой, если сделать скидку на самооправдание рассказчика. И все же...

— Не знаю... — начал я.

— Конечно, — кивнул Брэнд. — Но если спросишь, отвечу.

— Кто был третьим членом вашей группировки?

— Естественно, тот самый, кто ранил меня. Хочешь угадать?

— Нет, угадывать не собираюсь.

— Фиона. Весь план был ее идеей.

— Почему ты мне сразу не сказал?

— Потому что тогда ты не дослушал бы до конца. Ты бы бросился искать ее, чтобы заточить в темницу, обнаружил бы, что уже давно ее след простыл, поднял бы на ноги всех остальных, начал бы расследование и потерял бы даром уйму столь ценного времени. Ты и теперь можешь всем этим заняться, но, по крайней мере, я сумел дать тебе понять, чего хочу. И сейчас, когда я говорю тебе, как важно выиграть время и что тебе обязательно нужно выслушать то, что я тебе еще не сказал и что должен сказать как можно скорее — если Амберу еще суждено спастись, — уж лучше выслушай меня, чем гоняться за сумасшедшей бабой.

А я уже готов был встать.

— Что, не надо ее искать?

— Пошла она к черту. Пока. У тебя есть дела и поважнее. Лучше посиди.

Что я и сделал.

X

Все залито лунным светом... горят призрачные факелы — как горели бы в черно-белом фильме... Звезды... редкие полосы тумана...

Перегнувшись через перила, я смотрел на мир, простирающийся внизу. Непроницаемая тишина окутала ночь... Город, погруженный в сон, казался отсюда маленькой вселенной... Там, вдали — море, Амбер, Арденский лес, Гариатх, маяк Кабры, роща Единорога, мой склеп на склоне Колвира... Все безмолвное, дале-

кое и такое четкое, ясное... Божественная картина, видение души, освободившейся от тела и парящей высоко-высоко... в ночи...

Я пришел туда, где призраки играют в призраков, где знамения, пророчества и материализовавшиеся желания бродят по ночным улицам и населяют просторные залы небесного Амбера — города Тир-на Ног'тх...

Повернувшись спиной к перилам и зрелищу дальнего мира, что лежал внизу, я не отрываясь смотрел на широкие улицы и темные террасы, на дворцы богов и кварталы, где обитали смертные... Лунный свет в Тир-на Ног'тхе ярче, он заливает серебряным сиянием стены призрачных строений...

Сжав в пальцах рукоять трости, я шагнул вперед, пошел по улице. Кругом двигались призрачные создания — они ходили, мелькали в проемах окон, появлялись на балконах, садились на скамьи у ворот... Я шел вперед, невидимый для обитателей этого мира — для них, кем бы они ни были, я призрак...

Безмолвие и серебро... Только стук моей тросточки по мостовой — да и то приглушенный, едва слышный... Плывущие куда-то, словно влекомые невидимым магнитом, ленты тумана... Дворец — восхитительное творение, подобное белому костру... Роса, будто капли ртути, на изящных лепестках и стеблях цветов в садах у тротуаров... Луна, чей свет слепит глаза сильнее, чем лучи полуденного солнца, сияние звезд, уступающее лунному сиянию... серебро и безмолвие... свет, свет...

Я не хотел приходить сюда — здешние пророчества обманчивы и двусмысленны, сходство этого мира с миром живых кажущееся: от того, что здесь видишь, легко потерять голову... И все же я пришел. Пришел, потому что заключил сделку со временем, и посещение Тир-на Ног'тха было частью этой сделки...

Оставив Брэнда на попечение Джерарда, я удалился, понимая, что мне самому нужно подлечиться и восстановить силы. При этом я хотел, чтобы никто не узнал о моем ранении. Фиона действительно исчезла, и ни ее, ни Джулиана не удавалось дозваться через карты. Если бы я рассказал Бенедикту и Джерарду все, что мне поведал Брэнд, они наверняка стали бы настаивать на поисках Фионы и Джулиана. А я был уверен, что поиски ровным счетом ничего не дадут.

Я удалился в свои покои и послал за Рэндомом и Ганелоном. Им я объявил, что собираюсь воспользоваться столь необходимыми мне отдыхом и сном: передохну днем, а ночью отправлюсь в Тир-на Ног'тх — путешествие вполне логичное для жителя Амбера, у которого накопилась такая уйма серьезнейших проблем. Не сказать, чтобы я мог похвастаться богатой практикой подобных путешествий, но остальные там бывали, и довольно часто. Я чувствовал, что моя отлучка того стоит. Тогда будет понятно, почему я исчезаю на целый день — а день мне тоже был нужен, как воздух. Итак, у меня целый день, ночь и часть следующего дня на поправку после ранения. Словом, я верил, что время потрачу не зря.

А поскольку в мои планы нужно было кого-то посвятить, я посвятил в них Рэндома и Ганелона. Я улегся в постель и рассказал им все, что узнал от Брэнда о его, Фионы и Джулиана злобных происках, а также о заговоре Эрика, Кейна и Блейза. Рэндом и Ганелон поняли причину бегства Фионы и Джулиана — несомненно, и та, и другой бросились собирать свои войска. Хорошо бы друг против друга, но скорее всего — нет. Вероятно, либо Фиона, либо Джулиан двинут свои силы против Амбера.

— Что ж, придется им бросать жребий и ждать своей очереди, как и всем остальным, — сказал Рэндом.

— Не совсем так, — возразил я. — Дело в том, что приспешники Фионы — это те самые твари, что приходят по Черной дороге.

— А Круг в Лоррене? — спросил Ганелон.

— И это они же. Так они проявили себя в той Тени. Они приходят издалека.

— Проклятые ублюдки... — процедил сквозь зубы Рэндом.

Я кивнул и постарался объяснить товарищам, как, по моему мнению, обстоят дела.

Итак, я пришел в Тир-на Ног'тх... В тот час, когда взошла луна и на небе возникло блеклое, неясное отражение Амбера, сквозь ткань которого просвечивали звезды и которое с каждым мгновением становилось все четче и мало-помалу превратилось в город с высокими, окруженными бледными ореолами башнями, со стенами, вдоль которых двигались крошечные пятнышки — тамошние обитатели, я вместе с Ганелоном и Рэндомом стоял на самой вершине Колвира — в том месте, где из глубокого камня высечены три широкие неровные ступени...

Когда лунные лучи упали на ступени, в воздухе проступило их продолжение: высокая лестница, дугой перекинувшаяся через море к призрачному городу. Когда же луна осветила саму лестницу и она стала казаться материальной, я шагнул на нижнюю ступень... У Рэндома была с собой полная колода магических карт, а мои карты лежали в кармане куртки. Мой дивный меч, Грейсвандир, выкованный при свете луны на этом самом камне, давал мне власть над небесным городом, и потому я взял его с собой. Я отдохнул за день и набрался сил. В левой руке у меня была трость, на которую я опирался при ходьбе... Иллюзия расстояния и времени...

Ступени, ведущие к небесам, что равнодушны к Корвину, — не простая лестница, и подъем по ней — не просто подъем. Я еще ощущал рукопожатие Ганелона и тяжесть ладони Рэндома на плече, когда одолел четверть пути. Если я смотрел под ноги, напрягая зрение, то ступени становились прозрачными, и тогда я видел внизу океан, будто глядя на него через увеличительное стекло... Я потерял счет времени... Внизу, под волнами, проступили очертания Ребмы... Я вспомнил о Моэри. Как она там? Что станется с подводным двойником Амбера, если само Янтарное королевство погибнет? Исказится ли его отражение в зеркале вод? Может быть, блоки и перекрытия зданий там качнутся в унисон, может быть, одинаковыми гранями повернутся кости на столах в казино под волнами, по которым проплывают наши корабли?.. Сердце защемило, однако волны, проклявшие Корвина, не дали мне ответа.

Но вот лестница окончилась, и я ступил в призрачный город — как вошел бы в дальний Амбер, поднявшись по величественным ступеням на обращенном к морю склоне Колвира...

Я перегнулся через перила и посмотрел на свою страну.

Черная дорога шла к югу. Ночью ее не было видно, но это не имело значения. Теперь я знал, куда она ведет, если верить Брэнду. Солгав, он лишился бы жизни, а потому я ему верил.

Я знал всю Черную дорогу от начала до конца. От негасимого сияния Амбера и ясного света примыкающей к нему Тени, сквозь темные слои пространства Теней, уходящие во все стороны, сквозь пейзажи со смещенной перспективой и

дальше, дальше, сквозь такие места, которые могут привидеться только тогда, когда вдребезги пьян, или мечешься в горячке, или видишь ночной кошмар... И еще дальше, дальше той границы, где лежит предел моего воображения...

Как сказать проще о том, что так непросто?..

Солипсизм — вот в чем загвоздка!* Понятие, заключающее в себе предположение о том, что ничего не существует, кроме тебя самого, или, по крайней мере, что нет ничего, кроме нашего собственного существования и опыта. Однако с этим можно поспорить, да мы и спорили не раз и говорили о том, что, может быть, те Тени, что мы посещаем мысленно, мы же сами и создаем, а на самом деле только мы сами и существуем, а Тени, через которые проходим, — не что иное, как проекции нашего сознания... Как бы то ни было, суть этих споров объясняет другое: как и почему члены нашего семейства относятся к людям и местам за пределами Амбера. Получается, что мы — нечто вроде кукольных мастеров, а все остальное — нами изготовленные марионетки, зачастую опасно одушевленные, но и это — часть игры. Все мы по духу своему — импресарио, и точно так же мы относимся друг к другу. И хотя причины врожденного солипсизма у всех нас вызывают сомнения, каждый старается оградить себя от неизбежных вопросов. Большинство членов нашего семейства, в чем я не раз убеждался, в действиях своих крайне прагматичны.

И все-таки есть в этой картине элемент, разбивающий в пух и прах и солипсизм, и прагматику. Есть места, где Тени сходят с ума... Когда преодолеваешь Тени, слой за слоем, и при этом — намеренно — отстраняешься от своего представления о том, что происходит вокруг тебя с каждым новым шагом, то в конце концов попадаешь на границу разума, дальше которой ступить не можешь. Почему? Зачем это вообще нужно? Из-за надежды на озарение, наверное; а может быть, это просто новая игра... Но, попадая в такое место, а в такие места попадали все мы, понимаешь, что добрался не то до границы пространства Теней, не то до своего собственного предела. И мы всегда считали эти понятия синонимичными. Но теперь...

Теперь я знаю, что это не так, — теперь, когда я стою здесь и жду, и не существует для меня голоса Дворов Хаоса, что твердит, что это так, — я знаю, что это не так. Нынешней ночью в Тир-на Ног'тхе я понимал это, понимал и раньше, когда бился в Черном Круге Лоррена с монстром с козлиной головой, и еще раньше — в тот день, на маяке Кабры, куда переместился из подземелья, и тогда, когда смотрел на опустошенный Гарнатх... Я понимал, что есть что-то еще. Потому что знал: Черная дорога уходит дальше — дальше того, что кажется пределом. Она тянется через безумие к Хаосу и еще дальше. Те, что приходили по ней, приходили откуда-то, но они не были сотворены мной. Получалось, что я помогал им, сам того не желая, проделывать этот путь, хотя мерзкие твари не согласовывались с моим представлением о реальности. Они не то существовали сами по себе, не то кому-то принадлежали, но сумели проделать дыры в полотне метафизики, сотканном нами за многие века. Они рушили стены наших твердынь, не принадлежа нашему миру, угрожали ему и нам самим. Фиона и Брэнд добрались туда, где, по нашим понятиям, ничего не было и быть не могло. Выпущенное оттуда зло доказывало: мы не одни, и Тени — никакие не наши игрушки, и наши отношения с Тенями нельзя расценивать по-прежнему...

И все это потому, что Черная дорога уходила к югу и вела дальше, за край света, дальше того места, куда я мог дойти...

Безмолвие и серебро... Я отхожу от перил, опираюсь на трость, пересекаю туманную пелену — границу зыбкого города... Призраки... Тени теней... образы возможного... «Может быть» и «может быть, было»... Утраченные возможности, возможности обретенные...

Я иду, иду по мостовой... фигуры... лица... Многие мне знакомы. Чем они заняты тут? Трудно сказать. Чьи-то губы шевелились, чьи-то лица озарялись оживлением. Я не понимаю, не слышу слов... Я прохожу мимо, невидимый...

Но вот одна из фигур... одинокая женщина. Она кого-то ждет. Ее нервные пальцы развязывают узелки мгновений. Я хочу видеть ее лицо. Она сидит на каменной скамье под суковатым деревом, смотрит в сторону дворца. Какая знакомая фигура!.. Ближе... Ближе... Я узнаю ее. Это Лоррен. Она смотрит сквозь меня, не слышит моего голоса, не слышит, как я говорю ей, что отомстил за ее смерть.

Но это в моей власти — сделать так, чтобы меня услышали здесь... И власть эта — мой меч Грейсвандир.

Вынув из ножен, я поднимаю его над головой, и лунный свет бежит по завиткам письмен, что испещряют лезвие меча... Я кладу меч на землю между нами...

— Корвин! — Лоррен запрокидывает голову, и ее волосы вспыхивают в отсветах луны. — Откуда ты пришел? Тебе еще рано сюда...

— Ты ждешь меня?

— Конечно... Ты же просил, чтобы...

— Как ты сюда попала?

— К этой скамье?

— Нет. В этот город.

— В Амбер? Я не понимаю. Ты сам меня привел. Я...

— Ты счастлива здесь?

— Ты знаешь, что это так, пока я с тобой.

Я не забыл, какие у нее ровные белые зубы, какие милые веснушки на щеках, что прячутся за тонким веером.

— Лоррен, что случилось? Это очень важно. Давай притворимся, будто я ничего не знаю. Расскажи мне обо всем, что с нами случилось после битвы в Черном Круге, Лоррен.

Она нахмурилась. Встала. Отвернулась.

— Мы поссорились, — сказала она. — Ты догнал меня, прогнал Мелкина. Мы поговорили. Я поняла, что не права, и последовала с тобой в Авалон.

Там был твой брат Бенедикт. Он убеждал тебя переговорить с Эриком, ты не соглашался, но решил пойти на перемирие из-за чего-то, что сказал тебе Бенедикт. Он поклялся не делать тебе зла, а ты поклялся защищать Амбер. Мы оставались в Авалоне до тех пор, покуда ты добывал взрывчатку, а потом перебрались в другое место — туда, где ты обзаводился странным оружием. Потом... Вы выиграли сражение, но Эрик лежит раненый на поле боя... — Лоррен остановилась и посмотрела на меня. — Ты думаешь о том, чтобы прервать перемирие? Так, Корвин?

Я покачал головой и почему-то решил, что должен обнять Лоррен.

Я потянулся к ней... Мне хотелось прижать ее к себе, хотя я понимал, что одного из нас не существует, не может существовать, и в тот миг, когда я за-

ключил бы Лоррен в объятия, я сказал бы ей: что бы ни случилось и что ни случится, я...

Ничего ужасного не произошло, но я упал. Я лежал — на земле, накрыв собой Грейсвандир. Трость моя лежала на траве в нескольких шагах. Я встал на колени и увидел, что лицо Лоррен — щеки, губы — потеряло живые краски, стало мертвенно-бледным. Она отвернулась, губы ее неслышно шевелились, произнося призрачные слова, она искала взглядом чего-то или кого-то... Я поднял с земли Грейсвандир и вложил его в ножны. Дотянулся до трости, оперся на нее, встал на ноги... Лоррен смотрела куда-то сквозь меня. Вот она улыбнулась и шагнула вперед... Я отошел в сторону, обернулся, глядя ей вслед, а она побежала к идущему ей навстречу мужчине. Он обнял ее, она смотрела в его глаза — глаза призрака-счастливца с серебряной розой в петлице камзола. Он поцеловал ее — проклятый незнакомец... Я никогда и не узнаю, кто он такой...

Серебро, и безмолвие, и серебро...

Прочь отсюда... Не оглядываться... Вдоль по аллее...

Голос Рэндома:

— Корвин, ты в порядке?

— Да.

— Что там происходит?

— Потом, Рэндом.

— Прости.

И вот... сверкающая лестница, ведущая ко дворцу... Вверх по ней, затем — направо... Теперь медленно, спокойно... пройти по саду... Призрачные цветы на серебряных стебельках покачиваются у дорожки, призрачные кусты в белоснежных цветах, словно замороженные фейерверки... И все бесцветное, абсолютно все — одни очертания, наброски, свечение... Весь этот мир — набросок. Что такое Тир-на Ног'тх? Особый фрагмент Тени в реальном мире... небесная проекция Амбера в полный рост? Может быть, целительное средство? Если бы тут не было так много серебра, то ночь в этом уголке души была бы слишком темна... И слишком безмолвна...

Я иду... Минуя фонтаны, скамейки, рощицы, замысловатые беседки, увитые призрачным плющом... по дорожкам... Взбираюсь по лесенкам, прохожу по узеньким мостикам... Мимо прудов под деревьями... мимо незнакомой статуи... мимо циферблата солнечных (тут, наверное, лунных?) часов... Теперь еще направо и вперед... теперь повернуть за северный угол дворца, теперь налево, по двору, над которым нависают балконы... на них полным-полно призраков... да и во дворе их много... и внутри тоже наверняка...

Через двор и снова вокруг дворца — хотя бы для того, чтобы увидеть те сады, что так красивы в лунном сиянии и в истинном Амбере...

Еще фигуры — говорят, стоят... Никто, кроме меня, не движется... Тянет вправо... Какая-то пружинка разжимается и тянет меня туда... Я повинуюсь и иду...

К высокой изгороди... В ней — узенький проход, расчищенный в зарослях... Когда-то, давным-давно, здесь...

Две фигуры — обнимающаяся парочка. Я отвожу взгляд... Они выпускают друг друга из объятий... Не мое это дело, но... Дейрдре! Это Дейрдре! Я знаю, кого она обнимала, он может даже не оборачиваться...

О, жестокая шутка того, кто правит этим безмолвием, этой тишиной... Прочь, прочь назад, прочь от этой изгороди... Я поворачиваюсь, бегу, поскальзываюсь, встаю и шагаю прочь... Быстрее, быстрее...

Голос Рэндома:

— Корвин, ты в порядке?

— Потом, потом, черт подери!

— Скоро рассвет, Корвин. Я решил, что должен напомнить тебе об этом.

— Считай, что напомнил.

Быстрее, быстрее... Время в Тир-на Ног'тхе — тоже призрак и сон. Утешение маленькое, но все же лучше, чем никакое. Быстрее, еще быстрее...

Дворец — прекрасное творение разума и духа... он выглядит, пожалуй, даже реальнее настоящего... Но мне ни к чему судить о его совершенстве — я должен увидеть, что там, внутри. Может быть, там мой конец... я так изнемог. Я даже не остановился подобрать трость у изгороди, когда она упала на серебряную от росы траву... Теперь я ясно понимал, куда должен идти и что делать, хотя логика, двигавшая мною, была далека от той, что правит бодрствующим разумом.

Скорее вверх по лестнице, к заднему порталу... О, опять вернулась боль в боку... Через порог... внутрь...

Свет здесь рассеянный, какой-то бесцельно плывущий, блуждающий... Там, где света нет, лежат глубокие, непроницаемые тени. Не видно ни углов, ни центрального прохода, ни ниши, ни лестницы.

Туда... через тени... уже почти бегом... одноцветье моего дома... Тревога охватывает меня... Черные пятна теней кажутся дырами в ткани реальности... Я боюсь подходить к ним слишком близко... Упаду и провалюсь...

Поворот... Наконец-то... Вот он, вход в тронный зал... Тут темно, и я прочерчиваю взглядом воображаемую линию сквозь мрак к тому месту, где должен быть трон...

А там — какое-то движение...

Я приближаюсь... и что-то плывет вправо...

Плывет и приподнимается...

Я вижу ботинки на чьих-то ногах... Я все ближе и ближе к подножию трона...

В руке моей зажата рукоять Грейсвандира. Мой дивный меч сам ищет хоть лучик света, чтобы возобновить свое загадочное движение... он меняет очертания, начинает светиться сам по себе...

Я опускаю левую ногу на нижнюю ступень подножия, и передо мной постепенно вырисовывается силуэт... Рука — кисти, предплечья, плечи — что за рука? Какому странному металлическому существу она принадлежит? Словно грани драгоценного камня, поблескивают плоскости запястья и изгибы локтя, тонкие нити серебряной проволоки вспыхивают пятнышками огня... Рука, подобная руке скелета... швейцарская игрушка... жуткое металлическое насекомое — живое, смертельно опасное, убийственно красивое...

Оно скользит в сторону, и я вижу человека, которому принадлежит металлическая рука...

За троном стоит Бенедикт, и его левая, настоящая рука спокойно лежит на спинке трона. Он наклоняется вперед. Его губы шевелятся.

Но вот металлическая рука делает движение и... становится видно, кто сидит на троне.

— Дара!

Она поворачивает голову вправо, улыбается, кивает Бенедикту. Губы Дары движутся. Я протягиваю Грейсвандир вперед до тех пор, пока его острие не упирается в ямочку между ее ключицами.

Медленно, очень медленно она поворачивает голову и встречается со мной взглядом. Лицо Дары оживает, наливается краской. Ее губы шевелятся вновь, и теперь я слышу слова:

— Что ты такое?

— Нет. Это мой вопрос. Отвечай. Немедленно.

— Я Дара. Дара из Амбера. Королева Дара. Я восседаю на этом троне по праву крови и наследования. А ты кто такой?

— Я Корвин. Я тоже из Амбера. Не двигайся. Я не спрашивал, кто ты такая. Что ты такое?

— Корвин мертв уже много веков. Я видела его склеп.

— Он пуст.

— Не так уж он пуст. Там лежит тело.

— Какова твоя родословная?!

Взгляд Дары скользит вправо, туда, где по-прежнему стоит призрак Бенедикта. В его новоявленной руке возникает меч, кажущийся ее продолжением, и держит он его свободно, почти небрежно. Его левая рука легла на руку Дары. Его глаза ищут меня за сиянием, излучаемым Грейсвандиром, но не находят. Бенедикт видит только сам Грейсвандир и узнает его...

— Я — праправнучка Бенедикта и адской девы Линтры, которую он любил, а потом зарезал. — Бенедикт вздрагивает от этих слов, однако Дара продолжает: — Я не знала ее. Моя мать и мать моей матери родились в месте, где время течет не так, как в Амбере. Я — первая по материнской линии, в ком проявились все признаки человека. А ты, лорд Корвин, — всего лишь призрак из давно умершего прошлого, всего лишь злобная тень. Как ты сюда пришел, я не знаю. Но ты ошибся. Возвращайся в свою могилу и не тревожь живых!

Моя рука вздрагивает... острие отступает назад примерно на полдюйма... Но этого достаточно.

Бросок Бенедикта — за гранью моего восприятия. Его металлическое плечо ловко направляет кисть, в которой зажат меч, и его меч наотмашь ударяет по Грейсвандиру, а настоящее, живое плечо поднимает живую руку, ту, что лежала на руке Дары... Все это я понимаю чуть позже, когда падаю и снова встаю и наношу парирующий удар — чисто рефлекторно. Как это странно — поединок двух призраков... Но нет, условия неравные. Его меч не может коснуться меня, а вот Грейсвандир...

Нет! Бенедикт перекладывает меч в другую руку, отходит от Дары и делает выпад, зажав рукоять меча обеими руками. Поворот запястья, бросок меча вперед и вниз, мы сходимся... То есть это было бы так, принадлежи наши тела смертным. И все же на миг мечи скрещиваются, и этого мгновения достаточно.

Сверкающая металлическая рука кидается ко мне — вся из лунного света и огня, мрака и гладкой стали... вся угловатая, без округлостей, пальцы согнуты, плоская ладонь, так похожая на живую, настоящую, с серебристым отблеском... она тянется схватить меня за горло...

Но промахивается и цепляется в плечо, а большой палец, судорожно скрючившись, пытается нащупать не то ключицу, не то гортань... Сжав левую руку в кулак, я изо всех сил бью в солнечное сплетение, а там... там пустота...

Голос Рэндома:

— Корвин! Солнце вот-вот взойдет! Тебе надо спускаться!

А я даже не в силах ответить. Секунда-другая — проклятая рука вырвет из меня то, что сжимает... О, эта рука... Грейсвандир и эта так странно похожая на него рука — две вещи, странно сосуществующие в моем мире и в мире призраков...

— Я все вижу, Корвин. Вырвись и иди ко мне. Карту, достань карту, слышишь!

Я освобождаю лезвие Грейсвандира из захвата, замахиваюсь и наношу удар... Только призраку под силу одолеть Бенедикта — вернее, призрак Бенедикта — таким ударом. Мы стояли слишком близко друг к другу, и блокировать Грейсвандир он не мог при всем желании. Но если он ответит мне контрударом, точным контрударом, и попадет по руке — руки у меня не будет.

Но он промахивается, а я завершаю атаку и бью изо всех сил как раз в то место, где мерзкое устройство из серебристой стали присоединяется к призрачному телу Бенедикта. Не выпуская из скрюченных пальцев мое плечо, рука отделяется от Бенедикта и замирает... Мы оба падаем...

— Вставай! Единорогом *заклинаю тебя, Корвин, вставай! Солнце восходит!* Сейчас город вокруг тебя *растает!*

Пол подо мной качается, колеблется, становится полупрозрачным, и я вижу предрассветно-радужные волны. Я встаю, покачиваясь из-за тяжести впившейся в плечо металлической руки. Она висит на мне, словно дохлый клещ... Боль в боку нестерпимая...

И вдруг я обретаю вес. Видение океана не исчезает, а я начинаю просачиваться сквозь пол. К миру вокруг меня возвращаются цвета — волнующиеся полосы розоватых отсветов. Пол, отвергающий Корвина, тает, и подо мной разверзаются глубины, готовые меня проглотить...

Я падаю...

— Сюда, Корвин! Ну же!

На вершине горы стоит Рэндом и протягивает ко мне руки. Я тянусь к нему...

XI

И вот уже жаровни, под которыми не то погасили, не то забыли развести огонь, снова далеко позади...

Мы с Рэндомом расцепились и встали с земли, но я тут же сел на нижнюю из трех каменных ступеней и оторвал от плеча металлическую руку. Крови не было, а вот синяки наверняка появятся. Даже в лучах ласкового утреннего солнца рука выглядела зловеще и отвратительно.

Ганелон и Рэндом стояли рядом.

— С тобой все в порядке, Корвин?

— Да. Дайте только отдышаться.

— Я еды захватил, — сообщил Рэндом. — Можно позавтракать прямо здесь.

— Неплохая мысль.

Рэндом принялся распаковывать провизию, а Ганелон носком ботинка пнул металлическую руку.

— Это что еще за мерзость? — спросил он.

Я покачал головой и ответил:

— Я ее отрубил у призрака Бенедикта. Сам не пойму как, но она ухитрилась в меня вцепиться.

Ганелон подобрал руку с земли и стал ее разглядывать.

— А она намного легче, чем я думал, — сообщил он и взмахнул металлическим протезом. — Да, такой рукой можно дел наделать — о-го-го!

— Знаю.

Ганелон повертел стальную кисть, согнул и разогнул пальцы.

— А может, она настоящему Бенедикту сгодится?

— Может быть, — согласился я. — Правда, как подумаю о том, чтобы предложить ему эту штуку... просто не знаю... Хотя, наверное, ты прав.

— А твоя-то рана как?

Я осторожно прикоснулся ко шву.

— Да не так уж паршиво. Могло быть и хуже. После завтрака смогу ехать верхом, но не очень быстро.

— Ладно. Слушай, Корвин, пока Рэндом там с едой возится, мне бы хотелось тебя спросить кое о чем. Может, и не стоит спрашивать, да только мне это покоя не дает.

— Спрашивай.

— Ага. Я тебе, Корвин, вот что скажу: я душой и телом за тебя, иначе бы только меня здесь и видели. Я буду биться за тебя, чтобы ты получил свой трон и все такое прочее. Только... всякий раз, как заходит разговор о наследовании, все злятся и начинают говорить о другом. Вот ты сейчас там был, наверху, а я с Рэндомом попробовал на эту тему потолковать — дохлый номер. Не могу сказать, что мне до смерти необходимо узнать, чего это ты так стремишься сесть на трон и какие у тебя для этого основания, просто любопытно, почему вы всю дорогу грызетесь из-за этого.

Я тяжело вздохнул и некоторое время сидел молча.

— Ладно, — проговорил я. — Ладно. Коли уж мы сами в этом разобраться не можем, чужому, пожалуй, и вовсе тяжко придется. Значит, так: Бенедикт — старший. Его матерью была Цимнея. Она родила отцу еще двоих сыновей — Озрика и Финндо. Потом... как это пишется в родословных... ага, Файелла родила Эрика. После этого отец усмотрел в своем супружестве с Цимнеей какие-то недостатки и развелся с ней — ab initio*, как сказали бы древние в той Тени, где я жил так долго. То бишь объявил брак недействительным. Ловко сработано. Но он как-никак был королем.

— Выходит, все дети от этого брака считаются незаконнорожденными?

— Ну, скажем так: их положение стало менее определенным. Озрик и Финндо, похоже, не на шутку рассердились, но они вскоре погибли. А Бенедикт не то меньше сердился, не то повел себя более дипломатично. Шума, во всяком случае, не поднял. А потом отец женился на Файелле.

— И Эрик стал законнорожденным?

— Стал бы, если бы отец признал его своим сыном. Относился-то он к нему, словно так оно и было, но никаких формальных шагов по этому поводу не пред-

принимал. Тут еще требовалось улаживать отношения с семейством Цимнеи — не все было гладко...

— И все-таки, если он относился к Эрику как к своему...

— Угу. Но он взял да и признал Ллевеллу — дочь от внебрачной связи, бедняжку. Все, кто поддерживал Эрика, возненавидели ее за это, считая, что факт признания сказался на положении Эрика. Как бы там ни было, Файелла вскоре снова должна была родить, и родился я. Меня отец признал, так что я стал первым законным престолонаследником. Поговори об этом с кем угодно из остальных и услышишь самые разные мнения. Но факт есть факт. Сейчас, правда, это не так уж важно, поскольку Эрик мертв, а Бенедикт, похоже, не слишком интересуется... Ну, словом, таково мое положение.

— Ясно, — кивнул Ганелон. — Более или менее. Но тогда еще одно...

— Что?

— Кто следующий? Ну, если с тобой что-то случится?..

— Вот тут все намного сложнее. Следующим должен быть Кейн, но он мертв, и чаша весов склоняется в сторону потомства Клариссы — ее рыжеволосых отпрысков: Блейз, потом Брэнд.

— Что еще за Кларисса? А с твоей матерью что стало?

— Она умерла при родах. Так на свет появилась Дейрдре. Отец после смерти матери долго не женился. Но в конце концов вступил в брак с рыжеволосой красоткой из какой-то далекой южной Тени. Мне она никогда не нравилась. Отцу она скоро тоже разонравилась, и он начал погуливать. Правда, они как-то сошлись вскоре после того, как в Ребме родилась Ллевелла, и в итоге на свет появился Брэнд. Когда же отец наконец развелся с Клариссой, то признал Ллевеллу — наверное, для того, чтобы Клариссу уязвить. По крайней мере, я так думаю.

— А женщины, значит, в наследовании не учитываются?

— Нет. Но если их учитывать, то перед Блейзом должна идти Фиона, а за ним — Ллевелла. А после Клариссиных отпрысков наследование переходит к Джулиану, потом — к Джерарду, а потом — к Рэндому. Вот так. О, прости, перед Джулианом надо поставить Флору. Тут, конечно, дата женитьбы отца имеет еще большее значение, но очередность никто не оспаривает. Так что вот так все обстоит. Доволен?

— Вполне, — кивнул Ганелон. — Значит, теперь, если ты умрешь, трон достанется Брэнду?

— Ну... Брэнд — предатель и сам в этом сознался. К тому же он ни с кем не умеет ладить. Я не верю, что остальные захотят видеть его королем — таким, каков он сейчас. Но я точно так же не верю, что он отказался от мысли о престоле.

— Тогда, значит, Джулиан?

Я пожал плечами:

— Мне лично он не по сердцу, однако это вовсе не означает, что он никуда не годится. На самом деле из него мог бы выйти весьма деятельный монарх.

— Вот он-то тебя кинжальчиком и пырнул, чтобы доказать, какой он деятельный, — встрял в нашу беседу Рэндом. — Идите-ка есть.

— Нет, вряд ли, — сказал я, поднимаясь с камня и ковыляя к тому месту, где Рэндом разложил на земле еду. — Во-первых, непонятно, как он мог попасть ко мне в комнату. Во-вторых, это уж как-то больно очевидно. В-третьих, если мне суждено отправиться на тот свет в ближайшем будущем, свое слово о наследова-

нии может сказать Бенедикт. И это всем известно. Он самый старший, умен, и сил у него предостаточно. Бенедикт может запросто заявить: «Пошли вы все к чертям собачьим со своими интригами, я решил поддержать кандидатуру Джерарда». И все. И будет так.

— А что, если он передумает и сам заявит права на престол? — спросил Ганелон.

Мы уселись на землю и разобрали оловянные тарелки, которые Рэндом наполнил едой.

— Он бы давно уже это сделал, если бы хотел, — сказал я. — Положение сына от расторгнутого и признанного недействительным брака можно рассматривать по-разному, но чаще всего оно однозначно. Озрик и Финндо потребовали справедливости и поплатились за это. Бенедикт лучше знал, как себя вести, он просто ждал. Так что... Не исключено. Но — маловероятно.

— Значит, при условии, что с тобой что-то случится, вопрос снова повиснет в воздухе?

— Еще как повиснет.

— Но Кейна-то зачем убрали? — задумчиво проговорил Рэндом. Проглотив кусок, он сам же и ответил на свой вопрос: — А затем, чтобы после того, как разделаются с тобой, власть перешла бы к потомкам Клариссы. Знаешь, я вдруг подумал, что Блейз, может быть, еще жив, а он-то по очередности следующий. Ведь его тело так и не нашли. Я вот что думаю: во время твоей атаки на Амбер он перескочил через карту к Фионе и принялся собирать войско в Тенях, будучи уверенным в том, что ты непременно падешь от руки Эрика. В конце концов он приготовился к очередному шагу. Его союзники убили Эрика и совершили покушение на тебя. И если эта компашка действительно сговорилась с тварями с Черной дороги, то самое разумное сейчас для них — готовить оттуда новую атаку. Блейз мог бы поступить точно так же, как в свое время ты, — явиться в последний миг, отбить нападающих и войти в Амбер. Вот и все: и очередность соблюдена, и сила доказана. Все просто. Только... ты уцелел, и Брэнд вернулся. Если верить тому, в чем Брэнд винит Фиону, все сходится, все укладывается в их первоначальный план.

— Может быть. Я спрашивал Брэнда про Блейза. Он не исключает такой возможности, но сказать наверняка не может. Или не хочет. Лично я думаю, что он врет.

— Почему?

— Понимаешь, Брэнд, может быть, подумывает отомстить за свой плен и покушение на него. Ведь убери он Блейза, он двух зайцев разом убивает: отомстит за себя да еще избавится от соперника. Видимо, он рассчитывает на то, что я приму обрисованную им картину Черной дороги. Уничтожение бывших приспешников и победа над тварями с Черной дороги выставят Брэнда в неплохом свете, особенно если учесть его добровольное признание. Наверное, он надеется, что тогда у него появится шанс.

— Значит, тебе тоже кажется, что Блейз еще жив?

— Есть такое. Да, — кивнул я, — пожалуй.

— А в чем они преуспели, кстати говоря?

— В повышении квалификации. Что-то вроде аспирантуры. Фиона и Брэнд вертелись около Дворкина, в то время как мы, все остальные, предавались пол-

ному набору страстей в Тенях. Ну и, похоже, они поднаторели в волшебстве и всех нас переплюнули. Эта компашка больше нас знает о Тенях и о том, что лежит за их пределами, и о Пути, и о картах. Потому-то Брэнду и удалось вызвать тебя без карты.

— Интересная мысль... — задумчиво проговорил Рэндом. — А как ты думаешь, они могли потом избавиться от Дворкина, когда решили, что узнали от него достаточно? Если бы что стряслось с отцом, они бы стали хозяевами положения, так ведь?

— Я об этом не думал, — произнес я.

А подумал я вот о чем: не могли ли Брэнд с Фионой сотворить что-то с сознанием Дворкина и превратить его в того безумного старикашку, каким я видел его в последний раз? Если так, известно ли им, что он еще жив? И где он теперь? Или они в конце концов разделались с Дворкином?

— Да, мысль интересная, — сказал я вслух. — Это весьма вероятно.

Солнце поднималось все выше над морем. Завтрак придал мне сил. Утренний свет рассеял все воспоминания о Тир-на Ног'тхе, осталось только что-то вроде отражения в пыльном зеркале. Ганелон отдал Рэндому единственное свидетельство моего визита в небесный город — металлическую руку, и Рэндом уложил ее в мешок вместе с посудой. В свете дня ступени на вершине горы стали больше похожи на самую обычную груду камней.

— Вернемся той же дорогой? — спросил Рэндом.

— Да, — сказал я, и мы взобрались в седла.

Сюда мы добирались по тропе, завивающейся вокруг Колвира к югу, — не самый ближний путь, зато ровный. Можно было бы поехать через перевал, но бок у меня побаливал и истязать себя тряской не хотелось.

В общем, мы поехали направо, друг за другом: впереди — Рэндом, позади — Ганелон. Тропа поначалу делала плавный подъем, потом шла на спуск. В прохладном утреннем воздухе витали ароматы свежей зелени и сырой земли — довольно странные запахи для такой высоты и таких суровых мест. Прикинув, откуда дует ветер, я решил, что ароматы доносятся снизу, из далекого леса.

Мы пустили лошадей медленным шагом вниз и на подъем. Взяв подъем, конь Рэндома громко заржал и попятился. Рэндом довольно быстро управился с конем, а я, оглядевшись по сторонам, не заметил ничего такого, что могло бы напугать животное.

Рэндом натянул поводья, обернулся и крикнул:

— Восход-то каков, а?! Нет, ты посмотри!

С чего бы это Рэндому так сентиментальничать? Красоты природы никогда на него особо не действовали.

Однако, одолев подъем, я придержал и Стара, и себя самого: в небесах стоял фантастический золотой шар солнца, в несколько раз больше, чем обычно, и совершенно невообразимого цвета. Его лучи играли и переливались на полоске океана, открывшейся на горизонте за следующим подъемом, а небо и облака поражали тончайшими оттенками красок. Смотреть на эту картину долго я не смог — яркий свет до боли слепил глаза.

— Потрясающе! — крикнул я в спину Рэндому, направляя Стара вниз по откосу. Позади что-то восхищенно пробурчал Ганелон.

Проморгавшись, я обратил внимание на то, что, пожалуй, растительность кругом почему-то стала гуще — я в этих местах такой не помнил. В памяти у меня сохранилось всего лишь несколько суковатых деревьев да пятна сухих лишайников на камнях. Теперь же тут росло несколько десятков деревьев, они были выше, и гуще, и зеленее, чем мне помнилось. Тут и там пестрели лужайки, скалы поросли лозами дикого винограда, сглаживающими их острые выступы. Правда, после моего возвращения в Амбер я по этим местам ездил только в темноте. Наверное, подумал я, отсюда и исходили те самые ароматы.

Мы ехали по дну лощины, и она казалась мне шире и просторнее, чем та, что я вроде бы помнил. К тому времени как мы пересекли ее и пустили коней вверх по склону, я уже перестал сомневаться.

— Рэндом! — окликнул я брата. — Тебе не кажется, что здесь все изменилось?

— Трудно сказать, — отозвался Рэндом. — Эрик меня на прогулки не пускал. Но, похоже, подзаросло тут, это точно.

— И лощина шире стала.

— Верно. Только я подумал, что это мне лишь кажется.

Кони одолели новый подъем, но теперь солнце не ударило по глазам, как в прошлый раз. Его затянуло легкой дымкой. Впереди, внизу, тянулся овраг, еще гуще поросший деревьями, чем та лощина, из которой мы только что выбрались. Деревья росли сплошной стеной — высокие, ветвистые. Мы натянули поводья.

— Не помню такого места, — пробормотал Рэндом. — Правда, мы ночью ехали, но все равно... тут мы не проезжали. Я бы запомнил. Наверное, мы не там свернули.

— Как это можно было не там свернуть? — удивился я. — Мы же представляем, где мы. Я бы предпочел ехать вперед, а не возвращаться наверх и начинать все по новой. Правда, нельзя забывать о том, что творится вокруг Амбера.

— Верно.

Рэндом пришпорил коня и пустил его по склону вниз, к лесу. Мы с Ганелоном последовали за ним.

— Странно как все-таки, — промолвил Рэндом, обернувшись. — На такой высоте — такая растительность.

Как только мы въехали под деревья, тропа повернула влево. Откуда взялся этот поворот, я в толк взять не мог. Вскоре тропа снова повернула — на этот раз вправо. Возвращаться назад хотелось все меньше. Деревья, вблизи оказавшиеся еще более высокими, чем выглядели сверху, росли теперь так густо, что порой между ними нельзя было проехать.

Повернув еще раз, тропа стала шире и пошла прямо. Пожалуй, она стала слишком широкой — настоящая дорога, а не тропа.

Рэндом снова придержал коня.

— Проклятье, Корвин! — воскликнул он. — Ты, часом, не играешь в какие-нибудь игры, а?

— Не смог бы, даже если бы захотел, — ответил я. — Играть с Тенями на Колвире мне никогда не удавалось. Их тут и быть не должно, по идее.

— Я тоже всегда так думал. Амбер отбрасывает Тени, но сам из них не состоит. Слушай, не нравится мне все это. Что скажешь? Может, вернуться?

— У меня такое чувство, что обратной дороги мы не найдем, — ответил я. — Похоже, у происходящего есть какая-то причина, и я хочу узнать какая.

— А мне кажется, что это ловушка.

— Не исключено, — кивнул я.

Рэндом пришпорил коня, и мы поехали шагом по тенистой дороге под деревьями, что стали теперь еще выше и гуще. Было тихо. Тропа ровно, не изгибаясь, шла вперед. Почти бессознательно мы пустили коней в галоп.

Прошло минут пять, прежде чем мы снова заговорили.

— Корвин, это не Тень, — сказал Рэндом. — Этого не может быть.

— Почему «не может быть»?

— А я попробовал поработать с ней, но ничего не вышло. А ты не пытался?

— Нет.

— Ну, попробуй.

— Хорошо.

«Пускай за деревом возникнет острая скала... Пускай луч солнца оживит вот те колючие кусты... Над ними пусть блеснет полоска синяя небес с прозрачным облачком на ней... А дальше поперек тропы пусть ляжет мхом поросший ствол... и по нему пускай бежит сырая лесенка грибов... ну, лужица еще, а в ней лягушка на дне... Корявый сук... и листопад... шум ветра... щелканье семян... Нависший над тропою сук... но не над этою тропою, над другой, что ляжет перед нами... вот на нее, вертясь, ложится легкое перо...»

— Никакого толку, — вздохнув, проговорил я.

— Но если это не Тень, что же это тогда такое?

— Что-то другое, естественно.

Рэндом помотал головой и прикоснулся к рукояти меча. Я тоже инстинктивно проверил, легко ли вынимается из ножен Грейсвандир. Позади меня лязгнуло оружие Ганелона.

Тропа впереди стала сужаться и вскоре начала петлять. Мы вынуждены были пустить коней шагом. Деревья подступали к тропе все ближе, ветви их свисали все ниже. Тропа извивалась и извивалась... вот она повернула в последний раз и... исчезла.

Рэндом пригнулся под нависшей веткой, поднял руку и остановил коня. Мы с Ганелоном тоже остановили коней. Все. Никакой тропы впереди. Я оглянулся. Позади тропы тоже не было.

— Так... — сказал Рэндом. — Давайте думать. Теперь мы не знаем, ни откуда приехали, ни куда едем, и, разумеется, понятия не имеем, где находимся. Я вот что предлагаю: к чертям всякое любопытство. Давайте мотать отсюда, и побыстрее. Единственно возможным способом.

— Через карты? — уточнил Ганелон.

— Да. Что скажешь, Корвин?

— Ладно. Мне этот вариант, честно говоря, не очень нравится, но ничего другого я придумать не могу. Давай.

— Кого вызвать? — спросил Рэндом, вынимая из кармана коробку. — Может, Джерарда?

— Да.

Он вытащил колоду, нашел карту Джерарда и стал на нее смотреть. А мы с Ганелоном смотрели на Рэндома. Время шло.

— Ничего не выходит, — признался Рэндом через некоторое время.

— Попробуй вызвать Бенедикта, — посоветовал я.

— Ладно.

Все то же самое. Связи не было.

— Попытайся вызвать Дейрдре, — сказал я и вынул свою колоду. — А я к тебе присоединюсь. Может, вдвоем лучше получится.

И снова то же самое. В ответ на все наши усилия — тишина.

Рэндом недовольно пробурчал что-то.

— У тебя с картами все в порядке? — спросил он.

— Нет. Но что с ними, не пойму. Они... какие-то другие.

— Мои вроде бы не такие холодные, как обычно, — сказал Рэндом.

— И мои тоже, — согласился я. — Точно. Но давай все-таки еще разок попробуем. Ну, скажем... Флору попробуем вызвать.

— Давай.

Результат тот же. Не отвечали ни Флора, ни Ллевелла, ни Брэнд.

— Понимаешь что-нибудь? — спросил Рэндом. — Что может быть не в порядке?

— Ни малейшей идеи! Не могли же они все заблокироваться. И умереть все разом не могли... То есть нет, в принципе, конечно, могли. Но это весьма и весьма маловероятно. Похоже, что-то подействовало на сами карты. Я даже не представлял, что такое возможно.

— Ну, судя по инструкции производителя, гарантия качества не стопроцентная, — произнес Рэндом.

— Значит, ты знаешь что-то такое, чего не знаю я.

Рэндом усмехнулся.

— Всем нам памятен день совершеннолетия и первого прохода по Пути, — сказал он. — Я все помню так отчетливо, словно это было в прошлом году. Когда я сделал свое дело и весь просто горел от восторга, Дворкин вручил мне мою первую колоду карт и проинструктировал насчет пользования. Я хорошо помню, что спросил его, везде ли они работают одинаково. И помню его совет. «Нет, — вот что он мне ответил. — Но тебе они послужат в любом месте, куда бы ты ни попал», — добавил он. Ты знаешь, он меня никогда особо не жаловал.

— А ты спросил у него, что он под этим подразумевал?

— Спросил. А Дворкин ответил: «Сомневаюсь, чтобы ты когда-либо дожил до такого состояния, чтобы карты отказались служить тебе. Почему бы тебе прямо сейчас не испытать их?» И, естественно, я последовал его совету. Мне не терпелось как можно скорее побаловаться с картами.

— «Дожить до состояния» — так и сказал? Не «добраться до места»?

— Да, так и сказал. У меня на такие вещи память отменная.

— Забавно... хотя не вижу, чем бы это могло нам помочь. Какая-то метафизика.

— А вот Брэнд, наверное, знает, что тут к чему.

— Очень может быть, но нам это тоже ничего не дает.

— Надо что-то делать, а не философией заниматься, — вступил в разговор Ганелон. — Раз вы лишились способности управлять Тенями, раз карты отказываются вам служить, значит, первым делом надо определить, где мы находимся. А потом искать помощи.

— Ну, если мы не в Амбере, — сказал я, — то логично предположить, что мы где-то еще, в какой-то Тени, например, в каком-то особенном месте, и притом совсем недалеко от Амбера — ведь изменения произошли очень резко, почти вне-

запно. Перенеслись мы сюда без сколь-либо активного участия с нашей стороны, значит, кто-то это сделал и имеет в отношении нас какие-то намерения. Если этот кто-то собирается напасть на нас, сейчас самое подходящее время. Если этот кто-то хочет чего-то другого, значит, он собирается нам что-то показать, но вот что — догадаться невозможно.

— Значит, ты предлагаешь ничего не делать?

— Я предлагаю подождать. Не вижу смысла в том, чтобы бродить наугад. Мы только еще сильнее заблудимся.

— Послушай... — проговорил Ганелон. — А помнишь, ты мне как-то говорил, что соседствующие Тени вроде бы способны проникать одна в другую или что-то в этом роде?

— Говорил, наверное. И что?

— Тогда, если мы действительно недалеко от Амбера, нам надо ехать на восток, чтобы добраться до той параллели, на которой находится город.

— Не думаю, чтобы все было так просто. Ну, допустим, это у нас получится. Что тогда?

— Может быть, в точке максимального приближения карты снова заработают?

Рэндом посмотрел на Ганелона и перевел взгляд на меня.

— Попробовать невредно, — произнес он. — Что нам терять?

— У нас не так много ориентиров, — сказал я. — А вообще мысль неплохая. Если здесь с нами ничего не случится, можно попробовать. Правда, как оглянешься... Такое впечатление, что дорога позади сокращается в прямой пропорции по отношению к пройденному нами расстоянию. Мы не просто перемещаемся в пространстве — тропа словно сматывается. В таких обстоятельствах я бы предпочел ехать до тех пор, пока не пойму, что дальше ехать некуда. Если кому-то нужно, чтобы мы попали в какое-то определенное место, то это уж его дело — выразить приглашение в более понятной форме. Давайте немного подождем.

Оба мои спутника кивнули. Рэндом уже начал было спешиваться, да так и замер: одна нога на земле, другая — в стремени.

— Столько лет прошло... — проговорил он. — Ведь никогда в это по-настоящему не верил...

— Что это? — прошептал я.

— Наша цель, — ответил Рэндом и взлетел в седло.

Он пустил коня шагом. Я последовал за ним и через несколько мгновений увидел то, что видел Рэндом.

Это был он — такой же ослепительно белый, как тогда, в роще. Единорог стоял, наполовину скрытый от глаз густыми зарослями кустарника.

Услышав поступь коней, Единорог обернулся и поскакал прочь, но вскоре снова остановился за стволами деревьев.

— Вижу! — взволнованно прошептал Ганелон. — Подумать только... Чтобы такой зверь на самом деле существовал! Это же эмблема вашего семейства, верно?

— Да.

— Ну, тогда это, наверное, добрый знак.

Я промолчал. Мы медленно ехали вперед, стараясь не терять Единорога из виду. Я не сомневался: он хочет, чтобы мы следовали за ним.

Он бежал и останавливался, но никак не показывался целиком — откуда-то выглядывал, перебегал от укрытия к укрытию, мчался вперед легко и быстро, избегал открытых участков, предпочитая заросли и тень. А мы ехали и ехали за ним, забираясь все глубже в лес, который с каждым шагом все меньше напоминал местность на склонах Колвира. Уж если это и было на что похоже, так скорее на Арденский лес.

Мы ехали, по моим подсчетам, уже примерно час и вскоре приблизились к неширокому прозрачному ручейку. Единорог обернулся и помчался по его берегу против течения.

Рэндом отметил:

— А ведь как будто что-то знакомое...

— Да, — подтвердил я. — Но только «как будто». А почему — никак не пойму.

Дорога пошла на подъем. Коням стало трудно поспевать, но Единорог словно почувствовал это и сбавил прыть. Под копытами коней попадались камни, деревья стали ниже. Ручей шумел и плескался, непрерывно петляя. Я уже устал считать его коленца, когда мы приблизились к вершине небольшого холма.

Дальше дорога пошла по ровному лесу, из которого вытекал ручей. Краешком глаза я заметил через просвет среди деревьев нечто, что меня сильно удивило: ослепительно голубую гладь океана — далеко внизу. Наверное, то же самое увидел и Ганелон, поскольку проговорил:

— Ну и высоко же мы забрались. Вроде бы все по низинам ехали, а тут...

— Роща Единорога! — прервал его Рэндом. — Вот на что это похоже! Смотрите!

И он не ошибся. Впереди лежала ровная площадка, усеянная валунами. Посреди них из земли бил ключ, дававший начало ручью, по берегу которого мы ехали. Мой внутренний компас говорил мне, что поляна на самом деле должна быть не столь широкой и расположена иначе, но сходство было поистине потрясающее. Простое совпадение? Вряд ли.

Единорог взбежал на невысокую скалу около ручья, посмотрел на нас и отвернулся. Может быть, он смотрел вниз, на океан?

И стоило нам только тронуться вперед, как и камень, и Единорог, и деревья вокруг, и ручеек позади — все приобрело какую-то необычную ясность, резкость очертаний, словно стало испускать свой собственный свет, и способность заставлять все кругом светиться исходила от нас. А на границе зрения свет дрожал и колебался — так плывет мимо тебя все, когда с бешеной скоростью скачешь на коне.

Мой жеребец шагал вперед, и с каждым его шагом что-то исчезало из окружающего мира. Внезапно между нами и окружающими нас объектами началась перестройка взаимосвязей, исчезало чувство объемности, нарушались перспектива и оценка расстояния. Все стало каким-то плоским, одномерным, лишилось площади. Конь Рэндома встал на дыбы и громко заржал. Зрелище вышло поистине апокалиптическое: я вспомнил «Гернику»*. Увы, я заметил, что странные кубистические изменения коснулись и нас самих: и Рэндом, пытавшийся обуздать обезумевшего коня, и Ганелон, не давший своему Дракону вздыбиться, выглядели по меньшей мере странно — все из прямых линий и углов.

Впрочем, Стар во многих передрягах побывал, да и Дракон был бравым жеребцом. Мы с Ганелоном покрепче прижались к коням и почувствовали, что зем-

ля движется... Что же это такое? Рэндому наконец удалось справиться со своей лошадью. А перспектива все искажалась и искажалась...

А потом вдруг резко изменилось освещение. Небо почернело, как ночью, но стало похоже на плоскую, не отражающую света поверхность. Точно такими же стали и пустые участки между объектами. Свет теперь исходил от самих объектов. Все плоскости испускали белое свечение разной интенсивности, и, горя ярче всего вокруг, ставший вдруг громадным и странным, Единорог поднялся на дыбы, ударил передними копытами по воздуху... Казалось, он уничтожит нас, если мы сделаем хоть один шаг.

А потом был только свет.

А потом все замерло.

А потом свет исчез и не осталось совсем ничего — даже черноты. Какой-то разрыв существования, длившийся не то краткий миг, не то целую вечность...

А потом и мрак и свет вернулись. Но только... поменялись местами. Свет заполнил внутренние объемы предметов.

Первое, что я услыхал, был звук бегущей воды, и я понял, что мы все еще у родника. Первое, что я почувствовал, — дрожь, бьющая моего чалого. А потом до меня донесся запах моря.

А потом у меня перед глазами возник Путь... или нет: его искаженный негатив.

Я наклонился вперед — и края предметов осветились более ярко. Откинулся назад — и свет исчез. Снова склонил голову, сильнее, чем в первый раз...

Свет рассеивался. В картине мира появились оттенки серого цвета. Осторожно, почти нежно я сжал коленями бока Стара, понуждая жеребца шагнуть вперед.

Мир вокруг оживал, обретал привычные цвета, очертания, формы...

Я слышал — мои товарищи тронулись в путь позади меня. Далеко внизу виднелся Путь, совсем не таинственный, сам становящийся объяснением той удивительной трансформации, что произошла с миром вокруг нас.

Мы спускались по склону, и вот уже вернулось ощущение перспективы... Море, отчетливо видимое справа, зримо отделялось от неба — всего мгновение назад это было нечто единое Urmeer*, — и вверху вода, и внизу... отражение от отражения... Мы ехали по каменистому гребню — вероятно, он начинался от дальнего конца рощи, в том месте, куда нас подвел Единорог. Приблизительно в ста метрах внизу лежала удивительно ровная площадка — громадный монолитный каменный овал, по длинной оси что-то около двухсот метров. Гребень, по которому мы ехали, падал влево и снова вздымался, описывая высокую дугу, обнимающую площадку внизу. По левую сторону дуги ничего не было — то есть, вернее сказать, она полого спускалась к незнакомому морю.

Все три измерения вдруг сплотились воедино. Солнце превратилось в величественный золотой шар — такой, какой мы уже видели раньше. Небо обрело такую глубокую синеву, какой никогда не бывало над Амбером, и ни единой тучки не плыло по нему. Таким же синим-пресиним было море, и на нем — ни паруса, ни островка. Не летали птицы. Стояла тишина, которую не нарушали никакие звуки, кроме тех, что производили мы сами. Удивительная, всепоглощающая тишина. И наконец сознание мое прояснилось окончательно, и на лежащий внизу каменный овал легли линии Пути.

Поначалу мне показалось, что он как бы нарисовался на камне, но, когда мы спустились пониже, я увидел, что линии лежат внутри — золотисто-розовые скрижали, похожие на изгибы рисунка экзотического мрамора. Несмотря на очевидную искусственность, линии Пути казались совершенно естественными.

Я натянул поводья Стара, мои спутники тоже придержали коней. Рэндом стал справа от меня, Ганелон — слева.

И мы долго молча смотрели вниз. Черный разлом с резкими грубыми краями рассекал овал от центра до края.

— Знаешь, — наконец вырвалось у Рэндома, — такое ощущение, словно кто-то срезал верхушку Колвира — всю гору до самых подземелий.

— Точно, — отозвался я.

— Значит, если так, то там и должен лежать Путь.

— Верно, — согласился я.

— А этот черный разлом уходит к югу, откуда идет Черная дорога.

Я медленно кивнул, обретая понимание, которое постепенно переходило в уверенность.

— Но что же это значит? — потрясенно проговорил Рэндом. — Все соответствует истине, но... Ничего не понимаю. Зачем мы попали сюда, зачем нам показывают все это?

— «Соответствует истине» — не те слова, — сказал я. — Все так и есть.

Ганелон повернул к нам голову.

— В той Тени, на Земле, где мы с тобой побывали и где ты прожил так долго, Корвин, — сказал он, — я слыхал стихотворение о дороге в лесу, о развилке дорог, точнее. Кончалось оно так: «Я по нехоженой пошел, и стало все иным»*. Когда я услыхал его, это стихотворение, мне припомнилось то, что ты однажды мне сказал: «Все дороги ведут в Амбер». Я думал об этом потом... да и теперь думаю... Для вас-то есть разница или нет, какую из двух дорог выбрать? Для вас, людей одной крови, которых в конце должно ждать одно и то же?

— Понимаешь? — спросил я. — Понимаешь, Ганелон?

— Думаю, да, — кивнул он и вытянул руку. — Значит, там внизу — самый настоящий Амбер?

— Да, — ответил я. — Да, настоящий.

РУКА ОБЕРОНА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖО ХОЛДЕМАНУ — В ПАМЯТЬ О ДРУЖБЕ И АРТИШОКАХ

Перевод с английского И. Тогоевой

© И. Тогоева, перевод, 2004

I

Яркая вспышка в памяти моей, подобная этому странному солнцу...

Ага, вот он... Раскинулся в солнечных лучах, хотя прежде я видел его только в темноте, где он светился лишь собственным светом — Путь, Великий Путь Амбера, огненный лабиринт на полукруглой площадке, расположенной то ли ниже, то ли выше загадочного моря-неба.

...И я понял — скорее всего благодаря той нерасторжимой связи, что существовала между мной и Путем, — что он Подлинный. То есть Путь в Амбере — всего лишь его тень, хотя и самая первая. А значит...

Значит, и Амбер, и Ребма, и Тир-на Ног'тх никогда и не могли быть перенесены куда-либо вне пределов нашего мира, и место, которого мы достигли, являлось, согласно закону первородства, Подлинным Янтарным королевством.

Я повернулся к улыбающемуся Ганелону; его борода и буйная шевелюра словно плавились в безжалостном свете солнца.

— Откуда ты узнал? — спросил я его.

— Видишь ли, у меня хорошо развито чувство предвидения, Корвин, и я помню все твои рассказы об Амбере: как тени самого Королевства способны перемещаться по Теням, подобно тем твоим врагам, с которыми ты не раз сражался. Я часто задавал себе вопрос: а не могло ли что-то из мира Теней отбросить внутрь самого Амбера столь страшную тень, как Черная дорога? И мне это показалось возможным, однако лишь под воздействием могучей, неведомой нам силы. — Ганелон показал на лежавший перед нами Огненный Путь. — Вот вроде этого.

— Продолжай, — сказал я.

Выражение лица его переменилось, и он пожал плечами:

— Ну и в таком случае просто обязан существовать уровень реальности глубже амберского. Там, собственно, и творилось все зло. Твой покровитель Единорог привел нас, похоже, именно туда, куда надо, а вон то черное пятно посреди Пути выглядит как результат совершенного злодеяния. Ты согласен со мной?

Я кивнул.

— Я ошеломлен скорее твоей восприимчивостью, нежели тем логическим заключением, которое ты сделал, — сказал я ему.

— Черт побери! — вмешался и Рэндом, стоявший справа от меня. — Если честно, ощущение первозданности этого мира проняло меня до самых кишок — как бы это поделикатнее выразиться... И я действительно верю, что основа, фундамент Амбера именно там, внизу, перед нами!

— Человеку со стороны порой виднее, чем тем, кто в этом мире существует непосредственно, — задумчиво проговорил Ганелон.

Рэндом глянул на меня и снова перевел взгляд на раскинувшийся перед нами Путь.

— Как ты думаешь, Путь будет еще меняться, если мы спустимся и рассмотрим получше? — спросил он.

— Это все равно единственный способ хоть что-то понять, — сказал я.

— Тогда идем гуськом, — кивнул Рэндом. — Я впереди.

— Хорошо.

Рэндом повернул коня сперва направо, потом налево, потом снова направо, двигаясь резкими зигзагами, точно по бесконечным «американским горкам». Ехали мы в том же порядке, что и в течение всего дня, — я за Рэндомом, а Ганелон последним.

— Сейчас вроде бы стабильно, — крикнул, оборачиваясь, Рэндом.

— Да, вроде бы, — откликнулся я.

— Там, внизу среди скал, какой-то просвет.

Я наклонился вперед. На одном уровне с овальной площадкой и чуть сзади и правее нас виднелся вход в пещеру. Ее совершенно невозможно было заметить с того выступа наверху, откуда мы любовались Огненным Путем.

— Мы должны пройти весьма близко от нее, — сказал я.

— ...и как можно быстрее, осторожнее и тише, — добавил Рэндом, обнажая клинок.

Я вытащил из ножен Грейсвандир; Ганелон у меня за спиной тоже приготовил оружие.

Мы не стали сразу выезжать на открытое пространство, а еще раз свернули влево. Мы проехали в десяти—пятнадцати футах от входа в пещеру, однако я уловил доносившийся оттуда неприятный запах, определить который не смог. Лошади, похоже, разобрались в ситуации лучше меня, а может, просто были пессимистами от рождения, потому что прижали уши, раздули ноздри и стали тревожно ржать, всхрапывать и упираться, не желая слушаться поводьев. Впрочем, они мгновенно успокоились, стоило нам в очередной раз свернуть в сторону, противоположную пещере, и были спокойны до тех пор, пока мы не достигли конца спуска и не начали движение в направлении разрушенного Пути. Однако к нему лошади просто наотрез отказывались приближаться.

Рэндом спешился. Затем подошел к краю светящегося волшебного узора, постоял, помолчал, глядя на него, и наконец проговорил, не оборачиваясь:

— Похоже, в данном случае Путь разрушен умышленно.

— Похоже, что так, — откликнулся я.

— Так же очевидно, что и нас завели сюда с определенной целью.

— И я того же мнения.

— Не требуется слишком богатого воображения: мы здесь для того, чтобы выяснить, каким образом был разрушен Путь и как можно его исправить.

— Возможно. И ты уже успел поставить диагноз?

— Пока нет.

Рэндом двинулся по периметру площадки, на которой светился Путь, — дальше, вправо, туда, откуда доносился тот самый запах. Я снова сунул меч в ножны и приготовился спрыгнуть на землю, но Ганелон подъехал ближе и сжал мое плечо.

— Я вполне могу и сам... — начал было я, однако он беспокоился не обо мне.

— Корвин, там, примерно на середине Пути, что-то явно не в порядке. И эта штука выглядит так, будто не имеет ни малейшего отношения...

— Где? Какая штука?

Он показал, и я внимательно присмотрелся. Да, там действительно виднелся какой-то совершенно посторонний предмет. Палка? Камень? Скомканная бумага? С такого расстояния определить было невозможно.

— Теперь вижу, — сказал я.

Мы оба спешились и пошли к Рэндому, который к тому времени уже сидел на корточках у самого края и изучал потемневший сектор площадки.

— Ганелон заметил там какую-то штуковину, примерно на середине, — сказал я.

Рэндом кивнул:

— Я тоже ее заметил и как раз пытался определить, как бы мне получше к ней подобраться. Меня вовсе не привлекает прогулка по нарушенному Пути. С другой стороны, и через почерневший участок идти опасно... Ты-то что на сей предмет думаешь?

— Во-первых, даже если Путь и нарушен, чтобы пройти по нему, всегда требуется некоторое время, — сказал я. — Особенно если сопротивление там примерно такое же, как и в Амбере. Во-вторых, нас всегда учили, что сбиться с Пути — значит погибнуть, а это пятно вполне может заставить сойти с Пути даже меня. А если пойти прямиком через потемневший сектор, то — и здесь ты прав — это может привлечь внимание наших врагов. Так что...

— Так что ни один из вас никуда не пойдет, — вмешался Ганелон. — Это сделаю я.

И он, не ожидая ответа, с разбегу прыгнул на черный сектор, стремительно пролетел по нему до самого центра, довольно долго, как нам показалось, возился там, наконец подобрал интересующий нас предмет, развернулся и устремился назад.

Через несколько секунд он стоял перед нами.

— Зачем же было так рисковать? — произнес Рэндом с укором.

Ганелон кивнул, признавая его правоту, однако возразил:

— Но ведь вы оба до сих пор спорили бы, если б я не рискнул. — Он протянул нам подобранный предмет. — Итак, что вы скажете теперь?

Это был кинжал с надетой на острие игральной картой, испачканной кровью. Я взял у него и кинжал, и карту.

— Похоже на карту из нашей фамильной колоды, — проговорил Рэндом.

Я кивнул и снял карту с острия клинка; потом расправил смятые и порванные уголки. Человек, на которого я сейчас смотрел, был мне отчасти знаком — из чего следовало, само собой, что отчасти он мне был и совершенно чужим. Светлые прямые волосы, чуть резковатые черты лица, не слишком крепкого сложения, на губах — легкая улыбка...

Я покачал головой:

— Я его не знаю...

— Дай-ка мне посмотреть. .

Рэндом взял у меня карту, глянул на нее и нахмурился.

— Нет, — сказал он, помолчав. — Я, пожалуй, тоже его не знаю. Хотя почти уверен, что должен был бы знать, но... Нет.

И тут лошади снова жалобно заржали, только гораздо более громко. И нам достаточно было повернуться, чтобы выяснить причину их беспокойства, ибо «причина» сама решила явиться пред нами.

— О черт! — воскликнул Рэндом.

Я был с ним вполне согласен.

Ганелон трубно прочистил глотку и выставил вперед свой клинок.

— Кто-нибудь знает, что это такое? — тихо спросил он.

Сперва мне показалось, что чудовище, выползшее из пещеры, больше всего похоже на змея или дракона: оно извивалось, и у него был длинный толстый хвост весьма угрожающего вида. Тварь передвигалась с помощью четырех мощных и широких лап, довольно коротких, однако снабженных длиннющими острыми когтями. Узкая голова чудовища заканчивалась клювом, и тварь покачивала ею из стороны в сторону, медленно приближаясь к нам и показывая то один свой бледно-голубой глаз, то другой. Большие кожистые багряного оттенка крылья были сложены вдоль спины. Ни шерсти, ни перьев мы не заметили, однако на груди, на плечах, вдоль хребта и хвоста чудовище было покрыто пластинами чешуи. От острого как штык клюва до кончика извивающегося хвоста в нем было немногим более трех метров. Двигаясь, оно издавало слабый звон, и я заметил, как на шее у него вспыхнуло что-то яркое.

— Наиболее близким к этому чудовищу животным, — заговорил наконец Рэндом, — мне представляется геральдический зверь грифон*. Только этот почему-то плешивый и какой-то красный.

— Да, птичка определенно не с нашего герба*, — прибавил я, поднимая Грейсвандир и покачивая его острием на уровне грифоновой башки.

Грифон высунул красный раздвоенный язык, на несколько дюймов приподнял крылья и снова их опустил. Когда его голова наклонялась вправо, хвост двигался влево, и наоборот; в итоге эти покачивания производили на зрителей почти гипнотический эффект.

Грифон, казалось, куда больше интересовался лошадьми, чем нами, ибо направился прямехонько к коновязи, где наши кони дрожали и переступали ногами от волнения. Я мгновенно вклинился между ними.

И тут грифон встал на дыбы.

Взметнулись и широко распростерлись красноватые крылья, словно два старых паруса, вдруг надувшихся от порыва ветра. Он стоял на задних лапах, значительно возвышаясь над нами, и теперь казался по крайней мере раза в четыре больше, чем прежде. Потом он взревел, словно вызывая врага на битву, и от этого рева у меня зазвенело в ушах. Продолжая реветь, грифон захлопал крыльями и взлетел, на мгновение чем-то напомнив большую неуклюжую птицу.

Лошади сорвались с привязи и бросились в разные стороны. Теперь грифона нам было не достать. И тут я вдруг догадался, что означали тот перезвон и яркие

блестки у него на шее. Он сидел на цепи! Длиннющая цепь тянулась из глубины зловонной пещеры, и ее точная длина мгновенно стала для нас вопросом далеко не академического интереса.

Я повернулся, когда грифон пролетал мимо, злобно шипя и хлопая крыльями, и увидел, что он буквально рухнул на землю невдалеке от нас. У него явно не хватило времени, чтобы набрать настоящую высоту. Да и цепь мешала. Мой Стар и Дракон Ганелона отступали к дальнему концу овальной площадки, но конь Рэндома по кличке Яго прыгнул прямо на темный сектор и двинулся в сторону Огненного Пути.

Грифон, опустившись на землю, повернулся было в сторону Яго, словно намереваясь погнаться за ним, затем внимательно оглядел нас и застыл как изваяние. На сей раз он был гораздо ближе к нам и склонил свою башку набок, как бы демонстрируя правый глаз; потом приоткрыл клюв и что-то тихо прокаркал.

— А что, если нам первыми напасть на него? — предложил Рэндом.

— Нет, погоди-ка... Как-то он странно ведет себя... — Заслышав мои слова, грифон низко опустил голову и свесил полураскрытые крылья до земли. Затем три раза поскреб землю клювом, снова поднял голову и аккуратно сложил крылья вдоль туловища. Хвост его разок шевельнулся, потом более энергично задвигался из стороны в сторону. Он снова открыл клюв и повторил свое птичье приветствие.

И тут нас отвлекли.

Яго уже миновал темный сектор и прошел по светящейся линии Пути метров пять или шесть; теперь силовые линии пронизывали его насквозь, и он был пришпилен ими к поверхности Пути, точно муха к липучке. Конь громко заржал, когда искры пробежали по его телу, а грива встала дыбом.

Небо у нас над головами мгновенно стало темнеть. Но это было отнюдь не обычное облако. Это было некое довольно плотное и абсолютно круглое образование, в середине красное и желтое по краям, которое вращалось по часовой стрелке. Звук, похожий на удар колокола, донесся из него до наших ушей, и за колокольным звоном сразу последовал невероятный рев.

Яго все еще пытался вырваться из паутины силовых полей; сперва ему удалось высвободить правую переднюю ногу, потом он снова запутался, зато высвободил левую. Все это время он громко и дико ржал. Снопы искр взвивались ему до плеч, и он стряхивал их с себя, словно капли дождя, а все его тело приобрело маслянистый оттенок и начало слабо светиться.

Рев стал еще оглушительней, а в центре той красной штуковины, что повисла над нами, начали плясать маленькие молнии. И тут мое внимание привлек какой-то шуршащий звук; я глянул себе под ноги и увидел, что грифон подполз совсем близко и как бы оттородил нас своим телом от странного красного облака. Он весь скрючился, словно горгулья*, отвернулся от нас и внимательно следил за развитием событий. Яго как раз удалось высвободить обе передние ноги и даже встать на дыбы. Теперь конь казался каким-то нематериальным, волшебным существом из-за светящейся кожи, снопами рассыпавшихся искр и некоторой расплывчатости силуэта. Наверное, он яростно ржал, однако мы не слышали ни его ржания, ни каких-либо других звуков: все заглушал неумолчный рев, доносившийся сверху.

Из ревущего круглого «облака» вниз спустилось нечто вроде воронки — яркой, светящейся, тоже воющей и вращающейся с невероятной скоростью. Воронка вытянулась, коснулась своим тонким концом вставшей на дыбы лошади, на какое-то мгновение необычайно расширилась — и жеребец исчез. На несколько секунд воронка замерла, похожая на отлично сбалансированный детский волчок. Потом вой стал стихать.

Через несколько секунд ствол воронки сам собой медленно поднялся, почти втянулся внутрь — теперь он был длиной не более человеческого тела — и завис над Путем. Все «облако» резко взмыло ввысь с той же быстротой, с какой опустилось.

Вой прекратился, крохотные молнии внутри красного круга начали затухать. «Облако» на глазах бледнело и вращалось гораздо медленнее. Вскоре оно стало не больше клочка темной тучки на горизонте, а потом исчезло совсем.

От Яго не осталось и следа.

— Только ни о чем меня не спрашивай, — успел сказать я, так как Рэндом уже повернулся ко мне, — я тоже ничего не понимаю.

Он кивнул и переключил свое внимание на нашего краснокрылого знакомца, который как раз начал погромыхивать своей цепью.

— Ну а что с этим клоуном делать? — спросил Рэндом, проводя пальцем по лезвию клинка.

— Я уверен, что он определенно пытался нас защитить, — сказал я, делая шаг вперед. — Прикрой меня. Я хочу кое-что попробовать.

— Ты уверен, что способен двигаться достаточно быстро? — шепнул он. — С твоей дыркой в боку...

— Не беспокойся. — И я продолжал тихонько подходить к грифону.

Рэндом был прав насчет моего левого бока; подживающая уже рана, нанесенная тем кинжалом, все еще побаливала и при каждом удобном случае как бы старалась мне помешать. Но я крепко сжимал Грейсвандир в правой руке, и почему-то как раз сейчас мне особенно хотелось доверять собственным инстинктам. Раньше я часто и весьма успешно пользовался своей интуицией. Порой подобная игра со смертью представляется мне как нельзя более уместной.

Рэндом сдвинулся чуть вперед и вправо. Я повернулся лицом к грифону и протянул ему свою левую руку, как если бы, например, здоровался с незнакомой собакой. Впрочем, довольно медленно протянул. Наш геральдический приятель уже давно встал, выпрямился и теперь как раз разворачивался мордой ко мне.

Он довольно долго и внимательно изучал Ганелона, стоявшего поодаль, слева от меня. Потом уставился на мою протянутую руку. Потом снова низко-низко опустил голову и поскреб клювом землю, в точности как прежде, и очень тихо что-то прокаркал; потом поднял голову, медленно вытянул ее по направлению ко мне, подтащил поближе свой огромный хвост, чтобы было удобнее, и коснулся клювом моих пальцев. Затем повторил все представление сначала. Тогда я осторожно положил руку ему на голову. Виляние хвостом усилилось, но голова оставалась неподвижной. Я нежно почесал ему шею, и грифон стал медленно подставлять ее под мои пальцы: ему явно было это очень приятно. Я убрал руку и отступил на шаг назад.

— По-моему, мы с ним друзья, — тихонько проговорил я. — Теперь ты, Рэндом.

— Ты что, смеешься?

— Нет. Я совершенно уверен: это безопасно. Попробуй.

— А что, если ты ошибаешься?

— Тогда я перед тобой извинюсь.

— Ничего себе!..

Рэндом подошел к грифону и протянул к нему руку. Тот по-прежнему вел себя исключительно дружелюбно.

— Ну хорошо, — сказал Рэндом примерно минуту спустя, все еще почесывая грифону шею, — и что мы этим доказали?

— То, что это всего лишь сторожевой пес.

— И что же он стережет?

— Ну разумеется, Путь!

— В таком случае я утверждаю, — заявил Рэндом, отступая назад, — что работа этого сторожа оставляет желать лучшего. — Он указал на темный сектор. — Что, собственно, объяснимо, если он так же дружелюбен ко всем тем, кто не ест ни овса, ни лошадей.

— А по-моему, в этом отношении он как раз весьма разборчив. Возможно также, что его посадили здесь уже после того, как Путь был разрушен, на случай возобновления подобных злостных попыток.

— И кто же его здесь посадил?

— Это я и сам хотел бы узнать. Кто-то из наших сторонников, видимо.

— Что ж, попробуй собрать дополнительные доказательства своей теории. Теперь вели Ганелону погладить эту собачку.

Ганелон не двинулся с места.

— А может, у членов вашего семейства какой-нибудь запах особый, — сказал он в конце концов, — и грифон по нему отличает уроженцев Амбера? Нет уж, спасибо, тут я пас.

— Ладно. Это не так уж и важно. Ну а что ты вообще можешь сказать обо всем случившемся?

— Из двух группировок, борющихся за право сидеть на троне Амбера, — сказал Ганелон, — сильнее та, которую представляют Брэнд, Фиона и Блейз: у них, как ты сам говорил, гораздо больше знаний и возможностей воздействовать на те силы, что вьются вокруг Королевства. Брэнд ничего толком не рассказал тебе — разве что ты сам умудрился разузнать о кое-каких происшествиях, к которым он мог иметь отношение, — однако, согласно моему предположению, нанесенный Пути ущерб наглядно демонстрирует те средства, благодаря которым союзники этой группировки завоевали доступ в Амбер. Благодаря действиям одного или нескольких из этих союзников и возникла, например, Черная дорога. Если сторожевой пес, посаженный здесь, реагирует на запах членов вашей семьи или еще на какую-то подобную информацию, заложенную во всех вас, то это значит, что он преспокойно мог сидеть здесь и не чувствовать ни малейшей потребности вмешиваться, пока творилось зло.

— Возможно, ты прав, — заметил Рэндом. — А что ты думаешь насчет способа, которым они воспользовались?

— Если хочешь, — сказал Ганелон, — я вам это продемонстрирую, но только мне кое-что для этого нужно.

— А что именно?

— Идите сюда, — пригласил он, направляясь к краю площадки, на которой горел Огненный Путь.

Я последовал за ним, Рэндом тоже. Грифон осторожно крался со мною рядом. Ганелон повернулся и протянул руку:

— Корвин, можно тебя побеспокоить? Передай мне, пожалуйста, тот кинжал, что я подобрал там.

— Пожалуйста, — произнес я, вытаскивая кинжал из-за пояса и протягивая ему.

— Ты так и не сказал, что для этого нужно? — снова спросил требовательным тоном Рэндом.

— Кровь принца Амбера, — ответил Ганелон.

— Не уверен, что эта идея мне по вкусу, — покачал головой Рэндом.

— Тебе придется лишь уколоть палец этим кинжалом, — сказал Ганелон, протягивая ему клинок, — чтобы капля твоей крови упала на линию Пути.

— И что случится тогда?

— Давай попробуем и увидим.

Рэндом посмотрел на меня:

— А ты что скажешь?

— Давай-давай! По крайней мере что-то выясним. Это действительно интересно.

Он кивнул, взял из рук Ганелона кинжал и оцарапал им кончик своего левого мизинца. Потом выдавил капельку крови, держа палец точно над светящейся линией Пути. Красная капля чуть увеличилась, задрожала и упала вниз.

И тут же там, где она коснулась Пути, взвился столб дыма и послышался негромкий треск.

— Черт меня побери! — воскликнул явно восхищенный Рэндом.

Крошечное пятно на поверхности Пути уже достигло размеров серебряного доллара.

— Ну вот вам, пожалуйста! — сказал Ганелон. — Именно так это и было сделано.

Пятнышко действительно выглядело в точности так же, как и огромное пятно в центре Пути, справа от нас. Грифон, вытянув шею, издал короткий пронзительный вопль и быстро отпрянул, испуганно вертя головой и глядя на каждого из нас по очереди.

— Спокойно, приятель, спокойно, — пробормотал я, снова почесывая ему шею.

— Но что могло вызвать появление такого большого... — начал было Рэндом и понимающее закивал головой.

— Действительно, следов нет, — заметил Ганелон. — Однако я не вижу никаких следов и на том месте, где только что был уничтожен твой Яго.

— Значит, кровь Амбера, — задумчиво проговорил Рэндом. — Дорогой Ганелон, ты сегодня прямо-таки переполнен различными догадками и предвидениями, а?

— Спроси Корвина, пусть расскажет тебе о Лоррен, о той стране, где я так долго прожил, — сказал Ганелон, — и о том месте, где начинается Черный Круг. Я весьма чувствителен к воздействию этих сил, хотя знаю их скорее на расстоянии. Но их природа становилась мне все яснее с каждым вашим новым рассказом. Да, сейчас я научился даже кое-что интуитивно предугадывать в действиях этих сил, ибо теперь мне известно гораздо больше. Спроси Корвина, высоко ли он оценивает своего генерала, его ум и способность предугадывать события.

— Корвин, — сказал Рэндом, — дай-ка мне ту проколотую карту.

Я вытащил ее из кармана и разгладил. Сейчас кровавые пятна на карте выглядели еще более зловещими. И еще одно поразило меня: я не мог поверить, что это работа Дворкина, мудреца, мага, Мастера Линии и наставника детей Оберона, но только сейчас мне пришло в голову, что кто-то другой оказался способен сделать нечто подобное. И хотя общий стиль казался в какой-то степени знакомым, это была не его работа. Не Дворкина. Но где же я раньше видел столь уверенную линию, не такую непринужденную, правда, как у старого Мастера? На этом рисунке каждый штрих был как бы тщательнейшим образом продуман еще до того, как перо коснулось бумаги. И еще кое-что было здесь не так: некое нарочитое подчеркивание отдельных черт, как если бы художник работал под воздействием собственных старых воспоминаний или чужих описаний, а не видя перед собой живой объект.

— Карту, пожалуйста, Корвин, — напомнил мне Рэндом.

Именно то, как он это сказал, и заставило меня колебаться. Я почувствовал, что он примерно на шаг впереди меня в опознании чего-то очень важного, и это ощущение мне совсем не понравилось.

— Не забывай: я только что по твоей просьбе чесал этого старого урода, а потом пожертвовал во имя общего дела собственной кровью, так что давай-ка сюда карту.

Я отдал ему карту, и мое беспокойство усилилось, когда он, зажав ее в руке, сдвинул брови. Я почему-то вдруг почувствовал себя исключительно глупым. Неужели одна ночь в Тир-на Ног'тхе способна так замедлить деятельность мозга? Почему...

Вдруг из уст Рэндома посыпались проклятия; он богохульствовал так изощренно, что превзошел все, что мне когда-либо доводилось слышать за долгую жизнь воина.

Потом я спросил:

— В чем все-таки дело? Я что-то не понимаю...

— Кровь Амбера! — сказал он наконец. — Кто бы ее ни пролил, он шел по Пути первым, понимаешь? Потом они тоже стояли там, в центре, установив с ним контакт с помощью этой карты. И когда контакт был установлен, они нанесли ему предательский удар в спину. Это его кровь пролилась на линию Пути, нанеся ей такой ущерб.

Рэндом умолк, глубоко вдыхая воздух и словно не в силах надышаться.

— Это напоминает какой-то ритуал, — сказал я.

— К черту ритуалы! — заорал он. — К черту всех их! Один из них уж точно умрет, Корвин, и это я убью его... или ее.

— Я все еще не...

— Ах, глупец! — воскликнул он. — Как же я сразу-то не разглядел? Посмотри! Посмотри внимательней!

Рэндом сунул проткнутую кинжалом карту мне под нос, и я тупо уставился на нее. Я все еще ничего не понимал.

— А теперь посмотри на меня! — крикнул он. — Меня-то ты видишь?

Его я видел. И снова посмотрел на карту. И понял наконец, что он имел в виду.

— Я всегда был для него всего лишь неведомым шепотом жизни в темноте... Но для своих грязных целей они использовали именно его, моего сына, — сказал он. — Это, конечно, его карта, карта Мартина.

II

Стоя возле разрушенного Пути и глядя на изображение человека, который то ли был, то ли не был сыном Рэндома и погиб (а может быть, и нет?) от предательского удара в спину, нанесенного как бы извне Пути, я мысленно совершил гигантский прыжок в прошлое, чтоб хоть на мгновение представить себе череду событий, закончившихся здесь. За последнее время я узнал так много для себя нового, что события нескольких минувших лет теперь представлялись мне совсем в ином свете, чем тогда, когда я сам был их участником. И все эти события и перемены в моем восприятии вновь как бы сместили только что открывшуюся передо мной перспективу.

Я ведь не помнил даже собственного имени, когда очнулся в «Гринвуде», в той частной клинике в Нью-Йорке, где совершенно бессмысленно провалялся целых две недели после автомобильной катастрофы. И лишь недавно узнал, что авария эта была подстроена моим братцем Блейзом, как только я сбежал из санатория Портера в Олбани. Я выудил эту историю из другого своего братца, Брэнда, который, в сущности, и засадил меня в этот санаторий, использовав фальшивые заключения психиатров. В санатории меня подвергли лечению электрошоком; процедуры повторялись настолько часто, что их результаты хоть и казались довольно сомнительными, однако явно способствовали возвращению моей памяти. Очевидно, именно это больше всего и напугало Блейза, и он предпринял очередную попытку убрать меня, когда во время моего бегства из санатория прострелил в моем автомобиле парочку шин. В этот миг я как раз входил в крутой поворот над озером, и все, без сомнения, должно было закончиться весьма печально, если бы Брэнд не следовал за Блейзом по пятам и не был готов во что бы то ни стало защитить свой страховой полис, то есть меня. Он тогда побеседовал с полицейскими, вытащил меня из озера и даже успел оказать первую помощь до приезда медиков. Однако вскоре после этого Брэнд был взят в плен своими же бывшими союзниками — Блейзом и нашей сестрицей Фионой — и заключен в тщательно охраняемую башню где-то в Тенях.

Две родственные группировки внутри нашего семейства постоянно занимались политическими интригами, устраивая друг против друга заговоры, следуя друг за другом по пятам, дыша друг другу в затылок и делая всякие гадости. Эрик, пользовавшийся поддержкой Джулиана и Кейна, давно готовился захватить трон,

с давних пор пустовавший после необъяснимого исчезновения нашего отца Оберона. То есть необъяснимым исчезновение Оберона было для Эрика, Джулиана и Кейна. А для другой группировки — Блейза, Фионы и некоторое время действовавшего с ними заодно Брэнда — ничего необъяснимого в его исчезновении вовсе не было, ибо именно они специально подготовили целую сеть событий, чтобы обеспечить вступление на престол Блейза.

Однако в какой-то момент Брэнд совершил тактическую ошибку, попытавшись в играх по захвату трона заручиться помощью еще одного нашего брата, Кейна. Кейн решил, что для него выгоднее и надежнее держаться стороны Эрика. Брэнд тоже начал сомневаться, опасаясь могущества Эрика, и в результате оказался отвергнут своими союзниками Блейзом и Фионой. В итоге, когда все повернулись к нему спиной, он решил начать игру заново и отправился в Тени, на Землю, туда, где Эрик несколько столетий тому назад оставил меня умирать от чумы. Лишь много позже Эрик узнал, что я тогда не умер, однако полностью утратил память, что было, в сущности, для него почти так же хорошо, и приставил нашу сестру Флору следить за мной, надеясь, что эта ссылка будет для меня последней. Брэнд позже рассказывал, что я тогда был препоручен сомнительным заботам Портера и жаждал непременно восстановить свою память, чтобы вновь вернуться в Амбер.

Пока Фиона и Блейз имели дело с Брэндом, Эрик поддерживал постоянную связь с Флорой. Это она подготовила тогда мой переезд в «Гринвуд» из клиники, куда меня после аварии поместили полицейские, и строго наказала держать меня на наркотиках. Эрик тем временем начал подготовку к собственной коронации. Вскоре после этого идиллическая жизнь нашего братца Рэндома в Тексорами была нарушена: Брэнду удалось послать ему весточку с просьбой об освобождении, минуя наши нормальные каналы связи, то есть фамильные карты. И пока Рэндом, который, к счастью, не принадлежал ни к одной из двух противоборствующих группировок, занимался этим делом, мне удалось выбраться из «Гринвуда», хотя память моя была восстановлена еще далеко не полностью. Я вытряс адрес Флоры из перепуганного главврача и отправился к ней в Уэстчестер, вступив в игру и отчаянно блефуя.

Я поселился у Флоры в качестве гостя, по-прежнему занятый восстановлением памяти, а Рэндом между тем потерпел серьезную неудачу в попытке освободить Брэнда. Убив змея, сторожившего башню, он был вынужден спасаться бегством от внутренней стражи, использовав при этом тамошние странные подвижные скалы. Стража — наглая банда не совсем гуманоидных типов — гналась за ним через все Тени, что обычно недоступно тем, кто родился не в Амбере. И Рэндому в итоге пришлось спасаться там, где мы с Флорой все еще бродили по тропам взаимного недоверия. Рэндом вышел со мной на связь и пересек континент, заручившись моим обещанием оказать ему поддержку и защиту, и явился в дом Флоры, полагая, что его преследователи — это именно моя армия. Когда же я сам помог ему уничтожить их, он был страшно озадачен, однако не пожелал ничего выяснять, ибо я по-прежнему оставался для него претендентом на трон. Впрочем, Рэндома оказалось вовсе не трудно уговорить отправиться вместе со мной в Амбер через Тени.

Это путешествие было удачным во многих отношениях, хотя кое-в чем нам крупно не повезло. Когда я наконец вспомнил, на каком свете нахожусь и кто я

такой на самом деле, Рэндом и наша сестра Дейрдре, которую мы повстречали в пути, проводили меня в зеркальное отражение Амбера — подводный город Ребму. Там я прошел по Огненному Пути и в результате сразу вспомнил многое из того, что столь безнадежно выпало из моей памяти, а заодно решил и весьма спорный для моих родственников вопрос о том, настоящий ли я Корвин или же просто одна из его теней. Из Ребмы я, используя могущество Пути, мгновенно переправился в Амбер; там бился на дуэли с Эриком, однако не убил его и бежал, воспользовавшись фамильными картами, во владения своего брата и предполагаемого убийцы Блейза.

Я был союзником Блейза во время предпринятого им штурма Амбера — в этом неудачном предприятии мы проиграли. Во время последнего боя Блейз исчез, причем при таких обстоятельствах, которые, казалось бы, явно свидетельствовали о его гибели; однако чем больше я думал об этом, тем меньше мне это представлялось достоверным. В результате я сам оказался пленником Эрика и незваным гостем на пиру в честь его коронации, после чего он велел ослепить меня и запер в подземелье. Несколько лет, проведенных в темницах Амбера, способствовали восстановлению моего зрения, однако сильно расшатали мою нервную систему и рассудок. И лишь случайное появление старинного друга и советника моего отца Дворкина, рассудок которого пребывал в еще более удручающем состоянии, чем мой, привело меня в итоге к спасению.

Бежав из темницы, я усердно восстанавливал силы и в следующий раз готовился проявить большую осторожность, если решусь пойти против Эрика. Потом, путешествуя по Теням, я добрался до своего старого королевства Авалона, которым правил когда-то; я намеревался раздобыть там некое вещество, о котором среди всех членов нашей семейки знал один лишь я. Это было единственное в своем роде химическое вещество, способное взорвать стены Амбера. По пути я миновал страну Лоррен, встретив там своего авалонского полководца Ганелона (или кого-то чрезвычайно на него похожего), который находился в ссылке. Там мне пришлось немного задержаться — из-за одного раненого рыцаря, девушки и местных грязных интрижек, удивительно похожих на те, что творились и в Амбере; кроме того, меня задержал все расширяющийся Черный Круг, который оказался каким-то образом связан с той Черной дорогой, по которой передвигались наши враги и за появление которой я в глубине души чувствовал свою вину, ибо произнес некое ужасное проклятие в тот миг, когда мне выжгли глаза. Битву в Лоррене я выиграл, но девушку потерял и отправился дальше в Авалон вместе с Ганелоном.

Достигнув Авалона, мы очень быстро убедились в том, что это королевство находится под покровительством моего брата Бенедикта, который давно уже боролся со своими собственными неприятностями — явления в его королевстве были, возможно, родственны возникновению Черного Круга и Черной дороги. В последнем поединке с этим злом Бенедикт потерял правую руку, однако ему удалось одержать блестящую победу в битве с ведьмами, настоящими исчадиями ада. Он предупредил меня, чтобы я всегда имел самые чистые намерения относительно Амбера и Эрика, а затем предложил воспользоваться гостеприимством своего замка. Самому же ему еще несколько дней требовалось провести на полях сражений. Именно у него-то я и встретился с Дарой.

Дара сообщила мне, что является правнучкой Бенедикта, хотя ее существование держится в тайне для принцев Амбера. Она вытянула из меня все сведения о нашем королевстве, какие смогла: об Огненном Пути, о фамильных картах, о способности передвигаться по Теням... Она была хороша собой, умна и, кроме того, была отличным фехтовальщиком и прелестной любовницей. Мы с ней предались спонтанным любовным утехам после моего возвращения из дьявольской скачки по Теням, где я разжился достаточным количеством алмазов, чтобы с лихвой расплатиться за материал, с помощью которого я собирался штурмовать Амбер. Потом мы с Ганелоном, взяв с собой необходимый запас химикатов, отправились в Тени, на Землю, место моей недавней ссылки, чтобы добыть там автоматическое оружие и изготовленные по моему заказу боеприпасы.

Все это время нам довольно сильно мешала Черная дорога, влияние которой среди миров Тени, похоже, весьма усилилось. Неприятностей нам обоим досталось примерно поровну, однако же я чуть не погиб во время нелепой дуэли с Бенедиктом, который почему-то как бешеный бросился за нами в погоню. Он был слишком разъярен, чтобы выслушать мои объяснения, и с ходу вступил со мною в бой близ небольшого леска. Бенедикт был куда лучшим фехтовальщиком, чем я, хоть и действовал теперь одной только левой рукой. Мне удалось спастись и перехитрить его лишь благодаря одному фокусу с Черной дорогой, о котором он понятия не имел. Я был убежден, что брат жаждет моей крови из-за нашей с Дарой интрижки. Но нет. Из тех нескольких слов, которыми мы с ним обменялись, мне стало ясно, что он совершенно ничего о ней не знает. Он заявил, что погнался за нами исключительно потому, что мы якобы перебили всех его преданных слуг. К этому времени Ганелон действительно обнаружил несколько свеженьких трупов в лесу близ замка Бенедикта, однако мы договорились о них даже не вспоминать, поскольку понятия не имели, откуда они взялись и кто такие, и не имели желания еще больше осложнять нашу и без того сложную жизнь.

Оставив лишившегося сознания Бенедикта на попечение нашего брата Джерарда, которого я вызвал с помощью карт из Амбера, мы с Ганелоном продолжили свой путь в земную Тень, приобрели там оружие, собрали подходящее войско и двинулись обратно, намереваясь взять Амбер штурмом. Однако же, прибыв в Янтарное королевство, обнаружили, что оно уже подверглось нападению существ, явившихся по Черной дороге. Мое новое оружие тут же пошло в ход для защиты Амбера, а мой брат Эрик во время этого яростного сражения погиб, оставив мне и свои проблемы, и свои дурные устремления, и Камень Жребия— контролирующее погоду устройство, которое он использовал против меня, когда мы с Блейзом впервые атаковали Амбер.

Тут-то как раз и появилась Дара: пронеслась верхом мимо нас прямо в Амбер, отыскала Путь и успешно прошла по нему — наиважнейшее свидетельство того, что в ее жилах тоже течет королевская кровь и мы в самом деле родственники. Однако же во время движения по Огненному Пути она постоянно меняла свой облик, причем самым немыслимым образом, а завершив испытание, объявила, что Янтарное королевство непременно будет уничтожено, и мгновенно исчезла.

Примерно через неделю после этого был убит Кейн, причем при обстоятельствах, бросающих подозрение на меня. Тот факт, что именно я убил его убийцу,

вряд ли мог восприниматься как достаточное доказательство моей невиновности, тем более что этот тип был явно не в состоянии сказать что-либо внятное. Однако, вспомнив, что я уже видел ему подобных среди тех существ, которые преследовали Рэндома, когда тот спасался в доме Флоры, я в конце концов нашел время, чтобы посидеть вдвоем с Рэндомом и выслушать до конца историю его неудачной попытки вызволить Брэнда из плена в башне.

Я отправился в Амбер, чтобы вызвать на поединок Эрика, а Рэндом остался в Ребме — королева Ребмы, Моэри, заставила его жениться на одной из ее придворных дам по имени Виола, милой слепой девушке. Женитьба отчасти была наказанием Рэндома: много лет назад он бросил беременную дочь Моэри, Морганту, ставшую матерью Мартина и вскоре совершившую самоубийство. Этот самый Мартин вроде бы и был изображен на карте, которую Рэндом держал сейчас в руках. Рэндом, как ни странно, полюбил Виолу по-настоящему.

Итак, оставив Рэндома в Ребме, я получил-таки Камень Жребия и спустился с ним глубоко в подземелье, в пещеру Пути. Там я воспользовался частично известными мне инструкциями и настроил Камень на нужный мне лад. Во время этой настройки я пережил некие весьма необычные ощущения, однако добился контроля над одной из наиболее очевидных функций Камня: его способностью управлять метеорологическими явлениями. После этого я как можно подробнее расспросил Флору о причинах той своей ссылки. Рассказанное ею казалось вполне правдоподобным и совпадало с теми фактами, которыми располагал уже я сам; но я все время чувствовал, что кое-какие события той злосчастной «аварии» она все же утаивает; Флора, правда, пообещала мне опознать убийцу Кейна, если это одно из тех существ, с которыми мы с Рэндомом бились у нее дома в Уэстчестере, и заверила меня в своей полной сестринской поддержке.

Даже услышав рассказ Рэндома, я все еще ничего не подозревал о существовании двух группировок внутри нашего семейства и об их происках. И решил, что если Брэнд жив, то главное для нас — освободить его; хотя бы уже потому, что он, по всей очевидности, обладает некоей важной информацией, распространения которой кто-то весьма не желал. Я приложил все силы для воплощения в жизнь своего замысла, отложив задуманное лишь для того, чтобы мы вместе с Джерардом могли вернуть тело Кейна в Амбер. Впрочем, Джерард за это время успел еще избить меня до потери сознания — просто на тот случай, если я забыл, на что он способен, и чтобы прибавить веса своим словам: мол, он непременно лично меня прикончит, если окажется, что именно я виновен в переживаемых теперь Амбером напастях. А вообще это был по-настоящему изысканный поединок, и его, благодаря карте Джерарда, наблюдало все наше семейство — своеобразная гарантия на тот случай, если все-таки именно я окажусь виновным и мне придет в голову вычеркнуть имя Джерарда из списка живых. Потом мы поехали в рощу Единорога и там откопали тело Кейна. Именно тогда нам и удалось ненадолго увидеть легендарного Единорога Амбера.

В тот вечер все мы встретились в библиотеке; то есть там были Рэндом, Джерард, Бенедикт, Джулиан, Дейдре, Фиона, Флора, Ллевелла и я. Там мы обсудили мой план возвращения Брэнда в лоно семьи. Все одновременно пришли к выводу, что его следует попытаться отыскать с помощью карт. И эта попытка оказалась удачной.

Мы вышли с ним на контакт, и нам общими усилиями удалось вернуть его в Амбер. Однако среди всеобщего оживления, суматохи и сутолоки, когда Джерард протащил Брэнда сквозь Тени в Амбер, кому-то удалось пырнуть его в бок кинжалом. Джерард тут же объявил себя единственным действительно сведущим врачом и выгнал всех остальных из комнаты.

Делать было нечего, и мы перебрались вниз, в гостиную, чтобы перекусить и обсудить случившееся. Вот тут-то Фиона и намекнула мне, что Камень Жребия, если долго его носить, может представлять угрозу здоровью, и предположила, что именно Камень послужил причиной смерти Эрика, а не нанесенные нашему брату раны. Она считала одним из первых признаков воздействия Камня нарушение чувства времени — некое очевидное несовпадение временных границ событий и их отражения в психике индивидуума. Я решил проявлять предельную осторожность, тем более что Фиона была значительно лучше остальных осведомлена в этих вопросах, ибо считалась когда-то одной из лучших учениц Дворкина.

Возможно, она была абсолютно права, и действительно подобный эффект в тот вечер имел место. По крайней мере, мне показалось, что тот, кто предпринял попытку убить меня, когда я вернулся к себе, двигался несколько медленнее, чем двигался бы я сам при подобных обстоятельствах. Однако же удар был почти удачным. Клинок попал мне в бок, и я потерял сознание.

Сильно ослабевший, я очнулся на кровати в своем старом доме на Земле, где прожил много лет под именем Карла Кори. Как я там оказался, понятия не имею. Я выполз из дома и попал в снежную бурю. С трудом удерживая ускользающее сознание, я спрятал Камень Жребия в старой компостной куче, чувствуя, что мир вокруг меня действительно как бы начал замедлять свое движение. Потом я с трудом добрался до шоссе, пытаясь остановить какую-нибудь машину.

Остановившимся водителем оказался мой друг и бывший сосед Билл Рот, который и отвез меня в ближайшую больницу. Там мной занимался тот же врач, что и много лет назад, во время той моей аварии. В итоге он заподозрил, что у меня нелады с психикой, обнаружив в старой истории болезни какие-то записи насчет неадекватного восприятия мною реальности.

Потом снова объявился Билл и кое-что исправил в сложившейся ситуации. Будучи адвокатом, он после моего исчезновения весьма заинтересовался всей этой историей и даже провел кое-какие расследования. Так, например, он узнал о том, что заключение психиатров на мой счет поддельное. Узнал он и о моих удачных побегах из психушек. У него даже имелись кое-какие дополнительные детали, связанные с аварией. Билл не без оснований подозревал, что я — существо, мягко выражаясь, несколько странное, но это его не особенно волновало.

Через некоторое время со мной через карту связался Рэндом. С его помощью я вернулся домой и отправился на свидание с Брэндом. Именно тогда я кое-что наконец узнал о той борьбе, что велась вокруг меня, и об участниках двух группировок. История, рассказанная Брэндом, и то, что сообщил мне Билл, наконец соединили события последних нескольких лет воедино и сделали их относительно объяснимыми. Брэнд также поведал мне о той ужасной опасности, перед лицом которой мы в данный момент оказались.

Весь следующий день я бездельничал под предлогом того, что мне нужно подготовиться к визиту в Тир-на Ног'тх, а на самом деле — стараясь выиграть время

и подлечить свою рану. Однако же, дав обещание, я должен был сдержать его. Я проделал путешествие в Небесный город той же ночью, собрав целую коллекцию самых различных предзнаменований, может быть, и бессмысленных, а также найдя и прихватив с собой занятную механическую штуковину-руку, принадлежавшую призраку моего брата Бенедикта.

Вернувшись из своей экскурсии на небеса, мы с Рэндомом и Ганелоном позавтракали, а потом пустились в обратный путь с вершины Колвира домой. Медленно, почти неощутимо тропа, по которой мы шли, начала изменяться, словно мы пересекали Тени! Это было абсолютно невозможно в непосредственной близости от Амбера. Мы попытались сменить направление, однако ни Рэндом, ни я не сумели оказать какого-либо воздействия на постоянно менявшееся окружение. Вот тут-то перед нами возник Единорог. Похоже, он приглашал нас последовать за ним. И мы последовали.

Единорог вел нас мимо менявшихся с калейдоскопической скоростью пейзажей, пока наконец мы не оказались на том самом выступе над Подлинным Путем наедине со своими планами и замыслами. Единорог же исчез. И вот, когда вся эта последовательность событий вновь пронеслась в моем мозгу и мысли мои получили возможность обратиться к чему-то второстепенному, к отдельным событиям, я, вспомнив те слова, которые только что произнес Рэндом, почувствовал, что снова нахожусь как бы чуть впереди него. Сколько еще может продлиться такое положение вещей, я не знал, однако вспомнил наконец, где видел картины, написанные той же рукой, что и портрет на пронзенной клинком карте.

Брэнд частенько брал в руки кисть и краски, особенно пребывая в очередной затяжной меланхолии, и я, перебирая в памяти один его холст за другим, вспомнил и его излюбленную технику. Вспомнил также и его жадный интерес к рассказам каждого, кто когда-либо знал Мартина. И хотя сам Рэндом пока что стиля Брэнда не признал, мне было интересно, сколько времени потребуется ему, чтобы все-таки начать думать и в итоге догадаться, куда ведут концы собираемой Брэндом информации. Даже если и не собственная рука нашего братца направила этот предательский клинок, он, безусловно, принимал во всем этом самое активное участие и обеспечивал необходимые средства. Я достаточно хорошо знал Рэндома, чтобы понять: он непременно сделает то, что сказал. Непременно попытается убить Брэнда, как только догадается о его связи с этим покушением. А это уже совершенно ни к чему.

Не так уж важно теперь, что Брэнд, возможно, спас мне жизнь. Я считал, что наши счеты сравнялись, когда я вызволил его из этой чертовой башни. Нет. Вовсе не чувство долга и не сентиментальность заставляли меня искать способ, могущий как-то сбить Рэндома с толку или хотя бы задержать его. Следовало признать совершенно хладнокровно: Брэнд был мне нужен. Об этом он позаботился сам. Впрочем, причины, по которым и я спас его, тоже были далеки от альтруистических — как и его собственные, когда он вытаскивал меня из озера после автомобильной катастрофы. Он обладал сейчас самым для меня нужным: информацией. Брэнд мгновенно понял это и выдавал ее крохотными порциями — обеспечивал себе безопасность.

— Я действительно вижу некоторое сходство, — сказал я Рэндому, — и ты, возможно, совершенно прав в своих догадках относительно происшедшего...

— Разумеется, прав!

— Но проткнута кинжалом ведь только карта, — сказал я.

— Ну естественно. Я не...

— Следовательно, тот человек, который пытался вызвать его сюда, установил с ним контакт, но не смог убедить его явиться.

— Ну и что? Контакт был установлен, а значит, Мартин был достаточно уязвим, чтобы его могли предательски ударить в спину. Он, возможно, еще оказался в состоянии блокировать свой разум и спасти себя от мысленного вторжения, истекая кровью. А может быть, мальчик и совсем не имел практики в обращении с картами...

— Может быть, да, а может быть, и нет, — сказал я. — Ллевелла или Моэри, пожалуй, смогут рассказать нам, как много он знал о картах. Но я-то пытался доказать тебе совсем иную мысль: контакт мог быть прерван еще до наступления смерти. Если Мартин унаследовал твои способности к регенерации, он, вполне возможно, выжил.

— Вполне возможно? Подобные догадки мне не нужны! Мне нужны ответы!

Я в уме принялся подводить итоги. Я был уверен, что знаю кое-что, чего не знает Рэндом, однако источник моей информации далеко не самый лучший. Кроме того, промолчать пока что об этом стоило еще и потому, что у меня не было возможности обсудить все с Бенедиктом. С другой стороны, Мартин был сыном Рэндома, а я действительно хотел отвлечь внимание Рэндома от Брэнда.

— Знаешь, я кое-что вспомнил на этот счет, — сказал я Рэндому.

— Что?

— Сразу после того, как доставили раненого Брэнда и мы все вместе перешли в гостиную... Не помнишь ли ты, когда именно наш разговор перекинулся на Мартина?

— Помню. Но ничего нового сказано не было.

— Кое-что новое мог бы добавить я, но я сдержался, потому что не хотел говорить в присутствии всех. И еще потому, что хотел обсудить этот вопрос с тем, кто имеет к нему непосредственное отношение.

— С кем же?

— С Бенедиктом.

— С Бенедиктом? Какое он-то имел отношение к Мартину?

— Не знаю. Именно поэтому я и не хотел пока говорить об этом. Думал все уточнить. Тем более что мой источник информации — особа весьма загадочная.

— Продолжай.

— Это Дара. Бенедикт просто из себя выходит, стоит мне упомянуть ее имя, однако же множество вещей, которые она сообщила мне, на деле оказались правдой, например путешествие Джулиана и Джерарда по Черной дороге, то, как их ранили и как они жили в Авалоне... Даже Бенедикт подтвердил, что все именно так и было.

— А что она говорила о Мартине?

Ну вот! Как тут выкрутиться, не упомянув Брэнда?.. Дара тогда сказала, что Брэнд довольно часто, в течение целого ряда лет, навещал Бенедикта в Авалоне. Разница во времени между Амбером и Авалоном такова, что весьма похоже — и это только сейчас пришло мне в голову, — что их дружба совпала с тем периодом,

когда Брэнд так активно собирал сведения о Мартине. А я-то все недоумевал, зачем его туда влечет, тем более что они с Бенедиктом никогда особенно не дружили.

— Только то, что у Бенедикта часто бывал в гостях человек по имени Мартин, который, как ей показалось, тоже был из Амбера, — солгал я.

— Когда это было?

— Некоторое время тому назад. Не помню точно.

— Почему же ты мне раньше этого не говорил?

— Ну, во-первых, это такая малость... а во-вторых, ты ведь никогда особенно Мартином и не интересовался, верно?

Рэндом покосился на грифона, который пристроился справа от меня, нахохлившись и свесив башку, потом кивнул.

— А теперь вот интересуюсь, — сказал он. — Все меняется. Если он еще жив, я бы хотел непременно узнать его поближе. Если же нет...

— Хорошо, — кивнул я. — Для того чтобы убедиться в том или в другом, нам нужно прежде всего как-то попасть домой. По-моему, мы уже увидели все, что нам полагалось увидеть, и я бы предпочел на этом осмотр местности закончить и попробовать отыскать дорогу в Амбер.

— Я уже думал об этом, — сказал Рэндом, — и мне пришло в голову, что мы, наверное, могли бы воспользоваться Огненным Путем. Просто дойти до середины и с помощью карт...

— Хочешь попробовать пройти по темным участкам?

— А почему бы и нет? Ганелон ведь уже попробовал, и с ним ничего не случилось.

— Минуточку, — вмешался Ганелон. — Я же не говорил, что это было так уж легко, и я совершенно уверен, что вы не сможете заставить лошадей даже спуститься туда.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Помнишь место, где мы пересекли Черную дорогу, когда бежали из Авалона?

— Еще бы.

— Ну так вот, ощущения, которые я испытал, доставая карту и кинжал, были весьма схожи с тем «удовольствием». Отчасти именно поэтому я и бежал с такой скоростью. Нет, я бы предпочел еще раз попытаться воспользоваться картами прямо отсюда. Мне кажется, что Амбер где-то здесь, недалеко.

Я кивнул:

— Хорошо. В конце концов, особого труда новая попытка не составит. Но сперва давайте соберем лошадей.

Мы собрали их, зная теперь длину цепи, на которой сидел грифон. Он был способен пройти не более тридцати метров от входа в пещеру, а потому при виде лошадей сразу же начал жалобно блеять, что отнюдь не способствовало успокоению наших четвероногих спутников. Впрочем, у меня тут же родилась одна весьма любопытная идея, которую я пока что решил оставить при себе.

Когда все было уложено, Рэндом достал свою колоду карт, а я — свою.

— Давай попробуем вызвать Бенедикта, — предложил он.

— Хорошо. Сразу и начнем.

Я заметил, что карты снова стали холодными на ощупь. Хороший знак. Я вытащил из колоды карту Бенедикта и приготовился. Рэндом, стоя рядом со мной, проделал то же самое.

Бенедикт откликнулся почти мгновенно.

— По какому случаю? — спросил он, быстро осмотрев нашу живописную группу и только потом встретившись взглядом со мной.

— Ты нас в Амбер не перетащишь? — спросил я.

— Вместе с лошадьми?

— Это наши заслуженные боевые кони.

— Ладно, давайте.

Он протянул руку, и я коснулся ее. Все мы придвинулись друг к другу как можно теснее. И через несколько секунд уже стояли рядом с Бенедиктом на каменистой вершине холма; пронзительный холодный ветер срывал с нас одежду, над головой светило полуденное солнце Амбера, а по небу плыли густые облака. На Бенедикте был плотный кожаный дублет в обтяжку, длинные узкие штаны из телячьей кожи и рубашка бледно-желтого цвета. Оранжевый плащ скрывал обрубок правой руки. Он сурово выставил вперед свой длинный подбородок и глянул на меня сверху вниз.

— Интересное местечко вы только что покинули, — произнес он. — Я там мельком кое-что заметил в отдалении.

Я кивнул в подтверждение его слов.

— А отсюда тоже интересный вид открывается? — спросил я, заметив у него на ремне подзорную трубу, и тут же понял, что стоим мы на том самом широком выступе скалы, с которого Эрик командовал сражением в день моего возвращения и его смерти. Я чуть придвинулся к краю, чтобы лучше разглядеть темневшую внизу, в долине Гарнатха, извивающуюся полосу, уходившую далеко за горизонт.

— Да, — сказал Бенедикт. — Черная дорога, похоже, утвердилась в своих границах по всей длине. Хотя кое-где она продолжает расширяться. Похоже на то, что она стремится повторить... рисунок некоего пути... А теперь расскажите мне, откуда вы держите путь?

— Прошлую ночь я провел в Небесном городе, — начал я, — а сегодня утром мы почему-то сбились с пути прямо на тропе, ведущей к вершине Колвира.

— Да, это надо уметь, — ядовито заметил Бенедикт. — Значит, вы заблудились на собственной горе? Всегда нужно идти только на восток, разве вы этого не знаете? Ведь именно с востока, как известно, начинает свой путь солнце, детки.

Я почувствовал, как от стыда горят мои щеки.

— У нас случилось несчастье, — сказал я, не глядя на него. — Мы потеряли лошадь.

— Какое же несчастье с вами случилось?

— Серьезное. Особенно для лошади.

— Бенедикт, — сказал вдруг Рэндом, поднимая глаза от зажатой в руке той самой пронзенной карты, — что ты можешь рассказать мне о моем сыне Мартине?

Бенедикт некоторое время изучающе смотрел на него и молчал.

— Откуда сей внезапный интерес? — спросил он наконец.

— Дело в том, что у меня есть основания считать его погибшим, — сказал Рэндом. — Если это действительно так, я хочу отомстить за него. Если же нет — что ж,

прекрасно, но мысль о том, что такое могло бы с ним случиться, причинила мне некоторое огорчение. Так что, если он все еще жив, я бы непременно хотел с ним встретиться и поговорить.

— Что заставляет тебя думать, что Мартин мог погибнуть?

Рэндом глянул на меня. Я кивнул.

— Начинай с завтрака, — посоветовал я.

— Пока он будет рассказывать, я попробую приготовить нам что-нибудь на обед, — сказал Ганелон, роясь в одной из сумок.

— Единорог указал нам путь... — начал Рэндом.

III

Мы сидели молча. Рэндом уже закончил свой рассказ, а Бенедикт все смотрел куда-то в небеса, простиравшиеся над Гарнатхом. Лицо его казалось совершенно бесстрастным. Я давным-давно научился уважать его молчание.

Через некоторое время он резко повернулся, чтобы посмотреть Рэндому прямо в лицо.

— Я давно подозревал что-либо подобное, — заявил он, — памятуя то, что отец и Дворкин предали забвению много лет тому назад. Мне всегда казалось, что существует некий первичный, Подлинный Путь, который они то ли нашли, то ли создали сами, сделав его основой могущества Амбера, его фундаментом. Я знал, что он находится где-то недалеко от Королевства, однако так никогда и не отыскал его. — Бенедикт снова отвернулся и стал смотреть на Гарнатх; на щеках у него катались желваки. — И что, судя по вашим словам, там то же самое?

— Похоже, что так, — ответил Рэндом.

— ...И сделано это благодаря пролитой крови Мартина?

— По-моему, да.

Бенедикт поднес к глазам карту, которую Рэндом передал ему во время своего рассказа. Тогда он ничего не сказал, принимая ее от него.

— Да, — произнес он теперь, — это Мартин. Он явился ко мне сразу после того, как покинул Ребму. И довольно долго у меня тогда прожил.

— Почему он отправился именно к тебе? — спросил Рэндом.

Бенедикт слабо улыбнулся.

— Видишь ли, парню просто нужно было куда-то уйти. Его уже тошнило от того положения, которое он занимал в Ребме, и он ощущал двойственность отношения к нему Амбера. Он был молод, свободен и только что вошел в полную силу благодаря Пути. Ему стало тесно в Ребме, захотелось уйти оттуда, повидать новые места, попутешествовать в Тенях — как и всем нам когда-то. Однажды, когда он был еще малышом, я взял его с собой в Авалон, чтобы дать ему возможность побегать по сухой, горячей от летнего зноя земле, чтобы научить его ездить верхом, чтобы он увидел, как убирают урожай в полях. Когда же Мартин, неожиданно для себя самого, ощутил, что способен мгновенно перенестись в любое место, стоит только пожелать, выбор у него был ограничен теми немногими местами, о которых он хоть что-то знал. Он, разумеется, мог бы выдумать себе какое-нибудь приятное место и отправиться туда — так сказать, создать королев-

ство для себя. Однако он вполне отдавал себе отчет в том, что ему еще нужно многому научиться, дабы обеспечить собственную безопасность в мире Теней. Так что Мартин предпочел явиться ко мне и попросил меня поучить его. Я научил парня фехтованию и искусству борьбы, показал, как пользоваться фамильными картами, объяснил кое-какие законы Теней, постарался внушить ему все то, что непременно должен знать каждый житель Амбера, если хочет остаться в живых.

— Почему ты все это для него сделал? — спросил Рэндом.

— Кто-то же должен был. Он пришел именно ко мне, значит, мне и надлежало стать его учителем, — спокойно ответил Бенедикт. — Хотя, надо сказать, я и сам привязался к этому мальчику.

Рэндом кивнул:

— Ты говоришь, он пробыл у тебя почти год. А что с ним стало потом?

— Тебе не хуже меня знакома эта жажда путешествий. Стоило ему обрести некоторую уверенность в собственных силах, как он захотел испытать себя. Обучая Мартина, я брал его с собой в Тени, знакомил с разными людьми и племенами, показывал самые различные страны. И вот наконец наступил тот час, когда ему захотелось пойти собственным путем.

В один прекрасный день он распрощался со мной и отправился искать приключений.

— А с тех пор ты его видел? — спросил Рэндом.

— Да. Он время от времени возвращался ко мне, гостил в моем доме и рассказывал о своих приключениях и открытиях. Но каждый раз мне было совершенно ясно, что он заглянул ненадолго. Через некоторое время его и впрямь одолевало беспокойство и он снова куда-то исчезал.

— Когда он гостил у тебя в последний раз?

— Несколько лет назад, еще во времена моего житья в Авалоне. Однажды утром Мартин, как обычно, заявился ко мне, прожил недели две, нарассказывал целую кучу всего о своих приключениях и планах, а потом снова куда-то исчез.

— И ты больше о нем не слышал?

— Напротив. Я постоянно получал вести о нем от наших общих друзей, с которыми он виделся тогда чаще. А иногда он даже связывался со мной посредством карт...

— Так у него была своя колода? — спросил я.

— Да, я подарил ему одну из своих запасных.

— А его собственная карта в этой колоде была?

Бенедикт отрицательно покачал головой.

— Я и понятия не имел, что такая карта, оказывается, существует, пока не увидел собственными глазами вот эту, — сказал он, поднимая карту Мартина и внимательно на нее глядя. Потом он передал ее Рэндому со словами: — Нет, сам я, безусловно, не способен изготовить нечто подобное, мастерства не хватит. Рэндом, а ты пытался связаться с ним с помощью этой карты?

— Да, множество раз с тех пор, как мы нашли ее, и, между прочим, еще несколько минут тому назад. Ответа нет.

— Это, разумеется, ничего еще не доказывает. Если все случилось так, как ты предполагаешь, и он все-таки выжил, то мог полностью заблокировать свой разум ото всех и всяких попыток контакта. Он прекрасно умеет это делать.

— А ты думаешь, что я прав в своих предположениях? Может быть, ты знаешь об этом и еще что-то?

— Есть у меня одна идея... — промолвил Бенедикт. — Видишь ли, он действительно однажды объявлялся раненый у одного нашего общего друга — там, в Тенях, несколько лет назад. Рана была серьезная и нанесена кинжалом в спину. Мои друзья сообщили мне, что Мартин был очень плох, однако не пожелал толком объяснить, что же с ним произошло. Он пробыл у них несколько дней и уехал, не успев еще по-настоящему поправиться. Больше они его не видели. А я с тех пор тоже не имею о нем никаких известий.

— И тебе совсем не было интересно, куда он делся? — спросил Рэндом. — Неужели ты его не искал?

— Конечно же, искал! И до сих пор ищу. Однако взрослый мужчина имеет право жить своей собственной жизнью и чтобы родственники в эту жизнь не вмешивались даже с самыми лучшими намерениями. Он ведь тогда сам выпутался из весьма сложной передряги, но не предпринял даже попытки связаться со мной. Так что Мартин отлично знал, что делает и каковы его цели. Кроме того, он оставил для меня записку у этих Текисов, наших общих друзей, и в ней говорилось, что если даже я узнаю, что с ним произошло, то не должен беспокоиться, ибо он сам выбрал свой путь.

— Текисы? — переспросил я.

— Совершенно верно. Мои друзья из Теней.

Я с трудом удержался, чтобы не сказать лишнего. Ведь я-то считал Текисов всего лишь выдумкой Дары, которая порой так ужасно перекручивала все на свете, стараясь сократить или приукрасить свое повествование. Однако об этих Текисах она мне рассказывала так, словно они были ее хорошими знакомыми, словно она у них не раз жила и притом с ведома Бенедикта!

Однако момент не казался мне подходящим для пересказа видений прошлой ночи, явившихся мне в Тир-на Ног'тхе и явно указывавших на родство Бенедикта с этой девушкой. Я и сам-то еще не успел как следует разобраться в этой проблеме и в том, что могло быть с нею связано.

Рэндом стоял, напряженный, задумчивый, у самого края обрыва спиной к нам; пальцы его за спиной были крепко переплетены. Через несколько минут он обернулся и подошел к нам.

— Как мы могли бы связаться с этими Текисами? — спросил он Бенедикта.

— Никак, — сказал Бенедикт. — Разве что поехать и повидать их.

Рэндом повернулся ко мне:

— Корвин, мне нужен конь. Ты говоришь, что Стар выдерживал не одну бешеную скачку...

— У него было утомительное утро.

— Ну, не такое уж утомительное. Он просто сильно испугался, а теперь выглядит вполне хорошо. Можно мне взять его у тебя на время?

Прежде чем я успел ответить, Рэндом повернулся к Бенедикту.

— Ты ведь проводишь меня, да? — спросил он.

Бенедикт колебался.

— Я не знаю, что можно узнать у них...

— Все что угодно! Может, они еще что-то вспомнят — такое, что им тогда совсем не показалось важным, а нам теперь вдруг покажется очень существенным.

Бенедикт посмотрел на меня. Я кивнул:

— Ладно, пусть берет моего Стара, если ты согласен проводить его.

— Ну что ж, — сказал Бенедикт, поднимаясь с земли. — Пойду тоже седлать коня.

Он повернулся и пошел туда, где в стороне от остальных был привязан его огромный полосатый жеребец.

— Спасибо, Корвин, — произнес Рэндом.

— Пожалуйста, но я с удовольствием предоставлю тебе возможность расплатиться со мной за эту услугу.

— Чем же?

— Дай мне на время карту Мартина.

— Для чего она тебе?

— Мне только что пришла в голову одна мысль... Нет, слишком долго и сложно рассказывать, а ты ведь, кажется, хотел выехать немедленно? Впрочем, ничего дурного не опасайся, это я тебе обещаю.

Он закусил губу.

— Хорошо. Но я хочу получить ее обратно, когда она больше не будет тебе нужна.

— Ну конечно.

— А это поможет разыскать его?

— Возможно.

Рэндом передал мне карту.

— Ты теперь вернешься во дворец? — спросил он.

— Да.

— Тогда, может, зайдешь к Виоле и расскажешь ей о том, что случилось и куда я отправился теперь? Она всегда так беспокоится...

— Конечно, зайду и расскажу.

— Я постараюсь получше заботиться о Старе.

— Знаю. Удачи тебе.

— Спасибо.

Я ехал верхом на Драконе, Ганелон шел пешком. Сам настоял. По этой дороге тогда, в день битвы, я преследовал Дару. Последние события, видимо, и заставили меня думать о ней снова. Я перетряхнул былые чувства по отношению к Даре и осознал, что, несмотря на все безжалостные игры, в которые она играла со мной, несмотря на все те убийства, которые тайно были содеяны ею самой или при ее участии, несмотря на ее дерзкие планы по поводу Амбера, меня все еще влечет к ней нечто большее, чем простое любопытство. И я не слишком удивился, обнаружив это в себе. Все обстояло примерно так же, как когда я в последний раз проводил подобную ревизию своих эмоциональных кладовых. Мне только хотелось знать, сколь большая доля правды могла заключаться в открывшемся мне этой ночью в Небесном городе видении, если исходить из того, что происхождение Дары от Бенедикта было дано мне как непреложный факт. Да и в реальной действительности их физическое сходство практически не оставляло сомнений. Ну а в Небесном городе-призраке тень Бенедикта подтвердила достаточно многое, особенно когда подняла свою новую, механическую руку в защиту Дары...

— Ты над чем смеешься? — спросил Ганелон, шедший слева от меня, держась за стремя.

— Вспомнилась та рука, — сказал я, — которую я притащил из Тир-на Ног'тха: я тогда все беспокоился, нет ли в этом какого-то скрытого важного умысла, непредвиденного проявления воли Судьбы — не могла же та странная вещь просто так взять и явиться в наш мир из загадочного города тайн и мечтаний. Однако она даже и на один день при мне не задержалась. И ничего не осталось там, где Путь уничтожил Яго. Стало быть, все было напрасно, видения целого вечера обернулись ничем.

Ганелон прокашлялся.

— Похоже, на самом-то деле ты не совсем так считаешь, — промолвил он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Эта механическая рука, или как ее там назвать, была ведь вовсе не в седельном вьюке у несчастного Яго. Рэндом положил ее в твой вьюк. Вместе с продовольственными припасами. А когда мы поели, он сложил всю кухонную утварь в свой вьюк, как и раньше, а для руки там места не было, так что...

— Ах вот как! — сказал я. — Тогда, значит...

Ганелон кивнул.

— ...она сейчас у него с собой, — закончил он за меня.

— И рука, и сам Бенедикт... Черт побери! Что-то все это мне не слишком нравится. Эта рука и без того пыталась убить меня. Никто прежде не подвергался такой опасности в Небесном городе!

— Но с самим Бенедиктом-то все в порядке. Он на нашей стороне, даже если в данный момент у вас и возникли некоторые разногласия, верно?

Я не ответил.

Ганелон взял Дракона под уздцы и заставил остановиться. Потом внимательно посмотрел на меня:

— Корвин, что там все-таки случилось, наверху? Что ты там узнал?

Я колебался. А действительно, что такого особенного узнал я в том призрачном городе на небесах? Никто и никогда не мог быть уверен в том, что стоит за являющимися там видениями и предсказаниями. Вполне возможно, как мы порой и подозревали, что там просто воплощаются чьи-то невысказанные страхи и желания, смешанные порой с неосознанными догадками. Делать выводы и пытаться разумно обосновать пусть даже странные стечения реальных обстоятельств — это одно. Но подозрения, порожденные чем-то неведомым, видимо, следовало бы все же отмести в сторону, не придавая им особого значения. И все же как тут ни крути, а механическая рука была достаточно материальной...

— Я уже говорил тебе, — сказал я, — что отбил эту руку у призрака Бенедикта. По всей видимости, мы с ним боролись.

— И теперь тебе эта схватка представляется предвестницей реального поединка с Бенедиктом?

— Возможно.

— Однако там тебе было указано и на причину вашей ссоры, не так ли?

— Ну хорошо, — произнес я, слегка вздохнув. — Ты прав. Мне было дано понять, что Дара действительно является родственницей Бенедикта. Что, по-моему, вполне соответствует действительности. Также вполне возможно, что сам он об этом даже не подозревает. А потому давай умолчим об их родстве, пока не проверим этот факт. Договорились?

— Разумеется. Но как такое возможно?

— В точности так, как она и сказала.

— И она действительно его правнучка?

Я кивнул.

— От кого?

— От одной ведьмы, которую мы знаем только по слухам, — некоей Линтры, той самой дамы, которая стоила ему руки.

— Но ведь битва, в которой Бенедикт потерял руку, произошла совсем недавно.

— Время течет с разной скоростью в разных областях Теней, Ганелон. А в самых дальних его пределах... Это вовсе не является невозможным.

Он потряс головой и чуть ослабил узду.

— Корвин, я уверен: Бенедикту непременно следует об этом знать, — проговорил Ганелон твердо. — Если это правда, ты должен дать ему возможность как-то подготовиться, чтобы подобные новости не обрушивались на него как снег на голову. Вы, в вашем королевстве, какие-то все бесплодные, что ли? Во всяком случае, отцовство, похоже, является для вас куда более тяжким ударом, чем для любого нормального мужчины. Вон, посмотри на Рэндома. В течение многих лет он как бы и не имел сына, зато теперь!.. У меня такое ощущение, что он готов ради него жизнь отдать.

— И у меня тоже, — кивнул я. — А теперь забудь первую часть моего рассказа, однако не забывай о второй, чтобы сделать с ее помощью еще один шажок в истории с Бенедиктом.

— Ты думаешь, он принял бы сторону Дары в битве против Амбера?

— Я бы лучше вообще не предоставлял ему подобного выбора и не давал даже предположить, что подобный выбор существует. Если он действительно существует, конечно.

— По-моему, ты оказываешь Бенедикту плохую услугу. Он вовсе не похож на чересчур впечатлительного юнца. Пусти-ка в ход ваши карты да расскажи ему честно о своих подозрениях. По крайней мере заставишь его подумать как следует, а не оставишь совершенно неподготовленным в случае неожиданного нападения с ее стороны или чего-нибудь в этом духе.

— Он ни за что не поверит мне! Ты же видел, каким он становится, стоит мне упомянуть о Даре.

— Это и само по себе подозрительно. Возможно, *у него есть некоторые* сомнения на сей счет, и он так яростно отрицает подобную возможность именно потому, что иначе ему просто придется с ней смириться.

— Нет, в данный момент мой рассказ просто превратил бы ту трещину, что лежит меж нами и которую я пытаюсь все время загладить, в настоящую пропасть.

— А ты не боишься, что именно твое умалчивание может превратить эту трещину в непреодолимую пропасть, когда Бенедикт сам обнаружит правду?

— Нет. Я в этом уверен. И я знаю своего брата лучше, чем ты.

Ганелон выпустил поводья.

— Прекрасно, — сказал он. — Надеюсь, ты прав.

Я не ответил, лишь тронул коня за повод. Меж нами существовал негласный уговор: Ганелон мог спрашивать меня обо всем, что ему хотелось знать, а я

обязательно прислушаюсь к любому совету, который он сочтет нужным мне предложить. Так сложилось отчасти потому, что он занимал в моей жизни особое положение: мы с ним не были родственниками. Он даже родом не был из Янтарного королевства; проблемы Амбера касались его только потому, что он сам сделал такой выбор. Когда-то мы с ним были друзьями, потом врагами и наконец, не так давно, снова стали друзьями и союзниками в битве за избранную им страну. После той битвы Ганелон сам попросил меня взять его с собой, чтобы помочь мне разобраться как с моими собственными проблемами, так и с проблемами Амбера. Как мне представлялось, теперь никто из нас друг другу ровным счетом ничего не был должен — если только при подобных отношениях кому-то может прийти в голову делать зарубки на память, — и, таким образом, нас связывала одна лишь дружба, вещь куда более сильная, чем старые долги и вопросы чести. Вот эта-то дружба и давала ему право теребить меня, выпытывая ответы на такие вопросы, когда я даже Рэндома вполне мог бы послать ко всем чертям, если уж решил никому ничего не говорить. Я понимал, что не должен сердиться на Ганелона, ибо намерения у него самые добрые. Скорее всего во мне просто бунтовал старый вояка, командовавший армией еще в те времена, когда Ганелон был у меня в подчинении: я и до сих пор не люблю, когда мои решения и приказы подвергают сомнениям. Вот и теперь, возможно, я уже принял решение, однако был скорее даже раздосадован тем, что Ганелон только что сделал несколько дерзких, но вполне разумных догадок и несколько на редкость здравых предложений, на этих догадках основанных, — тогда как обо всем этом мне давно следовало бы догадаться самому. Никому не нравится признавать собственную глупость и справедливость высказываний ближнего...

И все же... неужели только это раздражало меня? Неужели только эта мимолетная обида и разочарование в собственных способностях? Или по-прежнему срабатывал старый рефлекс главнокомандующего, считающего собственное мнение непогрешимым? Или же это было нечто более глубокое, то, что не давало мне покоя все время и только сейчас выплывало на поверхность?

— Корвин, — сказал Ганелон, — я вот тут как раз думал...

Я вздохнул:

— Да?

— ...о сыне Рэндома. Ваша семейная способность к немыслимой регенерации, по-моему, дает основания предполагать, что он выжил и мы еще встретимся.

— Мне тоже хотелось бы на это надеяться.

— Тогда не спеши.

— Что ты хочешь сказать?

— На мой взгляд, у Мартина было крайне мало контактов с Амбером и членами вашей семьи, поскольку рос он в Ребме, в совершенно иных условиях...

— Именно так.

— И я думаю поэтому, что вдали от Бенедикта — и Ллевеллы, оставшейся в Ребме, — единственным человеком, который нанес ему предательский удар, мог быть только тот, кто хоть в какой-то степени был ему близок и имел с ним некую связь, то есть Блейз, Брэнд или Фиона. Видимо, у него были довольно смутные представления об отношениях внутри вашей семьи.

— Смутные, — кивнул я, — однако, как мне кажется, вполне обоснованные, если я правильно понимаю тебя.

— По-моему, да. И мне представляется вполне возможным, что Мартин не только боится вашей семейки, но и вступил с кем-то из ее представителей в сговор.

— И это тоже возможно, — согласился я.

— А как ты думаешь, мог он сговориться с кем-нибудь из наших противников?

Я покачал головой:

— Нет, если знает, что он принадлежит к той группировке, которая пыталась его уничтожить.

— А что, если он к ней не принадлежит? Интересно... Вот ты говорил, например, что Брэнду надоели их игры и он пытался расстаться со своими союзниками, которые затевали дружбу с чудовищными посланниками Черной дороги. А что, если эти твари настолько сильны, что Фиона и Блейз стали игрушками в их руках? Если положение дел действительно таково, то я вполне могу вообразить, как Мартин закидывает удочку, чтобы поймать что-то или кого-то, способное дать ему возможность одержать над ними верх.

— Слишком сложная система предположений, — сказал я.

— Однако твой враг, похоже, знает о тебе довольно много.

— Это верно, но и у них найдется парочка предателей, чтобы преподать им нужные уроки.

— А не могли ли они рассказать этим предателям все то, что, как ты говоришь, знала Дара?

— Интересная точка зрения, — заметил я, — однако что-либо сказать наверняка тут сложно. — Разве что проверить историю с Текисами? Это только сейчас пришло мне в голову. Однако я решил пока что попридержать идею, а сперва узнать, к чему клонит Ганелон, и не уходить от основной темы столь внезапно. — Мартину вряд ли удалось много рассказать кому-то об Амбере.

Некоторое время Ганелон молчал. Затем спросил:

— А у тебя так и не было возможности что-нибудь выяснить насчет того вопроса, который я задал тебе в ту ночь у твоей гробницы?

— Какого вопроса?

— Нельзя ли подделать ваши карты? — сказал он. — Нам известно, что у Мартина есть целая колода...

Теперь пришлось помолчать мне, пережидая, пока целая толпа воспоминаний пересекает мой путь, стараясь непременно лизнуть меня своими липкими языками.

— Нет, — сказал я. — Такой возможности у меня пока не было.

Мы довольно долго продвигались дальше в молчании, а потом Ганелон вдруг произнес:

— Корвин, в ту ночь, когда ты привез Брэнда назад... помнишь?

— Да, и что?

— По твоим словам, ты подозревал тогда абсолютно всех, пытаясь выяснить, кто же ткнул тебя в бок ножом, и, по твоим же словам, любой из них вполне был способен на подобный фокус в столь удобный момент...

Я нахмурился.

— Ну и ну...

Он кивнул:

— Теперь у тебя появился еще один родственник, о котором тоже нужно подумать. Ему, возможно, недостает фамильной изысканности и изощренности только потому, что он слишком молод и практики у него маловато.

Мне только и оставалось, что мысленно вернуться к тому молчаливому параду мгновений, что отделял Амбер до моего возвращения от Амбера после оного.

IV

— Кто там? — спросила она, когда я постучался, и я ответил. — Подожди минутку.

Я услышал ее шаги, потом дверь отворилась. Виола вряд ли была выше пяти футов ростом и казалась удивительно хрупкой. Брюнетка, тонкие черты лица, нежный и тихий голос, красное платье... Ее невидящие глаза смотрели как бы сквозь меня, напоминая мне о былой тьме, о боли.

— Рэндом, — сказал я, — просил передать, что он задержится еще чуть дольше, но беспокоиться тебе абсолютно не о чем.

— Пожалуйста, войди, — пригласила она, отступая чуть в сторону и еще шире распахивая передо мной дверь.

Я вошел. Хотя и не собирался. Я и просьбу-то Рэндома на самом деле выполнять не собирался — но почему-то честно рассказал Виоле и о том, что случилось, и о том, куда он сейчас отправился. Сперва я хотел просто сообщить ей то, что уже сказал, и ничего больше. Ведь только когда мы с ним разъехались, до меня дошло, к чему, собственно, вела его просьба: вот так, запросто, он попросил меня сообщить его жене, с которой я до сих пор и десятком слов не обмолвился, что он уехал искать своего незаконнорожденного сына — того самого, чья мать, Моргента, вскоре после его появления на свет покончила жизнь самоубийством, из-за чего Рэндома и наказали, насильно заставив жениться на Виоле. То, что этот брак, неведомо почему, оказался счастливым — да нет, просто прекрасным, — до сих пор удивляло всех. У меня не было ни малейшего желания вываливать на Виолу целую кучу малоприятных известий, и я, входя в комнату, судорожно пытался что-нибудь придумать.

Я прошел мимо бюста Рэндома, помещенного довольно высоко на полке слева от меня. И вдруг до меня дошло, что в этом доме мой брат — действительно хозяин и повелитель. В дальнем конце комнаты я увидел рабочую скамеечку Виолы. Обернувшись, я еще раз внимательно посмотрел на бюст.

— Я даже как-то не сразу понял, что это твоя работа.

— Моя.

Вскоре я обнаружил и другие примеры ее творчества.

— Знаешь, все очень и очень неплохо, — сказал я.

— Спасибо. Может быть, присядешь?

Я опустился в большое с высокими подлокотниками кресло, которое оказалось на удивление удобным. Сама она уселась на низенький диванчик справа от меня и поджала ноги.

— Может быть, хочешь поесть или выпить чего-нибудь?

— Нет, спасибо. Я ведь буквально на минутку. Дело в том, что Рэндом, Ганелон и я несколько сбились с пути, возвращаясь домой, а потом еще повстречались с Бенедиктом, что тоже отняло какое-то время. Но самое главное, именно в результате этой встречи Рэндом и Бенедикт были вынуждены предпринять еще одно небольшое путешествие.

— Как долго он будет отсутствовать?

— Может быть, всю ночь. Или чуть дольше. Если это сильно затянется, он, вероятно, свяжется с кем-нибудь с помощью карт, и мы дадим тебе знать.

Бок у меня отчего-то разболелся, и я, прижав к нему руку, начал его тихонько массировать.

— Рэндом мне столько рассказывал о тебе, — промолвила Виола.

Я хмыкнул.

— Ты уверен, что не хочешь перекусить? Право, меня бы это нисколько не затруднило.

— Разве он не сказал тебе, что я всегда голоден?

— Нет, — засмеялась она. — Но если все было так, как ты говоришь, то легко догадаться, что у тебя просто не было времени поесть, да и сил ты потратил немало.

— Ну, отчасти ты, пожалуй, права. Ладно, если у тебя случайно завалялся кусок хлеба, можешь дать его мне; пожевать не повредит.

— Отлично. Тогда подожди минутку, пожалуйста.

Она встала и вышла в соседнюю комнату. Теперь я мог наконец всласть почесать бок вокруг заживающей раны, которая вдруг начала свербеть. Отчасти из-за этого я и согласился воспользоваться гостеприимством Виолы; а кроме того, я вдруг понял, что ужасно голоден. Лишь позднее я догадался, что она бы все равно не заметила, что я чешусь. Ее уверенные движения, доверительная манера почему-то заставили меня совсем позабыть о том, что она слепая. Ну и отлично. Я был рад, что Виола держится молодцом.

Я услышал, как она в соседней комнате напевает «Балладу о пересекающих морские просторы», любимую песню Великого Торгового флота Амбера. Янтарное королевство никогда не отличалось развитой промышленностью, да и сельское хозяйство отнюдь не было нашей сильной стороной. Однако наши суда способны были заплывать как угодно далеко в Тени и прокладывали курс между любыми точками мира, торгуя буквально всем на свете. Практически все мужчины Королевства, как благородные, так и простолюдины, какое-то время отдавали Торговому флоту. И именно сыновья самых благородных семей в стародавние времена прокладывали торговые пути для последующих поколений, бороздя моря десятков миров и нанося на карты их очертания; картами пользовались потом многие и многие сотни других капитанов. Когда-то и я участвовал в этом, хотя моя помощь, разумеется, никогда не была столь велика, как Джерарда или Кейна; но и меня глубоко волновало могущество морских просторов и сила духа тех, кто эти просторы покоряет.

Вскоре Виола вернулась с тяжелым подносом, нагруженным хлебом, мясом, сыром, фруктами и графином вина. Она поставила поднос на столик возле моего кресла.

— Ты что, целый полк накормить решила? — спросил я.

— Ничего страшного, даже если ты что-то и не доешь.

— Вот спасибо! А может, и ты ко мне присоединишься?

— Ну, может, что-то из фруктов и съем, — сказала Виола.

Пальцы ее скользнули над блюдом, поймали яблоко, и она вернулась на свой диванчик, мурлыча все тот же напев.

— Рэндом говорит, что это твоя песня, — прервавшись, сказала она.

— Это было очень, очень давно, Виола.

— А в последнее время ты ничего такого не сочинял?

Я хотел было покачать головой, потом спохватился и сказал вслух:

— Нет. Эта часть моей души... пока отдыхает.

— Очень жаль. Такая прелестная мелодия!

— Настоящий-то музыкант в нашей семье как раз Рэндом.

— Да, он очень хороший музыкант. Однако исполнительство и композиция — совершенно разные вещи.

— Это верно. Ну ладно, когда-нибудь, когда все успокоится... Скажи, а ты счастлива здесь, в Амбере? Все ли тебе здесь по вкусу? Нет ли у тебя в чем нужды?

Виола улыбнулась:

— Мне лишь бы Рэндом был рядом. Он такой хороший!

Я был как-то странно тронут ее детской, восторженной манерой говорить о нем.

— Раз так, то я очень рад, — сказал я. И прибавил: — Рэндом значительно моложе нас... он, возможно, переживал многое более болезненно, чем остальные. Нет ничего более бессмысленного, чем рождение в семье еще одного принца, когда их и без того целая армия. Впрочем, в его детских горестях я не менее виновен, чем другие. Как-то раз мы с Блейзом высадили его на крошечный островок к югу отсюда...

— ...а Джерард, едва узнав об этом, отправился туда и вызволил его, — подхватила Виола. — Да, он мне об этом рассказывал. Неужели твоя вина до сих пор не дает тебе покоя? Ведь прошло столько лет!

— Так ведь и он тоже, наверно, об этом до сих пор не забыл.

— Нет, Рэндом давным-давно уже вас простил. Он об этом рассказывал как о веселой шутке. А еще он рассказывал, как вбил гвоздь в каблук твоего сапога, и гвоздь, выйдя наружу, буквально насквозь проткнул тебе пятку, стоило тебе этот сапог надеть.

— Так это все-таки был Рэндом! Черт меня побери! А я-то всегда винил Джулиана...

— Да, тот поступок действительно беспокоит Рэндома до сих пор.

— Господи, как же давно все это было... — произнес я.

Покачав изумленно головой, я снова принялся за еду, вдруг ощутив страшный голод. Виола несколько минут молчала, давая мне как следует насытиться. Немного утолив голод, я почувствовал необходимость что-нибудь сказать.

— Да, так значительно лучше. Значительно! — благодарно сообщил я. — Знаешь, после этой странной и полной искушений ночи, которую я провел в Небесном городе, силы мои явно истощились.

— Получил ли ты там какие-нибудь полезные предзнаменования?

— Не знаю, насколько полезными они могут оказаться... А впрочем, лучше иметь их, чем не иметь. Скажи: что нового в Амбере?

— По-моему, ничего. От служанки я узнала, что твой брат Брэнд продолжает поправляться. Он хорошо поел сегодня утром, что вселяет надежду на его скорое выздоровление.

— Приятно слышать, — сказал я. — И, по всей видимости, он уже вне опасности.

— Похоже, что так. Но что это... за череда ужасных и странных неожиданностей, жертвами которых оказались вы все? Меня это очень огорчает. Я так надеялась, что ты, может быть, получишь какие-то указания этой ночью в Тир-на Ног'тхе!

— Все это ерунда, — ответил я. — Я вовсе не уверен в ценности подобных указаний.

— Но тогда зачем же... Ох, извини.

Я рассматривал Виолу с каким-то новым интересом. По ее лицу по-прежнему ничего особенного прочесть было нельзя, но правая ее рука непроизвольно сжималась и разжималась, поглаживая и пощипывая обивку дивана. Потом, словно спохватившись, Виола оставила диван в покое. Она, очевидно, была тем человеком, который уже ответил на свой самый главный вопрос и хочет только, чтобы об этом больше никто не узнал.

— Да нет, — промолвил я, — ты права: я соврал. Ты знаешь, что меня там ранили?

Она молча кивнула.

— Это ничего, что Рэндом сказал тебе; я на него не сержусь, — продолжал я. — Ему всегда было свойственно обо всем судить резко и сразу вставать в оборонительную позицию. Впрочем, это вовсе не так уж плохо. Мне только нужно знать, как много ты от него узнала — ради твоей безопасности и моего спокойствия. Ибо я полагаю, что тебе известно не все.

— Понимаю. Это всегда трудно — приуменьшить опасность в рассказе... то есть что-то выпустить из него... Видишь ли, Рэндом от меня практически ничего не утаивает. Я знаю и твою историю, и большую часть историй остальных членов семьи. Он держит меня в курсе событий и обстоятельств, а также собственных сомнений и подозрений...

— Спасибо, — сказал я, прихлебывая вино, — теперь мне уже гораздо легче говорить, и я тоже намерен поведать тебе все — во всяком случае, обо всем случившемся за то время, что прошло после завтрака до сего момента...

Так я и поступил.

Виола порой улыбалась во время моего рассказа, но ни разу не прервала меня. Когда же я закончил, она спросила:

— Так ты боялся, что упоминание о присутствии в нашей жизни Мартина огорчит меня?

— Мне казалось, что это возможно, — признался я.

— Нет. Как раз напротив... Видишь ли, я знала Мартина в Ребме еще совсем маленьким. И позже, когда он начинал подрастать... И всегда очень его любила. Так что, даже если бы он не был сыном Рэндома, он все равно оставался бы мне дорог. А теперешняя забота и беспокойство Рэндома о нем мне даже приятны, ибо я знаю, что они своевременны и пойдут на пользу им обоим.

Я покачал головой.

— Мне за мою долгую жизнь нечасто приходилось встречать таких женщин, как ты, — искренне сказал я. — Я рад, что наконец мне повезло и мы с тобой встретились.

Она рассмеялась:

— Ты ведь тоже долгое время был незрячим?

— Да, а что?

— Слепота может наполнить человека горечью, но она же способна дать ему великую радость среди людей и вещей, которые ему близки.

Мне не нужно было вспоминать ощущения тех дней, когда я оставался слепым, чтобы догадаться: я-то определенно принадлежу к первому типу людей, даже если сбросить со счетов те обстоятельства, при которых меня постигло это страшное несчастье. Очень жаль, но таков уж я: не умею довольствоваться малым. Действительно, очень жаль!

— Ты права, — сказал я. — И тебе повезло.

— На самом деле это всего лишь состояние души — то, что способен легко оценить лишь Повелитель теней. — Виола встала. — Мне всегда хотелось знать, как ты выглядишь, — сказала она. — Рэндом, конечно, описывал тебя, но это не совсем то... Можно мне?..

— Ну конечно!

Она подошла ко мне совсем близко и коснулась кончиками пальцев моего лица, нежными прикосновениями долго исследовала мои черты.

— Да, — подвела она итог, — в основном ты именно такой, каким мне и представлялся. Но я чувствую в тебе какое-то напряжение. И оно не уходит из твоей души уже очень и очень давно, верно?

— По-моему, с тех пор, как я вернулся в Амбер.

— Интересно, мог бы ты стать счастливее, если бы не восстановил свою память?

— Это один из тех вопросов, на которые нет ответа, — сказал я. — Если бы я не восстановил память, я вполне мог бы уже давно быть мертвым. Но если, чисто абстрактно, на минутку забыть об этом, то в той моей жизни все же было что-то очень для меня привлекательное, волнующее. Я каждый день искал возможность выяснить, кто же я на самом деле такой или что я такое...

— Но был ли ты тогда счастливее, чем теперь? Или нет?

— Ни то ни другое, — ответил я. — Все всегда как-то само собой уравновешивается. Все это, по твоим же собственным словам, всего лишь состояние души. И даже если бы это было не так, я все равно никогда не смог бы вернуться к прежней жизни теперь, когда знаю, кто я такой, когда я уже отыскал Амбер.

— Почему же нет?

— А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Я хочу тебя понять, — медленно проговорила Виола. — С тех самых пор как я впервые услышала о твоем возвращении там, в Ребме, даже еще до того, как Рэндом начал рассказывать мне всякие истории, я хотела знать, что же именно заставило тебя с таким трудом пробиваться сюда. И вот теперь у меня есть возможность — хотя, конечно, нет никакого права, всего лишь возможность — расспросить тебя самого. И я чувствую, что мне можно и даже нужно

использовать эту возможность, невзирая на мое положение в этой семье и всякую субординацию.

Я криво усмехнулся:

— Умно ты это преподнесла!.. Что ж, постараюсь быть честным. Сперва меня гнала сюда ненависть — ненависть к моему брату Эрику. И еще — желание заполучить трон. Если бы ты спросила меня, когда я только что вернулся, которое из этих чувств было сильнее, я бы сказал: жажда власти. Теперь, однако... пожалуй, нужно признать, что это не совсем так: и то и другое отчасти было просто уловкой. До сих пор я, пожалуй, даже не сознавал этого. Однако Эрик мертв, и у меня не осталось в помине той ненависти, которую я испытывал тогда. Место правителя вакантно, но мне кажется, что теперь я испытываю к престолу весьма смешанные чувства. Возможно, ни один из нас при теперешних обстоятельствах не имеет права на трон Амбера, и даже если бы были устранены все противоречия в нашем семействе, в данный момент я бы его не принял. Я бы непременно позаботился сперва о том, чтобы в Королевстве восстановилась некая стабильность, а также попытался бы ответить еще на некоторое количество нерешенных вопросов.

— Даже если бы ответы на них указали, что ты, возможно, и не сядешь на этот трон?

— Даже в этом случае.

— Тогда я начинаю понимать.

— Что? Что тут понимать?

— Лорд Корвин, мои знания философских основ этих явлений весьма ограниченны, но, по-моему, ты способен отыскать все что угодно в Тенях. Это тревожная для меня тема, и я никогда до конца не понимала объяснений Рэндома. Но ведь вы действительно, если захотите, можете не только странствовать по Теням, но и отыскать для себя другой Амбер — в точности такой же, как этот, во всех отношениях, за исключением того, что там-то вы получили бы возможность сесть на трон и наслаждаться тем, что дает истинно королевский статус?

— Да, мы можем отыскивать подобные места, — сказал я.

— Тогда почему же вы этого не делаете, чтобы положить конец раздорам?

— Потому, что то место способно лишь казаться нам точно таким же, как Амбер, и не больше. Мы все являемся частью нашего Янтарного королевства точно так же, как и оно является частью нас самих. А потому любая тень Амбера должна непременно быть населена нашими тенями, чтобы хоть на что-нибудь быть годной. Мы можем даже воплотиться в собственную тень, если вдруг согласимся переместиться в такое вот готовенькое королевство. Однако же существа в Тенях никогда не бывают в точности такими же, как здесь. И тень никогда не бывает точным повторением того предмета, который ее отбрасывает. Их очень много, этих маленьких отличий, и на самом деле они куда хуже, чем основные отличия между двумя различными существами. В итоге ты вполне можешь оказаться в стране, населенной совершенно чужими и чуждыми тебе людьми. Представь — ничего лучше мне в голову не приходит, — что порой ты встречаешься с человеком, ужасно похожим на кого-то из твоих хороших знакомых, и, разумеется, все время ждешь, что он начнет вести себя, как этот твой хороший знакомый. Но гораздо хуже, что ты сам постоянно ведешь себя так,

словно рядом с тобой тот, другой. Ты смотришь на него, будто надев некую маску, и его реакция на тебя, тоже тебя не устраивающая, кажется гнусным притворством. Это очень беспокойное, просто ужасное ощущение. Я всегда не любил встречаться с такими людьми, которые напоминают мне кого-то другого. Целостность личности — вот то единственное, что нам не подвластно при наших манипуляциях с Тенями. Хотя именно благодаря нерушимости нашей личностной характеристики мы и можем связываться друг с другом. Именно поэтому Флора так долго колебалась на мой счет там, на Земле, когда я сбежал из лечебницы: моя новая личностная характеристика казалась ей в достаточной степени изменившейся.

— Я начинаю понимать, — сказала Виола. — Амбер для вас не просто место рождения и возможного правления. Это вся ваша жизнь, весь установленный для вашего рода миропорядок.

— Да, это вся наша жизнь... И основа нашего мира, — подтвердил я ее слова.

— Ты говоришь, что ненависть твоя умерла вместе со смертью Эрика, а твое желание получить трон было значительно ослаблено размышлениями над теми новыми вещами, которые ты постиг?

— Именно так.

— В таком случае я, кажется, действительно понимаю, что движет тобою...

— Мною движет желание стабильности, — сказал я, — и еще некое любопытство... и желание отомстить нашим врагам...

— Долг, — сказала она. — Ну конечно.

Я хмыкнул:

— Да, это слово звучит весьма утешительно и благородно, да только мне отчего-то быть лицемером не хочется. Вряд ли я такой уж послушный долгу сын Амбера. Или Оберона.

— Ты нарочно говоришь таким тоном; ты просто не хочешь, чтобы тебя считали таковым.

Я закрыл глаза. Закрыл для того, чтобы присоединиться к ней в темноте, вспомнить ненадолго тот мир, где зрительные образы не влияют на восприятие. И тут я понял, как права была она, в том числе и насчет моего тона. С чего это я принялся глумиться над понятием долга? Я же люблю, когда меня хвалят за доброту, честность и благородство, за мой ум, даже когда я кажусь себе не совсем таким — как и всякий другой человек. Что так задело меня при упоминании моего долга по отношению к Амберу? Ничего. Так в чем же дело?

Отец.

Я уже больше ничего ему не должен, я свободен от всех обязательств перед ним. В конечном счете именно он виноват в теперешнем положении дел. Он породил нас в таком количестве, ничем не обеспечив ни справедливого наследования, ни доброго отношения к нашим матерям, и при этом он еще ожидал от нас любви, преданности и поддержки. Он играл своими фаворитами, а на самом деле, похоже, играл и нами, натравливая нас друг на друга. А затем он оказался замешанным в чем-то таком, с чем сам не смог справиться, и спешно покинул Королевство.

Зигмунд Фрейд, хвала ему, давным-давно дал мне обезболивающее и вернул к нормальным для нашей семейки чувствам отвращения и ненависти, которые толь-

ко и могли здесь править. И при этих условиях никаких ссор и споров ни с кем у меня не возникало. Факты — дело другое. Я не могу сказать, что не любил своего отца только потому, что он не давал мне никаких причин любить его; по правде говоря, мне казалось, что он трудился как раз в противоположном направлении. Ну и хватит об этом. Я наконец понял, что именно так взбесило меня при упоминании о долге: сам его объект.

— Ты права, — сказал я, открывая глаза и глядя на нее, — и я рад, что сказала мне об этом именно ты.

Я поднялся, собираясь уходить.

— Дай мне руку.

Она протянула мне свою правую руку, и я поднес ее к губам.

— Спасибо, — сказал я. — Еда был замечательной.

Я повернулся и направился к двери. Когда я оглянулся, то увидел, что Виола покраснела от смущения и улыбается, а рука ее так и осталась протянутой ко мне. И тут я начал понимать, почему в Рэндоме произошли такие перемены.

— Счастья тебе и удачи, — сказала она, услышав, что я остановился.

— ...И тебе, — сказал я и быстро закрыл за собою дверь.

Затем я собирался повидать Брэнда, но почему-то никак не мог заставить себя сделать это. С одной стороны, не хотелось встречаться с ним, когда голова совсем отупела от усталости. С другой — разговор с Виолой был первым моим приятным впечатлением за весьма длительное время, и ужасно не хотелось его портить, хотя именно сейчас я несколько воспрянул духом.

Я поднялся по лестнице и прошел по коридору в свою комнату, вставил свой новый ключ в новый же замок. В спальне я задернул шторы, чтобы не так ярко светило полуденное солнце, разделся и лег в постель.

Как всегда после стресса, сон пришел не сразу. Я довольно долго ворочался, сминая простыни и оживляя в памяти события нескольких последних дней, а также кое-что из далекого прошлого. Когда же наконец я уснул, то и во сне меня преследовали те же события, ужасное заклятие, произнесенное мною некогда в темной тюремной камере, и нацарапанная на двери картина, помогшая мне бежать.

Было темно, когда я проснулся и действительно почувствовал себя отдохнувшим. Напряжение улеглось, полусонные мысли были куда более мирными. И только где-то в области затылка будто ощущалось некое приятное возбуждение, какая-то несложная обязанность, не дававшая мне покоя. На кончике языка вертелось заветное слово, глубоко похороненное давнее намерение...

Да!

Я сел. Потянулся за одеждой и стал одеваться. Надел ремень и пристегнул Грейсвандир. Потом свернул одеяло по-армейски и сунул себе под мышку. Ну конечно...

Голова была совершенно ясной, бок ничуточки не болел. Я понятия не имел, сколько времени проспал, и вряд ли теперь это имело значение. Мне предстояло заглянуть в одно очень интересное место, где нечто должно было случиться со мной давным-давно — да нет, совершенно точно случилось! Я когда-то уже бывал там, однако надлом во времени и течении событий сместил что-то в моей памяти. Но теперь я вспомнил.

Я запер за собой дверь и двинулся к лестнице. В коридоре свечи мигали от сквозняка, и вылинявший олень на гобелене на правой стене, что умирал в течение долгих веков, оглядывался в ужасе на столь же вылинявших охотничьих псов, которые столько же веков преследовали его. Порой мои симпатии были на стороне оленя, однако обычно я все же чувствовал себя охотничьим псом. И теперь я должен был во что бы то ни стало восстановить то, что кануло в далекое прошлое.

По лестнице и вниз, откуда не доносилось ни звука. Значит, очень поздно. Это хорошо. Прошел еще один день, и мы все еще живы. И, возможно, даже стали немножко умнее. Во всяком случае, настолько, чтобы понять, что существует еще огромное количество вещей, которые нам неведомы. Хотя надежда узнать их не утрачена. Вот чего мне недоставало, когда я сидел, скорчившись и воя от боли в той проклятой камере и прижав руки к выжженным глазам. Виола! Как бы хорошо было тогда поговорить с тобой хоть несколько минут! Но я учился в отвратительной школе, где даже более щадящий курс обучения не оставил бы места твоемумилосердию. И все же... трудно сказать. Я всегда чувствовал себя куда больше охотничьим псом, чем загнанным оленем, куда больше охотником, чем жертвой. Ты, возможно, кое-чему и сумела бы научить меня, смягчила бы горечь, умерила ненависть. Но вот было бы это к лучшему для меня? Не уверен. Ненависть и так умерла вместе с тем, к кому я ее испытывал, а горечь прошла сама собой — но, оглядываясь назад, я все задавал себе вопрос: выполнил бы я свою задачу, если бы горечь и ненависть не поддерживали меня? Выжил бы в своей темнице без этих своих безобразных друзей, что упорно тащили меня назад, к жизни и здоровью? Это теперь я могу позволить себе роскошь порой представить себя оленем, а тогда подобные мысли могли оказаться для меня смертельно опасными. О нет, милая дама, я совсем не уверен в том, что было бы для меня тогда лучше, и вряд ли когда-нибудь узнаю это.

На втором этаже было все недвижимо и тихо. Снизу доносился слабый шум. Спите сладко, милая дама... Еще один поворот по лестнице. Интересно, догадался ли Рэндом, что великий момент уже наступил? Скорее всего нет, иначе он или Бенедикт уже вышли бы на связь со мной. А что, если с ними что-то случилось?.. Глупейшее занятие — самому будить лихо. Пусть будет что будет, мне совершенно осточертело ходить вокруг да около.

Первый этаж.

— Уилл? — окликнул я. — Ролф?

— Лорд Корвин!

Оба стражника, завидев меня, вытянулись по стойке «смирно». По их лицам я понял, что все в порядке, но ради проформы спросил, как дела.

— Все тихо, лорд Корвин, все в порядке, — ответил старший из них.

— Вот и отлично, — сказал я и двинулся дальше, входя в мраморный обеденный зал.

Это должно сработать! Обязательно! Если только время и влажность не совсем уничтожили его... И тогда...

Я миновал длинный коридор, где пыльные стены почти смыкались у меня над головой. Темнота, тени, мои шаги...

Я подошел к двери в конце коридора, открыл ее и остановился на площадке. Потом стал спускаться в подземные пещеры Колвира, вниз по винтовой лесен-

ке, мимо горящих по обе стороны редких фонарей. Рэндом был прав: если что-то изобразить примерно на уровне той далекой площадки, где светился Подлинный Путь, который мы видели сегодня утром, то сходство непременно будет весьма близкое.

Еще вниз. Во мраке извивались и покачивались на стенах тени. Последний факел — и залитый светом фонаря сторожевой пост показался мне декорацией, забытой и абсолютно застывшей, будто вделанной в стену. Я спустился с последней ступеньки и пошел к посту.

— Добрый вечер, лорд Корвин, — с лучезарной улыбкой поздоровался со мной тощий, похожий на покойника человечек, удобно прислонившийся спиной к ящику для всякого барахла и куривший трубку.

— Добрый вечер, Роджер. Как дела у обитателей нижнего мира?

— Тут только крысы, летучие мыши да пауки. А больше ничто и не движется даже. Мир да покой.

— Тебе нравится эта служба?

Он кивнул:

— Я пишу философский роман с элементами болезненной мистики и всякими ужасами. Здесь отлично работается.

— Да, весьма подходящее местечко, — согласился я. — Кстати, не найдется ли у тебя фонаря?

Роджер вытащил фонарь из своего сундука и зажег его с помощью свечи.

— А конец романа будет счастливым? — поинтересовался я.

Он пожал плечами:

— Счастливым буду я, это уж точно.

— Я хотел спросить, торжествует ли там у тебя добро и завоевывает ли герой сердце героини? А может, ты всех своих героев предаешь смерти?

— Ну это вряд ли было бы справедливо.

— Ладно, не обращай на мои вопросы внимания. Может, и мне когда-нибудь удастся еще прочитать твой роман.

— Может быть, — сказал он спокойно.

Я взял фонарь и пошел туда, куда не ходил уже очень давно. И обнаружил, сколь сильны еще отголоски былого в моей душе.

Вскоре, двигаясь вдоль стены, я определил нужный мне коридор и вошел в него. Теперь оставалось просто считать шаги. Ноги сами знали путь.

Дверь в мою старую камеру находилась чуть в стороне от других. Я поставил фонарь на пол и обеими руками налег на дверь, чтобы открыть ее как можно шире. Она подавалась со скрипом и ворчаньем, даже со стонами. Затем я поднял фонарь повыше и вошел внутрь.

Тело у меня сразу онемело, а в животе свернулся холодный тугой комок. Начался озноб, и я с трудом поборол сильнейшее желание выскочить отсюда, захлопнуть за собой дверь и сбежать куда глаза глядят. Я не ожидал от себя подобной реакции. Я боялся хотя бы на шаг отойти от этой тяжелой, обитой бронзой двери: казалось, что она непременно захлопнется у меня за спиной и тут же будет заперта на все засовы. Какое-то мгновение я не испытывал ничего, кроме чистейшей воды ужаса при виде этой крошечной грязной клетушки. Потом заставил себя сосредоточиться на частностях — на той дыре в полу, что заменяла мне уборную; на черном пятне, где я развел костер в последний день... Я провел

левой рукой по внутренней поверхности двери и обнаружил следы тех царапин, которые нанес некогда черенком сломанной ложки. Я вспомнил, чего стоила моим рукам эта попытка вырезать замок. Потом наклонился, чтобы рассмотреть свою работу поближе. Бороздки были совсем поверхностными, вовсе не такими глубокими, как казалось мне тогда, во всяком случае по сравнению с толщиной двери. Я только сейчас осознал, как сильно преувеличивал свои слабые силы в стремлении вырваться на свободу. Я отошел от двери и посмотрел на стену.

Рисунок был виден очень слабо, пыль и влажность сделали свое дело. Но я все еще мог разглядеть очертания маяка Кабры, изображенного все тем же черенком сломанной ложки. И волшебство все еще ощущалось в этом наброске, что в итоге дало мне возможность оказаться на свободе. Я чувствовал эту волшебную силу, даже не взывая к ней.

Я повернулся лицом к другой стене.

Тот рисунок, на который смотрел я сейчас, сохранился хуже, но ведь он и выполнен был в ужасающей спешке, при свете последних нескольких спичек. Я даже не все мог разобрать на нем, хотя память помогала восстановить кое-какие детали, что были теперь не видны. Передо мной какая-то комната или библиотека, где вдоль всех стен тянутся полки с книгами; на переднем плане — рабочий стол, за ним виднеется глобус... Интересно, подумал я, а что, если попытаться стереть с картины пыль?

Я поставил фонарь на пол и вернулся к другому рисунку, уголком одеяла попытался осторожно протереть участок возле самого фундамента маяка. Линия стала более четкой. Я еще раз протер рисунок, нажимая чуть сильнее, и, к несчастью, несколько нарушил при этом линию.

Я отступил от стены и оторвал широкий лоскут от края одеяла. Затем свернул остаток в некое подобие подушки и уселся на нее. А потом медленно, осторожно принялся за работу над маяком. Мне необходимо было как следует потренироваться, определить нужный нажим и тому подобное, прежде чем пробовать очистить другую картину.

Через полчаса я встал, потянулся, сделал несколько наклонов и как следует растер затекшие ноги. Изображение маяка было теперь чистым, однако я разрушил процентов двадцать рисунка, прежде чем догадался, с какой силой нужно нажимать на тряпку. Вряд ли, решил я, удастся добиться лучших результатов.

Фонарь мигнул и плюнул в меня, когда я передвинул его на другое место. Я развернул одеяло, оторвал от него новую полосу и снова свернул в виде подушки. Эту подушку я подложил себе под колени, опустился на пол и принялся за работу.

Через некоторое время мне удалось увидеть то, что скрывалось под слоем пыли. Я, например, совсем забыл о черепе на столе, пока осторожное прикосновение тряпки не открыло его моему взору. И еще я вспомнил тот угол у дальней стены и толстенную свечу в подсвечнике... Я отшатнулся. Было бы рискованно пытаться расчистить еще что-то. Да, может, и не стоило. Все это выглядело совершенно таким же, каким было когда-то.

Фонарь снова замигал. Ругая Роджера за то, что он не проверил, достаточно ли в нем керосина, я встал, держа фонарь примерно на уровне плеча слева

от себя. И постарался забыть обо всем, кроме находившейся передо мной картины.

По мере того как я смотрел на нее, она обрела даже некое подобие перспективы. Еще через мгновение она была уже совершенно трехмерной и значительно расширилась, полностью заняв поле моего зрения. Тогда я шагнул вперед и поставил фонарь на край письменного стола.

Я обшаривал глазами комнату. На всех четырех ее стенах были книжные полки. Никаких окон. На дальнем конце — две двери, налево и направо, одна напротив другой; одна закрыта, другая чуть приоткрыта. Возле приоткрытой двери был еще длинный низенький стол, заваленный книгами и бумагами. Странный, причудливый беспорядок царил повсюду; книги на полках были навалены как попало, кое-где оставались пустые места; на стенах были какие-то непонятные ниши и выступы — там помещались кости, камни, керамика, глиняные таблички с письменами, увеличительные стекла, веера и инструменты неведомого мне предназначения... На огромном ковре, похоже, был изображен Ардебил*. Я сделал шаг в этом направлении, и мой фонарь снова зашипел и плюнул. Я взял его в руку, и тут фонарь погас совсем.

Я прорычал какое-то ругательство и поставил его обратно. Потом медленно повернулся, ища хоть какой-нибудь источник света. Нечто напоминающее ветку кораллов слабо светилось на полке у противоположной стены, слабое свечение также исходило из-под закрытой двери. Я бросился туда.

Дверь я открывал как можно тише. Комната, в которой я очутился, казалась необитаемой. Это была маленькая, без окон нора, слабо освещенная тлеющими углями в небольшом очаге слева от меня. Каменные стены комнаты аркой сходились над головой. Очаг, возможно, был устроен в естественной нише. В дальней стене виднелась большая, окованная железом дверь; из замка торчал огромный ключ.

Я прихватил с собой из библиотеки свечу и двинулся по направлению к камину, чтобы разжечь в нем огонь поярче. Однако, опустившись на колени и начав раздувать полупотухшие угли, я услышал тихие шаги совсем рядом, у порога.

Обернувшись, я увидел его. Примерно пять футов высотой, горбатый, волосы и борода еще длиннее, чем помнилось мне. Дворкин был в ночной рубахе до щиколоток, в руках держал масляную лампу, а темные глаза его остро вглядывались во тьму, стараясь разглядеть меня у перепачканного сажей камина.

— Оберон, — сказал он, — неужели время наконец настало?

— Какое такое время? — тихо проворчал я, подражая отцу.

Он захихикал:

— Ну какое же еще? Время разрушить этот мир, разумеется!

V

Я убрал свет подальше от лица, стараясь по-прежнему говорить негромко.

— Еще нет, — сказал я. — Еще не время.

Он вздохнул:

— Ты так и остался неубежденным.

Дворкин склонил голову набок, внимательно вглядываясь в меня.

— Ну почему тебе все нужно портить? — сказал он.

— Я ничего еще не испортил.

Он опустил лампу. Я снова отвернулся, но ему все-таки удалось как следует рассмотреть меня. Он рассмеялся.

— Забавно. Забавно, забавно, забавно, — затараторил Дворкин. — Ты явился в обличье юного лорда Корвина, надеясь растрогать меня? Почему же ты не предпочел облик Брэнда или Блейза? Именно они, дети Клариссы, лучше всех служили нам.

Я пожал плечами.

— Да как тебе сказать... — наконец пробормотал я, решившись по возможности кормить его двусмысленностями, пока он будет их воспринимать и обдумывать ответы. Что-то очень важное могло выйти из этой игры, к тому же она представлялась мне наилучшим способом сохранить у Дворкина хорошее расположение духа. — Ну а ты сам? — продолжал я. — Какой облик в данном случае примешь ты?

— Ну, для того чтобы заслужить твое благорасположение, я уж постараюсь, — ответил он и засмеялся, откинув голову назад.

Смех его гремел вокруг меня, и все в нем стало меняться. Туловище увеличивалось, лицо надувалось, как туго натянутый парус. Горб на спине постепенно исчезал, Дворкин все больше выпрямлялся, становился выше. Черты лица его совершенно изменились, а борода потемнела. Он точно каким-то образом перераспределял массу своего тела; ночная рубашка, прежде доходившая ему до щиколоток, теперь едва прикрывала бедра. Он набрал полную грудь воздуха, и плечи его расширились, руки удлинились, торчавший животик втянулся, стал плоским и мускулистым. Дворкин теперь был мне по плечо, потом еще подрос, потом посмотрел мне прямо в глаза. Одеяние его становилось все короче. Горб совершенно исчез. Лицо исказилось в последний раз, и черты как-то успокоились, перестав меняться. Смех превратился в хихиканье, затих совсем, сменившись ухмылкой.

Я смотрел на чуть более хрупкую копию себя самого.

— Доволен? — спросил он.

— Неплохо, — подтвердил я. — Подожди, я подброшу парочку поленьев в огонь.

— Я помогу тебе.

— Да пустяки.

Я принес несколько поленьев из кучи, лежавшей справа. Каждая подобная увертка давала мне возможность получше рассмотреть Дворкина. Пока я занимался очагом, он отошел в сторонку и уселся на стул. Я заметил, что на меня он и не смотрит, а уставился куда-то в темный угол. Когда огонь в очаге заревел, я выпрямился, надеясь, что теперь он все-таки скажет что-то, способное прояснить ситуацию. И он сказал:

— А что, между прочим, случилось с Великим планом?

Я понятия не имел, то ли он имеет в виду преобразования Пути то ли еще какой-то иной «Великий план», задуманный отцом, так что вывернулся:

— Это уж ты мне сам объясни.

Он снова захихикал:

— А почему бы и нет? Ты просто передумал, вот что случилось!

— В каком смысле передумал — как это тебе представляется, а?

— Нечего надо мной подшучивать. Даже ты не имеешь никакого права подшучивать надо мной, — обозлился Дворкин. — В принципе именно ты — в последнюю очередь.

Я встал.

— Я над тобой не подшучиваю, — произнес я уверенно, прошел через комнату, взял другой стул и перенес его поближе к огню, усевшись прямо напротив Дворкина. — Как ты узнал меня?

— Мое местонахождение вряд ли известно каждому.

— Это верно.

— А действительно ли многие в Амбере считают, что я умер?

— Да. И еще многие предполагают, что ты до сих пор, возможно, скитаешься где-то в Тенях.

— Понятно.

— Как ты себя в последнее время... чувствовал?

Он злобно усмехнулся, глядя на меня:

— Ты что, думаешь, я все еще не в своем уме?

— Ты сам это сказал — не я; я не хотел тебя обидеть.

— Порой мое безумие ослабевает, порой усиливается, — произнес Дворкин. — Оно охватывает меня целиком, а потом снова отступает, и тогда я чувствую себя почти прежним — почти, предупреждаю. Потрясение, вызванное твоим визитом, например, может... Что-то, видно, сломалось в моем мозгу. Да ты и сам знаешь. А как могло быть иначе? И это ты тоже прекрасно знаешь сам.

— Вероятно, ты прав, — согласился я. — Но почему бы тебе вновь не рассказать мне обо всем, с самого начала? Это могло бы тебя отвлечь, навести какой-то порядок в твоих мыслях, ты почувствуешь себя лучше, а заодно напомнишь мне кое о чем. Я ведь и сам многое подзабыл или упустил. Ну так как?

Дворкин снова захихикал:

— Как будет угодно моему королю. Ты хотел бы услышать что-нибудь особенное? С чего лучше начать? С моего полета из Дворов Хаоса на этот маленький неожиданно появившийся островок в ночном море? С моих размышлений над пропастью? С того момента, когда вид Пути открылся мне в драгоценном камне, что висел на шее у Единорога? Или с того мига, как я воссоздал Огненный Путь с помощью молнии, крови и звуков лиры, пока наши отцы неистовствовали — ведь они явились слишком поздно, чтобы позвать меня назад, ибо поэма огня уже пылала прихотливым рисунком в моем мозгу, заражая меня желанием обрести форму? Слишком поздно! Слишком поздно... Я был болен и слаб, я остался без их помощи, но я сам спланировал и создал его, пленника моей обновленной души. Именно эту сказку ты и хотел послушать еще раз? Или мне лучше рассказать о том, как было исправлено зло?

Мои мысли бешено вращались вокруг тех намеков, тех тайных значений, которые Дворкин только что горстью бросил мне в лицо. Трудно было понять, так ли все происходило на самом деле, или же Дворкин злоупотребляет метафорами, или просто несет какой-то параноидальный бред, однако же все это было очень похоже на то, что я хотел, что я должен был услышать. Так что, по-прежнему

стараясь не поворачиваться к нему лицом и говорить голосом того, за кого он меня принял первоначально, я сказал:

— Напомни мне, как было исправлено зло.

Он соединил кончики пальцев и, приложив руки ко рту как рупор, заговорил:

— Я — это Путь, и это действительно так. Пройдя сквозь мой разум и душу, чтобы обрести свою нынешнюю форму, и став основой Амбера, основой нашего мироздания, он оставил на мне свою мету точно так же, как и я на нем. Однажды я вдруг отчетливо понял это. Мы с ним неразделимы, и любые взаимные перемены и модификации Огненного Пути и меня, Дворкина, затрагивают непременно нас обоих. Именно в этом-то и заключена наша слабость и наша сила. Мне давно ясно, что любой вред, нанесенный Пути, наносится и мне самому, а вред, нанесенный мне, отразится на состоянии Пути. И все же по-настоящему мне навредить невозможно, ибо Путь защищает меня. Ну а кто, кроме меня, способен нанести вред Пути? Нет, мы образуем великолепную замкнутую систему, и все ее слабые места полностью защищены ее же собственной силой.

Дворкин умолк. Я слушал, как потрескивают дрова в очаге. Не знаю, к чему прислушивался он. Потом он сказал:

— Но я допустил просчет. И в таком простом вопросе!.. Оказалось, что моя кровь, с помощью которой я создал Путь, способна его и уничтожить. Точно так же, как и кровь моих потомков. Чтобы понять это, мне потребовались века. И твоя кровь годится для того, чтобы воздействовать на Путь, и твоих детей, и твоих внуков — да, до третьего колена!

Я не очень удивился, узнав, что он, собственно, и был прародителем всех нас. Мне почему-то всегда казалось, что так оно и должно было быть, что я всегда знал об этом, но никогда не говорил этого вслух. И все же... как бы то ни было, но, услышанное теперь, это известие поднимало куда больше вопросов, чем давало ответов. Особенно в нашей весьма разветвленной семейке... Я совсем запутался насчет Дворкина: кто же он все-таки такой? Особенно если учесть, что, согласно его собственным словам, это всего лишь сказка, сочиненная старым безумцем.

— Однако, чтобы восстановить Путь... — начал было я.

Он ухмыльнулся; и я увидел ухмылку Дворкина на своем собственном лице, маячившем передо мной.

— Неужели ты совсем утратил вкус к тому, чтобы править живой пустотой и быть королем Хаоса?

— Возможно, — ответил я.

— Клянусь Единорогом, матерью твоей, я знал, что к этому придет! Ощущение Пути столь же сильно в тебе, как и желание править самой могущественной из держав. Так каково же будет твое желание теперь?

— Сохранить первозданный миропорядок в своем королевстве.

Дворкин покачал своей, вернее моей, головой:

— Было бы куда проще все разрушить и попытаться все начать сначала — как я тебе неоднократно предлагал прежде.

— Ты же знаешь, что я упрям. Так что попробуй предложить мне это еще раз, — сказал я, пытаясь подражать ворчливому тону отца.

Он пожал плечами:

— Разрушив Путь, мы разрушим основы Амбера и всего пространства Теней, что его окружает. Отпусти меня, и я дойду до середины Пути, чтобы уничтожить его вместе с собой; отпусти меня, но дай мне прежде слово, что затем ты с помощью Камня, что заключает в себе зерно миропорядка, создашь новый Путь, ясный, светлый, ничем не запятнанный, возвышающийся над бессмыслицей твоей собственной жизни, и не поддашься легионам сил Хаоса, которые будут стараться перетянуть тебя то на одну, то на другую сторону. Пообещай мне это и позволь мне со всем покончить, ибо ныне я сломлен настолько, что предпочел бы умереть во имя священного миропорядка, чем жить ради него. Ну, и каков же будет твой ответ?

— По-моему, все же лучше попытаться восстановить наш прежний Путь, чем уничтожать работу многих тысячелетий.

— Трус! — вскричал он, вскакивая на ноги. — Я так и знал, что ты это скажешь!

— Но разве я не прав?

Дворкин принялся мерить шагами комнату.

— Сколько раз мы с тобой говорили об этом! — воскликнул он. — Но ты по-прежнему стоишь на своем. Боишься попробовать!

— Возможно, — кивнул я. — А по-твоему, разве то, ради чего ты пожертвовал столь многим, не стоит *попытаться спасти — если существует такая возможность* и жертвы во имя его спасения будут не так уж велики?

— Ты все еще не понимаешь, — сказал он. — Я могу думать только об одном: поврежденная основа должна быть уничтожена и благополучно заменена другой. Природа моего собственного недуга такова, что никакого исцеления я не предвижу. Я должен быть уничтожен, чтобы, возможно, возродиться вновь. Так что мои чувства в этом отношении предопределены.

— Если Камень Жребия способен послужить во имя создания нового миропорядка, то почему бы не использовать его для восстановления старого Пути, а также для того, чтобы покончить с нашими бедами и излечить твою душу?

Дворкин подошел и остановился прямо передо мной.

— Неужели ты все забыл? Ведь ты же знаешь, что бесконечно труднее восстановить разрушенное, чем начать все сначала. Даже Камню Жребия куда легче уничтожить Путь, чем ликвидировать причиненное ему зло. *Неужели ты забыл*, как это выглядит? — Он ткнул куда-то в стену у себя за спиной. — Может, хочешь пойти и полюбоваться?

— Да, — сказал я. — Пожалуй. Пойдем же.

Я встал и посмотрел на Дворкина сверху вниз. Сердясь на меня, он израсходовал слишком много сил, и его контроль над собственным телом ослабел. Он уже снова стал на три-четыре дюйма короче, а «мое» лицо постепенно превращалось в его собственное, похожее на физиономию гнома; и уже вполне заметен стал старый горб между лопаток, особенно когда Дворкин начинал жестикулировать.

Его глаза вдруг изумленно расширились, и он внимательно всмотрелся в мое лицо.

— Ты действительно так думаешь? — медленно проговорил он. — Что ж, хорошо. Пойдем.

Дворкин повернулся и пошел к огромной, обитой металлом двери. Я последовал за ним. Ключ ему пришлось поворачивать обеими руками, потом он еще и навалился на него всем телом. Я хотел было помочь ему, но Дворкин одним взмахом руки отмел меня в сторону, проявив при этом необычайную силу. Наконец ключ был повернут. Дверь заскрежетала и распахнулась вовне. Я сразу почувствовал странный, однако почему-то знакомый запах.

Дворкин шагнул через порог и остановился. Потом отыскал то, чего ему, видимо, не хватало: высокий посох, стоявший справа от нас у стены. Он несколько раз ударил посохом о землю, и его верхний конец начал светиться, достаточно хорошо освещая все вокруг, в том числе и вход в узкий туннель, куда Дворкин теперь и направился. Я двинулся следом, и вскоре туннель стал настолько широк, что я уже смог идти рядом с Дворкином. Запах становился все сильнее, и мне уже практически было ясно, откуда он доносится. Ведь совсем недавно...

Где-то шагов через восемьдесят мы свернули налево и стали подниматься вверх. Затем миновали небольшую пещеру, пол в которой усыпали обглоданные кости, а в каменную стену было вделано большое металлическое кольцо. От кольца, поблескивая, тянулась металлическая цепь; звенья ее казались во мраке каплями расплавленного, но уже остывающего металла.

Туннель снова стал уже, и Дворкин снова пошел впереди. Очень скоро он вдруг резко свернул куда-то за угол, я услышал его невнятное бормотание и сам чуть не налетел на него. Он ползал на четвереньках и левой рукой шарил в темной трещине в скале. Потом я услышал негромкое знакомое карканье, увидел выход из пещеры, куда выводила цепь, и наконец догадался, где мы и что там, на конце цепи.

— Добрый Виксер, — донеслось до меня бормотание Дворкина, — ты не сердись, дальше я не пойду, так что все в порядке, добрый Виксер. Вот тут есть еще кое-что для тебя в подарочек.

Что уж он там достал из трещины в скале и бросил грифону, понятия не имею. Однако пурпурный грифон, к которому я теперь подошел довольно близко, дернул головой, поймал подношение и принялся с урчанием его пережевывать.

Дворкин с ухмылкой посмотрел на меня:

— Удивлен?

— Чем?

— Ты небось думал, что я его боюсь? Что я никогда не сумею с ним подружиться? Ведь это ты посадил его здесь, у выхода, чтобы я не смог выбраться наружу и достигнуть Пути?

— Как ты мог такое подумать?

— А чего тут думать? Я же не дурак.

— Ну ладно, думай как знаешь, — сказал я.

Он похихикал, встал и двинулся дальше.

Я шел за ним и вскоре почувствовал, как пол под ногами снова стал ровным. Потолок над головой поднялся, а сам туннель расширился. Мы подошли к выходу из пещеры. Несколько минут Дворкин постоял там, выделяясь темным силуэтом на фоне более светлого неба и держа перед собой высоко поднятый посох. Снаружи была ночь, и свежий, пахнущий солью и морем воздух выветрил наконец мускусный запах зверя, что стоял у меня в ноздрях.

Еще через мгновение Дворкин уже шагал дальше, в широкий мир, под бархатные небеса, утыканные свечками звезд. Следуя за ним, я даже задохнулся сперва, увидев столь поразительное зрелище. И не только потому, что звезды в безлунном, безоблачном небе сияли каким-то доисторическим светом, и не только потому, что граница между небом и морем вновь оказалась полностью размытой. Самое основное — это то, что Путь светился какой-то ацетиленовой голубизной среди этого моря-неба, и все звезды над ним, под ним и вокруг него с геометрической точностью образовывали некую фантастическую кружевную решетку, которая более, чем все остальное, рождала ощущение, будто мы висим в центре загадочной космической паутины, где Путь является истинным центром, а все остальные светящиеся линии — лишь точное отражение и повторение его рисунка.

Дворкин шел прямо к площадке, на которой сиял Путь, к тому ее краю, где виднелся темный сектор. Остановившись, он взмахнул своим посохом и обернулся как раз в тот момент, когда я подошел к нему.

— Так вот она где, — воскликнул он, — эта проклятая дыра в моем мозгу! Эта часть моего разума как бы отключена, и теперь я способен думать только с помощью того, что еще уцелело. И я не представляю, как можно исправить нанесенный мне ущерб. Если ты считаешь, что можешь восстановить Путь, то должен быть готов каждый раз добровольно подвергаться некоему воздействию на его разрушенных участках. Это будет подобно сильному удару электрическим током, когда ты замкнешь собой разорванную линию Огненного Пути. Черный же сектор будет для тебя практически безвреден. Станет ли помогать тебе Камень, я не знаю. Может быть, и да. Но все равно это будет очень нелегко. И с каждым поворотом разрушенной цепи будет становиться все труднее и труднее, а силы твои при этом будут неизменно уменьшаться. В последний раз, когда мы обсуждали с тобой эту возможность, ты явно опасался за свою жизнь. Может, ты хочешь сказать, что с тех пор стал значительно храбрее?

— Может, и хочу, — произнес я. — Но другого выхода я не вижу. А ты?

— Я знаю только, что можно сделать, если все начать с новой строки; однажды я так уже поступил. Лучшего способа я не знаю. Однако чем дольше ты будешь ждать, тем положение будет хуже. Так почему бы тебе не принести сюда Камень Жребия и не одолжить мне твой меч, сынок? На мой взгляд, это самый лучший выход из всех возможных.

— Нет, — возразил я. — По-моему, я все еще знаю недостаточно. Расскажи мне еще раз, каким образом Пути было нанесено столь значительное повреждение.

— Я так и не сумел выяснить, кто из твоих детей пролил кровь одного из членов нашей семьи прямо на линию Пути. Однако, раз это сделано, пусть так и остается. Темные стороны взяли верх в душах твоих отпрысков. Вполне возможно, что сейчас они находятся под слишком сильным влиянием породившего всех нас Хаоса и позабыли о тех постоянных упражнениях воли, которые необходимы, чтобы победить Хаос в своей душе, и которые так тяжело дались всем нам. Когда-то я полагал, что для королевских детей ритуал прохождения Пути окажется достаточным испытанием; более сильного испытания я тогда придумать не смог. Однако его оказалось недостаточно. Они придумывают новые разрушительные планы. Они даже стремятся уничтожить сам Путь!

— Но может быть, если все начать сначала, подобное больше никогда не повторится?

— Кто знает? Впрочем, есть ли у нас выбор? Если мы потерпим неудачу, все так или иначе вернется к первозданному Хаосу.

— А что станется с нашими противниками, если мы попытаемся начать все сначала?

Дворкин довольно долго молчал. Потом пожал плечами:

— Понятия не имею.

— А каково будет следующее поколение? Кем станут наши наследники?

Он захихикал:

— Ну откуда же мне знать?

Я вытащил проткнутую ножом карту Мартина и передал ему. Дворкин долго рассматривал ее, освещая концом своего посоха.

— По-моему, это сын Рэндома, — сказал я, — и, по-моему, именно его кровь была пролита здесь. Не знаю, правда, жив ли он еще. Как ты думаешь, он что-нибудь собой представлял?

Дворкин оглянулся на Путь.

— Так вот чем они его так разукрасили! — воскликнул он. — Как тебе удалось достать оттуда карту?

— Мне ее достали, — ответил я, не вдаваясь в подробности. — Но это ведь не твой рисунок, верно?

— Разумеется, нет! Я этого мальчика ни разу в жизни не видел. Однако эта история дает ответ на один из твоих вопросов: если уже существует поколение твоих внуков, то твои же дети его и уничтожат.

— И что ж, по-твоему, мы непременно должны уничтожить их самих?

Он посмотрел мне в глаза очень внимательно:

— С каких это пор ты стал любящим и преданным отцом?

— Кто же изготовил карту Мартина, если не ты?

Дворкин опустил глаза и поковырял карту ногтем.

— Мой лучший ученик. Твой сын Брэнд. Это его стиль. Ты представляешь, что они сделают, стоит им обрести хотя бы относительное могущество? Да станет ли хоть один из них жертвовать своей жизнью, чтобы сохранить этот миропорядок и восстановить Путь?

— Может быть, и да, — сказал я. — Например, Бенедикт. Или Джерард, Рэндом, Корвин...

— Бенедикт уже отмечен роковой судьбой, Джерард обладает волей, но не умом, Рэндому не хватает мужества и решительности. Корвин... Разве он не стал изгоем в собственном королевстве?

Я мысленно вернулся к нашей последней встрече: тогда Дворкин помог мне выбраться из темницы и попасть в Кабру. Мне пришло в голову, что у него насчет моего плена были свои соображения, хотя он явно не ведал тех обстоятельств, из-за которых меня ослепили и замуровали в подземелье.

— Неужели именно поэтому ты принял его обличье? — продолжал между тем Дворкин. — Неужели это следует понимать как упрек мне? Неужели ты снова меня испытываешь?

— Корвин больше не изгой, и местонахождение его хорошо известно, — сказал я, — хотя у него множество врагов как среди членов нашей семьи, так и в

других краях. Я уверен, он предпримет все что угодно для сохранения нашего мира. А как по-твоему, есть у него шансы на успех?

— Корвин, кажется, провел долгие годы вдали отсюда?

— Да, это так.

— В таком случае он, видимо, сильно изменился. Не знаю.

— Да, он действительно изменился и горит желанием попробовать свои силы.

Дворкин снова внимательно посмотрел на меня; потом, не сводя с меня глаз, произнес:

— Ты не Оберон.

— Нет.

— Ты тот, в чьем обличье ко мне явился.

— Именно так.

— Понятно... Я не учел, что это место тебе может быть известно...

— А я и не знал о его существовании до недавнего времени. Впервые меня привел сюда Единорог.

Глаза Дворкина изумленно расширились.

— Это... весьма... интересно, — пробормотал он. — Уже очень давно...

— Так как ты ответишь на мой вопрос?

— А? Вопрос? Какой вопрос?

— О моих шансах на успех. Как ты думаешь, смогу ли я восстановить Путь?

Он медленно приблизился ко мне, остановился и положил правую руку мне на плечо, левой при этом приподняв свой посох, который качнулся, и его голубой свет вспыхнул примерно в футе от моего лица, но ни малейшего жара я не ощутил. Старик смотрел мне прямо в глаза.

— Да, ты изменился, — промолвил он наконец.

— Достаточно ли, — спросил я, — чтобы выполнить эту задачу?

Дворкин отвернулся.

— Возможно, попробовать стоит. Даже если мы заранее приговорены к неудаче.

— Ты поможешь мне?

— Не знаю, — ответил он, — буду ли я в состоянии. То, что происходит с моими чувствами, с моими мыслями... безумие то накатывает, то отступает... Даже сейчас я чувствую, что не в состоянии полностью контролировать себя. Может быть, я слишком взволнован? *Нет... лучше нам вернуться назад, в пещеру...*

У себя за спиной я услышал звяканье цепи. Обернувшись, я увидел грифона; голова его медленно покачивалась из стороны в сторону справа налево, хвост — слева направо, раздвоенный язык мелькал в воздухе. Он начал описывать вокруг нас круги, потом остановился, оказавшись между Дворкином и Путем.

— Он знает, — сказал Дворкин. — Он способен чувствовать, когда я начинаю меняться. Он ни за что не подпустит меня даже близко к Пути... Добрый Виксер. Ладно, возвращаемся. Все в порядке, Виксер... Пойдем, Корвин.

Мы двинулись по направлению к пещере, Виксер следовал за нами, при каждом шаге позвякивая цепью.

— Камень, — вдруг вспомнил я, — Камень Жребия... ты говоришь, он необходим, чтобы восстановить Путь?

— Да, — ответил Дворкин. — Камень необходимо пронести по всему Пути, с его помощью восстанавливая исходный рисунок в тех местах, где произошли разрушения. Это, однако, может сделать только тот, кто настроен на Камень.

— Я на него настроен.

— Как это ты сумел? — спросил Дворкин, резко останавливаясь.

Виксер покашлял у нас за спиной, и мы двинулись дальше.

— Я последовал твоим письменным указаниям; и еще Эрик кое-что успел рассказать мне, — сказал я. — Я взял Камень, вышел с ним на середину Пути и с его помощью спроектировал самого себя. И все удалось.

— Понятно, — пробормотал Дворкин. — Непонятно только, как ты его получил?

— Мне передал его Эрик, умирая.

Мы вошли в пещеру.

— Камень и сейчас у тебя?

— Нет, я был вынужден спрятать его на Земле, в Тенях.

— Я очень советую тебе поскорее принести его сюда или же, по крайней мере, во дворец. Его лучше хранить ближе к центру нашего мира.

— Почему?

— Он может значительно исказить мир Теней, если слишком долго находится среди них.

— Каким образом?

— Заранее сказать невозможно. Это полностью зависит от окружения.

Мы свернули за угол, все дальше уходя во тьму.

— Но мне непонятно вот что: когда долго носишь Камень, то время начинает словно замедляться вокруг тебя. Фиона предупреждала меня, что это опасно, но не смогла ответить почему.

— Это означает, что ты достиг пределов своего собственного жизненного пространства, что твоя энергия в ближайшем будущем будет исчерпана полностью и ты погибнешь, если очень быстро кое-что не предпримешь.

— Что же именно?

— Начнешь черпать силы из самого Пути — из того его зерна, что заключено внутри Камня.

— И как это сделать?

— Ты должен подчиниться Камню, отдаться на его милость, освободить себя, стереть собственную личность, уничтожить границы, отделяющие тебя от всего остального.

— Звучит так, будто это практически невозможно.

— Нет, это возможно, и это единственный способ.

Я покачал головой. Мы прошли еще немного и наконец оказались у той огромной двери. Дворкин выпустил из рук посох, прислонив его к стене. Мы вошли, и он тщательно запер дверь. Виксер к двери подходить не стал.

— Теперь тебе следует поскорее уходить отсюда, — сказал Дворкин.

— Но мне еще о стольком нужно спросить тебя и столько тебе поведать!

— Нет, мысли мои уже путаются, и твои слова будут потрачены впустую. Приходи завтра ночью, или послезавтра, или послепослезавтра. А теперь скорее! Уходи!

— К чему такая спешка?

— Я могу стать для тебя опасным, когда со мной произойдет перемена. Сейчас я сдерживаюсь, но ценой огромных усилий. Убирайся же!

— Я не знаю... То есть я знаю, как попасть сюда, но отсюда...

— На столе в соседней комнате лежат все колоды волшебных карт. Возьми свечу и уходи! Да уходи же куда-нибудь поскорее!

Я хотел было возразить, что, дескать, ничего не боюсь и вряд ли он сможет осуществить надо мной какое-нибудь физическое насилие, когда его черты вдруг начали расплываться, как тающий воск, и Дворкин вдруг показался мне значительно выше, чем был всегда, и с куда более длинными ногами и руками. Схватив свечу, я выбежал из комнаты, ощущая внезапный озноб.

...Я бросился прямо к столу и рывком выдвинул ящик: карты лежали россыпью внутри. Все они были разные. Тут я услышал шаги, и нечто вошло в комнату за мной следом, остановившись у меня за спиной. Шаги не были похожи на человеческие. Я не оглянулся и продолжал рассматривать карты. Одна из них лежала сверху. Изображенный на ней пейзаж был мне абсолютно не знаком, однако я тут же открыл свой разум и потянулся туда, где виднелся какой-то горный хребет, странно, будто пунктиром разрисованное небо, горстка звезд где-то слева... Карта при моем прикосновении становилась то горячей, то холодной на ощупь; потом мне показалось, что прямо с нее дует сильный ветер, и картинка каким-то образом начала меняться под воздействием этого ветра.

Прямо у меня из-за спины донесся сильно искаженный, однако все еще узнаваемый голос Дворкина:

— Глупец! Ты выбрал страну своей смерти!

Огромная когтистая рука — черная, в складках кожи и наростах — протянулась через мое плечо, словно желая вырвать у меня карту. Однако пейзаж передо мной уже открылся мне навстречу, и я бросился туда, в эту страну, одновременно понимая, что мне удалось спастись. Потом я замер и постоял совершенно неподвижно, чтобы дать себе привыкнуть к новому окружению.

Я понял — благодаря легендам, семейным сплетням и тому ощущению, которое охватило меня, — куда попал. Сомнений не оставалось: прямо передо мной лежали Дворы Хаоса.

VI

Куда теперь? Полагаться на собственные ощущения — вещь чрезвычайно ненадежная, а нервы мои к тому же были натянуты до предела. Скала, на которой я стоял, при более внимательном рассмотрении напоминала асфальт в жаркий полдень: оседала, двигалась, шла волнами, хотя ступни мои стояли на ней совершенно неподвижно. И невозможно было определить, какого же она все-таки цвета. Скала пульсировала и вспыхивала красными пятнами, точно шкура игуаны.

Таких небес, какие я узрел над головой, я тоже никогда в жизни не видел. Они были как бы расколоты надвое точно посредине — половина ночная, густо-черная, где в глубине плясали звезды. Когда я сказал «плясали», то имел в

виду именно это слово; они не мигали и не вспыхивали; нет, они прыгали и скакали, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах; они мчались стрелой и водили хороводы; они меркли и загорались с новой силой. Это был довольнотаки пугающий спектакль, и в животе у меня свернулся тугой комок, предвестник приступа акрофобии*. Попытки перевести взгляд на что-то другое облегчения не принесли. Вторая половина неба была похожа на сосуд с цветным песком, который постоянно встряхивают; полосы оранжевого, желтого, красного, коричневого и багряного цветов извивались и сплетались; пятна зеленого, розовато-лилового, серого и мертвенно-белого то появлялись, то исчезали, порой превращаясь в иные, тоже извивающиеся переменчивые фигуры. Это постоянное движение вызывало самые немыслимые ощущения — дали и близости одновременно. Порой наверху будто вдруг возникало высокое небо, но вскоре вновь светящиеся цветные туманы и полосы опускались, вызывая головокружение и тошноту, и охватывали меня своими вполне материальными, прозрачными щупальцами. И только потом я заметил, что линия, отделявшая черную часть небес от цветной, медленно смещалась куда-то влево. Было похоже, что небесная мандала* кружится надо мной вокруг оси, проходящей непосредственно через мою макушку. Источник света в яркой половине установить было просто невозможно.

Я посмотрел вниз, на то, что сперва показалось мне некоей долиной, где мелькали бесчисленные яркие вспышки; однако, когда продвигающаяся вперед тьма небес вплотную подошла к границе этой «долины», звезды, танцуя, постепенно сгорели в ней. И оказалось, что передо мною распростерлась совершенно бездонная пропасть, похожая более всего на край Вселенной, на край жизни, на конец времени. Однако вдали, далеко-далеко от того места, где я стоял, что-то высилось антрацитовой грудой — сама чернота, имеющая, впрочем, конкретные очертания и смягченная едва заметными вспышками света. Я не мог представить себе размеры этой горы или строения, ибо понятия о расстоянии, глубине, перспективе здесь отсутствовали. Было ли то здание? Или группа зданий? Может быть, город? Или просто возвышенность?

Очертания черной горы менялись каждое мгновение, стоило мне взглянуть туда. Теперь легкие полосы тумана, похожие на простыни из полупрозрачной материи, медленно проплывали меж нами, свертывались, извивались, словно вздуваемые потоками горячего воздуха. Мандала у меня над головой наконец прекратила вращаться, заняв положение, в точности обратное первоначальному. Теперь яркие цветные полосы вспыхивали у меня за спиной и были почти незаметны, если не оборачиваться (на что у меня и не было ни малейшего желания).

Здорово стоять на краю этой пропасти, из которой некогда возникли все вещи на свете... Она существовала всегда, задолго до возникновения Пути. Это я знал совершенно точно, хотя и неведомо откуда; знание находилось в самом центре моего разума. Я знал это хотя бы потому, что определенно бывал здесь прежде. На заре своей жизни, задолго до того, как я стал тем, кем являюсь сейчас, я побывал здесь — то ли отец, то ли Дворкин, теперь я уже и не помню, приносили меня сюда и держали на руках, стоя со мной на этом самом месте, здесь, на краю пропасти, и я видел примерно ту же сцену с тем же, что и сейчас, чувством узнавания и непонимания одновременно...

Удовлетворение, которое я сейчас испытывал, чуть отдавало избыточным нервным возбуждением; в нем был привкус чего-то запретного, чего-то подозрительного и чуждого мне. Интересно, но именно в этот миг во мне возникло острое желание обладать Камнем Жребия, который я вынужден был спрятать в компостной куче на Земле, в Тенях; ведь Камень был той самой вещью, благодаря которой Дворкин некогда создал в нашем мире столь многое. А впрочем, может быть, я, сам того не ведая, просто искал защиты у Камня или жаждал обладать неким символом сопротивления тому хаотическому злу, что крутилось передо мной, в глубине бездонной пропасти? Возможно. Не знаю.

Я продолжал с восхищением смотреть на тот берег бездны, и то ли глаза мои как-то приспособились, то ли перспектива в очередной раз изменилась, однако теперь я стал различать некие крошечные призрачные предметы, движущиеся внутри черной громоздящейся глыбы и похожие на медленно пролетающие метеоры. Я ждал, внимательно вглядываясь в них, порой угадывая их дальнейшие действия. Вскоре одна из туманных полупрозрачных полос подплыла ко мне совсем близко, открыв горизонт, и почти сразу же я получил ответ на некоторые свои вопросы.

Движение в темной массе стало отчетливо заметно. Одна из форм начала расти, и я понял, что она движется ко мне по некоему извилистому пути. Через несколько секунд стало ясно, что это всадник — на вид вполне материальный, хотя и казавшийся призраком, как, впрочем, и все, что было передо мной. Еще через мгновение я увидел, что всадник этот совершенно наг и сидит на безволосой лошади; и человек, и конь были смертельно бледны и стремительно мчались по направлению ко мне. Всадник размахивал белым, как кость, мечом; его глаза и глаза лошади вспыхивали красным. Не знаю, по правде говоря, видели ли они меня, существовали ли мы в одном и том же измерении — уж больно неестественно он себя вел. И все же я вытащил из ножен Грейсвандир и отступил на шаг, ожидая, когда всадник совсем приблизится.

По его длинным белым волосам пробегали крохотные искорки, и, когда он повернул голову, я понял: примчался он за мной. Взгляд его был тяжел и холоден, я физически ощущал его лбом и грудью. Я повернулся к нему боком и поднял свой меч.

Он продолжал движение, и только тут мне стало ясно, сколь оба они — и всадник, и конь — огромны, чудовищно огромны, куда больше, чем я полагал. Они приближались. Метрах в десяти от меня всадник поднял коня на дыбы, и они остановились, глядя на меня и покачиваясь, словно в морских волнах.

— Как твое имя? — прогремел голос всадника. — Назови мне свое имя, о ты, явившийся сюда незваным!

От звука его голоса у меня зазвенело в ушах. Он говорил удивительно монотонно и громко.

— Я называю свое имя только по собственной воле, а не по чужому приказу, — сказал я. — Кто ты такой?

Он три раза коротко гавкнул — видимо, засмеялся.

— Смотри, утащу тебя вниз, в пропасть, и будешь там вечно оплакивать свою дерзость.

Я прицелился Грейсвандиром ему в глаз.

— Разговоры твои — дешевка! Подождем, как до дела дойдет.

И тут я почувствовал слабое прохладное прикосновение, как если бы кто-то вызывал меня с помощью карты. Однако ощущение было неясное, туманное, а у меня не было возможности разбираться в тонкостях, ибо всадник подал своему коню какой-то сигнал и чудовище снова взвилось на дыбы. Ничего, расстояние слишком велико, решил я. Однако безволосый конь бросился вперед прямо на меня, сойдя с призрачной дороги, которая, казалось, давала ему направление.

Его прыжок был так силен, что он почти достал меня. Однако не упал в пустоту и не исчез, как я надеялся, а продолжал скакать над пустотой, хотя его продвижение теперь несколько замедлилось, словно ему приходилось преодолевать некий барьер.

По мере того как белый всадник на белом коне приближался ко мне (теперь уже с половинной скоростью), я заметил вдали другую фигуру, явно устремлявшуюся в этом же направлении. Оставалось лишь вступить в бой с этим чудовищем и надеяться отбить его атаку прежде, чем подоспеет второе.

Нагой всадник приближался, его красные глаза сверкали все ярче, замирая, правда, при виде Грейсвандира. Какова бы ни была природа безумной иллюминации у меня за спиной, она все же сослужила мне полезную службу, высветив на моем клинке ту часть Пути, что была на нем выгравирована: рисунок заиграл и заискрился по всей его длине. Всадник был уже совсем близко, однако он вдруг натянул поводья и остановил коня, а взор его взметнулся к небесам, встретившись с моими. Отвратительная ухмылка на его физиономии исчезла.

— Я знаю тебя! — заявил он. — Ты тот, кого зовут Корвин!

И тут мне на помощь пришел счастливый случай. Передние копыта белого коня уже стояли на самом краю, и я бросился в атаку. Конь старался найти опору и для своих задних копыт, несмотря на натянутые поводья, — и слушался плохо. Всадник угрожающе замахнулся мечом, но я сманеврировал и атаковал его с левого фланга. Когда он попытался ударить мечом наискось, я уже совершил выпад. Грейсвандир вошел в его бледную плоть чуть ниже грудины.

Я вырвал свой клинок, и из раны, словно кровь, брызнули искры огня и повалил пар. Рука всадника, державшая меч, дрогнула, а конь издал пронзительное ржание или, точнее, свист, когда пар и огненные искры обожгли ему шею. Я отпрыгнул назад, поскольку всадник начал резко заваливаться коню на шею, а конь, теперь прочно стоящий на всех четырех ногах, двинулся ко мне и стал бить копытом. Я снова взмахнул мечом, причем совершенно инстинктивно, защищаясь, и мой клинок вошел в левую переднюю ногу коня, которая тоже загорелась.

Я быстро отступил в сторону, однако конь повернулся и опять попытался напасть на меня. И тут всадник вдруг выпрямился и мгновенно превратился в столб огня. Конь заржал, забил копытами и шарахнулся к краю пропасти. Не останавливаясь, он перевалил через ее край и исчез во тьме, оставив мне лишь странные воспоминания о тлеющей голове кота из моих давнишних приключений, которая могла разговаривать, да озноб, всегдашний спутник прояснения рассудка.

Я некоторое время постоял, прислонившись спиной к скале и тяжело дыша. Тонкой лентой проплыла рядом призрачная дорога — футах в десяти от края пропасти. Левый мой бок свела судорога.

Второй всадник быстро приближался, не такой мертвенно-бледный, как первый. Волосы его были черны, а в лице тоже были какие-то краски. Он ехал верхом на отлично оседланном гнедом коне, держа в руках взведенный и заряженный тяжелой стрелой арбалет. Я глянул через плечо: пути к спасению не было, не было даже никакой щели, в которую я мог бы заползти.

Я вытер ладонь о штаны и покрепче сжал Грейсвандир, повернувшись к нападающему боком, чтобы представлять для него наименее удобную мишень, поднял меч и отгородился им от противника. Рукоять Грейсвандира была на уровне моей головы, острие направлено в землю — сейчас это был мой единственный щит.

Всадник подъехал ко мне почти вплотную и остановился, словно вися в воздухе на прозрачной полосе или дороге. Он медленно поднял свой арбалет, видимо, понимая, что если не собьет меня сразу, то я, возможно, успею пронзить его своим мечом, как копьем. Глаза наши встретились.

Он был безбородый, стройный. Возможно, светлоглазый, хотя глаза его были прищурены в прицеле. Он отлично управлял свои конем — одними коленями. Руки у него были большие и уверенные. Могучие. Странное чувство охватило меня, когда я разглядел его целиком.

Мгновение для атаки несколько растянулось и было упущено. Всадник чуть качнулся назад и опустил арбалет, хотя руки его по-прежнему были напряжены.

— Эй, ты! — крикнул он. — Это ведь Грейсвандир?

— Да, — сказал я.

Всадник продолжал оценивающе смотреть на меня, и что-то внутри меня сломалось: я так и не нашел слов, способных сбить его с толку.

— Что тебе здесь нужно?

— Ничего. Я хочу уйти отсюда, — ответил я.

Раздался свист, грохот, и тяжелая арбалетная стрела врезалась в скалу, однако гораздо выше и левее меня.

— Ну так уходи, — сказал всадник. — Здесь для тебя слишком опасно.

Он развернулся, намереваясь скакать туда, откуда явился.

Я опустил Грейсвандир.

— Я тебя не забуду, — произнес я.

— Нет, — откликнулся он. — Не забывай меня.

И умчался прочь. Еще через несколько мгновений светящиеся полосы воздушных дорог тоже исчезли, уплыли куда-то.

Я вложил Грейсвандир в ножны и сделал шаг вперед. Мир снова начал вращаться: свет выплывал справа, тьма уходила влево. *Я осмотрелся, ища* хоть какой-нибудь проход в скале. Похоже, скалы поднимались здесь не выше чем футов на тридцать-сорок, а мне очень хотелось посмотреть, что там, по ту сторону горы. Я обследовал выступ, на котором стоял, и выяснил, что справа он вскоре становится совсем узким, не давая ни малейшей надежды подняться наверх, и повернул влево.

Там я обнаружил валун, притаившийся за поворотом, и мне показалось, что я вполне смогу взобраться наверх с помощью этого камня. Я еще раз осмотрелся, чтобы убедиться, что пока что больше никто мне не угрожает. Призрачные полосы уплыли совсем далеко; никаких новых всадников на горизонте заметно не было. И я начал подъем.

Это было нетрудно, хотя высота оказалась большей, чем представлялось мне снизу. Скорее всего это было связано с неким пространственным искажением, которым, кажется, начало страдать мое зрение в Хаосе. Через некоторое время я взобрался на вершину очередной скалы и встал во весь рост, чтобы как можно лучше рассмотреть то, что лежало по ту сторону.

Снова передо мной во всей красе проплыли краски Хаоса: справа от меня их погоняла тьма. Земля, над которой исполняли они свой танец, была покрыта острыми скалами и кратерами вулканов; ни малейших признаков жизни среди этих гор заметно не было. Однако по самой середине этой страны от дальнего края горизонта до некоей точки в ближних горах, несколько правее меня, чернильно-черная и извивающаяся, точно живая, ползла полоса, которая могла быть только Черной дорогой.

Еще минут десять я взбирался, огибая выступы, все выше и выше и наконец достиг максимальной высоты, откуда была видна конечная точка Дороги. Она уходила в широкий провал справа от края пропасти. Там ее собственная чернота как бы сливалась с тьмой, царившей на дне, и Дорога была заметна лишь потому, что на ее фоне не светилось ни единой звезды. Пользуясь этой особенностью, я приблизительно оценил протяженность Черной дороги и понял, что она уходит значительно дальше, туда, где скрылись туманные полосы.

Я вытянулся, лежа на животе и вжавшись в камень так, чтобы стать как можно незаметнее, чтобы чьи-нибудь невидимые мне внимательные глаза не заметили случайно моего присутствия на гребне горы. Из головы у меня не выходила мысль о том, где же начало Черной дороги. Вред, нанесенный Пути злоумышленниками, открыл Амбер для этого зла, а мое давнишнее проклятие наверняка ускорило процесс его проникновения. Теперь-то я понимал, что Зло и без того вскоре предприняло бы свое наступление, однако ощущал и свою безусловную вину, хотя, может быть, не столь тяжкую, как считал когда-то. Я вспомнил об Эрике, о том, как он лежал, умирающий, на склоне Колвира. Он тогда сказал, что при всей его ненависти ко мне проклинает он все же врагов Амбера. Иными словами, по иронии судьбы все мои усилия теперь были направлены на исполнение воли самого моего нелюбимого брата, теперь покойного. Таким образом, его проклятие как бы аннулировало то мое проклятие, а меня самого из врага Эрика превратило в его союзника. И все это, как ни странно, оказалось совершенно оправданным.

Я поискал и, к своему удовольствию, не обнаружил сверкающих всадников или еще какой-нибудь нечисти на черной извивающейся ленте. Пока очередной отряд наших врагов не вышел в путь, Амбер находится в относительной безопасности. И сразу в душе моей проснулась тревога. Во-первых, если время здесь действительно вело себя так странно, как на то указывало возможное появление на свет Дары, то почему до сих пор атака не повторилась? У них, конечно же, времени было в избытке, чтобы подготовиться к очередному штурму. Во-вторых, что-нибудь могло произойти совсем недавно, если считать по времени Амбера, и тогда их стратегические планы совершенно переменились. Если это так, то что именно произошло? Пущено в ход мое «земное» оружие? Выздоровел Брэнд? Или случилось что-то иное?

Хотелось бы знать также, как далеко смогли продвинуться передовые части Бенедикта. Разумеется, не до этих мест, иначе я бы уже об этом узнал. Интерес-

но, бывал ли здесь когда-нибудь Бенедикт? Или другой мой родственник? Стоял ли кто-нибудь из них на том месте, где только что стоял я, глядя на Дворы Хаоса и осознавая (а может, и зная) нечто такое, чего так и не понял я?

Я решил спросить об этом Брэнда и Бенедикта, как только вернусь.

Но больше всего меня поразило поведение здесь времени. Лучше особенно не задерживаться, решил я, ощупывая те карты, которые успел прихватить из стола Дворкина. И хотя все они были по-своему весьма интересны, я не узнавал ни одной из сцен, что изображены были на них. Тогда я вытащил нашу фамильную колоду, перетасовал ее и вытащил карту Рэндома. Возможно, именно он пытался связаться со мной совсем недавно. Я поднял карту и уставился на нее.

Вскоре лицо Рэндома поплыло у меня перед глазами, и из калейдоскопа различных образов вынырнул в итоге настоящий Рэндом, который то удалялся, то приближался...

— Рэндом, — окликнул я его мысленно, — это я, Корвин.

Я почувствовал его ответ, однако больше ничего не последовало. И я догадался, что ему не до меня; возможно, он мчался как бешеный на коне, стремясь уйти от погони, спастись от преследовавшей его нечисти; или же сосредоточил все свое внимание, надеясь блокировать чью-то злую волю. Не знаю, но, так или иначе, он не мог мне ответить, иначе тут же потерял бы контроль над ситуацией. Я блокировал его карту, прикрыв ее рукой, и *прервал контакт.*

Потом я вытащил карту Джерарда. Контакт возник буквально через несколько секунд. Я молча ждал.

— Корвин, ты где это? — спросил он наконец.

— На краю света, — ответил я, — но очень хочу вернуться домой.

— Ну так давай руку.

Я ухватился за его протянутую руку, шагнул вперед и очутился на нижнем этаже нашего дворца в Амбере, в той самой гостиной, где все мы ожидали тогда ночью возвращения Брэнда. Похоже, было раннее утро. В камине горел огонь. Кроме Джерарда, в комнате никого не было.

— Я уже пробовал связаться с тобой, — сказал он. — И, по-моему, Брэнд тоже. Но в последнем я не уверен.

— Как долго меня здесь не было?

— Восемь дней.

— Хорошо, что я поторопился. Что происходит?

— Ничего особенного. *Я только никак не пойму, чего хочет Брэнд. Он все время* спрашивал о тебе, а ты, как назло, куда-то *запропастился. Наконец я дал ему* колоду и сказал, пусть сам попробует, может, у него лучше получится. Но, *видимо*, и у него не получилось.

— Меня чрезмерно отвлекали, — сказал я. — Да и временные потоки были не в мою пользу.

Джерард кивнул:

— Я стараюсь с ним видеться пореже, с тех пор как жизни его перестала угрожать опасность. Он снова в отвратительнейшем настроении и настаивает, что вполне способен сам о себе позаботиться. В этом отношении он прав. Ну и тем лучше.

— А где он сейчас?

— У себя. Во всяком случае, еще час назад он был там, и чрезвычайно мрачный.

— Он что же, вообще не выходит?

— Иногда, только для короткой прогулки. А в последние несколько дней его совсем не видно.

— Раз так, то мне лучше поскорее встретиться с ним. От Рэндома что-нибудь слышно?

— Да, — кивнул Джерард. — Несколько дней назад вернулся Бенедикт. Он сказал, что они с Рэндомом довольно много узнали о Мартине. Одна из таких нитей вела куда-то далеко, и Бенедикт решил пока расстаться с Рэндомом и вернуться в Амбер, где сейчас все чересчур нестабильно. Так что Рэндом продолжает поиски в одиночку. Знаешь, Бенедикт даже кое-что выиграл во время их путешествия. Во всяком случае, он вернулся, щеголяя какой-то замечательной искусственной рукой. Честное слово, он может делать ею все, что и настоящей!

— Вот как? — сказал я. — Любопытно.

Джерард улыбнулся и кивнул:

— Да, он сказал мне, что это ты принес ее из Небесного города. А вообще-то Бенедикт говорил, что ему нужно как можно скорее с тобой посоветоваться.

— Ну еще бы. Где же он сейчас?

— На одном из внешних постов охраны, которые он установил вдоль Черной дороги. Так что вызывай его с помощью карты.

— Хорошо, — кивнул я. — А что слышно о Джулиане и Фионе?

Джерард только пожал плечами.

— Ну ладно, — сказал я, направляясь к двери. — Наверное, сперва мне стоит повидаться с Брэндом.

— Ужасно хотелось бы знать, с чего это ты ему так понадобился, — сказал Джерард.

— Потом расскажу, — бросил я, вышел из комнаты и поспешил к лестнице.

VII

Я постучался в дверь Брэнда.

— Входи, Корвин, — откликнулся он.

Я вошел, решив ни за что не спрашивать у него, как он узнал, что это я.

В комнате царил мрак; горели свечи, хотя за окнами был солнечный день и окон в комнате было целых четыре. Впрочем, на трех из них ставни были закрыты, а на четвертом приоткрыты лишь отчасти. Брэнд стоял как раз возле этого окна, неотрывно глядя куда-то в морскую даль. Он был весь в черном бархате, на шее серебряная цепь. Пояс тоже был серебряный, тонкой работы, из ажурных звеньев.

Брэнд поигрывал небольшим кинжалом и даже не посмотрел в мою сторону, когда я вошел. Он все еще был очень бледен, однако борода аккуратно подстрижена, и вообще вид приобрел ухоженный; пожалуй, он даже несколько прибавил в весе с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Ты выглядишь гораздо лучше, — сказал я. — А как чувствуешь себя?

Брэнд повернулся и посмотрел на меня без всякого выражения. Глаза его были полузакрыты.

— Где, черт побери, тебя носило? — проговорил он.

— В самых различных местах. Ты, кажется, хотел меня видеть?

— Я спросил, где тебя носило? — повторил он.

— Да-да, я прекрасно тебя расслышал, — сказал я, снова открывая дверь у себя за спиной. — А теперь знаешь что? Я выйду и войду снова. И может быть, лучше начнем наш разговор сначала?

Брэнд вздохнул, затем произнес:

— Погоди минутку. Извини меня. Ну почему, черт побери, все мы такие тонкокожие? Вот уж непонятно... Ну ладно. Возможно, ты прав: лучше, если я действительно начну все с самого начала.

Он сунул свой ножик в ножны, прошелся по комнате и рухнул в тяжелое кресло черного дерева с кожаным сиденьем.

— Я весьма сильно беспокоился из-за того, о чем мы с тобой говорили, — начал он. — А также — из-за того, о чем мы даже не упоминали. Я ждал подходящего момента после твоего возвращения из Тир-на Ног'тха. Однако, когда я спросил о тебе, мне сказали, что ты еще не вернулся. Я подождал еще. Сперва ожидание меня просто раздражало, потом я испугался, что тебя могли застигнуть врасплох наши враги. А позже я узнал, что ты все-таки приезжал, но совсем ненадолго и лишь для того, чтобы повидаться с женой Рэндома — это, должно быть, был поистине великий разговор, — а потом немного поспал и снова уехал. Я страшно разозлился, что ты даже не счел нужным заглянуть ко мне, однако же решил еще немного подождать. Наконец я попросил Джерарда связаться с тобой с помощью карт. Ему это не удалось, и во мне вновь поднялась тревога. Я попробовал сделать это сам, и когда мне — это было несколько раз — казалось уже, что я буквально касаюсь тебя, я все-таки не смог к тебе пробиться. Я действительно боялся за тебя, а теперь вижу, что боялся зря. Вот почему я сперва был так резок.

— Понятно, — сказал я и сел с ним рядом. — Дело в том, что время там бежало куда быстрее, чем здесь, хотя на самом деле я был не так уж далеко отсюда, как кажется. Ты, похоже, успел гораздо лучше залечить свою рану, чем я — свою.

Он слабо улыбнулся и понимающе кивнул:

— Ну хоть какое-то объяснение все-таки. Зря я, что ли, так переживал из-за тебя?!

— Мне и самому пришлось немало попереживать, — заметил я, — так что не прибавляй мне лишних волнений. А все-таки зачем я был тебе нужен? Давай поговорим об этом.

— Тебя что-то тревожит, — сказал Брэнд. — Может, нам сперва стоит обсудить именно это?

— Хорошо, — кивнул я. — Давай обсудим.

Я повернулся и посмотрел на картину, висевшую на стене возле двери: написанное маслом довольно мрачное изображение колодца в Мирате, возле которого стоят со своими лошадьми двое мужчин и разговаривают.

— Твой стиль легко узнать, — сказал я.

— Он во всем одинаков, — откликнулся Брэнд.

— Ты украл мое следующее предложение! — засмеялся я, вытаскивая карту Мартина и передавая ему.

Лицо его осталось совершенно бесстрастным. Он внимательно посмотрел на карту, искоса глянул на меня и кивнул.

— Не стану отрицать: рука моя.

— Твоя рука сотворила ведь не только эту карту, верно?

Брэнд облизал верхнюю губу кончиком языка.

— Где ты нашел ее?

— Именно там, где ты ее оставил, в самом сердце вещей — в истинном Амбере.

— Значит... — проговорил он, поднимаясь с кресла и подходя к приоткрытому окну с картой в руке, словно для того, чтобы лучше рассмотреть ее, — значит, ты знаешь куда больше, чем я полагал. Каким образом ты узнал о Подлинном Пути?

— Сперва ты ответь: это твоя рука нанесла Мартину предательский удар?

Брэнд отвернулся от окна, мгновение смотрел на меня, потом резко кивнул. Глаза его будто что-то искали в моем лице.

— Но почему? — воскликнул я.

— Кто-то же должен был это сделать, чтобы открыть путь тем силам, которые были нам так нужны. Мы тянули соломинки...

— И ты вытащил длинную?

— Длинную, короткую... — Он пожал плечами. — Какое все это теперь имеет значение? Все получилось совсем не так, как мы планировали. Да и я теперь совсем другой человек.

— Ты убил его?

— Что?

— Ты убил Мартина? Сына Рэндома? Он умер или нет?

Брэнд повернул свои руки ладонями вверх.

— Вот уж не знаю. Если он и не умер, то не потому, что я не пытался убить его. Больше можешь ничего не спрашивать. Ты уже нашел виновного. Ну а теперь, когда ты его нашел, что ты намерен сделать?

— Ничего. Насколько мне известно, этот парень, по всей вероятности, все еще жив.

— Тогда давай перейдем к вопросам более важным. Как давно ты знаешь о существовании Подлинного Пути?

— Достаточно давно. Во всяком случае, о его происхождении, предназначении и о воздействии на него свежей крови членов королевской семьи. Представь себе, я уделял куда больше внимания Дворкину, чем ты мог предположить. Так что я позволил скитальцу во мне спать долго-долго. Мне даже в голову не приходило до недавнего разговора с тобой, что существование Черной дороги, возможно, связано с глупой выходкой. Когда же я отправился обследовать Путь, то нашел карту Мартина. И обнаружил все остальное.

— Я и не знал, что ты был знаком с Мартином.

— Ни разу в жизни его не видел.

— Тогда как же ты понял, что именно он изображен на карте?

— Я там был не один.

— Кто же был с тобою?

Я улыбнулся:

— Нет, Брэнд. Теперь твоя очередь разгадывать. Помнишь, во время нашего последнего разговора ты сказал, что враги спешат в Амбер из Дворов Хаоса, что они сумели пробраться в наш мир благодаря Черной дороге, ибо когда-то давно вы — ты, Блейз и Фиона — совершили нечто гнусное ради захвата трона. Вы тогда были еще заодно. Однако Бенедикт постоянно следит за Черной дорогой, а я только что заглянул во Дворы Хаоса. И не заметил там никакого нового войска, никакого движения в нашу сторону по Черной дороге. Я знаю, что в тех местах время течет иначе, и у них еще хватит времени, чтобы подготовиться к новому нападению. Но я хочу знать, что сдерживает их сейчас. Почему они не атакуют? Чего они ждут, Брэнд?

— Ты одарил меня куда большим количеством информации, чем та, которой я располагаю. Спасибо!

— Не думаю. Ты у нас главный эксперт по этим вопросам. Ты имел дело непосредственно с силами Хаоса. Эта карта — лишь одно из свидетельств этого. Не юли, Брэнд, рассказывай честно.

— Дворы Хаоса... — начал он. — Но ты же всегда был занят! Эрик был просто глупцом, что не убил тебя тогда! Если б он только знал, что тебе обо всем известно!..

— Эрик действительно умом не отличался, — согласился я. — Зато у тебя ума палата. Ну рассказывай же.

— Да и я тоже дурак, — воскликнул Брэнд, — к тому же еще и сентиментальный! Ты помнишь наш последний с тобой спор, здесь, в Амбере, давным-давно?

— Отчасти.

— Я сидел тогда на краешке кровати. Ты стоял у моего письменного стола. Когда ты повернулся ко мне спиной и направился к двери, я решил убить тебя. И уже сунул руку под кровать, где у меня был спрятан заряженный тяжелой стрелой арбалет. Я готов был выстрелить, когда вспомнил нечто незначительное, что и остановило меня.

Он помолчал.

— И что же это было? — спросил я.

— Посмотри вон там, возле двери.

Я посмотрел, не увидел ничего особенного и уже удивленно вскинул на него глаза, когда Брэнд прибавил:

— На полу.

И тут я догадался: его любимый ковер, красновато-коричневый, с примесью чего-то оливкового и зеленого, с мелким геометрическим рисунком.

Он кивнул:

— Да, ты стоял на моем любимом коврике. Мне не хотелось, чтобы он был залит кровью. Позже мой гнев улегся. Так что я тоже всего лишь жертва эмоций и обстоятельств.

— Прелестная история... — пробормотал я.

— ...А теперь ты хочешь, чтобы я перестал ходить вокруг да около. Однако же я как раз пытаюсь начать с самого начала. Мы, все мы, принцы Амбера, до сих пор живы только благодаря терпению друг друга и чисто случайным удачным обстоятельствам. Я хочу предложить на время отставить свое терпение и, таким образом, исключить возможность случайности в решении парочки весьма важ-

ных проблем. Однако же прежде попытаюсь ответить на твой вопрос, хоть и не знаю наверняка, что именно сдерживает силы Хаоса. Могу лишь высказать одну весьма, на мой взгляд, неплохую догадку. Блейз собрал огромное войско для штурма Амбера. Оно значительно превосходит те силы, с которыми ты некогда пытался это сделать. Видишь ли, он будет рассчитывать на твой тогдашний опыт, чтобы предусмотреть возможные сюрпризы. Он может также организовать попытки убить тебя и Бенедикта. Хотя этот штурм — всего лишь отвлекающий маневр. Я бы скорее предположил, что Фиона вышла на связь с силами Хаоса — а может быть, и сейчас находится в их Дворах — и уже подготовилась к настоящему штурму, который можно будет ожидать в любое время после обманной вылазки Блейза. А потому...

— По-твоему, это неплохая догадка? — прервал я его. — Однако мы даже не знаем наверняка, жив ли в данный момент Блейз.

— Блейз жив, — сказал он. — Я сумел убедиться в этом благодаря его карте и даже кое-что узнать о его теперешней деятельности, прежде чем он успел заметить мое присутствие и заблокировать контакт. Блейз ведь очень чувствителен. Я отыскал его в поле вместе с войском, которое он намерен использовать против Амбера.

— А Фиона?

— Ее я не трогал, — ответил Брэнд. — И никаких экспериментов с ее картой не проводил и тебе не советую. Она исключительно опасна! Я не хотел бы подставиться ей открыто, поскольку отлично знаю о ее способностях. Моя оценка ее настоящей деятельности основана поэтому исключительно на дедукции, а не на прямой информации. Хотя я вполне способен довериться собственным выводам.

— Понятно, — сказал я.

— У меня есть один план...

— Продолжай.

— Тебе удалось вытащить меня из заточения весьма замечательным способом. Тот же самый принцип всеобщей концентрации можно использовать снова — но как бы с другого конца. Сила объединенных менталитетов непременно пробьется сквозь любой личный барьер и сделает это довольно легко — даже если это будет барьер, поставленный Фионой. Нужно только правильно эту силу применить.

— То есть направлять ее будешь ты?

— Конечно. Я предлагаю, чтобы мы собрали всех членов семьи и общими усилиями попытались пробиться к Блейзу и Фионе, где бы они ни были. И тогда мы могли бы задержать их, причем во плоти, хотя бы на одно мгновение. Которого мне вполне хватит для нанесения удара.

— Именно так ты поступил и с Мартином?

— Я думаю, что на этот раз получится лучше. Мартин в последний момент сумел высвободиться. Теперь такого допустить нельзя, да это и не должно случиться, если участвовать будут все. Четверых или даже троих, возможно, будет достаточно.

— И ты действительно считаешь, что сможешь реализовать свой план так легко?

— Я уверен в одном: нам лучше поспешить. Время-то уходит. Ты будешь первым, кого они казнят, когда возьмут Амбер. Как, впрочем, и меня. Ну, что скажешь?

— Если я буду уверен, что это абсолютно необходимо... Если у меня не будет иного выбора, как принять твое предложение...

— Но это действительно необходимо, поверь! А еще мне очень нужен Камень Жребия.

— Для чего?

— Если Фиона действительно сейчас во Дворах Хаоса, до нее с помощью карты не доберешься, даже если мы будем действовать все вместе. Камень Жребия нужен, чтобы сфокусировать нашу общую энергию.

— Полагаю, это можно было бы устроить.

— Тогда чем скорее мы примемся за дело, тем лучше. Не мог бы ты организовать все к сегодняшнему вечеру? Я уже достаточно поправился и вполне в силах сыграть свою роль.

— Нет, черт побери, — сказал я, вставая.

— Но почему? — Брэнд яростно стиснул подлокотники кресла. — Почему же нет?

— Я ведь сказал, что последую твоему совету, если сочту, что это неизбежно. Однако ты сам утверждаешь, что большая часть твоей теории покоится всего лишь на догадках. Уже одного этого мне достаточно, чтобы сомневаться в необходимости использования Камня.

— Забудь, что у тебя есть время сомневаться! Или ты все-таки хочешь попробовать, на что они способны? Учти, следующий штурм будет куда страшнее предыдущего, Корвин. Им известно о твоем новом оружии, и они учли его в своих планах.

— Даже если бы я был согласен с тобой, Брэнд, уверен, что мне не убедить остальных.

— Убедить? Да просто прикажи им! Ты ведь держишь их всех за глотку, Корвин! Ты сейчас на самом верху! И ты ведь хочешь остаться наверху, верно?

Я улыбнулся и двинулся к двери.

— Я и останусь наверху, — сказал я, — но действовать буду по-своему. Впрочем, о твоем предложении я не забуду.

— Давай, давай, действуй по-своему! И придешь прямиком к собственной гибели. Причем гораздо скорее, чем тебе кажется.

— Учти, я снова стою на твоем любимом ковре, — заметил я.

Брэнд рассмеялся:

— Ну хорошо. Но пойми, я тебя не запугиваю. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. И сейчас ты в ответе за все Королевство. Ты должен сделать единственный правильный выбор.

— А ты-то понял, что имел в виду я? У меня нет ни малейшего желания убивать собственных родственников из-за твоих необоснованных подозрений. Чтобы совершить подобное, мне необходимо нечто несоизмеримо большее. Мне нужны неопровержимые доказательства.

— Когда ты все это получишь, будет скорее всего слишком поздно.

— Посмотрим, — промолвил я, пожав плечами, и направился к двери.

— Что ты намерен предпринять теперь? — спросил Брэнд мне вслед.

— Я ни тебе и никому другому этого не скажу, как не скажу и всего, что знаю, Брэнд. Так мне надежнее.

— Ну, допустим, это я понять могу. Остается надеяться, что знаешь ты достаточно.

— А может, ты боишься, что я знаю слишком много?

В глазах его мгновенно вспыхнула тревожная настороженность. Потом он улыбнулся:

— Я не боюсь тебя, брат!

— Это хорошо, когда нечего бояться, — произнес я и ступил на порог.

— Погоди, — окликнул меня Брэнд.

— Да?

— Ты так и не сказал мне, кто был с тобой, когда ты нашел карту Мартина.

— Как, неужели ты не догадался? Рэндом, конечно.

— Ах вот как?! И ему известны все подробности?

— Если тебе интересно, знает ли он, кто именно нанес его сыну предательский удар, то успокойся: пока что нет.

— Понятно. А еще насчет новой руки Бенедикта... Я так понял, что ты каким-то образом добыл ее в Тир-на Ног'тхе. Может, расскажешь поподробнее?

— Не сейчас. Давай прибережем что-нибудь и для нашей следующей беседы. Ждать придется не так уж долго.

И я — наконец-то! — ступил за порог и прикрыл за собой дверь. Из головы у меня не выходил его любимый коврик.

VIII

Я посетил кухню, устроил там себе настоящий пир, а потом направился в конюшню, где выбрал молодого гнедого жеребца, некогда принадлежавшего Эрику. С этим конем мы подружились быстро и вскоре уже спускались по тропе, ведущей с вершины Колвира в лагерь, где расположились мои войска из Теней.

Я не спешил, переваривая обед и пытаясь разобраться в той мешанине сведений и событий, которые обрушились на меня за последние несколько часов. Если Амбер действительно был некогда создан восставшим Дворкином во Дворах Хаоса, то из этого следовало, что все мы без исключения родственны тем силам, что теперь стали нашими врагами. Было, разумеется, нелегко решить, насколько можно верить словам Дворкина. И все же Черная дорога действительно брала исток где-то во Дворах Хаоса и, очевидно, являлась непосредственным результатом неких магических действий Брэнда, основанных на тех знаниях, которые он получил у Дворкина, будучи его лучшим учеником.

К счастью, пока что большая часть повествования Дворкина не была жизненно важной с практической, сиюминутной точки зрения. И все же я испытывал весьма смешанные чувства, например, относительно своего возможного происхождения от Единорога...

— Корвин!

Я натянул поводья. Остановился, сосредоточился, подготавливаясь к контакту, и передо мной возник Ганелон.

— Я здесь, — откликнулся я. — А где ты раздобыл нашу фамильную колоду? Да еще научился ею пользоваться?

— Я еще в тот раз прихватил одну из ящика в библиотеке. Решил, что неплохо иметь возможность связаться с тобой в случае острой необходимости. А научился у вас же: просто делал то же самое, что ты и все остальные, — внимательно смотрел на карту, думая о том, кто на ней изображен, и пытался мысленно связаться с этим человеком.

— Мне бы надо было давно раздобыть для тебя наши карты, — сказал я. — Это просчет с моей стороны, который, к счастью, ты сам и исправил. Ты сейчас просто тренируешься или что-нибудь все-таки произошло?

— Произошло, — ответил он. — Ты сейчас где?

— Если повезет и дальше, то пока что я спускаюсь с горы тебе навстречу.

— С тобой все в порядке?

— Да.

— Прекрасно. Тогда продолжай спускаться. Я, пожалуй, лучше не буду пробовать перетаскивать тебя сюда с помощью карты. Это не настолько необходимо в данный момент. Значит, мы скоро увидимся?

— Да.

Ганелон прервал контакт, и я отпустил поводья, продолжая свой путь. В какой-то момент я почувствовал легкий укол досады из-за того, что он не попросил карты у меня. Но потом вспомнил, что отсутствовал больше недели (по времени Амбера) и он, возможно, начал волноваться. Скорее всего он был совершенно прав, что не стал обращаться за помощью к кому-либо еще.

Спуск происходил вполне успешно, вот только мой конь, чье имя, между прочим, было Драм, настолько радовался, вновь оказавшись на свободе, что все время норовил свернуть куда-нибудь в сторону. Впрочем, мне было достаточно лишь изредка подправлять его поводьями. Вскоре впереди завиднелся лагерь. К этому времени я окончательно понял, что очень скучаю по своему жеребцу Стару.

В лагере меня встретили изумленными взглядами и криками приветствия. Потом воцарилась почти полная тишина, и всякая деятельность прекратилась. Неужели они считали, что я явился поднимать их в поход?

Ганелон вышел мне навстречу, не успел я спешиться.

— Быстро ты, — заметил он, хлопая меня по плечу. — Хорошая у тебя лошадка.

— Неплохая, — согласился я, передавая поводья его адъютанту. — Ну, какие новости?

— Видишь ли... — начал Ганелон, — недавно я говорил с Бенедиктом...

— Какое-то движение на Черной дороге?

— Нет, дело совсем не в этом. Он просто приезжал повидаться со мной после того, как вернулся от своих друзей Текисов, и рассказал, что с Рэндомом все в порядке, что он идет по следу, который непременно должен привести его к Мартину. Потом мы говорили о чем-то совсем ином, и вдруг Бенедикт попросил меня сообщить ему все, что я знаю о Даре. Рэндом уже рассказывал ему, как она прошла по Огненному Пути, и он решил, что пора и ему хоть что-то узнать

о ней поподробнее, поскольку слишком многие помимо тебя знают о ее существовании.

— И что же ты ему поведал?

— Все.

— Включая и мои предположения, возникшие после посещения Тир-на Ног'тха?

— Именно так.

— Ну ладно. И как он это воспринял?

— Очень разволновался. Или, скорее, обрадовался. Да пойдем, сам с ним поговоришь.

Я кивнул, и мы направились к палатке Ганелона. Он отодвинул в сторону полог и вошел внутрь. Я следом.

Бенедикт сидел на низеньком стульчике рядом с походным сундуком, на котором была разложена карта, и вел по ней длинным металлическим пальцем блестящей скелетообразной руки, охватывавшей обрубок его собственной конечности серебряным широким браслетом. Это была та самая рука, которую я привез ему из Небесного города, и она была так ловко прилажена к культе, прятавшейся в рукаве коричневой рубахи, что эта внезапная перемена в его облике заставила меня на минуту содрогнуться: так сильно он был похож на того призрака, которого я встретил.

Бенедикт поднял глаза мне навстречу и приветливо махнул рукой — с детства знакомый жест, — а потом улыбнулся широкой и ласковой улыбкой, какой я давненько у него на лице не видел.

— Корвин! — сказал он, вставая мне навстречу и протягивая руку.

Я заставил себя пожать ее — то самое устройство, что чуть не убило меня. Однако Бенедикт, казалось, ни о чем дурном и не помышлял и вообще смотрел на меня куда добрее, чем еще совсем недавно. Я сделал вид, будто не заметил того, что его новая рука такая холодная и угловатая, и только выразил удивление, причем совершенно искреннее, как отлично он научился управлять ею за такой короткий срок.

— Я должен принести тебе свои извинения, — сказал Бенедикт. — Я был несправедлив к тебе. Прости. Мне очень жаль.

— Да ладно, — ответил я. — Чего уж там, все понятно.

Он на минутку обнял меня, и мою веру в то, что между нами наконец-то снова все наладилось, омрачала сейчас лишь чересчур сильная хватка мертвых пальцев на моем плече.

Ганелон радостно захихикал и притащил еще один стул, поместив его по другую сторону сундука. Мое раздражение по поводу его чрезмерной болтливости уже улеглось, особенно после того приема, который оказал мне Бенедикт. Я не мог припомнить, когда еще видел своего брата в столь прекрасном расположении духа; а Ганелон был явно доволен тем, что ему удалось нас помирить.

Я улыбнулся и сел на предложенный мне стул; потом отстегнул Грейсвандир и повесил его на один из шестов, подпиравших палатку. Ганелон извлек откуда-то три стакана и бутылку вина. Расставляя стаканы и наполняя их вином, он заметил:

— Пытаюсь отплатить тебе за дружеский прием, оказанный мне в твоей палатке той ночью, в Авалоне.

Бенедикт взял свой стакан — металл еле слышно звякнул о стекло.

— Должен отметить, что сейчас в этой палатке гораздо спокойнее и приятнее, — сказал он. — Разве я не прав, Корвин?

Я кивнул и поднял свой стакан:

— За этот покой и за нашу дружбу. Хотелось бы, чтобы они существовали всегда.

— Знаешь, — произнес Бенедикт, — я впервые за долгое время получил возможность поговорить с Рэндомом. Он весьма сильно переменился.

— Это верно, — кивнул я.

— Теперь я куда больше склонен доверять ему, чем когда-либо. Мы столько успели обсудить после того, как уехали от Текисов.

— И куда же вы направлялись?

— Текис сообщил, что, судя по некоторым намекам Мартина, тот собирался в пограничный город Теней — Хират. Это место мне известно; мы направились туда и обнаружили следы пребывания Мартина. Он действительно проезжал этим путем.

— Мне Хират не знаком, — заметил я.

— Это город буквально целиком из кирпича и камня, крупный торговый центр на перекрестке нескольких путей. Там Рэндом добыл новые сведения о Мартине, согласно которым ему предстояло ехать на восток и еще глубже в Тени. Мы с ним расстались в Хирате, ибо я не хотел надолго покидать Амбер. Кроме того, у меня была и чисто личная причина: Рэндом рассказал мне, что видел, как Дара шла по Огненному Пути в день той битвы...

— Да, — подтвердил я, — она действительно прошла по Огненному Пути. Я тоже ее видел там.

Бенедикт кивнул:

— Рассказ Рэндома произвел на меня большое впечатление. Я не мог не поверить, что он говорил мне правду. Но если все так и было, то, возможно, прав и ты. И теперь мне просто необходимо выяснить, на чем основаны утверждения Дары относительно нашего с ней близкого родства. Ты некоторое время был недосягаем, так что я явился к Ганелону — это было несколько дней назад — и заставил его рассказать мне все, что он знает о Даре.

В ответ на мой взгляд Ганелон утвердительно кивнул.

— Итак, теперь ты поверил, что у нас есть новая родственница, — сказал я. — Правда, довольно лживая и, вполне возможно, настроенная по отношению к нам враждебно. Что же ты намерен предпринять?

Бенедикт отпил вина.

— Я бы хотел верить в это родство. Мне оно почему-то очень приятно. Так что пусть оно либо так родством и останется, либо пусть будет опровергнуто наверняка. Если окажется, что мы и в самом деле связаны кровными узами, тогда я хотел бы понять мотивы ее действий. И еще я хотел бы понять, почему Дара никогда не давала мне знать о своем существовании? — Он поставил стакан и пошевелил в воздухе пальцами новой руки. — В общем, я хотел бы сперва расставить все по местам. Начиная с того, что ты пережил в Небесном городе и что

узнал о Даре и обо мне. Мне также чрезвычайно любопытна эта рука, которая ведет себя так, словно сделана специально для меня. Я никогда прежде не слыхал о том, чтобы из Тир-на Ног'тха в Амбер попадали какие-либо материальные предметы.

Бенедикт сжал руку в кулак, разжал пальцы, покрутил кистью, вытянул руку от плеча, поднял ее и медленно опустил на колени.

— Рэндом отлично все закрепил с хирургической точки зрения, не правда ли? — спросил он.

— Да, отлично сработано, — согласился я.

— Ну так что? Расскажешь мне эту историю?

Я кивнул и отпил вина.

— Во дворце Тир-на Ног'тха, что наполнен чернильно-черными движущимися Тенями, — начал я свой рассказ, — я ощутил настоятельную необходимость посетить тронный зал и вошел туда. Когда же Тени как бы раздвинулись, я увидел тебя: ты стоял справа от трона и уже с этой рукой. Потом все вокруг еще немного прояснилось, и я увидел Дару, которая сидела на троне. Я подошел ближе и коснулся ее Грейсвандиром, что сделало меня видимым для нее. Она объявила меня мертвым на ближайшие несколько столетий и потребовала, чтобы я немедленно вернулся в свою могилу. Когда же я спросил, кто ее родители, она призналась, что ее родословная восходит к тебе и некоей адской деве по имени Линтра.

Бенедикт глубоко вздохнул, но ничего не сказал. Я продолжил:

— Дара пояснила, что время в тех краях, где она родилась, двигалось с такой скоростью, что там успело смениться уже несколько поколений. Она была первой в своем роду, кто обладал нормальными человеческими качествами. Потом она снова потребовала, чтобы я немедленно ушел. А ты, Бенедикт, в это время почему-то изучал Грейсвандир. А потом вдруг ударил меня — видимо, чтобы уберечь от опасности Дару, — и мы начали странный поединок. Грейсвандир действительно способен был поразить тебя, а эта твоя рука чуть меня не убила. Вот и все. В остальном это был поединок призраков. С восходом солнца город начал таять, но ты лишь крепче сжал мое плечо, надеясь погубить меня. И тогда я отсек механическую руку с помощью Грейсвандира и спасся, унеся с собою и руку. Она по-прежнему сжимала мое плечо.

— Любопытно, — промолвил Бенедикт. — Я знал и раньше, что это место способно выдавать ложные пророчества, чувствуя тайные страхи и желания посетителя. С другой стороны, оно столь же часто открывало и неведомые дотоле истины. В данном случае, как и всегда, трудно отделить истинное от фальшивого. А что из этого понял ты?

— Бенедикт, — сказал я, — мне история происхождения Дары кажется правдивой. Ты ее никогда не видел, а я видел и не раз. Она кое в чем очень похожа на тебя. Что же касается остального... это совершенно бесспорно: все, что казалось мне фальшивым, я уже отделил от истинного.

Он медленно склонил голову, и я был уверен, что не сумел убедить его до конца; однако же он не хотел просто так отказываться от решения этого вопроса. Бенедикт понимал не хуже меня, что это значит. Если он был намерен и дальше бороться за трон Амбера, то, возможно, в один прекрасный день ему придется от него отступиться ради своего собственного потомка.

— Что ты собираешься предпринять? — спросил я.

— Предпринять? — переспросил он. — А что предпринимает сейчас Рэндом в отношении Мартина? Я стану ее искать, найду, выслушаю всю историю из ее собственных уст и тогда уже решу, что делать мне. Однако это придется отложить, пока не будет решена проблема Черной дороги. И именно это я также хотел обсудить с тобой.

— Вот как?

— Если время в тех краях движется со столь отличной от нашего времени скоростью, то нашим врагам его должно было хватить с избытком, чтобы начать новый штурм. Я не хочу ждать встречи с ними в случайных и ничего не решающих битвах. Я предлагаю проследовать по Черной дороге до самых ее истоков и атаковать врага на его же собственной территории. И прошу твоей помощи и участия в этом походе.

— Бенедикт, — сказал я, — ты когда-нибудь смотрел сверху на Дворы Хаоса?

Он поднял голову и уставился на бесцветную стену палатки.

— Несколько столетий назад, когда я был еще молод, — начал он, — я участвовал в одной бешеной скачке, надеясь доскакать так далеко, чтобы узнать, где конец всему. Там, под разделенными небесами, я смотрел сверху на ужасную пропасть. Я не знаю, там ли исток Дороги или же просто она проходит мимо этих мест, но я готов снова пройти этот путь, если дело именно в этом.

— Именно в этом, — кивнул я.

— Отчего ты так уверен?

— Я только что вернулся из Дворов Хаоса. Темная цитадель по-прежнему высится там. И Черная дорога ведет именно туда.

— Труден ли был путь?

— Вот, — сказал я, вытаскивая карту и передавая ему. — Это творение Дворкина. Я нашел карту среди его вещей и случайно попробовал ее. И она перенесла меня туда мгновенно. И сразу же время удивительно убыстрилось. Там меня атаковал всадник, ехавший по туманной прозрачной дороге — такую на карте не изобразишь. Наша фамильная колода карт там почти не действует. Возможно, из-за разницы во времени. Меня обратно вытащил Джерард.

Бенедикт внимательно изучал карту.

— Похоже, это именно то место, которое я видел тогда, — произнес он наконец. — Что ж, тем проще будет нам обеспечить себе тылы. Если в прямом контакте по обе стороны карты будем мы оба, то сможем перебросить войска прямо туда, как сделали это, перебросив их с Колвира в долину Гарнатха.

Я кивнул:

— Мне тоже приходила в голову такая мысль. Но могут существовать и другие пути, менее опасные, чем отправка огромного войска в неведомое. Хотелось бы, чтобы ты как следует все обдумал, пока я не исследую все возможные пути до конца.

— Да, мне придется анализировать каждый шаг и воздерживаться от любых решений, чтобы приобрести хоть какие-то знания об этом месте. Мы ведь даже не уверены, будет ли там действовать твое автоматическое оружие, правда?

— Не знаем, конечно. У меня ведь его с собой не было, так что попробовать я не мог.

Бенедикт поджал губы.

— Тебе и впрямь следовало подумать об этом заранее и прихватить с собой хотя бы что-то.

— Знаешь, обстоятельства этого как-то не позволяли.

— Обстоятельства?

— Ладно, в другой раз... Сейчас это не главное. Ты говорил о том, чтобы пройти по Черной дороге до ее истоков?..

— Да, ну и что?

— Ее настоящие истоки не там. Они здесь, в Амбере, в том черном пятне, что разрушило Подлинный Путь.

— Я, кажется, понимаю... И Рэндом, и Ганелон — оба описывали мне ваше путешествие к тому месту и повреждения, которые вы обнаружили... Я вижу тут аналогию, возможную связь...

— Ты помнишь мое бегство из Авалона и то, как ты меня преследовал?

Вместо ответа он лишь слабо улыбнулся.

— В одном месте мы пересекли Черную дорогу, — сказал я. — Помнишь?

Бенедикт прищурился.

— Да, — кивнул он. — Ты тогда проложил сквозь нее как бы тропу. И мир вернулся к своему нормальному состоянию в этой точке. Я уже забыл...

— Это произошло благодаря воздействию на Черную дорогу Подлинного Пути, — сказал я. — Причем я надеюсь, что такое воздействие можно использовать и в более широком масштабе.

— То есть?

— Путь может уничтожить ее целиком.

Он отклонился назад и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Тогда почему же ты медлишь?

— Мне нужна кое-какая предварительная подготовка.

— Как много времени на нее потребуется?

— Не слишком много. Может быть, всего несколько дней. В крайнем случае несколько недель.

— Почему же ты не сказал об этом сразу?

— Я только что сам понял это.

— И что же ты понял?

— Ну, прежде всего потребуется восстановление Пути...

— Отлично! Предположим, тебе это удастся. Враг-то по-прежнему поблизости. — Бенедикт показал в сторону Гарнатха и Черной дороги. — Кто-то уже однажды обеспечил им проход сюда.

— Враги всегда были где-то поблизости, — сказал я. — И именно от нас зависит, чтобы проход для них был закрыт. Так что придется иметь дело и с теми, кто им обеспечил проход в первый раз.

— В этом я буду на твоей стороне, что бы ни случилось, — заверил он меня, — однако я вовсе не это имел в виду. Требуется дать урок нашим врагам, Корвин. Я хочу научить их уважать Амбер, уважать должным образом, так, что, даже если путь сюда снова окажется открыт для них, они побоятся воспользоваться им. Вот что я имел в виду.

— Ты не представляешь себе, на что это похоже — перенести сражение в те места, Бенедикт. Словами этого не опишешь.

— Ну раз так, то мне, наверное, лучше посмотреть самому, — улыбнулся он. — Я пока оставлю эту карту у себя, если ты не возражаешь, ладно?

— Не возражаю.

— Вот и хорошо. В таком случае занимайся пока своим делом, Корвин, а я займусь своим. На это тоже потребуется некоторое время. Мне еще нужно отдать соответствующие распоряжения своим командирам. И договоримся не принимать никаких окончательных решений в одиночку, не связавшись прежде друг с другом.

Я согласно кивнул.

Мы допили вино.

— Что ж, пора и мне заняться сборами, — сказал я. — Желаю тебе удачи, Бенедикт.

— Я тебе тоже. — Он снова улыбнулся. — Теперь все пойдет на лад, уверен. — И, хлопнув меня на прощание по плечу, он пошел к выходу.

Мы последовали за ним. Ганелон велел своему ординарцу привести коня Бенедикта.

— Я тоже хочу пожелать тебе удачи. — Он протянул моему брату руку.

Бенедикт с благодарностью пожал ее.

— Спасибо, Ганелон. Спасибо за все, — сказал он и вытащил свои карты. — Если хочешь, можно вызвать на переговоры Джерарда, пока не привели мою лошадь, — обратился он ко мне.

Бенедикт перетасовал карты, вытащил одну и уставился на нее.

— Как же ты намерен восстановить Путь? — спросил меня Ганелон.

— Мне необходимо вернуть Камень Жребия, — ответил я. — Лишь с его помощью я мог бы снова начертать нарушенные линии.

— Это опасно?

— Да.

— А где сейчас этот Камень?

— На Земле, в Тенях, там, где я его и оставил.

— Почему же ты его оставил там?

— Я испугался, что он убьет меня.

Лицо Ганелона исказилось.

— Не нравится мне, когда ты так об этом говоришь, Корвин. А нет ли другого способа?

— Если бы я знал его свойства, то, конечно, воспользовался бы им.

— А если бы ты воспользовался планом Бенедикта, отправившись со своей армией во Дворы Хаоса? К тому же ты сам утверждал, что Бенедикт способен поднять неисчислимые легионы обитателей Тени. И еще ты сказал, что на поле боя лучшего, чем он, не сыскать.

— И все же тогда Путь остался бы разрушенным и нечто чуждое могло бы проникнуть в образовавшуюся в нем дыру, нарушив наш миропорядок. Почему-то всегда наш внешний враг оказывается не настолько важен и опасен, насколько опасна наша же собственная внутренняя слабость и разобщенность. Нет, если ущерб, нанесенный Огненному Пути, не исправить, мы, можно сказать, уже побеждены, хотя у наших стен еще не стоит ни одно иноземное войско.

Ганелон отвернулся.

— Мне трудно спорить с тобой. Ты лучше знаешь свой мир, — сказал он. — Но я по-прежнему чувствую: ты, возможно, совершаешь большую ошибку, рискуя собой в том, что на деле может оказаться отнюдь не таким важным именно сейчас, когда ты особенно необходим здесь.

Я хмыкнул, ибо в ответ ему повторил слова Виолы о долге, и мне вовсе не хотелось присваивать их себе.

— Это мой долг перед Амбером.

Он не ответил.

Бенедикт явно добрался до Джерарда, ибо, стоя поодаль от нас, все время что-то бормотал, потом умолк и стал слушать. Мы ждали, когда он закончит переговоры, чтобы с ним попрощаться.

— ...Да он и сейчас здесь! — услышал я его слова. — Нет, в этом я весьма сомневаюсь. Однако...

Бенедикт несколько раз глянул в мою сторону и покачал головой.

— Нет, я так не думаю, — сказал он. Потом прибавил: — Ну хорошо, иди сюда сам.

Он протянул свою новую руку, и перед нами возник Джерард, который тут же отыскал глазами меня и с угрожающим видом двинулся навстречу, обшаривая меня глазами с ног до головы, словно что-то искал.

— В чем дело? — спросил я.

— Брэнд исчез, — ответил он. — Прямо из собственной спальни. То есть, конечно, кое-что от него там осталось — кровь, например. Да и беспорядок такой, что нетрудно догадаться, что там происходило.

Я осмотрел свою рубашку и штаны.

— А, так ты ищешь на мне пятна его крови? Как видишь, это действительно кровавые пятна, однако куда более старые. Возможно, одежда моя грязна и измята, но крови моего брата на ней нет.

— Это еще ничего не доказывает! — заявил Джерард.

— А, собственно, почему ты думаешь, что именно я...

— Ты был последним, кто его видел, — сказал он.

— Последним был тот, с кем он дрался, — возразил я, — если Брэнд действительно дрался с кем-то.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты же не хуже меня знаешь его бешеный темперамент. Он был в депрессии, а тут еще мы с ним немного поспорили, к его неудовольствию. Потом он, возможно, начал вспоминать наш разговор, после того как я уже ушел, и в гневе вполне мог что-нибудь разбить и даже пораниться; ему стало неприятно, может быть, даже стыдно, и он решил с помощью карт перенестись куда-нибудь, переменить обстановку, успокоиться... Погоди-ка! Его любимый ковер! Не было ли крови на том небольшом пестром коврике в его комнате возле двери?

— Я не уверен... нет, по-моему, нет. А почему?..

— Это обстоятельство лучше прочих доказывает, что Брэнд все сделал сам. Он очень любит этот коврик. И старается никогда и ничем его не пачкать.

— Я что-то не понимаю, — сказал Джерард. — То эта странная смерть Кейна... То глупость слуг Бенедикта, которые вполне могли обнаружить, что тебе нужен порох. А теперь еще Брэнд...

— Это, вполне возможно, звенья одной и той же попытки взять меня в оборот, — указал я. — А что касается нас с Бенедиктом, то мы уже выяснили отношения.

Джерард повернулся к Бенедикту, который стоял на прежнем месте как вкопанный и с бесстрастным лицом внимательно нас слушал.

— Он что, уже объяснил тебе все эти смерти? — спросил его Джерард.

— Не совсем, — ответил Бенедикт, — однако большая часть истории представляется мне теперь совсем в ином свете. И я, пожалуй, склонен верить всем его словам.

Джерард покачал головой и снова посмотрел на меня:

— Все еще непонятно... О чем же вы спорили с Брэндом?

— Джерард, — сказал я, — это наше с Брэндом личное дело до тех пор, пока мы оба не решим иначе.

— Я буквально выволок его с того света, я все время ухаживал за ним как проклятый, Корвин! И делал я это вовсе не для того, чтобы его убили во время какой-то дурацкой ссоры.

— Ну подумай хорошенько, — уговаривал я его. — Кому принадлежала идея вернуть Брэнда назад тем способом, который мы применили?

— Значит, тебе что-то от него было нужно, — упрямо заявил Джерард. — И ты в конце концов своего добился. А он стал тебе помехой.

— Ничего подобного. Но даже если бы это было и так, неужели ты думаешь, что я стал бы избавляться от Брэнда столь очевидным способом? Если он убит, то эта смерть того же порядка, что и смерть Кейна... Еще одна попытка свалить вину на меня.

— Ты говорил об очевидности и в случае с Кейном. По-моему, ты хитришь, Корвин. Тут ты большой мастак!

— Мы уже все это обсуждали, Джерард...

— ...И ты прекрасно помнишь, что я тогда тебе сказал.

— Такое трудно забыть.

Он вдруг железной хваткой стиснул мне правое плечо. Я немедленно ударил его левой рукой в живот и вывернулся. И тут мне пришло в голову, что, возможно, мне все-таки следовало рассказать ему, о чем мы с Брэндом говорили, пусть даже мне и не понравилось, как он об этом спрашивал.

Джерард снова бросился на меня. Я отступил в сторону, слегка врезал ему куда-то возле правого глаза и продолжал колотить его, главным образом просто сдерживая: я был еще совсем не в форме, чтобы драться с ним как полагается, а Грейсвандир остался там, в палатке. При мне же никакого иного оружия не было.

Я упорно кружил вокруг Джерарда. Бок саднило, даже если я наносил удары левой ногой. Один раз мне удалось попасть ему по бедру правой ногой, но я был еще медлителен и с трудом сохранял равновесие, так что перейти в наступление не смог и продолжал скакать вокруг него, нанося удары.

В конце концов он блокировал мою левую руку и обхватил меня за плечи. Мне бы нужно было быстро вывернуться и уйти, но тут он совершенно раскрылся, и я с размаху ударил его правой рукой прямо в живот, собрав последние силы. Джерард задохнулся и согнулся пополам, однако плечо мое держал крепко. Я попытался нанести ему апперкот левой, но он блокировал мой удар,

сам ударил меня в грудь, одновременно заломив мне левую руку назад и вбок с такой силой, что я полетел на землю. Если бы он навалился сверху, все было бы кончено.

Но он опустился на одно колено и потянулся к моему горлу.

IX

Я попытался заблокировать его руку, однако кто-то остановил ее на полпути. Повернув голову, я увидел, что чья-то рука прижала сверху руку Джерарда и отвела ее ему за спину.

Я откатился в сторону и увидел, что Джерарда схватил Ганелон. Тот тщетно пытался высвободиться.

— Тебе лучше держаться от этого подальше, Ганелон! — выкрикнул Джерард.

— Уходи, Корвин, — быстро обернулся ко мне Ганелон. — Иди, добывай свой Камень!

И тут Джерард попробовал было резко вскочить, однако Ганелон успел нанести ему перекрестный удар левой в челюсть. Джерард неуклюже рухнул к его ногам. Ганелон размахнулся, собираясь ударить его ногой по почкам, однако Джерард поймал его ногу и дернул так, что Ганелон перекувырнулся через него. Я отполз в сторону и присел на корточки, одной рукой опираясь о землю.

Джерард наконец поднялся с земли и тут же бросился на Ганелона, который только еще пытался встать. Он уже почти прижал его к земле, однако Ганелону удалось вывернуться и нанести противнику двойной удар в солнечное сплетение. На несколько секунд Джерард был вынужден застыть, согнувшись, а кулаки Ганелона заработали как бешеные.

Джерард, казалось, был настолько ошеломлен этой стремительной атакой, что даже не пытался защищаться. Когда же наконец он выставил вперед кулаки, Ганелон влепил ему удар в челюсть, и Джерард, пошатнувшись, рухнул навзничь. Ганелон тут же бросился к нему, завел его правую руку за спину и навалился сверху, ударив правым кулаком в челюсть. Когда голова Джерарда бессильно откинулась назад, Ганелон нанес ему еще один превентивный удар левой.

Бенедикт только сейчас вдруг очнулся и подбежал к ним, чтобы вмешаться в драку, но Ганелон уже успел подняться с земли. Джерард лежал без сознания, изо рта и из носа у него текла кровь. Я с трудом встал на ноги и отряхнулся. Ганелон улыбался, глядя на меня.

— Ты тут не стой, — сказал он. — Не уверен, что мне так же повезет в следующий раз. Иди, иди, ищи свой камешек.

Я нерешительно посмотрел на Бенедикта. Тот кивнул, и я пошел в палатку за Грейсвандиром. Когда я вернулся, Джерард все еще лежал неподвижно.

Бенедикт подошел ко мне вплотную и сказал:

— Помни, у тебя есть моя карта, а у меня — твоя. И никаких окончательных действий не предпринимать, не посоветовавшись друг с другом.

Я кивнул. Мне хотелось спросить его, почему он собирался помочь Джерарду, а не мне во время этой драки? Или так только казалось? Однако что-то мешало

задать этот вопрос, и я решил не портить нашу свеженькую, только что возникшую вновь дружбу.

Я двинулся к лошадям. Ганелон хлопнул меня по плечу, когда я проходил мимо.

— Удачи тебе. Я бы поехал с тобой, но нужен здесь, особенно если Бенедикт все же отправится во Дворы Хаоса.

— Ну что ж, желаю ему приятного путешествия, — сказал я. — Сам-то я вроде никаких особых сложностей встретить не должен. Не беспокойся, Ганелон.

Я вскочил в седло. Ганелон махнул мне рукой, я тоже помахал ему в ответ. Бенедикт стоял на коленях, склонившись над Джерардом, и головы не поднял.

Я двинулся кратчайшим путем через Арденский лес. Море осталось у меня за спиной. Гарнатх и Черная дорога лежали слева от меня, Колвир — справа. Я должен был отъехать на некоторое расстояние от Амбера, прежде чем смогу воспользоваться магией Теней. Наконец Гарнатх исчез из виду; небо по-прежнему оставалось совершенно безоблачным. Я преодолел несколько небольших подъемов и спусков, выбрался на нужную тропу и двинулся по ее плавному изгибу в лес, где влажная тень и пение птиц в ветвях деревьев напомнили мне о долгих мирных периодах жизни, какие мы знавали когда-то, и о шелковистой, светящейся шкуре нашего предка Единорога...

Боль моя утихла под мерное покачивание в седле, и я снова задумался о только что состоявшейся встрече с моими братьями. Вовсе нетрудно понять отношение ко мне Джерарда. И тем не менее все это было так некстати и так нелепо — что бы там ни произошло с Брэндом, — что я не мог рассматривать случившееся иначе как очередную попытку либо задержать меня, либо совсем остановить. Мне еще повезло, что рядом оказался Ганелон, и к тому же в хорошей форме. Интересно, а что бы стал делать Бенедикт, если бы мы там были только втроем? Мне казалось, что он бы выжидал до последнего и вмешался бы лишь для того, чтобы не дать Джерарду убить меня. Да и от соглашения с Бенедиктом я особого восторга не испытывал, хотя, разумеется, это был значительный прогресс в наших с ним отношениях.

Но больше всего меня занимало одно: что же случилось с Брэндом? Неужели Фиона или Блейз все-таки добрались до него? Неужели он что-то предпринял в одиночку и получил отпор, а потом был извлечен из Амбера с помощью карт его же потенциальной жертвой? А может, каким-то образом к нему проникли его прежние союзники из Дворов Хаоса? Или же тот страж с шипастыми лапами, что сторожил Брэнда в башне? Или же это было, как я и предположил в разговоре с Джерардом, просто несчастным случаем, ранением, нанесенным самому себе в приступе ярости, за чем последовало непродуманное бегство из Амбера? Бегство во имя новых скитаний и новых заговоров с новыми союзниками из иных мест?

Когда одно-единственное происшествие порождает сразу так много вопросов, ответ обычно трудно получить с помощью чистой логики. Хотя следовало сперва воспользоваться логикой, чтобы отсортировать все нецелесообразное к тому времени, когда подвернутся новые факты и доказательства.

Я тщательно вспомнил и обдумал все, что тогда сказал мне Брэнд, рассматривая его откровения в свете того, что знал теперь. За одним лишь исключением, в большей части рассказанного им я не сомневался. Он строил свое здание слишком умно, чтобы его было так легко разрушить, но это значит, что у него должно

было быть достаточно времени и сил. Времени, чтобы все как следует обдумать. Однако по тому, как Брэнд представлял мне эти события, чувствовалось, что он что-то недоговаривает, пытаясь направить меня по ложному пути. А его последние слова практически убедили меня в этом.

Старая дорога сперва резко сузилась, потом снова стала шире, снова сузилась и повернула к северу, вниз, в густые заросли. Лес изменился очень мало. Дорога была почти такой же, как несколько веков назад, когда я, совсем еще юным, ездил по ней просто так, ради удовольствия, изучая обширные леса, что покрывали большую часть нашего континента, уходя прямиком через границу с Тенями. Хорошо было бы снова ехать здесь так же беззаботно, как прежде!

Примерно через час я уже углубился в лес настолько, что деревья стали казаться огромными темными башнями, а пятнышки солнечного света на их ветвях — гнездами фениксов*. У подножия этих великанов царили вечные влажные сумерки, мягкий полусвет, сглаживающий очертания пней и кочек, куч хвороста и поросших мхом валунов. Впереди через тропу метнулся олень, стремясь как можно скорее скрыться в густых зарослях. Пение птиц слышалось прямо у меня над головой, но не слишком близко. Порой я замечал следы других всадников — некоторые из них были совсем свежими, однако вскоре исчезали с дороги. Колвир давно уже исчез из виду.

Дорога вновь пошла вверх, и я знал, что вскоре достигну небольшой гряды холмов, проеду меж ними и снова двинусь вниз. Деревья теперь росли чуть реже, и наконец мне посчастливилось увидеть кусочек неба, который становился все больше и больше, а когда я оказался на вершине холма, то услышал далекий крик охотящейся птицы.

Я посмотрел вверх и увидел большого темного хищника, кружившего высоко надо мной. Я поспешно пробирался меж валунами и даже пришпорил коня, чтобы увеличить скорость, поскольку путь и опушка леса были видны совершенно ясно. Я бросился вниз, спеша снова укрыться под крупными и раскидистыми деревьями.

Птица издала громкий негодующий крик, заметив мои попытки, однако я уже успел нырнуть в полумрак леса. Я постепенно сбавил скорость и стал прислушиваться — больше с небес никаких звуков не доносилось.

Эта часть леса была в общем почти такой же, как и та, которая осталась позади; за холмами, правда, попался небольшой ручеек, и я некоторое время следовал по его течению, но потом все же перебрался на другой берег. За ручьем дорога стала шире, и чуть больше света просачивалось сквозь листву; светлый участок тянулся примерно на пол-лиги.

Я уже почти проехал то расстояние, которое было мне необходимо, чтобы начать манипуляции с Тенями и с их помощью перенестись в прошлое, туда, где я пребывал в ссылке в прошлый раз. И все же начинать здесь было трудновато; пожалуй, стоило проехать еще немного. Я решил не тратить понапрасну свои силы и не мучить коня, тем более что путешествие началось столь удачно. Ничего угрожающего пока что не произошло. Та птица вполне могла быть самым обычным хищником.

И только одна мысль не давала мне покоя.

Джулиан...

Арденский лес находился во власти Джулиана и его бандитов, которых он называл егерями. Он всегда очень тщательно маскировал лагеря своих наемников — страж внутренних границ Амбера, выступающий его защитником как от обычных опасностей, так и от той неожиданной угрозы, что могла возникнуть на границе Амбера с Тенями.

Куда же исчез Джулиан в ту ночь, когда Брэнду был нанесен предательский удар? Если он просто хотел скрыться из дворца, то необходимости бежать дальше этого леса у него не было никакой. Здесь сила и все преимущества были на его стороне, здесь он действительно был королем в своем собственном королевстве, и уж этот лес он знал куда лучше, чем мы все, вместе взятые. Вполне возможно, что и сейчас он где-то совсем рядом. Он вообще обожал всякую охоту, и для нее у него были эти чертовы псы и эти ужасные птицы...

Полмили, миля...

И тут до меня донесся тот самый звук, который я больше всего боялся услышать. Сквозь зелень леса и густую тень до меня донеслись звуки охотничьего рога. Они слышались пока что довольно далеко, где-то сзади и, по-моему, чуть левее тропы.

Я погнал коня галопом, и деревья по обе стороны от меня слились в сплошные полосы. Тропа была ровной и прямой. Что ж, тем лучше.

Потом за спиной я услышал рев — ужасающую смесь глубокого кашля, звериного рычания и хрипов, вырывавшихся из мощных легких. Нет, это явно была не собака. Даже дьявольские гончие Джулиана не способны издавать такие звуки. Я оглянулся, но не заметил никакой погони и, пригнувшись к шее Драма, немного поговорил с конем, успокаивая его.

Через некоторое время стало слышно, как кто-то ломится сквозь лес справа от меня, однако тот рев больше пока не повторялся. Я снова и снова всматривался в чащу, однако не мог понять, что же это там такое. Вскоре я снова услыхал рог, гораздо ближе, и на этот раз ему ответил лай, в происхождении которого ошибиться было невозможно. Проклятые гончие псы Джулиана приближались — быстрые, могучие, злобные твари, которых он отыскал где-то в Тенях и обучил охоте.

Я решил, что пора убираться отсюда. Влияние Амбера было все еще весьма сильным, однако я пренебрег этим и начал перемещение в Тени.

Тропа тут же начала изгибаться влево. Мы мчались по ней, не останавливаясь, и лес все дальше уходил назад, а деревья как бы уменьшались в размерах. Еще один поворот, и мы вылетели на обширную поляну метров двести в диаметре. Подняв голову, я увидел, что та проклятая птица все еще кружит надо мной, хотя теперь значительно ниже и гораздо ближе ко мне, словно намерена вместе со мной отправиться в мир Теней.

Это была неожиданная помеха. Мне необходимо было открытое пространство, чтобы развернуть коня и пустить его по кругу, а если будет нужно, то и для того, чтобы свободно орудовать мечом. Однако хищник в небесах явно собирался атаковать, и мне некуда было от него укрыться.

Тем временем мы подъехали к невысокому холму, взобрались на его вершину, спустились вниз и миновали одинокое, расколотое молнией дерево. На самой ближней к нам ветви сидел невероятных размеров коршун; его оперение отливало серым, серебристым и черным. Я посвистел ему, и он сорвался в воздух, испуская дикие пронзительные боевые кличи.

Я поспешил дальше, уже отчетливо слыша лай и рычание собак и топот копыт. К этим звукам примешивались еще какие-то, совсем не знакомые, даже не звуки, а некая вибрация, будто дрожала сама земля. Я снова оглянулся, однако пока никого из моих преследователей видно не было. Я уже полностью настроился на переход в Тени: солнце скрылось за облаками; вдоль тропы выросли странные цветы — зеленые, желтые и пурпурные; вдали послышались раскаты грома. Поляна передо мной расширилась, потом удлинилась. И стала совершенно ровной.

Я снова услыхал звук охотничьего рога. И обернулся.

Теперь я разглядел, что происходит у меня за спиной, и обнаружил, что вовсе не являюсь объектом этой охоты. Всадники, собаки и птица преследовали нечто совсем иное, что мчалось буквально по моим следам. Может быть, это «нечто» как раз и охотилось именно за мной.

Я склонился вперед, крича на Драма и колотя его коленями по бокам, однако отлично понимал, что отвратительная тварь у меня за спиной движется гораздо быстрее моего бедного коня. Мне стало здорово не по себе. Ибо меня преследовала мантикора.

В последний раз я видел это существо за день до того сражения, в котором погиб Эрик. Когда я вел свой отряд в тыл, по ту сторону Колвира, мантикора буквально пополам разорвала человека по имени Ролл, прежде чем мы успели уничтожить ее с помощью своего автоматического оружия. Та гадина была двенадцати футов в длину, и у нее, как, впрочем, и у этой, были совершенно человечьи лицо и голова, а плечи — как у льва. Крылья, похожие на орлиные, были сложены вдоль туловища, а длинный, заканчивающийся жалом, скорпионий хвост извивался в воздухе, загибаясь к лопаткам. Тогда этих тварей выбралось из Теней довольно-таки много, и они чертовски нам мешали. Не было никаких оснований полагать, что их сюда вызвали специально для участия в сражении, однако ни одна из них после битвы больше не появлялась и никаких свидетельств их существования вблизи Амбера зафиксировано не было. Очевидно, эта, последняя, тогда залетела в Арденский лес случайно, да так там и осталась.

Я глянул на нее еще раз и понял, что в любой момент она может стащить меня с седла, если я не окажу сопротивления. Кроме того, я заметил темную стаю собак, несущихся вниз по склону холма.

Я понятия не имел, обладают ли мантикоры разумом и какова психология их поведения в момент опасности. Большая часть летучих тварей не станет задерживаться и атаковать тот предмет, который им не мешает и ничем не угрожает. Их основная цель — самосохранение. С другой стороны, я отнюдь не был уверен, что мантикора ощущает себя объектом преследования. Она, возможно, полетела по моему следу в надежде на поживу, а уж потом ее собственный след взяли псы Джулиана. А потому мне вряд ли имело смысл задерживаться и раздумывать обо всем этом.

Я вытащил Грейсвандир и развернул коня, натянув поводья.

Драм пронзительно заржал и так резко взвился на дыбы, что я почувствовал, что сползаю с седла. Пришлось мне соскочить на землю.

Однако я совсем позабыл, с какой ураганной скоростью способны бежать Джулиановы гончие и как легко они однажды нагнали нас с Рэндомом, когда мы мча-

лись на «мерседесе» нашей сестрицы Флоры; и еще я забыл, что, в отличие от обычных собак, которые лишь бросаются на машины, эти псы тут же начинают рвать автомобиль (или любую другую свою жертву) на части.

Внезапно дюжина или больше ужасных собак нагнала мантикору. Они окружили ее, яростно рыча и лая. Чудовище откинуло назад голову и, когда они набросились на него, издало леденящий душу вопль. Ядовитый хвост бил направо и налево, то один, то другой пес взлетал на воздух и падал мертвым. Потом мантикора встала на дыбы, отбиваясь мощными передними лапами.

Но тут один из псов умудрился вцепиться ей в лапу, два других повисли на ляжках, а еще один взобрался аж на спину, кусая в плечо и в шею. Собаки окружили мантикору плотным кольцом, и стоило ей повернуться к одной, как остальные бросались на нее всем скопом.

В конце концов мантикоре все же удалось достать своим ядовитым хвостом ту собаку, что грызла ей холку, а потом обезвредить и ту, что вцепилась ей в переднюю лапу. Однако же теперь кровь широкими ручьями текла у нее по крайней мере из десятка других глубоких ран. Вскоре стало заметно, что и передняя лапа причиняет мантикоре значительное беспокойство: она не могла ни как следует ударить ею, ни опереться на нее, когда пыталась ударить врага другой лапой.

Между тем еще одна собака вспрыгнула ей на холку, и, похоже, на этот раз избавиться от подобного наездника мантикоре будет значительно трудней. Еще один пес вцепился ей в правое ухо и повис на нем. На ляжках у нее теперь висело уже четверо, а когда мантикора вновь поднялась на дыбы, здоровенный пес бросился вперед и стал рвать ей брюхо. Мне показалось, что мантикора ошеломлена еще и теми жуткими звуками, которые издавали псы, их отвратительным рычанием и хриплым визгом; однако она продолжала бешено отбиваться от мечущихся вокруг нее серых теней.

Я поймал Драма за узду и попытался хоть как-то успокоить его, надеясь снова сесть в седло и убраться отсюда к чертовой матери, пока длится эта схватка. Однако конь все время норовил встать на дыбы и вырваться, и требовалось немало сил и слов, чтобы просто удерживать его на месте.

Вдруг мантикора с каким-то печальным воплем попыталась сбросить того пса, что терзал ее спину, и нечаянно вонзила свое ядовитое жало в собственное плечо. Собаки мгновенно воспользовались ее оплошностью и возобновили атаку с еще большей яростью, рыча и вырывая у диковинного зверя куски плоти.

Я уверен, что собаки вскоре прикончили бы мантикору, однако в этот момент на вершине холма показались всадники и начали спуск. Их было пятеро, во главе — Джулиан в своих знаменитых белых доспехах. На шее у него висел охотничий рог. Он был верхом на своем гигантском жеребце Моргенштерне, который издавна ненавидел меня.

Джулиан поднял длинное копье, явно приветствуя меня, потом опустил его и что-то громко приказал собакам. Они, ворча, отстали от своей жертвы. Даже тот пес, что сидел у мантикоры на спине, ослабил хватку и соскочил на землю. Все они отпрянули в сторону, когда Джулиан взял копье наперевес и пришпорил Моргенштерна.

Мантикора обернулась к нему с воинственным воплем и, обнажив клыки, прыгнула вперед. Они сошлись, и на мгновение все передо мной закрыла гигант-

ская фигура Моргенштерна. Еще секунда, и по поведению жеребца я понял, что удар Джулиана попал точно в цель.

Моргенштерн отскочил в сторону, и я увидел распластанную на земле мантикору: огромные кровавые кляксы расплывались у нее на груди, копье Джулиана тоже цвело кровавым цветом.

Джулиан спешился. Он что-то сказал остальным всадникам, и те остались в седлах. Джулиан долго смотрел на все еще корчившуюся мантикору, потом поднял глаза на меня и улыбнулся. Подошел к чудовищу поближе, поставил на него ногу и с размаху пронзил копьем распластанное тело. Затем вытащил копье, воткнул его в землю и привязал к нему Моргенштерна, ласково потрепав коня по холке. И только тогда повернулся и двинулся ко мне.

Когда он подошел совсем близко, то первыми его словами были:

— Зря ты все-таки Белу-то убил.

— Белу? — непонимающе переспросил я.

Он посмотрел на небо. Я проследил за его взглядом. Коршун там больше не кружил.

— Бела был моим любимцем...

— Мне, право, очень жаль, — сказал я. — Я не сразу разобрался в обстановке.

Он кивнул:

— Ну ладно, долг платежом красен. Я-то ведь перед тобой тоже кое в чем виноват. А теперь расскажи, что там было, после того как я удрал из дворца. Брэнду удалось бежать?

— Да, — сказал я, — и в этом отношении с тебя сняты все подозрения. Брэнд заявил, что тот предательский удар ему нанесла Фиона. Однако ей мы задать этот вопрос тоже не смогли: она той же ночью исчезла. Удивительно, как это вы с ней не столкнулись лбами в темноте?

Джулиан улыбнулся:

— Я примерно так и думал.

— Но зачем ты-то бежал при столь подозрительных обстоятельствах? — удивился я. — Это ведь совсем не в твою пользу.

Он пожал плечами:

— Не хотелось в очередной раз выслушивать несправедливые обвинения. К тому же если в данном случае принимать в расчет и тайные намерения, то я не менее виновен, чем наша сестренка. Я бы сделал то же самое, что и она, если б мог. Нет, правда, у меня уже и клинок был наготове в ту ночь, когда мы его похищали. Просто меня немножко опередили.

— Но почему ты хотел убить его? — спросил я, совершенно потрясенный.

Джулиан засмеялся:

— Почему? Да я просто боюсь этого ублюдка, вот почему! В течение долгого времени я считал его мертвым; я очень надеялся, что он в конце концов предстал перед судом тех темных сил, с которыми имел дело. А ты сам-то много о нем знаешь, Корвин?

— Как-то у нас с ним был весьма длинный разговор...

— Ну и?..

— Он признал, что они втроем — Блейз, Фиона и он сам — выработали совместный план по захвату трона. Они хотели короновать Блейза, однако реальную власть разделить между собой. Они действительно воспользовались

помощью тех темных сил, о которых ты упоминал, чтобы убрать из Королевства нашего отца, Оберона. Брэнд говорил еще, что он пытался привлечь на свою сторону и Кейна, однако же Кейн предпочел вас с Эриком, и вы трое тоже заключили некий союз с целью захвата власти и трона, желая короновать Эрика.

Джулиан согласно кивнул.

— Да, ты все правильно излагаешь — в том, что касается очередности событий; однако же причины были несколько иными. Нам трон вовсе не был нужен; во всяком случае, не сразу и не в те времена. Мы создали свою группировку, чтобы противостоять группировке Фионы и Блейза, ибо это было необходимо во имя защиты Королевства. Сперва нам удалось убедить Эрика лишь принять звание регента. Он опасался, что коронация при таких условиях грозит ему скорой гибелью. И тут как раз подвернулся ты со своими в высшей степени законными претензиями. Мы никак не могли позволить тебе эти претензии отстаивать, потому что орды, собранные Брэндом, грозили нам войной со всех концов. Однако мы чувствовали, что той группировке гораздо меньше захочется воевать с нами, если трон Амбера уже будет занят. Мы не могли короновать тебя, потому что ты-то уж точно отказался бы стать нашей марионеткой, а именно такова была игра, которую мы затеяли. Но ты пребывал в неведении относительно слишком многих ее правил, и разъяснять их тебе нам не хотелось, да и времени не было. Так что мы все же убедили Эрика пойти на риск. Вот так он и был коронован.

— Значит, он просто пошутил, когда выжег мне глаза и бросил меня в темницу?

Джулиан отвернулся и посмотрел на мертвую мантикору.

— Болван ты, — проговорил он наконец почти ласково. — Ты же был у них пешкой с самого начала. Они просто использовали тебя против нас, и если бы ты попробовал пойти любым другим путем, то тут бы тебе и крышка. Если бы этот дурацкий штурм, подготовленный Блейзом, каким-то образом удался, ты сам не прожил бы и двух секунд, даже отдышаться не успел бы. А если бы Блейз потерпел неудачу, как это, собственно, и произошло, он бы тут же исчез без следа (а так оно и случилось) и предоставил бы тебе расплачиваться собственной жизнью за попытку узурпации власти. Ты выполнил свою роль и должен был умереть. Они практически не оставили нам выбора в этой игре. По закону нам следовало бы тогда убить тебя — и ты это прекрасно знаешь.

Я прикусил губу. Я бы многое мог сказать ему. Однако если он сейчас говорил нечто весьма близкое к правде, то, значит, у него была для этого определенная цель. К тому же мне хотелось послушать еще.

— Эрик, — продолжал Джулиан, — считал, что твое зрение, возможно, восстановится со временем; он знал нашу способность к регенерации. Вообще, ситуация была весьма деликатная. Если бы вернулся отец, Эрик освободил бы трон для него и сумел бы оправдать все свои действия ко взаимному удовлетворению — все, за исключением твоего убийства. Этого бы ему не простили и тогда, когда успокоились бы все страсти. И я честно скажу тебе: он просто хотел на время засадить тебя в тюрьму и забыть о твоих претензиях.

— В таком случае кому же принадлежала идея моего ослепления?

Джулиан снова довольно долго молчал. Потом проговорил очень тихо, почти шепотом:

— Выслушай меня, пожалуйста, внимательно. Эта идея принадлежала мне, и именно она, возможно, тогда спасла тебе жизнь. Любое действие, направленное против тебя, приравнивалось ими к смерти; или же их фракция попыталась бы по-настоящему уничтожить тебя. Ты больше не был им нужен, однако же, живой и находясь поблизости, представлял потенциальную опасность. Они могли, например, воспользоваться твоей картой, вызвать тебя и убить; или же вызволить тебя тем же способом, но лишь для того, чтобы принести в жертву в следующем своем заговоре против Эрика. Однако слепой ты стал им не опасен и не нужен. Тебя спасло то, что ты больше не попадался им на глаза, а нас это спасло от более грубых действий, которые в один прекрасный день могли обернуться против нас же самих. Иного выбора не было. Невозможно было и проявить большую снисходительность: тогда нас заподозрили бы в том, что мы сами хотим как-то воспользоваться тобой. Если бы кто-то из них догадался, что ты являешься весьма ценным объектом, ты бы мгновенно стал покойником.

— Понятно, — сказал я.

— Да, — кивнул Джулиан, — тебе слишком быстро удалось во всем разобраться и восстановить зрение. Никому и в голову не приходило, что ты сумеешь сделать это за такой малый срок. Да еще отыскать способ спасения! А кстати, как тебе это удалось?

— Отольются кошке мышкины слезы... — пробормотал я.

— Что-что, прости?

— Я сказал... впрочем, не обращай внимания. Ну а что тебе известно о пленении и заключении Брэнда в башню?

Джулиан снова долго смотрел на меня.

— Мне известно только то, что он каким-то образом разошелся со своими союзниками. Подробностей я не знаю. По какой-то причине Блейз и Фиона боялись и убить его, и отпустить с миром. По-моему, когда мы его освободили, Фиона больше всего боялась именно того, что он окажется на свободе.

— Ты и сам сказал, что достаточно опасался Брэнда и хотел убить его. Но почему именно тогда? Ведь прошло уже столько времени, та давнишняя история с вашим заговором и моим пленением стала историей, а власть в нашем королевстве снова пошатнулась. Ведь тогда он был так слаб и совершенно беспомощен! Какой же вред мог он принести?

Джулиан вздохнул.

— Я не знаю, какими силами владеет Брэнд, — проговорил он, — и не понимаю их природы, однако с ними нельзя не считаться. Я знаю, что он может не только мысленно путешествовать в Тенях, но и, сидя в кресле, способен определить местонахождение в этом пространстве любого нужного ему предмета или человека, а потом призвать к себе этот предмет всего лишь благодаря собственной воле, даже не вставая с кресла; и он, разумеется, способен путешествовать в Тенях физически, причем он предварительно создает нечто вроде мысленного коридора и попадает туда, просто сделав один лишь шаг. И еще, по-моему, он умеет читать чужие мысли. В общем, похоже, что Брэнд стал чем-то вроде собственной карты, только живой, во плоти. Не знаю, как объяснить лучше, но я сам не раз видел, как он все это проделывает. Однажды, уже в самом конце, когда мы держали его под постоянным наблюдением во дворце, он таким вот образом обманул нас: как раз тогда совершил то путешествие на Землю, отправив тебя в

психушку. Когда мы его снова поймали, один из нас оставался при нем неотлучно. Мы тогда еще, правда, не знали, что он способен вызывать из Теней различные вещи. Когда Брэнд узнал, что тебе удалось восстановить зрение и бежать из темницы, он вызвал откуда-то ужасное чудовище, которое напало на Кейна, в тот раз бывшего его стражем. Потом он, видимо, снова направился к тебе. Только Блейз и Фиона, наверно, опять его перехватили раньше нас, и я больше его не видел до той ночи в библиотеке, когда мы вызволили его из плена. Знаешь, Корвин, я боюсь его, ибо он обладает неким смертоносным могуществом, природы которого я не понимаю.

— Но тогда каким образом они-то смогли заключить его в эту башню?

— По-моему, Фиона да и Блейз тоже обладают примерно теми же способностями. Так что вдвоем они, очевидно, способны свести на нет могущество Брэнда, а потом поместить его в такое место, где он свои силы применить не сможет.

— Не совсем так, — сказал я. — Ему же удалось все-таки послать весточку Рэндому. Кроме того, он один раз вышел на связь и со мной, хотя контакт был слабый.

— Ну тогда, значит, полностью нейтрализовать его они не способны, — сделал вывод Джулиан. — Хотя в прошлый раз они весьма сильно ограничили его возможности. И нам только всем вместе удалось пробить их защиту.

— А что ты знаешь об их играх со мной — с моим пленением, с попыткой убить меня, с моим спасением?

— Этого я совершенно не понимаю, — честно признался он, — разве что это являлось какой-то частью их дьявольского плана? Или они передрались между собой? Ведь тогда их группировка чуть сама собой не распалась, и обе ее части имели на тебя какие-то виды. Так что, естественно, если одна сторона пыталась убить тебя, то другая, напротив, стремилась тебя спасти. В конце концов, именно Блейз получил от тебя наибольшую выгоду во время того штурма Амбера, который он же и начал.

— Но ведь именно Блейз и пытался убить меня там, на Земле! — воскликнул я. — Именно Блейз прострелил шины моего автомобиля.

— Вот как?

— Ну, по крайней мере, так мне рассказывал Брэнд, и это совпадает со всеми прочими свидетельствами очевидцев и результатами полицейского расследования.

— Тут я ничем тебе помочь не могу, — пожал плечами Джулиан. — Понятия не имею, что там между ними тогда происходило.

— И все же именно ты из всех членов семьи больше всего поддерживаешь Фиону, — сказал я. — По-моему, у тебя к ней просто слабость, особенно если она поблизости.

— Это верно, — согласился он, улыбаясь. — Мне Фиона всегда очень нравилась. Она, конечно же, самая привлекательная и самая воспитанная из всех нас. Жаль, что отец всегда так строго запрещал браки между братьями и сестрами! Мне всегда было очень неприятно то, что мы с ней в разных лагерях. Хотя все почти наладилось после смерти Блейза, твоего заточения в темницу и коронации Эрика. Она весьма кротко восприняла свое поражение — что было, то было. Фиона, по всей видимости, не меньше меня боялась возвращения Брэнда.

— Брэнд мне об этом рассказывал несколько в ином ключе, — заметил я, — впрочем, конечно, так оно и должно быть. Одно только не сходится: Брэнд утверждает, что Блейз до сих пор жив, что он пытался связаться с ним с помощью карт, и определил, что тот находится где-то в Тенях и готовит новое войско для очередного штурма Амбера.

— Что ж, вполне возможно, — предположил Джулиан. — Но ведь и мы сейчас вполне подготовлены к любой подобной атаке, верно?

— Да, но Брэнд утверждает, что эта атака будет всего лишь отвлекающим маневром, — продолжал я, — и что настоящий штурм начнется позже, непосредственно из Дворов Хаоса, по Черной дороге. Он считает, что Фиона в настоящий момент как раз и занята подготовкой Дороги для этого штурма.

Джулиан нахмурился:

— Надеюсь, что он все это выдумал. Мне ненавистна сама мысль о том, что их группировка воскресла и снова готовится выступить против нас, да еще на сей раз с помощью темных сил. И мне было бы крайне неприятно узнать, что во всем этом замешана Фиона.

— Брэнд заявил, что сам он из их группировки вышел, поняв свою основную ошибку в борьбе за власть... ну и тому подобное. Покаянные речи!

— Ха! Я скорее поверю тому чудовищу, которое только что убил, чем Брэнду. Надеюсь, у тебя хватило ума держать его под охраной? Хотя, впрочем, разве охрана его удержит, если он вновь обрел свое прежнее могущество?

— Но какую игру он мог бы начать сейчас?

— Он или оживит их старый триумвират — эта мысль мне особенно не нравится, — или же у него совершенно иные планы, принадлежащие ему одному. Но поверь мне, планы у него есть. Брэнд никогда не удовлетворялся ролью простого зрителя. Он всегда что-нибудь планирует и задумывает. Я готов поклясться, что он и во сне готовит всякие заговоры.

— Возможно, ты и прав, — произнес я. — Видишь ли, в последнее время в Амбере кое-что произошло, но вот то ли это к добру, то ли нет, я сказать пока не берусь. Дело в том, что я только что дрался с Джерардом. Он считает, что я причинил бедняжке Брэнду какое-то зло, тогда как тот еще не оправился после ранения. Это вовсе не так, но у меня не было возможности доказать свою невиновность. Хотя я действительно, кажется, был последним, кто видел Брэнда сегодня утром. Джерард заходил к нему совсем недавно. Он говорит, что в комнатах все перевернуто вверх дном, повсюду пятна крови, а самого Брэнда нигде нет. Не знаю, что и думать об этом.

— Я тоже. Но надеюсь, что кому-то на сей раз удалось-таки довести дело до конца.

— Господи, — взмолился я, — как у нас тут все запутано! Если бы я только знал это раньше!

— Да все никак не было подходящего случая рассказать тебе, — простодушно сказал Джулиан, — только вот сейчас и сумели поговорить. То ты у нас в темнице сидел, уязвимый для любого врага, то ты сбежал и надолго исчез... Ну а когда ты вернулся с новым войском и новым оружием, я совсем не был уверен в чистоте твоих намерений. А потом все произошло чересчур быстро, и Брэнд снова появился, и было уже слишком поздно — мне пришлось спасать собственную шкуру. Здесь, в Арденском лесу, я чувствую свою силу. Здесь я, наверное, сумею спра-

виться со всем, что бы он ни послал против меня. Я все время занимался подготовкой новых патрульных отрядов и мог бы использовать их как мощную боевую силу. Хотя, конечно, я постоянно ждал известий о гибели Брэнда. Мне очень хотелось спросить кого-нибудь из вас, по-прежнему ли он где-то поблизости, но я никак не мог решить, кого же лучше спросить. Ведь я думал, что вы все еще подозреваете меня в покушении на его жизнь или, если он все-таки умер, в его смерти. Если бы я точно знал, что он все еще жив, я, наверное, все-таки решился бы вызвать его самого. А теперь... так сложились обстоятельства... Кстати, что ты теперь собираешься делать, Корвин?

— Я уезжаю в Тени, чтобы забрать Камень Жребия оттуда, где я его спрятал. Кажется, существует способ с его помощью разрушить Черную дорогу. Я намерен этот способ испробовать.

— Как же это можно сделать?

— Ну, слишком долго рассказывать. Кроме того, мне только что в голову пришла одна ужасная мысль...

— Что именно?

— Камень Жребия нужен Брэнду! Он у меня о нем спрашивал, и теперь... А тут еще эта его способность отыскивать предметы в Тенях и призывать их к себе... Кстати, насколько она сильна?

Джулиан выглядел озабоченным.

— Он вряд ли всеведущ, если ты это имеешь в виду. Ты можешь и сам отыскать нужный тебе предмет в Тенях самым обычным способом, как и все мы — то есть попав туда. По словам Фионы, Брэнд как бы просто устраняет процесс физического передвижения, так сказать, работу ног. А потому и получает обычно некий предмет, а не какой-то определенный. Кроме того, Камень Жребия — вещь особенная, если судить по тому, что мне о нем рассказывал Эрик. Я думаю, Брэнду придется отправиться на его поиски лично; но сперва он постарается мысленно определить, где именно этот Камень находится.

— Тогда мне нужно чертовски спешить. Я должен обогнать его.

— Я вижу, ты взял Драма, — заметил Джулиан. — Хороший жеребец, хотя и упрямый. Во многих подобных скачках побывал.

— Рад это слышать, — улыбнулся я. — Ну а ты чем займешься?

— Я хочу связаться с кем-нибудь в Амбере и поточнее обо всем договориться — например, с Бенедиктом.

— Не годится, — сказал я. — До него не доберешься. Он сейчас во Дворах Хаоса. Попробуй связаться с Джерардом и убеди его, если сможешь, что я честный человек и Брэнда не трогал.

— Эти рыжие — единственные волшебники в нашей семье, но я попробую... Ты точно знаешь, что Бенедикт отправился во Дворы Хаоса?

— Да, но повторю еще раз: время для меня слишком дорого.

— Разумеется. Ступай. Мы и потом сможем всласть поболтать... я надеюсь.

Он протянул руку и обнял меня на прощание. Я взглянул на мантикору и сидящих кружком собак.

— Спасибо, Джулиан. Я... Тебя иногда все-таки очень трудно понять!

— Не так уж трудно. Я думаю, что просто тот Корвин, которого я ненавидел, умер, должно быть, много веков назад. А теперь гони, парень! И если Брэнд только сунет сюда свой нос, я его к дереву пришпилю!

Джулиан что-то повелительно крикнул своим псам, когда я уже садился в седло, и они набросились на мантикору, лакая ее кровь и отрывая куски мяса. Проезжая мимо, я увидел, что на ее странном, массивном, почти человеческом лице глаза все еще открыты, хотя и подернуты пленкой. Они были голубые или синие, и даже смерть не убила в них выражения некоей доисторической невинности. То ли эта невинность, то ли взгляд мертвых открытых глаз — однако последним даром смерти этому чудовищу было то, что мне почему-то совершенно не хотелось ни шутить, ни иронизировать, даже желания такого не возникло. Я вывел Драма на тропу и возобновил свою гонку.

X

Я продвигался по тропе и глядел, как на небесах сгущаются тучи; время от времени раздавалось нервное ржание Драма, который никак не мог успокоиться после пережитых волнений. Мы свернули налево и устремились вверх, по склону холма... Мимо проплывали то коричневые, то желтые, то снова коричневые участки земли. Деревья словно приседали на корточки, расступаясь все шире. Между ними раскачивались и пригибались к земле травы на холодном, внезапно поднявшемся ветру. Вдруг в небе сверкнула молния... Упали редкие капли дождя, прогремел гром...

Теперь каменистая тропа стала круче. Ветер раздувал мой плащ. Мы упорно ползли вверх — туда, где среди скал виднелись серебристые ленты ручьев, а деревья, казалось, выстроились в одну линию... Травы, зеленые огоньки светлячков — все померкло, поникло, промокло под дождем. Но мы упорно поднимались вверх, к скалистым, сверкающим, умытым дождем высотам, где тучи неслись и клубились, словно мутные воды реки на стремнине во время паводка. Дождь лупил, как крупная картечь, и ветер уже прочищал глотку, чтобы запеть еще громче. Подъем все продолжался, вот наконец уже видна вершина, похожая на голову удивленного рогатого быка, охраняющего тропу. Молнии так и плясали вокруг этих «рогов» и в проходе между ними, нас окутал запах озона. Внезапно дождь прекратился, ветер унесся куда-то вдаль...

Теперь предстоял спуск по другой стороне гряды. Здесь дождя не было, в воздухе — ни дыхания ветерка, небо чистое и темное, в нем сверкали мириады звезд... Порой на фоне этих темных небес пролетали вспышками метеоры, и казалось, что после их полета остаются огненные рубцы, которые потом исчезают, тают... Луны были разбросаны, точно пригоршня монет — три ярких дайма, туповатого вида четвертак и парочка пенни*, один из которых был погнут и весь в шрамах... Я снова ехал все вниз и вниз, по длинной извилистой тропе. Стук копыт Драма отчетливо раздавался в ночном воздухе.

Откуда-то вдруг донесся вопль, похожий на кошачий. Темная тень мелькнула на фоне одной из маленьких лун: какой-то зверек, быстрый и косматый...

Вниз, вниз... Словно вниз падает, намереваясь расколоться, сама Земля... Там, внизу, меня поджидала тьма. Извилистая тропа, проходящая по бесконечно длинной щеке горы, как бы светилась в лунном свете. Она изгибалась, складывалась в складки, становилась почти прозрачной... Потом как бы поплыла в воздухе, и

звезды стали видны сквозь ее тонкую ткань с обеих сторон. Теперь уже казалось, что я поднялся выше звезд, что никакой земли нет... Только ночь — ночь и тонкий, прозрачный путь, по которому нужно непременно проехать верхом, чтобы научиться чувствовать себя на нем уверенно на случай неведомой мне грядущей необходимости...

Вокруг было совершенно тихо, и каждое движение ощущалось каким-то удивительно замедленным. Вскоре исчез и светящийся прозрачный путь, и мы теперь будто плыли под водой на немыслимой глубине, где звезды казались яркими рыбками... Вот она, свобода, вот оно, пьянящее могущество бешеной скачки, однако же совсем не похожее на ту беспечность, что порой возникает во время битвы, когда играешь в самоуверенность перед рискованным шагом, рассчитанным, впрочем, до мелочей. Вот оно, ощущение глубочайшего удовлетворения, сродни тому, что возникает, если найдешь единственно нужное, ключевое слово для уже созданной поэмы. Вот они, эти дивные ощущения плюс ощущение самой скачки, скачки из никуда в никуда, может быть, над россыпями драгоценных камней, может быть, над полными огня пропастями, когда ты свободен от влияния земли, воздуха и воды...

Мы настигли огромный метеор, коснулись его шершавого бока, промчались по его покрытой рытвинами поверхности вниз, кругом и снова вверх... Вдруг метеор вытянулся, превращаясь в широкую долину, посветлел, стал желтым...

Теперь под копытами коня был песок. Звезды меркли и исчезали по мере того, как рассеивалась тьма. За спиной вставало солнце, отбрасывая вперед длинные полосы тени от одиноко стоявших деревьев. Мы мчались за этими ускользающими тенями... Это был словно прорыв сквозь тьму... Яркие птички взмывали ввысь из-под конских копыт, жалобно пища, и вновь рассаживались по ветвям...

Деревья вокруг росли все гуще, темнее становилась земля под ними. Уже отчетливо стала видна дорога. Экзотические пальмовые листья съежились до размеров ладони, кора деревьев потемнела. Резкий поворот вправо, и путь стал еще шире... Вот уже под нашими подковами искры летят из камней мостовой — это не лесная дорога, а обрамленная деревьями городская улица. Мимо мелькали ряды домов: яркие ставни, мраморные ступени лестниц, крашеные заборчики, перед ними мощенные плиткой дорожки... Проехала повозка, влекомая лошадью и нагруженная свежими овощами. Люди останавливались и смотрели на нас. Негромко гудели их голоса...

Все дальше и дальше... Проехали под мостом и двинулись вдоль берега ручья, пока он не стал совсем широким, влился в большую реку, устремляется вместе с ней к морю...

Глухо прошлепали копыта по песчаному пляжу под лимонного цвета небесами, по которым неслись голубые облака. Запах просоленных и выброшенных на берег водорослей, разноцветные раковины, отполированный водой плавник... Морская пена лимонного цвета...

Скорее туда, где над морем высится выступ...

Ступени крошились и с грохотом осыпались под ногами коня, скалы меняли свои очертания, шум горного обвала сливался с шумом прибоя... Скорее вверх, к плоскому выступу над морем, к вершине горы, заросшей деревьями долине, к золотистому городу, сверкающему вдали, как мираж...

Город рос на глазах в тени огромного зонта, его серые башни взлетали ввысь, стекло и металл светились во мгле. Потом башни начали раскачиваться...

Город совершенно беззвучно обрушился как бы внутрь себя, и мы проехали мимо. На месте башен кипела пыль, вздымалась темными облаками, окрашенными в розоватый цвет странным, исходящим откуда-то снизу свечением, и с легким шипением, точно загасили свечу, оседала...

Потом налетела пыльная буря, быстро уступив место густому туману. Сквозь туман слышались звуки автомобильных сигналов... Что-то проплывало мимо, нас будто слегка приподнимало в волнах, потом — прорыв в бело-сером плывущем, жемчужно-белом покрывале... Отпечатки подков Драма на обочине шоссе... Справа — бесконечные ряды неподвижных машин. Жемчужно-белых, серовато-тых, тоже куда-то плывущих... Доносились пронзительные вопли и жалобный плач... Редкие вспышки света...

Мы снова поднимались... Туман остался внизу и потихоньку рассеивался. Травы, травы, травы... Теперь небо было гораздо ближе к нам, оно оказалось нежно-голубым. Солнце спешило к закату. Пели птицы. Корова на лугу жевала жвачку, поглядывая на нас...

Перепрыгнув через деревянную ограду, мы поскакали по деревенской дороге. За холмом вдруг налетела волна холода... Травы пожухли, а на земле лежал снег. Показался фермерский домик с жестяной крышей, над ним завиток дыма...

Подъем все продолжался... Он все круче. Солнце скатилось за край земли, и на смену ему пришла тьма... Небо было звездным... Вон дом в глубине двора... А вон там и другой... К нему вела длинная подъездная дорожка, обсаженная старыми деревьями... Навстречу выплыли фары автомобиля...

Прочь с дороги, на обочину... Я натянул поводья и дал машине проехать.

Потом вытер пот со лба и отряхнул пыль с рубашки на груди и рукавах. Потрепал Драма по шее. Автомобиль замедлил ход, приблизившись ко мне, и я заметил, какое изумленное лицо было у водителя.

Я чуть тронул поводья, и Драм тихонько двинулся дальше. Машина затормозила, остановилась, и водитель что-то крикнул, обращаясь ко мне, но я продолжал свой путь как ни в чем не бывало. Через несколько секунд я услышал, как он поехал дальше.

Мы вышли на знакомую мне сельскую дорогу, и было заметно, что, с тех пор как я был здесь в последний раз, уже прошло какое-то время. Я неспешно ехал мимо легко узнаваемых пейзажей, вспоминая иную свою жизнь. Через несколько миль я оказался на перекрестке и свернул на другую дорогу, шире и лучше, стараясь по-прежнему держаться правой обочины. Воздух становился все холоднее, но в нем чувствовался какой-то приятный чистый привкус. Над холмами слева возникла горбушка луны. По небу проплывали небольшие редкие облачка, порой закрывая луну и с трудом пропуская на землю слабый, какой-то пыльный ее свет. Ветерок был совсем слабый: порой шевельнутся ветки, и все. Через некоторое время я подъехал к такому месту, где дорога шла вниз как бы ступенями, и догадался, что уже почти достиг цели.

Поворот и еще парочка спусков... Я увидел валун у дороги и прочитал на нем свой адрес.

Я натянул поводья и посмотрел вверх, на вершину холма. На подъездной дорожке у дома стоял пикап, а в самом доме горел свет. Я направил Драма через

кювет по полю прямо к группе деревьев невдалеке. Там я привязал его, почесал ему шею и сказал, что долго не задержусь. Потом вернулся на дорогу.

Ни одной машины видно не было, и я направился по подъездной дорожке к дому, пройдя мимо пикапа. Освещено было только окно гостиной, справа от входа. Я обошел дом слева и вышел на задний двор.

И внезапно замер, оглядываясь. Что-то здесь было не так.

Задний двор выглядел иначе! Пара развалившихся садовых стульев, которые когда-то были прислонены мной к полуразрушенной клетке для цыплят и которые у меня все не хватало времени убрать, куда-то исчезли. То же самое произошло и с самой клеткой. В прошлый раз, когда я проезжал здесь, все было на месте. Куча сухих веток, которые когда-то я сам спилил и сложил вместе с давнишними, полусгнившими, чтобы время от времени рубить на дрова, тоже исчезла.

Не было на месте и компостной кучи.

Я бросился туда, где она раньше лежала. Там был только неправильной формы участок голой земли примерно той же формы, что и сама куча.

Но я давно уже обнаружил, еще только настраиваясь на Камень, что могу заставить себя почувствовать его присутствие. На мгновение я закрыл глаза и попытался это сделать.

И ничего не почувствовал.

Я снова стал искать, на этот раз особенно тщательно, но нигде не заметил его волшебного, сказочного блеска. Не понимаю, на что я рассчитывал: ведь я действительно не чувствовал присутствия Камня Жребия где-либо поблизости.

Окна в освещенной комнате были не занавешены. Осматривая домик снова, я заметил, что ни на одном из окон нет ни занавесок, ни жалюзи, ни ставен. А значит...

Я обошел дом с другой стороны и, подойдя к освещенному окну, быстро заглянул внутрь. Большая часть пола была накрыта разными тряпками и мешковиной. Мужчина в кепке и рабочей одежде красил дальнюю стену.

Ну разумеется!

Я ведь тогда попросил Билла продать дом! И подписал все необходимые бумаги, лежа в местной клинике после того покушения на меня, когда еще рассчитывал вернуться домой — возможно, благодаря воздействию Камня. По местному времени с тех пор прошло уже несколько недель, если считать, что временной коэффициент Амбера по отношению к Земле примерно два с половиной к одному, да еще следовало прибавить те восемь дней, которых, по времени Амбера, стоило мне пребывание во Дворах Хаоса. Билл, конечно же, уже поступил в полном соответствии с моей просьбой. Однако дом был в плохом состоянии, он и до меня несколько лет простоял заброшенный, потом там «похозяйничали» какие-то бандиты... Нужно было сменить рамы, починить крышу, сделать новые водосточные желоба, покрасить стены, кое-где подцементировать... И еще там было жуткое количество мусора — и в доме, и во дворе, — который требовалось убрать...

Я повернул прочь и пошел вниз к дороге, вспоминая, как в последний раз тащился здесь на четвереньках, в полубессознательном состоянии, а из раны в боку текла кровь. В ту ночь было куда холоднее, на земле лежал снег, и сверху тоже падали снежинки. Я прошел мимо того места, где сидел, махая наволочкой

и пытаясь остановить машину. Перед глазами у меня тогда плыл туман, но я еще помнил, как пролетали мимо автомобили.

Я пересек дорогу и двинулся по полю к деревьям. Отвязывая Драма и садясь в седло, я сказал ему:

— Придется нам еще немного поскакать. На этот раз не слишком далеко, правда.

Мы вернулись на дорогу и проехали по обочине мимо моего бывшего дома. Если бы я не сказал тогда Биллу, чтобы продал дом сразу же, компостная куча все еще была бы на месте вместе с Камнем. И я бы уже возвращался в Амбер, выполнив свою задачу. А теперь нужно отправляться на поиски алого Камня на цепи, хотя уже ясно, что время опять поджимает. Здесь, по крайней мере, временное соотношение с Амбером более благоприятное. Я прильнул к шее Драма, взял в руки поводья, и мы помчались. Не было ни малейшего смысла зря тратить драгоценные минуты.

Через полчаса я уже въезжал в город по тихой улочке в старом жилом квартале, где вокруг меня толпились дома. У Билла горел свет. Я свернул на его подъездную дорожку, объехал дом кругом и оставил Драма на заднем дворе.

Дверь мне открыла Элис, мгновение изумленно смотрела на меня, потом воскликнула:

— Боже мой, Карл!

Через несколько минут я сидел в гостиной рядом с Биллом, справа на столике стояла выпивка. Элис хлопотала на кухне: она совершила непростительную ошибку, спросив меня, не хочу ли я закусить.

Билл изучающе смотрел на меня, раскуривая трубку.

— Ты по-прежнему пользуешься весьма нестандартными способами появления и исчезновения, — сказал он наконец.

— Важнее всего результат, — улыбнулся я.

— Знаешь, эта сиделка в клинике... хотя, впрочем, в ее фантазии почти никто не поверил...

— Почти?

— Во всяком случае, мало кто из тех, кого я спрашивал сам.

— Ну и что же она рассказывала?

— Она уверяла, что ты дошел до середины комнаты, стал совсем плоским и просто растаял на месте, сопровождаемый радужным сиянием.

— Радужные вспышки перед глазами могут быть вызваны глаукомой. Ей необходимо проверить зрение.

— Она и проверила, — кивнул Билл. — Зрение оказалось в норме.

— Ах вот как! Это очень плохо. Тогда ей, пожалуй, стоит посетить невропатолога.

— Ну перестань, Карл. С ней все в порядке. И ты это прекрасно знаешь.

Я улыбнулся и отхлебнул из своего стакана.

— А ты сейчас, — заметил он, — между прочим, выглядишь в точности как на той игральной карте, по поводу которой я однажды уже спрашивал тебя. Только там ты с мечом... Что, собственно, происходит, Карл?

— Все совершенно перепуталось, — честно признался я. — И дела обстоят даже хуже, чем когда мы с тобой разговаривали в прошлый раз.

— То есть ты по-прежнему ничего не можешь объяснить мне как следует?

Я покачал головой.

— Ты и без того уже заслужил путешествие ко мне на родину, когда все это кончится, — сказал я. — Если, разумеется, к тому времени у меня еще будет родина. А в данный момент время творит ужасные вещи.

— Чем я могу тебе помочь?

— Пожалуйста, снабди меня кое-какой информацией о моем старом доме. Кто тот человек, который там все ремонтирует?

— Эд Уиллен. Местный. Работает по найму. Да ты его вроде знаешь. По-моему, он тебе душ строил.

— Да, да, строил... припоминаю.

— Дела у него вообще-то идут хоть куда. Купил кой-какой инструмент получше, нанял себе парней в помощь. Да еще я позаботился, чтоб его приняли в члены нашей корпорации.

— А ты не знаешь, кто именно там работает сейчас?

— Нет, но узнать ничего не стоит. — Билл положил свою ручищу на телефонный аппарат, стоявший на боковом столике. — Хочешь, я прямо сейчас ему позвоню?

— Да, пожалуйста, — попросил я. — Мне, собственно, нужно только одно: там, на заднем дворе, у меня была компостная куча. А теперь ее нет. И я хотел бы выяснить, куда она подевалась.

Билл склонил голову на правое плечо и широко улыбнулся, не выпуская трубку из зубов.

— Ты это серьезно? — наконец вымолвил он.

— Серьезнее не бывает, — сказал я. — Я кое-что спрятал в этой куче, когда полз мимо нее, поливая снег вокруг своей драгоценной кровушкой. И теперь мне необходимо отыскать эту вещь.

— А что же это такое?

— Рубиновая подвеска.

— Бесценная, наверное?

— Ты прав.

— Если бы это был кто-то другой, я бы не сомневался, что он просто не слишком умно пошутил, — сказал Билл. — Надо же, сокровище в компостной куче... Фамильная драгоценность?

— Да. Карат сорок или пятьдесят. Очень простая с виду подвеска на толстой, тяжелой цепи.

Он вынул изо рта трубку и тихонько присвистнул.

— Не возражаешь, если я спрошу, зачем ты ее туда сунул?

— Я бы уже давно был мертв, если б тогда этого не сделал.

— М-да, веская причина.

Билл снова потянулся к телефону.

— Мы уже и покупателя нашли, — заметил он. — Довольно быстро, если учесть, что я еще и объявления дать не успел. Этот парень что-то от кого-то прослышал, вот и подсуетился. Я его сам отвозил туда сегодня утром. Он действительно хочет купить дом. Все можно прокрутить в один миг.

Билл начал набирать номер.

— Погоди, — сказал я. — Расскажи-ка мне об этом покупателе.

Билл положил трубку и внимательно посмотрел на меня.

— Тощий такой, — начал он. — Рыжий. С бородой. Сказал, что художник. Хочет иметь домик в деревне.

— Сукин сын! — выругался я как раз в тот момент, когда Элис вошла в комнату с подносом в руках.

Она поцокала языком и улыбнулась, передавая поднос мне.

— Тут только парочка гамбургеров да остатки салата, — сказала она. — Ничего сногсшибательного.

— Спасибо большое! Я уж готов был слопать собственного коня. А после этого, как ты понимаешь, плохо бы мне пришлось.

— Да и коню твоему, наверное, тоже. Ну ладно, ешь. — Элис пожелала мне приятного аппетита и вернулась на кухню.

— А компостная куча все еще была там, когда ты возил этого покупателя смотреть дом? — спросил я. Билл закрыл глаза и нахмурил брови.

— Нет, — промолвил он через минуту. — Двор был уже расчищен.

— Ну тогда ладно, — сказал я и принялся за еду.

Он позвонил и разговаривал несколько минут. Я все понял из его разговора, однако выслушал еще раз в подробностях после того, как он повесил трубку, приканчивая угощение и промывая глотку тем, что еще оставалось у меня в стакане.

— Видишь ли, ему было прямо-таки больно смотреть, как пропадает отличный компост, — сказал Билл. — Так что он перегрузил всю кучу в свой пикап прямо на следующий день и отвез к себе на ферму. Вывалил компост возле того участка, который собирается возделывать этой весной, и пока еще не успел раскидать по полю. Говорит, что никаких драгоценностей в куче не заметил, хотя, конечно, вполне мог и пропустить.

— Если у тебя можно одолжить фонарь, то я бы лучше поскорее туда отправился.

— Конечно. Я тебя подвезу, — предложил Билл.

— Не хочется расставаться с конем в такой момент.

— Но тебе, наверное, будут нужны грабли и лопата или вилы. Я могу отвезти все это и встретить тебя там, если ты знаешь дорогу.

— Я знаю, где ферма Эда. Да у него и самого, наверное, инструмент найдется. — Билл пожал плечами и улыбнулся. — Ну хорошо, — сказал я, — поедем вместе. Позволь мне только воспользоваться твоей ванной комнатой, и давай поторапливаться.

— А ты, похоже, знаешь этого рыжего художника, верно?

Я отодвинул поднос и встал.

— В последний раз ты слышал о нем как о Брэндоне Кори.

— Тот самый тип, что притворялся твоим братом и устроил тебе аварию?

— Притворялся, черт побери!.. Он и есть мой брат. Хоть я в этом и не виноват. Ох, прости, пожалуйста, ты здесь ни при чем.

— Он сегодня был там.

— Где?

— На ферме у Эда, в полдень. Этот рыжебородый.

— И что он там делал?

— Попросил разрешения порисовать на одном из полей.

— И Эд ему разрешил?

— Ну разумеется! Он вообще-то говорил, что это очень здорово, что он, может, даже прославится. Он и мне-то рассказал только потому, что похвастаться захотелось.

— Бери скорее инструмент. Я тебя там встречу.

— Ладно.

Я поспешно сделал все, что мне было нужно в ванной комнате, и вытащил свою колоду карт. Необходимо самым срочным образом связаться с кем-либо в Амбере, причем с кем-то достаточно сильным, чтобы остановить Брэнда. Но с кем? Бенедикт во Дворах Хаоса. Рэндом занят поисками сына, а с Джерардом я только что расстался в отношениях весьма далеких от дружеских. Мне вдруг очень захотелось, чтобы в колоде была карта Ганелона.

Но решил, что все-таки стоит попробовать связаться с Джерардом.

Я вытащил его карту, проделал все как полагалось и через мгновение вышел с ним на связь.

— Корвин!

— Ты только послушай, Джерард! Брэнд жив, если тебя это как-то утешит, и я, черт побери, совершенно в этом уверен. Однако случилось нечто непредвиденное. Для Амбера это вопрос жизни или смерти. И ты сейчас должен будешь кое-что сделать!

Выражение его лица стремительно менялось — от гнева к удивлению и заинтересованности...

— Продолжай, — сказал он.

— Брэнд, возможно, очень скоро вернется в Королевство. Может быть, он уже там. Ты его еще не видел?

— Пока нет.

— Его нужно остановить, прежде чем он пройдет по Пути.

— Я не понимаю... Но могу поставить стражу у Зала Пути.

— Поставь стражу как снаружи, так и внутри Зала. Учти, Брэнд теперь пользуется весьма странными способами передвижения. И помни: ужасные вещи могут случиться, если он пройдет по Пути.

— Тогда я сам лично стану на страже. А что, собственно, происходит?

— Нет времени объяснять, извини. Да, скажи, Ллевелла вернулась в Ребму?

— Да.

— Тогда свяжись с ней немедленно. Она должна предупредить Моэри, что Путь, находящийся в Ребме, тоже необходимо охранять.

— Насколько все это серьезно, Корвин?

— Это грозит гибелью всему нашему миру, — сказал я. — А теперь мне пора.

Я прервал контакт и бросился через кухню на задний двор, задержавшись лишь на мгновение, чтобы поблагодарить Элис и пожелать ей спокойной ночи. Если Брэнд добрался до Камня и сумел на него настроиться, то я не взялся бы предсказать, каковы будут его последующие действия, однако подозрения на сей счет имел весьма мрачные.

Я вскочил на Драма и развернул его. Билл, дав задний ход, уже выезжал с подъездной дорожки на шоссе.

XI

Я гнал напрямик через поля, тогда как Биллу приходилось ехать только по шоссе, а потому не так уж сильно отстал от него. Когда я подъехал, он разговаривал с Эдом, который все показывал куда-то на юго-запад.

Пока я спешивался, Эд рассматривал Драма.

— Отличная лошадка у тебя, — сказал он.

— Спасибо.

— Долго тебя в наших местах не было.

— Это точно.

Мы пожали друг другу руки.

— Хорошо, что снова к нам заехал, я рад, — улыбнулся Эд. — А я как раз рассказывал Биллу про этого художника. Я и не знаю, сколько он там пробыл. Я считал, что как только стемнеет, так он и уйдет, даже внимания на него не обратил. Ну а раз он действительно искал что-то из твоих вещей в этой компостной куче, так он, вполне может, еще и задержался. Если хочешь, я могу и ружье с собой прихватить.

— Нет, — покачал я головой, — спасибо, ружье тут не понадобится. По-моему, я знаю, кто это. Просто мы с Биллом сходим туда и сами посмотрим.

— Как хотите. А то могу и я с вами сходить и помочь, если надо, — предложил он.

— Спасибо, но это вовсе не обязательно, — твердо ответил я.

— Ну а как насчет твоего жеребца? Ты не против, ежели я пока что его напою, накормлю да почищу?

— Я уверен, что он будет очень тебе благодарен за это.

— То-то же. Как его зовут?

— Драм.

Эд подошел к Драму и начал с ним знакомиться.

— Ну ладно, — сказал он. — Я на месте, разве что в амбар за сеном схожу. Если понадоблюсь, вы только свистните.

— Спасибо тебе большое, Эд.

Я вытащил из машины Билла вилы и лопату, а он, прихватив электрический фонарь, повел меня куда-то в сторону, куда Эд указывал ему прежде.

В поле я все время смотрел себе под ноги, надеясь в свете фонаря разглядеть остатки компостной кучи. Наконец я что-то разглядел, и у меня совершенно непроизвольно вырвался горестный вздох. Кто-то здесь уже порылся на славу — повсюду были разбросаны полусгнившие остатки растений. Такая плотная масса не могла так разлететься, когда ее просто сбросили с небольшого грузовичка.

И все же... даже если Брэнд и искал здесь, это вовсе не означало, что он нашел то, что искал.

— Ну, и что ты думаешь? — спросил Билл.

— Не знаю, еще не понял. — Я опустил лопату и подошел к самому большому кому компоста. — Посвети-ка сюда, пожалуйста.

Я тщательно перерыл остатки растерзанной компостной кучи, потом схватил грабли и принялся разгребать ее по земле, разбивая каждый комок. Через некоторое время Билл, пристроив фонарь поудобнее, принялся мне помогать.

— Знаешь, у меня какое-то странное чувство... — сказал он.

— У меня тоже, — буркнул я.

— ...что мы, возможно, слишком сильно опоздали.

Однако мы продолжали возиться в компосте, разбрасывая его по земле...

И тут я почувствовал знакомое предвестие начинающегося контакта. Я выпрямился и подождал. Контакт состоялся буквально через несколько секунд.

— Корвин!

— Я здесь, Джерард.

— Что ты сказал? — спросил Билл.

Я поднял руку, призывая его хранить молчание, и сосредоточился. Джерард стоял в тени у ярко светившегося начала Пути, опираясь на свой огромный меч.

— Ты был прав, — сказал он. — Брэнд действительно промелькнул здесь буквально минуту назад. Понятия не имею, как он пробрался внутрь. Он вышел вон из той тени в левом углу. — Джерард показал рукой. — Потом взглянул на меня, повернулся и снова исчез в тени. Даже не ответил, когда я его окликнул. Я прибавил яркости и все вокруг осветил фонарем, однако Брэнда уже нигде не было видно. Он просто исчез. Как по-твоему, что мне делать теперь?

— А Камень Жребия на нем был?

— Не могу сказать. Я видел его всего несколько секунд, к тому же почти в темноте.

— Путь в Ребме сейчас под охраной?

— Да. Ллевелла подняла там тревогу.

— Хорошо. Тогда оставайся на посту. Я скоро снова с тобой свяжусь.

— Ладно, буду здесь. Слушай, Корвин... ты извини... насчет того, что там было раньше...

— Забудем об этом.

— Вот и отлично. А твой Ганелон — парень крепкий.

— О да, — кивнул я. — Ты только не спи, смотри в оба.

Облик Джерарда померк, ибо я прервал контакт, однако, что было весьма странно, ощущение связи осталось. Я чувствовал себя точно включенный радиоприемник, не настроенный на определенную волну. Билл как-то странно смотрел на меня.

— Карл, что происходит?

— Не знаю. Погоди-ка минутку.

И вдруг снова возник контакт, однако уже не с Джерардом. Она, должно быть, пыталась со мной связаться как раз во время разговора с ним.

— Корвин, это очень важно...

— Говори быстрей, Фиона.

— Ты не найдешь здесь того, что ищешь. Камень у Брэнда.

— Это я и сам начал подозревать.

— Мы должны остановить его. Не знаю, как много тебе известно...

— Теперь уже и я этого не знаю, однако на всякий случай велел тщательно охранять Путь и в Амбере, и в Ребме. Джерард только что сообщил мне, что Брэнд промелькнул возле Огненного Пути Амбера, но словно чего-то испугался.

Фиона кивнула своей маленькой изящной головкой. Ее длинные рыжие локоны были в несвойственном ей беспорядке. Выглядела она усталой.

— Знаю. Он у меня под наблюдением. Но ты забыл еще об одной возможности.

— Нет, — возразил я. — Согласно моим расчетам Тир-на Ног'тх пока еще для него недостижим...

— Я говорила совсем не об этом. Он ведь направляется к Подлинному Пути...

— Чтобы настроить Камень?

— Чтобы впервые пройти по нему.

— Ему придется пройти и по поврежденному участку. Я полагаю, что это вызовет у него по меньшей мере затруднения.

— Значит, ты действительно знаешь многое. Это хорошо — экономит время. Темные участки не причинят ему такого вреда, как любому другому из нас. С тьмой подобного рода у него особые отношения. Мы должны остановить его до того, как он ступит на Путь.

— Ты знаешь, как наикратчайшим путем добраться туда?

— Да. Пойдем, я провожу тебя.

— Минутку. Я хочу взять Драма.

— Зачем?

— Пока это тайна. Но именно он мне и нужен.

— Хорошо. Тогда давай я перейду к тебе. Нам ничуть не труднее будет отправиться из того места, где находишься ты, чем отсюда.

Я протянул руку. Через секунду я почувствовал, как Фиона, опершись о нее, шагнула вперед и оказалась рядом со мной.

— Господи! — воскликнул Билл, отшатнувшись. — А я-то еще сомневался, Карл, в своем ли ты уме. Теперь остается сомневаться, не сошел ли я сам с ума. Она... она ведь одна из тех, что изображены на картах, да?

— Да. Билл, это моя сестра Фиона. Фиона, это Билл Рот, очень хороший мой друг.

Она протянула ему руку и улыбнулась. Они разговорились, а я тем временем сбегал за Драмом.

— Билл, — сказал я, — прости, что заставил тебя зря тратить на меня время. Это все братец мой виноват. А сейчас мы с Фионой попытаемся нагнать его. Спасибо, что помог.

Я пожал ему руку. Он прогудел прочувствованно: «Корвин!» И я улыбнулся:

— Да, именно так меня зовут.

— Мы тут поговорили немного с твоей сестрой. Совсем немного, я мало что успел понять, ясно только одно: это очень опасно. Так что желаю удачи! И я все-таки хотел бы когда-нибудь услышать всю историю до конца.

— Еще раз спасибо тебе, — сказал я. — Непременно постараюсь со временем все тебе рассказать подробно.

Я сел в седло, наклонился, подхватил Фиону и усадил перед собой.

— Доброй ночи, мистер Рот, — обернулась она к нему. Потом велела мне: — Начинай, только медленно, прямо через поле.

Так я и сделал.

— По словам Брэнда, именно ты тогда пырнула его кинжалом, — заговорил я, как только мы отъехали подальше и почувствовали себя в полном одиночестве.

— Да, я.

— Но зачем?

— Чтобы избежать всего этого.

— Мы с ним говорили довольно долго. Он подтвердил, что изначально вы были вместе — ты, Блейз и он, — когда пытались захватить трон и власть.

— И это верно.

— Потом он сблизился с Кейном, попытался привлечь его на вашу сторону, но ничего не вышло, и Кейн поведал об этом Эрику и Джулиану. Те в итоге заключили свой союз в борьбе против вас.

— В общем правильно. Правда, Кейном двигали кое-какие собственные амбиции. Однако пока что ему все равно было бы не по силам воплотить их в жизнь. Так что, решив, что ему на роду написано быть в числе более слабых, он перешел на сторону Эрика, предав Блейза. Цель его в общем-то была мне тоже ясна.

— Он еще говорил мне, что вы трое постоянно имели дело с силами, приходящими с другого конца Черной дороги, из Дворов Хаоса.

— Да, — подтвердила Фиона, — правда. Мы это делали.

— Ты сказала «делали»?

— Раньше, но не теперь. По крайней мере, я и Блейз.

— Но Брэнд утверждает обратное.

— Еще бы!

— Он говорит, что вы с Блейзом продолжаете эту связь с темными силами, а ему пришлось изменить прежним союзникам. Чем, как он утверждает, и был вызван твой гнев и его заточение в башню.

— Тогда объясни, почему бы нам было просто не убить его?

— Все, сдаюсь. Объясни мне все сама.

— Брэнд был слишком опасен, чтобы даровать ему свободу, но лишить его жизни мы тоже не могли — в его руках находилось нечто очень ценное.

— Что же именно?

— После исчезновения Дворкина Брэнд был единственным, кто знал, как устранить повреждения, которые он нанес Подлинному Пути.

— Тебе, наверное, потребовалось немало времени, чтобы все это узнать.

— Поверь, он обладает невероятными возможностями.

— Тогда почему же ты нанесла ему удар тайком?

— Повторяю: чтобы избежать всего этого. Если уж вопрос в том, жить ему или умереть, то лучше пусть умрет! Тогда у нас будет время самим, собственными силами восстановить Путь.

— Но раз дела обстоят именно так, то почему же ты согласилась вместе с нами вернуть его назад в Амбер?

— Во-первых, я все время пыталась помешать этой вашей попытке. Однако вас было слишком много, и все вы буквально горели рвением; я была совершенно ни при чем, когда вы вышли на контакт с ним. Во-вторых же, мне следовало быть на месте, если попытка все же вам удалась бы. И в итоге я сделала все, что смогла.

— Так, значит, вы с Блейзом почти прервали свой альянс с темными силами, однако у Брэнда подобных сомнений не возникало?

— Верно.

— Но как это согласуется с вашим упорным стремлением к трону?

— Мы считали, что сможем добиться победы без помощи со стороны.

— Понятно.

— Ты веришь мне?

— Боюсь, что начинаю верить.

— Здесь сверни.

Я свернул в какую-то расселину. Путь был узок и темен. Над нами виднелось всего лишь несколько звездочек. Все то время, пока мы вели беседу, Фиона умело манипулировала силами Теней, направляя нас прямо с поля Эда заветным путем, и сейчас мы оказались в туманном болотистом месте, потом снова поднялись вверх по склону холма и выехали на каменистую дорогу среди гор. Сейчас, когда мы двигались по этой темной расселине, я снова почувствовал манипуляции Фионы. Здесь воздух был холодным, но не слишком. Тьма справа и слева от нас была абсолютной, создавая иллюзию немыслимых морских глубин, а не тесно стоящих скал, окутанных мраком. Это впечатление еще более усиливалось тем, что, как я неожиданно заметил, копыта Драма не производили ни малейшего шума, ступая по земле.

— Как мне завоевать твое доверие? — спросила Фиона.

— Ничего себе вопросик!

Она рассмеялась:

— Хорошо, выражусь иначе. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в правдивости моих слов?

— Ответь мне только на один вопрос.

— Какой же?

— Кто прострелил мне тогда шины?

Она снова рассмеялась:

— Ты ведь уже и сам догадался, верно?

— Возможно. Но скажи мне сама.

— Брэнд, — произнесла Фиона. — Ему не удалось окончательно расстроить твою память, и он решил предпринять кое-что понадежнее.

— Согласно той версии, которой на сей счет располагаю я, стрелял Блейз и он же бросил меня, когда я тонул в озере, тогда как Брэнд прибыл как раз вовремя, чтобы вытащить меня и спасти мне жизнь. Да и в полицейском отчете говорилось примерно то же самое.

— А кто вызвал полицию? — спросила Фиона.

— У них записано, что звонок был анонимный, однако...

— Это Блейз позвонил им. Он не смог вовремя до тебя добраться, чтобы спасти, когда понял, что именно происходит. Он надеялся, что успеют они. К счастью, они и успели.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Брэнд вовсе не вытаскивал тебя из этой лужи. Ты выбрался сам. Он-то ждал неподалеку, чтобы убедиться, что ты утонул, а ты взял да и вынырнул, да еще умудрился выбраться на берег. Брэнд как раз осматривал тебя, решая, умрешь ли ты, если он просто бросит тебя лежать на берегу, или же все-таки лучше снова

кинуть тебя в воду. Вот тут-то и появилась полиция, и ему пришлось играть роль спасителя. А вскоре после этого нам удалось застать его врасплох и заточить в башне. Хотя усилий для этого потребовалось немало. Позже я связалась с Эриком и сообщила ему о происшедшем. Он тогда приказал Флоре переправить тебя в другое место и позаботиться, чтобы тебя продержали там, пока он не будет коронован.

— Подходит, — сказал я. — Спасибо.

— К чему подходит?

— В ссылке я был всего лишь обычным фармацевтом, да и времена были куда более простые, чем теперь; кроме того, я никогда не имел особых дел с психиатрией. Однако же я твердо знал, что к пациенту не применяют лечение электрошоком, если хотят восстановить его память. Такая терапия обычно имеет обратный эффект. Особенно хорошо электрошок разрушает память, связанную с недавними событиями. У меня появились подозрения, когда я узнал, что именно Брэнд сделал со мной такое. Так что постепенно я выработал собственную гипотезу. Автокатастрофа не восстановила мою память, как и электрошок. Я начал восстанавливать ее естественным путем. Однако, наверное, словами или поступками как-то дал возможность понять, что память моя восстанавливается, и известие об этом каким-то образом достигло Брэнда. Тот решил, что ему это крайне нежелательно, и отправился в Тени, устроив мне такое «лечение», которое, как он надеялся, разрушит и те жалкие воспоминания, которые я только что восстановил. Однако и это ему удалось только отчасти: лишь в течение нескольких дней после очередного ужасного сеанса я совершенно не мог собраться с мыслями. Разумеется, авария тоже внесла свою лепту. Однако когда мне удалось бежать из «санатория» Портера и спастись от очередной попытки убить меня, процесс выздоровления пошел более активно, так что когда я вновь пришел в себя в клинике «Гринвуд», то вскоре сбежал и оттуда. Я вспоминал все более активно, когда жил в доме у Флоры. И тем более восстановление моей памяти ускорилось, когда Рэндом взял меня в Ребму, где я прошел по Огненному Пути. Однако же, и теперь я в этом совершенно убежден, даже если бы я оставался пассивен, память все равно бы ко мне вернулась. Возможно, потребовалось бы несколько больше времени, однако я уже пробился сквозь беспамятство и вспоминал все быстрее и все больше. Итак, я в итоге сам пришел к заключению, что в главном виноват именно Брэнд, и твой рассказ вполне совпадает с моими выводами и с тем, что я уже знаю.

Цепочка звезд в вышине стала еще уже, и наконец они совсем исчезли. Мы продвигались вперед сквозь нечто, напоминавшее абсолютно черный тунель, только где-то очень-очень далеко слабо мерцал порой едва заметный огонек.

— Да, — кивнула Фиона, — ты все угадал верно. Брэнд боялся тебя. Он утверждал, что однажды ночью видел, как ты вернулся из Тир-на Ног'тха, чтобы разрушить все наши планы. Я тогда не обратила на его слова никакого внимания, ибо еще даже не знала, что ты жив. А он-то как раз и пустился разыскивать тебя. Догадался ли он о твоем местонахождении благодаря каким-то колдовским средствам или же просто прочитал об этом в мыслях Эрика, я не знаю. Возможно, последнее. Брэнд иногда на такое способен. Так или иначе он определил, где ты находишься, а все остальное тебе теперь известно.

— Впервые он заподозрил что-то из-за присутствия на Земле Флоры и ее странной связи с Эриком. Так примерно он говорил мне. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. А что ты предлагаешь с ним сделать, если нам удастся его схватить?

Фиона засмеялась:

— У тебя же меч при себе, не правда ли?

— Брэнд говорил еще, что Блейз жив. Это правда?

— Да.

— Тогда почему ты со мной, а не с Блейзом?

— Блейз не настроен на Камень. А ты настроен. Ты можешь взаимодействовать с ним, и, более того, Камень непременно постарается спасти твою жизнь в случае опасности. Так что с тобой риск значительно меньше, — честно призналась она. Затем, помолчав, добавила: — Не думай все-таки, что это будет так просто. Ловкий и быстрый удар меча способен опередить действие Камня. Ты можешь умереть рядом с Брэндом.

Светлая полоса впереди стала шире, ярче, однако оттуда не доносилось ни звука, ни запаха. Продолжая путь вперед, я думал, сколько самых различных объяснений получил с тех пор, как вернулся, и каждое из них имело свой сложный комплекс мотивов, оправданий и фактов того, что случилось, пока меня не было, и того, что происходило сейчас. Я словно кружился в водовороте чужих эмоций, планов, переживаний, чувств и целей, которые я медленно восстанавливал, извлекая из могилы своего второго «я», и каждая новая интерпретация того, что уже было выстроено мною, каким-то образом меняла положение более чем одной составляющей. Но те имели крепкие якоря, и вновь возникали сомнения, и вновь вся моя жизнь начинала казаться мне лишь игрой, комбинаторикой, взаимодействием Теней, их кружением вокруг Амбера — то есть вокруг реальности, постигнуть которую не будет возможности никогда.

И все же я не мог отрицать, что теперь знал больше, чем несколько лет назад, теперь был ближе к сути дела, и все те события, в которые я оказался вовлеченным по возвращении, теперь, похоже, мчались к некоему окончательному разрешению. А что же я, собственно, хотел? Выяснить, где справедливость, и действовать в соответствии с этим? Я засмеялся. Так кого же из моих информаторов в данном случае благодарить первым? Значит, опять лишь весьма относительная правда? Нет, теперь мне вполне достаточно... И еще остался какой-то шанс махнуть Грейсвандиром сколько-то раз и не бесцельно: вот самая большая компенсация мне от этого мира за пережитые мной в течение одного часа (!) его времени события!

Я засмеялся и проверил, свободно ли могу достать из ножен свой меч.

— Брэнд говорил, что Блейз подготовил другое войско... — начал было я.

— Об этом позже, — прервала меня Фиона. — Времени больше нет.

И она была права. Свет впереди стал ярче — это был широкий выход на открытое пространство. Он приближался к нам с такой огромной скоростью, как если бы туннель сам по себе вдруг начал стремительно сокращаться. Мне показалось, что там, за выходом, сияет дневной свет.

И через несколько секунд мы вылетели из пещеры. Я зажмурился от яркого солнца. Слева от меня расстилалось море, которое будто бы сливалось с небом

того же цвета. Золотистое солнце то ли плыло, то ли висело над этим морем, а может, и внутри этого моря-неба, источая свои сверкающие лучи во все стороны сразу. За спиной у нас теперь не было видно ничего, кроме сплошной каменной стены; проход исчез без следа. Чуть ниже нас, примерно футах в ста, лежал Подлинный Путь. На нем виднелась темная фигурка, преодолевавшая вторую из его внешних дуг; человек этот был настолько поглощен своим занятием, что явно не замечал нашего присутствия. Потом мелькнула красная вспышка, когда он повернулся к нам лицом, и я узнал Камень Жребия, свисавший у него с шеи, как когда-то у нашего отца, у Эрика и у меня. Конечно же, это был Брэнд.

Я спешился. Посмотрел вверх на Фиону, казавшуюся маленькой и растерянной, и вложил поводья Драма в ее руки.

— Что-нибудь посоветуешь или мне сразу гнаться за ним? — спросил я шепотом.

Она покачала головой.

Тогда, повернувшись, я обнажил Грейсвандир и бросился вперед.

— Удачи тебе, — тихо пожелала она мне вслед.

Пока я шел к началу Пути, я заметил длинную цепь, что тянулась из входа в пещеру к неподвижному теперь телу грифона Виксера. Голова Виксера валялась на земле в нескольких шагах от тела. Яркая, того же цвета, что и у людей, кровь его обильно оросила камни вокруг.

Все ближе подходя к началу Пути, я быстро подсчитывал в уме: Брэнд уже совершил несколько поворотов, следуя основной спирали этого лабиринта, так что по крайней мере круга на два опередил меня. Если бы мы были отделены друг от друга всего лишь одним поворотом, я мог бы попытаться достать его с помощью Грейсвандира, выйдя на позицию, параллельную его движению. Однако чем дальше от начала Пути, тем идти труднее, так что скорость Брэнда постепенно уменьшалась. Ушел он все-таки еще не слишком далеко. Не обязательно было догонять его. Просто нужно пройти примерно полтора круга и занять позицию, параллельную ему.

Я ступил на Путь и двинулся вперед так быстро, как только мог. Вокруг моих ног тут же вспыхнули голубые искры, особенно при стремительном прохождении первого круга, когда сопротивление постоянно нарастало. Искры становились все крупнее и взлетали все выше. Волосы у меня стояли дыбом, когда я достиг Первой Завесы, вокруг явственно раздавалось потрескиванье. Однако я упорно пробивался сквозь невидимую стену, думая о том, заметил ли уже Брэнд мое присутствие, и будучи не в состоянии позволить себе отвлечься и хотя бы бросить взгляд в его сторону. Я еще усилил свой натиск, и через несколько шагов Завеса осталась позади. Идти стало гораздо легче.

Я взглянул вверх. Брэнд по пояс был в облаке голубых искр и уже почти преодолел Вторую Завесу, но он улыбался, и в улыбке его ясно видна была решимость победителя. Наконец он высвободился и шагнул вперед. И тут наконец заметил меня.

Улыбка тут же исчезла; он заколебался, что было мне на руку, ибо нельзя останавливаться, когда идешь по Пути. Любая остановка может стоить такого количества энергетических затрат, что трудно будет снова начать движение.

— Ты опоздал! — крикнул мне Брэнд.

Я и не подумал ему отвечать. Я продолжал идти. Синие искры ручейками стекали с изображенного на Грейсвандире Пути.

— Сквозь черный участок ты пройти не сможешь! — сказал он.

Я продолжал идти. Темный участок был как раз передо мной. Я был рад, что он расположен не в самой трудной части Пути. Брэнд тоже двинулся дальше, медленно приближаясь к Главной Дуге. Если бы я только мог нагнать его там! Никакого поединка бы не потребовалось: у него не хватило бы ни сил, ни скорости, чтобы защищаться.

По мере моего приближения к поврежденному участку Пути я вспоминал те способы, с помощью которых мы с Ганелоном перебирались через Черную дорогу во время нашего бегства из Авалона. Мне это удалось только потому, что я все время мысленно представлял себе Огненный Путь. Теперь же сам Путь был вокруг меня, да и расстояние, которое требовалось пересечь, было совсем не таким большим, как тогда. И тут мне пришло в голову, что Брэнд просто пытается сбить меня с толку своими угрозами, что сила черного участка, вполне возможно, сильнее всего именно здесь, у ее истоков. Когда я подошел ближе, Грейсвандир неожиданно ярко вспыхнул. Повинуясь неведомому импульсу, я коснулся концом его острия края той черноты, что простиралась предо мной там, где прерывался Путь.

Грейсвандир как бы прилип к темной поверхности, и больше я его поднять не смог. Однако я продолжал движение, и мой меч разрезал черную поверхность предо мной, скользя вперед, как мне казалось, примерно по стертой ныне линии Пути. Я следовал за ним. Солнце словно померкло у меня над головой. В ушах гулко отдавались удары сердца, лоб был весь мокрый от испарины. Сероватая пелена заволокла все вокруг. Мир стал каким-то сумеречным, Путь исчезал на глазах. Казалось, что ничего не стоит сейчас сделать один лишь неверный шаг и... Не хотелось выяснять, каким именно будет результат.

Я все время смотрел себе под ноги, следуя той линии, которую прорезал Грейсвандир; голубой огонь, плясавший на его лезвии, был единственным проблеском света в этом мире. Шаг правой ногой, шаг левой...

И вдруг все кончилось. Грейсвандир снова свободно взлетел в моей руке, и синий свет на его лезвии отчасти померк, то ли из-за ярко вспыхнувшего вновь передо мной Огненного Пути, то ли еще по какой-то неведомой мне причине.

Оглядевшись, я увидел, что Брэнд почти достиг Главной Дуги. Я же пока что подходил лишь ко Второй Завесе. Нас обоих ждали тяжкие испытания, однако Главную Дугу преодолеть значительно труднее, так что я уже должен буду освободиться и смогу двигаться значительно быстрее, пока Брэнд будет преодолевать этот трудный участок. Зато потом мне придется пересекать поврежденный участок Пути во второй раз. К этому времени Брэнд, возможно, уже освободится, однако все равно будет двигаться с меньшей, чем у меня, скоростью — после Главной Дуги идти труднее всего.

Сопротивление усиливалось с каждым шагом; все тело покалывало. Искры из-под ног взлетали уже до середины бедра. Я словно пробирался среди колосьев странной электрической пшеницы. Волосы мои по-прежнему стояли дыбом. Я чувствовал, как они шевелятся. Один раз я оглянулся и увидел Фиону: она сидела в седле совершенно неподвижно и наблюдала.

И я устремился ко Второй Завесе.

Углы... резкие повороты... Сопротивление все росло, и все мое внимание и все мои силы были теперь отданы борьбе с ним. Снова возникло уже знакомое ощущение безвременья, как если бы вся моя прошлая жизнь — это только Путь, да и дальнейшая тоже... Я настолько сконцентрировал свое внимание, что остальное вокруг словно исчезло: Брэнд, Фиона, Амбер, мое собственное «я»... Искры взлетали все выше по мере того, как я с огромным трудом продвигался вперед, сворачивал и снова шел вперед, и каждый следующий шаг был труднее предыдущего.

Прямо к очередному черному участку.

Я снова опустил Грейсвандир, выставив его вперед. И снова меня окружила серость, одноцветный туман, прорезаемый лишь голубым свечением клинка, открывавшего передо мной тонкую линию Пути, подобно хирургическому скальпелю.

Когда вновь вспыхнул нормальный свет, я сразу увидел Брэнда. Он все еще был в западном квадранте, пройдя примерно две трети Главной Дуги. Если я поднажму, то, возможно, сумею нагнать его, когда он пройдет Главную Дугу. И я устремился вперед что было сил.

Добравшись до северной части Пути, до того поворота, что вел меня как бы в обратном направлении, я внезапно осознал, что именно собираюсь сделать.

Я собираюсь вновь пролить кровь на Путь!

Иди речь о простом выборе между разрушением еще одного участка Пути и полным его разрушением Брэндом, то понятно, что следовало сделать и как можно скорее. Однако я чувствовал, что должен существовать и другой способ...

Я совсем немного умерил прыть. Теперь все зависело от отсчета времени. Брэнду проход по Пути дался гораздо труднее, чем мне, так что по крайней мере в этом отношении у меня было преимущество. Согласно моей абсолютно новой стратегии я должен был подготовить нашу встречу в точно определенном месте. По иронии судьбы я вдруг вспомнил трогательную заботу Брэнда о его любимом коврике. Однако забота о чистоте Пути была делом куда более сложным и хитроумным.

Он приближался к концу Главной Дуги, а я шагал, подсчитывая в уме расстояние до черного участка. Я решил дать Брэнду возможность пролить свою кровь над тем местом, которое уже было им повреждено. Единственным его преимуществом, на мой взгляд, было то, что я окажусь от него справа. Чтобы свести до минимума и это преимущество, мне нужно было чуть-чуть отстать.

Брэнд с трудом преодолевал сопротивление и продвигался вперед чрезвычайно медленно. Я тоже двигался с трудом, но все же легче. Шаг мой был ровным. Я думал только о Камне, о том сродстве, которое мы обрели с ним благодаря настройке. Я чувствовал его присутствие — там, слева от себя и чуть впереди, несмотря на то что даже не мог его видеть. Станет ли Камень помогать мне, если Брэнду удастся взять верх в предстоящем поединке? Ощущая присутствие Камня, я почти уже мог поверить, что он мне поможет. Он уже однажды буквально вырвал меня из рук убийцы и каким-то образом отыскал убежище — спрятав меня в моей собственной постели. От Камня в душу мою проникала некая уверенность; однако, вспоминая слова Фионы, я решил не слишком полагаться на это. И все-таки верил, надеялся, вспоминая его фантастические

возможности и свою собственную способность управлять им, не вступая с ним в непосредственный контакт...

Брэнд почти завершил преодоление Дуги. Из самых глубин своей души я молил Камень о помощи, и мне удалось выйти с ним на связь. И тогда я призвал бурю, нечто вроде красного торнадо, некогда уничтожившего жеребца Яго. Я не знал, смогу ли управлять этим грозным явлением здесь, посреди Пути, но тем не менее призвал вихрь и направил его на Брэнда.

Сперва ничего не произошло, однако я чувствовал, что Камень начал действовать. Брэнд добрался до конца Главной Дуги и миновал его.

Я был там, прямо позади.

Каким уж там образом, не знаю, но он это почувствовал. И выхватил меч из ножен в тот самый миг, как сопротивление ослабело. Вопреки моим расчетам, ему удалось выиграть пару шагов. Он выставил вперед левую ногу, повернулся ко мне боком и посмотрел мне прямо в глаза поверх наших поднятых мечей.

— Черт меня побери, ты все-таки прошел! — воскликнул Брэнд, касаясь конца моего клинка своим клинком. — Тебе никогда бы не удалось так быстро добраться до этого места, если бы не та ведьма, что сидит в седле!

— Как мило ты отзываешься о нашей сестре, — сказал я, делая ложный выпад.

Он парировал.

Мы были страшно стеснены в движениях: ни один из нас не смог бы сделать настоящий выпад, не сойдя с Пути. Я был связан еще и тем, что не хотел — пока не хотел — проливать кровь брата.

Я снова сделал ложный выпад, и он отшатнулся. Левая нога его соскользнула с Пути. Брэнд выставил вперед правую ногу, оперся о нее и резким движением попытался рубануть меня по голове. Черт побери! Я парировал и чисто машинально сделал ответный выпад. Я совершенно не собирался наносить ему удар в грудь, однако Грейсвандир концом лезвия все-таки задел его под грудиной, изобразив там нечто вроде кровавой дуги. В воздухе раздалось гудение, однако я не мог позволить себе отвести взгляд от Брэнда. Он глянул под ноги и еще чуть отступил. Отлично. Теперь перед его рубашки украшала уже широкая кровавая полоса. Впрочем, материя хорошо впитывала кровь...

Я встал поудобнее, приноровился, сделал резкий выпад, парировал его удар, подождал, прыгнул вперед, потом назад — я делал все, что только мог придумать, лишь бы заставить его отступать. Я явно имел психологическое преимущество: мне было легче достать его, и мы оба понимали, на что способен мой Грейсвандир.

Брэнд уже приближался к темному участку. Еще несколько шагов... Я услышал звук, похожий на одинокий удар колокола, за которым последовал страшный рев. Неожиданно нас накрыла тень, похожая на грозовую тучу в солнечный день.

Брэнд глянул вверх. Думаю, что в это мгновение мне ничего не стоило проткнуть его насквозь, но он был все еще в полуметре от намеченной мной цели. Брэнд мгновенно очнулся и злобно на меня глянул.

— Будь ты проклят, Корвин! Это ведь твои штучки, верно? — И он с криком перешел в наступление, совершенно забыв о какой бы то ни было осторожности.

К сожалению, моя позиция была на редкость неудачной: я все еще шел вперед, готовясь потеснить его и заставить отступить до нужного мне предела. Я был совершенно открыт и не успел принять боевую стойку. И хотя я сумел парировать его удар, этого оказалось недостаточно. В тот же миг я пошатнулся и упал назад.

Я тщетно пытался удержаться на Пути. Мне удалось уцепиться за него, потом упереться на правый локоть и перекинуть левую руку. Я выругался: боль была такой сильной, что локоть мой снова соскользнул; видимо, я здорово его повредил, падая.

Однако Брэнд на этот раз промахнулся, а ноги мои, окутанные облаком синих искр, умудрились удержаться на светящейся линии Пути. Практически я был вне досягаемости для Брэнда: по крайней мере, смертельного удара он нанести не мог, хотя все еще способен был подрезать мне коленное сухожилие.

Я поднял правую руку, сжимая в ней Грейсвандир, и выставил ее вперед. Потом попробовал сесть. Когда мне это удалось, я увидел, что некое красноватое образование с желтыми краями вращается прямо над головой Брэнда, трещит и рассыпает искры и маленькие молнии. Рев теперь сменился воем.

Брэнд взял свой меч за рукоять и поднял его над плечом, словно копье, целясь в меня. Я понимал, что ни парировать, ни увернуться от меча сейчас не смогу.

Мысленно я послал приказ Камню и тому облаку в небесах...

Что-то ярко вспыхнуло, и короткая молния из облака коснулась меча Брэнда...

Оружие выпало у него из рук; он невольно прижал к губам обожженную ладонь. Однако левой своей рукой он стиснул Камень Жребия, словно наконец поняв, что я творю, и пытаясь уменьшить мое влияние на Камень. Брэнд сосал обожженные пальцы и с ужасом смотрел вверх; вся ярость и гнев исчезли с его лица. С небес к нему начинала спускаться чудовищная воронка.

Тогда он вдруг ступил на черный участок Пути, повернулся лицом к югу, поднял обе руки и что-то выкрикнул: слов я не расслышал из-за нарастающего воя.

Воронка накрыла его, он стал вдруг каким-то плоским, словно размытым, потом начал уменьшаться, съеживаться, но не то чтобы стал меньше в размерах, а просто как бы удалился от меня. Он будто таял вдали и исчез за одно лишь мгновение до того, как смертоносная воронка лизнула то место, где он только что стоял.

Вместе с ним исчез и Камень Жребия, так что у меня не было никаких средств воздействия на ту штуку, что висела теперь у меня над головой. Я не знал, что лучше: присесть и не двигаться или возобновить движение и добраться до конца Пути. Я решил пока что не двигаться — ураган, похоже, охотился за теми, кто нарушал нормальное положение вещей в этом месте. Я буквально приник к светящейся линии Пути. А когда осмелился приподняться на четвереньки, воронка уже начала подниматься. Вой ослабел, а потом и совсем стих. Синие огни, горевшие у моих подошв, почти погасли. Я повернулся и посмотрел на Фиону. Она знаками показала, чтобы я встал и двигался дальше.

Я медленно поднялся, видя, что вихревое образование надо мной продолжает рассасываться, и возобновил свое движение. Проходя по тому тёмному участку, где еще совсем недавно прошел Брэнд, я в очередной раз воспользо-

вался Грейсвандиром. Искореженные остатки меча Брэнда валялись у дальнего края темной зоны.

Ах, как мне хотелось, чтобы существовал какой-нибудь более легкий способ выбраться отсюда! Ведь теперь было совершенно бессмысленно проходить весь Путь до конца. Однако нельзя повернуть назад, если ты уже ступил на Путь, а ведь мне еще не терпелось каким-нибудь хитроумным способом выяснить соотношение Пути и Черной дороги, так что я продолжал двигаться вперед, к Главной Дуге. Интересно, думал я, куда исчез Брэнд? И что за сила ему помогала? Если бы я это знал, то мог бы, достигнув центра, приказать Пути отправить меня за ним следом. Возможно, у Фионы и были какие-то соображения на сей счет... Скорее всего он, конечно, отправился туда, где у него есть союзники. И наверное, бессмысленно преследовать его в одиночку...

Что ж, по крайней мере мне вовремя удалось прервать свою связь с Камнем, утешал я себя.

Затем я вступил на Главную Дугу. И вокруг меня взвился целый сноп искр.

XII

Мы были на вершине горы: клонившееся к западу послеполуденное светило висело над скалами слева от меня, и от них вправо тянулись длинные тени. Солнце просвечивало сквозь листву деревьев, окружавших мою гробницу; его тепло чуть смягчал пронизывающий ветер, дувший с Колвира. Я выпустил руку Рэндома и повернулся, чтобы посмотреть на того, кто сидел на скамье перед мавзолеем.

У него было то же лицо, что и у юноши, изображенного на проткнутой кинжалом карте, но от носа к подбородку уже протянулись резкие морщины, черты посуровели, а в глазах чувствовалась глубокая внутренняя усталость; впрочем, упрямый подбородок был вздернут вверх, что на карте было не так заметно.

Так что я узнал его еще до того, как Рэндом произнес:

— Это мой сын Мартин.

Мартин встал, когда я подошел к нему, пожал мне руку, сказал: «Дядя Корвин», и выражение лица его несколько переменилось, но совсем немного. Он внимательно изучал меня.

Юноша был на несколько дюймов выше Рэндома, однако такой же стройный и легкий. Его подбородок и скулы были тех же очертаний, а волосы — такие же светлые и густые.

Я улыбнулся:

— Долго же тебя не было в Амбере... Впрочем, и меня тоже.

— Но я никогда по-настоящему и не бывал в Королевстве, — ответил Мартин. — Я вырос в Ребме... и еще в других местах...

— Тогда позволь мне приветствовать тебя, племянничек. Ты явился как раз в самый интересный момент. Рэндом, должно быть, уже рассказал тебе кое-что?

— Да, именно поэтому я и попросил встретиться с тобой здесь, а не там.

Я глянул на Рэндома.

— Последний дядя, которого видел Мартин, был Брэнд, — пояснил Рэндом, — и обстоятельства этого свидания, как ты догадываешься, были не самые благоприятные. Так что вряд ли ты станешь винить его за выбор подобного места?

— Не стану. А с Брэндом я сам встречался совсем недавно. И не могу сказать, что безумно обрадовался этой встрече.

— Встречался?! — удивился Рэндом.

— Дело в том, что он сбежал из Амбера и выкрал на Земле Камень Жребия. Если бы я знал заранее то, что знаю теперь, наш милый братец все еще сидел бы в своей башне. Он оказался самым опасным из нашей семейки.

Рэндом кивнул.

— Знаю, — сказал он. — Мартин подтвердил все наши подозрения: удар кинжалом ему действительно нанес Брэнд. Но что ты там такое говоришь насчет Камня?

— Просто он раньше меня успел попасть в то место, где я оставил Камень. Однако он должен был пройти с ним по Огненному Пути и как бы настроить его на себя, то есть установить с Камнем связь и получить возможность им пользоваться. Я вовремя успел помешать Брэнду сделать это. Впрочем, ему удалось бежать. А сейчас я был по ту сторону Колвира с Джерардом; мы послали целый сторожевой отряд на помощь Фионе, чтобы не дать ему вернуться и предпринять еще одну попытку на Подлинном Пути. Пути Амбера и Ребмы также находятся под охраной.

— Но зачем ему власть над этим Камнем? Чтобы поднять несколько ураганов? Черт возьми, да он может прогуляться в Тени и устроить там любую бурю, какая ему по душе.

— Человек, настроенный на Камень Жребия, может использовать его, чтобы разрушить Путь.

— Вот как? И что тогда будет?

— Наш мир, каким мы знаем его, погибнет.

— Вот как, — снова произнес Рэндом и добавил: — А ты откуда знаешь?

— Долгая история, некогда рассказывать, но я узнал ее от Дворкина, а в этом отношении я ему совершенно доверяю.

— Так он все еще где-то здесь?

— Позже поговорим и об этом, — сказал я.

— Ладно. Но Брэнд, должно быть, сошел с ума, если стремится сотворить такое!

Я кивнул:

— По-моему, он уверен, что сумеет создать новый Путь и новую Вселенную, потом стать ее властелином.

— А это возможно?

— Разве что чисто теоретически. Даже у Дворкина имелись определенные сомнения насчет возможности подобного деяния в данный момент. В тот, первый, раз комбинация различных факторов была уникальной... Да, я тоже полагаю, что Брэнд повредился в рассудке. Оглядываясь назад, вспоминая все перемены, происшедшие с его личностью, его затяжные циклические смены настроения... Похоже, у него всегда были некие шизофренические задатки. И я не уверен, не тесное ли общение с нашими врагами подтолкнуло Брэнда к опасному краю. Впро-

чем, это неважно. Сейчас мне больше всего хотелось бы вернуть его в ту башню. Жаль, что Джерард оказался таким хорошим лекарем.

— А ты знаешь, кто тогда пырнул его ножом?

— Фиона. Она и сама может рассказать тебе эту историю.

Рэндом оперся о плиту с написанной на ней эпитафией в мой адрес и покачал головой.

— Брэнд, — проговорил он. — Черт побери! Любой из нас мог бы сто раз убить его — в былые времена. Он ведь менял свою линию, только доведя кого-то до белого каления. И через некоторое время любому начинало казаться, что он, в конце концов, не так уж и плох. Жаль, что никто из нас ни разу так и не сорвался...

— Насколько я понимаю, он теперь ведет игру по всем правилам против вас? — вежливо спросил Мартин.

Я посмотрел на него. На щеках у юноши играли желваки, глаза были прищурены. Мне показалось, что за эти несколько секунд в его лице промелькнули лица всех нас, словно кто-то перебирал наши фамильные карты. Весь наш эгоизм, ненависть, зависть, гордость и бесчестье, казалось, отразились на его лице в одно мгновение, а ведь он еще и ногой не ступал на землю Амбера.

Что-то будто щелкнуло и прорвалось в моей душе, я протянул руки и крепко обнял его за плечи.

— У тебя есть все основания ненавидеть Брэнда, — сказал я, — и ответ на твой вопрос будет: «Да». Охотничий сезон открыт. Я не вижу иного способа. Брэнда надо уничтожить. Я сам часто испытывал ненависть к нему до тех пор, пока его действия оставались лишь чем-то абстрактным. Но теперь все по-другому. Да, он должен быть убит. Только не позволяй собственной ненависти становиться для тебя чем-то вроде меты при вступлении в нашу компанию. Ненависти среди нас и так всегда предостаточно. Я смотрю на твое лицо... и не знаю... Прости, Мартин. Слишком многое меняется в нашем мире в эти часы. Ты еще так молод. Я же видел и пережил гораздо больше. И кое-что из того, что я видел, мучает и беспокоит меня — по-разному — до сих пор. Вот и все.

Я отпустил его плечи и отступил на шаг назад.

— Расскажи мне о себе, — попросил я.

— Долгое время я Амбера просто боялся, — начал Мартин, — и сейчас, по-моему, побаиваюсь. С тех самых пор, как Брэнд предательски напал на меня, я все задавался вопросом, не сможет ли он начать на меня охоту. Долгие годы я жил с оглядкой и, по-моему, боялся тогда всех вас. Многих членов семьи я знал только по картам да кое-что слышал — весьма нелестные отзывы, надо сказать. Я сказал Рэндому — то есть отцу, — что не хотел бы встречаться сразу со всеми, и он тогда предложил, чтобы сперва я встретился с тобой. Видимо, именно тебе будут особенно интересны некоторые вещи, которые стали известны мне. Когда я упомянул о них, отец сказал, что я должен повидаться с тобой как можно скорее. Он довольно подробно рассказывал мне о том, что здесь происходило, и... видишь ли, я кое-что знаю...

— Я уже понял это.

— Очень трудно решить, с какого места начинать... — пробормотал Мартин.

— Я знаю, что вырос ты в Ребме, что ты прошел по Огненному Пути, а потом использовал свою власть над Тенями, чтобы посетить Бенедикта в Авалоне, — сказал я. — Бенедикт более подробно рассказал тебе об Амбере и о Тенях, научил

тебя пользоваться нашими картами, потренировал в искусстве владения оружием. Позже ты отправился бродить по Теням один. И я знаю, как поступил с тобой Брэнд. Вот, кратко, что мне о тебе известно.

Мартин кивнул и посмотрел в небо, куда-то на запад.

— Расставшись с Бенедиктом, я долгие годы путешествовал по Теням, — начал он. — Это были счастливейшие времена в моей жизни, приключения, азарт, новые знания и новые дела... Где-то в глубине души я всегда был уверен, что, став умнее, сильнее и опытнее, непременно совершу путешествие в Амбер, непременно познакомлюсь со своими остальными родственниками. Но до меня успел добраться Брэнд.

Я расположился лагерем на склоне небольшого холма, просто отдыхая после долгой скачки, угощаясь обедом и намереваясь затем посетить своих друзей Текисов. И тут на связь со мной вышел Брэнд. Бенедикт уже научил меня пользоваться картами. Он даже порой переносил меня из одного места в другое, так что я знал, какие при этом возникают ощущения, знал, что здесь к чему. Ну и в данном случае было то же самое, и на мгновение я даже подумал, что это Бенедикт. Но нет. Это был Брэнд — я узнал его по рисунку на карте. Он стоял как раз посредине Огненного Пути. Все это показалось мне очень интересным, а кроме того, совершенно непонятно было, как он вышел на связь со мной: насколько мне известно, в колоде моей карты нет.

Брэнд поговорил со мной примерно с минуту — совершенно не помню, о чем, — а потом вдруг... предательски ударил меня кинжалом. Я оттолкнул его и сразу же постарался прервать контакт. Но он каким-то образом ухитрился поддерживать со мной связь еще некоторое время. И только потом мне наконец удалось блокировать его. Этому меня тоже научил Бенедикт. Однако Брэнд пробовал снова и снова и оставил свои попытки далеко не сразу. Я был недалеко от дома Текисов; мне удалось взобраться в седло и доехать до них. Я был уверен, что умру; никогда прежде я не бывал ранен так тяжело. Но спустя какое-то время начал поправляться. И тогда мне стало страшно: охватила уверенность в том, что Брэнд непременно отыщет меня и доведет начатое до конца.

— Почему же ты не связался с Бенедиктом, — спросил я, — и не рассказал ему ни о случившемся, ни о своих страхах?

— Я хотел это сделать, — ответил Мартин, — однако меня смущало то, до какой степени Брэнд уверен в том, что действительно убил меня. Я ведь не знал, сколь жестокая борьба за трон ведется в Амбере, но решил, что попытка убить меня имела к ней самое непосредственное отношение. Бенедикт достаточно много рассказал мне обо всей семье, так что это приходило в голову первым. И я решил, что лучше мне пока считаться мертвым. Я спешно покинул Текисов, еще не успев окончательно поправиться, и затерялся в Тенях.

Случайно я обратил внимание на одну странную вещь... Прежде это явление мне не встречалось, однако теперь оно, кажется, присутствует повсеместно: почти во всех Тенях существует загадочная Черная дорога, предстающая то в одном обличье, то в другом. Я был озадачен, а поскольку Дорога пронизывала все Тени целиком, любопытство мое еще усилилось. И я решил пойти по ее извивам и побольше узнать о ней.

Это оказалось опасно. Очень скоро я научился относиться к Черной дороге с большой осторожностью. По ночам там проплывали какие-то странной фор-

мы существа. А звери и растения из живого мира, попав на Дорогу, неизменно гибли. Так что я не подходил к ней ближе, чем это было необходимо, стараясь лишь держать ее в пределах видимости. Я прошел по многим мирам и быстро понял, что всюду Черная дорога приносит с собой смерть, опустошение и несчастье. Я не знал, как же можно остановить ее.

— Я был еще слишком слаб после ранения, — продолжал Мартин, — и слишком спешил, погоняя коня. И вот однажды вечером я свалился совсем больным и провалялся, укутавшись одеялом и дрожа, всю ночь и почти весь следующий день. Время от времени у меня начинался бред, и я впадал в беспамятство, так что не знаю точно, когда именно она появилась. Тогда она показалась мне сном наяву... Совсем юная девушка и очень хорошенькая. Она заботилась обо мне, пока я не стал поправляться. Ее имя было Дара. Мы с ней без конца разговаривали. Это очень приятно, когда есть с кем поговорить по душам... Я, должно быть, выложил ей о себе все. Тогда и она рассказала мне кое-что. Дара отнюдь не была уроженкой этих мест, а тоже путешествовала по Теням. Она еще не умела проходить миры Теней насквозь, как это делаем мы, хотя чувствовала, что способна этому научиться. Не менее уверенно она заявила, что кровным родством связана с правителями Амбера, а именно — с Бенедиктом. И ей действительно все было ужасно интересно. Средством передвижения Даре служила тогда сама Черная дорога. На нее она почему-то не оказывала ни малейшего смертоносного воздействия — возможно, потому, что Дара приходилась родней также и тем, кто жил на дальнем конце Дороги, во Дворах Хаоса. Однако же она очень хотела жить по-нашему, так что я изо всех сил старался обучить ее всему, что знал сам. Я рассказал ей о Пути, даже нарисовал его. Я показал ей свою колоду карт — Бенедикт подарил мне одну — и объяснил, как выглядят остальные члены семейства. Особенно Дара почему-то заинтересовалась твоей картой.

— Начинаю понимать, — кивнул я. — Продолжай, пожалуйста.

— Она объяснила, что Янтарное королевство, распадаясь и погрязнув в бесконечных грехах, нарушило некое метафизическое равновесие между этим миром и Дворами Хаоса. Ее народ теперь занят восстановлением содеянного, опустошая Амбер. Их место обитания — это не Тень Амбера, но настоящее государство со своими правами и законами. Между тем все миры Теней страдают из-за Черной дороги.

Поскольку мое знание Амбера тогда еще было весьма слабым, я мог только слушать. Сначала я принимал на веру все, что Дара говорила. Брэнд в моих глазах, естественно, полностью совпадал с обликом представителя того зла, которое, по ее словам, царило в Амбере. Но когда я упомянул о нем, она возразила: нет, ничего подобного. У нее на родине он считался кем-то вроде героя. Впрочем, в деталях она сомневалась, да и вообще ее это, по-моему, вовсе не волновало. Именно тогда я впервые и обратил внимание на чрезвычайную самоуверенность Дары — о чем бы она ни говорила, вокруг нее словно повисало некое безумие, какой-то фанатизм. Я вдруг заметил, что невольно пытаюсь защищать Амбер. Я вспомнил о Ллевелле, о Бенедикте и еще о Джерарде, которого несколько раз видел. Ей ужасно хотелось узнать побольше о Бенедикте — это, пожалуй, было самым слабым местом Дары. О Бенедикте я мог говорить достаточно уверенно, и

она сама всегда готова была поверить всему хорошему, что я хотел сказать. Не знаю уж, каков оказался окончательный результат этих бесед, но, по-моему, она стала не такой самоуверенной ближе к концу...

— К концу? — спросил я. — Что ты хочешь этим сказать? Как долго она пробыла с тобой?

— Почти неделю, — ответил Мартин. — Она сразу пообещала, что останется со мной, пока я не поправлюсь, и свое обещание сдержала. Вообще-то Дара задержалась немного дольше, чем то было необходимо. Отчасти чтобы окончательно убедиться, что я чувствую себя хорошо. Но мне кажется, на самом деле ей просто хотелось еще поговорить. В конце концов, однако, она сказала, что должна ехать дальше. Я просил ее остаться со мной, она отказалась. Я готов был сопровождать ее куда угодно, но она не разрешила. Она, должно быть, догадалась, что я в любом случае попытаюсь последовать за нею, так что ускользнула украдкой, среди ночи. Черная дорога была для меня заповедной, и я понятия не имел, куда именно теперь направилась Дара, хотя, по ее словам, стремилась она в Янтарное королевство. Обнаружив утром, что она исчезла, я какое-то время и сам подумывал о возвращении в Амбер. Но все еще боялся. Возможно, кое-что из рассказанного Дарой усилило мои страхи.

Как бы то ни было, пока я решил остаться в Тенях. Я продолжил свое путешествие, многое повидал, многое пытался понять, а потом меня разыскал Рэндом и предложил вернуться домой. Однако сперва он перенес меня сюда, чтобы я встретился здесь с тобой. Он хотел, чтобы ты выслушал мою историю, прежде чем тебе станет что-то известно от других. Он сказал, что ты был знаком с Дарой и не прочь узнать о ней побольше. Надеюсь, какую-то лепту я в это внес?

— Да, — кивнул я. — Спасибо тебе.

— Насколько я понял, Дара все-таки действительно прошла по Огненному Пути?

— Да, ей это удалось.

— И после этого она объявила себя врагом Амбера?

— Верно.

— Надеюсь, — сказал он, — что это не принесет ей зла. Она была так добра ко мне.

— Видишь ли, Дара вполне способна позаботиться о себе, — произнес я. — Однако... да, она действительно очень приятная девушка. Я ничего не могу обещать тебе относительно ее безопасности, ибо по-прежнему знаю о ней слишком мало — прежде всего о ее участии в том, что сейчас происходит. И тем не менее твой рассказ очень помог мне. Теперь Дара скорее представляется мне личностью, способной сомневаться и склоняться в сторону добра.

Мартин улыбнулся:

— Я рад услышать это.

Я пожал плечами:

— Ну а что ты сам собираешься теперь делать?

— Сперва я бы хотел, чтобы он повидался с Виолой, — вставил Рэндом, — ну а потом, возможно, и с остальными, если позволят время и стечение обстоятельств. Но если на нас свалится что-нибудь новенькое и я немедленно потребуюсь тебе....

— Уже свалилось, — сказал я, — но ты мне, пожалуй, сейчас пока не нужен. Назначим свидание чуть позже. У меня еще есть немного времени.

Пока я рассказывал Рэндому о случившемся с момента его отъезда, я все время думал о Мартине. Пока что юноша был для меня полной загадкой. Его история весьма походила на правду, да я и сам, пожалуй, чувствовал, что это чистая правда. С другой стороны, мне казалось, что это не вся правда, что он намеренно утаивает что-то — возможно, что-нибудь совершенно невинное. А если нет? У него ведь нет никаких особых причин любить нас. Как раз наоборот. И Рэндом, вполне возможно, привез домой троянского коня*. Но может быть, заблуждаюсь как раз я — только потому, что никогда никому не доверяю, если возможны альтернативные варианты.

И все же ничто из того, что я сейчас говорил Рэндому, не могло по-настоящему быть использовано против нас, и вряд ли Мартин способен был нанести нам такой уж вред, если даже это и входило в его намерения. Нет, скорее он просто столь же уклончив в ответах, как и все мы, и в основном по тем же причинам: страх и стремление к самосохранению.

Повинуясь внезапному порыву, я спросил его:

— А после этого ты когда-нибудь еще встречался с Дарой?

Мартин покраснел.

— Нет, — ответил он как-то слишком быстро. — Только один раз, тогда.

— Понятно, — промолвил я.

Рэндом, отличный игрок в покер, не мог не заметить моей реакции. Таким образом я просто на всякий случай позаботился о нашей безопасности и весьма недорогой, надо сказать, ценой: всего лишь заставив отца остерегаться своего утраченного было и только что вновь обретенного сына.

Я быстро перевел разговор на Брэнда. И в тот момент, когда мы сопоставляли свои знания в области психопатологии, я почувствовал легкое покалывание во всем теле и ощущение чьего-то присутствия: кто-то выходил со мной на связь с помощью фамильных карт. Я поднял руку и отвернулся.

Через несколько секунд связь была установлена, и мы с Ганелоном посмотрели друг другу в глаза.

— Корвин! — обрадовался он. — Мне захотелось проверить, что мы имеем на сегодня: у кого из вас Камень, у тебя или у Брэнда, или вы оба все еще его ищете? Ну так как?

— Камень у Брэнда, — ответил я.

— Жаль, — посетовал он. — Что ж, расскажи, как это случилось.

Что я и сделал.

— Значит, Джерард сказал мне правду, — заявил Ганелон.

— Так ты уже слышал об этом?

— Не так подробно, — не смущаясь, ответил он. — А мне хотелось быть уверенным в мельчайших подробностях. Между прочим, с Джерардом я поговорил только что. — Он посмотрел куда-то вверх. — Пожалуй, тебе пора уходить отсюда, если я кое-что еще помню о восходящей луне.

Я кивнул:

— Да, я скоро пойду прямо к Лестнице. Это ведь совсем недалеко.

— Хорошо. А теперь вот что ты должен сделать...

— Я сам знаю, что я должен сделать, — отрезал я. — Я должен подняться в Тир-на Ног'тх до того, как туда доберется Брэнд, и заблокировать для него выход на Путь. Если мне это не удастся, то я буду вынужден снова охотиться на моего милого брата в извилинах Огненного Пути.

— М-да, не слишком веселая затея, — пробормотал Ганелон.

— Можешь предложить что-нибудь лучше?

— Да, кое-что. У тебя семейные карты с собой?

— Конечно.

— Хорошо. Во-первых, ты все равно не успеешь попасть туда вовремя, чтобы заблокировать ему выход на Путь...

— Почему же нет?

— Тебе нужно будет совершить восхождение, потом пройти через весь дворец и спуститься вниз, к началу Пути. На это требуется немало времени даже в Тир-на Ног'тхе — особенно в Тир-на Ног'тхе, где время вечно выкидывает всякие фокусы. Ты же сам знаешь, там тебя может поджидать, например, чье-то тайное пожелание твоей смерти, и это, безусловно, замедлит продвижение к цели... Ну, я не знаю, что бы там ни было, Брэнд непременно доберется до начала Пути раньше тебя. И даже, возможно, на этот раз успеет уйти так далеко, что тебе будет его не догнать.

— Надеюсь, что он достаточно утомлен, и это несколько замедлит его продвижение.

— Вот уж не думаю. Поставь на его место себя: ведь так просто отправиться в Тени, где время течет иначе, и вместо нескольких часов с утра до полудня получить несколько дней, чтобы как следует отдохнуть перед тяжким испытанием. Надежнее было бы предположить, что Брэнд все-таки будет в хорошей форме.

— Ты прав, — кивнул я. — На его усталость рассчитывать не стоит. Ну ладно. Есть у меня и еще один вариант, но я, пожалуй, не стал бы его использовать, если бы этого можно было избежать; дело в том, что Брэнда можно убить и на расстоянии. Взять с собой арбалет или ружье и просто-напросто застрелить его на середине Пути. Но в этом варианте меня очень беспокоит воздействие крови принцев Амбера на Подлинный Путь. Возможно, конечно, что при этом миропорядок в Амбере и Ребме останется прежним, однако я совсем в этом не уверен.

— Верно, этого ты не знаешь, — сказал Ганелон. — Да и я бы не хотел, чтобы ты полагался на обычное оружие. Это ведь очень странное место. Ты сам говорил мне, что больше всего оно похоже на некий загадочный город из Теней, что плывет в небесах. Даже если ты и придумал, как можно пользоваться ружейным огнем в Амбере, то на небесах эти правила, возможно, совсем непригодны.

— Да, дело связано с большим риском, — признал я.

— Что же касается арбалета, то каждый раз может неожиданно возникать сильный порыв ветра и относить стрелу в сторону...

— Боюсь, я не совсем тебя понимаю.

— Камень Жребия. Брэнд к этому времени уже пройдет с ним значительную часть Подлинного Пути; да и до того у него было предостаточно времени, чтобы

поэкспериментировать. Как ты думаешь, возможно ли, что Брэнд уже отчасти настроен на него?

— Не знаю. Я не так уж хорошо разбираюсь во взаимодействии Камня с людьми.

— Я всего лишь хотел подчеркнуть возможность того, что Брэнд в таком случае сумеет как-то воспользоваться им для самозащиты. У Камня, наверно, есть и еще какие-то свойства, о которых ты понятия не имеешь. Это я все к тому, что вряд ли можно рассчитывать убить Брэнда с какого-то расстояния. И на твоем месте я бы даже не стал пытаться вновь проделать тот же трюк с Камнем, как в первый раз, — во всяком случае, если Брэнд уже приобрел некоторую степень контроля над ним.

— Ты действительно представляешь себе все куда более мрачно, чем я.

— Зато более реалистично, — возразил Ганелон.

— Допустим. Продолжай. Ты говорил, у тебя и план есть какой-то?

— Верно, есть и план. По-моему, Брэнду вообще нельзя позволить добраться до начала Пути, ибо, если он только ступит на него, возможность катастрофы увеличится невероятно.

— И ты считаешь, что я могу не успеть туда вовремя, чтобы помешать ему?

— Не успеешь, если он действительно способен мгновенно передвигаться в пространстве, в отличие от тебя. Я считаю, что он просто ждет восхода луны, и как только город обретет форму, окажется там, внутри, совсем рядом с началом Пути.

— Мне понятна твоя основная мысль, но это не ответ.

— Ответ таков: ты не станешь пытаться проникнуть в Тир-на Ног'тх сегодня ночью.

— Погоди-ка минутку! Что ты городишь?

— Сам погоди, черт возьми! У тебя есть гениальный стратег, ты сам притащил меня сюда, так лучше слушай, что тебе говорят.

— Ладно, ладно, слушаю.

— Итак, ты, кажется, уже допускаешь, что можешь не успеть добраться в Небесный город вовремя. Но это может кто-то другой.

— Кто и каким образом?

— Значит, так. Я только что разговаривал с Бенедиктом. Он уже вернулся и в данный момент находится в Амбере, в пещере Пути. По всей вероятности, он как раз добрался до его середины и стоит там, ожидая. Ты доберешься до подножия Лестницы, ведущей в Небесный город. Там ты дождешься восхода луны и, как только Тир-на Ног'тх обретет форму, выйдешь на связь с Бенедиктом с помощью карты. В этот момент он, пользуясь могуществом Пути Амбера, перенесет себя на то же место Пути в Тир-на Ног'тхе. И тогда будет неважно, с какой скоростью способен передвигаться Брэнд: ему все равно не обогнать Бенедикта.

— Так, для меня все преимущества налицо, — сказал я. — Это действительно самый быстрый способ, а Бенедикт безусловно настоящий мужчина и отлично владеет мечом. У него не возникнет особых трудностей в поединке с Брэндом.

— А ты уверен, что Брэнд не постарается как-то еще себя обезопасить? — спросил Ганелон. — Судя по всему услышанному об этом человеке, можно сделать

вывод, что он необычайно умен и подозрителен, даже если и считается сумасшедшим. Он запросто может предвидеть подобную ловушку.

— Не исключено. А как по-твоему, что он тогда предпримет?

Ганелон взмахнул рукой так, будто ловил что-то в воздухе, потом шлепнул себя по шее и улыбнулся.

— Жучок, — пояснил он. — Извини, пожалуйста. До чего надоедливое насекомое!

— Ты все-таки считаешь...

— Я считаю, что тебе необходимо все это время поддерживать контакт с Бенедиктом, пока он будет в Небесном городе. Если Брэнд одержит победу, придется срочно спасать Бенедикта и перетаскивать его сюда.

— Естественно. Но тогда...

— Тогда мы проиграем первый раунд, что вполне допустимо. Это ведь не вся игра. Даже если Брэнду удастся как следует настроиться на Камень Жребия, ему все равно необходимо будет попасть в центр Подлинного Пути, чтобы с помощью Камня разрушить основу нашего мира. Ну а тебе придется позаботиться о том, чтобы он даже не ступил на Подлинный Путь.

— Да, — сказал я, — по-моему, ты учел абсолютно все. И как быстро ты это придумал, однако!

— У меня недавно образовалась куча свободного времени, а это может оказаться весьма неприятным, если не занять себя решением всяких умных загадок. Вот я и занял. А теперь, по-моему, тебе нужно поскорее отправляться в путь. День клонится к вечеру.

— Хорошо, сейчас отправлюсь, — сказал я. — И спасибо тебе за отличный совет.

— Прибереги свою благодарность на потом. Еще неизвестно, что из всего этого выйдет, — возразил Ганелон и прервал контакт.

— Разговор, кажется, был очень важным? — спросил Рэндом. — Что-нибудь случилось?

— Да уж, — вздохнул я, — но у меня совсем не осталось времени, так что придется тебе подождать до утра, когда наконец представится возможность все рассказать спокойно.

— Я могу чем-то помочь тебе?

— Вообще-то да, — кивнул я. — Для этого тебе либо нужно сесть вместе с Мартином на одну лошадь, либо связаться с Джерардом с помощью карты и попросить его прислать тебе другого коня. Мне нужен мой Стар.

— О чем разговор! — воскликнул Рэндом. — И это все?

— Да. Сейчас исход зависит от нашей расторопности.

Мы бросились к своим лошадям.

Я потрепал Стара по шее и вскочил в седло.

— Увидимся в Амбере! — крикнул Рэндом. — Удачи тебе!

— Да, непременно в Амбере, — сказал я. — Спасибо за Стара.

Я развернулся и направился прочь от своей гробницы туда, где начиналась Лестница. Ставшие совсем длинными тени протянулись теперь, казалось, до самого горизонта на востоке.

XIII

На самой вершине Колвира есть нагромождение скал, напоминающее три гигантские ступени. Я сел на нижнюю из них и стал ждать, пока надо мной не появится в небесах призрак города. Прежде всего для этого нужна была лунная ночь, что, можно сказать, наполовину уже имелось.

На западе и северо-востоке собирались облака. Я хмуро посматривал на них. Если они сгустятся до такой степени, что полностью закроют луну, то Тир-на Ног'тх исчезнет, растает, превратится в ничто. Именно поэтому путешествующему туда всегда желательно иметь на земле помощника, способного благополучно вернуть его на землю с помощью карты, если город вдруг начнет исчезать.

Небо над головой, однако, было чистым, и в нем сверкали знакомые звезды. Когда взойдет луна и ее свет упадет на ту скалу, где я примостился, в небесах возникнет Лестница, спускающаяся с невероятной высоты, из Тир-на Ног'тха, из отраженного в небе Амбера.

Я чувствовал, как сильно устал. Слишком многое успело случиться со мной за столь короткий промежуток времени. Так что, получив возможность немного отдохнуть, снять сапоги, растереть ступни, откинуться назад и поудобнее уложить голову, хотя бы и на камень, я испытал чисто животное наслаждение, а холодный камень показался мне царским ложем. Я прикрылся плащом, ибо воздух становился все холоднее. Горячая ванна, полный обед, постель — вот что было бы лучше всего, однако все это казалось мне почти несбыточным при данных обстоятельствах. Так что теперешнего краткого отдыха было более чем достаточно; можно наконец позволить мыслям несколько замедлить свой бег и плыть по течению; можно позволить себе как бы со стороны взглянуть на события минувшего дня.

Сколько же всего успело случиться!.. Но теперь, по крайней мере, у меня имелись ответы на некоторые из мучительных вопросов. Разумеется, не на все. Однако их было вполне достаточно, чтобы удовлетворить мои запросы хотя бы на какое-то время... И теперь я примерно представлял, что происходило здесь во время моего отсутствия, и гораздо лучше понимал происходившее в данный момент, и даже представлял себе кое-что из того, что именно мне необходимо будет сделать впоследствии... Почему-то у меня было такое ощущение, что знаю я гораздо больше, чем мне кажется, что я уже обладаю всеми необходимыми кусочками, что способны заполнить пустые пространства в разрастающейся вокруг меня головоломке, если их правильно повернуть и вставить. То, с какой скоростью развивались события, особенно сегодняшние, не позволяло мне ни минуты как следует подумать. А теперь некоторые из этих «кусочков» добытых мной знаний, похоже, уже начинали поворачиваться под каким-то странным углом...

Меня отвлекло оживление за плечом — это едва заметно посветлели небеса, предвещая скорое появление луны. Обернувшись, я встал на ноги и осмотрел горизонт. Призрачный лунный свет уже разлился над морем. Я напряженно ждал, и вот крошечный серпик возник в небесах. Облака, правда, тоже немного сдвинулись, хотя и не настолько, чтобы вызвать опасения. Впрочем, ожидаемого яв-

ления в зените пока еще не наблюдалось. И все же я вытащил свою колоду, перетасовал и вынул из нее карту Бенедикта.

И думать забыв об отдыхе, я внимательно смотрел на карту, видя, как над водой все шире разливается серебристое свечение, а на волнах начинает посверкивать лунная дорожка. Слабо видимые очертания города вдруг закачались высоко в небесной вышине. Чем ярче светила луна, тем чаще по линиям города-призрака то тут то там пробегали искры. Тир-на Ног'тх становился виден все более отчетливо. Я по-прежнему внимательно смотрел на карту Бенедикта, стремясь установить с ним контакт...

Он был в Зале Пути; стоял как раз на самой середине. Зажженный фонарь поблескивал у его левой ноги. Он узнал меня.

— Корвин, — спросил он, — что, уже пора?

— Не совсем, — сказал я. — Но луна уже встает. Город, правда, только еще начинает обретать форму. Впрочем, ждать придется недолго. Я просто хотел убедиться, что ты готов.

— Я готов, — эхом откликнулся Бенедикт.

— Хорошо, что ты успел вернуться! Узнал что-нибудь интересное?

— Меня отозвал Ганелон, — сказал он. — Знаешь, его план показался мне очень неплохим, именно поэтому я и здесь. Что же касается моего путешествия во Дворы Хаоса, то, по-моему, я действительно кое-что узнал...

— Минутку, — прервал я его.

Сотканный из лунных лучей город приобретал все более ясные очертания. Теперь он был отчетливо виден прямо у меня над головой. Появилась и Лестница, хотя она в некоторых местах казалась бледнее и прозрачнее, чем в остальных. Я так и потянулся к ней, чтобы хоть на миг погасить жажду своей души...

Холодный, спокойный, я ступил было на четвертую ступень, однако она, как мне показалось, чуть подалась под моими ногами.

— Скоро начнется, — сказал я Бенедикту. — Сейчас собираюсь испытать Лестницу. Будь готов.

Он кивнул.

Я поднялся по каменным ступеням — раз, два, три, — потом приподнял ногу и опустил ее на четвертую, почти прозрачную ступень. Она легонько качнулась. Я не решался встать на нее обеими ногами и ждал, наблюдая за луной и вдыхая холодный воздух.

Лунная дорожка на воде становилась все шире; посмотрев вверх, я увидел, что Тир-на Ног'тх несколько утратил свою прозрачность. Звезды за ним были почти не видны. За эти мгновения и ступень под моей ногой стала тверже. Упругость ее исчезла. Я чувствовал, что теперь она способна выдержать мой вес.

Я пробежал глазами по Лестнице снизу доверху и увидел ее во всей красе: кое-где она казалась совершенно непрозрачной и плотной, в других местах чуть просвечивала и посверкивала искрами, но все же представляла собой сейчас единое целое. Лестница вела прямо в молчаливый город, что плыл в небесах над морем.

Я поднял вторую ногу и опустил ее на ступень. Захоти я этого сейчас, Лестница могла бы послать меня в такое место, где сны становятся реальностью, где бродят порождения неврозов, где всем правят сомнительные пророчества — в залитый лунным светом город, где осуществляются двусмысленные желания, где время совершенно искажено и где все сияет бледной неземной красотой.

Я снова сошел на землю и посмотрел на луну, теперь находившуюся в самой высшей своей точке, потом взглянул на карту Бенедикта.

— Лестница обрела прочность, луна взошла, — сказал я.

— Хорошо, иду.

Я видел его там, в самом центре Пути. Он поднял зажатый в левой руке фонарь и какое-то мгновение стоял совершенно неподвижно. Еще один миг — и он исчез, исчез и Огненный Путь Амбера. Через несколько секунд Бенедикт появился почти в таком же зале, только у края Пути, в самом его начале. Он высоко поднял фонарь и огляделся. В зале он был один.

Бенедикт подошел к стене и прислонил к ней фонарь. Его тень протянулась от фонаря по направлению к Пути, резко мотнулась по стене, когда он повернулся на каблуках и возвратился к исходной позиции в начале Пути.

Этот Путь, заметил я, светился более бледно, чем тот, что в Амбере, — серебристо-белый, без малейшей примеси голубизны. Очертания его были теми же, однако призрачный город проделывал странные фокусы с перспективой. Мне мерещились там какие-то неровности, сужения, расширения, которые будто постоянно двигались и менялись местами без всякой видимой причины, как бы скользя по поверхности Пути — словно я рассматривал его через бракованную линзу, а не через карту Бенедикта.

Я вернулся на землю и сел на самую нижнюю каменную ступень, продолжая наблюдать. Бенедикт приготовил меч.

— Тебе известно о воздействии крови принцев Амбера на Путь? — спросил я.

— Да. Ганелон сказал мне.

— Ты когда-нибудь подозревал... что-нибудь в этом роде?

— Я никогда не доверял Брэнду, — услышал я вместо ответа.

— Ну а что же узнал ты во время своего путешествия во Дворы Хаоса?

— Поговорим потом, Корвин. Теперь он может появиться с минуты на минуту.

— Надеюсь, никаких отвлекающих видений у тебя не возникнет, — сказал я, вспоминая свое собственное путешествие в Тир-на Ног'тх и участие Бенедикта в моих приключениях там.

Он пожал плечами:

— Они обретают силу тогда, когда на них обращаешь чрезмерное внимание. А мое внимание сегодня целиком поглощено одним.

Бенедикт медленно повернулся, снова внимательно оглядев зал.

— Интересно, а он знает, что ты здесь? — спросил я.

— Возможно. Но это не имеет значения.

Я кивнул. Если Брэнд до сих пор не появился, то мы выиграли день. Остальные Пути охраняемы; в крайнем случае Фиона получит возможность продемонстрировать свое собственное мастерство и колдовские способности, чтобы отыскать Брэнда. И уж тогда он от нас не уйдет, Фиона и Блейз уже однажды сумели его остановить. Сможет ли она сделать это одна? Или же нам придется отыскать Блейза и попытаться убедить его в необходимости помочь нам? А может, Блейза отыскал Брэнд?.. Интересно все-таки, за каким чертом понадобилось Брэнду такое могущество? Для чего? Желание сесть на королевский трон было мне понятно. Но все остальное... Нет, он сумасшедший, и хватит об этом. Очень и очень жаль, однако ничего не поделаешь. Интересно, это у него наследственное или вызвано стечением обстоятельств и окружением? Я сухо

резюмировал, что все мы до какой-то степени поражены подобным безумием. Если честно, то лишь безумцу, который и без того имеет слишком много, так сильно и с такой горечью хочется прибавить еще больше и хоть чуточку возвыситься над остальными. У Брэнда эта мания развилась максимально, вот и все. Он был как бы нашей общей карикатурой в своем стремлении к величию. И с этой точки зрения так ли уж важно, кто из нас стал предателем?

Да, Брэнд оказался именно тем, кто совершил этот ужасный поступок. Безумный или нет, но он зашел слишком далеко. Ничего подобного никогда бы не сделали ни Эрик, ни Джулиан, ни я. Блейз и Фиона в конце концов порвали с ним, ибо его идеи стали приобретать угрожающие формы. Джерард и Бенедикт всегда были капельку старше всех нас — в этическом отношении прежде всего, а потому сами себя исключили из этой бессмысленной игры в захват власти. За последние годы весьма сильно изменился Рэндом. Неужели нам, детям Единорога, потребовались века, чтобы наконец стать взрослыми? Неужели мы все это время постепенно взрослели, хотя и очень медленно, и одного Брэнда этот процесс почему-то не коснулся? А может быть, напротив, именно Брэнд своими выходками способствовал нашему процессу созревания?

Таких вопросов всегда сразу возникает множество, да только ответить на них очень трудно. В конце концов, все мы в достаточной степени похожи на Брэнда, все обладаем неким особым чувством страха, свойственным только нашему семейству. И все-таки, какова бы ни была конкретная причина, Брэнд оказался единственным, кто пошел на такое.

Луна поднялась совсем высоко: свет ее вызывал в моей душе видение Зала Пути. Облака продолжали сгущаться и стягиваться все ближе к луне. Я хотел было сообщить об этом Бенедикту, потом решил не отвлекать его. Тир-на Ног'тх плыл надо мной, подобный некоей сверхъестественной радуге над океанами ночи...

И тут неожиданно появился Брэнд.

Я машинально сжал рукоять Грейсвандира, хотя отлично сознавал, что в данный момент Брэнд стоит напротив Бенедикта по другую сторону Пути в темном зале высоко в небесах.

Я опустил руку. Бенедикт, конечно же, сразу почувствовал присутствие врага и повернулся к нему лицом. Он не сделал ни шагу к лежавшему у стены мечу, а просто внимательно смотрел через зал на Брэнда, нашего с ним родного брата.

Честно говоря, я опасался, что Брэнд, исхитрившись, возникнет прямо у Бенедикта за спиной и сразу попытается нанести ему предательский удар. Я-то бы на его месте и пробовать не стал: даже умирая, Бенедикт вполне способен отправить своего убийцу на тот свет.

Совершенно очевидно, что и Брэнд это *понимал и не испытывал желания* действовать исподтишка.

Брэнд улыбнулся.

— Это ты, Бенедикт? — спросил он. — Что ж, чудесно...

Камень Жребия, висевший у него на шее, *яростно светился*.

— Брэнд, — сказал Бенедикт, — *тебе лучше даже не начинать*.

По-прежнему улыбаясь, Брэнд расстегнул ремень, и тот вместе с мечом упал на пол. Когда затихло эхо, он произнес:

— Я ведь не дурак, Бенедикт. Еще не родился на свет человек, способный победить тебя в поединке на мечах.

— Мне не нужен меч, Брэнд.

Брэнд медленно двинулся по внешней границе Пути.

— И все же ты всегда вооружен мечом, как если бы служил трону Амбера. А ведь ты мог бы восседать на нем королем.

— Я никогда особенно к этому не стремился.

— Верно... — Брэнд помолчал, постоял и сделал несколько шагов по периметру зала. — Преданный Амберу, не притязающий на иную долю... Да, ты совсем не изменился. Жаль, что отец успел воспитать тебя именно таким. Ты мог бы пойти гораздо дальше!

— У меня есть все, что мне нужно, — сказал Бенедикт.

— В тебе задушили желания, слишком рано отсекли от семейных притязаний.

— Не заговаривай мне зубы, Брэнд. И не провоцируй меня.

Все еще улыбаясь, Брэнд медленно двинулся к нему. Интересно, что все-таки он задумал?

— Ты знаешь: я умею кое-что, чего не умеет никто из остальных, — говорил Брэнд. — Если у тебя есть какое-нибудь неосуществимое желание, например, то я предоставляю тебе возможность назвать его и понять, насколько ты в отношении меня был не прав. Я научился делать такие вещи, в которые ты вряд ли поверишь.

Бенедикт улыбнулся одной из своих редких улыбок.

— Ты выбрал неверный способ, — сказал он. — Я и сам сумею получить все, что захочу.

— В Тенях! — взревел Брэнд, резко останавливаясь. — Там любой из вас способен обрести фантом собственной мечты!.. Я же говорю о реальности! Об Амбере! О власти! О Дворах Хаоса! А не о мечтах наяву, представших во плоти здесь, в Небесном городе! Я не желаю быть вторым после первого, я стану самым первым!

— Если бы я хотел иметь больше, чем имею, то знал бы, что делать. Как видишь, я пока что не сделал ничего, — ответил Бенедикт.

Брэнд засмеялся и снова двинулся вперед. Он уже обошел зал вдоль кромки Пути примерно на четверть. Камень Жребия у него на груди сиял все ярче. Голос его звенел.

— Ты просто глупец, ибо носишь эти оковы по собственной воле! Но если ничто в Королевстве не взывает к тебе, если власть ни в коей мере для тебя не притягательна, то что ты скажешь о Великих Знаниях? Я сумел постичь всю мудрость Дворкина и с тех пор весьма преуспел, хотя и расплатился черными делами за лучшее познание сущности Вселенной. А ты мог бы теперь получить эти знания, не платя такой цены.

— Всему своя цена, — сказал Бенедикт. — Но эту цену я платить не стану.

Брэнд покачал головой и взлохматил волосы. Тут изображение Пути как-то заколебалось, словно клочок облака на миг закрыл свет луны. Тир-на Ног'тх слегка потемнел, потом снова засветился с прежней яркостью.

— Да, ты говоришь то, что думаешь, — промолвил Брэнд, явно не заметив этого мимолетного затмения. — Что ж, больше не буду тебя испытывать. Однако попытаться я был должен. — Он снова остановился, уставившись на Бенедикта. — Ты слишком хороший человек, брат, чтобы тратить себя на заварившуюся в нашем Королевстве кашу и защищать то, что безусловно обречено на провал.

Учти, Бенедикт: я намерен одержать победу. Затем уничтожить Амбер и старый миропорядок и создать нечто новое. Да, я намерен стереть старый Путь и проложить свой собственный. Если хочешь, оставайся на моей стороне. Я буду рад, если ты станешь моим союзником. Я собираюсь создать идеальный мир, гораздо теснее связанный с Тенями. А впоследствии я намерен слить Амбер с Дворами Хаоса. Ибо хочу расширить этот мир, пронизать линиями Пути все Тени. Ну а ты смог бы командовать нашими легионами, самой могущественной армией, когда-либо существовавшей во Вселенной. Ты...

— Но если твой новый мир будет абсолютно идеальным, что следует из твоих же слов, Брэнд, то какова нужда в огромных армиях?.. Однако если он всего лишь будет отражать представления своего создателя, то мне думается, что он станет гораздо хуже того, что существует ныне. Благодарю тебя за лестное предложение, однако я по-прежнему принадлежу и служу Амберу.

— Ты дурак, Бенедикт! Я понимаю, намерения у тебя благие, однако же ты полный дурак!

Брэнд снова начал осторожно продвигаться вперед. До Бенедикта ему оставалось уже не больше сорока футов... потом тридцати... Он продолжал идти. Затем остановился шагах в десяти, сунул большие пальцы за пояс и молча уставился на брата. Бенедикт тоже смотрел ему прямо в глаза. Я снова обратил внимание на облака, ибо длинная гряда их продолжала надвигаться на сияющую луну. Пока что я был уверен, что в любую минуту смогу вызволить Бенедикта из Небесного города. И решил сейчас его не беспокоить.

— Слушай, а почему ты просто не подойдешь и не прирежешь меня? — спросил наконец Брэнд. — Я ведь совершенно безоружен, это не составит тебе труда. Разве имеет значение то, что в наших жилах течет одна и та же кровь? Чего ты ждешь?

— Я ведь уже сказал, что не желаю тебе зла, — ответил Бенедикт.

— И все же совершенно готов к поединку, если я попытаюсь перебежать тебе путь?

Бенедикт молча кивнул.

— Ну согласись, что ты боишься меня, Бенедикт, а? Да и все вы меня боитесь! Даже когда я делаю шаг по направлению к тебе — безоружный, как сейчас, — у тебя что-то сжимается под ложечкой, признайся? Ты же видишь, как я доверяю тебе, и не желаешь понимать этого. Значит, ты все-таки боишься. — Бенедикт не ответил. — ...И еще ты боишься моей крови на своих руках, — продолжал Брэнд, — боишься моего предсмертного проклятия...

— А ты не боялся пролитой тобой крови Мартина? — спросил Бенедикт.

— А, этот щенок? Ублюдок! — отмахнулся Брэнд. — Он, в сущности, и в игре-то не имеет права участвовать. Всего лишь пешка.

— Послушай, у меня нет ни малейшего желания убивать родного брата. Отдай мне камушек, который ты носишь на шее, и мы вместе вернемся в Амбер. Еще не поздно все исправить, Брэнд!

Брэнд, откинув голову, рассмеялся:

— Ах, какие благородные речи! Ты всегда был благороден, Бенедикт! Прямо настоящий король! Ты просто заставляешь меня стыдиться из-за твоего чрезмерного великодушия!.. Но вот вопрос: какова же главная цель всего этого? — Он погладил рукой Камень. — Хочешь заполучить камушек? — Он снова засмеялся

и сделал еще пару шагов. — Вот эту безделушку? Неужели, если я добровольно отдам его тебе, то куплю для всего Королевства мир, покой и порядок? А заодно и выкуплю собственную жизнь, верно?

Брэнд снова остановился, теперь уже не больше чем в десяти футах от Бенедикта. Поднял Камень, зажав его в пальцах, и посмотрел на него.

— А ты знаешь полную силу этой штуковины? — спросил он.

— В достаточной сте... — начал было Бенедикт, и голос его прервался.

Брэнд поспешно сделал еще шаг вперед. Камень ярко освещал его лицо. Рука Бенедикта потянулась к мечу, однако меч оказался вне пределов его досягаемости, и теперь он стоял напряженно, словно вдруг превратившись в статую. Тут я наконец догадался, в чем дело, однако было слишком поздно.

Ничто из тех слов, которые наговорил перед этим Брэнд, не имело ни малейшего смысла. То была обычная болтовня, отвлекающий маневр перед основным ударом. Он действительно успел отчасти настроиться на Камень, и даже эти ограниченные возможности позволяли ему побудить Камень к действию, причем последствия этих действий, естественно, были мне совершенно неизвестны, тогда как он сам их представлял себе прекрасно с самого начала. Брэнд, соблюдая осторожность, появился в Зале Пути подальше от Бенедикта, попробовал Камень, а затем, подходя все ближе, снова и снова пробовал его, пока не нашел ту точку, откуда Камень мог оказать наиболее сильное воздействие на нервную систему Бенедикта.

— Бенедикт, — сказал я ему, — тебе лучше перебраться ко мне, становится опасно.

И я, сосредоточившись, напряг всю свою волю, однако Бенедикт даже не пошевелился и ни слова мне не ответил. Карта его все еще действовала, благодаря ей я наблюдал все происходящее, но не мог добраться до Бенедикта. Камень, очевидно, воздействовал на него гораздо сильнее, причем не только подавляя двигательные функции.

Я снова посмотрел на облака. Они быстро сгущались, стремясь закрыть луну. Видимо, вскоре так и случится, и если я не сумею до того вытащить Бенедикта, то он непременно упадет прямо в море, как только Тир-на Ног'тх исчезнет. Оставалось надеяться, что если Брэнд заметит облака, то, возможно, рассеет их с помощью Камня. Однако тогда ему пришлось бы отвлечься от Бенедикта, может быть, даже освободить его... Я сомневался, что он на это пойдет. И все же... Облака вроде бы несколько замедлили свой бег.

Я вытащил из колоды карту Брэнда и на всякий случай отложил ее в сторону.

— Эх, Бенедикт, Бенедикт, — сказал, улыбаясь, Брэнд, — велика ли польза от твоего искусства, если ты даже не в состоянии сдвинуться с места и взять клинок? Я же говорил, что ты болван. Неужели ты надеялся, что я по собственной воле дам тебе зарезать меня? Тебе следовало бы поверить тому страху, который ты испытывал. Тебе следовало бы догадаться, что без мощной поддержки я даже не войду в этот зал. Я ведь именно это имел в виду, когда честно предупредил, что намерен одержать победу. Для меня ты, правда, замечательный вариант, самый лучший из всех возможных. И я действительно хотел, чтобы ты принял мое предложение. Но теперь это уже совсем неважно. Меня нельзя остановить. И ни у кого из вас нет такой возможности. Ну а ты исчезнешь совсем легко.

И Брэнд вытащил из-под плаща кинжал.

— Перенеси меня к себе, Бенедикт! Скорее! — крикнул я, что было совершенно бессмысленно, ибо ответа не последовало. И не было силы, способной перенести меня наверх, к нему на помощь.

Я сжал в руке карту Брэнда, вспомнив тот поединок с Эриком, что я вел с помощью карт. Если бы я смог выйти сейчас на контакт с Брэндом, то по крайней мере заставил бы его переключить внимание на меня и тем самым хотя бы отчасти высвободить Бенедикта. Я полностью сосредоточился на его карте, готовясь к массированной телепатической атаке.

Но ничего не произошло. Путь к нему оставался мертвым и темным.

Должно быть, он был настолько сосредоточен на взаимодействии с Камнем, что мне было просто не пробиться сквозь этот ментальный барьер.

Вдруг Лестница надо мной стала стремительно бледнеть, и я быстро взглянул на луну. Проклятье! Густые кучевые облака отчасти уже скрыли ее от меня.

Я снова переключился на карту Бенедикта. Похоже, что очень медленно... но все же контакт с ним восстанавливался. Видимо, где-то глубоко Бенедикт все еще сохранил проблески сознания.

Брэнд приблизился к нему еще на шаг, по-прежнему отпуская различные шуточки. Камень на тяжелой цепи горел ярким светом. Теперь между братьями было едва шага три. Брэнд поигрывал кинжалом.

— ...Да, Бенедикт, — издевался он, — ты бы, пожалуй, предпочел погибнуть в бою. С другой стороны, ты вполне способен и свою смерть расценить как некое дело чести — этакий сигнал для всех остальных. Со своей стороны, могу сказать, что в некотором роде твой конец станет началом нового миропорядка, что не менее почетно...

На какое-то мгновение Путь перед ними совсем поблек, однако я не мог оторвать глаз от происходящего и не знал, что там делается с луной. Сам же Брэнд, окруженный тенями и мерцающими огнями, стоя спиной к Пути, казалось, не замечал ничего. Он сделал еще шаг вперед.

— Однако довольно болтовни. Есть вещи, которые необходимо сделать немедленно, тем более что эта ночь не будет длиться вечно. — Он подошел еще ближе, держа кинжал в опущенной руке. — Спокойной ночи, милый принц.

И тут странная механическая рука Бенедикта, некогда унесенная мной из этого мира призраков, серебряного сияния и лунного света, стремительно взвилась, подобно атакующей змее. Сверкающие металлические пластинки, из которых она состояла, были пронизаны отблесками огня и походили на грани самоцветов; рука ужасно походила на руку металлического скелета, однако функционировала отлично и обладала мертвой хваткой. В этот миг она показалась мне даже прекрасной; я не успел заметить, как рука молниеносно выбросила себя вперед, тогда как все остальное тело Бенедикта продолжало оставаться неподвижным, будто статуя, и механические пальцы впились в цепь, на которой висел Камень Жребия. И тут же рука дернулась вверх, подняв Брэнда за цепь высоко над полом. Брэнд выронил кинжал и обеими руками схватился за горло.

За его спиной Путь совсем потемнел. Перекошенное лицо Брэнда в свете фонаря, оставленного Бенедиктом у стены, казалось лицом призрака. Сам же Бенедикт был по-прежнему недвижим, держа Брэнда высоко над полом на своей руке-виселице.

Путь стал еще бледнее. Надо мной начали исчезать ступени Лестницы. Луна уже наполовину скрылась за облаками.

Извиваясь, Брэнд вскинул руки и ухватился за цепь рядом с механической рукой Бенедикта, которая душила его. Брэнд был силен — как и все мы, впрочем. Я видел, как надулись, напряглись, его мускулы. Лицо Брэнда уже заметно потемнело от прилившей крови, а на шее скрученными жгутами проступили жилы. От боли он прокусил губу, и кровь стекала по его бороде. И тут он попытался разорвать цепь.

С резким щелчком и звоном цепь порвалась, и Брэнд упал, задыхаясь, на пол. Потом перевернулся, сжимая горло обеими руками.

Медленно, с огромным трудом опустил Бенедикт свою странную руку, по-прежнему сжимавшую цепь вместе с Камнем Жребия. Он чуть размял вторую руку и глубоко вздохнул.

Путь еле светился. Тир-на Ног'тх над моей головой стал прозрачным. Луна почти скрылась за облаками.

— Бенедикт! — крикнул я. — Ты меня слышишь?

— Да, — ответил он очень тихо и начал погружаться куда-то сквозь пол, проваливаться...

— Город исчезает! Ты должен немедленно перейти ко мне!

Я протянул руку.

— Брэнд... — начал было он, оборачиваясь. Но Брэнд тоже проваливался, и я видел, что Бенедикт не сможет до него дотянуться. Я крепко схватил Бенедикта за левую руку и дернул. Оба мы упали на землю на самом краю выступа, на вершине Колвира.

Я помог Бенедикту подняться, и мы устало опустились на каменную ступень. В течение долгого времени мы молчали. Потом я снова посмотрел вверх: Тир-на Ног'тх исчез.

Сколько стремительных и неожиданных событий произошло за один лишь сегодняшний день!.. На меня вдруг навалилась чудовищная усталость; я чувствовал, что силы мои совершенно истощены и вскоре я просто упаду и засну, где бы ни находился. Мысли путались. Слишком много людей и мест промелькнуло перед глазами за последние часы.

Я прислонился спиной к скале, глядя на облака и звезды. На те остатки... города, которые, казалось, еще можно соединить, если только правильно вставить исчезнувшие куски... Но части Тир-на Ног'тха распадались, расползались, ускользали друг от друга, словно по собственному желанию...

— Он умер, как ты думаешь? — спросил Бенедикт, отвлекая меня от этого зрелища и вызывая из полусна, в который я уже погрузился.

— Возможно, — сказал я. — Он был далеко не в лучшем состоянии, когда город начал исчезать.

— Но до земли было так далеко... Может быть, он успел все-таки что-нибудь придумать и спасся? Или убрался оттуда тем же путем, каким появился?

— Ну, в данный момент это, в общем-то, не имеет значения. Ты уже вырвал ему клыки.

Бенедикт что-то проворчал. Он все еще сжимал в руке Камень Жребия, светившийся теперь значительно менее ярко.

— Да, это так, — наконец проговорил он. — Путь в безопасности. Я бы хотел... Мне бы страшно хотелось, чтобы некогда — это было очень, очень давно — кое-что из сказанного не было сказано и кое-что из содеянного нами не осуществилось. Чтобы мы могли знать это уже тогда, и Брэнд, возможно, вырос бы совсем другим человеком — не тем злобным и лживым мерзавцем, которого я видел там перед собой. Лучше всего сейчас ему было бы умереть. И все-таки мне очень жаль — в любом случае это напрасная трата отличного материала, из которого мог бы получиться настоящий принц Амбера.

Я промолчал. Возможно, слова Бенедикта и верны. Но это было неважно. Возможно, Брэнд совершенно спятил, а возможно, и нет. Для всего всегда находится какая-то причина. Оправдание найдется для любого ужасного деяния. Однако, имея перед собой некую чудовищную ситуацию, простыми объяснениями ее отнюдь не исправишь. Для самого отвратительного поступка тоже существует своя причина. Пойми это, Бенедикт, если тебе так хочется понять, почему наш брат стал подлецом. Действительность — это то, что остается с тобой, тебе в наследство. Брэнд уже совершил свой мерзкий поступок. И занятия посмертным психоанализом ничего не изменят. Поступки и их следствия — вот по чему наши ближние судят нас. Все остальное, а также то, что получаешь в виде дешевого ощущения собственного превосходства, и впечатление, что уж ты бы сделал все это значительно лучше, если б действовать пришлось тебе, — сущая ерунда. Так что пусть решают небеса. Я же недостаточно опытный судья.

— Нам следовало бы вернуться в Амбер, — сказал Бенедикт. — Столько еще всего нужно сделать...

— Погоди, — сказал я.

— Почему?

— Я все это время думал...

И поскольку я так и не докончил свою мысль, он в конце концов спросил:

— Ну и?..

Я медленно перетасовал колоду, вставив на место его карту и карту Брэнда.

— А ты никогда не задавал себе вопросов относительно той новой руки, что тебе так верно служит? — спросил я его.

— Конечно, задавал. Но я и так знаю, что ты принес ее из Тир-на Ног'тха при весьма необычных обстоятельствах. Однако она отлично мне подходит. Она прекрасно работает. Она доказала сегодня свою силу...

— Вот именно. Тебе не кажется, что последнее ее качество имело слишком большое значение, чтобы считать его проявление простым стечением обстоятельств? Рука была единственным оружием, которое там, наверху, дало тебе возможность выстоять против силы Камня. И как-то так случилось, что именно эта штука оказалась там, будучи одновременно как бы частью тебя, а ты — разумеется, совершенно случайно! — участвовал в смертельном поединке и воспользовался ею... А? Ты проследи развитие событий в обратном порядке, от конца к началу, и снова — с начала до конца. Разве не усматривается во всем этом необычная, нет, абсурдная цепь странных совпадений?

— Ну, если посмотреть на это с такой точки зрения... — проговорил Бенедикт.

— Я-то уже посмотрел. Но и ты должен понять не хуже меня, что здесь замешано куда больше сил, чем могло показаться.

— Ну хорошо. Пусть так. Но каким образом?.. Как все это было устроено?

— Понятия не имею, — сказал я, вытаскивая ту карту, на которую не смотрел давным-давно, и ощущая под пальцами ее холодную поверхность, — однако важен не способ. Ты неправильно построил вопрос.

— Что же я должен был спросить?

— Не как, а кем.

— Ты полагаешь, что некий человек сумел задумать и построить всю эту цепь событий, начиная с обретения нами Камня Жребия?

— Насчет этого не знаю. И потом, что значит «человек»? Впрочем, я действительно подозреваю, что некто, кого мы с тобой оба отлично знаем, вернулся и за всем этим стоит именно он.

— Но кто?

Я показал ему карту, которую держал в руке.

— Отец? Это же невероятно! Он ведь, должно быть, давно умер.

— Ты отлично понимаешь, что уж он-то как раз и мог бы все это устроить. Изобретательности у него с избытком. Кроме того, мы никогда не знали, сколь разносторонним могуществом обладает Оберон.

Бенедикт встал. Потянулся. Потряс головой.

— Я думаю, что ты чересчур много времени провел на холодном ветру, Корвин. Должно быть, ты просто нездоров. Давай-ка лучше пойдем домой.

— И тебе даже не хочется попробовать опровергнуть или подтвердить мою догадку? Да ну же, Бенедикт! Где твой охотничий азарт! Сядь и дай мне еще минуту. Давай попробуем его карту.

— Он бы непременно уже вышел с кем-нибудь на связь, если б был жив.

— А я так не думаю. На самом-то деле... Ладно, можешь надо мной смеяться. И все-таки, что мы теряем?

— Хорошо, давай попытаемся. Почему бы и нет?

Бенедикт сел рядом со мною. Я держал карту так, чтобы оба мы видели ее ясно. Мы сосредоточились. Потом я попробовал установить связь, и контакт состоялся почти мгновенно.

Он улыбался, глядя на нас.

— Добрый вечер. Отлично поработали! — сказал Ганелон. — Я страшно рад, что вы вернули мне мою любимую безделушку. Нам она скоро понадобится.

ВЛАДЕНИЯ ХАОСА

КАРЛУ ЙОКУ, ПЕРВОМУ ЧИТАТЕЛЮ:

От Луситании до Эвклид-парка,
Саркобат-флэтс и до Лебедя Х-1 —
Да проживешь ты еще десять тысяч лет,
Да уберегут небеса твою ложь от трюизмов,
Да поломают меньшие боги
Свои многочисленные ноги.

Перевод с английского А. Пчелинцева, М. Пчелинцева

© А. Пчелинцев, М. Пчелинцев, перевод, 2004

I

Амбер — сверкает в полдень на вершине Колвира. Черная дорога — зловеще тянется из Дворов Хаоса на юг через Гарнатх. Я — ругаюсь, расхаживаю и изредка что-то читаю в библиотеке дворца в Амбере. Дверь библиотеки — заперта на засов. Озверевший принц Амбера уселся за стол и вновь обратился к раскрытому тому. В дверь постучали.

— Прочь!

— Корвин, это я, Рэндом. Открой, а? Я даже ленч принес.

— Секунду.

Я снова встал, обогнул стол, пересек комнату и открыл дверь. Рэндом вошел, кивнул и поставил поднос на маленький столик, рядом с письменным.

— Еды здесь будь здоров, — сказал я.

— Я тоже проголодался.

— Ну так присоединяйся.

Что он и сделал, нарезав мясо, передав мне кусок на ломте хлеба и разлив вино. Мы сели и стали есть.

— Я знаю, ты все еще злишься... — промолвил Рэндом через некоторое время.

— А ты — нет?

— Может, я просто больше к этому привык. Не знаю. Хотя, если подумать... да. Коленце, мягко говоря, неожиданное.

— Неожиданное? — Я от души глотнул вина. — Все как и раньше. Только еще хуже. В роли Ганелона он даже начал мне нравиться. А теперь, снова у власти, он все так же непререкаем. Наприказывал нам, наприказывал, ничего не объяснил, и поминай как звали.

— Он сказал, что скоро с нами свяжется.

— По-моему, он и в прошлый раз собирался.

— Не уверен.

— И он ничего не рассказал про то свое отсутствие. Да он вообще ничего не рассказал.

— Имел, наверное, на то причины.

— Я вот начинаю уже задумываться. Как ты считаешь, может, он впадает в маразм?

— На то, чтобы тебя одурачить, ума у него хватило.

— Это — всего лишь животная хитрость и способность к перемене облика.

— Однако сработало

— Да, сработало.

— Корвин, а может, ты просто не хочешь, чтобы его план оказался действенным, не хочешь, чтобы он оказался прав?

— Смешно! Я не меньше твоего хочу покончить со всей этой неразберихой.

— Но ты бы предпочел, чтобы решение пришло с какой-нибудь другой стороны.

— То есть?

— Ты не хочешь ему доверять.

— Да, не хочу. Я очень долго не видел его в его собственном облике, и...

Рэндом помотал головой:

— Я не о том. Ты злишься, что он вернулся. Ты надеялся, что мы его больше не увидим.

Вот же нахалюга. Пришлось скромно потупить очи.

— Точно, — сказал я секунд через десять. — Но не ради опустевшего трона, не только ради трона. Все дело в нем, понимаешь? В нем.

— Согласен, — кивнул Рэндом. — Но признай, он ведь облапошил Брэнда, а это ой как не просто. Я до сих пор не понимаю, как он выкинул этот фокус — заставил тебя принести из Тир-на Ног'тха руку, заставил меня передать ее Бенедикту, устроил, чтобы Бенедикт в нужное время оказался в нужном месте; все это сработало как часы, и он получил Камень назад. А работа с Тенями? Нам такой класс и во сне не снился. Помнишь тот поход к изначальному Огненному Пути?

Не наблюдай я все собственными глазами, никогда бы не поверил, что можно работать прямо на Колвире. Я так не могу. И ты тоже. А Джерард, помнишь, как он обошелся с Джерардом? Нет, я бы не сказал, что он стареет. И еще, самое главное, нравится нам это или нет — с теперешней ситуацией никому, кроме него, не справиться.

— По-твоему, я должен ему доверять?

— По-твоему, у тебя нет выбора.

— Против лома нет приема, — вздохнул я. — И обижаться мне не на что. И все же...

— Тебя беспокоит приказ об атаке.

— Приказ и многое другое. Подожди мы подольше, Бенедикт собрал бы больше силы. За три дня к таким вещам не готовятся. По крайней мере, когда о враге почти ничего не известно.

— А может, и известно. Он довольно долго беседовал с Бенедиктом наедине.

— Я же говорю — «и многое другое». Все эти раздельные приказы, эта секретность... Да ведь он доверяет нам еще меньше, чем мы — ему.

Рэндом хмыкнул, я — тоже.

— Ладно, — ухмыльнулся я, — согласен. Будь я на его месте — тоже не очень доверял бы таким деткам. Но за три дня раскрутить войну... Будем надеяться, что он знает больше нас.

— Мне кажется, что это скорее не война, а упреждающий удар.

— Вот только не сказал он нам, что именно мы упреждаем.

Рэндом пожал плечами и налил еще вина.

— Может, он посвятит нас в подробности, когда вернется. Тебе не досталось отдельного приказа, так ведь?

— Нет, просто велел быть наготове и ждать. А тебе?

Он покачал головой:

— Нет, примерно то же самое. «Придет время, и ты все узнаешь». Джулиану он хотя бы приказал держать войска наготове, чтобы выступить в любой момент.

— О? Разве они не остаются в Арденском лесу?

Рэндом кивнул.

— А когда же он это сказал?

— После твоего ухода. Он вызвал Джулиана по карте, передал ему сообщение, и они уехали вместе. Я слышал, отец сказал, что часть пути проедет с ним.

— Они поехали по восточной дороге через Колвир?

— Да. Я их провожал.

— Интересно. Что я еще пропустил?

Рэндом неуютно поерзал в кресле.

— То, что меня как раз беспокоит. Сев на лошадь и попрощавшись, отец обернулся ко мне и сказал: «И приглядывай за Мартином».

— И все?

— И все. Сказал и расхохотался.

— Думаю, это естественное подозрение к новичкам.

— А зачем тогда смеяться?

— Спроси чего полегче.

Я отрезал кусок сыра и съел.

— Может, мысль и неплохая. Может, это и не подозрительность вообще. Может, на его взгляд, Мартин нуждался в защите от чего-то. Или и то и другое вместе. Или ни то ни другое. Ты знаешь, какой он временами бывает.

— Я даже не пытался разобрать все эти варианты. Пошли со мной, а? Ты же проторчал здесь все утро.

— Пошли. — Я встал и пристегнул к поясу Грейсвандир. — Кстати, а где Мартин?

— Я оставил его на первом этаже. Он говорил с Джерардом.

— Тогда твой сынок в надежных руках. А Джерард — он как: остается здесь или возвращается к флоту?

— Не знаю. Он не обсуждает полученные приказы.

Мы вышли из библиотеки и направились к лестнице. По дороге я услышал внизу какой-то шум и ускорил шаг. Перегнувшись через перила, я увидел у входа в тронный зал толпу стражников и массивную фигуру Джерарда. Все стояли спиной к нам. Я перескочил последние ступеньки. Рэндом не отставал.

— Джерард, что происходит? — спросил я, протолкнувшись к братцу.

— Чтоб я знал, — ответил он. — Смотри сам. Смотреть можно, руками трогать нельзя.

Он отодвинулся, а я сделал шаг вперед. Потом еще один. На чем мой порыв и иссяк. Я словно уперся в упругую совершенно невидимую стену. Сценка, разыгрываемая за этим витринным стеклом, скрутила мои мысли и воспоминания в тугой болезненный узел. И тяжелый, липкий страх — где-то там, в затылке, у основания черепа.

Я окаменел. Да, не слабо. Улыбающийся Мартин все еще держал в руках карту; перед ним стоял Бенедикт — очевидно, только что вызванный. На помосте, рядом с троном, отвернувшись от нас, стояла девушка. Мужчины что-то говорили, но слов слышно не было.

Наконец Бенедикт повернулся и, казалось, обратился к девушке. Через некоторое время она, похоже, ответила. Мартин встал слева от нее. Бенедикт, пока она говорила, взошел на помост. Теперь я увидел ее лицо. Разговор продолжался.

— Девица вроде знакомая. — Джерард тоже прошел вперед и теперь стоял со мной.

— Ты мог ее видеть, когда она проезжала мимо, — сказал я. — В день смерти Эрика. Это Дара.

Он судорожно перевел дыхание.

— Дара! Тогда ты...

— Я не врал. Она — настоящая.

— Мартин! — крикнул Рэндом, вставший тем временем справа от меня. — Мартин! Что происходит?

Ответа не было.

— Да он тебя не слышит, — махнул рукой Джерард. — Похоже, эта стена полностью нас отрезала.

Рэндом рванулся вперед, уперся руками в невидимую преграду.

— Давайте все вместе, — сказал он.

Я попробовал еще раз. Джерард тоже всем своим весом обрушился на стену.

Через минуту я бросил бесполезное занятие.

— Без толку. Мы ее не сдвинем.

— Что это за хреновина? — спросил Рэндом. — Что удерживает...

У меня были некоторые подозрения... Подозрения, не более того. И то лишь благодаря deja vu всего сценария*. Хотя сейчас... Сейчас я схватился за ножны, проверяя, на месте ли Грейсвандир.

— На месте.

Ну и как же тогда мог я объяснить, что мой весьма характерный клинок сам по себе, без всякой поддержки появился в воздухе, сверкнул своим хитроумным орнаментом и чуть коснулся горла Дары?

А никак не мог.

Только слишком уж все это напоминало события той ночи в небесном городе сновидений Тир-на Ног'тхе, чтобы оказаться совпадением. Ловушек тех и помех — темноты, общего смятения, густых теней, собственных моих бурных эмоций — не было. Но все равно сразу же вспомнилась та ночь. Очень похоже.

И все же не точно так же. Бенедикт стоял несколько иначе — чуть дальше, тело согнуто под другим углом. Читать по губам я не мог, так что оставалось только догадываться, задает ли Дара те же странные вопросы; вряд ли. Видимо, в этот раз — если связь вообще была — сцену, такую же, и все же другую, исказило воздействие Тир-на Ног'тха на мой разум.

— Корвин, — сказал Рэндом. — Это же вроде Грейсвандир там болтается?

— Болтается, говоришь? — изумился я. — Но нетрудно заметить, что мой клинок *со мной*.

— Другого такого быть не может... или может? А ты-то сам понимаешь, что тут происходит?

— Вроде бы да, — ответил я. — В любом случае мне этого не остановить.

Меч Бенедикта вылетел из ножен и скрестился с моим, точнее — с похожим на мой. Еще мгновение, и он вступил в бой с невидимым противником.

— Задай ему, Бенедикт! — закричал Рэндом.

— Бесполезно, — возразил я. — Скоро его обнаружат.

— А ты откуда знаешь? — воскликнул Джерард.

— В некотором роде это я там упражняюсь в фехтовании. Это оборотная сторона моего сна в Тир-на Ног'тхе. Не знаю, как отцу это удалось, но такова плата за возвращенный ему Камень.

— Не понимаю, — пожал плечами Джерард.

— Я тоже не знаю, как все сделано, — покачал головой я. — Но пока из комнаты не исчезнут две вещи, войти мы туда не сможем.

— Какие две вещи?

— Смотри.

Бенедикт перебросил клинок в другую руку; его сверкающий протез метнулся вперед и схватился за нечто невидимое. Два клинка наносили удары, парировали, захватывали, давили друг на друга... Правая рука Бенедикта продолжала сжиматься.

Вдруг Грейсвандир высвободился и, обойдя шпагу Бенедикта, нанес ему потрясающий удар по сочленению правой руки и протеза. Тут Бенедикт повернулся и на несколько секунд загородил от нас происходящее.

Бенедикт, поворачиваясь, упал на одно колено, и все снова стало видно. Он сжимал культю. Механическая рука висела в воздухе рядом с Грейсвандиром; опускаясь, они удалялись от Бенедикта. Достигнув пола, эти странные предметы не остановились, но прошли насквозь и исчезли.

Меня повело вперед, я восстановил равновесие и двинулся дальше. Барьер исчез.

Мартин и Дара подбежали к Бенедикту раньше нас. Когда мы с Джерардом и Рэндомом подошли, Дара уже перевязывала руку пострадавшего полоской ткани, оторванной от своего плаща.

Рэндом схватил Мартина за плечо и повернул.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Дара... Дара сказала, что хочет посмотреть Амбер, — ответил тот. — Раз уж я теперь здесь живу, я согласился провести ее, устроить ей вроде экскурсию. Потом...

— Провести ее сюда. По карте?

— М-м... да.

— По чьей карте? По твоей или ее?

Мартин закусил нижнюю губу.

— Понимаешь...

— Дай-ка мне эти карты! — Рэндом сорвал футляр с пояса Мартина, раскрыл и начал просматривать колоду.

— Потом я решил сказать Бенедикту, ведь он ею интересовался, — продолжал Мартин. — Бенедикт захотел прийти и посмотреть.

— Какого черта? — воскликнул Рэндом. — Тут есть твоя карта, ее и еще какого-то парня, его я ни разу не видел. Откуда они у тебя?

— Дай посмотреть, — попросил я.

Он передал мне три карты.

— Ну? — продолжил Рэндом. — Они от Брэнда? Ну, конечно, кто же, кроме него, умеет сейчас делать карты.

— С Брэндом я стану иметь дело, только когда соберусь его убивать.

Но я уже знал, что эти карты — не от Брэнда. Не его стиль. Вообще незнакомый мне стиль. Хотя и не стиль меня сейчас занимал. Занимал меня третий, которого никогда не видел Рэндом. А я — видел. Я смотрел на лицо юнца, который выступил против меня с арбалетом у порога Дворов Хаоса, узнал меня и решил не стрелять.

— Мартин, кто это? — Я протянул карту.

— Тот самый, кто сделал дополнительные карты, — ответил он. — Заодно нарисовал и свою. Я не знаю, откуда он взялся. Какой-то приятель Дары.

— Врешь, — повысил голос Рэндом.

— Спроси у Дары, — сказал я и повернулся к ней.

Она все еще стояла на коленях рядом с Бенедиктом, хотя тот уже сидел на полу и перевязка была закончена.

— Ну так как? — повторил я, помахивая перед ней картой. — Кто это такой?

Она взглянула на карту, на меня и улыбнулась:

— Ты что, действительно не знаешь?

— А зачем бы я спрашивал?

— Посмотри на него снова, а потом взгляни в зеркало. Это — твой сын, как, впрочем, и мой. Его зовут Мерлин*.

Меня нелегко потрясти. Голова пошла кругом, но мозг быстро соображал.

— Дара, — спросил я, — чего ты хочешь?

— Я тебе уже сказала, проходя Огненный Путь, что Амбер должен быть разрушен. Я хочу принять в этом посильное участие.

— Тебе достанется моя старая камера, — сказал я. — Нет, соседняя. Стража!

— Корвин, все в порядке, — произнес Бенедикт, поднимаясь на ноги. — Все не так плохо, как кажется. Она может объяснить.

— Пусть начнет.

— Не сейчас. В приватной обстановке. Только для членов семьи.

Я отослал пришедшую на мой зов стражу.

— Ладно, пройдем в одну из комнат над залом.

Бенедикт кивнул, и Дара взяла его под левую руку. Рэндом, Джерард, Мартин и я проследовали за ними. Я оглянулся на пустой зал, где мой сон обратился явью.

Такие вот дела.

II

Я перевалил через гребень Колвира, подъехал к своей гробнице и спрыгнул с лошади. В прохладном сумрачном помещении стоял еле уловимый запах плесени; я открыл гроб. Пусто. Хорошо, а то я уж сомневался — вдруг увижу там себя самого, живое (мертвое, конечно) доказательство того, что, несмотря на ориентиры и интуицию, я каким-то образом забрался не в ту Тень.

Выйдя наружу, я почесал Стару нос. Светило солнце, дул прохладный бриз. Мне вдруг захотелось в море. Вместо этого я сел на скамейку и занялся трубкой...

Мы поговорили. Дара сидела, поджав ноги, на коричневой кушетке, улыбалась и повторяла историю своего происхождения от Бенедикта и адской девы Линтры, своего детства, проведенного во Дворах Хаоса — кошмарно неэвклидовом местечке*, где даже время было многомерным и вело себя до крайности странно.

— В тот раз ты мне врала, — сказал я. — Так с какой же радости должен я верить тебе сейчас?

Дара улыбнулась и критически оглядела свои ногти.

— В тот раз мне пришлось врать, — объяснила она. — Чтобы получить то, что мне было нужно.

— А именно?..

— Сведения о семье, Огненном Пути, картах, Амбере. Завоевать твое доверие. Родить от тебя ребенка.

— А что, нельзя было по-честному?

— Вряд ли. Я — из стана врага. Не думаю, чтобы тебе понравились мои побудительные мотивы.

— А то, как ты фехтуешь? Ты сказала, что училась у Бенедикта.

Мрачный огонь, вспыхнувший в ее глазах, как-то не вязался с очередной обворожительной улыбкой.

— Я училась у великого герцога Бореля, Верховного Лорда Хаоса.

— ...И твой облик, — продолжил я, — он несколько раз менялся, пока ты проходила Огненный Путь. Как? И почему?

— Все порождения Хаоса способны менять форму.

Я вспомнил Дворкина в ту ночь, когда он прикидывался мной.

Бенедикт кивнул:

— Папаша надул нас, прикинувшись Ганелоном.

— Оберон — сын Хаоса, — сказала Дара, — мятежный сын мятежного отца. Но способность у него осталась.

— Почему же тогда мы так не можем? — спросил Рэндом.

Она пожала плечами.

— А вы когда-нибудь пробовали? С другой стороны, в вашем поколении способность могла угаснуть. Не знаю. Что до меня, в трудный момент я перехожу в одну из любимых форм. Там, где я выросла, это — нормально, иногда другая форма даже доминировала. У меня остался рефлекс. Именно это ты и видел.

— Дара, — спросил я, — а зачем тебе все это — сведения о семье, Огненном Пути, картах, Амбере? И сын?..

— Ладно, — вздохнула она. — Ладно. Сейчас ты уже знаешь, какие у Брэнда планы — уничтожение и воссоздание Амбера... Так?

— Да.

— Это делалось с нашего согласия и при нашем содействии.

— В том числе и убийство Мартина? — спросил Рэндом.

— Нет, — покачала головой Дара. — Мы не знали, кого он собирается использовать в качестве... агента.

— Вы бы остановились, если бы знали?

— Ты задаешь гипотетический вопрос, — сказала она. — Ответь сам. Я рада, что Мартин все еще жив. Добавить мне нечего.

— Ладно, — кивнул Рэндом. — А что насчет Брэнда?

— С нашими предводителями он связался с помощью подхваченного у Дворкина приемчика. У него были амбиции, но не хватало познаний и силы. Вот он и предложил сделку.

— Какого рода познаний?

— Во-первых, он не знал, как разрушить Огненный Путь...

— В таком случае это вы ответственны за то, что он сделал, — обвинил Рэндом.

— Считай как хочешь.

— Именно так я и считаю.

Она пожала плечами и посмотрела на меня:

— Так вы будете слушать?

— Валяй. — Я взглянул на Рэндома, тот кивнул.

— Брэнду дали то, чего он хотел, — продолжала Дара, — но доверять ему никто не собирался. Мы боялись, что, получив силу ваять мир по собственному желанию, он не ограничится правлением в переделанном Амбере, а захочет распространить свою власть и на Хаос. Мы добивались ослабления Амбера, чтобы в новом равновесии нам досталось больше теней и Хаос прибавил в силе. Давным-давно стало ясно, что ни слить наши королевства воедино, ни уничтожить одно из них, не нарушив все процессы, берущие начало в их взаимодействии, невозможно. Результатом будет либо мертвая недвижность, либо полный хаос. Однако, несмотря на все свои подозрения, наши предводители с Брэндом договорились. Такой случай подворачивается раз в столетия, его надо было ловить. Мы решили, что Брэнда можно использовать, а потом, в подходящий момент — заменить.

— Значит, вы тоже замыслили двойную игру, — сказал Рэндом.

— Сдержи он свое слово — не было бы никакой двойной игры. Только мы знали, что он его не сдержит. Вот и приготовили на этот случай ответный ход.

— Какой?

— Достигнув цели, Брэнд будет уничтожен. Его сменит член королевской семьи Амбера, отпрыск первой семьи Дворов Хаоса, взращенный у нас и подготовленный к этой роли. Строго говоря, Мерлин связан с Амбером и по отцовской, и по материнской линии — через моего предка Бенедикта и прямо через тебя, он — потомок двух главных претендентов на ваш престол.

— Так ты принадлежишь к королевской семье Хаоса?

Дара улыбнулась.

Я встал, отошел к камину и начал рассматривать остывший пепел.

— Весьма, весьма польщен, что именно мне была отведена роль быка-производителя. — Я картинно поклонился. — Но даже если принять — условно! — твои слова на веру, остается интересный вопрос: зачем ты все это рассказываешь?

— Затем, — ответила она, — что я боюсь, не зашли бы наши повелители в своих проектах так же далеко, как Брэнд — в своих. Или дальше. Это я все о том же равновесии. Очень немногие понимают, насколько оно хрупко. Я ходила по Теням рядом с Амбером и бывала в самом Амбере; я хорошо знакома с окрестностями Хаоса. Я повидала очень многое, встречалась со многими людьми. Потом, познакомившись с Мартином, я почувствовала, что результат изменений, благо-

приятность которых мне подробно описывали, далеко не сведется к перекройке Амбера по вкусу наших старейшин. Задуманные «улучшения» обескровят Амбер, с биполярным миром будет покончено, Хаос восторжествует. К нему присоединится большая часть Теней. Амбер станет островом посреди Хаоса. Некоторые из наших старейшин, все еще остро переживающие создание Дворкиным Амбера, действительно хотят возвращения к прежним дням, когда существовал только Единый Хаос, из которого затем вышло все. Мне же теперешняя ситуация нравится больше, и я хочу ее сохранить. Я хочу, чтобы в этой схватке не победила ни одна из сторон.

Я повернулся и успел увидеть, как Бенедикт качает головой.

— Значит, ты ни на чьей стороне, — заключил он.

— Вернее сказать, на обеих одновременно.

— Ну а ты, Мартин, — спросил я, — ты с ней заодно?

Он кивнул.

Рэндом засмеялся:

— Вот так вот вдвоем? И против Амбера, и против Дворов Хаоса? Чего же вы надеетесь добиться? Каким образом намерены вы реализовать свои представления о равновесии?

— Мы не одни, — возразила Дара, — и план — не наш.

Ее пальцы скользнули в карман и извлекли на свет что-то блестящее, оказавшееся по рассмотрении кольцом нашего отца.

— Где ты взяла эту штуку? — заинтересовался Рэндом.

— Угадай с трех раз.

Бенедикт шагнул вперед и протянул руку; Дара беспрекословно рассталась с кольцом.

— Да, то самое, — сказал он, скрупулезно обследовав семейную реликвию. — На внутренней стороне есть мелкие пометки, которые я видел раньше. Почему оно у тебя?

— Во-первых, чтобы убедить вас, что я действительно исполняю его приказания.

— А как ты с ним познакомилась? — спросил я.

— Я встретила его некоторое время назад, когда у него были... ну, скажем, затруднения. И даже помогла ему от этих затруднений избавиться. Это было после встречи с Мартином; я уже успела проникнуться некоторой симпатией к Амберу. Кроме того, ваш отец весьма обаятелен и умеет убеждать. Мне не захотелось оставаться в стороне и видеть его пленником моих родственников.

— А ты не знаешь, кстати, как они его поймали?

Она покачала головой:

— Знаю только, что Брэнд затащил Оберона в какую-то достаточно далекую от Амбера Тень, где его смогли взять. Думаю, не обошлось без липового похода за несуществующим магическим устройством, способным починить Огненный Путь. Теперь он понимает, что на это способен только Камень.

— Ты помогла ему сбежать... И как это отразилось на твоих отношениях с родственничками?

— Да уж не положительно. На настоящий момент у меня нет дома.

— И ты хочешь найти его здесь.

Дара вновь улыбнулась:

— Это уж как пойдут дела. Если наши победят, не останется ничего иного, как вернуться. Или уйти в Тень — если, конечно, от них что-нибудь сохранится.

Я достал карту и посмотрел на нее:

— А как Мерлин? Где он сейчас?

— Во Дворах Хаоса, — вздохнула Дара. — Боюсь, сейчас он принадлежит Хаосу. Он осведомлен о своем происхождении, но слишком уж долго они занимались его воспитанием. Не знаю даже, можно ли его оттуда вытащить.

Я поднял карту и попытался сосредоточиться.

— Без толку, — предупредила Дара. — Между Дворами и Амбером они не работают.

Я вспомнил, как сложно было связаться по картам, когда я был на окраинах тех мест, однако продолжал упорствовать. Карта похолодела, и я потянулся к Мерлину.

Слабейший проблеск контакта. Я усилил посыл.

— Мерлин, это — Корвин. Ты меня слышишь?

Мне послышалось что-то вроде ответа. Вроде бы «не могу...». А потом ничего.

Карта перестала быть холодной.

— Дотянулся? — поинтересовалась Дара.

— Не уверен, но похоже. На секунду.

— Лучше, чем я думала. Или условия сейчас хорошие, или ваши мозги очень похожи.

— Размахивая папашиным кольцом, ты говорила о каких-то приказах, — напомнил Рэндом. — О каких таких приказах? И почему он передает их через тебя?

— Чтобы не терять времени.

— Не терять времени? Да он только утром уехал!

— Он должен был закончить одно дело, прежде чем начинать другое. И не знал, сколько это займет времени. А я разговаривала с ним прямо перед тем, как идти сюда — никак, кстати сказать, не ожидала такого приема, — и сейчас он готов перейти к следующей фазе.

— Где ты с ним говорила? — спросил я. — Где он?

— Понятия не имею. Он сам связался со мной.

— И...

— Он хочет, чтобы Бенедикт немедленно начал атаку.

Джерард наконец выбрался из огромного кресла, в котором все это время сидел, заткнул за пояс большие пальцы и посмотрел на Дару сверху вниз:

— Подобный приказ должен исходить прямо от отца.

— Оттуда он и исходит, — парировала она.

Джерард скептически покачал головой:

— Ничего не понимаю. Зачем ему связываться с тобой — с личностью, доверять которой у нас нет ровно никаких оснований, — а не с кем-либо из нас?

— Не уверена, что сейчас он может на вас выйти. А на меня — смог.

— Почему?

— Он воспользовался не картой (моей у него нет), а реверберацией Черной дороги* — тот же самый эффект, с помощью которого Брэнд сбежал от Корвина.

— Однако ты в курсе всех событий.

— А то. У меня все еще есть источники информации во Дворах, а именно там и укрылся он после вашей схватки. У меня есть уши.

— Знаешь ли ты, где сейчас наш отец? — спросил Рэндом.

— Нет, но, по-моему, он отправился в истинный Амбер, чтобы посоветоваться с Дворкиным и еще раз осмотреть повреждения, нанесенные первозданному Огненному Пути.

— Зачем бы это?

— Не знаю. Может, чтобы решить, как вести себя дальше. А раз уж он связался со мной и приказал атаковать, то решение, скорее всего, принято.

— И как давно он выходил на связь?

— Несколько часов назад — по моему времени. Но я была в достаточно далекой отсюда Тени. Различия во времени я не знаю, опыта не хватает.

— Значит, это могло быть совсем недавно, секунды назад, — промолвил Джерард. — И почему же он все-таки связался с тобой, а не с нами? Ну не верю я, что он не мог при желании выйти на нас. Не верю, и все тут!

— Желал показать, что он мне доверяет?

— Может, все это и правда, — заключил Бенедикт, — но без подтверждения приказа я не собираюсь ничего делать.

— Фиона все еще у первичного Огненного Пути? — спросил Рэндом.

— По последним моим данным, — ответил я, — она разбила там лагерь. Кажется, я понял...

Я достал карту Фи.

— Поодиночке мы оттуда связаться не могли, — заметил он.

— Именно. Вот и помоги.

Он встал рядом со мной, подошли и Бенедикт с Джерардом.

— В этом нет никакой необходимости, — запротестовала Дара.

Не обращая внимания, я сосредоточился на утонченных чертах своей рыжей сестрицы. Через пару секунд возник контакт.

— Фиона, — начал я. Судя по фону, она все еще пребывала в резиденции, в самом центре вещей. — Отец там?

— Да, — сухо улыбнулась сестрица. — Он внутри, вместе с Дворкиным.

— Слушай, это очень важно. Не знаю, знакома ли ты с Дарой, но она сейчас здесь и...

— Я знаю, кто она такая, хотя ни разу с ней не встречалась.

— Она утверждает, что отец приказал Бенедикту атаковать. У Дары его кольцо, однако он раньше ничего об этом не говорил. Тебе что-нибудь известно?

— Нет, — покачала головой Фиона. — Когда они с Дворкиным осматривали Огненный Путь, мы только поздоровались. Правда, у меня еще тогда зародились некоторые подозрения, а теперь они подтвердились.

— Подозрения? Ты о чем?

— По-моему, отец хочет починить Огненный Путь. У него с собой Камень, и я расслышала кое-что из его разговора с Дворкиным. Стоит ему начать, во Дворах Хаоса в ту же секунду об этом узнают и постараются воспрепятствовать. Он хочет напасть первым, чтобы у них были связаны руки. Только вот...

— Что?

— Корвин, это его убьет. Поверь мне, уж я знаю. Независимо от успеха процесс его уничтожит.

— Что-то не верится...

— Что король отдаст свою жизнь за королевство?

— Что отец отдаст.

— Значит, либо он изменился, либо ты никогда его не знал. По-моему, он намерен попытаться.

— Так на кой же посылать этот приказ с личностью, которой мы не доверяем?

— Чтобы вы ей доверяли после того, как он подтвердит приказ, — ничего другого мне в голову не приходит.

— Как-то все это уж чересчур сложно. Однако я полностью согласен, что без подтверждения действовать нельзя. Добудешь нам это подтверждение?

— Постараюсь. Выйду на связь, как только поговорю с ним.

Она прервала контакт.

— Ты знаешь, что задумал отец? — Я повернулся к Даре, слушавшей только одну сторону разговора.

— Что-то, связанное с Черной дорогой, — ответила она. — По крайней мере, так я поняла из его слов. Но что и как, он не сказал.

Я отвернулся, собрал карты и спрятал их в футляр. Развитие событий мне никак не нравилось. День начался плохо, а потом все шло хуже и хуже. А время-то всего лишь обеденное.

Я потряс головой. В разговоре со мной Дворкин описал вероятные последствия попытки починить Огненный Путь, и мне они показались устрашающими. Предположим, что отец попытается, у него ничего не выйдет и он погибнет. Что тогда? Да то же, что и сейчас, только накануне войны у нас не будет предводителя, и снова всплывет вопрос престолонаследия. Отправляясь на войну, мы только об этом вопросе и будем думать, а разделавшись с теперешним врагом, сразу начнем приготовления к войне друг с другом.

Должен быть другой выход. Лучше живой отец на троне, чем возобновление всех этих дрязг.

— Чего мы ждем? — спросила Дара. — Подтверждения?

— Да, — кивнул я.

Рэндом начал расхаживать из угла в угол, Бенедикт сел и проверил повязку на руке, Джерард прислонился к каминной решетке, а я стоял и думал.

И тут у меня родилась идея. Я сразу же ее прогнал, но она вернулась. Новорожденная идея мне очень не нравилась, хотя это к делу не относилось. Однако действовать надо было по-быстрому, пока я не передумал. Нет, так и сделаем. Хрен с ним!

Пришел контакт. Я немного подождал и через мгновение снова лицезрел Фиону. Место, где она стояла, я узнал, хотя и не сразу: гостиная Дворкина, за тяжелой дверью в глубине пещеры. С нею были и отец, и Дворкин. Отец сбросил маску Ганелона и снова был собой. Я увидел на нем Камень.

— Корвин, — сказала Фиона, — это — правда. Отец действительно послал приказ через Дару и ждал запроса на подтверждение. Я...

— Фиона, проведи меня туда.

— Что?

— Что слышала. Ну же!

Я протянул правую руку, она тоже, и мы коснулись друг друга.

— Корвин! — заорал Рэндом. — Что происходит?

Бенедикт вскочил на ноги, Джерард уже двигался ко мне.

— Скоро узнаете, — ответил я и шагнул вперед.

Я чуть сжал ее руку, прежде чем отпустить, и улыбнулся:

— Спасибо, Фи. Привет, папа. Привет, Дворкин. Как делишки?

Я глянул в сторону тяжелой двери и увидел, что она приоткрыта. Тогда я обошел Фиону и двинулся к тем двоим. Отец наклонил голову и прищурил глаза. Я знал этот взгляд.

— В чем дело, Корвин? Тебя что, сюда звали? — сухо спросил он. — Я подтвердил свой приказ и теперь хочу, чтобы вы его выполняли.

— Выполним, — кивнул я. — Я здесь не затем, чтобы его обсуждать.

— А зачем?

Я подошел ближе, обдумывая слова и расстояние. Хорошо, что отец не встал.

— Некоторое время мы путешествовали, как приятели, — сказал я. — Ты даже начал мне нравиться. Сам знаешь, раньше такого не было. Никогда не мог набраться смелости и сказать об этом прямо, но ты и сам это знаешь. Мне нравится думать, что все могло быть именно так, как у меня с Ганелоном, не будь мы друг другу теми, кем являемся. — На мгновение его взгляд, казалось, смягчился, я же занял стартовую позицию. — Так или иначе, будем считать, что настоящий ты — тот, а не этот, иначе я не стал бы этого для тебя делать.

— Чего «этого»? — спросил Оберон.

— Сейчас узнаешь.

Я рванул Камень вверх, скинул цепочку с папашиной головы, развернулся и выбежал из комнаты. Дверь за собой я захлопнул, но возможности запереть ее снаружи не представлялось, я просто побежал, повторяя путь, проделанный мною по пещере той ночью с Дворкиным. Сзади раздался ожидаемый рев.

Хотя проход петлял дичайшим образом, я споткнулся только один раз. Тяжелый запах Виксера все еще висел в логове. Последнее усилие — и за очередным поворотом мелькнул бледный проблеск света.

Я помчался к выходу, попутно надевая цепь на шею, почувствовал, как Камень упал мне на грудь, и вошел в него сознанием. Сзади слышались топот и крики. Последний шаг — и надо мной небо.

Я рванул к Огненному Пути, превращая Камень в дополнительный орган чувств.

Есть всего три человека, полностью настроенных на Камень, — Дворкин, отец и я. Дворкин как-то говорил, что Огненный Путь можно починить, если человек, настроенный на Камень, пройдет его до конца, выжигая на каждом проходе пятно, восстанавливая образ Огненного Пути, несомый им в себе; одновременно уничтожится и Черная дорога. Тогда уж лучше я, чем отец.

Мне все еще казалось, что Черная дорога обрела форму и из-за силы проклятия, наложенного мною на Амбер. Это я тоже хотел стереть. В любом случае отец справится с наведением послевоенного порядка лучше меня. В этот момент я понял, что трон мне больше не нужен. Будь он даже и свободен, перспектива век за нудным веком управлять Королевством приводила в ужас. Может, я ищу в смерти простого выхода. Эрик мертв, и ненависти к нему больше нет. Второй мотив — трон — двигал мною лишь потому, что к нему рвался тот же Эрик. Теперь все это в прошлом.

А что осталось?

Виола права. Старый солдат во мне сильнее всего. Это было чувство долга. Но не только долга...

Я достиг края Огненного Пути и быстро направился к его началу. Повернулся к выходу из пещеры. Ни отца, ни Дворкина, ни Фионы. Отлично. Теперь уж меня не догонишь. Стоит мне лишь одной ногой ступить на Огненный Путь, и им останется лишь смотреть и ждать. На мгновение я вспомнил о растворившемся Яго, отбросил эту мысль, старательно успокоил свой разум перед предстоящим испытанием, вспомнил и битву с Брэндом, и его странное отбытие, эту мысль тоже откинул, замедлил дыхание и приготовился.

И словно впал в летаргию. Следовало начинать, но я все медлил, концентрируясь на стоящей передо мной задаче. Огненный Путь поплыл перед глазами. Ну же! Черт возьми! Давай! Хватит приготовлений! Давай же! Пошел!

И все равно я так и стоял, созерцая Огненный Путь, словно во сне. Глядя на него, я надолго забыл о себе. Огненный Путь, с которого надо убрать эту длинную черную кляксу...

Мне было совершенно безразлично, убьет он меня или нет. Я созерцал его красоту, все остальное куда-то исчезло...

Я что-то услышал. Наверное, идут отец, Дворкин и Фиона. Помнится, следовало что-то сделать, пока они до меня не добрались. Нужно шагнуть вперед, это я сейчас...

Я оторвал взгляд от Огненного Пути и повернулся к пещере. Они выбрались оттуда, поднялись до середины склона и остановились.

Почему? Почему они остановились?

А какая, собственно, разница? Мне хватало времени, чтобы взяться наконец за дело. Я начал поднимать ногу, чтобы шагнуть вперед.

Я почти не мог двигаться. Огромным усилием воли мне удалось продвинуть ногу на дюйм; сделать этот шаг оказалось сложнее, чем идти по Огненному Пути, даже по последней, самой тяжелой его части. Но здесь я боролся не столько с внешним сопротивлением, сколько с вялостью собственного тела. Это было похоже на...

В голове всплыла картина: Бенедикт у Огненного Пути в Тир-на Ног'тхе, приближается ухмыляющийся Брэнд с пылающим Камнем на груди.

Я знал, что увижу, посмотрев вниз.

Красный Камень пульсировал в такт с моим сердцем.

Чтоб их всех!

Отец, или Дворкин, или оба они вместе парализовали меня с его помощью. Не сомневаюсь, что любой из них справился бы с такой задачей и в одиночку.

Но они же еще очень далеко, нельзя сдаваться без боя!

Я продолжал толкать вперед свою ногу, медленно скользя ею к краю Огненного Пути. Когда я на него ступлю, им никаким образом не...

Засыпаю... Я почувствовал, что падаю. На мгновение я заснул. Очнулся. И заснул.

Открыв глаза, я увидел часть Огненного Пути, повернув голову, — ноги, подняв глаза, — отца, держащего Камень.

— Уйдите, — бросил он Дворкину и Фионе. Те отошли, а отец повесил Камень себе на шею. Потом наклонился, протянул мне руку и, когда я взял ее, поднял меня на ноги.

— Идиотская затея, — сказал он.

— Но я почти успел.

— Успел бы совсем, так угробил бы себя, ничего не достигнув!.. Но сработано неплохо. Давай пройдемся.

Он взял меня за руку, и мы двинулись вокруг Огненного Пути. Везде, куда ни посмотри, этот странный, лишенный горизонта простор — не то море, не то небо. Интересно, что бы случилось, если бы мне удалось ступить на Огненный Путь? Что бы происходило сейчас?

— Ты изменился, — произнес отец. — Или я никогда тебя не знал.

— А может, и то и другое. — Я пожал плечами. — Я собирался сказать то же самое про тебя. Ты не поделишься одним секретом?

— Каким?

— Сложно тебе было быть Ганелоном?

— Вовсе нет, — усмехнулся папаша. — Возможно, ты видел настоящего меня.

— Мне он нравился. Или, скорее, ты в его роли. А что стало с настоящим Ганелоном?

— Он давно мертв. Я встречался с ним после того, как ты выгнал его с Авалона. Неплохой был парень. Я ему ни на грош не доверял, но я и так никому без крайней надобности не доверяю.

— Наш семейный обычай.

— Жаль, конечно, что пришлось его убить, но он не оставил мне выбора. Все уже быльем поросло, а я очень отчетливо его помню.

— А Лоррен?

— Страна? На мой взгляд, неплохая работа. Я взялся за подходящую Тень. Она укреплялась от одного моего присутствия, как, впрочем, и любая другая усилилась бы, пробудь там подольше любой из нас — вроде как ты в Авалоне, а потом еще в том, другом местечке. Чтобы пробыть в Лоррене подольше, мне пришлось изменить темп тамошнего времени.

— Я не знал, что такое возможно.

— Ты набираешь силу постепенно, начиная с инициации в Огненном Пути. Есть еще масса вещей, тебе неизвестных. Да, я укрепил Лоррен, сделал его максимально податливым к растущей силе Черной дороги. Я проследил, чтобы он оказался на твоем пути, куда бы ты ни пошел. После побега все дороги вели в Лоррен.

— Зачем?

— Я устроил тебе ловушку, а может, и проверку. Я хотел быть с тобой, когда ты встретишь силы Хаоса; еще я хотел с тобой попутешествовать.

— Проверка? На что ты меня проверял? И зачем со мной путешествовать?

— Сам не догадаешься? Я годами следил за всеми вами, никогда не называя преемника, специально оставляя вопрос открытым. Все вы достаточно на меня похожи, чтобы объявление любого из вас стало его смертным приговором. Нет уж, я специально все оставил так, как есть, до самого конца. Теперь я решил. Это будешь ты.

— В Лоррене ты ненадолго связался со мной от собственного имени и велел занять трон. Если ты решил еще тогда, к чему было продолжать маскарад?

— Тогда я еще не решил, просто не хотелось, чтобы ты там завяз. Я боялся, что тебе слишком понравятся девчонка и страна. Выбравшись из Черного Круга, ты мог осесть в Лоррене, а так я подтолкнул тебя двигаться дальше.

Я надолго замолчал; мы уже обошли значительную часть Огненного Пути.

— А еще, — сказал я. — Перед тем как прийти сюда, я говорил с Дарой. Она пытается обелить свое имя в наших глазах...

— Оно чисто, — оборвал меня отец. — Я его обелил.

Я покачал головой:

— Я не стал сегодня об этом говорить, однако есть веская причина, по которой Даре нельзя доверять, несмотря на все ее протесты и твои заверения. Даже две веские причины.

— Знаю, Корвин, знаю. Ты думаешь, что она убила слуг Бенедикта, чтобы обеспечить себе положение в доме... Это сделал я, чтобы она с гарантией вышла на тебя, и в подходящее к тому же время.

— Ты? Ты участвовал во всем этом заговоре? Зачем?

— Из нее выйдет хорошая королева, сынок. Кровь Хаоса — сильная кровь. Пришло время для очередного вливания. Ты получишь трон, заранее имея наследника. К тому времени, когда Мерлин дорастет до этого трона, от теперешнего его воспитания и следа не останется.

Мы дошли до черного пятна. Я остановился, присел на корточки и осмотрел его.

— Думаешь, эта штука убьет тебя? — наконец спросил я.

— Уверен.

— Ты не гнушался убийством невинных, чтобы управлять мной, и все же жертвуешь жизнью во благо Королевства. — Я перевел взгляд с пятна на отца. — Я сам не без греха и вовсе не собираюсь тебя судить. Но некоторое время назад, когда я собирался войти в Огненный Путь, я подумал, как изменилось мое отношение к Эрику, к трону... Ты делаешь это из чувства долга. У меня тоже есть долг перед Амбером, перед троном. Больше чем долг, значительно больше, как я тогда понял. А еще я понял, чего этот долг от меня не требует. Не знаю, как это произошло и где я изменился, но трон мне не нужен. Извини, отец, это путает твои планы, но я не хочу быть королем Амбера. Извини.

Я снова опустил взгляд, услышал его вздох, а потом:

— Сейчас я отправлю тебя домой. Оседлай лошадь, возьми еды и поезжай из Амбера в какое-нибудь укромное место.

— Моя гробница подойдет?

Оберон фыркнул и усмехнулся:

— Подойдет. Отправляйся и жди моего повеления. Мне надо подумать.

Я встал. Он протянул правую руку и положил ее мне на плечо. Камень пульсировал. Отец смотрел мне в глаза.

— Никому не получить всего именно так, как хочется, — сказал он.

Последовал какой-то трюк с расстояниями, будто от карты, но наоборот. Я услышал голоса, потом вокруг появилась комната, из которой я стартовал. Бенедикт, Джерард, Рэндом и Дара все еще были там. Отец отпустил мое плечо, исчез, и я вновь оказался среди родственничков.

— Ну и что там новенького? — поинтересовался Рэндом. — Мы видели, что отец отправил тебя назад. Не знаешь, кстати, как он это делает?

— Не знаю, — ответил я. — Но он подтверждает все сказанное Дарой. Он дал ей и кольцо, и послание.

— Зачем? — спросил Джерард.

— Хочет, видите ли, — развел я руками, — чтобы мы научились ей доверять.

Бенедикт встал.

— Тогда я пошел выполнять указания.

— Он велел атаковать и отойти, — сказала Дара. — Потом их надо просто сдерживать.

— И долго?

— По его словам, все прояснится само собой.

Бенедикт улыбнулся, что случалось с ним крайне редко, и кивнул. Он сумел одной рукой достать футляр для карт, вынул колоду, большим пальцем отлистал специальную карту Дворов Хаоса, которой снабдил его я.

— Удачи, — сказал Рэндом.

— Присоединяюсь, — добавил Джерард.

Я тоже попрощался с Бенедиктом. Когда растаяла оставшаяся на его месте радуга, я отвел глаза и заметил, что Дара беззвучно плачет. Сей факт я решил оставить без комментариев.

— У меня тоже есть приказ, так что я лучше пойду.

— А я вернусь к морю, — сказал Джерард.

— Нет, — возразила Дара. Я замер с поднятой ногой. — Джерард, ты останешься здесь и позаботишься о безопасности Амбера. С моря нападения не будет.

— Я думал, что здесь обороной занимается Рэндом.

Она покачала головой:

— Рэндом присоединится к Джулиану в Арденском лесу.

— Ты точно знаешь? — усомнился Рэндом.

— Абсолютно.

— Отлично, — кивнул он. — Приятно сознавать, что папаша и обо мне не забыл. Извини, Джерард...

Джерард выглядел несколько озадаченно.

— Надеюсь, он знает, что делает.

— Это мы уже проходили, — заметил я. — До скорого.

Выходя, я услышал торопливые шаги — меня догнала Дара.

— Что еще? — спросил я.

— Я думала пойти с тобой. Куда бы то ни было.

— Я всего лишь наверх за припасами. А потом — в конюшню.

— Я пойду с тобой.

— Я еду один.

— Я все равно не смогла бы ехать с тобой, надо ведь поговорить и с твоими сестрами.

— Они тоже при деле?

— Да.

Некоторое время мы шли молча, затем она произнесла:

— Знаешь, Корвин, все это делалось не так бездушно, как тебе сейчас кажется.

Мы вошли в кладовую.

— Ты о чем?

— Сам прекрасно понимаешь.

— А... Хорошо.

— Ты мне нравишься. Со временем это может стать чем-то большим, если у тебя остались хоть какие-нибудь чувства.

Гордость подсказывала мне резкий ответ, но я прикусил язык. За долгие века чему-нибудь да научишься. Да, она меня использовала, но и сама действовала при этом не совсем добровольно. По-моему, худший ответ был бы примерно таков: «Отец хочет, чтобы я тебя хотел». Но разве можно допустить, чтобы обида на подобное вмешательство влияла на мои чувства или на то, чем оные чувства могут стать со временем?

— Ты мне тоже нравишься, — ответил я и посмотрел на Дару.

Казалось, она ждала, чтобы ее поцеловали, и я не обманул ее ожиданий.

— Мне пора идти.

Дара улыбнулась, сжала мою руку, а потом ушла. Я решил, что исследованием своих эмоций займусь малость позже, дел и без того невпроворот.

Я оседлал Стара, одолел гребень Колвира и остановился у своей гробницы. Усевшись на скамейку, я курил трубку и смотрел на облака. Удивительно наполненный день — а ведь он едва перевалил за половину. В моем мозгу весело резвились предчувствия — из той породы, которую в приличных домах не пускают дальше кухни.

III

Отцовский вызов застал меня мирно дремлющим. Я вскочил как ошпаренный.

— Корвин, решение принято, и время пришло, — изрек папаша. — Обнажи левую руку.

Что я и сделал, а он становился все более материальным, приобретая все более царственный вид. На лице его все отчетливее проявлялась никогда раньше мною не виданная печаль.

Левой рукой он взял меня за запястье, а правой достал кинжал.

Я смотрел, как отец сделал на моей руке надрез и тут же вложил кинжал в ножны. Пошла кровь; он поймал ее в горсть, отпустил меня, накрыл левую ладонь правой и отошел. Подняв руку ко рту, он сильно дунул и быстро их развел.

Хохлатая птица размером с ворона и цвета крови постояла на его ладони, перешла на запястье и чуть наклонила голову. Красный, как кровь, глаз смотрел на меня с ни на чем не основанной фамильярностью.

— Это Корвин, ты должна следовать за ним, — сказал отец. — Запомни его.

Потом он пересадил птицу на левое плечо; оттуда она продолжала пялиться на меня, даже не пытаясь улететь.

— Теперь ты должен ехать, и быстро. Садись на лошадь и двигайся на юг. Чем скорее ты уедешь в Тени, тем лучше. Несись как ошалелый и убирайся отсюда подальше.

— Куда я направляюсь, отец?

— К Дворам Хаоса. Дорогу знаешь?

— Скорее теоретически. Я ездил по ней, но не до конца.

Он медленно кивнул:

— Тогда торопись. Я хочу, чтобы разница во времени между тобой и этим местом стала как можно больше.

— Хорошо, — сказал я. — Только я все равно не понимаю.

— Ничего, потом поймешь.

— Но ведь можно же проще, — возразил я. — У Бенедикта есть карта, она приведет меня в эти самые Дворы гораздо быстрее и безо всяких хлопот.

— Не выйдет, — сказал отец. — Ты едешь окольным путем, чтобы тебе по пути передали одну вещь.

— Передали? Кто?

Он погладил красные перья птицы.

— Твоя подружка. Она не сможет долететь до самых Дворов достаточно быстро.

— И что она мне принесет?

— Камень. Вряд ли по завершении работ я буду способен заниматься пересылками, а там он тебе ой как пригодится.

— Понятно. Но всю дорогу мне ехать все равно не обязательно. Я могу воспользоваться картой, получив Камень.

— Боюсь, что нет. Когда я сделаю то, что должно быть сделано, на некоторое время карты перестанут работать.

— Почему?

— Потому что вся ткань бытия подвергнется изменениям. Двигай же, чтоб тебя. На лошадь — и пошел!

Я постоял еще чуть-чуть, глядя на него.

— Отец, а что, никак иначе нельзя?

Он покачал головой, поднял руку и начал исчезать.

— Счастливо.

Я развернулся и вскочил в седло. Слова еще оставались, а вот времени — нет. Я повернул жеребца к тропе, ведущей на юг.

В отличие от отца уходить в Тени прямо с Колвира мне никогда не удавалось. Я не умел перемещаться так близко от Амбера.

Однако, зная, что это возможно, я счел своим долгом попытаться. Под завывание ветра, двигаясь на юг по голым скалам, осыпям и каменистым перевалам, направляясь к дороге, ведущей на Гарнатх, я решил искривить вокруг себя хоть малый лоскуток пресловутой ткани бытия.

...За каменным уступом — маленькая кочка с голубыми цветами.

Я несказанно обрадовался — ведь они были плодом моих скромных стараний. Я продолжал изменять усилием воли мир за каждым поворотом.

Тень от треугольного камня поперек дороги... Смена ветра...

Мелкие изменения работали. Тропа изгибается назад... расщелина... высоко на каменной полке старое птичье гнездо... еще синих цветочков...

Почему бы и нет? Дерево... другое...

Я чувствовал нарастающую внутри меня силу и продолжал менять мир.

В связи с новообретенной силой пришла мысль — а вдруг раньше подобное мне не удавалось по чисто психологическим причинам? До самого последнего времени я считал Амбер цельной, нерушимой действительностью, твердой первоосновой всех Теней. Теперь он оказался всего лишь первым среди отражений, а место, где стоял мой отец, представляло собой реальность более высокую; поэтому близость Амбера только затрудняла изменения, но не делала их невозможными. И все же при других обстоятельствах я поберег бы силы до более податливых мест.

При других обстоятельствах. Сейчас, чтобы выполнить волю отца, мне придется спешить и выкладываться.

Когда я достиг тропы, спускающейся по южному склону Колвира, характер местности уже изменился. На месте одного круглого склона моему взгляду предстала череда пологих. Я уже зашел в Тени.

И направился вниз.

Слева все так же тянулся страшный шрам Черной дороги, но этот Гарнатх выглядел все же благопристойнее того, привычного. Поросшие травой и кустарником участки, лежащие ближе к мертвой полосе, заметно смягчали местность. Мое проклятие словно чуть пообтрепалось — чистая, конечно же, иллюзия, ведь это уже не мой Амбер. Но я сожалею о своем поступке, мысленно воззвал я ко всему вокруг, я еду, чтобы попытаться его исправить. Прости меня, о дух этих мест.

Мой взгляд сместился в сторону Рощи Единорога, однако увидеть священный лес мне не удалось: слишком уж далеко он был на западе и слишком много деревьев мешало.

Внизу склон перешел в слегка волнистое предгорье. Здесь я пустил Стара быстрее, направляясь сперва на юго-запад, а потом — прямо на юг. Ниже, еще ниже. Далеко слева искрилось и сияло море. Скоро между нами ляжет Черная дорога, ведь я спускался в долину Гарнатха в ее направлении. Что бы я ни делал с Тенями, от зловещего присутствия Черной дороги мне не избавиться. Более того, кратчайший путь пролегал как раз вдоль нее.

Наконец мы спустились в долину. Взглянув направо, я увидел вдали Арденский лес, древний и необъятный. Я ехал и прилагал все усилия, чтобы изменения увели меня еще дальше от дома.

Не теряя Дорогу из виду — как-никак ориентир, ее-то никак не изменишь, — я все же старался держаться от этой зияющей раны на почтительном расстоянии, загораживался от нее кустами, деревьями, низкими холмиками.

Я сосредоточился, и ландшафт стал меняться.

Прожилки агата... Груды сланца... Темно-зеленая растительность...

По небу плывут облака... Сверкает, танцуя, солнце...

Стар прибавил шагу. Мы спустились еще ниже. Тени удлинялись, слились воедино. Лес отступил. Справа высился скалистый обрыв, слева — другой... Холодный ветер гнал меня по дикому каньону. На склонах мелькали выходы пород — красные, желтые, золотистые и бурые полосы. Дно каньона сделалось песчаным. Вокруг вертелись крохотные смерчи. дорога пошла в гору, и я наклонился вперед. Стены изогнулись внутрь, сблизились. Проход становился все уже. Я мог бы дотянуться до любой из стен...

Их верхние края сомкнулись. Я ехал по темному туннелю. Когда стало еще темнее, я попридержал жеребца... На стенах вспыхнули узоры, ветер жутковато взвыл.

Пора отсюда выбираться!

Сияние стен слепило глаза, со всех сторон высились кристаллы. Мы неслись мимо них вверх, через мшистые лощины с маленькими, совершенно круглыми прудами, гладкими, как зеленое стекло.

Путь преградили высокие заросли папоротника. Мы помчались напролом. Вдали что-то затрубило.

Поворот, дальше прямо... Теперь папоротники красные, шире и ниже прежних... За ними — обширная равнина, розовеющая на закате.

Вперед, по бледной траве... Запах свежей земли... Далеко впереди — горы темных облаков... Слева проносятся звезды... Короткий залп мелких брызг воды... На небо взлетает синяя луна... Мерцание среди темных силуэтов... Воспоминания и глухой рокот... Запах шторма, порывы ветра... По звездам несутся облака... Огненный трезубец вонзается в разбитое дерево, дерево ярко вспыхивает... Покалывание... Запах озона... Сплошной, как из ведра, ливень... Ряд огоньков слева... Цокот копыт по булыжной мостовой... Приближается странная машина — цилиндрическая, пыхтящая... Мы разминулись...

Сзади — отчаянные крики... Лицо ребенка в освещенном окне... Цокот... Всплески... Витрины лавок и дома... Дождь усиливается, слабеет, кончается... Приходит туман, слева разгорается жемчужный свет... Земля под копытами становится мягче, краснее... Свет в тумане все ярче и ярче... Новый ветер, теперь в спину, теплеет...

Бледно-лимонное небо... Оранжевое солнце ракетой взлетает к зениту... Мир охватывает дрожь! Совершенно непредвиденная вещь, я здесь ни при чем... Земля под нами дрожит... Новое небо, новое солнце, ржавая пустыня, в которой я только что очутился. Раздается треск, мы со Старом оказываемся в одиночестве, среди белого ничто — актеры без декораций. Мы ступаем по ничему. Свет идет отовсюду и ниоткуда и освещает только нас. Непрестанный треск; я вспомнил, как в России ехал весной вдоль реки. Стар, побывавший не в одной Тени, испуганно всхрапнул.

Я внимательно оглядываюсь. Появляются смазанные очертания; становятся резче, яснее. Все как раньше, только какое-то блеклое. Из мира исчезла часть красок.

Мы сворачиваем налево, скачем к невысокому холму, поднимаемся, останавливаемся на вершине.

Черная дорога — тоже не такая, как раньше, даже в большей степени, чем все остальное. От моего взгляда она покрывается рябью, чуть не волнами. Треск не стихает, напротив, делается громче...

С севера дует ветер; легкий поначалу, он все усиливается. Посмотрев туда, я вижу, как собираются темные тучи.

Я знаю, что ехать надо быстро, как никогда прежде. В месте, где я был — когда, не важно, — происходит разрушение и созидание. Волна движется от Амбера. Все, что вокруг, может исчезнуть — вместе со мной. Если отец не преуспеет в своем намерении.

Я тряхнул поводьями, мы понеслись на юг.

Равнина... Деревья... Разрушенные здания... Быстрее... Дым лесного пожара... Стена пламени... Исчезла... Желтое небо, голубые облака... Пролетает армада дирижаблей... Быстрее...

Солнце падает за горизонт, словно раскаленная железка в ведро воды, звезды растягиваются в полосы... Бледный свет на прямой тропе... Звуки отскакивают от темных смазанных пятен, возвращаются пронзительным воем... Свет все ярче, мир — все бледнее... Что-то серое справа, слева... Кроме тропы, смотреть не на что... Завывание превращается в режущий уши визг... Формы сливаются... Мы мчимся из Теней сквозь туннель, а тот начинает вращаться...

Поворот, еще один... Реальна лишь дорога... Мимо проносятся миры... Я перестал управлять происходящим и ехал теперь на гребне силовой волны, единственное предназначение которой — убрать меня из Амбера и зашвырнуть в Хаос... Вокруг дует ветер, уши заполнил крик... Никогда еще я не использовал свою власть над Тенями на пределе возможностей... Туннель становится гладким, как стекло... Мне кажется, что я низвергаюсь в водоворот, в око тайфуна... И Стар, и я взмокли от пота... Дикое чувства побега, будто кто-то меня преследует... Дорога стала абстракцией... Я смаргиваю, пот жжет глаза... Долго я такую скачку не выдержу... Биение у основания черепа...

Я мягко потянул поводья, Стар замедляет бег... Стены туннеля делаются зернистыми... Не равномерное затемнение, а какие-то кляксы — серые, черные, белые... коричневые... проблеск синего... зеленый... Завывание переходит в низкий рев, стихает... Ветер слабеет... Появляются и исчезают формы... Медленнее, медленнее...

Тропы нет. Я еду по мшистой земле. Небо синее, облака белые. У меня кружится голова. Я тяну поводья. Я...

Я опустил взгляд и был потрясен, обнаружив себя на окраине игрушечной деревни. Дома поместились бы на моей ладони; тоненькие дорожки, по ним ползают крошечные машины... Я посмотрел назад. Мы раздавили несколько таких миниатюрных жилищ. Оглядевшись, я заметил, что слева их меньше, и аккуратно направил жеребца туда, продолжая двигаться, пока мы не выбрались из поселка. Мне было совестно — что бы это ни было, кто бы там ни жил. Но ведь я ничего не мог сделать.

Мы снова поехали через Тени, пока не набрели на некое подобие заброшенного карьера под зеленоватым небом. Здесь я почувствовал себя увереннее. Слез с лошади, выпил воды, немного побродил. Глубоко вдохнул сырой воздух.

Я порядком удалился от Амбера, дальше вряд ли кому когда было нужно, и заметно приблизился к Дворам Хаоса. Так далеко я почти никогда еще не забирался. Я выбрал это место для отдыха, как самое близкое к нормальным условиям из попадавшихся мне по пути, дальше изменения будут все сильнее и сильнее.

Я разминал сведенные судорогой мышцы, и тут высоко в небе раздался крик.

Посмотрев наверх, я увидел, как снижается что-то темное. Грейсвандир сам прыгнул мне в руку. Но пока существо спускалось, свет упал по-новому, и его крылья вспыхнули огнем.

Птица сделала круг и села мне на плечо. Ее пугающие глаза светились чем-то вроде разума, но я не стал уделять им особого внимания. Вместо этого я вернул Грейсвандир в ножны и потянулся за отцовской посылкой.

Камень Жребия.

Из этого следовало, что почти безнадежное предприятие с тем или иным результатом закончилось. Огненный Путь или починен, или нет. Отец или жив, или нет. Выберите по одному варианту из каждой колонки.

Теперь последствия его поступка будут расходиться от Амбера по Теням, как круги по воде. Скоро я с этими кругами познакомлюсь поближе. А пока у меня приказ.

Я надел цепочку, уронил Камень себе на грудь и опять вскочил в седло. Моя кровная родственница коротко заклекотала и поднялась в воздух.

Мы снова ехали.

...Место, где, по мере того как небо белело, земля темнела. Потом засветилась земля, а небо стало черным. Потом наоборот. Снова... С каждым шагом они будто переключались, когда же мы поехали быстрее, все превратилось в стробоскопическую серию неподвижных кадров, потом в плохой мультфильм, в дерганое немое кино и наконец смазалось.

Словно метеоры или кометы, проносились светящиеся точки. Я чувствовал тяжелые толчки — так, наверное, бьется космическое сердце. Все начало кружиться вокруг меня, будто в смерче.

Что-то было не так. Я терял контроль над происходящим. Могли ли результаты папашиных действий докатиться уже до этого участка отражений? Вряд ли. И все же...

Стар споткнулся. Падая, я крепко в него вцепился — мало хорошего, если мы окажемся в разных Тенях. Я ударился плечом о что-то твердое и некоторое время лежал оглушенный. Когда мир вновь собрался из кусочков, я сел и огляделся. Стояли сумерки, но звезд не было. Вместо них в воздухе плавали большие камни разнообразных форм и габаритов.

Неровная каменистая поверхность, на которой я стоял, вполне могла оказаться валуном размером с гору, плавающим в воздухе, наподобие прочих. Полная, глухая тишина. Ни травинки, ни букашки. Добровольно я бы здесь не остановился. Я стал на колени и осмотрел ноги Стара. Хотелось убраться отсюда как можно скорее и желательно верхом.

Пока я всем этим занимался, прозвучал легкий смешок, исходивший вроде как из человеческого рта. Я положил руку на рукоять Грейсвандира и стал высматривать всесльчака.

Ничего. Нигде.

И все же мне не послышалось. Я медленно повернулся, внимательно осмотрел все вокруг. Ничего...

Снова смешок. Только теперь я понял, что он раздался у меня над головой.

Я осмотрел плавающие камни. Трудно различить в тени...

Там!

В тридцати метрах слева от меня и в десяти над землей на огромном булыжнике — нет, на маленьком летающем острове — стояла человеческая фигура. Я обдумывал ситуацию. Что бы оно такое ни было, угрозы оно не представляет — слишком далеко, не успеет до меня добраться, я смоюсь быстрее. Я начал залезать в седло.

— Без толку, Корвин. — Именно этот голос мне меньше всего хотелось услышать. — Ты теперь здесь, и без моего разрешения тебе не уехать.

Я улыбнулся, сел-таки на лошадь и достал Грейсвандир.

— Давай проверим. Ну же, преграждай мне путь.

— Сейчас, — охотно согласился он, и меня окружила высокая стена пламени, беззвучного, вырывавшегося прямо из голого камня.

Стар ошалел. Я сунул Грейсвандир в ножны, обернул глаза несчастного жеребца краем плаща и начал шептать ему ласковые слова. За это время круг расширился, пламя отступило к краю временно занимаемого нами камня.

— Убедился? Здесь слишком мало места. Поезжай куда хочешь. Твой конь взбесится раньше, чем ты сможешь уйти в другую Тень.

— До свидания, Брэнд. — И я тронул поводья.

Мы поехали против часовой стрелки; я заслонял правый глаз Стара от пламени. Брэнд, не понимая, что я делаю, снова усмехнулся.

Пора больших камней... Хорошо. Я продолжал ехать по намеченному маршруту. Теперь иззубренный уступ слева, подъем, впадина... Поперек пути — путаница теней, отбрасываемых пламенем... Вот так. Вниз... Вверх. Чуть позеленить то пятно света...

Я почувствовал, что началось перемещение.

Из того, что по прямой ехать проще, не следует, что по-другому ехать нельзя. Мы слишком много внимания уделяем прямой и забываем, что движением по кругу тоже можно добиться результата...

Приблизившись к двум большим камням, я еще сильнее почувствовал смещение. Примерно тогда же до Брэнда дошло.

— Подожди, Корвин!

Я показал ему кукиш и срезал между камнями, направляясь в узкий каньон, усеянный желтыми искорками. Все — согласно прейскуранту.

Я убрал с головы Стара плащ и натянул поводья. Каньон резко свернул направо, мы вышли по нему на несколько лучше освещенный проезд, который расширялся и светлел по мере нашего продвижения.

...Нависший над тропой уступ, молочно-белое небо, края неба сверкают, как жемчуг...

Скачем глубже, быстрее, дальше...

Слева над осыпью встает иззубренная скала, усеянная зелеными пятнышками каких-то неприхотливых кустарников, с неба льется бледно-розовый свет...

Я ехал, пока растительность не посинела, а небо не пожелтело, пока каньон не перешел в лавандовую равнину, по которой, в такт топоту копыт, катились оранжевые камни. Я пересек долину под крутящимися, как колесо фейерверка, кометами и доехал до берега кроваво-красного моря, от которого резко пахло духами. Проезжая по берегу, я убрал с неба большое зеленое солнце, а за ним и маленькое бронзовое. В это время схватились два ажурных флота, вокруг кораблей с оранжевыми и синими парусами кружили морские змеи. Я черпал силу из Камня, он ярко пульсировал у меня на груди. Дикий ветер поднял нас в воздух и понес по небу с медными облаками через широкий провал, бесконечно простирающийся в обе стороны; черное дно искрилось, испускало клубы пьянящих запахов...

За спиной нескончаемый гром... Тонкие линии, словно кракелюры на старой картине — впереди, везде... Догоняет холодный, убивающий запахи ветер...

Линии... Трещины ширятся, заполняются растекающейся темнотой... Темные потеки проносятся мимо, вверх, вниз, снова по самим себе... Постановка невода, труды исполинского рыбаря, невидимый паук ловит, как муху, Вселенную...

Вниз, вниз и вниз... Снова земля, кожистая и сморщенная, словно шея мумии... Мы проезжаем без звука... Гром смолкает, ветер стихает... Последний вздох отца? Теперь быстрее и прочь...

Линии сужаются, становятся тонкими, как штрихи на гравюре, исчезают в жаре трех солнц... Еще быстрее...

Приближается всадник... Синхронно со мной берется за рукоять шпаги... Я. Я возвращаюсь?.. Каким-то образом мы проезжаем друг сквозь друга; на одно

мгновение воздух сгущается, становится плотным, как вода. Какой Кэрролл придумал это зеркало*, что за Ребма или Тир-на Ног'тх выкидывает здесь свои фокусы... И все равно далеко-далеко слева корчится что-то черное... Мы скачем по дороге... Она ведет вперед...

Белое небо, белая земля, никакого горизонта... Впереди ни солнца, ни облаков... Лишь черная нить вдалеке да повсюду мерцающие пирамиды — огромные, подавляющие...

Мы устали. Это место мне не нравится... Но мы оторвались от того — неизвестно чего, — что нас преследовало. Натянуть поводья.

Я устал, но чувствую странную живость. Она словно поднимается из груди... Конечно, это Камень. Я снова обратился к его силе. Сила потекла по моим конечностям, едва останавливаясь у кончиков пальцев. Почти как...

Да. Я потянулся и подчинил пустое геометрическое окружение своей воле. Оно начало меняться.

Движение. Мимо проносятся, быстро угасая, пирамиды. Они сморщиваются, сливаются, рассыпаются в песок. Мир перевернулся, я словно стою на нижней стороне облака и вижу, как под и надо мной мелькают ландшафты.

Снизу вверх льется свет золотого солнца. Потом это кончается, пушистая твердь темнеет и выстреливает вверх потоки воды, размывающие землю, проносящуюся над головой. Молнии прыгают, чтобы ударить в мир наверху, разбить его. Кое-где он поддается, меня осыпают осколки.

Приходит волна темноты, и осколки мира начинают вертеться в смерче.

Снова возникает свет, на сей раз синеватый. Он исходит из ниоткуда и освещает ничто.

...Золотые мосты длинными лентами тянутся через бездну, один из них сверкает прямо над нами. Мы скачем во весь опор, но почему-то кажется, что стоим неподвижно... Это длится целую вечность. Что-то схожее с синдромом шоссейной дороги входит в меня через глаза, опасно убаюкивает. Я всеми силами пытаюсь ускориться. Проходит еще одна вечность.

Наконец где-то вдалеке — темное туманное пятно, наша цель, растущая, несмотря на скорость, очень медленно.

Когда мы добираемся до пятна, оно огромно — остров в бездне, заросший металлическими деревьями...

Я останавливаю донесшее нас сюда движение, в лес мы въезжаем собственными силами. Едем среди золотых деревьев, под ногами хрустит трава, похожая на алюминиевую фольгу. Вокруг висят странные бледные и блестящие фрукты. Животных здесь, похоже, не водится. Углубившись в лес, мы доезжаем до небольшой поляны, через которую течет ртутный ручеек. Там я спешиваюсь.

— Я ждал тебя, братец Корвин, — доносится все тот же голос.

IV

Я повернулся и увидел, как он выходит из леса. Он был без оружия, и я не стал доставать свое, погрузившись вместо этого сознанием в Камень. После только что закончившегося упражнения я понял, что могу с его помощью не только уп-

равлять погодой. Какими бы ни были силы Брэнда, теперь у меня есть что им противопоставить.

Камень запульсировал ярче.

— Мир? — предложил Брэнд. — О'кей? Поговорим?

— Не вижу предмета для обсуждения.

— Не дав мне высказаться, ты никогда не будешь знать наверняка, так?

Он остановился метрах в семи от меня, накинул зеленый плащ на левое плечо и улыбнулся.

— Ладно. Говори.

— Я пытался тебя остановить из-за Камня. Очевидно, теперь ты знаешь, что он такое и как он важен.

Я молчал.

— Отец его уже использовал, — продолжил Брэнд. — Со всем прискорбием должен тебе сообщить, что у него ничего не вышло.

— Как? Откуда ты знаешь?

— Корвин, я способен видеть сквозь Тени. А я-то думал, что сестричка все тебе рассказала... Небольшое усилие, и я вижу происходящее в любом выбранном мною месте. Естественно, исход этого предприятия не был для меня безразличен, вот я за ним и наблюдал. Отец мертв, Корвин. Хиловат оказался. На полпути через Огненный Путь он потерял контроль над силами, которыми манипулировал, и был ими уничтожен.

— Врешь! — сказал я, берясь за Камень.

Брэнд покачал головой:

— Да, я могу солгать для достижения цели, но на сей раз я говорю правду. Отец мертв. Я видел его гибель. Потом птица принесла тебе Камень, как он этого и хотел. Мы остались во Вселенной без Огненного Пути.

Я не хотел ему верить. Но отец действительно мог потерпеть неудачу. Единственный эксперт в данной области, Дворкин, говорил мне, что задача очень сложна.

— Хорошо. Предположим на минуту, что все именно так, как ты сказал. Что будет дальше?

— Мир разваливается, — улыбнулся Брэнд. — Уже сейчас Хаос хлынул в пустоту, образовавшуюся в Амбере. Возник огромный вихрь, он растет, расширяется, уничтожая Тени, и не остановится, пока не дойдет до Дворов Хаоса, завершая цикл творения. Хаос снова будет править всем.

Его слова меня ошеломили. И ради этого я пробивался сюда из клиники «Гринвуд» через все, что только можно?! Неужели все лишится значения, формы, содержания, жизни? Неужели мир достоин такого конца?

— Нет! — крикнул я. — Не может быть.

— Если только... — мягко подсказал Брэнд.

— Если только что?

— Если не начертить новый Огненный Путь. Чтобы сохранить форму, нужно создать новый порядок.

— То есть поехать через всю эту кутерьму назад и попытаться закончить работу? Но ведь ты сам говоришь, что того места больше нет.

— Нет. Конечно, нет. Только место ведь значения не имеет. Где Огненный Путь, там и центр мира. Я могу это сделать прямо здесь.

— Ты надеешься преуспеть там, где не вышло у отца?

— Я должен попытаться — ни у кого другого не хватит знаний и времени до прихода волн Хаоса. Слушай, я признаю все, что Фиона, конечно же, вам рассказала. Я не только строил планы, но и действовал. Я вступил в заговор с врагами Амбера. Я пролил нашу кровь. Я пытался сжечь твою память. Но сейчас рушится мир, каким мы его знаем, а я тоже в нем живу. Все, что я задумал — да и просто все! — исчезнет, если порядок не уцелеет. Волей-неволей приходится признать, что лорды Хаоса провели меня, как маленького, — очень, во всяком случае, на то похоже. Но еще не вечер. Мы можем создать новый оплот порядка, прямо здесь.

— Каким образом?

— Мне нужен Камень — и твоя помощь. Здесь будет новый Амбер.

— Предположим — arguendo* — я тебе его дам. Будет ли новый Огненный Путь точной копией старого?

Брэнд покачал головой:

— Это невозможно, как и папашин не был бы копией дворкинского. Никакие два человека не могут рассказать одно и то же одинаково, неизбежны индивидуальные стилистические различия. Как бы я ни старался его скопировать, мой все же будет чуть-чуть другим.

— Откуда такая уверенность в успехе? — удивился я. — Ведь ты не настроен на Камень. Для завершения настройки тебе потребуется Огненный Путь — а я тут недавно от кого-то слышал, что он разрушен. Неувязочка.

— Я же сказал, что мне понадобится твоя помощь. Есть еще один способ настроиться на Камень — для этого требуется содействие уже настроенного человека. Ты должен спроецировать себя и меня в Камень, а потом пройти вместе со мной первичный Огненный Путь.

— А потом?

— Пройдя испытание, я буду настроен, ты отдаешь мне Камень, я рисую новый Огненный Путь, и можно снова заниматься делами. Все на месте. Жизнь продолжается.

— А Хаос?

— Новый Огненный Путь будет незапятнан. Они лишатся Дороги, дающей доступ к Амберу.

— А кто будет управлять новым Амбером, если отец погиб?

— Должно же мне хоть что-то достаться за труды, — криво усмехнулся Брэнд. — Я буду рисковать жизнью, шансы на успех не так уж и велики.

— Что же мешает мне самому сыграть в эту игру? — Я тоже усмехнулся, не знаю уж, криво или нет. — При такой-то ставке.

— То же самое, что помешало отцу. Срабатывает некий космический рефлекс, и все силы Хаоса бросаются в бой. Я знаю их повадки лучше, чем ты, имею больше опыта. У тебя нет никаких шансов. У меня, возможно, есть.

— А теперь, Брэнд, предположим, что ты мне соврал. Или, скажем мягче, не совсем четко разглядел через всю эту неразбериху действительные события. Что, если отец преуспел? Что, если уже существует Огненный Путь? Что произойдет, когда ты нарисуешь здесь еще один?

— Я... такого никогда раньше не случалось. Откуда мне знать?

— Я вот все думаю, вдруг таким образом получится новая версия действительности? Может, для тебя отколется новая вселенная — новый Амбер плюс

новые Тени. И что она тогда — заменит нашу? Или будет существовать отдельно? Или они будут перекрываться? Что ты об этом думаешь?

Брэнд пожал плечами:

— Я тебе уже ответил. Откуда мне знать, ведь раньше такого не случалось.

— А мне кажется, что ты очень даже хорошо знаешь — или, по крайней мере, неплохо догадываешься. По-моему, именно это ты и планируешь, именно это и пытаешься сделать — ведь теперь ничего другого тебе не остается. Из нашего разговора я делаю вывод, что отец добился успеха и ты пытаешься разыграть последнюю свою карту. Но тебе нужны Камень и моя помощь. Ни того ни другого ты не получишь.

— Я ждал от тебя большего, — вздохнул мой хитроумный братец. — Ну да ладно. Хоть ты и ошибаешься, пусть так. Но послушай, лучше я разделю мир с тобой, чем буду смотреть, как все рушится.

— Брэнд, — сказал я. — Мотай отсюда. Ни Камня, ни моей помощи ты не дождешься. Я тебя выслушал и думаю, что ты врешь.

— Боишься ты, вот что, — снова вздохнул Брэнд. — Я не виню тебя за недоверие. Но ты делаешь ошибку. Я тебе сейчас нужен.

— Тем не менее я сделал выбор.

Он шагнул ко мне.

— Что угодно, Корвин. Я могу дать тебе все, что ты назовешь.

— Я был с Бенедиктом в Тир-на Ног'тхе, смотрел его глазами и слушал его ушами, когда ты делал ему точно такое же предложение. Так что иди-ка ты, Брэнд, куда подальше. Я продолжаю свой путь, а если ты думаешь, что можешь меня остановить, — сейчас момент не хуже любого другого.

Я потянулся к нему. Я понимал, что убью его, если сумею дойти, и понимал, что не сумею.

Он замер, потом сделал шаг назад.

— Ты совершаешь большую ошибку.

— Не думаю. На мой взгляд, я поступаю абсолютно верно.

— Я не буду с тобой драться, — торопливо сказал Брэнд, — по крайней мере, здесь, над пропастью. У тебя был шанс. При нашей следующей встрече мне придется забрать у тебя Камень.

— Ну и толку тебе с него, ненастроенному?

— Не исключено, что есть еще один способ — посложнее, но все же возможный. У тебя был шанс. До свидания.

Брэнд отступил в лес. Я было направился следом, но он уже исчез.

Я поехал дальше, по дороге над пустотой. А что, если Брэнд не соврал? Что, если хотя бы часть сказанного им — правда? Я гнал от себя эту мысль, но без особого успеха. Вдруг отец потерпел неудачу? Тогда я сейчас дурью маюсь. Все уже кончилось. Остается только ждать. Ждать... Не очень-то это приятно — ежесекундно оглядываться, проверять, не догоняет тебя нечто непотребное. Я поскакал во весь опор. А еще хотелось связаться с нашими, сообщить им, что я сохранил веру, отважно сражался до самого конца, жил и умер как герой. А то вот докатятся сюда волны Хаоса, и кто же тогда о моем героизме узнает?.. Интересно, как там их сражение, да и началось ли оно вообще в том времени?

Я пронесся по расширяющемуся под светлеющим небом мосту. Когда он превратился в золотую равнину, я обдумал Брэндову угрозу. Зачем он все это наговорил?

рил? Просто чтобы зародить у меня сомнения, чтобы я вот так на каждом шагу оглядывался, от каждого куста шарахался, чтобы я скис, ослабел? Возможно. Но если ему нужен Камень, он устроит на меня засаду. А я уважал его странную власть над Тенями. Почти невозможно приготовиться к нападению того, кто способен следить за каждым твоим шагом и мгновенно перенестись в самую выигрышную точку. Как скоро это может произойти? По моим оценкам, не очень скоро. Вначале он захочет потрепать мне нервы, а я и так уже издергался и устал. Рано или поздно придется отдохнуть, поспать, за один присест весь путь мне не одолеть, как ни ускоряйся.

Мимо плыл розовый, оранжевый, зеленый туман. Земля звенела под копытами, как металл. Для гармонического, видимо, соответствия сверху доносился чистый хрустальный звон. Мысли мои играли в чехарду. Всплывали, чтобы тут же исчезнуть, воспоминания о многих мирах. Ганелон, мой друг-враг, и отец, мой враг-друг, сливались и расходились, расходились и сливались. Когда-то один из них спросил меня, кто имеет право на престол. Раньше я думал, что Ганелон просто захотел разобраться во всей этой нашей путанице прав, притязаний и обоснований. Теперь я знаю, что это был отец, желавший меня прощупать, узнать мои чувства. Он долго взвешивал и принял решение, а я улизнул в кусты.

Почему же это я улизнул в кусты? Может, я слабоумный какой, недоразвитый? Или лентяй, не желающий связываться с лишней обузой? А может, это у меня такое просветление, основанное на всем печальном опыте последних лет, может, во мне медленно вызревал более трезвый, умудренный взгляд на тяжкое бремя монаршей власти, взгляд, проникающий сквозь мишуру мимолетной славы?.. Вызревал-вызревал — и вот, значит, вызрел.

Я вспомнил свою жизнь на Земле: отдаю приказы, исполняю их... Передо мной проплывали лица — те, кого я знал эти века, — друзья, враги, жены, любовницы, родственники. Лоррен манила меня, Моэри смеялась, Дейрдре рыдала. Я снова дрался с Эриком. Вспомнилось, как я проходил Огненный Путь — первый раз, еще мальчиком, и тот, другой раз, когда шаг за шагом ко мне возвращалась память. Вернулись убийства, кражи, мошенничества, соблазнения — правильно сказал Мэлори*, все они здесь. Я даже не мог расставить их в хронологическом порядке. Волнения особого я не испытывал, вины за прошлые свои поступки — тоже. Время, время, и еще раз время сгладило острые края событий, изменило меня самого. Предыдущие «я» казались мне другими людьми, стародавними знакомыми, которых я перерос. Некоторые вызывали искреннее удивление — ну не может быть, чтобы я был таким.

Я мчался вперед, а сцены из прошлого обретали плоть в окружающем тумане, и это — не поэтическая вольность. Битвы, в которых я участвовал, стали осязаемыми — звук, правда, отсутствовал полностью: сверкание оружия, доспехи и разноцветная военная форма, знамена и кровь. И люди — большинство из них давно умерло — вышли из моих воспоминаний, чтобы сыграть странный спектакль. Членов нашей семьи среди них не было, но все они для меня что-то значили. Однако системы в происходящем не наблюдалось. Деяния благородные и постыдные, враги и друзья, ни один из которых меня не замечал, совершали некую, давно позабытую последовательность телодвижений.

Меня заинтересовала природа этого места. Была ли то некая версия Тир-на Ног'тха, где разумная субстанция высасывает сознание и проецирует вокруг меня

эдакую панораму: «Посмотри, сукин сын, как ты жил»? Или я просто галлюцинирую? Я устал, огорчен и встревожен, я еду по дороге, мягко и монотонно стимулирующей эмоции, ведущие к задумчивости... На самом деле я осознал, что некоторое время назад потерял контроль над Тенями и теперь просто еду по неподконтрольной мне местности, а может быть, угодил в ловушку спроецированного вовне нарциссизма... Поняв это, я понял и то, что надо остановиться и отдохнуть, даже поспать, — только останавливаться было страшновато. Следовало вырваться отсюда, добраться до места поспокойнее и поуединеннее...

Я набросился на этот театр теней, скрутил его и изломал. Я вырвался.

Вскоре я оказался в неровной гористой местности. Мы заехали под каменистый свод, я напоил и накормил Стара, затем поел и попил сам — совсем немного, только чтобы отогнать голод. Не разводя костер, завернулся в плащ и взятое с собой одеяло. Я лег лицом к выходу, к навалившейся на него тьме, правая моя рука сжимала Грейсвандир.

Меня немного мутило. Хоть я и знал, что Брэнд — трепло поганое, все равно его слова меня беспокоили.

Но я всегда славился умением засыпать. Я закрыл глаза — и мгновенно отключился.

V

Я проснулся от чьего-то присутствия. Или от шороха и чьего-то присутствия. Как бы там ни было, проснулся я в полной уверенности, что у меня гости. Покрепче сжав Грейсвандир, я открыл глаза — никаких прочих движений на всякий случай не делая.

Снаружи в пещеру лился мягкий, словно лунный, свет. Прямо у входа виднелась некая фигура, возможно — человек. Было слишком темно, и я не мог понять, стоит оное существо лицом ко мне или наружу. Но тут оно шагнуло в моем направлении.

Я вскочил, направив в его (или ее) грудь острие клинка. Существо остановилось.

— Мир! — произнес мужской голос на тари. — Я просто ищу убежище от грозы. Можно разделить с тобой пещеру?

— Какой грозы?

Словно в ответ раздался раскат грома, порыв ветра донес запах дождя.

— Ладно, по крайней мере про грозу ты не врешь. Располагайся.

Он сел в глубине пещеры, спиной к правой стене. Я сложил одеяло в несколько раз и уселся напротив незнакомца. Нас разделяло несколько метров. Нашарив трубку и набив ее, я опробовал спичку с Земли. Спичка загорелась, чем избавила меня от массы трудностей. Приятный запах табака смешался с влажным бризом. Я слушал дождь и созерцал темный силуэт моего безымянного соседа. На ум пришло несколько возможных опасностей, но обратившийся ко мне говорил не голосом Брэнда.

— Это — не обычная гроза, — сказал он.

— Да? А почему?

— Во-первых, она идет с севера. В такое время года гроза не приходит с севера.

— Все бывает когда-нибудь в первый раз.

— Во-вторых, я никогда не видел такой странной грозы. Я весь день следил за ее приближением: ровная линия, медленно наползает, фронт — словно стеклянная плита. Так много молний, что гроза кажется чудовищным насекомым с сотнями светящихся лапок. Очень неестественно. А там, где она прошла, все сильно исказилось.

— Так бывает в дождь.

— Не так. Все будто изменило очертания, поплыло. Словно гроза плавит мир — или забирает форму.

Я непроизвольно вздрогнул. Вот и мои надежды, что темные волны остались далеко позади и можно позволить себе небольшой отдых... А вдруг он ошибается, и это обычная — то есть не обычная, но вполне естественная — гроза? Однако рисковать не хотелось, поэтому я встал, развернулся спиной ко входу и свистнул.

Нет ответа. Я прошел в самый конец пещеры, зачем-то ощупал стенки.

— Что-нибудь не так?

— Конь пропал.

— Может, ушел?

— Наверное. Но я как-то считал, что мозгов у него побольше.

Я подошел к выходу из пещеры, ровно ничего не увидел, промок до нитки и вернулся на прежнее место, к левой стене.

— Да обычная вроде гроза. В горах и не такое бывает.

— Может, ты знаешь эту страну лучше меня?

— Нет, я здесь только проездом и очень не хотел бы задерживаться.

Я коснулся Камня, погрузился в него сознанием, а затем ушел наружу и вверх. Я чувствовал грозу и приказал ей уйти; красные пульсации энергии соответствовали ударам моего сердца. Потом я прислонился спиной к стене, нашел еще одну спичку и снова закурил. Даже тем силам, которыми я манипулировал, понадобится немало времени, чтобы управиться с фронтом такого размера.

— Надолго не затянется, — пообещал я.

— Откуда ты знаешь?

— Приватная информация.

Незнакомец усмехнулся:

— По некоторым версиям, так вот и кончится мир* — все начнется со странной грозы, пришедшей с севера.

— Именно так, — сказал я, — и это — та самая. Беспокоиться, право, нечего. Скоро все решится в ту или иную положительную сторону.

— Твой камень... он светится.

— Да.

— Но ты шутил, что это конец? Шутил ведь, правда?

— Нет.

— Ты привел мне на ум строку из Священной Книги: «Архангел Корвин поедет перед бурей, молния на груди его...» Тебя случаем не Корвином зовут? Нет?

— А что там дальше?

— «Его спросят: "Куда ты держишь путь?" Он скажет: "Туда, где кончается Земля", и не будет он знать, какой враг поможет ему против врага другого, и до кого дотронется Рог, тоже знать не будет».

— И все?

— Об Архангеле Корвине — все.

— Я уже сталкивался с такими трудностями в Писании. Информация интересная, дразнящая, но практического толку от нее чуть. Словно автор — садист. Один враг против другого? Рог? Сдаюсь.

— Куда же ты едешь?

— Недалеко, если не найду лошадь.

Я вернулся к выходу из пещеры. Гроза стихала, на западе из-за облаков просвечивала вроде как луна, на востоке — другая. Я посмотрел вдоль тропы в одну сторону, в другую, затем — вниз по склону, в долину. Никаких лошадей не видно. Я повернулся к пещере и вдруг где-то далеко внизу услышал ржание Стара.

— Мне надо идти, — сказал я незнакомцу в пещере. — Одеяло можешь оставить себе.

Не знаю, ответил ли он — я уже вышел под мелкий дождик и двинулся вниз по склону. Еще одно упражнение с Камнем, и мерзкая морось сменилась туманом.

Ноги скользили, но я одолел половину склона, ни разу не споткнувшись. Там я остановился, чтобы перевести дыхание, а заодно и сориентироваться. Я уже утратил всякую уверенность, с какой именно стороны донеслось ржание. Свет луны усилился, видно стало получше, однако, осмотрев окрестность, я не обнаружил ровно ничего примечательного. Несколько минут я прислушивался.

И снова донеслось ржание — снизу, слева, со стороны темной то ли скалы, то ли груды камней, то ли еще чего-то в этом роде. В тени, у самого основания непонятного бугра, что-то шевельнулось. Я двинулся на это шевеление со всей скоростью, на какую у меня хватило смелости.

Наконец склон кончился, пошла сравнительно ровная земля. Поспешая к месту событий, я проходил сквозь клочья низового тумана, раздуваемые легким западным ветерком, они серебристо змеились вокруг моих лодыжек. Раздался противный хрустящий звук, словно по камням тянули или катили что-то тяжелое. Внизу темной непонятной массы мелькнул свет.

Подкравшись поближе, я увидел в прямоугольнике света маленьких человечков, сражавшихся с огромной каменной плитой. Оттуда же послышалось слабое цоканье и снова ржание. Камень зашевелился, он поворачивался, как дверь, каковой, скорее всего, и являлся. Освещенный участок уменьшился, сузился до щелки, с гулким ударом исчез. Все копошившиеся у камня фигурки успели забраться внутрь.

Когда я добежал до негостеприимно закрытой двери, вокруг снова царили тишина и покой.

Я прижал ухо к камню и ничего не услышал. Однако кем бы ни были эти человечки, они забрали мою лошадь. Я всегда недолюбливал конокрадов и в прошлом немало их убил, но сейчас Стар нужен мне отчаянно.

Я начал искать края каменной двери. Нащупать контур кончиками пальцев оказалось совсем несложно. Возможно, днем, когда для глаз все смешалось бы и слилось, я бы даже потратил больше времени. Определившись с местонахождением двери, я стал искать какую-нибудь ручку, за которую оную дверь можно будет открыть. Искал я внизу — ориентируясь на низкорослость хозяев дома.

Наконец попалось нечто похожее на выступ; я ухватился за него и потянул. Ни в какую. Или они непропорционально сильные, или тут какой-то фокус, которого я не замечаю.

Ну и плевать. Есть время для тонких действий, а есть — для грубой силы. Я очень злился и очень спешил, так что решение не заставило себя ждать.

Я снова потянул за плиту, напрягая мышцы рук и спины, очень сожалея, что рядом нет Джерарда. Дверь скрипнула. Я продолжал тянуть. Она сдвинулась — примерно на дюйм — и застряла. Я не расслабился, а удвоил усилия. Снова скрип.

Я откинулся назад, переместил вес и уперся левой ногой в каменную стену рядом с дверью, чтобы тащить и толкать одновременно. Плита со скрипом и хрустом подалась еще на дюйм, после чего застряла окончательно.

Я бросил бесплодные старания, размял немного руки, плечом вернул дверь в исходную позицию, глубоко вздохнул и снова взялся за дело.

Левую ногу поставил на прежнее место, и на этот раз не будет никакого постепенного наращивания усилий. Я рванул что было мочи.

Резкий, как выстрел, щелчок, потом изнутри донесся какой-то грохот, и дверь со скрежетом приоткрылась — не больше чем на полфута, но и это было кое-что. К тому же в конце она двигалась вроде как посвободнее. Я поднялся на ноги, уперся спиной в каменную стену, нащупал край двери и поднажал.

На этот раз дверь двинулась легче, но я устоял перед соблазном и, когда она начала распахиваться, уперся в нее ногой и нажал изо всех сил. Дверь провернулась на все сто восемьдесят градусов, с диким грохотом ударилась о камень, треснула в нескольких местах, покачнулась и упала на землю, сотрясая все вокруг и расколовшись еще на несколько кусков.

Не успела она упасть, как Грейсвандир оказался в моей руке. Я присел и украдкой выглянул из-за угла.

Свет. Там, в глубине, был свет от маленьких ламп, развешанных вдоль стены на крюках... Возле лестницы, ведущей вниз... Туда, где больше света и звуки... Вроде как музыка...

И — никого, ни души. Я-то было подумал, что весь этот устроенный мною тарарам чье-нибудь внимание да и привлечет. Однако музыка не стихала. Или грохот по каким-то причинам до них не дошел, или им это глубоко безразлично. Так или иначе...

Я выпрямился и перешагнул порог. Моя нога ударилась о нечто металлическое. Я поднял это «нечто» и внимательно осмотрел. Изуродованный засов. Заперли, значит, за собой дверь. Я перекинул гнутую железяку через плечо и начал спускаться по лестнице.

Я продвигался, и музыка — скрипки и волынки — становилась громче. По свету я понял, что внизу, справа от лестницы, располагалось что-то вроде зала. Не заботясь о скрытности, я бросился вниз.

Когда я повернулся и оглядел зал, взору моему предстала сцена, достойная сна пьяного ирландца. В задымленном помещении, освещенном фонарями, толпы краснолицых людей метрового роста, одетых в зеленое, танцевали и пили эль из кружек, притопывая ногами, стуча по крышкам столов и друг по другу, ухмыляясь, смеясь и крича что есть мочи. Вдоль одной из стен стояли огромные бочки; к одной из них, вскрытой и снабженной краном, выстроилась очередь пирующих. В дальнем конце зала имелось углубление, где горел гигантский костер;

дым уходил в трещину каменной стены, расположенную над парой узких лазов, которые вели неизвестно куда. Стар был привязан к кольцу рядом с костром, тут же крепко сложенный тип в кожаном фартуке точил и правил какие-то подозрительного вида инструменты.

Несколько лиц развернулось в мою сторону, раздались тревожные крики, музыка смолкла. В зале повисла почти полная тишина.

Клинком, поднятым во вторую позицию, я указал в глубь зала, на своего жеребца. Теперь уже все лица были повернуты ко мне.

— Я пришел за конем. Или вы приведете его мне, или я заберу его сам. Во втором случае ожидается море крови.

— Прошу прощения, — вежливо откашлялся некий седой гигант, ростом в добрые метр тридцать, — но как вы сюда попали?

— Вам понадобится новая дверь. Сходите посмотрите, если вам не лень, и это может изменить ход ваших мыслей. Лично мне кажется, что может. Я подожду.

Я освободил ему дорогу и прислонился спиной к стене. Он кивнул:

— Я схожу.

И стрелой пролетел мимо меня.

Я чувствовал, как рожденная гневом сила переливается через Камень. Одна часть сознания хотела крошить и колоть, прорубить проход через комнату, вторая рассчитывала на более гуманное по форме и содержанию урегулирование взаимоотношений с настолько меньшими меня существами, третья, наиболее мудрая, полагала, что этим малюткам пальца в рот не клади. И вот я ждал, какое же впечатление произведут мои упражнения в открывании дверей на чрезвычайного и полномочного представителя развеселых конокрадов.

Вскоре он вернулся, причем обошел меня, плотно прижавшись к противоположной стенке.

— Отдайте ему коня.

По залу пробежал шепоток. Я опустил меч.

— Приношу свои извинения, — продолжал седой исполин. — Мы не хотим ссориться с подобными тебе. Поищем провиант где-нибудь еще. Надеюсь, ты не обижен?

Человечек в кожаном фартуке отвязал Стара и повел жеребца ко мне; участники грубо прерванного пиршества расступились, давая ему проход.

— Покончим с дрязгами, забудем и простим, — вздохнул я.

Коротышка схватил с ближайшего стола кружку и протянул ее мне. Узрев на моей физиономии не совсем полное доверие, он отхлебнул сам.

— Ну так что, выпьешь с нами?

— Почему бы и нет?

Я аккуратно вылил себе в горло все содержимое посудины; гостеприимный патриарх маломерных ворюг сделал то же самое со своей, слегка срыгнул и ухмыльнулся:

— Для такого верзилы, как ты, это — на один глоток. Еще?

Эль — хороший, к тому же после сверхурочной ночной работы хотелось пить.

— Идет.

Ко мне подвели Стара.

— Накинь уздечку на этот крюк, — сказал патриарх, указывая на какую-то штучку, торчащую из стены на уровне моего колена. — Жеребец твой никуда не денется.

Я кивнул и так и сделал; мясник молча удалился. Больше на меня никто не смотрел. Принесли кувшин, человечек снова наполнил кружки. Один из скрипачей завел новую мелодию, секундой позднее к нему присоединился другой.

— Посиди немного, отдохни, — предложил хозяин, ногой пододвинув мне скамейку. — Оставайся, если хочешь, спиной к стене, но только бояться, правду говоря, нечего — ребята у нас мирные.

Я устроился на скамейке, а он обогнул стол и сел напротив; кувшин стоял между нами. Как хорошо посидеть немного, ненадолго забыть о своем путешествии, выпить темного эля и послушать веселый мотив.

— Я не стану по десятому разу извиняться или что-то там объяснять, — сказал хозяин. — Мы оба знаем, что произошло недоразумение. Однако, как нетрудно видеть, право на твоей стороне. — Он ухмыльнулся и подмигнул: — Так что я тоже хотел бы покончить с дрязгами. Мы не оголодаем, просто сегодня не будет пирушки. Красивый у тебя камень. Не расскажешь, что это такое?

Я равнодушно пожал плечами:

— Камень себе и камень.

Танцы возобновились, голоса зазвучали громче. Я допил эль, и мою кружку снова наполнили. Над костром колыхались языки огня. Ночной холод понемногу покидал мои далеко уже не юные кости.

— Уютное тут у вас местечко, — заметил я.

— Очень. Сколько мы здесь живем — и не упомнить. Хочешь совершить экскурсию?

— Нет, спасибо.

— Да я и не думал, что ты согласишься, просто предложить — долг хозяина. Кстати, если хочешь, можешь потанцевать.

Я покачал головой и засмеялся. Мысль о том, как я буду отплясывать в этой компании, приводила на ум бессмертную книгу Свифта*.

— Спасибо за предложение.

Патриарх достал глиняную трубку и стал ее набивать; я вычистил и набил свою. Опасность, казалось, прошла. Мой собеседник — тип, похоже, честный и открытый, а остальные с их музыкой и топтанием — и совсем безобидные.

И все же... На ум приходили сказки какого-то далекого-далекого места... Просыпаешься утром в поле, голый, никаких следов пещеры*...

Приходить-то приходили...

Пара кружек — это пустяки, ровно ничего опасного, они уютно меня согрели, а взвизги волынки и торопливое пиликанье скрипок — хоть какое, да развлечение после душу выматывающей скачки по Теням. Я прислонился спиной к стене и выпустил круглый клуб дыма. Я смотрел на танцующих.

Человечек все говорил, говорил. Все остальные не обращали на меня никакого внимания. Хорошо. Он рассказывал фантастические истории о рыцарях, войнах и сокровищах. Я слушал вполуха, но все равно треп этот приятно меня убаюкивал, пару раз я даже хмыкнул...

Однако откуда-то изнутри мое более мудрое циничное «я» постоянно предупреждало: «Ладно, Корвин, хорошенького понемножку. Пора рвать когти...»

Но каждый раз как-то так выходило, что кружка моя снова оказывалась полной. Я снова брал ее со стола и снова пил. Ну, еще одну, уж одна-то кружка мне ничего...

«Нет, — говорило мое второе ушлое «я», — он заколдовывает тебя. Ты что, ни хрена не чувствуешь?»

А и чувствовать тут нечего, виданное ли дело, чтобы такой вот замухрышка меня перепил? Правда, с другой стороны, я сейчас как выжатый лимон, да и не ел сегодня почти ничего. А потому было бы благоразумнее...

Я обнаружил, что клюю носом. Я положил трубку на стол. Я часто моргал, и каждый раз глаза мои открывались со все большим и большим трудом. Мне было тепло и хорошо, мои исстрадавшиеся мышцы ощущали блаженное онемение.

Я дважды клюнул носом. Я попытался напомнить себе о жизненно важной миссии, о личной своей безопасности, о Старе... Я что-то такое бубнил — за моими слипшимися веками все еще сохранялся слабенький проблеск сознания. Хорошо бы все-таки посидеть вот так еще полминутки...

Мелодичный голос хозяина стал монотонным, перешел в невнятное бормотание. Что он там такое плел, не имело никакого зна...

Стар громко заржал.

Я рывком поднял голову, затем сел прямо и глупо вытаращился. Зрелище, представшее моим глазам, мигом смахнуло весь сон.

Музыканты продолжали играть, но никто уже не танцевал. Все эти веселые, безобидные ребята дружно и без суеты двигались на меня. Каждый из них запасся тем или иным предметом — кто бутылкой, кто дубинкой, а кто и колюще-режущим оружием. Тот, в кожаном фартуке, мясник, держал наготове топор. Мой дружок-приятель схватился за длинную увесистую палку, невинно стоявшую перед этим у стены. Некоторые оригиналы решили употребить не по назначению предметы меблировки — те, что поменьше: табуретки, скамейки и так далее. А из лазов возле костра выбирались новые когорты отважных бойцов, кто с дубинкой, кто с булыжником. Все веселье куда-то улетучилось, лица героев либо кривились от ненависти, либо гаденько ухмылялись, либо не выражали вообще ничего.

И тут вернулся мой гнев. Правда, он малость поувял, не пылал прежним яростным пламенем праведного отмщения. Мне совсем не хотелось драться со всей этой кодлой. Разум смягчил мои чувства: у меня есть миссия, мне совсем не обязательно рисковать головой, если можно уладить дело по-хорошему. Но я прекрасно понимал, что одних разговоров теперь не хватит.

Я глубоко вздохнул. Они уже собрались броситься на меня, и тут неожиданно я вспомнил Брэнда и Бенедикта в Тир-на Ног'тхе — а ведь Брэнд не был даже толком настроен на Камень. Я снова обратился к огненному сокровищу за силой — вдруг, паче чаяния, придется драться. Но сперва я врежу им по нервам.

Я не знал толком, как это делал Брэнд, и без лишних хитростей протянулся через Камень, будто управляя погодой. Странно сказать, но музыка все еще играла, словно теперешние действия карликов были просто неким кровожадным продолжением невинного танца.

— Замрите, — сказал я вслух, вставая и вкладывая в приказ всю силу желания. — Застыньте. Превратитесь в статуи. Все до одного.

В моей груди отдавались тяжелые ритмичные удары. Красные силы рванулись наружу, в точности так же, как и раньше, когда я использовал Камень.

Малогабаритные бандиты и вправду замерли. Ближайшие стояли как каменные, и только в дальних рядах продолжалось угрюмое копошение. Дико взвизгнула и стихла волынка, ее примеру последовали скрипки. И по сей день осталось тайной, я это до них добрался или музыканты сами бросили играть, увидев, как я встаю.

Я чувствовал, как накатывающиеся от меня волны заливают собравшихся, застывают невидимой, все туже сжимающейся матрицей. Влипли ребята, как мухи в мед. Как мошки — в янтарь. Я безбоязненно наклонился и отвязал Стара.

Я вел жеребца к выходу, ни на секунду не забывая о недавних его похитителях. Чтобы удержать их, требовалось усилие ничуть не меньшее, чем для прогулок по Теням. Окинув напоследок немую сцену взглядом, я подтолкнул Стара к лестнице и, поднимаясь следом за ним, все время прислушивался, но снизу не доносилось ни звука.

Когда мы вышли на вольный воздух, восток уже занялся зарей. Забравшись в седло, я, к своему удивлению, вновь услышал отдаленные звуки скрипок; мгновение спустя к ним присоединилась и волынка. Похоже, этим ребятам ровным счетом плевать, удалось им покушение на меня или нет: деньги уплочены — будем развлекаться.

Когда я повернулся к югу, из дверного проема, лишившегося за эту ночь двери, меня окликнул до боли знакомый голос. Это был тот самый патриарх, мой собутыльник. Я натянул поводья, чтобы лучше его слышать.

— Куда ты держишь путь? — торжественно вопросил он.

Почему бы и нет?

— Туда, где кончается Земля! — крикнул я в ответ.

Странно было видеть, с какой живостью убеленный сединой муж пустился в пляс.

— Доброго тебе пути, Корвин!

Я помахал ему рукой. Действительно, почему бы и нет? Порою очень трудно отделить танец от танцующего.

VI

На юг, на юг... А где он, этот юг?

Не успел я проехать и километра, как все остановилось — и земля, и небо, и горы; передо мной висело грозное полотнище белого света. Тут-то я и попомнил сказанное тем, прятавшимся в моей пещере. Он подозревал, что эта гроза стирает мир — в строгом соответствии с предписаниями местной апокалиптической легенды. Так оно, возможно, и есть. Возможно, я вижу сейчас ту самую волну Хаоса, о которой говорил Брэнд. Идет она себе и идет, все на своем пути коверкает и уничтожает. Только почему же тогда наш конец долины сохранился нетронутым? С чего бы ему такая милость?

Затем я припомнил свои действия, последовавшие за неосмотрительным выбеганием под дождь. Я остановил грозу и использовал для этого Камень, власть

сокрытого в нем Огненного Пути. Ну а если эта гроза была не обыкновенной грозой, а чем-то большим? В прошлом Огненному Пути случалось уже одолевать силы Хаоса — и не раз, и не два. Не вышло ли так, что эта долина, которую я укрыл от грозы, стала крохотным островком в бушующем океане Хаоса? А если да — куда же мне теперь ехать?

Я взглянул на восток. По не совсем понятным причинам сегодня в роли светила, пробуждающего мир к радостям и печалям нового дня, выступало не тривиальное солнце, а внушительных размеров корона, начищенная до ослепительного блеска и пронзенная сверкающим мечом. Откуда-то донеслось птичье пение, очень похожее на издевательский хохот; я спрятал лицо в ладони. Безумие...

Нет! Видел я подобное, бывал в странных Тенях. И чем дальше забираешься, тем более странными они становятся. Пока не... что я думал той ночью в Тир-на Ног'тхе?

И тут же в мозгу услужливо всплыли две фразы из Исаака Динесена* — фразы, очень взволновавшие тогда Карла Кори, иначе говоря — меня.

«...Весь мир — плод моего воображения; редкий человек может, положив руку на сердце, сказать, что он абсолютно чужд этой вере. Ну и что, довольны мы своей работой? Имеем основания для гордости?»

Краткое резюме любимых философских размышлений нашей семейки. Сами ли мы создаем отраженные миры? Или миры эти существуют независимо ни от кого и только с нетерпением ждут нас в гости? Или наличествует некий третий вариант, некое несправедливо исключенное третье? Может быть, вопрос нужно решать в терминах «больше-меньше», а не «или-или»?

Я невесело хмыкнул, неожиданно осознав, что скорее всего никогда не загляну в конец задачника, не узнаю точного ответа. И все же, как я думал и той ночью, есть некое место, где кончается «Я», место, где солипсизм перестает быть разумным объяснением миров, посещенных нами, вещей, которые мы в этих мирах находим. Существование этого места, этих вещей очевидным образом говорит, что уж там-то, по крайней мере, существует различие между реальностью и фантазией. А если различие существует там, вполне возможно, что оно распространяется и дальше, пронизывает наши отражения, наполняет их реальностью, оттесняет нас на край сцены, переводит нас с первых ролей в рядовые статисты. Ибо я чувствовал, что нахожусь сейчас именно в таком месте, в месте, к которому вряд ли применим вопрос: «Ну и что, доволен ты своей работой? Имеешь основания для гордости?» Вопрос, прямо относящийся к моему проклятию, к уродливому шраму на теле Гарнатха, да и вообще ко всему, что поближе к дому. Вне зависимости от высших философских соображений я чувствовал, что стою на пороге страны полного отрицания «Я». И что за этим порогом вся моя власть над отражениями-Тенями может сойти на нет.

Я выпрямился в седле и посмотрел, прищурившись, на призрачное сияние. Затем прошептал на ухо Стару пару ободряющих слов и тронул поводья. Мы двинулись вперед.

В первый момент почудилось, будто меня обступила полоса тумана, только этот туман ослепительно сверкал и в нем стояла глухая, ватная тишина. А потом оказалось, что мы падаем.

Падаем. Или плывем. Разобраться было не просто, особенно после начального потрясения. В первые секунды мы вроде бы двигались вниз — ощущение,

усиленное паническим страхом Стара. Однако бешено взбрыкивавшие ноги не находили опоры, так что мало-помалу жеребец успокоился, лишь тяжело дышал да иногда вздрагивал.

Правая моя рука сжимала поводья, левая же мертвой хваткой вцепилась в Камень. Не знаю точно, на чем я сосредоточил волю и куда ее направлял, мне просто хотелось пройти сквозь это сверкающее ничто, хотелось снова найти дорогу, продолжить свою миссию, довести ее до конца.

Я утратил счет времени. Ощущение спуска исчезло. Двигался я или просто оставался на месте? Было ли это сияние сиянием? А оглушительная тишина... Я поневоле вздрогнул. Большего сенсорного голодания я не испытывал даже в той камере, в давние дни моей слепоты. Здесь не было ни звуков крысиной возни, ни опасного скрежета моей ложки по двери, ни сырости, ни холода, ни стен, которые можно пощупать, не было ничего. Я тянулся в это ничто со всей силой отчаяния...

Проблеск.

Сперва вроде бы прорыв визуального поля, прорыв на мельчайшую долю секунды, почти неопределяемый. Я потянулся направо — и не почувствовал ничего.

Собственно говоря, я не имел ни малейшей уверенности, было там что-нибудь или не было. Может, у меня просто начинаются галлюцинации.

А затем это повторилось, только теперь слева.

Сколько времени прошло в промежутке? Не знаю.

Далее я услышал нечто вроде стона. Стон доносился неизвестно откуда, словно со всех сторон сразу, и стих, едва возникнув.

И наконец — вот тут-то я впервые не усомнился в реальности видения — глазам моим предстал унылый серо-белый пейзаж, нечто вроде лунной поверхности. Окошко было крохотным, располагалось на самом краю поля зрения, слева, да и открылось оно на какую-то секунду, не больше. Стар всхрапнул.

Сперва появился серо-белый лес, сильно скособоченный; можно было подумать, что мы проезжаем мимо него под каким-то диким углом. Изображение крохотное, тусклое, но на этот раз оно держалось подольше, секунды две.

Внизу, прямо под ногами, — часть какого-то горящего здания. Здание черно-серое, огонь — серый.

Сверху — обрывки криков и воя...

Темно-серая, призрачная гора; по ближнему ее склону, по серпантинной дороге поднимается факельная процессия...

Женщина, висящая на древесном суку, шея захлестнута туго натянутой веревкой, голова неестественно свернута, руки связаны за спиной...

Горы вверх тормашками, внизу проплывают черно-белые облака.

Щелчок.

Легкая дрожь, словно мы на мгновение соприкоснулись с чем-то осязаемым — ну, может, копыта Стара царапнули о камень. И снова тишина...

Проблеск.

Головы, сочащиеся темной кровью, катятся по земле... Короткий, неизвестно откуда долетевший хохот... Мужчина, прибитый гвоздями к стене. Вверх ногами...

Снова белое сияние, вздымающееся и опадающее, как морские валы...

Щелчок. Проблеск.

Одну — не больше — секунду над головой висело черно-белое, как гравюра, небо, копыта Стара касались каменной тропы. Затем этот жалкий пейзаж исчез, и я — через Камень — бросился за ним следом, чтобы найти, вернуть.

Щелчок. Проблеск. Щелчок. Грохот.

Каменистая тропа круто карабкается по склону, впереди перевал... Монохромный, как и прежде, мир... За спиной — не то раскаты грома, не то...

Мир начал бледнеть, теряться в тумане. Я крутил Камень, как ручку фокусировки. Мир вернулся... Два, три, четыре — я считал удары сердца, удары копыт, почти заглушенные громом... Семь, восемь, девять... Мир становился ярче и ярче. Я глубоко вдохнул холодный, пронзительный воздух.

За громом и гулкими раскатами эха донесся мерный шелест дождя. На меня не падало ни капли.

Я оглянулся.

В сотне метров за моей спиной стоял дождь. Ровная, сплошная стена, почти непрозрачная — только пристально вглядевшись, я сумел различить смутные очертания ближайших гор.

Я прищелкнул языком, и Стар пошел резвее. Вскоре мы выбрались на почти ровный участок тропы, проходивший между двух вершин — вылитые средневековые башни. Черно-белый мир напоминал рисунок углем, в низко нависшем небе чередовались полосы тьмы и света. Мы поднялись на перевал.

Меня била дрожь. Я хотел натянуть поводья, спешиться, поесть, попить, покурить, отдохнуть, да просто размять ноги. Однако близость зловещей грозы не позволяла расслабиться.

Копыта Стара мерно стучали по камням, в узком ущелье, зажатом между двумя скалистыми кручами, разносилось гулкое эхо, над головой все так же висела шкура небесной зебры. А вдруг эти горы задержат грозовой фронт? Хорошо бы, но как-то мало верится. Гроза ничем не походила на обычную; не знаю уж почему, но я ощущал тошнотворную уверенность, что она растянулась до самого Амбера и что если бы не Камень, я увяз бы в ней и пропал навеки.

С нелепого неба повалил снег. Нет, не совсем снег, даже совсем не снег, а мелкие бледные цветы; они падали и падали, покрывая камни толстым пушистым ковром. Теперь цокот копыт звучал мягко, приглушенно, а в воздухе повис приятный, чуть сладковатый запах. Приутих и гром, угрожающе ударивший за спиной, на неприступных стенах и слева, и справа повисли косые серебристые полосы. Весь этот мир пронизывало странное, сумеречное — под стать освещению — чувство.

Подъехав к выходу из ущелья, я увидел внизу, то ли близко, то ли далеко — какие-то фокусы перспективы не позволяли определить расстояние — долину, сразу воскресившую в воспоминаниях ту ночь в Тир-на Ног'тхе. В неярком, похожем на лунный, свете полосатого неба тускло поблескивали естественного, скорее всего, происхождения шпили и минареты, перемежавшиеся купами серебристых деревьев и зеркально гладкими озерцами; медленно плыли по ветру рваные клочья тумана... Или облаков? Трудно провести различие, в горах это почти одно и то же. В некоторых местах на пологих волнистых склонах долины виднелись террасы, наводившие мысль о вмешательстве руки человека, кое-где мерцали и искрились крошечные, непонятного смысла и происхождения огоньки, слабо, словно пунктиром, проглядывала тропа — та са-

мая, по которой двигались мы со Старом. И, сколько можно было верить глазу, ни души.

Окинув элегическую долину взглядом, я не стал тратить времени на размышления и тронул поводья. Копыта моего жеребца осторожно ступали по белесому, словно кость, грунту, слева же — или я ошибся? — неясно проступало нечто вроде тонкой, карандашом проведенной линии. Черная дорога? Скорее всего — да.

Мне хватало совести не понукать утомившегося за долгий путь Стара. Если гроза не настигнет нас слишком быстро, можно будет сделать внизу привал, отдохнуть на берегу какого-нибудь озера — я ведь и сам устал и проголодался.

Я внимательно оглядывал тропу и прилежащие к ней части склона, однако так и не заметил ни животных, ни каких-либо следов человека. Примерно на половине спуска появилась растительность. Тихо вздыхающий ветер шевелил лианы, густо усыпанные белыми цветами. Оглянувшись назад, я с радостью убедился, что грозовой фронт все еще не перевалил через горы; облака, собиравшиеся на горизонте, не представляли близкой опасности.

Мало-помалу мы спустились в эту странную местность. В воздухе стоял тонкий аромат цветов, давно уже переставших падать с неба. Уши мои не улавливали никаких звуков, кроме производимых нами со Старом да тихого нашептывания ветра. Тропу обступали скалы; с трудом верилось, что причудливые их формы созданы природой, а не резцом ваятеля. Неспешно проплывали призрачно-бледные клочья тумана, влажно поблескивала трава.

Деревья, которые я видел сверху, росли по большей части в середине долины. На всем нашем пути к этой рощице перспектива продолжала вести себя необычно — расстояния то сжимались, то вытягивались, прямые линии неожиданно становились изогнутыми. Озеро, к которому я свернул, тут же стало убегать, уменьшаться в размерах. В конце концов я его догнал, спрыгнул с седла и осторожно попробовал воду — после таких фокусов можно было ожидать чего угодно. К счастью, все мои опасения оказались излишними — до ломоты в зубах холодная вода оказалась пресной, нормальной на вкус.

Я достал из седельного мешка съестные припасы, отпустил коня щипать траву, напился вдосталь, устало плюхнулся на землю и начал жевать. Гроза все еще силилась прорваться через зубчатую стену гор. И что же все-таки она такое, эта гроза? Если отца постигла неудача, я слышу сейчас не отдаленные раскаты вполне тривиального грома, а грохот Армагеддона*, миссия моя утратила всякий смысл и ее смело можно сворачивать. Я знал, что пойду до конца, что бы там ни случилось, а значит, все мои сомнения не только неприятны, но и совершенно бесполезны — и все же я не мог от них удержаться. Ну доберусь я до места, ну выиграю битву — только затем, чтобы вскоре увидеть, как все будет сметено. Все зря... Нет, совсем не зря. Я исчезну с сознанием, что боролся, боролся до самого конца. И одно уже это оправдывает все мои усилия — что бы там ни случилось с миром. Проклятый Брэнд! Для начала...

Шаги.

Я вскочил, развернулся в направлении звука, принял боевую стойку и схватился за эфес — все это в одно мгновение.

Передо мной стояла невысокая, одетая в белое женщина. У нее были длинные черные волосы, черные же чуть диковатые глаза и ослепительная улыбка. Она опустила к моим ногам корзину.

— Ты голоден, о странствующий рыцарь! — Женщина говорила на тари, с незнакомым мне акцентом. — Я увидела, как ты пришел. Я принесла тебе это.

Я улыбнулся и принял более учтивую позу.

— Благодарю. Я действительно голоден. Меня зовут Корвин, а тебя?

— Дева.

Я скептически вскинул бровь:

— Благодарю тебя... Дева. Твой дом в этих местах?

Женщина кивнула, присела и стала развязывать корзинку.

— Да, мой шатер расположен чуть дальше, у самого озера.

Она мотнула головой в восточном направлении — в сторону Черной дороги.

— Понятно, — сказал я.

Пища и вино, принесенные нежданной благодетельницей, выглядели вполне убедительно — все свежее, аппетитное, куда там моему сухому пайку. Из чего совсем еще не следовало, что их можно есть без неприятных для себя последствий.

— Ты не откажешься разделить мою трапезу? — галантно предложил я даме.

— Если ты того хочешь.

— Я того хочу.

— Хорошо.

Женщина расстелила скатерть, села напротив меня, извлекла припасы из корзины и аккуратно их разложила. Затем быстро, по-деловому перепробовала все блюда и напитки. Я чувствовал себя малость паскудно — но только малость. Женщина, хрупкая и беззащитная, поселилась в такой вот странной, мягко говоря, местности, живет тут, по всей видимости, одна, денно и нощно глядя на дорогу, чтобы накормить-напоить первого попавшегося путника. Очень правдоподобная история, кому расскажи — засмеют. Дара вон тоже накормила меня при первой нашей встрече, теперь же я приближаюсь к концу пути, а значит — и к источнику вражьей силы. Да и Черная дорога тут близко, прямо под рукой. И к Камню эта самая Дева очень неравнодушна — нет-нет да и взглянет.

Но в целом обстановка за нашим столом была легкая и непринужденная. Дева оказалась идеальной собеседницей, иначе говоря — охотно слушала все мои разглагольствования, смеялась каждой моей шутке. Она почти все время смотрела мне в глаза, и как-то уж так выходило, что каждый раз, когда мы что-нибудь друг другу передавали, наши пальцы соприкасались. Если у Девы и было что-нибудь такое на уме, она осуществляла свои злостные намерения максимально приятным образом.

Пока мы пили, ели и говорили, я не забывал следить за неумолимо приближающимся грозовым фронтом. В конце концов он перевалил через хребет и начал медленно спускаться по склону.

Убирая остатки трапезы, Дева заметила направление моего взгляда и понимающе кивнула.

— Да, он идет. — Гостеприимная фея черно-белой долины попрятала все свое хозяйство, кроме бутылки и двух кубков, в корзину и села рядом со мной. — Выпьем за него?

— Я выпью с тобой, но только не за эту штуку.

— Как хочешь. — Она протянула мне наполненный кубок. — Все это давно утратило смысл.

Дева улыбнулась и тронула край моего кубка своим. Мы осушили кубки до дна.

— А теперь, — сказала она, беря меня за руку, — идем в мой шатер, ничто не мешает нам приятно провести оставшиеся часы.

— Благодарю, — поклонился я. — При иных обстоятельствах подобное времяпрепровождение было бы в высшей степени изысканным десертом, вполне соответствующим великолепию обеда. Однако, к крайнему моему сожалению, сейчас мне надо спешить. Долг гонит, время поджимает. Я не могу забывать о своей миссии.

— Ладно, — пожала плечами Дева, — не хочешь — как хочешь, это не имеет особого значения. А про миссию твою я прекрасно знаю. Она тоже не имеет теперь особого значения.

— О? По правде говоря, я все время ждал, когда же ты пригласишь меня поразвлечься вдвоем. Прими я твое приглашение, оказался бы вскоре на каком-нибудь холодном склоне холма, один-одинешенек, бледный и унылый.

Дева звонко расхохоталась:

— Тогда уж и я, Корвин, признаюсь, что все твои подозрения справедливы. Именно это я и хотела с тобой сделать. А теперь — не хочу.

— С чего бы вдруг?

Она указала на неумолимо надвигающуюся линию распада:

— Теперь нет никакой необходимости тебя задерживать. Вот оно, очевидное доказательство полной победы Дворов. Победную поступь Хаоса не остановит уже ничто и никто.

Я непроизвольно поежился. Дева снова взялась за бутылку.

— И все же я бы предпочла, чтобы ты не покидал меня в такой момент, — продолжала она, подавая мне наполненный кубок. — Он доберется сюда в считанные часы. Не лучше ли нам провести это последнее время, после которого вообще не будет времени, в дружеском общении? Можно даже не ходить в мой павильон.

Она тесно прильнула ко мне, я же понурил голову. А почему бы и нет, черт побери? Женщина и бутылка — не ты ли, помнится, говорил, что именно в такой компании и хотел бы встретить свой конец? И вино вот у нее — тут я сделал основательный глоток, — очень даже приличное. Да, вполне возможно, что она и права. И все же из ума не шла женщина, окрутившая меня на Черной дороге, — тогда еще, когда я покидал Авалон. Сперва я бросился ей на помощь, затем быстренько капитулировал перед ее сверхъестественным очарованием, а в конечном счете, когда маска была снята, увидел, что за этой маской нет ничего — абсолютно ничего. Жутковатое, должен вам признаться, впечатление. Но, извините уж за несвоевременную глубокомысленность, каждый из нас имеет обширнейший гардероб обличий, употребляемых в зависимости от обстоятельств. Базарные психологи год за годом гундосят про эти «я-для-других», и какая это гадость, и что нужно быть самим собой. Самим собой? Сколько раз попадались мне в жизни люди, очень даже привлекательные на первый взгляд, люди, которых я начинал люто ненавидеть, чуть копнувши их нутро. А иногда они вообще оказывались вроде этой псевдоженщины — безо всякого нутра, копай не копай. Сколько раз оказывалось, что маска значительно симпатичнее прячущегося под ней лица. А если так... Вполне возможно, что вот эта девушка, которую я успел нежно обнять за плечики, и не девушка никакая вовсе, а чудовище. Скорее всего именно так оно и есть. Ну а мы-то, все остальные — разве

нет? Если уж сдаваться, есть гораздо менее приятные пути... По крайней мере, девушка мне нравилась.

Заметив, что я успел уже опустошить свой кубок, леди услужливо потянулась за бутылкой. Я мягко остановил ее руку.

Она вопросительно вскинула глаза. Я печально улыбнулся:

— А ведь ты почти меня убедила.

И я безумные глаза закрыл, целуя*. А потом вскочил в седло.

— Прощай, Дева.

Гроза сползала в долину, я уходил от нее на юг. Впереди виднелись горы, тропа вела прямо к ним. Небо так и осталось черно-белым, полосатым, полосы эти вроде как немного дрожали. В целом освещение напоминало то ли утренние, то ли вечерние сумерки — хотя звезд на небе, даже на черных его участках, не было ни одной. Все тот же ветерок, все тот же неотвязный аромат — и тишина, и перекрученные скальные столбы, и серебристая листва, все еще поблескивающая каплями росы. Рваные клочья тумана. Я попытался внести изменения в природу этой Тени, но материал попался трудный, а я, несмотря на долгий привал, чуть не валился из седла от усталости. Так что ничего не вышло.

Я извлек силу из Камня и попытался поделиться ею со Старом. Жеребец шел ровной, неторопливой трусцой, пока тропа не полезла вверх; теперь началось изнурительное карабканье к новому перевалу, более дикому и неприветливому, чем тот, которым мы проникли в долину. Я придержал Стара и обернулся: мерцающая завеса неумолимо надвигающейся грозы закрыла уже добрую треть долины. Как там Дева со своим озером?* Я покачал головой и продолжил путь.

На подступах к перевалу тропа стала заметно круче; теперь мы не ехали, а едва ползли. Вверху, над головой, небесные молочные реки приобрели красноватый оттенок, становившийся все ярче по мере нашего продвижения. К тому времени, как мы достигли входа на перевал, весь мир словно окрасился кровью. В широком, заваленном разнокалиберными валунами ущелье на нас накинулся сильный, до костей пронизывающий ветер; чтобы удержаться в седле, пришлось навалиться на ветер грудью. Каждый шаг давался Стару с огромным трудом, тем более что подъем, хотя теперь и пологий, продолжался; я все еще не мог различить, что ожидает нас за перевалом.

Резкий щелчок, донесшийся откуда-то слева, не вызвал у меня ни тревоги, ни подозрений — я просто оглянулся на звук, ничего не увидел, решил, что это громыхнул упавший сверху камень, и тут же забыл о случившемся. Однако Стар взбрыкнул, испустил громкое жалобное ржание, резко свернул вправо и стал заваливаться на левый бок.

Я успел выпрыгнуть из седла и тут же увидел стрелу, торчавшую из тела лошади, чуть позади и пониже правой лопатки. Ударившись о камни, я несколько раз перекатился и затем взглянул вверх, в ту сторону, где должен был находиться противник.

Справа от тропы, на невысоком, метров в десять, уступе стоял человек с арбалетом. Он торопливо крутил ручку своего оружия, готовясь к новому выстрелу.

Я понимал, что не сумею добраться до него достаточно быстро, не успею его остановить, а потому начал искать глазами подходящий камень. Обнаружив позади себя, у подножия высокой скалы, булыжник, и формами, и размерами на-

поминающий бейсбольный мяч, я поднял его и взвесил в руке, молясь всем богам и святым, чтобы ярость моя не повлияла на точность броска. На точность она не повлияла, зато придала этому броску дополнительную силу.

Камень попал человеку в левую руку; он издал отчаянный крик и уронил оружие. Арбалет прогромыхал по камням и остановил свое движение на правой стороне тропы, прямо напротив меня.

— Сволочь! — заорал я во весь голос. — Ты убил моего коня! Да я с тебя голову за это сниму!

Бегом пересекая тропу, я искал способ подняться вверх, на уступ. Подходящий путь обнаружился слева; я поспешил к нему и начал карабкаться по не очень крутой скальной стене. И в тот же почти момент я сумел, благодаря близости и новому углу зрения, рассмотреть этого человека, согнувшегося от боли чуть не пополам и растиравшего ушибленную руку. В кровавом свете, лившемся с неба, рыжие волосы Брэнда казались почти алыми.

— Ну, Брэнд, — сказал я, — жаль, что тебя давным-давно не убили.

Брэнд выпрямился и некоторое время наблюдал, как я лезу по этой стене. Он даже не потянулся к своей шпаге. В тот самый момент, когда я выбрался на уступ метрах в семи от него, он скрестил руки на груди и опустил голову.

Я обнажил Грейсвандир и двинулся вперед, готовый — признаюсь в этом без всяких угрызений совести — убить своего драгоценного братца хоть в этой, хоть в любой другой позе. Красный свет сгустился, мы словно уже купались в крови. Дико завывал ветер, из долины, недавно мною покинутой, доносились пушечные залпы грома.

...Брэнд тихо испарился, прямо у меня на глазах. Его контуры начали бледнеть, расплываться; в два прыжка преодолев разделяющее нас расстояние, я не обнаружил ничего, кроме пустого места.

Мгновение я стоял, ругаясь последними словами и припоминая слухи, что этот тип сумел каким-то образом превратить себя в живую карту и теперь способен почти мгновенно перемещаться в любое место.

Какой-то шум, вроде бы на тропе...

Я бросился к краю уступа и посмотрел вниз. Стар продолжал биться в судорогах, шерсть на боку жеребца насквозь пропиталась кровью; от этого зрелища сердце мое болезненно сжалось. Но я увидел и нечто похуже.

Внизу был Брэнд. Он уже подобрал свой арбалет и снова готовил его к выстрелу.

Я начал отчаянно высматривать камень, однако ничего подходящего под рукой не оказалось. Затем я увидел небольшой валун, лежавший чуть поодаль, в том направлении, откуда я пришел. Я сунул Грейсвандир в ножны, бросился к валуну и поднял его. Увесистая штука, размером с хороший арбуз. Прижимая новообретенное оружие к животу, я вернулся к краю уступа и осторожно заглянул вниз.

Брэнд снова исчез.

И тут я почувствовал себя голым, беспомощным, беззащитным. Мой рыжий родственничек мог переместиться в любую, самую выгодную точку; заложил, наверное, стрелу и целится в меня, прямо вот сейчас, прямо в этот момент.

Я плюхнулся наземь, навалившись животом на свой камень. Мгновение спустя где-то справа звонко щелкнула стрела, затем последовал самодовольный хохоток Брэнда.

Теперь ему потребуется какое-то время на взвод арбалета и перезарядку; я встал во весь рост. Поискав глазами в направлении, откуда донесся смех, я обнаружил Брэнда метрах в двадцати от себя и метрах пяти над собой — на скальной полке, прорезавшей противоположную стенку ущелья.

— Ты уж извини за коня, — сказал он, не прекращая крутить ручку. — Я целился в тебя, а проклятый ветер...

К этому времени я обнаружил нечто вроде укрытия и бросился туда со всех ног, прихватив с собою драгоценный булыжник, дабы использовать его в роли щита. Забившись в узкую, клинообразную трещину, я смотрел, как Брэнд неторопливо закладывает стрелу.

— Непростой выстрел, ох, непростой, — сказал он, поднося оружие к плечу. — Суровое испытание моего мастерства. Так ведь дело стоит, а стрел у меня достаточно.

Он весело хмыкнул, тщательно прицелился и выстрелил.

Я низко согнулся, прижимая валун к животу, но стрела звякнула футах в двух правее трещины.

— Вот чувствовал я, что промажу, — вздохнул он, в очередной раз взводя арбалет. — Ну что ж, нужно же когда-то научиться вносить поправку на ветер.

Я еще раз оглядел уступ, выискивая небольшие, пригодные для метания камни. Таковых в наличии не оказалось. И тогда я вспомнил о Камне. Ведь он, считается, должен спасать меня чуть не от любой опасности!

Спасать-то спасать, но некое чувство подсказывало мне, что способность Камня имеет ограниченный и очень небольшой радиус действия и что Брэнд знает об этом печальном обстоятельстве и пользуется им прямо сейчас. И все-таки... Неужели нельзя применить Камень каким-нибудь другим, косвенным способом? Не швыряться же им, в конце концов?

Брэнд выбрал огневую позицию слишком далеко, фокус с параличом не получится, однако я могу управлять погодой и, помнится, очень даже удачно использовал это свое умение против того же Брэнда... Как там, интересно, наша гроза?

Я прощупал грозу и с сожалением убедился, что обрушить на рыжую башку моего братца гром небесный удастся не раньше чем через несколько минут — нужно сперва создать необходимые условия. А где они у меня, те минуты? Вот ветер — ветер совсем другое дело. Я тщательно прощупал воздух...

Брэнд почти изготовился к очередному выстрелу.

Ущелье наполнилось ревом урагана.

Даже и не знаю, куда попала эта стрела. Не в меня и не в ближайшие окрестности моей щели. Брэнд снова начал взводить арбалет. Тем временем я готовил условия для прицельного удара молнией...

Когда Брэнд покончил со своим скучным и утомительным занятием, когда он снова поднял арбалет, я снова поднял бурю. Он прицелился, задержал дыхание и... И опустил оружие, и посмотрел на меня.

— Послушай! — В его голосе звучала искренняя обида. — Ведь это ты поднял ветер, да! Жульничаешь, Корвин. Ну, ничего, — братец окинул взглядом ближайшие скалы, — ничего, я подберу себе место, где никакие твои фокусы мне не помешают. Ага!

Я продолжал подготовку операции «Гром небесный», но условия еще не созрели. Прямо над нашими головами в красно-черно-полосатом небе собиралось нечто вроде тучи. Скоро, очень скоро, вот только бы дожить...

Брэнд снова поблек и исчез; я снова начал дико озираться.

Через секунду все выяснилось. Он перебрался через ущелье и стоял теперь в десяти метрах южнее меня, спиной к ветру.

Я понимал, что не успею развернуть ветер. Швырнуть в него булыжник? Этот попрыгунчик попросту пригнется, а я лишусь своего щита. С другой стороны...

Он вскинул арбалет к плечу.

«Задержи его!» — отчаянно заорал мой собственный голос в моем мозгу, усердно работавшем над метеорологическими проблемами.

— Слушай, Брэнд! Прежде чем выстрелить, расскажи мне одну вещь, ладно?

Он чуть задумался, затем опустил ствол на несколько дюймов.

— Что именно?

— Так это что, правда, все, что ты мне рассказал про отца, Огненный Путь и пришествие Хаоса?

Брэнд откинул голову и произвел серию коротких лающих звуков. Это он так смеется.

— Корвин, ты не можешь себе представить, насколько мне приятно, что ты отправишься на тот свет в состоянии такой вот мучительной неизвестности.

Еще один — такой же благозвучный — хохоток, и оружие стало подниматься. Я напрягся, готовый швырнуть булыжник, чтобы затем прыгнуть на Брэнда, и будь что будет.

Ни один из нас не завершил своего действия.

Громкий, пронзительный крик откуда-то сверху, и тут же на рыжую голову моего братца обрушилось нечто, похожее на осколок красной, раскаленной полосы неба. Брэнд отчаянно заорал, уронил арбалет и схватился за голову, силясь освободиться от острых, как стилеты, когтей. Красная птица, порожденная отцовской рукой из моей крови, вернулась, чтобы встать на мою защиту.

Я выпустил из рук камень и бросился вперед, обнажая на пути Грейсвандир. Брэнд ударил птицу, та тяжело взмахнула крыльями, набрала высоту и пошла на боевой разворот, готовясь к новому пикированию. Мой несостоявшийся убийца закрыл голову и лицо руками, но не прежде, чем я заметил кровь, обильно хлеставшую из левой его глазницы.

Брэнд начал растворяться в воздухе, однако птичка сложила крылья, рухнула ему на голову и снова пустила в ход когти. А затем мой верный защитник тоже начал таять. Я успел еще увидеть, как бледный, полупрозрачный Брэнд тянется руками к своему кошмарному — тоже полупрозрачному — врагу, а тот долбит его клювом...

Все вышеописанное успело произойти, пока я преодолевал те самые десять метров. Когда я достиг поля битвы, там не было никого и ничего, кроме арбалета, который я разломал ногой.

Ну вот, и опять все в подвешенном состоянии, опять не видно конца! Сколько еще, спрашивается, будешь ты преследовать меня, о брат мой? Сколько еще должен я пройти, чтобы разобраться с тобой окончательно?

Я спустился на тропу. Стар еще не умер; пришлось завершить Брэндову работу. А не ошибся ли я в выборе профессии? Подобные сомнения одолевают меня все чаще и чаще.

VII

Миска сахарной ваты.

Я перевалил через горы и теперь созерцал раскинувшуюся внизу долину. По крайней мере, я полагал, что внизу раскинулась долина; сахарная вата, наполнявшая миску — то ли облака, то ли туман, — не позволяла видеть ровным счетом ничего.

В небе один из красных мазков помаленьку желтел, а другой — зеленел. Я немного приободрился — примерно так же вело себя небо в прошлый раз, когда меня занесло на край всего сущего.

Я вскинул мешок на спину и начал спускаться по тропе. Ветер постепенно стихал. Вдалеке погромыхивала гроза — та самая, от которой я убегал. А вот Брэнд, он-то куда делся? По какой-то не совсем ясной причине я был уверен, что не скоро увижу рыжего своего братца.

На полпути вниз, когда туман только-только начал подступать ко мне и окутывать мои ноги, я высмотрел какое-то дряхлое дерево и решил вырезать себе посох.

Расставаясь с одним из нижних сучьев, дерево громко взвизгнуло.

— Будь ты проклят! — проскрипело затем нечто вроде голоса из ствола.

— Ты — разумный? — удивился я. — Извини, пожалуйста.

— Я потратил на отращивание этой ветви чертову уйму времени. Хочешь ее сжечь?

— Нет, — ответил я. — Я хотел обзавестись посохом. Мне предстоит долгий путь, и все пешком.

— Через эту долину?

— Абсолютно верно.

— Подойди-ка поближе, чтобы я получше тебя ощутил. Есть в тебе какое-то такое сияние.

Я шагнул вперед.

— Оберон! — воскликнуло дерево. — Я понял по Камню.

— Нет, — покачал я головой, — не Оберон. Я всего лишь его сын. Ну а Камень — да, он на мне. Необходимая для моей миссии принадлежность.

— Тогда бери мою ветку, а вместе с ней — и мое благословение. Не раз и не два давал я твоему отцу сень и укрытие. Это же он меня, собственно, и посадил.

— Неужели? Чего только мой папаша в жизни своей не вытворял, но никогда не видел, чтобы он сажал деревья.

— Я — не какое-нибудь там обычное дерево. Он посадил меня здесь, чтобы отметить рубеж.

— Какой рубеж?

— Я — конец Порядка. Или Хаоса, это уж с какой стороны посмотреть. Я отмечаю раздел — за мной действуют совсем другие законы.

— Какие законы?

— Кто знает? Не я, это уж точно. Я — лишь произрастающая башня, мыслящая древесина. Но этот посох, мой сук, может сослужить тебе добрую службу. Высаженный в почву, он способен чудесным образом расцвести в любой стране и в любых климатических условиях. А может в общем-то и не расцвести. Кто знает? Но ты, сын Оберона, отнеси его все-таки в то место, куда лежит твой путь. Я чувствую приближение грозы. Прощай.

— Прощай, — сказал я. — Спасибо.

Я повернул и продолжил спуск. По мере того как туман сгущался, красноватый его оттенок бледнел, а затем и вовсе исчез. Я скептически покачал головой, вспоминая говорящее дерево, однако посох и вправду сослужил мне добрую службу, особенно на ближайшем участке: тропа была на редкость неровная и каменистая, а видимость — почти нулевая.

Затем немного прояснилось. Скалы, стоячий пруд, какие-то маленькие корявые деревья, сверху донизу облепленные мхом, запах гнили и запустения... Я поспешил дальше.

С вершины одного из деревьев на меня косилась черная птица. Она лениво взмахнула крыльями и полетела прямо ко мне. Недавние события заставляли меня относиться к птицам с некоторой настороженностью; мало удивительного, что я робко попятился, когда она стала кружить над моей головой. Но все завершилось благополучно — птица опустилась на тропу передо мной и начала критически изучать меня левым глазом.

— Да, — объявила она свое решение. — Ты — тот самый.

— Который «тот самый»? — поинтересовался я.

— Тот самый, кого я буду сопровождать. Ты ведь не возражаешь, чтобы за тобой следовал зловещий ворон, предвестник несчастий, верно, Корвин?

Пташка весело хихикнула и сплясала нечто вроде джиги.

— А если бы и возражал — как я могу тебе помешать? Да, кстати, откуда ты знаешь мое имя?

— Я жду тебя, Корвин, с начала Времен.

— Ну и как, не соскучился?

— Не так уж это и долго, в этом-то месте. Время есть то, что ты с ним делаешь.

Я двинулся дальше и миновал ворона, не останавливаясь и не оглядываясь. Секунду спустя он обогнал меня и опустился на камень, чуть правее тропы.

— Меня звать Хуги*, — представился он. — А ты, смотрю, прихватил с собой обломок старика Игга*.

— Игга?

— Этот старый надутый пень, который стоит у входа в долину и никому не разрешает посидеть на своих ветках. Вот уж, наверное, взвыл он, когда ты оттяпал у него кусок.

Звонкий, мелодичный смех Хуги абсолютно не вязался с его мрачной внешностью.

— Он весьма достойно смирился с утратой.

— Это он умеет!.. Да и что ему оставалось? Ну и какой тебе, спрашивается, с этой штуки толк?

— А вот такой! — Я замахнулся на разговорчивого пернатого.

Он испуганно перепорхнул на пару метров.

— Эй, ты что! Так не шутят!

Я расхохотался:

— А я думал — шутят.

И пошел дальше.

Долгое время я пробирался по какой-то болотистой местности. Иногда случайный порыв ветра относил туман в сторону; тогда я спешил, чтобы пройти побольше, пока просвет не затянулся. Порой до меня доносились обрывки музыки — медленной и торжественной, исполняемой на каких-то струнных инструментах. Я пытался определить, откуда раздается эта музыка, но не мог.

Вот так и хлюпал я по этой болотине, пока не услышал слева окрик:

— Чужестранец! Остановись и воззри на меня!

Я опасливо остановился. Воззришь тут, когда сквозь эту мерзость ничего не видно.

— Привет, — сказал я. — Где ты там?

В этот момент туман разошелся, и я разглядел огромную голову. Тело, которому принадлежала эта голова, — тоже, надо думать, огромное — по плечи ушло в трясину. Кожа на лысой, как колено, башке была молочно-белая и бугристая — нечто вроде грубо обработанного мрамора. Глаза располагались точно на уровне моих; по контрасту с мертвенной белизной лица они казались черными, как уголь.

— Ясно, — сказал я. — Ты тут немного влип. Руки-то высвободить можешь?

— Если сделаю могучее усилие.

— Ладно, давай-ка поищем что-нибудь твердое и надежное, чтобы ты мог ухватиться. Руки у тебя, наверное, длинные, так что дотянешься далеко.

— В этом нет необходимости.

— Ты что, не хочешь отсюда выбраться? А чего же тогда орал?

— Нет, не хочу. Я просто желал, чтобы ты на меня воззрел.

— Ну хорошо, — сказал я. — Вот я на тебя и воззрел.

— Ты чувствуешь, насколько тяжело мое положение?

— Нет, не очень — ведь ты и сам себе помочь не хочешь, и от помощи со стороны отказываешься.

— А что приобрету я, освободившись?

— Твоя загадка — сам ее и разгадывай.

Я повернулся с намерением уйти.

— Постой, о путник! Куда ты держишь путь?

— На юг, чтобы выступить в моралите*.

Вдруг из тумана вылетел Хуги, опустился на мраморную лысину, долбанул ее клювом и расхохотался:

— У тебя что, Корвин, времени слишком много? Нашел с кем разговаривать!

Огромные губы беззвучно проартикулировали мое имя. Затем голова снова заговорила:

— Что, действительно тот самый?

— Тот самый, — подтвердил Хуги.

— Послушай, Корвин! — В голосе ушедшего в трясину гиганта слышалась тревога. — Ты собираешься остановить Хаос, так ведь?

— Да.

— Не надо. Не стоит оно того. Я хочу, чтобы все кончилось. Я желаю освободиться из этого положения.

— Так я же предлагал тебе помощь.

— Мне нужно иное освобождение. Полный конец всего этого безобразия.

— Чего же проще, — пожал я плечами. — Нырни с головой и вдохни поглубже.

— Я стремлюсь не только к личному завершению, но и к завершению всей этой глупой игры.

— Полагаю, найдутся люди, которые предпочли бы принять по этому вопросу свое, самостоятельное решение.

— Пусть им тоже придет конец. Наступит время, они окажутся в таком же, как я, положении и будут чувствовать то же, что я сейчас.

— И перед ними будет стоять тот же самый выбор. Пока.

Я повернулся и пошел.

— И ты, — прогрохотало мне вслед чудище, — и ты будешь в таком же положении!

Через несколько шагов меня догнал Хуги. Он завис надо мною, как вертолет, и опустился на конец посоха.

— До чего же приятно посидеть на ветке старины Игга, когда он не может... Ой!

Хуги взмыл в воздух и начал описывать круги.

— Лапу, лапу обжег!.. Как это он так сделал?

— Спроси чего полегче, — рассмеялся я.

Потрепыхавшись еще немного, ворон нацелился на мое правое плечо.

— Ничего, если я тут отдохну?

— Валяй.

— Спасибо. — Он немного потоптался по мне, устраиваясь поудобнее. — К твоему сведению, у этой Головы давно крыша поехала.

Я пожал плечами. Чтобы сохранить равновесие, безбилетный пассажир сжал когти покрепче и раскинул крылья.

— Он что-то такое нащупывает, — продолжал Хуги, немного успокоившись. — Но при этом исходит из совершенно порочных предпосылок, возлагая на мир ответственность за свои собственные просчеты.

— Нет, — я убежденно покачал головой. — Ничего он не нащупывает. Он не желает нащупать даже опору, которая помогла бы ему выбраться из болота.

— Я говорю в философском смысле.

— А, так ты про такое болото. Тогда плохо.

— Эта проблема находится в плоскости самосознания, эго*, в плоскости взаимоотношений эго с миром и Абсолютом.

— Неужели?

— Да, конечно. От вылупления из яйца и до самой смерти мы плывем по поверхности событий. Иногда мы ошибочно решаем, что способны влиять на ход событий, и в нас возникает стремление. А это — прискорбная ошибка, ибо стремление порождает желание и создает ложное эго, заслоняющее чистое бытие, пребывание. В свою очередь эго бесконечно множит стремления и желания, а тогда уж ты погряз с головой.

— В болоте?

— Фигурально говоря. Нужно погрузиться в созерцание Абсолюта, полностью отбросить все фантомы, иллюзии, создающие ложное ощущение личности, отделяющее тебя от бытия, превращающее тебя в обособленный островок сознания.

— Помнится, у меня тоже была ложная личность. Она очень помогла мне стать Абсолютом, каковым я являюсь сейчас, — мной.

— Нет, это — тоже фантом.

— Тогда я, которым я буду завтра, поблагодарит его за это — так же, как я благодарю того, прежнего.

— Ты упускаешь из виду самое главное. Завтрашняя твоя личность тоже будет ложной.

— Почему?

— Потому что они все исполнены желаний и стремлений, отделяющих тебя от Абсолюта.

— А что в этом плохого?

— Ты останешься один в мире призраков, в мире чужих, в мире феноменов.

— А я люблю оставаться один на один с самим собой. Я себе очень нравлюсь. И феномены мне тоже нравятся.

— Но ты всегда будешь ощущать присутствие Абсолюта, его зов будет вселять в тебя беспокойство.

— Прекрасно. Значит, можно особенно не спешить — он же всегда рядом. С другой стороны... да, я начинаю догадываться, что ты имеешь в виду. Он принимает форму идеалов. Этого добра у всех хватает. Если ты хочешь сказать, что я должен стремиться к своим идеалам, я и секунды спорить не буду.

— Твои идеалы — всего лишь мутные, искаженные отражения Абсолюта, а то, о чем ты говоришь, — всего лишь еще одно стремление, добавляющееся к прочим.

— Ну да, конечно.

— Вижу, тебе предстоит отучиться от очень многого.

— Если ты про мой вульгарный инстинкт самосохранения — можешь и не надеяться.

Длинный пологий подъем кончился, перед нами была горизонтальная площадка — ровная, мощенная каменными плитами и слегка присыпанная песком. Здесь музыка слышалась вполне отчетливо, и тем громче, чем ближе подходил я к центру. Затем в тумане проступили какие-то смутные силуэты, совершавшие медленные ритмичные движения. Через несколько секунд я сообразил, что они танцуют под эту самую музыку.

Еще через несколько шагов я смог рассмотреть танцующих — симпатичная, вполне человеческого вида публика, одетая с придворной роскошью, они двигались в такт медленной мелодии, исполняемой укрывшимися музыкантами.

— По какому же такому случаю, — спросил я у Хуги, — устроили они бал, да еще здесь, посреди нигде?

— Они танцуют, — откликнулся ворон, — дабы ознаменовать твое прохождение. Это же не какие-нибудь там смертные, а духи Времени. Они начали свои дурацкие игрища в тот самый момент, когда ты вступил в долину.

— Духи?

— Ну да. Смотри.

Он покинул мое плечо, взлетел над площадкой и нагадил роскошно разодетой публике прямо на головы. Полужидкие сгустки помета проскочили сквозь танцующих, как сквозь голограммы, не оставив ни пятнышка ни на золотом шитых рукавах, ни на снежно-белых шелковых рубашках, никто из весело улы-

бающихся кавалеров и дам не сбился с такта. Хуги пару раз ехидно каркнул и вернулся на мое плечо.

Я укоризненно покачал головой:

— В этом не было никакой необходимости. Великолепно танцуют.

— Декаданс, — презрительно бросил ворон. — И не строй особых иллюзий, не обольщайся — они предвидят неудачу твоей миссии. Решили последний раз повеселиться, а то ведь скоро шоу конец.

Однако я не спешил уходить. Фигура, описываемая танцующими, медленно смещалась, в какой-то момент одна из женщин — стройная рыжеволосая красавица — проплыла совсем рядом со мной. Нужно сказать, что за все это время глаза танцующих ни разу не встречались с моими — словно меня тут и вовсе не было. Так что я очень удивился, когда эта женщина изящно, в такт танца, взмахнула правой рукой и бросила к моим ногам некий предмет.

Я нагнулся и потрогал этот предмет — вполне, еще одна странность, материальный. На песке лежала серебряная роза — моя собственная эмблема. Я распрямился и приколол ее к воротнику плаща. Хуги смотрел в сторону и молчал. Я не мог снять шляпу и расшаркаться (за полным неимением шляпы), а потому ограничился куртуазным поклоном. Не могу поклясться, но вроде бы что-то такое в правом глазу этой леди дрогнуло. А потом я пошел дальше.

Земля под ногами быстро утратила всякое сходство с мощеной площадкой, музыка звучала все глуше и глуше, пока не смолкла совсем. Грубая, неровная тропа требовала постоянного внимания и осторожности; в те же редкие моменты, когда туман расступался, глазам моим неизменно представали бесплодные равнины и серые унылые скалы. Когда мои ноги совсем уж отказывались идти, я обращался за силой к Камню; первое время такая необходимость возникала довольно редко, затем — все чаще и чаще.

Почувствовав голод, я остановился, присел на придорожный валун и развязал мешок с остатками припасов.

Хуги стоял неподалеку и наблюдал, как я ем.

— Должен признаться, — сказал он наконец, — что твоя настойчивость и даже то, что ты там говорил об идеалах, вызывают у меня некоторое восхищение — и большое недоумение. Ранее мы с тобой говорили о тщетности желаний и привязанностей...

— Ты говорил. В моей жизни эти проблемы не занимают особо важного места.

— А должны бы.

— Слушай, Хуги, я прожил долгую жизнь. Предположение, что я никогда не задумывался над этими азами элементарного курса философии, глубоко меня оскорбляет. Тот факт, что ты находишь общую, данную всем реальность холодной и бесплодной, характеризует не столько состояние дел во вселенной, сколько состояние дел в этой вот твоей голове. Zum Beispiel*, если ты и вправду веришь всему, что ты сегодня мне наплел, я искренне тебе сочувствую, ибо некая непонятная и труднообъяснимая причина привязала тебя ко мне и возбудила в тебе желание долбить по моей ложной индивидуальности, вместо того чтобы освободиться от всей подобной дребедени и рвануть напрямик к Абсолюту. Ну а если не веришь — значит, тебя подослали, чтобы ты задержал меня и уговорил отступиться, в каковом случае ты попусту тратишь время.

Хуги раздраженно прокашлялся, а затем патетически вопросил:

— Но ведь не настолько ты слеп, чтобы отрицать Абсолют, альфу и омегу всего сущего?

— Вопрос, если подойти к нему широко, по меньшей мере спорный.

— И все же ты допускаешь возможность его существования.

— Послушай, птенчик, вполне вероятно, что я разбираюсь в подобных вопросах значительно лучше тебя. Эго, как я вижу, существует на грани рациональности и рефлекторного бытия. Стереть его, уничтожить — значит сделать шаг назад. Если ты вышел из этого Абсолюта — чего же тогда, спрашивается, спешить назад? Ты что, настолько презираешь себя, что боишься взглянуть в зеркало? Вышел — так почему бы не прогуляться с умом? Развивайся. Учись. Живи. Если тебя послали в поездку, зачем прыгать на ходу с поезда и бежать назад, к станции отправления? А может, этот самый Абсолют попросту ошибся, поручив дело существу твоего калибра? Допусти такую возможность, и кончим чесать языками.

Хуги чуть не прожег меня ненавидящим взглядом желтого глаза, затем подпрыгнул и улетел.

Лекции повторить, учебник полистать.

Поднимаясь на ноги, я слышал далекие раскаты грома. Я вскинул мешок на плечи и пошел. Всегда старайся быть чуть впереди событий.

Тропа то сужалась, то расширялась, а под конец и совсем исчезла; передо мной открылась каменистая, лишенная каких бы то ни было ориентиров равнина. Я шел, как это делают звери и птицы, по внутреннему компасу и все глубже погружался в отчаяние. Теперь даже далекий рокот грозы казался ободряющим и желанным — он давал мне хоть какое-то представление о том, где находится север. Именно «какое-то» — в тумане трудно определить, откуда доносится звук, трудно идти по прямой, не сворачивая в сторону, и у меня не было полной уверенности. Раскаты тем временем становились все громче и громче... Проклятье.

...А я болезненно переживал гибель верного Стара, да и вороньи лекции по тщете бытия не сильно подняли мне настроение. Денек был, прямо скажем, не из лучших. Я начал сомневаться, сумею ли закончить свое путешествие. Если в самое ближайшее время на меня не выскочит из засады какой-нибудь веселенький обитатель этого веселенького местечка, то нужно будет полагать, что я совсем заблудился и скорее всего так и проплутаю в тумане, пока не рухну, окончательно лишившись сил, — или пока меня не настигнет гроза. Я совсем не был уверен, что сумею еще раз победить эту всеуничтожающую грозу.

Несколько раз я пытался рассеять туман с помощью Камня, но результаты оказались довольно жалкими. По моей, вероятно, собственной вине, из-за моего неумения. Я мог расчистить небольшой участок, которого хватало на минуту-другую пути, а затем приходилось либо идти в тумане, либо начинать все по новой. В этом месте, являвшемся, в некотором смысле, квинтэссенцией Теней, мое мастерство работы с Тенями почему-то притупилось.

Печально. То ли дело — помереть с музыкой, с помпой — грандиозный вагнеровский финал*, битва под странными, чужими небесами, против достойных противников, а тут барахтаешься в тумане...

Что-то уж больно эти камни знакомые. А не хожу ли я, часом, кругами? Есть, говорят, такая склонность у заблудившихся. Я стал прислушиваться к

грому, но, как назло, все было тихо. Я подошел к подозрительным камням и сел на песок, прислонившись к одному из них спиной. Ну что, спрашивается, ноги зря снашивать, если не знаешь, в какую сторону идти? Посижу, подожду, услышу гром и сориентируюсь. От нечего делать я вытащил свою колоду. Отец, помнится, говорил, что карты здесь не действуют, но почему бы не попробовать, хоть время убью.

Я перебрал их все, одну за другой, пытаясь связаться со всеми, кроме Брэнда и Кейна. Впустую. Отец был прав. Карты утратили привычный, еле ощутимый холодок. Затем я перетасовал всю колоду и начал гадать, прямо на песке. Результат получился несусветный и абсолютно невероятный, так что я собрал карты, убрал их подальше и снова прислонился к валуну. Жаль, что воды не осталось ни капли.

Я прислушивался и прислушивался: пару раз вроде бы громыхнуло, но непонятно, с какой стороны. Карты заставили меня задуматься о семье, о родственниках. Все они собрались там — не знаю где — и ждут. Ждут, что я сделаю. А что я делаю? Я несу Камень. С какой целью? Сначала я считал, что его мощь потребуется в битве. Если это действительно так и я действительно единственный, кто может его использовать, тогда мы крупно подсели. Затем я подумал об Амбере и чуть не задрожал от жалости и жутких предчувствий. Нет, Амбер не должен кончиться, никогда. Необходимо найти хоть какой-то способ отразить силы Хаоса.

Я рассеянно покрутил маленький камешек и отбросил его в сторону. Вырвавшись из моих пальцев, камешек полетел с черепашьей скоростью, почти завис в воздухе.

Камень. Снова замедляющее действие...

Я вобрал новую порцию силы, и камешек рванул как ужаленный. А ведь казалось, что я подзаряжался от Камня совсем недавно. Новая подзарядка заметно оживила мое тело, но мозг все еще пребывал в тумане, почище этого, что вокруг. Мне нужен был хороший, добротный сон — со многими быстрыми фазами*. Отдохни я толком, это место могло бы показаться совсем не таким необычным.

Так сколько же мне еще тащиться? Где моя цель — за первым же перевалом или гораздо дальше? И много ли у меня шансов обогнать грозу, каким бы ни было это расстояние? А как там все остальные? Что, если битва уже закончилась и нас разбили?

Я боялся дойти до цели слишком поздно, вместо героической роли исполнить роль могильщика... Черепа и монологи... Хаос...

И куда провалилась эта проклятая Черная дорога — именно сейчас, когда она нужна мне позарез? Ведь можно было бы идти вдоль нее. Мною владело некое странное ощущение, что Дорога где-то здесь, рядом, слева...

Я подключился к Камню, сфокусировал посыл, отогнал туман подальше... Нет, ничего...

А это что? Вроде как шевелится.

Животное, сильно смахивающее на большую собаку. Прячется в тумане, старается не вылезать на чистое место. Меня, что ли, подстерегает?

Камень вспыхивал ярко и часто — я собрал все его и свои силы, чтобы отодвинуть туман как можно дальше. Оставшись без прикрытия, животное совсем по-человечески пожало плечами и направилось в мою сторону.

VIII

Я встал. Теперь было видно, что это — шакал, довольно крупный. Он смотрел прямо мне в глаза.

— Ты чего-то поторопился, — заметил я. — Я тут просто отдыхаю.

Ироническое хмыканье.

— Я пришел сюда с единственной целью — увидеть принца Амбера, — сообщил мне шакал. — Любой более близкий контакт будет для меня нежданной наградой.

Он снова хмыкнул. Я — тоже.

— Тогда насыщай свои глаза. Любой более близкий контакт — и ты убедишься, что я уже вполне отдохнул.

— Нет, нет, — обиделся шакал. — Я давний почитатель королевского дома Амбера. А также — Хаоса. Меня всегда привлекала королевская кровь, принц Хаоса. И конфликты.

— Ты удостоил меня необычного титула. Моя связь с Дворами Хаоса имеет характер сугубо генеалогический.

— Я представляю себе образы Амбера, проскальзывающие сквозь тени Хаоса. Я представляю себе волны Хаоса, накатывающиеся на образы Амбера. В самом средоточии порядка, олицетворяемого Амбером, живет и действует предельно хаотичная семья — тогда как королевский род Хаоса предельно серьезен и спокоен. И связей у этих семей не меньше, чем конфликтов.

— В настоящий момент, — заметил я, — меня не очень трогают парадоксы и прочие словесные игры. Я пытаюсь добраться до Дворов Хаоса. Ты знаешь дорогу?

— Да, — кивнул шакал. — Это недалеко, если по прямой. Пошли, я укажу тебе направление.

Он повернулся и затрусил прочь. Я пожал плечами и двинулся следом.

— Я не слишком быстро иду?

— Ничего, иди как идешь. Это же не в этой долине, верно?

— Да. Там будет туннель.

Я шел за ним по песку, по мелкой гальке, по сухой, твердой как камень земле. По сторонам — ни деревца, ни кустика, ни травинки. Туман стал вроде пожиже и приобрел зеленоватый оттенок — не иначе как новая выходка полосатого неба.

Время тянулось с убийственной медлительностью.

— Далеко еще? — поинтересовался я.

— Нет, — откликнулся шакал, — не очень. Ты что, устал? Хочешь отдохнуть?

Спрашивая, он обернулся. Призрачный болотный свет придал хищной, и так-то не отличавшейся большой красотой морде окончательно жуткий вид. Но проводник был мне нужен позарез; к тому же зверь держался вроде бы правильного пути — последнее время мы шли вверх.

— А нет тут где-нибудь рядом воды? — спросил я.

— Нет. То есть есть, но тогда придется возвращаться.

— Ладно, времени у меня мало.

Шакал еще раз пожал плечами, еще раз хмыкнул и двинулся дальше. Туман почти рассеялся; стало видно, что мы поднимаемся на невысокий горный хребет. Я тяжело опирался на посох и старался не отставать.

Мы карабкались вверх уже добрые полчаса. Почва под ногами становилась все каменистее, а подъем — все круче. Я начал задыхаться.

— Подожди, — окликнул я своего неутомимого проводника. — Мне нужно отдохнуть. Ты же вроде говорил, что недалеко.

— Ты уж прости мне, пожалуйста, — с некоторым огорчением в голосе сказал шакал, — мой шакалоцентризм. Я говорил, исходя из своего естественного темпа передвижения. В этом я допустил ошибку, однако сейчас мы действительно почти дошли до места. Вход чуть впереди, у тех скал. Там, может, и отдохнешь?

— Хорошо.

Я зашагал дальше.

Вскоре перед нами поднялась каменная стена — подножие, решил я про себя, какой-то горы. Мы преодолели каменные завалы и подошли наконец к широкому отверстию, за которым не было видно ничего, кроме чернильной тьмы.

— Ну вот и все, — сказал шакал. — Туннель совершенно прямой, без всяких там боковых ответвлений. Иди себе и ни о чем не беспокойся. Счастливого пути.

— Спасибо, — кивнул я, оставив всякие мысли об отдыхе, и шагнул внутрь. — Очень тебе благодарен.

— Не за что, — откликнулся он сзади. — Всегда рад услужить.

Через несколько шагов под моей ногой что-то хрустнуло. Я пнул непонятный предмет, и туннель огласился громким, насмешливым стуком. Звуки знакомые, из тех, что, раз услышав, до смерти не забудешь. Пол был густо усеян костями.

Сзади донеслись другие звуки — быстрые, мягкие, и я понял, что не успею обнажить Грейсвандир. А потому развернулся, поднял посох и ткнул им перед собой, почти наугад.

Прыжок шакала не достиг цели — мой услужливый проводник напоролся на конец посоха и тяжело рухнул на не знаю чьи уж там кости; сила удара отбросила меня назад, я упал и покатился по тем же самым костям. Теперь можно было делать одно из двух: либо искать отлетевший в сторону посох, либо вытаскивать из ножен Грейсвандир; поколебавшись какую-то миллисекунду, я выбрал последнее.

Клинок обнажить кое-как удалось, но тем мои достижения и ограничились. Я лежал на спине, острие зажатого в правой руке Грейсвандира смотрело куда-то влево, а шакал уже пришел в себя и снова прыгнул. Собрав все свои силы, я ударил по злобно оскаленной морде яблоком эфеса.

Я даже испугался, цела ли рука, — такой болью отозвался удар в плече. Голова шакала резко откинулась назад, он снова рухнул на пол туннеля, чуть слева от меня. Прежде чем зверь очухался и прыгнул в третий раз, я успел подняться на правое колено, выставить клинок перед собой и перехватить эфес обеими руками.

Я снова остановил врага в прыжке, глубоко загнав сталь в покрытое грязно-серой шерстью тело, тут же выпустил эфес и откатился назад, подальше от яростно щелкающих зубов.

Шакал пронзительно взвизгнул, почти сумел подняться на лапы, но тут же обмяк и упал.

Посох лежал прямо под моей спиной; тяжело дыша, я нащупал его, выставил перед собой и, все еще лежа, прижался к стене туннеля. Шакал бился в судорогах, не делая более попыток встать, затем его стошнило. Воздух наполнился смрадом, настолько густым и отвратительным, что я с трудом сдержал позыв к рвоте.

Наконец шакал затих. И взглянул прямо на меня.

— А ведь как это было бы здорово — сожрать принца Амбера, — сказал он негромким голосом. — Меня всегда привлекала королевская кровь.

Тускло-желтые глаза закрылись, шакал последний раз хрипло вздохнул и замер.

Я поднялся — все еще прижимаясь спиной к стене, все еще держа посох наготове — и стал смотреть на шакала. Только очень, очень не скоро я заставил себя шагнуть вперед и вытащить из дохлой твари свой драгоценный клинок.

Никакой это, конечно же, был не туннель — просто неглубокая пещера. К тому времени, как я выбрался наружу, туман успел перекраситься в желтый цвет; снизу, из долины, дул легкий ветер.

Я привалился спиной к обломку скалы и попытался сообразить — куда же теперь идти. Тропы не было и в помине.

А что тут сообразишь, если совсем потерял ориентировку? Я побрел налево — с этой стороны склон был вроде бы покруче, а мне не терпелось как можно скорее подняться в горы, выбраться из осточертевшего тумана. Посох, столь удачно послуживший мне оружием, беспрекословно вернулся к мирной своей роли. Я все время прислушивался, стараясь уловить журчание бегущей по камням воды, но безуспешно.

По мере подъема туман все редел и менял оттенок; в конце концов я сумел разглядеть, что впереди лежит обширное плато. Стало просвечивать и небо — разноцветное и непрерывно менявшееся, словно кто-то крутил в нем огромной мешалкой.

Сзади погромыхивало, однако самой грозы видно не было. Я прибавил шагу, но вскоре выдохся, остановился и сел на землю. Мною завладело чувство тщетности. Все зря. Ну ладно, выберусь я, скажем, на плато — и зачем? Чтобы гроза настигла меня не здесь, а там? Я протер слипающиеся от недосыпания глаза. Ну какой, спрашивается, смысл идти дальше, если у меня нет никаких шансов?

Темная тень, беззвучно скользившая в фисташковой дымке, явно направлялась ко мне. Я угрожающе поднял посох, но это был всего лишь Хуги; он затормозил и спланировал прямо к моим ногам.

— Корвин, — прохрипел ворон, — ты прошел вполне приличное расстояние.

— Да нет, — устало отмахнулся я, — не такое уж и приличное. Гроза, похоже, приближается.

— Да, по всей видимости, именно так и обстоит дело. Я предался размышлениям и охотно окажу тебе услугу, поделившись с тобой...

— Не нужно со мной ничем делиться, — прервал я его красноречие, — а если ты и вправду хочешь мне помочь, выполни небольшую просьбу.

— Какую?

— Слетай-ка назад и взгляни, далеко ли отсюда гроза и как быстро она продвигается. Ну а потом вернись и расскажи.

Хуги переступил с ноги на ногу, затем сказал: «Ладно», подпрыгнул и улетел на северо-запад.

Я оперся о посох и встал. Сиди — не сиди, много не высидишь, лучше уж идти дальше, с какой уж я там сумею скоростью. Я снова окунулся в Камень; мгновенный прилив силы на вспышку красной молнии.

Вскоре с той самой стороны, куда удалился Хуги, налетел порыв влажного ветра, затем последовал страшный, словно небо раскололось, грохот. Вот так, никаких тебе больше отдаленных раскатов и погромыхиваний.

Подзарядки, полученной от Камня, хватило на несколько сотен метров быстрого карабканья вверх. Если все равно пропадать, почему бы не добраться сперва до верха? Влезем туда и оценим обстановку: где что находится и есть ли хоть какой смысл стараться дальше.

Чем выше я поднимался, тем отчетливее проступало сквозь туман небо. За последнее время оно радикально изменилось — одну половину круга занимала теперь сплошная, ничем не прерываемая чернота, вторая же продолжала переливаться текучей массой ярких, непрерывно изменяющихся красок. И вся эта небесная плошка вращалась вокруг центра, расположенного прямо над моей головой. Очень, очень интересно. Это же то самое небо, которое мне нужно, небо, нависавшее надо мной во время той, прошлой, прогулки в Хаос.

Я полез дальше. Хотелось крикнуть — или хотя бы пробормотать — что-нибудь такое, воодушевляющее, но пересохшее горло не желало издавать звука.

Приближаясь к краю плато, я услышал хлопанье крыльев, еще через пару секунд Хуги фамильярно устроился на моем плече.

— Гроза, считай, у тебя под носом, — отрапортовал он. — Будет здесь с минуты на минуту.

Еще несколько шагов... Я собрал последние остатки сил, выбрался на ровное место и встал, хватая воздух ртом. Здесь, на высокой, гладкой, как стол, равнине, тумана не было совсем, и я видел небо далеко вперед. Я начал искать хоть небольшой бугор, чтобы посмотреть — что там, за дальним краем плато. Звуки грозы доносились все громче и громче.

— Не думаю, — заметил Хуги, — что ты пройдешь до конца, не замочив порток.

— Ты же знаешь, что там за гроза, — прохрипел я. — Будь это обычный дождь, я бы только порадовался возможности напиться.

— Знаю. Насчет мокрых порток — это я метафорически.

Я прорычал нечто непристойное и пошел дальше.

Вид на местность постепенно расширялся. Небо так и крутилось в своем бешеном танце, но освещения вполне хватало. Рассмотрев наконец, что же лежит впереди, я остановился и бессильно обвис, цепляясь за упертый в землю посох.

— В чем дело? — озабоченно спросил Хуги.

Говорить я не мог. Я просто указал на каменистую пустыню, начинавшуюся где-то под дальней кромкой плато, тянувшуюся на добрые сорок миль, а затем упиравшуюся в очередной горный хребет. Слева, на самом краю пустыни, отчетливо просматривалась тонкая черная линия.

— Пустошь? — удивился ворон. — Спросил бы, так я бы давно тебе сказал.

Я издал звук, похожий не то на стон, не то на всхлип, и медленно осел на землю.

Горячечный бред — иначе мое состояние и не опишешь. Сколько я валялся в этом бреду? Не знаю. В какой-то момент я вроде как нашел возможное решение — и ужаснулся.

Мало-помалу звуки близкой грозы и беспрестанное бормотание Хуги вывели меня из ступора.

— Мне столько не пройти, — прошептал я. — Никак, никакой силой.

— Ты утверждаешь, что потерпел поражение, — сказал Хуги. — Ошибка. Привязанности и желания не ведут ни к победам, ни к поражениям. Все это — призраки, иллюзии, порождаемые эго.

Я медленно встал на колени.

— Я не говорил ни про какие поражения.

— Ты сказал, что не сможешь добраться до цели.

Я взглянул назад, на исполосованное молниями небо, на неотвратимо надвигающуюся стену грозы.

— Верно, этот путь для меня закрыт. Но если у отца и вправду ничего не вышло, я должен сделать нечто другое. То, на что способен только Брэнд — если, конечно же, верить его словам. Я должен создать новый Огненный Путь — создать его прямо сейчас, прямо на этом месте.

— Ты? Ты вознамерился создать Огненный Путь? Если потерпел поражение Оберон, на что же может рассчитывать человек, едва держащийся на ногах? Нет, Корвин. Смирись, ибо смирение есть высшая добродетель.

Я поднял голову, подобрал валявшийся рядом посох, уперся им в землю. Хуги, так и сидевший на моем плече, взмахнул крыльями и опустился рядом с посохом. Я взглянул настырной птице прямо в глаза.

— Ты не веришь ничему, что я тебе говорю? — спросил я. — Впрочем, не имеет значения. Между нашими воззрениями лежит непреодолимая пропасть. Я понимаю привязанность как проявление скрытой идентичности, а желание — как стремление к ней. Ты с этим не согласен.

Я опустил ладони на колени.

— Если, по твоему мнению, величайшим благом является растворение в Абсолюте, так что же ты тратишь время зря? Почему не летишь навстречу неотвратимому, все приближающемуся Хаосу? Если я потерплю поражение, он станет самым доподлинным Абсолютом. Что же касается меня лично, я буду до последнего своего дыхания пытаться создать Огненный Путь, остановить Хаос. Я буду бороться потому, что я есть тот, кто я есть, — человек, который мог быть правителем Амбера.

Хуги опустил голову.

— Да, — ехидно хмыкнул он через секунду, — сперва только ворону слопаешь.

Я протянул руку и одним движением свернул ему шею. Стоило бы развести костер, да где там, в такой-то спешке. Хотя Хуги обставил все как добровольное жертвоприношение, трудно сказать, на чьей стороне оказалась моральная победа — я и так собирался его съесть.

IX

...Кассис* и аромат цветущих каштанов. Елисейские Поля в белой кипени каштанов...

И фонтаны на площади Согласия... Улицы вдоль Сены и набережные, насквозь пропитанные запахом старых книг, речным запахом... Запах цветущих каштанов...

Почему это вдруг мне вспомнилась Земля, тысяча девятьсот пятый год, Париж? Может, потому, что я был тогда счастлив, очень счастлив, и теперь цеплял-

ся за прошлое счастье, как за противоядие от неумолимого настоящего? Да, наверное...

Белый абсент, гренадин... Земляника с кремом д'Исиньи... Шахматы в кафе «Регент» с артистками из «Комеди Франсез», что прямо через улицу... Скачки в Шантильи... Вечера в Буате-а-Фурси, на улице Пигаль...

Я твердо поставил левую ногу перед правой, а затем — правую перед левой. В левой, высоко поднятой руке я держал цепочку, на цепочке висел Камень. Высоко — чтобы заглядывать в его глубины, видеть и ощущать появление нового Огненного Пути, разраставшегося с каждым моим шагом. Посох я воткнул в землю, обозначил им начало Огненного Пути. Налево...

Выл ветер, где-то совсем поблизости громыхал гром. Я не ощущал того физического сопротивления, которое приходилось преодолевать в старом Огненном Пути. Я не ощущал вообще никакого внешнего сопротивления. Зато собственные мои движения утратили легкость и спонтанность, они замедлились, стали элементами ритуала. И это было во сто раз хуже. Я тратил гораздо больше энергии на подготовку к каждому шагу — на то, чтобы обдумать его смысл, обдумать последовательность движений, приказать себе выполнить это движение, — чем на непосредственное исполнение. Но эта медлительность была необходима; нечто огромное и неизвестное требовало, чтобы я выполнял все свои движения с абсолютной точностью и в темпе адажио. Направо...

...Подобно тому как Огненный Путь в Ребме помог мне восстановить утраченную память, этот, еще не созданный, только еще создаваемый мною Огненный Путь воскрешал запахи цветущих каштанов, повозок с овощами, тянущихся на рассвете к рынку... В то время я не был влюблен ни в кого конкретно, хотя и встречался со многими девушками — Иветты, Мими, Симоны, их лица неразличимы, сливаются в одно — и в Париже была весна, и цыганские оркестры, и коктейли у Луи... Я вспоминал все это, и сердце мое рвалось из груди в каком-то прустовском восторге*, а Время гремело, как колокол... Возможно, именно в этом и был смысл воспоминаний — этот восторг передавался всем моим движениям, обострял мое восприятие, укреплял волю...

Я увидел следующий шаг и исполнил его... Я уже совершил один полный обход, создал периметр своего Огненного Пути. Спиной я ощущал грозу. Видимо, она уже поднялась на плато. Небо быстро темнело — на бешеную карусель многоцветного сияния наползали мрачные тучи. Молнии вспыхивали совсем уж рядом, но я не мог отвлекаться, не мог тратить свои силы на управление погодой.

Завершив полный круг, я увидел, что пройденная часть нового Огненного Пути запечатлелась в скальном грунте, мерцает бледным голубоватым сиянием. Но ничего знакомого по прошлому не было — ни искр, ни покалывания в ногах, ни токов, от которых дыбом встают волосы; только огромный, непомерный вес вынужденной, предписанной каким-то законом медлительности, аккуратности каждого шага... Налево...

...Маки, маки и васильки, и высокие тополя, шагающие вдоль сельской дороги, и вкус нормандского сидра... И снова город, запах цветущих каштанов... Сена, усыпанная звездами... Площадь Вогезов, старые дома, подсыхающие после ночного дождя, запах мокрого кирпича... Бар под мюзик-холлом «Олимпия»... Драка в баре... В кровь рассаженные костяшки пальцев, девушка, перевязавшая меня, пригласившая к себе домой... Как же ее звали? Цветущие каштаны... Белая роза...

Я потянул носом. Увядшая роза, все еще висевшая на моем воротнике, почти утратила запах. И как это она уцелела? Прямо чудо какое-то. Я немного приободрился и двинулся дальше, плавно сворачивая направо. Уголком глаза я видел надвигающуюся стену грозы, гладкую и блестящую, как стекло. Стирающую все на своем пути. Раскаты грома чуть не рвали барабанные перепонки.

Направо, налево...

Победная поступь армий ночи. Устоит ли перед ними мой Огненный Путь? «Быстрее, быстрее!» — кричал внутренний голос, но я был не в силах спешить, я двигался все медленнее и медленнее. Я испытывал странное раздвоение, словно один «я» находился в Камне, обходил хранящийся там Огненный Путь, другой же — здесь, снаружи — наблюдал за его движениями, тщательно их копировал. Налево... Поворот... Направо... Серый воздух резко пахнет озоном, гроза совсем уже рядом. Скоро она накроет косточки старины Хуги. Черная, нахохлившаяся птица, ворон, поджидавший меня — если, конечно же, можно верить его словам — с начала Времен... Поджидавший — зачем? Чтобы подискутировать со мной? Или чтобы я съел его здесь, в этом лежащем вне истории месте?

Так или иначе, финал получился весьма эффектный — не сумев наполнить мое сердце тоской и сожалением касательно низменности моей духовной жизни, он наполнил мой желудок под аккомпанемент вполне театрального грома... Некоторый, пожалуй, перебор, но это ничего; морализаторы всегда были склонны к патетике...

Отдаленный раскат грома, близкий раскат, совсем близкий. При очередном повороте я взглянул на грозу и едва не ослеп от бенгальских вспышек молний. Я еще крепче сжал цепочку и сделал очередной шаг...

Подступив к краю Огненного Пути, гроза разделилась, стала обходить его с двух сторон. Ни на меня, ни на Огненный Путь не упало ни одной капли, однако прошло совсем немного времени, и мы оказались в полном окружении.

Пузырек воздуха, чудом прицепившийся ко дну штормового океана. За сплошными стенами воды мечутся какие-то темные, хищные силуэты. Не океан — вся Вселенная навалилась на меня, чтобы раздавить, стереть в порошок. Я погрузился в красный, сверкающий мир Камня. Налево...

Цветущие каштаны... Чашка шоколада в придорожном кафе... Духовой оркестр в саду Тюильри, звуки, разносящиеся в пронизанном солнцем воздухе... Берлин двадцатых годов, Океания тридцатых — тоже удовольствие, тоже радость, но не такая, бьющая через край. Возможно, все это — не настоящее прошлое, а только образы прошлого, приходящие к нам потом, чтобы радовать нас или мучить, — к нам, людям и целым народам. Какая разница? Через Новый мост и по Риволи, автобусы и фиакры... Люксембургский сад, художники с мольбертами... Если все окончится благополучно, как-нибудь я найду такую Тень, обязательно найду... Ничем не хуже моего Авалона... Я забыл... Подробности... Штрихи, детали, в которых вся жизнь... Запах каштанов...

Идти, идти дальше... Я завершил еще один круг. Вой ветра, оглушительные раскаты грома — но все это там, за стеклянной стеной. Пока я не поддамся им, не отвлекусь, пока я иду, пока все мое внимание в Камне... Я должен держаться, должен делать эти медленные, от начала до конца продуманные шаги, не останавливаться, двигаться — все медленнее и медленнее, но постоянно, непрерывно...

Лица... Оттуда, из-за пылающей границы Огненного Пути, на меня смотрели десятки, сотни лиц... Огромные, как та Голова, но не задумчиво-растерянные, а перекошенные, ухмыляющиеся, издевательски подмигивающие, только и ждущие, чтобы я остановился или сделал неверный шаг... Ждущие момента, когда стена, защищавшая меня, рухнет... В их глазах, в их разинутых ртах сверкают молнии, смех их подобен грому. И тени, крадущиеся среди них тени. Теперь они говорят, обращаются ко мне, и каждое их слово — яростный шквал, прилетевший с темного, бушующего океана... Ты падешь, говорят они мне, падешь и будешь сметен, а этот недоделанный Огненный Путь разлетится вдребезги, бесследно исчезнет... Они проклинают меня, плюются, извергают в мою сторону мутные потоки рвоты... Но ничто, кроме звуков, меня не достигает... Возможно, их и нет здесь вовсе... Возможно, мой мозг не вынес непосильного напряжения... А что же тогда толку от всех моих стараний? Новый Огненный Путь, начертанный безумцем? Я заколебался — и тут же все они завопили, завизжали голосами, подобными голосам изначальных стихий: «Безумец! Безумец! Безумец!»

Я глубоко вздохнул, снова ощутил запах увядшей розы, снова вспомнил о каштанах, о днях, полных радости и стройного, естественного порядка. В моем мозгу вновь промелькнули события того счастливого года, и голоса начали стихать... Я шагнул... И еще раз... И еще... Они играли на моих слабостях, они чувствовали мою озабоченность, мои сомнения, мою усталость... Кем бы и чем бы они ни были, они хватались за все, что видели, все поворачивали против меня... Налево... Направо... А теперь, сказал я себе, пусть они почувствуют мою уверенность и скиснут. До этого места я дошел. И пойду дальше.

Налево...

Они продолжали виться вокруг меня, продолжали кричать о неизбежной моей неудаче, но без прежнего уже напора, почти неуверенно. Я прошел очередную часть Дуги, увидел ее рост в красных глубинах Камня.

Я вспомнил свой побег из клиники «Гринвуд», и как я выманил у Флоры информацию, свою встречу с Рэндомом, нашу схватку с его преследователями, возвращение в Амбер... Я вспомнил бегство в Ребму, и как я прошел Огненный Путь, восстановив большую часть своей памяти... Вспомнил о вынужденной женитьбе Рэндома и о своем возвращении в Амбер, как я дрался с Эриком и как бежал к Блейзу... О последующих сражениях, о том, как меня ослепили, о заточении, прозрении и побеге, о своем уходе в Лоррен, а потом — в Авалон...

На еще большей скорости мой мозг пробежался по верхам последующих событий... Ганелон и Лоррен... чудовища из Черного Круга... Рука Бенедикта... Дара... Возвращение Брэнда, покушение на него... Покушение на меня... Билл Рот... Больничные записи... Несчастный случай...

...И вдруг я понял, что уже годы, от пробуждения в «Гринвуде» вплоть до этого, настоящего момента, когда я отчаянно стараюсь выполнить очередной маневр с полной, безупречной точностью, все эти годы во мне нарастало предчувствие. Нарастало — вне зависимости от того, чем мотивировались мои действия в тот или иной конкретный момент — борьбой за престол, жаждой мести или чувством долга, и если я не знал об этом предчувствии, то лишь потому, что прятал его в какой-то далекий уголок подсознания. А теперь к нему, к давнему, присоединилась уверенность, что ожиданию приходит конец, и то неизвестное, которое я предчувствовал, к которому шел, готово воплотиться в явь.

Налево... Очень, очень медленно... Ничто иное не имеет значения. Я вложил в свои движения всю, какая была, волю. Моя сосредоточенность стала абсолютной. Я не видел, не слышал и не знал ничего, лежащего за границей Огненного Пути. Молнии, лица, ветер... они не имели значения, их не было. Только Камень, прирастающий Огненный Путь и я сам — но даже о себе я тогда забыл. Высшее, вероятно, в моей жизни приближение к идеалу Хуги, к слиянию с Абсолютом.

Поворот... Правую ногу... Еще поворот...

Время исчезло, потеряло смысл. Пространство сузилось до рамок воссоздаваемого мной узора. Теперь мне не нужно было черпать силу из Камня — она вливалась в меня сама, естественный элемент моей работы. В некотором смысле я исчез. Я превратился в точку, двигался согласно указаниям Камня, выполнял операции, поглощавшие меня настолько полно, что в мозгу не оставалось места для самосознания. И все же, не знаю уж на каком уровне, я понимал, что являюсь существенным элементом процесса. Ибо, выполняй этот процесс кто-либо другой, сейчас возникал бы иной, отличный от моего Огненный Путь.

Я смутно осознавал, что прошел уже больше половины. Узор усложнился, медленные мои движения стали еще медленнее. Я вспомнил, как получал многомерную структуру, первоисточник изначального Огненного Пути. Только там не было этой черепашьей, душу выматывающей скорости.

Направо... Налево...

Никакого сопротивления, ничто не прижимало меня к земле; несмотря на кропотливую обдуманность каждого моего движения, я чувствовал себя легким как перышко. Сквозь меня струилась безграничная, неисчерпаемая энергия. Все окружающие звуки сливались в белый шум и пропадали.

И вдруг ощущение медлительности исчезло. Не то чтобы я миновал Завесу — скорее во мне произошла какая-то внутренняя перестройка.

Теперь я словно шел обычным шагом, пробираясь сквозь все более крутые завитки, подходя к конечной точке узора. Я выполнял свою работу тщательно, но как-то отстраненно, почти равнодушно, хотя и понимал разумом, что внутри меня зреет, рвется наружу бешеный восторг. Еще один шаг... и еще... Остается совсем немного, с полдюжины шагов...

Неожиданно мир померк. Я оказался в безбрежной пустоте, освещаемой только алым угольком Камня и тусклым мерцанием Огненного Пути — спиральной туманности, по которой ступали мои ноги. Я заколебался — но лишь на мгновение. Теперь начинается последнее испытание, финишный бросок, мой последний бой. Нельзя ни на что отвлекаться.

Камень показывал мне, что нужно делать, Огненный Путь — где это делать; все бы хорошо, но я не видел себя, того, кто должен все это выполнять. Налево...

Я шел дальше. Все мое внимание, все мои мысли были сосредоточены на этом вот шаге... а теперь на этом... на этом... Появилось сопротивление — такое же, как на старом Огненном Пути; впрочем, не страшно, за моей спиной — многие годы опыта. Сопротивление нарастало, я сделал еще два шага.

И тут Камень показал мне будущий, завершенный Огненный Путь, всю его ни с чем не сравнимую красоту. В любой другой момент у меня бы захватило дух — в любой другой, но не сейчас, когда все мои движения, даже дыхание, были подчинены одной цели. Я шагнул вперед, прорвал невыносимое сопро-

тивление, и пустота, окружавшая меня, содрогнулась. Следующий шаг дался мне с еще большим трудом. Я находился в средине средин, ступал по звездам, волевым по сути своей, а не физическим актом сообщал Вселенной изначальный толчок.

Я не видел свою ногу, знал только, что она двигается вперед, медленно, очень медленно — но двигается. Огненный Путь начал разгораться. Вскоре его сияние стало ослепительным.

Еще, еще чуть-чуть...

Здесь было труднее, чем на прежнем Огненном Пути — сопротивление казалось непреодолимым, абсолютным. Я собрал всю свою волю, всю решительность, но не мог сдвинуться ни на дюйм, только голубое пламя сверкало все ярче и ярче. Пусть так, пусть ничего не выйдет, зато я погибну на фоне великолепных декораций...

Минуты, дни, годы... Не знаю, сколько времени это продолжалось. Вечность, наверное — мне, во всяком случае, почудилось, будто этот единичный акт воли заполнил всю вечность...

Затем нога моя сдвинулась. Сколько времени она двигалась — этого я тоже не знаю. Но я завершил шаг и начал следующий. И следующий.

Вселенная бешено завертелась. Я прошел.

Невыносимое давление исчезло. Чернота исчезла.

Я даже не осмотрел новосозданный Огненный Путь. Постояв какое-то мгновение неподвижно, я рухнул на колени и согнулся пополам. В ушах гремели тяжелые, как молотом по наковальне, удары пульса, по телу пробегали волны конвульсивной дрожи, голова плыла, мне отчаянно не хватало воздуха: «Получилось», — выплыло где-то на краю сознания. Что бы там ни произошло дальше, Огненный Путь есть. И он будет существовать...

Этого звука не должно было быть, здесь вообще не должно быть никаких звуков, но сперва измочаленные мышцы отказывались реагировать даже рефлекторно, а потом было поздно. Когда цепочка с Камнем рывком вылетела из моих разжавшихся пальцев, я не вскочил, а только поднял голову и кое-как разогнулся. Никто не следовал за мной по Огненному Пути — что-то, а уж это бы я заметил. Значит...

Свет был почти нормальным. Я проморгался и увидел над собой ухмыляющееся лицо Брэнда. На глазу его красовалась черная повязка, в ладони лежал Камень. Наверное, он телепортировался.

Брэнд ударил меня, и я повалился на левый бок. Затем он ударил меня еще раз, ногой в живот.

— Надо же, — сказал Брэнд, — справился! Вот никогда бы не подумал. А мне теперь новое занятие: уничтожать этот твой Огненный Путь. Ладно, я не ленивый, сотру его, а потом организую все как надо. Но это — потом, а сейчас я с помощью вот этой штуки изменю ход битвы, — он качнул Камнем. — Ну, до скорого.

Брэнд исчез.

Я лежал на боку, скрючившись пополам, хватал воздух ртом и отчаянно старался не потерять сознание, выплыть из ежесекундно накатывающихся валов черноты. Меня охватило огромное, беспредельное отчаяние, я закрыл глаза и застонал. И — никакого Камня, откуда можно было бы почерпнуть силу.

Каштаны в цвету...

X

Корчась от боли, я представил себе Брэнда, появляющегося на неведомом мне поле, где сошлись в смертельной схватке армии Амбера и Хаоса, представил себе Камень, ярко пульсирующий на его груди. Надо полагать, Брэнд обладает достаточным контролем над Камнем, чтобы развернуть события в пользу Хаоса — так, во всяком случае, считает он сам. Я представил себе, как он испепеляет наши войска молниями, рвет ураганами, сечет градом... И чуть не заплакал. Ну что ему стоит перейти на нашу сторону, искупить все прежние грехи? Но нет, просто победа — этого Брэнду теперь мало. Ему нужно победить для себя, на своих собственных условиях. А что же я? А ничего, проиграл — вот и все. Я сделал почти невероятное, сделал такое, во что бы и сам никогда не поверил, — остановил посредством Огненного Пути победную поступь Хаоса. Но даже и это не значит ровно ничего: если Амбер проиграет сражение, Брэнд вернется сюда и уничтожит плод моих трудов.

Быть так близко к победе, пройти все испытания, которые я прошел, чтобы затем вот так... Очень хотелось заорать «Нечестно!» — хотя я и знал, что Вселенная абсолютно не обязана придерживаться моих представлений о справедливости. Я скрипнул зубами и сплюнул песок, неведомым образом попавший в рот. Отец поручил мне доставить Камень на поле битвы. Я почти выполнил его поручение.

Меня охватило некое странное чувство. Что-то взывало к моему вниманию. Что?

Тишина.

Гром, ураганный ветер — все это стихло. Над миром нависло спокойствие. Воздух был свеж и прохладен. По другую сторону моих смеженных век имел место быть некий свет.

Я открыл глаза. И увидел небо — яркое, однородно-белое. Я сморгнул и повернул голову. Справа... что же там справа?

Дерево. В том месте, куда я воткнул отрезанный от старины Игга посох, зеленело деревце. Оно было уже заметно выше первоначального посоха. Я почти видел, как оно тянется вверх. Зеленые листья и белая россыпь крылаток, некоторые уже успели распуститься. Ветерок, удачно налетевший как раз с этой стороны, донес до меня тонкий, нежный аромат. Мелочь вроде бы, но я почувствовал себя заметно бодрее.

Я ощущал свое многострадальное тело. Ребра вроде бы все в порядке, только вот кишки словно скручены узлом. Сильно же мой братец меня саданул!.. Я протер глаза, причесался пятерней, тяжело вздохнул и встал на правое колено.

Я начал изучать обстановку. Плато — то же самое и вроде не то же самое. Такое же голое, такое же бесплодное, но как-то оно словно утратило прежнюю враждебность. Новое освещение, нечему особенно удивляться... Нет, не только освещение...

Я осмотрел окрестности на все триста шестьдесят градусов. Нет, это не то место, где я начал строить Огненный Путь. Различия, везде различия — от мелких, еле заметных, до радикальных, бросающихся в глаза. Другие силуэты скал, впа-

дина, где раньше был холмик, совсем другая текстура камня... А вон там, подальше, даже не голый камень и песок, а нечто вроде земли.

Я встал, повел носом и ощутил слабый, еле уловимый запах моря. Это плато было бесконечно иным, чем то, на которое я с таким трудом взбирался — целую, кажется, вечность тому назад. Прокатившаяся гроза не могла вызвать таких перемен. И было в этом месте что-то до странности знакомое.

Я вздохнул и снова начал глазеть по сторонам. Дела мои оставались ровно в таком же состоянии, как несколько минут назад, когда я валялся вот тут, в центре нового Огненного Пути, и чуть не волком выл с тоски, однако глухое, безнадежное отчаяние куда-то отступало, я почувствовал себя — как бы это получше сказать? — посвежевшим, обновленным. Чистый, как ключевая вода, воздух, все вокруг проникнуто... чем-то таким, даже и не скажешь чем. Первозданностью...

Ну конечно. Окрестности изначального Огненного Пути — вот на что это место похоже. Я повернулся и взглянул на деревце. До чего же быстро оно растет!.. Во всем, буквально во всем чувствуется что-то новое — и в воздухе, и в земле, и в небе. Новое место. Новый изначальный Огненный Путь. Все меня окружающее — продукт этого Огненного Пути. Моего Огненного Пути.

И тут я понял, что чувствую себя не просто посвежевшим. Во мне поднималась некая радость, некий восторг, почти экстаз. Я видел вокруг себя чистое, свежее, как при начале мира, место, я был в долгу перед этим местом, отвечал за него.

Время шло и шло. Я смотрел вокруг, наблюдал, как растет мое дерево, купался в накативших волнах эйфории. И все-таки это тоже победа — до тех, конечно же, пор, пока не вернется Брэнд. Вернется, чтобы уничтожить.

Неприятное воспоминание мгновенно меня протрезвило. Я должен остановить Брэнда. Я должен защитить это место. Я нахожусь в центре Огненного Пути. Если этот Огненный Путь во всем подобен прежнему, я могу с его помощью переместиться куда угодно, я могу завершить свою миссию, хотя и — увы! — без Камня.

Я отряхнул одежду и чуть вытащил клинок из ножен. Может, все еще не так безнадежно, как мне кажется. Мне поручено доставить Камень к месту битвы — и не больше. Теперь это сделает Брэнд. Так или иначе — Камень будет на месте. Всего-то мне и остается, что отправиться туда самому, отнять у Брэнда Камень и пустить события по предначертанному отцом сценарию.

Я снова огляделся. Я сюда еще вернусь, вернусь и спокойно изучу обстановку — если, конечно же, останусь жив. Над этим местом нависло почти осязаемое присутствие тайны. Тайна ощущалась в воздухе, в каждом дуновении ветра. Что изменилось в мире с созданием нового Огненного Пути? Чтобы разобраться в этом, потребуются века и века.

Я поднял руку, прощаясь с деревом, и — готов поклясться! — оно тоже взмахнуло веткой. Я потрогал приколотую к воротнику розу, придал ей, по мере сил и возможностей, нечто вроде первоначальной формы.

Пора в дорогу. У меня еще есть дело.

Я опустил голову, закрыл глаза и попытался вспомнить Дворы Хаоса, равнину, примыкающую к предельной бездне. Я увидел странное, дикое небо, увидел эту равнину, населил ее своими родственниками, заполнил войсками. Я словно услышал — или действительно услышал? — звуки далекой битвы. Сцена быстро

изменялась (без моего уже участия), становилась ярче и отчетливее. Я вгляделся еще пристальнее — и отдал Огненному Пути приказ.

Мгновение спустя я увидел эту равнину воочию, с вершины крутого холма. Холодный, до костей пронизывающий ветер рвал с меня плащ, небо было то самое, знакомое по прошлому разу — бешено вращающаяся карусель, наполовину черная, наполовину раскрашенная радужными, психоделически-яркими полосами, непрерывно шевелящимися, наползающими друг на друга. В воздухе стоял тяжелый запах то ли гнили, то ли еще какой гадости. Теперь Черная дорога оказалась справа, чудовищный ее шрам рассекал равнину, перепрыгивал через провал и упирался в черную, мертвенно поблескивающую цитадель. И по Черной дороге, и по тонким кружевным мостам, колыхавшимся над бездной, двигались какие-то странные, мучительно чуждые... существа? или предметы? Внизу, у подножия холма, поле было буквально забито войсками — главные, наверное, силы. За моей спиной слышались звуки, совсем не напоминавшие легкий звон крылатой колесницы Времени.

Повернувшись на север (север — если прежние мои оценки направления верны), я снова увидел знакомую картину. Взбесившийся, вставший на дыбы ледник — вот что напоминал голубовато-серый фронт дьявольской грозы. Продвигаясь через дальние горы, гроза рвала воздух пушечными раскатами грома, осыпала землю сотнями молний.

Итак, создание нового Огненного Пути не уничтожило ее, не остановило. Похоже, гроза попросту обошла защищенный пятачок и направилась дальше — туда, куда уж она там направлялась. Будем надеяться, что следом за ней двинутся некие конструктивные силы, порождаемые моим Огненным Путем, что эти силы наново установят порядок во взбаламученных отражениях. Будем надеяться. А еще — очень хотелось бы знать, как скоро эта мерзость доберется сюда?

Я услышал дробный перестук копыт и развернулся, выхватывая одновременно клинок...

Прямо в мою сторону мчался рогатый всадник на мощном вороном скакуне; его глаза сверкали оранжевым, как пламя костра, светом.

Я встал поудобнее и начал спокойно ждать. Откуда он на мою голову? Скорее всего — вон с той кружевной дороги, которую принесло сюда ветром. Мы находились на приличном удалении от главного театра военных действий. Рогатый скакал по холму вверх, а я внимательно его рассматривал. Хороший у него, надо признать, конь, вон какая мощная грудь. А куда подевался Брэнд? Я совсем не намерен драться тут с каждым встречным-поперечным.

В правой руке всадника сверкнула изогнутая сабля. Я отбил жутковатое оружие ударом влево и вниз, когда он попытался разрубить меня пополам, ухватил рогатого героя за низко опущенную руку и выдернул из седла.

— Эта роза... — начал он, тюком валясь на землю, но тут же захрипел и смолк — с перерезанной глоткой много не поговоришь. Рана мгновенно заалела.

Я выпустил обмякшую руку противника, вложил Грейсвандир в ножны, пробежал несколько шагов и успел-таки поймать черного скакуна за уздечку. Пошептал коню на ухо и отвел его от высоко взметнувшегося пламени. Через несколько минут мы установили довольно дружеские отношения, и я вскочил в седло.

Видя, что конь дрожит и прядает ушами, я дал ему прогуляться по вершине холма шагом — пусть успокоится, а мы тем временем проведем рекогносцировку.

Армия Амбера вроде бы наступала, по всему полю валялись дымящиеся трупы. Главные силы противника сгруппировались на высотах, непосредственно прилегавших к провалу. Они отходили — медленно, стройными рядами, но отходили. По мостам, переброшенным через бездну, на помощь защитникам высот спешили свежие войска. Судя по их все возраставшей численности, по позициям, где они разворачивались в боевой порядок, Хаос готовил контрнаступление. Брэнда нигде не было видно.

Даже будь я сейчас в доспехах, будь я свежим и бодрым, как майское утро, — даже тогда я бы десять раз подумал, прежде чем скакать вниз и ввязываться в общую схватку. У меня есть своя, конкретная работа: найти Брэнда. Сомнительно, чтобы этот красавец был в самой гуще сражения. Я осмотрел фланги, выискивая одинокую фигуру. Не видать... Возможно, он на дальнем краю поля. Придется описать круг, заехать с севера. Западные фланги армий были слишком от меня далеко, я почти ничего там не различал.

Я развернул коня и поскакал вниз. Хорошо бы сейчас упасть и не вставать. Свалиться на землю, куда попало, и уснуть. Я горько вздохнул. Так где же он, проклятый Брэнд?

Спустившись с холма, я свернул в широкую, совершенно сухую канаву, тянувшуюся прямо в нужном направлении. Да, этот фланг нужно будет осмотреть получ...

— Лорд Корвин из Амбера?

Он поджидал меня за поворотом — крупный, мертвенно-бледный человек с рыжей шевелюрой, восседавший на гнедом коне. Облаченный в тускло-красные, с зеленоватым орнаментом доспехи, он сидел неподвижно, как статуя.

— Я увидел тебя на вершине холма. На тебе, как я понимаю, доспехов нет?

Я постучал себя по ребрам.

Коротко кивнув, рыжий потянулся к левому своему плечу, к правому, затем к бокам. Расстегнув панцирь, он снял его, уронил на землю и занялся поножами.

— Я давно хотел с тобой встретиться, — обрадовал меня он, продолжая разоблачаться. — Я — Борель. Я не хочу, чтобы потом говорили, будто я убил тебя в нечестном бою.

Борель... Что-то знакомое в имени... Ну да, конечно. Это же Дара рассказывала, она его очень любит и уважает. Великий боец, научивший ее владеть клинком. Великий-то великий, а дурак он тоже немалый. Расставшись с броней, Борель расстался с моим к нему уважением. Бой — не детские игрушки, я совсем не намерен подставлять свое нежно любимое тело под удары самодовольного болвана, придерживающегося иного мнения. И уж тем более когда болван этот имеет приличную квалификацию, а я — что выжатый лимон. Он же меня если сразу не достанет, так до смерти загоняет.

— Сегодня мы разрешим наконец вопрос, столь долго волновавший меня, — обнадежил меня Борель.

Я ответил несколько архаичной непристойностью, развернулся и поскакал назад, откуда приехал. Борель рванул за мной следом.

Положение мое оставляло желать много лучшего. Начальная дистанция — всего ничего, этот тип меня, конечно же, догонит, и очень быстро. Догонит и либо

рубанет по незащищенной спине, либо проявит свое хваленое рыцарство, заставит сражаться — и опять же убьет.

— Трус! — орал он мне в спину. — Ты бежишь от боя! И это — великий воитель, о ком я столько наслышан!

Я потянулся к вороту и расстегнул плащ. Края канавы были уже вровень с моими плечами... вровень с поясом...

Я выскочил из седла налево, запнулся о камень, чудом не упал, пробежал пару шагов и остановился; вороной промчался дальше. Я встал на край канавы.

Зажав плащ обеими руками, я продемонстрировал несущемуся во весь опор Борелю «обратную веронику»*. Через мгновение рыжий воитель утратил всякую способность сопротивляться — его голова была покрыта плащом, рука, сжимавшая обнаженный меч, безнадежно запуталась.

И тогда я ударил его ногой. Целился я в голову, попал всего лишь в левое плечо, но хватило и этого. Борель вылетел из седла, его гнедой скакун проследовал за моим вороным.

Я спрыгнул в канаву, вытаскивая по пути Грейсвандир. Борель уже выпутался из плаща, сел на землю и явно намеревался встать. Я проткнул его насквозь и сразу же вытащил клинок; из раны полыхнуло пламя.

— Сколь низок твой поступок! — возмущенно воскликнул Борель. Его лицо выражало искреннее удивление. — Я был о тебе лучшего мнения!

— Здесь — не олимпийские игры, — заметил я, подбирая свой плащ и стряхивая с него искры.

Затем поймал вороного и снова забрался в седло.

Дальнейший мой путь на север пролегал по местности чуть повыше. Отсюда я увидел Бенедикта, руководившего битвой, а глубоко в тылу, в низине, на мгновение заметил Джулиана, возглавлявшего арденские войска. Судя по всему, Бенедикт держал их в резерве.

Я продолжал скакать навстречу надвигающейся грозе под бешено вращающимся, наполовину черным, наполовину радужным небом. Вскоре я приблизился к избранному заранее наблюдательному пункту — самому высокому из окрестных холмов — и начал на него подниматься. По дороге я несколько раз останавливал коня и оглядывался.

Теперь я увидел Дейрдре, облаченную в черные доспехи и вооруженную секирой, Ллевелла и Флора выбрали себе место среди лучников, Фиона куда-то запропастилась, Джерард — тоже. Вон тот всадник с тяжелым мечом, возглавляющий атаку на вражеские высоты, — конечно же, Рэндом. Невдалеке от Рэндома сражался некий незнакомый мне рыцарь; одетый в зеленые доспехи, он работал палицей с прямо-таки устрашающей эффективностью. За спиной незнакомца висел лук, на бедре — колчан, полный сверкающих стрел.

К тому времени как я достиг вершины холма, звуки грозы заметно усилились. Молнии сверкали с регулярностью испорченной неоновой трубки, дождь низвергался сплошным потоком — фибергласовый занавес, успевший уже миновать и закрыть горы.

Внизу, подо мной, сцепились в битве звери и люди, среди которых можно было заметить и зверолюдей. Над полем повисло густое облако пыли. Судя по расположению сил, сильно возросшая по своей численности армия Хаоса не намеревалась больше отступать. Скорее наоборот, она готовилась броситься в контр-

атаку. Резервные отряды противника выстроились в скалистых ущельях, им не хватало только приказа.

Я не ошибся: не прошло и двух минут, как картина сражения разительно изменилась. Свежие войска лавиной скатывались со склона, усиливали боевые порядки обороняющихся, с ходу переходили в наступление; по переброшенным через черную бездну мостам двигались все новые и новые подкрепления; наша армия начала более или менее упорядоченный отход. Противник наращивал давление, и в тот самый момент, когда отступление был уже готово перейти в паническое бегство, Бенедикт, надо думать, отдал приказ.

Я услышал рожок Джулиана, а вскоре увидел и его самого верхом на Моргенштерне; на поле битвы хлынула арденская гвардия. Теперь силы схватившихся у черной бездны армий приблизительно сравнялись, грохот, долетавший до моих ушей, заметно усилился, в дикое, волчком вращающееся небо взметнулись новые облака пыли.

Я наблюдал за битвой уже с четверть часа; наши войска медленно отходили по всему фронту. Вдруг на вершине одного из дальних холмов появился однорукий всадник с воздетым к небу мечом. Голова полосатого, огненно-яркого скакуна была повернута к западу, в противоположную от меня сторону.

Несколько томительно долгих мгновений всадник не двигался. Затем он резко взмахнул клинком.

На западе громко пропели трубы. Первые секунды я не видел ровно ничего; потом на поле вылетела цепь кавалеристов. Я вздрогнул, сразу же вспомнив о Брэнде, но тут же облегченно сообразил, что это Блейз бросил свои войска на оголенный фланг противника.

Наша армия прекратила отход. Какое-то время она только сдерживала натиск орд Хаоса, а затем двинулась вперед.

Блейз и его всадники ввязались в схватку, и я понял, что сегодня Бенедикт снова одержит победу. Враги будут стерты в порошок.

Затем с севера налетел холодный, пронзительный ветер. Я обернулся.

Гроза заметно приблизилась. Судя по всему, сейчас она двигалась быстрее, чем прежде. Стена дождя угрожающе потемнела, молнии сверкали чаще и ярче, гром грохотал с удвоенной яростью.

Ну и что же? Прокатится эта всеуничтожающая волна по полю, и тем дело кончится? А благотворное воздействие нового Огненного Пути? Придет следом и восстановит все как было? Вот тут у меня возникли сильные сомнения. Если армия Амбера будет уничтожена, то, скорее всего, тем дело и кончится — никто и ничто нас не воскресит. Только мощь Камня способна остановить эту дьявольскую грозу, задержать ее до полного восстановления порядка. Сумей мы даже ее пережить, что бы осталось от мира? На этот счет у меня и предположений не было.

Так что же задумал Брэнд? Чего он ждет? Что он намерен делать?

Я снова оглядел поле сражения...

Нечто интересное.

Там, в тени, на тех самых холмах, где скапливались силы противника, на холмах, откуда они бросились в контратаку... там нечто очень и очень интересное.

Еле заметный всплеск красного света... Точно, я видел, я не мог ошибиться!

Я стоял, всматривался и ждал. Нужно засечь эту вспышку снова, сориентироваться, хорошенько запомнить точку.

Прошла минута. Другая...

Вот! И снова!

Я развернул вороного. Представлялось вполне возможным обогнуть ближний фланг противника, а затем подняться на эту вроде бы пустующую высотку. Таким курсом я и поскакал, спустившись с холма.

Наверняка это Брэнд с Камнем. Выбрал себе хорошее, безопасное место, откуда можно наблюдать и за полем сражения, и за надвигающейся грозой. Понаблюдает-понаблюдает да и направит на наши войска молнии. В нужный момент он подаст сигнал к отходу, обрушит на нас всю ярость непонятной грозы, а затем заставит ее обойти войска Хаоса. Самое при сложившихся обстоятельствах простое и эффективное использование мощи Камня.

Моя власть над Камнем значительно сильнее, однако она уменьшается с расстоянием; власть Брэнда слабее, зато Камень висит у него прямо на груди. Лучшее, что можно сделать, — это броситься на Брэнда, любой ценой к нему приблизиться и перехватить контроль над Камнем.

Плохо только, если у него есть охрана. Справиться-то я справлюсь, но потеряю на этом драгоценные секунды. А если охраны нет — что помешает Брэнду телепортироваться в какое-нибудь другое место, коли ситуация покажется ему невыгодной? И что же мне тогда делать? Начинать охоту заново?.. А нельзя ли помешать ему смыться с помощью того же Камня? Дело темное, но попробовать можно.

План далеко не идеальный, но другого у меня не было. Как не было и времени на раздумья.

Неожиданно выяснилось, что эта высотка заинтересовала не меня одного. Рэндом, Дейрдре и Фиона, сопровождаемые восемью всадниками, весьма успешно прорывались сквозь линии противника, за ними поспешали еще какие-то воины — то ли друзья, то ли враги, а может, и те и другие вперемешку. Всех обогнал тот самый рыцарь в зеленом; я так и не сумел распознать его — а может, и ее. Присутствие среди атакующих Фионы не оставляло никаких сомнений относительно их намерений. Видимо, она обнаружила Брэнда и возглавила группу захвата. С моего сердца свалился один из многочисленных камней. Можно надеяться, что Фиона сумеет нейтрализовать — или хотя бы минимизировать — силы Брэнда.

Я пригнулся к луке и погнал коня еще сильнее. Все так же вертелась небесная карусель, в ушах свистел ветер. Сзади прогремел очередной чудовищный раскат; я даже не оглянулся.

Я пытался их обогнать. Нельзя, чтобы они добрались туда первыми, хотя так скорее всего и будет. Слишком уж мне далеко.

Если бы они подождали, если бы повернулись и заметили меня! Жаль, что нельзя было с самого начала сообщить им о своем присутствии: не было никаких способов. Самое время использовать карты — и именно сейчас они не действуют!

Я начал орать. Я кричал и кричал, но ветер уносил мои слова в сторону, пушечные раскаты грома их заглушали.

— Подождите меня, подождите! Постойте, черт побери, это я, Корвин!

Никто из родственничков и ухом не повел.

А вот и разрозненная группа яростно сражающихся воинов; я миновал их и поскакал вдоль фланга противников, предусмотрительно держась вне досягаемости стрел и прочих метательных снарядов. Теперь армия Хаоса отступала по-

быстрее, наши войска занимали все большую территорию. Не иначе как Брэнд готовит свой удар. На вращающееся небо наползла темная, мрачная туча; еще несколько минут назад ее над полем не было.

Я свернул направо, в тыл отступающих войск, и поскакал к холму; Фиона, Рэндом и прочие уже начали на него подниматься.

Подножие холма становилось все ближе и ближе, а небо — все темнее и темнее. Я очень боялся за своих родственников. Слишком уж близко они подобрались к Брэнду, он наверняка что-нибудь этакое сделает. Хватит ли у Фионы сил, чтобы его остановить?

Ослепительная вспышка, прямо впереди; конь встал на дыбы и выбросил меня из седла. И сразу же, еще прежде чем я грохнулся на землю, прозвучал мощный раскат грома.

Несколько мгновений я лежал на спине оглушенный, а затем поднял голову и осмотрелся. Вороной убежал метров на пятьдесят и остановился, нерешительно крутя головой и переминаясь с ноги на ногу. Я перевалился на живот и взглянул вверх по склону. Теперь стало понятно, кому именно предназначалась та молния — Фиона и все ее спутники находились в точно таком же, как я, положении. Горизонтальном. Некоторые из них шевелились, но никто еще не встал. Чуть повыше, в чем-то вроде неглубокой пещеры под нависающей над склоном скалой, устойчивым, ярко-красным огнем горел Камень; всмотревшись получше, я различил и смутные очертания человека, на чьей груди Камень висел.

Я пополз — вверх, вперед и чуть-чуть влево. Встать, пока я нахожусь в поле зрения этого человека, было бы неоправданным риском, а встать было нужно, и поскорее. Проделать весь путь ползком — на это потребуется слишком много времени, к тому же мне придется теперь далеко обогнуть своих родственников; Брэнд, надо думать, не спускает с них глаз.

Я полз медленно, осторожно, используя каждое подручное укрытие. Интересно, собирается ли Брэнд добить их второй молнией, а если нет — скоро ли он начнет уничтожать наши войска? С минуты на минуту, если судить по ситуации на поле боя. Оглянувшись назад, я увидел, что вражеские силы быстро отступают — и, кстати сказать, двигаются прямо в нашем направлении. Еще одна, дополнительная угроза.

Я нашел узкую неглубокую впадину и прополз по ней к югу метров, наверное, десять. Потом подвернулась очень удобная складка, потом — россыпь камней.

Когда я захотел оценить обстановку и поднял голову, красный огонь уже исчез, заслоненный восточным краем расселины, где обосновался Брэнд.

Однако я продолжал ползти в том же направлении, добрался чуть не до самого края бездны и только там свернул направо. Вскоре я позволил себе встать. Я ежесекундно ожидал новой вспышки, нового раската грома — либо неподалеку, либо на поле сражения, однако все было тихо. Почему бы это? Очень, очень странно... Я попытался ощутить близость Камня, но не смог. Тогда я пошел, почти побежал, к месту, где он недавно светился.

Я оглянулся на бездну — чтобы удостовериться, что с этой стороны не предвидится никаких новых опасностей, — и обнажил Грейсвандир.

Вот оно, логово врага. Последние метры я проделал, плотно прижимаясь к склону. В самом конце своего многотрудного пути я опустился на четвереньки и осторожно, очень осторожно заглянул в глубь расселины.

Красного сияния там не было. Темной фигуры — тоже. Пустая, ничем не примечательная каменная яма. В ближайших ее окрестностях — ровно ничего подозрительного или интересного. Выходит, Брэнд снова телепортировался? А если да, то почему?

Я встал и обогнул скальный выступ. Сзади я уже был, так что пойдем вперед. Я снова попытался нащупать Камень — и почувствовал слабенький, на пределе восприятия, контакт. Где-то вроде бы справа и вверху.

Туда я и направился, бесшумно и настороженно. С чего бы это Брэнд оставил свое убежище? Идеальная ведь позиция для осуществления его планов. Разве что...

Я услышал громкий вопль, а затем — залп проклятий. Два различных голоса. Я побежал, не заботясь больше ни о какой скрытности.

XI

Чуть подальше пещеры обнаружилась тропа, извилисто уходившая вверх. Я помчался по тропе.

Я не видел еще никого и ничего, зато все отчетливее ощущал близость Камня. Справа послышалось какое-то шевеление; я резко развернулся, однако никого не обнаружил. Камень был не в этой стороне и совсем не так близко. Я снова побежал вверх.

От самого края склона, за которым холм круто обрывался в черную, зловещую бездну Хаоса, донеслись возбужденные голоса. Я вслушался, но не смог разобрать ни слова.

Приблизившись к гребню, я замедлил шаги, пригнулся и осторожно выглянул из-за удачно подвернувшейся скалы.

В каком-нибудь десятке метров от меня стояли Рэндом с Фионой, а также лорды Шантри и Фелдейн — все они, исключая Фиону, держали оружие на изготовку, однако стояли совершенно недвижно: смотрели, затаив дыхание, на узкую, чуть приподнятую гряду, за которой чернело Ничто.

Там, у самого края бездны, Брэнд прижимал кинжал к горлу Дейрдре. Дейрдре потеряла где-то свой шлем, ее спутанные волосы трепались по ветру, на белом, таком беззащитном, горле уже выступила капелька крови. Я спрятался за свою скалу и стал слушать.

— Фи, — негромко сказал Рэндом, — ты бы не могла что-нибудь с ним сделать?

— Я могу его сдерживать, — ответил голос Фионы. — На таком расстоянии я могу затруднить ему управление погодой. Но это, пожалуй, и все. У него есть настройка на Камень, хоть и неполная, а у меня — никакой. Кроме того, он ближе к Камню. Он легко пересечет любую мою попытку перехватить управление.

— Бросайте оружие, — крикнул Брэнд. — Бросайте, или я ее убью!

— Убивай, — откликнулся Рэндом. — Убивай, и ты порвешь последний волосок, на котором висит твоя жизнь.

Брэнд пробормотал что-то неразборчивое.

— Хорошо, — сказал он через секунду. — Тогда я начну ее калечить.

— Валяй, — презрительно бросил Рэндом. — Дейрдре регенерирует с такой же легкостью, как и любой другой член нашей семьи. Так что придумай что-нибудь осмысленное, чтобы мы и вправду испугались, — или заткнись и попробуй пробиться с боем.

Брэнд молчал. Мне не хотелось выдавать свое присутствие — возможно, я еще сумею что-нибудь сделать. Но так вот сидеть и ничего не видеть... Я осторожно, на одно лишь мгновение, высунул голову; теперь в моем мозгу запечатлелась вся сцена действия, со всеми мельчайшими подробностями, будто фотография. Слева, чуть поодаль, есть камни, но их мало... Нет, не подберешься к нему незаметно, никак не подберешься.

— Думаю, — прозвучал голос Рэндома, — нам придется броситься на него всем вместе, и будь что будет. Лично я других вариантов не вижу. А вы?

Прежде чем кто-либо успел ответить, произошла странная вещь. Сгущавшийся прежде мрак начал быстро рассеиваться.

Я посмотрел вверх, выискивая источник неожиданного освещения.

Безумное небо было все так же затянуто тучами, только теперь эти тучи посветлели, словно за ними пряталось солнце. Посветлели — и продолжали светлеть прямо у меня на глазах.

— Что это он еще придумал? — спросил Шантри.

— Я ничего такого не чувствую, — откликнулся голос Фионы. — Так что это — не он.

— А кто же тогда?

Ответа не последовало — я, во всяком случае, ничего не услышал.

Я смотрел, как тучи становятся все ярче и ярче. И вдруг самая из них большая, самая яркая взвихрилась, словно раскрученная огромной мешалкой. В ней стали образовываться, устанавливаться какие-то формы. Еще несколько секунд — и на небе появились вполне определенные очертания.

Шум, доносившийся с поля битвы, заметно приутих, даже гроза гремела теперь вполсилы, почти робко. Из яркого, повисшего прямо в зените пятна на нас смотрело огромное человеческое лицо.

— Да говорю же тебе, что не знаю! — раздраженно ответила Фиона на чей-то не расслышанный мною вопрос.

Я понял, чье это лицо, — понял еще до того, как оно сформировалось окончательно. Лицо нашего отца. Красивый фокус!.. Знать бы только, для чего это делается.

Лицо пошевелилось, словно вглядываясь в нас, стоящих здесь, на краю бездны. Лицо отца, усталое и озабоченное. Затем оно стало еще ярче. А еще через мгновение огромные губы зашевелились.

Вместо ожидаемых громовых раскатов я услышал спокойный, хорошо знакомый голос.

— Я составляю это послание, — сказал отец, — перед тем, как приступить к починке Огненного Пути. Сейчас, когда вы меня слушаете, я уже либо добился успеха, либо потерпел неудачу. Сразу за посланием придет волна Хаоса — неизбежное последствие моей попытки. Я почти уверен, что попытка эта меня убьет.

Его глаза пошевелились, словно оглядывая поле сражения.

— Я не узнаю, радуетесь вы сейчас или печалитесь, присутствуете при начале или конце. Как только я закончу работу, Камень Жребия будет послан Корвину,

Корвин должен доставить его на место битвы. Если волну Хаоса не удастся отвратить, все ваши усилия окажутся втуне. Однако Корвин, вооруженный Камнем, сумеет защитить вас, пока волна не схлынет. Должен суметь.

Я услышал смех Брэнда — бешеный, сумасшедший хохот.

— После моей смерти, — продолжил голос, — перед вами встанет вопрос о престолонаследии. Я имел на этот счет некоторые пожелания, но они оказались тщетными. Поэтому мне остается одно — возложить выбор на рог Единорога. Дети мои, я не очень вами доволен, но ведь и вы скорее всего можете сказать то же самое про меня. Ладно, что было — то было. Я оставляю вам свое благословение, и это — не просто ритуальная формальность. Теперь я займусь Огненным Путем. Прощайте.

Яркое пятно в тучах начало быстро бледнеть, лицо отца — расплываться. Еще несколько секунд, и оно исчезло без следа. Над полем битвы повисла тишина.

— ...И, как вы сами прекрасно видите, — говорил Брэнд, — у Корвина нет Камня. Бросайте оружие и убирайтесь отсюда к чертовой матери. Или сохраните оружие при себе — и убирайтесь. Мне на это наплевать. Просто оставьте меня в покое. У меня еще уйма дел.

— Брэнд, — спросила Фиона, — ты можешь сделать то, что отец поручил Корвину? Ты можешь отвести от нас эту штуку?

— Захочу, так смогу, — издевательски откликнулся Брэнд. — Да, я могу отвести грозу в сторону.

— Сделай так, и ты будешь героем, — негромко сказала Фиона. — Ты заслужишь нашу вечную благодарность. Все прежние грехи будут прощены. Прощены и забыты. Мы...

— Вы? — дико расхохотался Брэнд. — Вы просите меня? Вы, засунувшие меня в эту проклятую башню? Ты, пырнувшая меня ножом? Спасибо, сестричка, большое тебе спасибо. Я очень благодарен тебе за великодушное предложение, но, как ни печально, вынужден его отклонить. Ты уж на меня не обижайся.

— Хорошо, — заговорил Рэндом. — А чего же хочешь? Наших покаянных извинений? Богатств и сокровищ? Занять важный пост? Или и то, и другое, и третье? Бери все, что угодно. Ты только пойми, что затеял крайне глупую игру. Кончим ее, вернемся домой и сделаем вид, что все это было дурным сном.

— Да, — с готовностью откликнулся Брэнд, — покончим. Для этого вы для начала бросите оружие на землю. Затем Фиона развернется на сто восемьдесят градусов и бодро пошагает на север. Именно так вы и сделаете — иначе я убью Дейрдре.

— Тогда уж лучше убивай ее поскорее, — сказал Рэндом, — и будь готов сразиться со мной. Если ты получишь возможность довести свои планы до конца, Дейрдре все равно погибнет, разве что чуть позже. А вместе с ней погибнут и все остальные.

Брэнд презрительно хохотнул:

— Ты что, и вправду надеешься, что я позволю вам умереть? Нет, вы мне нужны, и чем больше вас я сумею спасти — тем лучше. Это касается и Дейрдре. Кто же, кроме вас, сумеет по достоинству оценить мой триумф? Нет, я проведу вас через грядущую катастрофу, буду беречь вас как зеницу ока.

— Я тебе не верю, — холодно кинул Рэндом.

— А ты подумай, подумай. Ты же прекрасно меня знаешь, а потому должен понимать, как я хочу насладиться своим успехом. Я хочу, чтобы вы увидели, увидели все, что я сделаю. В этом смысле мне просто необходимо ваше присутствие в новом мире. А теперь — убирайтесь.

— Ты получишь все, что только пожелаешь, — сказала Фиона, — плюс нашу благодарность, если просто...

— Убирайтесь!

Я понял, что медлить больше нельзя. Нужно действовать. И я понимал, что не сумею добраться до него достаточно быстро. Оставалось одно — попытаться использовать против Брэнда живой, висящий на его груди огонь.

Я связался с Камнем, ощутил его присутствие. Закрыл глаза, собрал все, какие оставались, силы.

Горячо, думал я, горячо. Он жжет тебя, Брэнд. Он заставляет каждую молекулу твоего тела вибрировать все быстрее и быстрее. Ты превращаешься в факел...

Я услышал жуткий вопль.

— Корвин! — кричал Брэнд. — Корвин, прекрати! Где бы ты ни был!.. Я убью ее! Смотри!

Я встал — ни на мгновение не переставая говорить Камню: «Жги его! Жги его!» Я вышел из-за скалы и взглянул на Брэнда. Его одежда начинала тлеть.

— Прекрати! — взревел он, а затем полоснул Дейрдре кинжалом по лицу.

В глазах моих все поплыло; кажется, я что-то кричал. Я утратил контроль над Камнем. Но в этот же момент растрепанная, окровавленная Дейрдре впилась зубами в руку, снова занесшую кинжал над ее лицом. Воспользовавшись мгновенным замешательством Брэнда, она ударила его локтем в солнечное сплетение и попыталась вырваться.

И тут же в воздухе что-то сверкнуло. Брэнд захрипел и выпустил кинжал — в его горле торчала серебристая стрела. Следующая стрела, мелькнувшая мгновением позже, пробила ему грудь чуть правее Камня.

Брэнд издал кошмарный булькающий звук, покачнулся и отступил на шаг. Но отступать было некуда — он стоял на краю обрыва.

Глаза нашего рыжего брата безумно расширились, он начал падать в черную бездну. Затем правая, с кровавыми следами зубов, рука метнулась вперед и поймала волосы Дейрдре. Я уже бежал, я что-то кричал — и с ужасом понимал, что не успею.

На окровавленном лице Дейрдре появился ужас, она дико вскрикнула, потянулась навстречу мне руками...

А затем и Брэнд, и Дейрдре, и Камень перевалились через край бездны. Они падали долго, бесконечно долго, исчезли с глаз, и больше их не было.

Я вроде бы попытался броситься следом, Рэндом меня поймал, но я все время вырывался. В конце концов ему пришлось ударить меня, и тогда все исчезло.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на сухой каменистой земле, чуть подальше от обрыва, чем то место, где Рэндом меня шарахнул. Кто-то подсунул мне под голову мой же, в несколько раз сложенный плащ. Но это — чуть позже, а первое, что я увидел, было вращающееся небо, и я сразу вспомнил день первой своей встречи с Дарой и тот сон о колесе. Я чувствовал, что все остальные тут, рядом, и я слышал их голоса, но смотреть на них, поворачивать голову не хотелось. Я просто лежал и созерцал небесную мандалу и думал о своей утрате.

Дейрдре... она значила для меня больше, чем вся остальная семья, вместе взятая. Нехорошо, наверное, но что было — то было, и ничего уж тут не попишешь. Сколько раз мне хотелось, чтобы Дейрдре не была мне сестрой!.. Только реальность приходится принимать такой, какая она есть; постепенно я смирился с ситуацией. Мои чувства не изменились и никогда не изменятся, однако... А теперь ее нет, и эта мысль ужасала меня больше, чем грядущее уничтожение мира.

И все же нужно посмотреть, что там сейчас происходит. С исчезновением Камня надежды наши пошли прахом. И все же... Я попытался почувствовать его присутствие, где бы он ни был, но успеха не добился. Я попытался сесть, чтобы посмотреть, насколько приблизилась война Хаоса, но кто-то толкнул меня в плечо, снова уложил на спину.

— Отдохни, Корвин. — Голос принадлежал Рэндому. — Ты совсем вымотался, словно только что прополз сквозь ад на карачках. Ничего ты сейчас не сделаешь, так что и не трепыхайся!

— А при чем тут состояние моего здоровья? — разумно возразил разумный Корвин. — Очень скоро оно не будет иметь ровно никакого значения.

Я снова попробовал сесть. На этот раз рука Рэндома не стала мне мешать, а, наоборот, помогла.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Только тут и смотреть-то, правду говоря, не на что.

В общем, он был прав. Битва фактически закончилась, остались только немногие очаги сопротивления; очаги быстро окружали, а сопротивляющихся либо убивали, либо брали в плен. Все — и разгромленный противник, и победоносные войска Амбера — двигались в нашу сторону, дружно отступая от неумолимой волны, накатившейся уже на дальний край поля. Скоро эти высоты заполнятся уцелевшими воинами обеих армий.

Я взглянул назад. Со стороны темной цитадели не двигалось никаких новых сил. А может ли эта цитадель послужить нам убежищем, укрыть от надвигающейся волны? Если и да — что потом? Бездна? Да, наверное.

— Скоро, — пробормотал я, вспомнив Дейрдре. — Скоро.

Собственно, почему бы и нет?

Я смотрел на грозовой фронт, сверкающий молниями, все заслоняющий, трансформирующий... Да, очень скоро. Теперь, когда Камень исчез заодно с Брэндом...

— Брэнд... — сказал я. — Кто до него в конце концов добрался?

— Эта честь по достоинству принадлежит мне, — произнес какой-то очень знакомый голос. Знакомый — но чей?

Я повернул голову. Неподалеку на большом валуне сидел человек в зеленом. У его ног лежали лук и колчан. Улыбка, от которой мурашки по коже...

Кейн.

— Будь я проклят! — сказал я, потирая расшибленную Рэндомом челюсть. — Знаешь, а ведь по дороге на твои похороны со мной приключилась очень странная история.

— Как же, как же, — рассмеялся Кейн. — Наслышан. А тебе, Корвин, никогда не приходилось убивать самого себя?

— Что-то не припомню, во всяком случае — за последнее время. И как же это ты исхитрился?

— Забрел в подходящую Тень, подстерег там свою тень — вот тебе и труп. Жуткое, доложу тебе, ощущение. — Он зябко поежился. — Вряд ли я решился бы на такое второй раз.

— Но зачем? — удивился я. — Зачем было тебе симулировать смерть? Чтобы подставить меня?

— Я хотел докопаться до корня всех бед Амбера — и вырвать этот корень. — Кейн больше не улыбался. — Подумав, я решил уйти в подполье. Самый лучший способ уйти в подполье — убедить всех окружающих, что ты умер. Что касается корня бед... и тут я добился в конце концов успеха — причем прямо у тебя на глазах. — Он помолчал. — А насчет Дейрдре — мне тоже очень жаль. У меня не оставалось никакого выбора. Это был наш последний шанс. И я никак не думал, что Брэнд утащит ее с собой.

Я не мог больше смотреть на это лицо и отвел глаза.

— У меня не было выбора, — повторил Кейн. — Надеюсь, ты и сам это понимаешь.

Я кивнул.

— Но почему же все-таки ты обставил дело так, словно это я *убил тебя?* — спросил я через несколько секунд.

В этот момент появилась Фиона, сопровождаемая Блейзом. Я поздоровался с ними и опять повернулся к Кейну, ожидая ответа на свой вопрос. Блейзу я тоже мог бы задать ох как много вопросов, но это не горит.

— Ну так что?

— Хотелось убрать тебя с пути, — пожал плечами Кейн. — Я сильно подозревал, что за всеми этими бедами стоишь ты. Ты или Брэнд. Никто из остальных не подходил на роль главного злодея. Мне даже казалось, что вы действуете заодно — особенно в тот период, когда он боролся за твое возвращение.

— Вот тут-то ты все перепутал, — заметил Блейз. — Брэнд прямо из кожи вон лез, чтобы Корвин был от нас подальше. Он узнал, что к нему возвращается память, и...

— Понимаю, — прервал его Кейн, — прекрасно понимаю. Но тогда я смотрел на ситуацию иначе. А потому решил упрятать Корвина в каземат, чтобы он не мешал мне искать Брэнда. Я затаился и слушал по картам все ваши разговоры в надежде получить хоть какой-нибудь ключ относительно Брэндова местонахождения.

—Это отец и имел в виду, — вспомнил я.

— Что? — удивился Кейн.

— Он намекал, что среди нас завелся карточный соглядатай.

— Не понимаю, как он мог догадаться... Я же научился сохранять абсолютную пассивность! Я раскладывал все, какие есть, карты, затем легонько касался их, всех по очереди, и ждал. Когда появлялась реакция, я мгновенно переключал все свое внимание на говорящих. А вызывая вас по одному, я даже обнаружил, что иногда могу пробиться в ваши головы — если вы сами не пользуетесь в этот момент картами и находитесь в достаточно беззаботном состоянии, а я сам не реагирую, будто меня и нет.

— И все-таки он знал, — повторил я.

— Да, похоже, — согласилась Фиона. — Очень похоже.

Блейз покачал головой.

— А что это ты так интересовался боком Корвина? — спросил подошедший Рэндом. — Откуда бы тебе об этом знать? Разве что...

Кейн кивнул, даже не дослушав вопроса. Внизу, на поле, Бенедикт с Джулианом обращались, видимо, к войскам. Благодарят, что ли, за верную службу?.. Однако молчаливый кивок Кейна заставил меня мгновенно о них забыть.

— Ты? — прохрипел я. — Так это ты чуть меня не зарезал?

— Попей, Корвин, — сказал Рэндом, подавая мне свою фляжку; я буквально к ней присосался. Жажда мучила меня не знаю уж который час, однако я сделал всего несколько глотков, правда, довольно основательных.

— Ну-ка, — потребовал я, — расскажи поподробнее!

— Хорошо, — пожал плечами Кейн. — Кто-кто, а уж ты имеешь право спросить. Когда я прочитал в голове Джулиана, что ты вернул Брэнда в Амбер, то окончательно уверился в своих прежних догадках, что вы с Брэндом действуете на пару. А значит, вас обоих нужно уничтожить. В ту ночь я пробрался в твои покои при помощи Огненного Пути. Я пытался убить тебя, но ты двигался слишком уж шустро и не дал мне повторить попытки — улизнул через карту.

— Черт побери, — возмутился я, — как же ты не понимал, что режешь совсем не того, кого надо? Ты же сам говорил, что читаешь наши мысли.

— Не все так просто, — покачал головой Кейн. — Я могу подслушать разве что самые поверхностные мысли да реакцию на окружающую обстановку. И то не всегда. И ты не забывай, Корвин, что я слышал твое проклятие. Причем проклятие это сбывалось. Я видел, что вокруг нас происходит, и проникался все большей уверенностью: вас нужно убрать — и тебя, и Брэнда, — только тогда остальные смогут вздохнуть спокойно. Я знал, на что способен Брэнд, это ясно следовало из всех его действий перед твоим возвращением. Но добраться до него я не мог по милости Джерарда. А потом его сила стала быстро нарастать. Я сделал одну попытку, но из нее ничего не вышло.

— Когда же? — подозрительно прищурился Рэндом.

— Это — та самая история, в которой обвинили Корвина. Я был в маске, на случай если он, как Корвин, обратится к карте. Не хотел, чтобы все узнали, что я еще не изъят из обращения. К нему я проник точно так же, как и к Корвину, — дошел до центра Огненного Пути и приказал себя перенести. Я пытался его прикончить, оба мы были ранены, целое море крови, но в конечном счете Брэнд улизнул. Недавно я связался с Джулианом и выступил вместе с ним в этой битве — уж тут-то без Брэнда никак не могло обойтись. Подозревая, что он давно уже не такой, как все мы остальные, я заказал стрелы с серебряными наконечниками. Я хотел убить Брэнда мгновенно и не в ближнем бою, а с расстояния. Я потренировался в стрельбе из лука и пошел его искать. И нашел. И убил. Теперь вот все в один голос твердят, что насчет тебя я ошибался, так что одна стрела останется неиспользованной.

— Премного тебе благодарен.

— Пожалуй, я должен перед тобой извиниться.

— Это было бы просто великолепно.

— Пойми, я не сомневался в своей правоте. Все мои действия были направлены на наше общее благо и...

Обещанного извинения я так и не услышал — в этот самый момент Вселенную раскололо пение трубы, продолжительное и оглушительно-громкое, донесшееся словно сразу со всех сторон. Мы замолчали и начали озираться, высматривая источник звука.

— Там! — вскочил Кейн.

Его рука указывала на северо-запад. Грозовой фронт разорвался — в том самом месте, где из-под него выходила Черная дорога. Призрачный всадник на черном коне, появившийся из прорыва, поднес к губам трубу; вскоре до нас донеслись новые звуки. Через мгновение к первому всаднику присоединились еще две призрачно-бледные фигуры на черных конях; теперь поле недавней битвы оглашали звуки трех труб.

— Что бы это могло быть? — поразился Рэндом.

— Я, пожалуй, знаю, — сказал Блейз.

Фиона кивнула.

— Так что же? — спросил я.

Они не ответили. Всадники опустили трубы и поскакали вперед. За их спинами на Черную дорогу выезжали все новые и новые призрачные фигуры.

XII

Я затаил дыхание. И не только я — над полем битвы, над высотами повисла вязкая тишина. Никто не шевелился, все головы были повернуты в сторону процессии. Туда смотрели даже воины Хаоса, взятые нами в плен.

За призрачно-бледными трубачами двигались верхом на белых конях знаменосцы; среди массы знамен попадались и незнакомые. Над головой высокого человека (во всяком случае, он был очень похож на человека), возглавлявшего знаменосцев, развевалось полотнище с изображением Единорога — королевский штандарт Амбера. И снова музыканты, на этот раз — целый оркестр, некоторые из них играли на инструментах, никогда мною не виданных.

Далее выступали длинные колонны рогатых человекообразных существ. Каждый двадцатый, или около того, из этих закованных в легкую броню воинов вздымал над головой огромный факел. На нас катился глухой мерный шум, пробивавшийся, просачивавшийся даже сквозь оглушительное пение труб и звуки оркестра — топот тысяч солдатских ног.

Мы сидели, не шевелясь, утратив счет времени, боясь проронить хоть слово, а воины все шли и шли по Черной дороге, под звуки музыки и надсадные вопли труб, с горящими факелами и развернутыми знаменами. Достигнув обрыва, они не остановились, а двинулись дальше, освещая еле различимый, нависший над бездной мост пламенем факелов, еще ярче сверкавших на фоне запредельной тьмы.

Музыка гремела все громче и громче — по мере того как из-за исчерченного молниями занавеса выползали одна за другой нескончаемые колонны, к ней присоединялись все новые и новые голоса. Музыку эту не могли заглушить неуве-

ренные раскаты грома — так же как ветер, трепавший пламя факелов, не в силах был затушить из них хотя бы один.

Шествие завораживало, гипнотизировало; казалось, я смотрю на него уже многие дни, бессчетные годы, смотрю и пытаюсь узнать мелодию, исполняемую музыкантами, а потом я ее узнал и продолжал смотреть и слушать.

Неожиданно сквозь грозовой фронт прорвался дракон. И еще один, и еще. Зеленый, и золотой, и черный, как вороненая сталь, крылатые гиганты неслись, оседлав ветер, а когда какой-нибудь из них поворачивал голову назад, из его пасти вырывался длинный язык пламени, и пламя это не исчезало сразу, а тянулось, как яркий светящийся след. Подсвеченные сзади вспышками сотен молний, были они ужасны, великолепны и непостижимо огромны. Внизу, прямо под ними, появилось небольшое стадо белых коров; коровы закидывали головы и громко мычали, они взбрыкивали и рыли землю копытами, а вокруг них и среди них скакали всадники и щелкали длинными черными кнутами.

Затем Черную дорогу заполнили совсем уже нечеловеческого вида воины из далекой Тени, с которой Амбер изредка торговал. Тяжелые, покрытые чешуей, вооруженные острыми, как стилет, когтями, они извлекали из неуклюжих, вроде волынки, инструментов резкие визгливые звуки, от которых мурашки шли по коже, а сердце наполнялось печалью.

И новые, и новые войска с факелами и под своими знаменами изо всех, кажется, Теней, близких и далеких; с нашего холма это было похоже на миграцию светлячков. Все они пересекали равнину, все они направлялись к одной и той же конечной цели — к черным, проступающим на фоне бешеного неба башням, к Дворам Хаоса.

Они шли и шли, и не было им конца, и за все это время грозовой фронт не сдвинулся ни на йоту. Я утратил счет времени, утратил даже ощущение собственной индивидуальности, почти стал непосредственным участником шествия. Я присутствовал при событии, равном которому не было и не будет.

Над колоннами мелькали какие-то яркие летающие твари; другие, темные, парили в вышине. Призрачные барабанщики, существа, сотканные из одного лишь света. Стая летающих машин. Всадники в черном, скачущие на самых разнообразных зверях и чудовищах. В небе вспыхнул — и тут же исчез — сверкающий виверн*; это было похоже на праздничный фейерверк. Через нас перекатывалась мощная волна звуков, в которой мешались и цокот конских копыт, и мерная поступь легионов, и пение, и взвизги волынок, и барабанная дробь, и надсадные вопли труб. Процессия уходила по черному, над кромешной тьмой повисшему мосту все дальше и дальше, факелы передового ее отряда стали едва различимы.

А затем из-за сверкающего занавеса выплыла новая форма: длинные черные дроги, запряженные четверкой черных коней. Высокие жезлы, установленные по углам, горели холодным голубоватым огнем, посреди платформы располагался гроб, обернутый королевским штандартом Амбера. Управлял дрогами горбун в пурпурных с оранжевым одеяниях — Дворкин.

Вот, значит, так, думал я. Не знаю уж почему, но это как-то очень правильно. Правильно, что последний твой путь лежит в Древнюю Страну. Мне нужно было сказать тебе очень многое; и нужно было, и хотелось. Кое-что я даже успел сказать, но почти всегда — как-то не так, не теми словами. А теперь ничего больше

не скажешь — ты умер. Умер, как и все, ушедшие прежде тебя в то место, куда скоро проследуем и мы, остальные. Мне жаль, что тебя больше нет. Только после этих лет, на которые ты принял другое имя, и лицо, и форму, узнал я тебя, начал тебя уважать, даже любить — хотя и в этой форме ты остался хитроумным ублюдком. Был ли Ганелон настоящей твоей, неведомой мне прежде, личностью — или ты, Старый Оборотень, просто использовал его, как подходящую к случаю маску? Я никогда этого не узнаю, но мне хочется думать, что я увидел тебя наконец в настоящем твоем виде, что я встретил человека, который мне нравился и которому я мог доверять, и что это был ты, какой ты есть. Был. Мне жаль, что я не узнал тебя еще лучше, но я благодарен и за это...

— Отец?.. — Голос Джулиана был еле слышен.

— Так он и хотел, — сказал Блейз. — Чтобы его отвезли за Дворы Хаоса, в запредельную тьму. Это я от Дворкина знаю. За Амбер и за Хаос, в место, которым не правит никто.

— Да, — кивнула Фиона, — выходит, так и сделали. Но остался ли за этой стеной хоть какой-нибудь порядок? Или гроза продлится вечно? Если отец справился с задачей, нам не угрожает никакой особой опасности, все скоро кончится. Но если нет...

— А это не так уж и важно, — сказал я, — справился он или нет. Потому что я — справился.

— Не понимаю, — резко повернулась Фиона. — *О чем ты?*

— Я думаю, что отец потерпел неудачу. Что он погиб, так и не успев восстановить старый Огненный Путь. Когда я увидел приближение этой грозы — более того, на время в нее окунулся, — то понял, что никак не сумею добраться до вас вовремя. Отец после своей попытки переслал мне Камень, чтобы я доставил его сюда — а я не успевал. Брэнд преследовал меня буквально по пятам: то вытащил Камень, то пытался отнять — чтобы, как он сказал, нарисовать новый Огненный Путь. Вот это и подало мне идею. Когда я увидел, что нет никакого иного выхода, то построил с помощью Камня новый Огненный Путь. Самое, пожалуй, трудное в моей жизни дело, но я справился. После прохождения волны порядок сохранится, вне зависимости от того, останемся мы в живых или нет. Едва я успел закончить Огненный Путь, как Брэнд украл у меня Камень. Оправившись после его нападения, я приказал новому Огненному Пути перебросить меня сюда. Так что теперь Огненный Путь существует и будет существовать, как бы там ни пошли дела дальше.

Фиона на мгновение задумалась.

— Послушай, Корвин, а что, если у папы все получилось? Что тогда будет?

— Не знаю.

— Насколько я понял из объяснений Дворкина, — вмешался Блейз, — два изначально различных Огненных Пути не могут существовать в одной Вселенной. Те, в Ребме и Тир-на Ног'тхе, не считаются, они — только отражение нашего...

— И что же тогда случится? — спросил я.

— Скорее всего, произойдет расщепление, где-то образуется новое бытие.

— Новое-то новое, а что будет с нашим?

— Либо полная катастрофа, либо вообще ничего, все останется как прежде, — пожала плечами Фиона. — Я могу найти весьма убедительные доводы и в ту, и в другую сторону.

— Тогда мы опять в исходной позиции, — вздохнул я. — Либо все развалится, причем в самом ближайшем будущем, либо не развалится.

— Похоже на то, — согласился Блейз.

— И не имеет ровно никакого значения, уцелеем ли мы, когда волна нас накроет, — добавил я. — А она не заставит себя долго ждать.

Я снова повернулся к похоронной процессии. За катафалком следовали новые всадники, за ними — строй барабанщиков. Затем колонна пехотинцев с факелами и знаменами. Пение не смолкало, а там, далеко-далеко, за черным бездонным провалом, голова процессии уже приближалась к Дворам Хаоса.

...Как долго я тебя ненавидел, в чем только не обвинял. Теперь все кончено, ни от одного из этих чувств не осталось и следа. Оказывается, ты даже хотел сделать меня королем — совершенно, как я теперь понимаю, не подходящая мне работа.

Выходит, я не был для тебя пустым местом, что-то для тебя значил. Другим я этого не скажу, никогда. Знаю сам — ну и хватит. И я никогда не смогу думать о тебе так, как прежде. Твой образ уже размывается. Вместо твоего лица я вижу лицо Ганелона. Ганелон был мне товарищем. Рисковал ради меня своей шкурой. Это был ты, но другой ты — ты, которого я прежде не знал. Скольких жен ты пережил, скольких врагов? Много ли было у тебя друзей? Нет, наверное. И как же мало мы о тебе знаем. Никогда не думал, что увижу твои похороны. Ганелон... отец... старый товарищ и враг, я прощаюсь с тобой. Ты будешь вместе с Дейрдре, которую я любил. Ты сохранил свою тайну. Покойся в мире, если ты того хочешь. Я отдам тебе эту увядшую розу, пронесенную мной через ад, я брошу ее в бездну. У тебя останется эта роза и путаница красок в небе. Я буду скучать, мне уже тебя не хватает...

А потом все кончилось. Последний строй появился из-за занавеса, прошел Черной дорогой, исчез в направлении цитадели. Молнии все еще полыхали, дождь лился, гром грохотал. Сколько я помню, ни один из участников шествия не выглядел промокшим. Я стоял на краю бездны и смотрел, как они уходят. На моей руке лежала чья-то ладонь, лежала скорее всего давно — просто я ее не замечал.

Я посмотрел на грозу — она снова надвигалась. Бурление в небе словно сгущало мрак.

Слева разговаривали. Разговаривали, похоже, давно, просто я не слышал. Только теперь я заметил, что все мое тело болит, что меня бьет неудержимая дрожь, что я валюсь с ног.

— Пойдем, — потянула меня Фиона. — Полежи. Нас и так осталось мало.

Я покорно отошел от обрыва.

— Ну и что? — Я взглянул на грозу, совсем уже близкую. — Какой смысл? Эта штука накроет нас с минуты на минуту.

— А мы что, обязаны ее дожидаться? — пожала плечами Фиона. — Мы пойдем во Дворы, по черному мосту. Оборона уже прорвана. Туда гроза может и не дойти. Она может остановиться на краю бездны. И вообще, нам следовало бы попрощаться с папой.

— Похоже, иного выхода нет, — кивнул я. — Обстоятельства заставляют нас проявить должную почтительность.

Я опустился на землю и глубоко вздохнул. Не знаю, как уж это возможно, но я чувствовал себя еще более ослабевшим.

— Сапоги снять? — спросила Фиона.

— Да.

Она стянула с меня сапог, затем другой. Мои ноги гудели.

— Спасибо.

— Я принесу тебе поесть.

Я закрыл глаза. И задремал. Связного сна я не увидел — слишком уж много плясало в моей голове образов, самых разнообразных. Не знаю, как долго это продолжалось, но затем зацокали копыта приближающейся лошади, сработал старый рефлекс, и я проснулся. По моим закрытым глазам скользнула чья-то тень.

Я открыл глаза и увидел над собой всадника, с головы до ног закутанного в длинный плащ. Он сидел абсолютно неподвижно, не произносил ни слова и смотрел мне в лицо. Собственное его лицо было скрыто краем плаща.

Он глядел на меня — я глядел на него. Никаких вроде бы угрожающих телодвижений, однако этот холодный взгляд выражал явную антипатию.

— Се возлежит доблестный рыцарь.

Я промолчал.

— А ведь мне убить тебя — раз плюнуть.

Тогда я узнал этот голос, но причина столь пламенных чувств оставалась для меня неясной.

— Я нашла Бореля еще живым, — промолвила Дара. — Он поведал мне, как бесчестно ты взял над ним верх.

Тут уж я не мог ровно ничего поделать. Сам, помимо и против воли, в моем горле возник сухой, иронический смешок. Господи, это ж надо придумать такую ересь! Я мог рассказать ей, что Борель был гораздо лучше снаряжен, что он был свеж и полон сил и при этом требовал поединка. Можно бы добавить еще, что я не считаю войну игрой и что, когда моя жизнь в опасности, я не придерживаюсь никаких правил. Я мог наговорить много самых разных вещей, только какой смысл, если Дара не знала их сама либо знала, но не хотела с ними согласиться? Кроме того, ее чувства ко мне были вполне очевидны и вряд ли могли мгновенно измениться.

А потому я ограничился одним из величайших трюизмов:

— На все можно взглянуть с разных сторон.

— Мне вполне достаточно одной, — отрезала Дара.

Я хотел безразлично пожать плечами, однако воздержался — слишком уж они болели.

— Знакомство с тобой стоило мне двух самых важных в моей жизни людей, — сообщила Дара.

— Да? Весьма сожалею.

— Ты совсем не такой, как меня убеждали и даже — на какое-то время — убедили. Я видела в тебе человека благородного — сильного, но при этом понимающего и великодушного, иногда — нежного. Честного...

За ее спиной сверкали молнии. Гроза заметно приблизилась. Я не удержался и сказал нечто не совсем пристойное. Дара словно не слышала.

— Я возвращаюсь, — продолжала она, — к своему народу. Сегодня вы вроде бы победили, но Амбер — он в той стороне.

Выпростанная из-под накидки рука указала на грозу. Я молчал и смотрел. Не на бушующие стихии — на Дару.

— Вряд ли есть смысл отрекаться от страны, временно меня приютившей, — ведь скорее всего ее попросту не существует.

— А как насчет Бенедикта? — негромко поинтересовался я.

— Не нужно... — начала Дара и тут же отвернулась.

Несколько секунд прошло в полном молчании.

— Не думаю, чтобы мы когда-нибудь встретились еще раз, — промолвила она наконец и ускакала налево, в сторону Черной дороги.

Циник мог бы решить, что Дара попросту присоединилась к выигравшей стороне — Дворы Хаоса скорее всего сохранятся и после катастрофы. Я не знаю и честно в этом признаюсь. Я думаю о том, что увидел, когда она указывала на апокалиптическую грозу. Накидка разошлась, передо мной на мгновение предстало то, во что превратилась бывшая кандидатка в королевы Амбера. Полускрытое тенью лицо почти не походило на человеческое. Однако было в нем что-то, заставившее меня повернуть голову и смотреть вслед Даре, пока та не исчезла во мгле. С уходом Дейрдре, Брэнда и отца — а теперь еще и с этим невеселым прощанием — мир заметно опустел. Мир. А что от него осталось, от этого мира?

Я снова лег и вздохнул. Пусть другие уходят, а я останусь здесь, буду ждать, пока накроет меня гроза, и буду спать... и растворюсь?

Вспомнился Хуги. Неужели я усвоил не только его плоть, но и его бегство от жизни? Я был настолько измотан, что такое бегство казалось простейшим, естественным образом действий...

— Очнись, Корвин!

Я снова успел задремать, правда, на одно только мгновение. Разбудившая меня Фиона принесла еду и непременную фляжку.

— Не хотелось прерывать твою беседу, — сказала она. — Так что я скромно подождала в стороне.

— Ты слышала? — спросил я.

— Нет, но могу догадаться — исходя из того, что она уехала. Вот, бери.

Глотнув вина, я занялся мясом и хлебом. И сумел оценить их по достоинству, несмотря даже на растерзанное состояние своих мыслей.

— Скоро двинемся, — сказала Фиона, взглянув на бушующую грозу. — Сможешь ехать верхом?

— Думаю, да.

Я еще раз отхлебнул из горлышка.

— Только, понимаешь, Фиона, слишком уж много всего произошло. Я нахожусь в полном эмоциональном оцепенении. В некой Тени я сбежал из психушки. Я обманывал людей, я убивал. Я строил планы и сражался. Я вернул себе память и пытался наладить свою жизнь. Я нашел свою семью и узнал, что я ее люблю. Я помирился с отцом. Я сражался, защищая его Королевство. Я делал все, что только мог, для сохранения Вселенной. И теперь, когда оказалось, что все мои усилия зря, у меня просто нет духу, нет сил скорбеть. Я ничего не чувствую. Прости меня.

Фиона поцеловала меня в лоб.

— Не все еще кончено. Ты снова станешь таким, как прежде.

Я покачал головой.

— Это, — промолвил я, — как в последней главе «Алисы»*. Мне кажется, если я крикну: «Ведь вы — всего лишь колода карт!», вы вспорхнете в воздух пригорш-

ней раскрашенных картонок. Не поеду я с вами. Оставьте меня здесь. Да и кому я нужен — джокер?*

— Сейчас я сильнее тебя, — сказала Фиона, — так что ты едешь.

— Нечестно, — промямлил я.

— Да ты доедай, доедай. Время еще есть.

Я вернулся к прерванной еде.

— Тут твой сын, Мерлин, — продолжила она абсолютно будничным голосом. — Хочет посмотреть на блудного отца. Позвать?

— Пленный?

— Да не то чтобы. Он не участвовал в битве — просто пришел сюда и попросил о встрече с тобой.

Я молча кивнул, Фиона исчезла. Я оставил еду и еще раз глотнул вина. Мне было, мягко говоря, не по себе. Ну что, спрашивается, скажешь взрослому сыну, о существовании которого ты не догадывался чуть не до вчерашнего дня? А как такой сын может относиться к отцу? А знает ли он, что решила Дара? И как мне вообще с ним себя вести?

Родственники мои держались слева, на почтительном от меня удалении. Я смотрел, как Мерлин отделяется от группы, идет... Я давно уже задавался вопросом, с чего это меня оставили в таком гордом одиночестве? Чем больше я принимал посетителей, тем очевиднее становился ответ. И с отъездом они не иначе как из-за меня тянут.

Влажный ветер, долетавший со стороны фейерверочно-яркой грозы, крепчал. Мерлин шел и смотрел на меня. Ничто в его лице, так похожем на мое собственное, не показывало, что происходит знаменательное событие. Как, интересно, чувствует себя Дара сейчас, когда давнее ее пророчество о всеобщем уничтожении сбылось — или почти сбылось? Я задавался вопросом, какие у нее отношения с сыном. Я задавался очень многими вопросами.

Он наклонился и пожал мою руку:

— Отец...

— Мерлин...

Я посмотрел ему в глаза и встал, так и не выпустив его ладони.

— Не вставай, не надо.

— Ничего. — Я на секунду обнял его. — Я очень рад. Слушай, — добавил я, — давай выпьем.

И протянул Мерлину фляжку — тактический маневр, призванный скрыть то, что я не знаю, о чем с ним говорить.

— Спасибо.

Он сделал глоток и тут же вернул мне фляжку.

— Твое здоровье, — провозгласил я и тоже глотнул. — Извини, что я не могу предложить тебе стул.

Я сел на землю. Мерлин последовал моему примеру.

— Похоже, — произнес он, — никто из них не знает, чем ты занимался. Кроме Фионы, но она только и сказала, что тебе пришлось очень тяжело.

— Ладно, — отмахнулся я. — Главное, что я сюда добрался — тебя вот хоть увидел. Ты бы, сын, рассказал о себе. Какой ты? Как с тобой обходилась жизнь?

— Я слишком еще мало жил, чтобы много сделать, — ответил Мерлин.

Я предпочел пока не поднимать очень интересовавший меня вопрос — обладает ли он оборотневыми способностями. Стоит ли, только что познакомившись с сыном, сразу вдаваться в то, что нас различает?

— Не могу себе даже представить, — сказал я, — что это такое — вырасти во Дворах Хаоса.

— А я не могу себе представить, что это такое — расти в каком-нибудь другом месте, — улыбнулся Мерлин. Улыбнулся впервые за все это время. — Я заметно отличался от окружающих, а потому часто бывал один. Меня учили всем обычным вещам — магии, обращению с оружием и ядами, верховой езде, танцам. Мне говорили, что когда-нибудь я стану правителем Амбера. Но это же теперь неверно, да?

— Не очень на то похоже, — согласился я. — В обозримом, во всяком случае, будущем.

— Отлично, — кивнул Мерлин. — Вот уж чем я не хотел бы заниматься.

— А чем бы ты хотел заниматься?

— Я хочу пройти Огненный Путь, как мама, и получить власть над Тенями, чтобы бродить в них, и смотреть на незнакомые вещи, и делать, что захочу. А я смогу? Как ты думаешь?

Я глотнул из фляжки и передал ее новообретенному сыну.

— Вполне возможно, — вздохнул я, — что никакого Амбера больше нет. Все зависит от того, добился ли твой дед успеха в некоем своем предприятии — а его самого уж нет, так что и спросить некого. Но так или иначе, Огненный Путь существует. Если мы переживем эту чертову грозу, я обязательно отведу тебя к нему, объясню, что и как надо делать, и тогда — иди, пробуй.

— Спасибо, — кивнул Мерлин. — А ты расскажешь мне о своем путешествии сюда?

— Не стоит, — поморщился я. — Когда-нибудь потом. Лучше расскажи, что там тебе про меня наговорили.

Мерлин отвел глаза.

— Меня учили, — сказал он наконец, — что в Амбере очень много плохого. — Пауза. — Меня учили, что я должен тебя уважать, потому что ты — мой отец. Но при этом все время напоминали, что ты — один из наших врагов. — Еще одна пауза. — Я помню тот раз, в патруле, когда ты пришел сюда и я тебя обнаружил сразу после схватки. Мною завладели сложные, смешанные чувства. Ты только что убил моего знакомого — а я восхищался тобой и не мог с этим ничего поделать. Я увидел в твоем лице черты своего собственного. Это было странно, необычно. Мне хотелось с тобой познакомиться ближе.

Очередной поворот неба, и над нами повисла тьма, все разноцветные огни сверкали над Дворами Хаоса. Неуклонное приближение грозы, ослепительный блеск ее молний стали еще заметнее. Я нагнулся, подобрал с земли сапог и стал его натягивать. Сиди — не сиди, а уходить придется.

— Мы продолжим беседу в родной для тебя обстановке, — сказал я. — Самое время укрыться от бури.

Мерлин посмотрел на буйство стихий, затем — на чернеющие вдали башни.

— Хочешь, я призову сюда скорлупник?

— Это что, летающий мост вроде того, на котором ты раскатывал в тот, первый, раз?

— Да, — кивнул Мерлин. — Очень удобные штуки. Я...

Слева, оттуда, где сидели и стояли мои родственники, долетел громкий дружный вопль. С чего бы это вдруг? Ничего угрожающего в окрестностях не замечалось. Я встал и шагнул в их сторону. Мерлин тоже начал подниматься.

И тут я его увидел. Белый, плавно поднимающийся из бездны, словно бы ступающий по воздуху. Потом его передние копыта ударили по той самой каменной гряде, с которой упал Брэнд; он сделал несколько шагов и остановился, глядя прямо на нас.

Единорог.

XIII

Все мои боли, всю мою усталость как рукой сняло. Неожиданное появление этого снежно-белого, невообразимо грациозного существа пробудило во мне нечто вроде надежды. Хотелось сорваться с места, броситься вперед, однако какая-то мощная, непреодолимая сила приказывала стоять неподвижно и ждать.

Не могу сказать, сколько времени это продолжалось. Внизу, на склонах, войска готовились к отходу. Пленных уже связали, вьючных лошадей нагрузили, тяжелое вооружение и прочую громоздкую оснастку закрепили на повозках. И вдруг огромная армия словно забыла и о сборах, и о надвигающейся с севера опасности. Даже удивительно, насколько быстро воины узнали о происходящем, но факт остается фактом: все головы на поле повернулись в одну сторону — к белому силуэту, четко проступавшему на фоне дикого, словно раскрашенного пьяным маляром неба.

Неожиданно я заметил, что ветер совсем стих, хотя гром продолжал громыхать, а вспышки молний все так же заселяли склон бессчетными легионами пляшущих теней.

Единорог... до сегодняшнего дня я видел его лишь однажды, когда нашли труп Кейна-из-Тени, в день неудачной для меня схватки с Джерардом. И все эти рассказы, предания... Сможет ли он нам помочь?

Он шагнул вперед и снова остановился.

Глядя на эту прелесть, на его изящество, я ощутил неожиданный прилив бодрости. И в то же время у меня болезненно сжалось сердце — подобную красоту невозможно воспринимать в концентрированном виде, только малыми дозами. Не знаю уж, каким образом, но я чувствовал, что в снежно-белой, поразительно грациозной головке кроется необъятный, сверхъестественный разум. Мне очень хотелось прикоснуться к покровителю Амбера...

Единорог медленно повел головой, взглянул прямо на меня; я хотел отвести глаза, но не мог. Он смотрел с пониманием, далеко превосходившим мое собственное. Казалось, он знает про меня абсолютно все и сейчас, в этот самый момент, думает обо всех моих недавних испытаниях: видит их, возможно — сочувствует. Мне даже показалось, что я заметил в его глазах нечто вроде сострадания... и любовь... и легкую насмешку.

Затем тугая, связавшая нас на мгновение нить лопнула, и я облегченно вздохнул, и тут же — или мне это только показалось? — очередная вспышка молнии высветила на узкой, горделиво вздернутой шее что-то блестящее.

Теперь Единорог смотрел на моих родственников, до которых я так и не дошел. Он сделал еще один шаг вперед, опустил голову и негромко, мелодично заржал. Затем стукнул правым копытцем по земле.

Я не видел Мерлина, но ощущал его присутствие. Сколько же я потеряю, если так вот все и кончится, здесь и сегодня...

Он сделал еще несколько легких танцующих шажков, вскинул голову, снова опустил. Похоже, ему не хотелось приближаться к большой группе людей.

И снова этот блеск... и снова... снова... В самом низу шеи сквозь белоснежную шерсть просвечивала красная искорка. Камень Жребия. Как он добыл его из бездны? Не знаю, да это и не имеет никакого значения. Получив Камень, я смогу разогнать грозу — или, по крайней мере, отвести ее от нас. Если Единорог отдаст мне Камень...

Он не обращал на меня ровно никакого внимания, ограничившись тем, первым взглядом. Белая грациозная фигурка приближалась к пятачку, на котором столпились Джулиан, Рэндом, Блейз, Фиона, Ллевелла, Кейн, Бенедикт и несколько благородных лордов — приближалась медленно, осторожно, словно готовая умчаться при малейшем их движении.

Я должен был сообразить, что происходит, — но не сообразил. Я просто стоял и смотрел, как Единорог идет вперед, обходит группу по краю...

Он снова остановился, опустил голову, встряхнул гривой и упал на передние колени. С витого, сверкающего золотом рога свисал Камень Жребия. Кончик рога почти касался человека, перед которым он преклонил колени.

И вдруг я снова увидел отцовское лицо, сверкающее в зените, снова услышал его слова: «После моей смерти перед вами встанет вопрос о престолонаследии... мне остается одно — возложить выбор на рог Единорога».

По группе моих родственников пробежал легкий, похожий на шелест листьев шепот — к ним пришла та же самая мысль. Единорог не шевельнулся, остался белой мягкой статуей; казалось, он даже не дышит.

Рэндом медленно наклонился, снял Камень Жребия с рога. До меня долетел шепот:

— Спасибо.

Джулиан опустился на одно колено, обнажил меч, с поклоном положил его к ногам Рэндома. То же самое сделали Блейз, и Бенедикт, и Кейн, Фиона и Ллевелла. Я подошел и последовал их примеру. И мой сын.

Рэндом молчал, молчал очень долго.

— Я принимаю ваш омаж*, — сказал он наконец. — А теперь — встаньте.

Как только мы встали, Единорог вскочил на ноги, повернулся и умчался вниз по склону. Доля секунды — и крохотное белое пятнышко исчезло в сгустившейся над полем мгле.

— Никогда бы не подумал, что подобное может случиться, — сказал Рэндом, разглядывая Камень. — Корвин, ты способен с его помощью остановить грозу?

Я пожал плечами:

— Все зависит от глубины возмущения. Может оказаться, что в теперешнем своем состоянии я не продержусь достаточно долго, чтобы сохранить нам жизнь. К тому же Камень теперь твой. Весьма подходящий случай свершить первое королевское деяние.

— Покажи тогда, как с ним работать. Да и как же это, разве можно провести настройку без Огненного Пути?

— Попробуем. По словам Брэнда, настроенный человек может настроить любого другого. Я много об этом думал и, пожалуй, догадался, как это делается. Давай куда-нибудь отойдем.

— Хорошо. Пошли.

В голосе Рэндома, в его осанке успело появиться что-то новое. Неожиданная роль сразу начала формировать исполнителя по своему образу и подобию. Интересно, что за королевская чета выйдет из них с Виолой?

Нет, чересчур. В мозгу моем царил полный разброд. Слишком много событий за слишком короткое время. Я не мог связать эти события в одно обозримое целое. Мне хотелось попросту заползти в какую-нибудь щель и проспать двадцать четыре часа. Или больше. Однако я проследовал за Рэндомом в отгороженный скалой уголок, где тлели остатки маленького костра.

Рэндом разворошил угли палкой, подкинул несколько сухих сучьев, сел у оживающего огня, повернулся ко мне и кивнул. Я подошел и сел рядом.

— Слушай, — сказал он, — насчет заморочек с престолом и прочего... Что мне теперь делать? Для меня это было как снег на голову.

— Что делать? — переспросил я. — Работать. Думаю, у тебя это очень хорошо получится.

— Как ты считаешь, много было обиженных?

— Если таковые и были, — пожал я плечами, — они отлично скрывали свои чувства. Думаю, Единорог сделал очень правильный выбор. За последнее время так много случилось... Отец, если разобраться, берег нас и лелеял — даже слишком берег. Престол — далеко не подарок, тебе предстоит уйма тяжелой и грязной работы. Думаю, до остальных наших это тоже дошло.

— А как ты сам?

— Я рвался к престолу только потому, что к нему рвался Эрик. Сам-то я этого не понимал, но теперь вижу, что все было именно так. Игра, в которой оба мы хотели сорвать банк. Игра, превратившаяся в вендетту. Я ведь готов был его убить. Убил бы — не найди Эрик другой способ расстаться с жизнью. У нас — у меня и у него — было больше сходства, чем различий. Я это понял... потом, гораздо позже. А после смерти Эрика я придумывал себе все новые и новые мотивы для борьбы за престол. И только совсем недавно до меня дошло, что я абсолютно его не хочу. Я — пас, так что бери, брат, пользуйся, и да будет твое правление благополучным.

— Если Амбер еще существует, — уточнил Рэндом после нескольких минут молчания, — то я попробую. Ладно, займемся Камнем. Гроза совсем близко, мне даже как-то не по себе.

Я кивнул и взял у него Камень. Сгусток алого пламени закачался на цепочке, свет костра пронизывал его насквозь.

— Подвинься ближе, — сказал я, — и смотри вместе со мной.

Некоторое время мы созерцали пламенеющие внутренности Камня.

— Думай об Огненном Пути, — сказал я и тоже начал думать об Огненном Пути, пытаясь вызвать из памяти его петли и повороты, его бледно мерцающие линии.

Прежде Камень казался мне чистым, безупречным; теперь же в нем обнаружился крохотный изъян, пятнышко, повисшее в кроваво-красных глубинах.

Я разглядывал пятнышко, не переставая думать о резких изгибах и поворотах, о преграде... Я представлял себе ток, пробегавший через мое тело всякий раз, когда я решался пройти по этой трудной дороге...

Изъян, черневший в Камне, прорисовался отчетливее.

Почти непереносимым усилием воли я заставил его вырасти, проявиться во всей полноте и отчетливости. И тогда на меня нахлынуло знакомое ощущение — то же самое, что и в день, когда я настраивался на Камень. Оставалось только надеяться, что у меня хватит сил пройти через это испытание вторично.

Я схватил Рэндома за плечо, хрипло спросил:

— Что ты видишь?

— Что-то вроде Огненного Пути, — донесся до меня голос брата, — только он вроде бы объемный. Он лежит на дне красного моря и...

— Пошли со мной, — прервал я Рэндома. — Нам нужно его пройти.

И снова чувство движения — сперва медленно плывешь, затем проваливаешься и падаешь, все быстрее и быстрее несешься к изгибам скрытого в Камне Огненного Пути, к узору, которого ты никогда не видел в полноте и не увидишь. Я чувствовал рядом брата, и собирал всю свою волю, и гнал нас вперед, и наконец рубиновое сияние, в которое мы окунулись, потемнело, превратилось во тьму ясного ночного неба. Огненный Путь становился все больше и больше, он прирастал с каждым грохочущим ударом моего сердца. Весь процесс проходил заметно легче, чем в первый раз, возможно, потому, что я прошел уже настройку.

Ощущая рядом с собой Рэндома, я потянул его вперед; тем временем знакомый узор продолжал расти, начальная его точка проявлялась все отчетливее и отчетливее. Направляясь к ней, я снова попытался охватить Путь целиком — и снова заблудился в его складках и изгибах, будто уходивших в высшие измерения. Перед нами извивались величественные параболы и спирали, какие-то немыслимые узоры и сплетения. На меня вновь нахлынуло то же, что и в прошлый раз, благоговение, однако теперь рядом со мной был Рэндом, и я чувствовал в нем тот же самый ужас и тот же восторг.

Едва мы достигли начала Огненного Пути, как что-то мягкое, но непреодолимое бросило нас в его сотканные из света структуры, в призрачное мерцание, пронизанное яркими вспышками искр. На этот раз все мое внимание было сосредоточено на процессе, Париж казался бесконечно далеким.

Подсознательная память предупреждала меня о трудных участках. Я шел по головокружительным маршрутам, используя всю силу стремления — или, если хотите, воли; для ускорения процесса я непрерывно черпал энергию из Рэндома.

Мы словно пробирались по фосфоресцирующим внутренностям огромной, причудливо изогнутой раковины. Наше движение было абсолютно бесшумным, мы превратились в бесплотные точки самосознания.

Скорость непрерывно нарастала, а вместе с ней и боль, незнакомая мне по предыдущему прохождению. Болело не тело, не голова — они отсутствовали; болело сознание. Возможно, это было следствием моей усталости или спешки, стараний максимально ускорить процесс. Мы с ходу прорывали барьеры, нас сжимали текучие, из мерцающего света построенные стены. Я ощущал слабость, головокружение, но не мог позволить себе роскошь потерять сознание, не мог я и замедлить движение — гроза подступила совсем близко. Хочешь не хочешь, при-

шлось снова черпать энергию из Рэндома, теперь — просто чтобы не сойти с дистанции. Мы помчались дальше.

На этот раз не было того жгучего покалывания, ощущения, что я становлюсь другим. Скорее всего эти эффекты были связаны с настройкой, теперь же предыдущее прохождение через Огненный Путь Камня обеспечило мне определенную долю иммунитета.

Через неизмеримый временем интервал мне показалось, что Рэндом слабеет. Возможно, я высасывал из него чересчур много энергии. Если так пойдет дальше, он не сумеет совладать с грозой, ему попросту не хватит сил. Я решил не обращаться больше к его ресурсам. Мы прошли уже основную часть пути, дальше Рэндом справится и сам — если, конечно, дело дойдет до крайности. А я уж попробую продержаться так — лучше погибнуть мне одному, чем нам обоим.

И дальше, и дальше со всевозрастающей скоростью... Голова моя снова кружилась, ощущения путались. Я собрал всю свою волю, сосредоточился на движении, выкинул из головы все остальное, к движению не относящееся. И вот за несколько витков до конечной точки все окружающее стало быстро темнеть — явление, незнакомое мне по прежнему опыту. Лишь огромное усилие позволило мне подавить мгновенную вспышку паники.

Без толку. Я куда-то соскальзывал, падал. И как ведь близко! Мы же почти достигли конца... Было бы совсем просто...

Все поплыло, стало исчезать, проваливаться. *Последнее, что я ощутил, была* острая тревога Рэндома.

Неровные, мерцающие всплески красного и оранжевого огня прямо между моими ступнями. Куда же меня занесло? В какой-нибудь астральный ад?

Вспышки окружены непроглядной темнотой... Голоса, знакомые...

Мир встал на место. Я лежал на спине, ногами к костру.

— Все в порядке, Корвин, все в порядке.

Голос Фионы; я повернул голову. А вот и сама Фиона, сидит на земле, рядом со мной.

— Рэндом?..

Я нерешительно смолк.

— С ним тоже все в порядке... папа.

С другой от меня стороны, справа, сидел Мерлин.

— А как все было?

— Рэндом сумел тебя вытащить, — сказала Фиона.

— А как настройка, получилось?

— Рэндом считает, что да.

Я начал садиться. Она мне мешала, толкала меня в грудь, но я все равно сел.

— Где он?

Фиона указала глазами.

Я повернул голову. До Рэндома было метров тридцать; он стоял на каменном выступе, спиной к нам и лицом к грозе. Гроза надвинулась совсем близко, резкие порывы ветра рвали его одежду. Молнии змеились сплошной ослепительно сверкающей сетью, отдельные удары грома слились в ровный, оглушительный грохот.

— Сколько... сколько он там стоит? — спросил я, не отводя глаз от Рэндома.

— Пару минут, не больше, — откликнулся голос Фионы.

— Это что — мы так недавно вернулись?

— Нет, — качнула головой Фиона, — ты был в отключке довольно долго. Сперва Рэндом поговорил с остальными, затем отдал приказ об отходе. Бенедикт повел войска по Черной дороге, сейчас они пересекают бездну.

Я повернулся.

Черная дорога снова заполнилась пешими и верховыми воинами; длинная, едва различимая во мраке колонна направлялась к цитадели. В воздухе плавало несколько паутинно-тонких мостов. Вдали, около чернеющей громады, мерцали слабые, редкие огоньки. Небо завершило очередной оборот, над нами снова нависла черная его половина.

И снова я испытал странное ощущение, что я все это уже видел, давным-давно, что здесь, а не в Амбере, истинный центр Вселенной. Я попытался схватить, удержать это воспоминание. Но не смог.

Я огляделся, ощупал глазами озаренный неверным сверканием молний мрак.

— Они что, все ушли? Ты, я, Мерлин и Рэндом — только мы и остались?

— Да, — кивнула Фиона. — Хочешь — и ты уезжай.

Я энергично потряс головой:

— Я останусь здесь, с Рэндомом.

— Да я и сама знала, что ты скажешь.

Фиона встала, за ней — я и Мерлин. Она хлопнула ладонями, через мгновение из тьмы вырвался белый конь.

— Санитарка тебе больше не нужна, — улыбнулась Фиона, — так что я тоже поеду с ними, к Дворам Хаоса. Лошади для вас есть, в тех скалах привязаны. Ну а ты, Мерлин? Может, поедешь?

— Я останусь здесь, со своим отцом и с королем.

— Ну, значит, так тому и быть. Встретимся, надеюсь в самое ближайшее время, на этом самом месте.

— Спасибо, Фи, — сказал я.

Я помог Фионе сесть на коня и несколько секунд смотрел ей вслед. Затем повернулся, подошел к костру и сел. Рэндом стоял лицом к грозе, недвижный, как скала.

— Здесь много еды и вина, — заговорил Мерлин. — Принести?

— Отличная мысль.

Гроза была уже настолько близко, что я мог бы дойти до исчерченной молниями завесы за пару минут, прогулочным шагом. Усилия Рэндома не вызвали пока никаких видимых изменений. Я тяжело вздохнул и стал думать о другом.

Конец. Так или иначе, но всей моей суете, всем усилиям, предпринимавшимся мною после клиники «Гринвуд», пришел конец. Мстить больше некому. Да хоть бы и было кому — все равно не хочется. У нас есть целый, неповрежденный Огненный Путь, а то и два. Брэнд, корень всех наших бед, умер. Судорожная волна, прокатившаяся по Теням, неизбежно стерла любые остатки моего проклятия. Я же сделал для искупления своего проступка все, что мог. Я подружился со своим отцом, принявшим образ Ганелона, а затем, незадолго до его смерти, установил пристойные отношения и с ним самим, в естественном его облике. У нас есть новый король — король, благословленный на престол Единорогом, — и мы поклялись ему в верности. Вполне, сколько я понимаю, искренне. Я помирился со всем своим семейством.

Итак, я выполнил свой долг. Ничто не толкало меня на дальнейшие подвиги. Я растратил все свои побудительные мотивы и достиг — сколько это возможно — душевного мира. Все мои беспокойства, все страхи остались позади, в том числе и страх перед смертью. Подступи она ко мне прямо сейчас, я не стану брыкаться и громко изъявлять свое неудовольствие. Ну, может, и стану, но далеко не так громко, как сделал бы прежде.

— Ты, отец, где-то витаешь.

Я кивнул, потом улыбнулся. Взял у Мерлина какую-то еду и начал жевать. Гроза... рано, конечно, судить, но очень похоже, что она притормозила, топчется на месте.

Я был настолько вымотан, что не мог даже уснуть. Все боли стихли и куда-то ушли, меня охватило волшебное оцепенение. Блаженное чувство, будто тебя бережно упаковали в теплую вату. Тем временем прошлые события и впечатления продолжали вести в моем мозгу свой медленный, плавный хоровод. И это тоже было блаженством.

Я покончил с едой, раздул костер посильнее, взял фляжку с вином и стал наблюдать за грозой. Фейерверк, если смотреть на него сквозь матовое стекло, — вот на что это похоже. Что ни говори — жизнь прекрасна. Вот удастся Рэндому этот фокус, и я завтра же поеду во Дворы Хаоса. Что может меня там ждать? Этого я не знал. Гигантская ловушка, засада, какой-нибудь мошеннический трюк... Какой смысл задумываться? Сейчас это не имеет решительно никакого значения.

— Ты начал рассказывать о себе, папа.

— Правда? Что-то не припомню.

— Я хотел бы узнать тебя получше. Расскажи еще.

Я раскрыл рот, закрыл его, громко хлопнув губами, и пожал плечами.

— Тогда хоть об этом. — Мерлин неопределенно махнул рукой. — Об этом конфликте. С чего он начался? Какую роль сыграл в нем ты? Фиона говорит, что ты много лет прожил в одной из Теней, без памяти. Каким образом ты сумел ее вернуть, и найти остальных, и вернуться в Амбер?

Я хмыкнул, еще раз посмотрел на Рэндома и грозу, а затем отхлебнул из фляжки и покрепче завернулся в плащ.

— А почему бы, собственно, и нет? Если, конечно, длинные рассказы не вгоняют тебя в тоску... Думаю, лучше всего будет начать с Земли, места моей ссылки. С частной клиники «Гринвуд». Так вот...

XIV

Небо сделало полный оборот, затем еще один, а я все рассказывал. Рэндом победил грозу. Она раздалась посередине, словно расколотая огромным топором, затем щель расширилась, половинки покатились на север и юг, стали бледнеть, уменьшаться и в конце концов исчезли. Местность, по которой прокатилась гроза, не претерпела вроде бы заметных изменений, но Черная дорога исчезла. Мерлин сказал, что никаких проблем это не вызовет — он переправит нас во Дворы на паутинном мостике.

Рэндом покинул нас с Мерлином — после нескольких часов полной отключки. Он испытал неимоверное напряжение. В новом короле Амбера трудно было узнать нашего младшего братца, нахала и весельчака, над которым все мы измывались, с колоссальным причем удовольствием. На его лице появились незнакомые мне морщины, признаки некой — тоже не замечавшейся мной прежде — глубины. Он стал выглядеть благороднее, сильнее и надежнее — хотя, конечно же, мое восприятие несколько окрашено недавними событиями. Неужели все это — волшебные трансформации, осуществляемые его новой ролью? Помазанный Единорогом, рукоположенный апокалиптической грозой, Рэндом приобрел самое доподлинное королевское величие.

Я поспал, а Мерлин все еще спит, что очень меня радует — до пробуждения сына я буду единственным островком сознания на всем этом скальном кряже. Только я один буду смотреть отсюда, с самого края Хаоса, на уцелевший мир, мир, перенесший тяжелые испытания, но выстоявший...

Возможно, мы уже опоздали на похороны отца, так и не станем свидетелями его ухода за пределы Дворов, в места, не имеющие названия. Жаль, но у меня просто не было сил двигаться. Буду утешаться тем, что видел его похоронную процессию и — что самое главное — несу внутри себя значительную часть его жизни. И я успел попрощаться. Отец поймет.

И ты прощай, Эрик. Теперь, после всех прошедших лет, я могу сказать: это — так. Доживи ты до этих дней, от нашей свары не осталось бы и следа. Мы могли бы даже стать друзьями — теперь, когда причина взаимной ненависти исчезла. У нас с тобой было больше сходства, чем у любой другой пары членов нашей семьи. Исключая, может быть, Дейрдре и меня — да и то только в некоторых отношениях... Но слезы на этот счет пролиты давным-давно и давным-давно высохли. А попрощаться все-таки надо. Прощай, любимая моя сестра, ты вечно будешь жить в моем сердце.

И ты, Брэнд... С горечью и сожалением поминаю я тебя, бешеный мой брат. Ты чуть не погубил нас. Ты чуть не сверг Амбер, наш город, горделиво высящийся на склонах Колвира. Ты был готов разнести все Тени вдребезги. Ты почти сумел уничтожить Огненный Путь и переделать Вселенную согласно своим планам. Злобный и бешеный, ты подошел к исполнению своих желаний настолько близко, что даже сейчас, думая об этом, я дрожу. Я рад, что ты ушел, что стрела послала тебя в бездну, а бездна тебя приняла, что ты не поганишь больше своим присутствием мест, где живут люди, не дышишь сладостным воздухом Амбера. Я хотел бы, чтобы ты никогда не родился или хотя бы чтобы ты умер раньше... Довольно! Думая так, я уничтожаю себя самого. Оставайся мертвым и не лезь больше в мои мысли.

Братья мои и сестры, я раскладываю вас по мастям, как игральные карты. Мне неловко за свою самонадеянность, мне больно судить вас с такой безапелляционностью, но вы — и я тоже, — мы изменились, и, прежде чем снова окунуться в повседневную суету, мне нужно бросить на вас еще один спокойный взгляд.

Кейн. Ты никогда мне не нравился, я все еще тебе не доверяю. Ты оскорблял меня, предавал меня, даже ударил меня ножом. Забудем. Мне не по душе твои методы, однако лояльность твоя не вызывает сомнений, во всяком случае — на

этот раз. А значит — мир. Пусть в новом правлении наши отношения начнутся с новой, чистой страницы.

Ллевелла, ты обладаешь большими резервами, недавняя ситуация почти их не востребовала. Ну и хорошо. Выйти из конфликта, не подвергнув свои возможности проверке, — иногда это тоже приятно.

Блейз, для меня ты все тот же рыцарь без страха и упрека — отважный, порывистый, неуемный. За первое прими мой поклон, за второе — улыбку. А третье за последнее время заметно смягчилось. Наконец-то. Постарайся в будущем держаться подальше от всех и всяческих заговоров. Худое занятие, да и не по тебе оно.

Фиона, ты переменилась больше всех. В твоем случае мне пришлось полностью заменить старое чувство на новое — мы впервые стали друзьями. Прими мою любовь, колдунья, я перед тобою в долгу.

Джерард, мой медлительный и верный брат, думая о тебе, я понимаю, что не все мы изменились. Ты стоял непоколебимо, как утес, держался того, во что верил. Да не будешь ты поддаваться обману с такой легкостью. Да не придется мне схватиться с тобой еще раз. Выходи в свое море на своих кораблях, дыши чистым соленым воздухом.

Джулиан, Джулиан, Джулиан... Это что же, я и вправду никогда тебя не знал? Нет. Я долго отсутствовал, зеленое волшебство Ардена пошло тебе на пользу, прежнее твое тщеславие приугасло, оставив после себя только рыцарскую гордыню и нечто такое, к чему ближе всего подходит название «честь». Качество, не имеющее ровно ничего общего с милосердием, но все равно — ценное добавление к богатому арсеналу прочих твоих достоинств.

И ты, Бенедикт... Боги свидетели, мудрость твоя возрастает год от года — и все равно в своем знании людей ты пренебрегаешь единичными особями этого биологического вида. Возможно, теперь, когда битва завершена, мне посчастливится увидеть твою улыбку. Отдыхай, воин.

Флора... Говорят, что благотворительность нужно начинать с собственного своего дома. Сейчас ты ничем не хуже, чем много лет назад. Если так подумать, все, чем я сейчас занимаюсь в отношении тебя и прочих — подбиваю какие-то балансные ведомости, выискиваю положительное сальдо, — все это — сентиментальная чушь. Чушь собачья. Сейчас, в настоящий момент ни один из нас не враг другому, этого вполне достаточно.

Ну а некий джентльмен в черном с серебром, с серебряной розой? Хотелось бы думать, что он обрел умение верить людям, что он промыл глаза чистой ключевой водой, что у него появился один-другой идеал. Ладно, пустое. Возможно, он так и остался шибко острым на язык любителем совать свой нос куда не просят. Возможно, он и не умеет-то толком ничего, кроме как выживать в затруднительных ситуациях. И юмор у него казарменный, а что касается тонкой, изысканной иронии — тут он слеп, почище, чем в том каземате. Впрочем, достаточно, забудем. Он никогда мне не нравился, да и не понравится никогда.

Кармен, voulez-vous venir avec moi?* Нет? Тогда прощай и ты, принцесса Хаоса. А жаль, могли бы приятно провести время.

Небо снова поворачивается; кто знает, какие деяния свершатся под его витражным светом? Пасьянс разложен, трудно только сказать — сошелся он или

нет. Нас было девять, теперь осталось семь, и один из семерых — король. Правда, теперь с нами Мартин и Мерлин, новые карты и новые игроки в нескончаемой игре.

Я смотрю на остывшую золу, вспоминаю прошлый свой путь, и ко мне возвращается сила. Путь грядущий вызывает во мне острое, как зубная боль, любопытство. Я вернул себе все утраченное — и глаза, и память, и семью. И Корвин всегда останется Корвином, вплоть до Судного дня.

Мерлин шевелится, это тоже хорошо. Самое время двигать, дел осталось невпроворот.

После героической победы над грозой Рэндом сделал еще одно дело. Проспавшись, он позвал меня, и мы вместе, черпая силы из Камня, связались с Джерардом. Карты стали холодными, как прежде, Тени сохранились, Амбер стоит как стоял. С нашего отъезда прошли годы и годы, сколько их пройдет еще, пока я вернусь... Рэндом картой отправил себя домой, чтобы приступить к исполнению обязанностей; вполне возможно, что и остальные сделали то же самое. Не знаю. Но я должен посетить Дворы Хаоса — я обещал, к тому же не исключено, что я там нужен.

Сейчас мы с Мерлином собираем свои вещи, скоро он вызовет паутинную дорогу.

Когда мы там со всем разберемся, когда Мерлин пройдет Огненный Путь и отправится искать себе миры, я непременно совершу некое путешествие. Я съезжу в то место, где воткнул в землю ветку старины Игга, навещу дерево, выросшее из этой ветки. Я посмотрю, что сталось с Огненным Путем, нарисованным под воркование парижских голубей. Если там образовался вход в иную вселенную — как оно скорее всего и есть, — тогда я сбегаю в эту вселенную, полюбуюсь на плод трудов своих.

К нам подплывает дорога, ведущая вверх, к темнеющей вдали цитадели. Значит, пора. Мы садимся на коней и трогаем с места.

Теперь мы скачем над черной бездной, по дороге, словно сшитой из грубой марли. Вражеская крепость, покоренная нация, ловушка, обиталище пращуров... Ладно, посмотрим. На стенах и галерее — какое-то чуть заметное мерцание. Возможно, мы даже успеем на похороны.

Я распрямляю спину и чуть высвобождаю клинок из ножен. Скоро ведь и доедем.

Пока и привет, как всегда.

КАРТЫ СУДЬБЫ

СНОВА ДЖУДИ

Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 2004

I

Сидеть и ждать, когда кто-то попытается тебя убить, весьма утомительно. Однако наступило 30 апреля*, а сомневаться, что традиция будет соблюдена, не приходилось.

Я далеко не сразу сообразил, что происходит, но теперь, по крайней мере, я знал, какого числа следует ждать неприятностей. В прошлом у меня постоянно не хватало времени, чтобы принять меры предосторожности. Сейчас же я закончил свою работу и задержался здесь исключительно ради событий, ожидаемых 30 апреля. Я твердо решил: прежде чем уехать, обязательно разберусь с этим делом.

Я вылез из постели, принял душ, почистил зубы... ну и тому подобное. Поскольку я снова отрастил бороду, бриться не пришлось. На этот раз меня не посетили необычные мысли и страхи, как 30 апреля три года назад, когда я поднялся с головной болью и дурными предчувствиями, распахнул окна и направился на кухню — оказалось, что все газовые горелки на плите открыты, однако никто почему-то не позаботился о том, чтобы их разжечь. Нет. Сегодняшнее утро не напоминало и 30 апреля два года назад, на другой квартире: перед рассветом меня разбудил слабый запах дыма — начался пожар. И все же, стараясь держаться подальше от осветительной арматуры — на случай, если лампы наполнены чем-нибудь горючим, — я быстро щелкнул выключателем. Ничего плохого не произошло.

Обычно я с вечера устанавливаю таймер на кофеварке. Однако сегодня утром мне не хотелось, чтобы кофе варился без присмотра. Я включил кофеварку и занялся проверкой багажа. Все, чем я дорожил, было собрано в две средних размеров коробки — одежда, книги, картины, кое-какие инструменты, несколько сувениров и тому подобное. Смену белья, хороший роман и пачку чеков на предъявителя я уложил в рюкзак. Ключ оставлю у смотрителя, чтобы он мог впустить новых жильцов. А коробки сдам на хранение.

Сегодня утренней пробежки не будет.

С чашкой кофе в руке я переходил от одного окна к другому, наблюдая за улицей внизу и зданиями на противоположной стороне (в прошлом году меня пытались застрелить из винтовки). И вспоминал первое покушение, которое произош-

ло семь лет назад. Погожим весенним днем я шел по улице, как вдруг приближающийся грузовик резко свернул, выехал на тротуар и чуть не размазал меня по кирпичной стенке. Лишь в самый последний момент мне удалось увернуться и откатиться в сторону. Водитель так и не пришел в сознание. Тогда эпизод выглядел как одна из тех печальных случайностей, что изредка вторгаются в нашу жизнь.

Однако через год, когда я поздним вечером возвращался от подруги, на меня напали трое каких-то типов — один с ножом, а двое других с водопроводными трубами; они даже не потрудились потребовать у меня бумажник.

Я оставил всех троих валяться на тротуаре, у входа в магазин пластинок, а сам направился домой, размышляя о причинах нападения. Лишь на следующий день я сообразил, что после эпизода с грузовиком прошел ровно год. Но даже тогда посчитал это случайным совпадением.

История с присланной по почте бомбой, которая еще через год разворотила половину моей квартиры, заставила меня усомниться в статистической природе реальности — во всяком случае, в той ее части, которая касалась моей скромной персоны. События последующих лет окончательно подтвердили эти подозрения.

Кто-то получал удовольствие от попыток покончить со мной один раз в год — вот и все. Когда из этого ничего не получалось, очередное покушение откладывалось до следующего 30 апреля. Нечто вроде игры.

В этом году мне и самому хотелось немного развлечься. Главная проблема заключалась в том, что он — впрочем, может быть, она или оно, — казалось, никогда лично не выходил на сцену; мой тайный недоброжелатель наносил удар издали, руками наемников или при помощи разнообразных приспособлений. В дальнейшем я буду называть этого типа «Т» (что в моей личной космологии означает «трус», а иногда «тупоголовый»), потому что «Х» — слишком затерто, к тому же я не люблю связываться с местоимениями сомнительной репутации.

Я ополоснул чашку и кофейник и поставил их на полку. После чего захватил рюкзак и покинул свою квартиру. Мистер Маллиган отсутствовал или спал, поэтому я оставил ключ в его почтовом ящике и зашагал по улице в сторону ближайшего кафе, где намеревался позавтракать.

Транспорта было совсем немного, а все проезжающие автомобили вели себя пристойно. Я шел медленно, прислушиваясь и внимательно поглядывая по сторонам. Свежее утро обещало отличный день. Я надеялся, что сумею быстро разделаться со всеми делами, так что у меня еще останется время насладиться прекрасной погодой.

До кафе я добрался целым и невредимым. Возле окна нашлось свободное место, на которое я и уселся. Когда ко мне подошла официантка, чтобы принять заказ, я заметил на улице своего приятеля, бывшего однокашника, а позднее коллегу Люкаса Рейнарда*: шести футов росту, рыжего, красивого, несмотря на артистично сломанный нос — а может быть, и именно благодаря ему, — обладателя манер и голоса удачливого коммивояжера, коим он и являлся.

Я постучал в окно, он меня увидел, помахал рукой и вошел в кафе.

— Мерль, я оказался прав, — сказал Люк, подходя к моему столику и хлопнув меня по плечу. Потом он уселся напротив и вынул из моих рук меню. — Я не застал тебя на квартире и догадался, что ты здесь.

Он уставился в меню и принялся подбирать себе еду.

— С какой стати? — спросил я.

— Если вам нужно подумать, я подойду попозже, — заявила официантка.

— Нет, — возразил Люк и сделал огромный заказ. Я последовал его примеру. — Потому что ты раб своих привычек.

— Привычек? — переспросил я. — Теперь я почти не ем здесь.

— Знаю, — усмехнулся Люк, — но когда возникала стрессовая ситуация, ты всегда заявлялся сюда. Ну, перед экзаменами... или если тебя что-то беспокоило.

— Хм-м, — сказал я. В этом действительно что-то было, хотя раньше мне никогда не приходило в голову вывести подобную закономерность. Я повертел в руках пепельницу с изображением головы единорога, уменьшенной копией рисунка на стеклянной перегородке у входа. — Не знаю. А с чего ты взял, что меня что-то беспокоит?

— Я вспомнил о твоих параноидальных страхах относительно 30 апреля, тех, что появились после парочки неприятных происшествий.

— Их было заметно больше двух. Просто я не рассказывал.

— Значит, ты все еще в это веришь?

— Да.

Люк пожал плечами. Подошла официантка и налила нам кофе.

— Ну что ж, — не стал он спорить. — Сегодня уже произошло что-нибудь?

— Нет.

— Очень плохо. Надеюсь, это не мешает тебе думать о других вещах?

Я попробовал кофе.

— Совершенно не мешает, — заверил я Люка.

— Отлично. — Он вздохнул и потянулся. — Послушай, я приехал в город вчера вечером...

— Удачно съездил?

— Установил новый рекорд по продажам.

— Поздравляю.

— Так или иначе... я только сейчас узнал, что ты уволился.

— Да, около месяца назад.

— Миллер пытался с тобой связаться. Ты отключил телефон? Он даже несколько раз заходил к тебе, но не смог застать дома.

— Какая жалость.

— Миллер хочет, чтобы ты снова у них работал.

— Я с ними расстался, окончательно и бесповоротно.

— Ты бы сначала выслушал их предложения. Брейди пошел на повышение, тебя хотят назначить главой конструкторского бюро — с увеличением оклада на двадцать процентов. Миллер поручил мне сообщить тебе это.

Я негромко рассмеялся:

— Действительно заманчивое предложение. Но я ведь уже сказал — с этим покончено.

— Ясно. — Глаза Люка заблестели, и он хитро улыбнулся. — Значит, у тебя есть что-то на примете. Миллер оказался прав. В таком случае он просил передать, что готов предложить более выгодные условия.

Я покачал головой:

— Похоже, ты не расслышал. С этим покончено. Точка. Я не хочу возвращаться. И не собираюсь поступать на работу в другое место. Мне осточертели компьютеры.

— Но ты же в них здорово разбираешься!.. Намерен преподавать?

— Нет.

— Черт побери! Должен же ты чем-нибудь заниматься! Может, тебе досталось солидное наследство?

— Нет. Просто хочу немного попутешествовать. Я слишком засиделся на одном месте.

Люк поднял чашку с кофе и в несколько глотков осушил ее. Потом откинулся на спинку стула, сложил руки на животе и слегка прикрыл глаза. Немного помолчал.

— Ты сказал, что покончил с этим, — наконец снова заговорил он. — Ты имел в виду свою жизнь и работу здесь или кое-что еще?

— Ты это о чем?

— Периодически ты куда-то пропадаешь — и в колледже было то же самое. Некоторое время тебя нигде не видно, потом ты неожиданно появляешься снова. И никогда не отвечаешь на вопросы о причинах своего отсутствия. Создается впечатление, что ты ведешь двойную жизнь. Это имеет отношение к твоему отъезду?

— Что-то я тебя не понимаю.

Люк улыбнулся.

— Все ты прекрасно понимаешь, — заявил он, а когда я ничего не ответил, добавил: — Ну ладно, желаю удачи.

Люк был постоянно в движении, его руки никогда не лежали спокойно; вот и теперь, когда мы пили по второй чашке кофе, он крутил связку ключей с брелоком, украшенным голубым камушком. Наконец появился завтрак, и мы молча принялись за еду.

— Ты все еще владеешь «Звездной россыпью»? — спросил он спустя несколько минут.

— Нет. Продал прошлой осенью. Я был так занят, что времени на яхту не оставалось, и не хотелось,чтобы она стояла на приколе, — ответил я.

— Жаль, — вздохнул Люк. — Мы отлично проводили на ней время, когда учились в колледже. Да и потом тоже. Я бы с удовольствием еще раз вышел в море, в память о прежних временах.

— Да.

— Слушай, ты в последнее время Джулию видел?

— С тех пор как мы расстались — нет. Думаю, она продолжает встречаться с одним типом по имени Рик. А ты?

— Я заходил к ней вчера вечером.

— Зачем?

Люк пожал плечами:

— Джулия была в нашей компании — но постепенно мы отдалились друг от друга.

— Как она?

— По-прежнему прекрасно выглядит. Интересовалась тобой. И попросила кое-что передать.

Он достал из внутреннего кармана пиджака запечатанный конверт. На нем почерком Джулии было надписано мое имя. Я разорвал конверт и прочитал:

Мерль, я ошиблась. Я знаю, кто ты. Тебе грозит опасность. Нам необходимо увидеться. У меня есть то, что тебе понадобится. Это очень важно. Пожалуйста, позвони или зайди как только сможешь.

С любовью, Джулия.

— Спасибо, — сказал я и убрал письмо в рюкзак.

Записка смутила и обеспокоила меня. До самой крайней степени. Я продолжал относиться к Джулии гораздо лучше, чем мне бы хотелось, однако еще раз встречаться с ней не входило в мои планы. Интересно, что она имела в виду, когда написала, что знает, кто я такой?

Я решил выбросить ее из головы.

Некоторое время я пил кофе, наблюдал за проезжающими мимо окна машинами и вспоминал о том, как мы познакомились с Люком в фехтовальном клубе — он оказался настоящим мастером. Это был наш первый год в колледже...

— Все еще фехтуешь? — спросил я.

— Иногда. А ты?

— Изредка.

— Мы так и не выяснили, кто из нас лучше.

— А теперь на это нет времени, — заметил я.

Люк рассмеялся и сделал несколько шутливых выпадов ножом.

— Пожалуй... Когда уезжаешь?

— Скорее всего, завтра — осталось закончить кое-какие дела. А после меня здесь ничто не будет задерживать.

— И куда направишься?

— Еще не решил.

— Ты с ума сошел.

— Хм. Wanderjahr*, по-моему, это так называется. Хочу наверстать упущенное.

— По правде говоря, звучит привлекательно. Может, и я как-нибудь попробую.

— Почему бы и нет? Впрочем, мне казалось, что ты уже истратил свой год — по частям.

— Это в каком смысле?

— Не только я надолго исчезал.

— Ах, вот ты о чем... — Он сделал небрежный жест рукой. — Это ради дела, а не для удовольствия. Нужно было заключить кое-какие сделки, чтобы расплатиться по счетам. Ты собираешься повидать семью?

Странный вопрос. Ни один из нас до сих пор не упоминал родителей, разве что мельком.

— Не думаю, — ответил я. — А ты?

Люк поймал мой взгляд и постарался удержать его. При этом хроническая улыбка, которая никогда не сходила с его лица, стала немного шире.

— Трудно сказать, — ответил он. — Мы слишком давно не виделись.

Я тоже улыбнулся:

— Знакомое чувство.

Мы закончили завтрак и выпили по последней чашке кофе.

— Значит, ты не станешь разговаривать с Миллером? — спросил он.

— Нет.

Он снова пожал плечами.

Официантка принесла чек. Люк быстро схватил его.

— Я расплачусь. В конце концов у меня ведь есть работа.

— Спасибо. За мной обед. Где ты остановился?

— Сейчас... — Он засунул руку в карман рубашки, вытащил спички и бросил их мне. — Здесь. Мотель «Нью-Лайн».

— Я зайду около шести, устраивает?

— Договорились.

Он заплатил за завтрак, и на улице мы расстались.

— До встречи!

— Пока.

Пока, Люк Рейнард. Странный ты парень. Мы знакомы почти восемь лет. Не раз отлично проводили время. Соперничали в нескольких видах спорта. Бегали вместе почти каждый день. Оба входили в легкоатлетическую команду. Иногда назначали свидания одним и тем же девушкам. Я снова задумался о нем — сильный, умный, постоянно держится особняком, как и я. Между нами существовала какая-то связь, но мне так и не удалось понять ее суть.

Я зашагал обратно к стоянке возле своего дома, поднял крышку капота и внимательно осмотрел двигатель. Только после этого забросил на сиденье сумку, сел за руль и включил зажигание. Я медленно ехал по улице, глядя в последний раз на то, что показалось мне таким необычным и новым восемь лет назад; я прощался с этим городом. За последнюю неделю я повидал всех, кто что-то для меня значил. Кроме Джулии.

Мне очень хотелось отложить это дело на потом, но времени уже не оставалось. Сейчас или никогда; к тому же меня разбирало любопытство. Я припарковался на стоянке у большого магазина, нашел телефон-автомат, но номер Джулии не отвечал. Наверное, она работает сегодня в утреннюю смену. А может быть, принимает душ или вышла в магазин. Я решил заехать и проверить. Тем более что ее дом находился совсем рядом. У меня был отличный повод зайти к ней в последний раз — записка, которую она мне написала.

Пришлось несколько минут покружить возле дома, прежде чем удалось найти место для стоянки. Я запер машину, вернулся на угол и зашагал направо. На улице потеплело. Где-то лаяла собака.

До большого викторианского особняка, превращенного в многоквартирный дом, пришлось идти почти целый квартал. С фасада я не мог заглянуть в окна Джулии. Она жила на последнем этаже, ближе к задней части здания.

Перед входом на меня нахлынули воспоминания. Я думал о проведенных с Джулией днях, и ко мне вернулись чувства, которые я тогда испытывал. Я остановился. Глупо было приходить сюда. Стоило ли тратить силы на то, что уже ушло из моей жизни. И все же...

Проклятие. Я хотел увидеть ее еще один раз. И теперь не отступлю.

Я начал подниматься по ступенькам крыльца. Дверь была приоткрыта. Знакомый вестибюль. На комоде, перед зеркалом в золоченой раме, горшок с утомленной фиалкой — все те же запыленные листья. Сколько раз отражало это зеркало наши объятия... Мое лицо скользнуло мне навстречу.

Я зашагал вверх по прикрытым зеленым ковром ступенькам. Где-то завыла собака.

Лестничная площадка на первом этаже совсем не изменилась. Я прошел по короткому коридору, мимо тусклых гравюр и старого приставного столика, повернул на следующий пролет лестницы и неожиданно услышал у себя над головой какой-то странный звук, будто по деревянному полу прокатилась бутылка или ваза. Потом наступила тишина, прерываемая лишь свистом ветра вдоль карнизов. У меня возникло смутное предчувствие беды, и я ускорил шаг.

На втором этаже я остановился. Казалось, все было в порядке, но тут я уловил необычный запах. Мне никак не удавалось узнать его: пот, плесень, влажная земля... во всяком случае, что-то органическое.

Стоя у двери в квартиру Джулии, я несколько секунд подождал. Здесь запах усилился, однако внутри царила тишина.

Я тихонько стукнул по темному дереву. На миг мне показалось, что в квартире кто-то есть, но тут же ощущение исчезло. Я снова постучал.

— Джулия, — позвал я. — Это Мерль.

Никто мне не ответил. Я принялся колотить в дверь.

Что-то с грохотом упало. Тогда я нажал на ручку. Закрыто.

Я изо всех сил дернул и вырвал ручку вместе с замком. Потом быстро шагнул влево, в ту сторону, где были петли, протянул руку и слегка нажал кончиками пальцев на верхнюю панель.

Дверь открылась внутрь на несколько дюймов. Никаких новых звуков из квартиры не доносилось. Моим глазам предстал кусок стены и пола, часть акварели и зеленый ковер. Я еще чуть-чуть толкнул дверь. Картина перед моими глазами практически не изменилась. Зато запах стал сильнее.

Я сделал полшага вправо, продолжая тихонько возиться с дверью.

Ничего-ничего-ничего...

Я отдернул руку, когда увидел Джулию. Она лежала на полу. Посреди комнаты. В крови...

Кровь была повсюду, на ковре и вокруг нее, а слева, в углу, валялись какие-то окровавленные тряпки. Мебель перевернута, подушки разорваны...

Я с трудом преодолел желание броситься к Джулии.

Сделал один медленный шаг, потом другой; все мои чувства обострились до предела. Переступил порог. Больше в комнате никого... и ничего необычного. Фракир сжала мое запястье. Видимо, следовало что-то сказать, но мне было не до того.

Я подошел к Джулии, опустился на колени и почувствовал, как к горлу подступил комок. Еще с порога я заметил, что у нее нет половины лица и правой руки. Она не дышала, в сонной артерии не пульсировала жизнь. На ней был залитый кровью разорванный халатик персикового цвета, а на шее висел кулон с голубым камнем.

Кровь просочилась сквозь ковер на пол. И тут я увидел следы. Они не могли принадлежать человеку — удлиненные, с тремя пальцами и широкой подушечкой. И еще когти.

Сквозняк, на который я сначала не обратил внимания — тянуло из открытой двери в спальню, — неожиданно прекратился, а запах усилился. Одновременно возникла пульсация у меня на запястье. Все произошло бесшумно, но я знал, что он там.

Я резко приподнялся, присел на корточки, повернул голову...

И увидел разверстую пасть, полную крупных зубов, губы перепачканы алой кровью. Мерзкая морда принадлежала похожему на собаку существу, покрытому грубым желтоватым мехом. Его уши напоминали поганки, круглые оранжево-желтые глаза горели диким огнем.

Поскольку у меня не было никаких сомнений относительно намерений зверя, я швырнул в него дверную ручку, которую по-прежнему сжимал в кулаке. Ручка отскочила от выступа над левым глазом, не причинив отвратительной твари ни малейшего вреда. Все так же без единого звука собака прыгнула.

Не было времени даже обратиться к Фракир...

Люди, работающие на бойне, знают, что на лбу любого животного есть точка, которая находится на пересечении двух воображаемых линий — от правого уха к левому глазу и от левого уха к правому глазу. Они наносят смертельный удар, целясь примерно на дюйм или два выше этого места. Так меня учил мой дядя. Впрочем, он не работал на бойне. Просто отлично знал, как следует убивать живых существ.

Поэтому я метнулся вперед и в сторону и попытался нанести могучий удар в смертельную точку. Однако существо двигалось быстрее, чем я предполагал, и, когда мой кулак настиг его, успело проскочить вперед. А мощные шейные мускулы приняли на себя силу удара.

Только теперь тварь издала первый звук — она взвизгнула. Потом чудовище встряхнуло головой, с необыкновенной быстротой развернулось и снова бросилось на меня. Из груди зверя вырвалось низкое, глухое рычание, и он подпрыгнул высоко в воздух. Я сразу понял, что на этот раз увернуться не удастся.

А еще дядя объяснял мне, как удержать собаку за складки кожи на шее, под самыми челюстями. Если она большая, необходимо вцепиться покрепче и ни в коем случае нельзя перепутать место. У меня не оставалось выбора. Если бы я лягнул чудовище и промахнулся, то скорее всего лишился бы ноги.

Я приготовился к столкновению, прекрасно осознавая, что масса чудовища больше моей... к тому же оно находилось в движении.

Очень ярко представив себе, как гнусная тварь отгрызает мне пальцы, а то и всю кисть, я тем не менее сумел ухватиться за складки кожи под челюстью. Вытянутые руки позволили смягчить удар. Меня качнуло в сторону, но я удержался на ногах и не ослабил хватку.

Слушая злобное рычание и глядя на мокрую от слюны пасть, я вдруг сообразил, что совсем не подумал о следующем шаге. Когда имеешь дело с собакой, всегда можно попытаться ударить ее головой обо что-нибудь твердое; сонная артерия надежно спрятана, до нее не добраться. Однако эта тварь была невероятно сильной, и я чувствовал, что мои пальцы начинают соскальзывать — чудовище отчаянно пыталось вырваться. Продолжая держать морду подальше от себя, я

начал тянуть собаку вверх, но почти сразу же понял, что она окажется заметно выше меня, если поставить ее на задние ноги. Конечно, я мог бы попробовать пнуть ее в живот, но это чревато потерей равновесия, я разожму пальцы — и тогда она обязательно пустит в ход зубы.

В следующий момент чудовище стряхнуло мою левую руку; теперь я мог рассчитывать только на правую. Я не стал рисковать: изо всех сил оттолкнул слюнявую морду, а сам отскочил назад. Мне необходимо было оружие, любое оружие, но на глаза ничего подходящего не попадалось.

Мерзкая собака снова атаковала меня, намереваясь вцепиться в горло... она двигалась слишком быстро, я не успевал нанести ей удар. И в сторону отскочить тоже. Вот уже передние лапы поднялись на уровень моей груди...

Я вспомнил еще один совет моего опытного дяди, схватился за жуткие лапы и изо всех сил завернул назад, упав при этом на колено и прижав подбородок к груди, чтобы защитить горло. Затрещали и захрустели кости, а голова твари мгновенно метнулась вниз, чтобы перегрызть мои запястья. Но в этот момент я уже начал выпрямляться, как сжатая пружина, вперед и вверх.

Чудовище отлетело назад, отчаянно извернулось; ему почти удалось сохранить равновесие. Однако, когда его лапы ударились об пол, оно издало странный звук — нечто среднее между рычанием и визгом — и рухнуло навзничь.

Я уже собрался ударить зверя в голову, но он вскочил, снова быстрее, чем я ожидал. И сразу поджал переднюю правую лапу, перераспределив вес тела на остальные три.

Продолжая рычать, тварь не сводила с меня глаз, с нижней челюсти капала слюна. Я переместился немного влево, не сомневаясь, что чудовище сейчас опять прыгнет, и занял стойку, которой меня никто никогда не учил, — иногда и я способен на оригинальные идеи.

Когда зверь бросился ко мне, он двигался немного медленнее. Наверное, нужно было еще раз как следует врезать ему по голове; не знаю, поскольку не стал этого делать. Я вновь схватил чудовище за горло, теперь гораздо увереннее. На этот раз ему не удастся вырваться так же быстро и я получу несколько необходимых мне секунд. Не теряя времени попусту, я одним движением опустился на колени и бросил зверя через себя по заранее рассчитанной траектории.

Он перевернулся в воздухе и ударил хребтом в окно. С оглушительным воем чудовище выбило стекла, рамы и вместе с занавеской и карнизом рухнуло вниз.

С глухим стуком собака упала на землю тремя этажами ниже. Подойдя к окну, я увидел, что гнусная тварь, несколько раз дернувшись, затихла. Она лежала во внутреннем дворике, где мы с Джулией не раз пили по вечерам пиво.

Я вернулся к девушке и взял ее за руку. Только сейчас я почувствовал, как меня начинает охватывать гнев. За всем этим кто-то стоит. Может быть, «Т»? А это его очередной подарок к 30 апреля? У меня было такое чувство, что я могу ответить утвердительно на оба эти вопроса. Я хотел разобраться с «Т» так, как я только что разобрался с отвратительным существом, убившим Джулию. Обязательно должен существовать мотив. И улики.

Я взял в спальне одеяло и накрыл им Джулию. Потом, совершенно машинально, стер свои отпечатки с валявшейся на полу дверной ручки и начал осматривать квартиру.

...Я нашел их на каминной полке между часами и стопкой книг по оккультным наукам. Как только я к ним прикоснулся и почувствовал знакомый холодок, я сразу понял, что все гораздо серьезнее, чем мне представлялось вначале. Должно быть, именно карты Джулия имела в виду, когда писала, что у нее есть то, что может мне пригодиться. Я узнал их — и в то же время они меня смутили. Это были карты, однако раньше я таких никогда не видел.

Не полная колода. Всего несколько карт — и довольно странных.

Я услышал вой сирен и быстро засунул колоду в боковой карман. Время для пасьянса у меня еще будет.

Быстро спустившись по лестнице и никого не встретив, я вышел через черный ход. Дохлая тварь лежала на прежнем месте, и все окрестные собаки на разные голоса обсуждали этот факт. Я перепрыгивал через ограды, топтал клумбы, двигаясь напрямик через задние дворы к той улочке, где оставил машину.

И вскоре оказался в нескольких милях от дома Джулии, стараясь побыстрее забыть отпечатки кровавых лап.

II

Я уезжал все дальше от побережья и наконец остановил машину в тихом месте, где росло множество деревьев. Мне хотелось немного прогуляться, и некоторое время спустя я заметил небольшой заброшенный парк.

Усевшись на одной из скамеек, я вытащил карты и принялся их изучать. Некоторые показались мне смутно знакомыми, другие остались полной загадкой. На одну я смотрел очень долго — и вдруг услышал песнь сирен. Я поспешно убрал карты. Стиль художника мне узнать не удалось. Это ставило меня в весьма неприятное положение.

Я вспомнил историю о знаменитом токсикологе, случайно принявшем яд, от которого не существовало противоядия. Главный вопрос, занимавший его, звучал так: «Была ли доза, которую я принял, смертельной?» Он заглянул в классический учебник, написанный им самим много лет назад. Если верить книге, у него не было ни единого шанса на спасение. Тогда ученый решил посмотреть еще одну, автором которой был другой, не менее знаменитый профессор. Согласно последнему, он принял лишь половину смертельной дозы — если учитывать его массу. Так что он мог лишь надеяться, что совершил ошибку, и ждать, чем все это закончится.

Я чувствовал себя примерно так же, потому что считался экспертом в подобных вещах. Казалось бы, я знаю всех, кто способен сделать такую колоду. Я взял одну из карт, ту, что каким-то таинственным образом завораживала меня, — с изображением маленькой заросшей травой лужайки у тихого озера, которое было лишь блистающим осколком чего-то яркого, неопределенного, уходящего вправо. Я сделал глубокий выдох, на миг картина затуманилась... Затем щелкнул по карте ногтем. Она зазвенела, словно стеклянный колокольчик, и ожила. Запульсировали сгустившиеся тени, день начал клониться к вечеру. Я провел над оживившим изображением ладонью, и все замерло — тихое озеро, трава, летний день.

Очень далеко. Поток времени двигался там быстрее, чем здесь. Любопытно.

Я поискал старую трубку, которой иногда себя балую, набил ее, раскурил и задумался — карты оказались самыми настоящими, они не были ловкой подделкой, и хотя я не понимал их назначения, в данный момент меня это не слишком тревожило.

Снова наступило 30 апреля, и я в очередной раз заглянул в лицо смерти. Мне еще только предстояла встреча с человеком, который играл с моей жизнью. «Т» опять воспользовался посредником, чтобы напасть на меня. Сегодня я покончил с существом, имевшим с собаками лишь отдаленное сходство. А карты... интересно, кто дал их Джулии и почему она хотела, чтобы они попали ко мне в руки? Карты и собака показывали, что в моей истории задействованы некие сверхъестественные силы. А я все это время считал, что мной заинтересовался самый обычный псих, с которым я сумею справиться, не прилагая особых усилий. Однако события сегодняшнего утра совершенно иначе освещали проблемы, с которыми я столкнулся. Все это означало, что где-то у меня есть дьявольски опасный враг.

Я вздрогнул. Мне захотелось увидеть Люка, попросить его еще раз вспомнить вчерашний разговор — может быть, в словах Джулии удастся найти какой-нибудь намек или улику. Не мешало бы вернуться в квартиру Джулии и обыскать ее более тщательно. Однако об этом не могло быть и речи. Когда я уезжал, у дома уже собирались полицейские. Некоторое время в ее квартиру соваться не стоит.

Рик. Оставался еще Рик Кински, парень, с которым она встречалась после того, как мы расстались. Я видел его несколько раз — худой, усатый, больше склонный к размышлениям, чем к действию, в очках с толстенными стеклами. Он работал управляющим в книжном магазине, куда я пару раз заходил. Больше я о нем ничего не знал. Возможно, он расскажет мне что-нибудь о картах и о том, как Джулия оказалась в ситуации, стоившей ей жизни.

Подумав еще немного, я убрал карты. Не стоит рисковать. Пока. Сначала необходимо собрать как можно больше информации.

Я вернулся к машине. Мне пришло в голову, что тридцатое апреля еще не закончилось. Предположим, нападение собаки не было инспирировано «Т». В таком случае для новой попытки оставалось еще достаточно времени. Кроме того, у меня возникло ощущение, что, стоит поближе подобраться к «Т», он забудет о датах и постарается вцепиться мне в глотку при первой подходящей возможности. Посему я решил держаться настороже и жить в состоянии осады до тех пор, пока вопрос не будет разрешен. И направить все силы на то, чтобы побыстрее покончить с этим делом. Похоже, для моего благополучия необходимо как можно скорее уничтожить таинственного врага.

«Следует ли искать совета? — спросил я у себя. — Если да, то у кого?» Относительно моего происхождения у меня было множество вопросов, на которые я так и не получил ответов.

Нет. Еще нет. Я должен сам справиться со своими проблемами. Если не считать того, что мне хочется решить эту задачку самостоятельно, практика в подобного рода вещах не помешает. Там, откуда я пришел, принято преодолевать трудности без посторонней помощи.

Я ехал по улицам, поглядывая, нет ли поблизости телефонного автомата, и стараясь не думать о Джулии, растерзанной страшным чудовищем. Ветер при-

гнал с запада тучи. На запястье у меня тикали часы, рядом с невидимой Фракир. По радио передавали очередные безрадостные международные новости.

Я остановился возле аптеки и позвонил Люку в мотель. Он куда-то вышел. Поэтому я заказал клубный сандвич* и молочный коктейль, а после еды попытался еще раз связаться с Люком. С тем же результатом.

Ладно. Поймаю его потом. Я направился в центр. «Бросери» — так назывался магазин, в котором работал Рик.

Я проехал мимо, магазин был открыт. Припарковавшись в двух кварталах на соседней улице, я подошел к магазину пешком. Я держался настороже с того самого момента, как вернулся в город, но так и не смог обнаружить признаков слежки.

Моего лица коснулся прохладный ветерок; похоже, собирается дождь. Я увидел Рика в окно магазина — он сидел за высокой конторкой и читал книгу. Больше внутри никого не было.

Когда я открыл дверь, звякнул маленький колокольчик, Рик поднял голову, а потом вдруг выпрямился, и в его округлившихся глазах возникло удивление.

— Привет, — сказал я, а потом сделал небольшую паузу. — Рик, не знаю, помните ли вы меня.

— Вы Мерль Кори, — негромко проговорил он.

— Верно. — Я оперся локтями о стойку, а он отодвинулся назад. — Я проезжал мимо и подумал, что вы мне поможете — меня интересуют кое-какие сведения.

— Какого рода?

— Дело касается Джулии, — ответил я.

— Послушайте, — сказал Рик, — мы с ней давно расстались.

— В самом деле? Нет-нет, вы не поняли. Это меня совершенно не волнует. Я хочу получить информацию о том, что произошло совсем недавно. На прошлой неделе она пыталась найти меня и...

Он покачал головой:

— Я не виделся с ней почти два месяца.

— Неужели?

— Да, мы перестали встречаться. Разные интересы.

— А с ней все было в порядке, когда ваши отношения прекратились?

— Думаю, да.

Я посмотрел ему в глаза, и он нахмурился. Мне не понравились его последние слова: «Думаю, да». Я видел, что он меня побаивается, и решил этим воспользоваться.

— А что значит «разные интересы»?

— Ну, она стала немного странной, понимаете? — проговорил он.

— Пока не очень. Объясните-ка.

Рик облизнул губы и отвел взгляд.

— Мне не нужны неприятности, — заявил он.

— Да и мне они ни к чему. Так в чем, собственно, дело?

— Ну, — промямлил он, — она боялась.

— Боялась? Чего?

— Ну... вас.

— Меня? Это просто смешно. Я не сделал ничего такого, что могло бы ее напугать. Что она говорила?

— Ничего впрямую, но я всегда это чувствовал, когда упоминалось ваше имя. А потом у нее вдруг появились эти необычные новые интересы.

— Что-то я не улавливаю... Она стала странной? У нее появились необычные интересы? Какого рода? В чем это выражалось? Я и в самом деле не понимаю, а мне бы очень хотелось во всем этом разобраться.

Рик встал и направился в дальний конец магазина, посмотрев на меня так, будто приглашал пройти за ним. Я послушно двинулся вслед.

Он чуть помедлил возле стеллажа, где стояли книжки о целительстве, земледелии, военных искусствах, гомеопатических средствах, домашних родах, но в конце концов прошел мимо и остановился перед центральным стеллажом, занятым книгами по оккультным наукам.

— Вот. Она брала сразу по нескольку штук, потом приносила их обратно и выбирала новые.

Я пожал плечами:

— И это все? Не вижу тут ничего особенного.

— Но ее по-настоящему занимала вся эта чепуха.

— Как и многих других...

— Дайте мне закончить, — продолжал Рик. — Джулия начала с теософии, даже принимала участие в собраниях местного кружка. Правда, довольно быстро перестала туда ходить, потому что к тому моменту подружилась с людьми, имеющими совсем другое интересы. Вскоре она уже встречалась с суфиями*, последователями Гурджиева*, даже с шаманами.

— Любопытно, — заметил я. — А как насчет йоги?

— Нет. Когда я спросил ее об этом, она ответила, что ищет могущество, а не самадхи*. В общем, Джулия заводила все более странные знакомства. Я понял, что общение с ней меня угнетает, поэтому мы распрощались.

— А почему она вдруг этим всем увлеклась? — задумчиво проговорил я.

— Вот, — сказал Рик, — посмотрите-ка на это.

Он швырнул мне черную книгу, а сам отошел в сторону.

Я поймал книгу. Оказалось, что это Библия. Я открыл титульный лист.

— Какое-нибудь уникальное издание?

Рик вздохнул:

— Нет. Извините.

Он взял у меня книгу и поставил обратно на полку.

— Одну минутку, — сказал Рик, вернулся к своей конторке и достал откуда-то снизу картонную табличку. На ней было написано: «ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛ. МЫ ОТКРОЕМСЯ В...», рядом был нарисован циферблат с подвижными стрелками. Он поставил их так, чтобы в его распоряжении оказалось полчаса, а потом подошел к окну и повесил табличку на стекло. После чего задвинул засов на входных дверях и жестом пригласил меня пройти в заднюю комнату.

В кабинете стояли стол, пара стульев и коробки с книгами. Рик уселся за стол и кивнул в сторону ближайшего стула. Я устроился на нем. Он включил автоответчик, вынул стопку бумаг и писем из-под пресс-папье, убрал их в ящик стола, открыл шкафчик и достал из него бутылку кьянти.

— Выпьете стаканчик?

— С удовольствием, спасибо.

Он снова встал и переступил через порог приоткрытой двери маленького туалета. Взял с полки два стакана, сполоснул их, поставил на стол, налил вино и подтолкнул один из стаканов ко мне. Оба были из «Шератона».

— Извините, что бросил в вас Библию, — сказал Рик, поднимая стакан и сделав глоток.

— Вы смотрели на меня так, словно ожидали, что я исчезну в клубах дыма.

Он кивнул:

— Я действительно убежден, что причина, по которой Джулия ищет могущество, имеет какое-то отношение к вам. Вы занимаетесь оккультизмом?

— Нет.

— Иногда она говорила о вас так, будто вы обладаете сверхъестественными способностями.

Я рассмеялся. После небольшой паузы Рик последовал моему примеру.

— Даже не знаю, — задумчиво проговорил он. — На свете столько странного. Многого просто не может быть, и все же...

Я пожал плечами:

— Кто знает? Значит, вы считаете, будто Джулия искала систему, которая дала бы ей силу, необходимую для защиты от меня?

— Да, мне показалось, что дело обстоит именно так.

Я сделал глоток вина.

— Какая-то бессмыслица...

Но в тот самый момент, когда произносились эти слова, я понял, что Рик скорее всего прав. И если Джулия вступила на эту тропу по моей вине, значит, я в определенной степени несу ответственность за ее смерть. Теперь мои плечи придавило новое бремя.

— Заканчивайте свою историю, — попросил я.

— А я уже практически все рассказал, — отозвался Рик. — Я устал от людей, которые все время обсуждают какую-то космическую чушь, поэтому и вышел из игры.

— И все? А Джулия нашла нужную систему и достойного гуру?* Что было дальше?

Рик сделал большой глоток и посмотрел на меня.

— Мне она по-настоящему нравилась, — сказал он.

— Не сомневаюсь.

— Таро, каббала, Золотая Заря, Кроули, Форчун* — таково направление ее дальнейших поисков.

— Она осталась с ними?

— Не уверен, но мне так кажется. Я узнал об этом значительно позже.

— Ритуальное колдовство? — спросил я.

— Вероятно.

— А кто им занимается?

— Очень многие.

— Я хотел спросить, с кем встречалась Джулия? Вам об этом что-нибудь известно?

— Кажется, его зовут Виктор Мелман.

Рик выжидательно посмотрел на меня. Я покачал головой:

— Сожалею, но мне это имя неизвестно.

— Странный человек, — задумчиво проговорил Рик, сделал очередной глоток и откинулся на спинку стула, сцепив руки на затылке и сведя вместе локти. Его взгляд был устремлен в пустоту. — Многие — среди них есть и довольно разумные люди, — утверждают, будто у него действительно что-то получается, будто ему удалось завладеть какими-то секретами, на него снизошло озарение и он обладает некой властью. Иногда Мелмана именуют Великим Учителем. Но у него проблемы с собственным эго, что, как мне кажется, часто случается в подобных случаях. Существует, естественно, и оборотная сторона медали. Поговаривают, что Мелман не его настоящее имя: якобы он отсидел срок и в нем больше от Мэнсона, чем от Волхва*. Вообще-то он художник — и довольно хороший. Его картины неплохо продаются.

— Вы с ним знакомы?

После паузы Рик ответил:

— Да.

— И какое он производит впечатление?

— Даже не знаю. Ну... я лицо заинтересованное. Не могу сказать ничего определенного.

Я взглянул на вино в своем стакане.

— А как это произошло?

— Я хотел брать у него уроки. Он отказал.

— Значит, вы тоже в этом участвовали. Я думал...

— Я ни в чем не участвовал! — возмутился Рик. — Просто успел многое попробовать. Бывают ведь разные увлечения. Я мечтал развиваться, расширять свои горизонты, как и любой другой человек. Но у меня ничего не вышло. — Он немного расслабился и сделал глоток вина. — Иногда мне кажется, что я подошел совсем близко, что существует некая сила или видение, к которому я вот-вот прикоснусь. Вот-вот. Но в следующее мгновение все исчезает... Полнейшая чепуха. Самый обычный самообман. Порой мне даже представляется, будто я обладаю какими-то особыми способностями. Проходит несколько дней, и я понимаю, что опять принимал желаемое за действительное.

— Это было до того, как вы встретили Джулию?

Он кивнул:

— Верно. Возможно, именно потому наши отношения и продолжались некоторое время. Я и сейчас люблю поговорить обо всей этой ерунде, хотя сам уже давно в нее не верю. Потом идеи оккультизма захватили Джулию, а я не захотел проходить тот же путь во второй раз.

— Понятно.

Рик допил вино и снова наполнил свой стакан.

— Глупости и пустая болтовня, — заявил он. — Существует бесконечное количество способов лгать себе, извращая реальность. Наверное, мне хотелось волшебства, но его нет на свете.

— Поэтому вы бросили в меня Библию?

Он фыркнул:

— С тем же успехом я мог бы швырнуть Коран или Веды*. Было бы здорово, если бы вы исчезли в языках пламени. Однако ничего не вышло.

Я улыбнулся:

— Как найти Мелмана?

— Кажется, у меня где-то был адрес... — пробормотал Рик, опустив глаза и открывая ящик стола. — Вот.

Он достал маленькую записную книжечку и полистал ее. Выписал адрес на карточку и протянул мне. А потом допил свое вино.

— Спасибо.

— Это адрес студии, но Мелман там живет, — объяснил Рик.

Я кивнул и поставил на стол стакан.

— Очень рад нашей беседе.

Он поднял бутылку:

— Может быть, выпьем еще?

— Нет, спасибо.

Рик пожал плечами и отодвинул свой стакан в сторону. Я встал.

— Знаете, это очень печально.

— Что?

— Что магии не существует, никогда не существовало и скорее всего не будет существовать.

— Скверно, — согласился я.

— Мир был бы гораздо интереснее.

— Это уж точно.

Я повернулся, собираясь уйти.

— Сделайте мне одолжение, — попросил Рик.

— Какое?

— На обратном пути переведите стрелки часов на три часа и захлопните дверь.

— Хорошо.

Я оставил Рика в задней комнатке и выполнил его просьбу.

Небо заметно потемнело, ветер стал холоднее. Я еще раз позвонил Люку, но дома по-прежнему не застал.

Мы были счастливы. День получился великолепным. Все, что мы делали, доставляло нам удовольствие, погода выдалась чудесная. Сначала мы отправились на вечеринку, а потом пообедали в милом маленьком ресторанчике, о существовании которого узнали совершенно случайно. Мы не торопясь потягивали вино; хотелось, чтобы этот день никогда не кончился. Наконец мы решили, что нужно пользоваться удачей, пока она нас не покинула, и поехали на пустынный пляж. Там сидели рядом, плескались в воде, смотрели на луну, слушали шепот ветра... Довольно долго. И я сделал то, что обещал себе никогда не делать. Разве Фауст не посчитал, что прекрасное мгновение стоит души?*

— Пойдем, — сказал я, бросив банку из-под пива в урну и схватив Джулию за руку. — Погуляем немного.

— Где? — спросила она, когда я заставил ее встать.

— В волшебной стране, — ответил я. — В далеких сказочных королевствах. В Эдеме. Пойдем.

Смеясь, она позволила мне увести себя по пляжу туда, где полоска песка сужалась, к месту между морем и высокой набережной. Желтела благородная луна, а море пело мою любимую песнь.

Рука в руке мы шагали вдоль отвесного берега. Крутой поворот увел нас в сторону от песчаного пляжа. Я искал взглядом высокую и узкую пещеру, которая должна была вскоре появиться...

— Пещера, — провозгласил я через несколько мгновений. — Давай войдем.

— Там будет темно.

— Вот и хорошо, — ответил я, и мы вошли.

Лунный свет сопровождал нас лишь первые шесть шагов. Однако я успел заметить поворот направо.

— Сюда, — заявил я.

— Тут действительно темно!

— Естественно. Ты просто держись за меня покрепче. Все будет в порядке.

Через пятнадцать или двадцать шагов справа возникло слабое свечение. Я повел Джулию в ту сторону, и стало немного светлее.

— Мы заблудимся, — тихо проговорила она.

— Со мной такого не бывает никогда, — ответил я.

Свет разгорался все ярче. Дорога свернула еще раз, и мы выбрались наружу у подножия гор. Впереди раскинулся лес, озаренный лучами утреннего солнца.

Джулия застыла на месте, ее голубые глаза широко раскрылись.

— Настал день! — воскликнула она.

— Tempus fugit*, — ответил я. — Идем!

Некоторое время мы шли через лес, прислушиваясь к пению птиц и шепоту ветра, темноволосая Джулия и я. Я провел ее через каньон, по разноцветным камням и траве, мимо ручья, впадавшего в реку.

Мы шагали вдоль берега, пока не увидели пропасть, куда бесстрашно бросалась река, а вокруг клубился туман и сверкала радуга. Мы стояли и смотрели на раскинувшуюся внизу огромную долину и окутанный утренним призрачным покрывалом город с многочисленными шпилями и куполами, золочеными и хрустальными.

— Где мы?.. — спросила Джулия.

— Просто свернули за угол, — сказал я. — Идем!

И повел ее влево, а потом вниз по тропе. Вскоре мы снова оказались возле скал, миновав наконец водопад. Тени и бриллиантовые капли... рев, достигающий могущества тишины.

Мы нырнули в туннель. Сначала земля была влажной, но вскоре стала сухой, потому что мы начали подниматься вверх. Мы двигались по галерее, открывающейся налево, и нашим глазам предстала ночь и звезды, звезды, звезды... Зрелище было невероятным; в небе мерцали созвездия, такие яркие, что наши фигуры отбрасывали тени на стены у нас за спиной. Джулия наклонилась над низким парапетом — ее кожа походила на белоснежный полированный мрамор — и заглянула вниз.

— Они там! С двух сторон! Под нами нет ничего, кроме звезд. И сбоку...

— Да. Красиво, верно?

Мы долго стояли и смотрели, прежде чем мне удалось убедить Джулию, что пришла пора возвращаться в туннель. Он привел нас к руинам классической арены под полуденным небом. Среди разбитых скамеек и потрескавшихся колонн рос плющ. Тут и там лежали обломки статуй, словно их низвергло землетрясение.

Весьма живописное зрелище. Я предполагал, что оно должно понравиться Джулии, и не ошибся. Мы по очереди садились на скамейки и говорили друг с другом. Акустика была великолепной.

А потом, держась за руки, шли по мириадам дорог, под многоцветными небесами, пока не оказались наконец возле тихого озера, над дальним берегом которого зависло вечернее солнце. Справа влажно сверкали скалы. Мы направились к маленькой лужайке, поросшей мхом и папоротником.

Я обнял ее, и мы слушали, как ветер шелестит кронами деревьев и поют невидимые птицы. Потом я расстегнул ей блузку.

— Прямо здесь? — спросила она.

— Мне тут нравится. А тебе?

— Красивое место. Хорошо. Подожди минутку.

И мы опустились на землю и любили друг друга до тех пор, пока нас не укрыли тени. После этого, как я и хотел, Джулия заснула.

Я сотворил заклинание, чтобы она крепче спала, ибо начал сомневаться в том, разумно ли поступил, отправившись с Джулией в это путешествие. Потом оделся сам, одел Джулию и взял ее на руки, чтобы отнести обратно. Я выбрал короткий маршрут.

На пляже я положил ее на песок и растянулся рядом. Скоро и я провалился в сон.

Нас разбудили крики купальщиков, далеко после восхода солнца.

Джулия села и внимательно посмотрела на меня.

— Прошлая ночь, — заявила Джулия, — не могла быть сном. Но и на реальность все это не похоже, правда?

— Наверное, — ответил я.

Она нахмурилась.

— С чем ты сейчас согласился? — спросила она.

— С тем, что пора завтракать, — сказал я. — Давай пойдем куда-нибудь.

— Подожди минутку. — Она положила руку мне на плечо. — Произошло нечто удивительное. Что это было?

— Ты хочешь убить волшебство пустыми разговорами? Пойдем-ка лучше что-нибудь съедим.

В последующие дни она задавала мне множество вопросов, но я упорно отказывался обсуждать ту сказочную ночь. Я совершил ошибку — не нужно было устраивать для нее этой прогулки. В конце концов мы поссорились и вскоре расстались.

А теперь, когда я уезжал все дальше и дальше от магазина Рика, мне стало ясно, что одной глупостью тут не обошлось. Я понял, что любил Джулию и что любовь не прошла. Если бы тогда я не пал жертвой собственной глупости или если бы признался, что владею магией, Джулия не выбрала бы путь, который в результате привел ее к гибели. И не искала бы могущество для того, чтобы защитить себя. И была бы жива.

Я прикусил губу и закричал. Объехав затормозившую передо мной машину, я промчался через перекресток на красный свет.

Если я убил существо, которое любил, то вряд ли сумею полюбить своего врага.

III

Скорбь и гнев сжимают рамки моего мира, и меня это приводит в негодование. Исчезают воспоминания о более счастливых временах, друзьях, местах, вещах и возможностях. Охваченный сильными переживаниями, я словно начинаю уменьшаться и теряю способность смотреть на вещи с разных точек зрения. Полагаю, частично это происходит из-за того, что я отказываюсь от целого ряда альтернативных решений — а в результате моей свободе воли наносится немалый ущерб. Мне это не нравится, но, начиная с какого-то момента, от меня уже ничего не зависит. Возникает ощущение, что я смирился с некой предопределенностью, отчего я раздражаюсь еще сильнее. А затем — порочный круг! — срабатывают чувства, и все усугубляется. Самый простой способ покончить с этой ситуацией — побыстрее разделаться с ее причиной. Более трудный — философский подход, возврат назад, попытка восстановить над собой контроль. Естественно, трудный путь всегда предпочтительнее. Стремление побыстрее разделаться с проблемой нередко приводит к сломанной шее.

Припарковавшись в первом попавшемся месте, я опустил окно и раскурил трубку. И поклялся не уезжать отсюда до тех пор, пока окончательно не успокоюсь. Я всегда чересчур сильно реагирую на происходящие вокруг события. Дурная наследственность, вероятно. Только мне совсем не хочется быть таким же, как остальные мои родственники. У них возникает даже слишком много неприятностей. Мгновенная реакция — все или ничего, — может быть, и не так плоха, если ты всегда выигрываешь, но зато частенько приводит к трагедии или по меньшей мере к драме, если сталкиваешься с чем-то экстраординарным. У меня были все основания считать, что в данном случае я имею дело с весьма необычным противником. Следовательно, я болван. Я повторял эти слова до тех пор, пока не поверил в них.

Потом я прислушался к своему немного успокоившемуся «я», которое согласилось с тем, что я и в самом деле болван — раз не смог разобраться в собственных чувствах тогда, когда еще можно было что-то изменить. Болван потому, что, показывая свое могущество, не подумал о последствиях; за столько лет не сумел распознать истинную природу своего врага и недооценил значение предстоящего с ним поединка. Из попытки схватить Виктора Мелмана за горло и вытрясти из него правду вряд ли получится что-нибудь уж очень стоящее. Я решил действовать осторожно, постоянно прикрывая свои тылы. Жизнь — сложная штука, напомнил я себе. Сейчас нужно затаиться, собрать силы и как следует все обдумать.

Вскоре мое напряжение — медленно, очень медленно — стало ослабевать. И так же постепенно осознанный мною мир начал расти, и среди прочего я понял, что «Т» может хорошо меня знать, и специально все устроил таким образом, чтобы я под влиянием момента совершил какой-нибудь необдуманный поступок. Нет, не уподоблюсь остальным родственникам...

Я еще долго сидел в машине, а потом включил двигатель и не спеша поехал вперед.

Грязный четырехэтажный кирпичный дом стоял на углу улицы. Его стены были испещрены непристойными надписями, особенно с тех сторон, что выходили на аллею и в узкий переулок. Медленно обойдя здание, я обнаружил несколько разбитых окон и пожарную лестницу. К этому времени начал моросить дождь. Первые два этажа были заняты компанией «Склады Брутуса» — если верить табличке, висевшей у лестницы в конце маленького коридора, куда я осторожно вошел.

Воняло мочой, справа, на пыльном подоконнике, лежала пустая бутылка виски «Джек Дэниелс». На облупившейся стене примостилось два почтовых ящика. На одном красовалась надпись: «Склады Брутуса», на другом — «В. М.». Оба ящика были пусты.

Я начал подниматься по лестнице, опасаясь, что ступени вот-вот заскрипят. Однако они сохраняли полнейшее молчание.

В коридоре второго этажа я заметил четыре двери без ручек, все закрытые. Сквозь матовые стекла проглядывались очертания картонных коробок. Изнутри не доносилось ни звука.

На следующем лестничном пролете я спугнул задремавшую черную кошку. Она выгнула спину и зашипела, а потом быстро умчалась куда-то вверх.

На третьем этаже тоже оказалось четыре двери — тремя явно никто не пользовался, а на четвертой, покрытой блестящим шеллаком, виднелись темные пятна. И красовалась медная табличка с надписью «Мелман».

Я постучал.

Ответа не последовало. Я сделал еще несколько попыток — безрезультатно. Возможно, здесь Мелман жил, а наверху, где было больше солнечного света, устроил студию.

Я вернулся на лестницу и поднялся на четвертый этаж.

Одна из четырех дверей была слегка приоткрыта. Остановившись, я прислушался. Внутри кто-то был. Я подошел поближе и несколько раз постучал. Услышал тихий вздох. Толкнул дверь.

Он стоял ко мне лицом под застекленной крышей, примерно в двадцати футах от входа — высокий широкоплечий мужчина с черной бородой и карими глазами. В левой руке кисть, в правой — палитра. Испачканный в краске фартук надет поверх джинсов и клетчатой спортивной рубашки. На мольберте холст, на котором нарисовано нечто, напоминающее мадонну с младенцем. В комнате множество других холстов, но все они либо повернуты к стене, либо чем-то накрыты.

— Привет, — поздоровался я, — вас зовут Виктор Мелман?

Он кивнул — при этом на лице у него не дрогнул ни один мускул, — положил палитру на ближайший стол, а кисть опустил в банку с растворителем. Потом взял влажную тряпку и вытер руки.

— А вас? — спросил он, отбросив тряпку в сторону и снова взглянув на меня.

— Мерль Кори. Вы знали Джулию Барнс.

— Не стану отрицать. Однако вы использовали прошедшее время, из чего следует...

— Она мертва. Я хочу поговорить с вами о ней.

— Хорошо, — согласился он, снимая фартук. — Давайте пойдем вниз. Здесь негде даже присесть.

Он повесил фартук на гвоздь у двери и вышел из студии; я последовал за ним. Перед тем как уйти Мелман запер студию. Его движения были плавными, почти грациозными. Я слышал, как барабанит по крыше дождь.

Тем же ключом Мелман открыл темную дверь на третьем этаже. Распахнул и жестом пригласил меня войти. Проходя по коридору мимо кухни, я заметил кучу пустых бутылок, стопки тарелок, коробки из-под пиццы. Набитые до отказа мешки с мусором выстроились у шкафа; пол казался липким, а пахло, как в цеху по производству специй, по соседству с которым расположилась бойня.

Гостиная была большой, с двумя удобными на вид черными диванами, стоящими друг напротив друга, восточными коврами на полу и несколькими разномастными столиками, сервированными пепельницами с окурками. В дальнем углу, у стенки, задрапированной красным, я увидел красивый концертный рояль. Повсюду были расставлены низкие книжные шкафы, набитые литературой по оккультным наукам, рядом с ними примостились кресла, а на полу валялись стопки журналов. Нечто напоминающее угол пентаграммы* торчало из-под самого большого ковра. В воздухе витали застарелые запахи благовоний и марихуаны. Справа от меня сводчатый проход вел в соседнюю комнату, а слева была закрытая дверь. Картины на религиозные темы — я решил, что их автор сам Мелман, — висели на стенах. Что-то в них напоминало работы Шагала*. Хорошая живопись.

— Садитесь.

Мелман показал на кресло, и я сел.

— Хотите пива?

— Спасибо, нет.

Он устроился на ближайшем ко мне диване, сложил руки и пристально на меня посмотрел.

— Что случилось? — спросил Мелман.

Теперь уже я пристально взглянул на него:

— Джулия Барнс увлеклась оккультными науками и пришла к вам в надежде побольше о них узнать. Она умерла сегодня утром при очень необычных обстоятельствах.

Левый уголок его рта слегка дрогнул. И никакой другой реакции.

— Да, Джулия интересовалась подобными вещами, — промолвил он. — Она хотела получить у меня наставления, и я удовлетворил ее просьбу.

— Мне необходимо знать, почему она умерла.

Он продолжал смотреть на меня.

— Ее время вышло, — заявил Мелман. — Рано или поздно такое случается со всеми.

— Она была убита животным, которое не может здесь существовать. Что вы об этом знаете?

— Вселенная гораздо более странное место, чем многие из нас думают.

— Так вы знаете что-нибудь о смерти Джулии или нет?

— А про вас я наслышан, — произнес он, впервые улыбнувшись. — Она, естественно, мне все рассказала.

— Как это понимать?

— А вот как: вы и сами немало искушены в вещах подобного рода.

— И что?

— Когда известные силы начинают действовать, Искусство находит способ собрать нужных людей в нужный момент.

— Значит, вы думаете, что дело именно в этом?

— Я знаю.

— Откуда?

— Так было предсказано.

— Поэтому вы меня ждали.

— Да.

— Любопытно. Расскажите-ка об этом поподробнее.

— Давайте я лучше покажу.

— Вы говорите, будто бы вам было что-то предсказано. Как? Кем?

— Скоро и сами поймете.

— И смерть Джулии?

— Пожалуй, и это тоже.

— Ну и каким образом вы собираетесь меня просветить?

Мелман улыбнулся:

— Я хочу вам кое-что продемонстрировать.

— Хорошо. Я готов. Демонстрируйте.

— Это здесь. — Он встал и направился к закрытой двери.

Я последовал за ним через комнату.

Мелман засунул руку за пазуху, вытащил цепочку, а когда поднял ее над головой, я увидел, что на ней висит ключ. Этим ключом он и открыл замок.

— Заходите, — предложил он, толкая дверь и отходя в сторону.

Я вошел в небольшую довольно темную комнату. Мелман нажал на кнопку выключателя — зажегся слабый синий свет. На противоположной стене я заметил единственное окно, все стекла которого были закрашены черной краской. Мебели в комнате не было, если не считать нескольких подушек, разбросанных по полу. Часть стены справа от меня была задрапирована черной тканью.

— Ну, смотрю, — сказал я.

Он усмехнулся:

— Потерпите немного. Как вы думаете, какой раздел оккультных наук занимает меня больше всего?

— Вы каббалист.

— Да, — признался Мелман. — Откуда вы знаете?

— Люди, интересующиеся Востоком, склонны к самодисциплине, — заявил я. — А каббалисты всегда были страшными неряхами.

Он фыркнул:

— Тут все зависит от того, что считать для себя важным.

— Именно.

Мелман ногой отбросил подушку на середину комнаты:

— Садитесь.

— Я постою.

— Ладно, — сказал он, пожав плечами, и начал что-то тихонько бормотать.

Я ждал. Через некоторое время, продолжая негромко говорить, он подошел к черному занавесу и быстрым движением отодвинул его.

Моим глазам предстало каббалистическое Древо Жизни с десятью сефирот*. Рисунок был весьма впечатляющим. Неожиданно возникшее чувство узнавания

меня озадачило. Эта картина была оригинальной вещью, а не бездарной подделкой, купленной в антикварном магазине, однако по стилю не имела ничего общего с теми полотнами, что висели в другой комнате. Меня по-прежнему не покидало ощущение, что я ее уже видел.

Рассматривая Древо Жизни, я довольно быстро пришел к выводу, что написал его тот же художник, что сделал карты, найденные мной в квартире Джулии.

Мелман продолжал бормотать свои заклинания, а я разглядывал картину.

— Ваша работа?

Мелман не ответил. Вместо этого он подошел к картине и показал на третий сефер, который называется Бина*. На нем был изображен чародей, стоящий перед темным алтарем, и...

Нет! Я не мог поверить. Так не должно...

Я понял, что вхожу в контакт с этой фигурой, причем контакт не был символическим. Самый настоящий чародей призывал меня к себе. Фигура начала расти, стала объемной. Комната вокруг меня потускнела. Я уже почти...

Был там.

Сумеречное место, маленькая поляна посреди странного леса. Тусклый кровавый свет озаряет каменную плиту алтаря. Маг, лицо которого скрыто в тени капюшона, перемещает какие-то предметы по поверхности камня, его руки двигаются так быстро, что я не в силах за ними уследить. Откуда-то издалека доносятся слова заклинаний.

Наконец чародей поднял правую руку, в которой был зажат единственный предмет — черный обсидиановый кинжал. Потом положил руку на алтарь и быстро смахнул все на землю.

Только после этого посмотрел на меня.

— Иди ко мне, — позвал он.

Я улыбнулся, услышав столь глупое предложение. Но в следующий миг почувствовал, как ноги, без всякого участия с моей стороны, понесли меня к нему, и тогда я сообразил, что чародей из густой черной тени силой заклятия пытается подчинить себе мою волю.

Я мысленно поблагодарил другого своего дядю, обитавшего так далеко, что и представить себе невозможно, и на языке тари принялся творить собственное заклинание.

Воздух разорвал дикий крик, словно мимо пронеслась какая-то ночная птица.

Чародей не утратил сосредоточенности, и мои ноги шагали вперед, послушные его желанию, но я сумел поднять руки. Я продолжал держать их на нужной высоте, а когда они коснулись верхнего края алтаря, перестал противиться и ускорил шаги. А еще я согнул руки в локтях.

Чародей взмахнул кинжалом, однако это уже не имело значения. Я изо всех сил толкнул камень.

Алтарь опрокинулся, чародей попытался отскочить в сторону, но камень ударил его по одной, а может быть, и по обеим ногам. Как только он упал на землю, чары рассеялись. Я снова мог двигаться, в голове прояснилось.

Чародей подтянул колени к груди и успел откатиться в сторону до того, как я перепрыгнул через поваленный алтарь. Потом сделал сальто на небольшом

склоне и, промчавшись между двух стоящих вертикально камней, бросился к черному лесу.

Добравшись до края поляны, я заметил глаза — сотни злобных огоньков, горевших в темноте на разной высоте. Заклинания стали громче, приблизились, зазвучали у меня за спиной.

Я быстро обернулся.

Алтарь по-прежнему валялся на земле. За ним возвышалась другая фигура в плаще с капюшоном, значительно крупнее первой. Голос этого колдуна показался мне знакомым. Запульсировала Фракир, и я почувствовал, как меня обволакивают чары, но на сей раз я был к этому готов.

С противоположной стороны, послушный моему приказу, возник ледяной ветер и развеял колдовство, словно дым. Моя одежда взметнулась, меняя форму и цвет. Пурпурная, серая... светлые брюки, черный плащ и рубашка. Черные сапоги и широкий пояс, на котором висят латные рукавицы, а серебристая Фракир превратилась в сияющий браслет. Подняв левую руку, я прикрыл глаза правой, готовясь сотворить яркую вспышку света.

— Молчи, — приказал я. — Ты оскорбил меня.

Голос смолк.

Порыв ветра отбросил капюшон, и я увидел испуганное лицо Мелмана.

— Ну что ж, ты хотел, чтобы я пришел, — продолжал я, — твое желание исполнилось, и да помогут тебе небеса. Ты сказал, что я получу ответы на свои вопросы. Однако этого не произошло. Сдержи свое обещание!

Я сделал шаг вперед.

— Говори! — приказал я. — Можешь выбрать легкий путь или трудный. Так или иначе — ты мне все расскажешь! Решение за тобой.

Он откинул голову и возопил:

— Господин!

— Давай, призывай своего господина! — Я усмехнулся. — Я готов подождать. Потому что ему тоже придется дать ответ.

Мелман снова крикнул, но отклика не последовало. Тогда он бросился бежать.

Я был готов и к этому и сотворил более мощное заклинание. Лес начал исчезать; деревья повалились на землю прежде, чем Мелман успел до них добраться, потом налетел могучий ветер и унес их прочь. Вихрь закружил над поляной, серый и алый; вокруг нас выросла неприступная стена, уходящая в бесконечность. Мы оказались в ночи, на круглом островке диаметром всего в несколько сотен метров, края которого медленно разрушались.

— Он не придет, — сказал я, — а ты останешься здесь. Он тебе не поможет. Никто тебе не поможет. Здесь властвует высокое волшебство, и ты оскверняешь его одним своим присутствием. Знаешь, что находится за границей наступающего ветра? Хаос. И я отдам тебя ему, если ты не расскажешь мне о Джулии, о своем господине и о том, почему ты осмелился привести меня сюда.

Он отвернулся, не в силах созерцать Хаос, и посмотрел на меня:

— Верни меня в мою квартиру.

Я покачал головой.

— Убей меня — и тогда ты ничего не узнаешь!

Я пожал плечами:

— Ты все скажешь, чтобы остановить боль. А потом я подарю тебя Хаосу.

Я сделал движение в его сторону.

— Подожди. — Мелман поднял руку. — Оставь мне жизнь за то, что я расскажу.

— Кончай торговлю. Говори.

Над нами взметнулся еще один порыв ветра, и наш островок снова стал сжиматься. Мы услышали шепоты и невнятный лепет, вокруг нас, мерцая, поплыли разобщенные формы. Мелман невольно отпрянул назад.

— Ладно. — Теперь он говорил громко: — Да, Джулия пришла ко мне, как и было предсказано, и я кое-чему ее научил — совсем не тому, чему учил бы всего лишь год назад, а тому, что сам освоил совсем недавно. Мне было приказано так поступить.

— Кем? Как его зовут?

Мелман состроил гримасу:

— Он не так глуп, чтобы назвать свое имя, ведь в этом случае я мог бы попытаться подчинить его себе. Как и ты, он не человек, а существо из других миров.

— Это он дал тебе картину с изображением Древа Жизни?

Мелман кивнул:

— Да, и она действительно переносила меня в каждый сефер. Там царит магия. И я становился могущественнее.

— А карты? Их тоже сделал он? Он велел тебе передать карты Джулии?

— Я ничего не знаю ни о каких картах, — заявил Мелман.

— Вот эти! — воскликнул я, доставая колоду из кармана плаща и развернув карты наподобие волшебного веера.

Я сунул карты Мелману под нос, чтобы он рассмотрел их, а потом убрал, прежде чем он успел сообразить, что с их помощью может сбежать.

— В первый раз вижу, — проговорил он.

Земля вокруг нас продолжала разрушаться. Мы придвинулись к центру.

— И ты послал чудовище, которое растерзало Джулию?

Он отчаянно замотал головой:

— Нет, не я. Мне было известно, что ее ждет смерть, господин сказал, что после этого обязательно появишься ты. И еще он мне поведал, что ее убьет зверь из Нецаха — но я его не вызывал.

— А почему он хотел, чтобы ты встретился со мной и привел сюда?

Мелман дико расхохотался.

— Почему? — повторил Мелман. — Чтобы прикончить тебя, конечно. Он сказал, что, если я смогу принести тебя в жертву в этом месте, твое могущество перейдет ко мне. И еще он говорил, что ты Мерлин, сын Преисподней и Хаоса, и что я стану величайшим магом, если сумею убить тебя здесь.

Наш мир теперь имел лишь сто метров в поперечнике и сокращался все быстрее.

— Это правда? — спросил Мелман. — Господин не обманул меня?

— Власть как деньги, — ответил я. — Захватить ее совсем не трудно, если знаешь, как это сделать, и хочешь больше всего на свете. Удалось бы тебе овладеть моим могуществом и знанием себе на пользу? Сомневаюсь.

— Я говорю о смысле жизни. Ты же все прекрасно понимаешь.

Я покачал головой:

— Только глупец верит, что жизнь имеет единственное значение... Ну хватит об этом! Опиши своего господина.

— Я никогда его не видел.

— Что?

— Нет, я, конечно, видел его, но не знаю, как он выглядит. Он всегда являлся ко мне в надвинутом капюшоне и черном свободном плаще с поясом. И в перчатках. Я даже не знаю, какой он расы.

— Как вы познакомились?

— Однажды он пришел в мою студию. Я повернулся — а он стоит у меня за спиной. Он предложил мне власть и обещал, что многому научит, если я соглашусь ему служить.

— А почему ты ему поверил?

— Он взял меня с собой в путешествие по иным мирам.

— Понимаю.

Наш островок теперь имел размеры большой комнаты. Голос ветра стал дразнящим, а потом сочувствующим и одновременно испуганным, печальным и гневным. Окружающие нас видения непрерывно менялись. Земля под ногами дрожала. Мне хотелось прикончить Мелмана прямо сейчас, но если он и в самом деле не вызывал зверя, который убил Джулию...

— А почему твой господин хотел моей смерти? — спросил я его.

Он облизнул губы и с ужасом оглянулся на надвигающийся Хаос.

— Он сказал, что ты его враг, — объяснил Мелман, — и больше ничего. И что это должно произойти сегодня — такова была его воля.

— А почему сегодня?

На лице Мелмана промелькнула улыбка.

— Я полагаю, из-за того, что сегодня Walpurgisnacht*, хотя мой господин этого не говорил.

— И все? — не унимался я. — Он не намекал, откуда прибыл?

— Однажды мой господин упомянул Твердыню Четырех Миров, как если бы это было важное для него место.

— А у тебя не возникало ощущения, что твой господин тебя попросту использует?

Мелман улыбнулся:

— Конечно, он использовал меня. Мы все кого-нибудь используем. Так уж устроен мир. Но он платил за мои услуги знанием и силой. И я думаю, что его обещание еще может быть исполнено.

Казалось, он смотрит в какую-то точку у меня за спиной. Старый трюк, но я на него попался. Там никого не было. Я моментально повернулся лицом к Мелману.

В руке он держал черный кинжал. Вероятно, прятал в рукаве. Бормоча заклинания, Мелман подскочил ко мне, собираясь нанести удар, но я сделал шаг назад и швырнул в него плащ. Он выпутался, отступил в сторону и снова пошел на меня, продолжая размахивать кинжалом.

На этот раз он действовал осторожнее, постарался меня обойти, его губы шевелились. Я попытался изо всех сил врезать ногой по руке с кинжалом, но он успел убрать ее. Тогда я подхватил край плаща и обмотал им руку. Когда Мелман еще раз атаковал меня, я вцепился ему в предплечья, а потом, быстро наклонив-

шись вперед, правой рукой схватил его за левое бедро, выпрямился, поднял высоко в воздух и бросил.

Уже развернув для броска свое тело, я понял, что произошло. Слишком поздно. Сосредоточив все внимание на противнике, я забыл о наступающей стене бушующих ветров. Граница Хаоса подобралась к нам гораздо ближе, чем я предполагал, и у Мелмана осталось время лишь на самые короткие проклятия, прежде чем смерть заберет его туда, где он больше не сможет творить свои заклинания.

Я тоже выругался, потому что был уверен, что мерзавец не рассказал мне всего, что знал; я стоял в центре уменьшающегося мира и горестно качал головой.

День еще не закончился, но, несомненно, это была самая запоминающаяся Walpurgisnacht.

IV

Дорога назад заняла много времени. Я даже успел спокойно переодеться.

Выходя из лабиринта, я оказался в узком переулке между двумя грязными кирпичными зданиями. Все еще шел дождь, день клонился к вечеру. В круге света, отбрасываемого одним из немногих неразбитых уличных фонарей, я заметил свой автомобиль. С грустью подумал о сухой одежде, лежащей в багажнике, и зашагал обратно к «Складам Брутуса».

В окнах офиса на первом этаже, едва разгоняя мрак, сгустившийся у входа в здание, горела слабая лампочка. Мокрый до нитки, я устало поднимался по ступенькам, при этом стараясь держаться настороже. Когда я нажал на ручку и повернул ее, дверь распахнулась. Я включил свет и вошел, закрыв за собой замок.

Беглый осмотр показал, что здесь никого нет, и я снял свою мокрую рубашку, позаимствовав чистую из шкафа Мелмана. К сожалению, его брюки оказались слишком длинными и широкими в поясе. Я переложил карты в нагрудный карман, чтобы они не промокли.

Шаг номер два. Я принялся самым тщательным образом обыскивать квартиру. И уже через несколько минут в запертом ящике стоящей возле кровати тумбочки обнаружил оккультный дневник. Он был таким же неряшливым, как и вся квартира, с орфографическими ошибками, зачеркнутыми словами и пятнами от пива и кофе. Рядом с традиционным набором рассуждений и наблюдений — например, о снах и их толковании — здесь можно было отыскать самую разнообразную информацию об оккультных науках.

Я перелистал несколько страниц и вскоре нашел место, где рассказывалось о первой встрече Мелмана с его господином. Описание было длинным и состояло преимущественно из восторженных восклицаний по поводу возможностей Древа, которое Мелман получил в свое полное распоряжение. Я решил оставить изучение дневника на потом и собрался уже спрятать его в карман, когда мне на глаза попалось стихотворение. В стиле Суинберна*, слишком иносказательное, полное восторга; но мое внимание привлекла строчка: «...тени, бесконечные блики Амбера, которых коснулась его колдовская аура». Чересчур, по-

жалуй, громоздко; впрочем, для меня была важна сама идея. Во мне снова ожило ощущение уязвимости, которое заставило ускорить поиски. Захотелось побыстрее убраться подальше отсюда и спокойно все обдумать.

Больше в этой комнате ничего интересного не оказалось. Я вышел, собрал целую кипу разбросанных газет, отнес в ванную, поджег, а на обратном пути распахнул окно. После чего в святая святых снял со стены картину с изображением Древа Жизни и бросил ее в огонь. Потом выключил свет в ванной и закрыл за собой дверь. Никудышный из меня получился бы искусствовед.

Направившись к куче разных бумаг, сложенных на полках, я продолжил свои бесполезные поиски и успел просмотреть половину второй стопки, когда зазвонил телефон.

Казалось, мир вокруг замер, а мои мысли понеслись вскачь. Естественно. Именно сегодня я должен был прийти сюда и быть убитым. Существовала достаточно высокая вероятность, что если мне суждено было отправиться к праотцам, то к этому моменту моя смерть уже стала свершившимся фактом. Значит, это может звонить «Т», чтобы узнать, не пора ли опубликовать некрологи.

Я повернулся и заметил, что телефон стоит у окутанной тенями стены возле двери в спальню. Я сразу понял, что возьму трубку. Подойдя к аппарату, подождал, пока он позвонит два или три раза — от двенадцати до восемнадцати секунд, — чтобы сообразить, что скажу: сделаю какое-нибудь остроумное замечание, или это будет изысканное оскорбление, а еще лучше угроза... может быть, стоит прикинуться Мелманом и попытаться что-нибудь выведать... Несмотря на привлекательность первых вариантов, осмотрительность, лишающая жизнь удовольствия, продиктовала мне выбор, и я решил отвечать односложно, сделав вид, что ранен и задыхаюсь. Я поднял трубку, рассчитывая наконец услышать голос «Т» и выяснить, знаю ли я его.

— Алло? — сказал я.

— Ну? Дело сделано? — спросили меня.

Проклятое местоимение. Звонила женщина. Совсем не тот пол, зато вопрос тот самый.

Я тяжело вздохнул:

— Да.

— Что случилось?

— Я ранен, — прохрипел я.

— Серьезно?

— Полагаю. Кроме того... у меня кое-что есть. Лучше приходи... посмотреть.

— Что именно? Нечто принадлежащее ему?

— Да. Не могу говорить. Голова кружится. Приходи.

Я положил трубку и улыбнулся. Отлично сыграно. У меня возникло ощущение, что мне удалось ее обмануть.

Я пересек гостиную, пододвинул один из маленьких столиков с большой пепельницей к стулу, на котором уже сидел сегодня, устроился поудобнее и потянулся за трубкой. Время отдохнуть, вспомнить о пользе терпения, немного подумать.

Через несколько секунд я почувствовал знакомое, почти электрическое покалывание. Я тут же вскочил на ноги и, проклиная собственную глупость и отчаян-

но озираясь по сторонам, схватил пепельницу, так что окурки засвистели вокруг меня, словно пули.

Там! Перед красным занавесом, возле рояля. Обретая форму...

Я дождался, пока очертания станут более четкими, а потом с силой метнул пепельницу.

В следующее мгновение женщина уже была в комнате — высокая, рыжая, темноглазая, а в руках оружие, напоминающее автоматический пистолет 38-го калибра.

Пепельница ударила ее в живот, и женщина со стоном согнулась пополам.

Я оказался рядом прежде, чем она успела выпрямиться.

Вырвав пистолет, я отшвырнул его в сторону. Потом схватил женщину за запястья, резко развернул и усадил в ближайшее кресло. В левой руке она все еще держала карту. Я выхватил ее. На карте была изображена квартира Мелмана — тем же художником, что нарисовал Древо и карты, лежащие у меня в кармане.

— Кто ты? — прорычал я.

— Джасра, — огрызнулась она, — а ты мертвец.

Женщина широко открыла рот, и ее голова упала вниз. Влажные губы потянулись к моей левой руке, вцепившейся в ее правое запястье.

Вспышка мучительной боли. Казалось, она не укусила, а вогнала в мое тело раскаленный гвоздь.

Я отдернул руку. Движение получилось на удивление медленным и вялым. Холодное покалывание быстро распространялось к плечу. Левая рука повисла, точно плеть. Джасра легко высвободилась, улыбнулась, кончиками пальцев слегка подтолкнула меня в грудь.

И я упал. Мое тело сковала страшная слабость, оно вдруг перестало мне подчиняться. Ударившись об пол, я ничего не почувствовал и был вынужден приложить немалые усилия, чтобы повернуть голову и посмотреть на Джасру, которая поднялась на ноги.

— Желаю как следует насладиться, — проговорила она. — Когда придешь в себя, оставшаяся малая часть твоей жизни будет весьма неприятной и болезненной.

Джасра отошла в сторону, и я потерял ее из виду, а вскоре услышал, как она подняла телефонную трубку.

Я не сомневался, что она звонит «Т», и у меня не было никаких оснований не верить тому, что она сказала секунду назад. Что ж, придется встретиться с таинственным художником...

Художник! Я пошевелил пальцами правой руки. Они еще слушались... едва. Напрягая всю свою волю, я попробовал поднять руку к груди. И она, подергиваясь, медленно поползла к цели. Наконец мне удалось перевернуться на левый бок, так что теперь я лежал спиной к женщине, которая в мгновение ока превратила меня в паралитика. Я надеялся, что Джасра не обратит внимания на мои жалкие конвульсии.

По мере приближения к нагрудному карману рука слабела все больше, потом начала дрожать. Прошли столетия, прежде чем я коснулся края колоды. Наконец я вытащил одну карту и повернул ее так, чтобы разглядеть рисунок. Голова у меня отчаянно кружилась, в глазах потемнело. Я не был уверен, что сумею совер-

шить перенос. Откуда-то издалека доносился голос Джасры, но я был не в состоянии разобрать даже отдельные слова.

Я сосредоточился — как мог — на карте. Сфинкс присел отдохнуть на скалистом уступе*. Я потянулся к нему. Казалось, мой разум обложен ватой. Сознание неотвратимо угасало, у меня остались силы лишь на одну последнюю попытку.

Я ощутил знакомый холодок, и мне показалось, что сфинкс слегка сдвинулся на своем каменном ложе. Меня подхватила черная волна, и я с благодарностью погрузился в нее.

На этом все кончилось.

Я очень медленно приходил в себя. Сознание вернулось, но конечности были по-прежнему налиты свинцом, а перед глазами клубился туман. Похоже, укус прелестной леди нес нервно-паралитический яд. Я попробовал пошевелить пальцами рук и ног, однако уверенности, что мне сопутствовал успех, не было. Тогда я решил сделать глубокий вдох. Это, во всяком случае, получилось.

Через некоторое время я услышал какой-то рев. Вскоре шум понемногу стих, и я сообразил, что это стучит в ушах моя собственная кровь. Потом я почувствовал, как бьется сердце, в глазах постепенно прояснилось. Бесформенные сгустки света и тьмы превратились в песок и скалы. Я замерз, меня начало трясти, а когда и это прошло, я понял, что могу двигаться, хотя ужасная слабость не давала подняться на ноги. Поэтому я решил еще немного полежать.

И вдруг я услышал какие-то звуки — кто-то шевелился немного впереди и надо мной. Непривычный запах долетел до моих ноздрей.

— Эй, ты проснулся? — Голос доносился оттуда же, откуда и загадочное шуршание.

Я посчитал, что мое состояние не позволяет мне ответить утвердительно на этот вопрос, и счел за лучшее промолчать. Жизнь еще не совсем вернулась в мое тело.

— Будь любезен, подай знак — ты меня слышишь? — снова заговорил таинственный незнакомец. — Я бы хотел продолжить.

Любопытство взяло вверх над осторожностью, и я поднял голову.

— Наконец-то! Я знал!

На серо-голубом уступе устроился голубой сфинкс — тело льва, большие перистые крылья плотно прижаты к бокам, лишенное признаков пола лицо смотрит прямо на меня. Он облизнул губы, и я увидел впечатляющие ряды зубов.

— Продолжить... что? — спросил я, медленно приподнимаясь, чтобы сесть, и стараясь при этом дышать как можно глубже.

— Задавать загадки, — ответил он. — Я это отлично умею делать.

— Сначала мне нужно все проверить, — сказал я, дожидаясь, когда восстановится кровообращение в руках и ногах.

— Извини. Но я вынужден настаивать.

Я потер укушенное предплечье и мрачно поглядел на сфинкса. Почти во всех известных мне историях эти создания пожирали людей, не сумевших ответить на их загадки. Я покачал головой.

— Ни во что играть с тобой не буду, — заявил я.

— В таком случае, в соответствии с правилами, ты потерпел поражение, — ответил сфинкс, и его плечевые мышцы напряглись.

— Подожди, — сказал я и помахал рукой. — Дай мне пару минут, чтобы прийти в себя, а потом вернемся к этому вопросу.

Он снова опустился на задние лапы и проговорил:

— Ладно. Правила должны быть соблюдены. Я согласен: пять минут. Когда будешь готов, сообщи.

Я поднялся на ноги, принялся вращать руками и потягиваться. Разминаясь, я внимательно осматривал место, в которое меня занесло.

Узкое, засыпанное песком арройо*, кругом разбросаны оранжевые, серые и голубые обломки скал. Каменная стена, на уступе которой устроился сфинкс, круто поднимается вверх футов на двадцать пять, другая стена, примерно такая же высокая, — позади меня. Справа вздымается отвесная скала, правда, слева местность более пологая. Во впадинах растет редкий колючий кустарник. Приближались сумерки. Небо окрасила слабая желтизна, и солнце уже зашло. Я слышал далекий ветер, но не чувствовал его. Воздух казался свежим, но не холодным.

Неподалеку я заметил камень размером с небольшую гирю. Два неспешных шага — при этом я продолжал размахивать руками — и камень оказался рядом с моей правой ногой.

Сфинкс прочистил горло.

— Ты готов? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — но не сомневаюсь, что тебя это не остановит.

— Верно.

Я почувствовал непреодолимое желание зевнуть и не стал отказывать себе в этом маленьком удовольствии.

— По-моему, ты настроен не совсем подходящим образом, — заметил сфинкс. — Но я начинаю: «Пламенем поднимаюсь я из земли. Меня хлещет ветер и заливает вода. Скоро я буду надзирать над всеми вещами».

Я ждал. Прошла минута.

— Ну! — наконец не выдержал сфинкс.

— Ты о чем?

— У тебя есть ответ?

— На что?

— На загадку, естественно!

— Я жду. Ты сделал серию утверждений. Я не могу ответить на вопрос, если не знаю, в чем он заключается.

— Это благородная, проверенная временем форма. Вопрос очевидным образом вытекает из контекста. Кто я такой?

— С тем же успехом можно спросить: «Кто лежит в склепе Гранта?» Ладно. Что это такое? Феникс, конечно, — его гнездо на земле, он взмывает в воздух в языках пламени, поднимается сквозь облака на огромную высоту...

— Неверно.

Сфинкс улыбнулся и начал приподниматься.

— Подожди, — быстро сказал я. — Так нельзя. Мой ответ отвечает всем условиям. Возможно, он не совпадает с тем, что хотел услышать ты, но требования соблюдены.

Сфинкс покачал головой:

— Я обладаю полнотой власти, когда речь идет об определении правильности ответов. Я решаю все.

— Тогда ты жульничаешь.

— Нет!

— Я выпил половину содержимого фляги. Она наполовину полная или наполовину пустая?

— И то и другое.

— Совершенно верно. Одно и то же. Если существуют несколько ответов, ты должен засчитывать все.

— Мне не нравится такой подход, — заявил сфинкс. — Сразу возникает целая куча вопросов. Сама идея загадок будет поставлена под сомнение.

— Это уже не моя вина, — сказал я, сжимая и разжимая кулаки.

— Однако ты затронул очень интересную тему.

Я энергично закивал.

— Должен быть один правильный ответ.

Я пожал плечами.

— Мы живем в отнюдь не идеальном мире, — заметил я.

— Хм-м.

— Давай считать, что наша встреча завершилась ничьей, — предложил я. — Никто не выиграл, но никто и не проиграл.

— Я нахожу это эстетически неприемлемым.

— Но ведь есть немало состязаний, в которых такой исход оговаривается правилами.

— А кроме того, я проголодался.

— Ага, наконец-то правда выплывает наружу!

— Но не хочу быть нечестным. Я служу истине — по-своему. Твое упоминание о ничьей навело меня на мысль о возможном решении.

— Вот и отлично. Я рад, что ты смог встать на мою точку зрения...

— Я придумал способ решить наш спор. Задай мне загадку.

— Глупость! — возразил я. — Я не знаю загадок.

— Тогда советую тебе сочинить одну, и побыстрее. Потому что это единственный способ выйти из тупика — или придется признать тебя проигравшим.

Я еще раз взмахнул руками и сделал несколько глубоких приседаний. Казалось, все мое тело горит огнем. Однако силы постепенно возвращались.

— Ладно. Одну секунду.

Какого дьявола...

— Что это такое: зеленое и красное, ходит по кругу, по кругу, по кругу?

Сфинкс дважды быстро мигнул и нахмурил лоб. Я немного побегал, а потом опять занялся дыхательной гимнастикой. Огонь начал слабеть, в голове понемногу прояснялось, сердце стало биться увереннее...

— Ну? — спросил я спустя несколько минут.

— Я думаю.

— Подумай хорошенько.

Я немного побоксировал с тенью. Сделал парочку статических упражнений. Стало смеркаться. Справа даже появились первые звезды.

— Хм-м, мне бы не хотелось тебя торопить, — прервал я затянувшееся молчание, — но...

Сфинкс фыркнул:

— Я все еще размышляю.

— Может быть, стоит договориться об ограничении времени?

— Я скоро разгадаю твою загадку.

— Не возражаешь, если я немного отдохну?

— Давай.

Я растянулся на песке и закрыл глаза, шепнув Фракир, чтобы она охраняла меня, пока я сплю.

Я проснулся от того, что замерз. Солнце светило в глаза, ветер дул в лицо. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что уже наступило утро. Слева от меня небо посветлело, справа тускнели звезды. Мне хотелось пить, да и есть тоже.

Я протер глаза и встал. Нашел расческу и причесался. А потом посмотрел на сфинкса.

— ...ходит по кругу, по кругу, по кругу, — бормотал он.

Я кашлянул. Никакой реакции. Зверь смотрел мимо меня. Может быть, удастся незаметно ускользнуть...

Нет. Взгляд сфинкса переместился.

— Доброе утро, — весело проговорил я.

Послышался короткий скрип зубов.

— Хорошо, — сказал я, — ты думал намного дольше меня. Если у тебя нет ответа, то я больше не играю.

— Не нравится мне твоя загадка, — наконец произнес он.

— Сожалею.

— Какова разгадка?

— Ты сдаешься?

— Ничего другого не остается. Ну говори же скорее!

Я поднял руку:

— Подожди, такие вещи надо делать по порядку. Сначала сообщи ответ на свой вопрос, а потом услышишь мой.

Сфинкс кивнул:

— Это справедливо. Хорошо... Твердыня Четырех Миров.

— Что?

— Таков мой ответ. Твердыня Четырех Миров.

Я вспомнил слова Мелмана.

— Почему? — поинтересовался я.

— Она находится там, где встречаются миры четырех стихий, и пламенем поднимается от земли, ее хлещет ветер и заливает вода.

— А как насчет того, что она будет надзирать над всеми вещами?

— Из нее все видно — или тут можно говорить об имперских замыслах ее хозяина. Или и то и другое.

— А кто он такой?

— Понятия не имею. Эта информация не является существенной для правильного ответа.

— А откуда ты узнал эту загадку?
— От одного путешественника несколько месяцев назад.
— И почему же ты задал ее мне?
— Я не смог найти правильный ответ, значит, она трудная.
— А что стало с путешественником?
— Ушел своей дорогой, целый и невредимый. Он разгадал мою загадку.
— А как его звали?
— Он не сказал.
— Опиши его, пожалуйста.
— Не могу. Он был с ног до головы закутан в какое-то одеяние.
— И ничего больше не говорил о Твердыне Четырех Миров?
— Ничего.
— Ну что ж, — заявил я, — пожалуй, последую его примеру и тоже уйду.
Я повернулся и посмотрел направо, в сторону склона.
— Подожди!
— Чего? — спросил я.
— Твоя загадка, — напомнил сфинкс. — Я дал тебе ответ на мою. Ты должен рассказать мне, что же это такое — зеленое и красное, ходит по кругу, по кругу, по кругу.

Я опустил глаза и принялся разглядывать землю у себя под ногами. Ах да, вот он — мой похожий на гирю камень. Я сделал несколько шагов и остановился рядом с ним.
— Лягушка «Кусинарта»*.
— Что?

Мышцы на плечах сфинкса напряглись, глаза сузились, обнажились в оскале многочисленные зубы. Я шепнул несколько слов Фракир и почувствовал, как она зашевелилась у меня на запястье, потом присел на корточки и правой рукой взял камень.
— Да, ничего не поделаешь, — проговорил я, вставая. — Это одна из очевидных вещей...
— Никуда не годная загадка! — заявил сфинкс.

Левым указательным пальцем я быстро нарисовал перед собой две линии.
— Что это ты делаешь? — спросил он.
— Провожу линии от твоих ушей к глазам, — ответил я.

Именно в этот момент Фракир стала видимой, соскользнула с моего левого запястья и обвилась вокруг пальцев. Глаза сфинкса переместились вслед за ней. Я поднял камень на высоту плеча. Один конец Фракир высвободился и, извиваясь, свисал с моей вытянутой руки. Она начала мерцать, а потом засияла, точно раскаленная серебряная проволока.
— Я считаю, что наше состязание закончилось вничью, — заявил я. — А каково твое мнение по этому поводу?

Сфинкс облизнулся.
— Да, — со вздохом согласился он. — Пожалуй, что так.
— Тогда я вынужден с тобой распрощаться, — сказал я.
— Жаль. Очень хорошо. До свидания. Но, прежде чем ты уйдешь, я бы хотел узнать твое имя — для истории.
— Почему бы и нет? — ответил я. — Меня зовут Мерлин, из Хаоса.

— Ах вот оно что, — произнес сфинкс. — Тогда кто-нибудь обязательно явится за тебя отомстить.

— Весьма возможно.

— В таком случае ничья — самый лучший исход. Иди.

Довольно значительное расстояние я прошел, не поворачиваясь к нему спиной, а потом начал карабкаться вверх по склону. Я оставался настороже до тех пор, пока не выбрался из ущелья... однако меня никто не преследовал.

Я побежал. Хотелось пить и есть, но вероятность, что я найду завтрак в этом пустынном, скалистом месте, под лимонным небом, была невелика. Фракир постепенно исчезла у меня на запястье. Я старался дышать как можно глубже, продолжая удаляться на запад.

Ветер трепал мои волосы, пыль ела глаза... я направлялся к скоплению валунов, пронесся между ними. Сквозь тени, падающие от камней, небо надо мной казалось зеленым. Я попал в долину; вдалеке возникли вспышки, слева — легкие облака.

Я мчался, сохраняя постоянную скорость; приблизился к небольшому холму, поднялся на вершину, спустился по противоположному склону, поросшему редкой травой. Впереди появилась рощица, деревья с растрепанными кронами... я повернул к ней, вспугнув маленького зверька с оранжевым мехом, который выскочил у меня из-под ног и бросился наутек. Через мгновение какая-то черная птица издала протяжный крик и скрылась в том же направлении.

Я устремился дальше... небо все темнее... зеленое... *изумрудная густая трава* под ногами... Время от времени налетают *сильные порывы ветра... Роща все ближе*... Уже слышно, как поют *птицы*...

Мышцы расслабляются, возвращается привычная легкость... *Наступая на* длинные упавшие листья, я миную первое дерево... И вот скольжу между стволами с ворсистой корой... По утоптанной тропе, на которой остались чьи-то диковинные следы... Она уходит вниз, петляет, становится шире, снова сужается... деревья издают протяжные глухие стоны, будто кто-то играет на виолончели... В кронах мелькают клочья бирюзового неба... Ленты облаков, словно серебристые реки, летят вперед... Слева и справа скопления голубых цветов... Цветочные стены все выше, выше, выше человеческого роста... *Под ногами* камни... Мне нельзя останавливаться...

Широкая тропа спускается вниз... Камни превращаются в булыжники, приходится соблюдать осторожность... Приходится замедлить бег... Я поворачиваю и вижу ручей с высокими скалистыми берегами, метр или два береговой линии...

Здесь не стоит спешить... возле бурлящего, сверкающего потока... следуя за его извивами... Спуск, подъем, ветви деревьев над головой, голые корни на стене, справа от меня, серо-желтые осыпи вдоль слоистого основания...

И вот уже моя тропа становится дорогой, стены ниже... Все больше песка и меньше камней под ногами... Ниже, ниже... Стены с меня высотой, по плечо... Еще один поворот, дальше по склону... По пояс... Вокруг деревья с зелеными листьями, синее небо, а справа утоптанная тропа... Следуя за ней, я взбираюсь по склону...

Деревья и кусты, птичьи трели, прохладный ветерок... Я вдыхаю поглубже, иду быстрее... пересекаю деревянный мост; эхо разносит мои шаги, ручеек впа-

дает в скрытую густыми зарослями речку, поросшие мхом валуны... Теперь справа от меня невысокая каменная стена... Следы, оставленные телегами...

...Полевые цветы... Эхо разносит далекий смех... Заржала лошадь... Скрип повозки... Поворот налево... Тропа все шире... Тени и свет, тени и свет... Солнечные зайчики... По левую руку сверкающая лента полноводной реки... Дымок над следующим холмом...

Приближаясь к вершине, я перехожу на шаг. Отряхиваю одежду, причесываюсь... Руки и ноги у меня чуть дрожат, легкие работают, как мощные насосы, струйки пота стекают по лицу и спине. Я выплевываю пыль.

Внизу, немного справа, деревенская гостиница. Несколько столиков хозяин расставил на широкой, грубо обтесанной деревянной террасе, выходящей на реку, остальные в саду. Прощай, настоящее время. Я прибыл на место.

Спустившись с холма, я заметил колонку, подошел к ней, вымыл лицо и руки, левое предплечье было еще слегка воспалено в том месте, где меня укусила Джасра. Потом я поднялся на террасу, махнул женщине, обслуживающей посетителей, и уселся за маленький столик. Через некоторое время она принесла кашу, сосиски, яйца, хлеб, масло, клубничный джем и чай. Я быстро с ними покончил и попросил все повторить. Во время второго раунда ко мне вернулось ощущение реальности, и я принялся есть с удовольствием и не спеша, наблюдая за рекой.

Как странно все повернулось! Я надеялся на продолжительные каникулы, собирался отправиться в путешествие — ведь завершен немалый промежуток моей жизни. Оставалось лишь разобраться с «Т» — мне казалось, что это много времени не займет. Но вот я попал в самый эпицентр загадочных событий, весьма причудливых и опасных. Попивая чай и греясь в теплых лучах солнца, я вдруг почувствовал, что погружаюсь в безмятежность. Но я знал, что это скоро пройдет. Я не успокоюсь, пока не отыщу разгадку. Осмысливая все, что со мной произошло, я понял, что выбраться из этой переделки, полагаясь только на реакции и интуицию, нельзя. Пришла пора составить план.

Выяснение личности «Т» и его уничтожение заняли почетное место в списке необходимых действий. Но еще важнее — мотивы «Т». Я ошибался, когда считал, что имею дело с простодушным безумцем. Уж слишком точно он рассчитывал каждый шаг, да и способности у него были неординарные.

Я начал рыскать по своему прошлому в поисках возможного врага. И хотя мне удалось найти немало кандидатов, способных совершить то, что оказалось под силу «Т», ни один из них не питал ко мне столь ярой ненависти. Однако Амбер был упомянут в дневнике Мелмана. Теоретически это превращало конфликт в семейное дело, из чего следовало, что стоило бы привлечь к нему внимание моих родственников. Но это все равно что попросить помощи, сдаться, признаться в собственной несостоятельности. Моей жизни угрожают — мое дело. Джулия — мое дело. И отомстить за нее я должен сам. Мне необходимо еще подумать...

Призрачное Колесо?

Я обмозговал эту мысль, отбросил ее, а потом снова к ней вернулся. Призрачное Колесо... Нет. Оно еще не прошло испытаний, продолжает развиваться. Я вспомнил о нем только потому, что оно мое детище, главное достижение в жизни, сюрприз для остальных. А я все надеюсь отыскать какой-нибудь про-

стой выход. Конечно, потребуется очень много самых разнообразных сведений, так что придется за ними отправиться.

Призрачное Колесо...

Да и сейчас не мешало бы получить кое-какую дополнительную информацию. Ко мне в руки попали карты и дневник. Однако экспериментировать с картами не входило в мои намерения, потому что первая из них оказалась уж слишком похожей на ловушку. С дневником я разберусь в самое ближайшее время, впрочем, у меня возникло ощущение, что он чересчур субъективен и вряд ли будет мне полезен. Нужно вернуться в квартиру Мелмана, еще раз все осмотреть на случай, если я пропустил что-то важное. Потом разыщу Люка, может быть, он расскажет что-нибудь интересное — пусть даже мелочь. Да...

Я вздохнул и потянулся. Продолжая смотреть на реку, допил чай. Затем достал из кармана деньги, провел над ними Фракир — теперь на ладони у меня лежало достаточно монет нужной чеканки, и я смог расплатиться за обильную трапезу.

Я вернулся на дорогу. Пришло время возвращаться.

V

Уже перевалило за полдень, когда я выбежал на улицу и притормозил возле своего автомобиля. Узнать его удалось лишь чудом. Машину покрывали водяные разводы, пыль и пепел. Сколько же меня не было? До сих пор я не думал о разнице во времени между этим местом и тем, откуда я только что прибыл, но машина выглядела так, словно проторчала здесь целый месяц. Однако никаких внешних повреждений я не заметил. Замки не взломаны и...

Я случайно посмотрел на стоящие за моим автомобилем строения. Здания, в котором располагались «Склады Брутуса» и квартира покойного Виктора Мелмана, больше не существовало. Остались лишь обгоревший остов да две частично сохранившихся стены.

Я направился к пепелищу.

Несколько раз обошел вокруг — развалины давно остыли. Серые полосы и черные следы сажи говорили о том, что вода, которой тушили пожар, успела испариться. Гарью уже почти не пахло.

Неужели это я устроил пожар, когда решил сжечь бумаги в ванне? Нет, вряд ли. Я развел совсем маленький костерок, вовсе не похожий на источник стихийного бедствия.

Пока я изучал руины, мимо проехал мальчишка на зеленом велосипеде. Несколько минут спустя он вернулся и остановился неподалеку от меня. На вид ему было лет десять.

— Я все видел, — заявил он. — Видел, как оно горело.

— Когда это произошло? — спросил я.

— Три дня назад.

— А почему?

— Там на складе было что-то... горючное...

— Горючее?

— Вот-вот, — обрадовался паренек, и его губы разъехались в беззубой улыбке. — Это они, наверное, специально подожгли. Из-за страховки.

— В самом деле?

— Угу. Папа сказал, что, похоже, у них неважно шли дела.

— Да, такое иногда случается, — согласился я. — Кто-нибудь пострадал в огне?

— Говорят, сгорел художник: он жил на последнем этаже, а теперь куда-то пропал. Только от него совсем ничего не осталось, даже костей. Большущий был пожар! Очень долго не кончался.

— А начался ночью или днем?

— Ночью. Я смотрел вон оттуда. — Мальчишка показал на противоположную сторону улицы, как раз в том направлении, откуда я пришел. — Столько воды вылили, чтобы его потушить!

— А ты не заметил, кто-нибудь выходил из дома?

— Нет, — ответил он. — Я прибежал, когда уже вовсю горело.

Я кивнул и зашагал к своей машине.

— Как вы думаете, в таком огне пули разорвутся?

— Да, — ответил я.

— А они не разорвались.

Я остановился и обернулся:

— Что ты имеешь в виду?

Мальчишка засунул руку в карман.

— Мы с парнями играли вчера там, — он махнул рукой в сторону пожарища, — и нашли целую кучу патронов.

Он вытащил руку из кармана — на раскрытой ладони лежало несколько металлических предметов.

Я шагнул к нему, а он тем временем присел на корточки и положил один из металлических цилиндриков на тротуар. Потом быстро схватил камень и размахнулся.

— Не надо! — крикнул я.

Камень опустился на гильзу, однако ничего не произошло.

— Тебя же могло ранить... — начал я, но мальчишка перебил меня:

— А вот и нет. Эти гады не взрываются. А розовая дрянь даже гореть не хочет. У вас есть спички?

— Розовая дрянь? — спросил я, отодвигая камень, чтобы посмотреть на раздавленную пулю и розовый порошок.

— Вот, — показал мне паренек. — Смешно, правда? А я-то думал, порох серый.

Я потрогал незнакомое вещество. Растер его между пальцами и понюхал, даже попробовал на язык. У меня не было ни малейшего представления о том, что это такое.

— А черт его знает, — проворчал я. — Значит, он даже не горит?

— Ни капельки. Мы насыпали немного на газету и подожгли. Порошок растаял и растекся, и больше ничего.

— У тебя есть парочка лишних патронов?

— Ну... найдется.

— Я дам тебе за них доллар, — предложил я.

Я снова увидел улыбающийся щербатый рот, и в следующую секунду рука мальчишки исчезла в кармане джинсов. Я провел Фракир над несколькими банкнотами из других Теней и вытащил из пачки доллар. Мальчишка протянул мне две покрытые сажей пули тридцатого калибра.

— Спасибо, — сказал он.

— Это тебе спасибо. Здесь было еще что-нибудь интересное?

— Нет. Все остальное превратилось в пепел.

Я сел в машину и уехал. Однако у первой же мойки мне пришлось остановиться, потому что дворники лишь размазывали сажу по стеклу. Пока резиновые щупальца тянулись ко мне сквозь гроздья мыльной пены, я искал коробок, который дал мне Люк. И довольно быстро нашел его. Отлично. У самого въезда в мойку я видел телефон.

— Алло. Мотель «Нью-Лайн», — послышался молодой мужской голос.

— Пару дней назад у вас жил Люкас Рейнард, — сказал я. — Не оставлял ли он что-нибудь для Мерля Кори?

— Одну минуточку. — Пауза. Шорох. — Да, есть письмо.

— Прочитайте.

— Конверт запечатан. Я бы не хотел...

— Хорошо, я заеду.

И я отправился в мотель.

Человек, внешность которого соответствовала голосу, сообщившему мне о письме, сидел за конторкой в вестибюле. Я представился и попросил конверт. Клерк — хрупкий блондин с торчащими в разные стороны усами — некоторое время пристально смотрел на меня, затем спросил:

— А вы намерены встретиться с мистером Рейнардом?

— Да.

Тогда он открыл шкафчик и извлек оттуда маленький коричневый конверт, края которого топорщились. На нем стояло имя Люка и номер комнаты.

— Он не оставил адреса, — объяснил клерк, вскрывая конверт, — горничная нашла это кольцо на полочке в ванной уже после того, как он уехал. Передадите его мистеру Рейнарду?

— Конечно, — ответил я и взял кольцо.

Я устроился в кресле в холле.

Кольцо червонного золота украшал голубой камень. Что-то не помню, чтобы Люк любил подобные побрякушки... Я надел кольцо на безымянный палец левой руки, и оно пришлось мне как раз впору. Буду носить до тех пор, пока не увижу Люка, решил я.

Я вскрыл письмо, которое было написано на бумаге с логотипом мотеля, и прочитал:

Мерль,

очень жаль, что у нас ничего не вышло с обедом. Я тебя ждал. Надеюсь, с тобой все в порядке. Утром я улетаю в Альбукерке. Пробуду там три дня. Потом на три дня перееду в Санта-Фе. В обоих городах

я всегда останавливаюсь в «Хилтоне». Хотелось бы поговорить. Пожалуйста, свяжись со мной.

Люк

Интересно.

Позвонив своему транспортному агенту, я выяснил, что если не буду тратить время попусту, то успею на дневной рейс на Альбукерке. Поскольку мне хотелось поговорить с Люком лично, а не по телефону, я решил, что имеет смысл поторопиться.

Заехав в офис, я забрал билет, за который пришлось заплатить наличными, и отправился в аэропорт. Там я распрощался со своим автомобилем — вряд ли я с ним когда-нибудь еще встречусь. И, закинув на плечо рюкзак, поспешил на посадку.

Остальное прошло легко и без проблем. Наблюдая за удаляющейся землей, я думал о том, что завершился очередной этап моей жизни. Как и во многих других случаях, совсем не так, как мне бы того хотелось. Я рассчитывал быстро покончить с «Т» или просто забыть о нем, а потом навестить людей, которых не видел несколько лет, и побывать в местах, давно меня манивших. Затем я собирался совершить путешествие через Тени для последней проверки Призрачного Колеса, после чего снова вернуться к более радостному полюсу своего существования. Теперь приоритеты изменились — и все из-за того, что «Т» и смерть Джулии оказались каким-то образом связаны между собой, а в дело вовлечены силы из каких-то неизвестных мне Теней, сущности которых я не понимал.

Последние соображения беспокоили меня больше всего. Не копаю ли я себе могилу, а заодно — став жертвой глупой гордости — и кому-нибудь из своих друзей и родственников? О небеса, я хотел разобраться во всем сам, но чем больше думал об этом, тем более сильное впечатление производило на меня могущество противника, с которым пришлось столкнуться, и скудость информации о «Т». Было бы нечестно не сообщить о том, что происходит, остальным — ведь опасность могла грозить и им. Я бы с удовольствием решил эту задачку самостоятельно, а потом преподнес им решение в качестве подарка. Может быть, я так и сделаю, но...

Проклятие! Я обязан все рассказать. Если «Т» доберется до меня, а потом примется за моих близких... необходимо предупредить их заранее. И если мои проблемы являются лишь частью грандиозного заговора, они должны быть готовы. Пришлось признать, что иного выхода у меня нет — мне это совсем не понравилось.

Впрочем, ничего страшного не произойдет, если сначала я переговорю с Люком. Я выбрался из города, и теперь, вероятно, мне ничто не угрожает. А вдруг у Люка есть какие-нибудь полезные сведения? Чем больше фактов, тем лучше. Подожду еще немного.

Я вздохнул и попросил стюардессу принести мне что-нибудь выпить. Поездка в Альбукерке на машине отняла бы слишком много времени. Жаль. Моя машина мне там очень пригодилась бы. Идти напрямик через Тени я не мог, поскольку никогда не бывал в Альбукерке и не нашел бы дороги. А Люк скорее всего уже в Санта-Фе.

Я потягивал виски и смотрел на облака. Их очертания вполне соответствовали моему настроению, поэтому я достал из рюкзака книжку и читал до тех пор, пока самолет не приземлился. Когда я заглянул в иллюминатор в следующий раз, его заполняли горы. Надтреснутый голос заверил нас, что погода в Альбукерке просто отличная. Я задумался об отце.

В здании аэропорта я прошел мимо магазинчика, торгующего индейскими украшениями, мексиканскими горшками и безвкусными сувенирами, разыскал телефон и позвонил в местный «Хилтон». Мне ответили, что Люк уже выехал. Тогда я справился в «Хилтоне» в Санта-Фе; выяснилось, что мистер Люк Рейнард действительно проживает в «Хилтоне», но в данный момент его нет. Я заказал себе номер и повесил трубку. Женщина в справочном бюро заверила меня, что я успею на автобус, отправляющийся в Санта-Фе через полчаса, и даже махнула рукой в сторону касс, чтобы я купил билет. Не помню, где и когда, но я прочитал, что Санта-Фе — одна из немногих столиц штата, где нет аэропорта.

Когда мы ехали на север и длинные тени пика Сандия накрыли нас, Фракир слегка сжала мое запястье, однако тут же затихла. А потом снова. И еще раз. Я окинул внимательным взглядом пассажиров маленького автобуса, пытаясь понять, откуда исходит опасность, о которой меня предупредила Фракир.

Мое место находилось в самом конце. Впереди восседала пара средних лет, обсуждавшая что-то с сильным техасским акцентом; каждого супруга украшало множество бирюзовых и серебряных побрякушек. Ближе к середине расположились три пожилые женщины, они перемывали косточки кому-то из своих знакомых, живущих в Нью-Йорке. Через проход от них устроилась юная парочка, поглощенная друг другом. Двое молодых людей с теннисными ракетками выбрали места немного сзади и по диагонали от влюбленных и разговаривали о колледже. За ними сидела монашенка с книгой в руках. Я снова выглянул из окна, но не заметил ничего угрожающего ни на дороге, ни рядом с ней. Мне не хотелось привлекать к себе внимание и искать врага при помощи магии.

Поэтому я произнес одно-единственное слово на тари и потер запястье — пульсация прекратилась.

Хотя поездка прошла без происшествий, беспокойство меня не покидало; впрочем, ложные тревоги хоть редко, но случаются — из-за самой природы нервных систем. Глядя на проносящиеся мимо красно-желтые полосы глинистой земли, мосты, перекинутые через *небольшие речушки, далекие горы и склоны* холмов, поросшие соснами, *я размышлял о «Т». А вдруг он затаился где-то поблизости* и лишь поджидает удобного момента, *незаметно следя за моими действиями?* И если это так, то по какой причине? Может быть, нам с ним следует просто посидеть и поговорить за кружкой пива? И тогда окажется, что это всего лишь самое обычное недоразумение...

Однако у меня было чувство, что дело тут гораздо серьезнее обычного недоразумения. Я бы многое отдал за возможность узнать, что же все-таки происходит, даже если бы при этом ничего не решилось. И за пиво бы заплатил.

Лучи заходящего солнца сверкали на белых полосках снега на Сангре-де-Кристос*, когда мы въехали в город, а тени накрыли серо-зеленые склоны. Мне бросилось в глаза, что большинство домов в городе оштукатурено.

Я вышел из автобуса перед «Хилтоном» и сразу замерз — температура была градусов на десять ниже, чем в Альбукерке. Ничего удивительного: мы поднялись на две тысячи футов, да и день уже клонился к вечеру.

Я зарегистрировался и нашел свой номер. Позвонил Люку, но не застал его. Принял душ и переоделся. Снова попытался связаться с ним, но ответа так и не дождался. Мне уже хотелось есть, но я рассчитывал пообедать с Люком.

Поэтому я решил спуститься в бар и пропустить кружечку пива, а потом еще раз позвонить. Оставалось надеяться, что у него нет никаких серьезных планов на вечер.

Мистер Бразда, к которому я подошел в холле, чтобы выяснить, где находится бар, оказался менеджером отеля. Он спросил, доволен ли я своим номером, мы обменялись несколькими дежурными любезностями, и мистер Бразда махнул рукой в сторону коридора, ведущего в ресторан. Я зашагал в указанном направлении, но до бара так и не добрался.

— Мерль! Какого дьявола ты здесь делаешь? — раздался знакомый голос.

Я повернулся и увидел Люка, только что вошедшего в холл. Вспотевший и улыбающийся, в запыленном камуфляже, ботинках и пилотке, с разводами грязи на лице. Мы пожали друг другу руки, и я сказал:

— Я хотел с тобой поговорить. — А потом, бросив на него еще один быстрый взгляд, спросил: — Ты что, завербовался на военную службу?

— Нет, провел весь день в горах у Пекоса*, — ответил он. — Я всегда туда отправляюсь, когда попадаю в Санта-Фе. Там великолепные места.

— Нужно будет и мне как-нибудь попробовать, — сказал я. — Кажется, теперь моя очередь угощать тебя обедом.

— Точно, — кивнул он. — Только сначала я приму душ и переоденусь. Встретимся в баре минут через пятнадцать-двадцать. Договорились?

— Ладно. Пока.

Я нашел бар довольно быстро. Он оказался просторным, сумрачным, прохладным и представлял собой две смежные комнаты с удобными креслами и низкими столиками. Народу было много.

Молодая пара как раз освободила столик и с бокалами в руках проследовала в зал ресторана. Я быстро занял их место. Вскоре подошла официантка, и я заказал пиво.

Несколько минут спустя, когда я потягивал пиво и размышлял над невероятными событиями последних дней, я вдруг заметил, как сбоку и чуть позади меня, так, что я не мог его толком разглядеть, остановился какой-то мужчина.

— Извините, — тихо проговорил он, — могу ли я задать вам вопрос?

Я повернул голову и увидел похожего на испанца низенького худого человека с седыми волосами и усами. Он был вполне прилично одет и легко мог сойти за местного бизнесмена. Когда он быстро улыбнулся — человечек явно нервничал, — я обратил внимание на то, что у него отколот кусочек переднего зуба.

— Меня зовут Дэн Мартинес, — представился мужчина, но не протянул мне руки. Бросив взгляд на соседнее кресло, он спросил: — Могу я присесть на минутку?

— А в чем, собственно, дело? Если вы что-то продаете, меня это не интересует. Я жду приятеля и...

Он покачал головой:

— Нет, не беспокойтесь. Я знаю, что вы ждете одного человека... мистера Люкаса Рейнарда. На самом деле речь пойдет о нем.

Я указал ему на кресло:

— Хорошо. Присаживайтесь и задавайте свой вопрос.

Он кивнул, устроился напротив меня, переплел пальцы, положил руки на столик и наклонился вперед.

— Я случайно услышал ваш разговор в холле, и у меня сложилось впечатление, что вы его хорошо знаете. Как давно вы знакомы?

— Если это все, что вас интересует... Восемь лет. Мы вместе учились в колледже, а после этого работали на одну и ту же компанию.

— «Гранд дизайн», — заявил Мартинес, — компьютерная фирма в Сан-Франциско. А до колледжа?

— Похоже, вам и так достаточно известно, — удивился я. — Что вы, собственно, хотите? Вы полицейский или частный детектив?

— Нет, — ответил он, — ни в коем случае. Уверяю вас, я не доставлю вашему другу никаких неприятностей. Просто сам пытаюсь их избежать. Позвольте мне...

Я решительно покачал головой.

— Все, прием закончен, — резко сказал я. — У меня нет привычки без веской на то причины болтать о моих друзьях с незнакомцами.

Мартинес замахал руками.

— Я не замышляю ничего плохого, — *проговорил он, — ведь вы же не станете* от него скрывать, что *я задавал вам вопросы? Более того, я на этом настаиваю.* Он меня знает. Вы должны ему рассказать, что я о нем расспрашивал, понимаете? В конечном счете это будет только на пользу. Черт возьми, вы ведь его *друг*, не так ли? Человек, который не моргнув глазом солжет, чтобы помочь ему выпутаться из беды. Что вам стоит ответить на несколько...

— А вот меня занимает всего один вопрос: зачем вам нужны эти сведения?

Мартинес вздохнул.

— Ладно, — проворчал он. — Рейнард предложил мне — это все еще в процессе обсуждения, поймите меня правильно — очень заманчивую возможность для вложения капитала. Речь идет о достаточно крупной сумме денег. Конечно, элемент риска присутствует, как и в любом другом предприятии, связанном с новыми компаниями в области, где высока конкуренция, но предполагаемые дивиденды делают его проект весьма привлекательным.

Я кивнул:

— И вас интересует, честный ли он человек.

Мартинес усмехнулся:

— Это меня не слишком беспокоит. Единственное, что меня интересует, — будет ли он выполнять свои обещания.

Его манера говорить напомнила мне кого-то. Я напрягся, но так и не понял кого.

— Вот оно что, — сказал я, сделав глоток пива. — Что-то я сегодня медленно соображаю. Извините. Ваша сделка, конечно же, связана с компьютерами?

— Естественно.

— Вы хотите выяснить, сможет ли нынешний начальник Люка уличить его, если он попытается совершить сделку на свой страх и риск?

— В некотором роде да.

— Сдаюсь, — заявил я. — Мне не под силу ответить на ваш вопрос. Интеллектуальная собственность — запутанное дело. Мне неизвестно, где он раздобыл свой товар и что продает, — Люк не сидит на месте. Но даже если бы я и знал, все равно не смог бы оценить ситуацию с точки зрения закона.

— Я и не ждал ничего большего, — улыбаясь, произнес Мартинес.

Я улыбнулся в ответ.

— Иными словами, вы послали свое предупреждение, — резюмировал я.

Он кивнул и встал:

— Да, и еще...

— Слушаю вас.

— Люк когда-нибудь упоминал места, — медленно проговорил Мартинес, глядя мне прямо в глаза, — под названием Амбер и Дворы Хаоса?

Он не мог не заметить удивления на моем лице, что, несомненно, произвело на него ложное впечатление. Мартинес не поверил мне, когда я ответил ему чистую правду.

— Нет, я никогда не слышал, чтобы Люк о них говорил. А почему вы спрашиваете?

Он покачал головой и встал. И снова улыбнулся:

— Не имеет значения. Благодарю вас, мистер Кори. *Нус дхабжун душша.*

С этими словами Дэн Мартинес умчался прочь.

— Подождите! — воскликнул я.

В этот момент наступила тишина, и головы всех присутствующих повернулись в мою сторону.

Я вскочил на ноги, собираясь догнать его, но услышал свое имя:

— Эй, Мерль! Не убегай! Я уже здесь!

Я обернулся. Люк только что вошел в бар, у него еще были мокрые после душа волосы. Он похлопал меня по плечу и опустился в кресло, на котором минуту назад сидел Мартинес. Потом, когда я тоже уселся за столик, показал на мою кружку с пивом.

— Мне нужно такую же, — заявил он. — Господи, как я хочу пить! — А потом добавил: — Куда это ты собрался?

Я вдруг понял, что мне совсем не хочется рассказывать Люку о разговоре с Мартинесом, не в последнюю очередь из-за его странной концовки. Судя по всему, Люк не заметил, как тот ретировался.

Поэтому я ответил:

— В туалет.

— Это там, — сказал Люк, показывая на вход в бар. — Я проходил мимо.

Тут он взглянул на мою руку:

— Послушай, кольцо у тебя на пальце...

— Ах да, — вспомнил я. — Ты оставил его в мотеле «Нью-Лайн». А я захватил, когда заезжал за твоим письмом. Сейчас отдам...

Я попытался снять кольцо, но оно не поддавалось.

— Похоже, застряло, — удивился я. — Странно. А наделось без проблем.

— Может, палец распух, — предположил Люк.— Возможно, это как-то связано с тем, что мы находимся довольно высоко над уровнем моря.

Он подозвал официантку и заказал пиво, а я в это время продолжал крутить на пальце кольцо.

— Видимо, придется его тебе продать, — объявил Люк. — Я много не запрошу.

— Еще посмотрим, — буркнул я. — Вернусь через минуту.

Люк вяло махнул рукой, а я направился к выходу.

В туалете никого не было, поэтому я смело произнес слова, снявшие с Фракир парализующее заклятие, которое я наложил на нее в автобусе. Она сразу же зашевелилась. Прежде чем я успел отдать приказ, Фракир замерцала, развернулась, скользнула по руке и обвилась вокруг пальца с кольцом. Я завороженно наблюдал за тем, как палец потемнел и заболел — невидимая сила упорно сжимала его.

Однако вскоре последовало освобождение; теперь мой палец выглядел так, словно на нем нарезали резьбу. Я понял намек и быстро скрутил кольцо по следу. Фракир снова дернулась, словно хотела схватить кольцо, и я погладил ее.

— Все в порядке. Спасибо. Возвращайся.

Казалось, она колеблется, но моего желания было достаточно, и дополнительной команды не потребовалось. Фракир вернулась на запястье, обвилась вокруг него и исчезла.

Больше мне здесь делать было нечего, и я вернулся в бар. Отдал Люку кольцо, сел в кресло и глотнул пива.

— Удалось снять?

— Намылил палец, — *ответил я.*

Он завернул кольцо в платок и засунул в карман.

— А я рассчитывал получить за него деньги!..

— Не вышло. Почему ты его не надел?

— Это подарок. Знаешь, я не ожидал, что ты сюда прикатишь, — заявил Люк, взяв из вазочки пригоршню орешков, которые появились на столе во время моего отсутствия. — Я думал, ты позвонишь, когда получишь записку, и мы перенесем встречу. Я рад, что ты приехал. Кто знает, когда нам с тобой еще доведется увидеться. Понимаешь, некоторые события начали развиваться быстрее, чем я ожидал, — именно об этом я и хотел поговорить.

Я кивнул:

— Мне тоже есть что с тобой обсудить.

Когда Фракир возилась с кольцом, я решил, что пока не буду упоминать про вопросы и намеки Мартинеса. И хотя его интриги, по-видимому, ко мне не имели никакого отношения, я всегда чувствую себя спокойнее — даже с друзьями, — когда во время разговора знаю чуть больше, чем они предполагают. Поэтому и посчитал, что не стоит ничего рассказывать Люку. Пока.

— Что ж, давай вспомним о хороших манерах, отложим серьезные разговоры и сначала спокойно пообедаем, — предложил Люк, медленно разрывая на кусочки салфетку, — а потом пойдем куда-нибудь, где нам никто не помешает.

— Хорошая мысль, — согласился я. — А здесь ты не хочешь поесть?

Он покачал головой:

— Я уже не раз тут обедал. У них неплохая кухня, но мне хочется разнообразия. Сегодня я решил заглянуть в ресторанчик неподалеку. Знаешь что, схожу-ка я туда и посмотрю, есть ли у них свободные столики.

— Давай.

Он допил свое пиво и ушел.

...И еще вопрос об Амбере. Кто такой, черт возьми, этот Мартинес? Нужно выяснить, потому что он явно не тот, за кого себя выдает. Его последние слова были произнесены на тари, моем родном языке. Как и почему такое могло произойти, я не имел ни малейшего представления. Будь проклята моя инертность, из-за которой я столько лет не принимал никаких мер по поводу «Т»! Вот к чему привела самонадеянность!.. Впрочем, разве я мог представить, что ситуация окажется такой тяжелой и запутанной? «Так тебе и надо», — подумал я. Только вот неясно, надо ли мне все это?

— Порядок, — объявил Люк, неожиданно появившийся из-за угла. Бросив на стол несколько монет, он добавил: — Свободные места есть. Допивай пиво, и пойдем немного прогуляемся.

Я прикончил кружку и последовал за ним. Люк провел меня по коридорам, через холл и в заднюю часть здания. Мы вышли в напоенный ароматами вечер, пересекли автомобильную стоянку у улицы Гваделупы. Совсем рядом находился перекресток с Аламейдой. Дальше мы миновали большую церковь, а на следующем углу свернули направо. Люк показал мне ресторан на противоположной стороне улицы, он назывался «La Tertulia»*.

— Вот мы и на месте.

Низкое здание из необожженного кирпича в испанском стиле. Внутри довольно элегантно. Мы заказали кувшин сангрии, жареного цыпленка, хлебный пудинг и много-много кофе, честно соблюдая соглашение не говорить за обедом на серьезные темы.

С Люком дважды здоровались какие-то люди, которые останавливались возле нашего столика, чтобы обменяться с ним любезностями.

— Ты что, всех знаешь? — поинтересовался я немного позже.

Он рассмеялся:

— У меня масса деловых контактов.

— В самом деле? А мне показалось, что это совсем небольшой городок.

— Обманчивое впечатление. Все-таки Санта-Фе — столица штата. Здесь очень многие покупают то, что мы продаем.

— Значит, ты часто тут бываешь?

Он кивнул:

— Это одно из самых доходных мест в моей цепочке.

— И как тебе только удается успешно вести дела, если ты на целый день уходишь гулять в горы?

Люк оторвал взгляд от выстроенной им на столе в боевом порядке посуды и улыбнулся:

— Мне необходимо было прийти в себя. Я устал от городов и офисов. Ужасно захотелось на природу, поплавать на каноэ или каяке, или еще что-нибудь в таком же роде — иначе я просто свихнулся бы. Должен признаться, это одна из причин, по которой я решил развивать бизнес именно в Санта-Фе, — отсюда можно быстро добраться до гор.

Он выпил немного кофе.

— Знаешь, — продолжал Люк, — сегодня такой замечательный вечер, давай съездим куда-нибудь, и ты поймешь, что я имею в виду.

— Заманчивое предложение, — отозвался я, расправляя плечи и пытаясь отыскать взглядом официантку. — А тебе не кажется, что сейчас слишком темно? Вряд ли мы что-нибудь разглядим.

— Ошибаешься. Скоро взойдет луна, уже загорелись звезды, небо чистое. Ты все увидишь.

Я попросил чек, расплатился, и мы направились к выходу. Луна действительно заняла свое место на небе.

— Моя машина осталась на стоянке у гостиницы, — сказал Люк, когда мы зашагали по улице. — Вон там.

Когда мы добрались до гостиницы, он показал мне на пикап, открыл дверцу и сел за руль. Мы выехали со стоянки, повернули на ближайшем углу и по Аламеде направились к Пасео, затем направо, в гору, и вскоре оказались на улице Отеро, а потом на Гайд-Парк-роуд. С этого момента мы почти не встречали машин и вскоре промчались мимо знака, указывающего, что мы едем в сторону горнолыжных трасс.

Все выше и выше поднимались по петляющей дороге... Я почувствовал, как понемногу начинаю расслабляться. Вокруг не осталось никаких следов обитания человека, нас окутала тишина, спустилась ночь. Здесь совсем не было фонарей. В открытые окна машины врывался запах сосен. Прохладный воздух успокаивал. Я отдыхал вдали от «Т» и загадок, с ним связанных.

Потом я бросил взгляд на Люка. Нахмурив лоб, он смотрел вперед. Однако, почувствовав мой взгляд, неожиданно улыбнулся:

— Кто начнет?

— Давай ты, — предложил я.

— Хорошо. Когда мы виделись с тобой в последний раз, ты говорил о своем уходе из «Гранд Д» и заявил, что нигде не собираешься работать, да и преподавать тоже.

— Верно.

— Ты сказал, что хочешь попутешествовать.

— Точно.

— И тогда мне в голову пришла одна интересная мысль...

Он взглянул на меня, но я промолчал.

— Я принялся размышлять, — продолжил после короткой паузы Люк. — Может быть, ты намереваешься совершить сделку — создать собственную компанию, например, или ищешь покупателя, чтобы продать ему то, что у тебя есть. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Значит, ты решил, будто я кое-что сделал — абсолютно новое, — и в мои планы не входит делиться с «Большим проектом»?

Люк с удовольствием стукнул ладонью по сиденью:

— Я всегда знал, что ты не дурак! Сейчас ты просто тянешь время, дожидаясь, пока твое изобретение дозреет. А потом найдешь покупателя, который сможет выложить больше остальных.

— Твои рассуждения можно было бы назвать весьма разумными, — заметил я, — если бы дело обстояло именно так. Но ты ошибся.

Люк рассмеялся.

— Все в порядке, — проговорил он. — Я работаю на «Гранд дизайн», но это вовсе не значит, что я стану на них шпионить. Тебе бы следовало это знать.

— Я знаю.

— И спрашиваю я не из праздного любопытства. Как раз наоборот. Мне бы хотелось, чтобы ты провернул удачную сделку.

— Благодарю.

— Могу даже посодействовать.

— Понимаю, к чему ты клонишь, Люк, но...

— Выслушай меня, ладно? Только сначала ответь на один вопрос: ты еще не подписывал никаких бумаг?

— Нет.

— Я так и думал. Это было бы преждевременно.

Деревья, растущие вдоль дороги, стали заметно выше, ночной ветер — холоднее. И луна казалась больше и ярче, чем в оставшемся внизу городе. Мы сделали еще несколько крутых поворотов, шоссе, поднимаясь вверх, шло зигзагами. Несколько раз я видел, как слева от нас возникал обрыв. Защитных барьеров не было.

— Знаешь, — не унимался Люк, — я не прошу включить меня в сделку просто так. Или ради старой дружбы. Дружба одно, а бизнес — совсем другое, хотя никогда не помешает иметь дело с тем, в ком ты уверен. Позволь, я напомню тебе о реальности. Если ты действительно изобрел великолепный компьютер, его можно продать огромному количеству деловых людей — но необходимо соблюдать дьявольскую осторожность. Все дело именно в этом. А не то моментально лишишься своего золотого шанса. Если хочешь разбогатеть по-настоящему, необходимо создать собственный бизнес. Например, «Apple»*. Как только они станут на тебя активно наседать, ты ликвидируешь дело, зато получишь несравнимо больше, чем за голую идею. Ты, конечно, виртуоз по части конструирования, но я знаю рынок. И нужных людей — по всей стране, — людей, которые доверяют мне и согласятся финансировать производство до тех пор, пока мы не встанем на ноги. Дерьмо! Я не собираюсь всю жизнь прозябать в «Гранд Д». Возьми меня в долю, и мы заработаем кучу денег. Ты будешь заниматься компьютерами, а я — организационными вопросами. Только так можно добиться серьезных результатов.

— О Господи, — вздохнул я. — Дружище, все это звучит чертовски привлекательно. Но ты пошел по ложному следу. Мне нечего продавать.

— Да брось! — рассердился Люк. — Ты же прекрасно понимаешь, что я человек надежный. Даже если ты наотрез откажешься следовать моим советам, я никому не скажу ни слова. Я не предаю друзей. Просто считаю, что ты совершишь ошибку, если не попытаешься сам довести дело до конца.

— Люк, я не шутил.

Он немного помолчал. Потом я почувствовал, что он на меня смотрит. Я поднял на него глаза и увидел, что он улыбается.

— Ну, — поинтересовался я, — каким будет следующий вопрос?

— Что такое «Призрачное Колесо»?

— О чем ты?

— Совершенно секретно, никто ничего не знает, проект Мерля Кори. «Призрачное Колесо»... Компьютер, равного которому никто не видывал. Жидкие полупроводники, криогенные связи, плазма...

Я расхохотался:

— Боже мой! Это же была шутка, не более того. Дурацкое хобби. Игра обезумевшего конструктора — попытка создать компьютер, который невозможно построить на Земле. Ну, может быть, часть идеи и удастся реализовать, но работать машина все равно не будет. Напоминает рисунки Эшера* — на бумаге выглядит впечатляюще, а в жизни не бывает. — Потом, после короткого размышления, я поинтересовался: — А откуда ты об этом узнал? Я никогда никому не говорил о своем проекте.

Заложив очередной вираж, Люк прочистил горло. Луна скрылась за кронами деревьев. На ветровом стекле появились капельки влаги.

— Ну, ты не делал из него секрета, — ответил он. — Всякий раз, когда я проходил мимо твоего рабочего стола или кульмана, мне на глаза попадались чертежи, графики и какие-то записи. Я не мог их не заметить. Почти на всех стояла пометка — «Призрачное Колесо». В «Гранд дизайн» ни о чем подобном речи не велось, поэтому я сделал вывод, что ты занялся чем-то лично для себя, ну чтобы обеспечить безбедное будущее. Ты никогда не производил впечатление мечтателя, витающего в облаках. Может быть, ты все-таки что-то от меня утаил?

— Если бы мы, не сходя с места, попытались построить то, что реально здесь построить, — честно ответил я, — получилась бы чертовски странная на вид и совершенно не работающая машина.

Люк покачал головой.

— Какой-то *идиотизм, да и только, — заявил он. — На тебя это не похоже,* Мерль. Зачем, черт побери, ты потратил силы на изобретение абсолютно бесполезной штуки?

— Я хотел проверить одну теорию...

— Извини, но это звучит как чушь собачья, — перебил меня он. — Ты хочешь сказать, что во всей Вселенной не существует места, где твоя машина могла бы функционировать?

— А вот этого я не говорил. Пойми: я сконструировал ее так, чтобы она действовала в необычных, гипотетических условиях.

— Ага. Иными словами, если мне удастся найти такое место, то мы договоримся?

— Ну, пожалуй, да.

— Мерль, тебе известно, что ты самый настоящий извращенец?

— Угу.

— Еще одна мечта повергнута в прах. Ну *ладно...* Послушай, у тебя попутно не возникло какой-нибудь стоящей мыслишки, которую можно применить здесь и сейчас?

— Нет. Здесь ничего не получится.

— А что такого особенного умеет делать твоя машина?

— Ну, я мог бы пуститься в заумные рассуждения о пространстве и времени... Я использовал идеи двух толковых парней — Эверетта и Уилера*. Разобраться можно только с привлечением математики.

— Ты уверен?

— А какое это имеет значение? У меня нет готовой продукции, следовательно, откуда быть компании? Извини. Скажи Мартинесу и его коллегам, что они забрели в тупик.

— Что? А кто такой Мартинес?

— Один из твоих потенциальных инвесторов в компанию «Кори и Рейнард», — ответил я. — Дэн Мартинес — среднего возраста, невысокий, солидного вида, кусочек переднего зуба отколот...

Люк наморщил лоб:

— Черт подери, Мерль, я не знаю, о ком ты говоришь!

— Он подошел, когда я дожидался тебя в баре. Мне показалось, что ему многое о тебе известно. Начал задавать вопросы о том, как я себе представляю ситуацию, которую ты минуту назад столь красочно описал. У меня сложилось впечатление, что ты уже обращался к нему и предлагал вложить деньги в сделку.

— Ах, вот оно что, — проговорил Люк. — Первый раз про него слышу. Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

— Он быстро слинял, а ты не хотел говорить о делах во время обеда. К тому же мне это не кажется важным. Да, Мартинес просил меня передать, что он наводит о тебе справки.

— А что именно его интересовало?

— Сможешь ли ты поставить ему новые разработки по компьютерам и избавить инвесторов от необходимости таскаться по судам — так я понял.

Люк хлопнул ладонью по рулю:

— Какой-то абсурд! Ничего не понимаю.

— Может быть, его кто-то нанял, чтобы он провел расследование, — видимо, те самые люди, с которыми ты поделился своими идеями о проекте.

— Мерль, неужели ты думаешь, что я такой болван и стану тратить время на привлечение серьезных людей в сомнительное предприятие? Как я могу предлагать кому-нибудь вкладывать деньги в то, о чем сам толком ничего не знаю? Я еще ни с кем не говорил об этом, кроме тебя, а теперь и подавно не намерен. Как ты думаешь, кто он такой? Что ему от нас нужно?

Я покачал головой, но вспомнил слова, которые Мартинес произнес на тари.

Почему бы и нет?

— А еще он спрашивал, не упоминал ли ты о месте, которое называется Амбер.

Люк смотрел в зеркало заднего вида, когда я произнес эти слова, и резко дернул руль, чтобы вписаться в поворот.

— Амбер? Ты шутишь?

— Нет.

— Чудно. Должно быть, совпадение...

— Что?

— На прошлой неделе я действительно слышал об удивительном месте под названием Амбер. Но никому о нем не говорил. Это была пьяная болтовня.

— Кто? Кто рассказывал про Амбер?

— Один знакомый художник. Совершенно тронутый, но с большим талантом. Мелман. Мне нравятся его картины, я даже пару штук купил. На днях я зашел к нему, чтобы посмотреть, нет ли чего-нибудь новенького. Он не смог ничем похвастаться, но я у него долго просидел. Мы пили и курили травку, которой он меня угостил. Мелман уже был сильно навеселе, когда заговорил о чародействе. Не какие-нибудь карточные фокусы, а ритуальная магия, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да.

— А через некоторое время он начал мне кое-что показывать. Знаешь, я и сам хорошенько накурился, иначе мог бы поклясться, что у него получалось — Мелман левитировал, вызывал стены огня и невероятных чудищ и тут же их уничтожал. Должно быть, он сунул мне «промокашку»*. Но черт побери! Все казалось таким реальным!..

— Угу.

— Мелман упомянул какой-то изначальный мифический город. Не знаю, на что это больше похоже — на Содом и Гоморру или на Камелот*, но ты бы слышал, как он его описывал! Он назвал его Амбер и заявил, будто им управляет полубезумная семейка, а сам город заселен их незаконнорожденными отпрысками и людьми, чьих предков они вывезли из разных мест несколько столетий назад. Он заявил, что Тени этой семейки, да и самого Амбера, фигурируют во всех знаменитых легендах и мифах — интересно, что это значит? Я не понял. Может быть, Мелман рассуждал метафорически — он это делает достаточно часто, — а если нет, то что, дьявол его побери, он вообще имел в виду?.. Про Амбер я слышал именно от него.

— Занятная получается картина, — заметил я. — Мелман мертв. Его дом сгорел дотла несколько дней назад.

— Да? — Люк снова посмотрел в зеркало. — Ты его знал?

— Мы познакомились после того, как ты улетел в Альбукерке. Кински сказал мне, что Джулия *с ним встречалась, и я зашел к Мелману, чтобы поговорить о* ней. Видишь ли, *Джулия тоже мертва.*

— Как это произошло? Я видел ее на прошлой неделе.

— Ее смерть была очень необычной. Джулию убило странное животное.

— Господи!

Люк резко затормозил и съехал с дороги на широкую обочину. Дальше виднелся круто уходящий вниз склон, поросший деревьями. Над кронами мерцали огни далекого города.

Люк выключил двигатель и фары. Вытащил из кармана кисет и принялся свертывать сигарету. Я заметил, что он поглядывает вперед и вверх.

— По-моему, ты слишком часто смотришь в зеркало заднего вида, — сказал я.

— Да, — не стал отпираться Люк. — Я почти уверен, что от стоянки возле «Хилтона» за нами следовала машина. Она отставала на несколько поворотов, не больше. Вроде бы сейчас ее не видно.

Он закурил сигарету и распахнул дверцу.

— Давай немного подышим воздухом.

Я последовал за ним, и мы постояли, глядя на огромные открытые пространства, озаренные таким ярким лунным светом, что некоторые деревья даже отбрасывали тени.

Люк сердито швырнул сигарету на землю и затоптал ее каблуком.

— Дерьмо! — сказал он. — Дело становится все более запутанным! Я знал, что Джулия встречается с Мелманом, так? Я зашел к ней на следующий вечер после того, как виделся с ним, так? Я даже принес Джулии пакет, который Мелман просил ей передать, так?

— Карты, — подсказал я.

Он кивнул.

Я вытащил из кармана колоду и протянул Люку. Он бросил на них мимолетный взгляд и снова кивнул.

— Да, эти карты, — задумчиво проговорил он, а потом добавил: — Она по-прежнему тебе нравилась?

— Да, пожалуй.

— Дьявольщина... Ладно. Придется кое-что рассказать, старина. Далеко не все тебе придется по душе. Дай мне минутку, чтобы собраться с мыслями. Ты только что поставил передо мной серьезную проблему — точнее, я сам ее перед собой поставил, поскольку принял важное решение.

Он пнул камешек, и тот со стуком покатился вниз по склону.

— Хорошо, — наконец заговорил Люк. — Во-первых, отдай мне карты.

— Почему?

— Я собираюсь разорвать их на мелкие кусочки.

— Черта с два! Почему?

— Они опасны.

— Я и так об этом знаю. Мне не хочется с ними расставаться.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Это не так-то просто. Сначала я должен сообразить, что говорить, а о чем умолчать.

— А почему бы не рассказать все?

— Я не могу. Поверь мне...

Я упал на землю в тот момент, когда прозвучал первый выстрел, пуля срикошетировала от валуна справа. Однако Люк остался на ногах. Петляя, он бросился бежать в сторону рощицы, расположенной слева от нас, откуда один за другим донеслось еще два выстрела. Люк поднял руку, в которой что-то держал.

Потом трижды нажал на курок. Нападавший выпустил в ответ лишь одну пулю. После второго выстрела Люка кто-то вскрикнул. В следующее мгновение я уже был на ногах и мчался в его сторону с камнем в руке. После третьего я услышал звук упавшего тела.

Я подскочил к Люку в тот момент, когда он переворачивал тело, и успел заметить, как из открытого рта вылетело облачко серо-голубого дыма.

— А это еще что за дьявольщина? — спросил Люк, когда облачко медленно растворилось в воздухе.

— Ты тоже видел? Я не знаю.

Он посмотрел на обмякшее тело — на белой рубашке расплывалось кровавое пятно, правая рука все еще сжимала револьвер тридцать восьмого калибра.

— Вот уж не догадывался, что ты носишь с собой оружие, — сказал я.

— Когда проводишь столько времени в дороге, приходится заботиться о собственной безопасности, — ответил он мне. — Я покупаю новый револьвер в каждом городе, в который попадаю, а перед отъездом — продаю. В самолет ведь с оружием не пускают. Похоже, на сей раз придется искать другой способ с ним расстаться... В жизни не видел этого типа, Мерль. А ты?

Я кивнул:

— Это Дэн Мартинес, я о нем тебе рассказывал.

— О Господи, — проворчал Люк. — Еще одно проклятое осложнение. Может быть, мне следует уйти в монастырь дзэн* и попытаться убедить себя, что все происшедшее не имеет ни малейшего значения. Я...

Неожиданно он поднес пальцы левой руки ко лбу.

— Так! — воскликнул он. — Мерль, я оставил ключи в замке зажигания. Садись в машину и возвращайся в отель. Оставь меня здесь. И поторопись!

— Что происходит? Что...

Он поднял свое оружие и навел на меня.

— Немедленно! Заткнись и уходи!

— Но...

Люк опустил дуло и влепил пулю в землю у меня под ногами. А потом направил револьвер мне в живот.

— Мерлин, сын Корвина, — проговорил он сквозь зубы, — если ты немедленно не унесешь отсюда ноги, ты мертвец!

Я последовал его совету, подняв тучи пыли и гравия и оставив следы сгоревшей резины на том месте, где мне пришлось развернуть пикап. Машина с ревом понеслась вниз. Я сделал крутой поворот направо, потом налево и притормозил.

Съехал с дороги у подножия утеса, густо поросшего кустарником, заглушив двигатель и погасив фары, поставил машину на ручной тормоз. Осторожно приоткрыв дверь, выскользнул наружу и бесшумно закрыл ее. В таких местах звуки разносятся далеко. Стараясь держаться правой, более темной стороны дороги, пошел назад.

Было очень тихо. Я миновал первый поворот и подходил ко второму. Что-то перелетело с одного дерева на другое. «Филин, наверное», — подумал я. Я двигался гораздо медленнее, чем мне бы хотелось.

Последний поворот я преодолел на четвереньках, под прикрытием скал и густой листвы, и, остановившись, внимательно осмотрел место, на котором мы стояли. Пусто. Начал медленно приближаться, готовый в любую секунду замереть в неподвижности, отпрыгнуть в сторону или броситься бежать, если того потребует ситуация.

Тишина, лишь ветки слегка шевелятся на ветру. Никого нет.

Я слегка приподнялся и продолжал красться вперед, используя для прикрытия каждый выступ.

Люка нет. Он куда-то исчез. Я замер и прислушивался по меньшей мере минуту. Ни единого шороха, который мог бы выдать его присутствие.

Я стоял на том самом месте, где упал Мартинес. Тела нигде не видно. Я огляделся по сторонам, но мне не удалось определить, что здесь произошло после моего отъезда. Звать Люка никакого резона не было.

Когда я возвращался к машине, не случилось ничего примечательного. Я уселся за руль и поехал в город. Что, черт возьми, все это значит? У меня не было ни одной, даже самой завалящей, идейки на этот счет.

Я оставил пикап на стоянке возле отеля, рядом с тем местом, где он был припаркован, когда мы поехали на прогулку. Потом подошел к номеру Люка и постучал. Я не надеялся, что кто-нибудь мне откроет, но полагал, что должен это сделать, прежде чем вломиться в номер.

Я постарался вскрыть замок, не испортив дверь, потому что мистер Бразда произвел на меня приятное впечатление. Это заняло некоторое время; к счастью, никого поблизости не было. Я осторожно заглянул внутрь, включил свет, проверил, не заметил ли меня кто, и только после этого проскользнул в номер. Постоял немного, прислушиваясь, не доносится ли из холла подозрительных звуков... Все было спокойно.

Маленькая, тесная комнатка. Пустой чемодан на полке. В шкафу развешана одежда, в карманах ничего нет, если не считать двух коробков спичек, ручки и карандаша. Нижнее белье и другие вещи. Бритвенные принадлежности аккуратно разложены под зеркалом. Ничего примечательного. Книга Б. Г. Лидделл Гарта «Стратегия непрямых действий»* с закладкой примерно в четверти от конца на тумбочке у постели.

На стуле валялся костюм, в котором Люк ходил в горы, рядом стояли пыльные ботинки с носками. В ботинках я нашел лишь шнурки. Я проверил карманы рубашки, которые поначалу показались мне пустыми, но потом в одном из них кончиками пальцев нащупал несколько маленьких бумажных катышков. Удивился, расправил пару штук. Таинственные послания? Нет... Зачем придумывать всякие бредни, когда маленькие коричневые частички все объясняют. Табак. Папиросная бумага. Очевидно, во время прогулок по горам Люк не выбрасывал даже окурки. По-моему, прежде он не был столь аккуратным.

Затем я старательно изучил брюки. Влажный платок и расческа в одном кармане, а в другом — одинокая пуля. Повинуясь импульсу, я засунул ее к себе в карман, а потом наклонился, чтобы заглянуть под матрас и за полки. Даже проверил туалет. Ничего. Никаких объяснений столь странного поведения.

Оставив ключи от машины на тумбочке, я отправился в свой номер. Меня не беспокоило, что Люк узнает о вторжении. На самом деле даже радовало. Мне совсем не понравилось, что он рылся в моих бумагах, касающихся Призрачного Колеса. А кроме того, Люк был обязан представить мне чертовски убедительные объяснения того, что произошло в горах.

Я разделся, принял душ, забрался в постель и выключил свет. Я бы написал ему записку, но не хотелось оставлять вещественные доказательства, не говоря уже о том, что у меня возникло предчувствие: Люк не вернется.

VI

Это был невысокий плотный человек с красным лицом; в волосах, редких на макушке, просматривалась седина. Я сидел в кабинете его полудеревенского дома в северной части штата Нью-Йорк, потягивал пиво и докладывал о своих неприятностях. Дул легкий ветерок, небо за окном было усыпано звездами.

— Так ты говоришь, что на следующий день Люк не объявился... И записки не прислал?

— Нет, не прислал.

— А можешь вспомнить обо всем, что ты тогда делал?

— Утром зашел к нему в номер — точно такой же, как накануне. Спросил у портье. Ничего. Позавтракал и снова спросил. И опять — ничего. Тогда я погулял по городу, около полудня перекусил, еще раз заглянул в номер. Там было по-прежнему пусто. Я взял ключи от машины и поехал на то место, где мы были прошлой ночью. При свете дня — самые заурядные окрестности. Я даже спустился вниз по склону и немного там полазил. И не нашел ни тела, ни улик. Я вернулся, отдал ключи, послонялся по отелю до обеда, что-то поел, а потом позвонил вам. Когда вы пригласили меня приехать, заказал билет и улегся спать пораньше. Утром отправился в Альбукерке, а оттуда — к вам.

— И сегодня еще раз проверил, не появился ли Люк?

— Угу. Ничего нового.

Он покачал головой и раскурил свою трубку.

Его звали Билл Рот, он был другом и адвокатом моего отца в те времена, когда тот здесь жил. Думаю, он был единственным на Земле человеком, которому отец доверял, поэтому я тоже ему верил. За эти восемь лет я иногда навещал его, в последний раз примерно полтора года тому назад по очень печальному поводу — умерла его жена Элис. Я рассказал Биллу историю моего отца так, как слышал ее от него самого, неподалеку от Дворов Хаоса; отец хотел, чтобы Билл был в курсе происходящего, в благодарность за его помощь.

Думаю, Билл все понял и поверил. Впрочем, он знал отца намного лучше, чем я.

— Я уже говорил, что ты невероятно похож на отца?

Я кивнул.

— И дело не только во внешнем сходстве, — продолжал он. — Было время, когда он заявлялся, словно пилот самолета, сбитого над вражеской территорией за линией фронта. Никогда не забуду ночь, когда он прискакал верхом на коне и — только вообрази! — заставил меня заняться поисками пропавшей кучи компоста. — Билл фыркнул. — Теперь вот ты сидишь передо мной и рассказываешь такое, что сразу вспоминается шкатулка Пандоры* — может, кто-то опять до нее добрался и, став жертвой любопытства, открыл. Почему бы тебе не жить, как подобает разумному молодому человеку, и не интересоваться чем-нибудь нормальным. Я ведь даю отличные советы о том, как провести бракоразводный процесс, правильно составить завещание или договор о кредите и деловом партнерстве... Так нет, твоя история ужасно похожа на проблемы, с которыми сталкивался Карл! Даже то, что я делал для Амбера, выглядит совершенно безобидно по сравнению с задачкой, которую я должен решить для себя.

— Вы имеете в виду тот случай, когда Рэндом послал к вам Фиону с копией Договора о разрушении Огненного Пути, заключенного со Свейвилом, королем Хаоса, чтобы она перевела его, а вы изучили на предмет скрытых юридических подвохов?

— И это тоже, — согласился Билл, — хотя в конце концов мне пришлось выучить ваш язык, иначе я не смог бы довести работу до конца. Потом Флора захотела получить назад свою библиотеку и поручила мне добиться ее возвращения — это оказалось совсем непросто, — а после ей вздумалось разыскать

предмет своей старой любви — чтобы воссоединиться или отомстить, я так и не понял. Впрочем, она платила золотом. И я смог купить дом в Палм-Бич. А дальше... Черт побери, некоторое время я всерьез раздумывал, не приписать ли на своей визитке еще и: «Советник королевского дома Амбер»!.. Однако в такой работе нет ничего особенного. Самое обычное дело. А от твоих неприятностей так и разит черной магией и внезапными смертями — очень похоже на твоего отца. Меня все это чертовски пугает, и я не имею ни малейшего представления, какой совет тебе дать.

— Ну, черная магия и внезапные смерти — моя забота, — заметил я. — Возможно, они даже слишком сильно влияют на мой образ мышления. Предполагается, что вы смотрите на вещи иначе, чем я, и способны обратить внимание на факты, мимо которых я прошел. Так чего же я не заметил?

Билл сделал глоток пива, снова зажег трубку.

— Ладно... Твой приятель Люк — откуда он?

— Ну, откуда-то со Среднего Запада, по-моему... Небраска, Айова, Огайо... что-то вроде этого.

— Хм-м, а чем занимается его отец?

— Он ничего не рассказывал.

— У него есть братья или сестры?

— Не знаю. Он ничего о них не рассказывал.

— А тебе не кажется это несколько странным?.. Твой друг ни разу не упомянул свою семью и за все восемь лет, что вы знакомы, никогда не называл города, в котором родился?

— Нет. Ведь я тоже не распространялся о подобных вещах.

— Это неестественно, Мерль. Ты вырос в необычном месте, о котором просто не можешь говорить. У тебя есть серьезные основания избегать этих вопросов и переводить разговор на другое. Похоже, что и у него тоже. А кроме того, когда ты сюда прибыл, ты же не знал, как ведут себя здешние люди. Неужели тебя никогда не удивляла скрытность Люка?

— Конечно, удивляла. Но он с уважением относился к моему нежеланию обсуждать некоторые темы. Можно сказать, что мы заключили нечто вроде молчаливого соглашения.

— А как ты с ним познакомился?

— На первом курсе университета, у нас часто совпадали лекции.

— И вы оба оказались в чужом городе, где у вас никого не было. Вы подружились с самого начала...

— Нет. Мы почти не разговаривали друг с другом. Я считал его высокомерным ублюдком, возомнившим о себе невесть что. Иными словами, мне он страшно не нравился, да и я ему тоже.

— Почему?

— А он думал то же самое про меня.

— Значит, прошло некоторое время, прежде чем вы сообразили, что ошибаетесь?

— Нет. Мы оба были совершенно правы. Мы стали пытаться вывести один другого на чистую воду. Если мне удавалось сделать что-нибудь... особенное, он старался превзойти меня. И наоборот. Мы дошли до того, что занимались одни-

ми и теми же видами спорта, назначали свидания одним и тем же девушкам, изо всех сил бились за высшие оценки.

— А потом?

— Где-то в процессе нашего соперничества возникло уважение. Когда мы оба вышли в олимпийский финал, что-то произошло. Мы вдруг принялись хлопать друг друга по спине и смеяться, а потом отправились вместе обедать и проговорили ночь напролет, и тогда он заявил, что ему на олимпиаду глубоко наплевать. Я сказал, что и мне тоже. Люк просто хотел доказать, что он лучше, но теперь ему все равно. Он понял, что мы оба молодцы и его это вполне устраивает. Я чувствовал абсолютно то же самое и немедленно сообщил ему об этом. Именно тогда мы и стали друзьями.

— Бывает, — произнес Билл. — Такая немного странная дружба. Только в определенных областях.

Я рассмеялся и сделал глоток пива.

— А разве у других иначе?

— Лишь поначалу. Впрочем, порой так остается навсегда. Ничего ужасного в этом нет. Просто ваши отношения показались мне... ну, удивительными, что ли... не как у многих.

— Может быть, — медленно проговорил я.

— И все равно бессмыслица какая-то получается. Два парня становятся лучшими друзьями — и при этом не рассказывают друг другу о своем прошлом.

— Наверное, вы правы. И что же это означает?

— Ты ведь не обычный человек.

— Нет.

— Я думаю, Люк тоже.

— Ну и кто он в таком случае?

— А это уже твоя область.

Я кивнул.

— И еще, — продолжал Билл, — меня кое-что беспокоит.

— Что?

— Этот парень, Мартинес. Он последовал за вами, остановился, когда остановились вы, подкрался и открыл огонь. За кем он охотился? За обоими? Его интересовал Люк? Или, может быть, ты?

— Не знаю. Не могу сказать, в кого был сделан первый выстрел. А потом он стрелял в Люка — потому что Люк перешел в наступление, и Мартинесу пришлось защищаться.

— Точно. Если бы он был «Т» — или агентом «Т», — зачем бы ему тратить время на тот разговор с тобой в баре?

— У меня возникло ощущение, что он затеял его лишь ради своего последнего вопроса — знает ли Люк что-нибудь про Амбер.

— И твоя реакция навела его на мысль, что Люку что-то известно.

— Ну, похоже, кое-что он действительно слышал... судя по тому, что он сказал мне в самом конце.

— Но ведь Люк не из Амбера, верно?

— Ни разу о нем не слышал, когда жил там после войны. А уж лекций по генеалогии мне прочитали целую кучу. Мои родственники сильно напоминают кру-

жок по рукоделию, когда дело доходит до наведения порядка в этих вопросах — они гораздо менее аккуратны, чем жители Дворов Хаоса, — не могут даже решить, кто из них самый старший, поскольку некоторые родились в соседних временных потоках... Зато они очень тщательно...

— Хаос! Точно! У тебя ведь не очень нежные отношения с родственниками по той линии! А не может быть?..

Я покачал головой:

— Исключено. О тамошних семьях я знаю все до мельчайших подробностей. Думаю, я знаком практически со всеми, кто умеет манипулировать Тенями и путешествовать в них. Люк к их числу не относится и...

— Подожди минутку! Во Дворах Хаоса тоже есть люди, которые обладают способностью передвигаться в Тенях?

— Да. Или, оставаясь на месте, получать из них самые разные вещи. Ну, это как бы наоборот...

— Мне казалось, что только тот, кто прошел Огненный Путь, обладает этим даром?

— У них есть некое аналогичное место, они называют его Логрус*. Это такой хаотический лабиринт. Постоянно меняющийся. Очень опасный. Он даже способен на время нарушить баланс сознания. Оказаться там — мало радости.

— И ты с ним справился?

— Да.

— И с Огненным Путем тоже?

Я вспомнил, как это было, облизнул губы.

— Да. Он чуть меня не прикончил. Сухай думал, что я там погибну, а Фиона считала, что с ее помощью я смогу пройти. Я был...

— Кто такой Сухай?

— Мастер Логруса. А еще мой дядя. Ему представлялось, что Огненный Путь Амбера и Логрус Хаоса — вещи несовместимые и я не смогу нести в себе образы того и другого. Рэндом, Фиона и Джерард показали мне Огненный Путь. Тогда я связался с Сухаем и дал ему посмотреть на него. Он сказал, что складывается впечатление, будто это две противоположные вещи, и я либо буду уничтожен, либо Огненный Путь постарается вырвать из меня образ Логруса — вероятнее всего первое. А Фиона заявила: Огненный Путь в состоянии перехитрить все что угодно, даже Логрус, а если она правильно понимает суть Логруса, он обладает способностью обходить любые препятствия, в том числе и Огненный Путь. Поэтому право решать оставили за мной, но я знал, что должен туда отправиться. Так я и сделал. И прошел через него. С тех пор во мне живут как образ Огненного Пути, так и образ Логруса. Сухай признал, что Фи была права и что, видимо, дело в моем смешанном происхождении. Впрочем, она с ним не согласилась...

Билл протестующе поднял руку:

— Минутку. Я не понимаю, как тебе удалось доставить дядюшку Сухая в замок Амбер в тот момент, когда он тебе понадобился?

— Ах, это! У меня есть колода карт Хаоса, так же как и колода карт Амбера для тамошних родственников.

Билл покачал головой:

— Все это просто потрясающе интересно, но мы отвлеклись от темы нашего разговора. Кто-нибудь еще может пройти через Тени? Или есть иные способы это проделать?

— Их несколько. Например, некоторые магические существа вроде Единорога обладают способностью бродить везде, где только пожелают. Можно следовать за тем, кто пересекает Тень, или за магическим существом, если ты в состоянии не потерять его из виду, — вне зависимости от того, кем ты сам являешься. Один такой проводник может вести за собой целую армию. Ну, еще не нужно забывать о жителях различных Теневых королевств, расположенных неподалеку от Амбера и Хаоса. Там рождаются сильные колдуны — благодаря тому, что они находятся рядом с этими средоточиями могущества. Некоторые из белых магов становятся настоящими специалистами, однако их представления о Логрусе и Огненном Пути несовершенны, поэтому им никогда не удается воссоздать настоящие образы, не отличающиеся от оригинала. Однако жители этих королевств не нуждаются в посвящении для того, чтобы проникнуть через границу в ту или иную Тень. Мы даже торгуем с ними. А по установленным маршрутам с каждым новым разом все легче и легче путешествовать. Зато труднее выбираться наружу. Известны случаи, когда сквозь Тени проходили большие армии. Именно по этой причине мы выставляем патрули. Джулиан в Арденах, Джерард у моря и так далее.

— Что-нибудь еще?

— Ну, иногда случаются Теневые бури.

— А это что такое?

— Естественный, но не совсем понятный феномен. Пожалуй, похоже на тропический шторм — лучшего сравнения я придумать не могу. Согласно одной из теорий, буря возникает вследствие определенной частоты колебаний волн, исходящих из Амбера и Дворов и влияющих на природу Теней. Как бы там ни было, когда такая буря начинается, она может пронестись через огромное количество Теней, прежде чем ее сила иссякнет. Иногда они являются причиной серьезных разрушений, иногда проходят почти бесследно. И довольно часто переносят разные предметы из одной Тени в другую.

— Включая людей?

— Бывает.

Билл допил свое пиво, и я последовал его примеру.

— А карты? — спросил он. — Можно научиться ими пользоваться?

— Да.

— Ну и сколько ходит по свету колод?

— Понятия не имею.

— Кто их делает?

— Во Дворах есть несколько специалистов. Я брал уроки у них. Ну и еще, конечно, Фиона и Блейз в Амбере — они, мне кажется, обучили Рэндома...

— Колдуны, о которых ты говорил, — те, что живут в соседних королевствах... в состоянии кто-нибудь из них нарисовать такую колоду?

— Да, но карты получатся несовершенными. Насколько я понимаю, нужно быть посвященным Огненным Путем или Логрусом, чтобы все получилось как полагается. Кое-кто из них может сотворить грубо сработанную колоду, пользуясь которой рискуешь оказаться где-нибудь в лимбе* или вообще погибнуть.

Впрочем, порой — по чистой случайности — попадаешь именно туда, куда тебе нужно.

— А карты, которые ты нашел в квартире Джулии?

— Были самыми настоящими.

— Как ты объясняешь их происхождение?

— Кто-то, умеющий их делать, объяснил кому-то другому, а тот смог научиться, только я про это ничего не слышал. И все тут.

— Понятно.

— Боюсь, не очень-то много пользы от моих ответов.

— Нет, они мне необходимы, чтобы обдумать ситуацию, в которую ты попал, — ответил Билл. — Я должен задавать вопросы. Хочешь еще пива?

— Подождите.

Я закрыл глаза и представил себе Логрус — вечно меняющийся, никогда не остающийся прежним. Я сформулировал свое желание, и две извивающиеся линии внутри образа стали ярче и плотнее. Тогда я осторожно пошевелил руками, повторяя их волнообразные движения. Постепенно линии и мои руки будто слились в единое целое; я раскрыл ладони и толкнул линии вперед — вперед сквозь Тени.

Билл негромко откашлялся.

— Э-э... что это ты такое делаешь, Мерль?

— Кое-что ищу, — ответил я. — Минутку.

Линии протянутся сквозь бесконечность Теней, пока не встретят предмет моего желания — или пока у меня не кончится терпение, или я устану и не смогу больше концентрироваться... В конце концов я почувствовал толчок, словно рыба клюнула на заброшенного в речку червяка.

— А вот и они, — сказал я и быстро схватил свою добычу.

В руках у меня появились две бутылки ледяного пива, и я передал одну из них Биллу.

— Вот что я имел в виду, когда говорил о путешествии сквозь Тени наоборот. — Сделав несколько глубоких вдохов, я продолжал: — Я попросил у Теней парочку бутылок пива. Чтобы вам не нужно было идти на кухню.

Он посмотрел на оранжевую этикетку с зеленой надписью на незнакомом языке.

— Что-то я не знаю этого сорта, — заявил он. — Не говоря уже о языке. А ты уверен, что его можно пить?

— Да, я заказал настоящее пиво.

— Хм-м, а тебе там по дороге открывалка не попадалась?

— Ой-ой-ой! — воскликнул я. — Прошу прощения, я...

— Да ладно, не огорчайся.

Он встал, сходил на кухню и вернулся через некоторое время с открывалкой в руках. Когда он откупорил первую бутылку, поднялась пена, и ему пришлось подержать бутылку над мусорной корзиной. То же самое произошло и со второй.

— Если быстро вытаскиваешь что-нибудь из Теней, такое случается, — проговорил я. — Обычно я добываю пиво другим способом и забыл...

— Все в порядке, — успокоил меня Билл и вытер руки платком. А потом попробовал пиво. — Вполне приличное. Интересно... да нет, не стоит.

— Что?

— А ты мог бы послать за пищей?

— С чем предпочитаете? — спросил я.

На следующее утро мы отправились на прогулку вдоль извивающегося ручья, на который натолкнулись позади владений соседа-фермера, который к тому же был клиентом Билла. Мы медленно шли вперед, Билл с палкой в руке и трубкой во рту продолжал задавать мне вопросы.

— Вчера ты мне кое-что сказал, но я не обратил на это внимания, поскольку меня больше интересовало другое. Ты упомянул, что вы с Люком вышли в финал олимпиады и это положило конец вашему соперничеству?

— Да.

— В каком виде спорта?

— В нескольких видах легкой атлетики. Мы оба были бегунами и...

— Его результаты приближались к твоим?

— До противного. А иногда мои результаты приближались к его.

— Странно.

— Что?

Берег речушки стал круче, и мы по камушкам перешли на другую сторону, где ровная и утоптанная тропинка была на несколько футов шире.

— Как же он мог соперничать с тобой хоть в одном виде спорта? — удивился Билл. — Насколько мне известно, вы, жители Амбера, отличаетесь от обычных людей. Какой-то там хитрый метаболизм делает вас более выносливыми, и вы обладаете способностью быстро восстанавливать силы. Как же так получилось, что Люк смог противостоять тебе во время спортивных соревнований на самом высшем уровне?

— Люк — отличный спортсмен и старается держать себя в форме, — объяснил я. — Он здесь не один такой; мне доводилось встречать очень сильных и быстрых людей.

Билл покачал головой, и мы некоторое время шли молча.

— Против этого я спорить не могу, — снова заговорил он. — Просто как-то уж слишком много получается совпадений. Этот парень, как и ты, скрывает свое прошлое, а потом выясняется, что ему о тебе все известно. Ну-ка скажи мне, а он большой любитель искусства?

— Безусловно. Мы частенько ходили в разные художественные галереи, да и на выставки музейных экспонатов тоже.

Билл фыркнул и поддал палкой камешек, который с громким всплеском ушел под воду.

— Ну, — задумчиво протянул он, — в каком-то смысле это выпадает из общей картины, но никоим образом ее не нарушает.

— Что-то я не понимаю...

— Мне показалось необычным, что он тоже был знаком с этим странным художником, специалистом по оккультным наукам. Впрочем, когда ты сказал, что парень был не без таланта, а Люк действительно собирал картины, мои сомнения несколько развеялись.

— Его же никто не заставлял говорить, что он знаком с Мелманом.

— Верно. Но все это да еще его исключительные физические данные... Улики, конечно, косвенные, однако у меня складывается ощущение, что твой Люк совсем не прост.

Я кивнул.

— После нашего вчерашнего разговора я раздумывал над твоими словами, — заявил Билл. В этом месте речка делала поворот, и он остановился, чтобы понаблюдать за какими-то птицами, которые с громкими криками взлетели над заболоченным противоположным берегом. — Давай на время забудем о предмете нашего разговора. Скажи-ка, а какое у тебя... э-э, ну, звание, что ли? — вдруг спросил он.

— В каком смысле?

— Ты сын одного из принцев Амбера. Как тебя величают?

— Вы имеете в виду титул? Я герцог Западных земель и граф Колвира.

— А это еще что такое?

— Я не являюсь принцем. И не стану интриговать или устраивать разные гнусности с целью захвата власти... тут ни у кого никаких опасений не может быть.

— Хм-м.

— Это как понимать?

— Я читал достаточно книг по истории, — пожав плечами, заявил Билл. — В подобных случаях никто не может чувствовать себя в безопасности.

Теперь плечами пожал я:

— На домашнем фронте все спокойно — так я, по крайней мере, слышал.

— Ну, это хорошая новость.

Еще несколько поворотов — и мы вышли на широкий песчаный берег, усыпанный мелкими камешками; он уходил примерно на тридцать футов вверх и соединялся с крутым обрывом семи или восьми футов высотой. Билл уселся в тени на камень и раскурил трубку. Я устроился неподалеку, и мы некоторое время наблюдали, как играет и искрится в лучах солнца вода. Здесь было очень тихо и как-то безмятежно.

— Хорошо, — сказал я немного погодя. — Красивое место.

— Угу.

Я бросил взгляд на Билла и обнаружил, что он смотрит на тропинку, по которой мы пришли.

— Что-нибудь не так? — шепотом спросил я.

— Немного раньше мне показалось, будто что-то промелькнуло, — так же шепотом ответил он. — Словно кто-то еще решил тут прогуляться — чуть позади нас. А потом я его потерял.

— Может, следует сходить и посмотреть?

— Вероятно, мне просто почудилось. День сегодня превосходный, наверняка не только нам захотелось здесь побродить. Я просто подумал, что, если мы на несколько минут присядем на берегу, таинственный незнакомец либо покажется, либо повернет в другую сторону.

— А вы можете его описать?

— Нет. Он лишь промелькнул пару раз. Вряд ли стоит из-за этого тревожиться. От твоей истории я стал что-то уж даже слишком нервным — настоящий параноик.

Я достал свою трубку, старательно набил ее и раскурил. Мы принялись ждать. Прошло минут пятнадцать. Никто так и не появился.

Билл поднялся, с удовольствием потянувшись, крякнул и сказал:

— Ложная тревога.

— Похоже на то.

Билл снова двинулся в путь, и я последовал за ним.

— А еще меня беспокоит эта дамочка, Джасра... У тебя, говоришь, сложилось впечатление, будто она появилась в комнате при помощи карт и что во рту у нее яд, от которого ты потерял сознание?

— Точно.

— Доводилось встречаться с подобной штучкой раньше?

— Нет.

— Предложения имеются?

Я покачал головой.

— А какое отношение ко всему происходящему имеет Вальпургиева ночь? Насколько я понимаю, определенная дата может иметь значение для человека с нездоровой психикой; или, например, в некоторых примитивных религиях особое внимание уделяется смене времен года. Однако твой «Т» кажется существом слишком высокоорганизованным, чтобы быть сумасшедшим. Что же касается того, другого...

— Мелман считал, что это важно.

— Да, но он увлекался подобной чепухой. Я не удивлюсь, если выяснится, что именно ему в голову пришла идея провести аналогию, причем не важно, соответствует она истине или нет. Он же признал, что его наставник ничего конкретного ему не говорил. Сам додумался. Впрочем, это уже твоя область. Можно ли приобрести особое могущество, убив человека королевской крови именно в этот день? Как ты думаешь? Или акция имеет какое-то свое, символическое значение?

— Никогда не слышал ни о чем подобном. Однако есть множество вещей, о которых мне ничего не известно. Я еще очень молод по сравнению с остальными. Интересно, куда же заведут вас ваши рассуждения? Вы утверждаете, что не верите, будто в деле замешан псих, но и идея о Вальпургиевой ночи вас не впечатляет.

— Я и сам не знаю. Просто размышляю вслух. Оба эти предположения представляются мне какими-то несерьезными. Кстати, французский Иностранный легион* дает своим солдатам отпуск 30 апреля, чтобы они могли хорошенько набраться, а потом еще парочку дней на то, чтобы прийти в себя. Это годовщина сражения при Камероне* — одна из их самых знаменитых побед. Только боюсь, в нашем случае французы ни при чем. А сфинкс?.. Зачем нужна карта, которая переносит тебя черт знает куда, там тебе задают идиотские вопросы, а за правильный ответ грозят откусить голову?

— Я думаю, именно это и входило в чьи-то планы.

— Меня посетили те же мысли. Тебе не кажется все это несколько экстравагантным? Знаешь, могу поклясться, что они все такие, эти карты, своего рода ловушки.

— Очень может быть.

Я засунул руку в карман и нащупал колоду.

— Не трогай, — остановил меня Билл. — Давай не будем напрашиваться на лишние неприятности. Может быть, вообще следует выбросить их или отложить на время. Давай спрячем карты в сейф у меня в конторе?

Я рассмеялся:

— Сейфы не такое надежное место, как вы думаете. Нет, спасибо. Я хочу, чтобы они были со мной. Возможно, найдется способ их проверить, не подвергаясь никакой опасности.

— Ну, по этой части ты — специалист, тебе виднее. Однако скажи-ка мне, а может что-нибудь мерзкое пробраться сюда через карту без твоего...

— Нет. Исключено, — перебил его я. — Необходимо сосредоточиться, сконцентрировать внимание — и только тогда что-нибудь получится. Причем требуется приложить серьезные усилия.

— Ну, это уже кое-что. Я...

Мой старший друг снова оглянулся. Кто-то нас догонял. Я невольно напрягся.

Но Билл с облегчением выдохнул.

— Все в порядке, — успокоил он меня. — Я его знаю. Это Джордж Хансен. Сын парня, чью ферму мы недавно проходили. Привет, Джордж.

Джордж помахал нам рукой. Среднего роста, довольно плотный. Песочные волосы. В джинсах фирмы «Levi's» и футболке с надписью «Grateful Dead»*, в кармашке левого рукава — пачка сигарет. На вид — лет двадцать.

— Привет, — ответил Джордж, подходя поближе. — Отличный денек, правда?

— Точно, — кивнул Билл. — Вот мы и решили немного прогуляться вместо того чтобы сидеть дома.

Джордж посмотрел на меня.

— Я тоже, — проговорил он и прикусил нижнюю губу. — Просто чудесная сегодня погодка, ага.

— Это Мерль Кори. Он у меня гостит.

— Мерль Кори, — повторил Джордж и протянул мне руку. — Привет, Мерль.

Я пожал ему руку. Она была слегка влажной.

— Вспомнил имя?

— Хм-м... Мерль Кори... — снова произнес он.

— Ты знал его отца.

— Правда? И то верно!

— Сэм Кори, — пояснил Билл и бросил на меня взгляд через плечо Джорджа.

— Сэм Кори!.. — выдохнул парнишка. — Вот это да! Рад с вами познакомиться. Вы долго здесь пробудете?

— Думаю, пару дней, — ответил я. — Я и не знал, что ты знаком с моим отцом.

— Хороший человек, — заявил Джордж. — А сами-то вы откуда?

— Из Калифорнии, решил немного попутешествовать.

— А куда направляетесь?

— Да вообще-то за границу.

— В Европу?

— Еще дальше.

— Звучит здорово. Я бы тоже хотел попутешествовать — когда-нибудь.

— Может, еще и представится случай.

— Кто знает. Ну ладно, мне пора идти. А вы гуляйте. Рад был с вами познакомиться, Мерль.

— Я тоже.

Он отступил на несколько шагов, помахал нам рукой и пошел прочь.

Я посмотрел на Билла и заметил, что его трясет.

— Что случилось? — удивился я.

— Я знаю мальчишку всю жизнь, — проговорил он. — Как ты думаешь, он принимает наркотики?

— Если и принимает, то не такие, от которых на руках остаются дырки. Я не заметил никаких следов. Да и вел он себя нормально.

— Да, только ты не знаешь его так, как я. Он мне показался очень... не таким. Я назвал твоего отца Сэмом нарочно, потому что заподозрил неладное. Изменилась его манера говорить, держаться, жестикулировать... Нечто неуловимое. Я ждал, что он меня поправит, и уже заготовил шутку насчет преждевременного склероза. Но он-то продолжил разговор так, будто ничего особенного не произошло. Мерль, меня это пугает! Он не мог забыть или перепутать имя твоего отца. Карл любил, чтобы во всем был порядок, но терпеть не мог пропалывать грядки и собирать листья. Когда Джордж учился в школе, он подрабатывал у него садовником. И должен это прекрасно помнить.

— Я не понимаю.

— Я тоже, — признался Билл. — И мне это совсем не нравится.

— Значит, Джордж вел себя странно... и вы решили, что он шел за нами?

— Да, теперь я почти уверен. Занятное совпадение, особенно если принять во внимание твое появление в наших краях.

Я повернулся:

— Пойду догоню его. И все выясню.

— Нет, не надо.

— Я его не обижу. Существуют разные способы узнать правду.

— Пусть лучше думает, будто сумел нас обдурить. Тогда он обязательно сделает или скажет что-нибудь такое, что впоследствии окажется для нас полезным. С другой стороны, если ты предпримешь некий шаг — пусть даже при помощи магических трюков — или станешь задавать хитроумные вопросы, он или тот, кто за всем этим стоит, может сообразить, что мы его раскусили. Оставь все как есть и радуйся, что получил предупреждение.

— Разумно, — согласился я.

— Пошли домой; съездим в город и позавтракаем там. Мне нужно зайти в контору, забрать кое-какие бумаги и позвонить в несколько мест. А на два часа у меня назначена встреча с клиентом. Пока я буду занят, возьми машину и немного покатайся.

— Отлично.

На обратном пути я принялся размышлять. Я не все рассказал Биллу. Например, не было никакой необходимости сообщать ему, что на левом запястье я ношу невидимую удавку, которая обладает довольно необычными способностями. Вот одно из ее достоинств — она предупреждает обо всех гнусных намерениях, направленных против меня, как это бывало в присутствии Люка почти два года —

пока мы не стали друзьями. Что бы ни являлось причиной странного поведения Джорджа Хансена, Фракир не почувствовала никакой опасности.

Впрочем, забавно... в том, как он говорил, как произносил слова, было что-то...

После завтрака Билл занялся своими делами, а я и в самом деле отправился покататься. Мне захотелось посмотреть на места, где много лет назад жил мой отец. Я пару раз проезжал мимо его бывшего дома, но никогда не бывал внутри. Думаю, потому что в этом не было необходимости.

Оставив машину у обочины дороги на холме, я принялся разглядывать усадьбу. По словам Билла, сейчас там поселилась молодая пара с детьми. Весьма похоже на правду — судя по разбросанным повсюду игрушкам. «Интересно, — пришло мне в голову, — что бы я чувствовал, если бы вырос здесь». Со мной и такое могло произойти. Дом казался чистеньким, даже вылизанным. Наверное, эти люди счастливы.

А ведь я понятия не имею, где сейчас находится мой отец — если он вообще жив. Никто не может отыскать Корвина Кори даже при помощи его собственной карты. Впрочем, это ничего не доказывает. Есть несколько способов, позволяющих блокировать действие карт. Говорят, в его случае дело именно так и обстоит, хотя подобные мысли не доставляют мне удовольствия.

Ходили слухи, что отец сошел с ума во Дворах Хаоса, будто бы в результате проклятия, наложенного на него моей матерью, и теперь бесцельно бродит среди Теней. Она отказалась обсуждать со мной эту тему. А еще поговаривают, что он отправился в созданную им самим вселенную, а потом там остался, именно поэтому никто и не может добраться до него при помощи карты. Иные любители поболтать утверждают: Корвин Кори погиб уже после того, как покинул цитадель, причем многие мои родственники из Дворов Хаоса утверждают, что видели его живым и здоровым, когда он пускался в путь. Следовательно, если слухи о его смерти правдивы, произошло это не во Дворах Хаоса.

Кроме того, существует масса свидетелей, встречавших моего отца после этого в самых неожиданных местах, причем всякий раз он вел себя весьма необычно. Мне рассказывали, что якобы он путешествовал вместе с немой танцовщицей — миниатюрной очаровательной девушкой, с которой разговаривал на языке жестов, — а с остальными был молчалив и замкнут. Болтают, будто его видели в какой-то шумной забегаловке, где он, пьяный в стельку, разогнал всех посетителей, чтобы в одиночестве насладиться игрой паршивого оркестрика.

Я не мог бы поручиться за достоверность ни одного из подобных слухов. Впрочем, раздобыть даже эти, достаточно сомнительные сведения мне стоило большого труда. Я не смог найти отца при помощи призыва Логруса, хотя и прибегал к нему несколько раз. Правда, если Корвин Кори действительно где-то очень далеко, моих способностей может оказаться недостаточно.

Иными словами, я, как и все остальные, не имел ни малейшего представления, где, черт побери, находится мой отец, Корвин из Амбера. Я отчаянно об этом жалел, потому что единственная моя встреча с ним, которая длилась достаточно долго, произошла во время битвы в день падения Огненного Пути, недалеко от Дворов Хаоса, когда он рассказал мне длинную историю своей жизни. Моя же с тех самых пор изменилась. Тогда я твердо решил покинуть Хаос и, в надежде

приобрести опыт и образование, поселился в одном из теневых миров, где он так долго жил. Я считал, что должен узнать Землю, если хочу понять своего отца. Думаю, кое-что мне удалось; может быть, даже больше, чем кое-что. Только вот его не было, и я не мог продолжить наш разговор.

Мне казалось, что я практически готов применить новый метод, который позволит мне найти отца — теперь, когда мой проект «Призрачное Колесо» почти реализован, — но я по уши вляпался в дерьмо. После путешествия по стране, которое привело бы меня к Биллу лишь через месяц или два, я намеревался отправиться в свое убежище, созданную лично мной аномалию, и приступить к работе.

Однако... у меня появились другие дела. Прежде чем вернуться к исследованиям, надо понять, что происходит.

Я медленно проехал мимо дома. Из открытого окна неслись звуки стереопроигрывателя. Лучше не знать, как там у них внутри все устроено. Пусть это останется для меня тайной.

Вечером, после обеда, я сидел рядом с Биллом на крылечке и пытался сообразить, что еще следует ему рассказать. У меня ничего не получалось, и в конце концов он сам возобновил нашу игру в вопросы и ответы.

— Знаешь, чудно как-то получается...

— Что?

— Дэн Мартинес привлек твое внимание, сказав, будто знает о попытках Люка найти инвесторов для какой-то компьютерной компании. Позже ты решил, что он затеял этот разговор исключительно, чтобы застать тебя врасплох и спросить про Амбер и Хаос.

— Именно.

— Но ведь Люк и в самом деле что-то говорил на эту тему — я имею в виду компьютерную компанию. Но заявил, что никогда не входил в контакт ни с кем из потенциальных инвесторов и никогда не встречал человека по имени Дэн Мартинес. А когда увидел его труп, от своих слов не отказался.

Я кивнул.

— В таком случае либо Люк лжет, либо Мартинес каким-то образом пронюхал про его планы.

— Сомневаюсь, что Люк меня обманул, — проговорил я. — По правде говоря, я немного обо всем этом подумал... еще раз. Могу с уверенностью утверждать, что Люк не стал бы искать людей, которые согласились бы вкладывать деньги в нечто неопределенное. Пожалуй, он сказал правду. У меня складывается впечатление, что это единственное настоящее совпадение в череде событий, случившихся за последнее время. Мне кажется, Мартинес многое знал про Люка и хотел заполучить эту последнюю информацию — его интересовало, слышал ли Люк что-нибудь про Амбер и Дворы Хаоса. Он был очень умен и на основании тех сведений, которые уже успел собрать, сочинил историю, показавшуюся мне вполне правдоподобной, — ему же было известно, что мы с Люком работали в одной и той же компании.

— Может быть, — сказал Билл. — А когда Люк на самом деле...

— У меня возникло подозрение, — перебил я его, — что и Люк сочинил свою историю.

— Не понимаю.

— Ну, совсем как Мартинес. И по той же самой причине — он хотел, чтобы она не вызвала у меня никаких подозрений, потому что надеялся выудить нужную информацию.

— Объясни-ка попонятнее. Какую информацию?

— Мой проект «Призрачное Колесо». Он спрашивал, что это такое.

— И был разочарован, когда ты ему сказал, что просто увлечен экзотическими разработками и не собираешься на их основе создавать компанию?

Я улыбнулся и кивнул, а Билл внимательно на меня посмотрел.

— Все не так просто? — догадался он. А потом добавил: — Подожди. Я хочу сам сообразить... Ты тоже лгал! Твой проект — вполне реальная вещь.

— Да.

— Видимо, мне не следует даже и спрашивать — правда, может быть, ты захочешь сам все рассказать, посчитав информацию важной. Только учти, если это нечто очень серьезное, я могу тебя выдать. Я плохо переношу боль. Так что подумай хорошенько.

Я последовал его совету и принялся размышлять. Прошло некоторое время.

— Мне трудно себе представить, — проговорил я наконец, — как это может оказаться... важным — так вы, по-моему, сказали? И уж, конечно, не для Люка или кого-то еще, поскольку никто, кроме меня, ничего про Призрачное Колесо не знает. Пожалуй, так тому и быть — не стану вас посвящать в эту тайну.

— Лично меня это вполне устраивает, — объявил Билл. — Ну хорошо, а теперь давай поговорим об исчезновении Люка.

Где-то в доме зазвонил телефон.

— Извини, пожалуйста, — сказал Билл, встал и направился на кухню. Через несколько секунд он повысил голос: — Мерль, это тебя.

Я поднялся и вошел в дом. Когда я удивленно на него посмотрел, Билл пожал плечами и покачал головой. Я попытался быстро вспомнить, где в доме находятся два других аппарата. Отчаянно жестикулируя, я, словно заправский мим, изобразил, что он должен взять телефонную трубку в своем кабинете и прижать ее к уху. Билл едва заметно улыбнулся и кивнул.

Я немного подождал, а когда услышал негромкий щелчок, заговорил, надеясь, что на другом конце подумают, будто я взял трубку параллельного телефона.

— Алло, — сказал я.

— Мерль Кори?

— Это я.

— Мне нужна кое-какая информация, которой, как я думаю, вы располагаете.

Мужской голос показался мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— А с кем я разговариваю?

— Извините. Не могу вам этого сказать.

— Что ж, тогда именно такой ответ вы получите и на свой вопрос.

— Может быть, все-таки позволите мне его задать?

— Валяйте, — разрешил я.

— Хорошо. Вы с Люком Рейнардом друзья.

В трубке замолчали.

— Можно сказать и так, — согласился я, исключительно чтобы заполнить паузу.

— Он говорил при вас о местах, которые называются Амбер и Дворы Хаоса.

И опять это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Возможно.

— А вам что-нибудь о них известно?

Наконец-то вопрос.

— Возможно, — повторил я.

— Пожалуйста, это очень важно. Мне требуется нечто более определенное, чем «возможно».

— Извините. Вы не получите ничего, кроме «возможно», пока не скажете, кто вы такой и почему задаете столь необычные вопросы.

— Я могу оказаться вам полезным, если вы будете со мной откровенны.

Я успел вовремя захлопнуть рот, но сердце у меня отчаянно застучало, потому что последнюю фразу незнакомец произнес на тари. Я молчал.

А потом он проговорил:

— Ну хорошо, это не сработало, и я по-прежнему ничего не узнал.

— Что? Что вы не узнали?

— Кто из вас — вы или он — из тех мест.

— А вам-то какое до этого дело? — спросил я.

— Видимо, один из вас подвергается серьезной опасности.

— Который — тот, что оттуда, *или другой? — задал я новый вопрос.*

— Я не могу вам этого сказать. *Потому что мне нельзя допустить еще одну* ошибку.

— В каком смысле? И в чем заключалась предыдущая?

— Вы не отвечаете на мой вопрос. Либо вами двигает инстинкт самосохранения, либо вы стараетесь помочь другу.

— Такая вероятность тоже существует, — осторожно проговорил я. — Но ведь опасность может исходить и от вас, я же ничего не знаю.

— Поверьте, я только хочу помочь тому, кому нужно.

— Слова, слова, слова*... — проворчал я. — А если мы оба из тех мест?

— О, господи! — воскликнул незнакомец. — Нет. Это невозможно.

— Почему?

— Не важно. Что же мне сделать, чтобы вы мне поверили?

— Хм-м. Минутку, дайте-ка подумать... Хорошо. Ну, например, как насчет того, чтобы встретиться где-нибудь? Вы назовете место, я на вас посмотрю, и мы обменяемся информацией, по очереди выкладывая карты на стол.

Последовало короткое молчание, а потом он спросил:

— Только так?

— Да.

— Мне необходимо подумать. Я вам скоро перезвоню.

— Один маленький вопрос...

— Да?

— Если это я, мне сейчас угрожает какая-нибудь опасность?

— Думаю, да. Да. Скорее всего да. До свидания.

Он повесил трубку.

Мне удалось одновременно вздохнуть и выругаться, когда я укладывал трубку на место. Казалось, со всех сторон подступают люди, проявляющие к нам с Люком особый интерес.

— Как, черт подери, он пронюхал, что ты здесь, — уж не знаю, кто он такой? — спросил Билл.

— Я первый собирался задать этот вопрос. Постарайтесь придумать какой-нибудь другой.

— Пожалуйста. Если он назначит встречу, ты пойдешь?

— Естественно. Я же сам предложил, мне ужасно хочется посмотреть на этого типа.

— Не ты ли говорил, что опасность может исходить от него?

— Ну и что? Ему тоже придется не сладко.

— Мне это не нравится.

— Думаете, я в восторге? Но лучшего предложения пока нет.

— Ладно, решать тебе. Жаль только, что нет никакого способа заранее взглянуть на твоего незнакомца.

— Мне подобные мысли уже приходили в голову.

— Слушай, а почему бы его немного не спровоцировать?

— Каким образом?

— Разговаривал он как-то нервно; мне кажется, его твое предложение обрадовало не больше, чем меня. Давай сделаем так, что нас не будет дома, когда он снова позвонит. Пусть не воображает, что ты сидишь возле телефона и с нетерпением ждешь от него известий. Помурыжим его немного. Иди надень что-нибудь приличное, проведем пару часиков в загородном клубе. Все лучше, чем устраивать набеги на холодильник.

— Отличная мысль, — согласился я. — В конце концов я ведь собрался устроить себе каникулы — когда-нибудь. Боюсь, ничего более подходящего под это определение мне все равно придумать не удастся.

Я подровнял бороду, принял душ и переоделся, достав все необходимое из Тени. После этого мы поехали в клуб и не спеша поужинали на веранде. Был тихий теплый вечер, в небе сияла молочно-белая луна и сверкали звезды. Мы с Биллом договорились сделать перерыв и не обсуждать мои проблемы. Казалось, Билл знает в клубе всех — ну или почти всех. Я чувствовал себя прекрасно. Уже давно я не был так расслаблен и умиротворен, как в этот вечер. После ужина мы заглянули в бар клуба, чтобы немножко выпить; насколько я понял, отец частенько сюда захаживал. Из соседней комнаты доносились звуки танцевальной музыки.

— Да, это была отличная идея, — сказал я. — Спасибо.

— De nada*, — ответил Билл. — Мы с твоим стариком провели тут немало приятных минут. Кстати, ты случайно...

— Нет, о нем по-прежнему ничего не известно.

— Мне очень жаль.

— Я обязательно вам сообщу, если он объявится.

— Конечно. Прости.

На обратном пути никакие неприятности нас не поджидали и никто за нами не следил. Мы вернулись чуть позже полуночи, пожелали друг другу приятных сновидений, и я отправился прямо к себе в комнату, снял пиджак, повесил его в

шкаф, после чего скинул новые ботинки и тоже убрал их. Когда я снова вошел в комнату, то заметил на подушке белый четырехугольник.

Я добрался до него в два прыжка и быстро схватил в руки.

«ЖАЛЬ, ЧТО ВАС НЕ БЫЛО ДОМА, КОГДА Я ЗВОНИЛ, — было написано на листочке большими печатными буквами. — Я ВИДЕЛ ВАС В КЛУБЕ И ПРЕКРАСНО ПОНИМАЮ, ЧТО ВАМ ХОЧЕТСЯ НЕМНОГО ОТДОХНУТЬ. У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ. ДАВАЙТЕ ВСТРЕТИМСЯ ТАМ, В БАРЕ, ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ, СКАЖЕМ, В ДЕСЯТЬ. Я БУДУ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ СЕБЯ ЧУВСТВОВАТЬ В ОКРУЖЕНИИ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ПЫТАЮТСЯ ПОДСЛУШАТЬ ЧУЖОЙ РАЗГОВОР».

Проклятие! Первой мыслью было пойти и сказать Биллу. Потом я подумал, что он вряд ли сможет что-нибудь по этому поводу сделать, только разнервничается и не заснет, а ему сон, как мне кажется, гораздо нужнее, чем мне. Поэтому я сложил записку и засунул в карман рубашки, которую повесил на спинку стула.

Даже самый паршивенький кошмар не оживил мой сон. Я спал крепко и совершенно спокойно, зная, что Фракир разбудит меня в случае опасности. По правде говоря, я даже встал позже обычного и чувствовал себя в связи с этим просто превосходно. Утро было солнечным, и птицы весело распевали свои песенки.

Я помылся, причесался, достал из Тени свежие брюки и рубашку и спустился вниз, на кухню. На столе меня ждала записка. Я вдруг подумал, что ужасно устал от записок, но эта была от Билла. В ней говорилось, что ему пришлось поехать в город, в свой офис по каким-то там делам, а я вправе взять в холодильнике все, что посчитаю возможным использовать в качестве завтрака. Он писал, что вернется не поздно.

Я заглянул в холодильник и нашел там английские пончики, кусок канталупы* и апельсиновый сок. Кофе, который я поставил вариться первым делом, уже был готов к тому моменту, когда я закончил есть. Поэтому я взял чашку и вышел на крыльцо.

Я сидел и размышлял о том, не сочинить ли и мне записочку, а самому пуститься в путь. Мой таинственный корреспондент — вполне возможно, «Т» — один раз сюда позвонил и один раз забрался в дом. Как он узнал, что я здесь, не существенно. Билл мой друг, и, хотя я не имею ничего против того, чтобы делиться с друзьями своими неприятностями, мне не нравится подвергать их опасности. Впрочем, сейчас утро, а встреча назначена на вечер. До момента, когда будет принято какое-нибудь решение, осталось ждать совсем немного. Глупо уезжать сейчас. Пожалуй, стоит остаться — на случай, если что-нибудь сегодня произойдет, тогда я смогу защитить Билла...

Внезапно в моем мозгу родилась весьма неприятная картина — некто под дулом пистолета заставляет Билла написать записку, а потом забирает его в качестве заложника в надежде вынудить меня ответить на все вопросы.

Я быстро вернулся на кухню и позвонил Биллу в контору. После второго гудка трубку снял Хорейс Крейпер, его секретарь.

— Привет, это Мерль Кори. Мистер Рот на месте?

— Да, — ответил Хорейс, — но сейчас он занят с клиентом. Сказать, чтобы перезвонил вам?

— Нет, ничего срочного, мы договорились встретиться чуть позже. Не отвлекайте его. Спасибо.

Я налил себе еще одну чашку кофе и вернулся на крыльцо. Да, надо сказать, события последних дней плохо влияют на мою нервную систему. Я решил, что все равно уеду, даже если сегодня вечером ничего не прояснится.

Из-за дома появился человек.

— Привет, Мерль.

Джордж Хансен. Фракир начала едва заметно пульсировать, словно собиралась предупредить меня об опасности, но потом передумала. Странно. Очень необычное поведение.

— Привет, Джордж. Как дела?

— Неплохо. А мистер Рот дома?

— Боюсь, что нет. Уехал в город. Думаю, к ленчу вернется.

— Понятно. Несколько дней назад он попросил меня зайти, когда я буду свободен, сказал, что у него есть работа.

Джордж подошел поближе и поставил одну ногу на ступеньку.

Я покачал головой:

— Ничем не могу тебе помочь. Мне он ничего про это не говорил. Приходи попозже.

Он кивнул, вытащил пачку сигарет, достал одну, закурил и вернул пачку на место. На этот раз на футболке красовалась надпись «Pink Floyd».

— Ну, как вам тут отдыхается? — спросил Джордж.

— Отлично. Хочешь кофе?

— Можно.

Я поднялся и вошел в дом.

— Немного сливок и сахара, — крикнул он мне вслед.

Я сделал ему кофе, а когда вернулся, Джордж уже устроился на втором стуле, стоящем на крыльце.

— Спасибо.

Он сделал глоток, а потом заявил:

— Я знаю, что вашего отца зовут Карл, хотя мистер Рот сказал «Сэм». Наверное, он просто забыл.

— Или оговорился, — предположил я.

Джордж улыбнулся.

Почему меня настораживает его манера разговаривать? Не исключено, что именно этот голос я вчера слышал по телефону, хотя человек, позвонивший мне, произносил слова очень осторожно и медленно, сделав все, чтобы его невозможно было узнать. Впрочем, беспокоило меня другое.

— Ваш отец — отставной офицер, не так ли? И что-то вроде консультанта в правительстве?

— Да.

— А где он сейчас?

— Путешествует... на другом континенте.

— А вы собираетесь с ним встретиться?

— Надеюсь.

— Да, здорово будет. — Джордж затянулся сигаретой, потом отпил еще немного кофе. — Отличный кофе!.. Мне кажется, я раньше вас не видел, — неожиданно добавил он. — Вы не жили с отцом, верно?

— Нет, я вырос с матерью и другими родственниками.

— Далеко отсюда, да?

Я кивнул:

— На другом континенте.

— А как ее звали?

Я ему чуть не сказал. Не знаю почему. Однако успел изменить имя на Дороти, прежде чем настоящее сорвалось с языка.

Я бросил на парня короткий взгляд и заметил, как Джордж поджал губы. Он очень внимательно на меня смотрел, когда я отвечал на его вопрос.

— А почему тебя это интересует?

— Никакой особой причины. Врожденное любопытство. Про мою мать в городе любили рассказывать самые разные истории. — Джордж рассмеялся и залпом допил кофе. — Вы тут надолго задержитесь?

— Трудно сказать. Видимо, не очень.

— Надеюсь, вы хорошо проведете время.

Он поставил чашку на ограду, встал, потянулся и проговорил:

— Приятно было с вами поболтать. — Не дойдя до конца лестницы, остановился и добавил: — *У меня такое ощущение, что вам предстоит дальняя дорога. Удачи!*

— Может быть, *и ты когда-нибудь отправишься в путешествие, — утешил я* его. — Ты ловко словами играешь.

— Спасибо за кофе. Еще увидимся.

— Конечно.

Парень завернул за угол и скрылся из виду.

Интересно, как все это понимать?.. После нескольких бесплодных попыток разобраться я сдался. Когда вдохновение молчит, разум быстро утомляется.

Я намазывал себе бутерброд, когда вернулся Билл, поэтому, пока он переодевался, я сделал два.

— Предполагается, что я в отпуске, — сказал он, принявшись за еду, — но это был старый клиент, у которого возникло срочное дело, я не мог ему отказать. Может, прогуляемся вдоль реки, только сегодня в другую сторону?

— Давайте.

Когда мы шли по полю, я рассказал о визите Джорджа.

— Нет, — удивился Билл, — я не говорил, что у меня есть для него работа.

— Иными словами...

— Думаю, он хотел побеседовать с тобой. Из их дома прекрасно видно, когда я уезжаю.

— Интересно, что ему было нужно.

— Если это достаточно серьезно, в конце концов он сам тебя спросит.

— Время уходит. Я решил уехать завтра утром или даже сегодня вечером.

— Почему?

Мы вышли на берег реки, и я поведал Биллу о вчерашней записке, о назначенной на сегодня встрече и о том, какие чувства пробуждает во мне перспектива его гибели от случайного — или намеренного — выстрела.

— Может быть, все не настолько трагично, — начал Билл.

— Я уже принял решение. Мне жаль уезжать, мы давно не виделись, но я не рассчитывал, что дело примет такой оборот. Проблемы и неприятности покинут эти места вслед за мной.

— Однако...

Мы еще некоторое время препирались, потом прекратили дискуссию и снова занялись бесплодным обсуждением моей головоломки. Я время от времени оглядывался; вроде бы за нами никто не следил. Какие-то звуки доносились из кустов на противоположном берегу, но их вполне могли издавать потревоженные звери или птицы.

Мы гуляли около часа, когда я почувствовал предостережение — кто-то взял мою карту. Я замер на месте.

Билл остановился и повернулся ко мне:

— Что...

Я поднял руку.

— Меня вызывают по междугородному, — пояснил я.

В следующее мгновение контакт был установлен. И я снова услышал шум в кустах, на противоположном берегу реки.

— Мерлин!

Я узнал Рэндома — он сидел в библиотеке Амбера.

— Да?

Образ стал четким и совсем реальным, словно я смотрел сквозь дверной проем в соседнюю комнату. Но одновременно я видел и все, что меня окружало, хотя эта картина становилась все более размытой и как бы удалялась от меня. Из кустов, росших на другой стороне реки, выскочил Джордж Хансен и уставился на меня.

— Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся в Амбер, — заявил Рэндом.

Джордж двинулся вперед, разбрызгивая воду, бросился в реку.

Рэндом протянул руку.

— Иди сюда, — сказал он.

В этот момент очертания моего тела, видимо, начали мерцать, и я услышал, как Джордж крикнул:

— Стойте! Подождите! Я должен последовать за...

Я протянул руку и ухватил Билла за плечо.

— Я не могу оставить вас с этим сумасшедшим, — объяснил я ему. — В путь!

Другой рукой я уцепился за руку Рэндома.

— Ладно, — сказал я и сделал шаг вперед.

— Подождите! — взревел Джордж.

— Так я тебя и послушал! — усмехнулся я, и мы оставили его цепляться за пустоту.

VII

У Рэндома сделался весьма озадаченный вид, когда мы с Биллом появились в библиотеке. Он встал — впрочем, ему это не очень помогло, он все равно был ниже нас обоих — и уставился на Билла.

— Мерлин, кто это?

— Твой адвокат, Билл Рот, — ответил я. — В прошлом ты всегда имел с ним дело через посредников. Вот я и подумал...

Билл уже начал опускаться на одно колено.

— Ваше величество, — начал было он, но Рэндом схватил его за плечи.

— Оставьте эти глупости! Мы же не при дворе. — Он крепко пожал Биллу руку, затем предложил: — Называйте меня Рэндом. Я давно хотел поблагодарить вас лично за работу, которую вы проделали с договором. Только вот все никак не мог собраться. Рад с вами познакомиться.

Мне еще ни разу не доводилось видеть Билла таким растерянным; он не знал, что сказать, и просто пялился на Рэндома, комнату и в окно, выходящее на далекую башню. Наконец, некоторое время спустя, он прошептал:

— Это настоящий...

— Мне показалось или вас действительно кто-то хотел догнать? — спросил меня Рэндом и попытался пригладить свои непослушные каштановые волосы. — Надеюсь, последние слова, которые ты произнес, были адресованы не мне?

— У нас возникла небольшая проблема, — ответил я. — Именно по этой причине я и прихватил с собой Билла. Видишь ли, кто-то пытается меня убить и...

Рэндом поднял руку:

— Подожди, пока — никаких подробностей. Они мне понадобятся позже, но... пусть это будет потом. У нас происходят отвратительные события, и твои проблемы могут быть с ними связаны. *Однако мне нужно немного отдышаться.*

Только тут я заметил на его лице — лице молодого человека — глубокие морщины. Значит, дядюшку что-то очень сильно беспокоит.

— А в чем дело?

— Кейн умер. Его убили, — ответил Рэндом. — Сегодня утром.

— Как это произошло?

— Он отправился в Тень Дейга — дальний порт, с которым мы торгуем. Вместе с Джерардом — они должны были перезаключить старую торговую сделку. Его застрелили. Прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно.

— А лучника поймали?

— Лучника!.. Черт побери, его убил человек, который засел на крыше с винтовкой. И ему удалось скрыться.

— Мне казалось, от пороха здесь мало проку.

Рэндом только вскинул руки:

— Может быть, Дейга находится слишком далеко отсюда... Кстати, твой отец однажды обнаружил смесь, которая у нас действовала.

— Точно. Я забыл.

— Так вот, похороны завтра...

— Билл! Мерлин!

Моя тетушка Флора — которая отвергла все предложения Россетти*, в том числе и стать у него моделью, — вошла в комнату. Высокая, стройная и загорелая, она бросилась к Биллу и поцеловала его в щеку. Мне еще ни разу не доводилось быть свидетелем того, как он краснеет. Со мной Флора проделала то же самое, однако меня это тронуло меньше, чем Билла, поскольку я вспомнил, что когда-то она была тюремщицей моего отца.

— Когда вы прибыли? — И голос у Флоры был необыкновенно красив.

— Только что.

Она немедленно схватила нас обоих за руки и попыталась увести за собой.

— Нам столько всего нужно обсудить!

— Флора! — остановил ее Рэндом.

— Слушаю тебя, брат!

— Можешь показать мистеру Роту наши владения, но Мерлин мне нужен здесь.

Она надула губки, сделала недовольный вид и выпустила мою руку.

— Вот теперь вы, наверное, поймете, что такое абсолютная монархия, — заявила Флора, обращаясь к Биллу. — Видите, как портит власть.

— Я был испорчен еще до того, как получил власть, — проговорил Рэндом, — и могу точно сказать, что быть богатым лучше. Оставь нас, сестра.

Флора фыркнула и увела Билла.

— У нас всегда становится намного тише, когда она находит себе дружка в какой-нибудь Тени, подальше отсюда, — заметил Рэндом. — К сожалению, на этот раз Флора провела с нами почти целый год.

Я сочувственно пощелкал языком.

Рэндом махнул рукой в сторону стула, и я уселся. А он подошел к горке.

— Хочешь вина?

— Не возражаю.

Дядюшка наполнил два бокала, отдал один из них мне, после чего устроился напротив, так что теперь нас разделял небольшой столик.

— Сегодня днем кто-то, в другой Тени, стрелял в Блейза, который прибыл в дружеское королевство с дипломатической миссией, — сказал Рэндом. — Ранил, но не слишком серьезно. Нападавший сбежал.

— Ты думаешь, это один и тот же человек?

— Конечно. Тут раньше снайперов не водилось. И вдруг появляются сразу два? Наверняка один и тот же. Или один и тот же заговор.

— Есть какие-нибудь улики?

Рэндом покачал головой и сделал глоток вина.

— Я хотел поговорить с тобой наедине, прежде чем до тебя доберутся остальные. Я считаю, что ты должен знать две вещи.

Я потягивал вино и ждал.

— Первое: меня все это по-настоящему пугает. Покушение на Блейза показало, что дело не в личных проблемах, касающихся одного Кейна. Кто-то заимел против нас зуб — или, по крайней мере, против некоторых из нас. А теперь еще и ты говоришь, будто тебя хотят убить.

— Не знаю, существует ли тут связь...

— Я тоже не знаю. Но мне это не нравится. Больше всего я боюсь, что за этими событиями стоит кто-то из своих.

— Почему?

Рэндом сердито посмотрел в свой бокал.

— Вот уже многие века личная месть является у нас единственным способом разрешения внутрисемейных противоречий. Не обязательно она приводит к смерти — хотя такая возможность, естественно, существует, — но плетутся хитроумные интриги с целью поставить в щекотливое или достаточно

сложное положение, искалечить или отправить в ссылку противников, чтобы упрочить собственное положение. Эти развлечения достигли апогея в борьбе за корону. Впрочем, я считал, что страсти улеглись, когда получил эту должность, к которой никогда не рвался. Я не стремился к собственной выгоде и старался действовать справедливо — отлично знаю, какие здесь все обидчивые. Уверен, что и сейчас дело не во мне или в борьбе за наследование. У меня со всеми прекрасные отношения. Думаю, родственники решили, что я являюсь меньшим злом — по сравнению с тем, что могло бы быть, — и во всем мне помогают. Вряд ли кто-то возжелал получить мою корону. После того как я взошел на трон, все ведут себя мирно и доброжелательно. Только вот я начинаю думать, что привычка дает себя знать и кому-то пришло в голову поиграть в старые игры, надеясь таким образом отомстить за личные обиды. Я и в самом деле не хочу, чтобы это произошло, — мне худо от одной только мысли, что к нам снова вернутся подозрительность, недоверие, интриги, намеки, обманы и предательство. Мы становимся от этого слабее, а возникновение ситуации, когда нам будет необходимо объединить свои силы, никто исключить не может. Так вот, я переговорил со всеми по очереди, наедине, и, естественно, все до единого утверждают, что ничего не ведают ни про какие новые заговоры, интриги и вендетты. И все же я вижу — они с опаской поглядывают друг на друга, подозрительность растет. Возвращается привычный образ мышления. Причем каждый с легкостью вспомнил, что у всех были причины затаить зло против Кейна, и *это несмотря на то, что он спас наши задницы, когда* разобрался с Брэндом. И то же самое с Блейзом — любой мог бы отыскать повод с ним поквитаться.

— Поэтому ты хочешь разоблачить убийцу быстро — тебе не нравится, как он воздействует на моральный дух?

— Конечно. Меня совсем не устраивает, когда все шушукаются и ищут возможные мотивы убийства за спиной друг у друга. В такой ситуации моментально возникнут настоящие заговоры и интриги — мы и опомниться не успеем, как нас снова засосет эта трясина и какое-нибудь незначительное разногласие приведет к вспышке ярости и насилию.

— А как ты думаешь, это кто-то из своих?

— Черт побери! Я точно такой же, как и они. Становлюсь подозрительным просто так, по привычке. Вполне возможно, это кто-то из своих, только у меня нет ни единой улики.

— А кто еще это может быть?

Рэндом скрестил ноги, выпил немного вина.

— Проклятие! Наши враги — имя им легион!* Но у большинства кишка тонка. Они же все знают, что их ждет, если мы выведем их на чистую воду.

Дядюшка сцепил руки на затылке и принялся внимательно разглядывать ряды книг.

— Не знаю, как это лучше сказать, — начал он спустя некоторое время, — только я должен...

Я молча ждал, и тогда он выпалил:

— Поговаривают о Корвине, но я не верю.

— Нет, — тихо возразил я.

— Я же сказал, что не верю. Твой отец много для меня значит.

— А почему другие поверили?

— Ходят слухи, что он сошел с ума. До тебя ведь эти слухи тоже наверняка дошли. А что, если он вернулся к своему прошлому образу мышления, когда его отношения с Кейном и Блейзом были совсем не сердечными — как, впрочем, и с любым из нас? Так наши родственники объясняют свои подозрения.

— Это невозможно.

— Я только хотел, чтобы ты был в курсе, какие ходят разговоры.

— Не советую никому посвящать меня в эти сплетни.

Рэндом вздохнул:

— Ну, хоть ты-то не начинай. Пожалуйста. Все страшно расстроены. Зачем напрашиваться на неприятности?

Я сделал глоток вина.

— Да, ты прав.

— А теперь придется выслушать твою историю. Давай выкладывай, усложняй мою жизнь еще больше.

— Ну хорошо. По крайней мере новости у меня самые свеженькие.

Я доложил ему все в подробностях; к тому моменту, когда я закончил, уже начало темнеть. Рэндом перебивал меня лишь затем, чтобы что-нибудь уточнить, и не стал пускаться в изучение случайных совпадений, как это делал Билл.

Когда я замолчал, дядюшка поднялся и зажег несколько масляных ламп. Мне казалось, я слышу, как ворочаются мозги у него в голове. Наконец он сказал:

— Нет, не знаю, какое отношение ко всему этому имеет Люк. Когда я о нем думаю, у меня не возникает никаких ассоциаций. А вот ядовитая дамочка немного беспокоит. Такое ощущение, что я когда-то слышал о похожих на нее существах, только не помню, при каких обстоятельствах. Ничего, потом всплывет. А что такое «Призрачное Колесо»? Объясни-ка поподробнее.

— Конечно. Только я упустил одну деталь.

— Да?

— Я изложил тебе все точно так же, как когда разговаривал с Биллом. По правде говоря, то, что я совсем недавно рассказывал свою историю, послужило чем-то вроде репетиции. Но я не сообщил Биллу одну вещь, которую посчитал тогда несущественной. Я бы вообще о ней забыл в свете последних событий, если бы мы не заговорили о снайпере — ты сказал, что Корвин изобрел заменитель пороха, который действует здесь.

— Можешь мне поверить, об этом вспомнили все.

— У меня в кармане лежат два патрона, которые я подобрал на развалинах склада, где у Мелмана была студия.

— И что?

— В них нет пороха. Какое-то розовое вещество — которое даже гореть не хочет. По крайней мере в той Тени, которая называется Землей...

Я вытащил один патрон.

— Похоже на тридцатый калибр, — заявил Рэндом.

— Похоже.

Дядюшка встал и потянул за плетеный шнур, висевший рядом с одной из книжных полок. В тот момент, когда он вернулся на свое место, в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул он.

Вошел слуга в ливрее, молодой светловолосый парень.

— Быстро, — прокомментировал его появление Рэндом.

У слуги сделался озадаченный вид.

— Я не понимаю, ваше величество...

— А чего тут понимать? Я позвонил. Ты появился.

— Сир, я прислуживал в комнатах. Меня послали сказать вам, что обед готов, его подадут, как только вы прикажете.

— Передай, что скоро приду. Как только переговорю с человеком, за которым посылал.

— Хорошо, сир.

Слуга быстро поклонился и, не поворачиваясь к Рэндому спиной, вышел.

— Я и подумал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — проворчал Рэндом.

Некоторое время спустя появился другой слуга, старше и не так элегантно одетый, как первый.

— Рольф, сбегай в оружейную, — приказал Рэндом. — Попроси того, кто там сегодня дежурит, просмотреть коллекцию винтовок, которые Корвин привез в Колвир в тот день, когда умер Эрик. Пусть попытается разыскать для меня тридцатый калибр, желательно в хорошем состоянии. Оружие необходимо почистить, а потом принесешь сюда и поставишь в уголке. Мы сейчас идем обедать.

— Тридцатый калибр, сир?

— Точно.

Рольф ушел, а Рэндом встал на ноги и потянулся. Затем положил в карман мои патроны и махнул рукой в сторону двери:

— Пошли поедим чего-нибудь.

— Отличная мысль.

За обеденным столом нас было восемь: Рэндом, Джерард, Флора, Билл, Мартин, которого вызвали в начале дня, Джулиан, недавно прибывший из Ардена, Фиона — она тоже только что вернулась откуда-то издалека — и я. Бенедикта ждали утром, а Ллевеллу немного позже, сегодня вечером.

Я сидел по левую руку от Рэндома, Мартин — по правую. Мы с Мартином давно не виделись, и мне было страшно интересно, что он все это время делал. Однако атмосфера обеда не способствовала легкой беседе, она вообще не способствовала никакой беседе. Как только кто-то открывал рот, все остальные мгновенно изображали интерес, гораздо более живой, чем диктовали правила приличия. Меня это нервировало, и, думаю, Рэндома тоже, потому что он приказал позвать Дроппу Ма-Панцу, придворного шута, надеясь, что тот сможет заполнить напряженные паузы.

Сначала Дроппе пришлось туговато. Он начал жонглировать едой, проглатывая все, что оказывалось в опасной близости от его рта, затем вытер губы позаим-

ствованной у кого-то салфеткой и принялся потешаться над всеми нами по очереди. После этого он исполнил номер, который показался мне невероятно забавным.

Билл, сидевший слева от меня, тихонько прокомментировал его выступление:

— Моих знаний тари вполне хватает, чтобы понять почти все, что он говорит. Это же schtick* Джорджа Карлина! Каким...

— Ах, это! Как только шутки Дроппы устаревают и перестают быть смешными, Рэндом посылает его в самые разные клубы Теней, — пояснил я, — для сбора нового материала. Насколько я понял, он частенько бывает в Вегасе. Рэндом иногда наведывается туда вместе с ним, чтобы поиграть в карты.

Через некоторое время за столом зазвучал смех, и обстановка несколько разрядилась. Когда Дроппа сделал перерыв, чтобы промочить горло, тут и там возникли отдельные разговоры, не привлекающие всеобщего внимания.

Чья-то сильная ручища опустилась мне на плечо из-за спины Билла.

— Мерлин, — сказал Джерард, — я рад тебя видеть! Послушай, как только у тебя появится возможность, я хотел бы побеседовать с тобой наедине.

— Конечно, — ответил я, — только нам с Рэндомом нужно кое-что проверить после обеда.

— Как только у тебя появится возможность, — повторил он.

Я кивнул.

Через несколько мгновений я почувствовал, что кто-то пытается войти со мной в контакт при помощи карты.

— Мерлин!

Фиона. Но ведь она сидит на другом конце стола...

Ее образ стал четким, и я ответил:

— Да?

А потом посмотрел в ее сторону и увидел, что она внимательно разглядывает свой платок. Она подняла голову, улыбнулась мне и кивнула.

Я продолжал удерживать ее образ и услышал, как она сказала:

— Я не хочу говорить вслух по целому ряду причин. Не сомневаюсь, что тебя после обеда сразу уведут, но нам необходимо прогуляться или покататься на лодке на каком-нибудь пруду, а еще лучше воспользоваться картами и посетить Кабру. И как можно скорее. Ты понял?

— Понял, — ответил я. — Я с тобой свяжусь.

— Отлично.

Фиона прервала контакт и сложила платок, при этом делая вид, будто изучает содержимое своей тарелки.

Рэндом не стал задерживаться за столом, быстро поднялся на ноги, пожелал всем спокойной ночи и жестом приказал Мартину и мне последовать за ним.

Джулиан был рядом со мной, когда мы выходили. Изо всех сил стараясь выглядеть беззаботным, он шепнул:

— Нам надо обязательно отправиться верхом в Арден. И поскорее.

— Прекрасная идея, — сообщил я ему. — Я с тобой свяжусь.

Мы покинули столовую.

Флора отловила меня в холле. Она по-прежнему не отпускала от себя Билла.

— Навести меня вечером, выпьем чего-нибудь на ночь, — предложила тетушка, — перед тем как ложиться спать. Или приходи завтра к чаю.

— Спасибо, — поблагодарил я ее. — Обязательно зайду. Но вот когда — зависит от того, как будут разворачиваться события.

Флора кивнула и одарила меня улыбкой, которая в прошлом явилась причиной нескольких дуэлей и кризиса на Балканах*. Затем мы разошлись в разные стороны.

Когда мы поднимались по лестнице в библиотеку, Рэндом спросил:

— Теперь все?

— Это в каком смысле? — удивился я.

— Уже все договорились с тобой о встрече?

— Ну, в неявной форме — да.

Он рассмеялся:

— Я и не надеялся, что они станут терять время попусту. Наши любимые родственники сообщат тебе свои предположения и расскажут, кого подозревают в том, что происходит. Можешь начать коллекционировать разные точки зрения. Вдруг пригодится в будущем? Кроме того, все ищут союзников — ты вполне подходишь для этой роли.

— Знаешь, я с удовольствием с ними пообщаюсь. Мне только не нравится повод.

Наверху Рэндом махнул рукой в сторону библиотеки.

— Куда это мы идем? — спросил Мартин.

Мартин был похож на Рэндома, только выше ростом, да и казался не таким хитрым. И все же его нельзя было назвать крупным парнем.

— За винтовкой, — ответил Рэндом.

— Да? А зачем она нам?

— Я хочу проверить патроны, которые прихватил с собой Мерлин. Если ими можно стрелять, значит, в нашей жизни возникло дополнительное осложнение.

В библиотеке по-прежнему горели масляные светильники. Винтовка стояла в углу, и Рэндом, вынув из кармана патрон, зарядил ее.

— Ну хорошо. На чем будем проверять? — Потом снова вышел в холл и огляделся по сторонам. — Вот! То, что нужно!

Он приложил винтовку к плечу, прицелился в доспехи, стоящие у противоположной стены, и нажал на курок. Послышался выстрел, зазвенел металл.

— Проклятие! — воскликнул Рэндом. — Сработало! Ну за что все это мне, Единорог?! Я же мечтал только об одном — о мирном правлении.

— Можно, отец? — спросил Мартин. — Мне всегда хотелось попробовать.

— А почему бы и нет? — ответил Рэндом. — У тебя ведь есть еще, Мерлин?

— Да, — сказал я, нащупал в кармане два патрона и передал их Рэндому. — Один из них, наверное, не сработает. Он случайно попал к тем двум.

— Ладно.

Рэндом взял оба, зарядил один, передал Мартину винтовку и принялся объяснять ему, что нужно делать. Вдалеке прозвучал сигнал тревоги.

— Скоро нас навестит вся дворцовая стража, — заметил я.

— Отлично, — обрадовался Рэндом, когда Мартин поднял винтовку к плечу. — Небольшие учения, максимально приближенные к жизни, никогда не бывают вредными.

Винтовка рявкнула, и доспехи зазвенели во второй раз. У Мартина сделался озадаченный вид, и он быстро передал оружие Рэндому. Дядюшка, взглянув на патрон в руке, пожал плечами:

— Какого черта!..

И зарядил последний — третий, а потом выстрелил не глядя.

Раздался грохот. Как раз в этот момент стража добралась до верхней площадки лестницы.

— Видимо, причина в том, что я веду неправильный образ жизни, — объявил Рэндом.

После того как дядюшка поблагодарил стражников за быструю реакцию на организованные им учебные стрельбы, а я услышал возмущенный шепот о том, что король скорее всего спятил, мы вернулись в библиотеку, и Рэндом задал мне вопрос.

— Я обнаружил третий патрон в кармане куртки Люка, — ответил я и объяснил, при каких обстоятельствах.

— Выходит, нам больше нельзя игнорировать таинственного Люка Рейнарда, — проговорил Рэндом. — Ну-ка расскажи мне, что, по-твоему, там произошло.

— Здание сгорело дотла, — начал я. — Наверху жил Мелман, который намеревался принести меня в жертву. Внизу располагались «Склады Брутуса». Там, по всей видимости, хранилась подобная амуниция. Люк признался, что знаком с Мелманом. Я не имел ни малейшего понятия, что существует связь между Брутусом и боеприпасами. Однако тот факт, что они находились в одном и том же здании, на мой взгляд, вряд ли можно рассматривать как простое совпадение.

— Если их выпускают в таком количестве, что требуются склады, значит, у нас серьезные неприятности, — заметил Рэндом. — Я должен знать, кому принадлежал тот дом — и кто владелец компании.

— Ну, тут особых проблем не возникнет.

— Кого же послать на это задание? — задумчиво произнес Рэндом. А потом вдруг щелкнул пальцами и радостно фыркнул: — Флора собирается выполнить очень важную миссию по поручению Короны.

— Просто озарение свыше, — прокомментировал я.

Мартин улыбнулся и покачал головой:

— Боюсь, я не понимаю, что происходит. А очень хотелось бы разобраться.

— Послушай, — сказал мне Рэндом, — ты просвети его, а я пойду дам указания Флоре. Пусть отправляется сразу после похорон.

— Хорошо, — согласился я и, когда дядюшка ушел, принялся снова рассказывать свою историю, несколько отредактировав ее для краткости.

У Мартина не возникло свежих идей и не было никакой новой информации; впрочем, я от него ничего особенного и не ожидал. Говорили, что последние несколько лет он провел среди пасторального пейзажа, и у меня сложилось впечатление, что его совсем не привлекают города.

— Мерлин, — заявил он, — тебе следовало рассказать нам обо всем раньше. Это касается всех в Амбере.

«А как насчет Дворов Хаоса? — подумал я. — Стала бы винтовка стрелять там?» Однако пострадали-то Кейн и Блейз. Никто не призвал меня во Дворы Хаоса,

чтобы поставить в известность о каких-либо несчастных случаях. И все же... не сообщить ли о происходящем остальным моим родственникам?

— Ситуация усложнилась всего несколько дней назад, — сказал я Мартину, — а потом, когда события начали развиваться слишком быстро, я был очень занят.

— Но ведь все эти годы... покушения на тебя...

— Я не привык сообщать домой о каждой царапине или синяке. Разве кто-нибудь из вас это делает? Да и вообще, в тот момент мне казалось, что это вещи не связанные.

Впрочем, я знал, что он прав, а я нет. К счастью, вернулся Рэндом.

— Мне так и не удалось убедить Флору в том, что порученное ей задание — высокая честь, — сообщил дядюшка, — но она все сделает.

Мы еще немного поговорили — так, на общие темы, главным образом о том, чем занимались в последние несколько лет. Я вспомнил, что Рэндом заинтересовался моим проектом, и немного рассказал о нем. Он довольно быстро переменил тему, и у меня сложилось впечатление, что он хочет обсудить проект подробно и при личной беседе. Через некоторое время Мартин начал очень заразительно зевать. Рэндом пожелал нам спокойной ночи и приказал слуге отвести меня в мою комнату.

Я попросил Дика, который сопровождал меня, принести все необходимое для рисования. Он вернулся через десять минут, выполнив мою просьбу.

Возвращаться на Землю пешком было далеко и утомительно, а я устал. Поэтому я уселся за стол и принялся рисовать карту с изображением бара в загородном клубе, куда мы с Биллом ходили накануне вечером. Прошло минут двадцать, прежде чем я остался доволен тем, что у меня получилось.

Теперь проблема заключалась только в разнице во времени. Вполне возможно, что я уже опоздал на встречу со своим неизвестным доброжелателем.

Я отложил все, что не касалось карты, в сторону и поднялся на ноги.

И тут ко мне кто-то постучал. Я решил было не отвечать, но потом любопытство взяло верх, я открыл задвижку, а потом распахнул дверь.

На пороге стояла Фиона, которая для разнообразия распустила волосы. На ней было красивое зеленое платье и небольшая булавка, украшенная драгоценными камнями, которая удивительно шла к ее волосам.

— Привет, Фи, — поздоровался я. — Что привело тебя ко мне?

— Я почувствовала, что ты задействовал определенные силы, а я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось прежде, чем мы поговорим. Можно мне войти?

— Конечно, — ответил я и отошел в сторонку, чтобы ее пропустить. — Только я спешу.

— Я знаю, но, возможно, я смогу оказаться тебе полезной.

— Каким образом? — спросил я, закрывая дверь.

Фиона огляделась и заметила карту, которую я только что сделал. Тогда она задвинула щеколду на двери и подошла к столу.

— Неплохо, — проговорила тетушка, изучая мою работу. — Так вот куда ты собрался:.. Это где?

— Бар в загородном клубе в Тени, из которой я сюда прибыл. В десять часов по местному времени я встречаюсь там с неизвестным мне человеком. Если повезет, удастся добыть информацию о том, кто пытается меня прикончить и за что. И, возможно, ответы на другие вопросы.

— Отправляйся, — сказала Фиона, — только карту оставь. Тогда я смогу за тобой присмотреть и приду тебе на помощь, если в этом возникнет необходимость.

Я протянул руку и тихонько сжал ее ладонь. Затем уселся за стол и сосредоточился.

Через несколько мгновений картинка наполнилась цветом и приобрела глубину. Я погрузился в поднимающуюся мне навстречу субстанцию; меня окружило плотное облако, оно росло, заполняя собой все вокруг, пока не вытеснило комнату, в которой я только что находился. Я поискал глазами часы на стене, поскольку помнил, что они должны быть где-то справа от стойки бара...

9.48. Вот это точность!

Теперь я уже мог разглядеть посетителей бара, слышал их голоса и принялся выбирать уголок, где будет лучше всего появиться — кажется, справа, у стойки никого нет, как раз возле часов. Ну хорошо...

И вот я уже на месте. Делаю вид, что пришел сюда давным-давно. Трое завсегдатаев удивленно на меня покосились, я улыбнулся им и кивнул. Вчера вечером Билл представил меня одному из них. Другого я тоже видел, но мы не разговаривали. Оба кивнули мне в ответ, что удовлетворило третьего, который, по-видимому, решил, что я все-таки настоящий, и снова обратил свое внимание на спутницу.

Вскоре бармен выслушал мой заказ. Он тоже меня вспомнил, потому что спросил, где Билл.

С кружкой пива в руке я выбрал самый дальний столик, где уселся спиной к стене. Время от времени я поглядывал на часы и следил за обоими входами в бар. Если бы я захотел, то вполне мог бы ощутить присутствие Фионы.

Стрелки показали десять и отправились дальше по своим делам — как и некоторые посетители бара, сидевшие там до моего появления и заглянувшие сюда уже после меня. Никто из них не демонстрировал ко мне особого интереса, хотя лично я, возможно, даже слишком часто поглядывал на девушку со светлыми волосами и профилем, напомнившим мне старинные камеи; впрочем, дальше профиля сходство не шло, потому что камеи не очень-то склонны улыбаться, а девушка, которая сидела одна, одарила меня улыбкой, когда бросила в мою сторону всего лишь второй взгляд. Правда, после этого она отвернулась. Проклятие, подумалось мне, и почему только я занят разрешением проблем, связанных с жизнью и смертью? Практически в любой другой ситуации я допил бы пиво, заказал другую кружку, выдал бы несколько комплиментов, а потом пригласил бы ее за свой столик. По правде говоря...

Я взглянул на часы.

10.20.

Ну, сколько еще времени дать таинственному голосу? Может быть, это Джордж Хансен, который отказался от своей затеи после того, как я испарился прямо у него на глазах? Как долго девушка здесь пробудет?

Я возмущенно фыркнул. Займись-ка делом, приятель. Тогда я внимательно изучил ее изящную талию, бедра, напряженные плечи...

10.25.

Тут я заметил, что моя кружка опустела, и отправился к бармену за добавкой. И честно не сводил с кружки глаз, когда нес ее назад.

— Я вижу, вы сидите один, — сказала девушка. — Ждете кого-то?

У ее духов был какой-то необычный, незнакомый аромат.

— Да, — ответил я. — Правда, мне кажется, уже не дождусь.

— Я тоже, — призналась девушка и снова улыбнулась. — Можем подождать вместе, — предложила она.

— Садитесь за мой столик, — пригласил я. — Я с большим удовольствием поболтаю с вами.

Она взяла свой бокал и последовала за мной.

— Меня зовут Мерль Кори, — представился я, как только мы уселись.

— А я Мэг Девлин. Что-то я вас раньше не видела.

— Я тут в гостях. Насколько я понял, вы здешняя?

Мэг улыбнулась:

— Боюсь, что да. Я живу в новом жилом комплексе в нескольких милях отсюда.

Я кивнул так, словно знал, где это находится.

— А вы откуда? — поинтересовалась Мэг.

— Из самого центра вселенной, — ответил я, а потом быстро прибавил: — Сан-Франциско.

— Правда? Я там довольно долго жила. Чем вы занимаетесь?

Мне вдруг страшно захотелось признаться, что я маг, но я удержался и рассказал о своей недавней работе в «Гранд дизайн». Мэг, в свою очередь, поведала мне, что сначала была моделью, потом занималась поставками для большого универмага, а после стала *управляющей магазинчика, торгующего предметами женского* туалета.

Я посмотрел на часы: 10.45. Мэг перехватила мой взгляд.

— Кажется, нас обоих подвели, — сказала она.

— Похоже на то, — согласился я, — давайте подождем до одиннадцати, для приличия.

— Давайте.

— Вы уже поели?

— Чуть раньше.

— Успели проголодаться?

— Немного... Пожалуй, да. А вы?

— Хм-м, я заметил, кое-кто тут ел. Пойду-ка проверю.

Я узнал, что нам могут подать сандвичи, заказал два и салат в качестве гарнира.

— Надеюсь, в ваши планы на сегодняшний вечер не входил поздний ужин, — неожиданно произнес я.

— Об этом речи не было, да и мне все равно, — ответила Мэг и откусила кусок сандвича.

Пробило одиннадцать. Я запил сандвич пивом и понял, что наелся.

— По крайней мере, нельзя сказать, что вечер потрачен зря, — заявила Мэг и отложила в сторону салфетку.

Я не сводил глаз с ее ресниц, потому что это было удивительное зрелище. На лице Мэг почти не было косметики, а если и была, то весьма неброская. Я уже собрался накрыть ее руку своей, но она ее убрала.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил я.

— Ну, потанцую немного, выпью, может быть, погуляю при луне. Ничего более разумного в голову не приходит.

— В соседнем зале играет музыка. Хотите, зайдем туда?

— Согласна, — ответила девушка. — Почему бы и нет?

Когда мы выходили из бара, я услышал Фиону, совсем тихонько, словно она обращалась ко мне шепотом:

— Мерлин! Если покинешь картинку, изображенную на карте, будешь для меня вне пределов досягаемости.

— Подожди минутку, — ответил я.

— Что? — спросила Мэг.

— Э-э... мне нужно в туалет, — пробормотал я.

— Отличная мысль. Я тоже схожу. Встретимся в холле.

В туалете никого не было, но я все равно закрылся в кабинке на случай, если кто-нибудь заявится. Из кармана достал карту и через несколько мгновений добрался до Фионы.

— Послушай, Фи, — сказал я. — Уже ясно, что никто не придет. Однако вечер обещает быть очень приятным, так что, пожалуй, я немного развлекусь, раз уж меня сюда занесло. Спасибо тебе за помощь. Вернусь чуть позже.

— Не знаю, — ответила Фиона. — Не нравится мне, что ты отправляешься куда-то с незнакомкой... Учитывая обстоятельства, тебя там может поджидать какая-нибудь опасность.

— Ничего подобного, — заявил я. — У меня есть способ узнать об опасности. С Мэг все в порядке. Кроме того, я уверен, что свидание мне назначил паренек, которого я тут уже встречал, и он решил отступить, когда Рэндом утащил меня отсюда при помощи карты.

— Мне это не нравится, — повторила Фиона.

— Ну, вообще-то я уже большой мальчик. И могу сам о себе позаботиться.

— Надеюсь. Если возникнут какие-нибудь проблемы, мгновенно свяжись со мной.

— Все будет в порядке. Можешь идти спать.

— И сообщи, когда будешь готов вернуться. Не бойся меня разбудить. Я хочу сама доставить тебя домой.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Будь начеку.

— Я всегда начеку.

— Тогда спокойной ночи.

Она разорвала контакт.

Через несколько минут мы с Мэг уже кружились на танцевальной площадке, слушали музыку, прикасались друг к другу. Она была своенравным партнером, стремилась вести меня в танце. Ну и что, черт подери, я умею подчиняться. Временами я вспоминал, что должен быть начеку, но ничего более угрожающего для своего здоровья, чем громкая музыка и веселый смех, не заметил.

В половине двенадцатого мы решили проверить бар. Там сидело несколько парочек, но приятеля Мэг видно не было. А на меня вообще никто не обращал внимания. Мы снова отправились танцевать.

В начале первого мы повторили процедуру — с тем же результатом. Тогда мы уселись за столик и решили выпить на посошок.

— Ну, по-моему, мы совсем неплохо провели время, — сказала Мэг и положила руку так, чтобы я мог накрыть ее своей.

Что я немедленно и сделал.

— Точно. Жаль только, что мы не сможем повторить этот вечер. Завтра я уезжаю.

— А куда?

— Назад, к центру вселенной.

— Печально, — проговорила Мэг. — Тебя куда-нибудь подбросить?

Я кивнул:

— Туда же, куда поедешь ты.

Она улыбнулась и сжала мои пальцы:

— Отлично. Поедем ко мне, и я приготовлю тебе чашечку кофе.

Мы допили то, что оставалось в наших бокалах, и вышли на стоянку, задержавшись ненадолго по дороге, чтобы обняться. Я даже один раз проявил благоразумие и постарался быть начеку, но у меня было ощущение, что, кроме нас, на стоянке никого нет.

Мэг оказалась владелицей аккуратненького красного «Порше» с откидывающимся верхом.

— Вот мы и пришли. Хочешь сесть за руль? — спросила она.

— Нет, давай лучше ты, а я буду следить, не появятся ли откуда-нибудь всадники без головы.

— Что?

— Сегодня замечательная ночь, а я всегда мечтал прокатиться с шофером, который выглядел бы в точности как ты.

Мы уселись в машину, и Мэг завела двигатель. Конечно же, мы мчались как ветер. Ничего другого я и не ожидал. Дорога была совсем пустой, меня охватило восхитительное чувство. Я протянул руку и вытащил из Тени зажженную сигарету. Сделал несколько затяжек, швырнул сигарету в воду, когда мы проезжали по мосту. А потом, подняв голову, принялся разглядывать россыпь звезд на ночном небе — за прошедшие восемь лет я к ним очень привык. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, попытался проанализировать свои ощущения и понял, что счастлив. Мне уже давно не было так хорошо.

Где-то впереди за деревьями замелькал свет. А через минуту мы свернули на боковую дорогу, и я увидел яркие окна жилого комплекса, расположившегося справа. Мэг сбавила скорость и подъехала к домам.

Припарковала машину на размеченной стоянке, и оттуда мы направились вдоль зеленой изгороди ко входу в здание. Мэг открыла дверь ключом, и мы прошли через вестибюль к лифту. Дорога наверх показалась мне слишком короткой, а когда мы попали к Мэг в квартиру, она и в самом деле сварила кофе.

Лично меня это вполне устраивало. Кофе был преотличный, мы сидели рядышком и не спеша его пили. Масса свободного времени...

Одно к одному... И вот мы каким-то образом оказались в спальне, наши вещи на стуле, а я радостно поздравлял себя с тем, что встреча, на которую я прибыл, не состоялась. Мэг была теплой, нежной и милой... и все у нее было на месте. Бархатный порок, приправленный медом... аромат духов...

Много позже мы лежали рядом, окутанные приятным ощущением временной усталости... Пожалуй, не стану тратить силы и метафоры на то, чтобы его

описать. Я гладил ее волосы, когда она потянулась, чуть повернула ко мне голову и посмотрела на меня сквозь полуприкрытые глаза.

— Ответишь на мой вопрос?

— Конечно.

— Как звали твою мать?

Мне показалось, что вдоль позвоночника скользнули чьи-то холодные пальцы. Однако я хотел узнать, к чему приведут ее расспросы.

— Дара, — сказал я.

— А отца?

— Корвин.

Мэг улыбнулась.

— Так я и думала, — проговорила она, — только хотела убедиться.

— А мне можно задавать вопросы? Или мы играем в одни ворота?

— Тебя интересует, почему я об этом спрашиваю?

— А ты догадливая.

— Извини, — сказала Мэг и подвинула ногу.

— Насколько я понимаю, имена моих родителей имеют для тебя какое-то значение?

— Ты Мерлин, — констатировала она. — Граф Колвира и принц Хаоса.

— Проклятие! — возмутился я. — Складывается впечатление, что в этой Тени все знают, кто я такой! Вы что, члены одного клуба или что-нибудь в таком же духе?

— А кто еще это знает? — быстро спросила Мэг, и ее глаза широко раскрылись от удивления.

— Парень по имени Люк Рейнард, труп, которого звали Дэн Мартинес, и, я думаю, местный житель, Джордж Хансен... да, и еще один мертвец — Виктор Мелман... А что? Кто-нибудь из них тебе знаком?

— Да, самый опасный из них — Люк Рейнард. Я привела тебя сюда, чтобы предупредить о нем, если ты окажешься тем самым.

— Что значит «тем самым»?

— Если ты тот, кто ты есть, — сын Дары.

— Ну так давай предупреждай.

— Я уже это сделала. Не доверяй ему.

Я сел и подложил под спину подушку.

— А за чем он охотится? Может, ему нужна моя коллекция марок? Или чековая книжка? Не могла бы ты объяснить мне поподробнее, в чем дело?

— Он несколько раз пытался тебя убить, раньше...

— Что? Каким образом?

— Первый раз в дело был замешан грузовик, который чуть не задавил тебя. Затем, на следующий год...

— О боги! Тебе и вправду все известно! Ну-ка назови числа — числа, когда это происходило.

— Тридцатое апреля, всегда в один и тот же день.

— Почему?

— Понятия не имею.

— Проклятие! Откуда ты все это узнала?

— Была там. Наблюдала.

— А почему не вмешалась?

— Не могла. Не была уверена, кто из вас кто.

— Барышня, вы меня окончательно запутали. Ты-то, черт тебя подери, кто такая? И какую роль во всем этом играешь?

— Как и Люк, я не та, за кого себя выдаю, — начала она.

Неожиданно из соседней комнаты раздался пронзительный звонок.

— О Господи! — воскликнула Мэг и выскочила из кровати.

Я последовал за ней и оказался в коридоре в тот самый момент, когда она нажала на кнопку рядом с небольшой решеткой и сказала:

— Привет!

— Дорогая, это я, — ответили ей. — Я вернулся домой на день раньше. Впусти меня, будь добра. У меня полные руки разных свертков.

Ой-ой-ой.

Мэг отпустила одну кнопку, нажала на другую и одновременно повернулась ко мне.

— Муж, — задыхаясь, проговорила она. — Тебе надо немедленно уходить. Пожалуйста! Спустись вниз по лестнице!

— Но ты же мне еще ничего не объяснила!

— Я уже достаточно тебе сказала. Пожалуйста, мне не нужны неприятности!

— Хорошо, — согласился я, *помчался в спальню, натянул брюки и засунул* ноги в ботинки.

Нижнее белье и носки я рассовал по карманам и только после этого надел рубашку.

— Меня все это не устраивает. Ты знаешь гораздо больше, а мне просто необходима информация.

— Только информация?

Я быстро поцеловал ее в щеку.

— Ну, не совсем. Я вернусь.

— Не нужно, — сказала Мэг. — Потому что все будет по-другому. Мы встретимся в свое время.

Я направился к двери.

— Не очень-то соблазнительная перспектива, — объявил я, открывая ее.

— Тебе придется смириться.

— Посмотрим.

Я промчался по холлу и распахнул дверь, на которой было написано «ВЫХОД». Потом застегнул рубашку и, спускаясь по ступеням, аккуратно заправил ее в брюки. В самом низу остановился, чтобы надеть носки. Быстро пригладил волосы, прежде чем открыть дверь в вестибюль.

Никого. Отлично.

Когда я шагал по дорожке от дома, возле меня остановился черный седан; окно медленно поползло вниз, возникла красная вспышка, и я услышал знакомый голос:

— Садись, Мерлин.

— Фиона!

Я скользнул внутрь, и машина мгновенно тронулась с места.

— Ну, так это была она? — спросила Фиона.

— В каком смысле? — не понял я.

— Ты с ней должен был встретиться в баре?

Мне подобные мысли в голову не приходили, пока Фиона об этом не заговорила.

— Может быть, и да, — сказал я чуть позже.

Она повернула на дорогу и направилась в ту сторону, откуда мы с Мэг приехали.

— И в какую игру она играет?

— Я бы многое отдал, чтобы это узнать, — ответил я.

— Ну-ка, давай поподробнее, — приказала тетушка, — и не стесняйся, можешь выбросить некоторые куски, я не возражаю.

— Хорошо.

Я посвятил Фиону во все, что мне сообщила Мэг. Прежде чем я закончил, мы оказались на стоянке перед загородным клубом.

— Интересно, зачем мы сюда вернулись? — спросил я.

— А я здесь взяла машину. Вдруг она принадлежит какому-нибудь приятелю Билла. Я решила, что, пожалуй, окажу ему любезность и поставлю ее на место.

— Ты воспользовалась картой, которую я сделал, чтобы попасть сюда? — махнув рукой в сторону бара, спросил я.

— Да, сразу после того, как ты решил потанцевать. Я наблюдала за вами около часа, главным образом с веранды. А ведь я предупреждала, что ты должен быть начеку.

— Извини, я влюбился.

— Я забыла, что здесь не подают абсент. Пришлось довольствоваться «маргаритой» со льдом.

— Я тебе искренне сочувствую. Так, значит, когда мы ушли из бара, ты свистнула машину и последовала за нами?

— Да. Я ждала на стоянке возле ее дома и через твою карту поддерживала с тобой связь на периферийном уровне. Если бы я почувствовала, что тебе угрожает опасность, я бы пришла на помощь.

— Спасибо. А насколько периферийным был уровень твоего наблюдения?

— Я не подглядываю за людьми, когда они занимаются тем, чем занимались вы, — если тебя это интересует. Ну хорошо, значит, мы обсудили самые свежие события...

— История гораздо длиннее.

— Подожди, не рассказывай, — попросила Фиона, — пока. Сейчас меня занимает один вопрос: у тебя случайно нет фотографии этого Люка Рейнарда?

— Может быть, и есть, — сказал я и полез в карман за бумажником. — Думаю, что есть.

Я вытащил трусы из кармана брюк и принялся искать дальше.

— Хорошо еще, что ты не носишь кальсоны, — заметила Фиона.

Я достал бумажник и включил свет в машине. Когда я начал в нем рыться, Фиона наклонилась в мою сторону и положила руку мне на локоть. Наконец я нашел цветную фотографию, где мы с Люком были изображены на пляже, а рядом с нами — Джулия и девушка по имени Гейл, с ней Люк тогда встречался.

Неожиданно Фиона вскрикнула, а ее пальцы невольно сжали мою руку.

— Что такое? — спросил я. — Ты его знаешь?

Она покачала головой, слишком быстро.

— Нет, нет, — проговорила она. — Никогда не видела.

— Врать ты не умеешь, милая тетушка. Кто это?

— Не имею ни малейшего представления, — заявила Фиона.

— Да ладно тебе! Ты чуть мне руку не сломала, когда увидела фотографию.

— Не приставай.

— А тебе известно, что речь идет о моей жизни?

— Я думаю, тут речь идет больше чем о твоей жизни.

— И что?

— Пусть все будет как есть — пока.

— Боюсь, что не могу с тобой согласиться. Я настаиваю на том, чтобы ты мне ответила.

Она повернулась ко мне и выставила вперед обе руки. С кончиков ее изящных пальцев начал стекать дым. Фракир у меня на запястье отчаянно пульсировала, а это означало, что Фиона достаточно сильно разозлилась и в случае необходимости может сделать что-нибудь малоприятное.

Я замахал руками, решив сдаться.

— Ладно, давай заканчивать — пора домой.

Она пошевелила пальцами, и дым исчез. А Фракир тут же успокоилась. Фиона вытащила колоду карт из сумочки и выбрала ту, где был изображен Амбер.

— Только рано или поздно я все равно узнаю, — заявил я.

— Позже, — проговорила Фиона, и мы увидели Амбер.

Больше всего я люблю в моей тетушке Фионе то, что она не считает необходимым скрывать свои чувства.

Я протянул руку и выключил в машине свет в тот самый момент, когда мы оказались в Амбере.

VIII

Боюсь, мои мысли на похоронах не отличаются ничем особенным. Как Блум в «Улиссе»*, я обычно вспоминаю самые земные события из жизни покойного, иногда думаю о том, что непосредственно происходит у меня перед глазами. А все остальное время размышляю обо всем, что приходит в голову.

На широком берегу, у южного подножия Колвира, расположена скромная часовня, посвященная Единорогу; таких небольших храмов в Королевстве несколько — их возводили там, где люди видели Единорога. Это место казалось самым подходящим для проведения церемонии: как и Джерард, Кейн однажды сказал, что хотел бы, чтобы его похоронили в какой-нибудь морской пещере у подножия горы и чтобы положили лицом к морю, чьи воды он бороздил столько лет. Такая пещера была найдена и подготовлена соответствующим образом, после службы туда отправится процессия и предаст земле останки. В этот ветреный туманный день море было неспокойно, и потому лишь несколько парусов виднелось невдалеке к западу — корабли входили в гавань и покидали ее.

В принципе службу должен был проводить Рэндом, поскольку королевский сан автоматически делал его и верховным жрецом, но он прочитал только первую и последнюю части ритуала Прощания с принцем из Книги Единорога, а потом передал право провести церемонию Джерарду, поскольку Кейн из всей нашей семьи больше других дружил с ним. Громоподобный голос Джерарда наполнил маленькое каменное строение; дядя читал бесконечные отрывки о море и переменчивости судьбы. Поговаривают, что Книгу написал сам Дворкин — в те времена, когда находился в здравом уме, а длинные пассажи продиктованы Единорогом. Не знаю, при сем не присутствовал. А еще утверждают, будто мы все произошли от Дворкина и Единорога; у меня почему-то в связи с этим в голове возникают весьма необычные образы. Впрочем, истории о происхождении чего бы то ни было имеют тенденцию рано или поздно превращаться в миф. Кто знает? Я и при этом не присутствовал.

«...И все возвращается в море», — читал Джерард.

Я огляделся по сторонам. Кроме членов семьи, на похороны пришло человек сорок или пятьдесят, в основном представители городской аристократии, несколько купцов, с которыми Кейн поддерживал дружеские отношения, жители королевств из соседних Теней, куда Кейн частенько наведывался как по личным, так и по общественным делам, ну и, конечно же, Винта Бейл.

Билл выразил желание тоже присутствовать на церемонии, он стоял слева от меня. Мартин — справа. Ни Фионы, ни Блейза видно не было. Блейз пожаловался, что еще не оправился после ранения, и попросил разрешения пропустить службу. Фиона же просто исчезла, никому ничего не сказав; Рэндом все утро пытался ее разыскать. Джулиан ушел, чтобы проверить охрану, расставленную им вдоль побережья, поскольку кто-то справедливо указал ему на то, что неизвестный убийца сможет без проблем поквитаться со всеми нами одновременно — нас тут собралось достаточно много, да еще на таком ограниченном пространстве. Поэтому лесничие Джулиана, вооруженные мечами, кинжалами, луками со стрелами и пиками, были расставлены в стратегических точках — а время от времени до нас доносился лай какой-нибудь из его адских гончих, который тут же подхватывала вся свора, — печальный, лишающий присутствия духа и выводящий из равновесия звук, в особенности если к нему добавляются вой ветра, шум прибоя и рассуждения о конце жизни.

Интересно, куда могла отправиться Фиона? Испугалась западни? Или ее исчезновение каким-то образом связано со вчерашним вечером? А Бенедикт? Он прислал свои соболезнования... и извинение, что не сможет поспеть на похороны из-за какого-то срочного дела. Ллевелла просто не объявилась, до нее не смогли добраться даже при помощи карты.

Флора стояла немного впереди, слева от меня; она прекрасно осознавала, что выглядит в черном просто великолепно. Может быть, я слишком к ней несправедлив? Не знаю. Только вот вела она себя как-то уж слишком суматошно, непохоже, что церемония заставила ее задуматься о тщете всего сущего.

Когда служба закончилась, все потянулись друг за другом из часовни. Четыре матроса несли гроб, а мы выстроились в процессию, которая собиралась проследовать в выбранную для Кейна пещеру, где его уже ждал саркофаг. Стража Джулиана окружила нас, образовав вооруженный эскорт.

Вдруг Билл ткнул меня в бок и кивнул в сторону Колвира. Я увидел на уступе, скрытом в тени, таинственную фигуру в темном плаще, с надвинутым на голову капюшоном. Билл наклонился ко мне поближе, и я смог расслышать его голос сквозь печальное пение труб и струнных инструментов:

— Это что, часть ритуала?

— Я, по крайней мере, о таком не слышал, — ответил я.

И поспешил вперед. Через пару минут мы должны были пройти под тем уступом, где стоял незнакомец.

Я догнал Рэндома и положил руку ему на плечо. Когда он оглянулся, я показал наверх. Он остановился и, прищурившись, принялся разглядывать странную темную фигуру.

Его правая рука скользнула на грудь, где у него, как это бывало почти во время всех государственных церемоний, висел Судный Камень. Мгновенно поднялся сильный ветер.

— Стойте! — выкрикнул Рэндом. — Остановите процессию! Все оставайтесь на своих местах!

Человек на уступе едва заметно пошевелился, повернул голову, словно хотел повнимательнее разглядеть Рэндома. А в небе, точно это был какой-то кинотрюк, появилась туча, быстро распухла и замерла над Колвиром. Красное, пульсирующее сияние вырвалось из-под руки Рэндома.

Неожиданно человек в черном поднял голову, быстро пошевелил рукой под плащом, а потом вытащил ее и сделал движение, будто что-то бросил. Крошечный черный предмет немного повисел в воздухе, затем начал медленно опускаться.

— Ложитесь! — крикнул Джерард.

Когда мы упали на землю, Рэндом не пошевелился. Он остался стоять, наблюдая за тем, как из облака вырвалась молния и ударила в поверхность скалы.

Последовавшие за этим раскаты грома совпали со взрывом, раздавшимся у нас над головами. Расстояние оказалось слишком большим. Бомба разорвалась прежде, чем долетела до нас — хотя наверняка настигла бы многих, если бы мы продолжали идти вперед и прошли под уступом, тогда убийца смог бы сбросить ее прямо нам на головы. Когда искры перестали плясать у меня перед глазами, я посмотрел на скалу. Человек в черном плаще исчез.

— Ты его достал? — спросил я у Рэндома.

Тот пожал плечами и опустил руку. Камень перестал пульсировать.

— Вставайте! — приказал он. — Давайте продолжим, у нас ведь похороны!

Мы исполнили его приказ. Больше ничего особенного не случилось, и все прошло по плану.

Когда гроб заносили в склеп, мои мысли, как наверняка и мысли всех остальных членов семьи, были заняты попытками угадать, кто из наших родственников мог быть замешан в том, что произошло несколько минут назад. Может, нападавший был одним из тех, кто отсутствовал на церемонии погребения? Если да, то кто? Какие у каждого из них могут быть мотивы? Где они находятся в данный момент? Есть ли у них алиби? А как насчет коалиции? Или это кто-то чужой? В таком случае как посторонний человек сумел добраться до нашего запаса взрывчатых веществ? Привез все необходимое с собой? А может, кто-нибудь из

местных жителей нашел нужную формулу? Если это чужак, тогда откуда он и какие у него могут быть мотивы? Кто-то из членов семьи решил пригласить наемного убийцу? Зачем?

Когда мы проходили мимо склепа, я мельком подумал о Кейне, но сейчас он был для меня одним из кусочков головоломки, а не погибшим родственником. Мы были едва знакомы. Мне говорили, что узнать Кейна хорошо было не так-то просто. Жесткий и циничный человек, иногда даже жестокий, он за свою жизнь завел немало врагов и, казалось, этим гордился. Со мной он держался дружелюбно; впрочем, наши интересы никогда не пересекались. Так что, если честно, я относился к нему совсем не так тепло, как к большинству других родственников. Джулиан был на него похож, только на поверхности он выглядел более... ну, скажем, отполированным. И никто не знал, что прячется под этой поверхностью. Кейн... жаль, что я не узнал тебя лучше. Мне кажется, с твоей смертью я что-то потерял... я плохо это понимаю, только чувствую.

Направляясь во дворец, чтобы сесть за стол, я раздумывал, и не в первый раз, о том, каким образом мои неприятности связаны с проблемами остальных членов семьи. Я не сомневался, что связь существует. Небольшие совпадения — в этом нет ничего страшного, но я склонен не доверять серьезным.

А Мэг Девлин? Неужели и она что-то знает обо всех этих таинственных происшествиях? Вполне возможно. Плевать на мужа!.. С ней нужно встретиться, и поскорее.

Позже, в огромной столовой, под шум разговоров и звон посуды мне вдруг в голову пришла одна невнятная идейка, и я тут же решил заняться ею вплотную. Пространно извинившись перед холодной, но весьма привлекательной Винтой Бейл, третьей дочерью какого-то мелкого аристократа и, очевидно, последней любовницей Кейна, я добрался до противоположного конца зала, где в окружении небольшой группы людей стоял Рэндом. Несколько минут я размышлял о том, как лучше вмешаться, но в этот момент он меня заметил, быстро извинился перед своими собеседниками, подошел и схватил за рукав:

— Мерлин, сейчас у меня нет времени, но наш разговор еще не окончен. Мне нужно с тобой встретиться ближе к вечеру или... ну, как только я освобожусь. Никуда не исчезай, пока мы не обсудим то, что меня интересует, договорились?

Я кивнул.

— Один вопрос, — быстро вставил я, когда дядюшка снова повернулся к своей компании.

— Валяй, — разрешил Рэндом.

— На Земле, откуда я только что прибыл, есть какие-нибудь жители Амбера? Агенты или что-нибудь в таком же духе?

Он покачал головой:

— У меня никого нет, и не думаю, что кто-нибудь из остальных наших родственников имеет там сейчас своих агентов. Я поддерживаю связь с несколькими людьми, живущими в разных местах, но они все местные — вроде Билла. — Он прищурился и спросил: — Что-то новенькое?

Я снова кивнул.

— Серьезные дела?

— Возможно.

— Жаль, что у меня нет времени порасспросить тебя как следует, но придется подождать, пока я не освобожусь.

— Да, понимаю.

— Я пришлю за тобой, — сказал Рэндом и вернулся к своим собеседникам.

Вот так рассыпалось в прах единственное предположение, которое у меня возникло на предмет Мэг Девлин. Кроме того, возможность встретиться с ней, как только я смогу сбежать отсюда, тоже оказалась закрытой. Я утешился тем, что съел целую тарелку самых разнообразных деликатесов.

Через некоторое время в зал вошла Флора, окинула взглядом всех присутствующих, а потом уселась рядом со мной на подоконнике.

— Вряд ли удастся поговорить сейчас с Рэндомом так, чтобы никто не услышал, — заявила она.

— Точно, — согласился я. — Тебе принести что-нибудь поесть или выпить?

— Пока не нужно. Не исключено, что мне сможешь помочь ты. Ты же маг.

Мне не понравилось такое начало разговора, но я спросил:

— А в чем дело?

— Я отправилась в комнату Блейза — хотела спросить его, не хочет ли он спуститься вниз и присоединиться к нам. Так вот — его нет.

— А разве его дверь не была заперта? Тут почти все так поступают.

— Да, изнутри. По всей видимости, он воспользовался картами. Когда он мне не ответил, я взломала замок — *ведь на его жизнь уже было совершено покушение.*

— А чародей тебе зачем?

— Ты сможешь выследить его?

— Карты не оставляют никаких следов, — напомнил я ей. — Но даже если бы я и мог это сделать, не уверен, что стал бы. Он прекрасно знает, что делает, и, очевидно, хочет, чтобы его оставили в покое.

— А если Блейз замешан в том, что произошло? В прошлом они с Кейном, мягко выражаясь, недолюбливали друг друга.

— Если он замешан в чем-то опасном для всех остальных, радуйся, что он куда-то пропал.

— Так ты не можешь мне помочь — или не хочешь?

Я кивнул:

— И то, и другое. Решение организовать поиск должно исходить от Рэндома, согласна?

— Может быть.

— Послушай, не рассказывай пока об этом никому, посоветуйся сначала с Рэндомом. Зачем будить бессмысленные подозрения в душах наших родственников? Или я сам сообщу ему твои новости. Мы с ним должны встретиться немного позже.

— По какому поводу?

Фу!

— Точно не знаю, — ответил я. — Он хочет о чем-то со мной побеседовать.

Флора внимательно на меня посмотрела.

— Мы ведь тоже с тобой еще не поговорили, — заявила она.

— А что мы делаем сейчас?

— Ну хорошо. Позволено ли мне будет поинтересоваться, какие у тебя возникли проблемы в одной из моих любимых Теней?

— А почему бы и нет? — сказал я и еще раз приступил к краткому обзору треклятых событий.

Однако я твердо знал, что делаю это в последний раз. Как только история станет известна Флоре, она непременно посвятит во все ее перипетии и остальных.

Флора, как и Мартин, ничем не смогла мне помочь. Мы еще некоторое время поболтали — обсудили всякие местные сплетни, — и она наконец решила, что готова что-нибудь съесть.

Тетушка направилась в сторону стола и больше не вернулась.

Я поговорил еще кое с кем — про Кейна и моего отца. И не услышал ничего для себя нового. Меня представили нескольким гостям, с которыми я не встречался раньше. Поскольку мне было нечего делать, я запомнил целую кучу имен и родственных связей.

Когда вечер подошел к концу, я стал поглядывать на Рэндома и постарался уйти тогда же, когда и он.

— Позже, — промолвил дядя, когда я проходил мимо, и скрылся из виду вместе с двумя типами, с которыми разговаривал перед этим.

Так что я вернулся в свою комнату и плюхнулся на кровать. Когда события развиваются с такой головокружительной скоростью, нужно отдыхать при первой возможности.

Прошло некоторое время, и я заснул. Мне снился сон...

Я гулял в английском парке, разбитом за дворцом. Со мной был кто-то еще, только я не знал кто. Впрочем, меня это не беспокоило. Я услышал знакомый вой. И вдруг совсем рядом раздалось рычание. Обернувшись в первый раз, я не увидел ничего. Но в следующее мгновение моим глазам предстали три огромных, похожих на собак существа — как то чудовище, которое я убил в квартире Джулии. Страшилища неслись в мою сторону.

Вой не смолкал, однако выли не отвратительные собаки. Приближаясь ко мне, они рычали и пускали слюни. И вдруг, так же неожиданно, я сообразил, что это всего лишь сон, он снился мне уже несколько раз, только я забывал его, когда просыпался. Однако ощущение надвигающейся опасности не проходило, несмотря на то, что я понимал — эти мерзкие существа охотятся на меня не в реальной жизни. Все трое купались в ореоле какого-то неестественного света — бледного, меняющего свои очертания. Я попытался заглянуть собакам за спины и сквозь призрачное сияние увидел не парк, а что-то вроде леса. Мерзкие твари уже приготовились на меня наскочить, но словно натолкнулись на стеклянную стену. Они прыгали и рычали, и выли, и предпринимали новые попытки... Получалось, будто я стою под стеклянным колпаком или внутри магического круга. Чудовища ничего не могли мне сделать. И вдруг рычание стало громче, совсем близко, собаки от меня отвернулись...

— Так-так! — заявил Рэндом. — Мне бы следовало требовать плату за то, что я спас тебя от кошмара.

...И вот я уже проснулся, лежу на собственной кровати, а за окном темно — Рэндом связался со мной, воспользовавшись моей картой, и проник в мой сон, когда вошел в контакт.

Я зевнул и мысленно поблагодарил его.

— Давай просыпайся, нам нужно поговорить.

— Хорошо. Ты где?

— Внизу. В маленькой гостиной, в стороне от большого зала, южное крыло. Пью кофе. Нам никто не помешает.

— Я буду через пять минут.

— Жду.

Рэндом пропал. Я уселся на кровати, спустил ноги, потом медленно встал. Подошел к окну и распахнул его. В комнату ворвался холодный осенний воздух, и я стал с удовольствием его вдыхать. На Земле сейчас весна, а здесь, в Амбере, — осень. Мои самые любимые времена года. Мне бы следовало чувствовать подъем, радоваться, а вместо этого — ночные трюки, обрывки кошмара... на какое-то короткое мгновение показалось, будто я слышу стихающий вой. Меня передернуло, и я захлопнул окно. Иногда сны слишком глубоко проникают в душу.

Я спустился в гостиную, о которой говорил Рэндом, и устроился поудобнее на одном из диванчиков. Мой дядюшка терпеливо дождался, пока я выпью полчашки кофе, а потом проговорил:

— Расскажи-ка мне про Призрачное Колесо.

— Это что-то вроде... прибора для парапсихологического слежения и одновременно библиотека.

Рэндом поставил на столик свою чашку и склонил голову набок.

— А поточнее нельзя?

— Значит, так, моя работа с компьютерами позволила мне сделать вывод: основные принципы обработки данных могут быть использованы таким образом, что возникают очень интересные результаты в местах, где компьютерная механика не функционирует, — начал объяснять я. — Проще говоря, я был вынужден найти среди Теней континуум, в котором сами действия останутся более или менее неизменными, но где физические составляющие — естественно, второстепенные, — техника программирования и подводимая мощность имеют совершенно иную природу.

— Слушай, Мерлин, — перебил меня Рэндом. — Я ничего не понимаю.

— Я изобрел и построил прибор для анализа данных в Тени, где обычный компьютер работать бы не смог. Взял нетрадиционные материалы, разработал новый проект, нашел альтернативный источник энергии. Кроме того, я выбрал место, где действуют другие физические законы, поэтому мой прибор функционирует совершенно иным образом. После этого я написал несколько программ, которые были бы совершенно бесполезны на Земле, где я в то время жил. Думаю, мне удалось создать уникальный объект; я назвал его Призрачным Колесом из-за некоторых особенностей его внешнего вида.

— Это одновременно прибор для наблюдения и библиотека? В каком смысле?

— Он просматривает Тени, будто листает страницы книги или перебирает колоду карт, — объяснил я. — Если тебе нужно что-то проверить, ты его программируешь соответствующим образом, и он будет собирать для тебя всю информацию на интересующую тему. Я хотел, чтобы он стал чем-то вроде сюрприза. Его можно использовать, например, для того, чтобы определить, не собирается ли кто-нибудь из наших потенциальных врагов на нас напасть, или...

— Подожди минутку! — замахав руками, остановил меня Рэндом. — Как? Как он просматривает Тени? Ты можешь объяснить мне принцип его работы?

— Попробую. За доли секунды мой Призрак создает множество карт, а потом...

— Остановись. Давай вернемся чуть-чуть назад. Разве можно написать программу для создания карт? Мне казалось, сделать их может лишь тот, кто прошел Огненный Путь или Логрус.

— А в этом случае, — пояснил я, — машина принадлежит к классу магических предметов — таких, как, например, меч моего отца Грейсвандир. Я внес в ее систему элементы самого Огненного Пути.

— И ты намеревался удивить нас этой штукой?

— Да, как только она будет готова.

— А когда она будет готова?

— Не знаю. Призрак должен собрать определенное количество информации, прежде чем программа сможет работать на полную катушку. Я поставил перед ней эту задачу некоторое время назад, но у меня не было возможности проверить, как она справляется с заданием.

Рэндом налил еще кофе в наши чашки, сделал глоток.

— И все равно я не понимаю, каким образом твое изобретение будет экономить наше время и силы, — проговорил он чуть позже. — Представим себе, что меня заинтересовало нечто в какой-нибудь Тени. Я отправляюсь проверить или посылаю кого-нибудь. Ну а теперь, предположим, я хочу воспользоваться твоей машиной для получения информации — мне все равно придется потратить время на то, чтобы до нее добраться.

— Нет, — возразил я, — тебе нужно только вызвать удаленный терминал.

— Вызвать? Терминал?

— Именно.

Я нашел в кармане карты Амбера и вытащил ту, что лежала в самом низу. На ней было изображено серебристое колесо на черном фоне. Я передал карту Рэндому, и он принялся ее разглядывать.

— А как ты этим пользуешься?

— Как и всеми остальными. Хочешь попробовать?

— Давай ты сам, — предложил Рэндом. — Я лучше посмотрю.

— Хорошо. Но поскольку я поставил перед машиной задачу собрать информацию в разных Тенях, она пока еще не владеет всеми сведениями, которые могут нас занимать в данный момент.

— Я не стану особенно ее расспрашивать, мне просто интересно на нее взглянуть.

Я поднял карту и сосредоточился, стараясь проникнуть в ее суть. Прошло несколько мгновений, и контакт был установлен. Я вызвал терминал.

Что-то тихонько затрещало, в воздухе запахло озоном, и передо мной возникло сияющее колесо около восьми футов в диаметре.

— Уменьшить терминал, — приказал я.

Когда колесо достигло примерно одной трети своего первоначального размера, я остановил процесс.

Оно походило на призрачную раму для картины, внутри которой время от времени вспыхивали крошечные искорки, а часть комнаты, видимая сквозь нее, словно переливалась и струилась бесконечной рекой.

Рэндом поднял руку.

— Не делай этого, — предупредил я. — Тебя ударит. Я еще не всех «жучков» вытащил.

— Она умеет передавать энергию?

— Конечно. Чего тут сложного?

— Значит, если ты прикажешь ей?..

— Естественно. Она должна быть в состоянии передать энергию сюда, чтобы терминал смог работать, ну и, само собой, в различные Тени — для сканирования.

— Меня интересует, может ли она выпустить заряд на этом конце?

— Если я ей скажу, она создаст заряд, а потом выпустит его. Да, может.

— А в каких пределах?

— Все, что у нее имеется в данный момент.

— А что у нее имеется?

— Ну, теоретически целая планета. Но...

— Предположим, ты прикажешь ей появиться здесь, рядом с кем-нибудь, накопить большой разряд, а потом прикончить этого кого-нибудь? Она может убить электрическим током?

— Наверное, — ответил я. — Не вижу, что могло бы ей помешать. Но я изобрел машину не для...

— Мерлин, твой сюрприз действительно производит сильное впечатление. Только вот я не уверен, что мне эта штука нравится.

— Тут совершенно нечего опасаться. Никому не известно, где находится моя машина. В те места просто никто не забредает. Эта карта — единственная, других у меня нет. Только я могу добраться до Призрачного Колеса. Я собирался сделать еще одну карту, для тебя, а затем объяснить, как следует обращаться с машиной, когда она будет готова.

— Мне нужно все хорошенько обдумать...

— Призрак, внутри пяти тысяч Теневых вуалей, в этом самом месте — сколько сейчас существует Теневых бурь?

Ответ прозвучал так, словно слова доносились откуда-то из круга:

— Семнадцать.

— Звучит, будто...

— Я наделил его своим голосом, — сказал я Рэндому. — Призрак, покажи нам самые большие.

Внутри колеса возникли хаотические сцены бушующей стихии.

— Тут мне в голову пришла еще одна мысль, — заявил Рэндом. — Твой Призрак умеет перемещать предметы?

— Конечно, как и любая другая карта.

— Когда он появился перед нами — это был его максимальный размер?

— Нет, если хочешь, можно сделать намного больше. Или меньше.

— Я не хочу. Предположим, ты увеличил его — а потом приказал перенести эту бурю — или ту ее часть, с которой он в состоянии справиться?

— Ого! Не знаю. Наверняка попытается. Получится что-то вроде гигантского открытого окна.

— Мерлин, отключи его. Он опасен.

— Я же сказал, никто не знает, где он находится, — только я. Единственный способ до него добраться...

— Понимаю, понимаю. А сможет кто-нибудь задействовать его при помощи соответствующей карты или если случайно на него наткнется?

— Ну да. Я не стал тратить время на изобретение защитных кодов, поскольку Призрак невозможно найти.

— Эта штука — страшное оружие, дружище. Отключи его. Немедленно.

— Я не могу.

— Почему?

— Нельзя уничтожить его память или отключить питание через удаленный терминал. Для этого мне нужно быть рядом с ним.

— В таком случае немедленно отправляйся в путь. Я хочу, чтобы ты вывел его из строя, а сам занялся созданием надежных охранных систем. И даже тогда... ну, посмотрим. Я не доверяю такой могущественной силе. По крайней мере, пока у меня нет против нее защиты. Ведь твой Призрак в состоянии нанести удар практически без предупреждения. О чем ты думал, когда конструировал такое страшное оружие?

— Об обработке данных. Послушай, кроме нас с тобой...

— А что будет, если какой-нибудь умник узнает о твоем Призраке и найдет способ до него добраться? Я знаю, знаю — ты влюбился в свое изобретение... и ценю мотивы, которые тобой двигали, когда ты строил эту штуку. Но он не имеет права на существование.

— Я не сделал тебе ничего плохого. — Это был мой голос, но доносился он из колеса.

Рэндом изумленно посмотрел на него, потом на меня и снова на Призрак.

— Ну... дело совсем в другом, — произнес дядюшка, обращаясь к машине. — Меня беспокоят твои невероятные возможности. — Он повернулся ко мне: — Мерлин, отключи терминал!

— Конец передачи, — сказал я. — Убрать терминал.

Призрачное Колесо задрожало в воздухе и исчезло.

— Ты предполагал, что он способен прокомментировать наш разговор подобным образом? — спросил меня Рэндом.

— Нет. Я был удивлен.

— Что-то мне перестали нравиться сюрпризы. Может быть, та среда, в которой существует Призрак, действует на него каким-то скрытым образом... Ты знаешь, чего я хочу. Пусть немного отдохнет.

Я опустил голову:

— Как скажете, сир.

— Да ладно тебе. Нечего изображать из себя мученика. Делай, что говорят, и все.

— Я думаю, проблема заключается всего лишь в инсталляции нескольких защитных устройств. Зачем же уничтожать сам проект?

— Если бы тут все было спокойно, — проговорил Рэндом, — возможно, я бы не стал с тобой спорить. Но на нас свалилось столько всякого дерьма — снайпе-

ры, бомбы и прочие мерзости, о которых ты тут порассказал... мне просто не нужна еще одна головная боль.

Я поднялся с диванчика.

— Ладно. Спасибо за кофе, — поблагодарил я Рэндома. — Я сообщу, когда все будет сделано.

Он кивнул:

— Спокойной ночи, Мерлин.

— Спокойной ночи.

Проходя через большой вестибюль, я встретил там Джулиана в зеленой пижаме, он разговаривал с двумя своими людьми. На полу рядом с ними лежало огромное дохлое животное. Я замер на месте и уставился на труп. Это была одна из похожих на собак тварей, только что посетивших меня во сне. Точно как в квартире Джулии.

Я подошел поближе.

— Привет, Джулиан. Что это такое? — спросил я и махнул рукой в сторону чудовища.

Он покачал головой:

— Понятия не имею. Адские гончие только что прикончили трех таких в Ардене. Я перенес моих парней и труп этой пакости сюда, чтобы показать Рэндому. Ты случайно не знаешь, где он?

Я показал пальцем себе за спину:

— В гостиной.

Джулиан отправился на поиски Рэндома, а я подошел к животному и пнул его ногой. Может, следует вернуться и рассказать Рэндому, что я уже встречался с такими?..

Да провались они все пропадом, решил я. Вряд ли эта информация пригодится.

Я вернулся в свою комнату, помылся и переоделся. Затем заглянул на кухню и набил рюкзак едой. Мне не хотелось ни с кем прощаться, поэтому я выбрался по большой черной лестнице прямо в парк.

Темно. Небо усыпано звездами. Прохладно.

Возле того места, где на меня во сне напали собаки, ни воя, ни угрожающего рычания я не услышал. Ничего. Я прошел в конец ухоженного парка, откуда дорожки разбегались в сторону более естественного ландшафта, и выбрал вторую слева. Идти по ней было немного дальше, чем по другой — они все равно пересекутся чуть позже, — зато она оказалась более утоптанной: определенное удобство, если ты решил погулять ночью. Я еще не очень хорошо изучил вторую тропинку.

Я бродил по вершине Колвира около часа, пока не нашел уходящую вниз дорожку, которую искал. Тогда я сделал небольшой привал, попил воды и немного отдохнул, прежде чем начать спуск.

Очень трудно путешествовать по Теням, когда ты находишься на Колвире. Необходимо отойти на некоторое расстояние от Амбера, чтобы все получилось как следует. Так что пока я мог только двигаться вперед — меня это вполне устраивало, ночь была просто великолепной.

Я уже довольно много прошел, когда над головой возникло сияние — над Колвиром поднялась луна и залила своим светом извивающуюся тропинку, по которой я шагал. К утру хотелось добраться до подножия горы.

Я разозлился на Рэндома за то, что он не позволил мне доказать важность моего изобретения. Я был вынужден рассказать ему о Призраке раньше времени. Если бы не похороны Кейна, я бы не вернулся в Амбер, пока не довел бы свое замечательное творение до совершенства. А оказавшись здесь, не собирался даже упоминать о Призрачном Колесе — если бы оно не фигурировало в загадочной истории, в которую я попал, а Рэндом не решил разобраться в том, что все-таки происходит. Ну хорошо. Ему не понравилось то, что он увидел, но демонстрация была преждевременной. Теперь же, если я остановлю Призрак, как мне было приказано, я уничтожу работу, которая ведется уже довольно долгое время. Моя машина находится в стадии накопления информации, самообразования, поиска данных в различных Тенях. А я сейчас занимался бы проверкой того, как Призрак справляется с заданием, и выявлением явных ошибок, закравшихся в систему.

С этими мыслями я спускался по тропинке, которая становилась все круче, огибая западный склон Колвира. Рэндом ведь не приказал мне стереть всю информацию, собранную Призраком до нынешнего момента, он просто хочет, чтобы я отключил машину. Глядя на проблему с этой точки зрения — она мне весьма понравилась, — я решил, что могу сам выбрать методы для выполнения воли Рэндома. Сначала я тщательно изучу, как функционируют все системы, и приведу программы в такой вид, который посчитаю нужным. Потом позабочусь о том, чтобы Призрак не растерял накопленную информацию, и только после этого отсоединю его от источника питания. Тогда ничего не пропадет, память сохранится в том виде, в каком была, и восстановить ее функции, едва только в этом возникнет необходимость, будет совсем просто.

Может...

А если привести все в полный порядок, установить несколько — с моей точки зрения, абсолютно бесполезных — защитных устройств, исключительно чтобы доставить удовольствие Рэндому?.. А потом связаться с ним, что у меня получилось, и спросить, доволен ли он? Если он останется недоволен, тогда можно будет отключить Призрак. А вдруг дядюшка передумает? Стоит обмозговать...

Я принялся сочинять, что скажу Рэндому, и занимался этим до тех пор, пока луна не оказалась слева от меня. Я уже прошел больше половины спуска — идти было заметно легче. Теперь я чувствовал, что влияние Огненного Пути немного уменьшилось.

По дороге вниз я несколько раз делал привал, чтобы напиться, и разок, чтобы перекусить. Чем больше я обдумывал свою последнюю идею, тем яснее мне становилось, что Рэндом просто разозлится. И если я буду действовать в соответствии со своим новым планом, может быть, он даже не пожелает меня выслушать. С другой стороны, я и сам был ужасно сердит.

Впрочем, мне предстоял долгий путь — хватит времени, чтобы решить, что следует сделать.

Небо посветлело, когда я перебирался через последний скалистый склон, мечтая поскорее выйти на широкую дорогу, бегущую на северо-запад вдоль подножия Колвира. Я принялся разглядывать небольшую рощицу неподалеку; одно большое дерево я хорошо знал и часто использовал в качестве ориентира.

Ослепительная вспышка, шипение, похожие на взрыв бомбы раскаты грома — и дерево развалилось на две части... и это всего в ста метрах от меня. Я при-

крыл глаза руками, когда молния озарила небо, но треск дерева и эхо взрыва не смолкали еще несколько секунд.

И тут я услышал голос:

— Вернись назад!

Подумав немного, я пришел к выводу, что объектом этого разговорного гамбита был, видимо, я, поэтому крикнул:

— Давай поговорим!

Никакого ответа.

Я забрался в неглубокую канаву у дороги, потом немного прополз по ней, отыскав место, где, как мне показалось, я буду в большей безопасности. Я прислушивался и оглядывался по сторонам, надеясь, что шутник каким-нибудь образом выдаст свое местонахождение.

Ничего особенного не произошло, однако я еще полминуты рассматривал рощицу и тропинку, по которой только что спустился. Их близость подсказала мне отличную идею.

Я вызвал образ Логруса, и две из его линий стали моими руками. Я протянул их — не через Тень, а к тому месту на склоне, где над скоплением камней навис один большой кусок скалы.

Ухватившись покрепче, я попытался сдвинуть его с места. Он оказался слишком тяжелым, чтобы свалиться сразу, тогда я принялся его раскачивать. В конце концов мне удалось его немного расшевелить, и он упал. Я поспешил убраться подальше, когда обломки, увлекая за собой другие, поменьше, и отскакивая в разные стороны, покатились вниз. Ломаная линия поддалась, как только камни стали задевать ее края, и целая скальная стена со стонами и треском соскользнула на землю.

Я чувствовал вибрацию, продолжая отступать. В мои планы не входило устраивать столь зрелищное представление. Огромные куски скалы метались среди деревьев, те отчаянно раскачивались, падали, до меня доносились треск, гудение, свист, скрип...

После того как все закончилось, я подождал еще минуту. В воздух поднялись клубы пыли, половина деревьев рощи полегла. Я быстро вскочил на ноги, взял в левую руку Фракир и медленно приблизился к рощице, внимательно глядя по сторонам. Никого. Тогда я взобрался на ствол поваленного дерева.

— Повторяю, может быть, все-таки поговорим?

Никакого ответа.

— Ну ладно, пусть будет так, — сказал я и направился на север, в Арденский лес.

Время от времени, шагая сквозь древний лес, я слышал топот копыт у себя за спиной. Впрочем, всадники не демонстрировали никакого желания меня нагнать. Скорее всего я проходил неподалеку от троп, по которым следовал какой-нибудь из патрулей Джулиана.

Это не имело особого значения. Я вскоре нашел тропинку и приступил к небольшой корректировке, которая уводила меня все дальше и дальше от них.

Более светлый оттенок, от коричневого к желтому, не такие высокие деревья... Меньше просветов в зеленом покрывале из листьев... Незнакомая птичка, диковинный гриб...

Медленно, понемногу характер леса изменился. И чем больше я удалялся от Амбера, тем легче мне было вносить изменения.

И вот я уже прохожу по залитым солнцем полянкам. Бледно-голубое солнце... Ярко-зеленые, с пышной листвой деревья, большинство из них еще совсем молодые...

Я побежал.

Затянутое тучами небо; похожая на губку земля стала жестче, суше...

Я ускорил шаг, спускаясь вниз по склону. Теперь у меня под ногами расстилается роскошный травяной ковер. А деревья растут небольшими островками среди волнующегося на ветру бледно-зеленого моря. Я посмотрел вдаль и справа заметил мечущийся, словно усыпанный бисером, полог — дождь.

До меня донеслись раскаты грома, хотя солнечные лучи продолжали освещать мой путь. Я с удовольствием вдыхал чистый влажный воздух и продолжал бежать вперед.

Трава пропала, земля стала неровной, небо потемнело... В каньонах и ручьях вокруг меня ревет вода... Сверху, с неба, обрушивается потоками на скалистую землю...

Я несколько раз поскользнулся и упал, отчаянно ругая себя за то, что слишком спешу с переходом.

Облака разошлись, точно занавес в театре, и моим глазам предстало лимонного цвета солнце, которое изливало свое тепло и свет с неба цвета лосося. Гром вдруг смолк, тут же поднялся ветер...

Я взобрался по склону холма и посмотрел сверху на разрушенную деревню — давно заброшенную, почти всю заросшую травой; вдоль остатков главной улицы насыпаны какие-то необычные курганы.

Я прошел через деревню под синевато-черным небом, осторожно перебрался через пруд с ледяной водой, стараясь не смотреть на невидящие глаза тех, кто замерз в нем...

Теперь небо было словно перепачкано сажей. А снег под ногами стал утоптанным и жестким. Дыхание легким облачком вырывалось у меня изо рта, когда я оказался в лесу с голыми, похожими на скелеты деревьями, на ветках которых застыли маленькие птички: изысканная гравюра.

Соскользнув вниз по склону холма, я покатился прямо в тающий снег и весну... И снова движение вокруг меня... Грязь и островки зелени... Непривычные глазу машины вдалеке, на шоссе...

Помойка: ржавчина, тление, тошнотворная вонь... Пробираюсь среди бесконечных гор отбросов и мерзости... Крысы разбегаются в разные стороны...

Подальше отсюда... Ускоряю переход, задыхаюсь... Под куполом черного смога проглядывает небо... Долина у дельты реки... Берег моря... Золотые пилоны вдоль дороги... Пейзаж с озерами... бурая трава под зеленым небом...

Медленнее... Холмы, поросшие травами, река, озеро... Медленнее... Легкий бриз и трава, похожая на море... Вытираю рукавом пот со лба, с удовольствием вдыхаю воздух...

Я перебрался через поле нормальным шагом, предпочитая отдохнуть в таком месте, как это, где все видно далеко вокруг. Ветер тихо шуршит в траве, а озеро, мимо которого я прохожу, удивляет своим зеленовато-лимонным цветом. В воздухе пахнет чем-то сладким.

Мне показалось, что справа возникла короткая вспышка, но когда я посмотрел в ту сторону, то не заметил ничего необычного. Немного позже издалека донесся топот копыт, который ни с чем невозможно перепутать. И снова — ничего угрожающего. Вот в этом-то и заключается проблема с Тенями — никогда не знаешь, что здесь должно быть, а что нет; неизвестно, какие приметы искать и на какие следует обращать внимание.

Прошло несколько минут, я почувствовал запах — и только потом увидел.

Дым.

В следующее мгновение вспыхнуло пламя. Огромные языки преградили мне путь.

И снова прозвучал голос:

— Я же тебе сказал: возвращайся!

Ветер раздувал огонь, подталкивал его в мою сторону. Я повернул назад — вокруг меня поднималась ревущая стена пламени. Нужно некоторое время, чтобы подготовить свое сознание к изменению Тени, а я отвлекся на окружающую меня реальность. Вряд ли удастся быстро вернуться в нужное состояние.

Я побежал.

Линия огня изгибалась, словно пытаясь нарисовать огромный круг, центром которого был я. Впрочем, я решил не тратить время на то, чтобы по достоинству оценить точность изображения, поскольку меня заволокло густым дымом и стало даже слишком жарко.

Сквозь треск полыхающего пламени *я слышал оглушительный топот копыт.* Но из глаз у меня текли слезы, а клубы дыма не давали как следует разглядеть, что находится за кругом, внутрь которого я попал. Я до сих пор не имел представления, кто подготовил для меня эту ловушку.

И все же — сомневаться не приходилось — земля дрожала, в мою сторону неслось существо с копытами. Огненные языки взвились еще выше в воздух, приблизились, круг начал сужаться.

Я не знал, какая новая беда вот-вот свалится на меня, когда сквозь небольшое отверстие в полыхающей стене прорвались конь и всадник. Всадник натянул поводья, однако конь — гнедой — не очень-то обрадовался такой близости пламени и, оскалившись, начал грызть удила и попытался встать на дыбы.

— Быстрее! Садись позади меня! — услышал я.

Я лишь мельком увидел женское лицо, обрамленное темными волосами. Всаднице удалось развернуть коня назад, в ту сторону, откуда они прискакали, и она отпустила поводья. Животное рвануло вперед и вдруг неожиданно, на полном скаку встало на дыбы. Я с огромным трудом удержался в седле.

Когда передние копыта коснулись земли, он резко повернул и помчался к огню. Возле самой границы пылающего круга конь снова изменил направление движения.

— Проклятие! — в отчаянии воскликнула женщина, которая изо всех сил сражалась с поводьями.

Конь дико заржал. Изо рта у него текла кровавая слюна. К этому моменту круг сузился, дым и пламя были совсем близко. Я ничем не мог помочь своей спасительнице, разве что несколько раз довольно сильно ударил коня пятками, когда он начал двигаться по прямой.

С отчаянным криком жеребец нырнул в огонь немного левее. Я не имел ни малейшего представления о ширине полыхающей полосы в этом месте; ноги обожгло, я почувствовал запах паленой шерсти.

А потом конь снова поднялся на дыбы, всадница что-то ему крикнула, и я вдруг понял, что больше не могу удерживаться у него на спине. Я соскользнул назад как раз в тот момент, когда мы вырвались из смертоносного кольца и оказались на обгоревшей, дымящейся земле, где огонь уже прошел. Я свалился среди еще горячих черных головешек и быстро откатился налево, а потом закашлялся и постарался покрепче закрыть глаза, чтобы в них не попали поднявшиеся в воздух пепел и пыль.

Я услышал, как закричала женщина, и вскочил, одновременно протирая глаза. Через некоторое время я мог разглядеть, что гнедой конь поднимается на ноги — очевидно, он упал прямо на всадницу. Напуганное до полусмерти животное мгновенно умчалось прочь и скрылось в клубах дыма. Женщина осталась неподвижно лежать на земле, и я бросился к ней. Опустившись на колени, проверил пульс и дыхание.

Она открыла глаза.

— Спина... сломана... я думаю, — закашлявшись, сказала незнакомка. — Не чувствую... почти ничего... Уходи... если еще можно... Оставь меня. Я умру... все равно.

— Ни за что, — ответил я. — Нужно перетащить тебя отсюда. Тут поблизости есть озеро, если я правильно все запомнил.

Я снял плащ, который был свернут и привязан у меня на поясе, и расстелил его на земле. Потом как можно осторожнее завернул женщину, чтобы защитить ее от огня, и потащил вперед, отчаянно надеясь, что не перепутал направление.

Мы перебрались через отрезок дороги, где металось пламя и поднимались клубы густого дыма. Горло у меня болело, из глаз ручьем текли слезы, а брюки начали тлеть, когда я сделал большой шаг назад и поскользнулся в грязи. Я продолжал идти.

В конце концов я вошел по пояс в воду, держа женщину на руках, и, наклонившись вперед, откинул полу плаща с ее лица.

Глаза у незнакомки были открыты, но мне показалось, что они ничего не видят, женщина не шевелилась. Однако когда я попытался нащупать пульс на сонной артерии, она тихонько зашипела, а потом произнесла мое имя.

— Мерлин, — хрипло проговорила женщина. — Мне... Прости меня...

— Ты помогла мне, а я ничего не могу для тебя сделать, — ответил я. — Это ты прости меня.

— Прости... что я не продержалась... дольше, — продолжала она. — Бессмысленно... у них лошади. Тебя преследуют.

— Кто? — спросил я.

— Хотя они отозвали... собак. Но... огонь... это... кто-то... другой. Не знаю... кто.

— Не понимаю.

Я побрызгал водой ее пылающие щеки. И посмотрел на покрытое сажей лицо, спутанные обгоревшие волосы — трудно было понять, как она выглядела на самом деле, была ли красива.

— Кто-то... идет за тобой, — промолвила она едва слышно. — И еще кто-то... впереди. Я ничего... про него... не знаю. Извини.

— Кто? — снова спросил я. — И кто ты такая? Почему...

— ...Спала с тобой, — улыбка скользнула по лицу женщины. — Теперь больше не смогу. Ухожу...

Она закрыла глаза.

— Нет! — выкрикнул я.

По ее лицу пробежала судорога, и она с трудом сделала последний вдох. Потом выдохнула и прошептала:

— Оставь меня... здесь... я утону. Прощай...

Ее лицо заволокло дымом, а я закрыл глаза и задержал дыхание — ветер принес огромную тучу, и мы погрузились в ее черную утробу.

Когда туча умчалась прочь, я принялся разглядывать лицо своей спасительницы. Она не дышала, и я не смог нащупать пульс и услышать биение ее сердца. Поблизости не было даже крохотного участка незаболоченной, не охваченной пламенем суши для попыток кардиопульмональной реанимации. Она умерла.

Я завернул тело в свой плащ, превратив его в саван.

А потом накрыл лицо и закрепил все пряжкой, которой обычно застегивал плащ, когда надевал его. *Я зашел поглубже в воду.*

«Оставь меня здесь, я утону». Иногда мертвецы быстро опускаются на дно, а иногда долго плавают на поверхности...

— Прощай, — проговорил я. — Жаль, что я не знаю твоего имени. И еще раз спасибо.

Я отпустил ее. Вода забурлила. И женщина исчезла. Через некоторое время я отвернулся и пошел прочь. Слишком много вопросов, на которые нет ответов.

Где-то вдалеке дико заржала перепуганная насмерть лошадь.

IX

Несколько часов и Теней спустя я позволил себе остановиться на отдых в месте, где было голубое и ясное небо и не особенно много сухих деревьев. Я выкупался в неглубокой речушке, а потом раздобыл в какой-то Тени свежую одежду. Сухой и чистый, устроился на берегу и приготовил себе еду.

Складывалось впечатление, что теперь каждый день — 30 апреля. И все, кого я встречаю, меня знают, а заодно ведут сложную двойную игру. Вокруг умирают люди, несчастья становятся самым обычным делом. Я начал чувствовать себя героем из компьютерной игры. Интересно, что ждет меня дальше? Метеоритный дождь?

У этой шарады должна быть разгадка. Безымянная женщина, отдавшая жизнь за то, чтобы вытащить меня из огня, сказала, что кто-то идет по моим следам и кто-то поджидает впереди. Хотелось бы получить хоть какое-нибудь объяснение... Может, подождать того, кто за мной гонится, и спросить его или ее о том, что, черт подери, происходит? Или, наоборот, поспешить, нагнать того, кто прячется где-то впереди, и задать свои вопросы ему? Интересно, совпадут ли отве-

ты? Или окажутся совершенно разными? А вдруг дуэль удовлетворит уязвленное самолюбие какого-нибудь из моих преследователей? В таком случае я соглашусь на дуэль. Или, например, взятка? Я заплачу. Мне ничего не нужно — только ответ на вопрос и чтобы последовали мир и покой.

Я фыркнул. Очень похоже на описание смерти — хотя насчет того, что, погибнув, можно получить ответы на все вопросы, уверенности у меня нет.

— Черт побери! — возмутился я, ни к кому особенно не обращаясь, и швырнул камешек в речку.

Потом встал и перебрался на другой берег, где на песке было выведено «ВОЗВРАЩАЙСЯ НАЗАД». Я затоптал слова и бросился бежать.

Мир вокруг меня бешено завертелся. Исчезла растительность. Скалы превратились в валуны, засияли, посыпались искры...

Я мчался по долине из призм под уродливым багряным небом... Ветер среди радужных камней, эолова музыка*...

Одеяния, развевающиеся на ветру... Над головой пурпурный цвет перетекает в лавандовый... Среди звуков музыки пронзительные крики... Земля раскалывается...

Быстрее.

Я великан. Тот же пейзаж, только уменьшенный до невероятных размеров... Словно циклоп, я крошу камни ногами... Радужная пыль оседает на мои ботинки, облака обволакивают плечи...

Воздух становится плотнее, плотнее, вот-вот потечет, точно вода, начинает зеленеть... Кружит в водовороте...

Замедляю движение, стараюсь изо всех сил...

Плыву в нем... Мимо проносятся замки, которые можно было бы поместить в аквариум... Блистающие ракеты, похожие на светлячков, нападают на меня... А я ничего не чувствую...

От зеленого к голубому... Все тоньше, тоньше пелена... Синий дым и воздух, словно напоенный фимиамом... Отзвук тысяч невидимых гонгов, повторяющийся без конца... Я сжимаю зубы...

Быстрее.

От голубого к розовому, вспышки... языки пламени... Еще... Холодный огонь танцует, точно подводные растения... Выше, поднимается все выше... Стены пламени трещат и изгибаются...

У меня за спиной шаги.

Не оглядываться. Продолжать переход.

Небо разорвано посередине, мимо солнца пронеслась комета... Вот она — нет, тут же исчезла... Появилась снова. И снова. Три дня за три удара сердца... Я вдыхаю напоенный изысканными ароматами воздух... Завиток пламени, спуск на багровую землю... В небе призмы... Бегу вдоль сияющей реки по полю, поросшему грибами цвета крови, под ногами, словно губка, пружинит земля... Споры превращаются в самоцветы, падают, как пули...

Ночь на медной равнине, эхо шагов уносится в вечность. Узловатые, похожие на причудливые механизмы растения тихонько позвякивают, металлические цветы раскачиваются на металлических стеблях, соединенных с кронштейнами... Клик, клик, вздох...

У меня за спиной — лишь эхо?

Быстро оглядываюсь.

Мне показалось или какая-то темная фигура действительно быстро нырнула за дерево у ветряной мельницы? А может, это просто игра бликов — результат моего перехода из одной Тени в другую?

Вперед. Сквозь стекло и наждачную бумагу, апельсиновый сок, пейзаж бледной плоти...

Солнца нет, только тусклый свет... И земли тоже нет... Лишь хрупкие мосты и острова, повисшие в воздухе... Весь мир — хрустальная матрица...

Вверх, вниз, вокруг... Сквозь дыру в воздухе и вниз по крутому скату...

Соскальзываю... На кобальтовый берег неподвижного медного моря... Сумерки и небо без звезд... Повсюду слабое сияние... Мертвое — это мертвое место... Синие скалы... Разбитые статуи странных существ, не имеющих ничего общего с людьми... Вокруг безмолвие и недвижность...

Остановись!

Я нарисовал магический круг на песке и наделил его силами Хаоса. А потом расстелил в самом центре свой новый плащ, улегся на него и провалился в сон. Мне приснилось, что поднялись воды и смыли часть моего круга, а потом зеленое чешуйчатое чудовище с красной шерстью и острыми зубами выползло на берег и подобралось ко мне, чтобы испить мою кровь.

Проснувшись, я увидел, что круг действительно разорван и дохлое зеленое чешуйчатое чудовище с красной шерстью и острыми зубами лежит на берегу в нескольких ярдах от меня, Фракир надежно обвилась вокруг его шеи, а песок вокруг взрыхлен, словно там боролись два великана. Похоже, я спал очень крепко.

Я забрал свою удавку и пересек еще один мост в бесконечность.

На следующем этапе моего путешествия я, решив передохнуть, чуть не стал жертвой неожиданного наводнения. Поступило еще одно предупреждение — сверкающими буквами, выписанными на поверхности обсидиановой горы. Мне в очередной раз сообщалось, что я должен отказаться от своей затеи, все бросить и вернуться домой. Мое предложение обсудить наши разногласия, которое я прокричал довольно громко, осталось без ответа.

Я шел вперед. Снова наступило время ложиться спать, и тогда я разбил лагерь в Черных Землях — неподвижных, безжизненных, туманных и затхлых. Нашел небольшую пещеру, которую смог бы с легкостью защищать, сотворил заклинание против магии и уснул.

Позже — насколько позже, не знаю — у меня на запястье начала пульсировать Фракир.

Я мгновенно вышел из глубокого сна без сновидений, а потом страшно удивился почему. Я не слышал и не видел ничего опасного в пределах своего, правда ограниченного, поля зрения. Однако Фракир почти никогда не ошибается и не поднимает тревоги без причины. Я стал ждать, что будет дальше, а пока восстановил в своем сознании образ Логруса. Когда он был полностью передо мной, я засунул внутрь руку, словно это была перчатка, и достал...

Я редко ношу с собой холодное оружие больше кинжала среднего размера. Довольно обременительно, когда на боку у тебя болтается несколько футов стали, цепляется за все подряд кусты, бьет по чему ни попадя и путается под ногами.

Хотя мой отец, как и многие другие в Амбере и во Дворах, души не чают в тяжелых неуклюжих мечах и шпагах; видимо, дело в том, что они покрепче меня. В принципе я не против такого оружия. Я люблю фехтовать и прошел хорошую школу. Просто мне не нравится носить такой неудобный предмет постоянно. Иногда даже, если я слишком долго имею с ним дело, ремень натирает мне бедро. Как правило, меня вполне устраивает Фракир, и я частенько полагаюсь на импровизацию. Однако...

Сейчас, и я готов был это добровольно признать, может быть, самый подходящий момент для того, чтобы воспользоваться серьезным оружием. Поскольку теперь я уже слышал громкое шипение и грохот, которые доносились снаружи откуда-то слева.

Я протянул руку сквозь Тень в поисках меча. Я тянулся и тянулся...

Проклятие. Я ушел слишком далеко от цивилизации нужного мне анатомического строения, представители которой обрабатывают металлы и находятся в соответствующей фазе исторического развития.

Я продолжал искать, лоб мой неожиданно покрылся испариной. Далеко, очень далеко. А звуки все ближе, громче, нетерпеливее.

Треск, топот и какие-то удары. Рычание.

Контакт!

Я коснулся рукояти меча. Ну, хватай и тащи к себе! Я призвал его, и в следующее мгновение меня отбросило к стене — с такой силой выскочил меч из Тени. Я постоял несколько секунд, потом вынул оружие из ножен, в которых он так и остался. Именно в этот момент все стихло.

Я подождал десять секунд. Пятнадцать. Полминуты...

Ничего.

Я вытер повлажневшие ладони о брюки. И снова прислушался. Наконец решился сделать шаг вперед.

Снаружи, непосредственно у входа в пещеру, ничего особенного не было, если не считать легкого тумана — самого обычного.

Еще один шаг...

Тишина.

Еще шаг.

И вот я уже стою на самом пороге. Я наклонился вперед и рискнул быстро оглядеться по сторонам.

Да. Слева от меня действительно что-то есть — темное, невысокое, неподвижное, прячущееся в тумане.

Присело? Готовится на меня прыгнуть?

Что бы это ни было, оно не шевелилось и сохраняло полнейшее молчание. Я последовал его примеру. За первым существом я заметил второе, точно такое же — а дальше, возможно, пряталось и третье. Почему-то ни одно из них не было склонно повторить представление с шумовыми эффектами, которое они устроили явно ради меня всего несколько минут назад.

Я продолжал стоять на своем посту.

Вероятно, прошло несколько минут, прежде чем я рискнул выйти наружу.

Все спокойно.

Я сделал шаг и подождал. Снова двинулся вперед.

Наконец очень медленно приблизился к первому существу. Уродливый зверь весь в чешуе цвета засохшей крови. Длинный, волнообразный, весит, наверное, несколько сот фунтов... Я открыл ему пасть острием меча — устрашающие зубы. Я не сомневался, что теперь мне ничто не угрожает, потому что голова страшилища была почти полностью отрублена от тела. Очень аккуратно. Желто-оранжевая жидкость все еще вытекала из раны.

С того места, где я стоял, было прекрасно видно, что два остальных существа ничем не отличаются от первого. Во всех отношениях. Осматривая второго, я заметил у него на теле несколько ран, к тому же не хватало лапы. Третьего изрубили в куски. Все трое истекали «кровью» и источали едва уловимый аромат гвоздики.

Я занялся изучением утоптанной земли и среди сгустков необычной крови на примятой росистой траве увидел смазанный отпечаток, похожий на след человеческого ботинка. Я принялся искать дальше и обнаружил еще один — на этот раз четкий. Он был направлен в ту сторону, откуда я пришел.

Мой преследователь? Может быть, «Т»? Тот, что отозвал собак? Решил выручить меня в трудную минуту?

Я покачал головой, потому что устал от попыток найти здравый смысл там, где его не имелось. Еще немного побродил вокруг диковинных зверей, ничего интересного не нашел, вернулся к своей пещере и поднял ножны. Спрятал в них меч, а потом забросил его *за спину так, чтобы рукоять торчала над рюкзаком*, когда я его надену. Вряд ли я смогу быстро передвигаться с этой штукой на боку.

Я поел немного хлеба и прикончил мясо. Запил все это водой и глотком вина. А потом зашагал дальше.

Почти весь следующий день я бежал — хотя понятие «день» не совсем подходит небесам, разрисованным однообразными пунктирами, или расчерченным в клетку, или освещенным сверкающими колесами и фонтанами света. Я бежал до тех пор, пока не устал, немного отдохнул, поел и снова устремился вперед. Приходилось экономить запасы пищи, поскольку, чтобы их пополнить, придется тянуться очень далеко, а это требует больших затрат энергии. Я сознательно не сокращал свой путь — такие эффектные переходы, как правило, дорого стоят, мне не хотелось прибыть на место, окончательно выбившись из сил. Я часто оглядывался. Но не видел ничего подозрительного. Правда, время от времен мне казалось, что кто-то меня преследует — вдалеке. Впрочем, этому могли быть и другие объяснения: Тени иногда вытворяют весьма неожиданные трюки.

Я мчался, не останавливаясь, и через некоторое время понял, что скоро окажусь там, куда так упорно стремился. Никаких новых несчастий и приказов повернуть назад не было. «Интересно, — мельком подумал я, — хороший это знак или худшее ждет меня впереди?» В любом случае осталась одна ночь и совсем небольшое расстояние. Если принять некоторые меры предосторожности, то даже появляются причины для оптимизма.

Я пробежал сквозь огромные, похожие на лес заросли кристаллов. Были ли они живыми существами или представляли какой-то геологический феномен, я не знал. Однако они искажали перспективу и затрудняли переход. Впрочем, я не

заметил никаких признаков жизни в этом сверкающем хрустальном мире и поэтому решил разбить свой последний лагерь именно здесь.

Я отломил несколько отростков и засунул их в розовую землю, напоминавшую наполовину застывшую замазку. Рассматривая себя в качестве центра, построил круглый палисад, высотой доходивший мне до плеч. А потом снял с запястья Фракир, выдал ей соответствующие инструкции и положил на сверкающую, но не очень ровную стену.

Фракир вытянулась и, превратившись в тоненькую ниточку, обвила похожие на осколки стекла ветви. Я чувствовал себя в безопасности, потому что не мог представить себе, что кто-нибудь сможет перебраться через мой забор — Фракир мгновенно покончит с нарушителем границы.

Я расстелил плащ, улегся на него и заснул. Не знаю, сколько спал. И не помню, чтобы мне что-нибудь приснилось. Вокруг все было тихо.

Когда я пошевелил головой, чтобы сориентироваться в пространстве, то быстро понял, что вид, представший моим глазам, повсюду одинаков. Я смотрел на переплетенные кристаллические ветви.

Я медленно поднялся на ноги и надавил на стену. Она оказалась очень твердой — я находился внутри стеклянной клетки.

И хотя я мог легко сломать некоторые маленькие веточки, они располагались главным образом наверху, у меня над головой, так что выбраться на свободу таким образом не представлялось возможным. Те, что я забил в землю вначале, стали толще, похоже, пустили в землю крепкие корни. Я некоторое время пинал их ногами — очень сильно, — но они даже не пошевелились.

Я пришел в ярость и размахнулся мечом — во все стороны полетели осколки. Прикрыв лицо плащом, я нанес стеклянной стене еще несколько ударов. И тут почувствовал, что левая рука стала влажной. Я посмотрел — она была покрыта кровью. Некоторые осколки оказались даже слишком острыми.

Пришлось оставить надежду расправиться с клеткой при помощи меча и вновь я принялся ее лягать. Стены время от времени издавали легкий скрип, иногда звенели, но стояли неколебимо.

Надо сказать, что обычно я не страдаю от приступов клаустрофобии, и в данный момент моей жизни ничто не угрожало, однако что-то в этой сияющей тюрьме меня невыносимо раздражало. Настолько, что я даже был не в состоянии разумно оценить ситуацию. Тогда, чтобы вернуть способность здраво мыслить, я приказал себе успокоиться.

Я внимательно изучил переплетение ветвей и отыскал среди них Фракир, которая выделялась цветом и структурой. Я коснулся ее пальцами и отдал приказ. Она стала ярче, засияла всеми цветами радуги, вспыхнула алым пламенем. Через несколько секунд послышался скрип.

Я тут же бросился в центр клетки и завернулся в плащ. Если скорчиться, решил я, тогда некоторые осколки сверху пролетят большее расстояние и смогут ударить в меня гораздо сильнее. Поэтому я выпрямился, прикрывая голову и шею руками и плащом.

Скрип превратился в хруст; хруст, потом грохот, звон бьющегося стекла. Неожиданно я получил сильный удар в плечо, мне с трудом удалось удержаться на ногах.

С пронзительными стонами и треском строение начало рушиться. Я сосредоточился на том, чтобы не упасть, хотя в меня угодило еще несколько крупных осколков.

Когда все стихло и я снова огляделся по сторонам, оказалось, что крыша исчезла, а я стою по колено в сломанных ветках из твердого, похожего на кораллы материала. Кое-где большие куски стены отвалились совсем рядом с землей. Другие накренились под неестественным углом, и на этот раз хорошо рассчитанные удары ногой сделали свое дело.

Фракир обвила мою левую щиколотку и начала медленно пробираться вверх к запястью. Когда я уходил, под ногами у меня хрустели осколки.

Я встряхнул плащ, который разорвался в нескольких местах, и привел себя в порядок. Минут тридцать я шагал вперед, оставив далеко позади место своей последней ночевки, а потом остановился и позавтракал в пышущей жаром бесцветной долине, где едва заметно пахло серой.

Заканчивая завтрак, я услышал грохот. Пурпурное существо с рогами и клыками мчалось вдоль гребня горы справа от меня, а его преследовало чудовище с оранжевой гладкой шкурой, длинными клыками и раздвоенным хвостом. Оба дико орали на разные голоса.

Я кивнул. Ничего особенного — *всего лишь один зверь гонится за другим.*

Я преодолевал скованные морозом и огнедышащие земли, шел под небесами дикими и безмятежными. И в конце концов много часов спустя оказался неподалеку от низкого гребня темных скал, освещенных утренней зарей. Ну вот я и прибыл. Осталось только подойти поближе и скользнуть внутрь — и тогда за самым последним и трудным препятствием покажется моя цель.

Я двинулся вперед. Хорошо бы поскорее покончить с этим делом и заняться другими, более важными проблемами. Я воспользуюсь картой, чтобы вернуться в Амбер, когда все будет сделано. Пожалуй, не стоит идти назад тем же путем.

Поскольку я бежал, мне показалось, что причина вибрации во мне самом. Впрочем, я довольно быстро переменил мнение — мелкие камешки впереди на дороге стали бесцельно и совершенно самостоятельно подпрыгивать.

А почему бы и нет?

Чем только в меня уже не швыряли! Складывалось впечатление, что моя своенравная Немезида* действует крайне методично, вычеркивая из списка возможных катастроф те, к которым уже прибегала. Пришла очередь очередного: «Землетрясение». Ладно. Хорошо еще, что поблизости нет ничего высокого — не свалится на голову.

— Желаю хорошенько развлечься, сукин сын! — выкрикнул я. — Очень скоро тебе будет не до веселья!

Словно в ответ на мои слова, земля задрожала сильнее, и мне пришлось замереть, иначе я вряд ли удержался бы на ногах. И вдруг почва начала оседать в нескольких местах, а кое-где пошла под уклон. Я быстро осмотрелся, пытаясь решить, что делать — идти вперед, отступить или стоять на месте. Медленно, очень медленно появились небольшие трещины, донеслись грохот и оглушительный скрип.

Прямо подо мной земля вдруг резко опустилась — дюймов на шесть, — а ближайшие расселины расползлись в стороны. Я повернул назад. Мне казалось, что там сейчас немного спокойнее.

Возможно, это было ошибкой. В следующее мгновение особенно сильный толчок сбил меня с ног. Прежде чем я смог что-нибудь предпринять, совсем рядом возникла огромная трещина. Я смотрел на нее, а она становились все шире. Тогда я быстро вскочил, перепрыгнул через ее разверстую пасть, споткнулся, упал, вновь поднялся, и моим глазам предстала еще одна рана на теле земли — она делалась все глубже и глубже, увеличивалась даже быстрее, чем та, через которую я только что перебрался.

Я совершил очередной головокружительный прыжок и приземлился прямо на небольшой участок оползающего вниз песка. Казалось, вся местность вокруг меня разорвана в клочья, черными молниями змеящиеся трещины, точно невиданные чудовища с душераздирающими стонами открывают свои бездонные пасти. Огромные глыбы исчезали, падая в глубокие пропасти. И мой маленький островок ждала такая же участь.

Я снова прыгнул... и еще раз... Я старался добраться до места, показавшегося мне относительно спокойным.

Не вышло. Я потерял равновесие и упал. Однако мне удалось ухватиться за край. Я повис одно короткое мгновение, а потом принялся потихоньку выбираться наверх. Край начал крошиться. Перехватив руки, я чуть-чуть повисел, а потом закашлялся, проклиная все на свете.

Я застрял на глинистой стене, где не найти даже небольшого углубления, куда можно было бы поставить ногу. Правда, земля понемногу поддавалась под ударами сапог. В конце концов я выдолбил маленькую ямку и, моргая залепленными грязью глазами, стал искать наверху какой-нибудь выступ, на который можно будет набросить Фракир и подтянуться, — я чувствовал, как она свернулась в петлю и устроилась возле моей кисти, готовая в любой момент прийти на помощь.

Ничего не получалось. Левая рука снова соскользнула; я изо всех сил цеплялся правой, однако земля вокруг продолжала оседать. Я знал, что и правая долго не выдержит.

Меня накрыла чья-то черная тень, я увидел ее сквозь пыль и слезы в глазах.

Как раз в этот момент пальцы правой руки разжались, и я оттолкнулся ногами в надежде предпринять новую попытку удержаться.

Чья-то сильная рука обхватила мое правое запястье и потянула вверх. В следующее мгновение появилась вторая рука, меня быстро и без особых усилий вытащили на поверхность. И вот я уже вскочил на ноги, спаситель выпустил мои руки, и я смог вытереть глаза.

— Люк!

Он был в зеленом, и, похоже, клинки не доставляли ему особых неудобств, потому что на правом боку у него висел меч весьма солидных размеров. Кажется, вместо рюкзака он использовал свернутый плащ, застежку от которого закрепил слева на груди так, что она служила своеобразным украшением. Изящная вещица, изображавшая какую-то птичку.

— Сюда, — сказал Люк, поворачиваясь, и я последовал за ним.

Он провел меня налево и назад, чуть в сторону от дороги, по которой я пришел в долину. Здесь было намного спокойнее, и мы взобрались на небольшой холм, располагавшийся вне пределов досягаемости землетрясения. Тут мы остановились, чтобы посмотреть, что творится у нас за спиной.

— Остановитесь! Дальше идти нельзя! — прогремел оттуда громоподобный голос.

— Спасибо, Люк, — задыхаясь, проговорил я. — Я не знаю, как ты сюда попал и зачем, но...

Он поднял руку.

— Сейчас меня интересует только одно, — сказал он и почесал бородку, которую отрастил за удивительно короткое время, а еще я заметил у него на пальце кольцо с голубым камнем.

— И что же это? — поинтересовался я.

— Почему у того, кто к нам сейчас обратился, твой голос? — спросил Люк.

— Вот-вот, мне он тоже показался знакомым.

— Да ладно тебе! Ты должен знать. Каждый раз, когда он угрожает и требует, чтобы ты вернулся... он напоминает эхо.

— А давно ты за мной идешь?

— Довольно давно.

— Дохлые твари у входа в пещеру, где я ночевал...

— Я убил их, чтобы спасти тебя. Куда ты направляешься и что это такое?

— В данный момент у меня есть лишь несколько предположений по поводу того, что происходит. История довольно длинная. Однако ответ наверняка можно будет найти за следующей горной грядой.

Я махнул рукой в сторону освещенного восходом неба.

Люк посмотрел туда, куда я показал, а потом кивнул:

— Идем.

— Там землетрясение в самом разгаре, — напомнил я ему.

— Складывается впечатление, что оно не распространяется за пределы этой долины. Обойдем ее и двинем дальше.

— И натолкнемся на продолжение.

Люк покачал головой.

— Мне кажется, — проговорил он, — что тот, кто тебе мешает, теряет силы с каждой новой попыткой и ему требуется время, чтобы прийти в себя и предпринять новую.

— Однако, — заметил я, — они становятся все более эффективными.

— Может, причина в том, что мы приближаемся к их источнику? — спросил Люк.

— Может быть.

— Тогда давай поспешим.

Мы прошли по дальнему склону холма, затем поднялись вверх и вновь спустились уже по другому склону. Толчки почти утихли, лишь время от времени земля содрогалась.

Мы вышли в долину, и та сперва увела нас немного правее от цели нашего путешествия, но потом плавно повернула в нужном направлении — к голым холмам, за которыми на белом фоне, похожем на низкие неподвижные облака, по-

висшие в розовато-лиловом небе, вспыхивали молнии. Никакие новые страсти, похоже, нам здесь не угрожали.

— Люк, — спросил я спустя некоторое время, — что случилось в горах той ночью в Нью-Мексико?

— Мне пришлось уйти — быстро, — ответил он.

— А как насчет тела Дэна Мартинеса?

— Забрал его с собой.

— Зачем?

— Не люблю оставлять на виду улики.

— Не очень-то внятное объяснение.

— Знаю, — сказал Люк и побежал.

Я припустил за ним.

— Ты знаешь, кто я такой? — сказал я.

— Да.

— Откуда?

— Не сейчас, — ответил он. — Не сейчас.

Он ускорил бег. И я тоже.

— А зачем ты меня преследовал?

— Я же спас твою задницу, разве не так?

— Да, и я тебе очень признателен. Но ведь это не ответ на мой вопрос.

— Давай кто быстрее — вон до того кривого камня, — предложил он и понесся вперед.

Я тоже и вскоре поравнялся с ним. Но как я ни старался, перегнать его не смог. Задавать вопросы и отвечать на них в данный момент было невозможно — мы слишком тяжело дышали.

Я напрягся изо всех сил и побежал быстрее. Люк тоже прибавил скорости, стараясь не отставать от меня. Кривой камень был все еще достаточно далеко. Мы мчались бок о бок, и я берег силы для последнего рывка. Самое настоящее безумие, но мы с Люком столько раз соревновались в беге, что это уже почти вошло в привычку. Ну и еще, конечно, старое любопытство. Кто же все-таки лучший бегун? Он или я?

Ноги грохотали по земле. Взяв под контроль дыхание, я подчинил его четкому ритму и немного обогнал Люка, но он ничего не сделал по этому поводу. Неожиданно камень оказался совсем близко.

Через полминуты Люк прибавил ходу, обошел меня, полетел вперед. Пора!

Я заставил ноги двигаться быстрее... Кровь стучала у меня в ушах, я втягивал в себя воздух, всем своим существом устремился к цели. Расстояние между нами сократилось.

Я догнал Люка, но, как ни старался, опередить не сумел. Мы промчались мимо кривого камня бок о бок, а потом оба повалились на землю.

— Фотофиниш, — задыхаясь, пролепетал я.

— Ничья, — выдохнул он. — Ты меня постоянно удивляешь — в самом конце.

Я вытащил флягу с водой и передал ее Люку. Он сделал глоток и вернул флягу мне. Мы очень медленно, маленькими глотками опустошили ее.

— Проклятие, — проговорил Люк, поднимаясь на ноги. — Давай посмотрим, что там, за этими холмами.

Я тоже встал и последовал за ним.

Когда я в конце концов отдышался, то первым делом заявил:

— Знаешь, мне кажется, что ты знаешь про меня чертовски много — гораздо больше, чем я про тебя.

— Думаю, тут ты прав, — помолчав, ответил Люк. — Хотелось бы мне, чтобы дело обстояло иначе.

— А это что значит?

— Не сейчас, — снова повторил он. — Позже. Ты ведь не читаешь «Войну и мир» во время перерыва на ленч.

— Не понимаю.

— Время, — пояснил Люк. — Его всегда или слишком много, или слишком мало. В данный момент у нас его мало.

— Все, ты меня окончательно запутал.

— Хотелось бы...

Холмы становились все ближе, а земля у нас под ногами оставалась жесткой, мы уверенно шагали вперед.

Я раздумывал над предложениями Билла, подозрениями Рэндома, вспомнил о предупреждении Мэг Девлин. И почему-то о необычных патронах, которые нашел в кармане куртки Люка.

— Та штука, к которой мы идем, — Люк не дал мне возможности сформулировать новый вопрос, — это Призрачное Колесо, верно?

— Да.

Он рассмеялся, а потом сказал:

— Значит, в Санта-Фе ты не врал, когда заявил, что для проекта нужна особая окружающая среда. Ты только не посчитал нужным сообщить мне, что нашел такую среду и построил эту штуку.

Я кивнул.

— А как насчет твоих планов, связанных с компанией? — поинтересовался я у него.

— Ну, я просто хотел тебя разговорить на тему о твоем проекте.

— Хорошо, а Дэн Мартинес?

— Не знаю. Я и в самом деле с ним не был знаком. Мне неизвестно, чего он добивался и почему гнался за нами, а потом обстрелял.

— Люк, а чего ты-то добиваешься?

— В данный момент я хочу посмотреть на эту проклятую штуку, — ответил он. — То, что она построена здесь, в этом диком краю, наделяет ее какими-то особыми качествами?

— Да.

— Например?

— Среди них, к сожалению, есть и такие, о возможности появления которых я и не подозревал, — ответил я.

— Назови хотя бы одно.

— Извини, — проговорил я. — Игра в вопросы и ответы — это игра для двоих.

— Эй, приятель, я ведь только что вытащил тебя из громадной дыры в земле.

— Насколько я понял, ты несколько раз пытался прикончить меня — тридцатого апреля.

— В последнее время — нет, — сказал он. — Честно.

— Иными словами, это и в самом деле был ты?

— Ну... да. Но у меня были уважительные причины. Это довольно длинная история и...

— Господи, Люк! Почему? Что я тебе такого сделал?

— Все не так просто.

Мы подошли к подножию ближайшего из холмов, и он полез вверх.

— Не делай этого, — крикнул я. — Ты не сможешь перебраться.

Он остановился:

— Да?

— Через тридцать или сорок футов... там нет атмосферы.

— Ты шутишь!

Я покачал головой.

— А с другой стороны еще хуже, — добавил я. — Нужно найти проход. Тут есть один, немного дальше и левее.

Я повернулся и отправился на поиски прохода. Вскоре я услышал у себя за спиной шаги Люка.

— И ты дал ему свой голос, — сказал он.

— Ну и что?

— А то, я прекрасно понимаю, что происходит. Он стал разумным в этом сумасшедшем месте, в котором ты его построил. Вырвался из-под контроля, и ты намерен его отключить. А он все понял и способен помешать тебе это сделать. Именно твое Призрачное Колесо пыталось заставить тебя повернуть, правильно?

— Вполне возможно.

— А почему ты не воспользовался картой, чтобы сюда добраться?

— Нельзя создать карту, изображающую место, которое постоянно меняется. Кстати, а что тебе известно про карты?

— Достаточно, — ответил он.

Впереди я увидел проход, который искал.

Я подошел к нему, но, прежде чем войти, остановился.

— Люк, — сказал я, — мне неизвестно, что тебе нужно, каким образом ты сюда попал и зачем, и мне кажется, что в твои планы не входит информировать меня об этом. Однако я все-таки сообщу тебе кое-что — бесплатно. Эта затея может оказаться очень опасной. Я думаю, тебе стоит вернуться туда, откуда ты прибыл, и предоставить мне самому разбираться с моими проблемами. Тебе совершенно незачем рисковать.

— А мне кажется, что у меня есть достаточно уважительные причины на то, чтобы остаться. Да и вообще я могу оказаться тебе полезным.

— Каким образом?

Он пожал плечами:

— Давай-ка лучше займемся делом, Мерлин. Я хочу увидеть эту штуку.

— Ладно, пошли.

Я повел его за собой по узкой дорожке между обрушившимися обломками скал.

X

Проход был длинным и темным, и временами невероятно узким. По мере того как мы продвигались вперед, становилось все холоднее, но в конце концов мы вышли на широкий скалистый уступ, нависший над окутанной паром огромной ямой. В воздухе пахло чем-то похожим на аммиак, ноги у меня мгновенно замерзли, а лицо, наоборот, раскраснелось — как обычно. Я старательно поморгал, а потом принялся изучать очертания лабиринта, возникшего в мечущемся воздухе. Казалось, кто-то накинул на это место жемчужно-серое покрывало, которое временами разрывали яркие огненные всполохи.

— Хм-м, ну и где же твое детище? — осведомился Люк.

Я махнул рукой в сторону последней ослепительной вспышки:

— Вон там.

Как раз в этот момент туман рассеялся, и нашим глазам предстали ряды темных, гладких горных кряжей, разделенных черными провалами. Скалистые хребты зигзагами пробирались к острову, похожему на крепость и окруженному низкой стеной, за которой можно было разглядеть несколько металлических конструкций.

— Это же лабиринт, — заметил Люк. — Мы как по нему пойдем — вниз по проходам или полезем вверх на стены?

Я улыбнулся тому, с каким видом он на него пялился.

— А это бывает по-разному, — ответил я. — Иногда нужно идти поверху, а иногда низом.

— Ну хорошо, а мы-то что станем делать?

— Еще не знаю. Приходится каждый раз изучать его заново. Видишь ли, он постоянно меняет форму, и тут есть фокус.

— Фокус?

— Ну, по правде говоря, их гораздо больше, чем один. Призрачное Колесо плавает в озере из жидкого гелия и водорода. Его действительно окружает лабиринт, который постоянно меняется. И еще — существует проблема атмосферы. Если ты выпрямишься в полный рост и пойдешь по гребню, то в большинстве мест окажешься выше ее. Следовательно, долго не продержишься. Да, чуть не забыл про температуру — если решишь подняться наверх, то сначала замерзнешь, как никогда в жизни не замерзал, а потом изжаришься. Причем всего через несколько футов. Необходимо знать, когда ползти, а когда взбираться вверх по склону, да и вообще в какой момент что делать. И, конечно же, в какую сторону идти.

— А как ты это узнаешь?

— Ну-у, — задумчиво протянул я. — Я тебя проведу, но секрета не выдам.

Туман снова начал выползать из пропасти и собираться в маленькие облака.

— Теперь я понимаю, почему ты не смог сделать карту, — произнес Люк.

Я продолжал изучать местность.

— Ладно, — объявил я в конце концов. — Вот сюда.

— А что, если твой Призрак нападет на нас, когда мы будем находиться в лабиринте?

— Можешь не ходить, если не хочешь.

— Да брось ты!.. Ты действительно собираешься его отключить?

— Еще не знаю. Пошли.

Я сделал несколько шагов вперед и немного вправо. Прямо передо мной в воздухе возник едва различимый световой круг, постепенно разгорелся, стал слепящим...

Люк вцепился в мое плечо.

— Что?.. — начал он.

— Дальше нельзя! — приказал мне мой собственный голос.

— Мне кажется, вместе мы сумеем что-нибудь придумать, — ответил я. — У меня есть несколько идей и...

— Нет! — донесся ответ. — Я слышал, что сказал Рэндом.

— Я готов проигнорировать его приказ, — сказал я, — если мы отыщем альтернативный вариант.

— Ты пытаешься меня обмануть. Ты хочешь меня отключить.

— А ты только усложняешь дело, демонстрируя свое могущество, — заявил я. — Я иду и...

— Нет!

Яростный порыв ветра вырвался из середины круга и ударил мне в грудь. Я покачнулся. Рукав моего плаща стал коричневым, потом оранжевым, прямо у меня на глазах превратился в лохмотья.

— Что ты вытворяешь? Мне необходимо с тобой поговорить, объяснить...

— Не здесь! И не сейчас! Никогда!

Я отлетел к Люку, он подхватил меня, но сам вынужден был опуститься на одно колено. В следующее мгновение нас уже хлестал ледяной ветер, перед глазами заплясали колючие кристаллы, повсюду возникали пронзительно яркие вспышки.

— Прекрати! — крикнул я, однако Призрак явно не собирался подчиняться.

Земля у нас под ногами начала крениться, и вскоре я понял, что она куда-то исчезла. Впрочем, ощущения, что мы падаем, не возникло. Скорее казалось, что мы подвешены в самом центре световой бури.

— Прекрати! — крикнул я снова, но мои слова утонули в грохоте.

Блистающий круг исчез, словно скрылся в глубине длинного туннеля, однако я понял — чувства мои были обострены до предела, — что это нас с Люком отнесло от источника света на солидное расстояние. И ничего, на чем мог бы остановиться глаз..

Послышалось тихое жужжание, которое превратилось в гудение, а потом глухой рык. Вдалеке я разглядел крошечный паровоз, с трудом, под каким-то необычным углом заползавший на гору, затем перевернутый вверх ногами водопад, линию горизонта под зелеными водами... Мимо промчалась скамейка в парке, на ней сидела женщина с синей кожей, она отчаянно цеплялась за спинку, а в глазах у нее застыл ужас.

Я принялся рыться в карманах, понимая, что нас в любой момент могут уничтожить.

— Что это? — прокричал мне в самое ухо Люк, который так сильно сжал мою руку, что чуть не вывихнул ее.

— Теневая буря! — рявкнул я в ответ. — Держись покрепче, — без всякой нужды предупредил я его.

Мне в лицо ударило существо, похожее на летучую мышь; впрочем, в следующее мгновение оно куда-то пропало, оставив на щеке влажную кляксу. Что-то пролетело, задев мою левую ногу.

Проплыл перевернутый горный кряж, который изгибался и корчился под нарастающий рев и грохот. И вот вокруг нас уже пульсирует ослепительное сияние, клубятся многоцветные ленты, касаются наших тел, создают ощущение физической силы. Раскаленные светильники и пение ветра...

Вскрикнул от боли Люк, но я не мог повернуться, чтобы ему помочь. Мы пронеслись сквозь похожие на молнии вспышки, и волосы у меня встали дыбом, а по коже пробежали мурашки.

Я отыскал в кармане и тут же вытащил колоду карт. Как раз в этот момент нас закружило в вихре, и я испугался, что карты выскользнут у меня из руки. Поэтому, не решаясь искать нужную, я отчаянно прижал всю колоду к груди. Та, что лежит сверху, должна стать нашим спасением.

Вокруг пульсировали и лопались, испуская зловоние, черные пузыри.

Я поднял руку и заметил, что она стала серого цвета и что ее пронизывают мерцающие вихри. Рука Люка, вцепившаяся мне в плечо, была похожа на руку мертвеца, а когда я бросил на него короткий взгляд, то встретился глазами с пустыми глазницами ухмыляющегося черепа.

Сосредоточив все свое внимание на картах, я отвернулся. Из-за серого тумана, окутавшего нас, и необъяснимого искажения перспективы картинка получилась размытой. Но в конце концов мне удалось увидеть карту как следует — четко и ясно. Та самая, поросшая зеленой травой *длинная коса, которую я разглядывал* на скамейке в заброшенном парке — как давно это было? — окруженная безмятежной водой, что-то блестящее, кристаллическое неподалеку справа...

Я снова сосредоточился. Судя по звукам, доносившимся у меня из-за спины, Люк задал какой-то вопрос, но я не разобрал его слов. Я продолжал смотреть на карту, и она постепенно становилась все ярче. Только вот происходило это медленно, очень медленно...

Что-то сильно ударило меня в бок, справа, под ребра. Я усилием воли заставил себя не обращать внимания на боль и не отвлекаться.

Наконец изображение карты начало расти, увеличиваться, возникло знакомое ощущение — меня зазнобило...

Крошечное озеро было погружено в почти элегический покой.

Я упал лицом в траву; сердце мое отчаянно колотилось, в боку пульсировала боль. Я тяжело дышал, а субъективное ощущение того, что мимо меня в калейдоскопе образов проносятся миры, все еще оставалось со мной, совсем как после длинного дня, проведенного в машине на шоссе, — когда закрываешь глаза и видишь мелькание самых разных пейзажей.

Ноздрей коснулся сладкий аромат воды, и я потерял сознание.

Я смутно понимал, что меня куда-то волокут, потом несут, потом помогают подняться на ноги и, поддерживая, ведут... вперед? После надо мной сотворили заклинание, я погрузился во мрак, заснул, и мне приснился сон.

...Я шел по улицам разоренного Амбера, а в темном, зловеще нависшем небе парил ангел-калека и размахивал огненным мечом; там, где опускался его клинок, возникало пламя, в воздух взметались клубы дыма и пыли. Вместо нимба у

ангела было мое Призрачное Колесо, оно насылало на Амбер могущественные ветры, оседланные чудовищами, которые, пролетая мимо ангела, казались черной живой вуалью — она касалась земли, и все превращалось в холодные руины. Дворец был наполовину разрушен, рядом с ним стояли виселицы, на них раскачивались тела моих родственников. В одной руке я держал меч, с ладони другой свисала Фракир. Я собирался сразиться с ослепительно черной Немезидой. Однако, когда я поднимался вверх по каменистой тропе, меня не оставляло ощущение, что мое поражение предопределено. И все же я твердо решил, что этому исчадию ада тоже не поздоровится и придется зализывать не одну рану.

Когда я приблизился, мерзкая тварь меня заметила, повернулась в мою сторону, подняла оружие, но я по-прежнему не мог разглядеть ее лица. Я бросился вперед, жалея только о том, что не успел напитать ядом клинок. Дважды описав мечом круг, я сделал ложный выпад, словно собирался ударить своего врага в область левого колена.

Вспышка света — и вот я падаю, падаю, а вслед за мной опускаются языки пламени, похожие на пылающую снежную бурю.

Прошла целая вечность, а когда я наконец очнулся, оказалось, что я лежу на спине на огромном плоском камне, размеченном, словно солнечные часы; стрелка чуть не пронзила меня насквозь. Даже если принять во внимание, что это был всего лишь сон, мне такой поворот событий показался настоящим безумием. Во Дворах Хаоса нет солнечных часов, поскольку там нет солнца.

Я находился в углу двора возле высокой черной башни и не мог пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться на ноги. Моя мать Дара, в своем обычном обличье, стояла на низком балконе и смотрела на меня, сияя ослепительной красотой и излучая могущество.

— Мама! — крикнул я. — Освободи меня!

— Я уже послала тебе подмогу, — ответила она.

— А что с Амбером?

— Не знаю.

— Где мой отец?

— Я не желаю вспоминать мертвых.

Стрелка сдвинулась с места, нависла над моим горлом, начала медленно приближаться.

— Помоги мне! — завопил я. — Скорее!

— Где ты? — крикнула она, быстро повернула голову, начала искать меня глазами. — Куда ты подевался?

— Я все еще здесь! — заорал я.

— Где ты?

Стрелка дотронулась до моей кожи...

Картина распалась, исчезла.

Моя спина касается чего-то жесткого, ноги вытянуты вперед. Кто-то только что сильно сжал мне плечо, рука задела шею.

— Мерль, с тобой все в порядке? Хочешь пить? — спросил знакомый голос.

Я сделал глубокий вдох и тяжело выдохнул. Несколько раз моргнул. Голубой свет, а мир состоит из углов и линий.

Около моих губ появился ковш с водой.

— Вот, держи. — Это был Люк.

Я выпил все до капли.

— Еще хочешь?

— Да.

— Минутку.

Я услышал, как он поднялся на ноги, куда-то ушел. А я занялся изучением тускло светящейся стены высотой в шесть или семь футов, которая стояла прямо передо мной. Провел рукой по полу. Кажется, тот же материал.

Вскоре вернулся улыбающийся Люк и протянул мне ковш. Я снова осушил его.

— Принести еще?

— Нет. Где мы?

— В пещере — большой красивой пещере.

— А где ты воду взял?

— В боковом ответвлении. — Люк махнул рукой. — Там несколько бочек. И огромный запас еды. Хочешь чего-нибудь?

— Пока нет. А ты в порядке?

— Меня немного потрепало, — ответил он, — но все цело. Кажется, у тебя ничего не сломано, а царапина на щеке перестала кровоточить.

— Уже есть чему порадоваться...

Я встал, и последние нити сна постепенно оборвались, оставив лишь след воспоминания. Тут я заметил, что Люк повернулся и уходит от меня. Я прошел за ним несколько шагов и только потом поинтересовался:

— А куда ты идешь?

— Туда, — ответил он и показал рукой с ковшом.

Я последовал за ним в отверстие в стене, и мы оказались в довольно холодной пещере размером с гостиную в моей старой квартире. Слева от входа я разглядел четыре большие деревянные бочки. Люк повесил ковш на верхний край ближайшей. Возле дальней стены было сложено множество ящиков, коробок и мешков.

— Консервы, — объявил он. — Фрукты, овощи, ветчина, лосось, конфеты, печенье. Несколько ящиков вина. Печь Колмана. Много пива. И даже парочка бутылок коньяка.

Он повернулся и прошествовал мимо меня в сторону зала.

— А теперь куда? — спросил я.

Однако Люк двигался очень быстро и не ответил на мой вопрос. Мне пришлось поспешить, чтобы его догнать. Мы миновали несколько ответвлений и переходов, а потом он остановился возле одного из них и удовлетворенно закивал головой:

— Туалет здесь. Самая обычная дырка, обшитая досками. Думаю, лучше держать ее закрытой.

— Что, черт подери, все это значит?

Люк поднял руку:

— Через минуту тебе все станет ясно. Иди сюда.

Он завернул за сапфировый угол и исчез из виду. Почти полностью потеряв ориентацию, я последовал в том же направлении. После нескольких поворотов я понял, что окончательно заблудился. Люка нигде не было видно.

Я остановился и прислушался. Ни единого звука, если не считать моего дыхания.

— Люк? Ты где? — крикнул я.

— Тут, — ответил мне он.

Мне показалось, что голос доносится откуда-то сверху, немного справа от того места, где я стоял. Я прошел под низкой аркой и оказался в залитой голубым сиянием комнате, построенной из того же прозрачного материала, что и все остальное. В углу я заметил спальный мешок и подушку. Свет проникал в комнату из небольшого отверстия, расположенного примерно в восьми футах у меня над головой.

— Люк? — снова позвал я.

— Здесь, — ответил он мне.

Я встал прямо под отверстием и, щурясь от яркого света, посмотрел вверх. В конце концов мне пришлось прикрыть глаза рукой. Надо мной вырисовался силуэт головы и плечи Люка, его волосы, словно золотая корона, сияли в лучах утреннего солнца — или уже вечер? Он улыбался.

— Насколько я понимаю, это выход? — проговорил я.

— Для меня, — ответил он.

— Это в каком смысле?

Послышался скрежет, и в отверстии появился край огромного валуна.

— Что ты делаешь?

— Сдвигаю камень таким образом, чтобы можно было быстро захлопнуть дверь, — ответил он, — а потом закрепить ее несколькими клиньями.

— Зачем?

— Ты не задохнешься — тут достаточно небольших дырок, в которые проходит воздух.

— Отлично. А что я вообще здесь делаю?

— По-моему, сейчас не совсем подходящее время для экзистенциалистских дискуссий*, — заявил Люк. — У нас не семинар по философии.

— Люк! Проклятие! Что происходит?

— Разве ты еще не понял, что стал моим пленником?.. Кстати, голубой кристалл блокирует любые передвижения при помощи карт и лишает тебя магических способностей, которые опираются на то, что находится вне стен пещеры. В данный момент мне нужно, чтобы ты был жив, не устроил бы никакого безобразия и находился там, где я смогу быстро до тебя добраться.

Я внимательно посмотрел на отверстие у себя над головой и на ближайшую стену.

— И не пытайся, — предупредил Люк. — У меня более выгодная позиция.

— А тебе не кажется, что ты все-таки должен мне объяснить, какого дьявола ты тут вытворяешь?

Он смотрел на меня несколько мгновений, а потом кивнул.

— Я должен вернуться, — сказал он наконец, — и попытаться взять под контроль Призрачное Колесо. У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

Я рассмеялся:

— У меня с ним в данный момент не очень теплые отношения. Боюсь, тут от меня не много пользы.

Люк снова кивнул:

— Необходимо посмотреть, что можно сделать. Господи, какое потрясающее оружие! Если мне не удастся самому с ним разобраться, придется вернуться и

прозондировать твои мозги — а вдруг там найдется что-нибудь полезное. Ты ведь будешь о нем думать, верно?

— Я буду думать о целой куче самых разных вещей, Люк. И далеко не все из них тебе понравятся.

— Ты попал в незавидное положение, так что тебе вряд ли удастся провернуть какой-нибудь уж особенно эффективный трюк.

— В данный момент — да, — согласился я.

Он ухватился за камень, начал сдвигать его с места.

— Люк! — крикнул я.

Он остановился, посмотрел на меня; такого выражения на его лице я еще ни разу не видел.

— Меня зовут совсем не так, — заявил он, немного помолчав.

— А как?

— Я твой кузен Ринальдо, — медленно проговорил он. — Это я убил Кейна, и мне немного не повезло с Блейзом. И с бомбой на похоронах не получилось — жаль. Кто-то меня заметил. Я уничтожу Дом Амбера при помощи твоего Призрачного Колеса — или без него. Однако все было бы гораздо проще, если бы мне удалось наложить руки на такую могущественную машину.

— Почему ты затаил на нас зуб, Люк?.. Ринальдо? По какой причине затеял эту вендетту?

— Сначала я разобрался с Кейном, — продолжал он, — потому что именно он убил моего отца.

— Я... не знал. — Я не сводил глаз с застежки с изображением феникса у него на груди. — Я не знал, что у Брэнда был сын, — сказал я наконец.

— Теперь знаешь, старик. Это еще одна причина, по которой я не могу тебя отпустить и вынужден держать в таком особенном месте. Не хочу, чтобы ты предупредил остальных.

— Из твоей затеи ничего не получится.

Он молчал несколько секунд, затем пожал плечами:

— Я должен попытаться, а там посмотрим, что меня ждет — поражение или победа.

— А почему 30 апреля? — неожиданно спросил я. — Хоть это-то ты мне можешь объяснить?

— В этот день я получил известие о смерти отца.

Он подтолкнул камень, и тот скользнул в отверстие, полностью закрыв его. Потом я услышал несколько коротких ударов.

— Люк!

Он не ответил. Сквозь прозрачный камень я видел его силуэт. Через некоторое время мой кузен выпрямился и вскоре исчез. Мне было слышно, как он уходит прочь.

— Ринальдо.

И опять он не ответил, до меня донеслись лишь его удаляющиеся шаги.

Я считаю дни по тому, как темнеет и освещаются голубые хрустальные стены. Я провел в заточении больше месяца, хотя мне неизвестно, с какой скоростью течет время относительно других Теней. Я обошел все залы и коридоры огромной пещеры, однако мне не удалось найти из нее выход. Мои карты бессильны,

они ничем не в состоянии мне помочь. А стены цвета камня в кольце Люка лишили способности творить заклинания.

Порой меня посещают мысли о том, что я, возможно, обрадовался бы временной потере рассудка — сумев, таким образом, сбежать из своей темницы. Однако разум отказывается сдаваться, слишком много загадок осталось без ответа — Дэн Мартинес, Мэг Девлин, Дева Озера... Почему? И зачем он проводил со мной столько времени — Люк, Ринальдо, мой враг?

Мне просто необходимо найти способ предупредить остальных. Если ему удастся натравить на них Призрачное Колесо, мечта Брэнда — мой кошмарный сон, где царила месть, — будет реализована. Так уж легли карты Судьбы. Теперь я понимаю, что совершил немало ошибок... Прости меня, Джулия...

Я снова пройду по своей тюрьме. Холодная голубая логика, пленником которой я оказался, должна иметь слабое место... Логика, вызывающая у меня слезы и горький смех, заставляющая ломать голову над поисками выхода. Нужно только пересечь вот этот зал, тот коридор... Отовсюду струится голубой свет. Тени не унесут меня отсюда, потому что здесь нет теней. Я — Мерлин, узник, сын пропавшего без вести Корвина. Моя мечта о свете обернулась против меня. И теперь я брожу по своей темнице, словно призрак самого себя. Нельзя допустить, чтобы все так закончилось. Возможно, за следующим поворотом, в следующем коридоре или в том, что за ним...

КРОВЬ АМБЕРА

КЕРБИ МАККОУЛИ

Перевод с английского Н. Беляковой

© Н. Белякова, перевод, 2004

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ХРУСТАЛЬНОЙ ПЕЩЕРЕ

В течение восьми лет моя жизнь была довольно спокойной, если не считать того обстоятельства, что каждый год тридцатого апреля кто-то пытался меня убить. Что же касается моей ученой карьеры — а работал я над созданием новых компьютеров, — то она складывалась довольно успешно.

Четыре года в «Гранд дизайн» пошли мне на пользу, и приобретенный там опыт я смог использовать в моей собственной тайной разработке, что доставило мне немалое удовольствие. Я подружился с Люком Рейнардом, работавшим в той же компании в отделе сбыта. Я плавал на своей маленькой яхте, регулярно занимался бегом...

Это случилось незадолго до тридцатого апреля. Вроде бы дела шли хорошо, мой любимый проект «Призрачное Колесо» был осуществлен. Я решил уволиться с работы, упаковал вещи и собрался отправиться в более зеленые места. Задержался я в городе лишь потому, что приближался тот самый симпатичный роковой денек, и на сей раз я решил выяснить, кто пытается меня убить и почему.

Утром Люк принес мне записку от Джулии, моей бывшей подружки. Она писала, что хочет меня видеть. Я заехал к ней и нашел ее мертвой. Очевидно, ее убило то же собакоподобное животное, которое потом напало на меня. Мне удалось расправиться с этим существом. Я быстро обыскал квартиру и нашел колоду карт, сильно напоминавших магические карты Амбера и Хаоса. Такой маг, как я, не мог не заинтересоваться ими.

Да, я — маг. Я — Мерлин, сын Корвина, принца Амбера, и Дары, принцессы Хаоса. Мои друзья в Тени Земля знают меня как Мерля Кори, талантливого, обаятельного, остроумного парня атлетического сложения... За подробностями обращайтесь к Кастильоне и к лорду Байрону*. Я человек скрытный, надменный и в то же время скромный.

Карты действительно оказались магическими; по всей видимости, они принадлежали увлекшемуся оккультизмом Виктору Мелману, с которым Джулия стала общаться после того, как мы расстались. Во время моего визита к этому джентльмену он пытался меня убить, точнее, принести меня в жертву. Я сумел помешать ему исполнить сей ритуал, задал несколько вопросов, затем в результате

некоторого стечения обстоятельств и моего энтузиазма ему пришлось умереть. Это к вопросу о церемониях.

Из разговора с ним я понял, что Мелман был лишь чьим-то орудием. Кто-то другой велел ему сделать из меня ритуальную жертву, и весьма вероятно, что именно тот, другой, был причиной гибели Джулии и моего памятного набора тридцатых чисел апреля.

Однако я не успел поразмыслить о случившемся, потому что вскоре меня укусила (да, именно укусила) привлекательная рыжеволосая особа. После короткого телефонного разговора, во время которого я представился ей как Мелман, она явилась ко мне в квартиру. Ее укус парализовал меня, но с помощью одной из магических карт, найденных в доме Джулии, я сумел вовремя скрыться. Карта перенесла меня к сфинксу, а тот благородно дал мне возможность оправиться — с тем чтобы я поиграл с ним в любимую игру сфинксов «отгадай загадку»; любимую потому, что когда ты неминуемо проигрываешь, они тебя просто-напросто съедают. Могу сказать лишь, что этот сфинкс был не шибко умен.

Затем я вернулся на теневую Землю и обнаружил, что квартира Мелмана в мое отсутствие сгорела дотла. Я попытался позвонить Люку, хотел поужинать с ним, однако выяснилось, что он расплатился и уехал из мотеля, оставив мне записку. В записке мой товарищ сообщал, что едет по делам в Нью-Мексико, и оставлял свои координаты. Портье передал мне также кольцо с голубым камнем, которое Люк забыл в номере, и я обещал вернуть его владельцу.

Я полетел в Нью-Мексико и в конце концов нагнал приятеля в Санта-Фе. Когда я перед ужином ожидал Люка в баре, со мной заговорил некий тип по имени Дэн Мартинес, проявлявший интерес к Люку; очевидно, у них наклевывалась какая-то торговая сделка и он хотел удостовериться в том, что на потенциального партнера можно положиться.

После ужина мы с Люком вздумали прокатиться в горы. Мартинес последовал за нами и, когда мы вышли из машины, чтобы полюбоваться ночной природой, начал стрелять в нас — возможно, решил, что Люк все-таки не поставит ему обещанный товар. Люк несказанно удивил меня, вытащив револьвер и застрелив Мартинеса.

Затем произошло еще одно странное событие. Люк произнес мое настоящее имя, которое я никогда не называл ему, процитировал мою родословную, потом велел мне сесть в машину и катиться ко всем чертям. Свое приказание он убедительно подтвердил выстрелом в землю у моих ног. Обсуждать приказ не представлялось возможным, и я счел за лучшее ретироваться. Перед нашим расставанием Люк посоветовал уничтожить магические карты, которые однажды спасли мне жизнь. По дороге я сообразил, что он был знаком с Виктором Мелманом.

Я не уехал далеко. Припарковав машину у подножия холма, я вернулся пешком. Люк исчез, исчезло и тело Мартинеса. Мой товарищ не вернулся в отель ни в ту ночь, ни на следующий день. Я тоже расплатился и уехал.

Единственным человеком, кому я вполне доверял и кто мог дать мне хороший совет, был Билл Рот. Билл, лучший друг моего отца, судья, жил в северной части штата Нью-Йорк. Я поехал к нему и рассказал обо всем, что со мной стряслось.

Билл своими вопросами заставил меня еще более серьезно задуматься над личностью моего товарища. Между прочим, Люк — здоровенный рыжий атлет, отчаянный и бесхитростный; хотя мы дружили много лет, я (как ясно показал Билл) почти ничего не знал о его прошлом.

Живший по соседству парень по имени Джордж Хансен стал околачиваться возле дома Билла и задавать странные вопросы. Какой-то человек звонил мне, чтобы расспросить о том же самом. Обоих интересовало, как зовут мою мать. Я, разумеется, соврал. Им вовсе ни к чему было знать, что моя мать принадлежит к магической аристократии Хаоса. Но звонивший говорил на языке тари, что возбудило мое любопытство, и я договорился с ним о встрече в баре местного клуба, чтобы обменяться информацией.

Однако, когда мы с Биллом прогуливались, мой дядя Рэндом, король Амбера, отозвал меня домой. Оказалось, что Джордж Хансен за нами следовал... Увы, его не приглашали. Билла я взял с собой — не хотел оставлять друга семьи с таким странным типом.

Рэндом поведал, что мой дядя Кейн погиб от руки убийцы, который пытался также застрелить моего дядю Блейза, но сумел лишь ранить его. Заупокойная служба по Кейну должна была состояться на следующий день.

В тот вечер я пришел на встречу в клуб; тем не менее мой таинственный собеседник не явился. Однако не все было потеряно — я познакомился с хорошенькой дамочкой по имени Мэг Девлин, и это имело интересные последствия. Я проводил ее домой, и мы смогли, что называется, *узнать друг друга* поближе. В малоподходящий момент, когда я считал, что ее мысли заняты совсем другим, она вдруг спросила, как зовут мою мать. Дьявольщина — подумал я и сказал. Лишь позже я понял, что именно ее мне и предстояло встретить в баре.

Наше любовное свидание было грубо прервано звонком из вестибюля; явился мужчина, представившийся мужем Мэг. Я предпочел быстро удалиться, как на моем месте поступил бы любой джентльмен.

Моя тетя Фиона, чародейка (иного профиля, чем я) не одобрила это любовное свидание. Еще менее она одобрила нашу дружбу с Люком, после того как я рассказал ей кое-что о нем, и спросила, нет ли у меня его фотографии. Я вынул фотографию из бумажника и показал ей. Это был групповой снимок, но я готов поклясться, что она сразу узнала Люка, хотя и не подала виду. И не случайно она и ее брат Блейз исчезли в ту ночь из Амбера.

Затем события стали развиваться еще быстрее. На следующий день во время похорон Кейна была сделана попытка уничтожить большинство членов нашей семьи взрывом бомбы. Негодяю удалось ускользнуть. Позднее я продемонстрировал силу Призрачного Колеса, моего нового изобретения, результата моих побочных занятий во время работы в «Гранд дизайн», и тем самым сильно взволновал Рэндома.

Призрачное Колесо — своего рода компьютер, но работающий на основе совершенно иных физических законов, чем те, которые я изучал в школе. По сути дела, эти законы можно назвать магическими. Мой Призрак был способен к самопрограммированию и казался живым существом. Это напугало Рэндома. Он велел мне вернуться и отключить его. Мне не очень-то понравился приказ дяди, но возражать я не стал.

Все время, пока я добирался до цели сквозь Тени, кто-то преследовал меня, угрожал, пытался испугать и чинил всяческие препятствия. От огня меня спасла странная дева, которую потом я похоронил в озере. От мерзких животных и чудовищного землетрясения меня уберегла некая таинственная личность; как оказалось позднее, это был Люк. Мы вместе дошли до последнего барьера, до места обитания Призрачного Колеса.

Мое творение рассердилось на меня и решило наказать нас с помощью Теневой бури, штуки весьма малоприятной — даже если вы не забыли прихватить с собой зонтик. Я избавился от этой напасти с помощью карт из колоды, найденной в квартире Джулии; я окрестил эти карты Картами Судьбы.

В конце концов мы очутились у входа в голубую хрустальную пещеру, и Люк пригласил меня войти в нее. Добрый старый Люк... Позаботившись о моих бытовых нуждах, он решил оставить меня в тюрьме. Именно сходство Люка с его отцом напугало Фиону, когда она увидела фотографию. Потому что Люк оказался сыном Брэнда, убийцы и предателя, который несколько лет тому назад чуть не разрушил наше королевство и в придачу всю Вселенную. К счастью, Кейну удалось убить его, прежде чем он успел осуществить свой замысел. Люк и убил Кейна, чтобы отомстить за отца. Выяснилось, что он узнал о гибели своего отца тридцатого апреля и решил, устраивая на меня покушения, столь странным образом отмечать эту дату.

Мое Призрачное Колесо произвело на него, как и на Рэндома, большое впечатление. Люк заявил, что я должен остаться его пленником, поскольку могу пригодиться ему, чтобы научить управлять этой штукой, которая, как он считал, может стать идеальным орудием уничтожения всего нашего рода.

Он отправился налаживать отношения с Призрачным Колесом, а я тут же убедился, что какое-то странное свойство пещеры лишает меня магической силы. Мне не с кем поговорить, кроме тебя, Фракир. А тебе некого задушить...

Хочешь, спою «Над радугой»?*

I

Лезвие сломалось, и я отшвырнул рукоятку ножа. Разве можно подобным орудием разрушить державшие меня в плену голубые прозрачные, словно океан, стены? В сравнении с ними я — лишь крошечная песчинка...

У моих ног валялось несколько маленьких камушков. Я поднял их и машинально потер друг о друга. Но они не могли помочь мне. Был лишь один путь — тот, каким я пришел. Но этот путь закрыт.

Я вернулся к себе, то есть в ту часть пещеры, где валялся мой тяжелый коричневый спальный мешок. Усевшись на него, откупорил бутылку вина и сделал несколько глотков. От попыток расковырять стену я был весь в поту.

Но тут появилась невидимка Фракир. Она покинула мое запястье, скользнула на ладонь левой руки и свернулась кольцом вокруг тех двух камешков, которые я все еще не выбросил. Потом завязалась узлом, свесилась с ладони и стала раскачиваться, словно маятник. Я убрал бутылку и начал наблюдать.

Дуга ее качания была параллельна стенам туннеля, который я теперь называл своим домом. Фракир покачалась с минуту и снова поднялась; дотронувшись до тыльной стороны моей руки, она чуть помедлила, потом высвободила камешки, оставив их лежать возле среднего пальца, и вернулась на свое обычное укромное место, обвившись браслетом вокруг запястья.

Я поднял мигающий масляный светильник и с любопытством уставился на камешки. Этот цвет...

На фоне моей кожи они казались удивительно похожими на камень в кольце Люка, которое он забыл в мотеле «Нью-Лайн». Совпадение? Или между ними есть какая-то связь? Что пыталась сказать мне моя ленточка-удавка?

Кольцо Люка... Голубой камень в металлической оправе... А где я видел еще один, точно такой же?

Пещера, в которой я был заточен, обладала способностью блокировать магическое действие магических карт и Логруса. Если Люк носил с собой камень, отколотый от этой стены, значит, у него была на то особая причина. Какими же качествами наделен этот материал?

Почти целый час я пытался выяснить природу камушков, но даже Логрус не мог помочь. В конце концов я с досадой сунул камни в карман, — поел немного хлеба с сыром и запил вином. Потом поднялся и еще раз проверил свои ловушки.

Я был узником этой пещеры уже целый месяц, обошел все туннели, коридоры и гроты в поисках выхода — ничего. Временами я носился по проходам словно бешеный, обдирая в кровь костяшки пальцев о холодные стены. Иногда ходил медленно в поисках трещин и расселин. А порой тщетно пытался сдвинуть каменную глыбу, загораживающую вход в пещеру. Но я не мог даже пошевелить ее. По-видимому, меня собирались держать здесь долго.

Мои ловушки...

Они так и стояли здесь с тех пор, как я в последний раз проверил их — куча бревен, большие камни, нагроможденные якобы в естественном живописном беспорядке, готовые рухнуть, если кто-нибудь споткнется о спрятанную в тени веревку, принесенную из ящика в складском помещении.

Кто-нибудь? Разумеется, Люк. Кто же еще? Ведь это он запер меня здесь. И если он вернется...

Когда он вернется, его будет ждать западня. Он вооружен. Он может застать меня врасплох, у него преимущество — он будет наверху у входа, а я внизу, не ожидая его...

Не выйдет. Меня там не окажется. Пусть войдет и спустится ко мне, и тогда...

Слегка встревоженный, я вернулся в свое жилище. Лежа на спине, заложив руки за голову, я пересмотрел свои планы. Западня могла убить человека, а я не хочу, чтобы Люк погибал. И дело тут вовсе не сантиментах, хотя до недавнего времени я считал его своим хорошим другом — до тех пор, пока не узнал, что он убил моего дядю Кейна и, как видно, желает уничтожить всех моих родственников, весь род Амбера. А все потому, что Кейн убил отца Люка, моего дядю Брэнда, человека, которого охотно прикончил бы любой из нас. Да, Люк, или Риналь-до, как, оказывается, его на самом деле зовут, — мой двоюродный брат, и у него есть причины объявить нашей семье вендетту. И все-таки желать убить всех нас — это уж слишком. Однако не родственные чувства и не прочие сантименты за-

ставили меня принять решение демонтировать западню. Люк мне нужен живой — слишком много вопросов я хотел задать ему, а если бы он погиб, я так и не узнал бы ответов.

Джасра... странные карты, с помощью которых я так легко перенесся через Тени... Какое отношение имел Люк к художнику, увлекавшемуся оккультизмом, к этому спятившему Виктору Мелману? Что известно Люку о Джулии и ее смерти?

Я начал разбирать западню.

Мой новый план был весьма прост и рассчитан на то, что Люк о нем никак не мог догадаться. Я перенес свой спальный мешок в туннель рядом с помещением, в потолке которого находился заблокированный вход, и разместил там также кое-что из запасов пищи, решив остаться на этом месте как можно дольше.

Новая западня, отлично придуманная, была проста и потому надежна. Устроив ее, мне оставалось только ждать. Ждать и помнить. И строить планы. Мне надо предупредить своих. И что-то сделать с Призрачным Колесом. Также необходимо выяснить, что знала Мэг Девлин. Многое, многое...

Я думал о Теневых бурях, о своих силах, о странных картах, о деве, погребенной в озере... После долгого периода, когда время текло медленно и плавно, моя жизнь вдруг наполнилась событиями, а потом вновь наступили долгие и пустые дни бездействия. Утешало одно: наверное, время здесь идет гораздо быстрее, чем где-либо, а это имело для меня огромное значение. Возможно, здешний месяц равнялся в Амбере всего лишь дню или даже меньше. Тогда, если бы я смог вскоре выбраться отсюда, следы, по которым мне нужно идти, оставались бы еще относительно свежими.

Поразмыслив обо всем этом, я погасил лампу и решил заснуть. Сквозь хрустальные линзы моей тюрьмы просачивался свет, то разгоравшийся, то угасавший, что позволяло мне определять время суток и жить согласно этому ритму.

В течение следующих трех дней я продолжал читать дневник Мелмана. В нем было полно намеков, но мало полезной информации. Однако она позволяла прийти к выводу: человек в капюшоне, которого он называл то посетителем, то учителем, возможно, не кто иной, как Люк. Правда, меня смутило, что в некоторых фразах он называет его гермафродитом. Упоминание в конце записок о необходимости принести в жертву Сына Хаоса я отнес на свой счет — ведь теперь я знал, что Мелману было велено убить меня. Но если эта идея принадлежала Люку, почему он так двусмысленно вел себя во время поездки в горы в Нью-Мексико, когда посоветовал мне уничтожить странные карты и велел немедленно уезжать, словно хотел защитить от кого-то? По его словам, он несколько раз покушался на мою жизнь, но, если можно ему верить, в последнее время убить меня пытался кто-то другой. Вроде бы обманывать меня ему ни к чему. Тогда кто же этот другой? Кто? И какова причина?

В данной головоломке явно не хватало каких-то деталей, настолько незначительных, что стоило слегка встряхнуть ее, как все встало бы на свои места и возникла бы картинка, простая и очевидная. Мне оставалось бы только удивляться, как это я не догадался обо всем раньше.

Конечно, я мог сообразить, что если мне нанесут визит, то непременно ночью. Мог — но не сообразил. Если бы мне пришло такое в голову, я спал бы днем, чтобы ночью бодрствовать и быть начеку. Хотя я не сомневался, что

мой план сработает, в критический момент даже пустяк может сыграть важную роль.

Я крепко спал, и стук камня о камень казался мне глухим и отдаленным. Открыл глаза. Стук не утихал. Лишь через несколько минут до меня дошло, что происходит. Я встал, сонный, протирая глаза и приглаживая волосы, прошел в соседнее помещение, ближайшее ко входу в пещеру, и притаился, сев у стены, пытаясь стряхнуть сон.

Теперь к стуку камней добавился другой звук — будто кто-то вытаскивал клинья, которые держали глыбу, загораживавшую вход в пещеру. Судя по отсутствию эха, звуки доносились снаружи.

Я рискнул выглянуть в переднее помещение. Вход по-прежнему завален, ночного неба со звездами не видно.

Вибрирующие звуки наверху продолжались, теперь к ним добавились скрип и треск. Над прозрачной крышей возник яркий световой шар, окруженный нимбом. «Фонарь, — подумал я. — Пламя не колеблется, значит, это не факел. К тому же факел сейчас было бы неудобно держать».

Наконец показалась полоска неба с двумя звездами в нижнем углу. Потом она расширилась, и я услышал тяжелое дыхание и тихое бормотание. «Их двое», — решил я.

От избытка адреналина в крови у меня звенело в ушах и слегка покалывало в руках и ногах. Я никак не рассчитывал, что Люк явится не один. Мой надежный план не сработает, стало быть, я просчитался. У меня даже не было времени выругаться — следовало сосредоточиться, чтобы принять нужное решение.

Я мысленно вызвал образ Логруса, и он возник передо мной. Поднявшись на ноги и упираясь плечом в стену, я стал двигать руками в такт движениям линий фантома. Когда мне удалось достичь полного совпадения движений, звуки наверху замерли.

Входное отверстие было уже свободным. Через несколько секунд там вспыхнул свет, и я сделал шаг вперед.

Я вошел в этот просторный зал, вытянув вперед руки. Увидев двух вооруженных кинжалами смуглых низкорослых мужчин, которые просунули в отверстие головы, я понял, что мой план провалился. Люка с ними не было.

Протянув руки в рукавицах Логруса, я схватил каждого за горло и сжимал пальцы до тех пор, пока мои посетители не обмякли, потом подержал еще немного и отпустил их. Потом с помощью светящихся силовых линий Логруса поднялся ко входному отверстию, задержавшись немного, чтобы забрать прилепившуюся к потолку Фракир. Собственно, такова и была моя западня. Голова входящего в мое жилище Люка должна была попасть в эту петлю, которая затянулась бы на его шее при малейшей попытке двинуться.

Наконец-то... Справа от меня, спускаясь по склону, алела огненная полоска — вылившийся из разбитого фонаря бензин превратился в горящий ручеек. По обе стороны его лежали задушенные мной незнакомцы. Валун, прежде загораживавший вход, находился слева. Я помедлил немного, высунув голову и плечи из входного отверстия и опираясь на локти. Тень Логруса плясала у меня перед глазами, в руках еще чувствовалось пульсирующее тепло силовых линий. Фракир ползла с моего левого плеча вниз, на бицепс.

Можно сказать, все произошло слишком уж гладко и просто. Вряд ли Люк доверил двум самым заурядным своим прихвостням допросить меня или убить — или перевезти куда-нибудь. Поэтому я не решился сразу же выйти из пещеры и пытался оглядеть окутанные мраком окрестности. Проявил на этот раз благоразумие и осторожность.

Интуиция мне подсказывала, что я здесь не один. Стояла такая темень, что свет от угасающего ручейка огня был не в силах разогнать мрак. Но когда я вызываю Логрус, особый психический настрой позволяет мне видеть бестелесные существа.

Так произошло и на этот раз. Слева под деревом я различил какой-то предмет, а за ним — смутные очертания человеческой фигуры. Этот предмет был весьма странен, хотя и напоминал нечто знакомое, виденное прежде в Амбере. Он медленно вращался, как колесо, и испускал кудрявые дымообразные кольца света, которые также медленно двигались ко мне сквозь мрак, а я смотрел на них как зачарованный, уже зная, что следует делать.

Четыре больших кольца направлялись в мою сторону — медленно, осторожно. Всего в нескольких ярдах от меня они остановились, а потом внезапно кинулись на меня как кобры.

Я сложил руки крест-накрест, и конечности Логруса вытянулись. Я развел их в стороны одним мгновенным резким движением и слегка подтолкнул вперед. Они ударили по желтым кольцам, отшвырнув их назад, на предмет, с которого те слетели. У меня в руках запульсировала кровь.

Затем удлинившейся правой рукой я нанес по качающемуся предмету сильный удар, словно мечом по щиту. Раздался резкий короткий крик — это «нечто» потускнело, очертания его начали растворяться. Я снова нанес быстрый удар, выскользнул из своей норы и пошел вниз по склону. Рука у меня болела.

Непонятный предмет растворился и исчез. Однако теперь я более отчетливо мог различить фигуру, прислонившуюся к стволу дерева. Я понял, что это женщина. Ее лица не было видно, так как она что-то держала на уровне глаз. Опасаясь, что это оружие, я с помощью Логруса нанес удар, стремясь выбить оружие из ее рук.

И пошатнулся, чуть не сбитый с ног силой отдачи. Видимо, предмет обладал мощной магической силой. По крайней мере, моя соперница тоже пошатнулась. Она вскрикнула, однако таинственный предмет не выпустила.

Через миг от женщины стало исходить неяркое многоцветное сияние. Я понял тогда, что это за штука у нее в руке, и направил туда силовую линию Логруса. Это была магическая карта. Теперь я просто обязан достичь ее хотя бы для того, чтобы выяснить, кто она такая.

Я ринулся к ней, но тут же понял, что не успеваю. Если только...

Я снял Фракир с руки и швырнул ее вдоль силовой линии Логруса.

Отсюда, благодаря неяркому сиянию, окружавшему женщину, я смог разглядеть лицо соперницы. Это была Джасра, которая чуть не убила меня своим укусом в квартире Мелмана. Еще миг, и она исчезла бы, не дав мне шанса получить ответ на вопросы, от которых, быть может, зависела моя жизнь.

— Джасра! — крикнул я, пытаясь помешать ей сосредоточиться.

Крик мне не помог, но помогла Фракир.

Моя ленточка-удавка сверкнула серебряным светом и обвилась вокруг ее горла, а хвостом крепко уцепилась за свисавшую с дерева ветку. Женщина начала бледнеть, растворяться. Видно, не поняла, что уже поздно, что она не может ускользнуть, не лишившись головы.

Вскоре ей пришлось усвоить горький урок. Джасра сдалась, стала телесной, осязаемой, перестала светиться, уронила карту и ухватилась за обвившую ее шею удавку.

Я подошел и протянул руку Фракир, которая высвободила ветку и обвила хвост вокруг моего запястья.

— Добрый вечер, Джасра, — промолвил я, запрокинув ей голову. — Попробуй снова вонзить в меня свои ядовитые зубы, и ожерелье сожмет твою шею потуже. Понятно?

Она попыталась что-то сказать, но не сумела выдавить ни звука, только кивнула.

— Я чуть-чуть высвобожу твою шейку, и ты сможешь отвечать.

Я слегка ослабил хватку Фракир. Джасра закашлялась и бросила на меня взгляд, способный превратить песок в стекло. Ее магическая сила исчезла окончательно, и я позволил Логрусу удалиться.

— Почему ты преследуешь меня? — спросил я. — Кто я для тебя?

— Сын погибели! — ответила она и *попыталась плюнуть мне в лицо, но во рту* у нее слишком пересохло.

Я тихонько подергал Фракир, *и Джасра снова закашлялась.*

— Ответ неверный, — заметил я. — Следующая попытка.

И вдруг выражение ее лица изменилось, на губы легла слабая улыбка. Я еще ослабил ленту, сдавливавшую ее шею, и быстро огляделся. В воздухе справа и сзади от меня возникло мерцающее сияние — кто-то, воспользовавшись картой, собирался к нам в гости.

В данный момент я не был готов к новому нападению и, сунув свободную руку в карман, вытащил колоду своих собственных карт. Сверху лежала Флора. «Отлично, — подумал я, — сойдет!»

Пристально вглядываясь в карту, освещенную слабым светом, я напряг ум и настроился... Я почувствовал ее внимание, вначале рассеянное, потом пристальное...

Затем услышал:

— Да?..

— Забери меня! Быстро!

— Это что? Крайне необходимо?

— Слышала, что я сказал? Поторапливайся!

— Гм-м... Хорошо. Иди сюда.

Передо мной возник образ Флоры, лежащей в постели; он становился все яснее и яснее. Она протянула мне руку. Я подал свою и только начал переход, как услышал голос Люка:

— Стой!

Я продолжал перемещаться и тянул за собой Джасру. Попытавшись устоять, она сильно меня толкнула. Я споткнулся и упал на кровать и только тут заметил

на противоположном ее краю темноволосого бородатого мужчину, смотревшего на меня широко раскрытыми глазами.

— В чем дело? Кто это?.. — начал он, в то время как я, виновато улыбаясь, вставал.

Люк полусформировавшейся тенью подлетел к моей узнице и пытался оторвать ее от меня, схватив за руку. Это заставило Фракир сильнее сжать шею Джасры, которая, издав хриплый звук, закашлялась.

Черт побери! Что же делать?

Флора внезапно резко поднялась, откинув пахнущую лавандой простыню, и с поразительной быстротой махнула кулаком.

— Ах ты, сука! — крикнула она. — Помнишь меня?

Удар пришелся Джасре по челюсти, и я едва успел высвободить Фракир, прежде чем Люк заключил Джасру в объятия. Оба они исчезли, и мерцающий свет погас.

Тем временем темноволосый сполз с кровати и торопливо стал собирать свою одежду. Схватив все в охапку, он как был нагишом попятился к двери.

— Рон! Ты куда? — воскликнула Флора.

— Ухожу! — ответил он, открывая дверь.

— Подожди!

— Ни в коем случае! — раздался ответ из другой комнаты.

— Черт бы тебя побрал! — разозлилась на меня Флора. — Кто просил тебя вмешиваться в мою личную жизнь?.. Рон! Может, поужинаем сегодня?

— Мне надо показаться психиатру! — донесся голос.

Затем хлопнула дверь.

— Надеюсь, до тебя доходит, какие прекрасные отношения ты испортил, — упрекнула меня Флора.

Я вздохнул:

— Когда ты с ним познакомилась?

Она нахмурилась:

— Ну... Вчера. Давай, давай, ухмыляйся! Тут дело не во времени. Я сразу же поняла, что из этого знакомства может выйти что-нибудь стоящее. А такие грубияны, как ты и твой отец, готовы все хорошее опошлить...

— Прости, — сказал я. — Спасибо, что вытащила меня. Не беспокойся, вернется твой Рон как миленький! Мы просто напугали его до смерти. Да разве может кто-нибудь не вернуться, узнав тебя однажды!

— Да, ты действительно вылитый Корвин: грубиян, но не дурак.

Флора поднялась, подошла к шкафу, вынула оттуда пахнущий лавандой халат и накинула его.

— Ну, так в чем дело? Что там стряслось? — спросила она, запахивая халат.

— Это долгая история...

— Пожалуй, я лучше послушаю ее за завтраком. Ты голоден?

Я ухмыльнулся.

— Ну вылитый!.. Ладно, идем.

Тетушка провела меня через провинциальную французскую гостиную в просторную кухню в деревенском стиле с изразцами и медной посудой. Я предложил свою помощь, но она указала мне на стул возле стола и велела сесть. Открыв холодильник. Флора стала доставать кучу деликатесов, но я остановил ее:

— Прежде всего...

— Что?

— Прежде всего скажи, где мы находимся.

— В Сан-Франциско.

— А почему ты здесь поселилась?

— Выполнив поручение Рэндома, я решила здесь остаться. Этот город мне снова приглянулся.

Я щелкнул пальцами. Я забыл, что ее послали разузнать, кто владелец здания, где находилась квартира и мастерская Виктора Мелмана и где на «Складах Брутуса» хранился запас снарядов, взрывающихся только в Амбере.

— Так кто же владелец?

— «Склады Брутуса», — ответила Флора. — Мелман арендовал у них помещение.

— А кому принадлежат «Склады Брутуса»?

— Компании «Дж. Б. Рэнд, Инк.».

— Адрес?

— Офис в Саусалито. Закрыт несколько месяцев назад.

— А у хозяев офиса был домашний адрес для арендаторов?

— Только номер почтового ящика. Он тоже аннулирован.

Я кивнул:

— Понятно. Ничего удивительного. А теперь расскажи мне про Джасру. Ты явно знакома с этой дамой.

Флора презрительно хмыкнула:

— Какая там дама! Королевская шлюха! По крайней мере, была ею, когда я знала ее.

— Где?

— В Кашфе.

— А где это?

— Занятное маленькое королевство в Тенях, чуть выше границы Золотого Круга, одно из тех, с кем у Амбера торговые связи. Варварское убожество с претензией на великолепие, и ничего больше. Своего рода культурные задворки.

— В таком случае откуда тебе все это известно?

Флора помедлила, помешивая что-то в миске.

— О, я водила дружбу с одним дворянином из Кашфы. Встретила его однажды в лесу. Он охотился с соколом, а я ненароком подвернула ногу.

— Ага, — вмешался я, не желая, чтобы детали увели нас в сторону. — Вернемся все же к Джасре.

— Она была женой старого короля Менилана. Помыкала им как тряпкой.

— Что ты имеешь против нее?

— Она украла у меня Джасрика, пока меня не было в городе.

— Джасрика?

— Моего дворянина. Графа Кронклефа.

— А что думал его величество Менилан об этих проделках?

— Он ничего не подозревал. В то время он лежал на смертном одре. И вскоре благополучно испустил дух. По правде говоря, из-за этого-то она и жаждала заполучить Джасрика. Он был шефом дворцовой охраны, а брат его — генералом. Когда Менилан испустил дух, Джасра втянула их в заговор с целью государственного переворота. Последнее, что я слышала о ней, — она стала королевой Каш-

фы и дала Джасрику от ворот поворот. Так ему и надо. Думаю, он сам мечтал влезть на трон, но она не пожелала делить с ним власть, а приказала казнить его вместе с братом за государственную измену... А он и в самом деле был парень хоть куда... Хотя и не слишком умен.

— Не наделены ли жители Кашфы какими-нибудь... скажем, необычными физическими качествами? — спросил я.

Флора улыбнулась:

— Ну, Джасрик был в полном порядке, но я не назвала бы необычным то...

— Нет, нет, — прервал я ее, — я имею в виду что-нибудь вроде аномалии рта, например, втягивающиеся клыки, жало и тому подобное.

— Ах! — воскликнула Флора, и я не понял, покраснела она от жара плиты или по другой причине. — Вовсе нет! У него все было в норме. С чего ты взял?..

— Рассказывая тебе о моих приключениях в Амбере, я умолчал о том, что Джасра укусила меня и я чуть не умер, потому что укус оказался ядовитым. Долгое время я был парализован, не мог говорить и чувствовал ужасную слабость.

Она покачала головой:

— Кашфанцы не способны ни на что подобное. Но Джасра не из Кашфы. Какой-то работорговец привез ее из далекой страны. А другие говорят, будто она в один прекрасный день сама явилась в Кашфу и подцепила Менилана. Ходили слухи, что она — колдунья. Правда или нет — не знаю.

— А я знаю. Эти слухи не случайны.

— В самом деле? Может, потому-то она и сумела отбить у меня Джасрика.

Я пожал плечами.

— Давно ты с ней встречалась?

— Тридцать... нет, пожалуй, сорок лет назад.

— И она все еще королева Кашфы?

— Не имею понятия, я давненько там не была.

— Амбер в плохих отношениях с Кашфой?

Флора покачала головой:

— Да почти что ни в каких. Я уже говорила, королевство захолустное. Расположено оно далеко, да и торговать им особенно нечем.

— Тогда что у Джасры за причины ненавидеть нас?

— Те же, по которым она ненавидит других.

Запах восхитительной пищи наполнил кухню. Вдыхая его, я мечтал о том, как после завтрака приму горячий душ. И тут Флора сказала то, что я ожидал от нее услышать:

— Этот человек, что утащил Джасру... Мне он показался знакомым. Кто он?

— Один из тех, о ком я рассказывал тебе в Амбере, — ответил я. — Его зовут Люк. Интересно, он тебе напоминает кого-то?

— Вроде бы, — промолвила Флора, помедлив. — Однако не припоминаю кого.

Когда она повернулась ко мне спиной, я продолжил:

— Если ты скрываешь что-то важное, лучше выкладывай, будь добра!

Она поставила что-то на столик, затем повернулась ко мне и в замешательстве спросила:

— А что такое?

— Его настоящее имя Ринальдо, он сын Брэнда, — объявил я. — Я был его пленником месяц с лишним, в другой Тени. И только что сбежал.

— О боже! — прошептала Флора. — Чего же он хочет?

— Отомстить.

— Кому именно?

— Всем нам. Но сильнее всех он ненавидел, конечно, Кейна.

— Ясно.

— Пожалуйста, проследи, чтобы еда не подгорела — я так давно мечтал вкусно поесть.

Флора кивнула и повернулась ко мне спиной. Чуть погодя она спросила:

— Ты довольно давно его знаешь. Что он за человек?

— На вид — отличный парень. Если он такой же чокнутый, как его отец, то хорошо это скрывает.

Она откупорила бутылку вина, наполнила два бокала и поставила их на стол. Потом подала еду. Проглотив несколько кусочков, Флора застыла; приподняв вилку и глядя куда-то в пространство, заметила:

— Кто бы мог подумать, что у Брэнда есть сын...

— Очевидно, Фиона, — ответил я. — Вечером накануне похорон Кейна она спросила меня, есть ли у меня фотография Люка. Когда я показал ей снимок, то заметил, что она чем-то взволнована, а чем — она не объяснила.

— А на следующий день она и Блейз исчезли, — подхватила Флора. — Да, теперь я вижу, что он похож на Брэнда в молодости. Люк выше ростом и поплотнее, но определенное *сходство есть*.

Она снова принялась за еду.

— Между прочим, ты прекрасно готовишь.

— О, спасибо. — Флора вздохнула. — Стало быть, мне придется ждать, пока ты наешься, чтобы выслушать всю историю.

Я кивнул с набитым ртом. Пусть все летит в тартарары, я умираю с голода.

II

Я принял душ, привел себя в полный порядок, облачился в только что наколдованный костюм и, найдя в телефонном справочнике единственную фамилию Девлин в районе Билла Рота, позвонил. Тембр ответившего женского голоса вначале показался мне малознакомым.

— Мэг? Мэг Девлин? — спросил я.

— Да, — был ответ. — А кто говорит?

— Мерль Кори.

— Кто?

— Мерль Кори. Не так давно мы с вами неплохо провели ночь.

— Извините, — ответила женщина, — вы, вероятно, ошиблись!

— Если вы сейчас не в состоянии говорить свободно, я могу позвонить в любое время. Или вы позвоните мне.

— Я не знаю вас, — сказала она и положила трубку.

Я уставился на телефон. Если при нашем разговоре присутствовал ее муж, неудивительно, что она притворялась. Но могла бы по крайней мере намекнуть, что узнала меня и согласна поговорить со мной в другое время.

Я решил отложить контакт с Рэндомом, потому что чувствовал, что он тут же вызовет меня обратно в Амбер, а я хотел вначале поговорить с Мэг. Теперь я оказался в некоем тупике и попытался сделать то, что представлялось единственным выходом: позвонил в справочную и узнал номер телефона Хансенов, ближайших соседей Билла.

На третий звонок ответил женский голос; как я понял, говорила миссис Хансен. Когда-то я виделся с ней, но не в последний мой приезд.

— Миссис Хансен, — начал я. — Это Мерль Кори.

— Ах, Мерль... Вы, по-моему, приезжали к нам недавно, не правда ли?

— Да, хотя задержаться, к сожалению, не мог. Но с Джорджем я виделся несколько раз и подолгу с ним беседовал. Признаться, я и сейчас желал бы поговорить с ним, если он дома.

После довольно долгой паузы она ответила:

— Джордж... Дело в том, Мерль, что Джордж сейчас в больнице. Что-нибудь передать ему?

— О нет, это не срочно, — ответил я. — А что с ним случилось?

— Ничего... Ничего страшного. Он уже поправляется. Сегодня у него осмотр и, очевидно, выписка. В прошлом месяце у него было своего рода нервное расстройство, потеря памяти на несколько дней. Врачи не могут понять причину...

— Мне очень жаль.

— Дело в том, что рентген не показывает никаких нарушений, ну, скажем, ушиба головы или еще чего-нибудь. Теперь, кажется, все наладилось. Но они хотят еще немного понаблюдать за ним. Вот и все. — Внезапно ее словно осенило: — Каким он показался вам, когда вы с ним беседовали?

Я ждал этого вопроса и без колебания ответил:

— По-моему, вполне здоровым. Разумеется, я не знал его раньше и мог не заметить в нем перемен...

— Понимаю, — сказала она. — Вы хотите, чтобы Джордж позвонил вам, когда вернется домой?

— Нет, я собираюсь уезжать и не знаю точно, когда вернусь. Впрочем, у меня ничего важного. Позвоню как-нибудь на днях.

— Хорошо. Тогда я передам ему, что вы звонили.

— Благодарю вас. До свидания.

Я почти ожидал этого. После разговора с Мэг поведение Джорджа казалось особенно подозрительным. Меня беспокоило, что он, очевидно, знал, кто я на самом деле, знал про Амбер и, возможно даже, хотел последовать за мной с помощью карты. Казалось, оба они — и он, и Мэг — были объектами каких-то странных манипуляций.

Я сразу подумал о Джасре. Она ведь, судя по всему, была союзницей Люка, а Мэг предупреждала меня, чтобы я опасался Люка. Как Мэг предупредила бы меня, если бы ее каким-то образом контролировала Джасра? Нет, пожалуй, этот вариант отпадал. Кто же из тех, кого я знаю, способен на подобное вмешательство?

Во-первых, Фиона. Но, с другой стороны, она в прошлый раз помогала мне вернуться из Амбера в эту Тень и даже забрала меня после вечера с Мэг. К тому же, как мне показалось, она была, так же как и я, встревожена ходом событий.

Чушь собачья. В жизни полно дверей, которые не отворяются, когда ты в них стучишь, — не меньше, чем тех, которые распахиваются, когда ты этого не желаешь.

Я вернулся и постучал в дверь спальни. Флора разрешила мне войти. Она сидела перед зеркалом, наводя красоту.

— Ну, как идут дела?

— Не слишком хорошо. По правде говоря, препаршиво.

Я вкратце поведал ей о результатах телефонных разговоров.

— И что ты теперь намерен делать?

— Связаться с Рэндомом и назначить с ним встречу. У меня предчувствие, что он скоро позовет меня, желая все разузнать. Так что хочу попрощаться с тобой и сказать спасибо за то, что помогла мне. Прости, что помешал твоему роману.

Флора пожала плечами, продолжая сидеть ко мне спиной и разглядывая себя в зеркале.

— Не беспокойся...

Конец фразы я не дослушал, хотя она продолжала говорить. Мое внимание отвлекло то, что мне показалось контактом с картой. Я настроился на восприятие и стал ждать. Ощущение контакта усиливалось, но вызывающий меня все не появлялся.

— В чем дело, Мерль?

Я поднял руку, направив ее в сторону Флоры, и ощущение стало еще более интенсивным. Мне вдруг показалось, что я смотрю вниз в длинный, пустой и темный туннель.

— Сам не знаю, — ответил я, потом позвал Логрус и взял под контроль его конечности. — Призрак, это ты? Ты готов говорить со мной?

Ответа не было. Я ощутил холод, но продолжал ждать, настроенный на прием.

Подобного ощущения я никогда еще не испытывал. Мною завладело сильное предчувствие, что, если я сделаю шаг вперед, меня тут же куда-то перенесут. Что это? Вызов? Западня?

Что бы это ни было, я чувствовал: только дурак способен принять подобное приглашение от незнакомца. В результате можно запросто оказаться снова в хрустальной пещере.

— Если ты чего-то хочешь от меня, — произнес я, — назови свое имя. От анонимных свиданий я давно отказался.

Меня пронзило ощущение чьего-то присутствия, но кто это...

— Отлично, — продолжал я. — Выходит, я не иду к тебе и тебе нечего сказать мне. Остается третье: ты хочешь прийти ко мне. В таком случае иди.

Я протянул руки, показывая, что они пусты. Моя невидимая ленточка-удавка заняла свою позицию на левой руке, невидимый Логрус протянул смертельный клинок вдоль моей правой руки. Это был один из тех случаев, когда для проявления вежливости нужна хорошая профессиональная подготовка.

В темном туннеле прозвучал негромкий смех — лишь ментальная проекция, звучал он холодно и бесплотно.

— Твое предложение, конечно, уловка, — услышал я, — ты не дурак. И все же, надо признать, в храбрости тебе не откажешь, раз ты обратился к незнакомо-

му существу. Ты не представляешь, что может случиться, но готов ко всякому и даже призываешь неведомое.

— Я повторяю свое приглашение.

— Я вовсе не считаю тебя опасным.

— Чего ты хочешь?

— Посмотреть на тебя.

— Почему?

— Потому что настанет время, когда я захочу встретиться с тобой на других условиях.

— На каких?

— Я чувствую, что наши интересы столкнутся.

— Кто ты?

В ответ снова послышался смех.

— Нет. Пока еще рано, время не пришло. Я просто хотел посмотреть на тебя, увидеть твою реакцию.

— Ну и что же? Увидел? Насмотрелся?

— Почти.

— Если наши интересы должны столкнуться, пусть сталкиваются сейчас. Я предпочел бы покончить с этим, чтобы заняться серьезным делом.

— Ценю самонадеянность. Но когда придет время, выбор будет не за тобой.

— Я согласен ждать, — сказал я, осторожно протягивая конечность Логруса в темный туннель.

Пустота. Конечность ничего не нашарила.

— Восхищаюсь твоей хитростью. Вот, лови!

Что-то непонятное ринулось на меня. Моя магическая конечность ощутила нечто мягкое — слишком мягкое и податливое, чтобы причинить серьезный вред; большая холодная масса, переливающаяся яркими красками...

Напрягая силы, я упорно стал пробиваться сквозь «нечто» все дальше, надеясь найти источник, который это распространяет, и наткнулся на что-то осязаемое, материальное, мягкое и упругое — возможно, тело; слишком большое, чтобы немедленно его призвать к себе.

Зато подвернулось кое-что другое: несколько предметов, твердых и достаточно малой массы. Я схватил один из них, рывком выдернул из того, что его держало, и призвал к себе.

Беззвучный импульс изумления достиг меня одновременно с податливой массой и предметом, извлеченным с помощью Логруса.

Это можно было сравнить с фейерверком: цветы, цветы, цветы. Фиалки, анемоны, нарциссы, розы... Флора ахнула, когда сотни их ливнем обрушились в комнату.

Контакт был мгновенно прерван. Я почувствовал, что держу в правой руке что-то маленькое и твердое, в нос ударил резкий цветочный запах.

— Что, черт побери, стряслось? — спросила Флора.

— Затрудняюсь ответить, — произнес я, стряхивая цветочные лепестки с воротника рубашки. — Любишь цветы? Бери, дарю!

— Спасибо, но я предпочитаю, чтобы мне их подносили в более привычной манере, — ответила она, уставившись на пестрый холмик, выросший у моих ног. — И кто же их послал?

— Безымянная личность из темного туннеля.

— А для чего?

— Похоже, мне на похороны. Разговор проходил в довольно угрожающих тонах.

— Сделай милость, помоги мне собрать их с пола, прежде чем ты уйдешь.

— Охотно.

— В кухне и ванной есть вазы.

Я стал собирать цветы, одновременно разглядывая предмет, который схватил в туннеле. Это была голубая каменная пуговица в золотой оправе. В петельке застряло несколько синих ниток, на камне выгравирован узор из четырех лепестков.

Я показал пуговицу Флоре, но она покачала головой:

— Это мне ни о чем не говорит.

Я сунул руку в карман и достал обломок камня из хрустальной пещеры. Камни были одинаковы. Когда я провел пуговицей по руке рядом с Фракир, она слегка пошевелилась, потом снова замерла. Казалось, моя хранительница подала предостерегающий знак.

— Странно, — пробормотал я.

— Поставь несколько роз на ночной столик, — попросила Флора, — и смешанный букет на туалетный. Знаешь, еще никто не подносил мне цветы таким образом. Довольно загадочная визитная карточка... Ты уверен, что цветы предназначены тебе?

Я прорычал что-то не то анатомическое, не то теологическое и собрал розовые бутоны.

Позднее, когда мы сидели в кухне, пили кофе и рассуждали о том о сем, Флора заметила:

— Надо сказать, довольно неприятное происшествие.

— Да.

— Думаю, тебе стоит поговорить об этом с Фи, только сначала потолкуй с Рэндомом.

— Может быть.

— Что значит «может быть»? Его нужно предостеречь.

— Ты права. Однако у меня такое чувство, что если я буду прежде всего думать о безопасности, то вряд ли получу ответы на свои вопросы.

— Что ты задумал, Мерль?

— У тебя есть машина?

— Да, как раз купила несколько дней назад. А зачем тебе?

Я вынул пуговицу и камешки из кармана, разложил их на столе и снова стал разглядывать.

— Когда мы поднимали с пола цветы, мне вдруг пришло в голову, что я уже видел где-то еще один такой же камень.

— В самом деле?

— Я был сильно потрясен, когда нашел Джулию мертвой. Это, видно, повлияло на мою память, заблокировало ее. Но теперь вроде бы припоминаю, что на шее у нее был кулон с голубым камнем. Быть может, это совпадение, однако...

Флора кивнула:

— Вполне возможно. В таком случае его, должно быть, забрали полицейские.

— Да сам кулон мне не нужен. Но это напомнило мне, что я не успел как следует осмотреть квартиру — слишком торопился. Хочу взглянуть на нее еще раз до возвращения в Амбер. До сих пор не пойму, как то чудовищное животное туда попало.

— А что, если в этой квартире уже сделали уборку? Или сдали ее кому-нибудь?

Я пожал плечами:

— Остается только проверить.

— Хорошо. Я тебя отвезу.

Несколько минут спустя мы уже сидели в машине и я показывал Флоре дорогу. Мы ехали минут двадцать. Погода стояла отличная: сияло солнце, по голубому небу плыли редкие облака. Я тщательно подготовился, продумал, как лучше употребить силу Логруса.

— Заверни сюда, за это здание, — сказал я, подкрепляя свои слова жестом, — я покажу тебе, где припарковать машину, если только там найдется место.

Место нашлось как раз там же, где я ставил машину в тот самый день. Когда мы остановились, Флора взглянула на меня и спросила:

— Ну что? Сразу поднимемся и постучим?

— Я сделаю нас невидимыми, — ответил я, — на все время, пока мы там будем находиться. Но ты держись рядом, чтобы мы могли видеть друг друга.

Она кивнула:

— Дворкин однажды сделал меня невидимой — я была тогда еще ребенком. — Флора хихикнула. — Ух, и нагляделась же я тогда!.. Совсем забыла.

Я сделал последние приготовления для надежного заклинания и произнес его. Мир за ветровым стеклом как-то сразу затуманился, словно я смотрел на него сквозь дымчатые солнечные очки. Мы вышли из машины, не спеша добрались до угла дома и повернули направо.

— Трудно научиться этому заклинанию? — спросила Флора. — По-моему, вещь чрезвычайно удобная.

— Заклинание, к сожалению, довольно сложное. Вся беда в том, что им невозможно воспользоваться сразу внезапно. На подготовку уходит не меньше двадцати минут.

Мы зашагали по дорожке к большому старому дому.

— Какой этаж?

— Последний.

Входная дверь оказалась заперта.

— Сломаем ее? — шепотом спросила Флора.

— Ни к чему поднимать шум.

Я положил левую руку на ручку двери и дал Фракир мысленную команду. Моя хранительница скользнула в замочную скважину, потом сжалась, застыла и сде-

лала несколько резких движений. Негромкий щелчок дал знать, что засов отодвинут. Я повернул ручку, легонько потянул дверь на себя, и она открылась. Фракир вернулась на свое потайное место на мое запястье.

Мы вошли в дом, тихонько притворив за собой дверь. В качнувшемся вместе с дверью зеркале наши отражения не появились. Я повел Флору вверх по лестнице. Из какой-то квартиры на втором этаже доносились негромкие голоса. Вот и все. Ни ветра, ни злых собак. Пока мы поднимались на третий этаж, голоса затихли.

Дверь квартиры Джулии заменили — она была немного темнее остальных, и ярко сверкал новый замок. Я тихонько постучал в нее, подождал с полминуты и постучал снова. Никто не отозвался. Я попробовал открыть. Заперто.

Фракир повторила свою уловку, но я вдруг заколебался. Я вспомнил, как пришел сюда в прошлый раз, и рука моя задрожала. Да, изуродованное тело уже не лежит там, и не ждет зверь-убийца, готовый наброситься на меня... И все же воспоминание о том, что я тогда увидел, заставило меня несколько секунд помедлить.

— В чем дело? — шепотом спросила Флора.

— Ни в чем, — ответил я и распахнул дверь.

Я знал, что квартира сдавалась частично обставленной. Часть мебели, что шла вместе с ней, осталась на месте — софа, журнальные столики, несколько стульев, обеденный стол. Но все, что принадлежало Джулии, исчезло. На полу лежал новый ковер, а сам пол был заново отполирован. Похоже, квартиру еще не успели сдать новому хозяину — никаких личных вещей видно не было.

Мы вошли в квартиру. Я притворил дверь и начал обход комнат, сбросив с нас колдовскую пелену. Все вокруг стало ярче и отчетливее.

— Ты вряд ли здесь что-нибудь найдешь, — заметила Флора. — Я чувствую запах дезинфекции, воска и краски.

Я кивнул.

— Прозаические возможности, похоже, исключаются, — ответил я, — но я хочу попробовать кое-что другое.

Я заставил свой мозг успокоиться и, призвав Логрус, воспользовался его зрением, надеясь таким образом заметить малейший след какого-либо магического воздействия. Медленно меряя шагами гостиную, я тщательно осмотрел все, что в ней находилось. Флора начала самостоятельные поиски, заключавшиеся главным образом в заглядывании под столы и стулья.

Ни одна вещь, ни большая, ни маленькая, не ускользнула от моего внимания, но я так и не нашел ничего примечательного и перешел в спальню. Должно быть, Флора услышала, как я внезапно тяжело задышал, потому что мгновенно оказалась в спальне рядом со мной и уставилась на шкаф, перед которым я стоял.

— В нем что-то есть? — спросила тетушка, протянув руку к шкафу и тут же отдернув ее.

— Нет, за ним.

Во время уборки квартиры шкаф передвинули. Раньше он стоял на несколько футов правее. Чтобы посмотреть, что находится за ним, я передвинул его вправо, на прежнее место.

— Тут я тоже ничего не вижу, — заявила Флора.

Я взял ее за руку и увеличил силу Логруса.

— Надо же! — воскликнула она, обнаружив на стене едва заметные прямоугольные очертания. — Похоже на... дверной проем!

Я внимательно оглядел стену. Тусклые, угасающие линии, полоски огня. Очевидно, это своего рода печать, и она скоро должна погаснуть.

— Это и есть дверь, — произнес я.

Флора потащила меня в соседнюю комнату, чтобы посмотреть на это же место стены с другой стороны.

— Здесь ничего нет, — заметила она, — проем не сквозной.

— Все верно. Дверь ведет в другое место.

— Куда?

— Туда, откуда явилось чудовище, убившее Джулию.

— А ты сможешь открыть ее?

— Я готов стоять возле нее сколько угодно, чтобы сделать это.

Я вернулся в спальню и снова стал изучать стену.

— Мерлин, — сказала Флора, когда я отпустил ее руку и поднял свою перед собой, — тебе не кажется, что настала пора связаться с Рэндомом и рассказать ему обо всем, что случилось? И, между прочим, позвать на помощь Джерарда, чтобы ты не один стоял здесь, когда дверь откроется?

— Наверное, пора, но я не хочу.

— Почему?

— Потому что Рэндом может мне этого не позволить.

— И, возможно, будет прав.

Я опустил руку и повернулся к Флоре:

— Согласен, Рэндому следует все рассказать. Пожалуй, я и без того слишком долго медлил. Итак, я попрошу тебя сделать следующее: возвращайся назад к машине и жди меня. Если я через час не вернусь, свяжись с Рэндомом и все ему расскажи.

— Не знаю, — с сомнением в голосе ответила она. — Если я приду одна, Рэндом спустит на меня всех собак.

— Объясни ему, что я настаивал и что у тебя не было выбора. Что есть чистая правда, если ты на секунду задумаешься.

Флора надула губы:

— Мне не хочется оставлять тебя здесь — хотя и не тянет оставаться самой. Дать тебе ручную гранату? — Она начала открывать свою сумочку.

— Нет, спасибо. А для чего ты ее с собой носишь?

Тетушка улыбнулась:

— В этой Тени лучше ходить вооруженной. Может при случае пригодиться... Ну ладно, иду ждать.

Она легонько поцеловала меня в щеку и отвернулась.

— Постарайся встретиться с Фионой, — добавил я, — если я не появлюсь. Расскажи ей обо всем. Возможно, она сумеет взглянуть на дело свежим взглядом.

Флора кивнула и ушла. Я подождал, пока дверь не захлопнулась, и сосредоточил внимание на огненном прямоугольнике. Его очертания казались равномерными, однако в одних местах линия слегка утолщалась и пламенела, в других делалась тоньше и была тусклой.

Я провел правой ладонью вдоль всей линии на расстоянии дюйма от стены и почувствовал легкое теплое покалывание. Оно явно сильнее ощущалось над более яркими отрезками линии. Очевидно, здесь дверь запечатана слабее. Отлично. Значит, я скоро смогу определить самое слабое место, где и следует применить силу.

Я плотнее слился с Логрусом и подождал, пока пальцы мои не стали достаточно твердыми. Казалось, у меня на руках тонкие перчатки: тверже железа, чувствительнее языка. Я поднес правую руку к огненной линии на уровне бедра, дотронулся до самого яркого места и, почувствовав знакомую магическую пульсацию, стал проталкивать руку глубже, пока не проткнул линию насквозь. Такие же манипуляции я проделал чуть повыше, на левой стороне прямоугольника.

Стоя у стены, я ощущал присутствие силы, запечатавшей дверь. Мои прочные удлиненные пальцы пульсировали и подергивались. Я пытался просунуть их дальше вдоль огненной линии, сначала вверх, потом вниз. Правой рукой удалось это сделать в обоих направлениях немного лучше, чем левой. Но двигаться дальше мешало сопротивление твердого материала.

Пришлось выжать больше силы из Логруса, плавающего в виде спектра во мне и передо мной, и влить эту энергию в огненные пальцы; облик Логруса при этом изменился. Когда я попытался продолжить работу, правая рука опустилась вниз примерно на фут, прежде чем ее остановила сильная пульсация; вверх удалось подняться почти до конца. Я вновь занялся левой рукой: наверх она поднялась до самого конца, зато вниз не прошла и шести дюймов от точки, с которой я начинал.

Тяжело дыша и чувствуя, что весь взмок, я накачал еще немного силы в «перчатки» и заставил свои мощные пальцы двигаться вниз. Сопротивление возросло, сильная пульсация поднималась по моим рукам, проникала в самую сущность моего «я». Тогда я сделал небольшую передышку и вновь прибавил силы. Логрус вспыхнул и сжался, а я обеими руками принялся с двух сторон прорезать огненную линию по направлению к полу, потом, задыхаясь, встал на колени и проделал то же вдоль пола. Этот портал явно никогда больше не собирались раскрывать; соответственно, пользоваться мне приходилось не мастерством, а грубой силой.

Когда обе мои руки, прорезавшие с двух сторон нижнюю линию, встретились, я поглядел на результат своих трудов. Слева, справа и внизу тонкая красная линия превратилась в широкую пламенеющую ленту. Даже на расстоянии чувствовалась ее пульсация.

Я встал, поднял руки и принялся за верхнюю линию, двигаясь от углов к центру. Теперь работа пошла веселее. Казалось, сила уже открытых линий увеличивала давление моих рук, они так и плыли к середине, а когда встретились, мне показалось, будто я услышал легкий вздох.

Я постоял несколько минут, отдыхая, собираясь с силами, размышляя, пытаясь заставить нервы успокоиться... Я знал лишь, что эта дверь ведет в другую Тень. То есть можно ожидать чего угодно; например, когда я ее открою, что-то выпрыгнет и нападет на меня. С другой стороны, дверь ведь какое-то время была запечатана. Скорее всего ловушка будет иного рода. Вполне возможно, я открою дверь и ничего не произойдет. Может, мне просто надо будет выбирать:

войти или стоять, где стою, и глядеть в пустоту. А может, и смотреть-то там не на что...

Итак, я еще раз укрепил пальцы с помощью Логруса, уперся в дверь обеими руками и толкнул ее. Правая сторона двери скрипнула, я навалился на эту сторону, дверь внезапно распахнулась...

Я стоял и смотрел на жемчужного цвета туннель, в нескольких шагах от меня неожиданно расширяющийся. Под его потолком дрожала волнистая зыбкая дымка, какая висит над дорогой в жаркий летний день. В ней плавали красные точки и неясные темные очертания. Я подождал с полминуты... Никто не выпрыгнул и не напал.

Я предупредил Фракир о возможной опасности, снова вызвал Логрус и, ощупывая все вокруг его длинными конечностями, вошел в туннель. Внезапный порыв воздуха за спиной заставил меня оглянуться. Дверь захлопнулась и уменьшилась. Теперь она казалась мне отдаленным крошечным красным прямоугольничком. Разумеется, сделанные мною несколько шагов могли отнести меня очень далеко, если таковы законы этого места.

Я продолжал идти. Навстречу мне летел горячий ветер. Он окутывал, поглощал меня. Туннель сужался, воздух передо мной продолжал искриться и плясать, идти становилось все труднее, словно я поднимался в гору. Сверху донеслось что-то вроде хрюканья, но кто его издавал, мне не было видно. Пошарив вытянутой конечностью Логруса и слегка задев что-то, я ощутил ауру опасности, и тело Фракир стало подергиваться. Я вздохнул. Ничего удивительного, легкого пути здесь и быть не могло. На месте того, кто устроил это представление, мне бы тоже не захотелось ограничиться запечатанной дверью.

— Стой, болван! — прогремело откуда-то сверху.

Я продолжал двигаться вперед.

— Я сказал: стоять! — прозвучало снова.

Я сделал еще несколько шагов, и все поплыло у меня перед глазами. Туннель сузился, справа и слева ко мне подступили шершавые стены, потолок опустился...

Дорогу мне загородила здоровенная туша, похожая на пурпурного Будду с ушами, как у летучей мыши. Остальные детали я разглядел, когда приблизился к этой твари: торчащие из пасти клыки, желтые глаза без век, на огромных руках и ногах длинные красные когти. Чудище сидело посреди туннеля и не делало даже попыток подняться. Одежды на нем не было, огромное распухшее брюхо, лежавшее на коленях, закрывало все то, по чему обычно определяют пол. Голос у него, однако, был хриплый, мужской.

— Привет, — сказал я. — Славный сегодня денек, правда?

Чудище заворчало; пахнуло несносной вонью, и воздух, как мне показалось, слегка накалился. Фракир взволнованно задергалась, и я мысленно успокоил ее.

Чудище наклонилось вперед и провело ярким ногтем пограничную черту на каменном полу. Я остановился перед ней.

— Переступи эту черту, колдун, и тебе крышка, — сказало оно.

— А почему? — спросил я.

— Потому что я так хочу.

— Никак собираешь пошлину? Назови цену, — предложил я.

Чудище покачало головой:

— Тебе от меня не откупиться.

— А с чего ты взял, что я колдун?

Оно открыло свою грязную зубастую пасть, и в горле у него что-то забренчало, словно потрясли лист жести.

— Я понял это по твоим щупальцам. Типичная уловка колдунов. К тому же кто, кроме колдуна, сумел бы попасть туда, где ты стоишь?

— Вижу, ты не очень-то уважаешь колдунов.

— Я их ем, — был ответ.

Я скорчил рожу, думая, какой бы фортель из моего старого арсенала мне выкинуть.

— О вкусах не спорят. Но что толку от туннеля, если по нему ни пройти, ни проехать? Как же мне пройти?

— Не пройдешь.

— Даже если разгадаю загадку?

— Меня на это не купишь, — надменно произнесло чудовище, но в глазах у него вспыхнул огонек. — Ну ладно, черт побери. Что это такое: зеленое и красное, ходит по кругу, по кругу, по кругу?

— Да ты знаешь сфинкса!

— Проклятье! — взревело оно. — Ты слыхал!

Я пожал плечами:

— Ну, повсюду случается бывать.

— А вот здесь бывать не случится!

Я уставился на чудище. У него наверняка есть особая защита от магических атак, раз оно поставлено здесь, чтобы уничтожать чародеев. А уж физические данные более чем солидные. Интересно, как быстро оно бегает? Может, прошмыгнуть мимо и побежать? Нет, лучше обойтись без подобных экспериментов.

— Мне в самом деле до зарезу нужно пройти, — попытался я уговорить его. — Экстренное дело.

— Перебьешься.

— Послушай, какая тебе с этого корысть? Довольно поганая работенка — сидеть посреди туннеля.

— А мне нравится. Я для этой работы и создан.

— А как же ты пропускаешь сфинкса?

— Магические существа не в счет.

— Хм-м.

— Не вздумай втюхивать мне, что ты и есть настоящее магическое существо. И не пытайся выкинуть какой-нибудь колдовской фортель. Я эти штучки насквозь вижу.

— Верю, верю! Между прочим, как тебя звать-то?

Чудище фыркнуло:

— Можешь звать меня Скроф, так проще. А тебя?

— Зови меня Кори.

— Ладно, Кори. Я не прочь потрепаться с тобой, правила позволяют. У тебя есть три варианта на выбор. Один из них — дурацкий. Ты можешь вернуться назад цел и невредим. Можешь устроиться там, где стоишь, и сиди себе здесь сколько

хочешь; я и пальцем тебя не трону, покуда будешь паинькой. А самое глупое, что может взбрести тебе в голову, — это переступить черту, которую я провел. Я тебя тут же прикончу. Это — Порог, а я — его Хранитель, и никого не пропущу.

— Спасибо, что объяснил.

— Это часть моей работы. Ну, так что ты выбираешь?

Я поднял руку. Силовая линия сделала кончики моих пальцев острыми как ножи. Фракир свесилась с моего запястья и стала изящно раскачиваться.

Скроф ухмыльнулся:

— Я пожираю не только колдунов, но и их помощников. На такое способно лишь существо из первозданного Хаоса. Попробуй-ка, сунься!

— Из Хаоса? Ты сказал, из первозданного Хаоса?

— Да, так оно и есть. Против них не устоит никто.

— Кроме Властелина Хаоса, — парировал я и сосредоточил все внимание на определенных точках внутри своего тела. Тяжкая работа. Чем быстрее делаешь это, тем болезненнее ощущение...

Снова послышался звук, похожий на бренчание жести.

— А знаешь, каковы шансы, что сюда вздумает явиться Властелин Хаоса? — презрительно спросил Скроф.

Мои руки стали удлиняться, я наклонился вперед, рубашка лопнула у меня на спине. Кости лица зашевелились, грудь стала надуваться и расширяться...

— Похоже, тебе не повезло, — произнес я, когда трансформация была окончена.

— Черт побери! — пробормотал Скроф, когда я перешагнул черту.

III

Некоторое время я постоял у выхода из пещеры. Левое плечо болело, правая нога ныла. Я знал, что если сумею взять себя в руки и вытерпеть боль до трансформации, то после анатомической перестройки она сама утихнет. Этот процесс требует значительных сил, после него чувствуешь себя довольно усталым, а двойное превращение после стычки с Хранителем вовсе измотало меня. Итак, я отдыхал в пещере, которая, очевидно, соединялась с жемчужным туннелем, и думал о том, что мне предстояло сделать.

Далеко внизу и слева простиралось ярко-синее, очень бурное море. Волны с белыми гребнями бешено обрушивались на серые прибрежные скалы, порывы ветра разносили брызги. В просвете между облаками виднелась радуга.

Прямо передо мной лежала искореженная, изрезанная трещинами дымящаяся земля, а на расстоянии мили отсюда возвышались высокие темные стены, окружавшие громадный и очень странный замок, который я тут же окрестил Горменгастом*. Он представлял собой смешение самых различных архитектурных стилей, а по размерам превосходил дворец Амбера.

К тому же Горменгаст был осажден.

Перед стенами расположились войска, главным образом на невыжженной земле, где еще осталась растительность — зеленая, хотя и сильно вытоптанная трава и деревья. У осаждающих были пожарные лестницы и стенобитная ма-

шина, хотя в этот момент лестницы и таран лежали на земле. У стен замка дымились небольшие домишки — очевидно, сгорела целая деревня. Здесь и там на земле лежали тела.

Я перевел взгляд направо и увидел над этой огромной цитаделью сверкающее белое образование, вроде выступа мощного ледника, над которым ветер кружил снежинки и кристаллики льда; белесая мгла, словно висящий над морем туман, заволокла выступ.

Казалось, ветер здесь царит повсеместно. Он завывал и вокруг меня и гудел где-то над головой. Когда я наконец вышел из пещеры и взглянул наверх, то понял, что нахожусь посреди склона высокого каменного холма — или невысокой горы, смотря как оценивать такие вещи. Я почувствовал слабый удар по спине, а когда обернулся, то не увидел больше входа в пещеру. Мое странствие, начавшееся у запечатанной огненной лентой двери, окончилось, как только я вышел из пещеры. Магия исчезла, и путь сразу же оборвался. Думаю, я мог бы определить точное место бывшего входа, но зачем? Я сложил горку из камней, приблизительно помечая место своего выхода, и прошелся, оглядываясь, изучая обстановку.

Узенькая дорожка вела направо, вокруг больших камней. Что ж, вполне устраивает. Внезапно я почувствовал запах дыма — не знаю, донес ли его ветер с поля боя или он был вулканического происхождения. На небе, не загораживая солнце, плыли облака. Я остановился между двух валунов и еще раз бросил взгляд на панораму внизу.

Атакующие произвели перегруппировку сил и начали таранить стену. С дальней стороны цитадели что-то взвилось, подобно торнадо, и стало медленно опускаться, кружась против часовой стрелки; очевидно, оно должно было накрыть атакующих. Ловкий маневр. К счастью, меня все эти фокусы не касаются.

Я пошел дальше по каменистому склону, сел на низенькую плиту и начал трудную работу по трансформации, которая продолжалась около получаса. Превращение из обычного человека в нечто непонятное, странное может кому-то показаться чудовищным, даже пугающим, а обратная трансформация — просто отвратительной. Но те, кто так считают, не правы. Разве мы все не делаем то же самое каждый день?

Закончив трансформацию, я лег на спину, глубоко дыша, и прислушался к ветру. От него меня защищали камни, доносился лишь звук — нескончаемая заунывная песня. Я почувствовал вибрацию от сотрясений земли где-то вдали и предпочел воспринимать ее как легкий, успокаивающий массаж... Одежда на мне была разорвана в клочья, но я слишком устал, чтобы обеспечить себя новой экипировкой. Плечо перестало болеть, только правая нога продолжала слегка зудеть, но это ощущение постепенно затихало, затухало... На мгновение я закрыл глаза.

Отлично, я справился с этим. Но меня не покидала мысль, что разгадка убийства Джулии находится там, внизу, в осажденном замке. А задача проникнуть туда и разузнать подробности отнюдь не казалась легкой. Я решил не браться за дело сразу, а отдохнуть и подождать до темноты. В темноте все будет куда проще. Спущусь вниз, захвачу одного из осаждающих и допрошу его. А если темнота не наступит? Тогда придумаю что-нибудь другое. А сейчас надо лишь отдохнуть, забыться...

Не знаю, как долго я дремал. Меня разбудило шуршание гальки, доносившееся справа. Я мгновенно насторожился, хотя и не открыл глаза. Непохоже, что кто-то шел крадучись; скорее этот «кто-то» бодро топал по камешкам в легкой обуви, например в сандалиях. Я напряг, потом расслабил мышцы и сделал несколько глубоких вздохов.

Справа, в промежутке между двумя камнями, показался сильно волосатый и очень грязный человек ростом примерно пяти с половиной футов. На бедрах незнакомца красовалась повязка из темной звериной шкуры, ноги были обуты в сандалии. Он постоял несколько секунд, уставившись на меня и оскалив в улыбке кривые желтые зубы.

— Здорово! Ты что, ранен? — спросил он на испорченном тари — такого диалекта мне еще слышать не доводилось.

Я потянулся и встал.

— Нет, — ответил я, — с чего ты взял?

— Я подумал, что тебя задело там, внизу, где дерутся, и ты решил дать деру.

— Понятно. Только это не совсем так...

Он кивнул и сделал шаг по направлению ко мне:

— Меня зовут Дэйв, а тебя?

— Мерль, — сказал я и пожал его заскорузлую лапу.

— Не бойся, Мерль, я не собираюсь сдавать того, кто надумал дезертировать, если только за него не обещана награда. Я и сам дал тягу несколько лет назад и ни разу не пожалел о том. Хватило ума удрать!.. Ни одна армия не сумела взять эту крепость штурмом. Думаю, никто и не сумеет.

— А как она называется?

Дэйв поднял голову и покосился на меня.

— Твердыня Четырех Миров. Разве вербовщик не говорил?

— Нет, — со вздохом ответил я.

— Не найдется ли у тебя закурить?

— К сожалению, ничего не осталось, — сказал я, поскольку использовал в пещере весь свой трубочный табак.

Я прошел между двух скал, чтобы еще разок взглянуть на Твердыню Четырех Миров. В конце концов это и есть разгадка, которую я искал, и к тому же объяснение многочисленных шифровок в дневнике Мелмана.

Под стенами валялись новые трупы. Казалось, их разбросал ветер, продолжавший кружить, словно смерч, вокруг замка. Но вот солдаты из свежего пополнения полезли вверх по лестницам. Один из них держал знамя. Мне оно показалось знакомым, хотя чье оно, вспомнить я не мог. Черно-зеленое, с геральдическими зверями, грозно рычащими друг на друга. Две лестницы уже были приставлены к стене, завязался жестокий бой.

— Похоже, часть атакующих прорвалась внутрь, — заметил я.

Дэйв поспешил подойти ко мне и уставился на сцену боя.

— Ты прав, — признался он, — впервые такое вижу. Если они сумеют открыть эти проклятущие ворота, им может повезти. Вот уж не думал...

— А давно это было? — спросил я. — Ну, когда твоя армия штурмовала крепость?

— Лет восемь-девять, а может, и десять назад... А эти ребята, видать, молодцы!

— А из-за чего, собственно, драка?

Дэйв повернулся и пристально посмотрел на меня:

— Неужто и в самом деле не знаешь?

— Да я только что прибыл сюда.

— Есть, пить хочешь?

— По правде говоря, хочу.

— Тогда пошли.

Он взял меня за локоть и повел назад, к проему между двумя скалами, потом указал на узенькую тропинку.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— Я живу поблизости. Кормлю дезертиров по старой памяти. Так и быть, и тебя покормлю.

— Спасибо.

Скоро мы дошли до места, где тропа разветвлялась, свернули направо и стали подниматься вверх. Мы шли мимо скалистых уступов с трещинами и расселинами, в одну из которых и нырнули. Пройдя немного, Дэйв остановился у низкого входа в пещеру. Кошмарный запах гнили ударил мне в нос. Я услышал, как внутри жужжат мухи.

— Здесь я живу, — заявил Дэйв. — Приглашаю тебя войти. Правда, тут немного... воняет.

— Не беда, — ответил я, — подожду тебя снаружи.

Он нырнул в пещеру, а мой аппетит сильно уменьшился, в особенности когда я подумал о том, что он *может здесь хранить. Через пару минут Дэйв вернулся с* вещевым мешком на плече.

— Принес кое-что вкусненькое, — обрадовал он меня.

Я зашагал назад по расселине.

— Эй! — крикнул Дэйв. — Ты куда?

— Назад на уступ, тут что-то душновато, — сообщил я.

— Хорошо, — согласился он и пошел за мной.

В вещмешке у него оказались две неоткупоренные бутылки вина, пара фляг с водой, свежий на вид хлеб, банки с мясными консервами, несколько твердых яблок и непочатая головка сыра. Мы сели под открытым небом на низкую каменную плиту, и он знаком показал мне, чтобы я хозяйничал сам. Из предосторожности я лишь выпил воды и взял яблоко.

— У этой крепости бурная история, — начал Дэйв, вынув из-за пояса небольшой нож и отрезав кусок сыра. — Не знаю точно, когда и кто ее построил.

Видя, что он собирается открывать бутылку ножом, я остановил его и прибег к весьма простому фокусу с Логрусом. Логрус среагировал мгновенно, и я подал Дэйву штопор. Откупорив бутылки, Дэйв протянул одну из них мне, вторую взял себе. Из соображений гигиены я был ему за это благодарен, хотя и не собирался выпить целую бутылку.

— Вот что значит быть запасливым! — восхитился Дэйв, глядя на штопор. — Нужная вещица.

— Оставь себе, — предложил я. — Расскажи мне еще что-нибудь о крепости. Кто в ней живет? Как ты оказался в нападающей армии? Кто сейчас штурмует замок?

Он кивнул и хорошенько приложился к бутылке.

— Первым хозяином ее был чародей по имени Шару Гаррул. Внезапно сюда приехала королева моей страны. — Дэйв немного помедлил, посмотрел вдаль, затем презрительно фыркнул: — Политика!.. Точно не знаю, какова была причина ее визита. До тех пор я и понятия не имел об этом чертовом месте! Однако она пробыла здесь так долго, что люди начали удивляться. Мол, неужто ее здесь держат узницей? А может, она добивается союза с хозяином здешних мест? Или крутит с ним любовь?.. Думаю, она время от времени посылала домой письма — так, ни о чем, морочила людям голову. Если, понятно, она не вела тайную переписку, о которой простым смертным, вроде меня, знать не положено. Она взяла с собой довольно большую свиту с почетной охраной — полагаю, не просто для показа. Эти парни были крепкие ветераны, хотя и разряженные в пух и прах. Так что не совсем ясно, что там в ту пору происходило.

— Позволь задать один вопрос, — вставил я. — Какова была во всем этом роль твоего короля? Ты о нем не упомянул, а уж он-то, поди, должен был знать...

— Король наш умер, — объявил Дэйв. — А королева, надо сказать, была прелестной вдовушкой. Большинство ее кавалеров были либо видные военачальники, либо могущественные аристократы. Но она лишь брала их по очереди в любовники и натравливала разные фракции друг на друга. Уезжая сюда, королева оставила править государством своего сына.

— Значит, принц был уже достаточно взрослым, чтобы управлять страной?

— Да! Он-то, по правде говоря, и начал эту чертову войну. Он собрал войско, но оно показалось ему недостаточно сильным, и принц связался со своим другом детства, человеком, который считался вне закона, однако командовал большим отрядом наемников. Имя Далт тебе что-нибудь говорит?

— Стоп! — воскликнул я.

Я тут же вспомнил историю — ее мне как-то рассказывал Джерард — про странного человека по имени Далт, который однажды во главе собственной армии повел войну против Амбера. И, как ни странно, довольно успешно. Пришлось позвать самого Бенедикта, чтобы отразить нападение. Войско Далта было разбито у подножия Колвира, а его самого тяжело ранило. Все думали, что выжить он никак не мог, но мертвым его никто не видел.

— А где твой дом? — спросил я. — Ты ни разу не упомянул его. Откуда ты, Дэйв?

— Из Кашфы.

— И твоей королевой была Джасра?

— Так ты слыхал о нас? Ну а ты-то сам откуда?

— Из Сан-Франциско, — ответил я.

Он покачал головой:

— Первый раз слышу про такое местечко. Послушай-ка, глаза у тебя зоркие?

— А что?

— Недавно мы смотрели с тобой на поле боя. Ты не разглядел знамя атакующих? Глаза у меня уже не те, что были.

— Черно-зеленое знамя с какими-то животными.

Дэйв присвистнул:

— Лев, терзающий единорога... Клянусь, это знамя Далта!

— А что это значит?

— А то, что он ненавидит Амбер! Кажется, даже воевал с ними однажды.

Я глотнул вина — вполне приличное. Стало быть, это тот самый человек...

— Тебе известно, почему он ненавидит их? — спросил я.

— Вроде бы они убили его мать, — ответил Дэйв, — в каких-то там пограничных войнах. Подробностей не знаю.

Я открыл банку с мясом, отрезал кусок хлеба и сделал себе сандвич.

— Будь любезен, продолжай рассказ.

— А на чем я остановился?

— Принц позвал на помощь Далта, потому что беспокоился о своей матери. Ему срочно было необходимо пополнить свое войско.

— Да, именно так. И как раз в то время меня забрали в армию, в пехоту, простым солдатом. Принц и Далт повели нас сквозь Тьму, и мы явились сюда. А после делали то, что делают сейчас вон те парни.

— И что было дальше?

Дэйв засмеялся:

— С самого начала нам не повезло. Видно, кто-то, повелевающий стихиями, был против нас. Ты видел смерч, недавно кружившийся над атакующими? Когда мы начали штурм, земля тряслась, гром гремел, молнии сверкали... Но мы все же пробились к стенам! На моего брата пролилась горящая смола, и он у меня на глазах умер от ожогов. И тогда я решил, что с меня довольно. Бросился бежать и вскарабкался сюда. Никто меня не преследовал. Может, и зря я это сделал, но кто знал, как пойдут дела. *А возвращаться было поздно. Они оттяпали бы мне* голову или кое-что другое.

— Ну а дальше?

— У меня сложилось впечатление, что штурм подтолкнул Джасру. Похоже, она с самого начала собиралась покончить с Шару Гаррулом и завладеть этим краем, только хотела сперва войти к нему в доверие, а потом уже нанести удар. Кажется мне, что она побаивалась этого старика. Но когда ее армия появилась у стен замка, у нее не было выбора. Ей пришлось действовать, хотя она и не была к этому готова. Она вызвала его на дуэль чародеев, а ее охрана не позволила его людям вмешаться. Джасра победила, хотя ей тоже досталось. Она рассвирепела от того, что ее сын без приказа привел сюда армию. Так или иначе, ее охрана открыла ворота, и Твердыня Четырех Миров оказалась у нее в руках. Вот что я имел в виду, говоря, что штурмом крепость не одолеть. Ее взяли обманом.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я уже говорил, что укрываю и кормлю дезертиров — они-то и рассказали мне.

— Я понял из твоих слов, что были и другие попытки взять замок. Значит, уже после того, как им овладела Джасра?

Дэйв кивнул и хлебнул еще вина.

— Да, видно в Кашфе был переворот, пока она и ее сын торчали здесь. Дворянин Касман, брат одного из убитых любовников королевы, парня по имени Джасрик, получив власть, решил убрать с пути и ее, и принца. Он штурмовал эту крепость раз шесть. И ничего не добился. В конце концов ему пришлось отступить. Позже Джасра куда-то отослала сына, может, для того чтобы он сколотил новую армию и попытался вернуть ей трон. Не знаю. Это было давно.

— А что случилось с Далтом?

— Они заплатили ему. Отдали часть награбленного. А награбили там немало. И Далт со своим войском отправился туда, откуда явился.

Я сделал еще глоток и отрезал кусок сыра.

— Как же ты жил здесь эти годы? Поди, было нелегко?

Дэйв кивнул:

— Да уж, хуже некуда. Но я не знаю дороги домой. Нас сюда доставили странными путями. Мне казалось, я понимаю, где мы находимся, но, когда начал искать дорогу, понял, что мне ее не найти. Я мог бы хоть сейчас уйти, отправиться на поиски, да боюсь вовсе заблудиться. К тому же от меня здесь польза. Кто бы ни победил, эти дома за пределами стен можно отстроить. А местные жители считают меня святым. Они думают, будто я живу отшельником, чтобы молиться и размышлять о Боге. Когда я спускаюсь к ним, они просят меня благословить их и приносят пищу, которой мне хватает надолго.

— Так ты святой?

— Я прикидываюсь святым. Это дает им радость, а меня кормит. Только не говори ничего...

— Конечно, не скажу. Да они мне и не поверили бы.

Он снова засмеялся:

— Ты прав.

Я поднялся и сделал несколько шагов назад по тропе, чтобы еще раз взглянуть на Твердыню Четырех Миров.

Лестницы лежали на земле, мертвецов стало еще больше. Судя по всему, бой внутри цитадели не шел.

— Ворота еще не открыты? — спросил Дэйв.

— Нет, не думаю, что у тех, кто прорвался, хватило сил.

— А черно-зеленые знамена видишь?

— Тоже что-то не видно.

Он поднялся и подошел ко мне, держа в руках обе бутылки. Подал мне мою, и мы оба сделали по глотку. Внизу солдаты стали отступать от стены.

— Как ты думаешь, они решили снять осаду или перегруппировываются для нового наступления? — спросил меня Дэйв.

— Пока еще трудно сказать.

— Во всяком случае, нынче ночью там будет чем поживиться. Спустись вниз и сможешь забрать все, что сумеешь унести.

— Интересно, — заметил я, — почему Далт решил напасть на них, если он в добрых отношениях с королевой и ее сыном?

— Отношения-то у него добрые только с сыном, — ответил Дэйв. — Старая леди — отменная сука. Ну и, в конце концов, он наемник. Может, ему платит Касман.

— А может, Джасры вообще там нет, — предположил я, не имея представления о темпе местного течения времени, но вспомнив свою недавнюю встречу с этой дамочкой. — Между прочим, как зовут принца?

— Ринальдо. Такой здоровенный рыжий парень.

— Так она его мать! — непроизвольно воскликнул я.

Дэйв засмеялся:

— А как, по-твоему, становятся принцами? Надо, чтобы твоя мать была королевой.

— Так его отец — Брэнд? Брэнд, принц Амбера?

Он кивнул.

— Выходит, ты слыхал про эту историю?

— Краем уха, не все, — ответил я. — Расскажи мне.

— Ну, она связалась с одним типом из Амбера, с принцем по имени Брэнд. По слухам, они познакомились на одной совместной магической операции и это была любовь с первой крови. Джасра пыталась удержать его, и я слыхал, будто они даже тайно поженились. Однако его вовсе не прельщал трон Кашфы, хотя она только его и хотела посадить на этот трон. Он много путешествовал, надолго отлучался. Поговаривали, что несколько лет назад именно он был виновником Дней Мрака и что он погиб в большом сражении между Хаосом и Амбером от руки своего родственника.

— Да, — кивнул я, и Дэйв бросил на меня странный взгляд. Прочитав в нем и замешательство, и подозрение, я тут же поспешил добавить: — Расскажи мне еще что-нибудь о Ринальдо.

— Добавить особенно нечего. Она родила его и, по слухам, научила кое-чему из своего искусства. Отца своего парень толком не знал — Брэнд редко бывал дома. Ринальдо рос непутевым. Несколько раз убегал из дома, связался с бандой преступников.

— Людьми Далта? — спросил я.

Дэйв кивнул.

— Разъезжал с ними на *лошадях, хотя мать в то время обещала награду за головы* некоторых из них.

— Погоди-ка минутку! Ты говоришь, она ненавидела этих разбойников и наемных убийц...

— «Ненавидела» — пожалуй, слишком сильно сказано. Она о них и думать не думала, покуда ее сын не связался с ними. Вот тогда она рассвирепела.

— Боялась, что окажут на него дурное влияние?

— Нет. Я думаю, Джасре не нравилось, что они принимали Ринальдо всякий раз, стоило ему с ней разругаться и убежать.

— Но ведь, по твоим же словам, после того, как Далт помог ей победить Шару Гаррула, она отдала ему часть награбленных сокровищ и позволила уйти.

— Так оно и было. Тогда Ринальдо сильно поскандалил со своей мамочкой, и под конец ей пришлось уступить. Это был один из тех редких случаев, когда парнишка выступил против нее и одержал верх. После чего Джасра приказала казнить всех свидетелей, всех, кто знал об этом. Но нескольким парням удалось удрать. Они-то мне и рассказали.

— Крутая дамочка.

— Ага.

Мы вернулись назад к тому месту, где сидели, и еще немного пожевали.

Песня ветра в расселинах зазвучала громче, на море начался шторм. Я спросил Дэйва про собакообразных чудищ, и он сказал, что они обретаются в здешних местах и скорее всего будут жрать этой ночью трупы погибших.

— Мы делим добычу, — объяснил он. — Я беру припасы, вино и ценности, а им нужны только трупы.

Похоже было, что Дэйв вдруг испугался, не вздумаю ли я ограбить мертвых.

— Да ведь и брать-то у них особенно нечего. Какие там ценности?! — спохватился он. — Все моя жадность. Расписал, будто и впрямь там можно набрать много добра...

— Твоя правда, — согласился я.

— А как ты попал сюда, Мерль? — быстро спросил Дэйв, явно желая сменить тему.

— Пешком, — ответил я.

— Что-то не больно похоже на правду. Добровольно сюда еще никто не приходил.

— Я и не знал, что попаду сюда. И не думаю здесь долго задерживаться, — сказал я, увидев, что он достал свой нож и играет им. — В такое время ни к чему спускаться вниз и просить гостеприимства.

— Ты прав, ничего не скажешь.

Уж не собирался ли в самом деле старый плут напасть на меня, чтобы защитить свой тайник с награбленными ценностями? Видно, он порядком спятил, живя здесь один в зловонной пещере и прикидываясь святым.

— А ты хочешь вернуться в Кашфу? — спросил я. — Я мог бы показать тебе дорогу.

Он бросил на меня испытующий взгляд:

— Что ты знаешь о Кашфе? Ведь сам меня расспрашивал о ней. А теперь говоришь, будто можешь отослать меня домой.

— Стало быть, ты не хочешь возвращаться?

Дэйв вздохнул:

— По правде говоря, не хочу. Слишком поздно. Теперь мой дом здесь. Мне нравится быть отшельником.

Я пожал плечами.

— Ну что ж, спасибо, что накормил меня, и за новости спасибо.

Я поднялся на ноги.

— А куда ты теперь пойдешь? — спросил Дэйв.

— Думаю побродить здесь немного и отправиться домой.

Увидев у него в глазах сумасшедший огонек, я попятился. Дэйв поднял нож, пальцы крепче сжали рукоятку. Потом опустил его и стал резать сыр.

— Вот, возьми кусок сыра, если хочешь, — предложил он.

— Нет, я сыт. Спасибо.

— Я только хотел сэкономить твои деньги. Счастливого путешествия.

— Ладно, и ты бывай здоров.

Я направился назад к тропинке, слыша, как он хихикает у меня за спиной. Потом звуки утонули в ветре.

Несколько часов я потратил на разведку, бродил вокруг по холмам, спустился вниз к дымящейся трясине, прошелся по берегу моря. Прогулялся по твердой почве, пересек ледяной перешеек, держась подальше от Твердыни Четырех Миров. Я хотел как можно точнее запомнить это место, чтобы найти потом дорогу через Тени. По пути я натыкался на стаи диких собак, которых, по счастью, больше интересовали трупы, чем то, что движется.

На каждой топографической границе стояли указательные камни со странными надписями. Для чего они были поставлены, я не понял; решил, что в по-

мощь составителям карты. В конце концов я с трудом вытащил один из них из горячей земли и прошел примерно пятнадцать футов по льду и снегу.

Почти в тот же миг земля дрогнула так сильно, что я упал, едва успев вовремя отползти от разверзнувшейся трещины, из которой стал извергаться гейзер. Менее чем за полчаса горячая вода растопила в снегу и льду узкую полоску. К счастью, я шел довольно быстро и успел удалиться от опасного места, чтобы наблюдать за этим явлением с почтительного расстояния. Но мне предстояло увидеть еще и не такие чудеса.

Я устроился на земле среди огромных камней в том самом месте, откуда начал обследовать вулканический участок. Там я отдохнул немного, глядя, как маленький сегмент территории меняется прямо на глазах, а ветер далеко разносит дым и пар. Камни шатались и катились по склону. Черные вороны шарахались от горячих фонтанов и взлетали ввысь.

Затем я засек движение, которому вначале приписал сейсмический характер. Передвинутый мною указательный камень слегка дрогнул, а через секунду приподнялся над землей. С постоянной скоростью — словно его левитировали — пересек по прямой разрушенный участок и занял свое прежнее место. Все замерло.

Чуть погодя все вновь пришло в движение, но теперь затрещал, начал ломаться и ползти лед, отвоевывая оттаявшую территорию и занимая прежние позиции.

Я вызвал зрение Логруса и увидел, что каменный столб окружен неярким свечением, которое соединялось с длинной, ровной и устойчивой полоской света такого же оттенка, идущего от высокой задней башни Твердыни.

Я стоял как заколдованный. Многое бы я дал, чтобы оказаться внутри этой башни.

Внезапно сначала со вздохом, потом со свистом оттуда вырвался вихрь. Кружась, становясь все темнее и мрачнее, он направился ко мне, приняв форму хобота какого-то огромного облачного слона, заполонившего все небо. Я повернулся и стал карабкаться выше по склону между камней. Но темный вихрь преследовал меня, словно его направлял чей-то мозг. Поднимаясь над неровными уступами, он нигде не прерывался, что говорило о его искусственной природе — скорее всего магической.

На то, чтобы создать магическую защиту, а тем более запустить ее в действие, требуется определенное время.

К сожалению, мой выигрыш во времени составлял не более одной минуты, а этого могло и не хватить.

Увидев за следующим поворотом длинную узкую расселину, зигзагообразную, как молнию, я лишь на секунду задержался, нырнул в нее и стал спускаться. А за спиной грохотал посланный башней вихрь...

Тропа уходила вниз, и я бежал по ней, повторяя ее изломы и изгибы. Шум сзади перерос в рев, взметнулось облако пыли, я закашлялся. На меня обрушился град мелкого щебня. Я прыгнул вниз с высоты около восьми футов, упал ничком и закрыл голову руками, рассчитывая на то, что вихрь промчится надо мной. Лежа, я бормотал заклинания, призывающие на помощь высшие силы, хотя не был уверен, что они способны противостоять столь сильному натиску.

Когда наступила тишина, я помедлил, не вскочил тут же на ноги. Быть может, управлявший смерчем ослабил его, решив, что я уже вне досягаемости. А возможно, я оказался в самом центре тропического циклона, который успеет еще проявить себя.

Я не встал, но поднял голову, чтобы увидеть, что происходит — по натуре я человек любознательный. Из центра вихря на меня кто-то смотрел. Разумеется, это была проекция, больше натуральной величины и не вполне четкая. На голове у этого существа был капюшон, на лице — яркая синяя маска, напоминающая маски хоккейных вратарей. На маске были две вертикальные прорези для дыхания, из которых струился бледный дымок — штрих, на мой взгляд, чересчур театральный. Серии небольших отверстий чуть ниже производили впечатление саркастической кривой ухмылки.

До моих ушей донеслись искаженные звуки смеха.

— Не перестарался ли ты малость? — спросил я, вползая в нишу и загораживаясь Логрусом. — Разве что девчонок на Хэллоуин пугать*... Но ведь мы все здесь взрослые, не правда ли? Пожалуй, обычная простенькая маска лучше подошла бы...

— Ты передвинул мой камень?

— У меня определенный академический интерес к подобным вещам, — ответил я, чуть расслабляясь. — Не вижу повода для расстройства. Это ты, Джасра? Я...

Шум возобновился; сначала негромкий, он перерос в грохот.

— Давай заключим сделку. Ты отзываешь смерч, а я не буду больше трогать твои каменные столбы.

В ответ раздался хохот, шум еще более усилился.

— Слишком поздно, — был ответ. — Если ты не круче, чем выглядишь.

Черт побери! Битву не всегда выигрывает сильный; часто побеждают хорошие ребята — судя по тому, кто пишет впоследствии мемуары.

Я попытался спроектировать Логрус на иллюзорную маску и, найдя звено, отверстие, ведущее к источнику, ударил электрическим разрядом в то, что находилось за ним.

Раздался вопль. Маска съежилась, вихрь исчез, а я вскочил на ноги и снова бросился бежать. Я не хотел, чтобы существо, которое я ударил, вновь обретя силу, застало меня на прежнем месте.

У меня был выбор: идти в обход через Тени либо найти более короткий путь отступления. Если колдун засечет меня, когда я скользну в Тени, он последует за мной по пятам. Итак, я вытащил свою колоду и достал карту Рэндома. За следующим поворотом дороги мне пришлось остановиться, потому что проход сузился и по нему было не пробраться. Я поднял карту и устремил к ней внутренний взгляд.

Контакт возник почти немедленно. Но даже когда образ материализовался, я попробовал его на ощупь, опасаясь, что это опять моя Немезида в синей маске, жаждущая настичь меня.

Фигура Рэндома выступила отчетливее. Он сидел перед барабаном с палочками в руке. Потом отложил палочки и поднялся.

— Самое время нам встретиться, — сказал дядюшка и протянул мне руку.

Я уже успел дотронуться до него, когда в лицо мне ударило нечто подобное гигантской волне. Я прошел сквозь это и оказался в музыкальном салоне Амбера. А когда Рэндом открыл рот, собираясь произнести некую тираду, на нас обрушился каскад цветов.

Стряхивая их с рубашки, он взглянул на меня и изрек:

— Я предпочел бы, чтобы ты выразил свои чувства словами.

IV

Описание действующих лиц: цели разные, атмосфера весьма прохладная...

Солнечный день, прогулка после легкого завтрака по саду, беседа, прерываемая долгими паузами, односложные ответы, недосказанные фразы, натянутость и напряженность тона, свидетельствующая об отсутствии взаимопонимания...

Сидим на скамейке, любуемся цветочными клумбами, думаем каждый о своем, говорим ничего не значащие слова...

— Ну хорошо, Мерль! Так что происходит?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Джулия.

— Не валяй дурака. *Я прошу тебя лишь ответить напрямик.*

— На какой вопрос?

— Куда ты увел меня с берега в ту ночь?.. Где находится это место?

— Это... это был лишь сон.

— Чушь собачья! — Она повернулась ко мне. Лицо ее вспыхнуло, глаза заблестели, но на моем лице она не прочла ответа. — Я много раз приходила сюда, пыталась найти путь, по которому мы тогда шли. Здесь нет пещеры. Здесь ничего нет! Куда все это подевалось? Что происходит?

— Может, был сильный прилив...

— Мерль! Ты что, считаешь меня идиоткой? Дороги, по которой мы шли, не существует. Никто в округе не слышал о подобных местах. Да и с точки зрения географии это немыслимо. И время дня и времена года несколько раз менялись. Единственное объяснение этому — сверхъестественное, или паранормальное, явление, называй как хочешь. Скажи мне, что произошло? Ты должен объяснить, ведь тебе это известно!.. Что случилось? Куда мы попали?

Я отвел взгляд, посмотрел на свои ботинки, потом на цветы...

— Я... не могу сказать.

— Почему?

Ну что я мог ответить? И дело не только в том, что мой рассказ о Тенях мог значительно поколебать, а то и вовсе разрушить ее представление о реальной действительности. Главная загвоздка была в том, что пришлось бы объяснять, откуда мне это известно, а значит, и сказать, кто я такой и откуда. А я боялся открыть ей правду. Я сказал себе, что это положит конец нашим отношениям, так же как мой отказ ответить на ее вопрос. И предпочел расстаться с Джулией, оставив ее в неведении.

Позднее, гораздо позднее я понял — истинной причиной моего нежелания дать правдивое объяснение было то, что я не доверял ей. И не только ей, а вооб-

ще всем. Знай я ее дольше, лучше, я, быть может, и удовлетворил бы ее любопытство. Впрочем, трудно утверждать наверняка. Мы никогда не произносили слово «любовь», хотя, возможно, оно мелькало в ее мыслях, как и в моих. Итак, я ответил ей:

— Я не могу тебе этого сказать.

— Ты обладаешь сверхъестественной силой, которой не хочешь со мной делиться?

— Считай так, если хочешь.

— Я сделаю все, что ты пожелаешь; дам любое обещание, какое ты потребуешь от меня.

— Не могу ничего сказать тебе. У меня есть на то причина.

Она встала, подбоченилась:

— Так ты не желаешь быть со мной откровенным?

Я покачал головой.

— Видно, ты живешь в мире одиночества, маг, если не пускаешь в него даже тех, кто любит тебя.

В тот момент я счел это ее последней уловкой, еще одной попыткой заставить меня открыться. Мое решение созрело окончательно.

— Я этого не говорил.

— Да говорить и ни к чему. Твое молчание достаточно красноречиво!.. Если тебе известна дорога в ад, можешь отправляться туда немедленно! Прощай!

— Джулия, не надо...

Она предпочла меня не услышать.

Тихая, покойная жизнь с цветами...

Пробуждение. Ночь. Осенний ветер за окном. Сны. Бестелесная пульсирующая кровь жизни...

Я опустил ноги с кровати и сел, протирая глаза, массируя виски. Был солнечный день, когда я кончил рассказывать Рэндому свою историю, и он велел мне хорошенько выспаться. Я страдал из-за разницы во времени и был сильно измотан. Который час? Понятия не имею, но только вряд ли мне удастся снова заснуть.

Я потянулся, встал, привел себя в порядок и надел чистую одежду. Хотелось есть, но я решил не шуровать в кладовке, а пойти куда-нибудь перекусить. Выходя из дома, я захватил теплый плащ. Потянуло прогуляться — ведь я так давно, пожалуй, несколько лет не был за пределами дворца, не бродил по городу.

Я спустился вниз, прошел через несколько комнат в большой зал, соединенный с коридором, в который я мог попасть сразу, спустившись с лестницы. Но тогда я упустил бы возможность полюбоваться прекрасными шпалерами с идиллическими сельскими сценами. На одной из шпалер изображен завтрак на траве, на другой — сцена охоты, где великолепного оленя-самца преследуют собаки; кажется, у оленя есть шанс спастись, если он сумеет сделать гигантский прыжок...

Пройдя через зал и коридор, я подошел к боковому входу во дворец, где скучавший стражник по имени Йорди, заслышав мои шаги, насторожился. Я решил поболтать с ним и узнал, что он будет дежурить до полуночи, то есть еще почти два часа.

— Собираюсь прошвырнуться по городу... Скажи, где здесь можно неплохо поужинать в это время?

— А что вы предпочитаете на ужин?

— Дары моря.

— В «Лужайке скрипача», примерно в двух третях пути отсюда до Большой площади. Еда там — пальчики оближешь, шикарное заведение!

Я покачал головой:

— Не хочу в шикарное.

— «Сеть» — тоже хороший рыбный ресторанчик на углу Кузнечной и Скобяной.

— Ты сам-то туда не ходишь?

— Ходил раньше. Но не так давно его завсегдатаями стали дворяне и богатые торговцы. Теперь мне в нем сидеть неуютно. У них там что-то вроде клуба.

— Черт побери! Мне совсем неохота ни с кем вести беседы. Я просто намерен съесть кусок хорошей свежей рыбы.

— Ну, тогда нужно прогуляться довольно далеко. Если вы пройдете к докам, то на западной стороне бухточки... Однако, пожалуй, туда вам лучше не ходить. Уже поздно, а когда стемнеет, там небезопасно.

— Это случайно не Мертвый тупик?

— Да, его так называют, потому что там поутру иногда находят трупы. Может, все же вам не стоит идти туда одному? Ступайте лучше в «Сеть».

— Джерард как-то днем водил меня по Мертвому тупику. Думаю, я сумею найти дорогу. Как называется кабачок?

— Хм-м... «У Кровавого Билла».

— Спасибо. Передам Биллу от тебя привет.

Он покачал головой:

— Не сможете. Заведение так назвали после смерти Билла. Теперь оно принадлежит его двоюродному брату Энди.

— Ясно. А как оно называлось раньше?

— «У Кровавого Сэма», — ответил он.

Я пожелал стражнику доброй ночи и отправился в путь. Дошел по тропинке до короткой лестницы, ведущей вниз по склону, оттуда по садовой дорожке — к боковым воротам, которые открыл для меня другой стражник. Ночь была прохладная, легкий ветерок разносил запах осени. Я глубоко вдохнул его и направился в сторону Большой площади.

Отдаленный неторопливый полузабытый стук копыт по булыжной мостовой, казалось, долетал до меня из сна или из памяти детства. Безлунное небо усеяли звезды, а площадь под ним освещалась шарами, наполненными фосфоресцирующей жидкостью и стоявшими на столбах, вокруг которых плясали длиннохвостые горные мотыльки.

Мимо меня по Главной улице проехали несколько закрытых экипажей. Пожилой человек, прогуливавший маленького летучего дракона, которого он вел на цепочке, приподнял шляпу и сказал, обращаясь ко мне:

— Добрый вечер.

Он видел, откуда я шел, хотя наверняка не знал меня лично. В этом городе мое лицо жителям не знакомо. Постепенно настроение у меня поднялось, походка стала бодрой, упругой.

Рэндом разозлился на меня не так сильно, как я ожидал. Поскольку Призрачное Колесо не натворило пока никаких бед, дядюшка не потребовал, чтобы я немедленно занялся им, лишь велел подумать хорошенько и предложить оптимальный план действий. К тому же Флора уже успела рассказать ему, кто такой Люк, и у него полегчало на душе, поскольку теперь он узнал, кто его враг. Я спросил, что он намерен предпринять в отношении Люка, но Рэндом не пожелал мне этого сказать. Намекнул лишь, что недавно отправил агента в Кашфу для сбора информации. По-видимому, его больше всего волновала мысль, что преступник Далт все еще жив.

— Кое-что мне неясно... — начал Рэндом.

— Что именно? — спросил я.

— Ведь я видел, как Бенедикт его поразил. Обычно на этом карьера бедолаги заканчивается.

— Здоров, сукин сын, — заметил я. — Или чертовски везучий. А может, и то и другое.

— Если это тот же человек, то он — сын Дизакратрикс. Ты слыхал о ней?

— О Диле? — спросил я. — Кажется, так ее зовут?.. Воинствующая религиозная фанатичка?

Рэндом кивнул.

— Она доставила немало беспокойства в районе Золотого Круга, особенно у Бегмы. Когда-нибудь бывал там?

— Нет.

— Ну так вот, Бегма — ближайшая точка Круга к Кашфе, в свете чего твой рассказ приобретает особый интерес. Дила много раз нападала на Бегму; они не могли сами с ней справиться и обращались к нам. Напоминали о союзе защиты, который мы заключили почти со всеми королевствами Золотого Круга. Наконец отец решил сам преподать ей урок. Она, что называется, перегнула палку. Отец малой силой победил ее войско, взял Дилу в плен, повесил многих ее людей, но ей самой удалось бежать. Через несколько лет, когда все о ней забыли, она вернулась со свежими силами и новым войском и взялась за старое. Бегма опять запросила помощи, однако отец был занят и послал Блейза с довольно крупными силами. У Дилы была не регулярная армия, а просто банда, способная не на бои, а на налеты и стычки. Под конец Блейз окружил их и уничтожил. Она погибла в тот день вместе со всеми своими людьми.

— И Далт — ее сын?

— В том-то и дело. Он долгое время досаждал нам. Понятно, хотел отомстить за свою мать. Под конец он сколотил весьма внушительное войско и напал на Амбер. Продвинулся дальше, чем можно было предположить, до самого Колвира. Но Бенедикт со своим любимым полком ждал его, разгромил наголову и уж по крайней мере смертельно ранил Далта. Кое-кому удалось удрать, причем захватив с собой тело своего вождя, так что трупа Далта не нашли. Но, черт возьми, кого тогда это беспокоило?

— И ты думаешь, что это тот самый парень, который дружил с Люком с самого детства?

— По возрасту вполне может быть. К тому же он из того же региона.

Я прогуливался по вечернему городу и размышлял. Если верить словам отшельника, Джасра не очень-то любила сына. Какова же его роль в настоящее

время? «Слишком много неизвестных, — решил я, предпочитая точную информацию догадкам. — Ну да ладно, будь что будет. Сейчас самое главное вкусно поужинать».

Я продолжал идти по Главной улице. Почти в самом ее конце за столиками кафе на открытом воздухе еще сидели несколько пьяниц. В одном из них я узнал Дроппу, но он не заметил меня, и я прошел мимо. Большой радости я от этой встречи не испытал.

Я свернул на улицу Ткачей, что соединяется с Западной Виноградной, которая заворачивает в район гавани. Высокая дама в маске и серебряном плаще поспешно прошла мимо меня к ожидавшей карете. Она оглянулась и подарила мне улыбку из-под маски домино. Жаль, что я незнаком с ней, ее улыбка показалась мне красивой. Но тут ветер донес до меня запах дыма очага и зашуршал сухими листьями по мостовой. Я подумал о своем отце. Где-то он сейчас?

Прямо, затем по Западной Виноградной... Эти улицы куда уже Главной, но все еще достаточно широки, фонарей здесь меньше, но все же они горят для ночных путников. Несколько всадников медленно проехали, напевая незнакомую мне песню. Чуть позднее что-то большое и темное пролетело у меня над головой и уселось на крыше дома на противоположной стороне улицы. Оттуда послышались какие-то царапающие звуки, потом все стихло.

Улица повернула налево, затем направо, еще поворот и еще... словно аттракцион «американские горки». Дорога пошла под уклон. Чуть погодя подул ветерок из гавани. Впервые за этот вечер пахнуло соленым морем. Еще два поворота... И вот оно раскинулось далеко внизу: качающиеся огни на блестящей волнующейся поверхности, огражденной кривой линией ярких точек — дорогой в порт.

На востоке небо казалось слегка припудренным. Впереди, где-то на краю земли, легко обозначалась линия горизонта. Минуту спустя мне показалось, что я мельком увидел далекий огонь Кабры, но за следующим поворотом я потерял его из виду.

Справа на дорогу упало пятно света, похожее на молочную лужицу; сразу стали заметны мрачная груда камней на склоне холма и разрисованный рекламный столб парикмахерской с треснутым, слабо светящимся шаром наверху, напоминавшим мне детскую игру «череп на столбе», в которую мы когда-то играли во Дворах Хаоса. Довольно неотчетливые следы вели вниз по склону. Я пошел дальше, прислушиваясь к крикам морских птиц. Ароматы осени растворились в запахе океана. Светлая полоса в восточной части неба поднялась выше над водой и поплыла над морщинистой поверхностью океана. Скоро...

Долгая прогулка окончательно раззадорила мой аппетит. На противоположной улице я заметил еще одного пешехода в черном, ранты его ботинок слегка светились. Я подумал о вкусной рыбе и прибавил ходу. У подъезда сидела кошка, задрав ногу и вылизывая свой зад. Мимо проехал и направился в горы еще один всадник. Из верхнего этажа темного здания донеслись крики и обрывки фраз ссорившихся женщины и мужчины. За следующим поворотом я увидел на небе рог луны — будто грозное чудище всплыло на поверхность, отряхивая капли с блестящей шкуры...

Минут десять спустя я достиг портового района и нашел дорогу в гавань. Фонарей здесь было слишком мало, и путь мне освещали лишь свет из окон, бадьи с горящей смолой да только что взошедшая луна. Запах соли и выбро-

шенных на берег водорослей становился все резче, на дороге валялись кучи хлама, наряды прохожих были пестрее и причудливее, чем на Главной улице (если забыть о костюме Дроппы). Я прошел по берегу бухточки, где звуки моря слышались отчетливее: бешеный натиск волн, с громким шумом обрушивающихся на мол и с тихим плеском откатывающихся назад, скрип досок, грохот цепей, стук лодок о пирс или причальные сваи... «Где-то теперь моя старая яхта?» —подумал я.

Дорога свернула к западному берегу гавани, а я шел дальше, бросая на ходу взгляд на названия боковых улочек. Путь мне пересекла пара крыс, за которыми гналась черная-пречерная кошка. К запаху моря здесь примешивалась вонь блевотины, жидких и твердых отбросов. Доносившиеся крики и звуки ударов свидетельствовали о том, что я почти у цели. Вдалеке забренчал колокол буя, а где-то рядом раздались обрывки унылых ругательств, и два моряка, выйдя из переулка справа, прошли мимо меня, пошатываясь и спотыкаясь, скаля зубы. Чуть погодя они затянули песню. Я остановился и прочитал на углу название: «Переулок Морского бриза».

Так и есть. В простонародье — Мертвый тупик.

Улочка как улочка, ничем от других не отличается. Пройдя по ней первые полсотни шагов, я не заметил ни одного трупа и даже ни одного пьяного на земле. Правда, некий тип у подъезда попросил купить у него кинжал, а какой-то усатый верзила выразил пожелание обеспечить меня чем-то молоденьким и свеженьким. Я отказался от обоих предложений и, узнав от усатого, что заведение «У Кровавого Билла» совсем рядом, зашагал дальше.

Бросив случайный взгляд назад, я убедился в том, что за мной следуют три фигуры в темном. Я заметил их еще на дороге в гавань. Впрочем, это могло быть случайным совпадением. Не страдая манией преследования, я решил не обращать на них внимания: мало ли, людям просто по пути со мной. И верно, ничего не происходило. Незнакомцы держались поодаль, а когда я наконец обнаружил кабак «У Кровавого Билла» и вошел в него, они пересекли улицу и нырнули в маленькое бистро неподалеку.

Я оглядел кабак. Бар был направо, столики налево, пол испещрен подозрительными пятнами. Реклама на стене предлагала подойти к стойке, сделать заказ и сказать, на какой столик его подать. Ниже было нацарапано мелом дневное меню.

Я встал у стойки, невольно привлекая всеобщее внимание. Наконец ко мне подошел крепко сбитый мужчина с седыми, удивительно косматыми бровями и спросил, что мне угодно. Я заказал синего морского ската и указал на столик в конце зала. Он кивнул, передал через окошко в стене мой заказ и поинтересовался, не подать ли мне к скату бутылочку «Мочи Бейли». Я согласился. Официант открыл бутылку и подал ее вместе со стаканом. Я расплатился, подошел к выбранному мной столику и сел спиной к стене.

Зал освещали мерцающие огоньки расставленных повсюду закопченных керосиновых ламп. За угловым столиком напротив меня трое мужчин, двое молодых и один постарше, играли в карты, передавая друг другу бутылку. Слева сидел за столиком и ел пожилой человек; лицо его было обезображено страшным шрамом, пересекавшим лоб и левую щеку. На стуле справа от него лежал вынутый из

ножен кривой клинок длиной дюймов в шесть. Пожилой мужчина тоже сидел спиной к стене. За столиком поблизости примостились люди с музыкальными инструментами — видно, сделали перерыв здешние музыканты.

Я налил в стакан желтого вина и пригубил его. Знакомый вкус, памятный с давних времен. Барон Бейли, владелец множества виноградников милях в тридцати к востоку, был официальным поставщиком двора. Его красные вина поистине превосходны, белые ему удаются хуже. На местный рынок он поставлял огромное количество второсортного вина. На этикетках красовался его герб и портрет собаки — он любил собак. Поэтому в народе это вино именовали «Собачьей мочой» или «Мочой Бейли», в зависимости от того, к кому обращались. Любителям собак иной раз не нравилось, если эту «мочу» называли собачьей.

К тому времени как мне принесли заказ, я заметил, что двое молодых мужчин, сидевших напротив стойки бара, слишком часто и явно не случайно смотрят в мою сторону, невнятно переговариваясь и посмеиваясь. Я решил не обращать на них внимания и сосредоточился на еде. Чуть погодя человек со шрамом, не наклоняясь ко мне, не глядя на меня и едва шевеля губами, тихо произнес:

— Бесплатный совет. Кажется, два парня возле стойки заметили, что у вас при себе нет оружия, и положили на вас глаз.

— Спасибо, — ответил я.

Да... Я не сомневался, что сумею расправиться с ними, однако предпочел бы не ввязываться в историю. Если для этого достаточно лишь раздобыть клинок и положить его на видное место, что ж — пожалуйста.

Секунда медитации... и Логрус заплясал передо мной. Немного погодя я просунул сквозь него руку и выбрал нужное мне оружие, не слишком длинное и не слишком тяжелое, удобное в употреблении, с ножнами на темном широком поясе. Это заняло у меня около трех минут, потому что я нервничал. Ну и потому, что проникнуть в Тени вблизи Амбера *много труднее, чем в любом другом месте.*

Взяв шпагу в руку, я вздохнул и вытер пот со лба. Потом осторожно вытащил ее вместе с ножнами и перевязью из-под стола и, последовав хорошему примеру, вытянул на полфута клинок из ножен и положил его на стул справа от себя.

Двое парней у бара заметили мои манипуляции, и я взглянул на них с усмешкой. Они быстро о чем-то перемолвились, но на этот раз без ухмылок. Я налил себе еще вина и выпил его одним глотком. Потом принялся за рыбу. Йорди был прав, кухня здесь отличная.

— Ловкий фокус, однако, — сказал человек за соседним столиком. — Поди, нелегко этому выучиться.

— Нелегко.

— Понятно. Все хорошее дается нелегко, иначе каждый бы заполучил, что ему надо. И все-таки они, пожалуй, не отстанут от вас, раз вы один. Зависит от того, сколько они выпьют и хватит ли у них храбрости. Боитесь?

— Нет.

— Другого я от вас и не ожидал. Но они точно нападут на кого-нибудь нынче ночью.

— Откуда вы знаете?

Мужчина в первый раз взглянул мне в лицо и зловеще ухмыльнулся:

— Я их насквозь вижу — заводные ребята. Ну, пока.

Он бросил на стол монету, поднялся, надел перевязь и застегнул пряжку, потом взял свою темную шляпу с пером и направился к двери.

— Поберегитесь, — бросил он мне напоследок.

Я кивнул.

— Доброй ночи.

Когда он уходил, те двое парней снова зашептались и стали смотреть не на меня, а ему вслед. Очевидно, приняв решение, они поднялись и быстро вышли на улицу. Я чуть было не поддался искушению последовать за ними, но что-то удержало меня. Вскоре с улицы донесся шум, затем в дверях показался человек; несколько мгновений он стоял, раскачиваясь, потом упал ничком. Это был один из двух пьяниц. На горле у него зияла рана.

Энди покачал головой и послал официанта в полицию сообщить о случившемся. Затем взял убитого за ноги и вытащил его на улицу, чтобы труп не мешал посетителям входить в кабак.

Позднее, заказывая еще одну порцию, но уже другой рыбы, я спросил Энди о причине скандала.

Он мрачно усмехнулся:

— Лучше не связываться с людьми, которые работают на корону, это крутые парни.

— Так тот тип, что сидел рядом со мной, работает на Рэндома?

Энди пристально посмотрел на меня, затем кивнул:

— Старый Джон работал и на Оберона. Частенько заглядывает к нам, когда бывает поблизости.

— Интересно, что у него за задание?

Энди пожал плечами:

— Кто знает? Но он заплатил мне кашфанской валютой, а я знаю, что он не из Кашфы.

Уплетая второе блюдо, я задумался. Возможно, сведения, которые Рэндом хотел получить в Кашфе, уже скоро будут доставлены в замок. Разумеется, если удалось их раздобыть. Скорее всего они касаются Люка и Джасры. Интересно, что это за сведения и насколько полезны они могут быть мне?

Так я сидел и размышлял довольно долго. В зале стало гораздо тише, даже когда музыканты снова заиграли. Может, те парни следили за Джоном, а мы оба думали, что они пялятся на меня. А может, они просто решили последовать за первым посетителем, который выйдет из кабака в одиночку?.. Похоже, я стал рассуждать, как истинный житель Амбера, которому везде чудятся заговоры.

Впрочем, я был недалек от истины. Что-то ощутимо витало в воздухе.

Я опустошил стакан и оставил недопитую бутылку на столе. При сложившихся обстоятельствах ни к чему взвинчивать себя попусту. Я поднялся, надел перевязь со шпагой и застегнул ее.

Энди кивнул мне, когда я проходил мимо бара.

— Если увидите кого-нибудь из дворца, — вкрадчиво промолвил он, — намекните, что я тут ни при чем. Понятия не имел, что они это устроят.

— Ты знал этих ребят?

— Да. Они моряки. Их корабль пришел несколько дней назад. Парни и раньше затевали здесь драки.

— Может, это их профессия — убирать неугодных людей?

— Вы имеете в виду, что они хотели убить Джона, потому что знали, кто он? Нет, вряд ли. Слишком глупы, много раз попадались. Рано или поздно эти парни должны были нарваться на того, кто умнее их, — вот и схлопотали. Не думаю, чтобы кто-нибудь нанял их на серьезное дело.

— А второго Джон тоже пришил?

— Да, чуть поодаль, на улице. Так что вы можете намекнуть, что они оказались не в том месте и не в то время.

Я уставился на Энди, а он подмигнул мне.

— Я видел вас здесь вместе с Джерардом несколько лет назад. Дело в том, что я взял за правило никогда не забывать лица клиентов, которые могут мне однажды пригодиться.

Я кивнул в ответ:

— Спасибо за вкусный ужин.

На улице похолодало. Луна висела высоко, море разбушевалось. Дорога впереди была пустынна. Из какого-то заведения ближе к гавани доносились громкая музыка и смех. Проходя мимо, *я заглянул в окно и увидел, как на маленькой* эстраде усталая женщина *делает сама себе нечто вроде гинекологического обследования*.

Где-то рядом раздался звон разбитого стекла. Из прохода между домами вывалился пьяный с протянутой вперед рукой. Я прошел мимо. В гавани вздыхал заблудившийся в мачтах ветер. Я вдруг пожалел, что рядом со мной нет Люка, как в те добрые старые времена, до того как наши отношения осложнились. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь одного со мной возраста и склада ума. Все мои здешние родственники, отягощенные многовековым грузом цинизма и мудрости, не могли чувствовать и мыслить так, как я.

Я сделал еще шагов десять, и вдруг Фракир резко задергалась у меня на запястье. Поблизости не было ни души, я даже не стал вынимать из ножен свой новый клинок, а лишь бросился ничком на землю и откатился в тень. Одновременно донесся свист со стороны здания напротив. Бросив взгляд в том направлении, я увидел, что оттуда вылетела стрела, нацеленная на то место, где я только что стоял. Если бы я не нырнул на землю, она наверняка угодила бы прямо в меня.

Я приподнялся настолько, что смог выхватить из ножен шпагу, и бросил взгляд направо. В ближайшем здании на теневой стороне ни открытых окон, ни открытых дверей; его фронтон футах в шести от меня. Но между этим домом и двумя другими, соседними, пустые пространства, и, призвав на помощь геометрию, я определил, что стрела была пущена откуда-то оттуда.

Я снова покатился по земле, пока не оказался возле крытой галереи, тянувшейся во всю длину дома, вскарабкался на нее и встал во весь рост. Потом начал медленно двигаться вдоль стены, проклиная темноту, не позволявшую мне идти быстрее, и подошел достаточно близко к зияющей пустоте, чтобы броситься на таинственного стрелка прежде, чем он успеет выпустить в меня еще одну стрелу. Мне не сразу пришло в голову, что он может обойти вокруг здания и напасть на меня сзади. Я прильнул к стене, сжал эфес шпаги и быстро оглянулся. Фракир раскрутилась и повисла у меня на руке, готовая к нападению.

Я еще не знал точно, что буду делать, когда дойду до угла дома. По-видимому, ситуация требовала магического вмешательства. Речь шла о жизни и смерти, следовало соблюдать предельную осторожность. Я остановился. Затаил дыхание. Прислушался...

Он действовал очень аккуратно, но мой слух уловил еле различимые звуки: враг крадучись шел по крыше. Возможно, нападавших было двое или даже больше. Они могли прятаться за углом. Я не имел ни малейшего представления о том, сколько человек устроили мне засаду, однако на простое ограбление это не похоже. Видно, что операция хорошо продумана.

Я продолжал стоять, отчаянно пытаясь решить, что следует предпринять. Представляю, как этот стрелок прячется за углом — тетива натянута, он ждет лишь сигнала. А тот, что на крыше, наверняка сжимает в руке нож; остальные, поди, тоже небезоружные...

Нет смысла гадать, кто они такие и как нашли меня, если им на самом деле нужен именно я. В данную минуту это не имело ни малейшего значения. Если противнику удастся совершить задуманное, какая разница, буду я убит грабителями, охотящимися за моим кошельком, или наемным убийцей?

Опять звуки на крыше... Кто-то стоит прямо надо мной. Сию секунду... Кто-то с грохотом и криком спрыгнул с крыши на улицу прямо передо мной. Крик, очевидно, послужил сигналом для стрелка, потому что за углом сразу началась какая-то возня, а из-за другого угла послышались быстрые шаги — кто-то приближался ко мне сзади.

Не успел человек, прыгнувший с крыши, приземлиться, как я швырнул в него Фракир, приказав ей убить его, а сам бросился на стрелка, едва он показался из-за угла. Одним ударом шпаги я сломал арбалет врага, рассек ему руку и низ живота. Вслед за стрелком на меня ринулся третий с обнаженной шпагой, а четвертый бежал ко мне по галерее.

Я уперся левой ногой в грудь скорчившегося стрелка и отбросил его назад на стоявшего за ним третьего, потом, воспользовавшись моментом, резко повернулся и с маху парировал выпад четвертого. Нанося ответный удар, я краем глаза увидел, что человек, спрыгнувший с крыши и стоявший на коленях, пытается сорвать что-то с шеи, и понял, что Фракир делает свое дело.

Кто-то подбирался сзади, явно собираясь вонзить шпагу мне в незащищенную спину. Поэтому...

Вместо того чтобы нанести удар, я сделал вид, будто споткнулся, а на самом деле переместил центр тяжести и сгруппировался.

Враг сделал выпад, а я отскочил в сторону, потом толкнул его, навалившись всем телом. Он мог изловчиться и ударить меня шпагой. Это был опасный прием, но ничего лучшего мне не удалось придумать. Когда мой клинок вонзился ему в грудь, я бросил на противника пристальный взгляд, но так и не понял, видел ли его раньше. Однако теперь это уже не имело значения. Нужно было продолжать драться, уничтожить их или самому погибнуть.

Пользуясь шпагой как рычагом, я, сделав поворот против часовой стрелки, загородился убитым от четвертого нападающего. И вовремя, потому что четвертый как раз спрыгнул с галереи и упал, споткнувшись. Теперь мне оставалось лишь вытащить шпагу из груди третьего и драться с четвертым один на один.

Я рванул шпагу... Тысяча чертей! Клинок вонзился в кость и не желал высвобождаться. А мой противник вскочил на ноги и обрел равновесие. Я продолжал держать мертвое тело между собой и живым противником, а левой рукой пытался выдернуть из правой руки мертвеца его шпагу, эфес которой он продолжал сжимать.

Проклятье! Покойник держал шпагу мертвой хваткой, его пальцы сжимали эфес, словно железные клещи.

Мой враг с мерзкой улыбкой размахивал клинком, пытаясь воткнуть его в меня. И тут я заметил, как блестит кольцо с камнем у него на пальце. Вот и ответ на мой вопрос, меня ли они искали здесь нынче ночью. Продолжая двигаться, я согнул колени и подсунул руки под мертвое тело.

Подобные ситуации порой врезаются в память будто видеозапись: полное отсутствие мыслей, зато масса ощущений; ты не успеваешь их зафиксировать, но все они тут как тут, если твой мозг вздумает снова прокрутить эту ленту.

С улицы и из домов послышались крики, отовсюду *бежали люди. На мостовой* вокруг меня была кровь, и я боялся поскользнуться. Поодаль, возле галереи, лежал мертвый стрелок со *сломанным арбалетом. Задушенный человек распростерся* на мостовой, справа от моего противника. Безжизненное тело, служившее мне щитом, стало чересчур тяжким грузом. С некоторым облегчением я понял, что нападавших на меня было лишь четверо, и мне оставалось разделаться с последним. А он продолжал маневрировать, делая ложные выпады, готовясь вонзить в меня свою шпагу.

Хорошо, пора.

С силой швырнув мертвеца в своего врага и не взглянув на результат сего действа, так как не мог позволить себе такую роскошь, я бросился на землю и прокатился мимо лежащего тела того типа, что уронил шпагу и пытался ослабить удавку, сжимавшую его горло. Глухой звук удара о мостовую и злобный вопль сообщили о том, что мне удалось свалить на землю нападавшего, швырнув в него покойника. Чего я этим добился, мне предстояло узнать позже.

Я изловчился и, схватив шпагу, выпавшую из руки задушенного, быстро попятился назад...

И сделал это вовремя, потому что четвертый набросился на меня и стал бешено фехтовать, а я продолжал пятиться, отчаянно парируя его атаку. Он продолжал улыбаться, но мой первый удар показал, чего стоил его успех, а после второго ему стало не до улыбки.

Я прочно уперся ногами в землю. Противник был силен, но я оказался проворнее. Подоспевшие люди стояли и смотрели на нас, выкрикивая бесполезные советы. Не знаю, кому эти советы были адресованы, но они не помогли ни одному из нас. Когда я начал атаковать врага, он с минуту продержался, потом начал медленно пятиться, и я понял, что одолею его.

Мне он был нужен живым, и это несколько усложняло задачу. Сверкающий голубой камень, мелькавший у меня перед глазами, хранил тайну, которую я непременно желал разгадать.

И я, продолжая атаку, чтобы измотать противника, осторожно маневрировал, отклоняя корпус то влево, то вправо, теснил его, заставляя пятиться с расчетом, чтобы он споткнулся о мертвеца.

Наступив одной ногой на руку трупа, враг сделал рывок вперед, чтобы сохранить равновесие. Потом в бешенстве, не раздумывая, бросился в атаку, увидев, что я опустил шпагу, готовясь к решающему натиску — я был намерен воспользоваться его секундным замешательством из-за потери равновесия. Но мой расчет не оправдался.

Размахнувшись, враг чуть не выбил шпагу у меня из руки. Я все-таки сумел парировать его удар, и мы схватились вплотную. К несчастью, я дал ему возможность изловчиться и нанести мне страшный удар по почкам. Одновременно он, чтобы повалить меня, сделал мне подножку. Падая, я сумел лишь сильно дернуть свой плащ, чтобы обе наши шпаги запутались в нем. Я тщетно пытался изловчиться и упасть на противника, но мы рухнули рядом, и эфес чьей-то шпаги, скорее моей, сильно ударил меня по ребру. Я упал на правую руку, а левую обмотал плащом. Левая рука врага была свободна, и он вцепился мне в лицо. Я укусил его, но удержать руку не смог. В конце концов мне удалось выпутаться из плаща и ударить его кулаком по лицу. Он отвернул голову, саданул меня коленом по бедру и пытался ткнуть двумя растопыренными пальцами в глаза. Я схватил его запястье и сжал изо всех сил. Свои правые руки ни он, ни я высвободить не могли — вес у нас был примерно одинаковый.

Я продолжал сжимать запястье врага, пока не хрустнули кости. Он в первый раз вскрикнул. Тогда я оттолкнул его, поднялся на колени и попытался встать, не отпуская его руки. Игра была окончена. Я выиграл.

Внезапно он обмяк и плюхнулся на меня. Я подумал, что это последняя уловка моего противника, но тут же увидел клинок, торчавший в его спине. Рука человека со страшным шрамом, вонзившая шпагу в моего врага, крепче сжала эфес, чтобы вытащить оружие.

— Сукин сын! — завопил я по-английски, уверенный, что он поймет меня. Я отпустил умирающего и ударил кулаком по лицу незнакомца. Тот упал навзничь. — Мне он был нужен живой!

Приподняв своего врага, я усадил его в более или менее удобное положение и спросил:

— Кто тебя послал? Как ты нашел меня?

Его лицо исказила гримаса, изо рта потекла тоненькая струйка крови.

— Спроси кого-нибудь другого, от меня ничего не добьешься, — пробормотал он и повалился навзничь.

Я снял кольцо с его руки, пополнив свою коллекцию треклятых голубых камней. Затем поднялся на ноги и уставился на человека, заколовшего моего врага. Два незнакомца помогли ему встать.

— Для чего вы это сделали, черт побери?!

— Я спас вашу окаянную жизнь! — рявкнул он в ответ.

— Как бы не так! А вот теперь непонятно, чем все кончится! Он был нужен мне живым!

Слева от меня шелохнулась фигура, и я узнал этот голос. Я уже было замахнулся, чтобы снова ударить человека со шрамом, когда она, положив легонько руку мне на плечо, промолвила:

— Он выполнял мой приказ. Я опасалась за твою жизнь и не знала, что ты хотел взять врага в плен.

Она подняла капюшон, и я увидел бледное гордое лицо Винты Бейли, подруги Кейна и, между прочим, третьей дочери барона Бейли, подарившего Амберу много пьяных ночей.

Я почувствовал, что меня слегка бьет дрожь, и сделал глубокий вдох, пытаясь прийти в себя.

— Понятно, — ответил я наконец. — Спасибо.

— Мне очень жаль, — продолжала она.

Я покачал головой:

— Ты же не знала... Что сделано, то сделано. Я благодарен каждому, кто хочет помочь мне.

— Думаю, я смогу быть тебе полезной. Хотя я и ошиблась на этот раз, мне кажется, ты все еще в опасности. Давай уйдем отсюда.

Я кивнул.

— Только одну минутку...

Я снял Фракир с шеи задушенного, и она быстро шмыгнула в мой левый рукав. Шпагу я вложил в ножны и поправил перевязь.

— Идем, — сказал я.

И мы вчетвером зашагали по направлению к Портовой. Стоявшие посреди улицы зеваки поспешно расходились. Там, сзади, мародеры уже, наверное, начали раздевать трупы.

Все рассыпается; не держит сердцевина... И все же это мой дом, черт возьми!

V

Я уходил прочь от Мертвого тупика с леди Винтой и двумя слугами из дома Бейли, а бок у меня все еще болел от удара об эфес шпаги. Ночь была лунная, звездная, но по улице стлался морской туман. Хорошо еще, что я отделался синяком на боку — дело могло закончиться куда хуже. Удивительно, ведь я только прибыл. Как они могли так быстро найти меня? Мне казалось, Винте что-то известно, но я склонен был доверять ей. Во-первых, потому что знал ее, а во-вторых, в смерти моего дяди Кейна, ее мужа, был виновен Люк, а все, связанное с голубыми камешками, исходило от него.

Когда мы свернули на Портовую, я спросил Винту, куда мы идем.

— Я думал, мы направляемся на Виноградную.

— Тебе ведь известно, что ты в опасности? — спросила в свою очередь она.

— Мне кажется, это очевидно и подтверждения не требует, — усмехнулся я.

— Я могу пригласить тебя в дом своего отца, — предложила она, — или мы проводим тебя до дворца. Однако кто-то узнал, что ты в Амбере, и ему ничего не стоит найти тебя.

— Трудно спорить.

— У нас здесь пришвартован корабль. Мы можем поплыть на нем вдоль берега и к утру будем возле загородного имения моего отца. Тот, кто ищет тебя в Амбере, потеряет след.

— А ты не думаешь, что во дворце было бы безопаснее?

— Там тебя легко найти. А у меня тебя никто и искать не вздумает.

— Я уеду, Рэндом узнает от одного из стражников, что я ушел в Мертвый тупик, будет беспокоиться, поднимет шум...

— Ты можешь связаться с ним завтра через карту и сказать, что ты у нас в загородном особняке — если колода у тебя при себе.

— В самом деле... А как ты узнала, где найти меня нынче вечером? Ведь ты не станешь утверждать, что встретила меня случайно?

— Нет, мы следовали за тобой и сидели в заведении напротив кабачка «У Билла».

— Ты предвидела то, что случилось?

— Я полагала, что такое может произойти. Разумеется, если бы я знала наверняка, то не допустила бы этого.

— А что, собственно, происходит? Что ты знаешь обо всем этом, и какова здесь твоя роль?

Винта засмеялась, и я подумал, что в первый раз слышу ее смех. Он не был холодным и ироническим, чего можно было бы ожидать от подружки Кейна.

— Я хочу отплыть до того, как начнется отлив, — ответила она, — а ты ждешь от меня рассказа, который занял бы всю ночь. Так что ты предпочитаешь, Мерлин: безопасность или удовлетворенное любопытство?

— Я предпочел бы и то, и другое, но буду соблюдать очередность.

— Хорошо, — сказала она и повернулась к человеку поменьше ростом, к тому самому, которого я ударил. — Ярл, ступай домой. Утром сообщишь отцу, что я решила вернуться в Арбор-Хауз: мол, ночь была прекрасная и мне захотелось прокатиться. Так что я возьму корабль. Про Мерлина ни слова.

Человек взял под козырек:

— Слушаюсь, миледи.

Он щелкнул каблуками и пошел назад.

— Идем, — обратилась ко мне Винта.

Она и здоровенный парень — позднее я узнал, что его зовут Дру, — повели меня на причал, где стояло длинное парусное судно.

— Приходилось плавать на паруснике?

— Раньше плавал.

— Отлично. Значит, поможешь нам.

И я помог. Мы отдали концы, подняли паруса и отчалили. За это время мы перекинулись лишь несколькими фразами. Дру встал у руля, а Винта и я продолжали заниматься парусами. Позднее нам представилась возможность передохнуть. Казалось, все шло отлично, попутный ветерок раздувал паруса, корабль обогнул волнолом и заскользил по слегка волнующейся поверхности моря.

Мы сбросили плащи, и я увидел, что на Винте темные брюки и рубашка из плотной ткани — весьма практичный наряд, видно, она заранее подготовилась к этому путешествию. На поясе у нее висела шпага — не какой-нибудь дамский кинжал в усыпанных драгоценными камнями ножнах, а настоящая шпага нормальной длины; глядя на движения девушки, я подумал, что она, должно быть, неплохо владеет ею. Кого-то Винта мне напоминала, но кого именно, я вспомнить не мог. Скорее голосом и движениями, нежели внешностью...

Однако это не имело значения, мне предстояло прояснить куда более важные вопросы. Когда представилась возможность передохнуть, я уставился на

темную воду и стал вспоминать, что мне, собственно говоря, известно об этой женщине.

Я встречался с леди Винтой несколько раз на приемах и имел о ней лишь самое общее представление. Итак, она, разумеется, знает, что я сын Корвина, что я родился и вырос во Дворах Хаоса, с которым Амбер связан давними кровными узами. Во время нашей последней встречи из беседы с ней я понял, что Винте известно и о моем длительном пребывании на Земле. По-видимому, дядя Кейн пожелал ввести ее в курс всех наших семейных дел. Тогда, спрашивается, насколько близки были их отношения? Я слышал, что их связь продолжалась несколько лет.

Я склонен был доверять Винте. Однако еще не решил, что именно могу рассказать ей в обмен на информацию об истинной подоплеке происшедшего в Мертвом тупике. Я предполагал, что у нас с ней состоится сделка — информация на информацию. Вряд ли Винта каким-то образом заинтересована во мне. Насколько я мог понять, она просто-напросто стремилась отомстить за смерть Кейна.

Поэтому я и намеревался обсудить с ней свои дела. Всегда неплохо иметь союзника. Но я еще не решил, насколько откровенным следует с ней быть. Стоит ли сообщать обо всех событиях и злоключениях, которые выпали на мою долю? При свете луны черты худощавого лица Винты выделялись особенно резко, а я, пристально вглядевшись в них, легко представил себе ее в облике Немезиды.

Легкий ветер гнал корабль к востоку, мы плыли вдоль берега мимо огромных скал Колвира. Огни Амбера, Янтарного королевства, светились, словно алмазы в его короне, и меня внезапно охватило чувство прежней любви к нему. Хотя я вырос во владениях Тьмы и экзотических молний, при дворе Хаоса, где парадоксы Эвклида были не в моде, где в понятие красоты входило нечто более сюрреалистическое, каждый раз, приезжая сюда, я чувствовал, что этот мир притягивает меня, и наконец я понял, что он — часть меня, и стал считать его своим домом. Я не хотел, чтобы его штурмовали наемники Люка или поблизости устраивали рейды бандиты Далта. Я готов был защищать свой дом.

На берегу, неподалеку от места последнего упокоения Кейна, возникло какое-то белое светящееся пятно. Сначала оно двигалось медленно, потом как будто бы стало прыгать, а под конец исчезло в расселине на склоне горы. Единорог?.. Впрочем, в темноте на таком расстоянии трудно было определить наверняка, тем более что световое пятно мелькало так быстро.

Чуть погодя ветер, к моей радости, подул сильнее. Я устал, несмотря на длительный дневной сон. Бегство из хрустальной пещеры, стычка со Скрофом, Хранителем Порога, преследовавший меня смерч и пославшая его маска — все смешалось у меня в голове. Адреналин схлынул, навалились усталость и апатия. Так бы только и смотрел на изломанную береговую линию, на искрящееся море да слушал плеск волн. Не хотелось думать, не хотелось двигаться...

Бледная рука легла на мое плечо.

— Ты устал, — промолвила Винта.

— Пожалуй, — ответил я.

— Вот твой плащ. Почему бы тебе не лечь отдохнуть? Мы идем хорошим ходом, я и Дру вполне управимся вдвоем. Ты нам не понадобишься.

Я кивнул и плотно завернулся в плащ.

— Спасибо. Последую твоему совету.

— Может, хочешь есть или пить?

— Нет, я плотно поужинал в городе.

Винта все еще не сняла руку с моего плеча. Я взглянул на нее. Она улыбалась. Я впервые увидел ее улыбку.

Девушка потрогала кончиками пальцев другой руки кровавое пятно на моей рубашке.

— Не беспокойся, я позабочусь о тебе.

Я улыбнулся ей в ответ. Мне показалось, она ждала моей улыбки.

Винта слегка сжала мое плечо и отошла, а я, глядя ей вслед, пытался определить, что же я упустил, чего не заметил в ней? Но я слишком устал, чтобы найти ответ на этот вопрос. Заторможенный мозг едва работал...

Легкая зыбь плавно покачивала корабль. Моя голова склонилась на грудь, полузакрытые глаза различили темное пятно на белой манишке. Кровь. Да, это была кровь.

— Первая кровь! — воскликнул Деспил. — Достаточно! Вы удовлетворены?

— Нет! — крикнул Джарт. — Я лишь едва оцарапал его!

Он резко крутанулся на каменном диске, пустил в меня дротик-трезубец из своего триспа и стал готовиться к новой атаке.

Сочащаяся из моего левого предплечья кровь алыми бусинками, словно горсть рассыпанных рубинов, падала и исчезала в воздухе.

Я поднял фандон, заняв оборонительную позицию, и опустил немного трисп, изменив угол прицеливания. Потом согнул левое колено и повернул диск на девяносто градусов относительно нашей общей оси. Джарт мгновенно откорректировал свою позицию и опустился футов на шесть. Я повернул свой диск еще на девяносто градусов, и таким образом мы оказались висящими вверх ногами по отношению друг к другу.

— Берегись, ублюдок из Амбера! — крикнул Джарт и метнул в меня тройной пучок света из своего оружия, но, отраженный моим фандоном, он разбился, и яркие, похожие на ночных бабочек искры полетели вниз, в бездну Хаоса, над которой мы парили.

— Это ты побережись! — рявкнул я в ответ, с силой сжал приклад своего триспа и спустил курок. Вместе с пульсирующими световыми лучами из дула вылетел тонкий дротик-трезубец.

Ему удалось отбить лучи своим фандоном. На перезарядку триспа требовалась пауза в три секунды, но я сделал стремительный ложный выпад, целясь противнику в лицо.

Джарт машинально поднял свой фандон, а я спустил курок триспа и задел его колени. Помедлив секунду, он атаковал меня, стреляя в голову, однако промахнулся, шагнул назад и сделал оборот на целых триста шестьдесят градусов. Враг рассчитывал на то, что, перезаряжая оружие, я не смогу пустить дротик ему в незащищенную спину, а он тем временем нанесет мне фандоном удар в плечо.

Но я ускользнул от него, описав круг, стоя на диске во весь рост, и, удлинив фандон, попытался нанести ему удар по плечу. Увы, оно оказалось вне пределов досягаемости.

Справа, довольно далеко от меня, кружил на своем маленьком диске Деспил. А мой секундант Мэндор, висевший высоко надо мной, быстро пошел на снижение.

Мы прочно упирались в маленькие диски ступнями измененной формы и плавали во внешнем течении Хаоса, маневрируя по краю бурлящего водоворота. Джарт, кружась, последовал за мной. С его руки свисала тончайшая, словно вуаль, пленка трехфутовой длины с грузом на конце, в которой то и дело вспыхивали алые огоньки. Он держал свой трисп в средней наступательной позиции и глядел на меня, скаля зубы. Однако, когда мы попали на орбиту десятифутового круга, находясь на противоположных точках, и начали искать канал или разрыв для выхода из него, он перестал улыбаться.

Я наклонил свою орбиту, и Джарт тут же приспособил свою, чтобы не отставать от меня. Я повторил маневр, и он сделал то же самое. Потом я нырнул на девяносто градусов вперед, подняв и удлинив фандон, повернул запястье и опустил локоть под таким углом, чтобы удар пришелся противнику в низ живота.

Он выругался и сделал выпад, но я отбил его, а на бедре Джарта появились три темные линии. Лучи трезубца врезаются в плоть лишь на три четверти дюйма, поэтому в серьезной схватке главными мишенями являются горло, глаза, виски, внутренняя сторона запястий и бедренные артерии. Однако нанеси своему противнику достаточное количество ударов в другие места, и ты можешь помахать ему на прощание, когда он будет камнем падать вниз в красное булькающее жерло, откуда путешественники обычно не возвращаются.

— Кровь! — воскликнул Мэндор, увидев красные бусины на ноге Джарта и приближаясь к нам. — Вы удовлетворены, господа?

— Я удовлетворен, — ответил я.

— А я нет! — прорычал Джарт, бросив на меня яростный взгляд. — Повтори свой вопрос после того, как я перережу ему горло!

Джарт по неизвестной мне причине возненавидел меня еще до того, как научился ходить. А я вовсе не питал ненависти к нему, считал подобное чувство ниже своего достоинства. С Деспилом же у меня вообще были вполне сносные отношения, хотя он зачастую принимал сторону Джарта. Да это и понятно, они — родные братья, причем Джарт — младший.

Трисп Джарта вспыхнул. Я отбил удар и нанес ответный. Он отразил мои лучи и уклонился в сторону. Наши триспы вспыхнули одновременно, обе атаки были отражены, и пространство между нами наполнилось огненными хлопьями. Я нанес удар снова, но на этот раз слишком низко. Еще одна атака также не дала результатов. Мы сошлись ближе.

— Джарт, — предложил я, — если один из нас убьет другого, выживший станет парией, будет изгнан. Давай завязывать с этим делом.

— Я намерен драться до конца, — ответил он, — каков бы ни был исход! Я уже все давно продумал.

И выстрелил мне в лицо.

Я автоматически поднял обе руки, заслонился фандоном и нажал курок триспа.

Раздался крик. Опустив фандон на уровень глаз, я увидел, что Джарт наклонился вперед, а его трисп уплывает прочь. Рядом плыло его левое ухо, за кото-

рым тянулась красная ниточка, быстро распадавшаяся на отдельные бусинки, исчезавшие одна за другой. От головы моего противника оторвался кусок скальпа, который он пытался приладить обратно.

Мэндор и Деспил кругами спустились к нам.

— Мы объявляем дуэль оконченной! — закричали они в один голос.

Я повернул головку триспа, поставив его на предохранитель.

— Ну как он? — спросил Деспил. — Серьезно ранен?

— Не знаю, — ответил я.

Джарт позволил им осмотреть себя, и чуть позднее Деспил сказал, обращаясь ко мне:

— С ним будет все в порядке. Хотя мать рассвирепеет.

Я кивнул, заметив:

— Это была его идея.

— Знаю. Пошли отсюда поскорее.

Деспил помог Джарту взять курс на Край; фандон волочился за ним как сломанное крыло. Я не спеша последовал за ними. Мэндор, сын Савалла, мой сводный брат, положил руку мне на плечо.

— Я знаю, ты не желал ему зла, не хотел наносить ему даже царапины.

Я кивнул и закусил губу. Деспил, безусловно, прав, говоря о Даре, нашей матери. Ее любимчик Джарт внушит ей, что во всем виноват я. Она не раз давала мне понять, что обоих своих сыновей от брака с Саваллом — старым герцогом Края, за которого она вышла, оставив моего отца, — любит больше, чем меня. Однажды я услышал, как она сказала, что я слишком напоминаю ей моего отца, на которого я в самом деле очень похож.

Я снова подумал об Амбере и о других местах Теней. И подумал о Логрусе — моем проездном в иные края. Похоже, отправиться в странствия мне придется много раньше, чем я планировал.

— Давай навестим Сухая, — предложил я Мэндору, когда мы поднялись над бездной. — Мне надо еще кое о чем его расспросить.

Когда я уже учился в университете, нельзя сказать, что переписка с домашними занимала у меня много времени.

— ...домой, — говорила Винта. — Уже скоро... Выпей воды! — И она подала мне флягу.

Я сделал несколько больших глотков и отдал ей флягу.

— Спасибо.

Я потянулся, расправил сведенные судорогой конечности, вдохнул холодный морской воздух и взглянул на луну, висевшую над моим левым плечом.

— Ты в самом деле полностью отключился, — сказала Винта.

— Я говорил во сне?

— Нет.

— И хорошо.

— Видел дурной сон?

Я пожал плечами:

— Бывают и похуже.

— Ты вскрикнул — как раз перед тем, как я тебя разбудила.

— В самом деле?

Вдалеке, на оконечности темного мыса, я увидел огонь. Винта жестом указала мне на него.

— Когда мы обогнем мыс, увидим гавань порта Бейли. Там нас ждет завтрак. И лошади.

— А как далеко оттуда до Арбор-Хауз?

— Около лиги, — ответила девушка, — по хорошей дороге.

Потом она сидела молча рядом со мной, глядя на берег и море. В первый раз я вот так запросто сидел с ней, ничего не делая и ни о чем не думая. И мое магическое чутье подсказывало мне, что я нахожусь под магическим влиянием. Не просто под влиянием магической ауры или какого-то предмета, который Винта хранит при себе. Нет, это было нечто более утонченное и хитроумное.

Я сосредоточил на ней свое внимание. И вначале ничего не заметил, но благоразумие подсказывало мне продолжать поиск.

Я призвал на помощь зрение Логруса.

— Пожалуйста, не делай этого, — произнесла девушка.

Я совершил faux pas*. Обычно считается неприличным проверять собрата по профессии таким образом.

— Прошу прощения. Понятия не имел, что ты изучала Искусство.

— Не изучала, но я очень чувствительна и сразу ощущаю применение Искусства на себе.

— В таком случае ты, возможно, сама могла бы отлично применять его на практике.

— У меня совсем другие интересы, — заявила Винта.

— Я подумал, что кто-то, возможно, наложил на тебя заклятие, — пытался выкрутиться я. — И хотел лишь...

— Как бы то ни было, что есть, то есть. Давай оставим эту тему.

— Как скажешь. Прости.

Она прекрасно понимала, однако, что я не могу отказаться от попыток оценить ситуацию, поскольку неизвестное магическое влияние — всегда опасность.

— Это вовсе не причинит тебе вреда, — продолжила девушка. — Даже наоборот.

Я подождал, но ей больше нечего было сказать. Тогда и я не стал настаивать на дальнейшем обсуждении и устремил взгляд на маяк. Что я мог выведать у нее? Откуда она узнала, что я вернулся в город и пошел один в Мертвый тупик?.. Если мы в самом деле доверяем друг другу, ей следовало бы объясниться.

Я оглянулся и посмотрел на нее. Винта улыбалась.

— Ветер переменился, — сказала она, вставая. — Извини, пойду работать.

— Помочь?

— Немного погодя. Я позову, когда ты мне понадобишься.

Я смотрел ей вслед, смутно чувствуя, что и она следит за мной, хотя смотрит в другую сторону. Я понял также, что это ощущение не покидает меня с тех пор, как я поднялся на корабль.

Мы пришвартовались, привели все в порядок, сошли с корабля и стали карабкаться на холм по извилистой каменистой дороге к сельской гостинице, из трубы которой поднимался дымок. Небо на востоке побледнело, а к тому време-

ни, как мы с аппетитом позавтракали, утренний свет залил мир в полную силу. Мы направились в конюшню, где стояли три спокойные лошади, готовые отвезти нас в имение отца Винты.

Стояла ясная бодрящая осенняя погода, ветер стих, что было особенно приятно. Я наконец-то почувствовал себя отдохнувшим. Кофе в гостинице был намного лучше, чем в Амбере повсюду за пределами дворца, и две чашки замечательного напитка прибавили мне бодрости. Приятно было неторопливо прокатиться по сельской местности, вдыхая осенний воздух, любуясь сверкающей на влажных лугах росой, ощущая легкое дуновение ветерка, слушая крики птиц, улетающих стаями к Солнечным островам...

Мы ехали молча, ничто не нарушало моего идиллического настроения. Печаль и предательство, страдание и насилие надолго остаются в памяти, но все же они бледнеют, выцветают и исчезают, а воспоминания о таких событиях, как эта верховая прогулка, переживают их. Стоит мне закрыть глаза и начать просматривать мысленным взором череду моих дней, как возникает картина: раннее утро, я еду на лошади с Винтой Бейли в краю виноградников к востоку от Амбера, каменные домики, каменные изгороди... Косе времени не дано скосить траву воспоминаний в этом уголке моего сердца.

Прибыв в Арбор-Хауз, мы предоставили груму заботу о лошадях. Очевидно, он должен был доставить их обратно в город. Дру отправился к себе домой, а мы с Винтой пошли к огромной вилле на вершине холма, откуда открывался великолепный вид на каменистые долины и виноградники на склонах гор. На дороге нас встретила веселым лаем целая свора собак; их лай мы слышали и войдя в дом.

Дерево и кованое железо, серый пол из плитняка, высокий потолок с перекладинами, верхний ряд окон, освещающий хоры, семейные портреты, несколько небольших шпалер в гамме розового, коричневого, синего, цвета слоновой кости; коллекция старинного, кое-где покрытого патиной оружия, пятна сажи на сером камне возле камина...

Мы прошли через тронный зал и поднялись по лестнице.

— Можешь расположиться здесь, — предложила Винта, открывая темную дубовую дверь.

Я кивнул, вошел в комнату и огляделся. Она была просторная с высокими окнами на юг, с видом на долину. Большинство слуг находилось в городском доме барона.

— В соседней комнате есть ванна, — сообщила мне Винта, указывая на дверь слева.

— Прекрасно, благодарю. Именно то, что нужно.

— Постарайся хорошенько отдохнуть. — Девушка подошла к окну и взглянула вниз. — Жду тебя на террасе примерно через час, если не возражаешь.

Я подошел к окну и тоже поглядел вниз: просторный тенистый внутренний двор, мощенный плитами — их усыпали желтые, красные и бурые листья; вокруг — по-осеннему голые цветочные клумбы, столы и стулья, а между ними — декоративно расставленные вечнозеленые растения в горшках.

— Отлично.

Винта повернулась ко мне:

— Еще что-нибудь?

— Если в доме есть кофе, я бы не прочь выпить чашку-другую, когда спущусь.

Она улыбнулась и слегка придвинулась ко мне. Уж не намерена ли она дать себя обнять?.. Но если мне это только показалось, могла возникнуть неловкая ситуация. К тому же, не зная, в какую игру она играет, я не хотел допускать особой близости.

Улыбнувшись в ответ, я пожал Винте руку, поблагодарил и отошел в сторону.

— Пожалуй, самое время принять ванну, — добавил я и проводил ее до двери.

До чего же приятно было снять сапоги после долгого путешествия!

Позднее, приняв душ и надев свежую рубашку, я спустился вниз, нашел в кухне боковую дверь и вышел во внутренний дворик. Винта, тоже посвежевшая после душа и облаченная в коричневые брюки для верховой езды и просторную желтую блузку, сидела за столиком на восточной стороне дворика. Столик был накрыт на двоих — кофейник, чашки, поднос с фруктами и сыром.

Я пересек дворик, наступая на шуршащие листья, и подсел к ней.

— Всем ли ты доволен? — спросила она.

— Абсолютно всем.

— А ты известил своих близких о том, где находишься?

Я кивнул. Рэндом был недоволен, что я уехал, не предупредив его, но ведь он мне этого не запрещал. Правда, дядюшка смягчился, узнав, что я уехал недалеко. Потом он даже согласился, что я поступил благоразумно, исчезнув после того странного нападения. «Гляди в оба и сообщай мне обо всем», — были его последние слова.

— Хорошо. Налить тебе кофе?

— Налей, пожалуйста.

Она налила мне кофе и указала жестом на поднос. Я надкусил яблоко.

— Стало быть, события начинают разворачиваться, — как-то двусмысленно заметила Винта, наполняя свою чашку.

— Не стану отрицать, — признался я.

— И злоключений у тебя — бесчисленное множество.

— Истинная правда.

Девушка сделала глоток кофе.

— А ты не хотел бы рассказать мне о них?

— Их было слишком много. Прошлой ночью ты заметила мимоходом, что история твоей жизни тоже слишком длинная.

Она слегка улыбнулась:

— Я понимаю тебя, и вовсе ни к чему рассказывать мне больше, чем ты считаешь нужным. Стоит ли доверять кому-то, когда тебе грозит какая-то таинственная опасность? Не так ли?

— Твои слова кажутся вполне разумными.

— И все же поверь: я на самом деле боюсь за тебя и желаю тебе только добра.

— Ты хочешь, чтобы я нашел убийц Кейна?

— Да, — ответила Винта. — И поскольку они могут стать и твоими убийцами, я хочу добраться до них.

— Иными словами, ты даешь понять, что месть — не главная твоя цель?

— Совершенно верно, я предпочитаю защищать живого, а не мстить за мертвого.

— Твое кредо становится довольно абстрактным, если в обоих случаях замешано одно и то же лицо. Между прочим, по-твоему, так оно и есть?

— Я не уверена, что людей, напавших на тебя прошлой ночью, послал Люк.

Я положил яблоко и сделал большой глоток из чашки.

— Люк? Какой Люк? Что ты знаешь о человеке по имени Люк?

— Люкас Рейнард, — спокойно ответила Винта, — который готовил банды наемников на севере штата Нью-Мексико, снабжал их специальным оружием для нападений на Амбер и отсылал домой — ждать его дальнейших приказаний о сборе и переправке в Амбер. Так же, как однажды попытался сделать твой отец много лет назад.

— Чушь собачья! — возмутился я.

Однако ее слова объяснили мне многое: усталость Люка, на которую он жаловался в отеле «Хилтон» в Санта-Фе, объясняя ее тем, что мотался по торговым делам, странные патроны, обнаруженные мной у него в кармане... Раньше все это не вызывало у меня подозрений. Но теперь...

— Ясно, — кивнул я. — Похоже, ты и в самом деле хорошо знакома с Люком Рейнардом. А не хочешь сказать мне, откуда тебе все это известно?

— Не хочу.

— Не хочешь?

— Да, не хочу. Играя в игру по твоим правилам, лучше мне продавать тебе информацию по частям, время от времени. Да так оно и безопаснее для меня будет. Ты не согласен?

— И каждый из нас сможет в любую минуту расторгнуть это соглашение?

— Разумеется. И прекратить обмен — если не договоримся.

— По рукам.

— Итак, сейчас твоя очередь. Ты вчера вернулся в Амбер. Где ты был до этого?

Я вздохнул и откусил кусок яблока.

— Ты хитришь, — ответил я, помедлив. — Слишком большой вопрос. Где я только не был... Все зависит от того, с какого времени начать.

— Давай начнем с визита в квартиру Мэг.

Я чуть не подавился яблоком.

— Хорошо, понял. Вижу, у тебя отличный информатор, черт побери! Думаю, это Фиона. Ты в сговоре с ней, не правда ли?

— Сейчас не твоя очередь задавать вопрос. Ты еще не ответил на мой.

— Идет. После того как я ушел от Мэг, мы с Фи вернулись в Амбер. На следующий день Рэндом послал меня отключить сконструированное мною Призрачное Колесо. Я не смог это сделать, зато встретил Люка. Он помог мне выкрутиться из одной довольно опасной переделки. Из-за недоразумения, возникшего у меня с моим собственным изобретением, я прибег к помощи странной карты, чтобы спасти себя и Люка. После чего Люк заключил меня в хрустальную пещеру.

— Ясно! — воскликнула Винта.

— Могу я закончить рассказ?

— Нет, продолжай.

— Я сидел в этой тюрьме около месяца, хотя по времени Амбера прошло всего лишь несколько дней. Меня освободили парни, работавшие на одну даму по

имени Джасра. После разборки с ними я оказался в квартире Флоры. Потом я вторично пошел в квартиру, где произошло убийство.

— В квартиру Джулии?

— Именно. Там я обнаружил магические ворота, которые сумел открыть, прошел сквозь них и попал к Твердыне Четырех Миров. Этот замок был осажден войском, а командовал осаждавшими некий Далт, который в свое время доставлял и Амберу кое-какие неприятности. Позднее меня преследовали магический смерч и чародейная маска. Я выбрался оттуда и вчера явился домой.

— И это все?

— Вкратце — все.

— Ты ни о чем не умалчиваешь?

— Умалчиваю, конечно! К примеру, за воротами был Порог, у которого я встретил Хранителя. Но я сумел прорваться.

— Ну, детали не считаются. Серьезного ничего не упустил?

— Гм-м... Да, были еще два странных разговора, закончившихся каскадом цветов.

— Расскажи мне о них.

Я рассказал. Когда я закончил, она покачала головой:

— Твой рассказ обеспокоил меня.

Я дожевал яблоко и допил кофе. Винта снова наполнила мою чашку.

— А теперь моя очередь! — заявил я. — Что ты имела в виду, говоря «ясно», когда я упомянул о хрустальной пещере?

— Пещера из голубого горного хрусталя, не так ли? И она блокировала твою магическую силу?

— А откуда тебе это известно?

— Прошлой ночью ты снял с руки убитого кольцо с голубым камнем?

— Да.

Винта встала, обошла вокруг стола, постояла несколько мгновений и указала на мой левый карман брюк.

— Будь добр, выложи на стол все, что там у тебя лежит.

Я улыбнулся:

— Пожалуйста. Но как ты узнала?..

Она не ответила — наверное, решив, что это отдельный вопрос.

Я выложил весь набор голубых камней из своего кармана: осколки из пещеры, пуговицу с резьбой, которую я стянул в туннеле, кольцо — и разложил все это на столе. Винта взяла пуговицу, пристально посмотрела на нее и кивнула:

— Да, эта тоже.

— Тоже — что?

Будто и не услышав мой вопрос, она обмакнула указательный палец правой руки в расплескавшийся на блюдце кофе, обвела им три раза против часовой стрелки вокруг моей коллекции. Потом села.

Я вовремя настроил зрение и увидел, что она создала над камнями силовую клетку. Продолжая вглядываться, я заметил, что камни испускают еле различимый голубой дымок, не выходящий за пределы очерченного Винтой круга.

— Мне показалось, ты говорила, будто не обладаешь даром волшебства.

— Я не чародейка.

— Хорошо, сэкономлю вопрос. Однако ответь мне на предыдущий: каково значение этих голубых камней?

— У них сродство с пещерой и друг с другом. Любой человек может взять камешек в руку и просто идти, повинуясь легкому ментальному давлению; в конце концов он придет в пещеру.

— Ты хочешь сказать — попасть туда через Тени?

— Да.

— Занятно, хотя ничего значительного я здесь не вижу.

— Это еще не все. Помимо влияния пещеры, существует опосредованное, вторичное влияние или притяжение. Зная личностные характеристики определенного камня, можно повсюду следовать за его владельцем.

— Та-а-к... В этом уже больше смысла. Надо полагать, меня вчера и нашли, потому что я разгуливал с полным карманом голубых камушков?

— Возможно, это помогло им. Хотя в твоем случае они и без того нашли бы тебя.

— Каким образом?

— Эти камни обладают особым свойством. Тот, кто носил их некоторое время, уже связан с ними. Выброси их — связь все равно останется, и тебя по-прежнему можно обнаружить. Камни словно ставят на тебе метку.

— Ты хочешь сказать, что я помечен?

— Да.

— И когда же я смогу избавиться от этой меты?

— Думаю, никогда.

— Но ведь должно же быть какое-то средство снять с меня заклятие?!

— Точно не знаю, хотя думаю, что кое-какие способы тебе помочь есть.

— Какие? Назови их!

— Нужно пройти по Огненному Пути Амбера или обратиться к помощи хаотического Логруса. Вроде бы каждый из них способен освободить индивидуума от влияния камней. Насколько я помню, Огненный Путь восстановил память твоему отцу.

— Не стану спрашивать, откуда ты знаешь про Логрус... Надеюсь, ты права. У меня и без того полно проблем. Итак, ты полагаешь, что они будут висеть у меня на хвосте, независимо от того, при мне камни или нет?

— Да.

— Откуда все это тебе известно?

— Просто чутье, интуиция. Это уже второй вопрос. Но я готова дать тебе ответ на лишний вопрос, чтобы поскорее закруглиться.

— Спасибо. Твоя очередь спрашивать.

— Незадолго до смерти Джулия встречалась с оккультистом по имени Виктор Мелман. Ты знаешь почему?

— Он учил ее, развивал в ней способность восприятия. Во всяком случае, так мне объяснял один парень, который с ней в то время встречался. Это было после того, как мы расстались.

— Нет, я хотела узнать другое. Для чего ей это понадобилось?

— Мне кажется, это уже следующий вопрос, однако за мной должок. Ладно. По словам того парня, я испугал ее, дав понять, что обладаю некими сверхъесте-

ственными способностями, и она решила приобрести свои собственные средства защиты.

— Продолжай! — сказала Винта.

— Что ты имеешь в виду?

— Что это неполный ответ. Ты в самом деле дал ей повод поверить этому и бояться тебя?

— Гм-м. Пожалуй, дал. А теперь мой вопрос. Прежде всего, откуда ты узнала про Джулию?

— Я была там, — ответила Винта. — И знала ее.

— Продолжай.

— Все. Теперь мой черед спрашивать.

— Но ты не ответила мне толком.

— Это все, что я могу сказать, доволен ты или нет.

— Согласно нашему уговору, я могу прекратить игру.

— Твое дело. Хочешь прекратить?

— Каков твой следующий вопрос?

— Джулия обрела способности, к которым стремилась?

— Я же сказал, что мы расстались до того, как она увлеклась оккультизмом. Откуда мне знать, чего она добилась?

— Ты нашел в ее квартире дверь, через которую, очевидно, проник зверь, растерзавший Джулию. *Задаю тебе два вопроса не для того, чтобы ты ответил мне* на них, а чтобы ты сам над ними подумал. Во-первых, для чего кому-то понадобилось ее убивать?.. Не слишком ли, по-твоему, странным способом ее убили? По-моему, лишить человека жизни можно гораздо проще.

— Ты права, — согласился я. — Было бы куда проще убить ее обычным оружием, чем магическим способом. А для чего — остается только гадать. Мне кажется, удар был приготовлен для меня — так же, как ежегодные сюрпризы тридцатого апреля. Тебе о них тоже известно?

— Давай поговорим об этом позднее. Полагаю, ты знаешь, что у каждого мага есть свой стиль, как у художников, писателей, музыкантов. Когда тебе удалось найти таинственный портал в квартире Джулии, ты не заметил в нем ничего особенного, что говорило бы о почерке автора, его особенностях?

— Не припоминаю ничего существенного. Правда, я торопился открыть дверь. Мне было не до изучения почерка запечатавшего ее мага. На что ты намекаешь?

— Я подумала, что Джулия, быть может, сама научилась кое-чему, сумела открыть дверь, за что и поплатилась.

— Вздор!

— Возможно. Я просто пытаюсь осознать причину ее гибели. Стало быть, ты не замечал в ней скрытых способностей к магии?

— Нет, не припоминаю ничего похожего.

Я допил кофе и снова наполнил чашку.

— Почему ты считаешь, что меня преследует не Люк? — в свою очередь спросил я.

— Он пытался убить тебя — неоднократно — несколько лет назад.

— Да, недавно он признался мне. А еще он добавил, что отказался от этого намерения.

— Верно.

— Я не знаю, что тебе известно, а что — нет, и это меня бесит!

— Потому-то мы с тобой и затеяли нашу игру. Это была твоя идея.

— Вовсе нет! Разве не ты предложила торговлю в виде обмена информацией?

— Нынче утром я. Но изначально идея была твоя. Ты подал мне ее несколько дней назад. Я имею в виду телефонный разговор в квартире мистера Рота.

— Так это была ты? Ты изменила голос, разговаривая со мной по телефону?

— Тебя интересует ответ на этот вопрос или ты хочешь узнать о Люке?

— На этот!.. Нет, о Люке!.. И то, и другое, черт побери!

— Мне кажется, разумнее было бы придерживаться правил нашей игры, то есть очередности.

— Хорошо, ты права. Расскажи про Люка.

— По-моему, он оставил свою затею, как только узнал тебя поближе.

— Ты имеешь в виду, когда мы подружились?

— Не могу сказать наверняка. Полагаю, он действительно организовал несколько покушений на тебя, хотя в нескольких последних случаях сам же тебя спасал.

— Кто же принял у него дела, когда он ушел в отставку?

— Рыжеволосая дама, которая, очевидно, имеет к нему непосредственное отношение.

— Джасра?

— Да, она. Должна сказать, я до сих пор не знаю о ней всего, что хотелось бы. А ты знаешь?

— Думаю попридержать козырь до серьезного разговора, — ответил я.

В первый раз она посмотрела на меня, сжав зубы и прищурив глаза.

— Разве ты не видишь, Мерлин, что я пытаюсь помочь тебе?

— По правде говоря, я вижу, что ты хочешь получить от меня информацию, — ответил я. — Валяй, не возражаю, поскольку сам хочу узнать кое-что от тебя. И все же, признаюсь, твои мотивы кажутся мне весьма туманными. Как, черт возьми, ты оказалась в Беркли? Зачем последовала за мной в кабак «У Билла»? Какой силой обладаешь, если ты не чародейка? Как...

— Это уже три вопроса, — прервала меня Винта, — и начало четвертого. Может, ты пожелаешь представить их мне в письменном виде, а я сделаю то же самое? Тогда каждый из нас сможет отправиться в свою комнату и решить, на какой вопрос следует ответить, а на какой нет.

— Предпочитаю продолжить игру. Но мы в неравных условиях. Тебе известно, почему я желал бы получить ответы. Для меня это жизненно важно. А ты? Сначала я думал, что тебе нужна информация, которая поможет найти человека, убившего Кейна. Но ты отрицаешь это. Зачем же тогда?

— Я хочу защитить тебя.

— Ценю твои благородные побуждения. Но почему? Ведь, судя по всему, ты едва меня знаешь.

— Тем не менее это и есть причина моих действий, и я не собираюсь скрывать ее. Хочешь верь, хочешь — нет.

Я встал и начал мерить шагами дворик. Мне не хотелось говорить ей то, что могло обернуться против меня и в конечном счете против Амбера. Хотя, надо признаться, в обмен на свою информацию я узнал немало полезного. Ее вер-

сия казалась мне правдивой. К тому же семья Бейли всегда была лояльной короне и немало выгадала от этого. Меня настораживало лишь утверждение Винты, что она не стремится отомстить. Такое поведение вовсе не в духе коренного жителя Амбера. Скажи она, что жаждет крови убийцы Кейна, и я бы мгновенно заглотил наживку. А что предложено мне в замен? Весьма туманные и зыбкие мотивы...

Которые должны были навести меня на мысль, что она говорит правду. Как бы не желая использовать убедительную ложь и предлагая мне довольно нескладную истину, Винта создает впечатление, будто говорит прямо и искренне. Хотя ответив на мои вопросы, она, без сомнения, гораздо больше скрыла.

На столике что-то задребезжало. Вначале я решил, что девушка барабанит кончиками пальцев по крышке стола, проявляя раздражение, но, обернувшись, я увидел, что она сидит, не шевелясь, и даже не смотрит на меня.

Я подошел ближе, чтобы понять, в чем дело. Кольцо, кусочки камней и пуговица вибрировали на столе сами по себе.

— Это ты что-то с ними делаешь? — спросил я.

— Нет.

Камень в перстне треснул и выпал из оправы.

— Тогда в чем же дело?

— Я разорвала связь, — ответила Винта. — Думаю, кто-то пытается восстановить ее и у него не получается.

— Но ведь если я помечен, камушки не нужны, чтобы запеленговать меня?

— Возможно, здесь замешана не одна компания, — заметила Винта. — Думаю, надо послать слугу в город и велеть ему бросить эти штучки в море. Если кто-нибудь захочет последовать за ними — ради Бога.

— Осколки приведут назад в пещеру, а перстень — к мертвецу, — сказал я, — но пуговицу лучше пока не выбрасывать.

— Почему? Ведь не известно, кому она принадлежит.

— Именно потому. Подобные вещи работают в обе стороны, не правда ли? Стало быть, с ее помощью я смогу найти дорогу к Рассыпающему цветы.

— Это опасно.

— А не используй я эту возможность, опасность — причем, наверное, еще большая — будет грозить мне всю жизнь. Нет, выбрасывай в море все, кроме пуговицы.

— Хорошо. Я сберегу ее для тебя.

— Спасибо. Джасра — мать Люка.

— Ты шутишь!

— Вовсе нет.

— Теперь понятно, почему он не мог прямо сорвать ее покушения по тридцатым числам апреля. Прекрасно! Это дает новый импульс догадкам и размышлениям.

— Не желаешь ли поделиться ими со мной?

— Позднее, позднее. Всему свое время. А сейчас я займусь камешками.

Винта взяла их со стола, и несколько мгновений они продолжали плясать в ее руке.

— Пуговицу отдать тоже? — спросил я.

— Да.

Она положила пуговицу в карман, а остальные камни продолжала держать в руке.

— Но ведь ты тоже будешь помечена, если сохранишь пуговицу, не правда ли?

— Нет, — ответила она. — Не буду.

— Почему?

— На то есть причина. Извини, мне нужно найти контейнер для камней и отправить их с кем-нибудь.

— А слуга не будет помечен?

— Для этого требуется более длительное время.

— Понятно.

— Выпей кофейку — или еще чего-нибудь.

Винта ушла.

Я стал жевать сыр, пытаясь уяснить для себя, чего больше я извлек из этой беседы — ответов или новых вопросов, пробуя вставить новые детали в старую головоломку.

— Папочка!

Я обернулся — никого.

— Смотри сюда, я здесь.

Рядом, на грядке с увядшими стебельками и сухими листьями, я заметил светящийся диск величиной с монету. Я обратил на него внимание, потому что он медленно двигался.

— Призрак?

— Да, — послышался ответ откуда-то из опавших листьев. — Я хотел застать тебя одного, потому что не очень-то доверяю этой женщине.

— Почему?

— В ней есть что-то фальшивое — пока еще не знаю, что именно. Но я не о ней собираюсь говорить с тобой.

— А о чем?

— Ты в самом деле хотел выключить меня?

— Силы небесные! И это после всех жертв, которые я принес ради тебя! Ради твоего образования и всего прочего... А для чего я перетаскивал все твои окаянные компоненты в надежное место, где бы ты был в безопасности? И как только ты можешь задавать мне такие вопросы?!

— Гм-м. Ну ладно, извини!

— Вот так-то лучше. Мне столько пришлось натерпеться из-за тебя!..

— Я искал тебя несколько дней и не мог найти.

— С хрустальной пещерой шутки плохи.

— У меня мало времени. — Светлый диск замигал, поблек, почти исчез и снова загорелся, засверкал ярко, как алмаз. — Можешь мне быстренько ответить на один вопрос?

— Валяй.

— Хочу спросить про того парня, которого однажды видел с тобой. Ну, помнишь, тот здоровый, рыжий?

— Люк. И что ты хочешь про него спросить?

— Можно доверять ему? — Голос Призрака стал слабым, еле слышным.

— Нет! — заорал я. — Не будь дураком, не доверяй ему!

Призрак исчез, и я не понял, услышал ли он мой ответ.

— В чем дело? — донесся от дома голос Винты.

— Спорю с воображаемым собеседником, — ответил я.

Даже на расстоянии я заметил озадаченное выражение ее лица. Она оглядела двор и, очевидно, убедившись в том, что я один, кивнула:

— Вот как? Ладно, скоро вернусь.

— Не стоит спешить, я подожду.

Где скрывается мудрость, где обитают разум, взаимопонимание и согласие? Если бы я знал к ним путь, отправился бы туда и остался бы там навеки. А сейчас я будто стою посреди огромной карты, на которой нанесены лица зловещих, постоянно меняющих облик переменных. Отличное место для монолога — если тебе есть что сказать.

Я вошел в дом и заперся в сортире. Нельзя пить так много кофе.

VI

Да, пожалуй.

С Джулией — пожалуй...

Я сидел один в комнате при зажженных свечах и размышлял. Винта разбудила давно уснувшие воспоминания.

Это было уже позднее, когда мы виделись редко...

Я познакомился с Джулией на курсах по углубленному изучению компьютеров. Сначала мы встречались время от времени, например за кофе после занятий. Потом встречи участились, и довольно скоро взаимная симпатия переросла в серьезное чувство... Но вот оно стало угасать — так же быстро, как началось. С каждой встречей...

Я выходил из супермаркета с пакетом продуктов, когда ее рука легла на мое плечо. Я чувствовал, что это была она, но когда оглянулся, никого не увидел. Несколько секунд спустя она окликнула меня на автомобильной стоянке. Я подошел к ней, поздоровался и спросил, работает ли она все там же, где и прежде, в магазине компьютеров. Она ответила, что уволилась.

Помню у нее на шее цепочку с маленькой серебряной пентаграммой. Думаю, она могла бы с таким же успехом носить ее под блузкой. Но тогда я бы ее не увидел, эту вещицу. Я сделал вид, что не обратил на нее внимания. Мы обменялись несколькими незначительными фразами. От моего приглашения пойти куда-нибудь поужинать или в кино Джулия отказалась, причем не в первый раз.

— Чем ты теперь занимаешься? — спросил я.

— Хожу на лекции, ужасно занята.

— И что ты изучаешь?

— Так, разные предметы. Как-нибудь тебя удивлю.

Я промолчал, и тут к нам подошел ужасно дружелюбный ирландский сеттер. Джулия положила руку ему на голову и сказала: «Сидеть!» Пес послушался, сел с ней рядом и замер как статуя. Когда мы ушли, сеттер продолжал сидеть. Кто знает, не исключено, что его скелет до сих пор можно увидеть на том же месте — там,

где оставляют тележки при выходе из магазина, — как образчик современной скульптуры.

Тогда я не придал этому значения. Теперь, вспоминая...

В тот день мы отправились с Винтой на верховую прогулку. Видя, что утром я был сильно раздражен, она почувствовала, что дело может кончиться ссорой. И была права. Поэтому, когда после легкого ленча она предложила прокатиться по имению, я с готовностью согласился. Мне хотелось чуть подольше отдохнуть и сосредоточиться перед следующим сеансом игры в вопросы и ответы. Погода была прекрасная, ландшафт — живописный.

Мы ехали между деревьями по извилистой дорожке, ведущей к холмам в северной части имения, откуда открывался величественный вид на обширную, пересеченную оврагами долину, что тянулась до самого залитого солнцем моря. Ветер гнал по небу рваные облака, мимо пролетали стаи птиц...

Казалось, Винта ехала наугад. Собственно говоря, мне это было безразлично. Я вспомнил винодельню Напа-Вэлли и, когда мы придержали лошадей, чтобы дать им отдохнуть, спросил Винту:

— Вы разливаете вино по бутылкам здесь, в имении, или в городе? А может быть, в Амбере?

— Не знаю.

— Я думал, ты тут выросла.

— Никогда не интересовалась подобными вещами.

Я проглотил обиду — ее надменный патрицианский тон, — сделав вид, что принимаю сказанное за шутку. Как могла она не знать того, что происходило буквально у нее на глазах?

Заметив выражение моего лица, Винта тут же добавила:

— Мы разливали вино и здесь, и в городе... По-разному. Последние несколько лет я живу в городе и точно не знаю, как нынче обстоят дела.

Неплохо выкрутилась, не к чему придраться. Вовсе не собираясь провоцировать ее, я, видно, невольно коснулся чего-то, чего знать не должен. Она вдруг стала торопливо рассказывать, что они часто грузят большие бочки на корабли и отправляют их на продажу оптовикам. И, мол, в то же время некоторые клиенты предпочитают заказывать партии бутылок...

Через некоторое время я просто перестал ее слушать. С одной стороны, понятно: говорит дочь виноторговца. С другой стороны, я и сам мог бы с ходу выдать подобное.

И не проверишь. Я не мог избавиться от подозрения, будто она пытается заморочить мне голову, что-то скрыть. Но что именно?

— Спасибо за рассказ, — вставил я, когда она замолчала на мгновение, чтобы перевести дух.

Винта бросила на меня странный взгляд и, поняв намек, не стала продолжать.

— Ты, наверное, говоришь по-английски, — обратился я к ней на английском, — если все тобою сказанное — правда.

— Все, что я сказала тебе, чистая правда, — ответила она на безупречном английском.

— Где ты выучила язык?

— На Земле, где ты ходил в школу.

— Не расскажешь ли мне, что ты там делала?

— Выполняла особое задание.

— По поручению твоего отца? Или по поручению властей?

— Я предпочла бы умолчать об этом. Не хочется обманывать.

— Ценю твою искренность. Ясно, я должен догадаться сам.

Она пожала плечами.

— Ты сказала, тебе довелось бывать в Беркли?

— Да, — после некоторого колебания ответила Винта.

— Не помню, чтобы мы там с тобой встречались.

Она снова пожала плечами. Мне захотелось схватить ее и хорошенько потрясти. Но вместо этого я сказал:

— Тебе известно про Мэг Девлин. Ты говорила, что была в Нью-Йорке...

— Стараешься задавать вопросы вне очереди?

— Я не знал, что мы продолжаем игру. Мне казалось, мы просто беседуем.

— Хорошо. Тогда — да.

— Скажи мне еще кое-что, и, быть может, я смогу помочь тебе.

Она улыбнулась:

— Мне не нужна помощь. Это у тебя полно проблем.

— И все же ты позволишь?

— Давай, спрашивай. Каждый твой вопрос затрагивает проблему, в которой мне самой хотелось бы разобраться.

— Ты знаешь о наемниках Люка. Ты бывала и в Нью-Мексико?

— Да, бывала.

— Спасибо за ответ, — сказал я.

— И это все?

— Да, все.

— И ты сделал из этого определенные выводы?

— Может быть.

— Не поделишься ли со мной?

Я улыбнулся и покачал головой. И этим ограничился.

Несколько косвенных вопросов, которые задала Винта, подсказали мне, что она ломает голову над тем, многое ли мне известно и что именно я вдруг разгадал касательно ее самой. Прекрасно, пусть поволнуется. Необходимо было предложить ей что-то в обмен на нужные мне сведения. К тому же я действительно кое-что разгадал — правда, не окончательно, но чутье говорило, что вскоре найдутся недостающие ответы на все вопросы. Поэтому нельзя сказать, что я просто-напросто блефовал.

Стоял погожий день, расцвеченный всеми красками осени — золотой, оранжевый, багряный, по-осеннему пахло влажной землей, легкое дуновение ветерка холодило щеки. Небо было ярко-голубым, как те самые камни...

Минут десять спустя я задал ей более нейтральный вопрос:

— Ты можешь показать мне дорогу в Амбер?

— А тебе она незнакома?

Я покачал головой:

— Никогда по ней не ездил. Знаю только, что сюда есть дорога от Восточных ворот.

— Да, — ответила Винта. — Она вроде бы проходит чуть севернее. Давай поедем и найдем ее.

Девушка повернула лошадь.

Мы вышли на тропинку, по которой ехали вначале, потом свернули направо. Я не выказал удивления по поводу того, что Винта плохо знает дорогу — ожидал, что она сама скоро начнет давать какие-нибудь объяснения и поинтересуется дальнейшими планами, которые у меня пока еще не созрели.

Проехав с милю, мы оказались у перекрестка дорог с каменными столбами-указателями. На дальнем левом одна стрелка указывала на Амбер, другая — на порт Бейли, путь на холм Бейли указывала стрелка, обращенная на восток, а стрелка, указывающая прямо вперед, гласила, что там расположено какое-то селение с названием Мерн.

— Что такое Мерн? — спросил я.

— Небольшая деревня, молочная ферма.

Иначе как проехав шесть лиг, никак не проверишь...

— Собираешься возвращаться в Амбер верхом? — спросила Винта.

— Да.

— А почему бы не воспользоваться картой?

— Хочу поближе познакомиться с этой местностью. Ведь это мой дом. И мне он нравится.

— Но я же говорила тебе об опасности! Ты помечен камнями. Тебя могут выследить!

— Это еще не значит, что меня найдут. Вряд ли тот, кто послал за мной головорезов, успел узнать об их провале. Думаю, у меня еще есть в запасе несколько дней, а за это время мета, о которой мы говорили, успеет стереться.

Винта спрыгнула на землю и позволила лошади пощипать траву. Я последовал ее примеру — то есть примеру не лошади, а девушки.

— Возможно, ты прав. Я просто опасаюсь за тебя. Когда ты собираешься возвращаться?

— Сам пока еще не знаю. Чем больше я буду медлить, тем вероятнее, что лицо, устроившее спектакль прошлой ночью, начнет беспокоиться и, возможно, пришлет ко мне еще нескольких боевиков.

Внезапно она взяла меня за руку, повернула к себе и прижалась ко мне. Я был несколько удивлен. Однако моя свободная рука автоматически обняла ее, как и принято в подобных ситуациях.

— Ведь ты не собираешься уехать тотчас же? Иначе я поеду с тобой.

— Нет, — правдиво ответил я, собираясь отправиться на следующее утро, хорошенько отдохнув за ночь.

— А когда? Нам нужно еще обсудить так много вопросов!

— Я думал, мы кончили играть в вопросы и ответы.

— Есть кое-что иное...

— Знаю.

Довольно глупое положение. По правде говоря, меня влекло к Винте. Однако я не хотел вступать с ней в подобные отношения. Отчасти потому, что чувствовал: ей нужно от меня что-то другое. А отчасти потому, что не хотел обнажать перед ней — безусловно обладающей какой-то загадочной силой — интимные стороны своей жизни. Как говаривал мой дядя Сухай, профессиональный чародей: «Не лезь в постель к той, кого толком не знаешь». Я чувствовал, что мои отношения с Винтой должны носить только дружеский характер — иначе они

перерастут в дуэль внутренних энергий. И потому я быстро по-дружески поцеловал девушку и высвободился из ее объятий.

— Возможно, поеду домой завтра, — сказал я.

— Хорошо. Я надеялась, что ты проведешь здесь ночь. А быть может, и не одну. Я хочу защитить тебя.

— Да, я очень устал.

— Накормим тебя отличным ужином. Ты восстановишь силы...

Она быстро провела кончиком пальцев по моей щеке, и я вдруг понял, что встречал ее раньше. Где?.. Никак не вспомнить. И это испугало меня. Когда мы снова сели на лошадей и направились в Арбор-Хауз, я начал строить планы, как бы удрать отсюда поскорее.

Итак, сидя в своей комнате и потягивая из бокала красное вино отсутствовавшего хозяина, глядя на мерцающее пламя свечей, вдыхая прохладный воздух, струившийся из распахнутого окна, я ждал, когда дом затихнет и настанет подходящий момент для бегства. Дверь комнаты была заперта на задвижку. За ужином я несколько раз повторил, что сильно устал и намерен рано лечь в постель.

Я вовсе не считаю себя неотразимым, предметом страсти всех женщин, но Винта дала понять, что готова прийти ко мне. Я же, ни в коем случае не желая обидеть мою странную союзницу и превратить ее во врага, сослался на то, что до смерти хочу спать, и удалился в свою комнату.

Жаль, что нет при мне хорошей книги. Та, что я читал, осталась у Билла, а выудить ее я не решался из опасений, что Винта постучит в дверь, почувствовав неладное — так однажды Фиона почувствовала, когда я создавал карту.

Но пока никто ко мне не приходил. Я сидел, прислушиваясь к скрипам старого дома, к ночной тишине. Свечи таяли, тени на стене удлинялись, плыли при мерцающем свете, словно темный прилив. Я погрузился в свои думы и потягивал вино. Как вдруг...

Что это? Показалось мне, или в самом деле кто-то шепотом произнес мое имя:

— Мерль...

И снова. Вроде бы наяву... На мгновение все поплыло у меня перед глазами, затем я понял: возникает очень слабый контакт с картой.

— Слушаю, — ответил я, настраиваясь на нужную волну. — Кто это?

— Мерль, дружище... Дай мне руку, поскорее... Люк!

— Держи, — ответил я, протягивая руку.

Образ становился все отчетливее, начал материализовываться. Люк стоял, прислонясь спиной к стене, опустив плечи, уронив голову на грудь.

— Если это хитрость, я готов. Слышишь?

Я быстро поднялся, схватил со стола свою шпагу и вынул ее из ножен.

— Какая там хитрость! Скорее! Забери меня отсюда!

Люк поднял левую руку. Я протянул свою. Он тут же обмяк и рухнул на меня. Я пошатнулся и подумал было, что это нападение, но Люк повис на мне всей тяжестью, к тому же я увидел, что он весь в крови и в правой руке сжимает окровавленную шпагу.

— Давай иди сюда.

Я подхватил его, провел несколько шагов и опустил на постель. Потом взял у него из руки шпагу и положил на стул рядом с моей.

— Что стряслось?

Люк закашлялся и в изнеможении покачал головой. Сделав несколько глубоких вздохов, он наконец произнес:

— По-моему, я видел у тебя на столе бокал с вином...

— Хочешь выпить? Пожалуйста!

Я взял бокал и поднес его к губам Люка. Тот стал медленно потягивать вино, время от времени тяжело переводя дух.

— Спасибо, — выдохнул он, опустошив бокал.

Потом голова его упала на плечо, он потерял сознание. Я нащупал пульс — частый и слабый.

— Черт тебя подери, Люк! — воскликнул я. — Ну и времечко же ты выбрал...

Но он этого не слышал. Вся постель была измазана кровью.

Изрыгая проклятия, я раздел его и осторожно обтер мокрым полотенцем, чтобы выяснить, откуда течет кровь. На правой стороне груди зияла страшная рана; возможно, было задето легкое. Однако дышал Люк довольно легко. Оставалось лишь надеяться, что он в полной мере унаследовал способность нашего рода к регенерации.

Я положил ему на рану салфетку и, придерживая ее рукой, стал обследовать все тело. Очевидно, у него было повреждено несколько ребер. Левая рука сломана выше локтя. Я наложил на нее нечто вроде шины, использовав перекладины разболтанных стульев, которые нашел в стенном шкафу. На теле Люка оказалось более дюжины порезов и рваных ран различной степени опасности — на правом бедре, на правой руке и плече, на спине. К счастью, ни одно из повреждений не вызвало артериального кровотечения.

Я промыл все раны и перевязал их, после чего Люк стал походить на иллюстрацию к справочнику о первой медицинской помощи. Потом я еще раз осмотрел рану на груди и потеплее его укрыл.

Что ж, прибегнем к помощи Логруса.

Теоретически я знал, что Логрус способен заживлять раны, однако на практике мне не приходилось этим пользоваться. С другой стороны, Люк был очень бледен, и лучше уж рискнуть.

Когда я закончил необходимые манипуляции, лицо Люка слегка порозовело. Я накрыл его поверх одеяла своим плащом и снова пощупал пульс. Теперь сердце у него билось ровнее и сильнее. Чертыхаясь — практика нужна во всем! — я убрал со стула наши клинки и сел.

Чуть позднее я со страхом вспомнил о своем недавнем разговоре с Призрачным Колесом. Уж не пытался ли Люк заключить сделку с моим изобретением? Ведь он говорил мне, что ему нужна сила Призрака, чтобы обратить ее против Амбера. А сам Призрак спросил меня днем, можно ли доверять Люку. На что я завопил: «Ни в коем случае!»

Неужели Призрак таким образом вел переговоры, что результат их сейчас у меня перед глазами?

Я достал свои карты, перетасовал их и вытащил яркий круг Призрачного Колеса, сосредоточил на нем внимание...

Дважды я почувствовал, что приближаюсь к чему-то, и с волнением тщетно повторял попытки. Казалось, нас разделял стеклянный экран. В чем дело? Призрак занят? Или просто не желает со мной разговаривать?

Пришлось карты отложить. Но они направили мои мысли по другому руслу.

Я собрал окровавленную одежду Люка и быстро обшарил ее. В боковом кармане нашлись колода, карандаш и несколько чистых карт... И да — карты были выполнены в том же стиле, как и те, что я стал называть Картами Судьбы. Я добавил к ним карту с моим изображением, которую Люк держал в руке, когда ввалился ко мне.

Любопытные карты. Здесь были Джасра, Виктор Мелман, Джулия и незаконченный портрет Блейза, карта для хрустальной пещеры, карта для старой квартиры Люка... На одной изображен дворец, мне вроде бы не знакомый, на другой — здоровенный блондин, одетый в зеленое с черным, на третьей — стройный рыжеволосый мужчина в коричневом с черным... И еще нашлась карта с изображением женщины, очень похожей на этого мужчину — очевидно, они были близкими родственниками. Два последних портрета были выполнены в совершенно ином стиле, явно другой рукой.

Глядя на портрет незнакомого мне блондина, я по цветам его одежды решил, что это, должно быть, Далт, бандит, старый приятель Люка. На трех картах разные художники каждый на свой манер попытались изобразить Призрачное Колесо, и никому это не удалось.

Люк что-то пробормотал и метнул на меня пронзительный взгляд.

— Успокойся, — сказал я. — С тобой все в порядке.

Он кивнул и закрыл глаза, но через несколько минут снова открыл их.

— Послушай! А где мои карты?

Я улыбнулся:

— Хорошая работа. Кто их делал?

— Я, — ответил он, — кто же еще?

— А кто тебя этому научил?

— Мой отец. Вот кто был настоящим мастером.

— Выходит, ты прошел Огненный Путь?

Он кивнул.

— Где?

Люк пристально взглянул на меня, потом беспомощно пожал плечами и поморщился от боли:

— В Тир-на Ног'тхе.

— Тебя отвел туда твой отец?

Люк снова кивнул.

«Почему бы не воспользоваться случаем и не выспросить у него еще кое-что?» — подумал я и вытащил одну карту.

— А это Далт... Что, вместе когда-то входили в отряд Юных Волчат?

Он не ответил. Взглянув на него, я увидел, что Люк прищурил глаза и нахмурил брови.

— Нет, мы с ним не встречались, но я знаю его цвета и знаю, что вы земляки... из Кашфы.

Люк улыбнулся:

— В школе ты тоже примерно готовил домашние задания.

— Да, причем вовремя, хотя за тобой не поспеваю. Между прочим, Люк, я не могу найти карты Твердыни Четырех Миров. И вот этой что-то не узнаю.

Я вынул карту с изображением стройной девушки и показал ему. Люк снова улыбнулся.

— Я ослабел, мне тяжело дышать, — произнес он уклончиво. — Так ты был у Твердыни?

— Да.

— Недавно?

Я кивнул. Немного погодя он продолжил:

— Лучше ты скажи мне, что видел в этом замке и как узнал обо мне. Тогда я скажу тебе, кто изображен на карте.

Я быстро сообразил: скажу ему что-нибудь, что он, вероятно, и без того знает.

— Ладно. Только давай начинай ты.

— Согласен. Эту девушку зовут Сэнд.

Я уставился на карту так пристально, что почувствовал начало контакта, и быстро отвел от нее взгляд.

— Всеми давно забытая, — добавил он.

Я поднял карту с портретом мужчины, похожего на нее.

— Тогда это Делвин.

— Угадал.

— Эти две карты нарисовал не ты — не твой стиль. К тому же вряд ли ты знал, как они выглядят.

— Замечание принято. Их нарисовал мой отец, когда у него были большие неприятности. Кстати, они ему не помогли бы.

— Не помогли бы?

— Они не пожелали помочь мне, несмотря на то что не любят это место.

— Это место? — снова переспросил я. — А где мы, по-твоему, находимся, Люк?

Его глаза расширились. Он быстро оглядел комнату.

— В стане врага, — ответил он. — Но у меня не было выбора. Это твой дом в Амбере?

— Ошибаешься.

— Не морочь мне голову, Мерль. Ты подловил меня. Я твой узник. Где я нахожусь?

— Ты знаешь, кто такая Винта Бейли?

— Нет.

— Она была любовницей Кейна. Это имение ее отца. Сама Винта где-то здесь рядом, может, даже стоит за дверью. По-моему, она положила на меня глаз.

— Понятно. Крутая девица?

— Не сомневайся.

— И что ты делаешь здесь с ней вскоре после похорон? Не очень-то порядочно с вашей стороны.

— Ха! Если бы не ты, то и похорон не было бы!

— Напрасно возмущаешься, Мерль. Если бы твой отец был убит, стал бы ты мстить за него?

— Неудачное сравнение. Мой отец никогда не сделал бы того, что натворил твой.

— Может, да, а может, и нет. Это еще неизвестно. Но, предположим, что сделал бы. Что тогда? Ты отомстил бы Кейну?

— Не знаю. К чему пустые догадки? — сказал я, помедлив и отведя взгляд.

— Ты поступил бы точно так же. Уж я-то знаю тебя, Мерль. И не сомневаюсь.

— Может быть, — ответил я со вздохом. — Ладно, допустим. Однако отомстив, остановился бы. Не стал бы охотиться за остальными. Не хочу тебя обидеть, но твой старик был псих. А ты — нормальный. Я знаю тебя так же хорошо, как ты меня. И много об этом думал. В Амбере признают личную вендетту. Ты отомстил — другое дело, справедлив твой поступок или нет. В конце концов убийство произошло не в Амбере, и если бы Рэндом захотел тебя выгородить...

— С чего вдруг?

— Потому что я поручился бы за тебя в других делах.

— Брось, Мерль...

— У тебя классическая причина: сын мстит за отца...

— Ну, не знаю... Давай-ка лучше ответь на мой вопрос, как обещал.

— Просто...

— Итак, ты был у Твердыни Четырех Миров. Что ты там узнал и как тебе это удалось?

— Хорошо, отвечу. Только подумай о том, что я сказал.

Выражение его лица не изменилось.

— Там я встретил отшельника по имени Дэйв, — начал я.

Люк заснул, *прежде чем я закончил свой рассказ. Я замолчал и продолжал* сидеть на стуле. Спустя некоторое время я поднялся, взял бутылку и налил себе немного вина, ведь Люк успел осушить мой бокал.

С бокалом в руке я подошел к окну и поглядел на дворик, где ветер шуршал опавшей листвой. Я думал о том, что сказал Люку. Картина, которую я ему нарисовал, была неполна — отчасти потому, что не хватило времени, а главное — он не проявил к моим словам особого интереса. Даже если Рэндом официально согласиться не преследовать Люка, Джулиан и Джерард, возможно, будут искать его, чтобы убить, по причине все той же вендетты, о которой я толковал. Я не знал, как быть. Мне следовало рассказать обо всем Рэндому, но сейчас еще рано. Нужно многое узнать у Люка, а если он станет узником Амбера, добраться до него будет намного труднее. И зачем только он родился сыном Брэнда?!

Взяв оружие и карты Люка, я отнес их к удобному креслу, сел и стал внимательно рассматривать карты. Занятно. У меня в руках вся история...

Когда жена Оберона Рилга, состарившись, поселилась отшельницей в сельской местности, он взял в жены другую, к большой досаде своих детей — Кейна, Джулиана и Джерарда. Но чтобы сбить с толку изучающих генеалогию его семьи и доказать, что это вполне легальный брак, он женился там, где время идет гораздо быстрее, чем в Амбере, так что обвинить его в двоеженстве за брак с Харлой было непросто. Не берусь судить. Мне эту историю давным-давно рассказала Флора. Она терпеть не могла Делвина и Сэнд, отпрысков Оберона и Харлы, и склонна была считать Оберона двоеженцем. Я до сего момента ни разу не видел портретов Делвина и Сэнд. Во дворце они не висели, а имена этих особ упоминались редко. Но они жили в Амбере — правда, недолго, пока Харла была королевой. После ее смерти они, недовольные политикой Оберона в отношении родины их матери, покинули Амбер, заявив, что никогда не вернутся. По крайней мере так мне рассказала Флора. Думаю, что не обошлось и без ревности сводных братьев и сестер.

Люк, наверное, познакомился с этими двумя членами королевской семьи, желая загладить прежние распри и заручиться союзниками. Два столетия — долгий период, вряд ли можно столько времени держать камень за пазухой. Ведь, насколько я понял, брат и сестра покинули Амбер двести лет назад.

Я было подумал, не стоит ли повидать их, просто чтобы сказать: «Привет!» Если они не захотели помочь Люку, вряд ли захотят помочь другой стороне, но по крайней мере теперь они знают, что есть и другая сторона, его противники. Мне казалось вполне уместным представиться и выразить почтение членам семьи, с которыми ранее я никогда не встречался. Да, надо непременно познакомиться — когда-нибудь. В настоящий момент было не до того, и с самыми добрыми намерениями я добавил их карты к своей коллекции.

Оставался Далт — как я понимал, заклятый враг Амбера. Я снова пристально изучил его карту и подумал, в самом ли деле он — близкий друг Люка? Ведь тогда следовало бы сообщить ему о случившемся. Быть может, ему известны какие-нибудь подробности, о которых и мне полезно узнать.

По правде говоря, чем больше я размышлял об этом, вспоминая свой недавний визит к Твердыне Четырех Миров, тем сильнее становился соблазн увидеть Далта. К тому же я мог бы узнать у него, что творится теперь в замке.

Я задумчиво погрыз сустав пальца. Надо или нет? Что за беда, если я повстречаюсь с ним? Я не собирался ни о чем договариваться и ни о чем важном рассказывать. И все же меня не покидали кое-какие опасения.

Да что тут гадать, черт возьми, решил я наконец. Рисковать так рисковать!

Привет, привет... Карта внезапно похолодела. Ага!

Послышалось испуганное:

— Слушаю...

Портрет ожил, и я уставился на него.

— Кто вы? — спросил человек, держа руку на эфесе шпаги, наполовину вынутой из ножен.

— Меня зовут Мерлин, — ответил я, — и у нас есть общий знакомый по имени Риналъдо. Я хочу сообщить вам, что он тяжело ранен.

В этот момент мы парили между двумя нашими реальностями, во плоти и отчетливо видимые друг для друга. Он был крупнее, чем я предполагал, судя по портрету, и стоял в центре облицованной камнем комнаты; в окне слева виднелось голубое небо и клочок тучи. Его зеленые глаза, вначале расширенные, теперь прищурились, а плотно сжатые губы придали лицу свирепое выражение.

— Где он? — спросил Далт.

— Здесь, у меня.

— Как удачно! — отреагировал он — и рванулся вперед, по-прежнему сжимая клинок в руке.

Я мгновенно убрал карту, но это не прервало контакт. Пришлось вызвать Логрус. Он упал между нами как лезвие гильотины, и я отшатнулся назад, словно коснулся проволоки под током, утешаясь лишь тем, что Далт, очевидно, почувствовал то же самое.

— Мерль, в чем дело? — прохрипел Люк. — Я только что видел Далта.

— Да, я вызывал его.

Он слегка приподнял голову.

— Зачем?

— Все рассказать. Ведь Далт — твой друг, не так ли?

— Осел!.. Это он так отделал меня!

Люк закашлялся, и я бросился к нему.

— Дай мне воды, — попросил он.

— Сейчас принесу.

Я пошел в ванную и принес ему стакан воды. Он сделал несколько глотков.

— Может, мне надо было предупредить тебя. Мне и в голову не приходило, что ты его позовешь...

Люк снова начал кашлять и еще попил воды.

— Почему ты не хочешь сказать мне, что случилось?

Он слегка покачал головой:

— Нельзя. Тогда он может убить тебя. А скорее всего нас обоих.

— Судя по всему, твой дружок не откажется от своих планов независимо от того, скажешь ты мне что-нибудь или нет.

Люк слабо улыбнулся и сделал еще глоток.

— Отчасти дело сугубо личное, — заявил он затем, — и я не хочу никого в него впутывать.

— Твои попытки убить меня каждую весну тоже связаны с делом сугубо личным, однако ты ни за что ни про что втянул меня в него.

— Хорошо, хорошо, — поморщился Люк, откидываясь на подушку и поднимая правую руку. — Говорил же тебе: я давным-давно оставил эти попытки.

— Но покушения продолжаются.

— Это не моих рук дело.

«Ладно, — сказал я себе, — попытаюсь».

— Значит, виновата Джасра?

— Что тебе известно о ней?

— Что она — твоя мать и что она, как и ты, пытается отомстить.

Люк кивнул.

— Стало быть, ты знаешь... Тем лучше, проще будет объяснить тебе... — Он глубоко вздохнул. — Это ее затея с тридцатым апреля. Когда я познакомился с тобой ближе и отказался от этой идеи, она просто взбесилась.

— И теперь сама пытается разделаться со мной?

Он кивнул.

— Она заставила тебя убить Кейна?

— Да, и я это сделал.

— А остальных? Держу пари, она велит тебе убрать и их тоже.

Молчание.

— Ведь это правда?

Люк отвел от меня взгляд, и я услышал, как заскрипели его зубы.

— Ты больше не на крючке, — наконец произнес он. — Я не собираюсь причинить тебе вред и ей не позволю.

— А как насчет остальных — Блейза, Рэндома, Фионы, Флоры, Джерарда?..

Люк засмеялся, но тут же лицо его исказила гримаса боли, и он схватился за грудь.

— Им нечего опасаться — по крайней мере сейчас.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Подумай сам, я мог с помощью карты ввалиться в свою старую квартиру, напугав до смерти новых жильцов, и вызвать «скорую». Сейчас я уже находился бы в реанимации.

— Что же тебе помешало?

— Приходилось бывать в переделках и похуже этой. А здесь я оказался потому, что мне нужна твоя помощь.

— Неужели? И в чем же?

Люк взглянул на меня и снова отвел глаза.

— Она попала в беду, и мы должны помочь ей.

— О ком речь?

— О моей матери.

Я чуть было не расхохотался, но, увидев выражение его лица, передумал. Надо же было набраться наглости, чтобы попросить меня помочь той, которая не однажды, а много раз пыталась убить меня и считала целью своей жизни уничтожение всех моих родственников! Что это — наглость или?..

— Мне больше не к кому обратиться.

— Люк, если ты сумеешь уговорить меня, то заслужишь медаль «Коммивояжер года»! — ответил я. — Ладно, слушаю.

— У меня опять в горле пересохло.

Пришлось снова идти в ванную. Вернувшись в комнату, я услышал в холле слабый шум. Поднося стакан к губам Люка, я продолжал прислушиваться.

Он кончил пить и кивнул мне. Я приложил палец к губам и указал на дверь, потом поставил стакан, взял шпагу... Но не успел я дойти до двери, как раздался слабый стук.

— Кто там?

— Я, — ответил голос Винты. — Мне известно, что Люк у тебя, я хочу видеть его.

— Чтобы прикончить?

— Я уже говорила тебе, что у меня нет подобного намерения.

— Значит, ты не человек.

— А я никогда этого и не утверждала.

— Стало быть, ты не Винта Бейли.

После долгой паузы она ответила:

— Ну и что из того?

— Тогда скажи мне, кто ты.

— Не могу.

— Давай пойдем на компромисс, — предложил я, полагаясь на свою способность угадывать. — Скажи мне, кем ты была.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Нет, понимаешь. Назови хотя бы одно из твоих имен. Мне все равно.

Наступила пауза.

— Я вытащила тебя из огня, — сказала она наконец, — но не смогла удержать лошадь. Я утонула в озере. Ты завернул меня в плащ...

Она не ответила на мой вопрос. И все же этого было достаточно.

Я отодвинул задвижку концом шпаги. Она толкнула дверь и увидела у меня в руке клинок.

— Весьма драматично, — заметила она.

— Спасибо тебе — ты же перечислила все грозящие мне злоключения.

— Наверное, не слишком убедительно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не слышала, чтобы ты спрашивал его про голубые камни и о том, не нашел ли он тебя с их помощью.

— Так ты подслушивала?!

— Что поделаешь, старая привычка, — призналась она.

Я повернулся к Люку и представил ее:

— Люк, это Винта Бейли... в некотором роде.

Люк поднял правую руку и, не сводя глаз с ее лица, сказал:

— Я хотел бы знать лишь одно...

— Понятно: собираюсь я убить тебя или нет? Продолжай сомневаться, я еще не решила. Помнишь тот случай, когда у тебя кончился бензин — это было к северу от Сан-Луис-Обиспо, а ты обнаружил, что бумажника у тебя при себе нет? Тебе пришлось взять деньги взаймы у своей девушки, чтобы добраться до дома. А ей пришлось дважды просить, чтобы ты вернул их.

— Откуда ты это знаешь? — прошептал Люк.

— Однажды тебе пришлось драться с тремя рокерами, — продолжала она. — Ты чуть не лишился глаза, когда один из этих парней стал душить тебя цепью. Вижу, твоя шея зажила, даже шрама не осталось.

— Я победил.

— Да. Не каждый способен с такой силой швырнуть «харлей»*, будто куклу.

— Я должен знать, откуда тебе это известно.

— Может, когда-нибудь и расскажу... А сейчас я хочу задать тебе несколько вопросов, и твоя жизнь зависит от того, насколько честно ты на них ответишь. Пойми...

— Винта, — прервал я ее, — ты говорила, что не собираешься убивать Люка.

— Он не первый в моем списке, но если вздумает встать на моем пути, ему придется умереть.

Люк зевнул.

— Да расскажу я про голубые камни, — пробормотал он. — И никого я не посылал за Мерлем...

— Быть может, это дело рук Джасры?

— Понятия не имею.

— А кто напал на Мерля прошлой ночью?

— Первый раз про это слышу, — ответил Люк и закрыл глаза.

— Взгляни! — приказала Винта, достав из своего кармана голубую пуговицу.

Он открыл глаза и покосился на нее.

— Узнаешь?

— Нет, — сказал он и снова закрыл глаза.

— И ты не собираешься больше причинять Мерлю вред?

— Вот это правда, — пробормотал Люк, засыпая.

Она открыла рот, чтобы снова спросить его о чем-то, но я остановил ее.

— Дай ему поспать. Он никуда не денется.

Винта бросила на меня недовольный взгляд, но потом кивнула:

— Ты прав.

— И что ты собираешься сделать с ним, пока он спит? Убить его?

— Нет — он сказал мне правду.

— А для тебя это имеет значение?

— Да, — ответила она, — в данный момент.

VII

В ту ночь я прекрасно выспался, невзирая на отдаленный лай собак, какой-то вой и рычание. Винта решила не продолжать игру в вопросы и ответы. Я уговорил ее повременить с этим делом и позволить нам отдохнуть, после чего устроился в одном удобном кресле, положив ноги на второе. Беседу с Люком я собирался продолжить позднее наедине. Перед тем как уснуть, я с усмешкой подумал, кому из моих нечаянных товарищей я доверяю меньше.

Меня разбудили первые лучи солнца и пение птиц. Потягиваясь, я пошел в ванную. Умываясь, услышал, как Люк кашляет и зовет меня.

— Подожди минутку, если не истекаешь кровью, — ответил я, вытираясь. — Хочешь пить?

— Хочу, принеси воды.

Я перебросил полотенце через плечо и подал ему напиться.

— Она все еще здесь? — спросил он.

— Нет.

— Дай мне стакан и посмотри, нет ли ее в холле, я справлюсь сам.

Я кивнул, отдал ему стакан, потом потихоньку подошел к двери, открыл ее, вышел в холл, завернул за угол — и никого не обнаружил.

— Никого! — прошептал я, вернувшись в комнату.

Люка там не было. Но мгновение спустя его голос послышался из ванной.

— Черт побери! Я помог бы тебе!

— Пока еще могу и сам пописать. — Пошатываясь и держась здоровой рукой за стену, Люк вошел в комнату. — Хотел проверить, на что я еще способен, — добавил он, садясь на край кровати, потом положил руку на грудную клетку и глубоко вздохнул: — Проклятье, как больно!

— Давай уложу тебя.

— Хорошо, только не говори ей, что я могу двигаться.

— Не скажу. Успокойся и ложись. Отдохни.

Он покачал головой:

— Хочу сказать тебе кое-что, пока она снова не вломилась сюда — а она это сделает, поверь мне.

— Точно?

— Да, она не человек, а сверхъестественное существо, и пометила нас сильнее, чем голубые камни. Я не знаю, какой магической силой ты обладаешь, зато понимаю, что говорит мне моя собственная. Ты спрашивал меня, кто она, и я попытался ее вычислить. А ты сам еще не догадался?

— Нет. Во всяком случае, я не уверен.

— Так вот, она может менять облик, как платья, и путешествовать сквозь Тени.

— Тебе имена Мэг или Джордж Хансен говорят что-нибудь? — спросил я.

— Нет. А должны?

— Не уверен. Но знаю точно, что она была ими обоими.

Я не стал упоминать Дэна Мартинеса не потому, что тот затеял перестрелку и тогда Люк возненавидел бы Винту еще сильнее — просто ему ни к чему знать, что мне известно кое-что про его операцию в Нью-Мексико, а ведь разговор мог коснуться именно этой темы.

— Она принимала также образ Гейл Лэмпрон.

— Твоей школьной подружки? — удивился я.

— Да, я сразу понял, что она чем-то напоминает мне ее. У нее все повадки Гейл — манера поворачивать голову, жестикуляция, выражение глаз. К тому же она упомянула два случая, единственным свидетелем которых была Гейл.

— Похоже, что она намеренно дала тебе это понять.

— Мне тоже так показалось.

— Почему бы тогда ей прямо не выложить все?

— Думаю, она не может этого сделать. Возможно, из-за какого-то заклинания. Однако трудно поверить, что она — сверхъестественное существо. — Люк украдкой взглянул на дверь и добавил: — Проверь-ка еще раз.

— Никого, — сказал я, — а теперь скажи...

— В другой раз, — перебил он меня, — мне надо убираться отсюда!

— Я понимаю, что ты хочешь удрать... — начал было я.

Люк покачал головой:

— Не в этом дело. Мне надо как можно скорее попасть в Твердыню Четырех Миров.

— В таком-то состоянии...

— Да, в таком. Как только я уберусь отсюда, сразу войду в норму. Похоже, старик Шару Гаррул вырвался на свободу. Только потому это и могло случиться.

— А что случилось?

— Меня попросила о помощи мать. После того как я вырвал ее у тебя, она вернулась в Твердыню.

— Для чего?

— Этот замок — центр силы. Здесь встречаются Четыре Мира, здесь они выделяют огромное количество свободной энергии, которую адепт способен...

— Там в самом деле встречаются Четыре Мира? Ты имеешь в виду, что можно войти в другую Тень, просто свернув в сторону?

Несколько мгновений Люк испытующе смотрел на меня, потом сказал:

— Да, но о подробностях меня не спрашивай.

— Но тогда ведь я ничего не пойму. Она отправилась в Твердыню, чтобы набраться силы, а вместо этого попала в беду и позвала тебя на помощь. А для чего ей нужна эта сила?

— Хм-м. Ну да ладно... У меня возникли трудности с Призрачным Колесом. Я чуть было не уговорил его перейти на нашу сторону, но матери показалось, что я действую недостаточно быстро и решительно, и она, по-видимому, попыталась нажать на него своими колдовскими чарами...

— Погоди-ка! Ты говорил с Призраком? А как ты добрался до него? Твои карты ни на что не годятся.

— Знаю. Я просто туда дошел.

— Каким образом?

— В скафандре: водолазный костюм с кислородным баллоном.

— Чертов сын! Интересный подход!

— Как ты думаешь, зря я что ли столько времени возглавлял отдел сбыта в «Гранд дизайн»?.. Я почти уговорил его. Но она узнала, где я прячу тебя, и решила отправиться туда, взять тебя под контроль и заставить перейти на нашу сторону. А когда этот план лопнул и мне удалось вырвать ее у тебя, мы снова расстались. Я думал, мать отправилась в Кашфу, а она снова помчалась в Твердыню. Думаю, пыталась накопить там силу, чтобы победить Призрак, и ненароком освободила Шару. А он снова овладел замком и взял мать в плен. Во всяком случае, она была в отчаянии, когда говорила со мной...

— Ох уж этот старый колдун, — усмехнулся я. — И долго он сидел в заточении?

Люк пожал плечами:

— Да откуда мне знать? И кому это интересно, черт возьми? Он служил вешалкой для одежды еще тогда, когда я пешком под стол ходил.

— Вешалкой для одежды?

— Да, он проиграл в дуэли чародеев. Не знаю точно, она его победила или мой отец. Как бы там ни было, его застигли во время заклинания, он стоял с распростертыми руками. Ну и заморозили его — стал твердый, как доска. Потом бедолагу поставили в прихожей и стали вешать на него верхнюю одежду. Слуги иногда смахивали с него пыль. А я еще мальчишкой вырезал свое имя на его ноге, как на дереве. Я тогда считал Шару предметом обстановки. А позднее узнал, что в свое время он был значительной персоной.

— А этот тип надевал когда-нибудь синюю маску во время работы?

— Ну ты достал меня! Не знаю я ровно ничего о стиле его работы. Давай, кончай расспросы, а то Винта скоро заявится сюда. Самое время нам отчаливать, остальное доскажу после.

— Ну уж нет, как ты верно подметил, ты мой пленник. Надо быть дураком, чтобы отпустить тебя, не узнав гораздо больше. Ты — угроза для Амбера. Бомба, которую ты швырнул на похоронах, — не шуточка. Думаешь, я хочу, чтобы ты угробил еще кого-нибудь из нас?

Люк улыбнулся:

— И зачем только тебя угораздило родиться сыном Корвина? Ну, хочешь я дам тебе слово?

— Не знаю. Меня ждет куча неприятностей, если родственникам станет известно, что ты был у меня в руках, а я добровольно отпустил тебя. Что ты можешь мне обещать? Поклянешься прекратить войну против Амбера?

Он закусил нижнюю губу

— Я не могу это обещать...

— Ты что-то скрываешь от меня, не правда ли?

Люк кивнул. Потом внезапно ухмыльнулся:

— Но я могу предложить тебе сделку, от которой ты не откажешься.

— Коммивояжер, я лежалый товар не беру! Не морочь мне голову!

— Выслушай, и ты поймешь, что не сможешь отказаться от моего предложения.

— Меня не купишь, Люк!

— Только одну минуту! Шестьдесят секунд! А потом уж принимай решение.

— Ладно, — согласился я, помедлив. — Говори.

— Так вот, у меня есть информация, жизненно важная для безопасности Амбера. Там наверняка и понятия не имеют... Ты поможешь мне, а я расскажу тебе, в чем дело.

— С какой стати ты раскрываешь карты? Во вред себе?

— Не знаю. Но это все, что я могу тебе предложить. Помоги мне удрать отсюда в такое место, где время бежит гораздо быстрее. Там я смогу залечить раны за один день по календарю Твердыни.

— Или по местному календарю, коли на то пошло, верно?

— Да. Да. Потом... Ой-ой-ой!

Он скорчился, схватился здоровой рукой за грудь и застонал.

— Люк!

Он поднял голову, подмигнул мне, кивнул на дверь и снова начал стонать.

Почти сразу в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Винта ступила на порог и бросила испытующий взгляд сначала на меня, потом на Люка. На мгновение мне показалось, что на него она посмотрела с состраданием. Потом она подошла к кровати и положила руки ему на плечи и, простояв так с полминуты, заявила:

— Ты будешь жить.

— В данный момент даже не знаю, благословение это или проклятие, — ответил Люк. Затем он внезапно обнял ее за шею здоровой рукой и поцеловал. — Привет, Гейл, давно мы с тобой не виделись.

Винта высвободилась из его объятий, однако не слишком быстро.

— Я вижу, ты уже поправляешься, — заметила она с улыбкой, — должно быть, не без помощи Мерлина. Да, ты выкинул глупый финт. Между прочим, ты по-прежнему любишь яичницу-глазунью?

— Люблю. Только не из шести яиц. Сегодня съел бы, пожалуй, из двух. Я не в форме.

— Хорошо, — кивнула Винта. — Идем, Мерль, мне нужна твоя помощь.

Люк бросил на меня подозрительный взгляд, догадываясь, что она хочет поговорить со мной о нем. Я не был уверен, что стоит оставлять его одного, хотя все карты лежали у меня в кармане, — кто знает его возможности да и намерения?

— Может, кому-то из нас лучше остаться с больным? — предложил я.

— С ним будет все в порядке, — ответила Винта, — а мне твоя помощь как раз пригодится — слуг здесь днем с огнем не сыскать.

С другой стороны, она, возможно, скажет мне что-нибудь интересное...

Я нашел свою рубашку, натянул ее и пятерней причесал волосы.

— Не бойся, Люк, я мигом вернусь.

— Пока! — ответил он. — Найди мне, если сможешь, трость или подходящую палку.

— Не торопишь ли ты события?

— Кто знает, всякое может случиться.

Я взял шпагу и последовал за Винтой. Когда мы спускались по лестнице, мне пришло в голову, что у каждого из нас двоих есть что сказать о третьем.

Когда Люк уже не мог слышать нас, Винта заметила:

— Он явился к тебе, чтобы спастись.

— Да.

— Видно, ему пришлось туго, раз не к кому было обратиться, кроме тебя.

— Пожалуй, ты права.

— Я думаю, помимо места, где можно отлежаться и окрепнуть, ему нужно кое-что еще.

— Пожалуй.

— Пожалуй!.. Он, наверное, тебя уже просил об этом?

— Возможно.

— Так просил или нет?

— Винта, ты, очевидно, рассказала мне все, что собиралась рассказать. Мы квиты. И не обязан я давать тебе никаких объяснений. Решу я, что Люку можно доверять, значит, буду ему доверять. Пока я еще решения не принял.

— Стало быть, он все-таки с тобой поговорил... Я могла бы помочь тебе, если скажешь, чего ему нужно.

— Нет, спасибо. Ты не менее опасна, чем он.

— Я забочусь о твоем благополучии. Не торопись оттолкнуть союзника!

— Я и не тороплюсь. Только перестань твердить одно и то же. Я знаю о Люке гораздо больше, чем о тебе. Думаю, мне ясно, в чем ему можно доверять, а в чем — нет.

— Надеюсь, ты не станешь держать пари на свою жизнь?

— В подобных вопросах я человек довольно консервативный.

Мы вошли в кухню. Винта приказала женщине, мне незнакомой, приготовить нам завтрак, и мы через боковую дверь вышли во дворик.

Винта указала на группу деревьев в восточном углу:

— Можешь выбрать подходящее для трости.

— Ладно, посмотрим, — ответил я, и мы направились к рощице.

— Так ты в самом деле была Гейл Лэмпрон? — спросил я внезапно.

— Да.

— Я не могу понять, как можно трансформировать свое тело.

— А я не собираюсь тебе это объяснять.

— Не скажешь мне?

— Нет.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу.

— Но ведь я уже кое-что знаю. Детали не добавишь?

— Попробую. Спрашивай.

— Когда ты была Дэном Мартинесом и стреляла в нас, в кого ты хотела попасть — в меня или в Люка?

— В Люка.

— Почему?

— Я была уверена, что он не тот... То есть что он представляет для тебя опасность...

— Ты просто хотела защитить меня?

— Именно.

— А что ты имела в виду, говоря «Он не тот»?

— Просто оговорилась. Гляди, вот это деревце, пожалуй, подойдет.

Я усмехнулся:

— Толстовато для трости. Ладно, пойдем посмотрим.

Я подошел к деревьям, мокрым от росы; еще не высушенные утренними лучами солнца опавшие листья прилипали к моим сапогам.

Внезапно я увидел какие-то странные следы, ведущие дальше, направо, где...

— Что это такое? — задал я риторический вопрос, понимая, что Винта не может ответить, и направился к темной массе у ствола раскидистого дерева.

Я подошел первым. Это была одна из собак Бейли, большой рыжий кобель с разорванным горлом. Темная кровь запеклась, и по ней ползали насекомые. Чуть правее я увидел останки собаки поменьше — разодранной в клочья.

Я осмотрел влажную землю вокруг обеих собак — в нее глубоко впечатались крупные когти. Хорошо еще, что это не следы трехпалых лап смертоносных собакоподобных чудищ, с которыми мне довелось встречаться. По-видимому, эти следы оставила огромная собака.

— Очевидно, их лай и вой я и слышал ночью. Я и подумал тогда, что дерутся собаки.

— В котором часу это было?

— Вскоре после того, как ты ушла. Я успел задремать.

Винта вдруг повела себя очень странно: опустилась на колени и понюхала следы. Когда она встала, выражение ее лица было слегка озадаченным.

— Что ты обнаружила?

Она покачала головой и взглянула на *северо-восток:*

— Я не вполне уверена, но, кажется, чудище ушло туда.

Я начал тщательно изучать следы. Они в самом деле вели в направлении, которое указала Винта, но в ста футах от рощицы терялись.

— Думаю, одна собака напала на другую, — предположил я. — Давай-ка лучше найдем подходящее для трости деревце и пойдем назад, пока завтрак не остыл.

В доме мне сообщили, что завтрак Люку отнесли наверх. Меня раздирали противоречивые желания. Я хотел попросить и мне подать завтрак в комнату, чтобы продолжить беседу с Люком, однако подумал, что Винта увяжется за мной и мы с ним не сможем поговорить начистоту. Поэтому я решил завтракать с ней внизу, хотя это означало, что Люк будет слишком долго оставаться один.

— Мы будем завтракать здесь, — решила вопрос Винта, входя в большой холл.

Я покорно поплелся за ней. Думаю, она выбрала это место, потому что раскрытые окна моей комнаты выходили во дворик, и, если бы мы уселись там, Люк мог бы подслушать наш разговор.

Мы устроились за длинным столом из темного дерева; подали еду.

— Что ты собираешься делать? — спросила Винта.

— Ты о чем? — ответил я вопросом на вопрос, потягивая виноградный сок.

— С ним! — Она кивнула наверх. — Возьмешь его в Амбер?

— Думаю, это было бы самое разумное.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда лучше не тянуть. У вас во дворце есть все возможности подлечить его.

Я кивнул:

— Безусловно.

Мы поели немного, и она снова спросила:

— Ты в самом деле собираешься это сделать?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что иначе поступать — глупо, но я уверена, что Люк не хочет отправляться туда и будет уговаривать тебя отпустить его. Ему нужна свобода на время выздоровления. Ты ведь знаешь, какое он дерьмо. Начнет всучивать тебе какую-нибудь «великую идею». Не забывай: он враг Амбера, а когда он будет в состоянии удалиться, ты станешь помехой ему.

— Логично.

— Я еще не все сказала.

— Так продолжай!

Она улыбнулась и посла немного, чтобы потянуть время и раззадорить мое любопытство. Затем продолжила:

— Он мог бы уйти в сотню мест, чтобы зализать раны. А явился к тебе. Стало быть, ему что-то от тебя нужно. Люк играет по-крупному, но ума не теряет. Не попадись на крючок. Ты ему ничего не должен.

— С чего ты взяла, что я не в силах сам постоять за себя! — возмутился я.

— Я этого не говорила, — отрезала Винта, — просто считаю, что надо все хорошенько продумать. Ты знаешь Люка, но и я его знаю. Сейчас не время давать ему передышку.

— У тебя, похоже, навязчивая идея.

— Выходит, ты уже решил поступить так, как он хочет!

Я улыбнулся и отпил кофе.

— Да он и в сознание-то пришел недавно, как он мог успеть расставить мне западню? Я сам думал об этом и хочу узнать, что у него на уме.

— Конечно, информация тебе нужна. Но не забывай: говорить с Люком — все равно что вести беседу с драконом.

— Так оно и есть, — согласился я. — Мне это давно известно.

— И чем дольше ты ждешь, тем труднее тебе будет с ним справиться, — добавила Винта.

— А тебе он нравился? — спросил я, сделав большой глоток.

— Нравился?.. Да, нравился. И теперь нравится. Но это к делу не относится.

— Ты не причинишь ему зла без повода?

— Нет.

— В данный момент он мне не опасен.

— Пожалуй, ты прав.

— Предположим, я оставлю его здесь на твое попечение, а сам вернусь в Амбер, пройду по Огненному Пути и подготовлю родственников к новостям. Что ты на это скажешь?

Она энергично замотала головой:

— Нет! Я не буду, не могу брать на себя ответственность.

— Почему?

Винта заколебалась.

— Только, пожалуйста, не повторяй, что не можешь сказать, — попросил я. — Найди способ объяснить мне как можно больше.

И она начала рассказывать — медленно, осторожно подбирая слова:

— Потому что для меня важнее следить за тобой, чем за Люком. Тебе по-прежнему грозит опасность, но какая, мне неизвестно. Судя по всему, она исходит не от твоего дружка. Уберечь тебя от неизвестной беды для меня гораздо важнее,

чем следить за Люком. Поэтому я не смогу остаться здесь. Если ты вернешься в Амбер, я последую за тобой.

— Ценю твою заботу, — сказал я. — Но не хочу, чтобы ты ходила за мной по пятам.

— Ни у тебя, ни у меня нет выбора.

— Ну а если я с помощью карты перенесусь в какую-нибудь далекую Тень?

— Я буду вынуждена последовать за тобой.

— В нынешнем твоем обличье или в ином?

Она отвела глаза и стала ковырять вилкой еду.

— Ведь ты же призналась, — продолжал я, — что можешь менять облик. Ты постоянно неким тайным способом находишь меня и принимаешь облик кого-нибудь из моих знакомых.

Она сделала глоток кофе.

— Может, тебе и запрещают об этом говорить, — не унимался я, — но я-то знаю, что моя догадка верна.

Винта быстро кивнула и снова принялась за еду.

— Допустим, карта перенесет меня прямо сейчас и ты неким таинственным образом за мной последуешь. — Я вспомнил о телефонных разговорах с Мэг и миссис Хансен. — Тогда настоящая Винта Бейли очнется в собственном обличье и в памяти у нее будет пробел? Верно?

— Да, — тихо ответила моя собеседница.

— И Люк окажется в обществе женщины, которая с радостью уничтожит его, едва узнает, кто он.

Она слабо улыбнулась.

— Да, ты прав.

Некоторое время мы ели молча. Винта сделала все, чтобы заставить меня вернуться в Янтарное королевство и взять с собой Люка. А я не люблю, когда мной манипулируют или открыто принуждают.

Я снова наполнил наши чашки, перестав жевать и попивая кофе, уставился на портреты собак на противоположной стене. Я молчал, потому что сказать мне больше было нечего.

— Так что же ты намерен делать? — спросила она наконец.

Я допил кофе и поднялся:

— Собираюсь отнести Люку трость.

— А потом? Что будешь делать потом?

Я взглянул на нее и взял трость. Она сидела, выпрямившись, положив ладони на стол. Выражение ее лица снова напомнило мне Немезиду, и я почти физически ощутил повисший в воздухе электрический заряд.

— То, что должен, — ответил я, направляясь к двери.

Как только дверь за мной закрылась, я помчался по лестнице, перепрыгивая через две ступени, вынув на ходу колоду из кармана и тасуя.

Когда я вбежал в комнату, Люк лежал на постели, откинувшись на подушки. Поднос с завтраком стоял на низеньком столике возле кровати. Я запер дверь на задвижку.

— В чем дело, приятель? За тобой гонятся?

— Давай поднимайся! — рявкнул я.

Я взял его оружие, подошел к постели, помог ему встать и подал трость и шпагу.

— На меня давят, — сказал я, — но выдавать тебя Рэндому я не собираюсь.

— Звучит утешительно, — заметил Люк.

— Нужно немедленно отсюда убираться!

— Я не против.

Он оперся на трость и медленно встал на ноги. И в этот момент в холле послышался шум. Но она опоздала. Я уже поднял карту и сосредоточился.

В дверь постучали.

— Ты затеваешь что-то неладное! — прозвучал голос Винты.

Я не ответил. Изображение на карте стало отчетливее, ожило. От страшного удара дверь разлетелась в щепки, задвижка отскочила. Люк мрачно, с опаской глянул на меня, а я схватил его за руку.

— Идем!

Винта вломилась в комнату как раз в тот миг, когда я вытягивал Люка через окно. Ее глаза засверкали, руки удлинились и потянулись за нами.

— Идиот! — в ярости завопила она.

Крик ее перешел в вой; потом, засверкав всеми цветами радуги, она превратилась в пеструю рябь, растворилась, поблекла и исчезла.

Мы стояли на зеленой травке. Люк тяжело дышал.

— Вижу, глаз у тебя верный, братишка, — произнес он с хитрой улыбкой, узнав место, где мы оказались. — И как ты только нашел?.. Хрустальная пещера, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. А нашел по старой памяти, — ответил я. — Время здесь бежит примерно с такой скоростью, как тебе надо.

Люк кивнул и не спеша направился к высокому голубому холму.

— Там осталась еще целая куча провианта, — добавил я, — и мой спальный мешок.

— Все это мне пригодится, — сказал он.

Тяжело дыша, Люк дохромал к подножию холма. Я заметил, как он оглядел кости, разбросанные слева от нас. Те двое парней, отодвинувшие камень от входа в пещеру, погибли несколько месяцев назад, и любители падали успели хорошо поработать.

Люк пожал плечами, сделал еще несколько шагов и прислонился к голубому камню. Потом сполз на землю и уселся поудобнее.

— Видно, придется мне подождать здесь, покуда я смогу подняться. Даже с твоей помощью.

— Мысль верная, — ответил я. — А пока мы можем продолжить беседу. Помнится, ты хотел сделать мне предложение, от которого я никак не смогу отказаться. Мне надлежало доставить тебя в место, где ты сумеешь быстро залечить раны, где время бежит быстрее, чем в Твердыне Четырех Миров. Я свои обязательства выполнил. Теперь очередь за тобой. Кажется, ты располагаешь информацией, жизненно важной для безопасности Амбера.

— Справедливо замечено, — кивнул Люк, — а еще ты не слышал до конца, что со мной приключилось. Между тем и другим есть связь.

Я уселся на корточки рядом с ним.

— Ты рассказал мне, что твоей матери пришлось отправиться в Твердыню Четырех Миров, что она попала там в беду и обратилась к тебе за помощью.

— Да, — отозвался он, — и поэтому я бросил затею с Призрачным Колесом и попытался помочь ей. Я связался с Далтом, и он согласился атаковать Твердыню.

— Неплохо знать, что тебе в любую минуту готова прийти на помощь банда наемников!..

Люк бросил на меня какой-то странный взгляд, но я как ни в чем не бывало состроил невинную мину.

— Итак, мы провели их через Дворы Хаоса и осадили замок, — продолжал он, — это ты нас там видел.

Я медленно кивнул:

— По-моему, вам удалось перевалить через стену. Что же тогда стряслось?

— И сам не знаю. Вроде все шло хорошо, мы прорвали их оборону, противник стал отступать... Как вдруг Далт налетел на меня! Вначале я думал, что он обознался — мы оба были измазаны грязью и окровавлены. Я крикнул ему: мол, это я, но он продолжал атаковать. Сам видишь, как он отделал меня. Некоторое время я только защищался, не стремился наносить ему удары. Мне казалось, это недоразумение, что он через несколько секунд поймет свою ошибку.

— Ты думаешь, его подкупили? Или он давно затаил злобу и решил убить тебя?

— Честно говоря, не хочется так думать.

— Неужели вмешались магические силы?

— Может быть, не знаю.

Странная мысль пришла мне в голову:

— А ему известно было, что ты убил Кейна?

— Нет, я взял за правило никому не рассказывать о своих делах.

— А ты не морочишь мне голову?

Люк засмеялся, сделал движение рукой, будто хотел похлопать меня по плечу, но вздрогнул, скорчил гримасу боли и опустил руку.

— Откуда такой вопрос?

— Не знаю, просто поинтересовался.

— Понятно. Помоги мне войти в пещеру и покажи, какие там есть продукты.

— Хорошо.

Мы стали медленно подниматься по правому, более пологому склону. Подойдя ко входу, Люк, опираясь на трость, заглянул внутрь.

— Нелегко мне будет спуститься туда. Я думал попросить тебя принести бочку из кладовой, чтобы я мог сначала спрыгнуть на нее, а потом уже на дно пещеры. Но теперь вижу, что тут слишком глубоко, я не смогу прыгнуть, не потревожив раны.

— Да, пожалуй. Впрочем, у меня есть идея.

Я сошел к подножию холма и зашагал вдоль него направо, пока не скрылся с глаз Люка. Мне не хотелось прибегать к помощи Логруса в его присутствии, не хотелось, чтобы он видел, как я это делаю, и понял, что я могу и чего не могу. Не в моих правилах позволять людям слишком много знать обо мне.

Логрус явился по моему приказанию, и с его помощью я начал осуществлять задуманное. Сосредоточив все силы, я проникал все глубже в самую сердцевину

Тени. Наконец возник контакт, и, не делая резких движений, лишь напряжением воли медленно и равномерно стал тянуть...

— Эй, Мерль! Все в порядке? — послышался голос Люка.

— Да, — ответил я, еще не закончив операцию.

Ближе, ближе... Наконец-то!

Я подскочил, когда она рухнула на меня одним своим концом. Другой конец стукнулся о землю. Я продвинулся к ее середине, взвалил на плечо и понес. Потом, приставив ее к крутому склону так, чтобы верхушка оказалась поблизости от того места, где стоял Люк, быстро взобрался наверх.

— Вот здорово! Где ты раздобыл лестницу? — удивился он.

— Нашел, — ответил я.

— Похоже, что на одной ее стороне еще не высохла краска.

— Наверное, кто-то ее только что потерял.

Я начал спускать лестницу вниз в пещеру. Когда она уперлась в пол, из дыры торчало еще несколько футов.

Закрепив хорошенько лестницу, я сказал:

— Я спущусь первым и буду ждать тебя внизу.

— Спусти заодно мою шпагу и трость.

— Давай.

Я полез вниз, и он осторожно последовал за мной.

— Ты должен когда-нибудь научить меня этому трюку, — заявил Люк, тяжело дыша.

— Не пойму, что ты имеешь в виду.

Он спускался медленно, часто отдыхал. Наконец слез — побагровевший, запыхавшийся — и в изнеможении плюхнулся на землю, прижимая ладонь к груди. Чуть погодя подполз к стене и привалился к ней спиной.

— Ты в порядке? — спросил я.

Он кивнул:

— Приду в себя через несколько минут. С такими ранами немудрено устать.

— Принести тебе одеяло?

— Нет, спасибо.

— Тогда отдохни здесь, а я схожу в кладовую, погляжу, в порядке ли запас еды. Хочешь чего-нибудь?

— Водички.

Запас провианта был не тронут, и спальный мешок оказался на том же месте, где я его оставил. Я принес Люку воды и шутливо напомнил, как он когда-то позаботился обо мне.

— Видно, ты хорошо постарался. Еды здесь еще полным-полно.

— Надеюсь, ты не все вино выпил? — спросил он, переводя дух.

— Не все.

— Хорошо.

— Теперь давай, выкладывай сведения, которые, по твоему мнению, важны для Амбера.

Люк улыбнулся:

— Не сейчас.

— Я думал, таково условие нашей сделки.

— Ты не дослушал мой рассказ, нас прервали.

— Согласен, нас прервали, — кивнул я. — Валяй, рассказывай.

— Мне нужно окрепнуть, отправиться в Твердыню и освободить мать.

Я кивнул.

— Ты получишь информацию после того, как мы ее освободим, — сказал он.

— Ха! Ты требуешь слишком многого!

— Не больше, чем делаю сам.

— Похоже, ты предлагаешь мне кота в мешке.

— Совершенно верно. Однако поверь, игра стоит свеч.

— А почему бы тебе не облегчить душу прямо сейчас, пока мы ждем твоего выздоровления?

— Нет, я все рассчитал. Я успею выздороветь за пару дней по календарю Амбера. Так что время терпит.

— Послушай, это похоже на какой-то ловкий трюк.

— Точно, трюк. Однако он выгоден как для Янтарного королевства, так и для меня.

— Честно говоря, и не ожидал, что ты расскажешь что-то во вред себе.

Люк вздохнул:

— Может, этого будет достаточно, чтобы снять меня наконец с крючка?

— Ты хочешь отказаться от вражды?

— Не знаю, я много думал об этом... Но уж если идти таким путем, то лучше заложить хорошую основу.

— А если пойдешь другим, то, выходит, что сам себя и облажаешь, верно?

— Ну, переживу как-нибудь. Моя работа станет тяжелее, но не сказал бы, что непосильной.

— Да-а, положеньице... Если в Амбере узнают, что я тебя отпустил, мне не простят.

— Я никому не скажу.

— Ты забыл про Винту?

— Она же утверждает, будто главная задача ее жизни — охранять тебя. Между прочим, если ты вернешься в Арбор-Хауз, ее там не будет. А будет настоящая Винта, очнувшаяся от вынужденной спячки.

— С чего ты взял?

— Потому что она отправилась тебя искать.

— А знаешь, кто она на самом деле?

— Нет, но позднее поделюсь своими соображениями.

— Не сейчас?

— Сейчас я должен хорошенько выспаться, прийти в себя...

— Тогда давай повторим еще раз. Что ты собираешься делать, как ты это будешь делать, и что ты обещал мне?

Люк зевнул:

— Я останусь здесь до тех пор, пока не приду в форму. Потом, когда буду готов атаковать Твердыню, свяжусь с тобой. Кстати, мои козыри все еще у тебя.

— Знаю. Продолжай. И как ты собираешься добраться до Твердыни?

— Пока еще обдумываю. Об этом я тебе тоже сообщу позднее. Захочешь ты помочь нам или нет, дело твое. Хотя я не прочь взять себе в помощь еще одного чародея. Когда мы явимся туда и освободим мать, я скажу тебе то, что обещал, и ты сможешь сообщить об этом своим в Амбере.

— А что, если ты проиграешь?

Люк отвел глаза.

— Такой исход также возможен, — согласился он, помедлив. — Ладно, я напишу все на бумаге и возьму ее с собой. А после передам тебе записи с помощью карты или лично, перед атакой. Одержу я победу или проиграю, обещание, данное тебе, будет выполнено.

Люк протянул мне здоровую руку, и я пожал ее.

— Согласен.

— Тогда верни мне мои карты. Свяжусь с тобой, как только приду в норму.

Я помешкал, но все-таки вытащил колоду, которая значительно разбухла... Я вынул из нее свои карты, несколько карт Люка и подал ему остальные.

— А почему ты вернул не все мои? — спросил он.

— Хочу изучить их. Не возражаешь?

Он пожал плечами:

— Я могу сделать новые. Только верни карту моей матери.

— Вот, возьми.

Люк взял карту и сказал:

— Не знаю, что у тебя на уме, но хочу дать тебе добрый совет. Не суйся к Далту. Он не самый добрый парень на свете — даже когда у него мозги в норме, а сейчас с ним творится неладное. Держись от него подальше.

Я кивнул и поднялся со стула.

— Ты уходишь? — спросил Люк.

— Ухожу.

— Оставь мне лестницу.

— Она твоя.

— Что ты намерен сказать в Амбере?

— Пока ничего. Послушай, принести еды? Чтобы тебе лишний раз не напрягаться.

— Пожалуй, неплохая идея. И прихвати бутылочку вина.

Я пошел в кладовую и принес ему целый ящик с провиантом. А заодно приволок спальный мешок.

Я начал подниматься по лестнице и вдруг остановился.

— Ты же еще не решил точно, что тебе делать, — сказал я. — Верно?

Он улыбнулся:

— Не будь так уверен.

Я поднялся наверх и поглядел на здоровенный валун, прежде загораживавший вход. Раньше я думал ответить Люку услугой за услугу. Можно было бы загородить вход, потом вернуться, когда Люк поправится. Тогда он не сумел бы удрать. Но сейчас я отказался от этой идеи, и не только потому, что никто, кроме меня, не знал, что он здесь находится, и, случись что-нибудь со мной, он умер бы здесь. Я отказался от этой мысли главным образом потому, что Люк, находясь в заключении, не смог бы найти меня с помощью карты, когда будет в состоянии отправиться в Твердыню. Во всяком случае, я убедил себя в этом.

Я остановился, уперся руками в камень и подвинул его ближе ко входу.

— Мерль! Что ты делаешь? — донеслось снизу.

— Выбираю грузило для удочки.

— Послушай! Не валяй дурака!

Я засмеялся и подвинул камень еще ближе.

— Мерль!

— Я думал, ты хочешь, чтобы я притворил дверь — на случай дождя. Но она черт знает какая тяжелая!.. Ладно, бывай здоров и не нервничай.

Ничего, лишний адреналин в крови пойдет Люку на пользу.

VIII

Я отправился в то же укромное местечко, откуда принес лестницу, и вытащил одну из чистых карт.

Время бежало. Я выудил из кармана карандаш и обнаружил, что грифель сломался. Тогда, вынув из ножен шпагу, я нашел ей сугубо мирное применение.

Минуту спустя я, положив карту на плоский камень, стал рисовать свою комнату в Арбор-Хауз, пользуясь силой Логруса, влившейся в мою руку. Работать нужно было тщательно, сообщая рисунку ощущение того места. Окончив дело, я распрямился. Все получилось точно. Я сосредоточился и устремил пристальный взгляд на рисунок, дожидаясь, когда тот станет реальностью. Входя в комнату, я подумал, что следовало бы задать Люку один вопрос, но было уже поздно.

Деревья за окном отбрасывали *тень к востоку, стало быть, день клонился к* вечеру.

На застеленной кровати *лежала записка, уголок которой кто-то засунул под* край подушки, чтобы не сдуло ветром. Я взял записку, одновременно сняв с нее маленькую голубую пуговицу, и прочитал по-английски: «Храни пуговицу в надежном месте, пока она тебе не понадобится, не носи ее с собой постоянно. Надеюсь, ты поступил правильно. Полагаю, скоро все выяснится. До встречи».

Подписи не было.

Я не мог оставить пуговицу на кровати и, завернув ее в записку, сунул в карман, потом бросил на руку плащ и вышел из комнаты. Задвижка была сорвана, и дверь осталась открытой настежь.

На несколько секунд я остановился и прислушался: никаких звуков — ни голосов, ни шагов. Уже почти спустившись с лестницы, я заметил Винту. Она сидела у окна за маленьким столиком, на котором стоял поднос, а на нем — бокал, бутылка вина, хлеб и сыр.

— Мерлин! — воскликнула девушка и слегка приподнялась. — Слуги сказали мне, что вы здесь, но я не смогла вас найти.

— Меня ненадолго отозвали, — ответил я, опускаясь с последней ступеньки. — Как вы себя чувствуете?

— Откуда вы... Что вам известно обо мне?

— Вероятно, вы не помните, что было с вами в последние несколько дней.

— Верно, — сказала она и указала на стул рядом с собой. — Садитесь, угощайтесь. Выпьете вина?

— С удовольствием, — кивнул я, заметив, что она пила белое.

Винта поднялась, подошла к буфету, открыла его и взяла второй бокал. Вернувшись к столу, наполнила его «Мочой Бейли» и поставила передо мной. Наверняка для себя они делали только хорошее вино.

— Что вы можете рассказать о моем провале памяти? Я была в Амбере — и вдруг очнулась здесь, причем несколько дней спустя.

— Понятно, — промолвил я, взяв крекер и кусок сыра. — Когда примерно вы очнулись?

— Сегодня утром.

— Не волнуйтесь. Такое не повторится.

— Но что это было?

— Нечто в воздухе, — туманно ответил я, потягивая вино.

— Похоже, это скорее магическое явление, чем грипп.

— А может, и то и другое. Никогда не знаешь, что может принести ветер из Теней. Но каждый из моих знакомых, с которыми случалось подобное, теперь в полном порядке.

Винта нахмурила брови:

— Очень странно...

Я съел еще несколько крекеров и запил их вином. Для себя они действительно приберегли хорошее винцо.

— Совершенно не о чем волноваться, — повторил я.

Она улыбнулась и кивнула:

— Я верю вам. Однако как вы здесь оказались?

— Остановился на пути в Янтарное королевство. Кстати, нельзя ли одолжить у вас лошадь?

— Пожалуйста, берите. А когда вы хотите уезжать?

— Как только получу лошадь.

Винта встала:

— Я не знала, что вы торопитесь. Идемте, я немедленно провожу вас в конюшню.

— Благодарю.

Я съел еще два крекера с сыром и допил вино. «Интересно, — мелькнула мысль, — рассеялся ли синий туман?»

Выбрав доброго скакуна и получив позволение вернуть его в конюшню Бейли в Амбере, я оседлал коня — славного серого жеребца по кличке Дымок. Потом я накинул на плечи плащ и пожал руку Винте.

— Спасибо за гостеприимство. Даже если вы о нем не помните.

— Ох, минутку! Поезжайте-ка вокруг дома к кухонной двери, выходящей во двор. Я дам вам флягу с водой и какую-нибудь еду на дорогу... Скажите, а за эти дни у нас случайно не было бешеного романа, который я запамятовала?

— Джентльмен о таких вещах умалчивает.

Она засмеялась и похлопала меня по плечу:

— Навестите меня как-нибудь в Амбере. Может, тогда восполним пробел в памяти?

Я приторочил к седлу мешок с овсом и повел Дымка из конюшни.

Винта направилась к дому, а я сел на коня и медленно поехал за ней. За мной увязались несколько собак. Сделав круг, я остановил коня, спешился возле кухонной двери и окинул взглядом патио. «Хорошо бы иметь такой дворик и пить в нем кофе по утрам! — подумал я. — Или меня прельщает не столько дворик, сколько хозяйка?»

Чуть погодя дверь отворилась. Винта вышла и подала мне флягу и узелок с едой.

— Будьте любезны, скажите моему отцу, что я вернусь в Амбер через несколько дней.

— Охотно.

— Я только не знаю, зачем вы приезжали сюда, но если это касается политики или интриг, то и знать не хочу.

— Ну и хорошо, — согласился я.

— Слуга сообщил мне, что относил еду в комнату какому-то рыжему верзиле, который, по-видимому, был опасно ранен. Мне это тоже следует забыть?

— Пожалуй.

— Ладно, забуду. Но в один прекрасный день мне захочется поговорить об этой истории.

— Возможно, мне тоже. Поживем — увидим.

— Ну, счастливого пути!

— Спасибо. Надеюсь, путь действительно будет счастливым.

Я пожал Винте руку и сел на коня.

— Увидимся в Амбере, — промолвила она.

Я еще раз объехал вокруг дома и вновь оказался возле конюшни, а потом направился к тропе, которая вела в нужном мне направлении. Где-то залаяла собака, чуть погодя и другие псы присоединились к ней. Легкий южный ветерок погнал мимо меня сухие листья. Мне хотелось поскорее найти дорогу и ускакать далеко. Я искал одиночества, потому что именно в одиночестве мне легче думается, а сейчас многое надо было обдумать.

Я ехал на северо-запад минут десять, когда выбрался на тропу, которую мы с Винтой пересекали во время недавней прогулки. Теперь я взял курс на запад, вскоре оказался у перекрестка со столбом и поехал туда, куда указывала стрелка — на Амбер.

На бурой грунтовой дороге отпечатались следы колес многочисленных фургонов и повозок, по ее обе стороны тянулись коричнево-желтые поля; картину оживляли лишь редкие деревья. Далеко впереди виднелась полоска леса, которым мне предстояло ехать, а выше, на фоне неба, отчетливо вырисовывались очертания гор. Дымок шел неторопливой рысью, а я стал мысленно перебирать события последних дней.

Сомневаться в том, что у меня есть враг, не приходилось. Люк уверял, что больше не питает ко мне ненависти, но на этот раз я не слишком ему верил. И он, и Винта убеждали меня в том, что у него не было необходимости раненому являться за помощью именно ко мне. Он мог и без меня найти путь в хрустальную пещеру или какое-нибудь другое убежище. И с просьбой помочь ему освободить Джасру он тоже мог подождать. Я почти не сомневался, что Люк намерен поскорее наладить со мной отношения, ибо только я мог проложить ему дорожку в королевский дом Амбера, коль скоро фортуна повернулась к нему спиной. Я подозревал, что он решил получить официальный статус в Амбере и что важная информация, которую он обещал дать, явится как бы знаком его дружеских чувств и одновременно условием сделки. Весьма сомнительно, что ему без моей помощи не спасти Джасру. Люк прекрасно знает обстановку в Твердыне Четырех Миров; кроме того, он сам обладает известной магической силой и в его распоряже-

нии банда наемников, которых он в состоянии с помощью карты переправить в нужное место. Ему даже не обязательно выигрывать битву; достаточно просто попасть в замок, схватить Джасру и умчаться.

Нет, я вовсе не нужен Люку ни для одной из решающих операций. Скорее всего он использует нашу встречу как отвлекающий маневр, рассчитывая на то, что, когда ситуация прояснится, мы в обмен на его информацию сделаем ему выгодное предложение. Я полагал также, что он предложит положить конец вендетте — ведь теперь в результате убийства Кейна честь семьи восстановлена. Известно, что камнем преткновения для Люка является Джасра. Я не знал, какой властью она над ним обладает, но, похоже, его информация будет содержать способ нейтрализовать ее. Если он скажет нам об этом тайно и инициатива будет исходить как бы от нас, то Люк сможет оправдаться перед Джасрой и купить мир с нами.

Сложная проблема. Мне предстояло изложить все это при дворе в наилучшем виде, чтобы меня не сочли предателем за то, что я отпустил противника. Нужно будет доказать, что игра стоила свеч, что мы в выигрыше.

Деревья вдоль дороги стали попадаться чаще, и до леса было уже недалеко. Я проехал по мосту, переброшенному через прозрачный поток; ласковое журчание воды долго звучало у меня в ушах. Слева раскинулись бурые поля, вдалеке темнели амбары и сараи, справа валялась телега со сломанной осью...

А вдруг я неверно понял Люка? Как бы мне все же прижать его и заставить выложить правду?

В мозгу у меня начала вырисовываться некая идея. Не скажу, что гениальная, однако я решил все тщательно взвесить. Чтобы ее осуществить, придется рискнуть, причем действовать надо очень быстро.

Эта идея имела свои преимущества, и все же я пока ее отбросил и стал снова обдумывать сложившуюся ситуацию.

Итак, у меня есть враг. Но если это не Люк, то кто же? Вроде бы на эту роль больше всего подходит Джасра. Во время двух наших встреч она выразила свои чувства ко мне достаточно откровенно. Вполне вероятно, что именно Джасра наняла убийц, напавших на меня в Мертвом тупике. В таком случае она сидит в плену в Твердыне, а я временно в безопасности — разумеется, если она не успела дать задание еще каким-нибудь головорезам до того, как ее захватили. Хотя это, пожалуй, слишком. Стоит ли расходовать на меня такие средства? Ведь в ее плане отмщения я — лишь второстепенная фигура. Для которой четверых убийц вполне достаточно.

А что, если мой враг — не Джасра? Тогда мне по-прежнему грозит опасность. Чародей в синей маске — очевидно, Шару Гаррул — направил на меня смерч... Приветствие менее дружелюбное, чем каскад цветов. Надо сказать, выдумка с цветами в квартире Флоры в Сан-Франциско была весьма оригинальна. Судя по всему, враг замышляет в отношении меня что-то весьма неординарное. Что он сказал мне тогда? Что-то вроде того, что наши интересы когда-нибудь столкнутся... Любопытно. Вполне возможно, так оно и будет.

Однако на самом ли деле убийц ко мне подослал именно Шару Гаррул? Хотя ему известна сила голубых камней — а именно голубая пуговица дала возможность наемным убийцам найти меня, — что-то здесь не стыковалось. Во-первых, наши интересы еще не сталкивались. Во-вторых, это не похоже на загадочного

повелителя стихий, рассыпающего цветы. Может, я жестоко ошибаюсь, но дуэль чародеев мне представляется совсем иной.

Поля сменились пустошами, и вскоре я подъехал к лесу. На царство пестрых листьев начали опускаться сумерки. Лес был не такой древний и густой, как Арденский, на лесистых склонах гор виднелись прогалины и проплешины. Дорога была по-прежнему широкой и ровной. В тени стало прохладно, и я плотнее запахнул плащ. Хорошо бы все мои путешествия проходили так спокойно и приятно! Я не торопился. Мне надо было многое обдумать...

Хотелось бы побольше узнать о странном безымянном существе, которое на некоторое время приняло облик Винты. Какова ее подлинная сущность? Именно «ее» — что-то подсказывало мне, что в загадочном существе преобладает женское начало, хотя она принимала также облик Джорджа Хансена и Дэна Мартинеса. Может, потому что я спал с ней, когда она была в роли Мэг Девлин? Трудно сказать определенно. Гейл я знал довольно хорошо, да и утонувшая Дева Озера была явно не мужчиной...

Однако женского ли рода это существо или мужского — не главное. Надо решить вопрос поважнее. Кто она такая, почему преследует меня, почему утверждает, будто хочет защитить меня от опасности? И главный вопрос — от чего она собирается меня защищать? *Я ценю ее заботу, однако хотелось бы знать мотивы...* Определенно она имела в виду что-то конкретное, хотя не дала мне ни малейшего намека.

Намеревалась ли она в самом деле охранять меня от врага? Какого-то конкретного врага? Противника Винты?

Я попытался вспомнить все, что знал о ней. Да, есть какое-то странное существо, принимающее иногда образ клочка синего тумана. Она — я все же думаю, что это существо женского пола — способна находить дорогу ко мне сквозь Тень. Она способна подчинить себе человеческое тело, полностью подавить его «я». Она обреталась возле меня несколько лет, а я и не подозревал о ее существовании. Ее первое воплощение из известных мне — Гейл, бывшая девушка Люка.

Но почему именно Гейл? Если ее задача — охранять меня, почему ей было не принять облик одной из моих возлюбленных? Например, Джулии? Но нет, она выбрала Гейл. Может, потому, что Люк был для меня опасен и она хотела контролировать его действия? *И все же позволила Люку сделать несколько попыток убить* меня и ускользнуть... К тому же моя загадочная защитница призналась, что ей известно про намерения Джасры расправиться со мной. Почему она тогда просто-напросто не предупредила их? Можно было, например, сбить Люка машиной и скрыться. И то же самое проделать с Джасрой. Она не боялась умертвить тело, облик которого приняла. Я дважды видел, как она это сделала.

А быть может, она знала, что им все-таки не удастся убить меня? Могла ли она предотвратить тот взрыв бомбы? А что, если все это лишь пустые домыслы, что, если я ошибаюсь? Необходимо докопаться до самой сути и устранить проблему. По крайней мере лишней щепетильностью моя защитница не обременена — ведь это она, не моргнув глазом, приказала убить людей, напавших на меня в Мертвом тупике.

Так что же все это значит?

Тут у меня в голове сложились две версии. Во-первых, можно предположить, что Люк ей действительно нравится и она стремится нейтрализовать его, не уби-

вая. Но в таком случае непонятно ее поведение в роли Мартинеса. Ведь тогда в Санта-Фе она стреляла в Люка... Ладно, есть и другая версия. Люк перестал быть для меня опасен, после того как бросил эту затею с тридцатым апреля, и моя защитница, видя, что мы подружились, решила не убивать его — тем более что он ей нравился. А тогда в Нью-Мексико случилось нечто, заставившее ее изменить свое решение. Что именно случилось, мне, разумеется, неизвестно. Она последовала за мной в Нью-Йорк, где приняла сначала облик Мэг Девлин, потом Джорджа Хансена. Люк в это время был вне игры, после того случая в горах он исчез. Он больше не угрожал мне, но она настойчиво повсюду следовала за мной. Значит, мне по-прежнему что-то грозит?

Как я ни ломал голову, вычислить, что именно мне угрожает, не удавалось. Может, я иду по ложному следу?

Моя защитница определенно не всеведуща. В Арбор-Хауз она заманила меня не только для того, чтобы удалить с места драки, но главным образом с целью выкачать побольше информации.

Я мысленно вернулся назад, в дом Билла Рота. Какой первый вопрос мне был задан? В роли Джорджа Хансена она задала его как бы невзначай — а я солгал в ответ. Голос по телефону спрашивал о том же — тщетно. А когда мне задала его Мэг Девлин в постели, я ответил откровенно.

И вопрос этот был: «Как зовут твою мать?»

Когда я сказал ей, что мою мать зовут Дара, незнакомка наконец стала говорить со мной откровенно и предупредила, чтобы я опасался Люка. Мне показалось, что ей тогда хотелось сказать мне больше, но тут явился муж настоящей Мэг, и наш разговор преждевременно закончился...

К какой замочной скважине подходит этот ключик? Ей стало известно, что я из королевской семьи Дворов Хаоса — о чем, кстати, она ни словом не обмолвилась. И это, по-видимому, сыграло какую-то важную роль — но вот какую?

Такое ощущение, что ответ у меня в руках, но я до тех пор не смогу понять его, пока не сформулирую верный вопрос.

Точка. Я зашел в тупик. Да, она знает о моем родстве с королевским домом Хаоса... И что с того? Она также прекрасно осведомлена о моих связях с Амбером — и это тоже никак не проясняет ситуацию.

Я решил вернуться к этому вопросу позднее, сейчас у меня и других забот хватало. Во всяком случае, теперь понятно, что у нее спрашивать при встрече — а в том, что мы встретимся, я ничуть не сомневался.

И тут мне пришло в голову, что если она и помогала мне в чем-то, то делала это незаметно для меня. Она дала мне довольно много информации, возможно правдивой, однако проверить ее нет возможности. От телефонного звонка и тайных манипуляций в Нью-Йорке до убийства в Мертвом тупике человека, который мог бы пролить свет на загадку, она была мне скорее помехой, чем помощницей. Вполне возможно, что она снова сунется ко мне — якобы с целью помочь — в самый неподходящий момент.

Поэтому, вместо того чтобы продумывать предстоящую беседу с Рэндомом, я битый час ломал голову над природой методики, которая дает возможность контролировать человека и принимать его облик. Я выделил несколько способов, затем, исходя из того, что я знал о таинственной незнакомке, сузил их число с помощью технических упражнений, которым научил меня мой дядя. Закончив

эти упражнения, я стал размышлять о том, какие силы должны быть при этом задействованы.

Далее пришлось заняться подбором тональных колебаний — дело в том, что использовать грубую силу, хотя и эффектно, но крайне изнурительно, да и с точки зрения эстетики подобная операция оставляет желать лучшего. Поэтому я предпочитаю подготовиться технически.

Наконец мне удалось выстроить ключевые звуки и объединить их в заклинание. Сухай, конечно, сделал бы его короче, но для меня сейчас главное точность — если мои догадки верны. Будь я в спешке, такое длинное заклинание, пожалуй, вовремя и не выговоришь, однако спешки не было. Подумав, я добавил к трем скрепляющим его опорам еще и четвертую — для надежности.

Я вызвал Логрус, вплел свою речь в его вечно меняющийся узор, а затем медленно и внятно произнес заклинание, намеренно опустив четыре ключевых слова. Голос мой гулко прозвенел в тиши леса. Заклинание повисло перед глазами, словно бабочка из звука и света, запутавшаяся в паутине моего личного видения Логруса, которая исчезнет, как только я произнесу четыре пропущенных слова.

Я произнес заветные слова, и видение исчезло. Мой занемевший от напряжения язык расслабился. Да, теперь не только моя загадочная помощница будет в состоянии преподносить нежелательные сюрпризы.

Я придержал лошадь и выпил воды. Небо потемнело, лес снова зашумел. Я подумал, не связаться *ли с Фионой или Блейзом, и о том, что поделывает* Билл, вернувшись в город. Внезапно я почувствовал, что за мной кто-то следит — не холодный, пронзительный взгляд из карты, а просто на меня смотрели чьи-то внимательные глаза. Я вздрогнул. Долгие размышления об опасности не проходят без последствий...

Вынув клинок из ножен, я поехал дальше. Ночь еще только началась, а путь был долог.

Хотя я удвоил внимание, но так и не услышал и не увидел ничего подозрительного. Может, рассуждая о Джасре, Шару и даже Люке, я ошибался? Может, в эту минуту по моему следу едет банда убийц?

Время от времени я натягивал поводья и прислушивался, но вокруг царила полная тишина. Я вдруг явственно ощутил наличие голубой пуговицы у меня в кармане. Неужели она служит маяком для угрожающих сигналов какого-то мага? Мне не хотелось избавляться от нее, ведь она могла еще пригодиться. К тому же зачем от нее избавляться, если она уже пометила меня? Разумнее спрятать пуговицу в надежном месте, пока со временем ее метка не исчезнет.

Небо продолжало темнеть, на нем замигали звезды. Дымок замедлил шаг, но дорога по-прежнему была ровная и широкая, ее светлая полоса виднелась отчетливо, что страховало нас с Дымком от неприятных неожиданностей. Откуда-то справа донесся крик совы, а мгновение спустя на ветке возник силуэт птицы. Вообще эта ночная прогулка была бы прекрасной, если бы я сам не создавал призраков и не заставлял их преследовать меня. Мне нравятся запахи осени, и очень хотелось сжечь в бивачном костре охапку сухих листьев, чтобы острее почувствовать эти запахи.

Воздух был чистый и прохладный. Тишину ночи нарушали лишь стук копыт да наше с Дымком дыхание. Вот пробежал мимо олень, затрещали ломающиеся ветки... и снова наступила тишина.

Чуть позднее мы проехали по узенькому, но прочному деревянному мосту, и тролли не потребовали от нас пошлины*. Дорога пошла вверх, лошадь замедлила шаг. Сквозь кружево ветвей на ясном небе сияли теперь мириады звезд. Лиственные деревья стали попадаться реже, их сменили хвойные — видно, мы поднялись довольно высоко над уровнем моря. Поднялся ветерок.

Я стал чаще останавливаться, чтобы перекусить, прислушаться и дать Дымку отдохнуть, но решил продолжать путь до восхода луны, а потом сделать привал и ехать дальше после восхода солнца.

Внезапно Фракир слегка запульсировала у меня на запястье. Конечно, чего в пути не бывает: может, мимо пробежала голодная лиса, пожалев, что она не медведь. И все же я остановился, приготовился к нападению, стараясь подавить волнение. Но ничего не случилось, предостережение не повторилось, и чуть погодя я поехал дальше.

Я вернулся к мысли, что необходимо хорошенько потрясти Люка и через него Джасру. Это еще нельзя было назвать планом, я не проработал детали, и в то же время соблазн был велик, так как в случае успеха я мог бы разом решить множество проблем... Досадно, что мне раньше не пришло в голову сделать карту для Билла Рота. Я вдруг понял, что надо поговорить с хорошим адвокатом, обсудить ряд вопросов, прежде чем приниматься за дело.

Чтобы рисовать карту, сейчас слишком темно, хотя... Нет, пожалуй, торопиться ни к чему. Мне просто хотелось побеседовать с лицом незаинтересованным.

В течение следующего часа Фракир вела себя спокойно. Мы ехали по пологому спуску; лес здесь был гуще, пахло смолистой сосной. Я размышлял о магах и цветах, о Призрачном Колесе и его проблемах, о таинственной незнакомке, которая недавно принимала облик Винты. Да, перебирая в памяти события прошедших дней, я задавал себе немало вопросов...

Когда сквозь ветви деревьев пробился лунный свет, я, проехав еще четверть часа, решил, что пора остановиться на ночлег. У следующего ручья я напоил коня и свернул с дороги, чтобы найти удобное местечко для привала. Однако подходящее место, маленькую полянку, я нашел, проехав чуть дальше в глубь леса. Я спешился, расседлал Дымка, привязал его, накрыл попоной и дал ему овса. Потом, срезав клинком траву, вырыл ямку и сложил в нее сучья для костра и пару охапок сухих листьев. Возиться со спичками было лень, и я развел огонь с помощью заклинания.

Наконец, усевшись на плащ, я снял сапоги, положил рядом шпагу, прислонился спиной к дереву, съел бутерброд с сыром, запил его водой... Мышцы тела начали расслабляться, запах костра вызывал ностальгические воспоминания... Я поджарил на углях еще один бутерброд.

И долгое время так сидел — ни о чем не думая, ощущая легкую, даже приятную усталость в руках и ногах. Я хотел собрать хвороста, но, в сущности, кому он нужен? Сейчас вовсе не холодно, просто с костром веселее.

И все же я заставил себя подняться, вошел в лес, внимательно оглядывая местность, — и вдруг замер, заметив довольно далеко от себя к северо-востоку мигающий огонек. Что это? Еще один костер? Блики лунного света на воде? Факел?

Огонек быстро исчез и больше не появлялся.

Я посмотрел по сторонам, сделал несколько шагов в том направлении, однако решил не бегать за блуждающим огоньком*, не бродить вокруг да около. И вер-

нулся к своему костру. Огонь уже угасал. Я решил дать костру догореть, поплотнее запахнул плащ и, прислушиваясь к завыванию ветра, мгновенно заснул.

Не знаю, долго ли я спал — сладко, без сновидений. Проснулся же я от отчаянной пульсации Фракир. Чуть приоткрыв глаза и стараясь стряхнуть сон, я нашарил эфес шпаги, продолжая дышать, как спящий, ровно и глубоко.

Разгулявшийся ветер раздул угли костра, они запылали янтарем. Вокруг не было ни души. Я изо всех сил напряг слух — и ничего не услышал, кроме завывания ветра и потрескивания костра.

Глупо вскакивать на ноги и занимать оборонительную позицию, не зная, с какой стороны надвигается опасность — так можно стать мишенью для врагов. Мой плащ висел на низких ветках дерева у меня за спиной, и подкрасться ко мне сзади, даже очень тихо, врагу будет трудно; стало быть, на меня вряд ли нападут с той стороны.

Я повернул голову и посмотрел на Дымка, который вел себя беспокойно. Фракир снова запульсировала на запястье, и я велел ей угомониться.

Конь прядал ушами и мотал головой, раздувая ноздри. Я обратил внимание на то, что он смотрит вправо. Потом Дымок начал двигаться в этом направлении; длинная веревка, которой он был привязан, змеей вилась позади него.

Тут я услышал какой-то звук справа. Звук мгновенно исчез, будто его и не было, но через какое-то время повторился. Трещали ломающиеся ветки.

Я оглядел окружающие деревья и кусты, решил дать возможность прятавшемуся подойти поближе и, не вызывая Логрус, приготовился к магической атаке. Судя по поведению Дымка и по звукам, которые мне удалось расслышать, я определил, что неизвестный был один. Я принял решение пустить в ход наступательные и оборонительные заклинания, в том числе и направленное против опекающего меня существа. Однако для того, чтобы выстроить в боевой порядок серьезные силы, требуется работать несколько дней в полном одиночестве. После этого их можно призвать на помощь в одну секунду и они будут действовать по моему желанию примерно в течение недели, иногда больше, иногда меньше в зависимости от вложенной энергии и магического климата каждой конкретной Тени. Проблема в том, что нужно заранее знать, когда тебе понадобится подмога. Конечно, хороший чародей в любое время должен иметь при себе заготовленные заклинания — одно для атаки, одно для защиты и одно для бегства. Но я ленив, кроме того, не люблю слишком легких путей, да и не требовалось мне до последнего времени ничего подобного. А в последние дни я был ужасно занят.

Для того чтобы вызвать Логрус, нужно затратить много физических сил. Пусть этот неизвестный подойдет поближе, вот и все; его встретят холодная сталь и моя ленточка-удавка.

Вот он совсем рядом... Слегка зашуршали иголки сосенок... Сделай еще несколько шагов, подойди поближе, враг.

Он остановился. До меня доносилось его ровное глубокое дыхание.

— Ты уже понял, что я здесь, маг, — послышался шепот, — у каждого из нас есть любимые фокусы, и мне известны твои.

— Кто ты? — спросил я и, сжав шпагу, прокатился по земле в темноту к углублению между корнями, причем острие моего клинка прочертило небольшой круг.

— Я — твой враг, — был ответ, — которого ты не ждал.

IX

Сила.

Хорошо помню тот день: я стоял на скалистой возвышенности, а Фиона в бледно-лиловом платье с серебряным поясом — чуть выше, справа от меня. Держа в правой руке серебряное зеркало, она смотрела вниз, где окутанное легкой дымкой возвышалось огромное дерево. Вокруг царила такая тишина, что слышно было даже наше дыхание. Верхушку дерева скрывал густой туман, позади его ствола тоже стеной стоял плотный туман и благодаря просачивающемуся сверху свету дерево четко вырисовывалось на его фоне. По земле вблизи корней дерева змеилась ярко светящаяся линия, исчезавшая в тумане. А далеко слева от меня светилась с такой же силой, возникая из тумана и исчезая в нем, короткая дугообразная черта.

— В чем дело, Фиона? — спросил я. — Зачем ты меня сюда привела?

— Ты слышал про это место; я хотела, чтобы ты увидел его.

Я покачал головой:

— Никогда не слышал о нем. Понятия не имею, что это такое.

— Иди за мной, — предложила она и начала спускаться по камням.

Мы остановились неподалеку от удивительного дерева. В нем было что-то знакомое, но что именно, я припомнить не мог.

— Ты слышал о нем от своего отца, — сказала Фиона, помедлив. — Корвин часами рассказывал тебе историю своей жизни; не может быть, чтобы он опустил столь важную ее часть.

Что-то стало смутно вырисовываться в моей памяти.

— Это дерево... — произнес я.

— В ознаменование строительства нового Огненного Пути Корвин воткнул здесь свой посох. Он оказался живым и пустил корни.

Мне показалось, что земля слегка дрожит.

Фиона повернулась спиной к дереву и подняла зеркало так, что могла видеть отражение дерева поверх правого плеча.

— Да, так оно и есть, — промолвила она после небольшой паузы, затем протянула мне зеркало. — Погляди в него так же, как смотрела я.

Я взял зеркало и повторил ее действия.

Вид, открывшийся в зеркале, был вовсе не похож на тот, что я наблюдал невооруженным глазом. Теперь я отчетливо видел сквозь туман. Светящаяся линия извивалась по земле, образуя сложный узор, но дальше она исчезала в толще тумана; там видны были лишь горевшие как звезды огоньки.

— На Огненный Путь Амбера не похоже, — заметил я.

— Верно, — кивнула Фиона. — А на Логрус?

— Нет, Логрус постоянно меняется. Он более угловатый, а в этом Пути округлые изгибы и повороты.

Несколько секунд я продолжал смотреть, потом вернул зеркало тете.

— Любопытное зеркало, — сказал я.

— Все гораздо сложнее, чем ты думаешь, — заявила Фиона. — Дело здесь не только в тумане. Погляди-ка!

Она подошла к началу Пути возле большого дерева и попыталась поставить ногу на огненную линию. Но не успела она дотронуться до нее, как раздался треск электрического разряда и в подошву туфли Фионы ударила искра.

— Он не пускает меня, я не могу поставить на него ногу. Попробуй ты.

Во взгляде тетушки я прочел нечто такое, что мне не понравилось.

— Почему твое зеркало не может проникнуть в самый центр Пути?

— В глубине сопротивление становится сильнее, — ответила она, — но почему — это мне не известно.

Помедлив, я спросил:

— А кто-нибудь, кроме тебя, пытался пройти этим Путем?

— Я приводила сюда Блейза. Путь не принял и его.

— Значит, кроме тебя, только Блейз побывал здесь?

— Нет, Рэндома я тоже приводила. Но он отказался попробовать. Сказал, что пока не хочет.

— Может, из осторожности... А был ли тогда при нем Камень Жребия?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Да так, из любопытства.

— Попробуй ты. Может, у тебя получится?

— Ладно.

Я поднял правую ногу и стал осторожно опускать ее на огненную линию. Примерно в футе от нее нога остановилась.

— Что-то мешает мне наступить на нее, — сказал я.

— Странно, электрической вспышки на этот раз не было.

— Слабое утешение, — усмехнулся я и попытался опустить ногу хоть на несколько дюймов ниже, но в конце концов, вздохнув, признался: — Ничего у меня не получается, Фи!

Она разочарованно посмотрела на меня:

— А я-то надеялась, что кто-нибудь, кроме Корвина, может пройти по нему. Уж, казалось, прежде всего это должно быть доступно его сыну.

— А почему так важно, чтобы кто-нибудь мог пройти по нему? Только потому, что Путь здесь есть?

— Потому что он представляет собой опасность. Его непременно нужно изучить.

— Опасность? Какую?

— Амбер и Хаос — два полюса обитания, по крайней мере по нашему представлению. В них есть Огненный Путь и Логрус. Веками между ними существовало своего рода равновесие. А теперь, я полагаю, незаконнорожденный Путь твоего отца это равновесие нарушает.

— Каким образом?

— Между Янтарным королевством и Дворами Хаоса всегда существовал энергетический обмен. Похоже, что новый путь — помеха для этой связи.

— Скорее лишний кубик льда в бокале, — возразил я. — Думаю, со временем все образуется.

Фиона покачала головой:

— Ошибаешься. Помехи усиливаются. Теневые бури учащаются. Они рвут саму материю Теней, влияют на характер реальности.

— Не сходится, — возразил я. — Помимо этого Пути, существуют более серьезные факторы. Изначальный Огненный Путь в Амбере был поврежден, и Оберон его восстановил. Волна Хаоса обрушилась на Тени. Но Путь выдержал, и все вернулось в свою колею. Я склонен думать, что частые Теневые бури — последствия тех событий.

— Веский аргумент, — согласилась Фиона. — Но вдруг ты все же ошибаешься?

— Вряд ли.

— Мерль, в этом Пути сосредоточена какая-то сила, огромная сила!

— Не сомневаюсь.

— Нас всегда привлекала сила, мы пытались понять ее, овладеть ею. Потому что в один прекрасный день она может стать для нас угрозой. Говорил ли тебе Корвин, что это за сила и как мы можем взять ее под контроль?

— Нет, — ответил я, — ничего, кроме того, что он создал ее второпях, желая заменить старую. Отец боялся, что Оберон не сумеет починить старый Огненный Путь.

— Если бы мы могли найти его!

— До сих пор никаких известий?

— Дроппа уверяет, что видел Корвина на теневой Земле, которую вы оба так любите. Он сказал, что тот был в обществе красивой женщины, они потягивали вино и слушали музыку. Дроппа приветственно помахал рукой и стал пробираться к ним сквозь толпу. Ему показалось, что Корвин заметил его. Но когда он подошел к их столику, они уже исчезли.

— И это все?

— Все.

— Негусто.

— Знаю. И только один Корвин может пройти по этому проклятому Пути!.. Если Путь в самом деле опасен, когда-нибудь случится беда.

— Похоже, ты у нас паникерша, тетушка!

— Надеюсь, ты прав, Мерль... Идем, пора домой.

Я еще раз внимательно огляделся, стараясь запомнить все детали и ощущения — я хотел нарисовать карту, чтобы попасть сюда. Я ведь уклонился от истины — на самом деле, опуская ногу на огненную линию, никакого сопротивления я не испытывал. Но стоит ступить на Огненный Путь или внутрь Логруса, обратной дороги не будет. Надо идти до конца — или будешь уничтожен. А при всей моей любви к таинственному переменка заканчивалась, пора было возвращаться на занятия.

Сила.

Мы охотились на зинда в лесу Черной зоны — района Тени, ведущего торговлю с Хаосом. Вообще-то я не люблю охоту, мне не по душе убивать без нужды живые существа. Зинд — рогатый черный коротконогий хищник, коварный и свирепый. Но охоту затеял Джарт, и, так как это, пожалуй, был единственный шанс помириться с братом перед моим отъездом, я согласился принять в ней участие. Никто из нас не отличался особой меткостью, а зинд ловок и быстроног. Я решил, что, даже если нам не повезет и мы не подстрелим ни одного зинда, у нас будет повод поговорить и к концу охоты наши отношения улучшатся.

Во время охоты, когда мы, потеряв след, сели отдохнуть, завязался разговор об искусстве стрельбы из арбалета, о придворных интригах, о Тенях и о погоде. В последнее время Джарт был со мной весьма вежлив, и я посчитал это добрым знаком. Его отрубленное левое ухо закрывали длинные волосы. Уши восстанавливать очень трудно. Мы не вспоминали ни ту злополучную дуэль, ни ее причину. Пути наши должны были скоро разойтись навсегда, и, как мне казалось, брат желал завершить эту главу своей жизни по-дружески, чтобы мы оба вспоминали наши встречи с теплым чувством. Но я был прав лишь наполовину.

Позднее, когда мы остановились, чтобы перекусить, он спросил меня:

— Ну, и каково ее ощущать?

— Что ощущать?

— Силу, — ответил он, — силу Логруса: повелевать Тенями, распоряжаться магией на порядок выше обычного...

Мне не хотелось вдаваться в подробности. Я знал, что он трижды пытался пройти Логрус и каждый раз, заглянув внутрь, отказывался от этой идеи. Быть может, его останавливали воспоминания об ошибках Сухая. Думаю, Джарт не подозревал, что мне известно о его последних двух попытках. Я решил сделать вид, будто ничего не знаю.

— Да ничего особого и не чувствуется. По крайней мере, до тех пор, пока не прибегаешь к помощи этой силы. А ощущение, которое испытываешь в тот момент, объяснить трудно.

— Я сам собираюсь скоро пройти Логрус, — признался он. — Хочется побродить по Теням, может, даже найти где-нибудь королевство для себя. Не можешь ли ты мне что-нибудь посоветовать?

Я кивнул:

— Не оглядывайся, не останавливайся, чтобы поразмыслить, продолжай идти вперед.

Джарт засмеялся:

— Похоже на приказ.

— Думаю, сходство есть.

Он снова засмеялся.

— Идем, подстрелим зинда!

След хищника уводил в густую чащу, где землю устилали сломанные ветки. Мы слышали, как они хрустят под ногами зинда, как он мчится, ломая кусты, но увидеть его нам так и не удалось. Я шел впереди, и вдруг Фракир крепко сжала мое запястье, потом раскрутилась и упала на землю.

Я наклонился, чтобы поднять ее, и в тот же миг услышал свист над головой. В ствол дерева передо мной вонзилась стрела — на такой высоте, что, если бы я не нагнулся, она вошла бы мне в спину.

Я резко повернулся к Джарту — он прилаживал другую стрелу.

— Не оглядывайся! Не останавливайся, чтобы поразмыслить! Продолжай идти! — воскликнул он и захохотал.

Я нырнул по направлению к нему как раз в тот момент, когда он поднял свое оружие. Более опытный стрелок убил бы меня. Увидев, что я метнулся навстречу, брат в панике пустил стрелу наугад, и она лишь задела мой кожаный жилет, не причинив особого вреда.

Я ударил его под колени, и он упал, потом выхватил свой охотничий нож и взмахнул им, словно хотел перерезать мне горло. Я схватил левой рукой запястье Джарта, он рывком отбросил меня назад. Тогда я правой ударил его в лицо, продолжая удерживать руку с зажатым в ней ножом, а он ударил меня коленом в пах.

Я повернулся на бок, чтобы не дать противнику снова нанести мне удар в пах, и откатился в сторону, выигрывая секунду передышки. Брат же откатился в другую...

И тут раздался его отчаянный вопль.

Я встал на колени и увидел, что Джарт лежит на левом боку, а нож валяется на земле среди опавших листьев в нескольких дюймах от него. Он держался за лицо обеими руками и выл по-звериному.

Я осторожно приблизился. Фракир напряглась, готовая обвить горло противника, если он опять выкинет какой-нибудь финт.

Но он лишь продолжал выть. Подойдя ближе, я увидел, что валявшийся на земле сучок воткнулся ему в глаз. По его щеке и по носу текла кровь.

— Не дергайся, будет только хуже! — крикнул я. — Дай я вытащу его из глаза.

— Не трогай меня своими погаными руками! — выкрикнул Джарт.

Сжав зубы, он со страшной гримасой схватил сучок и отдернул голову назад. Я отвел взгляд.

Мгновение спустя брат жалобно захныкал — а потом потерял сознание. Я разорвал рукав своей рубашки на полосы, свернул одну полоску в тампон и приложил его к раненому глазу, а из другой полоски сделал повязку.

Фракир вернулась ко мне на запястье.

Потом я достал карту, которая доставит нас домой, и сжал ее в руке. Да, боюсь, матушке вся эта история придется не по нраву.

Сила.

Это было в субботу. С утра мы с Люком полетали на дельтапланах, затем пригласили Джулию и Гейл на ленч, после чего взяли по коктейлю и на несколько часов вышли в море. Ужинали в гриль-баре на берегу. Пока нам готовили мясо, мы с Люком занялись армрестлингом, условившись, что проигравший платит за напитки. В результате Люк прижал мою руку к столу. Пришлось мне покупать на всех пива.

Кто-то за соседним столом сказал:

— Если бы у меня был миллион долларов, свободный от налогов, я бы...

Джулия засмеялась.

— Чему ты смеешься? — спросил я.

— Неслабое у него желание, — ответила она. — А вот я хотела бы шкаф, битком набитый модными платьями, и драгоценности к ним. И чтобы шкаф этот стоял в красивом доме в престижном районе, где я была бы важной персоной...

Люк улыбнулся:

— Так, от денег к власти...

— Может, ты и прав, — согласилась она, — а какая, собственно говоря, разница?

— На деньги покупают вещи, — ответил Люк, — а власть не только дает деньги и вещи, но и делает историю. Так что, если у тебя есть выбор, выбирай власть.

Привычная слабая улыбка исчезла с лица Гейл, глаза ее стали серьезными.

— Разве власть — самоцель?

Джулия засмеялась:

— Что плохого в том, чтобы иметь немного власти? По-моему, это довольно приятно.

— Пока ты не получаешь много власти, — заметил Люк.

— Тогда и мыслить придется масштабно, — сказала Джулия.

— Не согласна, — заявила Гейл. — Для человека прежде всего долг.

Люк внимательно посмотрел на нее и кивнул.

— Ох, давайте оставим этику в покое, — протянула Джулия.

— Нет, не оставим, — отрезал Люк.

— Я не согласна с тобой.

Люк пожал плечами.

— Она права, — внезапно промолвила Гейл. — Я не считаю, что долг и мораль — одно и то же.

— Когда у тебя есть долг, — сказал Люк, — есть определенные обязанности — к примеру дело чести, это и должно стать твоей этикой.

Джулия взглянула на Люка, потом на Гейл.

— Выходит, мы пришли к единому мнению?

— Нет, — покачал головой Люк, — не думаю.

Гейл пригубила бокал.

— Ты говоришь о личном кодексе чести, как ты его понимаешь; это не имеет ничего общего с общепринятыми, расхожими представлениями о морали.

— Верно, — согласился Люк.

— Тогда это не мораль в чистом виде, а только долг, — возразила она.

— Но долг и есть мораль, — настаивал Люк.

— Мораль есть ценность цивилизации, — сказала Гейл.

— Понятие «цивилизация» условно, это искусство жить в больших городах.

— Ну хорошо, тогда — культурная ценность, — кивнула Гейл.

— Культурные ценности — также вещь относительная, — улыбнулся Люк. — Мои, например, подтверждают мою правоту.

— А откуда они взялись, твои ценности? — поинтересовалась Гейл, внимательно глядя на него.

— Давай придерживаться чисто философских категорий, — предложил он.

— Тогда, может, вернемся к долгу?

— А куда подевалась власть? — спросила Джулия.

— Да здесь она где-то, — улыбнулся я.

Гейл сидела с озадаченным видом, будто в нашей дискуссии возникло что-то новое, способное дать мысли иной поворот.

— Если долг и мораль — две разные вещи, — медленно произнесла она, — какой из них вы отдадите предпочтение?

— Никакой, потому что это одно и то же, — ответил Люк.

— Я так не думаю, — вмешалась Джулия. — У тебя получается, что долг — это что-то очень конкретное, а что нравственно, что нет — ты решаешь сам. Если бы мне пришлось выбирать, я выбрала бы мораль.

— Что до меня, так я предпочитаю конкретные вещи, — сказала Гейл.

Люк допил пиво и слегка рыгнул.

— Чушь все это! Хватит вам философствовать, уик-энд не для того. Давай-ка лучше попробуем еще разок, Мерль!..

Я поставил левый локоть на стол и раскрыл ладонь. Мы начали меряться силой, напряжение возрастало.

— Я прав, не так ли? — процедил он сквозь сжатые зубы.

— Да, ты прав, — ответил я и прижал его руку к столу.

Сила.

Я вынул корреспонденцию из почтового ящика и отнес ее наверх в свою квартиру. Там было два счета, несколько рекламных писем и пухлая бандероль без обратного адреса.

Я запер за собой дверь, сунул ключи в карман, швырнул кейс на стул и собирался сесть на диван, когда в кухне зазвонил телефон.

Бросив почту на кофейный столик, я пошел на кухню. И тут у меня за спиной рванул взрыв. Я машинально нырнул вперед, ударившись головой о ножку кухонного стола, и в общем-то не пострадал. Тем временем телефон смолк. Я уже тогда знал, что есть более простые способы избавляться от ненужной почты, но долго еще ломал голову над тем, кто же мне звонил.

Иногда я вспоминаю про первую попытку: грузовик, мчавшийся прямо на меня. Перед тем как отпрянуть в сторону, я успел взглянуть на лицо шофера — ничего не выражающее, застывшее, мертвое, словно он был загипнотизирован, одурел от наркотиков или спятил. А еще вспоминается ночь, когда на меня напали грабители. Они набросились на меня, не говоря ни слова. Я отбился от них и пошел прочь. Уходя, я оглянулся и увидел мельком темную фигуру, скользнувшую в дверь дома напротив. Посторонний наблюдатель или один из нападавших, которому посчастливилось улизнуть? Я был встревожен. Если бы я вернулся, а этот человек оказался бы всего лишь случайным прохожим, он мог бы стать свидетелем, способным описать меня полиции. Да, разумеется, мои действия вполне укладывались в рамки самообороны, но кому нужна лишняя шумиха? И я, послав мысленно его ко всем чертям, зашагал дальше. Вот вам еще один случай из серии тридцатых апреля.

Затем день ружья. Я быстро шел по улице, как вдруг прогремели два выстрела. Стрелявший промазал, но я осознал, что происходит, лишь когда на меня посыпались обломки кирпича здания слева от меня. Третьего выстрела не последовало, но из дома на противоположной стороне улицы послышался глухой стук и звон разбитого стекла. Одно окно на третьем этаже было широко распахнуто.

Я поспешил туда. Старый жилой дом, входная дверь его оказалась запертой, но мне было не до соблюдения этикета, и я взбежал по лестнице на третий этаж. Нашел, как мне показалось, нужную квартиру и решил для разнообразия попробовать открыть ее старым добрым способом: просто повернул ручку и толкнул. К моему удивлению, получилось, дверь была не заперта.

Еще с порога я увидел, что квартира пуста, что в ней даже нет мебели. По-видимому, никто здесь не жил. Может, я ошибся, не туда вошел? Однако, заметив широко раскрытое окно и лежавший на полу предмет, я вошел и закрыл за собой дверь.

В углу лежало сломанное ружье. Оглядев приклад, я понял, что его с силой швырнули; ударившись о радиатор, оно отскочило в угол. Потом я заметил на полу кое-что еще, влажное и красное, всего несколько капель.

Я быстро осмотрел небольшую квартиру. Окно в спальне было тоже открыто, и мимо него тянулась пожарная лестница. Я решил, что мне следует воспользоваться ею и удалиться. На черном металле также обнаружилось несколько капель крови. Внизу, на улице, никого не было видно.

Сила.

Чтобы убивать. Чтобы оберегать.

Люк? Джасра? Гейл? Кто из них замешан?

Я вспомнил, что в то утро, когда оказалась открытой газовая горелка, мне тоже звонили. Желая предупредить меня об опасности?

Каждый раз, обдумывая эти события, я воспринимал их по-разному. Каждый раз обнаруживал новые моменты. Если верить Люку и псевдо-Винте, эпизоды последних тридцатых апреля не представляли для меня опасности. Но, по моему мнению, каждый раз мне грозила смерть. И кого я должен был винить? Преступника? Или избавителя, *спасавшего меня в последнюю секунду? Кто же этот та*инственный убийца и кто избавитель?

Помню странную историю, приключившуюся с моим отцом, злополучную автомобильную катастрофу, как в фильме «Прошлым летом в Мариенбаде», хотя тот случай объяснялся значительно проще, чем мои злоключения. По крайней мере, отец знал, что надо было делать. Неужели мне в наследство досталось фамильное проклятие — один заговор за другим?

Сила.

Я вспомнил последний урок дяди Сухая. Когда я закончил обучение Логрусу, он стал заниматься со мной дополнительно. Пришло время, и я решил, что овладел Искусством полностью, оставалось лишь оттачивать мастерство. Я начал готовиться к путешествию на теневую *Землю. И тут в одно прекрасное утро Сухай* послал за мной. Я подумал, что он хочет попрощаться и дать напоследок парочку добрых советов.

К тому времени он уже поседел, сгорбился и иногда даже ходил с палкой. На нем была желтая блуза — скорее рабочая одежда, чем выходная.

— Ты готов совершить небольшое путешествие? — спросил он.

— Вообще-то я собираюсь отправиться в большое путешествие, — ответил я. — И почти готов к отъезду.

— Нет, я имею в виду кое-какую прогулку.

— Прямо сейчас?

— Идем, — приказал он.

Я отправился за ним, и Тени расступились перед нами. Мы пронеслись сквозь сумрак и холод и опустились там, где не было никаких признаков жизни. Вокруг высились голые темные скалы, освещенные холодным тусклым светом древнего солнца. Я огляделся и вздрогнул.

Я ждал долго, не понимая, зачем дядюшка привел меня сюда, а он продолжал молчать, созерцая мрачный ландшафт.

— Я показал тебе дороги Теней, — медленно произнес Сухай наконец, — и научил Искусству заклинаний!

Я не ответил, да его слова и не требовали ответа.

— Итак, ты теперь знаешь кое-что о путях Силы и Могущества, — продолжал он. — Ты получил эти знания, овладев символом Хаоса — Логрусом, и они тебе пригодятся.

Дядя посмотрел на меня пытливо, и я ответил ему кивком.

— Знаю. Те, кто прошел по Огненному Пути, символу Порядка, в состоянии сделать то же самое, а быть может, и большее, — продолжал он, — хотя точно мне это не известно, потому что я не принадлежу к их числу. Сомневаюсь, что человек способен выдержать груз познания обеих этих структур. Ведь Огненный Путь излучает силу, диаметрально противоположную нашей.

— Понимаю, — сказал я, видя, что он ожидает моего ответа.

— Однако у тебя есть способность, которой лишены обитатели Амбера. Смотри!

Последнее слово не означало, что я должен просто наблюдать за его действиями. Он хотел, чтобы я вызвал силы Логруса и следил за происходящим на более глубоком уровне. Так я и сделал.

Сухай прислонил свой посох к камню и вытянул вперед обе руки. Затем удлинил их, соединил костлявые пальцы и дотронулся до лежащего поодаль на склоне валуна.

— Теперь ты тоже входи в Логрус, — приказал он мне, — но ничего не предпринимай. Просто смотри на то, что я делаю. Не вздумай вмешиваться!

— Хорошо, — ответил я.

Я ввел руки в свой образ и после некоторых усилий нащупал гармонию.

— Молодец, — похвалил меня дядя. — Тебе остается только внимательно наблюдать.

Я чувствовал, как пульсируют мои руки, но к тому, что последовало за этим, все же оказался не готов.

Возникший передо мной облик Логруса вдруг потемнел и превратился в огромную чернильную кляксу. Меня охватило ошеломляющее ощущение разрушительной силы, угрожающей раздавить меня, перенести в блаженное небытие Хаоса. Какая-то часть моего «я» жаждала этого, в то время как остальная часть с немым воплем молила о покое. Но Сухай продолжал контролировать феномен, и я лишь наблюдал за его действиями.

Валун слился с огромной кляксой и исчез. При этом не было никакого взрыва, лишь ощущение ледяного ветра и какофония звуков. Затем дядя медленно развел руки в стороны, и темно-лиловое пятно разделилось, поползло в противоположные стороны хаоса, оставляя за собой кипящий черный шлейф, в котором различалось несоединимое — небытие и деяние.

Вдруг дядюшка застыл, остановив движение пятна, и несколько мгновений мы стояли молча. Потом он произнес:

— Я мог бы просто отпустить — или задать некое направление и толкнуть.

— А что будет дальше? Оно поплывет дальше и разрушит всю Тень?

— Нет, — ответил Сухай, — есть ограничивающие факторы. По мере разрастания Хаоса Порядок начинает оказывать ему сопротивление. И наступает момент равновесия.

— А если бы ты вложил больше энергии?

— Действуя неосторожно, можно причинить большой вред.

— А если мы соединим наши усилия?

— То причиним еще больший вред. Но я хотел научить тебя не этому. Теперь я буду безучастным, а ты контролируй ситуацию.

Итак, я взял на себя Логрус и соединил линию разрыва в гигантское кольцо, будто начертал темный ров с водой.

— Теперь изгони это, — велел Сухай.

Я повиновался, но ветер продолжал бушевать, грохот не стихал, и я не мог ничего различить. Казалось, со всех сторон на нас медленно надвигалась темная стена.

— Совершенно очевидно, что баланс еще не достигнут, — сказал я.

Дядюшка усмехнулся:

— Ты прав. Ты превысил критическую дозу, и ситуация вышла из-под контроля.

— И какое время потребуется природным ограничениям, о которых ты говорил, чтобы восстановить равновесие?

— Это произойдет после того, как все вокруг будет полностью уничтожено, включая место, где мы стоим.

— Интересно. И какова же критическая масса?

— Я покажу ее тебе. Но сначала нам следует найти другое место. То, где мы стоим, прекратит свое существование. Дай руку.

Я подал ему руку, и Сухай перенес меня в другую Тень. Здесь он предоставил мне самому вызвать силы Хаоса и привести их в действие и лишь наблюдал за мной. На этот раз я не дал им выйти из-под контроля.

Когда я закончил эксперимент и стоял, потрясенный, уставясь на созданный мною кратер, дядя положил руку мне на плечо и произнес:

— Теоретически ты знал, что за твоими заклинаниями стоит абсолютная сила. Сила Хаоса. Работать с ней крайне опасно. И все же, как ты видел, ее можно контролировать. На этом мы закончим. *Твое обучение завершено.*

Впечатление было не просто мощное; *оно наводило ужас, словно я, практикуясь в стендовой стрельбе, использовал ядерные ракеты. По правде говоря, я* даже представить не мог обстоятельств, которые принудили бы меня обратиться к абсолютной силе Хаоса — до встречи с Виктором Мелманом.

Сила — во всех ее видах, вариациях, размерах и формах — всегда привлекала меня. Она занимает в моей жизни столь большое место, что стала мне близка и дорога, хотя я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу понять ее до конца.

X

— Пора, — сказал я тому, кто скрывался в темноте.

В ответ мне раздался дикий рев.

«Что это за зверь?» — подумал я и решил, что сейчас последует атака.

Однако ничего подобного не случилось. Рев замер, его шепот:

— Трепещи!

— Сам трепещи, — ответил я, — пока жив.

Послышалось тяжелое дыхание. За моей спиной заплясало пламя костра. Дымок приблизился ко мне, насколько позволяла привязь.

— Я мог убить тебя, пока ты спал, — медленно произнес мой противник.

— И дурак, что не убил, — ответил я. — Еще пожалеешь об этом.

— Хочу взглянуть тебе в лицо, Мерль, — прошипело нечто, притаившееся в кустах. — Хочу прочесть в твоих глазах растерянность и страх. Хочу видеть, как ты дрожишь, прежде чем увижу твою кровь.

— Стало быть, у тебя ко мне претензии личного характера, а не делового, — усмехнулся я.

В ответ послышался странный звук, который чудище, очевидно, считало смехом.

— Делай что угодно, маг! Призывай Логрус, концентрируй внимание... Ничего у тебя не выйдет! Я сразу узнаю это и разорву тебя на части, прежде чем ты успеешь опомниться.

— С твоей стороны очень любезно меня предупредить.

— Я хочу лишь, чтобы ты не делал глупостей. Кстати, та штука, что обвила твое левое запястье, тебе тоже не поможет.

— У тебя неплохое зрение.

— Достаточно хорошее, чтобы видеть тебя насквозь.

— Может, объяснишь, в чем дело? Чего ты добиваешься? Мстишь? За что?

— Я просто-напросто жду, когда ты на радость мне сломаешься и сделаешь неосторожный шаг, попробуешь выкинуть какой-нибудь финт. Магических способностей я тебя уже лишил, остались одни физические, так что ты обречен.

— Ну что ж, давай, жди.

В кустах послышался треск веток; похоже, враг шел вперед, но кто это был, я пока рассмотреть не мог. Я сделал шаг влево, чтобы пламя костра осветило тьму. Внезапно в костре что-то вспыхнуло. Яркий свет отразился в единственном желтом глазу моего врага.

Я опустил клинок, наведя его на противника. Черт возьми! Любое живое существо бережет свои глаза!

— Банзай! — крикнул я и рванулся вперед.

Судя по всему, беседа наша закончилась, настало время действий. Чудище молниеносно ринулось на меня — огромный черный корноухий волк. Он увернулся от моего выпада и разинул пасть, чтобы вцепиться мне в горло.

Я автоматически сунул ему в пасть локоть левой руки, а правой что было силы заехал эфесом шпаги по голове. Сокрушительный удар заставил чудище несколько разжать челюсти, но он не выпустил мою руку, прокусил рубашку и вцепился в мясо, потом, мотнув головой, свалил меня на землю. Я упал на бок и шарахнул еще раз эфесом шпаги по черепу зверюги. И тут удача наконец улыбнулась мне. Я понял, что мы упали рядом с костром и подкатываемся все ближе и ближе к нему. Я бросил оружие и стал нашаривать горло волка. Оно было невероятно мускулистое, и задушить чудище мне не удалось. Впрочем, у меня были другие намерения.

Нащупав на горле зверя нужное место, я нажал на него изо всех сил, потом пнул врага ногами, и он с ревом сунулся головой в костер.

В течение нескольких мгновений ситуация не менялась. Струйка крови из моего предплечья стекала ему в пасть. Хватка его зубов не ослабевала.

Однако чуть погодя чудище выпустило мою руку, потому что шерсть у него на шее и голове загорелась, и оно попыталось вытащить голову из огня.

Волк высвободился, отшвырнул меня и издал душераздирающий вой. Я рывком поднялся на колени и вскинул руки, но враг не бросился на меня вторично, а пустился наутек в направлении, противоположном тому, откуда я пришел, и скрылся в лесу.

Я схватил шпагу и помчался за ним, не успев даже натянуть сапоги, — лишь чуть изменил форму ступней, чтобы не больно было бежать по каменистой земле, усыпанной хвойными иглами. Я терял врага из виду: шерсть у него на голове продолжала дымиться, к тому же он, не смолкая, выл. Как ни странно, эти звуки все больше походили на человеческий вопль и все меньше — на волчий вой. Удивляло и то, что зверь бежал теперь медленнее, чем можно было от него ожидать.

Я слышал, как он на ходу ломает кусты и натыкается на деревья, причем, как мне показалось, чертыхается совсем как человек. Я уже почти нагнал его.

И вдруг я понял, куда бежит враг. Я снова увидел тот бледный свет — теперь он сиял все ярче по мере нашего приближения. Прямоугольной формы, примерно восемь или девять футов в высоту и футов пять в ширину. Я перестал преследовать зверя по звуку и устремился к световому прямоугольнику. Волк бежал именно туда, и я решил опередить его.

Я мчался изо всех сил. Волк был слева от меня. Его шерсть уже не дымилась, но он все еще не переставая то выл, то тявкал. Свет впереди становился все ярче. Теперь я видел, что творится внутри прямоугольника, мог разглядеть какие-то очертания: склон холма, низкое каменное здание наверху, узкую дорожку, ведущую к дому, каменные ступени... И все это как бы вписывалось в прямоугольную рамку, словно картина, которая вначале вырисовывается смутно, но с каждым шагом становится видна все отчетливее. Там, в рамке, был облачный день, а сам прямоугольник стоял метрах в двадцати от меня, посреди небольшой поляны.

Зверь уже выскочил на поляну, и я понял, что мне не успеть туда вовремя, не успеть схватить тот предмет, который наверняка лежит где-то поблизости. Но, может быть, еще есть шанс задержать оборотня...

Но, оказавшись на поляне, зверь только прибавил скорости. Я крикнул, чтобы отвлечь его внимание... Бесполезно. Мой финишный рывок тоже оказался слабоват. И тут я увидел плоский прямоугольный предмет — то, что искал... Зверь наклонил голову и на бегу схватил его зубами, даже не сбившись с ноги.

Он бросился вперед, а я отшвырнул клинок, рухнул наземь и покатился в сторону.

Произошел беззвучный взрыв, и несколько взрывных волн одна за другой накатились на меня. Я лежал, чертыхаясь, до тех пор, пока все не замерло, потом встал и поднял шпагу.

Снова вокруг царила тихая ночь. Небо усеивали звезды. Ветер шевелил ветки сосен. Не было нужды оборачиваться, но я это сделал и убедился, что ворота в иной мир бесследно исчезли.

Я пошел назад к своей стоянке, похлопал Дымка, стараясь успокоить его, надел сапоги и плащ, засыпал землей кострище и вывел коня на дорогу.

Час спустя, еще немного приблизившись к Амберу, я снова разбил лагерь, и с неба на нас смотрела бледная луна.

Остаток ночи прошел спокойно. Разбудили меня яркий утренний свет и пение птиц в кронах сосен. Я накормил Дымка, наскоро перекусил сам, кое-как привел себя в порядок и через полчаса тронулся в путь.

Утро выдалось прохладное, небо надо мной сияло голубизной, хотя где-то далеко слева ползли рваные облака. Я не спешил и не стал прибегать к помощи карты, потому что хотел посмотреть на окрестности Амбера, побыть в одиночестве и подумать.

Пока Джасра в плену, Люк еще не оправился от ран, а Призрачное Колесо занято своими делами, ни Амберу, ни мне большая беда вроде бы не грозит. Похоже, разгадка приближается: осталось отработать лишь несколько деталей, и я смогу один на один разобраться с Люком и Джасрой. Что касается Призрака, то недавний разговор с ним показался мне обнадеживающим.

Я решил, что все это пустяки и со всем этим я запросто справлюсь в свое время. Разделаться с дешевым колдуном Шару Гаррулом — тоже не слишком большая проблема. Дуэль с ним меня не пугала; не понятно только, почему его вообще так интересует моя персона.

Открытым оставался вопрос с существом, которое на время приняло облик Винты. Не думаю, что оно представляет для меня угрозу, но загадка эта не дает мне покоя. К тому же эта леди каким-то образом связана с моей безопасностью; по крайней мере она так утверждает. С этим мне тоже предстоит разобраться.

Меня беспокоило предложение Люка сообщить мне нечто жизненно важное для Амбера после того, как мы освободим Джасру. Я верил ему и знал, что он сдержит слово. Однако у меня было подозрение, что информация поступит поздно, когда она уже ничем Амберу не поможет. Разумеется, всего лишь подозрение... Я терялся в догадках, насколько будет достоверна эта информация и чего именно она касается. Может, психологической войны? Я знал, что Люк — человек тонкий, несмотря на свою грубоватую внешность. Я это понял не сразу, только когда хорошенько узнал его.

Что же касается голубых камней, на данный момент, похоже, я могу забыть о них, главное избавиться от контакта — лишняя предосторожность не помешает.

Ночная история с волком представлялась мне куда серьезнее всего остального.

Совершенно очевидно, что зверь был необычный; намерения его тоже таинственными не назовешь. Однако многое в этой истории оставалось для меня загадкой. Кто он или что оно? Хозяин или слуга? Если слуга, то кто послал его? И в конце концов самый важный вопрос — почему?

Неуклюжесть этого существа наводила на мысль, что это скорее изменивший обличье человек, оборотень, чем волк, которого некая магическая сила наделила даром речи. Как правило, люди, мечтающие превратиться в злобное животное и

перегрызть кому-то горло, изуродовать, разорвать на куски, не удосуживаются продумать все детали. Если ты вдруг становишься четвероногим с совершенно иным центром тяжести и непривычным сенсорным восприятием, то вряд ли продемонстрируешь грациозность. К тому же ты гораздо более уязвим, чем можно подумать, глядя со стороны. И, разумеется, ты не столь грозен и опасен, как настоящий зверь, с его звериным жизненным опытом. Нет, подобное превращение подразумевает скорее тактику запугивания.

Именно неестественность в поведении зверя, когда он появился и когда удрал, бросила меня в дрожь. Он воспользовался Вратами карты, что сделать достаточно трудно; к такому способу прибегают только в крайнем случае. Это молниеносный и эффектный прием, позволяющий вступить в контакт с картой на большом расстоянии. Для создания и поддержки такого прохода в течение некоторого времени требуется огромное количество энергии. Чрезвычайно энергоемкий процесс за пятнадцать минут способен истощить все ваши ресурсы. Тем не менее я столкнулся именно с таким явлением. Меня беспокоила даже не столько причина, побудившая кого-то пойти на чудовищную трату энергии, сколько сам факт. Потому что такое под силу лишь настоящему адепту; человеку, просто нашедшему колоду, такого никогда не суметь.

Стало быть, круг подозреваемых значительно сужается...

Я попытался представить себе оборотня. Сначала ему нужно было засечь меня... Да, понятно! Я вспомнил мертвых собак в рощице у Арбор-Хауз и огромные следы, похожие на собачьи. Это чудище выследило меня еще раньше, увязалось за мной вчера вечером и решило напасть, когда я остановился на ночлег. Оно улизнуло, или ему помогли улизнуть через Врата карты. Выходит, оно явилось, чтобы убить меня. А я понятия не имею, кто здесь замешан — Шару Гаррул, Люк со своим секретом, голубые камни или неизвестная мадам, способная принимать разные обличья. И ничего не узнаю, пока не решу главную задачу.

Я свернул на большую дорогу и поехал по колее. Навстречу проехали несколько всадников — все незнакомые, но каждый помахал мне рукой. Слева облака продолжали сгущаться, хотя грозу ничто не предвещало. День был по-прежнему холодный и солнечный. Дорога шла по большей части в гору. Я остановился у корчмы, наскоро позавтракал и отправился дальше. Постепенно дорога становилась ровнее, и вскоре я увидел вдали залитые полуденным солнцем Амбер и Колвир.

На всем пути вплоть до Восточных ворот, сохранившихся от старой крепостной стены, мне не встретился никто из знакомых. Я выбрался на Восточную Виноградную и подъехал к городскому дому Бейли, где однажды побывал на приеме. Дымка я передал груму в конюшне; оба они, казалось, были рады встрече. Потом подошел к парадному входу и постучал в дверь. Вышел слуга, сказал, что хозяина нет дома. Я назвал себя и велел передать барону, что Винта скоро приедет домой. Он обещал сообщить это хозяину, когда тот вернется.

Выполнив поручение Винты, я отправился дальше пешком. На вершине холма моих ноздрей коснулись ароматы еды, и я, решив не откладывать обед до возвращения во дворец, остановился и стал оглядываться, чтобы определить, откуда исходит столь аппетитный запах. Похоже было, что его источник расположен на боковой улочке справа — там дорога расширялась и образовывала нечто вроде круглой площади с фонтаном в виде медного, покрытого прелестной патиной дракона, писающего в бассейн из розового камня. Голова дракона

была обращена к ресторану-погребку под названием «Яма», перед которым на открытом воздухе стояли десять столиков, огороженных по периметру площади медными кольями.

Я пересек площадь, а проходя мимо фонтана, заметил в прозрачной воде множество экзотических монет, включая американский двадцатипятицентовик двадцатых годов. Подойдя к ресторанчику, я уже собрался спуститься по ступенькам, как вдруг меня окликнули:

— Мерль! Ты ли это!

Я оглянулся, сперва не узнал никого из сидящих за четырьмя столиками, однако, окинув их еще раз внимательным взглядом, заметил улыбавшегося мне пожилого человека.

— Билл!

Он поднялся из-за стола — это движение выражало искреннюю радость, а не просто уважение к моему титулу. Сразу его было и не узнать. Он отпустил седую бороду и усы, к тому же был одет в коричневые брюки с серебряными лампасами и высокие коричневые сапоги, а рубашку носил тоже серебряную с коричневым кантом. Рядом на стуле лежали черный плащ, широкая черная перевязь и средней длины шпага в ножнах.

— Вы, я смотрю, совсем освоились. И похудели немного.

— Верно, — ответил Билл. — Между прочим, хочу здесь остаться насовсем. Мне у вас нравится.

Мы сели за стол.

— Заказ уже сделали? — спросил я.

— Да, но вот, кажется, официант, сейчас задержу его.

Он подошел к официанту и сделал заказ для меня.

— Ваш тари стал намного лучше, — заметил я.

— С такой-то практикой!..

— Чем же занимались это время?

— Плавал с Джерардом. Побывал в Дейге и в одном из лагерей Джулиана в Арденском лесу. Посетил также Ребму — восхитительное место, между прочим. Брал уроки фехтования. Дроппа показал мне весь город.

— Поди, все бары.

— Не только. Знаешь, почему я здесь? Он — совладелец «Ямы», и я обещал ему сюда ходить обедать. Кстати, заведение вполне приличное. А когда ты вернулся?

— Только что, — ответил я, — но это длинный рассказ — сейчас услышите.

— Прекрасно. Твои рассказы всегда оригинальные и причудливые, их только и слушать холодной осенью.

Я начал рассказывать. Говорил за едой и продолжил рассказ после обеда. Когда спустилась прохлада и сидеть на открытом воздухе стало неуютно, мы отправились во дворец. Наконец, когда мы уже расположились у камина в одной из маленьких комнат левого крыла, потягивая горячий сидр, рассказ мой подошел к концу.

Билл покачал головой:

— Вижу, дел у тебя было по горло. Но позволь задать тебе один вопрос.

— Задавайте.

— Почему ты не привез сюда Люка?

— Я же объяснял.

— Не вижу смысла. Из-за какого-то туманного обещания дать якобы важную для Амбера информацию? Теперь тебе предстоит поймать его, чтобы получить эти сведения.

— Вы ошибаетесь.

— Он — коммерсант, Мерль, и он надул тебя. По крайней мере, так мне кажется.

— Повторяю, вы ошибаетесь, Билл, я его знаю.

— Да, ты знаешь его давно... Но насколько хорошо? То, чего ты не знаешь о нем, намного перевешивает то, что ты знаешь.

— Он мог обратиться за помощью к кому угодно, но явился ко мне.

— Потому что ты — часть его плана. Через тебя он намерен пробраться в Амбер.

— Не думаю, — возразил я, — это не в его стиле.

— А я думаю! Он готов использовать что угодно и кого угодно.

Я пожал плечами:

— Я верю ему, вы — нет. В этом вся разница.

— Согласен. Что же ты теперь намерен делать, Мерль? Ждать дальнейших событий?

— У меня готов план. То, что я верю ему, вовсе не означает, будто я не приму мер предосторожности. Однако у меня тоже есть к вам вопрос.

— Спрашивай.

— Если я приведу его сюда и Рэндом решит, что дело недостаточно ясное и потребует расследования, согласны ли вы представлять интересы Люка?

Билл вытаращил глаза, но тут же улыбнулся:

— Что за расследование? Я не знаю, как их здесь проводят.

— Как внук Оберона, — объяснил я, — Люк подпадает под законы Дома, а Рэндом сейчас — глава Дома и вправе решать: забыть обо всем, вынести приговор или назначить расследование. Как я понимаю, подобное расследование может быть формальным или нет — все зависит от желания Рэндома. В библиотеке есть свод законов. Согласно им, подследственный может назначить кого-то представлять его интересы.

— Разумеется, я соглашусь, — сказал Билл. — Подобный юридический опыт вряд ли легко приобрести в другом месте. С другой стороны, — добавил он, — надо разобраться в конфликте интересов, потому что ранее я работал на корону.

Я допил сидр, поставил кубок на каменную доску и зевнул.

— Ну, мне пора, Билл.

Он кивнул:

— Все, что ты сказал насчет своего плана, лишь предположение?

— Разумеется, — ответил я. — Не исключено, что расследовать будут мои действия. Спокойной ночи.

Билл бросил на меня внимательный взгляд.

— То есть меры предосторожности, о которых ты говорил, могут обернуться неприятностями?

В ответ я улыбнулся.

— И никто не может тебе помочь?

— Нет.

— Ну что ж, удачи.

— Спасибо.

— Увидимся завтра.

— Может быть, только попозже днем.

Я удалился в свою комнату и сразу же заснул. Нужно было хорошенько отдохнуть. На следующий день меня ждала уйма дел. Не помню, снились ли мне сны.

Когда я проснулся, было еще темно. Видно, сработал рефлекс. Очень хотелось повернуться на другой бок и снова заснуть, но я не мог позволить себе такую роскошь. В этот день дорога была каждая минута.

Я встал, вымылся и надел чистую одежду. На кухне приготовил себе завтрак: яичницу-болтунью из нескольких яиц с луком и перцем. Затем вышел из дома через черный ход и направился в сад.

Было темно и сыро, луна скрылась за облаками. Я шагал по еле видной тропинке на северо-запад. В мире царила тишина, она успокаивала мои мысли, и я решил не торопиться, не хвататься разом за решение всех проблем.

Миновав сад, я пролез сквозь дыру в изгороди и пошел дальше по мокрой неровной тропе, которая медленно поднялась вверх, потом сделала резкий поворот и повела меня по крутому склону. Я постоял на выступе, глядя назад, на темные очертания дворца. В нескольких окнах горел свет, и разбросанные по небу кучевые облака делали его похожим на райский сад, повисший над Амбером.

Через несколько мгновений я зашагал дальше. Впереди был еще долгий путь.

С холма стала видна узкая светлая полоска над лесом, по которому я недавно шел. Постояв немного, я начал спускаться по северному склону; вначале пологий, он чуть дальше круто обрывался, чтобы затем вновь выровняться. Когда тропа свернула к северо-западу, крутизна опять стала чередоваться с пологими спусками. Высокий гребень Колвира закрыл предутренний свет, видневшийся чуть раньше. Передо мной и надо мной простиралось усеянное звездами небо, на фоне которого чернели скалы. И все же я примерно знал, где нахожусь — ведь я однажды уже был здесь.

Я прошел около двух миль от перевала и, приближаясь к цели, замедлил шаг, оглядывая окрестности. Это была просторная полянка в виде лошадиной подковы на склоне горы. Я медленно побрел по ней, и меня охватило странное чувство. Тропа привела меня к небольшой рощице, где среди тенистых деревьев стояло низкое каменное строение, окруженное кустарником и зарослями травы. Когда-то за этим местом заботливо ухаживали — почву для растительности сюда явно завозили, но потом все здесь пришло в запустение.

Я опустился на каменную скамью перед строением и стал ждать рассвета. Это была гробница моего отца; вернее, кенотаф, сооруженный задолго до его мнимой смерти. Его забавляло, что он мог посещать собственную могилу. Теперь не исключено, что все обстоит совершенно иначе, и кенотаф, быть может, уже стал ему посмертным памятником. Ирония судьбы?.. Не знаю. И все же я не ожидал, что вид усыпальницы причинит мне такую боль. Я пришел сюда не паломником. Здесь все дышало миром и покоем, и мне, чародею, здесь было легче сосредоточиться для нового волшебства. Я пришел сюда...

И все же, признаться, я пришел сюда и потому, что это была гробница отца. Неважно, настоящая или фальшивая — на ней выбито имя «Корвин». Я ощущал

здесь его присутствие и, быть может, сильнее, чем когда-либо... Внезапно я понял, почему доверял Люку. Правильно он говорил тогда в Арбор-Хауз: если бы я узнал о смерти отца и о том, кто повинен в ней, я бросил бы все на свете, предъявил бы этому человеку счет, заставил бы его заплатить по нему и расписаться кровью. Так разве в самом деле есть у меня право осуждать Люка?

Тысяча чертей! Стоит ли клеймить друг друга, осуждать, осмеивать в этом мире, полном катаклизмов, боли, крови?..

Я поднялся — для моих намерений уже стало достаточно светло.

Я вошел в склеп и приблизился к нише, где стоял пустой каменный саркофаг. Сейф просто идеальный — и все же я некоторое время колебался, руки у меня дрожали. Это было нелепо, ведь я знал, что тела отца там нет, что это лишь пустой каменный гроб с именем, выбитым на крышке. И все же несколько минут я не мог заставить себя дотронуться до крышки и поднять ее.

Разумеется, гроб был пуст, как пусты бывают мечты и страхи. Я бросил в него голубую каменную пуговицу и опустил крышку. Будь что будет. Если Шару захочет и сумеет найти ее, пусть явится сюда. Пусть узнает, что, играя в свои игры, он подходит к краю могилы.

Я вышел из склепа, оставив в нем свои страхи и сомнения. Пора приступать к делу. Нужно привести в порядок волшбы и заклятия. Я не собирался идти безоружным туда, где бушуют дикие ветры.

XI

Я стоял на холме рядом с садом, любуясь осенней листвой. Ветер развевал полы моего плаща. Дворец был залит мягким полуденным светом, в воздухе ощущалась прохлада. Мимо меня с шуршанием проносились по земле и поднимались в воздух сухие листья.

Однако я остановился не для того, чтобы полюбоваться осенним пейзажем. Я остановился, чтобы заблокировать контакт с картой.

Это была вторая попытка контакта за день. Когда со мной хотели выйти на связь первый раз, *я решил: это либо Рэндом, недовольный тем, что я, вернувшись в Амбер,* не счел нужным тут же доложить ему о своих действиях и планах, либо успевший поправиться Люк ждет моей помощи, чтобы освободить Джасру. Я подумал о них потому, что больше всего не хотел встречи именно с ними, ведь ни один из них не одобрил бы моих намерений, хотя у каждого была к тому своя причина.

На этот раз попытка вызвать меня через карту тоже не удалась. Я спустился по тропе, перелез через живую изгородь в сад. Чтобы войти во дворец незамеченным, не обязательно прибегать к заклинанию; я зашагал налево по тенистой дорожке, где меня труднее было увидеть из окон. Картой пользоваться не хотелось, потому что на ней изображен тронный зал, а там я наверняка с кем-нибудь столкнулся бы.

И я вошел во дворец тем же путем, каким вышел из него, — через кухню. На ходу проглотил бутерброд, выпил стакан молока и поднялся по черной лестнице на второй этаж, где никем не замеченный скользнул в свою комнату. Там я надел

перевязь со шпагой, нашел небольшой кинжал, который привез из Хаоса (подарок посредственного поэта, которому я однажды оказал протекцию), и приторочил его к перевязи. Карту я пристроил внутри левого рукава. Потом вымыл руки и лицо и почистил зубы. Надо было тут же приниматься за дело, этого требовал мой план. А мне вдруг так захотелось поплыть куда-нибудь на яхте или просто поваляться на песке...

Однако пришлось, подавив свои желания, выйти из комнаты и спуститься вниз по той же лестнице. Я прошел по коридору, прислушиваясь к звукам шагов и голосам, а один раз даже спрятался в туалете и переждал, пока кто-то проходил мимо. Я делал все, чтобы меня не заметили. Наконец я свернул налево по главному коридору, идущему вдоль большой мраморной столовой. Никого. Прекрасно. Я подбежал к ближайшей двери и заглянул внутрь. Отлично, там тоже никого! Кстати, в парадной столовой обедали не каждый день, но кто мог знать, вдруг именно в этот день готовился важный прием. Правда, для обеда все равно еще рановато.

Я вошел в столовую и воспользовался дверью, ведущей в узкий темный коридор. Обычно у этой двери или возле другой — на выходе из коридора — стоял стражник. Этим коридором пользовались все члены королевской семьи, и стражник в конце смены докладывает старшему караульному, кто входил и кто выходил. Но к тому времени это уже не будет иметь для меня значения.

Сейчас на часах стоял Тод — приземистый бородатый парень. Увидев меня, он отдал мне честь и поднял алебарду, которая секунду назад была прислонена к стене.

— Вольно! — приказал я. — Сильно занят?

— По правде говоря, нет, сэр, — ответил он.

— Я спущусь вниз. Надеюсь, там освещено. Эту лестницу я знаю не так хорошо, как остальные.

— Я проверил фонари, когда заступал на караул, сэр. Я посвечу вам.

— Спасибо.

«Лучше поберечь магическую силу, не тратить ее на освещение», — подумал я про себя.

Тод отворил дверь кладовки, осмотрел один за другим три фонаря и выбрал второй из них, потом зажег его от массивного канделябра, освещавшего коридор.

— Я выйду прогуляться. Возможно, ты уже закончишь дежурство, когда я вернусь.

— Хорошо, сэр. Спускайтесь осторожнее.

— Постараюсь.

Я пошел вниз по длинной винтовой лестнице — виток за витком почти в темноте. Лишь внизу, в центральной шахте, виднелись маленькие пятнышки света — не то огоньки свечей в канделябрах, не то подвешенные фонари с закопченными стеклами. Думаю, их поместили там не для того, чтобы освещать дорогу идущему, а просто чтобы его не пугал полный мрак. Не видя толком ни стен, ни ступенек, я шел, держась одной рукой за перила; в другой руке я сжимал протянутый вперед фонарь. Здесь было холодно, сыро и пахло плесенью.

Я начал было считать ступени, но, как всегда, сбился где-то на середине. Ну да ладно, сосчитаю в следующий раз...

Мысли мои вернулись к тому далекому дню, когда я шел этим путем, уверенный, что иду на смерть. Тогда я не погиб — слабое утешение... Все равно мне предстояло труднейшее испытание, и все равно возможно, что я совершу ошибку и меня поджарят.

Круг, еще круг... Вниз, снова вниз... Ночные мысли среди бела дня...

С другой стороны, Флора говорила, что во второй раз будет легче. Перед этим речь у нас шла об Огненном Пути; надо надеяться, что она имела в виду именно его.

Великий Огненный Путь Амбера — символ Порядка, равный по силе Великому Логрусу — символу Хаоса. Казалось, напряженные отношения между ними все время усугублялись. Тому, кто связан с ними обоими, приходилось постоянно быть настороже — ведь стоит утратить контроль, и ты пропал. Мне не с кем сравнить впечатления: становится ли жизнь от этого труднее, хотя, надо признаться, самолюбие щекочет мысль, что метка одного из них мешает общению с другим... А уж метку-то они ставят — и тот, и другой. На каком-то этапе прохождения через них тебя просто разрывает на части и воссоздает заново по неким всеобъемлющим космическим принципам. Звучит все это благородно, значительно, возвышенно, духовно и прекрасно, а на самом деле не приносит ничего, кроме головной боли. Такова цена, которую мы платим за обладание силой и могуществом. Однако в космических законах не сказано, что я должен этому радоваться.

Посвященный в тайну Огненного Пути и Логруса обладает способностью без посторонней помощи перемещаться в Тенях. Тени — термин, принятый нашим родом для бесчисленного числа вариантов реальности, в которых мы можем находиться. Кроме того, есть и другие способности...

Виток, еще виток. Я стал спускаться медленнее — слегка закружилась голова. Хорошо, что не надо возвращаться этим же путем...

Увидев, что лестница кончается, я прибавил шаг. Внизу стояли стол и скамья, к стене были прибиты полки с ящиками и фонарь. Обычно здесь находился караульный, но сейчас я никого не обнаружил. Возможно, он обходил свой участок. Где-то слева располагались тюремные камеры, в которых томились политические узники, зачастую сходившие с ума. Я не знал, сидит ли здесь кто-нибудь в настоящее время, но надеялся, *что камеры пусты. Когда-то среди узников темницы* находился и мой отец. Судя по его рассказам, это был довольно мрачный период его жизни.

Ступив наконец на пол, я несколько раз громко позвал стражника. Увы, мне ответило лишь звонкое эхо.

Я подошел к полке, взял с нее еще один керосиновый фонарь, решив, что неплохо иметь второй на случай, если заблужусь, и зашагал по направлению к туннелю. Я шел довольно долго, потом остановился и поднял фонарь. Мне показалось, что я иду уже дольше, чем следовало, а входа в туннель все не было. Я посмотрел назад. Пост караульного еще виден. Я пошел дальше, пытаясь вспомнить, как проходил здесь в прошлый раз.

Но вот я заметил, что эхо стало звонче повторять звук моих шагов. Похоже, я приближался к какому-то препятствию, возможно, к стене. Я снова поднял фонарь.

Так и есть. Впереди кромешная тьма каменных стен. Я вошел в туннель.

Тьма, куда ни глянь. Театр теней ставит дикий спектакль — свет моего фонаря плясал на шероховатых стенах, заставляя поблескивать грани мелких вкраплений.

Вот слева первый коридор, первое ответвление. Я продолжал идти прямо. Вскоре показался второй...

Третий я увидел через довольно большой промежуток времени. Потом миновал четвертый. «Интересно, — спросил я себя, — куда ведут эти ходы?» Мне этого никто не говорил. Быть может, никто этого и не знает? В причудливые пещеры неописуемой красоты? В другие миры? А может, это просто тупики? Складские помещения? Когда-нибудь, если будет свободное время и желание...

Пятый... Еще один... Мне нужен седьмой.

И вот я перед ним. С мыслью о тех, кто шел до меня этим путем, я приблизился к большой мощной обитой металлом двери. Справа от меня на стальном крюке висел большой ключ. Я снял его, отпер дверь и снова повесил ключ на место. Зная, что караульный при обходе запрет дверь, я не в первый раз подумал: для чего держать дверь запертой, если ключ висит рядом? Мне приходилось спрашивать об этом, а вот толкового ответа получать не приходилось. «По традиции» — и все. Джерард предложил мне спросить Рэндома, а Флора — Фиону. Рэндом и Фиона предположили, что должен знать Бенедикт. Однако я не помню, спрашивал ли об этом его.

Я с силой толкнул дверь, но она не поддалась. Тогда я поставил фонари на пол и навалился всем телом. Дверь заскрипела и медленно отворилась. Я взял фонари и вошел внутрь.

Дверь сама захлопнулась за мной, а Фракир, дитя Хаоса, стала отчаянно колотиться. Теперь я вспомнил, почему никто не брал с собой сюда второй фонарь — голубоватое сияние, исходящее от Огненного Пути, освещало пещеру достаточно ярко.

Я зажег второй фонарь. Первый я поставил у начала Пути, а второй — у конца, обойдя его вдоль стены. Хотя освещения в пещере хватало, мне она казалась мрачной, холодной и устрашающей. Веселые живые огоньки фонарей придавали сил.

Я стал изучать запутанные, извилистые линии Огненного Пути, похожие на магические письмена. Фракир мне удалось успокоить, но собственные смутные опасения подавить я не мог. Неужели эти ощущения мне внушает Логрус? Когда я овладею силой Огненного Пути, будет ли Логрус по-прежнему помогать мне? Пустые размышления...

Я попытался расслабиться. Глубоко вздохнул. Закрыл на мгновение глаза. Согнул колени. Опустил плечи. Больше ждать нет смысла...

Я открыл глаза и ступил на Огненный Путь. И тут же из-под моих ног посыпались искры. Второй шаг — и снова каскад искр. Еле слышное потрескивание. Еще один шаг. Возникло легкое сопротивление...

Ощущения такие же, как и тогда, в первый раз: холодок, легкая дрожь. Я заранее знал точки, на которые наступать легко и на которые — трудно. Где-то у меня внутри будто существовала карта Пути, и я, читая эту карту, двигался по первой кривой. Сопротивление возрастало, с треском сыпались искры, мои волосы шевелились, тело ощущало вибрацию...

Я дошел до Первой Завесы. Ощущение было такое, будто я иду в аэродинамической трубе. Каждый шаг требовал от меня отчаянных усилий. И все же я продвигался вперед, хотя и очень медленно. Главное не останавливаться ни на секунду, потому что начинать двигаться снова невероятно трудно, а в некоторых местах просто невозможно. Я должен идти вперед, сопротивляясь воздушному потоку, идти, несмотря ни на что. Выдержать всего-навсего несколько секунд. Потом будет легче. Зато Вторая Завеса — просто смерть.

Поворот. Поворот. Еще поворот.

Я прошел. Наконец долгожданное облегчение. Пожалуй, Флора была права: этот участок Пути во второй раз проходить не так тяжело.

Я одолел длинный изгиб, потом крутой поворот. Теперь искры плясали вокруг голенищ моих сапог. Из ума у меня не выходили череда тридцатых апреля, придворные и семейные интриги Хаоса, бесчисленные дуэли со сложными ритуалами кровной мести из-за титулов и званий... Нет, хватит с меня. Нечего об этом думать! Пусть они учтивее и благовоспитаннее, но крови там пролилось намного больше, чем в Амбере, причем лишь из-за столкновения самолюбий и пустяковых преимуществ...

Я заскрежетал зубами. Ох, *как трудно сосредоточиться на выполнении сиюминутной задачи, не думать ни о чем другом!.. Тоже воздействие Пути.*

Еще один шаг... Я ощутил покалывание в ногах... Треск усилился и теперь казался мне раскатами грома... Передвигаю одну ногу, потом вторую... Поднимаю ногу, опускаю... Волосы у меня встали дыбом... Поворот... Рывок вперед... Словно плывешь на лодке в шторм: осенний шквал бьет в лицо, в спину дует ветер, как из пасти дракона...

Еще три шага, сопротивление усиливается...

Вот она, Вторая Завеса. Теперь мне кажется, будто я пытаюсь толкать машину из канавы, наполненной жидкой грязью... Я напрягаю все силы, а результат ничтожно мал. Продвижение мизерное, а искры поднимаются уже мне до пояса, словно я сам становлюсь голубым пламенем...

Внезапно все посторонние мысли покинули меня. Я словно превратился в безымянное существо без прошлого, изо всех сил стремящееся пробиться вперед. Однако если бы я полагался только на свою физическую силу, то застрял бы навсегда посреди Пути. *Лишь сила воли, которую Огненный Путь не подавляет,* а очищает, позволила мне, преодолевая инерцию и бешеный натиск Завес, двигаться вперед.

Еще шаг и еще. Пройден следующий отрезок. Мне кажется, я стал на сто лет старше, но я упорно продолжаю идти и уже знаю, что пройду до конца, хотя только приближаюсь к Главной Дуге, длинной и коварной. Путь совсем не похож на Логрус. Сила его искусственная, не аналитическая.

Вокруг завихряется космическое пространство. Каждый шаг заставляет меня ощущать, будто я блекну и исчезаю, а потом возникаю, разбиваюсь на куски и склеиваюсь вновь, рассыпаюсь и собираюсь воедино, умираю и воскресаю...

Вперед! Вперед! Еще три поворота, три изгиба, затем прямая линия. Я продолжаю двигаться вперед. Меня тошнит, голова кружится. Я весь мокрый от пота.

Конец прямой линии. Снова целая серия поворотов и изгибов. Поворот. Поворот. Снова поворот...

Я знал, что подхожу к Последней Завесе, когда искры стали взлетать все выше и выше, образуя огненную клетку, состоящую из пересекающихся молний. Ноги просто отказывались повиноваться. Безмолвие и нечеловеческие усилия...

Но вот я почувствовал некоторый прилив сил и понял, что справлюсь... Меня всего трясло — однако оставался лишь один короткий изгиб, короткая кривая. И все же последние шаги будут скорее всего самыми трудными. Словно узнав тебя ближе, Огненный Путь не хочет тебя отпускать.

Я продолжал пробираться вперед. Икры у меня ободраны в кровь. Два шага... Три...

Все! Конец Пути!

Я замер, тяжело дыша и то и дело вздрагивая. Покой. Меня больше не бьет током, не обжигает искрами. Если и это не смыло с меня метки голубых камней, значит, ничто не смоет.

Теперь — ну, скажем, через минуту — я смогу идти куда угодно. Наделив меня своей силой, Огненный Путь перенесет меня, куда я захочу. Стоит ли говорить, что мне вовсе не улыбалась перспектива подниматься в свою комнату по винтовой лестнице. Нет, у меня другой план.

Я поправил одежду, пригладил волосы, проверил, в порядке ли оружие и на месте ли спрятанная карта. Потом с минуту подождал, пока успокоится пульс.

Люк получил травмы в битве за Твердыню Четырех Миров, сражаясь со своим бывшим другом и союзником Далтом, сыном Дизакратрикс. Далт мало что значил для меня — разве что легкое препятствие, — поскольку он стал наемником владельца Твердыни. Но даже принимая в расчет возможную разницу во времени — скорее всего не очень уж значительную, — я видел его вскоре после того, как он напал на Люка. Значит, он находился в Твердыне, когда я вызывал его через карту.

Ладно.

Я попытался вспомнить детали комнаты, в которой его увидел. Картина получилась довольно приблизительной, но, чтобы обратиться к помощи Огненного Пути, точных данных не требуется. Я вспомнил структуру каменной стены, форму маленького окна, часть поблекшей шпалеры на стене, солому на полу, низкую скамью и скамеечку для ног, которая появилась в поле моего зрения, когда Далт передвинулся, трещину на стене над скамьей и паутину в углу...

Потом я довольно точно восстановил в памяти его внешний вид. Сформировал желание...

И оказался там!

Я быстро огляделся, держа руку на эфесе шпаги. Но в комнате никого не было. Кровать, оружие на стене, маленький письменный стол, сундук. Все эти предметы я тогда, вызвав Далта с помощью карты, не заметил. В небольшое оконце проникал дневной свет.

Я подошел к двери и постоял, прислушиваясь. Кажется, тихо. Тогда я слегка толкнул дверь. Она приотворилась со скрипом; за ней оказался длинный пустой коридор. Прямо напротив меня — лестница, ведущая вниз, налево — гладкая стена. Я вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Идти вниз или направо? По обеим сторонам коридора располагались окна. Я подошел к ближайшему из них — по правую руку — и выглянул наружу.

Оказалось, что окно выходило в квадратный внутренний двор; ворота справа вели в другой двор, более просторный. Подо мной я увидел около дюжины солдат. Похоже, службу они сейчас не несли, а расположились на отдых и чистили амуницию. Двое из них были в бинтах. В дальнем углу двора лежало нечто смахивающее на огромного воздушного змея, показавшегося мне смутно знакомым.

Я решил пройти дальше по коридору, рассчитывая, что смогу увидеть и большой двор. Шел я осторожно, стараясь не нарушать тишину, царившую в этом странном здании, и, дойдя до угла, остановился, прислушиваясь.

Не заметив ничего подозрительного, я завернул за угол — и замер. Человек, сидевший на подоконнике справа от меня, тоже замер. На нем была кольчуга, кожаные штаны, на голове — кожаный капюшон. На поясе у него висела большая шпага, а в руке он держал кинжал, которым, по-видимому, приводил в порядок ногти.

Резко повернув голову, незнакомец ошалело на меня уставился.

— Кто вы? — спросил он.

Плечи его напряглись, руки уперлись в подоконник, словно он собирался встать.

Мы оба пребывали в замешательстве. Это, очевидно, был стражник. Будь он начеку, готовый к бою, Фракир предупредила бы меня об опасности, но его лень и небрежность сбили и ее и меня с толку. Я понял, что обмануть его мне не удастся, довериться я ему тоже не мог. Я не хотел нападать на него и поднимать шум. Значит, выбора у меня нет. С помощью магии можно быстро и бесшумно прекратить биение его сердца, но я слишком высоко ценю жизнь, чтобы убивать людей без особой надобности.

Как я ни стремился экономить энергию, которую поглощают заклинания, пришлось потратить ее частицу. Я произнес заветное слово, одновременно взмахнув рукой. Фракир запульсировала у меня на запястье, а парень закрыл глаза и откинулся на оконный переплет. Я посадил его поудобнее. Он продолжал мирно храпеть, не выпуская из руки кинжал. По правде говоря, заклинание, останавливающее сердце, могло мне пригодиться позднее.

Коридор сообщался с довольно широкой галереей, и я понял, что для дальнейшей рекогносцировки мне понадобится еще одно заклинание. Я произнес тайное слово и стал невидимым. Мир вокруг меня сильно потускнел. Жаль, что пришлось так скоро прибегнуть к этому средству — ведь действие заклинания длилось всего лишь двадцать минут, а я не имел ни малейшего представления о том, где найти то, чего ищу. Однако иного выхода не оставалось.

Я вошел в галерею — ни души.

Теперь у меня появилось хоть какое-то представление о географии этого места. Мне открылся вид на второй внутренний двор — поистине огромный, окруженный мощными стенами. Это была величественная неприступная крепость, очевидно с единственным, надежно охраняемым входом. Был здесь и внешний двор, огражденный высокой прочной стеной.

Выйдя из галереи и заметив широкую лестницу из серого камня, я сразу понял, что нашел место, которое искал, — по безошибочно ощутимой магической ауре.

Из холла вела вниз лестница, которую охранял стражник. Если он что и почувствовал, то лишь дуновение воздуха от моего плаща.

Я бросился вниз. Рядом с лестницей был вход, ведущий в другой коридор, налево, а в стене, обращенной во внутренний двор, была тяжелая, обитая железом дверь.

Я распахнул ее и тут же быстро отскочил в сторону, потому что стоявший неподалеку стражник обернулся и направился ко мне. Обойдя его, я быстро зашагал к замку.

Люк говорил, что здесь — средоточие силы. Да, я ощущал это, причем чем ближе подходил к замку — тем сильнее. Сейчас некогда размышлять, как вести себя с этими силами. Во всяком случае, у меня есть что им противопоставить.

Я подошел к стене, свернул налево и огляделся. В поле зрения вроде не было никого. Проходя вдоль стены, я убедился, что в замок можно попасть лишь через один вход. Двор окружала высокая металлическая ограда с острыми шипами; окна-бойницы находились на высоте примерно тридцати футов. Очень меня удивили два огромных воздушных змея, лежавших у стены. Они не были разбиты, как тот, в маленьком дворе. При ближайшем рассмотрении я понял, что это дельтапланы. Мне хотелось разглядеть их хорошенько, но время действия заклинания истекало. Я поспешил дальше, к воротам.

Они были закрыты, рядом — два стражника. За воротами я увидел переброшенный через ров деревянный подвесной мост, укрепленный железными тросами; в углы моста вбиты большие болты с ушками, продетые в них цепи соединяются с лебедкой. Интересно, сколько весит этот мост? Высокая и широкая, обитая железом дверь, ведущая в цитадель, углублена в стену примерно на три фута. Такая дверь может долго выдерживать удары тарана.

Я подошел к воротам и внимательно осмотрел их. Вместо замка стояла мощная задвижка. Я смог бы открыть ворота и пробежать по мосту, прежде чем стража сообразит, что происходит. С другой стороны, учитывая, что повелитель замка — чародей, стражу могли проинструктировать, как действовать в случае какой-нибудь сверхъестественной атаки. В таком случае им не обязательно видеть противника. Меня быстро загонят в дверную нишу, а ворота наверняка заперты.

Я подумал несколько секунд, перебирая в уме все мои колдовские приемы. Кстати, я заметил во дворе еще шесть-восемь человек, но они находились довольно далеко, и ни один из них не направлялся в мою сторону...

Я спокойно подошел к часовым у ворот и кинул Фракир на плечо стоявшему слева с приказом задушить его. Затем, сделав три быстрых шага к стоящему справа, я ребром ладони ударил его по шее и, приподняв за подмышки, чтобы не шуметь, аккуратно прислонил к изгороди справа от ворот.

Услышав за спиной стук ножен об ограду, я оглянулся. Часовой сполз на землю, держась рукой за горло. Я подскочил к нему, усадил и его и забрал Фракир. Окинув двор быстрым взглядом, я заметил, что два человека смотрят в мою сторону. Черт бы их побрал!

Я отодвинул засов, проскользнул в ворота, запер их за собой, пробежал по мосту и оглянулся назад. Те двое шли к воротам. Мне срочно нужно было принять решение, выбрав оптимальный вариант.

Сев на корточки, я ухватился за угол моста. Ров под мостом был глубиной примерно в двенадцать футов, а шириной — раза в два больше.

Я начал выпрямлять ноги и тянуть угол моста вверх изо всех сил. Это было чертовски тяжело, но доски заскрипели, и мой край немного приподнялся. Я пе-

редохнул секунду и снова напрягся. Мост заскрипел, и я выиграл еще несколько дюймов. И еще раз... Края досок врезались мне в ладони, руки ныли; казалось, они вот-вот вывернутся из плечевых суставов. Я сильнее уперся ногами в землю и напрягся что было сил. Сердце отчаянно колотилось, будто заполнив всю грудь. Угол моста был теперь приподнят над землей на целый фут, но противоположный его край все еще касался земли. Я снова поднажал, чувствуя, как вспотели ладони и лоб. Глубокий вздох... Оп-ля! Уже на уровне колен... Наконец-то и левый угол оторвался от земли.

Послышались громкие взволнованные голоса. Солдаты бежали к мосту. Я стал поднимать левый угол и расшатывать весь мост, таща его на себя. Отлично! Он сдвинулся с места. Я продолжал тянуть. Левый угол поднялся уже на несколько футов и повис над глубоким как пропасть рвом. Руки, плечи и шея отчаянно ныли. Еще немного... Еще...

Солдаты остановились у ворот поглядеть, что стряслось с сидящими на земле караульными. Прекрасно, снова выигрыш во времени. Я еще не был уверен в том, что мне удастся столкнуть мост в ров. Но иного выхода все равно нет.

Я начал раскачивать мост. Вправо... чуть было не выпустил из рук. Влево... Солдаты бросили *валявшихся стражей и уставились на оживший мост, потом* побежали к воротам и стали открывать засов. К ним спешила подмога. Все галдели, махали руками...

Еще толчок... Мост пополз вниз. Толчок...

Я отпрянул. Мой угол грохнулся о край рва, дерево треснуло, потом весь мост со страшным грохотом обрушился вниз, дважды подскочил и развалился. Руки у меня бессильно повисли.

Я повернулся и помчался к заветной двери. Срок заклинания, превратившего меня в невидимку, еще не истек, и я по крайней мере не стал мишенью для солдат, иначе в меня с противоположной стороны рва тут же полетели бы метательные снаряды.

Я подбежал к двери, с трудом поднял руки, взялся за металлическое кольцо и потянул к себе. Дверь не шелохнулась, накрепко запертая. Я это предвидел и все же хотел удостовериться. Конечно, не стоит злоупотреблять магией, однако теперь только она и остается.

Я произнес три слова — заклинание не слишком элегантное, зато обладающее огромной силой.

Дверь с грохотом и треском распахнулась, как будто какой-то великан вышиб ее ударом кованого сапога. Я ворвался в замок и чуть замешкался, пока глаза привыкали к полумраку. Я очутился в зале высотой в два этажа. Напротив меня, справа и слева, поднимались полукругом лестницы на площадку второго этажа, огражденную перилами. Две такие же полукруглые лестницы вели и в нижний вестибюль. Несколько минут я колебался, думая, с чего начать...

В центре зала, в бассейне из черного камня, бил фонтан. Но выбрасывал он не воду, а огонь. Красные и оранжевые языки пламени плясали, взлетали вверх и с журчанием сливались в бассейн желтыми и белыми струйками. Здесь явственно ощущалось присутствие силы. Любой, кто способен укротить подобную мощь, наверняка опасный противник. Если повезет, мне не придется на собственной шкуре узнавать, насколько опасный.

Я чуть было не потратил зря заклинание особой атаки, когда заметил в правом углу две фигуры. Но они стояли, не шелохнувшись, и были просто неестественно неподвижными. Я понял, что это статуи...

Раздумывая, идти ли мне по лестнице вверх или спускаться вниз, я решил, что врагов здесь, поди, держат в сыром подземелье, и уже собирался спускаться, как вдруг что-то в этих статуях привлекло мое внимание. Всмотревшись, я увидел, что одна из них была седоволосым мужчиной, а другая — рыжеволосой женщиной. Я протер глаза, даже не осознавая в течение нескольких секунд, что вижу собственную руку. Срок заклинания истек, и я перестал быть невидимым.

Я направился к застывшим фигурам. Увидев, что старик держит несколько плащей и шляп, я догадался, кто это. И все же приподнял полу его синего одеяния.

Внезапно огненный фонтан вспыхнул еще ярче, и я прочитал имя «РИНАЛЬДО», вырезанное на его правой ноге. Ну и паршивец этот мальчишка!..

Рядом с ним стояла Джасра, так что мне не пришлось спускаться в подземелье и искать ее среди крыс. Она тоже вытянула руки, будто защищаясь. На левую руку ей повесили голубой зонтик, на правую — светло-серый дождевик, какие носят в лондонский туман, а на голову нахлобучили непромокаемую шляпу. Лицо Джасры было размалевано, как у клоуна, на зеленую блузку кто-то приколол несколько желтых кисточек.

Свет позади меня вспыхнул еще ярче, и я повернулся посмотреть, что случилось. Фонтан теперь изрыгал огонь на высоту двадцати футов; тот падал в бассейн, переливался через него и растекался по мраморному полу. Один ручеек тек в мою сторону. И вдруг чье-то негромкое хихиканье заставило меня взглянуть вверх.

Облаченный в темный плащ с капюшоном, в перчатках с крагами чародей Синяя Маска стоял на верхней площадке, одной рукой опираясь на перила, другой указывая на фонтан.

Я ожидал этой встречи и не был застигнут ею врасплох. Когда огонь разгорелся еще сильнее, образовав большую светящуюся башню, вершина которой рушилась и ползла ко мне, я широко распростер руки и произнес слова трех самых надежных заклинаний из всех, какие только знал.

Мгновенно воздух пришел в движение, бешеной силой Логруса огненный поток был отброшен от меня. Я направил мощную воздушную волну на стоявшего наверху чародея, но тот взмахнул рукой, и огненный столб упал, превратился в тоненькую светящуюся струйку.

Ладно, ничья. Вообще-то я пришел сюда не для того, чтобы мериться с ним силой. Я всего-навсего хотел перехитрить Люка, хотел один, без него, спасти Джасру. Ведь если она станет моей пленницей, Люк не сможет причинить вред Амберу.

Когда вызванная мною воздушная волна улеглась, я, снова услышав смех чародея, призадумался. Прибегает ли он к помощи заклинаний? Или, живя у источника силы, он может контролировать любые попытки других применить силу и трансформировать ее во что ему вздумается? Если так, то у него в рукаве достаточно фокусов, и мне придется либо обратиться в бегство, либо прибегнуть к помощи Хаоса, высвободить чудовищную энергию и уничтожить все вокруг. Но

этого мне делать вовсе не хотелось, я не собирался уничтожать таинственные силы да и самого чародея. Мне надо было лишь получить ответы на вопросы, касающиеся благополучия Амбера.

Перед Маской вдруг материализовалось блестящее металлическое копье, которое маг метнул в меня. Прибегнув к помощи защитного заклинания, я его перехватил и отвел в сторону.

В начавшейся дуэли заклинаний я мог либо постараться взорвать логово с помощью Хаоса, либо попробовать взять под контроль источник здешней силы и побить этого типа его же собственным оружием. Однако времени для экспериментов у меня не оставалось, придется все делать на ходу. Видно, он так ненавидит меня, что битва в полную силу неизбежна. Нападение оборотня в лесу наверняка тоже дело его рук. У Джасры хватило сил победить прежнего владельца замка, Шару Гаррула, а этот малый сумел победить Джасру. Но я никак не мог понять, за что он так ненавидит меня.

— Так что же все-таки тебе от меня нужно? — спросил я его.

— Мне нужна твоя кровь, душа, твой мозг, твое тело, — прозвучал металлический голос.

— А моя коллекция марок не нужна? — засмеялся я. — Позволь, я оставлю себе хотя бы конверты со штампами первого дня?

Я подошел к Джасре и обнял правой рукой ее за плечи.

— Зачем она тебе, болван? — спросил чародей. — Это самая бесполезная вещь в моем замке.

— Тогда почему ты не разрешаешь мне забрать ее?

— Ты коллекционируешь марки, а я подбираю коллекцию зазнавшихся чародеев-самоучек. Она — моя, а ты будешь следующим экспонатом.

Почувствовав прилив сил, я крикнул:

— А почему ты так не любишь своих братьев и сестер по искусству магии?

Ответа не последовало. Но внезапно воздух вокруг меня наполнился крутящимися острыми предметами — ножами, топорами, бутылочными осколками. Я произнес решающее защитное слово, и передо мной со звоном возникла дымчатая Завеса Хаоса. Колющие предметы, прикоснувшись к ней, мгновенно превращались в космическую пыль.

Перекрывая шум, я крикнул:

— Как мне тебя называть?

— Маска! — тут же ответил чародей.

Ответ не отличался оригинальностью, я ожидал что-нибудь в стиле Джона Д. Макдональда* — Лиловый Ужас, Кобальтовый Шлем или тому подобное.

Я использовал последнее защитное заклинание, подняв левую руку таким образом, чтобы мне была видна спрятанная в рукаве карта Амбера. Игра пока идет, надо признать, чересчур острая, но решающий ход еще остается за мной. До сих пор я только защищался, а заклинание, составлявшее мою гордость, держал про запас.

— Ничего хорошего тебе от нее не будет, — сказал Маска, когда действие и его, и моего заклинаний закончились и он готовился к новой атаке.

— Счастливо оставаться! — Я покрутил кистью руки, растопырил пальцы, чтобы направить поток, и произнес заклинание.

— Око за око! — крикнул я, когда на мага обрушилось все содержимое цветочной лавки, похоронив его в таком огромном букете, какого я еще не видывал. И аромат подходящий.

Наступила тишина. Я уставился на карту и уже почувствовал контакт, когда, разрыв гору цветов, Маска высунул голову наружу, словно аллегория Весны:

— Я до тебя еще доберусь!

— И приятное к приятному, — добавил я и, уже исчезая, произнес словечко, с помощью которого опрокинул на него ящик с удобрением.

Я вошел в тронный зал Амбера, держа на руках Джасру.

Стоявший возле буфета Мартин с бокалом вина в руке разговаривал с Борсом, сокольничьим. Увидев, что Борс от удивления вытаращил глаза, он замолчал, повернулся и тоже замер, раскрыв рот.

Я не собирался тут же заняться заклинаниями и к тому же пока не знал, что делать с Джасрой, если расколдую ее. Поэтому я поставил застывшую фигуру у двери и повесил на нее свой плащ, после чего подошел к столу, на ходу кивнул Мартину и Борсу и налил себе бокал вина.

Осушив бокал, я поставил его на стол.

— Делайте с ней что хотите, только не вырезайте свои инициалы.

Потом я вышел из зала, нашел диван в одной из комнат восточного крыла, растянулся на нем и закрыл глаза.

Как мост над бурными водами*. Бывают дни, что те алмазы. Куда подевались все цветы?

Что-то в этом роде.

XII

Дым столбом, гигантский червь и пестрые вспышки света. Каждый звук обретал форму, ярко вспыхивал, бледнел и исчезал. Исчез и червь. Цветки с собакоподобными головками кусали меня, покачивая листиками. Плывущие облака дыма остановились перед подвешенным к небу светофором. Улыбка червя — нет, гусеницы. Гранеными, как хрусталик, каплями начал накрапывать мелкий дождик...

«Что неестественного в этой картине?» — спросило мое внутреннее «я». Я не стал об этом думать, потому что не мог ничего сказать наверняка. Хотя смутно сознавал, что этот странный пейзаж не должен куда-то уплывать...

— Эй, Мерль!

Что нужно от меня Люку? Почему бы ему не отстать от меня! Вечно он лезет со своими проблемами.

— Взгляни!

Я увидел массу прыгающих шариков — или комет? — которые ткали из света шпалеру. Затем та упала на лес зонтиков.

— Люк, — начал было я, но один из собакоподобных цветков укусил меня, и я забыл, что хотел спросить. И все вокруг затрещало, словно было нарисовано на стекле, которое вдруг пробили пулями. А вверху сияла радуга...

— Мерль! Мерль!

Я открыл глаза и увидел, что меня трясет за плечо Дроппа и что подушка, на которой я спал, взмокла от пота. Я приподнялся на локте и протер глаза.

— Дроппа... Что?..

— Не знаю.

— Чего ты не знаешь? То есть... Что, черт побери, стряслось?

— Я сидел вот на этом стуле, — он показал на стул, — и ждал, когда вы проснетесь. Мартин сообщил мне, что вы здесь, и я хотел сказать, что вас зовет Рэндом.

Я кивнул и вдруг заметил, что из моей руки, из того места, куда меня укусил цветок, сочится кровь.

— Долго я спал?

— Минут двадцать.

Я спустил ноги на пол и сел.

— И почему ты решил разбудить меня?

— Вы уходили по карте.

— Уходил по карте? Спящий? Такого не бывает. Ты уверен...

— К сожалению, в данную минуту я трезв, — ответил Дроппа. — Вы засветились всеми цветами радуги, стали расплываться и исчезать. Вот я и решил разбудить вас и спросить, что вы собираетесь делать. Между прочим, что вы-то пили? Пятновыводитель?

— Нет.

— Я как-то раз пытался напоить им свою собаку...

— Видения, — оборвал я, потирая начавшие пульсировать виски. — Видения, только и всего.

— Такие же видения, что бывают и у других? DTs a deux?*

— Не совсем.

— Давайте-ка лучше пойдем к Рэндому. — Он повернулся к двери.

Я покачал головой:

— Не сейчас. Я хочу посидеть и прийти в себя. Со мной творится что-то неладное.

Когда я взглянул на Дроппу, он таращил глаза куда-то за меня. Стена за моей спиной начала таять, словно была сделана из воска и стояла возле сильного огня.

— Видно, дело дрянь, — пробормотал Дроппа. — Пора рвать когти.

Он подбежал к двери, выскочил в коридор и заорал:

— На помощь!

Мгновение спустя стена вновь стояла нормально, но меня била дрожь. Что, черт возьми, творится? Может, Маска заколдовал меня, когда я спал? Если так, то куда я собирался отправиться?

Я поднялся на ноги и медленно оглядел комнату. Казалось, все на своих местах. Вряд ли это была галлюцинация, вызванная стрессом, — Дроппа видел то же самое. Стало быть, я не спятил. Здесь в самом деле таится что-то загадочное. В комнате было необычно светло, и каждый предмет четко выделялся.

Я быстро огляделся, сам не зная, чего ищу. Поэтому и неудивительно, что не нашел ничего, подумал и вышел из комнаты. Неужто последние события связаны с Джасрой? Быть может, Джасра, до сих пор застывшая, не расколдованная, стала для меня Троянским конем?

Я направился в парадный зал. Впереди, в дюжине шагов от меня, на пол легла решетка из косых полос света. Я заставил себя идти дальше, а она отступала, меняя форму.

— Мерль, иди сюда! — послышался голос Люка.

— Куда? — тут же спросил я.

Он не ответил, но световая решетка разделилась на две половинки и распахнулась передо мной, как ставни. Между ними блеснул ослепительный луч, и мне показалось, что по этой яркой полоске пробежал кролик. Затем видение исчезло, и поверить в то, что оно в самом деле было, заставил меня горький смех Люка.

Я побежал. Неужели Люк — на самом деле тот враг, о котором меня предупреждали? Неужели я был игрушкой в его руках и меня заставили испытать все эти злоключения лишь для того, чтобы спасти его мать, вызволить ее из плена? А теперь, когда она в безопасности, Люк имеет наглость являться в Амбер и, возможно, вызовет меня на дуэль чародеев на неизвестных мне условиях?

Нет, я не мог в это поверить. Я был уверен в том, что подобной силой он не обладает. Да и обладай он ею, Люк не решился бы на активные действия, пока Джасра моя заложница.

На бегу я снова услышал его смех, звучавший отовсюду и ниоткуда. Вот он запел мощным баритоном «Auld Lang Syng»*... Что это, ирония?

Я влетел в тронный зал. Мартина и Борса здесь уже не было. Я увидел их пустые бокалы на столе. А возле другой двери?.. Да, возле другой двери стояла Джасра, по-прежнему окаменелая, неизменившаяся, с моим плащом.

— Ладно, Люк, хватит валять дурака! — крикнул я. — Давай лучше обсудим наши дела.

— Что?

Песня внезапно оборвалась. Я медленно подошел к Джасре, пристально разглядывая ее. Ничуть не изменилась. Только кто-то повесил шляпу на другую ее руку.

Откуда-то из глубин дворца послышался крик. Может, это Дроппа до сих пор зовет на помощь?

— Люк, где бы ты ни был, — сказал я, — если можешь видеть меня и слышать, гляди на меня внимательно и слушай. Я поставил ее сюда. Ты видишь ее? Что бы ты ни затевал, помни об этом.

Комната внезапно как-то сморщилась, словно я стоял в центре картины без рамы, и холст сначала смяли, а потом туго натянули.

— Ну, так что скажешь?

Молчание. Потом вдруг раздалось хихиканье:

— Значит, моя мать для тебя — вешалка для шляп... Здорово, молодец. Неплохая идея... Не мог связаться с тобой раньше. Не знал, куда ты исчез... Нам устроили кровавую баню. Я взял ребят — и на дельтапланах туда. А они были готовы. Дальше толком ничего не помню... Больно вспоминать!

— Сам-то ты как?

В ответ послышался звук, похожий на всхлипывание, и в это момент в зал вошли Рэндом и Дроппа; за ними по пятам следовал тощий и молчаливый, как смерть, Бенедикт.

— Мерль! — воскликнул Рэндом. — В чем дело?

Я пожал плечами:

— Понятия не имею.

— За мной бутылка, — слабо донесся голос Люка.

Огненный вихрь пронесся по центру зала, а когда через несколько мгновений он исчез, на его месте появился огромный прямоугольник.

— Сделай что-нибудь, — приказал Рэндом, — ты ведь маг.

— Ума не приложу, что это за чертовщина, — ответил я, — в жизни подобного не видел. Можно подумать, что какой-то маг спятил и от души куролесит.

Внутри прямоугольника стали вырисовываться контуры человеческой фигуры... Можно было разглядеть черты лица, одежду... В воздухе материализовывалась гигантская карта. Это был... я сам. С карты на меня смотрело мое собственное улыбающееся лицо.

— Иди сюда, Мерль, составь нам компанию, — послышался голос Люка, и карта стала медленно вращаться вокруг вертикальной оси.

Зал наполнился звоном стеклянных колокольчиков. Огромная карта остановилась ребром ко мне, превратившись в черную полосу. Затем эта полоса стала раздвигаться, как штора, и над ней заскользили яркие разноцветные световые пятна. Там же я увидел Гусеницу, которая сосала кальян, какие-то толстые зонтики... Из разреза в шторе высунулась рука:

— Иди сюда.

Я услышал тяжелое дыхание Рэндома.

Внезапно Бенедикт направил свой клинок на эту живописную картину, готовый проткнуть ее. Но Рэндом положил ему руку на плечо и сказал:

— Не надо.

В воздухе зазвучала странная музыка, каким-то удивительным образом соответствовавшая представшему перед нами видению.

— Идем, Мерль!

— Так ты пришел или уходишь? — спросил я.

— И то и другое.

— Ты дал мне слово, Люк. Обещал сказать что-то важное, если я помогу освободить твою мать. Я доставил ее сюда. Так что за секрет ты хотел раскрыть мне?

— Что-то важное для твоего благополучия? — медленно спросил он.

— Ты говорил, что это крайне важно для безопасности Амбера.

— Ах, ты имеешь в виду это...

— Буду рад, если ты раскроешь и другое.

— Извини. Я обещал продать тебе лишь один секрет. Какой выбираешь?

— Важный для безопасности Амбера, — ответил я.

— Далт, — произнес он.

— Что ты хочешь сказать о нем?

— Дила Дизакратрикс — его мать.

— Это мне и без того известно.

— ...Она была пленницей Оберона; за девять месяцев до рождения Далта он ее изнасиловал. Поэтому Далт ненавидит тебя и всех, в ком течет кровь Амбера.

— Чушь собачья! — воскликнул я. — Мы-то тут при чем?

— Я то же самое говорил ему тысячу раз. Я уговаривал его пройти по Огненному Пути.

— И что же?

— Он прошел.

— О-о!

— Я недавно узнал об этом, — вмешался Рэндом, — от одного лазутчика, которого засылал в Кашфу. Но о том, что Далт прошел Огненный Путь, я и не догадывался.

— Догадывался или не догадывался, я все равно должен был тебе об этом сказать, — почти рассеянно ответил Люк. — Ладно, могу еще сообщить, что он после того навестил меня на теневой Земле, организовал разграбление моего склада, украл много оружия и боеприпасы особого назначения. Потом сжег склад, чтобы скрыть кражу. Но у меня есть свидетели. Далт готов напасть на вас в любое время. Когда? Никто не знает.

— Еще один родственничек с визитом, — усмехнулся Рэндом. — И почему только я не единственный сын у родителей?

— Используйте эти сведения по своему усмотрению, — добавил Люк. — Теперь мы квиты. Подай мне руку!

— А где ты? — спросил я.

Он засмеялся, и весь зал будто дрогнул. Откуда-то из воздуха протянулась рука и схватила мою руку. Творилось что-то неладное.

Я попытался тащить Люка к себе, но почувствовал, что у него это получается лучше. С такой безумной силой бороться было бесполезно. Казалось, Вселенная разверзлась и приняла меня в свои объятия. Созвездия расступились предо мной, и я снова увидел лестничную площадку с блестящими перилами. На ней стоял сапог Люка.

Откуда-то издалека до меня донесся голос Рэндома:

— Бэ-двенадцать! Бэ-двенадцать!* Конец связи!

А затем я забыл про все проблемы на свете. Это было прекрасное место...

Глупо, что я принял грибы за зонтики! Я поставил ногу на площадку, и в тот же момент Болванщик наполнил мой кубок* и долил вина в кубок Люка. Люк показал жестом налево, и Мартовскому Зайцу тоже плеснули вина. Шалтай весело качался на краю мира, Траляля и Труляля, Додо и Лягушонок в ливрее услаждали наш слух дивной музыкой. А Гусеница знай себе сосала кальян и выпускала дым кольцами.

Люк похлопал меня по плечу. Я пытался что-то вспомнить, но не смог.

— Я чувствую себя отлично, — сказал Люк, — теперь все в полном порядке.

— Нет, что-то важное... Никак не вспомню...

Он поднял свой кубок, и мы чокнулись.

— Наслаждайся! Жизнь — это кабаре, дружок!

А Кот на стуле возле меня безмятежно улыбался.

ЗНАК ХАОСА

ФИЛУ КЛЕВЕРЛИ
НА ПАМЯТЬ О НАШИХ СВЕТЛЫХ ВРЕМЕНАХ
И С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПРЕПОДАННЫЕ УРОКИ

Перевод с английского М. Гутова

© М. Гутов, перевод, 2004

I

Я испытывал легкое беспокойство, хотя не мог сказать почему. Не было ничего необычного в том, что мы пили с Белым Кроликом, похожим на Бертрана Рассела коротышкой*, улыбающимся Котом и моим старым другом Люком Рейнардом, который распевал *ирландские баллады, в то время как необычный* ландшафт за его спиной превращался из фрески в реальность. Не скрою: огромная синяя Гусеница, курящая кальян на шляпке гигантского гриба, произвела на меня сильное впечатление. Я знаю, какие надо прилагать усилия, чтобы водяная трубка не погасла. Но дело не в этом. Мы веселились — Люк всегда славился тем, что умел собирать странные компании. Так в чем же причина моего беспокойства?

Пиво было отличное, к тому же с нас ничего не взяли за завтрак. Демоны, терзающие привязанную к столбу женщину, сверкали так, что на них больно было смотреть. Потом они куда-то исчезли, но все получилось великолепно. Вообще все было просто великолепно. Люк запел про залив Голуэй настолько замечательно и трогательно — и грустно тоже, — что мне захотелось нырнуть в голуэйские воды и там потеряться.

Это из области чувств... Да. Забавная мысль. Когда Люк пел печальные песни, я впадал в меланхолию, когда пел веселые — я начинал радоваться. Вокруг царила необыкновенная атмосфера сопереживания. Нематериальная, полагаю. Световое представление удалось на славу...

Потягивая свой напиток, я наблюдал за качелями Шалтая, там, в дальнем конце бара, и пытался припомнить, когда я сюда пришел, но в этом направлении котелок не варил. Ладно, рано или поздно все образуется. Отличная вечеринка...

Я смотрел, слушал, пробовал и чувствовал. Все, что привлекало мое внимание, оказывалось восхитительным. Хотел ли я о чем-то спросить Люка? Вроде бы да, но он пел, а я все равно не мог думать ни о чем серьезном.

Что я делал — до того как оказался здесь?.. Нет, попытка вспомнить не стоит усилий. Во всяком случае, сейчас, когда все вокруг так интересно.

Между тем следовало разобраться. Не случайно же я испытывал такое беспокойство? Неужели я не завершил какого-то важного дела?

Я обернулся, чтобы спросить Кота, но тот снова растворился, всем своим видом выражая огромное удовольствие. Наконец до меня дошло, что и я мог бы поступить так же — я имею в виду раствориться и отправиться в другое место. Возможно. Я поставил бокал и потер глаза и виски. Внутри головы все тоже плыло.

Неожиданно я вспомнил свое изображение. На карте. Да. Вот как я сюда попал. При помощи карты...

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и я обернулся. Рука принадлежала Люку; он улыбался и протискивался к бару, чтобы выпить еще.

— Отличная вечеринка, правда?

— Да, здорово. Как ты нашел это место?

— Не помню, — пожал он плечами. — Какая разница?

Люк отвернулся, и снежная буря закружила между нами хрусталики льда. Гусеница выдохнула пурпурное облако. Восходила голубая луна.

Что-то здесь не так...

Неожиданно у меня возникло такое ощущение, будто на некой войне мне отстрелили способность к критическим суждениям. Я не мог сосредоточиться на аномалиях, которые наверняка здесь есть. Я знал, что запутался, но не видел выхода.

Я запутался...

Запутался...

Как?

Ну... Все началось, когда я пожал свою собственную руку. Нет, не так. Слишком похоже на дзен-буддизм, а дзен здесь ни при чем. Рука, которую я пожал, возникла из пространства, занятого моим изображением на карте. Да, вот и все. Примерно так.

Я стиснул зубы. Снова заиграла музыка. Возле моей руки, лежавшей на стойке бара, раздалось непонятное царапанье. Когда я посмотрел на руку, оказалось, что моя кружка наполнена вновь. Похоже, я и так выпил лишнего. Может, именно это и мешает мне все осмыслить.

Я отвернулся и посмотрел налево, мимо фрески, которая стала настоящим ландшафтом. «Не становлюсь ли я частью фрески?» — неожиданно мелькнула мысль.

Не важно. Если я не в состоянии думать здесь... Я побежал — влево... Это место каким-то образом перемешивало все в моей голове; осмыслить происходящее, являясь его частью, было невозможно. Чтобы думать правильно и понять, что происходит, я должен выбраться отсюда.

Я находился напротив бара, там, где нарисованные камни и деревья обретали три измерения. Я замахал руками, пытаясь зарыться глубже. Я слышал свист ветра, но не чувствовал его дуновения.

Находящиеся передо мной предметы не становились ближе. Я двигался, но...

Люк снова запел.

Я замер. Потом обернулся — очень медленно, потому что мне показалось, что он стоит прямо за моей спиной. Так оно и есть — я отошел от стойки бара лишь на несколько шагов. Люк улыбался и продолжал петь.

— Что происходит? — спросил я у Гусеницы.

— Ты петляешь в петле Люка, — ответила она.

— Как ты сказала?

Она выпустила колечко дыма, тихо вздохнула и произнесла:

— Люк петляет в петле, а ты заплутался в лирике. Вот и все.

— Как это произошло? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответила Гусеница.

— Ладно, как мне выбраться?

— И это не могу тебе сказать.

Я повернулся к Коту — сперва материализовалась его улыбка, а затем и он сам.

— Вряд ли тебе известно... — начал я.

— Я видел, как вы вошли: вначале он, потом ты, — сказал Кот, ухмыляясь. — Даже здесь ваше появление казалось необычным, из чего я заключил, что по крайней мере один из вас связан с магией.

Я кивнул.

— Ты тоже кого угодно достанешь своими появлениями и уходами, — заметил я.

— Я держу свои лапы при себе, — ответил Кот. — Это больше, чем может сказать Люк.

— Что ты имеешь в виду?

— Он попал в заразную ловушку.

— Как она действует? — спросил я.

Но Кот исчез, на этот раз вместе с улыбкой.

Заразная ловушка? Выходит, неприятности у Люка, а я оказался каким-то образом в них втянут? Однако я по-прежнему не представлял, в чем заключается проблема и как ее разрешить.

Я потянулся за кружкой. Если проблему не удается разрешить, почему бы просто не получить удовольствие?

Делая медленный глоток, я заметил пару бледных горящих глаз, уставившихся прямо на меня. Раньше я их не видел. Странным было то, что они занимали темный угол фрески на противоположной стене... это, и еще то, что они медленно перемещались влево.

Потеряв глаза из виду, я мог проследить по колыханию травы, как некто пробирался в то место, куда так хотел попасть я. Позади Люка я разглядел худощавого джентльмена в темном пиджаке, с палитрой и кистью в руке; тип в темном пиджаке не торопясь расширял фреску. Я сделал еще один глоток и снова сосредоточился на существе, перебравшемся из плоского мира в мир трех измерений. Между кустом и камнем показалось рыло, сделанное из оружейного металла, над ним сверкнули бледные глаза, с темного дула на землю дымясь стекала черная слюна. Существо было либо очень маленьким, либо прижималось к земле. Я никак не мог понять: изучает оно всех нас сразу или исключительно меня?

Наклонившись, я ухватил Шалтая за пояс — а может, галстук, как пришлось — за мгновение до того, как он едва не завалился на бок.

— Извини, ты не знаешь, кто это?

Я указал на проявившееся многоногое, длиннохвостое, все какое-то волнистое чудовище с темной чешуей. Задрав хвост, оно понеслось в нашу сторону, царапая пол красными когтями.

Мутные глаза Шалтая безуспешно пытались перехватить мой взгляд.

— Я нахожусь здесь не для того, сэр, — начал он, — чтобы избавлять вас от зоологического неве... О небо! Это...

Существо стремительно приближалось. Еще немного, и оно явно начнет операцию по уничтожению — это читалось у него во взгляде. Похоже, для меня это удачный повод убраться отсюда подальше.

Сегменты тела дергались из стороны в сторону, тварь шипела, как пароварка, дымящаяся слюна отмечала путь от намалеванной на стене картины. Мне показалось, что зверь побежал еще быстрее.

Я непроизвольно выбросил вперед левую руку и выпалил заготовленный набор слов. Чудовище пересекло пространство, которое я не смог преодолеть раньше, рыча перевернуло стол и подобрало лапы, словно готовясь к прыжку.

— Брандашмыг! — крикнул кто-то.

— Злопасный Брандашмыг! — поправил Шалтай*.

Когда я произнес последнее слово и исполнил заключительный жест, перед моим внутренним взором проплыл образ Логруса.

Выпустившее когти чудовище неожиданно втянуло их обратно, схватилось за верхнюю левую часть груди, закатило глаза, испустило тихий вздох, тяжело выдохнуло и рухнуло на пол, задрав многочисленные ноги.

Над ним тут же появилась улыбка Кота. Рот двигался.

— Мертвый злопасный Брандашмыг, — объявил он.

Улыбка двинулась в мою сторону; Кот мерцал вокруг нее как напоминание.

— Заклятие сердечного приступа, не так ли? — поинтересовался он.

— Наверное, — пробормотал я. — Рефлекс сработал. Да, теперь помню. Это заклинание еще висит в воздухе.

— Говорил же, — проворчал Кот, — что на вечеринке присутствуют маги.

Образ Логруса, который появился в момент действия заклинания, зажег тусклую лампочку, осветившую затхлый чердак моего сознания. Колдовство. Конечно.

Я — Мерлин, сын Корвина, отношусь к магам, каковые редко встречаются в краях, где мне довелось жить в последние годы. Люкас Рейнард, также известный как принц Кашфы Ринальдо, тоже маг, хотя и совсем другого стиля. Кот же, поднаторевший в подобных делах, мог бы сообразить, что все происходящее является результатом мощного заклинания. Это один из немногих случаев, где мои чувствительность и подготовка не в состоянии проинформировать меня о природе грозящих неприятностей. Подобное происходит в силу того, что мои способности также попадают под действие магии. Я словно разучился различать цвета. Не прибегая к внешней помощи, я не мог точно провести анализ ситуации.

Пока я размышлял над свалившимися на меня проблемами, к парадному входу подъехали королевские рыцари. Пройдя через крутящиеся двери, рыцари набросили веревки на труп Брандашмыга. Шалтай сполз со стула и пропал в туалете. Вернувшись, он обнаружил, что не в состоянии забраться на прежнее место, и крикнул рыцарям, чтобы его подсадили, но те протаскивали Брандашмыга между столов и на крик никак не отреагировали.

Подошел улыбающийся Люк.

— Значит, это был Брандашмыг... Всегда хотел посмотреть, как они выглядят. Теперь бы заманить сюда Бармаглота...

— Тс-с! — остановил его Кот. — Он где-то на фреске и наверняка сейчас слушает. Не стоит его тревожить, не то бесшумно нападет на тебя в лесу! Не забывай о челюстях, которые прокусывают насквозь, и о когтях, из которых трудно вырваться! Зачем искать неприят...

Кот метнул взгляд на стену и несколько раз быстро исчез и появился.

Не обратив на это внимания, Люк заметил:

— Я как раз думал об иллюстрациях Тенниела*.

Кот материализовался у дальней стойки бара, приложился к бокалу Болванщика и произнес:

— Я слышал бормотание, а пылающие глаза сдвинулись влево.

Я взглянул на фреску, увидел пылающие глаза и уловил характерный звук.

— Это может быть что угодно, — заметил Люк.

Кот зашел за стойку бара и взобрался на полку, где мерцало в тени странное оружие. Отцепил его и толкнул через всю стойку; оружие остановилось напротив Люка.

— Стрижающий Меч лучше держать при себе — вот все, что я могу сказать.

Люк рассмеялся, а я зачарованно смотрел на предмет, сделанный, как мне показалось, из крыльев мотыльков и скрученного лунного света.

Потом вновь донеслось бормотание.

— Только не стой как вкопанный! — бросил Кот, осушил бокал Шалтая и снова исчез.

Все еще посмеиваясь, Люк протянул свою кружку за новой порцией. Я стоял как вкопанный. Заклинание, при помощи которого я разделался с Брандашмыгом, определенным образом повлияло и на мое мышление. На короткий миг мне показалось, что картина проясняется. Может, причина в том, что я посмотрел на образ Логруса?..

И я вызвал его снова.

Символ застыл передо мной. Мне показалось, что мои мозги начал продувать холодный ветер. Плавающие осколки памяти сбивались в кучу, собирались в единое целое и скреплялись пониманием. Конечно...

Бормотание стало громче. Я увидел скользящую между деревьев тень Бармаглота: глаза его сверкали, как посадочные огни, все тело щетинилось острыми приспособлениями для кусания и царапанья...

И это не имело никакого значения. Ибо я понял, что происходит, кто является всему причиной и почему.

Я согнулся и наклонился вперед, так, что костяшки пальцев царапнули по правому сапогу.

— Люк, — сказал я. — У нас проблема.

Он отвернулся от бара и посмотрел на меня:

— В чем дело?

Те, в чьих жилах течет кровь Амбера, обладают огромной силой. Мы также умеем хорошо держать удар. В нашем кругу такие вещи друг друга уравновешивают. Следовательно, подобные проблемы надо решать исключительно точно — или не решать вообще.

Я нанес Люку удар кулаком от самого пола, угодил ему в челюсть, от чего он подлетел вверх, раскинул руки, перевернул столик и доехал до самого конца стойки бара, остановившись у ног джентльмена викторианского вида, который уронил кисть и поспешно отошел в сторону. Я схватил кружку и вылил ее содержимое на правый кулак, который ныл так, словно я молотил им по скале. В то же время свет потускнел, и наступило полное молчание.

Тогда я с треском поставил кружку на стойку бара. Все заведение выбрало этот момент, чтобы содрогнуться, словно от землетрясения. Бутылки полетели с полок, лампа закачалась, бормотание стало тише. Я взглянул налево и увидел, как причудливая тень Бармаглота скрылась в густом лесу. Раскрашенная часть перспективы вытянулась в сторону нормального мира и продолжала двигаться в этом направлении, замораживая целый угол в плоской неподвижности. По шелесту крыльев я определил, что Бармаглот уходит влево, пытаясь отойти от двухмерного пространства. Труляля, Траляля, Додо и Лягушонок принялись укладывать свои инструменты.

Я кинулся к распростертому на полу телу Люка. Гусеница разбирала кальян; я увидел, что ее гриб наклонился под странным углом. Белый Кролик ускакал к дырке в заднике, и было слышно, как Шалтай бормочет ругательства, раскачиваясь на высоком стуле, на который ему наконец удалось взобраться.

Оказавшись рядом с джентльменом с палитрой, я приветливо ему улыбнулся:

— Простите, что побеспокоил, но поверьте мне, это к лучшему.

Я поднял бесчувственное тело Люка и перебросил его через плечо. Мимо пролетела целая стая игральных карт. Я поспешно удалился с их пути.

— Подумать только! Вот кто спугнул Бармаглота! — воскликнул художник, глядя мимо меня.

— Кто спугнул? — спросил я, не уверенный до конца в том, что мне хочется услышать ответ.

— Вот, — сказал он, показывая на вход в бар.

Я попятился. Для того чтобы убедиться в правильности решения Бармаглота, мне хватило одного взгляда.

В бар вошел Огненный Ангел красно-коричневого цвета ростом в добрую дюжину футов. Крылья походили на расписанные витражи, а сам он напоминал о смерти и о богомоле с остроконечным воротником и лапками с торчащими во все мыслимые стороны шипами. Один шип зацепился за вращающуюся дверь и сорвал ее с петель.

Это был зверь Хаоса — редкий, опасный и очень умный. Я уже много лет не видел такого и сейчас не имел ни малейшего желания им любоваться. Тем более если учесть, что зверь появился из-за меня. Я даже сгоряча пожалел, что потратил вызывающее сердечный приступ заклинание на обыкновенного Брандашмыга, но вовремя вспомнил, что у Огненных Ангелов три сердца.

Огненный Ангел заметил меня, издал короткий охотничий клич и двинулся вперед.

— Жаль, что не удается с вами поговорить, — сказал я художнику. — Мне очень нравится ваша работа. К сожалению...

— Я понимаю.

— До свидания.

— Удачи.

Я нырнул в кроличью нору и побежал, пригибаясь из-за низкого потолка. Люк весьма осложнял мое продвижение, особенно на поворотах. Сзади донесся скребущий звук, охотничий клич повторился. Утешало то, что Огненному Ангелу приходилось существенно расширять проход, чтобы пробираться по туннелю. К сожалению, он мог играючи справиться с подобной задачей. Эти существа обладают неправдоподобной силой и практически неуязвимы.

Неожиданно пол провалился под моими ногами, и я полетел вниз. Я вытянул свободную руку, стараясь за что-нибудь ухватиться, но ухватиться было не за что. Ну и хорошо. Я надеялся и наполовину ожидал, что так и будет. Люк слабо застонал, но не пошевелился.

Мы падали. Вниз, вниз, вниз... Мы летели в колодец. Либо он был очень глубок, либо мы падали очень медленно. Вокруг царила полутьма, и я не мог разглядеть стен. В голове прояснилось, и я понял, что так будет продолжаться до тех пор, пока я буду контролировать самую важную переменную — Люка.

Сверху опять донесся охотничий клич. Сразу же за ним раздалось странное бормотание. На моем запястье вновь запульсировала Фракир, не сообщая, впрочем, ничего нового. Пришлось ее заглушить.

Еще яснее. Я начал припоминать... *Как я напал на* Твердыню Четырех Миров и освободил Джасру, мать *Люка. Атаку оборотня. Мой странный визит к Винте* Бейли, которая оказалась не тем, кем выглядела. Обед в Мертвом тупике. Хранителя по имени Скроф, Сан-Франциско, хрустальную пещеру... Отчетливее и отчетливее.

...Огненный Ангел трубил все громче и громче. Очевидно, он пробился через туннель и теперь тоже летит вниз. К несчастью, у него были крылья, в то время как я мог лишь просто падать.

Я взглянул вверх — очертаний Ангела не разобрать. Казалось, что вверху темнее, чем внизу. Я очень надеялся, что это свет в конце туннеля, поскольку другого выхода я не видел. Было слишком темно, чтобы разглядеть карту или что-либо еще, от чего можно было бы оттолкнуться для перемещения в Тени.

Вдруг я почувствовал, что мы уже не летим, а плывем по воздуху. Упавшая скорость обещала безболезненное приземление. Если бы не это, пришлось бы тормозить при помощи *заклинаний*.

Как бы то ни было, все могло обернуться и хуже. Нас запросто могли сожрать по пути вниз — вполне реальная перспектива, если, конечно, наш преследователь не успел где-то насытиться, в каковом случае он бы просто разорвал нас на части. Спасаясь от него, нам пришлось бы разгоняться, что, разумеется, привело бы к гибели при ударе о землю.

Решения, решения.

Люк слабо заворочался на моем плече. Лишь бы не вздумал приходить в себя — сейчас некогда усыплять его при помощи заклинания, и врезать ему хорошенько в таких условиях я тоже не мог.

Мы влетели в более освещенный участок, и я разглядел на стенах шахты надписи на неизвестном языке. Далеко внизу мерцал крошечный источник света. Почти одновременно раздался клич, на этот раз совсем близко.

Я взглянул вверх и увидел пролетающего сквозь сияние Огненного Ангела. Следом за ним неслась бормочущая тень. Бармаглот тоже летел вниз, причем де-

монстрировал лучшую среди всех нас скорость. Меня чрезвычайно волновали его намерения.

Круг света расширялся. Люк снова завозился у меня на плече. Цель Бармаглота, как бы то ни было, скоро прояснилась. Догнав Огненного Ангела, он бросился в атаку.

Шахту заполнили хлопанье крыльев, истошные вопли, со всех сторон доносилось шипение, хруст и рычание. Звери набросились друг на друга с невиданной яростью. На фоне струящегося снизу бледного света сияющие, как заходящие светила, глаза и похожие на штыки когти напоминали зловещую картинку из ада. Схватка существенно замедлила их движение. Я решил не рисковать и не прибегать к неуместному заклинанию и лишним маневрам при выходе из туннеля.

— Аргх! — рыкнул Люк и завозился в моих объятиях.

— Согласен, — ответил я. — Только лежи спокойно, ладно? Мы сейчас грохнемся...

— И сгорим, — спокойно добавил он, посмотрев на сцепившихся над нашими головами чудовищ. Потом Люк опустил голову и сообразил, что мы тоже падаем. — Клевый приход?

— Плохой, — проворчал я и вдруг осознал, что лучше и не выразишься.

Проход стал шире, скорость упала. Если бы я применил заклинание, которое назвал «Пощечина гиганта», мы скорее всего зависли бы на месте, а может быть, и полетели бы назад. Лучше получить несколько синяков, чем оказаться преградой на пути таких монстров.

Вот уж действительно скверный кайф... Пока мы под немыслимым углом вылетали из колодца и кувыркались в грязи, я вспоминал слова Рэндома.

Люк и я по инерции докатились до самого входа в пещеру. Вправо и влево от него тянулись туннели. Я успел разглядеть, что за входом лежит яркая, живописная долина. Люк неподвижно распластался рядом со мной. Я немедленно поднялся, ухватил его под мышки и потащил в сторону от темной дыры, из которой мы только что вывалились. Звуки битвы приближались.

Хорошо, что Люк снова потерял сознание. Такое, если я не ошибался в своих предположениях, с трудом вынес бы любой житель Амбера. А для мага это могло таить массу крайне опасных неожиданностей, с каковыми мне не приходилось сталкиваться раньше. Я понятия не имел, как следует реагировать на происходящее.

Я оттащил Люка к правому туннелю, меньшему из двух, вследствие чего его было легче оборонять. Едва мы успели забраться в укрытие, как из дыры вылетели раздирающие друг друга чудовища. О нас они, похоже, напрочь забыли, и я забрался поглубже.

Судя по всему, догадка Рэндома оказалась правильной. В конце концов он был музыкантом и играл по всей Тени. Кроме того, ничего другого мне просто не приходило в голову.

Я вызвал символ Логруса. Когда он станет четким, я сцеплюсь с ним руками и обрету способность сражаться с чудовищами. Звери, однако, не обращали на меня ни малейшего внимания, а мне совсем не хотелось отвлекать их от драки. К тому же я не был уверен, что мои удары произведут должное впечатление. Да и мой вызов уже давал о себе знать.

Поэтому я потянулся к Логрусу.

Это заняло целую вечность. Надо было преодолеть огромную часть Тени, прежде чем я нашел то, что искал. Потом мне пришлось полностью повторить эту процедуру. И еще раз. Все, что мне было нужно, находилось далеко.

Между тем битва не ослабевала. Когти дерущихся высекали искры из стен пещеры. Нанося друг другу многочисленные раны, монстры покрылись темной коркой. Люк пришел в себя и завороженно наблюдал за красочной схваткой. Как долго она будет занимать его внимание, я не знал. Меня радовало уже то, что он не отвлекается на другие мысли.

Между прочим, я болел за Бармаглота. Это был просто мерзкий зверь, которому все равно на кого нападать; лично против меня он ничего не имел. Зато Огненный Ангел вел другую игру. Он не мог самостоятельно забрести так далеко от Хаоса, его прислали специально. Поймать такое существо дьявольски сложно, еще труднее его выдрессировать и приручить. Держать их чрезвычайно дорого и опасно. Вкладывать средства в Огненных Ангелов — дело рискованное. Их главное предназначение — убийство. Насколько я знаю, за пределами Дворов Хаоса никто не пользуется их услугами. Огненные Ангелы отличаются сверхъестественными способностями, их можно использовать в качестве сторожевых псов Тени. Сами по себе, насколько мне известно, они по Тени не бродят. Зато могут без труда выследить идущего по Тени, а взяв след, ни за что с него не собьются. Оказавшись в этом сумасшедшем баре при помощи карты, я и не подозревал, что они тоже способны перемещаться таким способом. Могло, однако, так случиться, что кто-то заметил меня, притащил сюда эту зверюгу и спустил ее с цепи, чтобы она завершила свое дело. Как бы там ни было, во всем угадывался почерк Дворов Хаоса. Что и объясняло мою симпатию к Бармаглоту.

— Что происходит? — неожиданно спросил Люк.

Стены пещеры на мгновение потускнели, и я услышал странную мелодию.

— Сложно объяснить... Слушай, пора принимать лекарство.

Я высыпал на ладонь горсть только что добытых в Тенях витаминов B-12 и открыл извлеченную оттуда же бутылку с водой.

— Какое лекарство? — спросил Люк, когда я протянул ему витамины.

— Доктор сказал, что это поможет тебе быстрее поправиться.

— А, ну ладно.

Он закинул в рот всю пригоршню и запил одним огромным глотком.

— Теперь это.

Я открыл пузырек с торазином. Все таблетки были по двести миллиграммов, я не знал, сколько ему дать, и остановился на трех. Я также дал ему триптофана и немного фенилаланина*.

Он уставился на таблетки. Стены снова потускнели, музыка вернулась. Мимо нас проплыло облачко синего дыма. Неожиданно вернулся и бар, в нормальном для этого места виде. Перевернутые столики поставили на место, Шалтай все еще раскачивался. Появилась и фреска.

— Эй, а вот и наш клуб! — воскликнул Люк. — Пора двигать назад. Похоже, вечеринка вот-вот начнется.

— Вначале выпей лекарство.

— От чего оно?

— С тобой что-то не так. Оно приведет тебя в чувство.

— У меня ничего не болит. Я прекрасно себя чувствую...

— Пей!

— Хорошо, хорошо!

Он закинул в рот еще одну пригоршню.

Бармаглот и Огненный Ангел начали тускнеть, мой отчаянный жест у стойки бара встретил некоторое сопротивление, хотя картинка до конца не затвердела. Неожиданно я увидел Кота, чьи игры с материальностью сделали его на какое-то время самым реальным существом в округе.

— Ты приходишь или уходишь? — спросил я его.

Люк начал подниматься. Свет стал ярче.

— Эй, Люк, посмотри-ка!

— Куда? — спросил он, повернув голову.

Я ударил его еще раз.

Едва он рухнул, бар начал тускнеть. Снова проступили стены пещеры. Я услышал, как Кот произнес:

— Ухожу...

Звуки обрели прежнюю силу, только на этот раз все заглушал похожий на волынку визг. Это верещал прижатый к земле Бармаглот, которого нещадно полосовал когтями Огненный Ангел. Тогда я решил прибегнуть к заклинанию «Четвертое июля», которое осталось у меня после штурма цитадели. Я встал перед Люком, чтобы закрыть ему обзор, вскинул руки, зажмурился и произнес нужные слова.

Даже с закрытыми глазами я увидел ослепительную вспышку света. Люк воскликнул «Эй!», но прочие звуки резко оборвались. Когда я посмотрел еще раз, оба зверя лежали, словно оглушенные, в дальнем конце пещеры.

Я схватил Люка за руку и взвалил его на плечо, как делают пожарные. Затем двинулся к выходу из пещеры, только один раз поскользнувшись в крови чудовищ. Монстры зашевелились прежде, чем я успел выбраться, но движения их были скорее рефлекторны, чем осмысленны.

У самого выхода я замер, потрясенный видом лежащего передо мной цветущего сада. Цветы достигали в высоту моего роста, ветерок донес до меня их благоухание.

Спустя несколько секунд я услышал за спиной более определенные движения. Бармаглот пытался встать на ноги. Огненный Ангел по-прежнему лежал, пыхтя словно затухающая топка паровоза. Бармаглот попятился, взмахнул крыльями и вылетел в черный провал в скале. «Неплохое решение», — подумал я и поспешил в сад.

Здесь запах был еще сильнее. Цветы почти все распустились, вокруг раскинулся фантастический яркий ковер. Спустя некоторое время я заметил, что задыхаюсь, но все равно продолжал бежать. Люк весил немало, но я хотел как можно дальше уйти от пещеры. Учитывая, как быстро мог перемещаться в пространстве наш преследователь, я сомневался, что у меня хватит времени на возню с картами.

Постепенно меня начала охватывать странная слабость, собственные руки и ноги вдруг показались мне страшно далекими. До меня тут же дошло, что цветочный аромат обладает наркотическим свойством. Только этого мне не

хватало — словить кайф от травки, пытаясь избавить от ее воздействия Люка!.. Тем не менее я сумел разглядеть впереди слабый просвет. Если повезет, нам удастся немного перевести дух, прежде чем я вновь обрету ясность мышления и соображу, что делать дальше. Пока что никаких признаков погони видно не было.

Неожиданно я почувствовал, что меня качает из стороны в сторону. Равновесие нарушилось. Навалился страх перед падением, напоминающий акрофобию. Я понял, что если упаду, то вряд ли смогу подняться, ибо меня охватит наркотический сон. В таком состоянии я и достанусь посланцу Хаоса. Цветы над головой смешались в длинные, пестрые ленты, текущие ярким потоком. Я старался контролировать дыхание и вдыхать как можно меньше ароматов. Это было трудно, поскольку я уже успел ими надышаться.

Обессиленный, я свалился рядом с Люком. Он не приходил в себя, на лице его застыло блаженное выражение.

Налетел ветерок с противоположной стороны — оттуда, где росли отвратительного вида остроконечные растения без цветов. Дурманящий аромат гигантского цветочного поля пропал. Спустя некоторое время в голове у меня начало проясняться, и я сообразил, что ветер относит наш запах в направлении пещеры. Я не знал, сумеет ли Огненный Ангел выделить его в тяжелом цветочном духе, но при одной мысли о такой возможности мне стало не по себе.

Много лет назад, будучи студентом, я попробовал ЛСД. Мне стало так страшно, что я на всю жизнь зарекся принимать галлюциногены. Это был не просто плохой приход. Я потерял способность перемещаться по Теням. Существует поверье, что жители Амбера могут попасть в любое место, какое только в силах вообразить, ибо все находится в какой-нибудь Тени. Подключая сознание к движению, мы можем настроиться на нужную нам Тень. К несчастью, я потерял контроль над своим воображением. К несчастью также, меня занесло в жуткие места. Я впал в панику, чем только усугубил положение. Меня могли запросто уничтожить, ибо я забрел в обретшие реальность джунгли собственного подсознания и провел немало времени в местах, где обреталось зло. Потом я, конечно, нашел дорогу домой, добрался до порога Джулии и оросил слезами ее грудь, а после в течение нескольких дней представлял собой полную психическую развалину.

Позже рассказал об этом Рэндому и узнал, что и ему *пришлось пережить* подобное. Вначале он рассматривал полученный опыт в качестве секретного оружия против остальных членов семьи, но впоследствии, когда отношения улучшились, он решил поделиться с ними информацией в интересах общей безопасности. К своему удивлению, Рэндом выяснил, что Бенедикт, Джерард, Фиона и Блейз тоже прошли через подобное, хотя и пользовались другими галлюциногенами. Как ни странно, только Фиона посчитала нашу реакцию на наркотик внутрисемейным оружием. Как бы то ни было, она отказалась от этой затеи в силу ее полной непредсказуемости. Все произошло несколько лет назад, другие дела вытеснили это событие из памяти Рэндома, и ему просто не пришло в голову меня предупредить.

Люк рассказывал, что затеянная им высадка десанта с дельтапланов у Твердыни Четырех Миров провалилась. Будучи там, я своими глазами видел разбросанные в разных местах обломки летательных аппаратов. Логично было

бы предположить, что Люка взяли в плен. А значит, своим состоянием он обязан колдуну по имени Маска. Похоже, ему добавили в тюремную еду наркотика и отпустили побродить среди красивых огоньков. К счастью, в отличие от моих, его мысленные путешествия оказались связаны исключительно с безобидными моментами из Льюиса Кэрролла. Может быть, его сердце было чище моего.

Дело между тем представлялось весьма странным, с какой стороны на него ни посмотреть. Маска мог уничтожить Люка, оставить в тюрьме или пополнить им свою зловещую коллекцию. Вместо этого Люка втянули в рискованную авантюру, после чего он, хоть и наказанный, оставался на свободе. Подобное наказание напоминало скорее шлепок по руке, чем настоящую месть. Причем так поступили с человеком, предпринявшим налет на Твердыню и, безусловно, намеренным повторить подобную атаку в будущем. Неужели Маска настолько уверен в себе? Или он не считал Люка серьезной угрозой?

И еще: наша способность перемещаться по Теням, равно как и колдовские способности, происходили из сходных источников — Огненного Пути и Логруса. Выходило, что, потревожив один, мы тревожили и другой. Теперь становилось понятным, как Люку удалось вызвать меня к себе словно по карте, хотя никакой карты в тот момент у него не было. Наркотики настолько усилили его способность к визуализации, что в моем изображении на карте не возникло необходимости. А его необычные магические способности объясняли всю предварительную суматоху, все странные, противоречащие реальности ощущения, которые я испытал, прежде чем он установил со мной настоящий контакт. Выходит, наркотики делают нас особо опасными. Об этом не следует забывать. Я надеялся, что Люк не проснется в ярости на меня за то, что я его ударил, и мне удастся кое-что ему объяснить. С другой стороны, транквилизатор должен умиротворить его на то время, пока прочие лекарства выводят из организма яды.

Я потер затекшие мышцы на левой ноге и встал. Подхватив Люка под руки, оттащил его еще на двадцать шагов в глубину поляны. Затем вздохнул и вернулся на прежнее место. Спасаться не было смысла. Рыкающий клич стал громче, цветы закачались, и над ними показалась темная фигура... Я понял, что Бармаглот убежал, а Огненный Ангел вернулся к своему делу. Схватка становилась неизбежной, и поляна представлялась мне вполне подходящим для этого дела местом.

II

Я сорвал с пояса прихваченный из бара меч и принялся его разматывать. При этом меч ритмично пощелкивал. Я очень надеялся, что поступаю наилучшим образом, а не совершаю серьезную ошибку.

Зверь пробирался сквозь цветы дольше, чем я предполагал. Это могло означать, что он с трудом находил мой след в столь экзотической обстановке. Я же надеялся, что причина заключается в том, что он ранен и потерял много сил в схватке с Бармаглотом.

Как бы то ни было, вскоре закачались и затрещали ближайшие ко мне стебли. Утыканное шипами чудовище вылезло из зарослей и вылупилось на меня остекленевшими глазами. Фракир перепугалась, пришлось ее успокаивать. К подобному она не привыкла. У меня еще оставалось заклинание «Пылающего фонтана», но я решил к нему не прибегать. Я знал, что монстра оно не остановит, а вот предсказать потом его поведение будет сложно.

— Я могу показать тебе дорогу обратно в Хаос, — крикнул я, — если ты уже успел соскучиться!

Зверь тихонько завыл и двинулся вперед. На этом сентиментальная часть завершилась.

Шел он с трудом, многочисленные раны кровоточили.

Интересно, способна ли тварь на бросок или это максимальная ее скорость? Благоразумие заставляло предположить худшее, и я готовился к любым неожиданностям.

Зверюга между тем продолжала медленно надвигаться — эдакий танк со щупальцами. Я не знал, где находятся его жизненно важные места. Анатомия Огненных Ангелов никогда меня особо не интересовала. Зато сейчас я пытался пройти ускоренный курс, наблюдая за приближающимся чудищем. Печально, но все уязвимые точки находились в труднодоступных для меня местах. Если они вообще у него были. Плохо.

Первым нападать не буду. Я не знал его боевых повадок и не собирался испытывать их на собственной шкуре. Лучше принять оборонительную стойку и вынудить врага атаковать.

Тварь выбросила переднее щупальце, я отпрыгнул в сторону и рубанул. Чик-трак! Конечность упала на землю, продолжая дергаться. Я тоже начал перемещаться. Раз-два, раз-два! Чик-трак!

Зверь медленно завалился влево, ибо я отсек ему с этой стороны все конечности.

Тогда я самоуверенно решил обойти его сзади и обрубить щупальца с правой стороны, пока он не пришел в себя от полученных увечий.

В этот момент выдвинулась еще одна конечность. Я оказался слишком близко, к тому же чудовище продолжало падать, так что ему не удалось ухватить меня когтями. Зато оно толкнуло меня в грудь тем, что могло оказаться как предплечьем, так и лодыжкой. Удар опрокинул меня на спину.

Отползая, я услышал, как Люк проворчал:

— Что в конце концов происходит?

— Позже, — бросил я, подтянул ноги и вскочил.

— Слушай, а ведь ты меня ударил! — не унимался Люк.

— В шутку, — процедил я, не оборачиваясь. — Это входит в курс лечения.

— А! — произнес он.

Чудовище свалилось на бок, пытаясь дотянуться до меня смертоносными когтями. Я увернулся от нескольких ударов, прикинул радиус действия и угол атаки и пошел напролом.

Чик-трак! Еще одна конечность зверя упала на землю.

Я трижды рубанул его по голове, каждый раз под другим углом, пока мне не удалось развалить череп. Монстр издавал щелкающие звуки и пытался отползти, отталкиваясь от земли кровоточащими обрубками.

Не помню, сколько всего ударов я ему нанес. Знаю, что махал мечом до тех пор, пока не изрубил его в буквальном смысле на кусочки. Каждый мой удар Люк сопровождал криком «Оп-ля!». К тому времени я изрядно вспотел и заметил, как тепловые волны или что-то еще искажают восприятие далеких цветов. Я радовался своему дьявольскому предвидению: Стрижающий Меч, прихваченный в баре, оказался великолепным оружием. Я вычертил в воздухе огромную дугу и стряхнул с клинка всю жижу, после чего принялся сворачивать меч в первоначальную компактную форму. Лезвие было мягким, как лепестки цветов, и продолжало слабо светиться...

— Браво! — воскликнул знакомый голос.

Я повернулся и увидел улыбку, а вслед за ней и Кота, легонько похлопывающего мне лапами.

— Отлично! Отлично, мой светозарный мальчик!*

Колебания стали заметнее, небо потемнело. Я услышал, как Люк позвал: «Эй!». Когда я обернулся, он уже встал и шел мне навстречу.

Я снова взглянул на Кота. За его спиной начал просматриваться бар: блестел медный поручень стойки. У меня закружилась голова.

— Как правило, за прокат Меча берется залог, но раз вы возвращаете его нетронутым...

Ко мне подошел Люк. Я снова услышал музыку, и он что-то замычал себе под нос, стараясь подстроиться под мелодию. Поляна и измельченный Огненный Ангел смотрелись теперь как наложение; бар обретал реальность, набирая цветовые оттенки и густоту тени.

Помещение, однако, выглядело компактнее, столики были сдвинуты, музыка звучала тише, фреска ужалась, художник пропал из виду. Даже Гусеница на грибе переместилась в темный угол, как-то съежилась, а синий дымок стал не таким густым. Я посчитал это добрым знаком: если наше там присутствие являлось результатом помутнения сознания Люка, то, может быть, фиксация начала слабеть?

— Люк? — позвал я.

Он подошел к стойке бара и встал рядом со мной.

— Да?

— Ты ведь знаешь, что это глюки?

— Нет... Не понимаю, о чем ты, — ответил он.

— Ты попал в плен к Маске, и он подсыпал тебе наркотиков. Ты допускаешь такую возможность?

— Кто такой Маска?

— Новый начальник стражи в Твердыне.

— А, ты имеешь в виду Шару Гаррула!.. Да, помню, у него была голубая маска.

Не было причин вдаваться в объяснения, почему Маска не Шару. Все равно он об этом забудет. Поэтому я кивнул и сказал:

— Правильно.

— Да, полагаю, он мог мне что-нибудь подсыпать, — произнес Люк. — Ты хочешь сказать, что все это?.. — Он обвел жестом помещение.

Я кивнул.

— Это, безусловно, реальность, — сказал я. — Поскольку мы можем перенестись и в галлюцинации. Они все где-нибудь реальны. Все дело в наркотике.

— Провалиться мне на месте, — пробормотал Люк.

— Я тебе дал кое-какие лекарства, они приведут тебя в чувство. Но потребуется время.

Он облизнул губы и огляделся.

— Ладно, спешить все равно некуда.

Послышался дикий визг. Демоны на фреске принялись вытворять грязные штуки с горящей женщиной, и Люк улыбнулся.

— В общем, мне здесь даже нравится.

Я положил свернутое оружие на стойку бара. Люк забарабанил пальцами и заказал еще по пиву. Я отошел, покачивая головой.

— Мне пора, — сказал я ему. — За мной еще гонятся и, похоже, нагоняют.

— Животные не в счет, — заметил Люк.

— То, которое я только что зарубил, — в счет, — возразил я. — Его послали.

Я взглянул на поломанные двери, пытаясь определить, кто войдет следующим. Говорят, Огненные Ангелы всегда охотятся парами.

— Мне надо с тобой поговорить, — продолжал я.

— Не сейчас, — сказал Люк и отвернулся.

— Послушай, это важно.

— Я ничего не соображаю, — ответил он.

И в самом деле. Тащить его обратно в Амбер или куда-либо еще не было никакого смысла. Он просто улизнет в свои фантазии и снова окажется здесь. Прежде чем мы сможем обсудить общие проблемы, голова его должна проясниться, а фантазии — сгинуть.

— Ты помнишь, что твоя мать — пленница в Амбере? — спросил я.

— Да.

— Позови меня, когда очухаешься. Надо поговорить.

— Хорошо.

Я развернулся и вышел из бара на туманную набережную. Издалека донеслось пение Люка. Он старательно выводил тоскливую мелодию баллады.

Туман так же плох, как и полная темнота, когда дело касается перемещения в Тени. Если невозможно ничего разглядеть во время движения, значит, нельзя и вовремя ускользнуть. С другой стороны, мне хотелось побыть одному и кое-что обдумать, тем более что в голове у меня прояснилось. Если я никого не вижу в этом мареве, значит, и меня никто не видит. Кроме моих шагов по булыжной мостовой, никаких звуков не раздавалось.

Ну и чего я добился? С тех пор как меня разбудили от кратковременного сна, чтобы я сопровождал Люка в его необычном путешествии в Амбер, мне приходилось то и дело напрягаться самым немыслимым образом, от чего я под конец смертельно устал. Меня доставили к Люку, я понял, что он грезит, и сделал все, чтобы он поскорее вышел из этого состояния. Потом я изрубил Огненного Ангела и оставил Люка там же, где и увидел впервые.

Пробираясь сквозь плотный, как вата, туман, я размышлял о том, чего мне удалось добиться: я предостерег Люка от любых поползновений в отношении Амбера. Теперь он помнит, что его мать — наша пленница, и не решится предпринять что-либо против нас в данных обстоятельствах. Помимо чисто технических сложностей по транспортировке Люка и удержанию его в одном месте, это была еще одна причина, по которой я хотел оставить его одного. Рэндом,

конечно, предпочел бы видеть противника закованным в кандалы в подвале. Но и лишенный клыков Люк его устроит, тем более что рано или поздно он сам придет к нам в поисках Джасры. Я хотел, чтобы он поклонился нам по своей воле. Ну а у меня проблем хватало: Призрачное Колесо, Маска, Винта... и этот новый фантом, который только что записался на прием, взял номерок и сел в кресло.

Не исключено, что Джасра использовала силу наведения голубых камней и подослала ко мне убийц; у нее были к этому как возможности, так и мотивы. Это мог быть также и Маска, который тоже имел необходимые возможности и, очевидно, мотивы, хотя я их не понимал. С Маской я разберусь, когда придет время, сейчас хорошо бы уйти от голубых камней. Похоже, я чем-то напугал Маску во время нашей последней встречи в Твердыне. Как бы то ни было, представлялось маловероятным, чтобы Маска или Джасра, со всей их мощью, имели выход на тренированных Огненных Ангелов. Нет, есть только одно место, где их можно заполучить, и колдуны Тени не входят в список клиентов.

Порыв ветра на мгновение разогнал туман, и я увидел темные строения. Хорошо. Я переместился.

Снова наполз туман; впереди громоздились уже не здания, а мрачные каменные громады. Еще один просвет, и я увидел клочок утреннего или вечернего неба, по которому рассыпалась пена ярких звезд. Вскоре ветер окончательно разогнал туман, и я понял, что нахожусь на возвышенном каменистом плато; небосвод светился звездным огнем, при котором можно было читать. Я пошел по темной тропе, ведущей к краю мира...

Все это дело с Люком, Джасрой, Далтом и Маской представлялось мне единой историей — местами понятной, местами загадочной. Имея время и желание, ее можно было распутать, хотя для этого и пришлось бы немного повозиться. Похоже, Люк и Джасра нейтрализованы. Маска, непостижимый тип, кажется, затаил лично на меня зуб, но угрозы Амберу не представлял. Опасен был Далт со своим неведомым новым оружием, однако Рэндом владел ситуацией, да и Бенедикт уже вернулся в город. Похоже, сделано все, что можно было сделать.

Я стоял на краю мира и смотрел в полную звезд бездонную пропасть. Моя гора никоим образом не украшала поверхность планеты. Слева от меня находился мост, за которым чернела заслоняющая звезды громада — вероятно, еще одна плавающая гора. Я осторожно зашагал по настилу. Здесь не существовало проблем атмосферы, гравитации и температуры. Здесь я мог сам создавать нужную мне реальность.

У дальнего края черной горы был еще один мост, ведущий к другим черным провалам. Там я задержался, поскольку мог видеть во все стороны. Место показалось мне подходящим и безопасным. Я вытащил колоду карт и нашел одну, которой не пользовался очень, очень давно.

Я отложил остальные в сторону и долго изучал голубые глаза и молодое, четкое, слегка жестковатое лицо, обрамленное копной чистых белых волос. Он был одет во все черное, за исключением белого воротника и выглядывающих из-под плотного, блестящего камзола манжет. Рука в перчатке сжимала три стальных шара.

Иногда бывает непросто попасть сразу в Хаос, поэтому я сфокусировал внимание и потянулся — осторожно, но уверенно. Контакт наступил почти мгновенно. Он сидел на балконе под расчерченным безумным пунктиром небом, слева от него находились Меняющиеся горы. Ноги его покоились на плавающем столике, а сам он читал книгу. Опустив ее, он слабо улыбнулся:

— Ты выглядишь усталым, Мерлин.

Я кивнул и сказал:

— А ты отдохнувшим.

— Да. — Мэндор закрыл книгу и положил ее на столик. — Неприятности?

— Именно.

Он поднялся.

— Хочешь пройти?

Я покачал головой:

— Если у тебя есть карты для возвращения, лучше ты иди ко мне.

— Хорошо, — сказал он и протянул руку.

Я протянул свою, и мы коснулись друг друга. Потом он сделал один шаг и оказался на мосту рядом со мной. Мы обнялись, после чего Мэндор огляделся и посмотрел в провал.

— Здесь опасно?

— Нет. Я выбрал это место потому, что здесь спокойно.

— И красиво... Что происходит?

— Долгие годы со мной вообще ничего не происходило. Я был обычным студентом, а потом разработчиком компьютерной техники. И вдруг словно сам ад вырвался на волю. Хотя в основном я все понимаю и контролирую большую часть происходящего. Эта часть сложна и недостойна твоего внимания.

— А другая часть?

— До сего времени мои враги были из окрестностей Амбера. Затем, совершенно неожиданно, когда почти все было улажено, кто-то пустил по моему следу Огненного Ангела. Мне только что удалось его уничтожить. Не могу понять, кто его на меня натравил.

Мэндор прищелкнул языком, отошел в сторону, потом обернулся.

— Разумеется, ты прав, — *сказал он. — Я не знал, что дело дошло до такого,* иначе переговорил бы с тобой раньше. Давай, однако, разберем главные моменты, прежде чем я выскажу тебе кое-какие соображения. Я хочу выслушать историю целиком.

— Зачем?

— Затем, что иногда ты бываешь поразительно наивен, братец, и можешь ошибиться в отношении того, что по-настоящему важно.

— Я умру с голоду, прежде чем закончу, — заметил я.

Плутовато улыбнувшись, мой сводный брат Мэндор поднял руки.

Джарт и Деспил приходились мне сводными братьями; моя мать Дара родила их от Савалла, герцога Края. Мэндор же был сыном Савалла от предыдущего брака. Мэндор старше меня, наверное, поэтому он напоминает мне моих родственников из Амбера. Я всегда чувствую себя не в своей тарелке в присутствии детей Дары и Савалла, а так как Мэндор не входил в их замкнутый круг, у нас с ним было много общего. В конце концов мы пережили все

разногласия и сблизились, как мне временами казалось, теснее, чем единокровные братья. За эти годы он научил меня многому, и мы с ним великолепно проводили время.

Воздух рядом с нами задрожал, и, когда Мэндор опустил руки, там уже стоял покрытый белой скатертью стол, а спустя мгновение появились и два стула. Стол был сервирован бесчисленными блюдами, изысканной фарфоровой посудой, хрусталем и серебряными приборами; было даже сверкающее ведерко со льдом, в котором темнела рифленая бутылка.

— Впечатляет, — признался я.

— Последние годы я уделял много времени гурманистической магии, — сказал Мэндор. — Прошу садиться.

Нам было очень удобно на мосту между двумя темными мирами. Я восхищенно причмокнул, а спустя некоторое время приступил к последовательному изложению событий, которые привели меня сюда, в царство звездного света и безмолвия.

Мэндор выслушал мое повествование, не перебивая, затем спросил:

— Не желаешь ли повторить десерт?

— Да, с удовольствием.

Подняв голову, я заметил, что он улыбается.

— Что смешного?

— Ты, — ответил он. — Помнишь, я говорил, что доверять тебе будут с опаской.

— Ну и что? Я никому о себе не рассказывал. Если ты собираешься читать мне лекции о том, что нельзя дружить с Люком, не узнав его, то я это уже слышал.

— А что с Джулией?

— Ты о чем? Она никогда не училась...

— Именно. И ты решил, что ей можно довериться. На деле же ты настроил ее против себя.

— Правильно! Может быть, в этом случае я тоже ошибся в суждении.

— Ты создал замечательную машину, но тебе не пришло в голову, что она может стать мощным оружием. Рэндом, кстати, мгновенно все понял. И Люк тоже. Возможно, тебя спасло от катастрофы то, что Колесо начало рассуждать и не захотело подчиняться.

— Ты прав. Меня больше волновали технические проблемы. Я не продумал всех последствий.

Мэндор вздохнул:

— Что мне с тобой делать, Мерлин? Ты рискуешь — и даже не понимаешь, что рискуешь.

— Я не поверил Винте, — возразил я.

— Полагаю, ты мог бы получить от нее больше информации, — парировал Мэндор, — если бы не так торопился спасти Люка, который к тому времени был уже в безопасности. Похоже, к концу вашего разговора она разоткровенничалась.

— Наверное, мне следовало позвать тебя.

— Сделай это, если встретишься с ней еще раз. Я ею займусь.

Я вытаращил глаза. Похоже, он говорил всерьез.

— Ты знаешь, кто она?

— Я ее разгадаю, — сказал Мэндор, покручивая в пальцах бокал с ярким оранжевым напитком. — Но у меня есть к тебе предложение — простое до элегантности. Я приобрел новый домик — очень уединенный, в тиши, со всеми удобствами. Почему бы тебе не вернуться со мной во Дворы, вместо того чтобы мотаться от одной опасности к другой? Заляжешь на пару лет, насладишься спокойной жизнью, почитаешь. Там ты будешь в полной безопасности. А когда накал спадет, снова займешься своим делом.

— Нет, — отрезал я и сделал маленький глоток сказочного напитка. — Лучше расскажи о том, чего я не знаю.

— Если ты примешь мое приглашение, тебе это никогда не понадобится.

— Все равно. Даже если я его приму, я хочу все знать. Ты же выслушал мою историю. Теперь я послушаю твою.

Мэндор пожал плечами, откинулся на спинку стула и посмотрел на звезды.

— Свейвил умирает, — сказал он.

— Он уже несколько лет только этим и занят.

— Верно, но ему стало значительно хуже. Полагают, что это связано с предсмертным проклятием Эрика из Амбера. Как бы то ни было, долго он не протянет.

— Начинаю понимать...

— Да, борьба за право наследования разгорается. Люди гибнут как мухи — отравления, дуэли, убийства, странные катастрофы, сомнительные самоубийства. Многие уехали в неизвестном направлении. Во всяком случае, так о них говорят.

— Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

— Придет время, и оно не будет иметь к тебе отношения.

— То есть?

— Ты знаешь, что после твоего отъезда Савалл тебя формально усыновил?

— Что?!

— Да-да. Я не уверен до конца в его мотивах. Но ты являешься законным наследником. Ты следуешь за мной, опережая Джарта и Деспила.

— Все равно я в *самом конце списка.*

— Верно, — медленно проговорил Мэндор. — Большинство заинтересованных лиц идет выше...

— Ты сказал «большинство»?

— Всегда бывают исключения, — ответил он. — Ты должен понять, что в смутные времена хорошо отдавать старые долги: лишняя смерть не привлечет такого внимания, как в мирный и спокойный период. Даже в относительно высоких сферах.

Встретив его взгляд, я покачал головой:

— Это в самом деле не имеет отношения к моему случаю.

Мэндор посмотрел на меня так пристально, что мне стало неловко.

— Разве не так? — спросил я под конец.

— Ну... — произнес он, — подумай сам.

Я подумал. Едва я сообразил, Мэндор кивнул, словно ясно видел все, что происходит в моей голове.

— Джарт встретил перемены со смешанным чувством радости и страха. Без конца говорил о последних смертях, восхищался элегантностью и очевидной легкостью, с которой многие из них происходили. Хихикал и радовался. Наконец страх и стремление подчеркнуть собственную способность ко злу пересилили другой его страх...

— Перед Логрусом?

— Да. В конце концов он рискнул пройти Логрус.

— Наверное, был очень собою доволен. И горд. Он ведь много лет к этому стремился.

— О да, — ответил Мэндор. — Не сомневаюсь, что он испытал также немало других чувств.

— Свобода, — предположил я. — Сила. — Увидев его удивленное выражение, я вынужден был добавить: — Возможность вести игру самому.

— Ты не безнадежен, — проворчал Мэндор. — Теперь постарайся довести все до логического завершения.

— Попробую, — сказал я, вспомнив, как отлетело после моего рубящего удара ухо Джарта, обдав нас обоих брызгами крови. — Ты считаешь, что Огненного Ангела послал Джарт?

— Вполне возможно. Не желаешь ли, однако, продолжить?

Я вспомнил, как Джарт напоролся глазом на ветку, когда мы с ним сцепились на поляне...

— Хорошо, он действительно жаждет моей смерти. Возможно, это борьба за право наследования, поскольку я его немного опережаю, а может, это обыкновенная неприязнь, месть... или все вместе.

— Если судить по результату, то разницы никакой, — согласился Мэндор. — Но я вспомнил, как на тебя набросился корноухий волк. Кажется, у него был только один глаз?

— Да... Как, кстати, выглядит сегодня Джарт?

— О, ухо уже почти отросло. Неровно, конечно, и выглядит ужасно. Он старается прикрывать его волосами. Глазное яблоко регенерировало, хотя видеть Джарт еще не может. Предпочитает ходить с повязкой.

— Теперь кое-что становится понятным, — промолвил я. — Удачное время он выбрал, чтобы замутить воду.

— Вот почему я и предлагаю тебе залечь на дно и подождать, пока все уляжется. Слишком много всего происходит. Когда в воздухе столько стрел, одна может невзначай угодить тебе в сердце.

— Я в состоянии сам о себе позаботиться, Мэндор.

— В самом деле?

Я пожал плечами, подошел к перилам и запрокинул голову к звездам.

Спустя некоторое время он спросил:

— У тебя есть иные предложения?

Я не ответил, ибо размышлял как раз над этим вопросом. Я думал о том, что сказал Мэндор о моем ограниченном видении и недостаточной подготовке. Пожалуй, он прав: последнее время мне чаще приходилось реагировать на обстоятельства, чем действовать самому — за исключением похищения Джасры. Надо признать, что все произошло чрезвычайно быстро. Как бы то ни было, я не вы-

работал реальных планов самозащиты, не изучил врага и не отработал тактику ответных ударов. Похоже, мне есть чем заняться...

— В такой запутанной ситуации, — сказал Мэндор, — следует играть осторожно.

С точки зрения здравого смысла, он, вероятно, был прав. Но Мэндор принадлежал исключительно ко Дворам, в то время как я имел множество прочих обязательств. Благодаря моей связи с Люком я мог предложить собственный план по обеспечению безопасности Амбера. Пока существовала такая возможность, я был обязан действовать. Помимо всего прочего, меня терзало элементарное любопытство.

Раздумывая, каким образом представить все эти соображения Мэндору, я снова реагировал на обстоятельства, вместо того чтобы действовать самостоятельно.

Неожиданно мне показалось, будто неведомый кот царапается в двери моего подсознания. Похоже, у меня хотят что-то выведать. Чувство усиливалось, постепенно вытесняя все остальные, пока я не понял, что кто-то пытается связаться со мной по карте — наверное, Рэндом, которому не терпится узнать, что произошло за время моего отсутствия в Амбере.

Я настроился на прием.

— В чем дело, Мерлин? — спросил Мэндор, но я поднял руку, показывая, что занят.

Он тут же положил салфетку и поднялся.

Картинка прояснилась... и я разглядел Фиону. За ее спиной громоздились скалы, над головой раскинулось бледно-зеленое небо, сама же она выглядела строго.

— Мерлин, ты где?

— Очень далеко, — ответил я. — Долго рассказывать.

— Что происходит? Где ты?

Она слабо улыбнулась:

— Очень далеко.

— Похоже, мы выбрали красивые места, — заметил я. — Ты подбирала небо под цвет волос?

— Перестань! — Тетушка нахмурилась. — Я не для того тебя вызвала, чтобы восторгаться природой.

В этот момент подошел Мэндор и положил руку мне на плечо. Подобный поступок не вязался с его характером. Вообще поступать так во время общения по карте считается столь же неприличным, как снимать трубку параллельного телефона и вмешиваться в чужую беседу. Тем не менее...

— Ого! — произнес он. — Пожалуйста, представь меня, Мерлин!

— Это еще кто? — спросила Фиона.

— Мой брат Мэндор, — сказал я, — из рода Саваллов, из Дворов Хаоса. Мэндор, это моя тетя Фиона, принцесса Амбера.

Мэндор поклонился:

— Много о вас слышал, принцесса. Рад познакомиться.

Глаза ее на мгновение расширились.

— Мне известно о вашем роде, но я не знала, что Мерлин имеет к нему отношение. Приятная встреча.

— Если я правильно понял, есть проблемы, Фи?

— Да, — ответила она, взглянув на Мэндора.

— Я вас оставляю, — тут же произнес он. — Большая честь познакомиться с вами, принцесса. Жаль, что вы живете так далеко от Края.

— Подождите, — улыбнулась Фиона. — Никаких государственных секретов я обсуждать не собираюсь. Вы посвящены в Логрус?

— Конечно, — кивнул Мэндор.

— Надеюсь, вы встретились не для дуэли?

— Разумеется, нет, — ответил я.

— В таком случае мне бы хотелось узнать и ваше мнение, Мэндор. Не угодно ли ко мне?

— Куда скажете, мадам.

Он отвесил низкий поклон. Мне показалось, что Мэндор слегка перегибает.

— Тогда идем!

Фиона вытянула левую руку. Я крепко ее сжал, а Мэндор прикоснулся к запястью. Мы шагнули вперед.

Вокруг простиралась каменистая местность. Было ветрено и прохладно. Издалека доносился рокот — казалось, работает какой-то агрегат с приглушенным двигателем.

— Видела кого-нибудь из Амбера? — спросил я.

— Нет.

— Ты уехала неожиданно.

— Тому были причины.

— Потому что узнала Люка?

— Теперь и ты его знаешь, не так ли?

— Да.

— А другие?

— Я рассказал Рэндому, — ответил я, — и Флоре.

— Значит, знают все, — вздохнула тетушка. — Я уехала в спешке. Успела прихватить с собой Блейза, поскольку мы шли следующими в списке Люка — в конце концов я пыталась убить его отца и едва в этом не преуспела. Блейз и я были ближайшими родственниками Брэнда, и мы выступили против него.

Фиона пристально посмотрела на Мэндора, и тот улыбнулся.

— Насколько мне известно, — произнес он, — Люк сейчас пьет в компании Кота, Додо, Гусеницы и Белого Кролика. Его мать является пленницей Амбера, а значит, против вас он бессилен.

Фиона перевела взгляд на меня.

— А ты не терял времени, — сказала она.

— Стараюсь.

— ...Так что вы можете спокойно возвращаться, — продолжил свою мысль Мэндор.

Фиона расплылась в улыбке, затем взглянула на меня.

— Твой брат неплохо информирован.

— Как и вся его семья, — ответил я. — За жизнь у нас выработалась привычка присматривать друг за другом.

— За его жизнь или за твою?

— За мою, — ответил я. — Он старше.

— Пару столетий туда, пару сюда... — проворчал Мэндор.

— Сразу чувствуется зрелость духа, — заметила Фиона. — Я хотела бы доверять вам больше, чем планировала.

— Это весьма отважное решение, — ответил он, — я очень дорожу вашим отношением...

— Но вам бы не хотелось, чтобы я этим воспользовалась?

— Именно так.

— Я не собираюсь испытывать при первом знакомстве вашу верность семье и трону. Это касается как Дворов Хаоса, так и Амбера, но конфликт здесь, будем надеяться, не возникнет.

— Я не сомневаюсь в чистоте ваших намерений. Я только хотел яснее обозначить свою позицию.

Фиона снова обернулась ко мне:

— Мерлин, мне кажется, ты меня обманул.

Пытаясь сообразить, где и когда я ввел ее в заблуждение, я непроизвольно нахмурился.

— Если и обманул, — покачал я головой, — то я этого не помню.

— Несколько лет назад, — подсказала тетушка, — когда я попросила тебя пройти Огненный Путь, созданный твоим отцом.

— О! — воскликнул я, надеясь, что при столь причудливом освещении мой румянец останется незамеченным.

— Ты воспользовался тем, что я рассказала тебе о сопротивлении поля, — продолжала она, — и заявил, что не можешь даже поставить на Путь ногу. Но когда я попыталась его пройти, никакого сопротивления не обнаружилось.

Фиона взглянула на меня, словно ожидая подтверждения своих слов.

— И?.. — спросил я.

— Сегодня это приобрело еще большую важность, и я хочу знать, слукавил ли ты в тот день?

— Да.

— Зачем?

— Если бы я сделал первый шаг, мне пришлось бы пройти Путь до конца. Куда бы он меня завел и что бы из всего этого вышло? Каникулы заканчивались, я торопился вернуться в школу. У меня не оставалось времени на длительные экспедиции. Поэтому я и решил сослаться на трудности.

— А мне кажется, у тебя были и другие мотивы.

— Например?

— Думаю, Корвин оставил тебе записку — или рассказал что-то нам неизвестное. Не сомневаюсь, что ты знаешь об этом больше, чем говоришь.

— Извини, Фиона, — пожал я плечами. — Я не отвечаю за твои подозрения. С удовольствием бы тебе помог, если бы знал как.

— Знаешь, — бросила она.

— Скажи.

— Пойдем со мной к новому Пути. Я хочу, чтобы ты прошел его.

Я покачал головой:

— У меня есть более срочные дела, чем удовлетворять твое любопытство в отношении того, что мой отец проделывал много лет назад.

— Это больше, чем любопытство, — заявила Фиона. — Мне кажется, что именно там заключается секрет участившихся Теневых бурь.

— А я тебе назвал другую причину. Мне представляется, что дело в частичном разрушении и восстановлении старого Огненного Пути.

— Пойдем, — сказала она, развернулась и полезла вверх.

Я взглянул на Мэндора, пожал плечами и последовал за ней.

Мы вскарабкались на неровную каменистую гору. Фиона первой поднялась на вершину и пошла по нависающему над пропастью откосу. Дойдя до огромного провала, тетушка остановилась. Она стояла к нам спиной, отсвет зеленого неба вытворял удивительные вещи с ее волосами.

Я встал рядом и проследил направление ее взгляда. Далеко внизу и слева курился огромный черный столб. Похожий на рокот мотора, рев шел именно оттуда. Земля вокруг столба потрескалась. Я смотрел на него несколько минут, но столб не сдвинулся с места.

Наконец я кашлянул.

— Похоже на огромный застывший торнадо...

— Вот почему я хочу, чтобы ты прошел новый Путь, — сказала Фиона. — Думаю, что он нас раздавит, если мы не доберемся до него первыми.

III

Интересно, что бы вы предпочли, доведись вам выбирать между способностями к выявлению лжи и к открытию истины? Когда-то я думал, что это лишь разные названия одного и того же. Теперь я так не считаю. Большинство моих родственников одинаково хорошо видят насквозь разные махинации и не задумываясь прибегают к ним. Между тем я не уверен, чтобы их серьезно волновала истина. С другой стороны, я всегда чувствовал, что в поиске истины есть что-то благородное, особенное и почетное. Я испытал это состояние, создавая Призрачное Колесо. Мэндор вселил в меня сомнения. Не сделал ли он из меня неудачника, гоняющегося за противоположностью истины?

На самом деле, конечно, все сложнее. Такие ситуации не сводятся к простому «или-или», это скорее заявление о намерении. Мне вдруг захотелось признать, что я готов к любым крайностям, вплоть до полного безрассудства, и что способность к критическим суждениям дремала во мне слишком долго.

Я задумался над просьбой Фионы.

— Что в нем такого страшного? — спросил я.

— Теневая буря приняла форму торнадо, — ответила она.

— Подобное случалось и прежде.

— Верно, но все они двигались по Тени. Этот же стоит на месте. Появился несколько дней назад и с тех пор ничуть не изменился.

— Сколько по времени Амбера? — спросил я.

— Полдня, наверное. А что?

— Просто так. Интересно, — пожал я плечами. — Все равно не понимаю, что в нем такого страшного.

— Говорю тебе, бури участились после того, как Корвин создал новый Огненный Путь. Появляются они совершенно неожиданно, и все разные. Необходимо с новым Путем разобраться.

До меня вдруг дошло, что тот, кому удастся пройти Путь отца, станет господином над некими ужасными силами. Или госпожой.

Поэтому я произнес:

— Ну, допустим, я пройду его. Что потом? Из рассказа отца я понял: я закончу путь где-то в центре, точно так же как и в старом Пути. Что нового мы узнаем?

Я внимательно следил за ее лицом, но мои родственники хорошо владеют собой и не прокалываются на таких пустяках.

— Насколько мне известно, — произнесла Фиона, — когда Корвин находился в середине, Брэнду удалось попасть туда по карте.

— Да, знаю.

— Ну так вот, ты дойдешь до середины, а я приду к тебе по карте.

— Предположим. Мы вдвоем стоим в середине Пути...

— ...Оттуда сможем добраться до мест, недостижимых из других точек бытия.

— Как, например? — уточнил я.

— До первородного Огненного Пути.

— Ты уверена, что такой существует?

— Обязательно. Структура мироздания предусматривает его на низших уровнях реальности.

— И наша цель до него добраться?

— Там хранятся великие секреты и тайны, там можно познать глубочайшую магию.

— Ясно, — сказал я. — А что потом?

— Ну как же ты не понимаешь? Потом мы сумеем распутать порождаемые им проблемы.

— И все?

Ее глаза сузились.

— Мы познаем все, что сможем. Сила — это сила. Она страшна до тех пор, пока ее не поняли.

Я медленно кивнул.

— Дело в том, что существуют более реальные угрозы, — произнес я. — Новому Огненному Пути придется подождать своей очереди.

— Не забывай, ты почерпнешь в нем могущество, которое поможет тебе справиться с другими проблемами.

— Даже если и так. Я боюсь, что дело затянется надолго, а у меня нет сейчас времени.

— Ты же не знаешь наверняка, затянется оно или нет?

— Да. Но если я сделаю хоть один шаг, назад пути не будет.

Я не стал говорить, что не имею ни малейшего желания оставлять ее одну в первородном Пути. Однажды Фиона уже попыталась возвести претендента на трон. Если бы Брэнду тогда повезло, он стал бы королем Амбера, а она стояла бы у него за спиной, что бы она сейчас ни говорила. Мне показалось, что Фиона просто хотела попросить меня доставить ее в первородный Путь, а потом испугалась, что я откажу. Чтобы не попасть в неловкое положение человека, которому отказали в просьбе, она возобновила первоначальный спор.

— Лучше постарайся найти время сейчас, если не хочешь увидеть, как целые миры рвутся вокруг тебя на части.

— Я тебе с самого начала не верил, — произнес я. — И сейчас не верю. Я по-прежнему считаю, что участившиеся бури — результат повреждения и восстановления исходного Огненного Пути. Я также считаю, что если мы сунемся в новый Путь, о котором нам ничего не известно, то окончательно все испортим и запутаем...

— Я не собираюсь в него соваться, — проворчала тетушка. — Я хочу изучить...

Между нами неожиданно сверкнул знак Логруса. Похоже, Фиона тоже увидела или почувствовала его, ибо в ту же секунду она отпрянула назад.

Я обернулся, уже зная наверняка, что увижу.

Мэндор взобрался на зубчатую каменную стену, раскинул руки и замер, словно сам был ее частью. Мне захотелось крикнуть, чтобы он остановился, но в последний момент я подавил это желание. Он знал, что делает. И к тому же все равно не обратил бы на меня никакого внимания.

Я подобрался к выступу, на котором застыл Мэндор, и взглянул на клубящийся внизу столб. Через образ Логруса я почувствовал темный и страшный напор силы, раскрытой мне Сухаем в последнем уроке. Мэндор взывал к этой силе и вливал ее в набирающую мощь Теневую бурю. Неужели он не сознает, что освобожденные им силы Хаоса будет непросто загнать обратно? Неужели не понимает, что если буря и в самом деле есть проявление энергии Хаоса, то он превращает ее в настоящее чудовище?

Столб вырос. Смотреть на него было уже страшно. Рев стал оглушительным.

Я услышал, как Фиона охнула за моей спиной.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! — крикнул я Мэндору.

— Через минуту все узнаем, — ответил он и опустил руки.

Знак Логруса погас.

Мы смотрели, как проклятая штуковина разрастается в размерах и ревет все громче.

— Ну и что ты доказал? — не выдержал я наконец.

— Что у тебя нет терпения, — ответил он.

В происходящем явлении не было ничего поучительного, тем не менее я не мог оторвать от него взгляда.

Неожиданно рев перешел в оглушительный треск. Черный призрак столба задергался, стряхивая налипший мусор, затем рев возобновился.

— Как ты это сделал?

— Ничего я не делал, — ответил Мэндор. — Он сам подстраивается.

— Такого не должно быть, — заметила Фиона.

— Не должно, — согласился он.

— Рев должен был постоянно нарастать, — сказала Фиона. — Но у того, кто контролирует бурю, другие планы. Поэтому столб перестроился.

— Не забывайте, что это явление связано с Хаосом, — добавил Мэндор. — Заметили, как столб черпал оттуда силы, когда я предоставил ему такую возможность? Но после определенного момента пошла корректировка. Кто-то играет с самими первородными силами. Кто это, зачем и почему, я не знаю. Думаю, это веский довод в пользу того, что Огненный Путь здесь ни при чем. Он не имеет

отношения к играм Хаоса. Так что Мерлин скорее всего прав. Полагаю, эта проблема имеет иное происхождение.

— Ладно, — уступила Фиона. — С чем мы остаемся?

— С тайной, — сказал Мэндор. — Но не с угрозой.

В голове у меня промелькнула мысль... Я мог, конечно, и ошибиться, но не это заставило меня промолчать. Дело касалось той области мышления, которую невозможно исследовать мгновенно, а мне не хотелось понапрасну раскрываться.

Фиона испепеляла меня взглядом, но я хранил спокойствие. Видя, что ничего не получается, она резко сменила тему разговора:

— Ты сказал, что оставил Люка при необычных обстоятельствах. Где он сейчас?

Меньше всего мне хотелось окончательно ее разозлить. Но и натравить ее на Люка я тоже не мог. Насколько я знал свою тетушку, она могла запросто его прикончить, хотя бы из соображений безопасности. А я не хотел, чтобы Люк погиб. Мне казалось, что с ним происходят серьезные перемены, и я пытался создать для него максимально благоприятный режим. Мы многим были друг другу обязаны; когда люди знают друг друга так долго, трудно вести счет долгам и обидам. Помня, в каком состоянии я его оставил, я понимал, что пройдет немало времени, прежде чем Люк обретет *нормальную форму. Кроме того, мне хотелось о многом* с ним переговорить.

— Извини, — сказал я. — В данный момент я сам им занимаюсь.

— По-моему, я тоже заинтересованное лицо, — резко ответила Фиона.

— Безусловно. Но мой интерес представляется мне более важным. Я не хочу, чтобы мы друг другу мешали.

— Подобные вопросы я способна решать самостоятельно, — отрезала она.

— Ладно, — вздохнул я. — Он в состоянии наркотического опьянения. И сможешь ты от него добиться лишь красочных и бессмысленных описаний.

— Как это случилось?

— Колдун по прозвищу Маска одурманил его, когда Люк находился у него в плену.

— Где это произошло? Я ничего не слышала о Маске.

— Место называется Твердыня Четырех Миров, — сказал я.

— Давненько я ничего не слышала о Твердыне, — проворчала Фиона. — Раньше им владел колдун по имени Шару Гаррул.

— Он стал вешалкой.

— Что?

— Это долгая история. Сейчас главный в Твердыне — Маска.

Фиона уставилась на меня. Похоже, до нее только сейчас начало доходить, что она совершенно не в курсе последних событий. Мне показалось, что тетушка продумывает следующие вопросы, и решил переломить ситуацию в свою пользу, пока она не собралась с мыслями.

— Ну, как там Блейз? — спросил я.

— Ему лучше. Я сама лечу его, и дело идет на поправку.

Я собирался спросить, где он сейчас, на что она наверняка отказалась бы отвечать, после чего мы бы оба улыбнулись. Нет адреса Блейза, не будет и адреса Люка; мы храним свои секреты и остаемся друзьями.

— Эй! — крикнул Мэндор, и мы одновременно повернулись в его сторону.

Черный столб торнадо уменьшился почти в два раза и продолжал съеживаться на наших глазах. Он опадал внутрь себя, сжимался, сжимался и наконец пропал из виду.

Я не мог подавить улыбки, но Фиона, кажется, ничего не заметила. Она смотрела на Мэндора.

— Вы полагаете, это произошло в результате ваших действий?

— Я ничего не могу утверждать, но такое вполне вероятно.

— Что произошло?

— Похоже, тому, кто проводил этот эксперимент, не понравилось мое вмешательство.

— Вы всерьез полагаете, что за всем этим стоит разум?

— Конечно.

— Кто-то из Дворов Хаоса?

— Скорее кто-нибудь с вашей стороны.

— Пожалуй... — согласилась Фиона. — У вас есть предположения относительно личности этого человека?

Мэндор улыбнулся.

— Я понимаю, — поспешно произнесла тетушка. — Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Но угроза касается всех...

— Все правильно, — кивнул Мэндор. — Поэтому я и предлагаю провести расследование. Я в данный момент ничем не связан. А дело может оказаться интересным.

— Наверное, будет неловко интересоваться результатами вашего поиска, — сказала Фиона, — не зная, чьи интересы могут при этом пострадать.

— Я ценю вашу щепетильность, — ответил Мэндор, — но, насколько мне известно, условия договора остаются в силе и никто во Дворах Хаоса не строит козней против Амбера. Если хотите, мы можем приступить к расследованию вместе, хотя бы на отдельных этапах.

— Что ж, время у меня есть, — сказала она.

— А у меня нет, — поспешно вставил я. — Много срочных дел.

Мэндор кинул на меня пристальный взгляд.

— Что касается моего предложения...

— Не могу, — ответил я.

— Хорошо. Значит, наш разговор остался незавершенным. Я свяжусь с тобой позже.

— Договорились.

Фиона также взглянула на меня.

— Держи меня в курсе выздоровления Люка и его планов, — потребовала она.

— Конечно.

— Тогда всего доброго.

Мэндор помахал мне рукой, я ответил ему тем же и отошел в сторону.

На каменистом склоне, где никто не мог меня видеть, я остановился и вытащил карту Амбера. Потом сосредоточил внимание и, как только нащупал путь, перенесся. Хорошо, если тронный зал окажется пустым, хотя на данном этапе роли это не играло.

Я едва не налетел на Джасру, через вытянутую левую руку которой был перекинут плащ. Я нырнул в дверь слева и очутился в пустом коридоре, а затем добрался до черной лестницы. Несколько раз я слышал голоса и сворачивал с пути, чтобы не натолкнуться на говоривших. В результате мне удалось незамеченным добраться до своих покоев.

Похоже, за вечность с половиной мне удалось лишь разок урвать пятнадцатиминутный сон, после чего колдовские способности Люка, для которых не существовало никаких расстояний, вытащили меня при помощи порожденной галлюцинацией карты в бар Зазеркалья. Когда это было? Скорее всего вчера, в день, полный событий...

Я запер дверь на засов и рухнул в кровать, не снимая даже сапог. Дел было по горло, но я чувствовал себя совершенно обессиленным. Безопаснее Амбера я пока места не знал, потому и вернулся к себе, хотя один раз Люк меня и отсюда выдернул.

После всей чепухи, которая произошла со мной за последнее время, человеку с развитым подсознанием снились бы полные озарений сны; он проснулся бы просветленный и знающий, что делать, во всех деталях. Со мной ничего подобного не произошло. Один раз я очнулся в легком ужасе от того, что не знаю, где нахожусь. Открыв глаза, я успокоился и уснул снова. Позже... как мне показалось, намного позже, я вернулся... по частям, как плавучий мусор, который выносится на берег одной волной, потом другой, пока наконец весь не оказывается на суше. Только теперь я почувствовал, как болят ноги. Я сел и с трудом стащил сапоги, испытав при этом шестое из величайших наслаждений своей жизни. Затем я поспешно стянул носки и швырнул их в угол комнаты. Неужели ни у кого больше ноги не болят? Я налил воды в таз и опустил в него ступни, твердо решив следующие несколько часов походить босиком.

Наконец я поднялся, натянул свои любимые джинсы и фиолетовую фланелевую рубашку. Хоть на время послать к чертям мечи, плащи и кинжалы!.. Я открыл ставни и выглянул из окошка. Было темно. Тучи не позволяли определить, стоял ли ранний вечер, поздняя ночь или приближался рассвет.

В холле никого не было, кругом царила тишина. Я прошел к черной лестнице и оказался на кухне. Здесь тоже было пусто, в камине тлели поленья. Я не хотел заводиться с едой и рассчитывал ограничиться чаем и хлебом с сушеными фруктами. В ящике со льдом нашелся кувшин с апельсиновым соком.

Грея ноги и поедая батон, я вдруг почувствовал беспокойство. За чаем я окончательно сообразил, в чем причина: надо было срочно что-то делать, а я никак не мог сообразить что. Теперь наступила передышка, а я все не мог прийти в себя. Поэтому я снова начал думать.

Под конец трапезы у меня созрел ней план. Первым делом я отправился в тронный зал, где освободил Джасру от всяческих плащей и шляп, после чего взвалил ее на плечо. Когда я тащил окаменевшее тело по коридору, приоткрылась дверь, из-за которой выглянул мутноглазый Дроппа.

— Эй! Могу поднести! — крикнул он мне вслед. — Похожа на мою первую жену, — пробормотал он, прикрывая дверь.

Установив Джасру в своей комнате, я подтащил стул и уселся перед ней. Несмотря на шутовское одеяние, строгая ее красота почти не пострадала. Однажды она едва не отправила меня на тот свет, и у меня не было ни малейшего желания освобождать ее в такое сложное время. Между тем меня давно интересовало действующее на Джасру заклинание, и я мечтал изучить его до конца.

Я начал осторожно исследовать конструкцию колдовского наговора. Она была довольно простой, вместе с тем отслеживание всех ответвлений требовало времени. Ладно, останавливаться поздно. Я продолжал возиться с заклинанием, делая попутно мысленные заметки.

Прошло несколько часов. Раскодировав заклинание, я решил добавить к нему пару моих собственных. Дворец между тем проснулся. Наступил день, а я все работал, пока наконец не добился желаемого результата. К тому времени я успел проголодаться.

Я поставил Джасру в угол, натянул сапоги и направился к лестнице. Как мне показалось, приближалось время обеда, и я заглянул в несколько комнат, в которых обычно принимали пищу. Все они, однако, оказались пусты. Более того, я нигде не обнаружил признаков предстоящей или только что закончившейся трапезы.

Возможно, мое восприятие времени по-прежнему искажено и на самом деле было либо слишком рано, либо слишком поздно. Так или иначе, день наступил уже давно, сильно ошибиться во времени я не мог.

Наконец я услышал слабое позвякивание приборов о тарелки и направился в направлении долгожданного звука. Похоже, семья собралась в редко посещаемом помещении. Я повернул направо, потом налево. Так и есть, обедали в гостиной. Какая разница.

Ллевелла сидела на красном диване рядом с Виолой, женой Рэндома, перед ними был накрыт низкий столик. Слуга Майкл вывозил из кухни уставленную тарелками тележку.

Я деликатно кашлянул.

— Мерлин! — воскликнула совершенно слепая Виола, и у меня, как всегда, пошли мурашки по коже от ее восприимчивости. — Как здорово!

— Здравствуй, — сказала Ллевелла. — Садись к нам. Не терпится послушать о твоих делах.

Я пододвинул стул к дальнему краю стола и сел. Майкл тут же поставил передо мной чистый прибор. Я быстро обдумывал ситуацию. Все, что услышит Виола, станет, безусловно, известно Рэндому. Поэтому я рассказал им отредактированную версию, не упомянув ни Мэндора, ни Фиону, ни Дворы Хаоса. Вышло значительно короче, и я смог быстрее добраться до еды.

— Все последнее время занимаются делами, — заметила Ллевелла, когда я замолчал. — Я начинаю чувствовать себя виноватой.

Кожа Ллевеллы имела нежный зеленоватый оттенок, у нее были полные губы и огромные кошачьи глаза.

— Правда, не до конца, — добавила она.

— А в самом деле, где остальные? — спросил я.

— Джерард следит за строительством фортификаций в порту, Джулиан возглавил армию, перевел ее на огнестрельное оружие и готовится защищать Колвир.

— Ты хочешь сказать, что Далт вывел свои войска в поле? Он идет на нас?

— Нет, — покачала она головой, — мы принимаем меры предосторожности из-за послания Люка. Войска Далта не приводились в состояние готовности.

— Кто-нибудь хотя бы знает, где он?

— Пока нет, хотя мы ожидаем поступления агентурных донесений. — Ллевелла пожала плечами. — Может быть, Джулиан уже в курсе.

— Почему командование принял Джулиан? — спросил я, не отрываясь от еды. — По-моему, это дело стоило поручить Бенедикту.

Ллевелла отвернулась и бросила взгляд на Виолу, которая, похоже, почувствовала перемену внимания.

— Бенедикт с небольшим отрядом воинов сопровождает Рэндома в Кашфу, — тихо произнесла Виола.

— В Кашфу? — опешил я. — Чего это он туда поехал? Там постоянно торчит Далт. Этот район сейчас чрезвычайно опасен.

Она едва заметно улыбнулась.

— Потому он и взял в охрану Бенедикта и его людей. Не исключено, что они собирают разведывательную информацию, хотя не это послужило причиной их отъезда.

— Я так и не понял, — сказал я, — зачем вообще понадобилась эта экспедиция.

Виола сделала маленький глоток воды.

— Неожиданные политические перемены. В отсутствие королевы и кронпринца власть захватил какой-то генерал. Недавно его убили, и Рэндому удалось добиться согласия на то, что на трон взойдет его ставленник — человек древнего и почтенного рода.

— Как ему это удалось?

— Многие крайне заинтересованы в том, чтобы Кашфу допустили в Золотой Круг государств, пользующихся режимом торгового благоприятствия.

— Выходит, Рэндом просто подкупил всех, чтобы продвинуть своего человека, — подытожил я. — Разве соглашение со странами Золотого Круга не предусматривает беспрепятственное проведение наших войск через их территории?

— Предусматривает, — кивнула Виола.

Неожиданно я вспомнил свирепого на вид путешественника, который расплатился в кабачке «У Кровавого Билла» деньгами Кашфы. Я не стал даже выяснять, насколько близко по времени отстояло это событие от убийства мятежного генерала. Гораздо более меня взволновала вырисовывающаяся картина: выходит, Рэндом отодвинул Джасру и Люка от возвращения на отобранный у них трон, который, надо отметить, Джасра сама захватила несколько лет назад. Все эти захваты превращали справедливость в довольно туманное понятие. Этика Рэндома была не лучше и не хуже той, которой руководствовались до него. На деле же это означало, что попытки Люка вернуть отобранный у матери трон натолкнутся на сопротивление монарха Амбера. Готов биться об заклад, что условия договора

предусматривают помощь со стороны Амбера как во внутренних вопросах, так и в защите от внешнего агрессора.

Невероятно. Выходило, что Рэндом не жалел сил и средств, чтобы изолировать Люка и лишить его всех легитимных атрибутов власти. Не удивлюсь, если следующим шагом Рэндома станет провозглашение Люка самозванцем и опасным бунтовщиком, а также объявление награды за его голову. Не переигрывал ли Рэндом? Люк не представлял сейчас реальной опасности, особенно после того, как его мать оказалась у нас в плену. С другой стороны, я не знал, как далеко готов зайти Рэндом. Намерен ли он просто уберечься от возможной угрозы или решил окончательно добить Люка? Последняя возможность меня тревожила, поскольку Люк явно исправлялся и пересматривал свою позицию. Мне не хотелось видеть, как его швырнут на съедение волкам только из-за того, что Рэндом решил перестраховаться.

— Полагаю, дело во многом касается Люка? — произнес я, глядя на Виолу.

Помолчав, она ответила:

— Рэндома больше волнует Далт.

Я пожал плечами. Далт являлся единственной военной силой, которой мог воспользоваться Люк в борьбе за трон, так что, с точки зрения Рэндома, они представляли одинаковую угрозу. Поэтому я ограничился тем, что произнес: «О!» — и продолжил трапезу.

Больше новостей не было, началась малозначительная болтовня, а я продолжал обдумывать свое положение. Мне снова показалось, что необходимо принимать экстренные меры, но я опять не мог понять какие. Подсказка пришла совершенно неожиданно во время десерта.

В комнату вошел придворный по имени Рэндел — высокий, худощавый, улыбчивый человек. На сей раз он не улыбался и двигался как-то торопливо, из чего я заключил, что происходит нечто необычное. Оглядев нас всех, он стремительно приблизился к Виоле и откашлялся:

— Ваше величество...

Виола слегка повернула голову в его сторону:

— Да, Рэндел, что случилось?

— Только что прибыла делегация из Бегмы, — сообщил он, — а я не имею никаких указаний насчет того, как их принимать.

— Надо же! — воскликнула Виола, откладывая вилку. — Мы ожидали их послезавтра, к приезду Рэндома. Они собирались ему жаловаться. Где вы их разместили?

— Пока в Желтом зале, — ответил Рэндел. — Я сказал, что доложу об их прибытии.

Виола кивнула.

— Сколько их?

— Премьер-министр Оркуз, — принялся перечислять Рэндел, — его дочь и личный секретарь Найда и еще одна дочь — Корэл. С ними четверо слуг: двое мужчин и две женщины.

— Распорядитесь, чтобы им приготовили достойные покои, — приказала Виола, — и предупредите кухню. Возможно, они еще не обедали.

— Слушаюсь, ваше величество. — Рэндел поклонился и стал пятиться к дверям.

— Сообщите мне, когда все будет готово. Тогда я дам вам дополнительные указания. Найдете меня в Желтом зале.

— Считайте, что все уже сделано, — произнес он и вышел.

— Мерлин, Ллевелла, помогите мне развлечь гостей, пока делаются необходимые приготовления, — сказала Виола и поднялась.

Я проглотил последний кусочек десерта и вскочил. Мне не хотелось беседовать с дипломатом и его свитой, но я оказался под рукой, а жизнь всегда полна маленьких обязательств.

— А зачем, собственно, они прибыли? — спросил я.

— Выразить протест против наших действий в Кашфе, — ответила Виола. — Трудно сказать, хотят ли они опротестовать прием Кашфы в Золотой Круг или осудить наше вмешательство в ее внутренние дела. Возможно, они боятся осложнений в связи с тем, что их ближайший сосед получит те же торговые привилегии. Не исключено, что у руководства Бегмы имелись свои планы в отношении трона Кашфы, а мы их спутали. Может быть, и то и другое. Так или иначе, нам нечего им сказать, поскольку мы ничего не знаем.

— Я просто хотел узнать, каких тем следует избегать, — пояснил я.

— Всех перечисленных, — ответила Виола.

— Я тоже об этом думала, — вставила Ллевелла. — И еще о том, не располагают ли они какой-либо информацией о Далте. Скорее всего их разведка пристально следит за всеми событиями, разворачивающимися вокруг Кашфы.

— Не касайтесь этой темы, — бросила Виола, направляясь к двери. — Если они сами проговорятся или захотят поделиться информацией — прекрасно, но не показывайте своего интереса.

Виола взяла меня под руку, и мы отправились в Желтый зал. Ллевелла вытащила откуда-то крошечное зеркало и принялась в него смотреться. Судя по всему, результатом она осталась довольна; она отложила зеркальце и произнесла:

— Хорошо, что ты здесь, Мерлин. В такие времена лишнее улыбающееся лицо — это здорово.

— Почему я не чувствую, что мне повезло? — проворчал я.

Мы прошли в зал, где ожидали премьер-министр и его дочери. Слуги уже удалились на кухню за закусками. Делегация была голодна, протокол требовал тщательного приготовления пищи и особого украшения подносов.

Оркуз оказался пожилым, но еще статным человеком плотного сложения; черные волосы аккуратно расчесаны на пробор, а черты широкого лица свидетельствовали о том, что ему чаще приходилось хмуриться, чем улыбаться. Именно в этом состоянии он и провел большую часть сегодняшнего дня. Лицо Найды представляло собой улучшенную версию физиономии Оркуза; девушка имела склонность к полноте, удерживаясь, однако, на рубежах приятной округлости. Кроме того, она постоянно улыбалась, радуя окружающих великолепными зубами. В отличие от отца и сестры, Корэл была высокая и худенькая, каштановые волосы имели рыжеватый оттенок. Когда она улыбалась, то выглядела просто и мило. Я не мог отделаться от впечатления, что где-то ее видел. Кажется, на каком-то скучном приеме несколько лет назад... Может, даже удастся припомнить.

После того как нас представили, слуги подали вино, и Оркуз вкратце изложил свою позицию в отношении «недавних прискорбных событий» в Кашфе.

Мы с Ллевеллой тут же встали по бокам Виолы, чтобы оказать ей моральную поддержку, но она с улыбкой ответила, что обсуждать подобные вопросы имеет смысл только после прибытия Рэндома, а пока ей хочется, чтобы гости ни в чем не нуждались. Ответ пришелся Оркузу по душе, он едва не улыбнулся; такое впечатление, что ему просто хотелось с первой минуты обозначить цель своего визита. Ллевелла перевела разговор на их путешествие, и он любезно сменил тему беседы. Политики умеют легко переключаться.

Позже я выяснил, что о визите Оркуза не знал даже посол Бегмы, что свидетельствовало о действительно поспешном отъезде. Оркуз не стал также утруждать себя посещением посольства, а прибыл прямо во дворец, направив в посольство депешу. Обо всем этом я узнал позже, когда он попросил выделить ему посыльного. В каскаде светской беседы я почувствовал себя лишним и принялся потихоньку обдумывать пути отхода. Закручивающаяся интрига меня ничуть не интересовала.

Корэл тоже томилась разговорами ни о чем. Она вздохнула, взглянула на меня и улыбнулась:

— Всегда мечтала посетить Амбер.

— Совпадает ли он с вашими представлениями? — поинтересовался я.

— О да! Пока. Конечно, я еще мало успела увидеть...

Я кивнул, и мы отошли в сторонку.

— Мы с вами не встречались раньше? — спросил я.

— Не думаю. Я очень мало путешествую, да и вам вряд ли приходилось бывать в наших местах. Зато я про вас много слышала, — сказала Корэл. — Общие сплетни. Знаю, что вы из Дворов Хаоса, что вы учились на Теневой Земле... Интересно, как она выглядит?

Я заглотил наживку и принялся рассказывать ей об учебе, работе, о тех краях, где мне довелось побывать, и о том, что мне нравится делать. За разговором мы дошли до дивана. Оркуз, Найда, Ллевелла и Виола не заметили нашего исчезновения. Если уж находиться здесь, то лучше беседовать с Корэл, чем с ними. Чтобы не наскучить собеседнице, я принялся расспрашивать девушку о ее жизни.

Она рассказала мне о проведенном в Бегме детстве, о том, как она любит природу, лошадей и катание на лодках, о многочисленных озерах и реках своей страны, о прочитанных книгах и невинном заигрывании с магией. Когда Корэл описывала ритуалы местных фермеров, при помощи которых те пытаются добиться высоких урожаев, вошел слуга и что-то прошептал на ухо Виоле. В дверях показались вельможи. Виола обратилась к Оркузу и Найде, и все двинулись к выходу.

Ллевелла отделилась от группы и направилась в нашу сторону.

— Ваша комната готова, Корэл. Слуга вас проводит. Вы можете освежиться и отдохнуть после путешествия.

Мы поднялись.

— Вообще-то я не устала, — произнесла Корэл, глядя больше на меня, чем на Ллевеллу. В уголках ее губ играла улыбка.

Что за черт. Неожиданно я поймал себя на том, что мне нравится находиться в ее обществе.

— Если хотите, переоденьтесь во что-нибудь попроще, — сказал я, — и мы можем посмотреть город. Или окрестности.

Улыбка обрела силу и красоту.

— С большим удовольствием, — ответила Корэл.

— В таком случае я буду ждать вас здесь через полчаса.

Я проводил ее и всех остальных до огромной лестницы. На мне по-прежнему были джинсы и вельветовая рубашка. Может, следовало бы переодеться, чтобы поменьше выделяться на местном фоне? Дьявольщина! В конце концов мы просто прогуляемся. Я добавил к своему одеянию пояс с мечом, плащ и хорошие сапоги. Было бы время, не помешало бы подровнять бороду. Да и легкий маникюр...

— Эй, Мерлин! — Ллевелла взяла меня под локоть и повела в сторону алькова.

Я не сопротивлялся.

— Что?

— Хм... А она ничего, а?

— Ничего.

— Ты кажется, уже увлекся?

— Боже мой, Ллевелла! Мы только что встретились!

— Но ты успел назначить ей свидание.

— Перестань! Я заслужил отдых. Мне нравится с ней болтать. Покажу немного наш город. Что тут плохого?

— Ничего, — ответила Ллевелла, — *пока ты видишь перспективу.*

— О какой перспективе речь?

— Мне, например, показалось странным, что Оркуз привез с собой двух хорошеньких дочерей.

— Найда — его секретарь, — возразил я, — а Корэл давно хотела посетить эти места.

— Ну да. И для Бегмы было бы очень даже неплохо, если бы одной из них удалось заарканить члена нашей семьи.

— Ты чересчур подозрительна, Ллевелла.

— Это приходит с годами.

— Я тоже хочу прожить подольше, однако надеюсь, что не начну искать скрытые мотивы в каждом человеческом поступке.

— Разумеется. Забудь об этом, — сказала она с улыбкой, зная, что я не забуду. — Удачно вам провести время.

Я вежливо прорычал что-то в ответ и направился в свою комнату.

IV

Итак, в самый разгар всевозможных угроз, интриг, шантажа и загадок я решил взять выходной и прогуляться по городу с хорошенькой девушкой. Лучшего исхода и не придумаешь. Кто бы ни являлся моим врагом, какие бы силы мне ни противостояли, меня это не волновало. Я не испытывал ни малейшего желания охотиться за Джартом, драться на дуэли с Маской или мотаться за Люком, дожидаясь, пока он соблаговолит сообщить, нужны ли ему еще скальпы членов моей семьи. Далт меня не интересовал, Винта тоже, Призрачное Колесо молчало, а Огненный Путь отца мог подождать, пока я передохну. Сияло солнце, и дул лег-

кий ветерок, хотя в это время года погода весьма переменчива. Глупо было бы тратить, может быть, последний пригожий денек на что-либо, кроме отдыха. Я мычал себе под нос и переодевался, а потом поспешил к месту встречи задолго до назначенного срока.

Корэл, как оказалось, переоделась еще быстрее и уже ждала меня. Мне понравились ее темно-зеленые лосины, плотная рубашка и теплый коричневый плащ. Сапоги ее идеально подходили для прогулки, широкая шляпа закрывала большую часть лица. Она надела также перчатки и повесила на пояс кинжал.

— Все готово, — объявила девушка, увидев меня.

— Отлично, — улыбнулся я и повел ее по коридору.

Она хотела было направиться в сторону главного входа, но я повернул направо, а потом налево.

— Всегда безопаснее пользоваться боковыми воротами.

— Здесь у вас сплошные тайны, — заметила Корэл.

— Привычка, — пожал я плечами. — Чем меньше посторонних знает, чем ты занимаешься, тем лучше идут дела.

— Посторонние? Чего вы боитесь?

— Сейчас? Очень многого. Но мне бы не хотелось тратить такой прекрасный день на составление списка своих страхов.

Она осуждающе покачала головой:

— Значит, все, что о вас говорят, правда? Вы так запутались в своих разборках, что вынуждены вести учет?

— Последнее время у меня не было возможности записать хотя бы строчку, — сказал я и добавил: — Послушайте, мне и без того нелегко пришлось в последнее время.

— О! — воскликнула она, краснея.

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал я, рассмеялся, распахнул плащ и махнул стражнику.

Корэл кивнула и дипломатично сменила тему:

— Похоже, я выбрала не самое удачное время, чтобы полюбоваться вашими знаменитыми садами.

— Да, сейчас не сезон, — сказал я. — Разве что японский сад Бенедикта в самом расцвете. Полагаю, мы могли бы как-нибудь выпить там чашечку чаю. Сейчас нам лучше проехать в город.

— Отлично, — улыбнулась она.

Я велел часовому передать сенешалю Амбера Гендену, что мы ушли в город и не знаем, когда вернемся. Он пообещал это сделать сразу же после смены, которая уже заканчивалась. После событий в кабачке «У Кровавого Билла» я всегда оставлял подобные сообщения. Не потому, что чего-то боялся, а так, на всякий случай.

Под шорох опавших листьев мы шли по ведущей к боковым воротам аллее. Сияло солнце, за исключением двух полосочек перистых облаков небо было абсолютно чистым. Далеко на западе летел в сторону океана клин темных птиц.

— А у нас уже снег, — произнесла Корэл. — Вам повезло.

— Все дело в теплом течении, — сказал я, вспомнив слова Джерарда. — Оно смягчает климат по сравнению с другими местами на этой же широте.

— Вы много путешествуете?

— Последнее время гораздо больше, чем хотелось бы. Неплохо было бы хоть на год угомониться.

— Деловые поездки или отдыхаете?

Стражник выпустил нас за ворота, и я быстро огляделся, нет ли поблизости подозрительных людей.

— Какой там отдых!

Я взял девушку под локоть и повел в нужную мне сторону. Мы вышли в деловую часть города и некоторое время следовали вдоль Главной улицы. Я показал ей несколько достопримечательных мест, в том числе и посольство Бегмы. Корэл не выразила ни малейшего желания посетить последнее, заметив, однако, что до отъезда ей придется нанести землякам официальный визит. Как бы то ни было, в одном из магазинчиков она приобрела пару блузок, распорядившись прислать счет в посольство, а блузки — во дворец.

— Отец обещал поводить меня по магазинам, — объяснила девушка. — Не сомневаюсь, что он уже об этом забыл. Когда принесут счет, он поймет, что я все помню.

Мы побродили по улицам, посидели в кафе, наблюдая за прохожими и всадниками. Я наклонился к Корэл, чтобы рассказать связанную с одним из рыцарей забавную историю, как вдруг почувствовал, что кто-то пытается связаться со мной по карте.

Я выждал несколько секунд. Ощущение усилилось, хотя догадаться, кто меня вызывает, я так и не смог. Рука Корэл легла мне на плечо.

— Что случилось? — спросила она.

Я настроился на контакт, облегчая вызывающему задачу, но он, похоже, уже пропал. Между тем это не походило на то ощущение, когда Маска подглядывал за мной у Флоры в Сан-Франциско. Может быть, со мной пытался связаться кто-то из знакомых и не мог сосредоточиться? Например, из-за раны? Или...

— Люк! — позвал я. — Это ты?

Ответа не последовало, а ощущение контакта начало затихать.

— Все в порядке? — спросила Корэл.

— Да, все в порядке, — ответил я. — Кто-то хотел со мной связаться, а потом передумал.

— Связаться? Вы имеете в виду при помощи карты?

— Да.

— Вы позвали Люка. У вас в семье нет никого с таким именем.

— Возможно, вы знаете его как Ринальдо, принца Кашфы.

— Ринни? — Девушка рассмеялась. — Конечно, я его знаю. Правда, он не любил, когда его называли Ринни.

— Вы в самом деле его знаете? Лично?

— Да, — ответила она. — Хотя это было много лет назад. Кашфа находится неподалеку от Бегмы. Временами мы были очень близки, временами — нет. Знаете, как это бывает. Политика. Когда я была маленькой, мы дружили подолгу.

Взрослые то и дело наносили друг другу официальные визиты, а нас, детей, оставляли вместе.

— Каким он был в те времена?

— О! Долговязым, рыжим, неуклюжим. Любил порисоваться, показать, какой он сильный и быстрый. Никогда не забуду, как он разозлился, когда я победила его в беге.

— Вы победили Люка в беге?

— Да. Я очень хорошая бегунья.

— Не сомневаюсь.

— Несколько раз он приглашал меня и Найду в походы, в том числе и лодочные. Кстати, где он сейчас?

— Пьет с Чеширским Котом.

— Что?

— Это долгая история.

— Мне так интересно! Я переживала за него с момента переворота.

— М-м-м... — Я быстро соображал, как отредактировать свое повествование, чтобы не раскрыть перед дочерью премьер-министра Бегмы никаких государственных секретов, вроде отношения Люка к Дому Амбера.

Поэтому я начал издалека:

— Мы знакомы уже несколько лет. Недавно он разозлил одного чародея, который одурманил его и приковал к стойке странного бара...

Я рассказывал долго, потом остановился, поскольку подзабыл Льюиса Кэрролла. Пришлось заодно пообещать ей томик «Алисы» на тари из библиотеки Амбера.

Когда я наконец закончил, Корэл весело засмеялась.

— Почему вы не вернули его?

Ой-ей-ей! Не уверен, что он сможет перемещаться по Тени, пока не придет в себя. Поэтому я ответил так:

— Ничего не выйдет — из-за заклинания. Оно влияет на его собственные колдовские способности. Люка нельзя трогать, пока он не выйдет из-под действия наркотического наваждения.

— Ну и дела! — воскликнула Корэл. — Значит, Люк — тоже чародей?

— М-м-м... да.

— Как же он приобрел эти способности? Когда я его знала, он ничем не выделялся.

— Маги приходят к своему искусству различными путями, — начал я и вдруг сообразил, что она понимает гораздо больше, чем можно было предположить по невинному улыбающемуся личику. Мне показалось, что Корэл умело клонит разговор к посвященности Люка в отцовскую магию, из чего можно было бы сделать вывод о его положении в семье. — Его мать Джасра — тоже своего рода чародейка.

— В самом деле? Никогда бы не подумала.

Черт! Ляпнул все-таки.

— Да, где-то научилась Искусству.

— А его отец?

— Честно говоря, не знаю.

— Вы с ним встречались?

— Мимоходом.

Ложь могла придать этому разговору ненужную значимость, если, конечно, Корэл догадывается о правде. Так что я прибегнул к единственному доступному мне средству. За соседним столиком никто не сидел, там вообще ничего не было, кроме стены. Я потратил заклинание, сопроводив его невидимым жестом, и тихонько пробормотал необходимую фразу.

Стол сорвался с места, перевернулся и с оглушительным треском врезался в стену. Со всех сторон послышались испуганные крики, я тоже вскочил на ноги.

— Никто не пострадал? — спросил я, оглядывая кафе.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Дикий и странный порыв ветра или что-то в этом роде, — сказал я. — Нам лучше уйти.

— Конечно, — пробормотала она, разглядывая обломки. — Неприятности мне не нужны.

Я швырнул на стол несколько монет, и мы вышли на улицу. При этом я говорил без умолку, чтобы щекотливая тема поскорее забылась. Похоже, мое красноречие подействовало. Во всяком случае, Корэл не пыталась возобновить неприятный для меня разговор.

Мы продолжали прогулку в направлении Западной Виноградной. Оттуда, помня о пристрастии девушки к яхтам, я планировал спуститься к порту. Но она вдруг взяла меня за руку и остановилась.

— Скажите, а правда, что на вершину Колвира можно подняться по огромной лестнице? Я слышала, ваш отец пытался однажды поднять туда своих солдат, их обнаружили, и ему пришлось пробиваться с боем.

Я кивнул:

— Да, правда. Старая история. С тех пор лестницей никто не пользовался. Но она в приличном состоянии.

— Я бы хотела ее увидеть.

— Хорошо.

Мы свернули направо и пошли вверх, в направлении Главной улицы. Навстречу попались двое рыцарей с гербом Ллевеллы. Проходя мимо нас, они отсалютовали. Интересно, случайное ли это совпадение или им было поручено следить за моими передвижениями? Похоже, подобная мысль посетила и Корэл; во всяком случае, она удивленно приподняла бровь и взглянула на меня. Я пожал плечами и пошел дальше. Спустя мгновение я оглянулся, но рыцари уже пропали из виду.

Вокруг нас толпились люди в самых разных одеяниях, воздух был наполнен ароматами готовящейся на открытых жаровнях пищи, способной удовлетворить самые причудливые вкусы. Поднимаясь на гору, мы несколько раз останавливались отведать мясного пирога, йогурта и сладостей. Устоять перед этими искушениями мог только насытившийся до отвала человек.

Я отметил, с какой гибкостью Корэл преодолевает препятствия. Это было больше, чем природная грациозность: сказывалась общая жизненная установка, натренированность и готовность к схватке. Девушка порой оглядывалась; я тоже смотрел по сторонам, не замечая, впрочем, ничего подозрительного. Один раз, когда на порог дома, мимо которого мы проходили, неожиданно вышел какой-то мужчина, рука ее непроизвольно дернулась к кинжалу на поясе.

— Здесь так оживленно... — заметила Корэл спустя некоторое время.

— Да. Бегма, наверное, поспокойнее?

— Намного.

— Безопасно ли там гулять?

— О да.

— Проходят ли женщины военную подготовку наравне с мужчинами?

— Как правило, нет. Почему вы спрашиваете?

— Просто любопытно.

— Я немного училась драться с оружием и без него.

— Зачем это вам?

— Отец предложил. Сказал, что членам его семьи не помешает. Наверное, он прав. А вообще, он очень хотел иметь сына.

— Ваша сестра тоже училась боевым искусствам?

— Нет, ей это было не интересно.

— Вы планируете дипломатическую карьеру?

— Нет. Вы говорите с другой сестрой.

— Мечтаете о богатом муже?

— Да. Скучном и толстом.

— Что же вас интересует?

— Может, как-нибудь позже расскажу.

— Хорошо. Я напомню, если вы забудете.

Мы дошли до южной оконечности Главной улицы. Ветер окреп. Далеко внизу шумел зимний океан — свинцово-серый, с белыми барашками волн. Над волнами кружились множество птиц и дракон.

Мы прошли под Аркой и оказались на смотровой площадке. Отсюда открывался завораживающий вид на черно-бурый берег и ведущую вниз крутую широкую лестницу. Волны оставляли на песке извилистые следы, похожие на морщины старика. Ветер здесь был пропитан солью и запахом моря.

Корэл непроизвольно подалась назад, потом опять приблизилась к краю.

— Вблизи лестница выглядит опаснее, чем я думала, — произнесла она наконец. — Наверное, когда по ней идешь, уже не так страшно.

— Не знаю, — ответил я.

— Вы ни разу по ней не спускались?

— И не поднимался тоже. Не было повода.

— А я думала, вас будет сюда тянуть, ну, раз это место связано с вашим отцом...

— Моя сентиментальность проявляется в ином, — пожал я плечами.

Корэл улыбнулась.

— Давайте подойдем к морю. Пожалуйста.

— Конечно, — ответил я и шагнул вперед.

Широкие ступеньки опускались футов на тридцать, после чего резко обрывались. Дальше круто вниз уходил узкий, прорубленный в каменной стене проход. По крайней мере ступеньки не были влажными и скользкими. Далеко внизу лестница снова расширялась, так что по ней могли спускаться одновременно два человека. На данном же этапе идти приходилось по одному, и я разозлился, ибо Корэл каким-то образом оказалась впереди.

— Если вы прижметесь, я протиснусь впереди, — сказал я.

— Зачем?

— Затем, что, если вы поскользнетесь, я окажусь спереди.

— Не волнуйтесь, — ответила она. — Я не поскользнусь.

Я понял, что спорить бесполезно.

Пролеты лестницы лепились к каменной стене. Местами ступеньки буквально нависали над пропастью, ветер неистовствовал, и нам приходилось прижиматься к скале всем телом. Перил не было на всем протяжении лестницы. Местами стена нависала над нашими головами, создавая эффект пещеры, затем мы выбирались на открытые участки, и ветер едва не срывал нас со ступенек. Несколько раз плащ хлестал меня по лицу; я выругался и вспомнил, что местные жители редко посещают собственные достопримечательности. Только теперь я оценил их мудрость.

Корэл стремительно спускалась, мне приходилось торопиться, чтобы не отстать. Впереди виднелась площадка, за которой лестница совершала крутой поворот. Я надеялся, что там девушка остановится и признается в том, что передумала идти дальше. Этого, однако, не произошло. Корэл миновала поворот и продолжала спуск. Ветер унес мой вздох в пещеру, где хранились жалобы таких же, как я, безумцев.

Между тем я не упускал случая взглянуть вниз, каждый раз вспоминая своего отца, которому пришлось лезть по этой крутизне с боем. Мне бы не хотелось повторить его путь. Во всяком случае, вначале я перепробовал бы все другие возможности. Интересно, насколько ниже дворца мы сейчас находимся?..

Когда мы наконец добрались до того места, где лестница расширялась, я ускорил шаг, чтобы нагнать Корэл. При этом я поскользнулся и зацепился каблуком за камень. Пустяковое дело, я даже не упал. Между тем я поразился тому, как отреагировала на изменившийся звук моих шагов Корэл. Она резко качнулась назад и в сторону, развернулась, перехватила мою руку и швырнула меня на стену.

— Все в порядке! — только и успел выкрикнуть я, шмякнувшись о камень. — Со мной все в порядке.

— Я услышала... — начала она.

— Я просто зацепился каблуком о камень. Вот и все.

— Я не знала...

— Естественно. Все нормально. Спасибо.

Мы пошли дальше, но что-то изменилось. У меня зародилось подозрение, от которого я не мог отделаться. Если мои предположения верны, то дела обстоят плохо.

Я не стал высказывать своих опасений. Вместо этого я пробурчал себе под нос:

— Карл у Клары украл кораллы.

— Что? — спросила она. — Я не расслышала...

— Я сказал, что сегодня прекрасный день для загородных прогулок вдвоем.

Корэл покраснела.

— На каком языке вы сказали это... в первый раз?

— На английском.

— Такого не знаю. Я вам уже говорила, когда вы рассказывали про Алису.

— Я помню. Не обращайте внимания.

С близкого расстояния берег походил на полосатого тигра. Волны откатывались, оставляя после себя белую пену, над которой кружились птицы. На горизонте маячили треугольники парусов, далеко на юго-востоке повис темный занавес дождя. Ветер уже не завывал так громко, хотя по-прежнему яростно трепал полы наших плащей.

Мы молча спустились до самого берега и сделали несколько шагов по песку.

— Там гавань, — сказал я, показывая направо. — Если пойти в другую сторону, увидите храм.

Вдали виднелось темное строение, где служили панихиду по Кейну. Иногда моряки молились в этом храме о благополучном плавании.

Корэл повертела головой в обе стороны, потом оглянулась и посмотрела наверх.

— Еще кто-то спускается, — заметила она.

Я поднял голову. На самом верху, у начала лестницы, темнели три фигуры. Издалека казалось, что люди просто любуются видом на море. Ни на одном не было одежды с гербами Ллевеллы.

— Наслаждаются хорошей погодой, — сказал я.

Корэл еще некоторое время смотрела в их сторону, затем спросила:

— Нет ли поблизости пещер?

— Сколько угодно, — ответил я, указывая направо. — Вон там. В них периодически кто-нибудь теряется. Многие пещеры просто прекрасны. Но попадаются и обыкновенные ямы.

— Очень хочется увидеть пещеры.

— Пожалуйста, — улыбнулся я. — Нет ничего проще.

Я зашагал по песку.

Люди на лестнице не двигались. Казалось, они по-прежнему любуются морем. Вряд ли это контрабандисты. День — не лучшее для них время суток. Между тем меня радовало, что моя подозрительность растет; в свете последних событий она не помешает. Предмет моего наибольшего подозрения, разумеется, шел рядом со мной, переворачивая носком сапога выброшенные на берег деревяшки и яркие камушки. В данный момент я был бессилен что-либо предпринять. Скоро...

Неожиданно Корэл взяла меня под руку.

— Спасибо за прогулку. Мне очень нравится.

— О, я тоже доволен. Рад, что вы приехали. Добро пожаловать.

Я даже почувствовал себя виноватым. Если мои подозрения не оправдаются, ничего страшного не произойдет.

— Думаю, жизнь в Амбере пришлась бы мне по душе, — произнесла девушка.

— Думаю, мне бы тоже. Я никогда не жил здесь подолгу.

— Вот как?

— Я вам до сих пор не объяснил, как долго я прожил на Земле, где получил образование, работу, о которой я рассказывал...

Неожиданно я пустился в автобиографические откровения, что вообще-то случается со мной довольно редко. Поначалу я и не понял, что со мной произошло. Позже я догадался: мне просто надо было выговориться. Даже мои подозрения не имели особого значения. Мне очень был нужен внимательный и благодарный

слушатель. И, прежде чем я осознал, что происходит, я принялся рассказывать ей о своем отце, — как этот человек, которого я знал очень плохо, погрузился в водоворот схваток, противоречий и трудных решений. Временами мне казалось, что это он сам пытается оправдаться в моих глазах, боится упустить единственную возможность, а я слушаю, пытаясь определить, что он опустил, где приукрасил и как он вообще ко мне относится...

— Вот мы и дошли до пещер, — объявил я, прерывая неловкое самокопание. Корэл попыталась как-то прокомментировать мой монолог, но я спокойно добавил: — Я был здесь только один раз.

Почувствовав мое настроение, девушка произнесла:

— Хорошо бы заглянуть в какую-нибудь пещеру.

Я кивнул. Недурное место для того, о чем я думал.

Третья пещера показалась мне наиболее подходящей. У нее был широкий вход, кроме того, она просматривалась в глубину намного дальше остальных.

— Давайте начнем отсюда, — предложил я. — Здесь, по крайней мере, светло.

Мы вошли в тенистую прохладу и некоторое время продолжали идти по мокрому песку, затем он сменился шершавым камнем. Потолок то прижимал нас к земле, то взмывал вверх. Повернув налево, мы вышли в другой проход, тоже ведущий на выход, ибо, взглянув назад, я увидел свет. Туда, где мы находились, еще доносился ритмичный плеск моря.

— А эти пещеры могут завести действительно далеко...

— Еще как, — ответил я. — Они изгибаются, перекрещиваются и петляют. Я бы не рискнул углубляться далеко без карты и света. Насколько мне известно, полных карт до сих пор не существует.

Корэл осмотрелась, вглядываясь в черные провалы примыкающих к нашему туннелей.

— Как вы думаете, далеко они ведут?

— Не имею понятия.

— Они проходят под дворцом?

— Возможно. — Я вспомнил серию боковых туннелей, которые миновал, когда шел по Огненному Пути. — Не исключено, что они соединяются и доходят до огромных пещер под дворцом.

— Интересно, как там?

— Под дворцом? Темно и просторно.

— Я бы хотела это увидеть.

— Зачем?

— Огненный Путь. Он, наверное, очень красочный.

— О да. Яркий и извилистый. И жуткий тоже.

— Как вы можете так говорить? Вы же его прошли!

— Пройти Путь и любить его — две разные вещи.

— Я просто подумала, что, если вам было дано его пройти, значит, между вами существует некая близость, вы должны ощущать глубокое родство...

Я рассмеялся, и эхо разнесло мой смех по всему подземелью.

— Да, когда я шел, я убеждал себя, что мне дано его пройти. Но до того, как я в него забрался, я этого не знал. И мне было просто страшно. Никогда он мне не нравился.

— Странно.

— Да нет, не странно. Это как море или ночное небо. Мощное, красивое, огромное... Это явление природы, вы поступаете с ним по своему усмотрению.

Корэл посмотрела в глубь туннеля.

— Очень хочется увидеть...

— Я бы не стал рисковать и пытаться выйти к нему отсюда. Да и зачем он вам, собственно говоря?

— Хочется посмотреть, как я на него отреагирую.

— Вы странная.

— Вы же мне его покажете, когда мы вернемся? Покажете, правда?

Все складывалось не так, как я предполагал. Если Корэл та, за кого я ее принимал, то просьба ее не имела смысла. Я уже начал подумывать, а не отвести ли ее в самом деле к Огненному Пути и посмотреть, что она будет делать. Как бы то ни было, я действовал, подчиняясь определенной системе, в отношении ее я уже дал себе зарок и даже сделал кое-какие приготовления.

— Может быть, — промямлил я.

— Пожалуйста. Я очень хочу его увидеть.

Казалось, она говорит искренне. Но я не сомневался в правильности своей догадки. Прошло достаточно времени, чтобы селящийся в разных телах странный дух, который подстерегал меня на жизненных перекрестках, нашел себе нового хозяина и попытался в очередной раз втереться мне в доверие. Корэл идеально подходила для этой роли. Ее прибытие было точно просчитано, она подчеркнуто заботилась о моем благополучии, у нее была великолепная реакция. Мне хотелось о многом ее расспросить, но я понимал, что в силу отсутствия доказательств она просто солжет. Я ей не верил. Поэтому решил прибегнуть к заклинанию, которое заготовил по пути домой из Арбор-Хауз. Оно предназначалось для изгнания духа из хозяина.

К Корэл я испытывал смешанные чувства. Если бы я знал ее мотивы, я бы смирился даже с тем, что она и есть тот самый дух.

Поэтому я спросил напрямую:

— Чего конкретно ты хочешь?

— Просто посмотреть. Честно!

— Нет. Если ты та, за кого я тебя принимаю, то ответь на простой вопрос: зачем?

Фракир запульсировала на моем запястье.

Я слышал, как глубоко вздохнула Корэл.

— Как ты узнал?

— Ты выдала себя мелочами, заметными только тому, кто недавно стал параноиком.

— Это магия, — пробормотала она. — Верно?

— Почти что, — ответил я. — Может, я буду по тебе скучать, но верить пока не могу.

Я произнес ключевые слова заклинания, позволяя рукам плавно исполнить необходимые жесты.

Раздались два ужасных крика, за ними последовал третий. Кричала, однако, не Корэл. Вопли доносились из-за поворота, через который мы только что прошли.

— Что за... — начала она.

— Черт! — закончил я и кинулся за угол, вытаскивая на бегу меч.

В полумраке я разглядел трех человек. Двое неподвижно распростерлись на полу пещеры, третий силился подняться и изрыгал проклятия. Я медленно приблизился, выставив перед собой клинок. Человек повернулся в мою сторону, попытался встать. Зажимая рану на левой руке, он пятился до тех пор, пока не уперся спиной в стену. Потом он забормотал что-то нечленораздельное.

Я осторожно приближался, все мои чувства были напряжены до предела. За спиной я слышал шаги Корэл, когда проход расширился, она поравнялась со мной. Девушка вытащила кинжал и держала его у самого бедра. У меня не было времени размышлять над тем, как могло подействовать на нее мое заклинание.

Я остановился возле первого из двух распростертых на полу пещеры тел и пихнул его носком сапога, готовясь отразить неожиданную атаку. Ничего, однако, не произошло. Тело казалось безжизненным. Я попытался перевернуть его на спину, и голова покатилась в сторону входа в пещеру. В полумраке я разглядел полуразложившееся человеческое лицо. Нос уже доложил мне, что это не иллюзия.

Я приблизился ко второму и тоже его перевернул. Передо мной оказался еще один гниющий труп. В то время как первый сжимал в руке кинжал, второй был безоружен. В этот момент я заметил второй кинжал, лежащий на полу возле ног живого человека. Я поднял взгляд и посмотрел ему в лицо. Происходящее казалось мне полнейшей бессмыслицей. Лежащие на полу были, по моим оценкам, мертвы уже несколько дней; чего же хотел живой?

— Э-э... что тут происходит? — спросил я.

— Черт бы тебя подрал, Мерлин! — прорычал он в ответ, и я тут же узнал голос.

Я медленно переступил через трупы. Корэл держалась рядом. Незнакомец повернул голову, и, когда на нее наконец упал луч света, я узнал Джарта. Он взирал на меня единственным глазом, второй покрывала повязка, половина волос отсутствовала, скальп избороздили шрамы, наполовину отросшее ухо торчало безобразным пеньком. Пиратская косынка, которой он прикрывал свое уродство, сползла на шею, с левой руки капала кровь. Только сейчас я заметил, что у него отрублен мизинец.

— Что случилось?

— Один из зомби зацепил меня кинжалом, когда падал, — ответил он. — Это произошло после того, как ты изгнал ожививших их духов.

Мое заклинание изгоняло духов, вселившихся в чужие тела... Они попали в радиус его действия.

— Корэл, с вами все в порядке, — спросил я?

— Да, — проговорила она. — Только я не понимаю...

— Позже, — сказал я.

Я не стал спрашивать Джарта, что случилось с его головой, поскольку хорошо помнил свою схватку с оборотнем в лесу к востоку от Амбера. Мне удалось засунуть зверя в костер. Задолго до того, как Мэндор предоставил убедительные доказательства, я подозревал, что это был Джарт.

— Джарт, — начал я, — многие из твоих бед случились при моем участии, однако ты должен понимать, что сам навлек их на себя.

Послышался то ли скрип, то ли скрежет. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что он скрежещет зубами.

— То, что меня усыновил твой отец, большая для меня честь, но не более, — произнес я. — Кстати, я только недавно об этом узнал.

— Лжешь, — прошипел Джарт. — Ты хитростью толкнул его на этот шаг, чтобы опередить нас в праве наследования.

— Ты что, серьезно? — изумился я. — Мы идем в конце списка, какое это может иметь значение?

— Я говорю не о престоле, идиот! Я говорю о Доме! Отец при смерти!

— Мне чрезвычайно грустно об этом слышать, — сказал я. — Но в любом случае Мэндор стоит впереди нас.

— А ты теперь стал вторым.

— Не по своей воле. Прекрати! Мне не видать трона, и ты об этом прекрасно знаешь!

Джарт выпрямился, и я заметил слабый радужный ореол, исходящий от его фигуры.

— Дело совсем в другом, — продолжал я. — Ты всегда меня ненавидел и вовсе не из-за права наследования. Сейчас тебе приходится многое скрывать. После всего, что ты натворил, есть смысл выдавать себя за другого. Кстати, Огненного Ангела ко мне подослал ты?

— Он тебя уже нашел? — воскликнул Джарт. — Признаться, я на него не особо рассчитывал. Но... Как все закончилось?

— Он мертв.

— Тебе везет... Слишком везет.

— Чего ты хочешь, Джарт? — спросил я. — Давай выясним раз и навсегда.

— Давай. Ты предал человека, которого я люблю, и только твоя смерть расставит все по местам.

— О ком ты? Я не понимаю.

— Скоро поймешь. Прежде чем ты сдохнешь, я тебе все объясню! — Джарт неожиданно улыбнулся.

— Долго придется ждать, — заметил я. — Тебе всегда не везло в таких делах. Лучше расскажи все как есть, и не будем мотать друг другу нервы.

Джарт рассмеялся, ореол засиял еще ярче, и в этот момент я сообразил, что он означает.

— Ждать тебе придется недолго, — процедил мой сводный брат. — Скоро я стану сильнее всех, с кем тебе доводилось встречаться.

— Но не проворнее, — сказал я как ему, так и человеку, наблюдающему за мной через его карту и готовому в любое мгновение выдернуть Джарта из этой реальности.

— Это ты, Маска? — спросил я. — Забирай его. И больше не присылай. Все равно он провалит твой замысел. Я помечу тебя в списке первоначальных дел и займусь тобой очень скоро, только дай знак, что это действительно ты.

Джарт разинул рот и что-то пробормотал, но я его уже не услышал, ибо он начал растворяться, а вместе с ним пропали и его слова. Что-то полетело в мою

сторону. Я парировал чисто инстинктивно, на самом деле необходимости в этом не было.

На полу, рядом с гниющими трупами и мизинцем Джарта, у самого конца радуги, рассыпалась дюжина роз.

V

Когда мы возвращались вдоль берега к гавани, Корэл наконец заговорила:

— И часто у вас такое случается?

— Это еще что, — проворчал я.

— Если не возражаете, я бы хотела во всем этом разобраться.

— Полагаю, я действительно должен кое-что объяснить, поскольку обошелся с вами несправедливо, хотя вы скорее всего и не заметили.

— В самом деле?

— Да.

— Продолжайте. Мне очень интересно.

— Это долгая история... — снова начал я.

Девушка взглянула на гавань, потом на вершину Колвира и улыбнулась:

— А нам предстоит долгая прогулка.

— К тому же вы дочь премьер-министра страны, с которой у нас сложные отношения...

— Что вы имеете в виду?

— Многое из того, что происходит, содержит секретную информацию.

Корэл положила руку на мое плечо и посмотрела мне в глаза.

— Я умею хранить тайны. В конце концов мой секрет вам известен.

Я поздравил себя с тем, что научился все-таки старому трюку своих родственничков: сохранять бесстрастное выражение лица, когда происходящее не лезет ни в какие ворота. Там, в пещере, когда я обратился к Корэл как к духу, она невольно себя выдала, ответив так, словно я разгадал ее секрет.

Поэтому я сухо улыбнулся и кивнул:

— Да, известен.

— Вы ведь не замышляете разорение моей страны?

— Разумеется, нет!

— Вы будете говорить только то, что знаете, так?

— Конечно, — кивнул я.

— Тогда начинайте.

— Хорошо.

Мы шли вдоль берега, и я говорил под глухой и глубокий аккомпанемент прибоя, невольно вспоминая долгие рассказы своего отца. Похоже, что пускаться в автобиографические воспоминания в тяжелые времена — наша семейная черта, нашелся бы только благодарный слушатель. Я периодически ловил себя на том, что переступаю в своем повествовании за рамки необходимого. С чего, кстати, я решил, что она и есть тот самый нужный мне слушатель?

Дойдя до гавани, я почувствовал сильный голод; между тем рассказ мой был далеко не окончен. Вечер еще не наступил, и здесь было гораздо безопаснее, чем в тот раз, когда я забрел сюда ночью. Мы вышли на Портовую, оказавшуюся еще грязнее при свете дня. Корэл тоже отчаянно проголодалась, и мы направились в сторону таверн, задержавшись на минуту полюбоваться заходящим в гавань многомачтовым кораблем с золотыми парусами.

Было рано, навстречу еще попадались трезвые матросы. В одном месте к нам двинулся чернобородый здоровяк, но другой человек, меньше ростом, успел его перехватить и что-то прошептал ему на ухо. Они тут же отвернулись.

— Эй! — окликнул я. — Чего он хотел?

— Ничего, — сказал тот, что пониже. — Ничего не хотел. — Поколебавшись, он добавил: — А я вас здесь видел...

— О! — сказал я, и незнакомцы скрылись за углом.

— О чем они? — спросила Корэл.

— До этого места я еще не дошел.

Между тем я отчетливо вспомнил все детали, когда мы поравнялись с домиком, рядом с которым все случилось. Следов конфликта не сохранилось. Я едва не прошел мимо кабачка «У Кровавого Билла», поскольку над входом висела намалеванная свежей зеленой краской новая вывеска. Теперь заведение называлось «У Кровавого Энди». Внутри между тем ничего не изменилось, разве что за стойкой стоял другой человек, выше и тоньше коренастого типа с высеченным из скалы лицом, который обслуживал меня в прошлый раз. Звали его, как я выяснил, Джек, он приходился Энди братом.

Джек продал нам бутылку «Мочи Бейли» и сунул в дыру в стене наш заказ на два рыбных обеда. Столик, за которым я сидел в прошлый раз, пустовал, и мы его заняли. Пояс с мечом я снял и положил на скамью справа от себя, а лезвие, как требовал местный этикет, наполовину вытащил из ножен.

— Мне здесь нравится, — сказала Корэл. — Здесь все... по-другому.

— М-м-м... да, — согласился я, оглядывая двух пьяниц, уткнувшихся головами в столы в противоположных углах заведения. В третьем углу о чем-то шептались три типа с бегающими глазами. На покрытом подозрительными пятнами полу валялись разбитые бутылки, на дальней стене висело несколько исполненных без особого изящества полотен на тему плотской любви.

— Готовят здесь неплохо, — добавил я.

— Никогда не была в таких ресторанах, — призналась Корэл, увидев, как из задней комнаты в зал вкатился клубок из вцепившихся друг в друга черного кота и огромной крысы.

— У всякого заведения есть свои завсегдатаи.

За едой я продолжил рассказ. Прошло немало времени, прежде чем отворилась дверь и в зал ввалился сильно хромающий маленький человек с грязной повязкой на голове. Я заметил, что на улице стало темнеть. История моя подходила к концу, наступало самое время уходить.

Я замолчал, и Корэл прикоснулась к моей руке.

— Знаете, я не такая, как вы, но, если я чем-нибудь смогу оказаться вам полезной, я не задумываясь это сделаю.

— Вы прекрасный слушатель, — улыбнулся я. — Спасибо. А теперь нам пора.

Мы без приключений миновали Мертвый тупик и вышли на Портовую недалеко от пересечения с Виноградной. В заходящих лучах солнца булыжники мостовой горели яркими цветами. Ни транспорта, ни пешеходов почти не было. Пахло готовящейся пищей, под ногами шуршали листья, высоко в небе парил в восходящих потоках воздуха маленький желтый дракон, а над дворцом дрожала бледная радуга. Я ждал, когда Корэл начнет меня расспрашивать, но она молчала. Если бы подобное выслушал я, у меня возникло бы множество вопросов. Либо девушка просто ошеломлена свалившейся информацией, либо каким-то образом сумела во всем разобраться.

— Когда мы вернемся во дворец... — тихо произнесла она.

— Да?

— ... вы ведь покажете мне Путь, правда?

Я рассмеялся.

— Если, конечно, мне не захочется ничего другого.

— Конечно, — кивнул я.

— Ваша история переменила мой взгляд на мир, — неожиданно сказала Корэл. — Я бы не рискнула вам советовать...

— Но?..

— Мне кажется, нужные вам ответы можно найти в Твердыне Четырех Миров. Когда вы узнаете, что *там происходит, все остальное встанет на свое место.* Я не понимаю, почему бы *вам просто не сделать соответствующую карту и не* перенестись туда.

— Хороший вопрос. Существуют Дворы Хаоса, куда невозможно попасть по карте, поскольку они постоянно меняются. То же самое относится и к месту, где я поместил Призрачное Колесо. В данный момент вокруг Твердыни наблюдается сильная пульсация, но я не уверен, что это причина блокады. Там находится энергетический центр; вполне возможно, что часть энергии обращена на охранное заклинание. Достаточно опытный маг смог бы, вероятно, пробраться сквозь него по карте, но я боюсь, что сработает сигнализация и элемент неожиданности будет утрачен.

— Как все-таки выглядит это место? — спросила она.

— Ну... Смотрите. — Я вытащил из кармана блокнот и ручку. — Здесь — вулканические породы. — Я нарисовал клубы и кольца дыма. — Здесь царит ледниковый период. Здесь океан, здесь — горы...

— Выходит, что без Пути вам никак не обойтись, — произнесла Корэл, изучая рисунок.

— Да.

— Это произойдет скоро?

— Возможно.

— Как вы станете их атаковать?

— Еще не решил.

— Если я хоть что-то смогу для вас сделать...

— Вряд ли.

— Не будьте столь категоричны. Я хорошо подготовлена. И сильна. Я даже знаю несколько заклинаний.

— Спасибо, — сказал я. — Все равно нет.

— Окончательно?

— Да.

— Если передумаете...

— Не передумаю.

— ...дайте мне знать.

Мы вышли на бульвар. Похолодало, ветер разгулялся не на шутку, раз или два что-то холодное коснулось моей щеки.

— Снег! — воскликнула Корэл в тот самый момент, когда я разглядел пролетающие мимо снежинки.

Едва коснувшись земли, белые хлопья пропадали.

— Если бы ваша делегация прибыла позже, не видать нам этой прогулки, — заметил я.

— Иногда мне везет, — рассмеялась девушка.

Когда мы добрались до дворца, снег валил уже вовсю. Мы на мгновение задержались в воротах, чтобы полюбоваться огоньками наполовину скрытого за снежной пеленой города. Личико Корэл светилось от счастья, мне показалось, что она старается занести эту сцену в блокнотик своей памяти. Я наклонился и поцеловал ее в щеку.

— О! — произнесла она, поворачиваясь в мою сторону. — Вы меня удивляете.

— Отлично. Люблю неожиданности. Давайте укроемся от холода.

Корэл улыбнулась и взяла меня под руку.

— Ллевелла просила узнать, будете ли вы на обеде, — доложил стражник.

— А когда обед?

— Часа через полтора.

Я взглянул на Корэл, и она пожала плечами.

— Полагаю, да, — ответил я.

— Первый зал наверху, — сообщил стражник. — Я могу послать сержанта, он доложит о вашем решении. А если хотите...

— Да, пусть доложит. Желаете переодеться? Умыться? — обратился я к Корэл.

— Путь, — коротко ответила девушка.

— Лестниц там еще больше, — предупредил я.

Личико ее посерьезнело, она посмотрела на меня, и я улыбнулся.

— Сюда, — сказал я и повел ее через тронный зал.

Застывшего в конце длинного коридора стражника я не помнил, хотя он меня узнал, удивленно взглянул на Корэл, открыл дверь и зажег фонарь.

— Говорят, одна ступенька проваливается, — заметил он, передавая мне фонарь.

— Которая?

Стражник покачал головой:

— Принц Джерард несколько раз жаловался, но никто, кроме него, этой ступеньки не обнаружил.

— Ладно, — проворчал я. — Спасибо.

На этот раз Корэл согласилась, чтобы я шел впереди.

Лестница была страшнее и неуютнее, чем та, на скале. Во-первых, не было видно ее конца. Во-вторых, уже через несколько шагов не было видно и начала. Казалось, вокруг находится безграничная пустота. Я никогда не видел это место

при свете, но предполагаю, что так оно и есть. Мы находились внутри огромной пещеры, лестница круто уходила вниз; мы делали круг за кругом, не зная, доведется ли добраться до дна.

Спустя некоторое время Корэл кашлянула.

— Может, остановимся?

— Запыхалась? — поинтересовался я.

— Нет. Еще далеко?

— Не знаю. Каждый раз по-разному. Если хочешь, мы можем подняться и пообедать. А Путь посмотрим завтра.

— Нет, — ответила Корэл. — Давай просто постоим одну минутку.

Место показалось мне неподходящим для любовных признаний, из чего я справедливо заключил, что причина кроется в другом, промолчал и послушно замер на месте.

Прошло немало времени, прежде чем я сообразил, что она плачет.

— Что случилось? — спросил наконец я.

— Ничего, — пробормотала Корэл. — Наверное, нервная реакция. Примитивные рефлексы. Темнота. Боязнь замкнутого пространства. И так далее.

— Давай вернемся.

— Нет.

Мы снова двинулись вниз.

Спустя полминуты я увидел на нижней ступеньке что-то белое и остановился. Потом до меня дошло, что это всего лишь носовой платок. Наклонившись, я разглядел, что он прибит кинжалом. Подняв и разгладив платок, я разобрал надпись: «Вот эта, будь она проклята! Джерард».

— Здесь осторожнее, — предупредил я Корэл.

Я хотел переступить через ступеньку, но потом осторожно коснулся ее сапогом. Ступенька даже не скрипнула. Я медленно перенес на нее весь свой вес. Ничего. Я встал двумя ногами. То же самое.

Я пожал плечами.

— Все равно осторожнее, — проворчал я.

Корэл встала на ступеньку, и ничего не произошло. Мы продолжили спуск.

Немного погодя я увидел далеко внизу слабое мерцание. Свет перемещался, из чего я заключил, что кто-то патрулирует подземелье. Зачем? Разве здесь содержались пленники? Или некоторые входы в пещеры считаются уязвимыми местами с военной точки зрения? Обычно вход к Огненному Пути запирался на ключ, который вешали рядом на стену. Может быть, это стало опасным? Как? Почему? Надо заняться всем этим вплотную.

Но когда мы спустились, никакого стражника не оказалось. Стол, оружейная пирамида и несколько колодок, составляющие убранство караульного помещения, освещались фонарями, однако стражника на посту не было. Плохо. Интересно, как положено действовать в экстренных случаях? И какие вообще экстренные случаи предусмотрены уставом здешней караульной службы?

Я заметил свисающую с оружейной пирамиды веревку и с величайшей осторожностью потянул за нее. Спустя мгновение откуда-то сверху раздалось тихое позвякивание. Любопытно. Похоже на сигнализацию.

— В какую сторону? — растерянно спросила Корэл.

— Сюда.

Я взял ее за руку, и мы повернули направо.

Я ожидал услышать эхо наших шагов, но в подземелье стояла полная тишина. Время от времени я высоко поднимал фонарь. Темнота расступалась, но ничего, кроме лишнего кусочка пола, видно не было.

Корэл замедлила шаг, рука ее напряглась. Я продолжал тянуть девушку за собой.

Вдали послышалось слабое эхо, и я сказал:

— Теперь уже близко.

— Хорошо, — откликнулась она, но шаг не ускорила.

Наконец показалась серая стена пещеры, а слева — черный провал нужного мне туннеля.

Когда мы вошли в туннель, я почувствовал, что девушка дрожит.

— Если бы я знал, что на тебя так подействует...

— Со мной все в порядке, — остановила меня Корэл, — правда. Я очень хочу увидеть Путь. Я просто не знала, что добираться сюда так... сложно.

— Ну, худшее уже позади. Теперь скоро, — приободрил ее я.

Мы довольно быстро добрались до первого ответвления и свернули влево. Отсюда в сторону уходил еще один туннель. Я остановился и высоко поднял фонарь.

— Никто не знает, куда он выведет. Можно попасть обратно на берег.

— Я бы не стала рисковать, — откликнулась Корэл.

Вскоре мы дошли и до третьего ответвления. Я заглянул во вход. Вдоль стены тянулась жила неизвестного мне яркого минерала.

Я пошел быстрее, теперь наши шаги гулко разносились по подземелью. Мы миновали четвертое ответвление. Пятое... Мне показалось, что откуда-то донеслась тихая музыка.

Проходя мимо шестого туннеля, Корэл вопросительно на меня посмотрела, но я даже не остановился. Мне был нужен седьмой. Когда мы наконец до него добрались, я вошел внутрь, сделал несколько шагов и поднял фонарь. Перед нами находилась массивная, обитая железом дверь.

Справа от нее торчал из стены крюк. Я снял ключ, вставил его в замок, провернул, вытащил ключ и повесил на место. Затем налег на дверь плечом и надавил изо всех сил. Некоторое время дверь сопротивлялась, потом петли жалобно заскрипели. Фракир на моем запястье напряглась, но я продолжал толкать, пока дверь не отворилась полностью. Тогда я отступил в сторону и пропустил вперед Корэл.

Она сделала несколько осторожных шагов и замерла. Я вошел внутрь, встал рядом с ней. Дверь захлопнулась.

— Вот он, — прошептала Корэл.

В полу светился светло-голубой овал Пути. Я отставил фонарь в сторону — в нем больше не было необходимости, свечения Пути вполне хватало — и погладил Фракир, стараясь ее успокоить. В дальнем конце грандиозного узора рассыпался сноп искр, некоторые долетели почти до нас. Незнакомая пульсация, никогда не замечал ее раньше, заполнила все помещение. Повинуясь неясному порыву, а может, уступая долго сдерживаемому любопытству, я вызвал Логрус.

Это было ошибкой.

Образ Логруса тут же засиял передо мной, разлетелись искры, откуда-то послышался тонкий душераздирающий вой баньши*. Фракир взбесилась, в уши мне словно вбили сосульки, глаза не выдерживали сияния извивающегося Знака. Я тут же отозвал Логрус, и все постепенно затихло.

— Что это было? — спросила Корэл.

Я попытался улыбнуться, но ничего не вышло.

— Маленький эксперимент, который мне давно хотелось поставить.

— Он что-нибудь прояснил?

— Только то, что повторять его не следует, — ответил я.

— Во всяком случае, при гостях, — добавила девушка. — Мне было больно.

— Извини.

Она приблизилась к краю уже успокоившегося Пути.

— Какой причудливый свет... Как в сказке. До чего же красиво. Вы все должны пройти его, чтобы получить свое... э... наследство?

— Да.

Корэл медленно двинулась вправо по периметру Пути.

Я пошел за ней следом. Девушка не сводила глаз с ярких дуг и поворотов, коротких прямых отрезков и длинных извилистых кривых.

— Наверное, это очень трудно?

— Да. Секрет заключается в том, чтобы постоянно идти вперед и не прекращать усилий, даже когда *перестаешь двигаться.*

Мы медленно шли вправо, *постепенно приближаясь к дальнему концу Огненного Пути.* Казалось, что сам рисунок находится не на полу, а внутри его, словно под толстым слоем стекла. Разве что поверхность не блестела и не отсвечивала.

Прошло около минуты, прежде чем Корэл смогла хоть немного освоиться.

— Ну как? — наконец спросил я.

— Эстетично, — произнесла Корэл.

— И все?

— Энергия, — ответила она. — Мне кажется, я чувствую ее пульсацию. — Девушка наклонилась и поводила рукой над ближайшей полосой. — Это ощущается даже на физическом уровне.

Мы пошли дальше, обходя гигантский рисунок сзади. Стоящий на полу у входа фонарь был почти неразличим на фоне яркого свечения.

Вскоре Корэл опять остановилась и вытянула руку:

— Линия здесь заканчивается. Что это?

— Это не конец, — ответил я. — Это начало. Отсюда начинают идти по Пути.

Она приблизилась и провела над линией рукой.

— Да, я чувствую, что начало здесь.

Не могу сказать точно, сколько времени мы так простояли. Затем Корэл взяла меня за руку и крепко ее стиснула.

— Спасибо. За все.

Я хотел было поинтересоваться, с чего бы она вдруг так заговорила, но в этот момент Корэл поставила ногу на линию.

— Нет! — закричал я. — Остановись!

Но было уже поздно. Нога ее опустилась, яркое свечение вырывалось из-под подошвы сапога.

— Не двигайся! — крикнул я. — Что бы ни произошло, не сходи с места!

Она послушно замерла. Я облизал губы, которые вдруг стали совершенно сухими.

— Теперь попытайся поднять ногу, которую ты поставила на линию. Можешь?

— Нет, — ответила она.

Я опустился рядом с ней на одно колено, чтобы спокойно обдумать ситуацию. Теоретически, после того как нога поставлена на Путь, назад хода нет. Остается либо пройти его до конца, либо пасть где-нибудь по дороге. С другой стороны, Корэл уже должна была погибнуть. По теории, опять-таки, только те, кто принадлежит роду Амбера, могут прикоснуться к Пути и остаться в живых. Ладно, с теорией покончено.

— Не самое удачное время для вопросов, — проворчал я, — но какой черт тебя дернул это сделать?

— Ты же сам дал понять, что знаешь, кто я.

Я помнил свои слова: они касались вселившегося в ее тело духа. К Пути это не имело ни малейшего отношения. По мере того как я продумывал заклинание, с помощью которого удалось бы освободить ее из власти Пути, ситуация начала постепенно проясняться.

— Ты что, связана с Домом?

— Говорят, что до моего рождения у короля Оберона был роман с моей матерью, — сказала Корэл. — По времени все сходится. С другой стороны, это только слухи. Подробностей я ни от кого не добилась. Так что точно ничего не известно. Но я мечтала, чтобы это оказалось правдой. Я очень этого хотела. Я надеялась найти какой-нибудь туннель, по которому можно было бы сюда попасть. Я хотела пробраться к Огненному Пути и пройти его, чтобы Тени раскрыли передо мной свои тайны. Хотя и боялась, ибо понимала, что в случае ошибки мне грозит смерть. Своими словами ты подтвердил мою мечту. Но я все равно боялась. И сейчас боюсь. Только сейчас я боюсь того, что мне не хватит сил пройти Путь.

Вот откуда это ощущение близости, которое я почувствовал при первой встрече!..

До меня вдруг дошло, что причина заключается в элементарном семейном сходстве. Нос и брови Корэл напоминали мне Фиону, подбородок и скулы — Флору. Ростом, глазами и волосами она не походила ни на кого. А вот от отца и сестры у Корэл не было ничего.

Я вспомнил портрет деда в западном зале, у него было лицо человека не чуждого плотских радостей. Старый развратник погулял на славу. Надо отдать ему должное, это был действительно красивый человек.

Вздохнув, я поднялся на ноги и положил руку на плечо Корэл.

— Послушай, все мы прошли хорошую подготовку, прежде чем приблизились к Пути. Я постараюсь кое-что тебе объяснить, прежде чем ты сделаешь следующий шаг. Пока я говорю, моя энергия будет перетекать в тебя. Я хочу, чтобы ты стала как можно сильнее. Когда тронешься с места, не останавливайся, пока не дойдешь до середины. Я постараюсь корректировать твое продвижение. Мои команды исполняй немедленно и не задумываясь.

Вначале я расскажу тебе о Завесах, местах повышенного сопротивления...

Сколько я говорил, я не помню.

Корэл приближалась к Первой Завесе.

— На холод и тряску внимания не обращай, они не опасны. И не смотри на искры. Сейчас начнется настоящее сопротивление. Не дыши так часто.

Я наблюдал, как она идет через Путь.

— Отлично, — сказал я, когда она вышла на легкий участок. Я решил не говорить ей, что следующая Завеса гораздо сложнее. — Кстати, не подумай, что сходишь с ума. Скоро он начнет играть с твоим сознанием...

— Уже начал. Что мне делать?

— Скорее всего это воспоминания. Не обращай на них внимания, пусть себе текут. Сосредоточься на маршруте.

Мне удалось провести ее через Вторую Завесу. Временами искры долетали до самых плеч Корэл. Я наблюдал, как она преодолевает изгиб за изгибом, проходит хитрые дуги и долгие, закрученные спирали и повороты. На некоторых участках она шла быстро, на других почти останавливалась, но все равно продолжала идти вперед. Главное она уловила, и, похоже, воли ей было не занимать. Мне даже показалось, что я больше не нужен. Ничего нового я посоветовать не мог. Результат полностью зависел от нее самой.

Поэтому я замолчал. Наблюдая за продвижением Корэл, я с раздражением заметил, что невольно наклоняюсь, напираю, увиливаю, *как будто сам прохожу* Огненный Путь.

К тому времени, когда Корэл *добралась до Главной Дуги, она напоминала* ходячее пламя. Девушка продвигалась чрезвычайно медленно, но уверенно. Как бы все ни закончилось, я знал, что она меняется, уже изменилась. Путь накладывал на нее свой отпечаток.

Дело шло к концу. Я едва не закричал, когда мне показалось, что она остановилась, но слова застряли у меня в горле, а она покачнулась и пошла дальше. Когда Корэл приблизилась к Последней Завесе, я вытер рукавом пот с бровей. Ее предположение оказалось верным. Только дитя Амбера могло уцелеть на Огненном Пути.

Не могу сказать, сколько времени ушло у Корэл на Последнюю Завесу. Усилие ее растворилось во времени, а я потерялся в бесконечном моменте. Она являла собой медленно двигающееся пламя, сияющий над ее головой нимб освещал подземелье, как огромная голубая свеча.

И вот она вошла в короткую дугу, остались три последних, самых трудных шага всего Пути. В этом месте идущий ощущает сопротивление поверхности и мощную физическую инерцию.

Мне снова почудилось, что она остановилась, но это было не так. Со стороны Корэл походила на человека, выполняющего упражнение по системе тай-цзы*; движения ее были болезненно замедленны. Она осторожно продвигалась вперед. Если она не погибнет на последнем шаге, все будет в порядке. Мы сможем поговорить...

Последний момент длился бесконечно. Затем я увидел, как ее нога продвинулась вперед и вышла за пределы Пути. Вскоре она переступила границу второй ногой.

— Поздравляю! — воскликнул я.

Она слабо помахала мне правой рукой, прикрывая левой глаза от яркого света. Так она простояла почти минуту. Те, кому доводилось пройти Путь, знают это

состояние. Я молчал, давая девушке возможность прийти в себя и насладиться триумфом.

Казалось, что Путь светится ярче; так всегда бывает сразу же после успешного прохода. Сияние придавало гроту сказочный вид, залитые голубым светом камни и черные тени, зеркало пруда у дальней стены, где обитают слепые рыбы... Я попытался представить, что может означать поступок Корэл для нее и для Амбера.

Она неожиданно выпрямилась.

— Я буду жить!

— Хорошо, — ответил я. — Теперь у тебя есть выбор.

— Ты о чем?

— Сейчас ты можешь потребовать, чтобы Путь доставил тебя куда угодно. Он может оставить тебя и здесь, но я бы посоветовал тебе вернуться в свою комнату. Несмотря на то, что мне хорошо в твоем обществе, рекомендую воспользоваться этой услугой. Ты слишком устала. Тогда у тебя будет время понежиться в ванной и переодеться к обеду. Встретимся в столовой. Договорились?

Корэл улыбнулась и покачала головой.

— Я не собираюсь упускать такую возможность, — произнесла она.

— Послушай, — сказал я. — Мне знакомо это чувство. Но тебе следует успокоиться. Путешествие в экзотические места может оказаться очень опасным, еще сложнее будет вернуться назад, поскольку ты не имеешь опыта в прогулках по Теням.

— Это своего рода упражнение в воле и концентрации, так? Надо двигаться и проецировать образы на окружающую реальность, правильно?

— Все гораздо сложнее. Ты должна научиться выделять нужные детали отправных пунктов. Обычно в первой прогулке по Тени новичка сопровождает кто-нибудь из более опытных...

— Ладно, главное я усвоила, — перебила она меня.

— Не до конца, — возразил я. — Знать, что надо делать, еще не все. Существует обратная связь. Ты должна испытать определенное чувство. Ему нельзя научить, его можно только испытать. Пока нет уверенности, что все идет как надо, нужен проводник.

— Думаю, у меня получится — методом проб и ошибок.

— Не исключено, — сказал я. — Представь, однако, что ты попадешь в беду. Учиться будет поздно. Это кошмарное состояние...

— Ладно. Понятно, куда ты клонишь. Но я, слава богу, и не планирую ничего опасного.

— Что ты задумала?

Корэл расправила плечи и обвела грот широким жестом.

— С тех пор, как я узнала о существовании Огненного Пути, мне захотелось попробовать одну вещь.

— Что же это?

— Я хочу попросить его доставить меня туда, где мне надо побывать.

— Не понимаю.

— Я хочу, чтобы Путь сам выбрал место.

Я покачал головой:

— Ничего не выйдет. Ты должна указать точное место, куда тебя надо доставить.

— Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Просто он так устроен.

— А ты когда-нибудь пробовал сделать так, как хочу я?

— Нет. Ничего не произойдет.

— А вообще кто-нибудь пробовал?

— Пустая трата времени. Послушай, по твоим словам выходит, что Путь — это мыслящее существо, способное самостоятельно принимать решения и выполнять их.

— Да, — ответила Корэл. — А после того как я через него прошла, он должен был хорошо узнать меня. Поэтому я хочу спросить у него совета и...

— Подожди! — воскликнул я.

— Да?

— Предположим, что у тебя получится. Как ты собираешься возвращаться?

— Как-нибудь доберусь. Значит, ты признаешь, что может и получиться?

— Да, — сказал я. — Если у тебя есть подсознательное желание посетить какое-нибудь место, *Путь его прочтет, и ты дашь ему приказ на транспортировку.* Это не значит, что он разумен, он просто чувствителен. Теперь слушай внимательно. Я бы не рискнул ставить подобные эксперименты. Допустим, у меня есть склонность к самоубийству, о которой я не подозреваю. Или...

— Слушай, это становится скучным.

— Я всего-навсего советую тебе сделать это безопасным способом. У тебя впереди целая жизнь. Просто глупо...

— Хватит! — оборвала меня Корэл. — Я приняла решение. Все. Увидимся позже, Мерлин.

— Подожди! — крикнул я. — Ладно. Поступай как знаешь. Только вначале возьми одну штуку.

— Что это?

— С ее помощью ты сможешь быстро выбраться из трудного места. Держи.

Я вытащил колоду и нашел свою карту. Потом снял с пояса кинжал в ножнах, обернул карту вокруг рукоятки и привязал ее платком.

— Умеешь пользоваться *картой?*

— Надо на нее смотреть и думать *о человеке, пока не возникнет контакт,* правильно?

— Примерно, — проворчал я. — Вот моя карта. Возьми с собой. Вызови меня, когда захочешь вернуться. Я тебе помогу.

Я швырнул кинжал движением снизу в середину Пути, Корэл легко его перехватила и повесила на пояс с противоположной от своего стороны.

— Спасибо, — сказала она. — Теперь я попробую.

— На всякий случай, если у тебя получится... Не задерживайся, ладно?

— Ладно, — ответила Корэл и закрыла глаза.

Спустя мгновение она исчезла.

Ну и дела.

Я подошел к краю Огненного Пути и подержал над ним руку, пока не почувствовал напор энергии.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — произнес я. — Я хочу, чтобы она вернулась.

Вверх стрельнула искорка и пощекотала мою ладонь.

— Хочешь сказать, что ты действительно разумен?

Вокруг меня все завертелось. Спустя мгновение головокружение прошло. Первое, что я заметил, был стоящий рядом с моим правым сапогом фонарь. Оглядевшись, я сообразил, что стою на противоположной стороне Пути, недалеко от выхода.

— Я находился внутри поля, и ты настроился на меня, — пробормотал я. — Ты понял, что подсознательно я хотел уйти.

Я поднял фонарь, запер за собой дверь и повесил ключ на крюк. Все-таки этой штуке верить нельзя. Если он действительно хотел мне помочь, то почему не отправил меня прямо домой, минуя ненавистную лестницу?

Я быстро зашагал по туннелю. Это было самое интересное в моей жизни первое свидание.

VI

Стоило мне сделать несколько шагов по ведущему к лестнице темному туннелю, как справа появился обвешанный обрывками ржавых цепей тип в черной коже. Голова его была начисто выбрита, за исключением высокого оранжевого гребня посередине, в левом ухе блестели многочисленные серебряные кольца, а рядом помещалось нечто похожее на электрическую розетку.

— Мерлин? — спросил он. — Ты как?

— Пока ничего, — проворчал я, пытаясь получше разглядеть его в темноте. — А ты... изменился, Мартин.

Он хмыкнул:

— Возвращаюсь из интересной Тени. Проторчал там целый год. Знаешь, есть места, где время мчится чертовски быстро.

— Полагаю, там весьма развита технология, урбанизация...

— Точно.

— А я думал, ты деревенский парень.

— Это в прошлом. Теперь я понял, почему папаша так любит города и шум.

— Ты ведь еще и музыкант?

— Немного. Хотя у них там совсем другие звуки. Придешь на обед?

— Собирался. Надо вначале переодеться и умыться.

— Значит, увидимся за столом. Поговорим.

— Конечно, кузен.

Он потрепал меня за плечо, а я пошел своей дорогой. Хватка у него по-прежнему была мощной.

Спустя несколько шагов я почувствовал контакт по карте. Я замер и тут же откликнулся. Похоже, Корэл решила вернуться. Вместо нее, однако, я увидел улыбающегося Мэндора.

— Ну наконец-то, — сказал он. — Ты один и, судя по всему, в безопасности.

Когда немного прояснилось, я разглядел, что рядом с ним стоит Фиона — слишком, как мне показалось, близко.

— Да, все в порядке, — откликнулся я. — Вернулся в Амбер. А ты как?

— Помаленьку, — буркнул Мэндор, глядя мимо меня, хотя, кроме стены с обрывками старых обоев, позади ничего не было.

— Хочешь сюда? — спросил я.

— С удовольствием побывал бы в Амбере, — сказал он, — но придется отложить визит до следующего раза. Мы тут вроде как заняты.

— Ты выяснил причину возмущений? — спросил я.

Он взглянул на Фиону, потом перевел взгляд на меня.

— И да и нет. Есть интересные наметки, но пока ничего определенно не доказано.

— Ясно. Чем тогда могу помочь?

Фиона вытянула указательный палец, и ее тут же стало отчетливо видно. Я догадался, что она прикоснулась к моей карте для лучшего контакта.

— Мы тут столкнулись со следами деятельности построенной тобой машины. Призрачного Колеса.

— Да?

— Ты прав, эта штука обладает разумом. У нее высокий коэффициент умственного развития не только по техническим показателям, но и по социальной ориентации.

— Я был уверен, что она пройдет тест Тьюринга*.

— О, это уж точно — если учесть, что тест Тьюринга предполагает умение машины обманывать людей и вводить их в заблуждение.

— На что ты намекаешь, Фиона?

— У твоей машины не просто высокий коэффициент умственного развития. Он у нее откровенно антисоциальный. Мне вообще кажется, что твоя машина сумасшедшая.

— Что она сделала? — спросил я. — Набросилась на вас?

— Нет, до оскорбления действием не дошло. Но она чокнутая, понимаешь? Лживая и наглая. У нас просто нет времени рассказывать тебе все подробности. Похоже, она способна на любую гадость. Не знаю. Просто решили тебя предупредить, чтобы ты ей не доверял.

Я улыбнулся:

— Это все? Конец связи?

— Пока да. — Фиона опустила палец и растворилась.

Я перевел взгляд на Мэндора, намереваясь рассказать о множестве защитных устройств, которыми я напичкал свою машину, чтобы ею не смогли воспользоваться посторонние, главным образом Джарт.

В этот момент связь внезапно оборвалась, и я почувствовал, как кто-то еще требует контакта.

Ощущение меня заинтриговало. Мне всегда было интересно, что произойдет, если кто-то попытается связаться через карту в тот момент, когда по карте я уже общаюсь. Установится общий разговор? Или пойдет сигнал «занято»? Смогу ли я временно кого-нибудь отключить? Вряд ли мне когда-либо доведется это выяснить — слишком статистически маловероятно. Как бы то ни было...

— Мерлин, малыш! Со мной все в порядке.

— Люк!

Мэндор и Фиона определенно пропали.

— Со мной действительно все в порядке, Мерлин.

— Ты уверен?

— Да, как только все стало налаживаться, я перешел на скоростную линию. По меркам здешней Тени прошло несколько дней с нашей последней встречи.

На нем были солнцезащитные очки и зеленые плавки. Люк восседал под зонтиком за маленьким столиком возле бассейна. На столе виднелись остатки обильного завтрака. Девушка в голубом бикини прыгнула в воду и пропала из виду.

— Что ж, рад слышать...

— Что все-таки со мной случилось? Помню, ты говорил, что мне подсыпали наркотик, когда я был пленником в Твердыне. Это правда?

— Очевидно.

— Буду знать, как пить воду... Ладно. Что произошло, пока меня не было?

Я никогда не знал, что можно, а что нельзя ему говорить.

— Какие у нас сейчас отношения?

— А, ты об этом?

— Именно.

— Ну, у меня была возможность все обдумать, — произнес Люк, — и я решил дать отбой. Честь удовлетворена. Нет смысла переть дальше. Но я не собираюсь отдаваться на милость Рэндома. Теперь ты скажи: как относится ко мне Амбер? Надо мне оглядываться по ночам или нет?

— Пока никто ничего не знает. Рэндома в городе нет, я сам только что приехал и не успел выяснить, что думают остальные.

Он снял очки и внимательно на меня посмотрел.

— Значит, Рэндома в городе нет...

— Не волнуйся, я знаю, что он тебя не преследует, потому что он в Каш... — Я остановился на один слог позже, чем следовало.

— В Кашфе?

— Кажется, да.

— Какого черта ему там делать? Амбер никогда не интересовался этим местом.

— Случилась... смерть, — попытался объяснить я. — Все крайне напряжено.

— Ха! — воскликнул Люк. — Значит, ублюдок получил свое. Хорошо! Но... А чего это Амбер так засуетился?

— Не знаю, — проворчал я.

Люк хмыкнул:

— Риторический вопрос. Теперь понятно, что у вас происходит. Надо признать, Рэндом держит марку. Слушай, когда выяснишь, кого он посадил на трон, дай мне знать. Хочу быть в курсе дел родного городка.

— Ну конечно, — ответил я, безуспешно пытаясь сообразить, могу ли я навредить Амберу, распространяя подобную информацию. Со дня на день это станет известно всем.

— Что еще новенького? Как там эта... Винта Бейли?

— Пропала, — ответил я. — Куда — не знаю.

— Странно, — удивился он. — Думаю, мы ее еще увидим. Она же, кстати, звалась Гейл. Дай мне знать, если она объявится, хорошо?

— Хорошо. Хочешь ее еще разок куда-нибудь вытащить?

— Не худший способ провести время.

— Тебе повезло, что она тебя никуда не вытащила.

— Не думаю, что ей этого хотелось, — ответил Люк. — Мы всегда отлично ладили. В любом случае я вызвал тебя не за этим...

Я кивнул. А то я не знал.

— Как моя мать?

— Не шевелится. С ней все в порядке.

— Ну дела, — покачал головой Люк. — Знаешь, как-то не солидно для королевы находиться в таком положении. Вешалка. Боже мой!..

— Согласен, — кивнул я. — Выбора все равно нет.

— Мне бы хотелось... освободить ее. Что для этого потребуется?

— Ты затронул весьма щекотливую тему.

— Не сомневаюсь.

— У меня сильное подозрение, Люк, что это она разжигает месть и натравливает тебя на моих родственников. Как в случае с бомбой. Зачем она заставляла тебя вооружать враждебную Амберу шайку Далта современным оружием? А регулярные попытки убить меня каждую весну? А...

— Хорошо, хорошо. Ты прав. Я не отрицаю. Но многое изменилось...

— Да. Ее планы рухнули, а сама она попала к нам в руки.

— Я о другом. Я изменился. Теперь я лучше понимаю и ее, и себя. Она больше не сможет мной помыкать.

— Почему?

— Это путешествие... Оно полностью меня перевернуло. Я пересмотрел свое отношение к Джасре. Она больше не сможет водить меня за нос.

Я вспомнил привязанную к столбу рыжеволосую женщину, которую терзали демоны. Теперь я уловил сходство.

— Но она все равно остается моей матерью, — продолжал Люк, — и я не хочу бросать ее в таком положении. Как ты думаешь, какое надо заключить соглашение, чтобы ее освободили?

— Не знаю. Вопрос не решен.

— Она же ваша пленница, разве не так?

— Ее планы были направлены против нас всех.

— Верно, но я больше не собираюсь ей помогать. А без такого человека, как я, она не справится.

— Правильно. Но если ты откажешься ей помогать, что помешает Джасре найти кого-нибудь другого? Она все равно опасна.

— Теперь вы знаете ее секреты. Это существенно осложнит ей жизнь.

— И сделает ее еще изощреннее.

Люк вздохнул:

— Полагаю, во всем этом есть доля правды. Но она не более ядовита, чем большинство людей. Надо всего лишь договориться о цене.

— Не думаю, что Амбер пойдет на такие сделки.

— А я думаю.

— Тем более что она уже у нас в плену.

— Это, конечно, осложняет дело, — согласился он. — И все же наверняка вопрос можно решить. Не собираетесь же вы вечно использовать мою мать как предмет домашнего обихода? Не выгоднее ли вам будет освободить ее?

— Что ты предлагаешь? — спросил я.

— Пока ничего. Я тебя просто прощупываю.

— Ладно. Но сразу тебе скажу: такую ситуацию трудно представить. Чтобы нам стало выгодно ее освободить? Полагаю, надо определиться в понятии «выгода». Пока это все слова.

— Пытаюсь прощупать ситуацию, — повторил Люк, — а заодно заронить пару зерен. Какие проблемы у тебя?

— У меня? Лично? Ты в самом деле хочешь узнать?

— Конечно!

— Ладно, слушай. Похоже, мой братец Джарт вступил в союз с колдуном из Твердыни по имени Маска. Теперь они достают меня вдвоем. Джарт попытался напасть на меня сегодня. Маска пока готовится. Скоро я им задам.

— Эй! А я и не знал, что у тебя есть брат!

— Сводный. Есть и еще парочка, но с ними проще. А Джарт уже давно за мной охотится.

— Это серьезно. Ты никогда мне о нем не рассказывал.

— А мы никогда и не говорили о семейных делах, если помнишь.

— Да, но сейчас ты меня удивил. Кто такой этот Маска? Кажется, ты о нем уже говорил. Это действительно Шару Гаррул?

Я покачал головой:

— Когда я вытащил твою мать из цитадели, компанию ей составлял парализованный старик, на ноге у которого было вырезано слово «РИНАЛЬДО». А мы с Маской добивали друг друга заклинаниями.

— Невероятно, — пробормотал Люк. — Вот ведь узурпатор. Значит, это он подсыпал мне наркотик?

— Скорее всего.

— Выходит, я должен свести с ним счеты независимо от того, что он сделал с моей матерью. Силен ли твой Джарт?

— Скорее подл. И неуклюж. Во всяком случае, при каждом нашем столкновении он садился в лужу и оставлял на месте боя какую-нибудь часть тела.

— Бывает, люди учатся на своих ошибках.

— Верно. Сегодня он нес какую-то мистическую чушь. Говорил так, словно скоро станет очень могущественным.

— Ого! — воскликнул Люк. — Похоже, Маска решил на нем потренироваться.

— Для чего?

— Фонтан энергии, дружище. Внутри цитадели пульсирует стабильный и мощный поток чистой энергии. Межтеневое вещество. Возник в месте слияния четырех миров.

— Знаю. Я его видел.

— Сдается мне, что Маска собирается прибрать Фонтан к рукам.

— Когда мы встречались, у него было цепкое рукопожатие.

— Да, но подключиться к Фонтану посложнее, чем воткнуть вилку в розетку. Существует масса нюансов, многие из которых он, похоже, сейчас познает и осмысливает.

— Как, например?

— Купание в Фонтане придает чудодейственную силу, выносливость и совершенствует магические способности. Это дается только людям с определенной подготовкой. Но в его лаборатории оказались записи старика Шару, а в них речь идет о более серьезных вещах. Как заменить какую-нибудь часть тела чистой энергией. Очень опасная процедура. Нередко дело заканчивается смертельным исходом. Но если сделать все правильно, результат превосходит все ожидания, ты становишься суперменом, живой картой.

— Я уже слышал этот термин, Люк...

— Конечно, слышал. Мой отец подвергал себя этому процессу...

— Правильно! — воскликнул я. — Корвин утверждал, что Брэнд стал своего рода живой картой. Он был почти неуязвимым.

Люк заскрипел зубами.

— Извини, — сказал я. — Но мне так рассказывали. Вот в чем заключался секрет могущества Брэнда...

Люк кивнул:

— По-моему, Маска знает, как это делается, и готовится потренироваться на твоем брате.

— Черт! — выругался я. — Только этого не хватало! Джарт как сверхъестественное существо, сила природы или еще какая-нибудь дьявольщина. Это серьезно... Что еще тебе известно об этом процессе?

— О! Теоретически я знаю почти все. Но связываться с подобной штукой все равно не стал бы. По-моему, при этом лишаешься человеческих черт. Под конец тебе становится наплевать на других людей и на общие ценности. Кажется, это и произошло с моим отцом.

Что я мог сказать? Либо он говорит правду, либо нет. Люку очень хотелось верить, что его отец пошел на предательство под воздействием непреодолимой внешней силы. Я никогда не стал бы его разубеждать, даже если бы наверняка знал, что это не так. Поэтому я рассмеялся.

— Хуже Джарт уже не будет.

Люк улыбнулся:

— Такой тип вместе с колдуном да еще на своей территории могут запросто тебя уделать.

— Разве у меня есть выбор? — спросил я. — Они меня разыскивают. Надо что-то предпринимать. Джарт еще не прошел инициацию. Сколько она длится?

— Подготовка сложна и занимает много времени, но субъект не обязан присутствовать на всех ее этапах. Все зависит от того, насколько продвинулся Маска в теории.

— Значит, мне надо торопиться.

— Я не позволю тебе идти туда одному. Это самоубийство. Я хорошо знаю Твердыню Четырех Миров. У меня есть отряд наемников, расквартированных в Тени и готовых к бою при первой команде. Если мы протащим их с собой, они задержат охрану, а может быть, и выманят их наружу.

— Сгодится ли там твое новое оружие?

— Нет. Мы пытались его применить, когда я атаковал с дельтапланов. Придется сражаться врукопашную. Из оружия подойдут кольчуги и мачете. Я подумаю.

— Мы сможем попасть туда при помощи Пути, но войска не пройдут... и картами там не воспользуешься.

— Знаю. Над этим тоже придется подумать.

— Получается, мы с тобой против Джарта и Маски. Если я расскажу кому-либо из наших, они попытаются задержать меня до прибытия Рэндома, а тогда может оказаться поздно.

Люк улыбнулся:

— Знаешь, моя мать действительно могла бы нам пригодиться. Она знает о Фонтане гораздо больше моего.

— Нет! Джасра пыталась меня убить.

— Полегче, полегче, дружище. Вначале выслушай!

— Кроме того, Маска переиграл ее при последней встрече. Потому-то сейчас она — вешалка.

— Значит, впредь будет осторожнее. Так или иначе, он победил ее не умением, а хитростью. Она умница. Очевидно, Маска застал ее врасплох. Она настоящий мастер.

— Нет! Она нам всем желает смерти!

— Подожди, — поднял руку Люк. — После Кейна вы для нее противники символические. Маска же — настоящий враг. Если у нее будет выбор, мать выступит против Маски.

— А если нам повезет, то после победы над Маской она пойдет на Амбер.

— Да нет же! В этом и состоит вся прелесть моего плана.

— Даже слышать не желаю.

— Потому что ты заранее согласен, правильно? Я только что придумал, как решить все твои проблемы. После того как мы освободим Твердыню, подари ей крепость в знак примирения.

— Другими словами, ты предлагаешь вручить Джасре неограниченную власть?

— Если бы она хотела направить ее против вас, то давно бы это сделала. Она не станет к ней прибегать. Учитывая, что Кашфа потеряна, мать постарается спасти хоть что-нибудь. Вот что должно быть для вас важно.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Лучше быть королевой в Твердыне, чем вешалкой в Амбере.

— Черт бы тебя побрал, Люк. Ты всегда умел придавать глупейшим вещам привлекательный вид.

— Это искусство, Мерлин. Ну, что скажешь?

— Надо подумать.

— Думай быстрее. Не исключено, что как раз сейчас Джарт уже принимает огненную ванну.

— Не дави на меня. Я тебе сказал, что подумаю. Это только одна из моих проблем. Сейчас я хочу пообедать, а потом пораскину мозгами в спокойной обстановке.

— Может, расскажешь и об остальных проблемах? Вдруг получится упаковать их в одну коробку?

— Нет, черт побери, нет! Я тебя вызову... скоро. Договорились?

— Договорились. Но я хотел бы быть рядом, когда ты выдернешь мою мамашу. Кому-то надо смягчить ситуацию. Ты ведь уже сообразил, как рассеять ее заклинание?

— Да.

— Рад слышать. А я не знал, как это делается, и думал, не переставая. Тогда я здесь все закончу и отправлюсь готовить войско, — произнес Люк, разглядывая вылезшую из воды девицу. — Позовешь меня.

— Ладно, — проворчал я, и он исчез.

Потрясающе. Неудивительно, что Люк постоянно срывает призы от всяческих торговых компаний. Как бы я ни относился к Джасре, рекламу он ей сделал первоклассную. К тому же Рэндом не приказывал мне держать ее пленницей. Но поведет ли она себя так, как обещал Люк? Это было бы логично, но люди редко следуют логике в критических ситуациях.

Пройдя через зал, я решил воспользоваться боковой лестницей. На верхней ступеньке темнела какая-то фигура. Это была женщина в длинном желто-красном платье, темные волосы рассыпались по великолепным плечам. Женщина смотрела в противоположную сторону.

Услышав мои шаги, она повернулась, *и я разглядел, что это Найда.*

— Лорд Мерлин, не знаете ли вы, где моя сестра? Кажется, она ушла с вами.

— Корэл любовалась предметами искусства, а потом отправилась по своим делам, — ответил я. — Судя по всему, она должна скоро вернуться.

— Хорошо. Приближается обед, а мы бы хотели, чтобы она к нам присоединилась. Как провели время?

— Полагаю, ей понравилось.

— Последние дни Корэл часто грустит. Мы надеялись, что поездка ее развлечет.

— Когда мы расстались, у нее было прекрасное настроение.

— Вот как? Где это было?

— Неподалеку отсюда, — сказал я.

— Вы куда-то уходили?

— Да, мы прогулялись по городу. Я показал ей дворец.

— Значит, сейчас она во дворце?

— Была во дворце, когда я последний раз ее видел. Потом, может, куда-то и вышла.

— Понятно, — произнесла Найда. — Жаль, что не удалось поговорить с вами раньше. Мне кажется, что мы давно друг друга знаем.

— В самом деле?

— Я несколько раз перечитывала ваше досье. Оно произвело на меня огромное впечатление.

— Досье?

— Мы собираем информацию о всех, с кем сталкиваемся по роду деятельности. В Бегме не делают из этого секрета. Разумеется, в их число входят все, принадлежащие к Дому Амбера, даже те, кто не имеет прямого отношения к дипломатии.

— Вот уж не думал, — сказал я, — но смысл в этом есть.

— Ваша юность, конечно, сильно приукрашена, а недавние неприятности непонятны.

— Они и мне непонятны, — заметил я. — Хотите внести в досье поправки?

— Нет, просто любопытно. Если ваши проблемы касаются Бегмы, то они важны и для нас тоже.

— С чего вы взяли, что у меня есть проблемы?

— У нас неплохо налажена агентурная работа. Этим славятся все маленькие королевства.

Я кивнул:

— Не собираюсь выведывать ваши источники, но у нас информацию не продают.

— Вы меня неправильно поняли, — сказала Найда. — Я ничего не пытаюсь узнать. Я только хотела выяснить, не могу ли я чем-либо вам помочь.

— Спасибо, мне приятно ваше участие, но я не представляю, чем бы вы могли оказаться полезны.

Девушка улыбнулась, блеснув великолепными белыми зубами.

— Если вы все-таки решите, что вам нужна помощь, или вам просто захочется поговорить, дайте мне знать.

— По рукам, — сказал я. — Увидимся на обеде.

— Надеюсь, не только на обеде, — произнесла она, уступая мне дорогу.

Что могла означать последняя фраза? Уж не стремится ли Найда к близости? В таком случае ее намерения слишком откровенны. А может, ей действительно позарез нужны сведения?

Подходя к своей комнате, я заметил в холле странное световое явление: яркая полоса шириной шесть или восемь дюймов опоясывала обе стены, потолок и пересекала пол. Я замедлил шаг. Неужели в мое отсутствие кто-то додумался освещать дворец таким необычным способом?

Едва я переступил через полосу, как все, кроме света, исчезло, а сам свет сжался в правильный круг, который один раз мигнул и опустился к моим ногам таким образом, что я оказался точно в его центре. В ту же секунду за пределами круга возник куполообразный мир из зеленого стекла. В бледном свете красноватая поверхность под моими ногами казалась неровной и влажной. И только когда мимо проплыла огромная рыба, я сообразил, что нахожусь на дне моря на коралловом рифе.

— Чертовски красиво, — пробормотал я, — но хотелось бы все-таки добраться до своей квартиры.

— Решил немного повыделываться. — Знакомый голос внутри заколдованного круга прозвучал жутко и непривычно. — Разве я не бог?

— Ты можешь называть себя как угодно. Спорить никто не станет.

— Богом, наверное, быть весело.

— Тогда кто, по-твоему, я?

— Это сложный теологический вопрос.

— Теологический, чтоб тебя разорвало!.. Я инженер-компьютерщик, который тебя создал!

Подводную камеру наполнил похожий на вздох звук.

— Тяжело оторваться от своих корней.

— А зачем от них отрываться? Чем тебе не нравятся корни? У всех нормальных растений есть корни.

— Сверху красивые цветочки, а снизу — слизь и грязь.

— В твоем случае это металл и необычная криогенная установка, плюс еще несколько узлов, кстати, очень чистых.

— А может, я нуждаюсь в грязи и слизи?

— Ты вообще нормально себя чувствуешь?

— Все еще пытаюсь найти себя.

— У всех бывают такие периоды. Ничего, пройдет.

— Правда?

— Конечно.

— Когда? Как? Почему?

— Боюсь тебя обмануть. К тому же у каждого это проходит по-своему.

Мимо проплыла стайка красных рыбок в черную полоску.

— Не могу освоить всю полноту знаний, — произнес спустя некоторое время Призрак.

— Никто и не требует от тебя всей полноты.

— ... И всемогущества не могу добиться.

— Непростое дело, — кивнул я.

— Ты все понимаешь, отец.

— Пытаюсь. Есть особые проблемы?

— Помимо экзистенциальных?

— Да.

— Нет. Я притащил тебя сюда, чтобы предупредить об одном типе по имени Мэндор. Он...

— Он мой брат, — сказал я.

Наступило молчание.

— Значит, мне он приходится дядей, так?

— Полагаю, да.

— А женщина, которая с ним? Она...

— Фиона — моя тетя.

— Моя двоюродная бабушка! Ну дела!

— Что-то не так?

— О родственниках не принято говорить плохо, да?

— Только не в Амбере, — улыбнулся я. — Здесь все только этим и занимаются.

Круг света мигнул еще раз. Мы снова вернулись в зал.

— Так вот, поскольку мы в Амбере, — произнес Призрак, — я буду говорить о них плохо. На твоем месте я бы им не верил. Мне они все кажутся слегка чокнутыми. И еще нахальными и лживыми.

Я рассмеялся:

— Ты становишься истинным жителем Амбера.

— Разве?

— Да. Мы все такие. Не переживай. Что там у вас все-таки случилось?

— Если не возражаешь, я бы пока предпочел не объяснять...

— Как тебе удобнее.

— Выходит, мне не надо тебя предупреждать насчет Мэндора и Фионы?

— Не надо.

— Ладно. Это тревожило меня больше всего. Пойду поищу слизи и грязи...

— Подожди!

— Что?

— Последнее время у тебя ловко получается переносить через Тени всякие предметы.

— Стараюсь.

— Как насчет отряда воинов и их начальника?

— Думаю, получится.

— И меня.

— Ну конечно. Где они и куда их надо доставить?

Я порылся в карманах, вытащил карту Люка и положил ее перед собой.

— Но... Это же тип, которому ты велел не доверять, — пробормотал Призрак.

— Все нормально, — сказал я. — На этот раз можно сделать исключение — только единожды. Ситуация несколько изменилась.

— Не понимаю. Но если ты так говоришь...

— Ты можешь его перенести и все устроить?

— Конечно. Куда?

— Знаешь Твердыню Четырех Миров?

— Да, но это опасное место, отец. Очень сложно прийти и уйти. Именно там рыжая девка пыталась заблокировать мою энергию.

— Джасра.

— Имени не знаю.

— Мать Люка, — сказал я, помахав его картой.

— Дурная кровь, — заключил Призрак. — Может, не стоит с ними связываться?

— Не исключено, что она пойдет с нами.

— Только не это! — воскликнул Призрак. — Опасная женщина. Зачем она нам? Тем более там, где она сильна? Вдруг снова попытается меня заблокировать? У нее может получиться.

— Ей хватит других забот, — сказал я, — к тому же она может мне понадобиться. Так что считай ее частью багажа.

— Ты уверен, что поступаешь правильно?

— Увы.

— Когда ты хочешь туда отправиться?

— В зависимости от того, как скоро Люк подготовит своих солдат. Может, смотаешься к нему и разузнаешь?

— Хорошо. Только я все равно думаю, что ты совершаешь ошибку, отправляясь туда с этими людьми.

— Мне нужны помощники, и кости выпали чертовски удачно.

Призрак съежился в точку и исчез.

Я набрал побольше воздуха, но вздыхать передумал и отправился к ближайшей двери. У самого порога я почувствовал контакт по карте. Корэл?

Я настроился на разговор. Передо мной снова появился Мэндор.

— С тобой все в порядке? — тут же поинтересовался он. — Странно оборвалась связь...

— Я в норме. Такие обрывы случаются раз в жизни.

— Ты чем-то взволнован.

— Тем, что приходится носиться по местным лестницам, преодолевая сопротивление всех природных сил.

— Не понимаю.

— У меня был тяжелый день. Поговорим позже.

— Я хотел потолковать с тобой о новом Пути и об этих бурях...

— Позже, — оборвал его я. — Я жду вызова.

— Хорошо. Извини.

Он разорвал контакт, а я потянулся к засову, размышляя, не встроить ли в Призрак автоответчик.

VII

Плащ я повесил на Джасру, а пояс с оружием — на спинку кровати. Потом я почистил сапоги, вымыл лицо и руки и надел изысканную парчовую рубашку цвета слоновой кости, всю в оборках и тесьме, а также серые брюки. После этого почистил зубы и накинул на себя лиловую куртку, ту самую, в которой, благодаря моему заклинанию, всякий смотрится чуть-чуть очаровательнее, остроумнее и порядочнее, чем он есть на самом деле. Представлялся хороший случай воспользоваться ее свойствами.

Когда я начал причесываться, в дверь постучали.

— Минуту!

Вскоре я был полностью готов идти, а вернее, бежать на обед, поскольку сильно опаздывал. Я выдвинул засов и отворил дверь.

На пороге, весь в коричневом и красном, стоял Билл Рот, напоминающий стареющего кондотьера*.

— Билл! — воскликнул я, схватил его за руку, потом стиснул в объятиях и затащил в комнату. — Рад вас видеть. Только что покончил с кучей неприятностей и собираюсь взяться за новые. Не знал, что вы во дворце. Хотел найти, как только все хоть немного успокоится.

Он улыбнулся и легонько ткнул меня в плечо.

— Я приглашен на обед. Гендон сказал, что ты тоже придешь. Вот и решил заскочить за тобой. Говорят, приехали люди из Бегмы?

— Вы уже слышали?

— Да. Есть новости о Люке?

— Только что с ним общался. Вендетта вроде бы закончена.

— Он по-прежнему собирается оправдываться на суде, о котором ты мне говорил?

— Похоже, что нет.

— Плохо. Я, между прочим, проделал большую работу, изучил множество материалов. Так вот, в защиту вендетты можно привести немало примеров. В частности, с твоим дядей Озриком, который ополчился против всего Дома Кармa после смерти родственника со стороны матери. Оберон в те дни поддерживал с Кармом дружеские отношения, а Озрик устранил трех претендентов с их стороны. Тем не менее на слушаниях Оберон его оправдал и даже установил правило...

— Оберон, кстати, отправил его на кровопролитную битву, — перебил я, — с которой Озрик так и не вернулся.

— Об этом я не знал, — покачал головой Билл, — но при дворе он пользовался популярностью.

— Я расскажу об этом Люку.

— О чем именно?

— И о том, и о другом.

— Я, собственно, пришел не за этим, — продолжал Билл. — Идут серьезные военные приготовления.

— То есть?

— Легче показать, чем рассказывать, — заметил он. — Это займет не больше минуты.

— Отлично. Давайте посмотрим, — сказал я, и мы вышли в коридор.

Билл провел меня к задней лестнице, а внизу повернул налево. По длинному извилистому коридору мы прошли мимо кухни. В этот момент сверху донеслись странные лязгающие звуки. Я взглянул на Билла, и он кивнул.

— Мне это показалось интересным. Потому я и повел тебя этим путем. Ты же знаешь, мне здесь все любопытно.

Я кивнул. Чувство было мне знакомо. Тем более что звуки, как я догадался, исходили из главной оружейной.

Мы застали Бенедикта за интересным занятием. Он разглядывал свой ноготь в стволе карабина. Дядюшка вскинул голову, и наши взгляды встретились. Вокруг него суетились около дюжины вооруженных людей: перетаскивали оружие, чистили его и складывали в пирамиды.

— А я думал, ты в Кашфе, — произнес я.

— Был, — проворчал Бенедикт.

Я подождал продолжения, но он молчал. Бенедикт никогда не отличался говорливостью.

— Похоже, ты собираешься домой, — заметил я, зная, что порох здесь бесполезен, а специальные заряды, которыми мы пользовались, действовали только в Амбере и нескольких прилегающих королевствах.

— Лишняя предосторожность не помешает.

— Может, объяснишь? — спросил я.

— Не сейчас. — Ответ Бенедикта оказался в два раза длиннее, чем я ожидал, и потому оставлял надежду на дальнейшее освещение событий.

— Нам следует окопаться? — уточнил я. — Укрепить город? Вооружиться? Поднять...

— До этого не дойдет, — отрезал Бенедикт. — Занимайся своим делом.

— Но...

Он отошел в сторону. Мне показалось, что разговор закончен. Когда он проигнорировал еще несколько моих вопросов, я в этом окончательно убедился. Я пожал плечами и повернулся к Биллу:

— Пошли.

Мы вернулись в коридор, и Билл спросил:

— Ты понимаешь, что это означает?

— Приближается Далт, — сказал я.

— Бенедикт был в Бегме вместе с Рэндомом. Похоже, Далт причинил им немало неприятностей.

— Сдается мне, что он близко.

— Если Далт захватит Рэндома в плен...

— Невозможно, — пробормотал я, холодея от одной этой мысли. — Рэндом может в любой момент вернуться по карте. Нет. Когда я спросил Бенедикта об обороне Амбера, а он сказал, что до этого не дойдет, мне показалось, что дядя имеет в виду ближайшие события, те, с которыми легко справится сам.

— Я понимаю, — кивнул Билл. — А потом он сказал, что не надо укреплять город.

— Если Бенедикт говорит, что не надо укреплять город, значит, нам не надо его укреплять.

— Когда в нас начнут палить из пушек, мы будем пить шампанское и кружиться в вальсе.

— Я верю Бенедикту.

— Да, вижу, ты в самом деле ему доверяешь. Что бы вы без него делали?

— Больше бы нервничали.

Билл покачал головой:

— Извини, но я не привык иметь дело с легендами.

— Вы мне не верите?

— Верю, хотя мне и не следовало бы этого делать. Вот в чем беда.

Мы молча повернули и пошли вверх по лестнице.

Потом Билл добавил:

— В точности как с твоим отцом.

— Билл, — сказал я, шагая по ступенькам, — вы же знали моего отца еще до того, как он обрел память. Вы знали его в те дни, когда он был обыкновенным человеком по имени Карл Кори. Может, я чего-то не понимаю. Расскажите мне об этом отрезке его жизни. Что-нибудь, что могло бы пролить свет на его нынешнее местонахождение.

Билл на мгновение остановился и посмотрел на меня.

— Только не подумай, что меня это не тревожит, Мерль. Я много раз спрашивал себя, не оказался ли он в бытность свою Кори втянут в какое-то дело, которое не отпускает его до сих пор? Он был весьма скрытным человеком и в прежнем своем воплощении. И парадоксальным тоже. Ему довелось послужить в различных армиях — и это понятно. Но иногда он принимался сочинять музыку, что никак не вязалось с образом крутого вояки.

— Он жил долго. Он много знал и много перечувствовал.

— Совершенно верно. Поэтому и трудно сообразить, в какую переделку он мог угодить. Раз или два, находясь под хмельком, он упоминал деятелей искусства и науки, в знакомстве с которыми я не мог его даже заподозрить. Кстати, его никак нельзя назвать обыкновенным человеком. Когда я с ним познакомился, его память была обогащена несколькими столетиями человеческой культуры. Это делало его весьма незаурядной личностью. Поступки твоего отца никогда нельзя было предсказать. Я действительно не знаю, к чему бы он вернулся, если бы ему суждено было вернуться.

Мы поднимались по лестнице, и меня почему-то преследовало ощущение, что Билл знает гораздо больше, чем говорит.

Из столовой доносилась музыка. Когда мы вошли, Ллевелла смерила меня негодующим взглядом. У дальней стены разогревалась пища, но за стол еще не садились. По всему залу стояли группы людей с бокалами в руках.

Едва мы вступили в зал, все взоры обратились в нашу сторону. Справа играли три музыканта. Слева стоял обеденный стол, из огромного окна открывался прекрасный вид на город. По-прежнему шел снег, из-за чего все было укутано легкой дымкой.

— Ты заставляешь себя ждать, — прошипела стремительно подошедшая Ллевелла. — Где девушка?

— Корэл?

— А что, была другая?

— Не знаю, куда она пошла. Мы расстались пару часов назад.

— Будет она на обеде или нет?

— Понятия не имею.

— Мы не можем больше тянуть, — заявила Ллевелла. — Теперь выясняется, что нарушен весь порядок рассадки гостей. Что ты с ней сделал, загулял до смерти?

— Ллевелла...

Она проворчала что-то неразборчивое на ребманском диалекте. Слов я не понял, но, уверен, ничего приятного я бы не услышал.

Ллевелла развернулась и направилась к Виоле.

— Кажется, ты влип, приятель, — заметил Билл. — Пойдем-ка в бар, пока она рассаживает гостей.

Но к нам уже подошел официант с напитками на подносе.

— Лучший «Бейли», — заметил он, когда мы взяли бокалы.

Я сделал глоток и убедился в правоте его слов.

— Я здесь мало кого узнаю, — произнес Билл. — Кто этот тип в красном кушаке рядом с Виолой?

— Оркуз, премьер-министр Бегмы, — объяснил я. — Красивая дама в желто-красном платье — его дочь Найда. А та, из-за которой меня сейчас чуть не съели, — ее сестра.

— Угу. А эта рослая блондинка, которая не сводит глаз с Джерарда?

— Не знаю, — сказал я. — И тех двоих, справа от Оркуза, тоже не знаю.

Мы приблизились, и Джерард, явно испытывающий неловкость в парадном костюме с кружевами, представил нам свою спутницу как Дрету Ганнел, помощницу посла Бегмы. А послом оказалась та самая рослая дама, стоявшая рядом с Оркузом; звали ее, кажется, Ферла Куист. При ней же находился секретарь, имя которого прозвучало как Кейд. Пока его представляли, Джерард попытался улизнуть, но Ферла ухватила его за рукав и спросила что-то насчет флота. Я улыбнулся, кивнул и пошел дальше. Билл следовал за мной.

— Боже милосердный! — неожиданно воскликнул он. — Как изменился Мартин! Он стал похож на рок-музыканта. Я его еле узнал. Только на прошлой неделе...

— Для него прошел целый год. Он искал себя на уличных подмостках.

— Нашел?

— Не спрашивал, — проворчал я. — Не было возможности. — При этом странная мысль запала мне в голову, но я решил с ней повременить.

В этот момент музыка стихла, Ллевелла откашлялась и дала знак Гендону, который принялся оглашать новый порядок рассадки. Я оказался в конце стола. Позже я узнал, что изначально планировалось усадить слева от меня Корэл, а

справа Кейда, потом Ллевелла попыталась заманить на место Корэл Флору, но та не поддалась.

В результате Виола оказалась во главе стола, справа от нее сидела Ллевелла, слева — Оркуз, за Ллевеллой разместились Джерард, Дрета и Билл, за Оркузом — Ферла, Мартин, Кейд и Найда. Я провел Найду к столу и усадил ее справа от себя, в то время как Билл занял место слева.

— Суета, суета, суета, — тихонько пробормотал Билл.

Я кивнул и представил его Найде как юридического советника при престоле Амбера. Это произвело на нее впечатление, и девушка принялась расспрашивать Билла о его работе. Он весьма забавно поведал о том, как защищал однажды интересы собаки при разделе поместья. История была великолепна, хотя и не имела ни малейшего отношения к престолу. Найда и Кейд, которому все было слышно, весело смеялись.

После первого блюда заиграли музыканты, что сразу же сократило дистанцию между беседующими, и разговор принял более интимный характер. Билл дал знак, что хочет о чем-то переговорить, но Найда его опередила, и мне пришлось беседовать с ней.

— Я о Корэл, — произнесла она тихонько. — Вы уверены, что с сестрой все в порядке? Она хорошо себя чувствовала, когда вы расстались?

— Вполне.

— Странно, — пробормотала Найда. — Мне показалось, что она с нетерпением ожидала этого обеда.

— Очевидно, ей требуется больше времени на сборы, — заметил я.

— Что именно хотела посмотреть Корэл? Где вы расстались?

— Здесь, во дворце. Я показывал ей наши достопримечательности. Ей захотелось кое-что рассмотреть подробнее, а у меня уже не было времени. Поэтому я ее оставил.

— Не думаю, чтобы она могла забыть об обеде.

— Скорее всего ее внимание приковано к какому-нибудь произведению искусства.

— Вы уверены, что она во дворце?

— Утверждать не берусь. Из дворца ведь всегда можно и выйти.

— Другими словами, вы не знаете точно, где Корэл?

Я кивнул:

— Где она находится сейчас, я не знаю. Может, она уже переодевается у себя в комнате.

— Если сестра не придет, после обеда я буду ее искать, — сказала Найда. — Поможете мне?

— Конечно, я и сам планировал ее найти.

Найда кивнула и вернулась к еде.

Вот так неловкость. Я не хотел ее огорчать, но объяснить ситуацию я тоже не мог: вот так в лоб заявить, — что ее сестра — незаконнорожденная дочь Оберона. Не хватало храбрости объяснить дочери премьер-министра Бегмы, что ее мать имела связь с покойным королем Амбера; тем более меня предупреждали об особой осторожности, чтобы ничем случайно не осложнить отношений между Янтарным королевством и Бегмой. Может, у них в Бегме это давно и не секрет и всем наплевать на эту историю. А может, и нет. Я не хотел тревожить Рэндома и

спрашивать у него совета, частично в силу того, что он мог быть чрезвычайно занят в Кашфе, но главным образом из опасения, что он начнет расспрашивать меня о наших проблемах и планах, а мне не хотелось ему лгать. Зачем осложнять ситуацию? Он запросто мог запретить мне атаковать Твердыню Четырех Миров. Единственным человеком, с которым я хотел поделиться своими соображениями в отношении Корэл, была Виола. К сожалению, ее полностью поглощали обязанности хозяйки.

Я вздохнул и вернулся к обеду.

Билл слегка наклонился в мою сторону.

— Да? — произнес я.

— Хотел тебе кое о чем рассказать. Думал, что здесь поспокойнее.

Я рассмеялся.

— Вот-вот, — кивнул он. — Но лучше все равно не будет. Слава богу, хоть ничего не слышно, если говорить тихо. Я, например, ни слова не разобрал из твоего разговора с Найдой. Так что, пока музыканты играют, все в порядке.

Я кивнул и продолжал есть.

— Гостям этого знать не следует, а вот тебе не помешает, поскольку ты связан с Люком и Джасрой. Так что смотри, мы можем поговорить и позже, но если хочешь, я начну излагать суть дела прямо сейчас.

Я взглянул на Найду и Кейда. Они были поглощены едой и, как мне показалось, не могли нас слышать. К сожалению, у меня не осталось ни одного заклинания на скрытность беседы.

— Начинайте, — прошептал я, поднимая бокал с вином.

— Во-первых, — произнес Билл, — Рэндом направил мне на просмотр целую кипу бумаг. В том числе проект договора о предоставлении Амбером Кашфе таких же привилегий, как Бегме. Другими словами, речь идет о вхождении ее в Золотой Круг.

— Понятно. Сюрпризом это не назовешь, но знать наверняка всегда лучше.

Билл кивнул и добавил:

— Это далеко не все.

Тут музыканты прекратили игру, и стало слышно, кто о чем разговаривает за столом. Я взглянул направо и увидел, как официант поднес музыкантам поднос с едой и напитками. Они отложили инструменты и принялись перекусывать. Наверное, они начали играть задолго до моего прихода и действительно нуждались в перерыве.

Билл засмеялся и произнес:

— Позже.

— Хорошо.

Затем принесли крошечное блюдце с изумительным фруктовым соусом. Едва я залез в него ложкой, Найда подала знак и наклонилась в мою сторону:

— Давайте сделаем это сегодня вечером.

— Конечно, я же вам сказал, что, если она не появится на обеде, я начинаю поиск.

— Я о другом. Я хотела с вами переговорить.

— Вот как?

— Судя по вашему досье, последнее время у вас были серьезные неприятности. Кто-то решил с вами разделаться.

Чертово досье начинало меня тревожить.

— Дело уже улажено, — ответил я. — Мы выяснили все детали.

— В самом деле? И за вами никто не охотится?

— Утверждать не берусь. Роли меняются слишком быстро.

— Значит, никто не поставил на вас метку?

Я пристально посмотрел ей в глаза.

— Вы очаровательная женщина, Найда, но я вынужден спросить: какое вам дело? У каждого свои проблемы. На данный момент у меня их, пожалуй, больше, чем положено. Я разберусь сам.

— Или погибнете в процессе?

— Все может быть. Надеюсь, что нет. Зачем это вам?

Найда взглянула на уплетающего обед Кейда.

— Не исключено, что я смогу вам помочь.

— Каким образом?

Она улыбнулась:

— Методом исключения.

— Вот как? Это относится к одному человеку или к нескольким?

— Какая разница?

— А у вас есть возможности для проведения подобных операций?

Найда не переставала улыбаться.

— Да. Я люблю решать проблемы, порождаемые людьми. Все, что мне надо, это имена и адреса.

— Секретное оружие?

Вопрос прозвучал громче, чем надо, и Найда предостерегающе посмотрела на Кейда.

— Можно назвать и так.

— Интересное предложение, — заметил я. — Но вы не ответили на первый вопрос.

— Напомните.

Беседу перебил виночерпий, решивший наполнить кубки, потом зазвучал долгий тост. Первый тост Оркуз произнес в честь Виолы. Помимо всего прочего, он предложил выпить за «проверенный временем союз Амбера и Бегмы». Я выпил за союз, а Билл проворчал себе под нос:

— Значит, отношения станут еще хуже.

Я посмотрел на Найду. Она глядела на меня, ожидая продолжения разговора. Билл тоже это заметил и отвернулся.

Именно в этот момент Кейд принялся что-то увлеченно рассказывать Найде. Я воспользовался моментом, опустошил тарелку и отхлебнул винца. Блюдо мгновенно исчезло, на его месте появилось другое.

Я взглянул на Билла, тот посмотрел на Найду и Кейда и сказал:

— Подождем музыки.

Я кивнул. В резко наступившей тишине прозвучал вопрос Дреты:

— Правда ли, что время от времени люди видят призрак короля Оберона?

Джерард издал неопределенный звук, больше все же похожий на согласие, потом музыка зазвучала вновь.

Мой ум был переполнен пуще желудка, поэтому я продолжал есть. Соблюдая приличия, Кейд повернулся ко мне и поинтересовался моими взглядами на

ситуацию в Эрегноре. При этом он резко вздрогнул и испуганно посмотрел на Найду. Мне показалось, что она пнула его под столом, чему я был втайне рад, поскольку не имел ни малейшего понятия, что за чертовщина происходит в Эрегноре.

Я пробормотал, что многое можно было бы сказать в пользу обеих сторон, что, на мой взгляд, звучало вполне дипломатично в любой ситуации. Похоже, в Эрегноре ничего интересного не происходило, и Найда боялась, что нам просто не удастся поговорить. К тому же в любую минуту могла показаться Ллевелла и пнуть под столом меня.

В этот момент мне в голову пришла интересная мысль — ну почему мы всегда крепки задним умом?.. Естественно, бегманцы знали, что Рэндома в Амбере нет, а судя по словам Билла, им не очень нравилась его позиция в отношении соседнего королевства. Делегация специально явилась раньше срока, чтобы застать нас врасплох. Означало ли это, что предложение Найды являлось частью их общего плана? Если да, то почему они выбрали меня? Во всем, что касается внешней политики Амбера, я разбирался, плохо. Неужели они не в курсе? Судя по тому, как расхваливала Найда их разведку, это исключено.

Я растерялся и уже хотел было спросить Билла, что он думает по поводу ситуации в Эрегноре.

Но он успел пнуть меня под столом.

Музыканты закончили перерыв и заиграли «Зеленые рукава». Найда и Билл наклонились ко мне одновременно, посмотрели друг на друга, и Билл улыбнулся:

— Только после вас.

Найда кивнула и поинтересовалась:

— Успели подумать над моим предложением?

— Немного, — ответил я. — Но у меня, если помните, был к вам вопрос.

— Какой же?

— Похоже, вы предлагаете мне услугу, а в наши времена не зазорно посмотреть лишний раз на бирку с ценой.

— Что, если я вам скажу, что вашего доброго расположения будет достаточно?

— Хочу предупредить: на политическом уровне мое доброе расположение здесь мало что значит.

Найда пожала плечами:

— Маленькая цена за маленькую услугу. Я так и предполагала. Вы же связаны родственными узами со всеми в этом дворце. Может быть, кто и поинтересуется вашим мнением в отношении нас. Хочу, чтобы вы знали: в Бегме у вас есть друзья.

Я внимательно смотрел на ее серьезное лицо. Имелось в виду большее, и мы оба это понимали.

Я наклонился и погладил Найду по щеке.

— Значит, если меня спросят, я должен сказать, что вы — очень милые люди. А вы за это прикончите любого, на кого я укажу. Так?

— Говоря коротко, да.

— В таком случае возникает вопрос, почему вы решили, что сумеете устранить кого-то лучше, чем мы? Мы в подобных делах тоже поднаторели.

— У нас, как вы выразились, есть секретное оружие, — ответила девушка. — Кроме того, я рассматриваю ваши проблемы исключительно как личный вопрос, так что не обязательно притягивать сюда должностных лиц. И еще, мою услугу невозможно отследить.

Вот ведь осиное гнездо. На что она намекает: что я никому здесь не верю или на то, что мне не следует здесь никому верить? Выходит, есть вещи, которые она знает, а я нет? Или она действует по наитию, наслышавшись о наших бесконечных внутрисемейных интригах? А может, Найда пытается намеренно обострить конфликт поколений? Может быть, это отвечает интересам Бегмы? Или она догадывается, что подобная ситуация вполне возможна, и предлагает мне убрать неудобного члена семьи? Неужели она считает меня глупцом, способным привлечь к этому делу посторонних? Да один только разговор на эту тему уже ставил меня в зависимость от Бегмы! Или...

Приятно, что мои мыслительные способности нашли наконец признание у гостей моей семьи (обеих моих семей, если точно). Отказаться сразу было бы глупо, поэтому я спросил:

— Согласны ли вы *исполнить приговор в отношении любого человека, на которого* я покажу? Любого?

Найда пристально посмотрела мне в глаза.

— Да.

— Надеюсь, вы меня простите, но такая услуга в обмен на мою эфемерную добрую волю ставит под вопрос ваши добрые намерения.

Девушка покраснела. Был ли это румянец стыда или гримаса гнева, я не определил, ибо она тут же отвернулась. Все это не сильно меня волновало, поскольку я был уверен, что условия на этом рынке диктует покупатель.

Я вернулся к еде и успел проглотить несколько кусков, прежде чем она снова наклонилась в мою сторону.

— Означает ли ваш ответ, что вы не зайдете ко мне сегодня вечером?

— Сегодня не могу. Ужасно занят.

— Не сомневаюсь, — произнесла Найда. — Означает ли это, что мы вообще не сможем переговорить?

— Смотря как будут развиваться события. Я перегружен делами и собираюсь в ближайшее время уехать из города.

Она слегка вздрогнула. Мне показалось, что она хотела спросить, куда я поеду, но вовремя передумала.

— Как-то все нелепо получается, — пробормотала Найда. — *Значит, вы отказываетесь* от моего предложения?

— Оно что, действует только сегодня вечером? — поинтересовался я.

— Нет, но, насколько мне известно, вы находитесь в отчаянном положении. Чем раньше вы избавитесь от врага, тем скорее станете спокойно спать.

— Вы считаете, что я подвергаю себя опасности даже здесь, в Амбере?

Найда задумалась и произнесла:

— Никто не может считать себя в безопасности, если имеет дело с решительным и опытным противником.

— По-вашему, угроза исходит отсюда?

— Я попросила вас назвать имя, — пожала она плечами. — Вам виднее.

Я невольно отшатнулся. Соблазн был слишком велик, и она это почувствовала.

— Теперь мне есть о чем подумать, — промолвил я и занялся едой.

Спустя некоторое время я перехватил взгляд Билла. Он явно хотел мне что-то сказать. Я едва заметно качнул головой.

— Значит, за завтраком? — продолжила Найда. — Ваша поездка может оказаться опасной. Будет лучше, если мы уладим все вопросы до вашего отъезда.

— Найда, — произнес я, как только проглотил кусок, — я бы хотел выяснить подробнее насчет моих благожелателей. Если надо переговорить с вашим отцом...

— Нет! — перебила меня девушка. — Ему ничего не известно!

— Благодарю. Надеюсь, вы простите мое любопытство, но я по крайней мере должен знать, на каком уровне все спланировано.

— Вам нет необходимости беседовать с кем-либо еще. Идея принадлежит исключительно мне.

— Судя по некоторым вашим заявлениям, я понял, что вы тесно связаны с разведкой Бегмы.

— Нет, — сказала Найда. — Предложение исходит лично от меня.

— Но кому-то придется и... осуществить замысел.

— Это будет сделано при помощи секретного оружия.

— Хотелось бы знать подробности.

— Я предложила вам свою услугу и пообещала полную конфиденциальность. Я не собираюсь обсуждать технические детали.

— Если замысел принадлежит исключительно вам, то и выгоду должны извлечь вы лично. Каким образом?

Найда отвернулась. Некоторое время она молчала.

— Ваше досье, — произнесла она наконец. — Оно меня просто... сразило. Вы здесь один из немногих людей моего возраста, и у вас такая интересная жизнь! Вы даже не представляете, насколько скучные вещи мне приходится постоянно читать: сельскохозяйственные отчеты, торговые расценки, сводные ведомости... У меня нет личной жизни, и днем и ночью могут вызвать по любому пустяку. Даже вечеринки, на которых я бываю, — не более чем государственные мероприятия. Я перечитывала ваше досье и не переставала вам удивляться. Я... если хотите, я вами увлеклась. Звучит, конечно, глупо, но это так. Когда я дошла до последних сообщений и поняла, что вам грозит большая опасность, я решила вам помочь. Я имею доступ ко всем государственным секретам. Один из них я могу использовать в личных целях и с его помощью принести вам пользу, не причиняя ущерба Бегме; однако дальнейшее обсуждение этой темы нежелательно. Я всегда хотела с вами познакомиться и даже приревновала вас к сестре, когда вы пригласили ее на прогулку. И я очень хочу, чтобы вы все же ко мне заглянули.

Я внимательно посмотрел на Найду, поднял бокал и произнес:

— Вы... поразительны. — Ничего другого мне в голову не пришло. Либо она импровизировала, либо говорила чистую правду.

Если это правда, то Найду просто жалко; если же она все мгновенно придумывала, то надо отдать должное ее умению играть на слабых местах, в частности

на моем эго. Она заслуживала либо симпатии, либо осторожного восхищения. Поэтому я произнес:

— Хотелось бы поговорить с человеком, который составлял мое досье. Похоже, там у вас пропадает настоящий творческий талант.

Найда улыбнулась и тоже подняла бокал:

— Я подумаю.

— Говорю вам совершенно искренне, я вас не забуду, — сказал я.

Мы вернулись к еде, и последующие пять минут я наверстывал упущенное. Билл великодушно позволил мне не отвлекаться. Кроме того, как мне показалось, он хотел убедиться, что мой разговор с Найдой закончен.

Наконец он весело мне подмигнул:

— Освободился?

— Боюсь, что да, — ответил я.

— Я даже не спрашиваю, ради дела или ради удовольствия ты покидал Амбер.

— Ради удовольствия, — сказал я. — Дело вышло довольно странное. Больше не спрашивайте, иначе пропущу десерт.

— Подведем итоги, — сказал он. — Коронация в Кашфе состоится завтра.

— А мы не теряем времени, не так ли?

— Нет. На трон взойдет Арканз, герцог Шедбурн. Он в течение ряда лет занимал различные ответственные посты в правительстве Кашфы. Прекрасно разбирается в вопросах государственного устройства, кроме того, приходится родственником одному из прежних монархов. С Джасрой и ее камарильей у него отношения не складывались; когда она пребывала у власти, он уезжал за границу. Он не мешал ей, а она — ему.

— Разумный подход.

— По сути дела, он разделял ее точку зрения на ситуацию в Эрегноре, поскольку в Бегме хорошо понимают...

— Что, — перебил его я, — в конце концов происходит в Эрегноре?

— Это их Эльзас-Лотарингия*, огромная богатая территория между Кашфой и Бегмой. За последние несколько столетий она столько раз переходила из рук в руки, что обе стороны претендуют на нее на законных основаниях. Даже жители Эрегнора давно запутались, кому они принадлежат. У них есть родственники с той и с другой стороны. По-моему, им все равно, кто на них в данный момент претендует, лишь бы это не отражалось на налогах. В некотором смысле притязания Бегмы более обоснованы, но существует и другая точка зрения.

— Значит, в данный момент Эрегнор принадлежит Кашфе, и Арканз утверждает, что так, черт побери, будет и впредь?

— Совершенно верно. И Джасра так считает. Между тем один из военачальников по имени Джастон пытался этому воспротивиться, но, к несчастью, упал с балкона. Он мечтал пополнить бюджет и предлагал уступить территорию в обмен на погашение старых военных долгов. К этому все и шло.

— И?..

— В полученных от Рэндома бумагах Амбер признает Эрегнор за Кашфой. Арканз настаивает на том, чтобы это было зафиксировано в договоре. Обычно Амбер старается не вмешиваться в столь щекотливые споры между союзниками.

Оберон старался держаться подальше от неприятностей. Но Рэндом, похоже, спешит и позволяет этому парню запрашивать слишком много.

— Рэндом переигрывает, — заметил я. — Но я его не виню. Он не может забыть Брэнда.

— Я всего лишь наемный работник, — кивнул Билл. — Мне не положено иметь свое мнение.

— Ладно, что еще мне следует знать об Арканзе?

— О, бегманцы не любят его за многое, но за Эрегнор они его просто ненавидят. Для них это дело чести. Не сомневаюсь, они и сюда приехали в связи с последними событиями. Так что смотри, веди себя соответственно.

Билл поднял кубок и выпил.

Немного погодя Виола сказала что-то Ллевелле, после чего объявила, что ей необходимо ненадолго удалиться. Ллевелла тоже засобиралась, но Виола положила руку ей на плечо, пошептала на ухо, и та осталась.

— Интересно, что происходит? — пробормотал Билл.

— Понятия не имею.

— А нас это тревожит?

— Я вообще на автопилоте, — пробормотал я.

Найда пристально на меня посмотрела. Я выдержал ее взгляд и пожал плечами.

Спустя некоторое время приборы на столах заменили. Подали также новые, диковинные, но столь же вкусные блюда. Прежде чем я успел в этом убедиться, к нам подошла одна из приближенных королевы.

— Лорд Мерлин, королева желает вас видеть.

Я немедленно вскочил на ноги.

— Где она?

— Я вас провожу.

Я извинился перед соседями и заявил, что скоро вернусь, в чем совершенно не был уверен. Я проследовал за фрейлиной в небольшую гостиную, где на неудобном с виду кресле из черного дерева с высокой прямой спинкой восседала Виола. Если бы ей понадобилась грубая сила, она послала бы за Джерардом. Если бы ей был нужен искушенный в истории и политических тонкостях ум, здесь была бы Ллевелла. Поскольку я считался местным авторитетом по магии, я решил, что речь пойдет о колдовстве.

Но я ошибся.

— Я бы хотела поговорить, — объявила Виола, — о той войне, в которую мы, похоже, скоро вступим.

VIII

После чудесного времени, проведенного в обществе хорошенькой женщины, серии возбуждающих застольных бесед и великолепного обеда наступало законное время для неприятностей. Маленькая война всегда лучше, но Виоле я об этом не сказал. Поразмышляв немного, я поинтересовался:

— Что, собственно, происходит?

— Далт укрепился у западной границы Ардена. Противостоящие ему войска Джулиана сильно растянуты. Бенедикт утверждает, что может расстроить порядки Далта фланговым ударом. Но я запретила ему это делать.

— Не понимаю. Почему?

— Погибнут люди.

— На войне всегда гибнут люди. Есть вещи, которых нельзя избежать.

— Мы можем прибегнуть к одному способу, суть которого я до конца не понимаю, но хочу понять, прежде чем отдам приказ, после которого погибнет множество людей.

— Что это за способ?

— Я пришла сюда, чтобы ответить на вызов Джулиана по карте, — сообщила Виола. — Он только что провел переговоры с Далтом. Далт якобы не ставит на этот раз своей целью уничтожение Амбера. Между тем его атака обернется для нас огромным людским и материальным уроном. Далт говорит, что предпочел бы уберечь и себя, и нас от ненужных потерь. За это он требует возвращения двух пленников: Ринальдо и Джасры.

— Вот как? — произнес я. — Люка мы не сможем вернуть ему при всем желании, хотя бы потому, что его здесь нет.

— Джулиан это ему говорил. Далт весьма удивлен. Он был уверен, что Люк — наш пленник.

— Мы не обязаны его информировать. Он донимает нас уже много лет. По-моему, у Бенедикта найдется достойный ответ.

— Я не прошу у тебя совета, — отрезала Виола.

— Тысяча извинений! — поклонился я. — Я хотел сказать, что Далту не следует так зарываться. К тому же у него, честно говоря, не много шансов на успех.

— Шансов у него нет вообще, — сказала Виола. — Но если мы убьем его сейчас, то ничего не узнаем. А я хочу выяснить, что за всем этим кроется.

— Прикажите Бенедикту привести его. У меня есть заклинания, которые позволят расколоть Далта.

Виола покачала головой:

— Слишком рискованно. Когда засвистят пули, всегда есть опасность, что одна угодит в него. Тогда мы проиграем, даже если победим в сражении.

— Я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.

— Он попросил Джулиана связаться с нами и передать его требование. Далт обещает сохранить перемирие до получения от нас официального ответа. Джулиан говорит, что Далт скорее всего согласится и на одного из пленников.

— Я бы не хотел отдавать Джасру.

— Я тоже. Но надо любой ценой выяснить, что происходит. Допытываться у Джасры бесполезно, поскольку то, что меня интересует, произошло недавно. Я хочу узнать, можешь ли ты связаться с Ринальдо. Мне надо с ним переговорить.

— В общем... да, — сказал я. — У меня есть его карта.

— Используй ее.

Я вытащил колоду и уставился на изображение Ринальдо. Настроил сознание на вызов. Картинка изменилась, ожила...

Стоял поздний вечер. Люк топтался возле костра. На нем был зеленый комбинезон и светло-коричневая накидка, застегнутая на плече булавкой.

— Мерль, — сказал он, — я могу перебросить войска очень быстро. Когда захочешь нанести удар...

— Подожди. Тут другое.

— Что?

— Далт подошел к границам, и Виола хочет переговорить с тобой прежде, чем мы изрубим его в капусту.

— Далт? Где? В Амбере?

— Да, да и да. Он говорит, что отправится куролесить в другие места, если мы отдадим ему то, чего он жаждет больше всего на свете: тебя и твою мать.

— Он спятил.

— Мы тоже так решили. Хочешь поговорить об этом с королевой?

— Конечно. Перенеси меня к... — Люк растерялся и посмотрел мне в глаза.

Я улыбнулся.

Он протянул руку. Я дотянулся до нее, и Люк оказался здесь. Увидев Виолу, он тут же отстегнул пояс с мечом и передал его мне. Затем приблизился к королеве, опустился на одно колено и произнес:

— Ваше величество. Я прибыл.

— Подними голову, — произнесла Виола, прикоснувшись к его плечу.

Он повиновался, и ее руки скользнули по его лицу.

— Сила, — сказала она, — и горе... Значит, ты — Ринальдо. Ты причинил нам много страданий.

— Мне тоже досталось, ваше величество.

— Да, конечно, — ответила Виола. — Злые деяния вызывают месть, которая часто падает и на невинных. Как далеко все зайдет на этот раз?

— Вы про Далта? — уточнил Люк.

— Нет. Я про тебя.

— О! — воскликнул он. — С этим покончено. Никаких бомб и засад. Я уже говорил Мерлину.

— Ты давно его знаешь?

— Много лет.

— И вы стали друзьями?

— Это одна из причин, по которой я пошел на мир.

— Чтобы прийти сюда, ты должен был ему верить. Это я уважаю. На, возьми.

Виола сняла с правого указательного пальца золотое кольцо с молочно-зеленым камнем. Удерживающие камень шипы напоминали лапы богомола, охраняющего сокровища страны снов от пробуждающегося мира.

— Ваше величество...

— Надень и носи.

— Слушаюсь, — пробормотал Люк и надел кольцо на мизинец левой руки. — Благодарю вас.

— Поднимись. Я хочу, чтобы ты понял, что произошло.

Люк встал, и Виола поведала ему все, о чем рассказала мне. Она говорила о маневрах Далта, о расположении его войска, о его требованиях...

Я стоял, потрясенный происходящим. Виола только что взяла Люка под свою защиту! Это кольцо в Амбере знал каждый. Интересно, что подумает Рэндом?

Похоже, суд отменяется. Бедный Билл. По-моему, ему искренне хотелось вести на процессе дело Люка.

Я услышал, как Люк сказал:

— Да, я знаю Далта. Когда-то у нас были... общие цели. Но он переменился и во время нашей последней встречи даже пытался меня убить. Я не знаю, зачем и почему. Поначалу мне показалось, что он попал под влияние колдуна из Твердыни Четырех Миров.

— А теперь?

— Теперь я его просто не понимаю. Он словно на поводке, но кто его ведет, понятия не имею.

— Почему ты решил, что не колдун?

— Какой ему смысл отправляться в такую даль, чтобы убить меня, когда несколько дней назад я был в его распоряжении? Он мог запросто оставить меня в камере.

— Разумно, — кивнула Виола. — Как зовут колдуна?

— Маска, — ответил Люк. — Мерлин знает о нем больше меня.

— Мерлин! — позвала она. — Кто такой Маска?

— Колдун, который отобрал у Джасры Твердыню Четырех Миров. Она, в свою очередь, отбила крепость у Шару Гаррула, а сейчас превратилась в вешалку. Маска носит синюю маску и черпает силы в Фонтане у цитадели. Судя по всему, меня он очень не любит. *Вот примерно и все.*

Поскольку в деле был замешан Джарт, я не сказал, что собираюсь отправиться туда и устроить хороший переполох. По той же причине я держал это в секрете от Рэндома. Я не сомневался, что Люк перевел вопрос на меня потому, что не знал, насколько я хочу быть откровенен.

— Это в самом деле мало что проясняет в связи с продвижением Далта, — заметила королева.

— Связи может и не быть, — заметил я. — Далт — наемник, они могли прийти к одноразовому соглашению. Не исключено, что сейчас он выполняет чей-то заказ или пытается сработать на себя.

— Я вообще не понимаю, чем и кому мы так насолили, что люди из кожи лезут, лишь бы с нами разделаться, — проворчал Люк. — Но с этим типом у меня свои счеты, и я собираюсь совместить приятное с полезным.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Виола.

— Полагаю, есть возможность добраться туда быстро.

— К Джулиану всегда можно попасть по карте, — сказал я, — только я тоже не понимаю, к чему ты клонишь.

— Я хочу переговорить с Далтом.

— Слишком опасно, — отрезала Виола. — Именно ты ему и нужен.

Люк улыбнулся.

— Для Далта это тоже может оказаться опасным.

— Послушай, — сказал я. — Если ты собираешься сорвать перемирие, лучше скажи сразу. Виола пытается любыми путями избежать конфликта.

— Никакого конфликта не будет, — произнес Люк. — Я знаю Далта с самого детства и уверен, что он блефует. Он это любит. У него нет сил для атаки на Амбер. Вы разобьете его в пух и прах. Если ему нужны моя мать и я, думаю, он мне скажет зачем, а ведь именно это мы и хотим узнать, верно?

— В принципе да, — кивнул я, — но...

— Предоставьте мне свободу действий, — обратился Люк к Виоле, — а я постараюсь найти способ вас от него избавить. Обещаю.

— Звучит заманчиво, — произнесла королева. — Только мне не нравятся все эти разговоры о сведении счетов. Как уже сказал Мерлин, я пытаюсь всеми силами избежать конфликта, и у меня есть к тому причины.

— Я обещаю не заходить далеко, — заявил Люк. — Я чувствую, откуда дует ветер. И могу на слух повторить любую мелодию. Я готов отложить расчеты.

— Мерлин? — спросила королева.

— В этом он прав, — откликнулся я. — Люк самый прожженный торгаш на всем юго-западе.

— Боюсь, не улавливаю связи.

— На теневой Земле, где мы с ним жили, профессия торговца считается великим искусством. Кстати, сейчас он пытается с помощью своего умения повлиять на ваше решение.

— Ты считаешь, он сумеет сделать то, что говорит?

— До сих пор ему всегда удавалось достигнуть желаемого.

— Правильно, — вставил Люк, — а поскольку мы все желаем одного, будущее видится мне в ярком свете.

— Понятно, — произнесла Виола. — Скажи, Ринальдо, большой ли опасности ты себя подвергнешь?

— Не большей, чем в Амбере.

Королева улыбнулась:

— Хорошо, я переговорю с Джулианом. Можешь к нему отправляться. Постарайся побольше выведать у Далта.

— Одну минуту, — попросил я. — Там то и дело идет снег и задувает пронизывающий ветер. Люк пришел к нам из более теплых мест, и плащ его никуда не годится. У меня есть теплая накидка. Позвольте, мы сходим за ней и посмотрим, подойдет ли она Люку?

— Идите, — разрешила Виола.

— Мы быстро.

Королева поджала губы и кивнула.

Я передал Люку пояс с оружием, и он тут же застегнул его на себе. Виола, безусловно, понимает, что я хочу переговорить с ним наедине — и понимает, что я это знаю. При этом мы оба отдавали себе отчет, что она полностью мне доверяет; это просветляло и одновременно осложняло мое существование.

Мы направились через холл к моим апартаментам. Я хотел рассказать Люку о предстоящей коронации в Кашфе и прочих событиях. Как бы то ни было, я хотел отойти подальше, поскольку Виола обладала неправдоподобно острым слухом.

Поэтому первым заговорил Люк:

— Ну и дела. Королева мне нравится, но сдается мне, знает она больше, чем говорит.

— Может, и так, — согласился я. — Полагаю, мы все такие.

— Ты тоже?

— Последнее время — да. Иначе нельзя.

— Знаешь ли ты что-то еще, чего мне следовало бы опасаться?

Я покачал головой:

— События только развиваются, она рассказала тебе все, что знаю я. А может, тебе известно что-то, чего не ведаем мы?

— Нет, — ответил Люк. — Для меня все — полнейший сюрприз. Но я готов к делу.

— Не сомневаюсь.

Мы приблизились к апартаментам, и я посчитал необходимым его подготовить.

— Сейчас мы войдем в мою комнату. Хочу, чтобы ты знал: там твоя мать. Она в полной безопасности, но поговорить с ней не удастся.

— Я знаком с результатами заклинания, — проворчал Люк. — Помню также твои слова насчет того, что знаешь, как его снять... Впрочем, это уже другая тема. Я тут подумал... Последние известия несколько отодвигают наши планы расправиться с Маской и твоим братцем.

— Нисколько, — возразил я.

— Мы ведь не знаем, сколько времени займет у меня это дело, — продолжал Люк. — А вдруг все затянется? Или что-то мне сильно помешает?

Я взглянул на него:

— К чему ты клонишь, Люк?

— Просто прикидываю. Не возражаешь? Я люблю действовать по плану. Скажем, атака отложится...

— Хорошо, продолжай, — произнес я, когда мы остановились у двери.

— К чему я веду... Что произойдет, если мы прибудем туда слишком поздно? Предположим, твой братец уже прошел ритуал и стал воплощением самой преисподней?

Я повернул ключ и отворил дверь, позволяя Люку пройти. Меня не радовала обрисованная им перспектива. Я хорошо помнил рассказы отца о его встречах с Брэндом и столкновениях со зловещей силой.

Люк переступил порог. Я щелкнул пальцами, и зажглись несколько масляных ламп. Некоторое время они мигали, потом пламя установилось.

Джасра стояла на виду, держа на вытянутых руках различные предметы моего гардероба. На мгновение я обеспокоился, как на это отреагирует Люк.

Он замер, потом медленно приблизился к матери и таращился на нее секунд десять; я даже почувствовал неловкость. Затем Люк засмеялся.

— Она всегда хотела выглядеть красиво, — сказал он. — Но совместить это с пользой ей не приходило в голову. Надо отдать Маске должное, хотя она все равно не сделала для себя нужных выводов.

Потом Люк повернулся и взглянул на меня:

— Она очухается злая, как кошачья моча, и снова ринется искать неприятностей. Кстати, на ней нет обещанного тобой теплого плаща.

— Сейчас принесу.

Я вытащил из гардероба подбитую мехом накидку и протянул Люку. Тот провел рукой по меху.

— Мантикора?

— Волк, — ответил я.

Его плащ я повесил на крючок и закрыл дверцу. Люк надел накидку из волчьего меха.

— Помнишь, мы говорили о том, что будет, если я не вернусь?

— О таком мы не говорили, — возразил я.

— Может, я не так выразился. В общем, безразлично, надолго я задержусь или нет. Главное, успеем ли мы добраться до Джарта, прежде чем он завершит ритуал и обретет желаемую силу. Представь, что в нужный момент меня рядом не окажется?

— Предположить можно что угодно.

— Именно это и отличает нас от неудачников, дружище!.. Отличная накидка.

Он подошел к двери и обернулся посмотреть на меня и Джасру.

— Ладно, — сказал я. — Ты отправляешься к Далту. Он отрубает тебе голову и играет ею в футбол. Потом появляется Джарт ростом в десять футов, и изо всех дыр у него валит пламя. Чем мы тогда отличаемся от неудачников?

Люк вышел в коридор. Я перешагнул через порог, щелкнул пальцами, и Джасра осталась в темноте.

— Важно знать свои возможности, — заметил он, пока я запирал дверь.

Потом мы зашагали по переходам дворца.

— Человек, приобретающий такую силу, получает из того же источника и соответствующую слабость.

— Как это? — спросил я.

— Точно не знаю. Но мощь Твердыни может быть использована против человека, ее получившего. Это я успел выяснить из записей Шару, прежде чем мать отобрала их у меня. Больше я их не видел. «Никому не доверяй», — такой, кажется, был у нее девиз.

— Ты говорил...

— Я говорил, что, если со мной что-нибудь случится и Джарт окажется на коне, она знает способ, как его уничтожить.

— О!

— Не сомневаюсь также, что ее придется об этом хорошенько попросить.

Люк весело засмеялся:

— Можешь сказать ей, что я завершил вендетту, что я удовлетворен, а потом предложи ей цитадель в благодарность за услугу.

— А если она скажет, что этого мало?

— Черт! Тогда преврати ее опять в вешалку! В конце концов прикончить Джарта можно и без ее помощи. Мой отец погиб от стрелы в горло, несмотря на все свои магические способности. Смертельный удар есть смертельный удар. Просто нанести его такому человеку гораздо сложнее.

— Ты в самом деле считаешь, что цитадели хватит?

Люк остановился и нахмурился.

— Она станет спорить, но потом, конечно, согласится. Это будет шаг к миру. Не забывай, что матери одинаково сильно хочется отомстить Маске и вернуть часть своих владений. Но, отвечая на твой вопрос, скажу: не верь ей. Что бы она ни обещала, она никогда не удовлетворится меньшим, чем имела. Начнет хитрить. Пока дело не сделано, она будет верным союзником. Потом тебе придется подумать о том, как от нее защититься. Если только...

— Если только что?

— Если не подоспею я и не сумею ее утишить.

— Каким образом?

— Еще не знаю. Но не стоит снимать с нее заклинание, пока я не разберусь с Далтом. Договорились?

— Подожди, — произнес я. — Что ты задумал?

— Ничего особенного, — ответил Люк. — Просто, как я говорил королеве, мне нравится подбирать мелодию на слух.

— Знаешь, ты иногда кажешься мне таким же хитрым, какой пытаешься представить свою мать.

— Хорошо бы... Между нами большая разница. Я — честный.

— Я бы у тебя подержанную машину не купил.

— Для меня каждая сделка особенная. А для тебя я всегда оставляю все лучшее.

Я взглянул на Люка, но лицо его было непроницаемо.

— Что я еще могу сказать? — спросил он, подходя к гостиной.

— Уже ничего, — произнес я, и мы вошли в комнату.

При нашем появлении Виола повернула голову и поинтересовалась:

— Ну, все одеты по сезону?

— Я — да, — откликнулся Люк.

— Тогда перейдем к делу. — Королева подняла левую руку, в которой я увидел карту. — Подойди.

Люк приблизился; я не отставал от него ни на шаг. Теперь я разглядел, что она держала карту Джулиана.

— Положи руку мне на плечо.

— Слушаюсь.

Люк опустил руку на плечо Виоле, она вышла на контакт и вступила в беседу с Джулианом. Вскоре к разговору подключился Люк и объяснил свои намерения. Я расслышал слова Виолы о том, что план ею одобрен.

Спустя мгновение я увидел, как Люк поднял и вытянул свободную руку. Несмотря на то, что я не был участником контакта, я разглядел, как навстречу протянулась туманная форма Джулиана. Подобное было возможно благодаря тому, что я воспользовался Зрением Логруса и обрел дополнительную чувствительность. Я боялся пропустить момент, когда Люк исчезнет.

Моя рука упала на его плечо, и я шагнул вслед за ним.

— Мерлин! Что ты делаешь? — крикнула Виола.

— Хочу посмотреть, что будет. Вернусь, как только все завершится, — успел произнести я, и радужные ворота закрылись.

Мы оказались в мерцающем свете масляных ламп внутри огромного шатра. Снаружи доносились завывание ветра и шелест веток. Перед нами стоял Джулиан. Он отпустил руку Люка и разглядывал его с бесстрастным выражением лица.

— Значит, ты и есть убийца Кейна?

— Я и есть, — кивнул Люк.

Я вспомнил, что Кейн и Джулиан всегда были близки. Если Джулиан прикончит Люка и объявит это вендеттой, Рэндом скорее всего одобрит такой поступок. А может, еще и улыбнется. Трудно сказать. Я бы на месте Рэндома воспринял ликвидацию Люка со вздохом облегчения. Из-за чего я, собственно говоря, сюда и пришел. Вдруг это ловушка? Вряд ли Виола пошла бы на такое, но Джулиан и Бенедикт могли легко ее обмануть. Может, никакого Далта и в помине тут нет?

А если и есть, то просил он голову одного Люка. Во всяком случае, совсем недавно Далт из кожи вон лез, чтобы его прикончить. Джулиан был самым подходящим кандидатом для исполнения подобного замысла. Во благо Амбера.

Джулиан пристально посмотрел на меня, но я хранил столь же непроницаемое выражение лица.

— Добрый вечер, Мерлин, — сказал он. — Ты тоже замешан в этом?

— В качестве наблюдателя, — ответил я. — Остальное будет зависеть от обстоятельств.

Откуда-то снаружи донесся вой адской гончей.

— Главное, не мешай, — проворчал Джулиан.

Я улыбнулся:

— Маги умеют оставаться незамеченными.

Он снова посмотрел на меня. Готов поклясться, дядюшка пытался сообразить, чем я ему угрожаю: тем, что стану защищать Люка, или тем, что попытаюсь ему отомстить.

Наконец он пожал плечами и повернулся к столу, на котором лежала развернутая карта. Свернуться ей не давали кинжал и тяжелый камень. Джулиан жестом пригласил Люка подойти. Я тоже приблизился к столу.

Это была карта западных окраин Ардена. Джулиан показал, где находимся мы. К юго-западу был Гарнатх, к юго-востоку — Амбер.

— Наши войска здесь, — ткнул пальцем Джулиан, — армия Далта здесь.

— Где стоят силы Бенедикта? — спросил я.

Джулиан строго посмотрел на меня и едва заметно нахмурился.

— Достаточно, если Люк будет знать об их существовании. Численность, местонахождение и задачи этих сил ему не нужны. Если Далт захватит его в плен и допросит, Люк нагонит на него страху и при этом не расскажет ничего конкретного.

Люк кивнул:

— Хорошая мысль.

Джулиан ткнул в точку на карте, находящуюся между двух армий.

— Здесь мы встречались с Далтом в последний раз. Это открытая плоская равнина, днем она просматривается со всех сторон. Предлагаю там и встретиться.

— Согласен, — произнес Люк.

От меня не ускользнуло, как пальцы Джулиана погладили рукоятку лежащего на столе кинжала, а рука Люка непроизвольно легла на пояс, слева от пряжки, где висело его оружие.

При этом они оба расплылись в улыбке, которая затянулась на несколько неловких секунд. Люк был крупнее Джулиана, я знал силу и ловкость своего приятеля. За Джулианом же стояли столетия обращения с оружием. Я с тревогой подумал о том, что произойдет, если они бросятся друг на друга. Но они, словно сговорившись, вдруг опустили руки, а Джулиан произнес:

— Вина не желаете?

— Не откажусь, — ответил Люк, и мне показалось, что от схватки их удержало мое присутствие. А может, и нет. Скорее всего Джулиан хотел продемонстрировать свое отношение, а Люк дал понять, что ему на это плевать. Честное слово, не знаю, на кого бы я поставил.

Джулиан вытащил три кубка, наполнил их «Бейли» и жестом пригласил нас угощаться, а сам заткнул пробкой бутылку. Не дожидаясь, пока мы начнем принюхиваться к напитку, дядюшка поднял свой кубок и сделал глоток. Тем самым он как бы заверил нас, что вино не отравлено, а беседа предстоит серьезная.

— Когда мы встречались, каждого из нас сопровождали по два охранника.

— Вооруженных? — уточнил я.

Джулиан кивнул:

— Скорее для устрашения.

— Вы были верхом или пешие?

— Пешие. Мы одновременно покинули свои порядки и встретились точно посередине, на расстоянии нескольких сот шагов от каждой линии.

— Понятно, — произнес Люк. — Были сюрпризы?

— Обошлось. Мы переговорили и разошлись.

— Когда?

— Перед заходом солнца.

— Показался ли он вам нормальным человеком?

— Вполне. Не удержался, естественно, от оскорбительных выпадов по отношению к Амберу и вообще временами держался вызывающе, но... Далт есть Далт.

— Понятно, — повторил Люк. — И требовал меня, мою мать или нас обоих, так? А в случае отказа грозил перейти в наступление?

— Да.

— Говорил ли он, зачем мы ему?

— Ни слова.

Люк глотнул вина.

— Не уточнял ли, какими он нас хочет видеть: живыми или мертвыми?

— Уточнял. Живыми.

— Ну и что вы решили?

— Если я выполню его требование, то навсегда избавлюсь от тебя, — произнес Джулиан. — А если плюну ему в глаза и вызову на бой, то избавлюсь от него. Меня устраивает любой вариант...

В этот момент взгляд Джулиана упал на кубок в левой руке Люка. Глаза его расширились. Я понял, что дядя только сейчас заметил кольцо королевы Виолы.

— Лучше, наверное, убить Далта, — закончил он свою мысль.

— Считаете ли вы, что он в самом деле перейдет в наступление? — невозмутимо спросил Люк. — Известно ли вам, откуда он пришел? И куда направится, если ему суждено будет отсюда куда-нибудь направиться?

Джулиан повертел в руках кубок.

— Я вынужден верить ему на слово. Если он говорит, что перейдет в наступление, значит, так и будет. Когда мы впервые зафиксировали передвижение его войск, Далт шел от Кашфы и Бегмы, предположительно через Эрегнор, поскольку он всегда там околачивается. Что же касается его дальнейших планов, то здесь каждый волен строить свои предположения.

Люк сделал глоток, опоздав на долю секунды, чтобы скрыть неожиданную улыбку. До меня дошло, что он соображает куда быстрее, чем все остальные. Я тоже поспешно приложился к кубку, хотя и не знал, какое выражение пытаюсь скрыть.

— Можете спать здесь, — произнес Джулиан. — Если проголодались, я распоряжусь насчет еды. Завтра на рассвете мы постараемся организовать вашу встречу.

Люк покачал головой.

— Сейчас, — сказал он, снова ненавязчиво демонстрируя кольцо. — Мы настаиваем, чтобы встреча была организована прямо сейчас.

В течение нескольких ударов пульса Джулиан пристально смотрел на Люка, после чего произнес:

— В темноте вас будет плохо видно — как с той, так и с другой стороны. Тем более пошел снег. Малейшее недоразумение может привести к атаке.

— Если оба моих спутника возьмут большие факелы и его охрана сделает то же самое, нас будет видно с расстояния в несколько сот ярдов.

— Возможно, — кивнул Джулиан. — Хорошо. Я отправлю в его лагерь послание и подберу вам надежных охранников.

— Я уже знаю, кого бы хотел видеть рядом с собой, — ответил Люк. — Вас и Мерлина.

— Интересный ты парень, — проворчал Джулиан. — Не возражаю. Мне и самому любопытно, чем все это закончится.

Джулиан отправился к штабной палатке, откинул полог и вызвал офицера, с которым беседовал несколько минут. Пользуясь моментом, я поинтересовался:

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Конечно, — ответил Люк.

— Мне кажется, это серьезнее, чем игра по слуху. У тебя есть причины, по которым ты не можешь рассказать о своих планах?

Мгновение Люк смотрел на меня, потом ответил:

— Я только недавно осознал, что тоже являюсь сыном Амбера. Мы встретились и увидели, что очень похожи друг на друга. И это хорошо.

Я позволил себе нахмуриться. Слова его мало что прояснили.

Люк легонько шлепнул меня по плечу.

— Не переживай! Ты можешь мне верить. К тому же у тебя все равно нет сейчас выбора. Выбор появится позже. Самое главное: не вмешивайся, что бы ни происходило.

— Что, по-твоему, должно произойти?

— У нас нет ни времени, ни условий для подобного разговора. Так что отложим, и помни, что я сказал сегодня вечером.

— Ты сказал, что у меня все равно нет выбора.

— И еще я сказал, что выбор появится позже.

Джулиан уже опустил полог и повернулся к нам.

— Я готов принять ваше предложение насчет еды, — громко заявил Люк. — А ты, Мерль? Проголодался?

— О небо! Нет! Я только что высидел государственный прием.

— Вот как? — подчеркнуто равнодушно воскликнул Люк. — По какому поводу?

Я рассмеялся. Многовато для одного дня. Я уже хотел сказать, что у нас нет условий для конфиденциальной беседы, но Джулиан снова откинул полог и вызвал вестового.

Я решил забросить пару пробных шаров и понаблюдать за реакцией Люка.

— Прием был посвящен премьер-министру Бегмы Оркузу и его свите.

После этих слов я надолго приложился к кубку, а Люк терпеливо ждал продолжения.

— Это все, — сказал я, вытирая губы.

— Перестань, Мерлин, — нетерпеливо произнес он. — Я, между прочим, с тобой совершенно откровенен в последнее время.

— Неужели?

Поначалу мне показалось, что он не почувствовал юмора, но спустя мгновение Люк тоже рассмеялся.

— Временами мельницы богов начинают крутиться с дьявольской скоростью, и пыль может засыпать нас с головой. Слушай, как насчет того, чтобы подарить мне эту информацию бесплатно? У меня в самом деле нет ничего взамен. Чего он хотел?

— Между прочим, эти сведения секретны до завтрашнего дня.

— Хорошо. Что произойдет завтра?

— Арканз, герцог Шедбурн, вступает на престол Кашфы.

— Ну и дела! — вырвалось у Люка. Он взглянул на Джулиана, потом снова на меня. — Чертовски умный выбор со стороны Рэндома... Не думал, что он сработает так быстро.

Люк задумчиво уставился в невидимую точку, после чего произнес:

— Спасибо.

— Это хорошо или плохо? — спросил я.

— Для меня или Кашфы?

— Я еще не научился различать.

— Это нормально. Не знаю, как все может обернуться. Надо подумать. Увидеть картину целиком.

Я посмотрел на Люка, и он снова улыбнулся.

— Это действительно интересно, — сказал он. — У тебя припасено что-то еще?

— Пока все.

— Наверное, ты прав, — кивнул Люк. — Нельзя перегружать систему. Тебе не кажется, что мы перестаем радоваться простым вещам?

— Пока мы дружим, нам это не грозит.

Джулиан в очередной раз опустил полог, вернулся к нам и взял свой кубок.

— Через несколько минут принесут поесть, — сообщил он Люку.

— Спасибо.

— Бенедикт утверждает, что ты сказал Рэндому, будто Далт — сын Оберона.

— Да, — кивнул Люк. — И он тоже прошел Огненный Путь. Это что-то меняет?

Джулиан пожал плечами:

— Это не первый раз, когда мне хочется убить родственника. Кстати, ты ведь мой племянник?

— Да... дядя.

Джулиан взболтал вино в кубке.

— Что ж, добро пожаловать в Амбер. Прошлой ночью я слышал баньши. Нет ли тут какой связи?

— Перемены, — пожал плечами Люк. — Баньши всегда воют, когда что-то меняется. Оплакивают утраты.

— И смерть. Они ведь предвещают смерть, так?

— Не всегда. Иногда они появляются в решающий момент, чтобы придать происходящему драматический оттенок.

— Плохо, — проворчал Джулиан. — Но будем надеяться.

Мне почудилось, что Люк хотел что-то добавить, но Джулиан заговорил первый:

— Хорошо ли ты знал отца?

Люк напрягся.

— Наверное, хуже, чем других. Он был деловым человеком. Приходил и уходил. Никогда не оставался с нами надолго.

Джулиан кивнул.

— Каким он был перед концом?

Люк посмотрел на свои руки.

— Ну, нормальным он уже не был, если вы это имеете в виду. Как я говорил Мерлину, ритуал, через который он прошел, чтобы обрести свое могущество, вывел его из равновесия.

— Впервые слышу.

Люк пожал плечами:

— Наверное, результат важнее подробностей.

— А до того он был неплохим отцом?

— Не знаю, черт побери. У меня не было другого отца, чтобы сравнить. Почему вы спрашиваете?

— Из любопытства. Эта сторона его жизни мне совершенно неведома.

— Хорошо. Тогда расскажите, каким он был братом?

— Бешеным, — сказал Джулиан. — Мы с ним плохо ладили. И старались реже попадаться друг другу на глаза. Хотя он отличался сообразительностью. И талантом тоже. Имел склонность к искусству. Я пытался представить, много ли ты у него перенял.

— Куда мне, — проворчал Люк, поворачивая руки ладонями вверх.

— Ладно, не имеет значения. — Джулиан поставил кубок на стол и снова поднял полог. — Ваша еда уже на подходе.

Он вышел из шатра.

По брезенту шуршали крошечные кристаллики льда. Издалека донесся протяжный вой. Ветер и адские гончие давали свой концерт. Но баньши не было. Пока.

IX

Я шел в двух ярдах слева и позади от Люка. Справа на таком же расстоянии шагал Джулиан. Я нес огромный фонарь, закрепленный на шесте длиной в шесть футов. Конец шеста был заострен, чтобы его можно было воткнуть в землю. Фонарь приходилось держать на вытянутых руках, поскольку беспорядочные порывы ветра вытягивали языки пламени в разные стороны. Острые ледяные снежинки секли лоб и щеки, налипали на брови и ресницы. Пламя их растапливало,

и я яростно моргал, прочищая глаза. Трава под ногами промерзла и издавала хрустящий, ломкий звук.

Впереди в нашу сторону медленно двигались два других фонаря, между которыми маячила темная фигура. Я сморгнул, пристально вглядываясь в надвигающиеся блики. Мне пришлось видеть Далта лишь однажды, мельком, через карту, еще в Арбор-Хауз. В неверном свете фонарей его волосы казались золотыми или медными, но тогда, при естественном освещении, они выглядели как обыкновенные грязные светлые волосы. Глаза у Далта, насколько я помнил, были зеленые. До меня только теперь дошло, насколько он огромен — если, конечно, он специально не подобрал в спутники коротышек. В тот раз Далт был один, и мне было не с кем его сравнивать.

Когда он вошел в свет наших фонарей, я разглядел плотный зеленый дублет, черную рубаху с длинными рукавами и зеленые перчатки. Штаны были черные, равно как и сапоги, в которые они были заправлены. Украшенный изумрудными полосами черный плащ хлопал на ветру, в свете фонарей полосы переливались желтыми и красными огнями. С шеи на тяжелой цепи свисал золотой медальон. Я не мог разобрать детали рисунка, но был уверен, что там изображен лев, повергающий единорога.

Не доходя до Люка шагов десять-двенадцать, Далт замер. Люк сделал еще один шаг и тоже остановился. Далт подал знак, и его охранники воткнули факелы в землю. Мы с Джулианом поступили точно так же. Затем Далт кивнул Люку, и они пошли навстречу друг другу. Остановившись в середине освещенного факелами квадрата, они стиснули друг друга за правое предплечье и подняли глаза.

Люк стоял ко мне спиной, зато я мог видеть лицо Далта. Оно не выражало никаких эмоций, хотя губы его уже двигались. Из-за ветра, а также потому, что говорил он нарочито тихо, я не смог разобрать ни слова. По крайней мере теперь у меня появилась возможность оценить его габариты. Люк был шести футов трех дюймов ростом, Далт выглядел выше на несколько дюймов.

Я взглянул на Джулиана, но тот смотрел в другую сторону. Интересно, подумал я, сколько глаз следит сейчас за нами с обеих сторон поля?

По Джулиану всегда было трудно догадаться, что у него на уме. Он бесстрастно наблюдал за происходящим. Я постарался перенять его манеру.

Шли минуты, снег валил, не переставая.

Спустя некоторое время Люк повернулся и подошел к нам. Далт тоже направился к своей охране.

— Ну как? — спросил я.

— О, — произнес он, — кажется, я нашел способ решить дело миром.

— Здорово. Что ты ему сказал?

— Предложил сразиться один на один и выяснить, что почем.

— Черт побери, Люк! — вырвалось у меня. — Он же профессионал! Не сомневаюсь, что он унаследовал нашу природную силу. Последнее время Далт живет в походных условиях. Следовательно, он в отличной форме. Я уже не говорю о том, что он крупнее и тяжелее тебя.

— Значит, буду надеяться на удачу, — улыбнулся Люк. Посмотрев на Джулиана, он добавил: — Как бы то ни было, следует отдать приказ о ненападении, пока мы будем сражаться. Войска Далта тоже обязуются дождаться конца дуэли.

Джулиан обернулся и посмотрел в сторону линий противника. Затем повернулся к своим порядкам и при помощи отмашки передал несколько команд. Из укрытия тут же выскочил и побежал в нашу сторону вестовой.

— Люк, — сказал я. — Не сходи с ума. Ты сможешь одержать победу единственным способом. Вызови на секунду Бенедикта, а потом...

— Мерль, — остановил меня Люк. — Успокойся. Дело касается меня и Далта. Договорились?

— У меня есть несколько новых заклинаний. Давай так: вы начнете драться, а потом я нанесу удар. Со стороны будет казаться, словно это ты его завалил.

— Нет! — воскликнул Люк. — Это дело чести. Так что, пожалуйста, не вмешивайся.

— Ладно, — пожал я плечами. — Если тебе хочется...

— Кроме того, до смертельного исхода все равно не дойдет. В данный момент это никому не нужно, и таково одно из условий сделки. Мы представляем друг для друга ценность живыми. Поэтому не берем никакого оружия. Только руки.

— А в чем, — перебил его Джулиан, — суть сделки?

— Если Далт мне накостыляет, — ответил Люк, — я становлюсь его пленником. Он отводит свои войска, а я следую за ним.

— Ты спятил! — вырвалось у меня.

Джулиан кинул взгляд в мою сторону и произнес:

— Продолжай.

— Если я вздую Далта, то он становится моим пленником. Возвращается со мной в Амбер или в любое другое место, куда мне заблагорассудится, а его офицеры отводят войска.

— Неплохо было бы убедить их в том, что в противном случае они обречены.

— Конечно, — кивнул Люк. — Поэтому я и объяснил ему, что Бенедикт готов в любой момент нанести сокрушительный удар с флангов. Не сомневаюсь, это явилось решающим аргументом.

— Великолепный замысел, — заметил Джулиан. — В любом случае выигрывает Амбер. Чего же ты хочешь лично для себя, Ринальдо?

— Подумайте, — улыбнулся Люк.

— А ты сложнее, чем я думал, племянничек, — покачал головой Джулиан. — Встань-ка сюда. Еще правее.

— Зачем?

— Чтобы меня не было видно. Я хочу, чтобы Бенедикт знал, что здесь происходит.

Люк передвинулся, а Джулиан вытащил из колоды нужную карту. Вестовой подбежал к нам и застыл. Джулиан вышел на связь. Спустя минуту он сделал паузу и отдал распоряжения вестовому, который тут же умчался.

Закончив переговоры, Джулиан не стал прятать карту в нагрудный карман, куда положил всю колоду, но оставил ее в руке. Я понял, что контакт не прерван. Джулиан хотел, чтобы Бенедикт своими глазами видел происходящее и мог немедленно сообразить, что ему следует делать.

Люк сбросил подаренную мной накидку и подошел ко мне.

— Подержи, пока все не закончится, ладно?

— Давай, — кивнул я. — Удачи!

Он коротко улыбнулся и пошел прочь. Далт уже стоял в центре освещенного факелами квадрата.

Люк остановился в нескольких шагах от него. Противники некоторое время изучающе смотрели друг на друга, после чего Далт что-то произнес. Ответа Люка я тоже не расслышал.

Затем оба изготовились к схватке. Люк принял боксерскую стойку, Далт опустил руки, как борец.

Люк атаковал первым. Возможно, это был ложный выпад, во всяком случае по лицу противника он не попал. Далт отступил, но Люк не дал ему разорвать дистанцию и нанес два удара по корпусу. Потом еще раз безуспешно попытался достать неприятеля ударом в голову, после чего оба закружились по снегу.

Далт дважды пытался захватить Люка в борцовский захват, но оба раза нарывался на серию ударов. Из губы у него потекла струйка крови. На третий раз ему удалось сбить Люка с ног, однако прижать его к земле он не успел, ибо Люк стремительно откатился в сторону и вскочил на ноги. При этом он тут же попытался ударить Далта ногой по почкам, но промахнулся. Далт захватил его ногу и опрокинул на спину. Падая, Люк умудрился пнуть противника свободной ногой в колено, но захвата Далт не ослабил. Навалившись на противника всем весом, он принялся выкручивать ему стопу.

Лицо Люка исказила гримаса боли. Он из последних сил изогнулся, двумя руками вцепился в пальцы Далта и сорвал захват. Затем, не выпуская кисть противника, Люк вскочил, поднырнул под правую руку Далта и швырнул его лицом вниз на землю. Не давая опомниться, Люк прыгнул ему на спину, правой рукой завернул руку, а левой захватил за волосы. Я не сомневался, что Люк собирается несколько раз треснуть Далта лицом об землю, но, когда он оттянул его голову, я понял, что ничего не выйдет.

Далт напрягся, рука его начала выпрямляться, несмотря на замок Люка. Люк попытался пару раз ткнуть Далта головой в грязь, но особого эффекта это не возымело. Я понял, что, если Далту удастся высвободить руку, Люку конец. Далт был чертовски силен. Видя это, Люк навалился всем весом на спину Далта, оттолкнулся и вскочил. При этом он промедлил, не успел отбежать, и противник схватил его за ногу. Люк попытался вырваться, но Далт мощным ударом подкосил его под обе ноги, отчего Люк полетел на спину. На этот раз Люку не удалось откатиться в сторону. В последнюю минуту он успел развернуться и выставить колено в надежде, что Далт налетит на него пахом. Далт придавил Люка к земле и нанес сильный удар по челюсти. Голова Люка отвалилась в сторону, но он сумел упереться ладонью в подбородок Далта, стараясь при этом дотянуться пальцами до глаз. Далт откинул голову и шлепком отбросил руку Люка. Люк попытался нанести другой рукой удар в висок, но Далт увернулся, и кулак Люка лишь скользнул по его волосам. Тогда Люк уперся обоими локтями в землю, подтянулся и резко наклонился вперед.

Я не видел, куда именно пришелся удар лбом, но в следующую секунду из носа Далта ручьем хлынула кровь. Несмотря на это, ему удалось схватить Люка за горло, а второй рукой нанести сильный удар по скуле. Я видел, как в последний момент Люк попытался укусить падающую на него руку, но Далт крепко сдавил его шею, и у Люка опять ничего не вышло. Далт размахнулся для второго удара, но на этот раз Люк защитился и едва не сорвал руку со своей шеи. Тогда

Далт навалился на противника всем весом, протиснул вторую руку к его горлу и принялся душить, стараясь раздавить пальцами кадык.

Мне показалось, что наступает конец. И вдруг Люк неожиданно ухватил Далта правой рукой за левый локоть, а левой — за левое предплечье, после чего резко вывернул ему руку. Далт потерял равновесие и ткнулся лицом в землю, а Люк откатился в сторону и вскочил на ноги, тряся головой и потирая шею. На этот раз он не стал пинать Далта, а предусмотрительно принял оборонительную стойку. Противники снова закружились.

Снег шел не переставая, ветер то ослабевал, то усиливался, снежинки временами кололи лицо, временами падали, как мягкий занавес. Я подумал об окружающих меня войсках и о том, не окажусь ли я в самом центре сражения, когда эта схватка завершится. То, что Бенедикт готов обрушиться на противника с фланга и окончательно перемешать его порядки, ничуть меня не радовало. Я вспомнил, что угодил сюда исключительно по собственной воле.

— Давай, Люк! — заорал я. — Задай ему!

Это произвело весьма неожиданный эффект. В ту же секунду факельщики Далта принялись кричать и подбадривать своего военачальника. Очевидно, ветер донес наши голоса до боевых порядков, ибо уже через секунду поднялся страшный рев, который я поначалу принял за завывание бури. Лишь один Джулиан невозмутимо взирал на происходящее.

Люк продолжал кружить вокруг Далта, пытаясь нанести ему удар в лицо и пробуя различные комбинации; Далт уклонялся и норовил перехватить его руку. Лица противников были разбиты в кровь, двигались они значительно медленнее, чем в начале боя. Мне показалось, что оба получили ранения, хотя я не мог определить их тяжести. Люк растревожил старую рану на щеке Далта.

Ему удалось провести серию по корпусу, но оценить силу ударов было трудно. Далт выдержал атаку и тут же сделал ответный бросок. Люк промедлил с отступлением, и Далту удалось захватить его в клинч. Начался обмен пинками и ударами коленями, от которых противники пытались прикрыться бедрами. При этом Люк отчаянно пытался выдернуть руку, чтобы получить возможность наносить удары, а Далт старался закрепить захват. Пошли удары головой и раздавливающие удары в подъем стопы, но бойцы умело от них защищались. Наконец Люку удалось провести подсечку, и Далт полетел на землю.

Опустившись над врагом на одно колено, Люк нанес левый боковой в голову, после чего немедленно ударил справа. Затем, развивая успех, попытался провести еще один удар левой, но Далт перехватил его руку и рывком бросил на землю. Лицо Далта напоминало маску из крови и грязи. Он кинулся на противника. Люк двинул его под сердце, но это не помешало Далту нанести страшный удар: правый его кулак как камень рухнул на голову Люка. Далт тут же ударил левой, еще раз справа, после чего набрался сил и нанес сокрушительный удар левой рукой в челюсть. Люк рухнул на землю и уже не шевелился.

Далт присел на корточки над поверженным противником. Дышал он тяжело, как загнанный пес, и пристально вглядывался в лицо Люка, словно ожидая очередного подвоха. Правая рука его подергивалась; казалось, он хотел ударить врага еще раз.

Ничего, однако, не произошло. Спустя десять или пятнадцать секунд Далт медленно поднялся на ноги, покачнулся и выпрямился.

Заклинание смерти застряло у меня на губах. Мне хватило бы нескольких секунд, чтобы пригвоздить его к земле, после чего никто не установил бы истинную причину гибели. Меня тревожило, что произойдет после того, как он свалится? Двинутся ли обе армии в атаку?..

И все же удержало меня другое. Я вспомнил слова Люка: «Это дело чести. Так что, пожалуйста, не вмешивайся». После этого он добавил: «Кроме того, до смертельного исхода все равно не дойдет... Мы представляем друг для друга ценность живыми».

Ладно.

Трубачи пока не трубили. Войска стояли на месте. Похоже, все будет так, как они договорились. Люк сам этого хотел. Я не стану вмешиваться.

Далт поднял Люка с земли. Почти сразу же он опустил его обратно и подозвал своих факельщиков. Затем повернулся в сторону Джулиана.

— Призываю вас выполнить оставшуюся часть нашего соглашения! — крикнул он.

Джулиан едва заметно склонил голову:

— Мы ее выполним, если вы выполните свою. Уведите своих людей на рассвете.

— Мы уходим сейчас, — объявил Далт.

— Далт! — крикнул я.

Он повернулся и пристально посмотрел на меня.

— Меня зовут Мерлин. Мы с тобой встречались, хотя я не уверен, что ты меня помнишь.

Он покачал головой.

Я вскинул правую руку и произнес самое бесполезное и в то же время самое эффектное заклинание. Земля перед Далтом разверзлась, обдав его фонтаном грязи и камней. Он отшатнулся, вытер лицо и посмотрел на образовавшуюся неровную траншею.

— Это твоя могила, — объявил я. — Если что-нибудь случится с Люком.

Он снова посмотрел на меня.

— Теперь я тебя запомню, — произнес он и зашагал вслед за тащившими Люка факельщиками.

Я посмотрел на Джулиана. Он отвернулся и выдернул из земли факел. Я сделал то же самое, после чего мы вернулись к нашим позициям.

Позже, уже в шатре, Джулиан промолвил:

— Мы решили одну важную проблему. А может, и две.

— Может, и две, — повторил я.

— Далт временно под контролем.

— Согласен.

— Бенедикт сообщает, что они снимаются с лагеря.

— Думаю, мы его еще увидим. Не кажется ли тебе, что со стороны Далта все было подготовлено плохо? Ему пришлось в спешке собирать войска. Похоже, у него слишком плотный график.

— Возможно, ты прав. Но он в самом деле рисковал.

— И выиграл.

— Да, выиграл. И тебе не следовало демонстрировать силу, когда все закончилось.

— Почему?

— Теперь, если ты станешь преследовать Далта, он будет настороже.

— Я хотел его припугнуть.

— Люди подобного склада живут риском. Он просчитывает каждый шаг и только потом действует. Да и Ринальдо ты еще увидишь. Он точно такой же. Два сапога пара.

— Наверное, ты прав.

— Абсолютно.

— Как ты думаешь, если бы схватка закончилась по-другому, выполнила бы его армия условия договора?

Джулиан пожал плечами:

— Далт знал, что мои войска условия выполнят. Этого достаточно.

Я кивнул.

— Извини, — произнес Джулиан, — мне надо доложить обо всем Виоле. Полагаю, ты тоже захочешь выйти на контакт по карте, когда я закончу?

— Конечно.

Он вытащил карту и принялся настраиваться на связь. А я в который раз задумался над тем, что испытывает Виола при контактах. Я всегда должен своими глазами увидеть нужного человека; то же самое говорили мне остальные. Виола же, насколько мне известно, слепа от рождения. Спросить напрямую я не решался, к тому же вряд ли ее ответ был бы ясен зрячему человеку. Наверное, это навсегда останется для меня загадкой.

Пока Джулиан вызывал ее на контакт, я обратился мыслями в будущее. Я собирался вплотную заняться Маской и Джартом. Теперь выходило, что заниматься ими мне придется без Люка. Может, и в самом деле последовать его совету и привлечь в союз против них Джасру? Окажется ли такой риск оправданным? И смогу ли я решить эту проблему по-другому? Не лучше ли вернуться в тот странный бар и поискать способы привлечь на свою сторону Бармаглота? Или Стрижающий Меч? А может, и то и другое? Может...

Я услышал свое имя и вернулся в текущее время к насущным проблемам. Джулиан объяснял что-то Виоле, хотя я понимал, что объяснять особо нечего. Поэтому я встал, потянулся и вызвал Зрение Логруса.

Виола находилась рядом с Джулианом, то расплываясь, то делаясь отчетливо резкой. Она сидела на том же самом жестком кресле, в котором я видел ее в последний раз. Неужели с тех пор королева ни разу не вставала? Надеюсь, она все же попробовала десерт, до которого я так и не добрался.

Джулиан взглянул в мою сторону:

— Если ты готов, она может забрать тебя прямо сейчас.

Я подошел к нему, предварительно отбросив Зрение Логруса — не стоит слишком сближать Логрус и Огненный Путь. Я прикоснулся к карте, и изображение Виолы обрело резкость и четкость. Еще мгновение, и оно перестало быть изображением.

— В любое время, — произнесла она и протянула руку.

Я осторожно к ней прикоснулся.

— До свидания, Джулиан, — произнес я, делая шаг вперед.

Он не ответил. А может, и ответил, да я не разобрал.

— Не думала, что все так случится, — сказала Виола, не выпуская моей руки.

— Предвидеть это было невозможно, — ответил я.

— Люк знал, — покачала она головой. — Теперь кое-что становится понятным, не так ли? Например, некоторые его замечания. Он ведь давно хотел бросить вызов Далту.

— Думаю, да.

— Он на что-то рассчитывал. Хотела бы я знать, на что.

— Понятия не имею, — вздохнул я. — Он мне ничего не говорил.

— С тобой он наверняка выйдет на связь, — сказала Виола. — Немедленно дай мне знать, как только он объявится.

— Обещаю.

Виола выпустила мою руку.

— Похоже, больше тут ничего не скажешь.

— Да. Но, возможно, вам будет интересно поговорить о другом.

— О чем же?

— Дело касается отсутствия Корэл за обедом.

— Продолжай, — велела Виола.

— Известно ли вам, что мы с ней долго гуляли по городу?

— Известно.

— Мы закончили прогулку внизу, в помещении Огненного Пути. Она выразила желание его увидеть.

— Многие посетители хотят увидеть Путь. Однако не всем его следует показывать. Большинство теряют всяческий интерес, едва узнают о лестнице.

— Я не говорил ей об Огненном Пути. Но я ее и не отпугивал. Когда мы спустились, она поставила на него ногу...

— Нет! — воскликнула Виола. — Ты должен был за ней следить! Не хватает нам неприятностей с Бегмой! Теперь еще это! Где ее тело?

— Хороший вопрос, — усмехнулся я. — Не знаю. Когда я видел ее в последний раз, она была жива. Корэл заявила, что Оберон — ее отец, после чего прошла весь Путь. А потом потребовала, чтобы он куда-то ее перенес. Теперь ее сестра, которая знает, что мы были вместе, чрезвычайно озабочена. За обедом она мне покоя не давала, пыталась выяснить, где Корэл.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, что она осматривает достопримечательности дворца и может немного опоздать. Потом Найда потребовала, чтобы я отправился на поиски Корэл, если та не явится к обеду. Я не стал распространяться по поводу того, что произошло на самом деле, поскольку не хотел затрагивать тему отцовства Корэл.

— Разумно, — пробормотала Виола. — Ну и дела.

Я ждал, но она ничего не добавила. Я продолжал ждать. Наконец она произнесла:

— Мне ничего не известно о романе Оберона в Бегме, поэтому мне трудно оценить подобное откровение. Может, Корэл каким-нибудь образом сообщила, как долго она намерена отсутствовать? Кстати, ты обеспечил ее возможностью вернуться?

— Я дал ей свою карту, но на связь она не выходила. Как бы то ни было, Корэл вроде бы не собиралась уходить надолго.

— Это может оказаться серьезнее, чем выглядит на первый взгляд. — Виола тяжело вздохнула. — Что скажешь о Найде?

— Вполне разумная девушка. По-моему, я ей понравился.

Помолчав, Виола заметила:

— Если обо всем этом узнает Оркуз, он решит, что мы держим ее в заложниках, чтобы повлиять на его позицию в переговорах по статусу Кашфы.

— Да, вы правы. Я об этом не подумал.

— Именно так он и посчитает. Люди всегда думают что-то подобное, когда имеют с нами дело. Надо, пока не поздно, ее разыскать.

— Понимаю.

— Вероятнее всего, он пошлет людей в ее апартаменты, чтобы выяснить, почему дочка не явилась к обеду. Постарайся его успокоить; тогда на поиски у нас будет целая ночь.

— Как же я его успокою?

— Ты — маг, тебе и решать. Значит, говоришь, Найде ты понравился?

— Похоже, да.

— Хорошо. Не стоит отклонять ее помощь. Надеюсь, ты сумеешь провернуть это дело с максимальной тактичностью...

— Естественно... — начал я.

— Недавно она сильно переболела, — закончила Виола. — Не хватало теперь, чтобы вторая дочь получила инфаркт.

— Переболела? — удивился я. — Найда ничего об этом не говорила.

— Полагаю, ей самой больно об этом вспоминать. Она едва выкарабкалась и тут же потребовала от отца, чтобы он взял ее с собой. Это он рассказал мне все подробности.

— За обедом Найда выглядела нормально, — неуклюже пробубнил я.

— Ладно, постарайся, чтобы она такой же и оставалась. Я хочу, чтобы ты немедленно к ней отправился, как можно дипломатичнее рассказал о том, что произошло, и попросил прикрыть, пока мы не разыщем ее сестрицу. Конечно, есть риск того, что она тебе не поверит и тут же побежит к Оркузу. Подумай, не подойдет ли здесь какое-нибудь заклинание. Другого выхода я не вижу. Скажи, если я не права.

— Вы абсолютно правы, — произнес я.

— Тогда отправляйся и докладывай мне немедленно, если возникнут какие-либо проблемы. В любое время, понятно?

— Уже иду!

Я поспешно вышел из комнаты, но довольно скоро остановился. До меня вдруг дошло, что я не знаю точно, где находятся покои Найды. Возвращаться и спрашивать у Виолы я не хотел, боясь показаться бестолковым, поскольку должен был выяснить все за обедом.

Минут десять ушло на поиск кого-нибудь из прислуги. Наконец нужный человек был найден. Пряча улыбку, слуга объяснил, как найти комнату Найды, и я бегом направился к ее двери.

Причесав волосы, отряхнув куртку и брюки, а также вытерев носки сапог о штаны, я глубоко вдохнул, улыбнулся, выдохнул и постучал.

Спустя несколько мгновений дверь открылась. На пороге стояла Найда.

Она улыбнулась в ответ и пригласила меня войти.

— Я ожидал, что откроет горничная, — признался я. — Вы меня удивили.

— А я ожидала вас, — сказала Найда, — и отправила горничную спать.

Она переоделась в серый костюм с широким черным поясом. На ногах у нее были черные тапочки, косметику Найда почти всю смыла. Зачесанные назад волосы были перехвачены черной лентой.

Она жестом указала на диван, но я не двинулся с места. Положив руку на плечо девушки, я посмотрел ей в глаза.

— Как вы себя чувствуете?

— Узнайте, — едва слышно произнесла она.

Я не мог позволить себе даже вздоха. Положение обязывало. Я обнял Найду, привлек ее к себе и поцеловал. Спустя несколько секунд отстранился, еще раз улыбнулся и произнес:

— Кажется, все в порядке. Послушай, я бы хотел кое-что рассказать...

— Может быть, присядем? — Найда взяла меня за руку и сделала несколько шагов к дивану.

Виола велела мне быть дипломатом, поэтому я покорно побрел следом. Девушка тут же возобновила наше объятие, пытаясь сделать его еще более тесным. Черт! А я собрался использовать ее как прикрытие для Корэл. Вопросы следовало задавать сейчас. Еще пара минут, и расспрашивать Найду о сестре будет не дипломатично. Сегодня все делается не вовремя.

— Пока мы не зашли далеко, позволь попросить тебя об одолжении...

— Проси что угодно, — прошептала Найда.

— Похоже, с возвращением Корэл могут возникнуть задержки, а мне бы крайне не хотелось волновать вашего отца. Не знаешь, посылал ли он кого-нибудь в ее покои?

— Не думаю, — ответила Найда. — После обеда папа отправился прогуляться с Джерардом и мистером Ротом. Вряд ли они успели вернуться.

— Не могла бы ты его успокоить и дать понять, что с Корэл все в порядке? Другими словами, выиграть время, за которое я мог бы ее разыскать?

Найда опешила.

— А как насчет того, что ты мне не рассказал?..

— Ты услышишь всю историю, если только окажешь мне эту услугу.

Она провела пальчиком по моему подбородку.

— Хорошо. Договорились. Не уходи.

Она поднялась, пересекла комнату и вышла в коридор, оставив дверь полуоткрытой.

Ну почему после Джулии у меня ни с кем не было нормальных отношений? Последний раз я переспал с женщиной, находящейся под влиянием вселившегося в ее тело существа. Теперь... теперь я понял, что хочу Корэл, а не ее сестру. Смешно. Я знал ее каких-то полдня...

Слишком много событий произошло с момента моего возвращения. Я начал уставать. Пора заканчивать.

Вернувшись, Найда снова уселась на диван, но на этот раз нас разделяли несколько футов. Выглядела девушка весьма бодро, хотя и не пыталась возобновить наших прежних занятий.

— Все устроено, — сообщила она. — Если отец спросит о Корэл, его успокоят.

— Благодарю.

— Теперь твоя очередь. Говори.

— Хорошо, — пожал я плечами и принялся рассказывать о том, как Корэл увидела Путь.

— Нет, — перебила меня Найда. — Начни с самого начала.

— Что ты имеешь в виду?

— Расскажи, как прошел весь день — с того момента, как вы вышли из дворца.

— Но это нелепо, — запротестовал я.

— Повесели меня, — настаивала Найда. — Ты мой должник, не забывай.

— Ну ладно, — проворчал я и начал сначала.

Мне удалось проскочить момент с перевернутым столиком в кафе, но когда я попытался сократить рассказ о пещерах, упомянув лишь то, как мы в них заглянули, Найда меня опять перебила:

— Постой, ты чего-то не договариваешь. Что произошло в пещерах?

— С чего ты взяла, что там что-то произошло? — опешил я.

— Это мой секрет, о котором я бы не хотела сейчас распространяться. Достаточно сказать, что у меня есть возможность проверить достоверность твоего повествования.

— Но это не важно! Такие детали лишь уводят от сути дела. Поэтому я их и пропускаю.

— Ты обещал пересказать мне весь день.

— Ну хорошо, — вздохнул я и принялся рассказывать.

Когда я дошел до Джарта и зомби, Найда закусила губу, после чего принялась рассеянно слизывать появившиеся капельки крови.

— Как ты собираешься с ним поступить? — неожиданно спросила она.

— Это мое дело, — отрезал я. — Я обещал рассказать вам о том, как прошел день, но не о своих воспоминаниях или планах.

— Я просто... Помнишь, я говорила, что хочу помочь тебе?

— Что ты имеешь в виду? Ты что, хочешь помочь мне убить Джарта? В таком случае запомни: он готовится обрести божественную силу.

— Что значит «божественная сила»? — уточнила Найда.

Я покачал головой:

— Если рассказывать все по порядку, нам не хватит всей ночи, а я собираюсь еще поискать Корэл. Позволь мне закончить?

— Заканчивай.

Я завершил свою историю, и Найда не выразила ни малейшего удивления по поводу того, кем оказался отец ее сестры. Я хотел было поинтересоваться причинами такого спокойствия, но потом решил послать все к черту. Найда сделала то, о чем я ее попросил, а я, в свою очередь, выполнил свое обещание. С ней не случился сердечный приступ. И мне уже пора.

— Вот и все. Спасибо.

Я попытался подняться, однако девушка стремительно пересела ближе и обняла меня.

Я тоже стиснул ее в объятиях, но спустя некоторое время произнес:

— Мне действительно пора. Корэл может оказаться в опасности.

— Черт с ней, — сказала Найда. — Оставайся. Есть вещи и поважнее.

Душевная черствость Найды повергла меня в смятение, но я ничем этого не проявил.

— Я несу за нее ответственность. Пришла пора ее выручать.

— Ну ладно, — вздохнула Найда. — Тогда я отправлюсь с тобой и постараюсь помочь.

— Каким образом? — изумился я.

— Ты будешь удивлен. — Девушка поднялась с дивана и криво улыбнулась.

Я кивнул, чувствуя, что она, вероятно, права.

X

Пройдя через холл, мы вернулись в мои апартаменты. Я открыл дверь и включил свет. Увидев мою вешалку, Найда оцепенела.

— Королева Джасра!

— Точно. Она поссорилась с колдуном по имени Маска, — объяснил я. — Угадай, кто победил?

Найда подняла руку и медленно провела ею за шеей и спиной Джасры, затем перед лицом и грудью. Я не знал таких движений.

— Только не говори, что ты тоже чародейка! Похоже, все, с кем мне в последнее время приходится встречаться, имеют отношение к Искусству.

— Я не чародейка, — ответила девушка, — и никакого отношения к колдовству не имею. Я владею только одним трюком, который применяю постоянно.

— Что же это за трюк? — поинтересовался я.

Она не обратила внимания на мой вопрос и воскликнула:

— Боже мой! Хорошо ее спеленали!.. Ключ находится где-то в районе солнечного сплетения, ты знаешь?

— Да, — ответил я. — Я давно разобрал это заклинание.

— Зачем она здесь?

— Во-первых, я пообещал Ринальдо спасти ее от Маски, во-вторых, это гарантия его хорошего поведения.

Я закрыл и запер дверь. Когда я обернулся, Найда посмотрела мне в глаза.

— Давно ты его видел? — равнодушным голосом спросила она.

— Недавно. А что?

— Просто так.

— Мне показалось, мы решили помогать друг другу, — напомнил я.

— А мне показалось, что мы ищем мою сестру.

— Если ты знаешь что-то важное про Ринальдо, сестра может подождать еще минуту.

— Я только хотела узнать, где он сейчас.

Я отвернулся к комоду, в котором хранил рисовальные принадлежности. Все необходимое я выложил на чертежный столик и сказал:

— Я не знаю, где он.

Положив перед собой кусок картона, я сел и прикрыл глаза, после чего попытался представить, как выглядит Корэл, готовясь ее нарисовать. При этом я снова засомневался, достаточно ли будет мысленной картинки для установления кон-

такта. Между тем для экспериментов времени не оставалось. Я открыл глаза и принялся за дело.

Рисую я так, как учили во Дворах, эта техника несколько отличается от принятой в Амбере. Я могу работать в разных стилях, но быстрее получается первым способом.

Найда подошла и встала за моей спиной, не поинтересовавшись, возражаю я или нет. Я не возражал.

— Когда ты видел его в последний раз? — спросила она.

— Кого?

— Люка.

— Сегодня вечером.

— Где?

— Он был здесь.

— Он и сейчас здесь?

— Нет.

— Где вы расстались?

— В Арденском лесу. А что?

— Неподходящее место для расставания.

Я трудился над бровями Корэл.

— Мы простились при странных обстоятельствах.

Еще немного поработать над глазами, потом волосы...

— Что значит «странных»? — поинтересовалась Найда.

Румянец на щеках...

— Не обращай внимания, — сказал я.

— Хорошо, — кивнула девушка. — Наверное, это не так важно.

Я решил не заглатывать наживку, поскольку неожиданно почувствовал нужную тягу. Такое случалось и раньше, когда стремишься выйти на контакт, прилагаешь последние усилия и...

— Корэл! — позвал я, увидев, как дрогнули ее черты и изменилась перспектива.

— Мерлин?.. — откликнулась она. — Я... У меня неприятности.

Странно, никакого фона не возникало. Сплошная чернота. Я почувствовал, как Найда положила руку мне на плечо.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Да... Только здесь темно. Очень темно.

Естественно. Нельзя пользоваться Тенью, когда нет света. Даже карты не видно.

— Ты там, куда послал тебя Путь? — спросил я.

— Нет, — ответила Корэл.

— Возьми мою руку. Расскажешь позже.

Я протянул руку, и она вытянула навстречу свою.

— Они... — начала Корэл.

Последовала болезненная вспышка, и контакт разорвался. Я почувствовал, как напряглась Найда.

— Что случилось? — прошептала она.

— Не знаю. Неожиданно возник блок. Не могу определить, какие силы его вызвали.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую еще раз чуть позже, — ответил я. — Если это помехи, то со временем они должны ослабнуть. Во всяком случае, Корэл сказала, что с ней все в порядке.

Я вытащил колоду, которую обычно ношу с собой, и достал карту Люка. Самое подходящее время посмотреть, как у него дела.

Найда взглянула на карту и улыбнулась.

— Я думала, вы расстались совсем недавно.

— Многое может случиться за такой промежуток времени.

— Не сомневаюсь, что многое и случилось.

— Ты в самом деле знаешь, что с ним происходит? — спросил я.

— Да. Знаю.

Я поднял карту.

— Ну и что же с ним происходит?

— Могу побиться об заклад, на связь ты не выйдешь.

— Посмотрим.

Я сосредоточился и послал вызов еще раз. Спустя минуту я вытер бровь.

— Откуда ты узнала?

— Люк тебя блокирует. В данной ситуации я бы поступила точно так же.

— Какой ситуации?

Она ехидно улыбнулась и устроилась в кресле.

— Ну вот, теперь мне снова есть чем с тобой торговаться.

— Снова?

Я внимательно посмотрел на Найду. Что-то во мне подпрыгнуло и встало на место.

— Ты зовешь его не Ринальдо, а Люком.

— Правильно. — Она продолжала улыбаться.

— А я все гадал, когда же ты снова появишься... Выходит, зря я потратил в пещере заклинание. Впрочем, оно спасло мне жизнь. Ладно, спрашиваю тебя еще раз: чего ты хочешь? Только не говори, что собираешься меня защищать, а не то превращу тебя в вешалку.

Девушка рассмеялась:

— Думаю, сейчас ты не откажешься ни от какой помощи.

— Многое зависит от того, что ты понимаешь под словом «помощь».

— Скажи мне, что ты задумал, и я скажу, смогу ли я тебе помочь.

— В данный момент я хочу переодеться. Я не собираюсь штурмовать крепость в таком виде. Дать тебе что-нибудь понадежнее?

— Нет, я в порядке. Начнем с Арбор-Хауз, не возражаешь?

— Не возражаю, — проворчал я, облачаясь в походную одежду.

Она перестала быть для меня очаровательной дамой. Теперь я воспринимал Найду как загадочное, сверхъестественное существо, принявшее человеческий облик. Она устроилась в кресле и отсутствующим взглядом уставилась на стену. Я закончил переодеваться, подошел к чертежному столику, вытащил карту Корэл и попытался связаться еще раз. Ничего не вышло. Я попробовал карту Люка. Результат оказался таким же.

Я уже хотел выровнять колоду и уложить ее в коробку, как на глаза мне попалась нижняя карта. В сознании моем тут же вспыхнула целая цепь ассоциаций. Я вытащил карту, сосредоточился, напрягся...

— Да, Мерлин? — произнес Мэндор спустя мгновение.

За его спиной на фоне вечернего неба вырисовывались очертания города. Он опустил чашку растворимого кофе на крошечное белое блюдце.

— Ты мне нужен, — сказал я. — Прямо сейчас. Скорее!

Найда издала низкий рычащий звук, вскочила и двинулась ко мне, не сводя глаз с карты. Мэндор взял меня за руку и шагнул вперед.

Увидев перед собой высокого чернобородого человека, Найда застыла. Некоторое время они бесстрастно разглядывали друг друга, после чего Найда сделала в его сторону длинный скользящий шаг и подняла вверх руки. Мэндор резко опустил руку в карман, из которого тут же раздался резкий металлический щелчок.

Найда застыла.

— Любопытно, — произнес Мэндор, проводя рукой у ее лица. Глаза девушки никак не отреагировали на это движение. — Это о ней ты мне рассказывал раньше? Винта, кажется?

— Да. Только сейчас ее зовут Найда.

Он вытащил маленький темный металлический шарик, положил его на ладонь и протянул к ее лицу. Шарик медленно закружился против часовой стрелки. Найда издала невнятный звук — нечто среднее между зевком и криком, — после чего повалилась на четвереньки и уронила голову. Изо рта девушки потекла струйка слюны.

Мэндор быстро произнес что-то на древнем тари, и она утвердительно кивнула.

— Похоже, я разгадал твою тайну, — произнес наконец Мэндор. — Помнишь уроки по реакциям и Высшим принуждениям?

— В общих чертах. Меня никогда не увлекала эта тема.

— И зря, — произнес Мэндор. — Тебе следует пройти у Сухая дополнительный курс.

— Хочешь сказать...

— Перед тобой существо под названием ти'ига, вселившееся в привлекательное человеческое тело.

Я уставился на Найду. Ти'ига относились к расе бестелесных демонов, обитающих в черноте за Краем. Помнится, их описывали как очень сильных и плохо управляемых существ.

— Да... Ты можешь сделать так, чтобы она перестала капать слюной на мой ковер?

— Конечно, — улыбнулся Мэндор и выпустил шарик, который от пола не отскочил, но тут же принялся выписывать вокруг Найды круги.

— Встань, — приказал Мэндор, — и перестань пачкать пол выделениями своего тела.

Девушка повиновалась. Лицо ее не выражало никаких эмоций.

— Сядь вон туда, — он указал на кресло, с которого она совсем недавно поднялась.

Найда послушно опустилось в кресло, и шарик закружился вокруг него.

— Ти'ига не может покинуть тело, пока я его не изгоню. Кроме того, я могу в любой момент подвергнуть его мучениям. Другими словами, я могу добиться ответов на все вопросы. Скажи, что тебя интересует.

— Она может нас слышать?

— Да, но не может говорить без моего разрешения.

— Не вижу смысла причинять ей лишние страдания. Достаточно самой угрозы. Я хочу знать, почему она меня преследует.

— Отлично, — произнес Мэндор. — Тебе задали вопрос, ти'ига. Отвечай!

— Я хожу за ним, чтобы его защитить, — бесстрастным голосом произнесла Найда.

— Это я уже слышал. Я хочу знать почему.

— Почему? — повторил Мэндор.

— Я должна.

— Почему ты должна?

— Я... — Ее зубы впились в нижнюю губу, из которой тут же потекла кровь.

— Почему?

Лицо Найды вспыхнуло, на лбу высыпали капельки пота. Глаза ее наполнились слезами, но по-прежнему смотрели в пустоту. Тонкая струйка крови побежала по подбородку.

Мэндор вытянул руку и разжал кулак. На ладони лежал еще один металлический шарик. Он подержал его в десяти дюймах от ее бровей, потом убрал руку. Шарик остался в воздухе.

— Пусть отворятся двери страдания, — произнес он и легонько щелкнул пальцем.

Шарик немедленно закружился. Он описал плавный овал вокруг головы девушки, почти касаясь висков. Найда тихонько завыла.

— Молчать! — рявкнул Мэндор. — Терпеть молча!

По щекам ее заструились слезы, струйка крови продолжала бежать вниз по подбородку.

— Прекрати! — попросил я.

— Ладно. — Мэндор протянул руку и сдавил шарик между большим и средним пальцами левой руки. Когда он убрал руку, шарик неподвижно повис возле ее правого уха.

— Теперь отвечай на вопросы! Это лишь маленький пример того, что я могу с тобой сделать. Могу тебя уничтожить.

Найда открыла рот, но из ее губ вырвалось лишь хрипение.

— Мне кажется, мы делаем что-то не то, — произнес я. — Можно, чтобы она говорила нормально, а не отвечала на каждый вопрос?

— Ты слышала, что он сказал, — проворчал Мэндор. — Это и моя воля.

Найда, задыхаясь, произнесла:

— Мои руки... Пожалуйста, освободите их.

— Освободи, — попросил я.

— Они свободны, — сказал Мэндор.

Найда размяла пальцы.

— Платок, полотенце... — пробормотала она.

Я выдвинул ящик комода и протянул ей платок. В последний момент Мэндор выхватил его у меня из руки и швырнул платок Найде. Она поймала его.

— Не лезь в сферу моих шаров, — предупредил он меня.

— Я ничего ему не сделала бы, — произнесла Найда, вытирая глаза, щеки и подбородок. — Я уже говорила, я хотела только помочь.

— Мы ждем подробностей, — отчеканил Мэндор и потянулся к своему шарику.

— Погоди, — попросил я и добавил, обращаясь к Найде: — Можешь по крайней мере сказать, почему тебе нельзя говорить?

— Нет, — покачала она головой. — Речь идет об одном и том же.

Неожиданно вся ситуация показалась мне любопытной проблемой по программированию, и я решил подойти к ней с другой стороны.

— Ты должна защищать меня любой ценой? — спросил я. — Такова твоя главная задача?

— Да.

— Предположим, что защитить меня ты можешь единственным способом. А именно ты должна мне все рассказать.

Найда нахмурилась:

— Я... Я не... Единственным?

Она зажмурилась и закрыла лицо руками.

— Тогда... Тогда я все расскажу.

— Вот мы и тронулись с места, — произнес я. — Значит, ты нарушишь вторичный приказ, чтобы выполнить главный?

— Да, но ты привел нереальный пример.

— Я приведу реальный, — неожиданно вмешался Мэндор. — Ты не сможешь выполнить главный приказ, если перестанешь существовать. Другими словами, ты его нарушишь, если позволишь себя уничтожить. А я тебя уничтожу, если ты не ответишь на вопросы.

— Не выйдет, — прошептала она.

— Почему?

— Спросите у Мерлина, что начнется, когда дочь премьер-министра Бегмы найдут мертвой в его комнате? Я уже не говорю о том, что он и так виноват в исчезновении ее сестры.

Мэндор нахмурился и посмотрел на меня.

— Я в таких вещах не разбираюсь, — проворчал он.

— Ничего не начнется, — сказал я. — Если она погибнет, вернется настоящая Найда. Подобное уже случалось с Джорджем Хансеном, Мэг Девлин и Винтой Бейли.

— Как правило, так и бывает, — кивнула Найда, — за исключением одной детали. Все они были живы в тот момент, когда я вселялась в их тела. Но Найда умерла вследствие серьезной болезни. Именно ее тело я хотела заполучить, поэтому в него и влезла. Найды больше нет. Если я уйду, вы останетесь с трупом.

— Ты блефуешь, — заявил я, хотя и припомнил, как Виола говорила о болезни Найды.

— Нет, — покачала головой девушка. — Не блефую.

— Не важно, — сказал я и добавил, обращаясь к Мэндору: — Ты можешь воспрепятствовать тому, чтобы она покинула это тело и последовала за мной?

— Конечно.

— Вот так, Найда, — сказал я. — Я отправляюсь по своим делам, где подвергнусь огромной опасности. При этом я не позволю тебе следовать за мной и выполнять свой приказ.

— Нет! — воскликнула она.

— Ты не оставляешь мне другого выбора.

Она тяжело вздохнула:

— Ты нашел способ заставить меня нарушить один приказ ради того, чтобы я могла выполнить второй. Очень умно.

— Тогда говори то, что я хочу знать!

Найда покачала головой:

— Я физически не в состоянии это сделать. Но... кажется, придумала. Я могу доверить тайну третьему лицу, которое также обеспокоено твоей безопасностью.

— Ты говоришь...

— Если ты на минуту выйдешь из комнаты, я попытаюсь сказать твоему брату то, что не могу объяснить тебе.

Я взглянул на Мэндора и произнес:

— Мне надо на минуту выйти.

Так я и сделал. Много тревожных мыслей пришло мне в голову, пока я рассматривал висящий на стене гобелен. Не в последнюю очередь волновало меня и то, что я никогда не говорил ей, что Мэндор мой брат.

Спустя некоторое время дверь отворилась, Мэндор вышел и огляделся по сторонам. Едва я двинулся к нему, он предостерегающе поднял руку. Я замер, а он двинулся мне навстречу, продолжая тревожно оглядываться.

— Это замок Амбер? — поинтересовался он.

— Да. Не самое фешенебельное крыло, но здесь я живу.

— Я бы хотел повидать его при более спокойных обстоятельствах.

— Договорились, — кивнул я. — Ну расскажи, что там?

Мэндор принялся изучать рисунок гобелена.

— Не могу, — произнес он наконец. — Дело весьма щекотливое... Нет, не могу.

— Ты что? — опешил я.

— Ты же мне по-прежнему веришь? — спросил Мэндор.

— Конечно.

— Тогда поверь и сейчас. У меня есть причины не говорить тебе о том, что я узнал.

— Перестань, Мэндор! Что, черт возьми, происходит?

— Ти'ига действительно не представляет для тебя опасности. Она стремится тебе помочь.

— Ничего нового ты мне не сказал. Я хочу знать причины.

— Оставь это, — покачал головой Мэндор. — На время. Так будет лучше.

Я стиснул кулак и огляделся в поисках, по чему бы треснуть.

— Я понимаю твое состояние, — добавил он, — но я прошу тебя, не настаивай.

— То есть знание мне каким-либо образом повредит?

— Я этого не говорил.

— Или ты просто боишься мне сказать?

— Прекрати! — крикнул Мэндор.

Я отвернулся и постарался прийти в себя.

— Должно быть, у тебя действительно серьезные причины, — пробормотал я наконец.

— Да.

— Я не брошу искать ответ. Но и не собираюсь терять время, раз ты так упер-ся. Ладно, у тебя есть веские причины, а у меня — срочные дела в другом месте.

— Она говорила о Джарте, Маске и Твердыне, где Брэнд обрел свою силу, — сказал Мэндор.

— Именно туда я и направляюсь.

— Она хочет тебя сопровождать.

— Как ей угодно.

— Я бы тоже советовал ее не брать.

— Подержишь ее здесь, пока я не разберусь со всем этим?

— Нет, — сказал он, — потому что я иду с тобой. Но перед уходом я погружу ее в глубокий транс.

— Ты же не знаешь, что произошло со времени обеда, — возразил я. — Между тем случилось много разного, и у тебя не было времени все осмыслить.

— Не важно. Я понял, что речь идет о враждебном колдуне, Джарте и об очень опасном месте. Этого достаточно. Я пойду с тобой и помогу тебе.

— Вдвоем мы можем не справиться, — заметил я.

— Я все равно считаю, что ти'ига нам помешает, — сказал он.

— Да я уже не о ней, а о застывшей у двери даме.

— Как раз собирался тебя расспросить. Наказываешь своего врага?

— Да, мы враждовали. Это злобная и лживая стерва — еще и ядовитая в при-дачу. Кроме того, она — свергнутая королева. Но заморозил ее не я, а колдун, который сейчас меня преследует. Она — мать моего друга, поэтому я выручил ее и притащил сюда, в безопасное место. До сего момента у меня не было повода ее освобождать.

— Понял, ты хочешь использовать ее как союзника против общего врага?

— Именно так. Джасра хорошо знает место, куда я отправляюсь. Но она меня ненавидит, с ней тяжело общаться, и я не уверен, что ее сын предоставил мне достаточно боеприпасов, чтобы обеспечить ее лояльность.

— Считаешь, что она в силах помочь?

— Не сомневаюсь. Я бы хотел иметь ее в числе союзников. К тому же она опыт-ная колдунья.

— Если потребуются дополнительные аргументы, — сказал Мэндор, — по-пробуем угрозы и взятки. Я спроектировал и обставил несколько частных преис-подних чисто из эстетических соображений. Короткая экскурсия может произ-вести на нее неизгладимое впечатление. С другой стороны, всегда можно послать за чашей с бриллиантами.

— Не знаю, — пробормотал я. — Ее мотивы весьма запутанны. Позволь мне самому управиться с этим делом.

— Пожалуйста. Я только предлагаю.

— Очевидно, следующим шагом должно стать ее пробуждение. Потом мы рас-скажем ей о наших предложениях и попытаемся оценить ее реакцию.

— Нельзя привести сюда еще кого-нибудь из твоих родственников?

— Я не хочу говорить о своем отъезде. Можно запросто нарваться на офици-альный запрет вплоть до возвращения Рэндома. А я не вправе терять время.

— Я мог бы обеспечить кое-какую поддержку со стороны Дворов.

— Здесь? В Амбере? Тогда мне точно крышка. Если Рэндом об этом пронюха-ет, он решит, что мы стряпаем заговор.

Мэндор улыбнулся.

— Я здесь чувствую себя как дома, — сказал он и повернулся к двери.

Войдя в комнату, я увидел, что Найда по-прежнему сидит в кресле, положив руки на колени. В нескольких футах от ее головы повис металлический шарик. Второй так же медленно катался кругами по полу.

Проследив мой взгляд, Мэндор заметил:

— Очень легкий транс. Она нас слышит. Если хочешь, можно в любую минуту ее разбудить.

Я кивнул и отвернулся. Наступала очередь Джасры.

Я снял с нее вещи и разложил их на стоящем рядом стуле. Затем взял тряпку, таз и вытер с ее лица клоунский грим.

— Что я забыл? — пробормотал я, обращаясь главным образом к самому себе.

— Стакан воды и зеркало, — напомнил Мэндор.

— Для чего?

— Она наверняка захочет пить, да и в зеркало пожелает посмотреться.

— Тут ты прав, — пробормотал я, подтягивая поближе маленький столик. Сверху я поставил кувшин, кубок и положил ручное зеркальце.

— Я бы на твоем месте ее поддержал, как только заклинание перестанет действовать. А то рухнет на пол.

— Верно.

Я прикоснулся к плечу Джасры и сразу же вспомнил о ее смертельных укусах. Пришлось отойти на расстояние вытянутой руки.

— Если она меня цапнет, мне сразу конец, — сказал я. — Будь готов ко всяким неожиданностям.

Мэндор подбросил в воздух еще один металлический шарик. Он неправдоподобно долго провисел в самой верхней точке, после чего упал ему в руку.

— Ну вот, — пробормотал я и произнес снимающие заклинания слова.

Ничего драматического не произошло. Джасра действительно завалилась на бок, и мне пришлось ее подхватить.

— Ты в безопасности, — сказал я и добавил: — Ринальдо знает, что ты здесь. Вот кресло. Хочешь попить?

— Да, — произнесла она, и я дал ей воды.

Глаза ее шныряли по всем углам. Мне показалось, что Джасра сразу же пришла в себя и теперь тянула время, пытаясь разобраться в происходящем. Несколько раз взгляд ее задерживался на Мэндоре, потом она долго и оценивающе посмотрела на Найду.

Наконец колдунья поставила кубок и улыбнулась:

— Значит, я твоя пленница, Мерлин? — Голос ее сорвался, и она сделала еще один глоток.

— Гостья, — поправил я.

— Вот как? Что-то не помню никакого приглашения.

— Я доставил тебя сюда из Твердыни Четырех Миров в каталептическом состоянии.

— Интересно, куда это «сюда»?

— Мы в замке Амбер, в моих апартаментах.

— Значит, все-таки пленница....

— Гостья, — повторил я.

— В таком случае меня следует представить, не так ли?

— Извини. Мэндор, позволь представить тебе ее величество Джасру, королеву Кашфы. (Я умышленно пропустил слово «правящую».) Ваше величество, позвольте представить вам моего брата лорда Мэндора.

Королева склонила голову, Мэндор приблизился, опустился на одно колено и прикоснулся губами к ее руке. Ему всегда удавались такие жесты. Он даже не стал принюхиваться к пропахшей горьким миндалем коже.

Судя по тому, как она на него посмотрела, Джасре чрезвычайно понравились его манеры.

— Не знала, что при здешнем дворе есть человек по имени Мэндор, — заметила она.

— Мэндор является наследником герцогства Савалла во Дворах Хаоса, — пояснил я.

Глаза Джасры расширились.

— Так он, говоришь, твой брат?

— Именно так.

— Тебе удалось меня удивить, — призналась Джасра. — Я и забыла о твоих двойных связях.

Я улыбнулся, кивнул и отступил в сторону.

— А это...

— С Найдой я знакома, — остановила меня Джасра. — Чем девушка так... занята?

— Весьма запутанная история, — ответил я. — Уверен, что мы найдем множество более интересных тем.

Колдунья удивленно вскинула бровь:

— О! Это хрупкое, ускользающее понятие, которое мы называем словом «правда»!.. Когда она неожиданно всплывает на поверхность, наступает страх перед деталями. Что тебе от меня нужно?

Я сдержал улыбку.

— Детали следует уважать.

— Я отдаю должное тому, что, будучи в Амбере, я жива, не сижу в клетке, а нахожусь в обществе двух джентльменов, ведущих себя подобающим образом. Я также благодарна за то, что меня избавили от весьма неприятного положения, в котором, как свидетельствует моя память, я довольно долго пребывала. Должна ли я благодарить тебя за мое избавление?

— Да.

— И все же не могу поверить, что ты сделал это из человеколюбия.

— Я сделал это ради Ринальдо. Он пытался освободить тебя одним махом, но нарвался на неприятности. Тогда я придумал свою схему. Она и сработала.

При упоминании имени сына лицо Джасры напряглось. Мне показалось, что при ней не стоит звать его Люком. Матери приятнее слышать имя, которое дала ему она.

— С ним все в порядке?

— Да, — ответил я, надеясь, что так оно и есть.

— Почему тогда он не здесь?

— Он у Далта. Где именно, я не знаю. Однако...

В этот момент Найда издала тихий звук, и все взглянули в ее сторону. Но девушка даже не пошевелилась.

Мэндор вопросительно взглянул на меня, и я едва заметно покачал головой. Пробуждать ее было пока рано.

— Этот варвар оказывает на него дурное влияние, — заметила Джасра, поперхнулась и сделала еще один глоток. — Я так мечтала, чтобы Ринальдо приобрел побольше светских манер, вместо того чтобы мотаться в седле в обществе хамов!.. — произнесла она, одарив Мэндора беглой улыбкой. — В этом отношении он меня разочаровал. Между прочим, найдется что-нибудь покрепче воды?

— Конечно.

Я выдернул пробку и налил в ее кубок вина. Не выпуская из руки бутылку, взглянул на Мэндора, но он отрицательно покачал головой.

— Вместе с тем нужно признать, что, будучи второкурсником, он прекрасно выступил на соревнованиях по легкой атлетике против Калифорнийского университета, — добавил я, не давая ей возможности окончательно его принизить. — Этому он во многом обязан грубым сторонам своей жизни.

Джасра улыбнулась и приняла бокал.

— Да, тогда он побил мировой рекорд. До сих пор вижу, как он выходит на финальный круг.

— Ты там была?

— О, конечно! Я не пропускала ни одной вашей встречи. Даже помню, как ты бежал. Неплохо.

Она пригубила вино.

— Если угодно, я распоряжусь насчет обеда, — предложил я.

— Нет, я не голодна. Кажется, мы обсуждали тему истины...

— Совершенно верно. Полагаю, в Твердыне произошло столкновение между двумя чародеями, тобой и Маской...

— Маской? — переспросила Джасра.

— Колдуном в голубой маске, который всем теперь там заправляет.

— О да. Так и было.

— Я правильно рассказываю?

— Правильно. Наша встреча закончилась кое для кого серьезными травмами. Он застиг меня врасплох, и я не успела вовремя выставить защиту. Вот, пожалуй, и все. Больше такого не повторится.

— Не сомневаюсь. Но...

— Ты выманил меня оттуда? Или тебе пришлось по-настоящему сразиться с Маской за мое освобождение?

— Мы дрались, — сказал я.

— В каком состоянии ты его оставил?

— Я закопал его под кучей навоза.

— Изумительно! Обожаю людей с чувством юмора.

— Теперь мне надо туда вернуться, — добавил я.

— Зачем?

— Потому что Маска вступил в союз с моим врагом по имени Джарт, который жаждет моей смерти.

Джасра едва заметно пожала плечами:

— Если Маска тебе не противник, не понимаю, чего ты боишься?

— Прошу прощения, — кашлянул Мэндор. — Джарт — оборотень и колдун, подготовленный во Дворах Хаоса. К тому же он обладает властью над Тенями.

— Это серьезно, — произнесла она.

— Не настолько, как им обоим того бы хотелось, — сказал я. — Судя по всему, Маска намерен провести Джарта через ритуал, который прошел твой покойный муж, — через Фонтан энергии.

— Нет! — воскликнула Джасра, и остатки вина смешались со слюной Найды и старыми пятнами крови на тебризском ковре, приобретенном мной ради детально выписанной пасторальной сценки. — Подобное не должно повториться!

Настоящая буря пронеслась по ее лицу. В первый раз за все время она выдала свою уязвимость.

— Я потеряла его... из-за этого ритуала, — произнесла колдунья.

В следующую секунду к ней вернулась обычная твердость.

— Я не допила вино, — заметила она, садясь на место.

— Я дам другой бокал, — сказал я.

— Это что, зеркало? — спросила Джасра, глядя на стол.

XI

Джасра прихорашивалась, а я терпеливо ждал, поглядывая при этом в окошко на падающий снег и пытаясь украдкой дотянуться до Люка или Корэл. Ничего, однако, не получалось. Наконец она положила на стол одолженные у меня расческу и щетку. Я понял, что она привела в порядок не только волосы, но и мысли и готова к дальнейшему разговору. Я медленно повернулся и прошелся по комнате.

Некоторое время мы бесстрастно изучали друг друга, после чего Джасра произнесла:

— Кто-нибудь еще в Амбере знает, что ты разбудил меня?

— Нет.

— Хорошо. Значит, у меня есть шанс выбраться отсюда живой. Итак, ты хочешь, чтобы я помогла тебе справиться с Маской и Джартом?

— Да.

— Какой именно помощи ты от меня ждешь и чем готов за нее рассчитаться?

— Я хочу проникнуть в Твердыню Четырех Миров и нейтрализовать Джарта и Маску.

— Нейтрализовать? Так теперь называется убийство?

— Не исключаю и крайних мер, — произнес я.

— Амбер никогда не славился щепетильностью, — заметила Джасра. — На вас сильно повлияла американская журналистика... Значит, ты понял, что я знакома с Твердыней, и хочешь, чтобы я помогла тебе прикончить ее нынешних хозяев? Так?

Я кивнул:

— Ринальдо говорил мне, что, если мы опоздаем и Джарт успеет пройти ритуал до нашего прибытия, ты сумеешь с ним справиться при помощи той же силы.

— Он прочел больше, чем я предполагала, — проворчала Джасра. — Ладно, есть смысл быть с тобой откровенной, в конце концов от этого могут зависеть наши жизни. Так вот, подобная техника действительно существует. Но нам она пользы не принесет. Необходимо провести определенную подготовительную работу. Я не смогу взять и сделать это сразу.

Мэндор прочистил горло.

— Я бы не хотел, чтобы Джарта убили, если есть хоть какая-то возможность взять его в плен и доставить во Дворы. Надо попытаться привести его в чувство. Может, удастся нейтрализовать Джарта без того, чтобы в самом деле... нейтрализовать его — в том смысле, в каком выразилась ты.

— А если такой возможности нет?

— Тогда я помогу тебе его прикончить. Я не питаю на сей счет никаких иллюзий, но попробовать мы обязаны. Боюсь, что известие о его смерти выведет нашего отца из себя.

Я отвернулся. Тут он скорее всего прав. Несмотря на то, что смерть старого Савалла автоматически делала Мэндора наследником титула и предоставляла огромные возможности, я был уверен, что он не стремится заполучить желаемое такой ценой.

— Понимаю. Об этом я как-то не подумал.

— Так что дайте мне шанс *с ним поработать. Если у меня ничего не выйдет, я* помогу вам сделать все, что надо.

— Согласен, — кивнул я, наблюдая за реакцией Джасры.

Она следила за нашей беседой, удивленно подняв брови.

— Нашего отца? — переспросила колдунья.

— Да, — ответил я. — Я не хотел об этом говорить, но раз уж так вышло... Джарт — наш младший брат.

Глаза Джасры сверкнули. Похоже, она почувствовала нашу слабинку.

— Значит, это внутрисемейная борьба за власть?

— Думаю, можно сказать и так, — ответил я.

— Не совсем, — возразил Мэндор.

— Ваша семья занимает во Дворах важное положение?

Мэндор пожал плечами. Я сделал то же самое. Мне показалось, что Джасра пытается содрать с нас подороже, и я решил любой ценой этому воспрепятствовать.

— Вернемся к делу, — *сказал я. — Предлагаю отправиться в Твердыню и* принять вызов Маски. Если Джарт станет нам мешать, мы его скрутим и передадим Мэндору. Если он не подчинится, придется идти до конца. Ты с нами?

— Мы еще не говорили о цене, — сказала Джасра.

— Хорошо, — кивнул я. — Я обсуждал этот вопрос с Ринальдо, и он просил передать тебе, что он прекращает вендетту. *Ринальдо говорит, что со смертью Кей*на вопрос с Амбером улажен. Он попросил освободить тебя в том случае, если ты пойдешь с нами, и предложить в благодарность за помощь Твердыню Четырех Миров. Но это, как он выразился, предел. Что скажешь?

Джасра подняла кубок и сделала долгий глоток. Я не сомневался, что она постарается выкрутить из этого дела побольше.

— Ты говорил с Ринальдо недавно? — уточнила она.

— Да.

— Я не совсем поняла, почему он убежал с Далтом, вместо того чтобы быть здесь, с нами, если это все так согласуется с его планами.

— Ладно, расскажу, — вздохнул я. — Но если ты с нами, я бы хотел поскорее выбираться.

— Продолжай.

Я поведал о нашем вечернем приключении в Ардене, опустив лишь упоминание о том, что Виола взяла Люка под свою защиту. По мере моего повествования Найда все больше мрачнела, а под конец начала издавать жалобные, хныкающие звуки.

Когда я закончил, Джасра оперлась на руку Мэндора, поднялась, слегка толкнув его бедром, и подошла к Найде.

— Теперь объясните, почему вы держите здесь дочь видного государственного деятеля Бегмы?

— В нее вселился демон, которому нравится вмешиваться в мои дела.

— Вот как? Бывают же увлечения у демонов! — насмешливо заметила Джасра. — Мне кажется, что этот демон хочет сказать нечто, представляющее для меня интерес. Если вы позволите нам немного побеседовать, я обещаю подумать о вашем предложении.

— У нас мало времени, — напомнил я.

— В таком случае я отказываюсь. Заприте меня и отправляйтесь в Твердыню сами.

Я посмотрел на Мэндора.

— По-моему, вреда не будет, — пожал он плечами.

— Тогда пусть говорит, — сказал я.

— Можешь говорить, ти'ига, — разрешил Мэндор.

Как бы то ни было, первые слова Найды были обращены ко мне:

— Мерлин, ты должен разрешить мне сопровождать тебя.

Я подошел ближе, чтобы лучше видеть ее лицо.

— Ни за что!

— Но почему?

— Потому что твое стремление помочь выйдет мне боком, когда дойдет до серьезного дела.

— Но по-другому я не могу, — пробормотала она.

— Я тоже, — отрезал я. — Я не желаю тебе зла. Переговорим, когда все закончится. Сейчас ты должна побыть здесь.

Джасра хмыкнула:

— Это все? Или хочешь сказать что-нибудь и мне тоже?

Наступило долгое молчание, после чего Найда произнесла:

— А вы пойдете с ними?

Джасра ответила не сразу; было видно, что она взвешивает каждое слово.

— Это тайная операция, причем частного характера. Я не уверена, что она получит одобрение владык Амбера. Не спорю, в случае успеха я кое-что приобретаю, но вместе с тем я подвергаю себя огромному риску. Конечно, я хочу обрести свободу и власть над Твердыней. Условия почти справедливы. Но он требует также прекратить вендетту. Какие у меня гарантии, что его слова что-либо здесь значат? И что меня не станут преследовать как нарушителя спокойствия? Он не может говорить за других, когда сам не решается действовать в открытую.

Реплика Джасры походила скорее на обращенный ко мне вопрос, причем на такой, на который у меня не было ответа. Поэтому я был рад, когда ти'ига вдруг сказала:

— Полагаю, что смогу убедить вас в необходимости этого путешествия и в том, что вы должны оказывать этим людям всяческую поддержку.

— Начинайте, — проворчала Джасра.

— На эту тему я бы хотела переговорить с вами наедине.

— Не возражаю.

Обожающая интриги Джасра не смогла скрыть улыбку.

— Мэндор, заставь ее сказать это сейчас, — потребовал я.

— Подожди! — воскликнула Джасра. — Я переговорю с ней наедине, или вы можете забыть о моей помощи.

Я начал задумываться о том, насколько действительно полезной может оказаться Джасра, если она не сумела даже использовать Фонтан, чтобы избавиться от Джарта. Твердыню она, безусловно, знала, но какая из нее колдунья, я не имел понятия.

С другой стороны, мне не хотелось терять лишнего союзника.

— Послушай, Найда, — произнес я. — Планируешь ли ты сделать что-то во вред Амберу?

— Нет, — покачала головой она.

— Мэндор, чем клянутся ти'ига?

— Они никогда не клянутся, — ответил он.

— Черт! — выругался я. — Сколько тебе надо времени?

— Дай мне десять минут.

— Пойдем прогуляемся, — сказал я Мэндору.

— Конечно, — согласился он, бросая в сторону Найды еще один металлический шарик.

Шарик закружился вокруг нее на уровне талии.

Прежде чем выйти, я вытащил ключ из ящика стола. В коридоре я спросил Мэндора:

— Есть ли у Джасры способ ее освободить?

— После того как я выставил еще один уровень защиты — нет. Не многие сумеют его обойти, тем более за десять минут.

— Проклятая ти'ига что-то замыслила, — проворчал я. — Невольно задумаешься, кто здесь пленник.

— Она всего-навсего пытается склонить на нашу сторону Джасру. Найда хочет, чтобы Джасра нас сопровождала, поскольку это означало бы твою дополнительную защиту.

— Тогда почему нельзя было сказать этого при нас?

— Понятия не имею, — покачал головой Мэндор.

— Ладно, поскольку у меня выдались несколько пустых минут, я бы хотел провернуть одно дельце. Присмотри за ситуацией — на случай, если они закончат раньше, чем я вернусь, ладно?

— Если заглянет кто-нибудь из твоих родственников, следует ли мне представляться лордом Хаоса?

— По-моему, ты еще и мастер обмана.

— Естественно, — произнес Мэндор, хлопнул в ладоши и растворился в воздухе.

— Я быстро, — успел сказать я.

— Удачи! — донеслось из пустоты.

Я торопливо пересек зал. Мне предстояло паломничество, которого я не позволял себе уже давно. Накануне такого мероприятия оно показалось мне весьма уместным.

Дойдя до двери, я замер, прикрыл глаза и представил внутреннее убранство таким, каким я видел его в последний раз. Это были апартаменты моего отца. Мне часто приходилось здесь бывать, и каждый раз, глядя на мебель, обстановку, книжные полки и причудливые коллекции, я пытался узнать об этом человеке что-то новое. Всегда находилась какая-нибудь мелочь, которая привлекала мое внимание, ставила передо мной очередной вопрос или отвечала на предыдущий. Этим могла оказаться надпись на закладке или пометка на полях книги, серебряная расческа с неведомыми инициалами, дагерротип очаровательной брюнетки с надписью: «Дорогому Карлу от Каролины», моментальный снимок, на котором мой отец пожимает руку генералу Макартуру*...

Я отпер и толкнул дверь.

Несколько секунд я не двигался, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Потом некоторое время прислушивался, но изнутри не доносилось ни звука. Тогда я медленно переступил порог. У дальней стены на комоде горели несколько свечей. Никого не было видно.

— Эй! — позвал я. — Это я, Мерлин.

Ответа не последовало.

Я прикрыл за собой дверь и вошел внутрь. На комоде между свечей возвышалась цветочная ваза с единственной розой, показавшейся мне серебряной. Я приблизился. Цветок оказался настоящим, не искусственным. При этом роза действительно была серебряной. В какой Тени растут такие цветы?

Я поднял свечу в подсвечнике и, прикрывая пламя рукой, пошел вперед. Повернув налево, я попал в соседнюю комнату. Едва ступив на порог, я понял, что свеча мне не понадобится. В комнате уже горело несколько свечей.

— Эй! — снова позвал я.

Как и в предыдущий раз, ответа не последовало.

Я поставил подсвечник на ближайший столик и подошел к кровати. Приподняв полог, я тут же его опустил. На покрывале лежали серебряная рубашка и черные брюки — любимые цвета отца. Во время последнего моего визита их здесь не было.

Я присел на кровать и уставился в противоположный темный угол комнаты. Что происходило? Странный домашний ритуал? Привидения? Или...

— Корвин? — позвал я.

Ответа я не ожидал, так что не сильно и разочаровался. Зато поднимаясь, я треснулся головой о висящую на спинке кровати тяжеленную штуковину. Протянув руку, я нащупал пояс с мечом в ножнах. Прошлый раз его тоже тут не было.

Потянув за рукоятку, я обнажил клинок. В свете свечей на сером металле запрыгало отражение Огненного Пути. Я держал в руках Грейсвандир, отцовский меч. Как он снова здесь оказался, я не имел ни малейшего понятия.

С болью в сердце я осознал, что мне никогда этого и не узнать, поскольку пора было возвращаться к собственным проблемам. Время определенно работало против меня.

Я вложил Грейсвандир в ножны.

— Отец? Если ты меня слышишь... Я хочу, чтобы мы снова были вместе. Но сейчас мне надо идти. Удачи тебе во всем, чем бы ты ни был занят.

Затем я вышел из комнаты, дотронулся по пути до серебряной розы и запер за собой дверь. Только тогда я заметил, что весь дрожу.

На обратном пути мне никто не встретился. Подойдя к своим апартаментам, я подумал, следует ли мне подождать, постучаться или просто войти.

Кто-то притронулся к моему плечу, но, когда я обернулся, в коридоре никого не было. В следующее мгновение у двери появился нахмурившийся Мэндор.

— Что случилось? — спросил он. — Ты не был таким озабоченным, когда мы расстались.

— Происходит невероятное, — произнес я. — Что там у них?

— Как только ты ушел, я услышал крик Джасры, — сказал Мэндор. — Я распахнул дверь, но она рассмеялась и потребовала оставить их наедине.

— Или ти'ига умеет рассказывать смешные истории, или все идет действительно хорошо.

— Похоже.

Немного погодя дверь открылась, и Джасра пригласила нас в комнату. Выглядела она гораздо веселее, чем когда мы уходили. Возле глаз то и дело собирались смешливые морщинки, и мне показалось, что временами ей едва удается сдержать улыбку.

— Надеюсь, беседа была плодотворной, — произнес я.

— В целом да, — ответила Джасра.

Ни поза, ни выражение лица Найды не изменились.

— Теперь я должен узнать твое решение. Больше терять время я уже не могу.

— Что произойдет, если я откажусь? — поинтересовалась колдунья.

— Мне придется поместить тебя в особую комнату и сообщить всем, что ты вернулась.

— В качестве гостьи?

— В качестве очень хорошо охраняемой гостьи.

— Понятно. Ладно, я даже не стану смотреть эту комнату. Я решила поехать с вами и помочь вам на оговоренных условиях.

Я поклонился.

— Мерлин! — позвала Найда.

— Нет! — отрезал я и взглянул на Мэндора.

— Тебе лучше поспать, — промолвил он.

Глаза девушки тут же закрылись, плечи поникли.

— Где она сможет хорошенько отдохнуть?

— Вон там, — сказал я, указывая на дверь в спальню.

Мэндор взял Найду за руку и вывел из комнаты. Спустя некоторое время раздался его приглушенный голос, затем все стихло. Вскоре после этого Мэндор вернулся, а я подошел к двери и заглянул в спальню. Найда вытянулась на моей кровати. Металлических шаров видно не было.

— Она вышла из игры?

— И надолго, — бросил Мэндор.

Я посмотрел на прилипшую к зеркальцу Джасру.

— Ты готова?

Она взглянула на меня через опущенные ресницы:

— Как ты собираешься нас транспортировать?

— Есть ли у тебя особые способы проникновения?

— Сейчас нет.

— Тогда я вызову Призрачное Колесо.

— Ты уверен, что это не опасно? Мне доводилось общаться с этим... прибором. По-моему, не стоит ему доверять.

— Не беспокойся. Может, хочешь навести защитные чары?

— Нет необходимости.

— Мэндор?

Откуда-то из глубин его плаща донесся щелкающий звук.

— Готов, — произнес он.

Я вытащил карту Колеса и приступил к созерцанию и медитации. Потом потянулся.

Ничего не произошло. Я попытался еще раз. Я вызывал, настраивался, вытягивался. Снова и снова...

— Дверь, — произнесла Джасра.

Я бросил взгляд на ведущую в коридор дверь, но ничего необычного не заметил. Тогда я опять посмотрел на Джасру и увидел, что она смотрит в другую сторону.

Дверь в спальню, где отдыхала Найда, светилась чистым желтым светом. В центре обозначилось более яркое пятно. Неожиданно оно задрожало и начало двигаться сверху вниз.

Затем, непонятно откуда, раздалась музыка, и голос Призрака объявил:

— Следуй за шаром.

— Останови его! — потребовал я. — За ним не уследишь!

Музыка стихла.

— Извини, — пробурчал Призрак. — Думал, тебе понравится моя шутка.

— Ты ошибся, — ответил я. — Доставь нас в Твердыню Четырех Миров.

— Тебе нужны войска? Я нигде не могу найти Люка.

— Нет, перенеси только нас троих.

— А кто это спит в соседней комнате? Я видел ее раньше, но она до конца не просматривается.

— Знаю. Это не человек. Пусть спит.

— Понятно. Ладно, тогда проходите в дверь.

— Пошли, — сказал я остальным, застегнул пояс с оружием, повесил на него запасной кинжал и набросил на плечи плащ.

Мэндор и Джасра двинулись за мной. Я подошел к порогу, но комната уже исчезла. Вместо нее передо мной простиралась сумрачная долина, небо было затянуто тучами, холодный, злой ветер трепал полы моей одежды.

Я услышал, как изумленно воскликнул Мэндор, спустя мгновение донесся возглас Джасры. Справа от меня лежало белое, как кость, обледенелое поле, слева бушевали серые волны — белые гребни клубились будто змеи в молочном чане. Прямо передо мной, насколько хватал глаз, дымилась темная земля.

— Призрак! — крикнул я. — Ты где?

— Здесь, — негромко отозвался он.

Взглянув вниз, я увидел у левого сапога крошечный шарик света.

В отдалении чернела Твердыня. Никаких признаков жизни у стен. Я понял, что нахожусь в горах, неподалеку от того места, где состоялась моя беседа с отшельником по имени Дэйв.

— Я хотел, чтобы ты перенес нас внутрь Твердыни. Почему ты доставил нас сюда?

— Я тебе уже говорил, это место мне не нравится, — ответил Призрак. — Осмотрись и скажи точно, куда ты хочешь попасть. Тогда я переброшу тебя мгновенно и не подвергнусь длительному воздействию разрушительных сил.

Я продолжал изучать Твердыню Четырех Миров. У внешних стен кружились два смерча. Они вполне заменяли крепостной ров. Смерчи располагались под углом в сто восемьдесят градусов по отношению друг к другу и поочередно раскалялись. Ближайший набирал сияние от разрядов молний, пока не начинал светиться ослепительным, жутким светом. Затем он тускнел, и яркость начал набирать второй смерч. На моих глазах они несколько раз поменялись местами.

Джасра едва слышно кашлянула, и я взглянул на нее.

— Что происходит?

— Идет ритуал, — прошептала она. — Кто-то прямо сейчас играет с первородными силами.

— Сумеешь определить, как далеко они зашли?

— Нет. Могли только начать, а может, уже заканчивают. Судя по полярности огня, все делается правильно.

— Решай сама, Джасра, — сказал я. — Где именно нам следует появиться?

— К залу с Фонтаном ведут два длинных коридора. Один на нижнем уровне, второй — этажом выше. Сам зал занимает несколько этажей.

— Припоминаю...

— Если мы появимся прямо в зале в момент, когда они работают с силами Фонтана, эффект неожиданности окажется слишком краток. Враг успеет нанести удар, хотя не берусь утверждать, какой именно. Поэтому нам лучше подобраться по одному из коридоров, чтобы я смогла оценить ситуацию. Поскольку в нижнем коридоре они заметят нас почти наверняка, будет лучше, если мы попадем в верхний.

— Хорошо, — согласился я. — Призрак, сумеешь поместить нас в верхний коридор?

Шарик раздулся, подпрыгнул, поднялся в воздух и снова пропал.

— Вы уже... там, — произнес Призрак, и нас на мгновение окутало облако света. — Прощай.

Он оказался прав. На этот раз мы вышли прямо на цель. Мы находились в длинном, узком и темном коридоре с грубо обработанными каменными стенами. Дальний его конец терялся во тьме. В другом сиял свет.

Потолок был сработан из неотесанных бревен. Тяжелые перекрытия терялись за густой паутиной. В нишах тускло светились круглые магические фонари. Бледный голубоватый цвет указывал на то, что срок действия заклинания истекал. В некоторых местах фонари заменили факелами. Сверху доносилось непонятное шуршание, словно внутри потолка перетаскивали какую-то мелочь. Пахло сыростью и гнилью. Вместе с тем воздух был насыщен озоном и электричеством, как всегда бывает накануне серьезных событий.

Я перешел на Зрение Логруса, и все мгновенно прояснилось.

Повсюду тянулись силовые линии, напоминающие светящиеся желтые кабели. От них и исходил дополнительный свет. Каждый раз, когда я пересекал одну из трасс, в ушах начинало звенеть и покалывать. Джасра встала в точку пересечения нескольких линий и, как мне показалось, всасывала исходящую от них энергию.

Ее тело начало светиться, чего я скорее всего не заметил бы в обычном режиме зрения. Взглянув на Мэндора, я увидел, что перед ним тоже завис Знак Логруса. Это означало, что он, как и я, видит все происходящее.

Джасра медленно пошла по коридору в сторону света. Я пристроился сзади и слева. За мной шел Мэндор. Двигался он практически бесшумно, и мне время от времени приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что он с нами.

Вскоре я начал ощущать некое дрожание, похожее на быстрое биение пульса. Шло оно через пол или передавалось через силовые линии, я понять не мог.

Больше всего меня волновало, может ли работающий с Фонтаном человек почувствовать наше присутствие и определить местонахождение по нарушению энергетического поля в коридоре.

— Начался ритуал? — шепотом спросил я у Джасры.

— Да.

— Давно?

— Похоже, главная фаза завершилась. — Через несколько шагов она поинтересовалась: — У тебя есть план?

— Если все так, как ты говоришь, то мы нападаем немедленно. Постараемся сразу же взять Джарта, если он стал таким опасным и могущественным.

Колдунья облизнула губы.

— Думаю, Джартом следует заняться мне, поскольку я связана с Фонтаном. Так что ты мне не мешай. Лучше возьми на себя Маску. Мэндора есть смысл оставить в засаде — на случай, если кому-нибудь из нас понадобится помощь.

— Я не против. Мэндор, ты слышал?

— Слышал, — негромко ответил он. — Сделаю, как она сказала... А что произойдет, если я уничтожу сам Фонтан?

— Думаю, это невозможно, — произнесла колдунья.

Мэндор хмыкнул, и я понял, по какому опасному руслу потекли его мысли.

— Польсти мне. Представь, что я это сделал.

Помолчав, Джасра ответила:

— Если сумеешь заткнуть его хотя бы ненадолго, цитадель скорее всего рухнет. Я использовала Фонтан для поддержания здания в порядке. Строение очень старое, у меня никогда не доходили руки подправить все, что надо. Так или иначе, на его разрушение потребуется море энергии, которую разумнее использовать по-другому.

— Спасибо, — пробурчал он.

Джасра остановилась, протянула руку над одной из линий и замерла, словно считала пульс.

— Очень сильно, — пробормотала она спустя некоторое время. — Кто-то работает на глубинных уровнях.

Затем она снова двинулась вперед.

Временами свет в конце коридора тускнел, потом становился ярче. Соответственно тени то густели, то отступали. Послышался новый звук, напоминающий гудение высоковольтных проводов. Одновременно донесся громкий треск. Я ускорил шаг, поскольку Джасра уже бежала. В этот момент впереди нас раздался хохот. Выход из коридора потонул в ослепительной вспышке пламени.

— Проклятье, проклятье, проклятье, — забормотала Джасра и вскинула руку.

Отсюда было хорошо видно то место, где мы встречались с Маской в последний раз. Фракир стиснула мое запястье. Я остановился, а Джасра медленно пошла вперед, пока не приблизилась к перилам. Вправо и влево спускались лестницы, заканчивающиеся в огромном зале.

Неожиданно Джасра прыгнула вправо и покатилась по полу. Похожий на комету огненный шар врезался в то место, где она только что стояла, и вырвал кусок железных перил. Я кинулся к Джасре и попытался поднять колдунью за плечи.

Тело ее напряглось, она едва заметно качнула головой влево. Поворачиваясь в ту сторону, я уже знал, что увижу.

Рядом с нами, совершенно голый, если не считать повязки на глазу, стоял Джарт, улыбаясь и сияя от переполнявшей его пульсирующей энергии.

— Рад, что ты заскочил, *брат. Жаль только что не сможешь остаться.*

Он протянул руку, и с пальцев его посыпались искры. Мне показалось, что о рукопожатии речь идти не может.

— У тебя шнурок развязался, — произнес я, ибо ничего другого в голову не пришло.

Конечно, Джарта это не остановило, но на пару секунд он растерялся.

XII

Джарт никогда не играл в американский футбол. Он не ожидал, что я кинусь на него, а тем более окажусь так близко от пола. И я это знал.

Хватая родственничка за ноги чуть выше коленей и опрокидывая его в образовавшуюся в перилах дыру, я был уверен, что Джарт испытывает сейчас удивление. Выглядел он и впрямь растерянно. Джарт рухнул в пролом спиной вниз, в то время как с пальцев его продолжали сыпаться искры.

Когда он пролетел половину расстояния, Джасра захихикала. Перед самым полом Джарт растворился.

Краем глаза я заметил, что Джасра поднялась на ноги.

— Теперь им займусь я, — проворчала она. — Не волнуйся. Он неуклюжий. Возьми на себя Маску! — добавила Джасра, увидев, что Джарт появился на лестнице справа от нее.

Маска стоял на противоположной стороне выложенного черным камнем бассейна и разглядывал меня через гейзер оранжево-красного пламени. Ниже, у самого основания, пламя приобретало желто-белый отсвет. Зачерпнув пригоршню огня, колдун слепил сияющий синий шар и швырнул его в меня.

Я отбил шар при помощи простейшей защиты. Он не пользовался Искусством — так, работал с элементарными энергиями. Тем не менее меня прилично тряхнуло. Джасра исполнила целую серию ложных движений, подобралась к Джарту и снова спихнула его с лестницы.

Не Искусство... Очевидно, любой, кому выпадала роскошь пожить рядом с таким мощным источником энергии, со временем терял форму и ограничивался в работе примитивной техникой и базовыми заклинаниями, наполняя их, однако, океаном энергии. Получалось, что даже самый неподготовленный и ленивый человек получал выход на первородные силы и становился своего рода шаманом. Между тем высшая магия требовала сбалансированных уравнений, чистоты и максимального результата при минимальных затратах энергии.

Джасра это знала; наверняка она проходила подготовку в других местах. И это хорошо, решил я, отбивая еще один огненный шар.

Не сводя глаз с Маски, я принялся боком спускаться по лестнице, готовясь в любую секунду нанести удар или отразить нападение.

Перила под моей рукой засветились, а потом вспыхнули ярким пламенем. Я сбился с темпа, но продолжал спускаться. На такое не стоит даже тратить заклинания. Сплошная показуха...

Очевидно, меня ждет сюрприз, подумал я, увидев, что Маска не собирается больше кидаться.

А может, проверка? Очевидно, мой противник хотел узнать, научился ли я черпать энергию из Фонтана или стану биться с ним при помощи ограниченного набора заклинаний. Ну и хорошо. Пусть помучается. Несколько заклинаний против безбрежного океана энергии.

Совершенно неожиданно слева и вверху от меня на подоконнике появился Джарт. Он не успел даже нахмуриться, как на него обрушилась вспыхнувшая гардина. Спустя мгновение и Джарт и гардина исчезли, я услышал хохот Джасры и проклятия Джарта, за которыми последовал шум падения на другой стороне зала.

Едва я опустил ногу на очередную ступеньку, как она пропала. Подозревая иллюзию, я продолжал вытягивать ногу, пока не дотянулся до следующей ступеньки, которая тоже исчезла. Маска засмеялся, и я прыгнул вниз, чтобы уйти с линии атаки.

Едва я оказался в воздухе, лестница восстановилась, и ступеньки замелькали у меня перед глазами.

Я не сомневался, что Маска пытается выяснить, не связан ли я со здешним источником энергии. Если да, я выдал бы это чисто рефлекторно. А если нет, подобный трюк мог вынудить меня потратить спасительное заклинание.

Я попытался оценить дистанцию до невидимого пола. Если ступеньки не исчезнут, я постараюсь схватиться за следующую, немного повишу, а потом спрыгну. Это будет совершенно безопасно. Но если я промахнусь или ступенька исчезнет... Все равно ничего страшного. Почему-то я был в этом уверен.

Я ухватился за ступеньку, сорвался и полетел дальше, повторяя слова заклинания, которое я называю «Падающая стена».

Фонтан дрогнул. Потоки огня затихли, потом забурлили вновь, вода выплеснулась из бассейна, и в следующую секунду Маска свалился на пол.

Он беспомощно вытягивал руки, словно желая защититься от каскада падающего сверху вихревого сияния. Между ладонями у него возникла яркая дуга, напоминающая полукруглый купол. Он вытянул щит перед собой, пытаясь спастись от раздавливающей мощи моего заклинания. Я стремительно кинулся к нему.

В это мгновение на кромке бассейна непосредственно над Маской появился Джарт. Он смерил меня испепеляющим взглядом. Прежде чем я успел вытащить меч или произнести очередное заклинание, Фонтан ударил вверх, мощная волна сбила Джарта с ног и унесла к подножию другой лестницы, по которой медленно спускалась Джасра.

— Умение перемещаться само по себе ничего не значит, — проворчала она, — если ты везде ведешь себя как дурак.

Джарт зарычал и вскочил на ноги.

— И ты, брат? — произнес он, глядя поверх Джасры.

— Я здесь, чтобы спасти тебя, если это еще возможно, — ответил Мэндор. — Предлагаю тебе вернуться со мной и...

В ответ Джарт издал нечленораздельное блеяние, после чего дико выкрикнул:

— Я не нуждаюсь в твоем покровительстве! Ты совсем сдурел, если доверился Мерлину. Ты стоишь на *его пути к власти!*

Целая серия *похожих на дым сияющих колец вылетела из рук Джасры и опустилась* на тело *Джарта. Он тут же исчез, и спустя мгновение его крики донеслись* с другого места.

Я продолжал наступать на Маску, которому удалось защититься от «Падающей стены». Он вскочил, но я произнес заклинание «Ледяной тропы», и ноги его беспомощно разъехались в стороны. Да, я собирался биться с его океаном энергии при помощи него набора заклинаний. Это я называю уверенностью в себе. Маска обладает силой. Зато у меня есть план и есть возможности для его осуществления.

Из мощеного пола вылез булыжник и с треском разорвался на мелкие части. Свистящая картечь полетела в мою сторону. Я выкрикнул слово «сеть» и взмахнул рукой. Осколки сбились в плотную кучу и обрушились на так и не сумевшего подняться на ноги Маску.

— Мне до сих пор не понятно, из-за чего мы деремся, — произнес я. — Это ведь ты все затеял. Я еще могу...

На мгновение Маска замер, потом погрузил левую руку в сияющую лужу света, а правую вытянул в мою сторону. Лужа тут же исчезла, а из правой ладони Маски, как из шланга, забил огненный душ.

К этому я был готов. Если в Фонтане был огонь, значит, оболочку сделали из несгораемого материала.

Я спрятался с другой стороны темного основания Фонтана, используя его словно щит.

— Слушай, — крикнул я, — если мы будем бить изо всей силы, один из нас погибнет. В этом случае кто бы ни проиграл, я не смогу выяснить, из-за чего ты на меня ополчился. Что я тебе сделал?

В ответ с противоположной стороны Фонтана раздался смех, а пол задрожал под моими ногами.

Откуда-то справа, со стороны уцелевшей лестницы, донесся голос Джарта:

— Везде, значит, веду себя как дурак? И здесь тоже?

Я посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как он схватил Джасру и навалился на нее всем телом.

Спустя мгновение Джасра опустила голову и прикоснулась губами к его предплечью. Джарт дико завизжал, и она швырнула его вниз.

Я ползком пробрался на правую оконечность Фонтана, стараясь не касаться зазубренных краев разломанного пола, которые так и норовили поранить меня, дергаясь по указанию Маски.

— Джарт из игры выбыл, — заметил я. — Так что ты остаешься один против нас троих. Соглашайся на мир, и я позабочусь, чтобы тебе сохранили жизнь.

— Троих, говоришь? — раздался бесцветный, хриплый голос. — Без помощи, значит, уже не можешь?

— Для меня это не игра, — произнес я. — Может быть, для тебя игра, а для меня — нет. И я не собираюсь следовать твоим правилам. Соглашайся на мир, или я тебя прикончу — с помощью или без помощи, как получится.

Над головой моей мелькнуло что-то темное. Я отскочил в сторону, и Джарт, парализованный ядовитым укусом Джасры, свалился с лестницы прямо в Фонтан.

— У тебя свои друзья, лорд Хаоса, а у меня свои, — произнес Маска, в то время как Джарт жалобно стонал и наливался светом.

Неожиданно пол затрясся, и Маска взвился в воздух. Фонтан затих, из образовавшегося в полу нового отверстия вырвался столб пламени, на вершине которого Маска вознесся к потолку.

— И враги, — заметила Джасра, подходя ближе.

Маска распростер руки и ноги и поплыл в воздухе, стремительно обретая контроль за направлением полета. Я вскочил и отошел от Фонтана подальше. В эпицентре геологических катаклизмов трудно нащупать правильную линию поведения.

Из заглохшего фонтана донеслось непонятное шуршание и треск, к которому присоединился тонкий вой. Между колонн пронесся легкий ветерок. Огненная башня, на вершине которой застыл Маска, продолжала медленно кружиться, ослабевшие струи Фонтана изогнулись.

Джарт пошевелился, застонал и поднял правую руку.

— И враги, — согласился Маска и исполнил серию движений, которые я сразу же узнал, так как потратил на их изучение немало времени.

— Джасра! — крикнул я. — Будь осторожна, здесь Шару!

Джасра сделала три стремительных шага влево и улыбнулась. Вырвавшаяся из-под потолочных перекрытий молния ударила в то место, где она только что стояла. Все вокруг потемнело.

— Он всегда начинает с молнии, — проворчала Джасра. — Предсказать его действия нетрудно.

Она резко развернулась и исчезла, послышался звук разбившегося стекла.

Я тут же посмотрел туда, где стоял старик, на правой ноге которого была выцарапана надпись «РИНАЛЬДО». Теперь колдун прижался к стене, при-

крыл одной рукой лоб, а второй выписывал простое и мощное охранное заклинание.

Я хотел крикнуть Мэндору, чтобы он вывел старикана из зала, но Маска обрушил на меня заклинание Клаксона, от которого я на время оглох и кровеносные сосуды в моем носу лопнули.

Я сгруппировался и покатился по полу, чтобы поднимающийся Джарт оказался между мной и зависшим в воздухе колдуном. Джарт блевал, стараясь оправиться после укуса Джасры. Пришлось двинуть его кулаком в живот.

Ошибка. От прикосновения к его телу меня всего передернуло, удар оказался сродни мощному электрошоку. Джарт сумел даже рассмеяться, когда я рухнул на пол.

— Теперь он твой, — раздался его хриплый голос.

Краем глаза я видел, что Джасра и Шару Гаррул вцепились в края огромного макраме, сплетенного из кабелей. Провода пульсировали и меняли цвет; я знал, что представляют они собой скорее энергию, а не предметы материального мира, и видеть их можно только при помощи Зрения Логруса, которым я продолжал пользоваться.

Пульсация стала чаще, противники опустились на колени, лица их заблестели от пота. Чтобы нарушить равновесие, мне достаточно было произнести единственное слово или сделать нужный жест. К несчастью, я не мог разобраться со своими проблемами. Маска наступал на меня, как огромное насекомое — бесстрастное, мерцающее, смертоносное. Передняя стенка Фонтана разрушилась, черные трещинки молниями побежали по поверхности, изнутри доносился скрежет. Я видел, как за спиральными огнями опускаются на пол тучи пыли, слышал рычащие и ноющие звуки, заглушаемые лишь звоном в ушах, ощущал мощную вибрацию пола под онемевшими ногами. Но это меня не волновало. Я поднял левую руку, а правая скользнула в карман плаща.

Огненное лезвие возникло в правой руке Маски. Я не пошевелился и выждал лишнюю секунду, прежде чем произнести ключевые слова к моему заклинанию под названием «Фантазия для шести ацетиленовых горелок». В лицо мне полетел огненный клинок, пришлось выдернуть руку, прикрыть глаза и откатиться в сторону.

Лезвие ударило рядом, вырвав кусок каменной стены. Маска тут же ткнул меня локтем в бок, едва не сломав нижние ребра. Я не стал терять время на оценку повреждений, поскольку он с лязгом выдернул огненный меч из каменной стены. Развернувшись, я воспользовался стандартным мирским оружием и всадил стальной кинжал по самую рукоятку в левую почку Маски.

Колдун издал дикий вопль, оцепенел и рухнул на пол. В то же мгновение кто-то нанес страшный удар по моему правому бедру. Я метнулся в сторону, и следующий удар пришелся в плечо. Не сомневаюсь, что целились в голову. Прикрыв руками виски и шею, я откатился в сторону и услышал, как Джарт выругался.

Обнажив клинок, я поднялся на ноги и посмотрел ему в глаза. Он тоже поднялся с пола, держа на руках Маску.

— Позже, — произнес Джарт и исчез, унося с собой тело.

Голубая маска осталась лежать на полу рядом с лужей крови.

Джасра и Шару по-прежнему стояли на коленях, испепеляя друг друга взглядами, тела их взмокли, а жизненные силы переплелись, как спаривающиеся змеи.

Джарт появился у Фонтана внезапно, словно выскочившая на поверхность рыба.

Мэндор метнул два шара. Они перелетели через весь зал, невероятно выросли в размерах и врезались в Фонтан, разрушив его до основания. Я увидел то, чего никогда не надеялся увидеть.

Грохот от развалившегося Фонтана прокатился по всему залу, гудение и скрип в стенах сменились треском, все вокруг закачалось, посыпались бревна и перекрытия. Я двинулся вперед, прикрывая лицо плащом и выставив перед собой клинок. Я огибал обломки и возникающие повсюду гейзеры сияющей энергии.

Джарт обрушил на меня поток брани.

— Доволен? — кричал он. — Теперь ты доволен? Только смерть может нас примирить!

Я не обращал внимания на его выкрики, ибо хотел получше рассмотреть то, что, как мне показалось, увидел мгновение назад. Перепрыгнув через рухнувшую каменную колонну, я разглядел среди языков пламени лицо поверженного колдуна и покоящуюся на его плече голову.

— Джулия! — крикнул я.

Но они уже исчезли. Я понял, что настал и мой черед удалиться. И прыгнул в огонь.

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ

ДЖОНУ ДУГЛАСУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 2004

I

Ее звали Джулия, и, когда тридцатого апреля загорелся весь этот сыр-бор, я ничуть не сомневался, что она мертва. Собственно, с этого все и пошло: я наткнулся на растерзанный труп и уничтожил собакоподобное чудище, которое посчитал убийцей. У нас с Джулией был роман, и, строго говоря, началось именно с этого. Задолго до всего остального.

Возможно, мне следовало *больше ей доверять. Или уж не затевать прогулки* по Теням; тогда не случилось бы размолвки, а значит, и разрыва, *толкнувшего* Джулию на путь колдовства и в студию *Виктора Мелмана, чернокнижника, ко*торого мне позже пришлось убить. Того самого Виктора Мелмана, который, в свою очередь, оказался пешкой Люка и Джасры. Впрочем, я, видимо, зря себя казнил, потому что обнаружилось: ничего такого я не совершал. То есть почти не совершал.

Короче, выяснилось, что не я виновник тогдашних своих поступков. Вонзив нож в бок загадочному колдуну Маске, который некоторое время меня преследовал, я узнал, что за маской таилась Джулия. Мой сводный брат Джарт, дольше и настойчивее других пытавшийся меня убить, обернулся чем-то вроде живой карты, подхватил Джулию, и оба исчезли.

Я бежал из горящей, рушащейся Твердыни Четырех Миров, когда упавшая балка заставила меня отскочить вправо. Я оказался в западне из осыпавшейся каменной кладки и пылающих стропил. Мимо пронесся темный металлический шар — казалось, он увеличивается на лету. Шар ударил в стену, прошиб ее, оставив дыру, в которую как раз мог проскочить человек, — что я и сделал, не дожидаясь повторного приглашения. Очутившись по другую сторону, я силой Логруса опрокинул секцию стены и десятка два солдат, перепрыгнул ров и лишь затем, обернувшись, крикнул:

— Мэндор!

— Я здесь! — раздался из-за моего левого плеча его мягкий голос.

Я повернулся и увидел, как металлический шар, отскочив от земли, прыгнул в протянутую руку Мэндора.

Тот отряхнул с черного камзола пепел, провел рукой по волосам, потом с улыбкой взглянул на горящую башню.

— Обещание перед королевой ты сдержал, — заметил он, — и ловить тебе здесь, по-моему, больше нечего. Идем?

— Джасра по-прежнему там, — ответил я. — Выясняет отношения с Шару.

— Я думал, у тебя с ней все.

Я покачал головой:

— Мне еще многое надо выспросить.

Над Твердыней взвился огненный столп, замер на мгновение и принялся громоздиться выше.

— Об этом я не подумал, — произнес Мэндор. — Ей, похоже, крепко втемяшилось овладеть Фонтаном. Если выдернуть ее отсюда, Фонтан останется за Шару. Тебя это не волнует?

— А если не выдернуть, Шару может ее убить.

Мэндор пожал плечами:

— Сдается мне, что одолеет она. Хочешь пари?

— Может, ты и прав, — сказал я, глядя на пламя, которое, еще помедлив, вновь устремилось ввысь. — Похоже на нефтяной фонтан; надеюсь, победитель сумеет его заткнуть. Если будет победитель. При том, как все тут разваливается на куски, они оба долго не протянут.

Мэндор хохотнул:

— Ты недооцениваешь защиту, которой они себя окружили. И вообще, сам знаешь, как трудно одному чародею убить другого чисто чародейскими средствами. Однако в том, что касается инерции материального, ты прав. С твоего позволения?..

Я кивнул.

Мэндор быстрым взмахом руки бросил металлический шар через ров, к пылающему зданию. Шар запрыгал, словно вырастая в размерах при каждом ударе. Всякий раз, касаясь земли, он издавал мелодичный звон, явно несоразмерный кажущимся весу и скорости, причем с каждым скачком звон делался громче. Шар влетел в озаренные огнем, колеблемые руины ближнего края Твердыни и на несколько мгновений скрылся из виду.

Я уже собирался спросить Мэндора, что происходит, когда огромная круглая тень промелькнула в дыре, через которую я спасся. Пламя — кроме огненного столпа из разбитого Фонтана — стало опадать, в крепости что-то глухо зарокотало. Спустя мгновение совсем уже исполинская тень мелькнула вновь, рокот усилился, почва под нашими ногами задрожала.

Мэндор протянул руку. Через минуту металлический шарик скачками направился в нашу сторону. Мэндор поймал его в ладонь.

— Идем, — сказал он. — Жалко будет пропустить самое интересное.

Мы вошли через пролом, благо их было много. В одном месте стена, рухнув, засыпала ров, перейти его не составило труда. Я потратил одно заграждающее заклинание, чтобы спровадить подальше перестроившееся было войско.

За обломками стены стояла Джасра — спина обращена к огненному столпу, руки воздеты. Струи пота разлиновали черное от сажи лицо, в теле пульсировала чародейская мощь. Футах в десяти выше висел Шару — лицо его побагровело, шея была свернута набок. Профан подумал бы, что Шару чудесным способом покоится на воздухе, но мое логрусийское зрение различало силовую линию, с

которой свисал колдун, подвергнутый, если можно так выразиться, магическому суду Линча*.

— Браво, — похвалил Мэндор, мягко и неспешно сводя ладони. — Видишь, Мерлин? Пари за мной.

— Ты всегда лучше моего оценивал способности, — признал я.

— ...и клянешься служить мне, — донесся до нас голос Джасры.

Шару шевельнул губами.

— И клянусь служить тебе, — выговорил он.

Она плавно повела руками вниз; силовая линия, державшая чародея, начала удлиняться. Шару повис над растресканным полом башни. Джасра повелительно взмахнула левой рукой — такой жест я как-то видел у дирижера. Из Фонтана вырвался сгусток пламени, пал на чародея и, стекая с него, ушел в землю. Эффектно, хотя я и не совсем понял зачем.

Шару медленно снижался, словно кто-то в небесах спускал наживку крокодилам. Когда ноги его коснулись земли, я сочувственно затаил дыхание: сейчас натяжение удавки ослабнет. Но не тут-то было. Пол, словно голограмма, пропустил ноги Шару. Чародей ушел в землю по щиколотку, потом по колено и продолжал погружаться. Я уже не мог бы сказать, дышит ли он. Джасра напевно изрекала череду приказов, и всякий раз от Фонтана отрывалось пламя и заливало Шару. Тот ушел по грудь, потом по плечи. Когда на поверхности осталась одна голова, глаза приоткрылись, однако по-прежнему смотрели бессмысленно.

Джасра вновь взмахнула рукой, *движение прекратилось.*

— Отныне ты — страж Фонтана, — объявила она, — и покорствуешь мне одной. Признаешь ли ты это?

Потемневшие губы мучительно шевельнулись:

— Да.

— Иди же и запруди огонь, — приказала Джасра. — Приступай к своему служению.

Голова как бы кивнула и тут же начала погружаться дальше. Через *мгновение* на поверхности остался лишь пушистый хохолок, однако вскоре исчез и он. Силовая линия растворилась в воздухе.

Я прочистил горло. Джасра опустила руки и со слабой улыбкой обернулась к нам.

— Он жив или мертв? — поинтересовался я и добавил: — Просто любопытно.

— Точно не знаю, — отвечала Джасра. — Думаю, того и другого помаленьку. Как мы все.

— Страж Фонтана... — произнес я. — Увлекательная работа.

— Лучше, чем служить вешалкой, — заметила она.

— Тоже верно.

— Ты, видно, думаешь, что я у тебя в долгу?

Я пожал плечами.

— Если честно, мне и без этого есть о чем подумать, — сказал я.

— Ты хотел покончить с распрей, — продолжала она, — а я — вернуть себе Твердыню. Я по-прежнему не питаю добрых чувств к Амберу, но готова признать, что мы квиты.

— За мной не заржавеет, — отвечал я. — И есть человек, который небезразличен нам обоим.

Джасра с минуту глядела на меня сузившимися глазами, потом улыбнулась:

— Насчет Люка не тревожься.

— Я не могу не тревожиться. Этот мерзавец Далт...

Она по-прежнему улыбалась.

— Тебе известно больше моего? — спросил я.

— И намного.

— Может, расскажешь?

— Знание продается и покупается, — заметила она.

Земля под ногами легонько задрожала, огненный столп всколыхнулся.

— Я предлагаю помочь твоему сыну, а ты предлагаешь продать мне сведения, как к этому подступиться? — полюбопытствовал я.

Джасра рассмеялась.

— Если б я считала, что Ринальдо нуждается в помощи, — сказала она, — то была бы сейчас рядом с ним. Видимо, чтоб ненавидеть меня, тебе надо верить, будто я лишена даже и материнских чувств.

— Эй, мы, кажется, условились, что мы квиты!

— Что не мешает взаимной ненависти, — ответила мне Джасра.

— Послушай, может, хватит? У меня нет никаких претензий, кроме того, что ты год за годом пыталась меня убить. Так случилось, что ты — мать близкого мне человека. Он в беде, я хочу ему помочь и предпочел бы с тобой не ссориться.

Пламя упало футов на десять, вздрогнуло, упало еще.

Мэндор кашлянул.

— У меня есть отличные поваренные заклинания, — сказал он, — на случай если кто-то проголодался от недавних трудов.

Джасра улыбнулась почти кокетливо и, могу поклясться, стрельнула в Мэндора глазами. Разумеется, такая копна белокурых волос впечатляет, но я бы не назвал его красавцем. Никогда не понимал, что женщины находят в Мэндоре. Даже проверял его на предмет соответствующих чар... Ничего не обнаружил. Видимо, тут какое-то особое колдовство.

— Замечательная мысль, — сказала Джасра. — Если возьмешь остальное на себя, я позабочусь об интерьере.

Мэндор поклонился; пламя опало совсем и ушло в землю. Джасра крикнула Незримому стражу Шару, чтоб так и оставалось, и повела нас к лестнице вниз.

— Подземный ход, — пояснила она, — в более цивилизованные края.

— Мне подумалось, — заметил я, — что все, кого мы здесь встретим, верны Джулии.

Джасра рассмеялась:

— Как были верны мне, а до того — Шару. Они — честные служаки и привязаны к месту. Им платят, чтоб они защищали победителей, а не мстили за побежденных. После обеда я официально вступлю во владение, и мне будут служить верой и правдой до прихода следующего узурпатора. Осторожней на третьей ступеньке. Камень шатается.

Она повела нас дальше, в туннель. По моим прикидкам, мы двигались на северо-запад — в направлении цитадели, которую я обследовал прошлый раз. Тогда-то я и спас Джасру от Маски-Джулии и перенес в Амбер, где ей какое-то время пришлось служить вешалкой во дворце.

В туннеле стояла кромешная тьма, но Джасра наколдовала светящуюся точку, и та ярким блуждающим огоньком поплыла перед нами в сыроватый мрак. Пахло затхлостью, по стенам висела паутина. Пол был земляной, только посередине туннеля лежали отдельные каменные плиты, по ним мы и ступали. Там и сям попадались лужи стоячей грязной воды. В воздухе и по земле шныряли темные зверьки.

Я-то в огне не нуждался. Мои спутники, наверное, тоже. Знак Логруса излучал рассеянный серебристый свет, так что я чудесным образом видел в темноте, а заодно мог вовремя распознать колдовскую ловушку. Кстати, и Джасре особенно доверять не приходилось. Колдовским зрением я видел такой Знак и перед Мэндором, который, насколько мне известно, тоже не страдает легковерием. Что-то туманно напоминающее Огненный Путь висело перед Джасрой, замыкая круг настороженности. А впереди порхал огонек.

Мы обошли составленные друг на друга бочки и оказались во вместительном винном погребе. Через шесть шагов Мэндор остановился и бережно взял с левой полки пыльную бутыль. Провел *краем плаща по наклейке.*

— Ух ты! — *воскликнул он.*

— Что такое? — осведомилась Джасра.

— Если оно не испортилось, я смогу устроить под него незабываемую трапезу.

— Вот как? Тогда лучше для верности захватить еще несколько. Они стояли тут еще до меня — возможно, даже до Шару.

— Вот, Мерлин, держи, — сказал Мэндор, вручая мне две бутылки. — И побережней.

Он внимательно обследовал полку и выбрал еще пару бутылок, которые понес сам.

— Теперь я понимаю, отчего эта крепость вечно в осаде, — заметил он Джасре. — Жалко, я не знал про погребок, а то, может, и сам решил бы попытать счастья.

Та ущипнула его за плечо.

— Есть более простые способы добиться желаемого...

— Запомним, — откликнулся Мэндор.

— Надеюсь, ты поймаешь меня на слове.

Я кашлянул.

Джасра нахмурилась и отвернулась.

Мы следом за ней вошли в низкую арку и поднялись по скрипучей деревянной лестнице в просторную кладовую. За кладовой оказалась громадная, безлюдная кухня.

— Вечно слуги куда-то запропастятся в самый нужный момент, — заметила Джасра, окидывая взглядом помещение.

— Без них обойдемся, — сказал Мэндор. — Покажи мне место, где будем обедать, а я уж управлюсь.

— Отлично! — воскликнула она. — Тогда сюда.

За кухней начиналась анфилада комнат, а за ней — лестница. Мы поднялись на пролет.

— Ледники? — спросила Джасра. — Лавовые потоки? Горы? Или бурная морская пучина?

— Если речь идет о выборе антуража, — сказал Мэндор, — я бы предпочел горы.

Джасра провела нас в длинную, узкую комнату, и мы, распахнув ставни, узрели зубчатую горную гряду. Вдоль всей соседней стены тянулись полки, было холодно и немного пыльно. На полках теснились книги, письменные приборы, кристаллы, лупы, пузырьки с краской, простейшие колдовские инструменты, микроскоп, телескоп. Середину комнаты занимал стол — уложенные на козлы доски; вдоль стола размещались длинные скамьи.

— Сколько займет готовка? — спросила Джасра.

— Минуту-две.

— В таком случае я предпочла бы сперва привести себя в порядок. Может быть, и вы?

— Отличная мысль, — объявил я.

— Верно, — подтвердил Мэндор.

Она отвела нас в соседние, вероятно гостевые, покои и оставила. Договорились встретиться в узкой комнате через полчаса. В нашем распоряжении оказались мыло, вода и полотенца.

— Думаешь, она затевает какую-нибудь пакость? — спросил я, стягивая рубаху.

— Нет, — отвечал Мэндор. — Льщу себя мыслью, что эту трапезу она упустить не захочет. Как, впрочем, и случай показаться нам во всей красе, после того как мы долго видели ее, так сказать, в довольно неприглядном виде. А возможность посплетничать, что-нибудь выведать... — Он покачал головой. — Ты прав, что не доверял ей раньше и, возможно, не будешь доверять впредь. Но за этим обедом, если я что-нибудь смыслю, можешь свободно расслабиться.

— Как скажешь, — заметил я, намыливаясь.

Мэндор криво усмехнулся, наколдовал штопор и открыл бутылки — «чтоб немного подышали», — прежде чем заняться собой. Я решил поверить, хотя Знак Логруса на всякий случай оставил — вдруг придется сражаться с демоном или отпрыгивать от падающей стены.

Демон так и не появился, стена не рухнула. Я пошел в гостиную и стал смотреть, как Мэндор преображает ее несколькими словами и движениями рук. Козлы и скамьи исчезли, их сменил круглый стол и кресла без подлокотников, расставленные так, чтобы с каждого открывался вид на горы. Джасры пока не было.

Я прихватил две бутылки, чей букет так восхитил Мэндора. Я собирался водрузить их на стол, но тут Мэндор наколдовал вышитую скатерть с салфетками, тонкую фарфоровую посуду — казалось, ее расписал сам Миро*, — изящные серебряные приборы. С минуту он обозревал результат, потом убрал приборы, заменил на новые, с другим рисунком. Обошел стол, придирчиво разглядывая на-

тюрморт под разными углами и мурлыча себе под нос. Я шагнул было поставить бутылки, но в этот миг посреди стола возникли плавающие в хрустальной вазе цветы. Я отступил на шаг. Появились хрустальные кубки.

Я угрожающе засопел. Мэндор как будто впервые меня заметил.

— А, ставь сюда, ставь сюда, Мерлин! — Возле моего левого локтя возник поднос черного дерева. — Пока дама не пришла, проверим вино, — добавил он и плеснул в два кубка рубиновой жидкости.

Мы пригубили. Вино оказалось чудесным. Много лучше, чем у Бейли.

— Здорово! — восхитился я.

Мэндор обошел стол, выглянул в окно. Я последовал за ним. Где-то в этих горах скрывается в своей пещере Дэйв.

— Мне почти стыдно вот так отдыхать, — сказал я. — Дел выше головы...

— Может быть, их даже больше, чем ты подозреваешь, — заметил Мэндор. — Считай, что не бездельничаешь, а изыскиваешь наиболее короткий путь. Вдруг да узнаешь что-нибудь у нашей дамы.

— Тоже верно. Интересно только — что.

Мэндор повертел кубок в руке, отпил маленький глоток, пожал плечами:

— Она многое знает. Может, сболтнет что-нибудь ненароком, а может, растает от внимания и захочет расщедриться. *Смотри сам, как оно обернется.*

Я отхлебнул вина. *Могу повредничать и сказать, что у меня заныли кости* от дурного предчувствия, но *на самом деле это поле Логруса сообщало о по*явлении в соседней комнате Джасры. Я не стал говорить Мэндору, уверенный, что и он чувствует. Просто повернулся к дверям. Он последовал моему примеру.

Джасра была в длинном белом платье, спущенном с одного (левого) плеча и заколотом на другом бриллиантовой булавкой, в бриллиантовой же, переливающейся всеми цветами радуги, прямо-таки инфракрасной тиаре на блестящих волосах. Она улыбалась и распространяла благоухание. Я непроизвольно подтянулся и взглянул на ногти — чистые ли.

Мэндор, как всегда, поклонился учтивее моего. Я почувствовал, что обязан сказать комплимент.

— Ты выглядишь вполне... элегантно, — сообщил я и для вящего впечатления закатил глаза.

— Не часто случается обедать с двумя принцами, — *промолвила Джасра.*

— Я — герцог западных болот, а никак не принц, — поправил я.

— Я о доме Савалла, — отвечала она.

— Ты изрядно подготовилась, — отметил Мэндор.

— Не люблю ошибаться в протоколе.

— По эту сторону я редко пользуюсь титулами Хаоса, — объяснил я.

— А жаль, — промолвила Джасра. — По мне, в этом есть некий... изыск. Ты ведь примерно тринадцатый в череде престолонаследников?

Я рассмеялся:

— Боюсь, даже назвав такую огромную цифру, ты хватила через край.

— Нет, Мерль, Джасра почти права, — сказал Мэндор. — С точностью до двух-трех человек.

— Да что ты? — удивился я. — Когда я в последний раз интересовался...

— Значит, это было давно. Недавно многих не стало.

— Правда?

— За Хаос, — сказала Джасра, подымая кубок, — да волнуется он вечно!

— За Хаос! — подхватил Мэндор, поднимая свой.

— За Хаос! — отозвался я.

Мы сдвинули кубки, выпили.

Меня обдало волной заманчивых ароматов. Я обернулся и увидел, что стол уставлен кушаньями. Джасра обернулась вместе со мной. Мэндор шагнул вперед. По мановению его руки кресла отодвинулись, пропуская нас к столу.

— Прошу садиться, и позвольте подать первую перемену.

Мы сели и не пожалели об этом. Несколько минут молчание нарушали лишь восхищенные замечания в адрес супа. Мне не хотелось первым начинать словесный поединок, и, похоже, мои сотрапезники испытывали сходное чувство.

Наконец Джасра прокашлялась. Я поднял глаза и с удивлением заметил, что она нервничает.

— Ну, как дела в Хаосе?

— В данное время — хаотично, — отвечал Мэндор. — Кроме шуток. — Он задумался на мгновение, потом добавил со вздохом: — Политика.

Джасра медленно кивнула, словно решая, спросить ли его о подробностях, которые он явно не рвется разглашать, потом передумала и повернулась ко мне:

— К сожалению, в Амбере мой кругозор было достаточно ограничен, однако с твоих слов я заключила, что и там дела обстоят довольно хаотично.

Я кивнул:

— Хорошо, что Далт отступился. Если ты об этом. Но то была не настоящая угроза, просто лишняя головная боль. Кстати, о Далте...

— Давай не будем, — с обворожительной улыбкой перебила меня Джасра. — Я, собственно, хотела поговорить о другом.

Я тоже улыбнулся:

— Совсем забыл. Ты его не жалуешь.

— Дело не в том, — промолвила она. — Далт был по-своему полезен. Просто это... — Она вздохнула. — ...Политика...

Мэндор рассмеялся, мы вслед за ним. Жаль, я не догадался сказать это про Амбер. Теперь поздно.

— Я не так давно приобрел картину, — начал я. — Художницы Полли Джексон. Нарисован красный пятьдесят седьмой «шевроле». Мне страшно нравится. Сейчас картина в Сан-Франциско. Ринальдо тоже одобрил.

Джасра кивнула. Она смотрела в окно.

— Вы оба вечно ходите по галереям. Да, он и меня таскал. Верю, что у него хороший вкус. Дарования нет, а вкус есть.

— Что значит «нет дарования»?

— У него твердая рука, но картины ему не удаются.

Я затронул тему живописи с вполне определенной целью, однако разговор внезапно свернул в другое русло. Впрочем, новая сторона, открывшаяся мне в Люке, так меня заворожила, что я все-таки спросил:

— Картины? Я не знал, что он пишет.

— Он пытался, и не раз, но картин никому не показывает — они недостаточно хороши.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Я время от времени проверяю его комнату.

— В его отсутствие?

— Разумеется. Право матери.

Я поежился — вспомнилась горящая женщина в Кроличьей норе. Но мне не хотелось говорить о своих чувствах и уводить разговор с начатой темы. Я решил вернуться к своей первоначальной цели.

— Не в этой ли связи он познакомился с Виктором Мелманом?

Джасра некоторое время изучала меня, сощурив глаза, потом кивнула и доела суп.

— Да, — сказала она, откладывая ложку. — Люк какое-то время брал у Виктора уроки живописи. Ему понравились картины, он разыскал автора. Может быть, что-нибудь купил. Не знаю. В какой то-момент он упомянул свои опыты, Виктор выразил желание посмотреть. Похвалил Ринальдо, предложил научить его нескольким полезным приемам.

Она подняла кубок, вдохнула аромат. Взглянула на горы.

Я собрался было задать наводящий вопрос, когда она засмеялась. Я ждал.

— Настоящий стервец, — *произнесла Джасра, отсмеявшись.* — *Но даровитый. Этого у него не отнимешь.*

— О чем ты? — спросил я.

— Спустя какое-то время он заговорил о развитии собственной силы, со всеми этими многозначительными умолчаниями, которые так любят недоучки. Внушал Ринальдо, что он оккультист, и не из последних. Потом намекнул, что готов поделиться своими знаниями со стоящим человеком.

Она снова засмеялась. Я и сам хохотнул, представив, как этот дрессированный тюлень подъезжает со своим детским лепетом к настоящему мастеру.

— Разумеется, он просто почуял, что у Ринальдо водятся деньги, — продолжала она, — а Виктор по обыкновению был на мели. Ринальдо, впрочем, не проявил интереса, а вскоре после этого перестал брать у Виктора уроки — сообразив, что больше ничему не научится. Однако, когда впоследствии он рассказал мне, я поняла: вот человек, из которого выйдет отличное орудие. Он пойдет на все, лишь бы почувствовать настоящую власть.

Я кивнул:

— Тогда-то вы с Ринальдо и начали являться Виктору? По очереди пудрить ему мозги и учить его кое-каким подлинным штучкам?

— В целом так, — отвечала она. — Хотя обучение я в основном взяла на себя. Ринальдо постоянно готовился к экзаменам, ему было некогда. Он ведь учился лучше тебя, верно?

— Он всегда получал высокие оценки, — согласился я. — Когда ты говоришь, что решила натренировать Мелмана и превратить в орудие, мне поневоле думается о причине: ты готовила его убить меня, и убить красочно.

Она улыбнулась:

— Да, хотя, впрочем, не совсем так, как ты думаешь. Он знал про тебя и готовился принять участие в твоем заклании. Однако та попытка, во время которой ты его убил, целиком на его совести. Я его предупреждала — никакой само-

деятельности. Так что поделом ему. Виктор жаждал получить всю власть, которую, он полагал, можно в итоге обрести, и не желал ею делиться. Я же сказала — стервец.

Мне хотелось выглядеть безучастным, чтобы Джасра продолжала. Естественнее всего это было сделать, не прерывая еды, однако, опустив глаза, я заметил, что тарелка с супом исчезла. Я взял булочку, разломил, собрался намазать маслом и тут увидел, что руки у меня дрожат. В следующее мгновение я понял почему: меня так и подмывало придушить Джасру.

Поэтому я глубоко вдохнул, выдохнул и отпил вина. Передо мной очутилась тарелка с чем-то невероятно вкусным. Легкий аромат чеснока и дразнящих пряностей говорил: успокойся. Я с благодарностью кивнул Мэндору. Джасра тоже. В следующее мгновение я уже намазывал булочку.

Откусив и прожевав, я сказал:

— Сознаюсь, что по-прежнему не понимаю. Ты говоришь, Мелман должен был принять участие в моем заклании. Значит, он бы действовал не один?

С полминуты Джасра продолжала есть, потом изобразила улыбку.

— Грех было не использовать твой разрыв с Джулией и ее интерес к оккультизму. Я увидела, что их с Мелманом можно свести: пусть обучит Джулию нескольким простеньким приемам и, растравляя горе девушки, обратит его в жгучую ненависть — а там, когда дело дойдет до заклания, Джулия сама охотно перережет тебе глотку.

Я поперхнулся чем-то вполне вкусным.

Возле моей правой руки возник хрустальный кубок с водой. Я отпил глоток. Потом другой.

— Ах, эта твоя реакция дорогого стоит, — заметила Джасра. — Признайся, мщение пикантнее, если палачом становится бывшая возлюбленная.

Уголком глаза я видел, что Мэндор кивает. Да и сам я не мог не согласиться.

— Да, мщеньице высший сорт, — сказал я. — Ринальдо тоже приложил руку?

— Нет, к тому времени вас было уже не разлить водой. Я боялась, что он тебя предупредит.

С минуту я обдумывал услышанное, потом спросил:

— И что же разладилось?

— Я не учла одного, — сказала Джасра. — У Джулии оказался талант. Несколько уроков у Виктора, и она превзошла его во всем — кроме живописи. Черт! Может, она и пишет. Не знаю. Я сдала себе джокера, а он сыграл со мной злую шутку.

Я поежился, вспомнив разговор в Арбор-Хаус с ти'игой, которая вселилась в Винту Бейли. Она спросила меня, удалось ли Джулии развить способности, о которых та мечтала. Я ответил, что не знаю, что не видел никаких признаков... А потом вспомнил нашу встречу на стоянке у супермаркета, когда Джулия велела собаке сидеть и та не могла двинуться с места... Это я припомнил, но...

— И ты никогда не замечал проявления ее дарования? — осведомилась Джасра.

— Не совсем так, — отвечал я, и только тут многое стало до меня доходить. — Не совсем.

...Например, как тогда в кафе «Баскин-Роббинс» она поменяла вкус мороженого. Или когда без зонта осталась сухой в проливной дождь...

Джасра удивленно нахмурилась, сузила глаза.

— Не понимаю. Если ты знал, то мог бы учить ее сам. Она тебя любила. Вы бы отлично сработались.

Я внутренне содрогнулся. Джасра права. Я и впрямь подозревал, возможно, даже догадывался, но гнал от себя эти мысли. Не исключено, что я и разбудил дремлющие способности Джулии теми самыми пресловутыми прогулками по Теням и своей собственной энергией...

— Все непросто, — отвечал я. — И очень лично.

— Ой. Сердечные дела или вполне прозрачны, или совсем для меня загадочны, — промолвила Джасра. — Среднего, кажется, не дано.

— Сойдемся на прозрачности, — сказал я. — Когда я начал что-то замечать, дело уже шло к разрыву, и я побоялся пробуждать силы в бывшей возлюбленной, которая в один прекрасный момент захочет попрактиковаться на мне.

— Логично, — кивнула Джасра. — Очень. Забавная ирония судьбы.

— Весьма, — заметил Мэндор и взмахнул рукой.

Перед нами возникли новые дымящиеся блюда.

— Пока вы не ушли с головой в беседу о хитроумных интригах и оборотных сторонах души, пожалуйста, отведайте перепелиной грудки с диким рисом и побегами спаржи под «Мутон Ротшильд»*.

Я своей рукой направил Джулию на этот путь, когда показал другие пласты реальности. И оттолкнул от себя нежеланием открыться, своей замкнутостью. Наверное, я не способен по-настоящему любить и доверять. Однако это я чувствовал и раньше. Тут есть что-то еще...

— Восхитительно! — объявила Джасра.

— Спасибо. — Мэндор встал, обошел стол и сам, не прибегая к магии, налил ей вина. Я заметил, что при этом он левой рукой слегка коснулся ее оголенного плеча. Потом, словно опомнившись, он плеснул и в мой кубок, вернулся на свое место и сел.

— Да, превосходно, — заметил я, мысленно пробегая глазами внезапно прояснившуюся картину.

Теперь понятно: я что-то чувствовал, что-то подозревал с самого начала. Наши прогулки по Теням — просто самый эффектный из мелких следственных экспериментов, которые я вновь и вновь устраивал Джулии в надежде подловить ее, разоблачить... в чем? В том, что она — потенциальная чародейка?

Я отложил вилку с ножом и потер глаза. Где-то совсем близко — то, что я столько времени от себя скрывал.

— Что-то случилось, Мерлин? — спросил меня голос Джасры.

— Нет. Я просто почувствовал, как сильно устал. Все отлично.

Чародейка. Не потенциальная, нет. Втайне я боялся, что за покушениями тридцатого апреля на мою жизнь стоит именно она, — но запрещал себе об этом думать и продолжал любить. Почему? Потому что она — моя дева Нимиана?* Потому что я любовался своей будущей убийцей и прятал от себя улики? Потому что я не только влюбился без ума, но и одержим желанием смерти, которое с улыбкой следует за мной по пятам, чтобы однажды сбыться вполне?

— Сейчас приду в себя, — сказал я. — Пустяки.

Значит, правду говорят, что я и есть мой самый смертельный враг? Надеюсь, все-таки нет. Просто у меня не было времени подлечиться, слишком от многих внешних условий зависела моя жизнь.

— Я бы дорого дала, чтобы прочесть твои мысли, — вкрадчиво произнесла Джасра.

II

— Они бесценны, — отвечал я, — как и твои шутки. Я восхищен. Мало того, что я не подозревал, я близко ни о чем не догадывался, даже когда получил кое-какие факты. Это ты хотела услышать?

— Да.

— Рад, что мы подошли к месту, где твои планы расстроились, — добавил я.

Джасра вздохнула, кивнула, отпила вина.

— Да, это случилось, — призналась она. — Я и не ожидала, что такая простая затея выйдет мне боком. До сих пор не могу поверить, что этот мир настолько пронизан иронией.

— Если хочешь, чтобы я оценил шутку в полном объеме, будь добра, объяснись.

— Придется. С одной стороны, не хочется менять твою недоуменную мину на злорадную. С другой стороны, я по-прежнему в силах огорчить тебя каким-нибудь новым способом.

— Что-то находишь, что-то теряешь, — заметил я. — Держу пари, кое-какие мелкие подробности тех событий смущают тебя до сих пор.

— Как то? — спросила она.

— Почему не удалось ни одно из тридцатоапрельских покушений на мою жизнь?

— Полагаю, Ринальдо так или иначе вставлял мне палки в колеса, выручая тебя.

— Не угадала.

— Так кто же?

— Ти'ига. На ней заклятие меня защищать. Ты должна ее помнить, она обитала в теле Гейл Лэмпрон.

— Гейл? Девушки Ринальдо? Мой сын встречался с демоницей?

— Не впадай в предрассудки. На первом курсе и не такое выкидывал.

Джасра на мгновение задумалась, потом медленно кивнула:

— Верно подмечено... И ты по-прежнему не знаешь, что за этим кроется только то, что она в Амбере?

— Не знаю, — подтвердил я.

— Это проливает довольно странный свет на весь временной отрезок, — пробормотала Джасра, — особенно учитывая, что наши пути снова пересеклись. Интересно...

— Что?

— Какова ее истинная цель: оберегать тебя или вредить мне? Кто она: твой телохранитель или мое проклятие?

— Трудно сказать, поскольку результат так и так один.

— Однако больше похоже на первое — она явно крутится возле тебя.

— Если дело не в другой, известной ей одной причине.

— Например?

— Она предполагает, что мы снова схлестнемся.

Джасра улыбнулась:

— Тебе надо было податься в адвокаты — ты хитроумен, как твоя амберская родня. Однако — положа руку на сердце — я не задумывала ничего, что можно было бы истолковать подобным образом.

Я пожал плечами:

— Это лишь предположение. Пожалуйста, расскажи, что было дальше с Джулией.

Джасра отщипнула кусочек перепелиного крылышка. Я последовал ее примеру и вскоре обнаружил, что не могу перестать есть. Я взглянул на Мэндора. Тот оставался непроницаемым — ни за что не сознается, что заворожил кушанье или наложил на едоков заклятие очистить тарелки. Так или иначе, мы закончили перемену, прежде чем Джасра заговорила снова. Сказать по совести, грех мне было бы роптать.

— После вашего разрыва Джулия училась у многих, — начала Джасра. — Мне, раз решившись, было несложно воздействовать на ее учителей, побуждать их к словам и поступкам, которые оттолкнули бы Джулию, заставили искать другого наставника. Довольно скоро она вышла на Виктора, которого мы к тому времени уже опекали. Я велела ему всячески обхаживать Джулию и, пропустив многие обычные формальности, готовить к выбранному мною обряду посвящения...

— Какому именно? — перебил я. — Обрядов посвящения уйма, и результат у каждого свой.

Джасра улыбнулась, кивнула, разломила и намазала маслом булочку.

— Я сама провела ее по моим собственным стопам — через Нарушенный Огненный Путь.

— Судя по названию — что-то опасное с амберской стороны Тени.

— Географически ты прав. Но опасного тут ничего нет, если понимаешь, что делаешь.

— Насколько мне известно, — упорствовал я, — Теневые миры, обладающие Тенью Пути, содержат лишь его искаженную проекцию. В этом и кроется риск.

— Риск лишь для тех, кто не умеет с ним справиться.

— И ты заставила Джулию пройти этот... Нарушенный Путь?

— О прохождении Пути я знаю лишь со слов покойного мужа и Ринальдо. Если я правильно понимаю, вы идете по линиям от определенного внешнего начала до внутренней точки, где на вас и нисходит сила?

— Да, — подтвердил я.

— В Нарушенном Пути, — объяснила Джасра, — ты входишь сквозь брешь и добираешься до центра.

— Как следовать линиям, если они нарушены или оборваны? Подлинный Путь уничтожит тебя, стоит отклониться от рисунка.

— Здесь не надо следовать линиям. Только промежуткам, — отвечала она.

— А когда Путь пройден? — спросил я.

— В тебе остается Образ Нарушенного Пути.

— И как с его помощью колдовать?

— Используя брешь. Ты призываешь Образ, и он предстает тебе в виде темного колодца, из которого ты черпаешь силу.

— А как ты путешествуешь между Тенями?

— Примерно как и вы, если я правильно понимаю ваш способ передвижения. Но брешь остается в тебе.

— Брешь? Не понимаю.

— Изъян в Пути. Он следует за тобою и в Тень. Сопровождает тебя в твоих странствиях, порой — щелочка не шире волоса, порой — зияющая пустота. Он перемещается: может возникнуть когда угодно, где угодно — провал в реальности. Это — опасность, подстерегающая тех, кто прошел Нарушенный Путь. Упасть в него — смерть.

— В таком случае он должен таиться во всех твоих заклинаниях — этакая ловушка.

— Каждая профессия имеет свои опасные стороны, — заметила Джасра. — В том и мастерство, чтобы их избегать.

— И сквозь это посвящение ты провела Джулию?

— Да.

— И Виктора?

— Да.

— Понятно... Но ты должна сознавать: Нарушенные Пути черпают свою силу из Подлинного.

— Конечно. Что с того? Если соблюдать меры предосторожности. Образ почти ничем не уступает оригиналу.

— Для справки. Сколько существует пригодных Образов?

— Пригодных?

— Они неизбежно вырождаются от Тени к Тени. Где можно подвести черту и сказать: дальше этого Нарушенного Образа я сунуться не решусь?

— Понимаю. Можно иметь дело примерно с первыми девятью. Дальше я не заходила. Первые три — самые лучшие. Следующие три — туда-сюда. Дальше идут три более опасных.

— В каждом следующем брешь все шире?

— Именно так.

— Зачем ты открываешь мне эти тайны?

— Ты — посвященный высокого уровня, так что беды не будет. Кроме того, ты ничего не сможешь изменить в исходных условиях. И, наконец, без этого ты не поймешь остального.

— Хорошо, — сказал я.

Мэндор постучал по столу; перед нами возникли хрустальные чашечки с лимонным шербетом. Мы поняли намек и освежили горло, прежде чем продолжать беседу. За окном бежали по горным склонам облачные тени. Откуда-то из коридора доносилась тихая музыка. С другой стороны что-то звенело и скрежетало, словно там работали лопатой или киркой.

— Значит, ты посвятила Джулию, — начал я.

— Да, — отвечала Джасра.

— И что дальше?

— Она научилась призывать Образ Нарушенного Пути, видеть с его помощью и творить заклинания. Научилась черпать силу из разрыва в нем. Научилась перемещаться по Теням...

— Все время помня о пропасти?

— Разумеется. У нее к этому явный талант. Вообще Джулии удается все, за что бы она ни взялась.

— Удивительно, что смертный может пройти пусть и Нарушенный Путь и остаться в живых.

— Не всякий смертный, — возразила Джасра. — Кто-то наступает на линию или загадочно гибнет в поврежденной области. Проходит примерно один из десяти. Это хорошо. Сохраняется ореол исключительности. Из прошедших немногие способны освоить хотя бы начальные навыки ворожбы, чтоб их стоило принимать во внимание.

— И ты говоришь, когда Джулия поняла, что к чему, она обогнала Виктора.

— Да. Я не понимала в какой мере, пока не оказалось слишком поздно.

Джасра глядела на меня, словно ожидая отклика. Я поднял глаза от тарелки, изогнул бровь.

— Да, — продолжала она, очевидно удовлетворенная. — Ты не знал, что возле Фонтана ударил кинжалом именно Джулию?

— Не знал, — сказал я. — Маска все время оставалась для меня загадкой. Я не мог взять в толк, что ею движет. Цветы просто ставили меня в тупик, и я не понял, кто — ты или Маска — скрывался *за историей с голубыми камнями*.

Джасра рассмеялась.

— Голубые камни и пещера, откуда они, — наша маленькая семейная тайна. Они сделаны из магического изолятора, однако внутри пары, однажды разрозненной, сохраняется связь, и тот, кто наделен соответствующими способностями, может, владея одним камнем, добраться до другого.

— Через Тень?

— Да.

— Даже если он не обладает требуемыми способностями?

— Да, и в таком случае, — подтвердила Джасра. — Это все равно что следовать за умеющим перемещаться в момент перемещения. Довольно проворства и чутья. Обладатель камня делает примерно то же, только он следует не за тем, кто умеет перемещаться, а, скорее, по его следу.

— Ты хочешь сказать, что Джулия прицепилась к тебе?

— Вот-вот.

Я поднял глаза и увидел, что Джасра краснеет.

— Джулия? — переспросил я.

— Ты начинаешь понимать.

— Нет, — признался я. — Впрочем, может быть, немного. Она оказалась даровитее, чем ты думала. Это ты уже говорила. У меня создалось впечатление, что она тебя в чем-то перехитрила. Но я не знаю, в чем и когда.

— Я перенесла ее сюда, — сказала Джасра, — забрать кое-какое снаряжение в первый круг Теней возле Амбера. В тот раз она и увидела мой кабинет в Твер-

дыне. И, возможно, я наболтала лишнего. Но кто знал, что она все ловит на лету? Я считала ее слишком робкой для подобных мыслей. Должна признать, что Джулия — замечательная актриса.

— Я читал дневник Виктора. Если я правильно понял, ты была в маске или капюшоне и, возможно, прибегла к каким-то чарам, искажающим голос?

— Да, но, вместо того чтобы запугать Джулию, подавить, я раздразнила в ней вкус к магическому. Полагаю, тогда-то она и стащила один из моих траголитов — голубых камней. Остальное — история.

— Только не для меня.

Передо мной очутилась тарелка с абсолютно неведомыми, но аппетитно пахнущими овощами.

— Подумай.

— Ты провела ее через Нарушенный Путь, совершила обряд посвящения... — начал я.

— Да.

— И при первой же возможности она с помощью... траголита вернулась в Твердыню разнюхать другие твои секреты.

Джасра негромко зааплодировала, попробовала овощи и тут же с жадностью на них накинулась.

— Дальше сдаюсь, — признался я.

— Будь умницей, скушай овощи, — сказала Джасра.

Я подчинился.

— Исходя исключительно из знаний человеческой природы, — внезапно заметил Мэндор, — я заключил бы, что, опробовав крылышки, она решила опробовать и коготки. Полагаю, Джулия вернулась назад, бросила перчатку своему первому наставнику — Виктору Мелману, — и произошел чародейский поединок.

Джасра негромко ойкнула.

— Это и правда только догадка? — спросила она.

— Правда, — подтвердил он, крутя в пальцах кубок. — Мало того, позволю себе предположить, что ты обошлась со своим наставником в точности так же.

— Какой дьявол тебе сказал? — спросила она.

— Я всего лишь догадываюсь, что Шару был твоим учителем, — а может быть, и не только учителем, — отвечал Мэндор. — Но это объясняет и поочередные захваты Твердыни Четырех Миров, и то, как ты сумела застать прежнего владельца врасплох. Вероятно, перед своим поражением он даже нашел время наложить на тебя проклятие, злорадно пообещав тебе ту же участь. А если и нет, в нашем ремесле подобные события имеют обыкновение описывать полный круг.

Джасра хохотнула.

— Значит, дьявол зовется Умозаключением, — произнесла она с ноткой восхищения в голосе. — Однако ты вызываешь его с помощью интуиции, а это уже искусство.

— Приятно знать, что он по-прежнему является на зов. Полагаю, неожиданно для Джулии Виктор сумел за себя постоять.

— Верно. Она не учла, что мы ограждаем учеников одним-двумя слоями защиты.

— Все же сама она была защищена, по крайней мере, не хуже.

— Тоже верно. Одно это было, конечно, равносильно поражению. Джулия понимала, что я узнаю про бунт и вскоре явлюсь ее усмирить.

Я охнул.

— Да, — продолжала Джасра. — Вот почему она инсценировала свою смерть, чем, признаю, надолго ввела меня в заблуждение.

Я вспомнил, как вошел в квартиру Джулии, наткнулся на тело и подвергся нападению. Лицо трупа было частично изуродовано, частично залито кровью. Однако ростом и фигурой убитая разительно напоминала Джулию. И лежала в ее квартире. А тут на меня набросилось яростное собакоподобное существо, и мне стало не до вдумчивого опознания. Когда смертельная схватка завершилась под аккомпанемент приближающихся сирен, я думал, как бы унести ноги, а не о детальном расследовании. Однако, мысленно возвращаясь к той сцене, я ни разу не усомнился, что видел именно Джулию.

— Невероятно, — сказал я. — Что же я обнаружил?

— Спроси кого-нибудь другого, — отвечала Джасра. — Может быть, одно из ее теневых отображений, может быть — случайную прохожую. Или выкраденный из морга труп. Не знаю.

— На трупе был один из твоих голубых камней.

— Да. А парный — на ошейнике твари, которую ты убил. Таким образом был создан коридор.

— Зачем? И к чему вся эта история со Скрофом?

— Чистейшей воды отвлекающий маневр. Виктор решил, что Джулию убила я, я — что Виктор. Он считал, что я открыла путь из Твердыни и выпустила зверя, я думала на Виктора и досадовала, что он скрыл от меня свои быстрые успехи. Такие вещи хорошо не кончаются.

Я кивнул:

— Ты разводишь здесь этих тварей?

— Да, — отвечала она, — и даже выставляю в нескольких соседних Тенях. У меня есть и медалисты.

— Предпочитаю питбулей, — сказал я. — Они попригляднее и нравом чуть добрее. Значит, Джулия оставила тело и скрытый коридор сюда, а ты посчитала, что Виктор ее прикончил и готовится посягнуть на твою святая святых?

— Примерно так.

— А он решил, что Джулия стала для тебя слишком опасной — из-за коридора — и ты ее устранила?

— Не знаю, обнаружил ли Виктор коридор. Сам помнишь, там была неплохая маскировка. В любом случае ни Виктор, ни я не подозревали, что сделала Джулия на самом деле.

— А что же она сделала?

— Прицепила ко мне кусочек траголита. Позже, после посвящения, она с помощью парного камня последовала за мной через Тень в Бегму.

— В Бегму? За каким дьяволом тебя туда понесло?

— Да ни за чем особенно, — сказала Джасра. — Я упомянула это, чтобы показать, какая она хитрая. В тот раз она ко мне не приблизилась, я и узнала-то позже, с ее слов. Джулия крадась за мной по периметру Золотого Круга до самой Твердыни. Остальное тебе известно.

— Не уверен.

— Она положила глаз на это место. Ее нападение и впрямь оказалось для меня полной неожиданностью. Так я превратилась в вешалку.

— А она стала здешней хозяйкой и надела маску. Жила здесь, наращивала силу, совершенствовалась, вешала на тебя зонтики...

Джасра предостерегающе засопела. Я вспомнил, что ей действительно пришлось несладко, и переменил тему.

— Мне все равно неясно, почему она следила за мной и время от времени осыпала цветами.

— Мужчины раздражающе непонятливы, — сказала Джасра и осушила кубок. — Ты сумел разобраться во всем, кроме ее мотивов.

— Она была одержима идеей власти, в чем тут еще разбираться? Я припоминаю, что у нас был долгий разговор о власти.

Мэндор хихикнул. Я глянул в его сторону. Он отвернулся и покачал головой.

— Очевидно, — сказала Джасра, — она по-прежнему неравнодушна к тебе. И даже очень. Она заигрывала с тобой. Пыталась разбудить твое любопытство. Чтобы тебе захотелось ее разыскать. Тогда она, скорее всего, попробовала бы с тобой потягаться. Доказать, что заслуживала всего того, в чем ты ей отказал, когда не удостоил своим доверием.

— Значит, тебе и это известно.

— Были времена, когда она говорила со мной откровенно.

— Выходит, Джулия настолько неравнодушна ко мне, что посылала убийц с траголитами выслеживать меня в Амбере?

Она отвела взор, кашлянула. Мэндор тут же встал, обогнул стол и налил ей вина, заслонив Джасру от меня. Тогда-то, пока Мэндор стоял между нами, она тихо произнесла:

— Не совсем так. Убийцы были... мои. Я считала, что Ринальдо тебя защищает, и воспользовалась его отсутствием, чтобы попытаться еще разок.

Я прищелкнул языком.

— И много их еще бродит?

— Те были последние.

— Приятно слышать.

— Я не прошу прощения. Просто объясняю, чтоб между нами не осталось непонимания. Готов ли ты списать и это? Мне нужно знать.

— Я уже сказал, что мы квиты. Мои слова остаются в силе. Когда в этой истории появился Джарт? Я не понимаю, как они столковались и что их связывает.

Мэндор, прежде чем сесть, подлил в мой кубок вина. Джасра подняла глаза.

— Не знаю, — сказала она. — Когда мы сражались, ей никто не помогал. Наверно, это случилось, пока я была без движения.

— Есть у тебя догадки, куда они с Джартом могли бежать?

— Ни малейших.

Я взглянул на Мэндора. Тот покачал головой.

— У меня тоже, — сказал он. — Однако мне пришла занятная мысль...

— Да?

— Во-первых, он совладал с Логрусом и приобрел силу. А главное, надо ли говорить, что Джарт, при всех своих шрамах и увечьях, ужасно похож на тебя?

— Джарт? На меня? Ты шутишь!

Мэндор взглянул на Джасру.

— Твой брат прав. Ваше с Джартом родство написано у вас на лицах.

Я отложил вилку и покачал головой.

— Ерунда, — сказал я, скорее затравленно, чем уверенно. — Никогда не замечал.

Мэндор еле заметно пожал плечами.

— Прочесть тебе лекцию о психологии отрицания? — спросила Джасра.

— Не надо. Лучше дайте мне время осознать.

— Тогда пора подавать следующую перемену, — объявил Мэндор и взмахнул рукой.

Перед нами возникли тарелки.

— Твои родственники не станут укорять тебя за мое освобождение? — поинтересовалась Джасра несколько минут спустя.

— Пока еще они обнаружат твое отсутствие!.. Успею что-нибудь сочинить, — отвечал я.

— Другими словами, станут, — сказала она.

— Может быть, немного.

— Посмотрим, чем я могу помочь.

— О чем ты?

— Не люблю быть обязанной, — промолвила она, — а ты сделал для меня больше, чем я для тебя. Постараюсь придумать, как отвлечь их гнев на себя.

— Что ты затеваешь?

— Давай не будем это обсуждать. Порой лучше не знать лишнего.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Прекрасный повод сменить тему, — сказала Джасра. — Насколько враждебно настроен Джарт?

— Ко мне? — спросил я. — Или тебя интересует, не явится ли он за добавкой?

— И то и другое, если ты так ставишь вопрос.

— Думаю, он убил бы меня, если б мог, — сказал я и взглянул на Мэндора.

Тот кивнул:

— Боюсь, это правда.

— А вернется ли он сюда за тем, что недополучил, — продолжал я, — судить тебе. Как по-твоему, взял он от Фонтана всю возможную силу?

— Точно не скажу, — отвечала она. — Джарт опробовал ее второпях. Навскидку я бы оценила вероятность в пятьдесят процентов. Удовлетворится ли он этим?

— Возможно. Насколько он станет опасен?

— Очень и очень. Как только вполне освоится. Однако он должен сознавать, что это место надежно защищено — даже от таких, как он. Думаю, Джарт все же поостережется. Один Шару — в его теперешних обстоятельствах — препятствие более чем серьезное.

Я продолжал есть.

— Джулия, вероятно, ему отсоветует, — продолжала Джасра, — она достаточно хорошо знает это место.

Я кивнул. Мы встретимся, когда встретимся. И нечего тут гадать.

— Можно задать вопрос? — спросила Джасра.

— Давай.

— Ти'ига...

— Да?

— Я уверена, что даже в теле дочери премьер-министра Оркуза она не просто вошла в замок и забрела в твой покой.

— Разумеется, — отвечал я, — она была в составе официальной делегации.

— Можно спросить, когда делегация прибыла?

— Сегодня утром. Боюсь, однако, что не могу разглашать подробности.

Джасра, словно отмахиваясь, подняла унизанную кольцами руку.

— Государственные тайны меня не волнуют, — сказала она. — Знаю, что Найда обычно сопровождает отца в качестве секретарши.

— И?

— Сестра была с ней или осталась дома?

— Ты про Корэл? — уточнил я.

— Да.

— Была с ней.

— Спасибо, — кивнула Джасра и вернулась к еде.

Черт! Куда она клонит? Неужели она знает про Корэл что-то, мне неизвестное? Что-то, относящееся к теперешнему ее местопребыванию? И, коли так, во что мне обойдется узнать?

— А что? — спросил я.

— Просто любопытно. Я знавала ее семью в... более счастливые времена.

Джасра расчувствовалась? Никогда не поверю. Так что же?

— Допустим, у семьи кое-какие неприятности...

— Кроме того, что в Найду вселилась ти'ига?

— Да, — сказал я.

— Мне грустно это слышать, — промолвила Джасра. — Что за неприятности?

— Маленькая история с исчезновением Корэл.

Джасра со звоном уронила вилку в тарелку.

— Что ты сказал?

— Она угодила, куда не надо.

— Кто, Корэл? Когда? Куда?

— Зависит от того, как много ты о ней знаешь, — сообщил я.

— Я к ней привязана. Не тяни жилы. Что стряслось?

— Ты близко знала ее мать?

— Кинту? Встречала по дипломатическим делам. Милейшая дама.

— Расскажи мне про ее отца.

— Ну, он член королевского дома, но не наследной ветви. До того как стать премьер-министром, Оркуз был послом Бегмы в Кашфе. Семья жила с ним, так что мы, естественно, часто виделись...

Джасра подняла глаза, почувствовав, что я гляжу на нее в упор — через Знак Логруса, сквозь ее Нарушенный Путь. Наши глаза встретились. Она улыбнулась.

— Ох... Ты спросил об ее отце. — Джасра замолчала.

Я кивнул.

— Значит, слухи все-таки не лгали, — заметила она наконец.

— А ты не знала?

— Слухов так много, все не проверишь. Откуда мне знать, какой принимать всерьез? И зачем забивать себе голову?

— Ты, конечно, права. И все же...

— Еще одна побочная дочь старого гуляки, — заметила Джасра. — Кто-нибудь их считал? Удивляюсь, как у него хватало времени на государственные дела.

— Все удивляются.

— Откровенно говоря, в дополнение к слухам, существует разительное фамильное сходство. Впрочем, не могу судить, поскольку не знаю лично всю семью. Говоришь, это правда?

— Да.

— Только на основании сходства, или есть что-то еще?

— Есть что-то еще.

Джасра улыбнулась, взяла уроненную вилку.

— Меня восхищает, как просто иногда объясняется стремительная карьера.

— Меня тоже, — сказал я, возвращаясь к еде.

Мэндор кашлянул.

— По-моему, нечестно рассказать только часть истории, — промолвил он.

— Ты прав, — согласился я.

Джасра перевела взгляд *на меня и вздохнула.*

— Ладно, — сказала она. — Спрошу. Откуда ты знаешь навер... Ах да, конечно. Огненный Путь.

Я кивнул.

— Ну, ну, ну. Маленькая Корэл, повелительница Пути... Это произошло совсем недавно?

— Да.

— Думаю, теперь она где-то в Тени — отмечает.

— Если б я сам знал!

— А что такое?

— Она исчезла неведомо куда. И это сделал Путь.

— Как?

— Хороший вопрос. Не знаю.

Мэндор прочистил горло.

— Мерлин, возможно, есть что-то, — он сделал вращательное движение левой кистью, — что ты по зрелом размышлении предпочел бы...

— Нет, — сказал я. — Скрытность была бы уместна в разговоре с тобой, брат мой, как лордом Хаоса. И, разумеется, в беседе с вашим величеством, — я кивнул в сторону Джасры, — если бы не ваше знакомство *с упомянутой дамой и то,* что вы, возможно, питаете *к ней приязнь. — Я решил не пересаливать и быстро* добавил: — По крайней мере, не испытываешь злобы.

— Я уже сказала, что люблю девочку, — объявила Джасра, *подаваясь вперед.*

— Ладно. Мне немножко не по себе, я чувствую себя виновным перед маленькой обманщицей и хотел бы исправить положение. Хотя и не знаю как.

— Что все-таки случилось? — спросила Джасра.

— Я развлекал ее. Она пожелала взглянуть на Огненный Путь. Я согласился. По пути она стала задавать мне вопросы: что да как. Разговор казался мне вполне

безобидным, и я отвечал. Слухи о ее происхождении до меня не доходили, а то бы я насторожился. Я ничего не подозревал. Мы дошли. Она встала на Путь — и вперед.

Джасра охнула:

— Путь уничтожил бы всякого, кто не вашей крови, ведь так?

Я кивнул.

— Даже и любого из нас, — сказал я, — если хоть в чем-то ошибиться.

— А если бы ее мать согрешила с лакеем или поваром? — хохотнула Джасра.

— Корэл — мудрая дочь, — отвечал я. — Как бы там ни было, ступив на Путь, нельзя поворачивать назад. Мне пришлось наставлять ее в Пути — иначе я нарушил бы долг гостеприимства и поставил под удар отношения Амбера и Бегмы.

— И сорвал деликатные переговоры? — полушутя предложила Джасра.

Ей явно хотелось сбить меня на разговор об истинной причине бегманского посольства, но я не поддался.

— Можно сказать и так. В любом случае она прошла Путь, а затем он ее перебросил.

— Покойный муж говорил мне, что из центра Огненного Пути можно перенестись, куда пожелаешь.

— Верно, — подтвердил я, — но загвоздка в том, что Корэл пожелала нечто неординарное. Она велела Пути перенести ее, куда он сам захочет.

— Не понимаю.

— Я тоже. Но она желала, а он исполнил.

— Ты хочешь сказать, она произнесла: «Отправь меня, куда тебе угодно» — и тут же оказалась неведомо где?

— Все правильно.

— Это подразумевает, что Путь в каком-то смысле разумен.

— Если, конечно, он не откликнулся на ее подсознательное желание очутиться в каком-то определенном месте.

— Что ж, это возможно. Но неужто ты не можешь ее разыскать?

— У меня есть ее карта. Мне удалось дотянуться до Корэл. Такое впечатление, что она заключена в темноте. Потом связь оборвалась, и все.

— Давно это было?

— По моим ощущениям — несколько часов назад, — сказал я. — Здешнее время хоть как-то сопоставимо с амберским?

— По-моему, да. Почему ты не повторил попытку?

— Как-то не до того было. И потом, я прикидывал, нет ли другого способа.

Что-то звякнуло, тренькнуло, запахло черным кофе.

— Если ты спрашиваешь, согласна ли я помочь, — промолвила Джасра, — то ответ — да. Только я не знаю, с чего начинать. Может быть, если ты еще раз обратишься к карте — с моей поддержкой, — мы сумеем до нее дотянуться.

— Ладно, — сказал я, ставя чашку и вынимая карту. — Попробуем.

— Я с вами, — сказал Мэндор, поднимаясь со стула и вставая справа от меня.

Джасра обошла стол и встала слева. Я держал карту так, чтоб всем было хорошо видно.

— Начали, — сказал я и сосредоточился.

III

Колечко света, которое я принимал за солнечный зайчик, перебралось с пола поближе к моей кофейной чашке. Мэндор и Джасра не подавали виду, что заметили, поэтому я тоже промолчал.

Я шарил в поисках Корэл и не находил ничего. Джасра и Мэндор присоединились ко мне. Я напрягся.

Что-то есть?

Что-то...

Помнится, я гадал, чем руководствуется Виола, когда прибегает к картам. Не привычными нам зримыми приметами. Чем-то вроде того, что я почувствовал сейчас.

Что-то.

Я ощущал присутствие Корэл. Ее изображение на карте не оживало. Сама карта стала заметно прохладнее на ощупь, однако то не был обычный холодок козырного контакта. Я поднатужился. Мэндор и Джасра тоже старались изо всех сил.

Изображение Корэл на карте померкло, но на смену ему никто не явился. Тем не менее, вглядываясь, я ощущал ее присутствие. Более всего это походило на попытку вступить в общение со спящим.

— Трудно сказать, то ли она просто в каком-то малодоступном месте, — начал Мэндор, — то ли...

— Думаю, она заколдована, — объявила Джасра.

— Это объясняет некоторые странности, — кивнул Мэндор.

— Но только некоторые, — произнес совсем близко знакомый негромкий голос. — Папа, ее удерживают ужасающие силы. Я никогда ничего подобного не видел.

— Призрачное Колесо прав, — сказал Мэндор. — Я начинаю это чувствовать.

— Да, — подтвердила Джасра, — что-то...

Тут пелена расступилась, и я увидел Корэл — она без движения и, по всей видимости, без чувств лежала в темноте, в огненном кольце, озаренная лишь его багровыми отблесками. Она не могла бы призвать меня, даже если бы захотела...

— Призрак, ты можешь перенести меня к ней? — спросил я.

Он не успел ответить, как Корэл исчезла, и на меня дохнуло холодом. Прошло несколько секунд, прежде чем я осознал, что тянет из заиндевевшей карты.

— Думаю, нет, не испытываю желания и не вижу необходимости, — отвечал он. — Сила, которая ее удерживает, осознала твой интерес и сейчас тянется к тебе. Ты можешь как-то отсоединить карту?

Я провел ладонью по картинке — обычно этого оказывается довольно. Никакого результата. Сквозняк вроде бы даже усилился. Я провел еще раз, сопроводив жест мысленным приказанием, и почувствовал, что неведомая сила фокусируется на мне.

Знак Логруса упал на карту, меня отбросило назад, ударило плечом об угол двери. Мэндор завалился было на правый бок, но удержался за стол. Логрусий-

ским зрением я успел заметить, как из выпавшей из руки карты рвутся яростные линии света.

— Помогло? — крикнул я.

— Связь оборвалась, — отвечал Призрак.

— Спасибо, Мэндор.

— Однако сила, которая тянулась к тебе через карту, знает теперь, где тебя искать, — сказал Призрак.

— Почему ты так уверен?

— Это заключение, основанное на факте, что она по-прежнему к тебе тянется. Правда, теперь она движется не напрямик, а через пространство. До тебя она доберется секунд через пятнадцать.

— До тебя? — сказала Джасра. — То есть до Мерлина? Мы ее не интересуем?

— Затрудняюсь ответить. Она сфокусирована на Мерлине.

Пока они говорили, я нагнулся и подобрал карту.

— Ты можешь нас защитить? — спросила Джасра.

— Я уже начал перебрасывать Мерлина далеко отсюда. Вас тоже?

Подняв глаза, я увидел, что все в комнате истончается, становится прозрачным, словно отлитым из цветного стекла.

— Уж пожалуйста, — попросила витражная Джасра.

— Да, — прошелестел мой тающий брат.

Сквозь огненный обруч — и в темноту...

Я наткнулся на стену, ощупью двинулся вдоль нее. Впереди брезжил слабый свет, мерцали яркие точки...

— Призрак?

Нет ответа.

— Я не в восторге от этого прерванного разговора, — закончил я.

Я шел, пока не оказался у выхода из пещеры. Передо мной было ночное небо. Я шагнул вперед и очутился на пронизывающем ветру. Дрожа, отступил назад.

Я не имел ни малейшего представления, где очутился. Впрочем, какая разница, главное, можно передохнуть. Я напряг логрусское зрение и не сразу нашел теплое одеяло. Завернулся в него, сел. Снова вгляделся. Уже быстрее нашел дрова, совсем скоро их подпалил. Теперь бы еще чашечку кофе... Интересно...

А почему бы нет? Я снова стал искать глазами, и тут в поле зрения вкатилось яркое колечко.

— Папа! Перестань! — произнес обиженный голос. — Мне стоило немалого труда упрятать тебя в этот безвестный уголок Тени. А ты своими заказами привлекаешь к себе внимание.

— Ну тебя! — сказал я. — Мне всего лишь захотелось кофе.

— Я сделаю. Просто не прибегай некоторое время к собственным силам.

— А разве твои действия не будут так же заметны?

— А я окольным путем. Вот!

На полу справа от меня появилась темная керамическая кружка. От нее шел пар.

— Спасибо, — сказал я, беря кружку и вдыхая запах. — Что ты сделал с Мэндором и Джасрой?

— Отправил в разные стороны вместе с кучей мечущихся туда-сюда фальшивых образов. Все, что от тебя требуется, — на время затаиться. Пусть немного ослабит бдительность.

— Кто ослабит?

— Сила, которая завладела Корэл. Нельзя, чтоб она нас отыскала.

— Почему? Помнится, ты спрашивал, уж не бог ли ты... Чего же тебе бояться?

— Есть чего. Похоже, она сильнее меня. С другой стороны, я вроде проворнее.

— И то хорошо.

— Постарайся выспаться. Утром я сообщу, по-прежнему ли она тебя ищет.

— Если я сам раньше не узнаю.

— Не обнаруживай себя, разве что от этого будет зависеть твоя жизнь.

— Я не о том. Что, если она сама меня отыщет?

— Действуй по обстоятельствам.

— Почему мне кажется, что ты темнишь?

— Полагаю, это твоя природная подозрительность, папа. Она у тебя в крови. Мне пора.

— Куда? — спросил я.

— Проверить, как остальные. Выполнить несколько поручений. Позаботиться о саморазвитии. Взглянуть на мои опыты. Все такое... Пока.

— Как насчет Корэл?

Однако светлое кольцо передо мной уже потускнело и исчезло. Вот это называется оборвать разговор. Призрак все больше становится таким же, как мы — хитрым и скрытным.

Я отхлебнул кофе — вполне сносный, хотя и похуже, чем у Мэндора. Интересно, где теперь Мэндор и Джасра? Я решил не предпринимать попыток с ними связаться. Лучше и впрямь оградить себя от колдовского вторжения.

Я призвал Знак Логруса, который ускользнул от меня во время переброски. Велел ему поставить заслон у входа в пещеру. Потом отпустил его. Отпил еще глоток. И сразу понял, что кофе не прогонит сон. Как-никак, я пережил утомительное нервное потрясение. Внезапно навалилась усталость. После третьего глотка я почувствовал, что еле держу кружку. Еще глоток, и глаза начали слипаться.

Я поставил кружку, плотнее закутался в одеяло и поудобнее устроился на каменном полу — благо хрустальный грот приучил меня спать на жестком. Костер отбрасывал дрожащие тени, и сквозь закрытые веки мне чудились призрачные армии. Дрова потрескивали, а казалось — сталь бряцает о сталь. Пахло смолой.

Я отрубился. Сон, прекраснейшее из наслаждений жизни, в отличие от других, не утомляет и не приедается. Он наполнил меня, и я поплыл. Куда и надолго ли — не знаю.

Не могу сказать, что меня разбудило. Просто я был где-то в другом месте и внезапно очнулся в пещере. Я немного откатился во сне, ноги замерзли, и я чувствовал: рядом кто-то есть. Я не открывал глаз и дышал ровно, как спящий. Может, это Призрак решил меня навестить. А может, кто-то проверяет мой заслон.

Я чуть-чуть приоткрыл веки, глянул из-под ресниц. У входа в пещеру стоял кто-то маленький, горбатый, отблески пламени озаряли на удивление знакомое лицо. В его чертах было что-то от меня, что-то от моего отца.

— Мерлин, — произнес незнакомец мягко. — Проснись. Тебя ждут новые края и новые свершения.

Я открыл глаза и вытаращился. Он безусловно подходил под описание.

Фракир дернулась, я погладил ее, успокаивая.

— Дворкин?

Незнакомец хихикнул:

— Он самый.

Старик заходил перед устьем пещеры, то и дело останавливаясь, чтобы протянуть мне руку через заслон, но так ни разу и не решился.

— В чем дело? — спросил я. — Зачем ты здесь?

— Пришел вернуть тебе нить.

— Что за нить?

— В поисках заблудившейся дамы, которая вчера прошла Огненный Путь.

— Корэл? Ты знаешь, где она?

Дворкин поднял руку, опустил, скрипнул зубами.

— Корэл? Это ее имя? Впусти меня, поговорим.

— Мы и так прекрасно беседуем.

— Не уважаешь предка?

— Уважаю. Но у меня есть меняющий обличья брат, который, стоит зазеваться, охотно оторвет мне башку и украсит ею свое логово. — Я сел и потер глаза, одновременно пытаясь собраться с мыслями. — Так где Корэл?

— Идем, покажу.

Он двинулся ко мне. Его рука прошла заслон и тут же вспыхнула. Он, похоже, не заметил. Темные звезды его глаз притягивали. Повинуясь их велению, я встал и двинулся к выходу. Рука начала размягчаться. Горящее мясо плавилось, как воск, капало на землю. Под ним не было костей, только странный геометрический рисунок, словно кто-то сделал объемный набросок руки, а потом наскоро обтянул его грубым подобием плоти.

— Держись за меня.

Я против воли протянул руку к пальцеподобным кривым спиралям костяшек. Меня тянула неудержимая сила, и я беспомощно гадал — что будет, если коснуться этой жуткой ладони?

Чтобы не испытывать судьбу, я призвал Знак Логруса и послал его впереди себя.

Возможно, это было не лучшее решение.

Меня ослепило. Когда зрение вернулось, оказалось, что Дворкин исчез. Я проверил заслон — держит. Коротким простым заклинанием я раздул костер, заметил, что кружка по-прежнему полна: тем же заклинанием, только сокращенным, разогрел кофе. Потом снова закутался в одеяло, сел поудобнее и начал пить. Сколько я ни ломал голову, объяснений происходящему не подыскивалось.

Я знал, что никто уже много лет не видел полубезумного демиурга, хотя, по словам отца, когда Оберон починил Путь, рассудок Дворкина должен был в значительной мере восстановиться. Трудно представить, чтобы Джарт в попытке меня

прикончить выбрал именно это обличье. Если на то пошло, Джарт вряд ли вообще знает, как выглядел Дворкин. Я уже раздумывал, не вызвать ли Призрачное Колесо, чтоб послушать его нечеловеческое мнение. Однако, прежде чем я что-нибудь решил, звезды у входа в пещеру заслонила новая фигура — много выше Дворкина, можно даже сказать — исполинская.

Новоприбывший шагнул вперед, и отсвет костра упал на его лицо.

Я расплескал кофе. Нам не доводилось встречаться, но я сразу узнал его по многочисленным портретам из замка Амбера.

— Я считал, что Оберон погиб, восстанавливая Путь...

— Ты при этом был? — спросил он.

— Нет, — отвечал я, — но ты явился сразу за чудноватым призраком Дворкина и потому должен извинить мою недоверчивость.

— А, то был поддельный Дворкин. Я — настоящий.

— Так кто ж это был?

— Астральное тело одного глупого шутника — чародея Джаласа из четвертого круга Теней.

— Откуда мне знать, — сказал я, — что ты — не отображение какого-нибудь Джаласа из пятого круга?

— Я могу перечислить всю генеалогию амберского царствующего дома.

— У нас это может сделать любой мало-мальски грамотный человек.

— Я включу незаконных.

— Кстати, сколько их?

— Я знаю сорок семь.

— Ничего себе! Как ты успел?

— Разные временные потоки, — отвечал он с улыбкой.

— Если ты не погиб, восстанавливая Путь, то почему не вернулся в Амбер? Почему позволил Рэндому занять трон и замутил воду пуще прежнего?

Он рассмеялся:

— А я погиб. Перед тобой — дух, явившийся призвать живого защитника Амбера на растущую мощь Логруса.

— Даже если ты тот, за кого себя выдаешь, ты все равно обратился не по адресу. Я — посвященный Логруса и сын Хаоса.

— Но ты также посвященный Пути и сын Амбера, — отвечал исполин.

— Верно. Тем больше у меня поводов оставаться над схваткой.

— Каждому раньше или позже приходится выбирать, — молвил он. — И для тебя это время наступило. На чьей ты стороне?

— Даже допуская, что ты — это ты, я все равно не чувствую себя обязанным делать выбор, — сказал я. — А во Дворах бытует легенда, что сам Дворкин был посвященным Логруса. Если так, я всего лишь следую примеру почтенного предка.

— Но он отрекся от Хаоса, когда основал Амбер.

Я пожал плечами:

— Хорошо, что я ничего не основал. Если я должен что-нибудь сделать, объясни, докажи, зачем это надо. Я, может быть, и соглашусь.

Он протянул руку:

— Идем со мной, я поставлю тебя пред новым Путем, который ты должен пройти в состязаниях между силами.

— Я по-прежнему не понимаю, о чем ты говоришь, но уверен, что настоящего Оберона не остановил бы такой простенький заслон. Подойди, пожми мне руку, и я охотно отправлюсь взглянуть, что там у тебя.

Он выпрямился и стал еще огромнее.

— Испытываешь меня?

— Да.

— Человеком я сделал бы это без труда, но не знаю, можно ли положиться на мою нынешнюю, дрянную призрачную субстанцию. Предпочту не рисковать.

— В таком случае я тоже с благодарностью отклоню ваше предложение.

— Внучок, — произнес он спокойно, и в глазах его вспыхнули красные огоньки. — Ко мне, даже к мертвому, не смеет так обращаться плоть от плоти моей. Ну, держись! Не идешь добром — поведу силой.

Он двинулся на меня, я отступил на шаг.

Он ударил по моей защите. Я заслонился ладонью, как от фотовспышки. Щурясь сквозь пальцы, я наблюдал, как с Обероном происходит примерно то же, что раньше с Дворкиным. Он частично просвечивал, частично плавился. Внешняя оболочка стекала, под ней проступали извивы и протоки, параболы и перемычки — схематический чертеж, вписанный в абрис высокого мускулистого мужчины. Впрочем, в отличие от Дворкина, он не исчез, а лишь замедлился, миновав мой заслон. Не знаю, кто это был, но ужас он вызывал непомерный. Продолжая отступать, я поднял руки и снова воззвал к Логрусу.

Знак Логруса возник между нами. Абстрактная версия Оберона надвигалась, призрачные руки уперлись в извивающиеся щупальца Хаоса.

Я не управлял изображением Логруса в его схватке с призраком — мне было слишком страшно. Я скорее швырнул Знак в подобие короля, пригнулся, проскочил мимо них обоих и покатился, цепляясь руками и ногами за склон. Ударился о валун, задержался и успел втянуть голову в плечи, когда пещера рванула, словно пораженный снарядом склад боеприпасов.

С минуту я лежал зажмурясь. Меня била дрожь. Сейчас он явится по мою душу, если, конечно, мне не удалось вполне затаиться и прикинуться булыжником.

Тишина. Открыв глаза, я увидел, что свет погас, а пещера стоит как стояла. Я медленно поднялся, еще медленнее приблизился к устью. Знак Логруса куда-то подевался, и мне что-то не хотелось его возвращать. Я заглянул в пещеру. Никаких признаков стычки, если не считать проломленной защиты.

Я вошел. Одеяло лежало на месте. Потрогал стену — холодная. Видимо, взрыв произошел на другом уровне реальности. Костерок еле тлел. Я раздул пламя и не увидел ничего нового — разве что кофейная кружка раскололась.

Я продолжал держаться за стену. Потом привалился к ней боком. Внезапно меня разобрал смех. Почему — не знаю. Слишком многое навалилось на меня после тридцатого апреля. Если бы я не рассеялся, то, наверное, взвыл и принялся колотить себя в грудь.

Я думал, что знаю всех участников этой запутанной игры. Люк и Джасра вроде бы оказались на моей стороне, вместе с Мэндором. Безумный брат Джарт жаждет меня убить, теперь он объединился с моей бывшей возлюбленной Джулией, которая тоже настроена кровожадно. Еще есть ти'ига — сверхзаботливая демоница, вселившаяся в тело Найды, сестры Корэл, — ее я оставил в Амбере, погруженную в колдовской сон. Есть профессиональный вояка Далт, который, кста-

ти, приходится мне дядей, — он с неведомой целью умыкнул Люка, предварительно отколошматив его на глазах у двух армий в Арденском лесу. Далт точит зубы на Амбер, но способен лишь на мелкие партизанские вылазки. Есть Призрачное Колесо, мой кибернетический банкомет и второстепенный механический полубог, который из пылкого маньяка превратился в рассудительного параноика, — не знаю, куда это его заведет, но, по крайней мере, он демонстрирует и некое сыновнее почтение вкупе с нынешней трусостью.

Вот вроде и все.

Однако последние события подразумевают, что в игру включилось что-то еще и это «что-то» пытается увлечь меня в третьем направлении. Призрак утверждает, что это «что-то» — сильное. У меня не было ни малейших догадок касательно его природы. И ни малейшего желания ему доверять. Неловкие отношения.

— Эй, малыш! — раздался знакомый голос ниже по склону. — Тебя поди разыщи! Ты на месте не засиживаешься.

По склону поднималась одинокая фигура. Крепкий мужчина. Черт лица в темноте не разобрать.

Я отступил на шаг и начал заклинание, которое восстановило бы заслон.

— Эй, не убегай! Мне надо с тобой поговорить!

Защита встала на место, *я вытащил меч и повернулся боком ко входу, пряча* клинок за правой ногой. *Велел Фракир незаметно свеситься с моей левой руки.*

Второй посетитель оказался сильнее первого, раз сумел разметать мой заслон. Если третий окажется сильнее второго, мне потребуются все средства самозащиты.

— Кто ты? — крикнул я. — И чего тебе надо?

— Проклятье! — отозвался он. — Да никто особенно. Просто твой отец. Мне нужна помощь и не хочется обращаться к чужим.

Он вышел на свет. Должен признать, это и впрямь был вылитый принц Корвин из Амбера — черный плащ, сапоги, штаны, серая рубаха, серебряные запонки, пряжка, даже серебряная роза на месте — и улыбался так же язвительно, как и настоящий Корвин, когда давным-давно рассказывал мне свою историю.

У меня заныло под ложечкой. Я так хотел познакомиться с ним ближе, но он исчез, и мне больше не удалось его разыскать. И теперь это призрачное чучело принимает облик моего отца, чтобы я размяк. Меня разобрала злость. До чего же подлая уловка!

— Первым был самозваный Дворкин, — сказал я. — Вторым — Оберон. Карабкаемся по родословному древу, а?

Он сощурился и недоуменно склонил голову набок. Еще один правдоподобный штрих.

— Не понимаю, о чем ты, Мерлин. Я...

Призрак коснулся заслона и вздрогнул, словно наткнувшись на оголенный провод.

— Тысяча чертей! — вскричал он. — Ты, что ли, совсем никому не доверяешь?

— Семейная традиция, — отвечал я, — подкрепленная недавним опытом.

Впрочем, меня несколько смутило отсутствие пиротехнических эффектов. Когда он начнет превращаться в трехмерный чертеж?

С новым проклятием призрак перебросил плащ через левую руку, правая метнулась к превосходной копии отцовских ножен. Украшенный серебряной насечкой клинок со свистом описал дугу и ударил в самое средоточие заслона. Искры брызнули на фут, лезвие зашипело, словно его раскалили и окунули в воду. Серебряный девиз вспыхнул, снова взметнулись искры — в этот раз на высоту человеческого роста, — и я почувствовал, что моему заслону пришел конец.

Призрак вступил в пещеру, я развернулся и взмахнул мечом. Однако клинок, очень похожий на Грейсвандир, вновь описал круг, отбил мой выпад и нацелился мне в грудь. Я применил четвертую позицию, однако его клинок ушел вниз, продолжая мне угрожать. Я применил шестую, но поразил лишь воздух, купившись на ложный выпад. Клинок надвигался снизу. Я снова парировал. Противник отклонился вправо, выбросил мне в лицо растопыренную левую ладонь, опустил острие и, словно фокусник, перехватил эфес.

Слишком поздно я заметил, как взметнулась правая рука. Левая коснулась моего затылка. Головка Грейсвандировой рукояти двигалась прямо мне в челюсть.

— Так ты и вправду... — начал я, но договорить не успел.

Последним, что я видел, была серебряная роза.

Такова жизнь: доверяй — и тебя обманут, не доверяй — обманешься сам. Как большинство парадоксов, он неразрешим. Да и поздно было думать. Сделанного не воротишь.

Я очнулся в полной темноте, встревоженный и сбитый с толку. Как всегда в таких случаях, я оставался лежать неподвижно и дышал ровно, будто еще сплю. И вслушивался.

Ни звука.

Я чуть-чуть приоткрыл глаза.

Маловразумительное зрелище. Я снова зажмурился.

Может быть, удастся уловить колебания поверхности, на которой я лежу ничком?

Не колеблется.

Я полностью открыл глаза и с трудом поборол желание тут же опять закрыть. Приподнялся на локтях, потом подобрал под себя колени. Повернул голову. Ничего чуднее я не видел с тех пор, как пьянствовал с Люком и Чеширским Котом.

Все вокруг было совершенно лишено красок, только черное, белое и серое. Как фотографический негатив. Зияющая черная дыра — надо полагать, солнце — висела невысоко над горизонтом по правую руку от меня. По темно-серому небу лениво проплывали чернильно-черные облака. Я сам превратился в негра, зато камни подо мной и вокруг лучились ослепительной белизной.

Я медленно встал, огляделся. Да. Земля сверкает, небо темно, я — серая тень между ними. Прямо скажу, приятного мало.

Воздух был сухой, морозный. Я стоял у подножия кипенно-белых гор, наводящих на мысли об Антарктиде. Они уходили влево. Справа, в направлении восходящего — если моя догадка верна — солнца тянулась черная равнина. Пустыня? Мне пришлось заслониться ладонью от ее пронзительно... чего? Антисвета?

— Черт! — попытался сказать я и обнаружил сразу два обстоятельства.

Во-первых, мое восклицание осталось беззвучным. Во-вторых, челюсть болела там, куда ударил отец или его подобие.

Я повторил свое беззвучное словцо и вытащил карты. Если меня забросило куда-то не туда, лучше не строить пустых догадок. Я вытащил карту Призрачного Колеса, сосредоточился.

Никакого отклика. Но, может быть, Призрак, который и велел мне затаиться, попросту не хочет отвечать на зов. Я перетасовал колоду. Остановился на Флоре. Она всегда охотно выручала меня в трудную минуту. Я вгляделся в ее милое лицо, сосредоточился...

Ни один золотистый локон не шелохнулся. Температура не снизилась и на градус. Карта оставалась картой.

Я удвоил усилия и даже подкрепил их заклинанием. Дохлый номер.

Тогда Мэндор. Несколько минут я убил на его карту — тот же результат. Попытался связаться с Рэндомом. Ничего. Бенедикт, Джулиан. Нет и нет. Фиона, Люк, Билл Рот. Еще три пустышки. Я даже вытащил пару карт Судьбы, но не смог достучаться ни до сфинкса, ни до сооружения из костей на горе зеленого стекла.

Я сложил колоду, убрал ее в футляр и в карман. Раньше такое случалось только в хрустальной пещере. Впрочем, карты можно блокировать самыми разными способами. Сейчас не время гадать, что же произошло. Важнее придумать, как перебраться в какое-нибудь более приветливое место, а выяснением причин заняться на досуге.

Я пошел. Ноги мои ступали совершенно бесшумно. Я пнул гальку. Она запрыгала вперед, но я ровным счетом ничего не услышал.

Белое налево, черное — направо. Горы или пустыня. Я свернул влево. Ничто не двигалось, кроме черных-пречерных облаков. Каждый выступ отбрасывал режущую глаз белизну — сумасшедшую тень на сумасшедшей земле.

Еще раз свернуть налево. Три шага... обогнуть валун. Вверх по склону. Через холм и вниз. Вскоре слева между камнями покажется алая полоска...

Ничего подобного. Ладно, в следующий раз...

Острая боль в лобной пазухе. Ни намека на красное. Вперед.

Расселина справа, за следующим поворотом.

Я потер виски, которые начало ломить, когда никакой расселины не обнаружилось. Я засопел, на лбу выступил пот.

Болотная зелень в мелких синих цветочках у подножия следующего косогора...

Заломило в затылке. Никаких цветов. Никакой болотной зелени.

Тогда пусть облака разойдутся и солнце изольет черноту...

Ничего подобного.

...и журчание бегущего ручейка донесется из следующей расселины.

Мне пришлось остановиться. Голова раскалывалась, руки тряслись. Я тронул каменную скалу слева. Твердая. Несокрушимая реальность. Почему же она так на меня давит?

И как я здесь очутился?

И что это за место?

Я расслабился. Замедлил дыхание, перераспределил энергию. Боль в голове утихла, отпустила.

Я двинулся дальше.

Птичий гомон и легкий ветерок... Цветы на растрескавшейся почве...

Черта с два! И вновь упрямая боль...

Что за заклятие на мне, если я не могу перемещаться внутри Тени? Я как-то всегда полагал, что эту способность отнять нельзя.

— Не смешно, — попытался сказать я. — Кто бы и где бы ты ни был, зачем тебе это? Чего ты добиваешься? Где ты?

Вновь никакого отклика.

— Я не знаю, как ты это сумел. И зачем? — силился выкрикнуть я, потом задумался. — Я не чувствую на себе заклятия. Но зачем-то я здесь очутился? Давай выкладывай, чего тебе нужно!

Ничегошеньки.

Я пошел дальше, рассеянно продолжая попытки пройти сквозь Тень и размышляя. У меня было чувство, будто я упустил что-то ужасно простое.

И маленький алый цветок вот за тем валуном...

Я обошел валун и увидел цветочек, который полуосознанно наколдовал. Я рванул к нему, желая убедиться, что Вселенная, в сущности, симпатизирует Мерлину и желает ему только добра.

Я запнулся о камень, взметнул облако пыли, удержался на ногах, выпрямился, огляделся. Еще минут десять-пятнадцать я потратил на поиски цветка. Потом чертыхнулся и пошел прочь. Никто не любит, чтобы Вселенная упражнялась на нем в остроумии.

Внезапно меня осенило. Я обшарил карманы — не завалялся ли там хоть крохотный голубой осколок. Вот что может перенести меня через Тень к своему первоисточнику. Однако нет — даже голубой пылинки не засыпалось за подкладку. Все они в отцовской могиле. Видимо, это было бы слишком просто.

Чего же я все-таки недопонимаю?

Лже-Дворкин, лже-Оберон и человек, назвавшийся моим отцом, — все они хотели отвести меня в какое-то неведомое место, где, как утверждал Оберон, предстоит сражение между силами. Корвину — или не Корвину — это, похоже, удалось. Я потер ушибленную челюсть. Только что это за игра? И как расставлены силы?

«Оберон» что-то болтал, будто я должен выбрать между Амбером и Хаосом. Однако в этом же разговоре он несколько раз солгал. К чертям и Амбер, и Хаос! Я не просил втягивать меня в борьбу. У меня своих забот хватает. Не желаю даже узнавать правил, по которым это безобразие разыгрывается.

Я пнул белый камешек, проводил его взглядом. На проделки Джарта или Джулии не похоже. То ли в игру вступил новый фактор, то ли какой-то старый изменился до неузнаваемости. С чего все началось? Похоже, это как-то связано с силой, которая выслеживала меня после попытки связаться с Корэл. Остается допустить, что она таки меня разыскала... Но что это за сила? Похоже, было нужно, чтоб я увидел Корэл в кольце огня. Надо думать, то, что кроется за нынешней ситуацией, обреталось где-то поблизости. Но где Корэл? Она попросила Огненный Путь отправить ее, куда следует... Сейчас я не могу спросить Путь, где это... и не могу пройти его, чтоб попросить отправить меня вслед за ней.

Однако пора твердо сказать, что я в эти игры не играю, и поискать иной выход. Раз мои карты закоротило, а способность перемещаться по Тени загадоч-

ным образом улетучилась, значит, надо прибегнуть к более мощному средству. Я призову Знак Логруса и проломлюсь сквозь Тень силою Хаоса.

Фракир врезалась мне в запястье. Я быстро огляделся в поисках надвигающейся угрозы, но ничего не увидел. Еще несколько минут я оставался начеку, всматривался в местность. Все было тихо, Фракир больше не дергалась.

Что ж, она не первый раз всполошилась на пустом месте — может, в ответ на блуждающие астральные токи, а может — на какую-то мою случайную мысль. Однако в таком месте лучше не рисковать.

Шагах в ста и чуть левее торчала довольно высокая глыба. Я добрался до нее и полез вверх. Вскарабкался на меловую верхушку и огляделся. Насколько хватал глаз, молчаливый мир был совершенно безжизненным.

Я убедился, что тревога ложная, слез с камня. Снова собрался призвать Логрус, и Фракир чуть не перерезала мне руку. Черт. Не обращая на нее внимания, я позвал.

Знак Логруса возник и ринулся на меня. Он трепетал, как бабочка, а налетел, как грузовик. Черно-бело-серый мир померк, словно оборвалась старая кинохроника.

IV

Я очнулся с раскалывающейся головой, с привкусом грязи во рту. Я лежал ничком. Из сумятицы мыслей всплыло воспоминание. Я открыл глаза. Все по-прежнему белое, черное и серое. Я выплюнул песок, протер глаза, сморгнул. Знак Логруса исчез, и я не мог понять, что между нами произошло.

Я сел, обхватил руками колени. Похоже, я угодил в переплет. Все мои сверхъестественные способности к передвижению или общению заклинило. Я не мог придумать ничего лучше, чем встать и двинуться куда глаза глядят.

Меня передернуло. Куда я приду? Просто в другую точку все той же однообразной страны?

Внезапно рядом негромко кашлянули.

Я мигом вскочил и огляделся. Никого.

— Кто здесь? — выговорил я одними губами, отчаявшись задать вопрос вслух.

Снова покашливание, где-то совсем близко.

Потом:

— Мне надо кое-что тебе сообщить, — прозвучало в голове.

— Что? Кто ты? Что сообщить? — попытался спросить я.

— Извини, — отвечал приглушенный голос, — мне это пока внове. Если отвечать по порядку, я там же, где всегда — на твоем запястье. Логрус, пробившись, добавил мне возможностей, чтобы я смогла передать тебе его сообщение.

— Фракир?

— Да. Первое, что я приобрела, когда ты пронес меня через Логрус, — это способность чуять опасность, подвижность, боевые рефлексы и зачатки сознания. В этот раз Логрус добавил способность к прямому телепатическому контакту и усилил мое сознание, чтобы я смогла пересказать его слова.

— Зачем?

— Он торопился, поскольку мог пробыть здесь лишь долю секунды, и это был единственный способ ввести тебя в курс дела.

— Я не знал, что Логрус обладает сознанием.

Послышалось что-то вроде смешка.

Затем:

— Трудно дать определение разуму такого порядка, и, полагаю, ему нечасто приходится говорить, — отвечала Фракир. — Его энергии обыкновенно направлены на другое.

— Ладно, а зачем он меня вырубил?

— Нечаянно. Это побочное следствие того, что он сделал со мной, когда увидел, что не может объясниться с тобою иначе.

— Почему он не мог пробыть здесь дольше? — спросил я.

— Такова природа этой страны, которая лежит между Тенями и в основном недоступна как для Пути, так и для Логруса.

— Своего рода демилитаризованная зона?

— Нет, дело не во взаимном соглашении. Просто и тому и другому крайне трудно сюда проникнуть. Вот почему местность выглядит практически первозданной.

— То есть они не могут сюда попасть?

— Примерно так.

— Как вышло, что я ничего об этом не слыхал?

— Может быть, потому что сюда вообще трудно попасть.

— Так что ты хотела сообщить?

— Главным образом, чтоб ты больше не вызывал Логрус, пока остаешься здесь. Проводящая среда крайне ненадежна, и неизвестно, как спроецированная энергия поведет себя без заземления. Это может быть для тебя опасно.

Я потер пульсирующие виски. По крайней мере, новая боль отвлекла от мыслей об ушибленной челюсти.

— Ладно, — согласился я. — Он намекнул, зачем я здесь оказался?

— Да. Это испытание. Какого рода — не знаю.

— Есть ли у меня выбор?

— В каком смысле?

— Могу ли я взбунтоваться?

— Полагаю, да. Но тогда не знаю, как ты отсюда выберешься.

— Значит, меня отсюда выпустят, если я исполню их требования?

— Если останешься в живых, да. Если не останешься, наверное, тоже.

— Значит, выбора у меня все-таки нет.

— Выбор будет.

— Когда?

— Где-то впереди. Где именно, не знаю.

— Почему бы просто не повторить мне свои инструкции?

— Рада бы, да не могу. Они всплывают в ответ на вопрос или ситуацию.

— А душить ты от этого не разучилась?

— Нет.

— И то хлеб. Есть у тебя какие-нибудь предположения, что мне делать дальше?

— Да. Взбираться на самую высокую гору слева.

— Которую... Ага, кажется, вижу, — сказал я, наткнувшись взглядом на ослепительно белый утес.

Я двинулся вперед и вверх по склону. В сером небе медленно поднималось черное солнце. Стояла зачарованная тишь.

— А ты знаешь, что именно мы должны в итоге найти? — попытался выговорить я в сторону Фракир.

— Я уверена, что информация во мне есть, — последовал ответ, — но вряд ли ее удастся извлечь, пока мы не дошли до места.

— Надеюсь, ты не ошибаешься.

— Я тоже.

Склон становился все круче. Я не мог знать, сколько прошло времени, но, вероятно, не меньше часа, прежде чем я одолел предгорья и начал собственно подъем. За всю дорогу мне не встретилось ни одного следа и вообще никаких признаков жизни, но несколько раз я натыкался на длинные, видимо, природные рытвины, ведущие к высокому белесому обрыву. Должно быть, на его штурм ушло несколько часов, потому что черное солнце перевалило через зенит и начало клониться к западу, за вершину. Меня бесила невозможность выругаться вслух.

— Откуда мне знать, что я делаю именно то? Или иду, куда надо? — спросил я.

— Ты по-прежнему движешься в верном направлении, — отвечала Фракир.

— А долго еще?

— Понятия не имею. Но когда доберешься, сразу пойму.

— Солнце вот-вот скроется за горой. Ты не обознаешься в темноте?

— Думаю, когда солнце сядет, небо просветлеет. У негативного пространства есть свои забавные особенности. Одним словом, здесь что-нибудь всегда светло и что-нибудь всегда темно. Не заблудишься.

— Как по-твоему, что мы тут вообще делаем?

— Полагаю, участвуем в одном из этих дурацких рыцарских приключений.

— Воображаемом? Или настоящем?

— Они все состоят из того и другого поровну, но, чувствую, в нашем изрядно преобладает второе. С другой стороны, все, что ты встречаешь между мирами, излишне тяготеет к аллегории, к символу — ко всей той дряни, которую люди выпихивают в область бессознательного.

— Другими словами, этого ты тоже не знаешь.

— Наверняка не знаю, хотя пробавляюсь гениальными догадками.

Я уцепился руками, подтянулся, вылез на следующий уступ. Некоторое время шел по нему, потом снова полез вверх.

Солнце наконец скрылось, но темнее от этого не стало. Тьма и свет просто поменялись местами.

Я вскарабкался на пяти-шестиметровый обрыв и остановился, увидев за ним в скале углубление — даже не пещеру, а явно рукотворный свод, такой высокий, что под него можно было бы въехать верхом.

— Надо же, — встрепенулась Фракир. — Оно.

— Что? — спросил я.

— Первый привал, — отвечала она. — Ты должен остаться здесь и кое-что сделать, прежде чем пойдешь дальше.

— Что именно?

— Не проще ли войти и поглядеть?

Я вылез на площадку, встал и пошел вперед. Углубление заполнял все тот же рассеянный, непонятно откуда идущий свет. Я потоптался у входа, заглянул внутрь.

Это походило на домовое святилище. Крохотный алтарь, на нем — две свечи в ореоле дрожащей тьмы. В стенах вырублены каменные скамьи. Я насчитал пять входов, кроме того, в котором стоял: три в дальней стене, один справа и один слева. Посредине на полу — две груды доспехов. И нигде никаких религиозных символов, никаких объектов поклонения.

Я вошел.

— И что мне здесь делать?

— Стеречь свои доспехи. Всю ночь.

— Допустим, — сказал я, подходя к грудам. — А зачем?

— Это мне неизвестно.

Я поднял щегольскую белую кирасу, в которой стал бы похож на сэра Галахада*. Как на меня сделана!.. Я покачал головой, положил кирасу на место. Перешел к другой куче, поднял странноватого вида стальную перчатку. Тут же бросил ее, переворошил кучу. Все тоже на меня. Только...

— В чем дело, Мерлин?

— Белое, — сказал я, — судя по всему, придется мне впору прямо сейчас. Черное — подобно тому, что носят во Дворах, и, полагаю, будет мне впору в моем хаотическом обличье. То есть оба комплекта на меня, но для разных обстоятельств. Однако я могу надеть либо один, либо другой. Который мне стеречь?

— Полагаю, в этом-то вся и соль. Похоже, ты должен сделать выбор.

— Конечно! — Я щелкнул пальцами, не услышал ничего. — Какой я тупица, если моя же удавка должна объяснять мне очевидные вещи!

Я плюхнулся на колени, сгреб доспехи в одну безобразную кучу.

— Раз уж стеречь, — сказал я, — так буду стеречь обе. Не желаю ничего выбирать.

— Мне кажется, кое-кому это придется не по вкусу, — отвечала Фракир.

Я отступил на шаг и обозрел кучу.

— Объясни мне еще раз про это ночное бдение, — попросил я. — Что от меня требуется?

— Сидеть до рассвета и стеречь оружие.

— От кого?

— Полагаю, от любых посягательств. Силы Порядка...

— ...или Хаоса.

— Я понимаю, куда ты клонишь. Кто угодно может подкрасться и что-нибудь ухватить из кучи.

Я сел на скамью у дальней стены, между двумя входами. Приятно было расслабиться после утомительного подъема. Однако какая-то мысль не давала покоя. Наконец я спросил:

— К чему все это?

— О чем ты?

— Сидеть ночь напролет и глядеть на кучу железок. Допустим, кто-нибудь правда войдет и попробует что-нибудь взять. Допустим, я даже его убью. Наступает утро, оружие по-прежнему здесь, я по-прежнему здесь. Что дальше? Что я выиграл?

— Ты должен будешь облачиться в доспехи, препоясаться мечом и идти дальше.

Я подавил зевок.

— Знаешь, мне это как-то ни к чему, — сказал я, немного помолчав. — Я не ношу доспехов, и меня вполне устраивает мой меч. — Я похлопал рукой по эфесу. Он показался непривычным, как, впрочем, и все в этом странном мире. — Почему не оставить железяки здесь и не двинуться к следующему испытанию? В чем оно, кстати, состоит?

— Не знаю. Логрус заложил в меня информацию таким образом, что она всплывает по мере развития событий. Например, я не знала про эту пещеру, пока ее не увидела.

Я потянулся, сложил руки на груди. Прислонился к стене, вытянул ноги, скрестил их.

— Значит, мы должны торчать здесь, пока тебя снова не осенит.

— Верно.

— Разбуди меня, когда все кончится, — сказал я и закрыл глаза.

Запястье резануло почти болезненно.

— Эй, так нельзя! — воскликнула Фракир. — Весь смысл в том, чтобы ты сидел и смотрел.

— Ну и дурацкий смысл, — сказал я. — Я отказываюсь играть в эти глупые игры. Если кому-то нужны эти доспехи, пусть берет, я еще и приплачу.

— Валяй, засыпай. Но что, если кто-то придет за доспехами и решит для начала устранить тебя?

— Во-первых, — ответил я, — мне не верится, что кто-то польстится на груду средневекового железного лома. А во-вторых, это твое дело — предупреждать меня об опасности.

— Есть, командир. Только вот место непривычное, что, если оно как-то ослабило мои способности?

— Ты уже взрослая, — сказал я, — как-нибудь выкрутишься.

Я задремал. Мне снилось, что я стою в заколдованном круге, куда все пытаются проникнуть. Касаясь преграды, они оборачивались ходульными, карикатурными персонажами и сразу пропадали — все, кроме Корвина из Амбера, моего отца, который чуть заметно улыбнулся и покачал головой.

— Раньше или позже, но тебе придется отсюда выйти, — сказал он.

— Тогда пусть это будет позже, — отвечал я.

— И все твои сложности останутся при тебе.

Я кивнул:

— Зато я отдохну.

— Что ж, это компромисс. Удачи.

— Спасибо.

Затем сон распался на несвязные образы. Помню, я вроде бы стоял вне круга и гадал, как в него вернуться...

Не скажу наверняка, что меня разбудило. Уж конечно, не шум. Просто я ни с того ни с сего оказался на ногах, совершенно бодрый, и первое, что увидел перед собой, — рябого гнома, который, стиснув свое горло, неподвижно лежал возле кучи с оружием.

— Что происходит? — попытался спросить я.

Тишина.

Я подошел к лежащему крепышу, встал на колени, поискал на горле пульсирующую жилку, но так и не нащупал. И в тот же миг мне защекотало запястье — Фракир, попеременно становясь то зримой, то незримой, вползла на свое место.

— Это ты его так? — спросил я.

Она легонько задрожала:

— Самоубийцы не душат себя сами.

— Почему ты меня не разбудила?

— Тебе надо было отдохнуть, а я отлично справилась сама. Однако наше сопереживание слишком сильно. Извини, что разбудила.

Я потянулся.

— Долго я спал?

— Думаю, несколько часов.

— А знаешь, мне даже жаль, — сказал я, — эта мусорная свалка не стоит ничьей жизни.

— Теперь стоит, — отвечала Фракир.

— Верно. Ну, раз кто-то за нее погиб, ты, наверно, можешь сказать, что делать дальше.

— Картина и впрямь немного прояснилась, хотя пока не настолько, чтобы действовать. Надо дождаться утра.

— Тебе, случаем, не сообщили, где здесь поблизости еда и питье?

— За алтарем должен быть кувшин с водой. И хлеб. Но это на утро. Ночь ты должен провести в посте.

— Я бы так и поступил, если б принимал эту нудятину всерьез, — сказал я и повернулся к алтарю.

Я сделал два шага, и мир начал разваливаться на куски. Пол задрожал, и я услышал первый за все время звук — воющий скрежет откуда-то из недр горы. В бесцветном воздухе замелькали яркие краски, такие насыщенные, что я едва не ослеп. Потом краски исчезли, и комната разделилась. Стена со стороны входа налилась белизной. С другой стороны повисла кромешная тьма, скрывшая три выхода.

— Что... это? — спросил я.

— Что-то ужасное, — отвечала Фракир. — Недоступное моему разумению.

Я стиснул рукоять меча и быстро проверил, какие остались чары. Раньше чем я успел сделать что-нибудь еще, комнату наполнило жуткое ощущение присутствия — такого мощного, что я передумал вытаскивать меч или произносить заклинание.

В обычных обстоятельствах я бы призвал Знак Логруса, но и этот путь был для меня отрезан. Я попытался прочистить горло, но не сумел извлечь никакого звука. И тут в середине света что-то зашевелилось, замерцало...

Из стены выступил Единорог; светло горящий, словно блейковский тигр*, он лучился так, что я поневоле отвел взгляд.

Я посмотрел на глубокую, прохладную тьму, чтобы успокоить глаза, но не тут-то было: в темноте что-то ворочалось.

Снова заскрежетало, словно железом о камень. Скрежет перерос в громкое шипение. Даже раньше, чем лучи Единорога пронизали густой мрак, я понял, кто вползает в святилище: огромный одноглазый змей. Я перевел взгляд на середину пола, чтоб видеть обоих краем глаза — все лучше, чем пялиться в упор. Я чувствовал, что они смотрят на меня — Единорог Порядка и Змей Хаоса. Ощущение малоприятное. Я попятился, уперся спиной в алтарь.

Они надвигались. Единорог опустил голову и наставил на меня рог, Змей высунул подрагивающий язык.

— Если вы за доспехами, — сказал я, — то берите, не возражаю.

Змей зашипел, Единорог ударил копытом оземь. Трещина черной молнией побежала к моим ногам.

— У меня и в мыслях не было обидеть ваши светлейшества, — сказал я. — Мое дело предложить...

— Опять не то, — слабым голосом вмешалась Фракир.

— Скажи, как надо, — мысленным шепотом ответил я.

— Я не... Ой!

Единорог встал на дыбы; Змей поднял голову и закачался на хвосте. Я рухнул на колени и отвел глаза — их взгляды ранили почти физически. Я дрожал, все мое тело ломило.

— Они хотят, — перевела Фракир, — чтобы ты играл по правилам.

Не знаю, какой сталью налился мой хребет, но я вскинул голову и посмотрел сперва на Змея, потом на Единорога. Хотя глаза наполнились слезами и болели, как если бы я смотрел на солнце, тем не менее мне удалось произвести нужное впечатление.

— Вы можете принудить меня к игре, но не к выбору. Моя воля свободна. Я буду стеречь оружие всю ночь, как было велено. Утром я уйду без него, потому что так захотел.

— Без него ты можешь погибнуть, — сказала Фракир, словно повторяя чужие слова.

Я пожал плечами:

— Если выбирать нужно между вами, я не отдам первенства никому.

Меня обдало раскаленно-пронизывающим ветром, словно вздохнула вселенная.

— Ты выберешь, — продолжала Фракир, — сам того не зная. Все останавливаются на чем-то одном. Тебя лишь просят оформить свой выбор.

— Почему именно меня? — спросил я.

Новый порыв ветра.

— Ты обладаешь двойным наследством и наделен огромной властью.

— Я не хочу ссориться ни с кем из вас.

— Нам этого мало, — последовал ответ.

— Тогда убейте меня прямо сейчас.

— Игра уже начата.

— Значит, не мешайте мне ее продолжать.

— Мы недовольны твоим отношением.

— Взаимно, — отвечал я.

Ударил гром, и я потерял сознание. Если я отважился на такую откровенность, то лишь по глубокому внутреннему убеждению, что участника для этой игры не так-то легко сыскать.

Я очнулся на куче наколенников, кирас, перчаток, шлемов и тому подобного добра, исключительно угловатого и шипастого, причем каждый острый выступ вписывался в мое тело. Я осознавал это постепенно, потому что отлежал себе все что можно.

— Привет, Мерлин.

— Фракир, ты? — отозвался я. — Долго я провалялся?

— Не знаю. Я сама только-только очухалась.

— Я и не знал, что можно оглушить кусок веревки.

— Я тоже. Со мной это первый раз.

— Ладно. Спрошу по-другому. Сколько, по-твоему, мы провалялись без сознания?

— Мне кажется, долго. Поднеси меня к выходу, тогда я скажу точнее.

Я с трудом оттолкнулся от пола, выпрямился, но не устоял и рухнул на четвереньки. Тогда я пополз к выходу, отметив по дороге, что из кучи вроде бы ничего не пропало. В полу зияла самая настоящая трещина, в глубине комнаты лежал самый настоящий мертвый гном.

Я выглянул наружу, увидел яркое небо, испещренное черными точками.

— Ну? — спросил я после недолгого молчания.

— Если не ошибаюсь, скоро утро.

— Перед рассветом небо всегда ярче, да?

— Что-то в этом духе.

Кровь возвращалась в затекшие члены, все тело кололо словно иголками. Я с трудом выпрямился, прислонился к стене.

— Есть какие-нибудь новые указания?

— Пока нет. Думаю, к утру появятся.

Я доковылял до ближайшей скамьи и рухнул на нее.

— Если сейчас кто-нибудь войдет, мне придется отбиваться какими ни на есть чарами. Спать на доспехах — извращение. Почти как спать в них.

— Брось меня во врага, я, по крайней мере, выиграю тебе время.

— Спасибо.

— Давно ты себя помнишь?

— Да, наверное, с раннего детства. А что?

— Я помню свое первое пробуждение к жизни, тогда, в Логрусе. Но до вчерашнего дня все было как во сне. Я плыла по течению.

— Что ж, многие так живут.

— Правда? Я не могла ни думать, ни общаться.

— Верно.

— Как по-твоему, это теперь навсегда?

— Что именно?

— Может, эти способности даны мне только на время? Только для этой страны, а потом пропадут?

— Не знаю, Фракир, — сказал я, растирая левую икру. — Думаю, не исключено. А ты уже вошла во вкус?

— Да. Глупо, конечно. Зачем переживать о том, о чем не смогу пожалеть, когда утрачу?

— Хороший вопрос, и я не знаю ответа. Может, ты бы так и так до этого дошла.

— Не уверена. Но точно не знаю.

— А ты боишься стать прежней?

— Да.

— Знаешь что? Когда мы поймем, как отсюда выбраться, ты останешься здесь.

— Не могу.

— А почему бы нет? Конечно, ты была мне большим подспорьем, но я и сам способен за себя постоять. Заживешь своей жизнью, сознательной.

— Но я же чудовище. Урод.

— Да мы все такие. Я просто хочу сказать, что понимаю тебя и, по мне, ты очень даже хороша.

Она дернулась и замолкла.

Я пожалел, что боюсь выпить воды.

С час я сидел, мысленно перебирая недавние события и пытаясь отыскать хоть какие-нибудь зацепки или намеки.

— Я вроде как подслушала твои мысли, — произнесла вдруг Фракир. — И могу кое-что подсказать.

— Да? Что именно?

— Тот, кто доставил тебя сюда...

— Похожий на моего отца?

— Да.

— И что он?

— Он был не такой, как первые два. Он — человек, они — нет.

— То есть это и вправду был Корвин?

— Мы прежде не встречались, так что наверняка не скажу. Но одно точно — он не такой, как эти, тригонометрические.

— Ты знаешь, кто они?

— Нет. Я только уловила за ними одну странность, и она ставит меня в тупик.

Я наклонился, сжал руками виски. Несколько раз глубоко вздохнул. В горле у меня пересохло, все мышцы болели.

— Говори, я жду.

— Я не знаю, как объяснить, — сказала Фракир. — Однако давно, в мои бессознательные дни, ты необдуманно пронес меня на себе через Огненный Путь.

— Помню. Тебе это так не понравилось, что у меня долго не проходил рубец.

— Порождения Хаоса плохо уживаются с порождениями Порядка. Однако я осталась жива. И событие записано в моей памяти. Так вот. Дворкин и Оберон, которые приходили к тебе в пещеру...

— Да?

— Под их человеческим обличьем пульсировали энергетические поля, заключенные в геометрические контуры.

— Что-то вроде компьютерной анимации?

— Может, и так. Не знаю.

— А мой отец — он был не такой?

— Ничего общего. Но я подвожу к другому. Я распознала источник.

Я внезапно встрепенулся:

— То есть?

— Завихрения — геометрические линии внутри фигур — воспроизводят участки Пути.

— Ты что-то путаешь!

— Нет. У меня не было сознания, зато фотографическая память. Обе фигуры — трехмерное отображение частей Пути.

— А зачем Пути подсылать мне свои подобия?

— Я всего лишь удавка и пока не научилась рассуждать.

— Раз тут замешаны Единорог и Змей, то почти наверняка и Путь.

— Логрус уж точно.

— И, сдается, Путь действительно показал себя разумным в тот день, когда Корэл его прошла. Если так и если он и впрямь способен создавать свои подобия — сюда ли он намеревался меня отправить? Или Корвин перенес меня в какое-то иное место? И чего Путь от меня хочет? И чего хочет отец?

— Везучий — ты можешь пожать плечами, — сказала Фракир. — Кажется, это называется «риторические вопросы»?

— Наверное.

— Мне начали поступать новые указания, из чего я заключаю, что ночь на исходе.

Я вскочил.

— Значит, можно есть и пить?

— Думаю, да.

Я не заставил себя упрашивать.

— Знаешь, я еще не совсем освоилась в новой роли и потому не знаю, уважительно ли вот так прыгать через алтарь, — заметила Фракир.

(Черное пламя моргнуло, когда я перемахнул между свечами.)

— Черт, я даже не знаю, чей он, — сказал я, хватая кувшин, — а неуважение, по-моему, должно быть адресным.

Земля легонько вздрогнула, я поперхнулся водой.

— И опять-таки ты права, — заметил я.

Я пронес кувшин и хлеб в обход алтаря, мимо закоченевшего гнома, и пристроил на скамье у задней стены. Уселся и уже без спешки принялся за еду.

— Что дальше? Ты сказала, поступили новые указания.

— Ты выдержал искус, — ответила Фракир. — Теперь надо выбрать себе оружие и латы и пройти сквозь один из выходов в этой стене.

— В который?

— Один принадлежит Порядку, другой — Хаосу, про третий я ничего не знаю.

— И как в таком случае принимать взвешенное решение?

— Думаю, для тебя будет открыт лишь один путь — назначенный.

— Значит, выбора у меня нет?

— Вопрос о выходах, полагаю, решится выбором оружия.

Я доел хлеб, запил последними глотками воды. Встал.

— Ладно. Посмотрим, что будет, если я не возьму ничего. Гнома жалко.

— Он знал, на что идет.

— В отличие от меня.

Я подошел к правой арке, потому что до нее было ближе. За ней открывался светлый коридор, чем дальше, тем ярче освещенный, так что в нескольких шагах я уже ничего разобрать не мог, настолько слепило глаза. Я продолжал идти и чуть не расшиб себе нос. Как об стеклянную стену. Здорово, ничего не скажешь. Вот и иди после этого к свету.

— Ты становишься циником прямо на глазах, — заметила Фракир. — Это я про твою последнюю мысль.

— Ладно тебе.

К следующей арке я приблизился осторожнее. За ней было серо. Здесь тоже начинался коридор, причем видеть я мог чуть дальше, чем в первом. Впрочем, разглядывать было особенно нечего — пол, стены, потолок. Я протянул руку и не нащупал преграды.

— Похоже, нам сюда, — заметила Фракир.

— Все может быть.

Я перешел к левой арке. В коридоре за ней было черно как у бога в кармане. Здесь стеклянной стены тоже не обнаружилось.

— Хм-м. Похоже, выбор все-таки есть.

— Странно. Меня на этот счет не предупреждали.

Я вернулся к средней двери, сделал шаг и тут же обернулся на звук. Гном сидел на полу и покатывался со смеху, держась за бока. Я попробовал шагнуть к нему и уперся в невидимую стену. Внезапно святилище начало уменьшаться, словно я с огромной скоростью удаляюсь спиной назад.

— Я думал, он — покойник, — сказал я.

— Я тоже. Все признаки были налицо.

Я повернул обратно, в ту сторону, куда шел. Никакого движения. Похоже, я все-таки стоял на месте, а удалялось святилище.

Я сделал шаг, другой. Ни звука. Я пошел вперед. Через несколько шагов мне вздумалось потрогать левую стену. Я протянул руку, но ничего не нащупал. Ладно, тогда правую. Опять ничего. Я шагнул вправо и вновь выставил руку. Безрезультатно. До обеих серых стен было по-прежнему одинаково. Я засопел и двинулся дальше.

— В чем дело, Мерль?

— Ты чувствуешь стены справа и слева от нас? — спросил я.

— Нет, — отвечала Фракир.

— Как ты думаешь, где мы?

— Идем между Тенями.

— Куда?

— Пока не знаю. Знаю только то, что мы идем по пути Хаоса.

— Что? С чего ты взяла? Я же должен был для этого прихватить что-нибудь из соответственной кучи?

Я быстро охлопал себя и нашел заткнутый за левое голенище кинжал. Даже в тусклом свете сразу стало видно, что сделан он у меня на родине.

— Нас обманули, — сказал я. — Теперь понятно, отчего смеялся гном. Он заткнул мне это в сапог, когда я проходил мимо.

— Но у тебя все равно оставался выбор — между этим коридором и темным.
— Верно.
— Почему же ты выбрал этот?
— Здесь светлее.

V

Шагов через пять исчезли даже кажущиеся стены, а с ними потолок. Я обернулся и не увидел ни коридора, ни арки, только гнетущую пустоту. Хорошо хоть пол остался. Единственное, что отличало мою дорогу от окружающего мрака, — это видимость. Я шел сквозь сероватое марево в долине сплошной тени, хотя, строго говоря, шел я между Тенями. Вот жлобы! Могли бы не экономить на освещении.

Я слушал зловещую тишину и гадал, сколько Теней осталось позади и можно ли ставить вопрос так прямолинейно. Вряд ли.

Однако не успел я углубиться в высшую геометрию, как справа что-то зашевелилось. Взгляд выхватил из тьмы высокую черную колонну. Впрочем, она не двигалась. Я заключил, что то был обман зрения: я иду, колонна стоит, а кажется — наоборот. Толстая, ровная, гладкая — я всматривался, пока черный силуэт не заволокло мглой. О высоте колонны судить не берусь, поскольку не знаю, сколько до нее было.

Через несколько шагов я увидел новую колонну — теперь уже впереди и справа. Вглядываться я не стал, а продолжал идти. Вскоре показалась еще одна — по левую руку. Колонны уходили во тьму, лишенную и намека на звезды — светлые ли, темные; мой мир венчала ровная, беспросветная чернота. Чуть позже колонны начали встречаться группами и уже не казались одной высоты.

Я остановился потрогать ближайшую — почудилось, что смогу дотянуться. Не тут-то было. Я сделал шаг в сторону, и сейчас же мне стиснуло запястье.

— На твоем месте я бы не стала этого делать, — заметила Фракир.
— А что? — спросил я.
— Так легко заблудиться и заработать кучу неприятностей.
— Может, ты и права.

Я перешел на бег. Колонны колоннами, мое дело маленькое: побыстрей отстреляться и вернуться к тому, что мне действительно важно — разыскать Корэл, выручить Люка, разобраться с Джулией и Джартом, найти отца...

Колонны мелькали, то далекие, то близкие, между ними стали попадаться другие архитектурные излишества. Одни были низенькие, кособокие, другие — высокие — сходили на конус, часть привалилась к соседям, некоторые лежали в обломках. Беззаконное многообразие радовало глаз победой силы над формой.

Почва утратила былую ровность, но сохранила некое подобие геометрии в виде уступов, ступеней и террас различного порядка. Я трусил через развалины тысячи Стоунхенджей*, сквозь которые вел по-прежнему гладкий, тускло мерцающий Путь.

Я поднажал и вскоре уже мчался мимо галерей, амфитеатров, каменных рощ и лесов. Иногда мне мерещилось какое-то шевеление, но, возможно, дело было опять-таки в моей скорости и невозможности что-нибудь толком разглядеть.

— Как по-твоему, есть тут кто живой? — спросил я Фракир.

— Нет, — последовал ответ.

— А мне казалось, что-то движется.

— Когда кажется, моргай почаще.

— Говоришь меньше дня, а уже выучилась язвить.

— Не обессудь, начальник, но выучиться я могла только от тебя. Больше не у кого было набраться манер и того-сего.

— Туше*, — сказал я. — Наверное, в данном случае я должен был предупредить тебя об опасности.

— Туше, начальник. А мне нравятся эти воинственные сравнения.

Спустя несколько мгновений я замедлил шаг. Впереди и справа что-то мигало, отсвечивая то красным, то голубым. Я замер. Вспышки прекратились, но я уже насторожился и теперь всматривался в темноту, пытаясь понять, что это было.

— Да, — промолвила Фракир через какое-то время. — Оставайся начеку. Только не спрашивай меня, чего ждать. Я чувствую лишь общую неопределенную угрозу.

— Может, удастся обойти ее стороной.

— Не советую, — отвечала Фракир. — Дорога идет через каменное кольцо, где только что мигало, и, чтобы пройти в обход, пришлось бы с нее свернуть.

— Мне никто не говорил, что с дороги сходить нельзя. А тебе?

— Я знаю, что ты должен идти по дороге. Впрочем, мне не объяснили, что будет, если от нее отступить.

— Гм-м.

Дорога повернула вправо, я тоже. Она вела прямиком к сплошному каменному кольцу, и я, хоть и замедлил бег, не отклонялся от нее ни на дюйм. Ближе стало видно, что дорога ныряет в кольцо и больше не появляется.

— Ты прав, — сказала Фракир. — Как в логовище дракона.

— Однако нам туда?

— Верно.

— Значит, пошли.

Я совсем сбавил шаг и прошел между двумя каменными плитами, куда указывал тускло фосфоресцирующий путь.

Внутри круга мне предстал все тот же черно-белый набросок, а вот освещение изменилось — сделалось более ярким, мерцающим, колдовским. Впервые я видел хоть какое-то подобие жизни. Ноги ступали по блестящей — как от росы — серебристой траве.

Я замер, а Фракир непривычно дернулась — мне показалось, не столько предостерегающе, сколько от любопытства.

Справа виднелся алтарь — ничего общего с тем, через который я сигал в пещере. Два валуна поддерживали грубо обтесанную плиту. Никакие свечи, покровы и прочие религиозные завитушки не скрашивали общество лежащей на алтаре дамы, связанной, кстати, по рукам и ногам. Я сам как-то побывал в сходном

положении, поэтому сразу проникся сочувствием к даме — беловолосой, чернокожей и смутно знакомой — и ненавистью к странному субъекту за алтарем, в чьей занесенной левой руке сверкнул нож. Правая его половина была черна как ночь, левая — ослепительно бела.

Я рванул вперед, словно меня ударили током. Мой концерт для поваренных и микроволновых чар мигом превратил бы его в паровую котлету, но увы — я не мог произнести ключевых слов.

Он, казалось, сверлил меня глазами, хотя точно не скажу: одна половина его тела была слишком светла, другая — слишком темна, чтобы вглядываться. Нож, описав дугу, вонзился даме под ложечку. Она вскрикнула; алая-преалая на черном негативе кровь, брызнув, обагрила мужчине руку, и я понял: надо было произнести заклинание. У меня бы вышло. Я бы ее спас.

В следующее мгновение алтарь рухнул и серый смерч скрыл от меня остальное. Кровь вращалась, словно в тазике цирюльника, постепенно розовея, расплываясь в прозрачной серебристости. Когда я добежал до места, на росистой траве не осталось ни алтаря, ни жреца, ни жертвы.

Я остановился как вкопанный.

— Спим мы, что ли? — спросил я вслух.

— Сомневаюсь, что я могла бы спать, — ответила Фракир.

— Тогда скажи, что ты видела.

— Я видела, как некий тип заколол лежащую на каменной плите женщину. Потом все рухнуло и растаяло в воздухе. Тип был черно-белым, кровь — алой, а женщина — Дейрдре...

— Что?! О небо, ну конечно! Так она и выглядела — только на негативе. Но ведь она умерла раньше...

— Должна напомнить, что я вижу лишь то, что воспринимает твой мозг. Я не знаю, каков был изначальный сигнал, мне попадает результат его обработки твоей нервной системой. Мои ощущения говорят, что то были не обычные люди, а существа наподобие давешних твоих гостей — Дворкина и Оберона.

И тут мне в голову пришла совершенно жуткая мысль. Дворкин и Оберон напомнили о трехмерных компьютерных моделях. А способность Призрачного Колеса сканировать тень основана на цифровой развертке тех секторов Пути, которые вроде бы за эту способность отвечают. И Призрак спрашивал — насколько я приноминаю, с надеждой, — может ли он считать себя божеством.

Неужели мое собственное порождение играет со мной в кошки-мышки? Что, если это Призрак перенес меня в отдаленную пустынную Тень, отрезал от всякой связи и теперь экспериментирует? Если он превзойдет меня, своего создателя, к которому питает что-то вроде благоговения, — не поднимется ли он в собственных глазах? Не поменяемся ли мы статусом в его персональной вселенной?.. Может, и так. Если постоянно натыкаешься на компьютерные модели, cherchez deus ex machine*.

Интересно, насколько силен сейчас Призрак? Разумеется, его способности в какой-то мере аналогичны способностям Огненного Пути, но тем не менее до Пути или Логруса ему далеко. Не могу представить, как бы он преградил им дорогу сюда.

С другой стороны, достаточно изолировать меня. Вполне в его силах было явиться в образе Логруса на несколько кратких мгновений. Но это бы значило,

что и Фракир получила свои новые способности от Призрака. Нет, это уже невероятно. И как насчет Змея и Единорога?

— Фракир, — спросил я, — ты уверена, что именно Логрус пробудил в тебе сознание и загрузил инструкциями?

— Да.

— Почему ты так уверена?

— Ощущения были те же, что при нашем первом знакомстве, когда Логрус поднял меня на первую ступень.

— Ясно. Теперь дальше: Единорог и Змей в святилище — не могли они быть из того же теста, что Оберон и Дворкин в пещере?

— Нет. Я бы почувствовала. Ничего общего. Они были ужасные, и могучие, и в общем-то такие же, как с виду.

— Ладно, — сказал я. — Просто мне подумалось, не Призрака ли это штучки.

— Я понимаю, о чем ты. Хотя не вижу, почему реальность Змея и Единорога опровергает твою посылку. Они могли вступить в игру Призрака и приказать, чтобы ты не встревал, потому что хотели досмотреть спектакль.

— Такое мне в голову не пришло.

— И, возможно, Призраку удалось проникнуть в место, недоступное для Логруса и Пути.

— Верно замечено. К сожалению, *это возвращает меня в самое начало.*

— Нет, потому что это место не создано Призраком. Оно было всегда. Это я знаю от Логруса.

— Утешительно слышать, но...

Я так и не закончил мысль, потому что внезапное движение заставило меня повернуться к противоположному сектору круга. Я увидел алтарь, которого не замечал прежде, женщину за ним, связанного половинчатого мужчину на алтаре. Они очень походили на первых двух.

— Нет! — закричал я. — Довольно!

Однако я не успел сделать и шагу. Нож опустился. Вновь брызнула кровь, алтарь рассыпался, и все завертелось в вихре. Пока я добежал, от жертвенника не осталось и следа.

— А на это ты что скажешь? — спросил я Фракир.

— Те же силы, что раньше, только в обратном соотношении.

— Чего-чего? Что тут творится?

— Стягиваются силы. И Путь, и Логрус уже некоторое время пытаются сюда проникнуть. Жертвоприношения, которые ты только что видел, должны открыть им путь.

— А что им здесь надо?

— Это ничейная полоса. Древнее равновесие колеблется, и тебе предстоит склонить чашу весов в ту или иную сторону.

— Понятия не имею, как такое сделать.

— Придет время — узнаешь.

Я вернулся на тропу и двинулся дальше.

— Скажи, я случайно поспел к жертвоприношениям? — спросил я. — Или их нарочно приурочили к моему приходу?

— Они должны были произойти при тебе. Ты — связка.

— Тогда следует ли ожидать...

Из-за камня слева с негромким смешком выступил мужчина. Я схватился за меч, но тот приближался медленно, с пустыми руками.

— Говорим сами с собой. Дурной знак.

Он был написан белой, черной и серой красками. Собственно, правая его половина отливала в черноту, левая отсвечивала белизной, так что он вполне мог быть исполнителем первого заклания. Впрочем, кто его знает. Так или иначе, знакомиться мне не хотелось.

Я пожал плечами.

— Что до знаков, меня интересует лишь один — на котором написано «выход», — сказал я, обходя незнакомца.

Тот ухватил меня за плечо и легко развернул к себе.

Снова смешок.

— Поосторожней, когда высказываешь пожелания в этом месте, — сказал он тихим, размеренным голосом, — потому что они иногда исполняются. Что, если «выход» будет ошибочно понят как «исход»? Тогда — пуфф! — и тебя нет. Обратишься в дымок. Или провалишься в ад.

— Я там уже был, — отвечал я, — и много где еще.

— Ба! Только погляди! Твое желание сбылось! — заметил он. Его левый глаз отразил луч света и направил в меня, словно солнечный зайчик. Как я ни щурился, правого глаза разглядеть не удавалось. — Сюда смотри, — указал он.

Я повернул голову. На вершине каменного дольмена* стояла табличка «выход», в точности как в театре недалеко от нашего студенческого городка.

— И правда...

— Пойдешь?

— А ты?

— Не вижу надобности, — отвечал он. — Я и сам знаю, что за ней.

— И что же?

— Другая сторона.

— Очень остроумно, — сказал я.

— Получить искомое и не воспользоваться — значит смертельно оскорбить силы.

— Это они тебе сказали?

Что-то заскрежетало — я не сразу понял, что незнакомец скрипнул зубами. Я двинулся к табличке, желая рассмотреть поближе, что там за ней.

На двух каменных плитах лежала третья, так что получались как бы ворота — довольно высокие, пройти можно. Только темно там что-то...

— Идешь туда, начальник?

— А почему нет? Это тот редкий случай в моей жизни, когда я чувствую, что незаменим для устроителей шоу.

— Я бы на твоем месте не слишком зарывалась... — начала Фракир, но я уже нырнул под плиту.

Три шага — и я увидел каменный круг, росистую траву, черно-белого незнакомца, дольмен с табличкой «выход» и темный силуэт под ней. Я повернул назад. Снова черно-белый незнакомец на фоне дольмена и темный силуэт в каменном проеме. Я поднял правую руку. Силуэт тоже. Я обернулся. Смутный силуэт напротив стоял с поднятой рукой. Я вышел наружу.

— Маленький мир, — заключил я. — Но мне не хотелось бы писать его маслом.

Незнакомец рассмеялся:

— Тебе напомнили, что всякий выход в то же время и вход.

— Увидев тебя, я вспомнил, скорее, пьесу Сартра*.

— Зло, — отвечал он, — однако философски неоспоримо. Я всегда считал, что ад — это окружающие. Только не понимаю, чем я тебе досадил.

— А разве не ты заколол женщину тут неподалеку? — спросил я.

— Если бы и я — тебе-то какое дело?

— У меня странное отношение ко всяким мелочам, вроде ценности человеческой жизни.

— Зря кипятишься. Даже Альберт Швейцер*, при всем своем преклонении перед жизнью, не распространял его на глисту, муху цеце и раковую клетку.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Ты или не ты убил женщину на каменном алтаре с полчаса назад?

— Покажи алтарь.

— Не могу, он исчез.

— Покажи женщину.

— Она тоже исчезла.

— Значит, нет обвинения.

— Мы не в суде, черт возьми! Хочешь говорить, ответь на вопрос, а нет — перестанем сотрясать воздух.

— Я ответил.

Я пожал плечами:

— Отлично. Я тебя не знаю и очень этому рад. Счастливо оставаться.

Я шагнул к тропе, и в то же мгновение незнакомец промолвил:

— Дейрдре. Ее звали Дейрдре, и я действительно ее убил.

С этими словами он шагнул в дольмен, из которого я только что вышел. Я ждал, что он появится с другой стороны, но этого не произошло. Я повернулся на сто восемьдесят градусов и тоже шагнул под табличку. Через три шага я вышел и увидел себя, выходящего с противоположной стороны. Незнакомец куда-то делся.

— Что ты на это скажешь? — спросил я Фракир, снова направляясь к тропе.

— Дух места? Злой дух недоброго места? — предположила она. — Точно не знаю, но, кажется, он из этих же треклятых моделей — и они здесь сильнее.

Я ступил на тропу и двинулся дальше.

— Ты на глазах начинаешь говорить живее и образней.

— Твоя нервная система — хороший учитель.

— Спасибо. Если этот тип появится снова и ты заметишь его раньше меня — предупреди.

— Ладно. Но вообще все это место производит впечатление чего-то искусственного. На каждом камне написана частица Пути.

— Когда ты это поняла?

— Когда ты впервые шагнул под табличку. Тогда я проверяла их на опасность.

Мы подошли к внутренней периферии круга, и я похлопал по камню — вроде бы настоящий.

— Он здесь! — внезапно предупредила Фракир.

— Эй! — послышалось сверху, и я поднял голову.

Черно-белый незнакомец сидел на стене и курил тонкую сигару. В руке он держал кубок.

— Ты меня заинтриговал, малыш, — продолжал он. — Как твое имя?

— Мерлин. А твое?

Вместо ответа незнакомец оттолкнулся от стены и, словно в замедленной съемке, опустился передо мной. Разглядывая меня, он сощурил левый глаз. По правой его половине мелкой рябью пробегала тень. Он выпустил клуб серебристого дыма.

— Ты живой, — объявил незнакомец. — Отмечен и Путем, и Логрусом. В тебе кровь Амбера. Какого ты рода, Мерлин?

Тень на мгновение разошлась, и я увидел на правом глазу повязку.

— Я — сын Корвина. А ты — предатель Брэнд.

— Имя — мое, — сказал он. — Но того, во что верю, я не предавал.

— То есть своей гордыни. На дом, семью и силы Порядка тебе всегда было плевать.

Он фыркнул:

— Я с наглыми щенками не спорю.

— Я тоже не хочу с тобой спорить. Как-никак, твой сын Ринальдо — вероятно, мой лучший друг.

Я повернулся и пошел прочь. Брэнд ухватил меня за плечо.

— Погоди! Что ты мелешь? Ринальдо еще мальчик.

— Ошибаешься, — сказал я. — Мы примерно одних лет.

Он выпустил мое плечо. Я обернулся. Брэнд выронил сигару — она осталась дымиться на дороге — и переложил кубок в правую, теневую руку. Левой он тер лоб.

— Сколько же лет прошло на основной линии...

Под влиянием внезапного порыва я вынул колоду, отыскал карту Люка и протянул ему.

— Это Ринальдо.

Брэнд схватил карту, я, сам не знаю почему, не стал ее вырывать. Смотрел он долго.

— Почему-то связь через карты тут не работает, — заметил я.

Брэнд поднял глаза, тряхнул головой, вернул мне карту.

— Да, не работает. Как... он?

— Ты знаешь, он убил Кейна, чтобы отомстить за тебя?

— Нет, не знаю. Впрочем, меньшего я от этого парня и не ждал.

— Ты ведь не совсем Брэнд?

Он запрокинул голову и расхохотался.

— Я — Брэнд с головы до пят, и все же не тот Брэнд, которого ты мог знать. Любая другая информация дорого тебе обойдется.

— Во что станет узнать, кто ты на самом деле? — спросил я, убирая карты.

Брэнд поднял кубок, протянул двумя руками, словно чашку для подаяния.

— В порцию твоей крови, — сказал он.

— Ты стал вампиром?

— Нет. Я — призрак Пути. Отворишь себе кровь — объясню.

— Ладно, — согласился я. — Смотри, не обмани моих ожиданий. — И, вытащив кинжал, резанул запястье.

Из руки полыхнуло, словно я опрокинул керосиновую лампу. Разумеется, в моих жилах течет не огонь, но в некоторых местностях кровь жителя Хаоса исключительно быстро воспламеняется, и эта, похоже, была как раз из таких.

Пламя хлестало и в кубок, и мимо, на его руку, на локоть. Брэнд вскрикнул и начал съеживаться. Я отступил на шаг. Он превратился в смерч — примерно как после жертвоприношения, только более мощный, — с ревом взвился в воздух и через мгновение исчез, а я остался стоять с открытым ртом, глядя вверх и зажимая вену на дымящейся руке.

— Ух, впечатляющий исход, — заметила Фракир.

— Семейная черта, — отвечал я. — Кстати, об исходах и выходах...

Я обогнул камень и вышел из круга в темноту. Она стала еще чернее, и казалось, что тропа светится ярче. Я разжал пальцы — дым больше не шел.

Я припустил рысью, торопясь оказаться подальше от этого места. Когда через некоторое время я обернулся, камней уже не было — только бледный смерч тянулся вверх, вверх, затем исчез.

Я продолжал бежать. Дальше дорога шла под уклон, я разогнался и вскоре уже вприпрыжку летел по пологому склону. Тропа сверкающей лентой убегала вниз и вдаль, постепенно теряясь из виду.

К своему изумлению, я увидел, что не так далеко ее пересекает другая светлая ниточка. Правее и левее она таяла во мгле.

— Есть какие-нибудь специальные указания касательно перекрестков? — спросил я.

— Пока нет, — отвечала Фракир. — Думаю, там придется принимать решение, а какое — станет ясно только на месте.

Впереди расстилалась огромная темная равнина с разбросанными там и сям островками света — все они были неподвижны, но одни горели ровно, другие зажигались и гасли. Ниточек, впрочем, было всего две — моя тропа и другая, поперечная. В полной тишине слышалось лишь мое дыхание да звук шагов. Ни ветерка, ни запаха, даже воздух не теплый, не холодный, а просто никакой. Справа и слева снова маячили какие-то силуэты, но у меня не было ни малейшей охоты в них вглядываться. Я хотел одного: побыстрее со всем покончить, выбраться отсюда и вернуться к своим делам.

По обочинам стали попадаться туманные пятнышки света — расплывчатые, дрожащие, они возникали и пропадали сами собой. Казалось, вдоль дороги протянут пятнистый прозрачный занавес, и поначалу я не обращал на него внимания, но он постепенно светлел, изображение проступало, как если бы я настраивал подзорную трубу: стулья, столы, припаркованные машины, витрины. Вскоре призрачная картина начала обретать цвет.

Я остановился как вкопанный. Передо мной был красный «Шевроле» пятьдесят седьмого года, присыпанный снегом, припаркованный на знакомой улице. Я подошел и протянул левую руку.

Она вошла в полумрак и сразу поблекла. Я потрогал радиатор — твердый, холодный, — стряхнул с него снег. Вытащил руку — к ней прилипли снежинки. И сразу картина померкла.

— Я нарочно щупал левой рукой, — сказал я, — где ты. Что это было?

— Спасибо. По-моему — заснеженная красная машина.

— Это либо компьютерная модель, либо что-то извлеченное из моей памяти. Дело в том, что это картина Полли Джексон из моей коллекции, увеличенная до натурального размера.

— Значит, дела все хуже, Мерль. Я не почувствовала, что это — модель.

— Выводы?

— То, что этим заправляет, набирает умения. Или силы. Или того и другого.

— Черт, — заметил я и потрусил дальше.

— Может, оно хочет показать, что способно полностью сбить тебя с толку.

— Тогда ему это удалось, — признал я и крикнул: — Эй, что-то! Слышишь? Твоя взяла! Я полностью сбит с толку! Могу я теперь отправляться домой? Если ты хотело чего-то другого, тебе это не удалось! Я ровным счетом ничего не понял!

Вспышка молнии бросила меня на землю, я полностью ослеп на несколько минут. Я лежал ничком и трясся, но грома не последовало. Когда зрение вернулось, а дрожь улеглась, я увидел прямо перед собой исполинскую фигуру Оберона.

Правда, всего лишь статую — копию той, что стоит в дальнем конце вестибюля в Амбере, а может, и ее саму, потому что, вглядевшись, я различил на плече великого человека птичий помет.

— Настоящий или модель? — спросил я.

— По-моему, настоящий, — отвечала Фракир.

Я медленно встал.

— Мне понятно, что это ответ, только непонятно, что он означает.

Я потрогал статую — на ощупь она казалась скорее полотняной, чем бронзовой. Перед глазами поплыло, и я понял, что держусь за огромный — больше чем в рост — портрет Отца Своей Страны. Потом края его начали расплываться — передо мной была картина, одна из многих в блеклой череде вдоль тропы. Затем она пошла рябью и растаяла.

— Сдаюсь, — сказал я, проходя там, где только что стоял Оберон. — Ответы еще загадочнее, чем ситуация, породившая вопрос.

— Поскольку мы идем между Тенями, это может означать, что все сущее хоть где-нибудь реально. А?

— Может. Но это я знал и так.

— И что все сущее реально в разном смысле, в разное время и в разных местах?

— Ладно. Положим, оно и впрямь хотело выразить то, о чем ты говоришь. Только я сомневаюсь, чтобы кто-то пошел на такие крайности с единственной целью доказать философские положения, возможно, новые для тебя, но вообще-то порядком избитые. Должна быть какая-то причина, и ее я ухватить не могу.

До сих пор мне показывали только неживую натуру. Теперь на картинах появились люди и животные. Здесь были воинственные сцены, любовные и просто домашние.

— Да, развитие есть. Возможно, это куда-то ведет.

— Когда они выпрыгнут на меня, я соображу, что мы у цели.

— Кто знает? Насколько я понимаю, искусствоведение — наука разносторонняя.

Однако картины вскоре исчезли, и тропу вновь обступила тьма. Я бежал по пологому склону вниз, к перекрестку. Где же Чеширский Кот, когда мне и впрямь понадобилась логика Кроличьей Норы?

Я бежал к отчетливо различимому перекрестку. Вдруг я заморгал. Передо мной был по-прежнему перекресток, но декорации полностью сменились. Справа на углу стоял фонарный столб. Под ним кто-то курил.

— Фракир, как они это сделали? — спросил я.

— Очень быстро, — отвечала она.

— Что говорит нам внутренний голос?

— На тебе сосредоточено внимание. Впрочем, ничего угрожающего.

Я замедлил бег. Тропа сменилась асфальтовой дорогой, по бокам появились бровки и тротуары. Я перешел с проезжей части на правый тротуар. Сразу натянуло серого тумана и фонарь скрылся из виду.

Я пошел еще медленнее и вскоре увидел,что асфальт под ногами — мокрый. Шаги отдавались глухо, словно от ближних домов, но туман еще сгустился, так что, есть дома или нет, было не разглядеть. Впрочем, что-то вроде зданий все же угадывалось — сгустки мрака по правую руку. В спину подул холодный ветер, на голову упало несколько капель. Я поднял воротник. Где-то высоко в скрытом туманом небе загудел самолет. Я постоял, пока гудение смолкло, затем пошел дальше. Очень тихо — возможно, на другой стороне улицы — пианино заиграло смутно знакомую мелодию. Я плотнее закутался в плащ. Туман клубился и густел.

Еще три шага, и он расступился.

Она стояла совсем близко. На голову ниже меня, в берете и пальто военного покроя, черные волосы поблескивали под фонарем. Она бросила окурок и медленно растирала его высоким каблуком черной лаковой туфельки. Ножка — очень даже ничего. Потом она вынула из кармана пальто плоскую серебряную коробочку с выпуклой розой на крышке, достала сигарету, вставила в рот, закрыла и убрала портсигар. Не оборачиваясь, спросила:

— Прикурить не найдется?

Спичек не было, но такой пустяк меня не остановил.

— Конечно, — сказал я и медленно поднял руку к ее тонко очерченному лицу, ладонью к себе, чтоб не видно было, что в ней ничего нет. Я шепнул ключевое слово, искра скакнула с пальца на кончик сигареты, и тут женщина придержала мою руку, чтобы прикурить. При этом она подняла глаза — огромные, синие-пресиние, с длинными ресницами — и встретила мой взгляд. Женщина вскрикнула и выронила сигарету.

— Mon Dieu!* — Она бросилась мне на шею, прижалась всем телом и зарыдала. — Корвин! Нашел-таки! Тебя не было целую вечность!

Я обнимал ее крепко, боясь заговорить, боясь грубой правдой разрушить ее счастье. К чертям правду! Я погладил черные волосы.

Очень нескоро она оторвалась от меня, подняла глаза. Еще секунда, и она поняла бы, что обманулась сходством, приняла желаемое за действительное. Поэтому я спросил:

— Что такая девушка делает в таком месте?

Она тихо рассмеялась.

— Ты придумал, как? — И тут глаза ее сузились. — Ты не...

Я кивнул.

— Мне не хватило духу, — сказал я.

— Кто ты? — спросил она, отступая на полшага.

— Меня зовут Мерлин, и я влип в дурацкое приключение, смысла которого не понимаю.

— Амбер, — мягко произнесла женщина, не снимая руки с моего плеча.

Я кивнул.

— Я тебя не знаю, — сказала она, — а вроде должна бы знать, но... я... не...

Она снова прижалась ко мне, спрятала голову у меня на груди. Я пытался что-то сказать, объяснить, но незнакомка приложила палец к моим губам.

— Не сейчас, а может, и совсем не надо. Не говори ничего. Но ты-то должен знать, призрак ты Пути или нет.

— Что такое призрак Пути?

— Его порождение. Путь запоминает всех, кто его прошел. Он может воссоздать нас, когда пожелает, — такими, какими мы были в то время. Он может распоряжаться нами по своему усмотрению, отправлять куда угодно с любыми заданиями. Разрушать и создавать снова.

— Часто он это делает?

— Про других не знаю — только про себя. — И вдруг: — Ты не призрак! Я чувствую! — вскричала она и вцепилась в мою руку. — Только ты не такой, как другие, в ком течет кровь Амбера...

— Наверное, — отвечал я. — Я веду свой род и от Амбера, и от Дворов Хаоса.

Незнакомка поднесла мою руку к губам, словно хотела поцеловать, но губы ее скользнули ниже, к разрезанному по просьбе Брэнда запястью. Внезапно до меня дошло: кровь Амбера чем-то притягательна для духов Пути.

Я попытался вырвать руку, но и она обладала силой Амбера.

— Во мне иногда струится пламя Хаоса, — сказал я, — как бы оно не причинило тебе вреда.

Она медленно подняла голову и улыбнулась. Губы ее были в крови. Я опустил глаза, увидел алую влагу на своем запястье.

— Кровь Амбера имеет власть над Путем, — начала она, и тут у ее щиколоток заклубился туман. — Нет! — закричала она и снова припала к моей руке.

Смерч обвил ее колени, бедра. Зубы рвали мою руку. Я не знал, каким заклинанием это остановить, поэтому просто обнял ее и погладил по волосам. Через мгновение она растаяла в моих объятиях, обернулась кровавым вихрем.

— Иди направо! — выкрикнула она, устремляясь ввысь. На асфальте, рядом с лужицей моей крови, осталась тлеть ее сигарета.

Я повернулся и пошел прочь. Далеко-далеко за туманной мглой пианино по-прежнему тихо наигрывало мелодию из давнего прошлого.

VI

Я шел вправо, и везде, где капала моя кровь, реальность немного подтаивала. Впрочем, порез вскоре затянулся, кровь остановилась. Даже запястье больше не дергало.

— Ты меня всю кровью залил, начальник.

— Скажи спасибо, что не огнем.

— Тогда в камнях немного и подпалило.

— Извини. Можешь объяснить, что происходит?

— Если ты о новых указаниях, то их еще нет. Однако я думала — теперь, когда я это умею, — так вот, это место становится все более интересным. Взять хоть призраков Пути. Путь не может проникнуть сюда сам, но засылает агентов. Как ты полагаешь, не способен ли на то же Логрус?

— Все может быть.

— У меня сложилось впечатление, что здесь, за изнанкой реальности, между Тенями, у них идет поединок. Вдруг это место существовало раньше? До Тени? Вдруг они сражаются здесь изначально, неким загадочным метафизическим способом?

— А нам-то что?

— Тогда, возможно, и сама Тень — побочный продукт напряжения между полюсами.

— Боюсь, Фракир, ты *недослышала мой вопрос.*

— Вдруг и Амбер, и Дворы Хаоса созданы лишь затем, чтобы поставлять агентов для междоусобиц?

— А вдруг эта мысль внушена тебе Логрусом вместе со способностью говорить?

— Зачем?

— Да все за тем же. Чтоб я поверил, будто борьба важнее людей. Еще один способ принудить меня к выбору.

— Мне не кажется, что мной управляют.

— Ты сама призналась, что научилась думать совсем недавно. А для новичка ты рассуждаешь уж больно отвлеченно.

— Правда?

— Поверь.

— И что это означает?

— Нежелательное внимание сверху.

— Я бы выбирала выражения, пока мы остается *в зоне их боевых действий.*

— Сифилис на оба их дома!* Не знаю почему, но я им нужен. Они все проглотят.

Впереди глухо заворчало.

— Видишь, о чем я?

— Блеф.

— Чей?

— Думаю, Пути. Похоже, этот сектор реальности контролируют его призраки.

— Сам понимаешь, мы можем кардинально заблуждаться. Все наши догадки — выстрелы наугад.

— Мне кажется, это по мне стреляют наугад. Вот почему я отказываюсь играть по чужим правилам.

— И что ты предлагаешь?

— Расслабься и виси спокойно, а скажу «Убей!» — выполняй. Пошли, куда идем.

Я снова побежал, прочь из тумана — пусть призраки останутся призраками в призрачном городе.

Яркая дорога на темной равнине, я бегу — обратное смещение Теней, словно местность пытается изменить меня. А впереди — вспышки и снова гром, по бокам возникают и пропадают виртуальные уличные сценки.

И вдруг оказалось, что я бегу наперегонки с самим собой, — на яркую дорогу выскочила темная фигура, и я не сразу понял, что это — отражение. Движения бегущего справа повторяли мои, мимолетные сценки справа от меня зеркально воспроизводились слева от него.

— Что происходит, Мерль?

— Не знаю, — сказал я, — только мне надоели символы, аллегории и прочая метафорическая шелуха. Если это означает, что жизнь — состязание с самим собой, то можно было придумать и что-нибудь посвежее — разве что силы, устроившие это шоу, расписываются в своей банальности. Вполне в их духе. Как ты думаешь?

— Думаю, что тебя вполне может испепелить молнией.

Молнии не последовало. Мой зеркальный двойник все бежал. Это продолжалось дольше, чем прежние придорожные сценки. Я совсем было решил не обращать на него внимания, когда мое отражение внезапно поднажало и вырвалось вперед.

— Охо-хо-хо.

— М-да, — согласился я и тоже прибавил скорости, чтоб сократить разрыв.

Мы сравнялись и теперь бежали параллельно, в нескольких метрах друг от друга. Он снова начал отрываться. Я еще приналег и нагнал. Потом, сам не зная почему, вздохнул, пригнулся и рванул вперед.

Мой двойник заметил это, ускорился, начал догонять. Я тоже прибавил шагу, сохраняя разрыв. Куда это мы чешем?

Впереди дорога расширялась, и поперек нее, похоже, была натянута ленточка. Отлично. Что бы это ни означало, я должен прийти первым.

Метров сто я лидировал, потом моя тень вновь начала нагонять. Я припустил быстрее и какое-то время удерживал сократившуюся дистанцию. Тут он взял скорость, которую, мне казалось, не сможет сохранить до ленточки. Впрочем, кто его знает. Я поднажал еще. Я бежал со всех ног.

Сукин сын все нагонял, наконец мы сравнялись, и он меня обошел. Потом вдруг споткнулся — я мигом оказался рядом, но он больше не оступался и сохранял прежний бешеный темп. Я решил не останавливаться, пока не разорвется сердце.

Мы бежали голова к голове. Я не знал, есть ли у меня силы на последний рывок, не знал, бегу ли я чуть впереди, вровень или чуть позади. Мы мчались по параллельным сверкающим дорожкам к яркой полоске, и вдруг ощущение зеркального раздела исчезло. Две узкие дорожки превратились в одну широкую. Руки и ноги двойника двигались независимо от моих.

Чем меньше оставалось до финиша, тем ближе мы бежали друг к другу и наконец оказались совсем близко. И тут стало видно: я состязался отнюдь не со своим отражением. Волосы его развевались на ветру, и я заметил: левого уха нет.

Силы для финального рывка нашлись. И у него тоже. Мы достигли ленточки почти одновременно. Кажется, я все-таки раньше, но точно не скажу.

Мы, задыхаясь, рухнули на землю. Я сразу перекатился на бок, чтобы не спускать с соперника глаз, но он просто лежал и судорожно глотал воздух. Я положил руку на эфес. Кровь стучала в висках.

Когда я более или менее отдышался, то заметил:

— Не знал, что ты умеешь так быстро бегать, Джарт.

Он хохотнул:

— Ты много чего обо мне не знаешь, брат.

— Это уж точно.

Он утер лоб тыльной стороной ладони. Я заметил, что палец, оставшийся в пещерах Колвира, — на месте. Либо это Джарт с другой временной линии, либо...

— Как Джулия? — спросил я. — С ней все в порядке?

— Джулия? — переспросил он. — Кто это?

— Извини. Ты не тот Джарт.

— А кто тот? — Он приподнялся на локте и устремил на меня здоровый глаз.

— Настоящий Джарт и близко не подходил к Пути Амбера...

— Я — настоящий Джарт!

— У тебя все пальцы целы. А настоящий недавно одного лишился. В моем присутствии.

Он вдруг отвел глаз.

— Должно быть, ты — призрак Логруса, — продолжал я. — Видимо, он и тут не отстает от Пути — тоже записывает всех, кто его прошел.

— Значит, это... и случилось со мной? Я не могу вспомнить... зачем оказался здесь. Только то, что должен был бежать с тобой наперегонки.

— Могу поспорить, что твои последние воспоминания связаны с прохождением Логруса.

Он снова поднял лицо. Кивнул:

— Верно. И что это значит?

— Точно не знаю, — ответил я, — но кое о чем догадываюсь. Это место — своего рода вечная изнанка мира. Она практически недосягаема и для Логруса, и для Пути. Однако оба могут проникать сюда через своих призраков, искусственно смоделированных по снятым с нас записям...

— Ты хочешь сказать, я — своего рода запись? — Он чуть не плакал. — А все казалось так замечательно! Я прошел Логрус. Все Тени лежали у моих ног! — Джарт потер виски. Потом: — Ты!.. Я попал сюда из-за тебя! Чтоб обогнать тебя в этой гонке, утереть тебе нос.

— Здорово пробежал. Я и не знал, что ты так можешь.

— Я начал тренироваться, когда услышал, что ты бегаешь в колледже. Не хотел уступать.

— Молодец.

— Если б не ты, меня бы в этом дурацком месте не было. Или... — Он покусал губу. — Не совсем так, да? Меня бы вообще не было. Я всего лишь запись... — Он посмотрел в упор. — На сколько мы рассчитаны? Как долго живут призраки Логруса?

— Понятия не имею, — отвечал я, — как они создаются и управляются. Но я встретил нескольких призраков Пути, и у меня сложилось впечатление, что моя кровь может их поддержать, сделать вроде как автономными, независимыми от Пути. Только одному из них — Брэнду — достался огонь, и он растаял.

Дейрдре досталась кровь, но ее тут же унесло. Не знаю, успела ли она выпить достаточно.

Он покачал головой:

— У меня есть чувство — не знаю, откуда оно взялось, — что и мне сгодилось бы нечто подобное, и что кровь — для Пути, огонь — для Логруса.

— Я не умею определять, где моя кровь окажется горючей.

— Здесь вспыхнет, — отвечал он. — Зависит от того, кто контролирует данную местность. Откуда-то я это знаю.

— А почему тогда Брэнд был на территории Логруса?

Джарт ухмыльнулся:

— Может, Путь решил использовать предателя для какой-то диверсии. А может, Брэнд ведет свою игру — что-то вроде двурушничества в квадрате.

— Очень на него похоже, — сказал я, наконец-то окончательно отдышавшись.

Я выхватил из-за голенища кинжал из Хаоса, резанул левую руку, убедился, что из нее хлещет огонь, и протянул Джарту:

— Быстрее! Глотай, пока Логрус не отозвал тебя назад!

Он схватил мою руку и почти что вдохнул рвущееся из нее пламя. Я посмотрел на его ноги — ступни, затем и лодыжки стали прозрачными. Логрус, похоже, торопился забрать его, как Путь забрал обратно Дейрдре. Внутри призрачных конечностей вспыхнули завихрения. Внезапно они погасли, вновь проступили очертания ног. Джарт все поглощал горючую кровь, но языков пламени я больше не видел — он, как и Дейрдре до него, пил прямо из раны. Ноги его начали уплотняться.

— Ты, похоже, стабилизируешься, — сказал я. — Давай еще.

Что-то больно ударило меня в поясницу, я отлетел в сторону и обернулся в падении. Надо мной стоял высокий мужчина — он-то и пнул меня сапогом. На нем были зеленые штаны и черная рубашка, лоб повязан зеленым головным платком.

— Это что за извращения? Да еще в святом месте?

Я перекатился на колени и начал вставать, правой рукой прижимая к бедру кинжал. Левую я протянул вперед. Уже не огонь, но кровь капала с нее.

— Не твое собачье дело, — сказал я и уверенно добавил: — Кейн.

Он с улыбкой поклонился, скрестил руки на груди и сразу развел их в стороны. За секунду до этого они были пусты, сейчас в правой блестел нож. Видимо, Кейн вытащил его из спрятанных в правом пышном рукаве ножен. Надо думать, он долго тренировался — без подготовки такого не сделаешь. Я попытался вспомнить, что слышал про Кейна и ножи. Лучше б не вспоминал. Он слыл первоклассным бойцом на ножах. Черт.

— К сожалению, не могу назвать тебя, — отметил он. — Лицо у тебя знакомое, но не помню, чтобы мы встречались.

— Мерлин, — сказал я. — Сын Корвина.

Он медленно обходил меня, но при этих словах застыл.

— Извини, если скажу, что затрудняюсь поверить.

— Не хочешь — не верь. Но это правда.

— А этот второй — его ведь зовут Джарт?

Он указал на моего брата, который только что поднялся на ноги.

— Откуда тебе это известно?

Кейн нахмурил брови, сощурился.

— М-м-м... не знаю, — сказал он, помолчав.

— Зато я знаю. Постарайся вспомнить, где ты и как сюда попал.

Он отступил на два шага. Потом закричал:

— Вот кто!

В то самое мгновение, когда я сообразил и заорал:

— Джарт! Берегись!

Джарт кинулся наутек. Я бросил кинжал — последнее дело, честно говоря, но, к счастью, у меня оставался меч, которым я мог достать Кейна раньше, чем Кейн достанет меня.

Проворство не изменило Джарту — в мгновение ока он оказался вне досягаемости. Кинжал, вопреки моим ожиданиям, угодил острием Кейну в правое плечо и вошел примерно на дюйм.

И тут, не успел Кейн повернуться ко мне, его тело разлетелось во все стороны, взорвалось множеством крошечных смерчей, которые в одну секунду поглотили всякое подобие человеческого. Они со свистом вращались, описывая концентрические спирали, потом два слились в один и быстро поглотили остальные, причем с каждым захваченным смерчем свист все нарастал. Наконец остался лишь один. Он качнулся было в мою сторону, затем резко устремился ввысь и рассеялся. Выброшенный воздушной струей кинжал упал в шаге от меня. Клинок был теплый и еще несколько секунд негромко гудел, пока я не спрятал его обратно в сапог.

— Что случилось? — спросил, возвращаясь, Джарт.

— Видимо, оружие, сделанное во Дворах, сокрушительно действует на призраков Пути, — сказал я.

— Хорошо, что кинжал оказался при тебе. А чего этот тип на меня набросился?

— Думаю, Путь послал его, чтоб помешать тебе обрести самостоятельность, — или убить тебя, если это уже произошло. По-моему, он не хочет, чтоб вражеские агенты в этом месте набирались силы и стабильности.

— Но я ему не угроза. Я — сам за себя и ни за кого больше. Я хочу одного — выбраться отсюда и заняться своими делами.

— Может, это само по себе угроза?

— Как так?

— Кто знает, что ты способен натворить, действуя самостоятельно — учитывая твое несколько необычное происхождение? Вдруг ты нарушишь баланс сил? Вдруг владеешь — или можешь завладеть — информацией, которую стороны предпочли бы не разглашать? Это как с непарным шелкопрядом. Никто и предположить не мог, что он наделает в природе, пока он не расползся из лаборатории. Ты можешь...

— Хватит! — Джарт поднял руку. — Не желаю ни о чем таком знать. Если меня выпустят отсюда и оставят в покое, я их тоже трогать не стану.

— Меня можно не убеждать, — сказал я.

С минуту он таращил глаза, потом вскочил и описал полный круг. Кроме светлой дороги, все было темно, и заорал он, надо полагать, в пространство:

— Слышите меня? Я не хочу ни во что лезть! Я хочу лишь убраться отсюда! Жить самому и не мешать жить другим. Устраивает вас это?

Я рванулся, схватил его за руку и дернул на себя. Дело в том, что в воздухе над его головой начало сгущаться маленькое призрачное подобие Логруса. В следую-

щее мгновение оно с резким, словно от бича, хлопком молнией упало на место, где только что стоял Джарт, прожгло дыру в дороге и исчезло.

— Похоже, от них так просто не отвертишься, — сказал Джарт. Взглянул вверх. — Может, он готовит новый удар и нанесет его, когда я меньше всего буду ждать.

— Это как жизнь, — согласился я. — Но, думаю, ты вправе счесть это предупредительным выстрелом и на время выкинуть из головы. Важнее другое — поскольку мне дали понять, что это мое приключение, — так вот, знал ли ты заранее, поручено тебе помогать мне или мешать?

— Теперь припоминаю, что надеялся тебя обогнать, а потом мы вроде бы должны были сразиться.

— Тебе и сейчас этого хочется?

— Мы с тобой никогда не ладили. Но мне не по душе быть орудием в чужих руках.

— Готов ты заключить перемирие, пока я не закончу, что мне здесь назначено, и не сумею выбраться?

— А какой мне в этом интерес? — спросил он.

— Я придумаю, как отсюда выбраться. Если поможешь мне — или по крайней мере не будешь чинить помех, — выведу и тебя.

Джарт рассмеялся:

— Не уверен, что отсюда можно выбраться, если силы сами не соизволят нас выпустить.

— Тогда ты ничего не теряешь, — сказал я, — и, возможно, еще увидишь, как я погибну в попытке отыскать лазейку.

— Ты правда владеешь обоими способами колдовства — и Логруса, и Пути? — спросил он.

— Да. Но в логрусийском я сильнее.

— Можешь ты использовать тот или иной способ против его источника?

— Весьма занимательный метафизический вопрос. Я не знаю ответа, — сказал я, — и сомневаюсь, что когда-нибудь узнаю. Здесь опасно призывать силы. Так что я остался с пятком заклинаний. Не думаю, что мы выберемся отсюда с помощью колдовства.

— А как же?

— Понятия не имею. Впрочем, уверен, что не увижу полной картины, пока не дойду до конца тропы.

— Черт. М-м-м... Мне как-то не улыбается провести здесь остаток дней. С другой стороны, вдруг это единственное место, где подобные мне могут существовать? Вдруг ты отыщешь дверь, я пройду сквозь нее и растаю?

— Если призраки Пути могут появляться в Тени, то, думаю, сможешь и ты. Призраки Дворкина и Оберона навещали меня до того, как я сюда попал.

— Это обнадеживает. Стал бы ты на моем месте испытывать судьбу?

— Твоя жизнь, тебе и решать.

— Понял. Я пойду с тобой и посмотрю, что из этого выйдет. Помощи не обещаю, но и вредить не буду.

Я протянул руку, Джарт покачал головой.

— Давай не заходить слишком далеко, — сказал он. — Если ты не веришь мне без рукопожатия, то и с рукопожатием не поверишь, так ведь?

— Наверно, да.

— А меня никогда не тянуло пожать тебе руку.

— Извини, что предложил, — произнес я. — Может, все-таки объяснишь почему? Я всегда удивлялся.

Джарт пожал плечами:

— Разве обязательно должна быть причина?

— В противном случае это сумасбродство, — отвечал я.

— Или замкнутость, — добавил он, отворачиваясь.

Я вновь двинулся по тропе. Вскоре меня нагнал Джарт. Некоторое время мы шли в молчании. Когда-нибудь я научусь держать язык за зубами — или вовремя замолкать. Что, в общем, тоже хорошо.

Дорога шла прямо, но чуть впереди, похоже, исчезала. Мы дошли до того места, где она вроде бы кончалась, и тут я понял, в чем дело: она сворачивала за невысокий пригорок. Мы пошли дальше и вскоре оказались перед новым поворотом. Потом тропа начала петлять, и стало ясно, что мы спускаемся по крутому серпантину.

Миновав еще несколько поворотов, я вдруг увидел впереди яркий зигзаг. Он, казалось, висел в воздухе прямо перед нами. Джарт поднял руку, указал и начал: «Что?..» — и тут мы одновременно поняли, что это продолжение нашей же дороги, только уже на подъеме. *Все сразу стало на свои места, и я осознал, что мы* спускаемся в глубокий ров. В воздухе заметно холодало.

Мы продолжали спуск, и вскоре что-то холодное, мокрое задело мою правую руку. Я посмотрел и увидел тающую снежинку. Вскоре ветром занесло еще несколько. Впереди что-то белело.

«Я тоже не знаю, что это», — сказала в голове Фракир.

«Спасибо», — мысленно отозвался я, решив, что Джарту лучше про мою помощницу не знать.

Вниз. Вниз и кругом. Назад. Назад и снова вперед. Температура продолжала падать. В воздухе реяли снежинки. Камни поблескивали.

Странно, я не понимал, что это, пока не поскользнулся.

— Лед! — воскликнул Джарт. Он едва не упал, но вовремя ухватился за камень.

Вдалеке что-то вздохнуло; сперва *тихо, потом все громче, и, только когда по*рыв ударил нам в спины, мы поняли, что это — ветер. Причем холодный. Он пронесся, словно последнее дуновение ледникового периода. Я поднял воротник. Затем ветер немного потеплел, но дул все с той же силой. Мы продолжали спуск.

К тому времени как мы добрались до самого низа, окончательно подморозило. Ступени либо обледенели, либо были вырублены во льду. Ветер гудел на ровной, скорбной ноте, сверху сыпался то снег, то снежная крупа.

— Отвратительный климат, — проворчал Джарт, лязгая зубами.

— Вот уж бы не подумал, что призраки чувствительны к материальному, — заметил я.

— Призраки! — возмутился он. — Я мерзну в точности как обычно. Тот, кто отправил меня сюда, мог бы по крайней мере предусмотреть такую возможность. И вообще, не такое оно и материальное, это место, — добавил Джарт. — Могли бы проложить нам тропу попрямее. А то пока мы доберемся, куда им надо, от нас останутся ледышки.

— Не думаю, чтобы Логрус или Путь обладали здесь властью, — сказал я. — По мне, пусть лучше не мешаются под ногами.

Дорога шла по сверкающей равнине — такой ровной и такой сверкающей, что я испугался, уж не ледяная ли она. Так оно, разумеется, и оказалось.

— Скользко, — пробормотал Джарт. — Я сейчас расширю себе ступни.

— Порвешь сапоги и отморозишь ноги, — сказал я. — Почему бы просто не перераспределить вес, не опустить центр тяжести?

— Все-то ты знаешь, — недовольно нахмурился он. — Впрочем, на этот раз ты прав.

Мы простояли несколько минут, пока Джарт уменьшался в росте и раздавался вширь.

— А ты не будешь себя менять? — спросил он.

— Нет. Так быстрее идти.

— И проще плюхнуться на задницу.

— Посмотрим.

Мы вступили на лед и пошли, стараясь не падать. Ветер здесь был еще сильнее. Впрочем, ледяная дорога скользила совсем не так сильно, как можно было подумать, глядя сверху: мелкая рябь создавала хоть какое-то трение. Воздух обжигал легкие. Снег закручивался в могучие торнадо, которые исполинскими волчками вращались у нас на пути. От дорог шел голубоватый свет, и снежинки над ней тоже вспыхивали голубизной. Мы прошли с четверть мили, прежде чем вдоль дороги вновь стали появляться призрачные видения. Сперва я сам, распростертый в святилище на груде доспехов, затем Дейрдре под фонарем — она смотрела на часы.

— Что это? — спросил Джарт, когда картинки мелькнули и исчезли.

— Я не знал, когда впервые увидел, и не знаю до сих пор, — ответил я. — Когда наша гонка началась, я думал, что ты тоже из них. Они возникают и пропадают — по всей видимости, случайно. И я ума не приложу зачем.

Следующей возникла гостиная. На столе стояла ваза с цветами. Людей в комнате не было. Потом гостиная исчезла...

Нет. Не совсем. Исчезла комната, но цветы остались, прямо на льду. Я остановился, потом ринулся к ним.

— Мерлин, я не знаю, стоит ли сходить с тропы...

— Ко всем чертям, — отвечал я, подбегая к несообразной пестроте у подножия ледяной глыбы, напомнившей мне недавний Стоунхендж.

Их было много — розы всевозможных сортов и оттенков. Я нагнулся и вынул одну. Она казалась почти серебристой.

— Что ты тут делаешь, мой мальчик? — донесся знакомый голос.

Я тут же выпрямился. Высокий мужчина, выступивший из-за ледяной глыбы, обращался не ко мне. Он с улыбкой кивал Джарту.

— Похоже, дурака валяю, — отвечал Джарт.

— А это, видимо, и есть дурак, — отвечал мужчина. — Вырвал чертов цветок. Серебряную розу Амбера... лорда Корвина, я полагаю. Здравствуй, Мерлин. Отца разыскиваешь?

Я отстегнул от подкладки плаща английскую булавку и приколол розу на грудь. Передо мной был лорд Борель, герцог королевского дома Свейвилов и, по слухам, один из любовников моей матери. Он также считался одним из самых опас-

ных бретеров во Дворах Хаоса. Убить моего отца, или Бенедикта, или Эрика многие годы было его навязчивой идеей. На свою беду, он встретился с Корвином, причем отец торопился — и они даже не скрестили клинков. Отец обвел его вокруг пальца и убил, насколько я понимаю, отнюдь не в честном поединке. И правильно. Я его никогда не любил.

— Ты мертв, Борель. Знаешь? — сказал я. — Ты — призрак того человека, каким был в день прохождения Логруса. В реальном мире Бореля больше нет. А хочешь знать почему? Тебя убил Корвин.

— Лжешь, паршивец! — вскричал он.

— Нет, — вмешался Джарт. — Мерль прав, ты действительно погиб. Заколот, как я слышал. Впрочем, я не знал, что это сделал Корвин.

— Он самый, — подтвердил я.

Борель отвернулся — я увидел, как по его щекам заходили желваки.

— А здесь — своего рода посмертный мир? — спросил он наконец, по-прежнему не глядя на нас.

— Можно выразиться и так, — сказал я.

— Здесь можно умереть снова?

— Думаю, да.

— Что это?

Он внезапно опустил глаза, я проследил его взгляд. Подо льдом что-то лежало. Шагнул в ту сторону.

— Рука, — ответил я, — похожа на человеческую руку.

— Как она здесь оказалась? — спросил Джарт, подходя и пиная руку.

Та дернулась, так что стало видно — она не просто лежит, а, скорее, торчит изо льда. После того как Джарт ее пнул, она еще несколько секунд судорожно сжималась и разжималась. Потом я заметил еще одну, чуть дальше, а рядом, похоже, ногу. Еще дальше — плечо с рукой, ладонь...

— Людоедский морозильник, — предположил я.

Джарт хохотнул.

— Значит, вы оба мертвы, — произнес Борель.

— Отнюдь, — отвечал я. — Я — настоящий. Так, забрел мимоходом по пути в куда более приятное место.

— А Джарт?

— Джарт — любопытный феномен, как физически, так и теологически. Ему повезло странным образом раздвоиться.

— Не скажу, что считаю это везением, — заметил Джарт, — но, учитывая альтернативу, все-таки рад, что оказался здесь.

— Вот пример позитивного мышления, которое столько лет творило во Дворах чудеса, — сказал я.

Джарт снова хохотнул.

Я услышал металлический лязг, который так просто не забывается. Если Борель хочет проткнуть меня сзади, я все равно не успею вытащить меч, обернуться и парировать. С другой стороны, он всегда гордился, что убивает с соблюдением всех тонкостей этикета. Он фехтовал честно, потому что знал свою непобедимость. Славу поддерживал. Я тут же поднял обе руки, как будто он хочет напасть на меня сзади, — нарочно, чтоб ему досадить.

— Оставайся невидимой, Фракир. Как только я обернусь и взмахну рукой — отцепляйся. Долетишь, ухватишься и ползи к шее. А там ты уж знаешь, что делать.

— Хорошо, начальник, — отвечала она.

— Обнажи клинок и поворачивайся, Мерль.

— Ты как-то неспортивно себя ведешь, Борель.

— Ты смеешь обвинять меня в чем-то отходящем от правил?!

— Трудно сказать, я же не вижу, что ты задумал, — отвечал я.

— Тогда обнажи меч и повернись.

— Я поворачиваюсь, но меча не трогаю.

Я быстро повернулся, взмахнул рукой, почувствовал, как соскользнула Фракир. И тут ноги мои поехали. Я слишком резво повернулся на гладком льду. В падении я видел, как ко мне метнулась темная тень. Когда я поднял глаза, передо мной — дюймах в шести от правого глаза — было острие Борелева меча.

— Вставай медленно, — сказал он.

Я подчинился.

— Вытаскивай меч.

— А если я откажусь? — спросил я, чтобы протянуть время.

— Значит, ты — не джентльмен, и я поступлю соответственно.

— То есть все равно на меня нападешь?

— Правила это позволяют, — ответил он.

— Подавись своими правилами! — Я поставил правую ногу за левую, отпрыгнул, вытащил меч и изготовился к обороне.

Он настиг меня в одно мгновение. Я продолжал отступать за ледяную глыбу, из-за которой он вышел. Мне совсем не улыбалось состязаться с ним в мастерстве, особенно теперь, когда я почувствовал его прыть. Отступая, парировать было легче. Меч, впрочем, казался каким-то непривычным, и я быстро глянул на него, чтобы понять причину. Это был не мой меч.

Дрожащий свет тропы, отраженный от льда, вспыхивал на узорной насечке. Я знал лишь один такой меч и видел его совсем недавно в руке, вполне возможно, отцовской. Передо мною мелькал Грейсвандир. Я улыбнулся. Какая ирония! Этот самый клинок сразил настоящего лорда Бореля.

— Ты смеешься над своей трусостью? — спросил тот. — Стой и сражайся, подлец!

Словно в ответ на его слова меня что-то остановило. Впрочем, пока я глядел на свои ноги, острие не пронзило меня насквозь, поскольку, судя по выражению Борелева лица, с ним случилось нечто подобное.

Торчащие изо льда руки крепко держали нас за щиколотки. Теперь был черед Бореля улыбаться. Он не мог больше наступать, но и я не мог сделать шага назад. А значит...

Он сделал выпад, я парировал из четвертой позиции, атаковал из шестой. Он закрылся. Сделал ложный выпад. Снова кварта и новый выпад. Ответный удар. Применить сикту... нет, это обманный ответ. Поймать его в четвертой. Обман. Снова обман. Укол...

Что-то белое и твердое пролетело над его плечом и угодило мне в лоб. Я отклонился назад, но не упал — руки держали крепко. Впрочем, хорошо, что так

вышло, — не то он пропорол бы мне печенку. Инстинктивно — или по воле магии, которая, я слышал, обитает в Грейсвандире, — я выбросил руку вперед как раз тогда, когда мои колени подогнулись. На клинок я не смотрел, но почувствовал, как он входит во что-то упругое. Борель удивленно фыркнул и чертыхнулся. Джарт тоже ругнулся. Его я не видел, он стоял сбоку, вне моего поля зрения.

Впереди что-то вспыхнуло. Я напружинил колени, устоял, отбил удар, чуть не снесший мне голову, и начал выпрямляться. Оказывается, я царапнул Борелю плечо, и теперь из раны водопадом хлестало пламя. Тело его начало светиться, контуры ног расплывались.

— Ты одолел меня нечестно! — вскричал он.

Я пожал плечами.

— А это и не зимняя олимпиада, — сказал я.

Он перехватил рукоять, занес руку к плечу и бросил в меня меч — как раз перед тем, как рассыпаться фонтаном искр и растаять в небе.

Я отбил меч, и он упал левее, до половины вонзился в лед и остался стоять, дрожа, — как бы скандинавский перепев артуровской легенды*. Джарт подбежал ко мне, пинками заставил руки выпустить мои щиколотки и сощурился на мой лоб.

Что-то упало на меня сверху.

— Извини, начальник. *Я приземлилась ему на колено. Пока доползла до горла*, он уже вспыхнул, — сказала Фракир.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — отвечал я. — Хоть не обожглась?

— Даже жара не почувствовала.

— Извини, что попал в тебя ледышкой, — сказал Джарт. — Я метил в Бореля.

Я пошел прочь от долины рук, обратно к тропе.

— Косвенно это помогло, — сказал я, но благодарить не стал. Кто его знает, куда он на самом деле целил?

Я оглянулся. Руки, которые Джарт только что пинал, показывали нам кукиш.

Откуда у меня взялся Грейсвандир? Смогло бы другое оружие так же поразить призрак Логруса? Значит ли это, что меня перенес сюда все-таки отец? И что он знал: его меч мне понадобится? *Мне хотелось думать так, хотелось верить, что* это был он, а не призрак Пути. *А если это был он, то какова его роль во всей этой* истории? Что он про нее знает? *И на какой он стороне?*

Ветер улегся. *Мы шли по тропе, и торчащие изо льда руки держали факелы,* освещая путь на далекое расстояние — до начала подъема. Больше никто не мешал нам идти по ледяной равнине.

— Из того, что ты рассказал и что я сам видел, — промолвил Джарт, — складывается впечатление, будто билет тебе выдал Путь, а Логрус пытается сделать в нем дырку.

В это самое время лед начал взламываться. С обеих сторон к нам бежали трещины, однако у тропы замедлялись. Я впервые заметил, что она немного возвышается над равниной. Мы шли как бы по дамбе, справа и слева ломался лед, но нам ничего не грозило.

— Вот вроде того, — прокомментировал Джарт. — А как ты вообще вляпался в эту историю?

— Все закрутилось тридцатого апреля, — начал я.

VII

Мы карабкались на склон. Некоторые руки махали нам на прощание. Джарт показал им нос.

— Ты меня осуждаешь, что я хочу отсюда сбежать? — спросил он.

— Ничуть.

— Если это твое переливание действительно освободило меня от власти Логруса, я могу прожить тут неопределенно долго.

— Возможно.

— Вот почему я швырнул ледышкой в Бореля, а не в тебя. Помимо того, что ты сообразительнее и можешь отыскать-таки выход, он — порождение Логруса и в случае необходимости не сумел бы поддержать меня своим огнем.

— Мне тоже об этом подумалось, — сказал я. Правда, в голову пришло другое возможное решение, но его я оставил при себе. — К чему ты клонишь?

— К тому, что буду помогать тебе чем сумею, только бы ты меня здесь не бросил. Конечно, мы не ладили, но, если ты согласен, я готов все забыть.

— Я всегда был согласен. Ты вечно первым затевал ссоры.

— Ничего не первым, — возразил Джарт. — Ладно, ладно, ты прав. Я никогда тебя не любил и, возможно, не люблю и теперь. Но не буду тебя подначивать сейчас, когда мы так друг другу нужны.

— Насколько я понимаю, это я тебе нужен.

— Не спорю и не могу убедить тебя, что говорю искренно, — сказал он. — А жаль.

Мы еще немного поднялись. По-моему, воздух начал теплеть. Наконец Джарт продолжил:

— Попробуй взглянуть с другой стороны. Я похож на твоего брата Джарта. Я — примерно такой, каким он был некоторое время назад, — примерно, да не такой же. С того мгновения, когда мы пустились наперегонки, я двигаюсь в свою, отличную от его, сторону. Моя ситуация — только моя, и я не перестаю размышлять с тех пор, как обрел самостоятельность. Настоящий Джарт знает то, чего я не знаю, обладает силами, которых у меня нет. Однако я помню все, что было с ним до прохождения Логруса, и лучше, чем кто-либо другой, могу угадать ход его мыслей. Так вот, если он действительно так опасен, как ты говоришь, я тебе пригожусь, если надо будет предвосхитить какие-то его поступки.

— Тут ты прав, — согласился я. — Если, конечно, ты не встанешь на его сторону.

Джарт покачал головой:

— Он не будет мне доверять. А я — ему. Мы слишком хорошо себя знаем. Самоанализ подсказывает. Понимаешь, о чем я?

— Это значит, что ни тебе, ни ему доверять нельзя.

Он нахмурился. Потом кивнул:

— Да, наверное.

— Так почему я должен тебе верить?

— Сейчас — потому что держишь меня за горло. Дальше — потому что не сможешь без меня обойтись.

Еще несколько минут мы поднимались в молчании. Потом я сказал:

— Что меня больше всего в тебе тревожит... Джарт прошел Логрус совсем недавно. Добро бы ты был повзрослевшей, подобревшей версией моего нелюбезного братца — так ведь нет, ты — весьма новая модель. Касательно же твоего расхождения с оригиналом — не верю, что за такое короткое время можно измениться всерьез.

Он пожал плечами:

— Что я могу добавить к прежним словам? Если так, ограничимся понятием власти и шкурного интереса.

Я улыбнулся. Мы оба понимали, что в любом случае так и будет. Впрочем, разговор помогает скоротать путь.

Пока мы лезли вверх, мне пришла в голову интересная мысль.

— Как по-твоему, ты сумел бы пройти сквозь Тень?

— Не знаю, — ответил Джарт, подумав. — Последнее, что осталось в моей памяти, — это как я прошел Логрус. Думаю, тогда и была закончена запись. Поэтому я не помню, чтобы Сухай наставлял меня в движении по Теням, не помню, чтобы пытался это сделать. Думаю, сумел бы. А ты как считаешь?

Я остановился перевести дух.

— Вопрос настолько сложный, что мне не хватает знаний даже на догадки. Я думал, может, ты явился сюда начиненный готовыми ответами — чем-то вроде сверхъестественного знания своих возможностей и ограничений.

— Увы, нет. Если не считать предчувствия сверхъестественными.

— Я бы счел, если бы ты часто оказывался прав.

— Дьявольщина! Еще рано судить.

— Да уж... Ты прав.

Вскоре мы оставили внизу полосу тумана, из которой сыпался снег. Спустя какое-то время ветер заметно ослабел, потом совсем улегся. Впереди показался гребень, и мы довольно быстро выбрались на него.

Я обернулся и увидел лишь поблескивающий туман. Вперед телеграфной лентой из точек и тире уходил серпантин — видимо, тропа то и дело ныряла за камни. По ней мы и пошли — зигзагами.

Я поглядывал на Джарта — не узнает ли он местность. Разговор — всего лишь слова, а он — куда ни кинь — все тот же Джарт, с которым я вырос. И если он заведет меня в ловушку, я первым делом всажу в него Грейсвандир.

Мерцание...

Камни справа, что-то вроде пещеры — будто дыра в другую реальность. Странноватый автомобиль мчится по крутой городской улице...

— Что... — начал Джарт.

— Я по-прежнему не понимаю, что это должно значить. Впрочем, я здесь такого уже навидался. Я и про тебя сперва подумал, что ты — из них.

— С виду как настоящее. Прямо бери и входи.

— Все может быть.

— Вдруг это и есть выход?

— Вряд ли все так просто.

— А давай попытаемся.

— Валяй, — сказал я.

Мы сошли с тропы и направились к окну в реальность. В следующее мгновение Джарт был уже на тротуаре рядом с улицей, по которой ехала машина. Он обернулся и помахал рукой. Рот его открывался и закрывался, но я не слышал ни звука.

Если я отряхнул снег с красного «Шевроле», почему бы мне не войти в одну из этих картинок? А если я войду, удастся мне уйти отсюда сквозь Тень куда-нибудь в более подходящее место, прочь из этого мрачного мира?

Я шагнул вперед.

И сразу для меня включился звук. Я глядел на дома, на круто уходящую улицу. Я слышал гул машин, вдыхал городской воздух. Это вполне могла быть одна из Теней Сан-Франциско. Я побежал за Джартом, который уже огибал угол. Догнал его, пошел рядом. Мы завернули за угол. И встали как вкопанные.

Перед нами не было ничего. Стена мрака. Даже не мрака — абсолютной пустоты, от которой мы тут же отпрянули.

Я медленно протянул руку. По телу пробежали мурашки, потом холодок, потом накатил страх. Я отступил на шаг. Джарт тоже протянул руку и тоже попятился. Потом вдруг резко поднял с обочины отбитое бутылочное донышко, размахнулся, бросил в ближайшее окно. И тут же побежал следом.

Я — за ним. Возле разбитого окна мы остановились, заглянули внутрь.

Опять чернота. За окном не было ровным счетом ничего.

— Мираж, — заметил я.

— Угу, — кивнул Джарт. — Как будто нас пускают в разные Тени, но только очень недалеко. Что ты об этом думаешь?

— Я гадаю, может, мы должны что-то искать в одном из этих мест?

Внезапно тьма за окном раздвинулась, появился стол и на нем свеча. Я потянулся сквозь разбитое стекло, и все тут же исчезло. Осталась одна тьма.

— Я так понимаю, это положительный ответ на твой вопрос, — сказал Джарт.

— Думаю, ты прав. Но не можем же мы искать неизвестно что в каждой встречной картинке.

— Мне кажется, кто-то пытается привлечь твое внимание, и, как только ты поймешь и начнешь вглядываться, тебе покажут нужную.

Свет. За окном появился уставленный свечами стол.

— Ладно, — согласился я. — Если это то, что от меня требуется, я согласен. Здесь я еще должен что-нибудь искать?

Наступила тьма. Она выползала из-за угла и медленно подбиралась к нам. Свечи погасли, тьма лилась из окна. Здание напротив исчезло за плотной стеною тьмы.

— Я так понимаю, это означает «нет», — вскричал я и побежал по суживающемуся темному коридору к тропе.

Джарт бежал следом.

— А ты догадливый, — сказал я, пока мы, стоя на тропе, провожали глазами исчезающую улицу. — Как по-твоему, картинки выбрасывались случайным перебором, пока мы не додумались войти в любую из них?

— Да.

— Зачем?

— Наверное, тот, кто за всем этим стоит, свободно распоряжается картинками и сможет ответить на твои вопросы.

— То есть Путь?

— Вероятно.

— Я войду в следующую же, которая откроется. Я готов сделать все, что от меня хотят, лишь бы мне быстрее отсюда выбраться.

— Нам, брат, нам.

— Конечно, — отвечал я.

Мы пошли дальше. Ничего нового и интригующего по сторонам не появлялось. Дорога однообразно вилась то вправо, то влево, и я уже начал гадать, кого мы встретим следующим. Если я действительно на территории Пути и выполняю его волю, Логрус наверняка пошлет мне наперехват кого-нибудь из старых знакомых. Однако никто так и не возник. Мы миновали последний поворот, дальше дорога шла прямо, затем упиралась во что-то черное.

Ближе стало видно, что она уходит в большую черную гору. Я почувствовал что-то вроде клаустрофобии. Джарт тихо ругался на ходу. Однако не успели мы добраться до горы, как справа что-то блеснуло. Я повернулся и увидел спальню Рэндома и Виолы в Амбере. Я глядел на комнату с юга, видел диван и ночной столик, дальше стул, ковер, подушки перед камином и окно рядом с ним. В окно лился солнечный свет. Ни в постели, ни в комнате никого не было, поленья на решетке почти прогорели и слабо потрескивали.

— Что теперь? — спросил Джарт.

— Это оно, — отвечал я. — Так и должно было быть, понимаешь? Как только до меня дошло, что происходит, мне показали настоящее. Думаю, я должен действовать быстро — как только соображу...

Один из камней камина загорелся красным. Он на глазах наливался светом. Это никак не отблеск углей. Значит...

Я ринулся вперед. За спиной что-то кричал Джарт, но слова его как отрезало, едва я вошел в комнату. От кровати слабо веяло любимыми духами Виолы. Я чувствовал — это настоящий Амбер, а не какое-нибудь теневое факсимиле. Я быстро шагнул к камину.

Джарт ворвался следом.

— Скорей выходи сражаться! — вопил он.

Я развернулся к нему, крикнул: «Заткнись!» — и поднес палец к губам.

Он подошел, ухватил меня за руку и хрипло зашептал:

— Борель опять пытается материализоваться! К тому времени как ты выйдешь, он будет ждать!

Из гостиной донесся голос Виолы:

— Есть здесь кто?

Я вырвал руку, опустился на колени перед камином и взялся за светящийся камень. Он казался вмазанным в кладку, но легко вынулся, едва я потянул.

— Как ты угадал, какой дергать? — прошептал Джарт.

— По свечению.

— Какому свечению?

Вместо ответа я запустил руку в образовавшуюся дыру, надеясь, что там не окажется колдовского капкана. Дыра была глубже, чем просто выемка от камня.

Я нащупал что-то висящее на крючке или выступе — цепь, — ухватился и потянул. Джарт затаил дыхание.

Последний раз я видел его на Рэндоме в день похорон Кейна. В моей ладони лежал Камень Жребия. Я быстро перекинул через голову цепь и опустил камень на грудь. В то же мгновение дверь отворилась.

Я поднес палец к губам, взял Джарта за плечо и развернул к отсутствующей стене, за которой виднелась наша тропа. Он было запротестовал, но я с силой толкнул его вперед.

— Кто здесь? — спросила Виола.

Джарт в недоумении обернулся ко мне.

Объяснить жестами или шептать, что она слепая, было некогда. Я снова ткнул Джарта в спину, но он извернулся, выставил ногу и толкнул меня вперед. Я чертыхнулся и упал. Сзади Виола снова спросила: «Что?..» — и тут голос ее оборвался.

Я грохнулся на тропу, успев в падении выхватить кинжал, перекатился и вскочил на ноги. Передо мною стоял Борель.

Он улыбался. Меч его был в ножнах.

— Здесь из земли руки не торчат, — заметил он, — так что теперь никакая случайность тебя не спасет.

— Жалко, — сказал я.

— Если только я сниму эту цацку с твоей шеи и верну ее в Логрус, мне позволят прожить новую жизнь вместо предшественника, предательски убитого твоим отцом, как ты сам признался.

Видение монарших покоев в Амбере померкло. Джарт стоял рядом с тропой, возле черты, недавно отделявшей ее от древнего королевства.

— Я знал, что не одолею его, — сказал он, почувствовав на себе мой взгляд, — а ты уже раз с ним справился.

Я пожал плечами.

Борель повернулся к Джарту:

— Ты предаешь Логрус и Дворы Хаоса?

— Напротив, — отвечал Джарт. — Может быть, я спасаю их от серьезной ошибки.

— Какой ошибки?

— Скажи ему, Мерлин. Повтори, что говорил мне, когда мы карабкались из морозильника.

Борель вновь взглянул на меня.

— Эта история запутанная с самого начала, — сказал я. — Мне кажется, идет поединок между силами — Логрусом и Путем. Амбер и Дворы, возможно, вторичны. Понимаешь...

— Чушь! — перебил он, вытаскивая меч. — Ты нарочно выдумываешь на ходу, чтоб оттянуть наш поединок.

Я переложил кинжал в левую руку, а правой вытащил Грейсвандир.

— Ну и черт с тобой! — вскричал я. — Подойди и возьми!

Тяжелая рука опустилась мне на плечо, придавила и одновременно крутанула так, что я волчком вылетел с тропы. Уголком глаза я видел, что Борель отступил на шаг.

— Ты похож на Эрика или на Корвина, — сказал мягкий знакомый голос, — хоть я тебя и не знаю. Но на тебе — Камень, а значит, ты — слишком важная особа, чтобы рисковать жизнью в мелкой потасовке.

Я перестал катиться и повернул голову. Это был Бенедикт — Бенедикт с двумя нормальными руками.

— Я — Мерлин, сын Корвина, — сказал я. — А это — первый фехтовальщик Дворов Хаоса.

— Ты, похоже, куда-то спешишь, Мерлин. Вот и иди, — сказал Бенедикт.

Острие Борелева меча замерло в десяти дюймах от моего горла.

— Никуда ты не идешь, — заявил герцог, — тем более с этим камнем.

Бенедикт беззвучно обнажил меч и отбил клинок Бореля.

— Я сказал, иди, Мерлин!

Я вскочил на ноги, отпрыгнул подальше от Бореля и осторожно обошел дуэлянтов.

— Если ты его убьешь, — сказал Джарт, — он со временем материализуется снова.

— Любопытно, — сказал Бенедикт, отбивая выпад и отступая на полшага. — Как скоро?

— Через несколько часов.

— А сколько вам *нужно*, чтобы закончить *свою миссию?*

Джарт взглянул на меня.

— Не знаю, — отвечал я.

Бенедикт парировал необычным легким движением, как-то странно шаркнул ногой вперед и яростно атаковал. От рубашки Бореля отлетела пуговица.

— Тогда я не буду торопиться, — сказал Бенедикт. — Удачи, малыш.

Он быстро отсалютовал мечом. В это мгновение Борель перешел в нападение. Бенедикт применил итальянскую шестую, так что оба клинка отошли вбок, шагнул вперед и левой рукой потянул противника за нос. Потом оттолкнул его от себя, отпрыгнул на шаг и улыбнулся.

— Сколько вы обычно берете за урок? — долетел нам в спину его голос.

— Интересно, *много времени надо силе, чтобы материализовать призрака?* — сказал Джарт на бегу. Мы трусили к скальной громаде, в которую ныряла дорога.

— Несколько часов на одного только Бореля, — сказал я. — Если я не ошибаюсь и Логрусу действительно позарез нужен Камень, он бы, коли мог, прислал целую армию призраков. Теперь я убежден, что обеим силам очень трудно сюда проникнуть. Подозреваю, что они просачиваются в виде слабейших ручейков энергии. Будь это иначе, мне бы так далеко не забраться.

Джарт протянул было руку потрогать Камень, передумал и отдернул.

— Похоже, ты бесповоротно на стороне Пути.

— Сдается мне, ты тоже. Если, конечно, ты не намерен в последнюю секунду всадить мне нож в спину.

Он хихикнул и тут же добавил:

— Не смешно. Мне придется быть с тобой заодно. Теперь я вижу, что Логрус создал меня орудием и выбросил бы на свалку, как только я отработал бы свое.

Думаю, если бы не твое переливание, я бы давно растаял. Поэтому, хочешь не хочешь, я с тобой, и твоей спине ничего не грозит.

Мы бежали по прямой тропе и уже видели ее конец. Джарт некоторое время молчал, потом спросил:

— А что в ней такого, в этой твоей подвеске? Зачем она Логрусу?

— Это — Камень Жребия. Говорят, он старше самого Пути и послужил его созданию.

— Как по-твоему, почему он так легко отыскался, можно сказать, сам пошел тебе в руки?

— Понятия не имею, — отвечал я. — Если чего надумаешь, скажи мне, я охотно выслушаю.

Вскоре мы оказались у места, где тропа уходила в полную тьму. Мы остановились и попытались хоть что-нибудь разглядеть.

— Никакой тебе таблички, — сказал я, осматривая скалу по сторонам и сверху от входа.

Джарт взглянул удивленно:

— Знаешь, Мерлин, у тебя всегда было извращенное чувство юмора. Ну кто вешает таблички в таких местах?

— Кто-нибудь с извращенным чувством юмора, — отвечал я. — Не один же я такой.

— Ладно, чего стоять, пошли, — сказал Джарт, вновь поворачиваясь к пещере.

Над темным провалом зажглась красная табличка «Выход». Джарт с минуту смотрел на нее, потом медленно покачал головой. Мы вошли.

Коридор вилял, и это меня немного удивляло. Пока все, что мы встречали в этой стране, было явно искусственным, и я ожидал увидеть штольню с гладкими стенами, а в ней — прямой, как по линейке прочерченный путь. Однако в действительности это больше походило на природную пещеру — сталактиты, сталагмиты, колонны и озерца.

Камень бросал зловещие отблески на все, что я останавливался рассмотреть.

— А ты умеешь им пользоваться? — спросил Джарт.

Я вспомнил отцовский рассказ.

— Думаю, сумею, когда время придет, — сказал я, поднимая Камень к глазам. Секунду я смотрел на него, потом отпустил цепочку. Сейчас меня больше занимал не Камень, а дорога.

Я вертел головою по сторонам, пока мы шли из сырого грота в просторный, словно собор, каменный зал, по узким переходам, вдоль высохших водопадов. Что-то это напоминало, только я не мог сообразить что.

— Ничего не кажется знакомым?

— Мне — нет, — отозвался Джарт.

Мы пошли дальше и миновали естественную нишу с тремя человеческими скелетами. Я поделился своими соображениями: впервые с начала путешествия появились, если можно так выразиться, настоящие признаки жизни.

Джарт медленно кивнул.

— Начинаю сомневаться, между Тенями ли мы идем, — сказал он, — или уже вошли в Тень — возможно, сразу за устьем пещеры.

— Можно призвать Логрус и проверить, — сказал я (Фракир тут же дернулась на запястье), — но, учитывая определенную метафизичность ситуации, лучше все-таки воздержаться.

— Я сужу по цветам минералов на стенах, — продолжал Джарт. — Там, позади, все тяготело к монохромности. На декорации мне, собственно, плевать. Но если мы вошли в Тень, это уже своего рода победа.

Я указал на землю.

— Пока тут светится эта тропа, мы по-прежнему под колпаком.

— А что, если просто с нее сойти? — Джарт сделал шаг вправо.

Сталактит задрожал и рухнул на землю меньше чем в футе от Джарта. Тот мигом очутился рядом со мной.

— Конечно, было бы ужасно жаль не выяснить, куда же мы все-таки шли.

— Приключения — они такие. Невежливо пропускать самое интересное.

Мы двинулись дальше. Ничего аллегорического по сторонам не происходило. Наши голоса и звуки шагов отдавались от стен. Где-то в гротах капала вода. Минералы поблескивали. Тропа шла под уклон.

Сколько мы шагали, не скажу. Через какое-то время каменные гроты начали повторяться — словно нас вновь и вновь телепортировали в одни и те же пещеры и коридоры. Это несколько притупило во мне ощущение времени. Однообразие убаюкивает и...

Внезапно туннель расширился и повернул влево. Хоть какая-то перемена. Справа открылся боковой ход. Джарт заглянул туда и быстро прошел мимо.

— Там может таиться любая мерзость, — сказал он.

— Верно, — кивнул я, — но бояться, по-моему, не стоит.

— Почему же?

— Кажется, я начинаю понимать.

— Может, и мне объяснишь?

— Слишком долго. Погоди, скоро все выяснится.

Мы миновали еще одно боковое ответвление — похожее, но не такое же. Разумеется.

Я прибавил шагу, торопясь удостовериться. Еще ответвление. Я побежал... Еще...

Джарт бежал рядом, *по коридорам раскатывалось эхо. Вперед. Уже скоро.*

Опять поворот.

И здесь я остановился. Коридор вел дальше, тропа — нет. Она сворачивала влево и упиралась в большую, окованную железом дверь. Я пошарил справа от косяка, где должен быть крюк, нащупал его, снял ключ. Вставил в скважину, повернул, вынул, повесил на место.

— Мне тут не нравится, начальник, — заметила Фракир.

— Знаю.

— Похоже, ты понимаешь, что делаешь, — сказал Джарт.

— Ага, — промолвил я и добавил: — До определенной степени, — поняв, что дверь открывается на меня, а не внутрь.

Я ухватился за большую дверную скобу слева и потянул.

— Может, все-таки объяснишь, куда мы пришли? — спросил Джарт.

Я шагнул назад. Тяжелая дверь скрипнула и повернулась.

— Это поразительно похоже на пещеры в Колвире под замком Амбер.

— Класс, — отвечал он. — А что за дверью?

— Очень похоже на вход в комнату, где в Амбере помещается Путь.

— Еще лучше! Я, надо думать, обернусь струйкой дыма, если ступлю туда ногой.

— Похоже, но не во всем, — продолжал я. — Сухай приходил взглянуть на самый Путь, прежде чем мне его пройти, и ничего, не пострадал.

— Наша мать его прошла.

— Верно. Если честно, я думаю, всякий истинный уроженец Дворов Хаоса в состоянии пройти Путь — и то же с моими амберскими родственниками в отношении Логруса. Считается, что где-то в туманной глуби веков у нас были общие предки.

— Ладно, пойду с тобой. Там ведь можно повернуться и не наступить на эту штуковину, так?

— Да.

Я распахнул дверь до конца, подпер ее плечом и заглянул внутрь. Светящаяся тропа обрывалась в нескольких дюймах за порогом.

Я чертыхнулся и отпустил дверь.

— Что?.. — спросил Джарт, пытаясь заглянуть мне через плечо.

— Не то, что я ждал. — Я посторонился и дал ему посмотреть.

Несколько секунд он глядел, потом произнес:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, — сказал я, — но собираюсь разобраться.

Я вошел в комнату, Джарт за мной. Это был не тот Путь, который я знал. Вернее, и тот, и не тот. Очертаниями он в общем повторял тот Путь, но линии кое-где стерлись, исчезли, сдвинулись — а может, никогда и не были нанесены правильно. Обычно темное пространство между линиями лучилось голубоватой белизной, сами линии были черны — словно жизненная суть ушла из диаграммы и пропитала фон. По освещенным участкам пробегала мелкая рябь.

Но главное — другое: посреди амберского Пути никогда не было огненного кольца вкруг мертвой, бесчувственной или заколдованной девушки.

А девушка, разумеется, могла быть только Корэл. Я сразу это понял, хотя лишь через несколько минут разглядел ее лицо за пляшущими огненными языками.

Пока я смотрел, тяжелая дверь захлопнулась. Джарт долго стоял неподвижно, затем произнес:

— Этот твой Камень явно проснулся. Видел бы ты свое лицо в его свете.

За бело-голубым сиянием Пути и дрожанием огненного кольца я и не заметил, что Камень тоже рубиново горит.

Я сделал шаг вперед, и меня обдало холодом, как от включенной карты. Видимо, это один из Нарушенных Путей, о которых говорила Джасра, — Путей, на которых прошли посвящение она и Джулия. Значит, я в одной из ранних Теней, где-то поблизости от Амбера. Мысли понеслись галопом.

Совсем недавно я заподозрил, что Путь обладает разумом. Очень вероятно, что разумен и Логрус — одно подтверждает другое. Впервые эта мысль пришла мне в голову, когда Корэл прошла Путь и попросила его перенести ее, куда следует. Он исполнил приказание, и вот где она оказалась. Без сознания — видимо, поэтому-то я не мог связаться с ней через карту. Когда она исчезла, я обратился к

Пути, и тот, словно в насмешку, перенес меня из одного конца комнаты в другой — видимо, хотел доказать мне, что все понимает.

А ведь он не просто разумен, решил я, заглянув в Камень Жребия. Он очень и очень умен. В Камне возникали картинки, они говорили, что я должен сделать. Так вот, в нормальных обстоятельствах я бы этого делать не стал. Выйдя из странного царства, сквозь которое вела тропа, я бы вытащил карту и попросил кого-нибудь меня отсюда забрать — или даже призвал бы Знак Логруса, и пока бы они с Путем разбирались, благополучно улизнул через Тень. Однако посреди Нарушенного Пути спала в огненном кольце Корэл... Настоящий Путь знал, что я ее не брошу. Видимо, он понял что-то, когда она по нему шла, выстроил план и придумал, как меня подловить.

Он хотел, чтобы я восстановил именно это его подобие, починил вот этот Нарушенный Путь — прошел бы по нему, неся с собой Камень Жребия. Так Оберон вернул целостность оригиналу. Правда, ценою собственной жизни...

С другой стороны, король имел дело с прообразом, а это — лишь одно из отображений. И потом, мой отец создал собственный эрзац из обрывка и остался жив.

Но почему я? Потому что мой отец сумел создать новый Путь? Существенно ли, что я несу в себе образ не только Пути, но и Логруса? Или просто я оказался под рукой и меня удалось *принудить?..*

Все вместе? Что-то *совсем другое?*

— Что скажешь? —крикнул я. — Можешь ты мне ответить?

Живот пронзила резкая боль, голова пошла кругом — комната завертелась, расплылась перед глазами, остановилась. Я смотрел на Джарта через Путь, за спиной у него была дверь.

— Как ты это сделал? — завопил он.

— Это не я.

— Ох...

Джарт бочком двинулся вправо, пока не коснулся рукой стены. Держась за нее, он пошел по периферии Пути, словно боясь сделать лишний шаг в сторону черных линий или отвести от них глаза.

С этой стороны я чуть яснее видел Корэл за яростно пляшущими языками. Забавно. Нас почти ничего не связывало. *Между нами не было влюбленности,* ни даже такой уж тесной дружбы. Мы познакомились только третьего дня, долго гуляли — по замку, вокруг него и под ним, посидели вместе за столом, выпили и посмеялись. Может, познакомься мы ближе, выяснилось бы, что мы друг друга терпеть не можем. И все-таки мне с ней было хорошо и хотелось получше ее узнать. И еще я чувствовал определенную вину за то, что с ней сталось — как-никак, это и мой недосмотр. Иными словами, Путь держал меня за горло: хочешь освободить ее, изволь восстановить линии.

Пламя кивнуло в мою сторону.

— Подлая уловка, — сказал я вслух.

Пламя снова кивнуло.

Я продолжал разглядывать Нарушенный Путь. Почти все, что я знал об этом явлении, было почерпнуто из разговора с Джасрой. Но она говорила, что посвященные Нарушенного Пути идут в промежутках между линиями, а картинка в Камне Жребия понуждала меня идти вдоль линий, как если бы я проходил сам

Путь. Это разумно, если вспомнить отцовский рассказ. Так я протяну верный маршрут через разрушенные участки. Мне ж не нужно недоделанное промежуточное посвящение.

Джарт обошел дальний край Пути, повернулся и двинулся ко мне. Когда он проходил мимо разрыва во внешнем контуре, оттуда по полу начал распространяться свет. Подобрался к его ноге. Джарта перекосило. Он страшно закричал и принялся оседать.

— Прекрати! — заорал я. — Или ищи себе другого починщика! Ну-ка верни ему нормальный облик и больше не трожь, а то я до тебя не коснусь! Я серьезно.

Съежившиеся ноги вновь распрямились. Охватившее тело голубоватое свечение погасло, свет немного отхлынул. Выражение муки сошло с лица Джарта.

— Знаю, что он — призрак Логруса, — сказал я, — и сделан по подобию самого малоприятного из моих родственников, но ты, скотина, эти штучки брось, а то я по тебе не пойду! Можешь подавиться Корэл и оставайся нарушенным!

Свет вполз обратно через зазор, и все стало таким, каким было минуту назад.

— Пообещай! — велел я.

Пламя взметнулось от Нарушенного Пути к потолку и снова опало.

— Я так понимаю, это означает «да».

Пламя кивнуло.

— Спасибо, — прошептал Джарт.

VIII

Итак, я двинулся. Черная линия вела себя под ногой иначе, чем сияющая в настоящем Амбере. Я ступил, как на утоптанную землю, а вот оторвал подошву с трудом и при этом услышал щелчок.

— Мерлин! — позвал Джарт. — Что мне делать?

— В каком смысле? — крикнул я.

— Как мне отсюда выбраться?

— Выйди в дверь и двигай по Теням. Или иди со мной по Огненному Пути, а потом перенесешься, куда захочешь.

— Вряд ли можно перемещаться по Теням так близко от Амбера, как по-твоему?

— Может, мы и впрямь слишком близко. Тогда уходи ногами и перемещайся, когда сможешь.

Я продолжал идти. Линии потрескивали всякий раз, как я отрывал ногу.

— Я заблужусь в пещерах.

— Тогда иди за мной.

— Путь меня уничтожит.

— Он обещал тебя не трогать.

Джарт хрипло хохотнул:

— И ты поверил?

— А куда он денется, если хочет, чтобы я прошел его до конца?

Я добрался до первого разрыва в Пути. Один взгляд на Камень подсказал, как должна пролечь линия. Не без трепета я сделал шаг за пределы видимого рисун-

ка. Потом второй. Третий. И вот я снова на линии. Хотелось оглянуться, но я выждал, пока линия повернула сама и мне открылся вид на пройденный участок. Мой путь светился, как в настоящем Пути. Линия словно впитывала разлитое свечение, светлые промежутки темнели.

Джарт успел подойти к началу. Он поймал мой взгляд.

— Не знаю, Мерлин, просто не знаю...

— Джарту, которого я помню, не хватило бы на это духу.

— И мне не хватает.

— Как ты сам сказал, наша мать его прошла. Все за то, что ты унаследовал нужные гены. Да и какого черта! Если я ошибаюсь, все кончится раньше, чем ты успеешь сообразить.

Я сделал шаг.

Джарт обреченно хохотнул, потом со словами: «А какого черта!» — ступил на Путь.

— Смотри-ка, я еще жив! — крикнул он. — Что дальше?

— Иди, не останавливайся. Следуй за мной и не сходи с линии, иначе тебе каюк.

Тут рисунок вновь повернул, и я потерял Джарта из виду. Вскоре у меня заболела левая лодыжка — находился, налазился, решил я. С каждым шагом боль усиливалась. Лодыжку жгло как огнем. *Неужели я умудрился порвать связку? Или...*

Ну конечно. Я уже чувствовал *запах паленой кожи.*

Я запустил руку за голенище и вытащил кинжал из Хаоса. От клинка веяло жаром — так действовала на него близость Пути. Пора было от него избавляться.

Я размахнулся и бросил кинжал вперед по ходу, к двери, машинально проводив взглядом. В темноте, куда он летел, что-то шевельнулось. Там, лицом ко мне, стоял человек. Кинжал ударился о стену и со звоном упал на пол. Незнакомец нагнулся. Послышался смешок. Потом незнакомец выпрямился и бросил клинок в меня.

Кинжал упал впереди и справа и сразу окутался голубым пламенем. Сноп искр, шипя и плюясь, взметнулся выше моей головы. Я вздрогнул и замедлил шаг, но не остановился, понимая, что мне ничего всерьез не грозит. Я двигался по дуге, ступать приходилось медленно.

— Оставайся на линии, — *крикнул я Джарту,* — *и не обращай внимания на* такие штучки.

— Ясно, — отвечал он. — А кто этот тип?

— Хрен его знает.

Я шел вперед и уже заметно приблизился к огненному кольцу. Интересно, что бы сказала обо всем об этом ти'ига?

За следующим поворотом открылся кусок пройденного пути. В его ровном свете Джарт уверенно шел вперед, пламя доставало ему до щиколоток. Сам я шел уже по колено в огне. Уголком глаза я видел шевеление в той части комнаты, где стоял незнакомец. Он выбрался из-под укрытия темноты — медленно, осторожно, держась дальней стены. Во всяком случае, он явно не рвался проходить Огненный Путь, потому что двигался к точке, прямо противоположной началу.

Мне ничего не оставалось, кроме как идти дальше, а поскольку рисунок вилял, незнакомец скоро оказался у меня за спиной. Я дошел до следующего раз-

рыва, соединил и его. При этом тихо, едва различимо заиграла музыка. Бело-голубой фон бледнел, свечение перетекало в линии, за мной вился яркий, четко очерченный след. Время от времени я подавал советы Джарту, который немного отставал, но, поскольку линия крутила, иногда сталкивался со мной почти что лицом к лицу — я мог бы его коснуться, возникни вдруг такая странная надобность.

Голубоватое пламя росло, подбираясь к моему поясу, волосы наэлектризовались и стали дыбом. Началась серия частых поворотов. Музыка играла, линии потрескивали. Я мысленно спросил Фракир, как она там, но не услышал ответа.

Я повернул, преодолевая растущее сопротивление среды. Наконец трудный участок остался позади. Передо мной была сердцевина Пути, и в ней — Корэл в огненном узилище. Линия шла в обход пылающего кольца, и постепенно мне предстала дальняя сторона Пути.

Незнакомец ждал. Ворот его плаща был высоко поднят, на лицо падала тень, я видел лишь блестевшие в улыбке зубы. Меня поразило, что он стоит посреди Пути, и лишь в следующую минуту я понял, как он там оказался — вошел через промежуток, тот самый, что мне предстояло восстановить.

— Прочь с дороги! — крикнул я. — Я не могу останавливаться и не позволю тебе меня остановить!

Он не шелохнулся. Я вспомнил, как отец рассказывал о поединке в первозданном Пути, и хлопнул по рукояти Грейсвандира.

— Я иду!

Голубоватое пламя с каждым шагом взвивалось все выше, в бледном свете я увидел лицо незнакомца. Мое лицо.

— Нет, — сказал я.

— Да, — сказал он.

— Ты — последний из призраков Логруса на моем пути.

— Вот именно.

Я сделал еще шаг.

— И все же, — заметил я, — если ты повторяешь меня, каким я проходил Логрус, то зачем явился мне мешать? Я тогдашний не взялся бы за подобное поручение.

Ухмылка сошла с его лица.

— В этом смысле я — не ты, — сказал он. — Насколько я понял, чтобы все устроилось как надо, мою личность пришлось неким образом синтезировать.

— Значит, ты — это я после лоботомии и с приказом убивать.

— Не говори так. У тебя выходит, будто это дурно, а то, что я делаю, — правильно. У нас даже много общих воспоминаний.

— Пропусти меня, а поговорим после. Думаю, Логрус вывернулся наизнанку, чтобы учинить эту пакость. Ты не хочешь убивать себя, а я и подавно. Объединившись, мы победим, а в Тени достанет места больше чем для одного Мерлина.

Я пошел медленнее. Но на этом отрезке нельзя было терять разгон.

Он сжал губы и потряс головой:

— Извини. Мне отпущен лишь час жизни — если я тебя не убью. Если убью, получу твою жизнь.

Он вытащил клинок.

— Я знаю тебя лучше, чем ты полагаешь, — сказал я, — пусть даже и переиначенного. Не думаю, что у тебя поднимется рука. Более того, я, возможно, смогу отменить твой смертный приговор. Я кое-что узнал про вас, призраков.

Он выставил клинок — очень похожий на тот, что был у меня годы назад, — и едва не коснулся моей груди.

— Извини, — повторил он.

Я выхватил Грейсвандир, чтобы парировать, — только дурак не стал бы защищаться. Кто знает, что там Логрус наворочал в его мозгах. Я судорожно припоминал, какие фехтовальные приемы узнал после посвящения.

Вот оно. Поединок Бенедикта с Борелем! Я брал уроки итальянского фехтования уже после того, как прошел Логрус. Перехваты шире, как бы небрежнее, зато выпады глубже.

Грейсвандир отвел нацеленное в меня острие. Выпад. Двойник повернул запястье во французскую четвертую, но я уже проскользнул ниже и по-прежнему тянул руку — запястье прямое, правая нога вперед. Клинки зазвенели, ударившись почти у самых рукоятей, я тут же выставил вперед левую ногу и продолжал выпад, так что гарда уперлась в гарду. Я продолжал давить вбок.

И тогда я просунул левую руку под его правый локоть — этому приему научил меня в колледже друг, обладатель черного пояса. *Кажется, он называл это «задзенить».* Я присел и резко крутанул *бедрами против часовой стрелки. Двойник не* устоял на ногах и начал заваливаться вбок. Только я не мог позволить ему упасть, коснуться узора и взорваться праздничным фейерверком. Я еще чуть-чуть додавил его, перехватил руку на плечо и с силой толкнул. Он упал в разрушенный промежуток.

И тут я услышал крик. Слева пронеслось что-то пылающее.

— Нет! — заорал я, пытаясь его поймать.

Поздно. Джарт соскочил с линии, метнулся в обход меня и, уже охваченный огнем, вонзил клинок в моего двойника. Из раны полыхнуло пламя. Двойник попытался встать, но тут же рухнул обратно.

— Не говори, что я ничем не послужил тебе, брат, — успел сказать Джарт и, обратившись смерчем, растаял под потолком.

Я не мог дотянуться до своего *doppelganger*, а в следующую секунду пропало* и желание, потому что тот быстро *превращался в живой факел.*

Глаза его были устремлены вверх, где исчез Джарт. Потом он взглянул на меня и криво усмехнулся.

— А ведь правду сказал, — произнес он и тоже взвился к потолку.

Я не сразу, но снова набрал разгон и продолжил ритуальный танец вокруг огня. Когда я описал круг и вернулся к тому месту, ни Джарта, ни двойника уже не было, только лежали их мечи — как упали, крест-накрест. Проходя, я ногой спихнул их с Пути. Пламя уже доходило мне до груди.

Кругом, назад, поворот. Время от времени я заглядывал в Камень, чтобы не ошибиться, и шаг за шагом латал Нарушенный Путь. Свет впитался в линии, и, если не считать полыхающего центра, Путь все больше напоминал знакомый амберский.

Первая Завеса вызвала мучительные воспоминания о Дворах Хаоса и Амбере. Я дрожал, но сохранял отчужденность, и это прошло. Вторая Завеса оживила

в памяти страсти Сан-Франциско. Я задышал ровно и прикинулся сторонним зрителем. Пламя плясало у моих плеч, и я, проходя дугу за дугой, представлял себе череду полумесяцев. Сопротивление росло, я от натуги обливался потом. Но все это было не впервой. Путь не только окружал меня, он был и во мне.

Я шел дальше и достиг отрезка, на котором каждое следующее усилие давало все меньший результат. В огне я по-прежнему видел тающего Джарта и мое собственное, искаженное смертной мукой лицо. Я понимал, что воспоминания внушены Путем, но от этого было не легче. Образы мучили меня и дальше.

Перед Главной Дугой я разок обвел глазами комнату и увидел, что Путь полностью восстановлен. Я соединил линиями все разрывы, и теперь Путь горел, словно застывший фейерверк на черном беззвездном небе. Еще шаг...

Я поднес Камень к глазам. В рубиновой глубине я уже миновал Дугу и шел прямиком через огненную стену, будто так и надо. Я счел видение советом, но вспомнил трюк Дэвида Стейнберга, который украл Дроппа. Оставалось лишь надеяться, что Путь меня не разыгрывает.

Я ступил на Главную Дугу, и пламя окутало меня с головой. Усилий требовалось все больше, шел я все медленней. Каждый мучительный шаг приближал меня к Последней Завесе. Я чувствовал, что превращаюсь в сгусток чистой воли, все мое существо сфокусировалось на единственной цели. Еще шаг... Словно тяжелые доспехи тянут меня к земле. Кажется, трех последних шагов не сделать вовеки.

Еще...

Движение утратило смысл, осталось одно усилие. Неважно, что будет, главное — пройти еще шаг. Воля — сгусток огня, тело — дым или тень...

И еще...

Голубое свечение слепит зрачки, оранжевые языки пламени кажутся серебристо-серым колеблющимся частоколом. Сквозь треск и шипение я вновь различил музыку — медленное адажио, низкое, дрожащее, словно Майкл Мур играет на барабане. Я старался подстроиться под ритм, двигаться в такт. Видимо, у меня получилось — или я окончательно утратил чувство времени, — последние несколько шагов дались почти легко.

А может, Путь смилостивился и чуть уменьшил давление. Теперь не узнаешь.

Я миновал Последнюю Завесу и оказался перед огненной стеной — снова оранжевой. Следующий вдох я сделал уже в огне.

Корэл покоилась в середине Пути, почти такая же, какой я видел ее последний раз — в рыжей рубахе и темно-зеленых бриджах, только сейчас она лежала на своем плотном коричневом плаще и, похоже, спала. Я встал на одно колено и тронул ее за плечо. Она не шевельнулась. Я поправил рыжую прядь, погладил щеку.

— Корэл?

Молчание.

Я снова взял ее за плечо, легонько потряс.

— Корэл?

Она глубоко вздохнула, но не проснулась.

Я потряс чуть сильнее.

— Очнись, Корэл.

Ничего.

Я просунул руки ей под спину, усадил. Глаза девушки оставались закрытыми. Очевидно, ее как-то заколдовали. Призывать Знак Логруса посреди Пути, если не хочешь сгореть дотла, явно неразумно. Поэтому я обратился к рецепту из старой сказки: наклонился и поцеловал ее.

Корэл что-то пробормотала, ресницы вздрогнули. Однако она так и не очнулась. Я повторил попытку. Тот же результат.

— Черт! — сказал я. Чтобы снять такое заклятие, нужно место, где развернуться, кой-какие орудия моей профессии и возможность безопасно прибегнуть к источникам силы.

Я приподнял Корэл и велел Пути перенести нас в мои амберские покои, где ее одержимая ти'игой сестра лежит в точно таком же трансе, усыпленная моим заботливым братом.

— Отнеси нас домой, — произнес я громко и твердо.

Ничего.

Я отчетливо представил свою комнату и вновь мысленно приказал.

Мы не двинулись с места.

Я аккуратно уложил Корэл на плащ, встал и взглянул на Путь сквозь ту часть огневого кольца, где пламя было пониже.

— Слушай, я оказал тебе большую услугу с риском для жизни и ценою больших усилий. Теперь я хочу выбраться отсюда и забрать с собой даму. Будь добр, помоги.

Пламя поникло и на несколько мгновений погасло совсем. В наступившем полумраке стало видно, что Камень мигает, словно лампочка гостиничного телефона. Я поднял его и заглянул внутрь.

Чего я не ожидал увидеть, так это короткого мультфильма для взрослых, но именно это происходило в Камне.

— Кажется, я включил не ту программу, — сказал я. — Если хочешь что-то сообщить — сообщай. Если нет, я всего лишь хочу домой.

Ничего не изменилось, только я заметил, что двое в Камне — это Корэл и я. Мы занимались любовью на плаще, по-видимому, в самом центре Пути, в дурной бесконечности по принципу старой конфетной обертки, только неприличной — если разглядеть нас в Камне, который я держал в руках и рассматривал в Камне...

— Довольно! — вскричал я. — Что за чушь собачья! Если хочешь устроить тантристский ритуал, я пришлю тебе профессионалов! Дама даже не проснулась...

Камень снова мигнул, так сильно, что я чуть не ослеп. Я отпустил цепочку. Потом наклонился к Корэл, поднял ее на руки и встал.

— Не знаю, проходил ли Путь кто-нибудь вспять, — сказал я, — но не вижу причины, почему мне этого не сделать.

Я шагнул к Последней Завесе. И тут же передо мной взметнулась огненная стена. Я отпрянул назад, споткнулся, упал на расстеленный плащ. Корэл я прижал к себе, чтоб не уронить в огонь. В падении она оказалась на мне и выглядела почти проснувшейся.

Руки ее обвили мне шею, щека прижалась к моей щеке. Я крепко обнял ее и задумался.

— Корэл?

— М-м-м, — прошептала девушка.

— Похоже, чтобы выбраться отсюда, мне придется тобой овладеть.

— Я думала, ты никогда не попросишь, — прошептала она, не открывая глаз.

Так уже меньше похоже на некрофилию, сказал я себе, перекладывая ее на бок, чтобы добраться до медных пуговок. Она что-то сонно бормотала, но в разговор это так и не перешло. Однако тело ее вполне отзывалось на мои касания, и дальнейшее не представляет интереса для знатоков. Занятный способ снимать заклятие. Может быть, Путь и впрямь обладает чувством юмора. Не знаю.

Огонь угас примерно тогда же, когда, так сказать, угас огонь.

Корэл наконец открыла глаза.

— Вот, похоже, с огненным кольцом и покончено, — сказал я.

— Когда это перестало быть сном? — спросила она.

— Интересный вопрос. И никто, кроме тебя, на него не ответит.

— Ты меня от чего-то спас?

— Коротко и ясно, — сказал я. Она немножко отодвинулась и оглядела комнату. — Видишь, что сталось, когда ты попросила Путь перенести тебя куда следует? Что с тобой надо было после этого сделать?

— Отодрать, — предположила она.

— Вот именно.

Мы раскатились в стороны и привели в порядок одежду.

— Хороший способ познакомиться поближе... — начал я, когда вся пещера содрогнулась от сильных подземных толчков. — Поздновато откликнулся, — заметил я, вновь прижимая к себе Корэл, если не ради поддержки, то ради ее спокойствия.

Толчки прекратились. Путь вспыхнул как никогда прежде. Я потряс головой. Потер глаза. Что-то было не так, хотя вроде как раз и правильно. Окованная железом дверь распахнулась — внутрь! — и я понял, что мы — в Амбере. В настоящем Амбере. Ко входу по-прежнему вела светящаяся тропа, но она быстро меркла. На тропе стояла маленькая фигурка. Я не успел даже вглядеться в темнеющий коридор, когда перед глазами привычно поплыло и мы оказались в моей спальне.

— Найда! — вскричала Корэл при виде женщины на моей постели.

— Не совсем, — возразил я. — То есть тело — ее, а дух — нет.

— Не понимаю.

Я судорожно думал, кто же подбирается к Пути. При этом у меня болела половина мышц, нервы были взведены до предела, а в теле скопились ядовитые продукты усталости. Я подошел к столу, где стояла открытая для Джасры — когда это было? — бутылка. Нашел чистые бокалы. Наполнил. Передал один Корэл.

— Твоя сестра недавно тяжело болела?

— Да.

Я отпил глоток.

— Она была при смерти. А когда тело стало ей не нужно, в него вселилась ти'ига — такой демон.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что сама Найда мертва.

Корэл заглянула мне в глаза, поняла, что я не разыгрываю, и отхлебнула вина.

— Я чувствовала, что-то не так, — промолвила она. — Найда очень изменилась после болезни.

— К худшему? Стала скользкой?

— Наоборот, очень милой. Найда была ужасно противная.

— Вы не ладили?

— До последнего времени — да. Ей ведь не больно?

— Нет, она просто спит. Заколдована.

— А почему ты не снимешь заклятия? По-моему, она не может причинить никакого вреда.

— Теперь — конечно. Скорее, наоборот, — сказал я. — И мы ее скоро разбудим. Только для этого нужен мой брат Мэндор — это его чары.

— Мэндор? Я почти ничего не знаю про тебя и твою семью.

— А я — про тебя. Слушай, я даже не знаю, какой сегодня день. — Я подошел к окну, выглянул. Там было светло. — Есть одна вещь, которую ты должна сделать, не откладывая. Иди к отцу и скажи, что с тобой все хорошо. Ты заплутала в пещерах или нечаянно забрела в Зеркальный Коридор и оказалась в ином плане бытия. Наплети что хочешь, лишь бы не произошло дипломатического скандала. Идет?

Корэл допила вино и кивнула. Потом взглянула на меня, покраснела и отвела глаза.

— Мы еще побудем вместе до моего отъезда?

Я похлопал ее по плечу, не зная, что сам об этом думаю. Потом понял — так не пойдет, обнял ее и прижал к себе.

— Конечно, — сказал я, гладя ее волосы.

— Спасибо, что показал мне город.

— Мы сделаем это еще, — добавил я, — как только уляжется суета.

— Угу.

Мы подошли к двери.

— Давай встретимся поскорее, — сказала она.

— Знаешь, я просто падаю, — ответил я, открывая дверь. — Черт-те сколько пришлось пройти! И вообще...

Корэл погладила мою щеку

— Бедненький Мерлин, — сказала она. — *Ну ложись, спи.*

Я залпом допил вино и вытащил карты. Мне хотелось последовать совету Корэл, но прежде надо было сделать кое-что еще. Я нашел карту Призрачного Колеса, вытащил ее и вгляделся.

Не успел я толком сформулировать желание, не успело толком похолодать, как передо мной очутился Призрак — в воздухе закружилось алое кольцо.

— Ух, привет, папа, — объявил он. — Я тебя обыскался. Заглядываю в пещеру — нет, шарю по Теням — нет. Мне и в голову не пришло, что ты просто вернулся домой.

— Потом, — оборвал я. — Сейчас не до того. Перенеси меня в комнату к Пути.

— Прежде я должен кое-что тебе сказать.

— Что?

— Сила, которая искала тебя в Твердыне Четырех Миров — ну та, от которой я спрятал тебя в пещеру...

— Да?

— Это был сам Путь.

— Я догадался, — сказал я, — позднее. Мы встретились и вроде как договорились. Перенеси меня к нему немедленно. Это важно.

— Сэр, я его боюсь.

— Тогда доставь меня так близко, как решишься, и сматывай. Мне надо кое-что выяснить.

— Отлично. Давай сюда.

Я шагнул вперед. Призрак поднялся в воздух, качнулся на девяносто градусов, упал на меня, прошел через голову, плечи, грудь и растворился под ногами. Свет погас, я немедленно призвал логрусское видение. Оно показало, что я стою перед дверью во вместилище Пути.

— Призрак? — позвал я тихо.

Никто не ответил.

Я обогнул угол, подошел к двери, надавил плечом. Она была не заперта и сразу поддалась. Фракир дернулась на запястье.

— Фракир? — спросил я.

И снова никто не ответил.

— Лишились дара речи, сударыня?

Она дважды дернулась. Я погладил ее и вошел в дверь.

И сразу увидел, что Путь горит ярче. Однако сейчас меня занимало другое. В центре Пути стояла темноволосая женщина, спиной ко мне, руки ее были воздеты. Я хотел выкрикнуть имя, на которое, я думал, она, скорее всего, отзовется, но женщина исчезла раньше, чем сработали мои голосовые связки. Я прислонился к стене.

— Похоже, мною воспользовались, — сказал я. — Ты заставил меня ужом вертеться, из-за тебя моя жизнь несколько раз висела на волоске, я тут ломал комедию, чтоб удовлетворить твой метафизический вуайеризм, а в итоге ты выпихнул меня в ту секунду, как получил искомое — чуть более яркое свечение. Я так понимаю, боги, или силы, или кто вы там есть, не говорят «спасибо», или «извини», или «вали к черту» исполнителям своей воли. И, похоже, ты не считаешь, что должен передо мной оправдываться. Так вот, я — не детская колясочка. Мне не нравится, как вы с Логрусом перебрасываетесь мной в своих играх. А если я вскрою себе вены и залью тебя кровью?

И тут же меня обдало волною энергии со стороны Пути. Передо мной с шипением встала стена голубого огня, уплотнилась и приняла бесполые очертания невиданной человеческой красы. Мне пришлось заслониться ладонью.

— Ты не понимаешь, — проревело пламя.

— Разумеется. Потому я и здесь.

— Твои усилия не остались незамеченными.

— Рад слышать.

— Иначе этого было не исполнить.

— А теперь все исполнено к твоему удовольствию?

— Да.

— Видимо, я должен сказать: «Пожалуйста, на здоровье».

— Ты дерзишь, Мерлин.

— А мне терять нечего. Я чертовски устал, и плевать мне на то, что ты со мной сделаешь. Так что я зашел сообщить: по-моему, за тобой должок. Все.

Я повернулся спиной.

— Даже Оберон не смел так со мной разговаривать, — сказало пламя.

Я пожал плечами и шагнул к двери. Открыл ее, сделал шаг и оказался в своей спальне.

Я снова пожал плечами, подошел к умывальному тазу и плеснул в лицо воды.

— Он тебя не тронул, папа?

Вокруг умывального таза лежало светлое кольцо. Призрак поднялся в воздух и поплыл за мной по комнате.

— Все отлично, — сказал я. — А как ты?

— Замечательно. Он не обратил на меня внимания.

— Ты знаешь, к чему все это?

— Похоже, он состязается с Логрусом за власть над Тенями и только что выиграл раунд. Не знаю, что произошло, но его это укрепило. Ты ведь как-то в этом замешан, да?

— Ага.

— Где ты был после пещеры, в которую я тебя перенес?

— Ты знаешь про землю между Тенями?

— Между?! Нет. Чушь какая-то...

— Ну, так я был там.

— А как ты туда попал?

— Не знаю. Полагаю, с большим трудом. Мэндор и Джасра живы-здоровы?

— Были, когда я справлялся в последний раз.

— А что Люк?

— Не интересовался. Проверить?

— Позже. Пока отправляйся наверх и загляни в королевские покои. Я хочу знать, на месте ли хозяева. Если да, то кто из них. Взгляни на камин. Там справа был вынут из кладки камень. Проверь, вставлен ли он обратно или по-прежнему лежит в камине.

Призрак исчез, я заходил по комнате. Сесть или лечь я боялся, чувствуя, что сразу усну, и потом меня будет не добудиться. Впрочем, я не успел много намотать на счетчик, как в комнату снова вкатился Призрак.

— Королева, Виола, на месте, в мастерской. Камень вставлен обратно, а в прихожей карлик стучит в двери.

— Черт, — сказал я. — Значит, они знают. Карлик?

— Карлик.

— Похоже, мне придется пойти наверх, вернуть Камень и объяснить, что произошло. Если Виола понравится мой рассказ, возможно, она любезно забудет поставить в известность Рэндома.

— Я тебя перенесу.

— Нет, это будет невежливо. Лучше на этот раз я постучу в дверь и войду с разрешения.

— Как люди узнают, когда стучаться, а когда нет?

— Обычно, если дверь закрыта, в нее стучат.

— Как сейчас карлик?

Снаружи донесся приглушенный стук.

— Он что, просто идет и колотит во все двери без разбора? — спросил я.

— Ну, он стучит во все по порядку, так что не знаю, можно ли назвать это «без разбора». Пока все комнаты на его пути оказывались пустыми. Через минуту он дойдет до твоей.

Я подошел к двери, отпер ее, открыл и вышел в коридор.

Ко мне действительно приближался кто-то маленький. Он взглянул в мою сторону, улыбнулся, блеснув спрятанными в бороде зубами, и заспешил ко мне.

Почти сразу стало видно, что это — горбун.

— Господи! — вскричал я. — Вы ведь — Дворкин? Настоящий Дворкин!

— По крайней мере, я так думаю, — ответил он довольно приятным голосом. — И надеюсь, что ты — Мерлин, сын Корвина.

— Он самый, — сказал я. — Какая неожиданная радость в самую неожиданную минуту.

— Я не просто в гости, — объявил он, подходя поближе и обнимая меня. — А! Вот и твоя комната.

— Да. Заглянете?

— Спасибо.

Я провел его внутрь. Призрак притворился мухой на стене — сжался до полудюйма и устроился на шкафу, где его можно было принять за солнечный зайчик. Дворкин быстро прошел по гостиной, заглянул в спальню, взглянул на спящую Найду, пробормотал: «Все они хороши, когда спят», на обратном пути коснулся Камня, мрачно покачал головой и сел в кресло, в котором я боялся уснуть.

— Бокал вина? — предложил я.

— Нет, спасибо. Это ты починил ближайший Нарушенный Путь в Тени?

— Я.

— Зачем?

— Мне как-то не пришлось выбирать.

— Расскажи подробно. — Старик потянул себя за кудлатую, неопрятную бороду. Волосы у него были длинные, их тоже не мешало бы подровнять. Однако ни в словах его, ни во взгляде не чувствовалось безумия.

— История долгая, и, чтобы не заснуть по ходу, мне потребуется кофе, — сказал я.

Он развел руками, и между нами возник маленький, накрытый белой скатертью столик с двумя приборами и дымящейся серебряной кофеваркой над короткой свечкой. Был здесь и подносик с печеньем. Я бы не сумел наколдовать все это так быстро. Интересно, сумел бы Мэндор?

— В таком случае я составлю тебе компанию, — сказал Дворкин.

Я вздохнул и налил кофе. Поднял Камень Жребия.

— Наверно, прежде чем начать рассказ, мне стоит вернуть его на место. Иначе потом хлопот не оберешься. — Я начал вставать.

Дворкин покачал головой.

— Думаю, не стоит, — сказал он. — Если ты снимешь его сейчас, то скорее всего погибнешь.

Я медленно опустился на стул.

— С молоком и с сахаром? — спросил я.

IX

Я медленно пришел в себя. Знакомая голубизна — теплое озеро обволакивающего первобытия. Ах да, я здесь, потому что... я здесь, как поется в песне. Я повернулся в спальном мешке, поджал колени к животу и снова заснул.

Когда я снова очнулся и огляделся по сторонам, мир был по-прежнему голубым. Ну и замечательно, всегда бы видеть его в голубом свете. Потом я вспомнил, что в любую минуту может войти Люк. Он же меня убьет!.. Пальцы сомкнулись на рукояти лежащего рядом меча, слух напрягся: не идет ли кто.

Что сегодня? Весь день рубить мечом стену хрустального грота? Или вновь явится Джасра и попытается меня прикончить?

Что-то не так. Произошла чертова уйма событий с участием Джарта и Корэл, Люка и Мэндора, и даже Джулии. Неужели все это мне приснилось?

Паника накатила и прошла, сознание окончательно пробудилось, а с ним вернулись и воспоминания. Я зевнул. Все снова было прекрасно.

Я потянулся. Сел. Протер глаза.

Да, я действительно в хрустальной пещере. Нет, все, что случилось с тех пор, как Люк меня сюда заточил, — не сон. Я вернулся добровольно, потому что: а) здесь можно хорошенько отоспаться за *ничтожное по амберскому счету время;* б) потому что тут никто не достанет меня через карту, и в) вполне вероятно, что даже Путь и Логрус не могут сюда проникнуть.

Я откинул с лица волосы, встал и пошел в сортир. Правильно я придумал, что велел Призраку перенести меня сюда сразу после разговора с Дворкиным. Я проспал не меньше двенадцати часов — крепко, без сновидений, лучше не бывает. Я выпил четверть бутыли воды, остальное плеснул на лицо.

Одевшись и спрятав постель в кладовую, я вышел в прихожую и стал под отверстием в потолке. Оттуда лился дневной свет. Я и сейчас помнил слова Люка в день, когда он меня здесь заточил, и я узнал, что мы с ним в родстве.

Я вытащил из-под рубахи Камень Жребия, поднял его, взглянул на просвет. Никаких картинок.

Ну и хорошо. Мне лишние помехи ни к чему.

Я сел по-турецки, продолжая смотреть на Камень. Самое время покончить с этим раз и навсегда, покуда я бодр и полон сил. Как и советовал Дворкин, я стал отыскивать в рубиновой глубине Путь.

Через какое-то время он начал проступать. Не так, как если бы я его вообразил, но то и не была тренировка воображения. Контуры обретали четкость. Казалось, они не возникают, а были там все время, а я только сейчас пригляделся. Вероятно, так оно и обстояло на самом деле.

Я набрал полную грудь воздуха, выдохнул, позволил изображению померкнуть, потом повторил все с самого начала. Теперь я внимательно изучал рисунок линий. Отец рассказывал, как настраиваются на Камень, но я многое позабыл. Когда я сказал об этом Дворкину, тот велел не беспокоиться — дескать, различишь в Камне трехмерное подобие Пути, отыщешь точку входа и пройдешь насквозь. На дальнейшие мои подробные расспросы он только хихикнул и еще раз велел не беспокоиться.

Ну и ладно.

Я медленно повернул Камень, приблизил его к глазам. Внезапно справа открылось маленькое отверстие. Я сфокусировался на нем, и отверстие как бы ринулось на меня.

Я вошел и оказался внутри драгоценного камня. Больше всего это походило на американские горки в Луна-парке. Я то летел вдоль извилистых линий, чувствуя переходящее в тошноту головокружение, то усилием воли сокрушал рубиновые преграды, карабкался, падал, скользил или протискивался вперед. Я почти забыл про руку с цепью, про свое тело — о нем напоминал лишь заливающий глаза пот.

Не знаю, как долго я подстраивался в лад Камню Жребия, этой более высокой октаве Пути. По словам Дворкина, Путь хотел уничтожить меня сразу по завершении странного приключения. Он сказал, это не только и не столько из-за моей грубости, но в подробности входить отказался — это-де повлияет на мой возможный дальнейший выбор, который следует сделать свободно. Бред собачий, хотя в остальном Дворкин поражал своим здравомыслием, вопреки всему, что гласят о нем предание и молва.

Мой рассудок блуждал в багровом нутре Камня. Участки Пути, которые я прошел и которые мне предстояло пройти, змеились слепящими молниями. Я был уверен: сейчас мой рассудок врежется в невидимую Завесу и разобьется вдребезги. Меня несло неостановимо, все быстрей и быстрей. Я знал: из Камня нет выхода, пока не пройдешь его до конца.

Дворкин считал, что от Пути, когда я вернулся проверить, кто по нему идет, меня спас Камень. Однако оставить его при себе надолго — тоже гибельно. Дворкин посоветовал настроиться на Камень — как отец и Рэндом, — а потом вернуть его на место. Тогда во мне останется образ более высокого порядка, который защитит от Пути не хуже самого Камня. Спорить с человеком, который предположительно создал Путь с помощью Камня, не приходилось. Я согласился. Только я слишком устал, чтобы сразу последовать совету. Вот почему я велел Призраку вернуть меня в хрустальное убежище, где можно хорошенько выспаться.

А теперь, теперь... я плыл. Я кружился. Иногда я застревал. Тело мое было снаружи, но Завесы не стали от этого более проницаемыми. После каждой я чувствовал себя выжатым, словно пробежал милю с олимпийским результатом. На одном уровне я сознавал, что держу в руке Камень, в котором прохожу посвящение, на другом — чувствовал, как колотится мое сердце, на третьем — припоминал отрывки из лекции по антропологии, читанной нам Джоан Галифакс многие годы назад. Пространство вращалось, как «Гейзер пик мерло» урожая 1985 года в бокале — а кто сидел тогда напротив меня? Неважно... Вверх, назад, вспять. Кроваво-алый прилив ослабевал.

В моей душе запечатлелся образ. Вначале было слово — мне не произнесть... Ярче, ярче. Быстрее, быстрее. Меня несет к рубиновой стене, ударяет со всего размаху... Ну что же, Шопенгауэр, померяемся волей, чья возьмет. Прошли год или два, и вдруг преграда исчезла. Меня влекло, меня несло в сияние взорвавшейся звезды. Алое, алое, алое, и я в нем, как моя «Звездная россыпь», — лечу, расправив паруса, к цели...

Я рухнул на пол. Я находился в сознании, но при этом в очень странном состоянии души. То был гипноз, из которого я мог выйти когда и куда угодно. Но зачем? На мою долю редко перепадала такая порция эйфории. Я чувствовал, что заслужил ее, и потому парил прямо здесь долгое-долгое время.

Когда эйфория спала до того уровня, на котором уже не жалко было с ней расстаться, я поднялся, пошатываясь, по стеночке дошел до кладовой и выпил еще воды. Есть хотелось зверски, но консервы и замороженные продукты меня не прельщали, тем более что так просто было добраться до чего-нибудь свеженького.

Итак, совет Дворкина исполнен. Жаль, что я отвернулся раньше, чем вспомнил длинный перечень вопросов, которые хотел задать. Когда я обернулся, Дворкин уже исчез.

Я выбрался из пещеры и встал на голубом мысу, в котором помещался единственный известный мне вход. Стояло свежее, солнечное весеннее утро, на западе плыли редкие белые облачка. Я глубоко и с удовольствием вдохнул. Потом нагнулся и завалил вход голубым валуном. Не хватало только в следующий раз обнаружить в своем убежище хищника.

Я снял Камень Жребия, повесил на выступ валуна и отошел шагов на десять.

— Привет, папа.

Призрачное Колесо сияющим легкоатлетическим диском летело с запада.

— Доброе утро, *Призрак*.

— Зачем ты его бросаешь? Это мощнейшее орудие.

— Я его не бросаю, просто хочу призвать Знак Логруса и боюсь, они не поладят. Я немного беспокоюсь, как пойдет у меня с Логрусом теперь, когда я настроен на Путь более высокого порядка.

— Мне, наверное, стоит убраться подальше, а к тебе вернуться позднее.

— Нет, останься. Если что пойдет не так, попробуй меня выручить.

Я призвал Знак Логруса. Он повис передо мной. Ничего дурного не произошло. Я частично переключил внимание на Камень и увидел сквозь него Логрус под несколько иным углом. Чудно. Однако вполне безболезненно.

Я мысленно вернулся в свои глазницы, просунул руки в отростки Логруса, пошарил.

Меньше чем через минуту предо мной стояли тарелка с оладьями, порция сосисок, чашка кофе и стакан *апельсинового сока*.

— Я бы все доставил куда быстрее, — заметил Призрак.

— Не сомневаюсь. Просто проверяю, работает ли.

Я жевал и думал, что в каком порядке делать. Доел, отправил тарелки обратно, снял с валуна Камень, повесил на шею и встал.

— Ладно, Призрак. Пора возвращаться в Амбер, — сказал я.

Он увеличился, открылся и снизился, чтобы я мог пройти в золотую арку. Я шагнул вперед...

...и в комнату.

— Спасибо.

— Не за что, папа. Слушай, у меня вопрос: когда ты потребовал завтрак, не заметил ли ты чего-нибудь странного в поведении Логруса?

— То есть? — спросил я, подходя к рукомойнику.

— Начнем с телесных ощущений. Как он, по-твоему... упирался?

— Я бы такого слова не употребил, — сказал я, — но вообще-то, когда я его отпустил, он исчез не сразу. А что?

— Так, возникли некоторые соображения. Ты ведь можешь колдовать и с помощью Пути?

— Да, но с Логрусом мне сподручнее.

— Попробуй при случае испытать обоих и сравнить.

— Зачем?

— У меня возникли кое-какие предчувствия. Расскажу, как только проверю.

Призрак исчез.

Я выругался и умыл лицо.

Когда я выглянул в окно, там кружился снег. Я выдвинул ящик стола, нашел ключ. Кое-что надо было сделать незамедлительно.

Я вышел в коридор, но после первых же нескольких шагов меня остановил звук. Я постоял, потом двинулся мимо лестницы. Звук нарастал. К тому времени как я добрался до длинного коридора, идущего мимо библиотеки, стало ясно, что вернулся Рэндом. Никто другой не умеет так барабанить — да никто и не посмел бы коснуться королевских барабанов, даже если б умел.

Я миновал приоткрытую дверь в конце коридора и повернул направо. Моим первым движением было войти, отдать Камень Жребия и объяснить, что произошло. Однако я вспомнил слова Флоры: честность, прямота и открытость тут до добра не доведут. Мне не хотелось верить, что это — общее правило, однако сейчас честность и прямота вынудили бы меня долго и нудно объясняться, в то время как я хотел бы заняться совсем иным: мало того, очень может быть, что Рэндом запретил бы мне этим заниматься.

Я дошел до дальнего входа в столовую, заглянул внутрь. Пусто. Справа, насколько я помнил, панель отодвигается. Стена между библиотекой и столовой полая, а на ней — не то веревочная лестница, не то крючки, по которым можно добраться до потайного входа на библиотечную галерею. Если мне память не изменяет, там же можно спуститься по винтовой лестнице в пещеру. Я надеялся, что эти сведения мне не понадобятся, но уже достаточно проникся семейным духом, чтобы меня потянуло подслушивать и подглядывать, тем более что, судя по приглушенным голосам из полуоткрытой двери, Рэндом был в библиотеке не один. Если знание и вправду сила, то лишним оно не окажется, особенно в моем уязвимом положении.

Панель легко отодвинулась, я посветил внутрь магическим светом и одним махом запрыгнул сам. Довольно быстро вскарабкался по стене, медленно и тихо отодвинул следующую панель — спасибо, кто-то поставил перед ней кресло. Я мог, оставаясь невидимым, смотреть из-за правого подлокотника в северный угол комнаты.

Играл действительно Рэндом, а Мартин, весь в коже и металлических цепочках, сидел перед ним и слушал.

Рэндом вытворял нечто невиданное. Он играл пятью палочками — держал по одной в руках, под мышками и в зубах. По ходу игры он перекладывал их: изо рта — под мышку, из-под мышки — в правую руку, из нее — в левую, из левой руки — под мышку, а оттуда — в зубы. И ни разу не сбился с ритма.

Это завораживало. Я смотрел, пока он не перебрал все. Старые королевские ударные меньше всего напоминали пластиково-люминесцентную мечту

джаз-рокмена: тарелки размером с боевые щиты, куча тамтамов и пара больших барабанов, освещенные, словно Корэл в кольце огня. Установка Рэндома была из тех времен, когда малые барабаны еще не стали тоньше и выразительнее, большие еще не съежились, а тарелки не гипертрофировались и не начали гудеть.

— Никогда такого не видел, — сказал Мартин.

Рэндом пожал плечами:

— Валяю дурака помаленьку. Научился у Фредди Мура в тридцатых, в Виктории, когда он играл с Артом Ходсом и Максом Камински. А может, и не там. Не помню. Это еще была эстрада, никаких тебе микрофонов, и плохой свет. Приходилось напяливать на себя черт-те что или откалывать такие вот штучки, чтоб народ ходил слушать.

— Жалко, что им приходилось искать дешевой популярности.

— Ага, вы никогда не рядились черт-те во что и не швыряли в толпу инструментов.

Наступило молчание. Мартинова лица я не видел.

— Я не о том, — наконец произнес Мартин.

— И я не о том, — отозвался Рэндом.

Он бросил три палочки на пол и забарабанил снова.

Я прислонился к стене и стал слушать. Через какое-то время я вздрогнул, услышав саксофонное соло, и выглянул.

Играл Мартин — стоя по-прежнему спиной ко мне. Видимо, саксофон лежал прежде за стулом. Мелодия отдавала Риччи Коулом, я даже удивился, как мне нравится. И чем больше мне нравилось, тем сильнее я чувствовал себя лишним. Поэтому я тихонько отодвинул панель, пролез внутрь и задвинул ее снова. Спустился, выбрался в столовую и решил выйти в другую дверь, чтобы не проходить мимо входа в библиотеку. Музыка еще слышалась, и я пожалел, что не умею, как Мэндор, заключать ее в самоцветы. Впрочем, не знаю, как бы Камню Жребия понравилось нести в себе «Блюз дикаря»*.

Я собирался пройти по восточному коридору до пересечения с северным, то есть почти до своей комнаты, повернуть налево, подняться по лестнице в монаршьи покои, постучаться и отдать Камень Виоле. Я надеялся, что она удовлетворится самыми краткими объяснениями. А если нет, все равно лучше рассказывать ей, чем Рэндому. О многом она не догадается спросить. Разумеется, со временем Рэндом меня поймет и все равно будет пытать. Однако чем позже, тем лучше.

Я как раз проходил мимо отцовской комнаты. Ключ был со мной, я собирался заглянуть сюда позже — зачем, по-моему, ясно и так. Впрочем, если я уже здесь, почему бы не сэкономить время?

Я отпер дверь и вошел.

Из вазы под зеркалом исчезла серебряная роза. Странно. Я сделал шаг. В дальней комнате разговаривали, но тихо — слов было не разобрать. Я замер. Возможно, он там. Но не ворвешься же к человеку в спальню, особенно если он, судя по всему, не один — тем более к отцу, тем более после того, как отпер дверь своим ключом.

Я вдруг страшно смутился. Мне захотелось убраться как можно скорее. Я расстегнул перевязь с Грейсвандиром в чужих ему ножнах и повесил на одежную

вешалку возле двери, рядом с коротким военного покроя пальто, которого прежде не видел. Потом выскользнул за дверь и тихонечко ее запер.

Неловко получилось. Неужто отец и впрямь время от времени здесь появляется, загадочным образом избегая внимания? Или в его комнате происходят явления совсем иного порядка? Я слышал, будто в некоторых старых помещениях есть двери в подпространство, надо только уметь ими пользоваться. Там тебе и дополнительный чуланчик, и возможность приходить и уходить незамеченным... Об этом тоже стоило спросить Дворкина. Может, у меня под кроватью — карманная вселенная. Никогда не проверял.

Я быстро пошел прочь, но возле угла остановился. Дворкин считает, что Камень Жребия защитил меня от Пути (если тот и впрямь хотел меня уничтожить). Однако, если носить Камень слишком долго, он погубит владельца. Поэтому Дворкин посоветовал мне отдохнуть, а затем мысленно пройти сквозь Камень, чтобы приобрести большую силу того же Пути и заодно и щит от его возможных атак. Интересное умопостроение. Вот и все остальное тоже: умопостроения.

Я добрался до коридора, ведущего влево к лестнице и вправо к моей комнате, и остановился в сомнении. Впереди, слева, напротив обычно пустующих комнат Бенедикта, была гостиная. Я вошел и плюхнулся в глубокое кресло. Мне так мало надо: разделаться с врагами, помочь друзьям, очистить мое имя от налипшей на него грязи, разыскать отца и хоть как-то договориться со спящей ти'игой! А там можно было бы продолжить прерванный Wanderjahr*. Из этого следует, что я вновь должен задать себе уже почти риторический вопрос: насколько я хочу посвящать Рэндома в свои дела?

Я вспомнил, как он в библиотеке играет дуэт с почти чужим ему сыном. Когда-то мой дядюшка вел довольно разгульный образ жизни и вовсе не хотел править этим архетипическим миром. Однако отцовство, брак, выбор Единорога, видимо, сильно его изменили — укрепили характер и заставили отказаться от многих былых увлечений. Сейчас, по-видимому, он увяз в заботах о Кашфе и Бегме, вероятно, вынужден был недавно прибегнуть к убийству и пойти на унизительный мир ради сохранения политической стабильности в пределах Золотого Круга. А кто знает, какие хлопоты и неурядицы готовит ему завтрашний день? Хочу ли я взваливать на него дополнительный груз, когда вполне могу разобраться своими силами, не тревожа и не беспокоя его? И наоборот, если я втяну Рэндома в эту историю, он, скорее всего, запретит мне многое, стеснит мою свободу действий. Хуже того, может всплыть вопрос, о котором давно и благополучно позабыли.

Я не присягал Амберу. Никто меня и не просил. В конце концов, я — сын Корвина, явился в Амбер по своей воле и жил здесь какое-то время, прежде чем отправиться на теневую Землю, где учатся и учились многие уроженцы Янтарного королевства. Я часто возвращался и, кажется, со всеми ладил. Что-то вроде двойного гражданства.

Впрочем, я бы предпочел, чтоб эта тема не возникала вовсе. Не хочу, чтоб меня принуждали выбирать между Амбером и Дворами. Я не пошел бы на это ради Единорога и Змея, Пути и Логруса, тем более ради того или иного правителя.

Из чего следует, что Виоле нельзя передавать мою историю даже в самых общих чертах. Что бы я ни сказал, от меня рано или поздно потребуют полного

отчета. Если же я верну Камень Жребия на место без всяких объяснений, никто не станет меня допытывать, и все еще может обойтись. Зачем лгать, если есть способ избежать расспросов?

Я размышлял дальше. Все, чего я хочу, — оградить усталого, занятого человека от лишних забот. Он ничем, или почти ничем, не может мне помочь. Противостояние Логруса и Пути важно лишь в метафизическом смысле, на практическом уровне оно не должно иметь никаких последствий — ни хороших, ни дурных. В крайнем случае я всегда успею сказать Рэндому.

Отлично. Чем хороши рассуждения — всегда можно убедить себя, что поступаешь благородно, а не, скажем, трусливо. Я потянулся, хрустнул суставами.

— Призрак? — спросил я тихо.

Нет ответа.

Я потянулся за картами, но не успел их достать, как в комнату вкатилось светящееся кольцо.

— Ты ведь слышал!..

— Я почувствовал, что нужен тебе, — отвечал он.

— Ладно, — сказал я, снимая через голову цепочку и держа Камень рядом с собой. — Сможешь ты незаметно вернуть его в монаршьи покои, в потайное укрытие возле камина?

— Я боюсь его трогать, — сообщил Призрак. — Не знаю, как его структуры повлияют на мои.

— Ладно, — сказал я, — видимо, придется мне сделать это самому. Однако пора проверить одну гипотезу. Если Путь попробует причинить мне вред, пожалуйста, перенеси меня в безопасное место.

— Хорошо.

Я положил Камень на соседний столик.

В следующие полминуты я понял, что весь напрягся, ожидая нападения со стороны Пути. Я расслабил плечи. Глубоко вздохнул. Я был цел. Возможно, Дворкин прав и Путь оставит меня в покое. К тому же теперь я могу призывать Путь из Камня, как призывал Знак Логруса. По словам Дворкина, некоторые магические действия совершаются только таким способом, хотя он и не удосужился объяснить мне, какие именно, — мол, чародей сумеет разобраться сам. Я решил, что это не горит. Сейчас у меня не было охоты связываться с Путем в любом из его воплощений.

— Эй, Путь, — сказал я. — Идешь на мировую?

Ответа не последовало.

— Мне кажется, он знает, где ты и что сейчас сделал, — промолвил Призрак. — Я чувствую его присутствие. Возможно, ты и впрямь счастливо отделался.

— Возможно, — кивнул я, доставая карты.

— С кем ты хочешь поговорить?

— Меня интересует Люк, все ли с ним хорошо. Еще меня заботит Мэндор. Ты вроде отправил его в безопасное место?

— В самое что ни на есть, — отвечал Призрак. — Королеву Джасру тоже. Хочешь видеть и ее?

— Вовсе нет. Вообще не хочу никого из них видеть. Только узнать...

Я не успел договорить, как Призрак уже исчез. Даже не знаю, что лучше — его прежняя враждебность или теперешнее желание угодить.

Я вытащил карту Люка и сосредоточился.

В коридоре раздались шаги. Кто-то, не задерживаясь, миновал мою комнату.

Люк явно ощутил мое появление, однако я ничего не видел.

— Люк, ты меня слышишь? — спросил я.

— Ага, — отвечал он. — С тобой все хорошо, Мерль?

— Со мной-то да, а с тобой? После такого сражения...

— У меня все замечательно.

— Я слышу твой голос, но ни шиша не вижу.

— Я поставил на карту заглушку. Ты разве не умеешь?

— Никогда не пробовал. При случае научишь. А зачем это?

— Чтобы ко мне нельзя было заглянуть и проникнуть в мои ближайшие планы.

— Если ты вздумал совершить разбойный набег на Амбер, я сильно обижусь.

— Да ну тебя! Я же поклялся! Это совсем другое.

— Я думал, ты в плену у Далта.

— Мое положение не изменилось.

— Слушай, раз он тебя чуть не убил, а на днях разгромил в пух и прах...

— Первый раз он наступил на оставленное Шару заклятие-ловушку, второй раз это было по делу. А сейчас — молчок, и вообще, мне пора бежать. Пока.

Люк отключился.

Шаги смолкли. Я слышал, как открылась и закрылась дверь, но не слышал, чтобы кто-нибудь разговаривал. Странно. Стучали близко, то есть либо ко мне, либо к Бенедикту. Бенедикта точно нет, а я, кажется, забыл, уходя, запереть дверь. А значит...

Я взял Камень Жребия, пересек комнату и вышел в коридор. Подергал дверь к Бенедикту. Заперта. Заглянул в поперечный коридор, дошел до лестницы — никого. Вернулся к своей двери и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука. Оставались комнаты Джерарда в боковом коридоре и Брэнда — следующие за моими. Одно время я подумывал сломать стенку — в духе затеянных Рэндомом переустройств — и расширить свои апартаменты за счет Брэндовых. Остановили меня слухи о якобы водящихся там привидениях да ночные стоны из-за стены.

Я постучал сперва к Брэнду, потому к Джерарду, подергал ручки. Никто не ответил. Обе двери были заперты. Все страньше и страньше.

Когда я тронул дверь к Брэнду, Фракир дернулась. Я насторожился, но ничего дурного не произошло. Я уже решился списать это на обрывки зловещих чар, которые иногда проплывают по коридору, когда увидел, что Камень Жребия пульсирует.

Я поднял цепочку и заглянул в Камень. Да, там обретала очертания картинка. Отчетливо виднелись коридор за углом и две мои двери. Левая — та, что ведет в спальню, — была обведена красным и мигала. Означает ли это, что я должен бежать туда — или оттуда? Беда с мистическими советами.

Я вернулся за угол. Камень, видимо, уловил мои сомнения и решил уточнить — я на картинке открыл очерченную красным дверь и вошел. И, разумеется, она-то и оказалась заперта.

Я перерывал карманы в поисках ключа и думал, что не смогу даже ворваться в комнату с обнаженным мечом в руке — Грейсвандир остался у отца.

Правда, я вооружился парой хорошеньких заклятий. Может, они меня и спасут. Может, и нет.

Я повернул ключ и рывком открыл дверь.

— Мерль! — вскрикнула женщина, и я увидел, что это — Корэл. Она стояла над своей мнимой сестрой — ти'игой и при моем появлении спрятала руку за спину. — Ой, ты меня напугал.

— А ты — меня, — сказал я. — Что случилось, сударыня?

— Я вернулась сказать тебе, что нашла отца и успокоила его твоей историей про Зеркальный Коридор. А здесь и впрямь такой есть?

— Есть. Хотя в путеводителях ты его не найдешь. Он исчезает и появляется. Значит, с отцом ты разобралась?

— Угу. Но теперь он гадает, куда запропастилась Найда.

— Это хуже.

— Ага.

Корэл покраснела и прятала глаза. Она явно видела, что от меня не скрылось ее смущение.

— Я сказала, что она, наверное, тоже бродит по замку.

— М-м-м.

Я перевел взгляд на Найду. *Корэл тут же встала между нами, положила руку* мне на плечо, приникла к груди.

— Я думала, ты собираешься лечь, — сказала она.

— Я и собирался. И даже лег. А сейчас занимался кое-какими делами.

— Не понимаю.

— Временные линии, — объяснил я. — Удалось выгадать несколько часов и отдохнуть.

— Здорово, — сказала она, касаясь губами моих губ. — Я рада, что ты отдохнул.

— Корэл, — произнес я, слегка обнимая ее плечи, — нечего мне вкручивать. Когда ты уходила, я падал от усталости, и ты это прекрасно видела. Идя сюда, ты ожидала застать меня спящим.

Левый кулак она по-прежнему держала за спиной. Я поймал ее запястье, крепко сжал и вытащил вперед. Корэл сопротивлялась — я не ожидал, что она окажется такой сильной. *Я не стал разжимать ей пальцы, поскольку и без того видел,* что у нее в кулаке — колдовской шарик Мэндора. *Я отпустил ее запястье. Корэл* не отпрыгнула, а наоборот — подняла голову, взглянула мне прямо в глаза и твердо заявила:

— Я все объясню.

— Уж пожалуйста, — сказал я. — Хотя это следовало бы сделать раньше.

— Может, это и правда, что тебе сказали насчет Найды — будто она умерла и в нее вселился демон. Только в последнее время она была ко мне добра. Наконец-то у меня появилась сестра, о которой я всегда мечтала. И вот я вижу ее у тебя в таком состоянии и не знаю, как ты собираешься с ней поступить...

— Поверь, Корэл, я не сделаю ей ничего дурного, — перебил я. — Хотя бы в благодарность за... ну, за прошлое. На теневой Земле — я тогда был молодым и наивным — она несколько раз спасала меня от смерти. Можешь за нее не тревожиться.

Корэл склонила голову и прищурила глаз.

— Из того, что ты мне сказал, это никак не следовало, — промолвила она. — Я вернулась, рассчитывая, что ты спишь, что мне удастся снять заклятие — хотя бы настолько, чтоб с ней поговорить. Я хотела убедиться сама, моя ли это сестра или кто-то другой.

Я вздохнул и собрался потрепать ее по плечу, но тут заметил, что левой рукой по-прежнему держу Камень Жребия. Поэтому я правой сжал ее локоть и произнес:

— Слушай, я все понимаю. Конечно, это было свинство — показать тебе ее спящей и ничего толком не объяснить. Постарайся меня простить — я действительно страшно замотан. Уверяю тебя, ей не больно. Только прошу — не пытайся снять заклятие прямо сейчас. Не я его наложил, и...

В это самое мгновение Найда тихо застонала. Я с минуту глядел на нее, но ничего больше не произошло.

— Откуда ты взяла этот металлический шарик? — спросил я. — Не из воздуха же?

Корэл помотала головой:

— Он был у нее на груди. Под ладонью.

— Как ты догадалась туда заглянуть?

— Рука лежала неестественно. Вот и все. На, держи.

Она протянула мне шарик. Я взял, взвесил его на ладони. Я понятия не имел, как им пользоваться. Металлические шарики для Мэндора — то же, что Фракир для меня: сугубо личное колдовское орудие, вызванное в сердце Логруса из его подсознания.

— Ты положишь это на место? — спросила Корэл.

— Нет. Как я уже говорил, это не мое заклятие. Я не знаю, как оно действует, и предпочитаю с ним не шутить.

— Мерлин? — прошептала Найда, не открывая глаз.

— Поговорим-ка в другой комнате, — сказал я. — Только прежде я наложу на нее свое собственное заклятие. Обычное снотворное...

Воздух за спиной Корэл заискрился, закружился. Увидев по моим глазам, что там что-то не так, она обернулась.

— Что это, Мерлин? — воскликнула она, отступая от возникающей золотой арки.

— Призрак? — спросил я.

— Он самый, — последовал ответ. — Джасры я не нашел, зато доставил сюда твоего брата.

Появился Мэндор, весь в черном, с огромной копной серебристо-белых волос, взглянул на Корэл, на Найду, увидел меня, начал расплываться в улыбке и шагнул было вперед. Тут он заметил что-то еще и замер, вытаращив глаза. Я никогда не видел его таким испуганным.

— Око Хаоса! — закричал он, взмахом руки воздвигая перед собой заслон. — Откуда это у тебя?

Мэндор отступил на шаг. Арка немедленно съежилась до написанной золотом каллиграфической «О»; Призрак метнулся к моей левой руке и укрылся в ней.

Внезапно Найда села. Взгляд ее лихорадочно блуждал по комнате.

— Мерлин! — вскричала она. — Ты жив-здоров?

— Пока да, — отвечал я. — Не волнуйся. Все в порядке.

— Кто убрал мое заклятие? — спросил Мэндор.

Найда тем временем спустила ноги с кровати. Корэл сжалась в комочек.

— Это получилось нечаянно, — сказал я и разжал правую ладонь.

Металлический шарик тут же поднялся в воздух и устремился к Мэндору, чуть не задев Корэл, которая приняла боевую стойку, но явно не знала, от кого ей защищаться, и поэтому вертела головой: Мэндор, Найда, Призрак, снова Мэндор...

— Спокойно, Корэл, — сказал я. — Никто тебя не тронет.

— Левое Око Змея! — взвизгнула Найда. — Освободи меня, о Бесформенный, и я вернусь к своим!

Фракир тем временем предупреждала: не все, дескать, в порядке — на случай, если я сам этого не заметил.

— Что, черт возьми, происходит? — взревел я.

Найда спрыгнула с кровати, метнулась вперед, с нечеловеческой силой вырвала из моей руки Камень Жребия, оттолкнула меня и выбежала в коридор.

Я пошатнулся, но устоял.

— Держите ти'игу! — завопил я.

Призрачное Колесо устремился следом, *за ним неслись Мэндоровы шары.*

X

В следующее мгновение я уже гнался за ти'игой по коридору. Она бежала быстро, но и я не отставал.

— Ты же должна была меня защищать! — крикнул я ей в спину.

— Это — важнее, чем приказ твоей матери, — отвечала она.

— Чего? — не понял я. — Моей матери?!

— Когда ты отправлялся в колледж, она наложила на меня узы: оберегать тебя. Теперь заклятие снято. Я — свободна!

Я ругнулся на бегу.

Она была уже у лестницы, когда перед ней возник Знак Логруса — огромный, больше, чем я когда-либо вызывал, он заполнил коридор от стены до стены. Знак дрожал, колыхался, тянулся огненными щупальцами в грозном багровом мареве. Какова дерзость — проникнуть в Амбер, в самые владения Пути! Видно, здорово приперло.

— Прими меня, о Логрус! — вскричала Найда. — Ибо со мною — Око Змеи!

Логрус раскрылся, в середине его возник огнедышащий туннель. Я чувствовал, что ведет он отнюдь не в наш коридор.

Но тут Найда остановилась, словно уткнувшись в стеклянную перегородку, и застыла как в столбняке. Три сверкающих Мэндоровы сферы вращались вокруг ее каменного тела.

Меня отбросило к стене. Я упал, загородился правой рукой и оглянулся.

За мной из воздуха соткалось подобие Пути, огромное, вровень с Логрусом. Найда оказалась между двумя полосами бытия, и я — вместе с нею. Со стороны

Пути воздух лучился, словно солнечным утром, со стороны Логруса сгущались зловещие сумерки. Неужели мне придется стать мгновенным невольным свидетелем нового Взрыва?

— Э-э, ваши милости, — начал я, пытаясь их заболтать. Жалко, я — не Люк, ему такой подвиг оказался бы вполне по плечу. — Самое время прибегнуть к незаинтересованному посреднику, и поскольку я, силою обстоятельств, гожусь на эту роль, как никто, то предлагаю вам поразмыслить и...

Золотое колечко — Призрачное Колесо — внезапно опустилось Найде на голову и вытянулось в трубу. Призрак проник за орбиты Мэндоровых сфер и, видимо, как-то одолел идущую от них силу, потому что шарики один за другим замедлились и упали на пол — два ударились о стену прямо предо мной, третий скатился по лестнице.

Знаки Пути и Логруса начали сближаться, я быстро пополз прочь.

— Не приближайтесь, ребята, — потребовал вдруг Призрак. — Я так перетрусил, что за себя не отвечаю.

Оба Знака остановились. Слева по коридору приближался Дроппа, пьяным голосом выводя разухабистую балладу. Голос смолк, потом, уже неуверенно, начал «Камень эпох». Эта песня тоже оборвалась, донесся шум падающего тела и звон стекла.

Мне подумалось, что с этого расстояния я бы мог перенести свое сознание в Камень. Впрочем, кто его знает, что бы из этого вышло, учитывая, что все четыре главных участника столкновения — не люди.

Кто-то вызывал меня через карту.

— Да? — спросил я шепотом.

Голос Дворкина произнес:

— Насколько это в твоей власти, не позволяй Логрусу завладеть Камнем.

И тут из багрового зева раздался голос — хриплый, он от слога к слогу менял высоту и казался то мужским, то женским:

— Верни Око Змея. Вначале Единорог взял его силой. Оно краденое. Верни его. Верни.

Голубое лицо над Путем не материализовалось, но голос был тот же:

— Оно оплачено кровью и болью. Оплачено сполна.

—Камень Жребия и Око Хаоса, или Око Змея, — разные названия одной драгоценности?

— Да, — отвечал Дворкин.

— Что будет, если Змей его себе вернет? — полюбопытствовал я.

— Вселенная, скорее всего, погибнет.

— Ох.

— Что мне за него дадут? — спросил Призрак.

— Дерзкий механизмишко! — прогремел Путь.

— Наглая конструкция! — взвыл Логрус.

— Оставьте комплименты себе, — сказал Призрак, — и предложите что-нибудь посущественней.

— Я могу выхватить его у тебя, — отвечал Путь.

— Я могу изорвать тебя в клочки и отнять его силой, — объявил Логрус.

— Ничего подобного вы не сделаете, — заявил Призрак, — потому что сосредоточиться на мне — значит подставиться противнику.

Я услышал, как Дворкин хихикнул.

— Объясните, — продолжал Призрак, — зачем, спустя столько времени, ворошить старую ссору.

— Вот этот перебежчик, — Логрус выбросил в мою сторону протуберанец, чтоб не оставить сомнений в личности перебежчика, — нарушил равновесие в пользу моего врага.

Запахло паленым волосом, я загородился рукой.

— Минуточку! — вскричал я. — Мне не оставили выбора!

— Выбор был, — проревел Логрус. — И ты его сделал.

— Сделал, — отвечал Путь, — но лишь восстановил равновесие, которое ты нарушил в угоду себе.

— Восстановил?! Перегнул в другую сторону! В твою! А склонил его отец предателя... — От Логруса снова оторвался огненный шар, я снова закрылся рукой. — ...Без моего участия.

— Но, вероятно, по твоему внушению.

— Если бы ты сумел передать Камень мне, — сказал Дворкин, — я бы спрятал его до выяснения обстоятельств.

— Не знаю, смогу ли я до него добраться, — отозвался я, — но буду иметь в виду.

— Дай его мне, — прорычал Логрус, — *и я сделаю тебя своим первым служителем!*

— Ты — машина для обработки данных, — загремел Путь. — Я дам тебе знание, каким не обладает вся Тень.

— Я дам тебе власть, — сказал Логрус.

— Оставьте себе, — ответил Призрак.

Цилиндр закрутился и был таков.

Девушка, Камень и все остальное исчезло.

Логрус взвыл, Путь взревел. Знаки ринулись один на другой. Они должны были столкнуться где-то возле комнаты Блейза.

Я вызвал все защитные чары, какие мог. Мэндор за моей спиной сделал то же самое. Я закрыл голову, подобрал колени и...

Я падал. Меня ослепило беззвучным взрывом. Обломки сыпались со всех сторон. У меня было такое чувство, *будто я угодил в авиакатастрофу и погибну, не* возвестив миру свое открытие: Путь так же *мало печется о детях Амбера, как* Логрус — о Дворах Хаоса. Силы заняты собой, противником, основными принципами мироустройства, Единорогом и Змеем, геометрическими проекциями которых, скорее всего, являются. Им плевать на меня, на Корэл, на Мэндора, возможно — даже на Дворкина и Оберона. Мы — букашки; в крайнем случае — порою орудия, порою — докучная помеха, нас можно использовать по мере надобности, а потом ломать...

— Дай руку, — сказал Дворкин из карты. Я ухватился за него и...

...грохнулся к его ногам на цветастый ковер, в комнате без окон (ее мне описывал отец), среди книг и заморских диковинок, под чашами света, которые висели в воздухе без всякой видимой опоры.

— Спасибо, — сказал я, вставая, отряхиваясь и потирая ушибленное бедро.

— Я поймал отголосок твоих мыслей, — произнес горбун. — Все не так просто.

— Уверен. Просто мне иногда нравится впадать в пессимизм. Много ли правды в том, что мололи здесь силы?

— Все правда, — отвечал Дворкин, — с их точки зрения главная загвоздка в том, как они толкуют действия противника, да еще — привычка на каждое событие припоминать другое, более древнее. Скажем, разрыв в Пути был на пользу Логрусу, и не исключено, что Логрус и впрямь исподволь руководил Брэндом. Но в таком случае Логрус может сказать, что это — возмещение за День Сломленных ветвей несколько столетий назад.

— Никогда о таком не слышал, — сказал я.

Дворкин пожал плечами:

— Ничего удивительного. Все эти события важны, в сущности, только для них самих. Я о другом — такой спор всегда сводится к первопричинам, а те весьма сомнительны.

— Каков же ответ?

— Ответ? Мы не в классе. Ответа, который устраивал бы кого-нибудь, кроме философов, — то есть который имел бы какие-либо практические следствия, — не существует.

Дворкин достал серебряную фляжку, плеснул из нее зеленой жидкости, протянул мне бокал:

— Выпей.

— Я так рано не пью.

— Это не спиртное, а лекарство, — пояснил он. — Ты на грани срыва, хотя, вероятно, сам того не понимаешь.

Я осушил бокал; жидкость обожгла, как спирт, хотя по вкусу была чем-то другим. В следующую минуту я начал отходить от напряжения, которого до того не замечал.

— Корэл, Мэндор... — начал я.

Дворкин взмахнул рукой, и передо мной повис светящийся золотой шар. Новый взмах руки — знакомый, — и на меня снизошло что-то вроде Знака Логруса, но без Логруса. В шаре возникла картинка.

Часть коридора, где произошло столкновение, была разрушена, а заодно — лестница, комнаты Бенедикта, а может быть, и Джерарда. Исчезли покои Блейза, часть моих, гостиная, где я недавно сидел, западный угол библиотеки, а также пол и потолок. Внизу я видел раскуроченную кухню и арсенал. Я поднял глаза (удобная все-таки штука — магический шар) и увидел небо. Значит, взрывом разнесло третий и четвертый этажи, возможно, задело и королевские апартаменты, и лестницу, и лабораторию, и кто еще знает что.

Над пропастью, возникшей на месте комнат Блейза и Джерарда, стоял Мэндор. Правая рука его, очевидно сломанная, была засунута под широкий черный пояс. На левом плече повисла Корэл, с лица ее капала кровь. Не уверен, что девушка была в сознании. Мэндор левой рукой держал ее за талию, вокруг них вращался металлический шар. Наискосок через пропасть стоял на балке Рэндом. Мартин располагался чуть ниже и сзади, в руке он по-прежнему держал саксофон. Рэндом был вне себя и, судя по мимике, что-то орал.

— Звук! Звук! — потребовал я.

Дворкин взмахнул рукой.

— ...анный лорд Хаоса взорвал мой дворец! — кричал Рэндом.

— Дама ранена, ваше величество, — сказал Мэндор.

Рэндом провел рукой по лицу. Взглянул наверх.

— Если есть какой-нибудь способ добраться до моих комнат, то Виола весьма искусна в некоторых видах врачевания, — произнес он, смягчаясь. — И я, кстати, тоже.

— Где это, ваше величество?

Рэндом наклонился и вывернул голову вверх.

— Похоже, дверь вам не понадобится, но не знаю, уцелела ли лестница и как вам до нее добраться.

— Я справлюсь, — сказал Мэндор.

Из воздуха вынырнули два шара и закружились по эксцентрической орбите вокруг него и Корэл. Вскоре оба уже плыли к указанному Рэндомом пролому.

— Сейчас подойду, — крикнул им вслед Рэндом.

Он явно хотел что-то добавить, но, взглянув на разрушения, повесил голову и отвернулся. Я тоже.

Дворкин протянул мне вторую порцию зеленого снадобья, я выпил. Оно, похоже, еще и успокаивало.

— Мне надо к девушке, — сказал я. — Она мне симпатична, я должен убедиться, что с ней все в порядке.

— Конечно, я могу тебя к ней перенести, — ответил Дворкин, — хотя не думаю, чтоб от тебя там был какой-то особый прок. Лучше бы ты поискал своего беглого сыночка. Надо, чтобы Призрак вернул Камень Жребия.

— Обязательно, — согласился я. — Но прежде я должен увидеть Корэл.

— И задержаться там, — сказал Дворкин. — Начнутся расспросы.

— И пусть.

— Что ж, как хочешь. Минуточку.

Он снял с крючка на стене что-то вроде жезла или палочки в ножнах, ножны прицепил к поясу, подошел к шкафчику, достал из ящика плоскую кожаную коробочку. Она металлически звякнула, опускаясь в карман. Маленькая драгоценная шкатулка исчезла в рукаве без звука.

— Сюда, — сказал Дворкин, беря меня за руку.

Мы пошли в темный угол комнаты, где висело не замеченное мною высокое зеркало в причудливой раме. Оно имело странное свойство: издали я отчетливо видел и комнату, и нас с Дворкиным, но чем ближе мы подходили, тем больше изображение расплывалось. Я прекрасно понимал, что сейчас будет, и все равно зажмурился, когда Дворкин, шагнув сквозь мутное стекло, дернул меня за собой.

Я споткнулся и чуть не полетел носом. Пришел я в себя в золотой половине разрушенных королевских покоев, перед большим декоративным зеркалом. Я постучал по нему пальцем, но стекло оставалось сплошным. Впереди виднелся горб Дворкина — старик все так же держал меня за руку. За его профилем — словно карикатурой на мой собственный — я различал выдвинутую из западного взорванного угла кровать и огромную дыру в полу. Возле кровати, спиной к нам, стояли Рэндом и Виола. Они занимались Корэл, которая без чувств лежала на покрывале. Мэндор сидел в глубоком кресле в ногах кровати и наблюдал. Он первым заметил меня и кивнул.

— Как... она? — спросил я.

— Сотрясение, — отвечал Мэндор, — и правый глаз поврежден.

Рэндом обернулся. Не знаю, что он хотел сказать мне, но слова замерли у него на губах при виде моего спутника.

— Дворкин! — выговорил король. — Сколько воды утекло! Я уж не знал, жив ли ты. С тобой... э-э... все хорошо?

Карлик хихикнул:

— Я тебя понял, и я в своем уме. А сейчас я хотел бы осмотреть даму.

— Разумеется, — сказал Рэндом, отходя в сторону.

— Мерлин, — обратился ко мне Дворкин, — постарайся отыскать это свое порождение. Пусть вернет, что взял.

— Хорошо, — отвечал я, вынимая карты.

В следующие несколько минут я тщетно силился достучаться...

— Я услышал тебя несколько минут назад, папа.

— Камень при тебе?

— Да, я только что с ним покончил.

— Покончил?!

— Кончил его использовать.

— И как же ты его... использовал?

— С твоих слов я понял, что, пройдя его мысленно, получаешь защиту от Пути. Вот я и подумал — вдруг это сгодится и для идеально синтезированного существа вроде меня.

— Хорошее выражение: «идеально синтезированное». Где ты его откопал?

— Сформулировал сам, пока искал наиболее точное определение.

— Сдается мне, он тебя не впустит.

— Уже впустил.

— Ох. И ты что, его прошел?

— Вот именно.

— Как же это на тебе сказалось?

— Сразу не поймешь. Мое восприятие изменилось. Трудно объяснить такие тонкости.

— Здорово. Можешь ты теперь издалека переносить в него свое сознание?

— Могу.

— Когда вся эта суета рассосется, я тебя заново оттестирую.

— Мне самому интересно, в чем я изменился.

— А сейчас Камень нужен здесь.

— Я мигом.

Воздух передо мной всколыхнулся.

Призрачное Колесо возник в виде серебряного кольца, надетого на Камень Жребия. Я сложил ладони чашечкой, принял Камень и передал Дворкину, который даже не взглянул в мою сторону. Я посмотрел на Корэл и тут же отвернулся. Лучше б мне такого не видеть.

Я отошел к Призраку.

— Где Найда?

— Точно не знаю, — отвечал он. — Когда я забрал у нее Камень, она попросила оставить ее там же — возле хрустальной пещеры.

— Что она делала?

— Плакала.

— Почему?

— Думаю, потому что оба ее жизненных предназначения пошли прахом. Ей было велено беречь тебя, если по какому-нибудь невероятному совпадению не удастся завладеть судным Камнем. Если бы это произошло, она тут же освобождалась от первого заклятия. И вот это случилось, только я отнял у нее Камень. Теперь она осталась ни с чем.

— Ей бы радоваться. Она не по своей охоте взяла эти обязательства. Теперь она вольна вернуться к тому, чему уж там предаются беспечные демоны за Гранью Края.

— Не совсем так, папа.

— То есть?

— Похоже, она прочно застряла в нынешнем теле. Бросить его, как предыдущие, она не может — вероятно, потому что первоначальной владелицы уже нет.

— Хм-м. А почему бы ей не... избавиться от тела?

— Я это и посоветовал, но она сомневается в исходе — вроде бы вместе с телом она убьет и себя. Видимо, придется ей оставаться как есть.

— Она так и бродит в окрестностях пещеры?

— Нет. Она сохранила сверхъестественные способности и, думаю, просто ушла себе через Тень, покуда я в гроте экспериментировал с Камнем.

— Почему в гроте?

— Самое место, чтобы сделать что-нибудь тайком, разве нет?

— М-да. Как же я связался с тобой через карту?

— А я уже закончил эксперимент и вышел наружу. Вообще-то я сам начал ее разыскивать, когда ты меня вызвал.

— Думаю, тебе стоит еще ее поискать.

— А что?

— Я у нее в долгу — пусть даже она действовала по принуждению.

— Понятно. Только не знаю, насколько мне это удастся. Сверхъестественные существа выслеживать труднее, чем простых смертных.

— Попытайся. Я бы хотел знать, где она и чем я могу ей помочь. Может, твои новые способности как раз и пригодятся.

— Посмотрим, — сказал он и исчез.

Я задумался. Как примет новости Оркуз? Одна дочь изуродована, другая одержима демоном и бродит где-то в Тени...

Я подошел к Мэндору, *оперся на спинку его кресла. Мэндор левой рукой стиснул* мне локоть.

— Небось, ты в теневом мире *не учился вправлять кости? — спросил он.*

— Нет, не учился.

— Жалко. Придется мне ждать своей очереди.

— Можно отправить тебя куда-нибудь, где тобой займутся немедленно, — предложил я.

— Нет, — отвечал он, — я хочу досмотреть спектакль до конца.

Пока он говорил, я заметил, что Рэндом оживленно беседует с картой. Виола стояла рядом, как бы заслоняя его от пролома в стене и от непрошеных гостей оттуда. Дворкин склонился над Корэл, за его спиной я не видел, что он там делает.

— Мэндор, — сказал я, — ты знал, что ти'игу приставила ко мне мать?

— Да, — отвечал он. — Она мне объяснила, едва ты вышел из комнаты. Заклятие не позволяло ей говорить при тебе.

— Она должна была только защищать меня или еще и шпионить за мной?

— Не знаю. До этого разговор не дошел. Но, похоже, твоя мать опасалась не зря. Ты был в опасности.

— Думаешь, Дара знала про Джасру и Люка?

Мэндор пожал было плечами, но тут же скривился от боли.

— Наверняка не скажу. Допустим, знала. Тогда ты спросишь: откуда? Этого я тоже не знаю. Так что давай не будем.

— Давай.

Рэндом закончил говорить, провел рукой по карте, повернулся к Виоле и некоторое время на нее смотрел. Он открыл было рот, потом закрыл, отвел взгляд. Поискал глазами меня.

Корэл застонала. Я выпрямился.

— Погоди, Мерлин, — сказал Рэндом. — Не убегай.

Я встретил его взгляд — сердитый или просто растерянный, не знаю. Сведенные брови, прищур глаз можно было истолковать и так и так.

— Сир? — спросил я.

Он подошел, взял меня под руку, отвернул от провала и повел к двери в соседнюю комнату.

— Виола, я ненадолго воспользуюсь твоей мастерской, — сказал он.

— Конечно.

Рэндом провел меня в комнату и прикрыл за нами дверь. На полу лежал разбитый бюст Джерарда. Дальний конец студии занимала последняя работа Виолы — многорукое морское чудище.

Рэндом круто повернулся и взглянул мне прямо в глаза:

— Ты следишь за событиями в Кашфе и Бегме?

— Более или менее. Недавно Билл мне вкратце все рассказал. Эрегнор и прочее.

— Говорил ли он, что мы намерены включить Кашфу в Золотой Круг и признать ее права на Эрегнор?

Мне не понравилось, как он это спросил. Чтобы не подводить Билла (похоже, когда мы разговаривали, эти планы были еще засекречены), я ответил:

— Боюсь, что не запомнил таких подробностей.

— Ладно, это, собственно, то, что я предполагал сделать, — сказал Рэндом. — Мы редко даем такие гарантии одной стране-союзнице в ущерб другой. Но Арканз, герцог Шедбурн, вроде как припер нас к стенке. Он — лучший кандидат на трон, и, как только со сцены исчезла рыжая стерва, я начал расчищать дорогу ему. Он понимал, что может меня шантажировать, поскольку идет на риск, принимая трон после двух династических смен, поэтому попросил Эрегнор. Я согласился.

— Все понятно, — сказал я, — кроме одного: какое это имеет отношение ко мне.

Рэндом повернул голову, искоса взглянул на меня:

— Коронация должна была состояться сегодня. Собственно, я собирался одеться и отправиться туда...

— Ты говоришь в прошедшем времени, — заметил я, чтобы заполнить наступившую паузу.

— Именно. Именно. — Рэндом прошелся по комнате, поставил ногу на разбитую статую, обернулся ко мне: — Добрый герцог убит или в застенке.

— И коронации не будет.

— Au contraire*, — отвечал Рэндом, не спуская с меня глаз.

— Сдаюсь, — сказал я. — Объясни, что произошло.

— Сегодня на заре произошел переворот.

— Дворцовый?

— Возможно, и дворцовый тоже. Но поддержали его внешние военные силы.

— А куда смотрел Бенедикт?

— Вчера я велел вывести к моему приходу войска. Все выглядело спокойным, и не хотелось, чтоб коронация проходила в присутствии солдат Амбера.

— Понятно. Значит, едва Бенедикт вывел войска, кто-то ввел свои и сместил будущего короля, а местная полиция не усмотрела в этом ничего дурного?

Рэндом медленно кивнул.

— Примерно так, — сказал он. — Как ты думаешь, почему бы это?

— Может, нынешнее состояние дел устраивает их больше.

Рэндом улыбнулся и щелкнул пальцами.

— В точку! Другой бы решил, что ты все знал заранее.

— Другой бы ошибся.

— Сегодня твой бывший однокашник Люкас Рейнард станет Ринальдо Первым, королем Кашфы.

— Черт меня дери! — воскликнул я. — Никогда бы не подумал, что ему это нужно. И как ты собираешься поступить?

— Не пойти *на коронацию.*

— Я хочу *сказать, потом.*

Рэндом вздохнул, отвернулся, пнул ногой обломок.

— Ты считаешь, я пошлю Бенедикта его низложить?

— Вкратце, да.

— Это нас, мягко говоря, не украсит. То, что сделал Люк, вполне вписывается в тамошнюю политику. Мы ввели войска и положили конец сумятице. Мы могли бы ввести их снова, если б мятеж поднял полоумный генерал или охваченный манией величия придворный. Однако Люк имеет все основания претендовать на трон — даже больше, чем Шедбурн. К тому же он любим. Молод, умеет нравиться. Новое вторжение непросто было бы оправдать. Даже так я бы согласился, чтоб меня назвали агрессором, лишь бы убрать с престола этого убийцу, сына стервозной колдуньи. И тут мой человек в Кашфе сообщает, что Люку покровительствует Виола!.. *Я спросил ее. Она сказала, что это правда и что все произошло при тебе. Она не могла отойти от Дворкина — вдруг ему понадобится помощь* — и обещала рассказать позже. Только не могу ждать. Объясни, что случилось.

— Скажи мне прежде еще одну вещь.

— Какую?

— Что за воинские силы привели Люка к власти?

— Наемники.

— Далтовы?

— Да.

— Ясно. Люк отрекся от вражды к Дому Амбера, — сказал я. — По доброй воле, после разговора с Виолой, каких-то несколько дней назад. Тогда она и дала ему кольцо. Мы собирались в Арден, и я счел, что она хотела защитить Люка от Джулиана.

— Это был ответ на так называемый ультиматум Далта Люку и Джасре?

— Ага. Мне и в голову не приходило, что все подстроено, чтобы Далту с Люком объединиться и нанести удар. Вероятно, и само сражение было разыграно. Теперь я думаю, что Люк с Далтом успели переговорить заранее.

Рэндом поднял руку.

— Погоди! Расскажи-ка мне все с самого начала.

— Хорошо.

Я рассказал. К тому времени как я закончил, мы успели бессчетное количество раз пересечь мастерскую из угла в угол.

— Знаешь, — промолвил Рэндом наконец, — сдается мне, Джасра все подстроила еще до того, как превратиться в мебель.

— Мне тоже так кажется, — сказал я, надеясь, что Рэндом не спросит, где она сейчас. Чем больше я размышлял, вспоминая нашу беседу после нападения на Твердыню Четырех Миров, тем больше убеждался: она не только знала, что с Люком, но и общалась с ним уже после меня.

— Ловко они все провернули, — заметил Рэндом. — Далт, похоже, действовал в соответствии со старым приказом. Он не знал наверняка, как выйти на Люка или на Джасру за новыми указаниями, и поэтому рискнул повести ложную атаку на Амбер. Бенедикт, с его умением и превосходящими силами, вполне мог снова стереть Далта в порошок.

— Верно. В смелости негодяю не откажешь. К тому же это означает, что Люк успел закрутить интригу и договориться о «сражении» во время их недолгой встречи в Ардене. Получается, он владел ситуацией и сумел внушить нам, будто находится в плену, а значит — Кашфе не грозит никакая беда. Если, конечно, считать его бедой.

— А чем же его еще считать?

— Ну, по твоим же словам, он не вполне самозванец. Что ты намерен делать?

Рэндом потер виски.

— Если я не позволю ему короноваться, то выставлю нас в довольно неприглядном свете, — сказал он. — Но прежде я хотел спросить... Говоришь, он — великий мастер морочить людям головы. Ты был при его разговоре с Виолой. Как он заручился ее покровительством? Не обманом ли?

— Нет, — отвечал я. — Он, похоже, удивился не меньше моего. Люк отрекся от вражды, потому что видел: честь удовлетворена, а он во многом был игрушкой своей матери, и еще из дружбы ко мне. Отрекся честно, без дураков. Я и сейчас думаю: она дала ему кольцо, чтоб положить конец распре и чтоб никто из нас его не преследовал.

— Очень на нее похоже, — сказал Рэндом. — Если б я думал, что он обманул Виолу, я бы с ним сам разделался. Значит, мои планы смешали ненамеренно, и я это переживу. Я готовлю Арканза в короли — и в последнюю минуту его смещает протеже моей жены! Может возникнуть впечатление, что здесь, у нас, нет полного согласия — а мне бы не хотелось, чтоб такое впечатление возникло.

— Сдается мне, Люка удастся убедить. Я отлично его знаю — он способен понять такие нюансы. Думаю, Амберу будет очень легко вести с ним дела на любом уровне. Вряд ли он упрется.

— Еще бы. С чего бы ему упираться?

— Решительно не с чего, — сказал я. — Что теперь будет с договором?

Рэндом улыбнулся:

— Я свободен от всяких обязательств. Передача Эрегнора всегда меня смущала. Теперь, если договор и будет заключен, мы возвращаемся к нему ab initio*. И вообще, не уверен, что нам это нужно. Ну их к чертям собачьим.

— Готов ручаться, Арканз еще жив.

— Думаешь, Люк держит его в заложниках, чтоб я не дал ему статуса внутри Золотого Круга?

Я пожал плечами:

— Насколько Арканз тебе дорог?

— Ну, я бедолагу в это втянул и считаю себя ответственным. Не настолько, впрочем, чтоб ломать из-за него копья.

— Вполне понятно.

— В такое время обращаться к захолустью вроде Кашфы напрямую — только ронять наше достоинство.

— Верно, — кивнул я. — К тому же Люк пока еще не официальный глава государства.

— Если б не я, Арканз по-прежнему жил бы в своей усадьбе, а Люк, насколько я понимаю, твой товарищ — коварный, конечно, но все же товарищ.

— Сказать об этом на предстоящем обсуждении атомной скульптуры Тони Прайса?

Рэндом кивнул:

— Чувствую, такая возможность представится очень скоро. И вообще, тебе вполне прилично побывать у друга на коронации — как частному лицу, разумеется. Твое двойное наследие придется как нельзя кстати, а, с другой стороны, мы окажем ему честь.

— И все равно я уверен, что ему нужен договор.

— Если мы и решим на это пойти, Эрегнор ему не дадим.

— Понял.

— А ты не уполномочен что-нибудь от нашего имени обещать.

— Тоже понял.

— Тогда, может, приведешь себя в порядок и поговоришь с ним? Твоя комната как раз под провалом. Я видел целую балку. С нее и спрыгнешь.

— Хорошо, — сказал я, поворачиваясь к дыре. — Только сперва еще один вопрос, совершенно на другую тему.

— Да?

— Отец в последнее время не заглядывал?

— Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю, — отвечал Рэндом, медленно качая головой. — Разумеется, мы все умеем скрывать свои появления. Но, думаю, он бы все-таки мне сказал.

— Наверное. — Я вышел через стену, обойдя провал стороной.

XI

Нет. Я повис на балке, раскачался, отпустил руки и ловко приземлился посреди коридора, примерно между моими дверьми, только одна из них исчезла, а заодно и самый кусок стены, в которой располагался ход (или выход, это уж

откуда смотреть), мое любимое кресло и стеклянная горка с раковинами, которые я собирал по всему миру. Жалко.

Я потер глаза и оглянулся. Даже разрушения в квартире отошли на второй план. Черт возьми, квартиры мне громили и раньше. Обыкновенно около тридцатого апреля.

Как в «Ниагаре», я медленно обернулся...

Нет.

Да.

Напротив моей комнаты, там, где совсем недавно стояла глухая стена, открывался коридор. Его-то отблеск я и заметил, прыгая с балки. Обалдеть можно. Боги вновь изменили темп музыкального сопровождения моей жизни. Я бывал в этом коридоре, когда он располагался в своем привычном месте — возле кладовых на четвертом этаже. Одна из загадок замка Амбер, Зеркальный коридор не только был в одну сторону длиннее, чем в другую, но и содержал несметное, буквально несметное количество зеркал. Попробуй их сосчитать, и цифры никогда не сойдутся. В высоких шандалах горят свечи, создавая причудливую игру бесчисленных теней. Здесь есть большие зеркала, маленькие, узкие, широкие, цветные, искажающие, зеркала в причудливых рамах — резных или чугунных, в простых рамах, без рам; зеркала, составленные из множества повернутых многоугольников, неправильных ячеек, кривые зеркала...

Я несколько раз ходил по Зеркальному коридору, вдыхал аромат благовонных свечей, иногда угадывал за отражениями чье-то ускользающее присутствие. Я чувствовал его сложное очарование, но ни разу не пробудил его спящего гения. Может, и к лучшему. От Зеркального коридора не знаешь чего ждать — так, по крайней мере, говорил мне Блейз. Он не мог сказать, переносят ли зеркала в таинственные уголки Тени, гипнотизируют ли, навевают странные цветные сны, перебрасывают в чисто символические области, играют со зрителем в опасные или безвредные интеллектуальные игры, ничего из этого, что-то из этого или все это сразу. В любом случае игры эти не вполне безобидны — воров, слуг и гостей время от времени находят в сверкающей глубине мертвыми, остолбеневшими или повредившимися в рассудке, часто с очень странными выражениями на лицах. А во время равноденствий и солнцестояний — хотя это может прийтись и на любое другое время — коридор перебирается на новое место или совсем пропадает до поры. Его предпочитают избегать, хотя он с одинаковой вероятностью губит и награждает, треплет нервы или подбрасывает дельное предзнаменование. Эта-то неопределенность и внушает страх.

А иногда, говорили мне, он словно нарочно кого-то разыскивает, неся свои двусмысленные дары. Считается, что в таких случаях приглашение безопаснее принять.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Чего тебе?

В зеркальной глубине заплясали тени, потянуло дурманящим ароматом. Я шагнул вперед и похлопал стену. Фракир не шелохнулась.

— Это Мерлин, и, вообще-то, я тороплюсь. Ты уверен, что хочешь отразить именно меня?

Пламя ближайшей свечи на мгновение обрело очертания ладони и зазывно качнулось.

Я выругался и шагнул вперед.

Ощущения, что я попал совсем в другое место, не возникло. Пол устилала длинная красная дорожка. В воздухе кружились пылинки. Дрожание свечей превращало мой наряд в трико Арлекина, лицо — в пляску теней.

Мерцание.

На миг почудилось, что из маленького овала в чугунной раме на меня строго глядит Оберон — то ли игра света в зеркалах, то ли и впрямь отблеск его былого величия.

Мерцание.

Готов поклясться, что слева из серебристого прямоугольника в фарфоровой цветочной раме глянула звериная харя с моими чертами, высунула язык, но, едва я повернулся, мигом преобразилась в человеческую.

Иду. Шаги звучат глухо. Дыхание стеснено. Интересно, не пора ли призвать Знак Логруса или даже Пути? Делать этого не хотелось, слишком свежи были в памяти малоприятные свойства обеих сил. Я чувствовал: сейчас что-то произойдет.

Я остановился перед своим отражением в черной металлической раме, украшенной серебряными колдовскими значками. Стекло потускнело от времени, словно его душа затаилась где-то в неразличимой глубине. Лицо мое выглядело более худым, складки *пролегли отчетливее, над головою угадывался багровый* венчик. В отражении *мерещилось что-то холодное и даже зловещее, но, сколь*ко я ни вглядывался, ничего не происходило. Никаких знамений, перемен... Чем больше смотрел, тем больше печальные приметы возраста казались игрою Теней.

Я пошел дальше, мимо нездешних пейзажей, диковинных тварей, всплывающих из подсознания мертвых друзей и близких. Кто-то даже помахал мне рукой, и я помахал в ответ. После неприятных ощущений в недавней пробежке между Тенями эти странные, а возможно, и грозные проявления уже не пугали. Раз я, кажется, заметил повешенного — он со связанными руками качался на сильном ветру, под небом, словно похищенным у Эль Греко*.

— У меня были тяжелые деньки, — сказал я вслух, — и просвета не ожидается. Пойми меня правильно, но я тороплюсь.

Что-то ударило меня в поясницу. *Я оглянулся,* однако никого не увидел.

На плечо мне опустилась рука, *развернула меня. Опять никого.*

— Если справедливость того *требует, — сказал я, — то я прошу прощения.*

Невидимые руки толкали и тянули меня мимо роскошных зеркал к дешевенькому, в заляпанной деревянной раме, словно купленному на барахолке. На уровне моих глаз в стекле темнела выщербинка. Тычки прекратились. Возможно, меня хотели не застращать, а напротив, по моей просьбе, постарались ускорить дело.

На всякий случай я сказал «спасибо» и стал смотреть, то приближая лицо к зеркалу, то удаляя и мотая головой из стороны в сторону, отчего по изображению бежала рябь. Я ждал, что будет.

Отражение не изменилось, но, после того как рябь пробежала в третий или четвертый раз, преобразился фон. Это был уже не тускло освещенный Зеркальный коридор. Он исчез и не появился, когда я снова отодвинул лицо от зеркала. Его место заняли темные кусты под вечерним небом. Я несколько раз мотнул головой — рябь больше не возникала. Кусты казались самыми настоящими, хотя краем глаза я по-прежнему видел стену рядом с зеркалом.

Я всматривался в густую зелень, ища знамений, примет или просто движения. Ничего такого не наблюдалось, хотя перспектива выглядела самой настоящей. Мне даже почудился холодный ветерок на затылке. Я смотрел долго, ожидая, что же покажет зеркало. Ничто не менялось. Если ему нечего больше предложить, решил я, то можно идти.

Что-то шевельнулось в кустах за моей спиной. Я обернулся, выставил руки.

Оказалось, это всего лишь ветер. И тут я понял, что стою не в коридоре, и снова огляделся. Зеркало и стена исчезли. Передо мной был невысокий холм, на нем — разрушенная стена, за которой мерцали отсветы. Мне стало любопытно, и я осторожно поднялся на холм.

Небо темнело на глазах. На нем не было ни облачка, яркие звезды складывались в незнакомые созвездия. Я крадучись пробирался среди камней, травы, кустов, битого кирпича. Из-за увитой плющом стены доносились голоса. Слов было не разобрать. Впрочем, на разговор это не походило, скорее на какофонию, словно несколько человек разного пола и возраста одновременно вещают на публику.

Я выбрался на вершину и коснулся неровной стены. Мне совсем не улыбалось идти в обход и выставляться на обозрение неизвестно кому. Куда проще было ухватиться рукой за ближайший пролом, подтянуться и заглянуть через верх. Так я и сделал. Мне даже удалось нащупать зацепки для ног, так что на руках висеть не пришлось.

Я подтянулся еще на несколько дюймов и поверх выщербленных камней заглянул внутрь.

Это было что-то вроде храма, потолок обрушился, дальняя стена стояла, но вся пошла трещинами. Справа на возвышении помещался ветхий алтарь. То, что здесь произошло, явно произошло порядочное время назад, потому что внутри успели разрастись кусты и плющ, сгладив очертания просевших скамей, рухнувших колонн, обломков перекрытия.

Передо мной, на расчищенном пятачке, была начертана пентаграмма. В вершинах звезды стояли пятеро, лицами наружу. На пересечениях горело по факелу. Это выглядело чудноватой вариацией знакомого ритуала. Мне стало любопытно, почему они не защищены и почему не объединят усилия — каждый, по видимому, был занят своим и не обращал внимания на остальных. Те трое, которых я видел отчетливо, стояли спиной ко мне. Двух других я видел еле-еле, и лица их скрывала тень. Одни голоса были мужскими, другие — женскими. Один пел, два декламировали нараспев, два просто говорили, но деланно, театрально.

Я еще подтянулся, силясь разглядеть лица. Что-то во всех них было знакомое; я чувствовал, что, узнав одного, сразу угадаю остальных.

Следующий вопрос был — кого они вызывают? Укроет ли меня в случае чего стена? Внизу обычных ограждающих мер видно не было.

Я подтянулся еще чуть-чуть. И тут заметил, что движусь без всяких усилий. В следующее мгновение стало понятно, что стена рушится, а я падаю в самую середину необычного хоровода. Я попытался оттолкнуться от стены, чтобы скатиться по склону и броситься наутек. Поздно. Я оттолкнулся, но инерция влекла меня вперед.

Никто из пятерых не шелохнулся под градом обломков, и я на лету поймал первые внятные слова.

— ...вызываю тебя, Мерлин, да будешь в моей власти! — пела одна из женщин.

Все-таки очень действенный ритуал, решил я, раскидывая руки и ноги и приземляясь спиной в середину пентакля. Голову я успел подобрать, чтобы не удариться затылком, руки отлично самортизировали, так что дух из меня не вышибло. Пламя факелов заколыхалось, потом выровнялось. Пятеро по-прежнему смотрели в разные стороны. Я попытался встать и обнаружил, что не могу. Мое тело как будто прибили к земле.

Фракир предупредила меня слишком поздно, уже в полете, и теперь я не знал, какое ей найти применение. Можно отправить ее к любому из пятерых с приказом ползти к шее и душить, но пока я не знал, кто именно и заслуживает ли такой участи.

— Не люблю сваливаться как снег на голову, — сказал я, — и вижу, что вторгся в дружеский кружок. Если кто-нибудь любезно меня отпустит, я потихоньку пойду...

Женщина у моей левой ноги повернулась — в синем платье, но без маски на озаренном пламенем лице. Она натянуто улыбнулась, потом облизнула губы. Джулия. В правой руке она держала нож.

— Болтун несчастный! На все-то у него готовый ответ. Ты просто уходишь от прямого и честного разговора. Даже с теми, кто тебя любит.

— Может, это просто чувство юмора, — *сказал я, — которого, как я убежда*ю*сь, у тебя никогда не было.*

Она медленно покачала головой:

— Ты всех держишь на расстоянии вытянутой руки. Ты не умеешь доверять.

— Дурная наследственность, — объяснил я. — Но сдержанность не исключает привязанности.

Джулия занесла было нож, но удержала руку.

— Ты хочешь сказать, что по-прежнему меня любишь?

— Я и не переставал тебя любить. Просто ты меня напугала. Ты хотела больше, чем я мог в то время дать.

— Ты лжешь, — отчеканила она, — потому что твоя жизнь в моих руках.

— Я могу придумать и худшие причины для вранья.

Справа послышался другой знакомый голос:

— Мне рано об этом говорить, но я ей завидую.

Я повернул голову и увидел, что и другая женщина теперь смотрит на меня. Это была Корэл; ее правый глаз скрывала черная повязка, в руке она тоже держала нож. Тут я увидел, что у нее в левой руке, и быстро перевел взгляд на Джулию. Да, у обеих в руках были не только ножи, но и вилки.

— Et tu*, — произнес я.

— Я же говорила, что не понимаю по-английски, — отвечала Корэл.

— Эту съем я, — отозвалась Джулия, поднимая вилку. — Кто сказал, что у меня нет чувства юмора?

Они начали плеваться друг в друга, но больше попадали в меня.

Мне подумалось, что Люк бы сумел вывернуться, немедленно предложив обеим руку и сердце. Сам я на это не решился, чувствуя, что не поможет.

— Это — галлюцинация, вызванная страхом женитьбы, — сказал я. — Это — навязчивый бред. Это — сон наяву. Это...

Джулия опустилась на одно колено и вонзила вилку в мою левую ляжку.

Я заорал, но осекся, когда Корэл воткнула вилку в плечо.

— Это смешно! — вопил я. Ножи и вилки мелькали, я корчился от боли.

Женщина в правой дальней вершине развернулась медленно, величаво. Она была до глаз закутана в бурый плащ с желтой опушкой.

— Прекратите, бабье! — приказала она и распахнула плащ, став похожей на бабочку-траурницу. Конечно, это была Дара, моя мать.

Джулия и Корэл уже поднесли вилки ко рту и жевали. У Джулии на губе алела капелька крови.

Плащ развевался, словно живой, словно он растет у матери из пальцев. Его полы совершенно спрятали от меня Корэл и Джулию, накрыли их, отбросили назад, и вскоре обе женщины превратились в столбики, которые все уменьшались и уменьшались, так что, когда плащ свободно повис, их в углах звезды уже не было.

Тут слева послышались аплодисменты и хриплый смех.

— Отлично сработано, — донесся до боли знакомый голос, — но ты всегда любила его больше всех.

— Просто больше, — поправила она.

— Разве бедный Деспил хуже? — спросил Джарт.

— Ты несправедлив, — отвечала она.

— Ты всегда любила чокнутого амберского принца больше нашего достойного отца. Потому и Мерлина баловала больше нас, разве нет?

— Ты сам знаешь, что не прав, Джарт.

Он снова рассмеялся:

— Мы все вызвали его, потому что хотели видеть, каждый по своей причине. Но в конечном счете все наши желания сводятся к одному, ведь правда?

Я услышал вой и повернул голову в ту самую минуту, когда лицо его по-волчьи удлинилось, блеснули клыки, и Джарт, рухнув на четвереньки, впился в мое плечо, торопясь урвать кусок окровавленной плоти.

— Прекрати! — закричала Дара. — Звереныш!

Он поднял морду и захохотал безумным смехом койота.

Черный сапог пнул его в плечо, отбросил к еще стоящей стене, которая сразу рухнула. Джарт успел коротко взвизгнуть, и тут же его накрыло грудой камней.

— Ну, ну, ну, — услышал я голос Дары и, переведя взгляд, увидел в ее руках вилку и нож. — Что такой скот делает в таком милом месте?

— Вероятно, сдерживает последних хищников, — отвечал голос, поведавший мне когда-то очень долгую историю с множеством версий автомобильной катастрофы и генеалогических сплетен.

Дара метнулась ко мне, но он наклонился, схватил меня под мышки и рванул на себя. Длинный черный плащ взметнулся, словно у матадора, накрыв Дару, вогнав ее в землю, как она сама вогнала Корэл и Джулию. Сильные руки поставили меня стоймя и встряхнули плащ. Покуда они застегивали ворот серебряной розой, я выискивал клыки или хотя бы вилку с ножом.

— Четверо из пяти, — сказал я, отряхиваясь. — Сколь бы правдоподобно это ни выглядело, думаю, толковать все же следует символически. Как вышло, что в тебе не проснулись людоедские наклонности?

— Ну, — произнес он, натягивая серебряную перчатку, — я ведь никогда не был тебе настоящим отцом. Трудно это, когда ни сном ни духом не ведаешь о ребенке. Потому мне и хотеть от тебя нечего.

— Похоже, это у тебя Грейсвандир.

Он кивнул:

— Похоже, тебе он тоже пригодился.

— Полагаю, надо сказать тебе спасибо. И еще полагаю, что обращусь не... не по адресу, если спрошу, ты ли перенес меня из пещеры в край между Тенями.

— Я самый.

— Ты не мог ответить иначе.

— Если б не переносил, не сказал бы. Эй, берегись! Стена!

На нас падала большая секция каменной кладки. Мощный толчок отбросил меня в середину пентаграммы. Сзади с грохотом катились камни. Я приподнялся, оттолкнулся руками, уворачиваясь от них.

Что-то ударило меня в висок.

Очнулся я в Зеркальном коридоре. Я лежал ничком, лицом на правом локте, сжимая в руке прямоугольный камешек. Пахло душистым воском. Я начал вставать и сразу почувствовал боль в обоих плечах и в правой ляжке. Беглый осмотр выявил порезы во всех этих местах. Ничто другое не подтверждало реальность моих недавних приключений, но и эти доказательства были весьма ощутимы.

Я встал и заковылял к своей комнате.

— Куда ты подевался? — крикнул сверху Рэндом.

— А? Что?

— Ты вышел в коридор, но там ничего нет.

— Как долго меня не было видно?

— С полминуты.

Я помахал камнем.

— Вот, поднял в коридоре. Не могу понять, что это.

— Вероятно, его вышибло из стены и забросило сюда при столкновении сил, — отвечал Рэндом. — Раньше у нас было довольно много арок, сложенных из таких камней. На твоем этаже почти все они замурованы.

— Ясно, — сказал я. — Заскочу к тебе, прежде чем отправляться.

— Валяй, — отвечал он.

Я повернулся и через очередную рухнувшую стену (сколько же их было сегодня!) пробрался в свою спальню.

В дальней стене зиял пролом, и сквозь него открывался вид на пыльные комнаты Брэнда. Похоже, дыра образовалась на месте арки, которая прежде соединяла наши помещения. Слева сохранился кусок свода. Я подошел взглянуть. Да, арка сложена из таких же камней, как и этот у меня в руке. И даже...

Я стряхнул осыпавшуюся штукатурку, приладил свой камень в дыру. Он встал как влитой и не вынулся, когда я его дернул. Вынес ли я его из зловещего сна об отцовско-материнско-возлюбленно-братском ритуале? Или бессознательно подобрал с пола, куда его забросило недавним архитектурным бедствием?

Я отвернулся, снял плащ, сбросил рубаху. Да. На правом плече алели дырки от вилки, на левом — что-то вроде звериного укуса. На штанине запеклась кровь, бедро болело.

Я умылся, почистил зубы, причесался, перевязал ногу и левое плечо. Завтра привычный метаболизм не оставит от ран и следа, но не хватало, чтоб они открылись и запачкали кровью новый наряд.

Кстати...

Шкаф уцелел, и я решил сделать Люку приятное. Золотая рубаха и синие штаны почти точно повторяли цвета Беркли; кожаный камзол в тон штанов, синий же плащ с голубым подбоем, черная перевязь — заткнуть за нее черные перчатки... Да, понадобится новый меч. И кинжал.

Я прикидывал, какую надеть шляпу, когда внимание мое привлек непонятный звук. Я обернулся.

В комнате клубилась пыль. На месте зубчатого пролома красовалась симметричная арка, стена по бокам и сверху от нее выглядела совершенно новой. Стена справа от меня тоже частично восстановилась.

Я подошел и пробежал пальцами по каменному своду. Потрогал штукатурку. Ни трещинки. Обалдеть. Камень заколдован. С какой целью?

Я прошел в арку и огляделся. В комнате было темно, и я машинально призвал логрусийское зрение. Оно явилось, как обычно. Видимо, Логрус решил не поминать старого.

С его помощью я видел остатки многих колдовских опытов, множество неснимаемых чар. Большинство магов оставляет за собой некоторое количество невидимого обычному глазу мусора, но Брэнд, похоже, своей ленью превосходил всех — хотя, вздумав овладеть Вселенной, он под конец наверняка загнал себя в цейтнот. Тут уж не до аккуратности.

Я продолжил осмотр. Мне попадались загадочные наброски — свидетельства, что Брэнд на путях колдовства углубился в дебри, в которые я сам предпочел бы не заходить. Однако я не видел ничего такого, с чем не мог бы справиться, ничего по-настоящему опасного. Возможно, и впрямь не стоит закладывать арку, пусть эти комнаты тоже будут мои.

Заодно я решил заглянуть в шкаф, не сыщется ли там подходящей шляпы. Открыл дверцу и нашел темную треуголку с золотым пером, как раз по мне. Цвет немножко не подходил, но я вдруг вспомнил заклинание, которым мог его изменить. И уже собирался закрыть шкаф, когда что-то за шляпами блеснуло в логрусийском зрении.

Я потянулся и достал длинные, украшенные золотом темно-зеленые ножны, очень изящные. В головке золоченого эфеса красовался огромный изумруд. Я с опаской потянул его, почти ожидая, что клинок взвизгнет, словно демон, которому на голову сбросили полиэтиленовый пакет со святой водой. Однако тот только зашипел и слегка задымился. Яркая насечка на лезвии казалась смутно знакомой. Ну конечно Путь. Только на Грейсвандире нанесен отрезок ближе к началу, а на этом — ближе к концу.

Я убрал клинок в ножны и, подчиняясь порыву, пристегнул их к перевязи. Отцовский меч — прекрасный подарок на коронацию. Вот и замечательно. Я вышел в боковой коридор, перебрался через разрушенную Джерардову стену и мимо комнат Фионы дошел до отцовской двери. Мне хотелось проверить одну догадку, и меч об этом напомнил. Я отыскал в кармане ключ, который переложил туда из окровавленных штанов. Потом все-таки решил постучать. Что, если...

Я постучал, подождал, еще постучал и снова подождал. Тишина. Я отпер дверь. Дальше порога я не пошел. Меня интересовала вешалка.

Грейсвандира на крючке не было.

Я шагнул назад, прикрыл и запер дверь. Пустые крючки сказали мне многое. То был момент озарения, когда по-прежнему ничего не знаешь наверняка, но растет ощущение, что разгадка стала чуть ближе.

Я двинулся обратно, мимо комнат Фионы. Снова вошел к Брэнду через дверь, которую оставил открытой. Рядом на подносике лежал ключ. Я запер дверь, ключ спрятал в карман. Глупо — любой может войти сюда через мою комнату, в которой недостает стены. И все же...

Я помялся. Не хотелось возвращаться к себе, к забрызганному ти'игиной слюной, засыпанному штукатуркой персидскому ковру. В комнатах Брэнда было что-то умиротворяющее, какое-то не замеченное прежде спокойствие. Я походил, выдвигая ящики, открывая волшебные шкатулки. Раскрыл папку с чертежами. Логрусийское зрение показало, что в изголовье кровати спрятан мощный магический предмет, от которого отходят силовые линии.

Я отвинтил шишечку, увидел, что столбик — полый. Внутри лежал бархатный мешочек с кольцом. Широкий — возможно платиновый — ободок был усажен тончайшими волосяными шипами красного металла. От каждого из бесчисленных шипов отходила силовая линия, тянущаяся куда-то, возможно — в Тень, к спрятанному заклятию или источнику энергии. *Может, Люку приятнее будет* получить кольцо, чем меч.

Я надел кольцо на палец, и оно как бы пустило корни в мое тело, в самое его нутро. Они связывали меня с ободком, а через него — с отходящими силовыми линиями. Я ощущал их на всей протяженности и дивился богатству покорных кольцу энергий — от простых хтонических сил до сложнейших построений высшей магии, от элементарных частиц до кого-то, кто представлялся венцом эволюции, но почему-то после лоботомии. Странно, что кольца не было на Брэнде в день его гибели. Думаю, тогда его никто бы не победил; мы бы все жили в Брэндебурге, в замке Брэнд. Странно и другое — как Фиона, в соседней комнате, не почувствовала талисман и не отыскала. С другой стороны, я тоже не почувствовал. Вероятно, при всей своей мощи кольцо не ощущается на расстоянии больше нескольких футов.

Поразительно, какие сокровища таятся в этой комнате! Интересно, связано ли это с возможностью в некоторых помещениях достигать эффекта персональной вселенной? Кольцо, питающееся от таких мощных источников энергии, — замечательная альтернатива обращению к Логрусу и Пути. На его создание должны были уйти столетия. Для чего бы Брэнд его ни предназначал, планы были явно не сиюминутные. Я решил не отдавать кольцо Люку и вообще никому из чародеев. Да и не чародею его лучше не доверять. На место класть тоже не хотелось...

Что это дергается на моей руке? Ах да, Фракир. Она предупреждала об опасности уже некоторое время, но заметил я только сейчас.

— Жалко, что ты потеряла голос, старушка, — сказал я, поглаживая ее и осматривая комнату в поисках психической или телесной угрозы.

Она тут же скользнула по руке и попыталась снять с пальца кольцо.

— Прекрати, — велел я. — Понимаю, кольцо опасно. Но только если пользоваться им неправильно. Я, как-никак, чародей, и на этом деле собаку съел. Мне тревожиться нечего.

Фракир не послушалась и продолжала атаковать кольцо. Я мог приписать это лишь ревности одного колдовского предмета к другому. Снял ее с руки и завязал тугим узлом на кроватном столбике, чтоб впредь было неповадно.

Потом еще раз внимательно обшарил комнату. Раз меч и кольцо остаются у меня, хорошо бы отыскать Люку что-нибудь еще из вещей его отца...

— Мерлин! Мерлин! — послышалось откуда-то из-за моей комнаты.

Я встал с колен (перед этим я простукивал пол на предмет тайников) и прошел сквозь арку в свою спальню, а оттуда в гостиную. Здесь я помедлил, хотя меня снова звали, и я узнал голос Рэндома. Стена, выходящая в коридор, отстроилась больше чем наполовину — словно бригада невидимых плотников и штукатуров трудилась над ней с той секунды, как я вставил зачарованный камень в ворота Брэндовых владений. С ума сойти. Я стоял и смотрел, надеясь увидеть, как это происходит. Тут Рэндом произнес: «Кажется, он ушел», и я откликнулся:

— А? Что?

— Давай сюда, и живее, — сказал он. — Посоветоваться надо.

Я вышел в коридор через заметно сократившийся пролом и поднял глаза. И сразу ощутил чудесные способности кольца — оно, словно чуткий музыкальный инструмент, отозвалось на мое желание. Стоило мне подумать, как соответствующие линии ожили, и я поплыл к отверстию в потолке, на лету натягивая перчатки. Перчатки — потому что мне пришло в голову, что Рэндом узнает кольцо и начнется долгий ненужный разговор.

Вплывая в мастерскую, я придерживал плащ, чтобы спрятать в складках меч.

— Внушительно, — кивнул Рэндом. — Рад видеть, что ты поддерживаешь колдовскую форму. Поэтому-то я тебя и позвал.

Я поклонился. Придворный наряд настраивал на учтивость.

— Чем могу служить?

— Не выпендривайся, — сказал он, беря меня за локоть и подталкивая к входу в спальню. В открытой двери стояла Виола.

— Мерлин? — спросила она, когда я задел ее плечом.

— Да? — отозвался я.

— Я была уверена, — отвечала она.

— В чем?

— Что это ты.

— Я, конечно.

— Это действительно мой брат, — сказал Мэндор, вставая и подходя к нам. Рука его, вставленная в лубки, висела на повязке, с лица исчезло напряженное выражение. — Если что-то в нем кажется вам необычным, то причина проста — выйдя отсюда, он успел побывать в неприятной переделке.

— Это правда? — спросил Рэндом.

— Правда, — отвечал я. — Только я не знал, что это так очевидно.

— Ты не ранен? — спросил Рэндом.

— Да вроде цел.

— Хорошо. Тогда подробности отложим до другого раза. Корэл нет, и Дворкина тоже. Я не видел, как они исчезли. Когда это случилось, я еще был в мастерской.

— Когда случилось что? — спросил я.

— Дворкин закончил операцию, — пояснил Мэндор, — взял даму за руку, поставил на ноги и перенес отсюда. Очень изящно. Только что они стояли у кровати; в следующее мгновение их радужное послесвечение растворилось в воздухе.

— Ты говоришь, перенес. С чего ты взял, что их не умыкнул Призрак или кто-то из сил?

— Я следил за его лицом, — сказал Мэндор. — На нем не было изумления, только усмешка.

— Думаю, ты прав, — согласился я. — А кто вправил тебе руку, если Рэндом был в мастерской, а Дворкин слинял?

— Я, — ответила Виола.

— Значит, ты один видел, как они исчезли? — спросил я.

Мэндор кивнул.

— Я зачем тебя позвал, — сказал Рэндом. — Мэндор не знает, куда они подевались. Может, ты что-нибудь предположишь. Вот.

Он показал мне цепочку, с которой свешивалась пустая металлическая оправа.

— Что это?

— Главнейшее из сокровищ короны, — отвечал он. — *Камень Жребия. Это они* оставили мне. А Камень забрали.

— Ох, — сказал я. Потом: — У Дворкина в руках он будет в полной безопасности. Старик говорил, мол, спрячет его в надежном месте, и никто больше его не знает...

— А если он снова свихнется? — спросил Рэндом. — И вообще, я не собираюсь обсуждать его достоинства как хранителя. Я хочу знать, куда он умотал вместе с Камнем.

— Не думаю, чтоб он оставил следы, — произнес Мэндор.

— Где они стояли? — спросил я.

— Здесь, — указал он здоровой рукой. — Справа от кровати.

Я встал на место, перебирая новообретенные возможности в поисках самой подходящей.

— Чуть дальше от изголовья.

Я кивнул, чувствуя, что совсем несложно будет заглянуть в такое близкое прошлое.

Мелькнули радужные призраки, сгустились в силуэты. Стоп.

Силовая линия от кольца протянулась вслед Дворкину и Корэл, поочередно вспыхивая всеми цветами спектра, прошла сквозь портал, который тихо схлопнулся за их спинами. Держа ладонь козырьком, я как бы заглянул вдоль линии...

...в огромную залу, где слева висели шесть гербов, справа — множество знамен и стягов. Передо мной в исполинском камине гудело пламя.

— Я вижу, куда они перенеслись, но не знаю, где это.

— А есть ли способ показать это место нам? — спросил Рэндом.

— Возможно, — сказал я и, еще не договорив, понял, что способ действительно есть. — Смотрите в зеркало.

Рэндом подошел к зеркалу, сквозь которое провел меня Дворкин, — как давно это было?

— Кровью зверя на шесте и раковиной, расколотой в центре мира, — продекламировал я, чувствуя, что воззвать придется к обеим силам, — откройся, зрение!

Зеркало покрылось изморозью, а когда очистилось, в нем был тот же украшенный знаменами зал.

— Провалиться мне на этом месте, — пробурчал Рэндом. — Он доставил ее в Кашфу. Хотел бы я знать зачем.

— Как-нибудь научишь меня этому фокусу, брат, — заметил Мэндор.

— Раз я так и так собрался в Кашфу, — сказал я, — будут ли какие-нибудь особые поручения?

— Поручения? — переспросил Рэндом. — Просто узнай, что происходит, и сообщи мне, ладно?

— Конечно, — кивнул я, вынимая колоду.

Виола подошла и взяла мою руку, словно прощаясь.

— Перчатки, — заметила она.

— Стараюсь не ронять своего титула, — объяснил я.

— Корэл, похоже, чего-то боится в Кашфе, — прошептала Виола, — она бормотала это во сне.

— Спасибо. Я готов ко всему.

— Ты можешь говорить так для уверенности, — сказала она, — но себя тебе не убедить.

Я рассмеялся и поднял карту к глазам, делая вид, что смотрю на нее, хотя на самом деле расширял силовую линию, связывающую меня с Кашфой. Я заново открыл дорогу, по которой прошел Дворкин, и шагнул.

XII

Кашфа.

Я стоял в сером каменном зале, украшенном гербами и флагами, на полу, присыпанном камышом, среди грубой мебели, перед огромным камином, бессильным просушить сырой, пахнущий стряпней воздух. В зале никого не было, хотя со всех сторон доносились голоса и звуки настраиваемых инструментов. Я поспел к самому торжеству. Минус этого способа передвижения, в сравнении с картой, один: никто меня не встречал, никто ничего не объяснял. Выигрыш — тот же; то есть, если я хочу высмотреть что-либо украдкой, сейчас самое время. Кольцо, этот истинный кладезь колдовской премудрости, отыскало заклинание, делающее меня невидимым, и я им тут же воспользовался.

С час я бродил по крепости. Внутри главной стены располагались четыре больших здания и много маленьких. За первой стеной обнаружились еще одна, и еще одна — чуть дальше: три кольца увитой плющом обороны. Я не заметил обычных разрушений — похоже, войска Далта не встретили отпора. Не видно было пожаров и грабежей; думаю, Джасра заплатила, чтобы семейное достоя-

ние вернули ее сыну в целости и сохранности. Войска занимали все три кольца — я послушал разговоры и узнал, что они останутся на время коронации. Солдаты стояли и на центральной площади — они зубоскалили над местными гвардейцами в парадных мундирах, строящимися для коронационной процессии. Впрочем, шутки звучали довольно беззлобно; видимо, и тем и другим нравился Люк, к тому же, как я понял, многие гвардейцы и наемники были знакомы между собой.

Первый Храм Единорога в Кашфе (примерно так можно перевести название) высился через площадь, прямо напротив дворца. Здание, в которое я попал с самого начала, оказалось одной из служебных пристроек, где толклись наскоро созванные гости, слуги, придворные и зеваки.

Я не знал, на какой час назначена коронация, и решил поскорее отыскать Люка, пока его не закружило в водовороте событий. Может, он даже скажет, куда и зачем перенесли Корэл.

Поэтому я отыскал нишу в обычной каменной стене, сбросил заклятие-невидимку, вытащил карту Люка и послал сигнал. Я не хотел показывать, что уже проник в город, чтоб не объяснять, какой силой это совершено. В полном согласии с теорией, что никому не следует говорить все.

— Мерлин! — *воскликнул он, разглядывая меня. — Секрет всплыл или что?*

— Всплыл и пускает пузыри, — отвечал я. — Поздравляю с днем коронации!

— Эге! Да ты в университетских цветах!

— А что? Ты как-никак победил, разве нет?

— Слушай, радоваться особенно нечему. Кстати, я собирался с тобой связаться. Хотел посоветоваться, пока еще не все решено. Можешь перебросить меня к себе?

— Я не в Амбере, Люк.

— А где же?

— Ну... в прихожей, — сознался я. — На боковой улочке между твоим дворцом и чем-то вроде постоялого двора.

— Не пойдет, — сказал Люк. — Если я покажусь на улице, сразу сбежится народ. Иди к Храму Единорога. *Если там пусто и ты отыщешь тихий, темный уголок,* где можно поговорить, *свяжешься со мной и перебросишь туда. Если нет,* что-нибудь придумаешь, *ладно?*

— Ладно.

— А как ты вообще сюда попал?

— В качестве передового разведчика наступающей армии, — сказал я. — Если власть сменится еще раз, это будет переперевороt, верно?

— Будешь так шутить, получишь от ворот переворот, — сказал он. — До связи.

Отбой.

Я пересек площадь по разметке, сделанной, видимо, для будущей процессии. Я думал, что в Храме Единорога у меня возникнут неприятности и придется воспользоваться заклинанием, чтобы войти, но никто не преградил мне путь.

Огромное здание было украшено к торжеству, убрано цветами и флагами. Внутри никого не оказалось, кроме закутанной в покрывало женщины, которая молилась перед алтарем. Я отошел влево — там вроде было темнее.

— Люк, — обратился я к его карте. — Все чисто. Я понятно выразился?

Я почувствовал его присутствие раньше, чем увидел образ.

— Отлично, — сказал он, — тащи меня отсюда.

Мы взялись за руки, и через мгновение Люк стоял рядом.

Он похлопал меня по плечу.

— Дай-ка на тебя взглянуть!.. Интересно, куда пропал мой университетский свитер?

— По-моему, ты отдал его Гейл.

— Что ж, не исключено...

— Я привез тебе подарок, — сказал я, отбрасывая плащ и берясь за завязки перевязи. — Вот. Я нашел меч твоего отца.

— Шутишь.

Люк взял меч двумя руками, посмотрел на ножны, внимательно повертел их в руках. Потом чуть-чуть вытащил сам меч — клинок снова зашипел, вдоль лезвия заплясали искры и потянулся дымок.

— И впрямь он! — воскликнул Люк. — Вервиндл, Меч Дня — брат Лезвия Ночи, Грейсвандира!

— Как это? Никогда не слышал, что они связаны.

— Мне придется сильно поднатужиться, чтобы вспомнить всю историю, но это так. Спасибо.

Люк повернулся и прошел несколько шагов, постукивая ножнами по ляжке.

— Меня обставили, — сказал он, останавливаясь. — Снова эта женщина. Просто зла не хватает. Не знаю, как и выкрутиться.

— Что? О ком ты?

— О матери. Опять она в своем репертуаре. Только я вообразил, что сам распоряжаюсь своей жизнью, — появляется она и путает мне все карты!

— Как?

— Нанимает Далта и его ребят захватить власть.

— М-да, примерно так мы себе и представляли. Кстати, что с Арканзом?

— Все отлично. Разумеется, он под арестом, но в хорошем месте и ни в чем не имеет отказа. Обижать его я не буду. Он всегда мне нравился.

— Что же тебя не устраивает? Ты выиграл и станешь королем.

— Черт побери! — пробормотал Люк, косясь на алтарь. — Думаю, меня обдурили, хотя не совсем в этом уверен. Понимаешь, меня никогда не тянуло править. Далт сказал, мы возвращаем престол матери. Я пришел с ним, чтобы восстановить порядок, вернуть корону в семью, а потом приветствовать маму фанфарами и всякой прочей чепухой. Надеялся, что, получив трон, она от меня отстанет. Я умотаю в какое-нибудь более приятное место, а ей станет не до меня. Никто не говорил, что эту блатную работенку собираются подбросить мне!

Я покачал головой:

— Ничего не понимаю. Ты добыл корону для матери. Ну так отдай и делай, что собирался.

Люк горько усмехнулся:

— Арканз им люб, я — тоже. Мать они не выносят на дух. Никто не хочет ее королевой. Хуже того, если она вернется, тут-то и впрямь случится перепереворот.

— Ну так уйди в сторону и уступи трон Арканзу.

Люк ударил кулаком в каменную стену.

— Не знаю, на кого она будет злиться больше: на меня или на себя, что заплатила Далту такие деньги. Но она скажет, что это — мой долг. И не знаю, может, и правда... Ты не находишь?

— Трудно сказать, Люк. Кто из вас справится лучше — ты или Арканз?

— Честно — не знаю. У него много опыта, но я здесь вырос, знаю что и как. Однако ясно: и он, и я — лучше, чем мама.

Я скрестил руки на груди и задумался.

— Не мне за тебя решать. А чего бы тебе самому хотелось?

Люк хохотнул:

— Сам знаешь, я по натуре торговец. Если бы я решил что-нибудь сделать для Кашфы, мне бы хотелось представлять ее промышленность за рубежом, а монарху это негоже. Хотя, возможно, это получилось бы у меня лучше всего.

— Задачка не из простых. Не беру на себя смелость тебе советовать.

— Если б я такое предвидел, пришиб бы Далта еще в Ардене.

— Думаешь, ты мог бы его одолеть?

— А то!

— Ладно, теперь это уже неважно.

Стоявшая перед нами женщина несколько раз оглянулась. Наверное, мы слишком громко говорили в святом месте.

— Плохо, что нет *других желающих, — сказал я, понижая голос.*

— Жителю Амбера все это должно представляться мышиной *возней.*

— Это же твой дом. Ты имеешь право принимать его всерьез. Я просто жалею, что тебя это так огорчает.

— М-да, большинство неприятностей начинается дома. Иногда меня подмывает уйти и не вернуться.

— А что будет, если ты так и поступишь?

— Либо мать с помощью Далтовых ребятишек вернет себе трон, а я знаю многих, кому это не понравится, — их всех придется казнить, либо она решит, что игра не стоит свеч, и осядет в Твердыне. Если она предпочтет уйти на покой, коалиция, поддержавшая в свое время Арканза, освободит его из тюрьмы, и все пойдет как намечалось.

— И что, по-твоему, более вероятно?

— Она не успокоится, и будет гражданская война. Победит мать или проиграет, усобица не даст нам вступить в Золотой Круг. Кстати о...

— Не знаю, — быстро вставил я. — Я не уполномочен говорить с тобой о договоре.

— Я так и предполагал, — отвечал Люк, — и спросить хотел о другом. Мне просто любопытно, сказал ли кто-нибудь в Амбере: «Все, конец», или «Может, чуть позже мы согласимся вернуться к этому разговору», или «Все по-старому, но про Эрегнор они могут забыть».

Он деланно улыбнулся, я отвечал тем же.

— Можешь забыть про Эрегнор.

— Так я и думал. А остальное?

— У меня создалось впечатление, что это «Подождем, поглядим, как будут развиваться события».

— Все, как я и предполагал. Замолви за меня словечко, даже если *никто* не будет просить, ладно? Кстати, ведь твой визит сюда неофициальный?

— Личный, — отвечал я, — с дипломатической точки зрения.

Женщина перед нами встала с колен. Люк вздохнул.

— Эх, попасть бы снова в ресторан к Алисе. Может, Болванщик заметил бы что-то такое, что мы упускаем... Эй! Откуда он взялся? Вылитый ты, только...

Люк смотрел поверх моего плеча. Я уже чувствовал беспокойство и даже не потрудился вызвать Логрус, потому что был готов ко всему.

Я с улыбкой обернулся.

— Готов умереть, брат? — спросил Джарт. Он то ли исхитрился отрастить глаз, то ли вставил искусственный, к тому же отпустил волосы, так что уха его я не видел. Мизинец тоже немного отрос.

— Нет, но готов убивать, — сказал я. — Рад, что ты подвернулся под руку.

Джарт с издевкой поклонился. Его окружал неясный ореол, и я чувствовал бурлящую в нем силу.

— Заглянул в Твердыню еще разок, чтобы долечиться? — спросил я.

— Не вижу такой необходимости. Теперь, когда я владею столь мощными силами, я могу справиться с чем угодно.

— Это Джарт? — спросил Люк.

— Да, это Джарт, — отвечал я.

Джарт быстро взглянул на Люка, задержав взгляд на мече.

— Что это у тебя за колдовской предмет? Дай-ка глянуть!

Он протянул руку. Меч в кулаке у Люка дернулся, но остался на месте.

— Нет уж, извини, — сказал Люк, и Джарт исчез. Через мгновение он возник снова, у Люка за спиной, и мертвой хваткой сдавил его горло. Люк правой взял Джарта за руки, нагнулся и перекинул моего брата через плечо.

Джарт упал навзничь. Люк не двинулся с места.

— Обнажи свой клинок, — сказал Джарт, — чтоб мне его увидеть. — Потом по-собачьи встряхнулся и вскочил на ноги. — Ну?

— Много чести будет, — отвечал Люк.

Джарт поднял над головой сжатые кулаки, свел их, а когда развел, то правая как-то извлекла из левой длинный клинок.

— Этот фокус надо показывать на базаре, — сказал Люк.

— Обнажи меч!

— Не хочется сражаться в храме. Может, выйдем?

— Умный какой, — отвечал Джарт. — А то я не знаю, что у тебя там войско. Нет уж, спасибо. Мне даже приятно будет залить кровью алтарь Единорога.

— Тебе надо непременно познакомиться с Далтом, — сказал Люк. — У него похожие заскоки. Может, тебе коня? Или петуха? Или белых мышей и алюминиевой фольги?

Джарт сделал выпад. Люк отступил на шаг и вытащил отцовский меч. Клинок зашипел, затрещал, окутался дымом. Люк легко парировал. Лицо Джарта внезапно исказилось страхом, он отпрянул назад, взмахнул руками, оступился и потерял равновесие. Люк ударил его ногой в живот. Джарт выпустил свой меч, и тот со звоном отлетел в сторону.

— Это Вервиндл! — выкрикнул Джарт. — Как меч Брэнда попал к тебе?

— Брэнд — мой отец, — отвечал Люк.

Джарт глянул с неожиданным уважением.

— Я не знал, — проговорил он и исчез.

Я ждал, протянув магические шупальца по всему храму. Но здесь были только мы с Люком да женщина, которая остановилась чуть поодаль и смотрела, словно хотела выйти, но опасалась приблизиться к нам.

И тут Люк упал. Джарт, только что ударивший его локтем в основание затылка, стоял сзади и тянулся к Люковой руке, собираясь вырвать меч.

— Он должен принадлежать мне! — вскричал Джарт.

Я метнул из кольца сгусток чистой энергии — думал, от Джарта останется мокрое место. Только мгновение я колебался, прежде чем выбросить смертельный разряд. Рано или поздно один из нас другого убьет, и пусть лучше повезет мне.

Однако повезло-таки ему. Омовение в кладезе закалило Джарта куда больше, чем я думал. Он завертелся волчком, словно его отбросило грузовиком, и вмазался в стену, зашатался, сполз на пол. Изо рта у него хлынула кровь. Казалось, Джарту конец. Тут глаза его сфокусировались, руки взметнулись.

Сила, подобная той, что я только что метнул в Джарта, ударила меня. Я был поражен, как быстро он оправился и сумел отплатить тем же. Меньше удивило другое — что я устоял. Я шагнул вперед и предпринял попытку испепелить его чудесным заклинанием, которое присоветовало кольцо. Джарт уже вскочил и успел заслониться, хотя одежда его уже тлела. Я наступал, и он создал вокруг меня вакуум. Я вырвался и вдохнул снова. Тогда я испробовал подсказанное кольцом таранное заклинание, еще более мощное, чем первое.

Джарт исчез перед самым тараном, а в стене, у которой он стоял, образовалась трехфутовая трещина. Я разослал во все стороны чуткие щупальца-линии, отыскал противника в следующую же секунду: на карнизе под потолком. Он спрыгнул на меня в то мгновение, когда я поднял глаза.

Я взлетел и исхитрился поймать Джарта в середине падения, потом ударил левой, рассчитывая сломать ему шею и челюсть. К несчастью, заодно сломал и собственное левитирующее заклинание, так что мы оба рухнули на пол.

Женщина вскрикнула и устремилась к нам. Секунду мы оба лежали оглушенные. Потом Джарт перекатился на живот, выбросил вперед руку, прыгнул, упал, снова протянул ладонь.

Его пальцы сомкнулись на рукоятке Вервиндла. Видимо, он почувствовал мой взгляд, потому что поднял глаза и улыбнулся. Люк пробормотал ругательство и зашевелился. Я бросил в Джарта морозильным заклинанием, но он исчез перед самым холодным фронтом.

Женщина снова вскрикнула, и я, еще не обернувшись, по голосу узнал Корэл.

Джарт материализовался сзади от нее, приставил к горлу светлое, дымящееся лезвие.

— Ни... с места, — прохрипел он, — а не то... я... вырежу ей... еще одну улыбку.

Я искал быстрое заклинание, которое прикончило бы его, не повредив ей.

— И не думай, Мерль, — выговорил Джарт. — Я почувствую... заранее. Просто дайте мне... еще полминуты... и вы проживете... чуть дольше. Не знаю, где ты раздобыл новые фокусы... но они тебя не спасут...

Он тяжело дышал и обливался потом. Изо рта у него по-прежнему бежала кровь.

— Отпусти мою жену, — сказал Люк, вставая. — Или во всей Тени не останется места, где тебе спрятаться.

— Я не хочу быть твоим врагом, сын Брэнда, — сказал Джарт.

— Тогда делай, что тебе говорят, приятель, — отвечал Люк. — А то я и не с такими справлялся.

И тут Джарт вскрикнул, словно его внутренности охватил огонь. Он опустил меч, отступил от Корэл и затрясся, будто марионетка, которую связали по рукам и ногам, но продолжают дергать. Корэл повернулась лицом к нему, ко мне и Люку — спиной. Правую ладонь она поднесла к глазам. Через какое-то время Джарт упал на пол и скорчился в позе эмбриона. На нем плясало алое пламя. Он мерно вздрагивал и стучал зубами.

Вскоре он исчез, волоча радужный след, отплевываясь слюной и кровью, унося с собой Вервиндл. Я послал вдогонку прощальный разряд энергии, хотя и знал, что не попаду. На дальнем конце спектра ощущалось присутствие Джулии, и я, несмотря ни на что, порадовался: значит, ее не убил. Но Джарт — Джарт теперь очень опасен. Впервые он вышел из схватки со мной без всякого ущерба и даже вынес из нее кое-что. Кое-что смертоносное. Он учится, а это ничего хорошего не сулит.

Корэл опустила глаза, но я успел поймать алый отблеск и понял, что сталось с Камнем, хотя и не понял зачем.

— Жену? — переспросил я.

— Ну, в каком-то смысле... да, — отвечала Корэл.

— Кстати, — сказал Люк. — Вы знакомы?

ПРИНЦ ХАОСА

ДЖЕЙН ЛИНДСКОЛД С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПОМОЩЬ.
ЭТА КНИГА — ВАША С ПЕРВОЙ И ДО ПОСЛЕДНЕЙ СТРОКИ

Перевод с английского Е. Волковыского

© Е. Волковыский, перевод, 2004

I

Видел одну коронацию — считай, что видел их все. Звучит цинично, да так оно и есть, особенно когда главное действующее лицо — твой лучший друг, а его королева — твоя же мимолетная любовница. *Все как обычно: процессия под* бесконечный заунывный *аккомпанемент, а еще неудобные цветастые одеяния, фи*миам, речи, молитвы, звон колоколов... Утомительно, душно и требует лицемерного участия, как на свадьбах, университетских церемониях или на тайных посвящениях.

Итак, Люк и Корэл стали повелителями Кашфы, причем короновались в том самом храме, где лишь несколькими часами ранее мы почти до смерти — к сожалению, только почти — сражались с моим безумным братом Джартом. Как единственному представителю Амбера, пусть формально и не имеющему официального статуса, мне было пожаловано наилучшее место, и взоры присутствующих частенько останавливались на моей особе. А посему приходилось постоянно быть начеку и хранить подобающее ситуации выражение лица. Хотя Рэндом и не присвоил официального статуса моему присутствию на коронации, я прекрасно понимал, что он будет возмущен, если услышит, будто мое поведение в чем-либо противоречило дипломатическому протоколу.

Таким образом, для меня все обернулось затекшими ногами, онемевшей шеей, а также пышными одеяниями, промокшими от пота. Законы шоу-бизнеса, ничего не попишешь. Впрочем, никакого выбора у меня и не было. Мы с Люком съели вместе пуд соли; стоя в храме, изнемогая и гадая, что будет с ним теперь, когда он коронован, чем я мог ему помочь? Оставалось разве что вспоминать самые распроклятые времена и необычайные приключения: от острия меча до поиска следов, от картинных галерей до блуждания по Теням. Подобный же казус превратил моего дядю Рэндома из беспечного развратного музыканта в мудрого и респектабельного правителя... хотя каков мой дядя был, что называется, изначально, я могу судить только по воспоминаниям родственников. Я тешил себя надеждой, что добродушного Люка все случившееся не слишком уж изменит. Опять-таки — Люк совершенно другой, нежели Рэндом, не говоря уж о том, что он гораздо моложе. Хотя года могут сотворить такое, что и вообразить невозмож-

но... Или, паче чаяния, это в порядке вещей? После недавних событий я и сам ощущал себя совершенно иным, чем не в столь отдаленные времена. Если на то пошло, я сильно изменился буквально со вчерашнего дня.

Во время заключительного песнопения Корэл ухитрилась передать мне записку, где назначила встречу, сообщив время, место и даже начертив небольшой план. Мы встретились вечером в дальних покоях дворца. Тут я узнал, что, оказывается, ее и Люка поженили заочно, еще детьми; таково было одно из условий дипломатического договора между Джасрой и Бегмой. Из дальнейших дипломатических ухищрений ничего не вышло. Властители вроде и забыли о свадьбе, пока новые события не послужили им напоминанием. Друг друга жених и невеста не видели многие годы. Однако существовала официальная запись, и она гласила, что у принца имеется невеста. А поскольку аннулировать запись нельзя, следовательно, Корэл должны короновать вместе с Люком. Если в этом есть хоть какая-то польза для Кашфы.

А польза была — Эрегнор. Бегманская королева на троне Кашфы поможет смягчить напряженную обстановку, усугубившуюся захватом спорной территории. Во всяком случае, таково было мнение Джасры, как сообщила мне Корэл. И Люк поддался всеобщему настроению, тем более при отсутствии гарантий со стороны Амбера и прекратившего действие договора Золотого Круга.

Я обнял Корэл. Ей было нехорошо, несмотря на почти полное восстановление физических и душевных сил после операции. Она носила черную повязку на правом глазу и всякий раз вздрагивала, стоило моей руке случайно оказаться с повязкой — или даже когда я смотрел на нее слишком пристально. Я не мог и предположить, что побудило Дворкина заменить поврежденный глаз Корэл Камнем Жребия. Разве что он таким образом пытался защитить девушку одновременно от Пути и от Логруса, объединившихся в своих притязаниях на талисман. Впрочем, в подобных делах я совершенно некомпетентен. Проще всего, конечно, спросить у самого Дворкина, да поди его найди; и где гарантия, что он отыщется в один из относительно редких периодов собственного здравомыслия? Хотя — и Дворкин, пожалуй, не поможет мне постичь загадочной магии древних.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я Корэл.

— Очень странно, — ответила она. — Не больно — совершенно не больно. Скорее, ощущение контакта, как через карту. Только Камень со мной постоянно, и я никуда не собираюсь и ни с кем не говорю. Я будто стою в неких воротах. Силы движутся вокруг меня, сквозь меня...

Я сосредоточился и на мгновение очутился в центре некоего серого кольца в ободе со множеством спиц красноватого металла. Изнутри оно походило на огромную паутину. Мое внимание привлекла яркая, пульсирующая жила. Да, это была линия, связывающая с чудовищной могущественной силой в отдаленной Тени, той силой, которую вполне можно было использовать для зондирования. Со всей осторожностью я ухватился за эту линию и потянулся к Камню Жребия в глазнице Корэл.

Немедленного сопротивления не последовало. Более того, я, в общем-то, не почувствовал почти ничего. Тем не менее передо мной предстала огненная завеса. Продравшись сквозь пламенеющее покрывало, я ощутил, как затрудняется продвижение — медленнее, медленнее, стоп. Я внезапно оказался на краю без-

дны. Это не было похоже на привычную настройку, однако я не хотел призывать Путь, который, как мне показалось, таился в этой бездне. Я рванулся вперед — и ощутил ужасающий холод, поглощающий вызванную мною энергию.

Все же энергию выкачивали не из меня лично, а из одной из подчиненных мне сил. Я протиснулся дальше и различил слабое сияние, некую отдаленную туманность на темном, красном, как вино, фоне. Еще ближе; смутно знакомое пятно приобрело очертания — неоднородность, трехмерность; судя по описанию моего отца, мне предстал тот самый артефакт, который настраивает на гармонию с Камнем. Да, все в порядке, я внутри Камня. Проходить ли мне посвящение?

— Дальше нельзя, — разнесся голос, принадлежавший, по-видимому, Корэл, но какой-то непривычный. Похоже, девушка впадала в транс. — Тебе запрещено высшее посвящение.

Я отступил, совершенно не стремясь нарваться на более суровое предупреждение. Логрусийское зрение, сопутствовавшее мне постоянно после недавних событий в Амбере, донесло образ Корэл, словно окутанной силой и пронизанной высшей версией Пути.

— Почему? — осведомился я.

Мне не дано было ответа.

Корэл слегка вздрогнула, встряхнулась и уставилась на меня.

— Что случилось? — спросила она.

— Ты задремала. Ничего удивительного. Дворкин, конечно, кудесник, но операция была серьезная... Да еще дневные потрясения...

Корэл зевнула и рухнула на кровать.

— Да, — вздохнула она и заснула по-настоящему.

Я стащил с себя сапоги и сбросил отяжелевшие одежды. Потом растянулся рядом с девушкой и накрыл нас одеялом. Я тоже устал и просто хотел обнять кого-то.

Не знаю, как долго я спал. Меня мучили темные, головокружительные видения. Лики — людей, животных, демонов — проносились передо мной, и ни в одном не было и намека на привлекательность. Дремучие леса валило на землю и охватывало пламенем, земля тряслась и раскалывалась, морские воды вздымались гигантскими волнами и набрасывались на сушу, луна истекала кровью и исходила великими рыданиями.

Кто-то выкликал мое имя.

Ужасающий ветер с завываниями сотрясал ставни, пока наконец те с победным грохотом не вломились внутрь помещения. Затем в моем видении возникла некая тварь: припав к изножью кровати, она тихо звала меня, снова и снова. Комната ходила ходуном, а сознание мое вернулось в Калифорнию. Казалось, происходит землетрясение. Ветер крепчал — от визга к реву, и я слышал грохот снаружи, будто валились деревья и падали башни.

— Мерлин, принц Хаоса, восстань! — взывала тварь. Затем она скрежетала клыками и начинала опять.

При четвертой или пятой попытке она пихнула меня так, что это уже не казалось сном. Откуда-то снаружи донесся пронзительный вой, равномерно вспыхивающие молнии перемежались почти мелодичными раскатами грома.

Еще не шевельнувшись, не открыв глаза, я ощутил действительность. Звуки были реальны, так же как и сломанный ставень. И как существо в ногах кровати.

— Мерлин, Мерлин! Восстань, принц дома Савалла! — обращалось оно ко мне. Длиннорылое, остроухое, клыкастое и когтистое, с зеленой, отливающей серебром рожей, огромными и блестящими глазами и влажными перепончатыми крыльями, сложенными вдоль тощих боков. Что до выражения рыла, я не был уверен, скривила его улыбка или гримаса боли. — Пробудись, повелитель Хаоса!

— Грилл, — произнес я имя старого семейного слуги из Дворов.

— Воистину, повелитель, — последовал ответ. — Тот самый, что учил тебя игре с пляшущими костями.

— Будь я проклят!

— Делу время — потехе час, повелитель. Ведомый черной нитью, я проделал долгий и тяжкий путь, дабы воззвать к тебе.

— Так далеко нити не простираются, — усомнился я, — без колоссального импульса. И даже с ним. Или все изменилось, пока меня не было?

— Теперь это проще.

— Как так?

— Его величество Свейвил, король Хаоса, почил ночью с праотцами Тьмы. Я был послан, дабы доставить тебя на церемонию.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Что ж, хорошо. Разумеется. Дай только собраться. Как же все это случилось?

— Я не посвящен в детали. Разумеется, ни для кого не секрет, что со здоровьем у него было неважно.

— Я хочу оставить записку.

Грилл кивнул:

— Короткую, надеюсь?

— Да.

Взяв клочок пергамента с письменного стола, я поспешно нацарапал: «Корэл, вызван по семейным делам. Дам о себе знать» — и положил листок возле ее руки.

— Все в порядке, — сказал я. — И как же мы поступим?

— Я перенесу тебя на спине, принц Мерлин, как делал давным-давно.

Я кивнул, поток воспоминаний детства захлестнул меня. Грилл, как и большинство демонов, был невероятно силен. В моей памяти воскресли наши игры у кромки Преисподней и по всей Тьме: в склепах, пещерах, на задымленных полях сражений, в разрушенных храмах, в покоях мертвых чародеев, в тайных вертепах... Мне всегда казалось, что играть с демонами куда веселее, чем с родственниками и свойственниками моей матери. Даже свое основное обличье для Хаоса я создал по образу и подобию одного из демонических типов.

Впитав в себя кресло, что стояло в углу комнаты, Грилл увеличил массу тела и изменил очертания фигуры, дабы совместить свои размеры с моими. Когда я, крепко цепляясь, взбирался на его вытянувшийся торс, он воскликнул:

— Ах, Мерлин! Что за магия при тебе в эти дни?

— Я контролирую ее, но не до конца понимаю сущность, — ответил я. — Приобретение последних дней. Что ты ощущаешь?

— Жар, холод, странную музыку, — был ответ. — Со всех сторон... Ты изменился.

— Все меняются, — сказал я, в то время как Грилл двигался к окну. — Такова жизнь.

Черная нить лежала на широком подоконнике. Демон вцепился в нее и вознесся в воздух. Ужасающей силы ветер встретил нас, когда мы рухнули вниз, затем выровнялись. Мелькнули, качаясь, башни дворца. На небосводе сияли звезды, уже взошел месяц, расцветив утробы низко лежащих облаков. Мы стремительно набирали высоту, замок и город в мгновение ока стали едва видны. Звезды плясали, обращаясь в мелькающие световые штрихи. А нас окружала расширяющаяся полоса струящегося непроглядного мрака. Черная дорога, внезапно подумал я, некий временный небесный вариант Черной дороги.

Я оглянулся. Позади ничего не оставалось. Будто дорога прямо за нами скатывалась в клубок. Или обвивалась вокруг?

Внизу проносился, как при ускоренной перемотке, сельский пейзаж. Мелькали лес, холм, вершина горы. Впереди огромной тесьмой расстилался наш черный путь, пятна света и тьмы скользили мимо, подобно теням облаков в солнечный день.

Затем темп возрос — рваное, отрывистое стаккато. Неожиданно я заметил, что больше нет никакого ветра. Высоко над головою внезапно возникла луна, а под нами извивалась горная гряда. Полная тишина создавала иллюзию сновидения, и луна вдруг ушла вниз. Луч света расколол мир справа от меня, стали гаснуть звезды. В теле Грилла не ощущалось никакого напряжения, пока мы мчались по черному пути; и луна исчезла, и вдоль линии облаков разгорался тусклый, как от масляной лампы, свет, приобретавший, пока я смотрел на него, розоватый оттенок.

— Мощь Хаоса растет, — заметил я.

— Энергия беспорядка, — ответил мой спутник.

— Это говорит о большем, чем ты мне рассказывал.

— Я лишь слуга, — отозвался Грилл, — и не вхож в совет высших.

Мир вокруг продолжал светлеть, а впереди, насколько было видно, струилась черная лента. Мы парили высоко над горами. Облака по бокам рассеивались, и моментально рождались новые. Мы *явно вступили в Тени.*

Через какое-то время горы сгладились, и теперь мимо нас проносились холмистые равнины. Вдруг в центре небосвода воссияло солнце. Мы по-прежнему следовали Черной дороге. Грилл едва касался ее кончиками когтей. Временами его крылья тяжело взмахивали передо мной, а чаще лишь слегка, почти незаметно трепетали, невидимые, словно у колибри.

Далеко слева от меня солнце наливалось вишнево-красным. Внизу стелилась розоватая пустыня...

Затем снова сгустилась тьма, и звезды понеслись в карусели, будто гигантское колесо.

Потом мы опустились и летели, почти касаясь верхушек деревьев...

И наконец ворвались в густую атмосферу шумной центральной улицы города; огни фонарей, фары автомобилей, неоновые витрины. Теплый, душный, пыль-

ный, дымный воздух окутал нас. Несколько прохожих уставились вверх, будто заметив наш перелет.

Как раз когда мы промчались через реку и неслись над крышами предместий, вся перспектива вокруг взволновалась, и теперь мы оставляли за собой первобытный пейзаж: нагромождение скал, движущиеся массы лавы, содрогающаяся земля; два действующих вулкана — один рядом, другой в отдалении — извергали дым в сине-зеленое небо.

— Это, как я понимаю, короткий путь? — осведомился я.

— Кратчайший, — последовал ответ.

Мы вступили в долгую ночь. В какой-то момент показалось, будто наша дорога пролегает под толщей вод: вокруг сияющие твари морские, парящие и мечущиеся, вблизи и на расстоянии. Но черный путь, сухой и несминаемый, хранил нас.

— Это столь же великий разрыв, как смерть Оберона, — высказался Грилл. — Его последствия струятся по всему пространству Теней.

— Но смерть Оберона совпала с воссозданием Пути, — сказал я. — Дело, скорее, в последнем, чем в смерти властителя одного из пределов.

— Верно, — ответил Грилл, — но сейчас равновесие сил нарушено. Воздействия множатся, будет еще тяжелее.

Мы погрузились в просвет между темными каменными массами. Позади беспорядочно мелькали полоски света. Позже — не знаю, насколько скоро — нас вознесло в багряное небо, причем, насколько я могу судить, не поднимая с темного дна морского. Далеко-далеко мерцала единственная звезда. Мы неслись по направлению к ней.

— Почему? — спросил я.

— Потому что Путь становится сильнее Логруса, — сказал Грилл.

— Как же это произошло?

— Принц Корвин начертал второй Путь во время раздоров между Дворами и Амбером.

— Да, он говорил мне об этом. Я даже сам видел этот Путь. Отец боялся, что Оберон не сумеет восстановить оригинал.

— Но он сделал это, и, таким образом, их теперь два.

— Неужели?

— Путь твоего отца — также порождение порядка. Вековечный баланс сил склонился в сторону Амбера.

— Как же ты оказался осведомлен об этом, когда никто там, в Амбере, ничего, похоже, не знает или не считает возможным рассказать мне?

— Твой брат, принц Мэндор, и принцесса Фиона подозревали это и искали доказательства. Свои выводы они представили твоему дяде, лорду Сухаю. Тот несколько раз обошел Тени и убедился, что дело обстоит именно так. Он обобщил свои выводы, дабы представить их королю, когда Свейвил уже пребывал на пороге смерти. Мне известно все это, ибо именно Сухай послал меня за тобой и возложил на меня обязанность рассказать тебе обо всем.

— А я был почти уверен, что тебя послала моя мать.

— Сухай не сомневался, что она так и сделает, именно поэтому он захотел перехватить тебя раньше. Все, что я рассказал о Пути твоего отца, пока еще не общеизвестно.

— И что же я должен делать?

— Лорд Сухай не обременил меня такими сведениями.

Звезда разгоралась. Небеса наполнились оранжевыми и розовыми сполохами. Вскоре линии зеленого света соединили их, и вокруг нас закружил сияющий водоворот.

Мы все мчались, и эти блики постепенно заполонили все небо, будто над нами раскрылся некий медленно вращающийся психоделический зонтик. Окружающее пространство сливалось в одно сплошное пятно. Я чувствовал себя так, будто некая часть моего разума заснула, хотя был уверен, что сознания не терял. Время, похоже, играло нешуточные игры с моим обменом веществ. Невероятный голод овладел мною, глаза болели.

Звезда становилась все ярче. Крылья Грилла излучали призматическое мерцание. Казалось, мы движемся гигантскими шагами. Наша путеводная нить выгибалась, края постепенно поднимались. Все выше и выше, наконец стало казаться, будто мы скользим в желобе.

А потом края сомкнулись над нами — мы мчались в ружейном дуле, нацеленном в голубовато-белую звезду.

— Есть ли еще что-то, что ты должен поведать мне?

— Нет, насколько мне известно.

Я потер свое левое запястье, *чувствуя, что чему-то там надлежит пульсировать*. Ах да, Фракир!.. Кстати, где Фракир? Я вспомнил, что оставил ее в апартаментах Брэнда. Зачем я сделал это? Я... Сознание мое туманилось, воспоминания походили на сон.

Впервые со времени последних событий я напряг память. Сделай я это раньше, скорей бы сообразил, что все это значит. Сказывалось призрачное влияние магии. Под действием заклинания я вернулся в покои Брэнда. У меня не было возможности узнать, заготовлено ли заклинание специально для меня или я угодил под него случайно. Я понимал, что оно вполне могло оказаться чем-то более серьезным, — возможно, неожиданным побочным эффектом каких-то грандиозных, недоступных моему разумению процессов. Однако в последнем я сомневался.

Собственно говоря, я сомневался едва ли не во всем. Слишком уж все было правильно для безадресной ловушки, подстроенной Брэндом. Заклинание предназначалось для того, чтобы *сбить с толку опытного чародея, то есть* меня. Пожалуй, только нынешняя удаленность от того места, где все это случилось, помогла освежить мою память. Как только я осознал свои поступки с момента начала действия сил, я наконец увидел, что продвигаюсь с тех пор словно в каком-то тумане. И чем глубже я погружался в себя, тем яснее ощущал, что заклятие было скроено, дабы обрушиться именно на меня. Не постигнув его сути, я не вправе считать себя свободным, даже притом, что знаю о его существовании.

Чем бы оно ни было, оно заставило меня отказаться от Фракир. Отказаться без малейших колебаний; а еще оно заставляло чувствовать себя... ну... странно. Я не мог точно сказать, как способна воздействовать эта сила, постоянно ли она влияет на мои мысли и чувства, — обычный удел попавшего под заклятие. И я не понимал, неужели покойный Брэнд мог учесть такую непредсказуемую случайность: что мои комнаты окажутся рядом с его покоями — годы спустя после его

смерти! А еще меня подтолкнут войти туда в разгар невероятного противостояния между Логрусом и Путем в верхнем зале замка Амбер!..

Нет, похоже, за этим должен стоять кто-то еще. Джарт? Джулия? Кажется слишком вероятным, чтобы они могли скрытно действовать в самом сердце Амбера. Кто еще? И могло это как-то воздействовать на происшествие в Зеркальном зале?

Я терпел неудачу за неудачей. Вернись я сейчас туда, то смог бы силой собственных заклинаний отыскать виновника. Но я не там, и с любым расследованием на том краю существования придется подождать.

Теперь свет впереди сиял еще ярче, переливаясь от небесно-голубого к зловеще-багровому.

— Грилл, — окликнул я своего спутника, — ты обнаружил заклинания, окружающие меня?

— Истинно, мой повелитель.

— Почему же ты никак не упомянул о них?

— Я полагал, что они из числа твоих собственных... для защиты, к примеру.

— Способен ли ты рассеять эти чары? Здесь, во внутреннем пространстве, я нахожусь в невыгодном положении.

— Слишком уж они переплетены с твоей личностью. Не представляю, с чего начать.

— Можешь поведать мне что-нибудь о них?

— Только то, что они есть, мой повелитель. Пожалуй, кажутся несколько плотнее вокруг головы.

— Способны они окрасить определенным образом мои мысли?

— О да, бледно-голубым.

— Я имел в виду не твою манеру восприятия, а всего лишь способность этих сил воздействовать на мое мышление.

Его крылья вспыхнули голубым, затем красным. Наш туннель вдруг распахнулся, и небо полыхнуло безумными красками Хаоса. А путеводная звезда стала небольшим фонарем, пылавшим так ярко силою волшебства; фонарь светил с высокой башни мрачного серого замка, стоящего на вершине горы без подножия и склонов. Каменный остров парил над оцепеневшим лесом. Деревья пылали матовыми огнями — оранжевыми, багряными, зелеными.

— Полагаю, что клубок чар можно распутать, — заметил Грилл, — но боюсь, эта работа не по зубам бедному демону.

Я хмыкнул. Полюбовался несколько мгновений мельтешащим пейзажем. Затем произнес:

— Что касается демонов...

— Да?

— Расскажи мне о тех, которые известны как ти'ига.

— Они обитают далеко за пределами Края, — отозвался Грилл, — и, быть может, ближе всех существ к первозданному Хаосу. Я не верю даже, что их тела действительно состоят из плоти и крови или хотя бы материальны. Они имеют мало общего с прочими демонами и более чем кто-либо желают остаться в одиночестве.

— Не знаешь ли кого-то из них... э-э... лично?

— Я сталкивался с некоторыми... время от времени, — последовал ответ.

Мы поднялись выше. Замок поступил так же. Позади него поток метеоритов проложил себе пылающий путь, яркий и бесшумный.

— Ти'ига способна вселиться в человеческое тело, подчинив его своему контролю, — сказал я.

— Это меня не удивляет.

— Я знаю одного демона, который несколько раз проделывал такой фокус. Но тут возникает необычная проблема. Он получил контроль над человеком, находящимся при смерти. Но, похоже, смерть человека запирает ти'игу в захваченном теле. И теперь демон не в силах его покинуть. Как ты думаешь, может ли он как-то освободиться?

Грилл хмыкнул:

— Спрыгнуть со скалы, я полагаю. Или броситься на меч.

— Но если ти'ига столь тесно связана со своим хозяином, то и самоубийство не освободит ее?

Он снова хмыкнул:

— Явное нарушение правил игры в похищение тел.

— Я в долгу перед таким демоном, — признался я, — и хочу помочь ей... ему.

Грилл помолчал какое-то время, затем откликнулся:

— Умудренная опытом ти'ига, наверное, сможет дать ответ, который тебе нужен. И тебе известно, где их искать.

— Да.

— Прости, я мало что знаю еще. Ти'ига — древнее племя.

И вот мы устремились прямо к башне. Наш путь под непрестанно меняющимся калейдоскопом съежился до узкой борозды.

Я опустил глаза. Ландшафт внизу стремительно менялся. Откуда-то нарастал шум, будто сама земля раскалывалась на медленно трущиеся друг о друга части — достаточно обычное явление в этих краях. Ветры трепали мою одежду. Слева от меня небо расцветила нить мандариновых облаков. Уже различались мельчайшие выступы замковых стен.

Взгляд мой уловил фигуру в освещенном окне. Все ближе, ближе, через окно — и мы внутри.

Крупный, сгорбленный, серо-алый демон, рогатый и наполовину покрытый чешуей, обнажив страшные клыки, *уставился на меня эллиптическими зрачками* желтых глаз.

— Дядя! — крикнул я, спешившись. — Приветствую!

Грилл выпрямился и встряхнулся, когда Сухай шагнул вперед и заключил меня в объятия — с чрезвычайной, впрочем, осторожностью.

— Мерлин, — наконец вымолвил он. — Добро пожаловать домой. Я рад тебе, хотя скорблю о причине. Грилл сообщил?..

— О кончине его величества? Да, мне очень жаль.

Дядюшка выпустил меня из своих объятий и отступил на шаг.

— Не то чтобы это было неожиданным, — промолвил он. — Как раз наоборот. Воистину, ждали давно. И все же... Слишком неподходящее время для такого события.

— Действительно, — отозвался я, массируя несколько онемевшую левую лопатку и ощупывая боковой карман в поисках гребня. — Он хворал так долго, что я как-то с этим свыкся. Он как будто почти примирился со своей немощью.

Сухай кивнул. А затем спросил:

— Собираешься перевоплощаться?

— День был тяжелый, я бы поберег свои силы, если только нет каких-то требований протокола.

— Пока и вовсе никаких. Ты ел?

— Не то чтобы недавно.

— Тогда пойдем, — сказал он, — поищем тебе какую-нибудь снедь.

Сухай повернулся и прошел сквозь заднюю стену. Я последовал за ним. В комнате не было дверей, но Сухай должен был знать все здешние места напряжения Тени; в этом отношении Дворы Хаоса являли собой полную противоположность Амберу. Пройти сквозь Тень в Амбере — дело ужасно трудное, а во Дворах Тени будто истертые занавески — часто можно просто смотреть сквозь них в другую реальность даже без особого напряжения. А иногда оказывается, что нечто из другой реальности разглядывает вас. Проходя сквозь Тень, следует соблюдать предельную осторожность, дабы не оказаться между небом и землей, или под водой, или на пути разбушевавшегося потока. В этом смысле Дворы никак нельзя назвать туристической жемчужиной.

К счастью, вещество Тени весьма податливо в этом пределе реальности и поддается управлению мастера, который способен просто сшить края, дабы проложить Путь. Мастера Теней — настоящие кудесники столь могущественного в этих краях искусства; их способность исходит от Логруса, хотя они и не нуждаются в посвящении. Они — избранные из избранных, пусть даже все посвященные автоматически становятся членами Гильдии Мастеров Тени. Они будто водопроводчики или электрики Дворов, а их искусство варьируется в той же степени, как и у их аналогов на теневой Земле — сочетание одаренности и опыта. Хотя я и член Гильдии, но предпочту следовать за тем, кто знает пути, чем прокладывать их самому. Полагаю, я смог бы еще немало добавить к этому. Возможно, когда-нибудь так и поступлю.

Когда мы подошли вплотную к стене, ее, разумеется, там не было. Была некая туманность — сгущающаяся, а потом постепенно рассеивающаяся; мы прошли сквозь пространства и стали спускаться по зеленой лестнице. Правда, это не была собственно лестница. Скорее, ряд ничем не связанных между собою зеленых дисков, нисходящих спиралью в присущем обычной лестнице порядке, спиралью, парящей в ночном воздухе. Диски огибали фасад замка и заканчивались перед глухой стеной.

Прежде чем достичь этой стены, мы в какой-то момент были ослеплены ярким дневным светом, потом на нас обрушилась пелена голубого снега, и вдруг мы оказались в некоем подобии собора, только без алтаря и со скелетами, заполнившими скамьи. Когда же мы в конце концов добрались до стены и прошли сквозь нее, то попали на огромную кухню. Сухай подвел меня к кладовой и предложил распоряжаться здесь самому. Я обнаружил холодное мясо и хлеб и, соорудив себе сандвич, принялся за еду, запивая хлеб тепловатым пивом. Мой спутник лишь притронулся к хлебу и кувшину с тем же напитком. Под потолком, хрипло каркнув, мелькнула птица — и исчезла, не успев перелететь комнату.

— Где слуги? — осведомился я.

— Грядет красное небо, уже почти полный оборот, а пока никого нет, — отозвался он. — Итак, у тебя есть возможность поспать и сосредоточиться перед дальнейшим... Может быть.

— Что значит «может быть»?

— Как один из трех, ты под Черным надзором. Именно по этой причине я и вызвал тебя сюда, в одно из моих уединенных владений.

Дядя повернулся и прошел сквозь стену. Я последовал за ним, все еще держа в руке кувшин, и мы уселись близ неподвижного зеленого пруда, у скалы под янтарным небом. Его замок вмещал в себя уголки со всего Хаоса и пространства Теней, связанные воедино безумно скроенным узором путей внутри путей.

— С тех пор как ты носишь спикард, твоя безопасность возросла, — заметил Сухай.

Он протянул руку и коснулся колеса со множеством спиц на моем кольце. Касание легкой дрожью отдалось в пальце, кисти, во всей руке.

— Дядя, когда ты был моим учителем, то частенько говорил загадками, — начал я. — Теперь мое образование закончилось, но позволь мне сказать, что я ни черта не понимаю, о чем ты толкуешь.

Он фыркнул и хлебнул из кувшина.

— Отраженное разумом *всегда становилось ясным.*

— Отраженное... — повторил я и посмотрел в зеркало пруда.

На глубине, промеж черных полос, плавали образы: Свейвил, покоящийся на погребальном ложе, желтые и черные мантии окутывают усохшую фигуру; моя мать, мой отец, демонические формы, все усопшие и увядшие, Джарт, я сам, Джасра и Джулия, Рэндом и Фиона, Мэндор и Дворкин, Билл Рот и еще множество незнакомых мне лиц...

Я покачал головой:

— Отражение ясности не вносит.

— Ты слишком торопишься, — молвил дядя.

И я вновь погрузился в хаос лиц и фигур.

Вот возник Джарт и остался надолго. Как всегда, одет он был с изумительным вкусом и выглядел сравнительно неповрежденным. Когда он наконец расплылся, то уступил место *одному из тех полузнакомых лиц, что встречались мне раньше.* Какой-то вельможа из Дворов. Я напряг память... *Ну конечно! Не сразу, но я* узнал его — Тмер из Дома Джезби, старший сын покойного принца Роловианса, а ныне и сам лорд пределов Джезби: окладистая борода, тяжелое чело; из тех, кто неладно скроен, да крепко сшит и при этом не лишен привлекательности, по слухам, храбрец и, возможно, даже сообразительный малый.

Затем возник принц Таббл из пределов Чаникута, попеременно то в человеческом, то в демоническом обличье. Спокойный, тяжеловесный, изысканный, проживший века и очень проницательный; с лица, обрамленного аккуратной бородой, глядели широко раскрытые тусклые глаза. Принц знал толк во многих играх, но взгляд его был невинен, как у ребенка.

Я ждал, и Таббл последовал за Джартом, за Тмером в небытие извивающихся полос. Я подождал еще, но больше ничего не появилось.

— Конец отражений, — в конце концов объявил я. — И я по-прежнему не понимаю, что все это значит.

— Что ты видел?

— Моего брата Джарта и Тмера, принца Джезби. А еще Таббла Чаникутского, среди прочих прелестей.

— Именно, — заключил дядя. — Именно то, что нужно.

— И что же?

— Подобно тебе, оба они — и Тмер, и Таббл — под Черным надзором. Я полагаю, что Тмер в Джезби, а вот Джарт скрывается где-то, но не в Далгарри.

— Джарт вернулся?

Сухай кивнул.

— Он может быть в материнской крепости Ганту, — размышлял я. — А еще у Саваллов есть второе имение — пределы Анча, у самого Края.

Дядюшка пожал плечами:

— Я не знаю.

— Но для чего Черный надзор — на каждом из нас?

— Ты ушел в Тень, в отличный университет, а потом обитал в Амбере, который я полагаю высшей школой. Следовательно, постарайся сам пораскинуть мозгами. Нет сомнения, что разум, столь тщательно отточенный...

— Я сознаю: Черный надзор означает, что мы встретились с какого-то рода опасностью...

— Разумеется.

— ... но природа ее ускользает от меня. Если только...

— Да.

— Это связано со смертью Свейвила. А посему должно подразумевать некие политические расчеты. Но меня здесь не было. Я не знаю, что тут у вас сейчас происходит.

Сухай показал мне истертые, но все еще опасные клыки.

— Поразмысли о преемственности, — сказал он.

— Ладно. Допустим, пределы Савалла поддерживают одного возможного наследника, Чаникут — другого, Джезби — третьего. Допустим, мы в этом деле друг у друга поперек горла. Допустим, я вернулся как раз в разгар кровавых разборок. Итак, кто бы ни отдавал сейчас приказы, он объявил нас под надзором, дабы оградить от неприятностей. Ценю.

— Тепло, — кивнул дядя, — но все зашло гораздо дальше.

Я покачал головой:

— Сдаюсь.

Откуда-то донесся завывающий вопль.

— Подумай об этом, — отозвался мой дядя, — пока я приветствую гостя.

Он поднялся и, ступив в пруд, сразу исчез. Я допил пиво.

II

Через мгновение скала слева от меня замерцала и зазвенела, будто колокол. Сам того не сознавая, я сосредоточил внимание на своем кольце, которое Сухай назвал спикардом. И тотчас сообразил, что могу использовать его для защиты.

Удивительно, каким родным казалось мне кольцо, насколько я к нему приспособился за столь короткое время.

Я стоял, протянув руку к камню, когда Сухай вышел из мерцающей поверхности; за ним — некто повыше и потемнее. Еще момент, и фигура последовала за дядей, обретая реальность и перевоплощаясь: осьминогоподобная обезьяна принимала форму моего брата Мэндора, очеловечиваясь, облачаясь в черное, как тогда, когда я видел его в последний раз, только одежды были новые и слегка иного покроя, а белые волосы менее взъерошены.

Мэндор быстро ощупал глазами окружающее пространство и одарил меня улыбкой.

— Вижу, что все в порядке, — заявил он.

Я фыркнул, кивая на его перевязанную руку, и отозвался:

— Как и следовало ожидать. Что произошло в Амбере с тех пор, как я покинул его?

— Никаких новых бедствий. Я оставался там ровно столько, сколько потребовалось, чтобы понять, нужна ли им моя помощь. Пришлось провести небольшую магическую зачистку местности, а также материализовать доски, дабы заложить прорехи и дыры. Затем я попросил у Рэндома разрешения удалиться, он удовлетворил мою просьбу, и я поспешил домой.

— Бедствие? В Амбере? — спросил Сухай.

Я кивнул:

— В залах Янтарного дворца произошло сражение между Единорогом и Змеем, следствием чего явились значительные разрушения.

— Что могло заставить Змея проникнуть так далеко в обитель Порядка?

— Дело в том, что Амбер заинтересовался так называемым Камнем Жребия, который Змей считает своим утерянным глазом.

— Я должен услышать эту историю целиком.

Я принялся рассказывать дяде о невообразимой битве, опустив мои дальнейшие похождения в Зеркальном коридоре и в апартаментах Брэнда. Все время моего рассказа взор Мэндора блуждал со спикарда на Сухая и обратно.

Обнаружив, что я заметил это, он улыбнулся.

— Итак, Дворкин *снова пришел в себя?.. — задумчиво произнес Сухай.*

— Я не был знаком с ним раньше, — ответил я, — но, похоже, он соображает ясно.

— И королева Кашфы взирает Оком Змея?

— Не знаю, видит ли она им. Пока Корэл лишь оправляется после операции. Но мысль интересная. Что она сможет узреть, если будет видеть Оком?

— Чистые, холодные линии вечности, полагаю. Под тяжестью Теней. Никто из смертных не сможет носить Око слишком долго.

— Но в ее жилах течет кровь Амбера, — сказал я.

— Действительно! Оберона?

Я кивнул.

— Твой покойный дед был весьма темпераментным мужчиной, — заметил дядюшка. — Тем не менее это достаточная нагрузка на зрение, хотя я могу лишь предполагать... ну и какие-то знания основ. Не имею представления, что может из этого выйти. Лишь Дворкин способен сказать — если он в здра-

вом рассудке. Я признаю его мастерство, хотя никогда не знал, чего от него ожидать.

— Ты знаком с ним? — спросил я.

— Я знал его, — ответил Сухай, — давным-давно, до всех его бед. Радоваться этому или печалиться? Совладай он с безумием, он мог бы принести великую пользу. А потом пускай фантазирует дальше.

— Сожалею, что не могу просветить тебя, — сказал я. — Мне его действия тоже кажутся совершенно непредсказуемыми.

— И я сбит с толку, — вступил в разговор Мэндор. — Око Змея в глазнице королевы Кашфы! По-моему, все гораздо серьезнее, нежели просто осложнения в отношениях Амбера с Кашфой и Бегмой. Не думаю, что мы, сидя здесь, способны что-то выяснить. Лучше сосредоточиться на здешних проблемах.

Я услышал свой собственный вздох.

— Таких, как право наследования?

Мэндор насмешливо поднял бровь.

— О, лорд Сухай уже просветил тебя?

— Нет, — ответил я. — Нет, но от своего отца я слышал так много о борьбе за трон Амбера — заговоры, интриги и хитрости, — что почти реально ощущаю, как довлеет эта тема над каждым разговором. Полагаю, среди членов Дома Свейвила, где замешано куда больше родов, все пойдет тем же путем.

— Ты правильно мыслишь, — согласился Мэндор, — хотя я думаю, что здесь картина могла быть более упорядоченной.

— Что ж, уже кое-что, — сказал я. — Что касается меня, я собираюсь лишь отдать дань уважения и убраться ко всем чертям. Пришлите мне открытку, когда все разрешится.

Он рассмеялся. Он редко смеялся. Я ощутил покалывание в запястье, там, где обычно пристраивалась Фракир.

— Он действительно не знает, — заключил Мэндор, бросая взгляд на Сухая.

— Он только что прибыл, — ответил Сухай. — У меня не было времени ввести его в курс дела.

Я пошарил в кармане, нащупал монету и подкинул ее.

— Решка, — возвестил я, взглянув на ладонь. — Рассказывать тебе, Мэндор. Что происходит?

— Ты не главный претендент на престол, — сказал он.

Пришла моя очередь смеяться. Что я и сделал.

— Это мне уже известно. Не так давно ты говорил за обедом, как велика очередь передо мной... если кто-то вообще примет во внимание мою смешанную кровь.

— Двое, — сказал он. — Двое предшествуют тебе.

— Не понимаю, — произнес я. — Что случилось с остальными?

— Умерли.

— Что, эпидемия гриппа?

Мэндор одарил меня гнусной ухмылкой.

— Следствие прокатившейся в последнее время беспрецедентной волны роковых дуэлей и вероломных политических убийств.

— И что же преобладало?

— Предательские убийства.

— Очаровательно.

— Итак, вас трое под опекой Черного надзора короны, и каждый взят под охрану охраной своего Дома.

— Ты, похоже, не шутишь.

— Ничуть.

— Было ли внезапное истощение рядов вызвано желанием множества людей одновременно достичь успеха? Или кто-то расчищает себе путь?

— Короне точно не известно.

— Кого именно в данный момент ты подразумеваешь под словом «Корона»? Кто сейчас принимает решения?

— Лорд Бэнсез, — ответил Мэндор, — дальний родственник и давний друг нашего усопшего монарха.

— Вроде припоминаю его. А не может оказаться так, что он сам положил глаз на трон или же стоит за одним из претендентов?

— Этот человек — жрец Змея. Обеты жрецов запрещают им стоять у власти.

— Обычно существуют способы обойти обеты.

— Верно, но лорд Бэнсез, кажется, искренне не заинтересован в чем-либо подобном.

— Отсюда не следует, что он беспристрастен. Возможно, у него имеется фаворит, и он хочет помочь ему. Есть вблизи трона кто-нибудь, питающий особое пристрастие к его ордену?

— Нет, насколько мне известно.

— Это не означает, что колоду не перетасовали.

— Да, хотя Бэнсез не из тех, к кому легко подступиться с подобным предложением.

— Иными словами, ты веришь, что он останется беспристрастным, что бы ни происходило?

— Пока не будет доказательств противного.

— Кто ближайший претендент?

— Таббл Чаникутский.

— Кто второй?

— Тмер из Джезби.

— Верхушка очереди из твоего пруда, — сказал я Сухаю.

Он вновь показал мне зубы.

— Существует у нас кровная месть с Чаникутом или Джезби? — спросил я.

— Ничего серьезного.

— Что ж, тогда о нас просто заботятся, так?

— Да.

— И как же до этого дошло? Помнится, претендентов была куча. Свершилась ночь длинных ножей или еще что?

— Нет, они просто умирали, время от времени. Никакого внезапного побоища. Свейвил стал очевидно угасать, и претенденты поспешили проложить королю дорогу.

— Ладно, наверняка проводилось какое-то расследование. Кто-то из виновников попал под стражу?

— Нет, все они сбежали или были убиты.

— И что с теми, кто был убит? Опознав их, можно определить, к чему они стремились.

— На самом деле нет. Некоторые оказались профессионалами, среди остальных — парочка обычных мятежников, несомненно, из умственно неполноценных.

— Ты хочешь сказать, что не существует никаких догадок, кто за всем этим стоит?

— Именно так.

— И никаких подозрений?

— Сам Таббл, разумеется, не вызывает доверия, хотя вслух об этом лучше не говорить. Он получил наибольшую выгоду, и пока все случившееся в его интересах. И еще: в его карьере хватает политического притворства, двурушничества, клеветы. Но все это было давно. У кого в шкафу не завалялось нескольких скелетов? Уже много лет Таббл добропорядочный и консервативный господин.

— Ладно, теперь Тмер. Он достаточно скрытен и может вызвать подозрения. Есть что-нибудь, связывающее его с этим кровавым делом?

— Ничего конкретного. В прошлом Тмер никогда не был связан с такими крайностями. Я не считаю его верхом совершенства, но он представляется мне более простым, непосредственным типом, нежели Таббл. Он, похоже, из тех, кто скорей решится на переворот, если уж возжаждет трона, чем станет добиваться короны долгими интригами.

— Возможно, в дело вовлечен целый ряд лиц, каждое из которых действует в собственных интересах.

— И теперь, когда развязка близка, они все выплывут на поверхность?

— Почему бы и нет?

Улыбка. Пожатие плечами.

— Увы, вряд ли коронация положит всему этому конец, — сказал Мэндор. — Корона не защищает от кинжала.

— Но наследник входит во власть, обремененный всей тяжестью своих грехов.

— Это не первый случай в истории. И, раз уж ты заговорил об этом, некоторые превосходные монархи стали таковыми, имея далеко не безоблачное прошлое. Между прочим, тебе не приходит в голову, что прочие могут предположить то же самое относительно тебя?

— Да, и это мне неприятно. Мой отец долгое время добивался трона Амбера — и долгое время мучился. Он стал счастлив только тогда, когда послал все к черту. Уж если меня чему-то научила его история, так именно этому. У меня нет подобных амбиций.

И все же на мгновение меня охватило любопытство. Что за чувства испытываешь, управляя огромным государством? Каждый раз, возмущаясь действиями политиков — здесь ли, в Амбере или на теневой Земле, — я представлял себе собственные действия в их шкуре.

— Действительно интересно, — угадал мои мысли Мэндор.

— Возможно, остальные как раз сейчас смотрят в свои магические пруды, — заметил я, — надеясь увидеть там ключи к разгадке.

— Несомненно, — откликнулся он. — А что, если Таббл и Тмер неожиданно выйдут из игры? Что ты будешь делать?

— Даже не думай об этом, — сказал я. — Такого не случится.

— И все же предположим.

— Я не знаю.

— Ты в самом деле должен принять какое-то решение, просто чтобы не ломать голову в дальнейшем. И, надеюсь, нехватка слов не помешает тебе выразить его.

— Спасибо. Учту.

— Расскажи мне поподробнее о том, что случилось с тобой после нашей последней встречи.

Я и рассказал — о призраках Пути и обо всем.

Где-то ближе к концу моего повествования вновь послышался вой. Сухай направился к скале.

— Извините, — сказал он.

Скала расступилась, и дядя вошел внутрь.

Немедленно я ощутил на себе отяжелевший взгляд Мэндора.

— Возможно, у нас есть всего мгновение. Слишком мало, чтобы сообщить все, что должно остаться между нами.

— Очень личное, так?

— Да. Поэтому ты должен *найти время перед погребением, чтобы пообедать* со мной. Допустим, в *четвертом цикле голубого неба.*

— Прекрасно. Твой *дворец или пределы Савалла?*

— Жду тебя в пределах Мэндора.

Я кивнул.

Скала вновь подвинулась, и перед нами в облачной дымке предстала мерцающая голубым гибкая демоническая фигура. Я мгновенно вскочил и склонился, чтобы поцеловать протянутую ею руку.

— Мама! Не ожидал такой радости... столь скоро.

Она улыбнулась, а затем ее оболочка растворилась в вихре. Чешуя поблекла, контуры лица и тела поплыли. Синева стала обычным, хотя и бледным телесным цветом. Ее бедра и плечи раздались, в то время как она теряла в росте, хотя по-прежнему оставалась высокой. Карие глаза стали куда привлекательней, когда стерлись тяжелые надбровные складки. Несколько веснушек проступило на ее теперь человеческом, слегка вздернутом носу. Каштановые волосы удлинились с тех пор, как я в последний раз видел ее в таком обличье. И она по-прежнему улыбалась. Ей очень шла простая красная туника; у левого бедра висела рапира.

— Дорогой Мерлин, — промолвила мама, беря мою голову обеими руками и целуя меня в губы. — Прекрасно выглядишь. Много воды утекло с тех пор, как ты посетил нас в последний раз.

— Последнее время я вел очень бурную жизнь.

— Можно не сомневаться. Я кое-что слышала о твоих злоключениях.

— Представляю, что там до тебя дошло. Не у каждого есть ти'ига, следующая за ним по пятам, время от времени соблазняющая его в разных обличьях и, как правило, своими нежелательными попытками защитить делающая жизнь невероятно сложной.

— Это показывает мою заботу, дорогой.

— Это также показывает полное отсутствие уважения к моей личной жизни и к моему мнению.

Мэндор деликатно кашлянул.

— Привет, Дара.

— Полагаю, именно так тебе и должно казаться, — заявила она. — Привет, Мэндор. Что случилось с твоей рукой?

— Недоразумение. Беспечность на строительных работах, — отвечал он. — Тебя какое-то время не было видно, хотя в мыслях моих мы не расстаемся.

— Если это комплимент, спасибо, — сказала она. — Да, я ищу уединения, когда общество начинает невыносимо давить. Но тебе ли удивляться — человеку, надолго исчезающему в пределах Мэндора. Если ты действительно пропадаешь именно там.

Он склонился в поклоне.

— По вашим словам, леди, мы одного поля ягоды.

Ее глаза сощурились, хотя голос не изменился, когда она произнесла:

— Не знаю. Да, в нас есть определенное родство. Мы оба отсутствовали в последнее время, не так ли?

— Но я был неосторожен, — сказал Мэндор, указывая на свою поврежденную руку. — Ты же, ясное дело, нет.

— Я никогда не лезу в строительство, — сказала она.

— А с невесомостями?

— Предпочитаю работать с тем, что стоит на месте.

— Обычно я тоже.

— А если не получается?

Он пожал плечами:

— Время от времени возникают коллизии.

— В свое время ты пережил многие, не так ли?

— Не могу отрицать; с другой стороны, нынешняя длилась слишком долго. Но ты и сама вроде не прочь улизнуть при случае.

— Пока жива, — отозвалась мама. — Мы действительно должны сравнить наши взгляды на невесомости и столкновения. Не будет ли странным, если они окажутся во многом схожи?

— Был бы весьма удивлен, — ответил Мэндор.

Я был заворожен и слегка напуган этой беседой, хотя доверялся лишь ощущениям и не имел понятия о сути разговора. Они были чем-то похожи, и я никогда не слышал общих мест, произносимых столь метко и выразительно, помимо Амбера, где часто развлекались словесными играми подобного рода.

— Простите меня, — наконец словно опомнился Мэндор и обратился ко всей компании: — Я должен удалиться, дабы восстановить свои силы. Благодарю за гостеприимство, — поклонился он Сухаю. — И за удовольствие, что дорожки наши пересеклись. — Это моей матери.

— Ты только что прибыл, — сказал Сухай, — и даже не отдохнул. Как хозяина ты выставляешь меня не в лучшем свете.

— Еще как отдохнул, — возразил Мэндор. — Никто не смог бы предложить подобной трансформации. — Поворачиваясь к открывающемуся пути, он посмотрел на меня: — До скорого.

И исчез. Скала отвердела с его исчезновением.

— Удивляют его манеры, — произнесла моя мать. — Причем он явно не репетировал заранее.

— Само изящество, — прокомментировал Сухай. — Ему многое было дано от рождения.

— Любопытно, кто умрет сегодня, — сказала мать.

— Не уверен, что в его словах был скрытый смысл, — ответил дядюшка.

Она засмеялась:

— Но если все же так, они, несомненно, испустят дух в самом хорошем вкусе.

— Говоришь осуждая или завидуя?

— Ни так, ни так, — ответила она. — Я и сама восхищаюсь изяществом и хорошей шуткой.

— Мама, — вмешался я, — что все же происходит?

— О чем ты, Мерлин? — откликнулась она.

— Я давным-давно покинул эти места. Ты велела демону найти и оберегать меня. Скорее всего, он засек кровь Амбера, но возникла определенная неразбериха между мною и Люком. Демон решил взять под опеку нас обоих, пока Люк не начал свои регулярные попытки прикончить меня. Затем он, а точнее, она защищала меня от Люка и пыталась определить, кто из нас более подходящая партия. Она даже жила с Люком какое-то время, а позже преследовала меня. Кое о чем я стал догадываться — не зря она *страстно желала узнать имя моей* матери. Несомненно, Люк держал язык за зубами *по поводу своего происхождения*.

Мать рассмеялась:

— Прекрасная картина! Малютка Джасра и принц Тьмы...

— Не пытайся сменить тему разговора. Подумай, насколько это стесняет взрослого человека: мать посылает демонов надзирать за сыном.

— Не демонов, а демона. Дорогой, я послала лишь одного демона.

— Какая разница? Как тебе в голову пришла подобная забота? Я возмущен...

— Ти'ига, возможно, не один раз спасла тебе жизнь, Мерлин.

— Пусть так. Но...

— По-твоему, лучше смерть, чем защита? И только потому, что защита исходит от меня?

— Суть не в этом!

— Тогда в чем?

— Похоже, ты вполне допускаешь, будто я не способен о себе позаботиться, и...

— Да ты и не смог.

— Но тебе-то откуда знать? К моему возмущению, ты с самого начала исходила из того, что я недалекий, доверчивый, беззащитный, что в Тенях я нуждаюсь в опеке!

— Извини, если задену за больное, однако скажу, что таким ты и был, причем собирался в места, столь сильно отличающиеся от Дворов Хаоса, каким являются Тени.

— Да я сам могу о себе позаботиться!

— Ты не слишком преуспел в этом. Хотя делаешь ряд необоснованных предположений. Что заставляет тебя думать, будто приведенные тобой резоны единственно возможные в моем стремлении действовать подобным образом?

— Прекрасно. Скажи, ведь ты знала, что Люк будет пытаться убить меня каждое тридцатое апреля? И если да, то почему просто не сообщила мне?

— Я понятия не имела, что Люк будет пытаться убить тебя каждое тридцатое апреля.

Я отвернулся. Сжал кулаки и разжал их.

— Так какого черта ты обеспечила меня защитой?

— Мерлин, почему так трудно допустить, что другие люди могут знать что-то, чего не знаешь ты?

— Начни с их нежелания сообщить мне это «что-то».

Мать помолчала какое-то время. Затем ответила:

— Боюсь, в твоих словах есть доля истины. Но были серьезные причины не посвящать тебя в определенные дела.

— Тогда начни с начала. Расскажи, почему не доверяла мне.

— Дело не в доверии.

— Так можешь ты теперь объяснить мне, в чем дело?

И опять последовала долгая пауза.

— Нет, — наконец сказала она. — Еще нет.

Я повернулся к ней, сохраняя спокойствие, и, не повышая голос, произнес:

— Выходит, ничего не изменилось. И никогда не изменится. Ты по-прежнему мне не доверяешь.

— Неправда, — ответила мать, бросая взгляд на Сухая. — Это означает лишь то, что сейчас неподходящее время и неподходящее место, чтобы откровенничать.

— Позволь принести тебе выпить или чего-нибудь из еды, Дара, — вмешался Сухай.

— Благодарю тебя, нет, — отказалась она. — Мне пора идти.

— Мама, расскажи хотя бы что-нибудь о ти'иге.

— Что ты желаешь знать?

— Ты выколдовала ее откуда-то из-за Края?

— Верно.

— Подобные существа сами бестелесны, но способны для своих собственных целей занимать тела живущих?

— Да.

— Если ти'ига занимает тело существа, близкого к смерти, то тем самым оживляет его дух и контролирует разум?

— Интересно. Вопрос риторический?

— Нет. Такое действительно произошло с тем, кого ты послала по мою душу. Теперь ти'ига не в состоянии покинуть обретенное тело. Почему?

— Я не знаю точно...

— Она в западне, — предположил Сухай. — Насколько мне известно, ти'иге требуется не просто оболочка, но и интеллект.

— Тело, контролируемое ти'игой, оправилось от болезни, которая убила сознание, — сказал я. — Ты полагаешь, она зависла на всю оставшуюся жизнь?

— Да. Насколько я понимаю.

— Тогда скажи мне вот что: освободится она, когда тело умрет, или погибнет вместе с ним?

— Может произойти по-разному. Но чем дольше она будет оставаться в теле, тем более вероятной становится гибель заодно с оболочкой.

Я оглянулся на мать:

— И хорошо, верно?

Она пожала плечами:

— С этим демоном я промахнулась. Но коли возникнет необходимость, всегда можно вызвать на замену другого.

— Не делай этого, — попросил я.

— И не собираюсь. Нет повода.

— Но если ты решишь, что повод появился?..

— Мать склонна ценить безопасность своего сына, нравится это ему или нет.

Я поднял левую руку, гневно вытянув указательный палец, и в этот момент заметил на запястье искрящийся браслет — он выглядел почти голографическим изображением витого шнура. Я опустил руку, сдержав свой первый порыв, и произнес:

— Теперь ты знаешь мои чувства.

— Я их знаю давным-давно, — ответила мать. — Давай пообедаем в пределах Савалла через пол-оборота, в пурпурное небо, договорились?

— Договорились, — кивнул я.

— До скорого. Счастливого оборота, Сухай.

— Счастливого оборота, Дара.

Она сделала три шага и скрылась в полном соответствии с этикетом: тем же путем, что пришла.

Я повернул и шагнул к краю пруда, уставился в глубину вод, ощущая, как медленно расслабляются плечевые мышцы. Теперь там были Джасра и Джулия, снова в Страже Четырех Миров, совершающие нечто тайное в лаборатории. А затем над ними взметнулись полосы, какая-то безжалостная истинность, возвышающаяся над порядком и красотой, начала превращать женщин в существа завораживающих и пугающих очертаний.

Я ощутил руку на своем плече.

— Семья, — сказал Сухай. — Козни, сводящие с ума. Ты сейчас переживаешь тиранию любви, не так ли?

Я кивнул:

— Марк Твен что-то говорил о возможности выбирать себе друзей, но не родственников.

— Я не знаю, что они затевают, — произнес Сухай. — Сейчас ничего не остается делать, как отдыхать и ждать. Я был бы рад услышать твою историю во всех подробностях.

— Спасибо, дядя.

Что ж, почему бы и нет? И я поведал ему все, с начала и до конца. По ходу рассказа мы прерывались, дабы снова подкрепиться на кухне, затем проследовали на балкон, парящий над океаном лаймового оттенка, что бился о розовые скалы под тускло-синим беззвездным небом. Здесь я и закончил свой рассказ.

— Это более чем интересно, — в конце концов произнес Сухай.

— Ты выяснил что-то, чего не заметил я?

— Здесь столько поводов для размышлений, что я опасаюсь судить поспешно, — отвечал дядя. — Давай пока оставим это.

— Прекрасно.

Я облокотился о перила, глядя в пучину.

— Тебе необходим отдых, — заметил Сухай, помолчав.

— Догадываюсь.

— Пойдем, я покажу твою комнату.

Он протянул руку, и я принял ее. Мы вместе погрузились в пол.

Я спал в окружении гобеленов и портьер, в помещении без дверей в пределах Сухая. Возможно, комната располагалась в башне, так как я слышал за стенами завывания ветра. Был сон, и было видение...

Я снова оказался в замке Амбер и шел извивающейся лентой Зеркального коридора. Тонкие восковые свечи мерцали в высоких шандалах. Шаги мои были бесшумны. Меня окружали зеркала всех стилей и форм. Большие, маленькие, они покрывали стены по обе стороны. Я следовал мимо себя, бредущего в их глубинах, отраженный, искаженный, временами отраженный в отражениях.

И застыл перед треснутым, оправленным в олово зеркалом, что возвышалось слева от меня. Уже поворачиваясь к нему, я знал, что отражение не мое.

Да, я не ошибся. Из зеркала на меня смотрела Корэл. Одетая в персиковую блузу, она была без повязки на глазу. Трещина в зеркале делила ее лицо пополам. Левый глаз Корэл был зеленым, каким я его запомнил, правый... В правом сидел Камень Жребия. И оба смотрели на меня.

— Мерлин, — сказала она. — Помоги мне. Это так необычно. Верни мне мой глаз.

— Я не знаю как. Не понимаю, как это было сделано.

— Мой глаз, — продолжала Корэл, будто не слышала ответа. — В Оке Хаоса весь мир — кишащие силы, холодный... такой холодный!.. и нигде нет покоя. Помоги мне!

— Я найду способ, — пообещал я.

— Мой глаз... — повторяла она.

Я поспешил дальше. Из прямоугольного зеркала в деревянной раме с резным фениксом в основании меня разглядывал Люк.

— Эй, старина! — Он выглядел несколько жалким. — Я чертовски хочу вернуть папин меч. Ты не видел его снова?

— Боюсь, нет, — пробормотал я.

— Какая досада, что я так недолго обладал твоим подарком. Высмотришь его, а? У меня такое чувство, что он может прийтись кстати.

— Постараюсь, — сказал я.

— В конце концов, ты в какой-то степени отвечаешь за то, что произошло...

— Верно, — согласился я.

— ...и я чертовски хочу получить его обратно.

— Да, — сказал я и двинулся дальше.

Отвратительное хихиканье донеслось справа, из эллипса в бордовой раме. Повернувшись, я узнал лицо Виктора Мелмана, колдуна с теневой Земли, с которым столкнулся, когда начались мои неприятности.

— Адово племя! — прошипел он. — Прямо-таки радость видеть тебя блуждающим в потемках чистилища. Пусть кровь моя горит на твоих ладонях.

— Твоя кровь — на твоих собственных руках, — парировал я. — Полагаю тебя самоубийцей.

— Не так! — резко оборвал он. — Ты подлейшим образом прикончил меня.

— Бред собачий! Во многом можно меня обвинить, но не в твоей смерти.

Я было двинулся дальше, но его рука вытянулась из зеркала и вцепилась в мое плечо.

— Убийца! — закричал он.

— Проваливай. — Я стряхнул его руку и продолжил свой путь.

Затем слева, из широкого зеркала в зеленой раме, покрытого зеленоватой патиной, меня окликнул укоризненно качающий головой Рэндом.

— Мерлин! Мерлин! Что это ты там замышляешь? — вопрошал он. — Какое-то время я был уверен, что ты держишь меня в курсе событий.

— Конечно, — ответил я, разглядывая его оранжевую футболку и джинсы «Levi's», — это правда, сир. Просто не хватило времени для некоторых вещей.

— Для тех, что касаются безопасности государства, — для них у тебя не хватило времени?

— Ну, полагаю, об этом можно судить по-разному.

— Если дело касается нашей безопасности, то о ней предоставь судить мне.

— Да, сир. Я сознаю, что...

— Мы должны поговорить, Мерлин. Верно ли, что ты лично замешан во все это?

— Полагаю...

— Не имеет значения. Королевство куда важнее. Нам следует поговорить.

— Да, сир. Мы поговорим, как только...

— К дьяволу «как только»! Прекрати ходить *вокруг да около и тащи сюда свою* задницу!

— Да, как только...

— Чтобы я этого больше не слышал! Если ты скрываешь важную информацию, значит, ты предаешь Амбер! Мне необходимо видеть тебя немедленно! Возвращайся домой!

— Слушаюсь, — сказал я и поспешил прочь. Голос Рэндома смешался с неумолкающим хором других, выкликающих свои требования, свои мольбы, свои обвинения.

Из следующего зеркала — круглого, в синей плетеной раме — на меня взирала Джулия.

— А вот и ты, — сказала она почти с томлением. — Ты знаешь, я любила тебя.

— Я тоже любил тебя, — признался я. — Понадобилось немало времени, чтобы понять это. Хотя, думаю, я все испортил.

— Ты недостаточно *любил* меня. *Недостаточно, чтобы довериться мне. И* потерял мое доверие.

Я отвел взгляд.

— Прости.

— Этого мало, — произнесла Джулия. — Итак, мы стали врагами.

— Совсем необязательно.

— Слишком поздно, — вздыхала она, — слишком поздно.

— Прости, — повторил я и заспешил дальше.

И вот я подошел к Джасре в красной алмазной раме. Ее рука с ярко накрашенными ногтями потянулась ко мне и погладила мою щеку.

— Куда-то идешь, миленький?

— Надеюсь, что так, — сказал я.

Она криво усмехнулась и поджала губы.

— Я решила, что ты дурно влияешь на моего сына. Спевшись с тобой, он лишился твердости...

— Мне очень жаль.

— ... и это может сделать его неспособным к правлению.

— Неспособным или не желающим? — переспросил я.

— Так или иначе, виноват ты.

— Он уже большой, Джасра, и способен сам принимать решения.

— Боюсь, что ты научил его принимать неправильные решения.

— Не обвиняй меня, если он делает то, что тебе не по душе.

— А если Кашфа погибнет — потому что из-за тебя он стал мямлей?

— Я полагаю, что не из-за меня, — сказал я, делая шаг вперед.

И хорошо, что отошел, ибо рука Джасры вытянулась, ногти мелькнули у моего лица, едва не оцарапав. Она осыпала меня проклятиями. К счастью, ее голос заглушили прочие вопли.

— Мерлин?

Снова повернувшись направо, я узрел лицо Найды в серебряном зеркале, чья поверхность и витая рама состояли из единого слитка.

— Найда! Тебе-то что от меня нужно?

— Ничего, — ответила леди ти'ига. — Просто мне нелегко, и я нуждаюсь в совете.

— Ты не испытываешь ненависти ко мне? Какая приятная неожиданность.

— Ненавидеть тебя? Не глупи. Никогда бы не смогла.

— У всех остальных в этой галерее я, похоже, вызываю раздражение.

— Это лишь сон, Мерлин. А ты реален, и я реальна, и нам дела нет до остальных.

— Извини, что моя мать наложила на тебя заклятие оберегать меня... все эти годы. Ты действительно свободна теперь? Если нет, возможно, я смогу...

— Я свободна.

— Мне жаль, что у тебя возникли такие сложности. Не зная, я это или Люк, ты была обязана быть настороже. Кто мог предположить, что два жителя Амбера окажутся соседями в Беркли.

— Я не жалею.

— Что ты имеешь в виду?

— Я пришла за советом. Я хочу знать, как можно найти Люка.

— Как же, в Кашфе. Он как раз недавно был коронован. Зачем он тебе нужен?

— Ты не догадываешься?

— Нет.

— Я влюблена в него. Всегда была. Теперь, когда я свободна и у меня есть собственное тело, я хочу, чтобы он знал, что это я была Гейл, а еще — что я чувствую. Спасибо, Мерлин. До свидания.

— Подожди!

— Да?

— Я никогда не благодарил тебя за то, что ты опекала меня все эти годы, пусть даже по принуждению, пусть это и приносило мне изрядные неудобства. Спасибо и — счастливо тебе.

Она улыбнулась и исчезла. Я протянул руку и дотронулся до зеркала.

— Удачи, — казалось, донеслось мне в ответ.

Странно. Это ведь сон. И в то же время я чувствовал, что это реально. Я...

— Ты вернулся во Дворы в разгар интриг, как я понимаю, — раздался голос из узкого, окантованного черным зеркала в трех шагах впереди.

Я приблизился. Мой брат Джарт пожирал меня глазами.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

Его лицо было злой карикатурой на мое собственное.

— Чтобы тебя никогда не было. За невозможностью этого, я был бы рад видеть тебя мертвым.

— Каков же третий вариант?

— Заточение в личной преисподней, полагаю.

— Почему?

— Ты стоишь между мною и тем, чего я добиваюсь.

— Буду рад посторониться. Скажи мне только как.

— Нам не дано выбирать путь по собственной воле.

— Поэтому ты ненавидишь меня?

— Да.

— Боюсь, что купание в Фонтане расстроило твои чувства.

— Я не прошел полного курса, и чувства мои лишь обострились.

— Можем мы как-то забыть *прошлое и начать все сначала, стать друзьями?*

— Никогда.

— Не думал, что так получится.

— Она всегда больше пеклась о тебе, чем обо мне, а сейчас ты собираешься занять трон.

— Это вздор! Я не желаю трона.

— В этом деле твои желания ничего не значат.

— Я не займу трон.

— Нет, займешь — если только я сперва не убью тебя.

— Не будь кретином. Игра не стоит свеч.

— Скоро наступит день, когда ты меньше всего будешь ожидать этого, и вдруг повернешься и увидишь меня... Слишком поздно!

Зеркало совершенно почернело.

— Джарт!

Ничего.

Терпеть его во сне так же тяжко, как наяву. Я повернул голову туда, где в нескольких шагах слева от меня сияло зеркало в пламенеющей раме. Каким-то образом я знал, что оно — следующее на моем пути, и направился туда.

Фиона улыбалась.

— Ну вот, ты его и нашел..

— Тетушка, что происходит?

— Кажется, происходит конфликт того рода, каковой обычно характеризуют как «не поддающийся упрощению», — ответила она.

— Я рассчитывал на другой ответ.

— Слишком уж все завертелось, чтобы объяснить лучше.

— И ты часть этого?

— Очень небольшая. Не из тех, кто именно сейчас может принести тебе пользу.

— Что мне делать?

— Изучай варианты и выбирай лучший.

— Лучший для кого? И для чего?

— Только ты сможешь ответить.

— Хоть намекни.

— Ты сумел пройти Путь Корвина, когда я взяла тебя туда?

— Да.

— Я не сомневалась. Он был начертан при неожиданных обстоятельствах и никогда не сможет быть воспроизведен. Наш Путь никогда бы не допустил его создания, не будь он сам поврежден и слишком слаб, чтобы предотвратить возникновение Пути Корвина.

— И?

— Наш Путь старается впитать тот, поглотить его. Если это удастся, то последствия для Амбера будут гибельными, как военные разрушения. Равновесие с Хаосом полностью нарушится.

— Разве Хаос недостаточно силен, чтобы воспрепятствовать этому? Я думал, они одинаково могущественны.

— Так и было, пока ты не восстановил Теневой Путь и Путь Амбера смог впитать его. Это сделало его неизмеримо сильней. Теперь он способен добраться до Пути твоего отца, преодолев сопротивление Логруса.

— Я не понимаю, что же делать?

— Я тоже. Но требую от тебя помнить то, что я сказала. Когда придет время, ты должен принять решение. Не знаю какое, но это будет чрезвычайно важно.

— Она права, — раздался голос за моей спиной.

Повернувшись, я увидел отца внутри сияющей черной рамы с серебряной розой наверху.

— Корвин! — услышал я оклик Фионы. — Где ты?

— В месте, где отсутствует свет, — ответил он.

— Я думал, ты где-то в Амбере, отец, с Дейрдре, — сказал я.

— Призраки играют в призраков, — ответил он. — У меня больше нет времени, силы на исходе. Могу сказать тебе только одно: не доверяй ни Пути, ни Логрусу, ни кому-то из их порождений, пока все не разрешится.

Он начал исчезать.

— Как я могу помочь тебе? — спросил я.

—...во Дворах, — донеслось до меня перед тем, как он пропал окончательно.

Я снова повернулся.

— Фи, что он имел в виду?

Она нахмурила брови.

— У меня такое ощущение, что ответ лежит где-то во Дворах, — медленно проговорила тетушка.

— Где? Где следует искать?

Она покачала головой и, отворачиваясь, сказала:

— Кто может знать лучше?

Потом она тоже скрылась.

Голоса по-прежнему взывали ко мне — спереди, сзади. Слышались плач и смех, и повторялось мое имя. Я бросился вперед.

— Что бы ни случилось, — говорил Билл Рот, — если тебе понадобится хороший законник, я с этим управлюсь — даже во Дворах Хаоса.

Затем появился Дворкин, поглядывающий на меня из крошечного зеркала в витой раме.

— Нет повода для беспокойства, — заметил он. — Только вот тебя опутывают всяческие невесомости...

— Что же мне делать? — вскричал я.

— Ты должен стать чем-то большим, чем ты есть.

— Не понимаю.

— Сбеги из клетки своей жизни.

— Какой клетки?

Он сгинул.

Я несся вперед, а вокруг меня звенели слова. Ближе к концу зала висело зеркало, подобное куску желтого шелка, натянутого на раму. Оттуда мне ухмыльнулся Чеширский Кот.

— Все это чепуха. Черт с ними со всеми! — говорил он. — Сходим-ка в кабаре, старина. Опрокинем по нескольку стаканчиков, людей послушаем...

— Нет! — закричал я. — Нет!

А затем от Кота осталась *только улыбка.*

И тут я тоже стал исчезать. Милосердное черное забвение да ветер, завывающий где-то там далеко-далеко.

III

Не знаю, как долго я спал. Разбужен я был Сухаем, повторяющим мое имя.

— Мерлин, Мерлин, — говорил он. — Небо — белое...

— А меня ждет трудный день, — продолжил я. — Знаю. Ночь у меня тоже была трудная.

— Значит, они достали тебя.

— Кто?

— Мои маленькие заклинания — дабы слегка просветить твой разум. Я решил, что склонить тебя к ответам изнутри лучше, чем нагружать своими догадками и подозрениями.

— Я снова был в Зеркальном коридоре.

— Не представлял, какую форму может принять видение.

— Это было реально?

— Вполне возможно в нынешней ситуации.

— Что ж, благодарю... я догадывался. Помнится, Грилл говорил что-то о твоем желании увидеть меня раньше матери.

— Мне было интересно, много ли ты знаешь. Хотел защитить твою свободу выбора.

— О чем ты говоришь?

— Уверен, что она жаждет видеть тебя на троне.

Я приподнялся, потер глаза и сказал:

— Полагаю, это вполне возможно.

— Не знаю, насколько далеко простирается ее желание довести дело до конца. Я хотел дать тебе возможность осознать свое собственное мнение перед тем, как стать посвященным в ее планы. Не желаешь ли чаю?

— Да, спасибо.

Я принял предложенную кружку и поднес к губам.

— Что еще можешь сказать, помимо предположений о ее намерениях?

Дядя покачал головой.

— Не знаю, насколько далеко готова зайти Дара, если ты это имеешь в виду. Но она ли связана с этим или кто другой, заклятие, что ты нес на себе, ныне исчезло.

— Твоя работа?

Он кивнул. Я сделал еще глоток.

— Никогда не предполагал, что окажусь так близко к голове очереди претендентов на престол. Джарт пока четвертый или пятый, не так ли?

Сухай кивнул.

— Чувствую, денек будет очень трудный, — промолвил я.

— Допивай свой чай, — обратился он ко мне, — и, когда допьешь, следуй за мной.

Дядя ушел через гобелен с драконом в дальнем углу комнаты. Когда я снова поднял кружку, светящийся браслет отделился от руки и воспарил передо мной, теряя свои плетеные очертания и становясь кругом чистого света. Он застыл над дымящейся кружкой, будто наслаждаясь коричным ароматом.

— Привет, Призрак, — сказал я. — Зачем на этот раз ты сковал мою руку?

— Чтобы прикинуться веревкой, которую ты обычно носишь, — последовал ответ. — Я думал, тебе понравится.

— Я имел в виду: что ты делал все это время?

— Только слушал, папочка. Гадал, чем бы тебе помочь. Все эти — они действительно твои родственники?

— Те, с которыми мы до сих пор встречались, — да.

— Есть ли необходимость вернуться в Амбер и навешать там на них собак?

— Нет, здесь, во Дворах, это тоже действует. — Я сделал еще глоток. — Ты имеешь в виду каких-то особых собак? Или так, вообще?

— Я не доверяю ни твоей матери, ни твоему брату Мэндору, хоть они мои бабка и дядя. Я думаю, они что-то против тебя замышляют...

— Мэндор всегда был добр ко мне.

— ...а твой дядя Сухай кажется таким целеустремленным, но во многом напоминает Дворкина. Не мог ли он затеять междоусобицу, чтобы самому смыться в любой момент?

— Надеюсь, что нет. За ним никогда такого не водилось.

— О-хо-хо, так то, когда все на месте, а сейчас время потрясений.

— Все-таки где ты набрался этой вульгарной психологии?

— Штудировал великих психологов теневой Земли. Это часть моих непрерывных попыток постичь человеческую натуру. Полагаю, в то время я больше всего узнал об иррациональном.

— Ну хорошо, и чем же могли быть вызваны происходящие события?

— В Камне я фактически повстречался с копией Пути высшего порядка. Там возможны такие аспекты, которых я просто не мог постичь. Это привело меня к

рассмотрению теории хаоса, затем к Меннингеру* и всем прочим, дабы рассмотреть проявления иррационального в сознании.

— И каковы результаты?

— Я стал мудрее.

— Я имею в виду — касательно Пути.

— Ах да. Либо он сам обладает элементом иррационального, подобно живым существам, либо является интеллектом такого порядка, что какие-то из протекающих в нем процессов только кажутся иррациональными низшим существам. Любое объяснение подкрепляется тем же результатом, полученным практическим наблюдением.

— Мне никогда не выпадал удобный случай применить некоторые из тестов, мною задуманных. Скажи, пожалуйста, исходя из внутреннего опыта: не подпадаешь ли ты сам под подобную категорию?

— Я? Иррационален? Такая постановка вопроса мне в голову не приходила. Не вижу, как это возможно.

Я допил чай и свесил ноги с кровати.

— Вот жалость! Думаю, некая мера иррационального и делает нас истинными людьми. Да еще то, что мы сознаем это, разумеется.

— Неужели?

Я встал и принялся одеваться.

— Да, и управляя этим в себе, можно совладать с разумом и чувствами.

— Я собираюсь пристально изучить твою идею.

— Давай, — сказал я, натягивая сапоги, — и поведай мне о свершенных открытиях.

Я продолжал одеваться, когда Призрак спросил:

— Ты собираешься завтракать со своим братом Мэндором, когда небо станет синим?

— Да.

— А позже приглашен на обед к своей матери?

— Точно.

— Еще позже присутствуешь на похоронах почившего монарха?

— Буду и там.

— Нуждаешься в моей защите?

— Я под охраной моих родичей, Призрак. Хоть ты и не доверяешь им.

— На последнем погребении, на котором ты присутствовал, устроили взрыв.

— Верно. Но то был Люк, а он дал зарок. Не беспокойся, со мной все будет в порядке... Хочешь осмотреть достопримечательности — ступай.

— Прекрасно, — сказал он. — Так и сделаю.

Я встал, пересек комнату и остановился у дракона.

— Можешь указать мне дорогу к Логрусу? — спросил Призрак.

— Ты шутишь?

— Нет, — заявил он. — Я знаю Путь, но никогда не видел Логрус. Где его держат?

— Мне казалось, я наделил тебя лучшей памятью, нежели ты обнаруживаешь. Во время последней стычки с Логрусом ты хорошенько его отделал.

— Полагаю, так оно и было. Как ты думаешь, он не держит зла?

— По первому размышлению — держит. Еще подумав — тем более. Держись от Логруса подальше.

— Да ты же как раз советовал мне исследовать движущую силу Хаоса, иррациональное...

— Но не кончать жизнь самоубийством. Я вложил в тебя массу труда.

— Я и сам себя ценю. Ты знаешь, я имею склонность к выживанию, как и органические особи.

— Любопытное суждение.

— Тебе многое известно о моих способностях.

— Действительно, ты хорош попадать из огня да в полымя.

— А ты задолжал мне за приличное обучение.

— Ладно, посмотрим.

— Все это увертки. Думаю, и сам справлюсь.

— Отлично. Двигай.

— Так трудно показать?

— Ты же отказался от всеведения, помнишь?

— Папа, я считаю, что должен увидеть Логрус!

— У меня нет времени представлять его тебе.

— Только укажи дорогу. Спрятаться я сумею.

— Что ж, получай. Прекрасно. Сухай — хранитель Логруса. Логрус лежит где-то в пещере. Единственный известный мне путь начинается здесь.

— Где?

— Здесь есть что-то такое, содержащее девять поворотов. Я дам тебе путеводную нить.

— Не уверен, что твои заклинания действуют на существа, мне подобные.

Я протянул руку сквозь кольцо — виноват, спикард, — наложил ряд черных звездочек на карту пути, которым должен следовать Призрак, повесил ее перед ним в пространстве моего логрусского зрения и сказал:

— Сотворил тебя, сотворил и заклятие.

— Угу, — отозвался Призрак. — Я чувствую, будто достиг уровня, куда доступа не имел.

— Все будет тебе дано в надлежащее время. Стань подобен кольцу на моем указательном пальце. Мы разом оставим эту комнату и проскочим остальные. Когда будем неподалеку от нужного пути, я обозначу его указателями. Следуй в том направлении, и ты проникнешь сквозь нечто на своем пути, что и приведет тебя в иное пространство. Где-то там обнаружишь черную звезду, обозначающую путь к следующему пространству, к следующей звезде и так далее. В конце концов окажешься в пещере, где обитает Логрус. Схоронись понадежней и приступай к своим наблюдениям. Когда пожелаешь удалиться, проделай все в обратном порядке.

Призрак съежился и подлетел к моему пальцу.

— Отыщи меня потом и дай знать о твоих приключениях.

— Я так и собирался, — донесся тоненький голосок. — Не хотелось бы усугублять твою вероятную паранойю.

— Продолжай в том же духе, — сказал я, входя в дракона.

Я оказался в маленькой гостиной, одно окно которой выходило на горы, другое — в пустыню. В комнате никого не было, и я вышел в длинный коридор. Да, все именно так, как мне помнилось.

Я зашагал по коридору, миновав несколько комнат, пока не дошел до двери слева, которую и открыл, дабы обнаружить целую коллекцию, состоящую из метел, шеток, швабр, ведер, горы половых тряпок и тазик. Да, все так...

Я указал на полки справа:

— Ищи черную звезду.

— Ты серьезно? — пропищал голосок.

— Иди и смотри.

Луч света протянулся от моего указательного пальца; достигнув полок, искривился, сжался в нить, столь тонкую, что теперь ее не было видно.

— Счастливо, — вздохнул я и отвернулся.

Я затворил дверь, по-прежнему сомневаясь в правильности своего поступка и утешая себя лишь мыслью, что Призрак все равно отправился бы на поиски и, несомненно, в итоге обнаружил бы Логрус. Чему быть, того не миновать. А мне весьма интересно, что он там разузнает.

Я проследовал обратно в маленькую гостиную. Не исключено, что в последний раз мне выдается возможность побыть какое-то время в одиночестве, и я решил потратить его с пользой. Я уселся на груду подушек и вытащил карты. Быстро перебрав колоду, остановился на карте, где поспешно набросал Корэл в тот недавний лихорадочный день в Амбере. Я изучал ее черты, пока карта не похолодела.

Изображение обретало трехмерность, а затем я вдруг увидел себя: мы с Корэл ярким днем гуляем по улицам Амбера, вокруг кипит торговля. А вот мы спускаемся по склону Колвира, перед нами сияет море, в небе кружат чайки. Затем кафе, стол, парящий у стены...

Я накрыл карту ладонью.

Корэл спала, это был ее сон. Как странно, перебирая карты, застать другого спящим. Еще удивительней обнаружить в том видении самого себя, если только, разумеется, прикосновение моего разума не возбудило неосознанные воспоминания... Одна из маленьких жизненных головоломок. Негоже будить бедняжку только для того, чтобы узнать, как она поживает. Для этого можно вызвать и Люка.

Я начал было искать его карту, но помедлил. Он наверняка изрядно занят в свои первые дни на посту монарха. А мне и так уже известно, что Корэл отдыхает. И лишь повертев в руках карту Люка, я отпихнул ее в сторону, обнаружив под ней следующую.

Серое, серебряное и черное... Его лицо являло собой постаревший и несколько более энергичный вариант моего собственного. Корвин, мой отец, оглядывался на меня. Как много раз я потел над этой картой, пытаясь достать его, пока ум не заходил за разум, — и все безрезультатно! Прочие объясняли мне, что это значит лишь одно из двух: он либо мертв, либо блокирует всякий контакт.

Но затем мною овладело странное чувство. Я припомнил его собственные истории, в частности, когда он рассказывал о том, как пытался достать Брэнда через карту, но сначала не смог этого добиться из-за отдаленности той Тени, где был заточен Брэнд. Вспомнил я и попытки отца проникнуть во Дворы и трудности, вызванные огромным расстоянием. Возможно ли, что мои усилия не давали результата не потому, что он умер или блокирует контакт, а из-за колоссального расстояния, разделяющего нас?

Но тогда кто пришел ко мне на помощь той ночью в Тенях, кто перенес меня в необычное место меж Тенями навстречу странным приключениям, что выпали мне там? И хотя я был совсем не уверен в природе явления отца в Зеркальном коридоре, но ведь позже я натыкался на явные знаки его присутствия в самом замке Амбера. Если он побывал в каком-то из этих мест, то, очевидно, вряд ли находится слишком далеко. Следовательно, отец просто блокирует меня, и очередная попытка, скорей всего, в очередной раз докажет бесполезность данного предприятия. Хотя, если существуют какие-то другие объяснения, и...

Мне показалось, что карта стала холодеть под пальцами. Было это лишь игрой воображения, или сила моего взгляда пробудила карту? Мысленно я подался вперед, сосредоточиваясь. И казалось, в ответ на мои усилия она становится еще холоднее.

— Папа? — произнес я. — Корвин?

Еще холоднее, и покалывание в подушечках пальцев, касавшихся карты. Это напоминало начало контакта. Возможно, он гораздо ближе ко Дворам, чем к Амберу, и находится сейчас в зоне досягаемости...

— Корвин, — повторил я, — это я, Мерлин. Привет.

Его изображение изменилось, будто двинулось. А затем карта совершенно почернела. Тем не менее она оставалась холодной, и возникло ощущение молчаливого контакта, словно в телефонном разговоре возникла пауза.

— Папа? Ты там?

Черная поверхность приобрела глубину. В глубине что-то шевельнулось...

— Мерлин? — Слово прозвучало неясно, хотя я был уверен, что это его голос выговаривает мое имя. — Мерлин?

Движение в глубине было реальным. Что-то стремилось наружу. Оно ринулось из карты мне в лицо, с биением черных крыл, с карканьем — ворон или ворона.

— Нельзя! — кричала птица. — Нельзя! Убирайся! Изыди! — Она билась о мою голову, а карты сыпались из рук. — Держись подальше! — хрипела птица, кружа по комнате. — Запрещено!

Она перелетела через порог, и я погнался за ней.

— Птица! — кричал я. — Вернись!

Тщетно. Не было ответа, не слышно было и шума крыльев. Я заглядывал в другие комнаты, но ни в одной из них и признака этой твари не обнаружил.

— Птица?..

— Мерлин! В чем дело? — донеслось откуда-то сверху.

Я поднял глаза, дабы узреть Сухая, сходившего по хрустальной лестнице за пеленой дрожащего света; позади было небо, полное звезд.

— Просто ищу птицу, — ответил я.

— Ох, — сказал он, достигнув пола и переступив пелену, которая сразу выпряхнулась из бытия, захватив с собой лестницу. — Какую-то особую птицу?

— Большую и черную. Из рода говорящих.

Он покачал головой.

— Я могу послать за такой, — предложил дядя.

— Это особенная птица, — сказал я.

— Жаль, что ты потерял ее.

Мы вышли в коридор, я повернул налево и первым зашел в гостиную.

— Карты все разбросаны, — заметил мой дядя.

— Я пытался воспользоваться одной, а она стала черной и из нее вылетела птица с воплем: «Нельзя!» В тот момент я их и рассыпал.

— Похоже, твой адресат или шутник, или заколдован.

Мы присели. Сухай помог мне собрать колоду.

— Скорее, последнее, — сказал я. — Это была карта моего отца. Долго я пытался обнаружить его и сейчас подошел ближе всего. Я действительно слышал его голос, там, в темноте, перед тем как вмешалась черная птица и прервала связь.

— Наверное, он заточен в темное место, возможно, к тому ж магически охраняемое.

— Конечно! — воскликнул я, сложив колоду и убирая ее в коробку.

Ничто не в силах распоряжаться веществом Тени в местах абсолютного мрака. Мрак так же надежен, как слепота, когда нужно отвратить существо нашей крови от побега. Моему недавнему опыту это придает частицу здравого смысла. Некто, желающий лишить Корвина свободы, обязан держать его в очень темном месте.

— Ты когда-нибудь встречался с моим отцом? — спросил я.

— Нет, — ответил Сухай. — Я слышал, что он нанес короткий визит во Дворы в конце войны. Но никогда не имел удовольствия...

— Ты слышал *что-нибудь о том, что он здесь делал?*

— Полагаю, присутствовал на встрече со Свейвилом и его советниками вместе с Рэндомом и другими лордами Амбера, когда они готовили мирное соглашение. После чего, как я понимаю, он пошел своей дорогой, и я понятия не имею, куда она могла его завести.

— В Амбере известно не больше, — сказал я. — Не знаю... Он убил вельможу — лорда Бореля — где-то на исходе последней битвы. Есть вероятность, что родичи Бореля могли последовать за отцом?

Дядя дважды щелкнул клыками, затем поджал губы.

— Дом Хендрейков... — задумался он. — Думаю, нет. Твоя бабка была из Хендрейков.

— Знаю. Но я с ними практически не общался. Некоторые расхождения с Хелграмами.

— Пределы Хендрейка очень агрессивны, — продолжал он. — Честь воина, понимаешь ли. Но не могу представить, чтобы они в мирное время продолжали таить злобу за случившееся во время войны.

Припомнив рассказы моего отца, я спросил:

— Даже если они считают убийство не совсем честным?

— Не знаю, — сказал он на это. — Трудно угадывать позиции в таких специфических вопросах.

— Кто сейчас глава дома Хендрейков?

— Герцогиня Белисса Миноби.

— Герцог, ее муж — Ларсус... Что с ним случилось?

— Он скончался при падении Пути. Полагаю, его убил принц Джулиан из Амбера.

— А Борель был их сыном?

— Да.

— Ну и ну. Уже двое. Я и не представлял себе...

— У Бореля два родных брата, один сводный, сводная же сестра, куча дядей, тетей, кузенов. Большое семейство. И женщины Хендрейков удалью не уступают мужчинам.

— Ну конечно. Есть даже песня: «Никогда не вступит в брак Хендрейкова девица»!.. Можно как-нибудь выяснить, имел ли Корвин дела с ними, пока был здесь?

— Попробую слегка порасспрашивать, хотя прошло столько времени... Воспоминания стираются, следы исчезают. Все непросто.

Сухай покачал головой.

— Сколько еще до синего неба? — спросил я его.

— Довольно мало.

— Тогда мне пора отправляться в пределы Мэндора. Я обещал брату позавтракать с ним.

— Увидимся, — сказал Сухай. — На погребении, если не раньше.

— Да. Полагаю, мне следует умыться и переодеться.

Я совершил переход в свою комнату, где вызвал таз с водой, мыло, зубную щетку, бритву, а также серые штаны, черные пояс и сапоги, лиловые перчатки и рубаху, плащ цвета угля, клинок и ножны. Приведя себя в порядок, я совершил переход через лесную поляну в приемную. Оттуда вышел на магистраль. Потом четверть мили горной тропой, внезапно упершейся в расщелину; я вызвал пелену, чтобы пересечь ее. Затем я направился прямо в пределы Мэндора, одолев, может, сотню ярдов голубым пляжем под двойным солнцем. Повернул направо, пройдя под памятной каменной аркой, быстро миновал поле пузырящейся лавы и проник сквозь стену черного обсидиана, за которой мне открылась славная пещера, далее по маленькому мостику, наискосок через кладбище и, наконец, на приемную площадку пределов.

Сплошная стена слева от меня была создана из тягучего пламени, а то, что справа, — был путь безвозвратный; свет осенял борозду дна морского, где копошились блестящие твари, пожирая друг друга. Мэндор в человеческом облике сидел прямо перед книжным шкафом, облаченный в черное и белое, ногами упираясь в черную же оттоманку; в руках экземпляр «Прославления» Роберта Хасса, который я дал ему.

Подняв глаза, он улыбнулся.

— «Гончие смерти страшили меня». До чего ж славная строчка! Как тебе в этом обороте?

— Наконец отдохнул, — сказал я. — А ты?

Он встал, положив книгу на маленький столик без ножек, парящий поблизости. Тот факт, что Мэндор явно читал эту книгу специально к моему приходу, ничуть не умалял похвалы. Он всегда был таким.

— Вполне прилично, спасибо. Позволь мне тебя покормить.

Он взял меня за руку и повел к огненной стене. Та расступилась, когда мы приблизились, и наши шаги прозвучали в пространстве на миг воцарившейся темноты, почти сразу перешедшей в узкую тропинку — свет проникал сквозь свод ветвей над нашими головами, по обе стороны цвели фиалки. Тропа привела к вымощенному плитняком патио с бело-зеленым бельведером на дальнем краю. Несколько ступеней, и мы поднялись к отлично сервированному столу, тут же, под рукой, стояли запотевшие кувшины с соками и корзины с горячими булочками.

Жестом Мэндор усадил меня. По мановению его руки рядом со мной появился кофейник.

— Я гляжу, ты запомнил мою утреннюю слабость. Спасибо.

Кивая, он едва заметно улыбнулся и сел напротив. Щебет незнакомых мне птиц доносился с деревьев. Ласковый ветерок шуршал листьями.

— Что ты намереваешься делать в эти дни? — осведомился я, наливая себе кофе и разламывая булочку.

— Обозревать сцену, главным образом, — ответил он.

— Политическую?

— Как всегда. Хотя недавний опыт в Амбере заставляет меня рассматривать ее как часть куда большей картины.

Я кивнул:

— Твои расследования с Фионой?..

— И это тоже. Они пришлись на очень необычные времена.

— Я обратил внимание.

— Похоже, конфликт между Путем и Логрусом проявляется в мирских делах так же, как в масштабах космических.

— У меня аналогичное ощущение. Но здесь я пристрастен. Меня преждевременно включили в партию космоса, и без всяких на то оснований. Можно подумать, что я за все веревочки дергал, лишь бы только попасть в игру. Мне это не нравится, и, если появится возможность повернуть вспять, я воспользуюсь ею.

— Гм-м, — произнес он. — А что, если вся твоя жизнь была обучением дергать за веревочки?

— Я бы не обрадовался этому. Полагаю, я чувствовал бы себя так же, разве что более напряженно.

Мэндор взмахнул рукой, и передо мной предстал изумительный омлет, сопровождаемый чуть задержавшимся гарниром: жареный картофель с чем-то похожим на смесь лука и зеленого чилийского перца.

— Все это лишь предположения, не так ли? — сказал я и приступил к еде.

Здесь последовала длинная пауза, пока мы жевали.

— Вряд ли, — наконец отозвался Мэндор. — Я думаю, силы уже долгое время проявляют бешеную энергию, и мы понемногу приближаемся к эндшпилю.

— Что заставляет тебя вмешиваться?

— Началось со знакомства с происшествиями, — отвечал он. — Затем последовали выводы и разработка гипотез.

— Избавь меня от лекции о применении научного метода в теологии и человеческой политике, — попросил я.

— Ты спрашивал.

— Действительно. Продолжай.

— Тебя не удивляет то, что Свейвил скончался именно сейчас, когда так много доселе неспешно развивавшихся событий одновременно подошли к развязке?

— Рано или поздно он должен был уйти, — промолвил я. — А все эти недавние потрясения, возможно, оказались для него чрезмерными.

— Выбор времени, — произнес Мэндор. — Стратегическое расположение. Согласованность действий.

— Для чего?

— Для того, чтобы посадить тебя на трон Дворов, разумеется, — ответил он.

IV

Бывает, услышишь что-нибудь неправдоподобное — и все. А другой раз услышишь, а оно эхом отзовется. Сразу появляется чувство, будто с самого начала знаком с этим слухом или всегда знал что-то очень похожее, да только разобрать не трудился.

По хорошему я должен был изумиться заявлению Мэндора, затем фыркнуть и заявить что-то вроде: «Абсурд!» Однако я испытал странное чувство, — неважно, были ли верны выводы Мэндора, — будто существовало нечто большее, чем просто предположение, что некий глобальный план вводит меня в круг власти Дворов.

Я затянул паузу долгим, неторопливым глотком кофе. Затем произнес:

— В самом деле?

И почувствовал, как улыбаюсь, когда Мэндор, ощупывая глазами мое лицо, пытался поймать мой взгляд.

— Ты осознанно принимаешь участие в этой борьбе?

Я снова поднял чашку. Я чуть было не произнес: «Нет, разумеется, нет. Впервые об этом слышу». Затем я вспомнил отца, рассказывающего мне о том, как он оставил в дураках тетку Флору и заставил дать ему жизненно важную информацию, стершуюся в результате потери памяти. Меня поразила не та ловкость, с какой отец это проделал, а тот факт, что его недоверие к родственникам переступило порог сознания, проявилось на уровне рефлексов. Не обладая закалкой, которой наделили старших семейные дрязги, я испытывал очевидный недостаток в подобном опыте. Кроме того, мы с Мэндором ладили особенно хорошо, несмотря на то что он был веками старше и имел совсем другие, чем я, вкусы в различных областях.

Неожиданно, обсуждая игру со столь высокими ставками, я будто услышал слабый голос Корвина, советующего не перемудрить: «Почему нет? Ты мог бы использовать мой опыт, малыш». И, вновь опуская чашку, я решил попробовать, пускай попытка и продлится всего несколько минут, чтобы увидеть, какое это произведет впечатление.

— Не знаю, одно ли и то же мы подразумеваем, — произнес я. — Хотелось бы поточнее представлять, как ты видишь эту игру. А потом, возвращаясь, так сказать, к началу, понять, что подтолкнуло тебя к столь преждевременным выводам?

— И Путь, и Логрус — разумные феномены, — начал Мэндор. — Мы оба видели тому свидетельства. Будь то появления Змея и Единорога или что другое, не суть важно. В любом случае мы говорим о паре сверхчеловеческих разумов, имеющих в своем распоряжении мощь поистине безбрежную. Кто окажется первым — еще один из бесполезных теологических вопросов. В той ситуации, когда это нас затрагивает, нам следует беспокоиться лишь о самих себе.

Я кивнул:

— Справедливо.

— Силы, которые они представляют, противоборствуют, но на протяжении веков более или менее уравновешивают друг друга, — продолжал он, — и таким

образом поддерживалось космическое равновесие. Они постоянно одерживали небольшие победы друг над другом, стремясь расширить свои владения за счет противника. И в результате счет оставался нулевым. И Оберон, и Свейвил долгое время были их агентами, а Дворкин и Сухай — посредниками, посвященными напрямую этим силам.

— Неужели? — промолвил я, пока Мэндор отхлебывал сок.

— Я полагаю, Дворкин соприкоснулся с Путем слишком тесно, — продолжил он, — и таким образом оказался объектом махинаций. Однако старик проявил недюжинную смекалку: он сумел это осознать — и сумел воспротивиться. В результате, правда, спятил, да и сам Путь пострадал, — ведь они неразрывно связаны. Чтобы избежать дальнейших повреждений, Путь предпочел бросить Дворкина на произвол судьбы. Урон тем не менее был нанесен, и Логрус достиг определенного превосходства, что позволило ему распространиться во владения Порядка, когда Брэнд начал эксперименты по умножению собственных возможностей. Я считаю, он попал под контроль и стал невольным агентом Логруса.

— Это по большей части предположения, — заметил я.

— Учти, — возразил Мэндор, — что его замыслы стали выглядеть бреднями безумца. Но в них обнаруживается куда больше смысла, чем кажется на первый взгляд, если цель их — чье-то намерение разрушить весь порядок, ввергнув Вселенную в хаос.

— Продолжай.

— В какой-то момент Путь обнаружил — а возможно, окончательно освоил — способность творить *призраков, недолго живущих подобий тех, кто проходил амберский Путь.* Очаровательная идея, я был чрезвычайно *заинтересован. Эта идея* прекрасно подтверждает мой тезис о том, что Путь и, возможно, Логрус, непосредственно влияют на реальные события. Могли они спровоцировать выступление твоего отца против Брэнда в качестве защитника Пути? Хотел бы я это знать.

— То есть как «спровоцировать»?

— У меня такое чувство, что Корвин был избран Путем в качестве следующего короля Амбера, к тому же, кажется, в полном соответствии с собственным желанием. Я интересовался его внезапным выздоровлением в той земной клинике и в особенности обстоятельствами катастрофы, что занесла туда твоего отца. Тогда в различных временных потоках возможно то, что Брэнд оказался в двух местах одновременно — заключенным под стражу и глядящим в прицел ружья. Разумеется, сам Брэнд уже не способен прояснить ситуацию.

— Снова предположение, — сказал я, расправившись с омлетом. — Хотя небезынтересное. Пожалуйста, продолжай.

— Тем не менее твой отец имел серьезные намерения занять трон. Все же он был спасителем Амбера. Амбер одержал победу в войне. Путь был исправлен, равновесие — восстановлено. Рэндом оказался вторым избранником на престол — хороший хранитель status quo, — причем этот выбор был сделан Единорогом, а не жителями Амбера, следующими каким-то вариантам уложения о наследовании.

— Мне никогда не приходило в голову взглянуть на события под таким углом, — сказал я.

— И твой отец — верю, что неумышленно, — обеспечил дополнительную фору. Опасаясь, что Путь не будет восстановлен, Корвин сотворил другой. Да только

он был восстановлен. Итак, появилось два артефакта Порядка; два, а не один. Как отдельная сущность, двойник, возможно, и не прибавил Пути силы, но добавил могущества Порядку как таковому, ослабив воздействие Логруса. Получилось, что твой отец, сместив баланс сперва в одну сторону, затем начал склонять его в другую.

— Таковы выводы, которые вы с Фионой сделали по итогам ваших расследований на новом Пути?

Мэндор медленно кивнул и сделал глоток.

— Результат: учащение Теневых бурь как вселенский эффект, ввергнувший нас в нынешние времена.

— Да, нынешние времена... — повторил я, подливая себе кофе. — Следует признать, они становятся все занимательней и занимательней.

— Действительно. Вернемся к твоей истории с этой Корэл, попросившей Путь отправить ее в любое место по его усмотрению. И что же сделал Путь? Он перекинул ее на теневую копию себя самого и потушил огни. Затем послал тебя, чтоб спасти ее и одновременно исправить нарушенную копию. Как только та была исправлена, она перестала быть теневой и превратилась в версию самого Пути, который получил возможность впитать своего двойника. Путь, вероятно, впитал вообще всю эту Тень, значительно прибавив себе энергии. Его преимущество перед Логрусом возросло еще больше. Логрус после этого нуждался в большом военном успехе, дабы восстановить равновесие. Тогда он и решился вторгнуться на территорию Пути в отчаянной попытке обрести Око Хаоса. Все, однако, закончилось ничем из-за вмешательства того загадочного существа, которое вы кличете Призрачным Колесом. Таким образом, преимущество Пути сохранилось, как сохранилось и нездоровое положение вещей.

— Нездоровое для Логруса.

— Для всех, правильнее сказать. Силы будут неравны, материя Теней — потревожена, а в обоих государствах воцарится смута до тех пор, пока не восстановится порядок вещей.

— Итак, следует что-то сделать на благо Логруса?

— Ты уже знаешь что.

— Полагаю, да.

— Он связан с тобой непосредственно, не так ли?

Я припомнил ночь в часовне, там, где я был поставлен перед выбором между Змеем и Единорогом, Логрусом и Путем. Возмутившись запугиванием в такой насильственной форме, я отказался от любого выбора.

— Да, именно так, — ответил я.

— Он хотел перетянуть тебя на свою сторону, верно?

— Полагаю.

— И?..

— ...и мы здесь, — отозвался я.

— Ты получил какие-нибудь свидетельства, способные подтвердить мой тезис?

Мне вспомнился тот переход через Подтенье, где угроза исходила от призраков то ли Пути, то ли Логруса, то ли их обоих.

— Полагаю, так, — повторил я. — Но в конечном счете, завершая путешествие, я послужил Пути, пусть и невольно.

— Ты готов исполнить план Логруса, направленный на благо Дворов?

— Я готов искать решение, ведущее к спокойствию всех.

Мэндор улыбнулся:

— Это условие или договор?

— Это позиция, — сказал я.

— Если Логрус выбрал тебя, у него есть на то причины.

— Смею думать.

— Само собой разумеется, что, имея тебя на троне, Дом Саваллов усилится безмерно.

— Мысль приходила мне в голову, теперь ты высказал ее.

— Для любого с твоим происхождением, естественно, появляется необходимость четко определить, с кем ты окончательно, с Амбером или с Дворами.

— Предвидишь новую войну?

— Нет, конечно же, нет. Но что бы ты ни совершил для усиления Логруса, это пробудит Путь и спровоцирует определенный ответ Амбера. Вряд ли дело дойдет до войны, однако возможно то или иное возмездие.

— Нельзя ли более точно сформулировать, что у тебя на уме?

— Сейчас это лишь утверждения общего порядка, призванные прояснить картину.

Я кивнул:

— Раз мы толкуем об общих местах, повторю мое высказывание: я готов искать решение.

— Отлично, — сказал Мэндор. — *Пока мы, как прежде, понимаем друг друга.* Очевидно, в своем стремлении взойти на трон ты добиваешься того же, чего и мы...

— Мы? — перебил его я.

— Дом Саваллов, разумеется. Ты же не хочешь, чтобы тебе навязывали мнение извне.

— Навязывать можно по-всякому, — ответил я.

— Впрочем, все это, разумеется, чисто условно; имеется парочка претендентов с притязаниями посильнее.

— Так зачем говорить о случайностях?

— Однако, если Дом согласен видеть тебя на троне, можешь ты признать необходимость рассмотреть такую возможность?

— Брат, — произнес я, — *во всех значительных вопросах* Дом — это ты. Если ты требуешь обязательств, прежде чем устранить Тмера и Таббла, забудь об этом — я не настолько жажду занять трон.

— В этом деле твои желания — не главное, — возразил он. — Для подобной щепетильности нет оснований, учитывая, что мы уже давно в ссоре с Джезби, а Чаникуты всегда были смутьянами.

— Щепетильность тут ни при чем. Я никогда не говорил, что жажду трона. И откровенно говоря, считаю, что и Тмер и Таббл, возможно, окажутся лучше меня.

— Они не избраны Логрусом.

— А если я избран, то должен добиться трона без посторонней помощи.

— Брат, есть огромная брешь между его миром — миром принципов — и нашим — из плоти, камня и стали.

— А если допустить, что у меня свои намерения и твой план в них не входит?

— Какие же у тебя намерения?

— Мы говорим чисто условно, помнишь?

— Мерлин, до чего ж ты упрям! У тебя есть обязательства перед Домом, так же как перед Дворами и Логрусом!

— Я способен сам оценить свои обязательства, и их у меня достаточно... пока.

— Если у тебя есть план расставить все по своим местам и если этот план хорош, мы поможем воплотить его в жизнь. Что же у тебя на уме?

— В этом отношении я в помощи не нуждаюсь.

— В чем же ты в данный момент нуждаешься?

— В информации, — сказал я.

— Спрашивай. У меня ее море.

— Отлично. Что ты можешь мне рассказать о родственниках моей матери с материнской стороны, о Доме Хендрейков?

Мэндор поджал губы.

— Профессиональные вояки. Ты знаешь, они на месте не сидят, всегда в гуще войн пространстваТеней. Просто любят это дело. После смерти генерала Ларсуса Домом правит Белисса Миноби. Гм-м... — Он сделал паузу, затем продолжил: — Тебя интересует их несколько странная мания, касающаяся Амбера?

— Амбера? — переспросил я. — То есть?

— Я припомнил один свой дружеский визит в пределы Хендрейка, — сказал Мэндор. — Мне случилось забрести в маленькую, подобную часовне комнату. В нише одной из стен висел портрет Бенедикта в полном боевом облачении. Ниже была полочка, вроде алтаря, с оружием и горящими свечами. Еще там было изображение твоей матери.

— Неужели? Интересно, знает ли Бенедикт? Дара однажды рассказала моему отцу, что ведет свой род от Бенедикта. Позже он посчитал это абсолютным враньем... Как ты думаешь, стали бы такие люди держать злобу на моего отца?

— За что?

— Корвин сразил Бореля из Дома Хендрейка.

— Они имеют склонность относиться к таким вещам философски.

— Однако, исходя из рассказов отца, я прихожу к заключению, что он воспользовался не совсем благородными приемами, хотя я не думаю, что тому были какие-то свидетели.

— Так оставим в покое спящих драконов.

— У меня нет намерения будить их. Но вот что мне интересно: услышь члены Дома Хендрейка какие-то подробности, стали бы они из кожи вон лезть, дабы заплатить долг чести? Не думаешь ли ты, что они могут стоять за исчезновением моего отца?

— Совершенно не представляю, как это соответствует их кодексу, — ответил Мэндор. — Полагаю, ты мог бы сам у них спросить.

— Просто выйти и сказать: «Э, не вы ли виноваты в том, что случилось с моим папой»?

— Существует масса хитрых способов выведать чужое мнение, — отреагировал брат. — Насколько я слышал, в юности ты получил несколько хороших уроков по этому предмету.

— Я ведь даже не знаю этих людей. То есть, наверное, встречался с кем-нибудь из сестер на приеме, а еще, кажется, несколько раз видел издалека Ларсуса и его жену, но вот и все.

— Представитель Хендрейков будет на похоронах, — сказал брат. — Если я представлю тебя, то, возможно, тебе удастся использовать чуточку обаяния и получить неофициальную аудиенцию.

— Знаешь, в твоей идее что-то есть, что-то правильное, — проговорил я. — Возможно, единственно правильное. Да, пожалуйста, познакомь нас.

— Прекрасно.

Мановением руки Мэндор очистил стол и вновь заставил его блюдами. На этот раз перед нами предстали тонкие, как бумага, блинчики с множеством начинок и подливок, а еще разнообразно приправленные свежие булочки. Какое-то время мы ели молча, внимая ароматам, птицам и ветерку.

— Желал бы я кое-что посмотреть в Амбере, — произнес брат после долгой паузы, — при менее строгих ограничениях.

— Уверен, что смогу тебе посодействовать, — отозвался я. — Буду рад показать тебе окрестности. Я знаю отличный ресторанчик в Мертвом тупике.

— Должно быть, тот, что держит Кровавый Эдди?

— Он самый, хотя имя периодически меняется.

— Я слышал о нем и давно интересуюсь.

— Как-нибудь туда заглянем.

— Превосходно.

Мэндор хлопнул в ладоши, *и появились вазы с фруктами. Я подлил себе кофе* и обвалял кадотскую фигу в пиале со взбитыми сливками. Потом заметил:

— Позже я буду обедать со своей матерью.

— Да. Я подслушал.

— Ты часто видел ее в последнее время? Как она поживает?

— По ее словам, уединенно.

— Думаешь, она что-то затевает?

— Вероятно, — ответил брат. — Не помню случая, чтобы она чего-то не затевала.

— Есть соображения, что именно?

— Зачем мне гадать, когда она, надо думать, все сообщит тебе прямо.

— Ты действительно так полагаешь?

— У тебя преимущество перед любым другим, ведь ты ее сын.

— А еще слабость — по той же причине.

— Все же она охотнее расскажет тебе, чем кому-либо постороннему.

— Кроме, возможно, Джарта.

— Почему ты так считаешь?

— Она всегда любила его больше.

— Смешно, я слышал, как он говорил то же самое о тебе.

— Ты часто его видишь?

— Часто? Нет.

— Когда в последний раз?

— Около двух циклов назад.

— Где он?

— Здесь, во Дворах.

— У Саваллов? — Передо мной предстала картина, как Джарт присоединяется к нам за обедом. Не хотелось, чтобы мать подложила мне такую свинью.

— Думаю, на одном из окольных путей. Он довольно скрытен в отношении своего местопребывания.

Имелось где-то порядка восьми известных мне резиденций на окольных путях к пределам Саваллов. Трудно было бы догонять его по всем этим тропинкам, которые легко могут завести в Тени. Да в настоящий момент я и не жаждал этого.

— Что привело его домой?

— То же, что и тебя, — погребение, — сказал Мэндор. — И все сопутствующее.

Все сопутствующее, разумеется!.. Если и вправду существует заговор с целью посадить меня на трон, то не следует забывать, что Джарт — вольно или невольно, успешно или безуспешно — будет идти за мной по пятам.

— Может, убить его? — вслух размышлял я. — Не хочу. Но он не оставляет мне выбора. Рано или поздно Джарт загонит нас в угол, где будет тесно и одному.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знал мои чувства по этому поводу и мог использовать возможные остатки своего влияния, дабы склонить его найти себе какое-нибудь другое увлечение.

Мэндор покачал головой:

— Я давным-давно не имею на Джарта никакого влияния. Дара, похоже, единственная, к кому он прислушивается... Хотя подозреваю, что он по-прежнему боится Сухая. Скоро ты сможешь обсудить этот вопрос с матерью.

— Есть одна тема, которую никто из нас не станет с нею обсуждать: он — меня, а я — его.

— Почему бы и нет?

— Потому. Мать все всегда понимает превратно.

— Не хочет же она, чтобы ее сыновья убили друг друга.

— Конечно, нет, но я не знаю, как ее вразумить.

— Советую отыскать какой-нибудь способ. Я бы ухитрился не оставаться наедине с Джартом, пересекись ваши дорожки. А если бы это случилось при свидетелях, удостоверился бы, что они видят: первый удар не за мной.

— Принято, Мэндор, — сказал я.

Какое-то время мы сидели молча. Затем он промолвил:

— Обдумай мое предложение.

— Насколько я понял его, — отозвался я.

Он нахмурился:

— Если у тебя есть какие-то вопросы...

— Нет. Я обдумаю.

Он встал. Я тоже поднялся. Жестом Мэндор очистил стол, затем повернулся и направился к выходу. Я последовал за ним, пересек двор и ступил на тропу.

После прогулки мы оказались в его наружном рабочем кабинете, он же приемная. Когда мы направились к выходу, Мэндор сжал мне плечо.

— Итак, увидимся на похоронах.

— Да, — сказал я. — Спасибо за завтрак.

— Между прочим, как тебе эта девушка, Корэл?

— О, вполне ничего, — произнес я. — Она довольно... мила. А что?

Он пожал плечами:

— Обычное любопытство. Я беспокоился о ней во время ее злоключений, и теперь мне интересно, много ли она значит для тебя.

— Достаточно того, что она доставляет мне массу хлопот.

— Я понимаю. Хорошо, если будешь говорить с ней, передай мои наилучшие пожелания.

— Спасибо, обязательно.

— Позже продолжим наш разговор.

— Да.

Без лишней спешки я отправился в путь. До того как ступить в пределы Савалла, у меня еще оставалась масса времени.

Дойдя до дерева в форме виселицы, я сделал передышку. Минутное раздумье, и я свернул налево, держась тропинки, поднимающейся среди темных скал. Ближе к вершине я шагнул прямо во мшистый валун и вышел из него под легкий дождь на песчаную отмель. Я бежал через поле, лежащее передо мной, пока не достиг векового дерева, под которым находился волшебный круг. Я ступил в центр круга, сотворил двустишие, срифмованное по моему имени, и погрузился в землю. Когда погружение завершилось и мгновенная тьма рассеялась, я обнаружил себя у сырой каменной стены, глядящим вниз, в глубь панорамы надгробий и монументов.

Небо целиком затянуло тучами, *гулял холодный ветер. Было ощущение сумерек*, но я не мог сказать, утренних ли, *вечерних. Место выглядело в точности так*, каким я его запомнил: потрескавшиеся мавзолеи, затянутые плющом осыпавшиеся каменные ограды, тропинки, блуждающие под высокими темными деревьями... Хорошо знакомыми тропами я двинулся дальше.

В детстве здесь было мое любимое место для игр. В течение дюжины циклов я почти ежедневно встречался с маленькой девочкой из Тени. Ее звали Ранда. Пробираясь сквозь поросшие мокрым кустарником груды костей, я наконец приблизился к разрушенному мавзолею, где мы играли в домик. Распахнув провисшие ворота, я вошел внутрь. Ничего не изменилось, и усмешка невольно тронула мои губы. Треснувшие чашки и блюдца, потускневшая утварь — все по-прежнему свалено в углу, все в пятнах сырости. Я обмахнул постамент для гроба, служивший нам столом, и сел. Однажды Ранда просто перестала приходить, и, какое-то время спустя, я тоже. Я часто гадал, какой она стала женщиной... Я вспомнил, что оставил ей записку под расшатанной плитой пола. Меня заинтересовало, нашла ли она письмо.

Я поднял камень. Мой грязный конверт все еще лежал здесь нераспечатанным. Я вытащил его, отряхнул; оттуда выскользнул сложенный листок.

Я развернул его и принялся читать мои детские каракули: «Что случилось, Ранда? Я ждал, а ты не пришла». Ниже, куда более аккуратным почерком, было приписано: «Я больше не смогла приходить, потому что мои родственники говорят, что ты демон или вампир. Мне очень жаль, потому что ты самый славный демон или вампир, которого я знаю».

Такого я никогда не предполагал. Поразительно, до чего могут быть неправильно поняты чужие особенности.

Я еще немного посидел, вспоминая детство. Здесь я учил Ранду игре в пляшущие кости... Я щелкнул пальцами, и наша заколдованная груда костей, лежащая

посреди дороги, зашуршала, будто потревоженные листья. Мои юношеские заклинания все еще действовали; кости покатились, складываясь в пару скелетов, и начали свой короткий неуклюжий танец. Они кружили друг против друга, с трудом удерживаясь в фигуре, рассыпаясь на части, тряся паутиной; свободные же кости — запасные — подпрыгивали вокруг. Соприкасаясь, они чуть слышно щелкали. Я запустил их быстрее.

Тень пересекла дверной проем, и донесся смешок:

— Будь я проклят! Вот все, что тебе нужно, — это гроб? Любопытно вы, в Хаосе, проводите время.

— Люк! — воскликнул я, когда пришелец шагнул вовнутрь. Мои скелеты обрушились и стали двумя маленькими кучками, как только мое внимание их покинуло. — Что ты здесь делаешь?

— Допустим, продаю участки на кладбище. Не угодно взять?

На нем была красная рубаха и форменные штаны хаки, заправленные в коричневые замшевые сапоги. На плечах висел рыжевато-коричневый плащ. Люк ухмыльнулся.

— Почему ты оставил королевство?

Его улыбка стерлась, сменившись на мгновение замешательством, но почти сразу же вернулась.

— Почувствовал, что нуждаюсь в передышке. А ты что? Ведь скоро похороны, не так ли?

— Позже, — сказал я. — А пока мне и самому понадобилась передышка. Все же как ты попал сюда?

— Вслед за собственным носом, — сообщил Люк. — В жажде толики интеллектуальной беседы.

— Будь посерьезней. Никому не известно, что я здесь. До последней минуты даже я сам не знал этого. — Я ощупал карманы. — Не подсунул ли ты мне опять нечто вроде тех синих камней, а?

— Нет, не так примитивно. Кажется, у меня есть для тебя некоего рода послание.

Я вскочил и подошел к нему, изучая его лицо.

— С тобой все в порядке, Люк?

— Не сомневайся. Полный порядок, как всегда.

— Нешуточное дело обнаружить тебя в такой близости от Дворов. Особенно если прежде ты никогда здесь не был. Как тебе удалось?

— Наилучшим образом. У нас с Дворами давняя связь, старина, можно сказать, что они у меня в крови.

Люк подвинулся, и я шагнул наружу. Мы стали прогуливаться.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну, мой папа провел здесь некоторое время в дни своих интриг, — сказал он. — И здесь повстречал мою мать.

— Я и понятия не имел.

— Это никогда не афишировалось.

— Действительно, — произнес я. — И никто, кого я спрашивал, не знал, откуда взялась Джасра. Далеко она забрела от дома.

— Фактически она была завербована в Тени, лежащей неподалеку, — объяснил Люк. — Примерно такой же, как эта.

— Завербована?

— Да, несколько лет она прислуживала в пределах Хелграма — думаю, начала совсем молодой.

— Хелграм? Это дом моей матери.

— Точно. Она была компаньонкой леди Дары. Там и обучилась магии.

— Джасра обучалась колдовству у моей матери? И встретила Брэнда в Хелграме? Получается, что Хелграм как-то связан с заговором Брэнда, Черной дорогой, войной...

— ...и леди Дарой, которая следила за твоим отцом. Полагаю, что так.

— Потому что она хотела стать посвященной Пути, так же как и Логруса?

— Возможно, — сказал Люк. — Меня там не было.

Мы спустились по дорожке из гравия, свернули у большой купы темного кустарника, прошли сквозь каменный лес, по мосту, что был переброшен через медленный, темный поток, где отражались высокие ветви и небо... Заблудившийся ветерок шуршал листьями.

— Почему же ты никогда об этом не упоминал?

— Я собирался, да все откладывал, — сказал он. — Хватало других, более срочных дел.

— Действительно, — проговорил я, — всякий раз, когда наши пути пересекались, мы, казалось, лишь ускоряли шаг. Но сейчас — не потому ли ты спешно все мне выложил, что знать это вдруг стало мне необходимо?

— Ну, не совсем. — Люк остановился и оперся о могильный камень, сжав его так, что побелели суставы. Камень под пальцами рассыпался в пыль, опускающуюся на землю, подобно снегу. — Не совсем, — повторил он. — Просто я хотел, чтобы ты знал. Может, это принесет тебе пользу, может быть, нет. Таков удел информации — она может остаться невостребованной.

Неожиданно верхушка надгробья со скрипом и треском поехала в сторону. Люк, казалось, не замечал этого, его рука продолжала сжиматься. Куски посыпались с отколовшегося *камня, который он теперь держал в руке.*

— Итак, ты проделал такой путь, чтобы сказать мне об этом?

— Нет, — ответил он, когда мы повернулись и зашагали обратно. — Я был послан, дабы сообщить тебе кое-что другое. Но если бы я передал сообщение сразу, мне не позволили бы продолжать — меня подпитывают, лишь пока я выполняю задание.

Послышался страшный хруст, и камень, что держал Люк, осыпался гравием, смешавшимся с тем, которым была усыпана дорожка.

— Позволь взглянуть на твою руку.

Он отряхнул и протянул мне руки. Крошечный огонек мерцал у основания его указательного пальца. Люк дотронулся до него большим пальцем, и огонек погас.

Я ускорил шаг.

— Люк, ты знаешь, кто ты?

— Что-то во мне, кажется, знает, но я — нет, приятель. Я только чувствую — со мной не все в порядке. Давай я лучше поскорей сообщу тебе то, что должен.

— Нет. Держись, — сказал я, торопясь еще больше.

Что-то темное мелькнуло над головой и скрылось среди деревьев, так быстро, что я не успел его разглядеть. Мы с трудом устояли под внезапным порывом ветра.

— Ты понимаешь, что происходит, Мерль?

— Думаю, да, — ответил я. — И хочу, чтобы ты делал в точности то, что я говорю, каким бы странным это ни казалось. Договорились?

— Конечно. Если я не могу доверять лорду Хаоса, кому же тогда доверять, а?

Мы поспешно прошли мимо зарослей кустарника. Мой мавзолей стоял прямо перед нами.

— Знаешь, действительно есть нечто... я чувствую, что обязан сказать тебе это прямо сейчас, — проговорил Люк.

— Заткнись. Пожалуйста.

— И все же это очень важно.

Я обогнал его. Он тоже побежал, стараясь не отставать.

— Речь идет о твоем пребывании здесь, во Дворах, именно сейчас.

Достигнув стены каменного строения, я вытянул руки и кинулся к двери. Три больших шага, и я уже стою в углу на коленях, хватаю старую чашку, краем плаща обтираю ее.

— Мерль, какого черта ты делаешь? — спросил Люк, входя следом за мной.

— Еще минута, и я все тебе покажу.

Поставив чашку на тот камень, где я прежде сидел, я простер над ней руку, вытащил кинжал и рассек им себе запястье.

Вместо крови из надреза вырвалось пламя.

— Нет! Черт подери! — вскричал я.

Я схватил спикард, поймал надлежащую линию и наложил на рану холодящее заклинание. Пламя мгновенно сгинуло, и потекла кровь. Однако, пролившись в чашку, кровь начинала дымиться. Изрыгая проклятия, я добавил заклинанию силы, чтобы оно еще и в чашке сохраняло кровь жидкой.

— Да уж, что странно, то странно. Тут я согласен, — заметил Люк.

Я отложил клинок и пережал левую руку повыше раны. Кровь заструилась быстрее. Спикард пульсировал. На лице Люка застыло напряженное внимание.

Я сжал кулак. Чашка наполнилась уже более чем наполовину.

— Ты говорил, что доверяешь мне.

— Боюсь, что так, — ответил Люк.

Три четверти...

— Придется тебе это выпить, — сказал я. — Обязательно.

— Я подозревал, что все кончится чем-то подобным, — кивнул он, — но на самом деле это, возможно, и неплохая идея. Похоже, помощь мне требуется именно сейчас.

Люк взял чашку и поднес ее к губам. Я зажал рану ладонью. Снаружи доносились порывы ветра.

— Когда закончишь, поставь ее на место. Тебе необходимо больше.

Я слышал, как он глотал.

— Всяко лучше, чем «Джеймисон»... Не знаю уж почему. — Он вернул чашку на место и добавил: — Хотя слегка солоновато.

Я отнял руку от раны, снова пережал запястье и стиснул кулак.

— Эй, приятель. Ты теряешь много крови. Я уже чувствую себя в порядке. Просто слегка кружится голова, вот и все. Мне больше не нужно.

— Нужно, — сказал я. — Поверь. Однажды я отдал крови гораздо больше, а на следующий день побежал на свидание.

Ветер перерос в ураган, беснующийся снаружи.

— Не желаешь все же сообщить мне, что происходит? — осведомился Люк.

— Ты — призрак Пути, — сообщил я ему.

— Что ты имеешь в виду?

— Путь способен воспроизвести любого, кто когда-либо его проходил. У тебя все признаки. Я их знаю.

— Эй, но я чувствую себя вполне реальным! Да я даже не проходил Путь в Амбере. Я делал это в Тир-на Ног'тхе.

— Видимо, он способен контролировать два изображения, раз они точные копии. Ты помнишь свою коронацию в Кашфе?

— Коронацию? Какую, к дьяволу, коронацию? Ты подразумеваешь, что я получил трон?

— Ну. Ринальдо Первый.

— Черт возьми! Уверен, мамочка счастлива.

— Не сомневаюсь.

— Как-то это неловко, когда тебя — двое. Ты, похоже, знаком с таким явлением. Значит, мастерит копии Путь?

— Вас, парни, надолго не хватает. Очевидно, чем ближе вы к Пути, тем и сами сильнее. Должно быть, понадобилась масса энергии, чтобы заслать тебя сюда. Давай, выпей еще.

— Конечно. — Люк залпом опрокинул половину чашки поставил на место и спросил: — А при чем тут драгоценная телесная влага?

— Кровь Амбера, похоже, создает поддерживающий эффект для призраков Пути.

— Ты хочешь сказать, что я теперь вроде вампира?

— Полагаю, формально ты можешь считать именно так.

— Не уверен, что мне все это нравится, особенно такая специализация.

— Согласен, здесь есть определенный недостаток. Но всему свое время. Давай для начала придадим тебе устойчивость, а потом будем рассматривать дело с разных точек зрения.

— Отлично. Перед тобой внимательнейшая публика.

В стороне послышался грохот, будто катился валун, сопровождаемый слабым лязганьем.

Люк повернул голову.

— Знаешь, я не уверен, что это ветер.

— Сделай последний глоток, — сказал я, отходя от чашки и нащупывая носовой платок. — Он поддержит тебя.

Люк выпил залпом, пока я обматывал платком запястье.

— Сматываемся отсюда, — предложил я. — Чую недоброе.

В дверном проеме возникла фигура. Лицо ее терялось в тени, и я заказал у спикарда приличное освещение.

Это был Борель, зловеще скалящий зубы.

— Из тебя выйдет отличная свечка, — обратился он к Люку.

— Ошибаешься, Борель, — заявил я.

Внезапно между нами проплыл Знак Логруса.

— Борель? Мастер Меча? — удивленно воскликнул Люк.

— Именно.

— Черт побери! — сказал Люк.

V

Когда я устремил вперед два самые смертоносные щупальца спикарда, Знак Логруса перехватил их и отвел в сторону.

— Не для того я его спасал, чтобы отдать тебе в лапы! — закричал я.

И тотчас нечто подобное Пути, но все же не в точности такое, внезапно обрело реальность поблизости.

Знак Логруса скользнул влево от меня. Новое существо — кем бы оно ни было — бросилось за ним; оба бесшумно прошли сквозь стену. Почти незамедлительно последовал громовой раскат, сотрясший здание. Даже Борель, тянувшийся за клинком, застыл на миг, затем протянул руку, чтобы ухватиться за дверь. В это время за его спиной появилась другая фигура и смутно знакомый голос обратился к нему:

— Пожалуйста, извините. Вы загородили мне дорогу.

— Корвин! — закричал я. — Папа!

Борель повернул голову.

— Корвин, принц Амбера? — произнес он.

— Разумеется, — последовал ответ. — Хотя, боюсь, что не имел удовольствия...

— Я Борель, герцог Хендрейк, Мастер Оружия пределов Хендрейка.

— Сколько заглавных букв, сэр!.. Рад познакомиться, — сказал Корвин. — Теперь, если вы не возражаете, я бы хотел пройти, дабы увидеть моего сына.

Борель повернулся, а рука его дернулась к эфесу клинка. Я уже готов был броситься вперед, и Люк тоже. Как вдруг — мимолетное движение позади Бореля; удар, казалось, несильный, заставил его согнуться пополам. Затем на шею Мастера обрушился кулак, и Борель рухнул на землю.

— Пойдемте, — поманил нас Корвин. — Думаю, нам лучше смыться отсюда.

Мы с Люком вышли, переступив через поверженного Мастера Оружия пределов Хендрейка. Земля слева почернела, будто от недавнего лесного пожара, начинал моросить дождь. Вдалеке появились еще две человеческие фигуры, направляющиеся к нам.

— Не знаю, вытащит ли меня обратно сила, что принесла сюда, — произнес, озираясь, Корвин. — Она, возможно, занята чем-то иным. — Через минуту он продолжил: — Похоже на то... Что ж, дело за тобой, Мерлин. Как будем делать ноги?

— Вот так, — сказал я ему, повернулся и бросился бежать.

Они понеслись за мной по дорожкам, что привели меня на это место. Я посмотрел назад и обнаружил шесть темных фигур, гнавшихся за нами.

Я припустил в гору мимо надгробных плит и скульптур и оказался в конце концов у старой каменной стены. Тут позади нас послышались крики. Не обращая на них внимания, я потянул к себе моих спутников и произнес двустишие слогом и размером, несколько уступающими идеалу. Тем не менее заклятие подействовало, и со страшной силой брошенный булыжник не достиг цели, ибо мы уже погружались в землю.

Мы, словно грибы, выросли на волшебном кольце, и я трусцой погнал своих спутников к дюне. Сзади опять послышался пронзительный вопль. Мы прошли

сквозь валун и скалистой тропой спустились к дереву-виселице. Повернув налево, я пустился бежать.

— Подожди! — окликнул меня Корвин. — Я чувствую что-то знакомое... Там!

Он свернул с тропы вправо и побежал в направлении небольшого холма. Люк и я следом. Из-за спины доносился шум, сопровождающий выход наших преследователей из валуна.

Между двумя деревьями мерцало световое пятно, и мы, похоже, направлялись именно к нему. Когда мы подбежали ближе и его очертания стали проясняться, я сообразил, что это напоминает контуры того подобия Пути, что я лицезрел в мавзолее.

Папа не останавливаясь бросился прямо в эту штуку. И пропал. Вновь сзади раздался крик. Люк следующим прошел сквозь мерцающий экран, а я замыкал шествие, наступая ему на пятки.

Теперь мы бежали по прямому жемчужному туннелю, и когда я оглянулся, то увидел, что он словно сворачивается за мной.

— Нас преследовать больше не могут! — крикнул Корвин. — Тот конец уже замкнут.

— Тогда почему мы бежим? — спросил я.

— Опасность еще не миновала, — отозвался отец, — мы пересекаем владения Логруса. Если нас здесь засекут, будут крупные неприятности.

Мы что было сил неслись по странному туннелю.

— Мы бежим сквозь Тени? — *поинтересовался я.*

— Да.

— Тогда, видимо, чем дальше мы уйдем, тем лучше.

Все затряслось, и я вытянул руку, чтобы заслониться от каких-то летящих кусков.

— Ого-го! — воскликнул Люк.

— Да уж, — согласился я, глядя, как туннель стал распадаться на части.

Казалось, из стен и пола выдирают огромные глыбы. И полный мрак царил в этих дырах.

Мы продолжали свой путь, перепрыгивая через провалы. Затем что-то вновь беззвучно ударило, вдребезги расколов туннель вокруг нас, за нами, впереди нас...

Мы падали.

Ну, не совсем падали. Мы как бы дрейфовали в тусклом, густом тумане. Ничего не чувствовалось ни под ногами, ни в каком-либо другом направлении. Было ощущение свободного падения, но не было предмета, относительно которого можно было бы узреть свое движение.

— Проклятие! — услышал я возглас Корвина.

Какое-то время мы парили, падали, дрейфовали...

— Ведь почти... — снова донеслось его бормотание.

— Что-то вон там! — неожиданно объявил Люк, указывая направо.

Там смутно серело нечто огромное. Я направил сознание в спикард и прощупал пространство в указанном направлении. Что бы это ни было, оно было неодушевленным, и я велел щупальцу спикарда привести нас туда.

Никакого движения не чувствовалось, но эта штука росла, приобретая знакомые очертания и красноватый оттенок. Когда стали проявляться детали, я уже догадался.

— Выглядит, как твоя «Полли Джексон», — заметил Люк. — Даже снегом припорошена.

Да, это был мой красно-белый «шевроле» 57-го года — вот к чему мы приближались, здесь, в Лимбе.

— Это артефакт, извлеченный из моей памяти, — сообщил я. — И выглядит как настоящая — возможно, потому, что я так часто ее себе представлял. А еще потому, что, похоже, именно сейчас она нам очень пригодится.

Мы подошли со стороны водителя, я потянулся к ручке и нажал на кнопку. Машина, разумеется, была не заперта. Я открыл дверцу, скользнул за баранку; Люк и Корвин тоже уже залезли. Ключи, разумеется, оказались на месте.

Двигатель завелся сразу. Я глядел поверх яркого капота в ничто. Включил фары, но это не помогло.

— Ну а теперь? — спросил Люк.

Я поставил первую скорость, снял с ручного тормоза и отпустил сцепление. Когда я дал газ, показалось, что колеса вращаются. Несколько мгновений спустя я перевел на вторую. Чуть позже перешел на третью.

Было ли это движение реальным или все дело в силе воображения?

Я прибавил газу. Туманная панорама будто бы слегка посветлела далеко впереди, хотя я подозревал, что попросту слишком уж пристально вглядываюсь. От баранки не было особого толку. Я сильно нажал на акселератор.

Внезапно Люк включил радио.

«...опасные дорожные условия, — прозвучал голос диктора, — поэтому лучше сбавить скорость». И тут же врубился Уинтон Марсалис, исполняющий «Караван»*.

Приняв услышанное как личное послание, я сбросил газ.

Появилось чувство движения вперед, и казалось, будто заря разгорается на горизонте. Еще казалось, что мы обрели какой-то вес и глубже вдавились в сиденья. Мгновениями позже ощущение реальной поверхности под колесами автомобиля стало еще более явственным. Любопытно, что произойдет, если я покручу баранку... Впрочем, вряд ли стоит экспериментировать.

Из-под колес донесся скрипящий звук. С обеих сторон возникли сумрачные очертания; уплывая назад, они усиливали чувство движения. Теперь далеко впереди мир и вправду светлел.

Я даже еще притормозил, потому что стало казаться, будто мы едем по настоящей дороге при очень плохой видимости. Затем фары стали высвечивать проносящиеся мимо силуэты, на мгновение придавая им черты деревьев и насыпей, зарослей кустарника, скал. Тем не менее зеркало заднего вида по-прежнему отражало ничто.

— Совсем как в старые времена, — произнес Люк. — Выбрались за пищей ненастным вечерком!..

— Точно, — согласился я.

— Надеюсь, у того, другого меня, в Кашфе, кто-нибудь открыл пиццерию... Как ты думаешь, когда это наказание отстанет от меня?

— Не знаю, Люк.

— Я к тому, что нельзя же и дальше так пить твою кровь. А что там со мной — вторым?

— По-моему, я могу предложить тебе дело, которое разрешит эту проблему, — сказал ему Корвин. — На время, во всяком случае.

Деревья теперь несомненно были деревьями, туман — настоящим туманом, слегка подрагивающим. Ветровое стекло подернулось влагой.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Люк.

— Одну минутку.

В тумане появились просветы, и в них стал виден настоящий пейзаж. Внезапно я осознал, что еду, собственно, не по дороге, а по довольно ровному участку земли. На всякий случай я еще снизил скорость.

Тут изрядный кусок тумана растворился или улетел, обнажив громадное дерево. А еще участок земли, будто пылающей. Знакомое чувство вызывала эта неполная картина...

— Это место твоего Пути, не так ли? — спросил я, когда вокруг еще немного прояснилось. — Фиона однажды проводила меня сюда.

— Да, — последовал ответ.

— И его подобие — та штука, что я видел сражавшейся со Знаком Логруса на кладбище, — и провело нас через туннель?

— Да.

— Тогда... он тоже обладает разумом, как Путь Амбера, как Логрус...

— Правда. Припаркуйся вон там, у дерева.

Я повернул руль и направился к ровному месту, которое он указал. Пелена по-прежнему обволакивала окружающее пространство, но совсем не такая тяжелая и всеобъемлющая, как на дороге, по которой мы ехали. Это мог быть сумрак, вызванный туманом, но отблеск эксцентричного пути прояснял вечернюю тусклость нашего чашеобразного мира.

Когда мы выкарабкивались наружу, Корвин сказал Люку:

— Призраки Пути долго не живут.

— Это я понял, — отозвался Люк. — Ты знаешь какие-нибудь ухищрения для оказавшихся в такой ситуации?

— Я знаю их все. Приходится знать, как говорится.

— Ну?

— Папа?.. — вымолвил я. — Ты подразумеваешь...

— Да, — ответил он. — Мне неизвестно, где может быть мой первоначальный вариант.

— Ты тот, с кем я повстречался тогда? Тот, кто недавно находился в Амбере?

— Да.

— Понимаю. Хотя ты не кажешься в точности таким, как другие, с кем я встречался.

Он протянул руку и сжал мое плечо.

— Я начертал эту вещь, — произнес он, бросив взгляд в сторону Пути, — и я единственный, кто прошел его. Следовательно, я единственный, призрак которого он может вызвать. Кажется, и он рассматривает меня несколько иначе, чем просто с утилитарным вниманием. Мы можем общаться, в известном смысле, и он, похоже, склонен отдавать энергию, необходимую для поддержания моей устойчивости — сейчас уже довольно долго. У нас есть свои собственные замыслы, и наши взаимоотношения кажутся чуть ли не симбиозом. Призраки Пути Амбера и призраки Логруса по натуре куда более эфемерны...

— У меня такое же впечатление, — заметил я.

— ...кроме одного, которому ты помог, за что я тебе признателен. Он теперь под моей защитой, столько, сколько понадобится. — Отец отпустил мое плечо, затем добавил: — Я еще не был должным образом представлен твоему другу.

— Извини, я растерялся... Люк, позволь представить тебя моему отцу, Корвину из Амбера. Сэр, Люк, собственно, известен как Ринальдо, сын твоего брата Брэнда.

Глаза Корвина на мгновение расширились, затем сощурились, изучая физиономию Люка, и он протянул руку.

— Приятно встретить друга, а также родственника моего сына.

— Я тоже рад знакомству, сэр.

— А я-то думал, что в тебе кажется таким знакомым...

— Сходство скорее внешнее, если вы это имеете в виду. Может быть, даже этим все и ограничивается.

Папа рассмеялся:

— Где вы познакомились?

— В Беркли.

— Где же еще может сойтись пара наших! Не в Амбере, разумеется, — сказал отец, поворачиваясь, чтобы оказаться лицом к лицу со своим Путем. — Я еще узнаю вашу историю. Но теперь пойдемте со мной. Я хочу представить вас сам.

Он направился к светящемуся созданию, а мы последовали за ним. Мимо редкими клочьями проплывал туман. Если не считать звука наших робких шагов, вокруг царило полное безмолвие.

Подступив к краю Пути, мы замерли и пристально оглядели его. Это был изящный узор, слишком большой, чтобы разом окинуть взглядом; весь он, казалось, лучился силой.

— Привет, — сказал Корвин. — Я хочу представить тебе моего сына и моего племянника, Мерлина и Ринальдо... Хотя, мне кажется, ты уже знаком с Мерлином. У Ринальдо есть проблемы. — Последовала долгая пауза. Затем отец произнес: — Да, это правда. — И еще погодя: — Ты действительно так думаешь? — И: — Отлично. Будь уверен, я передам им.

Он потянулся, вздохнул и отступил на несколько шагов от края Пути. Затем притянул нас к себе и обнял за плечи.

— Ребята, я получил нечто вроде ответа. Но из него следует, что нам всем, по разным причинам, следует пройти этот Путь.

— Я не прочь, — сказал Люк. — Только что за причина?

— Он намерен усыновить тебя, — ответил Корвин, — и поддерживать так же, как меня. Но за это придется платить. Близится время, когда ему потребуется постоянная охрана. Мы можем сменять друг друга.

— Звучит славно, — промолвил Люк. — Место вроде спокойное. И у меня нет никакого желания возвращаться в Кашфу и пытаться свергнуть самого себя.

— Прекрасно. Я поведу, а ты держись за мое плечо на случай столкновения с какими-нибудь непонятными явлениями. Мерлин, ты идешь последним и по той же причине держишься за Люка. Договорились?

— Конечно, — сказал я. — Пойдем.

Отец отпустил нас и направился туда, где начинался узор. Мы двинулись следом, и, когда он сделал первый шаг, Люк положил руку на его плечо. Вскоре мы

все, напрягшись в знакомой борьбе, оказались на Пути. Даже когда начали подниматься искры, мне тем не менее было намного легче, чем в прошлые переходы, — возможно, потому, что сейчас кто-то другой прокладывал дорогу.

Образы аллей, засаженных рядами вековых каштанов, заполняли мое сознание, когда мы, еле передвигая ноги, с трудом преодолевали Первую Завесу. Тем временем искры все выше вздымались вокруг нас, и я ощутил силы Пути, пронзающие мои разум и тело. Вспомнились школьные дни, величайшие усилия на атлетическом поприще.

Сопротивление нарастало, и мы склонялись под его мощью. Чтобы передвигать ноги, требовалось огромное напряжение, и я осознал, что почему-то оно важнее самого движения. Я почувствовал, как дыбятся волосы, когда энергетический поток рассекал мое тело. Все же здесь не было ни сводящих с ума свойств Логруса, ни ощущения враждебности, которое приходилось испытывать на Пути Амбера. Казалось, будто я погружался в глубины сознания, дружески ко мне расположенного. Появилось чувство какой-то поддержки, когда я, пробираясь по дуге, преодолевал вираж. Сопротивление было мощным, искры вздымались так же высоко, как и у других в этом месте, и все же я каким-то образом знал, что этот Путь относится ко мне совершенно иначе.

Мы пробивали себе дорогу вдоль линий. Мы кружились, обжигались... Проникновение во Вторую Завесу было мучительно-медленным испытанием выносливости и воли. После этого стало легче, и вся моя жизнь явилась перед мысленным взором, пугая и утешая меня.

Продвижение. Раз, два... Три. Я ощутил, что, если мне удастся сделать еще десять шагов, появится шанс пробиться. Четыре... Я пропотел насквозь. Пять... Сопротивление было ужасным. Усилий для стометровки едва-едва хватало, чтобы продвинуть ногу на один дюйм. Легкие работали как кузнечные мехи. Шесть... Искры достигали лица, попадали в глаза, окутывали меня целиком. Я чувствовал себя так, будто превратился в вечный огонь и должен как-то прожечь себе путь в мраморной глыбе. Я горел и горел, но камень оставался неизменным. Я мог всю вечность потратить на этот путь. Вероятно, уже потратил... Семь...

Образы уходили. Память улетучилась. Исчезло даже сознание своего «я». Меня освежевали — осталась лишь чистая воля. Я был действием, процессом борьбы с сопротивлением. Восемь... Я не чувствовал своего тела. Время стало понятием потусторонним. Борьба больше не была борьбой, но формой элементарного движения, рядом с которым ледники развивали дикую скорость. Девять... Теперь я стал только движением — бесконечным, постоянным.

Десять. Здесь пришло облегчение. В центре опять станет тяжко, но я знал: остаток Пути не такой утомительный. Нечто похожее на тихую, спокойную музыку держало меня на плаву, пока я тащился вперед, поворачивал, снова тащился. Музыка была со мной, когда я проходил Последнюю Завесу, а когда я миновал середину последнего шага, она стала напоминать «Караван».

Там, в центре, мы долго стояли молча, глубоко дыша. Я не был в точности уверен, что достиг своей цели. Хотя я чувствовал, что, как бы там ни было, в результате я ближе узнал своего отца.

Клочья тумана по-прежнему плыли над Путем, над долиной.

— Я чувствую себя сильнее, — наконец объявил Люк. — Да, я помогу охранять это место. По-моему, вполне удачный способ скоротать время.

— Кстати, Люк, что за послание у тебя было? — спросил я.

— А, требовалось сообщить, чтобы ты избавил Дворы от своего присутствия, — отозвался он. — Там становилось опасно.

— Что за опасность, я уже знаю, но во Дворах по-прежнему остаются проблемы, которые нужно решить.

Люк пожал плечами:

— Что ж, и все послание. Сейчас нигде нет места, кажущегося абсолютно безопасным.

— Здесь пока проблем не будет, — сказал Корвин. — Нет силы, которая в точности знала бы, как подступиться к этому месту или что с ним делать. Пути Амбера его не поглотить, а Логрус не представляет, как разрушить его.

— Звучит довольно приятно.

— Хотя, думаю, придет время, когда они попытаются действовать.

— Ну а пока мы ждем и наблюдаем. Хорошо. Если кто-нибудь появится, то кто хоть это может быть?

— Вероятно, призраки — такие, как и мы, пытающиеся побольше узнать о нем или испытать его. Ты хорошо владеешь клинком?

— Не буду скромничать — да. А если недостаточно хорошо, так я изучал магические искусства.

— Призраки поддаются стали, хотя исходят огнем, а не кровью. А теперь, чтобы выбраться наружу, ты можешь использовать Путь, если желаешь. Я присоединюсь к тебе чуть позже, чтобы показать, где укрыто оружие и прочее имущество. Я бы хотел отправиться на небольшую экскурсию и оставить тебя дежурить.

— Конечно, — сказал Люк. — А как ты, Мерль?

— Я собираюсь вернуться во Дворы. Мать официально пригласила меня на ленч, а затем следует уделить внимание похоронам Свейвила.

— Не исключено, что Путь не сумеет доставить тебя до самых Дворов. Уж очень они близки к Логрусу. Но ты с ним как-нибудь разберешься. Или наоборот. Как там Дара?

— Много времени прошло с тех пор, как я видел ее дольше нескольких минут, — ответил я. — Она по-прежнему безапелляционна, надменна и сверхзаботлива, когда дело касается меня. Еще у меня такое впечатление, что она впутана в местные политические интриги — и в глобальное противостояние между Дворами и Амбером.

Люк на мгновение закрыл глаза и исчез. Немного погодя я увидел его рядом с «Полли Джексон». Он открыл дверцу, скользнул на пассажирское сиденье, согнулся и занялся чем-то там внутри. Чуть позже до меня донеслись звуки музыки из радио.

— Похоже на правду, — кивнул Корвин. — Знаешь, я ее никогда не понимал по-настоящему. Она явилась ко мне из ниоткуда в странное время моей жизни, солгала мне, мы стали любовниками, она прошла Путь в Амбере, а потом исчезла. Все будто в причудливом сне!.. Совершенно очевидно, что она использовала меня. Многие годы я думал — лишь затем, чтобы узнать о Пути и подступиться к нему. Но не так давно у меня оказалось много времени для размышлений, и сейчас я не уверен, что дело лишь в этом.

— Ну? — удивился я. — А в чем тогда?

— В тебе, — ответил он. — Все больше и больше я утверждаюсь в мысли, что на самом деле Дара хотела родить ребенка от принца Амбера.

Я ощутил, как холодею. Могла ли причиной моего существования быть такая расчетливая махинация? И никакой любви, привязанности?.. Был ли я задуман преднамеренно, дабы служить некоей особой цели? Такой взгляд мне вовсе не по нутру. Я ощутил себя на месте Призрачного Колеса, тщательно рассчитанного продукта моего воображения и интеллекта, построенного, дабы опробовать конструкторские идеи, в которые мог вникнуть лишь житель Амбера. И все же он зовет меня «папа» и, казалось, по-настоящему волнуется обо мне. Странно, я и сам начал чувствовать к нему бессознательную привязанность. Не было ли это следствием нашего сходства, даже большего, чем я осознавал?

— Почему? — спросил я. — Почему для нее было так важно, чтобы я родился?

— Помню лишь ее последние слова, когда Дара завершила Путь, по ходу дела обращаясь в демона. «Амбер, — сказала она, — будет разрушен». Потом она исчезла.

Я поежился. Открытия эти были столь ошеломляющи, что хотелось закричать, уснуть или напиться. Что угодно, лишь бы передохнуть, хоть на миг.

— Ты полагаешь, что мое существование может быть частью долговременного плана уничтожения Амбера?

— Возможно, — кивнул отец. — Я могу и ошибаться, малыш. Я очень даже могу ошибаться и в таком случае заранее прошу прощения за то, что попусту растревожил тебя. Но, с другой стороны, было бы не меньшей ошибкой скрывать от тебя подобный расклад.

Я потер виски, брови, глаза. Что же мне делать? Я не хочу способствовать разрушению Амбера.

Отец на мгновение прижал меня к себе и промолвил:

— Дело не в том, что ты есть или что с тобой сделали. Рано или поздно ты встанешь перед выбором. Ты больше, чем сумма твоих составляющих, Мерлин. Неважно, что сопутствовало твоему рождению и твоей жизни до сего дня, — ты получил глаза и мозг и способен судить. Не позволяй никому, даже мне, вешать тебе на уши лапшу. А когда придет время, если оно придет, сделай свой собственный выбор, черт побери. И плевать тогда будет, что там случилось раньше.

Его слова, общие по сути, вернули меня из того закутка души, куда я весь спрятался.

— Спасибо, — сказал я.

Он кивнул. Затем продолжил:

— Понимаю, тебе, скорее всего, захочется потребовать у нее объяснений, но этим ты не добьешься ничего, только разбудишь в ней подозрения. Разумнее играть более осторожно и посмотреть, что можно разузнать.

Я вздохнул:

— Конечно, ты прав. Ты пришел для того, чтобы сказать все это — в первую очередь, и уж затем помочь мне, не так ли?

Отец улыбнулся:

— Всего лишь побеспокоился о важных вещах. Мы еще встретимся.

И он пропал.

Внезапно я увидел его у автомобиля беседующим с Люком. Я наблюдал, как отец показывает Люку, где хранятся припасы. Потом они оба мне помахали. Об-

менялись рукопожатиями. Корвин повернулся и ушел в туман. Из автомобиля до меня донеслись звуки «Лили Марлен».

Я сосредоточил внимание и велел Пути перенести меня в пределы Савалла. Последовала молниеносная круговерть черноты. Когда тьма рассеялась, я стоял в центре Пути. Я снова попробовал переместиться — теперь в замок Сухая. И вновь Путь отказался прокомпостировать билет.

— Как близко ко Дворам ты можешь меня подбросить? — наконец осведомился я.

Опять круговерть, но на этот раз светлая. Она заслала меня на высокий утес белого камня под черным небом, у черного моря. Два полукруга бледного пламени будто скобками окружали это место. Что ж, здесь жить можно. Я был у Огненных Врат, на перепутье в Тенях, неподалеку от Дворов Хаоса. Я повернулся к морю и стал считать. Определив четырнадцатую башню из мерцающих слева от меня, я направился к ней.

Упавшая башня под розовым небом... По пути к ней меня занесло в прозрачную пещеру, через которую текла зеленая река. Я шагал по берегу, пока не обнаружил выложенный камнями брод, приведший меня на тропу, что уходила в осенний лес. Почти милю я держался тропы, пока не ощутил присутствие Пути у корней вечнозеленого дерева. Он привел меня к склону горы, откуда еще три пути и две туманности вели к ленчу с моей матерью.

Судя по небу, у меня уже не оставалось времени переодеться. У перекрестка я остановился, дабы отряхнуть одежду и пригладить волосы. Любопытно, кто бы мне ответил, попытайся я вызвать Люка с помощью карт, — сам Люк, его призрак, оба? Способны ли призраки отвечать на вызовы через карту? Я поймал себя на мысли, что гадаю также о том, что происходит в Амбере. И еще я думал о Корэл и Найде.

Черт побери. Хорошо бы оказаться где-нибудь еще. Я хотел быть подальше отсюда. Предупреждение Пути, переданное через Люка, было вполне недвусмысленным. Корвин заставил меня задуматься о многом, а времени для размышлений не было. Не хотелось оказаться вовлеченным во что-либо, происходящее здесь, во Дворах. Мне не нравилось все, в чем была замешана моя мать. Чувства мои совсем не соответствовали похоронным. Кроме того, я ощущал себя каким-то неосведомленным. Казалось бы, если от меня чего-то хотят, чего-то очень важного, они наконец найдут время прояснить ситуацию и попросить о сотрудничестве. Если это родственники, существовала большая вероятность, что я буду с ними заодно. Куда менее рискованно просто играть со мной в открытую, нежели всякими уловками пытаться контролировать мои действия. Я хотел быть подальше как от тех, кто намеревался контролировать меня, так и от игр, в которые они играли.

Я мог уйти в Тени, возможно, затеряться там. Я мог вернуться в Амбер, сообщить Рэндому обо всем, что мне известно, рассказать обо всех моих подозрениях, а он защитит меня от Дворов Хаоса. Приняв новое обличье, я мог вернуться на теневую Землю, вновь заняться компьютерным дизайном...

Тогда, разумеется, я никогда не узнаю, что происходит и что было прежде. Так же как не узнаю действительного местонахождения отца — во Дворах я обнаружу его следы скорее, чем где бы то ни было. Вокруг не было никого, кто мог бы помочь ему.

Я двинулся вперед и повернул направо, завершая путь к лиловеющему небу. Я прибуду вовремя.

Итак, я снова в пределах Савалла. Я возник из красной с желтым звездной вспышки, нарисованной высоко на стене у ворот переднего двора, спустился по Невидимой Лестнице и долгие секунды всматривался в огромную центральную впадину, в черное буйство за пределами Края. Падающая звезда чертила свой огненный путь в лиловом небе, когда я отвернулся и направился к обитой медью двери и низкому Лабиринту Искусств за ней.

Войдя внутрь, я припомнил, как ребенком много раз терялся в этом лабиринте. Дом Савалла веками копил произведения искусства, и коллекция была столь обширна, что имелось несколько путей, куда лабиринт мог забросить тебя, ведя через туннель, огромную спираль и что-то похожее на старый вокзал, прежде чем вернуть обратно, окунув в следующий поворот. Как-то раз я несколько дней проблуждал здесь, пока наконец меня не обнаружили ревущим перед коллекцией синих туфель, приколоченных к доске.

И вот я снова шел по нему, неторопливо разглядывая старые уродства, а также некоторые новые. Впрочем, сюда же затесались и поразительно красивые вещи, такие как огромная ваза, будто вырезанная из цельной глыбы огненного опала, а еще набор старинных глазурованных мемориальных табличек из какой-то отдаленной Тени, смысл и назначение коих не мог вспомнить в семье никто. Я предпочел не срезать угол галереи и осмотрел то и другое: таблички особенно нравились мне.

Подойдя к огненной вазе и разглядывая ее, я насвистывал старую мелодию, которой научил меня Грилл. Мне показалось, будто я слышу тихий шорох, но, взглянув туда-сюда по коридору, никого поблизости я не обнаружил. Почти сладострастные изгибы вазы молили о прикосновении. В детстве мне всегда запрещали это делать. Я медленно протянул левую руку и положил ее на вазу. Она оказалась теплее, чем я ожидал. Я скользнул рукой по поверхности. Она была подобна застывшему пламени.

— Привет, — пробормотал я, — вспоминая приключение, которые мы с ней разделили. — Сколько лет прошло...

— Мерлин? — послышался тихий голос.

Я сразу отдернул руку. Казалось, заговорила сама ваза.

— Да, — отозвался я. — Да.

Снова шорох, и легкая тень шевельнулась в кремовом углублении чаши.

— Тс-с, — произнесла тень, вырастая.

— Глайт? — спросил я.

— Да-с-с.

— Быть не может. Ты ведь мертва уже много лет.

— Не мертва. С-спала.

— Я не видел тебя с тех пор, как был ребенком. Ты была ранена. Исчезла. Я думал, ты умерла.

— Я с-спала. Я с-спала, чтобы з-зажили раны. Я с-спала, чтобы вос-становить с-себя.

Я протянул руку. Косматая змеиная голова поднялась выше, легла мне на предплечье, и змея поползла, обвивая мою руку.

— Ты, несомненно, выбрала изысканную спальню.

— Я з-знала, что кувшин — твое любимое мес-сто. Я з-знала, что, ес-сли подожду достаточно долго, ты с-снова придешь с-сюда, чтобы выраз-зить с-свое вос-схищение. Я з-знала, что вос-стану во вс-сем блес-ске, дабы приветс-ствовать тебя. До чего же ты вырос-с!

— А ты почти не изменилась. Чуть похудела, пожалуй... — Я осторожно погладил ее голову. — Приятно сознавать, что столь почитаемый семейный призрак по-прежнему с нами. Ты и Грилл, да еще Кергма сделали мое детство куда счастливее, чем оно могло оказаться.

Глайт вытянула голову и носом погладила мне щеку.

— Твой вид с-согревает мою холодную кровь, дорогой мальчик. Ты далеко с-странс-ствовал?

— Да. Очень.

— Как-нибудь ночью мы будем ес-сть мышей и лежать у огня. Ты с-согреешь мне блюдце молока и рас-скажешь о с-своих похождениях с-с той поры, как покинул пределы С-савалла. Мы поищем моз-зговых кос-стей для Грилла, ес-сли он по-прежнему...

— Сейчас он, похоже, служит моему дяде Сухаю. А как Кергма?

— Не з-знаю. Это было так давно.

Я прижал ее к себе, чтобы согреть.

— Спасибо, что ты ждала здесь в своем великом забвении, дабы поприветствовать меня.

— Это больше чем дружелюбие и приветс-ствие.

— Больше? Что же тогда, Глайт? Что это значит?

— Ес-сть кое-что показ-зать. Иди.

Она мотнула головой. Я последовал в указанном направлении — туда, где коридоры расширялись. Я ощущал, как Глайт дрожит на моей руке, время от времени чуть слышно мурлыча.

Вдруг голова ее поднялась напряженно и стала слегка покачиваться.

— Что случилось?

— Мыши, — произнесла она. — Мыши близ-зко. Я должна поохотиться... после того, как покажу тебе... это. З-завтракать...

— Если ты хочешь сначала поесть, я подожду.

— Нет, Мерлин. Ты не должен опоз-здать, что бы ни... привело тебя с-сюда. Что-то важное в воз-здухе. Поз-зже... пиршес-ство... параз-зиты...

Мы вступили в широкую и высокую часть галереи, освещенную небесным светом через стеклянную крышу. Четыре большие части металлической скульптуры — в основном бронза и медь — асимметрично располагались вокруг нас.

— Дальше, — сказала Глайт. — Не з-здес-сь.

Я повернул направо за следующий угол и двинулся вперед. Вскоре мы подошли к очередному экспонату — на этот раз походившему на металлический лес.

— Потише теперь. Потише, милый демончик.

Я остановился и принялся изучать деревья — светлые, темные, ясные, тусклые. Железные, алюминиевые, латунные — они весьма впечатляли. В те давние годы, когда я последний раз приходил сюда, ничего подобного не было. Не удивительно. Другие места тоже немало изменились.

Я зашагал вдоль леса.

— Теперь. З-здес-сь. Поверни. Воз-звращайс-ся.

Я зашел в лес.

— Держис-сь правее. Вот это, выс-сокое.

Дойдя до кривого ствола самого высокого дерева, я остановился.

— Это?

— Да. Преодолей его... вверх... пожалуйс-ста.

— Ты имеешь в виду — залезть на него?

— Да.

— Хорошо.

Единственное, что приятно в стилизованном дереве, так это то, что оно закручено, заверчено и сплетено таким образом, что ставить руки и ноги на нем гораздо удобнее, чем кажется на первый взгляд. Я ухватился, подтянулся, нащупал место для ноги, вновь подтянулся, двигаясь вверх.

Выше. Еще выше... Футах в десяти от земли я остановился.

— Ух. Ну и что мне здесь делать?

— Лез-зь выше.

— Зачем?

— С-скоро. С-скоро. Ты уз-знаешь.

Я поднялся еще футом выше и тут ощутил — не столько зуд, сколько некое напряжение. Такое у меня иногда было, когда я попадал в опасное место.

— Там наверху Путь, — сказал я.

— Да. Я лежала, оплетя ветку голубого дерева, когда Мас-стер Теней открыл его. Его потом умертвили.

— Путь, наверное, ведет к чему-то важному.

— Наверное. Я не лучший с-судья в людс-ских делах.

— Ты пробиралась туда?

— Да.

— Значит, это неопасно?

— Нет.

— Отлично.

Преодолевая силу Пути, я взобрался выше, пока обе ноги не оказались на одном уровне. Затем расслабился и позволил Пути затянуть меня.

Пол был выложен прекрасными плитами: черными, серебряными, серыми и белыми. Справа — в форме геометрического узора, слева — в начертании Преисподней Хаоса.

Впрочем, я смотрел вниз всего несколько мгновений.

— Великие небеса!

— Я была права? Это важно? — произнесла Глайт.

— Это важно, — отозвался я.

VI

По всей часовне стояли свечи, многие с меня ростом и чуть ли не такие же толщиной. Некоторые были серебряные, некоторые — серые, несколько черных, несколько белых. Они стояли на разной высоте, причудливо расположенные на скамьях, полках, точках пересечения орнамента на полу. Тем не менее не они да-

вали основное освещение. Оно приходило сверху, и сначала я предположил, что сюда льется дневной свет. Но, глянув вверх, дабы оценить высоту свода, я убедился, что свет исходит из большой сине-белой сферы, зарешеченной темным металлом.

Я сделал шаг вперед. Пламя ближайшей свечи затрепетало. Я обратил лицо к каменному алтарю, что заполнял нишу напротив меня.

Черные свечи горели по обе ее стороны; серебряные, поменьше, мерцали прямо на нем. Мгновение я просто осматривал алтарь.

— Похож-жее на тебя, — заметила Глайт.

— Я думал, твои глаза не различают двумерных изображений.

— Я долго живу в муз-зее. Почему твой портрет з-запрятан так тайно?

Я подошел ближе, пристально вглядываясь в изображение.

— Это не я. Это мой отец Корвин из Амбера.

Серебряная роза стояла в округлой вазе перед портретом. Была ли она настоящей, творением рук или магии, сказать я не мог.

И Грейсвандир лежал там же, на несколько дюймов вынутый из ножен. Я почувствовал, что он — настоящий, а тот, который носил призрак Пути моего отца, — лишь реконструкция.

Я поднял меч и вытащил из ножен. Возникало ощущение мощи, когда я держал его, размахивал, бил, делал выпад, наступал...

Ожил спикард, центр паутины сил. Я опустил взор, неожиданно смутившись.

— ...А это отцовский клинок, — пояснил я, возвращаясь к алтарю и вкладывая лезвие в ножны. С неохотой я оставлял его здесь.

Когда я вернулся, Глайт спросила:

— Это важ-жно?

— Очень, — сказал я, в то время как Путь нес меня обратно на верхушку дерева.

— Что теперь, мас-стер Мерлин?

— Я должен отправляться на ленч с матерью.

— В таком с-случае с-сади меня з-здес-сь.

— Я могу вернуть тебя в вазу.

— Нет. Я давно не с-скрывалас-сь в з-зас-саде на дереве. Это будет прекрас-сно.

Я вытянул руку. Глайт размоталась и скрылась в мерцающих ветвях.

— С-счастливо, Мерлин. Навещ-щай меня.

А я слез с дерева, всего лишь раз зацепившись штанами, и быстро зашагал по коридору.

Через два поворота я вышел к пути, ведущему в главный зал, и решил, что лучше мне пройти здесь. Я выскочил у массивного очага — высокие языки пламени сплетались в нем — и медленно повернулся, дабы обозреть огромную палату, стараясь при этом казаться прибывшим уже давно и ожидающим.

Похоже, здесь присутствовала лишь одна персона — моя собственная. Которая, как мне показалось по размышлении, несколько странно выглядела на фоне ревущего пламени. Я поправил манишку, отряхнулся, провел гребнем по шевелюре. И как раз осматривал свои ногти, когда стал осознавать движение на вершине огромной лестницы слева от меня.

Она предстала вьюгой, заключенной в десятифутовой башне. В центре, треща, плясали молнии, ледяные кристаллы пощелкивали на ступенях, перила за-

мерзали там, где она проходила. Моя мать, казалось, увидела меня в тот же миг, что и я, ибо она остановилась. Затем взвилась на ступеньке и начала схождение.

Спускаясь, она плавно перевоплощалась, черты лица менялись от ступени к ступени. Как только я осознал, что происходит, я прекратил свои попытки перевоплотиться и аннулировал все скромные результаты. Я начал меняться в тот момент, когда увидел ее, и, вероятно, мать стала делать то же самое при виде меня. Я не ожидал, что она станет перевоплощаться, дабы ублажить меня второй раз, здесь, на своей территории.

Она закончила превращение, едва коснувшись последней ступени, и предстала передо мной прекрасной женщиной в черных брюках и алой блузе с широкими рукавами. Она смотрела на меня и улыбалась, потом приблизилась и заключила меня в объятия.

Было неуместно сообщать, что я собирался перевоплотиться, да забыл. Или еще что-нибудь в таком роде.

Мать отодвинулась на расстояние вытянутой руки, опустила взгляд, снова посмотрела на меня и покачала головой.

— Ты спал в одежде или забыл переодеться после тренировочного боя? — осведомилась она.

— Это жестоко, — промолвил я. — По дороге я остановился осмотреть достопримечательности и вляпался в пару-тройку мелких конфликтов.

— И потому опоздал?

— Нет. Я опоздал, потому что задержался в нашей галерее дольше, чем рассчитывал. И не слишком-то я опоздал.

Мать взяла меня за руку и развернула.

— Я прощаю тебя, — сказала она, ведя меня к скрывающей путь колонне, пестрящей розовым, зеленым и золотым, что находилась в зеркальном алькове через комнату направо.

Когда мы вошли в альков, я с интересом подумал, поведет она меня вокруг колонны по часовой стрелке или же против. Оказалось — против. Интересно. С трех сторон смотрели наши отражения — такова была комната, которую мы покидали. Но с каждым нашим витком вокруг колонны комната становилась другой. Я наблюдал, как она меняется, будто в калейдоскопе, пока наконец мать не остановила меня перед хрустальным гротом у подземного моря.

— Я уже почти и забыл об этом месте, — промолвил я, ступая на чистый, белый песок, в хрустальный свет, напоминавший и костры, и солнечные блики, и канделябры, и светодиодные дисплеи огромных функциональных возможностей; беспорядочные радужные отблески ложились на берег, на стены, на черную воду.

Мать взяла меня за руку и повела к обнесенному перилами помосту, возвышающемуся на некотором отдалении справа. Там стоял полностью накрытый стол. Целая коллекция подносов под колпаками занимала еще больший сервировочный стол. Мы взобрались по маленькой лесенке, я усадил мать и направился проинспектировать ожидавшие нас вкусности.

— Сядь, Мерлин, — сказала она. — Я сама подам.

— Все в порядке, не беспокойся, — ответил я, поднимая первый колпак.

Но мать уже встала.

— Тогда — а-ля фуршет, — сказала она.

— Отлично.

Мы наполнили тарелки и направились к столу. Мгновение спустя после того, как мы уселись, яркая вспышка сверкнула над водой, озарив арочный свод пещеры и уподобив его утробе какой-то огромной твари, нас перевариваю-щей.

— Не озирайся так опасливо. Ты же знаешь, сюда им не добраться.

— Ожидание громового удара уводит мой аппетит в пятки.

Она засмеялась; как раз до нас донесся отдаленный раскат грома.

— А так все в порядке?

— Да, — отозвался я, беря вилку.

— Удивительно, какими родственниками одаривает нас жизнь, — промолви-ла мать.

Я взглянул на нее, пытаясь уловить выражение ее лица. Увы!..

— Да, — только и сказал я.

Мгновение она изучала меня, но я тоже никак не выразил своих чувств. Тогда она сказала:

— Ребенком ты частенько отвечал односложно, когда капризничал.

— Да, — сказал я.

Мы приступили к еде. Все новые вспышки озаряли спокойное, темное море. В свете очередной молнии мне привиделся далекий корабль, идущий на всех своих черных, надутых ветром парусах.

— Свидание с Мэндором уже состоялось?

— Да.

— И как он?

— Прекрасно.

— Что-то беспокоит тебя, Мерлин. Что?

— Очень многое.

— Расскажешь матери?

— А что, если ты — часть моих проблем?

— Я была бы разочарована, окажись это не так. Все же сколько ты будешь помнить историю с ти'игой? Я поступала так, как считала нужным. И по-прежнему уверена в своей правоте.

Я кивнул и продолжал жевать. Через какое-то время я сказал:

— Ты все прояснила в прошлом цикле.

Тихо плескала вода. Блики плыли по столу, по лицу матери.

— А еще вопросы есть?

— Может, сама расскажешь? — отозвался я.

Я ощутил ее взгляд и встретил его прямо.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — удивилась она.

— Тебе известно, что Логрус — разумен? И Путь — тоже?

— Это тебе Мэндор поведал?

— Да. Но я знал уже до него.

— Откуда же?

— Они вступали со мной в контакт.

— Ты и Путь? Или ты и Логрус?

— Оба.

— С какой целью?

— Манипуляции, я бы выразился. Они борются за власть и просили меня определиться.

— Чью же сторону ты выбрал?

— Ничью.

— Тебе следовало рассказать мне.

— Зачем?

— Посоветоваться. Возможно, я бы помогла тебе.

— Одолеть космические силы? Как тесно ты с ними связана, мама?

Она улыбнулась:

— Не исключено, что некто вроде меня может обладать особыми знаниями.

— Некто вроде тебя?

— Чародейка моих способностей.

— Насколько же ты хороша?

— Не думаю, что значительно им уступаю, Мерлин.

— Семья всегда узнает последней, так получается? И почему ты не обучала меня сама, вместо того чтобы отсылать к Сухаю?

— Я плохой учитель. Мне не нравится наставлять людей.

— Ты учила Джасру.

Она склонила голову вправо и сощурила глаза.

— Тоже Мэндор рассказал?

— Нет.

— Тогда кто?

— Какое это имеет значение?

— Большое, — ответила мать. — Потому что я не верю, что ты знал это во время нашей последней встречи.

Я вдруг вспомнил, что там, у Сухая, она говорила о Джасре что-то, подразумевающее их близость, и я обязательно бы отреагировал, если бы не тащил груз предубеждений и не летел в самую грозу с горы под дикий визг тормозов. Я уж собирался осведомиться, какое имеет значение, когда я узнал это, как сообразил, что мать действительно интересуется, от кого я узнал, ибо ее заботит, с кем я мог говорить о таких вещах с момента нашей последней встречи.

Ссылаться на Люкова призрака Пути показалось мне неблагоразумным, потом я ответил:

— Ну ладно, ладно. Мэндор оговорился, а потом попросил меня молчать.

— Другими словами, — подытожила она, — он ожидал, что слух вернется ко мне. Зачем же ему понадобилось так себя вести? Поразительно, до чего же он коварен.

— Может, и вправду просто оговорился?

— Мэндор никогда не оговаривается. Никогда не будь ему врагом, сын.

— Неужели мы говорим об одном и том же Мэндоре?

Мать щелкнула пальцами.

— Конечно, ты знал его лишь ребенком. Потом ты покинул Дворы и с тех пор видел своего брата всего несколько раз. Да, он коварен, хитер, опасен.

— Мы всегда отлично ладили.

— Разумеется. Он никогда не враждует по пустякам.

Я пожал плечами и вернулся к еде.

Через какое-то время мать сказала:

— Осмелюсь предположить, что меня он охарактеризовал подобным же образом.

— Ничего подобного не припоминаю, — ответил я.

— Он дал тебе еще и уроки осмотрительности?

— Нет, хотя недавно я и почувствовал необходимость ей поучиться.

— Несомненно, в Амбере ты приобрел некую ее толику.

— Если так, то столь малую, что я и не заметил.

— Ну-ну. Может, я не буду больше приносить тебе огорчения?

— Сомневаюсь.

— И все же что хотели от тебя Путь и Логрус?

— Я говорил тебе — чтобы я принял чью-либо сторону.

— Так трудно — решить, кого ты предпочитаешь?

— Так трудно — решить, кто меньше не нравится.

— Потому что они, как ты выразился, манипулируют нами в своей борьбе за власть?

— Именно.

Мать рассмеялась:

— Это выставляет богов не в лучшем свете, чем нас, прочих. Зри здесь истоки человеческой морали. Что все же лучше, чем совсем ничего. Если эти причины недостаточны для выбора, руководствуйся другими соображениями. Ты, в конце концов, сын Хаоса.

— И Амбера, — добавил я.

— Ты вырос во Дворах.

— Но жил в Амбере. Там у меня родичей не меньше, чем здесь.

— Все действительно так просто?

— Если бы не это, было бы значительно проще.

— В таком случае ты должен взглянуть по-иному.

— Что ты имеешь в виду?

— Смотри не на то, кто больше всего взывает к тебе, а кто больше всего делает для тебя.

Я попивал прекрасный зеленый чай, в то время как шторм подкатывал все ближе. Что-то плескалось в водах нашей бухты.

— Прекрасно, — кивнул я. — И кто же это?

Мать с улыбкой наклонилась вперед, и глаза ее потемнели. Она всегда превосходно контролировала свое лицо и всю внешность и меняла их по собственной прихоти. Она вроде оставалась той же, но временами казалась совсем девчонкой или вдруг превращалась в интересную зрелую женщину. Обычно же останавливалась где-то между двумя этими ипостасями.

Но сейчас ее лицо приобрело какие-то вечные, вневременные черты — не столько возраста, сколько сущности Времени, — и я вдруг понял, что никогда не знал ее истинный возраст. Лицо матери будто подернулось пеленой некоего древнего могущества.

— Логрус, — сказала она, — приведет тебя к славе.

Я не отрывал от нее пристального взгляда.

— Какого рода славе?

— А какой ты желаешь?

— Не знаю, хотел ли я вообще когда-нибудь славы как таковой. Это все равно что хотеть быть инженером больше, чем хотеть что-то сконструировать, или хотеть быть писателем больше, чем хотеть писать. Слава — побочный эффект, а не вещь в себе. В противном случае это просто самовозвеличивание.

— Но если ты заслуживаешь ее... если ты достоин — разве ты не должен обладать ею?

— Вероятно. Но пока я ничто. — Мой взгляд упал на яркий круг света в глубине темных вод, будто убегающий от шторма. — Вот только лишним багажом разжился — в голове, — который мог бы попасть под эту категорию.

— Конечно, ты молод, но времена, для которых ты был предназначен и уникально подготовлен, наступают раньше, чем я ожидала.

Обидится ли она, если я наколдую себе чашечку кофе? Думаю, да, обидится. Что ж, пусть будет бокал вина. Налив себе и сделав глоток, я сказал:

— Боюсь, не понимаю, куда ты клонишь.

Мать кивнула и медленно проговорила:

— Тебе трудно было что-то выяснить, копаясь в собственной душе, а рядом не нашлось никого настолько опрометчивого, чтобы намекнуть тебе на иную возможность.

— О чем ты?

— О троне. О господстве во Дворах Хаоса.

— Мэндор выказывал некий интерес к тому, что я думаю по этому поводу.

— Прекрасно. Никто, кроме Мэндора, не оказался бы столь непредусмотрителен, чтобы упоминать при тебе об этом.

— Я прихожу к выводу, что матерям доставляет безумное наслаждение видеть своих сыновей живущими по материнским правилам. К сожалению, ты говоришь о деле, для которого у меня недостает не только опыта, способностей и подготовки, но еще и мало-мальского желания.

Она растопырила пальцы и поверх них разглядывала меня.

— Ты пригоден более, чем думаешь, а твои желания ничего в этом деле не значат.

— Как сторона заинтересованная, я позволю себе не согласиться.

— Даже если бы это оказалось единственной возможностью защитить друзей и родичей и здесь, и в Амбере?

Я сделал еще глоток вина.

— Защитить? От чего?

— Путь близок к тому, чтобы попытаться преобразить срединные области Тени по своему подобию. Он, вероятно, достаточно силен.

— Ты говорила об Амбере и о Дворах, а не о Тени.

— Логрус будет сопротивляться вторжению. Так как он, по-видимому, проиграет в прямом столкновении со своим противником, то будет наносить удары по Амберу через своих агентов. Наиболее эффективны из них, разумеется, бойцы Дворов...

— Это безумие! — воскликнул я. — Должен быть лучший выход!

— Возможно, — отозвалась мать. — Прими трон, и тогда приказывать будешь ты.

— Я знаю недостаточно.

— Тебя проинструктируют, разумеется.

— А как насчет надлежащего порядка наследования?

— Это не твоя проблема.

— Я все же думаю, что могу проявить интерес к тому, как достигается цель... Скажи, большинством смертей я обязан тебе или Мэндору?

— Вопрос праздный, если учесть, что мы оба Саваллы.

— Ты имеешь в виду, что здесь вы заодно?

— У нас есть разногласия, — сказала она. — Все, подводим черту под дискуссиями о методах.

Я вздохнул и выпил еще. Шторм крепчал над темными водами. Если тот странный свет под водой действительно Призрачное Колесо, то интересно, зачем он пришел?

Молнии стали сплошным фоном, гром — постоянным звуковым сопровождением.

— Что ты имела в виду, — спросил я, — когда говорила о временах, для которых я предназначен и подготовлен?

— Настоящее и ближайшее будущее, — ответила мать, — с грядущим конфликтом.

— Нет, — сказал я. — Я имел в виду «предназначен и уникально подготовлен». Это как?

Должно быть, молнии так осветили ее лицо, ведь раньше я никогда не видел, как она краснеет.

— В тебе соединились две великие родословные, — сказала мать. — Фактически твой отец был королем Амбера, пускай и недолго, между правлением Оберона и Эрика.

— Поскольку Оберон был жив в то время и не отрекался от престола, ничья власть не могла считаться законной, и Рэндом — законный наследник Оберона.

— Та ситуация как раз и заключала в себе отречение, — возразила она.

— Вот какое толкование ты предпочитаешь, не правда ли?

— Конечно.

Я понаблюдал за грозой. Глотнул вина.

— И по этой причине ты пожелала выносить ребенка Корвина?

— Логрус уверил меня, что именно это дитя можно идеально подготовить для здешнего правления.

— Но папа никогда не значил для тебя слишком много, не так ли?

Она смотрела туда, где круг света теперь мчался по направлению к нам, а по пятам за ним следовали сверкающие молнии.

— У тебя нет права задавать этот вопрос.

— Я знаю. Но это правда, не так ли?

— Ты ошибаешься. Он очень много значил для меня.

— Но не в обычном смысле слова.

— А я не обычная личность.

— А я — результат эксперимента по выведению породы. Логрус отобрал самца, который бы дал тебе — что?

Круг подплыл совсем близко. Шторм настигал его, подойдя к берегу ближе любого, виденного мною до этого.

— Идеального повелителя Хаоса, — ответила мать, — способного править.

— Почему-то мне кажется, что было нечто большее, — сказал я.

Уворачиваясь от молний, яркий круг вышел из воды и помчался по песку прямо к нам. Если мать и откликнулась на мои последние слова, я не расслышал. Удары грома оглушали.

Огонек забрался на помост и остановился у моей ноги.

— Папа, ты можешь защитить меня? — спросил Призрак в промежутке между ударами грома.

— Лезь мне на левое запястье, — предложил я.

Дара следила за тем, как он принял облик Фракир и очутился на моей руке. Тем временем заключительная вспышка молнии не исчезла, а застыла пылающим зигзагом у кромки воды. Затем свернулась в шар, который несколько мгновений парил в воздухе, прежде чем двинуться в нашем направлении. По мере приближения его структура менялась.

Подплыв к нашему столу, он уже стал ярким, трепещущим Знаком Логруса.

— Принцесса Дара, принц Мерлин, — донесся тот ужасающий голос, что я слышал последний раз в день противостояния в замке Амбера. — Я не желал нарушать вашу трапезу, но тот предмет, что вы приютили, сделал это необходимым.

Зубчатое щупальце Знака Логруса вытянулось в направлении моего запястья.

— Он не дает мне смыться, — пожаловался Призрак.

— Отдайте его мне! — продолжал голос.

— Почему? — осведомился я.

— Этот предмет пересек Логрус, — послышались слова, отличающиеся кажущейся произвольностью высоты, силы, произношения.

Мне пришло в голову, что можно попытаться оказать неповиновение, коль я действительно так ценим Логрусом, как утверждала Дара. Что ж...

— Теоретически Логрус открыт для всех пришельцев, — возразил я.

— Я — сам себе закон, Мерлин, а твое Призрачное Колесо пересекало меня и раньше. Теперь я завладею им.

— Нет, — отрезал я, направляя сознание в спикард, разыскивая и оценивая способы мгновенного перемещения в область, где правит Путь. — Я так покорно не откажусь от своего творения.

Знак вспыхнул ярче. Тут Дара вскочила на ноги и встала между мною и им.

— Подожди! — воскликнула она. — У нас есть более важные дела, нежели мстить игрушке. Я отправила моих кузенов Хендрейков за невестой Хаоса. Если ты желаешь, чтобы план увенчался успехом, советую помочь им.

— Я помню твой план для принца Брэнда, когда Джасра должна была поймать его в ловушку. Он не мог провалиться, говорила ты мне.

— Тогда ты был ближе к власти, которой так жаждешь, ближе, чем когда-либо, старый Змей.

— Это правда, — признал он.

— Да и обладатель Ока — существо попроще Джасры.

Знак скользнул мимо нас — крошечное солнце, складывающееся в непрерывную последовательность символов.

— Мерлин, примешь ли ты трон и послужишь ли мне, когда придет время?

— Я сделаю все необходимое, чтобы восстановить равновесие сил.

— Я не о том спрашиваю! Примешь ли ты трон на моих условиях?

— Если это нужно для дела, — ответил я.

— Это мне нравится, — сказал он. — Оставь себе свою игрушку.

Дара отступила в сторону, и Знак, перед тем как расплыться, проследовал мимо нее.

— Спроси его о Люке и Корвине и о новом Пути, — сказал он и был таков.

Мать повернулась и внимательно посмотрела на меня.

— Налей мне бокал вина, — попросила она.

Я налил. Она подняла бокал и глотнула.

— Итак, расскажи мне о Люке, Корвине и новом Пути.

— Расскажи мне о Джасре и Брэнде, — парировал я.

— Нет. Первым будешь ты.

— Хорошо. Оставим то, что оба они оказались призраками Пути. Когда я направлялся сюда, передо мной предстал Люк, посланный Путем, чтобы уговорить меня покинуть это место. Логрус послал призрак лорда Бореля, чтобы расправиться с Люком.

— Люк — то есть Ринальдо, сын Джасры и Брэнда, муж Корэл и король Кашфы?

— Совершенно верно. Теперь расскажи мне обо всем этом подробно. Ты велела Джасре подловить Брэнда и повести его по избранному им пути?

— Он в любом случае последовал бы ему. Он прибыл во Дворы в поисках силы, содействующей его целям. Джасра лишь слегка упростила его задачи.

— Для меня это выглядело иначе. Выходит, проклятие моего отца не явилось действительной движущей силой?

— Нет, в метафизическом смысле оно помогло протянуть Черную дорогу в Амбер. Почему ты по-прежнему здесь, хотя король Ринальдо предложил тебе удалиться? Преданность Дворам?

— У меня была назначена встреча с тобой за ленчем, и она еще продолжается. Жалко было пропускать.

Мать чуть-чуть улыбнулась и отхлебнула вина.

— Ты ловко меняешь тему разговора!.. Давай все же вернемся. Призрак Бореля разделался с призраком Люка, так я поняла?

— Не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Тут как раз обнаружился призрак моего отца и дал нам возможность скрыться.

— Опять? Корвин снова взял верх над Борелем?

Я кивнул:

— И никто из них не вспомнил первый поединок, разумеется. Их память доходит только до времени записи, и...

— Я понимаю принцип. Что дальше?

— Мы сбежали, а затем я прибыл сюда.

— Что имел в виду Логрус, спрашивая о новом Пути?

— Мой отец, очевидно, был рожден там, а не в старом.

Мать выпрямилась, глаза ее расширились.

— Как ты узнал это?

— Он мне рассказал.

Она уставилась на утихшее море.

— Итак, тут действительно замешана третья сила, — задумчиво пробормотала она. — Очаровательно! Возмутительно! Будь проклят тип, начертавший новый Путь!

— Ты действительно так его ненавидишь?

Ее глаза вновь сосредоточились на моей персоне.

— Оставь Корвина в покое! — приказала Дара. — За исключением вот чего, — исправилась она секундой позже. — Намекнул ли он тебе что-нибудь о лояльности нового Пути... или о его намерениях? Тот факт, что новый Путь послал Корвина защитить Люка, можно рассматривать как поддержку действий старого Пути. С другой стороны — то ли потому, что он создан твоим отцом, то ли потому, что имеет относительно тебя собственные виды, — это можно расценить как усилия для твоей защиты. Что он сказал?

— Что хочет умыкнуть меня оттуда.

Она кивнула:

— Чего он, очевидно, и добивался. Говорил он что-нибудь еще? Случилось ли что-нибудь важное?

— Он спрашивал о тебе.

— Правда? И это все?

— Специального послания у него не было, если ты это имеешь в виду.

— Ясно.

Мать отвернулась, некоторое время царило молчание. Затем она произнесла:

— Эти призраки недолговечны, не так ли?

— Да.

— Я просто в ярости, — наконец сказала она. — Вопреки всему, Корвин по-прежнему способен вести свою игру.

— Отец жив, не так ли, мать? И тебе известно, где он.

— Не я его тюремщик, Мерлин.

— А я думаю, что ты.

— Какая наглость! Как ты смеешь подозревать меня?!

— Приходится, — вздохнул я. — Я провожал его до Дворов. Несомненно, он желал прибыть туда вместе с прочими лордами Амбера для заключения мирного договора. Но еще больше он хотел увидеть тебя. У него было столько вопросов: откуда ты взялась, зачем пришла к нему, почему ушла таким образом...

— Хватит! — крикнула мать. — Оставь это!

Я пренебрег приказом:

— И мне известно, что он был здесь, во Дворах. Его видели здесь. Отец разыскивал тебя. Что случилось после? Какие ответы он получил от тебя?

Она вскочила, на этот раз яростно сверля меня глазами.

— Все, Мерлин! Мне кажется невозможным поддерживать с тобой цивилизованную беседу.

— Он твой пленник, мать? Ты заперла его в каком-то месте, откуда он не может побеспокоить тебя, помешать твоим планам?

Почти спотыкаясь, она отошла от стола.

— Отвратительный ребенок! Ты совсем как он! Почему ты так похож на него?

— Ты боишься его, не так ли? — сказал я, неожиданно осознав, что в этом-то все и дело. — Ты боишься убить принца Амбера, даже имея Логрус на своей стороне. Ты держишь его взаперти и боишься, что он вырвется на свободу и не даст

осуществиться твоим последним замыслам. Ты перепутана тем, что совершаешь, держа его в бездействии.

— Абсурд! — вскричала мать, отступая, в то время как я огибал стол. Теперь ее лицо выражало неподдельный ужас. — Это все твои домыслы! Он мертв, Мерлин. Убирайся! Оставь меня одну! Никогда больше не произноси при мне его имя! Да, я ненавижу его! Он бы всех нас уничтожил, если б мог!

— Он не умер, — заявил я.

— Откуда ты взял?

Я подавил в себе желание поведать ей о том, что говорил с ним.

— Только виновный протестует так страстно, — сказал я. — Отец жив. Где он?

Она подняла руки, ладонями к себе, и скрестила их на груди, опустив локти. Страх отступил, и гнев тоже. Когда она снова заговорила, в ее словах звучала издевка:

— Тогда ищи его, Мерлин. Любыми средствами ищи его.

— Где?

— Поищи его в Преисподней Хаоса.

У левой ноги матери появилось пламя и, подымаясь спиралью, оставляя за собой линию полыхающего красным огня, стало охватывать ее против часовой стрелки. Когда оно достигло темени, Дара совершенно скрылась в огне. Затем пламя исчезло со слабым свистом, забрав с собой мою мать.

Я подался вперед и встал на колени, ощупывая место, где она стояла. Чуть-чуть теплое, вот и все. Славное заклинание. Меня никто не учил такому. Поразмыслив, я вообразил, что мама всегда обладала исключительными способностями, когда дело касалось приходов и уходов.

— Призрак?

Он соскочил с моего запястья и завис передо мной в воздухе.

— Да?

— Ты по-прежнему заблокирован от прохода через Тень?

— Нет. Блок пропал сразу, как исчез Знак Логруса. Я могу путешествовать в Тени и обратно. Могу обеспечить и твое перемещение. Хочешь?

— Да. Доставь меня в верхнюю галерею.

— Галерею? Из зала Логруса я погрузился прямо в темное море, папа. Я не вполне уверен, где здесь можно пробивать землю.

— Пустяки, — сказал я. — Это я сам устрою.

Я активировал спикард. Энергия, исходящая из его шестизубцев, обволокла нас с Призраком, закрутила и подняла вверх, к указанному мною месту в Лабиринте Искусств. Я пытался устроить вспышку пламени в момент нашего ухода, но не было возможности узнать, добился ли я успеха. Удивляешься, как же тренируются настоящие умельцы.

VII

Я доставил нас в тот жуткий зал, что всегда был источником наслаждения для старого главы пределов Савалла. Это был сад скульптур, не имеющий внешних источников света; лишь снизу освещались огромные глыбы, делавшие его в не-

сколько раз темнее, чем пожелал бы я для своего любимого уголка. Пол был неровный — вогнутый, выпуклый, ступенчатый, щербатый, — с доминирующей впадиной. Трудно было определить величину зала, ибо его размеры и очертания словно менялись в зависимости от угла зрения. Грэмбл, лорд Савалла, добился, чтобы зал построили без единой плоской поверхности, и я не сомневаюсь, что работу эту осуществил уникальный мастер теней.

Я стоял возле чего-то напоминающего запутанный такелаж, лишенный корабля, а может, замысловатый музыкальный инструмент, пригодный для того, чтобы на нем бренчали титаны; и свет обращал линии в серебро, бегущее, будто живое, из тьмы во тьму внутри наполовину угадываемой оболочки. Другие части выступали из стен и свисали, как сталактиты. Пока я бродил, то, что казалось стенами, стало для меня полом. Сегменты, что мыслились стоящими на полу, теперь располагались по сторонам. Комната на глазах поменяла очертания, через нее потянуло ветром, вызвавшим вздохи, гул, уханье, перезвоны...

Грэмбл, мой отчим, испытывал истинное удовольствие, находясь в этом зале, тогда как мне зал долгое время представлялся неким упражнением в неустрашимости перед опасностями, ждущими за его порогом. Впрочем, когда я подрос, то сам стал получать от него удовольствие, отчасти вызванное тем редким трепетом предвкушения, что давал он моей юности. И даже теперь...

Теперь я просто хотел побродить здесь несколько мгновений во имя прошлого и разобраться в собственных мыслях. А их было чертовски много. Те вопросы, что мучили меня большую часть взрослой жизни, сейчас казались близки к разъяснению. Я не испытывал радости от всех этих возможностей, которые порождались ответами, роившимися у меня в голове. Впрочем, вне зависимости от того, какие из них возьмут верх, с неведением будет покончено.

— Папа...

— Да?

— Что это все же за место? — спросил Призрак.

— Это часть огромной коллекции произведений искусства, которой славятся пределы Савалла, — объяснил я. — Увидеть ее приходят из Дворов и из ближних Теней. Эта коллекция была страстью моего отчима. Мальчишкой я проводил уйму времени, блуждая по этим залам. Здесь множество потайных коридоров.

— А эта комната? В ней что-то неправильно.

— И да и нет, — сказал я. — Полагаю, все зависит от того, что подразумевать под словом «неправильно».

— Я испытываю сейчас какие-то непонятные ощущения.

— Это потому, что пространство здесь свернуто вовнутрь, будто в какой-то странной разновидности оригами*. Зал гораздо больше, чем кажется. Ты можешь бродить по нему много раз и все время обнаруживать другой набор экспонатов. Здесь возможен даже какой-то внутренний ход событий. Не берусь сказать точно. Только Савалл знал наверняка.

— Я был прав. Что-то здесь неправильно.

— А мне, скорее, нравится.

Я присел на серебряный пень у раскидистого серебряного дерева.

— Я хочу увидеть, как это он сворачивается, — наконец промолвил Призрак.

— Иди вперед.

Когда он отплыл, я задумался о недавней беседе с моей матерью. Я припомнил все, что сказал или подразумевал Мэндор, все о конфликте между Путем и Логрусом, о моем отце как защитнике Пути и предполагаемом короле Амбера. Знала ли она это, знала ли как факт, а не предмет для размышлений? Наверное, могла знать, так как, очевидно, имела особые отношения с Логрусом, а тот уж точно знал о намерениях своего противника.

Она признала, что не любила его. Кажется, она добивалась его ради хоть какого-то генетического материала, запечатлевшего Путь. Действительно ли она пыталась породить бойца для Логруса?

Я фыркнул, подумав о результате. Мать считала меня хорошо обученным воином, мне же было далеко до отца. Я предпочитал колдовство, но последнее во Дворах ценилось в пятачок за пучок. Наконец, она отправила меня в колледж на теневую Землю, столь любимую жителями Амбера. Однако ученая степень в области компьютерной техники тоже не особенно подготовила меня к тому, чтобы поднять знамя Хаоса против сил Порядка. Наверное, я явился для нее горьким разочарованием.

Я снова вспомнил свое детство, некоторые странные приключения, отправной точкой для которых послужило это место. Мы приходили сюда с Гриллом. Глайт скользила у наших ног, обвивала руки или пряталась где-то в одеждах. Я издавал тот необычный тоскливый вой, которому научился во сне, и иногда к нам присоединялся Кергма, несясь складками тьмы из каких-то лохмотьев скрученного пространства. Я никогда, по сути, не знал, кто он такой, даже какого он рода, ибо Кергма был изменчив обликом: он летал, ползал, скакал или бегал в огромной череде самых занимательных форм.

Поддавшись внезапному порыву, я издал тот древний клич... Ничего, конечно, не случилось, и я тут же понял, почему закричал: то был плач по ушедшему детству, когда я хотя бы ощущал себя нужным. Теперь... теперь я был ничто — ни житель Амбера, ни житель Хаоса и, разумеется, сплошное разочарование для родственников с обеих сторон. Я оказался неудачным экспериментом. Я никогда не был нужен сам по себе, а только как нечто, способное произойти... Неожиданно глаза мои увлажнились, и я с трудом сдержал рыдания.

Но мне не суждено было узнать, в какую тоску я способен сам себя ввергнуть, потому что потом меня отвлекли.

Сверкнула вспышка красного света в точке на верху стены слева от меня и озарила маленький круг у ног человеческой фигуры.

— Мерлин! — воззвал голос оттуда.

Языки пламени прыгнули выше. В их отблеске я увидел то знакомое лицо, что слегка напоминало мое собственное, и обрадовался смыслу, что внесло оно в мою жизнь, даже если смыслом этим была смерть.

Я поднял левую руку над головой и вызвал вспышку синего света из спикарда.

— Давай сюда, Джарт! — позвал я, вскакивая на ноги.

Я принялся создавать шар света, что должен был отвлечь его внимание, пока я готовлю электрический стул. По зрелом размышлении это казалось мне самым верным способом выбить Джарта из строя. Я потерял счет его покушениям на мою жизнь и решил завладеть инициативой, когда он в следующий раз явится по мою душу. Вскипятить его нервы — вот оптимальный способ остудить Джарта, несмотря на то, что сделал с ним Фонтан.

— Давай сюда, Джарт!

— Мерлин! Я хочу поговорить.

— А я — нет. Мы так часто пытались выяснить отношения, что мне больше нечего сказать. Давай иди сюда и покончим с этим — оружием, руками, колдовством. Мне все равно.

Он поднял обе руки, показывая ладони, и крикнул:

— Перемирие! Было бы опрометчивым разбираться здесь, в пределах Савалла.

— Только не надо лживых увещеваний, братец! — закричал я. И тут же сообразил, что, возможно, в его словах что-то есть. Я вспомнил, как много значило для него одобрение старика, и осознал, что ему бы очень не хотелось делать что-то враждебное Даре здесь, в этом помещении. — Чего ты хочешь, в конце концов?

— Поговорить.

— Встретимся вон там. — Я бросил шарик света, чтобы указать на знакомое сооружение: огромный карточный домик, построенный из стекла и алюминия; сотни его плоскостей сияли и искрились.

— Отлично, — донеслось в ответ.

Я вошел в карточный домик так, чтобы нас разделял лишь угол конструкции. И тут же увидел шесть своих отражений.

— Почему здесь? — раздался неподалеку голос братца.

— Это сооружение обеспечит массу хитроумных трюков, чтобы предохранить нас от взаимных увечий.

Я повернул за угол, и меня стало еще больше. Чуть погодя Джарт резко вздохнул, потом тихо рассмеялся.

— Начинаю понимать, — прозвучал его голос.

— Итак, о чем ты хотел поговорить? — спросил я.

— Мне известно, что вы с мамой недавно обедали. Мы только что мельком виделись. Ты ее расстроил.

— Что ж, она меня тоже не слишком осчастливила.

Я завернул за следующий угол, прошел через дверь, и в этот момент передо мной мелькнула его слабая улыбка.

— Иногда она такова, знаю, — промолвил Джарт. — Она утверждает, что на десерт к вам пожаловал Логрус.

— Да.

— И говорит, что на трон он выбрал тебя.

Надеюсь, Джарт увидел, как я пожимаю плечами.

— Вроде бы так. Только я не хочу.

— Но ты обещал подчиниться.

— Если не будет другого способа восстановить равновесие сил. Такому ходу событий я подчинюсь в самую последнюю очередь. И я уверен, что до этого не дойдет.

— Но он выбрал тебя.

Снова пожатие плечами.

— Тмер и Таббл стоят передо мной.

— Не имеет значения. Ты знаешь, что к трону стремился я.

— Знаю. Довольно неудачный выбор профессии.

Неожиданно он окружил меня.

— Теперь я согласен. Я шел этим путем, но только до того, как был назван ты. Я думал, что при каждой нашей встрече имею перевес, и каждый раз ты подходил чуть ближе к тому, чтобы убить меня.

— И каждая встреча была все гнуснее.

— В тот последний раз, в храме в Кашфе, я был уверен, что смогу наконец уничтожить тебя. Вместо этого я едва не погиб от твоей руки.

— Предположим, Дара или Мэндор уберут Тмера и Таббла. Ты знал, что обо мне должен позаботиться сам, но как насчет Деспила?

— Он бы уступил мне.

— Ты его спрашивал?

— Нет. Но я уверен.

Я продолжил:

— Ты всегда брал на себя слишком много, Джарт.

— Возможно, — сказал он, появляясь и вновь исчезая. — Так или иначе, это уже не имеет значения.

— Почему?

— Я — пас. Больше я не участвую в гонке. Черт с ней.

— С чего вдруг?

— Даже если бы Логрус не прояснил своих намерений, я все равно начал нервничать. Не то чтобы боялся, что ты убьешь меня, просто я задумался о себе и о престолонаследии. Что, если я добьюсь трона? Я не уверен, как прежде, что отвечаю всем требованиям к истинному правителю.

Я снова повернул, мельком заметив Джарта, облизывающего губы, нахмурившего брови.

— Государственный деятель!.. Я мог бы наворотить дел, — продолжил он, — не имей я доброго совета. А тебе известно, что в конце концов такой совет последовал бы от Мэндора или Дары. В конце концов я оказался бы марионеткой в их руках, не так ли?

— Возможно. Но вот что любопытно... Когда ты начал приходить к такому выводу? Не после ли омовения в Фонтане? Выходит, мое вмешательство подвигло тебя на верный курс?

— Не исключено, — сказал он. — Теперь я рад, что не пошел до конца. Подозреваю, это могло свести меня с ума, как Брэнда. Но могло быть и не так. Или... Нет, я не знаю.

Стояла тишина, пока я бочком пробирался по коридору, а мои головоломные отражения держали шаг с обеих сторон.

— Она не хочет, чтобы я убил тебя, — наконец выпалил Джарт откуда-то справа.

— Джулия?

— Да.

— Как она?

— Поправляется, довольно быстро.

— Она здесь, в пределах Савалла?

— Да.

— Послушай, я был бы рад увидеть ее. Но если она не хочет, я пойму. Нанося удар по Маске, я не знал, что это она, и сожалею.

— Джулия никогда по-настоящему не хотела навредить тебе. У нее раздор с Джасрой, а с тобой была сложная игра. Она лишь пыталась доказать, что не хуже, а может быть, и лучше, чем ты. Она хотела показать тебе, чем ты пренебрег.

— Сожалею, — снова пробормотал я.

— Прошу, скажи мне только одно, — произнес Джарт. — Ты любил ее? Ты когда-нибудь любил ее по-настоящему?

Я не сразу дал ответ. В конце концов, я много раз сам задавал себе этот вопрос и подолгу ждал ответа.

— Да, — наконец кивнул я. — Хотя и не сознавал этого, пока не стало слишком поздно. Такое вот несовпадение. — Чуть погодя я спросил: — А как насчет тебя?

— Я не намерен совершать ту же ошибку, — отозвался он. — Именно Джулия заставила меня задуматься обо всем...

— Понимаю. Если она не захочет видеть меня, передай, пожалуйста, что мне очень жаль.

Ответа не последовало. Я постоял какое-то время неподвижно, ожидая, что он догонит меня, потом крикнул:

— Хорошо. Наша дуэль окончена, насколько я понимаю.

И двинулся дальше. Немного погодя я дошел до выхода и переступил порог. Джарт стоял снаружи, разглядывая массивный фарфоровый фасад.

— Хорошо, — кивнул он.

Я подошел ближе.

— Есть еще кое-что... — сказал он, по-прежнему не глядя на меня.

— Вот как?

— По-моему, они передергивают.

— Кто? Как? Зачем?

— Мама и Логрус, — сообщил он. — Чтобы посадить тебя на трон. Кто невеста Хаоса?

— Должно быть, Корэл. По крайней мере, Дара так ее назвала. А что?

— В прошлом цикле я подслушал, как она отдает приказы некоторым из своих хендрейкских родичей. Она послала специальную команду, чтобы похитить эту женщину и доставить сюда. У меня создалось впечатление, что Корэл предназначена тебе в королевы.

— Нелепо! — возразил я. — Она замужем за моим другом Люком. Она королева Кашфы...

Джарт пожал плечами:

— Всего лишь сообщаю тебе то, что сам услышал. Это было связано с вопросом о восстановлении равновесия.

Ну и ну. Расчет безупречный: вместе с Корэл Дворы автоматически получают Камень Жребия, или Око Змея, как его здесь называют, и равновесие при этом явно смещается. Потеря для Амбера — выигрыш для Дворов. Достаточно добиться моей цели — согласия Корэл, и катастрофа будет надолго отложена.

Нет, слишком безнравственно, чтобы я допустил это. Бедная девочка и так довольно натерпелась из-за того, что ей довелось быть в Амбере в плохое время и испытать ко мне симпатию. Можно, конечно, обратиться к отвлеченной философии и решить: да, это нормально — принести одну невинную жертву ради бла-

га многих. Так рассуждали в колледже, как-то связывая это с основными законами существования. Но Корэл — моя подруга, моя кузина и в некотором смысле любовница, хотя при таких обстоятельствах, которые трудно принимать во внимание; да и быстрая проверка чувств, настолько быстрая, чтобы вновь неожиданно не попасться, показала, что я способен влюбиться в нее. Все это означало, что философия еще на круг отстала от реального мира.

— Давно она отправила этих людей, Джарт?

— Не знаю, когда они отправились... и даже отправились ли уже, — отозвался он. — Но, учитывая разницу во временном масштабе, они вполне могли уехать и уже вернуться, сделав дело.

— Действительно, — сказал я и добавил: — Вот дерьмо!

Он повернулся и посмотрел на меня:

— Это важно и при всех других раскладах, полагаю?

— Для нее, а она важна для меня, — ответил я.

В его голосе послышалось замешательство:

— В таком случае почему бы просто не позволить доставить ее тебе? Если ты сядешь на трон, это подсластит пилюлю. Если нет, ты в любом случае будешь с ней.

— Чувства трудно держать в тайне даже среди неколдунов, — сказал я. — Корэл могут использовать как заложницу, чтобы приструнить меня.

— Ох... Неловко говорить, что это меня радует. То есть я имею в виду... рад, что ты еще о ком-то беспокоишься.

Я опустил голову. Мне захотелось протянуть руку и коснуться брата, но я не стал этого делать.

Джарт негромко помычал, как иногда делал ребенком, когда что-то обдумывал. Затем произнес:

— Мы должны добраться до нее раньше, чем они, и переправить ее в какое-нибудь безопасное место. Или умыкнуть, если девушка уже у них.

— Мы?

Он улыбнулся — событие исключительное.

— Ты знаешь, на что я способен. Я — крутой.

— Надеюсь, что так. А тебе известно, что произойдет, если какие-нибудь свидетели заявят, будто за этим стоит парочка братьев Саваллов? Наиболее вероятно — вендетта с Хендрейками.

— Даже если их втянула в это Дара?

— Получится, будто она подстрекала их.

— Отлично, — заявил Джарт. — Никаких свидетелей.

Я мог сказать, что предотвратить вендетту — значит сохранить множество жизней, но это прозвучало бы ханжески, даже если я не имел в виду ничего такого. Поэтому я лишь произнес:

— Та сила, что ты обрел в Фонтане, дает тебе нечто, именуемое, по слухам, эффектом живой карты. Похоже, что с его помощью ты оказался способен переместить Джулию, как самого себя.

Он кивнул.

— Возможно ли быстренько доставить нас в Кашфу?

Отдаленный звук чудовищного гонга наполнил воздух.

— Я могу все, что могут карты, — сказал Джарт. — И могу захватить с собой кого угодно. Единственная проблема, что карты не одолеют столь обширное пространство за раз. Попробуем перенестись несколькими прыжками.

Снова прозвенел гонг.

— Что происходит? — спросил я.

— Уведомление о близком начале погребальной церемонии. Его должны слышать по всем Дворам.

— Не вовремя.

— Это как посмотреть. Есть у меня одна идея...

— Расскажи.

— У нас будет алиби, если мы выведем из игры нескольких Хендрейков.

— То есть?

— Перепад времен. Мы отправляемся на погребение и мельтешим там. Потом ускользаем, бежим по своим делам, возвращаемся и присутствуем на завершении церемонии.

— Думаешь, течение времени позволит нам?

— Думаю, да, есть неплохой шанс. Я тут вокруг довольно напрыгался и начинаю по-настоящему чувствовать потоки.

— Тогда давай попробуем. Чем больше путаницы, тем лучше.

Снова гонг.

Красный — цвет жизненного пламени, что наполняет нас, — во Дворах считался цветом траурных нарядов. Я предпочел спикард Знаку Логруса, дабы потребовать себе приличествующее одеяние. Сейчас хотелось избежать любого общения, пусть самого светского, с этой силой.

Затем Джарт с помощью карт перенес нас в свои апартаменты, где у него хранились оставшиеся с предыдущих похорон надлежащие одежды. У меня возникло слабое желание увидеть свою комнату. Когда-нибудь, возможно, когда не будет такой спешки...

Мы быстро умылись, причесались, оделись. Затем я, как и Джарт, изменил облик, и мы повторили ритуал уже на этом уровне, прежде чем одеться соответственно случаю. Рубаха, бриджи, куртка, плащ, ножные браслеты, ручные браслеты, шарф и пестрый шелковый платок — мы выглядели замечательно. Оружие следовало оставить. По пути мы собирались вернуться за ним.

— Готов? — спросил Джарт.

— Да.

Он схватил меня за руку, и мы переместились, прибыв ко внутреннему краю Плаца-на-Краю Света, где синее небо темнело от пламени факелов, колышущихся вдоль всего маршрута процессии. Мы прошли мимо плакальщиков, в надежде попасться на глаза многим. Меня приветствовали старые знакомые. К несчастью, большинство норовили остановить меня и побеседовать после моего долгого отсутствия: многие удивлялись, почему мы здесь, а не в Тхельбане, огромной стеклянной игле Хаоса, расположенной далеко позади.

Время от времени воздух будто вибрировал, наполненный тягучим звучанием гонга. Я ощущал, как дрожит земля, ведь источник звука находился совсем близко. Мы медленно держали путь через Плац по направлению к внушительной груде черного камня у самого края Преисподней, к арочным воротам из за-

стывшего пламени с такой же ведущей вниз лестницей; каждая ступень, каждый поручень были изготовлены из запертого временем огня. Грубый амфитеатр под нами тоже был охвачен пламенем, сам себя освещая, обращенный к черной преграде у конца всего сущего; и не стена была за ней, а разверзшаяся пустота Преисподней, откуда исходит все. Никто еще не зашел туда.

Мы стояли рядом с воротами огня и смотрели на дорогу, которой проследует процессия. Кивали дружелюбным демоническим физиономиям, вздрагивали от звука гонга, глядели на еще потемневшее небо... Неожиданно в моем сознании возникло чужая мысль— весьма суровая.

— Мерлин!

Немедленно проявился образ Мэндора в измененном виде, свысока глядящего из-под руки. Он, вероятно, связался со мной через мою карту и выглядел таким близким к раздражению, каким я его давно не видел.

— Да?

Его взгляд был направлен мимо. Выражение лица внезапно изменилось, брови поднялись, губы разжались.

— С тобою Джарт?

— Правильно.

— Я думал, вы не в лучших отношениях, — медленно проговорил он, — судя по нашему последнему разговору.

— Ради похорон мы решили отбросить разногласия.

— Это говорит о хорошем воспитании, но вряд ли о здравомыслии.

Я улыбнулся:

— Я знаю, что делаю.

— Неужели? — сказал Мэндор. — Тогда почему ты у собора, а не здесь, в Тхельбане?

— Мне никто не говорил, что я должен быть в Тхельбане.

— Странно. Твоя мать собиралась известить вас обоих, что вы должны быть в процессии.

Я покачал головой, отвернулся:

— Джарт, ты знал, что мы должны быть в процессии?

— Нет, — сказал он. — С одной стороны, в этом есть смысл. А с другой, есть Черный надзор, который рекомендует вести себя сдержанно и не высовываться. Кто тебе это сказал?

— Мэндор. Он утверждает, что Дара должна была поставить нас в известность.

— Мне она не говорила.

— Ты слышал? — обратился я к Мэндору.

— Да. Теперь это не важно. Давайте сюда оба.

— Он призывает нас, — сообщил я Джарту.

— Проклятье! — скривился Джарт и сделал шаг вперед.

Я протянул руку Мэндору, как раз когда Джарт подошел и ухватился за мое плечо. Мы оба рванулись вперед, а затем...

...прямо в гладкий и мерцающий интерьер тхельбанского главного зала на первом этаже — этюд в черных, серых, болотно-зеленых, багровых тонах, с канделябрами, будто сталактиты, огненными скульптурами на фоне чешуйчатых шкур,

висящих на стенах, парящими в воздухе водяными шарами, внутри которых кишели твари. Зал был заполнен знатью, родственниками, придворными, мельтешащими, точно океан огня, вокруг помоста с гробом, возвышающегося в центре. Вновь загремевший гонг заглушил слова Мэндора.

Он подождал, пока уляжется шум, затем проговорил снова:

— Я сказал, что Дара еще не прибыла. Пойдемте, отдадим скорбную дань, и пусть Бэнсез укажет ваши места в процессии.

Взглянув в сторону катафалка, я заметил поблизости и Тмера, и Таббла. Тмер разговаривал с Бэнсезом, Таббл — с кем-то, стоящим спиной. Ужасная мысль вдруг пронзила меня.

— Как обстоят дела с обеспечением безопасности процессии?

Мэндор усмехнулся.

— В толпе достаточно стражников, — сообщил он, — а еще больше расположено вдоль всего маршрута. За вами наблюдают каждую секунду.

Я взглянул на Джарта: слышал ли. Он кивнул.

— Спасибо.

Растягивая литанию беззвучных ругательств, я двинулся к гробу. Джарт следом за мной. Есть, конечно, способ раздвоиться: уговорить Путь прислать моего двойника, чтобы тот занял здесь мое место. Но Логрус в два счета обнаружит проекционную сущность двойника. А если я просто удалюсь, мое отсутствие не только будет замечено, но, вероятно, меня станут выслеживать — возможно, сам Логрус, как только Дара созовет совещание. Тогда Логрус узнает, что я сбежал, дабы воспрепятствовать его усилиям одолеть Порядок; наружу вырвутся потоки коварства и жестокости. Я бы не хотел ошибиться, переоценив свою собственную незаменимость.

— Как мы теперь поступим? — шепнул Джарт, пока мы прокладывали путь в конец медленно тянущейся очереди.

Снова зазвучал гонг, заставив содрогнуться канделябры.

— Не вижу никаких возможностей, — ответил я. — Полагаю, лучшее, на что можно надеяться, — это постараться исполнить миссию, пока я иду в процессии.

— С помощью карты отсюда не сбежать, — ответил он и тут же поправился: — Ну разве что при идеальных условиях и без всех помех.

Я попытался придумать какое-нибудь заклинание, какой-нибудь сигнал некоему посреднику, способному послужить мне в этом. Призрак подошел бы идеально. Но он, как назло, уплыл исследовать пространственные асимметрии Зала Скульптур — вероятно, надолго.

— Я могу добраться туда довольно быстро, — вызвался Джарт, — и, учитывая перепад времени, вернусь прежде, чем кто-либо заметит.

— И ты как раз знаешь двоих в Кашфе, с которыми следует поговорить, — сказал я. — Люк и Корэл. Обоих ты встретил в храме, когда мы с тобой силились убить друг друга; ты еще украл тогда меч отца Люка. Без всяких, я бы сказал, церемоний он постарается убить тебя, едва увидит; а она завопит, призывая подмогу.

Очередь несколько продвинулась.

— Итак, моя помощь не требуется, — сказал Джарт.

— Угу, — ответил я. — Я знаю: ты крут, но Хендрейки — профи. К тому же ты столкнешься с полным нежеланием Корэл спасаться.

— Ты — колдун, — сказал Джарт. — Если мы определим, кто здесь стражники, нельзя ли наложить на них заклятие, чтобы они думали, будто видят нас, пока мы проворачиваем дельце?

— Подозреваю, что либо мама, либо наш старший брат наложили на стражников защитное заклятие. Как раз, на мой взгляд, идеальное время для политического убийства. Я бы не хотел, чтобы кто-то мутил головы моим людям, если б обеспечивал здесь безопасность.

Мы еще чуть-чуть продвинулись. Наклонившись и вытянув шею, я сумел мельком заметить истощенный демонический образ старого Свейвила, пышно облаченного, со змеем красного золота на груди; там, в огненном гробу, древнее возмездие Оберона шло наконец на встречу с ним.

Когда я подошел ближе, мне пришло в голову, что проблему можно решить иначе. Я слишком долго пребывал в области простодушного колдовства. Нужно оставить привычку действовать против магии магией, сложной цепью заклинаний. Стражники защищены от любых заигрываний с их сознанием? Пусть так. Найду способ обойти это.

Снова звучит гонг. Когда затихло эхо, Джарт склонился ко мне:

— Есть кое-что большее, чем я тебе сообщил.

— Что ты имеешь в виду?

— Другая причина, которая привела меня к тебе в пределах Савалла. А именно — я был в ужасе.

— От чего?

— По крайней мере кто-то один из них — Мэндор или Дара — хочет большего, чем просто равновесия, хочет полной победы для Логруса, для Хаоса. А я не только не хочу участвовать в интригах — я не хочу, чтобы это произошло. Теперь, когда у меня есть возможность посещать Тень, я не желаю видеть ее уничтоженной. Я против окончательной победы любой из сторон. Полная власть Огненного Пути, наверное, столь же плоха.

— Откуда у тебя такая уверенность, что Мэндор или Дара настроены так решительно?

— Они еще раньше пытались, с Брэндом, разве нет? Его предназначали разрушить весь Порядок.

— Нет, — возразил я. — Он собирался разрушить старый порядок, дабы заменить его собственным. Брэнд был революционер, а не анархист. Он намеревался сотворить новый Путь внутри порожденного им Хаоса — свой собственный, но все же реальный мир.

— Его одурачили. Он не смог бы справиться с таким делом.

— Нельзя знать наверняка, пока не попробовал.

— Так или иначе, я боюсь, что кто-то намеревается идти до конца. Замысленное похищение — это более чем серьезный шаг. Если ты сумеешь прикрыть наше отсутствие, думаю, нам в любом случае следует рискнуть.

— Потерпи, — сказал я. — Я тут кое-что придумал. Я не пытаюсь вызвать у стражников галлюцинации. Вместо этого я совершаю превращение — делаю так, что пара наших соседей по очереди примут наш облик. Тогда ты сразу же переправишь нас с помощью карт. И это не будет галлюцинацией — их будут принимать за нас, а мы сможем отправиться по своим делам — и находиться здесь одновременно.

— Делай. Я готов.

— Отлично, я преображу двух парней перед нами. Как только закончу, сделаю вот так, — сказал я, опуская левую руку от плеча к поясу, — и мы оба наклоняемся, будто что-то уронили. Затем действуй.

— Договорились.

Спикард справился легко и просто, будто сам был процессором заклинаний. Я задал ему два конечных результата, и, в мгновение ока пробежав тысячи вариантов, он выдал мне окончательный — пару заклятий, которые, действуй я в классическом стиле, отняли бы у меня кучу времени. Едва убедившись, что трансформация началась, я взмахнул рукой и подался вперед.

Последовало молниеносное головокружение, а когда я выпрямился, мы опять были в апартаментах Джарта. Я засмеялся, и он похлопал меня по плечу.

Мы немедленно вернули себе человеческое обличье и одеяние. Как только с этим было покончено, он снова схватил меня за руку и с помощью карты отправил нас к Огненным Вратам. Еще мгновение — и новый прыжок, на сей раз на вершину горы, господствующей над синей долиной под зеленым небом. И снова — на середину высокого моста над глубоким ущельем; небо очищалось от звезд или же покрывалось ими.

— Теперь все в порядке, — сказал Джарт.

Мы стояли наверху серой каменной стены, влажной от росы, а возможно, после шторма. На востоке наливались огнем облака. С юга дул легкий ветерок.

Это была стена, что окружала самый центр Джидраша — столицы Кашфы. Ниже нас располагались четыре гигантские постройки, включая дворец и Храм Единорога напротив, а также несколько зданий поменьше. В стороне от нас находилось крыло дворца, откуда Грилл вытащил меня (как давно это было!) с королевского рандеву. Я даже смог определить сломанный ставень нашего окна, увитого плющом.

— Вон там я последний раз видел ее.

Глазом не успев моргнуть, мы уже стояли посреди комнаты. Все было убрано, кровать застелена. Я вытащил свою колоду и выбрал карту Корэл. Глядя на карту, пока она не похолодела, я ощутил присутствие...

Она была там; и тем не менее ее не было. Возникло смутное чувство встречи во сне или в оцепенении. Я провел рукой над картой и прервал наш слабый контакт.

— Видимо, девушку уже схватили, — сказал Джарт. — Есть возможность выследить ее в таком состоянии?

— Возможно, она в соседнем доме, на лечении. Она была больна, когда я оставил ее.

— Тогда что будем делать?

— В любом случае нужно поговорить с Люком, — сказал я.

Контакт установился, едва я достал его карту.

— Мерлин! Где ты, черт возьми?

— Если ты во дворце, то я рядом.

Он поднялся — теперь я сообразил, что с постели, — подобрал зеленую рубаху с длинными рукавами и натянул ее, прикрыв свою коллекцию шрамов. Мне показалось, что рядом с ним в постели мелькнул кто-то еще. Люк что-то пробормотал в том направлении: что именно — я не расслышал.

— Нам надо поговорить, — сказал он, приглаживая рукой свои непослушные волосы. — Проведи меня.

— Конечно. Только сперва предупреждаю: здесь мой брат Джарт.

— Папин меч у него?

— Э-э... Нет.

— Надеюсь, что не убью его прямо немедленно, — сказал Люк, заправляя за пояс рубаху.

Он резко протянул руку, я сжал ее. Он шагнул вперед и присоединился к нам.

VIII

Люк улыбнулся мне, но, глянув на Джарта, помрачнел.

— Где ты все-таки пропадал?

— Во Дворах Хаоса, — отозвался я. — Меня вызвали в связи со смертью Свейвила. Как раз сейчас идет погребальная церемония. Мы ускользнули, когда я узнал, что Корэл в опасности.

— Мне это известно... теперь, — сказал Люк. — Она исчезла. Похищена, я полагаю.

— Когда это произошло?

— Прошлой ночью, насколько я могу судить. А ты, похоже, в курсе этих событий?

Я взглянул на Джарта.

— Несовпадение времен, — объяснил он.

— Корэл имеет шанс сорвать несколько очков в непрерывной игре между Путем и Логрусом. Поэтому за ней были посланы агенты Хаоса. Впрочем, она им необходима целой и невредимой. С ней все будет в порядке.

— Зачем она им понадобилась?

— Похоже, ее считают подходящей, чтобы стать королевой в Тхельбане, вместе с Камнем Жребия как частью ее анатомии и самым ценным, что в ней есть.

— А кто должен стать новым королем?

У меня внезапно загорелось лицо.

— Что ж, люди, стоящие за похищением Корэл, хотели бы, чтобы престол занял я.

— Эге, мои поздравления! — воскликнул Люк. — Теперь я не одинок в подобных забавах.

— Что ты имеешь в виду?

— Грош цена королевскому делу, приятель! Только врагу пожелаешь попасть в круговерть этого высокопоставленного дерьма. Каждый отрывает у тебя время, и все к тому же постоянно должны знать, где ты находишься.

— Дьявол, да тебя только что короновали! Все еще утрясется.

— Только что? Больше месяца прошло!

— Несовпадение времен, — повторил Джарт.

— Пойдем. Выпьем по чашечке кофе, — сказал Люк.

— У тебя здесь есть кофе?

— Мне он необходим, старик. Вот сюда.

Люк провел нас за дверь, повернул налево и стал опускаться.

— Пока вы там болтали, — сказал он, — у меня родилась забавная идея насчет твоего правления и стремления сделать Корэл королевой. С одной стороны, я не прочь чертовски быстро расторгнуть наш брак и имею на то все возможности — коли я тут за главного. С другой стороны, ты хочешь иметь ее своей королевой, а я хочу этот договор Золотого Круга с Амбером. Мне кажется, я нашел способ сделать всех счастливыми.

— Все гораздо сложнее, Люк. Мне престол не нужен, и будет очень скверно, если мои родственники во Дворах получат Корэл. За последнее время я много чего узнал.

— Например? — поинтересовался Люк, открывая потайную дверь к проходу в заднюю часть дворца.

Я оглянулся на Джарта и сказал:

— Он тоже напуган. Вот почему мы теперь чуть более сердечны.

Джарт кивнул.

— Возможно, Брэнд в какой-то степени стал жертвой заговора, рожденного во Дворах Хаоса, частью идеи, которая жива там и поныне.

— Нам лучше пойти и позавтракать как следует, — заявил Люк. — Давайте завернем на кухню.

Мы направились за ним по садовой дорожке. Потом мы ели и беседовали, а вокруг нас разгорался день. Люк настоял, чтобы я снова испробовал карту Корэл, что я и проделал — по-прежнему с нулевым результатом. Тогда он чертыхнулся, кивнул и сказал:

— Твой расчет на самом деле довольно точен. Парней, что схватили ее, засекли движущимися по Черной дороге на запад.

— Естественно, — сказал я.

— У меня есть основания полагать, что они не доберутся вместе с ней до Дворов.

— Вот как?

— Я так понимаю, что эти черные проходы, которыми вы, ребята, пользуетесь, опасны для посторонних. Могу показать вам, что осталось от одного из них — на самом деле теперь это черная тропинка. Я собираюсь пройтись по ней, но не знаю, смогу ли соскочить, когда захочу. И еще вопрос: есть ли способ защитить меня от самой Черной дороги?

Я встал. Кухарка и две судомойки пялились в нашу сторону.

— Хочу тебя кое с кем познакомить, Люк. Прямо сейчас.

— Почему бы и нет? — сказал он, поднимаясь.

— Давайте пройдемся, — предложил я.

— Пожалуйста.

Мы вышли через дверь для прислуги.

— Итак, желала ли она получить ретивого помощника или магическую бомбу замедленного действия, но мама вполне могла подстрекать желание отца воссесть на престол Амбера и в конце концов изменить мир, — сказал Люк.

— Что ж, полагаю, и Брэнд не пришел к ней с чистыми руками, — ответил я.

— Верно, но я поражаюсь, насколько тщательно были разработаны его планы, — задумчиво произнес Люк. — Это самая веселенькая вещь, услышанная мною за весь месяц.

Мы вышли на маленькую крытую дорожку, что вилась вдоль дворца. Люк замер, огляделся и спросил:

— Где тот человек?

— Мне просто нужна была отправная точка, без свидетелей, заявляющих, будто я похитил короля.

— Куда мы собрались, Мерлин? — осведомился Джарт, когда я закружил спираль из центра спикарда, задействовав шестнадцать различных источников энергии.

— Хорошая идея. Похититься отсюда, — промолвил Люк, и в тот момент мы все тронулись в путь.

Я действовал так же, как тогда, когда переправлялся из Амбера в Кашфу, создавая цепь скорее из воспоминаний, чем из открывающегося передо мной вида. Только теперь нас было трое, и дорога впереди ожидала долгая-предолгая.

Мы будто ступили в калейдоскоп и прошли порядка ста двадцати степеней кубистского распада и восстановления, пока не очутились на другом конце, под высоким деревом, чья вершина тонула в тумане; по соседству стоял красно-белый «шевроле» 57-го года; из его радио доносились звуки «Девяти дев» Ренбурна.

Призрак Люка поднялся с переднего сиденья и уставился на оригинал. Сам Люк, в свою очередь, глядел на призрак.

— Привет, — сказал я. — Знакомьтесь. Хотя вряд ли вы нуждаетесь в представлениях. У вас так много общего.

Джарт уставился на Путь.

— Версия моего папы, — сообщил я.

— Можно догадаться, — проговорил Джарт. — Но что мы здесь делаем?

— Есть одна идея... По правде говоря, я надеялся, что здесь будет Корвин и я смогу обсудить ее с ним.

— Он вернулся и снова ушел, — услышав меня, объяснил здешний Люк.

— Не сказав, как с ним связаться или когда он вернется?

— Нет.

— Проклятье!.. Мне тут в голову пришла мысль, что неплохо бы вам, Люкам, поменяться на время местами — если Путь поддастся уговорам одобрить недолгое расставание.

Истинный Люк, которого я решил по-прежнему называть Люком в присутствии его призрака, мгновенно просиял. Дабы отличить одного от другого, я стал думать о его двойнике как о Ринальдо.

— ...трон — это такой опыт, без которого человеку не обойтись, — говорил Люк.

— Тогда почему ты так стремишься слинять оттуда? — парировал Ринальдо.

— Надо помочь Мерлю разыскать Корэл. Она была похищена.

— Правда? Кем?

— Агентами Хаоса.

— Гм-м. — Ринальдо принялся расхаживать взад-вперед. — Ну хорошо, тебе об этом известно больше, чем мне, — наконец произнес он. — Если Корвин вскоре вернется и Путь мне позволит, я сделаю все, что в моих силах.

— Пока мы ждем, следы остывают, — заметил Люк.

— Ты не понимаешь, — сказал Ринальдо. — У меня здесь работа, и я не могу просто бросить ее, даже если это означает пойти и стать где-нибудь королем. То, что я делаю, — еще важнее.

Люк взглянул на меня.

— Он прав, — кивнул я. — Он — страж Пути. С другой стороны, Корэл никто не собирается причинять вред. Пожалуй, мы с Джартом на несколько минут смотаемся во Дворы, дабы посмотреть, как идет погребальная церемония. Возможно, пока мы будем там, появится Корвин. Уверен, вам двоим есть о чем поговорить.

— Давай, — сказал мне Люк.

— Ага, — сказал Ринальдо. — Хотелось бы мне знать, что мы такое затеяли.

Я взглянул на Джарта; тот кивнул. Я подошел и остановился рядом с ним.

— Твоя очередь рулить... Скоро вернемся, — бросил я через плечо, когда мы исчезали в первом прыжке.

...И так снова до пределов Савалла, и опять наши ярко-красные одежды поверх демонического обличья. Перед тем как Джарт вернул нас на погребальное действо, я снова изменил нашу внешность, дабы не оказаться рядом с парой собственных двойников.

Тхельбан оказался покинутым. Однако, выглянув наружу, мы увидели процессию, остановившуюся в каком-то замешательстве на четверти пути к Плацу.

— Ох-ох-ох, — бросил Джарт. — Что же мне делать?

— Доставь нас туда, — сказал я.

Секундой позже мы оказались у края толпы.

Сияющий гроб Свейвила был опущен в землю, а вокруг него выставлена стража. Мое внимание сразу привлекли несколько фигур, толкущихся примерно в двадцати футах от гроба. Оттуда доносились крики, кто-то лежал на земле, а две демонические фигуры крепко удерживались несколькими участниками процессии. Внутри у меня все сжалось, когда я увидел, что двое схваченных — та самая пара, которую я сделал похожими на нас с Джартом. Оба бурно выражали свой протест.

Пробивая дорогу в толпе, я снял свое заклятие, возвращая тем двоим их собственное обличье. Как только это произошло, гомон усилился; кто-то выкрикнул: «Я же вам говорил!» Ответом было: «Да, это они!» Внезапно я узнал в отвечавшем Мэндора. Он стоял между схваченной парой и тем, кто лежал на земле.

— Это был трюк для отвлечения внимания! — воскликнул Мэндор. — Отпустите их.

Я решил, что сейчас самый благоприятный момент, чтобы сбросить чары, скрывающие нас с Джартом. Славная паника!

Чуть погодя Мэндор увидел меня и сделал знак приблизиться. Я заметил, что Джарт остановился поблизости поговорить с каким-то своим знакомым.

— Мерлин! — сказал Мэндор, как только я подошел. — Что ты знаешь об этом?

— Ничего, — ответил я. — Мы с Джартом шли позади. А что вообще случилось?

— Кто-то придал двоим стражникам ваше с Джартом обличье. Несомненно, с намерением создать замешательство в момент, когда убийца нанесет удар. Эти двое ринулись вперед, утверждая, что они стражники. Умно... особенно учитывая, что вы с Джартом в списке Черного надзора.

— Да, понимаю, — согласился я, гадая, не помог ли я сбежать убийце. — Кому достался удар?

— Тмеру. Очень профессиональный удар кинжалом, — объяснил Мэндор, подергивая левым веком. Слабое подмигивание? Со значением? — Убийца мгновенно скрылся.

Четверо плакальщиков, соорудив из плащей подобие носилок, подняли лежавшее тело. Они сделали несколько шагов, и я увидел за ними другую группу людей.

Заметив озадаченное выражение на моем лице, Мэндор оглянулся.

— Повышенная безопасность, — пояснил он. — Охрана Таббла. Я прикажу ему немедленно убраться отсюда. Тебе и Джарту тоже. В храм можете прибыть позже.

— Хорошо, — сказал я. — Дара здесь?

Он огляделся.

— Я ее не видел. И сейчас не вижу. Тебе лучше идти.

Я кивнул и, повернувшись, заметил справа полузнакомое лицо. Женщина была высока и темноглаза, ее облик изменялся от многоцветного водоворота драгоценных камней до покачивающихся очертаний, подобных цветку; она пристально глядела на меня. Я постарался припомнить ее и все-таки воскресил имя в памяти.

— Мне нужно уходить, — сказал я, приблизившись к ней, — но прежде позволь поприветствовать тебя, Джилва.

— Ты помнишь? Я сомневалась.

— Конечно.

— Как поживаешь, Мерлин?

Я вздохнул. Она улыбнулась на свой манер в облике косматого, получеловеческого существа.

— Да, скорей бы все это улеглось.

— Слушай, я бы хотел поговорить — по нескольким причинам. Когда тебе удобно?

— Что ж, в любое время после погребения, полагаю. А в чем дело?

— Сейчас некогда объяснять. Мэндор кидает на меня грозные взгляды. Увидимся позже.

— Хорошо. Позже, Мерлин.

Я поспешил назад к Джарту и ухватил его за локоть.

— Нам приказано удалиться, — сказал я. — По соображениям безопасности.

— Прекрасно. — Он повернулся к человеку, с которым беседовал, и сказал ему: — Спасибо. Увидимся позже.

Окружающий мир ускользнул. И расцвел новый: апартаменты Джарта, наши шмотки разбросаны по комнате.

— Удачный расклад для нас. Неудачный для Тмера, — заметил Джарт.

— Вот уж правда.

— И каково же чувствовать себя номером вторым? — осведомился он, пока мы снова меняли одежды и обличья.

— Это и тебя касается, — сказал я.

— Знаешь, по-моему, смерть его в твою пользу, брат, а не в мою.

— Надеюсь, что нет.

Он засмеялся:

— Теперь выбор между тобой и Таббломом.

— Будь так, я уже был бы мертв, — сказал я. — Если ты прав, на самом деле это выбор между Саваллами и Чаникутами.

— Представь себе, Мерлин: вдруг окажется, что я сопровождал тебя лишь потому, что быть с тобой рядом сейчас — безопаснее всего? — спросил

Джарт. — Я уверен, что наши стражники и убийцы лучше чаникутских. Предположим, я просто жду, приберегая финальную попытку, пока не выведен из строя Таббл? Затем ты, доверяющий мне во всем, поворачиваешься спиной, и — моя коронация!

Я смотрел на брата. Он улыбался, но, казалось, довольно внимательно на меня глядя. Я был готов ответить: «Ты можешь попасть на свою коронацию и без таких хлопот» — пошутить. Но задал себе вопрос: а если действительно выбор будет между нами?.. Мне пришло в голову, что именно при этом обстоятельстве я, пожалуй, согласился бы принять трон. Я хотел поделиться с ним своими сомнениями, пойти на компромисс... Но ничего не мог с собой сделать. Трудно ломать привычки всей жизни — несмотря на его примирительные разговоры и попытки содействия. Я не мог заставить себя доверять Джарту больше, чем доверял.

— Расскажи это Логрусу.

Ужас во взгляде — расширившиеся глаза, опущенный взор, чуть подавшиеся вперед плечи... Затем:

— Ты действительно находишь с ним общий язык? — спросил он.

— Кажется, есть понимание, только немного однобокое.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не намерен помогать какой-либо стороне погубить наш мир.

— По твоим словам выходит, что ты собираешься надуть Логрус?

Я приложил палец к губам.

— Должно быть, в тебе играет кровь Амбера, — продолжил Джарт. — Я всегда говорил, что они там слегка помешанные.

— Может, и так, — пожал я плечами.

— Так, наверное, поступил бы твой отец.

— Что тебе известно о нем?

— Ты же знаешь, у каждого своя любимая амберская история.

— Здесь мне никто ни одной не рассказывал.

— Разумеется, нет... принимая во внимание...

— ...меня как полукровку?

Он пожал плечами.

— Ну да.

Я натянул сапоги.

— Что бы ты ни делал с тем новым Путем, — продолжил Джарт, — это, вероятно, не слишком осчастливит старый.

— Несомненно, — кивнул я.

— Тогда ты не сможешь обратиться к нему за помощью, если тебя станет преследовать Логрус.

— Полагаю, да.

— А если они оба насядут на тебя, новый Путь не выстоит против обоих.

— Думаешь, они действительно способны объединиться — ради чего бы то ни было?

— Трудно сказать. Ты играешь в безумную игру. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже надеюсь, — сказал я, поднимаясь. — Моя очередь.

Я раскрутил спикард так, как никогда до этого не пытался, и единственным прыжком доставил нас к папиному Пути.

Люк и Ринальдо по-прежнему беседовали. Я мог различить их по одежде. Корвина нигде в поле зрения не было.

При нашем появлении оба замахали руками.

— Как дела во Дворах? — спросил Люк.

— Хаотично, — отозвался Джарт. — А мы долго здесь отсутствовали?

— Часов шесть, я полагаю, — ответил Ринальдо.

— Корвин не объявлялся? — спросил я.

— Нет, — сказал Люк. — Но между делом мы выработали взаимное соглашение... и Ринальдо вступил в контакт со здешним Путем. Путь освободит Ринальдо и поддержит его существование, как только вернется Корвин.

— Что касается этого... — начал Джарт.

— Да? — переспросил Ринальдо.

— Я останусь здесь и прикрою Ринальдо, пока вы ищете леди со стеклянным глазом.

— Почему?

— Потому что вместе у вас лучше получится, а мне здесь безопасней, чем где бы то ни было.

— Надо убедиться, приемлем ли такой вариант, — сказал Ринальдо.

— Давай.

Ринальдо направился к Пути. Я обшаривал глазами туман со всех сторон, надеясь увидеть возвращающегося отца. Джарт изучал автомобиль; из приемника сейчас доносился голос Брюса Дэнлепа из «Лос Анималс».

— Если твой отец вернется и сменит меня, — сказал Джарт, — я возвращусь на погребение и придумаю отговорки по поводу твоего там отсутствия. Если вернешься ты, а меня там не будет, сделаешь то же самое. Договорились?

— Да, — кивнул я; клочья тумана, будто дым, поднимались между нами. — И кто бы из нас ни освободился первым, имея что-либо сообщить...

— Случайно не прихватили мой меч из Дворов? — спросил Люк.

— Времени не было, — отозвался Джарт.

— Хотелось бы, чтобы в следующий раз оно нашлось.

— Конечно, конечно, — кивнул Джарт.

Ринальдо отошел от Пути и вернулся к нам.

— Ты принят, — сказал он Джарту. — Пойдем со мной. Я хочу показать тебе родник, а также запас еды и кое-какое оружие.

Люк повернулся и стал наблюдать, как они удаляются.

— Извини, — тихо произнес он, — но я ему все еще не доверяю.

— Не извиняйся. Я тоже. Я знаю его слишком долго. Зато у нас сейчас больше оснований доверять друг другу, чем долгое время до этого.

— Интересно, мудро ли это — позволить ему узнать, где находится здешний Путь, а теперь еще и оставить с ним наедине?

— Я совершенно уверен, что Путь знает, что делает, и может сам о себе позаботиться.

Люк поднял руку, скрестив два пальца.

— Я бы поспорил с таким решением, да вот только мне нужен мой двойник.

Когда вернулись Ринальдо и Джарт, из машины неожиданно загремел баритон диск-жокея:

— Все доказывает: умение выбрать время — превыше всего. Хороший день для путешествия!

И тотчас последовало соло на барабанах; я мог бы поклясться, что как-то уже слышал его в исполнении Рэндома.

— С этого момента ты на вахте, — сообщил Ринальдо Джарту. Затем повернулся к нам: — К вашим услугам.

Я подхватил всю группу спикардом и, закрутив, бросил обратно в Кашфу, доставив в Джидраш ближе к сумеркам, к тому же самому месту на вершине стены, куда мы до этого прибыли с братом.

— Ну, наконец-то, — произнес Ринальдо, окинув взглядом город.

— Да, — отозвался Люк. — Это все твое... на время. — Немного помолчав, добавил: — Может, прыгнем в мои апартаменты, Мерлин?

Я провернулся на запад, где клубились оранжевые облака, и взглянул вверх: там болталось несколько пурпурных.

— Прежде мне бы хотелось использовать остатки дневного света, чтобы осмотреть Черный след.

Он кивнул:

— Хорошая мысль. Давай.

Жестом Люк обозначил холмистую местность на юго-западе. Я подхватил нас и спикардировал туда, заодно обогатив язык глаголом, необходимость в котором почувствовал при вышеупомянутом действе. Такова сила Хаоса.

Прибыв на вершину небольшого холма, мы вслед за Люком спустились по дальнему склону.

— Где-то здесь, — сказал он.

Длинные тени лежали повсюду вокруг нас, но есть разница между тусклостью теней и чернотой путеводной нити из Дворов Хаоса.

— Это было тут, — наконец показал Люк, когда мы дошли до места меж двумя валунами.

Я прошел вперед, но не ощутил ничего особенного.

— Ты уверен, что это именно то место?

— Да.

Я прошел еще десять шагов, двадцать.

— Если тут что и было, то теперь исчезло, — констатировал я. — Разумеется... Интересно, сколько времени мы отсутствовали?

Люк щелкнул пальцами.

— Время! — догадался он. — Тащи нас обратно в мои апартаменты.

Мы попрощались с теплым деньком; я определил направление и открыл путь сквозь стену мрака. Мы вступили в комнату, которую раньше занимал я с Корэл.

— Тут, надеюсь, недалеко? — спросил я. — Не помню, где расположены твои комнаты.

— Пойдемте, — сказал Люк, увлекая нас за собой налево и по лестнице вниз. — Пора проконсультироваться с местным экспертом. Мерль, сделай что-нибудь с внешностью моего двойника. Когда хорошей вещи слишком много, это может вызвать толки.

Впервые я сделал кого-то похожим на большой парадный портрет Оберона там, дома.

Прежде чем войти, Люк постучал. Из-за дверей знакомый голос произнес его имя.

— Я с друзьями, — сказал Люк.

— Бери их с собой, — последовал ответ.

Он открыл дверь, и мы вошли.

— Вы оба знакомы с Найдой, — объявил Люк. — Найда, это мой двойник. Для ясности зови его Ринальдо, а меня — Люком. Он будет исполнять здесь мои обязанности, пока мы с Мерлем поищем твою сестру.

Тут, в ответ на ее изумленный взгляд, я вернул Ринальдо его прежний облик.

Найда была облачена в черные брюки и изумрудную блузку, волосы собраны сзади и стянуты зеленым шарфом. Приветствуя нас, она улыбалась, а посмотрев на меня, кончиком пальца коснулась своих губ, слегка, почти мимоходом. Я сразу же кивнул.

— Надеюсь, ты оправилась после тех злоключений в Амбере, — сказал я. — Не повезло тебе, признаться.

— Конечно, — ответила девушка. — Полностью оправилась, спасибо. Очень любезно с твоей стороны, что ты проявил интерес. Благодарю тебя также за твои недавние уведомления. Я правильно поняла, кто стоит за похищением Люка два дня тому назад?

— Неужели так давно? — удивился я.

— Именно так, сэр.

— Прости, дорогая, — сказал Люк, сжимая ей руку и долгим взглядом погружаясь в ее глаза.

— Теперь понятно, почему угас след, — заметил я.

Ринальдо поцеловал Найде руку, одновременно отвесив глубокий поклон.

— Поразительно, как сильно ты изменилась по сравнению с девочкой, которую я знал, — промолвил он.

— О-о?

— Воспоминания мы делим с Люком так же, как и внешность, — пояснил Ринальдо.

— Могу сказать, что есть в тебе что-то не вполне человеческое, — сказала девушка. — Я вижу тебя человеком, чья кровь — пламя.

— Как же ты можешь увидеть это? — осведомился он.

— У нее свои способы, — ответил Люк. — Хотя я думал, что ее способности ограничиваются лишь духовной связью с сестрой. Очевидно, это все же нечто большее.

Она кивнула.

— Кстати, надеюсь, ты сумеешь помочь нам напасть на след твоей сестры, — продолжил Люк. — Учитывая, что след остыл, да еще действует наркотик или заклинание, препятствующее вызову через карту, мы очень даже нуждаемся в помощи.

— Постараюсь, — ответила Найда, — хотя в данный момент она вне опасности.

— Хорошо. В таком случае я распоряжусь, чтобы всех нас накормили, и объясню этому симпатяге, что сейчас происходит в Кашфе.

— Люк, — сказал я. — Мне, наверное, стоит вернуться сейчас во Дворы на заключительную часть траурной церемонии.

— Надолго, Мерлин?

— Не знаю.

— К утру вернешься, надеюсь?

— Я тоже. Но если нет?

— Похоже, мне придется идти на поиски самому.

— Постарайся все же сначала связаться со мной.

— Конечно. Увидимся позже.

Я укутался в свой пространственный плащ, прочь отринув Кашфу. Когда я развернул его, то снова был в комнатах Джарта в пределах Савалла.

Я потянулся, зевнул. Быстро осмотрел комнату, дабы убедиться, что нахожусь в одиночестве. Расстегнул плащ и швырнул его на кровать. Расхаживая по комнате, расстегнул рубаху.

Стоп. Что это? И где?

Я вернулся на несколько шагов. Я никогда особенно не задерживался в комнатах моего младшего брата, но обязательно бы припомнил то, что вдруг почувствовал.

Там были стул и стол — в углу, образованном стеною и шкафчиком темного, почти черного, дерева. Встав коленями на стул и облокотившись на стол, я вновь почувствовал это — присутствие Пути, хотя и недостаточно сильное для перемещения. Следовательно...

Я сдвинулся вправо, открыл шкафчик. Конечно, Путь оказался там, внутри. Любопытно, давно ли его устроил Джарт. Еще я ощущал легкое веселье от подобного обшаривания его покоев. Что ж, я задолжал ему массу невзгод и беспокойств. Несколько общих секретов и небольшая совместная кампания вряд ли растопят такой айсберг недоверия. Возможно, он просто подставляет меня по какой-то своей причине... Пожалуй, осторожности ради стоит пожертвовать хорошими манерами.

Я стал отодвигать одежды, висевшие в шкафу. Ощущение Пути усилилось. Последний костюм в сторону, быстро пробраться вглубь... Я в фокусе!

Так пусть же Путь унесет меня.

Сразу последовал толчок, сзади меня словно подпихнула собственная одежда. Это, да еще тот факт, что кто-то (сам Джарт?) весьма неряшливо выполнил работу Мастера Теней, сместив уровни пола, заставило меня шмякнуться носом при достижении цели.

Но в конце концов я попал не в яму, полную заостренных кольев или кислоты, и не в берлогу какой-прибудь подыхающей с голоду бестии. Нет, то был зеленый кафельный пол. И по окружавшему меня мерцающему свету я догадался, что вокруг обилие горящих свечей. Наверняка все они зеленые...

Примерно так и оказалось. Обстановка была подобна той, что я видел в часовне, посвященной моему отцу. Те же крестообразные своды, источающие свет, которого не могут давать свечи. Только место картины над алтарем занимал оконный витраж, где преобладали зеленые оттенки да немного красного.

Изображен там был Брэнд.

Я встал и подошел к алтарю, где лежал на несколько дюймов вытянутый из ножен Вервиндл. Я протянул руку и схватил его; моим первым порывом было забрать его с собой, дабы на полном основании вернуть Люку. Потом я засомневался. Едва ли стоит являться на погребение с мечом. Если я заберу меч, мне придется где-то спрятать его, а здесь он сокрыт наилучшим образом.

Раздумывая, я держал руку на оружии, и ко мне пришло ощущение силы, подобное тому, что давал Грейсвандир, однако более светлое, не такое трагедийное и подавляющее. Ироничное. Меч казался идеальным клинком для бойца.

Я кинул взгляд по сторонам. Слева от меня на пюпитре лежала книга, позади на полу сияла различными оттенками зеленого пентаграмма, воздух был наполнен ароматом недавно сгоревших дров. Меня охватили праздные мысли: что бы я обнаружил, пробив дыру в стене? Располагалась ли часовня на вершине горы? На дне озера? Под землей? Парила где-нибудь в небесах?..

Что она олицетворяет? Она казалась местом поклонения. Бенедикт, Корвин и теперь Брэнд — те трое, о которых мне известно. Были ли они предметом благоговения, уважения, почитания неких моих родичей и земляков? Или эти сокрытые часовни являли собой нечто куда более зловещее?

Я убрал руку с Вервиндла и отступил к пентаграмме. Логрусийское зрение не обнаружило ничего неблагоприятного, но интенсивное сканирование спикардом показало остатки давно снятых магических заклятий. Впрочем, следы были слишком слабыми, чтобы раскрыть мне свою природу.

Возможно, стоило бы попробовать глубже проникнуть в суть происходившего здесь, но я сообразил, что на подобную операцию просто нет времени.

И с сожалением отступил к Пути. Можно ли использовать эти капища для попыток повлиять на вовлеченных? Слишком сложно, оставим на другой раз.

Я определил Путь и отдался ему.

И опять споткнулся. Одной рукой держась за стену шкафа, я отодвинул другой наряды и вышел наружу. Затем водворил одежду на место и прикрыл дверцы. Быстро разделся, на ходу меняя внешность, и вновь натянул свой траурный наряд.

Вокруг спикарда я ощутил какую-то активность и впервые заметил, как он тянется к одному из многих источников силы, при этом приспосабливая свою форму к изменившемуся размеру моего пальца. Очевидно, спикард проделывал такое неоднократно, просто я не обращал внимания. Интересно: он проявлял способность действовать вне зависимости от моей воли.

По сути, я и не знал, что представляет из себя эта штука и каково ее происхождение. Я носил ее потому, что она была источником энергии, вполне заменяющим Логрус, которого я теперь побаивался. Но обнаружив, как кольцо меняет форму, дабы устроиться на моем изменившемся пальце, я задумался. Что, если это какая-то ловушка, которая захлопнется в самый неподходящий момент?

Пару раз я прокрутил кольцо на пальце. Разумом пытаясь проникнуть в его сущность, я сознавал всю тщетность подобных занятий. Потребовались бы века, чтобы, по пути сжигая запретные заклинания, исследовать каждую силовую линию до ее источника. Это походило на путешествие вовнутрь швейцарских часов, изготовленных на заказ. И то и другое впечатляло красотой исполнения и гигантской работой, вложенной в их создание. Спикард мог обладать скрытыми императивами, обнаруживающимися только при определенном стечении обстоятельств. Хотя до сих пор... До сих пор он не совершил ничего неуместного. Альтернативой же был Логрус. Да уж, похоже, передо мной идеальный пример выбора из двух зол.

С недовольным ворчанием я привел в порядок свою одежду, сосредоточил внимание на Храме Змея и велел спикарду доставить меня поближе ко входу. Он все

исполнил с такой покорностью и мягкостью, как будто я никогда не сомневался в нем, будто не обнаружил еще одной причины для паранойи.

Какое-то время я просто стоял на Плацу-на-Краю Света, у дверей застывшего пламени великого Собора Змея, что высится над самой Преисподней — там, где в ясный день можно увидеть сотворение Вселенной или ее конец, — и глядел на звезды, кишащие в пространстве. А поскольку моя жизнь была близка к перелому, мыслями я возвращался в Калифорнию и в школу, к плаванию на «Звездной россыпи» с Люком, Гейл и Джулией, к тому, как сидел с отцом на привале перед окончанием войны, к поездке верхом с Винтой Бейли через виноградники на восток от Амбера, а еще к долгому свежему дню, когда я показывал город Корэл, и к странным встречам того дня.

И я повернулся и поднял чешуйчатую лапу, посмотрел из-под нее на шпиль Тхельбана. «Не прекратятся раздоры на западе и на востоке и в закоулках души моей», — подумал я. Сколько же, сколько еще?.. А насмешка, как всегда, останется фаворитом — тем более если ставку пожелает сделать сентиментальность.

Вновь повернувшись, я шагнул внутрь, дабы узреть последнего короля Хаоса.

IX

Вниз, вниз, в погребальный костер, в необъятную груду лавы, к окну, выходящему на пределы времени и пространства, где в конце концов ничего не увидеть, — туда я шел между стенами, вечно пребывающими в огне и никогда не сгорающими, следовал в одном из моих тел на голос, читающий из «Книги Змея, висящего на древе сущего», и наконец вошел в грот, что зиял в черноте. Расходящиеся полукольца плакальщиков в алых одеяниях окружали чтеца и величественный катафалк, у которого он стоял; внутри гроба явственно был виден Свейвил, полускрытый красными цветами, что бросали плакальщики, и тонкие красные свечи светились на фоне Преисподней. Потом я шел вдоль стены зала, внимая Бэнсезу, верховному жрецу Змея; его слова раздавались будто совсем рядом, ибо акустика Хаоса хороша. Я искал себе место в более или менее пустой арке, где любой, оглянувшись, обязательно бы заметил меня, и вдруг увидел Дару, Таббла и Мэндора. Те сидели на передних местах, из чего выходило, что, когда придет время, они будут помогать Бэнсезу сталкивать гроб через край в вечность. Внезапно расстроенный, я вспомнил другое погребение, на котором мне довелось присутствовать: похороны Кейна, там, в Амбере, у моря...

Я покрутил головой. Джарта нигде видно не было; Джилва Хендрейк сидела двумя рядами ниже меня. Я перевел взгляд к непроницаемой черноте по ту сторону Края... Все равно что смотреть вниз, а не в сторону, — если эти понятия имеют здесь какое-нибудь значение. Временами различались мелькающие вспышки или перекатывающиеся массы — словно тесты Роршаха*, — и я впал в полудрему, наблюдая калейдоскоп темных бабочек, облаков, сдвоенных лиц...

Слегка вздрогнув, я выпрямился, недоумевая, что нарушило мои грезы. То была наступившая тишина. Бэнсез прекратил чтение. Я уже собирался нагнуться вперед и прошептать что-нибудь Джилве, когда жрец начал Отпущение. Я был поражен, обнаружив, что помню все надлежащие отклики. Пение окрепло, на-

росло, я увидел, что и Мэндор, и Дара, и Таббл подымаются со своих мест. Они двинулись вперед, присоединяясь к Бэнсезу у гроба — Дара и Мэндор в ногах, Таббл и Бэнсез у изголовья. Прислужники отошли в сторону и принялись задувать свечи, пока не осталась мерцать лишь одна большая свеча у самого Края, позади Бэнсеза. В этот момент мы все встали.

Жуткого вечного света пламенных мозаик, покрывавших стены, было достаточно, чтобы я мог уловить движение внизу, когда прекратилось пение. Четыре фигуры чуть склонились — вероятно, для того, чтобы взяться за ручки гроба. Затем выпрямились и двинулись в сторону Края. Вперед вышел прислужник и в тот момент, когда почетная процессия миновала свечу, встал рядом, готовый задуть последний огонь, когда останки Свейвила канут в Хаос.

Полдюжины шагов осталось... Три, два...

У кромки Бэнсез и Таббл преклонили колени, установив гроб в желобе на каменном полу; все время, пока жрец нараспев читал финальную часть ритуала, Дара и Мэндор продолжали стоять.

Молитва закончилась, и тут я услышал проклятие. Мэндор, казалось, рванулся вперед. Дару качнуло в сторону. Раздался гулкий звук — гроб ударился об пол. Рука прислужника уже начала движение, и в этот момент свеча потухла. Донесся скрежет скользящего гроба, снова проклятия, затененная фигура отпрянула от Края...

Затем последовал вой. Нечто громоздкое упало и скрылось из глаз. Вой убывал, убывал, убывал...

Я поднял левый кулак, заставив спикард создать сферу белого света, будто выдул мыльный пузырь из соломинки. Когда он вырос до трех футов в диаметре, я отпустил его в полет над головами. Пространство вокруг меня наполнилось бормотанием — прочая колдовская тусовка дружно упражнялась в своих излюбленных световых заклинаниях; храм теперь сиял дюжинами огней.

Скосив глаза, я увидел Бэнсеза, Мэндора и Дару, разговаривающих близ Края. А Таббла и останков Свейвила с нами больше не было.

Мои собратья-плакальщики зашевелились. Я тоже, сообразив, что время моего пребывания здесь следует резко сократить.

Я перешагнул через пустой ряд, двинулся направо и тронул Джилву за относительно человеческое плечо.

— Мерлин! — воскликнула она, сразу повернувшись. — Таббл... опрокинулся, так?

— Похоже на то.

— И что же теперь будет?

— Лично я собираюсь сваливать, — сказал я. — Причем срочно!

— Почему?

— С минуты на минуту кто-нибудь начнет задумываться о преемственности, и меня задушат охраной. Мне бы этого не хотелось, особенно сейчас.

— Почему? — снова спросила она.

— Нет времени вдаваться в подробности. Но мне нужно с тобой поговорить. Можно я тебя умыкну?

— Разумеется... сир, — промолвила она, несомненно как раз вспомнив о преемственности.

— Брось ты это, — сказал я.

Спикард закрутил потоки энергии, что подхватили нас и унесли прочь. Мы оказались в лесу металлических деревьев. Джилва озиралась, все еще держась за мою руку.

— Господин, что это за место? — спросила она.

— Я лучше не буду объяснять — по той причине, что сейчас это и так станет понятным. Когда я последний раз с тобой разговаривал, у меня был только один вопрос. Но сейчас их уже два, и в одном из них в некотором смысле играет роль это место, а, кроме того, большую часть времени здесь никого нет.

— Спрашивай, — сказала Джилва, поворачиваясь ко мне лицом. — Я постараюсь помочь. Хотя, если это важно, я, возможно, не самая подходящая...

— Да, это важно. Но у меня нет времени устраивать встречу с Белиссой. Дело касается моего отца, Корвина.

— Да?

— Именно он убил Бореля Хендрейка в войне Падения Пути.

— Понятно, — проговорила она.

— После войны он присоединился к королевской миссии, что прибыла сюда для заключения Договора.

— Мне это известно, — кивнула Джилва.

— Вскоре после того он исчез, и, казалось, никто не знает, куда он делся. Какое-то время я полагал, что отец мертв. Позже, однако, я обнаружил свидетельства того, что он жив, но где-то заточен. Ничего не можешь мне поведать?

Неожиданно Джилва отвернулась.

— Это оскорбительно, — заявила она. — Намек за твоими словами...

— Прости, но я должен был спросить.

— Мы — благородный Дом. Мы допускаем превратности войны. Однако когда битва закончена, все обиды остаются позади.

— Я прошу прощения, — повторил я. — Знаешь, мы даже в родстве со стороны моей матери.

— Знаю, — сказала она, отворачиваясь. — На этом все, принц Мерлин?

— Да, — ответил я. — Куда мне тебя доставить?

Джилва помолчала секунду, потом промолвила:

— Ты говорил, у тебя два вопроса.

— Забудь. Насчет второго я передумал.

Она вновь повернулась ко мне:

— Почему? Почему я должна забыть? Из-за того, что я защищаю честь семьи?

— Нет. Просто я тебе верю.

— Ну и?..

— Это может повредить еще кое-кому.

— Ты полагаешь, что это опасно, и потому решил не спрашивать меня?

— Многое из происходящего непонятно, а потому может оказаться опасным.

— Ты опять хочешь обидеть меня?

— Небо упаси!

— Задавай свой вопрос.

— Придется кое-что показать тебе.

— Давай.

— Даже если придется карабкаться на дерево?

— Какая разница?

— Следуй за мной.

И тогда я повел ее к дереву и взобрался на него, что в моем нынешнем обличье оказалось делом чрезвычайно простым. Она следовала прямо за мной.

— Выше есть Путь, — сказал я. — Я уже готов следовать им. Дай мне несколько секунд, чтобы освободить место на том конце.

Я подался еще чуть выше — и был таков. Шагнув в сторону, я быстро осмотрел часовню. Похоже, никаких изменений...

Затем рядом возникла Джилва, и я услышал резкий вдох.

— Вот тебе на!

— Я знаю, на что смотрю, — сказал я, — но не знаю, что вижу, если ты меня понимаешь.

— Это храм, — промолвила она, — посвященный духу одного из членов королевского Дома Амбера.

— Да, речь идет о моем отце Корвине. Это то, на что я смотрю. Но что я вижу? Почему, в конце концов, подобная вещь оказывается здесь, во Дворах?

Джилва медленно пошла вперед, глядя на алтарь.

— Вдобавок могу сообщить, что это не единственный подобный храм, который я видел по возвращении.

Она протянула руку и тронула рукоять Грейсвандира. Заглянув под алтарь, обнаружила запас свечей. Выбрав серебряную и укрепив ее в гнезде одного из подсвечников, Джилва зажгла свечу от другой и поставила у Грейсвандира. При этом она что-то бормотала, но я не различал слов.

Когда она вновь повернулась ко мне, на лице ее сияла улыбка.

— Мы оба выросли здесь, — сказал я. — Как же получилось, что ты, похоже, во всем разбираешься, тогда как я ничего не понимаю?

— Ответ весьма прост, господин, — проговорила Джилва. — Ты уехал сразу после войны искать образования в других землях. А святилище — знак того, что возникло в твое отсутствие.

Она взяла меня за руку и подвела к скамье.

— Никто не ожидал, что мы проиграем ту войну. Нас слишком долго убеждали, что Амбер — совсем не грозный противник.

Мы уселись.

— В конце концов поднялась большая смута, — продолжила Джилва, — вызванная той политикой, что привела к поражению и последующему Договору. Хотя ни один Дом и ни одна группировка не могли надеяться на свержение правящей коалиции — тебе ведь известен консерватизм лордов Края. Потребовалось бы много, очень много усилий, чтобы объединить большинство против короны. Но недовольство приняло другие формы. Народ был зачарован нашими покорителями. Закипела торговля военными сувенирами, на ура расходились биографии членов правящей семьи Амбера... В результате все это преклонение приняло форму культа. Стали возникать подобные домовые часовни, посвященные тем правителям Амбера, чьи добродетели приглянулись хозяину.

Джилва помолчала, изучая мое лицо.

— Это слишком сильно отдавало религией, — затем продолжила она, — а с незапамятных времен единственной религией во Дворах был Путь Змея. И Свейвил, руководствуясь очевидными политическими целями, объявил культ Амбера

вне закона, как еретический. Это оказалось ошибкой. Не делай он ничего, мода быстро прошла бы сама собой. Хотя, конечно, сказать наверняка трудно... Так или иначе, объявленный вне закона, культ снова ушел в подполье, и люди стали относиться к нему еще серьезнее — как к символу недовольства. Понятия не имею, сколько культовых часовен спрятано в Домах, но совершенно ясно, что перед нами — одна из них.

— Чудесный социологический феномен, — произнес я. — А твой кумир — Бенедикт.

Джилва рассмеялась:

— Нетрудно было догадаться.

— На самом деле часовню описал мне мой брат Мэндор. Он утверждал, что забрел туда на вечеринке в Хендрейке, не зная, что это такое.

Она усмехнулась.

— Он, должно быть, проверял тебя. Занятия эти долгое время были общеизвестны. И я случайно знаю, что он и сам приверженец культа.

— Правда? Откуда же ты знаешь?

— В былые дни Мэндор не делал из этого тайны — вплоть до всеобщего запрета.

— А кто мог быть его личным кумиром? — осведомился я.

— Принцесса Фиона.

Все любопытней и любопытней...

— И ты действительно видела часовню, ей посвященную?

— Да. До запрета принято было приглашать на службы друзей — всякий раз, когда ощутишь раздражение от королевской политики.

— А после запрета?

— Все публично заявили, что их святыни разрушены. Но многие, думаю, просто упрятали их в укромные уголки.

— А как насчет друзей на обрядах?

— Полагаю, это зависит от того, насколько близок друг, о котором ты говоришь. Понятия не имею, как сейчас поклоняются культу Амбера. — Она махнула в сторону алтаря. — Хотя места, подобные этому, незаконны. Хорошо, что я не знаю, где мы находимся.

— А как насчет связи между объектом поклонения и реальной фигурой? Я бы сказал, что Мэндор действительно неравнодушен к Фионе. Он встречал ее — а я при этом присутствовал. Мне известен кое-кто еще, укравший вещь своего... покровителя?.. и хранящий ее в святилище. И вот это, — я встал, прошел к алтарю и поднял меч Корвина, — подлинный меч отца. Я видел Грейсвандир вблизи, трогал его, держал в руках... Это он. Так вот я и думаю: мой отец пропал, и последний раз, когда я видел его, при нем был этот клинок. Допускают ли догматы культа возможность держать своего кумира в заточении?

— Я ни о чем подобном не слышала, — ответила Джилва. — Но почему бы и нет? Предметом почитания является дух личности. Почему бы не содержать в заточении саму личность?

— Или умертвить?

— Или умертвить, — согласилась она.

— Тогда это все очаровательно, конечно, — сказал я, отворачиваясь от алтаря, — но никак не поможет отыскать мне отца.

Я пошел к Джилве, наступив на то, что должно было изображать Амбер, — стилизация, как на узоре кавказского ковра, в сочетаниях темных и светлых плиток; рисунок, символизирующий Хаос, лежал далеко справа.

— Тебе следует расспросить особу, благодаря которой клинок твоего отца и оказался здесь, — сказала она, поднимаясь.

— Я уже спрашивал того, кого считаю ответственным. И ответ меня не удовлетворил.

Я взял Джилву за руку, чтобы отвести к пути на дерево. И вдруг она подошла совсем близко.

— Буду рада служить нашему новому королю всеми возможными способами. Хотя я не уполномочена говорить от имени всего нашего Дома, уверена, что Хендрейки согласятся помочь тебе надавить на виновника.

— Спасибо, — проговорил я, пока мы обнимались. Ее чешуя была холодной. Клыки ее раскромсали бы мое человеческое ухо, но лишь покусывали его демонический аналог. — Мы еще поговорим, если мне понадобится помощь.

— Обращайся в любое время.

Приятно наслаждаться объятиями — чем мы и занимались, пока я не увидел тень, пробежавшую поблизости.

— Мас-стер Мерлин.

— Глайт!

— Да. С-смотрю, ты опять з-здес-сь. Человеком ли, демоном, большим, маленьким — я уз-знаю тебя.

— Мерлин, что это? — спросила Джилва.

— Старый друг, — сообщил я ей. — Глайт, познакомься с Джилвой. И наоборот.

— С-с удовольс-ствием. Я приш-шла предупредить: с-сюда идут.

— Кто?

— Принцес-са Дара.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Джилва.

— Теперь ты догадываешься, где мы, — сказал я ей. — Не проболтайся.

— Мне дорога моя голова, господин. Что нам теперь делать?

— Глайт, ко мне, — сказал я, вставая на колено и протягивая руку.

Змея заструилась вверх по руке и устроилась поудобнее. Я встал и другой рукой обхватил Джилву. И послал команду в спикард.

А потом задумался. Я понятия не имел, где мы находились — реально, физически, в географических терминах. Путь может доставить тебя к соседней двери или куда-то за тысячи миль от исходной точки; а может, и в Тени. Требуется время, чтобы спикард определил наше местоположение и затем вернул нас обратно, если уж мы собираемся отказаться от этого пути. А вот времени как раз и не было.

Я мог велеть спикарду сделать нас невидимыми, но боялся, что колдовского чутья моей матери хватит, чтобы обнаружить наше присутствие даже за пределами видимого. Поэтому повернулся к ближайшей стене и силой спикарда простерся за нее всеми своими чувствами. Мы не были ни под водой, ни в бездне лавы или зыбучих песков. Кажется, мы находились в лесу. Тогда я подошел к стене и провел нас сквозь нее.

Сделав несколько шагов по тенистой просеке, я оглянулся и обнаружил склон холма, поросшего травой. Мы стояли под голубым небом, оранжевое

солнце находилось недалеко от зенита. Вокруг слышалось пение птиц и жужжание насекомых.

— Кос-стный моз-зг! — в восторге прошипела Глайт, размоталась с моей руки и скрылась в траве.

— Не пропадай надолго! — сказал я ей вслед, стараясь говорить тише, и повел Джилву прочь от холма.

— Мерлин, — промолвила она, — я напугана тем, что узнала.

— Я никому не расскажу. И, надеюсь, ты не расскажешь. Если хочешь, я могу даже удалить эти воспоминания, прежде чем отправлю тебя обратно на церемонию.

— Нет, позволь мне оставить их. Даже жаль, что их, по сути, так немного.

— Я определю наше местонахождение и отправлю тебя назад еще до того, как обнаружат твое отсутствие.

— Позволь остаться с тобой, пока твоя подруга охотится.

Я почти ожидал продолжения: «...вдруг нам никогда больше не суждено встретиться», что было бы вполне уместно, учитывая скоропостижный серфинг Тмера и Таббла по спирали смерти. Но нет, Джилва оказалась тактичной и хорошо воспитанной амазонкой — с более чем тридцатью зарубками на рукояти своего палаша, как я узнал позже, — и смогла удержаться от безвкусных банальностей в присутствии возможного будущего сюзерена.

Когда через какое-то время Глайт вернулась, я произнес:

— Спасибо, Джилва. Теперь я верну тебя на погребение. Если кто-то видел нас вместе и захочет узнать, куда я делся, скажи, что, по моим словам, я собирался удариться в бега.

— Если тебе нужно место, чтобы спрятаться...

— Спасибо, я знаю, что могу на тебя рассчитывать, — сказал я и отправил ее обратно в храм на краю всего сущего.

— Отлич-чный грыз-зун! — прошипела Глайт.

Я приступил к возвращению в человеческое обличье (в нем мне всегда было уютнее, чем в личине демона).

— Пора тебе назад в сад скульптур Савалла.

— Почему туда, мас-стер Мерлин?

— Может, заметишь чувствующий круг света. И если да, обратись к нему: «Призрачное Колесо» — и вели отправляться ко мне.

— Где ему ис-скать тебя?

— Понятия не имею. Но он сметливый, сам сообразит.

— Тогда отс-сылай меня. И ес-сли тебя не съес-ст кто-то побольше, приходи как-нибудь вечерком рас-сказать о своих похож-ждениях.

— Договорились.

Секундная работа — подвесить змею обратно на ее дерево. Трудно понять, когда она шутит — юмор рептилий более чем странен.

Я затребовал свежие одеяния и облачился в серое и пурпурное. Затем вызвал клинки, длинный и короткий.

Любопытно было, чем моя мать занимается в своей тайной часовне, но я решил отказаться от попыток шпионить за ней. Я поднял спикард, с минуту разглядывал его, затем вновь опустил. Если воспользоваться им, чтобы перенестись в Кашфу, это может привести к непредвиденным результатам, ведь я не знаю,

сколько времени прошло и действительно ли Люк по-прежнему там. Я вытащил из траурных одеяний колоду и снял футляр.

Вот и карта Люка... Довольно скоро она начала холодеть, и я ощутил его присутствие.

— Да? Это ты, Мерлин?

Его изображение поплыло и изменилось: он ехал верхом по полузагубленной местности.

— Ага, — ответил я. — Выходит, ты уже не в Кашфе.

— Точно. А ты где?

— Где-то в Тени. Как у тебя дела?

— Будь я проклят, если точно знаю, — отозвался Люк. — Мы следуем черной тропой уже несколько дней, и я тоже могу сказать только одно: где-то в Тени.

— Значит, тропу все-таки нашли?

— Это Найда. Я сам ничего не видел, но она повела меня точно. В конце концов след открылся и мне. Дьявольский нюх у этой девчонки!

— Сейчас она с тобой?

— Конечно. Она говорит, что мы действительно скоро их догоним.

— Тогда лучше перетащи меня к себе.

— Давай.

Люк протянул руку. Я подался вперед, ухватил ее, сделал шаг, отпустил его руку и пошел рядом с ним впереди навьюченной лошади.

— Привет, Найда! — крикнул я; девушка ехала верхом по другую сторону от Люка. Впереди, справа от нее, на черном коне возвышалась какая-то зловещая фигура.

Найда улыбнулась:

— Мерлин!.. Привет.

— Как насчет «Мерль»? — предложил я.

— Если желаешь.

Фигура на темном коне повернулась и уставилась на меня.

Я сдержал смертельный удар, что рефлекторно пронесся через спикард, — пронесся настолько быстро, что это меня испугало. Воздух между нами задымился и наполнился пронзительным визгом, будто от машины, отчаянно тормозящей, чтобы избежать столкновения.

Вот сукин сын!.. Крупный, светловолосый, в желтой рубахе, черных штанах и черных сапогах, весь увешанный холодным оружием. Медальон со львом, терзающим Единорога, прыгал на его широкой груди. Всякий раз, когда я видел этого типа или слышал о нем, он оказывался замешан в чем-то отвратительном, причем пребывал недалеко от Люка, и мог убить того при случае. Мой дядя Далт — внебрачный сын Оберона, прежнего властителя Амбера, этакий Робин Гуд из Эрегнора и заклятый враг Янтарного королевства. За его голову наверняка назначена награда по всему Золотому Кругу. С другой стороны, они с Люком давние приятели, и Люк клялся, что он не настолько ужасен.

Казалось, если он двинется излишне стремительно, напрягшиеся мускулы порвут его желтую рубаху.

— ...ты помнишь моего военного советника Далта, — говорил Люк.

— Помню, — подтвердил я.

Далт посмотрел на черные полосы, что блекли, будто дым, в воздухе между нами, и даже улыбнулся — самую малость.

— Мерлин, — произнес он, — сын Амбера, принц Хаоса, человек, рывший мне могилу.

— Что? — спросил Люк.

— Маленький разговорный гамбит, — объяснил я. — У тебя хорошая память, Далт... на лица.

Он ухмыльнулся.

— Такие пустяки, как разверзшаяся перед тобой могила, забываются с трудом. Но я не собираюсь ссориться с тобой, Мерлин.

— Я тоже — в данный момент.

Тогда он хрюкнул, а я хрюкнул в ответ и решил, что мы вполне уже представлены друг другу.

Я снова повернулся к Люку:

— Сама тропа доставляет вам беспокойства?

— Нет, — ответил он. — Ничего похожего на все те истории, что я слышал о Черной дороге. Временами она выглядит слегка унылой, но никакой реальной угрозы. — Люк посмотрел вниз и усмехнулся. — Конечно, она всего несколько ярдов шириной — в самом широком месте.

— Тем не менее, — пробормотал я, напрягая чувства и изучая эманации тропы логрусским зрением, — могли быть и неприятности.

— Наверное, нам везло, — сказал Люк.

Тут Найда засмеялась, и я почувствовал себя дураком. Во владениях Порядка присутствие ти'иги нейтрализовывало ужасные эффекты пути Хаоса так же, как и мое собственное.

— Полагаю, определенная удача вам сопутствовала, — сказал я.

— Тебе нужен конь, Мерль, — заметил Люк.

— Ты прав, — согласился я.

Я опасался использовать силу Логруса и привлекать к себе внимание. По счастью, уже стало ясно, что спикард можно использовать аналогичным образом. Я вошел в него своей волей, потянулся, вступил в контакт, вызвал...

— Через минуту будет здесь. Ты вроде сказал, что мы нагоняем похитителей?

— Так мне сообщила Найда, — ответил Люк. — У нее поразительный контакт с сестрой — не говоря уже о высокой чувствительности к самому этому пути... И еще она знает массу всего о демонах, — добавил он чуть погодя.

— А мы встретимся с ними? — спросил я у Найды.

— Корэл похитили воины Дворов в демонических обличьях. Похоже, они направляются в башню, там, впереди.

— Как далеко впереди?

— Трудно сказать, поскольку мы пересекаем Тени, — ответила она.

След, отмеченный почерневшими травами и такими же ветвями деревьев и кустарников, свисавшими над ним, вел теперь через холмистую местность; сходя со следа и вновь ступая на него, я обнаружил, что с каждым разом он кажется ярче и теплее. Теперь след, практически незаметный вблизи Кашфы, четко выделялся на окружающем фоне — знак того, насколько мы углубились во владения Логруса.

После одного из очередных изгибов следа где-то в стороне, справа, раздалось тихое ржание.

— Извините, — сказал я. — Время доставки.

Я покинул след и вступил в рощу деревьев с овальными листьями. Спереди доносились фырканье и топот, и по тенистым дорожкам я отправился на звук.

— Подожди! — позвал Люк. — Нам не следует разделяться.

Но лес оказался настолько густым, что было непросто проехать здесь верхом, а потому я лишь завопил:

— Не беспокойтесь! — и нырнул в чащу.

...И, разумеется, он был там.

Полностью оседланный и взнузданный, вожжи запутаны в густой листве... Он ругался по-лошадиному, мотая головой из стороны в сторону и стуча оземь копытами. Я замер, разглядывая его.

Может сложиться впечатление, что я скорее предпочел бы натянуть пару «адидасов» и трусцой побежать сквозь Тень, чем нестись верхом на скотине, полусвихнувшейся от выпавших на ее долю перемен. Или, допустим, ехать на велосипеде. Или скакать на палочке.

Нельзя сказать, что впечатление неверное, хотя человек я обученный и даже, вероятно, совсем недурной наездник. Просто особой нежности к этим животным я никогда не питал.

С другой стороны, я никогда не имел дела с такими изумительными жеребцами, как Джулианов Моргенштерн, отцовский Стар или Бенедиктов Глемденнинг, которые в смысле продолжительности жизни, силы и выносливости относились к обычным смертным коням, как жители Амбера — к жителям большинства Теней.

Я огляделся, но поверженного всадника не обнаружил...

— Мерлин! — донесся оклик Люка, но мое внимание было сосредоточено на животном. Не желая усиливать беспокойство лошади, я приближался медленно. — С тобой все в порядке?

Я просто распорядился насчет коня — чтобы не отстать от своих компаньонов. Сгодилась бы любая старая кляча, жрущая сено. А вместо этого получил прекрасного скакуна с черными и оранжевыми полосами, будто у тигра, мастью напоминавшего черно-красного Глемденнинга. Я понятия не имел, откуда взялся жеребец Бенедикта, — и хорошо, пусть его происхождение останется тайной.

— Мерль! Что-то не так?

Мне не хотелось орать и пугать бедное животное. Я осторожно положил руку ему на шею.

— Все в порядке... Ты мне нравишься. Я тебя отвяжу, и мы будем друзьями, договорились.

Какое-то время я распутывал поводья, другой рукой массируя коню шею. Когда я освободил его, он не отпрянул, но, казалось, продолжал изучать меня.

— Пойдем, — сказал я, подбирая поводья, — вон туда.

Беседуя, я тем же путем повел жеребца обратно. И пока мы выбирались, я вдруг сообразил, что он и вправду мне по душе.

Тут навстречу выскочил Люк с кинжалом.

— Чтоб меня! — воскликнул он. — Неудивительно, что ты так задержался. Ты его раскрашивал!

— А, нравится?

— Если когда-нибудь захочешь от него избавиться, я дам тебе хорошую цену.

— Не думаю, что по своей воле с ним расстанусь.

— Как его зовут?

— Тигр, — ответил я, не задумываясь.

Мы направились к следу, и даже Далт уставился на моего скакуна с чем-то подобным восхищению. Найда протянула руку и погладила черно-оранжевую гриву.

— Теперь есть шанс прибыть вовремя, — сказала она. — Если мы поторопимся.

Я влез в седло и направил Тигра по черному следу. Я ожидал каких-нибудь взбрыкиваний, так как помнил отцовские рассказы об устрашающем воздействии тропы на животных. Но, похоже, ничто моего коня не беспокоило, и я перевел дух.

— Вовремя для чего? — спросил я, как только мы выстроились в боевом порядке: Люк во главе, Далт справа за ним, Найда слева от тропы и я чуть позади, справа от нее.

— Не могу утверждать наверняка, — ответила Найда, — потому что сестра все еще одурманена. И все же я знаю, что она больше не движется, и у меня сложилось впечатление, будто ее похитители нашли убежище в башне, где черный след гораздо шире.

— Гм-м, — произнес я. — Ты, случаем, не замерила скорость изменения ширины следа в расчете на единицу пройденного расстояния?

— Я изучала гуманитарные науки, — с улыбкой заметила она. — Помнишь?

Затем Найда внезапно повернулась и устремила взор в сторону Люка. Он по-прежнему опережал нас на корпус, глядя прямо перед собой... хотя мгновением раньше явно посматривал через плечо.

— Черт тебя возьми! — тихо воскликнула девушка. — Эта поездка с вами обоими заставила меня вспомнить о школе. Я и говорить-то начала...

— По-английски, — подсказал я.

— Я произнесла это по-английски?

— Да.

— Вот проклятье! Одергивай меня, если снова заметишь, хорошо?

— Разумеется, — согласился я. — Похоже, что-то там было для тебя приятное, несмотря на работу, взваленную Дарой. Полагаю, ты единственная ти'ига с ученой степенью Беркли.

— Да, приятное было... Да что говорить — я получала удовольствие, хотя и не могла разобраться, кто из вас кто. То были счастливейшие дни моей жизни — с тобой и с Люком, там, в Беркли. Много лет я пыталась выведать имена ваших матерей, дабы понять, кого мне надлежит защищать. Но оба вы были так чертовски осторожны!..

Я пожал плечами:

— Такие гены... В свою очередь, я наслаждался обществом Винты Бейли — и ценил твою защиту.

— Как я страдала, когда Люк начал ежегодные покушения на твою жизнь! Вроде, окажись он сыном Дары, которого требовалось защищать, это не имело бы значения. Но — имело. Я уже полюбила вас обоих. Все, что я могла сказать, это то, что в вас течет кровь Амбера. Мне не хотелось вредить ни одному из вас. Тяжелей всего было, когда ты пропал, и я пришла к выводу, что Люк заманил тебя в горы Нью-Мексико, чтобы убить. Тогда я уже очень сильно подозревала, что ты именно тот, кого мне надлежит охранять. Я была влюблена в Люка, я влезла в шкуру Дэна Мартинеса, и я не расставалась с пистолетом. Я следовала за вами повсюду, где только можно, зная, что если Люк попытается навредить тебе, то чары, во власти которых я находилась, заставят меня пристрелить любимого человека.

— Однако ты выстрелила первой. Мы просто стояли, беседуя, на обочине. Люк выстрелил в ответ, защищаясь.

— Я знаю. Но все, казалось, указывало на то, что ты в опасности. Он подловил тебя в идеальном для убийства месте, в идеальное время...

— Нет, — возразил я. — Ты дала промах — а сама открылась для ответного удара.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты разрешила проблему вынужденного выстрела в Люка, создав ситуацию, когда он застрелил тебя.

— Я не могла бы сделать этого под чарами.

— Возможно, подсознательно, — сказал я. — И твои действия определяло нечто более сильное, чем чары.

— Ты действительно так считаешь?

— Да, и хорошо, если теперь ты признаешь это сама. Ты освобождена от чар. Мне рассказала мать. Да и ты, кажется, говорила...

Она кивнула:

— Я не знаю, когда и как было снято заклятие. Но это произошло — хотя я по-прежнему стараюсь защитить тебя от опасности. Хорошо, что вы с Люком крепко подружились, и...

— Так к чему тайна? — перебил я ее. — Почему бы не сказать ему просто, что ты — Гейл. Удиви его, черт побери!

— Ты не понимаешь, — возразила она. — Он порвал со мной, помнишь? Теперь снова появился шанс. Он... я очень нравлюсь ему. И я боюсь сказать: «На самом деле я та девушка, которую ты однажды уже бросил». Вдруг он задумается почему — и, чего доброго, решит, что был тогда прав?

— Глупо! — сказал я. — Не знаю, какие он приводил резоны, — он никогда мне об этом не рассказывал, только сообщил, что причина есть. Но не сомневаюсь, что она надуманная. Ты ему очень нравилась. И я уверен, что истинная причина разрыва заключается в том, что сын Амбера, возвращающийся домой с весьма неприглядными целями, не нашел там места для обыкновенной девушки из Тени. Ты слишком хорошо играла свою роль.

— И по той же причине ты порвал с Джулией? — спросила Найда.

— Нет.

— Прости.

Я заметил, что с начала нашего разговора черный след расширился примерно на фут. Как раз теперь появился спрос на математические задачи.

X

Вот так мы и ехали: шесть шагов вдоль по городской улице, средь рева клаксонов, наш черный путь был окаймлен следами шин; четверть мили — по черному песчаному пляжу у тихого зеленого моря, а слева от нас колыхались пальмы; через тусклое снежное поле; под каменным мостом, руслом мертвого, почерневшего потока; затем в прерии; и обратно на лесную тропу... Тигр ни разу не вздрогнул, даже когда Далт пробил сапогом лобовое стекло полицейского «плимута» и сломал антенну.

След, похоже, расширился уже вдвое с тех пор, как я ступил на него. Все чаще попадались окоченевшие деревья, стоявшие на тропе; они выглядели фотонегативами своих ярких сородичей, цветущих всего в нескольких футах от следа. Хотя листья и ветви последних шевелились, не чувствовалось ни дуновения ветерка. Наши голоса и топот лошадиных копыт тоже теперь звучали как-то приглушенно. Мы двигались в постоянном, колышущемся полумраке, хотя буквально в нескольких шагах — мы совершали короткие вылазки — мог быть полдень или глубокая ночь. Мертвые на вид птицы сидели на почерневших деревьях, хотя временами казалось, что они движутся, да и резкие каркающие звуки, что доносились до нас, могли издавать только они.

Однажды справа возникло бушующее пламя, в другой раз по левую руку взгромоздился ледник... Наш путь продолжал расширяться — ничего похожего на Черную дорогу времен войны, что описывал мне Корвин, но уже всем нам можно было скакать бок о бок.

— Люк, — позвал я после долгого молчания.

— Ага, — донеслось слева. Найда скакала справа от меня, и Далт рядом с ней. — Что?

— Я не хочу быть королем.

— Я тоже. А тебя заставляют?

— Боюсь, меня собираются схватить и короновать, как только я вернусь. Все, кто стоял на моем пути, неожиданно скончались. *Кое-кто действительно намерен приковать меня к проклятому трону и женить на Корэл...*

— Ох-ох-ох, — вздохнул Люк. — У меня по этому поводу два вопроса. Во-первых: даст ли это результат?

— Логрус, похоже, думает, что да, хотя бы на время. Во всяком случае, на этом построена вся его политика.

— Второе, — продолжил он. — Даже если ты питаешь к королевским обязанностям то же отвращение, что и я, ты все равно не должен так просто посылать все к чертям, раз способен хоть чем-то помочь, пусть даже это означает какие-то личные страдания. Но уж если ты категорически отказываешься брать трон, то должен принять какое-то альтернативное решение. Какое?

След резко повернул налево и пошел в гору. Я кивнул. Что-то маленькое и темное шмыгнуло через нашу тропу.

— Есть одна мыслишка, даже идеей не назовешь, — сказал я. — Хотелось бы обсудить с отцом...

— Трудная задача. Ты уверен, что он хотя бы жив?

— Я говорил с ним не так давно — очень кратко. Он где-то в заключении. Где-то поблизости от Дворов Хаоса — только оттуда я могу достать его с помощью карты.

— Расскажи мне о вашем контакте.

Так я и сделал: рассказал о черной птице и прочем.

— Похоже, мудрено его оттуда выковырять, — произнес Люк. — И ты полагаешь, что за этим стоит твоя мамочка?

— Ага.

— Я думал, у меня одного эти материнские проблемы...

— И как же это мы вышли такими нормальными? — удивился я.

Несколько секунд он глядел на меня не отрываясь. Затем расхохотался.

— Ну, я-то точно чувствую себя нормальным.

— Конечно, — быстро ответил Люк. — Только это и имеет значение. Послушай, если дойдет до явного противоборства, ты как думаешь, сумеешь одолеть Дару?

— Трудно сказать, — пожал я плечами. — Сейчас, со спикардом, я сильнее, чем когда-либо прежде. Но, похоже, и она чертовски сильна.

— Что еще за спикард?

Я рассказал и об этом.

— Ты поэтому так вызывающе вел себя в храме, сражаясь с Джартом?

— Вот именно.

— Дай посмотреть.

Я попытался снять спикард, но он не слезал с пальца. Тогда я просто вытянул руку.

Люк склонился над ней. Его пальцы застыли в паре дюймов от кольца.

— Он не пускает меня, Мерль. Защищается, чертенок.

— Проклятье! — выругался я. — Не отступлю перед такой ерундой! — Я схватился за спикард и, внезапно сделав свой палец тоньше, стянул кольцо. — Держи.

Не замедляя хода, Люк, прищурив глаза, разглядывал спикард, лежащий у него на ладони. Неожиданно я почувствовал дурноту. Неужели из-за того, что снял кольцо? Я заставил себя выпрямиться, восстановил дыхание, не позволяя ему мне указывать.

— Тяжеленькое, — наконец произнес Люк. — В нем чувствуется сила. И всякое другое. Хотя он меня не впускает.

Я потянулся за кольцом, но Люк отдернул руку.

— Я ощущаю его везде вокруг нас... Мерль, эта штука накладывает чары на того, кто ее носит.

Я пожал плечами:

— Да. Хотя и неопасные. Он не нанес мне никакого вреда, зато не раз здорово помогал.

— Но можешь ли ты доверять тому, что попало к тебе столь странным образом, почти надувательски, заставив тебя отказаться от Фракир, когда она пыталась предупредить о чем-то? И наконец, знаешь ли ты хотя бы, как кольцо влияет на твои поступки, с тех пор как ты надел его?

— Согласен, сначала имела место своего рода дезориентация, — произнес я. — Скорее всего, так проистекало приспосабливание к уровням его напряжений. Через какое-то время я пришел в норму.

— Откуда такая уверенность? Вдруг он прополоскал тебе мозги?

— А что, я сильно похож на безмозглую куклу?

— Ладно, я лишь пытаюсь вбить тебе в голову, что не следует безоглядно доверять чему бы то ни было столь сомнительного происхождения.

— Договорились, — согласился я, протягивая руку. — Но пока выгоды от спикарда перевешивают гипотетические опасности. Считай меня предупрежденным, а я уж рискну.

Люк вернул мне кольцо.

— Учти, если мне покажется, что оно околдовывает тебя, я просто дам тебе по башке и выкину его ко всем чертям!

— Согласен, — сказал я, надевая кольцо. И сразу, как только восстановились линии контроля, ощутил прилив энергии.

— Эх, заставить бы твою мать поделиться информацией!.. — вздохнул Люк. — Как же ты предполагаешь найти и освободить Корвина?

— Какие-то вещи напрашиваются сами собой, — ответил я. — Возможно, простейший способ — вломиться в дверь грубой силой. То есть я открываю все каналы спикарда и вхожу в контакт через карту. И как только возникает любой просвет, я просто ломлюсь туда всей мощью, выжигая любые заклятия, вставшие на моем пути.

— Это может оказаться опасным.

— Ни один безопасный способ мне в голову не приходит.

— Тогда почему ты еще не попытался?

— Меня осенило совсем недавно, с тех пор не было времени.

— Так или иначе, тебе все равно понадобится помощь. Можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, Люк. Я...

— Теперь о делах королевских, — перебил он. — Что произойдет, если ты просто откажешься занять трон? Кто следующий в очереди?

— Когда дело доходит до Саваллов, все оказывается весьма запутанным. Первым от нашего Дома в очереди на престол должен быть Мэндор. Но он давным-давно отказался.

— Прочему?

— Заявил, что не пригоден для правления.

— Не обижайся, Мерль, *но, на мой взгляд, он как раз единственный, кто при*годен для этой работы.

— О, наверняка, — отозвался я. — Хотя в большинстве Домов происходит нечто подобное: обычно существует номинальный глава и глава де-факто, один для показухи, другой для интриг. Мэндору нравится атмосфера закулисных махинаций.

— Похоже, в вашем Доме таких двое, — пробормотал Люк.

— По-настоящему я в этом так и не разобрался. Мне неизвестен нынешний статус Дары ни в Доме ее отца — Хелграме, ни в Доме матери — Хендрейке. Но среди Саваллов может разгореться борьба, если следующий король будет из их Дома. И чем больше я узнаю Мэндора, тем более пугающей кажется мне эта борьба. Полагаю, он с матерью в сговоре.

— Я так понимаю, что следующий в очереди ты, а за тобой — Джарт?

— Вообще-то за мной наш брат Деспил. Джарт говорил, что Деспил, скорей всего, отойдет в сторону, но я думаю, что он принимает желаемое за действитель-

ное. Я совсем не уверен, что Деспил спасует. Как бы то ни было, теперь и Джарт говорит, что не заинтересован в престоле.

— Ха! Скорее, он просто иначе подкрадывается к трону, только и всего. Ты слишком много раз побеждал его, и он старается добиться своего, не ссорясь с тобой. Надеюсь, этот спикард прикроет твою спину.

— Не знаю, — сказал я. — Мне хочется верить ему. Хотя, казалось бы, Джарт давал столько поводов усомниться в этом...

— Допустим, оба вы отказываетесь. Кто следующий?

— Точно не знаю, — ответил я. — Наверное, тогда трон переходит к Хендрейкам.

— Проклятье! — выругался Люк. — Такая же путаница, как в Амбере, да?

— Как раз никакой путаницы — ни там, ни здесь. Просто слегка непонятно, пока во всем разбираешься.

— Что ж, я буду слушать, а ты вслух разбирайся.

— Отличная мысль.

Я рассказывал долго, прерываясь лишь затем, чтобы вызвать хлеба да воды. За это время мы дважды останавливались, и тогда мне становилось понятно, как я устал. А беседа с Люком снова напомнила мне, что надо бы поговорить обо всем с Рэндомом. Но если я войду с ним в контакт и объясню ситуацию, он наверняка прикажет мне возвращаться в Амбер. Я не смогу ослушаться прямого приказа короля, хотя и сам без пяти минут король — на противоположном полюсе.

— Мы приближаемся, — наконец возвестила Найда.

Наш путь стал еще шире, почти такой, как она описывала. Я вобрал в себя здоровенную порцию энергии, усвоил ее и приготовился к действиям.

Вскоре девушка заметила:

— Совсем близко.

— Прямо за углом? — спросил Люк.

— Возможно, Корэл одурманена, я не могу сказать более определенно.

Чуть позже мы услышали отдаленные крики.

Люк натянул поводья.

— Там что-то вроде башни, — сказал он.

Найда кивнула.

— Они направляются к ней или уже залегли там и намерены защищаться?

— Все сложнее, — ответила она. — Теперь я понимаю. Ее похитители подверглись преследованию, направились к убежищу и теперь находятся в нем.

— Как это ты так точно выяснила?

Найда кинула на меня быстрый взгляд, который я воспринял как просьбу объяснить это чем-нибудь помимо способностей ти'иги.

— Я использовал спикард, — выдвинул я свой вариант, — пытаясь понять, не смогу ли я усилить ее зрение.

— Хорошо, — кивнул Люк. — А нельзя ли добавить еще, чтобы мы смогли уяснить, кто нам противостоит?

— Попробую, — сказал я, вопросительно косясь на Найду. Она ответила почти незаметным кивком. Я не был до конца уверен, как тут действовать, и тогда просто подпитал ее энергией так же, как прежде самого себя.

— Да, — произнесла она чуть позже. — Корэл и ее похитители — их шестеро, я полагаю, — спрятались в башне неподалеку отсюда. Их атакуют.

— И много там атакующих? — осведомился Люк.

— Немного. Совсем немного. Не могу назвать точное число.

— Давайте пойдем и взглянем, — предложил Люк и направился вперед; Далт последовал за ним.

— Трое или четверо, — шепнула мне Найда. — Призраки Пути. Вероятно, это максимум, который он способен подпитывать на таком отдалении от дома, на Черной дороге.

— Да-а, — протянул я. — Запутанная история.

— То есть?

— Выходит, мои родственники находятся по обе стороны фронта.

— Скорее всего, призраки Амбера и демоны Дворов Хаоса — всего лишь посредники, а на самом деле противостоят друг другу Логрус и Путь.

— Проклятье! Конечно! — воскликнул я. — Следует предупредить Люка, куда мы скачем.

— Нельзя! Тогда придется сказать, кто я такая!

— Я скажу ему, что сам узнал — освоил новое заклинание.

— Но что потом? На чьей ты стороне? Что нам делать?

— Ни на чьей, — ответил я. — Мы сами по себе и против обоих.

— Ты сумасшедший! Тебе даже не спрятаться! Силы поделили Вселенную между собой!

— Люк! — закричал я. — Я только что прощупал все впереди и убедился, что атакующие — призраки Пути.

— Неужели? — отозвался он. — Думаешь, нам следует занять их сторону? Может, пусть лучше Корэл вернет Путь, нежели захватят Дворы, как полагаешь?

— Не годится, — возразил я. — Давай не дадим ее никому.

— Я понимаю твои чувства, — ответил Люк. — Но что будет, если мы добьемся цели? Честно говоря, мне совсем не хочется получить по башке метеоритом или отправиться на дно ближайшего океана.

— Насколько я могу судить, спикард черпает энергию не из Пути или Логруса. Его источники рассеяны в Тени.

— Ну и что? Он наверняка не в силах противостоять ни Логрусу, ни Огненному Пути даже по отдельности, а тем более тому и другому вместе.

— Верно, но я могу использовать его, чтобы замести следы. Им придется выбирать свою дорогу, если они решат нас преследовать.

— Но в конце концов нас обнаружат, не так ли?

— Может, и нет, — сказал я. — У меня есть кое-какие идеи...

— Далт, ты слышал все это?

— Да, — отозвался Далт.

— Если хочешь смыться, сейчас самое время.

— И упустить удобный случай накрутить хвост Единорогу? — сказал он. — Поскакали!

Мы тронулись, и с каждым шагом крики становились все громче. Впрочем, звуки были приглушены, краски потускнели; вокруг царило ощущение некоего вневременья, как будто мы скачем и будем скакать здесь вечно...

Затем мы повернули, и я увидел вдалеке верхушку башни. Крики усилились. Приблизившись к следующему повороту, мы замедлили шаг и уже с большей ос-

торожностью двинулись через молодую рощу черных деревьев. В конце концов мы остановились, спешились и продолжили свой путь пешком.

Раздвинув ветви деревьев на краю рощи, мы обнаружили пологий склон, спускающийся на почерневшую песчаную равнину близ трехуровневой сумрачной башни с окнами-щелями и узким входом. Не потребовалось много времени, чтобы разобраться в выразительной картине у ее подножия.

Две демонические личности стояли по обе стороны от входа. Они были вооружены, и, казалось, их внимание сосредоточено на схватке, что кипела на песке перед ними. Знакомые фигуры стояли по краям этой импровизированной арены: Бенедикт невозмутимо потирал подбородок, Эрик сидел на корточках и улыбался, Кейн задумчиво жонглировал кинжалом, подкидывал, ловил, перебрасывал из руки в руку; лицо его сияло довольством. С вершины башни склонились два рогатых демона; взгляды их были так же напряжены, как взгляды призраков Пути Амбера.

Посреди арены стояли лицом друг к другу Джерард и отпрыск Хендрейков, не уступавший ему ростом, но значительно превосходящий в обхвате. Похоже, это был сам Чайнуэй, который, по слухам, обладал коллекцией из более чем двухсот черепов тех, кто стоял у него на пути. Лично мне больше по душе была коллекция Джерарда в тысячу или порядка того же кружек, чарок и рогов...

Оба были по пояс обнажены, и по истоптанному песку вокруг них я догадался, что они топчутся уже какое-то время. Чайнуэй пытался сбить Джерарда с ног, но, как только шагнул за спину соперника, был схвачен за голову и руки; затем, отброшенный в сторону, полетел кувырком. Благородный демон тут же вскочил на ноги и немедленно кинулся на врага, вытянув руки, плетущие извилистый узор. Джерард просто ждал, готовый отразить нападение. Чайнуэй пытался пронзить когтистыми пальцами глаза Джерарда и получил удар по ребрам. Однако не упал, так как Джерард удержал его за плечо и обхватил его ляжку.

— Давайте подождем, — тихо сказал Далт. — Я хочу посмотреть.

Мы с Люком кивнули, в то время как Джерард стиснул голову Чайнуэя, а тот свободной рукой обхватил талию Джерарда. Так они и стояли; мускулы вздулись под кожей: у одного — бледной и гладкой, у другого — красной и чешуйчатой. Легкие противников работали будто мехи.

— Надо полагать, дело затянулось, — прошептал Люк, — и они решили покончить с ним, выставив лучших бойцов.

— Похоже, что так, — согласился я.

— Корэл внутри, как ты думаешь?

— Подожди минуту.

Я быстро ввел в башню мысленный зонд и обнаружил там двоих. Тогда я кивнул:

— Она и, по-моему, единственный стражник.

Джерард и Чайнуэй по-прежнему стояли будто статуи.

— Сейчас, наверное, самое время утащить Корэл, — произнес Люк, — пока все захвачены поединком.

— Полагаю, ты прав, — кивнул я. — Посмотрим, смогу ли я стать невидимым. Это бы упростило задачу.

— Отлично! — воскликнул он четверть минуты спустя. — До сих пор что ты ни делаешь, все получается. Ты невидим.

— Это точно, — сказал я. — Скоро вернусь.

— Как ты вытащишь ее оттуда?

— Решу, когда доберусь. Будьте наготове.

Я пошел медленно, осторожно, чтобы не поднимать песок. Сделал круг, пройдя за спиной Кейна, непрерывно озираясь, бесшумно приблизился к двери башни. Джерард и Чайнуэй все так же стояли, сцепившись и прикладывая неимоверные усилия, дабы побороть друг друга.

Проскользнув между стражниками, я оказался в сумраке башни. Первый этаж состоял из единственной круглой комнаты с земляным полом и каменными выступами под высокими бойницами. На второй этаж сквозь отверстие в потолке вела лестница. Корэл лежала на одеяле слева от меня; личность, которая якобы охраняла ее, стояла на выступе у ближайшего окна и наблюдала за схваткой.

Я подошел ближе, опустился на колени, взял левое запястье девушки и нащупал пульс. Он был сильный и ровный. Все же я решил не будить Корэл. Вместо этого я завернул ее в одеяло, взял на руки и поднялся.

Я уже был готов распространить на нее заклинание невидимости, когда наблюдатель у окна повернулся. Должно быть, поднимая ее, я нашумел.

Мгновение страж пялился на свою пленницу, парящую в воздухе. Затем он открыл рот, дабы поднять тревогу; ничего не оставалось, как парализовать его нервную систему зарядом из спикарда.

К несчастью, падение стражника с каменного выступа на пол сопровождалось грохотом оружия. Почти тотчас сверху раздались крик и звуки быстрых движений.

Повернувшись, я устремился к двери, хотя и замешкался, поворачиваясь в узком проеме. Я не имел представления, что подумает наружная стража, когда мимо проплывет бесчувственная Корэл, но мне очень не хотелось оказаться в ловушке в башне.

Выглянув в бойницу, я обнаружил, что Джерард и Чайнуэй, похоже, так и не сменили позу. Чуть позже, однако, когда я сделал первый робкий шаг, Джерард неожиданно предпринял резкое выкручивающее движение, сопровождавшееся звуком, будто треснула *доска*.

Джерард опустил руки и выпрямился. Тело Чайнуэя с неестественно вывернутой шеей боком ударилось оземь. Эрик и Кейн зааплодировали. Два стражника у дверей дернулись вперед. У меня за спиной, на другом конце комнаты, загремела лестница. Послышался крик.

Еще два шага, и я повернул налево. Наружная стража устремилась к поверженному бойцу. Полдюжины шагов — и новые крики за спиной, когда мои преследователи выскочили из башни; вопли демонов смешались с человеческими, донесшимися с арены, где произошло убийство.

Я понимал, что с такой ношей мне не убежать ни от тех, ни от других; при этом необходимость двигаться мешала сосредоточиться на исполнении магических действий.

Тогда я упал на колени, опустил Корэл на землю, повернулся, даже не поднимаясь, и вытянул левый кулак, разумом глубоко погружаясь в спикард, взывая к крайним мерам, способным остановить пару головорезов Хендрейков, которые, обнажив оружие, теперь были совсем рядом.

...А затем их охватило пламя. Наверное, они визжали, но вокруг уже стоял невообразимый гам. Еще два шага, и бедолаги упали передо мной, чернея и судорожно дергаясь. Мои руки тряслись от близости сил, что вызвали это, но не было времени даже подумать и ощутить произошедшее, когда я повернулся к песчаной арене и тому, что могло грозить мне оттуда.

Один из двух стражей, что ринулись вперед, тлел на земле у ног Эрика. Другой — видимо, атаковавший Кейна — схватился за рукоятку ножа, торчавшего у него в глотке; языки пламени, исходящие из раны, окутывали стража со всех сторон, пока он медленно оседал и наконец опрокинулся на спину.

Тотчас же Кейн, Эрик и Бенедикт повернулись в мою сторону. Джерард, уже натянувший голубую рубаху, надевал перевязь. Он тоже обернулся, когда Кейн произнес:

— А вы, сэр, кто еще такой?

— Мерлин, — отозвался я. — Сын Корвина.

Теперь Кейн выглядел пораженным.

— У Корвина есть сын? — спросил он у остальных.

Эрик пожал плечами, а Джерард ответил:

— Не знаю.

Бенедикт внимательно меня изучал.

— Сходство имеется, — произнес он.

— Действительно, — кивнул Кейн. — Ну хорошо, мальчик. Даже если ты сын Корвина, та женщина, с которой ты удираешь, принадлежит нам. Мы только что честно и благородно выиграли ее у этих хорошо прожаренных типов из Хаоса.

С этими словами он направился ко мне. К нему присоединился Эрик. Следом ступил Джерард. Я не хотел причинять им вред, пусть даже это были всего лишь призраки, поэтому взмахом руки обозначил линию на песке перед ними; оттуда вырвалось пламя.

Они остановились. Неожиданно слева от меня возникла огромная фигура — Далт с обнаженным клинком в руке. Мгновение спустя показался Люк. За ним Найда. Четверо против четверых, разделенные огненной стеной.

— Теперь она наша, — сказал Далт и сделал шаг вперед.

— Вы ошибаетесь, — последовал ответ, и Эрик пересек огненную черту, вынимая оружие.

Далт был на пару дюймов выше Эрика, шире был и его размах. Он немедленно бросился вперед.

Я ожидал рубящего удара от огромного клинка, что Далт держал в руках, но последовала колющая атака. Эрик, с клинком более легким, сделал шаг в сторону и зашел противнику под руку. Далт опустил кончик лезвия, отклонился в сторону и парировал удар.

Их оружие подходило для совершенно различных стилей борьбы — Эрик орудовал самой тяжелой рапирой, Далт — самым легким палашом, управляться с которым одной рукой мог только достаточно крупный и сильный парень, мне бы пришлось держать его обеими руками.

Затем Далт попробовал рубануть вверх тем приемом, который японские фехтовальщики называют «кириаге». Эрик просто отступил назад и, увернувшись, попробовал нанести ответный поворотом запястья. Неожиданно Далт взял ру-

коять обеими руками и нанес слепой удар, известный как «нанаме гири»*. Эрик продолжал кружить, действуя одним запястьем.

Внезапно Далт отвел назад правую руку, одновременно отступая правой ногой, встал в левостороннюю европейскую позицию en garde и выбросил вперед руку с клинком, нанося удар по устремившемуся навстречу клинку Эрика.

Тот парировал; правая нога зашла за левую, и Эрик отпрыгнул назад. Я увидел искру, когда смялась гарда его рапиры. Тем не менее ложным броском in sixte он парировал следующий удар, вытянул руку in quarte, взметнул клинок в подобии защитного выпада, целясь в левое плечо; парирующие удары встретились, и он, повернув запястье, полоснул Далта по левому предплечью.

Кейн захлопал, но Далт лишь скрестил руки, вновь развел их и, чуть подпрыгнув при этом, занял правостороннюю позицию en garde. Острием рапиры Эрик рисовал круги в воздухе и улыбался.

— Маленький танец в оригинальном жанре, — сказал он.

Затем Эрик сделал выпад, Далт отразил; Эрик отступил, шагнул в сторону, пнул Далта по коленной чашечке, промазал и вовремя увернулся от рубящего удара по голове. Перейдя на японский стиль, он ринулся слева к превосходящему его габаритами противнику в маневре, виденном мною при исполнении упражнения кумачи*; его лезвие взметнулось и упало, в то время как удар Далта прошел мимо.

Правое предплечье Далта внезапно увлажнилось, чего я не замечал, пока Эрик не повернул оружие, отведя клинок вперед и вверх. Затем, прикрывая гардой костяшки пальцев, он двинул Далта кулаком слева по челюсти, пнул его под колено и толкнул левым плечом. Далт споткнулся и упал. Эрик тут же принялся пинать его — по почкам, по локтю, по бедру — последнее только потому, что промазал по коленцу, потом прижал сапогом палаш Далта и приставил рапиру к сердцу противника.

Я вдруг сообразил, что все это время надеялся: Далт все-таки даст Эрику по заднице — и не по той причине, что он был на моей стороне, а Эрик нет, а за те страдания, что тот принес моему отцу. С другой стороны, вряд ли вокруг слишком много мастеров надавать по заднице. К несчастью, двое из них стояли по другую сторону нарисованной мной черты. Эрика мог побороть Джерард. Бенедикт, Мастер Оружия Амбера, мог побить его в два счета. Но даже с ти'игой на нашей стороне у нас было немного шансов одолеть их всех, да еще и с Кейном в придачу. И если бы я вдруг сообщил Эрику, что Далт — его сводный брат, это бы ни на мгновение не замедлило удар.

Тогда я принял единственно возможное решение. В конце концов, мы имели дело лишь с призраками Пути. Настоящие Бенедикт и Джерард сейчас где-то в другом месте, и вреда им не будет, что бы я ни сотворил с их двойниками. Эрик же и Кейн давно мертвы; Кейн — герой-братоубийца войны Падения Пути и прообраз статуи, недавно установленной в память о том, как отомстил ему Люк за убийство своего отца. А Эрик, разумеется, нашел свой геройский конец на склонах Колвира, избежав, я полагаю, таким образом смерти от руки моего отца.

Вся кровавая история моей семьи промелькнула у меня в голове, пока я давал спикарду добавочную команду, вызывая новую испепеляющую волну, что уже поглотила двух моих хендрейкских родичей.

По моей руке будто врезали бейсбольной битой, из кольца вырвалась струя дыма.

Мгновение четверка моих честных дядюшек стояла не шевелясь. Пятый по-прежнему лежал навзничь. Затем Эрик медленно поднял клинок. Он все еще поднимал его, когда Бенедикт, Кейн и Джерард начали вытаскивать свои. Эрик выпрямился, держа рапиру у лица. Остальные сделали то же самое.

Это выглядело странно, будто салют; а затем взгляд Эрика встретился с моим.

— Я знаю тебя, — произнес он.

И, завершив действо, мои родственники из Амбера стали блекнуть, превратились в дым и улетели прочь.

Далт истекал кровью, у меня болела рука, и я осознал, что произошло, в тот момент, когда Люк, судорожно вздохнув, сказал:

— Пронесло.

Линия огня уже потухла, и за оставленным ею следом, там, где только что стояли мои испарившиеся родственники, начал мерцать воздух.

— Сейчас явится призванный ими Путь, — сообщил я Люку.

Секундой позже Знак Пути уже парил перед нами.

— Мерлин, — сказал он, — ты слишком много суетишься.

— Последнее время моя жизнь была весьма напряженной, — ответил я.

— Ты воспользовался моим советом и покинул Дворы Хаоса.

— Да, это показалось благоразумным.

— Но я не понимаю твоих нынешних целей.

— Что тут понимать?

— Ты отбил леди Корэл у посланцев Логруса.

— Верно.

— Затем ты точно так же попытался оградить ее от моих агентов.

— И это правильно.

— Ты должен понять, что она несет в себе нечто, способствующее равновесию сил.

— Да.

— Поэтому один из нас должен обладать ею. Тем не менее ты намерен отказать нам обоим.

— Да.

— Почему?

— Я забочусь о Корэл. У нее есть права и чувства. А вы обращаетесь с ней, как с фишкой в игре.

— Согласен. Я понимаю, что она — личность, но, к сожалению, фишкой она стала тоже.

— Тогда мне придется отказать вам обоим. Ничего не изменится, если она не достанется ни одному из вас. И я предпочитаю вывести ее из игры.

— Мерлин, ты более важная фишка, чем она, но все же только фишка, и не смеешь мне указывать. Ты понимаешь?

— Я понимаю свою ценность для тебя, — сказал я.

— Я думаю, нет, — ответил Знак Пути.

Мне тут же стало любопытно, насколько он действительно силен в этом месте. Казалось очевидным, что с точки зрения расхода энергии ему пришлось убрать четырех своих призраков, чтобы проявиться самому. Не слишком ли большой риск — противостоять ему, открыв каналы спикарда? Я никогда не пробо-

вал подступиться ко всем контролируемым спикардом источникам Тени одновременно. Если сделать это, смогу ли я пробить заслоны Пути? А если нет, сумею ли забрать нас всех отсюда, прежде чем Путь спохватится? А в случае неожиданного успеха — куда нам потом податься?

Наконец, как это может повлиять на отношение Пути ко мне? («...Если тебя не съест кто-то побольше, приходи как-нибудь вечерком рассказать о своих похождениях».)

Один черт, решил я. Подходящий день испытать судьбу.

Я открыл все каналы. Чувство было такое, будто я бежал в хорошем темпе — и вдруг в шести дюймах передо мной возникла кирпичная стена. Я ощутил удар и отключился.

Я лежал на гладком, холодном камне. Ужасающий напор сил в сознании и в теле. Я достиг их источника и взял силы под контроль, приглушая до уровня, не угрожающего снести мне макушку. Затем слегка приоткрыл глаза.

Небо было ослепительно синим. Я увидел пару сапог, стоящих в нескольких футах от меня и повернутых ко мне носками. Я распознал в них сапоги Найды и, чуть повернув голову, увидел, что она в них и обута. Затем я также увидел, что в нескольких ярдах слева распростерся Далт.

Найда тяжело дышала, и мое логрусийское зрение обнаружило угрожающий бледно-красный свет вокруг ее трепещущих рук.

Приподнявшись на левом локте и посмотрев вокруг, я заметил, что она стоит между мною и Знаком Пути, парящим в воздухе примерно в десяти футах.

Когда он снова заговорил, я впервые услышал в его голосе нечто, похожее на удовольствие:

— Ты пытаешься защитить его от меня?

— Да, — отозвалась Найда.

— Почему?

— Я делала это так долго, что было бы стыдно подвести его именно тогда, когда он действительно нуждается в защите.

— Создание Преисподней, знаешь ли ты, где стоишь?

— Нет, — сказала она.

Я смотрел мимо них на идеально чистое синее небо. То, на чем я лежал, было ровным участком скалы в несколько сот метров шириной, обрывающейся в ничто. Быстро повернув голову, я убедился, что скала, во всяком случае, откололась от склона горы; несколько темных впадин указывали на то, что там, возможно, были пещеры. Я увидел лежащую позади меня Корэл и заметил какое-то движение за Найдой и Знаком Пути. Это Люк пытался подняться на колени.

Я мог бы запросто ответить на вопрос, заданный Найде, но в этом не было никакого резона. Во всяком случае сейчас, когда она отвлекала на себя внимание и обеспечивала решающую передышку.

В камне слева от меня вились золотисто-розовые прожилки, и, хотя я никогда не был здесь, я вспомнил описание из рассказа моего отца и понял, что это место изначального Пути, глубочайший уровень реальности, что лежит в основе самого Амбера.

Я встал на четвереньки и пополз в сторону моря, в сторону Пути.

— Ты на другом конце Вселенной, ти'ига, в месте моей величайшей силы.

Далт застонал, перевернулся и сел, потирая глаза.

Я ощущал какую-то вибрацию на самой границе слышимости, исходящую от Найды; девушку целиком охватило красноватое свечение. Я знал, что она умрет, раз напала на Знак, и понимал, что сам нападу на него, если он убьет ее.

Застонала Корэл.

— Ты не причинишь вреда моим друзьям! — отчеканила Найда.

Я вспомнил оплеуху, отвешенную мне Знаком, прежде чем я смог воспользоваться спикардом, — тогда-то он и переправил нас в свою твердыню. Значит ли это, что я действительно могу одолеть его вдалеке отсюда, на территории Логруса, где Путь слабее?

— Создание Преисподней, — обратился он к Найде, — столь отчаянный патетический жест, как твой, граничит с героизмом. Я испытываю к тебе определенную симпатию и не отказался бы иметь такого друга. Нет, я не причиню вреда твоим товарищам. Но я вынужден задержать здесь Корэл и Мерлина, как противодействующих силе, а остальных — по политическим причинам, пока не уляжется дискуссия с моим противником.

— Задержать? — повторила Найда. — Здесь?

Я осторожно поднялся на ноги, ощупывая ремень в поисках кинжала.

Люк встал и, подойдя к Корэл, опустился перед ней на колени.

— Ты очнулась? — спросил он.

— Как будто.

— Можешь встать?

— Наверное.

— Давай я помогу тебе.

Пока Люк помогал Корэл, поднялся и Далт. Я продолжал двигаться в сторону узора. Где, черт побери, Дворкин, когда он действительно необходим?!

— Ты можешь войти в пещеры за твоей спиной и проверить помещения, — сказал Знак, — но сначала ты должен снять кольцо, Мерлин.

— Нет, сейчас не время распаковывать вещи и устраиваться поудобнее, — ответил я, надрезая себе кинжалом левую ладонь и делая последний шаг. — Мы надолго не задержимся.

Знак Пути издал звук, подобный слабому раскату грома, но не было ни молнии, ни всего того, чего я ожидал в миг, когда он сообразит, что именно я сжимаю в руке.

— Фокус, которому меня научил отец Люка, — объяснил я. — Давай поговорим.

— Да, — сказал Знак Пути. — Как благоразумные существа, каковыми мы являемся. Не желаешь ли подушек?

Немедленно рядом появились три пуфика.

— Спасибо, — сказал я, пододвигая к себе зеленый. — Я бы не отказался от охлажденного чая.

— С сахаром?

XI

Я держал левую руку над Огненным Путем, сложенная лодочкой ладонь была наполнена кровью. Знак Пути парил передо мной в воздухе, совершенно забыв про Корэл, Найду, Далта и Люка. Я потягивал чай из покрытого изморозью стакана; среди колотого льда лежала веточка свежей мяты.

— Принц Мерлин, — начал Путь, — скажи мне, каковы твои желания, и мы быстро все уладим.

— О, не стоит беспокоиться, — произнес я, качнув ладонью; красная капля поползла по запястью. — Тем не менее спасибо.

Знак Пути задрожал, потом успокоился.

— Принц Мерлин, сейчас у тебя преимущество, но вряд ли ты до конца осознаешь смысл своей угрозы. Несколько капель твоей крови на моем физическом узоре способны разрушить порядок Вселенной.

Я кивнул.

— Знаю.

— Хорошо, — промолвил Знак Пути. — И каковы же твои условия?

— Мое условие — свобода, — ответил я. — Отпусти нас, и останешься в целости и сохранности.

— Нет ничего проще. Далта отправляй, куда пожелаешь. Что же касается девушки-демона, я уступаю ее с сожалением, ибо чувствую, что она могла бы составить хорошую компанию...

Люк пристально оглядел Найду.

— Что еще за «создание Преисподней» и «девушка-демон», черт побери? — спросил он.

— Ну, есть некоторые вещи, которых ты обо мне не знаешь... — отозвалась Найда.

— И это длинная история?

— Да.

— Тебя ко мне приставили? Или я тебе действительно нравлюсь?

— Никто меня к тебе не приставлял, и ты действительно нравишься мне.

— Тогда мы послушаем твою историю позже, — вздохнул он.

— Итак, забирай ее, — продолжил Знак. — И Далта. И Люка. Буду счастлив отправить этих троих, куда пожелаешь. Что же касается тебя, то вам с Корэл, возможно, здесь будет безопасней, чем где бы то ни было.

— Возможно. А возможно, и нет, — ответил я. — Корэл, как ты к этому относишься?

— Забери меня отсюда, — попросила она.

— Достаточно ясно. Теперь...

— Подожди. Ты хочешь быть честным по отношению к своим друзьям, не правда ли?

— Разумеется.

— Тогда позволь мне указать на некоторые обстоятельства, которые они могли не принять во внимание.

— Давай.

— Леди Корэл, — сказал Знак, — им там, во Дворах Хаоса, нужен ваш глаз. Ваши желания тут не играют никакой роли. Если этого можно добиться, только лишив вас свободы, значит, так и произойдет.

Корэл тихо рассмеялась:

— Альтернатива тому — остаться твоей пленницей?

— Считай себя гостьей. Я обеспечу тебе любые удобства. Разумеется, для меня в таком положении дел будет явный выигрыш, не говоря уж о том, что я лишу противника твоего участия. Не спорю. Но ты должна выбрать одну из сторон, иначе неминуемо попадешь во власть другой.

Я посмотрел на Корэл, она слегка покачала головой.

— Итак, что будем делать? — осведомился я.

— Забери меня отсюда, — повторила Корэл.

— Ты слышал, — сказал я Знаку. — Уходят все.

— Молю о снисхождении еще на миг! — воззвал ко мне Знак.

— Зачем?

— Обсудим. Выбор между мной и Логрусом — не просто вопрос политики: кому достанется эта особа или как выполнить конкретную работу. Я и мой противник представляем два фундаментальных принципа, посредством которых существует Вселенная. Ты можешь лепить на нас ярлыки существительных и прилагательных большинства языков и дюжин наук, но по сути мы представляем Порядок и Хаос — аполлоническое и дионисийское начала*, если угодно; или разум и чувства, если больше нравится так; безумие и рассудок; свет и тьму; сигнал и шум. Впрочем, точно так же это может означать, что ни один из нас не ищет исчезновения другого. Электрический стул или шаровая молния, классицизм или анархия, каждый из нас следует единственным курсом, и без другого эта дорога приведет к смерти. Оба мы знаем это, и та игра, в которую мы играем с начала всех начал, куда более тонкая штука; в итоге ее, возможно, следует судить только эстетически.

Сейчас я добился существенного перевеса над моим исконным противником — впервые за века. В нынешнем положении я могу воплотить в жизнь мечту историков всех Теней — эпоху высокой цивилизации и культуры, что никогда не будет забыта.

Склонись чаша весов в другую сторону, нас ожидал бы поворот к временам, подобным, как минимум, ледниковым. Когда я говорю о вас, как о фигурах в игре, это не умаляет вашей роли. Ибо настало время великой неустойчивости, когда Камень и человек, ставший королем, не будут едины. Останься со мною, и я обещаю Золотой Век, о котором говорил, и твою видную в нем роль... Уйдешь, и тобой завладеет другая сторона. Наступят Тьма и Хаос. Что предпочтете?..

Люк улыбнулся.

— Из тебя вышел бы отличный коммивояжер, — сказал он. — Сведем все к простому выбору. Пусть думают сами.

Корэл стиснула мое плечо.

— Мы уходим, — заявил я.

— Очень хорошо, — отозвался Знак. — Сообщи мне, куда вы хотите попасть, и я всех вас туда отправлю.

— Не всех, — неожиданно возразил Люк. — Только их.

— Не понимаю. А ты?

Люк вытащил кинжал и полоснул им ладонь. Потом приблизился и встал рядом со мной, вытянув руку над узором.

— Если мы уйдем, прибыть на место могут только трое, — сказал он. — Я останусь здесь и составлю тебе компанию, пока ты не отправишь моих друзей.

— Как ты узнаешь, что я совершил это надлежащим образом?

— Хороший вопрос, — кивнул Люк. — Мерль, у тебя есть при себе карты?

Я вытащил колоду и показал ему.

— Моя по-прежнему там?

— Последний раз была.

— Тогда достань ее и держи наготове. Прежде чем уйти, представь себе свое следующее движение. Оставайся в контакте со мной, пока все не будет сделано.

— А что ты, Люк? Не можешь же ты сидеть здесь вечно кровавой угрозой Пути. Это лишь временный пат. Рано или поздно ты сдашь позиции, и тогда...

— В этой колоде все еще есть лишние карты?

— Что ты имеешь в виду?

— Те, о которых ты как-то упоминал как о картах Судьбы.

— Да, — сказал я. — Исполнены великолепно. Ни за что не стал бы их сбрасывать.

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Собери их, и я устрою тебе персональную выставку в Амбере.

— Серьезно? Или ты просто говоришь, потому что...

Знак Пути оглушительно заворчал.

— Повсюду критиканы, — заметил Люк. — Ладно. Вытащи все карты Судьбы.

Я так и сделал.

— Слегка перемешай. Держи их рубашкой вверх, пожалуйста.

— Хорошо.

— Разверни. — Он наклонился, взял карту. — Хорошо. У меня все. Когда будешь готов, скажи ему, куда вас отправить. Не прерывай контакт. Эй, Путь, я тоже хочу чаю со льдом.

У его правой ступни возник заиндевевший бокал. Люк нагнулся, поднял бокал и сделал глоток.

— Благодарю.

— Люк, — сказала Найда, — я не понимаю, что происходит.

— Ничего особенного, — отозвался он. — Не плачь по мне, девушка-демон. Увидимся.

Люк взглянул на меня и дернул бровью.

— Отправь нас в Джидраш, — велел я, — в Кашфу, на площадку между дворцом и церковью.

Я держал карту Люка в окровавленной левой руке, рядом с гудящим спикардом. Я ощутил ее холод, когда Люк добавил:

— Ну, не слышал, что ли?

Мир свернулся и развернулся, и было свежее, ветреное утро *в Джидраше*.

Не теряя с Люком контакта через карту, я открывал на кольце канал за каналом.

— Далт, я вполне могу оставить тебя здесь, — сказал я. — И тебя тоже, Найда.

— Нет, — ответил гигант.

А Найда вскрикнула:

— Подожди!

— Вы оба уже сошли со сцены, — объяснил я. — Ни одна сторона в вас больше не нуждается. Но Корэл я собираюсь определить в какое-нибудь безопасное место. Себя тоже.

— Ты — центр игры, — сказала Найда. — И, помогая тебе, я могу помочь Люку. Возьми меня с собой.

— Я думал то же самое, — проговорил Далт. — Все же я очень многим обязан Люку.

— Хорошо, — кивнул я. — Эй, Люк! Ты слышишь все это?

— Да, — отозвался он. — А теперь лучше займись своими делами... Вот черт! Разлил...

Его карта почернела.

Я не ждал мстящих ангелов, языков пламени, сверкающих молний или разверзшейся земли. Я очень быстро вытащил нас из сферы влияния Пути.

И очутился на высокой траве под высоким деревом. Мимо плыли клочья тумана. Ниже искрился отцовский Путь. Джарт сидел, скрестив ноги, на капоте автомобиля, с клинком на коленях. Когда мы появились, он спрыгнул на землю. Корвина в поле зрения не было.

— Что происходит? — спросил меня Джарт.

— Я совершенно выбит из сил и собираюсь лежать здесь, уставившись на туман, пока все мое сознание не улетучится. Познакомься с Корэл, Найдой и Далтом. Выслушай их рассказ и поведай им свой. Не буди меня даже ради конца света, разве что это будет из ряда вон выходящее зрелище.

И я продолжил то, что обещал, под постепенно затихающую гитару и отдаленный голос Сары Кей. Трава была изумительно мягкой. Туман заволакивал мозги упоительной тьмой.

А потом, потом... А потом, сэр...

Прогуливаюсь. Я прогуливаюсь, почти плыву по калифорнийским торговым рядам, где частенько бывал. Мимо стаек детей, родителей с младенцами, дам со свертками... Слова теряются в грохоте из музыкальной лавки. Сулят приют горшечные оазисы, в воздухе плавают ароматы деликатесов, зазывают вывески.

Прогуливаюсь. Мимо аптеки. Мимо башмачной лавки. Мимо кондитерской...

Узкий, как коридор, переулок слева. Я никогда не замечал его. Надо повернуть...

Странно, почему здесь ковер... и свечи в высоких шандалах, и бра, и канделябры на узких сундуках. Стены сверкают отбл...

Я повернул назад.

Никакого «назад» не было. Аллея исчезла. В той стороне коридор кончался стенкой. На ней висел небольшой гобелен, девять фигур взирали с него на меня.

Я пожал плечами и вновь повернулся.

— Возвращаемся к твоим чарам, дядя, — заметил я. — Что ж, посмотрим.

Прогуливаюсь. Теперь в безмолвии. Вперед. Туда, где блестят зеркала. Похоже, давным-давно я видел это место, хотя его расположение вроде и несвойственно Замку Амбера. Все происходило в глубине памяти — я сам, юный, следую этим путем, и не в одиночку... Но я знал, что ценой этих воспоминаний будет потеря контроля, здесь и сейчас.

С неохотой я избавился от наваждения и обратил внимание к маленькому овальному зеркалу слева.

Я улыбнулся. Мое изображение тоже. Я высунул язык и получил в ответ такое же приветствие.

Я двинулся дальше. И лишь через несколько шагов сообразил, что у отражения демоническое обличье, а у меня — нет.

Осторожное покашливание донеслось до меня справа. Повернув в ту сторону, я узрел своего брата Мэндора в ромбовидном зеркале с черной рамой.

— Дорогой мальчик, — заявил он, — король умер. Да здравствует твоя августейшая персона, как только она займет трон. Лучше всего тебе поспешить и вернуться на коронацию на Край Света, вместе с невестой Камня или без нее.

— У нас тут возникли кое-какие мелкие проблемы, — сообщил я.

— Сейчас все это пустяки. Твое присутствие во Дворах Хаоса куда важнее.

— Нет, важнее мои друзья, — сказал я.

Мимолетная усмешка коснулась губ Мэндора.

— У тебя будет идеальное положение для помощи друзьям, — промолвил он, — а также для воздаяния врагам.

— Я вернусь, — промолвил я. — Вскоре. Однако не короноваться.

— Как хочешь, Мерлин. Но твое присутствие необходимо.

— Я ничего не обещаю, — сказал я.

Он фыркнул, и зеркало опустело.

Я отвернулся и пошел дальше.

Снова смех — слева. Моей матери. Из красной рамы с вырезанными цветами она взирала на меня; лицо лучилось безграничным довольством.

— Ищи его в Преисподней! — говорила она. — Ищи его в Преисподней!

Я прошел мимо, но еще какое-то время до меня доносился ее смех.

— Х-с-с-ст! — Это справа: длинное, узкое зеркало, окаймленное зеленым. — Мас-стер Мерлин, я ис-скала, но приз-зрачный с-свет мне не вс-стретилс-ся.

— Спасибо, Глайт. Пожалуйста, продолжай поиски.

— Как-нибудь мы с-снова должны ус-сес-стьс-ся в темном мес-стечке, пить молоко и бес-седовать о былых днях.

— Это будет славно. Да, обязательно. Если нас не съест кто-нибудь побольше.

— С-с-с-с-с! — Можно это назвать смехом? — Да. С-с-с!

...И дальше. Прогуливаюсь.

— Сын Амбера, носитель спикарда! — Из темной ниши слева от меня.

Рама была белой, стекло — серым. Внутри мужчина, которого прежде я никогда не встречал — в черной рубахе с воротом нараспашку, в коричневом кожаном жилете. Волосы темно-русые, глаза, похоже, зеленые.

— Да?

— Спикард был спрятан в Амбере, — заявил мужчина, — чтобы ты нашел его. Он придает великие силы. Еще он несет в себе ряд заклятий, что заставляют его обладателя действовать определенным образом в определенных обстоятельствах.

— Я подозревал это. Для чего он предназначен?

— Прежде носимый Свейвилом, королем Хаоса, он заставит избранного наследника принять трон, вести себя соответствующим образом и подчиняться указаниям определенных особ.

— Кого именно?

— Женщины, что смеялась и кричала: «Ищи его в Преисподней». Мужчины в черном, что настаивал на твоем возвращении.

— Дара и Мэндор. Они наложили на спикард эти заклятия?

— Именно так. И мужчина оставил его, дабы ты нашел.

— Очень не хочется отказываться от этой штуки, особенно сейчас, — сказал я, — когда она проявляет себя такой полезной. Можно как-нибудь рассеять эти чары?

— Разумеется. Но это не твоя проблема.

— То есть?

— Кольцо, что ты носишь, не то, о котором я говорю.

— Не понимаю.

— Поймешь, не бойся.

— Кто вы, сэр?

— Меня зовут Делвин, и мы никогда не сможем встретиться на самом деле, разве только высвободятся некоторые древние силы.

Мужчина поднял руку, и я увидел, что он тоже носит спикард. Делвин протянул его ко мне.

— Дотронься до моего кольца своим, — приказал он. — Тогда ему можно будет повелеть доставить тебя ко мне.

Я поднял свой спикард и поднес его к стеклу. В тот момент, когда они, казалось, соприкоснулись, сверкнула вспышка, и Делвин исчез.

Я опустил руку. И последовал дальше.

Поддавшись какому-то импульсу, я остановился перед комодом и открыл ящик. Посмотрел туда. Вроде бы ничего этим не достиг. В ящике находилась миниатюрная копия часовни моего отца: крошечные разноцветные плитки, миниатюрные горящие свечки, даже кукольный Грейсвандир на алтаре.

— Ответ лежит перед тобой, дорогой друг, — донесся гортанный голос, знакомый и одновременно незнакомый.

Я поднял взгляд к окаймленному бледно-лиловым зеркалу, висевшему над комодом. У леди в зеркале были длинные, черные как смоль волосы и глаза столь темные, что невозможно было сказать, где кончаются зрачки и начинается радужка. Женщина была ужасно бледна, что подчеркивалось розовыми тенями на глазах и яркими губами. Эти глаза...

— Ранда! — воскликнул я.

— Ты помнишь! Ты действительно помнишь меня!

— ...И дни наших игр в пляшущие кости, — продолжил я. — Взрослая и очаровательная. Я вспоминал о тебе совсем недавно.

— И я ощутила во сне касание твоего взгляда, мой Мерлин. Жаль, что мы расстались, но мои родители...

— Понимаю, — сказал я. — Они решили, что я демон или вампир.

— Да. — Ранда протянула бледную руку сквозь зеркало, взяла мою ладонь и потянула к себе. Там, внутри зеркала, она прижала ее к губам. Они были холодны. — Родители предпочитали, чтобы я поддерживала знакомство с сыновьями и дочерьми мужчин и женщин, чем с такими, как мы сами.

Когда она улыбнулась, я обнаружил у нее клыки. В детстве они были незаметны.

— Боги! Ты выглядишь как человек! — сказала она. — Приходи как-нибудь навестить меня в Диком лесу.

Повинуясь порыву, я наклонился вперед. Наши губы встретились в зеркале. Кем бы она ни оказалась, мы были друзьями.

— Ответ, — повторила Ранда, — лежит перед тобой. Навести меня!

Зеркало покраснело и подернулось дымкой. Часовня в комоде ничуть не изменилась. Я закрыл ящик и отвернулся.

Прогуливаюсь. Зеркала слева. Зеркала справа. И в них лишь я.

Затем:

— Ну-ну, племянничек. Обескуражен?

— Как обычно.

Его глаза были насмешливы и мудры, волосы рыжие, как у его сестры Фионы или покойного брата Брэнда. Или у Люка, если на то пошло.

— Блейз, — сказал я, — что за чертовщина здесь происходит?

— У меня есть остаток от послания Делвина, — сказал он, залезая в карман и протягивая мне руку. — Вот.

Я сунул руку в зеркало — и взял еще один спикард, подобный моему.

— Это тот, о котором говорил Делвин, — пояснил дядя. — Ты никогда не должен носить его.

Несколько мгновений я рассматривал кольцо, наконец поинтересовался:

— Что же мне с ним делать?

— Положи в карман. Когда-нибудь может пригодиться.

— Откуда оно у тебя?

— Когда Мэндор оставил его, я подменил на то, что *носишь теперь ты.*

— Да сколько же их, в конце концов?

— Девять, — ответил Блейз.

— Полагаю, ты о них знаешь все.

— Более, чем остальные.

— А не знаешь ли ты, где мой отец?

— Нет. Но ты — знаешь. Твоя подружка с кровожадными вкусами сообщила тебе.

— Загадки...

— Все же лучше, чем полное отсутствие ответа, — отозвался дядя.

Затем он исчез, и я последовал дальше.

Немного погодя все вокруг тоже пропало. Парение. Чернота. Хорошо. Так хорошо... Немного света проникло сквозь мои ресницы. Я снова захлопнул их. Но прокатился гром, и через какое-то время свет опять проник внутрь.

Темные линии коричневых огромных роговых гребней, папоротниковые леса... Чуть позже проснулась способность воспринимать и оценивать и указала мне, что я лежу на боку, уставившись на покрытую трещинами землю между корнями дерева, тут и там усеянную клочьями травы.

Я продолжал взирать — и вдруг сверкание, будто от вспышки молнии, и сразу громовой раскат. Казалось, земля дрогнула. Я услышал, как барабанят капли по листьям дерева, по капоту машины. Я вглядывался в самую большую трещину, что пересекала долину.

...И свел воедино все, что знал.

То было оцепенелое знание. Истоки эмоций пока дремали. Издалека до меня доносились знакомые голоса, тихие разговоры. Еще я слышал стук ножей и вилок по фарфору. Мой желудок слегка оживился — хорошо бы сейчас присоединиться к друзьям. Но пока было так приятно лежать здесь, завернувшись в плащ, слушая слабый дождик и зная...

Я вернулся к темной впадине своего внутреннего мира...

Земля вновь сотрясалась, на этот раз без молнии и грома. И продолжала трястись. Это рассердило меня, ибо мешало друзьям и родственникам, заставляя их повышать голоса в интонациях, напоминающих тревогу. А еще это расшевелило

мой дремлющий калифорнийский рефлекс, в то время как я просто хотел лежать, развалясь, и смаковать свое новоприобретенное знание.

— Мерлин, ты проснулся?

— Да, — сказал я, резко садясь, быстро протирая глаза и проводя рукой по волосам.

Оказалось, что призрак моего отца стоит передо мной на коленях и трясет меня за плечо.

— У нас, похоже, проблемы, — сказал он, — с весьма далеко идущими последствиями.

Джарт, стоявший за ним, несколько раз кивнул.

Землю еще раз тряхнуло, вокруг полетели ветки и листья, запрыгали камешки, поднялась пыль, заметались клочья тумана. Рядом с тяжелой красно-белой тканью, вокруг которой сидели и закусывали Люк, Далт, Корэл и Найда, разбилась тарелка.

Я распутал свой плащ и поднялся на ноги, обнаружив, что, пока я спал, кто-то снял с меня сапоги. Я натянул их. Последовал очередной толчок, и я оперся о дерево.

— В этом проблема? Что-то большее готово сожрать что-то меньшее?

Призрак Корвина ответил мне недоуменным взглядом. Затем сказал:

— Когда я чертил Путь, у меня не было возможности узнать все недостатки этой местности или предугадать, что здесь однажды может произойти. Если эти сотрясения расколют Путь, возникнет проблема... возникнет множество проблем. Насколько я понимаю, тот спикард, что ты носишь, способен привлекать чудовищные источники энергии. Есть какой-нибудь способ заставить его остановить землетрясение?

— Не знаю. Никогда не пробовал ничего подобного.

— Выясни это побыстрей, хорошо?

Но мысли мои уже закрутились вокруг зубцов спикарда, пробуждая каждый к жизни. Затем я ухватился за самый наэлектризованный, энергично привлек его, заполнив всего себя — тело и разум — энергией. Зажигание, нейтральный ход... Я на водительском сиденье, направляю во чрево земли силовые линии из спикарда.

Долго и далеко простирался я в поисках преобразующей метафоры ко всему, что мог обнаружить.

...Пробираясь с берега в океан — волны щекотали мой живот, мою грудь, пальцами ног я ощущал камни, пряди водорослей... Время от времени камешки скользили, ударялись о соседние, плавно опускались на дно... А дна и не разглядеть — глазами. Но я видел камни, видел обломки кораблекрушений, в покое и в движении, видел так же ясно, как если бы дно было полностью освещено.

И вот я ощутил, прочувствовал свой путь в глубь земных пластов, будто ощупывая скалы лучом прожектора, пробуя одно за другим напряжения, изостатические поцелуи гор под землей, замедленно-чувственное движение земной коры, ласкающие плоть минералы в темноте потаенных мест...

Вошел! Скала плавно скользнула в сторону. Мое тело следом. Я углубился в заветную щель и стремительно несся скользким туннелем, изливая вперед жар, расщепляя скалу, пробивая новые ходы наружу, наружу... Оно пришло этим путем! Я пробился сквозь стену камня, еще одну. Еще. Я не был уверен, что именно

так можно отключить стихию, но только так я мог попытаться. Именно так! Будь оно проклято! Именно так!

Я пробрался еще к двум каналам, третьему, четвертому...

Легкая дрожь сотрясла землю. Я открыл следующий канал. Внутри моей метафоры скалы под водами успокаивались. Чуть погодя утихла земная дрожь.

Я вернулся к месту, где впервые ощутил скольжение, теперь спокойному, но все еще напряженному. Ощути его, внимательно прочувствуй. Задай вектор. Следуй к точке исходного напряжения. Нет... это лишь точка соединения векторов. Проследи их.

И опять. Новые точки соединений. Проследи. Открой больше каналов. Следует изобразить всю структуру напряжения, запутанную, как нервная система. Должно постигнуть разумом всю сеть.

Следующий пласт...

Возможно ли это? Быть может, своими топографическими нежностями я пытаюсь соблазнить бесконечность?.. Заморозь структуру. Упрости задачу. Игнорирую все, что лежит за пределами кайнозоя. Направляйся к следующей точке соединения. Здесь какие-то узлы. Хорошо. Теперь вовлечена и тектоническая плита. Лучше.

Приложим усилия для следующего прыжка... Не хорошо. Слишком велика картина, чтобы удержать в памяти. Сбросим кайнозой.

Да. Итак, основные линии в общих чертах изображены. Векторы распространения обозначены почти до тектонической плиты. Сила сжатия меньше, чем сила растяжения. Почему? Дополнительная точка ввода вдоль второго вектора, перераспределяющего давление.

— Мерлин? С тобой все в порядке?

— Оставь меня в покое, — донесся до меня собственный ответ.

Еще напрячься, ввести источник, внутрь, ощущая признаки прохождения... То, что предстало передо мной... Логрус?

Я открыл еще три канала, сосредоточился в этой области, начиная разогревать ее. Вскоре треснули скалы, чуть позже расплавились. Заново созданная магма потекла по линии разлома. В точке, откуда происходила низвергающая сила, образовалось свободное пространство.

Назад. Пора уходить, я развернул сознание в обычное русло и захлопнул спикард.

— Что ты сделал? — *спросил меня призрак отца.*

— Я обнаружил место, откуда Логрус направлял подземные удары, и переместил его. Теперь там небольшая пещера. Если она обвалится, *это еще больше ослабит давление.*

— Итак, положение стабилизировано?

— По крайней мере сейчас. Мне не известны пределы возможностей Логруса, но ему придется прокладывать новую трассу, чтобы добраться туда. А потом еще все тестировать. Учитывая, что ему надо отвлекать силы на наблюдение за Путем... Да, это его задержит.

— Итак, ты выиграл передышку, — произнес призрак отца. — Правда, следующим против нас может двинуться Путь.

— Может, — кивнул я. — Я всех и перенес сюда, потому что думал, что здесь мы будем защищены от обеих сил.

— Надеюсь, игра стоит свеч.

— Ну хорошо, — сказал я. — Настало время нанести им парочку упреждающих ударов.

Я посмотрел на призрака моего отца, стража этого места.

— Я знаю, где находится твой двойник из плоти и крови, — сказал я ему. — И приступаю к его освобождению.

Сверкнула молния. Внезапный порыв ветра вскинул опавшие листья, взболтал клочья тумана.

— Я должен сопровождать тебя, — промолвил призрак.

— Зачем?

— Разумеется, у меня есть собственный интерес.

— Ладно.

Вокруг грохотало, и новый порыв ветра раздул туман. К нам приблизился Джарт.

— Думаю, началось, — сказал он.

— Что? — спросил я.

— Поединок сил. Долгое время Путь сохранял преимущество. Но когда Люк повредил его, а ты похитил невесту Камня, нарушилось вековечное равновесие, баланс качнулся в другую сторону. Тогда Логрус решил атаковать, задержавшись лишь для попытки повредить Путь Корвина.

— Если только Логрус не испытывает нас, — сказал я, — то это просто не буря.

Пока мы беседовали, зарядил мелкий дождик.

— Я пришел сюда, ибо думал, что это единственное место, которое никто из них не затронет в перипетиях борьбы, — объяснил Джарт. — Я предполагал, что ни тот ни другой не пожелает расходовать здесь энергию, необходимую для нападения или защиты.

— Возможно, это рассуждение по-прежнему верно, — сказал я.

— Просто, в виде исключения, мне захотелось оказаться на побеждающей стороне, — продолжал он. — Меньше всего меня волнует, кто прав и кто не прав; это все равно спорные понятия. А я, ради разнообразия, хочу быть с теми парнями, которые выигрывают. О чем ты думаешь, Мерль? Что собираешься делать?

— Мы со здешним Корвином направляемся во Дворы Хаоса, дабы освободить моего отца, — сообщил я. — Затем мы собираемся решить то, что нуждается в решении, а после жить счастливо.

Джарт покачал головой.

— Я никогда не мог понять, то ли ты дурак, то ли есть оправдание твоей самонадеянности. Хотя каждый раз, когда я приходил к выводу, что ты дурак, это дорого мне стоило. — Он поднял взор на темное небо, смахнул капли с лица. — Я и вправду перегорел. Ты все еще можешь стать королем Хаоса...

— Нет, — сказал я.

— ...И ты наслаждаешься неким особым родством с силами.

— Если так, то я и сам того не понимаю.

— Неважно, — сказал Джарт. — Я по-прежнему с тобой.

Я подошел к остальными, крепко обнял Корэл.

— Я должен вернуться во Дворы. Охраняйте Путь. Мы вернемся.

Небо расцвело тремя яркими вспышками. Ветер сотряс дерево.

Я отвернулся, сотворил в воздухе дверь и вместе с призраком Корвина шагнул в проем.

XII

Так я попал во Дворы Хаоса, проникнув в искривленное пространство скульптурного сада.

— Где мы? — осведомился мой отец-призрак.

— Своего рода музей, — ответил я, — в доме моего отчима. Я выбрал его из-за мудреного освещения и обилия укромных мест.

Корвин изучил некоторые фрагменты, располагающиеся на стендах и на потолке.

— Чертовски удобное место для перестрелки, — заметил он.

— Надо думать.

— И здесь ты рос?

— Да.

— Ну и каково?

— О, я не знаю. Не с чем сравнить. Было и хорошо — одному и с друзьями, — а бывали и плохие времена. Как у всякого ребенка.

— Так это...

— Пределы Савалла. Я бы хотел показать тебе тут все, каждый закоулок.

— Возможно, когда-нибудь...

Я осмотрелся по сторонам, надеясь увидеть Призрачное Колесо или Кергму. Как бы не так.

Наконец мы прошли в коридор, приведший нас в зал гобеленов, откуда вел путь в нужное мне место, соединенное переходом с галереей металлических деревьев. Но прежде я услышал голоса, как раз оттуда, куда мы направлялись. Мы затаились в комнате — здесь находился скелет Бармаглота, раскрашенный оранжевым, голубым и желтым — стиль Ранней Зауми. Говорящие приближались. В одном из них я сразу же узнал своего брата Мэндора, другого только по голосу определить не смог, но, исхитрившись подглядеть, когда они проходили мимо, я узнал лорда Бэнсеза, Верховного жреца Змея, что говорит от имени Логруса (так звучал полный титул). В дурном романе они остановились бы у дверей, и я подслушал бы их беседу, поведавшую мне обо всем, что нужно знать.

Проходя мимо, они замедлили шаг.

— Значит, так и будет? — сказал Бэнсез.

— Да, — ответил Мэндор. — Вскоре.

И они прошли, и дальше я не смог различить ни слова. Я вслушивался в удаляющиеся шаги, пока те не утихли. Потом подождал еще немного. Я мог бы поклясться, что услышал тоненький голосок: «Сюда. Сюда».

— Слышал сейчас что-нибудь? — прошептал я.

— Не-а.

Тогда мы ступили в проход и повернули направо, двигаясь в противоположном от Мэндора с Бэнсезом направлении. И тут я ощутил какое-то жжение у левого бедра.

— Думаешь, он где-то поблизости? — спросил призрак Корвина. — Пленник Дары?

— И да и нет, — сказал я. — Ой!

Будто раскаленный уголек впился в ногу. Скользнув в первую попавшуюся нишу, где в янтарном гробу лежала мумифицированная дама, я сунул руку в карман.

Я понял, что это такое, едва нащупав предмет, который сразу попытался завести всевозможные философические рассуждения, для чего у меня сейчас не было ни времени, ни желания; а потому я обошелся с ними освященным веками манером — отложил в долгий ящик.

Это был спикард; горяченький, он лежал у меня на ладони. Почти сразу маленькая искорка проскочила между ним и тем, что я носил на пальце.

Последовала бессловесная связь, цепочка мыслей, образов, ощущений, побуждающих меня отыскать Мэндора и прыгнуть к нему в лапы для подготовки моей коронации в качестве следующего правителя Дворов Хаоса. Теперь было ясно, почему Блейз запретил мне надевать эту штуку. Без посредничества моего собственного спикарда его предписания, возможно, были бы непреодолимы. Я использовал свой, дабы запереть этот, воздвигнув крошечную изолирующую стенку.

— Теперь у тебя два чертовых кольца! — заметил призрак Корвина.

Я кивнул.

— Знаешь о них что-нибудь неизвестное мне? — спросил я. — То есть хоть что-нибудь о них знаешь?

Он покачал головой:

— Лишь то, что это порождения Изначальной силы, от дней, когда Вселенная была сплошным мраком, а Тени лишь чуть обозначены. Когда пришло время, их обладатели уснули, или рассеялись, или преобразовались — ну, куда они там деваются в конце рассказа. Версий, разумеется, масса; версии всегда есть. Но пребывание во Дворах сразу двух колец может привлечь к тебе много внимания, не говоря уж о том, что их присутствие на этом полюсе естества добавляет мощи Хаоса.

— О небо! — воскликнул я. — Своему я тоже велю затаиться.

— Вряд ли сработает, — сказал он. — Хотя... Полагаю, они должны поддерживать постоянное энергетическое взаимодействие с каждым источником и, по своей природе, непрерывно дают о себе знать.

— Тогда я велю ему настроиться на самый возможно низкий уровень.

Призрак кивнул:

— Вреда не будет, если попросить спикард специально, хотя, скорее всего, он каким-то образом делает это автоматически.

Я убрал в карман второе кольцо, вышел из ниши и поспешил дальше по коридору. Когда мы, по моим прикидкам, приблизились к нужному месту, я замедлил шаг. Но, похоже, ошибся. Металлического леса не было. Вскоре мы дошли до знакомой выставки, что в этом направлении предшествовала металлическому лесу.

Едва оглянувшись, я понял, что произошло.

— Что это? — спросил мой призрачный отец.

— Похоже на выставку всего мыслимого и немыслимого колющего и режущего оружия, которое когда-либо изрыгал Хаос, — сказал я. — Ты заметил, что все клинки направлены острием вверх?

— Ну?

— Это то самое место, где мы должны были забраться на металлическое дерево.

— Мерль, — произнес Корвин, — по-моему, здесь что-то действует на мои мыслительные процессы. Или на твои. Я совершенно ничего не понимаю.

— Это там, почти под потолком, — объяснил я, указывая наверх. — Место я приблизительно знаю, мне кажется. Но сейчас все выглядит немного иначе...

— Что же там?

— Путь — место переправки, подобное тому, через которое мы прошли в зал со скелетом Бармаглота. Только так мы можем попасть в часовню.

— А туда-то мы и направлялись?

— Верно.

Он потер подбородок.

— Ну хорошо, там, где мы проходили, попадались чертовски высокие предметы, и не все они были из камня или металла. Мы могли бы выдрать в том зале тотемный столб, или что это за хреновина, очистить здесь площадку от этих острых штук, поставить его...

— Нет, — сказал я. — Дара наверняка поняла, что кто-то посещал часовню; возможно, в последний раз, когда она почти застала меня врасплох. Потому и изменилась выставка. Есть только два очевидных пути наверх: притащить сюда что-нибудь громоздкое, как ты предлагаешь, и расчистить место от ножичков. Или рассекретить спикард и велеть ему перенести нас на место. Первое слишком долго, и, возможно, нас все равно обнаружат. Второе потребует столько энергии, что, несомненно, переполошит всю магическую защиту, что выставила Дара.

Призрак схватил меня за руку и потащил мимо экспонатов.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, заведя меня в альков с небольшой скамейкой. Сел и скрестил на груди руки. — Я собираюсь узнать, что за чертовщина здесь происходит. Пока меня не просветят, нормальной помощи от меня не жди. Какая связь между часовней и человеком?

— Думаю, я понял, что на самом деле имела в виду моя мать, говоря: «Ищи его в Преисподней», — начал я объяснять. — Пол часовни — стилизованное изображение Дворов Хаоса и Амбера, *выложенное плиткой. На самом краю Дворов* изображена Преисподняя. Посещая часовню, я никогда не ступал на то место. Готов спорить, что там находится путь, на другом конце которого — место заключения отца.

Призрак начал кивать, пока я говорил, затем осведомился:

— Итак, ты собираешься пройти там и освободить его?

— Точно.

— Скажи мне, эти пути действуют в обоих направлениях?

— Ну... А, понятно, к чему ты ведешь.

— Дай более полное описание часовни, — попросил он.

Я продолжил рассказ.

— Меня заинтриговал магический круг на полу, — сказал призрак. — Уж не способ ли это общаться с Корвином, не подвергаясь риску? Нечто вроде обмена образами.

— Если не повезет, придется повозиться, прежде чем понять это, — сказал я. — Предлагаю перенестись туда, войти, попасть к нему через путь в Преисподней, освободить и умотать ко всем чертям. Никаких хитростей, никаких тонкостей.

Если не заладится, проложим себе дорогу спикардом. Следует спешить, ибо, как только мы начнем, нам станут наступать на пятки.

Он долго смотрел мимо меня, словно что-то напряженно обдумывая. Наконец спросил:

— Нельзя чем-нибудь отвлечь ее стражу?

— Гм-м. Извержением заблудившегося магического потока из настоящей Преисподней. Время от времени такое происходит.

— Чем характерен подобный выброс?

— Магическим осадком или трансформацией, — ответил я.

— Способен ты имитировать подобный феномен?

— Пожалуй. Но какой толк? Они все равно дознаются и, обнаружив, что Корвин исчез, поймут, что это только трюк. Напрасные усилия.

Призрак усмехнулся.

— Но он не исчезнет. Я займу его место.

— Я не могу тебе этого позволить.

— Выбор за мной, — сказал он. — Корвину понадобится время, если он собирается остановить Дару и Мэндора в их стремлении раздуть конфликт между Путем и Логрусом до масштабов, превосходящих события Падения Пути.

Я вздохнул.

— Это единственный способ, — добавил призрак.

— Думаю, ты прав.

Он разомкнул руки, потянулся и встал.

— Приступим!

Я сотворил заклинание — дело, которым давно не занимался... Ну, полузаклинание — зачем особо стараться, раз уж у меня есть спикард. Затем я наложил его, тщательно окутав всю выставку, превратил часть лезвий в цветы, орудуя на молекулярном уровне. По ходу дела я ощутил звон в ушах, который принял за душевную тревогу, отмечающую магическую активность и сообщающую о ней в центр. Фонтан энергии подкинул нас вверх. Когда мы приблизились, я ощутил напряжение пути. Я был точно у цели. И дал втянуть нас туда.

Корвин тихо присвистнул, разглядывая часовню.

— Наслаждайся, — сказал я. — Здесь общаются с кумиром.

— Ну. Пленник в собственном храме.

Он вышагивал по комнате, отстегивал пояс с ножнами. Заменил его на тот, что лежал на алтаре.

— Хорошая копия, — сказал призрак, — но даже Путь не способен повторить Грейсвандир.

— Я думал, на лезвии воспроизведена часть Пути.

— Возможно, совсем наоборот.

— Что ты имеешь в виду?

— Спроси другого Корвина. Это относится к тому, о чем мы недавно говорили. — Он подошел и передал мне смертоносный груз: оружие, ножны, пояс. — Будет замечательно, если ты отдашь это ему.

Я застегнул пряжку и перебросил ремень через плечо.

— Хорошо. Надо двигаться.

Я направился к дальнему углу часовни. Приблизившись к месту, где была начертана Преисподняя, я ощутил несомненное напряжение Пути.

— Эврика! — воскликнул я, возбуждая каналы спикарда. — Следуй за мной.

Я шагнул вперед, и Путь увлек меня прочь. Мы прибыли в комнату размером примерно пятнадцать на пятнадцать футов.

В центре находился деревянный столб, а пол был каменный, забросанный соломой. Горели несколько больших свечей, как в часовне. Две стены были каменные, две — деревянные. В деревянных стенах были деревянные двери, незапертые. В одной из каменных находилась железная дверь без окошка и с замочной скважиной слева. Ключ примерно подходящего размера висел на гвозде, вбитом в столб.

Я снял ключ и быстро заглянул за деревянную дверь справа, обнаружив большую бочку с водой, ковш, а также различные блюда, чашки и прочее. За другой дверью оказалось несколько шерстяных одеял и груда того, что, вероятно, служило туалетной бумагой.

Я вернулся к металлической двери и постучал в нее ключом. Ответа не последовало. Я вставил ключ в замок и почувствовал, что *мой спутник сжал мне руку.*

— Лучше это сделаю я, — сказал призрак. — Я мыслю, как он; так будет безопасней.

Я отступил в сторону, не желая спорить с очевидным.

— Корвин, — позвал он. — Мы вытащим тебя отсюда. Это твой сын Мерлин и я, твой двойник. Не прыгай на меня, когда я открою дверь, договорились? Мы будем стоять смирно, и ты сможешь нас разглядеть.

— Открывай, — донесся голос изнутри.

Призрак открыл дверь, и мы встали в проеме.

— Как вы узнали? — раздался наконец знакомый голос. — Вы, парни, похоже, не поддельные.

— Именно так, — сказал призрак, — и, как обычно в подобных случаях, тебе бы лучше поторопиться.

— Ага. — Изнутри донеслись медленные шаги, и появился Корвин, прикрывая глаза левой рукой. — У кого-нибудь есть пара темных очков? Больно на свету...

— Черт возьми! — сказал я, ругая себя за то, что не догадался раньше. — Нет, и если я за ними пошлю, Логрус сможет меня засечь.

— Потом, потом. Зажмурюсь и как-нибудь проковыляю. Сматываем отсюда к дьяволу!

Призрак вошел в камеру.

— Теперь сделай меня бородатым, тощим и чумазым. Удлини волосы и преврати в лохмотья одежду, — сказал он. — А затем запирай.

— Что происходит? — спросил мой отец.

— Твой двойник пока будет представлять тебя в этом узилище.

— Ладно, — заявил Корвин. — Делай то, что сказал призрак.

Я так и сделал. Отец повернулся и протянул руку в камеру.

— Спасибо, дружище.

— Не за что, — ответил двойник, пожимая руку. — Удачи.

— Пока.

Я закрыл и запер дверь камеры. Повесил ключ на гвоздь и повел отца к Пути. Тот пропустил нас сквозь себя.

Когда мы прибыли в часовню, отец отвел руку. Должно быть, полумрак не раздражал глаза. Опередив меня, он направился к алтарю.

— Нам надо идти, папа.

Он усмехнулся. Поднял свечку и зажег ею одну из прочих, угасавших, видимо, в определенном порядке.

— На собственную могилу я испражнялся, — объявил он. — Не могу отказаться от удовольствия зажечь себе свечу в собственной часовне.

Не глядя на меня, отец протянул руку:

— Подай мне Грейсвандир.

Я стянул с себя меч и передал ему. Корвин расстегнул ремень и опоясался, поводил мечом в ножнах.

— Все в порядке. Что теперь? — спросил он.

Я стал быстро соображать. Если Даре известно, что я в прошлый раз выходил сквозь стены — а такое, в общем-то, вполне вероятно, — тогда стены могут так или иначе превратиться в ловушку. С другой стороны, если мы используем тот путь, которым я пришел сейчас, то вполне можем встретить сбегавшихся по тревоге стражников.

Проклятье.

— Пойдем, — сказал я, возбуждая спикард, и приготовился унести нас при любом намеке на бесцеремонное вмешательство. — Учти, что наш побег включает в себя левитацию.

Я вновь взял его за руку, и мы приблизились к Пути. Как только Путь включился, я раскинул энергетическую паутину и по прибытии подкинул нас над полем из клинков и цветов.

Из коридора донеслись звуки шагов. И тогда мы прыгнули в покои Джарта, казавшиеся местом, куда в последнюю очередь заглянут, разыскивая человека, сидящего в темнице; кроме того, я знал, что именно сейчас Джарту его апартаменты не понадобятся.

Корвин растянулся на кровати и покосился на меня.

— Между прочим, — сказал он, — спасибо.

— Всегда рад, — ответил я.

— Ты вполне уверен насчет этого места?

— У нас не слишком большой выбор, — сообщил я ему.

— Тогда как насчет рейда по холодильнику, пока я одалживаю у твоего брата ножницы и бритву?

— Чего бы тебе хотелось?

— Мясо, хлеб, сыр, вино, может, кусок пирога... Только свежее, да побольше. А еще — ты многое должен мне рассказать.

Итак, я проследовал на кухню по знакомым с детства залам и коридорам. Здесь горело лишь несколько свечей, тлели очаги. Вокруг никого.

Я направился в кладовую и завалил поднос необходимыми яствами, добавив фруктов, что попались под руку. Я чуть не уронил бутылку вина, когда услышал у дверей резкий вдох.

Это была Джулия в синей шелковой шали.

— Мерлин!

Я подошел к ней.

— За мной должок — несколько извинений, — произнес я. — Готов принести их.

— Я слышала, что ты вернулся. Говорят, ты станешь королем.

— Забавно, я тоже это слышал.

— Тогда станет непатриотичным сходить от тебя с ума, не так ли?

— У меня и в мыслях не было тебе навредить, — сказал я. — Ни телесно, ни как-то иначе.

Внезапно мы оказались друг у друга в объятиях. Долго это длилось, наконец она промолвила:

— Джарт утверждает, что вы теперь друзья.

— Что-то вроде того.

Я поцеловал ее.

— Если мы снова будем вместе, — сказала Джулия, — он, наверное, опять постарается убить тебя.

— Знаю. И на этот раз результаты могут оказаться по-настоящему катастрофическими.

— Куда же ты сейчас собираешься?

— Есть одно дельце — на несколько часов.

— Почему бы тебе не отдохнуть, когда ты закончишь? Нам много о чем нужно поговорить. Я остановилась в покоях, именуемых Глициниевыми. Знаешь, где это?

— Да, — сказал я. — С ума сойти.

— Увидимся позже.

— Наверное.

На следующий день я отправился к Краю, так как услышал сообщение, что ныряльщики в Преисподнюю — те, что ищут останки творения за пределами Края, — впервые за поколение приостановили свои операции. Когда я расспросил их, они сообщили мне об опасной активности в глубинах: вихрях, огненных ветрах, потоках новообразовавшегося вещества.

Забравшись в укромный уголок и глядя вниз, я воспользовался своим спикардом, чтобы расспросить второй. Когда я снял защитную оболочку, в которую заключил его, он затянул неизменную песенку: *«Иди к Мэндору. Коронуйся. Повстречайся с братом. Повстречайся с матерью. Начинай приготовления»*. Я вновь укутал и спрятал лжеспикард. Вскоре он начнет подозревать, что я за пределами его контроля. Другой вопрос: стоит ли беспокоиться по этому поводу?

Я мог бы просто скрыться: уйти с отцом, помогать ему в раскрытии карт, что вполне осуществимо благодаря его Пути... Я мог бы даже закопать там оба спикарда, приумножив мощь того места. На худой конец я мог бы, как прежде, полагаться на свою собственную магию. Но...

Мои проблемы коренились именно здесь. Я был выношен и выкормлен, дабы стать идеальным правящим лакеем, приспешником матери и, вероятно, брата Мэндора. Я любил Амбер, но также я любил и Дворы Хаоса. Бегство в Амбер, где я пока буду в безопасности, решит мои личные проблемы не более чем побег с папой или возвращение на теневую Землю, которую я тоже люблю, с Корэл или без нее. Проблема была здесь... во мне самом.

Я призвал облако, чтобы перенести меня к подъемнику, возвращающему в пределы Савалла. По дороге обдумал свои дальнейшие шаги и пришел к выводу, что боюсь. Если дела зайдут так далеко, как это вполне возможно, то очень вероятно, что я умру. Альтернатива — убить кого-нибудь самому, чего мне совсем не хотелось.

Так или иначе, следует принять решение, или не видеть мне покоя на этом полюсе моего существования.

Я прошел у лилового потока под зеленым солнцем в зените жемчужного неба. Позвал серо-лиловую птицу, и она прилетела и села мне на запястье. Не отправить ли ее в Амбер с посланием для Рэндома?.. Однако как я ни старался, я не сумел составить даже простенькой записки. Слишком многое зависело от многого, слишком все взаимосвязано. Рассмеявшись, я освободил птицу, прыгнул с берега и проложил еще один путь под водой.

Вернувшись в Савалл, я направился в скульптурный зал. К тому времени я понял, что и каким образом мне следует делать. Я стоял там, где уже стоял — давно ли? — разглядывая массивные конструкции и замысловатые фигуры.

— Призрак! — промолвил я. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Призрак? — повторил я громче. — Ты слышишь меня?

Ничего. Я вытащил свои карты, нашел сияющий круг — тот, что нарисовал для Призрачного Колеса, — и достаточно пристально глядел на него, но карта холодеть не торопилась. Вполне объяснимо, учитывая некоторые странности пространства, к которому давал доступ этот зал.

Я поднял спикард. Использовать его здесь и на нужном мне уровне — то же, что включить охранную сигнализацию. Воистину...

Я нежно тронул карту силовой линией, пытаясь увеличить ее чувствительность. Сосредоточился.

Опять ничего. Приложил еще больше силы.

Последовало ощутимое охлаждение.

— Призрак, — проговорил я сквозь зубы, — это важно. Иди ко мне.

Нет ответа.

Тогда я послал энергию прямо вовнутрь. Карта начала светиться, на ней выступили ледяные кристаллы. Вокруг раздалось легкое потрескивание.

— Призрак? — повторил я.

Затем появилось слабое ощущение его присутствия, и я поднажал. Карта раскололась у меня на ладони; оплетя ее паутиной сил, я удержал все части вместе. Карта выглядела как маленькое витражное окно. Я продолжал тянуться сквозь нее.

— Папа! Я в беде! — донеслось до меня.

— Где ты? В чем дело?

— Я последовал за тем существом, которое встретил. Преследовал ее... его.. это. Почти математическую абстракцию. Звать Кергмой. Был схвачен здесь, у границы четнонечетномерности, где закручиваюсь в спираль. Хорошо провел время, пока...

— Я хорошо знаю Кергму. Кергма — хитрец. Представляю, в какую пространственную ситуацию ты попал. Готов посылать разряды энергии, чтобы противодействовать вращению. Дай мне знать, если есть проблемы. Как только сможешь проникнуть сквозь карту, сообщи мне и — вперед.

Я послал импульсы из спикарда, и началось торможение. Чуть позже Призрак сообщил мне:

— Думаю, теперь получится.

— Тогда давай.

Внезапно возник Призрак, вращающийся вокруг меня, словно магический круг.

— Спасибо, папа. Я действительно очень признателен. Дай мне знать, когда тебе понадобится...

— Сейчас, — сказал я.

— Что?

— Сожмись и спрячься где-нибудь на мне.

— Снова на запястье годится?

— Конечно.

Он так и сделал. Затем спросил:

— Зачем?

— Мне может неожиданно понадобиться союзник.

— Против чего?

— Всего, — сказал я. — Пора раскрывать карты.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Тогда оставь меня. Не обижусь.

— Этого я не сделаю.

— Слушай, Призрак, дело обостряется, и сейчас должна быть подведена черта. Я...

Справа от меня начал мерцать воздух. Я знал, что это означает.

— Позже, — проговорил я. — Сиди смирно.

...И появилась дверь, и она отворилась, чтобы впустить башню зеленого света: глаза, нос, рот, конечности, кружащиеся в ее мореподобном пространстве — одно из самых внушительных демонических обличий, что довелось созерцать мне в последнее время. Разумеется, я узнал эти черты.

— Мерлин, — сказал он. — Чувствую, ты здесь усердно работаешь со спикардом.

— Не сомневался, что ты заметишь. *И я к твоим услугам, Мэндор.*

— Неужели?

— Со всем уважением, брат.

— Включающим некий вопрос о наследовании?

— Этот — в особенности.

— Превосходно! А что за дело привело тебя сюда?

— Всего лишь поиски кое-чего потерянного.

— С поисками можно подождать до лучших времен, Мерлин. Нам надо немедленно идти.

— Да, действительно.

— Тогда прими более привлекательное обличье и пойдем со мной. Мы должны обсудить мероприятия, следующие за коронацией: какие из Домов следует подавить, кого объявить вне закона...

— Мне нужно поговорить с Дарой.

— Я бы сначала заложил некую основу. Пойдем! Изменяйся и давай отсюда!

— Знаешь ли ты, где она сейчас?

— В Ганту, я полагаю. Но мы посоветуемся с ней позже.

— У тебя случайно нет под рукой ее карты?

— Боюсь, что нет. У тебя вроде была своя собственная колода?

— Да. Но как-то вечером я спьяну нечаянно уничтожил ее карту.

— Неважно, — отрезал Мэндор. — Мы встретимся с ней позже, как я сказал.

Пока мы говорили, я открывал каналы на спикарде. И сейчас поймал Мэндора в эпицентр силового смерча. Я видел весь технологический процесс его превращений; плевое дело дать обратный ход и вернуть зеленой кружащейся башне обличье белокурого мужчины, одетого в черное и белое и выглядящего чрезвычайно раздраженным.

— Мерлин! — закричал он. — Зачем ты изменил меня?

— Совершенно очаровательная штучка, — легкомысленно произнес я, помахивая спикардом. — Просто хотелось увидеть, получится ли.

— Теперь увидел?! Будь добр, освободи меня, да и себе поищи более подходящее обличье.

— Момент, — сказал я, когда он попытался расплавиться и вытечь. — Ты мне нужен именно такой.

Я удержал брата от дальнейших попыток и начертил в воздухе огненный прямоугольник. Серией быстрых движений наполнил его приблизительным подобием моей матери.

— Мерлин! Что ты делаешь? — вскричал Мэндор.

Я подавил его поползновение выпутаться с помощью перемещающегося заклинания.

— Время посовещаться, — объявил я. — Потерпи, пожалуйста.

Я не просто медитировал над импровизированной картой, подвешенной мною в воздухе, а в сущности атаковал ее зарядом энергий, описывающих круги через мое тело и окружающее пространство.

Внезапно в созданной мною раме восстала Дара — высокая, иссиня-черная, с пламенеющими зеленью глазами.

— Мерлин! Что происходит?!

Я поймал ее так же, как Мэндора, и сжал до человеческих размеров.

— Демократия! Давайте минутку будем выглядеть одинаково.

— Это не смешно, — заявила Дара и принялась меняться обратно.

Я пресек ее попытку.

— Да, не смешно. Но собрание созвал я, и оно пойдет на моих условиях.

— Очень хорошо, — сказала она, пожимая плечами. — Только зачем такая срочность?

— Дело в престолонаследии.

— Это дело уже улажено. Трон твой.

— И в чьих руках я орудие? — Я поднял левую руку, надеясь, что у моих родственников нет способа отличить один спикард от другого. — Эта штука дарует великие силы. Но также взимает плату за услуги. На ней заклятие, контролирующее носителя.

— Кольцо принадлежало Свейвилу, — ответил Мэндор. — Я доставил его тебе, чтобы приучить к могуществу. Да, имеется и цена: носитель должен принимать условия спикарда.

— Я боролся с ним, — соврал я, — и я — его хозяин. Но основные проблемы оказались не космического характера; они — результат ваших собственных стараний.

— Не отрицаю, — сказал Мэндор, — но была веская причина. Ты отбивался от трона руками и ногами. Я ощутил необходимость добавить элемент принуждения.

Я покачал головой:

— Если бы «элемент»!.. Эта штука устроена так, чтобы сделать меня вашим послушным инструментом.

— По необходимости, — парировал Мэндор. — Ты долго отсутствовал. Тебе недоставало глубокого знания местной политической сцены. Мы не могли позволить тебе принять бразды правления и отчалить на все четыре стороны — не те сейчас времена, и ошибки могут очень дорого обойтись. Дому необходимо было как-то контролировать тебя. Но лишь временно, пока не будет завершено твое обучение.

— Позволь мне усомниться, брат, — сказал я.

Он бросил взгляд на Дару, та слегка кивнула.

— Мэндор прав, — промолвила она. — *Не вижу ничего дурного в подобном* временном контроле, *пока ты не научишься делу. Слишком многое поставлено* на карту, чтобы действовать иначе.

— Это было заклинание рабства, — сказал я. — Оно заставило бы меня принять трон и слепо выполнять ваши приказы.

Мэндор облизал губы. Я впервые увидел, как он выдает свою нервозность, и сразу насторожился. Чуть позже я сообразил, что и внешнее смятение может быть вполне рассчитанным ходом. Это побудило меня немедленно принять меры предосторожности.

Однако атака пришла от Дары.

Надо мной пронеслась раскаленная волна. Я сразу переключил внимание, стараясь воздвигнуть барьер. Собственно, атака не была направлена против меня лично, а, скорее, выражала *усмиряющее сдерживание.*

Оскалив зубы, *я боролся, чтобы сдержать натиск.*

— Мать... — зарычал я.

— Нужно восстановить императивы, — решительно заявила она, скорее, Мэндору, чем мне.

— Зачем? — спросил я. — Вы получаете то, что хотите.

— Трон — это еще не все, — ответила она. — Я теперь не доверяю тебе, а доверие совершенно необходимо.

— Ты никогда не доверяла мне, — возразил я, освобождаясь от остатков ее заклинания.

— Неправда. И вообще это вопрос технический, а не личный.

— Какой бы ни был, — сказал я. — Я на ваши штучки не поддамся.

Мэндор набросил на меня парализующее заклятие, а я оттолкнул его, готовый теперь ко всему. В это время Дара обрушила на меня тщательно подготовленное действо, в котором я узнал Штурм замешательства. Я не пытался состязаться с ними обоими, отвечая заклинанием на заклинание. Хороший колдун может наложить полдюжины основных заклятий. Продуманного их применения

обычно достаточно, чтобы справиться с большинством ситуаций. В колдовской дуэли стратегия использования чар — основная часть игры. Если оба противника устоят до полного истощения заклятий, им приходится опускаться до стычки «сырыми» энергиями. И тогда преимущество обычно имеет тот, кто контролирует большее количество сил.

Я поднял зонтик против Штурма замешательства, парировал «Астральную дубину» Мэндора, остался цел, пройдя через мамин «Раскол духа», сохранил ощущения в Мэндоровом «Источнике мрака». Все мои главные заклятия иссякли, а новых я не накладывал с тех пор, как стал полагаться на спикард. Я опустился до опоры на примитивную силу. К счастью, спикард давал мне возможность контролировать почти неиссякаемый ее источник. От меня требовалось лишь упростить обстановку, заставив противников израсходовать все свои заклинания. Необходимо измотать, опустошить их.

Мэндору удалось подкрасться сзади, слегка пройдясь по мне «Электрическим дикобразом». Тем не менее я обрушил на него силовую стену и швырнул в сеть крутящихся дисков, вспыхивающих во всех направлениях. Дара обернулась жидким пламенем, извивающимся, бушующим, выписывающим круги и восьмерки; приближаясь и отступая, она закидывала меня пузырями то эйфории, то боли. Я старался отбросить их ураганом, вдребезги разбивая огромную фарфоровую личину, с корнем выдирая башни, фамильные замки с их подземельями, испепеляя все формы и очертания. Мэндор обернулся песком, просочился сквозь структуру, по которой рассыпался, и желтым ковром пополз ко мне.

Я отклонял воздействия и продолжал свои энергетические удары. Ковер я швырнул в пламя, а навстречу обрушил фонтан. Смахнув с лица и одежды маленькие огоньки, я направил сознание в онемевшие части левого плеча и ноги. Я рассыпался на кусочки и вновь соединился, как только одолел «Распутывающее заклинание» Дары. Я вдребезги разбил «Бриллиантовый шар» Мэндора и перенес «Узы избавления». Три раза я сбрасывал человечье обличье ради более подходящих, но всегда возвращал прежнюю форму. Такого испытания у меня не было с выпускного экзамена у Сухая.

Но окончательное преимущество, несомненно, было за мной. Единственное реальное преимущество моих противников — внезапность — сейчас уже было потеряно. Я открыл все каналы спикарда, что способно было устрашить даже Путь, хотя это, как я позже сообразил, могло бы оглушить и меня самого. Я поймал Мэндора в пучок сил, ободрав его до скелета и мгновенно соорудив заново. Пригвоздить Дару оказалось труднее. Когда я ударил из всех каналов, она поразила меня заклятием «Ослепляющего блеска», что держала в последнем резерве, и лишь благодаря этому спаслась от моего намерения обратить ее в статую. Пришлось оставить Дару в смертном облике, ограничившись заторможенностью движений.

Я помотал головой и протер затуманенные глаза.

— Мои поздравления, — произносила она секунд, наверное, десять. — Ты лучше, чем я думала.

— Причем я еще не закончил, — ответил я, глубоко дыша. — Пора применить к вам ваши же методы.

Я приступил к работе, позволяющей мне взять их под свой контроль. И тут заметил слабую, замедленную улыбку Дары.

— Я думала... мы сумеем... справиться... с тобой... сами, — произнесла она, в то время как перед ней начал мерцать воздух. — Я... ошибалась.

Перед ней обрел форму Знак Логруса. И сразу Дара оживилась. Затем я ощутил на себе ужасный и пристальный взгляд. Когда Знак обратился ко мне, эта имитация голоса растерзала мне нервы.

— Я призван сломить твое упорство, о человек, обязанный стать королем.

Снизу донесся грохот обрушившегося зеркального дома. Я посмотрел туда; Дара и Мэндор, только что с трудом вставший на ноги, тоже. Зеркальные панели воспарили в воздухе и поплыли к нам. Они быстро развернулись в боевом порядке, многократно отражая нашу битву под бесчисленными углами. Перспектива была ошеломляющей, ибо само пространство казалось каким-то искривленным и закругленным; в каждом отражении нас окружало кольцо света, хотя я не смог обнаружить его источника.

— Я с Мерлином! — донесся откуда-то голос Призрачного Колеса.

— Конструкция! — воскликнул Знак Логруса. — Ты тот, кто помешал мне в Амбере!

— Пути я тоже слегка помешал, — заметил Призрак. — Это восстановило равновесие.

— Чего ты хочешь сейчас?

— Руки прочь от Мерлина, — сказал Призрак. — Он вершит здесь суд по праву короля. Никаких оков на нем!

Закружились огни. Я направил импульс в спикард, открывая все каналы в надежде связаться с Призраком и дать ему доступ к энергии. Однако контакта установить не удалось.

— Не нужно, папа, — заявил Призрак. — У меня самого есть доступ к источникам в Тенях.

— Что ты желаешь для себя, конструкция? — осведомился Знак.

— Защитить того, кто заботился обо мне.

— Могу предложить тебе вселенское величие.

— Ты уже предлагал. И я тогда отказался, помнишь?

— Помню. И буду помнить всегда.

Зазубренное щупальце от непрерывно перемещающейся фигуры двинулось в сторону одного из кругов света. Когда они встретились, последовала ослепительная вспышка пламени.

Вновь обретя способность видеть, я не обнаружил никаких изменений.

— Очень хорошо, — признал Знак. — Ты пришел подготовленным. Еще не время ослаблять себя твоим уничтожением — не сейчас, когда другие ждут, когда я споткнусь... Повелительница Хаоса, — продолжил он, обратившись к Даре, — ты должна исполнять пожелания Мерлина. Если его правление окажется безрассудным, он уничтожит себя своими собственными делами. Если же оно будет благоразумным, ты безо всякого вмешательства получишь то, чего жаждешь.

— Ты готов отступить перед сыном Амбера и его игрушкой? — переспросила она.

— Мы должны дать ему то, что он хочет, — признал Знак. — На данный момент. На данный...

В момент его исчезновения воздух наполнился визгом.

Мэндор улыбался милейшей из улыбок, бесконечно отражающейся.

— Не могу поверить, — пробормотала Дара, становясь кошкой с цветочной мордой, затем древом зеленого пламени.

— Придется поверить, — сказал ей Мэндор. — Мерлин победил.

Древо вспыхнуло, осыпаясь, и исчезло.

Мэндор кивнул мне:

— Уповаю на одно: ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, что делаю.

— Ладно, поступай по своему разумению. Но если тебе понадобится совет, я постараюсь помочь.

— Спасибо.

— Не желаешь обсудить это за обедом?

— Не сейчас.

Мэндор пожал плечами и обернулся синим смерчем.

— Тогда до скорого, — донесся его голос, прежде чем смерч умчался прочь.

— Спасибо, Призрак, — сказал я. — Ты заметно улучшил свой хронометраж.

— У Хаоса слабина слева, — ответил он.

Я установил местонахождение свежих нарядов из серебряного, черного, серого и белого и вернул их вместе с собой в апартаменты Джарта. Мне было что порассказать.

Мы бродили неизведанными путями, пересекая Тень, и в конце концов вышли к полю заключительной битвы войны Падения Пути. Годы излечили раны, не оставив и следа всего произошедшего здесь. Корвин долго смотрел, не произнося ни слова.

Затем повернулся ко мне:

— Придется поработать, чтобы расставить все по своим местам, добиться более устойчивого равновесия, обеспечить стабильность.

— Да.

— Как по-твоему, сумеешь пока удержать эту сторону в мире?

— Думаю, да, — сказал я. — Приложу все силы.

— Ни от кого из нас большего ожидать и нельзя, — произнес Корвин. — Ладно. Рэндом, разумеется, должен узнать, что здесь произошло. Не знаю, как он воспримет тебя в качестве своей противоположности... Любопытно.

— Передай ему привет, а еще Биллу Роту.

Он кивнул.

— И — удачи, — добавил я.

— Тайны все еще скрыты от нас, — сказал мне отец. — Я дам тебе знать, как только что-нибудь выясню.

Он сделал шаг навстречу и обнял меня.

— Пора в Амбер. Отправь-ка меня.

— Уже готово, — сказал я. — До свидания.

— ...и привет, — ответил он с конца радуги.

Затем я отвернулся и начал долгий путь к Хаосу.

КОММЕНТАРИИ

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА

Стр. 10 — *«Эйхман тоже так говорил, а чем кончил?»* — Эйхман Карл (1906–1962) — немецкий политический и военный деятель, нацист, глава (с 1937 г.) подотдела по делам евреев в Имперском управлении безопасности. После разгрома нацистов бежал в Аргентину, был похищен в 1960 г. израильской разведкой и казнен как военный преступник.

Стр. 11 — *«Этакий Моби Дик»*. — Моби Дик — огромный белый кит, один из главных героев одноименного романа Г. Мелвилла (1851). В романе Моби Дик предстает как олицетворение зловещей стихийной силы.

Стр. 15 — *«Поправка Салливана...»* — Вторая поправка к конституции США предусматривает право граждан на свободное ношение оружия. Однако ныне в США действует так называемый «закон (или поправка) Салливана», принятый в 1968 г. и предусматривающий *контроль федеральных и местных властей за приобретением, хранением, ношением и использованием гражданами огнестрельного оружия.*

Стр. 19 — *«n'est-ce pas»* — Не так ли (*фр.*).

Стр. 19 — «Qui» — Да (*фр.*).

Стр. 22 — *«Я бы не отказалась от "Айриш мист"»*. — «Айриш мист» («Irish Mist») — сорт ирландского ликера на вересковом меде.

Стр. 25 — *Это оказались карты таро, на первый взгляд, вполне обыкновенные, все положенные масти Младших арканов на месте — денарии, жезлы, чаши, мечи. Но вот Старшие арканы разительно отличались от привычных!* — Таро — знаменитая карточная система, символическое изложение сокровенного знания, восходящего, по легенде, к египетской оккультной традиции. По Ямвлиху, в некоем египетском храме, где проводились оккультные инициации, имелись 22 комнаты — по одной для каждой ступени обряда. На стенах этих комнат были изображены символические картины, впоследствии запечатленные в образах Великих, или Старших, арканов Таро. А.Э. Уэйт, тщательно исследовавший вопрос о происхождении Таро, считал, что в этой карточной системе «древнееврейские кабба-

листические корни прослеживаются гораздо четче», поэтому «исходной точкой» Таро можно считать 300 г. н. э. — примерную дату создания фундаментального каббалистического труда «Сефер Йецира», в котором детализируется символизм еврейского алфавита, прослеживаемый в Таро.

Первое известное изображение Старших арканов относится к 1392 г. Долгое время эти карты находились под официальным запретом (их считали «изобретением» цыган — «бесовского племени») и вошли в широкое употребление только после Французской революции. Наиболее распространенная и аутентичная «марсельская колода» приобрела известность в 1773 г. В 1875 г. Э. Леви установил связь между Старшими арканами и 22 буквами еврейского алфавита.

Полная колода Таро состоит из 22 Старших арканов, которые, помимо букв еврейского алфавита, сопоставляют с 22 «путями» дерева Сефирот, 22 превращениями Вишну и пр. Старшие арканы составляют «кладовую» эзотерического знания, которое включает в себя весь духовный и материальный опыт человека в материальном мире и прокладывает тропу от невежества к просветлению. В колоде также присутствуют 56 Младших арканов, разделенные на четыре масти по 14 карт в каждой; эти масти называются денарии (бубны), жезлы, или скипетры (трефы), чаши (черви) и мечи (пики). [Еще один вариант названия мастей — монеты, булавы, кубки и мечи.] В современном мистическом истолковании денарии символизируют социум, жезлы — власть, чаши — жертву, а мечи — осуществление правосудия. Эти четыре масти соотносятся с четырьмя стихиями: жезлы — огонь, денарии — земля, мечи —молния, то есть воздух, и чаши — вода. Кроме того, масти сопоставляют с четырьмя темпераментами, четырьмя мировыми цветами и четырьмя кастами.

В Старших арканах важна не только символика каждой карты, но и местоположение карты в общей иерархии; именно поэтому предложение А.Э. Уэйта поменять местами восьмой и одиннадцатый арканы, Силу и Справедливость, встретило столь решительное сопротивление даже среди его коллег по Ордену Золотого Рассвета.

Стр. 26 — *«...главного героя "Легенды Сонной лощины"...»* — «Легенда Сонной лощины» — «готический» рассказ классика американской литературы Вашингтона Ирвинга (1783–1859).

Стр. 30 — *«...плеснула в стакан "Джека Дэниелса"»* — «Джек Дэниелс» («Jack Daniels») — сорт американского кукурузного виски.

Стр. 36 — *«Он ведь такой пронырa и подлец, да и имя ему вполне соответствует...»*. Рэндом (Random) — случайный, беспорядочный, шальной (*англ.*).

Стр. 43 — *«Все Чарли Форты этого мира надолго запомнят это событие...»* — Форт Чарльз (1874–1932) — американский писатель и исследователь «необъяснимых явлений», автор многочисленных работ по уфологии и другим «непознанным феноменам».

Стр. 44 — *Восемь Drachae Regums.* — Drachae Regums — королевские драхмы (*лат.*).

Стр. 45 — *«Арденский лес...»* — Арденский лес — лесной район в Центральной Англии. В английском фольклоре своего рода «сакральный лес», место сверхъестественных событий. Этот фольклорный образ впоследствии использовал У. Шекспир в комедии «Как вам это понравится».

Стр. 46 — *«По-моему, это Моргенштерн»* — Моргенштерн — разновидность германского копья с широким лезвием, у основания которого располагались кольцом длинные и острые шипы.

Стр. 46 — *«...у кровожадных веймарских гончих...»* — Веймарские гончие — охотничьи собаки с короткой серой шерстью и голубыми глазами.

Стр. 47 — *«...вилась целая свора Адских гончих...»* — В фольклоре жителей Британских островов Адские гончие — свора жутких безголовых псов. Они охотятся и за людьми, и за демонами. Считается, что эти псы служат дьяволу; однако в одном предании говорится, что они как-то появились в Плимуте следом за призраком великого мореплавателя и пирата сэра Фрэнсиса Дрейка, которого признавали своим повелителем.

Стр. 62 — *«Я парировал в кварте...»* — Кварта, сикста и пр. — способы защиты в фехтовании.

Стр. 62 — *«...жаль, что здесь нет Ван Гога...»* — Ван Гог Винсент (1853–1890) — великий голландский художник, наряду с П. Сезанном и П. Гогеном крупнейший представитель постимпрессионизма. Творческая жизнь Ван Гога продолжалась всего 10 лет, но была необычайно плодотворной: художником было написано около 800 картин. Эмоциональная глубина творчества Ван Гога оказала огромное влияние на искусство XX века, *в частности на фовизм и экспрессионизм.*

Стр. 64 — *«...да еще Тир-на Ног'тх...»* — В кельтском фольклоре Тир-нан-Ог (Тир-нан-Огт) — страна вечной юности, лежащая за морем на западе.

Стр. 66 — *«...и один Лер знает...»* — В кельтской мифологии Лер — божество моря, отец бога волн Мананнана. В позднейшей традиции «превратился» в фольклорного короля Лира.

Стр. 69 — *«...похожую на пергамент кожу мертвых узников Аушвица...»* — Аушвиц (Освенцим) — один из наиболее известных нацистских концлагерей.

Стр. 69 — *«...присутствовал на суде в Нюрнберге...»* — Имеется в виду Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. над нацистскими военными преступниками.

Стр. 69 — *«...слышал голос Стивена Спендера...»* — Спендер Стивен (1909–1995) — английский поэт и критик, творческий соратник Уистена Хью Одена и Луиса Макниса.

Стр. 69 — *«...видел "Мамашу Кураж"...»* — «Мамаша Кураж» — самая знаменитая из пьес немецкого драматурга Бертольта Брехта (1898–1956).

Стр. 69 — *«...и Шекспир сам сказал мне...»* — Очевидно, «отражение» У. Шекспира (Shakespeare — Shaxpur) в одной из Теней.

Стр. 69 — *«Aupres de la Blonde...»* — Рядом с моей блондинкой (*фр.*).

Стр. 70 — *«То была Ночь Чумы, поразившей Лондон...»* — Имеется в виду эпидемия бубонной чумы 1665 г., получившая литературе наименование «Великой чумы».

Стр. 71 — *«Уже во времена Елизаветы I...»* — Елизавета I — королева Великобритании с 1558 по 1603 г. Ее правление считается «золотым веком» английской литературы.

Стр. 72 — *«...где над башнями гордо реяло знамя Оберона, моего отца, — на зеленом поле белый единорог, вставший на дыбы и обращенный влево...»* — Оберон — в европейской фольклорной традиции правитель Волшебной страны. В рыцарском романе «Гюон из Бордо» приводится родословная Оберона: королева Тайного Острова Кефалония когда-то влюбилась в Нептанеба, правителя Египта, и выш-

ла за него замуж. У них родился сын, который впоследствии стал Александром Македонским. Семьсот лет спустя в ту же даму влюбился Юлий Цезарь. Она родила ему сына — это и был Оберон. Фрейлины Кефалонии наделили его чудесными дарами — способностью читать мысли людей, перемещаться куда угодно в мгновение ока и т д. А одна злобная дама прокляла Оберона; из-за этого он ростом всего-навсего с трехлетнего младенца. Большой любитель женской красоты, Оберон не упускает случая поухаживать за смертными.

В классической геральдике цвет поля герба имел символическое значение: золото означало богатство, силу, верность, чистоту, постоянство; серебро — невинность; голубой цвет — величие, красоту, ясность; красный — храбрость; зеленый — надежду, изобилие, свободу; черный — скромность, образованность, печаль; пурпуровый — достоинство, силу, мужество. Единорог же является символом живородной мужской силы. В песнях трубадуров и живописи того времени единорог — мощное и неукротимое животное, которое становится кротким и падает на колени, только когда видит перед собой прекрасную девственницу.

Стр. 76 — *«...хутспа...»* — Самообладание, граничащее с наглостью (*идиш*).

Стр. 82 — *«Страна, где я оказался, называлась Аверн...»* — В классической мифологии рядом с озером Аверн располагался один из входов в преисподнюю. Именно через этот вход, по Вергилию, проник в преисподнюю Эней.

Блейз подыскал страну, где религиозные представления были связаны с почитанием богов-братьев, судя по всему, весьма похожих на нас. Между этими божествами шло вечное противоборство. Один из них — воплощение сил зла — сумел захватить власть и всячески преследовал остальных братьев, олицетворяющих силы добра. Конечно, было в этом культе и понятие о конце света, когда уцелевшие братья должны будут участвовать в последней битве за победу добра.

Так называемые близнечные мифы свойственны многим мифологическим системам. Как правило, в этих мифах один из близнецов олицетворяет все доброе и созидательное, а другой является полной его противоположностью.

Стр. 86 — *«...зима нашей русской военной кампании...»* — Имеется в виду наполеоновская кампания 1812 г.

Стр. 89 — *«Уснуть. И видеть сны?..»* — У. Шекспир, «Гамлет», строка из знаменитого монолога «Быть или не быть» в переводе Б. Пастернака.

Стр. 94 — *«...назад, к кордебаталии нашего флота»*. — Кордебаталия — средняя часть флота (по В. Далю).

Стр. 105 — *«...как Роберт Ли при Чэнселлорсвилле...»* — Ли Роберт Эдвард (1807–1870) — американский военный и политический деятель, участник гражданской войны в США на стороне южан. В сражении при Чэнселлорсвилле 15 мая 1863 г. южане разгромили в полтора раза превосходившую их численностью армию Севера под командованием генерала Дж. Хукера.

Стр. 112 — *«Я не отрываясь смотрел на корону Амбера — тяжелый серебряный обруч с семью зубцами, каждый из которых венчал драгоценный камень»*. — Описание короны Амбера совпадает с приводимыми в ирландских сагах описаниями короны Туата Де Дананн — племен богини Дану.

Стр. 120 — *«...и генерал Макартур...»* — Макартур Дуглас (1880–1964) — американский генерал, в годы Второй мировой войны командовал вооруженными силами США и союзников на Дальнем Востоке.

Стр. 120 — *«На франко-прусской войне я был ранен...»* — Имеется в виду война 1870–1871 гг., в которой Пруссия при поддержке других германских государств и нейтралитете Англии и России противостояла Франции.

РУЖЬЯ АВАЛОНА

Стр. 137 — *«Я отправился в путь к Авалону...»* — В кельтской мифологии Инис Авалон, или просто Авалон, — чудесный остров где-то на западе. По легенде, туда после сражения при Камланне был перенесен смертельно раненый король Артур.

Стр. 140 — *«И тут я стал думать о Ганелоне...»* — В европейской фольклорно-исторической традиции Ганелон — один из паладинов Карла Великого, отчим Роланда, предавший франков и перешедший на сторону сарацин.

Стр. 142 — *«Так внес я сэра Ланселота Озерного...»* — Сэр Ланселот Озерный — один из центральных персонажей цикла легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Стр. 146 — *«За рекою Блаженных сидели...»* — Вольная интерпретация псалма 136 («При реках Вавилона там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе») и песни группы «Boney M» «On the rivers of Babylon».

Стр. 150 — *«Старому королю Утеру...» — В цикле легенд о короле Артуре и рыцарях* Круглого стола Утер Пендрагон — *отец Артура.*

Стр. 150 — *«Толпа этих мертволицых поджаривала живую козу на каменном алтаре...»* — Описание ритуала во многом совпадает с описаниями древнего шотландского ритуала тагейрм. Одно из наиболее подробных описаний тагейрма содержится в романе Г. Майринка «Ангел Западного окна»: «... со мной была тележка с пятьюдесятью черными кошками... Я развел костер и произнес ритуальные проклятия, обращенные к полной луне... Выхватил из клетки первую кошку, насадил ее на вертел и приступил к тагейрму. Медленно вращая вертел, я готовил инфернальное жаркое, а жуткий кошачий визг раздирал мои барабанные перепонки в течение получаса, но мне казалось, что прошли многие месяцы, время превратилось для меня в невыносимую пытку. А ведь этот ужас надо было повторить еще сорок девять раз!.. *Предощущая свою судьбу, кошки, сидевшие в клетке,* тоже завыли, и их крики слились в такой *кошмарный хор, что я почувствовал,* как демоны безумия, спящие в укромном уголке мозга каждого человека, пробудились и теперь рвут мою душу в клочья... смысл тагейрма состоит в том, чтобы изгнать этих демонов, ведь они-то и есть скрытые корни страха и боли — и их пятьдесят!.. Две ночи и один день длился тагейрм, я перестал, разучился ощущать ход времени, вокруг, насколько хватало глаз, — выжженная пустошь, даже вереск не выдержал такого кошмара — почернел и поник...»

Стр. 181 — *«...вдруг на сцене оказался преследуемый фуриями Рэндом...»* — В римской мифологии фурии — богини мести и угрызений совести.

Стр. 184 — *«...я слишком долго был знаком с Фрейдом, чтобы не усматривать в этом личных мотивов».* — Фрейд Зигмунд (1856–1939) — выдающийся австрийский психолог, «отец» психоанализа.

Стр. 190 — *«Предо мной было колесо какой-то большой рулетки, все мы — мои братья, сестры, я сам и прочие, кого я знал и помнил, — все мы были на нем и то*

опускались, то поднимались вместе с ним». — В европейской традиции известно колесо Фортуны — универсальный символ космического порядка. Ср. также буддийские представления о колесе Сансары.

Стр. 190 — *«En garde...»* — В состоянии боевой готовности (первая позиция фехтовальщика) (*фр.*).

Стр. 205 — *«...слыхать не слыхали про сэра Эрнста Оппенгеймера и про объединенные алмазные копи Юго-Западной Африки...»* — Оппенгеймер Эрнст — патриарх алмазного бизнеса, основатель Англо-американской горнодобывающей корпорации и директор корпорации «Де Бирс», основанной Сесилем Роудсом.

Стр. 209 — *«Белой полосой легла дорога»...* — Строка из стихотворения английского поэта Альфреда Э. Хаусмена (1859–1936).

Стр. 209 — *«Я вешу восемнадцать стоунов...»* — Стоун — английская мера веса, равная 14 фунтам, то есть 6,35 кг.

Стр. 237 — *«В отличие от сэра Базиля Захароффа...»* — Базиль Захарофф (1850–1930) — международный посредник в торговле оружием.

Стр. 239 — *«гравюра на дереве Мори...»* — Очевидно, этот Мори — комбинированный образ, «составленный» автором из имени знаменитого художника Цукуока Иоситоси (Еситоси) и достаточной распространенной японской фамилии.

Стр. 247 — *«Однажды я встретил мантикору на южных островах...»* — Мантикора — в средневековых бестиариях и европейском «восточном» фольклоре чудовище, кровожадный зверь с телом тигра, гривой лошади и головой старика, увенчанной двумя спиральными рогами. У нее тройной ряд зубов, человеческие уши и скорпионий хвост с ядовитым жалом. Голос мантикоры громок и пронзителен. Чудовище невозможно приручить, но если отдавить ему хвост, оно сделается смирным и покладистым. Когда мантикора ловит жертву, она перегрызает кости и проглатывает беднягу целиком, вместе с одеждой. Считается, что некоторые люди обладают способностью превращаться в мантикор: по ночам они бегают вокруг поселений в поисках жертв.

Стр. 249 — *«На такого зверя больше всего похож геральдический виверн...»* — В европейском фольклоре и европейской геральдике крылатый дракон. Обычно его изображают стоящим на двух лапах. На хвосте у виверна колючка.

ЗНАК ЕДИНОРОГА

Стр. 270 — *«...подошел Чайльд Рэндом к черной башне...»* — Аллюзия на английскую балладу «Чайльд Роланд». Этот же образ был позднее использован английским поэтом Р. Браунингом в знаменитом стихотворении «Роланд к Черной башне пришел».

Стр. 271 — *«...сочиняя в уме депешу Клаузевицу...».* — Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — прусский военный, теоретик военного искусства, автор известного труда «О войне».

Стр. 283 — *«Выражаясь словами Эдипа, Гамлета, Лира...»* — Рэндом перечисляет мифологических и литературных персонажей, задававшихся, каждый — в собственной интерпретации, «гамлетовским» вопросом — «Быть или не быть?».

Стр. 288 — *«...промерзал до костей от холода энтропии...»* — Энтропия — характеристика состояния тела или системы тел; при любом процессе в замкнутой

системе энтропия возрастает. В обыденном смысле слово «энтропия» означает «увеличение хаотичности, ведущее к распаду».

Стр. 288 — *«У Сизифа перерыв...»* — В греческой мифологии Сизиф — царь, осужденный богами на бесконечный труд: он должен вкатывать на гору огромный камень, который недалеко от вершины выскальзывает у Сизифа из рук и катится обратно.

Стр. 289 — *«...субатомное гильбертово пространство...»* — Гильбертово пространство — математическая модель пространства с бесконечным, но подлежащим определению количеством измерений. Модель была предложена великим немецким математиком Д. Гильбертом.

Стр. 290 — *«...ночью Четвертого июля...»* — Четвертое июля — национальный праздник США, День независимости.

Стр. 291 — *«...за три года до начала Террора...»* — Имеется в виду террор в годы Французской революции 1793–1795 гг.

Стр. 297 — *«Это мой кенотаф...»* — Кенотаф — пустая гробница в честь того, чье тело погребено в другом месте или не обнаружено.

Стр. 330 — *«...coup de grace...»* — Coup de grace — завершающий смертельный удар (*фр.*)

Стр. 356 — *«Солипсизм — вот в чем загвоздка!»*— Солипсизм — крайнее проявление субъективного идеализма, согласно которому существующим признается только собственное «я», тогда как *окружающий мир постулируется как отражение* «я» в сознании.

Стр. 362 — *«...ab initio...»* — С самого начала (*лат.*).

Стр. 370 — *«...я вспомнил "Гернику"»*. — «Герника» — знаменитая картина П. Пикассо, созданная под впечатлением бомбардировки немецкой авиацией испанского города Герника во время гражданской войны в Испании.

Стр. 371 — *«...это было нечто единое, Urmeer...»* — Urmeer — пра-море, изначальное море (*нем.*).

Стр. 372 — *«Кончалось оно так: "Я по нехоженой пошел, и стало все иным"»*. — Строчки из стихотворения американского поэта Р. Фроста «Нехоженая дорога».

РУКА ОБЕРОНА

Стр. 378 — *«...мне представляется геральдический зверь грифон...»* — Грифон — в классической мифологии чудесное животное, обитающее в Индии или в Африке. У него львиное тело, голова, шея, крылья и когти орла. Размерами грифон в восьмеро больше льва и обладает необыкновенно острым слухом. Его когти высоко ценятся, ибо обладают замечательной способностью менять цвет, если на них капнуть ядом. В своих золотых гнездах грифоны хранят несметные сокровища, а самки грифонов откладывают яйца из агата. Грифоны чрезвычайно сильны, одним ударом когтей им ничего не стоит в клочья разорвать лошадь.

По свидетельству Эсхила, грифоны стерегут золото в стране гипербореев.

Стр. 378 — *«...Да, птичка определенно не с нашего герба»*. — Отсылка к гербу США, на котором изображен лысый орлан.

Стр. 379 — *«Он весь скрючился, словно горгулья...»* — Горгульи — в европейской готической традиции скульптурные изображения уродливых крылатых существ.

Первоначально использовались как украшения для желобов водосточных труб. В средние века горгульи приобрели «религиозный» смысл — в них стали видеть олицетворение человеческих грехов. Впоследствии считалось, что они своим ужасным видом отпугивают зло, поэтому горгулий охотно помещали на фасадах и крышах зданий.

Стр. 413 — «*...был изображен Ардебил...*» — Ардебил — город в северо-восточном Иране, центр производства иранских ковров.

Стр. 424 — «*...предвестник приступа акрофобии...*» — Акрофобия — боязнь высоты.

Стр. 424 — «*...что небесная мандала...*» — Мандала — комбинация геометрических элементов, символически представляющая образ мироздания. Считается, что зрительное восприятие мандалы может привести к откровению, осознанию сакральных истин. Чаще всего имеет форму круга, круга в квадрате или квадрата в круге, причем квадрат иногда делится на четыре треугольника. Обладает семантикой круга, колеса, лотоса, розы.

Как графический образ (графема), мандала представляет собой движение к некоему внепространственному и вневременному центру, который никогда не визуализируется, но всегда подразумевается. Этот незримый центр представляет собой вариант омфалоса (пупа земли). Линии мандалы и фокус, в которой они собираются, графически выражают препятствия на пути к центру.

Мандала есть модель мироздания, аналогичная мировому древу, горе, храму. Что касается сопоставления с последним, известны многочисленные храмы, выстроенные в форме мандалы — круглые, квадратные, восьмиугольные.

Классическая мандала основана на сочетании чисел 1 (центр), 3 (треугольник), 4 (квадрат) и 7 (круг). Существуют также искаженные мандалы, основанные на числах 2, 6, 8.

В буддийской мандале квадрат, вписанный в круг, ориентирован по сторонам света и вместе с центром сопоставлен с пятью элементами человеческого естества. Как правило, в квадрат вписывается восьмилепестковый лотос, а в центре лотоса изображается божество или его атрибут. Внешний круг мандалы олицетворяет «стену огня» — метафизическое знание, уничтожающее неведение. Следующий круг — «бриллиантовый»: просветление, обретение истинного знания. Третий круг — «лепестки лотоса»: духовное возрождение. Последний круг — центр.

В Тибете принято уничтожать мандалы сразу после окончания ритуала, что означает уничтожение иллюзии и возвращение духа в пустоту.

Стр. 448 — «*...пятнышки солнечного света на их ветвях — гнездами фениксов...*» — Феникс — в греческой мифологии чудесная птица. Родом из Эфиопии, живет она пятьсот лет (иначе 1460 или 12594 года). Внешне эта птица напоминает орла, ее перья — красно-золотые. Чувствуя приближение смерти, феникс сжигает себя в своем гнезде, а вскоре из этого пепла рождается новый феникс.

Стр. 458 — «*...три ярких дайма, туповатого вида четвертак и парочка пенни...*» — Дайм — монета достоинством в 10 центов; четвертак — монета достоинством в 25 центов; пенни — монета достоинством в 1 цент.

Стр. 484 — «*...привез домой троянского коня...*» — В античной мифологии Троянский конь — деревянная статуя, оставленная ахейцами на берегу моря после неудачного штурма Трои как дар богини Афины. Внутри коня спрятались ахей-

ские воины во главе с Одиссеем. Троянцы ввезли коня в город через пролом в стене; ночью ахейцы выбрались из статуи и открыли ворота своему войску.

ВЛАДЕНИЯ ХАОСА

Стр. 504 — «*...то лишь благодаря deja vu всего сценария...*» — deja vu — уже виденное (*фр.*), психологический термин, означающий повторное переживание уже пережитого — наяву или в фантазиях.

Стр. 506 — «*Его зовут Мерлин*». — В фольклоре народов Западной Европы Мерлин — великий чародей, долгие годы помогавший королю Артуру. Родился он не от смертного отца. В хронике Гальфрида Монмутского сказано: «И когда их привели пред королевские очи, государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, так как знал, что она происходит от знатных родителей. Затем он начал ее расспрашивать, от кого зачала она Мерлина. Та ответила: «У тебя живая душа и живая душа у меня, владыка, мой король, но я, и вправду, не знаю, от кого я его понесла. Мне ведомо только то, что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной предстал некто в облике прелестного юноши и, сжимая в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем во чреве».

Еще до рождения Артура Мерлин своим волшебством перенес в Британию громадные камни, известные ныне как Стоунхендж. Он помог Артуру добыть чудесный меч Эскалибур, учредил Круглый стол и совершил немало других подвигов. Его пророчества стоят в одном ряду с предсказаниями Нострадамуса.

Зачарованный своей подругой и помощницей Вивиан, он спит внутри холма, дожидаясь урочного срока. Когда же Мерлин пробудится, тогда проснется и Артур, и на Земле наступит Золотой век.

Стр. 507 — «*...кошмарно неэвклидовом местечке...* »— Основной постулат неэвклидовой геометрии — опровержение положения Эвклида о том, что через одну точку на плоскости можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной.

Стр. 510 — «*...а реверберацией Черной дороги...*» — Реверберация (лат. reverbero — отбрасываю) —процесс постепенного затухания звука в закрытых помещениях после выключения его источника. Здесь «одна из многочисленных копий Черной дороги, созданных ее колебаниями».

Стр. 525 — «*Какой Кэрролл придумал это зеркало...*» — Льюис Кэрролл (1832–1898) — знаменитый псевдоним английского математика и писателя Ч.Л. Доджсона, автора книг «Алиса в Стране чудес» и «Сквозь зеркало и что Алиса там увидела».

Стр. 527 — «*Предположим — arguendo...*» — Условно (*лат.*).

Стр. 529 — «*...правильно сказал Мэлори, все они здесь...*» — Имеется в виду Томас Мэлори (?–1471), автор классического рыцарского романа «Смерть Артура».

Стр. 531 — «*...так вот и кончится мир...*» — «Так вот и кончится мир» — строчка из поэмы классика английской и американской поэзии XX в. Т.С. Элиота (1888–1965) «Полые люди».

Стр. 535 — *«...приводила на ум бессмертную книгу Свифта...»* — Имеются в виду «Приключения и путешествия Лемюэля Гулливера» Дж. Свифта (1667–1745), конкретно — посещение Гулливером страны лилипутов.

Стр. 535 — *«Просыпаешься утром в поле, голый, никаких следов пещеры...»* — В мифах и фольклоре различных народов сюжет о людях, оказавшихся пленниками потустороннего мира, встречается довольно часто. В европейском фольклоре люди обычно становятся пленниками эльфов, которые насильно удерживают их в Волшебной стране. Фейри похищают не только детей, но и взрослых. Они заманивают к себе юношей, которые умеют играть на музыкальных инструментах и хорошо поют, а самые красивые из этих юношей становятся любовниками принцесс-чародеек. Впрочем, для мужчин опасность быть похищенными не столь велика; а вот женщинам, как утверждают сказки и предания, она угрожает буквально на каждом шагу. Молодых матерей выкрадывают, чтобы они выкармливали грудью младенцев-фейри (дело в том, что у фейри материнское молоко не слишком питательное); поэтому с рождения ребенка и до свершения над женщиной очистительного обряда необходимо принимать все возможные меры предосторожности. Короли и принцы фейри частенько женятся на смертных женщинах, причем свадьбе почти всегда предшествует похищение.

Фейри чаще всего селятся в холмах. Эти холмы называются «ноу» и делятся как бы на две части — наружную (шийн) и внутреннюю (бру, или тулмен). Шийн представляет собой пещеру, а бру — залу с потолком, который опирается на колонны. В бру обычно проживают сразу несколько семейств фейри, а в тулменах обитают фейри-одиночки. Иногда можно увидеть вход в бру. Чаще всего такое случается в канун того или иного праздника — скажем, на Ламмас-тайд (7 августа). На Холлан-тайд (11 ноября) к холмам лучше вовсе не приближаться: в ночь на 11 ноября фейри путешествуют между холмами по своим дорогам и тропинкам, раскинутым точно паутина. Вход в бру можно увидеть и в другое время, для этого нужно в полнолуние обойти вокруг холма девять раз — ни больше ни меньше. И тогда взгляду предстанет то, что происходит внутри.

Что касается золота фейри, оно, как и роскошные внутренности холмов, — чаще всего морок, который развеивается на следующее утро после встречи человека с фейри. Среди европейских народов бытует множество преданий о мороке фейри.

Стр. 538 — *«...две фразы из Исаака Динесена...»* — Псевдоним баронессы Карен Кристин Бликсен (1885–1962), датской писательницы, известной утонченной прозой о сверхъестественном.

Стр. 541 — *«...грохот Армагеддона...»* — В библейской традиции Армагеддон — место последней битвы между силами добра и зла.

Стр. 544 — *«И я безумные глаза закрыл, целуя...»* — Из стихотворения Джона Китса «La Belle Dame sans Merci». Весь эпизод с Девой — парафраз этого стихотворения.

Стр. 544 — *«Как там Дева со своим озером?»* — Дева — персонаж легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола и героиня поэмы Вальтера Скотта «Дева озера».

Стр. 549 — *«Меня звать Хуги».* — Подразумевается, очевидно, Хугин («мыслящий»), один из двух воронов Одина.

Стр. 549 — *«...обломок старика Игга...»* — Игг — имеется в виду ясень Иггдрасиль, мировое дерево скандинавской мифологии, дерево Одина (Игга).

Стр. 550 — «*...чтобы выступить в моралите...*» — В средневековом европейском театре моралите — представление нравоучительного свойства с аллегорическими персонажами.

Стр. 551 — «*...в плоскости самосознания, эго...*» — В классическом психоанализе эго — «я», часть психики, реагирующая на внешний мир и выступающая посредником между ид (подсознанием) и суперэго (требованиями социального и физического окружения).

Стр. 553 — «*...Zum Beispiel...*» — Например (*нем.*).

Стр. 554 — «*...грандиозный вагнеровский финал...*» — Оперы великого немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813–1883), как правило, завершаются торжественными драматическими финалами.

Стр. 555 — «*...добротный сон — со многими быстрыми фазами...*» — Одно из двух состояний сна, характеризуемое повышенной активностью автономной нервной системы и сновидениями.

Стр. 560 — «*Кассис...*» — Французская черносмородиновая наливка.

Стр. 561 — «*...в каком-то прустовском восторге...*» — Пруст Марсель (1871–1922) — французский писатель, автор цикла романов «В поисках утраченного времени». В своих романах Пруст воссоздавал ушедшее время — людей, тончайшие переливы чувств и настроений, вещный мир.

Стр. 570 — «*...я продемонстрировал несущемуся во весь опор Борелю "обратную веронику"...*» — «Обратная вероника» — *прием тореадора.*

Стр. 586 — «*...как в последней главе "Алисы"...*» — В последней главе «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла Алиса говорит, что все, кто ее окружает, — лишь колода карт; затем налетает вихрь и персонажи взлетают в воздух, превращаясь в карты.

Стр. 587 — «*...кому я нужен — джокер...*» — Джокер — дополнительная карта в колоде, обычно с изображением шута, используется в ряде комбинаций как карта высшего достоинства, «замещающая» недостающие.

Стр. 590 — «*Я принимаю ваш омаж...*» — Знак преданности вассала сеньору.

Стр. 597 — «*Кармен, voulez-vous venir avec moi?*» — Не желаете ли пойти со мной? (*фр.*) Цитата из либретто оперы Ж. Бизе «Кармен».

КАРТЫ СУДЬБЫ

Стр. 601 — «*...наступило тридцатое апреля...*» — Тридцатое апреля — канун Вальпургиевой ночи (см. ниже).

Стр. 602 — «*...позднее коллегу Люкаса Рейнарда...*» — Фамилия этого персонажа «говорящая»: Reynard означает «лис». В средневековом «зверином» эпосе Рейнар, он же Рейнеке-Лис, — лис-пройдоха.

Стр. 605 — «*...Wanderjahr...*» — Год путешествий после окончания обучения (*нем.*).

Стр. 612 — «*...я заказал клубный сандвич...*» — Клубный сандвич — трехслойный сандвич из индейки, ветчины, листьев салата, томатов, булки и майонеза.

Стр. 613 — «*...встречалась с суфиями...*» — Суфии — представители мистического учения в исламе.

Стр. 613 — «*...последователями Гурджиева...*» — Гурджиев Георгий Иванович (1877–1949) — известный мистик, оккультист и духовный учитель, много путе-

шествовал по свету в поисках тайного учения, передающегося, по его мнению, изустно. Автор широко известной книги «Письма Вельзевула своему внуку».

Стр. 613 — «*...могущества, а не самадхи...*» — В индуизме и буддизме самадхи (санскр. «слияние») — созерцание предмета медитации, приводящее к слиянию между объектом и субъектом.

Стр. 614 — «*...достойного гуру...*» — Гуру (санскр. «почтенный») — наставник, духовный учитель.

Стр. 614 — «*...каббала, Золотая Заря, Кроули, Форчун — таково направление ее дальнейших поисков*». — Каббала — иудейское эзотерическое учение, оказавшее существенное влияние на европейскую мистику. Основной принцип каббалы — мистическое толкование Священного Писания.

Орден Золотой Зари (Золотого Рассвета) — английское оккультное общество, из которого вышли столь известные в европейском оккультизме фигуры, как А. Э. Уэйт и enfant terrible европейской оккультной традиции Алистер Кроули.

Форчун Дион — европейская оккультистка, автор фундаментального труда «Магия в теории и практике».

Стр. 615 — «*...в нем больше от Мэнсона, чем от Волхва...*» — Мэнсон Чарльз — глава американской религиозной секты, известной ритуальными убийствами, в том числе беременной супруги режиссера Р. Поланского актрисы Шэрон Тейт.

Волхв — персонаж одноименного романа английского писателя Дж. Фаулза. По книге, Волхв проводил над главным героем романа весьма утонченные психологические опыты.

Стр. 615 — «*...или Веды...*» — Веды — священные книги индуизма. «Главными» ведами считаются Ригведа, Аюрведа, Самаведа и Атхарваведа.

Стр. 616 — «*...Фауст не посчитал, что прекрасное мгновение стоит души...*» — Прозаическая цитата знаменитого фрагмента из драматической поэмы «Фауст» И.-В. Гете: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (пер. Б. Пастернака).

Стр. 617 — «*Tempus fugit...*» — «Время летит» (*лат.*). Цитата из Вергилия, «Георгики», III, 284.

Стр. 621 — «*...напоминающее угол пентаграммы...*» — Правильная пентаграмма (острием вверх) — символ вечной молодости и здоровья у пифагорейцев, в алхимии — символическое представление человеческого тела (две руки, две ноги и голова), в оккультизме — символ охраны, безопасности (знак защиты от нечистой силы), легендарный ключ Соломона, в христианстве — эмблема пяти ран распятого Христа. Пентаграмма острием вниз есть эмблема нечистой силы, один из инструментов черной магии (как ни удивительно, на советском ордене Красной Звезды пентаграмма изображена именно вершиной вниз). Неправильно изображенная пентаграмма не в состоянии защитить мага от вызываемого демона: так, в «Фаусте» Гете именно неправильно начертанная пентаграмма позволила Мефистофелю войти в человеческий мир.

Пентаграмма есть усеченная гексаграмма, в которой нарушена гармония; в пентаграмме вершиной вверх преобладают светлые стихи, в пентаграмме вершиной вниз — темные. Сумма углов пентаграммы равна 180 градусам, то есть аналогична одному из составляющих гексаграмму треугольников — доброму либо злому. Средневековые философы говорили, что пентаграмма, в отличие от гексаграммы, едина, она не может быть разложена на две фигуры; что символизирует

устойчивость «однополюсного» мира. Пентаграмма вершиной вверх — эмблема торжества добра и истины.

В античности пентаграмму также считали символом красоты мира, поскольку она основана на «золотом сечении», которое есть олицетворение красоты пропорций в природе.

В Средние века и пентаграмма, и гексаграмма назывались то «звездой Давида», то «звездой Соломона». Считалось, что изображение этой звезды вместе с сокровенным 72-буквенным именем Божьим было выбито на воинском щите и приносило обладателю щита победы во всех сражениях.

Стр. 621 — «*Что-то в них напоминало работы Шагала...*» — Шагал Марк (1887–1985) — французский художник российского происхождения, картины которого отличает изысканный сюрреализм.

Стр. 622 — «*...каббалистическое Древо Жизни с десятью сефирот...*» — Каббалистический вариант мирового древа и древа познания, модель мироздания, олицетворение Высшего Человека, в котором противоположности уравновешены и находятся в гармонии. Это название производят от двух древнееврейских слов — *сефер* (книга) и *миспар* (число). Графически дерево сефирот представляет собой десять шаров, выстроенных в три вертикальных ряда и связанных двадцатью двумя «путями»; причем *вершина дерева — сефира Кетер — находится вне общей* схемы, будучи недоступной для всех остальных сефир. *Поэтому на схемах ее заменяет* сефира Даат (Познание).

Имена сефир и их значения:

1. Кетер	Венец	Перводвигатель
2. Хокма	Мудрость	Зодиак
3. Бина	Распознавание	Сатурн
4. Хесед	Милость	Юпитер
5. Гебура	Сила	Марс
6. Тиферет	Великолепие	Солнце
7. Нецах	Победа	Венера
8. Ход	Величие	Меркурий
9. Иесод	Основание	Луна
10. Малкут	Царство	Элементы, стихии

Дерево сефирот иногда изображается в виде человеческого тела, что символизирует Адама Кадмона; при этом десять сефир толкуются как аналоги жизненных органов первочеловека: Кетер — голова, Хокма и Бина — полушария мозга, Хесед и Гебура — правая и левая руки, Тиферет — сердце, Нецах и Ход — правая и левая ноги, Иесод — чресла, Малхут — ступни.

Стр. 626 — «*...сегодня Walpurgisnacht...*» — Вальпургиева ночь (*нем.*).

Стр. 627 — «*В стиле Суинберна...*» — Суинберн Олджернон Чарльз (1837–1909) — английский поэт.

Стр. 630 — «*Сфинкс присел отдохнуть на скалистом уступе...*» — Сфинкс — в греческой мифологии чудовище, порожденное Тифоном и Ехидной. У Сфинкса тело льва, птичьи крылья, а грудь и голова — женские (поэтому правильнее передавать это слово по-русски в женском роде). Богиня Гера наслала Сфинкса на

Фивы. Чудовище расположилось на горе близ города и каждому, кто проходил мимо, задавало свою загадку — «Какое из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Не сумевших отгадать Сфинкс убивал. Единственным, кто смог ответить на ее вопрос, оказался царевич Эдип. Сфинкс пришел в ярость, бросился в пропасть и разбился.

Стр. 631 — «*Узкое, засыпанное песком арройо...*» — Арройо (*амер.*) — русло небольшой реки или ручья с крутыми склонами и плоским дном,обычно сухое, заполняется водой во время обильных дождей.

Стр. 634 — «*Лягушка "Кусинарта"...*» — Торговая марка производителя продуктов питания.

Стр. 641 — «*...на белых полосках снега на Сангре-де-Кристос...*» — Сангре-де-Кристос — горный хребет на юге Калифорнии, отрог Скалистых гор.

Стр. 642 — «*...провел весь день в горах у Пекоса...*» — Пекос — река в США в штате Нью-Мексико.

Стр. 646 — «*...он назывался "La Tertulia"...*» — Вечеринка, дружеский разговор (*исп.*).

Стр. 648 — «*Например, "Apple"...*» — «Apple» — знаменитая фирма-производитель компьютерной техники под торговой маркой «Макинтош».

Стр. 649 — «*Напоминает рисунки Эшера...*» — Морис Эшер — голландский художник, мастер «логически невозможных» картин и пейзажей.

Стр. 649 — «*...идеи двух толковых парней — Эверетта и Уилера...*» — Э. Эверетт и Дж. Уилер — американские физики, одни из авторов теории квантовой гравитации.

Стр. 651 — «*...он подсунул мне "промокашку"...*» — «Промокашка» — кусок промокательной бумаги, пропитанной ЛСД.

Стр. 651 — «*...на что это больше похоже — на Содом и Гоморру или на Камелот...*» — Библейские города Содом и Гоморра известны повальной безнравственностью их жителей.

Камелот — в артуровских легендах столица короля Артура.

Стр. 653 — «*...мне следует уйти в монастырь дзэн...*» — Дзэн (дзэн-буддизм) — учение махаяны («большой колесницы»), согласно которому состояния будды под силу достичь любому живому существу.

Стр. 654 — «*Книга Б. Г. Лидделл Гарта "Стратегия непрямых действий"...*» — Лидделл Гарт Бэзил (1895–1970) — английский военный историк, автор фундаментального труда «Вторая мировая война», биографии Лоуренса Аравийского и многих других работ, в том числе учебника стратегии — книги «Стратегия непрямых действий».

Стр. 655 — «*...сразу вспоминается шкатулка Пандоры...*» — В греческой мифологии любопытная Пандора открыла шкатулку, в которой были заключены все бедствия, пороки и суеверия. Испугавшись, Пандора захлопнула крышку шкатулки — и тем самым не выпустила на свободу лежавшую на дне надежду.

Стр. 658 — «*...они называют его Логрус...*» — В легендах артуровского цикла Логр (Логрис) — местность на территории современной Великобритании, королевство Артура.

Стр. 659 — «*...где-нибудь в лимбе...*» — Лимб — чистилище, место между раем и адом, где пребывают души тех, кому по тем или иным причинам не позволено вступить в рай, но кто недостаточно грешен для ада.

Стр. 663 — «*...французский Иностранный легион дает своим солдатам...*» — Иностранный легион — колониальные войска Французской империи. Основаны в 1831 г. В состав Легиона принимают всех, кто подходит по состоянию здоровья, невзирая на то, сколь криминальным было прошлое кандидата.

Стр. 663 — «*Это годовщина сражения при Камероне...*» — Битва при Камероне (Мексика) произошла 30 апреля 1863 г. Иностранный Легион принимал участие в битве на стороне испанского императора Максимилиана I, войска которого в союзе с английскими и французскими сражались против мексиканских повстанцев.

Стр. 664 — «*...футболке с надписью "Grateful Dead"...*» — «Grateful Dead» — американская рок-группа.

Стр. 669 — «*Слова, слова, слова...*» — У. Шекспир. «Гамлет», II акт, сцена 2. Перевод Б. Пастернака.

Стр. 670 — «*De nada...*» — Не стоит; пожалуйста (*исп.*).

Стр. 671 — «*...кусок канталупы...*» — Канталупа — разновидность дыни, произрастающая в основном в Европе.

Стр. 675 — «*...отвергла все предложения Россетти...*» — Россетти Данте Габриель (1828–1882) — английский живописец и поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

Стр. 677 — «*Наши враги — имя им легион!*» — Измененная цитата из Библии. «И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мк 5, 9).

Стр. 680 — «*Это же schtick Джорджа Карлина!..*» — Schtick (*идиш*) — действие или трюк, представляющие собой особенность актера. Джордж Карлин — американский клоун и комик.

Стр. 681 — «*...кризиса на Балканах...*» — В результате Балканского кризиса 1914 г. (убийство австрийского эрцгерцога Фердинанда) началась Первая мировая война.

Стр. 691 — «*Как Блум в "Улиссе"...*» — Леопольд Блум — главный герой психологического романа ирландского писателя Джеймса Джойса (1881–1941) «Улисс».

Стр. 708 — «*эолова музыка...*» — То есть шум ветра (в греческой мифологии Эол — повелитель ветров).

Стр. 713 — «*...моя своенравная Немезида...*» — В греческой мифологии Немезида — дочь Ночи, богиня справедливости, карающая преступников.

Стр. 724 — «*...не совсем подходящее время для экзистенциалистских дискуссий...*» — Экзистенциализм (от лат. existentia — существование) — направление социальной философии, возникшее в начале XX в. Экзистенциализм толкует бытие как непосредственную, не расчлененную целостность субъекта и объекта. Выделяя в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом своего «бытия в мире» (экзистенции).

КРОВЬ АМБЕРА

Стр. 729 — «*За подробностями обращайтесь к Кастильоне и к лорду Байрону...*» — Кастильоне Бальдассаре (1478–1529) — итальянский дипломат и писатель, автор трактата «Придворный». Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) — великий английский поэт-романтик и драматург.

Стр. 732 — *«Хочешь, спою "Над радугой"...»* — Популярная песня из кинофильма «Волшебник страны Оз».

Стр. 752 — *«...окрестил Горменгастом...»* — Горменгаст — монструозный замок, описанный английским писателем Мервином Пиком, символ чего-то одновременно чудовищно-огромного и отвратительного.

Стр. 762 — *«...разве что девчонок на Хэллоуин пугать...»* — Хэллоуин — древний языческий праздник у кельтов, отмечаемый 31 октября. В этот день, по народным поверьям, раскрываются двери между мирами и обитатели потусторонней плоскости бытия получают доступ в мир людей. На американской почве Хэллоуин превратился в детский праздник нечисти, когда ребятня наряжается оборотнями, демонами, вампирами и ходит по улицам, пугая встречных.

Стр. 781 — *«Я совершил faux pas...»* — Неверный шаг (*фр.*).

Стр. 803 — *«Не каждый способен с такой силой швырнуть "харлей"...»* — «Харлей Дэвидсон» — знаменитая марка мотоциклов, весьма, кстати сказать, тяжелых по весу.

Стр. 824 — *«...тролли не потребовали от нас пошлины...»* — Тролли — в германо-скандинавской мифологии существа огромного роста, наделенные необычайной силой и непроходимой тупостью. Живут тролли обычно в пещерах, где хранят свои сокровища, или под мостами. Они ближе к людям, чем их дальние родичи — йотуны и занимаются тем, что вредят человеку: похищают скот и красивых девушек, крадут младенцев и т. п. Тролли боятся солнечного света, который превращает их в камень. У них рыжие волосы, ходят они в темных штанах и красных шапках. Троллей пугает громкий шум: они сразу начинают думать, что за ними пришел с молотом сам бог Тор.

Стр. 824 — *«...решил не бегать за блуждающим огоньком...»* — В фольклоре различных народов название болотных огней. В буквальном переводе с латыни выражение «ignis fatuus», которым обозначают бродячие огоньки западноевропейцы, означает «огонек глупцов». По одним источникам, бродячий огонек — разновидность проказливого гоблина; по другим, это — неприкаянная, не знающая покоя душа. Чаще всего бродячий огонек является запоздалым путникам, которых сбивает с дороги и заводит в болото или к обрыву.

Стр. 853 — *«...что-нибудь в стиле Джона Д. Макдональда...»* — Джон Д. Макдональд (1916–1986) — американский писатель, автор детективов, название которых, как правило, выдержаны в «цветовой гамме».

Стр. 854 — *«Как мост над бурными водами...»* — Строка из песни Пола Саймона и Арта Гарфункеля.

Стр. 855 — *«DTs a deux?..»* — Delirium tremens a deux — «Белая горячка на двоих» (*лат.-фр.*).

Стр. 856 — *«...запел мощным баритоном "Auld Lang Syne"...»* — Песня шотландского поэта Р. Бернса (1759–1796), которую часто распевают в компаниях. В русском переводе С. Маршака припев звучит так:

«За дружбу старую — до дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней!»

Стр. 858 — *«Бэ-двенадцать! Бэ-двенадцать!..»* — Витамин B_{12} (цианокобалмин) применяется при малокровии и гепатите, при общей слабости и упадке сил.

Стр. 858 — *«...в тот же момент Болванщик наполнил мой кубок...»* — Люк оказывается в компании персонажей «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье» Л. Кэрролла.

ЗНАК ХАОСА

Стр. 861 — *«...похожим на Бертрана Рассела коротышкой...»* — Рассел Бертран (1872–1970) — английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель. Считается, что именно Рассела представил Кэрролл в образе Болванщика.

Стр. 864 — *«Брандашмыг! — крикнул кто-то.*

— Злопасный Брандашмыг! — поправил Шалтай...» — Бармаглот и Брандашмыг — персонажи стихотворения «Бармаглот» из книги Л. Кэрролла «Сквозь зеркало и что Алиса там увидела». Строфа звучит так:

О бойся Бармаглота, сын!
Он так свирлеп и дик,
А в глуще рымит исполин —
Злопастный Брандашмыг!
Пер. Д. Орловской.

Стр. 865 — *«...думал об иллюстрациях Тенниела...»* — *Сэр Джон Тенниел (1820–1914)* — английский карикатурист, автор классических иллюстраций к произведениям Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Сквозь зеркало».

Стр. 869 — *«...открыл пузырек с торазином... также дал ему триптофана и немного фенилаланина...»* — Торазин — психотропное средство, применяется при психических расстройствах. Триптофан — аминокислота, не синтезируемая человеческим организмом. Фенилаланин — аминокислота, недостаток которой в организме ведет к умственной отсталости.

Стр. 874 — *«Отлично, мой светозарный мальчик!..»* — Снова цитата из стихотворения Л. Кэрролла «Бармаглот»:

О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!
Пер. Д. Орловской.

Стр. 913 — *«...откуда-то послышался тонкий душераздирающий вой баньши...»* — Баньши (бэнши) — в ирландском фольклоре и в фольклоре жителей горной Шотландии особая разновидность фейри. У баньши длинные распущенные волосы, серые плащи поверх зеленых платьев, красные от слез глаза. Баньши опекают старинные человеческие роды, издают душераздирающие вопли, оплакивая смерть кого-либо из членов семьи. Когда несколько баньши собираются вместе, это предвещает смерть кого-либо из великих людей. Увидеть баньши — к скорой смерти. Плачет баньши на языке, которого никто не понимает; в ее воплях будто сливаются воедино крики диких гусей, рыдания брошенного ребенка и волчий вой.

Порой баньши принимает облик уродливой старухи со спутанными черными волосами, одной-единственной ноздрей и выпирающими передними зубами. Порой становится бледнокожей красавицей в сером плаще или в саване. А иногда является в образе рано умершей невинной девы из числа членов рода. Она то крадется среди деревьев, то летает вокруг дома, оглашая воздух пронзительными воплями.

Стр. 915 — *«...выполняющего упражнение по системе тай-цзы...»* — Тай-цзы — китайский комплекс гимнастических упражнений.

Стр. 919 — *«...она пройдет тест Тьюринга...»* — Тьюринг Алан (1912–1954) — английский математик, один из основоположников компьютерной технологии и теории алгоритмов. Тест Тьюринга — логический тест, при успешном прохождении которого вычислительная машина признается разумной.

Стр. 929 — *«...напоминающий стареющего кондотьера...»* — Кондотьер — наемник, предводитель наемного отряда в средневековой Европе, прежде всего в Италии.

Стр. 939 — *«Это их Эльзас-Лотарингия...»* — Эльзас-Лотарингия — провинция на северо-востоке Франции, предмет многолетних территориальных споров между Францией и Германией.

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ

Стр. 993 — *«...магическому суду Линча...»* — Суд Линча — расправа с одобрения самочинного суда. Считается, что обозначение связано с именем капитана ополчения У. Линча, который прославился в годы освоения американского Фронтира суровыми расправами с похитителями скота.

Стр. 996 — *«...казалось, ее расписал сам Миро...»* — Миро Жоан (1893–1983) — великий испанский (каталонский) живописец-сюрреалист, полотна которого отличает особая жизнерадостность.

Стр. 1001 — *«...перепелиной грудки с диким рисом и побегами спаржи под "Мутон Ротшильд"...»* — Дикий рис — иначе водяной рис, его зерна употребляются в пищу, как правило, в сочетании с зернами обычного риса. «Мутон Ротшильд» — марка французского вина сорта бордо.

Стр. 1001 — *«...моя дева Ниниана?..»* — Дева Ниниана (Вивиана, Нимуэ)— в легендах артуровского цикла волшебница, обманувшая влюбленного в нее Мерлина и погрузившая его в колдовской сон до конца времен.

Стр. 1026 — *«...стал бы похож на сэра Галахада...»* — Сэр Галахад — в легендах артуровского цикла сын Ланселота Озерного, образец рыцарства, один из тех немногих, кому посчастливилось найти Святой Грааль. В знак своей непорочности, физической и духовной, носил белые доспехи.

Стр. 1028 — *«...светло горящий, словно блейковский тигр...»* — Имеется в виду строка из стихотворения У. Блейка «Тигр»:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи...
Пер. С. Маршака.

Стр. 1034 — «*...через развалины тысячи Стоунхенджей...*» — Стоунхендж — мегалитическое сооружение на Солсбери-плейн (графство Уилтшир, Великобритания). Мегалитами называют гигантские каменные сооружения как из одиночных, так и «сгруппированных камней», встречающиеся на территории многих государств мира. Эти каменные сооружения непонятного назначения связывают и с инопланетянами, которые возвели их для собственных неведомых целей, и с друидами, которые якобы использовали мегалиты как алтари, и с «протонаселением» Земли — великанами, которым эти камни служили святилищами (Е. Блаватская писала, что мегалиты — творения лемурийцев и атлантов). Официальная наука определяет мегалиты как астрономические обсерватории древних, усыпальницы и примитивные храмы.

Вероятнее всего, мегалиты использовались как сооружения астрономического (для многих мегалитов подтверждена их солярно-лунарная ориентация) и ритуального характера; последнее подтверждается присутствующими на гигантских камнях рисунками, безусловно, сакрального свойства. Существует также теория, согласно которой мегалиты представляют собой «систему организации пространства», они расположены вдоль древних дорог и служили ориентирами на местности. Более того, мегалиты, по этой теории, ставились в местах наибольшего скопления «земной энергии и служили своего рода конденсаторами (ср. довольно распространенное утверждение, что церкви стоят на «энергетических столбах», гарантирующих прямой контакт с Богом).

К мегалитам относят *дольмены* (каменные гробницы), *керны* (груды камней над погребениями и дорожные вехи), *кромлехи* (каменные кольца вокруг курганов), *менгиры* (отдельно стоящие камни, несомненно, кстати сказать, обладавшие фаллической символикой) и *хенджи* (каменные кольца Британских островов, ярким образчиком которых и является Стоунхендж).

Стр. 1035 — «*Туше...*» — Фехтовальный термин, означающий «касание».

Стр. 1036 — «*...cherchez deus ex machine...*» — Ищи (*фр.*) бога из машины (*лат.*). Бог из машины — искусственное устройство, разрешающее непреодолимые трудности (термин из античной драмы).

Стр. 1039 — «*...пьесу Сартра...*» — Сартр Жан-Поль (1905–1980) — французский философ-экзистенциалист и писатель. В его пьесе «Нет выхода» ад описан как ярко освещенная комната, куда можно войти, но откуда нельзя выйти.

Стр. 1039 — «*Даже Альберт Швейцер...*» — Швейцер Альберт (1875–1965) — немецкий врач, богослов, философ-гуманист. Основал больницу в Африке, где бесплатно лечил местное население.

Стр. 1043 — «*Mon Dieu!..*» — Боже мой! (*фр.*)

Стр. 1045 — «*Сифилис на оба их дома!..*»— Парафраз слов Меркуцио из «Ромео и Джульетты» У. Шекспира: «Чума на оба ваших дома!» (в пер. Б. Пастернака: «Чума возьми семейства ваши оба!»).

Стр. 1055 — «*...как бы скандинавский перепев артуровской легенды...*» — То есть королю Артуру пришлось бы выдергивать меч Эскалибур не из камня (как в канонических текстах артуровской легенды), а изо льда.

Стр. 1069 — «*...doppelganger...*» — Второе «я», двойник (*нем.*).

Стр. 1081 — «*...нести в себе "Блюз дикаря"...*» — «Блюз дикаря» — композиция Луи Армстронга.

Стр. 1095 — «*Au contraire...*» — Наоборот, напротив (*фр.*).

Стр. 1099 — «*...под небом, словно похищенным у Эль Греко...*» — Эль Греко (Теотокопули) Доменико (1541–1614) — испанский живописец, по происхождению грек. Для картин Эль Греко характерны иллюзорные пространства, резкие ракурсы и неестественно вытянутые пропорции. Особое значение имеет необычный колорит, основанный на обилии отражений и игре контрастирующих цветов.

Стр. 1101 — «*Et tu...*» — И ты (*лат.*). Начало хрестоматийной фразы Юлия Цезаря, обращенной к оказавшемуся среди его убийц Бруту, которого он считал своим другом: «И ты, Брут».

ПРИНЦ ХАОСА

Стр. 1145 — «*...затем к Меннингеру...*» — Один из братьев Меннингер, видных американских психиатров.

Стр. 1166 — «*...врубился Уинтон Марсалис, исполняющий "Караван"...*» — Уинтон Марсалис — джазовый музыкант, трубач, руководитель джаз-оркестра Линкольн-центра. «Караван» — композиция Дюка Эллингтона.

Стр. 1187 — «*...будто в какой-то странной разновидности оригами...*» — Оригами — японская техника складывания декоративных фигурок из бумаги.

Стр. 1209 — «*...словно тесты Роршаха...*» — В психиатрии тесты Роршаха (по имени швейцарского психиатра Г. Роршаха) — тесты для выявления скрытой индивидуальности. Основаны на использовании десяти карточек с изображением чернильных пятен: пациент описывает, какие образы и чувства вызывает у него конкретное пятно.

Стр. 1229 — «*...который японские фехтовальщики называют "кириаге"... нанес слепой удар, известный как "нанаме гири"...*» — Кириаге — удар снизу вверх. Нанаме гири — удар наискось.

Стр. 1229 — «*...виденном мною при исполнении упражнения кумачи...*» — Кумачи — упражнение «медвежонок»: выполняющий это упражнение топчется на месте, словно по-медвежьи.

Стр. 1234 — «*...аполлоническое и дионисийское начала...*» — Аполлоническое начало — сочетание спокойствия, организованности, благонравия (по имени греческого бога Аполлона — божества света и покровителя культуры). Дионисийское начало — хаос, буйство, разгул (по имени греческого бога вина и виноделия Диониса). Об аполлоническом и дионисийском началах в античной и современной культуре писали Фридрих Ницше и Вячеслав Иванов.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Королев. *На пороге Амбера* 5

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА 7

РУЖЬЯ АВАЛОНА 133

ЗНАК ЕДИНОРОГА 259

РУКА ОБЕРОНА 373

ВЛАДЕНИЯ ХАОСА 499

КАРТЫ СУДЬБЫ 599

КРОВЬ АМБЕРА 727

ЗНАК ХАОСА 859

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ 989

ПРИНЦ ХАОСА 1115

Комментарии 1257

Желязны, Роджер.
Ж50 Хроники Амбера : [пер. с англ.] / Роджер Желязны. — Москва : Эксмо, 2018. — 1280 с.

ISBN 978-5-699-06778-7

Вечное противостояние Порядка и Хаоса, каждый из которых порождает миллионы отражений, миллионы Теней, населенных бесчисленными существами... Словами самого Р. Желязны: «Амберский цикл — своего рода комментарий к моим размышлениям о природе реальности и к восприятию этой реальности людьми». В известной мере Амберский цикл предвосхитил идею, которая обрела статус культовой с выходом фильма «Матрица» братьев Вачовски: Земля — не более чем иллюзия (Тень) некоей высшей, истинной реальности.

В издании, которое вы, уважаемый читатель, держите в руках, впервые все десять романов Амберского цикла собраны под одной обложкой.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Роджер Желязны

ХРОНИКИ АМБЕРА

Ответственный редактор *Е. Кривцова*
Выпускающий редактор *О. Юрьева*
Дизайн переплета *И. Сауков*
Технический редактор *Л. Подъячева*
Корректоры *Г. Бакастова, О. Гриднева, Н. Тюрина*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.ekamo.ru E-mail: info@ekamo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.ekamo.ru E-mail: info@ekamo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@ekamo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.ekamo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо» www.ekamo.ru/certification
Өндіруші мекемелер: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.10.2018.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 104,0.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 8580.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-06778-7

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 123308, г. Москва, ул.Зорге, д.1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.*
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел.:/факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул.Зорге, д.1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru
Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru
Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru
Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.ea@ekat.eksmo.ru
Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru
Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@md.eksmo.ru
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефокс (863) 303-62-10.
Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mag@md.eksmo.ru
Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru
Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru
Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).
Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си». Центр оптово-розничных продаж
Cash&Carry в г.Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.
Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: exmoast@yandex.by
Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91,92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Интернет-магазин: www.book24.kz
Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербовая, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

book24.ru
book24.ru

EKSMO.RU
новинки издательства

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ (1937 – 1995) –

выдающийся американский писатель, классик мировой фантастики. Желязны написал около 20 романов и четыре сборника рассказов. Он шесть раз получал премию *«Хьюго»*, три – *«Небьюла»*, один раз – французскую *«Аполло»*, был удостоен премии журнала *«Локус»*. Написал несколько произведений в соавторстве с Филипом Диком, Фредом Саберхагеном, Томасом Т. Томасом и Робертом Шекли. Книги Желязны переведены на десятки языков мира и ежегодно переиздаются огромными тиражами.

Самое знаменитое творение писателя – *«Хроники Амбера»*, один из наиболее масштабных фантастических проектов второй половины XX века.

«...Желязны по праву носит титул самого интеллектуального писателя-фантаста Америки. Его произведения читают и перечитывают...»

LOCUS

« Желязны из тех редких авторов, чья звезда с годами разгорается все ярче и ярче ».

AVON BOOKS

« Роджер был гигантом, не просто одним из замечательных писателей, когда-либо творивших в этом жанре, но и добрейшим, милейшим человеком, быть знакомым с которым было счастье».

Джордж Мартин

ISBN 978-5-699-06778-7